

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855403 1

1

ЛЕНЕ

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

2065

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

Beatae plane aures, quae non
vocem foris sonantem, sed intus
auscultant veritatem decentem.

Gersonius.

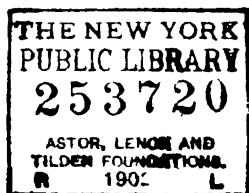
ТОМЪ XLVI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. ГЛАЗУНОВА И КОМП.

231

1846.

Печатать позволено С. Петербургъ, 30 апрѣля 1846.

Цензоры: А. Крыловъ и А. Мещеряковъ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

НЕБЫВАЛОЕ ВЪ БЫЛОМЪ, ИЛИ БЫЛОЕ ВЪ НЕБЫВА-
ЛОМЪ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

I.

КРАСНОВАЯ.

Въ первый разъ я попалъ на эту знаменитую ярмарку, ходилъ, глядѣлъ, слушалъ и наблюдалъ, безъ всякаго дѣла.

Ярмарка была, какъ говорится, въ самомъ разгарѣ. Пушной товаръ и чай шли хорошо; сбывалась и шерсть и юфть съ опойками, и даже красный товаръ. Пестрота, движеніе и говоръ поражали и оглушали спокойнаго наблюдателя: дѣловому почитателю некогда, и онъ не замѣчалъ ничего, кромѣ предмета, которымъ собственно былъ занятъ. Купцы, а въ особенности гуляивые сыночки

ихъ и вѣрные прикащики, съѣхались на ярмарку очень-шумно — на лихихъ ямскихъ тройкахъ подь масть; гривы заплетены цвѣтными лентами, а какъ колокольчики запрещены, то щегольская наборная сбруя увѣшана была огромными бубенчиками; такъ они мчатся съ пѣснями и тороватымъ кошелемъ, — а поѣдутъ съ ярмарки потише, поскромнѣе и поскупѣе. Когда счеты сведутся, когда хмѣль предприимчивости и надеждъ на великіе барыши испарится, когда промышленное, ярмарочное изступленіе минуетъ—тогда все затихнетъ; а теперь... Прислушайтесь: тутъ въ одно слово рѣшаютъ дѣло и бьютъ по рукамъ, заключивъ торгъ тысячъ на 30; а рядомъ подлѣ ссорятся за могогарычи, сбывъ съ рукъ мерина съ изьянцемъ, или торгуются до усталости за вязку баранокъ!

— По чемъ продаете? — Да по двадцати, а коли шесть бѣрега не хватитъ, такъ и по 17 можно.

— Что разматрѣнился, сердечный?

— Да что, братъ, плохо! заварили пива, да сталасть нетѣка: товаръ съ рукъ не йдетъ!

— А намъ лишь бы мѣрку снять, да задатокъ взять... а ты чего орешь? Нахрапомъ, что ли возьмешь?

— Не трошь его; вишь не хватаетъ легкихъ, такъ заговорилъ печенкой.

— А, Филиппъ Ивановичъ! каково васъ Господь перевертываетъ?

— Красѣнно, родимый мой, красѣнно (красно). — Это Суздалецъ!

— А онъ у васъ чьихъ былъ? — Да Телятинныхъ. — Это Сибиряки!

— Что дядя! дядя за племянника не отвѣтчикъ; да oprичъ-того у него дядя проварился на сахаръ весь... а ужъ я ему улющей на ложку, я ему всучу щетинку.

— Сами брали по 98, видитъ Богъ по 98;—ну, коли все возьмешь, бери по 96, два рубля убытка! Вотъ за-боль правда!

Это, видно, Олончанинъ,—его божба.

Тутъ два ремонтѣра идуть; — тутъ городецкіе крестьяне съ пудовыми пряниками; Вязниковцы съ деревянной посудой; Лысковцы съ сережками; Павловцы съ ножами... *Мейсе*, промолвилъ гдѣ-то въ сторонѣ Жидъ своему брату, то-есть: «остерегитесь, ато въ баринъ говорить по-изменки»; — *трущи прохандорили* — «солдаты прошли» — послышалось изъ рѣчи ходебщика или асена села Спиркова... Цыганъ кричитъ: *ооулаоола кору?* — какою части пошь? — *Строкато*, пѣгій... *Ны бушь карабъ жураооо?* — Чего звываетъ; кричитъ касимовскій прикащикъ; — Мердѣ, Хивинцы, Итальянцы, Чуваша, Греки, Черемшны, Нѣмцы, Бухарцы, Франкузы, *Калѣдыки* — все шумитъ, кричитъ, жужжитъ — и весь говоръ *бѣбѣ* — слы-

вается съ говоромъ русскимъ и нѣтъ покрывается. Нѣдѣли черезъ двѣ, все замолкнеть, будетъ пусто; во всѣхъ окнахъ, днемъ и ночью, стануть мелькать бороды, двѣ руки и счеты — съ костей, да на кости, шелкотня по всѣмъ угламъ. А тамъ и это утихнеть; товаръ увязанъ, уложенъ — потянулись безконечные обозы во всѣ четыре стороны, кочевая орда поднялась, городъ опустѣлъ — а веселые, тороватые прикащики не звать куда дѣвались: на обратномъ пути не видать ни одного, кромѣ двухъ-трехъ, которые кутать не въ свою голову — да и то съ отчаянья!

Назаввавшись вдоволь, уставъ и проголодавшись, я напередъ всего зашелъ въ гостиницу, гдѣ, вопреки ожиданія, по случаю ярмарки, проѣлъ сытно, и отдалавшись отъ какого-то страшнаго члвчвѣка, который былъ, казалось, не пьянъ, а придирался ко вселому, — пошелъ домой. Этотъ страшный и непонятный человекъ надевалъ до нестерпимости хозяину и прислугѣ въ гостиницѣ; но они боялись его, угадывая, что его уже знаютъ неслѣдъ и что на него можно суда: онъ изъ благородныхъ, называетъ себя разными храбрыми чинами и никого знать не хочетъ. За это его всюду мочили и кормить въ долгъ и денегъ никогда не спрашиваютъ — лишь бы ушелъ.

Временной домъ мой или жилье были у отставнаго чиновника, у котораго я останавливался уже и прежде проѣздомъ, но не въ ярмарочную пору. Только съ трудомъ досталъ я себѣ у него уголокъ — и то пополамъ съ незнакомыми людьми; все въ городѣ было занято, до послѣдняго хлѣба и чердака. Сначала, постояльцы не соглашались было принять меня въ свое гнѣздо, но, поразглагольствовавъ меня и посплетавшись между-собою, стали очень прѣвѣтливы. Хозяйство у хозяина моего, какъ я уже зналъ, было какое-то бурлацкое; все въ домѣ присыпано табакомъ и табачнымъ пыломъ; у хозяйки же, во все, за что ни возьмешься, вылетаются сажерные волосы. Я помню, когда провизжалъ зимой, что вставъ утромъ и подошедъ къ окну, я рассматривалъ съ любопытствомъ цѣлую груду разнаго добра, смерзающагося комомъ въ углу окна: тутъ были клубки шерсти и нитокъ, булавки, гребенки, щипцы, старыя карты, помадная банка и салыные огарки. Но на сей разъ мнѣ нельзя было привередничать; не хотѣлось проѣхать не взглянувъ на ярмарку, и я радъ былъ, что зашелъ гдѣ приклонить свою голову.

Незнакомые товарищи мои были ласковы и прѣвѣтливы; мы поздно уже сѣли въ вѣзъ съ хозяиномъ за чай; общая суматоха въ городѣ отбиваетъ у всякаго сонъ; рѣчь зашла о воровствѣ и разбоѣхъ, и товарищи мои, какъ видно доутешенье хотѣли мнѣ

сокаго зачета торговцы, и люди бывалые, стали поочередно рассказывать, что испытали въ этомъ родѣ или слышали.

ОКРУТНИКЪ.

— Хозяинъ нашъ въ тѣ поры торговалъ скотомъ — началъ длинный дѣтина, котораго товарищи называли Долгѣемъ — и гоняли мы по бѣлорусскому тракту. Была уже и у меня собинка (*) и скоть въ ту пору былъ вязный (**); такъ шли мы и ходко и весело. Тутъ-то и случилось вотъ что:

Мужикъ держалъ постоянный дворъ и прошла молва объ немъ, что онъ перазжился и что деньжонки у него есть. Жилъ онъ съ хозяйкой, съ сыночкомъ, парнишкомъ годовъ десяти, да съ работникомъ, который, бывало, почтывалъ лѣтомъ на дворъ, оберегалъ добро, а теперь былъ усланъ въ городъ. Вотъ, подъ вечеръ подошли къ корчмѣ мужикъ съ бабой, и баба та больная, черезъ великую силу ноги волочить. Подошли, и ну проситься Христа-ради, чтобъ пустили переночевать; захворала-де дорогой, дойти никуда не дойдетъ, не знаетъ какъ и быть. — Хозяинъ пустилъ. Пристунасть что-то бабѣ къ сердцу все хуже да хуже; она себя охасть да стонетъ; ночь настала — разнемоглась баба такъ, что голосомъ звывала. Мужикъ тужить, жалветъ, все около нея ухаживасть, да и хозяйка тожъ; дали они ей сперва квасу съ солью выпить, тамъ и перцевки поднесли, то, другое — нѣтъ, все то же, еще хуже. Мужикъ испугался, давай упрашивать хозяина, въ ноги ему кланяется, «я, говорить, на чужой сторонѣ здѣсь, никого не знаю; нѣтъ ли у васъ гдѣ знахарки близко?»

— Есть, говорятъ, подалече; версты съ двѣ всего.

— Проводи, братъ, ради Христа, укажи; я вотъ последнее что есть отдамъ тебѣ!

Хозяинъ хоть и подумалъ-было, что-де ночь теперь, да покинуть дворъ опасно — однако, говорить, нѣчего дѣлать, пойдѣмъ; и не надо мнѣ съ тебя ничего; я хоть и наживаюсь съ вашего брата, однако крещеный человекъ и самъ. Пошли.

Между-тѣмъ, баба, маленько погода, позатихла — видно, отпустило; тамъ слѣзла съ палатой, а тамъ уже и къ дверямъ подошла, да дверь приперла на крючекъ; да вдругъ хозяйку хватъ и глотку: «Давай деньги! я, какъ видишь, такая же баба, какъ и товарищъ мой, и ножъ у меня такой же, и не хуже его съ кѣмъ случится управлюсь; давай деньги; хозяина твоего уже нѣтъ и

(*) Собинка, собина — собственность; такъ прикащики называютъ скоть который пригоняютъ вѣстѣ съ хозяйскимъ гуртомъ, для себя.

(**) Сытый, жирный; лаза — жиръ на скотѣ.

свѣтъ: онъ убить товарищемъ своимъ на пути; не жди помощи ни отъ кого!»

Хозяйка ни жива, ни мертва, упала — говорить: деньги въ подполье, въ кубышку стоять. — Поди, указывай, гдѣ. — «Не могу, родимый; ты придушилъ меня совсѣмъ; не привстану, хоть убей, не могу я по стремянкамъ спуститься въ подполье». — Разбойникъ засѣтилъ лучину и взялъ съ собой парнишка хозяйскаго, чтобъ указать, гдѣ стоитъ кубышка, и спустился въ подполье. Хозяйка, очнувшись между-тѣмъ немного, встала, подошла къ тому мѣсту, да опустивъ западню, заперла тамъ разбойника. Тому за бѣду стало, испугался; сталъ кричать, страшать, да кинулся выламывать западню — не подѣ силу: половицы толстыя, дубовыя, а намѣтка закинута и приткнута. Тогда, проклятый, сталъ онъ казнить мальчика, чтобъ мать не стерпѣла, да отперла; она же и сама не знаетъ, что надъ ней стало, и сама себя не помнить, — только не чая спасенія отъ злодѣя, за одно ужъ предалась волѣ Божіей и не отперла. Съ испугу кинуло ее въ такую дрожь, что уже не могла и приподняться и словно голова на плечахъ не своя. Видно, говорить, такая тебѣ, дитятко, доля. Мальчикъ въ подпольѣ сперва кричалъ—а тамъ все затихло.

Опаматовавшись немного, хозяйка заперлась кругомъ. Между-тѣмъ, другой злодѣй, убивъ на дорогѣ хозяина, воротился, да еще и съ товарищемъ. Глядятъ—все тихо, все темно и заперто. Стали высматривать окно: хозяйка первого, который погѣлъ, обухомъ въ лѣбъ — другой ушелъ. Вотъ, братцы мои, на какую бѣду мы на-ши, со свѣтомъ, какъ пригнали скотъ; хозяинъ убитъ, мальчикъ зарѣзанъ, хозяйка чуть жива, одинъ разбойникъ убитый подъ окномъ, другой сидитъ въ подпольѣ!

Ошписка.

— Сказывали и мнѣ на Литвѣ про случай въ корчмѣ съ разбойниками — да только, братъ, конецъ былъ чуть ли не пострашнѣе еще — началъ другой товарищъ.

Корчма одинокая стояла на распутѣ и сидѣлъ въ ней Жидъ съ домохадцами. Какой-то бродяга, чай непомнящій родства, повазлавшись разъ-другой въ корчму и поосмотрѣвшись, рѣшился сдѣлать дѣло съ товарищемъ и выждали они для этого ночь на субботу, гдѣ оставались въ корчмѣ одинъ только Жидъ съ Жидовкой, а прочіе уѣхали куда-то на сборное мѣсто, справлять по-ихнему шабашъ. Вломившись въ корчму, они насилу доискались Жида, который со страха подлѣзъ подъ лавку; покуда справились съ

нимъ да его придушили, Жидовка въ-потьмахъ успѣла выскочить и молча бѣжала. Разбойники провозились еще, покуда обшарили все углы, чтобъ найти хозяйку, которой не замѣтили, да чтобъ изъ осторожности увѣриться, нѣтъ ли еще кого—а за тѣмъ и стали-было выбивать дно у большого сундука, который стоялъ у Жиды на колесахъ подлѣ кровати. Вдругъ слышать стукъ по дороге—глядь: подѣхала дорожная коляска. Дѣло было къ разсвѣту, чуть только стала заниматься заря, и къ корчмѣ подѣхалъ помѣщикъ, чтобъ съ просонья закурить трубку. Онъ выѣхалъ спокойно съ вечера, продремалъ ночь, къ утру пахнулъ, видно, на него свѣжій вѣтерокъ, захотѣлъ трубки, а огня съ собой не случилось. Посылаетъ онъ челоуѣка своего закурить трубку; тотъ только въ дверь, а одинъ изъ разбойниковъ, чтобъ не поймали ихъ, уже стерегъ его, да обухомъ въ лобъ. Этотъ свалился безъ слова. Помѣщикъ ждетъ; все тихо; челоуѣка нѣтъ. Зоветъ его, кричать — никто не отзывается; поди, говоритъ онъ кучеру, слѣзь, да погляди, въ землю что ли онъ провалился, да вытолкай его въ шею!

Пошелъ кучеръ—и съ нимъ то же; только-что растворилъ двери изъ сѣней въ покой, какъ сгорѣлъ съ ногъ и замолкъ. Все тихо опять, все молчитъ—помѣщикъ ждетъ—не-дождется; наконецъ видитъ, что-то это не даромъ, что-нибудь да есть тутъ; ударъ обухомъ онъ на этотъ разъ слышалъ и сталъ догадываться. Взявъ двустольное ружье, сталъ онъ заходить осторожно отъ окна; тутъ увидалъ онъ все: Жидъ убитый лежитъ среди корчмы, двое людей, слуга и кучеръ, растянулись поперегъ порога, а подлѣ косяка притаившись стоитъ челоуѣкъ съ топоромъ въ рукахъ и поглядываетъ въ двери. Помѣщикъ, недолго думавъ, приложился и убилъ злодѣя на повалъ; другой, выбравшись уже въ сѣни, выскочилъ черезъ дворъ и пропалъ, скатившись подъ гору въ лѣсъ. Лошади, испугавшись выстрѣла и удитомъ безъ кучера, понеслись. Помѣщикъ обошелъ кругомъ всю корчму, заглядывалъ въ окна, кричалъ, звалъ — никто не откликается; наконецъ онъ рѣшился войти, посмотреть, не живъ ли кто изъ людей его, и стоялъ въ раздумьи среди этого побоища, одинъ живой, между четырьмя трупами, не зная въ ужасѣ, что дѣлать.

Тѣмъ часомъ Еврейка, побѣжавъ безъ памяти куда навела глазами, верстахъ въ двухъ встрѣтила шедшаго по дорогѣ охотника, который къ свѣту торопился въ поле. Безъ ума, безъ памяти, безъ языка, Жидовка упала передъ нимъ и отчаянными знаками только звала его на помощь. Не понимая самъ, что случилось, но видя въ какомъ она положеніи, охотникъ шелъ поспѣшно за нею, а она бѣжала передъ нимъ, дико вскрикивая, заламывая руки и взывая

знаками о помощи. Наконецъ, она его привела къ корчмѣ, указала на нее пальцемъ и упала безъ чувствъ. Оглядывшись, охотникъ подошелъ осторожно, и уже приготовился на что-нибудь чрезвычайное; тишина и безлюдье, при растворенныхъ настежь дверяхъ и выломанномъ окнѣ, озадачили его; а подошедши осторожно къ этому окну и взглянувъ въ него, онъ едва не отскочилъ отъ ужаса, увидавъ весь полъ въ крови, заваленный трупами, а между ними одного только живаго человека, наклонившагося, съ ружьемъ въ рукахъ, надъ однимъ изъ убитыхъ. Кто бы при этомъ не считъ бѣднаго помѣщика за убійцу и виновника этого побоища? Охотникъ въ свою очередь приложился и убилъ его на повалъ.

Итакъ, одинъ разбойникъ убитъ, другой ушелъ и пропалъ безъ вѣсти; двое людей помѣщика убиты, самъ онъ убитъ, Жидъ также, а Жидовка сошла съ ума и потеряла языкъ! Кто же теперь распутаетъ дѣло и оправдаетъ охотника? Нѣтъ ни одного свидѣтеля, никого, кто бы могъ вымолвить живое слово и рассказать дѣло; одно убійство совершено другимъ, другое третьимъ—остались въ живыхъ одинъ, и тому доведется отвѣчать за семерыхъ!

На убійцѣ кровь.

— Мы брали третьяго-года хлѣбъ и соль въ Самарѣ, началъ третій:—такъ тамъ сказывали заѣзжіе Уфимцы вотъ что:

Украли у мужика лошадь; а тамъ, извѣстно, занимаются этимъ Татары да Башкиры. Мужикъ, зная, что судомъ не воротить добра, пошелъ на сосѣднее кочевье къ Башкиру же, извѣстному пошенику—конокраду, чтобъ сторговаться съ нимъ да выкупить свою клячу.—Трудно будетъ отыскать ее теперь, отвѣчалъ тотъ:—однако постараюсь. А что дашь?—«Три цѣлковыхъ.»—Ну, ладно, приходи черезъ день къ такому-то мѣсту, подъ горой на озерѣ, приноси деньги, да приноси и вина: безъ этого нельзя.—Мужикъ хотъ и зналъ, что по ихнему закону вина пить не велѣно, да ужъ не сталъ напоминать, чтобъ не разсердить, а обѣщалъ все исполнить. Пришелъ; Башкиръ тутъ.—А гдѣ же лошадь? «Погоди, поспѣешь; она привязана въ лѣсу, я укажу гдѣ: давай вино.» Выпивъ, онъ зашелъ какъ-то съ тылу мужика, хватилъ его обухомъ, отобралъ три цѣлковыхъ, платье сжегъ, а тѣло стащилъ на озеро и запряталъ подальше въ камышъ. Концы въ воду.

На другой день, хозяйка убитаго мужика прѣзжаетъ на кочевку навѣдаться, куда дѣвался мужъ ея. Тамъ никто не видалъ его и ничего объ немъ не знаетъ; она же стоитъ на своемъ, что хоз-яинъ ея пошелъ именно на эту кочевку, къ такому-то Башкиру,

за лошадыю. Дали знать въ судъ, слѣдовали, допрашивали, разбирали, приводили къ присягѣ, — никакого толку нѣтъ; такъ и бросили.

Въ башкирской деревнѣ, отколѣ народъ вышелъ на лѣто кочевать, оставался, по обычаю, старикъ сторожемъ; а деревня была отъ кочевья верстахъ въ двадцати-пяти. Вдругъ старикъ этотъ, сторожъ, пріѣзжаетъ на кочевку и объявляетъ старшинѣ, что Башкиръ, на котораго указывала баба, точно долженъ быть убійца: у него-де въ избѣ выступила кровь. Пошла тревога; съѣли на коней, взяли съ собой и виноватаго, и поскакали на деревню. Башкирскій аулъ или зимовка, лѣтомъ настоящій пустырь: въ какомъ-нибудь захопустѣ, въ оврагѣ, раскиданы избѣнки, кто гдѣ вздумалъ, тамъ и поставилъ — а какъ народъ съ весны покидаетъ избы и выходитъ со скотомъ въ поле, то вся деревня бываетъ пустая, ровно чума людей передунула, и все зарастаетъ коноплей и крапивой вровень съ кровлями.

Пріѣхавъ въ эту глушь верхами, стали они прокладывать себѣ дорогу къ избѣ виноватаго; ѣдутъ по дворамъ и переулкамъ въ конопляхъ, словно плывутъ: только человека видно по верху, да одни уши лошади выказываются. Пріѣхали; смотрятъ: у того Башкира, на нарахъ и подъ нарами, на полу, кровь стоитъ лужей. Убійца такъ былъ испуганъ этимъ, что сознался на мѣстѣ во всемъ — но до конца не могъ понять, откуда въ пустой и запертой избѣ его взялась кровь, гдѣ ни онъ, ни другой кто не былъ ногой, и тогда-какъ трупъ убитаго оставался въ двадцати-пяти верстахъ, на озерѣ, гдѣ, по указанію виновнаго, и найдены! Допрашивали старика, не зарѣзалъ ли кто въ порожней избѣ краденаго барана? такъ нѣтъ; никого, говорить, не было, во все время: я по два раза въ день обходилъ всю деревню; Богъ, говорить, сдѣлалъ это, потому-что на убійцѣ всегда есть кровь.

Тамъ же, продолжалъ рассказчикъ, промежъ Башкиръ, случилась и другая быль, по нашей пословицѣ, что на воръ шапка горитъ.

Заѣхалъ въ тѣ мѣста Нижегородецъ съ косами, разъѣзжалъ и торговалъ хорошо. По старонисетскому тракту, въ горахъ, разстался онъ съ прикащикомъ своимъ, послалъ его по одному пути, а самъ поѣхалъ по другому и наказалъ выѣхать въ такой-то день къ рѣчкамъ Суренямъ, чтобъ опять съѣхаться вмѣстѣ. Прикащикъ исполнилъ наказъ хозяйскій, выѣхалъ на ту дорогу, сталъ спрашивать, и, напавъ на слѣдъ хозяина, думалъ къ вечеру нагнать его; но черезъ деревню слѣдъ пропалъ, никто не видалъ мужика и не слышалъ, чтобъ былъ въ этихъ мѣстахъ Нижегородецъ съ косами. Проискавъ хозяина сутки, прикащикъ кинулся къ исправ-

нику: пошли розыски; дослѣдились до послѣдней деревни, въ которой былъ мужикъ, гдѣ почевалъ, продавалъ косы и выѣхалъ— а далѣе никуда не прѣзжалъ. При обыскѣ нашли у того Башкира, гдѣ тотъ ночевалъ, немного крови на ремennomъ поясѣ и на полѣ чапана; сколько ни запирался, а наконецъ повинился и сознался во всемъ, сказавъ, что мужикъ не дастъ ему покою ни днемъ, ни ночью, и, изрубленный на куски, гоняется за нимъ, по кускамъ: то рука, то нога, то голова. Стали съимать допросъ, и убійца разсказалъ дѣло такъ:

Увидавъ, что у крестьянина есть деньги, которыя онъ, приставъ у меня, считалъ съ вечера при мнѣ, я утромъ рано, когда онъ выѣхалъ отъ меня, сѣлъ верхомъ и догналъ его верстахъ въ десяти. Онъ дремалъ на телегѣ; а я, покинувъ лошадь свою, подошелъ тихонько и убилъ его сразу обухомъ. Затѣмъ, отобравъ у него деньги, я раздѣлъ его, засунувъ платье подъ мостикъ, трупъ стащилъ въ лѣсъ, а лошадь съ телегой своротилъ туда же. Поѣхавъ домой, я слышу за мной что-то стучить; оглянулся—а мужикъ гонится за мною на телегѣ! Я воротился, посмотрѣлъ—онъ лежитъ какъ лежалъ, и лошадь съ телегой стоитъ въ трупобѣ гдѣ стояла. Привязавъ ее къ дереву, я поѣхалъ; оглянулся, мужикъ опять за мной. Воротившись въ другой разъ, я выпрягъ лошадь, а мужику отрубилъ голову; все то же—гонится за мною, только уже не въ телегѣ, а верхомъ и безъ головы. Тогда я въ третій разъ воротился, отрубилъ и лошади голову, а его искрошилъ всего на части и разбросалъ. Тутъ поскакалъ я шибко, а все слышалъ, что скачетъ кто-то за мною на кованой лошади (*). Страхъ на меня напалъ—не смѣлъ я и оглядываться; только разъ оглянулся, какъ доскакалъ уже до самой двери: мужикъ за мною—самъ безъ головы, и лошадь безъ головы, а гонится... съ той поры, куда ни погляжу—все то же; либо мужикъ безъ головы, безъ рукъ, безъ ногъ передо мной, либо лошадь бѣжить безъ головы—то руки и ноги, перепутанныя съ туловищемъ, лежатъ грудой на безголовой лошади, мотаются къ верху и къ низу— а лошадь несется прямо на меня; то одиѣ головы въ крови, человѣчья и конская, на меня же мечутся—и нѣтъ мнѣ отъ нихъ нигдѣ покоя!

Въ-теченіе разсказовъ этихъ, собесѣдники, то тотъ, то другой на время выходили; только хозяинъ и я сидѣли неподвижно и слушали. «Такія страсти не къ ночи бы разсказывать!» отзывался на-

(*) Башкиры лошадей своихъ не вьютъ.

конецъ хозяинъ, у котораго рыжеватые и не курчавые, а гладкіе бакенбарды отвисли бахромкой по обѣ стороны лица, постоянно выражавшаго какос-то брюзгливое неудовольствіе и скуку. «Сохрани Богъ» прибавилъ онъ перекрестившись: «сохрани Богъ всякаго отъ такихъ оказій!»

— А здѣсь у васъ все спокойно, спросилъ я: — или тоже бывають такіе случаи?

— Нѣтъ, благодаря Бога, отвѣчалъ тотъ: — на-счетъ такихъ злодѣйскихъ приключеній ничего не слышно. Оно, конечно, не безъ шалостей; то-есть, иногда пошаливаютъ и у насъ, да все не то. Вотъ наемни перерѣзали какихъ-то троихъ Татаръ, да и то не наши, говорятъ, а касимовскіе; было слышно, что и купца московскаго убили, да безъ вѣсти пропалъ еще какой-то; тамъ, правда ли, нѣтъ ли, нашли, говорятъ, на Курочкиномъ-Овражкѣ цѣлую артель купцовъ, перебитыхъ да перерѣзанныхъ; а впрочемъ, не слышать ничего. Вотъ, третьяго года, такъ былъ тутъ случай, съ кумомъ моимъ, съ Иваномъ Артемьичемъ — теперь дѣло прошлое, нѣчего таиться, миновало все. Онъ, изволишь видѣть, поѣхалъ съ вечера въ одноконной тележкѣ въ Самсоновку, повезъ на продажу мыльца, свѣчей, да кой-чего для обиходу. Выѣхавъ на большую дорогу, глядитъ—а спасибо, что глядѣлъ въ оба, не дремалъ, а то бы уходили!.. глядитъ: два человѣка выскочили изъ канавки и кинулись на него: одинъ лошадь ухватилъ подъ уздцы, другой прямо къ нему, на телегу. Иванъ Артемьичъ, какъ лежалъ бочкомъ, да держалъ въ рукахъ возжи, покинулъ ихъ, да ухватилъ безменъ—на счастье прямо подъ руку попался! Безменомъ-то одного мошенника хватилъ онъ въ лобъ, а другой, какъ этотъ свалился спомомъ, ушелъ. На другой день, нашли работу Ивана Артемьича на дорогѣ: бѣглый солдатъ, никто другой; а Иванъ Артемьичъ не дуракъ, человѣкъ бывалый, рассказывайте тамъ-себѣ сколько хотите, а онъ себѣ молчокъ, да и правъ. Чтò же дѣлать; передъ Богомъ правъ и есть; а тутъ, того гляди, затаскали бы по судамъ.

— Воровства много, однакомъ, и здѣсь, замѣтилъ одинъ изъ собѣдниковъ, именно Долга́й.

— Ужъ на-счетъ воровства, сказалъ опять хозяинъ, махнувъ рукой и притворившись будто плюнулъ: — ужъ на-счетъ воровства, такъ точно, что у насъ въ ярмарочное время хоть что хочешь такъ украдутъ; вотъ у сосѣда цѣпную собаку, на что ужъ была злая, и ту увели, съ цѣпью совсѣмъ, даже и пробоемъ не побрега-вали, и тотъ выдернули!

— Народу всякаго много, замѣтилъ со вздохомъ опять Долга́й: — собьются со всѣхъ концовъ—одинъ у другаго на разумъ не бы-

валъ, не узнаешь, кто что думаетъ да гадаетъ; чуть оплошай — такъ и плюнь да махни рукой.

— А развѣ присмотру нѣтъ за этимъ, спросилъ я: — вѣдь есть же на то начальство?

— Нѣтъ, отвѣчалъ хозяинъ, приподнявъ нижнюю губу еще болѣе и пригладивъ рукой бакенбарды свои, львиную гриву, къ низу: — оно таки не то, чтобъ у насъ на это запрету не было; а все лучше, какъ всякъ самъ себя оберегаетъ; пожалуй, мало того, что убытокъ на себѣ понесешь, еще по прикосновенности виновать будешь. Нашего брата много; за всѣми начальству не усмотрѣть...

Взглянувъ на часы, я всталъ, простился и пошелъ-было спать въ свою комнату—но, вошедши туда, ахнулъ отъ испуга, тотчасъ же воротился и объявилъ въ недоумѣніи, что чемодана моего и шкатулки нѣтъ. Трое пріѣзжихъ кинулись съ различными возгласами: «э! а? о!» къ осмотру своихъ пожитковъ; а хозяинъ, устремивъ на меня рѣзко глаза, кивнувъ отрывисто головой и притиснувъ нижнюю губу къ верхней, сказалъ только: «Вотъ оно какво! Вотъ и накликали бѣду!» проутюжилъ бакенбарды сверху внизъ, всталъ и пошелъ со вздохомъ въ мой уголокъ.

II.

МАЙДАНЩИКИ.

Ночь эта прошла для меня почти какъ ночь пытки преступника передъ казнью. До дома далеко, знакомыхъ ни души, въ карманѣ почти ни гроша. Меня ни сколько не утѣшало, что товарищи мои плакались на такую же бѣду, что ихъ постигла такая же участь; а безконечныхъ разсказовъ хозяина о многихъ подобныхъ случаяхъ я и не слушалъ. Товарищи мои принимали во мнѣ болѣе участія, въ особенности Долгаѣй, который разспрашивалъ обо всѣхъ подробностяхъ пропажи. Успокоившись нѣсколько и осмотрѣвъ свой чуланчикъ, я убѣдился, что воръ влѣзъ въ окно, которое было отперто силою снаружи, такъ-что крючокъ былъ вырванъ изъ подоконника и висѣлъ на переплетѣ. Но когда я днемъ смотрѣлъ все это еще разъ, то у меня невольно возникло странное подозрѣніе: на подоконникъ остались вокругъ бывшего крючка явные знаки долота или ножа, которымъ онъ былъ вырванъ, а снаружи этого сдѣлать было невозможно. Какъ это объяснить? А если крючокъ вырванъ внутри, то для чего же, вмѣсто того, не растворили просто окно? Тогда я оставался въ полномъ недоумѣ-

ни на этотъ счетъ, а въ послѣдствіи понялъ очень-ясно, что крючокъ былъ вырванъ только для отвода подозрѣнія отъ виновныхъ.

Я сталъ просить хозяина послать за полицейскимъ, но онъ этого и слышать не хотѣлъ. «Не за тѣмъ же вы напросились ко мнѣ на квартиру, чтобъ вводить меня въ такую бѣду» сказалъ онъ: «а кромѣ вреда, никакой пользы отъ этого не будетъ». Товарищи мои вполнѣ согласились съ этимъ заключеніемъ и о своей пронажѣ никому не хотѣли объявлять. Сколько я ни спорилъ, по новости для меня этого дѣла, какъ ни казались мнѣ доводы ихъ безразсудны, но я переспорить ихъ не могъ, переслушать всѣ примѣры ихъ не хотѣлъ, а какъ я былъ въ такой крайности, что не зналъ, куда дѣваться и что начать, то и пошелъ самъ заявить о пронажѣ и просить правосудія.

Тамъ, куда я пошелъ, напередъ всего заставили меня ждать безъ отвѣта и привѣта почти до полудня; потомъ возникъ домашній споръ, при которомъ я оставался спокойнымъ слушателемъ,—записывать ли показаніе мое въ книгу, или не записывать. На вопросъ: «куда его! да на что его?» другой отвѣчалъ: «для порядка»; первый замѣтилъ на это, что будетъ порядокъ и безъ того, что и такъ уже порядковъ этихъ не оберешься; кончилось, впрочемъ, тѣмъ, что за настояніе мое съ меня же взяли подписку никуда не выѣзжать изъ города до окончанія дѣла.

Положеніе мое было самое непріятное. Я пошелъ въ отчаяніи пройтись по ярмаркѣ. Тамъ я развлекался, забывшись нѣсколько, присматриваясь и прислушиваясь опять науравно и налѣво.

Я гулялъ спокойно, Молчаливымъ наблюдателемъ, забывъ на время горе свое и подошелъ между прочимъ къ театру, прочитавъ прибитое объявленіе. Какой-то господинъ горячо спорилъ у кассы, настойчиво требуя билета, и наконецъ, досадуя на неудачу свою, сказалъ: «я третій день не могу добиться билета, между тѣмъ, какъ другіе люди достаютъ же ихъ; отъ-чего же, скажите, у васъ для моего лица никогда нѣтъ билета?»—Во-первыхъ, отвѣчалъ спокойно и вѣжливо человекъ за стойкой, принявъ видную осанку:—позвольте вамъ сказать, что вы не лицо, а персона; во-вторыхъ же, мы иногда принуждены отказывать въ билетахъ даже нѣкоторымъ особамъ... — Вы какъ нынче съ квартальнымъ? спросилъ, выходя изъ харчевни, мѣщанинъ или третьей гильдіи купецъ своего товарища. «Мы? ничего» отвѣчалъ тотъ: «ровно братъ съ сестрой: шапку ему сымеешь, поклонись, а онъ тебѣ только двумя перстами честь изъ-подъ шляпы выковырива'тъ.»

— Каковы у тебя яблоки, матушка?—«Преотличныя, батюшка; возьмите: сладкія, немножко съ кваскомъ...»—То-есть, ты хочешь сказать швырковыя, или такъ-называемаго откиднаго налива? такъ

острился московскій купецкій сыночекъ надъ бабой съ лоткомъ яблочекъ.

Прислушиваясь направо и налево, чтобъ размыкать горе свое, дошелъ я до безконечнаго ряда харчевень, гдѣ народъ толпился какъ о святкахъ подъ качелями, и гдѣ за углами, среди густыхъ кружочекъ, подлетывали гроши и раздавалось: «кѣпѣ! рѣшето!», и тутъ же сидѣли на землѣ майданщики и постукивали по доскѣ наперстками, какъ фокусники деревянными стаканчиками. Наперсточная игра эта, которою промышляютъ мошенники по ярмаркамъ, даетъ большой доходъ: кладутъ одно или два зерна подъ наперстокъ, дѣлаютъ ставки и угадываютъ, а между-тѣмъ подъ наперсткомъ является одна или двѣ горошины, по волѣ и умѣнью хозяина. Наперсточники или майданщики платятъ добрымъ людямъ оброкъ, известный подъ особымъ названіемъ *наперсточныхъ* денегъ, и такимъ-образомъ промыслъ ихъ кой-какъ держится.

Но каково было изумленіе мое, когда я, остановившись отъ нечего-дѣлать въ сторонѣ сидящей и стоящей толпы, узналъ въ числѣ наперсточниковъ своего соболѣзнователя и товарища по постою, Долгѣя! Не вѣря глазамъ своимъ, я протѣснился поближе и, спойно стоя передъ нимъ, удивлялся ловкости и проворству его, красноречію и мошеннической смышлености! Онъ выигрывалъ всѣ ставки, никому не давалъдохнуть, сгребалъ съ доски гроши и пятаки—и за каждымъ разомъ вся толпа хохотала, всѣмъ было весело отъ поговорокъ его, кромѣ развѣ одного проигравшаго; но одинъ въ полѣ не воинъ; одинъ отходилъ грустно въ сторону, мѣсто его занималъ другой, а съ толпою Долгѣй оставался въ ладу и даже въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Брань сыпалась на него обильно, но не злобая, а шуточная и одобрительная.

Поглядѣвъ на все это, я какъ-будто пробудился; мнѣ казалось, что я увидалъ свѣтъ; я понялъ, кто меня обокралъ, и въ душѣ моей мелькнула какая-то надежда. Но какимъ образомъ приступить къ дѣлу, чтобъ не испортить его и добиться, для спасенія моего въ этомъ отчаянномъ положеніи, хотя до малой доли моей собственности, чтобъ только дотянуться какъ-нибудь домой?..

Не считая умѣстнымъ и полезнымъ тревожить Долгѣя въ теперешнихъ его занятіяхъ, я въ этихъ размышленіяхъ удался молча съ поприща майданщиковъ, и перешедши поперекъ къ красному ряду, только-что занесъ—было ногу на первую ступеньку, чтобъ вступить отъ жара подъ навѣсъ, какъ остановился въ этомъ положеніи недвижно и забылъ на нѣсколько мгновеній все. Въ пяти шагахъ отъ меня дѣвица въ розовой шляпкѣ одаривала толпившихся около нея крестьянскихъ дѣвушекъ перстеньками и сережками; идя торопливо цаловала у нея руку, другихъ она сама ца-

ловада, говорила имъ нѣсколько ласковыхъ словъ и не обращала ни на кого вниманія, будто все это происходило не среди ярмарки, гдѣ собрались со всѣхъ концовъ сотни тысячъ людей, а въ дѣтской или дѣвичей барскаго дома. Впрочемъ, не многіе и обратили вниманіе на нее; сотни толпились взадъ и впередъ, мимо; иные мелькомъ оглядывались, другіе глядѣли куда-то далеко впередъ, третьи себѣ подъ ноги и не замѣчали того, что въ сторонѣ происходило. Только тѣ же два неразлучные ремонтѣра стояли тутъ же не вдалекѣ и, значительно поглядывая и улыбаясь другъ другу, по-видимому рассчитывали, нельзя ли надуть маменьку, пріѣхавъ знакомиться въ наемномъ кузовѣ и сборныхъ, отъ пріятелей, упряжи и лошадей, и увѣривъ при томъ, что служа ремонтѣромъ восемь лѣтъ, мы-де получаемъ отъ ремонта по сорока тысячъ въ годъ прибыли и сыплемъ деньгами, ни-по-чемъ... Маменька понадобится, что зятекъ выкупить имѣніе, которое должно скоро съѣхать подъ молотокъ, а послѣ окажется, что приданнаго далеко не хватаетъ на уплату долговъ и начетовъ на зятя, хотя молодая жена и разсталась уже съ подвѣсками своими, запонками и заплатами...

Но отъ-чего же я одинъ изъ всѣхъ стоялъ, будто вросъ въ плиту, не слышалъ вокругъ себя ни стогласаго говора, ни кипучей и шумной жизни и движенія, а между-тѣмъ, слышалъ какъ во мнѣ стучало сердце вслухъ и колотило въ вискахъ и въ сонныхъ жилахъ? Встрѣча эта была для меня слишкомъ-неожиданна, особенно въ эту минуту, когда я съ отчаяніемъ думалъ: не-уже-ли между этими тысячами людей нѣтъ ни одного мнѣ близкаго, знакомаго, который бы выручилъ меня изъ бѣды—а тамъ опять: да гдѣ же домъ мой? Гдѣ то, что некогда ласкало и миловадо сердце и что теперь сдѣлало меня невольнымъ изгнанникомъ?

Кому случалось бѣдовать на чужбинѣ, въ забытомъ и заброшенномъ положеніи, тотъ, вѣроятно, по-неволѣ размышлялъ объ этой непостижимой странности: о важности и значенія случайныхъ знакомствъ. Будучи вырванъ волною жизни изъ того круга людей, съ которыми я обжился и спознался, и занесенъ въ чуждую мнѣ толпу, я внезапно становлюсь на стеклянную скамейку и уже отдѣленъ и отрѣшенъ отъ общаго сочувствія и участія; однимъ словомъ, я чужой; почему? потому только, что случай не свелъ меня прежде ни съ кѣмъ изъ толпы этой, что я не сидѣлъ съ ними за однимъ столомъ, не стоялъ на одной половинѣ... но внезапно встрѣчаю я въ этой же толпѣ знакомое лицо, человѣка, съ которымъ видѣлся прежде, который знаетъ какъ меня зовутъ и кто я таковъ—и положеніе мое съ этого мгновенія измѣнилось; я сно-

и вступаю въ общія права человечества, у меня есть ближніе, я нахожу помощь въ нуждѣ, участіе и сочувствіе!

Но конечно, все это относится не ко всякой встрѣчѣ съ людьми, котораго видалъ прежде и котораго знаешь! Чувство, захватившее меня врасплохъ, при взглядѣ на моихъ старыхъ знакомыхъ, на мать и дочь, было смѣшанное и заключало въ себѣ болѣе испуга, по внезапности и нечаянности встрѣчи, нежели радости или удовольствія. Я только забылся на одно мгновеніе и скорѣ опомнился. Впрочемъ, меня и не замѣтили; мать была занята, кажется, только грудой шелковыхъ и другаго рода тряпичъ, которыя торговала; а дочери ни разу не вздумалось взглянуть въ сторону, ни даже на образцовыхъ ремонтёровъ, и потому она не видала ни меня, ни ихъ. Все исчезло передо мной какъ сонъ — и десяти шагахъ я уже потерялъ знакомыхъ своихъ изъ вида: изъ толпы заслонило, и солнышко мое опять закатилось, и вѣротно, навсегда! Я стоялъ на томъ же мѣстѣ, и опять въ такихъ же дуракахъ, какъ былъ, когда ступилъ на каменную плиту — обокраденный на-чисто и на-голо, бѣднякъ, безъ друга, безъ помощи, на чужбинѣ. Мнѣ теперь даже казалось глупо основать какую-нибудь надежду на открытіи своемъ, что товарищи мои мошенники, конечно, сами меня обокрали; къ-чему мнѣ это открытіе, безъ лишнихъ уликъ, безъ помощи и покровительства?...

Но видно мѣсто это, на которое я занесъ ногу безъ цѣли и намеренія, и на которомъ все еще стоялъ въ какомъ-то недоумѣніи, было для меня роковымъ; отъ него и имѣ рѣшилась на сей разъ моя участь. Еслибъ я ушелъ отсюда за полминуты ранѣе, то не знаю, куда бы я пошелъ и что бы со мною случилось. Я подошелъ къ дѣвушкѣ изъ числа одаренныхъ ею дѣвушекъ и сталъ ихъ разспрашивать, будто ничего не знаю, кто она и по какому поводу ихъ одарилъ. «Это новая барышня наша», отвѣчали мнѣ: «село наше было имѣніемъ Ежовики-Кахетинскаго, а теперь продано вотъ этимъ господамъ; онѣ приѣзжали смотрѣть деревню и усадьбу, прожили тамъ съ мѣсяцъ, а здѣсь барышня встрѣтила насъ, узнала, да вотъ и поалаовала.» «Мы здѣшніе подгородные», прибавила одна бойкая рѣвушка, которая, кажется, догадалась, что я все-таки не понимаю, какимъ-образомъ ихъ цѣлая вереница въ праздничныхъ нарядахъ попала на ярмарку.

Такъ вотъ что! подумалъ я, и проговорилъ едва не вслухъ: стало-быть, опять новый оборотъ, опять куплена деревня, и опять, вѣроятно, уже продана, перепродана и послѣ продажи еще заложена и перезаложена, въ казну и кромѣ того въ частныя руки; а такъ еще поступила въ залогъ за подрядчика или откупщика,

и все это сдѣлалось прежде, чѣмъ деньги уплачены за самую покушку?

Въ это время, я невольно взглянулъ на то самое мѣсто, гдѣ она стояла, раздавая щедрою рукою подарки, и бросился опрометью къ человѣку, который проходилъ по этому же мѣсту; бросился, какъ безумный, который не въ силахъ высказать своей отчаянной радости. Вижу его и теперь, будто онъ стоитъ передо мною: рослый, плотный, съ окладистою, красивою бородкою; сѣрые, большіе, стойкіе и очень-живые глаза, съ невыразимымъ отблнккомъ ума и добродушія; черты лица великорусскія, то-есть, довольно-правильныя, но безъ особыхъ отличій; лобъ круглый и высокій, волосъ на головѣ, какъ самъ онъ выражался, «одно остожье» (мѣсто, гдѣ прежде стоялъ стогъ сѣна), но и остатки были всегда благовидны и опратно приглажены, распадаясь на обѣ стороны; обыкновенный синій, неразрывной кафтанъ и круглая шляпа въ рукахъ, или подъ мышкой: старику всегда было жарко, и отъ-того именно, какъ самъ онъ бывало выражался, что «душа тепла», къ чему онъ прибавлялъ шепотомъ: «я ее отогрѣваю чаемъ!»

Въ этомъ-то благозвпномъ и отрадномъ для меня видѣ, Андрей Алексѣевичъ Ахтубянцева шелъ проворно по рядамъ, когда случайный взоръ мой захватилъ его на роковомъ мѣстѣ, а руки обняли не давъ ему ступить шагу. «И ты тутъ, тѣзка!» молвилъ онъ: «хлѣбъ да соль тебя, да каша во щи! Вотъ не думено, не гадаю: что, не бось, за харатейнымъ шныряешь въ тихомолку, а?» и захохоталъ. «Приходи-ка, братъ, ко мнѣ, чѣмъ тутъ баклуши бить, приходи, я тебя что покажу! на телятинѣ, да, на телятинѣ, и мышши кота погребаютъ, а почище этого будетъ; приходи!»

Перекинувъ еще нѣсколько словъ, я спросилъ, гдѣ онъ живетъ, и напросился на вечеръ, а самъ, легко вздохнувъ, пошелъ поспѣть на послѣднее серебро, которое осталось у меня въ карманѣ. Въ то же время у меня мелькнула еще неподобная мысль, на которую я оперся, какъ на столпъ сомоновыхъ. Поѣвъ, я снѣде пошелъ отыскивать своего майданщика Долгая.

Но напередъ надобно знать, что за человѣкъ былъ мой Андрей Алексѣевичъ. Въ какихъ онъ былъ отношеніяхъ къ той дѣвицѣ, которую я такъ нечаянно встрѣтилъ утромъ, объ этомъ скажемъ на своемъ мѣстѣ; а теперь поговоримъ объ немъ самомъ.

III.

ТЕМНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

У отца Ахтубинцева, незначительнаго купца, было два сына: Андрей и Григорій. Второй пошелъ своимъ особеннымъ путемъ и полѣзъ въ чины и въ знать; объ немъ также вскорѣ услышимъ. Первый остался вѣренъ своему званію. Воспитаніе ихъ ограничивалось самыми необходимыми статьями; Андрей сидѣлъ въ лавкѣ отца, который, на вопросъ: чѣмъ вы торгуете? отвѣчалъ, бывало: «да мы, признаться, больше торгуемъ всякой всячиной, что руна прійдется». И это была правда; онъ скупалъ по Москвѣ что случалось: фарфоръ, картины, посуду, старыя костюмы, желѣзо—ломъ, дрожки и коляски, по случаю отъѣзда—стулья и диваны и даже книги. Андрей остался при этомъ ремеслѣ и принадлежалъ къ тому разряду сметливыхъ русскихъ людей, которые, сдѣлавшись по навыку необычайными знатоками старинныхъ вещей всякаго рода и пристрастившись къ нимъ, достигаютъ высокой степени познаній въ археологін и библіографіи. Сидя за скарбомъ своимъ, среди ржавчины, червоточины, пыли и плѣсени, онъ смолоду уже привыхался къ затхлому духу и безошибочно распознавалъ по немъ степень древности залежалаго товара. Онъ не только знаетъ наизусть Карамзина, со всеми примѣчаніями полнаго изданія, и нерѣдко въ разговорахъ дѣлаетъ презанимательныя и пренірыныя поясненія или поправки, но и всѣ почти лѣтописи наши были ему хорошо извѣстны, со всеми примѣтами каждаго изъ наличныхъ списковъ; а когда старикъ былъ въ духѣ и пускался въ разсужденія объ нихъ, то это стоило, въ своемъ родѣ, урока добраго профессора. Въ такое время многимъ изъ такъ-называемыхъ историковъ нашихъ доставались похвалы, отъ которыхъ не поздоровится; но все это было сказано такъ остро, умно, рѣзко и вѣрно, что бывало не наслушаешься и не натышишься старикомъ. Это былъ человѣкъ, котораго никакъ нельзя было обольстить голословіемъ, какъ бы искусенъ ни былъ красносдѣтъ; Ахтубинцевъ выуживалъ смыслъ и сущность изъ самой запутанной и надыщенной рѣчи, какъ векша выбираетъ ядро изъ орѣха; и если ядрышко это было съ червоточиной, то онъ кидалъ его въ этомъ видѣ собесѣдникамъ, побуждая всякое возраженіе очевидною сущностью дѣла. Онъ не умѣлъ одѣть грязной шутки въ чистоплотное, лѣстивое слово; игра словъ его не годилась во французскіе водевилы; но онъ попадалъ метко, вѣрно и очень-забавно; хотя чистая мысль его нерѣдко, по

наружности, облачалась въ такой охабень, въ которомъ ей гостиныя наши не могли быть доступными.

Но замѣчательнѣе всего были опытность и познанія Ахтубинцева въ русской старинѣ. Прикинувъ на свѣтъ листокъ старопечатной книги, онъ говорилъ вамъ безошибочно годъ и мѣсто выдѣлки бумаги; онъ зналъ почерки устана, полуустава и скорописи по столбѣтиямъ и десятидвѣтиямъ, какъ свои пять пальцевъ; распознавалъ по икамъ и по юсимъ степенъ древности рукописей и книгъ; а по почерку буквъ, титламъ и ковычкамъ, мѣсто печатанія всѣхъ древнихъ книгъ безъ выходныхъ или заглавныхъ листовъ. Такой же знатокъ и страстный любитель монетъ, русскихъ и другихъ древностей, Андрей Алексѣевичъ, при посредственномъ состояніи своемъ, умѣлъ отыскивать все замѣчательное, что разсыпано и разрознено во всѣхъ концахъ Россіи, сберегалъ, что хорошее ему попадалось въ руки, и при случаѣ спускалъ, если давали хорошую цѣну, утѣшая себя тѣмъ, что опять достанетъ такую вещь, зная гдѣ ее искать. Не было угла во всѣхъ городахъ и монастыряхъ матушки Россіи, гдѣ бы Ахтубинцевъ не зналъ наперечетъ, что и у кого именно рѣдкостнаго тамъ находится, откуда пришлось и какъ досталось. Онъ ухаживалъ за глазами въ какомъ-нибудь Верхотурьи за старопечатною, рѣдкаго изданія псалтирю, которая была туда занесена Поморцами, поднесена одному наставнику ихъ, а у него украдена и продана такому-то, и ухаживалъ съ безпримѣрнымъ долготерпѣніемъ по нѣскольку лѣтъ, доколѣ книга наконецъ-таки рукъ его не миновала. Принадлежа самъ, по отцѣ, къ благословенной церкви или единоувѣрію, онъ насчитывалъ въ одинъ духъ и безъ запинки все до-никоновскія изданія славянскихъ церковныхъ книгъ, какую ему ни назовите, и определялъ съ точностію всѣ примѣты изданій и мѣсто выхода. Взявъ въ руки книгу у другого любителя и взглянувъ только на обрѣзъ, онъ спросилъ однажды, «а что, сколько цѣните вы этотъ требникъ?» «Да рублей 35», отвѣчалъ тотъ. «Оно бы и дороговъ, кажись», замѣтилъ удивленный Андрей Алексѣевичъ: «это кievской печати пятидесятаго года; я вамъ, пожалуй, доставлю ихъ штукъ три по 25 рублей; а вы мнѣ этотъ пожалуйте, я, ужъ такъ и быть, дамъ 50.» «Какъ-такъ?» спросилъ удивленный хозяинъ требника, зная, что это сказано было не даромъ. Тогда Ахтубинцевъ, разсмѣявшись, сказалъ: «что, любезный, за манишку забрелъ (*)? попался? За что же ты съ не-

(*) Выраженіе должскихъ судоходовъ: манишка — подводная коса, отъѣзжая грядой отъ берега; забрести за манишку или зайти за чужую, значить попасть, по незнакомству, въ русла въ заливы или мѣшокъ, за косу, откуда нѣтъ выхода.

ня просишь 35, коли толку не знаешь, а за 50 не отдаешь? а? Вѣдь я книги-то и не раскрывалъ еще, а ты хозяйнѣ ей, стало-быть, глядѣлъ въ нее; аль слона-то и не примѣтилъ? На, гляди да казись». Тутъ онъ развернулъ требникъ на знакомой ему страницѣ, которую узналъ по обрѣзу листка: «вотъ» продолжалъ онъ: «гляди, да впередъ знай: вотъ тутъ идетъ чинъ отпѣванія, а этотъ листокъ подмѣненъ раскольниками; они его перепечатали по-своему; перемѣна въ такихъ-то словахъ, потому и потому, и согрѣшила тутъ наша бывшая единовѣрческая типографія, которая работала по заказу. Вотъ, гляди и на свѣтъ: въ этой бумагѣ водяной знакъ, видишь какой,—это бумага австрійская; а на этомъ листкѣ подоски вотъ какія,—это наша, русская, ивановская. И наборъ отличается немного: вотъ тутъ у ща хвостикъ потолще, да покороче; вотъ титло коромысломъ, а это съ изломомъ,» и проч.

Правдивъ былъ Андрей Алексѣевичъ, какъ доблестному гражданину быть слѣдуетъ; онъ смалчивалъ по уму-разуму тамъ, гдѣ сила не беретъ, потому-что плетью обуха не перешибешь; но любилъ, гдѣ можно было дать свободу языку, чтобъ не взидала одышка, какъ онъ выражался; или проговаривался, будто невзначай, обиняками да иносказаніями. Хорошій начальникъ, котораго Ахтубинцевъ любилъ и уважалъ, будучи и самъ имъ уважаемъ, взидался однажды очень-горячо за одно дѣло и хотѣлъ, во что бы ни стало, уничтожить какое-то вкоренившееся злоупотребленіе. Шуму это надѣлало много, а кончилось, какъ нерѣдко случается, ничѣмъ; встрѣтилось столько противодѣйствія со всѣхъ сторонъ, и съ боку, и сверху и снизу, что надобно было замолчать. Ахтубинцевъ и говорить ему: «а что, ваше сіятельство, вѣдь у насъ былъ на Москвѣ такой, что подымалъ царь-пушку!» «Шутишь ты все, старикъ», сказалъ тотъ. «Ну, да вѣдь и онъ только пошутилъ», молвилъ Андрей: «вѣдь и онъ не поднялъ, а только подымалъ!»

Въ числѣ вещей, украденныхъ у меня съ чемоданомъ, была также рукопись, дорогая для знатока и любителя, но ничтожная для вора. Это былъ толковый апокалипсисъ раскольниковъ, съ картинками въ особенномъ вкусѣ и съ замѣчательными поясненіями. Андрей Алексѣевичъ когда-то сулилъ мнѣ за него 300 рублей; я не отдалъ, а теперь онъ пропалъ за даромъ. Зная, что легче выкупить у воровъ покражу черезъ соучастниковъ и подручниковъ цѣль, чѣмъ доискаться своего добра какимъ-нибудь инымъ путемъ, я отписалъ Долгѣя, который все еще сидѣлъ за наперстками и сидюю своего краснорѣчія убѣждалъ и вызывалъ смѣлыхъ и счастливыхъ на бой. Толпа смѣнялась, но не рѣдѣла; кто стоялъ нараспашку, подбоченъ въ обѣ руки, сдвинувъ шляпу на ухо и склонивъ замышловато голову,—стало-быть, либо проигрался, либо тужалъ, что

нѣчего поставить; кто почесывался въ затылкѣ посмѣнно правой и лѣвой, опускавъ свободную руку въ карманъ шароваръ, и стоялъ въ перышности; другіе сидѣли, плотно обхвативъ руками оба колѣна, и покачиваясь хохотали, сами острили и передавали дальше остро-ты Долгѣя; они сидѣли, по-видимому, безъ горя, безъ печали и безъ искушенія, покорившись уже безденежной и безнадежной въ этомъ отношеніи участи своей. По-временамъ выскакивалъ бойкій и рѣшительный малый, возбуждая общее вниманіе и участіе, клалъ ставку за ставкой на доску, и убирался съ поприща безъ оглядки, утративъ деньги и осмѣянный праздною толпой, которая съ жадностью ловить случай позубоскальничать и выместить неудачу или скуку свою на другихъ.

— Кинь корочку въ гору, говорилъ Долгѣй, выворачивая на изнанку смыслъ этой пословицы:—прійдетъ къ тебѣ въ пору; не пожалѣй за рубль алтына, а не прійдетъ рубль, такъ прійдетъ полтина; кому счастье, кому таланъ, гребни денежки въ карманъ; не пойдешь въ звонари, не попадешь и въ пономари; кто смѣлый, кто счастливый, у кого на роду написано разжиться съ легкой руки, изъ-подъ наперстка съ доски, въ легкій день субботній! Что бабушка! аль за внука въ солдаты идешь? закричалъ онъ громогласно старушкѣ, которая, сгорбившись, несла на плечѣ продавать какое-то старое ружье... Народъ захохоталъ, но смѣлый и счастливый не выходилъ: видно извѣрились на сегодняшній день, или берегли копейку на кружало.

Я сталъ такъ, что Долгѣю надо было увидеть меня и поклониться ему, когда онъ на меня взглянулъ. Крѣпко не хотѣлось ему, въ этомъ положеніи, узнать меня, а совѣстно было и не отдать поклона; притомъ нечаянность встрѣчи не дала ему часу образумиться. Я подошелъ и, назвавъ его товарищемъ, сказалъ, что нужно бы съ нимъ словечко перемолвить. Онъ вскочилъ, смѣшавшись, и мигнулъ другому товарищу, чтобъ оставался на мѣстѣ. «Мы вотъ забавляемся отъ нѣчего-дѣлать» молвилъ онъ, отходя со мною въ сторону: «извините!»

— Ничего, отвѣчалъ я: — это не мое дѣло; я не съвищикъ. Я пришелъ по своему дѣлу: нельзя ли пособить мнѣ? вѣдь я остался какъ липка, безъ лыкъ и безъ луба, а кажись надо бы и честь знать! Послушай, пусть деньги мои пропали, пусть и вещи пропали: онъ хоть на что-нибудь и другимъ годятся; а у меня была рукописная священная книжка—не богословы же ее унесли, акафисты по ней читать не станутъ, а мнѣ она дорога, по объѣту, досталась по наслѣдству отъ бабки: такъ нельзя ли постараться достать ее? Кабы не на-чисто меня обобрали, я бы не пожалѣлъ дать за нее и больше, а теперь послѣднія десять рублей отдаю,

Богъ съ ними; тогда бы я не сталъ искать больше пропажи своей, хоть бы встрѣтилъ кого на улицѣ въ моемъ сюртукѣ или шапкѣ. Нельзя ли постараться?

Рѣчь эта озадачила Долгѣя; онъ понялъ все, какъ сметливый паренъ, и, перемѣнивъ прежній ладъ разговоровъ своихъ со мной, сталъ притворяться не менѣе того, сколько требовало приличіе. «Помилуйте», сказалъ онъ: «ужь я бы для васъ что угодно радъ, да вѣдь Богъ-вѣсть, гдѣ жь искать,—это мудреное дѣло; развѣ вотъ что-съ: пожалуй, постараться, для васъ, можно; тамъ что Богъ дастъ, найдемъ не найдемъ, а приходите завтра повечеру сюда; коли что узнаемъ, такъ скажу.»

Я сталъ просить и настаивать, представляя, съ одной стороны, что меня обобрали до рубашки, а съ другой, что получивъ бесполезную для нихъ книгу, я уже никого больше беспокоить не стану; и наконецъ вынулъ тутъ же кошелекъ, набралъ три цѣлковыхъ мелочью и навязалъ ихъ Долгѣю. Онъ долго отговаривался отъ нихъ, потому-де, что взявъ деньги надо исполнить слово. Кончилось тѣмъ, что Долгѣй послалъ меня прогуляться на полчаса по ярмаркѣ, а потѣмъ велѣлъ зайти домой; пришедши туда, я нашелъ свой апокалипсисъ на окнѣ. Я былъ этимъ такъ доволенъ, что забылъ все свое горе и простился съ хозяиномъ, обѣщавъ непременно завтра уплатить ему небольшой долгъ свой. Онъ былъ занятъ по хозяйству, пришивая погавки къ курамъ и индѣйкамъ; въ этомъ дѣлѣ онъ, по несчастію, былъ раненъ: пришивъ погавку, онъ хотѣлъ отгрызть нитку, а глупая индѣйка расцарапала ему нижнюю губу въ кровь; отираясь рукой, онъ не упускалъ случая разутьюжить при этомъ книзу свои бакенбарды и порядочно нафабрилъ ихъ кровью, размазавъ ее по всему лицу. «Время теперь опасное» сказалъ онъ: «того-гляди птица пропадетъ; глупа больно, такъ подъ ноги сама всякому и лѣзетъ... Ладно» прибавилъ онъ: «сочтемся, такъ сочтемся; а нѣтъ, такъ на нѣтъ и суда нѣтъ; Богъ съ вами; васъ и такъ обидѣли у меня въ домѣ; послѣ, какъ вы вышли, такъ мнѣ даже жаль стало. Какъ быть! такой уже проклятый народъ, что наравнѣ стащить что-нибудь.»

Весело побѣжалъ я къ Андрею Алексѣвичу, рассказалъ ему все и утѣшался его равнодушіемъ. Онъ между-прочимъ всегда запасался на ярмаркѣ цибикомъ квадратнаго чаю, котораго ему ставало ровно на годъ; доставъ совкомъ съ горсточку свѣжаго чаю изъ цибика, на пробу, онъ приступилъ къ дѣлу, къ заваркѣ чая, со всѣми околичностями знатока. Вижу все это, какъ теперь: крошечная комнатка, чисто выбѣленная и вымытая; два окна растворены на улицу, на окнахъ горшки съ капуцинами, бальзаминами и пахучею геранью, этую необходимую принадлежностью всѣхъ жи-

лишь того разряда, гдѣ стѣны убраны изображеніями графа Платова, взятія разныхъ турецкихъ крѣпостей или картинами изъ Павла и Виргиніи; самоваръ кипитъ на столѣ, паръ валитъ клубомъ; жаръ, мухъ тмы-темъ, переносятся ролями съ мѣста на мѣсто; старикъ сидитъ передъ самоваромъ и ловкою шепотью проворно отъвертываетъ кранъ, между-тѣмъ, какъ крупный потъ катитъ градомъ съ веселаго, почтеннаго лица, а глаза, за недосугомъ рукъ, искоса поглядываютъ на лежащій подлѣ персидскій платокъ.

— По пустякамъ ты тревожишь ихъ милость, сказалъ онъ относительно моего заявленія пропажи:—не стать же и вправду имъ служить на нашего брата. Ты рублемъ простъ, я умомъ простъ; а по простому уму моему, чѣдъ тише, то и лучше; за толчкомъ не гонись, развѣ одного мало, такъ поди за другимъ... Такъ надо жить и всякому человѣку; самъ только никого не затрогивай, не обижай, а коли тебя обидятъ, нужды нѣтъ; въ душѣ и сердцѣ прости по-христіански, а по уму-разуму и для своей же пользы смолчи; не то, вмѣсто одного обидчика, набѣжишь на семерыхъ.

— Хорошо наставленіе ваше, Андрей Алексѣевичъ, сказалъ я:—да ину пору больно накладно. Вѣдь не на то же они поставлены, чтобъ быть поголовно мошенниками и сживать со свѣту честныхъ людей...

— Не осуждай, тѣзка, да не осужденъ будешь. Не особое же поколѣніе для того на свѣтѣ нарождается; попали бы мы съ тобой туда, и мы были бы таковы же; стало-быть, не гребень волосъ чешетъ, а время; не время волосъ бѣлить, а кручина. Противъ попущенія Божія спорить не станешь... На, на, вотъ, продолжалъ онъ, вставъ изъ-за чаю, вынувъ изъ стѣннаго шкафа закутанную въ ярославскую салфетку книгу, развернувъ и подавъ мнѣ ее: — на, на, вотъ лучше, погляди на это! Письмо-то какое, ровно жемчугъ! а краска, съ позолотою! Вѣдь это не стыдно бы и Кашемирцу, не токмо Персіанину показать! а разбери, дай толкъ, гдѣ и когда писано? Куда ползѣть? Чутья что ли у тебя нѣтъ? не знаешь гдѣ искать! Видишь вотъ, гляди: «для парицы, для супруги Ивана Васильевича, по указу государеву, подъячимъ таковымъ»; это былъ первый мастеръ того времени. Кромѣ его, никто не сумѣлъ вотъ этого вотъ сдѣлать; а почеркъ ровный, отъ начала до конца. Такихъ часослововъ два только и есть: одинъ перешелъ черезъ мои же руки годовъ тому шесть, а теперь въ Москвѣ, у такого-то; за другимъ я третій годъ сюда на ярмарку пріѣзжаю, тутъ мнѣ объ немъ все вѣсти подавали и привезли—таки наконецъ изъ Екатеринбурга.

Я похвалилъ находку отъ души и замѣтилъ, что меня, однакожъ, болѣе занимаютъ наши старопечатныя книги, потому-что ихъ мо-

жно собрать, какъ замѣчательные образчики работы всѣхъ бывшихъ книгопечатенъ.

— Стало-быть, толку ты не знаешь въ телятинѣ, что сравниваешь какой-нибудь уставъ, либо хоть и полууставъ, съ печатною! Нѣтъ, настоящій охотникъ какъ взглянетъ на телятинку, такъ мино сердце зашепчетъ, ровно что родное, ровно съ твоихъ плечъ шкуру сняли да написали на ней!

— На, полюбуйся, сказалъ старикъ, сунуть мнѣ толстую книгу во весь листъ:—полюбуйся и печатью; что скажешь?

Я посмотрѣлъ и думалъ заслужить званіе большаго знатока, сказавъ, что она вышла во Львовъ.

— То-то что нѣтъ, отвѣчалъ онъ: — ты правъ, наберъ одинъ, это матрицы львовскія, да отличіе есть въ ковычкахъ; тамъ простые, а тутъ, вишь, съ головками. Это краковское изданіе, дороже.

И при этомъ случаѣ разсказалъ онъ мнѣ цѣлый историческій анекдотъ о томъ, какъ и кто и по какому случаю завелъ типографію во Львовъ, кто и когда въ Краковъ, какъ они ссорились межъ собой, мирились и братались, добывали одинъ у другаго шриотъ и матрицы и прочее.

Я досталъ и свой толковый апокалипсисъ.—Вы, Андрей Алексѣевичъ, давали мнѣ за него 300 руб.; я тогда не хотѣлъ съ нимъ расстаться; возьмите, пожалуйста, если можно; теперь я охотно его отдаю.

Онъ поглядѣлъ на меня, будто искоса, исподлобья, опустилъ обѣ руки спокойно на столъ. — Сколько товарищей молодцовъ у тебя было, спросилъ онъ: — что обобрали тебя? Никакъ ты ссазывалъ трое?—Трое.—Такъ ты меня хочешь постричь въ четвертаго? Спасибо, тѣака. Тогда бы можно выкурить нѣз насъ укусъ этотъ, какъ онъ называется, четырехъ разбойниковъ! Какъ же такъ твой Долгай сжалился надъ тобой, воротилъ тебѣ хоть одну вещь, а я теперь отберу?

Словомъ, какъ ни желалъ старикъ въ душѣ завладѣть моимъ сокровищемъ, но онъ и слышать не хотѣлъ о моемъ предложеніи; онъ далъ мнѣ денегъ въ займы, книгу взялъ на сохраненіе, чтобы отправить вмѣстѣ со своими, запечатать ее и подписавъ обертку своею рукою на мое имя.

—

IV.

ОБОРОТЛИВЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Тяжело и тѣсно жить въ губерніи оборотливому и предпріимчивому человѣку; нѣтъ ему простора расходиться, сплетни обгѣнять кругомъ, какъ репы, и молва такая разбѣжится по всему свѣту, что хоть брось. Въ столицахъ—иное дѣло: тамъ притонъ оборотливому человѣку и поприще; кругомъ народъ смѣняется, одинъ вытѣсняется и заступаетъ на пути другого, и что ни день у Бога, то нападешь на свѣжаго человѣка, на новичка, на неука, или по просту на дурака, которому не пошло въ прокъ ни отцовское наставленіе, ни материнское благословеніе, ни сотни примѣровъ, какъ въ очью диво совершается, люди на хитрости поднимаются. Годи́тся на это конечно и Москва; много сказываютъ олуховъ и тамъ на добраго ловца набѣгаютъ, и есть и ну пору что изъ нихъ выжить; но старушка все какъ-то себѣ-на-умѣ; она службы не знаетъ, живетъ спокойно въ отставку, не мечется, не суетится, не ловить бзсенка за хвостъ, а мелеть свою меледу и знаетъ не только кой-что о томъ, что во всѣхъ концахъ гнѣзда ея дѣлается, а знаетъ и счетъ прихожанамъ въ своихъ сорока-сорокахъ приходахъ. Питеръ иное дѣло: послѣдняя конейка ребромъ, а концовъ сводить вѣкогда, за службой, за недосугомъ. Питеръ давно счетъ потерялъ кочевымъ дѣткамъ своимъ; по-этому онъ посемейныхъ списковъ не ведетъ, живетъ въ обтяжку и гоняется по улицамъ словно въ угарѣ за... за тѣмъ, что кому нужно. Тутъ только стань гдѣ-нибудь, стой, да оглядывайся—набѣжить на ловца звѣрь, не справа, такъ слева, самъ наскочитъ.

Вотъ, па-примѣръ, въ этомъ домѣ пріятельскій вечеръ: покои прекрасно освѣщены, зеленыхъ столиковъ раскинуто съ десятокъ, люди веселятся, а подѣ-часъ и сердятся, коли судьба протѣтъ шерсти проведетъ рукой; тутъ разносятъ чай, плоды, вино; хозяинъ человѣкъ очень-почтенной наружности, по виду и разнымъ примѣтамъ долженъ быть, кажется, услужливый и заслуженный человѣкъ, съ большимъ вѣсомъ и вліяніемъ; онъ нуженъ людямъ, но, кажется, и ему люди нужны, и знаетъ онъ ладъ и толкъ во всемъ. Онъ подходитъ туда и сюда, за панибрата съ вельможами (мы здѣсь, по незнакомству, встрѣчаемъ и называемъ людей по платю); хозяинъ разваливается, подсѣвъ къ тому или другому,

пошутить, пожелаетъ счастья, встанетъ съ большимъ самодовольствомъ и съ пріятной улыбкой, подойдетъ ловко и непринужденно къ другому столу, попочуетъ гостя; но не всякаго безъ разбора, а по достоинству и надобности; тамъ позабавитъ третьяго небольшою былинкой въ лицахъ, разсмѣшитъ четвертаго удачнымъ острымъ словцомъ и пойдетъ, уладивъ все, на свое мѣсто, потому-что всегда дома садится пятымъ, и, стало-быть, по временамъ выходить и тогда не забываетъ, что онъ хозяинъ. Безъ хозяина нѣтъ и гостей, нѣтъ и общества.

Что же вы думаете, какого рода этотъ вечеръ? Если хозяинъ даетъ много такихъ вечеровъ въ году, то долженъ быть довольно-зажиточенъ, подумаете вы. Но, господи, быть зажиточнымъ и много проживать, это не одно и то же; и то и другое сбыточно по себѣ, независимо одно отъ другаго.

Хозяинъ распорядился относительно этого вечера вотъ какъ: онъ встрѣтилъ за нѣсколько дней у пріятеля неловкаго и очень-скромнаго человѣка, который садился только на уголокъ стула, а чаще того стоялъ и молчалъ. Оборотливый человѣкъ тотчасъ накинулъ на него взглядомъ и, угадавъ съ перваго взгляда, что это пріѣзжій изъ губерніи, который ищетъ мѣстечка, выбралъ приличное время и подошелъ къ нему знакомиться.

— Вы, я слышу, недавно къ намъ пожаловали?

— Да-съ, я пріѣхалъ въ среду, въ дилижансѣ.

— А, въ дилижансѣ! это хорошо, удобно и неудобно. Тѣсно-вато, и общество не всегда отборное.

— Нѣтъ-съ, ничего...

— Да, я знаю, это ничего; я такъ только говорю. Напротивъ, это весьма, весьма-похвально (молодой человѣкъ обязательно поклонился). Что же, вы, я полагаю, мѣсто ищете? Мнѣ милый хозяинъ нашъ сказывалъ; онъ принимаетъ въ васъ большое участіе.

— Да-съ, я бы очень желалъ... извольте видѣть, я служилъ уже пятнадцать лѣтъ въ губерніи... состоянныце маленькое есть, но тамъ ходу нѣтъ никакого, поощреній нѣтъ никакихъ...

— Правда, правда, сказалъ оборотливый человѣкъ; а самъ подумалъ:—о-го, этотъ не уйдетъ!!

— Да-съ, а сами извольте знать, лестно служить со всѣмъ усердіемъ и безкорыстною ревностью, изъ одной чести, гдѣ по-крайности есть что-нибудь въ виду; не повѣрите: у насъ, особенно при пышнѣшемъ начальствѣ, иной такъ и въ могилу ляжетъ и семейство большое оставитъ, даже безъ всякаго знака отличія.

— Предосудительно, прискорбно! вы правы. Послушайте, я очень уважаю нашего почтеннаго хозяина, и,—извините меня,—я объясняюсь прямо, отъ души, я полюбилъ и васъ.

Молодой человекъ обязательно поклонился, тотъ подалъ ему руку и, сѣвъ самъ, съ трудомъ усадилъ его подлѣ себя, чтобъ говорить не такъ звучно; между-тѣмъ первый, будто сложенъ былъ на пружинахъ, все порывался на вытяжку, а второй безъ обиняковъ осаживалъ его рукой...

— Я полюбилъ васъ и желаю вамъ добра. Но есть ли у васъ связи, доброжелатели, покровители? Безъ этого вы здѣсь ничего не достигнете.

— Нѣтъ-съ, никого почти нѣтъ.

— Ну, безъ этого нельзя, почтеннѣйшій; тутъ безъ этого ни шагу. Хотите, я введу васъ и познакомлю съ людьми, которые могутъ много для васъ сдѣлать, съ которыми вамъ весьма-полезно сойдтись... сидите, сидите, продолжалъ онъ, наложивъ полновѣсную руку покровителя на колѣни искателя наградъ и отличій: — сидите и не показывайте вида, что мы съ вами говоримъ о такомъ предметѣ, и даже послѣ никому объ этомъ не говорите; это останется между нами. Я вамъ дамъ весьма-полезный совѣтъ: достигайте своей цѣли насущными путями, какъ и гдѣ случится; но знайте сами объ этомъ—одна грудь да подошѣка, какъ говорится по-русски—это не для другихъ. И такъ, я сведу васъ охотно со многими — и насчиталъ ему съ полдюжины звонкихъ именъ, отчествъ, званій и прозваній, сильно ударяя на чинъ и званіе покровителей: — приходите ко мнѣ въ четвертъ; они всѣ будутъ у меня... то-есть, я могу созвать ихъ нарочно для васъ: они мои пріятели. Вотъ вамъ моя карточка, тутъ есть и адресъ мой.

Предупредительность эта обязала молодаго человека до восхищенія. Вотъ, думалъ онъ, говорятъ, въ Питерѣ чужой человекъ что въ лѣсу: нашелся же на мое счастье человекъ безкорыстный, услужливый, снисходительный, который полюбилъ меня за одну наружность мою... тутъ онъ скромно осмотрѣлъ себя съ носковъ и до плечъ—выше не могъ онъ взять глазомъ,—вздохнулъ, поднялъ голову и прошелся.

Когда стали расходиться, то обязательный человекъ тутъ какъ тутъ, спустился по лѣстницѣ рядомъ съ новымъ знакомцемъ своимъ, предложилъ отвезти его домой на своихъ пролеткахъ, — онъ держалъ своихъ лошадей,—и дорогою сказалъ, какъ-будто мимоходомъ, и притомъ разлакомивъ попутчика еще болѣе своимъ все-сильнымъ покровительствомъ:—Только вотъ что, я вамъ долженъ сказать прямо, откровенно, какъ я это всегда дѣлаю, что я человекъ небогатый; я охотно помогаю всякому, но не могу взять на себя всѣхъ расходовъ по такому дѣлу. Пригласить такихъ людей, хоть они мои и пріятели, такъ надобно устроить порядочный вечеръ; вы должны мнѣ пособить, сдѣлаемъ складчину; можетъ-

быть, и вы также человекъ не богатый, такъ я разорять васъ не хочу; дайте что-нибудь, на-примѣръ, хоть сотню пѣльковыхъ...

Какъ тутъ быть, какъ отказаться отъ такого покровительства— и даже какъ отказать такому покровителю? Деньги были вручены тутъ же, на дрожкахъ, и покровитель, не смотря на потемки, опытнымъ глазомъ своимъ пересчиталъ, сколько или около чего осталось въ бумажникѣ Саратовца. Подобныя свѣдѣнія могли быть полезны для будущихъ соображеній.

Вотъ происхожденіе того пріятельскаго вечера, о которомъ мы говорили выше. Бѣдняка представили, пробормотавъ сквозь зубы, чего никто не слышалъ, человекамъ двумъ-тремъ со звездой, которые кивнули въ отвѣтъ на это такъ искусно головою, что даже не согнули шеи; за тѣмъ нашъ пріѣзжій сидѣлъ гдѣ-то около печи, во весь вечеръ, при подробномъ описаніи коего мы даже забыли указать на этого втораго хозяина и невиннаго виновника шара.

Случай этотъ доказываетъ, что нашъ оборотливый человекъ угадалъ все, что плыветъ, не брезгалъ и малымъ, гдѣ нельзя было добыть большаго; но иногда судьба была къ нему гораздо снисходительнѣе, и онъ умѣлъ этимъ пользоваться, какъ видно изъ слѣдующаго.

Въ столицу пріѣхалъ повѣренный какой-то княгини или графини, програнжирившей все добро свое въ классической, изящной Италіи и желавшей наложить руку на послѣднее родовое достояніе свое, на прекрасное, хотя и разстроенное имѣніе въ 1000 душъ, состоявшее въ западныхъ губерніяхъ. Оборотливый человекъ всегда зналъ, что дѣлается въ свѣтѣ, и, узнавъ объ этомъ случаѣ въ свое время, освѣдомился подъ рукой обо всѣхъ обстоятельствахъ дѣла, которое нашелъ удобнымъ и сподручнымъ — а потому и подослалъ немедленно вѣрнаго человека къ повѣренному, чтобъ этотъ обратился къ нему, какъ къ человеку съ вѣсомъ, съ деньгами и со связями.

—Я найду вамъ покупателя, сказалъ пріятель нашъ: — найду, пожалуй, завтра же; а вы знаете, что это теперь не легко; денегъ нѣтъ ни у кого, это общій грѣхъ нашего вѣка. Но у моего покупателя деньги наличныя; это человекъ не обыденный; вы увидите, что съ нимъ можно сварить кашу.

Доропытный Полякъ благодарилъ и по привычкѣ кланялся очень-униженно, полагая, что говорить съ человекомъ и важнымъ и дѣльнымъ и надежнымъ, какъ его въ томъ предварительно увѣрилъ подручники и прикормленники перваго.

Оборотливый человекъ велѣлъ пріѣхать къ себѣ Поляку и принести документы. Разсмотрѣвъ ихъ быстрымъ взглядомъ дѣльца и знатока, онъ сталъ торговаться на совѣсть, увѣряя, что если дѣло

кончено будетъ между ними, то можетъ считаться конченнымъ и съ покупщикомъ.

— Двѣсти семьдесятъ тысячъ! сказалъ онъ наконецъ—конечно, это деньги большія; но имѣнне стоить этого, безспорно. Хорошо; только уговоръ лучше денегъ; какой куртажъ вы мнѣ положите?

— А не знаю, пане—отвѣчалъ тотъ:—я сказалъ южъ остатнюю цѣну—панъ пыталъ по совѣсти; не мое, графское, а пани грабина не позвала уступиць.

Послѣ непродолжительнаго разговора, рѣшено было, при такихъ обстоятельствахъ, накинуть 10,000 и положить маклаку за продажу по пяти копеекъ съ рубля. Маклеръ случайно уже дожидался въ другой комнатѣ; договоръ написанъ, подписанъ и записанъ.

На другой день является и покупщикъ—человѣкъ такого почтеннаго вида, хотъ и не старъ еще, съ такими знаками отличія и съ такимъ умомъ и честностію на языкъ, что простофиля-повѣренный, заключивъ и съ нимъ предварительное условіе, донесъ на другой же день графинѣ, что дѣло кончено; а она тотчасъ же на этотъ счетъ дала нѣсколько новыхъ баловъ и обидовъ. Въ договоръ съ оборотливымъ человѣкомъ сказано было, чтобъ выдать ему пять со ста, или 14,000 руб., немедленно по внесеніи покупщикомъ первыхъ денегъ, потому-что вся сумма была разсрочена, съ разными закорючками и оговорками, на нѣсколько пріемовъ. Каждая статья договора подвигнута была неустойками, несоразмѣрно-великими. Наконецъ, покупатель внесъ первую плату; маклакъ тутъ же взялъ свои 14,000, при обоюдной роспискѣ на условіи, что дѣло кончено, другъ на друга искать не будутъ, а представляется каждому искать могущіе произойти убытки по законамъ, съ виновнаго.

Оборотливый человѣкъ пошелъ раскланявшись домой, давъ нѣсколько великолѣпныхъ вечеровъ, обилъ гостиную малиновыми обоями съ золотомъ и купилъ преотличную новую карету.

Покупщикъ, занявшій собственно для этого оборота тысячъ двадцать, черезъ три дня поссорился съ повѣреннымъ, потребовать съ него по разнымъ статьямъ 100,000 неустойки; тотъ поздно увидѣлъ промахъ свой и, посовѣтовавшись съ знающими людьми, сколько ни плакалъ и ни вертелся, а возвратилъ деньги сполна, пошесть стало-быть 14,000 убытка, отданныхъ маклаку ни за что, ни про что, и еще радъ-радѣшенекъ былъ, что развязался. Вся минувшая покупка эта устроена была собственно съ тѣмъ разсчетомъ, чтобъ сорвать этотъ куртажъ.

Скупить сомнительные, дешевые векселя и надуть ими кого-нибудь; скупить дешевые, тайные векселя матушкина сыночка, или взять ихъ на сдѣлку, и собрать всѣ, приступить внезапно, угро-

жая, въ случаѣ совершеннолѣтія ребенка, тюрьмой, или по-крайней-мѣрѣ шумомъ и безславіемъ, и заставить отчаяннаго старика-отца идти, какъ афферистъ выражался, на акомодацию; сорвать при случаѣ отсталаго, или взять слазу; купить походящее тяжбу и выходить ее по связямъ и знакомству; подбить отчаяннаго и несчастнаго во всѣхъ отношеніяхъ страстнаго писателя, объявить книгу подъ звучнымъ и очень-длиннымъ заглавіемъ, взять на себя издержки, а следовательно и сборъ подписки, пригласить за тѣмъ подписчиковъ, собрать деньги и раскланяться; уговорить лестію и подстрекнуть самолюбіемъ богатаго невѣжду издать отъ своего имени книгу, чтобъ прославиться писателемъ, подонть на это въ нѣсколько пріемовъ слабоумнаго и тщеславнаго писаку, а затѣмъ отложить самое изданіе подъ разными предлогами; учредить общество на паяхъ, для выработки круглыхъ тканей, искусственной свиной щетины, желѣзной бумаги и бумажнаго кровельнаго желѣза—собрать деньги и раскланяться съ обществомъ; учредить сборъ для какой-нибудь благотворительной, человеколюбивой, богоугодной цѣли, заставивъ, разными происками, покровителей собирать подписки у обязанныхъ имъ и проч., — все это было стихіею жизни оборотливаго человѣка. Для чина, состоялъ онъ членомъ какого-то заведенія, и неоднократно находилъ случай отличиться необычайными подвигами ревности, усердія и самоотверженія. Словомъ, всѣ привыкли знать и видѣть оборотливаго человѣка въ какомъ-то наружномъ почетѣ, съ громогласною, положительною рвѣчью въ широкихъ устахъ; всѣ привыкли къ тому, что онъ живетъ хорошо, открыто, проживаетъ много; что жена его щеголяетъ и мотаетъ еще болѣе; а какъ привычка вторая природа, то развѣ изрѣдка только кому-нибудь приходило въ голову спрашивать, откуда у этого человѣка все берется? Но за то каждый разъ, когда вопросъ этотъ случайно былъ предлагаемъ, отвѣтъ оставался за собесѣдникомъ. Промышленный геній нашего аффериста былъ Протей, котораго трудно было поймать съ поличнымъ, который умѣлъ добыть честь и деньги изъ всего, даже изъ подслушаннаго случайно разговора, или изъ нечаянной встрѣчи на улицѣ съ незнакомымъ человѣкомъ.

Человѣкъ этотъ, котораго мы описали, былъ родной братъ Андрея Алексѣевича, Григорій Алексѣевичъ; но онъ прозывался не Ахтубинцевъ, какъ дѣдъ и отецъ и братъ его, а *Ахтубинскій*. Онъ нашелъ, при самомъ началѣ своего поприща, что барину такое прозваніе будетъ приличнѣе.

V.

О ТОМЪ, О СЕМЪ, А ВОЛЫНЕ НИ О ЧЕМЪ.

Молодой путникъ нашъ, обокраденный посѣтитель ярмарки, сядя вечеромъ у Андрея Алексѣевича, какъ объ этомъ сказано было выше, долго не рѣшался заговорить съ нимъ о братѣ его съ семействомъ; но наконецъ, собравшись съ духомъ, сказалъ: я встрѣтилъ здѣсь нечаянно родныхъ вашихъ, но они меня не выдали. Какимъ образомъ они попали сюда?

— Такъ ты видѣлъ ихъ! Дѣ, либо коврикъ-самолѣтъ, либо сапоги-самоходы занесли. Братъ, прости Господи, на новаго деревяннаго коня сѣлъ, и погоняетъ шибко, да не знаю, порезетъ ли. Говорить, шибкіе покупаетъ тутъ; добра ждать отъ этого нечего: какой-нибудь бѣдняга сядетъ по уши, либо спохватится шарки, когда головушку сымутъ. Что жъ, ты и не казался на глаза?

— Нѣтъ, зачѣмъ же мнѣ? я его и не видалъ; я только встрѣтился въ рядахъ... то-есть Анну Герасимовну и...

— Ну да, знаю. И хорошо сдѣлалъ, спасибо. Ину-пору не поглядѣвъ въ святцы, да и бухъ въ колоколь, оно и не кстати. Я самъ-было прошлаго года, встрѣтивъ брата съ невесткой нечаянно въ Торжкѣ, послѣ долгой разлуки, забылся: обрадовавшись слуху, прости Господи, кинулся-было къ нимъ: — ахъ-де вы мои... да и попался, какъ баба съ квасомъ! А ты знаешь, какъ у насъ въ Мотылевѣ баба съ квасомъ попалась?

— Нѣтъ, не знаю.

— Ну, такъ слушай, продолжалъ старикъ: — лучше станемъ считать ласы, чѣмъ досаждать другъ другу пустяками. Мотылевъ, какъ извѣстно тебѣ, у насъ славится квасами; ну вишь берантъ не мытьемъ, такъ катаньемъ. Случись въ глушь эту захватъ гостиному желанному, что весь околотокъ сбѣжался: и плошки тутъ, и пѣсни тутъ, и трехъ сапатыхъ мереневъ привели, устроили скорую руку конскую ярмарку, и выставку издѣлій сочинилъ, и одинъ шабашъ, кто соху притащилъ, кто борону, кто смоленскую крупы, купленной на фунты въ рядахъ, кто подковную шкуру, кучера снялъ, да варешки—все, говорятъ, наше, все русское. Ну, ладно. Вотъ и подготовили на рынокъ самую бойкую квасницу, чтобъ именитому гостю отвѣдать у нея знатнаго квасу, какъ поволить пойдти смотрѣть ярмарку. Это, по мнѣнію начальства, могло послужить для поддержанія нашего кваснаго промысла, да и

все-таки хотѣ въ губернскихъ вѣдомостяхъ напечатать, что изво-
лилъ-де на базарѣ у Афиимы Нахраповой собственноручно квасу
отвѣдать. Подготовивъ все, одѣвъ бабу въ ситцевую кофту и въ
новый передникъ, да привѣсивъ ей къ чану чистый, луженый
ковшъ, городничій разъ пятнадцать прибѣгалъ къ ней, что какъ-
де только соблаговолитъ гость поднести ковшъ къ устамъ, то кри-
чи *ура*, что мочи есть; а вы кругомъ подхватывайте! Баба наша
родясь въ мушкатерахъ не служила, кричать *ура* не случилось ей;
да и великихъ господъ не видывала, не бесѣдовала съ ними, а
тутъ наукой этой да строгимъ наказомъ еще болѣе сбили ее съ
толку; она, голубушка моя, какъ-только гость поднесъ ковшъ ко рту,
оробѣла, забылась, да слуру какъ заоретъ на всю ярмарку *кара-
уль!!* Да вѣдь голосокъ какой, покрыла всю площадь... *Ура*-то
ей кричать родясь не приходилось, а *карауль* случилось не разъ...
Видишь ли, мой сердечный, такъ-было и я невпопадъ обрадова-
лся; а ты хорошо сдѣлалъ, что поудержался. Ну, покинемъ же все
это, продолжалъ онъ: — что же, ѣдемъ вмѣстѣ, что ли?

— Пожалуй, ѣдемъ, сказалъ я: — коли вы берете меня; до Мо-
сквы по пути, а тамъ, что Богъ дастъ. Но какъ же мнѣ быть те-
перь, какъ отпроситься? Вѣдь съ меня взяли подписку никуда не
выѣзжать! Точно, будто я самъ себя обокралъ! Что это за народъ,
воскликнулъ я въ негодованіи: — куда тутъ дѣвалась правда и со-
вѣсть! Андрей Алексѣевичъ, не-ужь-то такъ всегда было и будетъ?

— Въ нашъ вѣкъ, сказалъ старикъ: — то-есть, когда я былъ
молодъ, конечно, все было лучше. Въ тѣ поры, братъ, даже и
лѣстницы въ домахъ были пониже и поотложе; а дѣвушки были
поласковѣе, попривѣтливѣе и помиловиднѣе нынѣшняго; а ко-
роче сказать тебѣ, никакъ и орѣхи хрупче были; нынѣ и тѣ что-
то не по зубамъ стали, заскорузли. Вы теперь все толкуете о
старой закваскѣ, да о взяткахъ, да вы изъ-за великаго ума уже и
съ толку сбились; кто даетъ и кто беретъ, не знаетъ, что такое
взятка, а что благодарность, что неподкупный человекъ, а что
взяточникъ. Коли у меня есть гдѣ дѣло, такъ я бывало знаю, что
дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ; его можно положить, или
даже забыть безъ умысла, либо пустить другое напередъ, оно и
лежитъ, молчитъ, и слова не молвить; а между-тѣмъ, его же мо-
жно кончить и въ одинъ день. Коли я найду для себя старателя,
и онъ лишній часокъ посидитъ, да кончитъ все, такъ развѣ намъ
съ нимъ стыдно будетъ, коли я поблагодарю его пятью рублями,
либо десятью? Сваты будутъ съ нимъ — и только; а грѣха тутъ
нѣтъ. Вотъ иное дѣло, еслибъ я продалъ душу свою по ряду, за
деньги, да поставилъ бы праваго виноватымъ, а виноватаго пра-
вымъ — ну, тогда вѣдай меня на любой березѣ. А развѣ это луч-

ше, когда человекъ все-таки ничего даромъ не сдѣлаетъ тебѣ, потому-что на свѣтъ даромъ развѣ только подзатыльника дадутъ, хоть ты тамъ сколько ни краснобайствуй про доблестное безкорыстіе, да; а другой безъ ряду ничего не дастъ, и благодарности не знаетъ и знать не хочетъ? Развѣ это лучше, коли одинъ другому уже не вѣрить болѣе ни на совѣсть, ни на честь, а въ задатокъ рвутъ пукъ ассигнацій пополамъ, чтобъ въ случаѣ чего, не досталось ни ему, ни тебѣ? О пяти рубляхъ, за которые, бывало, цѣлый кафтанъ съ приборомъ справишь, и рѣчи нѣту; пора поговоркамъ о синичкѣ да краснухѣ давно миновалась; нынѣ толкуютъ только о бѣляночкахъ, сотнягахъ да тысяченкахъ. Купи меня, такъ я твой, съ начинкой и потрохами, коли кто не дастъ больше тебѣ! Я знаю отъ стариковъ, что мѣсто мое наживное; а какъ и почему—не знаю, да и знать не хочу, да и спрашивать объ этомъ опасно и совѣстно; я знаю напередъ, что по своей волѣ никто ничего не дастъ; знаю, что какъ ни биться, а къ вечеру напиться: либо тутъ, либо тамъ попадешься, — ну и пошелъ очертя голову, лишь бы протянуть до манифеста, либо умереть на половинномъ жалованьи подъ судомъ; та же пепсія, все одно...

— Замололъ я, братецъ, продолжалъ старикъ: — инно одышка взяла; дай отведу душу чайкомъ.

— Такъ ѣдемъ, коли такъ, дня черезъ три; не заботься о себѣ, я все улажу. Нынѣ времена правдивыя, безкорыстныя; не бойсь, взятки не возьмутъ. Оставайся же у меня, какъ солдатъ на постѣ. Аммуницію твою отбилъ непріятель, тише жить станешь съ хозяиномъ, не станешь буянить.

Старикъ протянулъ руку съ ложечкой къ кубышкѣ, чтобъ вынуть чашечку въ прикуску съ медкомъ, и необъятный рой мухъ облѣпилъ насъ такъ, что я отмахиваясь жмурился; онъ же только потряхивалъ слегка головой, приговаривая: пейте, ѣшьте на здоровье, будетъ и съ насъ, и съ васъ; только не топитесь, окаянные! Говоря это, онъ бережно вынулъ нѣсколько полусонныхъ мухъ изъ меда, ставилъ ихъ одну за другою на ноги и прибавлялъ послѣ, отираясь платкомъ: отвяжитесь же, Господь съ вами, тогда не до васъ. За тѣмъ, мы проболтали до поздней ночи; зналъ, что я ѣздилъ два года по матушкѣ Россіи, какъ начинающій историкъ, статистикъ и археологъ, онъ много спрашивалъ меня, настаивалъ, поучалъ, подшучивалъ,—а за тѣмъ мы, помолившись, досело и спокойно уснули.

Пожелавъ имъ спокойной ночи, мы должны воротиться далеко назадъ, чтобъ объяснить все оставленное доселѣ въ пробѣдѣ.

VI.

БАБУШКА И ВНУЧКА.

Подъѣзжая къ большому селу, молодой усталый путникъ въ военномъ сюртукѣ тогдашняго покроя, съ отрадою смотрѣлъ на хлѣбосольные столбы дыма, на длинный рядъ бѣлыхъ хатъ, а по временамъ взглядывалъ и на барскую усадьбу, которая красовалась на возвышенномъ холму настоящимъ дворцомъ, между крестьянскими избытками. Осень была сырая и холодная; упряжка велика, степь глуха и уныла. Ямщикъ остановился противъ низенькихъ камышовыхъ воротъ, у огороженнаго камышемъ же палисадничка, въ которомъ стояли еще блеклые остатки подсолнечниковъ и пшенички, и закричалъ хозяйку по имени. Ворота, въ поясъ вышины, растворились, кибитка въѣхала и путникъ нашъ, выскочивъ, побѣждалъ съ большимъ удовольствіемъ въ избу. Здѣсь, конечно, не ожидали его особенныя удобства прихотливой жизни нашей: хатка тѣсная, полная ребятишекъ, лакомага блюда нѣтъ, но все-таки это лучше дурной, мокрой погоды, скучной дороги и тряской брички.

Не успѣвъ ямщикъ отложить лошадей, какъ съ барскаго двора прибѣжалъ запыхавшійся человекъ, узнать кто пріѣхалъ, а вслѣдъ за тѣмъ, просить его поскорѣе туда, гдѣ, по словамъ посланца, сейчасъ сѣли за столъ. Протѣжій поблагодарилъ и наказывалъ извиниться, сказавъ, что онъ въ дорожномъ и грязномъ платьѣ, тропится ѣхать, усталъ, не такъ здоровъ и проч. Но слуга, улыбуясь недовѣрчиво и переступивъ съ ногъ на ногу, сказалъ южнымъ нарѣчіемъ: «нѣтъ ужъ, сударь, сдѣлайте милость пожалуйста; у нашего барина отъ хлѣба-соли отказываться нельзя, а то съ нимъ и не раздѣлаешься; онъ меня за это со свѣту сгонять», и затѣмъ посланецъ отвѣсилъ два поклона сряду. Протѣжій повторилъ-было опять тѣ же отговорки свои и думалъ отдѣлаться; но тутъ самъ хозяинъ избы вступился за честь своего барина и за участь посланнаго, въ случаѣ неудачи. «Нѣтъ, батюшка-баринъ», сказалъ мужикъ, стоя подлѣ печи и опершись правымъ локтемъ на лѣвый жулакъ: «нѣтъ, баринъ, Господь съ тобой, иди; бѣда будетъ и тебѣ и мнѣ и всѣмъ намъ: тутъ и мѣста не найдемъ!»

— Какъ такъ? спросилъ офицеръ:—что же это значитъ?

— А то, пане, продолжалъ мужикъ, поглаживая рукою сѣдые усы и бритую бороду:—что баринъ нашъ баринъ добрый, нѣчего

сказать, дай Богъ ему много лѣтъ, да крутъ, не приведи Богъ крутъ; ты, Семенко, прости меня, сказалъ онъ, обратясь къ слугѣ, а потомъ продолжалъ: никакой супротивности не потерпимъ; сегодня же еще и праздникъ у нихъ, дочь именинница. Тутъ разъ былъ такой же случай: вотъ какъ и ваша милость теперь пріѣхалъ, изъ военныхъ, изъ Москалей; баринъ и прислалъ, вотъ хотъ бы теперь его, Семенка: проси, говоритъ, кто ни пріѣхалъ, проси сейчасъ. Тотъ не пошелъ, нѣтъ да нѣтъ, и остался. Какъ вскинется баринъ нашъ на малаго: «пошелъ, говоритъ, не умѣешь кланяться, что ли? проси!» Опять-таки не пошелъ офицеръ, говоритъ: повѣду дальше. Тутъ ужъ никто и вести его не смѣетъ, все разбѣжалось, боятся; а малый не смѣетъ и домой казаться, сидитъ тутъ; глядь, другаго шлютъ, третьяго шлютъ, да все бѣгомъ... вдругъ и поднялся самъ, за обиду свою; какъ закричать: «коня!!» такъ батюшки, по всей дворнѣ, до самыхъ овчаровъ и свинопасовъ, дрожь и пробѣжала: «за мной!» и поскакалъ; вся дворня за нимъ, кто какъ и въ чемъ попало. Офицеръ видитъ, что дѣло плохо, ушелъ въ избу, двери заперъ на крючокъ, не идетъ оттуда и никого не пускаетъ: «застрѣлю», говоритъ. Вотъ баринъ нашъ и расходился: «Бей въ трещотки на все село! Пожаръ! Притуленко горитъ»,—а проезжіи остановились у мужика Притуленка. Ударили въ трещотку, народъ сбѣжался: «лей», говоритъ баринъ: «лей въ трубу, заливай его!» Тутъ знай подвозятъ, да подають воду, а тутъ льютъ; и съ барскаго двора и со всего села съѣхались, послушаться не смѣютъ, бѣда! Подпрудила вода нашего офицера въ мазанкѣ, и ребятшекъ-то въ хатѣ перетопили-было. Какъ выскочитъ онъ оттуда, а вода за нимъ, ровно плотину прорвало; и сердце отагло у нашего барина; «качай его», говоритъ: «на рукахъ; кричи ура! неси на барскій дворъ!..»

Тутъ другой гонецъ пріѣзжалъ съ барскаго двора, вошелъ въ избу и, не успѣвъ перекреститься, поклонился пріѣзжему и торопливо просилъ его пожаловать къ барину на именинный пирогъ: гости ждутся. Подумавъ немного, офицеръ взялъ фуражку, и какъ былъ, полумокрый, въ грязи, отправился съ двумя присланными за нимъ вѣстовыми къ помѣщику. На дорогѣ встрѣтила его еще коляска, ѣхавшая также за нимъ.

Веселый, живой, дородный и рослый старикъ встрѣтилъ гостя на широкомъ крыльцѣ, кланялся, благодарилъ за честь и проводилъ въ покои, съ такимъ радушіемъ, съ такою шутливою веселостью, что гость недоумѣвалъ, чѣмъ на все это отвѣчать. Его представили человѣкамъ двадцати гостямъ; старикъ водилъ его вездѣ за собою подъ руку, наговарывалъ, а о родѣ и племени пріѣзжаго и рѣчи не было, потому-что неумѣлино объ этомъ гостя спрашивать;

его представляли какъ неожиданнаго, а желаннаго дорогаго гостя, и только. Пошли къ закускѣ, а тамъ и къ столу. Шумная бесѣда, смѣхъ и хохотъ, разливное море; но двери на одну половину были притворены, и женщины, по тогдашнему обычаю, не показывались; въ тѣ времена онѣ выходили развѣ только иногда къ концу стола, съ кубкомъ въ рукахъ, съ поклономъ, на показъ гостямъ, и то если хозяинъ былъ очень-веселъ и хотѣлъ почтить гостей; раскланявшись же, барыни и барышни тотчасъ опять уходили, и дверь за ними притворялась.

Нежданнаго и желаннаго гостя потчивали ровно на убой; а если за исправной ѣдой его присматривали съ небольшимъ потворствомъ, заставляя только накладывать всего верхомъ на тарелку, но не принуждая съѣдать всего, то уже за питьемъ слѣдили съ немалымъ строгостію: кушаньями потчивали, а напитками насилывали. Онъ терпѣлъ и обмогался до послѣдней крайности, надѣясь, что будетъ же всему этому конецъ; онъ рассчитывалъ по блюдамъ, скоро ли дѣло подойдетъ къ концу, но конца рѣшительно не было. Бутылки съ минуты на минуту росли числомъ, кравчіе наливали безпрестанно, а хозяинъ, между крикомъ, шутками и смѣхомъ, съ такою зоркостью и немилосердіемъ понуждалъ гостей то выпить, то допить, что бѣднякъ нашъ рѣшительно не зналъ куда дѣваться. Кромѣ донскихъ винъ и греческихъ, въ-особенности было въ ходу вергерское, а по промежуткамъ какая-то варенуха, жгучая, какъ огонь запеканка и легіонъ наливокъ, водицъ, шипучекъ и знаменитой медъ-спотыкачъ. Наконецъ все обрушилось на гостя: чувствуя, что онъ болѣе пить не можетъ, если не располагаетъ тутъ же растаянуться, онъ пытался уже разъ-другой выплеснуть рюмку то въ тарелку, то на полъ; но отъ строго-нашколенныхъ кравчихъ не было никакого отбоя, ни спасенія; они наливали опять рюмку почти налету, и гостю было не легче. Хозяинъ сталъ замѣчать, что желанный гость худо пьетъ; старикъ распумѣлся, вскочилъ, двое слугъ, по заведенному въ такихъ случаяхъ осторожному обычаю, подхватили его подъ руки, онъ подошелъ къ гостю и сталъ его упрямивать и закливать выпить свою рюмку. Тотъ долго отговаривался, чувствуя, что у него голова уже давно пошла кругомъ; наконецъ онъ рѣшился, видя, что нѣтъ средствъ отдѣлаться, но только съ уговоромъ, чтобъ это была послѣдняя. Не успѣвъ онъ однакожь ее опорожнить и поставить, какъ она была ужъ налитая ровень съ краями, будто зачарованная, а хозяинъ стоялъ по-прежнему и кланялся неотступно, увѣряя, что гость не выпьетъ рюмки и ссылаясь при томъ на всѣхъ сотрапезниковъ, какъ на свидѣтелей. Едва будучи въ силахъ связно отвѣчать, но сохраняя еще

столько разсудка, чтобъ понять свое положеніе, провзжій отказался на отрѣзъ и не подавался уже ни на какія убѣжденія.

Тогда хозяйинъ, выправившись, закричалъ: «Именинникъ сюда! Бабушку и внучку! Бабушку и внучку!» И провзжій, у котораго и безъ того все ходило кругомъ, не успѣлъ опомниться, о чемъ идетъ рѣчь и что надъ нимъ дѣется, какъ дверь на женскую половину растворилась, и оттуда показалась старуха лѣтъ подъ сотню, въ темной шелковой исподницѣ и шугаѣ, съ чернымъ парчевымъ платкомъ на головѣ; ее вели подъ руки старая дворовая женщина и внучка ея, дочь хозяина-вдовца. Поступь старушки, поднятая голова, неподвижные глаза и выставленные впередъ пальцы на рукахъ, показывали, что она не видѣла ни зги. Внучка, скороспѣлочка лѣтъ шестнадцати, была до такой степени свѣжа и миловидна, что хмѣльные гости, у которыхъ уже семерило въ глазахъ, отъ всей души сладко улыбались и большею частію безуспѣшно пытались привстать, или раскланивались пренизко то на ту, то на другую сторону, не зная навѣрное откуда представлялось имъ это обаятельное видѣніе. Внучка бережно поддерживала бабушку, легонько переставляла ножки, зардѣлась вся, когда стала приближаться къ столу, къ кругу мужчинъ, и была, по-видимому, въ большомъ недоумѣніи, какъ ей быть, вскинуть ли немного глазки на верхъ, на бабушку, чтобъ по навыку предугадать всякое движеніе ея и предупредить его своею помощію, или ужь идти, отдавшись на произволъ судьбы, потупивъ глаза, покрытые дрожащими, какъ живчикъ, вѣками. Медленно приближалось шестіе это на зовъ хозяина: «сюда, сюда, бабушка!» и представляло разительную, чудную картину. Отжившая, столѣтняя, слѣпая бабушка, и рядомъ съ нею едва-расцвѣтающая шестнадцати-лѣтняя внучка, полная благодатной, младенческой красоты и пышной дѣвственной прелести.

«Сюда, бабушка!» кричалъ багровый въ лицѣ хозяйинъ, стоя подлѣ упрямаго гостя и наложивъ на него всею тяжестію неуравновѣшеннаго тѣла желѣзную руку свою: «вотъ у насъ какой гость, безчестить домъ мой, ругается надъ хлѣбомъ-солью моимъ, хочетъ опозорить радостный пиръ мой, не пьетъ!! Становись, бабушка, на колѣни, проси! Ганна, чего смотришь, становись, проси!»

Внучка, испуганная грознымъ голосомъ отца, вздрогнула, взглянула на него быстро и въ ту же минуту опустила на оба колѣна; бабушка, поддерживаемая съ одной стороны ею, пошатнулась, но внучка, поднимая руки, успѣла помочь ей; оба стояли передъ упрямымъ гостемъ на колѣняхъ, низко кланялись ему, сложивъ руки на груди ладонями, что внучка исполнила торопливо, увидѣвъ, что бабушка такъ сложила руки. За ними стояла старая няня, во

весь ростъ, по также кланялась. Бабушка причитывала синымъ, грубымъ и громкимъ голосомъ, какъ изъ могилы, убѣждая гостя не безчестить хозяина; ребенокъ вторилъ ей, лепеталъ что-то шевеля губами; бабушка смотрѣла во всѣ глаза и ничего не видѣла; внучка потупила очи, будто молилась, но карія зѣницы южной славянской крови метали искорки изъ-подъ длинныхъ, темнорусыхъ ресницъ.

Гость, въ которомъ загорѣлось—было крутое негодованіе, былъ, однакожъ, внезапно побѣжденъ; онъ схватилъ стаканъ, вмѣсто рюмки, закричалъ: «лейте, что хотите!» и выпилъ за здоровье бабушки, выпилъ другой за здоровье внучки, выпилъ третій, обнимаясь съ хозяиномъ, при общихъ восклицаніяхъ восторга, и въ-послѣдствіи уже ничего болѣе не могъ припомнить. Какъ внучка, по приказанію отца, обходила послѣ вокругъ стола съ няней, подносила каждому гостю и цаловалась съ нимъ, это пробѣжій нашъ видѣлъ во снѣ, не то слышалъ отъ кого-то, но самъ ничего не помнилъ.

Видя въ-послѣдствіи передъ собой, во снѣ и на яву, бабушку и внучку, на колыняхъ, онъ добивался у памяти своей, чѣмъ и какъ все это кончилось? Но ничего не могъ распутать. Образъ старушки, въ темномъ платьѣ, подъ темнымъ платкомъ съ золотыми цвѣтами, исчезалъ мало-по-малу передъ очами мутной памяти его въ какомъ-то неясномъ туманѣ; станъ и обликъ внучки, въ свѣтломъ, яркомъ платьѣ, съ распушенными косичками и съ какою-то повязкою на головѣ, все ярче выступали впередъ и умильно сложенные ручки долгое время носились передъ нимъ по воздуху. Всѣ похождения эти казались ему какою-то сказкою или грезой; кресла съ высокими пуховыми подушками, которыя покрыты были шитою въ тамбуръ кисеей, на розовыхъ чехлахъ; другая утварь дубовая, или выкрашенная яркой масляной краской, стулья и диваны обитые кожей, гвоздиками о мѣдныхъ высокихъ шляпкахъ; постели, какъ стоги сѣна; одеяла и подушки съ широкими подзорами и оборками, пуховики рыхлые, кровати огромныя, похожія на старинныя лѣнѣйки, съ четырьмя столбиками и занавѣсками на кольцахъ... путнику чудилось, что онъ затѣхалъ-было въ какое-то сказочное царство; и если столѣтняя старуха казалась ему выходцемъ съ того свѣта, то свѣженькое личико внучки напоминало опять этотъ живой міръ и оставляло еще въ болѣешемъ недоумѣніи.

VII.

НАДЕЖДА И УКРАИНА.

Но пора докончить эту вставочную картину и перейти къ нашему разсказу.

Черезъ нѣсколько времени, полкъ, въ которомъ служилъ офицеръ этотъ, сталъ не вдалекѣ отъ черезъ-чуръ-хлѣбосольнаго потомка генеральнаго судьи бывшаго малороссійскаго войска; желанный гость возобновилъ знакомство свое и безъ памяти влюбился въ Ганюсю. Старикъ умеръ, сильно разстроивъ имѣніе; на кievскихъ контрактахъ онъ не разъ закупалъ все наличное шампанское, сколько его было, до послѣдней бутылки, только для того, чтобъ принудить польскихъ пановъ кланяться ему и принимать отъ него въ подарокъ шампанское цѣлыми ящиками; онъ не уступалъ его за деньги никому, а безъ шампанскаго, при обычномъ на контрактахъ образѣ жизни, нельзя было обойтись, нельзя было кончить ни одной порядочной сдѣлки. Такъ, этого достигалъ старикъ: гордые паны смирялись, кланялись ему и принимали подачку; но имѣніе было разорено. Сироту, согласно съ желаніемъ ея, отдали наконецъ, послѣ долгихъ споровъ и перекоровъ, за желаннаго, и они жили очень-счастливо года два; тогда она овдовѣла, оставшись съ молодѣющею дочерью. Мужъ ея былъ добрый и хорошій человекъ; она любила его какъ умѣла и оплакала отъ души. Если мы вспомнимъ, какъ она прелестна была въ роковой для покойника день, когда рядомъ съ бабушкой стояла передъ нимъ на колѣняхъ, то, можетъ-быть, пожелаали бы услышать, что изъ нея вышла примѣрная во всѣхъ отношеніяхъ жена, мать и хозяйка; но мы должны говорить правду, что и какъ было: изъ нея ровно ничего не вышло. Дурныхъ свойствъ и наклонностей въ ней почти не было, но и особенно хорошаго также. Ничтожество ея еще болѣе оказалось, когда она вскорѣ, стараніями и убѣжденіями цѣлой дюжины родственниковъ, отдала вторично руку Григорію Алексѣевичу Ахтубинскому. Онъ захватилъ въ тотъ край, собственно чтобъ поискать богатой невѣсты, съ независимымъ состояніемъ; встрѣтивъ неудачу, онъ, недолго думавъ, ухватился за первый представившійся ему случай, въ полной надеждѣ, впрочемъ, получить порядочное имѣніе, потому-что всякая вдова или невѣста, у которой есть что-нибудь своего, или даже какіе-нибудь виды и надежды на наследство, всегда слыветъ богатою невѣстой—до дня свадьбы. Я ска-

малъ уже, что имѣніе было крайне разорено и въ долгахъ; сверхъ-того, братья обидѣли Ганусю и ей достался самый бѣдный участокъ. Григорій Алексѣевичъ вскорѣ привелъ его, однакожь, въ совершенный порядокъ, то-есть, порѣшилъ, продалъ остатки, обманувъ долгами кого могъ, промоталъ остальное то на мѣсть, то въ Москвѣ, и, найдя, что въ Петербургѣ выгоднѣе морочить народъ и занимать притомъ порядочное мѣсто, перешелъ туда на жительство.

Гануся, Анна Герасимовна, вышедшая въ первый разъ замужъ почти ребенкомъ по душѣ и по тѣлу, погрузилась въ такое безчувственное равнодушіе послѣ вторичнаго брака своего, что никогда и ни въ чемъ не прекословила мужу, не огорчалась его родомъ жизни и поступками, не желала и не требовала ничего, кромѣ развѣ въ некоторыхъ удобствахъ жизни, то-есть, нарядовъ, кареты, хорошихъ и теплыхъ покоевъ, нѣсколькихъ лакомыхъ блюдъ, кофе и толпы дѣвокъ для услугъ. Остальное ей все было ни по чемъ. Дѣтей у нея болѣе не было, дочь свою любила она, но любила съ такою нѣтъ-невозмущаемою холодною и беззаботною, что дѣвушка во всѣхъ отношеніяхъ предоставлена была произволу судьбы. При такихъ отношеніяхъ, казалось, нельзя было бы ожидать многого отъ этой судьбы; но природа перѣдко шутитъ, впрочемъ совѣтъ не на шутку, по-свѣдому, и образуетъ изъ человѣка, при всемъ стараніи воспитателей, пустоцвѣтъ, и на оборотъ, производитъ наперекоръ имъ алмазъ въ самородной корѣ. Скажутъ: «вѣроятіе въ первомъ случаѣ при стараніи не было умѣнья»; можетъ статься; это рѣшить трудно; но дочь Анны Герасимовны, Надя, превзошла всѣ надежды матери, у которой, впрочемъ, можетъ-быть, въ этомъ отношеніи и не было никакихъ положительныхъ надеждъ. «Маменька, комаръ укусилъ» пропишитъ, бывало, баловень-дочка, и маменька, чтобъ отвязаться отъ докучливаго ребенка и забавить его, велитъ дѣвкамъ ловить по саду и казнить комара. Поймаютъ одного, принесутъ, чтобъ дѣвочка казнила его, такъ нѣтъ, говорить, это не тотъ. Побѣгутъ за другимъ, и такимъ-образомъ это продолжается, покуда не вздумается ребенку признать того комара, который его укусилъ. По одному этому образчику можно судить о воспитаніи Нади; чего же можно было ожидать отъ ребенка, когда онъ, къ-тому еще, постоянно находился на рукахъ у дѣвокъ, которыми то попеременно его баловали, то страшали, то мучили, то заставляли лгать матери, то сами его облыгали? когда Надя только и слышала отъ нихъ, что будетъ красавицей и богатою певстой... междутѣмъ, однакожь, хотя только одно первое изъ этихъ предсказаній исполнялось, но за то мнимое богатство съ избыткомъ вознаграждалось качествами ума и сердца.

У великорусскаго племени лицо круглое, плоскостатое, носъ, какъ пишется и на всѣхъ безъ изъятія паспортахъ, средний, глаза сѣрые, различныхъ оттѣнковъ, волосы русые, нерѣдко свѣтлые, женщины плотноваты. Въ Малороссіи вы видите лица болѣе продолговатыя, губы тонкія, съ особеннымъ выраженіемъ; носъ дугаго, глаза каріе, волосы темнорусые, каштановые, или даже черные; станъ болѣе-гибкій. Удачная смѣсь обоихъ племенъ рождаетъ очень благовидныхъ мужчинъ и пригожихъ дѣвушекъ, какъ, вѣроятно, всякому случалось видѣть на дѣлѣ. Надя принадлежала именно къ этому числу. Въ умственномъ же и нравственномъ отношеніяхъ, она развилась сама собою, какъ Богу было угодно, и притомъ такъ внезапно, что нельзя было не дивиться этому, даже тѣмъ, которые видѣли ее каждый день. Мать, конечно, этого не замѣтила; но дворня любовалась барышней своей и говорила: «что это, какая она стала разумная!»

Надя побывала года два въ образцовомъ пансіонѣ, это правда, но обстоятельство это само-по-себѣ, какъ легко можно вообразить, никогда бы не сдѣлало изъ нея того, что изъ нея вышло, селѣбъ благодатная природа не занялась въ-послѣдствіи своей любимицей. Когда пришло это роковое время развитія, то все, что Надя до того вытвердила безсознательно наизусть, для экзаменовъ, все это быстро заняло свое мѣсто въ головѣ, озарилось внутреннимъ свѣтомъ разумаго сознанія и связалось непрерывною цѣпью понятій; душа ея прозрѣла, согрѣтая чувствомъ и мыслію! И переворотъ этотъ совершился такъ спокойно и безмятежно, будто все осталось въ старомъ видѣ и порядкѣ, и будто даже и сама Надя ничего объ этомъ не знала. Такое явленіе сбыточно только въ кроткой дѣвственной душѣ; въ мужчинѣ неминуемо должно бы оно сопровождалось переломомъ бурнымъ и опаснымъ.

Отчимъ заботился мало о падчерицѣ своей, но надо сказать правду, все-таки гораздо-болѣе матери. Онъ понималъ, что ее должно будетъ показывать въ свѣтъ, и потому иногда хотя мысленно заботился о томъ, чтобъ не слишкомъ-стыдно за нее было; иногда ему было даже пріятно думать, что она будетъ оживлять нѣсколько домъ, — а наконецъ, какъ человѣкъ, который на всѣмъ строить замыслы и готовится къ оборотамъ, Григорій Алексѣевичъ посѣщаемъ былъ также какою-то темною надеждой, что падчерица должна поправить со-временемъ ихъ состояніе черезъ выгодный бракъ, т. е., или посредствомъ богатства, или же посредствомъ связей. Когда у него блеснула эта мысль, то онъ сталъ къ Надѣ гораздо-добрѣе, обрадовалъ ее фортепьяннымъ учителемъ и распустилъ подъ-рукою слухи о помѣстяхъ ея въ Екатеринославской и Полтавской-Губерніяхъ. Привыкнувъ вообще къ холодному, но не

дурному обращенію родителей, она не находила въ немъ ничего особеннаго, любила ихъ отъ души и была всѣмъ довольна; при соединеніи кротости и спокойствія матери, у которой, однакоже, эти качества развиты были почти до тупоумія,—съ умомъ и чувствомъ покойнаго отца, сиротка отъ природы не имѣла никакихъ особыхъ притязаній, довольствовалась тѣмъ, что было и какъ было — и угождала этимъ какъ на бездушное спокойствіе матери, такъ и на безпорядочный и безтолковый образъ жизни и хитрый нравъ вотьчима.

Теперь пора сказать слово и о томъ человѣкѣ, который первый выступилъ на поприще нашей повѣсти,—тѣмъ болѣе пора, что между нимъ и Надей видимо есть какія-то особенныя отношенія, есть по-видимому нѣчто связующее и разлучающее ихъ.

Андрей Ефимовичъ Горностай былъ потомокъ весьма-извѣстнаго въ свое время полковника малороссійскихъ казаковъ, пожалованнаго Императрицей Екатериной, за службу, прекраснымъ имѣніемъ. И этотъ потомокъ, однакоже, не избѣгъ общей участи всѣхъ потомковъ—утѣшаться однимъ воспоминаніемъ или преданіемъ о богатствѣ и роскоши предковъ. Оставшись круглымъ сиротой и владѣльцемъ съ десяти-лѣтняго возраста, Андрей при совершеннолѣтіи своемъ принялъ клочокъ бывшаго горностаевского имѣнія въ довольно-жалкомъ состояніи. Неурожай, низкая цѣна на хлѣбъ, недостатокъ сбыта, падежи на скотъ, наконецъ процвѣтаніе новороссійскаго края, который отбилъ у Украйны всю торговлю съ портами Чернаго-Моря, необходимость платить за фунтъ чая по три и по четыре четверти хлѣба, а за пудъ сахара четвертей по десяти и болѣе; неоплатимыя недоимки на крестьянахъ, которые поспѣшнѣе то продавали хлѣбъ по гривнѣ за мѣрку, то голодали и не могли купить его за два рубля, не могли также зарабатывать деньги чумакованьемъ, ходить за солью, возить рыбу съ Дону и хлѣбъ въ порты, потому-что отношенія измѣнились и между-прочимъ скота не стало... все это, какъ увѣрили по-крайней-мѣрѣ Андрея, было въ-теченіе времени причиной упадка хозяйства на роднѣхъ его и въ собственномъ его имѣніи.

Кончивъ курсъ въ мѣстной гимназіи, Горностай предпочелъ слушать чтенія въ Московскомъ Университетѣ; отсюда онъ навѣдывался въ лѣтнія ваканціи домой, а въ зимнія ѣзжалъ въ Петербургъ: за тѣмъ онъ, со степенью кандидата по философскому факультету, отправился въ путь по Россіи, скопивъ для того отъ доходовъ своихъ небольшія деньги.

Андрей съ виду чрезвычайно походилъ на образецъ запорожца: воспитаніе мало измѣнило пріемовъ и ухватокъ его, въ конѣхъ при нѣкоторомъ приличіи и безъ рязкихъ особенностей, можно было

узнать по первому взгляду бывшего украинского казака. Лобъ прямой и очень-высокій, при темнорусыхъ, нѣсколько-жесткихъ и строптивыхъ волосахъ; глаза большіе, каріе, лицо довольно-продолговатое, въ рябинкахъ, носъ тонкій и умный, дугой; уста тонкія, сжатые, съ выраженіемъ какой-то угнетенной, насмѣшливой улыбки. Станъ у него былъ рослый, ловкій и видный; но уши, руки и ноги очень-велики. Взглядъ его былъ рѣзокъ и очень-остойчивъ; губы иногда шевелились безъ рѣчей, когда душа кипѣла, а черты лица были вообще рѣзкія, выразительныя, но отнюдь не грубыя. Онъ, безъ всякаго намѣренія казаться чудачкомъ, охотно подбочивался особымъ образомъ и садился, гдѣ стоялъ, поджавъ ноги; садясь на стулъ, онъ охотно повертывалъ его угломъ впередъ; шапка, противъ воли его, съвязала какъ-то на одно ухо; платье всегда казалось ему узкимъ, хотя онъ никогда не носилъ широкаго; вовсе не будучи причудливъ на столъ и не заботясь объ немъ даже и тогда, когда могъ имъ распоряжаться, онъ однакоже вкушалъ и плотію и духомъ всякое блюдо родимой кухни, и когда пріѣзжалъ домой, то распоряжался въ приспѣшной съ большими жаромъ, заказывая борщъ со свиной, уткой и индѣйкой, кашу съ толченымъ саломъ, вареники, мнышки и проч.

Способности у Андрея были отличныя, душа свѣтлая, чистая, но какъ-будто слегка угнетенная грустью. Не зная о чемъ, онъ однакоже задумывался, часто безъ умысла вздохнувъ не договаривалъ, глядѣлъ заумно, будто что-то было не ладно; а затанувъ или замурыкавъ про себя пѣсенку, вѣчно попадалъ на нивѣрѣ. Необузданная вспыльчивость, казалось, была подавлена давно и, сосредоточась, положила въ основаніе права его горячее чувство ко всему доброму, высокому, и притомъ твердость, постоянство и чрезвычайную ровность ни чѣмъ несмущаемаго духа. Это онъ въ особенности доказалъ благоразумнымъ и благороднымъ поведеніемъ своимъ, когда судьба довольно-жестокою рукою оттолкнула его отъ надежды на... на Надежду; но пусть онъ расскажетъ объ этомъ самъ.

«Въ первый разъ я увидѣлъ ее дома, на общей нашей роднѣ, куда родители ея пріѣхали для сбыта послѣднихъ крохъ бывшаго живнія. Послѣ я продолжалъ знакомство въ Москвѣ, и наконецъ также въ Петербургѣ. Вотъ наша первая встрѣча:

«Бывъ на охотѣ съ ружьемъ, встрѣтилъ я довольно-далеко отъ дома двухъ сосѣдей; они меня завлекли еще далѣе, оставили у себя, на другой день потѣхали со мною опять дальше, — такимъ образомъ забрелъ я въ мѣста мало-знакомыя и, по обычному мнѣ любопытству ко всему мѣстному, разспрашивалъ встрѣчныхъ крестьянъ обо всѣхъ кривелькахъ, садахъ, журавляхъ (колондахъ) и

колокольняхъ, которые видѣлись тутъ и тамъ по волнистой поверхности вокругъ холма, на которомъ я стоялъ. Когда мнѣ показали вблизи деревеньку и нѣсколько хуторовъ, какъ остатокъ огромнаго имѣнія бывшаго генеральнаго судьи, сказавъ, что имѣніе это промотано, распродано, разошлось по рукамъ насѣдниковъ и займодавцевъ; что съ крылечка хаты, которая еще цѣла, бывший генеральный судья говорилъ собравшемуся народу знаменитую свою рѣчь; что тутъ была у него первая въ округѣ пасека, плодовый садъ и проч., то я, воротившись умомъ къ давнопрошедшему, пошелъ тихими шагами на этотъ хуторъ—и сталъ куропатокъ, испорхнувшая со свистомъ и верезгомъ изъ-подъ ногъ моихъ, испугала охотника до того, что я послѣ смѣялся самъ надъ собою, какъ надъ дуракомъ. Стоя куропатокъ испугала охотника! Вотъ какія робкія мгновенія бываютъ въ нашей жизни!

«Я подошелъ, увидавъ нѣсколько стоявшихъ въ кучкѣ хатокъ, въ числѣ которыхъ была одна панская,—никакъ не думая, чтобъ хозяинъ былъ дома; я обошелъ кругомъ и все глядѣлъ. Вотъ этотъ знаменитый въ свое время садъ, или остатки его; среди общей тишины въ немъ раздавался унылый и одинокій стукъ съкиры, и широколиственный кленъ, который рубили подъ самый корень, въ справедливомъ негодованіи своемъ потряхивалъ при каждомъ ударѣ животрепещущей вершиной. На задахъ я узналъ обнесенное когда-то канавой мѣсто, гдѣ была пасека. Овнѣ съелъ и развалился; отъ кошары остались однѣ развалины; на конюшнѣ и сараяхъ солома взвадена была ворохомъ, стогомъ, чтобъ какъ-нибудь прикрыть течь; въ домѣ окна и двери покосились; крылечный навѣсъ, гдѣ въ замѣчательную годину стоялъ генеральный судья, былъ подпертъ по серединѣ суковатымъ столбомъ, а вокругъ все поросло крапивой, бѣленой, дурманомъ, пасленомъ и лопушникомъ.

«Постоявъ нѣсколько времени и не видя ни души въ домѣ, я рѣшился взойти на крылечко; осмотрѣвъ его, я тутъ только сталъ прислушиваться къ тихому, стройному напѣву въ два женскіе голоса, при какихъ-то частыхъ и глухихъ ударахъ подъ мѣру веселенькой украинской пѣсни. Я прислушался — мнѣ стало такъ весело и грустно, что я отворилъ тихонько двери изъ сѣней въ комнаты и вошелъ. Прямо передо мною сидѣла молоденькая, миловидная барышня, у которой, при обыкновенномъ въ новѣйшее время домашнемъ барскомъ платьѣ, вокругъ головы положены были скипидачки, ленты, по обычаю поселянокъ, и по обѣ стороны заткнута по доброму пучку полевыхъ цвѣтовъ. Она стоя пахла маслом и чистыиъ голосомъ припѣвала; а вторила ей убранная та-

кимъ же образомъ, но въ деревенской одеждѣ, дѣвка, которая готовила и переставляла посуду.

«Я остановился въ недоумѣніи и въ первую минуту не зналъ, кого я вижу предъ собой, и какъ заговорить. Но барышня, улыбувшись, поклонилась мнѣ, передала работу свою проворно дѣвкѣ, а сама, подошедши нѣсколько шаговъ, спросила: кого вамъ угодно? На лицѣ ея видно было маленькое, очень-пріятное по выраженію замѣнательство, что-де чужой человекъ засталъ ее такимъ образомъ врасплохъ; а изъ улыбки этой также видно было, что дѣвица была бы готова объяснить сейчасъ, въ оправданіе свое, какъ и отъ-чего все это случилось.

«Я извинился, сказалъ прямо, что, будучи на охотѣ, хотѣлъ взглянуть на хуторъ генеральнаго судьи и полагая найти его нежилымъ, осмѣлился войти. Слова мои ее одушевили; она взглянула смѣлѣе, сказала, что такое уваженіе къ предкамъ должно быть пріятно и потомкамъ; что вотчимъ ея уѣхалъ въ городъ, за дѣломъ, а матушка отдыхаетъ.—Извините, прибавила она:—вы меня застали среди хозяйства, которымъ я забавляюсь; мы здѣсь только на время.—Въ эту минуту только она вспомнила о головномъ уборѣ своемъ, который былъ ей удивительно къ-лицу, и, зарумянившись, мгновенно сорвала его съ головы, кинувъ пучки цвѣтовъ и сказавъ: — Ахъ Боже мой! а про эту шалость я и забыла...

«Я продолжалъ разговоръ о предкахъ, о любопытствѣ моемъ и участіи — перешелъ къ потомкамъ, изъ которыхъ иные, по-видимому, также заслуживали моего вниманія. Она доверчиво слухала меня, потомъ просила садиться; или, сказала она, не угодно ли пройтись въ садъ — онъ посаженъ еще генеральнымъ судьей — а маменька скоро встанетъ; не уходите, пожалуйста, я тогда тотчасъ пошлю просить васъ въ комнату; выпейте у насъ чашку чаю; или скупайте, послѣ прогулки, тарелку моей простокваши... маменька вѣрно рада будетъ сосѣду, хоть и не совсѣмъ близкому...

«Я проходилъ съ полчаса въ саду въ чрезвычайно-счастливомъ расположеніи духа, и погрузился, какъ ребенокъ, до того въ старину нашу, что грезилъ Богъ-вѣсть какими сказками. Подошедши къ мужику, который рубилъ вѣковое кленовое дерево, я тутъ только доспросился, у кого я въ гостяхъ. Когда же узналъ, что иду передъ собою праправнуку генеральнаго судьи и говорилъ съ нею, а она такъ мило и такъ умно отвѣчала, то я почти заплакалъ отъ грусти, что она сныла съ себя скиндячки и пучки цвѣтовъ, что вперёдъ будетъ ходить безъ нихъ.

Мать приняла меня безъ радости, безъ печали и безъ всякаго участія; но въ равнодушіи ея не было замѣтно никакого неудовольствія. Посѣщеніе сосѣда было дѣломъ обыкновеннымъ; участіе его

къ знаменитымъ предкамъ владѣльцевъ сблизило насъ — и сама мать была къ этому довольно-равнодушна, то тѣмъ милѣе казалась мнѣ умниенькая дочь, и я съ какой-то грустію прислушивался къ рѣчамъ ея. При прощаньи Надя, какъ называла ее мать, обратилась къ ней вслухъ съ вопросомъ: можно ли просить меня быть знакомымъ впередъ — онъ вѣдь сосѣдъ нашъ, сказала она. — Мать плавно покачнулась, поддакнула, проговоривъ: «какъ же! прошу покорно, милости просимъ» — и я побрелъ на сборное мѣсто къ товарищамъ.

«Онѣ нашли меня какъ-то замысловатымъ; я же самъ собой былъ доволенъ какъ-нибудь-лучше, хотя и самъ не зналъ, за что считалъ себя какимъ-то избраннымъ счастливецомъ, и глядѣлъ на товарищей снисходительно и добродушно. Я посѣтилъ такъ-называемыхъ сосѣдей своихъ въ-теченіе лѣта еще нѣсколько разъ, познакомился съ вотчимомъ Нади, которыйи показался мнѣ съ перваго раза вовсе не тѣмъ, чѣмъ нослъ; вскорѣ я потѣхалъ въ Москву, гдѣ надѣялся возобновить знакомство это, благословляя родину свою болѣе, чѣмъ когда-либо прежде.

«Да, благословенная Украина! какъ-бы тамъ ни было — а у тебя за пазушкою жить еще можно. Гдѣ только свѣтъ человѣкъ на материнскихъ персяхъ твоихъ и спѣилъ себѣ хатку, тамъ сама природа привѣтствуетъ укромное жилище его роскошными травами и цвѣтами, которыхъ сѣменами незримо упитана вся почва и ждетъ только, чтобъ къ ней прикоснулся съ легкой руки человѣкъ. Огромные стебли голубыхъ петровыхъ батоновъ, золотистаго коровяка, красной какъ макъ рожи, темнаго царь-зелья съ синими колпачками и красиваго, хоть и колючаго будяка, подымаются вокругъ одинокаго хутора; лиловые пахучіе васильки, чебрець, пуговки, горошекъ, дрокъ, медница, проростають сквозь густой пырей и буркунецъ; рута, шавлій, мяты разныхъ родовъ и пахучія, душистыя зелья колышутся по вѣтру; тутъ и тамъ вдалекѣ стоитъ кустъ сѣдоваго катрана. Оглобля, брошенная на землю, за ночь зарастаетъ травой; каждый пруть, воткнутый мимоходомъ въ тучный черноземъ, даетъ вскорѣ тѣнистое дерево. Какъ сядешь на одинокій курганъ, да глянешь до конца свѣта — такъ бы и кинулся впасть по этому волнистому морю травъ и цвѣтовъ — и плыть бы, упиваясь гуломъ его и пахучимъ дыханіемъ, до самаго края свѣта!

«Унылы и докучливы почернѣвшія отъ времени сосновыя избы, всѣ въ одну, съ однимъ краснымъ и съ однимъ волоковымъ окномъ, съ высокими заборомъ, досчатыми тюремными воротами подъ шатромъ, гдѣ на всамъ селѣ нѣтъ ни прута, ни былинки зелени. Нужда укроется подъ этою кровелькою, которая мрачна, не смотря на

разная полетница свей и вычурно-расписанные ласконики; это простодушная улыбка и покойное довольство рѣдко заглянуть сюда, а пойдутъ искать другаго пріюта. Переночуйте зимею въ этой избу, что вы увидите, кромѣ грязи и таракановъ? До разсвѣта просыпается бранчивая старуха и, не сходя съ мѣста, начинаетъ будить заспавшихся золовокъ, чтобъ шли донть коровъ, принесли дровецъ, зажегали лучину—пора топить печь: ужь углы за ночь промерзли. Начинается брань и перекоры между свекровью и золовками: «не моя очередь—и не моя—нѣтъ, твоя»... просыпаются мужики, и каждый изъ нихъ, проговоривъ съ просонья хозяйкѣ своей привѣтствіе, отъ котораго бѣжалъ бы за тридевять земель, саро-важиваетъ бабу свою за работу по хозяйству. Тутъ очереди опять перебились и на завтра готовятся тѣ же перекоры. Потягота, зѣвота, вздохъ, охи, отрыжка—одолеваютъ возставшихъ отъ сна. Зажегали лучину, затопили печь—и дымъ пошелъ по избѣ въ три поромысла. Изба освѣтилась: три мужика сидятъ на печи и чешутся въ-слухъ; нѣсколько незримыхъ глестокъ зѣваютъ въ закуски, самымъ заунывнымъ напевомъ. Мужики на печи начинаютъ мотать онучи свои—и онучамъ нѣтъ конца: имъ законная мѣра сама аршинитъ, да ниу пору еще семіаршинные полвертки на прибавку. За онучами слѣдуютъ лапти, высушенные за ночь въ сушарь—и тутъ съ обычными приговорками, для облегченія труда, начинаютъ мотать вкругъ ногъ обору, которые мѣряются уже не аршинами, а маховыми саженими; по промежуткамъ зѣваютъ окличнымъ голосомъ, будто часовые, разставленные одинъ отъ другаго на подверсты, другъ друга окликають; онать скребутся, на рѣдка молвятъ слово къ слову—и опять принимаются мотать. Глядя на это, подумаешь, что ихъ лѣшій обошелъ, что заговораннымъ оборамъ точно нѣтъ конца, что конецъ отрезали, да закинули.

«Легіоны таракановъ и прусаковъ также просыпаются, и когда мужики, зѣвнувъ, пробавляются молчанкой, то шелестъ отъ жатскихъ ногъ этихъ тварей слышенъ по всей избѣ. Они ползутъ со всехъ сторонъ въ средній полъ этого неусушеннаго климата: снизу выжираетъ ихъ отужа, а сверху дымъ; на рубежѣ этихъ стѣнъ домашняя скотинка смиреніе усаживается, поводитъ уснами и чинно ждетъ привычной переменны климата, когда печь истопится и дверь онать притворится.

«Дымъ доминиааетъ однакоже мужиковъ и они кряхтя лезутъ съ печи; дверь и волокофое окно растворили и наша горница съ Божкомъ не спорится: одна погодка, что въ избѣ, что на дворѣ.

«Просыпаются ребятники на палатахъ: дымъ глаза вымалъ. Они начинаютъ кашлатъ, чекать, кряхтѣть, а потомъ по-земному и рѣзать, кто сплю, кто неспучиѣ. Подъ ногами у васъ топчутся

свиньи, телята, поросята и также хрюкають и ревуть, кто во что гераздъ. Коровъ нѣтъ въ избѣ, истинно по той только причинѣ, что тѣсно, нѣкуда ихъ поставить. Ребятишкамъ слѣзть съ полатей не хочется—холодно; по-этому свѣшивають они свои кудлатые головы съ полатей и глядятъ изъ густаго дыма, ровно съ облаковъ, пробиваясь носомъ на просторъ.

«Печь затопили; что же теперь хозяйка станетъ готовить? Да ничего; развѣ *пустыя* щи, а не то, толочка затреть. Овощей своихъ и заготовленной впрокъ зелени, плодовъ—равно ничего; есть ли, нѣтъ ли капуста, да и та покупная. Птицы дворовой нѣтъ: на цѣломъ селѣ, у пономаря курочка, да у старосты пѣтушокъ. Все нѣ на что обзавестись, да некогда за нею ходить. Щи съ мясомъ, пироги, кулебяка, даже порядочная каша съ масломъ—это роскошь сказочная, рѣдкое исключеніе изъ общаго правила, и развѣ найдется у крестьянъ промышленныхъ. Грязь одолѣла—недѣля жѣ, все въ работѣ; баня—одна отрада; не будь ея, такъ народъ попросъ бы мохомъ и папортникомъ.

«А бѣлая, названая хатка подъ вербами, плетень, или камышовый, низенькій тынъ и такія жѣ ворота? Все видно, что дѣлается на дворѣ, все весело, уютно; садъ и огородъ при каждомъ дворѣ; хаты не лѣпятся сплошь, одна къ другой и зубъ-въ-зубъ, а каждая отставлена и отдѣлена дворомъ, огородомъ, покрыта также соломой, но не походитъ на безобразную копну, на которую каждую осень набрасываютъ еще по три воза соломѣ, напрысавъ ее жердями или хворостомъ, а крыта гладко, ровно, со стрѣхой въ обрубъ. На кровлѣ бѣлая труба, два оконца на улицѣ, два на дворѣ, дверь и окна обведены по бѣлому полю каймой изъ желтой глины, въ палисадничкѣ бархатки, шапочки, ноготки, подсолнечники, пишенка,—а тамъ груши, сливы, яблоки, вишни, черешни; казакъ вышелъ, пѣсню запѣлъ о Богданѣ, о тарани, о томъ, что его дождь смочить, буйны вѣтры высушатъ, тернъ колючій вычешетъ... о гетманщинѣ, о битвахъ съ Ляхами, да съ Татарами, о братьяхъ въ Карпатахъ... Зайдите въ хату: ни одна хозяйка тамъ не поверитъ, что есть такіе мужички, которые живутъ въ одной избѣ со свиньями и телятами. Все бѣленько; скрынѣ въ углу на колесахъ, печурки и заломчики въ стѣнахъ; все прилажено, прилажено; битый полъ усыпанъ мятой, чебрецомъ, рутей, нечуй-тѣромъ, васильками; въ углу стоитъ свѣжій польнковый вѣшникъ; таракановъ не знаютъ и по клчкѣ; хозяйка и дочка ея въ бѣлыхъ сорочкахъ; дѣвки съ утра убрали голову цвѣтами: такъ омы и на работу пойдутъ, такъ и домой прійдутъ, съ цвѣтами, а въ полѣ еще и свѣжими цвѣтами позаквищаются. Хозяйка варитъ горячее не только каждый день, но къ обѣду и къ ужину; гуси,

куры, утки, индѣйки на каждомъ дворѣ; безъ этого мужикъ не хозяйнѣ. Въ борщъ идетъ всякое мясо, всякая живность: тамъ не знаютъ этихъ предрасудковъ тупоумія, чтобъ грѣшно было ѣсть зайца, грѣшно ѣсть теленка, голубей, а борщъ съ голубями—блюдомъ хоть куда. А не то, борщъ съ саломъ, каша съ масломъ, и масло не прогорклое и топленое, а свѣжее, пахтанное. Пришло лѣто, и овощей огородныхъ, плодовъ всякаго рода въволю: это не покупное, а у всякаго подъ рукой и свое. Народъ лѣнивый, любить полежать въ просѣ на печи, а достаетъ же времени, чтобъ и съ пашнею управиться, и приглянуть за огородомъ. Да какъ же хохолъ и будетъ жить безъ огорода? Онъ года не проживетъ безъ цвѣтовъ, не только безъ пшенки, огурцовъ и арбузовъ! Онъ къ цвѣтамъ привыкъ; посмотрите, что онъ косить: трава по полю, и цѣлое море цвѣтовъ,—все это колышется волной по вѣтру, дальше, дальше, до самаго небосклона—все это пахнетъ, душитъ; какъ станешь на курганъ, да поглядишь, да станешь слѣдить глазами волну за волной, такъ самого укачаетъ, ляжешь и уснешь!

«Сосна, сосна, ѣлка и болото; береза, береза, осина и опять ѣлка, и опять болото; на рѣдкость развѣ еще орѣшникъ, да песокъ. А у насъ? клѣнъ, берестъ, черпоклѣнъ, грабина, ясень, тополь, грецкій орѣшникъ, каштанъ, вишня, слива, груша, яблоня, шелковица... да нѣтъ имъ конца, коли все считать, что растетъ; все есть; не отказывается, спасибо, земля ни отъ чего, все принимаетъ и все отдаетъ съ лихвою! А напитки! тамъ—квасъ, что рыло отъ него на-сторону воротить, да изрѣдка развѣ на свадьбу, либо въ годовой престольный праздникъ брагу сварять, либо сусло, бузу, и называютъ это пивомъ; а нынче и этого нѣтъ — шей водку у откупщика! А у насъ? сколько корчемъ стоитъ, столько сартовъ пива и меда; сколько есть на свѣтѣ ягодъ и плодовъ, столько наливоекъ... Наливка сладкая, мягкая, не пьяная, бархатная; одишь только ягоды пьяныя остаются, на лакомство дѣвкамъ, въ праздничный день. А какъ арбузы поспеваютъ, такъ и пива, и меду не надо!

«Пойдутъ ваши въ праздникъ гулять—что есть денегъ у мужика, все разомъ въ кабакъ, а не стало, такъ заложилъ еще кастантъ. Выпилъ штофъ бычкомъ, не отнимая отъ губъ, свалился въ канаву—тутъ и лежитъ безъ просыпа, до будня, коли бабы не отапокутъ домой, натолкавъ порядкомъ бока, обрадовавшись, что по силамъ человека нашли. Кромѣ сивухи—пригорьлой, разсыронленной, запойной, нѣтъ ничего, хоть не спрашивай, и мужику души отвести съ горя и съ радости не надъ чѣмъ. А тамъ? тамъ гуляка спроситъ пива, меду, сливки, вишневки—отвѣдаетъ, да еще и выпрашиваетъ—не хороша, подай прошлагодкой терновки; пить и

прищипываетъ, сядетъ, наговоритъ, нажметъ съ три короба—слушай не слушай, ему все одно. Выпьетъ стаканчикъ, прищипуеъ на свѣтъ, обругаетъ Жида, обнижнется; тамъ онъ оглядывается, нѣтъ ли спящаго гусляра, бандуриста, кобзаря, сажаетъ его, почувствуетъ и чествуетъ; кружокъ собирается, заставляютъ пить про гетманщину, сказать похвалку послѣднему гетману, какъ промѣнялъ онъ казачій жупанъ на французскій, шпалерный кастанъ, какъ поголовица поднялась на католиковъ, которые русскую вѣру продали Жидамъ... насмѣется гуляка нашъ и наплачется, поцалуется и обнижнется со всѣми, и пойдетъ домой на своихъ ногахъ: развѣ шапку только, коли она новая, понесетъ въ рукахъ, или положить за пазуху, чтобъ не потерять...»

VIII.

ГРИГОРІЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ.

Въ одномъ изъ домовъ, принадлежащихъ къ кругу знакомствъ Григорія Алексѣевича въ Москвѣ, затыли дать маскарадъ, на подгородной, прекрасной дачѣ. Это былъ день домашняго праздника и согласились устроить все тайкомъ отъ отца, или по-крайней-мѣрѣ скрыть отъ него, для нечаянности, приготовления къ маскараду. Я былъ принятъ въ домъ Ахтубинскаго, какъ землякъ и свой, и не только былъ безъ ума отъ Нади, но видѣлъ и въ родителяхъ ея необыкновенно-достойныхъ людей. Какими глазами на что взглянешь, то и видишь. Миѣ досталось совѣтовать Надѣ, какъ ей одѣться и отчасти помогать ей при этомъ; вспоминая первую встрѣчу нашу, я предложилъ ей одѣться украинской дѣвушкой; она охотно послушалась меня, была очень-довольна этой выдумкой, пригласила еще въ товарки подругу и стала готовить уборъ и платье. Мать на все это смотрѣла равнодушно; она, казалась, не принимала въ этомъ большаго участія, не показывала ни оужденія, ни одобренія, а лѣниво улыбаясь, была довольна всѣмъ, что ей показывали. Между-тѣмъ, Украина оставила въ ней, одна-кеже, кой-какія воспоминанія, и Анна Герасимовна, при всемъ безстрастіи своемъ, казалось, иногда глядѣла на наряды наши не безъ удовольствія. Вдругъ Надѣ пришло въ голову, что было бы прекрасно составить полную кадрыль въ украинской одеждѣ; при-искали тотчасъ же еще двухъ подругъ и четырехъ мужчинъ, въ числѣ которыхъ, само-собою разумется, былъ и я, взявъ на свою долю Надю. Все шло весело, прекрасно; мы сдѣлали старинные

чапаны съ откидными рукавами, шаровары и цѣтныя сапоги, шелковые пояса, бритыя головы съ оселедцами и смужковыя высокія шапки; дѣвцы были въ цѣтныхъ плахтахъ и запаскахъ, въ корсетахъ или шугайчицахъ, въ монистовыхъ ожерельяхъ и въ прическѣ съ лентами и цѣтами. Кадриль эта чрезвычайно понравилась всѣмъ и обратила на себя общее вниманіе; а мы были вполнѣ счастливы и довольны. Мы также думали, что доставимъ этому невинною шуткою удовольствіе Григорію Алексѣевичу, и безъ этой увѣренности я, конечно, никогда бы не вытпался въ дѣло.

Вышло не такъ. Григорій Алексѣевичъ былъ непріятно пораженъ при первомъ взглядѣ на нашу кадрили. Всѣ ухаживали около насъ, улыбались, радовались и тѣшились — а онъ, нахмуривъ брови, отошелъ въ сторону, не давъ никому привѣта, поглядывалъ издали съ какимъ-то безпокойствомъ на дочь, отвѣчалъ сухо тѣмъ, которые думали польстить ему похвалою красотѣ и статности Нади—сказалъ раза два что-то суровое на ухо женѣ, и наконецъ приказалъ дочери тотчасъ переодѣться. Мы не успѣли оглянуться, какъ она явилась, нѣсколько смущенная, въ бальномъ платьѣ своемъ, а мы, прочіе, поглядѣвъ другъ на друга и перемигнувшись, сочли также за лучшее убраться домой.

Эта ничтожная и невинная шутка возстановила Григорія Алексѣевича противъ меня до такой степени, что побывавъ у него раза два послѣ того въ домѣ и вымоливъ у Нади признаніе, чѣмъ мы могли огорчить отца, я принужденъ былъ вовсе отказаться отъ знакомства съ этимъ домомъ, и отъ прежнихъ столь дорогихъ для меня посещеній. Надя не могла сказать мнѣ ничего болѣе, какъ что Григорій Алексѣевичъ былъ очень сердитъ на всѣхъ насъ, особенно на меня, какъ на зачинщика; находилъ мужицкіе наряды наши чрезвычайно-неприличными, потому-де, что дочь его не какая-нибудь Мареушка или Оксанка, а дочь чиновнаго человека, дворянина русскаго, который живетъ въ свѣтѣ, въ связяхъ и случаѣ. Со стороны слышалъ я то же, и притомъ въ выраженіяхъ, показывавшихъ степень образованія и свѣтской вѣжливости Григорія Алексѣевича: «что за маскарадъ» говоритъ онъ: «рядить дочь мою въ мужицкое платье? Если это такъ нравится Горюностаю (тестю, мнѣ), то пусть бы онъ въ зипунъ своемъ или свиткѣ пожеловалъ въ гости ко мнѣ въ людскую; тамъ бы ему болѣе обрдовались».

Словомъ, эта ничтожная и невинная затѣя сдѣлала меня ненавистнымъ Григорію Алексѣевичу; а когда Анна Герасимовна, сдурю какъ съ дубу, не замышляя ничего дурнаго, сказала для успокоенія мужа, что, можетъ-статься-де, Андрей Ефимовичъ думаетъ посвататься на Надю, не брани его,—то Григорій Алексѣевичъ под-

имъ такой крикъ, что дворня сбѣжалась подслушивать у дверей: где его знать не хочу; много такихъ дармоедовъ и молокососовъ по свѣту шатается; утоплю дочь, а за него не отдамъ; что я развѣ для этого ее выростилъ и выкормилъ и воспиталъ? Развѣ камень на шею да въ воду? Что онъ у меня богадельню, что ли нашенгъ? Я ищу зятя съ именемъ, съ чиномъ, при мѣстѣ, съ состояніемъ, и проч.

Изъ всего этого видно, что мнѣ у Григорія Алексѣевича ни искать, ни надѣяться было нечего. Онъ, разсчитывавшій все на счетъ, на вѣсъ и на мѣру, обсуждавшій каждый встрѣчный предметъ и каждый случай жизни какъ ступень или степень для достиженія разныхъ житейскихъ цѣлей—онъ смотрѣлъ, конечно, и на дочь или падчерицу свою, какъ на средство, предполагалъ пріобрѣсти черезъ нее или хорошее состояніе, или же ходъ и покровительство... вотъ куда метилъ Григорій Алексѣевичъ!

Покинувъ безъ надежды домъ Ахтубинскаго, гдѣ я встрѣтилъ было новую жизнь и откуда снова низринуть былъ въ свое ничтожество, я сдѣлалъ это такъ, чтобъ по возможности устранить отъ этого случая вниманіе празднаго свѣта, для котораго нѣтъ случая столь ничтожнаго, чтобъ не удостоиться его кривотолковъ и пересудовъ. Я былъ свободенъ, и потому рѣшился исполнить давнишнее намѣреніе свое—поѣхать по Россіи. Нѣсколько времени спустя, я нечаянно встрѣтился съ немилостивцемъ своимъ и еще положительнѣе убѣдился, что мнѣ къ нему нѣтъ приступа ни съ какой стороны. Онъ съ трудомъ рѣшился узнать меня, и то для того только, чтобъ ни за-что, ни про-что, обойтись со мною высокомерно и грубо, а за тѣмъ еще отозваться обо мнѣ на сторонѣ самыхъ дурныхъ образомъ.

Но этого всего мало: пожертвовавъ всѣмъ счастьемъ моимъ безразсудному упорству Григорія Алексѣевича, я не могъ упрекнуть себя ни въ чемъ; не моя вина, если дочь его была, въ глазахъ моихъ, достойнѣе и милѣе другихъ дѣвицъ; но я не увлекалъ ее ничѣмъ, не говорилъ ей ни одного слова, которое бы переступило границы обыкновенныхъ и общедозволенныхъ сношеній. Не смотря на это, я удостовѣрился вскорѣ по-неволѣ, что Надя была мнѣ родная по душѣ и скучала по мнѣ почти столько же, какъ и я по ней.

Собравшись уже совсѣмъ ѣхать, послѣ ярмарочныхъ приключеній моихъ, вмѣстѣ съ благороднымъ Андреемъ Алексѣевичемъ, я пошелъ, отъ нечего-дѣлать, еще разъ по ярмаркѣ. Я ходилъ съ покойнымъ, веселымъ духомъ, размышляя объ этой странности, что, находясь теперь въ одномъ городѣ съ Надей, я, однакожъ, съ нею не увижусь, и она не узнаетъ ничего о близости моей,—какъ вдругъ

опять съ нею встрѣтился такъ близко и такъ внезапно, что не было возможности въ-время скрыться. Почти столкнувшись, мы оба вдругъ одинъ па другаго взглянули—я молча поклонился, она ахнула и съ живостию обратилась къ матери. Я не могъ уже отъ нихъ отстать на этомъ пути; Надя звала меня съ дѣтскою радостію, Анна Герасимовна безчувственно улыбалась и также приглашала.

Въ раздумьи шелъ я съ ними рядомъ, среди озабоченной толпы, и малословные ответы мои не удерживали Нади отъ настоячивыхъ вопросовъ, отъ желанія завязать откровенную бесѣду.

— Что вы такъ вялы сегодня? сказала она, между-тѣмъ, какъ мать не обращала на насъ никакого вниманія:—что вы такъ смиренны и тихи?

— Это не притворство, отвѣчалъ я: — видно у меня таково на душѣ — смиренно и тихо.

— Но, Боже мой, я такъ вамъ обрадовалась — я думала, что и вы также будете намъ рады...

— Еслибъ я могъ радоваться безотчетно, то вы бы, конечно, увидѣли теперь во мнѣ одну только радость; а теперь — это чувство можетъ быть смѣшанное.

— Но зачѣмъ, почему же это? что съ вами случилось?

— Со мной—ничего; по-крайней-мѣрѣ, все, что со мной случилось, въ эту минуту нисколько не отзывается въ душѣ моей.

— Такъ что же? говорите.

— Говорить ли, Надежда Григорьевна? хорошо ли, что вы меня на это вызываете — и теперь, въ эту минуту, когда короткое свиданіе наше промелькнетъ зарницей?..

Она помолчала, немного зарумянилась и сказала съ небольшимъ замѣшательствомъ:—Я не знаю; можетъ-быть, вы правы — хотя я и не понимаю васъ — но расскажите, по-крайней-мѣрѣ, что-нибудь о себѣ: какъ вы попали сюда и что дѣлаете?

— Я поѣхалъ знакомиться съ Русью — посмотреть, что тутъ и тамъ дѣлается, какъ живутъ люди; заѣхалъ сюда—и вотъ и тутъ опять встрѣтилъ васъ!

— Но вы вѣдь не хотѣли объ этомъ говорить, кажется; говорите жъ о другомъ, о себѣ!

— Извольте: недобрые люди меня обокрали, а добрая судьба подарила...

— Чѣмъ?

— Свиданіемъ съ вами!

— Опять то же! Вы упрямы!

— Не думаю; я только прямъ. Но извольте, я скажу вамъ еще что-нибудь о себѣ: я васъ видѣлъ уже третьяго дня.

— Какъ? гдѣ?

— Здѣсь, въ красныхъ рядахъ; вы одаряли дѣвушекъ своихъ, а мнѣ не дали ничего.

— О, какіе вы! не-уже-ли видѣли? и не подошли, и не сказали ни словечка—и такъ бы мы и разѣхались, не свидѣвшись?

— Вотъ видите ли, каковъ я: — разсудите только, прямога это, или упрямство?

— Но прежде вы не бѣгали отъ меня; послѣ случайной первой встрѣчи нашей, когда я была такъ смѣшна въ шуточномъ нарядѣ своемъ—помните, когда вы меня застали...

— О, я это помню, и помню, можетъ-быть, слишкомъ-хорошо; но это упрямая память сердца; въ этомъ отношеніи я упрямъ, вы правы: эта-то память меня и гонитъ отъ васъ.

Она молчала, Анна Герасимовна не заботилась о насъ, и мы уже подходили къ ихъ жилищу. Я видѣлъ необходимость кончить дѣло разомъ, и потому продолжалъ:—Я не смѣю и не хочу спрашивать, какъ и что вы обо мнѣ думаете; вы добры ко всемъ, и, можетъ-быть, добры также ко мнѣ; но батюшка вашъ не желаетъ меня видѣть у себя въ домѣ, не желаетъ знакомства нашего... я не хочу нарушать ни чьего семейнаго покоя... вотъ вамъ, Надежда Григорьевна, моя исповѣдь, разгадка моего поведенія.

— И вамъ это такъ легко? спросила она, помолчавъ немного, едва-внятнымъ голосомъ.

— Что?

— То, что вы говорите, ваше самоотверженіе.

Сколько я ни думалъ въ-послѣдствіи объ отвѣтѣ моемъ на это слово, сколько я ни старался припомнить его, всегда одно только мутное и запутанное воспоминаніе, какъ греза во снѣ, представлялось моей памяти и дополнялось уже воображеніемъ. Не измѣнившись во наружности, какъ мнѣ казалось, нисколько, я, однакожь, почувствовалъ въ себѣ такой переворотъ, отъ котораго умственныя и нравственныя силы души смѣшались въ одно, и я не могъ самъ-съ-собою опознаться. Я проговорилъ что-то безсознательно, будто въ разсѣянности подумалъ о чемъ-то вслухъ, опомнился, и остановился не договоривъ рѣчи и самъ не зная, что я сказалъ. Но отвѣтъ мой подѣйствовалъ сильно; я встрѣтилъ влажные глаза Нины и выраженіе въ лицѣ, котораго никогда не забуду. Вѣроятно, и мои сѣрые глаза сдѣлались въ то время для нея краснорѣчивы, или слова ея служили прямымъ отвѣтомъ на мою безсвязную думу вслухъ, но она прошептала: «если такъ, то не покидай же меня».

Я не успѣлъ пролепетать ни одного слова: такъ быстро и внезапно она вслѣдъ за тѣмъ продолжала вслухъ, оборотясь нѣсколь-

ко къ матери:—Какая пестрая, подвижная толпа, какая жизнь и движеніе — я и въ столицахъ не видала ничего подобнаго! Ахъ, посмотрите, маменька, какой несчастный калека: безъ ногъ! позвольте мнѣ... и въ ту же минуту она проворно подбѣжала къ нищему, кинула ему въ шапку крупную серебряную монету и припнулась къ матери уже съ другой стороны, такъ-что оставила ее между мною и собою, тогда-какъ мы шли дотолѣ рядомъ. Она внезапно сдѣлалась весела и шутивла, какъ-будто ей стало легко на сердцахъ и предалась вполнѣ какому-то внутреннему влеченію, обезпечивъ себя подъ крыломъ у матери.

Когда мы подошли ближе къ жилью Григорья Алексѣевича, меня внезапно бросило въ холодный потъ. Все мое безотчетное наслажденіе и миръ въ душѣ моей рушились; я не зналъ что дѣлать: встрѣча съ нимъ не общала ничего добраго, а оставить ихъ послѣ остывшихъ въ моихъ ухахъ словъ Нади: «не покидайте же меня!»—на это у меня не доставало силъ. Мнѣ даже казалось, что это было бы и невѣжливо. Видя, однакожь, необходимость разлуки и твердо рѣшаясь на нее въ душѣ, я не менѣе того шелъ впередъ, не доискиваясь ни повода, ни слова, какъ отстать отъ матери и дочери; я не успѣлъ опомниться, какъ мы подошли къ крыльцу, и Анна Герасимовна, по самой обыкновенной свѣтской вѣжливости, вымолвила: «милости просимъ зайти». Надя взглянула на меня привѣтливо, и я послѣдовалъ молча за ними. Но когда я переступилъ этотъ роковой порогъ, мною также внезапно овладѣла рѣшимость переговорить съ Григоріемъ Алексѣевичемъ откровенно и кончить, во что бы ни стало и какъ бы ни было, дѣло. Я почти далъ себѣ клятву не выходить безъ того изъ-подъ этой крыши. У меня, послѣ этой рѣшимости, какъ гора съ плечъ свалилась, и на душѣ стало спокойнѣе.

Григорій Алексѣевичъ, встрѣтивъ меня такъ нечаянно у себя въ домѣ, показалъ болѣе удивленія, чѣмъ неудовольствія, хотя я и не могу сказать, чтобъ замѣтилъ при этой встрѣчѣ хотя малую долю привѣтливости. Онъ, казалось, крѣпко былъ занятъ своими оборотами, имѣніемъ, которое купилъ безъ копейки денегъ, принять на себя долгъ и обязательство уплатить остатокъ цѣнности его, по уговору, въ извѣстные сроки. Вступивъ также въ товарищество недавно-образовавшихся въ то время обществъ золотопромышленниковъ на Уралѣ, передавъ по какимъ-то сдѣлкамъ, черезъ третьи руки, созданные на бумагѣ залоги виннымъ откупщикамъ, съ надеждой на высокій куртажъ, и пустившись въ одно и то же время еще въ нѣсколько подобныхъ предпріятій, Григорій Алексѣевичъ былъ увѣренъ, что вскорѣ зашибетъ порядочную

копейку, выкупить имѣніе и заживетъ нижегородскимъ помѣщикомъ.

Разговорившись со мною, ради приличія, и узнавъ, что я ѣзжу по Россіи отъ нечего-дѣлать, Григорій Алексѣевичъ вдругъ перемѣнилъ строй обращенія со мною и сдѣлался какъ-то чрезвычайно-привѣтливъ. Мы сидѣли у окна; онъ сталъ съ какимъ-то особеннымъ участіемъ входить въ подробности моего положенія, моихъ видовъ и намѣреній, и я тотчасъ понялъ, что это не даромъ, что мнѣ должно быть на-сторожѣ. Лицо его мало измѣнялось и ничего не открывало наблюдателю; но въ этомъ чрезвычайно-дружескомъ обращеніи видна была какая-то торопливость, волненіе, а глаза высказывали какую-то скрытную, задумчивую тайну. Глаза у Григорія Алексѣевича загорались при такихъ случаяхъ особеннымъ блескомъ и бѣгали въ ямкахъ своихъ во всѣ стороны, не останавливаясь ни на одномъ предметѣ.

— Похвально, сказалъ онъ мнѣ:—весьма-похвально; для молодого человѣка нѣтъ ничего лучше и дороже путешествія — это, знаете, какая полировка, это мать-наставница, это ухъ!! и провелъ рукою по всему подоконнику и потрепалъ меня по плечу.—Да не угодно ли трубочки? продолжалъ онъ: — эй, мальчикъ, трубку! пожалуйста, пойдите въ мою конурку, отдохните на распашку. Жарко; побалагуримъ тамъ... а подайте-ка намъ рюмку вина! Анна Герасимовна, распорядитесь-ка!

Я слушалъ и не вѣрилъ ушамъ своимъ, не понимая, съ чего хозяинъ мой такъ расходился; я прибиралъ въ умѣ всѣ избыточные и несбыточные причины и поводы къ тому, но совершенно растерялся и не могъ ничего придумать. Мы вошли въ его комнату и сѣли, притворивъ двери. Подали трубокъ, вина и лимонаду. Я готовился на что-нибудь чрезвычайное.

— Такъ у васъ, почтеннѣйшій, видно, охотишка есть-таки постраниствовать, сказалъ онъ:—а?

— Есть, отвѣчалъ я:—и, признаться, была всегда. Теперь я свободенъ, кончилъ ученіе; повѣзшу, приготовлюсь, и тогда — что Богъ дастъ.

— Такъ что бы вамъ постраниствовать этакъ, подалее куда-нибудь, за моря-окіаны, въ тридесятое царство, знаете? Люди и быть и жизнь и всѣ предметы новые, все занимательно, ново; во всемъ, что насъ окружаетъ, яркій отпечатокъ мѣстности, нравовъ, обычаевъ, климата,—словомъ, всей природы; вотъ что для молодого человѣка должно быть пріятно!

— Почему не такъ, конечно; но я на первый случай избралъ для этого свое отечество; и это недурно.

— О, да, безъ-сомнѣнія; но какая разница, разсудите сами;

здѣсь, что жь вы увидите? такъ-называемое шоссе, тамъ опять дорога въ натуральномъ видѣ, тамъ опять что-нибудь въ родѣ того или другаго; есть и березки; все гладко, ровпо — изба какъ изба, деревня какъ деревня, да, съ позволенія сказать, и городъ — только слава что городъ. Оно поучительно, наставительно, не спорю; но это все одно и то же. Народы — да какіе жь тутъ народы? Нѣтъ ни одного. Чувашъ, что ли вы не видали, или Калмыковъ? а тамъ — Бедуины какіе-то, Курильцы, Алеуты, мальтійскіе кавалеры, людодѣды — иные пагшомъ, какъ мать на свѣтъ родила; другіе въ перьяхъ, словно павлины; третіе въ сырыхъ шкурахъ лютыхъ звѣрей, барсовъ, медвѣдей; а, говорятъ, сырая шкура такъ и пристанетъ къ тѣлу, какъ своя; да, вотъ, вы чай помните, и у насъ былъ одинъ такой случай, что сырую козыннюю шкуру натянулъ на себѣ, да и самъ не радъ, такъ и приросла... да, такъ что бишь я говорилъ... о путешествіи; какъ вы думаете объ этомъ, почтеннѣйшій Андрей Ефимовичъ, скажите-ка откровенно?

— Я думаю, что все это весьма занимательно и стоитъ любопытства, сказалъ я, не понимая, однакожь, вовсе и не подозревая куда это ведетъ.

— Право? подхватилъ Григорій Алексѣевичъ: — не такъ ли? Ну, а что бы вы сказали, почтеннѣйшій Андрей Ефимовичъ, еслибъ я вамъ доставилъ чудесный случай объѣхать свѣтъ, увидѣть все, что есть на свѣтѣ, перебывать всюду, вездѣ... Я васъ всегда уважалъ, какъ самаго достойнаго молодого человека, и всегда такъ о васъ думалъ и отзывался. Любознательность ваша меня восхищала, — право. Какъ же вы думаете объ этомъ?

— Я не знаю, Григорій Алексѣевичъ, что вамъ на это сказать; я еще покуда не понимаю вашихъ предположеній... Я вамъ во всякомъ случаѣ искренно благодаренъ и, можетъ-быть, воспользовался бы этимъ; но посудите сами, дѣло слишкомъ-важно; надобно узнать мнѣ напередъ всѣ подробности: какой же это случай, съ кѣмъ и куда ѣхать?

— А вотъ видите ли... я буду съ вами говорить откровенно: вы меня знаете, знаете и прѣмоту мою, и что у меня нѣтъ цѣли, кромѣ искренняго вамъ доброжелательства. Здѣсь теперь находится директоръ Сѣверо-Американской-Компаніи; имъ нужны порядочные люди. А что за страна, я вамъ скажу, такъ это чудо: какая природа, какіе люди, какія богатства... онъ, видишь ли, мнѣ свой человекъ; для другаго бы онъ не сдѣлалъ этого — охотниковъ много, содержаніе прѣотличное; но для меня сдѣлаетъ: или къ нимъ: хоть такъ прогуляться, хоть на службу, — ничего; служба прекрасная, все равно что царская.

Теперь только небосклонъ мой начиналъ проясняться. Я уже сталъ подозрѣвать, при общемъ вступленіи или предисловіи Григорія Алексѣевича, что я ему надоѣлъ и что онъ просто хочетъ сбить меня съ рукъ; но это не вязалось съ здравымъ смысломъ, не стоило такихъ хлопотъ: онъ могъ за-просто прогнать меня отъ себя, какъ и сдѣлалъ уже разъ, и я ему, конечно, не угрожалъ бы ничѣмъ. Но теперь только я сталъ догадываться, что у него на умъ какой-нибудь замысловатый оборотецъ, что тутъ рѣчь шла не обо мнѣ собственно, а о человѣкѣ, котораго можно продать.

Чтобъ убѣдиться положительно, къ чему все это клонится, я сталъ подаваться на это предложеніе и разспрашивать обо всѣхъ подробностяхъ. Не смотря на всю его двуличность и осторожность, на мягкую подстилку, я открылъ вотъ что: Американская-Компанія набираетъ, какъ извѣстно, особую команду промышленниковъ для отправленія въ Ситху, на Курильскіе и Алеутскіе-Острова, гдѣ они должны оставаться, по договору, извѣстное число лѣтъ, высаженные иногда на необитаемомъ островкѣ, и заниматься ловлею лисицъ, песцовъ и другихъ лѣсныхъ и морскихъ животныхъ. Ко-ну случалось видѣть толпу подобной вольницы на походѣ изъ Россіи въ Камчатку и далѣе, тотъ знаетъ, какого закала этотъ народъ бываетъ: отчаянные ребята, которымъ почему-либо здѣсь болѣе нѣтъ житья, идущіе въ услуженіе за сто или полтора ста цѣлковыхъ въ годъ на край свѣта; одѣтые обыкновенно уже здѣсь въ кожаное платье, они заблаговременно походятъ на какихъ-то дикарей, и, не смотря ни на какое стараніе и заботу начальства, пропиваютъ на пути все, что могли выручить въ задатокъ и въ счетъ жалованья, опохмѣляются въ Охотскѣ или въ Авачѣ и просыпаются, наконецъ, въ первый разъ въ трезвомъ видѣ на какомъ-нибудь островкѣ или нагой скалѣ алеутской гряды. Вотъ куда прочилъ меня Григорій Алексѣевичъ; но, уважая мое родовое дворянство, познанія и способности, онъ полагалъ пристроить меня туда не простымъ промышленникомъ или рабочимъ, а, можетъ-быть, прямо десятникомъ, писаремъ, или смотрителемъ.

Не думайте, однакожь, чтобъ Григорій Алексѣевичъ самъ былъ директоромъ Американской-Компаніи, или даже участникомъ ея, чтобъ на него возложенъ былъ помянутый наборъ,—совсѣмъ нѣтъ: онъ былъ просто поставщикъ промышленниковъ, какъ бывалъ подъ рукой въ былыя времена и поставщикомъ наемныхъ рекрутъ или охотниковъ, и надѣялся, обманувъ объ стороны, получить нѣкую выгоду. Онъ не брезгалъ ничѣмъ. Но это еще не все,—скупно мнѣ пересказывать весь мой разговоръ съ нимъ, всѣ его уловки и уловки; но здѣсь дѣло состояло еще и въ томъ, что онъ надѣялся, сбывъ меня такимъ образомъ съ рукъ, какъ путешествен-

ника, получить отъ меня довѣренность на управленіе моихъ маленькимъ имѣніемъ на Украйнѣ, находившимся, какъ уже извѣстно читателю, по сосѣдству съ наслѣдствомъ Анны Герасимовны. За тѣмъ, онъ, конечно, надѣялся во всякомъ случаѣ обратить меня тамъ кругомъ, разорить и заложить имѣніе, а еслибъ судьба послала меня впрокъ въ Восточномъ-Океанѣ или Охотскомъ-Морѣ, къ чему предстояла всякая возможность, — то имѣніе мое осталось бы, вѣроятно, пожизненно, самымъ безгласнымъ образомъ, за моихъ благодѣтелей.

Когда я проникъ вполне эту выдумку Григорія Алексѣевича, то она мнѣ показалась до того забавною, что я никакъ не могъ на него сердиться, а напротивъ, перешелъ въ какое-то веселое, шутовское расположеніе. Въ то же время, во мнѣ укрѣпилась еще болѣе рѣшимость моя объясниться съ нимъ прямо относительно Нади и вынудить изъ него также прямой и положительный отвѣтъ.

— Хорошо, сказалъ я: — благодарю васъ, Григорій Алексѣевичъ, за ваши милостивыя обо мнѣ заботы; я ударю сейчасъ по рукамъ и ѣду къ Алеутамъ, но съ однимъ условіемъ...

— А на-примѣръ?

— А на-примѣръ, отдайте за меня дочь, если она на это согласится; вотъ и все.

Григорій Алексѣевичъ ровно сонный съ полостей свалился и долго не могъ опомниться.

— Я такихъ шутокъ не понимаю, Андрей Ефимовичъ, сказалъ онъ наконецъ, приветавъ со стула: — говорить, такъ говорите дѣльно.

— Я не шучу, Григорій Алексѣевичъ, и говорю вамъ святую истину; отдайте за меня дочь — съ нею поѣду, куда вамъ угодно.

— Съ ума что ли вы сошли, милостивый государь? Въ Сибирь, въ каторгу, что ли я дочь сошлю?

— О! нѣтъ, избави Богъ! Но вѣдь вы и меня же, надѣюсь, не въ каторгу прочтете, а утѣшаете меня всеми прелестями тамошней жизни!

— Благодарю покорно! слуга вашъ! Да это развѣ не та же каторга? Какъ! дочь моя за... за... тюленемъ, за моржомъ, за бобровымъ промышленикомъ въ Ситхѣ!

— Григорій Алексѣевичъ, не гнѣвайтесь; вы же сами меня соблазнили краснорѣчіемъ своимъ согласиться на жизнь съ Колошами и Алеутами, и я, забывшись, хотѣлъ раздѣлить это счастье съ тѣмъ, кто мнѣ всего на свѣтѣ дороже. Но я сейчасъ готовъ отказаться отъ вашего предложенія, если вы согласитесь исполнить другую половину моей заветной мечты: предоставьте дочери моей

выбравъ супруга, и если она выберетъ меня, то благословите насъ, и я тогда не поѣду никуда; я согласенъ остаться.

Григорій Алексѣвичъ отступилъ шага на два отъ меня и нахмурилъ брови.

— Такъ вотъ вы зачѣмъ разъзываете за нами слѣдомъ? сказалъ онъ съ сердцемъ: — вотъ зачѣмъ втерлись вы въ домъ мой?.. Нѣтъ, милостивый государь, извините: не въ свои сани садитесь!

— Отъ чего же, Григорій Алексѣвичъ? чѣмъ же я ей не ровня?

— Ужь позвольте, предоставьте это отцу, мнѣ. Я не хочу васъ обижать—Богъ съ вами, и почитайте себя, пожалуй, хоть геніемъ, хоть потомкомъ великаго могола,—это мнѣ все равно; а я, я знаю себя. Не мнѣ васъ учить: молодые люди всѣ нынче умнѣ насъ; а я прошу васъ покорно оставить меня въ покоѣ, не затѣвать такихъ нелѣпостей, и за тѣмъ — прощайте!

— Стало-быть, мы оба ошиблись въ расчетахъ своихъ, сказалъ я: — и мнѣ остается только искренно объ этомъ сожалѣть. Благодарю васъ за вашу откровенность.

Я всталъ, вышелъ, раскланялся съ Анной Герасимовной и Надей, которыя сидѣли въ гостиной, и пошелъ—было своимъ путемъ далѣе; но Анна Герасимовна, видя тѣсную дружбу нашу съ Григоріемъ Алексѣвичемъ и, можетъ-быть, нѣсколько-подготовленная Надей, спросила плавнымъ голосомъ: «А что же, не откушаете ли съ нами? Ужь время обѣдать». Григорій Алексѣвичъ былъ въ это время крайне смѣшонъ: не ожидая этого приглашенія и опоздавъ ужинками своими, онъ началъ громко кашлять, шаркать и сморкаться и успокоился только послѣ моего отказа.

Не ожидая лучшей развязки и очистивъ эту послѣднюю попытку совѣсть свою, я грустно отправился домой, т. е. къ Андрею Алексѣвичу, и рассказалъ ему въ короткихъ словахъ свои похождения. Онъ смѣялся замысловатой выдумкѣ своего брата упрятать меня въ Ситху, и, въ память этого, прозвалъ меня *Алеутомъ*.

— Вотъ люблю единоутробнаго своего, такъ люблю! У него и пушокъ мимо рыла даромъ не пролетитъ; не зѣваетъ, спасибо! А ты и не поддался? Экой какой недогадливый! прямой Алеутъ!

Рѣшаясь затѣмъ проститься навсегда съ Надей, я, однакожь, считалъ необходимымъ объявить ей это, чтобъ не возбуждать напрасныхъ надеждъ и, давъ бѣдненькой время выплакаться, заставить успокоиться и повиноваться волѣ отца. Я боялся свиданія съ нею и, не смотря на это, выходилъ по нѣскольку разъ въ день, въ надеждѣ встрѣтить ее; но, не успѣвъ въ этомъ, я написалъ передъ самымъ отъѣздомъ матери ея письмо и уѣхалъ съ Андреемъ Алексѣвичемъ въ Москву.

Въ этомъ письмѣ, я уведомлялъ Анну Герасимовну, въ почтительныхъ выраженіяхъ, что, въ-слѣдствіе послѣдняго разговора моего съ Григоріемъ Алексѣвичемъ, я буду стараться не беспокоить болѣе ихъ семейства своимъ присутствіемъ, а потому уѣзжаю навсегда и надѣюсь, что они ничего болѣе обо мнѣ не услышатъ.

НЕЗНАКОМАЯ ДОРОГА.

Посвящено Софьи Ив. Бо—ой.

—

I.

Я сегодня поутру сидѣлъ
У себя подъ окошкомъ одинъ,
И кругомъ съ любопытствомъ глядѣлъ
На пространство окрестныхъ долинъ.
И повсюду, куда достигалъ,
Куда могъ лишь достигнуть мой взоръ,
Онъ вездѣ неизбѣжно встрѣчалъ
Бѣлоснѣжные куполы горъ —
И казалось, что весь небосклонъ
Нихъ громадами былъ окруженъ.

Но я къ нимъ ужъ привыкъ: каждый день
Я ихъ вижу съ младенческихъ лѣтъ,
Когда вечеромъ падаетъ тѣнь,
Или утромъ бѣлѣтъ разсвѣтъ;
А ни разу на ихъ чудеса
Насмотрѣться я вдоволь не могъ:
Между ними чернѣли лѣса
И широкія ленты дорогъ,
И туманы, какъ синій карнизъ,
Надъ глубокимъ ущельемъ вились.

Мнѣ знакомы всѣ эти пути:
Вотъ тропинка по лѣстницѣ скалъ;
Затаивши дыханье въ груди,
Не однажды по ней я бѣжалъ.
Гдѣ густая чинара росла
И нагорный шумѣлъ водопадъ —
Тамъ, бывало, съ гнѣзда у орла
По ночамъ уносилъ я орлятъ; —
Я ребенкомъ тогда еще былъ,
Но опасныя игры любилъ.

Вотъ другой, но онъ терномъ заросъ —
 Не видать подъ травою его,
 А но немъ я недавно отнесъ
 На кладбище отна моего.
 И приютъ его миренъ и тихъ:
 Начерталъ я на память ему
 Изъ корана пророческій стихъ—
 И гранитную высѣкъ чащу —
 И вокрутъ той могилы простей
 Разсадилъ я шиповникъ густой.

А вотъ третья дорога — она
 Подъ казачью станицу ведетъ;
 Тамъ, гдѣ бѣлая церковь видна
 Изъ-за темныхъ окрестныхъ высотъ,
 Какъ степная тростинка пряма,
 Колокольня у церкви была —
 И не знаю, быть-можетъ, сама
 На верхушкѣ она расцвѣла;
 Иль, быть-можетъ, въ отечествѣ авѣздъ,
 Былъ рожденъ ея огненный крестъ.

И когда островерхій Казбекъ
 Одѣвался покровами тьмы,
 Здѣсь перѣдко собирались въ набѣгъ
 На станицу безпечную мы.
 О, какъ сердце рвалось у меня,
 Какимъ жаромъ пылало чело,
 Какъ бывало приводать коня,
 Когда скажутъ, что время пришло,
 Чтобъ любимое братья я свое
 Съ золотою наѣчкой ружье!

И какъ много душевныхъ тревогъ,
 Сколько горькихъ и радостныхъ слезъ
 Я съ трехъ этихъ различныхъ дорогъ,
 Подъ родимую кровлю принесъ.
 И довольно тропинокъ другихъ
 Открывается мнѣ изъ окна —
 Все знакомыхъ — и только изъ нихъ
 Незнакомая мнѣ лишь одна;
 Но сегодня въ полуночный часъ
 И по ней я пойду въ первый разъ.

Мнѣ сказали, что будто на ней
 Три высекія райны растутъ,
 Что трава между нихъ золотѣетъ
 И цвѣты ароматнѣе тутъ,
 Что она у насъ печальна
 Отъ послѣднихъ студеней вранца
 И потому какъ змѣя извилась

Въ отдаленныхъ горахъ безъ конца;
 Мнѣ сказали: туда приходи
 И меня на свиданіе жди.

II.

Есть аулъ на далекой горѣ —
 Онъ туманомъ всегда окруженъ, —
 Такъ-что кажется мнѣ на зарѣ
 Будто въ воздухѣ плаваютъ онъ.
 Будто плоскія кровли домовъ
 И мечети его и сады —
 Лишь простая игра облаковъ,
 Или выдумка праздной мечты,
 Или разбитая громомъ скала
 На себя его видъ приняла.

Рѣдкій день миновалъ безъ того,
 Чтобъ я въ этотъ аулъ не ходилъ
 И не знаю я самъ отъ чего,
 Но я страстно его полюбилъ.
 То пустая ли прихоть была,
 Или женщинъ его красота
 Сверхъестественной силой влекла
 Мои мысли и чувства туда?
 Тамъ, я знаю, есть сакля одна,
 Виновата въ томъ вѣрно она.

Въ этой саклѣ Татаринъ живетъ;
 У него есть красавица дочь;
 Ей лишь только шестнадцатый годъ,
 А глаза ея чѣрны какъ ночь.
 Ея кудри роскошнѣе тучъ,
 Ея шея бѣлѣе молока —
 И какъ-будто-бы солнечный лучъ
 Озлатилъ ея щеки слегка —
 И какъ точно морская волна,
 Ея грудь молодая полна.

О, когда бъ я былъ въ силахъ порой
 Превращаться во что захотѣлъ,
 Превратился бъ я въ вѣтеръ ночной
 И въ окно къ ней украдкой влетѣлъ!
 Ароматомъ цвѣтовъ полевыхъ
 Я бъ дыханье себя уполнѣ
 И на крыльяхъ воздушныхъ моряхъ
 На постелю ея поспѣшилъ,
 И, прильнувъ къ ея свѣжимъ устамъ,
 Бездыханенъ остался бы тамъ.

Пусть по утру проснется она
 И захочется ей угадать:
 Кто на ложѣ дѣвичьяго сна
 Приходилъ такъ ее цѣловать,
 И захочеть узнать, кто такой
 Кудри ей по плечамъ разметалъ,
 Распахнулъ ея пологъ цвѣтной
 И у ней изголовье измалъ.
 И подумаетъ: это былъ сонъ;
 Но ужъ вѣрно пророческій онъ!

Я вчера ее видѣлъ — она
 У ручья мыла ноги свои,
 И стыдилася ихъ бѣлизна
 По камнямъ журчащей струи.
 Я тогда съ нею рядомъ поплъ
 У потока коня моего
 И доверчиво ей говорилъ,
 Что люблю ее больше всего,
 Что то первая въ жизни любовь,
 И другой мнѣ не надобно вновь.

И съ невинностью дѣтской смѣлся,
 Отвѣчала она: «Не солгу;
 • Я не меньше люблю тебя, князь,
 • Даже больше любить не могу.
 • Но отецъ мой съ тобой во враждѣ,
 • Между вами есть старая кровь;
 • А ты знаешь, что ненависть гдѣ,
 • Тамъ гнѣзда не свиваетъ любовь.
 • Мнѣ женою твоей не бывать,
 • Не ложиться съ тобой на кровать.

• Но въ горахъ есть тропинка: на ней
 • Три высокія райны растутъ —
 • Между ними трава зеленѣй
 • И цвѣты ароматнѣе тутъ.
 • И никто, даже вѣтеръ ночной
 • Не посмѣетъ насъ тамъ подстеречь,
 • Разлучить самовольно съ тобой,
 • Иль подслушать нескромную рѣчь.
 • Завтра ночью туда приходи —
 • И меня на свиданіе жди.»

III.

Мнѣ сказали, что съ ней сговоренъ
 Былъ недавно любимый женихъ;
 Или я ей не милъ, или онъ, —
 А любить невозможно двоихъ.

Но я слышалъ, что будто ни въ чемъ
 Не могу поровняться я съ нимъ,
 Что онъ лучше меня и лицомъ,
 И знатнѣе богатствомъ своимъ,
 Что въ конюшняхъ его для отца
 Приготовлены три жеребца.

И я слышалъ, что будто узда
 Ни однажды на нихъ не была,
 И что будто они никогда
 На себѣ не видали сѣдла,
 Что на каждомъ изъ этихъ коней
 Аравійскаго знаки тавра,
 Что одинъ изъ нихъ ночи чернѣй,
 Другой цвѣтомъ бѣлѣй серебра,
 И что третій, съ ушей до копытъ,
 Весь какъ точно изъ золота слить, —

И что будто къ ногамъ старика
 Положить обѣщаль онъ сперва
 Три тяжелыхъ, кровавыхъ мѣшка,
 И чтобъ въ каждомъ была голова, —
 Что за выкупъ невесты своей
 Онъ двѣ трети уже заплатилъ,
 Что ужъ будто двоихъ онъ ввязей
 На дорогѣ измѣной убилъ,
 Что еще одного узденіа
 Голова на плечахъ у меня.

Но я знаю, она тамъ крѣпка,
 Тотъ безъ страху ее доставай
 У кого непростая рука
 И кивжалъ самъ отецъ-Базагай.
 Обо мнѣ говорятъ старики,
 Что тогда ее можно отстѣчь,
 Когда свяжутъ мнѣ обѣ руки
 Назадъ отъ кистей и до плечъ,
 На постели застанутъ меня,
 Или встрѣтятъ въ горахъ безъ коня, —

Иль застанутъ, когда въ забытій
 Я на женскихъ колѣняхъ засну,
 И усталыя руки свои
 Вокругъ шеи любимой согну,
 И, во снѣ про любовь лепечу,
 Я не буду внимать ничему
 И ружье свое сброшу съ плеча,
 Съ кушака ятаганъ свой сниму, —
 И, дыханьемъ любви упоенъ,
 Будеть дологъ и крѣпокъ мой сонъ.

Немогу я понять, для чего
 На свиданіе нынче я званъ.
 Иль она разлюбила его?
 Или кроется въ этомъ обманъ?
 О, кто въ нашихъ горахъ рождены,
 Тѣ должны сомнѣваться во всемъ. —
 Мы не вѣримъ ни ласкамъ жены,
 Ни ручью, изъ котораго пьемъ;
 Наше солнце намъѣной горитъ,
 Самый воздухъ у насъ ядовитъ.

Но я самъ ей сказалъ, что приѣду—
 Общанье я свято сдержу,
 Свой упругій курокъ я взведу
 И двѣ пули въ ружье положу.
 И двѣ цѣли назначу для нихъ, —
 Пусть захочетъ меня обмануть:
 Отъ одной изъ нихъ ляжетъ женихъ,
 А другая вонзится ей въ грудь.
 Ужъ не скажетъ: опять приходи
 И меня на свиданіе жди.

IV.

О, какъ длиненъ мнѣ кажется день!
 Вдвое дольше, чѣмъ прежніе всѣ.
 Или времени двигаться лѣнь,
 Иль не хочется падать росъ?
 Когда солнцу садиться пора,
 Когда вечеръ настать ужъ готовъ —
 Начинаетъ тогда Шатъ-Гора
 Становиться темной облакомъ;
 А теперь точно лебедь бѣла
 Съ основанья она до чела.

И бѣлѣ, чѣмъ скалы изъ льда
 По хребтамъ ея вьются шары, —
 Сверхъестественной силой туда
 Привлекли ихъ дневные жары,
 Чтобъ въ ночные часы охладить
 Ихъ на этихъ снѣгахъ вѣковыхъ
 А на утро въ туманъ превратить,
 Или въ занавѣсь тучъ грозовыхъ,
 Ихъ порывистымъ вѣтромъ разсѣчь
 И изъ сердца ихъ бурю извлечь.

Я тамъ видѣлъ кого-то сейчасъ —
 Онъ проѣхалъ на бѣломъ конѣ;
 Но такъ быстро онъ скрылся изъ глазъ,
 Что неясно представился мнѣ.
 Но въ минуту расчленился дылъ,

И къ ней въ меткій, испытанный стволъ
Угадайте двѣ пули скорѣй!
А ты, время, быстрѣй пролетай!
Ты опасный и сладостный часъ
Незамѣтно скорѣй наставай
И кажись безконечнымъ для насъ,
Чтобъ не даромъ въ ночной тишинѣ
Ее ждать на свиданіе мнѣ!

V.

Я не знаю названья тѣхъ горъ,
Тотъ ручей незнакомъ для меня,
Гдѣ, какъ-будто тѣнистый шатеръ,
Свои вѣтви густыя склоны,
Три высокія райны растутъ;
Но трава между нихъ зеленѣй
И цвѣты ароматнѣе тутъ
И ночная прохлада теней —
И въ безлунной ея тишинѣ
Тамъ свиданье обѣщано мнѣ.

Но уступаю крутой высоты
Я собираюсь на вѣрномъ конѣ,
И три райны, какъ призракъ мечты,
Вдалекѣ представляются мнѣ;
Но коню здѣсь пробѣжать нельзя, —
Здѣсь тропинка надъ бездною виситъ;
Спотыкался не разъ онъ, скользя
На поверхности каменныхъ плитъ.
И въ горахъ я покинулъ его
Вороняго коня моего.

Надъ обрывистой кручей повисъ
Я, согнувшись какъ точно змѣя;
Но не знаю, спускаюсь ли внизъ,
Или вверхъ поднимаюсь я.
Только блещетъ ручей какъ огонь
Между темныхъ печальныхъ райнъ;
Только ржетъ мой покинутый конь
На далекомъ утесѣ одинъ;
Только бьется о камни мое
Съ золотомъ насѣткой ружье.

Заблудиться ль мнѣ здѣсь суждено,
Иль въ бездонную пропасть упасть, —
Будетъ такъ, какъ случится должно:
То небесная вѣдаетъ власть.
Я остался въ горахъ безъ коня,
Такъ судьба закогла моя, —

Пусть она и спасает меня
 Если буду въ опасности я,
 Если тайный, невидимый врагъ
 Стержесть теперь каждый мой шагъ.

О, когда бъ ты короче была,
 Дорогая винтовка моя!
 Оставаться бъ ты вѣрно могла
 За плечами теперь у меня;
 Но ремень твой широкъ и тяжелъ,
 Онъ сжимаетъ и рѣжетъ мнѣ грудь;
 Но въ два раза длиннѣе твой стволъ,
 Чѣмъ мой узкій, нелучистый путь, —
 И на камень я бросаю свое
 Съ золотою насѣчкой ружье.

Безоружный и пѣшій теперь
 Я безсильнѣе сталъ, чѣмъ дитя;
 Человѣкъ ли меня или звѣрь
 Одолѣть теперь могутъ шута.
 Голова ли мнѣ въ тягость моя,
 Безъ любви ли не хочется жить,
 Что въ объятіа къ женщинѣ я
 Не боюсь безъ защиты спѣшить?...
 Но вотъ я ужъ до цѣли достигъ,
 И подъ райны густыя проникъ.

Вотъ и чѣдра лежитъ предо мной
 На поверхности выбкой травы —
 И колеблется вмѣстѣ съ травой;
 Но не видно подъ ней головы.
 Ея ткань дорогая бѣла
 И какъ воздухъ тонка и нѣжна;
 Утѣтъ ничего не могла
 Отъ меня бы ужъ вѣрно она;
 Но я видѣлъ, что точно тогда
 Была бѣлая чѣдра пуста.

Да еще небольшое пятно,
 Еще влажное было на ней:
 Показалось мнѣ кровью оно;
 Или, можетъ-быть, тѣни вѣтвей,
 И мерцающій отблескъ ручья
 Мнѣ глаза обманулъ въ тотъ мигъ;
 Но мнѣ стало вдругъ грустно — и я
 Головой своей молча поникъ
 И заплакалъ, въ ночной тишинѣ,
 О дѣвницѣ, ружьѣ и коѣ.

СЕРГѢЙ ГРАДИНЪ.

СЫНЪ ТАЙНЫ.

Романъ Поля Фивалля.

=

ЧАСЫ ЖИЗНИ.

Три красные человека.

=

1.

Юденгассе (Жидовская-Улица).

Двери почтамта во Франкфуртъ-на-Майнѣ только-что были отворены, и множество разнаго народа толпилось уже передъ ними; биржевые маклеры толкались тутъ вмѣстѣ съ разнощиками газетъ; проворные прикащики перегоняли конторщиковъ; лакеи въ богатыхъ ливреяхъ гордо отъсѣняли болѣе-скромно одѣтыхъ слугъ и давали дорогу только дипломатическимъ посланцамъ, которыхъ можно было узнать по портфелямъ, украшеннымъ гербами.

Движеніе было безпрерывное, шумное. Между рослыми гайдуками скользили тамъ-и-сямъ женщины; англійскіе туристы перекликались на своемъ мудренѣномъ языкѣ; почтальйоны трубили оглушительныя фанфары, курьеры хлопали бичами, для предупрежденія толпы, раступавшейся предъ живыми мекленбургскими лошадками.

Было девять часовъ утра. Одни приходили за письмами, другіе занимали мѣста, третьи справлялись о днѣ отъѣзда.

Дворы обширнаго почтамта были заставлены экипажами всѣхъ формъ и видовъ. Тамъ, возлѣ сѣверныхъ дрожекъ, былъ виднѣнъ эксцентрическій тендэмъ, тонкоколесый тильбюри возлѣ тяжелой, покойной кареты.

Это происходило въ октябрѣ 1824 года. — Въ залѣ для путешественниковъ, обширномъ и удобномъ покоѣ съ желѣзной рѣшеткой, отдѣлявшей чиновниковъ отъ путешественниковъ, одни лица безпрестанно смѣнялись другими. Въ озабоченной толпѣ, говорившей на всѣхъ извѣстныхъ нарѣчіяхъ, мы укажемъ читателю на двухъ человекъ, находившихся на двухъ противоположныхъ концахъ залы.

Первый изъ этихъ двухъ путешественниковъ занималъ мѣсто въ каретѣ, отправлявшейся въ Гейдельбергъ. Костюмъ его былъ страннымъ даже въ этой толпѣ, гдѣ видно было столько различныхъ одѣяній. На немъ былъ багровый плащъ, драпированный съ студенческою изысканностью; шляпа съ широкими полями, походившая на шляпы время Кромвеля, совершенно закрывала лобъ и глаза его.

По незакрытой части лица можно было судить о красотѣ почти женской и чрезвычайной молодости путешественника. Черныя, толкія, длинныя кудри висли изъ-подъ шляпы на плеча.

Другой путешественникъ ждалъ у конторы экстра-почты. Онъ стоялъ прислонившись къ одному краю рѣшетки. Печальная мысль лежала на широкомъ, открытомъ челѣ его. Онъ, казалось, былъ погруженъ въ глубокія, горестныя размышленія.

Ему было около сорока лѣтъ. Съ лица его, кроткаго и примудшнаго, стерлись всѣ слѣды молодости. Рѣдкіе волосы съ просѣдью покрывали виски его. Можно было еще замѣтить, что на этомъ лицѣ нѣкогда выражались безнечность человека счастливаго и гордость дворянина; но теперь на немъ была написана одна мрачная безнадежность.

Возлѣ него уже цѣлую четверть часа спорилъ какой-то толстый флит-стритскій купецъ, путешественникъ по страсти, вѣроятно, продававшій въ Лондонѣ сыръ, а за границей называвшій себя милордомъ. Онъ энергически торговался, требовалъ, чтобъ ему подали регламентъ и просилъ лажу на свои банкноты.

Путешественникъ, погруженный въ размышленія, терпѣливо ждалъ. Сосѣди пользовались его задумчивостью и пробирались по-маленьку впередъ, стараясь оттереть его, чтобъ прежде пробиться къ кассѣ. Онъ ничего не замѣчалъ и, машинально вынувъ изъ-за пазухи медальонъ, висѣвшій на шеѣ его на золотой цѣпочкѣ, скрылъ его въ рукѣ, чтобъ нескромныя взгляды не замѣтили его, и любовался имъ тихонько.

То былъ портретъ молодой женщины, нѣжныя голубые глаза

которой, казалось, улыбались ему. Вокругъ портрета, подобно рамкѣ, были сплетены русые волосы.

Путешественникъ прослезился... потомъ, какъ-бы внезапно пришедъ въ себя, поднялъ голову и поспѣшно скрылъ портретъ на груди.

— Я хочу ѣхать въ замокъ Блутгауптъ, сказалъ онъ чиновнику, отдававшемуся отъ докучливаго Англичанина.

Чиновникъ взглянулъ на таблицу.

— Между Обернбургомъ и Эссельбахомъ не ходитъ почта, отвѣчалъ онъ:—почтовая дорога идетъ только до Обернбурга.

— Сколько миль? спросилъ незнакомецъ.

— Восемь,—двѣ надо пройти полемъ... хотите проводника?

Незнакомецъ освѣдомился о цѣнѣ. Разница была въ нѣсколькихъ флоринахъ. Онъ подумалъ, потомъ отвѣчалъ:

— Я пойду одинъ.

— Скупъ, должно-быть, или нищій! подумалъ чиновникъ, выдавая билетъ.

Незнакомецъ заплатилъ и пошелъ къ дверямъ.

Въ то же время туда шелъ и молодой человекъ въ красномъ плащѣ. Они прошли дворъ вмѣстѣ, но не замѣчая другъ друга. Оба были такъ озабочены, что имъ было не до прохожихъ.

Когда они подошли къ главному выходу, туда подскочилъ во весь галопъ курьеръ. На немъ была ливрея графа Блутгаупта: черная съ краснымъ.

Усилие, сдѣланное имъ, чтобъ разомъ остановить коня, набѣжавшаго почти на пожилаго путешественника, заставило его поднять голову въ ту самую минуту, когда онъ замѣтилъ молодаго человека въ красномъ плащѣ.

Изумленіе выразилось на лицѣ курьера, раскраснѣвшемся отъ скорой ѣзды.

Видно было, что оба путешественника были ему знакомы.

Онъ колебался, смотря то на того, то на другаго; но лошадь его заупрямилась; усмиривъ ее, онъ увидѣлъ, что младшій поспѣшно удалялся вдоль длиннаго ряда домовъ, между-тѣмъ, какъ другой такъ же поспѣшно уходилъ въ противоположную сторону.

— Чтобъ мнѣ вѣкъ не пить пива, проворчалъ курьеръ:—если этотъ молодецъ не одинъ изъ трехъ побочныхъ сыновей Блутгаупта!.. Что же касается до другаго, такъ волосы его были черные, пять лѣтъ назадъ, когда онъ сватался за графиню Елену... но все равно! Мнѣ ли не узнать виконта д'Одмѣра!

Разсуждая такимъ-образомъ, онъ соскочилъ съ лошади, отдалъ поводья конюху и пошелъ по Цейльскому-Кварталу.

Но скоро онъ опять остановился въ нерѣшимости. Тотъ, кого онъ называлъ побочнымъ сыномъ, поворотилъ налѣво, а виконтъ направо. Въ которую же сторону идти? Простоявъ въ нерѣшимости нѣсколько секундъ, онъ побѣжалъ за г. д'Одмѣромъ; но множество улицъ и переулковъ пересѣкали главную улицу: вѣроятно, виконтъ

поворотилъ въ одну изъ нихъ. Курьеръ, котораго звали Фрицомъ, скорѣе отчаялся догнать его, вернулся назадъ и пошелъ отыскивать младшаго, но также безуспѣшно.

Курьеръ почесалъ лобъ, покрытый потомъ, приподнявъ маленькую двухцвѣтную, черную и красную, фуражку.

— Мнѣ бы слѣдовало кликнуть обоихъ, ворчалъ онъ: — но я остолебѣлъ, увидавъ ихъ вмѣстѣ; да притомъ проклятая лошадь запрямилась... Они какъ-будто не узнавали другъ-друга... Уродливыя поля совсѣмъ закрыли лицо молодого человѣка... Впрочемъ, можетъ-быть, это и не сынъ графа Ульриха!

Онъ остановился посреди улицы, чтобы отдохнуть. Прохожіе толкали его справа и слева, а онъ, съ простодушіемъ Нѣмца стариннаго покроя, кланялся всѣмъ толкавшимъ его.

— Впрочемъ, продолжалъ онъ разсуждать про-себя: — графъ Гюнтеръ и управляющій его не слишкомъ любятъ гостей... мнѣ кажется, эти двое были бы приняты еще хуже другихъ въ замкъ Блутгауптъ!.. Мейстеръ Цахеусъ далъ мнѣ порученіе: лучше пойду скорѣе исполню его.

Онъ пошелъ къ Новому-Вольфграбенскому-Кварталу, украшенному разноцвѣтными, пестрыми, затѣйливыми домами.

Тамъ онъ остановился у хорошенькаго домика, походившаго на бонбоньерку, поднялъ чугунный позолоченный молотъ и спросилъ слугу, отворившаго дверь:

— Дома кавалеръ де-Реньё?

Слуга ввелъ его въ будуаръ, надушенный до-нельзя, гдѣ молодой человѣкъ, въ шелковомъ халатѣ съ узорами, подставлялъ голову напомаженнымъ рукамъ франкфуртскаго парикмахера.

Этотъ молодой человѣкъ, которому было, однакожь, лѣтъ подъ тридцать, былъ очень-малъ ростомъ. У него была улыбающаяся физиономія, которой очень хотѣлось быть любезной. Черты лица его были довольно-пріятны, но въ нихъ проявлялась какая-то сладкая любезность, подъ которою скрывалась маска притворнаго прямоумія. Усилія его казаться благороднымъ и свѣтскимъ во всѣхъ своихъ движеніяхъ были не безуспѣшны. Въ глазахъ людей недалековидныхъ, г. де-Реньё могъ казаться человѣкомъ вѣтренымъ, не благороднымъ.

— Что нужно этому доброму человѣку? спросилъ онъ не оглядываясь.

— Я изъ замка Блутгаупта, отвѣчалъ Фрицъ.

— А!.. съ письмомъ отъ Цахеуса Несмера?..

— Безъ письма, отвѣчалъ курьеръ. — Мейстеръ Цахеусъ приказалъ мнѣ только явиться къ вамъ и повторить слова, сказанныя мнѣ... только не при свидѣтеляхъ.

Кавалеръ покачалъ плечами.

— Эти Нѣмцы таинственны, какъ привидѣнія въ ихъ балладахъ! проговорилъ онъ. — Подожди, любезный, и шепни мнѣ на ухо свою великую тайну.

Парикмахеръ отошелъ на нѣсколько шаговъ; Фрицъ же приблизился и приложилъ губы почти къ самому уху Француза.

— Пора, шепнулъ онъ.

— А дальше что? спросилъ Реньё.

— Ничего.

Кавалеръ громко захохоталъ.

— Ну, такъ и есть! вскричалъ онъ. — Этотъ почтенный человекъ приглашаетъ меня къ ужину точно съ такими предосторожностями, какъ-будто бы дѣло шло о преступленіи!.. Благодарю, почтеннѣйшій... Жерменъ, дай этому доброму человеку вина, и пусть онъ идетъ съ Богомъ!

Кавалеръ опять подставилъ голову парикмахеру съ прежнею веселостью и безпечностью.

Фрицъ проглотилъ цѣлую кружку рейнвейна и признался, что Французы славный народъ.

Онъ охотно пробылъ бы въ томъ же занятіи еще нѣсколько часовъ, но надобно было идти.

Фрицъ, по-видимому, очень-хорошо зналъ улицы во Франкфуртѣ и, особенно, въ Новомъ-Кварталѣ. Онъ пробирался вдоль прелестныхъ садовъ, замѣнившихъ старыя, обрушивавшіяся ограды. Надъ дверьми многихъ частныхъ домовъ и всѣхъ публичныхъ зданій, Фрицъ читалъ надпись: *Freie Stadt* (вольный городъ); но тамъ-и-сямъ онъ встрѣчалъ австрійскихъ и прусскихъ солдатъ, присутствіе которыхъ противорѣчило честолюбивому хвастовству имперскаго города.

Фрицъ продолжалъ идти къ центру города, и вскорѣ красивенькія вольфрабенскія бонбоньерки замѣнились строгой, дебелой архитектурой старинныхъ временъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Рёмера (ратуши); древняго зданія, наружность котораго не имѣла ничего общаго съ историческими воспоминаніями, связанными съ существованіемъ этого дома,—Фрицъ постучался у каменнаго дома фламандской архитектуры.

Слуга, въ голубой курткѣ со множествомъ серебряныхъ пуговицъ, отворилъ дверь.

— Я желалъ бы поговорить съ г. Яносомъ Георги, сказалъ Фрицъ.

Слуга ввелъ Фрица въ большую залу, гдѣ два человека, въ желѣзныхъ маскахъ, бились на эспадопахъ.

При входѣ Фрица, одинъ изъ этихъ людей поднялъ маску. — Онъ былъ высокаго роста и воинственнаго вида, въ красныхъ гусарскихъ панталонахъ и въ венгерскихъ полусапожкахъ со шпорами. На диванѣ лежалъ доломанъ, вышитый золотомъ.

Подъ полуоткрытой рубахой видна была широкая, мускулистая грудь. Человекъ этотъ былъ хорошъ собою, но красота его была грубая, дикая.

— Я пришелъ къ вашей милости, сказалъ Фрицъ:—отъ мейстера Цахеуса Несмера, управляющаго графа Гюнтера фонъ-Блутгаупта.

Маджаринъ устремилъ на курьера гордый, жестокій взглядъ; потомъ знакомъ приказавъ ему слѣдовать за собою, пошелъ на другой конецъ зады.

— Говори, сказалъ онъ Фрицу.

— Одно слово, проговорилъ послѣдній, потомъ прибавилъ громко:—Пора!

Маджаринъ ждалъ еще секунду, но видя, что Фрицъ молчалъ, опустилъ маску на лицо и вернулся на середину залы.

— Дать ему вина, сказалъ онъ слугѣ, указавъ на курьера.

Сходя съ лѣстницы, курьеръ слышалъ, какъ Венгерецъ опять сталъ биться на сабляхъ. Фрицъ выпилъ еще кружку рейнвейна и пошелъ далѣе исполнять порученіе мастера Несмера.

Отъ Рёмера, онъ пошелъ далѣе въ старый городъ. По-мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ нему, дома все болѣе и болѣе сближались, улица становилась уже, грязнѣе.

Фрицъ подходилъ къ Юденгассе, улицѣ, обитаемой одними Жидами. Тамъ ему труднѣе было отыскать указанный ему домъ, возлѣ въ узкихъ переулкахъ, надъ которыми виднѣлась только узкая полоса неба, былъ тяжелъ, наполненъ зловредными испареніями. Вездѣ слышалось глухое жужжанье дѣятельности постоянной, непрерывной, но скрытой, тайной, какъ-бы страшашейся шума и свѣта.

Казалось, древнія зданія рассказывали своимъ обитателямъ о притѣсненіяхъ и гоненіяхъ среднихъ-вѣковъ. Казалось, все трудолюбивое, озабоченное населеніе этой части города вспоминало прошедшія столѣтія и страданія своихъ праотцевъ.

Фрицъ съ изумленіемъ замѣчалъ великолѣпные экипажи, красивые, блестящія колеса которыхъ перерѣзывали слякоть, покрывавшую мостовую; экипажи эти останавливались у лавчонокъ, стоявшихъ со всѣмъ своимъ товаромъ не болѣе флорина. Но посреди молчаливыхъ прохожихъ ясно можно было отличить настоящихъ обитателей того квартала, по родственному сходству ихъ рѣзкихъ чертъ, по высокимъ мѣховымъ шапкамъ, по странному костюму...

Сильный вѣтеръ гналъ тяжелыя тучи по небу. По-временамъ накрапывалъ дождь, сильно стучавшій въ стекла оконъ при каждомъ порывѣ вѣтра. Иногда солнечный лучъ пробѣгалъ между двумя рядами грязныхъ зданій; тогда освѣщались самые мрачные закулки, и надъ остроконечными окнами, съ непрозрачными отъ пыли стеклами, можно было прочесть нумера домовъ и вывѣски, написанныя еврейскими именами.

Потомъ опять набѣгали тучи и опять наступала темнота, пересѣкаемая мѣстами слабымъ свѣтомъ лампъ въ окнахъ мрачныхъ мастерскихъ...

Было, однакожь, еще очень-рано. Десять часовъ утра пробило на многочисленныхъ башняхъ христіанскаго города.

Въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда солнце скрывалось за тучами,

Фрицъ вошелъ въ улицу, болѣе-мрачную и грязную, нежели та, которую онъ только-что оставилъ.

Онъ осмотрѣлся съ видомъ человека, сбившагося съ дороги. Онъ не припоминалъ ни одного изъ окружавшихъ его предметовъ. Посреди улицы протекала широкая канава, въ которой журчала грязная вода; по сторонамъ высились высокіе дома, почти касавшіеся навѣсами крышъ. Фрицъ прошелъ еще нѣсколько шаговъ, потомъ остановился, отчаяваясь найти дорогу безъ проводника.

— Гдѣ Юденгассе? спросилъ онъ перваго прохожаго.

— Это она и есть.

Фрицъ вздохнулъ радостно.

— Не знаете ли вы домъ Монсея Гельда? спросилъ онъ еще.

Прохожій указалъ ему на старый, обрушивавшійся домъ, и сказалъ:

— Вотъ онъ.

Фрицъ поспѣшно пошелъ къ указанному дому, находившемуся противъ маленькой кофейни. Съ улицы былъ входъ въ лавчонку. Нигдѣ не было ни вывѣски, ни надписи, по которой можно бы узнать имя или ремесло хозяина. Только возлѣ сырой, гнившей двери стояла пара сапоговъ, заржавленный трепожникъ и картонная подозрительная труба.

Кромѣ этихъ вещей, въ лавкѣ ничего не было.

Курьеръ вошелъ и спросилъ Монсея Гельда. Старуха, сидѣвшая въ лавочкѣ, встала, не говоря ни слова и, сдѣлавъ знакъ курьеру, чтобъ онъ слѣдовалъ за нею, вошла въ мрачный корридоръ, на концѣ котораго свѣтился огонѣкъ.

По обѣимъ сторонамъ корридора были затворенныя двери.

Только одна изъ нихъ была полураскрыта. Мимоходомъ курьеръ съ любопытствомъ заглянулъ въ нее и увидѣлъ обширную, хорошо-освѣщенную комнату, увѣшанную дорогими драпировками; полъ былъ покрытъ драгоценнымъ ковромъ; мебель, странныхъ формъ, далеко превосходила нѣмецкую роскошь; даже Фрицъ, засалъ благороднаго графа Гюнтера фонъ-Блутгаупта, не видалъ никогда ничего подобнаго!

Посреди комнаты смѣлялись и играли трое прелестныхъ дѣтей на шелковыхъ подушкахъ—двѣ дѣвочки, изъ которыхъ старшей было около десяти лѣтъ, и мальчикъ лѣтъ шести.

На диванѣ сидѣла женщина среднихъ лѣтъ, прелестная собою; она читала большую книгу въ бархатномъ переплетѣ и, по-временамъ, съ улыбкой любовалась дѣтьми.

При видѣ этой роскоши, рѣзко противорѣчившей съ несчастною наружностію дома Жюда Монселъ, Фрицъ невольно вскрикнулъ съ изумленіемъ.

Старуха оттолкнула его, и, сердито ворча, затворила дверь.

Курьеръ невольно обратилъ взоръ къ свѣту въ концѣ корридора. Тамъ былъ прилавокъ Монсея Гельда, то-есть довольно-обширная комната, вся меблировка которой состояла изъ конторки съ

нумерованными ящиками и двухъ соломенныхъ стульевъ. Множество самыхъ разнородныхъ вещей, покрытыхъ густымъ слоемъ пыли, лежали по угламъ: картины, опрокинутый диванъ, шелковые занавѣсы, связанные въ узелокъ вмѣстѣ съ бѣльемъ, двѣ арфы безъ струнъ, охотничьи ружья, матрацы, золоченые столовые часы, простыя фаянсовыя миски и дорогія фарфоровыя вазы.

Изъ-за конторки торчала съдая головка Моисея Гельда.

Это былъ человѣкъ чрезвычайно-худощавый, близкій къ дряхлости. Знавшіе его, утѣряли, что ему нѣтъ еще пятидесяти лѣтъ, но, по лицу, ему казалось за шестьдесятъ. Лицо его было блѣдно, щеки впали и испещрены желтоватыми пятнами, придававшими ему болѣзненный видъ. Черты его были неподвижны. Только въ глазахъ сверкала жизнь. Онъ говорилъ мало.

Передъ нимъ на конторкѣ лежали круглыя желѣзные очки, съ оконечностями, обернутыми кожей.

Возлѣ него стоялъ человѣкъ, обращенный спиною къ двери и показывавшій Жиду золотой перстень, украшенный гербомъ. Лица этого человѣка, закутаннаго въ широкій дорожный плащъ, нельзя было рассмотреть.

— Я уже сказалъ вамъ: — что больше восемнадцати брабантскихъ талеровъ не дамъ, говорилъ Жидъ рѣзкимъ, дребезжащимъ голосомъ:—берите, или съ Богомъ!

— Дайте двадцать талеровъ, прошу васъ, возразилъ путешественникъ:—мнѣ необходимо нужно двадцать талеровъ!

Въ это время Фрицъ перешагнулъ черезъ порогъ. Моисей услышалъ шаги его.

Онъ надѣлъ очки на узкій носъ, загнутый внизъ, какъ клѣвъ хищной птицы.

— Что тебѣ надобно? спросилъ онъ.

— Я изъ замка Блутгауптъ, отвѣчалъ посланный.

Незнакомецъ вздрогнулъ, но не оглянулся. На неподвижномъ лицѣ Жиды внезапно выразилось безпокойство.

— Ступайте, ступайте! сказалъ онъ скоро путешественнику.

— Дайте двадцать талеровъ! проговорилъ послѣдній:—займитесь пока своимъ дѣломъ; я, пожалуй, подожду.

Онъ надѣлъ шляпу и удалился, пробираясь между нагроможденными, запыленными вещами.

Фрицъ хотѣлъ-было посмотреть ему въ лицо, но оно было закрыто.

Ростовщикъ безпокойнымъ взоромъ слѣдилъ за незнакомцемъ.

— Подойди, сказалъ онъ Фрицу.

Потомъ прибавилъ шопотомъ:

— Ты пришелъ сюда?..

— По порученію мастера Цахеуса Несмера, управляющаго замкомъ Блутгауптъ, возразилъ Фрицъ.

Сырые глаза Жиды съ жадностію устремились на него.

— Мейстеръ Пахеусъ прислалъ меня сюда, чтобъ я сказалъ вамъ одно слово:—Пора!

Жидъ выслушалъ это слово совсемъ не такъ стоически, какъ кавадеръ де-Реньё или Маджаринъ Яносъ. Дрожащею рукою сталъ онъ поправлять очки.

— Пора! повторилъ онъ:—пора!..

Потомъ онъ прибавилъ мысленно и опустилъ глаза:

— Я бѣдный человѣкъ, и отецъ!.. Господи, Ты даровалъ мнѣ дѣтей... не покарай же меня за то, что я хочу сдѣлать ихъ сильными, могущественными на землѣ!..

Фрицъ стоялъ на одномъ мѣстѣ.

— Хорошо! сказалъ Моисей: — ты можешь идти.

— Мнѣ хочется пить, возразилъ посланный, ожидавшій третьей кружки рейнвейна.

— Ревекка! вскричалъ Моисей старухѣ: — дай ему воды выпить.

Фрицъ пожалъ плечами, отвернулся и вышелъ ворча.

Моисей поспѣшно всталъ и накинулъ на свой изношенный кафтанъ клеѣчатый плащъ. Онъ забылъ о незнакомцѣ.

— Двадцать талеровъ! проговорилъ послѣдній, медленно приближаясь.

Жидъ вздрогнулъ, открылъ одинъ глазъ и отсчиталъ эту сумму.

Путешественникъ отдалъ перстень.

— Можетъ-быть, сказалъ онъ, пристально смотря на ростовщика: — мы увидимся въ замкѣ Блутгауптѣ, почтенный мейстеръ Гельдъ... до свиданія!...

Жидъ сжалъ обѣими руками морщинистый лобъ.

— Господи, Господи! проговорилъ онъ: — не-уже-ли этотъ человѣкъ узналъ? не-уже-ли онъ угадалъ?... Прости мнѣ, Господи, я забочусь о счастьи моихъ бѣдныхъ дѣтей!...

Онъ пошелъ въ великолѣпно-убранную комнату, куда проникъ нескромный взглядъ Фрица.

— Руѣ, сказалъ онъ женщинѣ, сидѣвшей на софѣ: — мнѣ нужно вѣхать... Я жлу двухъ товарищей; съ ними поѣду я къ христіанину, у котораго купилъ имѣніе... Я пробуду тамъ два дня... можетъ-быть, и болѣе.

— Да сопутствуетъ тебѣ Господь, Моисей! отвѣчала женщина, подставивъ свой блѣлый лобъ поблекшимъ губамъ Жиды.

Улыбался и просилъ ласки, дѣти подбѣжали къ нему. Онъ обнялъ ихъ и съ наслажденіемъ любовался ими.

— Моя Сара! говорилъ онъ: — какъ ты будешь мила!... Эс-евръ, моя милая надежда!... Авель, возлюбленный сынъ мой!... Для васъ, для васъ однихъ!...

Онъ прижалъ ихъ къ своему сердцу съ страстною нежностью.

— Запри хорошенько всѣ двери, Руѣ, сказалъ онъ удаляясь: — у тѣхъ, кого я жду, прощательныя взоры... они не должны

знать, что заключается въ моемъ бѣдномъ жилищѣ... Господи, прибавилъ онъ вполголоса : — если они увидятъ мои сокровища, то могутъ подумать, что я богатъ, и ограбятъ меня!

Дверь затворилась за нимъ, когда онъ входилъ въ сосѣднюю комнату, находившуюся въ-уровень съ улицей.

Нѣсколько минутъ спустя, послышался стукъ копытъ на мостовой. Три всадника остановились у лавочки: то были кавалеръ де-Реньё, Венгерецъ Яносъ Георги и слуга съ лошадыю для Моисея.

— На коня! вскричалъ г. де-Реньё, не сходя съ лошади. — Торопись, мейстеръ Гельдъ, намъ далекая дорога... Сейчасъ, въ концѣ улицы, я увидѣлъ человѣка, съ которымъ не хотѣлъ бы встрѣтиться еще разъ...

Жидъ съ трудомъ взобрался на лошадь, а старая Ревекка стучала желѣзными запорами, снутри запиравшими лавку.

Сосѣди съ изумленіемъ спрашивали, по какой причинѣ Моисей Гельдъ такъ рано заперъ свою лавку.

Три всадника выѣхали изъ улицы. — Впередѣ скакалъ Маджаринъ. Онъ ловко сидѣлъ на лошади, и воинственный нарядъ былъ ему къ-лицу. Не одна Юднѣе, не одна Рахиль засматривались на красавца.

За нимъ ѣхалъ кавалеръ де-Реньё, одѣтый по послѣдней парижской модѣ: во фракъ яркаго краснаго цвѣта, съ неизмѣнно-пышными рукавами, съ закругленными тугими отворотами, съ узенькими фалдами, походившими на рыбій хвостъ; въ широкихъ панталонахъ съ безчисленнымъ множествомъ складокъ и прикрѣпленныхъ подъ саногами узенькими ремешками; въ черномъ галстухъ съ огромнымъ бантомъ; въ шляпѣ, суживавшейся кверху; съ прической à la Charles X и бакенбардами, подстриженными à la Guiche.

Онъ какъ двѣ капли воды походилъ на картинку *Журнала Портныхъ* 1824 года.

И на него смотрѣли дочери Израиля, но не такъ охотно, какъ на Яноса.

Жидъ ѣхалъ послѣдній, закутавшись въ свой клеѣнчатый плащъ и закрывъ лицо отвислыми полями старой шляпы, замѣнявшей, въ извѣстные случаи, мѣховую шапку.

Сначала, шоссѣ де-Реньё осматривался по сторонамъ съ видимымъ безпокойствомъ; но, по мѣрѣ удаленія отъ этой улицы, онъ принималъ болѣе-веселый видъ, и улыбка опять появилась на устахъ его. Жидъ былъ мраченъ: онъ не могъ забыть словъ незнакомца, продавшаго ему перстень.

Рысью выѣхали они изъ жидовскаго квартала и вступили въ христіанскій городъ. Г. де-Реньё сдѣлался очень-веселъ, и разговоръ его приносилъ честь французской любезности.

Но вдругъ онъ поблѣднѣлъ какъ мертвецъ, и начатая шутка замерла на языкѣ его.

Они подѣзжали къ старому валу.

Всадникъ, закутанный въ дорожный плащъ, такъ близко проѣхалъ мимо ихъ, что лошадь его чуть не столкнулась съ лошадью Маджарина.

Не оглянувшись, всадникъ поскакалъ далѣе.

Реньё остановилъ лошадь; на лбу его выступилъ холодный потъ.

— Узналъ ли онъ меня? проговорилъ онъ про-себя, не смѣя поднять глазъ.

Маджаринъ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ. — Жидъ разинулъ ротъ и задрожалъ.

— Онъ не видѣлъ васъ, сказалъ наконецъ Яношъ.

Мосё де-Реньё вздохнулъ изъ глубины души и, поднявъ глаза, смотрѣлъ вслѣдъ всаднику, продолжавшему спокойно удаляться.

Это былъ тотъ самый путешественникъ, котораго мы видѣли въ почтамтѣ и котораго Фрицъ называлъ виконтомъ д'Одмёромъ. — Моисей Гельдъ узналъ въ немъ незнакомца, продаваго ему дорогой перстень...

Физиономія г. де-Реньё совершенно измѣнилась. Въмѣсто улыбки, она приняла выраженіе коварное, жестокое; щеки его были блѣды; брови судорожно насулены.

Онъ закрылся плащомъ до самыхъ глазъ.

— И того два раза! проговорилъ онъ: — если мы встрѣтимся въ третій, я откажусь ото всего!

— Вы знаете этого человѣка? спросилъ Маджаринъ.

— Скорѣй, господа, скорѣй! вскричалъ Реньё вмѣсто отвѣта: — если онъ поѣдетъ по большой дорогѣ, такъ намъ останется проселочная!

Онъ прищипорилъ лошадь, и, плотнѣе закутываясь въ плащъ, продолжалъ:

— Я долженъ былъ ожидать этого!... Рано ли, поздно ли, но онъ долженъ былъ пріѣхать... а если пріѣхалъ, такъ намъ предстоитъ поединокъ на смерть... Господа, сказалъ онъ рѣшительно: — въ рукахъ этого человѣка все наше счастье; быть-можетъ, и наша жизнь... Онъ ѣдетъ въ замокъ Блутгауптъ, — я въ томъ увѣренъ!... Но онъ долженъ умереть на дорогѣ!

Прекрасное лицо Маджарина осталось холоднымъ; лицо же Жиды покрывалось смертною блѣдностью.

— Господи! Господи! проворчалъ онъ: — я тоже знаю навѣрное, что онъ ѣдетъ въ замокъ Блутгауптъ!...

Они проѣхали мимо садовъ, разведенныхъ на мѣстѣ древнихъ укрѣпленій. Въ это самое время, по гайдельбергской дорогѣ, мимо ихъ пронесся дилижансъ. На имперіалѣ сидѣлъ молодой человекъ въ красномъ плащѣ, съ которымъ мы уже познакомились въ почтамтѣ. Но побочный сынъ Блутгаупта, какъ называлъ его Фрицъ, казался, утробился: возлѣ него сидѣли еще два молодые человека въ такихъ же странныхъ плащахъ.

Съ другой стороны, по обернбургской дорогѣ ѣхалъ виконтъ д'Омёръ.

Три всадника повернули на извилистую проселочную дорогу, также ведущую въ Обернбургъ, и поскакали въ галопъ, съ намѣреніемъ перегнать одинокого путешественника.

II.

Блутгауптскій Адъ.

Виконтъ Ремонъ д'Омёръ опустил поводья и разсыпно глядя на дорогу, — мысль его была далека отъ окружавшихъ его предметовъ. Онъ думалъ о Франціи, гдѣ два существа, дорогія его сердцу, страдали, ожидая его возвращенія.

Г. д'Омёръ пріѣхалъ въ Германію за негодяемъ, лигившимъ его всего имущества. Другою причиною пріѣзда его было желаніе отыскать тайну смерти графа Ульриха фонъ-Блутгаупта, отца жены его.

То была мрачная тайна. Ульрихъ погибъ подъ ударами убійцъ, и имена этихъ убійцъ дошли до слуха г. д'Омёра, — но они были въ таинственномъ союзѣ съ могущественными лицами, находившись подъ скрытымъ покровительствомъ и хотя были люди безродные, неизвестнаго происхожденія и званія, однакожъ немалая полиція смотрѣла на нихъ сквозь пальцы и заткнувъ уши.

Говорили, что они въ этомъ случаѣ были орудіями неприступной воли. Говорили, что всѣ они принадлежали къ тайной полиціи, которую германскіе правители содержали еще долго послѣ паденія Французской-Имперіи.

Ихъ было шестеро. Трехъ мы уже знаемъ: — Маджарина Яноса Георги, кавалера де-Реньйо и ростовщика Моисея Гельда. — Другіе трое были: Цахеусъ Несмеръ, управляющій Гюнтера фонъ-Блутгаупта, старшаго брата несчастнаго графа Ульриха, — Фабрицій фонъ-Прэтъ и португальскій докторъ Хозе Мира.

Никто не преслѣдовалъ ихъ, хотя у графа Ульриха было много друзей. Трое сыновей его приняли бы на себя обязанность мстителей, но они сами были замѣшаны въ заговоръ *ландсманшафтовъ* и голоса изгнанниковъ не смѣли возвыситься передъ судомъ.

Они перебивали въ Йенскомъ, Мюнхенскомъ и Гейдельбергскомъ Университетахъ и слѣдовали по стонамъ отца — одного изъ пламенныхъшихъ противниковъ королей. Не смотря на ихъ молодость, они уже были начальниками университетскаго союза.

Имъ было по двадцати лѣтъ. Они были тройни — дѣти незаконнорожденные.

О нихъ говорили въ Пфальцѣ и въ Баваріи, но немногіе знали ихъ.

При жизни отца они жили въ замкѣ Роте, на берегахъ Рейна, напротивъ Гейдельберга; послѣ смерти Ульриха, вели кочевую жизнь, объѣзжая Германію во всѣхъ направленіяхъ и скрываясь во Францію, когда имъ грозила опасность.

Васаллы замка Роте питали къ нимъ пламенную, глубокую привязанность. Прочіе жители были сердечно расположены къ нимъ. Ихъ любили въ Германіи какъ героевъ балладъ и легендъ. Но къ этому участию примѣшивалась нѣкоторая боязнь. Въ жилахъ ихъ текла кровь Блаутгауптовъ, древняго рода, въ безконечныхъ преданіяхъ о которомъ самъ сатана игралъ немаловажную роль.

Увѣжая во Францію, они обыкновенно останавливались у виконта д'Одмѣра, мужа сестры ихъ, Елены.

Виконтъ Ремонъ давно уже былъ знакомъ съ фамиліей Блаутгауптовъ. Во время эмиграціи, онъ и отецъ его нашли убѣжище въ замкѣ Роте. Виконтъ прожилъ тамъ съ самаго своего дѣтства до паденія имперіи.

Въ то время, графъ Ульрихъ былъ розенкрейцеръ. Онъ всѣми силами старался о возстановленіи старшей отрасли рода Бурбоновъ и былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ *Добродѣтельного-Союза* — Tugendbund. Молодой виконтъ д'Одмѣръ дѣйствовалъ съ нимъ заодно, и оба сражались въ рядахъ противниковъ Наполеона.

Ульриху было суждено пасть подъ ножомъ убійцы.

Передъ смертію его, двѣ дочери графа были уже замужемъ: старшая, графиня Елена, вышла за виконта д'Одмѣра; младшая, графиня Маргарита, по разрѣшенію папы, вышла за своего дядю, старшаго брата отца ея, стараго графа Гюнтера фонъ-Блаутгаутъ.

Этотъ странный бракъ не могъ быть объясненъ взаимною привязанностью двухъ братьевъ: Гюнтеръ былъ характера мрачнаго, склоннаго къ уединенію; онъ весьма-рѣдко видался съ Ульрихомъ.

Но у Гюнтера не было дѣтей; слѣдовательно, выгодно было связать огромныя имуществы Блаутгаута. Кроме того, въ этой фамиліи искони было суевѣрное преданіе:

«Кровь Блаутгаута» гласило это преданіе «оплодотворялась сама собою, и всякій разъ, когда славное имя готово было исчезнуть, старый, дряхлый графъ находилъ хорошенькую и молоденькую племянницу или кузину, которую избиралъ себѣ въ супруги.»

Маргарита была кроткое дитя, неспособное противиться волѣ отца. Быть-можетъ, она ощутила уже первыя проблески любви; быть-можетъ, между соседями прекраснаго замка былъ молодой дворянинъ, видъ котораго вызывалъ яркій румянецъ на щеки молодой дѣвушки и заставлялъ ее опускать большіе, свѣтлые голубые глаза; но она повиновалась отцу и сдѣлалась женою старика.

Она обила опечаленныхъ братьевъ, простиалась съ ними и, не проливъ ни слезинки—ушла.

Тяжелая рѣшетка замка затворилась за нею и навсегда разлучила ее съ особами, дорогими ея сердцу.

Участъ Елены была не такъ печальна. Она страстно любила виконта д'Одмеръ и часто видѣлась съ братьями въ домѣ мужа, въ Парижѣ. Тамъ молодые люди забывали на время политическій долгъ, возложенный на нихъ отцомъ. Тамъ они бесѣдовали о настоящемъ и будущемъ счастья и съ улыбкой любовались прелестнымъ ребенкомъ, сыномъ Елены. Только одно облако омрачало ясность этихъ свиданій, исполненныхъ мирныхъ радостей—вспоминаніе объ участъ бѣдной Маргариты.

Что дѣлала она въ мрачномъ замкѣ Блутгауптъ?..

Графъ запретилъ тремъ сыновьямъ Ульриха являться къ себѣ; онъ ненавидѣлъ и презиралъ ихъ, потому-что они были незаконнорожденные.

У виконта почти не было собственнаго состоянія. Революція отняла у него наслѣдіе предковъ его. Онъ жилъ, однакожъ, въ довольствѣ, благодаря пенсіи, выплачиваемой ему графомъ Ульрихомъ, какъ приданое Елены.

Передъ женитьбой своей, онъ познакомился въ Парижѣ съ кавалеромъ де-Реньё, слывшимъ за хорошаго дворянина и довольно-хорошо принятымъ въ обществѣ. Нѣкоторые женщины находили его красавцемъ; нѣкоторые мужчины находили въ немъ умъ и храбрость, потому-что онъ очень-рѣшительно болталъ всякій вздоръ и умѣлъ затѣвать ссоры съ людьми, всегда уклонявшимися отъ поединковъ.

Никто не зналъ его происхожденія, хотя онъ самъ всегда называлъ себя столбовымъ дворяниномъ. Никто не зналъ источника его богатства, а онъ тратилъ столько денегъ, сколько нужно, чтобъ прослыть честнымъ человекомъ.

У него были постоянныя сношенія съ Германіей. Это самое обстоятельство и познакомило его съ виконтомъ д'Одмеръ, получавшимъ отъ него суммы, выплачиваемыя ему графомъ Ульрихомъ.

Г. де-Реньё исполнялъ возложенное на него порученіе съ любезной услужливостью и примѣрной аккуратностью. Онъ показывалъ виконту совершенную преданность, за что послѣдній искренно привязался къ нему.

Кавалеръ де-Реньё не замедлялъ воспользоваться этимъ положеніемъ дѣлъ. Онъ сталъ занимать у виконта деньги и, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ, востаній ввѣрилъ ему почти все свое состояніе.

Около того самаго времени воспослѣдовала внезапная смерть графа Ульриха. Ремонъ д'Одмеръ сначала не возмѣтилъ ни малѣйшаго подозрѣнія. Онъ поручилъ г. де-Реньё, бывшему въ то время въ Германіи, продать его долю наслѣдства и прислать ему вырученныя суммы.

Реньё очень-охотно исполнилъ первую часть порученія; но этимъ и ограничилась его услужливость.

Онъ написалъ виконту, что отдалъ всю сумму богатому франкфуртскому банкиру и совѣтовалъ оставить ее у него до первой надобности. Потомъ онъ вернулся въ Парижъ и сталъ вести разгульную жизнь.

Ремонъ д'Одмѣръ не подозревалъ ничего. Присутствіе Реньё въ Парижѣ еще болѣе его успокоивало. Виконтъ былъ богатъ. Прелестная, добрая жена любила его искренно. Маленькій Жюльенъ, сынъ его, походившій на мать, росъ и становился сильнымъ. У виконта было достаточно ума и сердца, чтобъ вполне насладиться этими благами. Въ цѣломъ мірѣ не было человека счастливѣе его...

Однажды утромъ, бѣдная женщина, въ старомъ, поношенномъ платьѣ, пришла къ виконту. Она долго разговаривала съ нимъ наединѣ въ кабинетѣ.

Въ тотъ же день, три путешественника, трое прекрасныхъ юношей въ багровыхъ плащахъ, подъѣхали къ дому виконта и были приняты имъ, какъ родные братья.

Бѣдная женщина, приходившая утромъ къ виконту, очень-часто произносила имя Реньё. Это же имя повторяли и молодые путешественники.

Когда кавалеръ явился, по обыкновенію, съ ежедневнымъ своимъ визитомъ, г. д'Одмѣръ принялъ его холодно, строго. Въ это утро, онъ узналъ и настоящее и будущее дерзкаго авантюриста, умѣвшаго снискать его довѣренность.

Благородная дворянская фамилія кавалера де-Реньё состояла изъ торгашей, имѣвшихъ лавчонку въ Тамплѣ, въ Парижѣ. Жакъ Реньё, съ-дѣтства пользовавшійся дурною славою у мелочныхъ промышленниковъ этой постоянной ярмарки, убѣжалъ въ одинъ прекрасный день изъ родительской лачуги и унесъ съ собою все, что было наличнаго и нѣсколько-ценнаго въ домѣ.

Отецъ его былъ старъ; онъ умеръ съ горя. Съ-тѣхъ-поръ мать, братья и сестры Жака жили въ постоянной нищетѣ, изъ которой не могли выйти, благодаря подрыву, сдѣланному имъ бѣдникомъ.

Надобно отдать, однакожъ, справедливость кавалеру: онъ не зналъ о нищетѣ своихъ родныхъ... до того ли ему было!

Съ виконтомъ въ кабинетѣ бесѣдовала мать его.

Трехъ же молодыхъ путешественниковъ звали: Отто, Альбертъ и Гёцъ; это были сыновья Ульриха фон-Блутгаупта и братья Елены.

Они открыли виконту то, что знали объ убіеніи отца ихъ; они назвали ему имена убійцъ, между которыми былъ и Реньё.

Человѣкъ, котораго Ремонъ называлъ своимъ другомъ, былъ воръ, шпионъ, убійца и почти отцеубійца!

Виконтъ не скрылъ своего негодованія и выгналъ Реньё. Кавалеръ былъ очень-доволенъ этимъ окончаніемъ дѣла, ибо ожидалъ худшаго.

Часъ спустя, онъ уѣхалъ изъ Парижа, не оставивъ по себѣ никакого слѣда.

По прошествіи четырехъ дней, г. д'Одмёръ узналъ, что Реньё обокралъ и его... и внезапно предъ виконтомъ разверзлась пропасть, поглотившая все его счастье.

У него ничего не осталось... Будущность его, столь свѣтлая еще наканунѣ, подернулась траурнымъ покровомъ.

Елена еще ничего не знала: онъ страдалъ одинъ, страдалъ долго и жестоко.

Онъ проводилъ цѣлые дни въ тщетныхъ поискахъ, стараясь открыть убжище Реньё, но Реньё спокойно путешествовалъ по Англіи и Италіи, тратя послѣдніе червонцы наслѣдства графа Ульриха.

Тяжко было г-ну д'Одмёръ сохранять передъ женою спокойное, ясное выраженіе лица. Сердце его переполнялось слезами, когда онъ смотрѣлъ на беззаботныя игры маленькаго Жюльена, граціозно улыбавагоса ему и матери.

Тогда Ремонъ поспѣшно уходилъ... бродилъ цѣлые дни по улицамъ, съ завистью смотря на жесткія руки работниковъ, трудами своими снискивающихъ пропитаніе цѣлому семейству!..

Однажды щеки Елены покрылись яркимъ румянцемъ подъ поцѣлуемъ мужа. Опустивъ глаза, но съ улыбкой на устахъ, произнесла она стыдливо нѣсколько словъ... Какъ бы онъ былъ счастливъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ!.. Но сколько горя причинила ему теперь эта ожидаемая вѣсть: Елена вторично готовилась сдѣлаться матерью.

Ремонъ прижалъ ее къ сердцу, и улыбкой старался отвѣчать на ея улыбку.

На другой день, онъ получилъ изъ Германіи извѣстіе о появленіи Реньё въ окрестностяхъ Франкфурта. Его видѣли въ замкѣ Блутгаупта, у стараго графа Гюнтера.

Подъ предлогомъ получить, наконецъ, наслѣдство графа Ульриха, Ремонъ немедленно уѣхалъ изъ Парижа.

По прибытіи во Франкфуртъ, онъ рѣшился немедленно отправиться въ старыя замки, надѣясь получить помощь, если и не отъ стараго графа, такъ отъ Маргариты... она такъ нѣжно любила свою сестру!

Отыскать Реньё и употребить всѣ средства, чтобъ заставить его возвратитъ похищенную сумму. Не постигнувъ еще всей гнусности характера этого человѣка, онъ надѣялся побѣдить его кротостью...

Маджаринъ, Монсей и Реньё первые прибыли въ Обернбургъ. Тамъ они перемѣнили лошадей и въ сумерки выѣхали изъ города.

Изъ Обернбурга въ Эссельбахъ вѣтъ почтовой дороги. Замокъ Блутгауптъ висится въ сторонѣ, на одну милю разстоянія отъ дурной проселочной дороги, ведущей изъ одного города въ другой. Путешественники, своротивъ на эту дорогу, опять вступили въ разговоръ.

Реньё по-своему рассказалъ двумъ своимъ товарищамъ то, о

чемъ мы сейчасъ сообщили читателю.

Жидъ безпрестанно восклицалъ «о вай!» и вздыхалъ. Яность Георга хмурилъ брови, и лицо его становилось болѣе и болѣе озадаченнымъ. Одинъ только кавалеръ де-Реньё сладко улыбался. Онъ насвистывалъ пѣсенку, бывшую тогда въ модѣ, и, казалось, радовался безпокойству своихъ товарищей.

— Надѣюсь, что вы не ждете, сказалъ наконецъ Маджаринъ, пристально смотря на Реньё.

Послѣдній молча кивнулъ головою.

— Но кто же разсказалъ ему?.. спросилъ опять Яность.

— Я никогда не видалъ побочныхъ сыновей, возразилъ Реньё: — но готовъ биться объ закладъ, что они въ этотъ день были у д'Одмёра.

— Какъ же они могли узнать?..

— Они, говорятъ, знаютъ многое!.. Но главное то, что виконтъ произнесъ всѣ наши имена, одно за другимъ.

— Господи! Господи! проговорилъ Жидъ.

Маджаринъ кулакомъ ударилъ по передку сѣдла.

— Виконтъ д'Одмёръ у насъ въ рукахъ, проговорилъ онъ вполголоса: — но гдѣ мы пойдемъ тройною?..

Путешественники свернули на горы, по которымъ тропинка вела къ замку стараго графа Гюнтера.

Вѣтеръ постоянно усиливался и гналъ черныя, свинцовыя тучи. Наступила ночь, и луна изрѣдка проглядывала между гоими вѣтромъ облаками.

— Блутгауптъ тамъ, сказалъ Реньё, указавъ пальцемъ на самую возвышенную изъ горъ, по которымъ они ѣхали: — виконтъ ѣдетъ туда... рѣшимся!

Они находились въ дикомъ мѣстѣ, гдѣ тамъ-и-сямъ росли дубовые кустарники и мелкій ельникъ. Въ пятидесяти шагахъ отъ нихъ начинались два ряда лиственницъ, образовывавшихъ по сторонамъ дороги массы темной зелени.

Реньё остановилъ свою лошадь.

— Тамъ Адъ!.. проговорилъ онъ, указывая на то же мѣсто.

— Я васъ не понимаю, сказалъ Маджаринъ: — вы говорите, что въ замокъ ѣдетъ человекъ, присутствіе котораго грозитъ намъ опасностью; теперь темно; я вооруженъ... чего же вамъ болѣе?

Реньё пожалъ плечами.

— Пистолеты нескромные помощники, проговорилъ онъ: — я вамъ говорю, что въ концѣ этой аллеи Адъ!..

— Грѣшно убить человека!.. сказалъ Жидъ, голосу котораго страхъ придалъ торжественную важность.

Реньё подѣхалъ къ Маджарину, и сказалъ нѣсколько словъ, указывая въ ту сторону, гдѣ, какъ онъ говорилъ, былъ адъ!..

Жидъ, державшійся въ некоторомъ разстояніи и съ невыразимымъ страхомъ прислушивавшійся къ шуму вѣтра, внезапно задремнулъ.

— Посмотрите! произнесъ онъ, указывая на аллею.

Реньё и Яносъ съ живостию повернули голову въ ту сторону. Они увидѣли что-то катившееся между ельникомъ. Это продолжалось одну минуту. Луна, то открытая, то закрываемая тучами, безпрестанно мѣняла тѣни и придавала неподвижной природѣ фантастическую жизнь.

Они не взрину глазами своимъ.

— Желаю вамъ успѣха! сказалъ Маджаринъ Реньё съ презрѣніемъ. — У всякаго свой обычай; а вашъ обычай мнѣ не нравится. Прощайте!

— До свиданія! возразилъ кавалеръ:—прошу васъ только побережь мнѣ мѣсто за ужиномъ!

Моисей Гельдъ, пользуясь даннымъ позволеніемъ, ударилъ своего коня хлыстомъ и усккалъ въ галонъ. Яносъ также ухалъ, но шагомъ.

Реньё остался одинъ посреди дороги. Онъ весь дрежалъ и смертная блѣдность покрывала его щеки.

Ему было страшно... но есть люди, которые боятся, но держатъ...

Ночь застигла виконта д'Одмеръ на полмили отъ стараго замка. Онъ задумчиво ѣхалъ по большой дорогѣ. Хотя онъ и провелъ большую часть молодости своей у брата графа Гюнтера, но никогда не бывалъ въ замкѣ Блутгауптъ.

Онъ ѣхалъ рысью и, полчаса спустя послѣ того, какъ своротилъ съ эссельбахской дороги, увидѣлъ передъ собою неподвижнаго всадника, занимавшаго середину дороги. Виконтъ, не обращая на него вниманія, проѣхалъ мимо.

Нѣсколько шаговъ далѣе, дорога раздѣлялась на двое. Одна вела къ замку, другая къ «Аду».

Виконтъ остановился въ нерѣшимости. Реньё предвидѣлъ это обстоятельство и сталъ медленно приближаться.

— Которая дорога ведетъ къ замку Блутгауптъ? спросилъ виконтъ.

— Я еду туда, мейнъ геръ, возразилъ Реньё, измѣнивъ голосъ: —на право, все право.

Виконтъ поблагодарилъ и поѣхалъ по дорогѣ къ «Аду».

Сначала, дорога была довольно гладкая, но мало-по-малу становилась до того неровною, что виконтъ долженъ былъ ѣхать со всевозможною осторожностію.

Реньё, медленно слѣдовавшій за нимъ, еще разъ замѣтилъ движущійся предметъ, поразившій Жиду за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ. Окрестные жители говорили, что въ окрестностяхъ замка Блутгауптъ и, въ особенности, «Ада», часто появлялись привидѣнія... но Реньё боялся только живыхъ.

Блутгауптскій Адъ, о которомъ мы уже нѣсколько разъ упоминали, есть продолговатая, глубокая пропасть, находящаяся на

возвышенной плоскости надъ проселочною дорогою изъ Эссельбаха въ Гейдельбергъ. Внутреннія стороны пропасти, образованной въ-слѣдствіе провала, поросли кустарникомъ, изъ-за котораго мѣстами проглядываютъ острые концы скалы.

Васаллы Блутгаупта знаютъ множество мрачныхъ преданій объ Адѣ, надъ отверстіемъ котораго сплетаются сучья кустарниковъ, образуя обманчивую зеленую поляну, которая поджидала жертвы. Часто заблудившійся путешественникъ въ сумерки заносилъ ногу надъ этою пропастью, на днѣ которой ожидала его неизбѣжная смерть...

Ночью же опасность была еще страшнѣе... и весьма-часто, утромъ путешественники находили на гейдельбергской дорогѣ трупы.

Взѣхавъ на вершину плоскости, лошадь виконта остановилась, уперлась передними ногами въ землю и вздула ноздри. Инстинктъ животнаго въ иныхъ случаяхъ выше ума чловѣка.

Луна скрывалась за тучами; было темно. Виконтъ д'Одмёръ наклонился впередъ, чтобъ узнать какое препятствіе останавливало ко-
ня его.

Реньё все приближался; онъ чувствовалъ, какъ холодный потъ выступилъ на лбу и на вискахъ его.

— Что вы остановились? спросилъ онъ, стараясь придать твердость своему голосу.

Г. д'Одмёръ прищипорилъ лошадь. Она не тронулась.

Реньё хотѣлъ уже бѣжать,—но прежде рѣшился испытать последнее средство и со всего размаха ударилъ лошадь виконта.

Испуганное животное скакнуло впередъ.

Обманчивая зелень разверзлась. Внутренность пропасти огласилась страшнымъ крикомъ... потомъ что-то глухо рухнулось на днѣ провала.

На крикъ несчастнаго виконта отвѣчалъ въ кустарникъ другой крикъ...

Реньё быстро повернулъ лошадь назадъ, и въ этомъ движеніи плащъ спустился съ плечъ его. Въ то же мгновеніе луна выступила изъ-за тучъ и освѣтила бѣлымъ свѣтомъ лицо убійцы на краю пропасти.

Реньё поспѣшно закутался въ плащъ и прищипорилъ лошадь; но изъ-за кустарника смотрѣли два блестящіе глаза...

Между-тѣмъ, какъ Реньё удалялся отъ мѣста убійства, изъ-за кустарника появилась красная ливрея Фрица, курьера Блутгаупта, также возвращавшагося изъ Франкфурта.

Фрицъ ползкомъ добрался до края бездны и приложилъ ухо къ землѣ.

Въ пропасти не слышно было ни малѣйшаго звука...

Фрицъ всталъ на колѣни и сотворилъ молитву по усоншемъ...

III.

Замокъ.

Кавалеръ де-Реньйô скоро прибылъ на то мѣсто, гдѣ дорога раздѣлялась на двое. Онъ съ трудомъ держался на свдѣлѣ.

Волненіе его было слѣдствіемъ не угрызеній совѣсти, а страха. Крикъ, раздавшійся за крикомъ жертвы его, два глаза, блестящіе во мракъ, поразили его невыразимымъ ужасомъ.

Но видя, что за нимъ не было погони, и, слѣдовательно, опасность была не такъ велика, онъ мало-по-малу приходилъ въ себя.

Каждую минуту вѣтеръ усиливался и страшно ревѣлъ въ чащѣ лѣса.

Реньйô проскакалъ мимо сѣрыхъ развалинъ древняго замка, поросшихъ мохомъ и кустарникомъ, и оттуда по легкому склону спустился къ восточному подножію горы, на гейдельбергскую дорогу. Оттуда видна была мрачная, громадная масса, зубчатая вершина которой рѣзко отдѣлялась отъ сѣняго неба. То былъ замокъ Блутгауптъ.

Реньйô остановился и окинулъ взоромъ обширныя поля, холмы и лѣса.

— И все это принадлежитъ старому глупцу Гюнтеру, думалъ Реньйô:—слѣдовательно, намъ... Чудесная добыча! Жаль, что я не одинъ... Шестая доля тоже недурна, но все-таки хуже шести долей!... Шестеро! продолжалъ Реньйô:—когда слишкомъ-много волковъ на слишкомъ-малую добычу, тогда волки грызутся между собою... Овладемъ сперва добычей, а тамъ посмотримъ, кто кого загрызетъ!...

И легонько хлещувъ лошадь, немедленно пустившуюся крупной рысью, онъ продолжалъ:

— Все въ этомъ мѣрѣ зависитъ отъ случая; вотъ, напримѣръ, лошадь, которая скоро прекрасно поужинаетъ, между-тѣмъ, какъ лошадь виконта д'Одмѣръ лежитъ на днѣ ада... ада! не хорошо слишкомъ-много знать!...

— Вы, кажется, вышли побѣдителемъ изъ поединка, мосье де-Реньйô? спросилъ внезапно чей-то голосъ.

Кавалеръ вздрогнулъ, узнавъ грубый голосъ Маджарина, одного изъ шести голодныхъ волковъ, о которыхъ онъ только-что думалъ. Однакожъ, онъ скоро поправился и отвѣчалъ съ принужденною веселостью:

— Я знаю способъ оставаться всегда побѣдителемъ, г. Георгъ.

— А нельзя ли и мнѣ узнать этотъ способъ?

— Онъ весьма-простъ: надобно всегда идти на-вѣрняка, возразилъ Реньйô.

Яношъ Георги поѣхалъ рядомъ съ кавалеромъ.

— Тѣмъ лучше, сказалъ онъ тихимъ, но рѣшительнымъ голосомъ:—это заставляетъ меня надѣяться, что вы никогда не пойдете противъ меня...

Кавалеръ сдѣлалъ рукою граціозный знакъ и кивнулъ головою.

Они подѣхали, наконецъ, къ стѣнамъ зámка.

То было громадное, въковое зданіе. Рука времени оставила на немъ многіе слѣды, и ядра тридцатилѣтней войны скрывались въ стѣнахъ его; не смотря на то, оно было твердо и, по мѣрѣ приближенія къ нему, явственнѣе становился феодальный характеръ его. Зámокъ вполне сохранилъ типъ того времени, когда владѣтели его, могущественные графы Блутгауптъ и Роте, защищали свое неприступное городище отъ сосѣдей — ландграфовъ, или сами налетали съ воинами, облитыми желѣзомъ, на сосѣднихъ владѣтелей.

Въ Германіи, древніе обычаи сохранились точно такъ же, какъ и памятники среднихъ вѣковъ. Нерѣдко встрѣчаются тамъ графы, считающіе себя такими же владѣтельными особами, какъ и король прусскій, котораго они все еще называютъ маркграфомъ бранденбургскимъ.

Фамилія Блутгауптъ, однакожь, мало-по-малу исчезала. Уже около столѣтія Блутгауптъ уничтожили знамя независимости и признали себя васаллами принцевъ-епископовъ вюрцбургскихъ; не смотря на то, они все еще были могущественны, какъ по богатству, такъ и по древности своего рода, о которомъ свидѣтельствовали столько же родословная, какъ и самый древній зámокъ ихъ.

Посреди громадныхъ стѣнъ, окруженныхъ валами и рвами, высилось зданіе сложнаго стила, страннымъ образомъ соединявшаго въ себѣ всѣ эпохи такъ-называемой готической архитектуры. Вокругъ этого зданія въ безпорядкѣ было разбросано множество домовъ, выстроенныхъ въ разные времена, по мѣрѣ возрастанія могущества Блутгауптовъ.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ некогда находился подъемный мостъ, была выстроена арка, противъ которой въ мрачныхъ воротахъ древняго зámка были еще видны заржавѣлые зубцы опускной рѣшетки и двѣ глубокія дыры, служившія для укрѣпленія дубовыхъ рукоятокъ, подымавшихъ и опускавшихъ тяжелый полъ подземнаго моста. Направо и лѣво виднѣлись двѣ тяжелыя, приземистыя башни, у подножія до того поросшія мохомъ, что не замѣтно было перехода отъ башни къ травѣ; между башнями виденъ былъ слѣдъ герба, поддерживаемаго остатками двухъ ангеловъ.

По общему характеру всего зданія, можно было заключить, что оно было выстроено до царствованія Карла-Великаго.

Непосредственно надъ воротами былъ выступъ, сложенный изъ огромныхъ камней, въ которыхъ пробиты отверстія фантастической формы. Этотъ выступъ, вѣроятно, служилъ сторожевою будкой.

Передъ мостомъ на скатъ горы лежали два или три дюжины хижинъ, составлявшихъ новую блутгаунтскую деревню.

Самый же замокъ возвышался на вершинѣ горы надъ всемъ подвластнымъ ему имѣніемъ.

Реньйо и Яносъ подъѣзжали къ замку съ восточной стороны. Первый бросилъ взглядъ, исполненный презрѣнія на благородное, гордое, вѣковое зданіе.

— Старая лачуга! проворчалъ онъ: — въ ней, однакожъ, достаточно матеріала, чтобъ выстроить великолѣпный домъ!

Яносъ ударилъ тяжелымъ молоткомъ въ ворота, потомъ указалъ пальцемъ на башню, возвышавшуюся надъ всемъ зданіемъ, съ платформой, служившей некогда для помѣщенія часовыхъ. Въ верхнемъ окнѣ этой башни свѣтился красноватый огонекъ.

— Старый глупецъ!.. сказалъ Реньйо, пожавъ плечами.

На всемъ фасадѣ замка освѣщены были только два или три окна. Огромный замокъ казался погруженнымъ въ тяжелый сонъ. Маджаринъ дожидеть былъ нестучаться нисколько разъ.

Наконецъ, желѣзная рѣшетка отворилась, скрививъ на державныхъ петляхъ, и путешественники вѣхали на первый дворъ.

Они спросили не графа Блутгаунта, а мейстера Цахеуса Неемера, его управляющаго.

Былъ седьмой часъ вечера. Въ обширной залѣ, слабо освѣщенной двумя лампами, сидѣли четыре человѣка вокругъ высокаго камина изъ чернаго мрамора. — Налѣво отъ камина стояла кровать съ массивными занавѣсами и балдахиномъ на четырехъ колонкахъ, выточенныхъ изъ чернаго дерева. Вокругъ кровати ширмы изъ ковровъ, образовывавшія ничто въ родѣ алькова. За ширмами находилась маленькая дверь въ круглую молельню, устроенную на одномъ углу зданія въ видѣ закрытаго балкона. Налѣво, украшенный красивою рѣзбою, молитвенники въ бархатныхъ переплетахъ и образъ, составляли все убранство молельни.

Между кроватью и каминомъ, на низкомъ, продолговатомъ столѣ было множество стекляночекъ съ длинными горлышками, чайникъ и серебряныя чашки. Отъ этого стола распространялся лекарственный запахъ, инстинктивно ненавидимый обоняніемъ, какъ запахъ, напоминающій болѣзнь, страданія.

По другую сторону кровати, за драпировкой, была пустая колыбель, украшенная бѣлой кисеей и цвѣтами и какъ-бы приготовленная для ожидаемаго новорожденнаго.

На другомъ концѣ залы сидѣли на табуретахъ въ глубокой амбразурѣ окна пажъ и служанка, и шопотомъ разговаривали между собою.

Пажу было восемнадцать лѣтъ. Густые, свѣтлорусые волосы его, расчесанные по срединѣ головы, ниспадали кудрями по сторонамъ бѣлаго, нѣжнаго лица его. Въ голубыхъ, обыкновенно

кроткихъ глазахъ юности, по временамъ сверкала молнія твердости и неустрашимости... Его звали — Гансъ Дорнъ.

Служанкѣ было шестнадцать лѣтъ. Она была прѣстенькая, наивная, хорошенькая дѣвушка, но безъ того лукавства во взорѣ, которыми отличаются французскія субретки. Свѣжесть лица ея была ослабительна. Въ чертахъ ея въ эту минуту выражалось безпокойство и, при малѣйшемъ шумѣ, страхъ. Но, по-временамъ, шутки пажы заставляли ее улыбаться и открывать рядъ жемчужныхъ зубовъ. Однакожъ улыбка ея была не продолжительна. Молодая дѣвушка какъ-бы раскаявалась въ своей веселости, — глаза ея обращались къ закрытой кровати и принимали выраженіе почтительнаго состраданія. Ее звали — Гертрудой.

Четыре человека, сидѣвшіе около камина, хранили мрачное молчаніе, изрѣдка прерываемое словами, произносимыми въ-полголоса.

Одинъ изъ этихъ людей, высокій, худощавый, съ педантическимъ лицомъ, схоластическими ухватками, вставалъ по-временамъ и просовывалъ лысую голову за занавѣсы кровати, откуда иногда слышался слабый стоны.

Онъ выливалъ въ чашку лекарство изъ двухъ-трехъ стеклянокъ и подавалъ больной. Потомъ возвращался на свое мѣсто, и каждый разъ графъ Гюнтеръ фонъ-Блутгауптъ, сидѣвшій на почетномъ креслѣ у камина, привставалъ и наклонялъ съдую голову въ знакъ признательности.

IV.

Гюнтеръ колдунъ.

Графъ Гюнтеръ фонъ-Блутгауптъ былъ дряхлый старикъ, на блѣдномъ лицѣ котораго была написана слабость ума и малодушное упрямство. Въсѣтъ съ тѣмъ оно сохранило выраженіе родовой дворянской гордости; но когда съдая голова гордо подымалась, въ мутныхъ, тусклыхъ глазахъ его выражалось боязливое почтеніе.

Онъ былъ полновластный хозяинъ въ своихъ владѣніяхъ; но смотря на то, внимательный наблюдатель легко могъ замѣтить таинственное рабство, тяготѣвшее надъ нимъ. Въ робкомъ взглядѣ, которымъ онъ смотрѣлъ на своихъ гостей, было почтеніе, нехотѣвшее па покорность.

Надъ головой его, на полкѣ камина, стоялъ золотой бокалъ, украшенный гербомъ Блутгауптовъ. У ногъ, на треножничѣ стоялъ сосудъ, въ которомъ кипѣла черповатая жидкость.

Каждые полчаса, высокій, худощавый человекъ наливалъ въ золотой бокалъ три или четыре ложки этой жидкости и съ почти-тельнымъ поклономъ подносилъ старому графу.

Гюнтеръ фон-Блутгауптъ операживалъ стаканъ, и легкая краска на минуту выступала на блѣдныхъ щекахъ его.

Возлѣ него сидѣлъ круглый толстякъ, безпрестанно погружавшійся въ легкую дремоту. Цѣлый лѣсъ желтоватыхъ волосъ спускался на широкій, выпуклый лобъ его. Красныя щеки его отвисли на воротнички рубахи, выпущенные изъ-за галстука; вообще вся фигура его походила на шаръ, одѣтый чернымъ фракомъ. Бѣлые, жирные, короткіе пальцы его покоились на кругломъ животѣ, и перстни, которыми они были украшены, сливали блескъ свой съ блескомъ множества разныхъ печатокъ, висѣвшихъ на цѣпочкѣ изъ-подъ жилета.

Этотъ толстякъ былъ мейнгеръ Фабрицій фан-Прэтъ, голландскій физикъ, любимецъ стараго графа и постоянный обитатель замка.

Подлѣ него сидѣлъ высокій, худощавый и серьезный докторъ Хозе-Мира, Португалецъ и лучшій врачъ во всей германской конфедераціи. Этотъ искусный докторъ не выходилъ изъ замка. Гюнтеръ фон-Блутгауптъ считалъ себя погибшимъ, когда терялъ изъ вида худощавую и остроконечную голову врача своего.

Фан-Прэту было сорокъ лѣтъ. Мира не дошелъ еще до тридцати. Знавшіе его говорили, что съ самой молодости онъ придавалъ лицу своему педантическое выраженіе. Другіе, знавшіе его еще короче — и такихъ было немного, — увѣряли, что это была только одна личина и что докторъ ожидалъ лишь богатства, котораго домогался, чтобъ помолодѣть.

Четвертый собесѣдникъ сидѣлъ напротивъ стараго графа. У него было одно изъ вполне-нѣмецкихъ лицъ — плоское, холодное, неподвижное, безвыразительное. Въ выраженіи его не было ни доброты, ни злобы, ни ума, ни глупости — ничего.

Между-тѣмъ, Цахеусъ Несмеръ, управляющій Блутгаупта, умѣлъ прекрасно вести дѣла если не господина своего, то свои собственныя.

Лѣтъ его невозможно было опредѣлить съ точностью. Ему могло быть и тридцать, и пятьдесятъ лѣтъ. Настоящій его возрастъ должно было искать между этими двумя границами.

Графъ Гюнтеръ питалъ къ Цахеусу неограниченное довѣріе. Цахеусъ былъ ему необходимъ для управленія его имѣніями, Мира для сохраненія его здоровья, а толстый фан-Прэтъ для мечтаній о будущихъ благахъ.

У графа Гюнтера были двѣ мечты, которыя онъ давно лелѣлъ съ упрямую любовію, неумолимою страстію.

Первая мечта была законная, естественная надежда, таящаяся въ глубинѣ сердца каждаго человѣка. Только старость Гюнтера была причиной сомнительнаго исполненія этой надежды: Гюнтеръ желалъ имѣть наследника. Онъ былъ послѣдній въ родѣ Блутгауптовъ, ибо три незаконнорожденные сына графа Ульриха, кото-

рыкъ онъ ненавидѣлъ и презиралъ, но имѣли право носить имя своего отца.

Но сколько первая мечта была естественна и возможна, столько же вторая была безразсудна и жалка.

Чтобъ объяснить ее, должно сказать, что Гюнтеръ фон-Блутгаунтъ никогда не принималъ участія въ дѣлахъ этого міра. Онъ провелъ всю жизнь въ глуши, въ своемъ старомъ замкѣ, вдали отъ мірскаго шума и идей вѣка. Происходили великіе перепороты, — онъ не слышалъ о нихъ; громъ битвъ раздавался по всей Европѣ, — старый Гюнтеръ не выходилъ изъ ограниченнаго круга, замѣнявшаго ему весь міръ. Чтò было за этимъ кругомъ — о томъ Блутгаунтъ не беспокоился.

Въ теченіи тридцати лѣтъ, Гюнтеръ фон-Блутгаунтъ не переступалъ за ограду своего парка; онъ уже забылъ, чтò такое городъ.

Въ древнемъ замкѣ его господствовало патриархальное гостепріимство, но онъ самъ не садился за столъ съ путешественниками, пресившими у него убжища.

Гости скоро забываютъ путь къ жилищу, дверь котораго растворяется только въ-половину. Дорога къ Блутгаунту поросла травою.

Въ то время, когда лѣта не уничтожили еще въ Гюнтерѣ жажды мужественной дѣятельности, онъ старался занять чѣмъ-нибудь изъ удивленіи свои праздныя силы. Сидя одинъ въ своей комнатѣ, онъ погружался въ размышленія... и тысячи идей самыхъ фантастическихъ, самыхъ невозможныхъ рождались тогда въ его воображеніи.

По-временамъ, запершись въ старинной библіотекѣ замка, онъ проводилъ цѣлые дни за книгами и рукописями. Не будучи въ состояніи отличать истины отъ лжи, мечты отъ дѣйствительности, онъ набивалъ себѣ голову старыми легендами и мало-по-малу сталъ вѣрить этимъ фантастическимъ сказкамъ.

Извѣстно, съ какимъ усердіемъ Германцы среднихъ вѣковъ занимались алхиміею. Эта страсть отъ ученыхъ сообщилась дворянамъ, и ни одинъ историкъ не исчислитъ множества графовъ, пфальцграфовъ, ландграфовъ, рейнграфовъ, гаугграфовъ, маркграфовъ и бургграфовъ, умершихъ въ сумасшествіи надъ кабалистическимъ котломъ, долженствовавшимъ превратить олово въ золото.

Преданіе гласитъ, что многіе изъ Блутгаунтовъ впадали въ это безуміе прошедшихъ вѣковъ. Въ библіотекѣ хранилось множество запыленныхъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ, описывавшихъ вѣрнѣйшіе способы достиженія великаго чуда.

Гюнтеръ фон-Блутгаунтъ съ жадностію прочиталъ все эти торжественныя бредни. Въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ читалъ, перечитывалъ, облуживалъ, сравнивалъ нелѣпости на латинскомъ, греческомъ или еврейскомъ языкахъ, — и сталъ вѣрить съ твердымъ убѣжденіемъ, внушаемымъ искуснымъ шарлатаномъ слабому жертовѣ.

Гюнтеръ далъ бы изрѣзать себя въ куски, но не отказался бы отъ своего убѣжденія.

Между-тѣмъ, странный стыдъ удерживалъ его долгое время. Онъ не рѣшался ступить за предѣлъ, отдѣляющій теорію отъ практики. Онъ глубоко проникъ въ сокровеннѣйшія таинства мрачной науки; но ему не доставало опытности, и онъ боялся погубить свою душу. Но, наконецъ, страсть, усилившаяся въ постоянной борьбѣ, превозмогла боязнь и стыдъ...

Олово стало плавиться въ печахъ его, и онъ сдѣлался алхимикомъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ!

Лабораторія его была устроена въ верхней комнатѣ башни, наиболѣе отдаленной отъ главнаго зданія. Онъ никому не повѣрялъ своей тайны, и чѣмъ менѣе успѣвалъ дѣлать золото, тѣмъ болѣе трудился: таково свойство всякой магии. Графъ трудился постоянно; отъ алембика онъ переходилъ къ книгамъ, отъ книгъ къ алембику... и ночью продолжалъ неконченный дневной трудъ, и утро заставляло его за работой...

Давно уже носились въ народѣ слухи о разныхъ чудесахъ и привидѣніяхъ, являвшихся въ стѣнахъ древняго замка. Въ Германіи преданія не скоро изглаживаются изъ памяти народа, и вскорѣ всѣ стали припоминать легенды о замкѣ Блутгауптъ, легенды, въ которыхъ сатана игралъ важную роль; окрестные жители бояливо проходили мимо мрачной ограды замка; и красноватый свѣтъ, блестящій цѣлую ночь на вершинѣ самой высокой башни, казался кровавымъ глазомъ демона, коварно взиравшимъ на окрестную страну.

Горцы и жители долины привыкли съ боязнію смотрѣть на замокъ. Всѣ дорожки къ нему гуще и гуще заросли травою.

Когда Маргарита, блестящая молодостью, свѣжестью и красотою, впервые ступила за рѣшетку замка въ качествѣ супруги, всѣ сожалѣли о милой, кроткой дѣвушкѣ, сдѣлавшейся неразлучною подругою слуги сатаны...

Цахеусъ Несмерть былъ уже въ то время управляющимъ Блутгаупта. Онъ уже обкрадывалъ своего господина, но съ твердымъ намѣреніемъ обокрасть его еще больше. Цахеусъ не вѣрилъ въ чорта. Онъ замѣтилъ, что Гюнтеръ просиживалъ цѣлые дни и ночи въ своей любимой лабораторіи, но не зналъ, чѣмъ онъ тамъ занимался: мысль о колдовствѣ не приходила ему въ голову.

Онъ думалъ, что если ему удастся открыть тайну своего господина, то онъ непременно разбогатеетъ: тайна — богатый рудникъ для того, кто умѣетъ употребить ее съ пользою.

Однажды ночью, Цахеусъ босикомъ пробрался по крутой лѣстницѣ на вершину сторожевой башни. Врядъ-ли на цѣлую милю въ окрестности нашелся бы другой человѣкъ, способный на такой подвигъ.

Цахеусъ приложилъ глазъ къ замочной скважинѣ и увидѣлъ

старого графа, трудившагося надъ плавильною печью и жидкимъ взглядомъ смотрѣвшаго на жидкость, находившуюся въ котлѣ.

Этого было достаточно Цахеусу. Онъ сошелъ внизъ, потирая руки, и, нѣсколько дней спустя, мейнгерь Фабриціи фан-Прэтъ явился въ замокъ.

Этотъ достойный мужъ былъ нѣкогда фокусникомъ и воздухоплавателемъ, но, разжирѣвъ, не могъ уже продолжать своихъ занятій. Онъ имѣлъ нѣкоторыя поверхностныя познанія въ физическихъ наукахъ и умѣлъ прикинуться глубокимъ ученымъ въ глазахъ доверчиваго графа.

Нѣсколько времени спустя, такимъ же образомъ былъ введенъ въ замокъ докторъ Хозе-Мира.

Исключительною обязанности фан-Прэта было производство золота. Хозе-Мира, обладавшій познаніями въ высшей медицинѣ, долженъ былъ доставить графу Гюнтеру средства оживить угасшій родъ Блутгауптовъ въ лице наследника. Съ помощью этихъ двухъ людей, всѣ слабыя струны графа были въ рукахъ управляющаго.

Цахеусъ имѣлъ уже всѣ средства, чтобъ обогатить себя и двухъ своихъ товарищей, но этого было недостаточно: кромѣ доктора и толстаго Голландца, у него были еще три сообщника, также требовавшіе своей доли. Для того, чтобъ каждая доля была хороша, надобно было овладѣть всѣмъ имуществомъ Гюнтера.

Графъ получалъ огромные доходы со своихъ имѣній. Но обращеніе свинца въ золото стоитъ весьма-дорого, особенно при содѣйствіи какого-нибудь мейнгера фан-Прэта. Цахеусъ объявилъ, что при такихъ обстоятельствахъ скоро всѣ имѣнія Блутгаупта будутъ проданы съ молотка. Но, показавъ зло, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ и средство предотвратить его.

Онъ зналъ франкфуртскаго Жида, человѣка испытанной честности, который, за приличный барышъ, съ радостію окажетъ помощь благородному графу, и Моисей Гельдъ также былъ введенъ въ замокъ.

Но такъ-какъ весьма-невыгодно было платитъ довольно-значительные проценты, то Цахеусъ Несмерть, постоянно заботившійся о выгодахъ своего господина, нашелъ наконецъ прекрасное средство помочь ему. Честный управляющій предложилъ графу продать свои имѣнія за пожизненную пенсію, вдвое превышавшую настоящіе доходы Блутгаупта.

Покупатель былъ на-лицо: Моисей Гельдъ ни въ чемъ не могъ отказать благородному графу.

Хотя послѣдній и привыкъ дѣйствовать во всемъ по совету мейстера Цахеуса, но не могъ съ-разу рѣшиться на такую крайнюю мѣру. Онъ по-своему любилъ хорошенькую Маргариту, выказывавшую ему дочернюю привязанность и съ кротостію исполнявшую малѣйшія прихоти стараго графа. Притомъ же, онъ все еще не те-

рять надежды имѣть наследника. Но управляющій предварительно обдумалъ все дѣло.

— Сохрани меня Богъ, говорилъ онъ: — отъ предложенія, могущаго повредить выгодамъ ея сіятельства графини Маргариты, или благороднаго наследника Блутгаупта!.. Мы можемъ распорядиться такимъ образомъ, чтобъ пенсія перешла и къ графинѣ, если — не приведи Боже! — она овдовѣетъ... Что же касается до втораго предположенія, то для него мы сдѣлаемъ особое условіе... рожденіе сына уничтожить всѣ права Гельда...

— А двойные доходы, заплаченные имъ? заштилъ графъ, вполнину убѣжденный.

— Въ законѣ сказано ясно, отвѣчалъ Цахеусъ: — «всякое условіе, основанное на какой-либо случайности, подвергаетъ покупателя потерѣ выплаченныхъ суммъ въ извѣстномъ, предвидѣнномъ въ условіи случаѣ».

Доказательства менѣе ясныя и положительныя убѣдили бы Гюнтера. Главною цѣлю его было выполнить начатое; и что будутъ значить тогда всѣ его имѣнія? Не будетъ ли ему достаточно простаго алембика и куска свинца, чтобъ сдѣлать сына своего богаче всѣхъ государей въ мірѣ?..

Онъ согласился и подписалъ актъ, искусно-составленный мейстеромъ Цахеусомъ Несмеромъ.

Съ того дня, Гюнтеръ сдѣлался счастливѣйшимъ дворяниномъ въ цѣлой Германіи. У Цахеуса всегда были деньги на-готовѣ; Фабрицій Фан-Прэтъ увѣрялъ, что скоро неутомимые труды ихъ увѣнчаются успѣхомъ, а португальскій докторъ клялся, что судя по всѣмъ признакамъ, у Блутгаупта скоро будетъ наследникъ.

Тотъ же неоцѣненный докторъ, узнавъ объ условіи, заключенномъ графомъ, составилъ напитокъ, который долженъ былъ разогрѣть Жида Моисея Гельда, продлить жизнь стараго графа на сто лѣтъ.

Все шло какъ-нельзя-лучше, и Гюнтеръ былъ окруженъ неоцѣненными друзьями.

Казалось, судьба захотѣла оправдать предсказанія доктора: Маргарита сдѣлалась беременною. Всѣ изумились, а докторъ болѣе другихъ.

Во все время беременности жены, Гюнтеръ продолжалъ плавить свинецъ, дистиллировать разныя снадобья и пить чудодѣйный жизненный эликсиръ.

Девять мѣсяцевъ прошли въ радости, но въ-теченіи ихъ графъ состарѣлся десятью годами.

Пріятели его видѣли, какой опасности подвергала ихъ беременность Маргариты, и потому приготовились отразить ударъ, имъ угрожавшій.

Девять мѣсяцевъ прошло, и въ это время Фрицъ былъ посланъ во Франкфуртъ.

Наступила пора...

Т. XLVI. — Отд. I.

7

На кровати, окруженной густыми занавѣсами, графиня Маргарита ощущала первыя страданія родовъ.

По странному—для одного графа—случаю, Фан-Претъ объявилъ ему, что въ эту самую ночь они достигнуть цѣли неусынныхъ трудовъ своихъ.

Въ лабораторіи яркое пламя пылало въ печахъ, и въ котлахъ кипѣлъ тонившійся металлъ.

Въ большой залъ вокругъ камина господствовало глубокое молчаніе, изрѣдка прерываемое шопотомъ Ганса и Гертруды, разговаривавшихъ въ амбразуръ окна, и слабыми стенами, раздававшимися за задернутыми занавѣсами.

Вдругъ послышалась странная музыка, сходившая какъ-бы съ небесъ. То играли часы на блутгауптской башнѣ. Когда музыка мончила, пробило семь часовъ. Посреди глубокаго молчанія долго разносилось въ воздухъ дребезжаніе стараго колокола.

Докторъ посмотрѣлъ на стѣнные часы, также готовившіеся бить.

— Прежде, чѣмъ стрѣлка обойдетъ еще разъ весь кругъ, сказалъ онъ:—у васъ, графъ, будетъ наследникъ.

— Въ то же время, прибавилъ Фан-Претъ:—на днѣ нашего котла будетъ золото.

Лицо Гюнтера приняло выраженіе добродушной радости.

— Это будетъ счастливая ночь для дома Влутгауптовъ! сказалъ Пахеусъ съ страннымъ выраженіемъ голоса.

— О, да, счастливый! счастливый день! воскричалъ Гюнтеръ:—но какъ время идетъ медленно!..

Докторъ всталъ и налилъ въ золотой бокалъ черной жидкости.

Гюнтеръ поднесъ стаканъ ко рту.

— Мнѣ кажется, что я пью жизнь, сказалъ онъ, съ признательностію взглянувъ на Португальца.

Внзлы, морщинистыя щеки его оживились на минуту; мгновенная молнія блеснула въ мутныхъ глазахъ его, — потомъ бѣлая бездѣльность покрывала щеки его, и угасла некра во взоръ.

Онъ сталъ дышать съ трудомъ и прижалъ морщинистыя руки къ груди.

— Дайте мнѣ еще пить, еще! воскричалъ онъ задыхающимся голосомъ.—Когда я не пью, дыханіе мое спирается и что-то явуче стискиваетъ сердце.

Голова его тяжело опустилась на плечо.

Фан-Претъ, Пахеусъ и Хозе-Мира помѣнялись быстрыми взглядами...

V.

КРОВАВОЕ ПЯТНО.

Каждый разъ, когда графъ выпивалъ бокалъ эликсира, составленнаго докторомъ, слабость его увеличивалась. Послѣ минутнаго обморока или охмеленія, онъ впадалъ въ тяжелую апатію.

Въ этотъ вечеръ, онъ ощутилъ сильнѣе обыкновеннаго дѣйствіе напитка. Минуту спустя послѣ того, какъ губы его коснулись золотаго бокала, онъ впасть въ забытіе, сохранивъ, однакожъ, неясное сознаніе того, что происходило вокругъ него.

Голова его, опущенная на грудь и какъ-бы находившаяся подъ давленіемъ невидимой тяжести, подымалась по-временамъ съ усиленіемъ. Угасшій взоръ останавливался поочередно на каждомъ изъ собесѣдниковъ, потомъ отяжелевшія вѣки опускались и голова опять упала на грудь.

Любопытный взоромъ Хосе-Мира слѣдилъ за всеми движеніями графа. Толстый Фабрицій фан-Прэтъ, спокойно усѣвшись въ кресло, смотрѣлъ на вышедшія съ собою ползвья и нисколько не помышлялъ о герметическомъ чудѣ, совершавшемся, по увѣренію его, въ лабораторіи, на вершинѣ сторожевой башни. Управляющій, Цархъ Нессеръ, занятый глазою отъ свѣта румою, холодно смотрѣлъ на своего господина.

Когда Гюнтеръ опять погружался въ забытіе, фан-Прэтъ появлялся на часъ и сказалъ тихимъ голосомъ:

— Какъ они долго не спятъ!

— Ст!.. онъ все слышитъ!.. возразилъ шопотомъ докторъ.

Графъ поднималъ голову, какъ-бы подтверждая слова донтора:

— Правда, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ: — долго!.. Очень-долго тянется время!.. очень-долго!..

Онъ тяжело вздохнулъ.

— Маргарита не причитъ! продолжалъ онъ: — я бы далъ сто сувереновъ, чтобъ услышать первый крикъ его... А котель... Скоро ли я увижу желтую, блестящую, горячую жидкость на днѣ котла... увижу ли я, какъ эта жидкость застынетъ и превратится въ плотную массу... О, какъ долго тянется время!

Онъ опустилъ голову на дрожащую руку; товарищи его молчали.

— Все тѣло мое холодно какъ ледъ, продолжалъ онъ: — только одно мѣсто въ груди моей горитъ, какъ-будто его жгутъ раскаленные желѣзные... пить! пить! Я задыхаюсь!..

— Не должно употреблять моего напитка во зло, сказалъ док-

торъ протяжно. — Приемы рассчитаны по правиламъ искусства: я дамъ вамъ пить въ извѣстное время.

— Но я страдаю! проговорилъ бѣдный старикъ:—еслибъ вы знали, какъ я страдаю!

Докторъ пощупалъ ему пульсъ.

— Графъ, отвѣчалъ онъ:— вы никогда не были такъ здоровы, какъ теперь.

Гюнтеръ хотѣлъ улыбнуться.

— Правда, правда, проговорилъ онъ: — я ужасно мнительнъ... но ожиданіе убиваетъ меня... долго ли мнѣ придется еще ждать!..

Потомъ онъ какъ-бы ожилъ и, устремивъ глаза на широкое лицо Голландца, продолжалъ, придавъ голосу своему ласкательный тонъ:

— Мейингеръ фан-Прэтъ, нельзя ли намъ сходить въ лабораторію и только приподнять крышку котла, чтобъ посмотреть, что тамъ дѣлается?

— Этотъ мы отсрочимъ превращеніе на иволжъ, съ вниманіемъ отвѣчалъ Голландецъ: — быть-можетъ, на годъ... впрочемъ, а теперь, какъ и всегда, къ услугамъ вашего сіятельства.

Онъ готовился встать. Гюнтеръ застоналъ.

За занавѣсами кровати послышался другой стонъ, и тихій женскій голосъ произнесъ имя Бога съ выраженіемъ болѣзненного страданія.

Морщинистое чело старика внезапно прояснилось; онъ повернулъ голову, ожидая болѣе-громкаго крика.

Но все опять утихло.

Докторъ отдернулъ занавѣсь. Свѣтъ отъ лампъ, косвенно проникнувъ между драпировкой, освѣтилъ женское лицо блѣдое и высохшее, на которой оно лежало. На кроткомъ, ниломъ лицѣ выражалась дѣтская невинность. Кудри блондурихъ, нежестокостныхъ волосъ висѣли около блѣдныхъ щекъ. Глаза были полуоткрыты, а изъ поблѣднѣвшихъ губъ, казалось, готовилась вылетѣть кроткая жалоба...

Докторъ, не говоря ни слова, пощупалъ ей пульсъ, задернулъ занавѣсь и воротился на прежнее мѣсто.

Старый Гюнтеръ опять впалъ въ мрачную анію.

Гаусъ и Гертруда, на которыхъ никто не обращалъ вниманія, замолчали при крикѣ молодой графини и смотрѣли на кровать съ грустнымъ сожалѣніемъ.

Опять наступила глубокая тишина. Только слышался ровный стукъ маятника старинныхъ часовъ и унылое завываніе вѣтра на дворѣ.

Слабый свѣтъ лампъ освѣщалъ только одну часть комнаты. Густые занавѣсы, заглушавшіе крики бѣдной страдальцы, мрачныя стѣны, высіяніе окна съ потресканными стеклами, освѣщаемыми по-временамъ луннымъ свѣтомъ, четыре человека, неподвижно сидѣвшіе у камина, составляли картину, внушавшую невольный ужасъ.

Когда зазыванье втра и скрипѣніе флюгеронъ становилось слышно, Гансъ и Гертруда вздрагивали и сближались.

Гертруда выросла въ замкъ; Гансъ былъ васалломъ покойнаго графа Ульриха и прибылъ въ Блаутгауптъ изъ Гейдельберга.

Они служили исключительно молодой графинѣ.

Послѣ краткаго молчанія, Гертруда заговорила первая:

— Я была еще ребенкомъ, когда прелестная графиня прибыла къ намъ. Говорить, молодыя женщины, недавно вышедшія замужъ, радостно улыбаются... но она была печальна... и когда она вошла въ эту комнату, мнѣ показалось, что на глазахъ ея выступили слезы.

— Вѣдная графиня! сказалъ Гансъ Дорнъ съ чувствомъ. — Тамъ, у насъ, въ замкъ Роте, она была очень-счастлива! Отецъ любилъ, братья обожали ее... и всѣ окрестные дворяне вздыхали по ней!.. Но, говорить, этотъ бракъ былъ необходимъ для благоденствія рода Блаутгауптовъ... Наврасно! Благородные молодые люди, которыхъ называютъ побочными сыновьями, съ честью поддерживали бы имя своего отца, который непременно призналъ бы ихъ своими законными наследниками... Но все устроилось иначе, и многіе увѣряютъ, что они сами того желали... Я еще очень-молодъ, но помню, какъ всѣ были счастливы въ прекрасномъ замкѣ Роте!.. Благородный Ульрихъ былъ въ цѣлѣ лѣтъ; молодые люди не считали себя равныхъ въ цѣлой странѣ; присутствіе молодыхъ графинь, Елены и Маргариты, казалось, призывало на древній замокъ благословеніе Господне...

«Теперь Ульрихъ умеръ... У него, говорятъ, были могущественные враги, которыхъ онъ преслѣдовалъ за несправедливости...

«Три сына его не наследовали имени отца: они незаконнорожденные. Я слышалъ, что и они вступили въ отчаянную борьбу... Кто знаетъ, имѣютъ ли они гдѣ приложить голову?

«Маргарита—жена старика, окруженнаго корыстолюбивыми промышляльниками!

«Одна графиня Елена счастлива. Да хранить ее Господь отъ бѣды! Она жена благороднаго Француза, любившаго ее съ дѣтства... Свадьба ихъ не походила на ту, о которой ты мнѣ сейчасъ рассказывала, Гертруда... И я былъ ребенкомъ въ то время, но при одномъ воспоминаніи объ этой свадьбѣ сердце мое наполняется радостію! Какъ они были счастливы и какъ любили другъ друга!»

Гансъ внезапно замолчалъ; послышался стукъ въ ворота.

Старый графъ вполнину раскрылъ глаза и произнесъ нѣсколько несвязныхъ словъ.

— Это они, сказалъ фан-Претъ.

Цахеусъ Несмерть всталъ и пошелъ къ окну.

Гансъ и Гертруда глядѣли уже съ любовнымъ восторгомъ на дворъ.

Ворота отворились, и на дворъ въѣхалъ всадникъ въ клеенчатомъ плащѣ.

Пахеусъ постоялъ съ минуту, но, увидяши, что ворота опять были затворены, воротился къ товарищамъ, вопрошавшихъ его вкорми.

— Одинъ Менсей, сказалъ онъ садясь.

Мира и толстый Голландецъ нетерпѣливо пожали плечами.

— Вѣчна новыя лица промышленниковъ или ростовщиковъ! проворчалъ пажъ, подолгивая свой табуретъ къ табурету хорошенькой горничной:—такіе ли люди должны окружать благороднаго графа фон-Блутгаупта?.. Гертруда, здѣсь готовится что-то надобное... Это такъ же вѣрно, какъ то, что я тебя люблю.

Свѣжія щеки молодой дѣвушки поблѣднѣли.

— Другъ мой, ты пугаешь меня, отвѣчала она:—а между-тѣмъ, убійственное предчувствіе сжимаетъ моя грудь... Теперь такъ, что наступать вѣчеръ, а я съ болезненнымъ нетерпѣніемъ жду утра!

— Если эта ночь будетъ послѣднею для кого-нибудь изъ насъ, возразилъ пажъ: — то да будетъ ему царствіе небесное!

Гертруда болезненно прижалась къ нему.

Гансъ обвилъ рукою талію молодой дѣвушки и прижалъ ее къ своей груди.

— Оставь, оставь меня, — сказала она: — грѣшно шутить у постели больной... лучше помолчимъ.

Гансъ, сжалившись надъ головою молодой дѣвушки, старался успокоить ее.

— Мы дѣти, говорилъ онъ улыбаясь:—и предаемся страху потому-что въ лица, окружающія насъ, пачуваны... потому-что на дворѣ зовывается вѣтеръ... Завтра въ колыбели будетъ прелестный ребенокъ, и мы съ тобой, Трудхенъ, выпьемъ бокалъ рейскаго вина за здравіе наследника Блутгаупта!

— Да услышишь тебя небо! прошептала Гертруда.

— У этихъ людей непріятныя лица, продолжалъ Гансъ, указывая на трехъ пріятелей Гюнтера: — по лицу не всегда видно души, и, быть-можетъ, они предобрые и частные люди... Расскажи-ка мнѣ лучше, Трудхенъ, что поговариваютъ о неожиданной беременности молодой графини?..

Гертруда промолчала нѣсколько секундъ, но она была женщина, и въ пятнадцать лѣтъ желаніе рассказать таинственную исторію—сильнѣе страха.

— Много говорятъ, отвѣчала она наконецъ: — и между-прочимъ такія вещи, которыхъ я не понимаю... Но слушай, Гансъ, я перескажу тебѣ все, какъ умѣю и какъ слышала.

«Нашъ графъ былъ уже два раза женатъ. Жены его умерли, не оставивъ ему дѣтей.

«Уже тридцать лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ вторую онустили въ могилу, и только двое или трое изъ самыхъ старыхъ служителей замка помнятъ ее.

«Въ-теченіе тридцати лѣтъ, графъ Гюнтеръ ни разу не жени-

ицалъ о вступленіи въ новый бракъ. — Онъ жилъ уединенно въ своемъ замкѣ, за рѣшетку котораго не ступалъ ни одинъ изъ окрестныхъ дворянъ. Даже братъ не навѣщалъ его.

«То, что я намѣрена тебѣ рассказать — странно, неувѣротно, но справедливо, потому-что всѣ говорятъ о томъ.

«Тридцать лѣтъ тому, Гюнтеръ ничего не зналъ о семействѣ своего брата. — Но по простествіи многихъ лѣтъ, онъ вдругъ сталъ осведомляться и узналъ, что у Ульриха были двѣ законнорожденныя дочери и три побочные сына.

«Ты, вѣроятно, слышалъ или видѣлъ огонекъ, постоянно свѣтавшійся въ верхнемъ окнѣ сторожевой башни? Это мѣсто, тогда, какъ и теперь, было любимымъ убѣжищемъ графа, проводившаго тамъ цѣлые дни. Никому неизвѣстно, что онъ тамъ дѣлалъ, но — да проститъ мнѣ Господь, если я грѣшу!.. поговариваютъ, что онъ былъ въ сношеніяхъ съ самимъ... сатаной.

«Свѣдѣнія, собранныя графомъ о братѣ, до того заняли его, что онъ нѣсколько дней сряду не входилъ въ свое любимое убѣжище.

«Онъ клялся небомъ и адомъ, что не позволитъ побочнымъ сыновьямъ носить имени Блутгаута, отправилъ нарочнаго къ брату, и въ то же время послалъ въ Римъ просить у папы разрѣшенія на бракъ съ племянницей...

«Нѣсколько времени спустя, бѣдная графиня Маргарита сдѣлалась женою графа Гюнтера.

«Всѣ говорятъ, что безразсудно на старости ожидать дѣтей, когда ихъ не было и въ молодости.

«Гюнтеръ опять сталъ вести прежнюю таинственную жизнь, но былъ уже не одинъ. Три человѣка, которыхъ ты здѣсь видишь, поселились въ замкѣ.

«Разнесся слухъ, что одинъ изъ нихъ былъ въ сношеніяхъ съ злымъ духомъ. Потомъ стали говорить, что старшій Гюнтеръ... продалъ душу дьяволу, обѣщавшему дать ему наследника... Вѣришь ли ты этому, Гансъ?»

— Нѣтъ, отвѣчалъ намъ, на открытомъ и смѣломъ лицѣ котораго выражалось наивное любопытство: — я вѣрую въ Бога и убѣренъ, что дьяволъ не имѣетъ власти заключать договоры съ грѣшниками.

Гертруда сомнительно покачала своей кудрявой головкой и возразила серьезно:

— Люди, которые старше и умнѣ насъ, вѣрятъ этому... Но что ты думаешь о трехъ красныхъ человѣкахъ?..

— О трехъ красныхъ человѣкахъ?.. повторилъ Гансъ.

Гертруда протянула пухленькую ручку въ стальные латанъ, висѣвшихъ по сторонамъ двери, на противоположномъ концѣ залы, и къ гербу Блутгаута, на которомъ были изображены на черномъ полѣ три окровавленные головы.

— Три красные человѣка, изображенные на гербѣ нашего рода.

подъ, сказала она торжественно: — три демона, берегущіе дочь Брутгаута... Гансъ, не-уже-ли ты никогда не слыхалъ о нихъ?

— Теперь помню, отвѣчалъ пажъ улыбаясь: — говорятъ, они являются передъ какимъ-нибудь важнымъ событіемъ... передъ свадьбой, родинами, покоронами... Ахъ, Трудхенъ, прибавилъ онъ, недоувѣрчиво пожавъ плечами: — можно ли вѣрить всѣмъ суевѣрнымъ преданіямъ... пустымъ сказкамъ!

— Это не сказка, возразила Гертруда.

— Какъ! ты вѣришь въ существованіе красныхъ людей?..

— Вѣрю по-неволѣ, Гансъ...

— Отъ-чего?

— Я видѣла ихъ!

Последнія слова она произнесла тихимъ, дрожащимъ голосомъ.

Гансъ не зналъ—вѣрить или смѣяться; но общее уныніе нѣмало на него слишкомъ-сильное вліяніе. Онъ почувствовалъ, какъ холодная дрожь пробѣжала по всѣмъ его членамъ. Улыбка исчезла съ лица его.

— Ты видѣла ихъ, Гертруда? сказалъ онъ, невольно понизивъ голосъ.

— Видѣла, повторила молодая дѣвушка.

— Когда?

— Сегодня ровно девять мѣсяцевъ... Это было въ такой же мрачный вечеръ, только было холоднѣе, и сѣверный вѣтеръ нагонялъ хлопья снѣга въ окна... Графиня Маргарита лежала на постели; лекарства доктора Миръ разстроили ея здоровье... вдругъ раздался стукъ въ ворота.

«Вошелъ путешественникъ. Никто въ цѣломъ замкѣ не зналъ его. Онъ былъ закутанъ въ широкій черный плащъ.—Около благороднаго, гордаго лица его висѣли длинныя, густыя кудри.

«Когда онъ вошелъ, Маргарита вскрикнула: — не знаю, отъ радости или горести...

«Незнакомецъ отъуживалъ за столомъ графа Гюнтера; потомъ удалился въ некой, отведенный ему Цахеусомъ Несмеремъ.

«Гансъ, тебѣ одному рассказываю я объ этомъ, потому-что ты поклялся быть моимъ мужемъ... Это тайна нашей госпожи, за которую я готова пожертвовать жизнью и даже... нашею любовью...»

Гансъ вѣжно поцаловалъ ея руки.

— Я счастливъ, что могу читать въ твоемъ добромъ сердцѣ, Трудхенъ, отвѣчалъ онъ. — Люби графиню Маргариту... люби ее болѣе меня!.. Она дочь благороднаго Ульриха, моего добраго господина; она сестра трехъ сиротъ, за которыхъ я самъ готовъ отдать жизнь!..

— И я люблю ихъ,—сказала молодая дѣвушка улыбаясь:— потому-что ты ихъ любишь... Слушай же, другъ мой; быть-можетъ, ты обьяснишь мѣ, чего я не понимаю...

«Было около полуночи. Я спала въ сосѣдней, вотъ той, комнатѣ. Шумъ вѣтра не давалъ мнѣ уснуть.

«Нѣсколько разъ я слышала легкій шорохъ въ комнатѣ моей госпожи. Но я думала, что она тоже не могла уснуть и безпокойно поворачивалась на постели.

«Видишь ли ты эту дверь, Гансъ, тамъ, за коврами, защищающими кровать больной отъ вѣтра?»

Гансъ утвердительно кивнулъ головою.

Гертруда указывала пальцемъ на дверь въ моленную. — Она была блѣдна и голосъ ея дрожалъ.

— Ужасно, ужасно!.. проговорила она, какъ-бы про-себя: — хоть бы мнѣ пришлось прожить сто лѣтъ, это никогда не выйдетъ изъ моей памяти...

«Эта дверь ведетъ въ моленную графини, изъ которой по узенькой лѣстницѣ выходъ на внутренній дворикъ. Со двора же выхода нѣтъ.

«До того дня, о которомъ я говорю, я не знала ни лѣстницы, ни дворика.

«Наконецъ, я стала засыпать, какъ вдругъ громкій ударъ заставилъ меня вскочить. — Мнѣ показалось, что кто-то сильно хлопнулъ дверью. Однимъ скачкомъ я очутилась въ комнатѣ графини.

«И вотъ что я увидѣла:

«Графиня Маргарита, блѣдная и страждущая, лежала въ постели, подъ вліяніемъ дѣйствія напитка, даннаго ей наканунѣ докторомъ Мирѣ: — прелестные волосы ея были распущены; казалось, она крепко спала. Между ею и мною былъ человекъ, вѣтеромъ прибывшій въ замокъ. Черный плащъ его лежалъ на полу. Однимъ коленомъ онъ стоялъ еще на постели... неподвижно, какъ-будто бы пораженный громомъ въ этомъ положеніи.

«Взоръ его былъ неподвижно устремленъ на дверь моленной.

«Я посмотрѣла туда же...

«Клянусь Богомъ, Гансъ, я говорю правду!...

«На порогъ стояли три красные человека...»

Пажъ невольно обратилъ глаза къ таинственной двери. На лицѣ его выражалась боязнь, смѣшанная съ любопытствомъ, возбужденнымъ до крайности.

— Меня разбудилъ не незнакомецъ, продолжала Гертруда: — но стукъ двери, съ шумомъ отворенной тремя красными людьми.

— Но почему же ты называешь ихъ красными? спросилъ Гансъ.

— Я видѣла ихъ такъ, какъ теперь тебя вижу, отвѣчала молодая дѣвушка: — тамъ стояли три человека, въ длинномъ красномъ одѣяніи; лицъ ихъ не было видно подъ шапками ярко-краснаго, какъ адскій пламень, цвѣта...

— Странно! произнесъ пажъ.

Гертруда продолжала:

— У каждого изъ нихъ была въ рукѣ длинная шпага. Въ трое были одного роста, одного вида.

«Неподвижность ихъ продолжалась минуту, показавшуюся мнѣ вѣчностью. Я осталась на одномъ мѣстѣ, неподвижная и пораженная ужасомъ. Такъ-какъ свѣтъ лампы не доходилъ до меня, то никто меня не замѣтилъ.

«Два красные человѣка пошли-было къ кровати, но третій установилъ ихъ повелительнымъ знакомъ и самъ ступилъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу незнакомца.

«Тогда только послѣдній пришелъ въ себя, поднялъ плащъ и отступилъ на середину залы.

«Красный человѣкъ сбросилъ съ головы шапку. Господи! что за ангельскія черты были у этого злаго духа!.. Онъ былъ молодъ, прекрасенъ собою, и черные какъ смоль волосы вились около задумчиваго чела его. Глаза его сверкали гнѣвомъ, а на устахъ была улыбка.

«Онъ взялъ шпагу у одного изъ своихъ товарищей и подалъ ее незнакомцу...

«Они не произнесли ни одного слова, и только звукъ шпагъ, ударявшихся одна о другую, прерывалъ ночную тишину.

«Графиня Маргарита не просыпалась.

«Не долго продолжался поединокъ. — Незнакомецъ упалъ наизничъ, громко вскрикнувъ.

«Графиня Маргарита внезапно проснулась, а я — ахнула съ ужасомъ...»

— И ты больше ничего не видѣла? спросилъ Гансъ.

— Не могу сказать, продолжительно ли было мое безпамятство, отъ начала молодой дѣвушки: — но когда я пришла въ себя, лежала въ кругу красныхъ людей сидѣли у изголовья графини, и она улыбалась мнѣ.

«Но все это походило на сонъ. — Все предметы представлялись мнѣ какъ въ туманѣ.

«Третій красный человѣкъ стоялъ на коѣнкахъ посреди залы, гдѣ происходилъ поединокъ. — Онъ вытиралъ полъ клочкомъ сѣраго платка; я думаю, что онъ хотѣлъ стереть слѣды крови...

«Изъ-за занавѣсы графиня не могла видѣть его.

«Трупъ незнакомца исчезъ.

«Потомъ третій красный человѣкъ также сѣлъ у изголовья графини, и я услышала, что они разговаривали шепотомъ...»

Гансъ взглянулъ на Гертруду, какъ-будто пораженный внезапною мыслию.

Гертруда не замѣтила этого движенія.

— Не знаю, о чемъ они говорили, продолжала она: — помню только, что тотъ, чья рука поразила незнакомца, вынулъ листъ пергамента и, поцаловавъ Маргариту въ лобъ, разорвалъ его на мелкие куски.

«Маргарита плакала...

«Все это происходило передъ моими глазами... но я не дотрала нитъ и думала, что нахожусь подъ вліяніемъ тягостнаго сновидѣнія.

«Отяжелѣвшія вѣки мои снова закрылись... Когда я вторично пришла въ себя, комната была уже освѣщена первыми лучами солнца. Графиня спала спокойнымъ, мирнымъ сномъ ангела.

«Въ комнатѣ не было никакой перемѣны. Всѣ двери были заперты.

«Ободравшая дневнымъ сномъ и не будучи въ состояніи продолжать безроковойнаго любопытства, я отворила дверь въ молельню. Сердце мое сильно билось, потому-что за порогомъ я ожидала увидѣть трупъ незнакомца.

«Но и въ молельнѣ все было въ прежнемъ порядкѣ. Я сошла по темной лѣсенкѣ и вышла на дворикъ.

«На сѣнгу не было ни малѣйшаго слѣда...»

Молодая дѣвушка замолчала и приложила руку къ волновавшейся груди.

— Но оставляютъ ли ноги демоновъ слѣды на землѣ?... продолжала она тихимъ голосомъ.

«Однакожь тогда я думала иначе. Я старалась увѣрить себя, что все видѣнное мною было сновидѣніе, и что я провела ночь въ лихорадочномъ состояніи.

«Я вернулась на верхъ и медленно осмотрѣла все предметы.

«Ничего! — Всѣ стулья были на мѣстѣ, и тщетно искала я глазами вокругъ кровати одного изъ тысячи клочковъ разорваннаго пергамента...

«Это мечта! сновидѣніе! повторила я.

«Но нѣтъ... то была не мечта, не сновидѣніе... Посмотри!»

И молодая дѣвушка пальцемъ указала на полъ.

— Посмотри, повторила она дрожащимъ голосомъ; — хотя красивый человѣкъ употреблялъ все усилія, чтобы стереть слѣды своего преступленія... но слѣды крови человѣческой нестербимы!...

Гансъ, посмотрѣвъ по направленію пальца молодой дѣвушки, увидѣлъ на запыленномъ полу большое темное пятно.

VI.

Гансъ и Гертруда.

Между-тѣмъ, графъ Гюнтеръ уснулъ. Сѣдая голова его покоилась на костлявой рукѣ. Жаль было смотрѣть на исхудавшее лицо несчастнаго старика и слышать тяжелое его дыханіе.

Не трудно было замѣтить, что въ истощенномъ тѣлѣ его было

уже очень-мале жизни. Казалось, смерть носилась уже надъ пожелтѣлымъ лбомъ его. Съ закрытыми глазами онъ походилъ на покойника.

Пользуясь сномъ его, Цахеусъ Несмеръ, фан-Прэтъ и докторъ поменялись нѣсколькими словами.

— Половина восьмого! сказалъ управляющій: — вотъ уже полчаса, какъ Жидъ прѣхалъ... Не намѣрены ли Яносъ и Реньйо измѣнить намъ?

— Если бѣ они отправились туда, куда я ихъ посылаю отъ всей души, проворчалъ толстый фан-Прэтъ: — такъ я очень-хорошо обошелся бы и безъ ихъ помощи!

Докторъ Мирá не сказалъ, но подумалъ то же самое.

— Реньйо хитеръ, возразилъ Несмеръ: — вы увидите, что онъ прѣдетъ, когда дѣло будетъ кончено.

— А красавецъ Маджаринъ, прибавилъ фан-Прэтъ: — не любить опасностей, отъ которыхъ нельзя защититься ни саблею, ни пистолетами... Впрочемъ, вѣдь теперь 31-ое октября и канунъ для всѣхъ святыхъ... Не встрѣтили ли они вѣдьмъ или лѣшихъ за Адамъ?...

Хосе-Мирá пожалъ плечами, а Цахеусъ старался ободриться.

— Что же касается до честнаго Монсея, сказалъ докторъ: — такъ онъ является всегда первый... но...

Онъ посмотрѣлъ сперва на Голландца, потомъ на управляющаго.

— Хе, хе! произнесъ онъ съ усмѣшкой, походившей на аленъскую гримасу.

— Хе, хе!... повторилъ Цахеусъ.

— Хе, хе, хо!... промычалъ толстый фан-Прэтъ.

— Конечно, конечно, сказалъ управляющій: — это дѣло рѣшнное... Мы, впрочемъ, можемъ очень-хорошо кончить дѣло, и дѣла каждаго изъ насъ удвоится.

— Удвоится, съ весьма-порядочною дробью, прибавилъ докторъ, любившій вѣрный счетъ: — вмѣсто одной седьмой, каждый изъ насъ получитъ цѣлую треть.

— Справедливо, возразилъ Несмеръ.

— Справедливо, подтвердилъ фан-Прэтъ.

И всѣ трое глубоко вздохнули.

— Вотъ что значать дурныя знакомства, продолжалъ Цахеусъ Несмеръ съ такимъ простоватымъ видомъ, что его можно было принять за честнѣйшаго филистера въ цѣлой Германіи.

— Вотъ послѣдствія дурнаго поведенія, прибавилъ достойный фан-Прэтъ.

— Мы бы не дошли до этого, очень-серьезно продолжалъ Цахеусъ: — если бѣ наши родители оставили каждому изъ насъ тысячу двѣ флориновъ ежегоднаго дохода...

Докторъ кивнулъ головою и всѣ трое опять взглянули на часы, внутренне проклиная медлительность протѣжниковъ.

— Посмотрите-на, докторъ, подвигается ли дѣло, сказалъ фан-Прэтъ.

Хвостъ-Мира просунулъ свою лысую и безобразную голову за занавѣски.

Не слышно было ни стоа, ни жалоба.

Докторъ веротился на свое мѣсто.

— Невозможно опредѣлить съ точностью, произнесъ онъ докторальнымъ тономъ : — всѣ средства, которыя натура человѣческая находитъ въ самой-себѣ, въ подобныя минуты... я сомнѣваюсь, чтобъ болѣзнь перенесла страданія родовъ... она достаточно нетошечна... однакожъ, какъ я уже имѣлъ честь докладывать вамъ, съ точностью нельзя опредѣлить...

— Такъ вѣдь на то есть лекарства, сказалъ съ коварной улыбкой Цахеусъ.

— Во всемъ надобно соблюдать осторожность, возразилъ докторъ. — Иныя средства ведутъ къ развязкѣ безъ сильныхъ сотрясений, самымъ естественнымъ образомъ... другія же оставляютъ не-пріятныя слѣды...

— Но если она разрышится, спросилъ фан-Прэтъ: — такъ когда?

Докторъ вытянулъ свои длинныя ноги.

— Это можетъ продлиться нѣсколько дней, отвѣчалъ онъ : — а можетъ случиться и черезъ часъ... У науки нѣтъ опредѣлительныхъ отвѣтовъ на нѣкоторые вопросы.

— Притомъ же, прибавилъ фанъ-Прэтъ, грубо засмѣявшись, можетъ-быть, дѣти дѣвола останутся олимпиадъ мѣсяцевъ въ утробѣ матери?...

Гансъ и Гертруда были слишкомъ удалены, и потому не могли слышать ни слова изъ предшествовавшаго разговора.

Гансъ былъ погруженъ въ глубокую задумчивость. Можно было подумать, что умъ его заходилъ за предѣлы разсказа Гертруды и находилъ въ словахъ ея таинственный смыслъ.

— Видѣла ли ты лица этихъ трехъ человѣкъ, Трудхемъ? спросилъ онъ послѣ краткаго молчанія.

— Я видѣла только лицо одного, отвѣчала она: — то было прелестное, кроткое лицо юноши.

Гансъ подумалъ еще нѣсколько секундъ.

— А что произошло въ замкѣ на другой день? спросилъ онъ.

Гертруда подумала, потомъ отвѣчала:

— На другой день, вездѣ искали гостя Блутгаупта: всѣ ворота были крѣпко заперты, а между-тѣмъ незнакомецъ исчезъ.

«Никто не зналъ о происшествіяхъ прошедшей ночи. Сама графиня, ввергнутая лекарствомъ доктора въ тяжелый сонъ, пришла въ себя только послѣ убійства незнакомца и нѣсколько разъ спрашивалась, куда онъ дѣвался.

«Никто не понималъ причины внезапнаго и необъяснимаго удаления его.

«Слуги и вассалы Блутгаупта стали поговаривать, что незнако-

мощь былъ самъ дьяволъ, призванный въ замокъ заговорщи Голландца ван-Прета. Слухъ этотъ разнесся по всей странѣ и вскорѣ никто уже не сомнѣвался въ томъ, что этой дучѣ былъ въ сношеніи съ обитателями замка.

«Когда узнали о беременности графини Маргариты, стали разсчитывать дни и... увидѣли, что сынъ ея будетъ сыномъ дьявола!...

«Одинъ только старый сокольникъ, котораго теперь нѣтъ уже изъ живыхъ, говорилъ, что зналъ незнакомаго. Онъ узнавалъ, что то былъ добрый дворянинъ изъ окрестностей замка Рото, баронъ Стефанъ ван-Родахъ, сватавшійся некогда на Маргариту и удалившійся изъ окрестностей Гейдельберга послѣ бракосочетанія нашей молодой графини...

— И точно!.. проговорилъ папъ, насунувъ брови:—я часто видалъ этого барона ван-Родаха въ замкѣ Ульриха; слухъ о смерти его точно распространился около того времени...

— Никто не хотѣлъ вѣрить старому сокольнику, продолжала Гертруда. — Во всѣ девять мѣсяцевъ между здѣшними вассалами не было другаго разговора; при тебѣ, Гансъ, они молчали и срывались, угадавъ твою преданность благородной дочери твоего прежняго господина.

— А развѣ они ее не любятъ? спросилъ папъ.

Возможно ли не любить ее? возразила Гертруда: — она такъ добра и крѣпка!.. Улыбка ея прелестна, и каждое слово обличаетъ страданія!.. Всѣ любятъ ее; всѣ сожалѣютъ о ней... въ той ночи около нея образовался таинственный кругъ... Даже бѣдствія ея устрашаютъ обитателей бѣдѣвшихъ хижинъ... Всѣ боятся касаться дѣровъ ея, и нишій охотнѣе готовъ голодать, нежели помянуться ея милостынями...

«Всѣ знаютъ, что она невинна, непорочна и благочестива, но между ею и адомъ есть злополучный союзъ!..

«Ты самъ сейчасъ говоришь о легендахъ и безчисленныхъ предсказаніяхъ касательно рода нашихъ господъ. Между прочими преданіями есть одно, въ которомъ ясно предсказывается рожденіе сына дьявола и немедленное истребленіе рода Влутгаутовъ:

«Сколько ужасныхъ вещей старыя обитатели горъ разсказывали при мнѣ по этому случаю!.. Они говорятъ, что при первомъ прикѣ дѣтища демона все рухнетъ...

«Когда графиня Маргарита съядается матерью, угаснетъ свѣтъ на сторожевой башнѣ, угаснетъ на вѣки.

«А всѣмъ извѣстно, что этотъ свѣтъ не что иное, какъ душа стараго Гюнтера, давно уже проданная духу зла...»

Сулереги бальной, проснувшейся отъ страшной боли, заколѣхала занавѣсы кровати.

Неизбежный столъ превратился въ разный крикъ.

Гюнтеръ поднялъ голову и открылъ глаза.

«Что это? спросилъ онъ. .

— Благородная графиня Маргарита... заговорилъ докторъ.

— Она кричитъ! прервалъ его старикъ, мрачное лицо котораго внезапно оживилось: — о!.. слушайте, слушайте, какъ она кричитъ!.. Говорятъ, что только дѣти мужескаго пола заставляютъ такъ сильно страдать матерей!

Докторъ утвердительно кивнулъ головою.

— Кричи, Маргарита, кричи, моя милая жена! продолжалъ старикъ съ улыбкой идиота: — я украшу прелестное чело твое жемчужной діадемой, а грудь алмазнымъ уборомъ, которому позавидуютъ королевы... Въдѣ я буду богаче всѣхъ королей въ мірѣ!

Въ этотъ разъ, Фан-Прэтъ кивнулъ головою.

Гюнтеръ посмотрѣлъ на часы.

— Часъ проходить! сказалъ онъ радостно: — металлъ кипитъ на днѣ котла; дѣтя движется въ утробѣ матери... О, счастливая ночь! счастливая ночь для дома Влутгауптовъ!

Маргарита болѣе и болѣе страдала; крики ея становились рѣзче; старикъ прислушивался къ нимъ съ наслажденіемъ...

Три сообщника оставались холодны и неподвижны.

Пажъ и молодая дѣвушка молчали; каждая жалоба графини отзывалась въ сердцахъ ихъ.

— Гертруда! вскричала Маргарита: — я умираю! Помоги, помоги мнѣ!...

Гертруда вскочила и бросилась къ постели.

Но докторъ предупредилъ ее; онъ сталъ между ею и больною.

— Гертруда! говорила бѣдная Маргарита: — не-уже-ли и ты покинула меня?

Молодая дѣвушка хотѣла оттолкнуть Португальца; слезы состраданія и негодованія выступили на рѣсницахъ ея.

— Не подходите! сказалъ Хосе-Миръ торжественнымъ голосомъ.

— Не графиня зоветъ меня! возразила Гертруда.

Докторъ съ силой оттолкнулъ ее и обратился къ графу.

— Безразсудная настойчивость этой дѣвушки увеличиваетъ опасность кризиса, сказалъ онъ.

Краска цѣва выступила на блѣдныхъ щѣкахъ старика.

— Прочь, негодная! вскричалъ онъ, грозя кулакомъ. — Какъ ты смѣешь не слушаться моего доктора!.. Докторъ здѣсь повелѣтельный хозяинъ, и всѣ должны повиноваться ему! Слышите ли?

— Гертруда, Гертруда! говорила Маргарита ослабѣвающимъ голосомъ.

Гертруда рыдая закрыла лицо руками.

— Не зовите Гертруды, графиня, сказалъ старикъ голосомъ полуповелительнымъ, полуласкательнымъ: — будьте благоразумны, прошу васъ: вы слышали, что сказалъ докторъ... мой лучший другъ!

Въ послѣдній разъ послышалось за занавѣсами имя Гертруды, какъ умирающее эхо.

— Онитъ! вскричалъ Гюнтеръ, топнувъ ногою: — простите ей,

докторъ, она еще очень-молода... Полно, Гретхенъ, другъ мой, слушайся своего добраго мужа и будь спокойна!.. Гертруда ушла... ея нѣтъ здѣсь... она умерла!.. Если ты перестанешь звать ее, я подарю тебѣ перстень съ рубиномъ въ десять тысячъ франковъ.

Кризисъ прошелъ; Маргарита уже не кричала.

Старикъ потерялъ свои костлявыя руки съ бессмысленной улыбкой.

— Видите ли, какъ я скоро уговорилъ ее? сказалъ онъ доктору.

— Одно слово вашего сіятельства, отвѣчалъ Португалецъ: — побеждаетъ самую боль.

— Я дѣлаю изъ Гретхенъ что хочу, продолжалъ старикъ: — вѣдь она меня очень любитъ!.. По въ награду, докторъ, вы должны дать мнѣ каплю жизненнаго напитка.

Хосе-Мира посмотрѣлъ на часы.

— Я счастливъ, что могу удовлетворить желанію вашего сіятельства, сказалъ онъ:—полчаса прошло.

Онъ наполнилъ золотой бокалъ, и графъ съ жадностію опорожнилъ его.

— Благодарю, сказалъ онъ.—Богъ васъ наградитъ...

Гертруда, печальная и грустная, воротилась къ пажу, съ нѣмымъ изумленіемъ слѣдившему за всѣми движеніями доктора.

На лицѣ Ганса выражалось безпокойное подозрѣніе.

— Въ первый ли разъ тебя не допускаютъ къ графинѣ? спросилъ онъ.

— Во второй, возразила Гертруда.—Нѣсколько часовъ тому, графиня также звала меня; но этотъ человѣкъ не пустилъ меня къ ней.

— По какой причинѣ?

— Сегодня утромъ онъ видѣлъ, какъ графиня дала мнѣ письмо и ключъ... Когда я вышла изъ комнаты, онъ побѣжалъ за мною... но не догналъ.

— Что же это было за письмо?

— Я умѣю читать только молитвенникъ, отвѣчала Гертруда не-красивъ. — Графиня велѣла мнѣ отдать письмо и ключъ Класу, ягерю, вмѣстѣ съ тобою пріѣхавшему сюда изъ замка Рёте... Класъ тотчасъ же ускоркалъ и до-сихъ-поръ не возвращался.

Гансъ задумчиво опустилъ голову на руку.

— Письмо... проговорилъ онъ:—и ключъ!

— Я дурно поступила, рассказавъ тебѣ объ этомъ, сказала Гертруда:—потому-что графиня приказала мнѣ хранить это въ тайнѣ.

— Тайнѣ нашей графини никто не вырветъ изъ груди моей, отвѣчалъ пажъ, молодое и открытое лицо котораго озарилось восторгомъ:—враги ея могутъ убить меня... но не вырвутъ ни слова!

Гертруда сжала руку Ганса.

— Ты добръ, сказала она:—и я люблю тебя.

Молодые люди просидѣли нѣсколько минутъ въ молчаніи.

Гертруда находилась подъ вліяніемъ необъятнаго страха. Гансъ погруженъ былъ въ думу.

Наступило молчаніе. Вѣтеръ утихъ. Вмѣсто луннаго свѣта, на мгновеніе освѣщавшаго цвѣтными стеклами оконъ, за ними распростра- нялся однообразный, блѣловатый свѣтъ.

Гансъ посмотрѣлъ на трехъ человѣкъ, окружавшихъ дремавшаго старика.

— Чѣмъ болѣе я думаю, — сказалъ онъ, отвѣчая на собственную мысль: — тѣмъ страшнѣе кажутся мнѣ эти тайны.

Гертруда слушала его блѣднѣя.

— Чего же ты боишься, другъ мой? спросила она.

— Не знаю, возразилъ нажѣ. — Посмотри, какъ графъ Гюнтеръ похожъ на человѣка, готоваго умереть!..

Гертруда посмотрѣла и задрожала.

— Правда, проговорила она.

— Графъ при смерти, продолжалъ Гансъ: — графиня въ рукахъ этого доктора!.. Есть люди, Гертруда, которые въ злобѣ не уступаютъ демонамъ и то... чего опасаются васаллы Блутгаупта, можетъ очень-легко случиться и безъ содѣйствія ада.

— Что ты хочешь этимъ сказать? спросила молодая дѣвушка, пораженная ужасомъ.

Гансъ покачалъ головой и не отвѣчалъ.

Послѣ краткаго молчанія, лицо молодой дѣвушки прояснилось: утѣшительная мысль мелькнула въ умъ ея.

— Гансъ, сказала она съ наивною увѣренностью: — я надѣюсь, что ты ошибаешься!

— Дай то Богъ!

— Еслибъ должно было случиться несчастье, продолжала Гер-труда, опутивъ глаза: — три красные человѣка не замедлили бы явиться!

Не смотря на свое уныніе, Гансъ не могъ не улыбнуться.

— Кто знаетъ, отвѣчалъ онъ: — можетъ, они еще явятся!

Въ то же мгновеніе онъ всталъ, какъ-бы желая свергнуть иго тягостнаго безпокойства, подошелъ къ окну и разсѣянно взглянулъ на дворъ...

На невольное восклицаніе Ганса и Гертруда бросилась къ окну.

Густой снѣгъ покрывалъ обширный дворъ.

Гертруда сильно сжала руку Ганса.

— На дворъ было также много снѣгу, проговорила она тихимъ голосомъ: — въ ту ночь, когда я видѣла красныхъ людей.

— Суевѣрная! сказалъ Гансъ, принужденно улыбаясь.

Но въ эту минуту онъ невольно вздрогнулъ, а Гертруда съ ужа-сомъ отскочила отъ окна.

Кто-то сильно стучался въ ворота.

VII.

Ужинъ.

Страхъ Ганса и хорошенькой Гертруды былъ напрасенъ: не красивые люди постучались въ ворота замка Блутгаупта, а кавалеръ де-Реньйо и Маджаринъ Яношъ Георги.

Отдавъ лошадей конюху, они взошли на широкое крыльцо, между плитами котораго пробивалась трава, вступили въ сѣни, потомъ въ оружейную залу съ плоскимъ сводомъ, и наконецъ въ древнюю залу суда, занятую въ настоящее время слугами и служанками, спокойно расположившимися вокругъ огромнаго камина.

Замокъ Блутгауптъ былъ въ такомъ запустѣннѣи, огромныя службы его были такъ ветхи, что слуги не могли жить въ нихъ и мало-по-малу переселились въ нижнѣе покои главнаго зданія. Графъ Гюнтеръ, предавшійся всею душою своимъ химерическимъ мечтаніямъ, ни мало не заботился о томъ, что у него двѣсти, предоставивъ это своему управляющему.

Цахеусъ же, ради собственной пользы, долженъ былъ беречь слугъ, и хотя они не любили его, однакожъ не могли жаловаться на строгость.

Но, во всякомъ случаѣ, новые обитатели старинной залы суда были хоть и не дворяне, но весьма-важныя лица. Такъ, напримеръ, Блазіусъ, метр-д'отель, получалъ сто флориновъ жалованья въ мѣсяцъ. Фрау Дезидерія, ключница, не уступала ему въ важности. У нихъ были особыя кресла, обитыя кожей, на которыхъ они возсѣдали передъ прочими слугами. За ними слѣдовали кастелянша; далѣе, сокольникъ Готлибъ, человекъ праздный въ полнотѣ смысла этого слова; свидѣльникъ Арнольдъ, оружейникъ Лео, охотникъ и охотники, весело шутившіе съ хорошенькими служанками, недостижными еще ни лѣтъ, ни важности фрау Дезидеріи.

Реньйо и Маджаринъ прошли черезъ это важное собраніе и направились къ покоямъ мастера Цахеуса Несмера, гдѣ уже ждалъ ихъ Жидъ Моисей Гельдъ.

Управляющій устроилъ себѣ квартиру въ восточномъ концѣ замка. Большая разница была между его комнатами и запущенными покоемъ прочей части зданія. Вездѣ въ окнахъ были цѣлыя стекла, старые замки и задвижки, съѣденныя ржавчиной, были замѣнены новыми. Мастеръ Цахеусъ устроилъ изъ своей квартиры настоящую маленькую крѣпость.

Фан-Претъ и Хозе-Мира жили на противоположномъ концѣ замка, близъ покоевъ графа, постоянно нуждавшагося въ услугахъ этихъ умныхъ и полезныхъ людей.

Появленіе Реньйо и Маджарина произвело сильное волненіе между челядью: всѣ слѣдили за ними глазами съ любопытствомъ.

— Какъ хорошъ собою французскій дворянинъ! сказала фрау Дезидерія.

— Мнѣ кажется, его нельзя сравнить съ благороднымъ Венгерцемъ, возразила Лоттхенъ, жена курьера Фрица.

Лисхенъ, Луисхенъ, Рикхенъ, Этхенъ, Минхенъ, Нетхенъ и Ресхенъ присоединились къ тому или другому мнѣнію и образовали двѣ партіи трештокъ.

— Не въ томъ дѣло, хороши они собою или нѣтъ, сказалъ конюшій Иоганнъ:—только фizioноміи ихъ мнѣ не нравятся.

— Это хищныя птицы, прибавилъ фермеръ Германнъ:— всякій разъ появленіе ихъ предсказываетъ какое-нибудь бѣдствіе.

Женщины пожали плечами.

— Благородный замокъ Блутгауптъ всегда славился своимъ гостепріимствомъ, съ важностію замѣтилъ метр-д'отель:— и потому совитую тебѣ, Германнъ, умѣреннѣе выражаться на-счетъ гостей нашего господина.

— Да это гости не его, проворчалъ фермеръ:—а управляющаго и проклятаго Голландца, который скоро созоветъ сюда всю пресудию!

Фрау Дезидерія перекрестилась, и всѣ женщины послѣдовали ея примѣру. Развлеченные на минуту появленіемъ гостей, всѣ опять вернулись къ прежнимъ суевѣрнымъ идеямъ, и въ залѣ наступило глубокое молчаніе.

— Должно-быть, графиня не разрышилась еще отъ бремени, сказалъ одинъ изъ конюховъ, входя въ залу:—на сторожевой башнѣ виднѣтъ еще свѣтъ.

Въ это же время, въ залу вошелъ курьеръ Фрицъ, воротившійся изъ Франкфурта. Хотя платье его промокло насквозь, однакожь онъ не подошелъ къ камину. Лицо его было блѣднѣе снѣга, покрывавшаго его ливрею.

Онъ сѣлъ въ уголъ и не отвѣчалъ на вопросы жены, суетавшейся около него. Глаза его были неподвижны и какъ-бы устремлены въ страшное видѣніе, носившееся передъ нимъ.

— Если тамъ горитъ душа Блутгаупта, проговорила фрау Дезидерія:—то дай Богъ, чтобъ она еще долго, долго не угасала!

— Не мѣшайте имя Бога въ эти дѣла! проворчалъ фермеръ Германнъ.

— Ахъ! вскричали въ одинъ голосъ Лисхенъ, Луисхенъ, Лоттхенъ и компанія:—мы получаемъ здѣсь хорошее жалованье, и дѣлать нѣчего; но лучше встѣ черный хлѣбъ, нежели безпрестанно бояться дьявола!..

— Потерпите, красавицы, возразилъ конюшій Иоганнъ:—не долго вамъ бояться... Когда сынъ дьявола родится, весь замокъ обрушится!..

Дрожь пробѣжала по всему обществу, и посидѣвшія губы мастера Блазуса не имѣли силы пошевелинуться, чтобъ пошурить конюшняго.

Въ время молчанія, послѣдовавшаго за этой страшной угрозой, дверь въ залу отворилась, и Цахеусъ явился на порогъ. За нимъ слѣдовалъ мейнеръ фан-Прэтъ.

Видъ Голландца, съ широкаго, сытнаго лица котораго не сходила улыбка, всегда наводилъ непобѣдимый ужасъ на слугъ Блутгауптскаго-Замка. Онъ зажегъ огонь на вершинѣ сатанинской башни; онъ служилъ посредникомъ между старымъ графомъ и адомъ.

Появленіе его въ подобную минуту довело до крайности ужасъ всего общества слугъ. Хотя въ наружности его не было рѣшительно ничего адскаго, однакожь всѣ женщины отвернулись, чтобъ не видѣть его, а фрау Дезидерія опять принялась креститься.

Мужчины же бросали на него мрачные взгляды, въ которыхъ было столько же ненависти, сколько и боязни.

— Мейстеръ Блазіусъ, сказалъ Цахеусъ дворецкому:—прикажи-те подать ужинъ его сіятельства въ комнату графини... Что же касается до моего ужина, то пошлите его сейчасъ же ко мнѣ.

Блазіусъ поклонился.

— Ну, дѣти, продолжалъ Цахеусъ, стараясь придать своему холодному лицу выраженіе добродушной радости: — вотъ радостная ночь!

— Да, радостная ночь, ребята! повторилъ толстый фан-Прэтъ.

Никто не отрицалъ ни слова.

Фрицъ вздрогнулъ въ своемъ углу. Сцена у Ада представилась глазамъ его. Предсмертный крикъ раздавался въ ушахъ его...

— Радостная ночь!.. проговорилъ онъ, утирая со лба холодный потъ и стараясь стиснуть зубы, чтобъ они не стучали.

— Нашъ графъ, продолжалъ Цахеусъ: — хочеть, чтобъ и вы, добрые, вѣрные слуги его, радовались рожденію наследника... Накрывайте столы, дѣти, и пусть предъ каждымъ изъ васъ будетъ кружка нашего лучшаго рейнскаго вина!..

По знаку метр-д'отеля, трое слугъ принялись накрывать столъ. Погребщикъ сошелъ съ своими помощниками въ погребъ. Нѣсколько минутъ спустя, вся прислуга сидѣла вокругъ большаго стола и передъ каждымъ стояла глиняная кружка, надъ которой поднималась высокая пѣна.

Въ то же время повара несли изъ кухни кушанья къ ужину графа и его управляющаго.

Ужинъ Гюнтера былъ болѣе, нежели умѣренъ: точно ужинъ анахорета.

Ужинъ Цахеуса былъ сытенъ и почти роскошенъ: блюда, которыя носили къ нему, распространяли въ воздухъ аппетитный запахъ. Толстый фан-Прэтъ раздувалъ ноздри и вдыхалъ въ себя эти благоуханія.

— Вотъ прекрасно, дѣти! вскричалъ управляющій:—теперь, выпейте всѣ за здоровье будущаго наследника вашего господина!

Всѣ поднесли кружки къ губамъ; но никто не глотнулъ вкуснаго напитка.

— Вотъ такъ, люблю, ребята! вскричалъ Цахеусъ.

— Теперь, сказалъ фан-Прэтъ, взявъ управляющаго за руку: — и мы можемъ идти ужинать!

Благосклонно кивнувъ слугамъ головою, Цахеусъ вышелъ.

Лишь-только онъ удалился, одно окно въ залъ суда открылось и всё до одного вылило вино на дворъ.

Никто, даже почтенный метр-д'отель, не хотѣлъ пить за здоровье сына дьявола.

Когда слуги и служанки заняли опять свои мѣста, наступило мрачное, торжественное молчаніе, не смотря на то, что на столѣ было довольно пива и вина, чтобъ заставить цѣлый батальйонъ тяжелыхъ Нымцовъ пить и хохотать. Готлибъ, веселый сокольникъ, Арнольдъ, Лео и младшіе изъ слугъ принялись-было за вкусныя яства, но вскорѣ общее молчаніе стало тяготѣть и надъ ними, и они отодвинули отъ себя тарелки, какъ-будто на этихъ тарелкахъ была отрава...

Повара возвращались съ пустыми руками изъ покоя графини и квартиры Цахеуса.

— Что они тамъ дѣлаютъ? спросилъ Юганнъ.

— Графъ спитъ, отвѣчалъ одинъ изъ поваренковъ: — а графиня кричитъ и стонетъ на постели.

— У управляющаго, сказалъ другой: — гости весело поютъ и смѣются.

— Когда христіанамъ грозитъ бѣда, проворчалъ фермеръ Германнъ: — окаянные радуются и веселятся!

За веселымъ ужиномъ не доставало только доктора Хозе-Мира, который по обязанности долженъ былъ остаться у графини.

Прочіе же пятеро сообщниковъ сидѣли вокругъ стола, уставленнаго разными кушаньями. На каждомъ концѣ стола высились куча тарелокъ. На полу былъ огромный запасъ нераскупоренныхъ бутылокъ и полныхъ кружекъ. Видно было, что собесѣдники хотѣли распорядиться сами, отославъ лакеевъ.

Цахеусъ Несмеръ всталъ и замкнулъ двери въ соседней комнатѣ.

— Теперь мы совершенно одни, сказалъ онъ, садясь на мѣсто: — безъ церемоній, добрые товарищи! Располагайтесь, какъ кому угодно!

— И будемъ пить! вскричалъ Реньё.

Голландецъ протянулъ къ нему руку черезъ столъ; послѣднее замѣчаніе показалось ему чрезвычайно-остроумнымъ.

Амстріонъ-управляющій сидѣлъ между Монсеамъ Гельдомъ и Реньё; противъ него фан-Прэтъ и Маджарниъ Яносъ.

— Ну, что, друзья? сказалъ Реньё послѣ супа: — все идетъ какъ нельзя-лучше... Безъ беременности, столько напугавшей насъ, мы прождали бы еще годы... между-тѣмъ, какъ теперь вынуждены покончить.

— Кавалеръ, возразилъ фан-Прэтъ:—вы разсуждаете чрезвычай-но-умно!.. А мы начинали уже опасаться, что вы не явитесь...

— Какой вздоръ! сказалъ Реньё, поглаживая волосы; — ваши франкфуртскія красотики еще не такъ соблазнительны, чтобъ могли воспрепятствовать благородному человѣку заняться своими дѣла-ми... Довольно-непріятная встрѣча задержала меня на дорогѣ, при-бавилъ онъ съ свойственною ему наглостью: — какой-то беднякъ хотѣлъ отомстить мнѣ... знаете, бываютъ случаи...

Реньё былъ блѣденъ, но улыбался.

— Вы убили его?—спросилъ фан-Прэтъ: — а господинъ Яносъ былъ вашимъ секундантомъ?..

— Нѣтъ, сухо отвѣчалъ Маджаринъ.

— Нѣтъ,—повторилъ Реньё: — господинъ Яносъ не принималъ никакого участія въ этомъ дѣлѣ.. Если не забуду, такъ я расска-жу вамъ всю исторію за десертномъ... Теперь займитесь лучше болѣе-важными дѣлами... Ну, что, мейстеръ Чахеусъ?

— Графу очень-плохо, возразилъ управляющій, маленькими глот-ками опорожнивавшій стаканъ рейнвейну;—спросите мейстера фан-Прэта... докторъ исполнялъ свое дѣло какъ-нельзя-лучше... и славный жизненный эликсиръ дѣйствовалъ превосходно...

— Да, сказалъ фан-Прэтъ, добродушно улыбаясь: — и въ то же время на сторожевой башнѣ огонь пылаетъ подъ котломъ... Вели-кое дѣло совершается по-маленьку... и я буду чрезвычайно-улы-бленъ, если передъ своею смертію Гюнтеръ не превратитъ въ чи-стѣйшее золото всѣхъ водосточныхъ трубъ своего замка!..

Жидъ Моисей робко посмотрѣлъ на фан-Прэта, не зная, какъ до-вить послѣднія слова его.

— Я, господа, продолжалъ Голландецъ, гордо поднимая голову: — я могу похвалиться тѣмъ, что далъ вамъ, милые друзья, средства скорѣе покончить это дѣло!

— А я? вскричалъ Чахеусъ.

— А я? повторилъ потише смиренный Моисей Гельдъ:—такими выпивавшій огромные стаканы вина.

— Не хочу уменьшать вашихъ заслугъ, продолжалъ Голлан-децъ:—вы первый, Чахеусъ, открыли намъ двери замка... Ни-когда мы не здорѣемъ!

Выпили за здоровье управляющаго.

Фан-Прэтъ продолжалъ:

— Вы, почтенный Гельдъ, доставили намъ необходимыя де-сять или двѣнадцать тысячъ флориновъ для заключенія торга... Тѣмъ за ваше здоровье!

Выпили за здоровье Жиды.

— Но я, продолжалъ толстякъ: — придумать замыслы и уло-вы, съ помощію которыхъ десять или двѣнадцать тысячъ фл-риновъ Гельда замѣнили намъ сотни тысячъ флориновъ... Какъ вы, достойный мейстеръ Чахеусъ, ни бились... какъ бы малы вы были ваши проценты, почтеннѣйшій Гельдъ, но все-таки намъ не

удалось бы къ концу года свести концы съ концами... А я, съ ретортами, котлами, алембиками и учеными изрѣченіями рѣшилъ эту трудную задачу!

— Вы замѣчательный фокусникъ, фан-Прэтъ, сказалъ Реньйо:— никто этого не оспариваетъ!

— Червонцы Моисея, продолжалъ Голландецъ:—доходы, собираемые мейстеромъ Цахеусомъ, все это учетверялось въ моихъ рукахъ!.. Два тоста за мое здоровье!

Предложеніе было принято единогласно.

— А сколько прійдется на долю каждаго изъ насъ? спросилъ Маджаринъ.

— У меня въ карманѣ, возразилъ управляющій: — подробная опись имуществъ Блутгаупта и Роте... я раздѣлил эти имѣнія на шесть сколь-возможно-ровныхъ частей... потомъ кинемъ жребій..

— Покажите намъ опись, сказалъ Реньйо.

Цахеусъ вынулъ изъ кармана пергаментный листъ и разложилъ его на столѣ. — Собесѣдники встали и наклонились къ листу, покрытому мелкимъ письмомъ.

Маджаринъ сѣлъ первый.

— Я не знаю толка въ этой чепухѣ, вскричалъ онъ: — но горе тому, кто задумаетъ улучшить свою долю въ ущербъ мнѣ!

Не смотря на свою добродушную физіономію, фан-Прэтъ одинъ съ докторомъ Міра смѣлъ иногда противорѣчить грозному Маджарину.

— Мы постараемся, господинъ Георгъ, отвѣчалъ онъ: — привести всѣ дѣла въ уровень съ вашимъ невѣжествомъ... Сложите вашъ пергаментъ, мейстеръ Цахеусъ, и будемъ лучше пить, какъ добрые пріятеля.

Реньйо не принималъ никакого участія въ этомъ разговорѣ. Съ самаго начала ужина онъ пилъ съ неутолимою жаждою и ѣлъ съ ненасытимымъ аппетитомъ.

Казалось, страшное, кровавое событіе, въ которомъ онъ за нѣсколько времени игралъ главную роль, не оставило въ умъ его ни малѣйшихъ слѣдовъ.

Онъ принадлежалъ къ числу людей, незнакомыхъ ни съ раскаяніемъ, ни съ угрызениями совѣсти, и на которыхъ дѣйствуетъ только страхъ. Въ немъ не было ни искры чувствительности. Беззаботный нравъ его былъ опаснѣе личины доброты. Надъ людьми, безпечно-храстающими своими побѣдами и маленькими непріятностями, бывающими слѣдствіемъ ихъ, всѣ смѣются,—но никто ихъ не боится.

— А что наша милая графиня? спросилъ онъ: — не-уже-ли доктору не удалось одолѣть интересной ея болѣзни?

— Сатану нескоро одолѣешь, г. де-Реньйо! возразилъ фан-Прэтъ: — докторъ совершенно сбился съ толка... ребенокъ родится, я за то ручаюсь.

— Что же онъ намѣренъ тогда дѣлать?

— Мы, то-есть, мейнгеръ фан-Прэтъ, докторъ и я, отвѣчалъ Ца-

хеусъ:—думаетъ, что если графиня Маргарита родитъ дочь, такъ мы не прийдемъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ, ибо рожденіе ребенка женскаго пола не уничтожаетъ условія... Обождетъ нѣсколько дней,... ни графъ Гюнтеръ, ни благородная супруга его не проживутъ долго.

Маджаринъ положилъ вилку на столъ и слѣдилъ за словами управляющаго съ необыкновеннымъ вниманіемъ.

Другіе собесѣдники молча подтвердили слова Цахеуса, исключая, однакожъ, Моисея Гельда, старательно очищавшаго свою тарелку.

— А если будетъ сынъ? спросилъ Реньё.

Цахеусъ промолчалъ нѣсколько секундъ; казалось, онъ прискивалъ приличныя выраженія.

— Мы не школьники, сказалъ онъ наконецъ:— и не безъ цѣли заключили союзъ.

— Разумѣется, возразилъ фап-Прэтъ.

— Рожденіе сына, продолжалъ управляющій:— не только уничтожитъ всѣ наши надежды, но и введетъ въ убытокъ...

— Не въ убытокъ! проворчалъ Моисей Гельдъ:— я долженъ буду пойти по міру съ моими бѣдными дѣтьми!

— Очевидно, сказалъ Реньё очень-серьёзно:— что мы не можемъ подвергнуть такой участи юное потомство нашего друга Моисея.

— Слѣдовательно, сказалъ фап-Прэтъ:— Цахеусъ, докторъ и я думаемъ, что должно прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ.

— И я того же мнѣнія, сказалъ Реньё.

— Что касается до меня, проговорилъ Жидъ, опустивъ глаза и дрожащимъ голосомъ:— то Богъ мнѣ свидѣтель! я человекъ мирный... Вы всѣ разумѣте меня, а потому мнѣ не причествуетъ мѣшать свое мнѣніе...

Одинъ Маджаринъ не сказалъ еще ни слова.

— Что называете вы рѣшительными мѣрами, мойнгеръ фап-Прэтъ? спросилъ онъ.

— Мнѣ кажется, отвѣчалъ Голландецъ:— что вопросъ стоитъ столько же неуиѣстенъ, какъ и отвѣтъ на него труденъ... Кажется, мойстеръ Цахеусъ ясно сказалъ, что мы не школьники.

Янось подумалъ съ минуту, потомъ густыя брови его насунулись.

— Отвѣчайте мнѣ коротко и ясно, сказалъ онъ рѣшительно:— кого придется намъ убить въ эту ночь?

Жидъ всплеснулъ руками, оттолкнулъ отъ себя пустую тарелку и, поднявъ свѣрые глаза къ небу, проговорилъ:

— Господи! Господи!

— Господицъ Янось, сказалъ Реньё:— выражается такъ-образомъ, что придаетъ вещамъ самымъ простымъ сверхъестественный видъ... Посмотрите, вы отбили аппетитъ у нашего почтеннаго Моисея и мы всѣ сидимъ повѣся носы... Чортъ возьми! мы, кажется,

должны понимать другъ друга, и слова мейнгера фан-Прета не требуютъ никакихъ объясненій.

— А мнѣ нужны поясненія, возразилъ Маджаринъ:— и я спрашиваю васъ еще разъ, кого мы убьемъ въ эту ночь?

Цахеусъ и фан-Претъ молчали съ недовольнымъ видомъ.

— Удивительно! вскричалъ Реньйо съ сердцемъ:—что тутъ много спрашивать! Кого? Разумѣется, Гюнтера фон-Блутгаупта, жену его и сына.

Яносъ сдѣлалъ презрительное движеніе.

— Старика, сказалъ онъ:—женщину и ребенка!..

Потомъ разомъ выпилъ цѣлый стаканъ рейнвейна. Цахеусъ и фан-Претъ пожали плечами.

— Господинъ Яносъ, сказалъ управляющій:—хотите достигнуть цѣли, такъ не гнушайтесь средствами достиженія!..

Маджаринъ опять наполнилъ стаканъ и опорожнилъ его; лицо его раскраснѣлось; черные глаза сверкали страннымъ блескомъ.

— Женщину! повторилъ онъ, съ трудомъ удерживая свое негодованіе:— молодую, прелестную и непорочную женщину, любовь которой я не промѣнялъ бы на сокровища всего міра!.. Женщину, лежащую на одрѣ смерти! Женщину, къ которой ни одна дружеская рука не подоспѣетъ на помощь въ минуту подлаго убійства!..

— Какъ это скучно! проговорилъ Реньйо вполголоса:— но сейчасъ пройдетъ... онъ всегда ужасно драматиченъ, когда пьянѣетъ... за то, когда онъ совсѣмъ опьянѣетъ, то становится самымъ отчаяннымъ негодяемъ.

— Клянусь именемъ моего отца! продолжалъ Маджаринъ разглагольствуя:—никогда еще рука моя не подымалась ни на женщину, ни на дѣтей!.. Я хочу быть богатымъ, это правда, потому-что я голодъ, хорошъ собою... потому-что у меня не достаетъ только золота, чтобъ быть владѣтельнымъ княземъ!..

— Такъ у васъ будетъ золото, прервалъ его фан-Претъ.

— Ужасно должно быть зрѣлище предсмертныхъ страданій женщины у колыбели убитого ребенка ея! продолжалъ Маджаринъ, безпрестанно наполняя и опоражнивая стаканъ:— а! еслибъ передъ колыбелью стояли мужчины со шпагами въ рукахъ... о! тогда ное дѣло! Когда сталь встрѣчается съ сталью, тогда кровь воспламеняется, сердце бьется сильнѣе, голова кружится... Я убилъ Ульриха фон-Блутгаупта, вы это помните!

Жидъ закрылъ лицо обѣими руками.

— Я убилъ его, повторилъ Яносъ громовымъ голосомъ:— это было ночью... вы пятеро стояли передъ комнатою, куда онъ ушелъ... и никто изъ васъ не смѣлъ ступить шагу, потому-что Ульрихъ былъ храбрый воинъ и грознымъ голосомъ вскричалъ: «Убью первого, кто пошевелинется!»

— Мы знаемъ, господинъ Георгъ, что вы храбры, какъ левъ,

сказалъ Реньё ласкательнымъ голосомъ. — Господа, выпьемъ за здоровье нашего храбраго друга, Яноса Георгя!

Всѣ чокнулись; Маджаринъ выпилъ два стакана, потомъ всталъ покачиваясь и, ударивъ мощнымъ кулакомъ по богатырской груди, вскричалъ:

— Да, да, я храбрый!.. Давайте же мнѣ храбрыхъ, вооруженныхъ мужчинъ, а не беззащитныхъ женщинъ... Помните ли, какъ въ той комнатѣ было темно... никого не было видно... мы только слышали, какъ онъ взвелъ курки пистолетовъ...

Жидъ задрожалъ отъ одного воспоминанія. Прочіе поблѣднѣли; даже Реньё пересталъ насмѣшливо улыбаться.

— Я одинъ вышелъ впередъ, продолжалъ Маджаринъ, откинувши назадъ длинныя волосы: — что-то необъяснимое влекло меня туда, гдѣ была опасность... Ахъ, прошли тѣ времена, когда храбрость и сила цѣнились высоко!.. Тогда бы я былъ героемъ!..

Лицо его блистало дикимъ энтузіазмомъ, и онъ, казалось, выросъ...

— Я вошелъ, продолжалъ онъ: — и внезапно темная комната освѣтилась... раздался выстрѣлъ... другой... и я увидѣлъ посреди комнаты человѣка съ саблей въ рукахъ... я бросился къ нему... Ульрихъ храбро защищался... но палъ! Тогда приблизились я и мои товарищи, прибавилъ Яносъ съ горькимъ презрѣніемъ: — мы пятеро напали на него и, кажется, нанесли ему послѣдній ударъ!

Маджаринъ опустился на стулъ. Цахеусъ поспѣшно наполнилъ стаканъ его.

— Очень можетъ статься, проговорилъ фан-Прэтъ: — что вамъ въ эту ночь придется сразиться съ сильнымъ противникомъ...

Маджаринъ скоро всталъ. Реньё мигнулъ Голландцу глазами, полагая, что онъ желалъ только подстѣпить манія Яноса.

Прочіе собесѣдники съ любопытствомъ посмотрѣли на фан-Прэта.

Вся шайка находилась въ очень-мирнолюбивомъ расположеніи; следовательно, вѣсть о возможности pojedinka никому не была пріятна...

— О какомъ противникѣ говорите вы? спросилъ Маджаринъ.

— У графа Ульриха остались друзья, отвѣчалъ Голландецъ.

— Только-то! вскричалъ управляющій Цахеусъ: — отсюда до Гейдельберга далеко!

Реньё сдѣлалъ ему знакъ, чтобъ онъ замолчалъ, все еще полагая, что фан-Прэтъ нарочно обманывалъ Венгерца.

— Правда, отсюда далеко до Гейдельберга, повторилъ толстакъ: — но Клаусъ съ утра уже ухалъ...

На лицѣ управляющаго выразилось безпокойство.

— Я этого не зналъ! проговорилъ онъ смутившись.

Реньё дернулъ его за руку, съ трудомъ удерживая смѣхъ.

— Полно-те! шепнулъ онъ ему: — развѣ вы не видите, что фан-Прэтъ подшучиваетъ надъ Венгерцемъ?..

Послѣдній устремилъ отуманившійся взоръ на фан-Прэта и не переставалъ пить.

— Такъ этотъ Клаусъ, спросилъ онъ нетвердымъ уже голосомъ: — поскакалъ за людьми, съ которыми мнѣ можно будетъ подраться?

— Да, отвѣчалъ Реньйо.

Янсъ сталъ шарить около себя, отыскивая свою шпагу, и громко захохоталъ.

— Ха, ха, ха!.. Такъ вокругъ постели женщины и колыбели ребенка будутъ вооруженные люди?.. Женщина красавица!.. Ребенокъ беззащитное, безсильное существо.. но зачѣмъ они окружили себя вооруженными людьми?.. Надобно будетъ убить и тѣхъ и другихъ! Нечего дѣлать!

Онъ опрокинулся на спинку кресла и закрылъ глаза.

— Я забылъ сказать вамъ, мейстеръ Цахеусъ, продолжалъ фан-Прэтъ: — что сегодня утромъ, во время вашего отсутствія, маленькая Гертруда подошла къ постели графини, и получила отъ нея тайкомъ письмо и ключъ.

— Нашъ толстый фан-Прэтъ былъ бы славный актёръ! сказалъ Реньйо: — но не зачѣмъ болѣе притворяться... свирѣпый вепрь заснулъ.

— Не совсѣмъ еще, не совсѣмъ! проговорилъ Моисей Гельдъ, со страхомъ слѣдившій за всеми движеніями Венгерца. — Ахъ, Господи, Господи! что за грозный человекъ!

— Докторъ, продолжалъ фан-Прэтъ: — не успѣлъ догнать молодой дѣвушки; онъ только видѣлъ, какъ Клаусъ ускакалъ въ галопъ.

— Все ли? спросилъ Реньйо. — Аплодируйте, господа!.. фан-Прэтъ потѣшилъ насъ своей сказкой!

— Да это не сказка, серьезно возразилъ Голландецъ: — Янсъ спитъ, и мнѣ не зачѣмъ васъ обманывать.

Лицо Реньйо вытянулось. Управляющій сдѣлалъ безпокойную гримасу, а Моисей опять задрожалъ.

— Клаусъ уѣхалъ сегодня утромъ! вскричалъ Цахеусъ Несмеръ.

— И не воротился еще! прибавилъ Реньйо, уже не шутя.

— Онъ старый васалъ графа Ульриха! провизнесъ Голландецъ жалобнымъ голосомъ.

Наступило глубокое молчаніе. Собесѣдники посмотрѣли другъ на друга, и кавалеръ де-Реньйо шопотомъ произнесъ имена трехъ сыновей Ульриха; по жиламъ всѣхъ пробѣжалъ холодный трепетъ.

— Впрочемъ, ворота крѣпко заперты, замѣтилъ фан-Прэтъ.

— Запоры желѣзные, прибавилъ кавалеръ де-Реньйо.

— Да, сказалъ Цахеусъ, тихо покачавъ головой: — но ровно дѣять мѣсяцовъ тому, незнакомецъ вошелъ въ замокъ Блутгаупта... Къ утру онъ исчезъ... Кто знаетъ, куда онъ вышелъ?...

— Не-уже-ли вы полагаете, что есть тайный ходъ? боязливо спросилъ Реньйо.

— Я въ замкѣ не очень-давно, отвѣчалъ Цахеусъ: — но старыя слуги не разъ рассказывали мнѣ, что три красныя человека входять не въ ворота...

VIII.

Зеленяющки — Дерево.

Гостинница *Зеленяущаго-Дерева*, въ Гейдельбергѣ, была на весьма-дурномъ счету у полиціи баварской и австрійской, хотя наружность ея была очень-красива и на вывѣскѣ былъ написанъ дубъ, съ ярко-изумрудными листьями.

Много рейнвейна и крѣпкаго пива расходовалось въ этой гостинницѣ. Хозяинъ и владѣтель ея, Эліасъ Коппъ, нѣкогда съ большимъ успѣхомъ проходилъ университетскій курсъ. Не мало *фильм-стеровъ* побилъ онъ въ жизнь свою, и подъ старость любилъ болѣе всего общество студентовъ, отъ которыхъ получилъ въ награду завидное прозваніе *arbiter elegantiarum*.

Каждый вторникъ большая зала его заведенія превращалась въ бальную залу, и даже господа профессора не гнушались приводить туда своихъ свѣженькихъ наслѣдницъ.

Эти семейныя балы отзывались пестерпымымъ схоластическимъ тономъ. Разговаривали по-латинѣ; остроты заимствовали у Платона и Аристофана. Въ одномъ углу платонировали влюбленные студенты, въ другомъ важно распивали пиво доктора философіи и разсуждали немилосердо о правахъ человека, о свободѣ мышленія и о выгодахъ учености. Толпа молодыхъ людей, съ довольно-бессмысленными *визіонамія*ми, окружала диспутантовъ.

Балы мейстера Эліаса Коппа пользовались заслуженною славой. Доктора правъ увѣряли, что эти благопристойныя празднества значительно смягчали жесткость старинныхъ университетскихъ нравовъ. Дщери профессоровъ не оспаривали этого мнѣнія и краснѣли отъ удовольствія при одной мысли о предстоящихъ вальсахъ и шоттишахъ.

Но съ середины бальная зала опять превращалась въ таверну. *Arbiter elegantiarum* самъ разставлялъ столы, кружки пива и бутылки бѣлаго вина.

Къ вечеру того же дня, чистая атмосфера, которою наканунѣ еще дышали дщери премудрости, превращалась въ густой дымъ. Табакъ замѣнялъ амброзію; любезныя кавалеры прошедшаго вечера безъ всякаго усилія превращались въ пьяныхъ студентовъ, нѣвшихъ для того, чтобъ напиться, курившихъ для того, чтобъ одурѣть.

Зеленяющее-Дерево было главнымъ и офиціальнымъ мѣстомъ сходбища *ландманшафта*, и когда одинъ изъ тридцати-шести германскихъ

университетовъ имѣлъ какое-нибудь дѣло до декана (такъ называютъ Гейдельбергскій Университетъ), то депутаты были принимаемы съ приличнымъ торжествомъ въ гостиницѣ *Зеленяущаго-Дерева*.

То, что мы намѣрены рассказать, происходило въ тотъ самый вечеръ, когда Реньё, Моисей и Маджаринъ ѣхали къ замку Блутгаупта; и почти въ то же самое время, когда кавалеръ, отъѣздившій отъ своихъ двухъ сообщниковъ, остановился посреди дороги, поджидая виконта д'Омёра.

Наступила ночь: многочисленное общество, собравшееся уже въ большой залъ *Зеленяущаго-Дерева*, безпрестанно умножалось. Входившіе не стучались въ дверь, хотя она была заперта. Они наступали на деревянный колокъ, находившійся возлѣ порога, почти въ уровень съ землею, и тяжелая дверь отворялась сама собою.

Это обстоятельство придавало собранію таинственный видъ, столько любимый Нѣмцами вообще и нѣмецкими студентами въ особенности.

На дворѣ холодно; ставни закрыты, чтобъ защититься отъ холода и нескромныхъ ушей баварской полиціи. *Ландманшафты* умерли бы отъ скуки и горя, еслибъ ихъ перестали опасаться и бояться.

Всѣ дамы были окружены *камрадами* (такъ называютъ другъ друга члены *ландманшафта*), растянувшимися на жесткихъ деревянныхъ скамьяхъ съ лѣнливою безпечною Турка, нѣжащагося на мягкихъ подушкахъ. У каждаго была въ рукахъ длинная трубка, туго набитая; дымъ былъ такой густой, что рѣшительно нельзя было ничего видѣть.

Вся зала освѣщалась немногими лампами съ рыжеватымъ, туманнымъ свѣтомъ. Входившіе по привычкѣ доходили до своихъ мѣстъ. Атмосфера напоминала лондонскіе туманы, заставляющіе посреди дня зажигать газъ. Но мало-по-малу глазъ привыкалъ къ дыму; иногда въ отворенную дверь влетала струя чистаго воздуха, между-тѣмъ, какъ табачный дымъ густымъ облакомъ вылеталъ на улицу; и въ эти минуты на мгновеніе явственно обрисовывались группы *камрадовъ*, опьянѣвшихъ отъ пива, вина и табака.

Мейстеръ Коппъ каждую среду утромъ снималъ бывые обои, придававшіе залу красивый, опрятный видъ, и теперь стѣны являлись во всей грязной наготѣ своей. Кромѣ нѣсколькихъ запыленныхъ и закопченныхъ картинъ, на стѣнѣ были начертаны мѣломъ разныя ученые изреченія. Въ одномъ углу залы, недалеко отъ маленькой эстрады, гдѣ находилась конторка хозяина, часть стѣны была завѣшена коричневымъ сукномъ, надъ которымъ надписано по-нѣмецки: Магазинъ Чести. Это былъ арсеналъ *камрадовъ*, состоявшій изъ дюжины длинныхъ шпагъ, нѣвѣстныхъ подъ именемъ *шлемровъ*.

Оружіе это служило въ случаѣ поединковъ, любимыхъ студентами германскихъ университетовъ съ дѣтскою страстью, — поедин-

ковъ странныхъ и весьма-рѣдко несчастныхъ, въ которыхъ противники колотятъ другъ друга безпощадно, стараясь, однакожь, не наносить ранъ. Между-тѣмъ, въ поединкѣ, не подчиненномъ университетскому комманду (*), шлегеры могли быть чрезвычайно опаснымъ оружіемъ.

Храненіе *Магазина Чести* было поручено особенному надзору мастера Эліаса Коппа.

Группы были разнообразны вообще, но весьма однообразны въ частности. У одного стола всѣ собесѣдники были погружены въ сонное забытіе. Пили, курили и молчали.

У другаго, колода пожелтѣлыхъ отъ долгаго употребленія картъ, вызывала на блѣдныя лица отблескъ страсти.

Далѣе, на старой, истрескавшейся шахматной доскѣ двигались короли, башни и лауферы въ рукахъ двухъ университетскихъ ветерановъ. Вокругъ стояла толпа любопытныхъ, со вниманіемъ слѣдившихъ за глубокомысленными комбинаціями двухъ враждебныхъ армій.

Далѣе, въ игрѣ еще болѣе-элементарной нѣсколько молодыхъ людей бросали кости.

Но были и такія группы, въ которыхъ пренебрегали этими играми: тамъ спорили о философіи или объ исторіи; проходили послѣднюю лекцію любимаго профессора; спорили громко; толковали Лейбница; уничтожали Локка и Бэкона, не щадя Рейда, Стюарта и другихъ корифеевъ шотландской школы. При имени Декарта пожимали плечами.

Въ двухъ шагахъ отъ этой, сидѣла другая группа. Разсуждали о любви. Говорили объ алыхъ устахъ и черныхъ очахъ. Донъ-Хуаны разсказывали свои похождения: робкіе вздыхали, поэты молили вздоръ, фанфароны лгали безпощадно.

Наконецъ, другія группы по горло погружались въ политику, и одному Богу извѣстно, что дѣлалось съ Европой въ рукахъ этихъ Публиколовъ!

Близъ конторки мастера Эліаса Коппа, подъ самымъ *Магазиномъ Чести*, за столомъ сидѣло пятеро или шестеро молодыхъ людей, и между ними одинъ въ багровомъ плащѣ. Этотъ яркій цвѣтъ не имѣлъ ничего удивительнаго въ обществѣ, гдѣ одинъ старался перещеголять другаго эксцентричествомъ своего костюма. У студента въ этомъ плащѣ, вмѣсто университетской фуражки на головѣ, была шляпа съ широкими полями. Густые и черные какъ смоль волосы ниспадали по сторонамъ блѣдныхъ, блѣлыхъ щекъ его. Ему казалось около двадцати лѣтъ. Черты его, рѣдкой мужественной правильности, выражали въ своей гармонической цѣлости пламень юной силы, умвряемой преждевременными совѣтами твердости не по лѣтамъ.

(*) Отъ французскаго *comment*. Такъ студенты называютъ свои законы и постановленія.

Взглядъ его былъ гордъ и повелителенъ; уста его, казалось, были сотворены для повелѣній.

Когда облако дыма разсѣвалось, въ другихъ концахъ залы можно было замѣтить еще двухъ молодыхъ людей въ такихъ же плащахъ. Они до того походили на перваго, что казались отраженіемъ его въ зеркалѣ...

Одинъ изъ этихъ юношей сидѣлъ за картами и игралъ, какъ казалось, съ особеннымъ искусствомъ; другой стоялъ въ группѣ, толковавшей о любовныхъ похожденияхъ.

У послѣдняго на лицѣ была веселая улыбка. Первый тщетно старался прогнать апатическую безпечность... ни карты, ни вино не производили въ крови его ни малѣйшаго волненія.

Перваго, о которомъ мы говорили, звали Отто; сидѣвшаго за картами Гёдомъ, а разговаривавшаго о любовныхъ похожденияхъ Альбертомъ.

Они были братья... но фамиліи у нихъ не было.

IX.

ARBITER ELEGANTIARUM.

Группа, окружавшая красавца-студента Отто, состояла изъ избранныхъ молодыхъ людей. На энергическихъ и умныхъ лицахъ ихъ выражались гордые, возвышенные мысли...

Не смотря на то, они пили и курили какъ и прочіе.

Хотя Отто былъ младшій между ними, но всѣ какъ-бы невольно признавали его преимущество.

— Клянусь честію, говорилъ одинъ изъ нихъ, философъ Михайль: — еслибъ за тобою пришли теперь полицейскіе, мы всѣхъ ихъ положили бы на мѣсть!

— А зачѣмъ имъ приходить? возразилъ молодой человекъ. — Мы вчера только прибыли изъ Франкфурта, а между вами нѣтъ ни одного измѣнника.

— Плохо бы ему пришлось, если бъ былъ! вскричалъ поэтъ Димрахъ, высокій дѣтина съ густою бородою: — съ позволенія хозяина я бы разможилъ ему голову кулакомъ, чтобъ не марать нашихъ шагъ!

— А долго ли ты думаешь остаться съ нами? спросилъ Михайль.

— До завтра... Намъ, друзья мои, не хорошо оставаться въ Гейдельбергѣ... отсюда слишкомъ-близко къ замку Ротѣ, и люди, убивавшіе нашего отца, только о томъ и думаютъ, какъ бы и насъ отправить къ нему.

— Храбрый и благородный дворянинъ былъ графъ Ульрихъ! кричалъ поэтъ, торжественно поднимая стаканъ: — я когда-ни-

Будь напишу стихи въ честь его; а покуда, да даруетъ Господь миръ душѣ его!..

Всѣ студенты, сидѣвшіе вокругъ Отто, почтительно сняли шапки.

Сосѣднія группы замолчали и старались подслушать этотъ разговоръ.

— У меня остался только одинъ червонецъ! вскричалъ въ это самое время Гецъ: — да и зачѣмъ Отто вѣрилъ мнѣ нашу общую казну!.. Съ однимъ червонцемъ до Франціи не доѣдешь... ну, Рудольфъ, на квитъ!

— Длинные, шелковистые, мягкіе, русые волосы, говорилъ Альбертъ, продолжая начатую исторію: — ниспадали какъ золото на бѣлыя плечи... Никому изъ васъ не случалось любить маркизы?

Самый смѣлый изъ Ловласовъ всего университета дерзалъ поспорить жень педеля.

— Купчихи! Жены ремесленниковъ! продолжалъ Альбертъ съ презрительнымъ движеніемъ: — грубы, необразованны! То ли дѣло женщины въ бархатѣ, золотѣ, брилліантахъ.

— Я проигралъ послѣдній червонецъ! вскричалъ жалобнымъ голосомъ Гецъ.

Слушатели Альберта громко захохотали.

— Тебя начали судить, говорилъ Михаэль, обращаясь къ Отто: — профессора возстали-было противъ этого; но, увы! Васъ трое обвинили въ заговоръ, и попадитесь только въ баварскую или стрійскую тюрьму, такъ и не выйдете оттуда.

— Потому-то мы и не намѣрены долго оставаться въ Германіи, отвѣчалъ Отто. — Мы слабые, беззащитные изгнанники... и не можемъ отмстить за нашего отца... положимъ удобнѣйшаго случая.

Грозная молнія сверкнула въ глазахъ молодаго человека. Въ глубинѣ юнаго сердца таилась мысль терпѣливаго мщенія.

— Да и что намъ дѣлать въ Германіи? продолжалъ онъ съ горечью. — Мы объѣздили большую часть университетовъ, чтобы продолжать дѣло, зачатое нашимъ отцомъ... вездѣ насъ принимали съ торжествомъ... но вездѣ пили, курили, пѣли, дрались на улицахъ... и больше ничего! Я съ братьями переѣду за Рейнъ... въ Франціи у насъ есть другъ, почти отецъ: мужъ сестры Елены... Онъ поможетъ намъ и, надѣюсь, доставитъ кусокъ хлѣба.

Поэтъ, философъ и другіе гордо улыбнулись.

— Полно, другъ Отто, сказалъ Михаэль: — прогони эти мрачныя мысли!.. Графъ Ульрихъ, въ духовной, раздѣливъ имѣніе свое на пять равныхъ частей; слѣдовательно, сыновья его не будутъ владѣться въ кускѣ хлѣба!

Отто промолчалъ съ минуту, потомъ откинулъ назадъ волосы, какъ-бы желая прогнать непріятную думу.

— Духовная графа Ульриха, отвѣчалъ онъ: — разсѣяна на пять

чи... и намъ не досталось въ наследство ни имущества, ни имени его... А если мы носимъ еще цѣпъ Блутгаунтовъ, такъ только потому-что намъ нѣ на что купить новыхъ плащей!

И онъ бросилъ печальный взоръ на свой красный плащъ.

— Имя Блутгаунта стерлось съ лица земли, прибавилъ онъ тихимъ, дрожащимъ голосомъ:—насъ зовутъ Отто, Гейцъ и Альбертъ... документы, признававшие насъ, уничтожены... мы незаконнорожденные...

— Не кто же уничтожилъ документы? съ негодованіемъ вскричалъ онъ.

Такъ-какъ молодой человѣкъ не отвѣчалъ, то все товарищи его повторили этотъ вопросъ.

— Наша сестра Маргарита, отвѣчалъ наконецъ Отто:—жена графа Гюнтера, презирающаго и ненавидящаго насъ... она одна и беззащитна въ старомъ замкѣ Блутгаунтъ, гдѣ погребена замкава... Еслибъ вы знали, какъ она любила насъ и какъ была счастлива въ замкѣ Роте, когда судьба не разлучила еще насъ!.. Не знаю, чѣмъ ожидаетъ меня въ будущемъ; не знаю, суждено ли мнѣ посвятить всю свою жизнь женщинамъ... но знаю, что ничто въ мірѣ не дороже мнѣ сестры моей Маргариты!.. Ею счастлива—Маргарита страдаетъ; она имѣетъ право требовать отъ насъ болѣе любви, будучи осуждена на невыразимыя мученія! Вы знаете, что мы изгнаны изъ замка Блутгаунта; мы видѣли сестру только одинъ разъ и то тайкомъ... мы провели нѣсколько блаженныхъ минутъ, связанныхъ съ горестью. Маргарита была по-прежнему чиста и невинна; но Господь на минуту похитилъ ее, и у святаго одра онъ стоялъ нечистый демонъ...

Отто замолчалъ. Онъ былъ блѣденъ... глаза его были опущены.

Михаэль, Дитрихъ и другіе товарищи вопрошали его взорами, въ которыхъ было болѣе участія, нежели любопытства. Они сами слышали о тайнахъ, тяготавшихъ надъ послѣднимъ изъ рода Блутгаунтовъ; но то были одни неопредѣленные слухи, проходившіе незамѣченными въ классической странѣ легенды, гдѣ разсказчики всему придаютъ фантастическій оттѣнокъ.

Отто, Альбертъ и Гейцъ провели одинъ годъ при Гейдельбергскомъ Университетѣ, при жизни отца. Въ то время, они были самые сильные, храбрые, веселые и откровенные юноши между таинственною молодежью.

Всѣ любили ихъ, подражали, даже позавидовали имъ.

Но съ-тѣхъ-поръ, они вели странническую жизнь. Никто не зналъ настоящей причины ихъ путешествій. Всѣмъ было только извѣстно, что тройной приговоръ, изъ Вены, Берлина и Мюнхена былъ произнесенъ надъ тремя братьями — не столько какъ надъ главными предводителями всѣхъ университетскихъ возмущеній, надъ сыновьями графа Ульриха фон-Блутгаунта, пламеннаго врага власти, усилія котораго не однажды внушали страхъ и опасенія могущественнымъ особамъ.

Альбертъ по-прежнему сохранилъ свою веселость, Гейцъ глупую беззащитность, — но на молодомъ челѣ Отто страданія показали печать глубокую.

И камрады, душно любившіе его, сморщали носы на него съ грустными почтеніями.

— Бѣдная сестра! проговорилъ Отто, поднявъ глаза: — она страдаетъ улыбуется, а шмыгу-тъ, слезы катятся по щекамъ ея... Насильно исторгли мы изъ груди ея тайну ея страданій... Старый Гюнтеръ узналъ о дуконной, даровавшей намъ богатство и титулъ графовъ Блутгауптовъ... Скупость и слѣпая гордость его ассигновались... Она грозилась...

«Бѣдная Маргарита трепетала... Старый вѣковъ такъ страшился и страхъ вливалъ въ сарой атмосферы обширныхъ залъ ея!.. Она трепетала и мало-помалу полюбила насъ срен опасеній... Мы домыслились взглядами: страданія Маргариты родили въ насъ одну мысль... я вынулъ дуконную гробъ Ульриха и разорвалъ въ немъ ключки...»

Детрихъ и Михаэль вѣдѣвъ протянули руки къ молодому члену.

— У тебя благородное сердце, Отто! сказали они: — рано ли, поздно ли, Господь наградитъ тебя!

Отто молчаливо покачалъ головою.

— Мы ослѣпы, возразилъ онъ: — и уже научились страдать... Если въ этомъ мірѣ еще еще счастье для рода Блутгауптовъ, лишь пусть Господь наделитъ насъ Маргариту и Елену!.. Но мы не имеемъ ни племъ, прибавилъ онъ, внезапно перемѣнивъ тонъ — не имеемъ возвращаться къ друзьямъ послѣ долгаго отсутствія въ печальныхъ дѣлахъ и безнадѣжностяхъ... на зрѣломъ любовникѣ насъ!... (1)

Гейцъ издали поддалъ свой стоганъ и повторилъ то же.

— Давно уже, сказалъ Альбертъ многоглаголю: — я не слышалъ такого унылаго слова отъ брата Отто!..

— Господи, сказалъ Гейцъ, обратившись къ своимъ пародиямъ: будемъ играть на слезахъ, такъ-накъ у меня ничего унылаго не случилось... Ахъ, кстати, кто намъ вѣтъ дать нѣтъ нечеловѣка?

Изъ вѣдѣвъ концы залы раздались голоса, предлагавшіе свои услуги. Самый альбертъ elegantіи предлагалъ тронъ брата въ свою лучшую комнату.

Альбертъ коснулся верхней губы, надъ которой только-что пробивался пушокъ и шепталъ многоглаголю:

— Чортъ возьми! мы не нуниро гостепріимства... я знаю хорошаго пухлика у Обиртора...

Голосъ Отто прервалъ слова ея.

— Пера разболѣлась, сказалъ онъ. — Запрета: мы должны идти рано навестить Маргариту, а еще Гейцъ-Альберта да Блутгауптовъ близки...

— Это Особенно важно! прерывалъ переставивъ проговорившіе Гейцъ.

Отто всталъ, чтобъ проститься съ товарищами. Но лишь-только онъ протянулъ къ нимъ руку, какъ послышался легкій стукъ въ дверь.

Всѣ внезапно умолкли. Въ залѣ наступила совершенная тишина.

— Это кто-то не изъ нашихъ! проговорилъ поэтъ съ безпокойствомъ.

Три брата послѣднѣе встали и нагнувшись на глаза шпанды съ широкими полями.

Мейстеръ Элиасъ Коппъ дрожалъ за своей конторкой.

Послышался вторичный стукъ.

Группы зашевелились, и въ одно мгновеніе по всей залѣ пронеслось слово:

— Полиція! полиція!...

Никто не сказалъ болѣе ни слова; но десять или двѣнадцать студентовъ бросились вмѣстѣ къ *Маджину Честу* и отдернули коричневое сукно, открывъ такимъ образомъ рядъ длинныхъ, ярковыпаченныхъ щипагъ.

Х.

Подаяніе.

Хозяинъ *Зеленующую-Дерева*, не дождавшись третьяго удара, вскочилъ съ своего табурета, обтянутаго кожей, и приблизился къ волновавшимся группамъ.

— Господа, сказалъ онъ: — я самъ знаю, что никто не долженъ нарушать университетскихъ привилегій... Это дѣло неоспоримое... но если есая тамъ полиція, такъ послѣ третьяго удара она выбѣжитъ дверь... Не лучше ли отворить и вступить въ переговоры?

— Отворите и вступайте въ переговоры, мейстеръ Коппъ, отвѣтилъ поэтъ Дитрихъ: — только не забудьте имъ сказать, что настѣжь довольно...

Дитрихъ размахивалъ огромнымъ шлегеромъ, снятымъ со стѣны.

Отто и братья его были безоружны.

Архивъ элегантіиш, пользуясь позоленіемъ, пошелъ къ двери, созиная примирительную рѣчь.

Толпа студентовъ шла за нимъ, рѣшившись противостоять силѣ. Дитрихъ и Михаэль были начальниками этой арміи.

Дверь отворилась,

За нею не было ни австрійскихъ мундировъ, ни гренадеръ, ни баварскихъ агентовъ. Тамъ стоялъ бѣлый сукна, въ красной ливрѣ, покрытый сивгомъ съ головы до ногъ.

При видѣ его, мейстеръ Коппъ внезапно схватилъ голову съ гордостью.

— Что тебѣ надобно? спросилъ онъ грубо.

— Я ищу трехъ сыновей графа Ульриха фонъ-Блутгаута, отвѣтилъ сукна, приваженный лошадъ къ желѣзной рѣшеткѣ окна.

— Они давно уже уехали из Гейдельберга! вскричалъ мейстеръ Копфъ: — и если не останавливались съ-тѣхъ-поръ, какъ удалились отсюда, такъ ты не догонишь ихъ!

Отто, бывшій на другомъ концѣ, не слышалъ этого разговора.

— Полицейская хитрость! проворчалъ Антрихъ.

— Запирайте двери, Эліасъ! прибавилъ Михаэль.

Мейстеръ Копфъ готовился уже исполнить это приказаніе, но слуга былъ силенъ, однимъ ударомъ оттолкнулъ хозяина и вскочилъ въ залу.

— Спрячьте-ка лучше свои шпаги, господа, сказалъ онъ: — вы видите, я безоруженъ... а сыновья графа Ульриха дорого заплатятъ тому, кто обидитъ меня!

— Знакомый голосъ! вскричалъ Гейцъ, бывшій ближе другихъ братьевъ къ двери.

Вновь-прибывшій скоро обратилъ къ нему голову и узналъ пріятельскій плащъ.

— Они здѣсь! вскричалъ онъ: — благодареніе Господу!.. Раступитесь, молодые люди, дайте мнѣ пройти къ сыновьямъ моего покойнаго господина... Я къ нимъ съ важною вѣстью!

Поэтъ и товарищи его еще колебались, но три брата, узнавъ голосъ Клауса, егеря Блутгаупта, скоро поспѣшили къ нему и окружили его.

— Ты изъ замка? спросилъ Отто.

Вместо отвѣта, егеръ вынулъ изъ-за пазухи письмо и отдалъ молодому человѣку.

Отто поспѣшно раскрылъ письмо. Рука его дрожала; на глазахъ навернулись слезы.

Камады, съ скромностью, свойственною Нѣмцамъ, отступили и частью заняли прежнія мѣста около столовъ.

Три брата и егеръ Клаусъ остались одинъ близъ выхода.

— Это отъ нашей сестры! произнесъ Отто тихимъ голосомъ.

Альбертъ и Гейцъ приблизились къ нему и стали читать вмѣстѣ съ нимъ.

Письмо состояло изъ пяти или шести строкъ:

«Милые братья» писала Маргарита: «если Господу угодно, чтобы вы въ-время получили мое письмо, умоляю васъ поспѣшить ко мнѣ на помощь. Люди, окружающіе и пугавшіе меня доселѣ, въ настоящую минуту наводятъ на меня невыразимый ужасъ... Они разговаривали между собою, полагая, что я сплю: они убили моего отца, и, вѣроятно, хотятъ убить и меня!..»

Альбертъ и Гейцъ вскрикнули отъ ужаса. Отто стоялъ какъ пораженный.

— Они хотятъ убить ее! повторилъ онъ машинально: — убить ее... какъ убили нашего отца!

— Она уже очень измѣнилась, сказалъ Клаусъ: — и если вы не видели ее съ-тѣхъ-поръ, какъ она улыбалась, счастливая и прекрасная, въ замкѣ вашего батюшки, графа Ульриха, такъ вы и трудно

будеть узнать ее... Но спешите, ради Бога! путь не близокъ, а время дорогое!..

Отто вздрогнулъ, какъ-бы пробужденный отъ сна.

— Гёцъ, сказалъ онъ:—найми лошадей.

Гёцъ не трогался.

— Лошадей! лошадей! повторялъ Отто:—каждая минута стоитъ часа.

На лицѣ Гёца, дотошъ безпечною, выразилась глубокая горестъ.

— Я негодай, незаслуживающій прошенія! вскричалъ онъ съ отчаяніемъ: — развѣ вы не слышали?.. Вѣдь я говорилъ вамъ, что проигралъ нашъ послѣдній червонецъ!

Отто посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ; потомъ сталъ машинально рыться въ карманахъ.

— Ничего! промолвѣлъ онъ съ горестію.

Гёцъ стоялъ пораженный бременемъ несчастія, котораго самъ былъ виновникомъ.

Отто опустилъ голову, страшно насупивъ брови; но вдругъ поднялся: глаза его сверкали гордымъ огнемъ, щеки были покрыты яркимъ румянцемъ.

— Выберите себѣ шпаги, братья! сказалъ онъ:—мы сейчасъ отправимся въ замокъ Блутгауптъ.

— У тебя есть деньги? вскричалъ Гёцъ.

Отто не отвѣчалъ... снялъ шляпу и съ открытой головой подошелъ къ столу, у котораго студенты продолжали пировать. Краска стыда покрывала щеки его... въ глазахъ выражалось усиліе подавить гордость...

Онъ остановился у перваго стола.

— Сестра наша въ опасности, сказалъ онъ, протянувъ шляпу къ товарищамъ:—а у насъ нѣтъ денегъ, чтобъ ѣхать къ ней...

Гёцъ закрылъ лицо руками. У Альберта выступили на глазахъ слезы.

Камрады, удивленные и тронутые, опорожнили свои тощіе кошельки въ шляпу благороднаго нищаго, потомъ протянули къ нему руки. Онъ пожалъ ихъ и промолвѣлъ:

— Благодарю!

По мѣрѣ того, какъ онъ обходилъ залу, блѣдность замѣняла на щекахъ его румянецъ. Онъ страдалъ; въ великодушной и твердой натурѣ его былъ одинъ только недостатокъ: чрезмѣрная гордость.

И долго продолжалась его пытка! Каждый изъ камрадовъ давалъ, чтѣ могъ—но все они могли немного... Обошедъ всю залу, Отто опустился на стулъ въ изнеможеніи, и никто не услышалъ послѣдняго «благодарю», произнесеннаго задыхавшимся голосомъ...

Нѣсколько минутъ спустя, братья скакали въ галопъ по дорогѣ въ Блутгауптъ.

Синѣтъ былъ красное сукно ихъ плащей; у каждого за кушакомъ была шпага изъ Магазина-Чести.

Они скакали быстро; сердца ихъ были сжаты; головы горбли;— никто не произносилъ ни слова.

Отъ Гейдельберга до замка Блутгаупта будетъ около десяти миль по дорогѣ, ведущей въ Эссельбахъ и Карлсштадтъ. По всей этой дорогѣ только одна почтовая контора въ Мильтенбергѣ.

Ночь приближалась уже къ концу; когда три брата, усталые и погоняя измученныхъ лошадей, въѣхали въ имѣніе Блутгауптъ.

Снѣгъ пересталъ идти, но вся земля была покрыта бѣлой пеленой. Вѣтеръ разогналъ тяжелыя тучи, а на горизонтѣ гасла луна въ рыжеватомъ туманѣ.

Отто въехалъ впереди. Шпорами и хлыстомъ погонялъ онъ коня, выбившагося изъ силъ. Между нимъ и другими братьями было довольно-большое разстояніе.

Вдругъ лошадь Отто остановилась и уперлась передними ногами въ землю.

Ни удары хлыста, ни шпоры не могли побѣдить внезапнаго упрямства лошади. Отто осмотрѣлся. Передъ самыми ногами коня его лежало небольшое возвышеніе, засыпанное снѣгомъ. Молодой человѣкъ не обратилъ на это вниманія и продолжалъ осматриваться. Мѣстоположеніе было такъ замѣчательно, что запечатлѣвалось въ памяти того, кто хоть разъ видѣлъ его.

Отто узналъ блутгауптскій Адъ...

Онъ соскочилъ съ лошади, полагая, что ее испугалъ какой-нибудь недавній обрывъ. Братья, подоспѣвшіе къ нему въ это самое время, послѣдовали его примѣру.

Они всѣ трое подошли къ возвышенію. Отто наклонился и коснулся мягкаго, рыхлаго снѣга... потомъ скоро отдернулъ руку, вскричавъ:

— Мертвецъ!

— Упокой Господи душу его! возразилъ Гейцъ:— проведемъ нашихъ лошадей и поскачемъ далѣе.

Отто самъ зналъ, что каждая минута была имъ дорога, но невѣдомая сила приковывала его къ мѣсту.

— Увѣжайте, сказалъ онъ:— лошадь моя сильнѣе вашихъ, и я скоро догоню васъ.

— Сестра ждетъ насъ! проговорилъ Альбертъ.

Отто преклонилъ колѣни не отвѣчая, и сталъ разрывать снѣгъ. Братья его провели лошадей и продолжали путь.

И точно, подъ снѣгомъ скрывался трупъ человѣка, въ дорожномъ плащѣ. Онъ лежалъ поперекъ дороги, и голова его покоилась на боку лошади, также мертвой.

Отто раскрылъ плащъ незнакомца и приложилъ руку къ груди его; грудь была холодна какъ ледъ.

Тогда Отто рѣшился оставить его и поскакать въ слѣдъ за братьями; но любопытство заставило его взглянуть въ лицо незнакомцу.

Оно было освѣщено послѣдними лучами луны... И, вѣроятно,

черты этого лица были знакомы молодому человеку, ибо онъ оставался въ ожиданіи...

На простетіи вѣсколенныхъ минутъ, онъ закрылъ лицо, которое было блѣднѣе лица покойника. Дѣи крупныя слезы катились по щекамъ его.

Неизвѣстна сжимала въ окончательныхъ нажимахъ медальонъ, съ детскими волосами, оплетенными вокругъ женскаго портрета.

Отто взялъ медальонъ и повѣсилъ его къ себѣ на шею; потомъ вынулъ изъ кармана жертвенна бумажникъ, нѣсколько бумажекъ и все спряталъ у себя на груди... Исполнивъ этотъ тяжкій долгъ, онъ сложилъ руки и почтительно коснулся губами холоднаго лба трупа.

— Елена! Елена! проговаривалъ онъ, садясь на лошадь. — Елена и Маргарита!.. Бѣдныя сестры!..

Погоня лошадь, онъ нѣсколько разъ оглядывался въ сторону Ада, и вскорѣ трупъ виконта д'Одмера исчезъ изъ глазъ его и слился съ снѣжною пеленою...

xi.

Душа Блутгаупта.

Альбертъ и Гёцъ въѣзжали уже въ аллею, ведущую къ замку Блутгаупту, когда Отто догналъ ихъ. Вместо того, чтобы ѣхать по большой аллее, братья повернули влево и, миновавъ древнее селеніе, разбросанныя развалины котораго сливались съ травой во въ общей, холодной пеленою, покрывавшей въ это время землю, подъѣхали къ задней части замка, по дорогѣ, казавшейся рѣшительно непроходимой.

Съ этой стороны, валъ былъ низокъ и едва закрывалъ первый этажъ внутреннихъ строеній. Стѣны, воздвигнутыя на голой скалѣ и надъ глубокимъ рвомъ, ни мало не увеличивали здѣсь неприступности замка: онъ былъ игрушкой въ сравненіи съ гигантской скалой, произведеніемъ самой природы.

Однакожь сыновья Ульриха не колеблясь приближались къ этой части замка и вскорѣ скрылись въ кустарникѣ, росшемъ по бокамъ рва.

Спустившись къ подножію скалы, они привязали коней къ пнямъ болотныхъ дубовъ, росшихъ на днѣ рва, и стали взбираться на крутую скалу, цѣпляясь руками и ногами за ея неровности.

Послѣ четверти часа усилій, братья достигли до той части скалы, которая выдавалась впередъ. Не было никакой возможности пробраться далѣе...

Братья остановились, но не стали спускаться назадъ... Вдругъ Отто исчезъ неизвѣстно куда... за нимъ Альбертъ... а потомъ и Гёцъ...

И все утихло... никого не стало видно.

Прекле ночь, огорченная, претная.

Въ комнату графини Маргариты Гансъ и Гертруда по-прежнему прислушивались къ жалобамъ отъ одной страданной. Графъ Гюнтеръ спалъ, опустившись въ глубокое кресло. Докторъ Хосе-Мира казался погруженнымъ въ глубокія размышленія.

Онъ уже не отвѣчалъ на жалобы больной, призывавшей слабымъ голосомъ Бога, какъ-бы потерять всякую надежду на поможенье людей.

Вторъ утихъ и все умолкло... только каждый часъ на бѣгахъ просыпались часы и хриплыми звуками играли монотонную арию; потѣмъ тихо, протажно раздавался унылый бой...

Веселый ужикъ управляющаго Цахуса кончился. Около трехъ часовъ полночи, онъ оставилъ своихъ просыпавшихся гостей и съ сан-Протѣмъ возвратился въ комнату графини.

— Гансъ Доритъ, другъ мой, сказалъ онъ панку: — вы можете идти спать...

Гансъ хотѣлъ-было возражать, увидѣвъ, что Гертруда поблѣднѣла при той мысли, что должна будетъ остаться одна; но управляющій повелительнымъ знакомъ указалъ ему дверь. Надобно было повиноваться.

Громче и чаще раздавались жалобы молодой графини. Часъ разраженія приближался.

Докторъ, восходившій съ камина, встодобляя посматрѣть на Гертруду.

— А эта дѣвушка? сказалъ онъ, обратившись къ Носперу.

Управляющій также посматрѣлъ на графиню, покачалъ головою и насунилъ брови.

— Какъ горничная Маргариты, она должна остаться здѣсь, проговорилъ онъ. — Если мы отомаски се въ такую минуту, такъ осолошимъ всю дворню!

— Пусть остается, сказалъ сан-Протѣ: — она намъ еще не нужна... а если кончинасть!..

Онъ не договорилъ, но пріятель его давно уже привылъ понимать значеніе добродушной улыбки его.

Молодая дѣвушка прижалась въ амбразуру окна и по лицамъ ихъ старалась угадать, о чемъ они говорили. Сердце ея почти перестало биться, неопредѣленно, неясно предчувствуя великую бѣду.

Хосе-Мира подошелъ къ кровати графини и счелъ, наконецъ, за нужное приступить къ дѣлу. Осмотрѣвъ больную, онъ быстро обратился къ своимъ сообщникамъ и сказалъ:

— Разбудите графа!

Сан-Протѣ слегка толкнулъ старика. Графъ вполномъ открылъ глаза.

— Мнѣ холодно! проговорилъ онъ: — а! это вы, Фабрицій!.. ну, что?.. есть золото?..

Голландецъ радостно мигнулъ глазами.

— Страхнется, отвѣчалъ онъ:—если черезъ два часа оно не будетъ готово, такъ я позволю протнать себя!

Гюнтеръ улыбнулся и опять закрылъ глаза, но Цахуэтъ дернулъ его съ другой стороны:

— Ваше сіятельство, сказалъ онъ ему:—напрасно вы заботитесь объ одномъ только золотѣ... Вставайте-ка поскорѣе, да полюбуйтесь на своего наследника!

Гюнтеръ скоро всталъ; но дыханіе замерло въ груди его, онъ захрипѣлъ... глаза его закрылись.

— О!.. произнесъ онъ, опустившись обратно въ кресло:—золото и сынъ!.. О, я умру отъ радости!

Дрожащею рукою схватилъ онъ золотой бокалъ и продолжалъ едва-слышнымъ голосомъ:

— Я очень слабъ!.. Никогда еще я не былъ такъ слабъ!.. Застывшая кровь останавливается въ моихъ жилахъ... Жизни, докторъ! жизни!.. Когда я долго не пью вашего эликсира, смерть быстрыми шагами приближается ко мнѣ...

Онъ претянулъ къ доктору бокалъ.

— Пейте его сіятельству эликсиру, майнгеръ фан-Претъ, отвѣчалъ докторъ:—я не могу отойти отъ ея сіятельства.

Голландецъ налилъ въ бокалъ двойную порцію напитка, приготовленнаго докторомъ.

Графъ выпилъ съ жадностью. Вся кровь, остановившаяся еще въ жилахъ его, бросилась ему въ голову.

— Приемъ былъ слишкомъ-великъ! шепнулъ Несмерть.

— Ба! возразилъ Голландецъ:—что вкусно и пріятно, то продать не можешь!..

Гюнтеръ омылъ. Безъ посторонней помощи онъ дошелъ до кровати графини и скрылся за занавѣсомъ.

Въ это самое мгновеніе Маргарита произительно вскрикнула.

— Сынъ!.. сказалъ докторъ за занавѣсомъ.

— Сынъ! сынъ! сынъ! повторилъ старый Гюнтеръ съ безуміемъ. —Откройте занавѣсы!.. засвѣтите всѣ канделябры въ замкѣ!.. Сзовите сюда всѣхъ моихъ вассаловъ, отъ перваго до послѣдняго, и пусть они всѣ на козняхъ поклонятся наследнику Блутсаунта!..

Несмерть и фан-Претъ исполнили первое изъ этихъ приказаній. Тяжелый занавѣсъ былъ отдернутъ, и лампы освѣтили Маргариту, блѣдную, подобно мраморной статуй...

Она уже не кричала... не шевелилась...

Португальскій докторъ держалъ на рукахъ ребенка мужескаго пола.

Надежда проникла въ сердце Гертруды, издали смотрѣвшей на сына своей возлюбленной госпожи и благодарившей Всевышняго...

Несмерть и фан-Претъ принесли колыбель, украшенную блондами и гирляндами.

— Сынъ! сынъ! повторилъ старый Гюнтеръ, на щекахъ котора-

го опять замесившая бѣдность, и слабо чьею кошению снотъ задрожали. — Я назову его Гюнтеромъ... это счастливое имя...

Его снотъ задрожали нуще прежняго, и онъ долженъ было приклониться къ одной изъ колоннокъ кровати.

Докторъ выринулъ въ него неподвижный, внимательный взоръ.

Нахуется и снотъ-Протъ, но снотъ Хозе-Мира, также обративъ глаза къ старику, лицо котораго быстро помѣнялось.

— Видите, что пріемъ былъ хорошъ! проговорилъ Гюнденцъ съ холодной улыбкой.

— Кто становится между мною и сномъ? продолжалъ старый Блутгауптъ, зрѣніе котораго омрачалось: — дайте мнѣ полюбоваться ребенкомъ моею крѣпкой Маргаритой!.. Посмотрите, она перестала страдать... Какъ она прелестна! какъ похвально снотъ ея!..

Докторъ закуталъ ребенка въ вѣлени и положилъ въ колыбель.

Гертруда приблизилась, не будучи ниимъ замѣчена. Только докторъ Хозе-Мира стоялъ между ею и Маргаритой.

Хозе не спускалъ мрачнаго, неподвижнаго взгляда съ Гюнтера, и старый графъ, казалось, ослабѣвалъ подъ вліяніемъ этого страннаго взгляда. Возвѣтныя губы его издавали неслышныя звуки... зрачки закатывались.

— Не промывайте двухъ минутъ! проговорилъ докторъ.

Гертруда слышала эти слова и отступила съ ужасомъ.

Старикъ выкатывался и говорилъ:

— Золото и сынъ!.. Сынъ и золото!.. Моею счастливою ноче домъ Блутгаупта!..

Руча его снутилась... онъ уналь на полъ...

Гертруда бросилась къ нему, но нашла одинъ холодный, безжизненный трупъ. Тогда мысль, бѣстрая какъ молнія, налетѣла въ умъ ея. Прежде, нежели кому-либо пришло на умъ отравить или отравить ее, она уже отравилась волею неподвижной госпожи своей.

Умерла! вскричала молодая дѣвушка, отскочивъ назадъ: — умерла! и снотъ, и она!

Она открыла уже ротъ, чтобъ звать на помощь, когда умирающій схватилъ ее за плечи, снотъ-Протъ завязалъ ей ротъ, а Хозе-Мира руки и ноги; потомъ ее кинули въ амбразуру снотъ; гдѣ она, за нѣсколько минутъ до того, сидѣла съ Гансомъ.

Сообщники воротились къ камню.

— Графъ умеръ отъ радости, сказалъ Маджаринъ: — графиня умерла въ радостъ... все это прекрасно!.. Остаются еще эта дѣвушка и ребенокъ.

Дѣвушка не бѣда! возразилъ Несмеръ: — кто станетъ заботиться о томъ, куда дѣлалась служанка?

Гертруда все слышала...

— А ребенокъ? повторилъ докторъ, плеснувъ въ каминъ остатокъ животнонаго эликсира и тщательно вытеревъ сосудъ.

— Можно сказать, что графиня родила мертвого ребенка... за-
мѣтилъ добрый Фабрицій фан-Прэтъ.

— Да, въ живыхъ его ни въ какомъ случаѣ нельзя оставить!
прибавилъ управляющій: — иначе къ чему послужить все то, что
мы уже сдѣлали?

Докторъ покачалъ головой, но въ то же самое время, когда онъ
готовился отвѣчать, въ модельной графини послышался легкій шумъ.

Сообщники вздрогнули.

Гертруда открыла глаза и притаила дыханіе, вспоминая о трехъ
красныхъ человѣкахъ, явившихся въ замкъ Ваутгауптъ при вся-
комъ важномъ событіи.

— Слышали? проговорилъ управляющій.

Фан-Прэтъ и Хозе-Мира утвердительно кивнули головой.

Во время преступленія, они были холодны и спокойны, но те-
перь дрожали.

Цахеусъ помышлялъ о сверхъестественной казни. Голландецъ и
докторъ думали только о земномъ наказаніи, но страхъ ихъ былъ
отъ-того не меньше.

Никакого шума не было болѣе слышно.

— Знаете что, сказалъ Хозе-Мира, понизивъ голосъ: — не позвать
ли нашъ сюда нашихъ товарищей... Реньё можетъ подать добрый
совѣтъ, а Маджаринъ мужественъ и неустрашимъ.

Цахеусъ и фан-Прэтъ съ видимымъ удовольствіемъ приняли это
предложеніе. Но никто не хотѣлъ остаться, и всѣ трое поспѣшно
вышли одинъ за другимъ, оставивъ Гертруду въ амбразурѣ окна,
а ребенка въ колыбели.

Едва они затворили за собою дверь, какъ снова послышался лег-
кій шумъ въ модельнѣ.

Вѣчная Гертруда поручила душу Господу...

По прошествіи десяти минутъ, Цахеусъ, докторъ и фан-Прэтъ
ворвались съ тремя своими сообщниками.

Цахеусъ первый переступилъ за порогъ. Едва вошелъ онъ въ
комнату, какъ страшно вскрикнулъ.

— Три красные человѣка!!! вскричалъ онъ, отступая къ товари-
щамъ, также остановившимся въ невыразимомъ ужасѣ.

У колыбели ребенка стояли три человѣка въ длинныхъ красныхъ
плащахъ. Лица ихъ были закрыты широкими полями шляпъ; въ
рукахъ у нихъ были обнаженные шпаги, на лезвияхъ которыхъ
отражался яркой полосой свѣтъ отъ лампъ...

Маджаринъ шелъ послѣдній; онъ былъ еще полупьянъ.

Увидѣвъ трехъ вооруженныхъ людей, онъ заревѣлъ дико:

— Пустите, пустите! Употребляйте отраву, а мнѣ дайте дѣй-
ствовать саблѣй!.. Назадъ!

Онъ пробился между остолебенными сообщниками и ворвался
въ залу съ саблею въ рукахъ.

Одинъ изъ красныхъ отошелъ отъ колыбели и пошелъ на встрѣ-

ну къ отчаянному Венгеру; потомъ откинулъ шляпу и открылъ благородное, юное лицо, блѣдное и грустное...

Видѣте того, чтобъ разить, Маджаринъ заслонилъ рукою какъ-бы ослѣжденные глаза; раскрасившееся лицо его внезапно поблѣднѣло и сабля вывала изъ рукъ... Побѣжденный, уstraшенный, отступилъ онъ отъ страшнаго видѣнія...

— Ульрихъ! вскричалъ онъ задыхающимся голосомъ: — графъ Ульрихъ вышелъ изъ могилы!..

Утромъ всѣ слуги Блутгаупта вошли въ покой графини Маргариты.

Нѣкоторые изъ нихъ убѣдились, что слышали ночью плачь новорожденнаго.

Они нашли тѣло стараго графа на полу; тѣло графини Маргариты на постели. Кроткое лицо ея, обрамленное кудрями русыхъ волосъ, казалось, улыбалось. Уста ея были полураскрыты, какъ-будто вѣчный сонъ застигъ ее въ то самое время, когда она творила молитву.

Колыбель, украшенная кружевами и цвѣтами, исчезла вмѣстѣ съ служанкой Гертрудой.

Въ тотъ же день, и пажъ Гансъ навсегда удаленъ изъ стараго замка.

Законченнымъ образомъ было доказано, что Гюнтеръ фонъ-Блутгауптъ и жена его скончались естественною смертію. Докторъ Хольмаръ самъ составилъ актъ, свидѣтельствовавшій о томъ. Пахенъ Несмерть, фонъ-Претъ, мастеръ Блазиусъ и главнѣйшіе слуги засвидѣтельствовали справедливость показанія доктора своею подписью.

Но большая часть изъ слугъ осталась въ твердомъ убѣжденіи, что смерть ихъ была причинена волею сатаны. Главное доказательство было то, что ребенокъ пропасть: его унесъ дьяволъ...

И когда опять наступилъ ночной мракъ, взоры всѣхъ обратились къ вершинѣ сторожевой башни.

Ни малѣйшаго свѣта не видно было въ узкомъ окнѣ лабораторіи.

Душа Блутгаупта угасла 1-го ноября 1824 года, въ ночь на враздникъ Всѣхъ-Святыхъ...

ФРАНКФУРТСКАЯ ТЮРЬМА.

I.

Это было въ февралѣ 1844 года.

Девятнадцать лѣтъ прошло послѣ событій, рассказанныхъ нами въ предыдущихъ главахъ.

Новые франкфуртскіе кварталы расширились. Тамонніе банкиры по-прежнему воровали милліонами и разыгрывали всю Германію въ лоттерей. Франкфуртъ болѣе прежняго гордился названіемъ вольнаго города, охраняемаго австрійскими и прусскими солдатами.

Въ эти девятнадцать лѣтъ, старый городъ помолодѣлъ и похорошѣлъ. Даже отдаленнѣйшія части его не отстали отъ улучшеній: все очищалось, просвѣтлялось. Только одна Юденгассе сохранила свой прежній отвратительный видъ; состарившіеся дома ея болѣе и болѣе клонились къ разрушенію. Новая грязь увеличила массу въковой грязи; черепицы болѣе и болѣе валялись на улицу, крыши болѣе и болѣе сближались, омрачая и сгущая воздухъ, исполненный заразы; время рѣшило трудную задачу, приласть отвратительной наружности Жидовской-Улицы еще болѣе страшный видъ.

Въ мрачныхъ переулкахъ этого квартала была тоже молчаливая и озабоченная дѣятельность. Тамъ можно было встрѣтить тѣ же плащи, только съ прибавкою заплатокъ и прорѣхъ, которые тамъ встрѣчались за двадцать лѣтъ: на головахъ бережливыхъ сыновей можно было встрѣтить мѣховыя истертыя шапки, красовавшіеся на головахъ отцовъ ихъ.

Только немногія имена измѣнились на вывѣскахъ. Леви, тряпичникъ, сдѣлался извѣстнымъ банкиромъ; сыновья Ровоама, продавая старыхъ гвоздей, поженились на графиняхъ и герцогиняхъ; другіе втечѣніи неизвестно куда; говорили, что ростовщикъ Моисей Гельдъ велъ въ Парижъ или Лондонъ милліонныя дѣла.

У двери маленькаго домика, нѣкогда имъ обитаемаго, по-прежнему стояла пара старыхъ сапоговъ и зрительная трубка въ картонномъ футлярѣ. Преемникъ Моисея шелъ по слѣдамъ его и потихоньку продолжалъ взбираться на таинственную лѣстницу обогащенія, нижнія ступени которой изъ гнилаго дорева, а верхнія изъ чистаго золота...

По мрачной, узкой Юденгассе разносился гулъ звона колоколовъ въ соборахъ Богородицы и св. Леонара. Звонъ этотъ пробуждалъ воспоминанія старыхъ Жидовъ, потому-что производимъ былъ въ честь почетнаго гражданина Цахеуса Несмера, одного изъ богатѣйшихъ франкфуртскихъ банкировъ, скончавшагося за годъ до того съ шлегеромъ въ груди.

Во франкфуртскихъ соборахъ служили поминки по честномъ, благородномъ и великодушномъ мужѣ...

Цахеусъ Несмеръ разбогатѣлъ чрезвычайно-быстро, и многіе Жиды хорошо понимали, какъ онъ нѣкогда пріѣзжалъ къ Моисею Гельду въ весьма-скромномъ экипажѣ. Въ то же время, ростовщика навѣщали еще три или четыре человека, сдѣлавшіеся весьма-значительными особами въ разныхъ странахъ.

Всѣ понимали молодого Француза, по имени Ренійо, Голландца Фан-Прѣта и Португальца Хозе-Мира, бывшаго докторомъ у послѣдняго изъ Блутгауптовъ.

Замѣчательно было, что все эти люди разбогатѣли въ одно время, хотя, какъ всѣмъ извѣстно было, одинъ Моисей купилъ обширныя имѣнія графа Гюнтера. Сверхъ того, изъ шести разбогатѣвшихъ, пятеро, одинъ за другимъ, удалились изъ Германіи. Странные слухи носились по этому случаю: говорили, что со смерти послѣдняго графа Блутгаупта, этихъ людей постоянно преслѣдовали таинственныя гоненія. Нѣкоторые изъ нихъ даже раскормили жизнь, а потому удаленіе ихъ можно было почесть настоящимъ бѣгствомъ.

Носились также слухи, что преслѣдователи ихъ были три незаконнорожденные сына графа Ульриха, неполучившіе ни одного червонца изъ родового наслѣдства. При первомъ взглядѣ, казалось, что такіе враги были не опасны: давно уже изгнанцы были отъ германскою конфедераціей и не смѣли возвращаться на родину.

Пахеусъ Несмеръ употреблялъ все свое вліяніе, чтобъ изгнанниковъ не были забыты.

Но острацизмъ, произнесенный надъ тремя братьями, не устрашалъ ихъ. Они были чаще въ Германіи, нежели въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ. Во всѣхъ городахъ встрѣчали они гостеприимныхъ друзей, скрывавшихъ ихъ отъ взора полиціи. Да, сверхъ того, они были молоды, сильны и рѣшительны, и ни богатство, ни покровительство полиціи, не могли защитить враговъ ихъ. Одинъ Пахеусъ Несмеръ остался въ Германіи и — однажды утромъ ранивъ тѣло его на берегахъ Майна, въ пятидесяти шагахъ отъ арестантскихъ гауптвахтъ.

Между странными обстоятельствами этой тайной борьбы, ознаменовавшейся уже смертію такого значительнаго человека, лежалъ Пахеусъ Несмеръ, должно замѣтить слѣдующее:

Три незаконнорожденные сына графа Ульриха умѣли всегда уклоняться и скрываться отъ своихъ противниковъ. Никто изъ послѣднихъ не зналъ лично братьевъ. Увѣряли даже, что самъ Пахеусъ Несмеръ вѣрился одному изъ нихъ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ управлявшему его коммерческимъ домомъ, подъ вымышленнымъ именемъ, и проникнутому сокровенными тайнами банка...

Какъ бы то ни было, но убійство Несмера не осталось незамечаннымъ.

Не смотря на всю свою ловкость, сыновья Ульриха попались въ руки полиціи, и ихъ заключили во франкфуртскую тюрьму. Но тутъ — какъ не было никакихъ ясныхъ доказательствъ, что они совершили преступленіе, то судьи не рѣшались провозгласить приговора, и все были того мнѣнія, что они на всю жизнь останутся въ заточеніи.

Все вслухъ и открыто оплакивали злополучную кончину бѣднаго гражданина Пахеуса Несмера, но вътай все исправно сажады въ трехъ молодыхъ людяхъ, лишенныхъ нищѣ, несчастія и претерпѣвшихъ столько горя. Таинственная исторія происходила

ныя на счетъ ихъ высказана замечать Рёте и Блаутгаута, возвели ихъ на степень героевъ германскихъ легендъ, — Нимфы очень любятъ героевъ своихъ легендъ.

Была мрачная, холодная ночь.

Рядки прележкіе, сирота въ насы въ плани, сплывали мимо сиротъ стая франкфуртской тюрьмы.

У дверей и по угламъ древняго зданія прохаживались часовые.

Глубокая тишина, царствовавшая во внутренности тюрьмы, была прерываема только шагами тюремщиковъ, проходившихъ по длиннымъ корридорамъ.

Три сына Удрика находились въ трехъ смежныхъ комнатахъ, одна изъ которыхъ, запертая на ключъ, ждала своимъ распоряженіемъ, выходила на дворъ, огражденный отъ улицы высокою каменною стѣною.

На дворѣ былъ часовой; мастеръ Блазиусъ, главный старшина франкфуртской тюрьмы, уверялъ, что часовые этого были совершенно не нужны, по причинѣ крайней нужды въ ружьяхъ и амуниціи; но онъ оставлялъ его на этомъ мѣстѣ, следуя слову: великая осторожность не можетъ быть вредна.

Братья славились такою ловкостью и сноровкой, что тюремщики старались ихъ въ особенную заботливостію. Но мастеръ Блазиусъ былъ совершенно-спокоенъ. Онъ былъ человекъ амуниціи, дѣлательный, формалистъ и въ высшей степени добродѣтельный. Кроме принятыхъ мѣръ и постановленій, выполняемыхъ съ необыкновенною точностію, мастеръ Блазиусъ заглаживалъ и на томъ, что онъ считалъ: сирота Удрика не захотѣлъ продолжать неприличность сироты сиротъ ихъ семьи.

Онъ же самъ обходилъ съ ними почтительно и вѣжливо, а также угождалъ имъ. Днямъ онъ имѣлъ право сходиться, но лишь только наступалъ узаконенный часъ, мастеръ Блазиусъ разлучалъ ихъ и самъ проводилъ съ каждымъ отдельно и мастерски часомъ за бутылкой добраго рейнвейна, въ дружней бесѣдѣ.

Въ этотъ вечеръ, Отто досталось счастье побесѣдовать съ мастеромъ Блазиусомъ.

Альбертъ и Гейцъ потушили свои лампы и, вѣроятно, уже спали. Комната же Отто была освѣщена. Мастеръ Блазиусъ и онъ сидѣли у маленькаго стола, за окромомъ ладаной кружкой, въ которой лежала колода картъ.

Мастеръ Блазиусъ курить какъ Немецъ, то-есть, куча Турка: страшно дымилъ.

Мастеръ Блазиусъ очень состарѣлся. Онъ былъ еще силенъ и здоровъ, но волосы его посѣдѣли; а прележная холодная забота походила уже на дряхлость. Впрочемъ, онъ былъ по-прежнему:

Кемперъ Отто была дѣлатель-сирота, Германская тюрьма прележала въ этомъ отношеніи. Тамъ дѣлаются сироты свободны, но не свободны.

У станы стояла мягкая кровать съ занавѣсками, которыя и шпешные покойныхъ креселъ.

На молодомъ человѣкѣ былъ странный костюмъ, въ которомъ, по-прежнему, преобладалъ красный цвѣтъ. Казалось, что, пожертвовавъ правомъ носить имя отца, онъ находилъ утѣшеніе въ томъ, что могъ носить любимый цвѣтъ Блутгаунтовъ. На немъ былъ длиннополый сюртукъ багроваго цвѣта, опоясанный черной тальмой. Волосы по-прежнему ниспадали обильными кудрями по сторонамъ лица его.

Время не имѣло почти вліянія на черты молодого человѣка. Черные глаза его, исполненные огня, имѣли умное, мужественное выраженіе. Онъ былъ еще прекраснѣе, нежели въ то время, когда, гордый и безстрашный, стоялъ передъ убійцами отца своего.

Въ настоящее время, онъ походилъ на льва, отдыхающаго на мягкой травѣ и протягивающаго, вдали отъ враговъ, свои мощные мускулы; на льва, готоваго вскочить при малѣйшемъ шумѣ и въ минуту уничтожить побѣжденную добычу...

Мейстеръ Блазиусъ сталъ медленно и тщательно тасовать карты.

— Сидимте, Отто, сказалъ онъ: — мнѣ сдѣлать... славная игра! Она мнѣ очень нравится.

И онъ сталъ сдѣлать. Отто собралъ карты и началъ раскладывать ихъ не въядаку. Лицо его было неподвижно, и даже человѣкъ болѣе-проницательный, нежели мейстеръ Блазиусъ, подумалъ бы, что онъ вполнѣ занятъ игрою. Однакожъ, по-прежнему, едва-замѣтные движенія выобличали въ немъ сильную озабоченность. Иногда, морщъ его, задумчивый, неподвижный, устремлялся впередъ; нѣкогда вытягивалась, голова наклонялась на одно плечо — онъ какъ-будто прислушивался.

Когда мейстеръ Блазиусъ молчалъ, что случалось весьма-редко, и когда утихали шаги удалявшагося часового, за стѣною слышался шорохъ, умолкшій иногда, но не на долго...

Этотъ шорохъ былъ причиною озабоченности молодого человека.

II.

Что же касается до мейстера Блазиуса, то онъ не слышалъ этого шороха. Онъ вполнѣ былъ занятъ игрою.

— Пять картъ! сказалъ онъ, разсматривая свою игру: — вотъкъ семь... годится!

— Годится, отвѣчалъ Отто.

Тыряшики переложилъ ешику съ правой стороны на лѣвую и взглянулъ рейнвейну.

— Ладно бы одинъ тузъ, и у меня была бы отличная игра! Проговорилъ онъ, разсчитывая съ чего ходить: — безъ лотки сканушки, мейстеръ Отто, что съ вами гораздо-пріятнѣе играть, нежели съ

Альбертомъ или Гёцомъ... Гёцъ непременно къ концу игры выпьетъ нѣсколько лишнихъ стакановъ... а Альбертъ совсѣмъ не умѣетъ пить! Двѣ крайности, и обѣ не хороши!... за то, Альбертъ безпрестанно рассказываетъ мнѣ о своихъ любовныхъ интрижкахъ... мнѣ ли, старикъ, слушать такой вздоръ!.. За то вы... совсѣмъ другое дѣло!.. Впрочемъ, и у васъ есть маленькій недостатокъ... Вы слишкомъ-скромны... Вы ни разу не сказали мнѣ ни слова на счетъ хорошенькихъ писемъ, которыя получаете изъ Франціи!..

Отто задумчиво улыбнулся.

— И что за хорошенькая ручка пишетъ эти письма! продолжалъ мейстеръ Блазиусъ:—по одной рукѣ можно догадаться, какъ хороши должны быть письма... Однако, вотъ ужъ болѣе мѣсяца, какъ вы не отвѣчали на нихъ!

Отто опустилъ глаза, и едва-замѣтная улыбка появилась на лицѣ его.

— Однако, продолжалъ тюремщикъ: — имя ея не хорошо... Я прочиталъ имя на адресахъ... право, хорошенькой женщинѣ неприлично называться мадамъ Батадьеръ!..

Отто все молчалъ.

— Ну, полно! продолжалъ опять мейстеръ Блазиусъ: — я вижу, что этотъ разговоръ вамъ не нравится... Трефы козыри, мейнгеръ Отто, и мнѣ ходить...

Молодой человѣкъ, совершенно-забывшій о своихъ картахъ, сталъ припоминать съ чего ему ходить.

— Знаете ли, что, мнѣ нравится въ вашей игрѣ? спросилъ главный тюремщикъ. — Вы обдумываете каждый ходъ... Другой, на вашемъ мѣстѣ, сейчасъ бы побилъ эту десятку... вы же, напротивъ, долго думали... Еще съ трефы!

Отто задумался такъ надолго, что Блазиусъ имѣлъ время наполнить и опорожнить стаканъ.

Кромѣ шаговъ удалявшагося часового въ тишинѣ ночи, слышалось легкое треніе двухъ кусковъ желѣза одинъ о другой.

Отто застучалъ стуломъ и закашлялся.

— Вы простудитесь, сказалъ Блазиусъ: — если не будете пить... зимнія ночи весьма-вредно дѣйствуютъ на грудь... Бейте или пропускайте... я хожу съ трефъ.

Отто исподлобья посмотрѣлъ на него, какъ-бы желая удостовѣриться, не окрывалась ли насмѣшка въ послѣднихъ словахъ; но главный тюремщикъ никогда не насмѣхался и не шутилъ.

Молодой человѣкъ сталъ играть и проигралъ. На важномъ лицѣ Блазиуса выражалось самодовольствіе, и онъ тихонько потиралъ руки, пока Отто сдавалъ. Онъ забылъ дать снять.

— Позвольте, позвольте! съ живостію вскричалъ Блазиусъ:—какъ вы разсѣяны, мейнгеръ Отто!.. Какъ же это можно?.. Вѣдь такъ какъ-разъ счастье переменится!

Прожливая свою разсѣянность, Отто съ принужденной улыбкой возиниался.

Мейстеръ Блазіусъ простилъ и сталъ набивать трубку.

— О! продолжалъ онъ, мигнувъ глазомъ: — я тонкій наблюдатель, и по лицу всякаго человѣка могу угадать, что происходитъ у него въ душѣ... Еслибъ вы не получали хорошенькихъ писемъ изъ Парижа, и еслибъ по этимъ письмамъ я не считалъ васъ влюбленнымъ, такъ — честное слово! — я бъ подумалъ, что вы замышляете бѣгство!

— Бью и записываю, сказалъ Отто.

— Дѣло!.. Но эти письма... притомъ же я васъ и вашихъ братьевъ изучилъ такъ-хорошо, что не могу имѣть какое-либо подозрѣніе... Гѣцъ—добрый малый, любитъ попить и поиграть... Альбертъ—красавецъ, волокита, слишкомъ-встрепъ,... не ему задумывать бѣгство... Вы же, мейнгеръ Отто, слишкомъ-благоразумны... а потому понимаете, что бѣгство невозможно... не такъ ли?

— Разумѣется.

— У меня всѣ тузы... я сегодня удивительно-счастливъ... Вы не выиграете ни одной партіи, мейнгеръ Отто!.. Выньемъ-те!

Отто чокнулся съ тюремщикомъ.

— Еще партію! вскричалъ послѣдній, опорожнивъ стаканъ.

Потомъ, ударивъ по картамъ, онъ прибавилъ:

— Если у меня будетъ опять такая же игра, такъ вы далеко не уйдете!

Отто громко захохоталъ, какъ-будто бы партнеръ его съострилъ; веселость его продолжалась такъ долго, что и мейстеръ Блазіусъ захохоталъ невольно.

Между-тѣмъ, шумъ за стѣной обратился въ глухой стукъ.—Казалось, сильная рука потрясала желѣзные рѣшетки.

Смѣхъ молодаго человѣка пришелся очень-кстати; иначе тюремщикъ непременно услышалъ бы стукъ.

Когда партнеры перестали смѣяться, въ сосѣдней комнатѣ наступила тишина.

— Кромѣ шутокъ, сказалъ Блазіусъ: — мейнгеръ Отто, вы отличный малый!.. Я самъ не знаю, надъ чѣмъ я смѣялся... но смѣялся отъ души... Хожу съ бубенъ.

Молодой человѣкъ, не смотря на плохія карты, сталъ играть такъ искусно, что не далъ выиграть мейстеру Блазіусу.

Послѣдній запилъ свою неудачу. — Лицо его покраснѣлось; онъ разгорячался болѣе-и-болѣе, и ничто не могло въ эту минуту отвлечь вниманія его отъ картъ.

Онъ не слышалъ паденія двухъ тяжестей, послѣдовавшихъ одна за другою. Онъ не слышалъ, какъ часовой громкимъ голосомъ закричалъ:

— Кто идетъ?

Одинъ Отто все слышалъ. Глаза его были опущены, лицо блѣдно; карты дрожали въ рукахъ.

Игра перемѣнилась: у мейстера Блазіуса были весьма-дурныя карты... но большею частію грубая сила преодолеваетъ умъ. От-

то кидалъ карты почти на удачу; потъ каплями выступалъ на лбу его, — щеки попеременно покрывались то блѣдностью, то яркой краской...

Мейстеръ Блазіусъ, углубившись въ свои комбинаціи, не замѣчалъ состоянія молодого человѣка, ловко пользовался его разсѣянностью и промахами, и дѣйствовалъ такъ, какъ-будто бы вся будущность его зависѣла отъ этой партіи.

Взявъ послѣднюю взятку, онъ скрестилъ руки на груди и пристально посмотрѣлъ на молодого человѣка.

— Вотъ ужъ по своей винѣ проиграли! вскричалъ онъ. — Ахъ, мейнгеръ Отто, мейнгеръ Отто!.. должно-быть, вы крѣпко влюблены!..

Молодой человѣкъ не отвѣчалъ; глаза его были неподвижны; шея вытянута; брови судорожно насуплены...

Эти ясные признаки сильнаго волненія поразили, наконецъ, тюремщика.

— Чтѣ съ вами? проговорилъ онъ.

— Отто не отвѣчалъ; онъ слушалъ...

Въ то самое мгновеніе, когда тюремщикъ хотѣлъ повторить свой вопросъ, вдали раздались два странные крика. Лицо молодого человѣка внезапно прояснилось.

— Это чтѣ? вскричалъ Блазіусъ, вставая.

— Ничего, отвѣчалъ Отто: — вы обыграли меня; не хочу болѣе играть, потому-что сегодня мнѣ нѣтъ счастья... Но садитесь, мнѣ нужно еще поговорить съ вами.

Отто фамильярно опустилъ руки на плечи бывшего майордома и заставилъ его сѣсть. — Потомъ, наполнивъ стаканы, вскричалъ:

— За ваше здоровье!.. поздравляю васъ, мейстеръ Блазіусъ; вы сейчасъ выиграли пять тысячъ флориновъ!

Тюремщикъ вытарашилъ глаза и боязливо посмотрѣлъ на сына Ульриха.

— Ужъ не сошелъ ли онъ съ ума? подумалъ онъ.

Вмѣсто того, чтобъ сѣсть, Отто пошелъ за кровать и воротился оттуда съ дорожнымъ сюртукомъ, старымъ краснымъ плащомъ и сапогами со шпорами.

Блазіусъ смотрѣлъ на него съ изумленіемъ. — Онъ машинально набивалъ трубку и съ непритворнымъ сокрушеніемъ сердца ворчалъ:

— А я думалъ, что онъ влюбленъ... онъ сумасшедшій! Экое несчастіе!

Между-тѣмъ, Отто скинулъ туфли и надѣвалъ сапоги, сюртукъ; потомъ свернулъ плащъ и положилъ его подъ мышку.

— Вотъ такъ! сказалъ онъ: — теперь отдайте мнѣ свой сюртукъ на вѣкъ и я заплачу вамъ 5,000 флориновъ.

Мейстеръ Блазіусъ не довѣрялъ ушамъ своимъ.

— Лягте спать, мейнгеръ Отто, возразилъ онъ: — ложитесь, спокойный сонъ усмирить волненіе вашей крови.

Отто подвинулъ кресло къ тюремщику и сѣлъ возлѣ него.

— Объяснитесь, сказалъ онъ твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ: — но скорѣе, мнѣ некогда терять времени.

Блазіусъ невольно улыбнулся.

— Вы честный человѣкъ, продолжалъ Отто: — и вамъ поручили стеречь трехъ плѣнниковъ, обвиненныхъ въ убійствѣ... двое изъ нихъ ушли...

Блазіусъ вскочилъ и хотѣлъ броситься къ двери, но желѣзная рука Ульриха удержала его.

— Не кричите! продолжалъ Отто: — вы раскаетесь, но тогда будетъ уже поздно!

— Да вы обманываете меня! вы шутите! вскричалъ несчастный тюремщикъ: — никто не ушелъ... Стѣны высоки... я приказалъ сдѣлать къ окнамъ новыя желѣзныя рѣшетки... рунды обходятъ аккуратно... часовые бдительны... Пустите меня, я хочу удостовѣриться собственными глазами!

— Сейчасъ, сейчасъ, отвѣчалъ Отто, не отпуская его: — сперва выслушайте меня. Я вамъ говорю, что теперь Альбертъ и Гёцъ скачутъ уже по дорогѣ во Францію... вы сейчасъ удостовѣритесь въ этомъ, но теперь повѣрьте мнѣ на-слово... Бѣгство этихъ двухъ плѣнниковъ лишитъ васъ мѣста... а вы уже стары, мейстеръ Блазіусъ!

Бывшій майордомъ глубоко вздохнулъ.

— Предлагаю вамъ сумму, достаточную для того, чтобъ обезпечить васъ на будущее время, продолжалъ Отто: — кромѣ того предлагаю вамъ еще способъ сохранить ваше мѣсто.

Старикъ наострилъ уши.

— Вы человѣкъ осторожный, сказалъ Отто: — а потому не захотите заводить бесполезнаго шума... Ступайте же въ комнаты моихъ братьевъ и удостовѣритесь сами въ справедливости словъ моихъ.

Отто отпустилъ тюремщика, который немедленно бросился въ корридоръ съ живостію молодого человѣка...

Нѣсколько минутъ спустя, онъ опять явился на порогъ комнаты Отто, который указалъ ему кресло. Тюремщикъ сѣлъ и произнесъ съ глубокимъ вздохомъ:

— Ушли, неблагодарные!.. ушли, оба!

— И я уйду, сказалъ Отто.

Блазіусъ сердито пожалъ плечами и не отвѣчалъ.

— Я долженъ уйти, твердымъ голосомъ повторилъ сынъ Ульриха: — и немедленно!.. вы сами доставите мнѣ къ тому средства.

Блазіусъ взглянулъ на него съ негодованіемъ и вскричалъ:

— Въ казематы упрячу я васъ!.. Вотъ вы куда уйдете!

Отто улыбнулся и возразилъ:

— Это не воротитъ тѣхъ, которые уже ушли; если жъ вы хотите выслушать меня спокойно, такъ я скажу вамъ, что выгоды

воротятся къ вамъ... Я не шучу, мейстеръ Блазиусъ; вы знаете, что ни одинъ изъ сыновей Блутгаупта никогда не лгалъ.

— Знаю, знаю!.. Но зачѣмъ же они ушли?.. Зачѣмъ? Я ли не берегъ ихъ? Я ли не угождалъ имъ? Я ли не баловалъ ихъ?.. Зачѣмъ же они ушли?..

— На братьяхъ моихъ и на мнѣ, возразилъ Отто съ грустію: — лежитъ тяжкая обязанность... Долго мы были бѣдны, а борьба безъ денегъ невозможна... Теперь мы разбогатѣли, и въ нѣсколько недѣль исполнимъ то, къ чему стремились въ продолженіи многихъ лѣтъ... Повѣрите ли вы, Блазиусъ, моей клятвѣ?

Тюремщикъ въ нерѣшимости посмотрѣлъ на Отто.

— Повѣрю, отвѣчалъ онъ наконецъ: — потому-что въ жилахъ вашихъ течетъ кровь Блутгауптовъ.

— Итакъ, продолжалъ сынъ Ульриха: — клянусь вамъ именемъ моего отца, что Гецъ, Альбертъ и я будемъ здѣсь ровно черезъ мѣсяцъ.

Старикъ хранилъ молчаніе.

— Если вы откажетесь помочь мнѣ, продолжалъ Отто: — такъ я останусь въ тюрьмѣ, но ни Альбертъ, ни Гецъ не вернутся, а вы будете наказаны...

Блазиусъ смотрѣлъ на глиняную кружку, какъ-бы прося у нея совѣта.

— Я очень-хорошо знаю, что вы, мейнгеръ Отто, не измѣните своему слову, отвѣчалъ онъ наконецъ: — знаю, что средство, предлагаемое вами, можетъ спасти меня, — но если, отъ чего Боже упаси! — васъ вдругъ потребуютъ въ судъ?

— Мы ужъ годъ сидимъ въ тюрьмѣ; не имѣя доказательствъ, судьи не могутъ провознести надъ нами приговора; следовательно, имъ не зачѣмъ призывать насъ.

Блазиусъ былъ внутренно того же мнѣнія. Бѣгство третьяго брата ни мало не измѣнило его положенія, но, напротивъ, подавало ему даже надежду... Не смотря на то, онъ все еще колебался.

Отто наклонился къ уху его и шепнулъ:

— Вы были нѣкогда самый вѣрный слуга Блутгаупта; и тогда вы заплатили бы жизнью за то, если бъ у стараго графа былъ наследникъ!

— И теперь еще я готовъ отдать жизнь!..

— Такъ зачѣмъ же вы колеблетесь, зачѣмъ медлите? вскричалъ Отто звучнымъ голосомъ. — Отъ покойнаго графа остался сынъ, законный наследникъ его... Онъ бѣденъ и не знаетъ имени своихъ предковъ...

— Я самъ это думалъ! стало-быть, я не ошибался! вскричалъ бывшій майордомъ съ сверкающими глазами, сложивъ руки: — но найдете ли вы его, мейнгеръ Отто?

— Я уже говорилъ вамъ, что на насъ лежитъ тяжкая, но священная обязанность... Наследникъ Блутгаупта — сынъ нашей сестры Маргариты, которую мы любили болѣе самихъ-себя... вмѣстѣ съ

тѣмъ онъ принадлежить и намъ, ставшимъ между колыбелью его и убійцами!

Взоръ бывшего майордома съ жаднымъ любопытствомъ былъ устремленъ на Отто.

— Вы были въ замкѣ въ ночь наканунѣ праздника Всѣхъ-Святыхъ? спросилъ онъ.

— Были, отвѣчалъ Отто:—но теперь мнѣ некогда рассказывать; братья ждутъ меня.

— Одно слово! вскричалъ Блазіусъ:—не вы ли унесли ребенка и увели Гертруду?

— Гертруда пошла съ нами; пажъ Гансъ догналъ насъ... имъ поручили мы ребенка, и они воспитали его. Гансъ и Гертруда долгое время жили на берегу Рейна, по другую сторону замка Роте. Я знаю, гдѣ теперь эти вѣрные, преданные друзья и, черезъ мѣсяцъ, если будетъ угодно Богу, сынъ сестры моеѣ, графъ фон-Блутгауптъ-и-Роте, вступитъ въ домъ праотцевъ своихъ!

Тюремщикъ всталъ, взявъ глиняную кружку, чтобъ наполнить стаканы, но рука его дрожала.

— Замокъ еще не проданъ! сказалъ онъ.—Не-уже-ли я доживу до радостнаго дня возстановленія рода Блутгауптовъ!.. Клянусь Богомъ! я готовъ просить милостыню на старости лѣтъ, чтобъ быть свидѣтелемъ такого торжества...

И онъ сталъ поспѣшно снимать свой ваточный сюртукъ.

— Я не пьянъ, мейнгеръ Отто; продолжалъ онъ, поднимая съдуго голову:—я знаю, что вы можете обмануть меня... но скорѣе лѣтъ я пытаюсь хлѣбомъ Блутгаупта... берите мое платье, и да хранитъ васъ Господь!

Онъ самъ помогъ сыну Ульриха надѣть сюртукъ и закрыть лицо воротникомъ.

Отто пожалъ ему руку.

— Ждите насъ. Завтра вы получите пять тысячъ флориновъ... только одна смерть воспрепятствуетъ намъ воротиться черезъ мѣсяцъ.

Онъ вышелъ изъ комнаты и пошелъ по корридору, подражая тяжелой и медленной походкѣ главнаго тюремщика.

Сторожа и часовые сторонились, чтобъ пропустить его.

Мейстеръ Блазіусъ опустился въ кресло и закрылъ лицо руками.

— Сынъ дьявола! сынъ тайны! проговорилъ онъ:—такъ называли его дурные люди... скорѣе слѣдуетъ назвать его сыномъ ангела, потому-что мать его, графиня Маргарита!..

Послѣ краткаго молчанія, онъ продолжалъ:

— Девятнадцать лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ!.. Онъ теперь юноша... и, вѣроятно, красавецъ... Сыновья графа Ульриха мужественны, неустрашимы... да поможетъ имъ Богъ, и да хранитъ воля Его святая воля, чтобы глаза мои могли узрѣть молодого графа въ благородномъ замкѣ его предковъ!..

НЕКЫВАЛОЕ ВЪ БЫЛОМЪ, ИЛИ БЫЛОЕ ВЪ НЕКЫВА- ЛОМЪ.

О

ЧАСТЬ ВТОРАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ.

I.

СТАНЪ ПОДЪ ШУМЛОЙ.

Въ Москву пріѣхали мы благополучно. При всей крѣпости и стойкости моей, я однакоже крайне упалъ духомъ и не могъ высвободить изъ-подъ спуда прежнюю жизненную силу свою и дѣятельность. Въ Москвѣ я все еще не считалъ себя свободнымъ; я здѣсь не вышелъ еще изъ круга волшебной власти Нѣдиной; я и здѣсь могъ ее каждый день встрѣтить, или что — вѣбуй объ ней услышать, равно она также обо мнѣ — а этого я не хотѣлъ. Я твердо намѣрился кончить грустное дѣло это навсегда и обеспечить ей по возможности такую участь. Я былъ одинокъ на свѣтѣ, утѣны никакихъ передъ собою не видѣлъ, жизнь лежала передо мною въ какомъ-то холодномъ туманѣ. Я понималъ необходимость переломить себя, измѣнить внезапно роль жизни, мѣсто и замѣтій, — словомъ, все, что меня извнѣ окружало и внутри занимало.

Это было то самое время, когда у насъ открывалась послѣдняя турецкая война. Не я первый, не я послѣдній бѣжалъ отъ внутрянней тревоги во внѣшнюю — и если одно не всегда противодѣйствуетъ достаточно другому, то по крайней мѣрѣ одно другое временно заглушаетъ и даетъ душѣ нашей время укрѣпиться, заботы или одолѣть душевныя смуты.

Я поѣхалъ изъ Москвы тихомолкомъ въ Могилевъ-на-Днѣстрѣ, захвативъ дорогою еще разъ — можетъ-быть въ послѣдній — на родину свою, привелъ въ порядокъ домашнія дѣла мои и отразился дальше. На границѣ я по первому встрѣчному знакомству съ из-

сколькими офицерами проходивших войск выбралъ полкъ, о командирѣ котораго отзывались хорошо, явился къ нему съ своими бумагами и перешелъ границы наши, въ Скулянахъ, на Прутъ, въ юнкерскомъ пѣхотномъ мундирѣ.

Счастье мнѣ благопріятствовало сначала, то-есть, счастье военное, и черезъ четыре мѣсяца я уже былъ произведенъ въ прапорщики. Мы стояли подъ Шумлой; но война, какъ намъ казалось, тянулась медленно, а горячность наша остывала въ трудахъ и лишенияхъ всякаго рода. Одно желаніе было всеобщимъ: если бы только выйти скорѣе изъ этой бездѣйственности, если бы только скорѣе путемъ подражать, отличиться, разбить Турковъ на-голову; но Турки не выходятъ, запираются въ крѣпостяхъ и томятъ и насъ и себя.

Однажды ночью, внезапно открылась перестрѣлка въ цѣпи нашей, которая была выдвинута далѣе обыкновеннаго впередъ, для заложения новой батареей. Резервы двинулись впередъ и въ томъ числѣ нашъ батальонъ. Въ непроницаемыхъ потьмахъ шли мы скорымъ шагомъ, спотыкаясь, прямо на выстрѣлы; намъ нельзя было еще дѣйствовать, потому-что цѣпь наша была впередъ, а между-тѣмъ одинъ подпоручикъ былъ у насъ уже раненъ залѣтѣвшемъ въ колонну пулей, и я поступилъ на его мѣсто извѣстнымъ командиромъ. Въ ту же минуту, два взвода, въ томъ числѣ и мой, двинулись разсыпнымъ строемъ впередъ, подкрѣпили цѣпь, вступили въ перестрѣлку, а затѣмъ съ крикомъ ура кинулись на неприятеля.

Но я увѣренъ, военными подвигами нашими, которые на этотъ разъ окончились для меня собственно весьма-неудачно, тогда-какъ лишь кратко разсказать напередъ событие-иное. Это иное происходило въ самую минуту той тревоги и стычки, о которой я началъ говорить, и лично для меня и моего разсказа было не менѣе важно и-важно послѣдствіемъ.

Проводя дни и ночи въ воинскомъ бездѣйствіи передъ Шумлой, мы также собирались въ кружокъ передъ бивачнымъ огнемъ, курящимъ баки. Однажды мы также спали, человекъ до десяти-на; граница, потому-что ночи были иногда сыры и холодны, и на чѣхъ съ трубной и бѣгали. Все было тихо кругомъ; иные начали уже спать; другіе, вставшіе днемъ, были побдѣры, и потому общій говоръ мало-по-малу затихъ; говорили или разсказывали одинъ, а другіе слушали. Всюда эта таинственный-образомъ сама-собой обращалась въ чередной разсказъ бывальщинею, и трое изъ товарищей нашихъ разсказали, одинъ за другимъ, слѣдующее.

Ссылный.

«Не сегодня, такъ завтра — каждый изъ насъ можетъ попасться въ наѣвъ, сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ; молодежь конный шаръ, и будетъ мѣсяцы, а можетъ-быть и годы — томиться въ неволю. Нашему брату надо готовиться на все; никакая личная храбрость не можетъ спасти отъ этого; попадешься плу-вару такъ, что выскочить нѣкуда.

«А чего не придумывали люди, чтобъ избавиться отъ вѣчна или заключенія, особенно узами разнаго рода, посаженные на много лѣтъ въ одинокую, тѣсную, душную темницу! до чего не доставило ихъ отчаянное стремленіе добиться свободы, выйти на волюный свѣтъ! до чего не умудрило ихъ чувство самохраненія, при досугѣ и скукѣ ихъ одиночества и при изощреніи въ этомъ неломномъ ума, чувствъ и способностей? Нѣтъ конца разсказаніямъ обитомъ: кто перешагнулъ толстую желѣзную решетку перочинными ногтями и спустился на изорванной въ полосы простыни; кто ползъ подъ полъ, выбрасывая землю шепотками въ омонце, чтобъ скрыть свою работу; кто ушелъ переодѣтый, кто въ неволю открылъ на досугъ назначеніе египетскихъ пирамидъ, кто составилъ себѣ чернила изъ ржавчины отъ желѣзныхъ сапоровъ и изъ крепкаго чая, и на измятомъ лоскуткѣ бумажки, въ которой завернутъ былъ этотъ чай, написалъ трагедію въ пяти дѣйствіяхъ! Опять иной, услышавъ отдаленный стукъ въ тюрьмѣ своей, замочившій отъ этого, что у него есть сосѣди, отдаленные отъ него толстыми каменными стѣнами, и полагая, что одинъ изъ блуждающихъ по тюрьмѣ, можетъ-быть, содержится тутъ же, задумалъ подѣть ему себѣ изъ сѣтными ударами палочкой щетки въ каменный полъ, чрезъ нѣсколько времени, онъ вызвалъ отвѣтъ; товарищи поплакали другъ друга и разговаривали такимъ образомъ, означая каждую бумажку такимъ числомъ ударовъ, сколько ей принадлежитъ счетовъ, по занимаемому ею мѣсту; но вскорѣ и третій названный собесѣдникъ вошелъ въ этотъ разговоръ и спорилъ все дѣла... словомъ, когда дѣла, этимъ крайне-занимательнымъ показаніямъ, но которые, какъ я уже сказалъ, каждому изъ насъ можно готовиться! Вотъ подобный случай, котораго я былъ свидѣтелемъ: «Въ весьма-отдаленномъ отъ средоточія государственнаго города, на границѣ пограничной крѣпости, на тѣхъ границахъ, где обѣды почти невозможны, особенно для семейнаго члена, состоящаго въ рангѣ рядовой, разжалованный и сосланный туда за политическій проступокъ. Невѣста послѣдовала за нимъ; они обвѣчались, но

одного этого не было достаточно для ихъ счастья; плѣнь, неволя, ранецъ да перевязь—вотъ-что сокрушало бѣдняка. Со-дня-на-дѣнь тоска по отчизнѣ усиливалась и наконецъ обратилась, можно сказать, въ немистовство: какъ онъ, такъ и она, готовы были посягнуть на всякую крайность, лишь бы избавиться отъ этого положенія. Ребенокъ, умершій вскорѣ по рожденіи, усиливалъ еще грусть родителей, которые все бѣдствія свои, даже и смерть младенца, приписывали нынѣшнему несчастному положенію своему и некоторыхъ день и ночь занимала изувѣрная мысль, вынести, во что бы ни стало, даже и самый прахъ младенца изъ этой несчастной для нихъ земли.

«Но что тутъ дѣлать и какъ быть? бѣжать просто—пойнаютъ, и будетъ хуже прежняго; одному можно бы еще рѣшиться, но съ молодой женой?»

«Наконецъ, вечеромъ, — это было лѣтомъ, — внезапно разнесся слухъ, что бѣднякъ утонулъ, или утопился. Начальство кинулось къ нему въ дѣмъ и нашло жену его въ отчаянныхъ слезахъ, едва ли не безъ чувствъ. На берегу рѣки найдена была одежда его; онъ, по словамъ жены, пошелъ купаться и не возвращался. Трупъ не могли отыскать; рѣка быстра, полагали, что его унесло водой.

Мѣстное начальство приняло самое живое, родственное участіе въ положеніи молодой вдовы. Ей не только оказывали всякаго рода помощь и пособіе, не только старались утѣшить искреннимъ сочувствіемъ, но исходатайствовали для нея даже денежное пособіе, для отправленія на родину—въ Галицію, снабдили дорожнымъ экипажемъ и назначили, по отдаленности края, надежнаго провожатаго, хорошаго казака. Она плакала отъ признательности, и въ то же время неутѣнно рыдала по другъ своему; благодарилъ за чрезвычайную милость, но не желала причинить лишняго беспокойства, и потому отклонила назначеніе провожатаго. Мѣстное начальство, напротивъ, отъ искренняго участія къ ней, настоятельно требовало, чтобы она приняла провожатаго, который во всякомъ случаѣ на такомъ дальнемъ пути будетъ ей полезенъ. Ей нѣмало было болѣе упорствовать, и она, простившись съ добродѣтельными своими, отправилась въ путь.

Казакъ, которому было приказано угождать во всемъ вдовѣ (при ней была, впрочемъ, еще и дѣвка, также изъ Галиціи), скоро-рѣзъ всего показалось нѣсколько-страннымъ, что барыня во всю дорогу закрываетъ и застегиваетъ кругомъ весьма-тщательно тарантасъ, между-тѣмъ, какъ на дворѣ стояла невыносимая жара, и пугищу парило въ закрытомъ экипанжѣ, какъ въ банѣ. Казакъ также замѣтилъ, что, прибывъ на станцію, барыня всегда съ особеннымъ стараніемъ отгоняла его отъ приступки; если услыхали-

вый прожегатый подходилъ, чтобъ спросить, не угодно ли выйдти; а черезъ нѣсколько времени, казака обыкновенно опять подзывала и приказывала открыть тарантасъ. Далѣе, обращая на все это про-себя вниманіе, онъ сталъ поглядывать съ какою-то недо-вѣрчивостію на рундукъ, поддѣланный снутри тарантаса подъ козлами и по-видимому закрытый на-глухо, кругомъ. По-временамъ, когда тарантасъ внезапно останавливался, казакъ прислушивался, и ему казалось, что онъ слышитъ какой-то шопотъ и замѣчаетъ въ тарантасѣ необыкновенное движеніе и суету. Все это рождало въ прожегатомъ только неопредѣлительныя подозрѣнія; но судьба рѣшила вывести его изъ этого недоумѣнія и показать дѣло на-лицо.

Въ одноѣ утро, когда путница отъѣхала уже отъ мѣста на нѣ-сколько сотъ верстъ, тарантасъ мчался по весьма-неровной дорогѣ; отъ сильного толчка доска подъ козлами, на которыхъ сидѣли и ямщикъ, и казакъ, съ одного конца провалилась и встрѣтила та-кое сильное противоудѣйствіе, что не только внезапно поднялась на свое мѣсто, но даже и выше, едва не сбросивъ съ козелъ и ямщи-ка и казака; а вслѣдъ за тѣмъ, доска опять провалилась. Стой! закричалъ казакъ, соскочилъ съ козелъ, силою сорвалъ запонъ, и встрѣтился съ бѣднымъ утопленникомъ носомъ—къ—носу. Неутѣш-ная вдова сулила казаку все, что деньгами при ней было; а когда это не помогло, то отчаянный бѣглець хотѣлъ прибѣгнуть къ по-слѣднему средству, данному природой каждому живому существу въ крайнихъ случаяхъ—къ оборонѣ. И это не удалось: ударъ при-кладомъ пистолета въ голову обезоружилъ несчастнаго, а встрѣ-тившіеся въ эту минуту извозники съ обозомъ помогли его свя-зать...

«Въ ближайшемъ городѣ, бѣдняка сдали мѣстному начальству, а когда осматрѣли въ подробности тарантасъ и всѣ пожитки ихъ, то нашли между-прочимъ какой-то загадочный ларчикъ, въ кото-ромъ оказались остатки умершаго младенца. Предполагая уже въ то время побѣгъ свой, они схоронили порожній гробъ, а трупъ спрятали въ погребъ, чтобъ не оставить на чужбинѣ и драгоцен-ныхъ косточекъ. Въ этомъ же погребѣ сидѣлъ мнимый утоплен-никъ во все время до отъѣзда; за тѣмъ для него подъ козлами тарантаса былъ устроенъ особый рундукъ; а какъ ему было ле-жать тамъ и тѣсно и душно, то запонъ тарантаса въ-продолженіи пути тщательно застегивался и узникъ выползалъ оттуда поды-мать воздухомъ. Проломившаяся доска обнаружила все и передала несчастнаго въ руки правосудія.»

— Вы говорите, что были свидѣтелемъ этого происшествія? спросилъ другой собесѣдникъ.

— Да, отвѣчалъ тотъ: — и случай этотъ былъ въ свое время

очень-известенъ; я не былъ при томъ, какъ казакъ поймалъ бѣднаго утѣленика, но между-прочимъ, даже самъ видѣлъ въ-судействіи подсудимаго.

— Это весьма-замѣчательно, сказалъ опять первый: — и замѣчательно не только по странности случая, но и потому, что это есть исполненіе чужаго предположенія. Кто читалъ книжку Коцебу: «Замѣчательнѣйшій Годъ моей Жизни»?

— Я, я, отозвались двое или трое.

— Тогда вы вспомните, сказалъ опять тотъ же, что Коцебу рассказываетъ все это, въ видѣ предположенія, какинъ-образомъ жена, ѣхавшая къ нему, должна была увезти его изъ Сибири. Коцебу вскорѣ былъ возвращенъ изъ ссылки и не имѣлъ нужды вспомнить своей хитрой затѣи.

Разговоръ оборотился на то, что присяга и служба требуютъ отъ насъ иногда того, что тяжело исполнить по чувству состраданія. Съ нами сидѣлъ тутъ же замѣчательный образчикъ чудеса, докторъ; онъ ваялъ рассказъ примѣръ тому, какъ онъ, напротивъ, всегда соединяетъ пользу и обязанности службы съ чувствами своими, и вотъ его рассказъ.

РАЗСКАЗЪ ДОКТОРА.

«Нѣтъ, я не таковъ, какъ бываютъ прочіе-иные! Я опасаясь, такъ-сказать, страдающее человечество, на каждомъ шагѣ, по мѣрѣ силъ и возможности, и даже болѣе — это долгъ мой, служба, обязанность, удовольствіе, утѣшеніе!

«Былъ однажды смотръ, или, такъ-сказать, были манѣвры — движенія массаши, великолѣпныя, особенно кавалеріи: аттаки цѣлыми дивизіями, то-есть, почти цѣлый корпусъ кавалерійскій съ нѣско-маршъ-маршъ... и артиллерія тутъ, конная, то-есть, стучитъ, гре-хочетъ, гремитъ, висется — тутъ, извѣстно, на лямкахъ подхватыва-ютъ, на выносъ... вдругъ: «дѣктора!» кричатъ «дѣктора! подай-те дѣктора!»

... «Я, такъ-саяъ на свромъ своемъ, на шеребчикъ, то-есть, при-дипорилъ его, пригнулся на луку — какъ снѣгъ на голову, такъ-сказать, въ самую сумятицу прилетѣлъ; тутъ кричатъ еще, под-даваясь: «Дѣктора! дѣктора! Куда этотъ взбалмошный»... — Слыши-ли? какова благодарность! — «Куда этотъ взбалмошный завропащад-ся...» А я ужъ тутъ, какъ лѣсъ передъ травой, какъ сова въ ру-ку, и соскочилъ ужъ съ лошади, бѣгу — да для скорости ланцетъ былъ въ зубы, нѣльзя аукнуть, отозваться... «здыфъ, здыфъ» го-ворятъ костоправъ — а со мною и костоправъ прыскають... — Мѣдъ

чи, говорю:—не твое дѣло; выхватилъ ланцетъ изъ зубовъ и кри-
ту самъ своимъ собственнымъ голосомъ:—здесь, такъ-сказать, здесь!
Велелъ имъ, сами посудите! страждущее человечество—спасаетъ на
линейный шагъ, но ширя силъ и возможность и болѣе... не болѣе,
то-есть; долгъ, обязанность и служба... Гляжу — лежить передо
мною трупъ человеческій, такъ-сказать, навзничъ — и пронеслась че-
резъ него кирасирская дивизія; это все ничего, Богъ милостивъ;
да изъ бригады конной артиллеріи, и все, извѣдите видѣть, не го-
лова, такъ на самой головѣ; гляжу: какая тутъ голова! Лепешка,
а нѣтъ докладашю лепешки, такъ-сказать, блинъ! И говорю: «На-
линейный шагъ; къ выдворенію не надѣждетъ, то-есть; нѣ, авось,
Богъ милостивъ, не отчаивайтесь. Посудите сами: голова лепеш-
ной; какая тутъ помощь? такъ-сказать, какое пособіе? какая на-
линейка?

«— Слышите не хочу, говорить генералъ:—чтобъ былъ онъ у
меня здоровъ — и слышать не хочу росказней вашихъ; на то вы
докторъ (и обругалъ еще по напрасну):—на то вы жалованье по-
лучаете, нѣтъ служите, долгъ, обязанность службы несете; а этотъ
самъ, говорить, нѣтъ дороже васъ и со всей братіей вашей!

«Что будешь дѣлать? дѣйствительно такъ: долгъ, обязанность,
страждущее человечество, служба царская—жизнь теряешь, славу
пробрѣтаешь, долгъ чести... Богъ милостивъ! Я его взялъ; туда;
спина — блинъ блиномъ, да и только; не разберешь, въ какѣ мѣ-
сто ухо слѣдуетъ, куда носъ, куда глазъ — такъ-сказать, все, то-
есть, отъ чрезмѣрнаго насмѣя, отъ поврежденія, въ неестествен-
номъ положеніи и, сверхъ-того, оторвано, взято, скомкано: одно
ухо тутъ, подбородокъ, такъ-сказать, попалъ сюда, другое ухо
нѣтъ въ — одинъ глазъ здѣсь, другого вовсе нѣтъ; носъ поперегъ
и, такъ-сказать, пришелся на затылокъ; ротъ и губы и все это сво-
рочено, выворочено, переворочено, заворочено, отворочено; а голо-
ва, то-есть, лепешкой, вотъ какъ бываютъ лепешки... Плохо; а
нѣтъ дѣлать! долгъ прешаги и даже самая обязанность велѣтъ,
и отчаянный, говорить, солдатъ, и обругали еще за него въ зада-
тѣхъ... нѣчего дѣлать, такъ-сказать: бери, говорю костоправу, со-
бирай все, что есть — да давай вгору, нитки, то-есть, шелкъ кра-
силь:—давай пожницы: гдѣ клочъ волосъ увидишь — стриги. То
тутъ стригну, то тамъ, гдѣ такъ-сказать какому клочку пришлось
сестъ, и давай подѣ носомъ клочъ, и гдѣ носу быть — и тамъ клочъ!!
Дави!.. Шили его, шили, тачали со всѣхъ концовъ; такъ-сказать;
Богъ милостивъ; и тутъ подложу подушечку, и тамъ то-есть ком-
пресскъ, и здѣсь кровяной шовъ — гдѣ прихватишь, гдѣ пристег-
нуть — бить сюда, бить туда — подмостилъ такъ-сказать, собравъ
на нѣтъ въ нучу — самое состраданіе велѣтъ, а тѣмъ паче особен-

ная воля генерала... Смотрю: нехорошо, такъ-сказать, на человека; оно чуждое, если хотите, то-есть, все это уныло, умотано — но все на своемъ мѣстѣ, все разставлено какъ должно по природѣ и даже по самой науцѣ, по искусству, то-есть — и все-таки пошлое на человека!

«На третій день, снимаю первую повязку — что-то Богъ дастъ! Богъ милостивъ: надежды нѣтъ, а отравляться не должно; долгъ службы, вѣрность присяги—все тутъ. Что же? глянуть — глянуть какъ человекъ; обмытъ, очистить—ничего; такъ-сказать, живеть... Ну, давай Богъ! Золотыя руки у тебя, Петръ Ивановичъ, сказалъ я самъ-себѣ—а? не правда ли, любезный? Онъ же, конечно, еще не образумился, и самая голова не пришла въ себя, и даже память и органы языка... пронычать что-то, — ничего! Я такъ-сказать, за этиаъ не гонюсь; я благодарности не жду: долгъ, страждущее человѣчество...

«Что же вы думаете, каковъ конецъ? Такъ-сказать, красавецъ вышелъ, молодецъ, на радость изъ своихъ рукъ такихъ отпускалъ, то-есть! Хоть бы тебѣ слѣдъ остался какой, хоть бы рубецъ, хоть бы царапина! И все на мѣстѣ, то-есть, и все въ порядкѣ и—ну... ну, словомъ, рожа какъ рожа, такъ-сказать, и голова круглая пушечнаго ядра! Каковъ? А онъ мѣр: да я, говорить, вологодскій, ваше высокоблагородіе, меня и дома ужъ медведь ломалъ дважды, всего исковеркалъ—ничего, благодаря Бога, отмокался! Нѣтъ, говорю, врешь, такъ-сказать: это моя легкая рука, это, такъ-сказать, неблагодарность людская... Домашка, я вамъ докладываю, то-есть, лешенка была; а теперь голова какъ голова, хоть сейчасъ опять во фронтъ и опять туда же... Пряталъ я его, сударь, пряталъ шесть недѣль отъ начальства: въ гвардію бы взяли тотчасъ; жалъ человѣчка, сами такъ-сказать несудите — хотѣлось вынести его въ неспособные—пряталъ, никому не показывалъ, а не то, чтобъ хвалиться... о, нѣтъ, я не такой! Конечно, у него зубовъ не было, это само собой разумится; а ухо одне пришлось такъ-сказать на изнанку, и пониже другаго; ну глаза одного Богъ дастъ; его, можетъ-быть, лошадь унесла на коньгѣ—гдѣ жъ его взять? Не все-таки, я вамъ докладываю, вышелъ такой молодецъ, такой красавчикъ...

«Что же генералъ? «Вылечили?» говорить.—Вылечили, ваше превосходительство.—«Совсмы?»—Совсмы. — «Ну, то-то» говорить: «хорошо, что я настрашалъ доктора; вотъ и слава Богу, такъ-сказать!»

«Онъ настрашалъ...! Дѣ, вотъ истинно, такъ-сказать, благодарность людская, то-есть, признательность... нѣтъ, еслибъ не долгъ, присяга, не совесть!!..»

— Хороша твоя сказка, Петръ Ивановичъ, сказали кто-то изъ нихъ, и всѣ захохотали. Докторъ былъ доволенъ усмѣшкой и, расчувствовавшись, просилъ молодаго піонера рассказать жалостный случай, который помнили они вмѣстѣ когда-то въ одной французской книжкѣ. Изъ скромности, докторъ никакъ самъ не хотѣлъ рассказать намъ этого, и, утѣря, что онъ половину пересбылъ, настаивалъ, чтобы дать престоу рѣчи піонера.

Соперницы.

«Во время войны Наполеона съ Испанцами, молодой французскій офицеръ славнаго въ свое время войска, простоялъ нѣсколько мѣсяцевъ съ полкомъ гдѣ-то неподалеку югозападныхъ границъ Франціи и сарбился съ дочерью помѣщика, проживавшаго въ небольшомъ городѣ. Она была живая, пылая, но въ то же время скромная и премная дѣвушка, говорившая не разъ въ шутиливой и откровенной бесѣдѣ съ другомъ своимъ, что вообще не доверяетъ вѣрности людей съ эполетами и шпорами, хотя и уважаетъ званія ихъ и личныя достоинства. «Вы, господа, хороши для государя и отечества» говорила она: «а для насъ—никуда не годитесь.»

«Честно-влюбленному офицеру отзывъ этотъ казался весьма-страшнымъ и непонятнымъ. Онъ видѣлъ, что она къ нему неравнодушна, а между-тѣмъ старается скрыть это и отзывается объ немъ такъ непріятно! Если это шутка, то она оскорбительна для чистыхъ чувствъ и желаній моихъ—подумалъ онъ,—а если дѣло, то кто могъ поселить въ нее такую нелѣпую мысль? Конечно, нечего сказать, наши братья иногда легоньки... но зачѣмъ же она меня равняетъ съ такими людьми? О, еслибъ она узнала меня лучше!..

«Онъ съ такимъ усердіемъ и успѣхомъ старался объ исполненіи этого желанія, что, не имѣя въ, можетъ-быть, мнѣнія ея насчетъ всѣхъ вообще, заставилъ ее, однакожъ, скорѣ допустить въ пользу его почетное изъятіе, и она отдалась ему всею силою своей любви. Родители благословили ихъ и только успѣли отпирать помолвку, какъ полкъ двинулся въ Испанію и, ратуя наряду съ другими за свой кумиръ, подвергался всѣмъ ужасамъ этой упорной, народной войны, о которой уже писано столько, что, думаю, всякое дополненіе съ моей стороны было бы здѣсь лишнимъ,—тѣмъ болѣе, что меня, какъ вы знаете, тамъ не было.

«Разсыпаясь въ тѣлу арміи французской и каждого изъ ея отрядовъ, Испанцы не допускали иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ никакого сообщенія съ Франціею; моремъ завладѣли Англичане; Наполеонъ былъ внѣ себя отъ злобы и отчаянія, не получая ни-

какихъ вѣстей о томъ, что тамъ происходило, и въ-послѣдствіи только узнавалъ онъ, сколько курьеровъ, вѣстаконныхъ изъ арміи, было зарѣзано или приелото глѣз-нибудь въ лесу или оврагѣ. Съ такимъ же нетерпѣніемъ ждала и бѣдная невѣста отъ жениха вѣстей, и не могла дожидаться. Ею утѣшали тѣмъ, что нѣтъ прѣзда и нѣтъ прямыхъ вѣстей ни отъ кого изъ арміи.

«Прямую нѣсколько мѣсяцевъ, и странные слухи, Божь-вѣсть какими путями, стали доходить о женихѣ: говорили, будто онъ женился на Испанкѣ. При тогдашнихъ обстоятельствахъ, это казалось до того вздорнымъ и несбыточнымъ, что родители невѣсты, нисколько не доверяя этому слуху, заботились о томъ только, чтобъ онъ не дошелъ до ихъ дочери, которая и безъ того уже по-временно сильно задумывалась. Но молва — это порочное пошлостіе; оно не сдерживать ничѣмъ, и бѣдная невѣста вѣсноръ услышала, что умираютъ люди. Родители замѣтили въ ней большую перемену; но она ни съ кѣмъ не дѣлилась въ чувствахъ и мысляхъ своихъ объ этомъ предметѣ, никому не говорила о томъ ни слова.

«Спусти нѣсколько времени, тотъ же слухъ подтвердился и притомъ съ такими подробностями, что поневолѣ заставлялъ приходить друзей, родственниковъ и даже самихъ родителей невѣсты. Боясь за нужное сказать ей слово объ этомъ, съ различными утѣшеніями — и изумились стойкости, рѣшимости и благодарности ея: она отвечала, что безъ сомнѣнія забудетъ недостоинство, если только убѣдится въ истинѣ молвы; но, прибавила она, до того времени, прошу васъ, оставьте меня въ покоѣ, не говорите мнѣ объ этомъ; я сама должна во всемъ убѣдиться.

«Послѣднихъ словъ нѣкто не понималъ; но нѣкто, кажется, и не искалъ въ нихъ особеннаго смысла, и всѣ были чрезвычайно довольны и счастливы такою желанною и нежданною развязкой: «дочь наша гораздо-умнѣе, чѣмъ мы думали» говорили родители, и успокоились.

«Что между-тѣмъ происходило въ душѣ ея — это никому не известно; но на сѣдующую же ночь, послѣ этого объясненія, невѣста пропала безъ вѣсти, и всѣ старанія родителей отыскать ее были тщетны.

«Обратился вечеръ къ жениху.

«Съ песеннымъ на слововой кесты обличкомъ шлою на груди, съ допотопомъ ея на рукѣ, съ думою о ней въ головѣ и съ тоскою по ней на сердцѣ, онъ прошелъ почти весь роковой полуостровъ Крайность заставляла Французовъ продовольствоваться съ боя; за каждый кусокъ хлѣба, за каждый плокъ сѣна надо было убить нѣсколько Испанцевъ и пожертвовать иногда еще большимъ числомъ своихъ. Горекъ былъ этотъ хлѣбъ! Между-прочимъ, и по-

нихъ бѣдной невѣсты нашей былъ посланъ съ небольшою командой на фуражировку — и не возвращался. Два человека, очутившись и приползшие черезъ нѣсколько дней къ французской передовой цѣпи, рассказали, что отрядецъ былъ вырѣзанъ поголовно.

«Испанцы действительно подстерегли фуражировъ, напали на нихъ врасплохъ и сокрушили всѣхъ; молодой офицеръ былъ тяжело раненъ и отведенъ въ пѣлъ, причемъ дано было ему клятвенное обещаніе, что онъ, по выздоровленіи, будетъ разстрѣлянъ или повѣшенъ, смотря по жребію.

«Какъ тяжело-раненный, былъ онъ, однакожъ, отведенъ на руки сестры одного изъ гвѣрильцовъ, гдѣ стала ухаживать за нимъ молодая и прекрасная собой Испанка. Кольцо и портретъ невѣсты, вырванныя изъ золота, съ него сняли уже на полѣ битвы; лишившись на-время чувствъ и памяти отъ потери крови, онъ, можетъ-быть, забылъ о прошедшемъ; въ жалкомъ, ужасномъ положеніи его, молодая Испанка была для него всею — судьбой, блаженствомъ и ангеломъ-хранителемъ; узнавъ же, что она его страстно полюбила, онъ недавно забылъ все прошедшее, жилъ и дышалъ настоящимъ, которое такъ неуловимо, и въ бѣдствіи своемъ былъ счастливъ, какъ только человекъ можетъ быть счастливъ не по внѣшнимъ обстоятельствамъ, а по чувству.

«Онъ уже оправился, выздоровѣлъ, забылъ о данной ему клятвѣ, какъ Испанка однажды къ нему вошла въ полночь; накрывъ рукою лампаду, она тихо подошла къ постели и назвала его по имени. Вскочивъ съ-пробоя, сидѣлъ онъ, глядѣлъ на нее и едва могъ опомниться.

«— Слушай, сказала она: — и молчи, только слушай. Завтра выведутъ тебя и еще двухъ Французовъ въ поле, — завтра у насъ праздникъ святаго Стефана, — я дамъ вамъ самимъ кинуть промѣжь собою жребій, кому быть разстрѣляннымъ, кому повѣшеннымъ. Я знала развязку эту и давно къ ней готовилась; но тебѣ я не говорила ни слова. Ты знаешь мою любовь къ тебѣ... ты видишь, какъ я спокойна, — успокойся же и ты. Я знаю горныя тропинки и лѣсные проселки во всей окрестности; я тебя спасу; у меня все готово, дорожная пища на недѣлю припасена. Хочешь ли?.. Постой, я не позволю тебѣ обнять меня, пока ты не дашь мнѣ отвѣта, призвать въ свидѣтели Матѣ пресвятую Богородицу... обѣчаешься ли ты со мною, какъ только мы достигнемъ твоего полка?

«Молодой офицеръ поклонился, обнявъ Испанку, которая строго удерживала ласки его, наскоро одѣясь, и черезъ десять минутъ ихъ уже обонхъ не было въ домѣ. Черезъ нѣсколько дней, они благополучно достигли полка, котораго мѣстопробываніе двѣнадцати было въ

точности известно, и чета, бывъ обвиняема немедленно полиціею въ сѣвѣннѣишѣмъ, осталась подѣ покровительствомъ французскихъ войскъ.

«Прошло нѣсколько мѣсяцевъ; молодому супругу, конечно, не разѣ приходила на память родина его и соединенныя съ нею воспоминанія о покинутой невѣстѣ; но онъ утѣшался созданною имъ самимъ увѣренностью, что долгая разлука, конечно, уже давно изгладила его изъ памяти домашней невѣсты, которая, вѣроятно, вышла за другаго; съ другой стороны, онъ успокоивалъ себя самою необходимостью своего настоящаго поступка и чувствомъ признательности къ своей спасительницѣ.

«Стойкое, упорное сопротивленіе Испанцевъ, при помощи Англичанъ и непрерывныхъ войнъ Наполеона съ остальною Европою, какъ извѣстно, одержало верхъ; французскія войска должны были, послѣ страшныхъ потерь, возвратиться поснѣжно во Францію. Тутъ, при переходѣ черезъ Пиренеи, на общей границѣ, шаталась какая-то несчастная, безумная дѣвушка, которая стояла день и ночь на распутьи и спрашивала скромно и робко встрѣчнаго и неопредѣленнаго: гдѣ такой-то полкъ и гдѣ служащій въ немъ поручикъ такой-то? Безумная пыталась подаяніемъ, кореньями и плодами въ полѣ, или просиживала у дороги нѣлые дни вовсе безъ дѣла; вставала, казаясь прокодавшимся и дѣлала всякому одинъ и тотъ же вопросъ. Французскія войска проходили по частямъ, тѣнулись въ жалкомъ, разстроенномъ состояніи, и немногіе, въ горестномъ положеніи своемъ, обращали вниманіе на безумную. Извѣстно, что при французскихъ войскахъ всегда состоятъ маркитантки, женщины порядкомъ съ большимъ духомъ, но при всемъ томъ, иногда съ женскими чувствами. Безумная случайно нашла на такую маркитантку, которая, разспросивъ ее и увидѣвъ въ какомъ она отчаянномъ положеніи, посадила къ себѣ на возъ или на мула, обещавъ отыскать поручика, и привезла на ночлегъ въ деревню. Тутъ, по-крайней-мѣрѣ, подѣ кровлей и при женскомъ уходѣ за нею, несчастная спялась на слѣдующую же ночь.

«Между-тѣмъ, войска тѣнулись, вступали и выступали изъ деревни этой, и вступилъ также полкъ нашего поручика. Маркитантка, принявшая, по добродушію, такое участіе въ бѣдной страдалицѣ, отыскала офицера и сказала ему: «Насилу-то я васъ дождалась! Подите скорѣе, хоть взгляните на покойницу; ей не удалось взглянуть на васъ. Тамъ въ сараѣ лежитъ она: бѣдная дѣвушка все допрашивалась васъ и вчера Богу душу отдала».

«Не знаю, что подумалъ поручикъ; но онъ пошелъ въ мѣсто предчувствіемъ за маркитанткой. Въ полблекшемъ, отжарившемъ цвѣтѣ онъ узналъ, однакожь, свою бывшую невѣсту; она лежала въ са-

разъ, на соломы, покрытая, по милосердію маркизантики, рѣдкомъ. Не знаю также, что думалъ и чувствовалъ бѣдный поручикъ; но для посправить было нѣ чѣмъ. Ему оставалось только жить съ Исканкой и—не измѣнять ей!»

II.

ЧУДОМИЛЪ.

Если первый разсказъ нѣсколько тронулъ слушателей и возбудилъ въ нихъ состраданіе, а второй крѣпко разсѣлилъ всѣхъ и прогналъ сонъ и дремоту, то третій во мнѣ собственно возбудилъ особенное чувство: онъ какъ-то возмущилъ покой души моей, живо напомнивъ прошлое, и вразился глубокими чертами въ сердце. Я, кажется, заснулъ послѣдній изъ товарищей; огонекъ догорѣлъ, дымъ едва подымался легкой струйкой, раскаленные угли прогладывали еще тутъ и тамъ сквозь пепелъ; звѣздистое, темное небо обшивало два непріятельскіе стана однимъ общимъ шатромъ — я подумалъ и о томъ, что подъ этимъ же навѣсомъ почиваетъ теперь и Надя, гдѣ бы она ни была—и болѣе себя не помню.

Нѣсколько за-полночь, внезапно ударили тревогу; батальоны наши потребовали въ подкрѣпленіе къ цѣпи; тутъ случилась та самая стычка, о которой я началъ—было разсказывать. И такъ, мы бросились впередъ, съ крикомъ ура, безостановочно отгѣснили турецкую цѣпь сажень на сто, сбили подоспѣвшіе съ ихъ стороны резервы и немножко безразсудно преслѣдовали ихъ. Ночь была темна, небо облачно; мы дѣйствовали почти ошущю и на-ткнулись на довольно-сильную засаду, откуда насъ обдали градомъ пуль. Мнѣ показалось, будто меня кто-то внезапно хватилъ всею силой прикладомъ въ грудь; я въ безсознательствѣ повалился на-взничъ. Застрѣльщики, идучи разсыпнымъ строемъ, который еще въ темнотѣ не могъ сохранить линіи своей и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разорвался, не замѣтили, что со мной стало; ударили отбой, потому-что мы слишкомъ-далеко запеслись, и уже поздно спохватываясь, что прапорщика Горносталя нѣтъ. Поиски охотниковъ, по темнотѣ, остались безуспѣшными; меня считали убитымъ; но солдаты хотѣли отыскать и принести трупъ мой—и этого добрымъ ребятамъ не удалось: турецкая цѣпь случайно на меня на-ткнулась; и я, живой или мертвый, попался въ плѣнъ.

Я очнулся днемъ, подъ навѣсомъ, среди небольшого двора, обнесеннаго чистымъ каменнымъ заборомъ и устланномъ плитой. Навѣзъ былъ деревянный, красивой отдырки, съ рѣзбой и пестрой

окраской; между столбами, по которымъ висъ виноградъ, верхи были забраны по угламъ рѣшеткой, въ видѣ стрѣлчатыхъ сводовъ; прямо передо мной протекалъ ручеекъ по каменному жолобу; далѣе стояло поперекъ красивенькое легкое строеніе, въ которомъ три яруса свѣшивались уступомъ одинъ надъ другимъ, а кровля, какъ широкополая шляпа, покрывала маковку. Разные столбики, переходы, лѣсенки и рѣшетки, красные, зеленые, голубые, даже съ позолотой, придавали этому зданію видъ красивенькой дѣтской игрушки; а нѣсколько стройныхъ, высокихъ тополей, огромные кусты розъ и вьющійся до самой кровли зданія виноградъ, служили истиннымъ для него украшеніемъ.

Я слышалъ деркій стонъ, неглянулъ, сколько могъ, въ сторону, и увидѣлъ шагахъ въ пяти товарища. Онъ сидѣлъ подгорюнясь, накинувъ солдатскій плащъ на плечи, а одна рука и голова были у него перевязаны. Долго я не могъ еще вымолвить слова; мнѣ казалось, будто я говорилъ, и даже довольно-громко; но звука не выходило. Наконецъ, я замѣтилъ, что разговоръ этотъ происходитъ только въ моемъ воображеніи, и что я самъ не сдѣлалъ доселѣ даже никакого усилія для того. Тогда я онемѣлся и сказалъ: «товарищъ!» солдатъ оглянулся, вскочилъ, разбередилъ лѣвую руку свою, подернулъ губами, но подошелъ безъ остаточекъ ко мнѣ и со слезами изъясилъ радость свою о томъ, что я еще живъ; но въ то же время прибавилъ: «Вѣхъ, вѣще благородіе, на что вы ожили! Ужъ дунцабъ оставаться вамъ тамъ, передъ Богомъ».

— Гдѣ мы? спросилъ я.

— Гдѣ, отвѣчалъ онъ со вздохомъ:— да гдѣ чортъ козамъ рога править; въ Шумлѣ.

Я попросилъ напиться; онъ залернулъ воды изъ ручейка и подалъ мнѣ; это меня утѣшило, какъ излитый слезы. Въ Турквіи смѣло можно пить изъ каждаго ручейка, обдѣланнаго и провѣденнаго, по ихъ прекрасному обычаю, по удилищамъ и лямкамъ. Ручей протекаетъ, дробясь на рукава, черезъ многолюдный, огромный городъ; но онъ такъ же чистъ и ясенъ на послѣднемъ дворѣ, какъ на первомъ; никогда и никто не броситъ и не выдѣлитъ въ него нечистоты; вода—для Турковъ заветная вещь.

— Какъ ты попалъ сюда, другъ? спросилъ я.

— Какъ куръ во щи, отвѣчалъ солдатъ, усаживаясь баранкомъ около меня на соломѣ;— я такого-то подка, былъ въ яреву эту въ прошлой недѣлѣ въ пятницу, въ застрѣпкахъ; пуля, оцѣла руку, подъ самымъ локтемъ, ружье у меня и вывалилось; тутъ какой-то собака наскочилъ, да хватилъ еще саблей по головѣ; спасибо оскользнула дала, повихнулась въ руки—видно еще неукъ,

ныганъ, а то бы раскроить башку ни за грѣшъ. Одишь въ полѣ не воинъ; а какъ еще безъ руки, да съ подбитымъ затылкомъ — ну, такъ и наив, куда поведутъ на веревочѣхъ и молчи. Спасибо, хоть веревочка противъ нашей помагче, бумажная.

— Тамъ ты ужь съ прошлой недѣли здѣсь?

— Да, живеть съ вами, съ прошлой пятницы. Послѣ насъ, мнѣ задали чesу—будутъ поминать ореховую корягу (прикладъ ружья)!

Я замолокъ отъ слабости, но понялъ изъ словъ солдата, что; стало-быть, нѣсколько дней уже лежалъ вовсе безъ памяти. Рана моя была тяжела, нулей въ грудь на вылетъ—и не смотря на хорошій уходъ за мною туренкаго цирюльника, который мастерски перевязывалъ меня и владывалъ во все время въ рану жгутыиъ, чтобъ не дать ей снаружи затянуться, я долго самъ отчаявался на выздоровленіи и поправлялся чрезвычайно медленно. Мы были въ домъ какого-то сановника; съ нами обходились хорошо; гаремныя затворницы нашего хозяина подходили иногда гурьбой къ одной изъ золоченыхъ рѣшетокъ верхняго жилья — вѣроятно, въ такое время, когда хозяина не было дома, смотрѣли на насъ съ любопытствомъ, хохотали и дурачились какъ дѣти. Иногда строгій голосъ старухи загонялъ ихъ опять въ кѣтку, и жалобы, ропотъ и насмѣшки сыпались со всѣхъ сторонъ. Товарищъ мой, по прозванію Лаврентьевъ, смѣшилъ меня при такихъ случаяхъ своими замѣчаніями, не смотря на тяжелое мое положеніе. Онъ свободно бродилъ по дому, свелъ дружбу съ прислугой пашни и доносилъ мнѣ обо всемъ, что дѣлалось въ домѣ. «Вотъ эту острѣшку хозяйни вчера посѣкъ», говорилъ онъ, указывая на рѣшетку, сквозь которую я почти ничего не могъ видѣть: «вотъ эту, что глаза свѣгятся какъ у волка; она что-то напроказила и сгубила старшей хозяйкѣ. Прямая собака, право; вишь какъ стаю держать, старый чортъ! А тамъ вонъ есть еще у нихъ одна, прости Господи — сущій чортъ, таки вотъ у насъ трубочистъ бѣлье живеть, арапка, и шенять пару такихъ же привела, ровно изъ-подъ земли вылезли. А сама вся въ красномъ ходитъ, въ золотыхъ запястьяхъ, да въ бляхахъ, ровно нашъ извозничій конь въ наборной сбруѣ».

Лаврентьевъ, между-прочимъ, никакъ не могъ понять моихъ наставленій о необходимости политическаго обращенія въ нашемъ положеніи. Онъ хотѣлъ всегда разговаривать съ Турками, какъ съ неприятелемъ, и другой бесѣды не понималъ. Изъ-счастью, большая половина объясненій его шла на вѣтеръ: Турки его не понимали; но я иногда дивился ихъ добродушію: они смѣялись выходкамъ Лаврентьева, утѣшали насъ тѣмъ, что Богъ рѣшитъ, чему и какъ быть, и что это не по власти человека, но нѣсколько на насъ не сердились. Онъ всегда хотѣлъ доспроситься у нихъ, гдѣ и сколько

ихъ поколотили, увѣрялъ, что вотъ ихъ скоро перебыють всѣхъ и разсѣять на море; что Русскіе замесать будутъ въ Царь-Градь, сворчалъ по каждому изъ извѣстныхъ ему стычекъ и сраженій, обозначая наобумъ число убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ Турковъ и въ этомъ случаѣ не считалъ иначе, какъ тысячами. Турки очень добродушно этому смѣялись, заставляли его перескакивать одно и то же десять разъ, но всегда прекращали этотъ разговоръ, если Лаврентьевъ слишкомъ заварался и потомъ начиналъ сердиться.

Пришла осень; насъ перевели въ избу; Лаврентьевъ добывалъ, гдѣ могъ, вѣстей о русской арміи, но никогда не вѣрялъ ни въ то, ни въ то, какъ онъ разсказывались Турками, а передвѣдывалъ ихъ по своему и передавалъ мнѣ. Онъ сочинялъ иногда неимовѣрную пущину, въ полной увѣренности, что говоритъ святую истину, на которую готовъ былъ расписаться.

Между-тѣмъ, Турки рѣшили очистить Шумлу отъ раненныхъ и плѣнныхъ, собрали нѣсколько десятковъ ихъ, а въ томъ числѣ и насъ, и отправили подъ небольшимъ конвоемъ. Здоровые, въ томъ числѣ и Лаврентьевъ, шли пѣши; насъ же, раненныхъ, усадили въ огромныя арбы, запряженныя буйволами, и къ ночи мы двинулись, сами не зная куда. Я былъ еще очень-слабъ, рана медленно подживала, и путь этотъ, по тряской, каменистой дорогѣ, показался мнѣ невыносимымъ. Я не могъ сомкнуть глазъ, лежалъ въ лоткахъ, повертываясь и прискивая удобнаго положенія; мы проехали, можетъ-быть, всего около десятка верстъ, какъ вдругъ радилось вполѣ передъ нами нѣсколько пистолетныхъ выстрѣловъ, и конная толпа съ ужаснымъ крикомъ кинулась на насъ, спереди и съ правой стороны, держа пикъ на перевѣсѣ. Я только успѣлъ распознать въ нападающихъ нашихъ казаковъ, которые, вѣроятно, или сами были на фуражировкѣ, или подстерегали турецкихъ фуражировъ, какъ полетѣлъ, вмѣстѣ съ арбой, въ какую-то страшную бездну, и болѣе ничего не видѣлъ и не слышалъ. По всей вѣроятности, одно изъ безотвѣтныхъ животныхъ, шедшихъ въ арбѣ со мной подъ ярмомъ, было испугано, а можетъ-быть и ранено, и кинулось стремглавъ въ пропасть, которая находилась по лѣвую сторону дороги.

Я опять пришелъ въ себя уже днемъ и лежалъ на своемъ багровомъ ручейкѣ; съ трудомъ, но и съ наслажденіемъ подкапывалъ превосходной ключевой водой и умывалъ ею слегка лицо. Встать не могъ. Подлѣ меня лежала разбитая въ щепки арба, разбитыя буйволы, изъ которыхъ одинъ скатился въ самый ручей и утонулъ въ ярмѣ, поднятомъ вверхъ; не вдалекѣ отъ меня лежалъ

мнямому, мертвый, попутчикъ мой, раненный и взятый въ плѣтъ утер-ошнцеръ. Кругомъ все было пусто и тихо.

Время было уже пасмурное и холодное; помощи нельзя было ожидать ни откуда; я лежалъ между убиившимся буйволами и человѣкомъ, самъ едва-живой, съ трудомъ накрылся разбросанной кругъ меня одеждой, и ждалъ своей кончины. Прошелъ полдень, стало вечерѣть; то принимался накрапывать осенній дождь, то опять тучи разгоняло, и я готовился провести ночь все въ томъ же положеніи и, можетъ-быть, къ утру отдать Богу душу. Я вспомнилъ Лаврентьева упрекъ, для чего-де я ожилъ въ Шумлѣ, сталъ думать о томъ, есть ли на родинѣ моей хотя одна душа, которая бы спросила со-временемъ возвращающіяся домой побѣдоносныя войска наши: «А не знаете ли, куда дѣвался въ Турціи Горностаѣ? у насъ былъ въ такомъ-то пѣхотномъ полку молодой человекъ Андрей Ефимовичъ Горностаѣ?»... «Есть» подумалъ я: «на Руси душа, которая бы пожелала узнать гдѣ, и что я теперь... по мѣта душа, повинуваясь обстоятельствамъ и участи всего земнаго и суетнаго, скоро забудетъ обо мнѣ... чего я ей отъ всей души на смертномъ одрѣ моемъ желаю...»

Лай собаки надъ самымъ ухомъ моимъ заставилъ меня сильно вздрогнуть; я взглянулъ изъ-подъ бурки и турецкаго плаща: шагахъ въ пятидесяти, арба переѣзжала ручей, и Болгаръ спокойно погонялъ воловъ. Собака молча обнюхивала попеременно то мертвыхъ буйволовъ моихъ, то разбитую арбу и разбросанныя вещи, то моего собрата-покойника, и опять бросилась на меня съ лаемъ. Я былъ уже очень-слабъ и тощъ, и не сомнѣваюсь понынѣ, что обязанъ этой собакѣ своимъ спасеніемъ.

Болгаръ, въ бурой суконной курткѣ, турецкихъ шароварахъ и штиблетахъ изъ такого же бураго крестьянскаго сукна, съ небольшою синей цифровкой или прошивами, и въ круглой, черной смушатоѣ шапкѣ, съ накинутымъ на плѣча плащомъ того же сукна, на бѣломъ суконномъ подбоѣ, Болгаръ этотъ обратилъ наконецъ вниманіе на собаку свою, остановилъ воловъ и подошелъ къ нашему побойщику. Онъ тотчасъ смекнулъ въ чемъ дѣло; остановился, смѣрлялъ глазами вышину обрыва горы, покачалъ головой и принялся разсматривать убиившихся буйволовъ. Я подалъ голосъ: онъ немедленно ко мнѣ подошелъ и, узнавъ во мнѣ полу-земляка по племени или языку, крѣпко сожалѣлъ о моемъ бѣдствіи. Подумавъ немного, послѣ взаимнаго объясненія, онъ вызвалъ изъ арбы женщину, вѣроятно свою хозяйку, и они меня вмѣстѣ уложили къ себѣ, собравъ туда же что могли изъ разбросанныхъ на землѣ вещей.

Скажу теперь вкратцѣ, что далѣе со мною случилось, и перейду къ главнѣйшему.

Болгарь этотъ привезъ меня на третій день въ Османбазаръ, отъ Шумлы на западъ верстахъ въ 50. Тамъ побылъ я съ недѣлю; меня Болгары прятали отъ Турковъ и надвѣялись доставить въ армию нашу; но, узнавъ, что войска наши уже оставили Шумлу и потянулись къ Силистріи, они боялись ненастья со мною и не платиться головою; по этому они отправили меня ночью далѣе, въ Коброво, и наконецъ въ Трояны, сказавъ, что въ случаѣ новой опасности перевезутъ меня въ Софію, или передадутъ черезъ границу Сербамъ. Перевозы эти были для меня такъ тяжелы, что, не смотря на всю признательность мою къ добрымъ Болгарамъ за ихъ обо мнѣ попеченія и самоотверженіе, я много разъ просилъ ихъ выдать меня Туркамъ, зная по опыту, что обращеніе ихъ, если попадешь въ порядочныя руки, не такъ дурно. Болгары, однакожъ, не хотѣли этого слышать, говорили, что только Иуда могъ продать Христа, а христіанинъ брата своего не продаетъ; кончилось тѣмъ, что меня мало-по-малу все передавали съ рукъ на руки далѣе, и я наконецъ очутился въ Сербіи, отблагодаривъ чѣмъ могъ—благодарной слезой, послѣднихъ проводниковъ моихъ изъ Болгаръ. Денегъ не было у меня давно, часы были отобраны Туркомъ, который меня взялъ въ плѣнъ.

Меня приняли въ одномъ селеніи, неподалеку Мисовицы, на притокъ Моравы. Тутъ съжалось все селеніе смотрѣть на русскаго офицера. Состраданію не было конца, особенно со стороны женщинъ, которыя даже плакали надо мною и завалили меня хлѣбомъ и другими съѣстными припасами. Ко мнѣ подошелъ, между прочимъ, высоній, благовидный человекъ, среднихъ лѣтъ, одѣтый по-лучше прочихъ и пользовавшійся, какъ видно было по первому взгляду, нѣкоторымъ уваженіемъ. Широкополая шляпа его съ круглой тульей, коричневая цифровая венгерка и даже распухающая по плечамъ черныя съ небольшою просвѣдью кудри,—все было слегка припудрено, почему и немудрено было узнать въ немъ жителя мельника.

— Здравствуй, братику, сказалъ онъ мнѣ, заткнувъ лѣвую руку за ременный поясъ свой и подавая мнѣ правую:—что? Турки-свики подстрѣлили? Какъ зашелъ сюда? есть кто свой у тебя здѣсь?

— Никого нѣтъ, отвѣчалъ я:—но вижу, что попалъ къ добрымъ людямъ; дома, въ Россіи, есть у меня и небольшое имѣніе; еслибъ я остался живъ и возвратился когда-нибудь домой, то могъ бы отблагодарить добраго человека, который бы теперь призвалъ меня подъ своей крышей и далъ кусокъ хлѣба.

Чудомилъ (имя почтеннаго мельника) улыбнулся на это съ выраженіемъ негодованія и состраданія, сказавъ: «Не за деньги хлѣбъ-соль и ложе братьямъ даютъ, а за братскую душу. Возьми руку

мою: хочешь быть гостемъ моимъ? Есть у меня и домъ и комора для тебя; стануть за тобой ходить дочь и жена, и хлѣба кусокъ найдется. Я самъ не плачѣю за это денегъ; добрые люди даромъ возять, прибавилъ онъ смѣючись:—да еще и накланяются ину-пору, чтобъ только принялъ.»

Тогда засмѣялась на шутку эту, и нѣкоторые стали, отъ искренняго участія, уговаривать меня, чтобъ я не отказывался: «иди къ нему, или, у него хорошо въ домѣ; онъ добрый человекъ; его обидѣть не надо!»

Я со слезой на глазахъ подаль руку Чудомилу; но первый хозяинъ мой, тотъ, который принялъ меня по передачѣ, вступился: «А за что же ты, друже Чудомиле, отнимаешь у меня побратима?» сказалъ онъ: «ты найдешь себѣ другаго, когда тебѣ нужно; ты человекъ богатый, оставь мнѣ этого—это мой, а я человекъ бѣдный!»

Миръ разсудилъ и помирилъ добрыхъ соперниковъ; старики трепали хозяина моего по плечу и говорили ему: «оставь, оставь; Чудомилъ дѣло дѣлаетъ, а Русскій будетъ тебѣ побратимомъ, все равно». Онъ подаль руку Чудомилу и вмѣстѣ съ нимъ и еще съ двумя товарищами понесъ меня на носилкахъ къ мельнику.

Въ чистую избу, съ широкими нарами, которые были устланы, по-турецки, войлоками и коврами, проводили насъ самъ хозяинъ и хозяйка, между-тѣмъ, какъ миловидная дѣвушка растворяла дверь и принесла подушки. Изба биткомъ набилась народомъ; но хозяинъ сказалъ: «Спасибо; прощайте, люди добрые; дайте покой больному; онъ усталъ» и всѣ, приветливо прощаясь, спѣшили выйти.

Съ Сербамъ я объяснялся гораздо-свободнѣе, чѣмъ съ Болгарами: сербское, изъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій, кажется, самое близкое къ русскому. Оно также изобилуетъ гласными. Сербы не говорятъ подъ тѣтлами, какъ Болгары, на языкѣ которыхъ между-прочимъ принять даже членъ, тогда-какъ этой части рѣчи нѣтъ ни въ одномъ изъ прочихъ одноплеменныхъ съ нимъ языковъ. Въ сербскомъ также гораздо-меньше примѣси турецкихъ словъ.

Мнѣ подали похлѣбку изъ бобовъ, также хлѣба, молока и большой кувшинъ воды; потомъ перевязали раны мои и пожелали спокойной ночи. Сынъ-хозяина моего, мальчикъ лѣтъ тринадцати, спалъ въ одной комнатѣ со мною, на случай нужной мнѣ помощи; остальное семейство въ другомъ покоѣ, черезъ сѣни. Измученный безпрерывными походами, я уснулъ вскорѣ кривымъ сномъ.

III.

ДОМАШНЕЕ НЕНАСТЬЕ.

Сдавъ Горностаю въ добрыя руки, мы его на время оставимъ и возвратимся въ Россію, чтобъ прослѣдить за прочими нашими пріятелями и знакомцами.

Григорій Алексѣевичъ, послѣ описаннаго нами происшествія въ Нижнемъ, досадуя на себя за неудачную попытку поставить Горностаю въ забойщики тюленей или морскихъ котиковъ, огорчае также неумѣстнымъ предложеніемъ его отпустить съ нимъ падчерицу, на которую было столько надеждъ впереди, — Григорій Алексѣевичъ едва выждалъ уходъ его, какъ ухватилъ себя за голову, топнулъ ногой, приказавъ выйти челоуѣку, и напустился на жену и падчерицу. Вы-де у меня ходите развѣсивъ уши, вы вотъ, гдѣ только медкомъ пахнетъ, знай облизывается, всякую сводочъ за собой таскаете; а вотъ я его хворостиной со двора сгоню, если онъ у меня въ домъ носъ покажетъ...

Надя стала понемногу догадываться о чемъ рѣчь идетъ; но Анна Герасимовна, которая не успѣла надивиться и нарадоваться тѣсной дружбѣ супруга своего съ Горностаемъ—Анна Герасимовна тутъ ровно ничего не понимала. Она, впрочемъ, какъ читатель извѣстно, рѣдко беспокоила себя тѣмъ, чтобъ понять какое-нибудь дѣло; и потому, едва только показавъ на безстрастномъ лицѣ своемъ видъ недоразумѣнія, тотчасъ же, какъ добрая христіанка, рѣшилась предать дѣло волѣ Божіей и Григорья Алексѣевича. Давъ ему побурлить въ волю, она сказала: «Да о чемъ же вы такъ беспокоитесь, Григорій Алексѣевичъ? Ну, хворостиной, такъ хворостиной — вѣдь мы въ этомъ не прекословимъ; не женское жъ это дѣло, сами посудите: вы хозяинъ, ваша воля на то, и распоряжайтесь».

— Да что же у васъ было съ нимъ?

— Ничего не было; встрѣтились — ну, люди знакомые, слове другое молвили, онъ пошелъ съ нами, Наденька еще и перешла отъ него на мою сторону...

— Ужъ эти мнѣ переходы! закричалъ опять Григорій Алексѣевичъ, и принялъ Надю въ допросъ. — Что онъ тебѣ говорилъ, признавайся!

— Ничего, папенька, отвѣчала она сквозь слезы: — право, ничего!

— А ты ему что?

— И я ничего, папенька, право...

— Да онъ же тебѣ что?

— Да ничего, право...

— А ты что?.. Да какъ ничего? Ты ничего, онъ ничего, ты онятъ ему ничего, и онъ тебѣ ничего... Это что за разговоръ? а?

Надя горько заплакала; а какъ Григорій Алексѣевичъ въ первый разъ такъ разсердился на падчерицу, то мать, при всемъ хладнокровіи своемъ, сочла нужнымъ за нее заступиться. Она подтвердила клятвенно, что Надя именно ничего не говорила съ Горностаемъ и не могла говорить съ нимъ безъ вѣдома матери, потому-что перешла отъ него на другую сторону, оставивъ мать въ серединѣ. Надѣ ничего не оставалось, какъ плакать и молчать, подтверждая этимъ ложь матери и собственныя свои слова, сказанныя въ началѣ допроса вовсе въ иномъ смыслѣ.

Когда за тѣмъ на третій день мать получила письмо Горностаея, то она сначала была въ нерѣшимости, промолчать ли объ немъ, или передать его мужу? Страхъ, однакожь, взявъ верхъ, и письмо было представлено ему, въ доказательство непричастности получательницы. Тогда Григорій Алексѣевичъ по-свѣдому торжественно отпраздновалъ побѣду: онъ созвалъ мать и дочь, прочиталъ еще разъ письмо вслухъ, приказалъ подать свѣчу, сжегъ письмо и отдалъ Стѣпкѣ собственноручно пепелъ, съ приказаніемъ развѣять его по двору на всѣ четыре стороны. Не доставало только, чтобъ онъ пепломъ этимъ приказалъ зарядить пушку и выстрѣлить его изъ тридцать земель.

О, еслибъ Григорій Алексѣевичъ зналъ—не то, сколько онъ оскорблялъ этимъ бѣдную Надю, — вѣтъ, это не удержало бы его отъ подобнаго дурачества; но еслибъ онъ зналъ, до какой степени оно произвело въ падчерицѣ дѣйствіе противоположное тому, въ которомъ онъ былъ такъ твердо увѣренъ—то конечно придумалъ бы что-нибудь иное. Бѣдная Надя, чистая и непорочная душа, никогда доселѣ не посягавшая на обманъ или хитрость, увидѣла въ тотъ же вечеръ случайно въ передней на полу черный, легкій какъ пухъ листочекъ, который летѣлъ и крутился передъ нею, гонимый движеніемъ воздуха отъ ея платья. Сердце ея защемило, будто уколотое иголкой, и она, проворно подхвативъ атотъ бывший листочекъ, обращенный рукою грознаго отца въ пепелъ, тщательно берегла и хранила его при себѣ, какъ самую дорогую и заветную тайну. Этого Григорій Алексѣевичъ, конечно, не подозревалъ.

Какъ часто неосторожный поступокъ родителей и воспитателей порождаетъ подобныя этому примѣру послѣдствія! Помните, отцы и матери, учителя и воспитатели, что ребенокъ — живое существо, а не комокъ глины, который можно мять, лѣпить и формовать для своихъ забавъ и причудъ! Помните, что главнѣйшій при-

знакъ жизни — всякой, даже и младенческой, состоитъ именно въ извѣстномъ противодѣйствіи наружной силѣ, въ отголоскѣ физическомъ и нравственномъ. Даже садовникъ долженъ изучить напередъ природу дерева, чтобъ вырастить его такъ, какъ ему нужно: иначе нерѣдко выйдетъ какой-нибудь уродъ. Къ-счастью, намъ не всегда удастся осилить и переверстать благую природу ребенка по-своему; сколько мы ни портимъ его, сколько ни ломаемъ, но физическое и нравственное чувство самохраненія иногда одерживаетъ верхъ. Тогда мы съ гордостью указываемъ на разбѣянныхъ по всему свѣту бывшихъ воспитанниковъ нашихъ, изъ которыхъ многіе сдѣлались порядочными людьми, и говоримъ: вотъ, всегда нападаютъ на насъ, что воспитаніе и образованіе нашего заведенія нигде не годится: вотъ, посмотрите!

Также точно дѣлаютъ врачи, или большая часть врачей. Если природа, въ борьбѣ съ болѣзнію и съ медикаментами, выйдетъ победительницей — то они же возглашаютъ побѣду!!

Покончивъ дѣла свои, Григорій Алексѣевичъ отправился въ обратный путь, съ новою думой на челѣ. Давно уже видѣлъ онъ въ Надѣ будущее средство достиженія какихъ-либо мірскихъ благъ: но послѣднія приключенія заставили его подумать настоячивѣе и скорѣйшемъ окончаніи этого выгоднаго дѣла.

Въ Москвѣ, такъ разсуждалъ онъ самъ съ собою, въ Москвѣ найду я скорѣе зятя съ полными карманами, этакъ душъ тысячъ въ двѣ, который бы помогъ мнѣ расправить крылья и пожить не старости лѣтъ; а въ Питерѣ, конечно, легче подхватить такого, что на брюхѣ шелкъ, а въ брюхѣ щелкъ; — да за то по-крайней-мѣрѣ можно прискать полезное покровительство. Тогда всему службой: чины, ордена, аренды... тугоньки они стали нынѣ... а при хорошемъ покровительствѣ, если удачно затешишься въ кинѣ и въ графы... все возможно!

На этомъ основаніи, Григорій Алексѣевичъ рѣшилъ не звать тутъ и тамъ, а пустивъ по Москвѣ молву объ огромномъ имѣніи родскомъ имѣніи своемъ и показавъ Надю въ нѣсколькихъ отдаленныхъ домахъ — гдѣ всѣхъ ругаютъ, по всякаго принимаютъ — отправиться въ Питеръ и блеснуть тамъ изъ послѣднихъ крохъ, умѣется, стараясь надуть перваго кто попадется.

Старанія заботливаго родителя скорѣе увѣнчались блестящимъ успѣхомъ. Отыскался князь — не сказочный какой-нибудь и не чудовищный, не Блесткинъ, не Зоринъ, не Пронскій, Чванскій или что-нибудь въ этомъ родѣ, а князь настоящій, какъ бывають князья, и притомъ съ двѣнадцатью тысячами душъ и блестящимъ положеніемъ въ обществѣ, и еще съ прозваніемъ: князь Бибирмакъ-Шемаханскій. Не успѣлъ этотъ женишокъ наклонуться, какъ

Григорій Алексѣевичъ посѣздно окончилъ дѣло, ударилъ по рукамъ и запилъ падчерицу свою шампанскимъ. Эта связь приподняла носъ Григорья Алексѣевича по-крайней-мѣрѣ на цѣлый вершокъ; тутъ убили такого бобра, въ которомъ нашли вдругъ все, чего искали: и деньги, и покровительство, и связи.

Еслибъ подобная новость и могла остаться на время подъ спудомъ, то Григорій Алексѣевичъ самъ первый заботился о надлежащемъ распространеніи ея, съ жаждою и наслажденіемъ принималъ почетныя поздравленія и готовился на великолѣпныя, блестящія празднества. Приданое строилось, по обычаю нашему, на показъ; въ него надо было посадить цѣлое состояніе зажиточнаго семейства — а какъ его, состоянія этого, у Ахтубинскаго не бывало, то онъ старался замѣнить его неоплатными долгами, въ которые для этого входилъ очертя голову. Оно, какъ я упоминалъ, готовилось на показъ, то-есть, выписывалось дорогою цѣною изъ-за границы и состояло большею частію изъ вещей ни къ чему ненужныхъ и негодныхъ. Даже самыя платья, которыя изготовлялись дюжинами по каждому названію — балыныя, полубалыныя, визитныя, утреннія, вечернія, собственно платья, блузы, шапочки, неглиже, закрытыя, открытыя и проч. безъ всякаго сомнѣнія годились только для дѣвицы Ахтубинской, но не для княгини Бишбармакъ-Шемаханской, которая, сложившись и образовавшись какъ слѣдуетъ въ-теченіе первыхъ мѣсяцевъ замужства, безъ сомнѣнія была бы вынуждена раздать всѣ тряпки эти домохозянамъ. Кромѣ-того, прежде, чѣмъ она успѣетъ надѣть на себя одинъ разъ по одной штукѣ изъ каждой дюжины, все это выйдетъ изъ моды и должно будетъ замѣниться другимъ. Нужды нѣтъ; какъ же не изготовить невѣстѣ такого приданаго, которое бы можно было выставить на показъ и о которомъ бы стали говорить въ городѣ, если другихъ новостей не хватить, цѣлые три дня? Впрочемъ, отъ Григорья Алексѣевича нельзя было и ожидать болѣе-разсудительнаго распоряженія; но, къ-сожалѣнію, поступаютъ такъ не одни Григорія Алексѣевичи, а люди всѣхъ чиновъ, званій и прозваній. Иная чета дала бы дорого за то, немного лѣтъ спустя по свадьбѣ, еслибъ изъ этихъ никуда и ни къ чему негодныхъ тряпокъ и разныхъ принадлежностей къ нимъ могла выручить хотя малую долю той суммы, которая утоплена въ нихъ безразсудными родителями.

Князь Бишбармакъ-Шемаханскій былъ древняго княжескаго рода; вотъ его родословная: жилъ нѣкогда отецъ — а былъ ли онъ также въ свою очередь сыномъ,—объ этомъ, за давностію времени, ничего не извѣстно; у этого отца былъ сынъ, у сына сынъ; за тѣмъ опять одного сына не досчитывались, но за то отыскался

внукъ—это все равно—а у внука три сына: Окрошка, Бишбармакъ и Тюря; отъ средняго происходилъ, въ тринадцатомъ колѣнѣ, нашъ князь, коего предки приняли, для отличія отъ прочихъ и по поводу женитьбы одного изъ нихъ на шемаханской ханшнѣ, прозваніе Шемаханскихъ. Потомки ихъ очень гордились этою вполнѣ-достоверною родословною; имъ даже не приходило въ голову, что, по общему закону размноженія человеческого рода, всякій сынъ происходитъ отъ отца, который, въ качествѣ сына, также происходитъ отъ отца и матери, и такъ далѣе; князья Шемаханскіе, навротивъ, считали это обстоятельство своею собственною, личною принадлежностью и благодарили Бога, что Онъ възискалъ ихъ такою непошрною милостію.

Нашъ князь давно уже оглядывался во всѣ стороны... какъ бы это сказать за чѣмъ? за подругой жизни, подразумѣвая подъ этимъ выраженіемъ точно то же, чего искалъ Григорій Алексѣевичъ, то-есть, связей или богатства. Имѣніе князя сильно поразстроилось, что легко понять, вспомнивъ, черезъ сколько рукъ оно по наследству проходило. Въ гостинныхъ, князь все еще былъ принятъ, какъ слѣдуетъ такому знатному барину; но разстроенное состояніе его, бурная и буйная жизнь, весьма-ненадежная нравственность и тому подобное, обратили его такъ-сказать въ одно только шпалерное украшеніе этихъ гостинныхъ, по никто изъ знати не согласился бы вступить съ нимъ въ ближайшій и кровный союзъ. Князь зналъ и видѣлъ это давно; лучшія лѣта его уже остались за нимъ — онъ обогналъ ихъ неосторожно на поприщѣ свѣтскаго рыскаго бѣга и не успѣлъ даже спохватиться... По всѣмъ симъ уваженіямъ, князь искалъ того, что ему нужно было, одною или двумя ступеньками пониже.

Услышавъ отъ подосланныхъ людей о штатскомъ генералѣ, у котораго такая милая дочь съ огромнымъ приданымъ — помѣстьями въ Екатеринославской, Полтавской, Нижегородской и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ, князь нашелъ все это весьма по вкусу и опасаясь, чтобъ дѣло не разстроилось, торопился окончаніемъ его столько же, сколько дѣлалъ это и Григорій Алексѣевичъ, и впрямомъ оба по однимъ и тѣмъ же причинамъ. И тотъ и другой сумѣли прикинуться богатыми; оба другъ передъ другомъ мастерски сыиграли комедію и другъ друга надували и обманывали. И тотъ и другой опасались, чтобъ правда не вышла во-время наружу, а потому подличали на-выпередки одинъ передъ другимъ, восхищались другъ другомъ взапуски и не показывая вида, скрытно другъ о другѣ разузнавали что можно, а между-тѣмъ одинъ другаго торопили окончаніемъ дѣла.

Анна Герасимовна не находила въ этомъ ни дурнаго, ни сдѣ-

комъ-хорошаго; но положившись разъ на мужа, старалась успокоить и уговорить дочь. Бѣдная Надя, не видя никакихъ средствъ къ спасенію и зная только, что ей должно во всемъ повиноваться родителямъ, выплакала втихомолку всѣ слезы свои до послѣдней капли, молилась по цѣлымъ ночамъ передъ иконою, цаловала свою завитную ладонку и за тѣмъ предавалась волю Божіей.

Быль уже пазначенъ день для дѣвичника и приглашенія разосланы. Поваръ съ поваренками, человѣкъ двадцать добавочной прислуги, даже нѣсколько дѣвушекъ изъ моднаго магазина, для пособія въ уборной,—словомъ, все было приговорено, приторговано и заготовлено, не исключая и огромнаго количества цвѣтовъ и оранжерейныхъ деревьевъ, для украшенія лѣстницы и передней, потому-что балъ предполагался, какъ выражались оффиціанты, съ *поташлѣрами*. Собирая еще кой-какія надобности, Григорій Алексѣевичъ сидѣлъ въ своей комнатѣ, какъ человѣкъ подалъ ему записочку, сказать: «отъ князя Башмаканскаго-съ».

— Дуракъ! самъ ты Башмаканскій, вскричалъ Григорій Алексѣевичъ: — пора вамъ научиться, какъ зовутъ князя, моего зятя: князь Бишбармакъ-Шемаханскій; князь Степанъ Львовичъ!

Распечатать записку, онъ прочиталъ:

«Сколько лестна была для меня надежда вступить съ вами въ кровный союзъ, столь горестно мнѣ теперь видѣть себя въ необходимости жертвовать собственнымъ счастьемъ для блага другихъ. Отъ этой обязанности благороднаго человѣка ничто не можетъ меня удержать. Вы, конечно, знаете, по собственному опыту, какъ ненадежны бываютъ слухи или молва о земныхъ благахъ или богатствахъ человѣка; это крайне-обманчиво. Мы считали другъ друга богатыми, и оба ошиблись. Разстроенное положеніе нашихъ состояній заставляетъ меня просить васъ, какъ чадолоубнаго отца, осчастливить рукою истинно-прелестной дочери вашей болѣе-достойнаго человѣка; отъ меня же принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи моемъ и преданности».

Письмо это такъ ясно по себѣ, что не требуетъ, конечно, никакого объясненія, кромѣ развѣ того только, какимъ образомъ князь столь внезапно и достоверно убѣдился въ этой обоюдной комедіи. Нѣкто, бывшій когда-то обигранъ княземъ въ карты до нитки и таскавшійся съ-тѣхъ-поръ по блу-свѣту, служившій потомъ у Ахтубинскаго по особымъ порученіямъ, по частнымъ его дѣламъ и оборотамъ, былъ имъ обиженъ и выгнанъ, какъ говорится, безъ расчета, т. е. безъ уплаты содержанія и другихъ, слѣдовавшихъ ему по разнымъ сдѣлкамъ денегъ. Оскорбленный этимъ и чувствуя заслуги свои относительно Григорія Алексѣевича, ради котораго онъ совершилъ много подлыхъ подвиговъ и принялъ много грѣха

на душу, этот отставной человекъ покаялся отмстить ему и для этого двинулся къ прежнему своему знакомцу, князю. Чтобъ отвязаться отъ него, князь выслалъ ему подаданіе; но этотъ не принялъ его, а требовалъ личнаго свиданія по важному дѣлу. Сообщенными свидѣніи были такъ положительны и точны и оказались по забраннымъ на основаніи ихъ справкамъ такъ вѣрны, что князь награждалъ своего неожиданнаго лазутчика и, не откладывая дѣла, написалъ Ахтубинскому отказъ.

Григорій Алексѣевичъ долго не вѣрилъ глазамъ своимъ; но когда и вѣрные очки подтвердили ему прочитанное отъ слова до слова, то онъ растянулся въ креслахъ, закинулъ голову назадъ, зашумрлся и сталъ дышать медленнѣе обыкновеннаго. Между тѣмъ, княжій посланецъ, не подозревая, вѣроятно, какую добрую вѣсть онъ принесъ, сталъ требовать отвѣта; человекъ вошелъ доложить объ этомъ, но баринъ молчалъ; тотъ, постоявъ, вышелъ, опять пришелъ и наконецъ обратился къ Аннѣ Герасимовнѣ. Лишь только она, во всей невинности своей и добродушіи, вошла къ мужу и сказала: «Другъ мой, человекъ князя Степана Львовича уже съ часъ дожидается; онъ проситъ отвѣта...» какъ Григорій Алексѣевичъ разразился въ проклятійхъ. Затѣмъ пошла суматоха по всему дому: чрезъ пять минутъ вся дворня не только узнала, что князь прислалъ отказъ, но и прослушала письмо его, прочитанное трижды вслухъ и толковала объ этомъ въ передней, на кухнѣ и на конюшнѣ. Въ послѣдствіи только Григорій Алексѣевичъ нѣсколько опомнился и роздалъ съ пятокъ пощечинъ за то, что подслушивали; но этимъ позднимъ раскаяніемъ онъ не помогъ дѣлу.

Анна Герасимовна, по женскому чувству, поняла, что это позоръ для дочери ея, и горько плакала; Григорій Алексѣевичъ ходилъ взадъ и впередъ, шумѣлъ, кричалъ, бранился и придумывалъ самыя нелѣпыя вещи; Надя наружно была спокойна, а сердце ея прыгало отъ радости; она старалась успокоить мать. Вотчимъ вскинулся за это на нее и безъ большого труда довелъ ее до слезъ; тогда онъ напустился на это опять на нее же: «А ты что? ты о чемъ плачешь? Меня обидѣли, обезчестили, поругали — и это все ты — и ты же объ этомъ плачешь! Хороша дочка! Не умѣла приласнать его, не умѣла влюбить въ себя, какъ должно — вотъ ты и плачешь; и сиди!»

Перебѣсившись, однакоже, надобно было подумать о дѣлѣ. Приказали Надѣ быть больной, послали домовъ въ пятьдесятъ отказъ приглашеніе; не велѣли пускать въ домъ ни души. Отказавъ также и поварамъ съ поваренками и официантамъ съ потафѣрами, но этимъ дѣло не кончилось; пошли счеты и расчеты за еще большее количество забраннаго въ долгъ товара всякаго разбора и .

стѣнное, и питейное, и наконецъ многоцѣнное тряпье, приданое, вообще почти ни къ чему негодное, а при теперешнихъ обстоятельствахъ уже вовсе излишнее. Григорій Алексѣевичъ то бѣгалъ отъ несчастныхъ кредиторовъ своихъ, прятался, не сказывался дома, болталъ, то храбро принимался опять за расчеты съ ними, шелъ на аккомодацию, какъ самъ онъ выражался, требуя, чтобы все закупленное принято было обратно, за сбавкою десяти или пятнадцати со ста. Всѣ продѣлки эти огорчали бѣдную Надю до глубины души; она должна была спокойно смотреть на всѣ безразсудства своего вотчина; онъ разорялся въ глазахъ ея, какъ увѣрялъ, для нея и за нее; но во власти ея не было отклонить его во-время отъ этого безразсудства.

Анна Герасимовна при такомъ положеніи дѣлъ приняла нѣскольکو-болѣе участія въ судьбѣ дочери своей, чѣмъ можно было ожидать отъ обыкновенной ея безчувственности. Она старалась утѣшить по-свѣдѣу Надю, которая на-оборотъ желала бы успокоить мать и отца, вовсе не нуждаясь въ утѣшеніи ихъ относительно потери жениха, но принимая къ сердцу огорченіе родителей и въ особенности безразсудство вотчина. Наконецъ, Григорій Алексѣевичъ, въ припадкѣ изступленія, по поводу несговорчивости кредиторовъ своихъ, отрекся торжественно отъ всякаго вмѣшательства въ участь Нади, сказавъ: «дѣлайте отнынѣ, что хотите; распорѣжайтесь съ Анною Герасимовною, какъ знаете; какова матушка, такова и дочка; я умываю руки и впередъ не хочу и слышать о «вашихъ бабьихъ сдѣлкахъ, не хочу и знать, кто и когда у васъ «будетъ женихомъ».

IV.

ПРОЩАНІЕ.

Между - тѣмъ, Горностаѣй оправлялся отъ раны своей въ глухой сербской деревнѣ, и никто въ мірѣ, изъ знакомыхъ и сослуживцевъ, не считалъ его живымъ; онъ давно уже былъ исключеиъ изъ списковъ, какъ убитый. Предоставимъ ему опять самому продолжать разсказъ:

Когда я проснулся утромъ довольно-поздно, то у дверей на лавкѣ сидѣла хозяйская дочь, дѣвушка лѣтъ шестнадцати, смѣнившая при мнѣ своего маленькаго брата. Она спокойно плела коклюшками синій гарусный снурокъ, который въ такомъ общемъ употребленіи у Сербовъ для цѣровки суконной одежды. Замѣтивъ, что я проснулся, она поклонилась мнѣ привѣтливо, подошла

и стала спрашивать осторожно, тихимъ голосомъ, не нужно ли мнѣ чего.

Я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на прекрасную, рослую и статную дѣвушку въ пестрой народной одеждѣ, въ желтыхъ сапожкахъ, коротенькой юбкѣ и какомъ-то мужскомъ чепчикѣ, въ головныхъ украшеніяхъ, которыя ей были очень къ лицу. Какъ тебя зовутъ, умница? спросилъ я.

— Стана.

— Стана! хорошее, но странное имя. Откуда оно у васъ?

— А когда я родилась у матушки, то она не захотѣла, чтобъ у нея были еще дѣти; довольно одной, подумала она, и назвала меня Стана, т. е. будетъ, довольно, стань.

— Что же? и у васъ природа повинуется такому приказанію? и болѣе дѣтей не было?

— Нѣтъ, сказала она смѣючись: — не повинуется. У матушки было послѣ меня еще двое, оба померли. Тогда она много молилась и просила у Бога прощенія за недоброе желаніе свое, и просила, чтобъ Опъ далъ ей ребенка, только не мертвого, а живаго. Родился нынѣшній братъ мой и его назвали Волкомъ (Вукъ), чтобъ вѣдьмы не могли его съѣсть, и онъ, слава Богу, живъ. А я все-таки осталась Станой, прибавила она смѣючись.

Стана день-о-то-дня ходила за мною съ большимъ вниманіемъ и дружбою; родители хвалили ее за это, и она отъ меня не отходила. Я вскорѣ замѣтилъ изъ разговоровъ ея, что она получила нѣкоторое образованіе; объ этомъ позаботился отецъ, весьма-умный и довольно-образованный человекъ. Она охотно читала вслухъ, и перечитывала не только десятокъ-другой книгъ небогатой сербской словесности, но и чешскія книги, понимая ихъ очень-хорошо. Я сдѣлался ученикомъ ея, и вскорѣ сталъ свободно объясняться по-сербски. Она съ жадностію слушала все, что я ей объяснялъ и рассказывалъ, училась у меня по-русски, крайне жалѣла, что нѣгдѣ было достать русской книги, и съ такимъ участіемъ разсуждала о Россіи, будто это была настоящая родина ея. И теперь еще я не совсѣмъ понимаю, откуда родилась въ ней эта возрастающая со-дня-на-день привязанность къ Россіи; но Стана безпрестанно мечтала о томъ, какъ бы она переселилась туда и какъ бы стала дружно жить тамъ съ братьями и сестрами по племени, языку и вѣрѣ. Мечты ея образовали для нея какой-то тихій, братскій кругъ, счастливую страну, обитованную землей. Сербы тогда были очень привязаны къ Россіи, и притомъ уже въ давнихъ времена какая-то темная надежда направляла всѣ желанія и помыслы ихъ на насъ; привязавшись ко мнѣ, Стана слагала мечты свои съ этимъ народнымъ духомъ, и въ ней начинала раз-

живаться тоска по родинѣ—смѣшно сказать, не по своей, а по чужой! Сербы отъ природы любятъ музыку; у Чудомила стояли маленькіе, старинныя клавикорды, и Стана играла на нихъ довольно-быгло, пѣла народныя пѣсни свои не ученымъ, но весьма пріятнымъ голосомъ, перелагая нерѣдко пѣсни эти такъ, что онѣ относились не до Сербіи, а до Россіи; тогда она оглядывалась на меня улыбаясь, и выманивала этимъ у меня также одобрительную улыбку, которая, можетъ-быть, выражала и нѣсколько-болѣе, чѣмъ одно только одобреніе.

— За чѣмъ же ты все поешь и говоришь о Россіи, милая Стана, спросилъ я: — тогда-какъ ты въ-началѣ, когда отецъ твой взялъ меня къ себѣ въ домъ, говорила и пѣла о своемъ отечествѣ?

— За чѣмъ? сказала она: — за тѣмъ, что узнала Россію черезъ тебя, узнала въ тебѣ Русскаго и брата; я слышала доселѣ о Россіи отъ стариковъ—всѣ они туда смотрятъ, всѣ какъ-будто ждутъ своего счастья оттуда; я не понимала ихъ; теперь же и сама полюбила землю вашу и всѣхъ васъ!

— Но ты всегда бредишь Россіей; развѣ ты рѣшилась бы покинуть родину свою, промѣнять ее на чужбину?

— Какъ на чужбину? на какую?

— Да на Россію, о которой ты теперь мечтаешь, кажется, день и ночь!

— Россія не чужбина, сказала она,—но въ то же время покраснѣла и опустила вѣки. Я неожиданно попалъ въ какое-то странное положеніе, а потому остановился и не зналъ, какъ продолжать разговоръ.

Оставшись одинъ, я сталъ обдумывать настоящія свои отношенія. Сравненіе Станы съ Надей, конечно, оставляло милую хожалку мою въ темной тѣни; но сама - по-себѣ Стана была очень привлекательна. Я былъ свободенъ; ничто не связывало меня съ Надей; я поступилъ прямо и благородно: письменно отказался отъ всѣхъ надеждъ и притязаній,—все это такъ; но что, если Надя помнитъ слово, которое мнѣ сказала: «не покидайте же меня», и что тогда, если она помнитъ также отвѣтъ мой, котораго я не помню?

Стана, кажется, любить меня; она еще такъ молода, умна и любознательна, изъ нея можно сдѣлать все; она бы вскорѣ ни въ чемъ не уступила нашимъ образованнымъ дѣвушкамъ; отецъ ея любитъ и меня и Россію; можетъ-быть, онъ не захотѣлъ бы разорвать насильственнымъ этотъ союзъ; можетъ-быть, даже рѣшился бы переселиться вмѣстѣ съ нами на мою родину, или оставилъ бы меня одинокаго, безроднаго у себя; развѣ мнѣ здѣсь не будетъ также хорошо? Все такъ; но что, если Надя ждетъ меня, если она

перенесла за меня тысячу огорчений, и упорно, настойчиво удерживала всѣхъ искателей? Что тогда, если даже упрямая и безразсудная воля отца ея не могла сокрушить этого мягкаго, но вѣрнаго сердца? что, если она помнитъ мой отвѣтъ, котораго я не помню?

Въ это мгновеніе меня поразило, какъ стрѣлой, воспоминаніе того разсказа, который я слушалъ на бивакахъ подъ Шумлей, накануне или въ самую ночь моего плѣна. Одно слово это бросило мнѣ всю кровь въ голову. Я вообразилъ себѣ Надю въ такомъ же точно положеніи, какъ невѣсту легкомысленнаго французскаго офицера: обманутою, безумною, и наконецъ на одрѣ смерти... Дыханіе мое замерло; я хотѣлъ быть одинъ, не хотѣлъ никого видѣть; а между-тѣмъ, несносная и милая Стана опять уже вертѣлась около меня и тѣмъ настойчивѣе приставала ко мнѣ съ своими вопросами, тѣмъ молчаливѣе и пасмурнѣе я ей казался. Я просилъ ее дать мнѣ покой, оставить меня одного,—для чего, зачѣмъ? я слабъ, я хочу отдохнуть! «Отдыхай; я никогда не мѣшала тебѣ и теперь не помѣшаю: я буду сидѣть смирно и тихо». Я настоялъ, чтобы она вышла; но она съѣла у порога. Я легъ молча и отвернулся отъ нея; она вышла потихоньку и подошла къ окну, прямо насупротивъ меня. Это меня тревожило; я однакожъ лежалъ смирно и не показывалъ вида, что замѣчаю ее; она пошла по двору и по саду и распѣвала звонкимъ, яснымъ голосомъ своими сербскія и русскія пѣсни, заставляя меня противъ воли прислушиваться къ нимъ и разгадывать слова и смыслъ.

Я опять съ живостію вспомнилъ вечеръ на бивакахъ. Въ самомъ-дѣлѣ, всѣ три разсказа этого вечера, не смотря на чрезвычайную разнородность свою, были въ какихъ-то весьма-близкихъ ко мнѣ отношеніяхъ: я былъ въ плѣну, испыталъ довольно-важнѣйшія похожденія и спасся, при содѣйствіи добрыхъ людей. Бѣгство—это было содержаніе перваго разсказа. Я былъ раненъ, по обыкновеннымъ понятіямъ, смертельно, а между-тѣмъ чудомъ выздоравливалъ,—это разсказъ доктора о канонирѣ, у котораго рана была сплюснута лепешкой; и я былъ спасенъ, хотя у меня и не было такого чудеснаго доктора. Наконецъ, нынѣ я попалъ въ такое положеніе, что и третій разсказъ, о покинутой невѣстѣ, какъ-будто угрожалъ надо мною исполниться. Это меня испугало, привело въ себя — и этому разсказу я обязанъ, можетъ-быть, своимъ спасеніемъ. Благодарность къ этимъ добрымъ людямъ, привязанность милой Станы и собственное, можетъ-быть, только мимолетное сочувствіе съ нею, могли бы заставить меня сдѣлать такой шагъ, за который совѣсть мучила бы меня по гробъ. Болгарскій собака спасла мнѣ жизнь, а случайный разсказъ товарища на бивакахъ спасъ мою честь и совѣсть.

Я воспользовался первымъ случаемъ, чтобъ разсказать Станѣ, что я женихъ и покинулъ на родинѣ своей невѣсту. Она разспрашивала меня обо всѣхъ подробностяхъ по этому дѣлу съ какимъ-то смѣшаннымъ чувствомъ любопытства, участія, радости и грусти. Я убѣдился, что успѣлъ еще во-время отклонить непріятныя послѣдствія нашей тѣсной дружбы, но что и не должно было долѣе откладывать этого объясненія. Стана, конечно, никогда не думала считать меня женихомъ своимъ, но ее, можетъ-быть, увлекало чувство безотчетное, которое теперь, къ-счастью, встрѣтило на пути своемъ порожекъ и загнулось. Стана сдѣлалась въ обращеніи со мной болѣе робка и осторожна, часто потупляла черныя очи свои, не также охотно бесѣдовала о благословенной Россіи и, разспрашивая обо всѣхъ подробностяхъ предполагаемой ею счастливой будущности моей, часто трогала меня и въ то же время смѣшила.

Но я самъ для себя былъ и жалокъ и смѣшонъ. Безъ тѣни надежды на это будущее — я долженъ былъ лгать, прикидываться счастливымъ женихомъ, отказываться отъ настоящаго, въ которомъ я тогда точно видѣлъ сбыточность моего семейнаго счастья — и воротившись на родину, закалить сердце свое окончательно и вынести безропотно ожидающую меня тамъ участь!

Наконецъ, время искуса моего стало приближаться къ исходу. Я ходилъ уже свободно и считалъ себя здоровымъ; я уже испытывалъ силы свои на охотѣ и въ дальнихъ прогулкахъ. Меня тяготило мое положеніе вдвойнѣ: я все еще былъ нахлѣбникомъ Чудомилъ, хотя онъ и не показалъ мнѣ ни однимъ словечкомъ, чтобъ я ему наскучилъ, или обременялъ его — и все еще видѣлъ передъ собою милую Стану, которая, не смотря ни на какія усилія надъ собою, не могла безъ слезъ вспомнить о предстоящей се мною разлуцѣ. Войска наши уже снова двинулись за Дунай и частію вступили въ Малую-Валахію, въ сосѣдствѣ съ Сербією. Узнавъ объ этомъ, я сталъ настойчиво просить своего хозяина отпустить меня, надеясь достигнуть такъ или иначе до нашихъ войскъ.

— Доброе задумалъ, сказалъ Чудомилъ: — люблю мнѣ, что ты гость мой; но тебѣ пора къ своимъ. Будешь опять бить Турковъ-собака. Только трудно: дорѣги опасны, пути ты не знаешь, денегъ у тебя нѣтъ — Турки поймають, такъ голову сѣмуть съ плечъ, какъ кочерыжку. Надо дѣло сдѣлать толкомъ: я твой вожакъ; но я соберу нынѣ вечеромъ раду, человекъ пять поумнѣе и поопытнѣе, и рѣшимъ, какимъ путемъ идти.

Вечеромъ, собрались старики на совѣтъ и на прощанье со мною. Чудомилъ угощалъ ихъ и Стана была нашимъ кравчимъ. Она ходила около насъ и прислуживала, но во все время не сказала ни слова; лицо ея выражало грусть, но и гордость победы надъ со-

бой: она была спокойна и величава. Прощаясь со мною вечером, она только сказала мнѣ: «Береги моего отца — видишь, какъ онъ тебя любитъ: онъ идетъ за тебя на большую опасность».

Рано на третій день, мы пустились верхами въ походъ. Не могу выразить, какъ сладко и больно было мнѣ послѣднее прощанье: опоздавшіе сосѣди догоняли насъ пыткомъ, кричали намъ въ слѣдъ: «стань, братику!» подавали руки и напутствовали насъ своими пожеланіями.

Стана крѣпилась до послѣдней минуты; но вдругъ зарыдала, накрывъ лицо, и въ ту же минуту опомнилась, и также внезапно успокоилась. На лицѣ ея почти не было видно и слѣда слезъ и страданій. Она подошла ко мнѣ съ улыбкой, поцаловала мнѣ, по сербскому обычаю, руку, а потомъ дала себя обнять, — лицо и уста ея были холодны — потомъ бросилась къ отцу и, повиснувъ на шею его, дала свободу слезамъ. Онъ обнялъ ее, перекрестилъ, велѣлъ успокоиться и брать примѣръ съ матери, которая простилась съ мужемъ нѣжно, но разумно. Лицо Станы опять внезапно прояснилось, хотя слезы висѣли крупными каплями на щекахъ и рѣсницахъ. Мы сѣли на коней и пустились въ путь; она стояла рядомъ съ матерью, и смотрѣла намъ въ слѣдъ, покуда поворотъ дороги въ кустахъ не скрылъ насъ отъ ея взора.

V.

ВОЛЕЛШТИ.

Мы держались почти все на сѣверъ, мимо Нисы и Видина, въ тотъ уголокъ, гдѣ сходятся Болгарія, Сербія и Малая-Валахія. Чудомилъ, не разъ бывавшій въ походахъ, или, вѣрнѣе сказать, въ разбояхъ противъ Турковъ, выросшій на тревожной границѣ Сербіи и Турціи, гдѣ иногда крестьянинъ не выходитъ на пашню безъ винтовки за плечами, Чудомилъ былъ опытенъ и остороженъ. Глядя на него въ это время, трудно было узнать въ немъ мальчика.

Къ границамъ Валахіи слухи становились опаснѣе: говорили, что шайки Турковъ бродятъ тамъ-и-сямъ, но мирные поселяне все еще проѣзжали довольно-спокойно. Подумавъ немного, Чудомилъ съелъ все вооруженіе свое и оставилъ его на границѣ у земляка, ~~взявъ~~ мнѣ сдѣлать то же. «Такъ будетъ безопаснѣе» сказалъ онъ мнѣ и прибавилъ: «смотри, если наткнемся на Турковъ, говори, что мы Сербы, взъ Радомья, и ѣдемъ къ Туркамъ предложить имъ услуги свои послужить лазутчиками противъ Русскихъ; бѣдность наша ставила насъ рѣшиться на этотъ опасный промыселъ.»

Мы вступили въ Валахію. Здѣсь не было у насъ уже тѣхъ удобствъ подъ рукой, какъ дома: языкъ чужой, народъ робкій и недовѣрчивый, объятый страхомъ; пути неизвѣстны, ралущія земляковъ пѣтъ. О Туркахъ говорили, что армія ихъ съ пашой стоять еще за Дунаемъ. Это было сказано около обѣда; къ вечеру, мы были у нихъ въ рукахъ, и насъ привели къ сераскиру. Это была та самая турецкая армія, которая такъ внезапно кинулась въ Малую-Валахію, чтобъ уничтожить отрядъ нашъ, прикрывавшій княжества отъ юго-востока. Разъездъ наткнулся на насъ, взялъ насъ безъ сопротивленія, и мы отвѣчали то, въ чемъ условились.

Продержавъ насъ сутки и принявъ нѣсколько разъ въ допросъ, — Чудомилъ говорилъ свободно по-турецки, — намъ повѣрили и рѣшились воспользоваться нашими услугами, посуливъ, однакожъ, за измѣну — колъ. Но, не смотря ни на какія убѣжденія Чудомила, сераскиръ не далъ намъ охраннаго листа, сказавъ, что этого не нужно.

Мы опять отправились впередъ, и надежда намъ снова улыбнулась, но жестоко измѣнила. Подо мной захромала лошадь; медленно подвигались мы впередъ, сядясь поочередно на здоровую лошадь и идучи пѣшкомъ. Ночь насъ настигла, ливень промочилъ до нитки и заллъ бышеной шайки на самомъ поворотѣ въ лѣсокъ ослѣпилъ и приковалъ къ мѣсту, какъ внезапный ударъ молніи и грома среди ночной темноты. Къ-счастью, одна только пуля угодила въ живое мясо, да и та въ моего бѣднаго, хромого коня; остальные просвистѣли мимо. Насъ связали, и ничто не могло увѣрить Турковъ, чтобъ мы не были русскими лазутчиками. Мысль эта, поселившись разъ въ воспламененномъ воображеніи изузрѣвъ, искала и находила доказательства во всемъ, что они видѣли и слышали: Сербы, братья Русскимъ, ночью крадутся къ турецкому посту, — это лазутчики; на дерево ихъ, петлю на шею, и дѣлу конецъ!

Приговоръ этотъ собирались уже исполнить; услужливый низамчи (служивый регулярнаго войска) отвязалъ отъ первой палатки пару оттяжекъ и сталъ завязывать петлю. Глядя на него, не смотря на незавидное положеніе наше, я однакожъ невольно вспоминалъ замѣчаніе бывшаго плѣннаго товарища моего въ Шумлѣ, Лаврентьева, который замѣтилъ, что его связали не пеньковою, а бумажною веревкой: и насъ собирались повѣсить на бумажной веревкѣ. Чудомилъ былъ спокоенъ и величавъ: трудно было ему перекричать разъяренную и буйную толпу, которая хотѣла одного только — крови; но онъ твердо стоялъ на своемъ и требовалъ, чтобъ его представили самому сераскиру, который наканунѣ лично говорилъ съ нимъ и далъ ему порученіе. Начальникъ партіи одумался, и

намъ только связали руки тѣми же бумажными веревками, на которыхъ были уже закинута петля для нашихъ шей.

Въ этомъ положеніи отправили насъ въ Каледатъ, вслѣдъ за турецкою главною квартирою; но, не заставъ уже тамъ сераскира, повезли далѣе, на Чорой, къ мѣстечку Боялешти, гдѣ она стояла лагеремъ. Все это длилось дня три, и насъ изрѣдка только на короткое время развязывали. Сераскиру было не до насъ; но услужливый вѣстовщикъ объявилъ намъ пріятную новость, будто паша отвѣчалъ на докладъ о насъ: «На что же мнѣ ихъ? я что съ ними буду дѣлать? Коли они лазутчики, такъ, разумеется, повѣсить ихъ завтра же утромъ.»

Это происходило въ тотъ незабвенный вечеръ, который предшествовалъ ночной битвѣ подъ Боялештами. Турки перешли у Видяна Дунай въ значительныхъ силахъ и готовились раздавить русскій отрядъ, вшестеро — менѣйшій числомъ. Послѣ нерѣшительной дневной битвы, Турки окружили отрядъ нашъ, ждали только разсвѣта, чтобъ его уничтожить поголовно, и праздновали уже побѣду. Но военное счастье судило иначе: безопасность Турковъ и рѣшимость Русскихъ повершили дѣло. Видя опасность свою, русскій военачальникъ могъ ждать спасенія только отъ внезапнаго и чрезвычайнаго усилія: Турки намѣревались разгромить его на слѣдующій день, а онъ предупредилъ ихъ, раздробилъ всѣ войска свои на малыя части, растянулъ ихъ по-возможности, обхватилъ въ темную ночь лагерь турецкій полукругомъ, ударилъ вдругъ съ трехъ сторонъ — и армія эта была уничтожена и разсыяна поголовно; Букарестъ, вся Валахія были спасены, и тылъ арміи нашей обезпеченъ.

Послѣ дневныхъ стычекъ, ночь прекратила дѣйствія; Турки расположились ждать утра, увѣренные въ успѣхъ. Мы лежали связанные среди лагеря; около насъ мало-по-малу все утихало; тутъ и тамъ дѣлались еще приготовленія къ завтрашнему бою; самонадеянность праздновала уже прежде времени побѣду; тысячи ошей дымились, обозначая среди совершенной темноты, свойственною южнымъ ночамъ, весь турецкій лагерь. Турки стояли такъ оплошно, что русскій отрядъ, растянутый весь почти въ одну цѣпь, подошелъ вплотъ, слышалъ говоръ, различалъ лица сидящихъ за огонькомъ и котлами, видѣлъ дымокъ, клубящійся отъ трубокъ, — а Турки въ это самое мгновеніе бесѣдовали о завтрашней вѣрной побѣдѣ и дѣлили въ умѣ добычу.

Какъ молнія изъ накопившейся тучи внезапно открылся бѣглый огонь по всей линіи огромнаго полукруга, обхватившаго нашъ, то есть турецкій, станъ. Въ то же мгновеніе пѣхота кинулась въ битву, кн, конница мала и давила все живое, что на пути своемъ встрѣ-

чала, рубила вправо и влево и неслась далѣе. Въ первую минуту, мы были несомнѣнно обязаны спасеніемъ своимъ именно тому, что лежали связанные: кто только успѣвалъ вскочить на ноги, пуститься бѣжать, схватиться за оружіе или за лошадь — легъ на мѣсть. Въ одну минуту все вокругъ насъ опустѣло: конница пронеслась, Турки бѣжали, или были изрублены; лошади сорвались съ конюязей и также понеслись во всѣ четыре стороны. Казалось, что мы были спасены; но положеніе наше все еще было крайне-загадочно и опасно: каждую минуту русскій штыкъ, пуля или сабля могли покончить навсегда походы наши, прежде чѣмъ бы мы успѣли обнаружить ошибку. Чудомилъ удержалъ меня, когда я хотѣлъ распутать себѣ руки, сказавъ: «оставь; въ этомъ положеніи послѣдній солдатъ русскій не обидитъ насъ, утѣрившись несомнѣнно, что мы враги Туркамъ и у нихъ въ плѣну; а если мы въ полуторецкой одеждѣ своей пойдемъ бродить по стану, то легко можемъ за это дорого поплатиться».

Наконецъ, говоръ людской сталъ опять приближаться къ намъ; это была цѣпь небольшого резерва, подавшагося теперь впередъ. Я подозвалъ солдата, лишь-только могъ окликать его голосомъ, сказалъ, что мы Русскіе, просимъ помощи его и спрашивалъ, гдѣ офицеръ. Насъ развязали; человекъ пять собрались около насъ и не знали, правду ли мы говоримъ, свои ли мы, или насъ, для вѣрности, должно считать непріятелями!

— Чтò тамъ у васъ? раздалось со стороны, и голосъ мнѣ показался знакомымъ:—чтò тамъ?

— Да вотъ, отвѣчалъ другой:—какіе-то двое, да говорятъ, что наши; а одинъ и по-русски плохо знаетъ!

— Врутъ они! продолжалъ опять первый, подходя ближе:—чего ты имъ въ зубы глядишь? Бей своихъ, чужіе бояться будутъ. Какіе это свои? Все тѣ же собаки; вишь, шаровары конной раздуло!

— Лаврентьевъ! вскричалъ я съ изумленіемъ:—Лаврентьевъ! это ты?

— Кто? я? да ты откуда меня знаешь?.. прости Господи, ваше благородіе! Андрей Ефимовичъ! и кинулся на меня, какъ на роднаго сына.

— Хорошо, сказалъ я:—нечего сказать; и ты же, старый товарищъ, хотѣлъ на меня руку поднять за то, что тебѣ шаровары мои не поправились, а?

— Отсохни она, рука эта, отвѣчалъ онъ:—грѣхъ попуталъ, Андрей Ефимовичъ; вѣдь не видалъ я, ей-Богу, не узналъ: ну, какъ было подумать... Ахъ ты Господи, создатель мой!

На утро я былъ представленъ начальству вмѣстѣ съ моими доб-

рымъ Чудомиломъ, и просилъ ему награды, какъ человѣку, спасшему жизнь русскому офицеру отъ искреннаго усердія, и подвергавшему за него даже собственную жизнь свою неоднократно крайней опасности. Ему выдали похвальный листъ и полсотни червонцевъ, представивъ еще къ медали, которую онъ также въ послѣдствіи получилъ. Денегъ онъ сначала не хотѣлъ принять, полагая, что это мюн; когда же ему растолковали, что ему жалуются это именемъ царя русскаго, то онъ поцаловалъ червонцы и назначилъ ихъ въ приданое своей дочери. Я могъ только достать отъ маркитанта взаймы кусокъ турецкой ткани съ золотыми цвѣтами, называемой дамхани, или донхани, и послалъ его Станъ. Весь край очистился отъ Турковъ, и Чудомиль, послѣ искреннихъ, братскихъ обѣтъ со мною, отправился въ обратный путь.

Лаврентьевъ долго не могъ постигнуть, какимъ-образомъ я, дважды убитый, погнѣбшій и безъ вѣсти пронавшій, очутился въ турецкомъ станѣ, въ полутурецкой одеждѣ и наконецъ примкнулъ опять, живъ и здоровъ, къ войскамъ нашимъ, съ которыми благополучно окончилъ походъ. «Живучи вы, ваше благородіе», говорилъ онъ: «нѣчего сказать: дай вамъ Богъ столько лѣтъ жить, сколько разъ я васъ поминалъ въ молитвахъ послѣ того, какъ казакъ васъ высвободили изъ плѣна, а вы опять-себя пропали безъ вѣсти. Не жалѣйте, ваше благородіе, собакъ этихъ: по дѣломъ во ру и мука; что покинешь одного живаго, то больше хлопотъ съ нимъ наживешь, да еще, чего добраго, на томъ свѣтѣ за него отвѣчать станешь; а чѣмъ скорѣе повыбьемъ всѣхъ, то скорѣе мѣсто очистимъ, да домой пойдѣмъ.»

VI.

ТОЧКА.

Покончивъ походъ, награжденъ будучи за плѣны свой чиномъ, а за тяжелую рану крестикомъ и пенсіономъ, я взялъ отпускъ и поѣхалъ прямо изъ карантана въ свое полтавское имѣніе, чтобъ собрать тамъ двугодишныя недоимки и хозяйственные барышни, да расположить судьбу свою на будущее время. Я рѣшился выйти въ отставку и, чувствуя себя теперь довольно-спокойнымъ, заняться науками.

Кто не испыталъ этого наслажденія — возвратиться на родину свою, послѣ долговременной отлучки, послѣ многихъ и тяжелыхъ испытаній, трудовъ и лицевій, тотъ не пойметъ меня, если я скажу, что каждый пруть, каждый кустъ и дерево въ моемъ скромномъ уголкѣ утѣшали, успокоили и радовали меня какъ ребенка. Я прожилъ съ недѣлю, не видавъ, какъ время прошло, и

тогда только наконецъ вспомнилъ о бѣдномъ, разоренномъ хуторѣ бывшаго генеральнаго судьи, гдѣ случилась со мною когда-то такая неожиданная встрѣча. Мнѣ захотѣлось навѣстить этотъ уголокъ, съ которымъ сопряжено было для меня столько дорогихъ воспоминаній, и я поѣхалъ на охоту, направивъ путь свой прямо въ ту сторону.

Я прибылъ подъ вечеръ; солнце бросало наклонные лучи свои прямо въ окна хутора, и зеленоватыя, пузырчатые стекла отражали ихъ игриво-золотистымъ блескомъ, переливаясь во всѣ радужные цвѣта.

Я подѣхалъ ближе, обошелъ пѣшкомъ вокругъ сада,—все было уныло и пусто; видно, помѣщикъ давно не заглядывалъ въ дочернину вотчину. Я взомелъ на крылечко съ дубовыми рѣзными столбиками, — никого не было видно: издали только прошла баба съ запасомъ кукурузы въ подолъ и дворняшка стояла въ нерѣшимости у воротъ, не зная, продолжать ли ей лѣнивый лай свой, или успокоиться и улечься на мѣстѣ. Вдругъ двери за мною скрипнули, я оглянулся, и Надя стояла передо мной.

Я растерялся до того, что не зналъ, переступить ли заветный порогъ, въ сѣнцы, или бѣжать, какъ сумасшедшій, въ поле. Она все еще стояла передо мною и плакала. Я подошелъ, ухватилъ руку ея, и колѣни мои подкосились; Надя почувствовала это, отступила еще на шагъ въ глубину сѣней, а я послѣдовалъ за нею... Услышавъ шаги въ ближайшемъ покоѣ, куда двери остались на половину растворенными, я вырвался изъ объятій надиныхъ и съ нею вмѣстѣ встрѣтилъ въ дверяхъ кого-то изъ прислуги.

Мы вошли. Распросамъ не было конца; но отвѣты были скоры и бѣглы: въ четверть часа мы узнали другъ отъ друга все, что было нужно. Григорій Алексѣевичъ, удрученный неудачами, разоренный окончательно послѣднимъ предпріятіемъ своимъ выдать Надю за князя Шемаханскаго, преслѣдуемый кредиторами, не будучи въ состояніи держаться долѣе въ столицахъ, отдалъ всю движимую собственность свою, набранную имъ болѣею частію въ долгъ, на расхищеніе неумолимыхъ, обезпечилъ себя отъ тюрьмы состояніемъ на службѣ и уѣхалъ въ безсрочный отпускъ на этотъ наслѣдственный женинъ хуторокъ. Тутъ онъ сидѣлъ у моря и ждалъ погоды, не зная только какой, и сочинялъ новые планы на блестящую будущность. Его теперь не было дома.

Надя побѣжала за матерью; часть прислуги, знавшая меня, явилась у дверей, раскланивалась со мною, радовалась мнѣ, а надиная нянюшка горько плакала и, кажется, про себя молилась.

Надя опять вбѣжала, статная, веселая, легкая какъ птичка, по-

звала меня въ гостиную и сказала, что мать сейчасъ будетъ. Нянюшку свою она обняла и спровадила во внутренніе покои.

Анна Герасимовна встрѣтила меня точно такъ, будто мы вчера только разстались и будто она меня сегодня ждала, зная, что я живъ и здоровъ и на вечеръ къ нимъ буду. Иначе она пріѣзжать не умѣла и предоставила дочери разспрашивать меня обо всемъ; сама же сидѣла, улыбаясь, слушала и качала иногда одобрительно своею шарообразною головкой. Огромный платище закрывалъ не только всю верхнюю половину особы ея, но даже и руки постоянно проживали подъ этимъ цыганскимъ одѣяломъ, придерживая на груди края его, будто остальная одежда не была въ такомъ состояніи, чтобъ можно было показаться въ ней передъ посторонними человекомъ.

Вдругъ послышались мужскіе шаги. Надя прошептала: «папенька!» взглянула на мать и на меня и сложила руки ладонями; я невольно привсталъ, и Григорій Алексѣевичъ стоялъ передъ нами.

Люди сказали ему уже, что я здѣсь; онъ принялъ меня, вопреки всякаго ожиданія моего, очень-радушно и пріятельно. Я невольно въ немъ большую перемѣну: въ два года онъ состарѣлся, замѣтно поскѣбѣлъ и спустился съ высокихъ ходулей своихъ поминка. Онъ, правда, и теперь еще былъ весь начиненъ предположеніями и несбыточными затѣями, на которыхъ думалъ внезапно оцѣлѣть и дожить, но, казалось, болталъ только, по старой привычкѣ, а не что же, или передѣлывалъ, для забавы, старую погулку на новый ладъ, но и самъ не обращалъ большаго вниманія на болтовню свою, и черезъ четверть часа говорилъ опять иное.

Я объяснялъ, что никакъ не подгадалъ застать здѣсь Григорія Алексѣевича съ семействомъ, а проживъ нѣсколько дней у себя, захватилъ случайно, вздумавъ навѣстить бывшій хуторъ генеральнаго судьи. Надя отъ души радовалась веселому расположенію отца своего и не знала, какъ ему угодить и отблагодарить за такую неожиданную милость. Разказы мои обо всѣхъ моихъ похожденияхъ удостоились общаго вниманія и удивленія, и даже приглашенія Григорія Алексѣевича не утѣжать безъ чаю, а потомъ остаться ужинать. Мнѣ показалось, что надобно ковать желѣзо, пока оно не остыло; я видимо выросъ на четверть въ глазахъ Григорія Алексѣевича, дослужившись въ два года до подпоручика, и креста, о чемъ онъ нѣсколько разъ подробно разспрашивалъ, приговаривалъ: «а, а!» и подымалъ брови повыше. Несчастное вниманіе его въ судьбу Нади, вѣроятно, было у него еще въ свѣжей памяти; собственное его жалкое положеніе, не смотря на всѣ грѣшныя ему надежды, даже и въ его глазахъ потеряло уже

много блеска; словомъ, мнѣ казалось, что участь моя должна рѣшиться, такъ или иначе, сегодня же.

Онъ повелъ меня смотрѣть хозяйство, и у Нади достало духа спросить позволенія вѣсти съ нами. Григорій Алексѣевичъ при этомъ случаѣ не упустилъ распространиться въ похвалахъ на счетъ добрыхъ хозяйственныхъ качествъ падчерицы своей и прибавилъ: «иди, пойдемъ, покажи гостю товаръ свой лицомъ!»

Хозяйство это было, впрочемъ, не слишкомъ-казисто: пятокъ разношерстныхъ лошадей, и въ томъ числѣ кобыла съ жеребенкомъ *собственнаго завода*; при нихъ козелъ, который очень забавлялъ хозяйина; десятокъ овецъ, и съ ними коза; гумно было только указано пальцемъ издали, потому-что на немъ предполагалось поставить со-временемъ много хлѣба, но теперь не было ничего; садъ, запущенный, загложшій бурьяномъ, все-таки въковыми деревьями своими поселялъ болѣе пріятное чувство, нежели полураскрытыя кровли убогой и бѣдной хозяйки.

Мы самъ-третей ходили въ саду, по главной, нѣсколько пропущенной дорожкѣ; Григорій Алексѣевичъ старался занять меня предположеніемъ своимъ: завести картофельный-паточный заводъ, скупать въ большомъ количествѣ дешевые плоды и ягоды, варить варенье и отправлять его въ обѣ столицы. Онъ разсчитывалъ, что патоку можно поставить по рублю серебромъ пудъ; ягоды и плоды почти ни-по-чемъ; пудъ варенья долженъ обойтись никакъ не дороже пяти или шести рублей, а продается по двадцати-пяти, и Григорій Алексѣевичъ наживетъ въ одинъ оборотъ 500 со ста.

Одобривъ это гениальное предположеніе, я сдѣлалъ крутой поворотъ на другой предметъ и сказалъ: «Позвольте же мнѣ теперь *переговорить* съ вами нѣсколько словъ. Я никакъ не предполагалъ, что буду имѣть удовольствіе встрѣтиться сегодня съ вами и семействомъ вашимъ; но нечаянный случай этотъ долженъ рѣшить мою судьбу: или вы меня назовете своимъ и я буду навѣщать васъ часто, или я опять прощусь съ вами, вѣроятно, навсѣгда. Отдайте за меня падчерицу вашу, — вы видите, время не измѣнило моихъ чувствъ: вы, можетъ-быть, два года тому не полагались на меня; теперь судьба наша все еще въ вашихъ рукахъ; отдайте за меня вашу дочь!»

Надя загорѣлась въ лицѣ, едва держалась на ногахъ, едва переводила духъ и не поднимала глазъ. Она, кажется, скорѣе ожидала удара грома среди яснаго неба, чѣмъ этого внезапнаго объясненія; она не смѣла отстать отъ насъ, не смѣла за нами слѣдовать; я остановился.

Григорій Алексѣевичъ выслушалъ меня, а потомъ вдругъ проворно зажалъ уши и закричалъ: «И не говори мнѣ объ этомъ;

слышать не хочу. Я отъ бабьихъ дѣлъ этихъ отрекся и отказался. Вотъ тебѣ, вотъ—и перекрестился—я въ это мѣшаться не хочу и не стану, ни за что на свѣтъ, хоть вы меня распинайте, хоть...»

— Позвольте жь, перебилъ я его, ухвативъ за руку:—такъ ли я нечаялъ расъ; боюсь ошибиться; вы не противитесь этому?

— Я не противлюсь ничему болѣе, я въ дѣло это не мѣшаюсь. Какъ онъ себя тамъ хотѣтъ...

— О, такъ вы насъ благословляете, сказалъ я, опустившись на одно колено и взявъ руку Нади, которая, склонивъ головку, также опустилась со мною рядомъ; Григорій Алексѣевичъ медлилъ; но я положилъ руку его сперва на свою голову, потомъ на голову Нади и сказалъ: «да благословитъ же Господь союзъ нашъ, милая Надя, отецъ насъ благословляетъ!»

Она, зарыдавъ, бросилась въ мои объятія; мы оба обняли Григорія Алексѣевича, который былъ видимо тронутъ, но повторялъ: «Богъ съ нами, Богъ съ нами—не я, не я—идите къ матерямъ...»

Приказаніе это мы исполнили; Григорій Алексѣевичъ шелъ за нами медленными шагами. Она взглянула на насъ съ небольшимъ изумленіемъ, когда мы вошли рука-въ-руку и съ лицами, на которыхъ, конечно, выражалось нѣчто особенное; но едва я сказалъ: «матушка, благословите насъ, отецъ благословилъ...», какъ у нея слезы ударили ключомъ и она обонхъ насъ прижала къ груди.

Объясненія и оправданія Григорія Алексѣевича были за тѣмъ очень-забавны: онъ все старался доказать, что онъ сдержалъ слово свое и въ это дѣло не мѣшался, хотя и благословилъ насъ первый, но что сдѣлалъ это не отъ себя и никакой ответственности на себя не принимаетъ. Теперь все это насъ нисколько не беспокоило и не огорчало; развязка вышла такъ неожиданно-хорошо, что мы оба не могли опомниться. Анна Герасимовна была ею также очень-довольна; но она даже и не полюбопытствовала спросить насъ, какъ все это сталося: она довольствовалась тѣмъ, что шло собою видѣла. Счастливая душа!

Андрей Алексѣевичъ написалъ мнѣ на письмо мое объ этомъ происшествіи:

«Я твой отвѣтчикъ, Андрей Ефимовичъ, передъ Богомъ и передъ людьми, коли братъ Григорій отвѣчать за тебя бонлся. Я буду на коренную, буду и въ Харьковѣ. Смотри, Алеутъ, раньше свадьбы не играйте. Скажи брату, чтобъ звалъ меня, не то и немилый прѣзду, ей-ей. Иной мастеръ дѣла бонлся—это я; сколько ни хлопоталъ за васъ, не могъ сдѣлать ничего; нѣчто нечестно дѣло бонлся—это, видно, ты братъ, сладилъ молодцомъ. Теперь у сосѣдей изъ-подъ руки земанцу: я одневокъ, надобно надѣяться, тѣмъ Богъ пошлетъ молодую твою: ей же, голубушкѣ моей, я всю суету суетъ откажу, какъ Богъ во душу пошлетъ; тогда помяните раба Божія Андрея!»

В. ЛУГАНСКИЙ.

СЫНЪ ТАЙНЫ.

Романъ Поля Феваля

=

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

=

КАРНАВАЛЪ.

I.

На улицѣ.

Весь Парижъ веселился. Толпа, неизвестно откуда выходящая ежедневно пять или шесть разъ на свѣтъ Божій, пахнувшая затхлымъ, жидущая маскарадовъ, бѣгущая на фейерверки и безъ стыда влущая за собою по асфальтовой мостовой безобразныхъ, тощихъ дѣтей и полуобстриженныхъ собакъ, шумно волновалась по улицамъ отъ триумфальныхъ Воротъ-Звѣзды до Заставы-Трона.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ дней, когда шести или семи-этажные дома на Марѣ какъ-бы выкидываютъ всѣхъ своихъ жильцовъ на мостовую, — когда Сен-Марсельскій-Кварталъ высыпаетъ въ изумленный городъ дикихъ обитателей своихъ, — и когда студенты покидаютъ Шомьеру.

Въ эти дни большой народной выставки, фешёнебная часть города находится во власти черни. Нарядные щеголи, украшающіе окрестности Итальянскаго-Театра, не выходятъ изъ своихъ квартиръ. Возлѣ парижской кофейной не видно ни одного лакированного сапога, и Гортони тщетно ищутъ въ безпрестанно-возобновляющейся толпѣ львовъ съ туго-набитыми бумажниками.

Было воскресенье на масляницѣ. Погода была прекрасная. Толпа шумѣла, толкалась, бранилась, — словомъ, веселилась. Воздухъ былъ наполненъ тяжелымъ запахомъ жирныхъ блиновъ. Давно уже про-

было три часа. Голодные желудки, пробродившіе съ утра, направляли усталыя ноги къ мѣстамъ, откуда разносились кухонныя испаренія.

Между длиннымъ цугомъ экипажей, тянувшихся отъ Шато-д'О до Сен-Мартенскихъ-Воротъ, была извожничья коляска, изъ отворенныхъ дверецъ которой выглядывала голова человѣка, безпрестанно осматривавшагося и нетерпѣливо понукавшаго кучера. Какъ-бы выведенный изъ терпѣнія, человѣкъ этотъ выскочилъ изъ коляски, заплатилъ извожнику и вмѣшался въ толпу, покрывавшую троттуары.

Человѣкъ этотъ былъ закутанъ въ длинный дорожный плащъ, поднятымъ воротникомъ котораго онъ закрывалъ себѣ часть лица. Открытая же часть была прекрасна, благородна: чело его было гордо, возвышенно и обрамлено черными, вившимися волосами; взглядъ спокоенъ и вмѣстѣ пронизателенъ; въ глазахъ блистала твердый умъ и сила мужественной воли. Но все это было какъ-будто покрыто вуалемъ усталости, и по пыли на плащѣ незнакомца можно было догадаться, что онъ только-что пріѣхалъ издалека.

По мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ перекрестку Шато-д'О, толпа становилась гуще и плотнѣе. Но у незнакомца были широкія, здоровыя плечи и твердая воля пробраться впередъ. Онъ безостановочно подвигался впередъ между ворчавшимъ народомъ, невольно и неохотно разступавшемся. Проклятія сыпались на него; самыя сердитыя замахивались на него зонтиками; но одного взгляда незнакомца было достаточно, чтобъ заглушить проклятія и остановить замахнувшуюся руку, и когда незнакомецъ повернулъ за уголъ Тампльской-Улицы, о немъ говорили только два или три женскіе голоса, утѣрявшіе, что онъ удивительный красавецъ и чрезвычайно похожъ на актѣра Мелѣнга.

Въ Тампльской-Улицѣ нашему путешественнику было легче пробираться впередъ. И тамъ была толпа, но не такая плотная. Скорымъ шагомъ направился онъ къ тампльскому рынку.

Хотя было воскресенье и наступалъ вечеръ, однакожь всѣ лавки были отворены. Безчисленное множество зѣвакъ, уткнувъ носы въ окна, любовались маскарадными костюмами и, въ-особенности, маленькими картинками.

Покупатели толпились еще по пассажамъ, на-четверо раздѣляющимъ большой базаръ парижскаго тряпья.

Всѣ торопились покупать и продавать, потому-что часъ закрытія приближался. Тамплъ закрывается въ одно время съ биржей, — впрочемъ, между ними, и кромѣ этого, много сходнаго.

Нашъ путешественникъ миновалъ уже церковь св.-Екатерины и искалъ приличнаго мѣста, чтобъ перейти черезъ улицу. Кареты безостановочно слѣдовали одна за другою. Неприятель шелъ медленно по троттуару, глазами ища прохода между экипажами.

Такимъ-образомъ, онъ дошелъ до угла маленькой Улицы-Фонтановъ, и такъ-какъ, повидимому, не желалъ удалиться отъ Тампли, то остановился на концѣ троттуара.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, за угломъ Улицы-Фонтановъ, стояли два человѣка и разговаривали. Видно было, что они не принадлежали къ веселавшейся черни, толпившейся вокругъ нихъ. — Это были два *барина*. — Появленіе ихъ въ этомъ кварталѣ въ такой день могло казаться аномаліей.

Одинъ изъ нихъ былъ высокій молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-восьми или тридцати, съ загнутыми вверхъ усами и остроконечной аспаньолкой. Онъ былъ въ черномъ платьѣ; сюртукъ, застегнутый до верху, красиво сидѣлъ на немъ. Въ рукѣ у него была недокуренная сигара, отъ которой подымалась синеватая струйка дыма, но которую онъ не бралъ въ ротъ, вѣроятно, изъ уваженія къ своему товарищу.

Другой стоялъ спиной къ Тампльской-Улицѣ. На немъ былъ бѣлый пальто англійскаго покроя; подъ разстегнутымъ пальто виднѣлся фракъ изъ тонкаго синяго сукна, съ золотыми пуговицами. На бѣлой манишкѣ красовались два алмаза чистѣйшей воды. Изъ кармана чернаго атласнаго жилета выходила толстая цѣпочка, каждое звѣно которой стоило по-крайней-мѣрѣ лундоръ. Сверхъ бѣлыхъ перчатокъ, у него были надѣты кольца. По первому взгляду на лицо его трудно было опредѣлить его лѣта. Щеки его были довольно-свѣжи; брови черны какъ смоль, а изъ-подъ широкихъ полей шляпы вились искусно-завитые волосы. Но не смотря на эти признаки, можно было узнать, что ему было уже далеко за сорокъ. Когда онъ улыбался, лицо его покрывалось морщинами.

Нашъ незнакомецъ разсѣянно взглянулъ на этихъ людей. Младшаго онъ не зналъ, а лица втораго не могъ видѣть. Итакъ, ничто не заставляло его долѣе заниматься ими, и онъ опять посмотрѣлъ на середину улицы, гдѣ непрерывная цѣдь экипажей какъ-бы ссыалась надъ его вѣтерпнѣемъ.

На углу Улицы-Фелиппо стояла красивая коляска, а близъ площади тампльской ротонды — карета.

Карета уже болѣе четверти часа стояла на этомъ мѣстѣ. Въ ней прѣхала молодая дѣвушка, робко закрывавшаяся вуалемъ и скрывавшаяся въ одномъ изъ пассажей рынка.

Коляска только-что прѣхала. На ней не было герба, чѣмъ она рѣзко отличалась отъ экипажей разбогатѣвшихъ торгашей. Стороны были опущены. Кучеръ, въ ливрѣ темнаго цвѣта, безъ труда удерживалъ пару лѣнивыхъ лошадей. Изъ коляски вышла молодая женщина въ скромной шубѣ. Она проскользнула въ толпѣ съ ловкостью кошки. Казалось, маленькія ножки ея даже не коснулись земли, потому-что на ботинкахъ не было и слѣда толстаго слоя грязи, покрывавшей мостовую. Передъ шляпкой ея спуускался черный вуаль, съ вышитыми узорами, сквозь которые можно было однакожъ, замѣтить огненные глаза незнакомки.

Она шла скоро и тѣмъ безпокойнымъ шагомъ, который изобличаетъ опасеніе быть узнаннымъ. Живые глаза ея бросали направо и на-

лѣво въ толпу быстрые взгляды. Дошедъ до Улицы-Фонтановъ, она увидѣла нашего незнакомца, вздрогнула, остановилась и поспѣшно схватилась за лорнетъ. Чтобъ лучше видѣть, она приподняла вуаль.

Она была очень-хороша собою; въ тонкихъ чертахъ ея проявлялся жидовскій типъ; подвижной зрачокъ ея то повелевалъ, то ласкалъ; около нѣскольکو-низкаго лба красовались прелестные черные волосы; губы ея были узки и нѣсколько блѣдны; въ движеніяхъ проявлялась безпечная грація.

Когда она приставила лорнетъ къ глазу, толпа заколыхалась; между ею и незнакомцемъ остановились экипажи; въ-продолженіе нѣсколькихъ секундъ она тщетно искала его взоромъ, закрыла лорнетъ, опустила вуаль, простояла минуту въ нерѣшимости, потомъ скоро пошла къ четвероугольнику, называемому обычными посѣтителями Тампля *Дале-Рояль*.

— Я ошиблась, проговорила она: — вѣдь его нѣтъ въ Парижѣ!

Въ *Дале-Рояль*, гдѣ толпились покупатели обоихъ половъ, была лавка богаче и красивѣе другихъ, принадлежавшая толстой купчихѣ, мадамъ Батальеръ. Къ этой лавкѣ направляла шаги скромная шуба; въ этой же лавкѣ была молодая дѣвушка, пріѣхавшая въ каретѣ.

Мадамъ Батальеръ продавала и покупала все, что угодно. Лавка ея была набита народомъ.

Молодая дѣвушка выжидала удобную минуту, чтобъ переговорить съ хозяйкой. Она подняла одинъ конецъ своего вуала и открыла лицо правильной и рѣдкой красоты, увеличенной чистымъ, непорочнымъ выраженіемъ дѣвственности.

Наконецъ, мадамъ Батальеръ увидѣла ее и немедленно оставила покупателей.

— Ничего нѣтъ еще, сказала она шопотомъ: — почтальионъ приходилъ, а писемъ нѣтъ!

— Я прійду завтра, проговорила молодая дѣвушка съ глубокимъ вздохомъ.

— Если вамъ угодно, сказала купчиха: — я сама принесу вамъ отвѣтъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! прервала ее молодая дѣвушка: — я прійду...

Едва она произнесла эти слова, какъ поспѣшно опустила вуаль и побѣднѣла: она увидѣла молодую даму въ скромной шубѣ, быстро переходившую черезъ площадку.

— Сестра! произнесла она съ испугомъ. — Ради Бога, сударыня, не выдайте меня!

— Фи, какъ можно! вскричала мадамъ Батальеръ съ ласковою улыбкой, провожая молодую дѣвку, тотчасъ же исчезнувшую въ толпѣ: — я олицетворенная скромность, барышня!..

И съ тою же улыбкою привяла она молодую даму и указала ей на удалявшуюся молодую дѣвку.

— Прекрасно! сказала скромная шуба, сжавъ губы.

— Каждый Божій день... проговорила коварная купчиха...

Между-тѣмъ, незнакомецъ все оставался на томъ же мѣстѣ. Нѣсколько разъ рядъ экипажей прерывался, и онъ могъ бы перейти на другую сторону улицы; но, вѣроятно, его удерживала какая-нибудь причина, потому-что онъ прислонился къ стѣнѣ и какъ-бы прислушивался... Нѣсколько словъ, произнесенныхъ человекомъ въ бѣломъ пальто, привлекли его вниманіе.

— Вы славный малой, Вердье, говорилъ человекъ въ бѣломъ пальто. — Будьте спокойны... я помогу вамъ проложить дорогу въ коммерціи.

— Вы говорите это не въ первый разъ, кавалеръ, а между-тѣмъ я все еще прежній бѣднякъ!

— Дурныя привычки, Вердье, сынъ мой! возразилъ бѣлый пальто отеческимъ тономъ: — дурныя привычки! Надобно быть справедливымъ... Теперь вы похожи на порядочнаго человека... не прежде!.. не болѣе какъ съ мѣсяцъ назадъ, отъ васъ за цѣлый лѣсъ несло трактиромъ... а это никуда не годится!

— Дайте мнѣ хорошее мѣсто, сказалъ Вердье: — я сбѣю усы и перестану шататься по трактирамъ.

Кавалеръ опустилъ два пальца въ карманъ жилета и небрежно сталъ побрякивать деньгами.

— Хорошее мѣсто найти не трудно, сказалъ онъ: — это бездѣлица! Но вы уже не въ такихъ лѣтахъ, чтобъ могли идти въ приказники, Вердье... А мы принимаемся за великолѣпное предпріятіе...

— Въ ожиданіи котораго я умру съ голода! прервалъ его Вердье: — нѣтъ! мнѣ ждать некогда... признаться, мнѣ бы пріятнѣе получить сотню лундоровъ въ руки, нежели слушать ваши объясненія...

— Вы получаете ихъ, другъ мой, получите больше... Могу ли я въ чемъ-нибудь отказать вамъ?.. Но скажите, увѣрены ли вы въ себя?

Вердье повертѣлъ палкой и отвѣчалъ:

— Я каждую недѣлю хожу по два и по три раза къ фехтмейстеру; а юноша нашъ, кажется, не умѣетъ взять шпаги въ руки.

Въ это самое время приблизился нашъ незнакомецъ. Этотъ разговоръ сильно возбуждалъ его любопытство. Онъ не зналъ о комъ говорили, но чувствовалъ непреодолимое желаніе узнать... Изъ-за угла онъ бросилъ косвенный взгядъ на разговаривавшихъ.

Человекъ въ бѣломъ пальто по-прежнему стоялъ къ нему спиной; другой улыбался, и улыбка придавала отвратительное выраженіе его физиономіи.

Вмѣсто притворнаго прамодумія, бывшаго прежде на лицѣ его, теперь на немъ выразилось что-то низкое, жадное. Онъ уперъ кулакъ въ бокъ, а другою рукою продолжалъ вертѣть палкой. Это движеніе объясняло, такъ-сказать, мысль его и придавало ему видъ низкаго спадассена.

— Но какимъ же образомъ вызвали вы его на дуэль, если онъ не умѣетъ владѣть шпагой? спросилъ кавалеръ.

Вердье пожалъ плечами.

— Очень-простымъ образомъ! отвѣчалъ онъ. — Я далъ оскорбить себя...

— А!.. пренебрѣсь кавалеръ радостно: — такъ этотъ мальчишій оскорбилъ васъ!...

— Да, да, отвѣчалъ Вердье, загорѣлыя щеки котораго покрылись легкой краской: — въ кофейной Пирона, въ Латинскомъ Кварталѣ... мальчишка нашъ отчаянный игрокъ... я сказалъ, что онъ смѣловалъ... а онъ... вмѣсто отвѣта, плеснулъ мнѣ цѣлый стаканъ пива въ лицо.

Кавалеръ захохоталъ. •

— Вотъ что дѣло, такъ дѣло! вскричалъ онъ: — вотъ что называется быть мастеромъ своего дѣла!... Вы получите сто лундоровъ, любезнѣйшій... а если дѣло кончится въ нашу пользу, такъ... я готовлю вамъ сюрпризъ... вы будете довольны мною!

Кавалеръ вынулъ большіе плоскіе часы и посмотрѣлъ на нихъ.

— Скоро четыре часа! сказалъ онъ: — виконтесса ждетъ меня... а между-тѣмъ, я желалъ бы узнать еще нѣкоторыя подробности... вы будете драться на шпагахъ?

— На шпагахъ, отвѣчалъ Вердье.

— А гдѣ?

Услышавшаяся суматоха и шумъ воспрепятствовали незнакомцу услышать отвѣтъ Вердье; но и человекъ въ беломъ пальто не слышалъ его, и потому повторилъ вопросъ.

Незнакомецъ внимательно слушалъ; но и въ этотъ разъ стукъ колесъ и крики народа заглушили слова Вердье.

Въ ту же минуту послышался чистый, звучный голосъ юности, обратившій на себя вниманіе незнакомца. Перелъ Улицы — Фонтанъ пропала изъ виду коляска, изъ которой выскочила молодая, дѣтская голова, обрамленная прелестными свѣтлыми волосами; голубые глаза юности были широко открыты, синими, шелковистыми рѣсницами; на розовыхъ губахъ была бодротная улыбка; круглыя щеки были нѣсколько блѣдноваты, какъ бы послѣ утомленія. Еслибъ надъ губами не вилась маленькая рысая усика, то можно бы подумать, что эта головка принадлежитъ молодой дѣвушкѣ.

Юношѣ казалось не болѣе восемнадцати лѣтъ, и всякую граціозность проглядывала уже по-временамъ будущая женственная красота.

— Стой! кричалъ онъ кучеру: — стой!

Кавалеръ и товарищъ его были очень-заняты, и это обстоятельство не обратило на себя ихъ вниманія. Незнакомецъ случайно оборотилъ голову; но лишь только взоръ его остановился на чудотворномъ лицѣ юности, какъ физиономія его оживилась. Всякая краска выступила на щекахъ его, и онъ сдѣлалъ движение,

какъ-бы желая броситься впередъ—но остановился; разговоръ соседей слишкомъ занималъ его.

Извозчикъ остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него; юноша выскочилъ изъ коляски и перешелъ на другую сторону улицы. Подъ мышкой у него былъ большой пакетъ.

Незнакомецъ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на людей, разговоръ которыхъ такъ сильно возбудилъ его любопытство. Тайный инстинктъ удерживалъ его; но болѣе-могущественный инстинктъ увлекалъ его въ противоположную сторону. Онъ скорыми шагами пошелъ вслѣдъ за прелестнымъ юношей, уже терпящимся въ толпѣ.

Послѣдній поворотилъ за уголъ домовъ, окружающихъ Тампы, когда незнакомецъ проходилъ между экипажами. Наконецъ, и онъ дошелъ до угла; двухъ минутъ достаточно было, чтобъ догнать юношу.

Въ это самое время, дама въ скромной шубѣ выходила изъ лавки мадамъ Батальеръ. Чтобъ дойти до своей коляски, она непременно должна была идти на встрѣчу юношѣ и незнакомцу. Лишь-только она увидѣла перваго, остановившагося, чтобъ посмотрѣть на нее со всею нескромностью ребенка, она быстро отвернулась и удвоила шаги.

Это движеніе увеличило любопытство молодаго человека, готовившагося уже отправиться вслѣдъ за нею. Но взглядъ, брошенный на пакетъ, заставилъ его перемѣнить намѣреніе.

— Тамъ ея, подумалъ онъ:—но всѣ женскія тамъ похожи одна на другую!.. Притомъ же, прибавилъ онъ улыбаясь:—она вѣрно закупаетъ не въ Тампъ!...

Весьма-довольный этимъ заключеніемъ, онъ вступилъ въ рынокъ.

Дама съ опущеннымъ вуалемъ и незнакомецъ были близко другъ отъ друга.

Большіе черные глаза дамы съ живостію и быстро смотрѣли въ сторону. Хотя лицо незнакомца было закрыто поднятымъ воротникомъ, однакожъ она узнала его и остановилась.

Онъ хотѣлъ отвернуться и пройти мимо, но она удержала его за руку.

— Я не могу ошибиться два раза сряду!... проговорила она, вперя въ него взоръ:—вы баронъ фон-Родахъ?...

Путешественникъ отступилъ съ изумленіемъ и утвердительно кивнулъ головою.

Молодая дама подняла вуаль.

— Вы не узнаете меня? спросила она.

Баронъ осмотрѣлъ быстрымъ взглядомъ хорошенькое личико, уже описанное нами. Онъ видѣлъ его въ первый разъ.

Молодая дама нетерпѣливо топнула ногой.

— Что же вы молчите?.. сказала она, топнувъ ногою.

Барону фон-Родаху не хотѣлось признаться, что онъ впервые

видѣлъ хорошенькую молодую даму, и потому онъ взялъ руку ея и нѣжно сжалъ въ своихъ рукахъ.

Дама ласково улыбнулась.

— Здѣсь не прилично вступать въ объясненія, сказала она: — а я непремѣнно хочу знать причину вашего долгаго молчанія... Отъ двухъ до четырехъ часовъ, г. де-Лорансъ на Баржѣ...

При имени Лоранса, лицо барона осталось спокойнымъ, но сердце сильно забилося.

Молодая дама опустила вуаль.

— Прійдите въ эти часы... сказала она: — или когда вамъ будетъ угодно... мужъ мой не ревнивъ.

Последнія слова она произнесла страннымъ тономъ. Въ немъ можно было угадать продолжительную и терпеливую борьбу, коварное торжество жены и глубокое несчастіе мужа...

Она слегка кивнула головой и удалилась, сказавъ:

— До завтра.

Баронъ смотрѣлъ за нею вслѣдъ. Молнія блеснула въ глазахъ его.

— Г-жа де-Лорансъ!... проговорилъ онъ: — старшая дочь Моисея Гельда!...

II.

ЧЕТЫРЕ КВАДРАТА.

Старый денди въ бѣломъ пальто и товарищъ его, казался, случайно забрели въ окрестности Тампля. Вердье, вѣроятно, жилъ близъ Пале-Рояля, въ трактиръ котораго проводилъ цѣлыя дни, а иногда и ночи.

Кавалеръ же, по-видимому, обиталъ по близости Шоссе-д'Антверпской-Улицы или Биржи.

Не смотря на то, они ни мало не изумились, встрѣтивъ друга у Тампля. Бѣдный Вердье закупалъ тамъ все, что ему было нужно. Кавалеръ самъ имѣлъ тамъ нѣкоторыя дѣлишки. Съ тѣмъ того, надобно пройти мимо Тампля отъ Гандскаго-Бульваръ въ Бретанскую-Улицу, куда кавалеръ ходилъ очень-часто.

Онъ и теперь пошелъ туда, между-тѣмъ, какъ Вердье отыскался куда-нибудь поиграть на бильярдѣ.

Кавалеръ остановился у стараго дома, находившагося на углу Бретанской-Улицы, и спросилъ, дома ли виконтесса д'Одмеръ.

Мы узнали имена молодой дамы въ скромной шубѣ и вѣнчаника. Ее зовутъ г-жею де-Лорансъ, а его барономъ дахомъ. Больше ничего не знаемъ о послѣднемъ.

Съ молодою дѣвушкою, прїѣхавшею въ каретѣ, мы опять скоро встрѣтимся.

Что же касается до г-жи Лорансъ, то она была цвѣтъ цвѣта финансовой аристократіи. Мужъ ея — биржевой маклеръ Леонъ де-Лорансъ, человѣкъ чрезвычайно богатый и славившійся своею честностью. Отецъ же ея былъ старый геръ фон-Гельдбергъ, богатый банкиръ.

Старый Гельдбергъ былъ честный человѣкъ, истинный патриархъ, робкій и скромный, не смотря на миллионы доходовъ, и исполнѣй преданный своимъ дѣтямъ. Впрочемъ, въ последнемъ отношеніи природа щедро наградила его.

Авель, сынъ Гельдберга, былъ блистательный молодой человѣкъ, одинъ изъ первыхъ львовъ Парижа и вмѣстѣ съ тѣмъ опытный дѣлецъ.

Сара, старшая дочь его, вышла за г. де-Лоранса.

Эстеръ, вторая дочь, овдовѣла на двадцать-пятомъ году отъ рожденія. Покойный мужъ ея былъ перъ Франціи.

Лія, младшая дочь, была прелестна и кротка, какъ ангелъ.

Кавалеръ фон-Рейнгольдъ, главный компаньонъ дома Гельдберга, Рейнгольда и Комп., пользовался славой благоразумнаго филантропа и умнаго негоціанта. Онъ, вмѣстѣ съ Авелемъ фон-Гельдбергомъ, управлялъ всѣми дѣлами, потому-что старый Моисей удался уже отъ дѣлъ. Не смотря на то, они все еще шли по проложенной имъ дорогѣ.

Въ кругу своихъ богатыхъ знакомыхъ, Моисей фон-Гельдбергъ и семейство его пользовалось общимъ уваженіемъ. Всѣ восхищались тонкимъ умомъ, добродѣтелью и граціей г-жи де-Лорансъ, многою кротостью и милосердіемъ прелестной Эстери, вдовы генерала графа де-Лампюна, бывшаго перомъ Франціи.

Хотя Лія была еще ребенкомъ, но уже герцоги и маркизы домогались руки ея.

Что касается до Авеля фон-Гельдберга, то ему не доставало только звучнаго титула, чтобъ быть самымъ ослѣпительнымъ свѣтиломъ столицы. Онъ смѣло могъ имѣть притязанія на руки богатѣйшихъ наследниковъ самыхъ феодальныхъ частей города. Старый отецъ гордился имъ.

Послѣ этого пускай читатель какъ хочетъ толкуетъ себѣ поведение г-жи де-Лорансъ. Мы же должны только прибавить, что малѣйшій недоброжелательный намекъ на поведение ея вооружилъ бы противъ клеветника сотни защитниковъ чести прелестной и добродѣтельной жены биржеваго маклера.

Пока г-жа де-Лорансъ шла къ своей коляскѣ, баронъ фон-Родахъ стоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ. Онъ, можетъ-быть, думалъ о причинахъ ошибки молодой женщины. Но онъ думалъ не долго, вспомнивъ о происшествіяхъ, предшествовавшихъ этой встрѣчѣ.

Родахъ осмотрѣлся; но юноша уже исчезъ.

Т. XLVI. — Отд. I.

Внутренности лавокъ становились уже мрачными; торгаши и покупатели шевелились въ нихъ какъ тѣни.

Ничто не можетъ подать вѣрнаго понятія о жадной дѣятельности Тампля въ извѣстные дни. Это рѣдкое зрѣлище, занимающее немаловажное мѣсто въ фizioноміи столицы Франціи. Тамплъ, этотъ огромный палашъ,—самая вѣрная и близкая дружка Биржи. Биржа—рынокъ, сложенный изъ камня; Тамплъ—рынокъ, сложенный изъ полусогнившихъ досокъ; на Биржѣ считаютъ банковые билеты; въ Тамплѣ въ большомъ ходу вонючія мѣдныя монеты; но въ томъ и другомъ главнымъ двигателемъ корысть—и, быть-можетъ, тряпки и рубища простонароднаго рынка стоютъ болѣе, нежели обманчивыя мечты, служащія основаніемъ великолѣпной Биржѣ.

Одна разница—и немаловажная—существуетъ между Биржей и Тамплемъ: въ Тамплѣ не бываетъ банкротовъ; тамъ обкрадываютъ ближняго только налично.

Любопытно было бы посѣтить въ одинъ и тотъ же день Биржу и Тамплъ—милліонный рынокъ и нищенскій базаръ. Тамъ, въ двухъ самыхъ рѣзкихъ видахъ, представляется горячка спекуляцій, которою бодень нашъ въскъ. Промышленная фizioномія Парижа, скрывающаяся за столькими благовидными обманами, является тамъ во всей наготѣ своей. Наблюдатель увидитъ жадность, и грубость щедрой и утонченной столицы...

Тамплъ состоитъ изъ четырехъ главныхъ квадратовъ, носящихъ живописныя имена и перерѣзанныхъ множествомъ пассажей и корридоровъ для облегченія сообщенія. Въ этихъ квадратахъ заключается тысяча-девять-сотъ лавчонокъ или *мѣстъ*, отдаваемыхъ въ наемъ по одному франку по шестидесяти сантимовъ за каждую въ недѣлю.

Между этими мѣстами есть хорошія и дурныя. Наружныя самыя выгодныя; внутреннія не такъ доходны. Не всякій покупатель захочетъ пробраться черезъ узкіе пассажи, по сторонамъ которыхъ сидятъ женщины, молодыя и старыя, хорошенькія и безобразныя, но всѣ до одной страшныя крикуны и мастерицы ругаться.

Въ другой день и другое время, юноша, о которомъ мы упоминали, не прошелъ бы спокойно ни по одному корридору, не причивъ пакета, бывшаго у него подъ мышкой. Надобно замѣтить, что тампльскіе торгаши столько же любятъ покупать, какъ и продавать. Но въ этотъ день молодой человѣкъ обошелъ уже два квадрата и тщетно обращался ко многимъ торговкамъ. Ни одна изъ нихъ не хотѣла слушать его: имъ было некогда.

На свѣжемъ лицѣ юноши выразилась досада.

— Какъ быть? проговорилъ онъ, покачавъ головой:—у меня всего осталось пять франковъ, а я хочу повеселиться въ эту ночь какъ милліонщикъ!..

Онъ остановился въ нерѣшимости.

— Мнѣ кажется, продолжалъ онъ съ задумчивой улыбкой:—что это будетъ моя последняя ночь... Тѣмъ болѣе долженъ я весе-

лится!.. Если Дениза любить меня, такъ сегодня же должна признаться... а другая женщина, отъ которой я' безъ ума!.. о, я увижу ее... хоть одинъ разъ еще!

Прохожіе толкали его то направо, то налево, но онъ ничего не примѣчалъ. Въ эту минуту, онъ почти забылъ о причинѣ, заставившей его прийти въ Тампль. Большіе голубые глаза его были въ задумчивости, а на прелестномъ лицѣ выражалась глубокая тоска... Онъ еще разъ произнесъ имя Денизы, и на рѣсницахъ его повисла слеза.

Молодаго человѣка звали Францомъ; у него не было родныхъ; ему было восемнадцать лѣтъ.

Вотъ все, что онъ зналъ о себѣ.

Благородная его наружность нисколько не располагала посѣтителей Тампля въ его пользу. Только женщины ласково смотрѣли на него.

— Эй, франтъ, посторонись! кричалъ савояръ, безъ церемоніи толкая его въ сторону.

— О-го! видно прокутился, мусье! кричалъ уличный мальчишка, натягивая ему носъ.

Наконецъ, толчокъ болѣе-грубый вывелъ Франца изъ задумчивости. Онъ осмотрѣлся и покраснѣлъ съ досады, увидѣвъ, что былъ мишенью всѣхъ насмѣшекъ. Нѣжныя брови его насупились; натянутая рука его сжалась, какъ-будто онъ намѣревался вступить въ кулачный бой.

Громкій, грубый смѣхъ пронесся въ толпѣ.

Францъ покраснѣлъ до ушей, отвернулся и пошелъ дальше.

Нѣсколько секундъ спустя, пришелъ на это мѣсто баронъ фон-Родахъ, но Францъ былъ уже далеко.

Онъ подошелъ къ лавкѣ, гдѣ было много покупателей.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, гдѣ мѣсто мадамъ Батальеръ? спросилъ онъ.

— Не знаю, отвѣчала торговка изъ зависти.

— А лавка Ганса Дорна?

— Не знаю.

Между-тѣмъ, время уходило и тогда, какъ Францъ сталъ уже подходить къ цѣли своихъ поисковъ, раздался звонъ колокола, и торгаша, начали запираť лавки.

Наконецъ, молодой человѣкъ дошелъ до послѣдней лавчонки, на углу Площади-Ротонды.

Сколько другія лавки были оживлены и шумны, столько же эта была пуста и мрачна. Весь товаръ ея состоялъ изъ нѣсколькихъ доскутьевъ, висѣвшихъ у двери. Во внутренности же были голыя скамьи и пустыя полки.

Въ одномъ углу неподвижно сидѣла старуха. Въ другомъ была еще женщина, дѣтъ сорока, сохранявшая прелестную талию подъ рубищами. Посреди лавчонки, худощавый, уродливый, бѣд-

ный мальчишъ сидѣлъ верхомъ на скамьѣ и монотоннымъ голосомъ напѣвалъ какую-то пѣсенку.

— Не купите ли платья? спросилъ Францъ, остановившись на порогѣ лавочки.

Старуха подняла голову и съ выраженіемъ глубокаго отчаянія посмотрѣла на него.

И другая женщина скоро подняла голову. Лицо ея, сохранившее слѣды рѣдкой красоты, было покрыто болезненною блѣдностью, глаза красны отъ слезъ.

Мальчишка захохоталъ дикимъ смѣхомъ идиота...

III.

Лавочка.

Францъ невольно заглянулъ во внутренность пустой и мрачной лавочки, находившейся въ такой рѣзкой противоположности съ прочими лавками, наполненными покупателями — и остановился на порогѣ, не смѣя ни удалиться, ни повторить своего вопроса. Двѣ женщины молча смотрѣли на него. Мальчишъ-идіотъ продолжалъ хохотать...

Сердце Франца сжалось.

— О!.. о!.. кричалъ мальчишъ, сжимая грудь обѣими руками — ой, больно! я слишкомъ-долго смѣюсь!.. Вольно жъ ему спрашивать маму Реньйё, не хочетъ ли она купить чего-нибудь... Ступай самъ: денегъ нѣтъ!.. Еслибъ у мамы Реньйё были деньги, такъ она купила бы хлѣба Генъйолету... а Генъйолету ужасно хочется!

Онъ пересталъ смѣяться и произнесъ послѣднія слова жалобнымъ голосомъ.

Младшая изъ женщинъ обратила къ нему взоръ, исполненный глубокаго отчаянія.

— Жанъ сейчасъ вернется, бѣдное дитя мое, сказала она: — дамъ тебѣ поѣсть.

Старуха сложила свои морщинистыя руки и бормотала съ закрытыми зубами:

— Я видѣла его еще сегодня; онъ очень измѣнился, но сердце мое узнало его... съ деньгами, которыя онъ тратитъ въ день, эти бѣдные дѣти моглибъ прожить въ довольствѣ нѣсколько годъ... Я пойду наконецъ къ нему!.. Пойду, пойду!

Старуху звали мадамъ Реньйё. Она была старшая торговка въ цѣломъ Тамплѣ. Другую женщину, сноху ея, звали Викторію. Она была мать идиота, Жозефа, котораго уличные мальчишки именовали Генъйолетомъ, какъ-бы въ подражаніе его плаксивому голосу.

Между-тѣмъ, Францъ все оставался на порогѣ, какъ-бы ожидая отвѣта.

— Сейчасъ прозвонилъ колоколъ, сказала ему Викторія: — пора запереть лавку, и мы не сможемъ уже покупать...

— О, о! закричалъ идиотъ, опять захохотавъ: — это ничего не значитъ, что прозвонилъ колоколъ... Не главное то, что у мамы Реньё денегъ нѣтъ... хо, хо, хо!

— Жозефъ! Жозефъ! проговорила Викторія съ кроткимъ упрекомъ.

Идиотъ началъ колотить обѣими руками по скамьѣ.

— Ну! кричалъ онъ: — пошла, пошла! кляча!..

Потомъ вдругъ запѣлъ на голосъ, нѣмъ самымъ сѣченнымъ:

Завтра понедѣльникъ,
А у мамы Реньё денегъ нѣтъ,
Чтобъ заплатить за мѣсто;
И какъ-разъ насъ выгнать!
Въ чистый понедѣльникъ!
Выгнать, да выгнать,
Вотъ-тебѣ и правдивикъ!

И опять застучалъ по скамьѣ и закричалъ:

— Ну, шевелись, клячонка!..

Мать его забыла о Францѣ. Она смотрѣла на него, и глаза ея снова омочились слезами.

— Пойду, ворчала старуха. — Боже мой! какъ я его любила!.. Думала ли я, что мнѣ такъ страшно будетъ идти къ нему!.. Но онъ, можетъ-быть, прогнать меня... Тогда да будетъ онъ проклятъ!..

Морщинистыя руки ея задрожали.

— Мадамъ Реньё! закричалъ голосъ въ сосѣдней лавчонкѣ: — запирайте, или штрафъ заплатите!

Старуха встала.

— Тридцать лѣтъ я торгую въ этой лавчонкѣ, сказала она: — но сегодня, можетъ-быть, послѣдній день... Все равно, надобно исполнять свою обязанность...

И съ помощію Викторіи она стала запереть тяжелые ставни.

Идиотъ не трогался. Онъ продолжалъ стучать по скамьѣ и по-прежнему кричалъ:

— Бѣтъ хочу!

Зрѣлище этой нищеты глубоко тронуло сердце Франца. Онъ опустил пальцы въ карманъ жилета и вынулъ свою единственную нитяно-радиковую монету, но не зналъ, какъ предложить ее бѣднякамъ.

— Я уже говорила вамъ, сказала Викторія, увидѣвъ его на томъ же мѣстѣ: — что теперь поздно... Если вамъ очень нужно, такъ ступайте въ тотъ домъ, что на площади, и спросите Ганса Дорна... Посторожитесь... надобно запереть дверь.

Францъ стоялъ неподвиженъ, но при послѣднихъ словахъ Ветеринъ ностеронился; однакожъ, вмѣсто того, чтобы отступить, онъ поспѣшно вошелъ въ лавку и положилъ свою пятивершковую монету на скамью, передъ вѣдомымъ; потомъ поспѣшно удалялся.

Генійолетъ заревылъ отъ радости и началъ катать по полу монету, на четверенькахъ ползая за нею.

Францъ же стоялъ уже предъ домомъ продавца стараго платья Ганса Дорна.

То было узкое зданіе въ нѣсколько этажей, покрытое одинаковыми вывѣсками. Лавки, выходившія на площадь, были уже закрыты. Францъ вошелъ въ длинный, мрачный корридоръ, ведущій на дворъ.

У одной изъ дверей нижняго этажа стояла дѣвушка съ веселымъ и открытымъ лицомъ и разговаривала съ шарманщикомъ, согбеннымъ подъ тяжестью своего пискливаго инструмента.

Шарманщикъ былъ немногимъ старѣе Франца. На робкомъ лицѣ его выражались кротость, добродушіе и задумчивая мечтательность, противорѣчившая его драматическому ремеслу. Онъ былъ слабого, нѣжнаго сложенія и какъ-бы изнывалъ подъ тяжестью своей шарманки.

Дѣвушка же, напротивъ, была жива, свѣжа, здорова. Въ веселой улыбкѣ ея выражалось счастье юности. Она могла бы поделиться, безъ ущерба для себя, съ бѣднякомъ своею радостью, живостью, здоровьемъ.

Въ то самое мгновеніе, когда Францъ вошелъ на дворъ, шарманщикъ держалъ руку молодой дѣвушки. Услышавъ шумъ, онъ скоро отступилъ и покраснѣлъ какъ вишня.

Молодая дѣвушка также покраснѣла и серьезнымъ видомъ заменила улыбку.

— Гдѣ живетъ Гансъ Дорнъ, продавецъ платья? спросилъ Францъ.

— Здѣсь, отвѣчала молодая дѣвушка.

— Да ожиданіа, мамзель Гертруда, проговорилъ шарманщикъ, приподнявъ фуражку.

— Прощайте, Жанъ Ренійо, отвѣчала молодая дѣвушка, легкой улыбкой провожая его.

Бѣдный шарманщикъ удалялся неохотно; Францъ былъ хорошъ собою и оставался одинъ съ Гертрудой...

Вскорѣ послышались на улицѣ плачевные звуки шарманки, развѣившей пыль.

Францъ съ удовольствіемъ любовался свѣжимъ личикомъ Гертруды, и тягостное впечатлѣніе, оставленное на душѣ его видѣніемъ въ крайней лавочкѣ, мало-по-малу разсѣвалось.

Гертруда была добрая дѣвушка. На языкѣ у нея было что да сердцу, и въ веселой улыбкѣ выражалась вся душа ея; никогда не сердилась за комплиментъ, сказанный красивѣйшимъ человекомъ, потому-что, чувствуя себя чистой и непороч-

ной, не боялась ничего въ мірѣ; но въ эту минуту, она невольно подчинилась тяжелому впечатлѣнію, оставленному въ душѣ ея грустію бѣднаго Жана Реньё, любившаго ее нѣжно; Гертруда любила его, и потому какъ-бы раскаявалась въ своей веселости.

— Гансъ Дорнъ мой отецъ, сказала она:—пожалуйте; онъ дома.

Произнеся эти слова, Гертруда пристальнѣе взглянула на Франца, и румянецъ ярче загорѣлся на круглыхъ щекахъ ея: она поняла опасность и въ первый разъ въ жизни рѣшилась быть осторожной.

Между-тѣмъ, бѣдный Жанъ Реньё подходилъ къ пустой лавчонкѣ, которую запирали бабушка и мать его. Жанъ былъ сынъ Викторія и братъ идиота. Почтительно вручилъ онъ старухѣ деньги, собранныя имъ въ тотъ день. Онъ дѣлалъ это каждый вечеръ; но сборы были недостаточны для пропитанія всего семейства.

Жанъ трудился сколько могъ и постоянно страдалъ. Еслибъ въ эту минуту онъ могъ видѣть поведеніе Гертруды, которую любилъ ревниво, какъ любятъ всѣ страдалцы, то ощутилъ бы невыразимую радость.

Молодая дѣвушка обратилась въ героическое бѣгство. Поспѣшно избѣжала она по нетвердымъ ступенямъ и не останавливаясь дошла до комнаты отца, находившейся въ первомъ этажѣ.

Францъ слѣдовалъ за нею.

— Батюшка, тебя спрашиваетъ какой-то господинъ, сказала Гертруда.

Гансъ Дорнъ, продавецъ платья, сидѣлъ передъ столомъ, на которомъ горѣла тоненькая саловая свѣча, и сводилъ счеты. Возлѣ него лежало нѣсколько пятифранковыхъ монетъ и куча мѣдныхъ денегъ.

На дворѣ совершенно стемнѣло. Въ полусвѣтѣ, распространенномъ тусклой свѣчей, можно было рассмотреть старую мебель Ганса и кровать его съ саржевыми занавѣсками. Нельзя было сказать, чтобъ въ этой комнатѣ обнаруживалось доверствіе, однакожъ не было и нищеты. Все въ ней было опрятно; только длинный рядъ всякаго платья, висѣвшаго по стѣнамъ, придавалъ ей нѣсколько непріятный видъ.

Гертруда сѣла возлѣ отца. Съ этого безопаснаго мѣста она устремила свѣтлый, ясный взоръ на молодаго человека, ей улыбающагося.

Знавшіе мать Гертруды увѣряли, что она чрезвычайно походила на нее. Читатели наши, вѣроятно, не забыли Гертруды, служанки графини Маргариты фон-Блутгауптъ.

По-временамъ, когда продавецъ платья цаловалъ свою любимую дочь, составлявшую единственное счастье его въ этой жизни, онъ становился печаленъ и на глазахъ его навертывались слезы... Черты дочери напоминали ему жестокую потерю.

Гансу Дорну было теперь сорокъ лѣтъ; онъ былъ здоровъ, силенъ и сохранилъ еще свѣжесть молодости. Лицо его, по-прежнему

му, было открыто и прямодушно; густые, курчавые волосы его начинали сдвѣтъ. Можно было замѣтить, что онъ много страдалъ; но страданія не стерли съ лица его прежней веселости. и Гансъ былъ еще любимъ своими товарищами, какъ добрый весельчакъ.

Францъ развязалъ свой узелъ и сталъ раскладывать на столѣ завязанныя въ немъ вещи.

Не взглянувъ на молодого человѣка, Дорнъ принялся ихъ разсматривать.. Между ними была шинель, черный фракъ и панталоны, нѣсколько жилетовъ и галстуковъ.

Гансъ тщательно рассмотрѣлъ все вещи и произнесъ важно: — А что вы хотите за это?

— Двѣсти-пятьдесятъ франковъ, отвѣчалъ Францъ.

Гансъ отодвинулъ вещи и взялся опять за перо.

— Половину дамъ, сказалъ онъ.

— Половину! вскричалъ молодой человѣкъ съ негодованіемъ: — за новыя вещи, стоящія мнѣ тысячу франковъ!

— Это доказываетъ только, что портные страшные воры! возразилъ Гансъ.—Я сказалъ вамъ послѣднюю цѣну.

— Сто-двадцать-пять франковъ! проговорилъ молодой человѣкъ съ отчаяніемъ.

Въ кроткихъ глазахъ хорошенькой Гертруды выразилось состраданіе.

— Больше дать не могу, сказалъ продавецъ платья: — ступайте въ Ротонду, попытайтесь... лавка стараго Араби, можетъ-быть, не заперта еще... онъ дастъ вамъ за все три лундора... съ тѣмъ условіемъ, что если хотите, такъ можете выкупить ваши вещи за 500 франковъ... До свиданія!

Францъ перебиралъ то шинель, то новенькій черный фракъ, то чистенькіе, красивые жилеты.

Гансъ Дорнъ погрузился опять въ свои счеты, не взглянувъ даже на бѣднаго продавца.

— Боже мой! Боже мой! проговорилъ Францъ: — у меня больше ничего нѣтъ... а что я сдѣлаю со ста-двадцатью-пятью франками... Послушайте, прибавилъ онъ умоляющимъ голосомъ: — да разсмотрите хорошенько вещи... я увѣренъ, что вы ихъ не хорошо увидите!

— И смотрѣть больше не хочу, возразилъ Гансъ: — ни одного франка не прибавлю.

Молодой человѣкъ скрестилъ руки на груди и вздохнулъ. Гертруда была глубоко тронута. Самъ Гансъ невольно поднималъ голову.

Едва онъ взглянулъ на молодого человѣка, какъ весь измѣнился въ лицѣ.

— Гертруда, произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ: — ступай въ свою комнату.

Молодая дѣвушка повиновалась, бросивъ послѣдній, любопытный взглядъ на молодого человѣка, видъ котораго смутилъ отца ея.

Гансъ старался собраться съ духомъ. Оставшись наединѣ съ мо-

лодынь челоѡкомъ, онъ долго смотрѣлъ на него, потомъ опустилъ глаза.

— Какъ васъ зовутъ? спросилъ онъ тихимъ голосомъ.

— Францомъ.

— Вы Нѣмецъ? съ живостію спросилъ торгашъ.

Молодой челоѡкъ слегка покраснѣлъ и отвѣчалъ:

— Нѣтъ... я Французъ... Парижанинъ.

IV.

Первый поцалуй.

Франкъ и продавецъ платья вступили въ разговоръ, продолжавшійся около десяти минутъ.

Челоѡкъ болѣе обидчивый, оскорбился бы нѣкоторыми вопросами торгаша; но Францу нѣчего было скрывать. За 250 франковъ, въ которыхъ онъ нуждался, онъ былъ готовъ рассказать всю свою исторію.

По прошествіи десяти минутъ, Гансъ вынулъ изъ ящика двести-пятьдесятъ франковъ и дважды пересчиталъ ихъ.

Францъ съ живостію схватилъ деньги и спряталъ ихъ въ карманъ.

— Благодарю! сказалъ онъ, застегивая сюртукъ. — По вашей милости я умру приличнымъ образомъ и вдоволь повеселюсь въ послѣднюю ночь карнавала... Дайте мнѣ вашу руку, добрый челоѡкъ... Дай Богъ счастья вамъ и вашей дочери!

Онъ пожалъ руку торговцу и украдкой бросилъ поцалуй къ полуразтворенной двери въ комнату Гертруды.

Поцалуи рѣдко не достигаютъ своего назначенія; молодая дѣвушка спряталась за дверь, но щеки ея горѣли.

Францъ почти бѣгомъ спускался по шаткой лѣстницѣ.

Продавецъ стараго платья проводилъ его до дверей и задумчивымъ, грустнымъ взоромъ слѣдилъ за нимъ.

— И онъ былъ бы теперь этихъ лѣтъ, проговорилъ онъ, медленно покачавъ головою. — Когда я взглянулъ на него, мнѣ показалось, что я вижу передъ собою кроткое лицо графини... Она была такъ прелестна! На каждомъ красивомъ лицѣ встрѣтишь частичку той красоты, которою она вполне обладала.

Подумавъ еще съ минуту, онъ опять принялся за дѣло.

Францъ, между-тѣмъ, продолжалъ поспѣшно удаляться. Пройдя нѣсколько улицъ, онъ остановился на углу Бретаньской, у той самой двери, въ которую вошелъ челоѡкъ въ блонъ пальто. Онъ осмотрѣлъ обѣ стороны улицы и сталъ у двери.

Въ этой мирной части города улицы были почти пусты, почти

всѣ магазины закрыты; только по-временамъ мирные граждане возвращались домой, въ свой тихій уголокъ, сдѣлавшійся для нихъ еще дороже послѣ дикаго шума и необузданнаго веселья, котораго они мимоходомъ были свидѣтелями.

Францъ прохаживался взадъ и впередъ съ нетерпѣливостью человека, ожидающаго кого-нибудь. Время шло чрезвычайно-медленно. Куда молодой человекъ ни смотрѣлъ, вездѣ встрѣчалъ только силуэты честныхъ гражданъ, или толстыя пары обитателей того квартала, возвращавшіяся домой изъ гостей.

Онъ пришелъ туда веселый и исполненный надежды; теперь лицо его нахмурилось.

— Должно быть очень-поздно! ворчалъ онъ. — Если она не придетъ?.. Она, быть-можетъ, уже дома... Боже мой! я не хочу, не могу умереть, не увидѣвшись съ нею!..

По прошествіи двухъ или трехъ минутъ, онъ поднесъ руку къ карману жилета.

— У меня были часы!.. произнесъ онъ трагическимъ тономъ: — были!.. Бѣдные часы! Впрочемъ, пора было расстаться съ ними... у меня не оставалось ни одного су!.. Право, лучше умереть со шпагой въ груди, нежели задохнуться въ мансардѣ отъ дыма, подобно какому-нибудь водовозу, не нѣвлющему работѣ!.. Какъ бы узнать, который часъ?..

Онъ скорымъ шагомъ отправился къ табачной лавочкѣ; въ которой вмѣстѣ съ сигарами продавались чулки, подтяжки, мыло, помада, вакса и множество разныхъ товаровъ.

Францъ заглянулъ въ окно; стрѣлка на часахъ, висѣвшихъ на стѣнѣ, показывала пять часовъ.

— Она обыкновенно возвращается въ это время, подумалъ онъ. — Я готовъ биться объ закладъ, что прождалъ не напрасно!

Онъ воротился на прежнее мѣсто и опять сталъ прохаживаться. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, молодой человекъ вдругъ оживился.

Въ недалекомъ разстояніи онъ увидѣлъ двухъ женщинъ, шедшихъ къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ онъ: одна была въ шляпкѣ, другая въ чепчакѣ. Онъ былъ еще далеко, но сердце Франца сильно билось... Вдругъ деньги зазвучали въ его карманѣ, потому-что онъ радостно вспрыгнулъ.

— То была она!.. Онъ узналъ ее... Еще нѣсколько секундъ, и онъ пройдетъ возлѣ него...

Но въ то же самое мгновеніе, новая мысль поразила его въ самое сердце.

Денница была не одна; она должна будетъ войти въ дверь, и тяжелая дверь, у которой стоялъ онъ, запрется за нею. Онъ быстро отступилъ и, не зная еще, что предпринять, спрятался за уголъ.

Обѣ женщины подошли къ двери. То были молодая девушка и

ей служанка. Последняя подняла молотокъ. Францъ дрожалъ и обѣими руками сжалъ сердце, готовое выскочить изъ груди.

Дверь отворилась. Такъ-какъ она была тяжела, то служанка, Маріанна, вошла первая, чтобъ поддержать ее.

Въ то самое время, когда молодая дѣвушка готовилась переступить за порогъ, Францъ бросился къ двери и громко захлопнулъ ее. Незнакомка такъ испугалась, что не могла даже вскрикнуть.

Между-тѣмъ, служанка за дверью въ темнотѣ искала госпожу свою.

— Мадмуазель Дениза! говорила она:—гдѣ вы?

Дениза не отвѣчала.

Старая Маріанна продолжала искать ошупью и звать; наконецъ проговорила съ сердцемъ:

— Экая рѣзвушка!.. Она, вѣрно, ускользнула впередъ, и теперь наверху смѣется надо мною!

Это размышленіе совершенно успокоило ее, и она зашла къ привратнику, чтобъ отдохнуть и потолковать съ нимъ.

За дверью же стояли, неподвижны и нѣмы, Францъ и Дениза.

Молодая дѣвушка уже не боялась, потому-что узнала Франца; но Францъ самъ былъ до того испуганъ своею дерзостью, что не находилъ словъ для извиненія. Не смотря на то, онъ остановился между дверью и Денизой, чтобъ преградить ей дорогу:

Молодая дѣвушка первая прервала молчаніе.

— Пропустите меня, проговорила она:—во время карнавала позволительны шалости; я прощаю вамъ... только пропустите меня!

Слова эти были произнесены спокойно и съ достоинствомъ; не смотря на то, въ нихъ проглядывали волненіе и гнѣвъ.

Но Францъ не трогался.

Брови Денизы слегка насупились и она сердито топнула ножкой.

Она была очень-молода, но стройна и прелестна собою. Движенія ея были исполнены граціи и достоинства; нарядъ отличался изящною простотою.

Но всего страннѣе было то, что она походила на Франца. Очеркъ лица ихъ былъ одинаковъ; въ улыбкѣ была та же кротость; тотъ же умъ блисталъ въ большихъ голубыхъ глазахъ. Только выраженіе благородной дѣвственности замѣняло у молодой дѣвушки рѣзвое и рѣшительное выраженіе лица юноши. Но въ эту минуту было наоборотъ: Францъ робко опустилъ глаза и покраснѣлъ; Дениза смотрѣла на него смѣло, гордо.

Молодая дѣвушка все болѣе и болѣе сердилась.

— Пропустите меня! повторила она повелительнымъ голосомъ:—или я позову на помощь!

Потомъ она прибавила съ горькимъ презрѣніемъ:

— Я почитала васъ взрослымъ молодымъ человѣкомъ, уже вышедшимъ изъ дѣтскихъ лѣтъ, и думала, что вамъ извѣстны правила чести... Но теперь вижу, что жестоко ошибалась!

Эти слова какъ острые кинжалы вошли въ сердце бѣднаго Франца.

Онъ сложилъ руки и поднялъ на Денизу умоляющій взоръ.

— Прощу васъ, проговорилъ онъ:—простите меня... еслибъ вы знали...

— Я ничего не хочу знать, прервала молодая дѣвушка:—и еще разъ приказываю вамъ не удерживать меня... Марианна, вѣроятно, меня ищетъ; дверь отворять и васъ застать вмѣстѣ!

— Правда, проговорилъ Францъ съ грустною покорностью: — я виноватъ... Боже мой! желаніе увидѣть васъ въ послѣдній разъ осмѣлило меня на этотъ дерзкій поступокъ!

Дениза хотѣла отвѣчать съ строгостью, но удержалась; по лицу ея распространилась прежняя блѣдность.

— Пустите меня, повторила она еще разъ, но безъ гнѣва.—Если вы уѣзжаете, г. Францъ, я желаю вамъ счастья... Но, ради Бога, не удерживайте меня долѣе...

— Я не уѣзжаю, возразилъ Францъ:—а все-таки вижу васъ въ послѣдній разъ... Благодарю за ваше желаніе... оно уладитъ мою послѣднюю ночь.

Кровь застыла въ жилахъ Денизы.

— Прощайте! продолжалъ Францъ, отступая отъ двери:— прощайте, Дениза!.. Позвольте мнѣ назвать васъ такъ въ послѣднюю минуту передъ вѣчной разлукой; позвольте сказать вамъ, что я любилъ... люблю васъ всѣми силами души моею, и что моя послѣдняя мысль будетъ принадлежать вамъ!

Молодая дѣвушка уже не думала удалиться. Прелестные глаза ея съ боязнью были устремлены на Франца.

— Зачѣмъ говорите вы о вѣчной разлукѣ? спросила она шопотомъ. — Вы ребенокъ, Францъ... вы хотите испугать меня, чтобъ я скорѣе простила вамъ вашъ проступокъ...

Францъ покачалъ головой.

— Я говорю спокойно о вѣчной разлукѣ, возразилъ онъ: — потому-что никто въ этомъ мірѣ не пожалѣетъ, не вспомнить обо мнѣ... Я умѣлъ бы сохранить свою тайну, еслибъ кто-нибудь любилъ меня... еслибъ даже я могъ надѣяться, что сжалятся надъ моею сильною, пламенною любовью... о! тогда я не думалъ бы о смерти, потому-что дорожилъ бы жизнью! Любовь должна придавать намъ неимоверную силу, а съ нею въ сердцахъ, съ утѣренностью во взаимной любви, никакой соперникъ не можетъ быть намъ страшенъ...

Дениза опустила голову.

— Вы выходите на дуэль? проговорила она.

Францъ утвердительно кивнулъ головою.

— Быть-можетъ, съ убійцею? прибавила Дениза.

Францъ не отвѣчалъ.

— Умѣете ли вы владѣть шпагой?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Францъ.

Прелестное лицо Денизы покрылось смертною блѣдностью.

— Францъ, проговорила она: — ради Бога, откажитесь отъ поединка.

Францъ съ восторгомъ приложилъ руку ея къ сердцу.

— Нельзя, возразилъ онъ, съ трудомъ удерживая порывъ радости.

— Послушайте, продолжала молодая дѣвушка, тронутая до слезъ: — я не хочу, чтобъ вы умерли... Скажите, чѣмъ могу я заставить васъ отказаться отъ поединка?

Лицо Франца блистало радостью и невыразимымъ блаженствомъ. Онъ взялъ руку Денизы и прижалъ ее къ губамъ своимъ.

— Ничто не можетъ заставить меня отказаться отъ поединка, сказалъ онъ звучнымъ, торжествующимъ голосомъ: — но идти на поединокъ не значитъ идти на смерть... и я чувствую... о! позвольте мнѣ, я чувствую, что, еслибъ былъ увѣренъ въ вашей любви, то сумѣлъ бы защитить жизнь свою...

Кровь бросилась въ лицо молодой дѣвушки: она стыдливо опустила глаза.

— Боже мой! Боже мой! думала она съ отчаяніемъ: — я могу спасти его!..

— Сжальтесь надо мною, Дениза! продолжалъ Францъ, прижавъ молодую дѣвушку къ сердцу: — скажите, что вы меня любите, и я убью своего противника!

Дениза не сопротивлялась; у нея уже не было ни воли, ни силы. Она опустила блѣдное лицо на плечо Франца, говоря:

— Боже мой!.. Боже мой!

Открывъ глаза, она встрѣтила пламенный взоръ молодого человека; тихимъ голосомъ говорилъ онъ ей:

— Прошу, умоляю васъ, скажите, любите ли вы меня?

На устахъ Денизы выступила непорочная, прелестная улыбка.

— Францъ, проговорила она: — я всю ночь буду молить Бога за васъ...

— Вы меня любите!

— Да! я люблю васъ... и умру, если вы умрете!

На троттуарѣ съ обѣихъ сторонъ послышались шаги. Уста молодыхъ людей слились, и быстрый поцалуй огненной струей пробѣжалъ по ихъ жиламъ...

Францъ убѣждалъ, а Дениза безъ чувствъ прислонилась къ двери. Она простояла нѣсколько минутъ въ забытіи. Все происшедшее между ею и Францомъ походило на сонъ, исполненный ужаса и сладости.

Когда она вошла въ комнату матери, она была холодна и блѣдна, какъ мраморъ.

Виконтесса д'Одмѣръ сидѣла передъ каминомъ; по одну сторону, граціозно согнувшись, сидѣлъ кавалеръ, оставившій, зѣвотливо, свое балое пальто въ передней.

— Ты опоздала сегодня, дитя мое, сказала виконтесса: — г. де-Рейнгольдъ давно уже ждетъ тебя.

Кавалеръ всталъ, поклонился и улынулся.

Дениза отвѣчала на поклонъ его.

— Добрыя вѣсти! сказала виконтесса, поцаловать дочь въ лобъ: — я получила письмо отъ твоего брата, Жюльена; онъ будетъ сюда завтра, не позже.

— Нашъ милый Жюльенъ! сказалъ кавалеръ: — онъ долженъ быть красавецъ собою!

Дениза какъ-будто ничего не понимала. Въ глубинѣ сердца д ума ея была одна мысль, одно имя...

Францъ какъ безумный бѣжалъ по бульвару, то останавливался, то бѣжалъ смѣясь и не обращая никакого вниманія на изумленныхъ прохожихъ...

V.

Жирафа.

Тамплъ былъ давно уже закрытъ. Сквозь щели досчатыхъ стѣнъ шалашей видѣлся свѣтъ отъ газовыхъ фонарей, слабо освѣщавшихъ главный пассажъ. Все было тихо на рынкѣ, столь шумномъ за нѣсколько минутъ. Духъ обмана и жадности, обыкновенно оживляющій Тамплъ, дремалъ. Четыре сторожа и четыре собаки охраняли длинные ряды четырехугольных будокъ отъ nocturnalъ бродягъ.

Въ то же время и великолѣпная бѣлая колоннада Биржи отдыхаетъ отъ дневнаго лихорадочнаго тревоженія. Не слышно шаговъ на широкомъ крыльцѣ пертика, и только двое часовыхъ, непонимающихъ ни значенія акцій, ни законовъ о компаніяхъ, молча прохаживаются передъ затворенною рѣшеткою.

И окрестности Тампля были также уединенны, молчаливы. Только въ двухъ соперничествовавшихъ между собою гостиницахъ *Льва* и *Слона* было шумно, и около нихъ нетерпѣливыя маски шумѣли, дурачились, бранились, ожидая начала бала.

Между харчевнями, окружающими Тамплъ, первое мѣсто послѣ гостиницъ подъ вывѣсками *Льва* и *Слона* занимаетъ *Жирафа*.

Путешественникъ, баронъ фон-Родахъ, тщетно проискавъ молодого Франца, отобѣдалъ въ одной изъ гостиницъ и опять принялся искать. Люди, встрѣчавшіеся съ мрачнымъ, таинственнымъ незнакомцемъ, принимали его за полицейскаго агента; но онъ, по-видимому, не обращалъ никакого вниманія на впечатлѣніе, производимое имъ на прохожихъ.

Вышедъ изъ гостиницы, онъ пошелъ прямо къ отдаленнѣйшему концу *Ротонды* и шелъ какъ человекъ, знающій дорогу, иду-

шій прямо къ цѣли. Но, дошедъ до конца улицы, онъ остановился въ нерѣшимости.

Передъ нимъ высился совершенно-новый домъ, и по изумленію его можно было догадаться, что онъ прежде не зналъ этого дома.

— Какая досада! проговорилъ онъ, покачавъ головою: — Тамплъ запертъ; я долженъ ждать до утра, чтобъ увидѣть мадамъ Бетальеръ; что же касается до моего пріятеля Ганса, такъ онъ вѣрно переѣхалъ: квартиры въ этомъ новомъ домѣ не по его состоянію!

Не смотря на эти размышленія, баронъ позвонилъ и вошелъ къ привратнику.

— Не здѣсь ли живетъ Гансъ Дорнъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ голосъ привратника изъ жарко-нагрѣтой коморки, откуда страшно несло лукомъ.

— А чѣмъ онъ занимается? прибавилъ привратникъ.

— Онъ торгуетъ платьемъ, отвѣчалъ баронъ: — и жилъ въ этомъ домѣ.

— Не въ этомъ домѣ, а въ лачугѣ, которая прежде была на мѣстѣ его, возразилъ привратникъ: — мы вѣточниковъ изъ себя не пускаемъ...

И съ этими словами онъ грубо захлопнулъ дверь предъ носомъ барона.

— Гдѣ же найди теперь Дорна? думалъ Родахъ, осматриваясь. — Дай Богъ, чтобъ онъ не навсегда выѣхалъ изъ Тампла!... Если онъ живетъ здѣсь по близости, такъ я найду его, хоть бы мнѣ пришлось стучаться во всѣ двери!...

Въ это самое время, Гансъ Дорнъ входилъ въ харчевню подлѣ мыльскою Жирафа; хозяинъ ея, Іоганнъ, былъ землякъ и старый знакомый Ганса. Въ этой харчевнѣ преимущественно собирались Нѣмцы, которыхъ множество въ Тамплѣ и которые почти всегда составляютъ между собой особую компанію.

Въ первой комнатѣ были разношники. Имъ прислуживала толстая, краснощекая баба, перемѣшавшая французскія слова съ нѣмецкими. Она была сожительница Іоганна, бывшаго конюшаго Блутгаута, съ которымъ читатели уже знакомы. Ее звали Лисхенъ, Лотхенъ и Ленхенъ, но посѣтителіи шутя называли ее Жирефой.

Въ другой, небольшой комнатѣ, выходившей окнами на Колодезную-Улицу, вокругъ двухъ или трехъ столовъ, сдвинутыхъ вмѣстѣ, сидѣла довольно многочисленная компанія Нѣмцевъ, справлявшихъ между собою карнавалъ.

Нѣсколько разъ въ году, эти самыя лица собирались въ харчевню Іоганна пить и вспоминать былыя времена...

Проходя черезъ первую залу, Гансъ дружески пожалъ руку хозяинъ.

Радостное восклицаніе привѣтствовало его, когда онъ вошелъ во вторую комнату. Онъ занялъ единственное пустое мѣсто и нѣтъ-то началъ.

Почти все собеседники были прежние слуги дома Блутгаупта, или выходцы из Вюрцбурга. Различны были теперешнія занятія ихъ, однакожъ почти все принадлежали къ Тамплю.

Іоганнъ очень постарѣлъ, но вѣсть съ тѣмъ онъ не былъ такъ мысленъ и ворчливъ, какъ прежде. Дѣла его шли очень хорошо и онъ уже нажилъ себѣ маленькое состояніе.

Фрицъ, курьеръ, не могъ похвалиться своею участію. Онъ торговалъ платьемъ, какъ Гансъ Дорнъ, но не былъ такъ счастливъ. На немъ былъ старый, сврый пальто, изношенный до нѣльзя, и измятая, протертая шляпа.

Гансъ былъ одѣтъ чисто. Онъ уже не ходилъ по дворамъ, а закупалъ платье въ большемъ количествѣ, на площадкѣ Тампля. Пріятели его увѣряли, что онъ накопилъ уже маленькій капиталецъ для своей Гертруды.

Прочіе же собеседники были низшіе слуги замка, или другіе вюрцбургскіе переселенцы. Большая часть изъ нихъ перебывала во многихъ городахъ до переселенія своего въ Парижъ. Нимцы, вообще, трудолюбивы и бережливы; почти все они довольно-легко зарабатывали себѣ насущный хлѣбъ и не могутъ жаловаться на новую родину.

Вечеръ начался весело. Іоганнъ подалъ на столъ лучшее свое вино. Конечно, съ рейнскимъ его нельзя было сравнить, но все-таки оно шло.

Гансъ одинъ былъ задумчивъ и озабоченъ на этомъ, такъ-сказать, семейномъ праздникѣ.

— Ну, что, дѣтушки, спросилъ Іоганнъ:—лучше ли идуть вѣнчалы?

— Слава Богу, не дурно, отвѣчали со всехъ сторонъ.

— Парижъ добрый городъ для людей хорошаго поведенія, прибавилъ дюжій парень, довольно-хорошо одѣтый и бывшій формиромъ при замкѣ Блутгауптъ; его звали Германномъ:—кто можетъ воздержаться отъ вина, тому въ Парижѣ хорошо!

Вся компанія одобрила это правоученіе, и все предложили выпить за здоровье Германа, уже порядочно подгулявшаго.

Лицо Фрица омрачилось, и онъ бросилъ грустный взглядъ на свой жалкій пальто, продранный въ локтяхъ, съ замѣчательнымъ воротникомъ, безъ пуговицъ и составлявшій, въ-самомъ-дѣлѣ, рѣзкій контрастъ съ праздничными нарядами другихъ собесѣдниковъ.

— Вино, проворчалъ онъ покраснѣвъ и спрятавъ носъ въ стаканъ:—утѣшаетъ... кто пьянъ, тотъ забываетъ... счастливы тѣ, кому нечего забывать!...

Фрицу было пятьдесятъ лѣтъ. Длинное, блѣдное лицо его обросло бороною. Морщины на лбу и мрачный взглядъ изобличали перенесенныя имъ страданія и горести. Онъ зарабатывалъ столько же, какъ и другіе, но каждый день уходилъ неизвестно куда и возвращался пьяный.

— Какъ я радъ, продолжалъ Германтъ:—что намъ удалось еще разъ собраться всѣмъ вмѣстѣ! мы держимся крѣпко; съ-тѣхъ-поръ, какъ мы собираемся, ни одинъ еще не отсталъ...

— Исключая бѣдной Гертруды, сказалъ хозяинъ, искоса посмотрѣвъ на Ганса.

Гансъ былъ такъ озабоченъ и разсѣянъ, что слышалъ только послѣднее слово.

— Спасибо, сосѣдъ, отвѣчалъ онъ:—дочь моя, благодаря Богу, здорова; она поручила мнѣ поклониться всѣмъ вамъ.

Собесѣдники перемигнулись.

— Однако, чтѣ съ тобою сегодня, Гансъ? спросилъ Югантъ. — Вы все часто попрекаете мнѣ за то, что я угрюмъ и хмура, а ты, Гансъ, слынешь за весельчака въ нашей компаніи... Теперь, кажется, наоборотъ: мнѣ приходится смѣяться за тебя.

Гансъ принужденно улыбнулся.

— Правда, сказалъ онъ:—мнѣ сегодня грустно... Но вздоръ! я пришелъ сюда пѣть родимыя пѣсни и вспоминать прежнія годы. И такъ, будемъ пѣть и разговаривать, товарищи!

Гансъ откинулъ назадъ сѣдющія свои кудри, и поднявъ стаканъ, запѣлъ нѣмецкую пѣсню, часто раздававшуюся нѣкогда подъ сводами залы суда въ замкѣ Блутгауптъ. Товарищи подтянули и вскорѣ пѣсня, повторенная хоромъ, достигла до ушей мелкихъ разношниковъ, пировавшихъ въ первой комнатѣ.

И глубокое молчаніе наступило тамъ... Стаканы, поднесенные уже къ губамъ, опустились обратно на столъ... многія сердца забились... многіе глаза омочились слезами... казалось, вѣтеръ донесъ до нихъ голосъ милой родины...

— Bravo! закричали разношники по окончаніи перваго куплета и выпили за здоровье земляковъ, напомнившихъ имъ о Германіи.

Въ другой комнатѣ все собесѣдники были еще болѣе тронуты. Многіе дрожащимъ голосомъ подтягивали, когда Гансъ запѣлъ второй куплетъ. Напѣвъ пѣсни былъ простъ и исполненъ нѣжной меланхоліи, свойственной всемъ пѣснямъ музыкальной Германіи. Характеръ цѣлаго народа выражался въ этой пѣснѣ.

Выходцы пѣли съ чувствомъ, и съ каждымъ стихомъ новыя воспоминанія рождались въ умъ ихъ: прошедшее пробуждалось... Всѣмъ ясно представилось великолѣпное мѣстоположеніе и посреди его грозный, гордый, древній замокъ...

Послѣдніе звуки пѣсни замерли въ воздухъ; стаканы чокнулись; потомъ наступило продолжительное молчаніе.

— Доброе было времечко! сказалъ наконецъ Германтъ, глубоко вздохнувъ.

Гансъ смотрѣлъ на одну точку, и улыбка не сходила съ лица его; онъ какъ-будто улыбался счастливому прошедшему.

— Доброе было времечко! повторилъ Германтъ:—мы были молодцы, а замокъ принадлежалъ еще Блутгаупту... Теперь не то!... Родъ Блутгаупта пресѣкъся...

Гансъ задумчиво посмотрѣлъ на него и проговорилъ:

— Кто знаетъ?... Можетъ-быть, на свѣтъ есть еще одинъ Блугауптъ...

Юганнъ покачалъ головой. Другіе собесѣдники съ изумленіемъ посмотрѣли на Дорна.

— Помните ли вы графиню Маргариту? спросилъ послѣдній послѣ краткаго молчанія и такимъ тихимъ голосомъ, что товарищи едва могли слышать слова его.

— Помнимъ ли! вскричалъ Германнъ.

— Я молюсь ей, прибавилъ Францъ:—потому-что нѣтъ никакого сомнѣнія, что она причислена на томъ свѣтъ къ лику святыхъ!

Гансъ опустилъ глаза.

— Жаль, что вы не видали его, проговорилъ онъ. — Это было точно видѣніе!.. Я думалъ, что она сама предо мною!..

Онъ замолчалъ. Собесѣдники слушали его, разинувъ рты. Юганнъ смотрѣлъ на него изъ-подлбья.

Окно, выходившее на Колодезную-Улицу, было завѣшано кускомъ клѣтчатого холста. Тугія складки этихъ занавѣсокъ падали кривенно, оставляя съ каждой стороны незакрытыми два уголка окна.

Германнъ сидѣлъ противъ самаго окна.

Въ то самое мгновеніе, когда Гансъ Дорнъ хотѣлъ говорить, блѣшій фермеръ вздрогнулъ и указалъ пальцемъ на окно.

Всѣ глаза обратились въ ту сторону.

Къ самому стеклу было приложено блѣдное лицо, тотчасъ же удалившееся и исчезающее во мракъ.

Гансъ вздрогнулъ и страшно вскрикнулъ:

— Еще!.. еще одно видѣніе!..

— Чортъ возьми! сердито закричалъ Юганнъ: — я проучу твое видѣніе, сосѣдъ!.. Я покажу ему, каково подглядывать за честными людьми... Задержни занавѣски, Фрицъ, я сейчасъ вернусь.

Съ этими словами онъ всталъ, схватилъ палку и выбѣжалъ на улицу.

Юганнъ не затворилъ за собою двери и по уходѣ его въ отъ-
стѣи ея показалось безсмысленное лицо идіота Гепъйоleta.

Никто не замѣтилъ его.

Онъ посмотрѣлъ на собесѣдниковъ, глупо ухмыляясь; потѣ-
пробрался въ комнату и спрятался подъ столъ, возлѣ самой двери.

VI.

МАЛЕНЬКІЙ ГЮНТЕРЪ.

Жозефъ Реньйод или Геньйолетъ былъ безобразно сложенъ; огромная голова у него торчала на тонкой шее; пальцами въ слѣдъ непомѣрной величины оканчивались его тощія руки и ноги. Широ-

и ротъ его былъ постоянно открытъ съ безмысленной идиотской улыбкой. Носъ сплюснутъ; глаза на выкатъ; рѣдкіе, рыжеватые волосы спускались до самыхъ бровей, надъ которыми не было лба.

Онъ усмылся подѣ столомъ и опустилъ языкъ въ рюмку съ водкой, бывшую у него въ рукахъ. Опорожнивъ, или, лучше сказать, вылакавъ рюмку, онъ вынулъ изъ кармана маленькую флажку и поцаловалъ ее гримасничая, снова наполнивъ рюмку и опять сталъ лакать... Все это онъ дѣлалъ очень-тихо; никто не подозрѣвалъ его пребыванія.

Иоганнъ былъ на улицѣ. Въ харчевняхъ, какъ и вездѣ, отсутствующіе служатъ предметомъ разговора.

Собесѣдники стали говорить о хозяинѣ; всѣ соглашались съ тѣмъ, что онъ честный человѣкъ; но бываютъ улыбки, опровергающія слова. Вообще, легко можно было замѣтить, что хозяину харчевни товарищи его не слишкомъ доверяли.

— Онъ сдѣлался ростовщикомъ, сказалъ Германнъ:—а такихъ людей я не больно уважаю...

Въ это время воротился Иоганнъ и опять не затворилъ за собою двери. Онъ поставилъ палку въ уголъ и сѣлъ на прежнее мѣсто съ недовольнымъ видомъ.

— Полноте, господа, сказалъ онъ:—мы, кажется, не столько нилы, чтобъ намъ могли мерещиться домовые... На улицѣ никого нѣтъ... Выпьемъ-ка лучше!

— Я очень-хорошо знаю, что ты никого не найдешь, проворчалъ Гансъ:—не нашимъ глазамъ найти мертвеца, когда мертвецъ не захочетъ показаться!..

— Экой вздоръ!.. сказалъ Иоганнъ.

Собесѣдники невольно вздрогнули, а Фрицъ набожно перекрестился.

— Но кого же ты видѣлъ еще, Гансъ? спросилъ Германнъ. — Скажи, пожалуйста.

— Я видѣлъ не мертвеца... а человѣка живаго, отвѣчалъ продавецъ платья:—но зачѣмъ говорить объ этихъ вещахъ?.. Вѣдь вы знаете, что я только и думаю о Блутгауптѣ!

Германнъ протянулъ къ нему руку черезъ столъ.

— За это мы тебя и любимъ, сосѣдъ! сказалъ онъ:—у тебя доброе сердце... ты пошлешь!

— Да полно! закричалъ Иоганнъ, пожатъ плечами:—что мы здѣсь, на похоронахъ, что ли?.. Поговоримте лучше о живыхъ, а не то мы не выпьемъ и этой бутылки!.. Ну, что, сосѣдъ Гансъ, когда ты отдашь свою дочку за-мужъ? а?

— А! вскричалъ Германнъ:—славная будетъ женка!.. еслибъ мнѣ лѣтъ двадцать съ костей долой...

— Она еще дѣтя, прервалъ его Гансъ:—до свадьбы далеко!

— Хе, хе, хе! засмѣялся скептикъ Иоганнъ:—нынѣ, любезный сосѣдъ, дѣтей уже нѣтъ... и у твоей Гертруды есть глаза... Ну, да я знаю, что говорю!

— У ней есть глаза и деньги, прибавилъ Германнъ: — ты, соседъ Гансъ, найдешь ей добраго, честнаго, работающаго мужа... Только смотри, чтобъ у него были и честное ремесло и денежка на черный день... Глупостей не дѣлай! Чтобъ жениться, надобно имѣть деньги, а когда ихъ нѣтъ, такъ и любовь пойдетъ къ чорту!

— Жалко!.. произнесъ плаксивый голосъ возлѣ двери: — у Жана Ренью денегъ нѣтъ...

Всѣ обратились въ ту сторону, откуда слышался голосъ, и заметили Генъюлета, сидѣвшаго подѣ столомъ и преспокойно лакавшаго водку.

Юганнъ мигнулъ собесѣдникамъ и засмѣялся.

— Я не хотѣлъ говорить тебѣ объ этомъ, соседъ, сказалъ онъ: — но, кажется, бѣдный Жанъ ухаживаетъ за твоей дочкой.

— Жанъ добрый, честный малой, возразилъ продавецъ платья: — онъ содержитъ всю семью... но, признаюсь, я не хотѣлъ бы отдать ему свою Гертруду.

— Еще бы! вскричали всѣ въ одинъ голосъ.

Генъюлетъ выползъ изъ-подъ стола и сѣлъ верхомъ на скамью.

— Ну, пошла! закричалъ онъ весело, принявъ любимую свою позицію: — пошла, клача!..

Потомъ прибавилъ плаксивымъ голосомъ:

— Генъюлету очень пить хочется... а онъ знаетъ, что братъ его Жанъ говоритъ мамзель Гертрудѣ.

— Слышишь? вскричалъ Юганнъ.

— Да, да, продолжалъ Генъюлетъ: — и каждый вечеръ мамзель Гертруда надуваетъ стараго Ганса!

— Это что такое? проворчалъ сквозь зубы Германнъ.

— Какъ же она надуваетъ его? Скажи, Жозефочка, спросилъ Юганнъ ласковымъ тономъ: — если скажешь, такъ я попотчую тебя рюмочкой.

— Не люблю вина, сказалъ Генъюлетъ съ презрѣніемъ: — да мнѣ лучше четыре су.

— Дамъ; только скажи, Генъюлетъ.

Идіотъ сталъ покачиваться на скамьѣ. Гансъ былъ совершенно спокоенъ. На лицѣ Юганна выражалась злобная радость.

Генъюлетъ покачался еще нѣсколько минутъ, потомъ вдругъ запѣлъ во все горло пѣсню, имъ самимъ сложенную:

Завтра понедѣльникъ,
А у мамы Ренью денегъ нѣтъ,
Чтобъ заплатить за мѣсто;
И какъ-разъ насъ выгонятъ!
Въ чистый понедѣльникъ!
Выгонятъ, да выгонятъ,
Вотъ тебѣ и праздникъ!

— Да эту пѣсню мы знаемъ, прервалъ его Юганнъ: — а что?..

Идіотъ безсмысленно посмотрѣлъ на него, потомъ какъ-будто сталъ припоминать.

— А рюмочку-то ты хотѣлъ поднести? сказалъ онъ.

Іоганнъ взялъ бутылку со стола и наполнилъ фляжку идіота.

— Ну, кляча! закричалъ онъ, стуча изо всей силы по скамьѣ.

Потомъ опять зацѣлъ:

Каждый вечеръ Жанъ Реньё
Мамъ деньги носитъ,
Чтобъ хлѣбца купила!
А я нѣтъ онъ су дастъ,
Чтобы я не говорилъ,
Что къ мамзель Гертрудѣ ходитъ,
И палуеъ, да палуеъ!
Вотъ тебѣ и праздникъ!

Всѣ собесѣдники улыбулись. Гансъ слегка нахмурилъ брови.

— Сосѣдъ, сказалъ онъ Іоганну:—ты хотѣлъ огорчить меня, но тебѣ не удалось... Жанъ Реньё бѣденъ, это я знаю и безъ тебя, но онъ честенъ... а Гертруда моя скорѣе умретъ, нежели захочетъ огорчить отца!

Іоганнъ съ досадою сжалъ губы.

— Поемъ въонъ! закричалъ онъ идіоту, погрозивъ ему кулакомъ.

Гость убѣжалъ припрыгивая.

— Я самъ былъ бѣденъ, проговорилъ Гансъ какъ-бы про себя:—однако Гертруда моя не была несчастлива!..

Іоганнъ былъ порядочно зажиточенъ; но, желая еще болѣе увеличить свое состояніе, онъ сдѣлался ростовщикомъ. Занятіе очень-скверное, но доходное... Не смотря, однакожъ, на свое относительное богатство, Іоганнъ былъ скупъ. У него былъ племянникъ, которому онъ самъ помогать не хотѣлъ, и потому прочилъ за него дочь Ганса съ приданнымъ, о которомъ всѣ говорили. Въ этотъ самый вечеръ, онъ хотѣлъ порѣшить дѣло, но ему не удалось, и онъ нахмурился.

Наступило продолжительное молчаніе, вскорѣ приведшее всѣхъ незамѣтнымъ образомъ къ прежнимъ воспоминаніямъ. Каждый невольно воротился къ прежнимъ мыслямъ, и когда, наконецъ, Германнъ снова произнесъ имя Блутгаупта, всѣ уже забыли объ идіотѣ.

— Какъ бы то ни было, сказалъ бывшій фермеръ замка:—а никому неизвѣстны подробности этой страшной исторіи...

— Дѣла демона, проговорилъ другой фермеръ:—всегда остаются тайною... а истребленіе рода Блутгаупта дѣло демона!

— Ужасная была ночь! продолжалъ Германнъ.—Страшно подумать, что тогда было въ замкѣ!

Фрицъ хотѣлъ поднести стаканъ ко рту, но рука его дрожала.

— Въ замкѣ и внѣ замка, проговорилъ онъ:—о, да! ужасная

была ночь!.. Ахъ былъ мраченъ... и я постоянно слышу крикъ, не дающій мнѣ спать и заставляющій меня пить... пить и пить, чтобъ забыться!

Онъ провелъ рукою по лбу, на которомъ выступило нѣсколько капель пота.

— Одинъ изъ насъ, сказалъ Іоганнъ:—знать, кажется, всѣ подробности... именно сосѣдъ Гансъ... Но онъ скрытенъ; не доверяетъ старымъ товарищамъ.

Гансъ не отвѣчалъ.

— Правда, Гансъ все молчитъ, сказалъ Германнъ.—Однако онъ почти всю ночь пробылъ въ спальнѣ графини Маргариты... а жена его, царство ей небесное! всю ночь не выходила оттуда.

Гансъ все молчалъ; онъ казался потруженнымъ въ размышленія.

— Мы всѣ слышали, продолжалъ Германнъ, понизивъ голосъ:— что къ утру три красные человека явились въ замкъ Блутгаупта, какъ дѣлаютъ они искони-нѣковъ въ случаѣ чьего-нибудь рожденія и смерти... Клаусъ, который теперь на службѣ въ домѣ Гейльберга, видѣлъ, какъ они мчались въ утреннемъ туманѣ, когда онъ возвращался изъ Гейльберга, куда его посылала наша бѣдная графиня... Первый скакалъ сломя голову; онъ былъ огненно-краснаго цвѣта; второй скакалъ съ ребенкомъ на рукахъ; у третьего была перекинута черезъ сѣдло женщина въ обморокъ...

Старые слуги и вассалы Блутгаупта сто разъ слышали эту исторію, но каждый разъ слушали ее съ новымъ участіемъ. Они сами играли, такъ—сказать, роль въ этой таинственной легендѣ и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ совершилось дѣло дьявола...

— Ребенокъ былъ сынъ дьявола, сказалъ Іоганнъ:—а женщина была Гертруда, на которой сосѣдъ нашъ Гансъ женился вѣдь спустя.

Гансъ обратилъ на него строгій взоръ.

— Ребенокъ былъ законный наслѣдникъ Блутгаупта, продолжалъ онъ медленно: — а женщина была кроткое существо, молчаливое теперь за насъ предъ престоломъ Всевышняго.

Іоганнъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Конечно, сказалъ онъ: — намъ съ тобой, Гансъ, и секретъ нельзя: ты знаешь, а мы не знаемъ; но зачѣмъ же ты молчишь? скрываешь отъ добрыхъ пріятелей то...

— О чемъ я долженъ молчать, прервалъ его Гансъ.—Я слышу, у меня есть дочь, у которой я единственный покровитель... Если слова мои могли быть полезны наслѣднику нашего стараго герцога, такъ,—Богъ мнѣ свидѣтель! — я не сталъ бы молчать... Но мое мнѣніе изъ и уничтожило меня!

— Чье мнѣніе? спросилъ съ живостію Іоганнъ, изъ-подъ бровей взглянувъ на Ганса.

— Они люди могущественные, продолжалъ Гансъ въѣздъ отъ та: — мы ничего не можемъ сдѣлать противъ нихъ, ничѣмъ не можемъ помочь наслѣднику Блутгаупта!

— Стало-быть, не дьяволъ, проговорилъ одинъ изъ собесѣдниковъ: — задушилъ графа Гюнтера и задавилъ графиню Маргариту?

— У дьявола здоровыя плечи, сказалъ Германнъ: — все можно свалить на нихъ!

— Однакожъ, Гансъ, прибавилъ Иоганнъ небрежно: — чортовъ ли онъ сынъ или нѣтъ; но ты, какъ воспитатель его, долженъ же знать, куда онъ дѣвался?

— Долженъ бы, но не знаю! отвѣчалъ продавецъ платья. — Впрочемъ, это обстоятельство не тайна, и я могу все рассказать вамъ.

«Послѣ смерти графа Гюнтера, я удалился съ Гертрудой въ имѣнїе Роте, гдѣ у меня были родные. Ребенка мы взяли съ собой и втайнѣ воспитывали его. Только сыновья графа Ульриха знали нашу тайну и иногда навѣщали нашу хижинку. Они были еще очень-молоды и очень-бѣдны. Они были изгнаны и не имѣли ни денегъ, ни пристанища; но они трудились, ѣли сухой хлѣбъ, пили чистую воду, чтобъ только быть въ состоянїи воспитать ребенка, котораго страстно любили...

«Я часто замѣчалъ слезы на глазахъ благороднаго Отто, когда онъ смотрѣлъ на спокойно-почивавшаго племянника своего... Онъ, вѣроятно, думалъ о графинѣ Маргаритѣ, на которую ребенокъ приходилъ поразительно.

«Я видѣлъ, какъ безпечный Гецъ и легкомысленный Альбертъ наклонялись со слезами на глазахъ и въ сильномъ волненїи надъ колыбелькой...

«У маленькаго Гюнтера были бы три могущественные защитника, еслибъ Богу было угодно... Гюнтеръ былъ прелестенъ собою. Кроткая душа матери отражалась въ его большихъ голубыхъ глазахъ. Мы съ Гертрудой готовы были пожертвовать жизнью, чтобъ только избавить его отъ слезинки...

«Прошло четыре года. Жена моя стала беременна и родила дочь, единственное утѣшенїе мое на этомъ свѣтѣ. Около того времени, три брата внезапно перестали навѣщать насъ. Ихъ одоляли враги; полиція схватила ихъ и заключила въ темницу.

«Мы не знали, что происходитъ въ замкѣ Блутгауптъ; но, кажется, тамъ не забывали ужасной ночи. Всѣ продолжали называть законнаго наследника своего господина сыномъ дьявола... Впрочемъ, вы, Германнъ и Фрицъ, должны это знать лучше меня: вѣдь вы были еще въ Вюрцбургѣ въ то время.»

— Мы повторяемъ только то, что другіе говорили, возразилъ Германнъ, какъ-бы пристыженный: — а всѣ увѣряли, что отецъ дитяти былъ дьяволъ... и посуди самъ, Гансъ, графъ Гюнтеръ былъ ужъ очень-старъ.

Иоганнъ, слушавшій Гауса съ жаднымъ вниманїемъ, кивнулъ головой въ подтвержденїе словъ Германна и злобно улыбнулся.

Фрицъ пилъ. Взоръ его былъ мраченъ и неподвиженъ; губы

шевелились по-временамъ, но никто не слышалъ того, что онъ произносилъ.

— Вскорѣ всеобщее вниманіе было обращено на насъ, продолжалъ Гансъ. — Тайна сдѣлалась гласною; всѣ узнали, что мнимый сынъ дьявола былъ у насъ въ домѣ... и, по странному противорѣчію, не смотря на это страшное проклятіе, всѣ васаллы Блутгаупта ожидали его...

«Вы сами знаете, въ какомъ несчастномъ положеніи были тогда крестьяне!... Промышленники, заступившіе мѣсто благородныхъ, вѣковыхъ дворянъ, собирали со всѣхъ пеномѣрныхъ подати. Богатыя, плодородныя поля едва доставляли бѣднымъ земледѣльцамъ необходимый хлѣбъ! Всѣмъ завладѣли жадные хозяева и скорѣ ссоры стали удаваться, чтобъ сыскать новую отчизну!...»

— Правда, правда, проговорилъ Германнъ.

— Люди, продолжалъ Гансъ Дорнъ:—появившіеся въ замкѣ въ послѣдніе годы жизни стараго графа: Жидъ Моисей Гельдъ, Маджаринъ Яношъ, докторъ Хозе-Мира, Голландецъ Фан-Претъ, Реньбо были еще тамъ...

При имени Реньбо, Фрицъ устремилъ на продавца платя дикій, блуждающій взоръ.

— Я одинъ былъ на краю Ада, пробормоталъ онъ невнятнымъ голосомъ: — и вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ не могу заснуть спокойно!...

Германнъ и другіе собесѣдники заставили его замолчать. Юганы заботились о томъ, чтобъ стаканы не были пусты и вѣсть съ тѣмъ внимательно слушала.

Гансъ продолжалъ:

«Однажды, бѣдная жена моя осталась одна дома. Она кормила въ то время Гертруду грудью. Маленькій Гюнтеръ игралъ на дворѣ.

«Вдругъ она услышала жалобный крикъ. Поспѣшно положивъ Гертруду въ колыбель, она выбѣжала за порогъ. Маленькій Гюнтеръ исчезъ. Вдали слышался еще жалобный крикъ дитяти и въ облакъ пыли жена моя увидѣла всадника, скакавшаго во весь галопъ. Ей показалось, что то былъ Яношъ, Маджаринъ...

«Сыновья Ульриха спаслись изъ темницы. Они потребовали у насъ отчета по вѣренію намъ сокровищъ. Мы показали имъ пустую колыбель...

«Много лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ. Моя бѣдная Гертруда умерла. Терпѣливо и неутомимо искалъ я сына своего стараго друга. Сыновья графа Ульриха дѣлали то же, не смотря на опасность, которымъ подвергались; но всѣ поиски были тщетны. Похитившіе ребенка умѣли скрыть его... и, быть-можетъ, послѣдній потомокъ рода Блутгауптъ подвергся одинакой участи съ этими родителями...»

Гансъ замолчалъ и подперъ голову рукою.

Себесъдники ждали гораздо-болѣе сверхъестественности отъ таинственной исторіи.

— Какъ! вскричалъ Іоганнъ: — сынъ дьявола умеръ?

— Должно полагать, возразилъ Германнъ: — а такъ-какъ сыновья графа Ульриха дѣти незаконнорожденные, то конецъ всему роду Блутгауптовъ!

Всѣ вздохнули. Гансъ перебиралъ еще густыя кудри своихъ седящихъ волосъ.

— Не знаю, проговорилъ онъ, отвѣчая на собственную мысль. — Бже мой, не знаю!.. Но никогда я не встречалъ такого поразительнаго сходства.. У меня не выходитъ изъ памяти лицо этого молодого...

— Онъ не все разсказать, проворчалъ Іоганнъ: — онъ скрываетъ отъ насъ главное!

— Если это онъ! продолжалъ Гансъ съ сверкающимъ взоромъ: — если я видѣлъ наслѣдника Блутгаупа!..

Германнъ хотѣлъ что-то спросить, но Іоганнъ удержалъ его.

Гансъ всплеснулъ руками и подпѣлъ глаза къ небу.

— Чѣмъ болѣе думаю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь... что это онъ... онъ!

— А гдѣ же онъ? спросилъ Германнъ.

Восторгъ Ганса внезапно прекратился; щеки его покрылись блѣдностью.

— Я глушецъ!.. проговорилъ онъ съ грустной улыбкой: — пейте, товарищи, и не спрашивайте... Я видѣлъ сегодня молодого человека, походившаго на графиню Маргариту... Сходство было поразительное, это правда... но еслибъ онъ и точно былъ сынъ Блутгаупта, такъ есть ли чему радоваться?

— Мы здоровы, сильны! сказалъ Германнъ съ жаромъ: — мы можемъ помочь сыну нашего бывшего господина...

— Благодарю за это слово, Германнъ! сказалъ Гансъ: — если когда-нибудь тебѣ понадобится помощь друга, смѣло приходи ко мнѣ... но ни здоровье, ни сила наша не помогутъ юношѣ, о которомъ я говорю, — прибавилъ онъ съ грустію: — черезъ нѣсколько часовъ все будетъ кончено для него... Впрочемъ, не нашему брату быть защитникомъ и покровителемъ графа... Настоящихъ покровителей его нѣтъ... они опять въ темницѣ...

Онъ покачалъ головой и протянулъ стаканъ къ Іоганну; послѣдній вынулъ въ стаканъ его остатокъ изъ послѣдней бутылки и ушелъ въ погребъ за новыми.

Наступила минута молчанія послѣ ухода хозяина. — Гансъ опустилъ голову и забылъ о стаканѣ съ виномъ, который держалъ въ рукахъ.

— Все это вздоръ! вскричалъ онъ внезапно съ яростію: — сыновья Ульриха никогда не выйдутъ изъ темницы... пускай же онъ умираетъ!

Онъ поднялъ стаканъ, но въ то самое время, когда поднесъ

стаканъ ко рту, кто-то коснулся плеча его. — Онъ оглянулся и отскочилъ.

За нимъ стоялъ мужчина. Никто не замѣтилъ, какъ онъ вошелъ. Незнакомецъ былъ высокъ ростомъ и закутанъ въ широкій плащъ.

Изъ-подъ шляпы, надвинутой на глаза, видно было блѣдное лицо, показавшееся за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ за окномъ.

Гансъ хотѣлъ произнести чье-то имя, но незнакомецъ приложилъ палецъ ко рту и сдѣлалъ ему повелительный знакъ, чтобъ онъ за нимъ слѣдовалъ...

VII.

Пришлецъ съ того свѣта.

Когда незнакомецъ удалился съ Гансомъ Дорномъ, собесѣдники молча посмотрѣли другъ на друга, какъ люди, пораженные одною мыслию. Никто не спросилъ, кто былъ этотъ незнакомецъ...

— Заговори только о чортѣ, а онъ тутъ-какъ-тутъ! — сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ: — слышалъ ли кто-нибудь изъ насъ, какъ онъ вошелъ?

Всѣ отвѣчали отрицательно.

Германнъ всталъ, пошелъ къ двери, отворилъ и затворилъ ее разъ три. Дверь скрипѣла. Потомъ онъ воротился на свое мѣсто и опорожнилъ стаканъ.

— Дверь скрипитъ, сказалъ онъ: — не въ замочную же скважину онъ пролѣзъ!

— Узналъ ли ты его, Германнъ? — спросилъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Узналъ, отвѣчалъ бывшій фермеръ.

— Который же это?

— Вотъ въ томъ-то и задача! Дѣтъ двадцать уже, какъ я не видалъ ихъ... притомъ же, я никогда не могъ различить ихъ...

Иоганнъ воротился съ полными бутылками. Всѣ собесѣдники замолчали, и никто не сказалъ слова о происшедшемъ. Никто не казался вина, не смотря на всѣ убѣжденія Иоганна. У каждого было что-то тяжелое на-сердцѣ. Одинъ Фрицъ продолжалъ пить не танавливаясь и не принимая никакого участія въ общей озабоченности. Онъ бормоталъ несвязныя рѣчи... Говорилъ о блутгаунтсбергѣ «Адѣ» и о страшномъ крикѣ, отзывавшемся въ ушахъ его, о дѣцѣ подлаго убійцы, освѣщенномъ луной...

Но всѣ уже знали эту исторію, потому-что Фрицъ не въ первый разъ напивался и не въ первый разъ ее рассказывалъ.

Гансъ Дорнъ и незнакомецъ медленно шли по улицѣ. Блѣдный сытъ фонарей падалъ на высокую, статную фигуру барона фонъ Родахъ, закутанную въ широкій плащъ.

Послѣ грубаго отвѣта привратника, баронъ терпѣливо продолжалъ свои поиски. Случайно остановившись на углу Колодезной-Улицы, онъ услышалъ звуки знакомой пѣсни. Скоро дошедъ до харчевни *Жирафы*, онъ заглянулъ въ окно и увидѣлъ Ганса съ товарищами. Движеніе Іоганна, схватившагося за палку, не ускользнуло отъ него, и онъ поспѣшно удался.

По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, онъ возвратился, вошелъ въ первую залу и велѣлъ себѣ подать стаканъ вина. Разнощики, разгоряченные виномъ, громко разговаривали, и никто не обратилъ вниманія на барона, который, воспользовавшись той минутой, когда Іоганнъ вышелъ, не затворивъ за собою двери, вошелъ во вторую комнату.

Вышедъ на улицу, Гансъ и баронъ прошли нѣсколько шаговъ молча. Гансъ былъ сильно взволнованъ и не находилъ словъ. Баронъ размышлялъ о чемъ-то.

— Слава Богу! произнесъ наконецъ торгашъ: — я уже не надѣялся увидѣться съ вами...

Баронъ, невольно ускорявшій шаги подъ вліяніемъ сильнаго внутренняго волненія, вдругъ остановился. Съ уваженіемъ, смѣшаннымъ съ любовію, смотрѣлъ Гансъ на мужественное и благородное лицо барона, освѣщенное фонаремъ, возлѣ котораго онъ остановился.

Гансъ хотѣлъ еще что-то сказать, но баронъ остановилъ его знаменъ.

— Говори мнѣ о молодомъ человѣкѣ, сказалъ онъ.

— Если вы слышали, что я тамъ рассказывалъ, возразилъ Гансъ: — такъ вы все слышали... онъ приходилъ ко мнѣ сегодня вечеромъ, и мнѣ показалось, что сама графиня Маргарита предстала предо мною...

Лицо Родаха еще болѣе поблѣднѣло.

— Онъ поразительно похожъ на нее, — продолжалъ продавецъ чиза. — Ея глаза, ея кроткая улыбка...

— Знаю, возразилъ Родахъ: — я видѣлъ его...

— Видѣли!.. Что же?

— Это онъ!

Гансъ приложилъ обѣ руки къ сердцу.

— Въ такомъ случаѣ, самъ Господь прислалъ васъ!

— Не знаешь ли, какъ его зовутъ?

— Францомъ.

Баронъ не могъ удержатъ движенія радости.

— Ты видишь! вскричалъ онъ: — нѣмецкое имя!..

Гансъ покачалъ головой.

— Это не доказательство, сказалъ онъ грустно: — молодой чело-

вѣкъ сказалъ мнѣ, что онъ Французъ и не знаетъ нашего языка.

Выраженіе радости исчезло съ лица барона.

— Нѣтъ, это онъ! сказалъ Родахъ послѣ минутнаго молчанія:—это онъ! я въ томъ увѣренъ!... Сердце не обманетъ меня!... Долго тяготѣла надъ нами рука Всевышняго, но наконецъ Онъ сжался надъ нами... Зачѣмъ приходилъ къ тебѣ молодой человѣкъ?

— Продавать свое платье.

— Стало-быть, онъ бѣденъ?

— У него ничего нѣтъ... Я говорилъ съ нимъ не болѣе десяти минутъ, но знаю всю его исторію... онъ благородный юноша, безпеченъ и вѣтренъ какъ дитя, но храбръ какъ мужъ.. Онъ былъ довольно-долгое время прикащикомъ въ банкирскомъ домѣ, откуда его вдругъ прогнали ни за-что, ни про-что... жилъ около двухъ мѣсяцевъ послѣднимъ жалованьемъ... Платье, проданное имъ мнѣ, послѣднее имущество его, и онъ рѣшился промотать все въ эту же ночь.

— Много ли ты далъ ему?

— Двѣсти-пятьдесятъ франковъ.

— Что же онъ хочетъ дѣлать съ этими деньгами?

— Во-первыхъ, заплатить какой-то должокъ,—отвѣчалъ Гансъ:—бездѣлицу, кажется, два лундора... потомъ хочетъ взять на прокатъ маскарадный костюмъ и дать завтракъ въ англійской кофейной...

— Потомъ?

Гансъ понизилъ голосъ.

— Онъ хочетъ драться завтра въ шесть часовъ... Онъ никогда не бралъ въ руки шпаги, и потому хочетъ взять урокъ, чтобъ знать, по-крайней-мѣрѣ, пріемы.

Слушая продавца, баронъ фон-Родахъ невольно улыбнулся. Съ отеческою снисходительностью представлялъ онъ себѣ прекраснаго юношу, безпечнаго и беззаботнаго, бросающаго послѣдній лундоръ, чтобъ весело идти на встрѣчу смерти... Но вдругъ лицо его омрачилось. Въ гордомъ взглядѣ его выразилась нѣжная заботливость.

— Дуэль! проговорилъ онъ. — Въ эти лѣта! . Онъ, вѣроятно, былъ сильно озабоченъ?

— Да, онъ былъ очень озабоченъ тѣмъ, какъ бы достать деньги, чтобъ весело провести ночь! возразилъ Гансъ. — Онъ смѣялся, признаваясь мнѣ, что никогда не бралъ шпаги въ руки, но, не смотря на то, божился, что помучитъ своего противника и даромъ не дастъ убить себя...

— А противникъ его искусенъ? спросилъ Родахъ, нахмуривъ брови.

— Одинъ изъ первыхъ фехтовальщиковъ въ Парижѣ!

— Какъ его зовутъ?

— Молодой человѣкъ не говорилъ мнѣ этого.

Родахъ прошелъ еще нѣсколько шаговъ въ сильномъ волненіи. — Ему невольно и безпрестанно приходилъ на память разговоръ, подслушанный имъ на углу Улицы-Фонтановъ.

Гансъ слѣдовалъ за нимъ, опустивъ голову. Онъ былъ почти увѣренъ, что покровитель, появленіе котораго сначала столько его обрадовало, уже опоздалъ. Какъ отыскать молодаго челоѣка въ вѣстрой толпѣ масокъ? Они шли всего только одну ночь срока, потому-что на другой день ему предстоялъ поединокъ... поединокъ неровный, на который молодой Францъ шелъ какъ жертва, готовая пасть!

Пройдетъ нѣсколько часовъ, и надежда, на минуту пробужденная, исчезнетъ навсегда!..

Тѣ же мысли толпились и въ умѣ барона Родаха; но опасенія Ганса не могли сравниться съ болѣзнію, сжимавшею его сердце... Онъ много страдалъ въ свою жизнь, и въ эту минуту всѣ страданія его пробудились вмѣстѣ, какъ нѣсколько растравленныхъ ранъ... На юношѣ, которому угрожала смерть, сосредоточивались всѣ надежды, всѣ воспоминанія его. Годы и опытность закаляли его твердость, научили бороться съ несчастіемъ, и новый ударъ не сразилъ его. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, баронъ внезапно остановился и обратился къ Гансу:

— И ты не отговорилъ его?

— Вспомните, когда вамъ было восемнадцать лѣтъ, возразилъ торгашъ: — что бы вы отвѣчали тому, кто сталъ бы угонимать васъ наканунѣ перваго поединка?

— Я былъ безразсудно отваженъ! проговорилъ баронъ.

— Та же горячая, пламенная кровь течетъ въ жилахъ его, продолжалъ торгашъ: — всѣ ужасы ада не заставятъ его отступить на шагъ!

Въ глазахъ Родаха сверкнула молнія.

— Тѣмъ лучше! тѣмъ лучше! проговорилъ онъ какъ-бы невольно.

Гансъ глубоко вздохнулъ, и восторгъ барона прошелъ. Онъ сирексталъ руки на груди и нетерпѣливо топнулъ ногой.

— Однакожъ, я долженъ отыскать его! сказалъ онъ. — Времени немного, одна ночь!

— Я иду его пятнадцать лѣтъ! проговорилъ бѣдный Гансъ.

Родахъ вдругъ поднялъ голову.

— Ты говорилъ, что онъ хотѣлъ взять урокъ фехтованія? спросилъ онъ съ живостію.

— Да; только онъ больше заботился о маскарадѣ.

— Не сказалъ ли онъ, къ какому фехтмейстеру намѣренъ идти?

Гансъ почесалъ лобъ.

— Можетъ-быть и сказалъ, отвѣчалъ онъ: — да я не помню.

— Подумай! подумай! вскричалъ Родахъ съ жаромъ: — вспомни, дѣло идетъ о жизни его!

Бѣдный Гансъ продолжалъ чесать себя лобъ.

— Пойдите! проговорилъ онъ: — ахъ, Боже мой! Кажется, онъ сказалъ мнѣ... только я не знаю этого имени... пойдите... нѣтъ! не помню!

И онъ съ отчаяніемъ сдвинулъ лобъ обѣими руками.

— Пойдите! вскричалъ онъ вдругъ:—кажется, онъ сказалъ: «я пойду къ первому фехтмейстеру...»

— Но ния, ния!

— На языкъ вертится... пойдите! вскричалъ продавецъ платья, дѣлая невозможныя усилія, чтобъ преодолѣть свою память: — я слышалъ уже это ния... слышалъ... какъ зовутъ перваго фехтмейстера?

— Гризье.

— Гризье! вскричалъ Гансъ съ радостію.

Родахъ вздохнулъ изъ глубины души.

— Мнѣ кажется, сказалъ онъ:—что съ-тѣхъ-поръ, какъ я приѣхалъ въ Парижъ, самъ Господь ведетъ меня... Гансъ, другъ мой, наша добрая звѣзда не угасла еще на небѣ!

— Гризье! возразилъ торгошъ: — такъ и есть: Гризье!...

— Онъ будетъ спасень, сказалъ Родахъ: — если это тотъ, кого мы ищемъ, на козняхъ будемъ благодарить Господа!... А не онъ — такъ тѣмъ лучше для него!

Онъ пожалъ руку Ганса, перебросилъ конецъ плаща черезъ плечо, и скорыми шагами удалился.

Гансъ хотѣлъ еще что-то сказать, но незнакомецъ уже исчезалъ во мракъ. Только возлѣ фонарей рисовался черный силуэтъ его; да раздавались звуки шпоръ, ударявшихъ о плиты троттуаровъ.

VIII.

ПАТРИАРХАЛЬНАЯ СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ.

Контора банкирскаго дома Гельдберга, Рейнгольда и компаніи, находилась въ улицѣ Виль-д'Эвекъ, въ Предмѣстьи-Сент-Оноре, въ красивомъ зданіи, вѣроятно построенномъ какимъ-нибудь неиможею въ началѣ царствованія Людовика XVI и послѣ революцій впавшее во власть финансовой знати.

Независимо отъ главныхъ частей зданія, имѣвшихъ аристократическую наружность, г. фон-Гельдбергъ пристроилъ обширные флигеля, въ которыхъ множество писарей и прикащиковъ стальными перьями царапали разноцветную бумагу коммерческихъ книгъ.

Эти писари и прикащики считали себя втрое-важнѣе министерскихъ чиновниковъ. Высокое уваженіе, которымъ пользовался домъ Гельдберга, отражалось и на служащихъ у него.

И точно, любо было смотрѣть на эту образцовую контору. Тамъ, отъ конторщиковъ, украшенныхъ орденами, до старыхъ

наполеоновскихъ солдатъ, отворявшихъ двери, все внушало довѣріе, все было въ порядкѣ, спокойно, тихо. Шумъ лакированныхъ ботинокъ заглушали коврики; глаза, ослѣпленные бѣлоснѣжными галстуками, находили отдохновеніе въ зеленыхъ очкахъ.

Въ 1844 году, этимъ домоу управлялъ Авель-фон-Гельдбергъ, съ двумя главными компаньонами своего отца: кавалеромъ Рейнгольдомъ и богатымъ иностраннымъ докторомъ, по имени Хозе-Мира.

Г. фон-Гельдбергъ-отецъ былъ уже очень-старъ и истощенъ дѣятельною жизнью. Онъ принадлежалъ къ числу промышленныхъ и безпокойныхъ людей, трудящихся неусыпно, неутомимо и не пользующихся плодами своихъ усилій. Эти люди похожи на шелковичныхъ червей, дѣлающихъ себѣ коконы, въ которыхъ они умираютъ. Они накопляютъ милліоны, а признательные наследники ставятъ имъ мраморные памятники на Кладбищѣ-Отца-Лашеза.

Старикъ Гельдбергъ давно уже удалился отъ дѣлъ. Дѣти и компаньоны, питавшіе къ нему безпредѣльное уваженіе, угадали, будто-бы старикъ вполне наслаждался мирнымъ счастьемъ, заслаженнымъ трудами цѣлой жизни. Это было весьма-вероятно. Не смотря на то, въ конторѣ носились слухи, сильно противорѣчащіе мнѣнію блаженству стараго банкира. Говорили, что онъ совсемъ не по доброй волѣ удалился отъ дѣлъ. Послѣ игры, коммерція самое увлекательное изъ всѣхъ занятій. Всѣ знали, что старикъ Гельдбергъ былъ воплощенная коммерція. Можно ли было послѣ этого повѣрить везепной любви къ отдыху, успокоенію?... Говорили, что почтенный старикъ сдѣлался жертвой семейнаго разговора. Всѣ возстали противъ него: компаньоны, сыны, бластательная г-жа де-Дорансъ, графиня Лампюнь и даже Лія, кроткое дитя, съ нѣжною любовью и попечительностью ухаживавшая за отцомъ.

Если и было принужденіе, такъ ужъ во всякомъ случаѣ изъ воли старика: въ этомъ не было никакого сомнѣнія. Три дочери Гельдберга, ангелы кротости, не могли имѣть недобродѣтельныхъ намѣреній; Авель не многимъ уступалъ сестрамъ своими добрыми качествами, а компаньоны были самые благородные люди, самые великодушные друзья.

Старика заставили предаться покою; отъ него удалили всѣ хлопоты и труды, неприличные уже преклоннымъ лѣтамъ его. Онъ по прежнему былъ главой всего дома, и за власть, отнятую у него, ему платили двойною любовію, удвоеннымъ почтеніемъ. Компаньоны были его покорнѣйшіе слуги; дѣти обожали его; онъ былъ для всѣхъ идоломъ, — но идоломъ, поставленнымъ подъ стекло.

Старый Гельдбергъ покорился. Онъ уже не мѣшался ни въ какія дѣла, не зналъ, что дѣлалось, и когда компаньоны просили

у него совѣта, онъ на отрѣзъ отказывалъ имъ въ помощи своей многолѣтней опытности.

Гельдбергъ удалился отъ дѣлъ около конца 1838 года, въ самый разгаръ промышленныхъ сатурналіи, волновавшихъ всю Францію. До-тѣхъ-поръ, банкирскій домъ его ни разу не отступалъ отъ прямого пути древнихъ законовъ и обычаевъ. Онъ обиралъ ближняго по древней методѣ: самъ не рискуя ничѣмъ. Доходы его были чисты; счета ясны; онъ дѣйствовалъ навѣрную, и сундуки его наполнялись хоть не такъ быстро, но вѣстоианне.

Послѣ удаленія стараго Моисея отъ дѣлъ, внезапно произошла быстрая перемѣна. Коммандитство мало-по-малу проникло въ старый домъ; спекуляціи на асфальтѣ были введены казначеромъ Рейнгольдомъ; Авель и г-жа де-Дорансъ приобрѣли акціи на желѣзныхъ дорогахъ. Гельдбергъ и Компанія появились на четвертыхъ страницахъ журналовъ, и сундуки ихъ, превратившіеся въ бочки Данаилъ, поглотили милліоны, исчезнувшіе Богъ-вѣсть куда.

Не смотря на то, домъ сохранилъ свою прежнюю репутацію строгой честности. Однакожъ прежніе корреспонденты говорили, что еслибъ старый Моисей не удалился отъ дѣлъ, то дѣла пошли бы совсѣмъ иначе. Они прибавляли, что честный старикъ видѣлъ, понималъ всѣ эти спекуляціи и сильно горевалъ. Еслибъ стыдился показываться, онъ запирался на все то время, пока контора была отперта. Никто не смѣлъ тогда беззастѣночно его. Онъ хотѣлъ быть одинъ, рѣшительно одинъ, отъ десяти часовъ утра до пяти вечера.

Никто не зналъ, что онъ дѣлалъ въ это время. Тщетно дѣла старались проникнуть тайну отца — они ничего не узнали, а отъ-рихъ отвѣчалъ молчаніемъ на всѣ распросы ихъ.

Въ-продолженіе шести лѣтъ, каждый день, безъ всякаго исключенія, дверь комнаты его запиралась и отпиралась въ нѣкоторые часы.

Между-тѣмъ, въ комнатѣ его не было ничего такого, чѣмъ бы онъ могъ заняться. Онъ не занимался ни живописью, ни точніи, ни механикой; бібліотека его состояла изъ однихъ европейскихъ книгъ, на которыхъ лежалъ густой слой пыли: слѣдовательно, онъ и не читалъ. Онъ не спалъ, потому-что постель его вѣчно оставалась въ томъ видѣ, въ какомъ камердинеръ оставляетъ ее съ утра.

Что же онъ дѣлалъ?... Что же онъ дѣлалъ?...

Не писалъ ли своихъ мемуаровъ?

Загадка оставалась неразрѣшенною.

Въ пять часовъ, онъ сходилъ въ залу, очень-спокойно принималъ ласки дочерей, садился обѣдать, и вечеръ проводилъ съ дѣтей.

Отъ пяти часовъ до полуночи онъ велъ патриархальную жизнь.

Часть нижняго этажа была занята конторой. Основаніемъ ея, въ которую собирались компаньоны и которую администраторъ

конферанс-зидей, находивсь въ бель-этажѣ. Остальную часть нижняго этажа занималъ докторъ Хозе-Мира.

Въ бель-этажѣ правую сторону занималъ самъ старикъ. Лѣвую красныя де-Ламмонъ и Лиз. Въ серединѣ же находились парадные вѣхои.

Въ третьемъ этажѣ, Авель устроилъ себѣ красивую временную квартиру, потому-что у него былъ свой домъ въ центрѣ города. Въ этомъ же этажѣ жилъ и кавалеръ Рейнгольдъ.

За домомъ находился прекрасный большой садъ, выходившій на Улицу-Асторгъ. На концѣ этого сада были два уединенные кіоска, изъвѣстнѣе выходъ на улицу. Объ этихъ кіоскахъ носились забавные слухи. Конторщики рассказывали, что они служили любовнымъ похождениямъ герцогу де-Барбансаку, прежнему владельцу дома. Говорили также, что и герцогиня частенько возвращалась домой въ поздніе часы черезъ одинъ изъ кіосковъ. Впрочемъ, выходъ на улицу былъ какъ-бы нарочно для того устроенъ.

Одинъ изъ старыхъ конторщиковъ рассказывалъ еще, что однажды утромъ онъ собственными глазами видѣлъ, какъ рано утромъ изъ кіоска вышелъ мужчина, закутанный въ плащъ. Товарищи его хотѣли удостовѣриться въ справедливости этихъ словъ и нѣскольکو дней сряду караулили на углу Асторгской-Улицы. Но никто не выходилъ, и исторія была забыта...

Было около восьми часовъ вечера, и вся семья Гельдберга собралась въ маленькую гостиную въ бель-этажѣ. Тамъ, обыкновенно, старый Моисей любилъ сидѣть послѣ обѣда. Гостинная эта была убрана со всею роскошью и пышностью, приличною огромному богатству дома Гельдберга. Картины лучшихъ мастеровъ, изображавшія сюжеты изъ Вѣтхаго Завета, украшали стѣны. Мебель отличалась восточными формами и была разставлена по мѣстному ковру.

Гостинная была освѣщена двумя подсвѣчниками съ тремя свѣчами, по еврейскому обычаю. Въ одномъ углу стояла красивая курительница въ видѣ жертвенника и распространяла въ воздухъ благоуханіе.

Возлѣ камина, сидѣлъ г. фон-Гельдбергъ въ единственномъ креслѣ, находившемся въ комнатѣ.

Онъ былъ дряхлый старикъ. Рѣдкіе волосы, бывше какъ сѣдѣ, вѣсело лоснящіеся его черепъ. Лицо его было желто и перерезано безчисленнымъ множествомъ морщинъ. Онъ сидѣлъ согнувшись; подбородокъ его касался груди.

Впрочемъ, онъ былъ весьма-почтеннаго вида. Только по одному можно было узнать въ немъ Моисея Гельда, бывшаго ростовщика франко-урусской Юденгазес: по маленькимъ сѣрымъ глазамъ, жестотѣ которыхъ была утѣрена годами, но въ которыхъ по-прежнему вспыхивалъ еще внутренній огонь.

Онъ сидѣлъ неподвижно, устремивъ доверженный взоръ на дѣтей, собравшихся вокругъ его.

Возлѣ него сидѣла на подушкахъ старшая дочь его, Сара, — графиня де-Лорансъ. При свѣтахъ, красота ея была ослѣпительна. Черные глаза ея сверкали; нѣсколько рядовъ коралловъ прилаивали еще болѣе блеска чернымъ какъ смоль волосамъ ея. Вообще она покоилась на одну изъ поэтическихъ восточныхъ картинъ радости... Она полулежала на подушкахъ, опершись на ручку кресла отца. Въ этомъ положеніи всѣ формы ея обрисовывались наизящнѣе. Въ рукахъ ея была книга, которую она читала отцу тихимъ, низкимъ голосомъ.

За нею, мужчина лѣтъ сорока, разговаривалъ съ Эсмерью, этою дочерью Моисея.

Этотъ человѣкъ былъ слабаго сложенія; на лицѣ его было написано страданіе, и по-временамъ болѣзненные судороги искажали блѣдное лицо его. Въ промежуткахъ между судорогами лицо его было благородно, даже прекрасно; но эти минуты были весьма-рѣдки и коротки; чаще же всего онъ гримасничалъ, не въ состояніи будучи преодолѣть искажавшихъ его судорогъ.

Разговаривая съ графиней, онъ часто поглядывалъ на Сару, отвѣчавшую нѣжными улыбками на его взгляды и протаскивавшую къ нему иногда свою бѣлую ручку.

Человѣкъ этотъ былъ биржевой агентъ Леонъ де-Лорансъ, мужъ старшей дочери г. фон-Гельдберга.

Старый Моисей смотрѣлъ на нихъ съ видимымъ удовольствіемъ. Когда они сжимали другъ другу руку, старикъ улыбался, и когда Сара продолжала читать, онъ ласково кивалъ зятю головою. Сара была любимая дочь старика; онъ называлъ ее *Мадюткой*, и всѣ въ семьѣ подражали отцу.

На киванье тестя биржевой агентъ отвѣчалъ улыбкой, въ которой Моисей видѣлъ одно только счастье; но въ этой улыбкѣ было болѣе грусти... скрытой, подавленной, убійственной грусти!.. Въ ней можно было прочесть терпѣливыя страданія человѣка, долго борившагося съ несчастіемъ, но наконецъ потерявшаго всю надежду...

Видѣвшіе его вмѣстѣ съ женою думали, что, вѣроятно, любовь служила ему утѣшеніемъ въ тайныхъ страданіяхъ: Сара была такъ прелестна, и они, по-видимому, такъ хорошо понимали другъ друга! Грусть мужа приписывали единственно болѣзни: онъ умиралъ, и страдалъ тѣмъ болѣе, что въ жизни былъ такъ невыразимо-счастливъ...

Эсмерь, разговаривавшая съ нимъ въ эту минуту, ни мало не походила на сестру: она была высокая, красивая женщина во всемъ блескѣ молодости. Черты ея были идеальныя черты Сары; но въ общности ихъ было менѣе прелести. Въ полной и роскошной развитой талии ея не доставало женской граціи. Выраженіе ея лица было холодно и, казалось, въ глазахъ не доставало жизни.

Эсэиръ была графиня, но графиня Лампионъ. Титулъ принадлежалъ ей, фамилія надоѣдала. Одни недобротелатели называли ее гостежкой Лампионъ; друзья же забывали неприятную, неблагозвучную фамилію шара Франціи и называли ее просто графиней Эсэиръю.

Съ другой стороны камина, сидѣла за пальцами младшая дочь Моисея Гельда.

Лизъ была только восемнадцать лѣтъ. Талія ея, уже развитая, была совершеннѣе таліи Эсэири и граціознѣе таліи Сары. На вѣжнѣ, задумчивѣмъ лицѣ ея исчезалъ еврейскій типъ. Надъ прелестнымъ, бѣлымъ челомъ вились густыя, шелковистыя кудри съ каштановыми отливами. На устахъ — была серьезная, задумчивая улыбка.

Красота Лизъ заключалась не въ однихъ вѣнчаныхъ формахъ. Умъ блисталъ въ глазахъ ея. Въ рѣдкихъ улыбкахъ ея выражалась доброта и искренность. Она была еще очень-молода; но, вѣроятно, въ душѣ ея были уже воспоминанія, потому-что маленькіе пальцы ея разсѣянно водили иглой, и голова иногда задумчиво опускалась на грудь...

Когда Сара прерывала чтеніе, взоръ ея иногда останавливался на младшей сестрѣ; и въ эти минуты въ глазахъ Малютки было что-то злобное, коварное.

Лиза не замѣчала этого. Она ничего не замѣчала. Разговоръ агента съ Эсэиръю долеталъ до слуха ея невнятнымъ ропотомъ. Она сама бесѣдовала съ своимъ сердцемъ, и сердце ея прошептало только одно имя.

У Лизы была тайна. Сара не любила младшей сестры, а мадамъ Батальеръ была подкуплена Сарой...

Посреди комнаты, за карточнымъ столомъ, играли въ трикъ-тракъ кавалеръ фон-Рейнгольдъ и докторъ Хозе-Мира.

Молодой Авель фон-Гельдбергъ смотрѣлъ на игру съ видомъ человека скучающаго.

Авелью было двадцать-восемь лѣтъ. Онъ былъ стройный, красивый молодой человекъ, украшенный приличнымъ количествомъ волосъ на щекахъ, подбородкѣ и надъ губами; на шеѣ очень-граціозно сидѣлъ фешенебельный жакетъ нашего времени, такъ-часто обезображивающій людей самыхъ стройныхъ. Лицомъ онъ походилъ на графиню Лампионъ. Видно было, что онъ отличался блистательнымъ умомъ; но за то въ высшей степени обладалъ свѣтскимъ досеромъ, который придаетъ умъ глупцамъ, и дѣлаетъ умныхъ людей глупцами.

Онъ ужасно скучалъ въ эту минуту. По патриархальному обычаю, всѣ члены дома Гельдберга должны были пребыть часа два-три послѣ обѣда съ старикомъ-отцомъ. Авель зѣвалъ, но не уходилъ, и для развлеченія думалъ о ножкахъ танцовщицы или о фаворитной рыси сидѣй любимой лошади.

Кавалера фон-Рейнгольда мы описывать не будемъ. Читатели знакомы уже съ пріятной физіономіей человека въ бѣломъ пальто.

Что же касается до доктора Хозе-Мира, то двадцать лет времени не произвели ни малейшей перемены въ его наружности. Онъ не пожелдѣлъ и не состарился: онъ былъ все также худощавъ, блѣдный и холоденъ; лѣта его были также загадочны.

По-временамъ, онъ обращалъ суровый взглядъ на госпожу де-Лорансъ.

Рейнгольдъ же въ то время улыбался украдкой, но не говорилъ ничего, потому-что за нимъ вѣдалъ Авель.

Вечеръ голоеъ госпожи де-Лорансъ сталъ ослабнѣть, притворилъ ли или въ-самомъ-дѣлѣ отъ усталости.

Старый Моисей погладилъ морщинистою рукою прекрасныя темныя волосы дочери.

— Девалье, Малютка, довольно, сказалъ онъ ласково: — устала... отдохни.

Госпожа де-Лорансъ закрыла книгу и поцаловала руку отца:

— Читай ты теперь, Лиза, сказала она, вставая.

Молодая девушка отошла отъ пальца и сѣла на подушку, у ногъ старика.

Авель же занялъ мѣсто, оставленное младшей сестрой и пригнулъ ноги.

Малютка подошла къ столу. Безпокойный взоръ агента слѣдилъ за нею.

Она сѣла вѣдь кавалера фон-Рейнгольда. Впервые тѣмъ докторъ устремлялъ на нее съ ужаснымъ выраженіемъ...

IX.

Любящіеся супруги.

Кавалеръ съ сладкою любезностью поклонился госпожѣ де-Лорансъ.

— Продолжайте вашу игру, сказала Малютка: — вы можете говорить со мною играя... Здоровы ли вы, докторъ?

Хозе-Мира холодно и важно поклонился.

— Кавалеръ, продолжала Малютка: — скоро ли вы съ Рейнгольдъ поправитъ волосы.

— Сударыня, вскричалъ онъ: — о свадьбѣ я не могу еще сказать... но все идетъ хорошо, очень-хорошо!

— Такъ что же вы пишете?

— Мадмуазель д'Одмѣръ не приняла еще моего предложенія, но мать ея...

— Фи, кавалеръ! вскричала Малютка съѣвъ: — не унывай, такой человекъ, какъ вы, долженъ идти по побитой дорогѣ школы!...

— Хе, хе, хе! промолвилъ Рейнгольдъ.

— Неужели вы должны ожидать мать, чтобъ побѣдить дочь?...

— Средство это, быть-можетъ, очень-старо; но оно вѣрно.

— Какъ вамъ не стыдно!

Кавалеръ кинше и самодовольно улыбнулся, выставивъ на показъ два ряда бѣлыхъ вставныхъ зубовъ.

— Вы заставите меня думать, продолжала Сара: — что страшился соперника...

— О! возражалъ Рейнгольдъ: — Девизъ еще такъ молод!...

— Благотите, кавалеръ; она очень-хороша собою!... Не играйте, ради Бога, а не то москѣ де-Лорансъ прійдетъ сюда съ своими суррогатными пратерностями.

Рейнгольдъ захохоталъ и весело продолжалъ играть.

Длинные лапы Хосе-Мира остались строгими и неподвижными.

Баронесъ агентъ продолжалъ искоса смотреть на жену. — Аманъ молалъ. — Лиза читала. — Прекрасная графиня Лампюнь казалась снотой скуки.

— Желаю вамъ уснѣха, продолжала Малютка: — намъ д'Однеръ очень-богата... слѣдовательно, прекрасная партія!

— Все улаится тому, кто умѣетъ ждать, возразилъ кавалеръ: — притомъ же, мнѣ уже пора насладиться супружескимъ счастьемъ.

Малютка невольное уснѣхнулась и отвернулась. Взоръ ея встрѣтился вперъ агента, и она ласково кивнула ему головой.

— Сударыня, продолжалъ кавалеръ: — смотря на васъ, невольно влюбился супружескую жизнь...

Лицо доктора приняло сатанинское выраженіе.

— Правда, возразила Сара, не переставая улыбаться: — москѣ де-Лорансъ счастливый смертный!...

Она посмотрѣла Рейнгольду въ лицо, и въ глазахъ ея было что-то коварное, злкое.

— Желаю и вамъ такого же счастья, прибавила она.

Кавалеръ невольно опустилъ глаза.

Докторъ продолжалъ медленню кидать кости, не спуская взора съ Сары.

Она приблизилась къ столу и шепнула Рейнгольду на ухо:

— А молодой человѣкъ?... Конечно?

— Какой молодой человѣкъ? спросилъ кавалеръ.

— Смытъ дѣлава!...

Рейнгольдъ вздрогнулъ и изъ-подлобья посмотрѣлъ на доктора, который совершенно занятъ игрой.

— Чтѣ же? продолжала г-жа де-Лорансъ: — вы ошѣили?

— Сударыня, протворилъ Рейнгольдъ: — я не зналъ, что вамъ известно...

— Мнѣ все известно, кавалеръ, все...

— Я вижу, возразилъ кавалеръ съ любезностью: — что есть вѣсь трудно скрыть тайну... но есть вещи, которыхъ не слѣдуетъ говорить дамамъ...

Малютка потернѣлаво пожала плечами...

— Постыжте, сказала она: — что я не хуже васъ ~~у~~быть скромной... притомъ же, я не знаю этого молодого человека... я вполне одобряю способъ, придуманный вами, чтобы отомстить его во владѣніи отца...

— Какъ, отца? повторялъ Рейнгольдъ съ изумленіемъ.

— Давала! проворчалъ докторъ, весьма-довольный этой шутливой шуткой.

Рейнсаладу было нѣтъ-то холодно. Слова г-жи де-Франсетъ касались Франца и порученія, возложеннаго на Вераль. Кайзеръ поступилъ въ этомъ случаѣ неосторожно. Онъ вступилъ въ страннѣйшія сношенія съ негодяемъ, которому было поручено возвести Франца въ неравный павильонъ. Это могло окончиться для него довершеніемъ же бѣды, тайна его была въ рукахъ женщины, которая могла сделаться его врагомъ... женщины, способной на все!..

Но нельзя было болѣе скрывать. Сара знала все; следовательно, надобно было во всемъ признаться.

— Надѣюсь, сударыня, продолжалъ Рейнгольдъ: — что вы не имѣете мнѣ отиреканности, я не разсердился за то, что я обманулся безъ обиняковъ... Повторяю, мнѣ было бы пріятно, чтобы моя тайна не была вамъ известна... но такъ какъ кто-то былъ нужнымъ уведомить васъ обо всемъ, прибавилъ онъ, бросивъ быстрый взглядъ на Португальца, оставшагося холоднаго, — то я думаю словами отвѣчу на вашъ вопросъ... Дочь Гольдберга должна быть спокойна: молодой человекъ, будь онъ хоть однимъ дикимъ, какъ вы говорите, — скоро не будетъ въ состояніи вредить намъ.

— Такъ дѣло еще не кончено? спросила г-жа де-Морансъ.

— Вѣтра устроитъ все будетъ кончено.

Малютка опустила голову на спинку стула.

— Какъ дешево! произнесла она небрежно: — мнѣ не нужна, чтобы мнѣ была нужна чья-нибудь смерть, я ушла бы ободаться и безъ посторонней помощи.

— Сладко было бы умереть отъ вашей руки!.. началъ Рейнгольдъ, но Сара встала и прервала complimentъ его.

— Какая безконечная партія! сказала она: — простое, Кайзеръ, но я должна отнять у васъ вашего партнера... вы тайно обманывали, что докторъ мнѣ очень-полезенъ, открывая мнѣ предвѣстныя, неслыханныя вещи...

Португалецъ отодвинулъ стулъ и всталъ. Рейнгольдъ всталъ низко поклонившись.

Малютка опустила бѣлую ручку на руку доктора:

— Что новаго? спросила она.

— Ничего, отвѣчалъ Миръ.

— Описываетъ ли вы еще будущія вѣстности?

— Очень.

— Писалъ ли фан-Претъ?

— Два раза со вчерашняго дня.

— А лондонскій долгъ?

— Якожь Георги угрожаетъ рѣшительными мѣрами, если къ десятичному часу мы не заплатимъ ему.

— Сколько ему должны?

— Девять-сотъ тысячъ франковъ.

— А сан-Прету?

— Вдвое болѣе.

— А чѣмъ въ каassa?

— Нѣсколько сотъ лундоровъ.

Эти слова были произнесены скоро и такимъ тономъ, какъ-будто дѣло шло о самыхъ незначительныхъ предметахъ. Хозе-Мира былъ холоденъ и неподвиженъ; Малютка небрежно оперлась на его руку.

Она промолчала нѣсколько секундъ, потомъ произнесла шопотомъ:

— Дайте мнѣ оставшіеся лундоры.

— Завтра вы ихъ получите, возразилъ докторъ не колеблясь.

Сара не поблагодарила.

— Сейчасъ, другъ мой, сказала она нѣжно мужу, издали смотрящему на нее съ безпокойствомъ.

Но вместо того, чтобъ удалиться отъ доктора, она съ силой сжала руку его.

— Мосье де-Морансу, кажется, лучше? сказала она.

— Нѣтъ; отвѣчалъ Мира.

— Посмотрите на него хѣрошенько... Вы человѣкъ ученый... скажите, долго ли онъ можетъ еще прожить?

Мира обратилъ взоръ къ биржевому агенту, лицо котораго въ эту минуту страшно искажалось нервическими судорогами.

Докторъ покачалъ головой.

— Можетъ-быть, годъ, возразилъ онъ: — а можетъ-быть и мѣсяць.

Вдохъ, вырвавшійся изъ груди Малютки, противорѣчилъ улыбкѣ, несходившей съ лица ея.

Докторъ смотрѣлъ на нее пристально. Рука его дрожала; сердце сильно билось; виски были холодны и влажны; волненіе его; до-тѣхъ-поръ скрытое, становилось замѣтнымъ.

— Вы страстно любите! произнесъ онъ глухимъ голосомъ, исполненнымъ отчаянія.

— Да, отвѣчала Сара.

Молнія сверкнула въ глазахъ доктора, и щеки его покрылись синеютою блѣдностью.

Малютка отпустила руку его и громко, весело заговорила.

Слѣхъ радко рѣзавался въ маленькую гостиную Монсей Гельд-берга.

Искелъ не дожидаясь; полусонная Эсенръ оглянулась; Рейнгольдъ приблизился; биржевой агентъ улыбнулся, какъ-бы успокоившись,

Докторъ стоялъ неподвижно и съ изумленнымъ открытымъ и Сару.

— Ха, ха, ха! вскричала она, спустившись на ступь. — Докторъ чрезвычайно-забавенъ!... Леонъ, знаешь ли, что онъ такъ говоритъ?.. Ты никакъ не угадываешь!

Баронесой агентъ и не помышлялся угадывать.

Малютка продолжала хохотать.

— Докторъ, сказала она страшно, надо-бы утомившись отдохнуть: — докторъ хочет идти со мною въ пастораль!

Хазе-Мира отступилъ съ изумлениемъ.

— Bravo! вскричалъ Авазъ.

— Брависсимо! прибавилъ Рейнгольдъ.

— Такъ что же? вскричалъ агентъ разволнованный: — онъ идетъ или нѣтъ?

Докторъ опустилъ глаза и не смѣлъ поднять ихъ.

— Вы насмѣхаетесь надо мною, мосье де-Лорансъ, прошепталъ онъ, сдвигая губами: — но я не сдержусь не-доса: надо мною смѣются, а васъ убиваютъ!

Никто не разслушалъ этихъ словъ.

Пробило девять часовъ. Авазъ сталъ радостно поворачивать дверь. Эсмеръ проснулась, Лиза закрыла книгу.

Старый Моисей поцаловалъ въ лобъ каждого изъ своихъ детей, а Сару два раза; потомъ удалился къ себѣ и уснулъ съ мирнымъ совѣстью, съ счастьемъ на сердцѣ. Ему стоило столько труда дочерей. Ему нѣчего было болѣе желать въ этомъ мірѣ: онъ былъ счастливъ, вполне счастливъ!...

Молодой фон-Гельдбергъ усакавалъ въ клубъ.

Выходя изъ комнаты, Малютка шепнула Эсмеръ:

— Прійдешь?

— Прійду, отвѣчала Эсмеръ.

— Такъ до свиданія!

Сестры разстались, и Сара ушла съ мужемъ. Докторъ еще не сказала ему ни слова.

— Ты никуда не пойдешь сегодня, Сара? спросилъ г. де-Лорансъ, выходя изъ кареты.

— Не знаю, небражно отвѣчала Малютка.

Нѣсколько минутъ спустя, мужъ и жена съели ланчъ, потомъ жена въ спальнѣ г-жи де-Лорансъ. Это была прелесть, которую убранный Сарой не ея вкусу; а у нея было много вкуса. Вся окружающая ее была исполнена граціи.

Молчаніе, начавшееся въ каретѣ, продолжалось и у камина. Г. де-Лорансъ, казалось, уснулъ, и судороги его невольно дрожали. Она смотрѣла на него, размышляла о немъ, о его обаятельныхъ плечахъ, о его прекрасной фигурѣ, о его прекрасномъ голосѣ.

Десять лѣтъ прошло съ-такъ-поръ, какъ она жила въ Парижѣ, десять лѣтъ уже Парижъ считалъ его своимъ гражданиномъ, и съ каждымъ годомъ онъ открывалъ для себя новые таланты.

своей Сары; каждый день она казалась ему прелестью, полнотой; он любил ее страстно.

В минуту спящего лица его было прекрасно. Во взгляде его, устремленном на жену, выражалась любовь неограниченная, безраздельная...

Малютка опустилась в кресло и, по-видимому, совсем забыла о муже; глаза ее были устремлены в потолок, а маленькая ножка стучала по ковру.

Десять часов давно пробило. Сара позвала служанку. На лице г. де-Лоранса выразилось безмолвие. Служанка вошла.

— Ты можешь идти спать, сказала ей Сара.

Лицо г. де-Лоранса прояснилось, и он вздохнул, как-бы избавившись от великой опасности.

Сара опять устремила глаза в потолок, и опять жарко застучала ножкой.

За несколько минут до одиннадцати часов, она опять взглянула на часы и тогда только заметила присутствие мужа. Она посмотрела на него ласково, почти дружески. Этот взгляд сладостно, угнетительно проник в душу агента.

— О чем ты задумался, Леон? спросила Сара улыбаясь.

— Я думаю о тебе.

— Вечно обо мне! проговорила молодая женщина с сентиментальным вздохом.

Г. де-Лоранс встал и, слов взавз Малютки, взял ее руку и долго, долго целовал ее.

— Вечно о тебе! повторил он: — вечно!.. Что ты ни думай, Сара, а не заставишь меня разлюбить тебя!

Малютка сие изжить прежнего взглянула на него.

— Блудный Леон! проговорила она: — как ты добръ, и какъ бы я желала тебя ослепить!..

— Ты легко можешь это сделать, Сара... однимъ словомъ, однимъ взглядомъ, одной улыбкой!..

Голоса Сары опустились на плечо его, и мягкие черные волосы ее коснулись шеи биржевого агента... онъ поблбднлъ отъ негъ бытка счастья...

— Ты дорожишь собою, Леонъ, проговорила она: — ты добръ, благодаренъ, великодушенъ... ты имѣешь все, чтобъ быть любимымъ...

Г. де-Лоранс прижалъ руку къ сильно-биющемуся сердцу.

Голосъ Малютки прижалъ сие изжитѣе выраженіе.

— И я сама не знаю, отъ-того не могу любить тебя! прибавила она, пожимая голову.

Вспыхнувшій агентъ подругнулъ; холодъ пробѣжалъ по его шлбн, какъ-будто бы его поразилъ кинжаломъ въ самое сердце.

Сара продолжала смотреть на него изжитымъ, спомѣннымъ взглядомъ, подобнымъ яду, оставленному въ ранъ послѣ залосеннаго змея.

— Вы жестоки! сказалъ г. де-Лорансъ съ горбатымъ челомъ, но безъ гнѣва. — Вы знаете, Сара, что жизнь убиваетъ много. Смятись же нетъ разъ надо много, а не промашете опору, заставляющую меня страдать такъ сильно!..

Лицо его, за минуту еще прекрасное и спокойное, было теперь жестоко судорожно. Глаза его прищуривались, лобъ беспрестанно морщился.

Малютка продолжала нѣжно и кротко улыбаться.

— Я откровенна, сказала она: — и вы напрасно сердитесь на то, что я говорю вамъ правду... Но оставьте разговоръ, неприятный для васъ... Откройте, пожалуйста, окно.

Мужъ повиновался, не сдвигая затылокъ.

Когда онъ шелъ къ окну, Малютка слѣдовала за нимъ. Она не перемѣнила положенія; но въ глазахъ ея было что-то извѣстное.

Г. де-Лорансъ открывалъ окно, и струя холоднаго вѣтра проникла въ нагрѣтую атмосферу спальни. На улицѣ все было такъ пусто.

— Что вы видите? спросила Малютка.

— Ничего, отвѣчала биржевой агентъ: — только на углу стоитъ коляска.

— Хорошо, сказала Сара: — закройте окно... холодно!

Мужъ опять повиновался.

Нигда онъ обернулся, чтобъ порогнуться на свое мѣсто, нѣтъ! стояла передъ зеркаломъ и приглаживала волосы. Она не могла.

— Ты лжешь спать, Сара? сказала она. — Мнѣ пора спать...

— Какъ тебѣ нравится моя прическа? спросила Малютка, не отвѣта.

— Она очаровательна!.. Тебѣ все къ лицу!

— Безъ лести?

— Могу ли я лстить?..

Сара съ кокетствомъ посмотрѣла на него.

— Останься, сказала она тихимъ голосомъ: — оставь меня одну.

Г. де-Лорансъ съелъ съ радостію.

Сара пригладила волосы и вынула изъ шкафа новое шелковое платье и бархатную пелеру.

Бѣдный мужъ задрожалъ.

— Сударыня! вскричалъ онъ: — что вы хотите сделать?

Малютка разодѣла демино на кушетку и долго выбирала изъ множества нарядовъ, висѣвшихъ въ гардеробѣ.

— То же, что обыкновенно дѣлаютъ, когда наряжаются женщины. — Коляска, которую вы видите, ждетъ васъ.

Де-Лорансъ нахмурилъ брови; гнѣвное, недовольное лицо не было ссориться съ лицомъ его. Возмущенное достоинство вставало ему, что онъ имѣетъ право приказывать... но у него не было твердости. Любовь лишила его воли; страсть сдѣлала

рабѣмъ; десять лѣтъ провелъ онъ въ постоянной борьбѣ; десять лѣтъ шло на характеръ его дѣйствіе полустолѣтія... Онъ сопротивлялся сначала, былъ силенъ, твердъ; но сила и твердость его истощались въ постоянной борьбѣ, преодолевшей его сопротивленіе. Теперь въ слабѣмъ тѣлѣ его оставалась слабая душа; и физическое страданіе, возбуждавшее сожалѣніе свѣта, было только наружнымъ выраженіемъ моральной пытки.

Онъ промолчалъ...

Малютка сбросила пеньюаръ и подошла къ зеркалу, чтобы затянуть шнурки корсета:

Г. де-Лоранъ страдалъ невыразимо. Судороги подѣргивали и искажали лицо его, но онъ молчалъ; и только во взоръ выражалась все его отчаяніе.

Пальцы Сары проворно затягивали шелковую тесемку корсета, и съ каждой секундой болѣе и болѣе обрисовывалась прелестная ея талія. Завязавъ тесемку, она надѣла выбранное ею платье и сама старалась застегнуть его сзади.

Г. де-Лоранъ съ трудомъ переводилъ дыханіе. Онъ всталъ, чтобы уйти отъ зрѣлища, пожирившаго его внутренность.

— Останься, Леонъ, останься, сказала Сара: — ты мнѣ нуженъ, другъ мой.

— Сударыня, проговорилъ г. де-Лоранъ задыхающимся голосомъ: — пощадите меня!.. вы видите, какъ я страдаю...

— Какое ребячество! вскричала Малютка съ граціозной улыбкой: — посудите сами, Леонъ: слуги нескромны... и если я позову служанку, завтра весь Парижъ будетъ знать нашу тайну...

Съ безжалостнымъ намекомъ произнесла она предпоследнее слово.

Агентъ остановился въ нерѣшимости.

— Помогите мнѣ, продолжала Сара: — я не могу застегнуть платья... помогите...

Лоранъ подошелъ къ ней, блѣдный какъ смерть. Всѣ считали его счастливымъ, и онъ чрезвычайно дорожилъ этимъ мнѣніемъ. Счастье его было бы такъ велико въ действительности, что онъ дорожилъ даже предположеніемъ о немъ.

Онъ приблизился и дрожащими руками прикоснулся къ платью; но руки дрожали...

— Не могу! произнесъ онъ жалобнымъ голосомъ: — клянусь честію, не могу!

Сара только поворотила голову и кивнула ею какъ-бы для того, чтобы придать ему терпѣнія. Яркій румянецъ горѣлъ на щекахъ ея; глаза сверкали... никогда она не была такъ прекрасна!.. Ноги Лоранса поскользнулись; онъ упалъ на колѣни.

— Не могу! повторилъ онъ машинально и опустилъ голову:

— Попробуйте, возразила Сара. — Полноте, будьте же послушны!

Агентъ съ отчаяніемъ всплеснулъ руками; слезы брызнули изъ глазъ его.

— Послушайте! сказалъ онъ: — я знаю, что проживу недолго... подождите нѣсколько мѣсяцовъ, Сара... нѣсколько недель, если хотите... Когда я умру, вы будете свободны...

Сара пожала плечами съ улыбкой.

— Вы проживаете сто лѣтъ! возразила она.—Всѣмъ извѣстно, что первая боль — вѣрный признак долголѣтія!.. Ради Бога, неспѣшите!.. Мнѣ некогда...

— Сара! Сара! продолжалъ несчастный умоляющимъ голосомъ: — вы знаете, что я исполню желѣйшія ваши прихоти!.. Строго бы осудилъ свѣтъ страсти, тающуюся въ груди вашей: я скрываю все, я даже помогалъ вамъ... Сколько разъ провожалъ я васъ изъ дома ночью?.. Но вы уходили, чтобъ играть, Сара... Въ женскихъ страстяхъ къ игрѣ большой порокъ, но я забывалъ все изъ любви къ вамъ!.. Въ эту же ночь вы уходите изъ дома не для игры...

Сара ласково взяла мужа за руку, чтобъ заставить его встать, и спросила:

— Ну, что?.. Кончили ли вы?

Дорансъ схватился обѣими руками за голову; потомъ скоро всталъ и гордо поднялъ голову.

— Сударыня, сказалъ онъ голосомъ, которому искушение придадо твердость: — я не хочу, чтобъ вы выходили!

Малютка отступила отъ него и скрестила на груди руки. Грудь ее высоко подымалась; глаза метали молніи; страшно было взглянуть на нее.

— Вы не хотите! повторила она съ разстановкой, громкимъ, злымъ голосомъ.

Буржедой агентъ не отвѣчалъ. Около секунды онъ выдерживалъ неподвижный, грозный взглядъ жены... потомъ глаза его опустились.

На лицѣ Сары опять появилась улыбка, и она обратилась къ мужу спиной.

Дорансъ растегнулъ платье.

Сара надела domino и указала мужу на свѣчку.

— Посвѣтите мнѣ, сказала она.

Вмѣсто того, чтобъ выйти на большую лѣстницу, она пошла въ комнату мужа. Тамъ была круглая лѣстница, ведущая въ контору, которая находилась въ нижнемъ этажѣ. Проходя черезъ комнату мужа, Малютка взяла ключъ съ каминна, и имъ отворила дверь изъ конторы на улицу.

Не переступивъ еще за порогъ, она пожала руку мужу... рука эта была холодна какъ ледь.

— До завтра! сказала она, весело выскочивъ на улицу.

Г. де-Дорансъ долго оставался на одномъ мѣстѣ, неподвижный, бездѣльный, какъ мертвецъ.

— Пойду за нею! вскричалъ онъ, но тотчасъ же прибавилъ: — нѣтъ, нѣтъ!.. Я умру, если увижу!

Медленно и придерживаясь за перилы, взобрался онъ по лѣстни-

изъ къ себѣ и пошелъ въ комнату Сары. Тамъ онъ опустился на кресло, на которомъ прежде сидѣла Машутка и черезъ спинку котораго былъ перекинутъ пеньюаръ ея. Онъ тяжело дышалъ; въ груди его слышалось глухое хрипѣніе... Вдругъ онъ схватилъ пеньюаръ и съ безумнымъ упоеніемъ прижалъ къ нему губы.

— Она лишила меня всего, произнесъ онъ: — состоянія, чести... и жизни!.. Но я люблю ее, люблю!..

X.

Зала Гривзъ.

Сердце Франца было полно. Любовь его къ мадмуазель д'Олмеръ было чувство серьезное, глубокое. Помышляя о Денизъ, онъ старался быть возмужалымъ, укрощалъ порывы дѣтской радости, сосредоточивался въ самомъ-себѣ и наслаждался своимъ счастьемъ.

Дениза открыла предъ нимъ свою душу; она любила его, и все исчезало передъ этою мыслию: и предстоящій поединокъ, и удовольствія послѣдней ночи карнавала... Все это длилось, однакожъ, не болѣе получаса; потомъ рвзвая натура его взяла верхъ надъ томностью и мечтательностью; ему стало стыдно своихъ вздоховъ.

— Ей будетъ принадлежать послѣдняя мысль моя, проговорилъ онъ: — умирая, я произнесу ея имя... по до-тѣхъ-поръ, morbleu! надобно пожить — и пожить весело!

Разсуждая такимъ-образомъ, онъ шелъ по линіи бульваровъ, на которой толпился народъ; завернулъ въ первый попавшійся ресторанъ и пообѣдалъ очень-умѣренно, во-первыхъ, потому-что счастье лишило его аппетита, а во-вторыхъ, для того, чтобъ не слишкомъ умалить свое сокровище.

За десертомъ онъ нѣсколько успокоился. Только одна половина мыслей его принадлежала Денизъ; другая половина раздѣлялась на множество предметовъ: онъ думалъ о фехтованіи, о поединкѣ, о блестящемъ костюмѣ, о шампанскомъ, искрящемся въ длинныхъ рюмкахъ, о черныхъ глазкахъ, на него устремленныхъ... Въ этой смѣси была нѣкотораго рода профанція. Францъ понялъ это и насильно изгналъ воспоминаніе о Денизъ изъ ума своего, чтобъ не ставить ея въ параллель съ мечтами чувственныхъ наслажденій.

Онъ откинулъ назадъ длинныя кудри шелковистыхъ волосъ, гордо, рѣшительно поднялъ голову, выходя изъ ресторана, и прямо отправился къ костюмѣру, въ Визьенскую-Улицу. Тамъ онъ выбралъ себѣ костюмъ пажа среднихъ вѣковъ. То былъ миленькій костюмъ, въ которомъ сливались бархатъ, шелкъ, кружева и золото богъ большой исторической вѣрности, но съ рѣдкимъ вкусомъ.

Францъ принялъ его и посмотрѣлся въ зеркало.

Жена костюмѣра подала ему дамскій билетъ и засмѣялась.

— Наденьте маску, сказала она; — и вѣзъ пропустятъ даромъ.

Францъ опять раздѣлся.

— Я приѣду сюда одѣться въ полночь, сказалъ онъ.

Жена костюмѣра долго смотрѣла ему вслѣдъ, какъ-бы желая вознаградить себя за множество непріятныхъ фizioномій, которыя представлялись ей въ этотъ день.

На углу бульвара и Монмартрскаго-Предмѣстья есть узкій, длинный переулокъ, передъ которымъ всегда стоятъ три или четыре экипажа. Францъ вошелъ въ него и, подошедъ къ одному дому, спросилъ о чемъ-то привратника. Тотъ указалъ ему 3-й нумеръ, на дворъ.

Францъ, вѣроятно, долго бы проискалъ, еслибъ не услышалъ топая и звука шпагъ, ударявшихся одна о другую. Онъ восту-чался и вошелъ въ залу средней величины, наполненную людьми въ маскахъ и съ рапирами въ рукахъ.

Францъ вошелъ въ залу Гризье, фехтмейстера-литератора, ученики котораго принцы и поэты, — фехтмейстера, сѣмьющаго при-дать мысль рапирѣ и возведшаго свое искусство на высокую сте-пень разумнаго искусства.

Нашъ молодой человекъ съ робостью остановился у входа. Страш-ный шумъ и суматоха оглушили его; онъ не скоро могъ прийти въ себя.

Окинувъ все собраніе быстрымъ взоромъ, Францъ рѣшился на-конецъ выйти впередъ и спросить, гдѣ Гризье.

Ему указали на человекъ въ синемъ фракѣ, наблюдавшаго за дѣйствіями своихъ учениковъ.

Францъ пробрался до него и сказалъ ему нѣсколько словъ ти-химъ голосомъ. Фехтмейстеръ осмотрѣлъ его съ головы до ногъ..

— Извольте, отвѣчалъ онъ молодому человеку: — я къ вашимъ услугамъ.

Гризье снялъ фракъ, надѣлъ кожаный нагрудникъ и маску. Но, надобно было выждать, чтобъ очистилось мѣсто. Францъ спокойно осмотрѣлъ присутствующихъ.

Въ залѣ Гризье собиралось лучшее общество. Тамъ было нѣ-сколько молодыхъ русскихъ дворянъ, Англичане, Испанцы; тамъ были Александръ Дюма, великій романистъ нашего времени; Ро-жѣ де-Бовуаръ, умный рассказчикъ; Гриммъ, остроумный кри-тикъ... Съ тайною завистью смотрѣлъ Францъ, какъ дождь оги-владѣли рапирами, съ какою быстротою и живостью наносили и отражали удары.

Наконецъ, Гризье поставилъ его въ позицію и далъ ему рапиръ въ руки.

— Жаль, сказалъ онъ: — народа слишкомъ много.. Извольте слушать внимательно!..

По объясненію искуснаго учителя, Францъ въ нѣсколько ми-нутъ понялъ первыя правила фехтовальскаго искусства.

— Устали вы? спросилъ Гризье, по прошествіи четвертаго часа.

— Идти, отвечалъ Францъ.

И точно, лицо его было спокойное, дыханіе ровно, рука тверда. Гризье улыбнулся подъ маской.

— У васъ много присутствія духа, сказалъ онъ: — я не думалъ, что вы такъ сильны... Вашъ соперникъ нескоро одолѣетъ васъ!

— Постараюсь, отвечалъ Францъ. — Будемъ продолжать!

Гризье опять сталъ въ позицію и показалъ ему ударъ въ полъ-круга.

— Это вѣрнѣйшій ударъ для защиты, сказалъ онъ: — разъ, два, парируйте!

Францъ невиннолся, сначала довольно-неловко, потомъ вѣрно: После десяти или двѣнадцати разъ Гризье остался вполне доволенъ.

— Покажите же мнѣ теперь, какъ нападать, сказалъ Францъ.

— Не горючитесь! отвечалъ Гризье, опять улыбувшись: — до этого еще далеко!..

Увидѣвъ приготовленія Гризье къ асъ въ такой поздній часъ, присутствующіе съ любопытствомъ посмотрѣли на прекраснаго, но нѣжнаго и, по-видимому, слабаго юношу, впервые бравшаго въ руки рапиру. Все поняли, что дѣло шло о приготовленіи къ дуэли. Но никто не позволилъ себѣ сдѣлать нескромнаго вопроса, и вскорѣ все стали расходиться.

Зала уже порядочно опустѣла, когда дверь отворилась, и новое лицо вошло въ нее. То былъ человекъ, не въ первый разъ входившій къ фехтмейстеру. Онъ прошелъ прямо къ тому мѣсту, гдѣ Гризье училъ Франца, и скрылся за занавѣсью коихнати, гдѣ хранились платья.

Незнакомецъ былъ закутанъ въ широкій плащъ съ поднятыми воротничкомъ. Прешедъ за занавѣсь, онъ сѣлъ на табуретъ и оттуда, черезъ отверстіе, оставленное имъ въ занавѣсѣ, устремилъ взоръ на Франца, продолжавшаго брать урокъ.

— Устали вы? спросилъ еще разъ Гризье.

— Нѣтъ, отвечалъ Францъ, рука котораго начинала принимать твердость железа.

Однакожъ въ залѣ было жарко, особенно за занавѣсомъ, гдѣ топились шведскія печи.

Незнакомецъ откинулъ назадъ воротникъ плаща. Тогда Гризье узналъ его и протянулъ къ нему руку.

— Здравствуйте, баронъ Родахъ! сказалъ онъ: — давно мы васъ не видали!

— Я путешествовалъ, отвечалъ баронъ, и опять устремилъ взоръ на юношу.

Однакожъ, Францъ начиналъ уставать. Онъ опустилъ рапиру и потеръ руку.

— Я устану прежде, чѣмъ научусь атакѣ, сказалъ онъ.

— Нисколько! возразилъ Гризье: — до утра еще долго!

— Какъ бы не такъ! съ живостію превратъ его молодой человекъ:—у меня еще много другихъ дѣлъ въ эту ночь!

Въ залѣ оставалось не болѣе трехъ свидѣтелей и столько же за занавѣсомъ. Грязь посадилъ Франца на скамью и самъ сѣлъ вполѣ его.

— Побесѣдуемъ, сказалъ онъ: — пока рука ваша отдохнетъ. Скажите, вамъ очень хочется убить вашего противника?

Мысль объ этомъ не приходила еще въ голову Франца.

— Мнѣ все равно!.. отвѣчалъ онъ, пожавъ плечами.

— Кто кого оскорбилъ? Онъ васъ, или вы его?

— Онъ меня .. впрочемъ, я отплатилъ ему. Онъ сказалъ мнѣ: Вы плутуете! А я выплеснулъ ему цѣлый стаканъ вина въ лицо...

— Въ кофейной?

— Въ кофейной.

Грязь нахмурился. Онъ надвинулся, что причина посидѣлка была маловажна, а известно, что никто въ цѣломъ Парижѣ не мирится столыкихъ противниковъ, какъ Грязь.

— Вѣроятно, продолжалъ онъ, не теряя еще надежды: — вашъ противникъ одинъ изъ вашихъ товарищей, пріятелей?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Францъ: — это одинъ изъ тѣхъ молодцовъ, неприятели лица которыхъ часто встрѣчаются въ кофейныхъ и игорныхъ домахъ... Я узналъ имя его только по карточкѣ, которую онъ мнѣ далъ.

— А могу ли я узнать, какъ его зовутъ?

— Вердье, отвѣчалъ Францъ.

Грязь вздрогнулъ. Баронъ фонъ-Родахъ, незамѣтнымъ образомъ приблизившійся къ разговаривавшимъ, вздрогнулъ еще сильнее.

— Вердье! проговорилъ онъ, припоминая.—Гдѣ я слышалъ это имя!.. Помню, помню!.. подумалъ онъ, опустивъ руки. — Это человекъ, котораго я видѣлъ въ Улицѣ-Фонтановъ. Недаромъ я такъ внимательно вслушивался въ слова его... А! здѣсь запечатлѣлось у меня его лицо, — и онъ приложилъ руку ко лбу: — мнѣ не трудно будетъ узнать его!

— Вердье! повторилъ Грязь, насупивъ брови: — онъ жестоко владеетъ шнапой!.. Онъ первый изъ второстепенныхъ ~~жестокыхъ~~ шнапокъ. Знали ли вы это?

— Я думалъ, что онъ изъ первыхъ, отвѣчалъ Францъ.

— На что же вы надѣетесь?

— Ни на что... но и не боюсь ничего.

Противъ этихъ словъ, онъ улыбался, и ясный, свѣтлый взоръ его былъ устремленъ на учителя.

Грязь опустилъ голову.

— Молодой человекъ, сказалъ онъ: — по моему мнѣнію, подобный посидѣлокъ убійство, и я отказываюсь отъ содѣйствія...

— Милостивый государь, прервалъ его Францъ рѣшительно: — посидѣлокъ этотъ мнѣ нравится... Вы не можете средоточить несправедливости ему, потому-что честь обязываетъ насъ сохранить мою

тайну. Отказывая же мнѣ въ своемъ содѣйствіи, вы отнимаете у меня последнее средство спастись отъ опасности.

Гризье задумался.

— Если вы откажетесь дать мнѣ урокъ, продолжалъ Францъ: — я ужь не пойду къ другому фехтмейстеру, и завтра утромъ прямо отправлюсь на мѣсто поединка, а тамъ... что Богъ дастъ!

Гризье молчалъ.

Францъ всталъ.

— Прикажете мнѣ идти? спросилъ онъ.

Гризье осмотрѣлся; зала опустѣла; за занавѣсомъ былъ одинъ только баронъ Родахъ, но и его не было видно. Гризье знакомъ показавъ молодому человѣку, чтобъ онъ остался; потомъ всталъ и спялъ со стѣны двѣ острия шпаги. Францъ положилъ рапиру и взялъ одну изъ шпагъ, къ концу которой была прикрѣплена металлическая пуговица. У Гризье же осталась въ рукахъ шпага острая.

Францъ хотѣлъ надѣть фехтовальную рукавицу.

— Не пужно! сказалъ Гризье: — и маску снимите! Завтра вы будете безъ маски, и острія шпаги будетъ блистать предъ вашими глазами... Я не сомнѣваюсь въ вашей храбрости; но видъ обнаженной шпаги, направленной къ груди, ослѣпляетъ въ первый разъ людей самыхъ храбрыхъ... Я хочу, чтобъ вы привыкли!

Францъ всталъ въ позицію, и ассѣ снова начался. Гризье нарочно ставилъ молодого человѣка въ опасныя положенія, изъ которыхъ тотъ выходилъ съ ловкостію и удивительнымъ проворствомъ. Опытная рука учителя начинала уставать прежде руки ученика.

Когда же они перешли отъ парадъ къ атакамъ, тогда проявилась наружу вся живость Франца, которую онъ прежде умиралъ съ такимъ трудомъ. Невозможно было удержать его! Онъ съ такою пылкостью бросался впередъ, что Гризье долженъ былъ употреблять все свое искусство, чтобъ не ранить его.

— Если вы будете атаковать такимъ-образомъ, сказалъ онъ наконецъ:—то будете убиты при первомъ пассѣ.

Францъ незамѣтнымъ образомъ воспламенился; взглядъ его, дотѣ кроткій, сверкалъ грознымъ блескомъ. Онъ былъ въ какомъ-то упоеніи.

— Нѣтъ! вскричалъ онъ, откинувъ назадъ бьющую кудря. — Клянусь вамъ честію, завтра я буду хладнокровенъ!.. Я буду нарисовать какъ старикъ, буду рассчитывать каждую тьерсу, каждую кварту; буду описывать полукруги во всемъ правиламъ... Но теперь я только учусь поражать... Въ позицію, господинъ профессоръ!.. Парируйте, и не щадите меня.

Лезвія шпагъ крестились, и, съ неизвѣстною ловкостью воспользовавшись только-что полученнымъ урокомъ, Францъ вытянулъ руку... Гризье хотѣлъ нарисовать, но шпага юности съ такою силою ударила въ грудь его, что стала разлетѣлась на куски.

Баронъ Родахъ съ трудомъ удержалъ восклицаніе, готовое вы-
Т. XLVI. — Отд. I. 16

рваться изъ его груди; голова его горѣла, и рука старалась удержать сильное бѣненіе сердца.

— Какъ онъ прекрасенъ! думалъ баронъ: — и какъ храбръ!.. какъ мужество славныхъ предковъ его блеснётъ въ огненномъ зорѣ его!.. О, это онъ! онъ!

Гризьё съ минутой не могъ прійти въ себя отъ этого неожиданнаго удара; потомъ улыбулся, почувствовавъ невольное расположеніе къ незнакомому юношѣ.

— Это смертельный ударъ! сказалъ онъ, поклонившись: — возьмите другую шпагу, и будемъ продолжать.

Францъ бросилъ обломки шпаги и посмотрѣлъ на часы.

— Я еще знаю очень-мало, сказалъ онъ: — но ужъ поздно... мнѣ некогда... тѣмъ болѣе, что если я буду продолжать урокъ, такъ устану... а я намѣренъ протанцовать до утра.

Гризьё съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него и приторчалъ съ удовольствіемъ:

— Танцовать!

— Теперь половина двѣнадцатаго, продолжаетъ Францъ: — а въ семь часовъ утра, я долженъ быть за заставой Мальио... Говорятъ, мѣсто очень удобное... Итакъ, кому остается только семь утреннихъ часовъ жизни, тотъ имѣетъ право скупиться своимъ временемъ...

И онъ поспѣшно застегивалъ сюртукъ, обрисовывавшій тонкую, стройную его талію.

— Не забудьте, сказалъ Гризьё: — стать въ такомъ разстояніи, чтобъ конецъ вашей шпаги едва касался конца шпаги противника... Выступайте, парируйте, отвѣчайте и атакуйте!

— Помню, помню все, отвѣчалъ Францъ: — забуду только на ночь, а къ утру опять вспомню!

— Лучше бы совсѣмъ не забывать... замѣтилъ Гризьё.

— Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ Францъ: — теперь я весь предаюсь удовольствію... Прощайте! благодарю васъ, прибавилъ онъ, протянувъ къ Гризьё руку: — если я буду счастливъ, такъ завтра прійду, и скажу вамъ все дѣло... Еслижъ вы не увидите меня...

Онъ не договорилъ, а только безпечно махнулъ рукой и пошелъ къ выходу. Гризьё невольно, машинально послѣдовалъ за нимъ.

— Помните, говорилъ онъ голосомъ, дрожащимъ отъ внутренняго, сильнаго волненія: — переменяйте контры, чтобъ не отстать отъ вашего намѣренія... придумайте сперва парадъ согласно съ обстоятельствами, потомъ выпадайте!

— Благодарю, благодарю! вскричалъ Францъ, переступивъ за порогъ: — прощайте!

— Пойдите!.. вскричалъ ему Гризьё вслѣдъ: — пойдите! у васъ секунданты?

— Найду въ маскарадѣ! отвѣтилъ Францъ издали.

Гризьё воротился въ залу. Не смотря на грусть свою, онъ улыбнулся.

— Какой славный, храбрый юноша! говорилъ онъ:—поучиться бы ему!... Онъ перешеголялъ бы всѣхъ моихъ учениковъ.

Баронъ фон-Родахъ стоялъ посреди залы; Гризё не замѣчалъ его.

— Можетъ-быть, я и ошибаюсь, продолжалъ онъ, снимая нагрудникъ:—но мнѣ кажется, что онъ отдѣляется счастливо!...

— А я клянусь въ томъ честно! произнесъ мужественный, звучный голосъ Родаха.

Гризё вздрогнулъ и оглянулся. Онъ увидѣлъ въ дверяхъ только конецъ плаща и услышалъ шумъ шаговъ по каменной мостовой двора. Фехтмейстеръ опять бросился къ двери..

Въ подумракѣ переулка рисовалась высокая фигура барона Родаха...

V.

Человѣкъ въ трехъ костюмахъ.

Было три часа утра. Окна и стѣны въ залѣ Фаваръ дрожали отъ отчаянныхъ толкъ. Пострая толпа шумѣла, кричала, бѣсилась, словомъ — веселилась изо всей мочи. Люди безцеремонца, прикащики, конторщики, гризетки, студенты, лейтенанты и второстепенныя лоретки плясали до упаду; люди, считавшіе себя болѣе значительными особами, писаря, молодые журналисты и лакеи, пользующіеся довѣренностью и ключомъ отъ платянаго шкафа своихъ господъ, важно прохаживались въ черныхъ фракахъ.

Робкіе садились въ уголку и только изрѣдка дерзали заговаривать съ случайно-подходившими къ нимъ масками; смѣльчаки всѣмъ предлагали свое сердце и ужинъ; провинціалы шумѣли и брали за подбородокъ дурныхъ женщинъ, что у нихъ значить *интриговать*; опытные заглядывали подъ маски и выбирали.

Любовь была главнымъ предметомъ всѣхъ отрывчатыхъ и продолжительныхъ разговоровъ; всѣ мѣнялись, перекидывались сердцами; каждый мужчина былъ побѣдителемъ; каждая женщина любима. Нужно было много шампанскаго, чтобы залить этотъ общій пожаръ сердецъ...

Въ эту ночь, зала Комической-Оперы едва вмѣщала въ себя безчисленное множество масокъ. Плотная, сжатая толпа цѣлою массой двигалась, наполняя воздухъ общимъ глухимъ говоромъ, прерываемымъ женскими криками и громкимъ смѣхомъ.

Въ самой серединѣ лавки была пара, съ трудомъ протискивавшая себя дорогу и отыскивавшая, по-видимому, пріятелей, съ которыми разошлась. Въ этой парѣ былъ молодой человѣкъ высокаго роста, съ правильными, пріятными чертами лица, въ мундирѣ морскаго офицера, — и даже въ бархатной маскѣ. По высокому ро-

сту, его можно было принять за мужчину, но по граціи за женщину.

Молодому человѣку казалось около двадцати-пяти лѣтъ. На лицѣ, одушевленномъ удовольствіемъ, выражалась искренность, по вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкотораго рода слабость,—не слабость труса, но слабость человѣка довѣрчиваго, котораго легко увлечь и обмануть. Онъ былъ хорошъ собою; улыбка его была благородна и пріятна; сердце искреннее и легко-воспламенявшееся выражалось въ кротости его взгляда.

Этотъ молодой человѣкъ былъ виконтъ Жюльенъ д'Одмёръ, морской лейтенантъ въ отпуску, прибывшій въ Парижъ нѣскольکو часовъ назадъ и уже хорошо поужинавшій.

— Рѣшено, говорилъ виконтъ осматриваясь: — я буду твоимъ секундантомъ, Францъ, если ужъ ты не хочешь позволить мнѣ развѣдаться съ этимъ негодяемъ... Впрочемъ, ты хоть и моложе, но ловче меня и справишься тамъ, гдѣ я стану въ тупикъ... Да куда, къ чорту, дѣвались наши дамы?

— Я ихъ сейчасъ видѣлъ, отвѣчалъ Францъ:—но этотъ долго-вязый, въ немецкомъ костюмѣ, преградилъ намъ дорогу... Замѣтилъ ли ты, Жюльенъ, какъ онъ смотрѣлъ на меня?

— Я замѣтилъ только, что онъ подбирался къ моему голубому домино, отвѣчалъ лейтенантъ.—Готовъ биться объ закладъ, что они знакомы... Но я самъ умѣю угадывать хорошенькихъ женщинъ и отобью ее у него!

Францъ разсѣянно опустилъ голову.

— Какъ взоръ его слѣдилъ за мною! проговорилъ онъ, какъ-бы про себя: — онъ очень-хорошъ собою! Я бы желалъ походить на него!

— Вотъ еще! возразилъ Жюльенъ: — въ немецкомъ костюмѣ онъ похожъ на театральнаго героя!.. Но послушай, Францъ, мать моя все болѣе и болѣе сближается съ домомъ Гельдберга, и ты знаешь, что я самъ имѣю нѣкоторое вліяніе на одного изъ членовъ этой фамиліи...

— Не-уже-ли ты все еще хочешь жениться на графинѣ Эсмеръ? спросилъ Францъ.

— Разумется, возразилъ лейтенантъ: — мы, моряки, славимся постоянствомъ... Эсмеръ прекраснѣйшая женщина въ цѣломъ Парижѣ!.. Но не въ томъ дѣло: я хотѣлъ сказать, что можно бы помирить тебя съ Гельдбергомъ.

— Не надо, отвѣчалъ Францъ.

— Однако, ты самъ сейчасъ признался, что у тебя нѣтъ никакого состоянія...

— Нѣтъ... но все-таки я не хочу мириться...

— Какъ хочешь!.. Странно, однакожъ, что я полюбилъ тебя именно за твое упрямство, Францъ!.. Ты былъ еще ребенкомъ, когда я встрѣтился съ тобою въ первый разъ у Гельдберга, а между-

тѣмъ, ты умѣлъ уже говорить: «я хочу»... я же готовъ согласиться на все, чего другіе хотятъ непременно...

Францъ прервалъ его, съ силой сжавъ ему руку.

— Посмотри, сказалъ онъ, указавъ пальцемъ въ противоположную сторону.

— Нашъ Испанецъ! вскричалъ Жюльенъ, посмотрѣвъ по направленію пальца своего товарища: — только онъ перемѣнилъ костюмъ...

— И разговариваетъ съ ними! сказалъ Францъ.

Дѣйствительно, человекъ, на котораго указалъ юноша, разговаривалъ съ двумя дамами въ голубомъ и черномъ домино. Онъ былъ молодъ и отличался замѣчательно-пріятнымъ и веселымъ лицомъ. На немъ былъ красивый испанскій крестьянскій костюмъ, со множествомъ пуговицъ, съ кушакомъ, украшеннымъ бахромой и съ съточкой на головѣ.

Дамъ, съ которыми онъ разговаривалъ, можно было различить не только по цвѣту ихъ домино, но и по сложенію.

Черное домино было низкаго роста, граціозно, скромно. Голубое домино имѣло величественный станъ; нескромныя атласныя складки обнаруживали роскошную талію.

— Это онъ, вскричалъ Францъ: — впередъ! Я безъ ума отъ этой женщины... Проберемся къ нимъ.

— Чортъ возьми! отвѣчалъ Жюльенъ: — я тоже безъ ума, только отъ другой! Посмотри, Францъ, можетъ ли здѣсь которая-нибудь изъ женщинъ сравниться съ нею... Если этотъ проклятый Испанецъ ухаживаетъ за нею, я проучу его!..

Они стали пробираться, но подвигались медленно. На половинѣ дороги, замѣтили они, что Испанецъ взялъ подъ руки обѣихъ дамъ, и всѣ трое вышли изъ залы.

— Исчезли! вскричалъ Жюльенъ съ досадою.

— Я готовъ биться объ закладъ, прибавилъ Францъ: — что если мы пойдемъ за ними, то прокружимся напрасно всю ночь... Выйдемъ лучше въ противоположную дверь и пойдемъ къ нимъ на встрѣчу... на счастье!..

— Изволь, отвѣчалъ лейтенантъ. — Я увѣренъ, что та, которую я выбралъ, хороша собою, какъ ангелъ!

— А моя! вскричалъ Францъ: — представь себѣ, Жюльенъ, прибавилъ онъ, слегка покраснѣвъ: — что я влюбленъ, влюбленъ не шутя...

— А, ба! произнесъ молодой виконтъ: — въ черное домино?..

— Совсѣмъ нѣтъ... въ молодую дѣвушку, которая чиста, мила...

— Непорочна и обворожительна! продекламировалъ Жюльенъ: — знаемъ! это старая пѣснь!..

Францъ посмотрѣлъ на него съ боку, какъ-бы желая удержать-ся отъ смѣха.

— Непорочна и обворожительна! повторилъ онъ: — именно, Жюльенъ, ты правду сказалъ... не смотря на то, это проклятое черное домино околдовало меня!

— Здѣсь ли твоя непорочная? спросилъ лейтенантъ.

— Фя! возразилъ Францъ. — Я уже сказалъ тебѣ, что она невинное, кроткое дитя... Представь себѣ, Жюльенъ, хоть мать твою, когда она была молода... или сестру...

Францъ сильно покраснѣлъ, и, забывъ, что лицо его закрыто маской, отвернулся, чтобъ скрыть свое смущеніе. Но Жюльенъ д'Одмеръ не понялъ смысла словъ и не замѣтилъ смущенія его.

— Ты невольно пробудилъ во мнѣ угрызенія совѣсти, Францъ, сказалъ онъ: — я настоящій школьникъ!.. Только-что пріѣхавъ въ Парижъ, я прочиталъ на аффинѣ, что здѣсь маскарадъ и, вмѣсто того, чтобъ идти къ матери, нетерпѣливо меня ожидающей, наряжился какъ могъ и отправился прямо сюда... Скажи мнѣ, по-прежнему ли мила и хороша собой Дениза?

— Она очаровательна! отвѣчалъ Францъ вполголоса.

— И мать моя все еще хочетъ выдать ее за кавалера Рейнгольда?

Францъ еще болѣе понизилъ голосъ и отвѣчалъ:

— Я слышалъ объ этомъ, но никогда не вѣрилъ... мадмуазель д'Одмеръ такъ прелестна, а кавалеръ такъ старъ!

— Отъ-чего же? возразилъ Жюльенъ; — у него нѣтъ ни одной сѣдинки...

— Еще бы! на парикъ!

— И зубы цѣлы...

— Вѣтвые!

— Онъ свѣжъ какъ розанъ...

— Румянится!

— Онъ хорошо сложенъ...

— Весь на вать!

— Онъ миллионеръ.

— Противъ этого я ничего не могу сказать... Но съ-тѣхъ-поръ, какъ я отошелъ отъ Гельдберга, не знаю, что дѣлается въ свѣтѣ... А ты, Жюльенъ, не-уже-ли серьезно намѣренъ жениться на графинѣ?

— Друга мой, мать моя очень желаетъ этого, отвѣчалъ лейтенантъ: — притомъ же, графиня богата... и, не шутя, мнѣ кажется, я влюбленъ въ нее.

Францъ хотѣлъ что-то сказать, но промолчалъ. Она подходила уже къ двери, противоположной той, въ которую вышли Испанецъ съ двумя дамами. Францъ еще разъ оглянулся.

— Что это? вскричалъ онъ, внезапно остановившись. — Посмотри, Жюльенъ, посмотри!

Лейтенантъ вскрикнулъ отъ изумленія.

На томъ мѣстѣ, откуда за нѣсколько минутъ ушелъ Испанецъ, стоялъ незнакомецъ въ нѣмецкомъ костюмѣ и спокойно смотрѣлъ на толпу.

— Онъ опять переодѣлся! произнесъ Жюльенъ съ изумленіемъ.

— Не можетъ быть! Онъ не имѣлъ времени, возразилъ Францъ.

— И посмотри: за нѣсколько минутъ онъ былъ веселъ, а теперь грустенъ.

— Правда.

— Однакожь, это тотъ самый человѣкъ... въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнiя.

— Ни малѣйшаго!

— Тутъ вѣрно скрывается какая-нибудь тайная исторiя... и я желалъ бы узнать...

Францъ замолчалъ и, покачавъ блокурой головой, продолжалъ печально:

— Да мнѣ какое до этого дѣло? Мнѣ некогда разгадывать загадокъ... Будемъ искать нашихъ дамъ, Жюльенъ; онѣ должны быть теперь свободны и, можетъ-быть, насъ ищутъ.

Они сошли съ лѣстницы, ступени которой были покрыты толпою. Жюльенъ часто оглядывался, чтобъ удостовѣриться, не слѣдовало ли за ними везнакомецъ. Францъ о чемъ-то думалъ.

— Ты дворянинъ, Жюльенъ, сказалъ онъ наконецъ, когда они вошли въ большую залу: — слѣдовательно, у тебя должны быть болѣе-строгiя правила, нежели у насъ, дѣтей случая... Еслибъ ты любилъ женщину богатую, прелестную и, подобно тебѣ, благородную, и вдругъ случайно встрѣтилъ ее въ одномъ изъ тѣхъ публичныхъ мѣстъ, гдѣ женской добродѣтели трудно уцѣлѣть вполне... сдѣлай, далъ ли бы ты этой женщинѣ имя своего отца?

— О какомъ публичномъ мѣстѣ говоришь ты?

— Мало ли ихъ! На-примѣръ, въ маскарадѣ?

Лицо лейтенанта приняло серьезное выраженiе.

— А зачѣмъ ты это спрашиваешь? проговорилъ онъ.

— Такъ, ни зачѣмъ.

Жюльенъ задумался.

— До-сихъ-поръ я любилъ только одну женщину, отвѣчалъ онъ наконецъ: — эта женщина — Эсмеръ фон-Гельдбергъ, которую я зналъ еще до замужества, когда мы были бѣдны и когда я былъ только товарищемъ въ конторѣ банкирскаго дома Гельдберга и Юнги. Я давно люблю ее, хоть и не люблю говорить объ этомъ... Однажды, еслибъ я увидалъ Эсмеръ на балу, такъ завтра уѣхалъ бы, уѣхалъ навсегда, забывъ все мечты о счастii. Но еслибъ кто-нибудь сказалъ мнѣ, что увидалъ ее здѣсь, я отвѣчалъ бы ему, что онъ лжетъ и — убилъ бы его!

Въ глазахъ Жюльена д'Омьера выразилась неожиданная рѣшимость. Безпечная слабость и мягкость характера его уступили мѣсто внезапной твердости. Францъ опять хотѣлъ что-то сказать, но удержался — промолчалъ.

— А еслибъ это сказалъ тебѣ другъ? проговорилъ онъ.

Брови лейтенанта нахмурились. Онъ промолчалъ съ минуту, пристально смотря въ глаза своему товарищу.

— Развѣ ты видѣлъ ее? произнесъ онъ глухимъ голосомъ.

Францъ колебался. Жюльенъ могъ бы прочесть отвѣтъ на лицѣ

его, еслибъ оно не было закрыто маской. Подумавъ съ минуту, молодой человекъ принужденно захохоталъ.

— Какой вздоръ! вскричалъ онъ:— графиня спокойно почиваетъ въ домъ своего отца, и вамъ, почтенный виконтъ, не за что убивать меня!..

Лицо Жюльена прояснилось.

— Ты напугалъ меня, сказалъ онъ улыбаясь. — За те ты долженъ объяснить мнѣ, кто эти дамы, которыхъ мы ищемъ... Я уверенъ, что ты знаешь обѣихъ.

— Можеть-быть, возразилъ Францъ: — но сказать не могу, кто онѣ.

— Bravo! Ты скромнень.

— Онѣ обѣ знатныя дамы...

— Я такъ и думалъ! Далѣе?

— Ничего больше сказать не могу... Тайна чернаго домино принадлежитъ мнѣ вполнину; потому-то я и храню ее... Тайна голубаго домино до меня не касается; какъ же я могу открыть ее!..

— Хороша ли она собой?

— Прелестна!

— Ты въ томъ увѣренъ?

— Совершенно.

— Больше мнѣ и знать не нужно! вскричалъ лейтенантъ весело.— До прочаго мнѣ и дѣла нѣтъ... Но вотъ, кажется, одна изъ нихъ!.. Тамъ... въ концѣ залы!..

— Голубое домино! вскричалъ Францъ:— и Испанецъ... удивительно! прибавилъ онъ:— непостижимо!..

— А съ другой стороны и черное домино! сказалъ лейтенантъ:— послушай, Францъ, употребимъ хитрость... Ты ступай налѣво, а я направо... не будемъ терять ихъ изъ вида... и какъ бы онѣ ни уклонялись, одинъ изъ насъ все-таки встрѣтитъ ихъ.

— Прекрасно! сказалъ Францъ:— на счастье!..

Они разстались и пошли въ разные стороны. Но вскорѣ тамъ сбива ихъ съ пути, и они потеряли изъ вида не только оба домино, но и другъ друга. Пока Францъ употреблялъ все усиліе, чтобъ пробраться впередъ, кто-то взялъ его подъ руку и тихимъ шепотомъ на-ухо:

— Подарить тебѣ мое сердце, очаровательный пажъ?

Францъ былъ рѣзовъ отъ природы и по лѣтамъ. Не зная, чѣмъ можетъ кончиться это приключеніе, онъ отвернулъ голову къ женщине, намѣревающейся помучить своего обожателя.

Но это не лишило смѣлости обожателя.

— Прелестный пажъ, продолжалъ онъ:— я уже цѣлый часъ слѣдую за тобою... морякъ, съ которымъ ты сейчасъ гуляла, долженъ быть глупъ, потому-что оставилъ тебя одну... Посмотри на меня, я гораздо-красивѣе его!

Францъ употреблялъ все усиліе, чтобъ не захохотать и вскричалъ:

отворачивалъ голову. По голосу и неровнымъ движеніямъ своего обожателя, Францъ понялъ, что онъ былъ пьянъ.

Между-тѣмъ, волокита продолжалъ изъясняться въ любви. Ободренный молчаніемъ Франца, онъ схватилъ его за талію и чмокнулъ въ щеку.

Францъ отъѣхнулъ ему ударомъ кулака — однимъ изъ тѣхъ ударовъ, которыми такъ щедро надѣляютъ другъ друга веселящіеся на публичныхъ балахъ просвѣщеннѣйшей столицы въ мірѣ.

Еслибъ не было давки, волокита упалъ бы навзничъ.

Францъ огленулся и остобенѣлъ. На лицѣ его выразилось величайшее изумленіе. Обожатель его былъ не кто иной, какъ незнакомецъ въ нѣмецкомъ костюмѣ! Только онъ еще разъ пересодѣлся. Теперь на немъ былъ армянскій костюмъ.

Юноша осматривался, какъ-бы спрашивая у толпы объясненія этой странной тайны. Толпа же смотрѣла на нихъ и громко смѣялась. Онъ опять изглянулъ на Армянина, чтобъ замѣтить на лицѣ его какое-нибудь отличіе... но нѣтъ! Это былъ тотъ же самый человѣкъ... спокойный и серьезный въ нѣмецкомъ костюмѣ; веселый, смѣющийся въ испанскомъ; а теперь пьяный, безпечный и хохотавшій тяжелымъ смѣхомъ человѣка совершенно-опьянѣвшаго!..

III.

Два домино.

Армянинъ продолжалъ хохотать, смотря на молодого пажу. Пажъ не могъ ни смѣяться, ни сердиться: такъ велико было его изумленіе. Онъ вперилъ глаза въ страннаго человѣка, измѣнявшагося передъ глазами его подобно Протею, и не смотря на то, что рѣшился волюнъ предаться одному удовольствію, старался разгадать тайну... Что значили эти превращенія?.. Были ли они слѣдствіемъ заклада?.. Или пересодѣвался онъ для одного своего удовольствія?.. Не было ли у него серьезной цѣли?.. Но какой?

Группы, образовавшіяся вокругъ Армянина, осыпали его шутками. Армянинъ бойко отвѣчалъ. Францъ съ изумленіемъ замѣтилъ сходство и выѣстъ съ тѣмъ различіе веселаго лица пьянаго съ задумчивымъ, даже печальнымъ лицомъ незнакомца, съ которымъ онъ уже два раза встрѣчался...

Вдругъ раздался рѣзкій, пронзительный крикъ.

Лицо Армянина внезапно измѣнилось; онъ пересталъ смѣяться; глаза его засверкали; онъ выпрямился. Все различіе между нимъ и человѣкомъ въ нѣмецкомъ костюмѣ исчезло.

Выпрямившись, насупивъ брови и наклонивъ на одно плечо голову, Армянинъ, по-видимому, прислушивался. Онъ протрезвился

и въ глазахъ его, за минуту отуманенный, заблесталъ лучъ юн. Онъ пересталъ отвѣчать на шутки окружающихъ его.

Два или три секунды спустя раздался другой крикъ, подобный первому.

Армянинъ бросился въ толпу и по прямой линіи пошелъ прямо туда, откуда слышались крики.

Францъ понялъ, что эти крики служили сигналомъ. Онъ хотѣлъ было броситься вслѣдъ за Армяниномъ, но толпа отодвинула его. Тщетно старался онъ пробраться впередъ... Армянинъ скрылся.

Тогда молодой человекъ обратился опять въ ту сторону, гдѣ видѣлъ оба домино. Они были еще тамъ, но уже безъ Испанца, о которомъ они, по-видимому, забыли.

— Какая неосторожность! говорило голубое домино, наклонившись къ уху своей подруги.—Я боюсь, чтобъ Жюльенъ не узналъ меня!..

— Бя! возразило черное домино, пожавъ плечами:—виконтъ д'Омьръ не колдунъ... онъ не узнаетъ насъ.. а эта маленькая обманчивость придаетъ некоторую прелесть нашему приключенію... ничто жъ бы смертельно соскучилась!..

Такое утѣшеніе не слишкомъ подѣйствовало на голубое домино; покачавъ головой, оно отвѣчало:

— Тебѣ легко говорить, сестра... маленькій Францъ знаетъ тебя только подъ вымышленнымъ именемъ... Ты здѣсь мадамъ Луиза де-Линьи, и свѣтъ не обвинить тебя въ проступкахъ этой дамы... но меня Жюльенъ знаетъ; одной догадки его достаточно, чтобъ погубить меня!

— Развѣ ты его любишь? спросило черное домино.

— Онъ корюшъ собою.

— Любишь ли ты его?

— Онъ знатенъ.

— Да любишь ли?

— Онъ богатъ, и морской мундиръ мнѣ нравится...

Они находились въ отдаленномъ углу. Вокругъ нихъ была плотная ограда черныхъ фраковъ. Жарко; они задыхались въ жаркихъ маскахъ. Свѣтъ на ближайшую скамью, они подняли черныя бархатныя маски, обшитыя вверху кружевами и опустили каюшонцы. Не смотря на послѣднюю предосторожность, при яркомъ свѣтѣ люстръ и канделявъ нижняя часть лицъ ихъ была замѣтна.

Въ голубомъ домино можно было узнать правильное, прекрасное лицо графини Эсеири; подъ чернымъ домино скрывались грациозная талія и пламенные черты госпожи де-Лорансъ.

Она насмѣшливо смотрѣла въ эту минуту на сестру.

— Я не спрашиваю болѣе, любишь ли ты его, Эсеири, продолжала она:—тебѣ нравятся наружность, имя, богатство и мундиръ его... этого довольно!.. Что же касается до меня, я была безъ ума отъ молодого Франца...

— Онъ удивительно милъ!..

— Онъ мальчишка!.. Это мимолетная прихоть... я выжусь съ нимъ въ послѣдній разъ...

— Но онъ будетъ искать тебя... преслѣдовать... Сара презрительно пожала плечами.

— Я знаю, что ты умѣла принять свой мѣры, сказала Эсмеръ, но г. де-Лорансъ можетъ случайно узнать...

Сара прервала слова сестры еще болѣе презрительнымъ движеніемъ.

— Францъ знаетъ только г-жу де-Лишій, отвѣчала она: — а г-жа де-Лишій вдова.

Малютка очень ошибалась. Францъ былъ писаремъ въ домѣ Гельдберга, следовательно не могъ не знать дочерей стараго банкира. Сара же не знала его. Хотя онъ довольно-часто являлся на балы Гельдберга, однакожь игралъ тамъ такую ничтожную роль, что Сара, блистательная царица этихъ баловъ, очень-легко могла не замѣтить бѣднаго писца, замѣшаннаго въ толпѣ.

Есть пословица, которая говоритъ, что всѣ видятъ солнце, но солнце не всѣхъ видятъ.

Въ-отношеніи къ Францу, Сара была солнцемъ.

Когда Францу отказали отъ мѣста въ конторахъ отца ея, тогда только г-жа де-Лорансъ встрѣтилась съ нимъ случайно. Онъ былъ молодъ; въ характеръ его замѣчалась смѣсь робости и смѣлости, пробуждающая въ свѣтскихъ женщинахъ тайныя желанія. Сара полюбила молодаго челоѣка; но прихоть ея была столько же коротка, какъ пламенная и необузданна. Францъ отплатилъ ей тою же монетою. На прихоть опытной кокетки, онъ отвѣчалъ прихотью ребенка. Только прихоть Франца еще продолжалась, когда прихоть дочери стараго Жида уступала уже скукѣ.

Сара была такъ очаровательна и увлекательно-кокетлива! Юноша оставался подъ вліяніемъ очарованія; онъ хотѣлъ выпить до послѣдней капли упоительный напитокъ, котораго коснулись дѣвственныхъ уста его. Итакъ, преимущество было на сторонѣ г-жи де-Лорансъ, что весьма-натурально въ борьбѣ неопытнаго юноши съ тридцатилѣтнею кокеткою, знакомою со всеми тайнами женской дипломатіи. Но это преимущество было только мнимое, потому-что у кокетки была тайна, а юноша случайно узналъ эту тайну.

Наступила минута молчанія между двумя сестрами; потомъ графиня продолжала тѣмъ небрежнымъ и равнодушнымъ тономъ, который женщины употребляютъ, чтобъ выразить мысль, наиболѣе ихъ занимающую:

— Вѣроятно, у маленькаго Франца есть болѣе-счастливый соперникъ...

— Можетъ-быть, отвѣчала г-жа де-Лорансъ.

— Хорошо ли ты знаешь этого барона Рѣдаха, Сара?

— Довольно-хорошо... а ты?

— И я... Гдѣ ты познакомилась съ нимъ?

— Въ Гомбургѣ, два года назадъ... а ты?

— Въ Баденѣ; тоже два года...

Сестры искося посмотрѣли другъ на друга.

— Не баронъ ли Родахъ, продолжала Эсэиръ: — причиной твоего равнодушія къ бѣдному Францу?

Сара въ первый разъ замѣчала такую провинительность въ сестрѣ своей.

— Не баронъ ли Родахъ, возразила она: — причиной твоего сегодняшняго любопытства?..

Молодая вдова покраснѣла и поспѣшно надѣла маску. Сара лукаво улыбнулась. Она хотѣла продолжать разговоръ, какъ вдругъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, увидѣла молодаго виконта д'Одмѣра, внимательно разсматривавшаго всѣ доминьо. Она поспѣшно надѣла маску.

— А-га! радостно вскричалъ лейтенантъ, замѣтивъ ихъ: — я нашелъ васъ, *belles dames*, и теперь ни за что отъ васъ не отстану. А куда вы дѣвали вашего Испанца, *mesdames*? продолжалъ лейтенантъ: — вотъ чудакъ! онъ такъ скоро переодѣвается, что я не успѣлъ бы въ это время повязать галстухъ!

— Что вы говорите? спросило черное доминьо, измѣняя голосъ.

— Я говорю, отвѣчалъ лейтенантъ: — что съ-тѣхъ-поръ, какъ вы ушли отъ насъ, мы съ Францомъ видѣли его то Нѣмцемъ, то Испанцемъ... Право, я ожидаю встрѣтить его еще въ какомъ-нибудь турецкомъ костюмѣ!..

— Именно, сказалъ подошедшій къ нему въ это время Францъ: — я видѣлъ его сейчасъ въ армянскомъ костюмѣ... онъ былъ мертвецки-пьянъ.

— Не-уже-ли? вскричалъ Жюльенъ съ изумленіемъ.

— Это еще не все! продолжалъ Францъ: — но за столомъ я вамъ все разкажу... *Mesdames*, прибавилъ онъ, обращаясь къ сестрамъ: — мы такъ боимся опять потерять васъ, что не отойдемъ ни на шагъ...

Сара скучала; она подала руку Францу. Эсэиръ давно уже привыкла слѣдовать примѣру сестры своей, указавшей ей путь, по которому она теперь шествовала болшими шагами. Она подала руку лейтенанту. Опасеніе быть узнавшею кинуло ее въ дрожь.

Объ пары направились къ выходу.

Францъ и Жюльенъ осматривались по сторонамъ, но нигдѣ не замѣтили фантастическаго человѣка, явившагося имъ въ трехъ образахъ. Въ залахъ не было уже ни Нѣмца, ни Испанца, ни Армянина ..

На крыльцѣ и въ окрестныхъ улицахъ была та же страшная толпа. Наши кавалеры пробирались съ трудомъ, употребляя всѣ усилія, чтобъ защитить своихъ дамъ отъ толчковъ и разныхъ другихъ непріятныхъ прикосновеній. Вслѣдъ за уносившею ихъ толпою, они вошли въ переулокъ, полусвѣтъ въ которомъ казался имъ глубокимъ мракомъ въ сравненіи съ яркимъ освѣщеніемъ театра.

За Францомъ и Сарой шли три человѣка. Было холодно, и они тщательно кутались въ свои длинныя, широкіе плащи. Францъ не замѣтилъ ихъ. Доходя до конца переулка, молодой человѣкъ услышалъ нѣкоторыя слова изъ разговора этихъ незнакомцевъ.

— Какая досада! говорилъ одинъ:—не оглянется; я не видалъ еще лица его...

— Тихе! произнесъ другой голосъ:—онъ услышитъ... Посмотри на него, когда мы пройдемъ мимо фонаря...

Францъ не думалъ, чтобъ разговоръ шелъ о немъ. Однакожъ, звуки перваго голоса показались ему знакомыми. Онъ оглянулся...

Три незнакомца внезапно остановились, и двое изъ нихъ громко вскрикнули.

— Это живой портретъ ея! произнесли они въ одинъ голосъ.

Потомъ одинъ изъ нихъ прибавилъ:

— Да это мой сердитый папъ!

Францъ не могъ уже сомнѣваться въ томъ, что незнакомцы говорили о немъ. Онъ хотѣлъ-было отпустить руку Сары и подойти къ нимъ; но они замѣтили его движеніе, скоро отступили и скрылись во мракъ.

— Чтò съ вами? спросила г-жа де-Лорансъ:—мы отстанемъ отъ вашего друга... Пойдемте скорѣе!

Францъ не зналъ, чтò отвѣчать. Мысли перепутались въ головѣ его. Во всю эту ночь вокругъ него разыгрывалась какая-то таинственная драма. Онъ пошелъ съ Сарой и вскорѣ догналъ Жюльена д'Одмѣра, ожидавшаго его на углу бульвара.

Три незнакомца вышли изъ переулка, остановились на улицѣ и начали тихо разговаривать.

— Давно уже я не плакалъ, сказалъ одинъ изъ нихъ растроганнымъ голосомъ:—но теперь у меня слезы на глазахъ...

— Я вспомнилъ про его мать! прибавилъ другой:—про бѣдную мать его... когда она была еще счастлива и улыбадась!

— Какъ онъ хорошъ собою!..

— И какъ силенъ!.. Еслибъ вы видѣли, какъ онъ ударилъ меня!...

— Онъ долженъ быть богатъ!

— Богатъ и знатенъ!

— Богатъ, знатенъ и счастливъ!.. Онъ долженъ познакомиться съ счастьемъ, котораго не знала бѣдная мать его!

Третій незнакомецъ взялъ другихъ за руки и проговорилъ торжественнымъ голосомъ:

— Но прежде всего его надобно спасти!.. Враги его могущественны, и жизнь его постоянно грозитъ имъ ищеніемъ... Возблагодаримъ Всевышняго за то, что Онъ привелъ насъ сюда сегодня!.. Завтра было бы поздно!.. Ступай за нимъ, сказалъ онъ незнакомцу, бывшему по правую его сторону: — зайди съ нимъ вмѣстѣ въ кафѣ... вели подать себѣ ужинъ въ сосѣдней комнатѣ и ни на минуту не выпускай его изъ виду... А ты, продолжалъ онъ,

обратившись къ другому: — стой у двери кафе... Поединокъ назначенъ въ семь часовъ въ Булонскомъ-Льсу... Въ полчаса окончу я свое дѣло... Ждите меня!

Они молча пожали другъ другу руки и разстались.

жш.

Армянинъ.

Было около половины шестаго часа утра.

Въ маленькомъ кабинетѣ Англійской-Кофейной сидѣлъ человѣкъ передъ тремя или четырьмя пустыми бутылками.

Въ сосѣднемъ кабинетѣ разговаривали, смѣялись, пѣли.

У человѣка, сидѣвшаго на бутылкахъ, на раскраснѣвшемся лицѣ сіяла улыбка. Легко можно было угадать, что жидкость изъ четырехъ бутылокъ перелилась въ его вмѣстительный желудокъ. Возлѣ него, на стулѣ, лежалъ плащъ. За нимъ, на крючкѣ, висѣла шдпа съ широкими полями. На немъ былъ красный армянскій костюмъ, открытый на груди и выставившій наружу тонкую батистовую, но изматую рубашку. Видно было, что онъ только-что цоваонцлѣ, ибо шнурокъ отъ колокольчика, до котораго онъ могъ достать рукою, раскачивался еще во всѣ стороны.

Вошелъ прислужникъ.

— Бутылку шато-марго, сказалъ незнакомецъ.

Прислужникъ съ восторгомъ и уваженіемъ посмотрѣлъ на четыре бутылки.

— Вотъ губка! подумалъ онъ: — распиваетъ-себѣ одинъ, да и знать никого не хочетъ!... Я готовъ биться объ закладъ, что это Англичанинъ.

Онъ побѣждалъ за потребованнымъ виномъ.

— Мадьякъ! вскричалъ мирный Англичанинъ въ армянскомъ костюмѣ.

— Чтѣ прикажете, сударь?

— Проворентъ ли ты?

— О-ге! будетъ пожива, подумалъ прислужникъ, потомъ прибавилъ вслухъ и съ улыбочкой: — зачѣмъ вы изволите это спрашивать?

— Потому-что мнѣ хочется бросить десятокъ лундоровъ!

— О! да это долженъ быть Русскій! подумалъ прислужникъ.

— Какъ тебя зовутъ?

— Пьеретъ; имя мое выставлено на картѣ.

Армянинъ опустилъ руку въ карманъ и вынулъ шелковый кошелекъ.

Пьеръ подумалъ, что это долженъ быть Американецъ.

— Что прикажете? спросилъ онъ.

Незнакомецъ положилъ шесть золотыхъ на столъ.

— Въ этой комнатѣ у васъ двое молодыхъ людей, сказалъ онъ.

— Точно такъ... съ барышнями...

— Именно... я ихъ знаю... и мнѣ бы хотѣлось...

Арманинъ замолчалъ.

Пьеръ посмотрѣлъ на него изъ-подлобья.

— Экой я олухъ! подумалъ онъ: — онъ, просто, Французъ, да еще жедатый!

— Понимаешь?... продолжалъ космополитъ: — это шутка... а-а-а...

— Да, да, возразилъ Пьеръ: — понимаю! И онъ лукаво улыбнулся.

— Понимаешь?

— Очень-хорошо.

— Что же ты понимаешь?

Лукавая улыбка исчезла съ лица Пьера; оно приняло другое выраженіе.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ.

Арманинъ посмотрѣлъ на часы и продолжалъ:

— Я тебѣ сейчасъ объясню въ чемъ дѣло. Съ той стороны у насъ прелѣтные часы... Теперь ровно половина шестаго... если чрезъ полчаса пройдетъ пять часовъ вмѣсто шести, такъ эти деньги твои.

Прислужникъ почесалъ за ухомъ.

— Оно бы не трудно, отвѣчалъ онъ: — да назадъ ставить часы нельзя... Впрочемъ, если вамъ угодно, я проведу стрѣлку по всѣмъ часамъ... пускай себѣ бьютъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! прервалъ его незнакомецъ: — надобно такъ сдѣлать, чтобъ никто не замѣтилъ.

— Въ такомъ случаѣ, возразилъ Пьеръ: — лучше всего останется ждать.

Арманинъ пристально посмотрѣлъ на него.

— Другъ мой Пьеръ, сказалъ онъ: — ты малой находчивой; оставаясь ждать, и если часы не пройдутъ ранѣе часа, такъ ты получишь шесть лундоровъ... Теперь принеси мнѣ бутылку чего-нибудь. Живее!

Прислужникъ убѣжалъ.

Арманинъ подошелъ къ окну и отворилъ его.

По бульвару прохаживался назадъ и впередъ мужчина, закутанный въ плащъ. Арманинъ, въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, смотрѣлъ на него съ искреннимъ состраданіемъ.

— Бѣдный часовей! проговорилъ онъ: — хотъ бы мнѣ ухитриться какъ-нибудь подать ему стаканъ вина... Бѣднякъ!.. Мнѣ здѣсь хорошо, а ему!

Арманину стало холодно; онъ поспѣшно затворилъ окно.

— Каждый изъ насъ дѣлаетъ что можетъ, продолжалъ онъ про себя. — Онъ какъ часто караулитъ подъ окнами и балконами, что

ему не трудно прогуливаться по морозу... Что касается до меня, я могу быть гораздо-полезнее въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ можно поужинать и выпить...

Прислужникъ воротился съ бутылкой. На циночкахъ подошелъ онъ къ Армянину и съ жестомъ мелодраматическаго тирана шепнулъ ему на ухо:

— Свершилось!!...

Армянинъ приложилъ палецъ ко рту и отвѣчалъ такимъ же тономъ:

— Хорошо!!... Иди, другъ мой, Пьеръ, и будь скроменъ, какъ мегнаа!

Прислужникъ нѣжно взглянулъ на золотыя монеты и ушелъ.

Армянинъ принялся за пятую бутылку.

Въ сосѣднемъ кабинетѣ сидѣли за столомъ Францъ, Жюльенъ д'Одмѣръ и два домино. Нѣсколько пробоекъ было уже пушено въ потолокъ; разговоръ оживился; движенія сдѣлались вольнѣе.

Жюльенъ сидѣлъ съ своимъ голубымъ домино на диванѣ; черное домино играло шелковистыми волосами Франца. Длинные рюмки, увѣнчанныя минутной пѣной, чокались; руки встрѣчались; глаза блистали...

Дамы не сняли масокъ по весьма-понятной причинѣ. Тщетно старался Жюльенъ заглянуть въ лицо своему домино. Эсепрь упорно противилась молебамъ его. Ужашъ былъ вкуспый и значительный подѣйствовалъ на прелестную графиню. Она была смущена; сердце ея билось; грудь высоко подымалась... Лица ея не было видно, но по положенію и по взгляду ея можно было угадать чувственную ея натуру. Она вся предавалась удовольствію, вся предавалась минутнымъ радостямъ. Однакомъ, не смотря на это упоеніе, она сохраняла инстинктивную осторожность.

Жюльенъ же не отличался проницательностію. Винные пары воспламенили его. Съ упоеніемъ впивался онъ въ пухлую ручку графини...

Сара тоже осталась въ маскѣ, но Францъ и не спрашивалъ ея снять маску. Видно было, что онъ зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

Время проходило... и утрення заря свѣтилась уже сквозь опущенныя занавѣсы оконъ.

Приходила усталость. Госпожа де-Лорансъ опять скучала. Не разъ уже она скрывала зѣвоту подъ бархатной маской.

Эсепрь боялась. Величайшимъ желаніемъ ея было протѣкнуть свою неблагозвучную фамилію на болѣе-древнюю. Она любила не Жюльена, а виконта д'Одмѣра, и расказывалась теперь въ жалости, въ которую завлекла ее сестра. За наслажденіемъ послѣдовало пресыщеніе, а съ пресыщеніемъ воротились и опасенія.

Одинъ Жюльенъ не уставалъ. Онъ былъ влюбленъ, и любопытство его задѣто. Онъ многое бы далъ, чтобъ увидѣть лицо прелестной незнайки. Но всѣ молебны ея были тщетны и не мѣли

оживить остывшаго удовольствія. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, Сара произнесла убійственный вопросъ, выражающій какъ-бы послѣдній вздохъ умирающаго удовольствія:

— Который часъ?...

Францъ взглянулъ на часы, потому-что и ему нельзя было опоздать.

— Мы только-что пришли! сказалъ Жюльенъ смѣясь:—эти часы идутъ впередъ...

— Теперь половина шестаго, прибавилъ Францъ: — еще рано...

Сара взглянула на графиню, которая кивнула головой... Очарованіе исчезло; Амуръ опустилъ крылья... наступило утро послѣ бала...

И въ сосѣднемъ кабинетѣ Армининъ посмотрѣлъ на свои часы; на нихъ было болѣе половины седьмаго.

Пятая бутылка была пуста. Онъ позвонилъ.

— Другъ мой, Пьеръ, сказалъ онъ вомедшему прислужнику:— ты заработалъ шесть лундоровъ... возьми ихъ и принеси мнѣ бутылку лафиту.

Пьеръ взялъ деньги и поклонился чуть не до земли.

— Ты помнишь, что я тебѣ обещалъ десятокъ лундоровъ, продолжалъ Армининъ: — если хочешь получить остальные четыре, такъ удержи моихъ веселыхъ сосѣдей полчаса, когда они велятъ водать счетъ.

— Это можно, отвѣчалъ Пьеръ съ сіяющимъ лицомъ.

Въ это самое время зазвенѣлъ колокольчикъ въ сосѣдней комнатѣ.

— Подой счетъ! кричалъ Францъ.

— Гм! Онъ аккуратенъ! проворчалъ Армининъ: — другъ мой, Пьеръ, принеси мнѣ лафиту и помни, что я тебѣ сказалъ.

— Mesdames, говорилъ Францъ:—при другихъ обстоятельствахъ, мы не отпустили бы васъ такъ рано... но сегодня у насъ есть дѣла.

— Усѣдемъ еще! замѣтилъ лейтенантъ, стараясь обнять тѣло графини, которая теперь сопротивлялась.—Прелестная Анна, когда я опять увижусь съ вами?..

Графиню звали Анной, точно такъ, какъ г-жу де-Моранъ звали Луизой.

— Не знаю, отвѣчала она:—я не часто могу удалиться изъ дома... мужъ мой строгъ...

— О, нѣтъ, никогда! вскричалъ Жюльенъ съ жаромъ.

— А я не спрашиваю васъ, Луиза, когда мы увидимся, сказалъ Францъ.

— Развѣ вы не любите меня болѣе? спросила Сара кѣстничка.

— Не знаю... но я увѣрилась, что ваша прихоть давно прошла.

— Ошибаетесь...

— Не отирайтесь... да и что мнѣ въ этомъ?.. Я почти убѣжденъ, что мы никогда болѣе не увидимся, сказалъ онъ, поцѣловать ея руку: — Позовите мнѣ поблагодарить васъ, Луиза; я не знаю женщины очаровательнѣе васъ, исключая одной, которая вы-

для женщины... Вы полюбили меня и въ продолжаніи этого года времени я была счастлива!.. Благодарю васъ за это счастье; благодарю и за теперешнее разведуніе!.. Мнѣ трудно было бы работать съ жизнью, если бы въ двухъ сердцахъ оставалась я, по себѣ сожалѣнія!..

— Что это значить? съ изумленіемъ спросила Сара.

— Это значить, что я долженъ теперь говорить съ вами откровенно, продолжалъ Францъ, нѣжно пожавъ ей руку: — я знаю, какъ велико мое счастье... я знаю, что могу гордиться вашей любовью...

Онъ почувствовалъ, что рука Сары задрожала.

— Я знаю васъ, сударыня, продолжалъ онъ улыбаясь: — я былъ однимъ изъ прикащиковъ въ домѣ г. фонъ — Гельдберга.

Сара поблѣднѣла подлѣ маской.

— Могу ли я не гордиться любовью г-жи де-Лорансъ!

— Тихе! произнесла Мадюгга задыхающимся голосомъ: — тихе, умоляю васъ!..

— Не бойтесь, Луиза, отвѣчалъ молодой человекъ, грустно покачивая головой: — ваша честь въ добрыхъ рукахъ... Впрочемъ, хотя бы вы и доверяли мнѣ, вамъ не долго оставалось бы опасаться моей нескромности...

Сара пристально взглянула ему въ глаза.

— Я не боюсь васъ, Францъ, сказала она принужденно-защитнымъ голосомъ: — знаю, что вы добры и великодушны... я беспокоюсь не о себѣ... вы говорите съ такою бравадой... Францъ, я люблю васъ, а вы пугаете меня!.. Какая мнѣ нумала въ томъ, что случай открылъ вамъ мое настоящее имя? Я бы сама открыла вамъ его, если бы вы того нежелали, потому что я все принадлежу вамъ... Но чего должна я страшиться за васъ, Францъ?..

Францъ посмотрѣлъ на нее съ чувствомъ.

Онъ взиралъ въ искренность словъ ея и былъ признателенъ. Какъ ребенокъ, онъ всегда готовъ былъ открыть свою тайну мерзому встращенному, не зналъ мужественной скромности, приобретенной лѣтами и опытомъ, не боялся смерти. — Но время поединка приближалось... Поединкомъ занималъ его... Онъ долженъ былъ говорить о немъ...

— Разставшись съ вами, сказалъ онъ: — я пойду на поединокъ.

— А!.. вскричала Сара съ жнзостію.

Потомъ прибавила боже разведуніе:

— За какую-нибудь ничтожную бальную сцену?..

— Нѣтъ, Луиза... за важное оскорбленіе... это поединокъ на смерти!

— Съ такимъ же ребенкомъ, какъ вы?

— Съ дуэдинтомъ по ремеслу, который шута убьетъ меня!

Въ глазахъ Сары сверкнула молнія радости.

— Мой бѣдный Францъ! произнесла она голосомъ, полнымъ состраданіемъ.

Потомъ, опустивъ голову на плеча молодого человека, она прибавила тихимъ голосомъ:

— Я запрещаю тебѣ вѣки на этотъ поводникъ!

Францъ еще разъ поцаловалъ руку ея и сказалъ:

— Благодарю!... У васъ доброе сердце, Луиза... но я не могу вамъ повиноваться!...

Сара замолчала; она задумалась, пристально смотря на Франца.

— Не-уже-ли?... произнесла она невольнѣ.

— Что такое? спросилъ Францъ.

Госпожа де-Лорансъ вздрогнула и принужденно улыбнулась.

— Не знаю... Не-уже-ли я должна лишиться тебя?... Не-уже-ли этотъ человекъ такъ страшенъ? спросила она.

— Вы не знаете и не можете знать его, Луиза... но искусство его извѣстно въ Парижѣ... Все равно! прибавилъ Францъ безпечно; — я постараюсь защититься, какъ умѣю.

Онъ схватилъ ножъ со стола, и повертывая имъ, вскричалъ:

«Выпадай, парируй; атакуй! ха, ха, ха! увидимъ!»

— Боже мой!.. произнесла Сара задумчиво:—я не могу придти въ себя!.. Какъ же зовутъ этого человека?

— Вердѣ, отвѣчалъ Францъ.

Малютка вздрогнула, покраснѣла, потомъ поблѣднѣла. Рука ея была въ огнѣ.

— Что съ вами? спросилъ Францъ.

Глаза Жидовки горѣли страшнымъ огнемъ; но она уже успѣла придти въ себя.

— Ничего, отвѣчала она спокойнымъ, твердымъ голосомъ:— я никогда не слыхала этого имени...

Между-тѣмъ, Жюльенъ продолжалъ вѣздаться въ любви.

Пьеръ отворилъ дверь въ комнату Армянина.

— Теперь можно подать счетъ? спросилъ онъ тихимъ голосомъ.

Армянинъ посмотрѣлъ на часы, лежавшіе возлѣ него на столѣ и отвѣчалъ:

— Нѣтъ еще.

Францъ опять сталъ звонить и причать:

— Подайте счетъ!

Пьеръ не трогался.

Свѣтло. Свѣчи разливали тусклый свѣтъ. Дамы встали и нарядились на плечи мантильи.

Жюльенъ д'Одмѣръ съ большимъ жаромъ умолялъ голубое домино, чтобъ оно назначило ему еще свиданіе.

Францъ и Сара перестали разговаривать. Молодой человекъ нетерпѣливо бранилъ медленность прислужника. Малютка искоса присматривала на него. Подъ маской на блѣдномъ, истощенномъ, но все еще прекрасномъ лицѣ ея, выражалось то необдуманное состраданіе, то холодное, безжалостное торжество...

Место безумной радости и наслажденій заступили скука и чувство пресыщенія... Въ подобныхъ обстоятельствахъ, самое гру-

стное—развалина. Усталость, блѣдные лица, зѣвота, сердечная пустота, скука, беспорядокъ въ одеждѣ, пустыя бутылки на замаранной скатерти... и блѣдный свѣтъ занимающейся заги.

— Чортъ возьми! вскричалъ Францъ: — онъ, кажется, смѣется надъ нами.

И онъ съ такою силою дернулъ колокольчикъ, что оборванный шнурокъ остался у него въ рукѣ.

Прислужникъ не могъ долѣе медлить. Онъ вошелъ. Францъ вырвалъ у него изъ рукъ счетъ.

— Вѣрно! вскричалъ онъ, взглянувъ на итогъ.

Потомъ опустилъ руку въ карманъ: карманъ былъ пустъ. Подобныя непріятности частенько случаются на публичныхъ балахъ.

Францъ смутился, потому-что Жюльенъ д'Одмѣръ напередъ объявлялъ ему, что не возьмъ съ собою ни одного франка. Жюльенъ глядѣлъ на него съ боку и понималъ всю затруднительность его положенія. Нашептывая слова любви мнимой Аннѣ, уже не слышавшей его, онъ трепеталъ при мысли объ угрожавшемъ ему стыдѣ. Машинально Францъ сталъ искать въ другомъ карманѣ, хотя и былъ увѣренъ, что онъ туда ничего не клалъ.

Прислужникъ начиналъ поглядывать на него съ безпокойствомъ. Жюльенъ притворялся, будто ничего не видитъ, и продолжалъ шептаться съ голубымъ домино.

Между-тѣмъ, Францъ вынулъ что-то изъ кармана, и неясное изумленіе заступило мѣсто смущенія на лицѣ его. Онъ вынулъ кошелекъ, наполненный золотомъ. Странный случай! Съ одной стороны его обокрали, съ другой обогатили.

Лейтенантъ изумился не менѣе Франца.

— Посмотримъ! сказалъ онъ весело: — не получилъ ли и я подарка!

Смѣясь опустилъ онъ руки въ карманъ и вынулъ клочокъ бумаги, на которомъ было написано нѣсколько словъ карандашомъ. Онъ засмѣялся еще громче и сталъ разбирать написанное... но вдругъ поблѣднѣлъ и брови его грозно насунились.

— Что это? спросило голубое домино.

Лейтенантъ не отвѣчалъ и поспѣшно спряталъ записку.

Францъ не приходилъ въ себя отъ изумленія. Это обстоятельство напомнило ему странныя и уже забытыя приключенія той ночи. Онъ вспоминалъ, что незнакомецъ въ нѣмецкомъ костюмѣ нѣсколько времени уворно преслѣдовалъ его. Онъ высыналъ деньги на столъ: то была германская золотая монета.

Задумчиво опустилъ онъ голову... но ему некогда было думать. Нетерпѣливо покачавъ головой, какъ-бы желая протнать волнованія его мысли, онъ отсчиталъ сколько нужно было заплатить по счету, и вскричалъ:

— Пойдемъ, Жюльенъ!... пора!

— Рано еще! возразилъ молодой виконтъ д'Одмѣръ развѣянно.

— Посмотри, теперь только половина шестого...

Францъ посмотрѣлъ на часы... Точно, стрѣлка стояла на половинѣ шестаго, но маятникъ былъ неподвиженъ.

— Часы стоятъ! вскричалъ Францъ поблѣдивъ:—на дверѣ совсѣмъ светло!... Быть-можетъ, время прошло!...

— Такъ пойдѣмъ скорѣе!.. возразилъ лейтенантъ.

Едва онъ проговорилъ эти слова, какъ въ корридоръ послышался бой часовъ... пробѣло семь.

Францъ считалъ удерживая дыханіе. Когда раздался послѣдній ударъ, онъ схватилъ Жюльена за руку и повлекъ его къ двери. Лейтенантъ сопротивлялся, но Францъ былъ силенъ. Онъ увлекъ виконта д'Омѣра, едва успѣвавшего кивнуть своей красавицѣ и бросить ей послѣдній поцалуй.

Дамы остались одиѣ. Сара понимала, въ чемъ дѣло; Эсмеръ была крайне изумлена. Едва успѣла она открыть ротъ, чтобъ просить сестру объяснить ей странное поведеніе молодыхъ людей, какъ на порогѣ, въ открытой двери, показалась фигура Армянина.

Онъ сдѣлалъ три восточные поклона и медленно удался.

— Баронъ фон-Родахъ!.. вскричали обѣ сестры въ одинъ голосъ.

Незнакомецъ, сторожившій на бульварѣ, передъ кафе, былъ все еще на своемъ мѣстѣ. Онъ удался только на минуту за каретой, которая и стояла теперь передъ Англійской-Кофейной.

Онъ переговорилъ о чемъ-то съ кучеромъ. Послѣдній мигнулъ глазомъ въ знакъ того, что понялъ, въ чемъ дѣло, улыбнулся и получилъ два ливора.

Вышедъ изъ Англійской-Кофейной, Францъ увидѣлъ карету и, не сдвигаясь о цѣпъ, вскочилъ въ нее вмѣстѣ съ Жюльеномъ д'Омѣромъ, съ сожалѣніемъ оглядывавшимся назадъ.

— Въ Булонскій-Лѣсъ, къ заставѣ Мальйо! вскричалъ Францъ.
— Скачи во весь галопъ!

Обыкновенно извозчики не отличаются ни живостію, ни повиновеніемъ, но этотъ былъ самый лѣнивый, неповоротливый изъ всѣхъ парижскихъ извозчиковъ. Методически снялъ онъ мѣшки съ овсомъ, висѣвшіе на мердахъ его клячъ; осмотрѣлъ постромки, поправилъ упряжь и двѣ добрыя минуты напаливалъ свой каррикъ со множествомъ воротняковъ въ рукава.

— Пошелъ же! кричалъ Францъ:—пошелъ!..

Лейтенантъ меланхолически смотрѣлъ на закрытыя окна кофейной...

Извозникъ подошелъ къ дверцамъ кареты, вынулъ изъ кармана микроскопическую жестяную коробку и снѣлся открыть ее; но ручки мѣшали ему; коробка не открывалась.

— Пошелъ же! кричалъ Францъ, бѣснуясь въ каретѣ.

— Надобно, сударь, вынуть нумеръ... отвѣчалъ извозникъ.

— Чортъ тебя возьми и съ нумеромъ!.. Пошелъ скорѣе, получишь на водку!..

— Покорно васъ благодарю, сударь... но у меня жена и трое

мамотомъ; надо прокормить всю семью, а съ насъ берутъ штрафы, коли не показываемъ номера...

Говоря такимъ образомъ, онъ продолжалъ сплетаться въ коробку, беспрестанно скользящей между его пальцами.

Армянинъ, красный костюмъ котораго былъ скрытъ теперь подъ плащомъ, подползъ къ незнакомцу, прохаживавшемуся по бульвару. Они стояли на углу улицы Фаваръ и сблизились, смотря на эту сцену.

Наконецъ, незнакомецъ рѣшился изобразить на востокъ; но было уже десять минутъ восьмого...

— Теперь, сказала Францъ: — надобно припомнить урокъ Францу. Ты, Жюльенъ, думай о своей красавицѣ, а я буду повторять урокъ.

Онъ опустился въ уголъ кареты и, высвободивъ одну руку, сталъ дышать свободнѣе въ воздухъ, говоря по временамъ:

— Шагъ впередъ... парюрю квартиру и отвѣчаю!.. Потому что кую... берегитесь, месье Вердье!

Но вдругъ онъ замѣтилъ, что лошади едва передвигали ноги.

— Въ галонъ! закричалъ онъ кучеру: — поменьше въ галонъ!

Но кучеръ не слушалъ.

За дверцей, по троттуару, спокойно слѣдовали Армянинъ и товарищъ его.

Но трудно долго задерживать храбраго челоука, когда дѣло касается его чести. Посреди Елисейскихъ-Полей, Францъ сѣлъ у Жюльена, начинавшему дремать.

— Мы опоздаемъ, сказалъ онъ.

— Какотелъ, отвѣчалъ лейтенантъ.

— Вердье не будетъ ждать.

— И я то же думаю.

Францъ выглянулъ изъ окна и нѣсколько секундъ смотрѣлъ на медленный шагъ лошадей, перегоняемыхъ прогонимы.

— Жюльенъ, сказалъ Францъ: — помнешь ли ты добывать до останавливаясь до Булоньскаго-Лѣсу?

— Испытать можно, отвѣчалъ лейтенантъ.

Францъ отворилъ дверцы и выскочилъ изъ кареты; Жюльенъ последовалъ за нимъ. Оба пустились бѣжать по направлению къ Заставѣ-Звѣзды. Пробѣжавъ около трехъ-сотъ шаговъ; они остановились, чтобъ увидѣть, многими ли перегонимы извожжаны... Онъ сказалъ вслѣдъ за ними крупной рысью.

Въ каретѣ спокойно сидѣли Армянинъ и его товарищъ.

Францу пришла охота передомать кости кучеру; иронически смотрящему на него; но время было дорого... онъ опять пустился бѣжать. — Нѣсколько минутъ спустя, онъ былъ за заставой-Звѣзды и вмѣстѣ съ Жюльеномъ вступилъ въ кустарникъ, ведущую отъ аллеи, ведущей къ Орлеанской-Заставѣ.

Извозчикъ остановился у рышетки. Армянинъ и товарищъ его также вступили въ кустарникъ.

Францъ шелъ скоро. Онъ не зналъ, какое именно мѣсто выбрать

его противникъ, но пространство между аллеей и городской стѣной такъ узко, что разойтись не было никакой возможности. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ услышалъ звукъ шпагъ, ударявшихся одна о другую.

— Ого! вскричалъ Жюльенъ: — у насъ, кажется, будетъ партія четверомъ... А можетъ-быть, твой же противникъ набиваетъ себѣ руку со своими секундантами.

— Посмотришь, сказалъ Францъ.

Онъ бросился къ тому мѣсту, гдѣ слышался шумъ, и на лошадь увидѣлъ двухъ мужчинъ, отчаянно нападавшихъ другъ на друга...

— Вердье! вскричалъ Францъ.

— Немецъ! прибавилъ Жюльенъ остолевшись...

ПРОСТУПОКЪ ГОСПОДИНА АНТУАНА.

Романъ Жюльа Занды.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Эгюзонъ.

Во Франціи немного такихъ длинныхъ мѣстечекъ, какъ городъ Эгюзонъ, стоящій на границахъ Ламарша и Берри, въ юго-западномъ углу послѣдней изъ этихъ провинцій. Восемьдесятъ или сто домовъ, болѣе или менѣе жалкаго вида (за исключеніемъ двухъ или трехъ; мы не называемъ ихъ зажиточныхъ хозяевъ, чѣмъ они снискаютъ оскорбительную скромность), составляютъ двѣ-три улицы и охватываютъ площадь мѣстечка, славнаго на десять лѣтъ своимъ сутажничествомъ своихъ жителей и затруднительностью своихъ въѣздовъ. Не смотря на послѣднее неудобство, которое, впрочемъ, скоро исчезнетъ, благодаря новопроводимой дорогѣ, Эгюзонъ часто видитъ путешественниковъ, сильно провозжающихъ его окрестныя пространства и дерзающихъ впускать свои карріолки по его узкой мостовой. Единственная гостиница помѣщается на единственной площади, которая тѣмъ обширнѣе, чѣмъ сообщается право съ полемъ, какъ-будто ожидая новыхъ построекъ отъ будущихъ герцоговъ. Эта гостиница, иногда, въ лѣтнюю пору, бываетъ принуждена приглашать черезъ-чуръ многочисленныхъ посетителей

останавливаться въ сосѣднихъ обывательскихъ домахъ, которые, надо сказать, отворяются для нихъ съ большимъ радушіемъ. Причина та, что Эгюзонъ — центральный пунктъ живописной страны, устланной любопытными развалинами, и ѣдетъ ли кто осмотрѣть Шатобрёнъ, Крозанъ, Прюнь-о-По, или еще уцѣлѣвшій и обитаемый замокъ Сен-Жерменъ, всакому необходимо почевать въ Эгюзонѣ, чтобъ утромъ пуститься на тотъ или другой осмотръ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ іюньскій вечеръ, душный и бурный, эгюзонскіе обыватели съ удивленіемъ глядѣли, какъ молодой чело-вѣкъ порядочнаго вида выѣзжалъ черезъ площадь изъ города, спустя немного времени послѣ заката солнца. На дворѣ собиралась гроза, смеркалось ранѣе обыкновеннаго, а молодой путешественникъ, слегка закусивъ въ гостинницѣ и пробывъ въ ней ни больше ни меньше, какъ необходимый срокъ для отдыха лошади, смѣло направался къ сѣверу, не тревожась увѣщаніями трактирщика и явно не думая объ опасностяхъ пути. Никто не зналъ его въ городкѣ; на вопросы онъ отвѣчалъ только нетерпѣливыми жестами, а на увѣщанія улыбкою. Когда стукъ подковъ его лошади замокъ въ отдаленіи, мѣстные звѣзаны толковали межъ собою:

— Видно, молодецъ-то хорошо знаетъ дорогу, или вовсе не знаетъ. Либо онъ ѣзжалъ тутъ сто разъ и знаетъ каждый камешекъ, либо не имѣетъ никакого понятія о дорогѣ, — плохо же ему вріѣдется!

— Онъ пріѣзжіи, не здѣшній, замѣтилъ очень-разсудительно какой-то догадливый парень: — никого не хотѣлъ послушаться; да, востой, ударитъ гроза, черезъ полчаса онъ вернется назадъ!

— Коли прежде не сломитъ себѣ шеи на спускѣ Столбоваго Моста, сказалъ третій.

— Чтò жъ, подхватили собесѣдники хоромъ: — самъ будетъ виноваты! Пойдемте-ко, ребята, закроемъ ставни, чтобъ стекалъ не перебилъ градомъ.

По городку раздалось хлопанье запираемыхъ дверей и ставней, между-тѣмъ, какъ вѣтеръ, начинавшій свистать по полю, опережалъ въ быстротѣ запыхавшихся слуганокъ, захлопывая подъ носъ у нихъ тяжелые затворы, на которыхъ мѣстные мастера, согласно преданію, завѣщанному отъ предковъ, не пожалѣли ни дуба, ни желѣза. Отъ времени до времени, черезъ улицу слышались голоса, и съ крылецъ домовъ переносились восклицанія:

— Чтò, ваше все дома?

— Ахти! еще два воза на полѣ.

— А у меня шесть на ходу!

— Мнѣ съ полгоря, мое все убрано.

Дѣло шло о сѣнѣ.

Путешественникъ, сидя на отличномъ бренискомъ вноходцѣ, оставлялъ тучу позади себя, и, прибавивъ рыси, надѣялся ухватить отъ грозы; но при поворотѣ, какой внезапно дѣлала дорога, увидѣвъ, что туча непременно перебѣжитъ его съ бока. Онъ развер-

нулъ плащъ, пристегнутый ремнями къ чемодану, подвизалъ подъшею ремешки фуражки, и, давъ лошади шпоры, еще ускорила ходъ ея, надѣясь по-крайней-мѣрѣ за-свѣтло миновать опасный протѣздъ, которыми его страшили. Но надежда его не сбылась; дорога сдѣлалась такъ трудна, что онъ принужденъ былъ побхать шагомъ и осторожно пробираться съ лошадыю между скалъ, устывавшихъ путь его. Когда онъ достигъ вершины оврага Крѣзы, туча обхватила все небо, темнота настала полная, и о глубинѣ пропасти, по краю которой онъ вѣхалъ, можно было судить только по глухому шуму сдавленного потока.

Опрометчивый, какъ бываютъ люди въ двадцать лѣтъ, молодой человекъ не обратилъ вниманія на сторожкія приостановки лошади и понудилъ ее пуститься на-удачу по одному скату, который съ каждымъ шагомъ послушнаго животного оказывался все круче и неровнѣе. Вдругъ лошадь остановилась, быстро понявшись назадъ, и всадникъ, встряхнутый на седлѣ, увидѣлъ при яркомъ блескѣ молніи, что находился на самой оконечности отвѣсной крутизны, и что одинъ лишній шагъ неминуемо сринулъ бы его въ Крѣзу.

Накрапывалъ дождь и жестокий вихрь крутилъ верхушки старыхъ каштановъ, торчавшія въ уровень съ дорогой. Западный вѣтеръ несъ всадника съ лошадыю прямехонько къ рѣкѣ, и опасность становилась такъ серьезна, что путешественникъ принужденъ былъ спѣшиться, чтобъ меньше было упора для вѣтра и чтобъ въ-потѣмнѣе удобнѣе было вести лошадь. Мѣстоположеніе, сколько онъ могъ замѣтить при свѣтѣ молніи, показалось ему превосходнымъ, а положеніе, въ какомъ онъ находился, льстило страсти къ приключеніямъ, свойственной юношескому возрасту.

Вторичный блескъ молніи яснѣе освѣтилъ ему пейзажъ, а третіймъ онъ воспользовался, чтобъ ознакомить свое зрѣніе съ ближайшими предметами, его окружавшими. Дорога была широка, но отъ самой этой ширины неудобна. Съ полдюжины неясныхъ тропинокъ, обозначенныхъ только конскими слѣдами да колеями колесъ, образовали разные безпорядочно-пересекающіеся пути по скату горы; и какъ тутъ не было ни изгороди, ни рвовъ, никакого слѣда воздѣланія, то почва голаго ската отпечатывала на себѣ всевозможныя попытки восхода, какія угодно было дѣлать прохожимъ; такимъ-образомъ, въ разные времена года, то протаптывалась новая тропинка, то возобновлялась кака-нибудь прежняя, которую изгладили время и забвеніе. Промежду вѣсѣхъ этихъ причудливыхъ дорожекъ, торчали скалы или кусты вереска, имѣвшіе въ темнотѣ одинакій видъ; и какъ тропинки перепутывались весьма-неправильно, то трудно было переходить съ одной на другую, не рискуя споткнуться и быть увлечену въ бездну; всѣ онъ извивались по скату оврага, не только впередъ, но и въ бокъ, такъ-что надобно было наклоняться напередъ и налѣво. Ни по которой изъ этихъ излучистыхъ тропинокъ не легко было идти; ибо въ-теченіе лѣтъ всѣ онѣ были одинаково наторены, благо мѣстные жители хо-

шли по нимъ безъ разбора среди бѣлаго дня; въ темную же ночь сбиваться съ нихъ было отнюдь не все равно, и молодой человѣкъ, заботясь о ногахъ любимой своей лошади больше, чѣмъ о собственной жизни, рѣшился подойти къ одной изъ скалъ, которая по вышней своей могла бы защитить его и лошадь отъ ярости вѣтра, и переждать у нея, пока небо немножко прояснится. Онъ оперся на *Воронку*, и, перекинувъ одну ногу непромокаемаго плаща, чтобы закрыть бокъ и сѣдло своего товарища, предался романической мечтательности, столь же довольный случаемъ послушать свиста бури, сколько напуганнымъ и опечаленнымъ его полагали эгзотическіе жители, если еще помнили о немъ въ это время.

Молнія, сверкая поминутно, скоро дозволила ему опознать окружающую мѣстность. Впереди, дорога, извиваясь по противоположному скату оврага, поднималась такъ же круто, какъ тутъ спускалась, и представляла тѣ же трудности. Крѣза, чистая и быстрая, катилась безъ особеннаго шума на днѣ этой пропасти и сжималась съ глухимъ, обузданнымъ ревомъ подъ арками ветхаго моста, казавшагося въ очень-плохомъ состояніи. Прямо — видъ ограничивался восходящею крутизною; но въ сторону открывалась зеленая перспектива покатыхъ и воздымавшихся луговъ, посреди которыхъ видѣлась рѣка; а насупротивъ путешественника, на верху холма, устланнаго грозными скалами, которыя перемежала богатая растительность, видѣлись высокія обвалившіяся башни обширнаго стараго замка. Но еслибъ вздумалось молодому человѣку искать тамъ убѣжища отъ бури, мудрено былобъ ему попасть туда; не видно было никакого сѣда сообщенія между замкомъ и дорогою, и оба холма разделялись другимъ оврагомъ съ другимъ на днѣ его потокомъ, вливавшимся въ Крѣзу. Мѣстоположеніе было одно изъ самыхъ живописныхъ, и желтоватый отсветъ молніи придавалъ ему мѣсто страшное, чего не найти бы въ немъ при дневномъ свѣтѣ. Источники трубы каменныхъ торчали изъ обрушенныхъ стѣнъ, какъ-будто упираясь въ густую тучу, висѣвшую надъ замкомъ и раздирая ея нѣдра. Когда небо мгновенно вспыхивало, бѣлые разряды рисовались на черномъ фонѣ воздуха; когда же зрѣніе привыкало къ мраку, онъ представляли темную массу на горизонтѣ болѣе-свѣтлаго цвѣта. Крупная звѣзда, которую тучи словно не смѣли закрыть, долго блестя на горделивой башнѣ, будто карбукулъ на головѣ исполина. Наконецъ, звѣзда исчезла, и потоки усилившагося дождя уже не позволяли путешественнику ничего видѣть иначе, какъ сквозь густую завѣсу. Падая на ближнія скалы и на землю, отвердавшую отъ недавнихъ жаровъ, вода разлеталась въ брызги бѣлой пѣною и по-временамъ казалась облаками пыли, вздымаемыми вѣтромъ.

Поворачиваясь, чтобы лучше приотить лошадь у скалы, молодой человѣкъ вдругъ замѣтилъ, что былъ не одинъ. Кто-то также пришелъ сюда искать убѣжища, или забрался еще прежде его. На-вѣрное нельзя было рѣшить, за безпрестанными стѣнами осла-

нительнаго блеска и густой тьмы. Всадникъ не успѣлъ хорошенько рассмотреть пѣшехода; но пѣшеходъ показался ему дурно-одѣтымъ и не очень-добраго вида. Даже онъ какъ-будто хотѣлъ спрятаться, прижимаясь какъ-можно-плотнѣе къ скалѣ; но едва понявъ онъ изъ восклицанія молодого путешественника, что былъ открытъ, тотчасъ же громко и твердо сказалъ:

— Худая, сударь, погода для прогулки; вы поступите благоразумнѣе, если воротитесь почевать въ Эгюзонъ.

— Благодарю, мой другъ, за совѣтъ! отвѣчалъ молодой человѣкъ, нарочно свиснувъ въ воздухъ своимъ хлыстикомъ съ свичатой ручкою, чтобъ показать подозрительному собесѣднику, что былъ вооруженъ.

Тотъ понявъ намекъ и отвѣчалъ на него, ударяя, какъ-будто отъ бездѣлья, по скалѣ огромной остроконечной палкою, отшибившей нѣсколько кусковъ камня. Оружіе было хорошее и рука дюжия.

— Недалеко вы увидите въ такую погоду, заговорилъ опять пѣшеходъ.

— Увѣду, сколько мнѣ вздумается, отвѣчалъ всадникъ: — я не совѣтую никому затѣвать останавливать меня на дорогѣ.

— Развѣ вы боитесь воровъ, что отвѣчаете угрозами на добрые слова? Не знаю, откуда вы, молодой человѣкъ; но вижу, что вы не знаете здѣшней стороны. Слава Богу, у насъ не водятся ни воровъ, ни разбойниковъ, ни душегубовъ.

Гордая, но открытая рѣчь незнакомца внушала довѣріе. Молодой человѣкъ ласково возражалъ:

— Такъ вы, товарищъ, здѣшній?

— Да, сударь, здѣшній и всегда буду здѣшнимъ.

— Хорошо дѣлаете, оставаясь здѣсь: сторона прекрасная.

— Ну, не всегда! Теперь, напримѣръ, она нельзя сказать, чтобъ была хороша; погода разыгралась порядкомъ, и поидетъ на всю ночь.

— Вы думаете?

— Увѣренъ. Если вы поѣдете по долину Крѣзы, буря будетъ васъ провожать до полудня; но я думаю, вы пуститесь въ дорогу, имѣя въ виду какой-нибудь близкій привалъ?

— Правду сказать, мѣсто, куда я ѣду, чуть-ли не дальше, чѣмъ я полагалъ сначала. Я думалъ, что меня хотѣтъ удержать въ Эгюзонѣ, преувеличивая разстояніе и негодность дорогъ; но по тому недалекому пути, въ которомъ я около часа, вижу, что меня не обманывали.

— А что, безъ нескромности спросить, куда вы ѣдете?

— Въ Гаржилесъ. Далеко ли еще до него?

— Недалеко, сударь, еслибъ было видно дорожку; но, если вы не знаете мѣстъ, то проѣдете еще цѣлую ночь, потому что все, что вы видите — цвѣточки въ сравненіи съ тѣми спусками, которые вамъ

надо дѣлать, чтобъ проѣхать изъ оврага Крёзы въ гаржилесскій; да, въ-добавокъ, вы рискуете жизнью.

— Послушайте же, любезный! не возьметесь ли вы, конечно, за хорошую награду, проводить меня?

— Нѣтъ, покорнѣйше благодарю.

— Значить, дорога очень-опасна, что вы такъ песговорчицы?

— Для меня не опасна, потому-что я ее знаю такъ же хорошо, какъ вы, можетъ-быть, знаете парижскія улицы; по съ какой стати мнѣ мокнуть цѣлую ночь изъ угожденія вамъ?

— Не пужно, обойдусь и безъ вашей помощи; но вѣдь я желалъ вашей услуги не даромъ: я вамъ предлагалъ...

— Довольно! довольно! вы богаты, а я бѣденъ; но я еще не прошу милостыни и имѣю причины не дѣлаться слугою пераго истрѣчнаго... Еще, еслибъ я зналъ, кто вы...

— Вы не доверяете мнѣ? сказалъ молодой человѣкъ, котораго любопытство было возбуждено смѣлымъ и гордымъ характеромъ собесѣдника. — Чтобъ доказать вамъ, что недоверчивость дурное чувство, я вамъ заплачу впередъ. Сколько вы хотите?

— Прошу извинить, сударь, я ничего не хочу; ни жены, ни дѣтей у меня нѣтъ, въ эту минуту я ни въ чемъ не нуждаюсь; къ-тому же, у меня есть пріятель, добрый товарищъ, котораго домъ недалеко, и я воспользуюсь первымъ прѣлелемъ, чтобъ пойти туда поужинать и уснуть подъ кровлею. За что же мнѣ дѣлаться этого для васъ? Скажите! развѣ за то, что у васъ добрая лошадь и новое платье?

— Не скажу, чтобъ гордость ваша мнѣ не нравилась; но я нахожу ее ошибочною, когда она отвергаетъ обмѣнъ услугъ.

— Я оказалъ вамъ услугу, какую только могъ, соизволя не ждать ночью въ такую темень по дорогамъ, которыя черезъ какихъ-нибудь полчаса будутъ непроходимы. Чего жъ вамъ больше?

— Ничего... Прося вашей помощи, я желалъ узнать характеръ здѣшнихъ жителей, и только. Теперь вижу, что ихъ обязательность къ пріѣзжимъ ограничивается одними словами.

— Къ пріѣзжимъ! воскликнулъ туземецъ грустнымъ и укоризненнымъ тономъ, поразившимъ путешественника. — А развѣ ужъ и того не слишкомъ-много для людей, которые никогда ничѣмъ не дѣлали ничего, кромѣ зла? Полноте, сударь; люди несправедливы; но Богъ все видитъ и знаетъ, что бѣдный крестьянинъ покорно дастъ себя разорать ученымъ людямъ, которые называютъ къ нему изъ большихъ городовъ.

— Такъ городскіе жители сдѣлали много зла вашимъ деревнямъ? Этого я не зналъ и за это не могу отвѣчать, потому-что въ первый разъ пріѣзжаю въ деревню.

— Вы ѣдете въ Гаржилесъ? Вѣрно къ г. Кардоннѣ? Вы, конечно, родственникъ ему или пріятель?

— А кто этотъ г. Кардоннѣ, котораго вы, кажется, не любите? спросилъ молодой человѣкъ послѣ минутнаго молчанія.

— Оставьте это, сударь, отвѣчалъ крестьянинъ: — если вы съ нимъ незнакомы, вамъ будетъ вовсе не интересно то, что я скажу о немъ; а если вы богаты, вамъ нечего его бояться: онъ спасенъ только бѣднымъ.

— Однакожъ, возразилъ путешественникъ съ притворнымъ спокойствіемъ: — можетъ-быть, я имѣю причины желать знать, какъ у васъ думаютъ объ этомъ г-нѣ Карлоннѣ... Если вы не хотите объяснять причину вашего дурнаго мнѣнія о немъ, значитъ, имѣете на него личную досаду, которая не дѣлаетъ вамъ чести.

— Я не обязанъ никому давать отчетъ, отвѣчалъ крестьянинъ: — и мое мнѣніе останется при мнѣ. Прощайте, сударь. Вотъ дождь немного унялся. Жалѣю, что не могу предложить вамъ пристанища; но самъ не имѣю другаго, кромѣ этого замка, который вы видите и который принадлежитъ не мнѣ. Впрочемъ, прибавилъ онъ, отошедъ нѣсколько шаговъ и останавливаясь какъ-будто въ разсужденіи, что плохо исполнилъ долгъ гостепріимства: — въ случаѣ, если вы захотите искать тамъ пріюта на ночь, ручаюсь вамъ, что будете хорошо приняты.

— Развѣ эта развалина обитаема? спросилъ путешественникъ, которому надлежало спускаться въ оврагъ, чтобы перейти черезъ Крѣпу, и который пошелъ рядомъ съ крестьяниномъ, ведя лошадей въ поводу.

— Правда, это развалина, сказалъ его спутникъ съ подавленнымъ вздохомъ: — но хоть я не старъ, а помню еще этотъ замокъ цѣлымъ, крѣпкимъ и такимъ прекраснымъ снаружы и внутри, что королю бы въ немъ жить не стыдно. Владѣлецъ не дѣлалъ на него большихъ расходовъ, но онъ и не нуждался въ починкѣ — такъ былъ проченъ и крѣпокъ; стѣны были такія ровныя, камни каменныхъ и оконъ такъ красиво выложены... нельзя было бы ничего прибавить лучше того, что каменщики и архитекторы сражались при постройкѣ. Но все проходитъ, и богатство проходитъ. Послѣдній графъ Шатобрѣнъ недавно выкупилъ за четыре тысячи франковъ свой родовой замокъ.

— Возможно ли, чтобы такая масса камней даже въ теперешней ея видѣ стоила такъ дешево?

— Да, то, что тутъ есть, стоило бы еще большихъ денегъ, еслибъ можно было все разобрать и перевезти; но гдѣ въ нашемъ краю взять рабочихъ и машины, пригодныя для сложенія этихъ старыхъ стѣнъ? Не знаю, чѣмъ клали зданія въ старину, но кажется такъ крѣпокъ, что башни и главные стѣны словно вытесаны изъ цѣльнаго камня. Къ-тому же, видите, зданіе будто насажено на верхушку горы съ пропастями со всѣхъ сторонъ. Какіе телеги, какія лошади перевезутъ подобные матеріалы? Развѣ гора обрушится; иначе они простоятъ такъ же долго, какъ склада, на которой складены; да притомъ внутри еще есть довольно сводовъ, чтобы укрыть бѣднаго старика съ бѣдною дѣвушкой.

— Такъ у этого послѣдняго изъ Шатобрѣновъ есть дочь? спро-

для молодой человекъ, останавливаясь взглянуть на замокъ съ большимъ участіемъ, нежели какой дотолѣ обнаруживаетъ. — И она тутъ живетъ?

— Да, тутъ, посреди крестовъ и савъ; но тѣмъ не менѣе она молода и прекрасна. Воды и воздуха здѣсь довольно, и, не смотря на новые законы противъ вольной охоты, на столѣ графа Шатобрёна еще бывають иногда зайцы и куропатки. Послушайте: если у васъ нѣтъ дѣлъ, для которыхъ бы вамъ надо рисковать жизнью, чтобъ пріѣхать до разсвѣта, пойдемте со мною; я вамъ отвѣчаю за хорошій пріемъ въ замкѣ. Еслибъ даже вы туда явились одни и безъ рекомендаціи, то уже довольно ненастной ночи и христіанскаго лица на васъ, чтобъ вы были приняты и обласканы у Антуана де-Шатобрёна.

— Какъ видно, онъ человекъ небогатый, и мнѣ совѣстно пользоваться его добродушіемъ.

— Напротивъ, вы доставите ему удовольствіе. Подумайте вы видите, гроза поднимается свдѣніе прежняго, а у меня савать не будетъ покойна, если я васъ покину одного тутъ на горѣ. Не сердитесь, что я отказался провожать васъ: у меня есть свои причины, о которыхъ вы не можете судить и которыя нѣтъ нужды мнѣ рассказывать; но я усну спокойно, если вы послушаетесь моего совѣта. Притомъ же, я знаю г-на Антуана; онъ былъ бы мною недоволенъ, еслибъ я не удержалъ васъ и не привелъ къ нему; онъ бы готовъ, пожалуй, бѣжать за вами, а это ему не годится послѣ ужина.

— Но... не будетъ ли его дочери неспрiятно, что къ нимъ явится незнакомый человекъ?

— Дочь его — его дочь, то-есть, она такъ же добра, какъ онъ, если еще не добрее, хоть это, кажется, и невозможно.

Молодой человекъ еще колебался; но, подстрекаемый романтической приманкою и уже рисуя въ воображеніи своего портрета красавицы, которая ждала его за этими страшными стѣнами, решилъ, что въ Гаржидесъ его ожидали не раньше слышавшаго для; что, пріѣхавъ ночью, онъ потревожитъ сонъ родителей; что, сказать словомъ, упорствовать въ своемъ намереніи было бы упрямъ безразсудствомъ, которое, навѣрное, мать отвергала бы отъ него, еслибъ онъ могъ ее слышать въ эту минуту. Убѣжденный этими основательными причинами, какія мы приведемъ себѣ, когда въ дѣло замѣшается бѣсъ молодости и любопытства, онъ началъ за своимъ проводникомъ по дорогѣ къ ветхому замку.

II.

Замокъ Шатобрёна.

Съ трудомъ поднявшись по крутой дорогѣ, или скорее по лестницѣ, пробившей въ скалѣ, наши путешественники минутъ черезъ

двадцать прибыли къ подъѣзду Шатобрёна. Вѣтеръ и дождь усиливались, и молодой человѣкъ не имѣлъ времени рассмотреть обширный порталъ, представлявшійся въ эту минуту просто смутною массою громадныхъ размыровъ. Онъ только замѣтилъ, что въ воротахъ графская рѣшетка замѣнилась деревянною заставою, въ родѣ тѣхъ, какими запирають луга въ тамошней сторонѣ.

— Постойте, сказалъ проводникъ: — я перелѣзу и схожу за ключомъ, потому-что старуха Жанилла съ нѣкоторыхъ поръ вздумала въшать замокъ, какъ-будто есть что украсть у господъ ея! Впрочемъ, намѣреніе у нея было доброе, и я не осуждаю ея.

Крестьянинъ очень-ловко перелѣзъ черезъ заставу, а въ ожиданіи, пока онъ воротится и отпереть, молодой человѣкъ тщетно старался понять расположеніе развалившихся архитектурныхъ массъ, которыя смутно различалъ во внутренности двора: это было что-то въ родѣ хаоса.

Спустя немного времени, явились нѣсколько фигуръ и поспѣшно отперли заставу; одна фигура взяла лошадь, другая руку путешественника; третья несла напередѣ фонарь, котораго помощь была необходима, чтобъ пройти промежъ развалинами и кустарниками, наполнявшими дворъ. Наконецъ, прошедши часть луга и нѣсколько пространныхъ темныхъ залъ, открытыхъ всѣмъ вѣтрамъ, они пришли въ небольшую продолговатую комнату со сводомъ, которая нѣкогда, вѣроятно, служила людскою или подваломъ между кухнями и конюшнями. Эта комната, чисто-выбѣленная, замѣняла теперь гостиную и столовую графу Шатобрёну. Незадолго тутъ выжидали малейшій каминъ съ колпакомъ и наличниками деревянными, натертыми воскомъ и выложенными; широкая мѣдная плита, занимавшая весь очагъ и взятая отъ котораго-нибудь изъ большихъ каминовъ замка, равно-какъ толстый таганъ полированного металла, щедро разливали теплоту и блескъ по обнаженной бѣлой комнатѣ, которая, при помощи небольшой жестяной лампы, оканчивалась такимъ образомъ совершенно-освѣщенною. Каминнаго дерева столъ, мершій, въ важныхъ случаяхъ, помѣщать до шести приборовъ, нѣсколько соломенныхъ стульевъ и нѣмецкіе часы съ кукушкой, купленные за шесть франковъ у разнощика, составляли всю обстановку скромной гостиной. Но все отличалось чрезвычайной опрятностью; столъ и стулья, грубоватой работы какого-нибудь мѣстнаго столара, блистали лоскомъ, который свидѣтельствовалъ о пріемахъ услугахъ тряпки и щетки. Полъ былъ чисто выметенъ, — плитный полъ, въ противность обычаямъ страны, усыпанъ пескомъ на англійскій манеръ, и въ каменномъ горшкѣ на каминѣ красовался огромный букетъ розъ, перемѣняемыхъ съ дикими цвѣтами, собранными на окрестныхъ холмахъ.

Это скромное убранство не имѣло, на первый взглядъ, никакого пріисканнаго характера въ поэтическомъ или живописномъ родѣ; однакожъ, если бъ вы внимательно взглянули, тутъ, какъ во всѣхъ человеческихъ жилищахъ, вы замѣтили бы, что харак-

теръ и природный вкусъ лица творящаго управляетъ выборомъ и устройствомъ помѣщенія. Молодой человѣкъ, попавшій сюда впервые и съ минуту оставшійся одинъ, пока хозяева хлопотали надъ приготовленіемъ ему наилучшаго приѣма, скоро составилъ себѣ довольно-вѣрное понятіе объ умственномъ состояніи обитателей этого убѣжища. Очевидно было, что они привыкли къ щеголеватости и еще чувствовали потребность въ удобствахъ; что, живя въ очень-ограниченномъ положеніи, они имѣли столько здраваго смысла, что изгнали даже тѣнь наружной пышности; что, между немногими уцѣлѣвшими комнатами обширнаго замка, избрали они сборной комнатой такую, которую всѣхъ легче было содержать, топить, меблировать и освѣщать, и что по инстинкту дали предпочтеніе комнатѣ красивой и уютной. Дѣйствительно, уголокъ этотъ составлялъ первый этажъ квадратнаго павильона, пристроеннаго, въ концѣ эпохи возрожденія, къ древнимъ зданіямъ, выходившимъ на главный фасъ площадки. Художникъ, строяшій эту угольную башню, всячески старался смягчить рѣзкость сближенія двухъ столь различныхъ стилей; для формы оконъ онъ принималъ оборонительную систему бойницъ и подозрительныхъ отверстій; но видно было, что эти окна, мелкія и круглыя, никогда не назначались для прицѣла пушекъ и служили просто украшеніемъ. Нарядно выкладенныя изъ краснаго кирпича пополамъ съ бѣлымъ камнемъ, они образовывали собою красивыя рамки внутри покоя, а нѣсколько нишъ, точно также украшенныхъ и правильно расположенныхъ промежъ окнами, дѣлали ненужными обои и даже мебели, которыя заслоняли бы стѣны, ничего не прибавивъ къ ихъ пріятной, простой наружности.

Въ одной изъ нишъ, которой основаніемъ служила бѣлая, гладкая какъ мраморъ плита, на вышинѣ по-локоть, путешественникъ увидѣлъ небольшую красивую сельскую прялку съ веретеномъ, обшуканнымъ темною шерстью; глядя на этотъ рабочій снарядъ, такой легкій и не затѣйливый, онъ невольно погружался въ раздумье, изъ котораго былъ выведенъ шелестомъ женскаго платья. Онъ живо обернулся; но за трепетомъ его юнаго сердца послѣдовало тяжкое разочарованіе. То была старая служанка, которая вошла безъ всякаго шума, благодаря усыпанному пескомъ полу, и нагнулась, подкладывая въ каминъ хворостъ отъ дикаго винограда.

— Погрѣйтесь у огонька, сударь, сказала старуха, картавя нѣсколько жеманно:—да пожалуйста мнѣ фуражку и плащъ, я отнесу ихъ въ кухню просушить. Какой славный плащъ отъ дождя; не помню, какъ называется эта матерія, а выдала ее въ Парижѣ. Вотъ если бѣ этакой плащъ нашему графу! Но, вѣрно, это стоитъ дорого; да онъ бы еще, пожалуй, не сталъ и носить его. Онъ воображаетъ, что ему все двадцать-пять лѣтъ, и говоритъ, что небесная вода никогда не простужала добрыхъ людей; однако, въ прошедшую зиму и онъ началъ жаловаться на ломоту... Конечно,

въ ваши дѣла ничего бояться такихъ болѣзней. Все-таки вы сгрядите; поверните вотъ-такъ стулъ, лучше будетъ. Вы, кстати, изъ Парижа; это видно по цвѣту вашего лица, который слишкомъ наклонъ для нашей стороны. Прекрасная, сударь, сторона, только очень-жарко лѣтомъ, а зимою очень-холодно. Вы скажете, что въ нынѣшній вечеръ холодно, какъ въ ноябрьскую ночь: совершенная правда; что дѣлать? буря виновата. Но наша маленькая зала чудо, тотчасъ нагревается, сами увидите. Притомъ же, слава Богу! въ дровахъ мы не нуждаемся. Старыхъ деревьевъ множество, да и однимъ хворостомъ со двора можно протопиться цѣлую зиму. Правда, большихъ топковъ у насъ и не бываетъ: графъ не большой вдовецъ, дочка его также; мальчикъ-слуга всѣхъ прожорливѣе... о! ему всякій день подавай три фута хлѣба; но его булки я ему особо, и не жалю въ нихъ рукъ. Для него хорошо; даже подмываваю отрубей: оно, знаете, и жетъ хлѣбъ, и здорово. Хе, хе, хе! вамъ слышно? мнѣ тоже. Я таки люблю посмѣяться и поболтать; а дѣло никогда не стоитъ за мною; у меня все идетъ проворно. Г-нъ Антуанъ точно такой же; если прикажетъ что-нибудь, дѣлай ему мигомъ. На-счетъ этого мы съ нимъ всегда согласны. Вы шот, сударь, извините, что заставляемъ васъ немножко подождать. Графъ пошелъ въ погребъ съ человѣкомъ, который васъ привелъ, а ступеньки на лѣстницѣ сдѣлались такъ худы, что не скоро сойдешь; за то погребъ отличный: стѣны толщиною слишкомъ сорокъ футовъ, и когда сойдешь внизъ, то глубина такая, что думаешь, похороненъ заживо. Право! презабавно. Говорятъ, въ эрипу туда сажали пѣнниковъ; нынче, мы никого туда не отправляемъ, а вижу тамъ очень-хорошо стоять. Да еще мы повѣсившись отъ-того, что наша дочка уже легла спать: у нея сегодня заболѣла голова отъ-того, что ходила по солнцу безъ шляпки. Говорить, что хочетъ себя приучить, что если я обхожусь безъ шляпки и безъ зонтика, то и она также можетъ обходиться; но гдѣ жъ ей! она, бѣдненька, воспитана по-дворянски, какъ и слѣдовало... Я назвала ее нашей дочкою, но вы не подумайте, что я была мать мамзель Жильберты; она на меня столько жаловалась, сколько щегленокъ на воробья; но такъ-какъ я ее выношала, то до-сихъ-поръ не отвыкну называть ее нашей дочкою; и ни за что не хочу, чтобъ я перестала говорить ей ты. Тамъ-то мое дитя! Жаль, что теперь она въ постели; но утромъ вы увидите, потому-что безъ завтрака мы васъ не отпустимъ, и она можетъ мнѣ угостить васъ лучше, нежели какъ я въ силахъ была одна. Не подумайте, однако, чтобъ у меня не достало прочности: ноги у меня проворныя; я такъ и осталась, какъ была смолода, худенькая, и вы никакъ не дадите мнѣ монѣ старости. Ну, какъ, по-вашему, который мнѣ годъ?...

Молодой человѣкъ надѣялся, что, благодаря этому вступленію, можетъ промолвить слово, сказать да-но-нибудь комплиментъ; но

поблагодарить и завести разговоръ, ибо ему очень хотѣлось узнать больше подробностей о мамзель Жильбертъ; но старуха не дожидаясь его отвѣта и скороговоркою продолжала:

— Шестидесять-четыре года, сударь, по-крайней-мѣрѣ, въ январь-день будетъ шестидесять-четыре, а я одна сработаю за четверыхъ молодыхъ. О! дѣло у меня кипитъ живо! Вѣдь я родомъ не изъ Берри; я родилась въ Маршѣ, слишкомъ за полу-лѣе отсюда; а у насъ ужъ извѣстно какой народъ... А! вы смотрите работу нашей дочки? Знаете ли, что она прядетъ такъ ровно и тонко, какъ лучшая деревенская пряжа? Захотѣла, чтобъ я ее учила прядь шерсть. «Послушай, говоритъ:—мама (она меня всегда такъ называетъ; родной маменьки, бедняжка, никогда не знала, и всегда меня любила, какъ родную мать, хоть мы съ ней похожи другъ на дружку, какъ розанъ на крапиву), послушай, говоритъ, мама, эти вышиванья, рисунки, все эти пустяки, которыми меня учили въ пансіонѣ, здѣсь ни къ чему не годятся. Выучи меня прядь, вязать и шить, чтобъ я тебѣ помогала работать для батюшки...»

Въ ту самую минуту, когда неутомимый монологъ старухи начиналъ становиться интереснымъ для ея утомленнаго слушателя; она вынула, какъ уже нѣсколько разъ дѣлала, потому-что не оставалась на мѣстѣ ни на мигъ, и, продолжая все говорить, накрывала столъ толстой бѣлой скатертью, подавала тарелки, стаканы и ножи; снова обмела полъ, обтерла стулья, и разъ десять раздувала огонь, возобновляя всегда свой монологъ именно на томъ мѣстѣ, гдѣ его прерывала. Но на этотъ разъ, голосъ ея, продолжавшій картавить за стѣною, заглушили другіе болѣе-громкіе голоса, и графъ Шатобрёнъ вмѣстѣ съ крестьяниномъ, провожавшимъ нашего путешественника, явился наконецъ его взорамъ; у каждого въ рукахъ было по парѣ большихъ каменныхъ кувшиновъ, которые они и поставили на столъ. Тутъ только молодой человекъ могъ разглядѣть черты того и другаго.

Графъ Шатобрёнъ былъ мужчина лѣтъ пятидесяти, средняго роста, красивый и благородной наружности, смелый, съ водовоей шеей, съ атлетическими членами; кожа его была по-крайней-мѣрѣ такъ же смугла, какъ и кожа его спутника; руки его широкія, черствыя, загорѣлыя, истрескались на охотѣ, на жару, на воздухѣ, — это были руки браконьера, потому-что добрый помещикъ имѣлъ такъ мало собственныхъ земель, что по-неволѣ охотился въ чужихъ дачахъ.

Онъ отличался полнымъ, открытымъ и улыбающимся лицомъ, твердой поступью и голосомъ стентора. Грубый охотничій костюмъ, обтянутый, хотя съ заплатами на локтѣ, суровая рубашка изъ наѣжковаго полотна, кожаные стиблеты, сѣдовая борода, терпѣливо ожидавшая воскреснаго дня, — все въ немъ показывало примычку къ суровой и дикой жизни, между-тѣмъ, какъ его вѣдкая физіономія, ласковыя и вѣжливыя манеры и раз-

вѣзность, не чуждая достоинства, напоминали ловкаго дворянина и человека, привыкшаго скорѣе покровительствовать и помогать, нежели принимать помощь и покровительство.

Спутникъ его, крестьянинъ, былъ далеко не такъ опрятенъ. Гроза и дурная дорога сильно повортили его блузу и обувь. Если борода помѣщика была небрита съ недѣлю, то борода крестьянина не видала бритвы добрыхъ двѣ недѣли. Онъ былъ худъ, костлявъ, гибокъ, повыше графа пѣсколькими дюймами, и хотя фигура его также выражала доброту и искренность, однако выказывала, такъ сказать, проблески лукавства, грусти и гордой одичалости. Очевидно было, что онъ имѣлъ больше ума или былъ несчастнѣе, нежели графъ Шатобренъ.

— Чтѣ? сказалъ дворянинъ:—обсушились ли вы немножко? Милости просимъ; ужинъ готовъ.

— Благодарю васъ за великодушный пріемъ, отвѣчалъ путешественникъ:—но я боюсь нарушить приличіе, не сказавъ вамъ напередъ, кто я.

— Хорошо, хорошо, возразилъ графъ:—котораго мы съ-этихъ-поръ будемъ называть просто г-мъ Антуаномъ, какъ вообще называли его въ томъ краю:—послѣ скажете, если угодно. Чтѣ до меня, я ни объ чемъ васъ не спрашиваю и желаю исполнить долгъ гостепріимства, не освядомляясь о вашемъ имени и званіи. Вы путешественникъ, незнакомый въ здѣшней сторонѣ, застигнутый ночью у воротъ моего дома — вотъ ваше званіе и права ваши. Въ добавокъ, у васъ пріятная наружность и лицо, которое мнѣ нравится; стало-быть, я буду вознагражденъ за свое довѣріе уже удовольствіемъ обязать добраго человека. Пожалуйста, садитесь, кушайте и пейте.

— Очень вамъ признателенъ за радушный и пріятливый пріемъ.—Но мнѣ ничего не нужно, и я доволенъ тѣмъ, что вы позволите мнѣ переждать у васъ бурю. Я ужиналъ въ Эгюзонѣ съ часъ назадъ. Не прикажите же для меня безпокоиться, сдѣлайте милость.

— Вы ужъ поужинали? но это все не резонъ! Не-уже-ли у васъ одинъ изъ тѣхъ желудковъ, которые за-разъ варятъ только одну закуску? Въ ваши лѣта, я бы готовъ былъ ужинать во всякій часъ ночи, еслибъ представился случай. Ъзда верхомъ и горный воздухъ, — этого довольно, чтобъ аппетитъ возобновился. Правда, въ пять-десять лѣтъ, желудокъ бываетъ не такъ услужливъ; мнѣ теперь если есть полстакана добраго вина да ломоть черстваго хлѣба, и я сытъ. Но вы не церемоньтесь съ нами. Вы подосныли въ самый разъ: я только-что собирался ужинать, а какъ у моей бѣдной малютки сегодня мигрень, то мы съ Жаннеллой скучали, что будемъ ѣсть вдвоемъ: вашъ пріѣздъ утѣшилъ насъ, такъ же какъ приходъ вотъ этого добраго малаго, товарища моего надѣстца; я всегда вижу его у себя съ удовольствіемъ. Поди-ка сюда, садись со мной рядомъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ крестьянину, — а ты, мама

Жанилла, садъ противъ меня. Хозяйничай; вѣдь ты знаешь, что у меня рука тяжела, и когда я возьмусь рѣзать, то прорѣжу жаркое и тарелку, и скатерть, и даже немножко столъ, — а тебя это сердить.

Ужинъ, который Жанилла подала на столъ съ доброхотнымъ видомъ, состоялъ изъ козьего сыра, овечьего сыра, блюда ореховъ, блюда чернослива, большого пирога изъ черного хлѣба, и четырехъ кружекъ вина, принесенныхъ собственноручно самимъ хозяиномъ. Собесѣдники живо принялись убирать эту скромную закуску съ явнымъ наслажденіемъ, исключая путешественника, который не чувствовалъ аппетита, и только любовался на радушіе, съ какимъ почтенный помѣщикъ, безъ застенчивости и ложнаго стыда, подчивалъ его своей праздничной закускою. Въ этой привѣтливой и наивной непринужденности было что-то отеческое и въ то же время дѣтское, что очаровало сердце молодого человѣка.

Вѣрный закону великодушія, который самъ себя предписалъ, г. Антуанъ не сдѣлалъ ни одного вопроса гостю и даже избѣгалъ всякаго замѣчанія, могшаго походить на скрытное любопытство. Крестьянинъ казался нѣсколько-опасливѣе и держалъ себя осторожно. Но скоро, увлеченный общимъ разговоромъ, который завелъ г. Антуанъ съ Жаниллою, онъ развязался и такъ часто давалъ наливать свой стаканъ, что путешественникъ началъ съ удивленіемъ глядѣть на человѣка, способнаго столько пить не теряя не только разсудка, но даже обычнаго хладнокровія и степенности.

Съ помѣщикомъ было иначе. Едва осушилъ онъ половину кувшина, стоявшаго вонъ него, какъ глаза его оживились, носъ зарумянился и рука сдѣлалась нетверда. Однакожъ, онъ не терялъ присутствія разсудка, даже когда всѣ кувшины были опорожнены имъ и другомъ его, крестьяниномъ; потому-что Жанилла, изъ экономіи ли, или по природной воздержности, едва налила себя нѣсколько капель вина въ воду, а путешественникъ, сдѣлавъ геройское усиліе проглотить первый стаканъ, не могъ пить этого кислаго, мутнаго и гадкаго поила.

За то двое сельскихъ жителей, казалось, тянули его съ наслажденіемъ. Черезъ четверть часа, Жанилла, которой не сидѣлось покойно, вышла изъ-за стола, взяла свое вязанье и принялась работать у камелька, почесывая поминутно спицами въ вискахъ и однакожъ не растрепывая маленькихъ пучковъ еще черныхъ волосъ, выставившихся немного изъ-подъ чепчика. Опрятенькая старушка была, по-видимому, не дурна смолода; тонкій профиль ея не чуждъ былъ благородства, и не будь она такъ манерна и не старался столько казаться ловкою и любезною, она также поправилась бы нашему путешественнику.

Прочія лица, которыя въ отсутствіе *мадмузели*, дополняли домъ г. Антуана, были — крестьянскій мальчикъ лѣтъ пятнадцати, съ живой миною, съ расторопными ухватками, отправлявшій должность фактотума; старый лягавый песъ съ мутными глазами, то-

щими боками, унылымъ и задумчивымъ видомъ; лежа возле господина, онъ философски засыпалъ носомъ каждой подачки, которую протягивалъ ему господинъ, величая его шуточно-важнымъ названіемъ *мосей*.

III.

Г. Кардонне.

Собесѣдники уже болѣе часа сидѣли за столомъ, а г. Антуанъ, казалось, нисколько не утомлялся засѣданіемъ. Онъ и пріятель его, крестьянинъ, ѣли сыры и тянули большія кружки вина съ тою величавою медленностью, которая доходитъ почти до искусства у Беррійцевъ. Заносся поочередно похи на лакомый кусокъ, котораго островатый запахъ не имѣлъ въ себѣ ничего пріятнаго, они отрывали его мелкими ломтиками, которые методически складывали на свои глиняныя тарелки и потомъ ѣли крошка по крошкѣ на черномъ хлѣбѣ. За каждой прикуской пропускали они глотокъ вина, чокнувшись стаканами и всякій разъ обмѣниваясь комплиментами: «За твое здоровье, товарищъ!» «За ваше, г. Антуанъ!» и т. д.: «Добраго тебѣ здоровья, старикъ!» «И вамъ также, графъ!»

Судя по такому ходу пирушки, она могла продолжаться всю ночь, и путешественникъ, который истощался въ усиліяхъ казаться ѣдящимъ и пьющимъ, хотя по возможности увольнялъ себя отъ ѣды и питья, едва могъ одолевать сонъ, когда разговоръ, вертѣвшійся до тѣхъ-поръ на погоду, покосъ сѣна, цѣну скота и виноградныхъ отводкахъ, мало-по-малу принялъ оборотъ, который живо заинтересовалъ его.

— Если продлится такая погода, говорилъ крестьянинъ, прислушиваясь къ дождю, шумѣвшему на дворѣ: — воды разольются въ этомъ мѣсяцѣ, какъ въ мартъ. Гаржилесь — мѣсто неудобное, и у г. Кардонне дѣло не обойдется безъ убытка.

— Худо, сказалъ г. Антуанъ: — жаль будетъ; онъ надѣлалъ много большихъ и прекрасныхъ построекъ на этой рѣчкѣ.

— Да; по рѣчка ихъ не бонется, возражалъ крестьянинъ: — и мнѣ кажется, что нѣ о чемъ будетъ жалѣть много.

— Да, да! онъ ужъ истратилъ въ Гаржилесь болѣе двухъ-сотъ тысячъ франковъ, а одна какая-нибудь *осердка* воды, какъ у насъ говорится, можетъ все разрушить.

— Что жъ, развѣ это большое несчастіе, *мосей* Антуанъ?

— Я не говорю, чтобъ оно было неизгладимымъ несчастіемъ для человека, у котораго, говорятъ, миллионъ состоянія, возражалъ помѣщикъ, отъ чистаго сердца непонимавшій непріязненныхъ

чувствъ своего собесѣдника относительно г. Кардоннэ:—но все-таки потеря.

— А я такъ поспѣваю, если судьба сдѣлаетъ эту прорѣху въ его кошелекъ.

— Злое чувство, старикъ! За что ты не любишь этого пріѣзжаго? Онъ тебѣ, какъ и мнѣ, не сдѣлалъ никогда ни зла, ни добра.

— Сдѣлалъ зло и вамъ, москѣ Антуанъ, и мнѣ, и цѣлому краю. Дѣ, сдѣлалъ зло съ намѣреніемъ и будетъ его дѣлать всѣмъ и каждому. Дайте, огроететь клювъ у коршуна, — увидите, какъ онъ наустится на вашъ курятникъ.

— Все твои фальшивыя идеи, старикъ; у тебя есть фальшивыя идеи, я это разъ говорилъ это тебѣ; ты не любишь его за то, что онъ богатъ. Развѣ это его вина?

— Дѣ, сударь, его. Человѣкъ, который вышелъ изъ такого же низкаго состоянія, какъ я и который сдѣлалъ подобную карьеру, не честный человѣкъ.

— Помилуй! что ты? Не-уже-ли ты думаешь, что нельзя составить состоянія, не воруя?

— Не знаю, но думаю. Знаю, что вы родились богаты, и что теперь бѣдны. Знаю, что я родился бѣднякомъ и буду бѣднякомъ цѣлый вѣкъ; а мнѣ кажется, еслибъ вы уѣхали въ чужіе края, не платя отцовскихъ долговъ, а я въ свою очередь принялся бы барышничать, урзывать да житьица отъ всего, мы оба теперь катались бы въ каретахъ. Прошу прощенія, если обижаю васъ! прикидывалъ онъ, обращаясь къ молодому человѣку, который обнаруживалъ явные знаки непріятнаго ощущенія.

— Вы, сударь, сказали помѣщика:—можетъ-быть, знакомы съ г. Кардоннэ, служите у него, или чѣмъ-нибудь ему обязаны. Сдѣлайте малость, не обращайтесь вниманія на то, что говоритъ этотъ добрый малой. У него странныя идеи о многомъ, чего онъ хорошо не понимаетъ. Главное, будьте увѣрены, что онъ не злой человѣкъ, не завистливый, неспособный сдѣлать ни малѣйшаго вреда г-ну Кардоннэ.

— Я мало придаю важности его словамъ, отвѣчалъ молодой гость: — и только удивляюсь, графъ, что человѣкъ, котораго вы отличаете своимъ расположеніемъ, такъ чернить репутацію другаго человека, не приводя противъ него ни малѣйшаго факта и вовсе не имея его прежней жизни. Я уже спрашивалъ у вашего собесѣдника кое-о-чемъ относительно этого г. Кардоннэ, котораго онъ, кажется, лично не терпитъ, но онъ не хотѣлъ отвѣчать мнѣ. беру васъ въ судьи: можно ли составлять справедливое мнѣніе по произвольнымъ обвиненіямъ, и если мы съ вами получимъ невыгодное понятіе о г. Кардоннэ, то не будетъ ли вашъ гость виноватъ въ зломъ поступкѣ?

— Вы говорите по сердцу и по мысли мнѣ, молодой человѣкъ, отвѣчалъ г. Антуанъ:—а ты, прибавилъ онъ, оборотись къ своему деревенскому гостю и стукнуть по столу съ раздосадованнымъ ви-

домъ, между-тѣмъ, какъ во взглядъ у него привязанность и дружба торжествовали надъ негодованіемъ:—ты неправъ, и долженъ сейчасъ намъ сказать, въ чемъ ты обвиняешь Кардоннэ, чтобъ можно было судить, имѣютъ ли какую-нибудь важность твои обвинения. Иначе, мы тебя сочтемъ за недоброжелателя и злоязычника.

— Я ничего не могу сказать кромѣ того, что всѣмъ извѣстно, возразилъ крестьянинъ спокойно, ни мало, по-видимому, не испугавшись обвинения. — Дѣла очевидны, и всякій судитъ ихъ, какъ умѣетъ; но такъ — какъ молодой человекъ не знаетъ г. Кардоннэ, прибавилъ онъ, кинувъ проникательный взглядъ на путешественника: — и какъ онъ очень желаетъ знать, что это за человекъ, то объясните ему самъ, г. Антуанъ; а когда расскажете главное, я расскажу подробности, покажу вамъ причину и цѣль, и тогда пусть самъ онъ разсудитъ, если только у него не больше моего причинъ не говорить того, что онъ думаетъ.

— Хорошо, пожалуй! сказалъ г. Антуанъ, который не обращалъ столько вниманія, сколько его товарищъ, на возраставшее смущеніе молодого человека. — Я расскажу все, какъ есть, и если ошибусь, то позволяю мамъ Жанинѣ, которой память не хуже календаря, прерывать меня и противорѣчить. А ты, шалунъ, сказалъ онъ своему пажу въ блузѣ и деревянныхъ башмакахъ, ты не уставляйся такъ мнѣ въ глаза, когда я говорю. Твой неподвижный взглядъ дѣлаетъ мнѣ головокруженіе, а разинутый ротъ кажется колодезѣмъ, въ который я того-и-гляди что упаду. Ну, что еще? ты смѣешься? Знай, что повѣса твоихъ лѣтъ не долженъ смѣяться смѣяться при господинѣ. Стань сзади меня и держись такъ же пристойно, какъ *мосье*.

Говоря это, онъ указывалъ на собаку и глядѣлъ при этой шуткѣ такъ серьезно, говорилъ такъ громко, что путешественникъ подумалъ, не бываетъ ли онъ подверженъ прихотямъ барскаго самовластія, совершенно-противоположнымъ его обыкновенному добродушію. Но ему достаточно было взглянуть на фигуру мальчика, чтобъ убѣдиться, что это была шутка, къ какой тотъ привыкъ, ибо мальчикъ весело сталъ подлѣ собаки и началъ съ нею играть безъ всякаго чувства стыда или досады.

Однакожь, какъ манеры г. Антуана отличались оригинальностью не совсѣмъ-вразумительною съ перваго взгляда, то путешественникъ подумалъ, не начиналъ ли старикъ заворачиваться, вынимать лишнее, и рѣшился не придавать ни малѣйшаго значенія тому, что онъ станетъ говорить. Но помѣщикъ рѣдко терялъ разсудокъ, даже и тогда, когда терялъ употребленіе ногъ, и прибѣгнувъ къ своему любимому удовольствію подразнить окружающихъ только для того, чтобъ изгладить непріятное впечатлѣніе, которое споръ породилъ было между его гостями.

— Извольте видѣть, началъ онъ, обращаясь къ гостю...

Но тутъ его прервала собака, которая, зная по-привычкѣ шут-

ливое расположеніе своего господина, толкнула его подъ локоть, умилно припрыгивая, сколько позволили ей лѣта ея.

— Ну, *мосеё!* сказалъ онъ, сурово поглядѣвъ на нее: — что это значитъ? Давно ли вы сдѣлались такимъ неблаговоспитаннымъ, какъ-будто вы не учная собака? Подите спать; и берегитесь, не плескайте у меня вино на скатерть, а не то достанется вамъ отъ Жаннилы... Такъ надо вамъ знать, молодой человѣкъ, продолжалъ г. Антуанъ: — что прошлаго года, въ одинъ прекрасный весенній день...

— Извините, подхватила Жаннила: — у насъ было еще 19-е марта, т. е. зима...

— Есть къ чему привязываться изъ-за двухъ дней разницы! Вѣрно то, что погода стояла тогда прекрасная, жары какъ въ іюнь мѣсяцъ, и даже засуха.

— Истинная правда, подхватилъ деревенскій грумъ: — доказательство, что я уже не могъ понть барскихъ лошадей у маленькаго колодца.

— Это ничего не значитъ, перебилъ г. Антуанъ, топнувъ ногою: — укороти себѣ язычокъ: будешь говорить, когда тебя позовутъ въ свидѣтели, а теперь наостри уши, чтобы образовать себѣ ушъ и сердце, если можешь. Такъ я говорилъ, что въ прекрасную погоду возвращался я съ ярмарки и шелъ покойно пѣшкомъ, какъ вдругъ встречаю высокаго мужчину, красиваго лицомъ, хотя онъ былъ не моложе меня и хотя черные глаза его, блѣдная и даже желтоватая фигура придавали ему отчасти жестокой и сердитый видъ. Онъ вѣхалъ въ кабриолетъ и спускался по крутому скату, усыянному камнями, какъ ихъ ставили наши предки: человѣкъ этотъ погонялъ лошадей, по-видимому, не подозревая опасности. Я не удержался и предостерегъ его:

«— Милостивый государь, говорю ему: — съ-тѣхъ-поръ, какъ люди запомнятъ, никогда по этой дорогѣ не ѣзжалъ еще экипажъ о четырехъ, трехъ или двухъ колесахъ. Я считаю ваше намѣреніе если не неисполнимымъ, то, по-крайней-мѣрѣ, могущимъ сломать вамъ шею; и если вы хотите взять дорогу подальше, но понадежьтесь, извольте, я вамъ укажу.

«— Покорно благодарю, отвѣчалъ онъ мнѣ немпожко спѣсивымъ тономъ: — эта дорога кажется мнѣ довольно-удобною; ручаюсь вамъ, что моя лошадь вывезетъ.

«— Какъ знаете! сказалъ я: — я предлагалъ вамъ свои услуги изъ одного человѣколюбія.

«— Благодарю васъ, и какъ вы столько обязательны, то я хочу поквитаться съ вами. Вы пѣшкомъ, идете по одной дорогѣ со мною; если хотите съѣсть ко мнѣ въ экипажъ, то скорѣ спуститесь внизъ долины, а я буду радъ вашей компаніи.»

— Все точно такъ, сказала Жаннила: — совершенно такъ вы рассказывали намъ въ тотъ вечеръ; еще говорили, что на этомъ господинѣ былъ длинный синій сюртукъ.

— Извините, мамзель Жанилла, перебилъ мальчикъ: — баринъ говорилъ: черный.

— Синій, господинъ умникъ!

— Нѣтъ, мама Жанилла, черный.

— Синій, я помню!

— Черный, хоть побойться.

— Пу, полноте спорить; онъ былъ зеленый! воскликнулъ г. Антуанъ. — Мама Жанилла, не перебивайте меня больше, а ты, негодный, убирайся на кухню, либо спрячь языкъ въ карманъ: вы-брайъ любое.

— Лучше я буду слушать, сударь.

— Да, продолжалъ помѣщикъ: — такъ я съ минутку колебался между страхомъ переломать себѣ кости, согласившись на предложеніе, и страхомъ быть сочтену за труса, отказавшись отъ него. «А что, подумалъ я себѣ, этотъ баринъ глядитъ не безумцемъ, и, кажется, не имѣетъ никакой причины рисковать жизнью. Вѣрно, у него чудесная лошадь и отличная тачка.» Съѣзъ я съ нимъ радомъ, и мы начали по всю рысь спускаться въ пропасть, а лошадь хоть бы однажды оступилась, и хозяинъ ея хоть бы на минуту потерялъ свою рѣшимость и хладнокровіе. Онъ говорилъ со мною о томъ, о другомъ, много разспрашивалъ объ этомъ краѣ, и признаюсь, я отвѣчалъ немножко какъ-топало, потому-что не былъ совершенно-спокоенъ.

«— Хорошо, говорю ему, когда мы благополучно добрались до берега Гаржилессы:—мы съѣхали со стремнины, но не переѣдемъ здѣсь рѣкы; она очень-очень мелка, но еще непреодолима въ бродъ въ этомъ мѣстѣ: намъ надо подняться немножко-выше.

«— Вы называете это рѣкою? сказалъ онъ, пожимая плечами:— я вижу тутъ только камни да тростицы. Помилуйте! ворочаться изъ-за высохшаго ручья!

«— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ я, немножко озадаченный.

«Его гордая дерзость сердила меня; я зналъ, что онъ тутъ упадетъ прямо въ пучину, и однакожь, какъ я самъ не трусливаго разбора и какъ мнѣ не хотѣлось показаться трусомъ, я не согласился на его предложеніе высадить меня изъ экипажа. Мнѣ хотѣлось, въ показаніе ему, чтобъ онъ имѣлъ наконецъ случай порядочно испугаться, хотя бы мнѣ пришлось выпить глотокъ-другой въ рѣку, даромъ-что я не люблю воды.

«Я не имѣлъ ни этого удовольствія, ни этой непріятности: кабріолетъ не опрокинулся. На самой серединѣ рѣки, которая представляла себѣ русло наискось въ этомъ мѣстѣ, лошади дохватило по колѣни; экипажъ приподняло теченіемъ. Человекъ въ зеленомъ сюртукѣ (онъ былъ зеленый, Жанилла!) хлыснулъ лошадь; лошадь потеряла дно, сбилась, поплыла, и, словно чудомъ, вынесла насъ на берегъ, не причиня намъ никакого вреда, кромѣ ходоиднотой панды для ногъ. Я не потерялъ духа, потому-что умѣю плавать не хуже кого другаго; но товарищъ мой признался, что онъ

матъ стетъ не-искусство брѣвна; и однако же, онъ не оробѣлъ, не маркнулъ, не измѣнился въ лицѣ. Ну! подумалъ я, твердый малой, в самоувѣренность его мнѣ нравится, — нужды нѣтъ, что его спокойствіе живетъ въ себѣ что-то презрительное, какъ устрица дьявола.

«—Если вы въ Гаржилесъ, я тоже туда, сказалъ я ему:—и мы можемъ продолжать путь вмѣстѣ.

«— Пожалуй, отвѣчалъ онъ.—Что это такое Гаржилесъ?

«— Такъ вы не туда идете?

«— Я нынче куда не йду, сказалъ онъ:—и готовъ вѣхать домой.

Я не суетьренъ, однако сказки моей няньки принявъ мнѣ какъ-то на умъ, и у меня мелькнуло глупое недоувѣріе, какъ-будто я сѣдѣлъ въ кабріолетъ рядомъ съ сатаною. Я поглядывалъ въкова на страннаго человека, который безъ всякой цѣли развѣселялъ тѣмъ же горамъ и рѣкамъ для одного удовольствія подвергаться опасности и подвергать страху меня, простака, согласившагося сѣсть въ его одесную тачку.

«Замѣтивъ, что я не говорю ни слова, онъ сѣлъ за нужное устройство меня.

«—Моя мапора объѣзжать страну удивляетъ васъ, сказалъ онъ:—знайте же, что я сюда прѣвхалъ съ намереніемъ основать одно заведеніе на томъ мѣстѣ, которое мнѣ покажется удобнѣе. Мнѣ надо протронуть напитокъ, — для меня или для другихъ, вамъ, конечно, все равно, — но вы можете своими указаніями помочь мнѣ достигнуть цѣли.

«— Очень-хорошо, отвѣчалъ я, совершенно-ободрясь, когда услышалъ, что онъ говоритъ разсудительно:—но чтобъ давать вамъ советъ, я долженъ знать; во-первыхъ, какого рода заведеніе предложите вы основать.

«—Довольно будетъ, сказалъ онъ, уклоняясь отъ моего вопроса:—что вы мнѣ отвѣтите на все, о чемъ я васъ спрошу. Напримѣръ, кѣмъ вода, въ maximum, сила этого маленькаго ручья воды, который мы переѣхали, начиная съ здѣшняго мѣста до втеченія его въ Кресу?

«—Она очень-перовна: вы сейчасъ видите ее въ minimum; все ея приращенія часты и ужасны; если хотите посмотреть глянзную машину, старинную собственность гаржилесской духовной общины; то увидите, какова стремительность потока, какіе безпрестанные ущербы терпитъ этотъ бѣдный старый заводъ, и какіе бы безуміемъ было бы употреблать тутъ большія деньги.

«—Но большими деньгами, сударь, смиряютъ безпутныя силы природы! Гдѣ бѣдный деревенскій заводъ падаетъ, тамъ новый и новый заводъ торжествуетъ!

«—Правда, возразилъ я: — во всякой рѣкѣ большая рыба съѣдаетъ мелкую.

«Онъ промолчалъ на мое замѣчаніе и продолжалъ вѣхать; раз-

справился меня. Я, услужливый по долгу и немножко званъ по природе, обводилъ его всѣмъ. Мы заходили на многія мельницы; онъ толковалъ съ мельниками, рассматривалъ все со вниманіемъ, и вертелся въ Гаржилесъ, гдѣ поговорилъ съ мэромъ и главными жителями мѣстечка, съ которыми просилъ меня тотчасъ его позвать. Онъ принялъ объѣдъ, предложенный ему священникомъ, позволяя безъ церемоній ухаживать за собою и давая разумѣть, что онъ въ силахъ оказать людямъ еще больше услугъ, нежели отъ нихъ получить можетъ. Онъ мало говорилъ, много слушалъ и осматривался обо всемъ, даже о вещахъ, по-видимому, самыхъ постороннихъ для дѣла: на-примѣръ, искренно ли набиты жители страны, или только суевѣрны; охотники ли горожане хорошо жить, или любятъ беречь конейку; господствуетъ ли тутъ либеральное мнѣніе, или демократическое; и мало ли о чемъ! Когда настала ночь, онъ взялъ проводника и отправился ночевать въ Шонтъ, и я увидѣлъ его уже три дня спустя. Онъ презжалъ мною Шатобрѣна и заѣхалъ ко мнѣ, чтобъ поблагодарить меня, говорилъ онъ, за обязательность, которую я ему оказалъ, но на самомъ дѣлѣ, кажется, для того, чтобъ еще поразспросить меня.

«— Я ворочусь черезъ мѣсяцъ, сказалъ онъ, прощаясь со мною: — и кажется, что рѣшусь на Гаржилесъ. Это центръ; мѣсто мнѣ нравится, и думаю, вашъ ручеекъ, который вы представляете такъ бѣшенымъ, будетъ нетрудно унять. Овладѣть мнѣ обойдется дешевле, нежели Крёзою; сверхъ-того, родъ маленькой опасности, которую мы съ вами потерпѣли, переезжая черезъ него, и которую мы одолѣли, заставляетъ меня думать, что моя судьба была необходима именно въ этомъ мѣстѣ.

«Тутъ мы расстались. Этотъ человѣкъ былъ г. Кардоннѣ.

«Спустя безъ-малаго три недѣли, онъ возвратился съ помощникомъ-Англичаниномъ и нѣсколькими рабочими по той же части, и съ-тѣхъ-поръ не переставалъ таскать землю, желѣзо и камни въ Гаржилесъ. Ожесточенно преслѣдуя свое дѣло, онъ встаетъ до разсвѣта и ложится всѣхъ позже. Какая бы ни была погода, онъ, но колѣни въ грязи, не упускаетъ изъ вида ни одного камня своихъ рабочихъ, знаетъ все, зачѣмъ что и какъ, самъ управляетъ востройкою большаго завода, жилаго дома съ садомъ и службами, фабричныхъ строеній, сараевъ, плотинъ, мостовъ и дорогъ, всемъ, богатѣйшаго заведенія. Въ отсутствіе его, дѣлами замъ за него переговоры о покупкѣ мѣста, а онъ какъ-будто ни въ чемъ не вмѣшивался. Онъ купилъ дорого — потому, сначала думалъ, что самъ ничего не смыслитъ въ дѣлахъ и пріѣхалъ сюда предпринять. Еще больше надъ нимъ смѣялись, когда онъ надбавилъ вѣдущую плату рабочимъ; а когда, чтобъ склонить муниципальный советъ позволить ему направлять по его желанію теченіе рѣки, онъ обязался сдѣлать дорогу, которая стоила ему огромныхъ денегъ, тогда сказали: «онъ сумасшедшій; горячность его просятъ разорить его». Но, наконецъ, я считаю его не глупѣе всаго изъ

гаго, и ручаюсь, что онъ успеетъ хорошо устроить и домъ и капиталъ. Рѣка сильно поперечила ему прошлой осенью, но, къ счастью, она была очень-спокойна нынѣшнюю весну, и онъ успеетъ докончить свои работы прежде наступленія дождей, если у насъ не будетъ чрезвычайныхъ грозъ въ-теченіе лѣта. Онъ дѣлаетъ все въ большихъ размѣрахъ и тратитъ денегъ больше, нежели нужно, правда; но если у него страсть доканчивать скоро то, что онъ задумалъ, и если есть средства и добрая воля дорого платить за потъ бѣднаго рабочаго, гдѣ же зло? Мнѣ кажется, напротивъ, большое добро, и вмѣсто того, чтобъ называть этого человѣка сумасбродомъ, какъ дѣлаютъ одни, или хитрымъ спекулянтомъ, какъ дѣлаютъ другіе, надо его благодарить, что онъ доставилъ нашей сторонѣ благодѣянія промышленной дѣятельности.—Я сказалъ: пусть противная сторона говорить въ свою очередь!»

IV.

Видѣніе.

Прежде, чѣмъ крестьянинъ, который продолжалъ прикусывать сыръ съ озабоченнымъ видомъ, собрался отвѣчать, молодой человѣкъ съ жаромъ сказалъ г-ну Антуану, что благодарить за его разсказъ и за добросовѣстность толкованія. Не признаваясь, что онъ въ дальней или близкой связи съ г-мъ Кардоннѣ, онъ показалъ себя чувствительнымъ къ тому, какъ графъ Шатобрѣнъ судилъ о характерѣ этого человѣка, и прибавилъ:

— Да, графъ, мнѣ кажется, что, отыскивая хорошую сторону вещей, можно рѣже ошибаться, нежели поступая противоположнымъ образомъ. Отчаянный спекулянтъ былъ бы бережливъ въ подробностяхъ своего предпріятія, и тогда точно можно бы подозрѣвать его благонамѣренность. Но когда человѣкъ умный и дѣятельный щедро вознаграждаетъ трудъ...

— Позвольте, господа, прервалъ крестьянинъ: — вы люди честные и добрые, — охотно такъ думаю объ этомъ молодомъ человѣкѣ, а въ васъ, г-нъ Антуанъ, я увѣренъ. Но, не погнавайтесь, скажу вамъ, что вы тутъ не видите дальше своего носа. Послушайте. Положимъ, у меня есть большой капиталъ, который я хочу пристроить, съ намѣреніемъ не только получать съ него совѣстливые и справедливые проценты, какъ это всѣмъ позволено, но и удвоить или утроить его въ нѣсколько лѣтъ. Я не буду такъ глупъ, чтобъ сказать о своемъ намѣреніи людямъ, которыхъ мнѣ придется разорить. Я начну ихъ приголубивать, показываться великодушнымъ; даже, чтобъ истребить въ нихъ всякую недоверчі-

вѣсть, прослышу, если нужно, расточительнымъ и безразсуднымъ. После того, они у меня въ рукахъ. Я пожертвовалъ, положимъ, сто тысячъ франковъ на эту прикормку. Сто тысячъ франковъ—большая сумма для страны! а для меня, если у меня есть нѣсколько милліоновъ, это только сырьемъ моего дѣла. Меня все любятъ, хотя нѣкоторые смѣются надъ моею простотою; самое большое вѣдо меня жалѣетъ и уважаетъ. Никто не остерегается. Время быстро бѣжитъ, а мой мозгъ еще быстрѣе; я закинулъ вершу, вся рыба туда подлетѣтъ: сперва медкая, — она и проглочена незамѣтнымъ образомъ; потомъ крупная... до-тѣхъ-поръ, пока вся туда уйдетъ!

— Что же ты хочешь сказать своими метафорами? спросилъ г-нъ Антуанъ, пожимая плечами. — Если ты все будешь говорить фигурами, я засну. Ну, говори скорѣе, ужь поздно.

— То, что я говорю, очень-ясно, возразилъ крестьянинъ. — Какъ-скоро я подорвалъ все маленькія промышлености, которыя со мною соперничали, я дѣлаюсь вельможею могущественнѣе, чѣмъ были наши предки до революціи, г-нъ Антуанъ! Я правлю поверхъ законовъ, и между-тѣмъ, какъ за малѣйшій проступокъ упрятаваю бѣдняка, куда слѣдуетъ, позволяю себѣ самому все, что мнѣ угодно и надобно. Я беру имущество каждаго (женъ и дочерей въ придачу, если я до этого охотникъ); я господинъ дѣлъ и продовольствія цѣлаго департамента. Помощію моего таланта я сбилъ немножко цѣну товаровъ; но когда все въ моихъ рукахъ, я возвышаю цѣну по своему произволу, и какъ-скоро могу сдѣлать безъ опасности, скупаю все и произвожу голодъ. Дальше: мало того, чтобы убить соперничество—я скоро становлюсь господиномъ денегъ, которыя клочья къ всему. Я подъ рукою содержу банкъ въ маломъ и въ большемъ видѣ; оказываю столько услугъ, что дѣлаюсь всеобщимъ кредиторомъ, и все въ моей власти. Тогда замѣчаютъ, что уже не любятъ меня, но видятъ, что меня надо бояться, и самые сильные обходятся со мною осторожно, между-тѣмъ, какъ слабые дрожатъ и вѣдыхаютъ вокругъ меня. Однакожь, какъ я человекъ умный и опытный, то и играю роль великодушнаго отъ времени до времени. Я спасаю нѣсколько семействъ, способствую основанію какого-нибудь человеколюбиваго заведенія. Это моя манера смазывать колесо моей фортуны, которое только быстрѣе катится, потому-что за это меня опять начинаютъ любить. Я слышу уже не добрымъ и простымъ, а справедливымъ и великодушнымъ. Отъ префекта департамента до сельскаго священника, и отъ священника до нищаго, все у меня въ горсти,—но вся страна терпитъ, а никто не видитъ причины. Ни одно состояніе не возрискнетъ, кромѣ моего, и всякая сходная цѣна будетъ понижена, потому-что я нѣсшу все источники довольства, буду поднимать цѣну на необходимыя товары и убавлять на излишніе, въ противность тому, что бы должно быть. Купцу будетъ худо и потребителю также. А мнѣ, мнѣ будетъ хорошо, отъ-того, что по богатству своему я буду единственнымъ приближеннымъ для тѣхъ

и другихъ. И наконецъ скажутъ: «Что жь это значитъ? маленькіе продавцы безъ товара, а мелкіе покупатели безъ денегъ. Передъ глазами у насъ больше прежняго хорошихъ домовъ и красивыхъ парадовъ, и все это, говорятъ, стоить дешево; а карманы у насъ пусты. Намъ заразили страстью казаться, и долги насъ съѣдаютъ. Однакожъ, не мосѣ Кардоннѣ этому виною, потому-что онъ дѣлаетъ добро; безъ него все бы мы пропали. Давайте скорѣе служить мосѣ Кардоннѣ: пусть онъ будетъ мэромъ, префектомъ, депутатомъ, если можно, и наша страна спасена!» Вотъ, господи, какъ я ѣздивъ бы на чужихъ спинахъ, еслибъ я былъ мосѣ Кардоннѣ, и какъ, я увѣренъ, мосѣ Кардоннѣ думаетъ ѣздить. Теперь говорите, что я напрасно гляжу на него дурными глазами, что я вѣщунъ несчастій, и что ничего не случится изъ моихъ предсказаній. Дай Богъ, чтобъ вы говорили правду! Но я чую несчастье издалика, и утѣшаюсь одной надеждой, что рѣка будетъ догадывае людей, не дастъ себя взнуздать механическими хитростями, которыя вдѣваютъ ей въ зубы, и что скоро она дастъ заводамъ мосѣ Кардоннѣ такого толчка, что отвадитъ его шутить съ нею и принудитъ его перевести свои капиталы съ ихъ послѣдствіями куда-нибудь въ другое мѣсто. — Вотъ, и я также сказалъ. Если сужденіе мое ошибочно, да проститъ меня Господь, который меня слышалъ!

Крестьянинъ говорилъ съ большимъ одушевленіемъ. Огонь прозрачности сверкалъ изъ его ясныхъ глазъ, и усмѣшка грустнаго негодованія бродила на неподвижныхъ губахъ его. Путешественникъ вглядывался въ это выразительное лицо, осыненное густой бородой съ просѣдью, изможденное усталостью, вліяніемъ горнаго воздуха, можетъ-быть также горемъ, и не смотря на страданіе, которое терпѣлъ отъ его рѣчей, невольно находилъ его красивцемъ и любовался его легкостью рѣзко выражать мысли природнымъ красноречіемъ, запечатлѣннымъ прямою и любовью къ правдѣ; ибо если слова его, которыя мы передали во всей ихъ необходимости, были просты и иногда грубоваты, то жестъ былъ полонъ энегіи и выраженіе голоса требовало вниманія. Глубокая печаль овладѣла слушателями, когда онъ безприкрасно и безпощадно чертилъ портретъ ненасытнаго и безчувственнаго богача. Вино ни мало на него не подѣйствовало, и онъ всякій разъ, какъ вглядывалъ на молодого человека, проникалъ, казалось, въ его грудь и производилъ ему страстнѣйшій допросъ. Господинъ Антуанъ, нѣсколько отяжелѣвшій отъ питья, не пропускалъ однако ни слова изъ его рѣчи, и, по обыкновенію подчиняясь преобладанію этой души, превосходившей его душу въ твердости, выпускалъ по-временамъ тяжкіе вздохи.

— Да проститъ тебѣ Господь въ-самомъ-дѣлѣ, если ты ошибаешься, другъ! сказалъ онъ, приподнявъ свой стаканъ, какъ приношеніе Божееству: — а если ты судишь справедливо, да отвратитъ Провидѣніе такую напасть отъ головы бѣдныхъ и слабыхъ!

— Выслушайте меня, г. Шатобрианъ, и вы также, мой другъ,

воскликнул молодой человекъ, схвативъ обѣими руками руки себѣстѣдниковъ. — Богъ, который слышитъ всѣ слова людей и читаетъ во внутренности ихъ сердецъ, знаетъ, что этихъ несчастій нѣчего бояться, и что ваши опасенія пустая мечта. Я знаю человека, о которомъ вы говорите, коротко знаю; и хотя видъ его холоденъ, характеръ упоренъ, умъ дѣтеленъ и крѣпокъ, ручаюсь вамъ за честность его напѣреній и за благородное употребленіе, какое онъ счумѣетъ сдѣлать изъ своего богатства. Есть нѣчто страшное въ твердости его воли, я согласенъ, и не удивляюсь, что его непреклонный видъ смутилъ васъ, какъ-будто какое-нибудь сверхъестественное существо появилось среди вашихъ мирныхъ деревень; но эта сила души основана на религіозныхъ и нравственныхъ принципахъ, которые дѣлаютъ его если не самымъ кроткимъ и привѣтливымъ изъ людей, по-крайней-мѣрѣ строго-справедливымъ и прямо-царски великодушнымъ.

— Ну, тѣмъ лучше! отвѣчалъ помѣщикъ, чокая свой стаканъ объ стаканъ крестьянина. — Пью за его здоровье, и очень радъ имѣть поводъ уважать человека, когда готовъ былъ его проклинать. Полно, не упрямься, повѣрь этому доброму молодому человеку, который говоритъ какъ книга и дѣло смыслилъ больше насъ съ тобою. Коли онъ тебѣ говоритъ, что знаетъ Карлониэ, что коротко знаетъ, чего жъ тебѣ лучше? Онъ намъ за него ручается: значитъ, мы можемъ быть спокойны. За тѣмъ, друзья мои, пойдемте спать, прибавилъ помѣщикъ, съ радостію принимая за человека, котораго мало зналъ, ручательство другаго человека, котораго не зналъ вовсе, даже по имени: — одиннадцать часовъ бьетъ, а это поздняя пора.

— Я прощусь съ вами, сказалъ путешественникъ: — и уѣду, прѣся позволить мнѣ вскорѣ прѣвхатъ благодарить васъ за одолженіе.

— Сегодня вы не уѣдете, вскричалъ господинъ Антуанъ: — невозможно: дождь проливной, дороги промочили, и подъ ногами эти не видно. Если жъ вы будете упрямиться ѣхать, не хочу васъ и знать больше.

Онъ такъ настаивалъ и буря такъ разырилась, въ-самомъ-дѣлѣ, что молодой человекъ принужденъ былъ согласиться на приглашеніе.

Сильвенъ Шарассонъ, такъ звали штаббрѣнскаго пажу, принесъ фонарь, и господинъ Антуанъ, взявъ за руку путешественника, повелъ его сквозь развалины своего замка отыскивать комнаты.

Квадратный павильонъ во всѣхъ этажахъ былъ занятъ семейей Штаббрѣнъ; но, кромѣ этого маленькаго жилого корпуса, удѣлашаго и вновь поправленнаго, была, по другую сторону двора, огромная башня, самая старинная, самая высокая, самая толстая, самая неразрушимая изъ всѣхъ частей замка, ибо надставныя залы, въ ней находившіяся, складены были камешными сводами еще прочнѣе квадратнаго павильона. Комнатія барышниковъ, нѣсколь-

ко лѣтъ предъ тѣмъ купившая-было замокъ на сломку и ободравшая въ немъ все дерево и желѣзо до малѣйшей дверной петли, не имѣла надобности разлѣзывать покомъ первыхъ этажей, и господинъ Антуанъ велѣлъ однимъ изъ нихъ вычистить и запереть для рѣдкихъ случаевъ, когда онъ могъ оказывать гостепріимство. Для добраго человека было большою роскошью поставить двери и окна, постель и нѣсколько стульевъ въ этомъ помѣщеніи, который не былъ необходимъ для его семейства. Онъ весело сдѣлалъ это усиліе, сказавъ Жанилль: «Мало того, чтобъ самимъ было просторно, надо подумать и о томъ, какъ бы прилично помѣститься у себя ближняго». Однакожъ, когда молодой человекъ вошелъ въ эту ужасную феодальную башню и почувствовалъ себя словно въ тюрьмѣ, сердце его сжалось... такъ-что онъ охотно посѣдовалъ бы за крестьяниномъ, который по вкусу и по привычкѣ отправился спать на свѣжей соломѣ съ Сильвеномъ Шарассономъ. По господину Антуану былъ такъ гордъ и такъ доволенъ своей возможностью отвести *дружескую комнату*, не смотря на свою бѣдность, что молодой гость почелъ за долгъ прилечь ночью одну изъ мрачныхъ темницъ среднихъ вѣковъ.

Однакожъ, въ просторномъ каминѣ пылалъ добрый огонь, и нельзя было пренебречь постелью, состоявшей изъ толстаго тканевого куска поверхъ огромнаго тюфяка изъ овсяной мякоти. Все было бѣдно и опрятно. Молодой человекъ скоро прогналъ грустныя мысли, которыя находятъ на всякаго путешественника, нашедшаго себя пріютъ въ подобномъ мѣстѣ, и не смотря на раскаты грома, на крикъ ночныхъ птицъ, на шумъ вѣтра и дождя, стучавшихъ къ нему въ окна, не смотря на крысъ, ведшихъ отчаянныя приступы къ деревянной его двери, онъ вскорѣ заснулъ крякивъ сномъ.

Во время сна, онъ былъ тревожимъ странными грезами, и даже чувствовалъ родъ кошмара передъ разсвѣтомъ, какъ-будто нельзя было провести ночь въ мѣстѣ, оскверненномъ тайными злодѣйствами феодализма, не дѣлаясь жертвою мучительныхъ видѣній. Ему казалось, будто видитъ входящаго къ нему господина Кардоннѣ, и когда усиливался соскочить съ постели, чтобъ кинуться на встрѣчу, призракъ дѣлалъ ему повелительный знакъ не трогаться съ мѣста, и приближаясь къ нему, съ безстрастнымъ видомъ взлѣзалъ ему наг рудъ, не отвѣчая ни слова на его жалобы и не обнаруживалъ ни однимъ выраженіемъ своего каменнаго лица, чтобъ сострадалъ агоніи, которую томилъ его.

Изнемогая подъ этой страшной тяжестью, спящій напрасно бился въ-продолженіе нѣсколькихъ минутъ, показавшихся ему вѣкомъ, и чувствовалъ хрипѣніе агоніи, когда, наконецъ, успѣлъ проснуться. Но хотя день начиналъ свѣтать и онъ ясно видѣлъ внутренность башни, однакожъ впечатлѣніе грезы было такъ на него продолжительно, что ему все еще казалось, будто видитъ передъ собою непреклонную фигуру и чувствуетъ бремя тѣла тяжелаго, какъ мѣдная

гора на своей изнемогшей и разбитой груди. Онъ всталъ и нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, снова легъ въ постель, ибо, не смотря на свое намѣреніе ухать рано, чувствовалъ неодолимое изнеможеніе. Но едва глаза его снова сомкнулись, какъ призракъ спать явился душить его и душилъ до-тѣхъ-поръ, пока юноша, чувствуя себя готовымъ испустить духъ, не вскричалъ прерывистымъ голосомъ: «Батюшка! батюшка! что и вамъ събыла? за что вы рѣшились быть убійцею своего сына?»

Звукъ собственнаго голоса разбудилъ его, и, видя себя снова преследуемымъ отъ призрака, онъ бросился отворить окно. Когда свѣжій воздухъ проникъ въ низкую комнату, которой атмосфера заключала въ себя нѣчто летаргическое, наводненіе разсыпалось, и онъ наскоро одѣлся, чтобъ бѣжать отъ мѣста, гдѣ былъ игрушкою такой мучительной фантазіи. Но, не смотря на всѣ усилія развлечься, онъ оставался подъ тяжестью какой-то болѣзненной тоски, и *дружеская комната* Шатобрѣна показалась ему болѣе, нежели вчера похожей на могилу. Сѣрый и пасмурный день позволилъ наконецъ ему увидѣть изъ окошка весь замокъ.

То была буквально одна гора развалинъ, еще величавыхъ останковъ вельможескаго жилища, построеннаго въ разные времена. Надворный лугъ, заросшій густою травою, гдѣ малое движеніе семейства, ограниченнаго самымъ необходимымъ, протоптало только двѣ или три дорожки для обхода изъ большой башни въ малую и отъ колодца къ главнымъ воротамъ — этотъ лугъ ограничивался, прямо наупротивъ его, обвалившимися стѣнами, гдѣ видѣлись фундаменты и мѣста нѣсколькихъ строеній, между-прочимъ прекрасной капеллы, которой фронтонъ, съ нарядной розасою, уватой плющомъ, былъ еще цѣлъ. Внутри двора, котораго большой колодецъ образовывалъ центръ, возвышался полуразрушенный оставъ бывшаго нѣкогда главнаго корпуса, настоящаго жилища графовъ Шатобрѣновъ со времени Франциска I до революціи. Это зданіе, нѣкогда пышное, теперь было скелетомъ безъ формы, продырявленнымъ со всѣхъ сторонъ, странной грудой, которая отъ обрушенія внутреннихъ стѣнъ казалась непомятой вышины. Башни, служившія кѣтками взятымъ спиралямъ лѣстницъ, большія залы, расписанныя фресками, превосходные наличники каминовъ, извѣчные изъ камня, — ничто не было пощажено молоткомъ разрушителей, и нѣкоторые слѣды этой пышности, которыхъ не могли достать, чтобъ разрушить, нѣсколько остатковъ богато-украшенныхъ фризъ, нѣсколько листовыхъ гирляндъ, сѣланныхъ рѣзцомъ искусныхъ художниковъ эпохи возрожденія, наконецъ щиты съ гербомъ Франціи, пересѣченнымъ жезломъ побочности, — все это, вырѣзанное на прекрасномъ бѣломъ камнѣ, котораго время не могло еще закоптить, представляло печальное зрѣлище художественнаго произведенія, безжалостно принесеннаго въ жертву грубому закону необходимости.

Когда молодой Кардоннѣ перенесъ взоры на тѣсный павильонъ,

обитаемый теперь послѣднюю отраслю знатной и богатой фамиліи, мнѣ ослѣднее состраданіе при мысли, что тамъ находилась молоденькая дѣвушка, которой прадѣдъ имѣлъ пажей, вассаловъ, охотниковъ, парадныхъ лошадей, тогда-какъ теперь эта несчастница страшилась съ виду развалины холма, можетъ-быть, какъ царевна Наина, сама мнѣ была на прудѣ.

Въ самую минуту такого размышленія, онъ увидѣлъ, что въ послѣднемъ этажѣ квадратной башни маленькое круглое окно тихо отворилось, и женская головка на прекраснѣйшей шейкѣ, такую только можно вообразить, выставилась оттуда какъ-будто говоря съ кѣмъ-то на дворѣ. Эмиль Кардонне, хотя и принадлежалъ къ поколѣнію блондурихъ, владѣлъ отличными зрѣніемъ, и разстояніе было не такъ велико, чтобъ онъ не могъ разглядѣть черты этой граціозной русой головки, которой волосы вѣтеръ взвѣвалъ немного въ безпорядкѣ. Она показалась ему тѣмъ, чѣмъ въ-самомъ-дѣлѣ была, красавицей Амура, украшенной всею свѣжестью юности, кроткой и вмѣстѣ благородной. Звукъ голоса, до него долетѣвшій, исполненъ былъ обаянія и произношеніе отличалось замѣчательною изящностью.

— Жанъ, говорила она:—вѣрно всю ночь шелъ дождикъ? Сколько воды на дворѣ! Мнѣ изъ окна все луга кажутся шрудими.

— Народному, мое дятятко, отвѣчалъ снизу крестьянинъ, который казался короткимъ другомъ дома:— настоящая водяная трюба! Не знаю, здѣсь ли пролилась главная туча, но никогда не видаю я колодезя такимъ полнымъ.

— Дороги, должно быть, испорчены, Жанъ:—вы хорошо дѣлаете, чѣмъ остаетесь у насъ. Батюшка преснулъ?

— Нѣтъ еще, моя Жильберточка, но мама Жанилла ужъ встала.

— Попробуйте ее взойдти ко мнѣ, Жанъ!—Мнѣ надо у нея кое-что спросить.

— Сейчасъ.

Оно затворилось, а дѣвушка не примѣтила, что окно потѣшески было открыто и что онъ у окна разсматривалъ ее.

Черезъ минуту, онъ былъ на дворѣ, гдѣ дождался, въ-самомъ-дѣлѣ, промыло ручейки на мѣстѣ дорожки, и въ нѣмнѣйшій мигъ, онъ Сильвена Шарастона. Пажъ, чистя лошадь съ и лошадей господина Антуана, самъ разсыпался въ толкахъ о счастливѣхъ тихой ненастной ночи съ крестьяниномъ, котораго Эмиль зналъ па-концецъ поцовну имени. Нананулѣ, этотъ человекъ причинилъ ему какъ-то неоправданное безпокойство, какъ-будто онъ нѣтъ въ себѣ что-то дьявольское и роковое. Онъ замѣчалъ, что господинъ Антуанъ ни раза не называлъ его по имени, и что, когда Жанилла несколько разъ намѣревалась это сдѣлать, онъ взглядомъ напоминалъ ей, чтобъ она остереглась. Его называли *другъ, товарищъ, старикъ, ты*, и по-видимому имя его было секретомъ, который опасались нарушить. Кто же былъ этотъ человекъ, который имѣлъ наружность и языкъ крестьянина, и который, однако, простиралъ такъ

далеко свои иррациональныя предугадыванія и такъ глубоко свою страшную критику?

Эмиль попытался завести съ нимъ разговоръ, но напрасно: онъ принялъ манеры еще скрытнѣе вчерашняго, и на вопросъ объ оцѣнѣ бурн отвѣчалъ только:

— Советую вамъ не терять времени и отправляться въ Гаржильестъ, если хотите еще найти мосты черезъ воду, потому-что не пройдетъ двухъ часовъ, какъ тамъ будетъ дриба всѣмъ чертамъ не въ ночь.

— Что вы хотите сказать? я не понимаю этого слова.

— Вы не знаете, что значить дриба? Вотъ, вы ее нынче увидите и никогда не позабудете. Прощайте, сударь; позамайте спѣрье, потому-что того-гляди будетъ несчастіе у вашего друга Кардонпѣ.

И онъ удалился, не прибавивъ ни слова больше.

Объятый безотчетнымъ испугомъ, Эмиль поспѣшилъ самъ одѣлать лошадь и, кинувъ серебряную монету Шарассону, сказалъ ему:

— Мальчикъ, скажи твоему господину, что я вѣду не прѣстѣлъ съ нимъ, но что скоро опять прѣѣду поблагодарить его за всѣ одолженія.

Онъ проѣзжалъ ворота, когда Жанилла приближала и загородила ему дорогу. Она-дѣскать сейчасъ разбудить господина Антуана; — барышня ужъ одѣвается; завтракъ въ одну минуту поспѣетъ; дороги слишкомъ-мокры: дождь опять собирается. Молодой человекъ, разсыпаясь въ благодарностяхъ, уклонился отъ ея услужливости, и также сдѣлавъ ей подарокъ, который она повидимому приняла съ большимъ удовольствіемъ. Но не успѣлъ еще онъ съѣхать съ горы, какъ услышалъ за собою топотъ лошади, которой широкія и крѣпкія копыта отбрыкивали по мостовой рысью. Оказалось, что это былъ Сильвенъ Шарассонъ, который, сидя безъ оѣды на кобылѣ господина Антуана и не употребляя другой узды, кромѣ веревочнаго недоузка, вѣтчаго въ зубы лошади, на-скоро достигъ его.

— Я васъ буду провожать, сударь, крикнулъ онъ ему, проѣзжая мимо: — мамзель Жанилла говоритъ, что вы погибнете, не знаячи дорогъ, и это истинная правда.

— Очень-радъ, но поезжай ближайшей дорогой, отвѣчалъ молодой человекъ.

— Будьте спокойны, возразилъ деревенскій шажъ.

И, помахивая саботами, онъ разогналъ въ большую рысь сѣдлую лошадь, которой толстое брюхо, откормленное сѣномъ безъ малѣйшей примѣси овса, противорѣчло тощимъ бокамъ ея и тонкой шеѣ.

V.

Д р и б а.

Благодаря крутымъ скатамъ, надъ которыми господствовалъ Шатобрень, молодой человекъ съ своимъ новымъ проводникомъ могъ скоро выбраться на равнину, не быть задержанъ ни однимъ значительнымъ потокомъ. Но, проѣзжая весьма-скоро мимо одной дужи, полной до краевъ, мальчикъ съ удивленіемъ оглянулся въ сторону и сказалъ:

— Фен-Марю полнѣхонька! Это значитъ большая вода въ низовъ. Тяжеленко будетъ намъ черезъ рѣку. Пождемте скорѣе, сударь!

И онъ пустилъ въ галопъ лошадь, которая, не смотря на свою нестатность и широкія мясскія ноги съ бахрамою длинной шерсти, вылезавшею по землѣ, скакала по неровности почвъ съ замѣчательной легкостью и твердостью.

Широкія равнины этой страны образуютъ большія площади, пересѣкаемыя оврагами, которые своими обрывистыми и глубокими скатами производятъ настоящія горы, гдѣ надо то спускаться, то подниматься. Черезъ часъ ѣзды, путешественники наши очутились противъ долины Гаржилессы, и очаровательное мѣстоположеніе расположилось передъ ними. Селеніе Гаржилесь, построенное сахарной головю на утесистой возвышенности и вѣчаемое своей хорошенькой церковью и стариннымъ монастыремъ, казалось, возникало со дна стремини, и въ глубинѣ самой большой изъ этихъ пропастей, мальчикъ, указывая Эмилю обширныя строенія совершенно-новыхъ и очень-красивыхъ, сказалъ:

— Смотрите, сударь, вотъ строенія господина Кардоннѣ.

Эмиль, учившійся правамъ въ Поатьѣ и проводившій время вакацій въ Парижѣ, въ первый разъ пріѣзжалъ въ страну, гдѣ отецъ его около года хлопоталъ надъ основаніемъ весьма-значительнаго заведенія. Видъ этого мѣста показался ему прекраснымъ, и онъ обрадовался, что родители его нашли мѣстоположеніе, гдѣ промышленность могла идти своимъ чередомъ, не стирая красокъ природы.

Надобно бы еще немного пройти по площадкѣ прежде, чѣмъ достигнуть ея ската и обнять однимъ взглядомъ всѣ подробности пейзажа. Но маръ того, какъ Эмиль подвигался впередъ, онъ открывалъ новыя красоты, и монастырь-замокъ Гаржилесь, гордо возвышавшійся на скалѣ надъ заводомъ Кардоннѣ, казался декорацией, поставленной нарочно для увѣичанія картины. Бока оврага, по которому быстро бѣжала рѣка, были покрыты сильной растительностью, и молодой человекъ, несколько позволявшій вниманію своему увлекаться видомъ своего новаго наслѣдія, съ удовольствіемъ

замѣтилъ, что среди простѣи, необходимой для поселенія въ такой тѣнистой сторонѣ, пощадили однако великолѣпныя старыя деревья, которыя составляли лучшее украшеніе дома.

Домъ этотъ, выстроенный нѣсколько позади завода, былъ помѣстителенъ, красивъ, простъ въ своемъ богатствѣ, и заправѣсы у болѣеи части окошекъ его показывали, что онъ уже занятъ. Вокругъ его былъ прекрасный садъ, возвышавшійся террасою вдоль потока, и издадека видѣлись яркіе цвѣта развѣтывавшихся растений, которыя словно водшебствомъ заняли мѣсто являвшихся иной и мутныхъ луговъ, испещрявшихъ прежде берегъ. Сердце молодого человека сжалось, когда онъ увидѣлъ женщину, сошедшую съ возвышеннаго замка и медленно прохаживавшуюся посреди своихъ любимыхъ цвѣтовъ, потому-что то была мать его. Онъ поднялъ руки и сталъ махать фуражкой, чтобъ привлечь ея вниманіе, но безъ успѣха. Мать Кардона углубилась въ осмотръ своихъ вѣдомыхъ работъ; она не ожидала сына раньше вечера.

На болѣе-открытой плоскости увидѣлъ Эмиль ученыхъ и слѣбныхъ построекъ завода, и, среди грудъ всякаго рода матеріаловъ, человекъ пятьдесятъ рабочихъ, копошавшихся за дѣломъ. Одни тесали камень, другіе готовили известь, третьи разили брѣзгу, четвертые накладывали телеги, тащившія огромныя камни. Такъ-какъ необходимо слѣдовало спускаться шагомъ по крутой дорогѣ, то маленький Шарассонъ могъ завести рывъ:

— Эйой дрянной спускъ, но правда ли, сударь? Держать шарашеньку допрады! Каково было бы господину Кардону видѣть свой родной отъ насъ на сире изобрѣженіе (свой заводъ). Глядите, каковы славныя дороги издѣлалъ онъ по ту сторону! Какіе мосты! Какіе каменистые, каково? До него, бывало, несли ноги лютые, чтобъ переходить, а зимою вовсе не ходили. Вотъ человекъ, который намъ надо подовать землю тамъ, гдѣ онъ пройдетъ.

— А! ты не таковъ, какъ твой пріятель Жанъ, который говоритъ про него столько худого?

— О! Жанъ, Жанъ! не надо много смотреть на то, что онъ толкуетъ. Это человекъ, у котораго есть оука, и который не видитъ въ худомъ съ нѣкоторыхъ поръ, хоть онъ не знаетъ чинить, — о! сдѣлать не злой. Не злы онъ одинъ на асфальтированной сторонѣ такъ говорятъ; а все ужасно любятъ господа сдѣлать. Этого не скрѣга. Говорить неможно-жестко; неможно издѣлывать рабочихъ, но ужъ за то какъ платить, надо посмотреть! Да, онъ бы замучился на работѣ, если плата хорошая, надо бытъ дѣломъ; правда ли, сударь?

Молодой человекъ подумалъ вслажну. Онъ съ развѣтвилъ своей системы экономическихъ вознагражденій, гдѣ Саша Шарассонъ, и сколько онъ ждалъ оправдать себя, какъ шипящая пуля, — что же жадное могло заставить погору одержимымъ и жаднымъ.

Удивительное дѣло, что онъ вынужденъ былъ работать; прибавить можно, что онъ усталъ отъ работы и отъ того

привыкъ давать имъ отдыхъ. Куда-тебѣ! этотъ человекъ умѣетъ подвигать дѣло! Не то, что наша мама Жанилла, которая поминутно кричитъ и не оставляетъ ничего дѣлать другимъ. Онъ не шевельнется съ мѣста, а словно глазами дѣлаетъ работу. Когда рабочій заболтаетъ, или покинетъ кирку, чтобъ закурить трубку, или просто вздремнетъ послѣ полудня, въ самую жару: «Хорошо», говоритъ онъ ему безъ сердца: «ты злѣсь не за тѣмъ, чтобъ курить или спать; ступай домой, тамъ тебѣ покойнѣе». И конечно. Онъ не беретъ его недѣлю, при второй винѣ не беретъ мѣсяцъ; а при третьей—прощай навсегда...

Эмиль опять вздохнулъ; онъ узнавалъ въ этихъ рассказахъ немалую аккуратность отца и не иначе понималъ возможность такихъ мѣръ, какъ переносясь къ предполагаемой цѣли его усилій.

— А! вотъ онъ! воскликнулъ мальчикъ, указывая пальцемъ на господина Кердоннѣ, котораго высокая фигура и темное платье рисовались на другомъ берегу. — Онъ глядитъ на воду; видно, боится дрибы, хоть и привыкъ говорить, что это пустяки.

— Такъ дриба значитъ прибыль воды? спросилъ Эмиль, начинавшій угадывать значеніе слова.

— Да, сударь, то же, что *трома* (тромба), которая бываетъ въ большія бури. Но буря прошла, дрибы не было, и, кажется, Жану не удалось его предсказаніе. Впрочемъ, посмотрите, сударь, какая низкая вода! почти сухое дно со вчерашняго дня, а это худой знакъ. Поѣдьте скорѣе, оно того-глядя можетъ случиться.

Они прибавили шагу и легко переѣхали въ бродъ первый рукавъ потока. Но отъ усилія выйти на нѣсколько-крутой берегъ островка, лошадь Эмиля оборвала подпруги, и ему пришлось слѣзть долой, чтобъ какъ-нибудь укрѣпить сѣдло. Это было нелегко, и отъ нетерпѣнія скорѣе пріѣхать къ родителямъ, Эмиль управился съ дѣломъ дурно; завязанный имъ узелъ развязался, когда онъ ставилъ ногу въ стремя, и Шарассонъ долженъ былъ отрѣзать кончикъ веревки, служившей ему уздой, чтобъ довершать поправку. Все это заняло нѣсколько времени, въ-теченіе котораго вниманіе ихъ было совершенно отвлечено отъ бѣды, какой опасался Сидъ-венъ. Островокъ покрытъ былъ ивнякомъ, непозволявшимъ видѣть ничего кругомъ въ десяти шагахъ.

Вдругъ раздался рѣвъ, подобный долгому раскату грома, несшемуся на нихъ съ чрезвычайною быстротою. Эмиль, не понимая причины этого шума, поглядѣлъ на небо, которое надъ ними было ясно; но мальчикъ поблѣнѣлъ, какъ смерть.

— Дриба, вскричалъ онъ:—дриба; надо спасаться, сударь!

Они прескакали островъ въ галопъ; но еще не выѣхали изъ ивняка, какъ волны пожелтѣвшей, пѣнистой воды хлынули имъ навстрѣчу, и лошадямъ ихъ было уже по-грудь, когда они очутились передъ самымъ вздувшимся потокомъ, который бѣшено разливался по окрестнымъ полямъ.

Эмиль хотѣлъ попробовать перѣѣхать; но проводникъ ухватилъ его за руку.

— Нѣтъ, сударь, нѣтъ! вскричалъ онъ: — ужь поздно. Видите, какая сила потока, и какія бревна онъ тащитъ! Ни человеку, ни скотинѣ не совладѣть съ нимъ. Бросните лошадей, сударь, бросьте! можетъ-быть, онъ съумѣютъ выбраться; но людямъ это слишкомъ-опасно. Во-на! мостикъ-то ужь снесло! дѣлайте по-моему, сударь, дѣлайте по-моему, либо вы пропали.

И Шарассонъ, которому вода уже доставала до плечъ, началъ проворно карабкаться на дерево. Эмиль, видя по ярости потока, прибывавшаго каждую секунду на футъ, что отважность становится безумствомъ, и помышляя о матери, рѣшился послѣдовать примѣру маленькаго крестьянина.

— Не на это, сударь, не на это! закричалъ мальчикъ, увидѣвъ, что онъ влѣзаетъ на осину. Это слишкомъ-слабо; его увесетъ, какъ соломинку. Ступайте ко мнѣ; ради Бога, на мое дерево!

Признавъ справедливость совѣтовъ Сильвена, который, не смотра на испугъ, не терялъ ни присутствія духа, ни доброй воли спасти ближняго, Эмиль бросился къ старому дубу, за который мальчикъ уцѣпился обѣими руками, и вскорѣ успѣлъ помѣститься близь ногъ на толстой сукѣ, въ нѣсколькихъ футахъ надъ водою. Но скоро имъ пришлось уступить этотъ постъ раздраженной стихіи, которая подымалась все выше. Перелѣзая такимъ образомъ съ сучка на сучокъ, они успѣли спастись отъ нея.

Когда наводненіе достигло крайней степени, Эмиль сидѣлъ такъ высоко на деревѣ, служившемъ ему убѣжищемъ, что могъ видѣть все происходившее въ долину. Онъ по возможности прятался въ листьяхъ, чтобъ изъ дома не узнали его, и унималъ Шарассона, хотѣвшаго звать на помощь, потому-что боялся привести родителей, особенно мать, въ смертельное безпокойство, еслибы они провѣдали о теперешнемъ его положеніи. Онъ видѣлъ, какъ отецъ его, все слѣдя за дѣйствіями дрибы, медленно удалялся по-тѣрѣ-того, какъ вода заливала садъ и потопляла весь заводъ. Казалось, онъ съ досадою уступалъ мѣсто этой бѣдѣ, которую презиралъ и еще притворялся презирающимъ. Наконецъ, онъ уже показывался въ окнахъ дома вѣстѣ съ г-жею Кардоннѣ, между-тѣмъ, какъ разбѣганные рабочіе убѣгали на гору, покинувъ свои куртки и инструменты внизу. Нѣкоторые, застигнутые потокомъ въ нижнихъ этажахъ завода, взобрались на крыши; и если самые смѣливые внутренно радовались, что выиграютъ отъ несчастія продолженіе своихъ выгодныхъ работъ, за то большая часть предавалась натуральному чувству унынія, видя плоды трудовъ своихъ погибшими или попорченными.

Камни, стѣны недавно-оштукатуренныя, бревна только-отесанные, — все, что не представляло твердой преграды, пылало въ безпорядкѣ среди кучъ пны; мосты, едва-отдѣланные, обрушивались, срываясь съ неокрѣпшихъ еще шоссе, которыя не могли ихъ

удерживать; садъ былъ до колѣнны потопленъ, и рамы оранжереи, цѣточные ящики и садовничьи тележки, быстро вслиывая, уносились сквозь деревья.

Вдругъ раздались громкіе крики на заводѣ. Огромный плотъ строевыхъ деревь сильно ударился о подводныя части главной машины, и зданіе, жестоко потрясенное, казалось, готово было рухнуть. На крышѣ стояла по-крайней-мѣрѣ дюжина человѣкъ, дѣтей и женщинъ. Всѣ кричали и плакали. Эмиль обдало холоднымъ потомъ. Равнодушный къ опасности, которой самъ подвергался, еслибъ дубъ вырвало съ корнемъ, онъ ужаснулся участи этихъ семействъ, находившихся на волосъ отъ гибели. Онъ хотѣлъ-было кинуться въ воду и поспѣшить имъ на помощь, но услышалъ твердый голосъ отца, который кричалъ имъ съ балкона въ рупоръ:

— Не трогайтесь съ мѣста! варѣнъ сейчасъ готовъ; вамъ нѣтъ опасности.

Такое было нравственное вліяніе хозяина, что никто не повелѣнулся, и самъ Эмиль инстинктивно ему повиновался.

Но другую сторону острона, было совсѣмъ-иное зрѣлище отчаянія. Посланы бывали за своею скотиною, женщинами за своими дѣтьми. Промантольные крики обрѣтали въ-особенности участіе Эмиля на одинъ луккъ, закрытый отъ него деревьями; но скоро онъ увидѣлъ на противоположномъ берегу здороваго мужчину, спасающаго ребенка. Теченіе съ этой стороны было не такъ сильно, какъ передъ заводомъ, однакожь пловецъ боролся съ немощными трудомъ, и нѣсколько разъ волна покрывала его совершенно.

— Я пойду ему на помощь! воскликнулъ Эмиль, тронутый до слезъ и готовый опять кинуться съ дерева.

— Ни, ни, сударь! закричалъ Шарассонъ, удерживая его. — Видите, онъ выходитъ изъ рѣки, онъ спасенъ, ужъ не плавать, а плыть по тинѣ... Бѣдняжка! досталось ему хлопотъ! За то ребенокъ живъ, плачетъ, кричитъ, какъ маленькій оборотень. Бѣдненькій! полно, не плачь, ты спасенъ... Ба! прости по-корно! чортъ меня побери, если это не старый Жанъ вытащилъ его изъ воды! Дѣ, сударь, точно Жанъ! молодецъ! Ахъ, посмотрите, какъ отецъ благодаритъ его, какъ мать обнимаетъ ему колѣни... Ну нечего сказать, колѣни-то не болѣе обратны! Ахъ, сударь! Жанъ человѣкъ съ хорошимъ сердцемъ, какому на свѣтѣ нѣтъ подобнаго. Еслибъ онъ зналъ, что мы здѣсь, онъ бросился бы насъ забавлять, право! Мнѣ хочется кликнуть его.

— Не дѣлай этого. Мы въ безопасности, а онъ опять бы рисковалъ. Дѣ, онъ достойный человѣкъ. Чтò, онъ ради этому ребенку и этимъ людямъ?

— Нѣтъ, сударь, не ради. Мужъ съ женою и ребенкомъ — Мать, которые ему, какъ мнѣ, чужіе; но когда есть гдѣ-нибудь несчастіе, можно быть удивлену, что Жанъ лѣзетъ, и куда мнѣ бы не отважился, онъ бросается туда, хотя бы ровно ничего не-

льзя было заработать, ниже стакапа випа. А Богу известно, что Жану не годится быть въ этой сторонѣ, что ему здѣсь не мѣсто...

— Развѣ онъ подвергается въ Гаржилесѣ какой-нибудь другой опасности, кромѣ опасности утонуть наравнѣ со всѣми?

Сильвенъ не отвѣчалъ и, казалось, упрекалъ себя за то, что проговорился.

— Вода немножко убываетъ, сказалъ онъ, чтобъ отвлечь вниманіе Эмиля: — черезъ часъ-другой, можетъ-быть, намъ можно будетъ воротиться по прежнему слѣду, потому-что на сторону г-на Кардоннѣ часовъ шесть по-крайней-мѣрѣ нельзя будетъ перебраться.

Перспектива была не очень-пріятная; однакожъ, Эмилъ, ни за что не хотѣвшій испугать родителей, покорился какъ умѣлъ. Но не прошло получаса, какъ новый случай заставлялъ его перемѣнить намѣреніе. Вода сбывала съ крайнихъ пунктовъ такъ же быстро, какъ задвигала ихъ, и по другую сторону озера, которое она образовала промежду нѣмъ и домомъ его отца, онъ увидѣлъ двухъ лошадей, одну совершенно голую, другую осѣдланную и вѣзущую, которыхъ рабочіе вели къ дому.

— Наши лошади, сударь, сказалъ Сильвенъ Шарассонъ: — такъ тихо; слава Богу, наши лошади спаслись. Бѣднѣйшая моя кобыла! я думаю, что она теперь въ Крѣзъ. Ахъ! то-то г-нъ Антуанъ обрадуется, когда я приведу въ цѣлости его *Лантерку*! Она не даромъ задушила себя, и, можетъ-быть, мама Жаннилла отпуститъ ей гарцона. Вонъ и ваша вороная, сударь; чай, вы рады, что она на берегу? Видно, она умѣетъ хорошо плавать?

Эмилъ быстро обсудилъ, что должно будетъ случиться. Г. Кардоннѣ, правда, не зналъ его лошади, потому-что Эмилъ купилъ ее дорогою; но открыли бы чемоданъ, тотчасъ узнали бы, что онъ принадлежалъ ему, и первую мыслью было бы, что онъ утонулъ. Онъ рѣшился немедленно показать себя, и послѣ многихъ успѣшнѣйшихъ перекричанъ шумъ потока, еще не утихшаго, успѣлъ дать знать людямъ, свѣсившимся на крышѣ завода, что онъ тутъ и что необходимо-мгновенно уведомить объ этомъ г-на и г-жу Кардоннѣ. Истинно: въ эту минуту перелетѣло черезъ разные пункты спасенія такъ быстро, какъ только могъ желать Эмилъ, и вскорѣ онъ увидѣлъ мать свою въ окнѣ: она махала платкомъ, а отецъ на паровѣ съ двумя задрачными людьми плылъ снѣло къ нему. Эмилъ успѣлъ отклонить ихъ отъ этого намѣренія, крича имъ, не бѣзъ болѣе: плаванія и повтореній, что онъ въ безопасности, что еще надо повременить плыть къ нему, и что всего нужнѣе выручить рабочихъ, заключенныхъ на заводѣ. Все свѣдалось по его желанію; и когда ему уже не за кого было страшиться, онъ съѣзъ съ дерева, опустился по поясъ въ воду и кинулся на встрѣчу парову, поддерживаемому мажоритомъ Шарассона и помогалъ ему не терять дѣла. Спустя три часа по проходахъ тѣмбы, Эмилъ съ своимъ проводникомъ свѣдѣлъ у теплаго камелька. Г-жа Кардоннѣ швырнула ласками и

слезами сына, а патобрѣнскій пажъ, обласканный не меньше его, пылко и подробно рассказывалъ объ опасности, которую они преодолѣли.

Эмиль обожалъ свою мать. То была еще самая горячая привязанность въ его жизни. Онъ не видалъ ея съ прошедшихъ капикулъ, которыя они провели вмѣстѣ въ Парижѣ, вдали отъ безпрестаннаго сухо-укоризненнаго припужденія ихъ общей главы, г-на Кардоннэ. Оба они страдали отъ вѣга, тяготѣвшаго надъ ними, и молча понимали другъ друга на этотъ счетъ. Кроткая, нѣжная, слабая; г-жа Кардоннэ чувствовала, что сынъ ея имѣлъ въ душѣ порядочную долю энергіи и твердости ея супруга, при благородномъ и чувствительномъ сердцѣ, которое готовило ему много огорченій, когда эти два крѣпкіе характера начали бы сталкиваться на пунктахъ, гдѣ чувства ихъ не сходились. Поэтому она таила всѣ горести своей жизни, стараясь не показывать ничего сыну, который былъ ея единственнымъ счастьемъ и утѣшеніемъ. Не вполнѣ признавая право, какое мужъ имѣлъ тѣснить и угнетать ее безпрестанно, она всегда, казалось, принимала свое положеніе какъ законъ природы и заповѣдь религіи. Страдательная покорность, внушаемая примѣромъ, обратилась въ инстинктивную привычку у молодого Эмиля; иначе, давно уже разсудокъ побудилъ бы его освободиться отъ нея. Но видя, что все склонялось при ближайшемъ знакъ отцовской воли — и мать нервая, — онъ еще ни разу не подумалъ, что это могло и должно было быть иначе. Однакожъ, тягость деспотической атмосферы, въ которой онъ жилъ, причиняла ему родъ меланхоліи и безымяннаго страданія, котораго причину рѣдко ему случалось отыскивать. По закону природы, дѣти перепинаютъ совершенно-противное урокамъ, которые тяготѣли на нихъ; такъ точно и Эмиль съ раннихъ поръ получалъ отъ вѣнечнаго фактора направленіе, прямо противоположное тому, къ какому наклонялъ его отецъ.

Послѣдствія этого натуральнаго и неизбежнаго антагонизма до-статочно разовьются событіями нашей исторіи, и имѣть нужды излагать ихъ здѣсь.

Давъ матери срокъ немного оправиться отъ испытанныхъ ею ощущений, Эмиль послѣдовалъ за отцомъ, который звалъ его осмотрѣть слѣдствія наводненія. Господинъ Кардоннэ выказывалъ спокойствіе превъше всѣхъ несчастій, и какъ ни тяжело было у него на сердцѣ, но онъ ничего не обнаруживалъ. Онъ молча промель мимо ряда крестьянъ, которые собрались въ любопытства поглядѣть на зрѣлище его несчастія, одни равнодушно, другіе съ искреннимъ участіемъ, которое бдѣнякъ благородно и откровенно, но которое навѣрно испытываетъ, когда видятъ, что ярость стихій пала равно на богача и на него. Въ эти моменты чего-нибудь да лишились при наводненіи, кто покоса съѣлъ, кто кусокъ огорода; кто овцы, нѣсколькихъ куръ или куки дроу; потеръ очень-мелкія сави-по-себѣ, но относительно, можетъ-быть, столько же важныя, какъ и потеръ богатаго промышленника. Впрочемъ,

когда они увидели разстройство прекраснаго жилища, недавно цвѣтущаго, то не могли избавиться отъ чувства удивленія, какъ-будто богатство имѣло въ-самомъ-себѣ что-то потаенное, вопреки записи, которую оно возбуждаетъ.

Господинъ Кардоннѣ не дожидаясь, пока вода совершенно сойдетъ, чтобъ снова начать работы. Онъ послалъ на окрестные луга собирать матеріалы, унесенные потокомъ, вооружилъ людей лопатами и заступами для расчистки тины и унесеннаго сѣна, заградившихъ входы въ заводъ, и когда туда можно было войти, пошелъ первый, чтобъ не имѣть случая понапрасну трогаться жалобными восклицаніями, какія вынужить постороннимъ перелая печальность.

VI.

Жанъ плотникъ.

— Вынь карандашъ, Эмиль, сказалъ промышленникъ сыну, который слѣдовалъ за нимъ изъ страха какой-нибудь опасности для отца: — не ошибись въ цифрахъ, которыя я буду тебѣ диктовать... Одно... два... три колеса переломлены... клятка смесена... большой моторъ поврежденъ... три тысячи... пять... семь или восемь... Возьмемъ максимумъ: въ дѣлахъ оно вѣрнѣе... Напиши восемь тысячъ франковъ... Плотина прорвана?... страшное дѣло!.. Напиши пятнадцать тысячъ... Надо будетъ вновь выложить ее русскими цементами... Вотъ который уголъ не выдержалъ... Напиши, Эмиль... Написалъ?..

Въ продолженіе часа, господинъ Кардоннѣ дѣлалъ такимъ образомъ смету своихъ убытковъ и предстоящихъ издержекъ, и когда сынъ началъ складывать итогъ, онъ пожималъ плечами отъ истощенія, вида, что, отъ разсѣянности или, или отъ непривычки, молодой человекъ исполнялъ не такъ быстро, какъ онъ бы желалъ.

— Кончилъ? спросилъ онъ черезъ двѣ или три минуты насильственнаго ожиданія.

— Да, батюшка... Выходитъ около восьмидесяти тысячъ франковъ.

— Около? подхватилъ господинъ Кардоннѣ, нахмуривъ брови. — Это что за слово?

И онъ вперилъ въ него глаза, свѣтившіеся насмѣшливою предвзятостью.

— Полно, сказалъ онъ: — я вижу, ты немножко одурѣлъ отъ того, что гнѣздылся на деревѣ. Я считалъ у себя въ головѣ, и съ сожалѣніемъ долженъ тебѣ сказать, что мой счетъ былъ точенъ прежде, чѣмъ ты очинялъ карандашъ. Расходъ предстоитъ на восемьдесятъ-одну-тысячу-пять-сотъ франковъ.

— Много! сказалъ Эмиль, усиливаясь скрыть свое нетерпѣніе подъ серьезнымъ видомъ.

— Я не предполагаю столько силы въ этомъ ручьѣ, возразилъ господинъ Кардоннѣ съ такимъ снокоистіемъ, какъ-будто онъ дѣлалъ смету убытковъ посторонняго ему человѣка:—но поправить будетъ нелегко. Эй! людей сюда... Вонъ, бревно завязло между двумя большими колесами; вода качаетъ его... Снимите его скорее прочь; иначе, колеса сломаются.

Приказанію тотчасъ повиновались; но дѣло было труднѣе, нежели казалось съ виду. Вся сила механики устремилась на это препятствіе, которое угрожало ей не уступать. Нѣсколько человѣкъ ободряли себѣ руки понапрасну.

— Берегитесь ушибиться! невольно кричалъ Эмиль, кидаясь самъ помогать рабочимъ.

Но господинъ Кардоннѣ съ своей стороны кричалъ:

— Тащи! дергай! бодрые! что у васъ за слабыя руки!

Потъ катился съ рабочихъ градомъ, а дѣло не подвигалось впередъ.

— Посторонитесь все отсюда! закричалъ вдругъ чей-то голосъ, который Эмиль тотчасъ узналъ: — пустите меня... я одинъ все сдѣлаю.

Жанъ, вооруженный ломомъ, проворно отодвинулъ одинъ камень, на который никто не обращалъ вниманія; потомъ, съ удивительной легкостью, далъ сильный толчокъ бревну.

— Тыше, тысячу чертей! вскрикнулъ господинъ Кардоннѣ:—ты все переломалъ.

— Если сломию что-нибудь, такъ плачу! отвѣчалъ крестьянинъ съ шутовскою брюзгливостью. — Теперь, двухъ добрыхъ парней сюда. Ну, унарайся!.. Не робѣй, Пьерръ, хорошо!.. Еще немного, старинушка Гильомъ!.. Ай-да молодцы... Чудо! чудо! дай мнѣ отнять ногу, иначе ты ее раздавишь, чортова дитятко! Попало!.. толкай!.. не бойся, я держу!..

И меньше чѣмъ въ двѣ минуты, Жанъ, котораго присутствіе и голосъ, казалось, электризовали прочихъ рабочихъ, освободилъ машину отъ посторонняго тѣла, грозившаго ее испортить.

— Ступай со мною, Жанъ, сказалъ господинъ Кардоннѣ.

— Затѣмъ, сударь? возразилъ крестьянинъ. — Я ужъ наработался на нынѣшній день.

— Отъ-того-то я и хочу, чтобъ ты пошелъ выпить стаканъ моего лучшаго вина. Пойдемъ, говорятъ тебѣ, мнѣ нужно съ тобою потолковать... Эмиль, скажи матери, чтобъ она велѣла подать мнѣ налагн.

— Онъ вашъ сынъ? сказалъ Жанъ, смотря на Эмиля съ нѣкоторымъ волненіемъ. — Если это сынъ вашъ, я иду съ вами, потому-что онъ мнѣ кажется добрымъ мальчѣмъ.

— Да, сынъ мой добрый малой, Жанъ, сказалъ господинъ Кардоннѣ крестьянину, когда увидѣлъ, что онъ принимаетъ полный ста-

капъ изъ рукъ Эмиля. — И ты тоже добрый малый; однакожь пора тебѣ доказать это получше, нежели какъ ты доказываешь: цѣлые два мѣсяца.

— Какъ быть, сударь, отвѣчалъ Жанъ, озираясь вокругъ съ недоувѣрчивымъ видомъ: — ужъ мнѣ порадо учиться, и я пришелъ сюда весь въ поту не за тѣмъ, чтобъ слушать морали, хладную какъ ледъ. За ваше здоровье, господинъ Кардоннѣ; благодарю и васъ, молодой человекъ, котораго я огорчилъ вчера вечеромъ. Вы не сердиты на меня?

— Постои на минуту, сказалъ господинъ Кардоннѣ: — прости, тѣмъ воротись въ свою лѣсную пору, возьми вотъ этотъ подарочекъ.

Онъ подаль ему золотую монету.

— Ненадо, ненадо, сказалъ Жанъ съ досадою, отталкивая подарокъ движеніемъ локтя. — Я не корыстолюбивъ, вы знаете, и не въ угожденіе вамъ трудился съ вашими плотниками. Простъ я хотѣлъ, чтобъ они не подрывались понапрасну. Къ-тому жъ, когда смыслишь дѣло, досадно видѣть, какъ люди берутся за него совершенно навыворотъ. Я немножко-горячъ, и навольно выѣхался въ то, что до меня не касалось.

— Такъ же, какъ и очутился тамъ, гдѣ бы ты не долженъ былъ, подхватилъ господинъ Кардоннѣ строгимъ тономъ и съ двѣтнимъ намѣреніемъ устрашить отважнаго крестьянина. — Послушай, Жанъ, вотъ случай намъ поладить и познакомиться; воспользуйся имъ, или ты будешь раскаяваться. Приѣхавъ сюда въ прошломъ году, я замѣтилъ твою дѣятельность, смѣлость, любовь къ тебѣ всѣхъ рабочихъ и всѣхъ жителей здѣшняго селенія. Я освѣдомился подробнѣе о твоей честности и рѣшился поручить тебѣ управленіе моими плотничными работами; предлагалъ тебѣ, одному двойное жалованье, поденно ли, или за дѣльно; ты отвѣчалъ мнѣ вздорами, и какъ-будто не считалъ меня за дѣловаго человека.

— Совсѣмъ не то, сударь, извините; я сказалъ вамъ, что не нуждаюсь въ вашей работѣ, что у меня въ селѣ ея больше, нежели сколько я успеваю дѣлать.

— Отговорка и ложь! Твои дѣла были очень-худы, а теперь еще хуже. Преслѣдуемый за долги, ты принужденъ былъ покинуть свой домъ, бросить мастерскую и скрываться въ горахъ, какъ звѣрь, травимый охотниками.

— Если берутся разсуждать, возразилъ Жанъ съ гордостью: — то надо говорить правду. — Меня не преслѣдуютъ за долги такъ, какъ вы это толкуете. Я всегда былъ честенъ и исправенъ, и если долженъ хоть копейку въ селеніи или въ окрестностяхъ, пусть кто-нибудь это скажетъ и подниметъ на меня руку. Спросите — никого не найдете!

— Однакожь, есть три предписанія взять тебя, и два мѣсяца жандармы гоняются за тобою, только не могутъ поймать.

— И будутъ гоняться, пока мнѣ угодно. Велика беда, чего-то сказать, что жандармы проминаютъ своихъ лошадей по одному бе-

регу Крезы, тогда-какъ я проминаю свои ноги на другомъ! Что, развѣ они больны отъ-того, что ихъ нанимаютъ прогнать и исполнять то, чего они не дѣлаютъ! Не жалѣйте объ нихъ, господинъ Кардоннѣ, имъ платятъ люди, которые такъ богаты, что не разорятся безъ моихъ тысячи франковъ; потому-что, дѣйствительно, я присужденъ заплатить тысячу франковъ либо идти въ тюрьму. Вамъ удивительно, молодой человекъ, что беднякъ, который всегда одолажалъ своего ближняго, вмѣсто того, чтобъ ему вредить, преслѣдуемъ теперь словно бѣглый каторжникъ? У васъ еще доброе сердце, не смотря на богатство, потому-что вы еще не лоды. Ну, слушайте же, въ чемъ моя вина. Въ томъ, что я послалъ три бутылки вина изъ своего виноградника одному больному товарищу; меня взяли досмотрщики, какъ торгующаго виномъ безъ позволенія, и такъ-какъ я не могъ ни лгать, ни ужиматься, чтобъ войти въ сдѣлку, такъ-какъ я утверждалъ истину, говоря, что не продавалъ ни капли вина, и, следовательно, не подлежалъ наказанію, то меня приговорили заплатить то, что у нихъ называется минимомъ, пятьсотъ франковъ штрафа. Прошу покорно, это минимумъ! пятьсотъ франковъ—цѣна моего годичнаго труда за то, что я подарилъ три бутылки вина! Ужъ не говорю, что мой бѣдный собратъ, который получилъ ихъ, былъ также осужденъ, и это меня всего больше возбѣсило. Я не могъ заплатить пятьсотъ франковъ, и у меня схватили, отняли, продали все, даже мои плотничьи инструменты. Если такъ; изъ чего же платить повинность за ремесло, которымъ мнѣ прокормиться? Я пересталъ платить, и когда однажды я работалъ въ чужихъ людяхъ, явилось другое возысканіе за ссору съ помощникомъ мэра, котораго я забывшись чуть не ударилъ. Что дѣлать! мнѣ было нечего вѣсть; я взялъ ружьё и пошелъ застрѣлять зайца на опушкѣ. Встарину, браконьерство въ здѣшнихъ краяхъ было въ обычаѣ и въ правѣ; прежніе помѣщики глядѣли на него сквозь пальцы; даже браконьерили съ нами вмѣстѣ, когда приключался охота.

— Доказательство—г-нъ Антуанъ де-Шатобрёнъ, который досихъ-поръ такъ дѣлаетъ, сказалъ г. Кардоннѣ промѣстическимъ голосомъ.

— Лишь бы не на вашей землѣ, а то какое вамъ дѣло? возразилъ съ сердцемъ крестьянинъ.—Вышло, что за одного зайца, убитаго изъ ружья, и за поимку двухъ кроликовъ, я опять взятъ и приговоренъ къ штрафу и тюремному заключенію. Но я ускользнулъ, и съ-тѣхъ-поръ живу какъ знаю.

— Очень-известно, какъ ты живешь, Жамъ, сказалъ г. Кардоннѣ.—Ты бродишь день и ночь, браконьернишь всюду и во всякое время года, никогда не мочуешь два раза сряду въ одномъ мѣстѣ, а всего чаще проводишь ночь подъ открытымъ небомъ; гостивъ иногда въ Шатобрёнѣ, котораго владѣльца выкормила твоя мать и котораго я не осуждаю за вспоможеніе тебѣ, хотя онъ самъ бы умѣе и полезнѣе, еслибъ уговаривалъ тебя къ труду и поря-

дочней жизни... Ну, Жанъ, довольно толковать по-пусту; выслушай меня. Я беру участіе въ твоей судьбѣ, и возврату тебѣ свободу и безопасность, поручившись за тебя. Ты отдалешишься нѣсколькими днями заключенія, только для формы; я заплачу за тебя всю штрафу, и тогда ты можешь ходить сколько; ясно ли?

— О! такъ, батюшка! вскричалъ Эмиль: — вы добры, вы справедливы. Что, Жанъ, правду ли я говорилъ?

— Кажется, вы уже знакомы? сказалъ г. Кардоннѣ.

— Да, батюшка, отвѣчалъ Эмиль съ жаромъ. — Жанъ оказалъ мнѣ самому услугу вчера; а еще болѣе располагаетъ меня къ нему то, что я видѣлъ нынче, какъ онъ серьезно подвергалъ опасности жизнь свою, чтобъ спасти изъ воды ребенка. Жанъ, примите обязательство батюшки, и пусть его великодушіе побѣдитъ ложную гордость.

— Хорошо, господинъ Эмиль, отвѣчалъ плотникъ: — вы любите своего батюшку, это хорошо. Я также почиталъ своего отца! Но посмотрите, господинъ Кардоннѣ, на какихъ условіяхъ вы все это для меня сдѣлаете?

— Ты будешь работать у меня по плотничьему дѣлу, отвѣчалъ промышленникъ: — будешь заводить нить.

— Работать для вашего заведенія, которое должно разорить столько народа?

— Нить, которое обогатитъ всѣхъ моихъ рабочихъ и тебя.

— Хорошо! сказалъ Жанъ, начинавшій колебаться: — не я, такъ другіе будутъ у васъ работать, и я не могу этому помѣшать. Пожалуй, я работаю для васъ на тысячу франковъ. Но кто будетъ меня кормить во все время, пока я буду выплачивать вамъ долгъ свой со дня на день?

— Я буду кормить, потому-что увеличу цѣлой третью твою повседневную плату.

— Третью! Мало; потому-что мнѣ надо одѣваться. Я совершенно нгъ.

— Хорошо, я кладу двойную цѣну; твой день стоитъ тридцать су по здѣшнимъ цѣнамъ, а я заплачу тебѣ за него по три франка; всакій день ты будешь получать половину ихъ, а другая половина пойдетъ на скитанье со мною.

— Пожалуй! Оно долго будетъ, продлится года четыре по крайней-мѣрѣ.

— Ошибаешься, ровно два года. Надеюсь, что черезъ два года нгъ уже нѣчего будетъ строить.

— Какъ, сударь, значить, я буду работать у васъ каждый день, всъ дни года безъ перемены?

— Крѣпъ воскресенье.

— О! еще бы воскресенье! Но развѣ я не буду имѣть дня или двухъ въ недѣлю, которые бы могъ проводить какъ мнѣ вздумается!

— Жанъ! ты, какъ видно, сдѣлался лѣнивъ. Вотъ они, плоды-то бродяжничества.

— Полноте! гордо сказалъ плотникъ:—сами вы лѣнны! Жанъ никогда не бывалъ подлецомъ и не будетъ имъ въ шестьдесятъ лѣтъ отъ роду. Но, видите ли, я не безъ намѣренія соглашаюсь взять вашу работу. Мое намѣреніе—построить себѣ домишко. Благо мой продали, я радъ выстроить новый, дѣланный мною однимъ, по моему вкусу, по моей мысли. Вотъ зачѣмъ я хочу имѣть по-крайней-мѣрѣ одинъ день въ недѣлю для себя.

— На это я не согласусь, отвѣчалъ промышленникъ сурово. — Ты не будешь имѣть дома, не будешь имѣть своихъ инструментовъ, будешь ночевать у меня, ѣсть у меня, работать только моими инструментами, будешь...

— Довольно, довольно! Я вижу, что буду вашею собственностью, вашимъ работъ. Спасибо, сударь, дѣло у насъ не сладится.

И онъ пошелъ къ дверямъ.

Эмиль находилъ условія отца очень-суровыми; но участь Жана грозила быть еще суровѣе, если онъ откажется. Онъ попробовалъ помирить ихъ.

— Добрый Жанъ, сказалъ онъ, удерживая его:—подумайте, за-клиная васъ. Два года скоро пройдутъ, и благодаря маленькой экономіи, которую вы можете соблюдать въ это время, тѣмъ больше, прибавилъ онъ, смотря на г-на Кардоннѣ съ умоляющимъ и вмѣстѣ твердымъ видомъ:—что батюшка будетъ васъ кормить не въ счетъ условленнаго жалованья...

— Въ-самомъ-дѣлѣ? сказалъ Жанъ тронутый.

— Согласенъ, отвѣчалъ г. Кардоннѣ.

— Дальше: платѣ ваше, Жанъ, неважная вещь, и мы съ ма-тушкой поставимъ за удовольствіе поправить вашъ гардеробъ. И такъ, черезъ два года у васъ будетъ чистыя двѣ тысячи фран-ковъ; этого достаточно, чтобъ построить домъ для одинокаго, по-тому-что вы холостой...

— Вдовый, сударь, сказалъ Жанъ со вздохомъ:—и сына поте-рялъ на службѣ.

— Тогда-какъ, если ты будешь брать жалованье понедѣльно, возразилъ Кардоннѣ-отецъ холодно:—ты его проживешь и по про-шествіи года ничего не выстроишь и ничего не сбережешь.

— Вы слишкомъ обо мнѣ заботитесь: вамъ какое дѣло?

— Такое дѣло, что мои работы, безпрестанно прерываемыя, пойдутъ медленно, что я не буду никогда имѣть тебя подъ рукою, и что черезъ два года, когда ты предложишь мнѣ продолженіе сво-ихъ услугъ, ты ненуженъ будешь мнѣ. Я принужденъ буду пору-чить твою должность другому.

— Все-таки вамъ будутъ нужны починки! Или вы думаете, что я хочу васъ обанкрутить?

— Пить; но по мнѣ лучше твое банкротство, чѣмъ замедленіе.

— О! какъ вы торопитесь наслаждаться! Ну, и такъ, вы дади-те мнѣ одинъ день въ недѣлю, и я буду имѣть свои инструменты.

— Видно, онъ очень дорожить этимъ свободнымъ днемъ, сказалъ Эмиль:—уступите ему, батюшка.

— Я даю ему воскресенье.

— А я принимаю его только для отдыха, сказалъ Жанъ съ негодованіемъ.—Развѣ вы считаете меня за язычника? Я не работаю во воскресеньямъ; это принесло бы мнѣ несчастье, и я дѣлалъ бы нечистую работу для васъ и для себя.

— Хорошо, батюшка дасть вамъ понедѣльникъ...

— Молчи, Эмиль, что за понедѣльникъ! Этому не бывать. Ты не знаешь этого человѣка. Смышлёный работникъ и мастеръ на изобрѣтенія иногда удачныя, часто ребяческія, онъ утѣшается только тогда, когда можетъ работать пустяки самъ для себя; онъ немножко столяръ, немножко краснодеревецъ, и мало ли что еще! У него искусныя руки; но, отдавшись своимъ прихотямъ, онъ становится звякою, разсыяннымъ, неспособнымъ къ серьезной работѣ.

— Онъ художникъ, батюшка! сказалъ Эмиль, улыбаясь сквозь слезы. — Сжальтесь надъ гениемъ!

Г. Кардоннѣ съ презрительнымъ видомъ поглядѣлъ на сына; но Жанъ, схвативъ руку юноши, сказалъ съ своей странной и благородной фамильярностью:

— Дитя мое, не знаю, отдаешь ли ты мнѣ справедливость или шутишь надо мною, но ты сказалъ правду. Во мнѣ больше духа изобрѣтенія, нежели нужно для того ремесла, котораго отъ меня здѣсь требуютъ. Когда я работаю у своихъ деревенскихъ пріятелей, у графа Антуана, у священника, у мэра, или у такихъ же бѣдняковъ, какъ я, они говорятъ мнѣ: «Дѣлай какъ хочешь, изобрѣтай самъ, старикъ! Слѣдуй своей идѣ; оно будетъ подольше, за то выйдетъ хорошо!» И тогда-то я работаю съ охотою, да! съ такой охотою, что забываю часы и тружусь даже ночью. Это меня утомляетъ, нагоняетъ лихорадку, убиваетъ меня иногда; но я люблю это, вотъ видишь, какъ другіе любятъ вино. Это мое утѣшеніе... Да! смѣйтесь, шутите, г. Кардоннѣ! Ваша насмѣшка обижаетъ меня, и я не буду на васъ работать, ни за что въ свѣтъ не буду, хотя бы жандармы сейчасъ явились и хотя бы дѣло шло о гильйотинѣ... Продаться вамъ тѣломъ и душою на два года! Дѣлать только то, что вамъ вздумается, исполнять ваши изобрѣтенія и самому не имѣть мысли! Если вы меня знаете, я тоже васъ знаю; знаю, что вы за человѣкъ, и что у васъ все ходитъ по вашей мѣркѣ. Такъ я буду поленьщикомъ, буду работать, какъ покойный мой отецъ работалъ на гаржилесскихъ аббатахъ? Боже меня сохрани! Я не продамъ своей души такому скучному и глупому труду. Еще бы еслибъ вы дали мнѣ день отдыха и вознагражденія, чтобъ удовлетворять моимъ прежнимъ заказчикамъ и самому-себѣ; а то ничего!

— Да, ничего, сказалъ г. Кардоннѣ съ сердцемъ, потому-что самолюбіе артиста было задѣто съ той и другой стороны. — Убийрайся; ты мнѣ не нуженъ; возьми этотъ наполеонадоръ, и ступай, давай себя вѣшать гдѣ хочешь!

— Нынче не въпадаютъ, сударь, отвѣчалъ Жакъ, пхнувъ на полъ золотую монету.

— Эмиль, сказалъ г. Кардоннѣ, лишь-только Жанъ вышелъ: — позови сюда сельскаго сторожа, того, что стоитъ на крыльцѣ съ желѣзной вилкою въ рукѣ.

— Боже мой, что вы хотите дѣлать? спросилъ Эмиль въ испугъ.

— Возвратить этого челоуѣка къ разсудку, къ доброму поведенію, къ труду, къ обезпеченности, къ счастью. Когда почуветъ въ тюрьмѣ, онъ будетъ сговорчивѣе и поблагодаритъ когда-нибудь меня за то, что я освободилъ его отъ его внутренняго демона.

— Но, батюшка, посягать на личную свободу... вы не можете этого...

— Я мѣрзъ съ нынѣшняго дня, и моя обязанность забираетъ бродягъ. Слушайся, Эмиль, или я самъ пойду.

Эмиль еще мѣшкалъ. Г. Кардоннѣ, немогшій переносить тѣни непослушанія, сердито оттолкнулъ его отъ двери и пошелъ, въ качествѣ перваго сановника мѣстечка, отдать приказъ сельскому сторожу арестовать Жана Жапиу, гаржилесскаго уроженца, плотника по ремеслу, въ настоящее время безъ опредѣленнаго мѣста жительства.

Порученіе было очень не по сердцу сторожу, и г. Кардоннѣ прочелъ перѣшимость на лицѣ его.

— Кальйѵ, сказалъ онъ повелительнымъ тономъ: — или въ отставку черезъ недѣлю, или двадцать франковъ награжденія!

— Слушаю, сударь, отвѣчалъ Кальйѵ.

И, потряхивая плечомъ, онъ пустился скорымъ шагомъ.

Кальйѵ настигъ бѣглеца въ двухъ ружейныхъ выстрѣлахъ отъ селенія, и не трудно было настичь, потому-что тотъ шелъ медленно, опустивъ голову на грудь и углубясь въ печальное раздумье. «Еслибъ не моя безумная голова», разсуждалъ онъ: «я былъ бы теперь на пути къ покою и благосостоянію, вмѣсто того, чтобъ опять надевать ошейникъ нищеты, бродить подобно волку по чащамъ и скаламъ, быть часто въ тѣгость бѣдному Антуану, который добрѣ, всегда радъ мнѣ, но который бѣденъ и даетъ мнѣ больше хлѣба и вина, нежели сколько я поймаю своими тенетами куропатокъ и зайцевъ для стола его... А нуще всего раздраетъ сердце то, что надо вѣчно покидать бѣдную деревеньку, гдѣ я родился, гдѣ провелъ цѣлую жизнь, гдѣ всѣ мнѣ друзья, и куда не могу теперь являться иначе, какъ подобно голодной собакѣ, которая рискуетъ ружейнымъ выстрѣломъ изъ-за куска хлѣба. А между-тѣмъ, всѣ здѣшніе жители добры ко мнѣ, и еслибъ не боялись кое-кого, дали бы мнѣ пріютъ!»

Раздумывая такимъ образомъ, Жанъ услышалъ звонъ къ вечернѣ и невольно слезы покатались по его загорѣлымъ щекамъ. «Нѣтъ», подумалъ онъ: «на десять лѣтъ вокругъ нѣтъ, ни одного колокола пріятнѣе звукомъ гаржилесскаго!» Дроздъ запѣлъ подлѣ него въ ку-

стахъ. «Ты счастливъ», сказалъ онъ, мечтая вслухъ: «ты можешь гнѣздиться тамъ, летать по всемъ этимъ садамъ, которые я такъ хорошо знаю, и кормиться плодами всѣхъ и каждого, не боясь по-
пасть въ руки недобрыхъ людей».

— Такъ и есть, сказалъ голосъ позади его:—арестую тебя немедленно г. Кардоннѣ!

И Кальйô схватилъ его за воротъ.

VII.

Арестъ.

— Ты, Кальйô! ты! сказалъ изумленный плотникъ съ тѣмъ же выраженіемъ, съ какимъ, вѣроятно, говорилъ Цезарь подлѣ книжаламъ Брута.

— Дѣ, я сельскій сторожъ! кричалъ Кальйô изъ всѣхъ силъ, чтобъ его слышали въ окрестности, еслибъ тамъ случились свидѣтели.

А тихо прибавилъ:

— Бѣгите, дядя Жанъ. Оттолкните меня и бѣгите!

— Оказывать сопротивленіе, чтобъ еще больше запутать свое дѣло? Нѣтъ, Кальйô, это было бы еще для меня хуже. Но какъ ты рѣшился арестовать друга твоего семейства, твоего крестнаго отца? Несчастный!

— Вѣдь я и не арестую васъ, крѣстный, сказалъ Кальйô шопотомъ. — Ну, пойдемъ со мною, не то клику помощь! закричалъ онъ, что было мочи.—Ну ж! продолжалъ онъ исподтишка:—бѣгите, дядя Жанъ; сдѣлайте видъ, будто толкнули меня, а я упаду на землю.

— Нѣтъ, мой бѣдный Кальйô, черезъ это ты потерялъ бы мѣсто, или по-крайней-мѣрѣ прослылъ бы трусомъ и мокрой курицей. Ужъ если у тебя достало духа принять порученіе, надо его исполнить. Вижу, что тебѣ пригрозили, тебя принудили; удивляюсь только, что г. Жарижъ рѣшился сдѣлать со мной такую шутку.

— Да мѣромъ ужъ не г. Жарижъ, а г. Кардоннѣ.

— Ну, такъ понимаю, и пожалуй, я не прочь поколотить тебя за то, что ты тотчасъ не подалъ въ отставку.

—Правда ваша, дядя Жанъ, сказалъ смущенный Кальйô:—пойду, сейчасъ подамъ. Всего лучше. Уходите скорѣе!

— Онъ пусть уходитъ! а ты... останься на своемъ мѣстѣ, сказалъ Эмиль Кардоннѣ, вышедъ изъ-за кустарника. —На, пріятель, падай, благо ты хочешь упасть, прибавилъ онъ, ловко подбивъ ему ногу по-школьничьи: — и если спросать тебя, кто виновникъ этого насилія, скажи батюшкѣ, что его сынъ.

— А! славная выдумка! сказалъ Кальйô потирая колѣни:—и если папенька посадитъ васъ въ тюрьму, не мое дѣло. Вы повалили

меня немножко-крепко; лучше, еслибъ это былъ а травъ. Что жь! ушелъ ли онъ, этотъ старый глупецъ Жанъ?

— Нѣтъ еще, сказалъ Жанъ, который взошелъ на пригорокъ и былъ на готовъ бѣжать.—Благодарю, г. Эмиль, никогда не забуду, потому-что я покорился бы своей участи, еслибъ имѣлъ дѣло съ однимъ закономъ; но когда знаю, что это предательство вашего батюшки, легче брошусь головой въ рѣку, нежели поддамся такому злему и фальшивому человѣку. Вы, вы заслуживали бы родиться отъ кого-нибудь получше; у васъ есть сердце, и пока я живъ...

— Бѣги, отвѣчалъ Эмиль, подходя къ нему:—и остерегайся говорить мнѣ худо про отца моего. У меня есть многое тебѣ сказать, но теперь не время. Не будешь ли ты въ Шатобрёнъ уже вечеромъ?

— Буду, сударь. Возьмите предосторожности, чтобъ за вами не подсматривали, и не спрашивайте меня слишкомъ-громко у воротъ. Ну, по вашей милости, я еще вольный человѣкъ, и не могу пожаловаться.

Онъ пустился стрѣлою, и Эмиль, обернувшись, увидѣлъ Кальё въ растяжку на землѣ, какъ-будто безъ чувствъ.

— Что такое? спросилъ молодой человѣкъ въ испугъ: — не ушибъ ли я тебя въ-самомъ-дѣлѣ? больно тебѣ?

— Вамъ-то ничего, сударь, отвѣчалъ хитрый крестьянинъ:—а тутъ, видите, надо, чтобъ кто-нибудь пришелъ поднять меня, чтобъ я имѣлъ видъ побитаго.

— Ненужно, я беру все на себя, сказалъ Эмиль. — Встань, и ступай, скажи батюшкѣ, что я помѣшалъ открытой силою аресту Жана. Я иду за тобою слѣдомъ, и остальное ужъ мое дѣло.

— Напротивъ, сударь, ступайте впередъ. Надо, чтобъ я шелъ прихрамывая; иначе, если я побѣгу бѣгомъ рассказывать, что вы отшибли мнѣ ноги и что я вытерпѣлъ это, вашъ батюшка не поверитъ, и меня отставятъ.

— Дай сюда руку, обопришь на меня, и мы прійдемъ вмѣстѣ, сказалъ Эмиль.

— Дѣло, сударь. Поддержите меня немножко. Потихе! Чортъ возьми! я весь расшибенъ.

— Не шутя? Я былъ бы въ отчаяніи, мой другъ.

— Э, сударь, ни крошечки; но такъ надо говорить.

— Что это значить? строго сказалъ г. Кардоннѣ, увидѣвъ сельскаго сторожа, опиравшагося на Эмиля. — Жанъ противился; вѣрно, ты какъ дуракъ далъ съ собою сладить, и виновный убѣжалъ?

— Ничуть нѣтъ, сударь, виновный не противился, бѣдняжка; а вотъ вашъ сынокъ, проходя мимо, толкнулъ меня ненарочно, когда только-что я занесъ руку на виновнаго, бацъ! и я отлетѣлъ шаговъ на пятьдесятъ, вверхъ ногами, на скалы. Онъ, голубчикъ, самъ очень жалѣлъ и бросился удерживать меня отъ паденья въ рѣку, иначе я хлебнулъ бы воды, непременно! А дяди Жапплу и

радъ, улизнулъ, пока я лежалъ одурѣлый, не могши шевельнуться ни рукой, ни ногой. Еслибъ милость ваша была пожаловать мнѣ капельку вина, куда бы хорошо; а то, кажется, желудокъ у меня поразстроился.

Эмиль, видя, что крестьянинъ, при простоватой и недалекой наружности, умѣетъ лучше его солгать и свести концы, подумалъ было, не подтвердить ли случай въ томъ видѣ, какъ онъ его повернулъ. Но онъ скоро прочелъ въ проникательныхъ глазахъ отца, что тотъ не удовлетворился бы безмолвнымъ подтвержденіемъ, а что для увѣренія его нужно было имѣть безстыдство одинаковое съ Калійо.

— Что за пелѣная исторія? сказалъ г-нъ Кардоннѣ, нахмури брови. — Съ которыхъ поръ сынъ мой такимъ силачомъ, такимъ невѣжей и такъ спѣшитъ ходить по одной дорогѣ съ тобою? Если ты такъ нетвердъ на ногахъ, что съ толчка опрокидываешься и падаешь какъ чурбанъ, то вѣрно ты пьянъ! Говори правду, Эмиль; вѣроятно, Жанъ Жаппу прибилъ его; можетъ-быть, столкнулъ въ оврагъ, а ты, — ты и теперь еще смѣешься какъ сущее дитя, нашелъ это забавнымъ, и киувшись на помощь этому глупцу, согласился принять на себя мнимую неосторожность? Вѣдь такъ, не правда ли?

— Пить, батюшка, не такъ, сказалъ съ рѣшимостью Эмиль. — Я дитя, правда; отъ-того, можетъ-быть, моя вѣтренность была не безъ умысла. Пусть Калійо думаетъ что хочетъ о моей манерѣ опрокидывать людей, прохода мимо ихъ; если я ушибъ его, то готовъ просить у него извиненія и наградить его. А между-тѣмъ, позвольте отослать его къ эконому, чтобъ она дала ему лекарства, котораго онъ требуетъ; и когда мы будемъ одни, я скажу вамъ откровенно, какъ мнѣ случилось сдѣлать эту глупость.

— Ступай, отведи его въ буфетъ, сказалъ г-нъ Кардоннѣ: — и воротись тотчасъ.

— Смотрите, г-нъ Эмиль! сказалъ Калійо молодому человеку, сходя въ буфетъ: — я васъ не выдамъ, не выдайте же и вы меня!

— Не безпокойся, пей не теряя разсудка, отвѣчалъ молодой человекъ: — и будь увѣренъ, что въ виноватыхъ буду одинъ я.

— Зачѣмъ же, чортъ возьми, хотите вы себя обвинить? Это будетъ, извините, страшная глупость.

— Ужь это мое дѣло; поддерживай только свой рассказъ, благо ты умѣешь хорошо свести концы; я объясню свои намѣренія, какъ мнѣ нужно.

— Да у васъ предоброе сердце, сказалъ Калійо съ изумленіемъ.

— Вы никогда не будете имѣть отцовской головы!

— Ну, Эмиль, сказалъ г-нъ Кардоннѣ, котораго сынъ нашелъ ходящимъ въ волненіи по кабинету: — какъ ты объяснишь мнѣ свое непостижимое приключеніе?

— Батюшка, я одинъ виноватъ, отвѣчалъ съ твердостью молодой человекъ. — Пусть все ваше неудовольствіе и все послѣд-

стыя вины моей падуть на меня. Клянусь честью, Жанъ Жаппу давалъ себя арестовать безъ малѣйшаго сопротивленія, когда я сильно толкнулъ сторожа, чтобъ его повалить, и сдѣлавъ это нарочно.

— Хорошо, сказалъ хладнокровно г-нъ Кардоннѣ, желавшій знать всю правду:—и болванъ упалъ, упустилъ своего арестанта, а между-тѣмъ, хотя лежитъ теперь, онъ очень ясно-видѣлъ, что это было не нечаянность, а умыселъ съ твоей стороны?

—Онъ вовсе не понялъ моего намѣренія, возразилъ Эмиль:—онъ былъ обезоруженъ и поваленъ нечаянно; кажется, даже немного ушибся, падая.

— И ты оставилъ его думать, что это была разсѣянность съ твоей стороны, надѣюсь?

— Что нужды, какъ онъ думаетъ о моемъ намѣреніи и что у него на умѣ! Вы можете судить только дѣла.

— И это говорить мнѣ сынъ мой?

— Не сынъ, батюшка, а вашъ подчиненный, виновный, котораго вы можете судить и наказать. Когда вы спросите меня лично, я буду отвѣчать вамъ, какъ слѣдуетъ. Но тутъ дѣло идетъ о бѣднѣжкѣ, который живетъ своимъ скромнымъ мѣстомъ. Онъ покоренъ вамъ, боится васъ, и если вы прикажете ему отвести меня въ тюрьму, онъ готовъ будетъ повиноваться.

— Эмиль, ты меня разжалобилъ. Оставимъ сторожа съ его ужиномъ. Я прощаю ему—и позволяю тебѣ слѣзть ему хорошій подарокъ, чтобъ онъ молчалъ, потому-что не намѣренъ открывать твое пребываніе здѣсь смѣшнымъ происшествіемъ. Но растолкуй мнѣ, пожалуйста, зачѣмъ ты набиваешься на потышную драму? Что это за приключеніе, гдѣ ты играешь роль Донъ-Кихота, принимая Кальйо за своего Санчо-Пансу? Куда ты такъ спѣшилъ, когда очутился при арестованіи? Что за фантазія пришла тебѣ извѣщать этого человѣка отъ рукъ правосудія и отъ благодѣтельныхъ намѣреній, которыя я имѣлъ въ-отношеніи его? Или ты помѣшался въ-продолженіе полугода, что мы не выдались? Или далъ обѣтъ рыцарства? или хотѣлъ поперечить моимъ планамъ и идти наперекоръ мнѣ? Отвѣчай серьезно, если можешь, потому-что отецъ твой, очень-серьезно тебя спрашиваетъ.

— Батюшка, я могъ бы многое отвѣчать вамъ, еслибъ вы спросили меня о моихъ чувствахъ и моемъ образѣ мыслей. Но тутъ рѣчь о неважномъ частномъ фактѣ, и я скажу вамъ въ короткихъ словахъ, какъ было дѣло. Я бросился за бѣглецомъ, чтобъ спасти его отъ стыда и горя быть арестованнымъ; надѣялся опередить Кальйо и уговорить Жана возвратиться, по доброй волѣ принять ваши предложенія. Прибѣжавъ слишкомъ-поздно и не могши убѣдить сторожа не исполнять вашего приказанія, я воспрепятствовалъ ему, подвергаясь одинъ наказанію за проступокъ. Я дѣйствовалъ произвольно, не преднамѣренно, не обдуманно, увлекаясь только неодолимымъ чувствомъ состраданія и огорченія. Если я

дурно поступилъ, осудите меня; но если мѣрами кротости и убѣжденія я возвращу вамъ Жана по доброй волѣ прежде двухъ сутокъ, то простите меня.

— Эмиль, сказалъ господинъ Кардоннѣ, прошедшись нѣсколько разъ въ молчаніи:— я долженъ бы сдѣлать тебѣ строгій выговоръ за явное сопротивленіе моей волѣ. Тутъ видны съ твоей стороны непоправимая гордость и отсутствіе уваженія къ родительской власти. Я не охотникъ часто терпѣть подобныя выходки, ты меня знаешь, или уже забылъ съ-тѣхъ-поръ, какъ мы разстались другъ съ другомъ; но на теперешній разъ увольняю тебя отъ долгихъ увѣщаній; ты, мнѣ кажется, не расположенъ ими воспользоваться. Къ-тому же, судя по твоему поведенію и потому, что знаю о настроѣ твоего ума, я вижу, что мы должны поговорить порядкомъ о самомъ основаніи твоихъ идей и о твоихъ видахъ на будущее. Несчастіе, которое пылче меня постигло, не дастъ мнѣ досуга потолковать съ тобою ужъ вечеромъ. Ты испыталъ много безпокойства въ-теченіе дня, и вѣроятно имѣешь надобность въ отдыхѣ: ступай, побудь съ матерью, и ложись раньше спать. Когда порядокъ и спокойствіе возобновятся въ моемъ заведеніи, я скажу тебѣ, зачѣмъ призывалъ тебя изъ того, что ты называлъ своимъ изгнаніемъ, и также чего ожидаю теперь отъ тебя.

— А до этого объясненія, котораго я душевно желаю, отвѣчалъ Эмиль: — потому-что въ первый разъ вы обойдетесь со мною не какъ съ ребенкомъ, смѣю ли думать, батюшка, что вы не сердиты на меня?

— Когда я вижу съ тобою послѣ долгой разлуки, трудно было бы мнѣ не быть снисходительнымъ, сказалъ господинъ Кардоннѣ, пожимая ему руки.

— Бѣдный Кальйо не лишится мѣста? возразилъ Эмиль, обнимая отца.

— Нѣтъ, съ условіемъ, что ты впередъ не будешь вмѣшиваться въ дѣла мои.

— И вы не велите арестовать Жана?

— Мнѣ нѣчего отвѣчать на такой вопросъ; я слишкомъ понадеялся на тебя, Эмиль: вижу, что мы неодинаково думаемъ о нѣкоторыхъ пунктахъ, и до-тѣхъ-поръ, пока не согласимся, я не хочу пускаться въ увѣренія, неприличныя мнѣ. Довольно; прощай, мой милый! У меня есть занятія.

— Не могу ли я помочь вамъ? вы никогда не считали меня способнымъ облегчить вамъ какой-нибудь трудъ!

— Надѣюсь, что сдѣлаешься способнымъ. Но покаместъ ты еще не знаешь сложенія.

— Цифры, все цифры!

— Ступай же спать, а я буду трудиться, чтобъ ты былъ богатъ въ-послѣдствіи.

— Ахъ! развѣ я ужъ и то не богатъ? думалъ Эмиль, уходя. — Если, какъ батюшка часто и справедливо говаривалъ, богатство

налагаетъ огромныя обязанности, зачѣмъ же тратить жизнь на созиданіе этихъ обязанностей, которыя, можетъ-быть, выше силъ нашихъ?

Слѣдующій день посвященъ былъ на исправленіе безпорядка, причипеннаго паводпеніемъ. Г-нъ Кардоннэ, не смотря на твердость своего характера, испытывалъ глубокое огорченіе, замѣчая на каждомъ шагу какую-нибудь нечаянную потерю въ безчисленныхъ подробностяхъ заведенія; его рабочіе упали духомъ. Вода, которая приводила въ движеніе заводъ и которой силу еще нельзя было уравнять, давала машинамъ безпорядочное круговращеніе, усиливаясь по мѣрѣ того, какъ стекала подъ шлюзами. Промышленникъ былъ серьезенъ и задумчивъ, втайнѣ досадовалъ на недостатокъ присутствія духа въ людяхъ, которыми управлялъ и которые казались ему машинами больше самыхъ машинъ. Онъ приучилъ ихъ къ безотчетному, слѣпому повиновенію, и чувствовалъ, что въ критическія минуты, когда воля одного человѣка становится недостаточною, рабочіе машины—самые плохіе слуги въ свѣтѣ. Однакожь, онъ не звалъ Эмиля помогать себѣ, а напротивъ, всякій разъ, когда молодой человѣкъ предлагалъ свои услуги, удалялъ его подъ разными предлогами, какъ-будто въ-самомъ-дѣлѣ не надѣялся на него. Такая манера прогонять его была всего убійственнѣе для пылкаго и благороднаго сердца.

Эмиль попробовалъ искать утѣшенія у матери: но добрая г-жа Кардоннэ совершенно лишена была душевной упругости, и скука, которую нагоняло на всѣхъ изнуреніе ея ума и родъ оцѣпенія, поразившаго на вѣкъ ея душу, проявлялась на сынѣ неодолимою грустью, когда она старалась утѣшить его и развлечь. Она тоже обходилась съ нимъ, какъ съ ребенкомъ, и путемъ нѣжности достигала того же печальнаго результата, какъ и мужъ. Не имѣя силы измѣрять бездну, раздѣлявшую отца съ сыномъ, и, однакожь, владѣя достаточнымъ смысломъ, чтобъ ее угадывать, она съ ужасомъ отвращала отъ нея мысль и покушалась на краю ея играть съ сыномъ, какъ-будто-бы онъ могъ обманывать себя на этотъ счетъ.

Она водила его по дому и по саду, указывая ему на тысячи бездѣлокъ и стараясь его увѣрить, что она несчастна только отъ того, что рѣка вышла изъ береговъ.

— Еслибъ ты пріѣхалъ днемъ раньше, говорила она ему: — ты увидалъ бы, какъ все здѣсь было хорошо, чисто, прекрасно! Я заранѣе утѣшалась мыслью, что подамъ тебѣ кофе въ хорошенькой жасминовой бесѣдкѣ, которая была тамъ, на краю террасы. Увы! теперь нѣтъ и слѣда ея: даже землю смыло и въ замѣнъ нанесло намъ этой гадкой грязи и дресвы.

— Утѣшитесь, маменька, отвѣчалъ Эмиль: — мы скоро возвратимъ вамъ все это; если батюшкинымъ рабочимъ не будетъ времени, я сдѣлаюсь вашимъ садовникомъ. Вы расскажете мнѣ, какъ что было расположено... при томъ же я самъ видѣлъ: это былъ

какъ-будто прекрасный сонъ. Съ холма, что напротивъ, я любовалась вашимъ волшебнымъ садомъ, вашими прекрасными цвѣтами, которые одна минута разорила и истребила въ глазахъ моихъ; но потери все вознаградимыя: не огорчайтесь, другіе еще больше потерпѣли!

— Когда подумаю, что тебя-самого едва не унесла эта проклятая рѣка, которую теперь ненавижу! Ахъ, дитя мое! я оплакиваю тотъ день, когда отцу твоему пришла фантазія поселиться здѣсь. Въ-теченіе зимы у насъ ужъ нѣсколько разъ было наводненіе, и онъ принужденъ бывалъ начинать съизнова всѣ работы. Это его огорчаетъ и мучитъ больше, нежели онъ хочетъ показать. Характеръ его ожесточается, и здоровье наконецъ разстроится. А все виновата рѣка!

— Но вы, маленька, сами не находите ли, чтобъ этотъ совершенно-новый домъ, этотъ сырой воздухъ, были вредны для нашего здоровья?

— Право, не знаю, дитя мое. Я во всемъ утѣшалась своими цвѣтами, въ надеждѣ увидѣть тебя. Наконецъ, ты пріѣхалъ, и находишь какую-то помойную яму, какое-то болото, тогда-какъ я надѣялась, что ты съ своей сигаркой и книжкой будешь ходить по коврамъ цвѣтовъ и зелени. Несносная рѣка!

Когда наступилъ вечеръ, Эмиль замѣтилъ, что день показался ему безмѣрно-длиненъ отъ проклятій рѣкъ, слышавшихся изъ всѣхъ устъ и на всѣ лады. Отецъ одинъ продолжалъ твердить, что всѣ пустяки, что липиная сажень гласиса укротитъ этотъ ручей навсегда; но его блѣдное лицо и стиснутые зубы показывали внутреннее бѣшенство, которое видѣть было больше, нежели слышать всѣ восклицанія другихъ.

Обѣдъ былъ печаленъ и холоденъ. Поминутно-тревожимый господинъ Кардоннѣ безпрестанно вставалъ изъ-за стола и уходилъ отдавать приказанія; и какъ г-жа Кардоннѣ обращалась съ нимъ съ безпредѣльнымъ почтеніемъ, то всѣ блюда уносили грѣть и приносили назадъ переспѣлыя; онъ находилъ ихъ дрянными; жена то блѣднѣла, то краснѣла, сама бѣгала на кухню, суежилась, борясь между желаніемъ дожидаться мужа и не заставлятъ ожидать сына, которому казалось, что обѣдали очень-плохо и очень-долго въ этомъ богатомъ домѣ.

Изъ-за стола вышли такъ поздно и бреды рѣки были еще такъ ненадежны въ потьмахъ, что Эмиль долженъ былъ отказаться отъ намѣренія вѣхать въ Шатобрёнъ. Онъ рассказалъ, какъ это тамъ приняли.

— О! я съвѣзжу къ нимъ поблагодарить ихъ! воскликнула г-жа Кардоннѣ.

Но мужъ прибавилъ:

— Можешь уволить себя отъ этого. Я вовсе не желаю, чтобы ты накликала мнѣ общество стараго пьяницы, который живетъ въ

ровной ногъ съ крестьянами, и который напивался бы у меня въ кухнѣ съ моими рабочими.

— Дочь его премилая дѣвушка, робко сказала г-жа Кардоннѣ.

— Дочь! возразилъ мужъ съ надменностью. — Какая дочь? та, что родилась у него отъ служанки?

— Онъ ее призналъ.

— Хорошо и сдѣлалъ, потому-что старая Жанилла очень затруднилась указать настоящаго отца этому ребенку. Мила она или нѣтъ, я надѣюсь, что Эмиль не поѣдетъ туда пышный вечеръ. Погода пасмурная и дороги дурны.

— О! нѣтъ, вскричала г-жа Кардоннѣ: — нынѣшній вечеръ онъ не поѣдетъ: онъ не захочетъ вводить меня въ такое безпокойство. Завтра, днемъ, если рѣка совершенно войдетъ въ берега, съ Богомъ!

— Пожалуй, завтра, отвѣчалъ Эмиль, очень-недовольный, но послушный матери: — потому-что я непремѣнно обязанъ побывать у нихъ съ благодарностью за ласковое гостепрѣимство, какимъ пользовался.

— Конечно, ты обязанъ, сказалъ господинъ Кардоннѣ: — но тѣмъ, надѣюсь, и ограничатся твои сношенія съ этимъ семействомъ, которое мнѣ посещать не прилично. Не засиживайся долго; завтра вечеромъ я намѣренъ толковать съ тобою, Эмиль.

На разсвѣтъ слѣдующаго дня, прежде, чѣмъ проснулись родители, Эмиль велѣлъ осѣлать себѣ лошадей, и переѣхавъ рѣку еще мутную и неспокойную, поскакалъ въ галопъ по дорогѣ въ Шатобрёнъ.

VIII.

Жильберта.

Утро было прекрасное и солнце всходило, когда Эмиль подъѣзжалъ къ Шатобрёну. Развалина, показавшаяся ему такою страшною при блескѣ молній, вмѣла теперь видъ изящества и пышности, котораго не могли изгладить время и запустѣніе. Утренніе лучи озаряли ее блѣдно-розовымъ свѣтомъ, и зелень, которою поросла она, разстилалась кокетливо, какъ украшеніе, достойное быть дѣвственнымъ саваномъ такого прекраснаго памятника.

Дѣйствительно, мало въ замкахъ подъѣздовъ, которые были бы такъ барски устроены и такъ величаво расположены, какъ подъѣздъ Шатобрёна. Квадратное зданіе, которое заключаетъ въ себѣ дверь и перистиль живою, отличной постройки; бѣлый камень, употребленный на сводъ и рамы рѣшетки, неизмѣнной бѣлизны. Фасадъ выходитъ на муравистый и деревистый холмъ, плотно лежащій на скалѣ и спускающійся стремительно къ быстрому ручью. Деревья, скалы и лужайки, разбѣянные въ безпорядкѣ по этимъ круто-покатымъ пло-

скосили, имѣютъ натуральную прелесть, которой никогда не превосходили созданія искусства. Съ другого фасада, видъ пространства и величественнѣе: Крѣза, пересѣкаемая двумя косыми плузами, образуетъ, среди нѣвъ и луговъ, два тихіе водопада, нѣжно-мелодическіе на этой рѣкѣ, то спокойной, то порывистой въ теченіи, всюду прозрачной какъ хрусталь и всюду окаймленной восхитительными пейзажами и живописными развалинами. Съ верха главной башни замка видно, какъ она тысячью излучинъ углубляется въ стремнистыя пропасти и бѣжитъ словно полоса ртути по темной зелени и промежъ скалъ, поросшихъ красноватымъ верескомъ.

Перѣхавъ мостъ, идущій черезъ широкій ровъ, отчасти засыпанный, и съ окраинами, покрытыми густой травой и цвѣтущимъ терновникомъ, Эмиль полюбовался на чистоту, которую дождь послѣдней грозы придалъ обширной природной террасѣ и всѣмъ окрестностямъ развалины. Вся обвалившаяся штукатурка была спесена, вмѣстѣ съ раскиданными обломками дерева, и словно какая-нибудь гигантская фея тщательно вымыла дорожки и ветхія стѣны, обмела песокъ и очистила проходъ отъ всего сора разрушенія, котораго помѣщикъ никогда бы не имѣлъ средства вывезти. Такимъ-образомъ, наводненіе, попортившее, загрязнившее и разрушившее всю красоту новаго дома Кардоннѣ, только вычистило и обновило запустѣлое зданіе Шатобрѣна. Его непоколебимыя старыя стѣны презирали вѣка и бури, и возвышенный постъ, ими занимаемый, казалось назначенъ былъ господствовать надъ всѣми эфемерными работами новыхъ поколѣній.

Эмиль былъ пораженъ величіемъ, какое эта феодальная развалина сохраняла въ своихъ обломкахъ, и испыталъ чувство почтительнаго сожалѣнія, въѣзжая, богатый и сильный разночинецъ, въ это владѣніе, гдѣ гордость имени одна могла еще спорить съ существеннымъ превосходствомъ его положенія. Это благородное состраданіе было ему тѣмъ легче, что ни въ чувствахъ, ни въ привычкахъ помѣщика ничто не вызывало его и не отвергало. Спокойный, безпечный и радушный, добрый Антуанъ, занимавшійся обрѣзываніемъ плодовыхъ деревьевъ у входа въ садъ, принялъ его съ отеческимъ видомъ, бросился ему на встрѣчу, и сказалъ съ улыбкою:

— Еще разъ добро пожаловать, любезный господинъ Эмиль: — потому-что теперь я знаю, кто вы, и очень-радъ съ вами познакомиться. Право! ваше лицо полюбилось мнѣ съ перваго взгляда, и съ-тѣхъ-поръ, какъ вы разрушили предубѣжденія, которыя старались мнѣ внушать противъ вашего батюшки, я чувствую, что мнѣ будетъ пріятно видѣть васъ почаще въ моихъ развалинахъ. Пойдемте же сначала въ конюшню, я помогу вамъ привязать лошадь, потому-что Шарассонъ занятъ прививкою розовыхъ черенковъ съ моею дочерью, и не надо отвлекать ихъ отъ такого важнаго занятія. Этотъ разъ вы позавтракаете съ нами; мы ваши кредиторы на закуску, которую вы у насъ похитили въ прошлый разъ.

— Я прїѣхалъ не за тѣмъ, чтобъ причинять вамъ новыя безпокойства, мой великодушный хозяинъ, сказалъ Эмиль, пожимая съ неодолимой симпатіей широкую, черствую руку деревенскаго дворянина. — Я хотѣлъ, во-первыхъ, поблагодарить васъ за ласки, а во-вторыхъ, встрѣтить здѣсь одного человека, который вамъ и мнѣ другъ, и которому я назначилъ свиданіе вчера вечеромъ.

— Знаю, знаю, сказалъ г. Антуанъ, приложивъ палецъ къ губамъ:—онъ все мнѣ сказывалъ. Только, по обыкновенію, преувеличилъ свои причины неудовольствія на вашего батюшку. Но мы объ этомъ поговоримъ, и я съ своей стороны, благодарю васъ за участіе, которое вы въ немъ принимаете. Онъ ушелъ еще до разсвѣта, и не знаю воротится ли сегодня, потому-что его тревожатъ нѣже когда-нибудь; но я увѣренъ, что, благодаря вамъ, дѣла его скоро прїимутъ лучшей оборотъ. Вы скажете мнѣ, что вы окончательно выговорили у вашего батюшки для блага и удовольствія моего бѣднаго прїятеля. Я долженъ васъ выслушать и отвѣчать, потому-что имѣю отъ него полномочіе на заключеніе съ вами мира; я увѣренъ, что условія будутъ прекрасныя изъ вашихъ устъ. Но ничто не мѣшаетъ вамъ до-тѣхъ-поръ раздѣлить нашъ семейный завтракъ, а я вамъ объявлю, что не войду въ переговоры па-тощакъ. Начнемъ съ корма вашей лошади, потому-что скоты не умѣютъ просить, чего имъ хочется, и падо, чтобъ люди заботились прежде о нихъ, чѣмъ о себѣ, изъ опасенія позабыть о нихъ. Эй, Жанилла! принесите намъ полный фартукъ овса. Эта прекрасная тварь привыкла ѣсть овесъ каждый день, и я хочу, чтобъ она ржала въ знакъ прїзнанія всякій разъ, когда будетъ проѣзжать мимо моихъ воротъ; хочу даже, чтобъ она входила на дворъ вопреки господину, если онъ меня позабудетъ.

Жанилла, не смотря на бережливость, управлявшую всѣми ея дѣйствіями, тотчасъ принесла немножко овса, который держала въ запасъ для важныхъ случаевъ. Правда, оно казалось ей излишествомъ; но для чести дома своего господина она продала бы свою послѣднюю кофту, и въ этотъ разъ говорила себѣ съ великодушнымъ лукавствомъ, что подарокъ, который Эмиль сдѣлалъ ей въ послѣднее свиданіе и который еще сдѣлаетъ впередъ, больше нежели достаточенъ, чтобъ лакомо кормить его лошадь всякій разъ, какъ ему вздумается прїѣхать.

— Кушай, голубушка, кушай, сказала она, лаская лошадь съ видомъ, который старалась сдѣлать мужскимъ и молодцоватымъ.

Потомъ, свернувъ пучекъ соломы, приготовилась чистить ей бока.

— Полноте, Жанилла, вскричалъ Эмиль, отнимая у нея изъ рукъ солому.—Я самъ это сдѣлаю.

— Вы думаете, что я не управляюсь такъ же хорошо, какъ мужчина? сказала хлопотунья. — Будьте покойны, сударь: я такой же хорошій конюхъ, какъ экономка и бѣловейка; еслибъ я не наядывалась каждый день въ стойло и ясли, нашъ сорванецъ жо-

кой не содержалъ бы такъ порядочно графской кобылы. Глядите, какая она чистенькая и полная, наша Лантерна! Она не красива, сударь, но хороша; такъ здѣсь все, кромѣ моей дочки, которая и прекрасна и добра.

— Ваша дочка? сказалъ Эмиль, пораженный однимъ воспомина-
ніемъ, которое отнимало нѣсколько поэзіи у образа мамзели Ша-
тобрѣнъ. — Такъ у васъ есть дочка? Я еще не видалъ ея.

— Фи, сударь! что это вы говорите? вскричала Жанилла, кото-
рой блѣдныя и-лоснящіяся щеки покрылись румянцемъ жеманства,
между-тѣмъ, какъ г. Антуанъ улыбался съ нѣкоторымъ замѣшатель-
ствомъ. — Видно, вы не знаете, что я дѣвица?

— Ахъ, извините, возразилъ Эмиль:—я такой новичокъ въ здѣ-
шней сторонѣ, что могу дѣлать много смѣшныхъ промаховъ. Я
считалъ васъ замужнею или вдовою.

— Правда, въ мои лѣта я могла бы ужъ схоронить нѣсколькихъ
мужей, сказала Жанилла:—да и случаевъ было у меня много. Но
я всегда имѣла отвращеніе къ замужеству, потому-что люблю
жить по своей волѣ. Когда я говорю: *наша дочка*, такъ это изъ
любви къ дитяти, которое почти родилось на моихъ глазахъ, пото-
му-что я его нянчила, и графъ позволитъ мнѣ обходиться съ его
дочкою такъ, какъ-будто она была моя, что нисколько не убавляетъ
почтенія, которымъ я ей обязана. Но еслибъ вы видѣли графиню,
вы замѣтили бы, что она похожа на меня не больше, какъ вы, и что
у нея благородная кровь въ жилахъ. Господи Боже мой! еслибъ
у меня была такая дочка, я бы такъ ею гордилась, что сама бы
всѣмъ рассказывала, хоть это и дало бы поводъ злословить меня.
Хе, хе! вамъ смѣшно, г-нъ Антуанъ? Смѣйтесь, сколько угодно;
я пятнадцатую годами старше васъ, и злые языки не могутъ ни-
чего сказать на мой счетъ.

— Помилуй, Жанилла! никто, сколько я знаю, не думаетъ это-
го, сказалъ графъ Шатобрѣнъ, принимая веселый видъ.—Это зна-
чило бы дѣлать мнѣ много чести, а я не такой хвастунъ, чтобъ
этимъ хвалиться. Дочь мою ты имѣешь право называть какъ тебѣ
заблагоразсудится, потому-что ты была для нея больше, чѣмъ
матерью, если это можно!

Выговоривъ эти слова серьезнымъ и растроганнымъ тономъ, ш-
мѣщикъ вдругъ обнаружилъ въ глазахъ и въ голосѣ выраженіе
глубокой грусти. Но продолжительность печальнаго чувства не со-
вмѣщалась съ его характеромъ, и онъ тотчасъ повеселѣлъ снова.

— Ступай готовить завтракъ, дурочка, сказалъ онъ шутливо сво-
ему дворецкому въ юбкѣ: — мнѣ еще осталось обрезать два де-
рева, а господинъ Эмиль сдѣлаетъ мнѣ компанію.

Шатобрѣнскій садъ былъ обипиренъ и богатъ, подобно другимъ
принадлежностямъ замка; но проданный большей частью съ пар-
комъ, который превратили въ хлѣбное поле, онъ занималъ теперь
только нѣсколько десятинъ. Ближайшая къ замку часть была
прекрасна своимъ безпорядкомъ и своею растительностью; тра-

ва и простыя деревья, предоставленныя ихъ дикой натурѣ, выказывали по мѣстамъ нѣсколько ступенекъ лѣстницъ и кой-какіе обломки стѣнъ, которыя были кіосками и лабиринтами при Лудовикѣ XV. Тогда, конечно, мнѳологическія статуи, вазы, водометы, такъ-называемыя сельскія бесѣдки, папоминали въ маломъ видѣ кокетливое и вычурное убранство королевскихъ садовъ. Но теперь все это было не болѣе, какъ безобразныя обломки, обвитыя виноградомъ и плющомъ, обломки, казавшіеся прекраснѣе для глазъ поэта и артиста въ нынѣшнемъ ихъ видѣ, нежели въ томъ, какой имѣли они во время своей свѣжести.

На площадкѣ, огороженной заборомъ изъ шиповника, запиравшемъ пару козъ, которыя паслись на волѣ въ старинномъ саду, находился фруктовый садъ, состоявшій изъ заслуженныхъ деревьевъ; сучковатыя и извилистыя вѣтви ихъ, вырываясь изъ неволи, въ которую повергла ихъ стрижка, придавая имъ фигуру шапокъ и шпалеръ, принимали странныя и причудливыя формы. То были плетень чудовищныхъ гидръ и драконовъ, свивавшихся подъ ногами и надъ головою, такъ-что трудно было проникнуть туда не споткнувшись объ огромныя корни, не зацѣпивъ шляпой за сучки.

— Старые слуги, сказалъ господинъ Антуанъ, раздвигая ходъ Эмилю между этими праотцами сада:—они приносятъ плодъ только черезъ пять-шесть лѣтъ; за то какіе богатые и вкусныя плоды выходятъ изъ этого стараго, медленнаго и могучаго сока! Когда я выкупилъ свою землю, всѣ совѣтовали мнѣ срубить эти старыя пни; дочь моя просила пощадить ихъ за ихъ красоту, и хорошо я сдѣлалъ, что послушался, потому-что они даютъ отличную тѣнь, и лишь бы съ нѣкоторыхъ изъ нихъ приходился плодъ каждаго года, такъ мы вдоволь были бы снабжены плодами. Посмотрите, какая толстая яблоня! Она, вѣрно, видѣла рожденіе моего отца, и я ручаюсь, что еще увидитъ рожденіе моихъ внуковъ. Не душегубство ли было бы срубить такого патріарха? Вотъ кизитовое дерево, которое приносятъ нынѣ не больше дюжины пивъ каждый годъ. Мало по его росту; но плоды величиною съ мою голову, желтые, какъ червонное золото; а какой запахъ, сударь! Вотъ, и эта вишня не бѣдна. Да; видно, старики еще годятся на что-нибудь! Стоить только уметь обрѣзывать деревья, какъ надобно. Ученый саловодъ сказалъ бы вамъ, что надо останавливать такое развитіе вѣтвей, подстригать, подчищать, чтобъ принудить соки превращаться въ почки. Но когда самъ состарѣешься, то наживаешь опытность, которая говоритъ другое. Когда плодовое дерево прожило пятьдесятъ лѣтъ приноситъ плоды, надо дать ему отдыхъ и предоставить на нѣсколько лѣтъ попеченіямъ природы. Тогда для него настаетъ вторичная юность; оно растетъ въ вѣтви и листья: это его укрѣпляетъ. Когда же, вмѣсто голаго скелета, сдѣлалось оно по верхушкѣ настоящимъ деревомъ, оно вамъ признательно и въ награду плодится сколько угодно. Напримѣръ, вотъ толстый сучокъ, который кажется лишнимъ, прибавилъ онъ,

открывая свой садовой ножикъ:—что жь! мы его не тронемъ: такая значительная обрѣзка истощила бы дерево. Въ старомъ тѣлѣ кровь возобновляется не такъ скоро, чтобъ выносить такія операціи, какія легко выдержать юность. То же съ растеніями. Я отнимаю только сухія вѣтки, соскабливаю мохъ и подрѣзываю кончики. Поглядите, очень-просто.

Серьѣзная пассивность, съ которою графъ Шатобрёнъ весь углублялся въ эти невинныя занятія, трогала Эмиля и представляла ему на каждомъ шагѣ противоположность съ тѣмъ, что происходило у него дома по поводу тѣхъ же самыхъ вещей. Тогда-какъ садовникъ, получающій большое жалованье, съ двумя помощниками, работалъ съ утра до ночи, не успѣвая содержать въ достаточной опрятности и красотѣ садъ его матери; тогда-какъ она мучилась изъ-за неудачной розовой распуковки или ошибочнаго прививка, г-нъ Антуанъ былъ счастливъ гордой дикостью своихъ питомцевъ, и ничто не казалось ему плодовитѣе и щедрѣе дара природы. Старинный садъ, съ его мягкимъ и топкимъ дерномъ, опцианнымъ прилежными зубами нѣсколькихъ овецъ, пасшихся тутъ безъ собаки и безъ пастуха, этотъ садъ съ могучими причудами растительности и живными волпами своихъ склоновъ, былъ роскошное мѣсто, куда никакая забота ревниваго надзора не являлась нарушать мечты ваши...

— Теперь, когда я отдѣлялся съ моими деревьями, сказалъ г-нъ Антуанъ, надѣвая свою куртку, которую передъ тѣмъ повѣсилъ на сучокъ:—пойдемте къ дочери завтракать. Вы, кажется, еще не выдали моей дочери? а она ужъ знаетъ васъ, потому-что посвящена во всѣ маленькіе секреты нашего бѣднаго Жана; онъ ее такъ любить, что даже совѣтуется чаще съ нею, нежели со мною. Ступай впередъ, *мосѣ*, сказалъ онъ собакамъ:—и скажи своей молодой госпожѣ, что пора садиться за столъ. А! обрадовался! Твой аппетитъ не хуже часовъ показываетъ время.

Собака г-на Антуана слушалась равно клички *мосѣ*, которую ей давали, когда были довольны ею, и клички Сакрипанъ, которая была настоящимъ ея именемъ, но которая не нравилась молодой графинѣ, и которую хозяинъ употреблялъ съ собакою только на охотѣ, или чтобъ ее побранить, когда ей случалось, впрочемъ очень-рѣдко, сдѣлать какую-нибудь неувѣжливость, какъ-то: ѣсть съ обжорствомъ, храпѣть во снѣ, или залазать ночью при видѣ Жана, перелезающаго черезъ стѣну. Вѣрная тварь, казалось, понимала рѣчь господина, потому-что начала усмѣхаться,—выраженіе веселости, очень примѣтное у нѣкоторыхъ собакъ и дающее ихъ фizioноміи почти особенный характеръ смысленности и любезности; потомъ бросилась впередъ и скрылась по скату къ рѣкѣ.

Идучи вслѣдъ за нею, г-нъ Антуанъ указалъ Эмилю на красоту мѣстоположенія, открывавшагося глазамъ ихъ.

— Наша Крѣза также выдумала однажды выйти изъ береговъ, сказалъ онъ:—но всѣ прибрежныя сѣна были убраны, благодаря совету Жана, который предупредилъ насъ, что если ихъ оставить, то

они перепрыгнутъ. Ему здѣсь вѣрять какъ оракулу, и въ-самомъ-дѣлѣ, у него большой даръ наблюденія и чудесная память. По нѣкоторымъ признакамъ, которыхъ никто другой не замѣчаетъ, по цвѣту воды, по цвѣту облаковъ, особенно по вліянію луны въ первое полулуніе въ весны, онъ можетъ предсказать навѣрное погоду, какой надо надѣяться или опасаться во весь годъ. Онъ былъ бы для вашего батюшки неоцѣненный человѣкъ, еслибъ захотѣлъ его слушать. Онъ на все годенъ, и еслибъ я былъ на мѣстѣ г-на Кардоннѣ, я ничего бы не пожалѣлъ, чтобъ сдѣлать его себѣ другомъ; потому-что сдѣлать его вѣрнымъ и покорнымъ слугою нельзя и думать. Это натура дикаря, который умираетъ, если онъ не воленъ. Жанъ Жапплу никогда не сдѣлаетъ ничего путнаго иначе, какъ по доброй волѣ; но овладѣйте его сердцемъ, — а у него самое великое сердце, какое только создавалъ Богъ, тогда увидите, какъ въ важныхъ случаяхъ этотъ человѣкъ является выше того, чѣмъ кажется! Пусть наводненіе, пожаръ, печальное несчастіе постигнетъ заведеніе г-на Кардоннѣ, тогда онъ узнаетъ, можно ли опредѣлить цѣну головъ и рукамъ Жана Жапплу.

Эмиль не дослушалъ конца похвалы съ тѣмъ участіемъ, какое показавъ бы во всякомъ другомъ обстоятельстве, потому-что слухъ и мысль его устремились на другой предметъ. Свѣтлый голосъ въ нѣкоторомъ разстояніи тихо напѣвалъ одну изъ тѣхъ пѣсенекъ, прелестныхъ по унылости и наивности, которыя свойственны той странѣ; и дочь графа, эта дочь холостяка, нмѣ матери которой оставалось загадкою для всего края, появилась изъ-за куртины шпозовника, прекрасная какъ самый прекрасный дикій цвѣтокъ этихъ очаровательныхъ пустынь.

Блкая тѣломъ и блондинка, восемнадцати или девятнадцати лѣтъ отъ роду, Жильберта Шатобрѣнъ обнаруживала, въ чертахъ своихъ, какъ въ характерѣ, смѣсь ума не по лѣтамъ съ дѣтской веселостью которую немногія молоденькія дѣвицы сохранили бы на ея мѣстѣ: она не могла не знать своей бѣдности и будущаго одиночества и лишеній, ожидавшихъ ее въ нынѣшній звѣкъ расчетовъ и эгоизма. Однакожъ, она, казалось, грустила объ этомъ не больше отца, на котораго походила какъ двѣ капли воды въ моральномъ и эстетическомъ отношеніи, и самая трогательная ласковость царствовала въ ея твердомъ и ласковомъ взорѣ. Она покраснѣла, увидѣвъ Эмиля, не покраснѣла скорее отъ нечаянности, чѣмъ отъ смущенія, потому-что подошла и раскланялась съ нимъ сарьёзно, безъ принужденнаго и лукаво-стыдливаго вида, который столько выхваляютъ въ молодыхъ дѣвушкахъ, не зная того, что онъ значитъ. Жильбертъ не пришло на мысль, что молодой гость станетъ пожирать ее взглядомъ, и что она должна принять степенный видъ для обузданія дерзости его тайныхъ желаній. Напротивъ, она сама на него поглядывала, чтобъ удостовѣриться, понравится ли ей онъ столько, сколько нравился отцу ея, и съ весьма-быстрою прозорливостью замѣтила, что онъ очень-хорошъ, ни мало тѣмъ не тщеславясь, что слѣдуетъ махъ съ умъ.

ренію, не надуть, не нахалить, не притязателенъ, что его выразительная физиономія немолчаливосты, твердости и чувствительности. Довольная обзоромъ, она вдругъ почувствовала, что ей такъ же легко, какъ еслибы вовсе не было чужаго человека между ею и отцомъ.

— Это правда, сказала она, доканчивая рекомендательную фразу графа Шатебрёна: — батюшка сердился на васъ, что вы тогда уехали, не хотѣвъ позавтракать. Но я съ своей стороны поняла, что вы торопились видѣть матушку, особливо во время наводненія, когда каждый могъ опасаться за своихъ. Къ-счастью, г-жа Кардоннэ не очень перепугалась, говорить, и вы не потеряли ни одного изъ своихъ рабочихъ?

— Слава Богу, никто не погибъ ни у насъ, ни въ селеніи, отъ началъ зими.

— Но у васъ надъмалось много бѣдъ?

— Это еще не такъ важно; бѣдные люди потеряли гораздо-болѣе сравнительно съ нами. Къ-счастью, батюшка нѣмалъ средства и волю поправить много несчастій.

— Говорятъ особенно... говорятъ также, возразила дѣвушка, покраснѣвъ немного за слово, которое нѣволью вырвалось у нея: — ваша матушка очень-добра и сострадательна. Я сейчасъ говорила о ней съ маленькимъ Шарассономъ, котораго она осыпала милостями.

— Матушка чрезвычайно-добра, сказалъ Эмиль: — но въ этомъ случаѣ нѣтъ ничего мудренаго, что она обласкала бѣднаго мальчика, безъ котораго я погибъ бы отъ своей неосторожности. Милъ бы хотѣлось поскорѣе увидѣть его и поблагодарить.

— Онъ здѣсь, возразила мамзель Шатебрёнъ, указывая на Шарассона, который шелъ сзади ея съ корзиною и горшечкомъ смолы. — Мы сдѣлали больше пятидесяти прививковъ, въ томъ числѣ есть даже черенки, набранные Сильвеномъ въ вашемъ саду. Это обрывки, которые садовникъ кидалъ, обрѣзывая розы, а намъ они дадутъ еще прекрасныя цвѣты, если наши прививки не сгниютъ-дурно дѣланы; вы посмотрите ихъ, батюшка, не правда ли? сама я еще мало смыслу.

— Полно! ты прививаешь лучше меня своими крошечными ручками, сказалъ г. Антуанъ, поднося къ рубашъ хворостныя палочки дочери. — Это женское дѣло, которое требуетъ большаго ловкости, нежели можемъ имѣть мы, мужчины. Но тебѣ надо бы надѣть перчатки, милая! Гадкія колючки не пощадятъ тебя.

— А вѣтъ что за дѣло, батюшка? сказала дѣвушка, улыбаясь. — Я не принцесса, и очень-рада, что не принцесса. Я свободна и счастлива.

Эмиль не проронилъ ни слова изъ послѣдняго замѣчанія, хотя оно сказано было шепотомъ, для отца, и хотя онъ съ своей стороны сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, чтобъ ласково поговорить съ маленькимъ Шарассономъ.

— О! я-то, я здоровъ, отвѣчалъ матюбрѣнскій папъ: — я боюсь одного, чтобъ кобыла не простудилась послѣ такого купанья. Но, слава Богу, она еще поздоровѣла; а я былъ очень-радъ побывать въ вашемъ прекрасномъ замкѣ, посмотреть ваши хорошія комнаты, слугъ вашего папеньки, которые ходятъ въ красныхъ жилетахъ и съ золотыми галунами на шляпахъ.

— А! вотъ что особенно вскружило ему голову, сказала Жильберта, смѣясь отъ чистаго сердца и выказавъ два ряда зубковъ, бѣлыхъ и частыхъ какъ жемчужное ожерелье. — Мосѣ Сильвентъ, какъ вы его видите, исполненъ честолюбія; онъ гнушается своею новою блузой и старою шляпою съ-тѣхъ-поръ, какъ увидѣлъ лакея въ галунахъ. Если когда-нибудь онъ увидитъ егеря съ пѣтушнымъ султаномъ и эполетами, онъ съ ума сойдетъ.

— Вѣрный ребенокъ! сказалъ Эмилъ: — еслибъ онъ зналъ, сколько его участь свободнаго, почтеннаго и счастливаго участія разряженныхъ столичныхъ лакеевъ!

— Онъ не подозреваетъ, возразила дѣвушка: — что онъ самый счастливый слуга, какой только есть на свѣтѣ.

— Я не жалуюсь, отвѣчалъ Сильвентъ: — все до меня добры здѣсь, даже мамзель Жанилла, хоть она немножко и взыскательна; я не хотѣлъ бы покинуть эту сторону, потому-что у меня отецъ и мать въ Кюшьонѣ, близѣхонько отсюда; но немножко принарядиться не мѣшаетъ человѣку.

— Такъ ты желалъ бы одѣваться лучше, нежели твой баринъ? сказала Жильберта. — Посмотрите, батюшка, какъ онъ простъ! Онъ былъ бы очень-несчастенъ, еслибъ ему надо было надѣвать каждый день черное платье и бѣлые перчатки.

— Признаться, мнѣ бы трудненько опять къ нимъ привыкать, сказалъ г. Антуанъ. — Но слышите ли вы, дѣтushки, Жаниллау? Вѣнъ какъ покрикиваетъ, чтобъ мы шли завтракать.

Дитюшки была общая поговорка, которую, по своей ласковости, г. Антуанъ часто примѣнялъ и къ Жаниллѣ съ Сильвентомъ, когда они были оба на-лицо, а къ престѣланамъ своего мѣстечка. Поэтому Жильберта съ удивленіемъ встрѣчала быстрый и невольный взглядъ, который бросалъ на нее молодой Кардоннѣ. Онъ вздрогнулъ, и сильное чувство симпатіи, страха и удовольствія забило въ его сердцѣ, когда онъ услышалъ себя соединеннымъ съ прекрасной Жильбертой въ этомъ отеческомъ воззваніи помѣщика.

кх:

Господина Антуанъ.

Въ этотъ фазъ, завтракъ былъ нѣсколько роскошнѣе, нежели какъ обыкновенно водилось въ Матюбрѣнѣ. Жанилла имѣла время сдѣлать кой-какія приготовленія. Она замѣтила молодца, и сказала:

медомъ, и храбро пожертвовала двумя цындатами, которые еще жили, когда Эмиль показался на дорожку, но которые, будучи положены парные на рошперъ, вышли довольно нѣжны.

Молодой человѣкъ приобрьлъ аппетитъ въ саду и нашелъ завтракъ превосходнымъ. Похвалы, какія онъ расточалъ ему, очень польстили Жаниллѣ, сидѣвшей, по обычаю, напротивъ своего господина, и хозяйничавшей съ нѣкоторымъ кокетствомъ.

Особенно тронуло ее одобреніе, оказанное гостемъ варенью изъ дикихъ тутовыхъ ягодъ.

— Мамочка, сказала ей Жильберта: — надо будетъ послать образчикъ твоего искусства и твой рецептъ г-жѣ Кардоннѣ, чтобы она одолжила намъ въ промѣнъ ростковъ ананасной земляники.

— Ужъ хороша ваша крупная садовая земляника! подхватила Жанилла. — Настоящая вода на вкусъ. То ли дѣло наша горная некая земляника, такая красная, душистая... Но я все-таки дамъ мессѣ Эмилю большую банку своего варенья для его мамани, если ей будетъ угодно принять.

— Матушкѣ жалко будетъ вводить васъ въ убытокъ, милая Жанилла, отвѣчалъ Эмиль, тронутый въ особенности наивною щедростью Жильберты, и сравнивая въ душѣ искреннее добротство этого бѣднаго семейства съ надменностью своихъ домашнихъ.

— О! возразила Жильберта улыбаясь: — намъ убытокъ неведетъ. Мы имѣемъ и можемъ вновь сдѣлать большой запасъ этихъ ягодъ. Онѣ у насъ не рѣдкость, и еслибъ мы не брали мѣръ, то кусты, на которыхъ онѣ растутъ, пробіли бы стѣны и влезли къ намъ въ комнаты.

— А кто виноватъ, если онѣ насъ одолѣютъ? сказала Жанилла. — Развѣ я не хотѣла всѣ ихъ посрубить? И навѣрное, управилась бы одна безъ всякой помощи, еслибъ мнѣ позволили.

— А я защитила эти бѣдныя колючки отъ тебя, мамочка! Они дѣлаютъ такія славныя гирлянды около нашихъ развалинъ, что очень жалко было бы истребить ихъ.

— Согласна, что видъ отъ нихъ красивый, возразила Жанилла: — и что на десять лѣтъ кругомъ не найдешь такихъ прекрасныхъ кустовъ и съ такими крупными ягодами!

— Слышите, г-нъ Эмиль? сказалъ въ свою очередь г-нъ Антуанъ. — Жанилла вся тутъ. Нѣтъ ничего на свѣтѣ прекраснаго, здороваго и полезнаго, чего бы не было въ Шатобрѣнѣ. Бѣда годатная земля, да и только!

— Вотъ хорошо! подхватила Жанилла: — ну-те-ка, сдѣлайте милость, пожалуйста на что-нибудь!

— Я ни на что не жалуюсь, отвѣчалъ добрый дворянинъ: — сохрани меня Богъ! При дочери и при тебѣ, чего мнѣ еще желать для счастья?

— О, да! вы всегда такъ говорите при людяхъ. А когда нѣтъ никого и что-нибудь васъ тронетъ, вы принимаете видъ смертнаго вовсе-неумѣстнаго въ нашемъ положеніи.

— Мое положеніе таково, какъ Богу угодно, отвѣчалъ г-нъ Антуанъ съ немножко-грустной кротостью. — Если дочь моя покоряется ему безъ сожалѣнія, то ни я, ни ты не будемъ роптать на Провидѣніе.

— Я! воскликнула Жильберта: — какъ я могу роптать? Скажите мнѣ, папенька; потому-что сама я не найду ничего, чего бы мнѣ не доставало и чего бы мнѣ желать лучшаго на свѣтѣ.

— Я совершенно того же мнѣнія, сказалъ Эмиль, тронутый искреннимъ и благородно-нѣжнымъ выраженіемъ ея прекраснаго лица. — Я увѣренъ, что вы счастливы, сударыня, потому-что...

— Потому-что...? Договаривайте, г-нъ Кардоннѣ! весело подхватила Жильберта: — вы хотѣли сказать почему, и не докончили.

— Мнѣ было бы очень-прискорбно сказать что-нибудь похожее на пошлость, отвѣчалъ Эмиль, покраснѣвъ почти не меньше дѣвочки: — но я хотѣлъ сказать, что когда владѣютъ тремя вещами, красотою, молодостью и добротою, то непременно должны быть счастливы, потому-что могутъ быть увѣрены въ любви къ себѣ.

— Такъ я еще счастливѣе, нежели вы думаете, отвѣчала Жильберта, положивъ одну руку въ руку отца, а другую въ руку Жаниллы: — потому-что меня любятъ, вовсе не думая о такихъ качествахъ. Хороша ли я, добра ли, — не знаю; но увѣрена, что будь я дурна и капризна, папенька и маменька любили бы меня все также. Значитъ, мое счастье происходитъ отъ ихъ доброты, отъ ихъ нѣжности, а не отъ моихъ достоинствъ.

— Не запрещаемъ однако вамъ думать, сказалъ господинъ Антуанъ Эмилю, самъ прижимая къ сердцу дочь: — что есть немножко и того и другаго.

— Ай! господинъ Антуанъ! что вы сдѣлали? вскричала Жанилла: — вотъ что значить ваша разсѣянность! Вы закапали лѣцомъ рукавъ у Жильберты.

— Ничего, сказалъ господинъ Антуанъ: — я самъ замочу.

— Ни! ни! хуже испортите; прольете, пожалуй, весь графинъ, и окатите мою дочку. Поди сюда, дитяtko, я смою пятно. Не могу видѣть пятенъ! Не жалко ли бы испортить это хорошенькое новое платьице?

Эмиль впервые взглянулъ на нарядъ Жильберты. До-тѣхъ-поръ, онъ обращалъ вниманіе только на ея стройную талію и на красоту. На ней было платье изъ сѣраго тика очень-новаго, но довольно-грубаго, съ бѣлымъ, какъ снѣгъ, воротничкомъ вокругъ шеи. Жильберта замѣтила его внимательность, и, нисколько не сконфузясь, даже съ нѣкоторою гордостью сказала, что это платье ей нравится, что оно прочно, что ей въ немъ нѣчего бояться колючекъ и терновника, и что, какъ его выбирала сама Жанилла, то нѣтъ матеріи, которую бы она носила съ такимъ удовольствіемъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, прекрасное платье, сказалъ Эмиль: — у моей матушки есть точно такое же.

Это была неправда; Эмиль, не смотря на свою прямоту, сказалъ

эту маленькую ложь, самъ того не замѣчая. Жильберта не поварила, но была ему благодарна за деликатность.

Жанилла же очевидно польстила похвала ея вкусу, ибо она дорожила этимъ качествомъ почти столько же, сколько красотою Жильберты.

— Дочка моя не шеголиха, сказала она:—но я за нее забочусь объ этомъ. А что бы вы сказали, господинъ Антуанъ, если бы ваша дочка не была нарядна и опрятна, какъ прилично ея званію въ свѣтъ?

— Намъ нѣтъ никакого дѣла до свѣта, любезная Жанилла, отвѣчалъ господинъ Антуанъ:—и я не ропщу нисколько. Не создавай же себѣ пустыхъ оболоченій.

— А вы говорите это съ грустью, господинъ Антуанъ? Я вамъ говорю, что званіе никогда не теряется; но ужь вы таковы: всегда кидаете топорище вслѣдъ за топоромъ!

— Отнюдь ничего не кидая, возразилъ помѣщикъ:—напротивъ, я всѣмъ доволенъ.

— А! вы довольны? сказала Жанилла, которая всегда имѣла нужду съ кѣмъ-нибудь ссориться, чтобъ поддерживать дѣятельность своего языка и своей одушевленной пантомимы. — Какой вы добрый, нечего сказать! довольны такою судьбою, какъ ваша! Слушая васъ, подумаешь, что вамъ на это нужно пропасть разсудка и философіи! Полноте, вы просто неблагодарны.

— Что съ тобою, сумасбродная голова? возразилъ господинъ Антуанъ: — повторяю тебѣ, что я всѣмъ доволенъ и во всемъ утѣшился.

— Утѣшился! прошу покорно; въ чемъ же вы утѣшились, позвольте узнать? Развѣ вы не всегда были счастливѣйшимъ человекомъ?

— Нѣтъ, не всегда! Жизнь моя смѣшивалась съ горечью, какъ жизнь всякаго человѣка; но за что бы мнѣ было на свѣтъ лучше, нежели многимъ другимъ, которые стоютъ меня?

— Нѣтъ, другіе не стоютъ васъ! я это говорю, такъ же какъ говорю, что вамъ всегда было лучше, нежели кому-нибудь на свѣтѣ. Да, сударь, я докажу вамъ, если угодно, что вы родились въ сорочкѣ.

— Вотъ! ты слѣлаешь мнѣ большее удовольствіе, если докажешь въ-самомъ-дѣлѣ, возразилъ господинъ Антуанъ съ улыбкою.

— Извольте! ловлю васъ на словѣ, и начинаю. Г-нъ Кардоннѣ будетъ нашимъ судьей и свидѣлемъ.

— Дадимъ ей говорить, г-нъ Эмиль, сказалъ г-нъ Антуанъ. — Мы за десертомъ, а въ это время ничто въ свѣтѣ не помѣшаетъ Жаниллѣ болтать. Она наскочитъ кучу вздора, предупреждаю васъ. Но она говоритъ съ увлеченіемъ и неслучно. Ее не скучно слушать.

— Во-первыхъ, сказала пріосамая Жанилла, ревнуя оправдать

эту похвалу:—вы родитесь на свѣтъ графомъ Шатобрёномъ, а это не дурное имя и не маленькая честь!

— Ныньче эта честь немного значить, сказалъ графъ Шатобрёнъ:—а что до имени, полученнаго мной отъ предковъ, то, не могши ничѣмъ возвысить блескъ его, я не могу имъ величаться.

— Позвольте, сударь, позвольте, продолжала Жанилла:—знаю, къ чему вы клоните рѣчь, и сама сейчасъ дойду до этого. Дайте мнѣ говорить. Вы родитесь на свѣтъ здѣсь (въ прекраснѣйшей странѣ, какую только найдти можно), и васъ кормить самая пригожая, самая свѣжая во всей окрестности крестьянка, моя старинная подруга, хоть я была и помоложе ея нѣсколькими годами, мать нашего браваго Жана Жапплу; а Жанъ всегда остается втрѣнь вамъ, какъ ступня ногъ. Теперь у него неприятели, но онъ безъ сомнѣній скоро кончатся!..

— Благодаря вамъ, сказала Жидльберта, взглянувъ на Эмили, и этимъ взглядомъ, искреннимъ, благосклоннымъ, она отблагодарила его за комплиментъ ея красотѣ и ея цѣлостю.

— Если ты пустишься въ обыкновенныя свои присказки, заметишь г. Антуанъ Жаниллъ:—мы никогда не дождемся конца.

— Хорошо, сударь, возразила Жанилла.—Скажу вкратцѣ, какъ говоритъ кюзьйонскій священникъ при началѣ всѣхъ своихъ проповѣдей.—Вы были одарены отличнымъ сложеніемъ, и, въ добавокъ ко всему, были самый хорошенькій ребенокъ, какаго когда-либо видано. Доказательство, что когда вы выросли и стали однимъ изъ самыхъ красивыхъ кавалеровъ въ провинціи, то дамы всѣхъ звѣний очень-хорошо это замѣтили.

— Мимо, мимо, Жанилла! перебилъ графъ съ примѣсью грусти въ веселости:—объ этомъ нечего распространяться.

— Не безпокойтесь! возразила разскащица:—я не скажу ничего такого, что не годится говорить. Вы воспитались въ этомъ старомъ замкѣ, который былъ тогда великъ и богатъ... и который теперь еще хоть куда! Играя съ ребятами вашихъ лѣтъ и съ вашимъ молочнымъ братомъ, маленькимъ Жаномъ Жапплу, вы прекрасно укрепили свое здоровье... Ну, пожалуйста еще на свое здоровье, и скажите, что знаете кого-нибудь въ пятьдесятъ лѣтъ бодрѣе и крѣпче себя.

— Очень-хорошо; но ты не говоришь, что какъ я родился во время смутеній и революцій, то мое первоначальное воспитаніе было очень-небрежно.

— Вотъ хорошо! такъ вы желали бы родиться двадцатью годами раньше, и быть теперь семидесяти лѣтъ? Вотъ, что выдумали! Вы родились очень во-время, потому-что еще, слава-Богу, вамъ долго жить. А воспитаніе ваше чѣмъ же недостаточно? Вы были помѣщены въ Буржскую-Коллегію и учились тамъ очень-хорошо.

— Напротивъ, очень-дурно. Я не былъ приученъ къ умственной работѣ и дремалъ за уроками. Память моя не была упражнена;

мнѣ труднѣе было выучиться первоначальнымъ знаніямъ, нежели другому докончить ученіе.

— Ну, что жъ, тѣмъ больше вашей заслуги, чѣмъ больше было старанія! Сверхъ-того, вы учены очень-довольно для дворянина. Вы не готовились въ священники или въ школьные учителя. На что вамъ было знать по-латинѣ или по-гречески? Когда вы привѣзжали домой на вакансіи, вы были отличный молодой человекъ; никого не было ловче васъ на тѣлесныя упражненія: вы кидали свой мячикъ выше большой башни, а когда кликали собакъ, то голосъ вашъ былъ такъ громокъ, что васъ слышали въ Кюльбонъ.

— Все это не доказываетъ еще порядочнаго ученія, сказалъ г. Антуанъ, смѣясь такому панегирику.

— Когда вы дожили до тѣхъ лѣтъ, что надо было бросить школу, въ то время была война съ Австрійцами, Пруссакими и Русскими. Вы дрались славно, надо сказать! доказательство—что вы получили нѣсколько ранъ.

— Не тяжелыхъ! сказалъ г. Антуанъ.

— И слава-Богу! подхватила Жанилла.—А вы бы желали быть изувѣченну и ходить на костыляхъ? Вы пожали лавры и воротились покрыты слагою, безъ большихъ контузій.

— Нѣтъ, нѣтъ, Жанилла, славы было очень-мало, уверяю тебя. Я дѣлалъ все возможное, но, что ты ни говори, я опоздалъ родиться нѣсколькими годами; родители мои слишкомъ-долго удерживали мое желаніе служить отечеству подъ властью похитителя, какъ они его называли. Едва я пустился на службу, какъ мнѣ пришлось вернуться домой, *таща крыло и волочивши ногу*, сѣкренному и обезнадеженному ватерлооскимъ бѣдствіемъ.

— Хорошо, я согласна, что паденіе императора было вамъ невыгодно, и вы были такъ добры, что горевали о немъ, хотя этотъ человекъ не очень-хорошо поступилъ съ вами. При имени, какое вы носите, онъ долженъ былъ сдѣлать васъ тотчасъ генераломъ, а вмѣсто того, онъ не обратилъ вниманія на вашу особу.

— Вѣроятно, сказалъ смѣясь графъ Шатобрёнъ:—онъ позабылъ этотъ долгъ за болѣе-серьезными и болѣе-нужными дѣлами. Наконецъ, согласись, Жанилла, что моя военная карьера была разрушена, а, благодаря прекрасному воспитанію, я не очень-то способенъ былъ найти себѣ другую.

— Вы бы очень могли служить Бурбонамъ, но не захотѣли.

— Я раздѣлялъ понятія моего времени. Можетъ-быть, и теперь поступилъ бы также, еслибъ повторилось все прежнее.

— Хорошо, кто жъ васъ осуждаетъ?—Васъ не обвинили въ нашей сторонѣ, и только ваши родные осуждали васъ.

— Мои родные были надменны и упорны въ своихъ мнѣніяхъ. Ты поминишь, что они оставили меня въ несчастіи, которое мнѣ грозило, и очень-мало заботились о потерѣ моего состоянія.

— Вы были еще гордые ихъ, никогда не хотѣли ихъ просить.

— Да! безопасность ли это, достоинство ли, — только я не просилъ у нихъ никакой помощи.

— И потеряли состояніе въ большомъ процессѣ по наследству вашего батюшки, это извѣстно. Но если вы проиграли процессъ, то сами такъ хотѣли.

— И это самое благородное, самое почтенное, что отецъ мой сдѣлалъ въ своей жизни, — подхватила Жильберта съ жаромъ.

— Дѣтушки, возразилъ господинъ Антуанъ: — нельзя говорить, что я проигралъ процессъ: я не далъ его разбирать.

— Разумѣется, разумѣется, сказала Жанилла: — потому-что если бъ его разбирали въ судѣ, вы бы его выиграли. Такъ всѣ твердили тогда въ одинъ голосъ.

— Но батюшка, признавая, что фактъ не есть право, не хотѣлъ пользоваться своимъ положеніемъ, сказала съ живостью Жильберта, обращаясь къ Эмилю. — Надо вамъ знать эту исторію, господинъ Кардоннѣ, потому-что батюшка не станетъ ее рассказывать, а вы еще такъ недавно живете здѣсь, что не могли объ ней слышать. Дѣдъ мой надѣлалъ долговъ на честное слово во время малолѣтства батюшки; онъ умеръ, не успѣвъ или не позаботившись заплатить ихъ. Требованія кредиторовъ не имѣли надлежащей силы по закону; но батюшка, освѣдомившись подробнѣе о своихъ дѣлахъ, нашелъ тому доказательство въ бумагахъ дѣдушки. Онъ могъ бы истребить этотъ документъ, никто не зналъ объ его существованіи. Напротивъ, онъ его представилъ и продалъ все семейное имѣніе на уплату священнаго долга. Батюшка воспиталъ меня въ правилахъ, которыя не позволяютъ мнѣ думать, что онъ сдѣлалъ тутъ что-нибудь, кромѣ должнаго; но многіе богатые люди рассуждали иначе. Нѣкоторые называли его простакомъ и сумасбродомъ. Я очень-рада, что, когда вы услышите отъ иныхъ выскочекъ, будто графъ Антуанъ Шатобрёнъ разорился по своей винѣ, — а это въ ихъ глазахъ едва-ли не величайшее безчестіе, — то будете знать, чего держаться на-счетъ безтолковости и сумасбродства отца моего.

— Ахъ! вскричалъ Эмиль съ волненіемъ: — какъ вы счастливы, будучи его дочерью, и какъ я завидую вашей благородной бѣдности!

— Не дѣлайте изъ меня героя, любезный другъ, сказалъ г-нъ Антуанъ, пожимая руку Эмилу. — Всегда есть нѣсколько правды въ основанія людскихъ сужденій, даже когда они бываютъ суровы и значительно-несправедливы. Несомнѣнно, что я былъ немножко-мотоватъ, что ничего не смысли въ домашней экономіи, въ дѣлахъ, и что меньше другаго оказалъ заслуги, жертвуя состояніемъ, потому-что меньше жалѣлъ объ немъ.

Эта скромная апологія проникла Эмиля такимъ живымъ расположеніемъ къ господину Антуану, что онъ нагнулся къ рукѣ, державшей его руку, и прижалъ къ ней губы съ чувствомъ благоговѣнія, которое отчасти, можетъ-быть, относилось къ Жильберту.

Девушку тронуло больше, нежели она ожидала, это вліяніе сердца молодого человека. Она почувствовала слезу на своей рясницѣ, потупила глаза, чтобъ скрыть ее, попробовала принять важную осанку, и вдругъ, увлеченная неодолимымъ движеніемъ сердца, чуть не протянула также руки гостю, но воздержалась отъ своего порыва, и чтобъ замѣнить его чѣмъ-нибудь, встала, приняла тарелку Эмиля и подала ему другую, со всей прелестью и простотою дочери патриарха, подносящей кружку къ губамъ странника.

Эмиль сначала поразилъ этотъ актъ смиренной симпатіи, столь несогласный съ приличіями свѣта, въ которомъ жилъ онъ. Потомъ онъ его понялъ, и грудь его такъ взволновалась, что онъ не имѣлъ силы поблагодарить графиню Шатобрёнъ, свою предествную прислужницу.

— По всему этому, продолжалъ господинъ Антуанъ, который не видалъ ничего, кромѣ очень-простаго движенія въ поступкѣ дочери: — Жанилла должна согласиться, что въ моей жизни было немножко несчастія; потому-что процессъ уже длился нѣсколько времени, когда я, въ ящикѣ одной покинутой мебели, нашелъ признаніе моего отца о долгахъ. До-тѣхъ-поръ, я не вѣрилъ добросовѣстности кредиторовъ; несчастіе, по которому они потеряли свои документы, было неправдоподобно, и потому я спалъ спокойно. Моя Жильберта родилась тогда и я ни чуть не подозревалъ, чтобъ ей пришлось раздѣлять со мною участь вовсе-необезпеченную. Существованіе этой крошки сдѣлало мнѣ ударъ почувствительнѣе, нежели какимъ онъ былъ бы по моей врожденной безпечности. Очутившись совершенно безъ средствъ, я рѣшился содержать себя работою, и тутъ-то сперва находили на меня довольно-тяжкія минуты.

— Да, правда, сказала Жанилла: — но вы скоро пріучили себя къ работѣ и ваша веселость и непринужденность возвратились, сознайтесь!

— Благодаря тебѣ, добрая Жанилла, потому-что ты не оставила меня. Мы поселились въ Гаржилесъ съ Жаномъ Жапплѣ, и онъ, почтенный человекъ, досталъ мнѣ работу.

— Какъ! сказалъ Эмиль: — вы были въ рабочихъ, графъ?

— Конечно, мой юный другъ. Я былъ ученикомъ плотничьяго ремесла, рабочимъ, подмастерьемъ черезъ нѣсколько лѣтъ, и, еще года два назадъ, вы видѣли бы меня въ блузѣ, съ топоромъ на плечѣ, ходящаго на поденную работу съ Жапплѣ.

— Такъ вотъ почему... сказалъ Эмиль весь въ смущеніи.

Онъ остановился, не смѣя договорить.

— Да, понимаю, возразилъ г. Антуанъ: — вотъ почему вы слышали: «старикъ Антуанъ ужасно унижился во время своей бѣдности; жилъ съ рабочими, веселился съ ними и пивалъ въ кабакахъ». Но это заслуживаетъ нѣсколько объясненій, и я не выдамъ себя за человека тверже и чище, нежели какимъ я есмь на дѣлѣ. По понятіямъ богатыхъ мѣщанъ провинціи, я, конечно, лучше бы сдѣлалъ, если бѣ оставался задумчивъ и важенъ, гордо переносилъ

свое несчастіе, работалъ молча, вздыхалъ украдкой, крестилъ, принимая плату, — еслибъ я, который самъ шилъ наемниковъ, не участвовалъ во воскресеньяхъ въ весельѣ рабочихъ, позволявшихъ мнѣ присоединить свой трудъ къ ихъ труду въ теченіе недѣли. Ну, не знаю, лучше ли бѣ такъ было, но признаюсь, что оно было бы совершенно не въ моемъ характерѣ. Я такъ созданъ, что не могу долго огорчаться и пугаться чѣмъ бы то ни было. Я выросъ съ Жапплу и другими крестьянскими мальчиками, моими ровесниками, и обходился съ ними, какъ съ равными, въ дѣтскихъ играхъ. Въ-послѣдствіи, я никогда не держалъ себя вельможею передъ ними. Они приняли меня въ несчастіи, съ отверстыми объятіями предложили мнѣ дома, свой хлѣбъ, свои совѣты, свои инструменты и работу. Какъ мнѣ было не любить ихъ? Какъ могло ихъ общество казаться мнѣ недостойнымъ меня? Какъ мнѣ было не разделить съ ними, въ воскресенье, заработка моей недѣли? Мало-того, я вдругъ нашелъ въ этомъ удовольствіе и радость, какъ награду за трудъ свой. Ихъ пѣсни, ихъ сборища подъ виноградомъ, гдѣ качалась остролистая вѣтка кабака, ихъ честная короткость со мною, и нерушимая дружба безцѣннаго Жана, моего молочнаго брата, моего мастера въ плотничество, моего утѣшителя, — дали мнѣ новую жизнь, которую я невольно нашелъ очень-пріятною, особенно когда успѣлъ сдѣлаться столько искуснымъ въ работѣ, что могъ не быть имъ въ тягость.

— Правда, вы были трудолюбивы, сказала Жанилла:—и вскорѣ были очень-полезны бѣдному Жану. Ахъ! помню его окрики на васъ, въ началѣ, потому-что онъ, голубчикъ, никогда не бывалъ терпѣливъ, а вы были такъ неловки! Ну, г. Эмиль, посмѣялись бы вы, услышавъ, какъ Жанъ бранился и кричалъ на графа, словно на мальчишку. Потомъ, они мирились и обнимались, такъ-что плакать хотѣлось. Но ужъ если мы, вмѣсто того, чтобъ намъ ссориться, какъ я сейчасъ было хотѣла, принялись просто рассказывать вамъ нашу исторію, то я доскажу остальное, потому-что, если представить это г. Антуану, онъ не дастъ мнѣ вымолвить слова.

— Говори, Жанилла, говори! воскликнулъ г. Антуанъ: — прости, что я такъ долго лишалъ тебя удовольствія!

ж.

Доброе дѣло.

— Если вѣрить г. Антуану, сказала Жанилла: — мы не имѣли совершенно никакихъ средствъ; но если это и было такъ, то не долго продолжалось. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда земля Шатобрѣна была продана по клочкамъ, долги уплачены, и вся суматоха унялась, вышло, что графу еще оставался небольшой капиталецъ, который, будучи хорошо пристроенъ, могъ бы давать ему тысячу-

двѣсти франковъ дохода. Хе! хе! это было не бездѣлица. Но, при добротѣ и щедрости графа, оно могло бы скорѣнко изойти; тутъ-то голубка Жанилла, которая съ вами говорить, смекнула, что надо принять бразды правленія. Она взялась пристроить капиталъ и распорядилась не очень-дурно... Потомъ, чтобъ-бынь она сказала графу? Не помните ли, сударь, что я вамъ тогда сказала?

— Очень-твердо помню, Жанилла, потому-что ты говорила благоразумно. Повтори это сама.

— Я сказала вамъ: «Хе! хе! вотъ, г. Антуанъ, у васъ есть чѣмъ жить сложя руки. Но вѣдь вы соскучитесь, вы полюбите трудъ, вы еще молоды и здоровы: значить, можете работать еще нѣсколько лѣтъ. У васъ есть дочка, настоящее сокровище, которая общается столько же ума, сколько красоты: надо подумать, какъ бы дать ей воспитаніе. Свеземте ее въ Парижъ, отдадимте въ пансіонъ, а вы нѣсколько лѣтъ еще побудете плотникомъ». Г-нъ Антуанъ былъ очень-радъ... о! на этотъ счетъ, надо ему отдать справедливость: онъ не жаловался на свои тягости, привыкъ съ добрыми крестьянами къ понятіямъ немножко черезъ-чуръ деревенскимъ, какъ мнѣ кажется. Онъ говорилъ, что такъ-какъ ему суждено быть деревенскимъ рабочимъ, то благоразумнѣе будетъ воспитывать дочь сообразно состоянію, сдѣлать изъ нея хорошую крестьянку, выучить ее читать, шить, прясть, вести хозяйство; но я и слышать не хотѣла. Могла ли я потерпѣть, чтобъ графиня Шатобрёнъ покинула свое званіе и не воспиталась какъ прилично благородной дѣвицѣ? Графъ послушался, и наша Жильберта была воспитана въ Парижѣ, такъ-что ничего не щадила на ея умъ и таланты; и точно, она воспользовалась этимъ какъ ангельчикъ, и когда ей минуло лѣтъ семнадцать, я опять сказала графу: «Хе!хе! г. Антуанъ, не хотите ли прогуляться со мною въ Шатобрёнъ?» Графъ согласился; но когда мы пришли въ середину развалинъ, его одолѣла грусть.

«— Зачѣмъ ты привела меня сюда, Жанилла? сказалъ онъ съ тяжелымъ вздохомъ. — Я зналъ, что мое бѣдное родовое гнѣздо разрушено, видѣлъ это издали, но никогда не хотѣлъ входить внутрь и глядѣть вблизи на эти обломки. Я не дорожилъ замкомъ изъ гордости, а любилъ его за то, что провелъ тутъ молодую лѣта, былъ тутъ счастливъ, видѣлъ тутъ смерть отца и матери. Если бъ кто-нибудь купилъ его для жилья, если бъ я видѣлъ его крѣпкимъ и цѣлымъ, я былъ бы вполнину утѣшенъ, потому-что вещи любишь, какъ надо бы любить людей, не столько для самого-себя, сколько для нихъ. Какое удовольствіе находишь ты, показывая мнѣ, что барышники сдѣлали изъ дома моихъ предковъ?»

«— Графъ, отвѣчала я: — надобно же было сходить осмотрѣть поврежденіе, чтобъ зпать сколько прійдется истратить и какъ взяться за поправку. Вообразите себѣ, что въ одну ночь буря раз-

рушила бы вашъ замокъ; съ вашимъ характеромъ, вы, вѣрнѣе всего, чтобъ горевать, тотчасъ принялись бы поправлять его.

«— Но такое сравненіе не у мѣста, сказалъ господинъ Антуанъ. — Мнѣ не на что поправлять замокъ, да еслибъ и было на что, все-таки было бы не легче, потому-что даже этотъ оставъ не принадлежитъ мнѣ.

«— Позвольте, сказала я:—сколько съ васъ просили, когда вы предлагали выкупить только домъ и маленькій участокъ земли, который къ нему принадлежалъ, садъ, холмъ и небольшой лугъ на берегу рѣки?

«— Я спрашивалъ объ этомъ не серьезно, Жанилла, а только хотѣлъ узнать, до какой низкой цѣны упалъ такой богатый замокъ. Мнѣ отвѣчали, что остатокъ стоить десять тысячъ франковъ, и я ретировался, зная, что десяти тысячъ франковъ мой карманъ не вытщаетъ.

«— Хорошо, сударь, возразила я:—теперь дѣло идетъ не о десяти тысячахъ франковъ, а только о четырехъ. Продавцы думали, что вы не поддержите и истратите оставшіяся у васъ капиталецъ на возмещеніе обломковъ вашего замка. Вотъ почему цѣнили въ десять тысячъ франковъ имѣніе, которое не стоить и половины и которое можетъ годиться однимъ вамъ; но когда увидѣли, что вы одступились, то стали умѣреннѣе. Я поручила хлопотать изъ-подъ руки, безъ вашего вѣдома и подъ чужимъ именемъ. Скажите мнѣ да, и завтра же вы владѣлецъ Шатобрѣна.

«— А къ чему бъ это мнѣ послужило, моя добрая Жанилла? сказалъ графъ:—что я сталъ бы дѣлать съ этой грудой камней и тремя-четырьмя стѣнами безъ дверей и оконъ?»

«Тогда я замѣтила графу, что квадратный павильонъ еще цѣлъ, что своды еще крѣпки, внутренность комнатъ совершенно-суха, и что стоить только покрыть его черепицею, поправить-столярную работу и простенько меблировать, — расходъ всего-на-всѣ тысячи полторы франковъ. Мой графъ вскричалъ:

«— Не внушай мнѣ этихъ мыслей, Жанилла; ты отохотилъ меня отъ теперешняго состоянія и введешь въ соблазнъ. У меня нѣтъ ни десяти, ни пяти, ни четырехъ тысячъ франковъ, и чтобъ скопить ихъ, мнѣ нужно еще десять лѣтъ лишеній. Лучше останемся по-прежнему.

«— А кто вамъ сказалъ, сударь, возразила я:—что у васъ нѣтъ шести тысячъ или даже шести тысячъ пяти-сотъ франковъ? Знаете ли вы, что у васъ есть? Бьюсь объ закладъ, что не знаете.»

Тутъ господинъ Антуанъ прервалъ Жаниллу.

— Правда, сказалъ онъ:—я не знаю до-сихъ-поръ, не знаю и никогда не узнаю, какимъ-образомъ, при тысячѣ-двухъ-стахъ ливрахъ дохода, платя шесть лѣтъ за воспитаніе дочери въ Парижъ и живя въ Гаржилесъ—рабочимъ, конечно, но очень-чистенько, въ домикъ, которымъ Жанилла управляла сама... (надо еще прибавить, что, держа у себя кошелекъ, она позволяла мнѣ истративать

два-три франка съ приятелями во воскресенье)... нѣтъ, нѣтъ, никогда я не найму, нѣтъ я могу наконецъ шесть тысячъ франковъ! Такъ-какъ это совершенно-невозможно, то я принужденъ объяснить чудо господину Эмилю Кардоннѣ, если только онъ самъ не отгадалъ его.

— Да, графъ, я догадываюсь, отвѣчалъ Эмиль: — какъ же Жаннилла могла выдать деньги для васъ, когда вы были богаты, или она имѣла собственныхъ денегъ, и въ это время...

— Нѣтъ, сударь, подхватила съ живостью Жаннилла: — все не то; вы забываете, что, по званію рабочаго-плотника, графъ зарабатывалъ себя на прожитокъ, и можете представить, что пансіонъ, гдѣ училась графиня, былъ не изъ самыхъ дорогихъ въ Парижѣ, хотя, смѣю сказать, хорошій пансіонъ.

— Конечно, сказала Жильберта, обнявшая ее: — ты очень отчетливо, мама Жаннилла; но не разуверилъ насъ съ батюшкой, что Штатсбрэнъ выкупленъ на твои деньги, что по-настоящему онъ принадлежитъ тебѣ, и что, хотъ ты покушала его на свою мать, ты мы здѣсь у тебя.

— Все нѣтъ, все нѣтъ, графиня! отвѣчала благородная Жаннилла, эта странная, крещенная женщина, которая любила всячески всмѣхъ и вымѣхъ себя на все мастерацію, не хотѣла, чтобы удержатъ за собою господами достоинство ихъ женщины, о которыхъ заботилась больше ихъ самихъ, твердо отрицалась отъ лучшаго дѣла своей жизни:—все нѣтъ, говорю я вамъ, я тутъ ничего не знавала. виновата ли я, что вынѣтъ непа не удержитъ ирочести пяти, и что вы такъ же безпечны, какъ и она? Какъ сказать! знаете вы оба хорошо счетъ записи приходять и расходъ! Заставя васъ его сдѣлать, посмотритъ, какъ-то вы удержитесь! Говорятъ вамъ, вы здѣсь у себя, и, если я могу что-то извѣстать, то развѣ порядкомъ и экономіей въ вашихъ дѣлахъ? этого графъ въ одно прекрасное утро очутился богатымъ, и какъ почиталъ себя.

— Записи, прибавила Жаннилла:—продолжите и описывайте всю матерію господину Эмилю. Мы выкупали замокъ. Жанна Кардоннъ и господинъ Антуанъ сами поправили всю плотничью работу, а сама работала нашивкою, и пока она доделывала работу, которая длилась всего полгода, я поѣхала въ Парижъ за новымъ платьемъ, разуволь и гердакъ, что привезу ее съ замкомъ въ предѣлахъ которомъ она провела самые первые годы своего дѣтства, мое дитя! Съ-тѣхъ-поръ, мы живемъ очень-благополучно, и я слышу, что господинъ Антуанъ разуволь на что-то, но могу удержаться, чтобы не досадовать на него; потому-что, знаете, бывалъ ли кто на свѣтѣ счастливѣе насъ?

— Да я никогда ни на что не жалуюсь, отвѣчалъ господинъ Антуанъ:—твоей упрѣкъ несправедливъ.

— О! всегда вы глядите такъ, какъ-будто хотѣли разуволь, вы здѣсь играете не такую записную роль, какъ прежде...

ошибаетесь. Богаче ли вы были, когда имѣли тридцать тысячъ лировъ дохода? Васъ обкрадывали, расхищали, а вы ни о чемъ не знали. Теперь у васъ есть необходимое, и вамъ нечего бояться воровъ: всѣмъ извѣстно, что вы не прячете свертковъ съ луидорами въ матрасъ. У васъ было десять человѣкъ слугъ, одинъ другаго лакомѣе, пьюще и лѣнивѣе; однимъ словомъ, парижскихъ слугъ. Нынче, у васъ только одинъ господинъ Сильвенъ Шарассонъ, конечно, также лѣнтый и лакомка...

Говоря эти слова, Жанилла возвысила голосъ, чтобъ Сильвенъ слышалъ ихъ изъ кухни. Потомъ продолжала потише:

— Но его глупости смѣшать васъ, и когда онъ что-нибудь сложаетъ, вамъ любо, что есть люди не ловчѣе васъ. У васъ было десять лошадей, всегда дурно-содержанныхъ и негодныхъ къ службѣ отъ недостатка ухода; теперь у васъ есть ваша старая Лантерна, самое лучшее животное въ свѣтѣ, всегда чистая, бодрая, и какая еще воздержная: есть сухіе листья и вѣтки, какъ настоящая коза. Кстати о козахъ! Гдѣ найдете вы козъ лучше нашихъ? Двѣ настоящія лани, съ чудеснымъ молокомъ, забавляютъ васъ своими ловкими прыжками, когда карабкаются по развалинамъ для вашего вечерняго спектакля!.. Возьмемъ ли погребъ? У васъ былъ погребъ богатый, но ваши лакеи разбавляли вино водою сколько хотѣли, и вы пили только ихъ послѣдки. Теперь, вы пьете здѣшній родной клеретъ, который всегда вы любили и который здоровъ и крѣпителенъ. Особенно, когда я за нимъ хлопочу, онъ прозраченъ какъ ключевая вода и не горячитъ вамъ желудка. А платьемъ развѣ вы недовольны? Прежде, у васъ былъ гардеробъ, который тѣшила моль, и жилеты ваши выходили изъ моды прежде, чѣмъ вы ихъ носили, потому-что вы никогда не занимались туалетомъ. Нынче, у васъ есть только то, что нужно для прохлады лѣтомъ, для тепла зимою; деревенскій портной снимаетъ съ васъ шкурку на славу и не стѣсняетъ васъ покроемъ. Да, сударь, согласитесь, что все къ лучшему, что вы никогда не имѣли меньше заботы, и что вы теперь счастливѣйшій человѣкъ; потому-что я не упоминала еще о выгодѣ имѣть прелестную дочку, которая счастлива съ вами...

— И несравненную Жаниллу, которая занимается только счастьемъ другихъ! воскликнулъ господинъ Антуанъ съ умиленьемъ, смѣшаннымъ съ веселостью. — Хорошо! ты права, Жанилла, я это напередъ зналъ. Слава Богу! ты обижаетъ меня, сомнѣваясь въ моемъ довольствѣ; чувствую, что я точно баловень Провидѣнія, и еслибъ не тайное горе, которое ты знаешь и о которомъ хорошо, что ты не говорила, то я былъ бы вполнѣ счастливъ! На, пью за твое здоровье, Жанилла! ты говорила не хуже книги! За ваше здоровье также, господинъ Эмиль! Вы богаты и молоды, образованы и умны: значитъ, вамъ нечего завидовать другимъ; но желаю вамъ такой же покойной старости, какъ моя, и такихъ же нѣжныхъ привязанностей въ сердцѣ! Однакомъ, довольно толковать объ насъ,

прибавилъ господинъ Антуанъ, ставя стаканъ на столъ: — не надо забывать друзей. Поговоримъ о лучшемъ изъ всѣхъ послѣ Жаннилы, — о моемъ старомъ Жанѣ Жаппу и его дѣлишкахъ.

— Да, поговоримъ! вскричалъ громкій голосъ, заставившій всѣхъ вздрогнуть.

Обернувшись, господинъ Антуанъ увидѣлъ Жана Жаппу на порогѣ двери.

— Что это? Жанъ среди бѣлаго дня? воскликнулъ графъ въ изумленіи.

— Да, я являюсь среди бѣлаго дня, и еще въ большую дверь! отвѣчалъ плотникъ, отирая потъ со лба. — Охъ! какъ я бѣжалъ! Дайте мнѣ поскорѣе стаканъ вина, мама Жаннила; я задыхаюсь отъ жара.

— Бѣдный Жанъ! вскричала Жильберта, бросаясь затворять дверь: — такъ тебя опять преслѣдовали? Надо скорѣе спрятаться. Не пришли бы куда искать тебя!

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ Жанъ: — нѣтъ, мое дитятко; не затворяйте двери; за мною не гонятся. Я принесъ вамъ добрую вѣсть, и затѣмъ-то такъ торопился. Я свободенъ, счастливъ, спасенъ!

— Боже! воскликнула Жильберта, схвативъ своими хорошенькими ручками пыльную голову стараго крестьянина: — такъ моя молитва услышана! Я столько молилась за тебя нынѣшней ночью!

— Райская душа, ты принесла мнѣ счастье! сказалъ Жанъ, не успѣвая отвѣчать на ласки и вопросы Антуана и Жаннилы.

— Скажи же намъ, кто возвратилъ тебѣ свободу и спокойствіе? возразила Жильберта, когда плотникъ проглотилъ большой стаканъ пикета.

— О! человѣкъ, котораго вы и не подозреваете, поручился за меня и заплатилъ мои штрафы. Ну-те-ка угадайте, кто!

— Не кюзьйонскій ли священникъ? сказала Жаннила: — онъ такой добрый человѣкъ, хотя проповѣди его немножко мудрены! Но онъ самъ не богатъ!..

— А вы, Жильберта, возразилъ Жанъ: — какъ думаете, кто?

— Я подумала бы на сестру добраго священника, мадамъ Розу, у нея прекрасное сердце... Но она не богаче брата.

— И, нѣтъ! какъ это можно! А вы, господинъ Антуанъ, что скажете?

— Я не постигаю, отвѣчалъ графъ. — Скажи же скорѣе; не мучь насъ!

— А я, сказалъ Эмиль: — бьюсь объ закладъ, что угадалъ; это мой отецъ! я говорилъ съ нимъ, и знаю, что онъ хотѣлъ...

— Извините, молодой человѣкъ, сказалъ плотникъ, неребизъ его: — не знаю, что хотѣлъ вашъ отецъ; но знаю, чего бы я не захотѣлъ! Это значило бы чѣмъ-нибудь быть ему обязаннымъ, принять одолженіе отъ человѣка, который старался упрятать меня въ тюрьму, чтобъ принудить согласиться на его мнимыя благодѣянія, на его суровыя условія. Спасибо! васъ я почитаю... но ва-

него отца... перестанемъ о немъ говорить, не будемъ никогда упоминать о немъ въ разговорѣ другъ съ другомъ. Ну, и такъ, вы не угадали? А что бы вы сказали, еслибъ рѣчь зашла о маркизѣ Буагиббѣ?

Это имя, которое Эмиль слышалъ не въ первый разъ, потому-что при немъ уже говорили въ Гаржилестѣ о маркизѣ, какъ объ одномъ изъ богатѣйшихъ окрестныхъ помѣщиковъ, подѣйствовало какъ электрическій ударъ на обитателей Шатобрѣна: Жильберта вздрогнула; Антуанъ съ Жаниллою переглянулись и не могли вымолвить слова.

— Это васъ удивляетъ? возразилъ плотникъ.

— Мнѣ это кажется невѣроятнымъ, отвѣчала Жанилла. — Вы шутите? Маркизъ Буагиббѣ, нашъ общій врагъ?

— Затѣмъ такъ говорить? сказалъ г. Антуанъ. — Маркизъ никому не врагъ по доброй волѣ; онъ всегда дѣлалъ доброе и никогда не дѣлалъ зла.

— Я была увѣрена, сказала Жильберта: — что онъ способенъ на доброе дѣло. Помнишь, мамочка, я тебѣ говорила: это несчастный человѣкъ, по лицу его видно; но...

— Но... но вы его не знаете, сказала Жанилла: — и не можете разсуждать о немъ. Ну, Жанъ, объясните же намъ, какими чудесами сошлись вы съ этимъ человѣкомъ — такимъ холоднымъ, гордымъ, черствымъ?

— Случай, или скорѣе Богъ все устроилъ, отвѣчалъ плотникъ. — Я шелъ по лѣску, который тянется рядомъ съ его паркомъ, и который, въ этомъ мѣстѣ, отдѣленъ отъ парка только изгородью да маленькимъ рвомъ. Я заглянулъ черезъ кусты полюбоваться, какъ тамъ въ паркѣ все красиво и чисто, пріятно и уютно; подумалъ немножко съ грустью, что бывалъ въ этомъ паркѣ и въ этомъ замкѣ, какъ у себя дома, что работалъ тамъ двадцать лѣтъ, и что даже чувствовалъ дружбу къ самому маркизу, хотя онъ никогда не былъ очень любезенъ... Но все-таки на него находили добрые дни въ то время; и однакожъ, лѣтъ съ двадцать я не ступалъ ногою къ нему и не посмѣлъ бы просить у него убѣжища послѣ того, что между нами случилось!

«Иду-себѣ и думаю все это; вдругъ слышу рысъ пары лошадей и вижу двухъ жандармовъ, которые ѣдутъ прямо на меня. Они меня еще не видали; но если я перешелъ бы имъ дорогу, они непременно увидѣли бы: они такъ хорошо уже знаютъ мою фигуру! Разсуждать было некогда. Я кинулся въ изгородь, проскочилъ сквозь нее какъ лисица, и очутился въ паркѣ Буагиббѣ, гдѣ спокойно прилегъ подъ изгородью, пока мои жандармы ѣхали своей дорогой, даже не оборачиваясь на мою сторону. Когда они поотѣхали, я всталъ и собирался выйти вонъ тою же дорогою, какою вошелъ, какъ-вдругъ кто-то ударилъ меня по плечу, и, оглянувшись, сталъ носъ-къ-носу съ маркизомъ Буагиббѣ, который го-

ворилъ мнѣ съ своимъ печальнымъ лицомъ и своимъ похороннымъ голосомъ:

«— Что ты здѣсь дѣлаешь?

«— Вотъ хорошо! сами видите, маркизъ — прячусь.

«— Отъ-чего прячешься?

«— Отъ-того, что жандармы въ двухъ шагахъ отсюда.

«— Такъ ты сдѣлалъ преступленіе?

«— Да; поймалъ двухъ кроликовъ и убилъ одного зайца.

«Затѣмъ, видя, что онъ не будетъ дальше спрашивать, я принялся поскорѣе рассказывать ему свои приключенія, сколько-можно-короче, потому-что, вы знаете, у этого человѣка на умъ всегда что-нибудь не то, о чемъ ему говорить: не знаешь, слушаетъ ли онъ тебя, — у него всегда такой видъ, какъ-будто онъ и не думаетъ слушать. Много лѣтъ не видалъ я его въблизи, потому-что онъ живетъ забывшись въ своемъ паркѣ, какъ кроль въ норѣ, а я къ нему не имѣю больше доступа. Онъ, показавшись мнѣ, очень постарѣлъ, подрахлавъ, хотя все еще прамъ, какъ теплъ, но такой худой, что хотъ глядись насквозь, и борода стала бѣлая, какъ у старой козы; мнѣ сдѣлалось грустно, и однакожъ, еще больше огорчало меня то, что пока я говорилъ ему, онъ все шелъ подчищая передъ собою дурную траву по аллеѣ лопаткою, которая у него всегда въ рукѣ. Я шелъ за нимъ шагъ за шагомъ, не переставая говорить, рассказывая свои затруднительныя обстоятельства, не для того, чтобъ выпрашивать его помощи, объ этомъ я и не думалъ, но чтобъ посмотреть, уцѣлѣло ли въ немъ сколько-нибудь ко мнѣ дружбы.

«Наконецъ, онъ обернулся и сказалъ, не глядя на меня:

«— Зачѣмъ же ты не просилъ поручительства какого-нибудь богатаго лица въ вашемъ селеніи?

«— Чортъ возьми! говорю я ему:—какого богатаго лица хотите вы въ Гаржилесъ!

«— Тамъ есть какой-то господинъ Кардоннѣ, который недавно поселился!

«— Есть, но онъ мѣръ, и онъ-то хочетъ, чтобъ меня арестовали.

«Минуты съ три стоялъ онъ молча; я уже думалъ, что онъ забылъ обо мнѣ и хотѣлъ уйти, какъ вдругъ онъ сказалъ:

«— Почему жъ ты не пришелъ ко мнѣ?

«— Вотъ хорошо! говорю я: — сами знаете, почему!

«— Нѣтъ, не знаю!

«— Какъ не знаете? Развѣ вы не помните, что, долго пользовавшись моею работою и не дѣлавъ мнѣ ни раза выговора (нажется, я его и не заслуживалъ), вы призывали меня однажды въ кабинетъ и сказали: «Вотъ тебѣ жалованье за послѣдніе дни; убирайся вонъ!» А когда я спросилъ васъ, когда мнѣ опять придти, вы отвѣчали: *никогда!* Когда же мнѣ не понравилось такое обращеніе, и я васъ спросилъ, чѣмъ я провинился передъ вами, вы указали мнѣ на дверь пальцемъ, не удостоивъ даже открыть ротъ. Этому ужъ лѣтъ

двадцать, и не мудрено, что вы позабыли. Но у меня это всегда на сердце, и мнѣ кажется, что вы обещались очень-жестокѣ и очень-несправедливо съ бѣдными рабочими, который трудился какъ лучше умѣлъ, и былъ не хуже всякаго другаго. Сначала, я подумалъ, что вы вѣдь выпла хандра и что послѣ вы спохватитесь; но я ждалъ напрасно: вы уже никогда не присылали за мною. И былъ такъ-гордъ, что не пошелъ къ вамъ просить работы; у меня была работа въ другихъ мѣстахъ, всегда вдоволь, и еслибъ теперь я не былъ принужденъ скрываться въ лѣсахъ, то не нуждался бы въ заказахъ; но пуще всего, признаюсь, меня оскорбило то, что меня прогнали какъ собаку, — еще хуже, — какъ лѣнтяя или вора, даже не удостоили дать мнѣ средства оправдаться. Я подумалъ, что имѣю какого-нибудь врага въ вашемъ домѣ и что вамъ на меня напали; но никогда не могъ разгадать, что это было такое, потому-что никогда не знавалъ за собой никакихъ враговъ, кромѣ сельскихъ сторожей да таможенныхъ сборщиковъ. Я смелчалъ, не ропталъ на васъ, но жалѣлъ, что вы легко вѣрите злымъ толкамъ, и какъ я васъ немножко любилъ, то мнѣ было больно видѣть въ васъ недостатки.

«Г-нъ Буагибѣ все глядѣлъ такъ, какъ-будто не слушалъ меня; но когда я договорилъ, онъ равнодушно сказалъ:

«— Великъ ли съ тебѣ штрафъ?

«— Всего наберется до тысячи франковъ, кромѣ судебныхъ издержекъ.

«— Хорошо, ступай, скажи мѣру твоей деревни... г-ну Кардоннѣ, такъ ли?—пусть онъ пришлетъ ко мнѣ какое-нибудь довѣренное лицо, чтобъ я могъ устроить твои дѣла съ начальствомъ. Скажи ему, что я не выхожу со двора, что я нездоровъ, но что прошу его сдѣлать мнѣ это одолженіе.

«— Развѣ вы беретесь быть за меня поручикомъ?

«— Нѣтъ, я плачу твой штрафъ. Можешь идти.

«— Когда же велите придти къ вамъ работать, чтобъ сквитаться съ вами?

«— Работы у меня нѣтъ, не приходи.

«— Такъ вы хотите дать мнѣ милостыню?

«— Нѣтъ, но оказать тебѣ маленькую услугу, которая мнѣ ничего не стоитъ. Довольно же; оставь меня.

«— А если я не захочу принять услуги?

«— Дурно сдѣлаешь.

«— И вы не хотите, чтобъ я благодарилъ васъ?

«— Это будетъ напрасно.

«Затѣмъ, онъ просто-на-просто повернулся ко мнѣ спиною и пошелъ прочь, но я послѣдовалъ за нимъ, и зная, что длинные комплименты ему не по вкусу, сказалъ ему такъ: «Г-нъ Буагибѣ, дайте мнѣ, пожалуйста, пожать вашу руку!»

«— Какъ! ты осмѣлился сказать ему это? вскричала Жаннилла.

«— Да есть-чего жь бы мнѣ и не осмѣлиться! можно ли сказать человеку что-нибудь лучше этого?»

— Что же онъ отвѣчалъ? что онъ сдѣлалъ? — сказала Жильберта.

— Онъ тотчасъ взялъ мою руку и пожалъ ее крѣпко, хотя его рука была суха и холодна какъ льдина.

— И что онъ сказалъ? — спросилъ г-нъ Антуанъ, слушавшій рассказъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

— Онъ сказалъ: *ступай!* отвѣчалъ плотникъ. — Видно, это его ласковое слово, и онъ пугался чуть не бѣгомъ отъ меня, сколько позволяли ему его бѣдные длинные худыя ноги. Я побѣждалъ рассказать все это вамъ.

— А я, сказалъ Эмиль: — поспѣшу къ моему отцу передать ему намѣреніе маркиза Буагиббъ, чтобъ онъ тотчасъ послалъ кого-нибудь къ нему согласно его просьбѣ.

— Ну, это меня ничуть не успокоитъ, подхватилъ плотникъ. — Вашъ отецъ сердитъ на меня; онъ долженъ будетъ признать меня чистымъ отъ штрафа, но не захочетъ освободить меня отъ тюрьмы, потому-что за бродяжество можно меня наказать и посадить въ тюрьму, хотя бы то на нѣсколько дней... а для меня это ужъ слишкомъ-много.

— О! разумѣется, воскликнула Жильберта: — Жанъ никакъ не перенесетъ того униженія, что его сведутъ въ тюрьму жандармы; онъ сдѣлаетъ какую-нибудь новую остроту. Г-нъ Эмиль, не допускайте его подвергнуться этому. Поговорите съ вашимъ батюшкой, попросите его, скажите ему...

— О! Бога ради, сказалъ Эмиль съ жаромъ: — не раздѣляйте съ Жаномъ его худого мнѣнія объ отцѣ моемъ; оно несправедливо. Я увѣренъ, что батюшка сдѣлалъ бы, не сегодня, такъ завтра, для него то же, что сдѣлалъ г-нъ Буагиббъ. А что до преслѣдованія его за бродяжество, ручаюсь вамъ, что...

— Если вы ручаетесь, подхватилъ Жанъ: — почему бы вамъ не поѣхать сейчасъ же къ маркизу Буагиббъ? Это близѣхонько отсюда. Когда вы уговоритесь съ нимъ, я буду покойнѣе, потому-что вамъ я вѣрю, а, признаюсь, одна ночь, проведенная въ тюрьмѣ, сведетъ меня съ ума. Божье дѣло сказала вамъ это, — прибавилъ онъ, указавъ на Жильберту, — а она знаетъ меня.

— Сейчасъ ѣду туда, отвѣчалъ Эмиль, вставалъ и кинулъ на Жильберту пламенный взглядъ усердія и преданности. Не хотите ли меня проводить?

— Идемъ, сказалъ плотникъ.

— Да, да, ступайте! вскричали въ одинъ голосъ Жильберта, ее отецъ и Жаннела.

Эмиль понялъ, что Жильберта имъ довольна, и побѣждалъ за своей лошадыю.

Но когда онъ шагомъ спускался по тропинкѣ съ плотникомъ, графъ Шатобрёнъ догналъ его и остановилъ, чтобъ сказаться смущеннымъ видомъ:

— Милый другъ, вы благородны и деликатны; на васъ можно положиться... Я долженъ предупредить васъ объ одномъ дѣлѣ... не-

важно, можетъ-быть... но которое вамъ необходимо знать. Видите, что... по той или по другой причинѣ... все-таки, я въ ссорѣ съ маркизомъ Буагиббѣ, и потому вамъ не нужно упоминать ему обо мнѣ... Постарайтесь не произносить при немъ моего имени и не давайте знать, что вы сейчасъ отъ меня; это можетъ навести на него дурное расположеніе и охладить его добрыя намѣренія на-счетъ бѣднаго Жана.

Эмиль далъ слово молчать, и, предавшись потоку своихъ мыслей, больше занятый прекрасной Жильбертою, чѣмъ своимъ кліентомъ и цѣлю поѣздки, слѣдовалъ за проводникомъ по дорогѣ къ замку Буагиббѣ.

XI.

Тѣнь.

Однакожь, по мѣрѣ приближенія къ замку, Эмиль спрашивалъ самъ-себя, съ какими высшимъ или страннымъ человѣкомъ готовъ былъ онъ дѣло, и принужденъ былъ склонить слухъ къ объясненію, которыя плотникъ, съ своимъ крестьянскимъ здравымъ смысломъ, старался дать ему объ этомъ загадочномъ лицѣ. Изъ того, что Эмиль могъ выбрать въ этихъ свѣдѣніяхъ, нѣсколько противорѣчивыхъ и несогласованныхъ догадками, слѣдовало, что маркизъ Буагиббѣ былъ чрезвычайно-богатъ, отнюдь-нескупъ, хоть очень любилъ умеренность, — великодушенъ столько, сколько его дѣлать и беззаботность обо всемъ постороннемъ позволяли ему оказывать благодѣянія, то-есть, онъ помогалъ всѣмъ бѣднымъ, прибогавшимъ къ нему, но никогда самъ не осведомлялся о ихъ нуждахъ, и всѣхъ принималъ такъ угрюмо и холодно, что безъ настоятельной надобности ни одинъ не чувствовалъ расположенія съ нимъ видѣться. Между-тѣмъ, онъ не былъ жестокимъ и безчеловѣчнымъ человѣкомъ, и никогда не отвергалъ просьбы, не сомнѣвался въ важности милостыни. Но онъ былъ такъ разсвѣтъ и казался такимъ безстрастнымъ ко всему на свѣтѣ, что сердце сжималось и ледѣло въ его присутствіи. Онъ рѣдко бранился и никогда не наказывалъ. Жаппу былъ почти единственнымъ чело-вѣкъ, съ кѣмъ онъ поступилъ строго, и по манеру, потому онъ вознаграждалъ его теперь, плотникъ заключалъ, что самъ былъ не столько гордъ и раньше явился къ маркизу, — маркизъ не обнаружилъ бы и слѣда воспоминанія о капризѣ, по которому некогда прогналъ его.

— Впрочемъ, прибавилъ Жанъ: — есть другой чело-вѣкъ, на котораго господинъ Буагиббѣ сердитъ еще больше, чѣмъ на меня, хо-

тя никогда не искалъ сдѣлать ему зло. Но тутъ такая путаница, что ничего не разберешь; и благо господинъ Антуанъ упоминалъ самъ о ней, я могу, вамъ сказать, господинъ Эмиль, что въ этомъ обстоятельствѣ маркизъ заставлялъ многихъ думать, что у него предрѣшенъ разсудокъ. Вообразите: бывъ цѣлые двадцать лѣтъ другомъ, совѣтникомъ, почти отцомъ своего сосѣда, господина Антуана Шатобрѣна, онъ вдругъ повернулся къ нему спиною и захлопнулъ ему передъ носомъ дверь, тогда-какъ никто, даже самъ господинъ Антуанъ, не можетъ понять, за что онъ на него разсердился. По-крайней-мѣрѣ, предлогъ былъ такъ слабъ, что если не признать маркиза помѣшаннымъ, никакъ не объяснишь дѣла. Господинъ Антуанъ, видите, будто-бы хотѣлся безъ позволенія на землѣ маркиза. А замѣтите, что съ самаго своего рожденія графъ Антуанъ всегда охотился у господина Буагиббѣ, какъ у себя, потому-что они были товарищи и друзья; что господинъ Буагиббѣ, который отъ роду не бралъ ружья въ руки и не убилъ ни одной штуки дичи, не досадовалъ, если сосѣди стрѣляли его дичь; что, наконецъ, онъ вовсе не предупреждалъ господина Антуана о запрещеніи охотиться въ его помѣстьяхъ. Дѣло въ томъ, что съ-тѣхъ-поръ, то-есть, ужь лѣтъ двадцать, сосѣди не выдались, не молвили слова другъ съ другомъ, и господинъ Буагиббѣ не можетъ терпѣть, чтобъ при немъ произошло имя графа Шатобрѣна. Съ своей стороны, господинъ Антуанъ, —хоть это и лежитъ у него на сердцѣ больше, нежели онъ признается,—не хочетъ сдѣлать никакого шага къ примиренію, и по-видимому убѣгаетъ господина Буагиббѣ равно столько же, сколько тотъ его. Какъ мое удаленіе изъ Буагиббѣ случилось въ то же самое время, то я догадаю, что на меня обрушился излишекъ гнѣва маркиза, либо что онъ, зная мою тѣсную связь съ господиномъ Антуаномъ, опасаясь, чтобъ я не осмѣлился заговорить ему объ немъ и осуждать его капризъ. На этотъ счетъ онъ не ошибся, потому-что языкъ у меня вольный, и я непрестанно поговорилъ бы съ маркизомъ. Онъ хотѣлъ предупредить объясненія; иначе я не могу растолковать себѣ его жестокости со мною. .

— Есть у него семейство? спросилъ Эмиль.

— Нѣтъ, сударь. Онъ былъ женатъ на бѣдной очень-хорошенькой дѣвицѣ, гораздо-моложе его, родственницѣ и небогатой. Съ его стороны, это походило на бракъ по любви, но вовсе не такъ казалось по его поведенію, потому-что, женившись, онъ не сдѣлалъ ни веселья, ни обходительнѣе, ни любезнѣе. Онъ никакъ не перемѣнилъ своей манеры жить медвѣдемъ, не во гнѣвъ ему будь сказано. Господинъ Антуанъ продолжалъ быть почти единственнымъ гостемъ дома, и маркиза такъ соскучилась, что въ одинъ прекрасный день уѣхала жить въ Парижъ, а мужъ и не думалъ слѣдовать за нею или возвращать ее къ себѣ. Тамъ она умерла еще очень-молодая, не родивъ ему дѣтей, и съ той поры, тайное ли горе погинуло ему разсудокъ, или удовольствіе быть одному утѣшило его во

всемъ, — только онъ жилъ рѣшительно запершись въ своемъ замкѣ, безъ всякаго общества, не держа при себѣ даже собаки. Родъ его, почти угасъ, наследниковъ у него нѣтъ, друзей также; нельзя догадываться, кого обогатитъ смерть его.

— Онъ, очевидно, монаманъ, сказалъ Эмиль.

— Какъ вы его называли, сударь? спросилъ плотникъ.

— Я хотѣлъ сказать, что онъ помѣшанъ на одномъ какомъ-нибудь предметѣ.

— Да, я предлагаю, что вы правы, возразилъ Жанъ: — но что это за предметъ? Вотъ чего никто не сумѣетъ сказать. За нимъ знаютъ одну только привязанность. Именно вотъ этотъ паркъ, котораго планъ онъ самъ чертилъ и самъ сажалъ, и изъ котораго почти никогда не выходитъ. Кажется, даже онъ спитъ тутъ на ногахъ, прогуливаясь: иногда видали, что онъ въ два часа утра ходилъ по своимъ аллеямъ, какъ мертвецъ, и это нагоняло страхъ на тѣхъ, кто забирался туда порвать плодовъ или стащить вязанку хвороста,

Прѣхавъ въ это время передъ самый паркъ, и съ высокой тропинки могли видѣть внутрь и разглядѣть часть парка, Эмиль былъ восхищенъ красотою этого пѣкнтельнаго мѣста, роскошью тѣней, удачнымъ расположеніемъ куртинъ, свѣжестью дерна и изящными обрѣзами разныхъ площадокъ, незаметно понижающихся до береговъ рѣчки — одного изъ быстрыхъ притоковъ Гаржилесы. Онъ подумалъ, что какой-нибудь идіотъ не могъ создать это подобіе земнаго рая и столь удачно воспользоваться красотами природы. Напротивъ, ему показалось, что устроившемъ тутъ управляла душа поэтическая; но видъ замка скоро опровергнулъ эти догадки. Нельзя было придумать ничего холоднѣе, безобразнѣе и непріятнѣе замка Буагибб. Поправки, очевидно, сдѣланныя послѣ его построенія, отчасти искажили его старинный характеръ, и хорощее состояніе, въ какомъ его содержали, дѣлало наружность его еще несноснѣе. Жанъ остановился въ концѣ парка на дорожкѣ, а молодой пріятель его, давъ ему нѣсколько лучшихъ своихъ сигаръ для облегченія скуки ожиданія, пустился къ воротамъ замка, по дорогѣ, приводившей въ отчаяніе своею чистотою. Ни одинъ кусточекъ, ни одна вѣтка плюща не закрывали отъ него наготы высокихъ стѣнъ, окрашенныхъ подъ желѣзо, и единственный предметъ архитектуры, поразившій его взоры, былъ большой щитъ надъ рѣшеткою, съ гербомъ фамиліи Буагибб, подчищеннымъ и подновленнымъ позже прочаго, чуть-ли не въ эпоху возвращенія Бурбоновъ; по крайней-мѣрѣ, замѣтна была чувствительная разниа между этимъ гербомъ и его неуклюжею оправкою. Эмиль заключилъ изъ этого, что маркизъ былъ очень привязанъ къ своимъ титуламъ и стариннымъ привилегіямъ.

Онъ долго звонилъ у широкой рѣшетки, пока ее отперли; наконецъ, пружина, дернутая издали, отворила ее настежь, но никто не появлялся, и когда молодой человекъ вошелъ, привязавъ свою ло-

шадь снаружи, рѣшетка затворилась за нимъ безъ шума и заперлась, какъ-будто невидимая рука захлопнула его въ ловушку. Чувство унынія, чуть не ужаса, овладѣло имъ, когда онъ увидѣлъ себя запертымъ на большомъ дворѣ, голомъ и песчаномъ, окруженномъ однообразными строеніями, и молчаливомъ, какъ монастырское кладбище. Нѣсколько тисовыхъ деревьевъ, подстриженныхъ острокопечіями, у входа главныхъ воротъ, довершали сходство. Впрочемъ, ни одного цвѣтка, ни малѣйшаго запаха душистаго растенія, ни одной виноградной гирлянды въ окнахъ, ни паутины на стеклахъ, ни разбитаго стеклышка, ни звука человеческого, ниже пѣнія пѣтуха или лая собаки, ни голубка, ни клочка мха на черепичной кровлѣ; кажется, даже ни одна муха не осмѣливалась летать или жужжать на дворѣ замка Буагиббѣ.

Эмиль глядѣлъ вокругъ себя, ища съ кѣмъ заговорить, и не видя даже слѣда ноги на недавно-подчищенномъ пескѣ, какъ вдругъ услышалъ слабый и надорванный голосъ, вскричавшій ему довольно-непривѣтливо:

— Что вамъ угодно?

Оглянувшись нѣсколько разъ во всѣ стороны, чтобъ увидѣть, откуда выходилъ голосъ, Эмиль наконецъ замѣтилъ, въ отдушинѣ подвальной кухни, старую съдую голову, крѣпко напудренную, съ глазами прозрачными и лишенными взгляда. Приблизясь къ ней, онъ попытался дать себя понять. Но слухъ дряхлаго дворецкаго былъ такъ же слабъ, какъ его зрѣніе, и отвѣчая совершенно не-впопадъ на вопросы посѣтителя, онъ сказалъ:

— Паркъ можно видѣть только по воскресеньямъ; потрудитесь пожаловать въ воскресенье.

Эмиль подавъ дворецкому визитную карточку, и старикъ, медленно доставъ изъ кармана очки, не покидая своей подвальной отдушины, долго разбиралъ карточку; потомъ скрылся, и появившись въ дверь, находившуюся надъ его отдушиною, сказалъ:

— Очень-хорошо, сударь. Господинъ маркизъ приказывалъ мнѣ принять особу, которая явится отъ господина Кардоннѣ, — отъ господина Кардоннѣ изъ Гаржилеса, не такъ ли?

Эмиль отвѣчалъ утвердительнымъ знакомъ.

— Прекрасно, сударь, продолжалъ старій служитель, кланяясь съ любезностью и по-видимому очень радуясь случаю показать себя вѣжливымъ и радутнымъ, безъ нарушенія господскаго приказа. — Господинъ маркизъ не полагалъ, что вы пожалуете такъ скоро; онъ ожидалъ васъ не ближе какъ завтра. Онъ въ своемъ паркѣ; сейчасъ сбѣгаю доложить ему. Но напередъ буду имѣть честь проводить васъ въ гостиную.

Говоря, что сбѣгаетъ, старикъ странно хвастался. Онъ имѣлъ походку и проворство столѣтняго старика; подвелъ Эмиля къ низкому и узкому входу лѣстничной башенки и, мышкотно выбравъ

одинъ ключъ изъ своей связки, проводилъ его до другой двери, убитой толстыми гвоздями и запертой на ключъ, подобно первой; потомъ употребилъ въ дѣло второй ключъ, и, по переходѣ длиннаго корридора, третій ключъ, которымъ и отперъ покои. Эмиль шелъ за старикомъ сквозь нѣсколько комнатъ, гдѣ сумракъ смѣнялъ для него яркій свѣтъ солнца, и воображалъ себя совершенно въ потьмахъ. Наконецъ, онъ вошелъ въ просторную гостиную, и слуга подалъ ему кресла, сказавъ:

— Не прикажете ли поднять жалюзі?

Эмиль знаками далъ ему понять, что не нужно, и старикъ оставилъ его одного.

Когда глаза его привыкли къ сѣрому и пасмурному свѣту этихъ покоевъ, его поразилъ величавый характеръ меблировки. Вся мебель была временъ Людовика XIII, и словно какой-нибудь любитель съ мелочнымъ вниманіемъ наблюдалъ за выборомъ малѣйшихъ подробностей. Цѣлое было сохранено вполне; отъ зеркальных рамъ до послѣдняго гвоздика обивки не было ни малѣйшаго уклоненія отъ стили. И все было подлинное, полу-истертое, еще чистое, хотя полинялое, пышно и просто въ то же время. Эмиль подивился вкусу и знанію господина Буагибб. Въ-послѣдствіи онъ узналъ, что отсутствіе движенія и боязнь перемѣны, казавшіяся наслѣственными качествами этой фамиліи, способствовали чудесному сохраненію этихъ богатствъ, которыя теперешняя мода старается собирать за большія деньги по лавкамъ *старого жлама*, — нынче самыхъ роскошнымъ и самымъ интереснымъ лавкамъ въ свѣтѣ.

Но за удовольствіемъ, какое молодой человѣкъ нашелъ въ разсматриваніи этихъ рѣдкостей, слѣдовало впечатлѣніе холода и необычайной грусти. Кромѣ ледяной атмосферы жилища, вѣчно закрытаго отъ живительныхъ лучей солнца, кромѣ наружнаго безмолвія, было нѣчто погребальное въ правильности этого внутренняго устройства, котораго никогда никто не нарушалъ, и въ этой роскоши артиста и вельможи, которою никто не наслаждался. По дверямъ, накрѣпко-запертымъ, которыхъ ключи хранились у слуги, по опрятности, не нарушаемой ни одной пылинкою, по тяжелымъ опущеннымъ занавѣсамъ, явно было, что хозяинъ замка никогда не входилъ въ эту гостиную, и что единственными прілежными посѣтителями ея были щетка и метелка. Эмиль съ ужасомъ помыслилъ о жизни, какую покойная маркиза Буагибб, молодая и прекрасная, должна была вести въ этомъ домѣ, неподвижномъ и пѣтомъ въ-теченіе столѣтій, и простилъ ей отъ всего сердца желаніе вздохнуть инымъ воздухомъ прежде кончины.

— Кто знаетъ, думалъ онъ: — можетъ-быть, она получила въ этой могилѣ одну изъ тѣхъ медленныхъ и тяжкихъ болѣзней, отъ которыхъ нѣтъ исцѣленія, если опоздаешь прибѣгнуть къ лекарству?

Онъ утвердился на этой мысли, когда дверь тихо растворилась, и онъ увидѣлъ передъ собою самого хозяина. За исключеніемъ одежды, это была статуя командора, сошедшая съ своего пьедестала: та же мѣрная поступь, та же блѣдность, то же отсутствіе взгляда, тотъ же торжественный и окаменѣлый видъ.

Маркизъ Буагиббъ былъ не старше семидесяти лѣтъ, но имѣлъ одну изъ тѣхъ организацій, для которыхъ не существуетъ уже возраста и никогда не существовало. Онъ былъ недурно сложенъ и небезобразенъ собою; черты его были довольно — правильны, станъ еще прямъ и поступь тверда, если онъ не торопился. Не худоба изгладила всѣ слѣды формъ, и платье его казалось надѣтымъ на деревянную статую. Физиономія его не отталкивала надменностью и не внушала отвращенія; но какъ она не выражала ровно ничего и какъ тщетно бы искали вы съ перваго взгляда подмѣтить на ней какую-нибудь мысль или какое-нибудь ощущеніе, сродное живѣйшимъ человѣческимъ типамъ, то она пугала, и Эмиль невольно вспомнилъ ту нѣмецкую сказку, гдѣ одно очень-пристойное лицо является у воротъ замка и извиняется, что не можетъ войти въ томъ состояніи, въ какомъ находится, изъ опасенія навлечь неприязнь обществу.

— Вы, однако, кажетесь мнѣ очень-порядочной наружности, говорить ему гостепріимный хозяинъ. — Войдите, сдѣлайте милость.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчаетъ пришлецъ: — не могу; вы будете мнѣ недовольны. Благоволите выслушать меня здѣсь, на порогѣ вашего замка; я принесъ вамъ вѣсти съ того свѣта.

— Чтѣ такое? Войдите; дождь идетъ, собирается гроза.

— Поглядите на меня хорошенько, возражаетъ таинственный посѣтитель: — и согласитесь, что я не могу сидѣть за вашимъ столомъ, не нарушая законовъ вѣжливости. Развѣ не видите, что я мертвый?

Хозяинъ глядитъ на него и въ-самомъ-дѣлѣ примѣчаетъ, что онъ мертвецъ. Онъ захлопываетъ дверь отъ покойника и возвращается въ залу пира, гдѣ падаетъ въ обморокъ.

Эмиль не упалъ въ обморокъ, когда увидѣлъ передъ собою г-на Буагиббъ; но еслибъ вмѣсто: «извините, что заставилъ васъ дожидаться; я былъ въ паркѣ», тотъ сказалъ ему: «я собирался быть погребеннымъ», онъ не слишкомъ бы удивился.

Устарѣлый нарядъ маркиза дѣлалъ его еще болѣе похожимъ на выходца съ того свѣта. Онъ одѣвался по модѣ только одинъ разъ въ жизни — въ день своей свадьбы. Съ-тѣхъ-поръ, онъ не помышлялъ ни на волосъ перемѣнить свой туалетъ, и далъ портному за неизмѣнный образецъ платье, которое износилъ, подъ предлогомъ, что привѣкъ къ нему и что боялся неудобства отъ новаго покрою. Итѣмъ онъ былъ одѣтъ щеголемъ временъ имперіи, что составляло самый странный контрастъ съ его печальной и поблеклой физиономіей. Очень

жесткое зеленое верхнее платье, нанковые панталоны, сильно-оттопыренное жабо, сапоги съ кисточками и, для полной вѣрности привычкамъ, маленькій свѣтлый парикъ цвѣта его прежнихъ волосъ, собранный пучкомъ на срединѣ лба. Весьма-высокіе накрахмаленные воротнички, поднимавшіе до висковъ длинныя бѣлыя бакенбарды, придавали его вытянутому лицу форму треугольника. Онъ былъ педантически опрятенъ, и однакожь нѣсколько былиннокъ сухаго моха на платьѣ свидѣтельствовали, что онъ не нарочно нарядился для гостя, но что имѣлъ обычай гулять въ уединеніи своего парка въ этомъ неизмѣнномъ, строгомъ нарядѣ.

Онъ молча поклонился, молча сѣлъ и молча глядѣлъ на Эмиля. Сначала, молодаго человѣка затрудняло это молчаніе, и онъ думалъ, не надо ли приписать его надменности. Но видя, что маркизъ неловко вертитъ въ рукахъ вѣточку жимолости, какъ-бы желая дать себѣ какое-нибудь положеніе, Эмиль понялъ, что старикъ былъ робокъ какъ дитя, по натурѣ ли своей, или отъ долгаго отчужденія отъ людей, въ которое систематически заключался.

Онъ рѣшился начать рѣчь, и желая угодить хозяину, чтобы удержать его въ добрыхъ намѣреніяхъ относительно плотника, величалъ его маркизомъ при каждомъ словѣ, внутренно предаваясь, можетъ-быть, чувству ироніи надъ спѣсью старика.

По къ этой насмѣшливой угодливости маркизъ казался такъ же равнодушенъ, какъ къ визиту Эмиля. Онъ отвѣчалъ односложными словами, благодаря его за поспѣшность и подтверждая, что беретъ на себя уплату штрафовъ виновнаго.

— Вы дѣлаете прекрасное и доброе дѣло, маркизъ, сказалъ Эмиль: — этотъ человѣкъ, вами покровительствуемый, и которымъ я интересуюсь отъ всего сердца, столько же признателенъ за одолженіе, сколько его достоинъ. Вѣроятно, вы не знаете, что въ послѣдній разъ, во время наводненія, онъ кинулся въ рѣку спасать ребенка и спасъ его, подвергаясь большимъ опасностямъ?

— Онъ спасъ ребенка... своего? спросилъ г. Буагибб, который, казалось, не слушалъ словъ Эмиля, столько обнаруживалъ безстрастія и самоуглубленія.

— Нѣтъ, чужаго, перваго встрѣчнаго; я дѣлалъ тотъ же вопросъ, и узналъ, что родители ребенка почти не знакомы ему.

— И онъ его спасъ? возразилъ маркизъ, послѣ минутной паузы, во время которой, казалось, умъ его носился въ иномъ мірѣ. — Очень-счастливый случай!

Голосъ и выраженіе маркиза были болѣе еще ледяными, нежели физіономія его и осанка. Произношеніе его было медленно, слова, казалось, выходили изъ его губъ съ чрезвычайнымъ усиленіемъ; отъѣнковъ голоса вовсе не существовало.

«Такъ-точно; онъ не выходитъ изъ дома и не показывается никому, ибо знаетъ, что онъ мертвецъ», подумалъ Эмиль, которому все помнилась нѣмецкая легенда.

— Теперь, маркизъ, позвольте васъ спросить, для чего вы хотѣли, чтобъ мой отецъ прислалъ къ вамъ нарочнаго? Я явился къ вамъ на службу.

— Для того, что... отвѣчалъ г. Буагибъ, нѣсколько затруднялся отвѣчать прямо и стараясь собраться съ мыслями: — для того, что... изволите видѣть: человекъ, о которомъ вы говорите, не желалъ бы не попасть въ тюрьму, и надо было не допустить этого. Просите вашего батюшку не допускать этого.

— Это вовсе не дѣло моего отца, маркизъ. Навѣрное, онъ не будетъ вызывать строгости правосудія на бѣднаго Жапа, но онъ не можетъ помѣшать правосудію идти своимъ порядкомъ.

— Извините меня, отвѣчалъ маркизъ: — онъ можетъ поговорить или послать кого-нибудь поговорить съ мѣстнымъ начальствомъ. Онъ имѣетъ вліяніе... долженъ его имѣть.

— Но почему бы вамъ самимъ не принять на себя эти хлопоты, маркизъ? Вы болѣе давнишній житель здѣшняго края, нежели отецъ мой, и если признаете вліяніе, то должны ставить свои привилегіи выше пашихъ.

— Привилегіи рожденія нынче не въ модѣ, отвѣчалъ г. Буагибъ, не обнаруживая ни досады, ни сожалѣнія. — Вашъ батюшка, какъ промышленникъ, долженъ быть нынче больше въ уваженіи, нежели я. Сверхъ-того, меня ужъ никто не знаетъ: я слишкомъ старъ; я даже не знаю, къ кому обратиться... я все позабылъ. Пусть только г. Кардоннѣ возьметъ на себя этотъ трудъ, и виновнаго не будутъ преслѣдовать за бродяжество.

— Проговоривъ эту длинную рѣчь, г. Буагибъ тяжело вздохнулъ, какъ-будто истомленный усталостью. Но Эмиль уже замѣтилъ его странную привычку вздыхать, которая не была собственно ни одышкою чахоточнаго, ни выраженіемъ моральной тягости. Это былъ родъ нервической судороги, которая не измѣняла безстрастія лица его, но которой частое повтореніе дѣйствовало на нервы слушателя и наконецъ навело на Эмиля болѣзненную тягость.

— Мнѣ кажется, маркизъ, сказалъ Эмиль, хотѣвшій поиспытать старика: — что то общество было бы очень-плохо, въ которомъ какая-нибудь привилегія, рожденія или богатства, служила бы единственной защитою для бѣднаго и слабаго отъ излишней строгости законовъ. Я охотнѣе думаю, что нравственная сила и вліяніе принадлежатъ тому, кто наилучше умѣетъ приводить въ дѣло законы великодушія и человеколюбія.

— Если такъ, дѣйствуйте вмѣсто меня, отвѣчалъ маркизъ.

Въ этомъ лапидарномъ отвѣтѣ были смиреніе и похвала, но была также, можетъ-быть, и пропія.

«Почему знать, думалъ Эмиль, можетъ-быть, старый мизантропъ жестокий сатирикъ! Хорошо же! Буду обороняться.»

— Я готовъ сдѣлать все, что отъ меня зависить, въ пользу покровительствуемаго вами, отвѣчалъ онъ: — и если не успѣю, то развѣ по недостатку умѣнья, но не по недостатку дѣятельности и доброй воли.

Отъ-того ли, что маркизъ не понялъ упрёка, по его поразило только одно слово, употребленное Эмилемъ во второй разъ, и онъ повторилъ его въ припадкѣ туповатой задумчивости.

— Покровительствуемаго! сказалъ онъ, вздыхая по-своему.

— Или, точнѣе, вашего должника, подхватилъ Эмиль, который уже раскаявался въ своей пылкости и боялся повредить плотнику. — Какимъ бы именемъ вамъ ни угодно было его назвать, маркизъ, но этотъ человекъ исполненъ признательности къ вашей добротѣ, и, если бѣ смѣлъ, явился бы со мною благодарить васъ еще разъ.

Легкая краска мгновенно вспыхнула на щекахъ г-на Буагиббѣ, и онъ отвѣчалъ голосомъ тверже прежняго:

— Надѣюсь, что впередъ онъ оставитъ меня въ покоѣ.

Эмиль оскорбился такой выходкой и не удержался, чтобъ не дать это почувствовать.

— Еслибъ я былъ на его мѣстѣ, сказалъ онъ съ нѣкоторымъ волненіемъ: — меня бы очень тяготило благодареніе, котораго никогда бы не могла воздать моя приверженность, моя благодарность и мой трудъ. Вы поступили бы еще великодушіе теперешняго, маркизъ, еслибъ позволили доброму Жану Жапплѣ явиться къ вамъ съ признательностью и предложеніемъ услугъ своихъ.

— Г-нъ Кардоннѣ! сказалъ маркизъ, поднимая булавку и пришивая ее къ рукаву, для того ли, чтобъ не обнаружить смущенія, овладававшаго имъ, или по закоренной привычкѣ къ порядку и чинности: — признаюсь вамъ, я вспылчивъ... очень-вспылчивъ.

Голосъ его былъ такъ ровенъ и произношеніе такъ медленно, когда онъ говорилъ это, что Эмиль чуть не покотился со смѣха.

«На этотъ разъ, подумалъ онъ: — мы немножко *задѣты*, какъ говорятъ Жанъ.»

— Если я имѣлъ несчастіе не угодить вамъ, маркизъ, сказалъ онъ, вставъ: — я удалюсь, чтобъ не увеличить своихъ промаховъ, потому-что боюсь потребовать отъ васъ совершенства, и вы сами будете въ этомъ виноваты.

— Какъ-такъ? сказалъ маркизъ, крутя свою жимолостную вѣтку съ волненіемъ, которое, казалось, не переходило за концы его пальцевъ.

— Мы бываемъ требовательны къ тѣмъ, кого почитаемъ... я сказалъ бы даже передъ кѣмъ предостерегаемся, еслибъ не боялся оскорбить вашу скромность.

— Такъ вы ѣдете? сказалъ маркизь послѣ минуты загадочнаго молчанія и еще болѣе-загадочнымъ тономъ.

— Да, маркизь, свидѣтельствую вамъ мое почтеніе.

— Отъ-чего бы вамъ не отобѣдать со мною?

— Не могу, отвѣчалъ Эмиль, озадаченный и испуганный подобнымъ приглашеніемъ.

— Вы боитесь соскучиться! возразилъ маркизь со вздохомъ, который, на этотъ разъ, какъ-то проникъ до сердца Эмиля.

— Господинъ маркизь, отвѣчалъ онъ съ искреннею непринужденностью: — я приѣду къ вамъ обѣдать когда вамъ будетъ угодно.

— Завтра! сказалъ г-нъ Буагибѣ утомленнымъ тономъ, который будто нарочно противорѣчилъ усердію приглашенія.

— Извольте, завтра, отвѣчалъ молодой человекъ.

— О! пѣтъ! Завтра... возразилъ маркизь: — завтра понедѣльникъ, утомительный день для меня; но во вторникъ. Согласны вы?

Эмиль очень-любезно принялъ приглашеніе, но внутри души уже чувствовалъ страхъ при мысли провести нѣсколько часовъ наединѣ съ этимъ мертвецомъ, и сожалѣлъ о своемъ порывѣ состраданія, отъ котораго не умѣлъ воздержаться.

За то г-нъ Буагибѣ, казалось, очнулся отъ своего оцѣпененія, и вздумалъ проводить гостя до рѣшетки, гдѣ тотъ привязалъ свою лошадь.

— Славная лошадка, сказалъ онъ, разсматривая *Воронку* съ видомъ знатока. — Это *бренну*, добрая порода, крѣпкая и сносная. Хорошій вы вздокъ?

— У меня больше навыка и смѣлости, нежели искусства, отвѣчалъ Эмиль: — я не успѣлъ еще выучиться верховой ѣздѣ по правиламъ, но намѣренъ этимъ заняться при первомъ удобномъ случаѣ...

— Благородное и здоровое упражненіе, возразилъ маркизь: — если будете иногда навѣщать меня, предлагаю свои небольшія свѣдѣнія къ вашимъ услугамъ.

Эмиль въжививо принялъ предложеніе маркиза, но невольно кинулъ взглядъ на хилое существо, называвшееся ему въ учителя.

— Хорошо выѣзжена ваша лошадь? спросилъ г-нъ Буагибѣ, ласково трепая по шее *Воронку*.

— Она послушна и благородна, но впрочемъ неучена, такъ же какъ и господинъ ея.

— Я не большой охотникъ до животныхъ, сказалъ маркизь: — однако иногда занимаюсь лошадьми, и покажу вамъ довольно-хорошихъ воспитанниковъ. Не позволите ли мнѣ попробовать способности вашей лошади?

Эмиль услужливо подставилъ старому маркизу бокъ своего скакуна; но, боясь приключенія, и видя съ нѣкой медленностью и

трудностию старикъ поднимался на стремя, поспѣшилъ предупредить его, рискуя сказать обидное, что *Воронокъ* немножко горячъ и щекотливъ.

Маркизь принялъ это замѣчаніе безъ гордости, но тѣмъ не менѣе упорствовалъ въ своемъ намѣреніи съ довольно-комической важно-стью. Эмиль трепеталъ за своего дряхлаго хозяина, и *Воронокъ* вздрагивалъ отъ гнѣва и испуга подъ чужой рукою. Онъ даже попробовалъ возмутиться, и, глядя на снисходительность маркиза къ этому возмущенію, можно было подумать, что онъ самъ былъ не очень спокоенъ.

— Потише, дружокъ, говорилъ онъ ему, глядя его рукою: — не горячись, не горячись.

Но это было только слѣдствіе его правилъ, воспрещавшихъ ему, какъ преступленіе противъ искусства, суровое обращеніе съ лошадьми. Мало-по-малу, онъ усмирилъ коня безъ побоевъ, и пустилъ его по всему широкому двору голому и песчаному, какъ манежъ, перепробовалъ всѣ его походки и заставилъ его съ чрезвычайной легкостью исполнять всѣ движенія и перемѣны ноги, какихъ могъ бы желать отъ ученой лошади. *Воронокъ*, по-видимому, покорялся безъ усилія; но когда маркизь возвратилъ его Эмилю, распалившіяся ноздри и спина, лоснящаяся отъ пота, показывали таинственное принужденіе, какому подвергла его эта твердая рука и эти длинныя негнушіяся ноги.

— Я не воображалъ его такимъ ученымъ! сказалъ Эмиль въ видѣ похвалы маркизу.

— Онъ очень-умное животное, отвѣчалъ тотъ съ скромностью.

Когда Эмиль сѣлъ въ сѣдло, *Воронокъ* зартачился и заржалъ съ бышествомъ, какъ-бы желая выместить на менѣе-опытномъ всадникѣ скучный урокъ, который ему дали.

— Ну, странный же *мертвецъ*! думалъ Эмиль, проѣзжая быстро дорогу, ведущую его назадъ къ Жану Жапплу, и помышляя объ этомъ чахоточномъ маркизѣ, который робѣлъ передъ ребенкомъ и укрощалъ бурную лошадь. — Но-уже-ли это мертвое лицо и этотъ удушливый голосъ принадлежитъ желѣзному характеру?

Онъ нашелъ плотника въ большомъ нетерпѣніи и безпокойствѣ, и когда пересказалъ ему свои объясненія съ маркизомъ, тотъ отвѣчалъ:

— Хорошо, благодарю васъ и поручаю вамъ свое дѣло. Но надо же самому-себѣ помогать, и это я намѣренъ сдѣлать. Пока вы будете писать къ начальству, я у него побываю лично. Ваше писанье займетъ время, а я не усну покойно, пока не обниму своихъ гаржилескихъ друзей среди бѣлаго дня при выходѣ отъ вечера, на паперти нашей церкви. Я поѣду въ городъ...

— А если васъ арестуютъ дорогою?

— Не арестуютъ на той дорогѣ, которую я знаю и которой жапдармы не знаютъ. Я прійду ночью, проберусь на кухню королевскаго прокурора... Служанка его мнѣ племянница. У меня есть языкъ, я объяснюсь, приведу свои резоны, и завтра, прежде вечера, ворочусь съ открытымъ лицомъ въ наше селеніе.

Не дожидаясь отвѣта Эмиля, плотникъ пустился стрѣлою и исчезъ за кустами.

II.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

КОНСУЛЬСТВО И ИМПЕРІЯ.

Соч. ТЬЕРА.

Статья девятая ().*

Наполеон на царство: Причины и выгоды замедления экспедиции въ Англію. — Бюджеты XII и XIII годовъ. — Косвенные налоги. — Вооруженіе оскандъ престоной, рошфорской и тлонской. — Первоначальный планъ Наполеона, касательно введенія французскаго флота въ Ла-Маншь. — Адмиралъ Датуш - Тревилье. — Предположеніе произвести высадку въ Англію передъ коронаціею. — Полномочные министры европейскихъ державъ вручаютъ Наполеону свои вѣрительныя грамоты. — Отъездъ Наполеона въ Булонь. — Генеральный смотръ флотиліи. — Празднество на берегу Оккана и раздача арміи знаковъ почётнаго-легиона. — Событія въ Англіи. — Питтъ готовитъ средства къ новой коалиціи. — Подозрѣнія Наполеона. — Отъездъ изъ Парижа русскаго уполномоченнаго. — Смерть адмирала Датуш-Тревиля и отсрочка высадки до зимы. — Характеръ адмирала Вильнёва. — Посѣщеніе Наполеономъ береговъ Рейна. — Благотѣльный сѣздъ въ Ахенъ. — Конвентцель вручаютъ здѣсь Наполеону свои вѣрительныя грамоты. — Императорскій дворъ переезжаетъ въ Майнцъ. — Возвращеніе въ Парижъ. — Приготовленія къ помазанію на царство. — Трудная негодіація, касательно приглашенія въ Парижъ папы Пія VII. — Кардиналъ Фешъ. — Опасенія Пія VII при мысли съѣхать во Францію. — Совѣщанія конгрегации кардиналовъ. — Согласіе первосвященника. — Вопросъ о церемоніаль. — Наполеонъ предоставляетъ самому-себѣ возложить на себя корону. — Отъездъ папы во Францію. — Его путешествіе. — Принятіе Пія VII въ Фонтенелло. — Неожиданный призывъ. — Вѣлосочетаніе Жозефины и Наполеона. — Церемонія помазанія на царство.

Заговоръ Жоржа, процессъ по этому дѣлу, последовавшая за тѣмъ перемѣна въ формѣ правленія, наполнили собою всю зиму въ 1803 на 1804 годъ и пріостановили громадное предпріятіе Наполеона противъ Англіи. Но онъ не переставалъ объ этомъ думать, и, въ настоящую минуту,

(*) Первые восемь статей напечатаны въ «Отеч. Записк.» 1843 года (томы XL, XLI, XLII и XLIII, восьмая въ 1846 году (том. XLIV).
T. XLVI. — Отд. II.

готовился, удвоивъ старанія и дѣятельность, привести въ исполненіе планъ свой въ срединѣ лѣта 1804 года. Впрочемъ, нельзя было сожалѣть объ этой отсрочкѣ, потому-что Наполеонъ, въ нетерпѣніи своемъ, выполнить столь обширное пред namъреніе, слишкомъ преувеличилъ себя возможность изгот овиться совершенно къ исходу 1803 года. Безпрерывные опыты, дѣлаемые въ Булонѣ, показывали ежедневно, что надо было принимать новыя предосторожности, вводить новыя улучшенія, и ничего не значило нанести ударъ полгода позже, лишь бы только отсрочкою приоб рѣтено было средство нанести ударъ болѣе — верный. Само-собою разумеется, что не армія требова ла такой потери времени, потому — что въ эту эпоху армія была нагото ва всегда; причиною задержки были флотилія и эскадры. Постройка плоскихъ судовъ, соединеніе ихъ въ четырехъ портахъ пролива, — все это было кончено. Но батавская флотилія заставляла ждать себя; эскадры брестская и тулонская, содѣйствіе которыхъ предпріятію почиталось необходимымъ, не были готовы: восьми мѣсяцевъ недостаточно было для ихъ вооруженія. На это была посвящена зима 1804 года. И такъ, время, по-видимому потерянное, было употреблено съ пользою. Оно въ особенности употреблено было на созданіе финансовыхъ средствъ, которыя всегда тѣсно связаны съ военными средствами, и на этотъ разъ были связаны съ ними болѣе, нежели когда-нибудь. Дѣйствительно, если бы не могли, при большомъ умѣньи и подвергаясь сильнымъ неудобствамъ, вести сухопутную войну съ малымъ количествомъ денегъ, двинуться въ страны непріятельской, — за то война на морѣ никакимъ образомъ не можетъ обойтись безъ денегъ: ничего нельзя выиграть на необширномъ пространствѣ океана, кромѣ того, что удалось взять съ собою при выходѣ изъ портовъ.

По бюджету на XII годъ (съ сентября 1803 г. по сентябрь 1804 г.) финансовыя средства Франціи простирались до 700 милліоновъ; отъ нихъ было 560 милліоновъ обыкновенныхъ податей, 30 милліоновъ итальянской субсидіи, 48 милліоновъ испанской субсидіи, 52 милліона уплаты за Луизиану.

Но уже XII годъ былъ на исходѣ, ибо теперь было лѣто 1804 года. Надо было подумать о XIII годѣ (съ сентября 1804 по сентябрь 1805 г.), въ которомъ вѣроятно не достанетъ значительнаго капитала испанской субсидіи, предоставленной вполнѣ XII году. Нельзя было по няться безотлагательно изысканіемъ новыхъ источниковъ.

Наполеонъ давно уже былъ убежденъ, что революція, сделавшая старыя средства равнымъ распределеніемъ налоговъ, тѣмъ не менѣе слишкомъ-жесток о поступила съ поземельною собственностью, сдѣлавъ на нее одну бремя государственныхъ повинностей, чрезъ уничтоженіе фе одальныхъ налоговъ. То, что сдѣлала революція, очень-обыкновенно въ времена смутъ. При первыхъ безпорядкахъ, народъ, въ особенности городской, пользуясь обстоятельствами, отказывается платить налоги, которымъ обложены предметы потребленія и главнѣйше горючія вещества, составляющіе одно изъ величайшихъ его наслажденій. Это случилось въ 1803 году, когда народъ не платилъ налоговъ въ продолженіе

более полурода; въ 1815 г., когда Бурбоны обманчивою надеждою отменить налоги списали себя на минуту всеобщую приверженность; наконецъ въ 1789 г., когда первыя народныя движенія были направлены противъ вставъ. Но эти налоги, наиболее ненавидимые населеніемъ герцедовъ, характеризуютъ страны истинно благоденствующія, падаютъ въ сущности болѣе на богатаго, нежели на бѣднаго и наименѣе вѣхъ другихъ вредятъ производительности. Въ восемнадцатомъ столѣтіи утвердился предразсудокъ, оправданный тогда, надо сознаться, на несомнѣнное основаніе: поземельная собственность, сосредоточенная въ рукахъ аристократіи и духовенства, неравно обложенная повинностями, смотря по качеству своихъ владѣльцевъ, была предметомъ несправедливости въ глазахъ людей великодушныхъ, желавшихъ облегчить страданія бѣдныхъ классовъ. Въ эту-то эпоху придумана была теорія единственнаго налога, падаваго исключительно на землю и долженствоваваго покрывать собою все расходы государства. Этимъ способомъ можно было отменить налоги на вино и соль (*les aides, les gabelles*), налоги, по-видимому лежавшіе на однихъ низшихъ классахъ народа. Но такая теорія, великодушная по намѣренію, ложная на дѣлѣ, должна была пасть передъ опытомъ. Съ 1789 г., земля была раздѣлена между тысячею рукъ, обложена равными повинностями; прежнія мѣры были поумѣстны. Надо было подумать, что отъ того страдаетъ важнѣйшій источникъ народнаго богатства — земледѣліе, не въ ущербъ однимъ производителямъ и потребителямъ крѣпкихъ напитковъ. Для всѣхъ было очевидно, что необходимо уравновѣсить доходы съ расходами, если правительство не хочетъ снова впасть въ систему бумажныхъ денегъ и банкротство, и что, для уравниванія доходовъ съ расходами, неизбѣжно разнообразить источники налога, которые безъ того могутъ изсякнуть. Человѣку, возстановившему во Франціи порядокъ, извлечшему изъ хаоса ея финансы чрезъ учрежденіе правильнаго взиманія прямыхъ налоговъ, этому человѣку надлежало довершить свое дѣло открытіемъ снова забытаго источника косвенныхъ налоговъ. Но для этого необходима была огромная власть и сильная энергія. Варный своему характеру, Наполеонъ не устранился, въ то самое время, какъ домогался трона, возстановить, подъ именемъ соединенныхъ сборовъ (*les droits réunis*), самый непопулярный, но самый полезный изъ налоговъ.

Изъ этого источника можно было надѣяться получить въ XIII году отъ 15 до 18 милліоновъ, въ XIV отъ 30 до 40 милліоновъ. На последующіе же годы, трудно было сдѣлать смету этихъ доходовъ, но тѣмъ не менѣе можно было полагать, что они будутъ въ состояніи удовлетворить всѣмъ потребностямъ войны, даже и продолжительной.

Наполеонъ рѣшился безотлагательно выполнить свое громадное предпріятіе. Онъ хотѣлъ переехать проливъ въ іюнѣ или августѣ 1804 г., и еслибъ невѣрующіе, сомнѣвавшіеся въ его намѣреніи, могли бы прочесть его частную корреспонденцію съ морскимъ министромъ, безконечное множество его приказовъ, тайное открытіе шифрованныхъ его архиканцлеру Камбасересу, то они вполне убѣдились бы на счетъ дѣятельности этой необычайной рѣшимости. Вся суда, составлявшія

флотилию, были соединены въ Этапль, Булони, Вьирё и Амблётъ, исключая все-таки тѣхъ, которыя строились между Брестомъ и Байонною, ибо при плаваніи въ родъ каботажнаго, придуманнаго для соединенія судовъ въ порты Ла-Манша, никакимъ образомъ нельзя было обогнуть острова Уэссанъ (*Ouessant*). Но такъ-какъ почти вся суда были построены между Брестомъ и устьемъ Шельды, то и не настояло большою важности въ достававшемъ. Было на чемъ перевезти 120 тысячъ человекъ, которымъ предназначалось переплыть черезъ проливъ на канонерскихъ шлюбкахъ. Остальное войско должно было по-прежнему сѣсть на эскадры брестскую и тексельскую.

Въ Булони было все готово. Чуждая армія съ нетерпѣніемъ ждала прибытія своего только-что коронованнаго вождя. Она горела желаніемъ привѣтствовать его, и идти во слѣдъ ему на поприще новой и неслыханной славы.

Наполеонъ съ неменявшимъ нетерпѣніемъ желалъ лѣвиться посреди армій. Но межъ людей, посвященныхъ въ тайны военнаго искусства, возникъ важный вопросъ, смогутъ ли канонерскія шлюбки, эти *орлиныя скорлупы*, какъ называли ихъ, — противостать англійскому флоту. Адмиралъ Брюй и Верюель, адмиралъ голландской флотилии, питали величайшую увѣренность относительно этихъ шлюбокъ. Оба они обмѣнивались пушечными выстрѣлами съ англійскими фрегатами, выходившими изъ портовъ въ разное время и приобрѣли убѣжденіе, что эти суда очень удовлетворительны для того, чтобъ переплыть черезъ проливъ. Адмиралъ Декрѣ, по характеру склонный противорѣчить всякому, и адмиралу Брюй охотнѣе, нежели кому-либо другому, казалось, думалъ иначе. Вотъ главнѣйшія возраженія, которыя дѣлалъ онъ императору и адмиралу Брюй (*). Безъ сомнѣнія, говорилъ онъ, 24-хъ-фунтовое ядро имѣетъ одну и ту же силу, будетъ ли имъ выстрѣлено съ шлюбки, или съ линейнаго корабля. Оно причиняетъ одинакія разрушенія, и часто большія, будучи брошено съ угла судна, которое легко ускользаетъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, а между-тѣмъ само цѣлитъ напервую. Присоедините къ тому же ружейный огонь, страшный въ близкомъ разстояніи, опасность отъ абордажа, и намъ нельзя будетъ не признать важности канонерскихъ шлюбокъ. Онѣ помѣщаютъ на себя болѣе трехъ тысячъ орудій большаго калибра, т. е. столько же, сколько поднимаетъ

(*) «Частная корреспонденція Декрѣ съ императоромъ», говоритъ Тьеръ «стала секретною, что она вся была ведена имъ собственноручно, существуетъ въ архивахъ Дувра. Она составляетъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ того времени, но-въ корреспонденціи самого императора, и дѣлаетъ равную честь патриотизму этого министра, его разсудку и колкой оригинальности ума его. Въ ней заключаются виды величайшей важности, касательно устройства флота во Франціи: она должна была бы быть читанною безпрестанно моряками и администраціями. Здѣсь-то могъ изучить я эту глубокую концепцію императора, приобрѣсти новое доказательство его необыкновенной предусмотрительности, и убѣдиться въ дѣйствительности его напѣній. Въ одномъ изъ этихъ-то писемъ находится нѣкій адмирала Декрѣ о флотилии, нѣмѣ, о которомъ тогда болѣе дотаживались, ибо Наполеонъ надбавлялъ на всѣхъ мѣстахъ на счетъ сильной и слабой стороны своихъ яданий.»

на себя флотъ изъ тридцати или тридцати-пяти линейныхъ кораблей, флотъ, какой очень-рѣдко бываетъ возможно собрать въ одномъ мѣстѣ. Но гдѣ эти шлюпки показали, что могутъ помѣряться съ большими судами Англичанъ? Въ одномъ только мѣстѣ, и то близъ берега, гдѣ находится множество отмелей, посреди которыхъ эти большія суда были подобны арміи, попавшей въ дефиле и обстрѣливаемой съ высоты неприступныхъ позицій цѣлою тучею меткихъ и неустрашимыхъ стрѣльцовъ. Но, продолжалъ адмиралъ Декрѣ, представьте себѣ эти шлюпки посреди канала, вѣз отмелей и въ присутствіи кораблей, небольшихъ болѣе подойти къ нимъ ближе; предположите, кромѣ того, довольно-сильный вѣтеръ, который для этихъ кораблей облегчитъ, а для вашихъ шлюпокъ затруднитъ маневрированіе: не подвергнутся ли онѣ опасности быть опрокинутыми, потопленными въ большомъ числѣ, гигантами, съ которыми ихъ принудили бы сразиться? — «Потеря будетъ простираться» отвѣчалъ адмиралъ Брюи: «быть-можетъ, судовъ до ста изъ числа двухъ тысячъ; а остальные тысяча-девять-сотъ перевьдутъ же проливъ, что будетъ достаточно для гибели Англіи.» — Да, отвѣчалъ адмиралъ Декрѣ, если только истребленіе этихъ ста судовъ не распространитъ ужаса между остальными тысячею-девятымя, если самое это множество снашихся судовъ не будетъ неизбѣжною причиною сущности, и если морскіе офицеры, сохранявъ свое хладнокровіе, не впадутъ въ замѣшательство, которое могло бы повлечь за собою всеобщую гибель.

И потому допущена была гипотеза, что флотилія воспользуется однимъ изъ двухъ благопріятныхъ случаевъ, представляемыхъ обыкновенно временами года, т. е. или лѣтнею затишью, или зимними туманами. Но, для вывода флотиліи изъ портовъ и для переезда, потребно было около двухъ сутокъ. Въ такой промежутокъ времени, внезапная переменъ атмосферы могла застать флотилію на пути.

Итакъ, возраженія министра Декрѣ были очень-важны. Наполеонъ потерпѣлъ отъ вѣты свои въ своемъ характерѣ, въ своей доверенности къ судьбѣ, въ воспоминаніи о Сен-Бернарѣ и Египтѣ. Онъ говорилъ, что славнѣйшія изъ его операций совершались, не смотря на не менѣе великія препятствія; что надо какъ-можно-менѣе оставлять на произволъ случая, но что все-таки надо предоставлять ему хоть что-нибудь. Однакоже, опровергая возраженія, онъ умѣлъ оцѣнить ихъ. Этотъ человекъ, столь отважный въ своихъ концепціяхъ, при приведеніи ихъ въ исполненіе былъ благоразуменъ въ высшей степени. Для того, чтобы отразить эти возраженія, онъ безпрестанно обдумывалъ планъ, какъ бы, неожиданнымъ маневромъ, ввести въ каналъ большой флотъ. Еслибъ этотъ флотъ, въ-продолженіе только трехъ дней выѣхъ переехъ надъ англійскимъ флотомъ у Дюнкъ, прикрылъ собою переездъ флотиліи, тогда а пали бы всѣ препятствія. Адмиралъ Декрѣ сознавался, что въ такомъ случаѣ онъ не нашелся бы ничего возражать, и что такая победа надъ океаномъ повергла бы Великобританію подъ сокрушительные удары ея соперницы. Еслибъ даже французская эскадра удержала за собою переездъ только въ-теченіе двухъ дней, на что можно было раз-

считывать (ибо англійскій флотъ, блокировавшій Брестъ, не могъ быть извѣщенъ такъ скоро, чтобъ тотчасъ же соединиться съ флотомъ, бывшимъ на сторожѣ передъ Булоныю), то и тогда флотилія имѣла бы время оборотиться нѣсколько разъ и подвезти новыя войска, оставленныя въ лагерь, десять или пятнадцать тысячъ лошадей, ожидавшихъ на берегу Франціи средствъ быть перевезенными, и значительное количество военныхъ припасовъ.

Такіе неслыханные результаты зависѣли, следовательно, отъ внезапнаго появленія флота въ Ла-Маншъ. Для этого необходима была комбинація неожиданная, исполненію которой не могли бы помѣшать Англичане.

Наполеонъ имѣлъ въ Брестѣ флотъ изъ 18 кораблей, число которыхъ вскорѣ должно было возрасти до 21; въ Рошфоръ и Ферроль находились флоты изъ 5 кораблей каждый; одинъ корабль стоялъ въ Кадиксѣ; наконецъ, въ Тулонѣ находилось 8 кораблей, къ которымъ должны были прибавиться еще два. Англійскій адмиралъ Корнуоллисъ блокировалъ Брестъ 15-ю или 18-ю кораблями, Рошфоръ — 5 или 6. Слабая англійская дивизія блокировала Ферроль. Наконецъ, Нельсонъ, съ своею эскадрою, крейсировалъ у Гіерскихъ-Острововъ и сторожилъ Тулонъ. Таково-то было состояніе обоюдныхъ силъ, и таково было поле, представлявшееся комбинаціямъ Наполеона. Мысль его состояла въ томъ, чтобъ искуснымъ, неожиданнымъ маневромъ ввести одинъ изъ французскихъ флотовъ, украдкою отъ Англичанъ, въ Ла-Маншъ, такъ, чтобъ этотъ флотъ сдѣлался на нѣсколько дней господиномъ пролива. Наполеонъ полагалъ, что въ зимнее время этотъ маневръ удобнѣе могъ быть совершенъ брестскимъ флотомъ, которому за то лѣтомъ не было никакой возможности выйти изъ блокады, не вступивъ въ сраженіе. Въ лѣтнее время года, всего легче было выйти изъ Тулона: въ іюнь и іюль вѣселяхъ сильныя вѣтры принуждали Англичанъ укрываться у береговъ Корсики и Сардиніи. Эскадра, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, могла сняться съ якоря при заходѣннѣ солнца, уйти въ ночь съ двадцатью, обмануть Нельсона, взявъ ложное направленіе, и, внушивъ ему опасеніе на счетъ Востока, привлечь его, быть-можетъ, къ мысамъ Нила; ибо, съ-тѣхъ-поръ, какъ Наполеонъ ускользнулъ отъ него въ 1798 г., Нельсонъ былъ постоянно занятъ мыслью, что Французы снова могутъ перебросить армію въ Египетъ, и онъ не хотѣлъ быть обманутъ вторично. Итакъ, Наполеонъ придумалъ ввести тулонскій флотъ отважнѣйшему изъ своихъ адмираловъ, Латуш-Тревиллю, и расположить въ окрестностяхъ лагерь, чтобъ заставить думать о новой экспедиціи въ Египетъ. А между-тѣмъ, эта эскадра, обманувъ Нельсона, должна была, по выйдѣ изъ Гибралтарскаго-Пролива, соединиться съ кораблемъ *Орломъ* (*l'Aigle*), укрывшимся въ Кадиксѣ, и съ французскою рошфорскою дивизіею и, такимъ-образомъ, въ числѣ 16 кораблей, воспользовавшись первымъ попутнымъ вѣтромъ, устремиться въ Ла-Маншъ. Здѣсь предстояло важное затрудненіе: надо было пройти между англійскими судами, крейсировавшими у береговъ Ирландіи, и

«потомъ адмирала Корнуоллиса, блокировавшаго Брестъ. Но эскадра Гантома, бывшая всегда на-готовѣ пуститься въ море, не могла не примѣчь на себя всего вниманія адмирала Корнуоллиса. Если же бы онъ, оставивъ блокаду Бреста, бросился за Латуш-Тревиллемъ, то Гантомъ немедленно вышелъ бы изъ порта, и одинъ изъ двухъ французскихъ флотовъ, а можетъ-быть и оба, могли явиться передъ Було뉴. Почти невозможно было предполагать, чтобъ англійское адмиралтейство угадало такую комбинацію и предохраняло бы себя отъ ней. Столь отдаленный пунктъ отправленія, какъ Тулонъ, наименѣе всего могъ навести на мысль о Ла-Маншѣ. Къ-тому же, вооружая флотилію такъ, чтобъ она могла дѣйствовать самостоятельно, своими собственными средствами, Наполеонъ отклонилъ всякое помысленіе о посторонней помощи и усиливъ бдительность непріятеля. Такимъ-образомъ, все было соображено для успѣха этого ученаго маневра, могшаго прійти на умъ только такому человеку, который составлялъ планы и дѣйствовалъ одинъ, самъ по себѣ, крѣпко хранилъ свою тайну и постоянно имѣлъ предъ собою въ мысляхъ одинъ и тотъ же предметъ (*).

«Кемъ вы», говорилъ Декрѣ императору: «аварте кому великое предпріятіе, те должны сперва увидѣть этого человека, переговорить съ нимъ, и воодушевить его своимъ гениемъ. Это еще необходимо съ нашими морскими офицерами, которые упали духомъ отъ нашихъ пораженій на морѣ, которые всегда готовы умереть героями, но больше думаютъ о томъ, какъ погибнуть съ честью, нежели о томъ, какъ побѣдить». И Наполеонъ призвалъ къ себѣ Латуш-Тревилля, который находился въ Парижѣ, только-что возвратясь съ Сен-Доминго. Этотъ офицеръ не имѣлъ ни ума, ни генія-организатора адмирала Брюй; но, при въношеніи порученія, обнаруживалъ смѣлость, пронырливость, которая, вѣроятно, слѣзла бы изъ него, еслибъ онъ прожилъ долѣе, соперника Нельсону. Онъ не былъ обезкураженъ, подобно прочимъ сподвижникамъ по оружію, и былъ готовъ отважиться на всякій подвѣгъ. Къ-несчастью, онъ вывезъ съ Сен-Доминго зародышъ болѣзни, отъ которой столько храбрыхъ уже погибло или должно было еще умереть. Наполеонъ раскрылъ передъ нимъ свой планъ, далъ указать возможность его исполненія, говорилъ о громадности, несчастныхъ послѣдствіяхъ этого предпріятія, и наконецъ успѣлъ воспламенить адмирала огнемъ собственной души своей. Латуш-Тревилль, прішедшій къ энтузіазму, выѣхалъ изъ Парижа, не оправясь отъ болѣзни; и отправился лично надзирать за снаряженіемъ своей эскадры. Все было рассчитано такъ, чтобъ эта операція могла быть приведена въ дѣйствіе въ іюль мѣсяцѣ, или по-крайней-мѣрѣ въ августѣ.

Адмиралъ Гантомъ, командовавшій въ Тулонѣ до Латуш-Тревилля, былъ назначенъ въ Брестъ. Императоръ надѣялся многого отъ приверженности Гантома и очень любилъ его. Однакожъ онъ не находилъ его

(*) Это планъ Наполеона — въ первоначальномъ своемъ видѣ. Потомъ онъ видоизмѣнился нѣсколько разъ, смотря по обстоятельствамъ.

довольно-сильнымъ и потому не ввѣрилъ ему исполненія своего важнаго маневра; не кромѣ адмирала Брюй, превосходившаго Гантона способностями, кромѣ адмирала Латуш-Трессилла, превосходившаго его отвагою, Наполеонъ предпочиталъ его всѣмъ прочимъ за его опытность и мужество. И потому онъ ввѣрилъ ему брестскую эскадру, вѣроятно предназначавшуюся перебросить войска въ Ирландію, и возложилъ на него пополнить вооруженіе этой эскадры съ тѣмъ, чтобъ она могла дѣйствовать за одно съ тулонскою.

Между-тѣмъ, флотъ далеко не былъ готовъ пустаться въ море, по причинѣ неслыханныхъ усилій, дѣланныхъ на снаряженіе флота. Съ-тѣхъ-поръ, какъ она была готова, всѣ средства морскаго ведомства были обращены на снаряженіе эскадръ. Постройка кораблей шла быстро въ портахъ Антверпена, Шербура, Бреста, Лорьяна, Рошефора, Тулона. Наполеонъ сказалъ, что онъ хотѣлъ въ два года имѣть сто линейныхъ кораблей, и изъ числа ста — двадцать пять въ Антверпенѣ. Онъ понуждалъ своего морскаго министра Декрѣ и не давалъ ему рѣшительно покоя. Онъ отдалъ даже приказаніе производить работы въ Тулонѣ даже ночью, при свѣтѣ факеловъ, за тѣмъ, чтобъ десять кораблей, назначавшіеся для Латуша, послали въ-время. Чувствовался недостатокъ не въ однихъ матеріалахъ и рабочихъ, но и въ матросахъ. Наполеонъ, послѣ многихъ опытовъ, утвердился въ мысли пополнить этотъ недостатокъ молодыми новобранцами сухопутныхъ войскъ. Выбиралась только такіе, которые чувствовали склонность къ морской службѣ. Такихъ-образомъ, удалось увеличить четвертою или пятою частью общую сложность морскихъ экипажей.

Во Франціи считалось тогда 45 тысячъ матросовъ: 15 тысячъ на флотіи, 12 тысячъ въ Брестѣ, отъ 4 до 5 тысячъ въ Лорьянѣ и Рошефорѣ, 4 тысячи въ Ферролѣ и Кадиксѣ, около 8 тысячъ въ Тулонѣ, не считая несколькихъ тысячъ въ Индіи. Съ прибавкою 12 или 15 тысячъ новобранцевъ, число матросовъ простиралось до 60 тысячъ человекъ. На одинъ брестскій флотъ прибавлено было 4 тысячи конскриптовъ. Имъ не могли довольно нахвалиться. Еслибъ такіе эскадры могли нѣкоторое время походить въ море подъ начальствомъ хорошихъ офицеровъ, она могли бы скоро сравниться съ англійскими эскадрами. Но, будучи заперты блокадою въ портахъ, онѣ не имѣли возможности практиковаться на морѣ; къ-тому же, адмиралы не имѣли той самоуверенности, которая пріобрѣтается только побѣдою. Однакоже все шло подъ вліяніемъ мощной воли, старавшейся ободрить тѣхъ, которые утратили уверенность въ свои силы. Адмиралъ Латушъ употреблялъ въ Тулонѣ всевозможныя старанія, чтобъ изготовиться къ июлю или августу мѣсяцу. Адмиралъ Гантомъ выходилъ изъ Бреста и возвращался назадъ, для того, чтобъ хоть сколько-нибудь обучить свои экипажи и держать Англичанъ въ безпрерывномъ недоумѣніи на-счетъ его плановъ. Эти безпрестанныя угрозы выйти изъ порта могли наконецъ довести Англичанъ до того, что они перестали бы вѣрить дѣйствительности его намѣренія, чѣмъ онъ и могъ бы подѣ-часъ воспользоваться.

Наполеонъ заключилъ съ Генуей трактатъ, въ силу котораго эта рес-

публика уступила Франціи свои верфи, для построения на нихъ десяти кораблей и такого же числа фрегатъ. Эта мѣра должна была заставитьъ Англичанъ обращать вниманіе въ одно и то же время и на Тулонъ и на Геную, содержать въ этомъ морѣ двойной противъ прежняго observational флотъ или блокировать только одну изъ портовъ, оставивъ другой свободнымъ. Франція обязалась въ возмездіе за это, принять на свой флотъ генуэзскихъ офицеровъ въ числѣ, пропорціональномъ судамъ, строившимся въ Генуѣ, и давать имъ такое же содержаніе, какъ французскимъ офицерамъ. Кроме того, она обязалась набрать шесть тысячъ генуэзскихъ матросовъ, которыхъ Лигурійская-Республика, съ своей стороны, обязалась содержать всегда въ ея распоряженіи. По заключеніи мира, Франція должна была дать Генуэзцамъ императорскій флагъ, что доставило бы имъ покровительство Франціи, очень полезное противъ Варварійцевъ.

Уладивъ такимъ-образомъ все, Наполеонъ готовъ былъ отправиться въ булонскій лагерь. Но онъ хотѣлъ предъ тѣмъ принять посланниковъ, имѣвшихъ полномочіе вручить ему новыя вѣрительныя грамоты, въ которыхъ онъ былъ чествуемъ титуломъ императора. Нунцій папскій, посланники испанскій и неаполитанскій, министры прусскій, голландскій, датскій, баварскій, саксонскій, баденскій, вюртембергскій, гессенскій, швейцарскій, представились ему въ воскресенье 8 іюля (19 мессидора) съ соблюденіемъ формъ, принятыхъ при всѣхъ дворахъ, и, вручая ему свои грамоты, впервые трактовали его какъ вѣнчаннаго владыку.

Нѣсколько дней спустя, розданы были высшіе знаки почетнаго-легіона. Не смотря на то, что это учрежденіе было утверждено уже два года назадъ, его организація требовала много времени, и едва-только теперь была приведена къ окончанію. Наполеонъ собственноручно роздалъ эти высшіе знаки первѣйшимъ гражданскимъ и военнымъ лицамъ имперіи, въ церкви Дома-Инвалидовъ, этого памятника, къ которому онъ питалъ особенную привязанность. Наполеонъ совершилъ эту раздачу съ большимъ торжествомъ въ день годовщины 14 іюля. Онъ не давалъ еще ордена почетнаго-легіона въ обмѣнъ на иностранные ордена; но, въ ожиданіи этихъ обмѣновъ, которые онъ предполагалъ дѣлать съ тою цѣлю, чтобъ поставить, во всѣхъ отношеніяхъ, свою новую монархію на равную ногу съ другими, онъ подозвалъ къ себѣ, посреди самой церемоніи, кардинала Капрару, и, сплывъ съ себя ленту почетнаго-легіона, отдалъ ее этому старому, почетному кардиналу, который былъ глубоко тронутъ столь бластательнымъ отличіемъ. Такимъ-образомъ, онъ началъ съ представителя папы сопричисленіе къ ордену, который, во смотря на всю свою новизну, долженъ былъ вскоре сдѣлаться предметомъ стремленія всей Европы.

Употребляя всевозможныя старанія дѣлать серьезными вещи по-видимому самыя суетныя, онъ послалъ крестъ старшаго-офицера (*grand-officier*) адмиралу Латуш-Тревилю. «Я назначилъ васъ» писалъ онъ ему: «старшимъ-офицеромъ имперіи, блюстителемъ береговъ Средизем-

«наго-Моря; но очень желаю, чтобъ операція, которую вы готовы предпринять, доставила мнѣ случай возвысить васъ на такую степень почестей, чтобъ вамъ ничего не оставалось желать болѣе... Если мы овладѣемъ проливомъ всего на шесть часовъ, мы будемъ владѣть цѣлою вселенной». (2 іюль 1804 г.)

Сильно-занятый этими обширными планами, императоръ отправился въ Булонь, ввѣривъ архиканцлеру Камбасересу, кромѣ обыкновенной обязанности председательствовать въ государственномъ совѣтѣ и сенатѣ, право дѣйствовать отъ имени верховной власти, еслибъ это было нужно. Архиканцлеръ былъ единственнымъ человекомъ во всей имперіи, къ которому онъ имѣлъ такую неограниченную довѣренность. 20-го іюля, онъ прибылъ въ булонскій портъ, чтобъ осмотрѣть тамъ флотилію, форты и различныя работы, которыя онъ предназначилъ произвести. Двѣ арміи, сухопутная и морская, встрѣтили его единогласными радостными кликами. Девятьсотъ пушечныхъ выстрѣловъ съ фортовъ и судовъ, отгранувъ отъ Калѣ до Дувра, возвестили Англичанамъ о присутствіи человека, который, въ-продолженіе полутора года, столь сильно смущалъ обычное спокойствіе ихъ острова.

Не смотря на то, что море было бурно, Наполеонъ, тотчасъ же по прибытіи своемъ, сѣлъ на шлюпку и отправился осматривать каменные и деревянные форты, предназначенные, какъ мы уже сказали, для прикрытія флотиліи. Онъ приказалъ произвести при себѣ нѣсколько выстрѣловъ, чтобъ удостовѣриться, выполнены ли данныя имъ инструкціи касательно разстояній, на которыхъ должны дѣйствовать выстрѣлы; потомъ выѣхалъ онъ въ открытое море посмотреть, какъ маневрируютъ въ виду англійской эскадры многія дивизіи флотиліи, успѣхи которыхъ адмиралъ Брюй превозносилъ безпрерывно. Наполеонъ возвратился въ восторгѣ, осыпавъ изъявленіями благоволенія начальниковъ обѣихъ армій, которые дѣйствовали подъ его верховнымъ надзоромъ.

На завтра и въ послѣдующіе за тѣмъ дни, объѣхалъ онъ лагери, стоявшіе отъ Этапля до Калѣ; потомъ произвелъ смотръ кавалерійскими полками, расположенными въ нѣкоторомъ разстояніи отъ береговъ, и особенно славной гренадерской дивизіи, устроенной генераломъ Жюно въ окрестностяхъ Арраса. Эта дивизія состояла изъ отрядовъ гренадеръ, выбранныхъ молодецъ къ молодцу изъ полковъ, назначавшихся въ экспедицію. Она была даже гораздо-лучше самой консульской гвардіи, сдѣлавшейся гвардіею императорскою. Дивизію эту составляли десять батальоновъ, каждый въ 800 человекъ. Съ этихъ гренадеровъ начато было преобразование въ обмундированіи. Они носили шаки (*schakos*) вмѣсто шляпъ; волосы остриженные и безъ пудры, вмѣсто прежней прически, хлопотливой для солдата и неопрятной. Эту-то отборную восьмьдесятую дивизію хотѣлъ Наполеонъ высадить первую на берегъ Англіи, перевезши ее на легкихъ пенншахъ, выше нами описанныхъ. Смотря на выправку этихъ гренадеровъ, на ихъ дисциплину и энтузіазмъ, Наполеонъ чувствовалъ, какъ удваивалась его увѣренность въ успѣхъ предпріятія, и былъ увѣренъ, что завоюетъ въ Лондонѣ скипетръ владычества надъ сушею и морями.

Въ первыхъ числахъ августа, императоръ увидалъ, что элетиин не можетъ подготовиться къ выступленію до сентября мѣсяца, и потому приказалъ сказать адмиралу Латуше, что отлагаетъ экспедицію на мѣсяць. Онъ утѣшался въ такомъ замедленіи, полагая, что этотъ мѣсяць будетъ употребленъ на усовершенствованіе приготовленій, и что долгія сентябрскія ночи будутъ удобны для приведенія въ исполненіе его предпріятія.

Въ ожиданіи, онъ хотѣлъ дать арміи большое празднество, которое способно было бы возвысить нравственное состояніе войскъ, если только оно могло быть еще болѣе возвышено. Онъ решилъ уже высшіе знаки почетнаго-легіона знатнѣйшимъ лицамъ имперіи; въ царствѣ Дома-Имвалдовъ, въ годовщину 14 іюля. Онъ приказалъ раздать собственноручно войску кресты, долженствовавшіе замѣнить отмененное имъ почетное оружіе, и совершить съ торжествомъ эту церемонію въ день своего рожденія, на самомъ берегу океана, въ присутствіи англійскихъ вѣскарь. Результатъ соответствовалъ его желанію; и современники хранили долгое воспоминаніе объ этомъ великолѣпномъ зрѣлищѣ.

Онъ приказалъ избрать мѣсто, лежавшее вправо отъ Булона, вдали моря, неподалеку отъ колонны, воздвигнутой здѣсь въ-послѣдствіи. Это мѣстоположеніе, имѣвшее форму полу-круглаго амфитеатра, какъ-бы съ намѣреніемъ построеннаго на самомъ берегу, казалось, самою природою было предназначено для какого-нибудь великаго національнаго зрѣлища. Здѣсь могла помѣститься цѣлая армія. Въ центрѣ амфитеатра, былъ воздвигнутъ для императора тронъ, обращенный заднею спиною къ морю, а переднею къ твердой землѣ. Справа и слева устроены были ступени для помѣщенія высшихъ сановниковъ, министровъ, маршаловъ. По обѣ стороны трона должны были развернуться отряды императорской гвардіи. Насупротивъ, на наклоненномъ помостѣ этого природнаго амфитеатра, должны были размѣститься, подобно тому, какъ некогда стоялъ народъ римскій на своихъ обширныхъ аренахъ, разные корпуса арміи, сомкнутые въ колонны и расположенные разнѣ, сходящимися къ трону императора, какъ къ центру. Во главѣ каждой изъ этихъ колоннъ должна была находиться пѣхота, позади кавалерія.

16 августа, на другой день послѣ дня св. Наполеона, войска явились на это празднество, посреди несметнаго стеченія народа, пришедшаго изъ всѣхъ сосѣднихъ провинцій посмотреть на это зрѣлище. Сто тысячъ челоѣкъ, почти все ветераны республики, впервые очи въ Наполеона, ждали награды за свои доблестные подвиги. Солдаты и офицеры, долженствовавшіе получить кресты, вышли изъ рядовъ и приближались къ подножію императорскаго трона. Наполеонъ, стоя, пречелъ имъ форму присяги на почетный-легіонъ, немогъ возъимать, при звукѣ трубъ и громѣ орудій, отвѣтствовали: Клянемся! за тѣмъ, одинъ въ-слѣдъ за другимъ, подходили, въ-продолженіе нѣсколькихъ часовъ, за полученіемъ ордена, который долженъ былъ замѣнить прежнее правое дворянство.

Это величественное зрелище сильно подавляло на сердца всѣхъ присутствовавшихъ; непредвидѣнное обстоятельство придаю ему еще болѣе важности. Одна изъ дивизій флота, недавно вышедшая изъ Гавра, вступала въ эту минуту въ Булонь, въ бурную погоду, обстрѣливаясь сильною канонадою съ Англичанами. По-временамъ, Наполеонъ вставалъ съ трона, вооружался зрительною трубою и смотрѣлъ, какъ дѣйствовали его сухопутные и морскіе солдаты лицомъ-къ-лицу съ непріателемъ.

Такія сцены должны были сильно беспокоить Англію. Британскіе журналы, исполненные оскорбительныхъ и дерзкихъ выходокъ, глумились надъ Наполеономъ и его приготовленіями, и походили на писанинника, который трепещетъ предъ тѣмъ, надъ чѣмъ онъ по-видимому смѣется. На самомъ дѣлѣ, всюду царствовало всеобщее, глубокое безпокойство. Громадныя приготовленія для обороны Англіи смущали все государство и не успокаивали вовсе людей, страдающихъ въ военномъ дѣлѣ. Георгъ III увидалъ наконецъ необходимость вручить бразды правленія знаменитому и всемогущему Питту. Питтъ, вступивъ въ кабинетъ, не ввелъ туда за собою своихъ старыхъ друзей Уиндгэма и Гренвилля, ни своего недавняго товарища, Фокса. Его укоряли за эту двѣйственную нечестность, которую истолковывали очень-различно. Впрочемъ всего, что самъ онъ не хотѣлъ имѣть въ министерствѣ Уиндгэма и Гренвилля, какъ слишкомъ-отчаянныхъ торі, и что король, съ своей стороны, не хотѣлъ Фокса, какъ слишкомъ-отъявленнаго вигъ. Питта укоряли за то, что онъ не употребилъ при этомъ случаѣ надлежащаго старанія для побѣжденія упорства Георга III. При этихъ обстоятельствахъ, угрожавшихъ государству, казалось, все желали, чтобы оба величайшіе таланта Англіи соединились для приданія правительству болѣе сильной и могущественной.

Однакожь, Питтъ имѣлъ такое вліяніе на умы, пользовался извѣстнаго на такую всеобщую довѣрчивость, что и одинъ могъ возстановить власть. По вступленіи въ министерство, онъ немедленно потребовалъ 60 милліоновъ, какъ полагали, для составленія новыхъ коалицій.

Такія-то событія совершались въ Англіи тѣмъ временемъ, какъ Наполеонъ возлагалъ на главу свою императорскую корону, и, перенесая въ Булонь, располагалъ перешагнуть чрезъ преграду Океана.

Наполеонъ былъ довольно равнодушенъ къ тому, что дѣлалось по ту сторону пролива. Всенныя приготовленія Англичанъ вызывали на уста его улыбку, гораздо-чистосердечнѣйшую того смѣха, которымъ смѣялись англійскіе журналисты при видѣ его шлюбокъ. Онъ молилъ только объ одномъ, — имѣть флотъ въ Ла-Маншѣ въ-продолженіе двухъ сутокъ, и бралъ на себя раздѣлиться со всѣми арміями, собранными между Дувромъ и Лондономъ. Переманы въ англійскомъ министерствѣ сильно тронули бы его только въ такомъ случаѣ, еслибъ къ кормилу правленія былъ допущенъ Фоксъ. Вѣра чистосердечности этого государственнаго чловѣка, его расположенію къ Франціи, онъ былъ бы увлеченъ отъ идеи объ ожесточенной войнѣ къ идеѣ мирнымъ, и даже къ мысли о союзѣ съ Англіей. Но появленіе Питта у кормила прав-

ловія, напротивъ, еще болѣе убѣждало его въ томъ, что надо было покончить дѣло какимъ-нибудь отважнымъ, отчаяннымъ предпріятіемъ, которое бы рѣшило судьбу обѣихъ націй. Наполеонъ, съ обыкновенною своею пронацѣтальностію, видѣлъ уже начало коалиціи въ Европѣ; онъ вѣсилъ Талейрану за его легковѣрность и говорилъ, что при ближайшемъ сомнѣніи на счетъ расположеній материка, онъ бросится не на Англію, но на ту изъ державъ, которая возбудитъ его безпокойство; ибо, какъ говорилъ онъ, онъ не такъ глупъ, что перейдетъ чрезъ Ла-Маншъ, не будучи вполне обезпеченъ со стороны Рейна. Внезапное несчастіе заставило его по-неволѣ отложить на нѣсколько мѣсяцевъ выполненіе плановъ на-счетъ высадки.

Храбрый и несчастный Латуш-Тревиаль, страдаемый болѣзнію по вполнѣ излеченною и горячностію, съ которою не умѣлъ совладать, скончался 20 августа, въ тулонскомъ портѣ, наканунѣ предъ выходомъ въ море. Наполеонъ свѣдалъ объ этомъ плачевномъ событіи въ Булонѣ, въ первыхъ числахъ августа 1804 года, въ то самое время, когда, наготоваясь къ посадкѣ на суда, онъ ощущалъ однако какія-то предчувствія касательно европейской коалиціи. Тулонскій флотъ потерялъ своего командира; поневоля надо было отложить экспедицію въ Англію, ибо избрать новаго адмирала, назначить его; отправить, дать ему время ознакомиться съ своею эскадрою, все это требовало болѣе мѣсяца времени. Но уже августъ былъ въ исходѣ; значить, изъ Тулона эскадра могла отправиться не ранѣе, какъ въ октябрь, и уже въ ноябрѣ прибыть въ Ла-Маншъ. Кампанія дѣлалась змѣною, и потому надо было придумать новыя планы.

Адмиралъ Декрѣ, по порученію Наполеона, призвалъ къ себѣ адмираловъ Вильиѣва и Миссиссески и предложилъ первому изъ нихъ начальство надъ тулонскою эскадрою, а второму надъ рошфорскою, которая должна была остаться безъ командира по перемѣненіи Вильиѣва. Адмиралъ Вильиѣвъ, имя котораго окружено несчастною извѣстностію, былъ человекъ умный, храбрый, зналъ свое дѣло практически, но не имѣлъ ни малѣйшей твердости характера. Въ высшей степени доступный впечатлѣніямъ, онъ способенъ былъ безмѣрно преувеличить затруднительность своего положенія и впасть въ совершенное уныніе. Адмиралъ Миссиссески, менѣе искусный, но болѣе хладнокровный, былъ мало способенъ къ высокимъ порывамъ, но за то также мало способенъ былъ и допустить себя впасть въ уныніе. Адмиралъ Декрѣ призвалъ ихъ обоихъ, пыталъ побудить въ нихъ деморализацію, овладѣвшую не матросами и офицерами, которые всѣ исполнены были благороднаго рвенія, а командиранъ французскихъ флотовъ, которымъ предстояло терять въ битвахъ то, чѣмъ они дорожили болѣе самой жизни, т. е. заслуженное имя. Наконецъ, Декрѣ удалось склонить и Миссиссески и Вильиѣва на принятіе его предложеній. Декрѣ пыталъ къ Вильиѣву дружбу, которая началась еще съ первыхъ годовъ ихъ дѣтства. Онъ открылъ ему тайну императора, и, раскрывъ предъ нимъ важное назначеніе тулонской эскадры, воспламенилъ его фантазію. Плачевная попытка старой дружбы! Эта минутная восторженность должна была сдаться въ ду-

для Вильнёва роковымъ урочіємъ и повлечь за собою для французскаго флота самую кровавую невзгоду.

Наполеонъ, глубоко знавшій людей, вовсе не предполагалъ, чтобъ Вильнёвъ могъ заманить адмирала Латуша, сбить его. Постоянно думая о своемъ планѣ, онъ снова видоизменялъ его и еще более расширялъ, въ-сладствіе приключившихся обстоятельствъ. Зима ослабила брестскій флотъ отъ непрерывной блокады. Хотя Гантомъ славился въ 1801 г., однако онъ показалъ, во многихъ случаяхъ, нужноту и приверженность, и Наполеонъ хотѣлъ теперь вернуть ему выполнение блистательной и трудной части плана. Онъ отложивъ экспедицію до послѣ 18 брюмера (9 ноября), эпохи, назначенной для перемѣны вѣрованій, и рѣшился приказати Гантому выйти въ это жестокое время года, съ 15 или 18 тысячами, предназначенными въ Ирландію; потому, когда этотъ адмиралъ высаждалъ бы ихъ въ одномъ изъ доступныхъ пунктовъ этого острова, онъ хотѣлъ повернуть его эскадру вдругъ въ Ла-Маншъ, для прикрытія флотилии во время ея переезда чрезъ проливы. По этому видоизмѣненному плану, адмиралы Миссіесси и Вильнёвъ должны были выполнить совершенно иную роль, нежели когда предложена была на эскадры тулонскую и рошфорскую, при жизни Латуш-Тревиза. Адмиралъ Вильнёвъ, по выходе изъ Тулона, долженъ былъ отправиться въ Америку, отвоевать Суринамъ и голландскія колоніи въ Гвіанѣ. Одна изъ дивизій эскадры Вильнёва должна была въ походомъ взять Островъ-Св.-Елены. Адмиралъ Миссіесси получилъ приказаніе высадить на французскіе Антильскіе - Острова подкрѣпленіе въ 3 или 4 тысячи человекъ и за тѣмъ опустошить англійскіе Антильскіе Острова, напавъ на нихъ врасплохъ. Оба адмирала, соединясь потомъ, чтобъ вмѣстѣ возвратиться въ Европу, должны были, въ депаршеіи своихъ подданныхъ, освободить отъ блокады эскадру въ Ферроль и войти въ Рошфоръ въ числѣ 20 кораблей. Имъ приказано было отправиться прежде Гантома, за тѣмъ, чтобъ Англичане, навѣщенные оба ихъ отплытіемъ, погнались за ними. Наполеонъ хотѣлъ, чтобъ Вильнёвъ отправился изъ Тулона 12 октября, Миссіесси изъ Рошфора 1 ноября, Гантомъ изъ Бреста 22 декабря 1804 г. Онъ повелѣлъ навстрѣчу, въ 20 кораблей Вильнёва и Миссіесси уйдуть изъ саронейскихъ портовъ по-крайней-мѣрѣ 30 кораблей; потому-что Англичане, видя возможное нападеніе на всѣхъ пунктахъ, безъ сомнѣнія немоу захватить открытыя непріятеля. Въ такомъ случаѣ, вѣроятно, адмиралъ Гантомъ могъ бы въ свободѣ выполнить возложенную на него операцію, т. е. востановить Ирландію, идти передъ Булонь, или обогнувъ Шотландію, или отправясь прямо изъ Ирландіи въ Ла-Маншъ.

Всѣ эти приказанія даны были Наполеономъ изъ самой Булоны, гдѣ онъ вынужденъ тогда свое мѣстопробываніе. Наполеонъ хотѣлъ возобновиться временемъ, остававшимся до зимы, и уяснить свои отношенія къ государствамъ твердой земли. Ведя ежедневную корреспонденцію съ Талейраномъ, онъ предписывалъ ему, какъ должно было поступать въ отношеніи дипломатическомъ для достиженія этой цѣли.

Русскій уполномоченный въ Парижѣ, Убри, не получивъ отъ французовъ

скаго кабинета удовлетворительнаго отвѣта на счетъ занятія Неаполя, невознагражденія короля пьемонтскаго и вторженія въ Ганноверъ, — согласно даннымъ ему инструкціямъ, потребовалъ себя паспорта, присовокупивъ, что его отъѣздъ служить только къ прерванію дипломатическихъ сношеній, а не означаетъ объявленія войны, и что французскій кабинетъ своими послѣдующими поступками рѣшить, должна ли война послѣдовать за этимъ прекращеніемъ дипломатическихъ сношеній. Вслѣдъ за отъездомъ Убри, отозванъ былъ изъ Петербурга французскій уполномоченный Рэнваль.

По мнѣнію Наполеона, вся политика материка зависѣла теперь отъ Австріи. И потому онъ рѣшился вынудить исполнѣе расположеніе вѣнскаго кабинета, прежде, нежели предается выполненію своихъ предпріятій на морѣ. Онъ потребовалъ отъ Австріи безотлагательнаго признанія за нимъ титула императорскаго. Имя намѣреніе посѣтить берега Рейна, Наполеонъ долженъ былъ вскорѣ быть въ Ахенъ; онъ требовалъ, чтобъ Кобенцель явился къ нему съ поздравленіемъ и вручить ему свои вѣрительныя грамоты въ томъ самомъ городѣ, гдѣ германскіе императоры короновались обыкновенно короною Карла-Великаго. Онъ объявлялъ, что если не получитъ удовлетворенія въ этомъ отношеніи, то никто не будетъ посланъ въ Вѣну въ преемники Шампаньи, назначенному министромъ внутреннихъ дѣлъ вмѣсто Шантала, который былъ сдѣланъ сенаторомъ, и присовокупилъ, что отозваніе посланниковъ, между двумя столь-сосѣдственными націями, каковы Франція и Австрія, не пройдетъ даромъ.

Послѣ такихъ дѣлъ, Наполеонъ уѣхалъ изъ Булоня, гдѣ провелъ подтора мѣсяца, и отправился въ рейнскіе департаменты. До отбытія, онъ много случаевъ былъ очевидцемъ битвы флота съ англійскою дивизіею. 26 августа (8 фрuctидора XII г.), въ два часа по полудни, онъ находился на рейдѣ, обозрѣвая на своей лодкѣ стоявшія на якорѣ суда, которыя были въ числѣ ста-пятидесяти или двухсотъ шлюбокъ и пенншей. Англійская эскадра, стоявшая въ открытомъ морѣ, заключала въ себя два корабля, два фрегата, семь корветтъ, шесть бриговъ, два люгера и одинъ кутерь, всего двадцать судовъ. Одна изъ корветтъ, отдалась отъ непріятельской дивизіи, подошла къ французскимъ судамъ. Тогда адмиралъ далъ приказаніе первой дивизіи канонерскихъ шлюбокъ, подъ начальствомъ капитана Лерѣ, сняться съ якоря и броситься всею массою на корветту; это было выполнено, и корветта тотчасъ же принуждена была удалиться. Видя это, Англичане отрядили фрегатъ, нѣсколько корветтъ, бриговъ и кутерь, для воспрепятствованія канонерскимъ шлюбкамъ отступить и стать въ прежнее положеніе. Императоръ, находившійся въ своей лодкѣ, вмѣстѣ съ адмираломъ Брюй, военнымъ и морскимъ министрами и многими маршалами, въѣхалъ въ среднюю шлюбокъ, бывшихъ въ дѣлѣ, и, чтобъ подать имъ примѣръ, приказалъ грести прямо на фрегатъ, близившійся на всѣхъ парусахъ. Ему было извѣстно, что солдаты и моряки, дивившіеся его отвагѣ на сухомъ пути, спрашивали иногда другъ друга, будетъ ли онъ также отваженъ и на морѣ. Онъ хотѣлъ показать имъ примѣръ своего муже-

ства и приучить ихъ ставить ни во что большія непріятельскія суда. Онъ приказалъ гребцамъ своимъ, далеко оставивъ позади французскую линію выхаты какъ-можно-ближе къ фрегату. Фрегатъ, видя лодку съ императорскимъ флагомъ, и, можетъ-быть, усомнясь, чтобъ она имѣла на себя столь-драгоценный грузъ, приостановилъ стрѣльбу. Морской министръ, боясь за императора послѣдствій такой отчаянной выходки, хотѣлъ броситься къ рулю и поворотить лодку; но Наполеонъ повелительнымъ жестомъ останавливалъ движеніе министра, и лодка по-прежнему продолжала приближаться къ фрегату. Въ зрительную трубу разсматривалъ онъ фрегатъ, который вдругъ далъ залпъ и осыпалъ градомъ ядеръ лодку, везшую *Цезаря* и судьбу ея. Никто не былъ раненъ. Вся французскія суда, свидѣтели этой сцены, приблизились со всевозможною быстротою, чтобъ выдержать огонь и прикрыть собою лодку императора. На помощь подошла другая дивизія канонерскихъ шлюбокъ, подъ начальствомъ капитана Певрьё. Вскорѣ англійскій фрегатъ, пострадавшій сильно, принужденъ былъ уйти въ открытое море. Вслѣдъ за нимъ отступили и корветты, потерпѣвшія значительныя аваріи, а куттеръ, прострѣленный какъ рѣшето, пошелъ ко дну въ глазахъ Французовъ.

Наполеонъ ушелъ изъ Булони, восхищенный битвою, которой былъ очевидцемъ, тѣмъ болѣе, что онъ получалъ секретныя донесенія изъ Англіи на-счетъ матеріальныхъ потерь и моральнаго эффекта, произведенныхъ этою схваткою.

Онъ проехалъ чрезъ Бельгію, посѣтилъ Монсъ, Валансьеннъ, и прибылъ 3 сентября въ Ахенъ. Императрица, пользовавшаяся пломбьерскими водами, во время пребыванія Наполеона на берегу океана, пріѣхала сюда, чтобъ присутствовать на празднествахъ, готовившихся въ рейнскихъ провинціяхъ. Здѣсь находились также Талейранъ, многіе высшіе сановники и министры. Кобентцель не замедлилъ явиться въ назначенное ему мѣсто. Императоръ Францъ, чувствуя, что ему неудобно будетъ отлагать дѣло долѣе, принялъ, 10 августа, съ торжественною церемоніею, признавъ за его домоу императорскій титулъ и назвався избраннымъ императоромъ германскимъ, *наслѣдственнымъ* императоромъ австрійскимъ, королемъ богемскимъ и венгерскимъ, эрцгерцогомъ австрійскимъ, герцогомъ штирійскимъ и пр. Вслѣдъ за тѣмъ далъ онъ приказаніе Кобентцелю отправиться въ Ахенъ, для врученія тамъ императору Наполеону взыскательныхъ грамотъ.

Императоръ Французовъ принялъ Кобентцеля навлучшимъ образомъ. Визитъ съ Кобентцелемъ представлялись: Суза, явившійся съ признаніемъ императорскаго титула со стороны Португаліи, баронъ де-Ферреттъ, съ признаніемъ со стороны мальтійскаго-ордена, и множество иностранныхъ министровъ, которые, зная, какъ пріятно будетъ присутствіе ихъ въ Ахенъ, сами просили позволенія пріѣхать туда. Такимъ-образомъ въ Ахенъ съѣхалось все, что было самаго блистательнаго; всюду замѣтна была роскошь, торжественность. Во всемъ очевидно было намѣреніе пробудить воспоминанія о Карлѣ-Великомъ. Наполеонъ сходилъ въ склепъ, гдѣ погребенъ великій человекъ среднихъ вѣковъ, съ

любопытством осматривалъ его останки и щедро осыпалъ дарами духовенство. После празднествъ, онъ снова предался своимъ серьёзнымъ занятіямъ и объѣхалъ всю страну между Маасомъ и Рейномъ, Юлихъ, Венлоо, Кёльнъ, Кобленцъ, осматривалъ и дороги и укрѣпленія, всюду вѣривалъ проекты своихъ инженеровъ съ свойственнымъ только ему вѣрностью взгляда и глубокимъ знаніемъ дѣла, и далъ приказаніе произвести новыя работы, долженствовавшія оградить неодолимымъ оялотоу эту часть границъ Рейна.

Въ Майнцѣ, куда онъ прибылъ въ концѣ сентября (въ началѣ XII г.), ждали его новыя торжества. Сюда прибыли лично поздравить и привѣтствовать его все германскіе государи, которыхъ владѣнія находились въ окрестностяхъ и которые находили для себя выгоднымъ сохранять благорасположеніе своего мощнаго сосѣда. Князь-архиканцлеръ, одолженный Франціи сохраненіемъ своего титула и своего богатаго достоинства, хотѣлъ привѣтствовать Наполеона въ Майнцѣ, своей прежней столицей. Выѣзъ съ нимъ представился принцы дома гессенскаго, герцогъ и герцогиня баварскіе, почтенный курфюрстъ баденскій, старѣйшіе латини изъ всехъ государей Европы, прибывшіе съ своимъ сыномъ и внукомъ. Эти и другія лица, пріѣзжавшія въ Майнцъ одни всладъ за другими, были принимаемы съ великолюбіемъ, далеко-превосходившимъ все, что они могли бы найти въ Вѣнѣ.

Ахенскія увеселенія возобновились въ Майнцѣ: Французы и Нѣмцы стеклись отсюда посмотреть вблизи на зрѣлище, въ настоящую минуту возбуждавшее любопытство цѣлой Европы. Наполеонъ пригласилъ на празднества по случаю своей коронаціи большую часть посѣтившихъ его принцевъ. Посреди этого шума, ежедневно утромъ, освободясь отъ суеты дворской жизни, онъ осматривалъ берега Рейна, изслѣдовалъ въ малѣйшихъ подробностяхъ мѣстоположеніе Майнца, который онъ считалъ важнѣйшимъ пунктомъ на твердой землѣ, не столько по его укрѣпленіямъ, сколько по его положенію на берегу славной рѣки, вдоль которой Европа борется съ Франціею въ-продолженіе десяти вѣковъ. Онъ отдавалъ приказаніе произвести работы, долженствовавшія укрѣпить это мѣсто настоящимъ образомъ. Взглянувъ на положеніе этого города внушилъ ему одну изъ полезнѣйшихъ предосторожностей, о которой никто, кромѣ его, и не подумалъ бы. Въ силу послѣднихъ трактатовъ, должны были быть срыты форты Кассель и Кель. Первый составляетъ предместье (*le débouché*) Майнца, а второй — предместье Страсбурга, и оба лежатъ на правомъ берегу Рейна: эти предместья мостами соединяются съ своими городами. И потому Майнцъ и Страсбургъ очевидно теряли много безъ этихъ пунктовъ, служившихъ имъ въ одно и то же время и средствомъ къ защитѣ и средствомъ къ переходу на другой берегъ. Наполеонъ предписалъ заготовить лѣса и всякіе материалы, необходимыя для визацнаго произведенія работъ, и пятнадцать тысячъ лопатъ и заступовъ, для того, чтобъ восемь или десять тысячъ работниковъ могли въ двадцать-четыре часа возстановить на другомъ берегу рѣки разрушенныя постройки. Одинъ недостатокъ орудій для работъ, писалъ онъ инженерамъ, заставитъ васъ потерять не-

Т. XLVI. — Отд. II.

дѣлю времени. Онъ утвердилъ даже всѣ планы, за тѣмъ, чтобы, по телеграфическому приказу, работы могли быть тотчасъ же начаты.

Продливъ свое местопребываніе въ Майнцѣ и въ довыхъ департаментахъ на все время, необходимое для его предначертаній, Наполеонъ отправился въ Парижъ, посѣтилъ мимоходомъ Люксембургъ и прибылъ въ Сен-Клу 12 октября 1804 г. (20 вандемьера XIII г.).

Онъ питался минутною надеждою представить Франціи и Европѣ необычайное зрѣлище, перѣхавъ черезъ проливъ Кала съ сто-двѣдцатью тысячами челоуѣкъ и возвратясь въ Парижъ владыкою имперіи. Провиданіе, сохранившее ему на долю столько славы, не допустило его придать такой блескъ своему коронованію. Ему оставалось другое средство ослабить умы, заставить папу сойти на время съ своего престола священническаго трона и прибыть въ Парижъ для благословенія его скипетра и короны. Онъ не сомнѣвался успѣть одержать эту моральную побѣду надъ врагами Франціи. Все готовилось для его коронаціи, на которую приглашены были главнѣйшія власти имперіи, многочисленныя депутаціи отъ армій сухопутной и морской, и множество иностранныхъ принцевъ. Тысячи рабочихъ трудились надъ приготовленіями къ церемоніи въ базилекѣ Божьей-Матери. Молва о скоромъ пріѣздѣ папы не могла не разнестись повсюду; восторгъ былъ всеобщій; народъ набожный радовался такому извѣстію; эмиграція была глубоко опечалена; Европа исполнилась изумленія и зависти. Надлежащій вопросъ подвергнуть былъ обсужденію тамъ, гдѣ обсуждались всѣ дѣла, т. е. въ государственномъ - совѣтѣ. Въ отвѣтъ на предложеніе членовъ совѣта, Наполеонъ изложилъ всѣ выгоды отъ присутствія папы при такомъ торжественномъ случаѣ, говорилъ о benefits, которыя произведетъ оно на людей религіозныхъ и на весь свѣтъ, о счастіи, которую придастъ оно новому порядку вещей, и утверждалъ, что къ этому времени нѣчего бояться притязаній какого-нибудь Григорія VII. Заключеніе всего, «Господи!» воскликнулъ онъ, «вы разсуждаете въ Парижѣ, въ Тюльери: представьте себѣ, что вы разсуждаете въ Лондонѣ, въ британскомъ кабинетѣ, что вы, словомъ, министры англійскаго, и до васъ дошелъ слухъ, что папа переезжаетъ въ Парижъ минутой черезъ Альпы для помазанія на царство императора Французскаго; сочли ли бы вы это торжествомъ для Англіи, или для Франціи? При этомъ вопросѣ, всѣ смолкли и путешествіе папы въ Парижъ встрѣтило болѣе возраженій.

Но согласиться на это путешествіе не значило уладить все; надо было получить согласіе отъ римскаго двора: обстоятельство это было не-затруднительно. Для того, чтобы успѣть, необходимо было употребить большое искусство, соединить немало твердости съ проницательностью французскій посланникъ, кардиналъ Фешъ, при раздражительности и жестокости его характера, при своей жестокой гордости, былъ къ тому гораздо менѣе способенъ своего предшественника, Како. Здесь представился удобный случай познакомиться съ этимъ лицомъ, игравшимъ важную роль въ дѣлахъ церкви и имперіи. Кардиналъ Фешъ, тучный, толстый, невысокій ростомъ, челоуѣкъ ума, оградившаго себя отъ всякаго

тестолюбивый, амбициозный, но твердый на своемъ, былъ предназначенъ судьбою сдѣлаться важнымъ препятствіемъ для Наполеона. Во время терроризма, онъ, подобно многимъ духовнымъ, сбросилъ съ себя знамя своего сана, а вмѣстѣ съ знаками и обаты священства. Онъ сдѣлался военнымъ коммиссаромъ при итальянской арміи, и, посмотрѣвъ на него тогда, никто не сказалъ бы, что это былъ прежній служитель Божій. Но когда Наполеонъ возвращалъ духовенство къ восстановленнымъ алтарямъ, тогда и кардиналъ Фешъ сталъ подумывать, какъ бы возвратиться въ прежнее свое званіе и достать себя мѣстечко, которое онъ могъ надѣяться получать по своимъ могущественнымъ родственнымъ связямъ. Наполеонъ не хотѣлъ иначе допустить его снова въ духовное званіе, какъ съ условіемъ, чтобы онъ перемѣнилъ свое поведеніе; и аббатъ Фешъ, съ радкою силою воли, тотчасъ же измѣнивъ свои нравы, началъ вести примѣрную жизнь. Сдѣлавшись архіепископомъ монсеньи, воздвѣвъ на себя кардинальскую шляпу, онъ тотчасъ же показывалъ себя несорочю Наполеону, но скорѣе его антагонистомъ въ дѣлахъ церкви; и можно было уже видѣть, что онъ имѣлъ притязаніе заставить некогда своего племянника, которому былъ обязанъ всѣмъ, имѣть дѣло съ дядею, нашедшимъ себя поддержку въ тайномъ нерасположеніи духовенства.

Наполеонъ съ огорченіемъ говорилъ объ этой новой семейной неблагополучности съ мудрымъ Порталисомъ, который далъ ему совѣтъ избавиться отъ этого дяди, отправивъ его въ Римъ посланникомъ. «Ему будетъ тамъ» говорилъ Порталисъ «довольно дѣла съ гордостью, предубѣдками римскаго двора, и онъ употребитъ недостатки своего характера вѣсть на пользу, вмѣсто того, чтобы употреблять ихъ вѣсть во вредъ.» Но этой-то причинѣ, а не за тѣмъ, чтобы сдѣлать его современемъ папою, какъ разглашали выдумщики ложныхъ слуховъ, — аккредитовалъ Наполеонъ кардинала Феша при римскомъ дворѣ. Никакой папа не былъ бы для него болѣе-непріятель, болѣе-опасенъ.

Такова-то была особа, долженствовавшая вступить въ переговоры относительно путешествія Піа VII въ Парижъ.

Піа VII, узнавъ отъ кардинала Капрары о желаніяхъ Наполеона, былъ облитъ и долго вѣлаетъ самыми противоположными чувствованіями. Онъ понималъ, что теперь представлялся случай оказать новыя услуги церкви; можетъ-быть даже возвратитъ ей богатые провинціи, вѣнценныя иль отчины св. Петра. Но за то сколько надо было преодолѣть затрудненій, какимъ предстояло подвергнуться пересудамъ въ Европѣ! Сильно неудовольствій посреди этой революціонерной столицы, зараженной духомъ философовъ, наполненной еще ихъ послѣдователями и возмущенной народомъ самымъ пылкимъ въ мірѣ! Вся эта перспектива въ будущемъ сильно подѣйствовала на чувствительную и раздражительную душу первосвященника и значительно разстроила его здоровье. Кто министръ, кто наперсникъ, кардиналъ, государственный-секретарь Монсеньи сдѣлался тотчасъ же повзрѣвшимъ чувствованій, возмущенной души владыки церкви. Оба они страшились, что скажетъ свѣтъ объ этой-то сдѣлкахъ позаненнаго государя, этого вохитителя престола,

какъ честила Наполеона партія роялистовъ; они опасались негодованія дворовъ, въ-особенности негодованія вѣнскаго двора, который съ смертельнымъ неудовольствіемъ смотрѣлъ на возвышеніе новаго императора Запада. Они боялись, что во Франціи неожиданно потребуютъ отъ папы, относительно религіи, чего-нибудь неудобовыполнимаго, въ чемъ отказать ему трудно было бы, и въ Римѣ, а еще труднѣе будетъ въ Парижѣ, и что это повлечетъ за собою непріятную, можетъ-быть, громогласную ссору. Они не доходили до того, чтобъ допустить какое-нибудь насиліе въ родѣ задержанія Пія VI въ Валазисъ; но смутно представляли себѣ страшныя и ужасныя сцены. Правда, что кардиналъ Консальви, бывшій въ Парижѣ по случаю конкордата, и кардиналъ Капрара, жившій въ этой столицѣ, нѣмѣли о Наполеонѣ, его учтивости, деликатности его поступковъ понятіе совершенно несходное съ понятіемъ, царствовавшимъ при папскомъ дворѣ, гдѣ духовенство представляло себѣ Парижъ не иначе, какъ пропастью, въ которой царилъ страшный исполнь. Кардиналъ Капрара не переставалъ успокаивать смущенное воображеніе несчастнаго первосвященника, который исполнялся неопредѣленнаго страха при мысли о Парижѣ, столицѣ этой ужасной французской революціи, пожравшей королей, королей и тысячи священно-служителей.

«Но что станется», думалъ папа, «что станется съ религіею и римскимъ дворомъ, если я не поѣду въ Парижъ?» Вся итальянская государственность были въ рукахъ Наполеона: Пьемонтъ, Ломбардія, Тоскана, даже Неаполь, были наполнены французскими войсками. Поощренны были одни только папскія владѣнія, изъ уваженія къ римскому двору. Чего не сдѣлаетъ Наполеонъ, будучи разгнѣванъ, оскорбленъ отказомъ, который непременно разнесется по всей Европѣ и сочтется за осужденіе его правъ римскимъ дворомъ? Вся эти противоположныя идеи своимъ приливомъ и отливомъ терзала душу папы и государственнаго секретаря Консальви. Впрочемъ, кардиналъ Консальви думалъ только о Европѣ, о ея мнѣніи и о неудовольствіи всѣхъ старыхъ кабинетовъ.

Между-тѣмъ, папа и кардиналъ, ожидая со стороны французскаго двора новыхъ настоятельныхъ требованій, которыя, по всѣмъ вѣроятіямъ, не допустили бы отказа, папа и кардиналъ хотѣли имѣть на своей сторонѣ Святѣйшую-Коллегію. Они не осмѣливались вступить съ нею въ совѣщаніе, въ полномъ ея составѣ, ибо въ нѣдрѣ ея были кардиналы, находившіеся въ связи съ иностранными дворами и которые потому могли бы измѣнить тайны. Они избрали десять членовъ, имѣвшихъ наибольшее вліяніе въ конгрегаціи кардиналовъ, и повергли на ихъ разсужденіе, подъ тайной исповѣди, то, что было сообщено кардиналомъ Капрарою и кардиналомъ Фешомъ. Вскорѣ къ этимъ кардиналамъ присоединено было еще десять другихъ, что составило всего двадцать. Эта консультація принесла слѣдующіе результаты. Пятеро изъ кардиналовъ были рѣшительно несогласны на требованіе Наполеона; пятнадцать же соглашались, однако на условіяхъ. Двое только причиною своего отказа поставили незаконность государя, котораго предстояло короновать. Пятеро сказали, что это значило освятить и ратифицировать

всѣческое зло, причиненное новымъ монархомъ религіи, потому — что, если онъ и былъ виновникомъ конкордата, за то онъ былъ также виновникомъ органическихъ статей, и отнялъ, будучи генераломъ, легациі у римскаго двора; что еще недавно, вспомоществуя въ дѣлѣ секуляризаціи, онъ содѣйствовалъ отнятію у германской церкви ея имущества; что, если онъ хочетъ, чтобъ въ немъ видѣли Карла-Великаго, то долженъ вести себя, какъ этотъ императоръ, и показать такую же щедрость относительно римскаго двора.

Пятнадцать кардиналовъ, согласившихся на условіяхъ, представляли въ возраженіе мнѣніе и негодованіе европейскіхъ дворовъ, неудобство для достоинства папы ѣхать въ Парижъ для помазанія новаго императора, тогда-какъ императоры священной имперіи всѣ приходили за помазаніемъ въ Римъ, къ подножію престола св. Петра; непріятность встрѣчи съ конституціональными епископами и съ нѣкоторыми сановниками, каковы, напр., Талейранъ, которые расторгли узы священства и возложили на себя узы брака; затруднительность посреди непріятельской столицы отвергнуть безъ явнаго разрыва невыполнимыя требованія; наконецъ опасность такого путешествія для слабаго здоровья Піа VII. Припоминая то порицаніе, которому подвергся въ прошломъ столѣтіи папа-Пій VI, когда онъ возвратился ни съ чѣмъ для религіи изъ своего путешествія въ Вѣну, пятнадцать кардиналовъ утверждали, что въ глазахъ христіанскаго міра снисхожденіе, требуемое отъ Піа VII, можетъ быть оправдано только полученіемъ очевидныхъ выгодъ, каковы, напр., отмена нѣкоторыхъ органическихъ статей, уничтоженіе мѣръ, принятыхъ Итальянскою — Республикою относительно духовенства, отмена того, что дѣлалось французскимъ комиссаромъ въ Парижѣ и Піаченцѣ, относительно тамошней церкви, наконецъ территориальныхъ вознагражденій за утраты римскаго двора, и въ-особенности принатіе стариннаго церемоніала, который наблюдался при коронованіи германскихъ императоровъ. Нѣкоторые изъ пятнадцати кардиналовъ присовокупляли даже, какъ условіе, необходимое для достоинства римскаго двора, чтобъ помазаніе на царство было совершено не въ Парижѣ, а въ Италіи, когда Наполеонъ посѣтитъ свои за-альпійскія владѣнія.

Папа былъ расположенъ уже согласиться выполнить желаніе Наполеона, на условіяхъ, однако, предложенныхъ пятнадцатью кардиналами, и далъ знать объ этомъ кардиналу Фешу. Но между-тѣмъ, прибыло въ Римъ сенатское постановленіе 28 флореала, и форма присяги императора, заключающая въ себя слѣдующія слова: «Клянусь чтить и заставлять чтить законы конкордата... и свободу вѣроисповѣданій. Подъ законами конкордата, по-видимому, понимались органическія статьи; слово: свобода вѣроисповѣданій, казалось, было освященіемъ ересей. Эта присяга сдѣлалась тотчасъ же причиною рѣшительнаго отказа. Снова были призваны на совѣщаніе двадцать кардиналовъ, и на этотъ разъ только пятеро изъ нихъ подали мнѣніе, что присяга не можетъ быть недоолымымъ препятствіемъ; пятнадцать же отвѣтствовали, что, при такой присягѣ, папа невозможно помазать новаго монарха.

Хотя кардиналы обо всемъ происходившемъ хранили строгую тайну, однако, по неизбежной нескромности папскихъ агентовъ, неготиція сдѣлалась известна всемъ прелатамъ и дипломатамъ, наполнявшимъ собою римскій дворъ. Всюду слышались остроты и сарказмы, Піа VII называли *капелланомъ императора Французовъ*, потому-что этотъ императоръ, имѣя нужду въ папѣ, не вѣдалъ въ Римъ, что некогда не считали для себя униженіемъ Карлы-Великіе, Оттоны, Барбаруссы, Карлы-Пятыя, а призывалъ папу къ себѣ во дворецъ.

Все это поколебало Піа VII и кардинала Консалви, и оба они остановились на разытительной мысли дать отвѣтъ, не-выдающему благоприятный, который однако былъ въ сущности отказомъ, потому-что заключалъ въ себя условія, невыполнимыя со стороны императора.

Кардиналъ Фешъ старался разуварить римскій дворъ на-счетъ несогласности присяги съ духомъ церкви. Страхомъ и щедростію вызналъ онъ во всей подробности, въ чемъ состояли возраженія кардиналовъ и какъ именно они поданы, и уведомилъ обо всемъ этомъ императора, присвокупивъ, безъ всякаго основанія, что есть полная надежда на успѣхъ, если только правительство не поскупится для римскаго двора на общанія и представить ему совершенно-удовлетворительныя объясненія.

Эти донесенія жестоко смутили кардинала Капрару, ибо французскій кабинетъ заключалъ по нимъ, что теперь согласіе переносищеннаго зависить только отъ некоторыхъ объясненій, и былъ несомнѣнно-уверенъ на счетъ прибытія папы въ Парижъ. Кардиналъ Капрара, знавшій истинное расположеніе своего двора, но неосмѣливавшійся его высказать, трепеталъ и, въ смущеніи, не зналъ что дѣлать. Императрица Жозефина болѣе самого Наполеона придавала важности помазанію на царство: это помазаніе казалось ей прощеніемъ неба за хищничество престола. И потому она приняла кардинала Капрару въ Сен-Клу съ самыми очаровательными знаками вниманія. Съ своей стороны, Наполеонъ изъявлялъ ему свое живѣйшее удовольствіе, и оба сказали ему, что считаютъ это дѣло устроеннымъ; что папа будетъ принимать въ Парижъ съ почестями, подобающими главу всемірной церкви, и что религія получитъ отъ его путешествія безконечныя выгоды. Наполеонъ, не зная всего, тѣмъ не менѣе подозревая, однакожъ, отчасти скрытыя желанія римскаго двора, избѣгалъ объясненій съ кардиналомъ Капрарой, боясь, чтобъ онъ не потребовалъ отъ него чего-нибудь или совершенно невозможнаго, наприм. отмены органическихъ статей, или въ настоящее время крайне-затруднительнаго, наприм. возврата легаций. Такимъ-образомъ, кардиналъ былъ вдвойнѣ въ затруднительномъ положеніи, и отъ преждевременныхъ надеждъ, утворюившихся въ Парижѣ, и отъ трудности переговорить съ Наполеономъ и добыть отъ него слова, которыя могли бы решить римскій дворъ.

Аббатъ Бернье, сдѣлавшійся епископомъ орлеанскимъ, человѣкъ, котораго мудрый и глубокомысленный умъ былъ употребленъ на побиженіе всѣхъ затрудненій по дѣлу о конкордатѣ, былъ очень полезенъ и при настоящемъ обстоятельстве. На него возложено было от-

вѣчать римскому двору. Онъ уговорился, по этому предмету, съ кардиналомъ Капрарой, и далъ ему замѣтить, что, послѣ надеждъ, возбужденныхъ въ императорской фамиліи, и послѣ ожиданія, произведеннаго во французской публикѣ, невозможно было бы отступить, не оскорбивъ Наполеона, и не подвергшись непріятнѣйшимъ послѣдствіямъ. Епископъ орлеанскій начерталъ депешу, которая сдѣлала бы честь самымъ ученымъ, самымъ искуснымъ дипломатамъ. Онъ припоминалъ услуги, оказанныя Наполеономъ церкви, и права, которыя онъ имѣлъ на ея признательность, блага, которыя еще могла ожидать отъ него религія, и въ-особенности эффектъ, который будетъ произведенъ на французскій народъ присутствіемъ Пія VII. Онъ объяснилъ присягу и выраженія, относительно свободы въроисповѣданій, такъ, какъ должно было понимать ихъ; сверхъ-того, онъ подалъ мысль устроить двѣ церемоніи: одну гражданскую, въ которой императоръ произнесетъ присягу и приметъ корону; другую религіозную, въ которой эта корона будетъ благословлена первосвященникомъ. Наконецъ, онъ объявилъ положительно, что правительство желаетъ присутствія папы въ Парижѣ единственно въ интересахъ религіи и дѣлъ, связанныхъ съ нею. Эти слова заключали въ себя такъ много надеждъ, что могли сильно подѣйствовать на самого святѣйшаго отца лично, который сверхъ-того находилъ въ нихъ предлогъ, оправдывавшій его предъ христіанскимъ міромъ въ его уступчивости Наполеону.

Кардиналъ Капрара присовокупилъ къ этой официальной депешѣ французскаго правительства частныя письма, въ которыхъ онъ описывалъ то, что происходило во Франціи, благо, которое предстояло тамъ выполнить, зло, которое предстояло тамъ изгладить, и утверждалъ положительно, что нельзя было сдѣлать отказа, не подвергаясь большой опасности; что въ Римѣ плохо разсуждаютъ о настоящемъ положеніи дѣлъ, и что папа будетъ въ высшей степени доволенъ своимъ путешествіемъ.

Будучи перенесена вторично въ Римъ, негоціація должна была удаться. Папа и кардиналъ Консальви увидѣли ясно изъ писемъ легата и епископа орлеанскаго невозможность отказа и, при усиленномъ настояніи кардинала Феша, наконецъ сдались. Но они чувствовали необходимость еще разъ посоветоваться съ кардиналами; въ-особенности они были испуганы мыслию епископа орлеанскаго о двойной церемоніи. Папа допускалъ только одну церемонію, потому-что онъ не только хотѣлъ окропить святой водой новаго императора, но хотѣлъ и короновать его.

Пій VII отвѣчалъ французскому правительству, что онъ согласенъ выполнить его желаніе, но не иначе, какъ на слѣдующихъ условіяхъ: присяга должна быть истолкована не какъ одобрятельное признаніе еретическихъ догматовъ, но какъ простая матеріальная вѣротерпимость; должны быть выслушаны возраженія папы противъ нѣкоторыхъ органическихъ статей и его требованія касательно пользы церкви и римскаго двора (о легаціяхъ прямо не говорилось); не должны быть допущены до папы епископы, упорствовавшіе подчиняться римскому двору,

иначе, какъ развѣ послѣ новаго и болѣе полного подчиненія съ ея стороны; папа не долженъ быть подвергаемъ неспріятности встрѣчаться съ лицами, находившимися въ положеніи, противномъ законамъ церкви (этимъ прямо указывалось на жену министра иностранныхъ дѣлъ); церемоніаль коронаванія будетъ тотъ же, что наблюдался римскими дьякономъ при помазаніи императоровъ, или архіепископомъ рейскимъ, помазывавшимъ французскихъ королей; всего-на-все будетъ одна церемонія, совершенная самимъ папою; депутатія изъ двухъ французскихъ епископовъ поднесетъ Пію VII пригласительное письмо, въ которомъ императоръ скажетъ, что, удержанный сильными причинами въ нѣдрѣ своей имперіи, и имѣя переговоры съ свѣтѣйшимъ отцомъ о пользахъ религіи, онъ проситъ его прибыть во Францію для благословенія его короны, и для соглашеній о пользахъ церкви; къ папѣ не должны отнестись ни съ какими требованіемъ и ни чѣмъ не затруднять его возвращенія въ Италію. Первосвященническій дворъ пѣвалъ, наконецъ, желаніе, чтобъ помазаніе на царство отложено было до 25-го декабря, — дня, въ который Карлъ-Великій былъ провозглашенъ императоромъ, — потому-что папа, жестоко возмущенный, чувствовалъ необходимость провести нѣсколько времени въ Кастель-Гандольфо, чтобъ отдохнуть нѣсколько, и кромѣ того не могъ выѣхать изъ Рима, не устроивъ многихъ дѣлъ по римскому управленію.

Безъ всякаго затрудненія можно было принять все эти условія, потому-что французское правительство, обѣщая выслушать возраженія папы на нѣкоторыя органическія статьи, не обѣщало вмѣстѣ съ тѣмъ дать этимъ возраженіямъ удовлетвореніе въ такомъ случаѣ, если они были бы противны началамъ французской церкви. Можно было также обѣзаться не обращаться къ Пію VII ни съ какими разнообразными требованіями и предоставить ему совершенную свободу дѣйствовать, потому-что никогда противная тому мысль не входила въ голову Наполеона. Дѣйствительно, одно только воображеніе этихъ трепещущихъ и слабыхъ старцевъ могло представить себѣ, что свобода папы можетъ подвергнуться опасности во Франціи.

Кардиналъ Фешъ, получивъ согласіе первосвященника, объявилъ, что императоръ приписываетъ на себя все путевыя издержки, что разореніе правительства было однимъ затрудненіемъ меньше. Съ этого, онъ сообщилъ о подробностяхъ великодушнаго пріема, готовящагося къ пріѣзду свѣтѣйшаго отца. Къ несчастію, кардиналъ испортилъ все дѣло совершенно-неумѣстными, посторонними требованіями. Онъ хотѣлъ, чтобъ папу сопровождали двѣнадцать кардиналовъ, и въ добавокъ государственный секретарь Консалви; онъ хотѣлъ, чтобы къ принятому обычаю, по которому кардиналы распределяются по числу, сидѣть на первомъ мѣстѣ въ каретѣ первосвященника, — присоединить посланника, великаго раздавателя милостыни и даятеля милостыни. Все это было рѣшительно безполезно и призывало людей, привыкшихъ къ формализму столько же горя, какъ и самыя затрудненія.

Пій VII уступилъ относительно нѣкоторыхъ пунктовъ, но былъ не-

включенъ на-счетъ числа кардиналовъ и на-счетъ назначенія государственнаго секретаря Консальви. Въ страхъ, Пій VII и Консальви придумали необыкновенную предосторожность для предотвращения всякой опасности для церкви. Папа, считавшій себя гораздо больше больнымъ, исцеля какъ было на дѣлѣ, и принимавшій приключавшееся ему норвичское раздраженіе за опасную болѣзнь, думалъ, что ему легко можно умереть на дорогѣ. Онъ думалъ также, что, можетъ-быть, захотятъ употребить во зло его доверенность. На этотъ послѣдній случай, онъ составилъ и подписалъ свое отреченіе, и вручилъ его на сохраненіе кардиналу Консальви, за тѣмъ, чтобы тотъ могъ объявлять мѣсто папы вакантнымъ. Къ-тому же, въ случаѣ смерти или отреченія папы, нужно было созвать Священную-Коллегію, для возмѣщенія престола св. Петра. И потому надлежало оставить въ Римѣ какъ-можно-болѣе кардиналовъ, и между ними человека, который сумалъ бы распорядиться въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ, т. е. самого кардинала Консальви. Была и еще причина, заставлявшая папу действовать такимъ-образомъ. Онъ далъ торжественное обѣщаніе австрійскому двору не вступать съ Наполеономъ ни въ какіе переговоры, чуждые вопросу о дѣлахъ французской церкви. Но чтобы подтвердить его слову, онъ долженъ былъ не брать съ собою кардинала Консальви, человека, чрезъ котораго шли всѣ важнѣйшія дѣла римскаго двора.

По этимъ-то причинамъ Пій VII отказался взять съ собою болѣе шести кардиналовъ и упорствовалъ въ своей рѣшимости оставить въ Римѣ государственнаго секретаря Консальви. Онъ согласился выполнить личныя притязанія кардинала Феша. Тотъ долженъ былъ занимать первое мѣсто подлѣ папы, съ самаго вступленія въ пределы Франціи.

Условившись такимъ образомъ, папа отправился въ Кастель-Гандольфо, гдѣ чистый воздухъ, спокойствіе духа, которое испытываетъ человекъ, рѣшившись на что-нибудь, со-дня-на-день все болѣе и болѣе пріятныя извѣстія о готовившемся для него пріемѣ въ Парижѣ, возстановили сильно-разстроенное здоровье первосвященника.

Наполеонъ смотрѣлъ на этотъ успѣхъ, какъ на великую побѣду, которая закрѣпляетъ окончательно его права и не оставить ему ничего желать болѣе для приданія законности своей власти. При всемъ томъ, онъ не хотѣлъ терять свойственнаго ему характера посреди этихъ внѣшнихъ, пышныхъ торжествъ; онъ не хотѣлъ ничего дѣлать, ничего обѣщать, что было бы противно собственному его достоинству и основному началу его правленія. Кардиналъ Фешъ сказалъ ему, что достаточно будетъ отправить къ папѣ генерала, пользующагося высокимъ уваженіемъ, и онъ отправилъ генерала Каффарелли съ приглашеніемъ, которое было начертано въ почтительныхъ, даже ласкательныхъ выраженіяхъ, но въ которомъ не очень намекалось на то, будто папа былъ призываетъ для пныхъ какихъ дѣлъ, кромѣ помазанія на царство. Письмо, написанное съ величайшимъ достоинствомъ, заключалось въ слѣдующемъ:

«Святѣйшій отецъ,

«Благопріятное дѣйствіе, произведенное на нравственность и характеръ моего народа возстановленіемъ христіанской религіи, принуждаетъ меня просить ваше святѣйшество дать мнѣ новое доказательство участія, принимаемаго вами въ судьба моей и въ судьба этого великаго народа, при одномъ изъ важнѣйшихъ обстоятельствъ, представляемыхъ лѣтописями вселенной. Прошу васъ присутствіемъ своимъ придать характеръ религіозный церемоніи помазанія и коронованія перскаго императора Французовъ. Эта церемонія приобрететъ новый блескъ, когда она будетъ совершена вашимъ святѣйшествомъ. Она привлечетъ на насъ и наши народы благословеніе Всевышняго, котораго законы правятъ судьбами имперій и семействъ.

«Вашему святѣйшеству известны важныя чувствованія, которыя давно уже питаю къ вамъ, и потому можете судить сколь великое удовольствіе доставить мнѣ этотъ случай снова представить вамъ доказательства моихъ къ вамъ чувствованій.

«Затѣмъ, молюсь Всевышняго, да сохранитъ васъ, святѣйшій отецъ, она многія лѣта на престолѣ нашей матери святой церкви.

«Вашъ набожный сынъ,

«Наполеонъ.»

Къ этому письму присоединены были настоятельныя просьбы, чтобъ папа, вмѣсто 25-го декабря, прибылъ въ послѣднихъ числахъ ноября. Наполеонъ не говорилъ о настоящей причинѣ, заставлявшей его желать, чтобъ церемонія была совершена раньше; причина эта заключалась не въ иномъ чемъ, какъ въ его предположеніи провезти высадку въ Англію въ декабря мѣсяцъ. Онъ ссылаясь на причину, тогда совершенною, но менѣе важную, именно на неудобство оставаться слишкомъ-долго въ Парижѣ во время созванія гражданскихъ и военныхъ вѣстовъ.

Генералъ Капфаради отправился со всевозможною поспѣшностью, и прибылъ въ Римъ въ ночь съ 28 на 29 сентября. Кардиналъ Фешъ представилъ его папѣ, который припалъ гостя истинно по-отечески. Пій VII. взялъ письмо изъ рукъ генерала и отложилъ прочесть его до окончанія аудіенціи. Но, когда онъ узналъ содержаніе этого письма, не нашелъ тамъ приглашенія прибыть во Францію по поводу радостныхъ дѣлъ, то впалъ въ глубокую горестъ и нервическое разстройство, возродившее живѣйшія опасенія. Этому почтенному первосвященнику, равно какъ и всякому государю съ душою возвышенною, дорожке всего были его честь, достоинство его короны. Онъ сильно оскорбился произнесеніемъ *наполеонова* капеллана, которое давали ему его враги. Онъ призвалъ къ себѣ кардинала Феша: «вы поднесли мнѣ это», сказалъ онъ ему, присовокупивъ, что не будетъ отвѣчать на такое письмо, и не поедетъ въ Парижъ, потому-что въ-отношеніи къ нему не слыхали слова. Кардиналъ Фешъ пыталъ утѣшить раздраженнаго первосвя-

щенника, и полагали, что новое совѣщаніе кардиналовъ неметъ уладить это послѣднее затрудненіе. Въ началѣ чувствоветь невозможность отступать, и посредствомъ послѣдней изъяснительной ноты, подписанной кардиналомъ-посланникомъ, затрудненіе было уничтожено. Положено было, что папа, по призыву для всехъ-святыхъ, отправится 2 ноября, и 27 прибудетъ въ Фонтенблѣ.

Между-тѣмъ, какъ такіа проишествія происходили въ Римѣ, императоръ Наполеонъ устроилъ въ Парижѣ все, для приданія новой церемоніи чуднаго, небывалаго блеска. Онъ пригласилъ принцевъ баденскихъ, князя-архиканцлера Германской-Имперіи и многочисленныхъ депутатовъ, отъ администраціи, магистратуры и армій. Онъ предоставилъ епископу Бернѣ, равно какъ и архиканцлеру Камбасересу, рассмотреть церемоніалъ, употреблявшійся обыкновенно при помазаніи императоровъ и королей, и представить ему, какія надо сдѣлать въ этомъ церемоніалѣ измѣненія, сообразныя съ настоящими правами, духомъ времени и самыми предубиженіями Франціи противъ римской власти. Онъ приказалъ имъ хранить это дѣло въ величайшей тайнѣ, за тѣмъ, чтобъ эти вопросы не сдѣлались предметомъ непріятныхъ толковъ, а предоставилъ самому-себѣ разрѣшить все сомнѣнія. Оба обряда, и римскій и французскій, представляли въ себѣ много такого, что не могло теперь понравиться умамъ во Франціи. По тому и другому церемоніалу, монархъ являлся во храмъ, безъ знаковъ верховной власти, каковы скипетръ, мечъ, корона, и принималъ ихъ уже изъ рукъ первосвященника. По французскому обряду пѣры, по римскому обряду епископы держали корону надъ главою монарха, стоявшаго на коленяхъ, и первосвященникъ, взявъ ее, опускалъ ее на чело помазанника. Бернѣ и Камбасересъ, уничтоживъ нѣкоторые подробности, бывшія слишкомъ въ противорѣчій съ настоящимъ временемъ, полагали сохранить эту послѣднюю часть церемоніи, замѣнивъ пѣровъ и епископовъ шестью высшими сановниками имперіи, и оставивъ папѣ, согласно съ древне-принятыми обычаями, право возложить корону на новаго монарха. Наполеонъ, основываясь на духъ націи и войска, утверждалъ, что онъ не можетъ принять такимъ образомъ корону изъ рукъ первосвященника; что нація и войско, по воли которыхъ онъ принималъ ее, будутъ оскорблены, видя церемоніалъ, несоответствующій сущности вещей и независимости престола. Онъ былъ непреклоненъ на этотъ счетъ, говоря, что ему извѣстны лучше, нежели кому другому, настоящіа чувствованія Франціи, которая безъ сомнѣнія склонна къ идеямъ религіознымъ; но, и въ этомъ отношеніи, всегда готова порицать тѣхъ, кто перейдетъ извѣстныя границы. И такъ, онъ хотѣлъ прибыть въ базиликъ императоровъ, со всеми своими регалиями, предоставить папѣ только благословить ихъ. Онъ согласился быть благословеннымъ, помазаннымъ на царство, но отнюдь не коронованнымъ. Архиканцлеръ Камбасересъ, соглашаясь съ тѣмъ, что было справедливо въ мнѣніи Наполеона, говорилъ объ опасности не менѣе важной оскорбить первосвященника, уже и безъ того слишкомъ опечаленнаго, и лишить церемонію драгоцѣннаго сходства съ старинными формами, употреблявшимися отъ вре-

ионъ Пешина и Карла-Великаго. Камбасерезъ и Борнио, оба бывшіе въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ легатомъ, уполномочены были сообщить ему волю императора. Кардиналъ Камрера, зная, какъ много значили формы для его двора, полагающъ, что ни на что не следовало рѣшиться окончательно безъ согласія папы, но что тѣмъ не менѣе ничего не следовало пока требовать отъ папы, чтобы не навлечь новыхъ затрудненій. Будучи убежденъ, что папа, во прибытіи своемъ, будетъ тотчасъ же разультренъ и очарованъ пріемомъ, готовившимся ему во Франціи, кардиналъ полагалъ, что все уладится гораздо-легче въ Парижѣ, подъ вліяніемъ неожиданнаго удовольствія, нежели въ Римѣ подъ вліяніемъ смутныхъ опасеній.

Но, кромѣ этихъ затрудненій, оставались еще другія, возникшія въ недрахъ императорской фамиліи. Далеко шло о назначеніи роли супруга, братьямъ, сестрамъ императора при этой церемоніи помазанія на царство. Прежде всего надо было знать, будетъ ли Жозефина коронована и помазана, подобно самому Наполеону. Она пламенно желала того, ибо это было бы новыми узами, связывавшими ее съ супругомъ, новою гарантіею противъ будущаго развода, мысль о которомъ постоянно тревожила ее въ-продолженіе всей ея жизни. Наполеонъ колебался между своею любовью къ ней и тайными предчувствіями своей политики, какъ вдругъ одна семейная сцена едва не погубила несчастной Жозефины. Въ суетились вокругъ новаго монарха, братья, сестры, сродники. Всѣмъ хотѣлось, на этомъ торжествѣ, долженствовавшемъ, казалось, освятить жизнь ихъ, роли, сообразной съ свенны настоящими притязаніями и надеждами на будущее. При видѣ этого общаго движенія, и будучи свидѣтельствующимъ искательствъ у Наполеона, въ особенности со стороны одной изъ сестеръ его, Жозефина, смущенная, возмущаемая ревностью, обнаружила подозрѣнія оскорбительныя для этой сестры, и для самого Наполеона, подозрѣнія, согласныя съ жестокими клеветами эмигрантовъ. Наполеонъ тотчасъ же вспыхнулъ сильнымъ гнѣвомъ, и, находя въ этомъ гнѣзѣ силу противъ своей привязанности, сказалъ Жозефинѣ, что готовъ развестися съ нею (*); что, впрочемъ, на это надо же будетъ рѣшиться позже, и что гораздо-лучше покориться необходимости теперь же, не вступая въ болѣе-тѣсныя узы. Онъ призвалъ къ себѣ обомхъ своихъ усыновленныхъ дѣтей, сообщалъ имъ о своей рѣшимости, и повергъ ихъ этимъ извѣстіемъ въ глубочайшую скорбь. Ортанса и Евгеній Боаризъ объявили, съ спокойною и печальною твердостью, что послѣдуютъ за своею матерью всюду, куда сошлютъ ее. Жозефина, послушавшись добраго совѣта, казалась смиренно-покорною своей участи. Противоположность ея грусти съ радостью, блиставшею на лицахъ прочихъ членовъ императорской фамиліи, терзала сердце Наполеона, и онъ не могъ рѣшиться видѣть изгнанною и несчастною эту женщину, подругу его юности, изгнанными и

(*) «Я привожу здѣсь», говоритъ Тьеръ: «вѣрный разсказъ очевидца, одной почтенной особы, состоявшей при императорской фамиліи и сохранившей это воспоминаніе въ своихъ помѣткахъ въ свѣтъ записокъ.»

несчастными вместе съ нею этихъ дѣтей, сдѣлавшихся предметомъ его отеческой заботы. Онъ сказалъ Жозефинѣ въ своихъ объятіяхъ, сказалъ ей, отъ полноты сердца, что никогда не будетъ въ состояніи разлучиться съ нею, хотя бы, можетъ быть; того и требовала политика; и потомъ обещалъ ей, что она будетъ короноваема вместе съ нимъ, и подѣлять его получить отъ руки папы божественное посвященіе.

Жозефина, вѣчно живая, нестойкая, перешла отъ страха къ живѣйшему восторгу, и съ дѣтскою радостію предавалась приготовленіямъ къ этой церемоніи.

Наполеонъ, пытая задушевную мысль возстановить некогда имперію Запада, желалъ имѣть вокругъ своего трона вассальныхъ государей. Въ настоящее время, онъ дѣлалъ изъ своихъ братьевъ, Іосифа и Людовика, высшихъ сановниковъ имперіи; вскоре онъ надѣялся сдѣлать изъ нихъ королей, и уже теперь готовилъ для Іосифа тронъ въ Ломбардіи. Его имперіе состояло въ томъ, чтобъ, сдѣлавшись королями, они остались высшими сановниками имперіи. Такимъ-образомъ они должны были быть во Французской Имперіи Запады тамъ же, чѣмъ были въ Германской Имперіи принцы саксонскій, бранденбургскій, богемскій, баварскій, ганноверскій и проч. Надо было, чтобъ церемонія помазанія на царство соответствовала такому плану и была эмблематическимъ преобразованіемъ готовившейся дѣйствительности. Онъ не допускалъ, чтобъ епископы или папы держали надъ головою его корону, ни даже, чтобъ первѣйшій изъ епископовъ, римскій первосвященникъ, возложилъ на него эту корону. По такимъ же причинамъ, онъ хотѣлъ, чтобъ два брата его, предназначенные быть вассальными королями великой имперіи, занимали мѣсто подлѣ него, чѣмъ ясно знаменовалось бы ихъ будущее вассальство. Онъ требовалъ, чтобъ братья его поддерживали полы его мантии въ то время, какъ одѣтый императорскою мантией, онъ будетъ въ самомъ базиликѣ переходить отъ трона къ алтарю; отъ алтаря къ трону. Онъ требовалъ того не для себя только, но и для императрицы. Принцессы, его сестры, должны были отправлять при особѣ Жозефины ту же должность, которую его братья будутъ отправлять при немъ самомъ. Чтобъ добиться до этого, ему необходимо было энергически выразить свою волю. Хотя, по добротѣ сердца, прискорбны были ему эти семейныя сцены, однако тамъ не менѣе онъ дѣлался настойчивъ въ своей рѣшимости, когда отъ того зависали планы его политики.

Былъ ноябрь мѣсяцъ; все было готово въ Церкви Вожьей-Матери. Депутатѣи прибыли; трибуналы были въ бездѣйствіи; шестьдесятъ епископовъ или архіепископовъ, въ сопровожденіи своего причта, жили въ праздности. Генералы, адмиралы, отличнѣйшіе сухопутные и морскіе офицеры, маршалы Даву, Ней, Сультъ, адмиралы Брюн, Гантомъ, вместе того, чтобъ быть въ Булони или Врестѣ, находились въ Парижѣ. Наполеонъ былъ недоволенъ этимъ, потому-что, хотя онъ и любилъ торжества, однако ставилъ ихъ гораздо-ниже серьезныхъ дѣлъ. Множество любовныхъ, стѣнныхъ со всѣхъ сторонъ Европы и Франціи, наводнили столицу и съ нетерпѣніемъ ждали необыкновеннаго зра-

лица. Наполеонъ, которому не не нравилось это всеобщее стремленіе, Наполеонъ желалъ, однакожъ, прекратить это положеніе вещей, выходявшее изъ правильного порядка, господство котораго онъ такъ любилъ видѣть въ своей имперіи. Онъ посылалъ офицера за офицеромъ для врученія папѣ писемъ, исполненныхъ сыновней покорности, но заключающихъ въ себя вмѣстѣ съ тѣмъ и живѣйшія настоянія, не благоуготовленны ли будетъ его святѣйшеству поспѣшить приѣздомъ. Наконецъ, послѣ непрерывныхъ откладываній, церемонія назначена была 2 декабря.

Папа рѣшился, наконецъ, выѣхать изъ Рима. Уполномочивъ во всемъ кардинала Консалви и простясь съ нимъ по-отечески, онъ отправился, 2 ноября утромъ, въ Храмъ-св. Петра и долго пребылъ тамъ, стоя на коленяхъ, будучи окруженъ кардиналами, римскою знатью и народомъ. Онъ молился пламенно, какъ-бы готовясь идти на встрѣчу величайшимъ опасностямъ; послѣ того, онъ сѣлъ въ карету и пустился въ путь по вѣтербской дорогѣ. Транстевринскій народъ, столь вѣрный своимъ первосвященникамъ, долго со слезами слѣдовалъ за его каретою. Уже много было то время, когда римскій дворъ былъ наиболее образованнымъ въ Европѣ. Теперь старцы Священной-Коллегіи, едва-знакомые съ вѣдомъ, въ которомъ они жили, порадовавшіе даже мудрую уступчивость Пія VII, — готовы были вѣрить самымъ нелѣпымъ сказкамъ. Некоторые изъ нихъ считали вѣроятнымъ слухъ о готовящемся во Франціи злодѣйскомъ умыслѣ — захватить папу и потомъ овладѣть его землями, какъ-будто Наполеону нужно было прибѣгать къ такому средству, чтобы сдѣлаться владыкою Рима! какъ-будто онъ, въ настоящую минуту, ждалъ чего-нибудь, кромѣ благословенія первосвященника, которое придавало бы его власти характеръ болѣе-почтенный въ глазахъ свята!

Пій VII, не смотря на свою бѣдность, хотѣлъ привезти съ собою подарки, достойные хозяина, къ которому онъ ѣхалъ въ гости. По собственному ему извѣстному такту, онъ выбралъ для самого Наполеона два античные камея, столь же замѣчательные своею красотою, какъ и значеніемъ. На нихъ изображены были — на одномъ Ахиллесъ, на другомъ воздержаніе Сципіона. Папа назначалъ для Жозефины очень также античныя и удивительной работы. По совету Талейрана, онъ везъ для придворныхъ дамъ множество четокъ.

Итакъ, онъ отправился въ путь, проѣхалъ по римскимъ владѣніямъ и Тосканѣ, посреди итальянскихъ народовъ, коленопреклонившихся при встрѣчѣ съ нимъ. Во Флоренціи, онъ былъ принятъ этрусскою королевою, родоначицею и въ настоящее время правящею, въ качествѣ регентши, новымъ королевствомъ, созданнымъ Наполеономъ. Эта принцесса, набожная какъ Испанка, приняла папу съ изъясненіями глубочайшаго почтенія, которыя очаровали его. Съ-тѣхъ-поръ, онъ сталъ нѣсколько оправляться отъ своихъ тревожныхъ опасеній. Онъ хотѣлъ пожелать дегацій, за тѣмъ, чтобъ не освятить своимъ присутствіемъ принадлежность этихъ земель другому государству, кромѣ Рима, и принужденъ былъ проѣхать чрезъ Пьяченцу, Парму и Туринъ. Онъ еще не былъ во Франціи, а уже французскія власти и войска окружали его. Онъ видѣлъ, съ какою почитаніемъ преклонялись предъ нимъ старый Ману, сенаторы

итальянской арміи, и былъ тронутъ почтительнымъ выраженіемъ этихъ муштваныхъ лицъ. Кардиналъ Камбасересъ и одинъ изъ придворныхъ канцлеровъ, посланные на встречу папъ, вручили ему на границахъ Пьемонта (которые были и границами имперіи) письмо Наполеона, исполненное выраженій благодарности и обѣтовъ, которые возсылалъ императоръ за скорое и успешное путешествіе первосвященника. Съ-часу-мечетъ все болѣе и болѣе разувѣряемый, Пій VII пересталъ наконецъ страшиться послѣдствій своей рыцарственности. Онъ переехалъ чрезъ Альпы. Принаты были чрезвычайныя предосторожности для безопасности каравана ему и сопровождавшимъ его кардиналамъ. Наконецъ, Пій VII прибылъ въ Ліонъ. Здѣсь его опасенія смѣнились истиннымъ восторгомъ. Множество народа стеклось въ этотъ городъ изъ Прованса, Дюна, Франк-Конте, Бургоніи увидать представителя Бога на землѣ. Видя колѣнопреклоненною эту націю, которую представляли ему явно-бунтующею противъ властей земныхъ и небесныхъ, эту націю, которая императорскаго трона и держала въ плѣну одного изъ перво-святѣйшій, Пій VII былъ пораженъ, разувѣренъ и сознался, что старый соотечественникъ его Канрара былъ правъ, утверждая, что это путешествіе будетъ благотворно для религіи и доставитъ самому ему безмѣстное удовольствіе. Въ Ліонѣ пришло къ папѣ еще письмо отъ императора, заключавшее въ себя новымъ благодареніемъ и новые обѣты, возсылаемые за его скорое возвращеніе. Этотъ первосвященникъ, съ такою слабостью, шедущимъ, съ болезненно-чувствительными нервами, испытывавшій одышку усталости при такомъ приѣмѣ, самъ предлагалъ ускорить свое путешествіе двумя днями, что и было принято. Онъ выехалъ изъ Ліона посреди такихъ же почестей, проѣхалъ чрезъ Мульи, Невёръ, встречая всюду на дорогахъ толпу, тронутую такимъ зрѣлищемъ и жаждавшую благословеній главы церкви.

Пій VII долженъ былъ остановиться въ Фонтенблѣ. Наполеонъ все устроилъ такимъ образомъ, чтобъ имѣть случай явиться на встречу первосвященнику и дать ему отдохнуть два или три дня въ этомъ уютномъ мѣстѣ. Онъ назначалъ въ этотъ день, 25 ноября, охоту по направлению къ дереву, по которой слѣдовалъ папа. Зная, когда первосвященнической воздѣ достигнетъ до Сент-Эрема, онъ направилъ въ ту сторону своего коня, чтобъ встрѣтиться съ папою, который вскорѣ и прибылъ туда действительно. Наполеонъ тотчасъ же представился первосвященнику и обнялъ его. Пій VII, тронутый этою предупредительностью, съ колѣнѣмъ, съ любовнымъ восторгомъ смотрѣлъ на новаго Кари-Вашинго, о которомъ онъ непрерывно думалъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ объ орудіи Божіемъ на землѣ. Былъ полдень. Оба владыки сѣли въ карету и отправились въ Фонтенблѣ-Замокъ. Наполеонъ проставилъ сидѣть по правую руку главы церкви. При входѣ въ замокъ, императрица, вельможи имперіи, военачальники вышли встрѣтить Пія VII. Первосвященникъ, хотя привыкшій къ римскимъ торжествамъ, не видѣлъ, однако, ничего столь величественнаго. Въ сопровожденіи такихъ знаменитыхъ лицъ, онъ былъ отведенъ въ назначенныя для него апартаменты. Отдохнувъ нѣсколько часовъ, онъ, по правиламъ

этикета, наблюдаемого государями, посещать императора и императрицу, которые тотчас же отдали ему визитъ. Все болѣе и болѣе разувраемый, болѣе увлекаемый обворожительными речами жезла, дивнаго себя слово понравиться гостю, Пій VII почувствовалъ въ сердцѣ своемъ привязанность, которую сохранялъ неизменно до конца своей жизни, къ герою, испытавшему уже тогда страшныя превратности судьбы. Вельможи имперіи были представлены ему одинъ за другимъ. Онъ принималъ ихъ съ радкимъ радушіемъ и властительною граціею. Кроткая и внушающая почтеніе наружность, пропитательный взглядъ Пія VII трогали сердца всѣхъ, и самъ онъ былъ тронутъ впечатлѣніемъ, нѣтъ производимымъ. Съ нимъ не вступали еще въ разсужденіе ни объ одномъ изъ затрудненій, которыя еще оставалось уладить. Щадяли его раздражительную чувствительность, его усталость. Онъ весь пропитанъ былъ волненіемъ, радости отъ такого приѣма, который казался ему торжествомъ самой религіи.

Наступила минута отправиться въ Парижъ, вступить, наконецъ, въ этотъ городъ, гдѣ въ-продолженіе цѣлаго столѣтія находился въ броне нѣтъ человѣческой и гдѣ въ-продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ решались судьбы міра. 28 ноября, послѣ трехдневнаго отдохновенія, императоръ и папа поѣхали въ одной каретѣ въ Парижъ; папа по-прежнему сидѣлъ по правую руку. Для первосвященника былъ отведенъ Пальмьонъ-Флоры, отдѣленный нарочно для него. 29-го числа, папа далъ оправиться отъ дороги, а 30-го представилъ ему сенатъ, законодательное сословіе, трибунатъ, государственный совѣтъ. Президенты этихъ чотырехъ государственныхъ собраній обратились къ нему съ речами, въ которыхъ, въ самыхъ блистательныхъ выраженіяхъ, восхвалялись его добродѣтели, его мудрость, его благородная снисходительность къ Франціи. Папа въ-особенности тронутъ былъ словомъ, произнесеннымъ де-Фонтаномъ, который напоминалъ собою ораторовъ вѣка Людовика XIV. Народъ, толпившійся подлѣ окнами, требовалъ, чтобъ первосвященникъ показался ему. Уже по всему Парижу разнеслась молва о кротости Пія VII, о его благородной наружности. Папа многократно выходилъ на балконъ Тюльери всегда въ сопровожденіи Наполеона, былъ привѣтствуемъ громами кланья и видѣлъ, какъ народъ парижскій, стоя на коленяхъ, ждалъ его первосвященническаго благословенія, — тотъ самый народъ, что былъ виновникомъ событіи 10 августа и что недавно еще чествовалъ Богиню Разума.

При видѣ всего этого, мрачныя опасенія, предчувствія Пія VII совершенно разсѣлились. Разсуждая о церемоніалахъ предстоящаго торжества, папа соглашался на главные видоизмѣненія, основанныя на состояніи тогдашнихъ нравовъ; но онъ сильно стоялъ за право свѣтскихъ предшественниковъ — возлагать корону на главу императора. Наполеонъ далъ приказаніе не настаивать болѣе на этомъ и сказалъ, что устроить все на самомъ мѣстѣ.

Наступилъ канунъ этого великаго торжества, т. е. 1 декабря. Жезла, поправившаяся первосвященнику за свою набожность, содержанію неходившую на набожность Итальянокъ, преобразилъ къ

нану, чтобъ сделать признаніе, изъ котораго надѣялась извлечь для себя великую пользу. Она объявила ему, что была соединена съ Наполеономъ только гражданскимъ бракомъ, потому-что, въ эпоху ихъ бракосочетанія, религиозныя церемоніи были запрещены. Наполеонъ, просившій кардинала Капрару дать брачное благословеніе сестра его и ее мужу, Мюрату, не хотѣлъ того же для самого-себя. Папа тотчасъ же объяснился съ Наполеономъ, и сказалъ, что можетъ помазать на царство его самого, ибо церковь, при коронованіи императора, никогда не входила въ разбирательство состоянія ихъ союза, но не можетъ короновать Жозефину, и чрезъ то освятить наложничество. Наполеонъ, раздраженный на Жозефину за ея нескромность, боясь идти наперекоръ папѣ, который былъ необходимъ въ дѣлахъ войны, сверхъ-того, не желая измѣнять церемонію, которой программа была уже обнародована, согласился принять брачное благословеніе. Жозефина, сильно укоряемая своимъ супругомъ, была единственно въ восторгѣ отъ удачъ своего поступка. Въ самую ночь, предшествовавшую коронаціи, императоръ и императрица были объявлены въ капеллѣ Тюльери кардиналомъ Фешемъ; свидетелями были Талейранъ и маршалъ Бертье. Это обстоятельство было сохраняемо въ глубочайшей тайнѣ до самаго развода. На утро примѣны были еще на покрашенныхъ газзакъ Жозефины слезы слезъ, которыхъ стѣкла ей эти внутренніе волненія.

Въ воскресенье, 2 декабря, въ морозный, но ясный зимній день, парижскій народъ, который, на панихъ глазахъ, сорокъ лѣтъ спустя, бѣжалъ въ такую же пору на вострѣчу смертнымъ останкамъ Наполеона, стремился посмотреть, какъ пойдетъ императорскій поездъ. Папа отправился первый съ десяти часовъ утра, гораздо-раньше императора, за тѣмъ, чтобъ оба поезда не помѣшали одинъ другому. Онъ былъ сопровождаемъ многочисленнымъ духовенствомъ, облаченъ въ великолепнѣйшія убранства и сопровождаемъ отрядами императорской гвардіи. Вблизи Площади-Божьей-Матери построены были богато-украшенный портикъ для принятія, по выходѣ изъ экипажей, государей и принцевъ, отправлявшихся въ старыя базилики. Архіепископскій домъ, отдѣланный съ роскошью, достойною гостей, для которыхъ онъ предназначался, былъ приготовленъ для кратковременнаго отдохновенія папы и императора. Папа остановился здѣсь на минуту и отправился въ церковь, гдѣ уже за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ собрались депутаты городовъ, представители магистратуры и войска, шестьдесятъ епископовъ съ своимъ причтомъ, сенатъ, законодательное сословіе, трибуналы, государственный совѣтъ, принцы нассаускій, гоессенскій, баденскій, архиканцлеръ Германской-Имперіи и наконецъ министры всѣхъ державъ. Главныя двери въ Церковь-Божьей-Матери были закрыты, потому-что къ нимъ прислоненъ былъ императорскій тронъ. Входили въ боковыя двери. Когда папа, предшествуемый крестомъ и знаменіями намѣстника св. Петра, появился въ этой старинной базиликѣ св. Лудовика, всѣ присутствовавшіе поднялись съ своихъ мѣстъ, и пятьсотъ музыкантовъ огласили своды храма торжественною кантатой.

храмъ, при звукахъ отгравшей музыки, Наполеонъ коленнопреклонился и потомъ пошелъ къ кресламъ, которыя долженъ былъ занимать до совершенія надъ нимъ обряда помазанія на царство. Тогда началась церемонія. На алтарь положили корону, скипетръ, мечъ и мантию. Папа помазалъ чело, руки, длани императора, потомъ благословилъ мечъ, которымъ препоясалъ его, скипетръ, который вручилъ ему, и приблизился взять корону. Наполеонъ, сдвинувшій за его движеніями, желая покончить, по своему слову, затрудненіе на самомъ мѣстѣ, взялъ корону изъ рукъ первосвященника безъ насилія, но съ рѣшительностью и самъ возложилъ ее на главу свою. Дѣйствіе, понятное всѣмъ присутствующимъ, произвело невыразимый эффектъ. Взявъ потомъ корону императрицы и приблизившись къ простертой передъ нимъ Жозефинѣ, Наполеонъ съ видимою нѣжностью возложилъ эту корону на главу подруги судьбы своей: Жозефина заливалась слезами. Совершивъ это, Наполеонъ подошелъ къ громадному трону. Онъ взомелъ на него, сопровождаемый своими братьями, несшими полы императорской мантии. Тогда папа приблизился, по обычаю, къ подножію трона благословить новаго монарха и возгласить эти слова, которымъ внималъ некогда и Карлъ-Великій въ базиликѣ св. Петра, когда римское духовенство провозгласило его императоромъ Запада: *Vivat in aeternum imperator Augustus*. При этомъ возгласеніи, тысячекратно-восторженные клики: *да здравствуетъ императоръ!* раздались подъ сводами Церкви-Великой-Матери; грянула пушечные выстрѣлы, и весь Парижъ устремился къ совершенію торжества, которымъ права Наполеона были освящены окончательно по всемъ формамъ, принятымъ между людьми.

За тѣмъ архиканцлеръ Камбисересъ поднесъ императору текстъ вѣстной присяги, одинъ изъ епископовъ приблизился къ нему съ евангеліемъ, и, положивъ руку на эту священную книгу, императоръ произнесъ присягу, заключающую въ себя великія начала французской революціи. Потомъ совершена была первосвященническая служба, и время было далеко уже за полдень, когда оба поезда возвратились въ Тюильри, проѣзжая посреди несметнаго множества народа.

Такова была эта торжественная церемонія, бывшая началомъ возведенія Франціи къ началамъ монархическимъ.

КОСМОСЪ.

Соч. АЛЕКСАНДРА ГУМБОЛЬДА.

(Статья являла и послѣдняя.)

Новѣйшіе успѣхи геогнозій, т. е. обширнѣйшее знаніе геогностическихъ эпохъ, ведутъ насъ къ распредѣленію въ пространства суши и воды, образующихъ поверхность нашей планеты. — Результатъ изслѣдованій распредѣленія суши состоитъ въ томъ, что въ самыя раннія времена материкъ, почва, покрытая земными растеніями, ограничивался нѣсколькими островами; что позже эти острова соединились другъ съ другомъ; что наконецъ, когда возникли хребты пиренейскій, апеннинскій, карпатскій, большіе материки достигли уже почти теперешней ихъ величины.

Материки обязаны, можетъ-быть, своимъ образованіемъ и возникновеніемъ надъ поверхностью воды выступленію массъ кварцъ-порофра. То, что мы называемъ плоскостью (Flachland) материковъ, суть только широкія вершины холмовъ и горъ, подошвы которыхъ лежатъ на днѣ моря.

Между общими взглядами, принадлежащими картинѣ природы, первое мѣсто занимаетъ количество возвышающейся надъ водою суши; за нимъ — индивидуальное образованіе (Gestaltung) къ горизонтальному протяженію или въ отвѣсномъ возвышеніи. У нашей планеты двѣ оболочки: общая, атмосфера, — и частная, мѣстно распространенная, море. Обѣ онѣ составляютъ одно цѣлое, обуславливающее разность климатовъ на поверхности земли; и по причинѣ взаимнаго вліянія другъ на друга земли, моря и воздуха, метеорологическія явленія не могутъ быть понаты безъ отношенія ихъ къ геогнозій.

Въ наше время поверхность суши относится къ поверхности моря какъ 1 къ 2 $\frac{1}{2}$. Острова составляютъ едва $\frac{1}{2}$ массы материковъ, которые распределены такъ неравно, что занимаютъ въ сѣверномъ полушаріи втрое больше пространства, нежели въ южномъ. Южное полу-

шарѣ, следовательно, преимущественно морское; начиная съ 40° южной шир. до южнаго полюса планета почти-исключительно покрыта водою. Такъ точно жидкій элементъ преобладаетъ и между восточнымъ берегомъ старика и западнымъ новаго материка.

Вотъ главныя данныя отношенія количества суши къ морю, отношенія, имѣющаго столь сильное вліяніе на давленіе атмосферы, распределеніе температуры, направленіе вѣтра и сырость воздуха. Море занимаетъ почти $\frac{3}{4}$ поверхности всей планеты, и не удивительно, что метеорологія была такъ несовершенна до начала нашего столѣтія, эпохи значительной массы наблюденій надъ температурою моря.

Горизонтальное протяженіе суши было предметомъ остроумныхъ наблюденій уже въ древности. Диксархъ нашелъ величайшую линію протяженія съ запада на востокъ на широтѣ Родоса, по направленію отъ геркулесовыхъ столбовъ до Тина.

Если на одной половинѣ земнаго шара (раздѣлить ли его пополамъ экваторомъ или теверискимъ меридіаномъ) гораздо-больше суши, нежели на другой, то оба большія массы земли, старый и новый материкъ, при контрастѣ направленія большихъ осей ихъ, имѣютъ и сходства въ своихъ конфигураціяхъ. Длинная ось стараго материка идетъ съ востока на западъ, новаго — съ сѣвера на югъ. Оба материка отрезаны на сѣверѣ по направленію одного градуса широты; на югѣ оканчиваются пирамидально, съ подводными продолженіями въ видѣ острововъ и отмелей. Семидесятый градусъ широты есть вообще линія сѣвернаго берега обоихъ материковъ; азіатскій берегъ выходитъ за эту линію при Таймурскомъ Мысѣ до 78° 16' и ниспадаетъ къ Берингову-Проливу до 66°, — американскій же довольно-вѣрно слѣдуетъ 70 градусу.

Материки оканчиваются на югъ пирамидально. Если обратимся съ теверискаго меридіана на востокъ, то увидимъ, что оконечности Африки, Австраліи и Южной-Америки постепенно приближаются къ южному полюсу. Новая-Зеландія образуетъ очень-правильно посредствующій членъ между Австраліею и Южною-Америкою, также оканчиваясь островомъ. Замѣчательно также, что почти подъ тѣми же меридіанами, подъ которыми древній материкъ наиболее вытянутъ къ югу, онъ всего дальше простирается и къ сѣверу. Въ такомъ отношеніи находятся другъ къ другу Мысъ-Доброй-Надежды и Сѣверный-Мысъ, полуостровъ Малакка и мысъ Таймуръ. Окружены ли полюсы землею или моремъ, намъ неизвѣстно. На сѣвера достигли только 82° 55', на юга 78° 10'.

Эта пирамидальность повторается и въ меньшихъ частяхъ, — Аравія, Индія, Малакка въ Индійскомъ Океанѣ, Испанія, Італія, Гренція въ Средиземномъ-Морѣ. Варона представляетъ какъ-бы западный полуостровъ азіатскаго материка, и въ климатическомъ смыслѣ относится къ нему какъ Бретань къ остальной Франціи. Уже Страбонъ замѣтилъ, что приливное омертвѣніе материка имѣетъ большее вліяніе на образованность народа. Простѣйшее очертаніе береговъ видимъ въ Африкѣ и

южной Америки. Только восточный берег Азии образуетъ разнообразно изогнутую линію.

Нашъ Атлантическій-Океанъ носить на себѣ все слѣды образованія долины, точно какъ-будто воды ударили сперва къ сѣверозападу, и потомъ опять къ сѣверовостоку. Это намъ показываютъ: параллелизмъ береговъ на сѣверъ отъ 10° южн. шир., выпуклость Бразиліи насупротивъ Гвинейскаго-Залива, выпуклость Африки насупротивъ Антильскаго-Залива. Вогнутые и богатые островными берега противолежатъ не вогнутымъ. Вогнутость Африки близъ Феррардо-По ($40^{\circ} \frac{1}{2}$ сѣв. шир.) повторяется и на западномъ берегу Южной Америки подъ $18^{\circ} \frac{1}{2}$ южн. шир. близъ Арики. Внезапной перемены направленія берега слѣдуетъ и двойная цѣпь Андовъ. Дальше къ югу, отъ 40° южн. шир., на берегахъ Южной-Америки повторяется замѣчательная иззубренность западныхъ береговъ Норвегіи и Шотландіи.

Вотъ факты, аналогіи формы, которые мы, впрочемъ, не смѣемъ назвать законными. Наблюдая за поднятіемъ частей земли на склонахъ действующихъ еще вулкановъ, ясно видно, что форма и направленіе поднятой части зависятъ отъ интенсивности силы подземныхъ паровъ и величины наружнаго сопротивленія. Такъ точно, можетъ-быть, происшело нарушеніе равновѣсія внутри нашей планеты заставляла внутреннія силы действовать больше на сѣверную, нежели на южную половину земли, и выдвинуть материкъ на восточной половинѣ главной оси почти параллельно экватору, а на западной по меридіану.

О натуральной связи этихъ явленій мы немногого можемъ познать на эмпирическомъ пути. Знаемъ только одно: что действующая причина подвижна и что материкъ въ теперешнемъ изъ видѣ явился изъ вѣднѣ, а слѣдовательно постепенно изъ многихъ меньшихъ частей. Фактъ ихъ есть слѣдствіе двухъ причинъ, действовавшихъ одна послѣ другой: сперва податливости силы и потомъ силы, проявившихся на поверхности земли. Иное отличіе отъ теперешняго было бы состояніе температуры земли, работѣльности, земледѣлія и человѣческаго общества, если бы главная ось стараго материка имѣла одно направленіе съ осью теперешнею; если бы Анды шли отъ запада къ востоку; если бы къ югу отъ Анды не было тропической Африки, — если бы не существовало Средиземнаго-Моря!

Измѣненія взаимныхъ отношеній высоты суши и воды зависятъ отъ многочисленныхъ причинъ, изъ которыхъ важнѣйшія: эластичность материка внутри земли; внезапное измѣненіе температуры большихъ горныхъ слоевъ; неравномерная, въ кованъ потерю теплоты земной коры и слѣдовательно производящая сморщиваніе твердой поверхности; масляныя излившенія сланъ притяженія. Наблюденія и аналогія доказываютъ, что действующая причина материковъ есть действительная, а не фиктивная. Такъ, напримеръ, высказывается шведскій и финляндскій берегъ около Ботническаго-Залива (до 4 футовъ во 100 лѣтъ), а Южная Шотландія понижается.

Считая очень-древостырымъ, что въ періодъ молодости нашей планеты понятія и пониманія на поверхности ее была гораздо-близко къ теперешнему, потому умалчиваясь, что послѣдніе материковъ постепенно понижались.

на території уростя моря, — і на північній Каспійське-Море, Таврійське-Озеро і Мертве-Море. Урівень послідніх двох на 625 і на 1230 футівъ ниже уростя Срединнаго-Моря. Періодическое возвышеніє і пониженіє водъ Каспійскаго-Моря доказується, кається, що земля і теперъ еще способна къ важнымъ качательнымъ движеніямъ (осциллаціямъ), которыя въ первоначальныя времена, когда толщина отвердѣвшей земной коры была меньше, были явленіємъ очень-общимъ.

Все это говорить намъ о непостоянствѣ настоящаго порядка вещей. Несомнѣнное для одного поколѣнія дѣлается значительнымъ въ-продолженіе большихъ періодовъ; восточный берегъ Скандинавскаго Полуострова поднялся, можетъ-быть, за 8,000 лѣтъ на 320 футівъ, и черезъ 12,000 лѣтъ, при равномерномъ движеніи, нѣтъ, покрытыя теперь 50 сажнами (Вармен) воды, будутъ сухою. Основываясь на явленіи, можно принять возможность и такого пониженія. Средняя высота негористой части Франціи около 480 футівъ; при сравненіи съ древнѣйшими геогностическими эпохами, требуется, по-видимому, не очень-длгое время для того, чтобы значительная часть сѣверо-западнаго берега Европы погрузилась въ воду.

Возвышеніе и пониженіе суши и водъ, — слѣдствія такъ, что возвышеніе одного влечетъ за собою кажущееся пониженіе другаго, суть причины измѣненія формы материковъ. Но въ общей картинѣ природы нельзя не упомянуть о возможности дѣйствительнаго уменьшенія воды и пониженія уростя моря. Что некогда, въ отдаленныя времена, происходили большія перемены уростя моря, конечно, не подлежитъ сомнѣнію; но въ наше время мы не имѣемъ прямыхъ доказательствъ увеличенія или уменьшенія моря, нѣтъ доказательствъ и постепеннаго измѣненія средней барометрической высоты уростя моря на однихъ и техъ же точкахъ наблюденія. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, нѣкоторые газети Средняго-Моря дѣлались и по нѣсколько часовъ оставались сухи; это, кажется, доказываетъ, что измѣненіе морскихъ теченій можетъ произвести нѣкоторое отступленіе моря безъ дѣйствительнаго уменьшенія воды.

Наружное распределеніе материковъ, т. е. береговое ихъ очертаніе, оказываетъ благотворное вліяніе на климатъ, торговлю и образованность страны; не менѣе важныя слѣдствія имѣетъ и внутреннее ихъ распределеніе, т. е. разности высоты почвы по отвѣсной линіи. Покрытая снѣгомъ выся препятствуютъ сношеніямъ; но снѣгъ болѣе низкихъ горъ и долинъ, какъ на западъ и югъ Европы, пробуждаетъ дѣятельность челоука. Слѣдствіемъ ужасныхъ переворотовъ, выдвинувшихъ высокіе хребты горъ, было богатство индивидуальнаго образованія обитателю земнаго шара и по-крайней-мѣрѣ частное уничтоженіе въ нихъ одностороння, подавляющаго физическія и умственныя силы народа.

Каждая система этихъ горъ имѣетъ свою относительную древность; время возвышенія хребта приходится между періодами осыданія столицъ и горизонтально простирающихся до подножья горъ слоевъ.

Складки земной коры (стоящие слои), происходящие из одной и той же геогностической эпохи, складываются в одном направлении. Линии стоящих слоев не всегда параллельны оси хребта, но иногда перескакивают ее, в каком-то случае поднятие слоев должно быть древнее возникновения хребта. Главное направление Европы (с Ю. З. на С. В.), противоположно большому разсыпанию земли (с С. З. на Ю. В.), тянущимся от устьев Рейна и Эльбы через Адриатическое и Красное Море к Персидскому заливу и Индийскому океану.

Необходимо показать численным определением, как количество поднятых масс вообще мало в сравнении с поверхностью целых стран. Масса Пиренеев, например, рассыпанная по поверхности Франции, возвысила бы ее почву только на 108 футов. Масса восточной и западной части Альп возвысила бы равнину Европы только на двадцать футов. Я нахожу, что центр тяжести поднятых над теперешним уровнем моря земель Европы и Северной Америки лежит на высоте 630 и 702, Азия и Южной Америки на высоте 1002 и 1080 футов. Эти числа показывают низменность северных стран, и в них как-то будто читаешь, где подземные силы сильно поднимали массы материков.

Ничто не может нам ручаться, что, кроме существующих уже хребтов, не лягут новые. Разве земная кора утратила способность морщиться? Позже всех выступившие системы Альп и Андов говорят вовсе не в пользу уменьшения подземных сил; возстающая Швеция и землетрясения свидетельствуют, что мы наслаждаемся только кажущимся покоем.

Капельно-жидкая и воздушная оболочка нашей планеты имеют много между собою аналогического. Глубина моря и высота атмосферы равно для нас неизвестны. В океане на некоторых высотах под тропиками не нашли дна на глубине 25,300 футов (больше географической мили); явление сумерек позволяет заключать о высоте атмосферы в девять раз большей.

Слой воды и воздуха подвержены определенным законам уменьшения теплоты, начиная от границы океана с атмосферой — вверх и вниз. В воздухе это уменьшение гораздо-мелочнее. Под всеми широтами море имеет стремление сохранять теплоту своей поверхности в ближайших к воздуху слоях воды. От экватора до 48 град. северной и южной широты океан несколько теплее близлежащих слоев воздуха. Уменьшающаяся в глубину теплота океана позволяет рыбам находить холодный климат и в тропических частях моря, что имеет важное влияние на переселение (миграции) и географическое распределение водных животных.

Соленая и пресная вода достигают величайшей степени плотности не при одинаковой температуре. Соль в море понижает этот градус температуры, и из глубины моря доставали воду в 2°, 8 и 2°, 5. Эта низкая температура замечена и в глубине тропических морей, что и довело к знанию глубоких полярных течений. В Средиземном-Море этого явления нет, потому что вторично полярного тече-

нія въ Гибралтеръ* (гдѣ на поверхности Атлантическій-Океанъ втекаетъ съ запада на востокъ) препятствуетъ обратное нижнее движеніе подъ Средиземнаго-Моря въ океанъ.

Гдѣ нѣтъ морскихъ теченій, море сохраняетъ удивительно постоянную температуру, и справедливо замѣтили, что постоянныя наблюденія надъ температурою тропическихъ морей объясняли бы для насъ вопросъ о постоянствѣ климатовъ и теплотѣ землѣ; измѣненія въ свѣтѣнцѣ круга солнца отразились бы на морѣ вѣрнѣе, нежели на сушѣ. Если величайшей плотности и температуры не совпадаютъ съ экваторомъ; оба она отдѣлены и другъ отъ друга. Теплѣйшія воды образуютъ, кажется, дѣя не совершенно параллельныя полосы на сѣверѣ и на югѣ отъ экватора. Величайшую степень солёности имѣетъ Ледикъ въ Тихомъ-Морѣ подъ 22 град. сѣверной и 17 град. южной широты. Въ водахъ безвѣтрія вода не можетъ испаряться сильно.

Поверхность состоящихъ между собою въ связи морей вообще имѣетъ одинъ уровень. Но мѣстныя причины (вѣтры и теченія) могутъ измѣнить въ частности этотъ законъ. Красное-Море, напримѣръ, отъ двадцати-четырехъ до тридцати футовъ выше Средиземнаго, и это зависитъ отъ формы Бабъ-эль-Мандебскаго-Пролива, въ который водамъ Индійскаго-Моря легче втекать, нежели вытекать.

Движеніе водъ бываетъ: случайное, отъ вѣтра, при чемъ волны въ открытомъ морѣ, во время бури, достигаютъ высоты тридцати-пяти футовъ; періодическое,—приливъ и отливъ, и постоянное, морское теченіе. Приливъ и отливъ составляютъ явленіе, общее всемъ морямъ, и каждое изъ этихъ движеній продолжается немного болѣе половины дня. Въ открытомъ морѣ приливъ возвышается только на нѣсколько футовъ,—въ Сен-Мало же на пятьдесятъ, въ Акадіи на шестьдесятъ—пять и семьдесятъ футовъ,—что зависитъ отъ формы береговъ. Предположая, что глубина моря незначительна въ сравненіи съ діаметромъ земли, Лапласъ доказалъ, что земля должна быть плотнѣе воды. Слѣдствительно, высшія мѣста никогда не могутъ быть залиты, и находящіяся въ горахъ остатки морскихъ животныхъ не могли быть туда занесены приливомъ.

Морскія теченія зависятъ отъ многообразныхъ причинъ; сюда принадлежатъ: поступательное вокругъ земли движеніе приливовъ и отливовъ; сила и продолженіе вѣтровъ; различная подъ различными широтами и на различныхъ глубинахъ плотность водъ; идущія съ востока на западъ, подъ тропиками очень правильныя часовыя измѣненія дѣльных тиссоэры. Теченія какъ раки перекрещиваютъ моря, тогда-какъ близъ-лежащія воды, совершенно спокойныя, образуютъ родъ береговъ.

Общее движеніе морей между поворотными кругами съ востока на западъ (экваторіальное теченіе) есть слѣдствіе поступательнаго движенія приливовъ и пассатныхъ вѣтровъ. Восточные берега материковъ имѣютъ это направленіе, и скорость движенія равняется 9520 тысячъ въ сутки.

Ушия теченія, истинныя морскія раки, несутъ теплыя воды къ болѣ-

шамъ и холодныя къ меньшимъ широтамъ. Къ первому роду принадлежить *атлантический Гольфъ* (*der atlantische Golfstrom*), начало котораго должно искать на югъ отъ Мыса-Доброй-Надежды; далее, на пути своемъ, онъ вытекаетъ изъ Антильскаго-Моря и Мексиканскаго-Залива черезъ проливъ Багама, направляется съ юго-запада на северо-северо-востокъ, и поворачивая у Ньюфаундленда на востокъ, часто заноситъ къ берегамъ Ирланди и Норвегии тропическія семена. Его приливъ уменьшаетъ холодъ воды и суровость климата Нордкапа. Поворачивая отъ Ньюфаундленда къ востоку, онъ, недалеко отъ Азорскихъ-Острововъ, отдѣляетъ рукавъ къ югу.

Другое теченіе, въ Южномъ-Океанѣ, несетъ холодныя воды изъ большаго широтъ южнаго полушарія къ берегамъ Чили и Перу. Среди тропическаго пояса вода этого теченія въ известное время года теплѣе $15^{\circ} 6$ ($12^{\circ} \frac{1}{2}$ Реом.), тогда-какъ спокойныя воды безъ теченія имѣютъ $27^{\circ} 5$ до $28^{\circ} 7$ (22° — 23° Реом.). Тамъ, гдѣ берегъ Южной-Америки, на югъ отъ Чилты, всего болѣе выдается на западъ, теченіе вдругъ поворачиваетъ отъ материка на западъ, такъ-что, плывя дальнѣе къ северу, переходимъ вдругъ изъ холодной въ теплую воду.

Неизвѣстно, какъ далеко въ глубину простираются эти теченія. Отклоненіе южно-африканскаго теченія отъ мыса Агулласъ доказываетъ, какъ-то, такое распространеніе въ глубь. Отмели безъ теченій можно увидать во болѣе холодной надъ ними водѣ, чѣмъ зависить, вероятно, отъ особеннаго движенія въ глубинѣ и восхожденія глубокой воды по столбамъ отмели. Отъ осыданія паровъ изъ морскаго воздуха на холодномъ валу, надъ отмелями часто образуются туманы; другое, замѣтнѣе явленіе есть выліаніе отмелей на высшіе слои воздуха. Въ открытомъ морѣ, далеко отъ земли, надъ ними собираются облака.

Море представляетъ намъ полноту органической жизни, какою не найдешь, ни-гдѣ-быть, на сушѣ. Мирсконъ открываетъ намъ неожиданную истину, что весь океанъ живетъ жизнью.

Жизненіе этихъ маленькихъ животныхъ такъ велико, что морская вода для многихъ большаго животныхъ становится отъ этого ичтительною жидкостью. Еще болѣе богатства живыхъ формъ поражаетъ воображеніе мореходце окружающій его видъ бесконечности. Вокругъ съ особеннымъ влеченіемъ останавливается на горизонтѣ, гдѣ неопредѣленно граничатъ вода и воздухъ, гдѣ заходятъ и восходятъ светила.

Атмосфера представляетъ намъ шесть родовъ явленій, очень-тѣсно между собой связанныхъ, и происходящихъ отъ химическаго ея состава, замѣчній ея прозрачности, поляризаціи и цвѣта, плотности или разреденія температуры, сырости и электричества. Воздухъ означаетъ, кромѣ поддержанія животной жизни своимъ кислотворомъ, еще и другія благодѣяніе: онъ есть проводникъ звука, следовательно, и свѣта, проводникъ идей, средство общительности народовъ. Безъ него земля была бы безмолвною пустыней.

Химическій анализъ воздуха въ наше время достигъ высокой степени совершенства; сухой воздухъ содержитъ въ себѣ, по объему, 20,8 частей кислорода и 79,2 азота; кроме того, отъ 2 до 5 десятыхъ-миллі-

ныхъ угольной кислоты, еще меньшее количество обугленного водорода; и слѣды аммоніакальныхъ паровъ, доставляющихъ растеніямъ ихъ азото-содержащія части. Что количество кислотвора измѣняется, смотря по времени года и мѣстному положенію, очень вѣроятно.

Примѣсь углекислаго аммоніака въ атмосферу вѣроятно древнѣе существованія органическихъ существъ на землѣ. Источники угольной кислоты въ воздухѣ многоразличны: дыханіе животныхъ; внутренность земли близъ выгорѣвшихъ вулкановъ; горячіе ключи; разложеніе примѣси обугленного водорода въ воздухѣ электрическимъ разряженіемъ облаковъ. Кромѣ этихъ тѣловъ, находятся въ воздухѣ и другіе, случайные, часто вредно дѣйствующіе на организмы. Впрочемъ, химическая натура ихъ не доказана еще непосредственнымъ разложеніемъ.

Вотъ главныя черты общей картины атмосферы: 1) въ измѣненіяхъ давленія воздуха — правильныя, между тропиками очень замѣтныя ежедневныя колебанія, родъ прилива и отлива атмосферы; 2) въ климатическомъ распредѣленіи теплоты — дѣйствіе относительнаго положенія жидкихъ и твердыхъ частей поверхности, такъ же какъ и гипсометрической конфигураціи материковъ, отношенія, опредѣляющія географическое положеніе и кривизну изотермическихъ линій; 3) въ распредѣленіи сырости — количественное отношеніе суши къ морю, удаленность отъ экватора и уровня моря, формы осадящаго водянаго пара и связи этого осаданія съ измѣненіями температуры, направленіемъ и слѣдствіемъ вѣтровъ; 4) въ отношеніи воздушнаго электричества — содержаніе восходящихъ паровъ къ электричности и формѣ облаковъ; рѣдкость или частое появленіе грозъ; ихъ періодичность и образованіе латомъ и змѣиою; каузальная связь электричества съ столь-рѣдко случающимся необыкновеннымъ градомъ.

Колебанія барометра подъ тропиками, гдѣ онъ два раза (въ 9 или 9½ часовъ утра и въ 10½, или 10¾, вечера) достигаетъ высшаго стоянія, и два раза (въ 4 или 4½, часа послѣ обѣда и въ 4 часа утра) низшаго, такъ правильны, что по нимъ можно опредѣлять время, ошибаясь вообще не больше какъ на 15—17 минутъ. Въ жаркомъ поясъ новаго материка, у береговъ, и на мѣстахъ выше 12,000 футовъ надъ моремъ, гдѣ средняя температура низпадаетъ до 7°, я нашелъ, что ни буря, ни гроза, ни дождь, ни землетрясенія не измѣняютъ правильности приливовъ и отливовъ въ атмосферѣ. Величина дневныхъ качаній уменьшается отъ экватора до 70° сѣв. шир. на 1,32 линію, и до 0,18.

Средняя высота барометра подъ экваторомъ меньше, нежели въ умеренномъ поясѣ. Если мѣста, на которыхъ мѣсячная разность высочайшаго и низжайшаго стоянія барометра одинакова, соединить изобарометрическими линіями, то эти линіи откроютъ много важнаго о вліяніи формы земель и распространенія моря на колебанія атмосферы. Въ Индостанѣ, съ его высочайши горамъ и трехугольными полуостровами, и на восточномъ берегу новаго материка изобарометрическія колебанія больше, нежели на Антильскихъ Островахъ и въ Западной-Европѣ.

Такъ-какъ главнѣйшая причина измѣненія давленія воздуха есть согревающая сила солнечныхъ лучей, то даже уже сравнительно направле-

ние ветровъ съ состояніемъ барометра, измѣненіями температуры, увеличеніемъ и уменьшеніемъ сырости. Таблицы давленія атмосферы при различныхъ вѣтрахъ позволяютъ глубже заглянуть въ связь метеорологическихъ явленій. Разность температуры подъ экваторомъ и полюсами производитъ два противоположныя теченія въ верхнихъ и нижнихъ слояхъ атмосферы. Отъ разности въ быстротѣ вращательнаго движенія при полюсахъ и экваторѣ, воздухъ, текущій отъ полюса, отклоняется на востокъ, а текущій отъ экватора на западъ. Отъ этой борьбы двухъ теченій зависятъ важнѣйшія явленія давленія воздуха.

Взглядъ на распределеніе въ воздухѣ теплоты сдѣлался яснѣе съ тѣхъ-поръ, какъ попробовали соединить линіями мѣста, которыхъ средняя годовая температура определена съ точностью.

Слово «климатъ» означаетъ вся доступныя нашимъ чувствамъ измѣненія въ атмосферѣ: температуру, сырость, измѣненія барометрическаго давленія, спокойное состояніе воздуха или дѣйствіе вѣтровъ, силу электрическаго напряженія, чистоту атмосферы, и наконецъ степень обыкновенной ясности неба.

Еслибъ поверхность земли состояла изъ совершенно однородной жидкости или горной породы, то вся изотермическія линіи шли бы параллельно экватору, потому-что истеченіе и поглощеніе теплоты было бы вездѣ равно подъ равными широтами. Первыхъ послѣдствъ въ Америкѣ, конечно, долженъ былъ изумить зимній холодъ, встрѣченный ими подъ одинаковыми широтами съ Италіей, Франціей, Шотландіей. Но это замѣчаніе не прежде принесло плоды, какъ когда нумерически опредѣлили среднюю температуру года. Если сравнить (между 58° и 30° сѣв. шир.) Галифаксъ съ Бордо, Нью-Йоркъ съ Неаполемъ, Сан-Августинъ въ Флоридѣ съ Каиро, то разности въ средней годовой температурѣ подъ тѣми же широтами въ Восточной-Америкѣ и Западной-Европѣ будутъ, считая съ сѣвера на югъ: 11°,5; 7°,7; 3°,8 и почти 0°. Замѣчательно, что постепенное уменьшеніе разности—между 28° градусами. Еще южнѣе, подъ самыми тропиками, изотермическія линіи вездѣ параллельны экватору.

Причины, измѣняющія направленіе изотермическихъ линій, можно раздѣлить на два класса: на возвышающія и на понижающія температуру.

.. Къ первымъ принадлежатъ: близость западнаго берега въ умеренномъ поясѣ; раздѣленное на полуострова очертаніе материка; его далеко-вдающіеся заливы и озера; относительность положенія части материка—или въ свободному отъ льда морю; простирающемуся за полярный кругъ, или къ массѣ континентальной земли значительнаго протяженія, лежащей между тѣми же меридіанами подъ экваторомъ, или, по-крайней-мѣрѣ, въ части тропическаго пояса; далее — преобладаніе южныхъ и западныхъ вѣтровъ на западной границѣ материка въ умеренномъ северномъ поясѣ; хребты горъ, служащіе преградой для вѣтровъ, дующихъ изъ болѣе-холодныхъ странъ; рѣдкость болотъ, весной и лѣтомъ долго остающихся подъ льдомъ, и недостатокъ лѣса на сухой песчаной почвѣ; наконецъ, постоянная ясность неба лѣтомъ и близость морской рѣки, если она приводитъ воду теплѣе окружающаго ее моря.

Изъ причинъ, понижающихъ температуру, относятся: высота мѣстъ надъ моремъ, безъ значительныхъ возвышенныхъ плоскостей; близость восточнаго берега водъ высокими и средними широтами; компактное очертаніе материка; протяженіе его къ полюсамъ до предѣла вѣчныхъ льдовъ; положеніе на градусъ долготы, подъ которымъ экваторъ и отъ него тропикъ лежатъ на морѣ; хребты горъ, недопускающіе теплыхъ вѣтровъ, или близость отдаленныхъ вершинъ, вдоль склоновъ которыхъ ниспадаетъ томъ холодного воздуха; пространные лѣса; частыя болота; туманное небо лѣтомъ, и очень-ясное зимою.

Общность этихъ причинъ производитъ кривизны изотермическихъ линій и образуетъ ихъ вогнутые и выгнутые черепя.

Противодѣйствіе восточнымъ пассатнымъ вѣтрамъ тропическаго пояса составляютъ въ обихъ умеренныхъ поясахъ западные вѣтры, и слѣдствіемъ этого то, что восточные берега материковъ холоднѣе западныхъ.

Даже подъ высокими широтами замѣчена разность между годовыми средними температурами восточнаго и западнаго берега Америки. Въ Нень (Nain), въ Лабрадоръ (подъ $57^{\circ} 10'$), она $3^{\circ} 8$ ниже точки замерзанія, а на западномъ берегу, въ Новоархангельскъ ($57^{\circ} 3'$ шир.) $6^{\circ} 9$ выше. Средняя годовая температура Пекина ($39^{\circ} 54'$) $11^{\circ} 4$, то-есть, 5 град. меньше Неаполя. Средняя температура зимы въ Пекинъ 3° ниже точки замерзанія, тогда-какъ въ Западной-Европѣ, даже въ Парижъ ($48^{\circ} 50'$), она $3^{\circ} 3$ выше этой точки.

Море, медленно слѣдующее за измѣненіями температуры воздуха, умѣряетъ суровость зимы и жаръ лѣта. Отъ этого происходитъ замѣчательная разность климатовъ острововъ и береговъ съ внутренними странами. Въ Tobolskъ, Барнауль на Оби и въ Иркутскъ лѣто такое же, какъ въ Берлинъ, Мюнстеръ и Шербургъ; но за этимъ лѣтомъ слѣдуетъ зима, съ средней температурой холоднѣйшаго мѣсяца отъ -18° до 20° . Лѣтомъ, термометръ часто въ-продолженіе цѣлыхъ недѣль стоитъ на 30° и 31° . Въ Астрахань, при средней годовой температурѣ 9° , средняя температура лѣта доходитъ до $21^{\circ} 2$, а зимой термометръ падаетъ до 25° и 30° .

Ирландія, Гернзей и Джерзей, полуостровъ Бретани, берега Нормандіи и Южной-Англіи представляютъ разительнѣйшую противоположность съ континентальнымъ климатомъ Восточной-Европы. На сѣверо-востоку Ирландіи ($54^{\circ} 56'$), подъ одною широтою съ Копенгагеномъ, мирта растетъ такъ же роскошно, какъ въ Португаліи. Въ августѣ, когда въ Венгріи доходитъ до 21° , въ Дублинѣ доходитъ едва до 16° ; средняя температура зимы, ниспадающая въ Оксенъ до $-2^{\circ} 4$, въ Дублинѣ $4^{\circ} 3$ выше точки замерзанія, то-есть, 2° выше, нежели въ Миланѣ, Павіи, Падуѣ и всей Ломбардіи. На Орнейскихъ-Островахъ, ниже полуградуса южнѣе Стокгольма, зима 4° , сдѣлательно, теплѣе парижской. Даже на Фарерскихъ-Островахъ, подъ 62° широты, воды зимы не замерзаютъ.

Линія одинаковыхъ зимнихъ и лѣтнихъ температуръ вовсе не па-

различны съ измѣненіемъ различныхъ горизонтальныхъ температуръ. Тамъ, гдѣ дождь достаетъ много и почва не покрывается этимъ постояннымъ слоемъ, лѣтняя теплота едва достаточна для разрастанія облака; это зависитъ не отъ малой теплоты берегового лѣта, а отъ разности между разрастаніемъ облака и при лѣтнемъ для туманномъ небо.

Если составить термическую лѣстницу растеній, начиная съ тѣхъ, которые требуютъ самаго жаркаго климата, следовательно, съ пальмъ, банановъ и кокосовой пальмы, и переходя къ акаціи, сахарному тростнику, кофей, финикамъ, хлопчатой бумага, лимонамъ, апельсинамъ, бананамъ, то увидимъ, что здѣсь дѣйствуютъ другія климатическія отношенія, кромѣ средней годовой температуры. Для произведенія хорошаго (trinkbar) вина, не только годовая температура должна быть выше $9\frac{1}{2}^{\circ}$, но и зимняя температура должна превосходить $+0^{\circ}$, 5, а лѣтняя должна быть по-крайней-мѣрѣ въ 18° . Въ Бордо температура года, зима, лѣта и осени 13° , 8; 6° , 2; 21° , 7; и 14° , 4.

Болѣе-ровный климатъ полуострова Бретани относится къ климату остальной Франціи, какъ Европа къ матеріку Азіи, которой она составляетъ западный полуостровъ. Европа обязана своимъ болѣе-уравненнымъ климатомъ: существованію и положенію Африки, разорванности береговыхъ очертаній, близости моря у западныхъ береговъ, и свободному отъ льда океану на сѣверъ. Она была бы холоднѣе, еслибъ море затопило Африку, еслибъ съ ней соединилась Сѣверная-Америка, еслибъ согревающее теченіе Гольфа шло не въ сѣверныя моря, еслибъ между Скандинавскимъ-Полуостровомъ и Шпицбергеномъ возникла новая земля. Пониженіе средней годовой температуры отъ береговъ Атлантическаго-Океана по однимъ и тѣмъ же градусамъ широты на востокъ зависитъ отъ расширенія материка въ эту сторону, и слабѣйшаго вѣстепенно вліянія западныхъ вѣтровъ. За Ураломъ эти вѣтры дѣлаются уже охлаждающими сухопутными.

Перехода отъ измѣненій температуры въ долины къ неровностямъ многогранной поверхности планеты, мы разсматриваемъ горы съ стороны ихъ вліянія или на соседнія низменности или на ихъ собственныя, часто раздѣленные въ возвышенныя плоскости вершины. Группы горъ раздѣляютъ поверхность земли на долины, углубленія, и тѣмъ индивидуализируютъ вѣднеть, и частная индивидуальность много разнѣе проявляется тамъ, гдѣ рельефъ и очертаніе страны какъ-нибудь разнѣе. Противоположность такимъ странамъ составляютъ долины Сѣверной-Азіи, саванны, лѣсны и панты новаго материка, степи Европы, песчаная и каменистая пустыня Африки.

Законъ уменьшенія температуры съ возвышеніемъ надъ уровнемъ моря чрезвычайно-важенъ для объясненія метеорологическихъ процессовъ, для разрастанія растеній, теоріи земнаго преломленія лучей и многихъ другихъ отношеній къ опредѣленію массы атмосферы.

Отъ этого, какъ мороза познано, зависитъ съ измѣненіемъ высоты изогипсы и изотермы, какія лѣтняя средняя годовая или лѣтняя теплота соответствуетъ разности одного градуса географической широты.

Въ восточно-американской системѣ изотермическихъ линій изъмѣненіе температура уменьшается отъ береговъ Лабрадора до Бостона $0^{\circ},38$ на градусъ широты, отъ Бостона до Чарльзтона $0^{\circ},95$; отъ Чарльзтона до тропика рака въ Кубѣ измѣненіе медленнѣе: $0^{\circ},66$. Въ самой тропической полосѣ, отъ Гаванны до Нуманьи, только $0^{\circ},20$.

Сравнимъ другое видимъ мы въ системѣ Средней-Европы. Между 38° и 71° шир. измѣненіе теплоты вездѣ на $\frac{1}{2}$ градуса на градусъ широты, а такъ-какъ въ той же Средней-Европѣ теплота уменьшается однимъ градусомъ на 60—87 туазахъ отвѣсной высоты, то 40—44 туаза измѣненія надъ уровнемъ моря равняются, следовательно, одному градусу широты. Средняя температура Монастыря-св.-Бернарда, лежащаго на высотѣ 1278 туазовъ подъ $45^{\circ},50'$ шир., соответствуетъ температура долины подъ $75^{\circ},80'$ шир.

Въ тропической части Андовъ теплота уменьшается однимъ градусомъ на 90 туазовъ. Мѣста, лежащія на обширныхъ плоскихъ возвышенностяхъ $1^{\circ} \frac{1}{2}$ до $2^{\circ},3$ теплѣе лежащихъ на скатѣ горъ. Климаты дѣлятся слоями одинъ надъ другимъ; на берегахъ Ореноко царствуетъ жаръ 4° выше температуры Палермо въ августъ; въ Поппаянѣ (911 туазовъ) теплота равняется тремъ лѣтнимъ мѣсяцамъ Марселя; въ Квито (1402 туаза) концу мая въ Парижѣ, въ Рагатос (1800 туазовъ) началу апрѣля въ Парижѣ.

Граница снѣга возвышается, чѣмъ ближе подходимъ къ экватору. Нижняя граница вѣчнаго снѣга подъ данною широтою есть лѣтняя граница снѣговой линіи, то-есть крайній высочайшій предѣлъ, до котораго возвышается эта линія въ-продолженіе года. Отъ этой линіи должно отличать другія три явленія: годовое колебаніе снѣговой линіи, лѣтніе спорадическаго паденія снѣга и явленіе ледниковъ.

Нельзя извѣстна только нижняя граница снѣга, достигающая высочайшаго предѣла своего не подъ экваторомъ и даже не въ странѣ тропиковъ. Это явленіе чрезвычайно-сложно и зависитъ отъ разности температуры въ разныя времена года, отъ направленія господствующихъ вѣтровъ, отъ степени сухости или влажности верхнихъ слоевъ воздуха, отъ абсолютной величины ниспавшей массы снѣга, отъ отношенія границы снѣга къ высотѣ горы, отъ относительнаго положенія горы среди хребта, крутизна ея скатовъ, близость другихъ, также постоянныхъ или вѣтряныхъ снѣгомъ вершинъ, протяженія и высоты плоскости, надъ которой возвышается гора.

Въ Южной-Америкѣ, подъ экваторомъ, снѣговая линія равна вершинѣ Монбланъ; въ Мекникъ, подъ 19° сѣверной широты, она ниспадаетъ на 900 футовъ, а въ Пентландѣ, подъ $14^{\circ} \frac{1}{2}$ — 18° южной широты, она на 2000 футовъ выше линіи подъ экваторомъ близъ Квито. По увѣренію Акиллеса, подъ 39° южной широты, на вулканы Пеукенесъ она достигаетъ высоты 2270—3350 туазовъ.

На южномъ скатѣ Гиммалая снѣговая линія лежитъ на высотѣ 2030; а на сѣверномъ 2000 туазовъ, что зависитъ отъ вліянія Тибетской-Возвышенности, средняя высота которой около 1800 туазовъ.

Количество паровъ въ атмосферѣ различно, смотря по часу дня, вре-

мани года, градусу широты и высоте мѣста; съ нимъ неразрывно связаны температура, давленіе воздуха и направленіе вѣтра. Ожидающая сила влажности въ воздухѣ есть не столько сладствіе количества освобожденныхъ подъ различными поясами паровъ, сколько рода и частота повторенія осаданія ихъ,—въ видѣ росы, тумана, дождя и снѣга.

Снизшая зелень деревь въ тѣхъ тропическихъ странахъ, гдѣ не падаетъ замѣтной росы и дождя мѣсяцевъ семь, доказываетъ, что дѣтѣ притягиваютъ изъ воздуха влагу особеннымъ процессомъ. Противоположность сухимъ равнинамъ Кумана, Коро и Цезара составляютъ другія тропическія страны, на-прим. Гаванна, гдѣ падаетъ въ годъ воды на 102 парижскіе дюйма. На скатѣ Андовъ количество дождя, такъ же какъ и температура, уменьшается съ высотой. Въ Боготѣ, на 8200 футахъ, оно не превосходитъ 37 дюймовъ. Въ Квито, при температурѣ 12° 13°, гигрометръ Соссюра показывалъ иногда 26°. Величайшая сухость низменностей найдена до сихъ поръ въ Сѣверной - Азій, между Обью и Иртышемъ.

Электричество атмосферы тѣсно связано съ явленіями распределенія теплоты, давленія атмосферы, чисто метеоровъ, и вѣроятно магнетизма земной коры. Вліяніе его на растительную и животную жизнь весьма сильно, и оно дѣйствуетъ не только метеорологическими процессами, осадченіемъ водныхъ паровъ, кислотъ или аммоніакальныхъ соединеній, но и непосредственно, какъ сила электрическая, раздражающая нервы.

Надъ моремъ электрическое равновѣсіе нарушается рѣже; тамъ поразительнѣе вліяніе на атмосферу маленькихъ группъ острововъ среди открытаго океана. При туманѣ и начинающемся паденіи снѣга, я часто видѣлъ, какъ постоянное до того стеклянное электричество вдругъ переходитъ въ смолистое. Въ сырыхъ тучахъ содержится смолистое, въ бѣлыхъ, розовыхъ и оранжевыхъ стеклянное электричество. Грозовые тучи не только облакаютъ высочайшія вершины Андовъ; и въ низменностяхъ, въ умеренномъ поясъ, оказывались, по измѣреніямъ, грозовые тучи на 25,000 футовъ высоты; но иногда громовой слой облаковъ понижается до пяти и даже трехъ тысячъ футовъ надъ долиной.

Молніи бываютъ трехъ родовъ: въ видѣ ломанной линіи, раздо очерченная по краямъ, освѣщающая все какъ-бы раскрывающееся облако; и въ видѣ огненныхъ шаровъ. Молніи первыхъ двухъ родовъ продолжаются едва $\frac{1}{1000}$ секунды. Иногда отдаленныя облака, безъ всякаго признака грозы, долго свѣтятся внутри и по краямъ. Чтѣ до географическаго распределенія грозъ, то перуанскій берегъ, гдѣ никогда не бываетъ ни грома, ни молніи, представляетъ разкій контрастъ со всѣмъ остальнымъ тропическимъ поясомъ, гдѣ въ извѣстное время года почти ежедневно образуется гроза. Не подлежитъ сомнѣнію, что вообще на сѣверѣ между 70° и 75° широты электрическія разряженія чрезвычайно рѣдки.

Всѣ процессы поглощенія свѣта, освобожденія теплоты, измѣненія упругости, гигрометрическаго состоянія и электрической напряженности, являющіяся въ атмосферѣ, связаны между собою такъ тѣсно, что

каждый изъ нихъ условленъ всеми прочими. Это затрудняетъ объясненіе метеорологическихъ явленій и дѣлаетъ болѣею частію невозможнымъ предсказаніе измѣненій въ атмосферѣ.

—

Обошедши весь кругъ неорганической земной жизни, мы могли бы, следуя старинному способу физическихъ землеописаній, сказать, что картина природы окончена. Но гдѣ взглядъ на міръ стремится занять высшую точку, картина природы теряетъ свою прелесть, если не представитъ сферу органической жизни во всѣхъ степеняхъ ея типическаго развитія.

Міроописаніе не должно касаться исторіи организмовъ, но оно должно обратить вниманіе читателя на то, что въ неорганической корѣ земли содержатся тѣ же основныя творя, что и въ растеніяхъ и животныхъ, и что въ нихъ дѣйствуютъ тѣ же силы, только подъ неопредѣленными еще условіями. Такимъ-образомъ, географія органическаго живаго примыкаетъ къ изображенію неорганическихъ явленій въ природѣ.

Не касаясь здѣсь труднаго вопроса о «самодвижущемся», т. е. о различіи растительной и животной жизни, замѣтимъ только, что еслибъ мы получили отъ природы микроскопическое зрѣніе, и еслибъ покровы растений были совершенно-прозрачны, то царство растений не представляло бы для насъ той неподвижности и покоя, какія мы видимъ въ немъ теперь.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ я изобразилъ во взглядахъ на природу повсемѣстное присутствіе жизни на поверхности земли, знанія наши и въ этомъ отношеніи неожиданно умножились открытіями Эренберга. Сфера жизни расширилась. Вблизи обоихъ полюсовъ, гдѣ нѣтъ уже жизни въ большихъ размѣрахъ, не только движется невидимая, маленькая, микроскопическая жизнь; но даже микроскопическія формы жизни Южнаго Ледовитаго-Моря, собранныя въ путешествіи капитана Росса, особенно богаты до-тѣхъ-поръ неизвѣстными, часто изящными формами.

Значительное большинство морскихъ микроскопическихъ формъ принадлежитъ къ кремнисто-раковистымъ, хотя кремнеземъ не составляетъ существенной составной части морской воды. Океанъ населенъ не только въ извѣстныхъ мѣстахъ, или вблизи береговъ; вездѣ, при чистѣйшей его прозрачности, онъ содержитъ въ себѣ множество микроскопическихъ, самостоятельныхъ организмовъ.

Въ морѣ преимущественно царствуетъ животная, на сушѣ растительная жизнь. Массою растительной организмъ далеко превосходитъ на сушѣ животный. Характеръ различныхъ мѣстностей зависитъ отъ всѣхъ физическихъ явленій земли, но растительный покровъ все-таки составляетъ главнѣйшую черту. Животному организму не достаетъ массы, и необходимость умонадѣлимыхъ часто скрываетъ ихъ отъ нашихъ глазъ, и потому-тѣмъ, какъ растительность дѣйствуетъ на наше воображеніе своимъ неподвижнымъ величіемъ. Въ царствѣ животныхъ именно малѣй-

шая жизнь представляет поразительнѣйшія скопленія массъ. Мельчайшія инфузоріи достигаютъ только діаметра $\frac{1}{3000}$ линіи; и при всемъ томъ въ сырыхъ странахъ кремнисто-раковистые организмы образуютъ подземные оживленные слои толщиною въ нѣсколько сажень.

Повсемѣстность жизни не исключаетъ никакого пояса. Всего сильнѣе развитіе ея къ экватору, въ настоящемъ отечествѣ пальмы и бамбуковъ, гдѣ отъ богатаго моллюсками и кораллами морскаго берега почва восходитъ до линіи вѣчныхъ снѣговъ. Растенія и животныя проникаютъ во всю глубины, достигаютъ всѣхъ высотъ. Горячіе ключи содержатъ въ себѣ насѣкомыхъ; животныя живутъ во внутренности животныхъ.

Существованіе метеорическихъ инфузорій сомнительно; нельзя, однакожь, отвергать возможности пассивнаго поднятія маленькихъ инфузорій съ парами воды.

Полноту организмовъ можно разсматривать въ-отношеніи разнообразія и числа типовъ, или числа умонедѣлимыхъ даннаго рода на известномъ пространствѣ. Важное отличіе въ царствѣ животныхъ и растений составляетъ одиначная или общественная жизнь видовъ. Растенія, называемыя мною общественными (*gesellige Pflanzen*) единообразно покрываютъ большія пространства и составляютъ главнѣйшій характеръ флоры мѣстности.

Наблюдатели, быстро прошедшіе черезъ большія пространства земель и поднимавшіеся на вершины горъ, должны были замѣтить законность распредѣленія растеній. Они собирали матеріалы для науки, которой не было еще и имени — для географіи растеній. Научнообразная обработка этого предмета началась только съ-тѣхъ-поръ, какъ географію растеній тѣсно сляли съ ученіемъ о распредѣленіи теплоты на поверхности земли, когда могли наконецъ сгруппировать растенія въ естественныя семейства и нумерически опредѣлить, какія формы уменьшаются или увеличиваются въ числѣ отъ экватора къ полюсу.

Эти знанія много принесли пользы и географіи животныхъ. Кривизны изотермическихъ линій проявляются въ границахъ, которыя въ-которыя растенія и животныя рѣдко переходятъ. Дось, на-прим., живетъ на Скалдинавскомъ-Полуостровѣ почти десятью градусами севернѣе, чѣмъ во внутренней Сибирѣ, гдѣ линія равной зимней температуры замѣчательно вогнута. Растенія странствуютъ въ зародышѣ. Сѣмена многихъ одарены особенными органами для дальнихъ воздушныхъ путешествій. Животныя произвольно расширяютъ границы своего распространенія отъ экватора къ полюсамъ, преимущественно тамъ, гдѣ изотермическія линіи выгибаются и гдѣ жаркое лѣто сдѣдуетъ за суровою зимою. Тигръ доходитъ въ Сѣверной-Азіи каждое лѣто до широтъ Берлина и Гамбурга.

Группировка растеній, которую мы привыкли называть флорой, не показывается, кажется, преобладанія извѣстныхъ семействъ, такъ-что географически нельзя опредѣлить области одной формы. Характеръ флоры на высотахъ Мехико, Новой-Гранады и Кито, въ Европейской-Россіи и Сѣверной-Азіи состоитъ, по моему мнѣнію, не въ относительно большемъ числѣ породъ, образующихъ одно и два естественныя семейства,

во въ сложныхъ отношеніяхъ совместной жизни многихъ семействъ и относительномъ количествѣ ихъ породъ. Въ этой совместной жизни флора и ихъ группировка заключается общее впечатлѣніе полноты и разнообразія, или однообразія и бѣдности растительной природы.

Въ заключеніе, я долженъ коснуться и человеческого рода, его физическихъ ступеней, географическаго распредѣленія его типовъ, его вліянія на природу и вліянія природы на него. Будучи зависимъ отъ почвы и метеорологическихъ явленій атмосферы меньше животныхъ и растений, съ удивительною гибкостью организма осваиваясь со всеми климатами, человекъ существенно принимаетъ участіе во всей земной жизни. Въ этомъ отношеніи, темная проблема о возможности общаго происхожденія принадлежитъ къ кругу идей, обнимаемыхъ физическимъ міроописаніемъ. Непознаваемое царство языковъ, въ организмъ которыхъ отражается исторія народовъ, ближе всего къ области племеннаго родства. Важнѣйшіе вопросы исторіи образованности человеческого рода связаны съ идеями о происхожденіи и общности языка.

Географическія изысканія о колыбели человеческого рода чисто мифическаго характера. Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о времени, когда люди не жили бы раздѣленные на народныя группы. Было ли это состояніе первоначальнымъ, или нѣтъ, исторически рѣшить нельзя. Дѣленіе человеческого рода есть только дѣленіе на видовыизвѣстныя, называемыя довольно-неопредѣленно племенами. И дѣленіе на маленькія народныя фамиліи, при опредѣленіи племенъ, предпочтительнѣе дѣленія на большія массы. Принять ли пять племенъ, какъ Бауменбахъ, или семь, какъ Причардъ, во всѣхъ этихъ группировкахъ не достаетъ естественнаго начала дѣленія. Отдѣляютъ другъ отъ друга крайности, не заботясь о посредствующихъ членахъ.

Языки, какъ духовныя созданія человечества, глубоко сросшіяся съ его духовнымъ развитіемъ, чрезвычайно важны для опредѣленія сходства или разности племенъ. Блестящими успѣхами философскаго языковѣдѣнія въ Германіи очень облегчаются изслѣдованія національнаго характера языковъ.

Положительное этнографическое изученіе, подкрѣпленное основательнымъ знаніемъ исторіи, показываетъ, какъ должно быть осторожнымъ въ сравненіи народовъ и языковъ, на которыхъ говорили они въ извѣстныя эпохи. Порабощеніе, долгое житье вмѣстѣ, вліяніе чуждой религіи, смѣшеніе племенъ, даже при незначительномъ числѣ более-сильныхъ и образованныхъ пришлецовъ, произвели въ обоихъ материкахъ одно и то же явленіе: у одного и того же племени встрѣчаются совершенно различныя роды языка, и у народовъ различнаго происхожденія варьіанты одного и того же корня.

Языкъ есть часть естествознанія духа; и какъ свободно ни развивается духъ, все онъ не можетъ совершенно освободиться отъ вліянія вѣчности, и на немъ видна печать ея. При этой неразрывности одного съ другимъ, картина природы не должна быть лишена воззрѣній на отношеніе происхожденія къ языку, о которомъ мы здѣсь слегка напомнимъ.

Утверждая единство человеческого рода, мы отвергаемъ всякое дѣленіе на высшія и низшія племена. Вся равно созданы для свободы; во всей исторіи, съ возрастающею ясностью, можно прослѣдить одну идею — идею человечности: стремленіе уничтожить границы и дѣленія, поставленныя между людьми предрассудками и односторонними взглядами, смотреть на все человечество, не различая религій, націй и цвѣта, какъ на одно великое, братское племя, идущее къ одной цѣли — свободному развитію внутренней силы. Это крайняя цѣль общественности, стремленіе, данное человеку самою природою.

ВЫСТАВКА ИМПЕРАТОРСКОЙ САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ, ВЪ 1846 ГОДУ.

Выставка нынѣшняго года не можетъ похвалиться большимъ числомъ хорошихъ произведеній... Постараемся сообщить читателямъ наши впечатлѣнія.

Въ первыхъ залахъ расположены ученическія работы. Изъ архитектурныхъ плановъ и рисунковъ иные отличаются стремленіемъ къ изящному и легкому стилю, который съ недавняго времени вошелъ у насъ въ моду — и который, не удовлетворяя высшихъ требованій искусства, соответствуетъ по-крайней-мѣрѣ современнымъ потребностямъ, но часто впадаетъ въ декоративную манеру.

Скульптурныхъ работъ весьма-немного. — Барельефъ г-на Генсена (Кентавръ обучающій молодаго Ахилла стрѣлять изъ лука) — отличается пониманіемъ группировки и чувствомъ граціи, хотя во всемъ еще замѣтна неопытность. — Отдѣльныя фигуры (статуя и головы) болѣе или менѣе подходятъ къ разряду такъ-называемыхъ «академій» или «студій»; недурна впрочемъ статуя «Кіевскій юноша» г-на Залемана; но его же «Морфей» поражаетъ зрителя весьма-странной ошибкой: художникъ представилъ его стоящимъ, а руку (поднятой выше головы) и голову придавъ положеніе, какое бываетъ только у лежащаго человека: ругаемся г-ну Залеману, что въ такой позитурѣ даже Морфею трудно заснуть. — Рѣшительно лучше всѣхъ другихъ статуй «Пастухъ съ собакой» г-на Максимова. Мы должны были бы пройти молчаніемъ голову «Меден» г-на Лемуана (потому-что она съ художественной точки зрѣнія не заслуживаетъ никакого вниманія); но по ея поводу намъ хочется сказать нѣсколько словъ о ваяніи вообще. Ваяніе, — по преимуществу древнее искусство, которое Греки довели до степени совершенства, едва-ли не недоступной новымъ народамъ. Какъ идеализированіе человѣческаго образа, оно вполне соответствовало ихъ религіи и долго сохраняло чисто-религіозный характеръ. *Человѣкъ* былъ богомъ Грековъ; всѣ силы его души, всѣ стихіи его жизни выразились въ цѣлой міеологіи, въ идеальныхъ фигурахъ греческихъ боговъ, полубоговъ и героев. Каждое божество имѣло свою фizioномію, свой *мысъ*, отъ котораго не могъ уклониться художникъ. И какъ прекрасны, какъ вѣрны были эти типы! Спокойная, божественная сила, разумъ, власть и кротость власти, ясно выражались въ слегка-наклоненномъ челѣ, поднятыхъ локонахъ, струящейся бородѣ и величавомъ взглядѣ сидящаго Зевса «отца боговъ и людей»; дѣятельную, но тяжелую, земную мощь Геркулеса означали его огромныя плечи, небольшая голова, курчавые волосы, низкій лобъ и развитыя мышцы; глядя на изображенія Паллады, Аполлона, Вакха, вы только удивляетесь чуду неразрывности основной мысли съ полнымъ и всестороннимъ ея выраженіемъ, этому высшему

и единственному чуду въ мірѣ искусства. А между-тѣмъ, эта неизмѣняемость божественныхъ типовъ не только не стѣсняла художниковъ, но напротивъ давала имъ возможность тѣмъ рѣзче и полнѣе выказывать особенность своего таланта. Въ-послѣдствіи, ваяніе расширило свой кругъ и перешагнуло черезъ свои границы (хотя до конца рѣдко выходило изъ предѣловъ мифологическаго міра); оно измѣнило своему коренному правилу: представлять—не отдѣльныя дѣйствія, случаи жизни (какъ въ «Лаокоонъ»), но главныя начала человѣческаго бытія,—не страсти, но силы, которыя живутъ и движутся въ страстяхъ. Сдѣлившимъ замѣтить, что наши слова не заключаютъ въ себя упрека; всякое искусство стремится обогатиться, расшириться и перейти въ сферу другаго, высшаго искусства. За величавой, первобытной простотой Эсхила послѣдовало обаятельное изящество Софокла, которое весь тонкій умъ, все опытное мастерство Эврипида уже не могли замѣнить... Точно также развивалось (другіе и не безъ основанія скажутъ—упадало) ваяніе. Первые изображенія древнихъ боговъ (которыхъ, къ-сожалѣнію, осталось слишкомъ-мало) еще носятъ на себѣ отпечатокъ родства съ Египтомъ; потомъ настала та золотая, чисто-греческая пора ваянія, къ которой относятся, между прочимъ, безсмертныя останки Пареевона; наконецъ наступила и третья эпоха, подобная эпохѣ Эврипида... Потомъ погибла в Греціи и съ ней исчезло искусство, котораго преданія не долго сохранялись въ чужой землѣ, въ Римѣ, подъ руками переселившихся туда Гречисекъ (Graeculi), какъ называлъ ихъ Ювеналь...

Мы сказали все это для того, чтобъ показать, какъ въ-которые современные художники мало изучаютъ, или какъ ложно понимаютъ и собственное искусство и древность. Напр. кто въ этой женской фигурѣ, странно выдавшейся впередъ, съ огромнымъ узломъ волосъ на лбу, съ мелкими, напряженными чертами лица — узнаетъ Медею, этого страшный типъ женской истинности и непреклонной воли? И почему художникъ даетъ своему произведенію названіе *Меден*??? — Но мы довольно говорили о «*Медель*» г-на Лемуана и повторяемъ, говорили — не для него, потому-что не видимъ въ немъ таланта, а для молодыхъ художниковъ, которые желаютъ посвятить себя ваянію. — Учитесь, господа, изучайте древность съ любовью, съ постоянствомъ, старайтесь понять ея духъ, не искажайте ея. И въ наше время область ваянія широка и просторна; и въ наше время оно тѣсно связано съ религіей, хотя въ совершенно другомъ смыслѣ, чѣмъ у древнихъ... но мы поговоримъ объ этомъ вопросѣ въ другой разъ, а именно по поводу произведеній г-на Витали, безспорно *перваго* современнаго скульптора, одного изъ тѣхъ людей, которыми долго будетъ гордиться Россія.

Перейдемъ къ живописи.

Ученическихъ работъ много. Слѣпность изученія, необдуманность, желаніе щегольнуть колоритомъ (часто при неумѣннхъ сладить съ первоначальными затрудненіями), — вотъ ихъ главные недостатки. Недурны портреты (особенно мужской) г-на Завадскаго, ученика профессора Басина; хорошъ старикъ, этюдъ съ натуры г-на Осодорова; въ лицѣ «Молящейся нищей» г-на Славянскаго,

ученика профессора Маркова, выраженіе схвачено и передано вѣрно. Въ картинѣ г-на Тихобразова, ученика профессора Басина («Христосъ изгоняетъ торгующихъ изъ храма») замѣтно прилежаніе. Картина г-на Максимова: «Божія-Матерь съ Младенцомъ» имѣетъ достоинства; но лицо Божіей-Матери слишкомъ отзывается портретомъ, и колоритъ тѣла непріятно-синева. Но гдѣ г-нъ Борисполець видѣлъ тотъ сине-желтый колоритъ, который придаетъ онъ своимъ фигурамъ? И что за рисунокъ! Ученическіе пейзажи большею частію неудачны; понятъ фizioномію, характеръ, жизнь природы чрезвычайно-трудно—и весьма немногимъ она позволяетъ «заглянуть къ себѣ въ грудь, какъ въ сердце друга». Начинающіе впадаютъ обыкновенно въ двѣ погрѣшности: либо сухо и рабски передаютъ ея очертанія... безжизненно списываютъ вѣчно и всюду Живущее; либо придаютъ ей небывалый, преувеличенный блескъ, румянятъ и золотятъ ее не кстаті; но весь ихъ условный, будто-бы теплый колоритъ не можетъ согрѣть леденящаго холода ихъ ложнаго воззрѣнія. Къ первому разряду принадлежитъ, между прочими, г-нъ И. Ивановъ, ученикъ г-на Воробьева. У него со-временемъ можетъ развиться талантъ. Ко второму относятся г-нъ А. Ивановъ, Ждановъ, Лагоріо и другіе. Г-нъ Дороговъ, ученикъ профессора Воробьева, выставилъ нѣсколько хорошихъ пейзажей, которые мы однакожъ должны упрекнуть въ непріятно-яловомъ колоритѣ и нѣкоторой сухости. Хорошъ тоже «Дубовый лѣсъ съ болотомъ» г-на Мейера, ученика того же профессора. Двѣ или три картины изображаютъ море; но какъ это море изображено!!!

Отъ учениковъ обратимся къ художникамъ.

Священная живопись. — Изъ выставленныхъ картоновъ (къ Исакіевскому Собору) мы отдаемъ рѣшительное преимущество картонамъ профессора Басина. Знаменитый Брюловъ выставилъ въ нынѣшнемъ году всего пять картоновъ, изъ которыхъ особенно удался Апостолъ Павелъ (*); «Истязаніе Спасителя» такъ же замѣчательно, какъ и все, что выходитъ изъ рукъ извѣстнаго нашего художника; но намъ показалось, что группировка этой мучительной сцены уже слишкомъ-часто была именно такъ придумана — хотя въ исполненіи самой картины все, что намъ кажется теперь нерѣшительнымъ и неяснымъ — вѣроятно получить определенность и силу. Въ этомъ намъ порукой талантъ г-на Брюлова. Но, повторяемъ, картоны г-на Басина — лучшіе на выставкѣ. Обдуманность группировки, искренняя теплота чувства, правый, отчетливый рисунокъ, спокойная кротость выраженія — вотъ главныя свойства этого замѣчательно-округленнаго и яснаго таланта. Драматическіе сюжеты ему не подъ силу: мы, напр., совершенно удовлетворены его картонами: «Св. Георгій-Побѣдоносецъ» и «Сраженіе Александра-Невскаго со Шведами». Но какъ хорошъ его картонъ «Ковчина Александра-Невскаго!» Какъ вѣрно и трогательно выраженіе лицъ священника и діаконъ... какое тихое, за-

(*) Въ прекрасномъ, бойко написанномъ картонѣ (части Плафона): «Божія-Матерь на небесахъ», намъ не совсѣмъ понравились ангелы, расположенные въ видѣ *hermes-sóis* и напоминашіе намъ неаполитанскую школу.

думчивое горе взлетъ отъ этой праведной кончины! Мы бы однакожь осмыслились замѣтить, что положеніе маленькой дѣвочки, по нашему мнѣнію, нѣсколько нарушаетъ гармонію впечатлѣнія, которое производитъ въ душѣ зрителя это замѣчательное произведение. — Весьма также хороши картоны того же г. Басина: «Св. Никодимъ» и «Св. Іосифъ». Только у него, да у Брюлова вы замѣтите то, что называется личностью, самобытностью, характеромъ. Картоны академика Рисса нарисованы и расположены правильно, умно, (особенно «Крещеніе Народа» и «Крещеніе св. Владиміра»), чего никакъ нельзя сказать про картоны г. Алексѣева. Въ его рисунокъ попадаютъ часто большія ошибки, какъ, на-прим. въ фигуру *спящаго* (въ картинѣ «Испытаніе Спящаго»). Вообще, г. Алексѣевъ и въ группировкѣ не силенъ. Большая картина профессора Маркова, «Свиданіе Іосифа съ отцомъ и братьями», прекрасно нарисована (г. профессоръ Марковъ едва-ли не лучший у насъ рисовальщикъ); но колоритъ его сухъ, фигуры плоски.. и «mens divini» тоже не достаетъ. На лицѣ у Іосифа скорый испугъ, чѣмъ радость. Недуренъ картонъ г. Завьялова. Г. академикъ Плюшаръ и штабс-капитанъ Никитинъ менѣе всѣхъ удовлетворили насъ.

Во второмъ отдѣленіи слѣдовало бы помѣстить историческую живопись. Но ся вѣтъ на нынѣшней выставкѣ. Что же касается до остальной *фигурной* живописи, то и въ этомъ отношеніи выставка бѣдна. Весьма-замѣчательны своей добросовѣстной отдалкой, умной композиціей и хорошимъ, хотя нѣсколько-жесткимъ колоритомъ, портреты г. Штейбена, въ-особенности портретъ графа Строганова. Это — солидная живопись. Портреты г. Тыронова нѣсколько манерны и, какъ Французы говорятъ, *lêchés*; его Вакханкѣ можно сдѣлать тотъ же упрекъ; портретъ г. Неффа (г-жи Сухозанетъ) весьма-недуренъ. Фигуры г. Майкова отличаются обыкновенными достоинствами и недостатками этого художника. Г. профессоръ Ладюрнеръ выставилъ около 12 хорошихъ картинъ, изображающихъ офицеровъ и солдатъ различныхъ полковъ; знаменитый Орасъ Вернѣ прислалъ свою, уже по гравюрамъ извѣстную картину: «Итальянскіе Разбойники», — картину, посвящую на себя всѣ признаки его блестящаго и сильнаго таланта. Зритель невольно остановится передъ этой замѣчательной импровизаціей мастерской кисти перваго современнаго батальнаго живописца. Кстати о батальной живописи. Художникъ Гессе выставилъ «Переходъ Французскихъ войскъ черезъ Березину». Въ-отношеніи къ группировкѣ, эта картина заслуживаетъ большихъ похвалъ; нѣвые эпизоды весьма-верно и умно придуманы, и, что всего важнѣе въ батальныхъ композиціяхъ, художникъ не потерялся въ подробностяхъ, но передаетъ зрителю *цѣлое* дѣйствіе. Справа напираютъ Русскіе и вторгаются въ лагерь и вагенбургъ полузамерзшихъ Французовъ; начальники, какъ-бы изъ состраданія, остановились; вдали на берегахъ враждебной рѣки тѣснится обезумѣвшія толпы; мостъ обрывается... Къ-сожалѣнію, колоритъ г. Гессе — сухъ; въ особенности на вторыхъ планахъ замѣтенъ этотъ недостатокъ; нѣвыя части картины отзываются мозаичной работой; трудъ не вездѣ замѣняетъ вдохновеніе. Переходы отъ первыхъ плановъ ко вторымъ (тоже важное затрудненіе въ батальныхъ картинахъ) не со-

всѣмъ-удачны... Въ этомъ отношеніи, Орасъ Вернѣ можетъ служить образцомъ; у него вы действительно видите цѣлое сраженіе передъ собою, обозрѣваете массы, понимаете ихъ движенія; эпизодическія сцены на первомъ планѣ непринужденно связываются съ цѣлымъ... Между-тѣмъ, какъ большая часть современныхъ батальныхъ живописцевъ представляетъ вамъ, спереди, борьбу пяти или шести человекъ,—нѣсколько убитыхъ, вдали облака дыма и пыли и называютъ это сраженіемъ.

Перейдемъ къ пейзажамъ.

На нынѣшней выставкѣ наша публика впервые познакомилась съ весьма-замѣчательнымъ пейзажистомъ, Каламомъ. Онъ прислалъ двѣ картины: «Каскадъ въ Швейцаріи» и «Лѣсъ послѣ Бури». На первой изъ нихъ вы видите небольшую поляну; потокъ бѣжитъ по ней и падаетъ черезъ камни; на краю неба, черезъ всю картину тянется ровная цѣпь снѣжныхъ горъ и ледниковъ, освѣщенныхъ желтыми лучами солнца; особенный, полупрозрачный туманъ, знакомый людямъ, посѣщавшимъ горныя страны, наполнилъ воронку отдаленной долины, полузаслоненной холмами... Отъ этой картины вѣетъ всюю величавой прелестью, свѣжестью и целомудренной тишиной швейцарской природы. Каламъ самъ Швейцарецъ. Его прекрасный, спокойный талантъ, въ которомъ нѣтъ ничего *романтическаго*, совершенно по-дѣлать характеру его родины... Другая картина, еще, можетъ-быть, лучше, хотя она намъ представляетъ только частный эпизодъ изъ жизни природы (если можно такъ выразиться). Зеленый, пышный лѣсъ еще не успокоился послѣ бури... Гроза не пронеслась совершенно... было-ливовья, смѣшанныя, длинныя тучи заволокли все небо... безпокойный вѣтеръ еще шумитъ въ сырыхъ, встревоженныхъ листьяхъ... трава пригнулась къ землѣ... груди станowiąтъ тяжело и отрадно; вамъ хочется глубоко вздохнуть. Нигдѣ, на вѣчелъ малѣйшаго преувеличенія, малѣйшей цѣвѣрности... впечатлѣніе ваше полно, ясно и живо. Въ талантѣ Калама много поэзіи, простоты, чувства мѣры и истины. Передніе планы, можетъ-быть, не довольно определены и выпуклы (въ обихъ картинахъ)... но все-таки публика наша не обманулась, провозгласивъ «Лѣсъ» Калама перломъ выставкы; онъ въ прошломъ году произвелъ впечатлѣніе и въ Парижѣ, и мы тѣмъ болѣе обрадованы его появленіемъ, что онъ, сколько намъ кажется, на весьма-хорошей дорогѣ. Не-уже-ли жь съ Клод-Лорреномъ и Рюсдалемъ умерла пейзажная живопись? Не пора ли воскресить ее?

«Лѣсъ», Голландца Кукука, зеленъ, свѣжъ и соченъ, но, можетъ-быть, слишкомъ-соченъ и зеленъ. Подробности деревьевъ переданы удивительно; вообще вся картина очень-хороша... жаль, воздуха и свѣта мало, особенно воздуха. Изъ остальныхъ пейзажей достойны вниманія: видъ Неаполя г. Воробьева, виды гг. Чернецовыхъ... Мы не можемъ, однакожъ, не замѣтить, что наши художники, стараясь передать красоту южной природы, почти всегда переходятъ черту истины; какъ солнце ни ярко, какъ краски ни ослѣпительны на югѣ, освѣщеніе всегда остается *естественнымъ*. Впрочемъ, мы легко понимаемъ и извѣняемъ подобное увлеченіе: глазу сѣвернаго человека такъ ново, такъ странно зрѣлище

южного неба! Мы не считаемъ нужнымъ говорить о неудачныхъ пейзажахъ... ихъ довольно-много...

Лепушатень прислалъ морской видъ, небольшой эскизъ, о которомъ не можемъ ничего сказать особеннаго...

Въ числѣ произведеній, неподходящихъ къ упомянутымъ нами рядамъ, мы замѣтили: «Русскаго Курьера», г. Тимма, даровитаго ученика Ориса Вернѣ, маверъ котораго онъ, какъ всякій ученикъ, ревностно подражаетъ... Будемъ надѣяться, что со-временемъ изъ него выйдетъ талантливый живописецъ. Старуху съ полотнищемъ и Кормилицу съ ребенкомъ, г. Жуковскаго (остальные его рисунки, особенно «Собака», весьма-неудовлетворительны); нѣсколько картинокъ въ родѣ называемомъ «tableaux de genre», г. Шредера, весьма пропитаны нѣмецкимъ духомъ... Изъ художниковъ мюнхенской школы, нѣкоторые прислали свои произведенія... объ нихъ нельзя сказать ничего, ни дурнаго, ни хорошаго. Впрочемъ ни одна знаменитость (даже второстепенная) этой замѣчательной, хотя искусственной школы, не явилась на нашу выставку. Если же арзамасская школа не въ состояніи представить ничего лучше того, чѣмъ она насъ порадовала въ нынѣшнемъ году, то слава-ли ей слава прочна. Портретъ, выставленный даровитымъ Моллеромъ, недоконченъ, но, вообще прекрасенъ.

Литографіи г. Долье отличаются отчетливостью и отливкой; портретъ графа Мишо де-Боретуръ замѣчательно-хорошая литографія. Изящны акварели г. Гау.

Изъ этого довольно-подробнаго обзорѣя выставки нынѣшняго года читатель можетъ убѣдиться въ справедливости замѣчанія, которымъ начинается наша статья. О искусствѣ въ Россіи можно сказать то же, что и о нашей литературѣ: талантовъ маленькихъ у насъ весьма-мало, потому что мало потребностей; но за то есть два-три чрезвычайно-замѣчательные. Мы уже должны быть довольны тѣмъ, что у насъ есть *Витали*. Но нельзя не желать, чтобъ искусство въ Россіи разрослось обильно и плодотворно; чтобъ оно приняло *народный* и своеобразный характеръ,—народный не въ томъ исключительномъ и ложномъ смыслѣ, какой придаютъ иные этому слову, но въ обширномъ и истинномъ его значеніи. Кто старается вслѣдствіе отдаленія, отличать себя отъ другихъ, кто самолюбиво и заботливо хлопочетъ о своей особенностн,—тотъ становится не оригинальнымъ, а *ориналомъ*; только тотъ, кто безъ предубѣжденія и самолюбія, съ любовью предается искусству, и не стѣсняя различія собственныхъ силъ, предоставляетъ имъ самимъ снѣться наконецъ въ самобытность, въ творчество, въ талантъ (если суждено ему имѣть талантъ), только тотъ и достигнетъ истинной оригинальности, и, какъ русскій человекъ, будетъ и въ искусствѣ Русскій, самъ не думая объ этомъ, и самъ не зная какъ. Пускай же цвѣтетъ, растетъ и крѣпнетъ русское искусство! Да сохранитъ его судьба отъ несчастія ложной системы, подражанія, принятыхъ теорій и геніальничанія!.. Это наши «*pria desideria*».

ОЛИВЕРЪ КРОМВЕЛЛЬ.

Статья вторая.

КРОМВЕЛЛЬ — ВОИНЪ И ГЛАВА ПАРТІИ.

Теперь мы займемся Кромвеллемъ—воиномъ и предводителемъ партіи; будемъ говорить о немъ собственными его словами. Читатели увидятъ его дѣйствія въ его письмахъ, увидятъ при случаѣ и коварство и насилие: въ Ирландіи жестокость и кровожадность; въ парламенте уничтоженіе и лицензарство; но въ основѣ всегда одно: убѣжденіе; — увидятъ, что Кромвелль былъ хитеръ, жестокъ, самовластенъ, веселъ, когда ему что-либо удавалось; но никогда не былъ притворенъ, никогда не противорѣчилъ самому себѣ; — увидятъ, что онъ предавался шутовству и забавлялся, какъ играющій левъ; но никогда не былъ вытронъ, какъ представляли его некоторые историки. Онъ кидалъ подушки въ друга своего Гэзларга: по этому онъ лицензаръ! Онъ вымаралъ чернилами носъ одному изъ своихъ собратій: итакъ онъ лицензаръ. Безсмысленный выводъ! Дало въ томъ, что въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ въ немъ вдругъ высказывается фермеръ и крестьянинъ, деревенскій дворянинъ; время-отъ-времени онъ переводитъ духъ и отдыхаетъ.

Ненадобно забывать главнаго: съверъ имѣлъ оружіемъ своимъ протестантизмъ, а Кромвелль былъ протестантъ по преимуществу. Девизомъ этого оружія былъ кальвинизмъ: Кромвелль былъ самымъ отчаяннымъ изъ всѣхъ кальвинистовъ. Представитель савера, вооружившагося противъ Рима, онъ явился средоточіемъ половины Европы. Поработавъ хореженско, онъ сдѣлался тяжелымъ снарядомъ, какъ кузнецъ на отдыхѣ. Подобное объясненіе Кромвелля гораздо-проще того страннаго и туманнаго образа, въ которомъ обыкновенно его представляютъ: но изъ того, что оно просто, еще не слѣдуетъ заключать, что оно несправедливо. Кромвелль стремился туда, куда несли его обстоятельства; для этого у него было достаточно силы и гибкости. Онъ поднялся съ той стороны, откуда дулъ вѣтеръ. Когда пришла минута рѣшить вопросъ оружіемъ, нуженъ былъ воинъ-кальвинистъ: Кромвелль былъ воиномъ кальвинизма, кальвинистомъ въ войнѣ и для войны. Ему пришла въ голову гениальная мысль: посредствомъ сонатами онъ привелъ къ дисциплинѣ людей безъ

порядочныхъ и распущенныхъ и кинулъ ихъ противъ древняго рыцарства, которое имало свою организацію и свою дисциплину. Эта мысль была его счастьемъ.

Въ 1641 году, обнаженные мечи еще не скрестились. Кромвель знаетъ недолго въ Эли, оставляетъ тамъ свою жену и принимаетъ востановленное участіе въ преніяхъ парламента. Онъ ревностнѣйшій пуританинъ, жертвуетъ деньгами, не говоритъ длинныхъ рѣчей и, какъ человекъ совершенно-практическій, предлагаетъ разрѣшенія для вопросовъ, терпящихъ отлагательства; отъ февраля до іюля мѣсяца 1642 года, отъ времени до времени онъ встаетъ въ палату, чтобъ поторопить, понудить, указать средства для успѣха; ему нуженъ успѣхъ, а не рѣчи. Вѣтченіе этихъ лѣтъ, 1641, 42, 43, Карлъ, въ отчаяніи, дѣлаетъ важнѣшія ошибки свои—предаетъ на смерть Стаффорда, хочетъ лично арестовать заговорщиковъ и, наконецъ, въ печальный и сырой день въ Ноттингемѣ водружаетъ свое знамя. Несчастный Карлъ!—У Томаса Карла слишкомъ-мало состраданія... Д'Израели и Лингардъ совершенно доказали, что у него были и умъ и сердце, что онъ не былъ трусливою женою, что онъ не былъ коваренъ;—но, какъ все люди, потеритъ гнетомъ тяжелой судьба, онъ не могъ ни на что рѣшиться, не рѣшился, могъ исполнить свое рѣшеніе.

И такъ, король дѣлалъ важныя ошибки и довольно-близко былъ противъ грезы, между—тѣмъ, какъ казнь-и-смертная палата, съ оружіемъ въ руку, шла съ торжествующей силой. Оливьеръ Ост-Джонъ, епископъ-и-канцлеръ Кромвеля, сдѣланъ былъ генерал-прокуроромъ (*Attorney-general*); дворецъ въ Карлѣ оставилъ Уиндзоръ; бромбуръ рѣшительно выдѣлился во множество; трестъ констебля потеряла свою силу; а королевскія пожертвованія гражданъ-казенниковъ грудами складывались на зеленыхъ коврахъ парламента. Каждый, заявивъ свою преданность королю, приносилъ деньги для составленія милиціи и разрушенія туринъ; Гамденъ далъ тысячу фунтовъ стерлинговъ; Кромвель, 3-го апрѣля, триста фунтовъ, итѣмъ; 9 апрѣля, пятьсотъ. Царыи переселились въ Кромвеля. — 15 іюля въ журналъ нижней палаты записано:

«Мистеръ Кромвель сдѣлалъ предложеніе, чтобъ мы отделили отъ дозволенія гражданамъ Кембриджа набрать двѣ роты воиновъ и назначить имъ капитановъ.»

Въ тотъ же день, 15 іюля, секретарь нижней палаты пишетъ въ реестръ слѣдующія слова:

«Такъ-какъ г-нъ Кромвель послалъ въ графство Кембриджъ для защиты этого графства, то мы сегодня предоставляемъ 400 фунтовъ стерлинговъ, которые онъ издержалъ на службу лангъ и отдалъ... когда-нибудь.»

Знаете ли мистеръ Кромвель, что все это—государственные деньги, что тутъ даже идетъ не объ однихъ воинахъ, а объ ихъ содержаніи, что, что и т. д.

Оливеръ Кромвель это очень хорошо знаетъ и не останавливается. Следующая записка еще любовитѣе:

«15 августа. — Въ графствѣ Кэмбриджъ мистеръ Кромвель захватилъ магазинъ графства Кэмбриджъ и не позволилъ взять серебро, принадлежащее университету, которое стоить, какъ говорятъ, 20,000 фунтовъ стерлинговъ или около того.»

Вотъ что докладываетъ палата сэръ Филиппъ Стэплтонъ, депутатъ Альдбру и членъ новаго комитета для защиты королевства. Мистеръ Кромвель получить вознагражденіе, потому-что онъ отправился въ Кэмбриджширъ лично, и съ-тѣхъ-поръ, какъ тамъ стали собирать мплиціи, принялъ надъ ними главное начальство. Кажется, эта выходка его была не безъ нѣкоторыхъ результатовъ, если вѣрять одному роялистскому лѣтописцу, сэру Джону Брантону, котораго записки издаю каменское общество:

«При возвращеніи нашемъ въ Голтингдонъ, говорятъ онъ, между нѣкими городомъ и Кэмбриджемъ, нѣсколько мушкатеровъ выскакиваютъ изъ ржи и приказываютъ намъ остановиться, говоря, что насъ надобно обыскать, и что для этого намъ надобно явиться къ мистеру Кромвеллю и отдать ему отчетъ: откуда и куда мы ѣдемъ. Я спросилъ гдѣ мистеръ Кромвель. Одинъ изъ солдатъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ за четыре мили. Я возразилъ, что это заведетъ насъ далеко въ сторону отъ нашей дороги; что еслибъ мистеръ Кромвель былъ тутъ, я удовлетворилъ бы всѣмъ его желаніямъ; потомъ, опустивъ руку въ карманъ, я далъ одному изъ нихъ двенадцать пенсовъ, и онъ сказалъ намъ, что мы можемъ ѣхать. Изъ этого я увидалъ ясно, что отцу моему невозможно ѣхать въ своей каретѣ къ королю, въ Йоркъ».

Такимъ-образомъ, въ 1641 году, прежде нежели протестанты начали предчувствовать борьбу, въ которую они потомъ вступили, Кромвель, военный начальникъ своего графства, лично бунтуетъ и останавливаетъ роялистовъ на большихъ дорогахъ. 14 сентября мы видимъ Кромвелла «капитаномъ шестьдесятъ-седьмого эскадрона», подъ начальствомъ графа Эссекса; не удивительно, что въ то же время старшій сынъ его служить корнетомъ въ «восьмомъ эскадронѣ»; онъ весь, самъ, съ имѣніемъ своимъ, съ семействомъ, и со всею будущностью кинулся въ борьбу народную. Сдѣлавшись членомъ пуританскаго союза, имѣвшего цѣлю утвержденіе власти парламента въ пяти восточныхъ графствахъ (Норфолькъ, Линкольнъ, Эссексъ, Кэмбриджъ и Гертсъ) онъ, нимало не задумавшись, дѣлаетъ обыски въ замкахъ, захватываетъ скрытое оружіе, всюду распространяетъ молчаніе и ужасъ. Поступки его, въ случаѣ сопротивленія, и даже подозрѣнія, были немилосерды, какъ доказываетъ слѣдующее письмо, адресованное къ «его доброму другу», Роберту Бернису, жителю сент-айнскому, человѣку богатому, мирному судѣ и доброму протестанту. Языкъ этого письма грубъ и едва похожъ на англійскій, даже на языкъ той эпохи и тогдашняго мѣщанства; видно, что Оливеръ Кромвель много изучалъ библію, то нѣколько разъ годич-

нымъ пребываніемъ своимъ въ Кембриджъ, и что онъ сильно заботился о томъ, чтобъ успѣть, но слишкомъ-мало о томъ, чтобъ хорошо писать:

Моему доброму другу Роберту Бернарду, сквайру, отдать это письмо.

«Голтискидонъ, 25 января 1642.»

«Господинъ Бернардъ,

«Совершенно справедливо, что мой лейтенантъ и нѣсколько другихъ солдатъ моего отряда были у васъ въ домѣ. Я принялъ смѣлость приказать спросить васъ: причина этому была та, что мнѣ васъ представляли дѣйствующимъ противъ парламента, и за тѣхъ, которые нарушаютъ миръ этой страны и королевства, съ тѣми, которые держали митинги не въ маломъ числѣ, съ намѣреніями и цѣлію довольно... нѣтъ, слишкомъ подозрительными.

«Правда, милостивый государь, вы были осторожны въ своихъ движеніяхъ: но не слишкомъ этому доверяйтесь. Въ тонкости вы можете обмануться, въ правотѣ никогда. Отъ всего сердца желалъ бы я, чтобъ ваши мнѣнія измѣнились, такъ же какъ и ваши дѣйствія. Я прихожу только за тѣмъ, чтобъ помышлять людямъ увеличивать прорѣху (rent), и дѣлать зло, а не за тѣмъ, чтобъ самому дѣлать кому-либо зло и вамъ не сдѣлаю зла; надѣюсь, вы не дадите мнѣ къ тому повода. Если вы это сдѣлаете, то меня нужно будетъ простить за исполненіе того, что налагаютъ на меня обязанности мои въ-отношеніи къ народу.

«Если вашъ здравый смыслъ укажетъ вамъ эту дорогу, то знайте, что я вашъ покорнѣйшій слуга,

«Оливеръ Кромвелль.»

«Будьте увѣрены, что я не хочу сладкими словами лишитъ васъ ни вашихъ домовъ, ни вашей свободы.»

Достойны замѣчанія характеръ и сильныя черты этого письма, такъ дурно написаннаго; онъ еще только бунтующій мящанинъ, готовый на все, рѣшившійся употребить все, и онъ предупреждаетъ Бернарда, чтобъ тотъ не думалъ обмануть его: — *Subtlety may deceive you, integrity never will.*

Около этого времени, фермеръ, надѣвший отнынѣ черную кирасу и носящій на своихъ здоровыхъ плечахъ перевязь изъ желтой кожи, посылалъ, какъ мы уже говорили выше (*), своего дядю Кромвелля, разорившагося дворянина, жившаго въ башнѣ, окруженной болотами. Провинція приучалась видѣть, какъ онъ проѣзжалъ крупной рысью по всѣмъ пяти графствамъ союза, спѣша на помощь своимъ единомышленникамъ по религіи или отмщая ихъ обиды. На-примѣръ, крестьяне въ Гантонѣ, въ графствѣ Норфолькѣ, будучи пуританами, терпѣли сильныя притѣсненія отъ нѣкоего Броуна. Вотъ учтивое посланіе, написанное Кром-

(*) См. первую статью въ предъидущей книжкѣ «Отеч. Зап.».

веллемъ къ мѣстному владѣльцу, сэру Томасу Найветту: поддерживаемое двумя стами кавалеристами, съ мушкетонами, мечами и пороховницами въ добромъ порядкѣ, оно безъ всякаго сомнѣнія принесло нѣкоторую пользу угнетеннымъ гаптонскимъ кальвинистамъ.

Моему доброму другу Томасу Найветту, сквайру, съ домъ ево въ Эшусельторпъ, это письмо.

«Январь 1642, Норфолкъ.»

«Милостивый государь,

«Не оказавъ вамъ никакой услуги, я не могу требовать отъ васъ никакого участія, никакихъ одолженій въ замѣну тѣхъ, которыя я еще могу для васъ сдѣлать; но, чувствуя себя способнымъ сдѣлать для того, чтобъ одолжить порядочнаго человека, все, что только потребуетъ участивость, я безъ страха начинаю просьбою къ вамъ о покровительствѣ вашимъ бѣднымъ честнымъ соседямъ, жителямъ Гаптона; они, какъ я слышу, находятся въ плохомъ положеніи, грозящемъ сдѣлаться еще хуже, благодаря нѣкому Роберту Броуну, вашему фермеру, который, будучи недоволенъ религіозными мнѣніями этихъ людей, изыскиваетъ вся средства вредить имъ.

«Въ-самомъ-дѣлѣ, ничто не побуждаетъ меня обратиться къ вамъ съ этою просьбою, кромѣ участія, возбужденнаго во мнѣ ихъ добросовѣстностью и преслѣдованіями, которыя, какъ я слышалъ, они терпятъ за дѣло ихъ совѣсти и за то, что свѣтъ называетъ ихъ упорствомъ.

«Я не стыжусь просить за людей столь притѣсняемыхъ, въ какомъ бы мѣстѣ они ни жили; въ этомъ случаѣ я поступаю такъ, какъ желалъ бы, чтобъ поступали въ-отношеніи ко мнѣ. Милостивый государь, нынѣшній вѣкъ—вѣкъ битвъ, и худшая ненависть, по моему мнѣнію, та, которой основаніемъ служить различіе мнѣній: притѣсненіе людей въ ихъ личностяхъ, въ домахъ и въ ихъ имуществѣхъ не можетъ быть хорошимъ отъ нея лекарствомъ. Милоставый государь! вы не будете раскаиваться, если защитите отъ угнетенія и обиды несчастныхъ жителей Гаптона, и настоящее письмо имѣетъ одну цѣль—просить васъ это сдѣлать. Милостивый государь, сльдствіемъ этого будетъ самая искренная признательность и величайшія усилія, чтобъ отплатить вамъ за это одолженіе со стороны

«Оливера Кромвелля.»

Въ этихъ письмахъ, отрывкахъ Томасомъ Карилемъ у наследниковъ Найветта и Бернарда, виденъ рѣшительный защитникъ народныхъ мнѣній. Этотъ строгій, повелительный, разкій, хотя учтивый тонъ, не требуетъ поясненій. Въ немъ ясно видно возвышеніе Кромвелля и постепенность этого возвышенія. Вскорѣ восточный «пуританскій союзъ» поглощаетъ еще два новыя графства, что приводитъ подъ власть одного человека *семь графствъ*, а мы еще въ 1642 году. Пытались соединить подобнымъ образомъ многія другія провинціи; эти союзы, не имѣвшіе Кромвелля, пали одинъ за другимъ; остался только союзъ семи восточ-

ныхъ графствъ, котораго единственною главою былъ гентингдонскій кальвинистъ-сержантъ.

При первой спешке, при Эджиллѣ, онъ находить, что лондонскіе аркашники (аргентисес) и савонья виноторговцевъ (tapsters), набранный нижнею палатою, съ трудомъ выдерживаютъ натискъ кавалеровъ, зыкомыхъ съ употребленіемъ оружія; онъ сообщаетъ это замѣчаніе своему двоюродному брату, Гампдену.

— Наши непріатели люди съ честью, отвѣчаетъ Гампденъ.

— Чести надобно противопоставить религію.

Таковъ отвѣтъ Кромвелля. Признавалъ, что разстроенное войско должно уступить устроенному, онъ принимается за устройство своей арміи посредствомъ фанатизма, устройство болѣе строгое и глубокое. Д'Изерли и Бутлеръ показываютъ намъ, что такое была пуританская армія, и что онъ изъ нея сдѣлалъ. Она организовалась изъ группы лозимитовъ и лоскутцевъ, ухватовъ и кировъ, и разбила лучшія войска Каролы.

И вотъ самый отчаянный кальвинистъ въ цѣломъ государствѣ является главнымъ начальникомъ войска; послѣдствія угадать легко. Первый кальвинистъ, первый солдатъ; чего не достигнетъ онъ въ то время, когда власть принадлежитъ кальвинисту и военскимъ успамъ!

Устройство арміи посредствомъ фанатизма было дѣломъ Кромвелля. Юнгъ и Лингардъ не говорятъ объ этомъ обстоятельствѣ, но самъ бы хорошо его знать, и въ парламентскихъ рѣчахъ своихъ безпрестанно повторяетъ, что онъ доставилъ торжество своей партіи. Этихъ представлений все было рѣшено. Во всѣхъ сраженіяхъ, въ которыхъ принимали участіе «регулярныя» войска Кромвелля, они всегда ждали.

Сперва любопытно было видѣть пуританскую армію на походѣ. Характеристическою чертой ея была каррикатурность, особенно въ началѣ. «Они вооружены всякаго рода оружіемъ» говоритъ одинъ романъ: «одѣты во вся цвѣта и во всевозможныя лохмотья. У нихъ пикъ, «барды, мечи, рапиры и ухваты. Они то останавливаются для «вѣдъ, то учатся и поютъ псалмы. Пуританскія знамена отличались странностью своихъ изображеній: на большей части изъ нихъ были величественныя изображенія и цитаты изъ библіи. Однажды вечеромъ, около Йорка, отрядъ кавалеровъ пѣлъ, походомъ, сатирическіе куплеты. Невдалекѣ проходилъ отрядъ пуританъ, которые пѣли на тотъ же голосъ псалмы Давида. Оба отряда кинулись другъ на друга, продолжая пѣть, и дрались съ такою яростью, что остались только мертвые, живыхъ не было.

Вскоръ Эссексъ, чедовѣкъ умный, тихій и разсудительный, оставленъ назадъ пылкимъ двигателемъ этой войны, народнымъ винистомъ и смѣлымъ фермеромъ. Кромвелль, въ началѣ второй войны, водилъ пуританъ, вскоръ занялъ первое мѣсто, которое и удерживалъ за собою: его поддерживали въ особенности фермеры и ихъ дѣти. Онъ во главѣ ихъ, онъ сдѣлался распорядителемъ военнаго и революціоннаго переворота.

Съ 1643 года, журналы говорятъ о немъ, какъ о самомъ счастливомъ изъ всѣхъ парламентскихъ воиновъ — *that valiant soldier, M. Cromwell*. Бюллетени его получаютъ авторитетъ; первый изъ нихъ писанъ изъ Грантэма (*):

... это письмо

«Грантэмъ, 13 мая 1643.

«Милостивый государь.

«Сегодня вечеромъ Богъ даровалъ намъ славную победу надъ врагами. У нихъ было, какъ насъ извѣщаютъ, двадцать-одно знамя легкой конницы и два или три знамени драгунъ.

«Около вечера они выступили и построились передъ нами, въ двухъ миляхъ отъ города. Лишь-только мы услышали крикъ тревоги, какъ «выстроили наше войско, состоявшее изъ двѣнадцати эскадроновъ, и поставили ихъ въ боевой порядокъ. Нѣкоторые изъ нашихъ солдатъ были слабы и утомлены до такой степени, какъ вы никогда ихъ не видали: Богу угодно было склонить всѣ въ пользу этой горсти людей, «ибо послѣ того, какъ обѣ стороны простояли нѣсколько времени одна «противъ другой далѣе, чѣмъ на мушкетный выстрѣлъ, и драгуны съ «обѣихъ сторонъ въ-теченіе получаса и болѣе обмѣнивались ружейными «выстрѣлами, непріятель же все не шелъ на насъ, то мы рѣшились сами «напасть на него и, подойдя къ нему, послѣ перестрѣлки съ обѣихъ «сторонъ, пустили наши эскадроны крупной рысью. Непріятель ждалъ «насъ стоя твердой ногою; наши люди смѣло атаковали его; благодаря «божескому провидѣнію, мы тутъ же его разсѣли. Все обратилось въ бѣгство, было преслѣдовано и рубимо на разстояніи двухъ или трехъ миль.

«Полагаю, что въ преслѣдованіи многими изъ нашихъ солдатъ было «убито по два и по три человека на брата; но не знаю навѣрное числа «убитыхъ. Мы взяли сорокъ-пять пленныхъ, кромѣ доставшихся намъ «лошадей и оружія; мы освободили многихъ пленныхъ, которыхъ они «у насъ недавно захватили, и взяли у нихъ четыре или пять знаменъ.

«Остаюсь . . .

«Оливеръ Кромвелль.»

Борьба началась рѣшительно и кровь льется; всюду, гдѣ только являются пуритане Кромвелля, кавалеры Карла I-го обращаются въ бѣгство. Бюллетени фермера-полковника, человека аккуратнаго, записывающаго по приходу своемъ домой все происходившее, весьма-многочисленны; мы приведемъ только первый по времени, замѣчательный по ясности въ подробностяхъ и простотѣ изложенія.

(*) Редфордъ Винчестеръ 22-го мая 1643 г.

Комитету совет, осведомителю из Кембриджа.

Гертсвилль, 31 июля 1832.

«Милостивые государи,

«Господу угодно было даровать вашему слуге и вашим солдатам значительную победу при Генсбру. Въ среду, зная Борлей-Гузл, я пошелъ на Грантэмъ и тамъ настигъ около трехъ сотъ всадниковъ и драгуновъ Ноттингэма. Кроме ихъ, мы встратили, въ четвергъ вчерашнемъ, какъ было условлено, въ Норт - Смарк, около десяти миль отъ Генсбру, людей изъ Линкольна. Тамъ мы отдохнули до двухъ часовъ утра, и тогда вся вѣсть пошла на Генсбру.

«Около полудня миль отъ города мы встратили передовой полкъ не-«приятеля, состоявшій изъ ста всадниковъ. Наши драгуны выжили-«было ихъ опрокинуть; но неприятель не сдвинулся, атаковать насъ и «заставилъ ретироваться къ главному отряду. Подойдя къ подошвѣ «крутого холма, мы не могли взобраться на него иначе, какъ до тро-«пинкамъ; наши люди пытались это сдѣлать; неприятель принялся, «но наконецъ мы превозмогли и достигли вершины холма. Это было «исключено Линкольнцами, составлявшими авангардъ.

«Когда мы все достигли вершины холма, то увидѣли передъ собою «многочисленный корпусъ неприятельской кавалеріи, въ разстрой отъ «насъ на мушкетный выстрѣлъ, или ближе, и за нимъ добрый отрядъ «изъ цѣлаго кавалерійскаго полка. Мы старались поставить «людей въ возможно лучшемъ порядкѣ. Между-тѣмъ, неприятель пе-«шелъ на насъ, чтобъ воспользоваться нашею неготовностью въ битвѣ; «но хотя и не въ совершенномъ порядкѣ, мы атаковали ихъ своимъ «корпусъ. Я былъ на правомъ крылѣ. Мы сошлись лобомъ съ лбомъ «и поработали мечомъ и пистолетомъ доброе время (*a pretty time*); обѣ «стороны сомкнули ряды такъ, что невозможно было разорвать ихъ «тѣхъ, ни другихъ. Наконецъ, они нѣсколько погнулись: наши люди ихъ «замѣтили, кинулись на нихъ и немедленно разстроили ряды не-«пусъ; одни побѣжали вправо, другіе влево отъ неприятельскаго дру-«га, и наши люди преслѣдовали и рубили ихъ на разстояніи пяти или «шести миль.

«Замѣтивъ, что резервъ стоитъ неподвижно и твердо, я запретилъ «моему майору, мистеру Уаллею, преслѣдовать ихъ, и составилъ изъ соб-«ственнаго своего эскадрона и изъ остатка моего полка, всего изъ «трехъ эскадроновъ, одинъ корпусъ. Въ неприятельскомъ разстрой на-«двинулся генералъ Кэвендишъ. Въ одно время онъ былъ въ первомъ ряду; «въ другое передъ нимъ были четыре линкольскіе эскадроны; въ то-«го состояли все наши силы; остальные заняты были преслѣдованіемъ. «Наконецъ, генералъ Кэвендишъ напалъ на Линкольнцевъ въ ихъ «бѣгство. Я тотчасъ же напалъ на него съ тѣмъ же тѣмъ «тремя эскадронами, что до такой степени его смутило, что онъ не «сподобился преслѣдованію и очень желалъ бы отъ меня отдѣлиться, но я «продолжалъ гнѣбить его, отбрасывая его отряды къ своему лагерю съ

«большинствъ уронѣмъ: генералъ и многие изъ его людей были загнаны въ сараи, гдѣ мой лейтенантъ убилъ его ударомъ пика въ ребро. «Остальная часть этого корпуса была совершенно разбита; ни одинъ человекъ не остался на ногахъ».

«Послѣ такого полнаго пораженія непріятеля, мы снабдили городъ пропасами и снарядами, которые принесли съ собою. Намъ извѣстна, что около пяти миль отъ насъ, по ту сторону города, было шесть эскадроновъ кавалеріи и триста стрѣлковъ. Мы выпросили у лорда Виллугби четыреста человекъ его пѣхоты и съ этими людьми и нашею конницею, пошли на непріятеля. Приблизившись къ мѣсту, гдѣ была расположена его кавалерія, мы воротились съ моими эскадронами для преслѣдованія двухъ или трехъ эскадроновъ непріятельскихъ, удалившихся въ небольшую деревеньку подъ горою. Когда мы возвратились на эту высоту, то увидѣли подъ собою, въ разстояніи около четверти мили, полкъ пикоты, потомъ другой, потомъ полкъ маркиза Ньюкестля, всего около пятидесяти знаменъ пикоты и значительный корпусъ конницы; — это была армія Ньюкестля. Столь неожиданное прибытіе его заставило насъ снова собрать военный совѣтъ. Лордъ Виллугби и я, будучи въ городѣ, согласились отовзвать свою пикоту. Я вышелъ изъ города, чтобъ освободить ихъ; но прежде моего прибытія, многие изъ нашихъ солдатъ начали битву; непріятель приближался со всѣми своими силами. Наша пикота ретировалась въ безпорядкѣ съ некоторымъ уронѣмъ и вошла въ городъ, гдѣ мы теперь находимся. Кавалерія наша также съ трудомъ отдалась; и люди и лошади были измучены продолжительной битвой; однако они устояли противъ свѣжей непріятельской конницы и нѣсколькоми маневрами освободились отъ нихъ, не потерявъ ни одного человека; непріятель слѣдовалъ за ними аррьергардомъ».

«Честь этого отступленія принадлежитъ Богу, какъ и все остальное. Милордъ Уэллей оказалъ мужество, приличное дворянину и христіанину. Вотъ вамъ истинное допесеніе, короткое, какое только я могу сдѣлать. Теперь остается решить, что вамъ должно дѣлать въ настоящихъ обстоятельствахъ. Да внушитъ вамъ Господь, что должно дѣлать!»

«Милостивые государи, вашъ вѣрный слуга,

«Оливеръ Кромвель.»

Оливеръ Кромвель доволенъ какъ-польза-больше. «Онъ рубить, онъ рѣшетъ, онъ работаетъ мечомъ и пистолетомъ доброе время»: очевидно, что это лицо, съ которымъ не шутать. Для всякаго, кто не совершенный палачинскій, онъ безвреденъ; у него нѣтъ ни слезы объ этомъ бедномъ Кавендишѣ, двадцати-трехъ-лѣтнемъ джентльменѣ, любовномъ, нѣжномъ всѣмъ достоинствамъ, оплаканномъ всѣми кавалерами и поэтами, который уналъ въ сараи, пронзенный длинною пуританскою пикагою. Уже вокругъ сент-айдакаго фермера собираются самые ужасные изъ ронцовъ, *ironides* или жалованье баба, составившіе въ послѣдствіи его ста-

рую гвардію. Эти люди такъ же не любятъ шутить, какъ и ихъ командиры.

Замѣтимъ, какою рѣшительный и свѣлый токъ принимаетъ Кромвелль, стоя во главѣ союза семи графствъ, съ какою страшною увѣренностью онъ съ самаго начала захватываетъ себя власть и въ особенности какъ онъ глубоко вѣрять въ моральную энергію застарѣлаго калвинизма. Изучаемая ближе, въ оффиціальныхъ документахъ и подлинныхъ письмахъ его, жизнь Кромвелля упрощается.

Между-тѣмъ, битвы сражаются за битвами; желѣзные бока Кромвелля, который остается на войнѣ сына, окончательно закаляются.

Въ Гемпширѣ, около Бэзингстона, находилась укрепленный замокъ, принадлежавшій маркизу Винчестеру, католику, страшному врагу защитниковъ парламента, уже четыре года, благодаря толщине стѣнъ и выгодному положенію крепости, защищавшемуся въстать съ своимъ семействомъ и многочисленною прислугою отъ враговъ трона и двора. Замокъ Бэзингъ выдержалъ четыре осады и стоялъ на вою острѣннѣ калвинистамъ, которые дорого дали бы, чтобъ разрушить довѣщеннае чашество. Оливеръ Кромвелль пошелъ прямо на этотъ замокъ, состоявшій изъ двухъ отдѣленій, изъ старой крепости и новаго замка, обведенный стѣною почти съ милою въ окружности. Онъ цѣлый день громилъ изъ пушекъ укрѣпленія; его «желѣзные бока» довершили остальное, и калвинистское знамя было водружено на башнѣ Бэзинга. Съ Кромвеллемъ, находившаяся провожатикъ Гюгъ Петерсъ, о которомъ мы упоминали выше и отъ котораго парламентъ, въ полномъ присутствіи, потребовалъ особаго додосенія объ этомъ дѣлѣ, — столько ему принадлежали «мелочности». Журналы, выходящія изданы сохранили подлинныя слова этого пуританина; изъ нихъ видно все, — и рыцарскій замокъ въ 1645 году, и осада, и защита его, меблировка, всѣ подробности, и побѣжденныя, и побѣдители, страсти и жестокости, такъ часто чудачливо чередовавшіеся романомъ и исторіею. Гюгъ Петерсъ, провожатикъ, съ оборотомъ своего, одѣтый въ свой черныи широкий костюмъ, въ огромныхъ войлочныхъ сапогахъ и съ длинною шпагою при бодрѣ, рассказывалъ самыя интересные образы:

«Онъ прибылъ въ Бэзинг-Гоузъ во вторникъ 14 октября 1645 года; прежде всего онъ осмотрѣлъ укрѣпленія, которыя были многочисленны; окружающая стѣна простиралась савшкомъ на милою. Старый замокъ (какъ говорятъ) въ-теченіе двухъ или трехъ-сотъ лѣтъ былъ гизлои, убавившимъ недополонства; новыи замокъ превосходилъ его красотой и великолѣпностью, и оба достойны были служить резиденціею.

«Какъ кажется, передъ приступомъ, комнаты въ обоихъ замкахъ были вновь меблированы; онъ заключалъ въ себя запасы не на несколько а на годы. Тамъ было четьреста кварталовъ пшеницы, несколько ядовъ, наполненныхъ ветчиною, изъ которыхъ въ каждой овернѣ лежали сотнями; соразмерное количество сыра, ячменной муки, горошины, савишны; несколько погребовъ, наполненныхъ пивомъ и лучшимъ качествомъ» — мастера Петерсъ его отбавлялъ,

«Въ одной комнатѣ была полная кровать, стѣвшая 1,300 фунт. ст. (около 33,000 руб. асс.). Найдено много напистскихъ книгъ, стихарей и другихъ украшеній. Дѣйствительно, замокъ былъ въ полной своей славѣ, и непріятель былъ увѣренъ, что парламентъ овладѣетъ имъ только по взятіи всѣхъ другихъ крѣпостей, потому-что онъ часто противился войскамъ, которыя мы посылали противъ него въ прежнее время. Въ разныхъ комнатахъ и во всемъ замкѣ было найдено семьдесятъ-четыре человека убитыхъ и одна женщнна, дочь доктора Гриффитса; своими оскорбленіями эта несчастная раздражила нашихъ солдатъ, и безъ того распадавшихся битвою. Тамъ остались въ числѣ мертвыхъ майоръ Коффъ, имѣвшій у нихъ большое значеніе и знаменитый паннасть; онъ былъ убитъ собственноручно майоромъ Гаррисономъ, этимъ набожнымъ и мужественнымъ человекомъ» — Гаррисономъ, который былъ прозванъ мясникомъ — «я актёръ Робинзонъ, который, незадолго до приступа, передразнивалъ парламентъ и нашу армію и насмѣхался надъ ними. Съ восемью или девятью знатными дамами, спасшимися бѣгствомъ, солдаты поступили довольно-грубо; они были разгорячены битвою.

«Солдаты продолжали грабить до вторника вечера; одному изъ нихъ досталось сто-двадцать золотыхъ; на часть другихъ пришлось серебро, драгоценные камни; у одного было три мѣшка серебра, но онъ не умѣлъ ихъ скрыть: они пошли въ общій дѣлежъ, и на его часть досталось полкроны. Солдаты продавали хлѣбъ крестьянамъ и нѣсколько времени поддерживали довольно-высокую цѣну; но наконецъ цѣны упали отъ-того, что каждый спѣшилъ отдѣлаться отъ своего товара. После, они продали мебель, до того, что увезли табуреты, стулья и хрупкую мебель и продали ихъ гуртомъ крестьянамъ.

«Къ вечеру, во всѣхъ большихъ зданіяхъ, кромѣ тѣхъ, гдѣ былъ огонь, не оставалось ни одной желѣзной полосы у оконъ. Наконецъ, они взяли за свинецъ, и въ среду утромъ едва-ли остался на домѣ одинъ жолобъ. Чтѣ оставили солдаты, то захватилъ огонь съ чрезвычайною быстротою; менѣе чѣмъ въ двѣнадцать часовъ, остались только стѣны да камни. Пожаръ произвела одна изъ нашихъ первыхъ гранатъ, и непріятель не позаботился потушить его.

«Не могу въ точности опредѣлить, сколько человекъ было въ замкѣ, потому-что у насъ около трехъ-сотъ пленныхъ и мы нашли до ста убитыми; многіе трупы, бывшіе подъ развалинами, найдены только въ-последствіи. Во вторникъ вечеромъ, подходя къ замку, мы услышали изъ погребовъ крики людей, просившихъ пощады; но ни наши люди не могли подойти къ нимъ, ни они къ намъ выйти. Въ числѣ мертвыхъ, которыхъ мы видали, лежалъ на землѣ одинъ изъ ихъ офицеровъ; онъ казался такого высокаго роста, что его смѣряли: съ ногъ до головы въ немъ было девять футовъ.

«Маркизъ, котораго мистеръ Петерсъ убѣждалъ сдаться прежде, нежели пойдутъ на приступъ, вскричалъ, что еслибъ королю принадлежалъ въ Англіи одинъ только Бэзингъ-Гоузъ, то онъ подвергъ бы себя такой же опасности и также сталъ бы защищаться до послѣдней

крайности. Эти панисты утешались въ своемъ несчастіи тѣмъ, что Базингъ-Гоузъ имѣлъ прозваніе: *Вѣрность*. Но въ-отношеніи къ королю и парламенту, его скоро заставили молчать; онъ могъ сказать только, что онъ надѣется, что когда-нибудь для короля настанетъ счастливый день.

Мистеръ Петерсъ представилъ знамя самого маркиза, принесенное имъ изъ Базинга. На знамени были слѣдующія слова: *Donex rex redeat lectis*—девизъ, избранный королемъ Карломъ для медалей по случаю коронаціи.

Псаломъ, о которомъ размышлялъ кальвинистъ Кромвелль передъ сраженіемъ, былъ одинъ изъ тѣхъ, которые протестанты всего охотнѣе принимали къ римской церкви. Въ этомъ триумфѣ демократическаго и сѣвернаго кальвинизма, роль Мухаммеда играетъ Кромвелль; человеколюбіе, учтивость, утопченность нравовъ, уваженіе къ полу и къ искусству,—все приносится въ жертву усѣхамъ этого страшнаго дѣла, и достойно замѣчанія, что въ числѣ ильциниковъ, взятыхъ въ великолѣпномъ замкѣ Базинга, были два англійскіе художника, первые въ свое время, архитекторъ Иннго Джонсъ и граверъ Голларъ, котораго доски—образцовыя произведенія.

Между-тѣмъ, какъ Кромвелль, сдѣлавшійся еще популярнѣе послѣ взятія католической крѣпости Базинга, съ упорнымъ жаромъ продолжаетъ свой путь, послѣднія силы короля сокрушаются при Честерѣ, и Карлъ Стюартъ, смѣшномъ доверяясь своему шотландскому происхожденію, сдается Шотландцамъ, которые любятъ Стюартовъ; онъ забываетъ, что они прежде всего протестанты, что у нихъ кальвинизмъ стоитъ выше національности, и что эти пуритане до смерти преслѣдовали католичку Марію, его бабушку. У него не осталось ни одного солдата, ничего, кромѣ титула короля и призрака власти, еще уважаемой. Что онъ пу-скался на тонкости и хотѣлъ, въ этихъ печальныхъ обстоятельствахъ, выиграть время, это естественно; нѣкоторые думали, что ему легко было бы провести свой корабль между шотландскимъ кальвинизмомъ и демократіею Кромвелля, въ-особенности противъ сѣвернаго движенія вооруженнаго протестантизма. Не его хотѣли свергнуть но кабалеровъ и папизмъ; 11 февраля 1647 года, самъ Ферфаксъ, встрѣтившись, на дорогѣ въ Гольмби, съ королемъ, котораго продалъ Шотландцы, «сошелъ съ лошади» говоритъ Уитлокъ (*): «поцаловалъ его руку, потомъ сѣлъ опять и поѣхалъ съ нимъ, разговаривая весьма-почтительно».

Карлъ I, будучи проданъ шотландскими пуританами, груститъ и переходитъ изъ темницы въ темницу, отъ одной горести къ другой. Дѣло Кромвелля и протестантизма торжествуетъ, но также приноситъ съ собою свои затрудненія и свои бѣдствія.

Самъ Кромвелль жилъ около Ковен-Гардена и, вѣроятно, двѣсти чело-вѣкъ, поставленныхъ нижнею палатою для защиты парламента и пресви-

(*) Whitelocke, стр. 242.

терпѣливымъ, прошли мимо его оконъ. Онъ выдалъ замужъ обѣихъ дочерей своихъ, Елизавету и Бригитту,—последнюю за генерала Айретона, республиканца. Онъ очень любитъ Бригитту, женщину серьезную и рѣшительную, и около этого времени иногда посылалъ ей небольшія письменныя преповѣди. Вотъ ихъ образчикъ:

«Моя милой дочери Бригиттѣ Айретонъ, въ Конбори, въ главную квартиру, это письмо.»

«Милая дочь!

«Я не пишу къ твоему мужу, который, когда получилъ отъ меня одну строку, отвѣчаетъ мнѣ тысячу, что заставляетъ его долго бодрствовать по ночамъ... Кроме того, у меня есть теперь другія дѣла.

«...Твоя сестра Клайноль мучается какими-нибудь смутными мыслями. Она видитъ свое тщеславіе и заблужденія своего плотскаго разума; оплакивая ихъ, она ищетъ,—такъ по-крайней-мѣрѣ я надеюсь,—того, что одно удовлетворяетъ. Искать таиннымъ образомъ значитъ занимать первое мѣсто послѣ тѣхъ, которые находятъ. Всякое вѣрное, смиренное сердце, которое будетъ искать какъ слѣдуетъ, можетъ быть увѣрено, что оно наконецъ найдетъ. Счастливъ, кто ищетъ! Счастливъ, кто находитъ! Кто испыталъ когда-либо благодать Господа, и не постигъ исполнѣна нашего тщеславія, эгоизма и злобы? Кто когда-либо испыталъ эту благодать и не желалъ и не просилъ съ жаромъ, чтобъ насладиться ею исполнѣн? Душа моя, проси хорошенько. Да не охлаждается любовь къ Христу ни въ тебѣ, ни въ твоёмъ мужѣ. Надеюсь, что твой мужъ будетъ для тебя религіознымъ руководителемъ. Ты должна любить въ немъ образъ Христа, который онъ носитъ. Смотри на это, предпочитай его и все остальное для этого. Молю Бога за тебя и за всего. Молю за меня...»

«Твой отецъ,

«Оливеръ Кромвелль.»

Этотъ челоуѣкъ остался такимъ же, какимъ былъ въ сент-айвскомъ уединеніи; война, слава, политическія смятенія не измѣнили его. Побѣды короля, который въ темницѣ,—кавалеровъ, которые покоряются съ яростію въ сердца,—и католицизмъ, который прячется, онъ видитъ передъ собой еще битву; ему надобно не только доставить окончательное торжество кальвинистическому началу изслѣдованія и независимости, но задавить нижнюю палату и отдать власть пуританскому войску, этому вооруженному парламенту.

Слившись съ арміею, онъ могъ держаться только вѣсть съ нею и уступая жирондистамъ того времени, людямъ, впрочемъ, весьма замѣчательнымъ, онъ былъ бы потерявъ безвозвратно, и онъ и дѣло кальвинизма. Не говорилъ ли Денвилль-Гольсъ, одинъ изъ этихъ пресвитеріанцевъ, что «если король прійдетъ къ нимъ, они возложатъ на его голову корону?» Не произвели ли негодованія въ арміи самонастные поступки этихъ законниковъ? Не вхоже ли на то, что завоеванію

свободу народа и кальвинизма, скоро будут переселены и удержаны людьми умеренными и законниками? Не говорил ли однажды Кромвель другу своему Лудлоу: «мы тогда только отделимся от этих людей, когда солдаты придут и выдерут их за уши? И это случилось. Армія издала свой манифестъ; City отозвалась. Армія была верна настоящимъ началамъ кальвинизма; ею предводительствовалъ Кромвель; она взяла верхъ. Вскорѣ одиннадцать членовъ, начальники партій, которую можно назвать пресвитеріанскою жироною, были удалены и уступили поле битвы арміи, послѣ чего она торжественно вошла въ Лондонъ и въ City, по три человека въ рядѣ, съ лапранами на шляпахъ и со вложенными въ ножны мечами. «Божественная служба и кальвинистская проповѣдь Поттса вполне удовлетворила слушателей». Король бѣжалъ изъ Гамптон - Курта; онъ еще можетъ собрать своихъ приверженцевъ; еще не все потеряно. Удалившись на островъ Уайтъ и вскорѣ сдѣлавшись тамъ плѣнникомъ, онъ въ этомъ грустномъ положеніи сохраняетъ все достоинство геройской и ясной рѣшимости. Между-тѣмъ, Кромвель, получаетъ отъ защищеннаго имъ народа содержаніе, которое собирается съ конфискованныхъ имѣній маркиза Уорчестера и некоторыхъ другихъ. Слѣдующее письмо, адресованное нижней палатѣ, показываетъ, какъ умѣлъ Кромвель презирать ничтожные интересы и жертвовать ими интересамъ великимъ, настоящимъ будущему.

«Комитету пэровъ и депутатов и проч., заседающему въ Дерби.

«Въ послѣднее время, обѣ камеры парламента назначили мнѣ и моимъ наследникамъ 1680 фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго содержанія изъ имѣній лорда Уорчестера. Нуждаясь въ настоящее время въ помощи гражданъ, я предлагаю государству уличивать ежегодно изъ этой суммы 1000 фунтовъ стерлинговъ, въ два срока, по 500 фунт. черезъ каждые шесть мѣсяцевъ, начиная съ будущаго праздника Рождества Христова, въ теченіе пяти лѣтъ, если будетъ продолжаться война съ Ирландіею и если я проживаю до того времени. Парламентъ назначить употребленіе для этихъ 1000 фунт. стерл., если уплата ихъ не будетъ задержана войною или какимъ-нибудь случаемъ.

«Кромѣ того, такъ-какъ мнѣ не додано прежняго жалованья около 1500 фунт. стерл., по должности генерала-лейтенанта, и еще болѣе значительная сумма, по должности губернатора острова Эли, то я объявляю, что государство сквиталось со мной, и освобождаю его настоящимъ письмомъ отъ всякаго долга въ-отношеніи ко мнѣ.

«Оливеръ Кромвель.»

Служа такимъ-образомъ своей славою и честолюбію и заставляя молчать зависть такой благоразумной щедростью, онъ приветствуетъ двухъ другихъ дочерей своихъ (*two little wenches*), Марію и Франциску, и ждетъ этого бѣднаго Ричарда, который не любилъ юроча и долженъ былъ въ теченіе мѣсяца занимать оксфордскій престолъ. Карла изборо-

составство перепечатавъ десять писемъ, относящихся къ брачнымъ контрактамъ, въ которыхъ, какъ и вездѣ, видно, что Кромвелль былъ остороженъ, предусмотрителенъ и проицателенъ и въ дѣлахъ семейныхъ, точно такъ же, какъ и въ дѣлахъ государственныхъ.

Партія умиранныхъ, пресвитеріанская, хочетъ снова взять верхъ и дѣлаетъ послѣднее усиліе, которое принуждаетъ Кромвелля оставить Лондонъ и снова сѣсть на коня. Престонская битва даетъ ему окончательную побѣду, и армія его владычествуетъ. Все гнется, все уступаетъ; сами Шотландцы, возставшіе противъ «независимыхъ», съ удовольствіемъ слушаютъ рѣчи почтеннаго Стэнхилтона, который проповѣдуетъ имъ свободу религіознаго изслѣдованія. «Пока мы подрывали камень», говоритъ Кромвелль (?): «министръ Стэнхилтонъ проповѣдывалъ и слушатели изъявляли свое удовольствіе стопами, по обычаю ихъ народа (*in their usual way of groans*).»

Среди всего этого не знали, что дѣлать съ королемъ, и, въ безконечныхъ переговорахъ съ той и съ другой стороны, предлагали мнимыя условія, которыхъ никто не хотѣлъ принять. Одинъ человекъ, Кромвелль, глава войска росъ въ бурѣ. Шотландія была усмирена. Охраненіе особы короля ввѣрено пуританину, молодому полковнику Роберту Гаммонду, котораго Кромвелль очень любилъ, но который полонъ сомнѣній религіозныхъ и не знаетъ, законны ли поступки нижней палаты. Кромвелль пишетъ ему письмо на двадцати страницахъ, краснорѣчиво свидѣтельствующихъ объ искренности пуританина. Это тотъ же мистицизмъ, мрачный и глубокий, то же убѣжденіе въ присутствіи въ немъ Бога, вездѣ сущаго и всеведущаго, поддерживающаго руку, направляющаго мечъ, вѣчнаго мстителя.

Это серьезное письмо, гдѣ убѣжденія Кромвелля выказываются ужаснымъ образомъ, немного предшествоуетъ похищенію короля, перенесеннаго грубыми солдатами съ зажженными фитилами, съ трубками въ зубахъ и пѣніемъ псалмовъ, въ Лондонъ. Тотчасъ послѣ этого провозгласили, 6 ноября 1648 года, сорокъ-одинъ членъ нижней палаты, которые могли противиться мѣрамъ крайняго пуританизма, въ свою очередь задержаны въ то самое время, какъ они плѣтъ въ парламентъ и отведены сперва въ дрянную таверну, подъ вывѣскою «Ада», потомъ въ крѣпость, а нѣкоторые по домамъ.

И такъ, все готово для эшафота, и нельзя отвергать, что Кромвелль и Брайдау не только предвидѣли, но опредѣлили и устроили эту казнь съ хладнокровіемъ, объясняемымъ пуританскимъ фанатизмомъ, но которое мы съ грустью замѣчаемъ въ Томасѣ Карлинѣ, писателя XIX вѣка, совершенно чуждомъ страстей, волновавшихъ сѣверный міръ въ 1648 году. Карлъ I-й падаетъ какъ жертва. Въ ту самую минуту, какъ умираетъ король и Кромвелль съ арміей торжествуетъ, поднимается гонимая партія, въ которой есть сходство съ партіей Бабёфа. Кромвелль ее давить; у него есть свой вандемьеръ, свое 18 брюмера и свое 18 фрюк-

тидора. Онъ дѣйствуетъ болѣе въ пользу мѣщанства, въ пользу религіозныхъ реформъ, нежели Бонапартъ; подобно Бонапарту, онъ умѣетъ отталкиваться отъ тѣхъ, кто ему мѣшаетъ.

Безъ сомнѣнія, Кромвелль оченъ близокъ къ верховной власти, или, лучше сказать, дѣйствительная власть въ его рукахъ; но передъ нимъ Ирландія, вся католическая, требующая короля. Онъ отправляется, объявляя прежде, съ согласія Брадшау, Лудлау и главнѣйшихъ пуританъ, что Англія — республика. Актъ объявленія коротокъ; въ немъ всего шесть строкъ. Нашъ фермеръ перемѣнилъ экипажъ и образъ жизни съ того времени, какъ онъ пастъ быковъ на берегахъ Аузы. «Карета его запряжена шестеркой прекрасныхъ старыхъ лошадей въ яблокахъ; за нимъ слѣдуютъ нѣсколько каретъ, въ которыхъ сидятъ многіе высшіе военные чины. Восемьдесятъ отборныхъ воиновъ, болѣею частью полковниковъ, составляютъ его свиту». Это говоритъ современный журналъ; мы знаемъ, что Кромвелль, задолго до полученія имъ титула протектора, былъ уже королемъ.

Вскорѣ бѣдная католическая Ирландія раздавлена представителями кальвинизма, безъ сожалѣнія, безъ угрызѣній. Но только Англія, но весь протестантскій міръ съ энтузіазмомъ смотритъ на этого человека, исполняющаго лучшія желанія его и наносящаго такіе смертельные удары владычеству Рима. Тронъ возвышается въ перспективѣ передъ сент-айвскимъ фермеромъ, и онъ это очень-хорошо знаетъ, онъ заботится о политическомъ воспитаніи наследника своего Ричарда, женинагося на миссъ Майоръ, и котораго мечтательный характеръ все не нравится Кромвеллю. Слѣдующій отрывокъ изъ письма къ тестю Ричарда, съ которымъ онъ жилъ, столько же интересенъ, какъ и наставителенъ: «Я поручаю вамъ Ричарда; прошу васъ, подайте ему добрый советъ. Я не запрещаю ему удовольствій, но боюсь, чтобъ онъ не увлекся ими. Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ онъ думалъ о дѣлахъ и пріучался понимать ихъ, чтобъ онъ нѣсколько читалъ исторію, изучалъ математику и космографію. Эти предметы хороши, подчиненные предметамъ божественнымъ. Они лучше, нежели праздность или мнимыя удовольствія свята. Они дѣлаютъ способнымъ служить народу, а человекъ для этого рождается».

Жестокій человекъ, въ это самое время, въ качествѣ лорда-лейтенанта Ирландіи, служащій народу, побивая ирландскихъ католиковъ, нѣсколько проясняется, по-своему, въ письмѣ къ своей дочери Доротей. Карета ея, какъ кажется, опрокинулась на одной изъ дурныхъ дорогъ того времени, и слѣдствіемъ этого было то, что она выкинула. Кромвеллю, врагу роскоши, не нравились эти большія затѣи, и онъ говорилъ Доротей: «Мнѣ сказываютъ, что ты недавно выкинула. Просту тебя, обращай вниманіе на эти кареты, которыя обманчивы. Ѣзди лучше на клеверъ твоего отца (thy father's nag), котораго онъ тебя охотно уступитъ, когда ты вздумаешь выѣзжать».

Тотчасъ послѣ этой шутки, онъ нападаетъ съ величайшею яростію на ирландскихъ католиковъ и производитъ страшное кровопролитіе. Правда, что лишь-только Ирландія, въ страхъ, замолкаетъ, Кромвелль

вкладываетъ мечъ въ ножны, говоря своимъ друзьямъ, что «этого хотѣлъ Богъ», и что для него это «большое смущеніе и горестъ». Фаталистъ видѣтъ въ немъ всегда; въ то же время, онъ пишетъ одному изъ своихъ друзей слѣдующую, совершенно-кальвинистскую фразу: «Я это сдѣлалъ; дурно не слѣдовать указаніямъ Провидѣнія». Кромвель вполне варилъ своему призванію. Тутъ лордъ-лейтенантъ Ирландіи получаетъ отъ парламента торжественное письмо, наполненное поздравленіями и благодарностью. Въ немъ прибавлено было позволеніе для него или его семейства, жить въ Пулалѣ или «Кокпитъ», той части Уитегалла, въ которой некогда забавлялся Генрихъ VIII. Комнаты Пулалы, убранныя Елизаветою и Карломъ I-мъ, были великолѣпы. Парламентъ прибавлялъ къ этому сент-жемскій паркъ и Спринг-Гарденъ. Эти пышныя переселенія очень не нравились доброй мастерицѣ Кромвелль, привыкшей къ своимъ старымъ, почернѣлымъ покоемъ.

Кромвель провелъ девять мѣсяцовъ въ Ирландіи; онъ садится на корабль *Президентъ* въ концѣ мая и ѣдетъ въ Англію; послѣ бурнаго переезда высаживается въ Бристоль, гдѣ въ честь ему «палитъ три раза изъ большихъ пушекъ», скачетъ по Англіи и въ Гоунслю встрѣчаетъ своихъ старыхъ друзей и соперниковъ, Ферфакса, членовъ парламента, людей новаго порядка. Она идутъ маршемъ въ Гайд-Паркъ; гдѣ выстроенная въ боевомъ порядкѣ гвардія, чиновники и лордъ-меръ ожидаютъ этого счастливаго выхода, чтобъ поднести ему цвѣты своего красноречія. Изъ Уитегалла онъ отирается въ свое жилище, въ Пулалѣ, чтобъ отдохнуть отъ солдатской жизни въ объѣмахъ семейства. Мрачные пуритане кричатъ, раздѣются замы артиллеріи, остроконечныя шашки летятъ на воздухъ; кланъ народной радости наполняетъ улицы; поздравленія и лести смѣняются другъ друга во дворцѣ, въ которомъ живетъ Кромвель. У него были свои придворные, какъ у Наполеона, по возвращеніи его изъ Египта. Одинъ изъ нихъ сказалъ ему: —Какая толпа спршитъ видѣть торжество вашей святости!—Да, отвѣчалъ Кромвель:—а какова была бы толпа, чтобъ посмотреть, какъ меня вышлютъ!

Едва успѣваетъ онъ насладиться покоемъ въ *Кокпитъ*, гдѣ предается кой-какимъ простительнымъ шуткамъ,—изъ которыхъ одна состоитъ въ томъ, что онъ бросаетъ, на лѣспидѣ, подушками въ головы друзьямъ своимъ; другая въ томъ, что онъ заставляетъ пѣть церковныя концерты двухъ или трехъ самыхъ грубыхъ и неуклюжихъ своихъ капитановъ,—какъ новая опасность угрожаетъ молодой республикѣ. Убравъ монарха, не убавилъ монархіи. Шотландцы вспоминаютъ о своемъ соотечественникѣ, о молодомъ Стюартѣ, сынѣ Карла I-го, прошедшемъ отъ Шотландки Катерины Мюръ Кадуэлль и тоже Шотландца, Стюарта; Карла II принуждаютъ принять *кодвантъ*, то-есть, дать клятву, и заставляютъ его слушать по три пресвитеріанскія проповѣди въ день. Между-тѣмъ, Шотландія вооружается за него, и Кромвель идетъ въ походъ, не забывая проповѣди своему семейству; онъ — вѣрный проповѣдникъ, неутомимый, какъ видно изъ слѣдующаго письма:

Т. XLVI. — Оуд. Н.

6

*«Моему милому брату Ричарду Майору, скажешь, он долъ съ от Гол-
слей отдать это письмо :*

«Амстердамъ, 17 июля 1669.

«Милый братъ,

«Бездна дѣлъ, которую я имѣлъ въ Лондонѣ, есть лучшее извиненіе въ моемъ молчаніи. По-истинѣ, мое сердце тому свидѣтель, что я не «виноватъ противъ моей привязанности къ вамъ и вашему семейству; «вы часто повторяетесь въ моихъ смиренныхъ молитвахъ.

«Мнѣ очень-пріятно будетъ узнать, здоровъ ли малютка. Я охотно «побранилъ бы отца и мать его за то, что они меня забываютъ: я знаю, «что сынъ мой лѣнивъ, но я былъ лучшаго мнѣнія о Доротѣ. Я бо-
«юсь, чтобъ мужъ не испортилъ ея; пожалуйста, скажите ей это отъ
«меня. Еслибъ у меня было столько же свободнаго времени, сколько
«у нихъ, то я иногда писалъ бы. Если дочь моя беременна, я ей про-
«щаю, но не прощаю, если она кормитъ.

«Да благословить ихъ Господь! Надѣюсь, что вы дадите моему сыну
«(Ричарду) добрые совѣты; мнѣ кажется, они ему нужны. Онъ теперь
«въ опасной эпохѣ своей жизни, а мѣръ полонъ суеты. О! какъ хоро-
«шо рано приблизиться къ Иисусу Христу! это достойно нашего изво-
«шенія. Умоляю васъ, обратите на это вниманіе.—Надѣюсь, что вы воз-
«мете на себя исполненіе моей обязанности и докажете мнѣ свою дру-
«жбу. Вы видите, какъ я занятъ. Я нуждаюсь въ состраданіи. Я знаю,
«что я чувствую въ своемъ сердцѣ. Високое положеніе, высокая де-
«лность въ свѣтъ не стоятъ того, чтобъ ихъ мекать; я не имѣлъ бы
«утѣшенія въ этомъ, еслибъ не надѣялся на присутствіе Господа. Я не
«добивался этихъ вещей; точно, я былъ къ нимъ привязанъ Го-
«сподомъ; по этому-то я нѣсколько увѣренъ, что Онъ дастъ своему бѣ-
«сному земляному червяку, своему слабому служителю, силу исполнить
«Его волю и достигнуть единственной цѣли, для которой я родился и
«жить. Объ этомъ я прошу васъ за меня молиться. Прошу васъ не-
«помнить обо мнѣ милой сестрѣ моей, нашему сыну и нашей дочери,
«кузинѣ Аннѣ, и остаюсь навсегда

«Любящимъ васъ братомъ

«Оливеръ Кромвель»

Это сознаніе человѣческаго ничтожества среди величія было ли «созна-
«ствомъ? Какъ бы то ни было, Кромвель говоритъ своей арміи весьма-важ-
«ственную рѣчь: «Будьте радое, втрое дѣлательнее и благочестивѣе; у васъ въ
«рукахъ много дѣла!» Одинъ изъ его полковниковъ, Голгсонъ, изъ Саффолка
«потрудился записать эту рѣчь и сказать вамъ, что «генералу было очень-
«весело, когда онъ, на одной стоянкѣ, увидѣлъ, какъ солдатъ, припадая
«къ губамъ кадку съ простоквашей, сделанной на шотландскій манеръ. До
«того ее приподнялъ, что одинъ изъ товарищей наложилъ ее ему на плечо;
«бу; тогда солдатъ не стало видно вовсе, только дѣлательное ему въ рѣчь
«ползло по его воинской одеждѣ и галюна его. Наконецъ, къ дѣлательной
«кадки. Оливеръ хохоталъ держась за бока, потому-что нашъ Оливеръ

любить добрую шутку». На другой день послѣ этого происшествія, онъ написалъ слѣдующій бюллетень:

*«Высокопочтенному лорду-предсѣдателю государственнаго совѣта,
это письмо.»*

Мюссельбургъ, 30 июля 1650.

«Милордъ,

«Мы отправились изъ Бервика въ понедельникъ, 22 июля; и ночевали въ домѣ милорда Морингтона въ понедельникъ, вторникъ и среду. Въ четвергъ мы направились на Копперспатъ; въ пятницу мы пришли въ Донбаръ, гдѣ взяли съ своихъ кораблей нѣсколько припасовъ; отсюда мы пошли на Гаддингтонъ.

«Въ воскресенье, узнавъ, что шотландская армія имѣла намѣреніе напасть на насъ при Глазморъ, мы употребили все усиліе, чтобъ прежде ихъ занять болота и весьма-рано приказали бить въ барабанъ; но когда мы туда пришли, тамъ не было видно ни одной значительной части ихъ войска. Почему тысяча четыреста человѣкъ конницы, подъ начальствомъ генерал-майора Ламберта и полковника Уаллея, были отправлены авангардомъ въ Мюссельбургъ, чтобъ узнать и о томъ, гдѣ непріятель, и если можно, дѣйствовать противъ него; а шель по ихъ слѣдамъ съ остальнымъ войскомъ. Наши люди встрѣтили нѣсколько непріятельскихъ кавалеристовъ, но не могли остановить насъ. Мы переночевали въ Мюссельбургѣ, расположившись лагеремъ почти рядомъ съ непріятельскою арміею, которая находилась между Эдмборгомъ и Лейтомъ, въ четырехъ миляхъ отъ насъ, подъ защищающею линію, проведенною отъ Эдмборга до Лейта; пушки Лейта обстрѣливали большую часть этой линіи, такъ-что положеніе ихъ было очень-выгодно.

«Въ понедельникъ, 29 числа текущаго мѣсяца, мы рѣшились подождать къ нимъ, чтобъ посмотреть хотѣтъ ли они дать намъ сраженіе; и когда мы пришли къ мѣсту, то рѣшились подвезти наши пушки какъ-можно-ближе къ нимъ, надѣясь, что это будетъ имъ мѣшать. Мы заметили также, что у нихъ были кой-какія войска на высотѣ, господствующей надъ Эдмборгомъ, и что оттуда они могутъ вредить намъ; а потому рѣшились послать колонну, чтобъ овладѣть упомянутою высотой; но наконецъ, мы увидѣли, что ихъ армію трудно разстроить. Тогда мы остались въ покоѣ весь тотъ день, который былъ суровъ, и ночью шелъ дождь, какихъ я мало видалъ, послужившій намъ къ большому вреду, потому-что у непріятеля было чмъ защититься, а у насъ почти ничего не было. Наши солдаты перенесли эту непріятность съ большимъ мужествомъ и съ большимъ терпѣніемъ, въ надеждѣ, что они скоро будутъ драться. Утромъ земля была очень-сыра и запасовъ у насъ очень-немного, а потому мы рѣшились отступать на наши квартиры въ Мюссельбургъ, чтобъ тамъ отдохнуть и заготовитьсь необходимыми.»

«Когда мы отступали, непріятель напалъ на нашъ аррьергардъ и на-

«сколько разстроилъ его; но наши кавалерійскіе корпуса, будучи въ «довольномъ порядкѣ, имѣли съ нимъ сшибку; произошло жаркое дѣло, «гдѣ они оказали мужество; при чемъ генерал-майоръ Ламбертъ и пол- «ковникъ Уаллей были въ аррьергардѣ, а непріятель двигалъ значи- «тельные корпуса, чтобъ поддержать свою первую атаку. Наши люди «напали на нихъ даже въ лагерь и побили ихъ. Лошадь генерал-майо- «ра была ранена пулею въ шею и въ голову; самъ онъ, раненный уда- «ромъ копы въ руку, и проколотый въ другой части тѣла, былъ взятъ «въ плѣнъ, но тотчасъ же вырученъ Эмисомомъ, лейтенантомъ моего «полка. Полковникъ Уаллей, бывшій тогда всѣхъ ближе къ генерал- «майору, храбро атаковалъ непріятеля, отбросилъ его, многихъ поло- «жилъ на мѣстѣ и многихъ взялъ въ плѣнъ, безъ значительной «потери съ нашей стороны. Это до того ихъ удивило и охолодило, что «мы отступили въ Мюссельбургъ, но они не осмѣлились послать ни «одного человѣка, чтобъ насъ потревожить. Мы узнали, что ихъ моло- «дой король все это видѣлъ, но былъ очень-недоволенъ тѣмъ, что ихъ «люди не дѣйствовали лучше.

«Вечеромъ мы прибыли въ Мюссельбургъ до того усталые, до того «истощенные бессонницею и загрязненные по причинѣ сырой погоды, «что ожидали нападенія непріятеля. Онъ дѣйствительно напалъ на насъ «сегодня, между тремя и четырьмя часами утра, съ пятнадцатью отбор- «ными эскадронами подъ начальствомъ генерал-майора Монгомери и «Страгама, двухъ защитниковъ церкви. Они многого ожидали и много- «го надеялись отъ этого дѣла. Непріятель приблизился весьма-рѣши- «тельно; онъ отбросилъ наши дальніе караулы и нѣсколько разстроилъ «одинъ кавалерійскій полкъ; но наши люди, быстро изготовившись, на- «пали на непріятеля, разбили его, набрали много плѣнныхъ и множе- «ство побили (*did execution*); они преслѣдовали ихъ за четверть мили «отъ Эдмборга и тамъ, какъ мнѣ доносятъ, былъ убитъ Страгамъ, «кроме другихъ высшихъ офицеровъ. Мы взяли въ плѣнъ майора «полка Страгама, майора Гамильтона, одного подполковника и много «другихъ знатныхъ офицеровъ и особъ, которыхъ именъ еще не зна- «емъ. Это славное начало для нашего дѣла, или лучше-сказать для «дѣла Господа, и думаю, что оно не очень-радостно непріятелю, въ «особенности для партіи, придерживающейся церкви (*kirk*). Мы поте- «ряли въ этомъ дѣлѣ, какъ мнѣ доносятъ, одного корнета; еще о че- «тырехъ человѣкахъ мнѣ не доносили. Генерал-майоръ, кажется, будетъ «въ состояніи черезъ нѣсколько дней сѣсть снова на коня. И я пола- «гаю, что это дѣло, которое есть Господне, пойдетъ успешно въ ру- «кахъ Его служителей.

«Я не счелъ нужнымъ атаковать непріятеля въ томъ положеніи, въ «какомъ онъ теперь находится, но безъ всякаго сомнѣнія, еслибъ онъ «желалъ драться, этого было бы достаточно, чтобъ побудить его къ «битвѣ. Я думаю, что у него не менѣе шести или семи тысячъ конни- «цы и четырнадцать или пятнадцать тысячъ стрѣлковъ. Причина, какъ «я узналъ, по которой они не хотятъ вступать съ нами въ сраженіе, «та, что они ожидаютъ изъ Сѣверной-Шотландіи еще нѣсколько корпу-

«совѣ и говорить, что дадутъ намъ сраженіе, когда эти войска прійдутъ къ намъ на помощь; но мнѣ кажется, что имъ хочется только «заманить насъ, чтобъ мы атаковали ихъ при укрѣпленной позиціи, въ которой они теперь находятся, или они надѣются, что въ нашемъ войскѣ, отъ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ, произойдетъ голодъ, — что, весьма вѣроятно, и случится, если намъ не пришлютъ припасовъ во-время и въ избыткѣ.

«Остаюсь, милордъ, вашимъ покорнѣйшимъ слугою,

«Оливеръ Кромвелль.»

«Р. S. Окончивъ это письмо, я узналъ, что генерал-майоръ Монгомери убитъ.»

Мы видѣли Кромвелля воина, семьянина, проповѣдника. Намъ предстоитъ изучить Кромвелля теолога. Вотъ аргументы, которые онъ употребляетъ противъ страшной *kirk* шотландскаго кальвинизма. Вотъ, что онъ пишетъ главамъ его, протестантамъ:

«Генеральному собранію шотландской церкви, или, въ случаѣ, если оно не собрано, комиссарамъ шотландской церкви, это письмо.»

«Милостивые государи,

«Мы видѣли вашъ отвѣтъ на манифестъ арміи. Нѣкоторые изъ нашихъ благочестивыхъ проповѣдниковъ написали въ Берникъ этотъ отвѣтъ, который я считаю нужнымъ послать вамъ.

«Вы ли, мы ли, въ этихъ важныхъ и смутныхъ обстоятельствахъ повинемся волѣ или духу Божію, все-таки происходитъ это лишь по Его благодати и милосердію къ намъ. Следовательно, выражая это въ нашихъ бумагахъ (манифестахъ), мы поручаемъ окончаніе этихъ дѣлъ Тому, который всемоу располагаетъ, и уверяемъ васъ, что въ насъ со-дня-на-доль увеличиваются свѣтъ и утѣшеніе, и мы уверены, что въ непродолжительномъ времени Господь объявитъ свою волю, такъ-что всѣ узрятъ перстъ его и народъ его скажетъ: *это дѣло Господа и оно чудно въ глазахъ нашихъ. Это дѣло, который сотворилъ Господь; будемъ довольны и возрадуемся о Господѣ.* — Позвольте только мнѣ сказать вамъ однимъ словомъ слѣдующее:

«Вы берете на себя судить насъ въ дѣлахъ нашего Господа, хотя мы насъ не знаете, хотя въ предметахъ, о которыхъ мы сами говорили, въ томъ, что названо *манифестомъ арміи*, мы говорили словами нашего сердца, какъ-бы въ присутствіи Господа, испытаннаго насъ, вашими жесткими и обманчивыми словами вы возродили предубѣжденіе въ тѣхъ, которые думаютъ, что вы сильны въ дѣлахъ совѣсти, въ дѣлахъ, въ которыхъ каждая душа должна отвѣчать Богу сама за себя, такъ-что нѣкоторые послѣдовали за вами до той минуты, когда изъ нихъ улетѣла душа (*), а другіе продолжаютъ идти по пути, по которому вы ихъ ведете, какъ мы опасемся, къ ихъ гибели.

(*) Въ сшибкѣ при Мюссельбургѣ и въ другихъ битвахъ.

«И не удивительно, что вы действуете такимъ-образомъ въ отноше-
ніи къ намъ, когда вы находите въ вашихъ сердцахъ столько сла-
сто-сти, чтобъ скрывать отъ собственныхъ вашихъ людей манифесты, ко-
торые мы вамъ послали, — манифесты, изъ которыхъ они могли видеть
и понять любовь къ нимъ души нашей, въ особенности къ тѣмъ изъ
нихъ, которые боятся Господа. Присылайте сколько угодно вашихъ
манифестовъ къ нашимъ людямъ; для вашихъ бумагъ доступъ свобо-
денъ: я ихъ не боюсь. Да будетъ угодно небу, чтобъ то, что согласо-
съ волею Божіею въ этихъ бумагахъ, было принято! Одна изъ тѣхъ,
которымъ вы недавно прислали, адресованная къ *унтер-офицерамъ и сол-
датамъ англійской армии*, возбуждая съ ихъ стороны *смятеніе*, присылъ
прилагаемый, который они просили меня послать вамъ, — не тонкій и
политическій отзывъ, но простой и ровный, духовный. Одинъ Богъ
знаетъ, что Онъ такое и Богъ же, когда прійдетъ время, это пока-
жетъ.

«Преувеличиваемъ ли мы эти дѣла, какъ люди, или мы это делаемъ
изъ любви къ Господу Христу и его народу? Точно, по милости Бога,
мы не страшимся нашей многочисленности и не надеемся на самихъ-
себя. Мы можемъ, — молю Бога; чтобъ вы не сочли этого хвастов-
ствомъ, — мы можемъ противостоять вашему войску, всякому, какое
вы можете противъ насъ вывести. Мы уже доказали, — говоримъ это
въ свѣдѣніи передъ Богомъ, на котораго вся наша надежда, — мы уже
несколько доказали, что подобнаго рода мысли не имѣютъ власти надъ
нами, Господь не отвращалъ лица своего отъ насъ съ того времени,
какъ мы подошли къ вамъ столь близко.

«Уже тягость вашихъ собственныхъ грѣховъ гораздо-болѣе того, что
вы въ силахъ перенести: не берите же на себя крови невинныхъ лю-
дей, — обоглаженныхъ приманкою союза (covenant), — отъ гнѣвъ ко-
торыхъ вы скрываете то, что знаете. Я увѣренъ, что многіе изъ
насъ, ведущіе за собой народъ, съ трудомъ убѣдились въ этихъ
вещахъ, въ которыхъ вы критиковали другихъ и утвердились «на сло-
вахъ Божіихъ». Не-уже-ли непременно все, что вы говорите, согласо-
но съ словомъ Божіимъ? Заклинаю васъ Христомъ Богомъ повторите,
что вы можете ошибаться. Вы можете нагромождать правило на пра-
вило, строку на строку, а между-тѣмъ, слово Господа можетъ быть для
нѣкоторыхъ словомъ осужденія, да падутъ они навзничь и будутъ по-
ражены, и да падутъ они въ сѣти и будутъ взяты (1)! Въ этомъ мо-
жетъ заключаться полнота духовная, которую міръ можетъ видеть
офендіею (2). Въ этомъ можетъ заключаться также плотская уве-
ренность въ худо-понятыхъ основаніяхъ, что также можно назвать
духовнымъ офендіею. Можетъ-быть, *ковенантъ* съ смертію и
адамъ (3)! Я не хочу сказать, чтобъ таковъ былъ вашъ союзъ. Но

(1) Слова, заимствованныя изъ Библии.

(2) Какъ во второй главѣ *Дѣяній Апостольскихъ*.

(3) Какъ вы можете сказать о насъ, между-тѣмъ, какъ скорѣй вы сплывъ.

разсудите, имѣютъ ли эти предметы цѣль политическую: избѣгать бича, превосходящаго мѣру, или разсчитывать на мірскія выгоды; и если для этого мы (*) соединились съ людьми злыми и плотскими, и если уважаемъ ихъ, или если мы увлекли ихъ къ заключенію съ нами союза, то есть ли это *ковенантъ* Божій, *ковенантъ* духовный? Размыслите, подумайте объ этихъ вещахъ; надѣюсь, что мы объ нихъ размышляли.

«Прошу васъ, прочтите двадцать-восьмую главу Исаіи, съ пятато до пятнадцатаго стиха, и не стыдитесь узнать, что такое духъ животворящій и дающій жизнь.

«Да дастъ вамъ Господь понятіе, чтобъ сдѣлать ему угодное!

«Поручая васъ милости Божіей, остаюсь

«вашимъ покорнымъ слугою,

«Оливеръ Кромвель.»

Съ тѣмъ же намѣреніемъ пишетъ онъ шотландскому генералу Лесли следующее письмо:

«Высокопочтенному Давиду Лесли, генерал-лейтенанту шотландской арміи, это письмо,

Изъ лагеря съ герцага Шотландскаго, 14 августа 1650.

«Милостивый государь,

«Я получилъ ваше письмо отъ 13 числа текущаго мѣсяца, съ приложенной при немъ декларацией, о которой вы говорите, — которую и приказалъ прочитать въ присутствіи столькихъ офицеровъ, сколько можно было собрать, въ чемъ можете удостовѣрить васъ вашъ трубачъ. Мы посылаемъ вамъ этотъ отвѣтъ, изъ котораго, надѣюсь, съ помощію Божіею, вы увидите, что мы продолжаемъ быть тѣмъ же, чѣмъ мы объявили себя въ-отношеніи къ честнымъ людямъ Шотландіи, желая для нихъ того же, чего желаемъ для собственныхъ душъ своихъ; такъ какъ наше дѣло совсѣмъ не то, чтобъ чѣмъ-либо препятствовать всякому изъ нихъ чтить Бога такимъ способомъ, какимъ они убеждены совѣстію, что они должны чтить согласно съ словомъ Божіимъ; хотѣ бы способъ этотъ различествовалъ отъ нашего; но въ этомъ отношеніи мы всегда готовы исполнить обязанности, которыя налагаютъ на насъ *ковенантъ*.

«Однакожь, мы не хотимъ, чтобъ подъ предлогомъ *ковенанта*, худолстокозничаго, котораго извращенъ истинный смыслъ и справедливость, былъ принятъ нами и нами король; знайте, что тотъ, который стоитъ во главѣ этихъ цародовъ, тотъ, на комъ лежитъ вся надежда и благосостояніе, въ эту самую минуту, имѣетъ въ Ирландіи папистическую армію, которая сражается за него и подъ его начальствомъ; что онъ имѣетъ принца Руперта, человека, рука котораго глубоко погружалась въ кровь многихъ невин-

(*) То-есть вы.

выхъ людей въ Англіи, что теперь этотъ человекъ командуетъ у него нашими кораблями, которые были отняты у насъ съ злымъ намѣреніемъ; что онъ имѣетъ у себя французскіе и англійскіе корабли, ежедневно совершающіе грабительства на нашихъ берегахъ; что онъ имѣетъ сильныя сношенія съ злыми людьми Англіи для набиранія посредн насъ войска, въ силу многочисленныхъ приказаній, недавно изданныхъ имъ для этой цѣли. — Какъ могутъ интересы божественныя, для которыхъ вы, какъ вы говорите, его признали, и интересы злобныя по ихъ цѣли и послѣдствіямъ, какъ эти интересы могутъ быть согласны, мы не въ состояніи понять.

«И какъ мы можемъ почитать, чтобъ въ то время, когда злые, совершенно извѣстные, сражаются и дѣлаютъ заговоры противъ насъ съ одной стороны, а съ другой вы принимаете его сторону, какъ можемъ мы почитать, что это по значить «принимать сторону и раздѣлять выгоды злыхъ», а значить, какъ вы объясняете, «сражаться на прежнихъ основаніяхъ, пользовавшихся предшествовавшими началами, на защиту дѣла Божьяго и обоихъ королевствъ, какъ это дѣлается уже десять лѣтъ», и какъ это можетъ быть дѣлано «для безопасности народа Божьяго въ обоихъ государствахъ», или какъ сопротивление наше всему этому, слышитъ насъ, какъ вы говорите, врагами людей благочестивыхъ, — этого мы не можемъ понять. Въ особенности, если принять во вниманіе, что все злое почерпаютъ свою надежду и силу въ послѣднихъ распоряженіяхъ вашей шотландской церкви и въ нашемъ согласіи съ королемъ; ибо, какъ мы уже сказали и какъ потерпѣли вамъ, мы ищемъ только какого-нибудь «достаточнаго ручательства» для безопасности тѣхъ, которые насъ употребляютъ; что, по нашему мнѣнію, не можетъ состоять въ какомъ-нибудь формальномъ или притворномъ покорствѣ со стороны лица, незнающаго другихъ средствъ для достиженія своихъ злобныхъ цѣлей, и которому по-этому советуютъ уступить люди, помогавшіе его отцу и до-сихъ-поръ возмущавшіе его въ самыя худшія и въ самыя отчаянныя намѣренія, — намѣренія, теперь ими возобновляемыя. Какъ можете вы, стоя на томъ пути, на который мы теперь вступили, защитить насъ и защитить себя самихъ отъ этихъ несчастій? этой защиты, въ-отношеніи къ себѣ, мы обязаны искать въ настоящее время.

«Если таково положеніе распри, не случаю которой, какъ говорите, вы хотите сражаться съ нашими войсками, мы доставимъ вамъ для этого случай; иначе зачѣмъ были бы мы здѣсь? И намъ будетъ худо, если мы не положимъ надежды своей на Господа. Мы поручаемъ себя и поручаемъ васъ Тому, кто читаетъ въ сердцахъ и направляетъ бранды, Тому, путямъ котораго мы следуемъ, который можетъ сдѣлать и для насъ и для васъ болѣе, нежели сколько мы знаемъ, и мы просимъ, чтобъ это было сдѣлано съ великимъ милосердіемъ къ его бедному народу и къ славы его великаго имени.

«Исполните ваше желаніе обнародованіемъ вашихъ манифестовъ, какъ я сказалъ выше, прошу васъ сдѣлать то же самое, объявивъ со-

держаніе этого письма государству, церкви и арміи. Съ этою цілію я прилагаю вамъ съ него двѣ копіи и остаюсь

«вашимъ покорнымъ слугою,

«Оливеръ Кромвелль».

Чтобъ переслать это страшное присутствіе Кромвелля, разсуждающаго такимъ-образомъ съ мечомъ въ рукахъ, и привлечь къ престолену кальвинистовъ, Карла II заставляютъ подписать манифестъ, въ которомъ онъ признаётся въ «грѣхахъ своего отца», и онъ подписываетъ. Между-тѣмъ, Кромвелль, расположившись лагеремъ на холмахъ Вентленда, слѣдитъ за движеніями враговъ.

«... Государственному советнику, въ Уинчестеръ,
это письмо.

Мюссельбургъ, 30 августа 1650.

«Милостивый государь,

«Со времени послѣдняго письма моего, видя, что непріатели вовсе не думаютъ о нападеніи, — и что, между-тѣмъ, они легко обманываются словами, которыя произносятся на этотъ счетъ въ нашемъ войскѣ, что заставляло некоторыхъ изъ нихъ приходить къ нашимъ офицерамъ и говорить имъ, что они хотятъ съ нами сразиться; — какъ, между-тѣмъ, они оставались спокойными въ своихъ укрѣпленіяхъ, или по близости ихъ, на западъ отъ Эдинбурга, мы разшились, съ помощію Господа, подойти къ нимъ еще ближе и посмотреть не можемъ ли мы съ ними сразиться. И точно, если бы мы прибыли часомъ раньше, то думаю, что выжили бы къ тому случай.

«Съ этимъ намереніемъ, 27 числа текущаго мѣсяца, мы пошли на западъ отъ Эдинбурга, къ Стерлингу; видя это, непріатель двинулся съ величайшею быстротою, чтобъ остановить насъ, и авангарды обѣихъ армій ввели спѣху въ такомъ мѣстѣ, гдѣ болота и тѣсныи не позволяли арміямъ подойти другъ къ другу. Не зная мѣстности, мы приближались, надѣясь вступить въ сраженіе; но мы нашли это невозможнымъ по причинѣ болотъ и другихъ затрудненій.

«Мы приказали выдвинуть нашу артиллерію и въ-теченіе дня выстрѣляли въ нихъ двести или триста ядеръ; они также прислали намъ ихъ множество, и вотъ все, что въ этотъ день между нами происходило. Въ этомъ дѣлѣ у насъ было убитыми и ранеными до двадцати человекъ, но ни одного офицера. Намъ извѣщаютъ, что у непріателя убито около восьмидесяти человекъ и въ томъ числѣ нѣсколько высшихъ офицеровъ. Видя, что они хотятъ остаться на своемъ мѣстѣ и что мы не можемъ ихъ прогнать съ него, и не имѣя хлѣба, мы принуждены были за нимъ отправиться; а потому ретировались въ среду утромъ, около десяти или одиннадцати часовъ. Непріатель, видя это и опасаясь, чтобъ мы его не предупредили и не стали между нимъ и Эдинбургомъ, чего мы вовсе не хотали, хотя движеніе наше было на то похоже, непріатель поспѣшно отступилъ, и какъ между нимъ и нами

находились болота и тѣснины, то не произошло никакого важнаго дѣла, кромѣ сшибокъ между нихъ и нашимъ кавалерійскими авангардами, около Эдмборга, безъ значительной потери съ той или другой стороны; мы только взяли у нихъ два или три лошади.

«Во вторникъ вечеромъ, мы остановились въ разстояніи одной мили отъ Эдмборга и непріятеля. Ночь была бурная и утро сырое. Во время ночи, непріятель двинулся, чтобъ стать между Лейтомъ и Эдмборгомъ, между нами и нашими запасами, ибо онъ зналъ, что мы уже терпимъ въ нихъ недостатокъ; но Господь, въ милосердіи своемъ, помѣшалъ ему, и мы, замѣтивъ это движеніе утромъ, прибыли, по милости Господней, къ морю во-время, чтобъ запасти всѣмъ нужнымъ; непріятель стоялъ въ босвомъ порядкѣ на холмѣ, около Артур-Сита, видя насъ, но не смѣя ничего предпринять.

«Такимъ-образомъ, вы видите рассказъ о настоящихъ событіяхъ.

«Вашъ покорный слуга,

«Оливеръ Кромвелль».

Маленькій городокъ Донбаръ, одинъ изъ самыхъ живописныхъ и самыхъ дикихъ городовъ Шотландіи, виситъ на скалѣ, подверженной всѣмъ ураганамъ Нѣмецкаго-Моря, и образуетъ съ своими окрестностями и старымъ развалившимся замкомъ небольшой полуостровъ, котораго основаніе занимаетъ армія Кромвелля. Впереди, въ заливѣ, стоятъ его корабли; за нимъ овраги Ламмермура заняты генераломъ шотландской арміи, Лесли, заграждающимъ ему обратный путь. Вѣтеръ востъ, идетъ свѣгъ; солдаты его утомлены; у него всего двѣнадцать тысячъ измученныхъ людей; у Лесли двадцать-три тысячи свѣжаго войска. Кромвелль находитъ средство послать къ пуританину Гэзлеригу слѣдующее письмо:

«Сэръ Артуру Гэзлериу, губернатору Ньюкэстля, это письмо.

Донбаръ, 2 септября 1650.

«Милостивый государь,

«Мы въ весьма-затруднительномъ положеніи. Непріятель загородилъ намъ дорогу къ ущелью Копперспатъ, и мы не можемъ пройти его, если не случится чуда. Онъ до такой степени овладѣлъ высотами, что мы не знаемъ, какъ пройти черезъ нихъ безъ величайшей опасности; а оставаясь здѣсь, мы теряемъ людей, которыхъ заболѣваетъ столько, что и представить себѣ невозможно.

«Я знаю, что въ настоящее время вы съ своими силами не въ состояніи насъ выручить. А потому, что бы съ нами ни случилось, вы хорошо сдѣлаете, если сосредоточите столько войска, сколько можете собрать, и югъ будетъ способствовать сколько можетъ. Это дѣло касается всѣхъ благонамѣренныхъ людей. Мужество наше не убито, слава Богу, хотя таково наше настоящее положеніе. И точно, мы имѣемъ большую надежду на Господа, котораго милосердіе испытали съ-давнихъ-поръ.

Дѣйствительно, соберите противъ нихъ столько войска, сколько може-

те. Пошлите къ нашимъ южнымъ друзьямъ, чтобъ они прислали вспоможеніе. Покажите мистеру Вану что я вамъ пишу. Я не желалъ бы, чтобъ это было публично, чтобъ не увеличить опасности. Вы знаете, какое изъ этого нужно сдѣлать употребленіе. Дайте мнѣ знать о себѣ.

«Остаюсь вашъ слуга,

«Оливеръ Кромвелль.»

Эта суровая краткость показываетъ и важность опасности и энергію этого человека. 2 сентября 1650 года, около четырехъ часовъ, онъ видитъ, что войска Лесли начинаютъ мало-по-малу двигаться и строятся колоннами, спускаясь въ глубину долины, отдаленной мѣст Ламмермуръ. Онъ понимаетъ, что для него дѣло идетъ о томъ, быть ли уничтоженнымъ вмѣстѣ съ своею армією, или побѣдить; предупреждая Наполеона въ его любимомъ маневрѣ, онъ кидается почти со всеми своими силами на одну точку, на правое крыло Лесли, и прорываетъ его, но только послѣ бол, продолжавшагося три четверти часа, и жестокаго кровопролитія. Три тысячи человекъ ложатся на мѣсть, и, самъ удивляясь своей побѣдѣ, Кромвелль восклицаетъ: «Они бѣгутъ! клянусь, что они бѣгутъ!»

— Стой! говоритъ онъ тогда:—пропоемъ псаломъ сто-семьнадцатый!

И въ то время, какъ восходящее солнце бросало первые лучи свои на море, когда со всѣхъ сторонъ спѣшила пуританская кавалерія, сзываемая къ предводителю звуками рога, вооруженный пуританинъ пѣлъ старыя кальвинистскіе стихи, которые повторяли хоромъ двѣнадцать тысячъ человекъ.

Взявъ десять тысячъ пленныхъ, и Кромвелль, написавъ свой рапортъ, въ которомъ не менѣе двадцати страницъ, спѣшитъ сказать своей женѣ, Елизаветѣ Кромвелль, что онъ еще живъ.

«Милой жень мой, Елизаветъ Кромвелль, это письмо.

Донбартъ, 4 сентября 1650.

«Милая моя!

«Мнѣ нѣкогда много писать и хотѣлось бы побранить тебя за то, что во многихъ письмахъ ты пишешь, что я не долженъ бы забывать тебя и малютокъ, дѣтей твоихъ. По-истинѣ, если я не люблю васъ слишкомъ-много, то думаю, что немного грѣшенъ въ противномъ. Ты для меня дороже всѣхъ; будь этимъ довольна.

«Господь оказалъ намъ величайшее милосердіе: — кто можетъ знать, какъ оно велико? Моя слабая вѣра была поддержана. Я былъ чудесно подкрѣпленъ въ моемъ внутреннемъ человекѣ, хотя, уверю тебя, я становлюсь старъ и чувствую, что недуги старости быстро овлаживаютъ мною. О, есѣбъ Богу было угодно, чтобъ также скоро уменьшались грѣхи мои! Молись за меня о послѣднемъ. Генрихъ Ванъ и Жильбертъ Пиккерингъ разскажутъ тебѣ подробности о нашихъ послѣднихъ успехахъ. Скажи мой поклонъ всемъ дорогимъ друзьямъ нашимъ. Я вѣчно твой

«Оливеръ Кромвелль.»

Майоръ, тестъ Ричарда Кромвелля, и котораго пуританинъ очень любилъ, получаетъ также следующее письмо:

«Моему доброму брату, Ричарду Майору, скажи, это письмо.

Донбургъ, 4 октября 1650.

«Милый братъ,

«Имѣя такой прекрасный случай сообщить тебѣ о великой милости, которую Господь удостоилъ нѣзвать на насъ въ Шотландію, и не хотѣлъ упустить случая сообщить вамъ о ней, хотя и заваленъ дѣлами.

«Въ среду мы побѣдили шотландскія войска. По всѣмъ расчетамъ, они простирались свыше двадцати тысячъ человекъ; у насъ сава было одиннадцатъ тысячъ, и въ нашей арміи было много больныхъ. Призывавъ долгое время Господа, мы сражались болѣе часа. Мы убили у непріятеля, какъ всѣ полагаютъ, три тысячи человекъ; захватили около десяти тысячъ пленныхъ, всю непріятельскую артиллерію, около тридцати пушекъ большихъ и малыхъ, кромѣ ядеръ, фитилей и пороха, и высшихъ воинскихъ чиновъ, около двухъ-сотъ пленныхъ и болѣе десяти тысячъ оружія. Мы не потеряли и тридцати человекъ. Это дѣло Божіе, и оно чудно въ глазахъ нашихъ. Прошу васъ, милостивый государь, припишите всю славу его Богу; ободрите всѣхъ вашихъ и всѣхъ, которые васъ окружаютъ. Молитесь за любящаго васъ брата

«Оливера Кромвелля.»

«Прошу васъ поклониться отъ меня моей милой сестрѣ и всему вашему семейству. Скажите, пожалуйста, Доротей, что я не забываю ни ея, ни ея ребенка. Въ письмахъ ея ко мнѣ слишкомъ-много церемоній и комплиментовъ; я жаду отъ нея совершенно-ровнаго письма. Она такъ стыдлива, что не скажетъ мнѣ, беременна она, или нѣтъ. Прошу Бога ниспослать благословіе ей и ея мужу. Господь дѣлаетъ плодотворными всѣхъ тѣхъ, которые добры. У нихъ много досуга, чтобъ часто писать; но, право, они оба лѣнивы и заслуживаютъ выговоръ.»

Послѣ этого, чтобъ довершить свою побѣду, онъ пошелъ на Эдмбургъ и отправилъ къ проповѣдникамъ следующее увѣщаніе:

«Почтенному лорду-губернатору замка Эдмбурга это письмо.

Эдмбургъ, 9 сентября 1650.

«Милостивый государь.

«Снисхожденіе, оказанное въ-отношеніи вашихъ проповѣдниковъ, было добросовѣстно, въ надеждѣ, что за него будетъ заплачено тѣмъ же; но я очень-доволенъ, имѣя возможность сказать людямъ вашей партіи, что еслибъ они всегда имѣли въ виду службу ихъ государю (какъ они это называютъ), то страхъ теперь не произвелъ бы подобнаго обращенія, и поведеніе нашей партіи еще менѣе могло быть поводомъ къ личному преслѣдованію.

«Проповѣдники въ Англіи находятся подъ покровительствомъ правительства и могутъ свободно проповѣдывать Евангеліе, но не могутъ подъ этимъ предлогомъ издѣваться надъ свѣтской властью, становиться

выше ея и унижать ее по своему произволу. Ни въ Англіи, ни въ Ирландіи ни одинъ человекъ не былъ преследованъ за то, что проповѣдовалъ Евангеліе, и ни одинъ проповѣдникъ не былъ тревожимъ въ Шотландіи съ-тѣхъ-поръ, какъ сюда вошла наша армія. Истина прилична устами проповѣдниковъ Христовыхъ.

«Когда проповѣдники имѣютъ притязанія на славную реформу и кладутъ основаніе ея, овладѣвъ мірскою властію; когда, чтобы достигнуть этой цѣли, они заключаютъ мірскіе союзы, подобно послѣднему договору съ ихъ королемъ, — они могутъ быть увѣрены, что обѣтованный Сіонъ не будетъ созданъ изъ такой печетой извести.

«Что касается до несправедливаго намѣствія, о которомъ они говорить, то было время, когда шотландская армія пришла въ Англію, не будучи призвана высшею властію. Мы объяснили въ своихъ прокламаціяхъ, съ какими намѣреніемъ и для какаго дѣла пришли мы, и Господь услышалъ насъ, когда вы сами того не хотѣли, въ такомъ же торжественномъ воззваніи, какъ и всякое другое, которое съ ними можно сравнить.

«Хотя они, какъ кажется, утѣшаются тѣмъ, что они дѣти Іакова, отъ котораго, говорятъ они, Богъ на время отыратилъ лицо свое, однако не удивительно, когда Господь такъ грозно поднималъ руку свою на это семейство и поднималъ ее такъ часто, и когда люди не хотѣтъ видѣть руки Его, — не удивительно, что Господь отворачиваетъ лицо Свое отъ подобныхъ людей, бросая ихъ, какъ это происходитъ нынѣ, стыдъ за это и за ненависть ихъ къ его народу. Когда они будутъ полагать вѣру свою единственно въ мечъ разума, который есть слово Божіе, нивѣющее салу низвергать крѣпости и всѣ мечтанія, поднимающіяся сами-собою, — который одинъ въ-состояніи обещать и приладить камни для новаго Іерусалима, — тогда, а не прежде, и этимъ средствомъ и другими, сооруженъ будетъ Іерусалимъ, градъ Господень, — и будетъ онъ славою всей земли, Сіономъ святой святыхъ Израиля.

«Мнѣ ничего больше не остается сказать, какъ только то, что я остаюсь, милостивый государь, вашимъ покорнымъ слугою,

«Оливеръ Кромвелль.»

За пышечнымъ дымомъ сладуютъ богословскіе переговоры, и Кромвелль остается въ Эдинбургѣ, чтобы сладать за ними. Онъ не забываетъ жены своей, которая время-отъ-времени пишетъ къ нему письма, наполненные множествомъ орфографическихъ ошибокъ, но въ то же время полныя здраваго смысла; между-прочимъ, она говоритъ ему, что онъ не довольно-часто пишетъ къ президенту Брадшау. Кромвелль посылаетъ ей въ отвѣтъ пять или шесть писемъ и, между-прочимъ, сладующее:

«Милой женѣ моей, Елизаветѣ Кромвелль, изъ Пудалье, это письмо.

Эдинбургъ, 16 апрѣля 1651.

«Милая моя,

«Благодарю Господа за то, что я укрѣпился въ моемъ вѣнчѣномъ чело-
вѣкѣ; но этого для меня не довольно, если я не буду сердцемъ бо-
лѣе»

ше любить моего Отца Небеснаго и служить Ему, и не получу большаго луча свѣта отъ лица Его, который лучше жизни, и не буду имѣть большей власти надъ моими грѣхами. Я этого ожидаю, и надѣюсь, что ожиданія мои будутъ милостиво исполнены. Молись за меня; по-истинѣ, я ежедневно молюсь за тебя и за все свое милое семейство, и да взлѣтъ на васъ всемогущій Богъ духовные дары свои.

«Напомни бѣдной Бетси о великомъ милосердіи Господа. О! я прошу ее искать Господа не только тогда, когда она имѣетъ въ Немъ нужду, но обращаться къ Нему дѣломъ и истиною, не удаляться отъ Него и опасаться слабости собственнаго своего сердца и искушеній мірскихъ суесть, мірскихъ сообществъ, къ которымъ она, какъ я опасуюсь, слишкомъ-склонна. Я часто молюсь за нее и за него^(*). По-истинѣ, они мнѣ дороги, очень-дороги, и я опасуюсь, чтобъ сатана не обольстилъ ихъ, потому-что знаю, какъ слабы сердца наши, какъ хитеръ противникъ и какъ пѣвца нашихъ сердецъ и суега міра открываютъ дорогу для его искушеній. Да дастъ имъ Господь откровенность сердца въ-отношеніи къ Нему! Да шутъ они Его съ чистымъ сердцемъ, и — обратуть!»

«Передай мой поцалуй милымъ дѣтямъ; молю Бога, да исполнитъ Онъ имъ свою благодать. Благодарю ихъ за письма; пусть они пишутъ ко мнѣ часто.

«Остерегайтесь посѣщеній милорда Герберта. Эти посѣщенія могутъ возбудить подозрѣніе, что я съ нимъ въ переговорахъ. Дѣйствительно, будь благоразумна; ты знаешь, что я хочу сказать. Попроси сѣра Генриха Нана подумать о моихъ вѣдѣніяхъ. Мистеръ Флондъ знаетъ весь мой намереніи въ этомъ отношеніи:

«Если Ричардъ Кромвелль и жена его съ тобою, увѣрь ихъ въ любви моей. Я молюсь за нихъ; когда Богъ позволитъ, буду имъ писать. Я очень люблю ихъ. Право, я не могу больше писать; я усталъ, и остаюсь твой

«Оливеръ Кромвелль.»

Въ семейныхъ привязанностяхъ отдыхаетъ суровая душа пуританскаго воеводы, который продолжаетъ сильно тѣснить Карла II и его шотландскихъ приверженцевъ, а между-тѣмъ все-таки пишетъ своей женѣ:

«Милой женѣ моей, Елизаветѣ Кромвелль, съ Пулласе, это письмо.

«Милая моя,

«Я не могъ рѣшиться отправить курьера, не воспользовавшись этимъ случаемъ, хотя мнѣ и мало о чемъ писать; но, право, я люблю писать къ моей милой, которая живетъ во глубинѣ моего сердца. Радуюсь, слыша, что душа ея благоденствуетъ, что Господь болѣе и болѣе умножаетъ щедроты свои къ тебѣ. Лучшее благо, котораго только можетъ желать душа твоя, то, чтобъ Господь озарилъ тебя свѣтомъ лица своего: это стоитъ гораздо-дороже жизни. Да благословитъ Господь всѣ добрые пути твои и твой добрый примаръ всѣмъ тебя окружающимъ! да услышитъ Онъ всѣ твои молитвы и да будетъ къ тебѣ милостивъ!

(*) Елизавета Клайполь и мужъ ея.

«Очень-радъ, что твой сынъ и дочь твоя съ тобою. Надеюсь, что ты найдешь какой-нибудь случай подать ему добрый советъ. Скажи мое почтенье матушкѣ моей и поклонъ всему семейству. Молись всегда за твоего

«Оливера Кромвелля.»

Битва при Уорчестерѣ заключаетъ этотъ рядъ побѣдъ, такъ дорого купленныхъ, и Шотландія, подобно Ирландіи, наконецъ покорена. Кромвелль возвращается въ Лондонъ, гдѣ все падаетъ ницъ передъ диктаторомъ. Слѣдя за нимъ въ этомъ страшномъ пути, мы не столько удивляемся тому, что онъ властитель. Благодаря письмамъ и документамъ, собраннымъ Карломъ, мы не потеряли ни одного изъ движеній бурнаго атака.

Книга Карла важный трудъ, котораго не достанало исторіи. Изъ словъ Кромвелля онъ видѣтъ все; это часть его дѣйствій и часть самая внутренняя. По-несчастью, Карлъ не удовлетворялся трудомъ комментатора; онъ далъ волю своему юмору и въ промежуточныхъ документахъ поместилъ свои комментаріи, странныя объясненія, часто помешали.

При такомъ планѣ и такихъ мысляхъ, мистеръ Карлъ, разумеется, не уважаетъ ни Карла I, ни Ферфакса, не удивляется никому, исключая Кромвелля; онъ видитъ одного Кромвелля. Онъ бросаетъ всѣмъ свѣтъ на этого человека, иди, лучше, обладаетъ его святомъ; всѣ предметы исчезаютъ, размыры теряются. О смерти Карла едва упоминается вкратцѣ и мимоходомъ. Существуетъ одинъ Кромвелль. Младшіе д'Израэли, Галламъ, Барне даже не опровергаются. Всѣ соборники записокъ, документовъ, мемуаровъ окрещены однимъ общимъ именемъ *Dryasdust* (сухіе какъ пыль), заимствованнымъ у Вальтера Скотта. Опрокидывъ онъ не жалеть. То называется сборники Вумсорта «спискомъ глупостей» и всякій разъ, говоря о нихъ, употребляетъ это слово; то чувствуетъ д'Израэли названіемъ «горы лжи». Онъ порочно какъ-будто говоритъ самъ съ собою, и безъ величайшаго утомленія, безъ окончательнаго пониманія не только исторіи, но и древнихъ историковъ, невозможно понять даже мыслей новаго комментатора. По-этому не лѣзя ни съ чѣмъ сравнивать его книги — этого страшнаго, обреченнаго зурбагана слога и сильныхъ мыслей; дымя и молніи выходятъ изъ его и тогда время изъ его свинцова готта.

Онъ также несправедливъ къ историкамъ, которые ему предшествовали. Въ его глазахъ не имѣютъ никакой цѣны ни Басмолдъ, ни Юмъ, ни д'Израэли. Эта несправедливость личнаго сужденія падаетъ къ худшимъ результатамъ и общее впечатлѣніе книги теряется. Изъ того, что мистеръ Галламъ несколько-сухъ, еще не слѣдуетъ, что ему можно дать прозвище *Sухъ-какъ-Пыль*, и потому — что Гэтъ сдѣлалъ изъ жизни Кромвелля плохую біографію въ духъ роялистствъ, еще нечая называть его безпрерывно *Reveritute-Heath*, какъ это дѣлаетъ Карлъ. Романъ, норма, сатира смѣшная, свѣдѣтая, свѣдѣвшаяся въ египетскихъ садахъ медленнымъ образомъ. Онъ останавливается, вдругъ, посреди серьезнаго разсказа и восклицаетъ: *Бездна! О, смерти! о, вре-*

ня!.. Может-быть, русскими читателями будет любопытно видеть, каким-образом написана эта странная книга. Вотъ фразъ Карлила, взятая на выдержку: «Еслибъ Сузь-какъ-Ниль выдалъ посвѣтъ на холмѣ Сен-Жоржа, грозившее паденіе ограда парка и галопъ къ Борборлу, онъ подумалъ бы о томъ, что значить въ серьезное время убѣжденіе, не длинный разглагольствованіе въ залѣ Экзетера, но быстрое и молчаливое дѣйствіе на земной поверхности, и может-быть онъ оставилъ бы въ покоѣ свои бѣдные волосы.» Это значить: «еслибъ читатель выдалъ попытку ниседровъ, онъ зналъ бы какъ сильна зѣра и не сср-дился бы на Кромвелля».

Впрочемъ, Карлилъ изучалъ Кромвелля во всѣхъ подробностяхъ его жизни и это изученіе для насъ полезно. Онъ доказываетъ, что жизнь его почти вся была наполнена сосредоточенностью, глубиной мысли, рѣшительностью. Видѣвъ циклонъ въ нещере, пытающійся бороться съ своею собственною мыслию, съ своею совѣстью и съ своимъ темнымъ положеніемъ. Господствующій характеръ Кромвелля — сила воли и дерзость нѣтрости. Это видно и въ чертахъ страшнаго портрета, гравируемаго съ Кунера и приложеннаго къ книгѣ: голова его похожа на каменную, черты грубы и резки, изгладъ блеститъ молніей и святѣе подавленной восторженностью, готовый вспыхнуть пламенемъ; въ чертахъ лица страшная сила, съ некоторымъ выраженіемъ простонароднаго добродушія и мужественной доброты. И точно, въ семейныхъ отношеніяхъ, Кромвелль, какъ мы видали, дѣлается добродушнымъ. Тогда Карлилъ слегка нагъ нимъ насмѣхается и прерываетъ разсказъ о своемъ горѣ обращеніями къ нему въ родѣ слѣдующихъ: «Ваша святлостъ нѣжничаете... ваша святлостъ «врачны!», или ваша святлостъ задумчивы, потому-что дало-то трудно!»

Подобная книга довольно-трудная загадка для критики. Карлилъ употребляетъ слова шотландскія, ирландскія, латинскія и собственнаго изобретенія. Только Гамантъ и Жан-Поль позволяли себѣ подобную свободу: трудно спорить съ человекомъ, который говоритъ иероглифами и всегда оставляетъ для себя убѣжденіе недоумьку.

Некоторые мыслители, и въ томъ числѣ замѣчательные, никогда не могутъ привести въ порядокъ своихъ мыслей; занятые идеею, находясь подъ ея вліяніемъ, они влюблены въ нее, какъ-бы убиты ею. Таковъ былъ у Германцевъ Гамантъ. Многие изъ послѣдовавшихъ ему философовъ похитили у него его открытія, результаты, выраженіея у него были системы, классификаціи и порядки. Таковъ и Карлилъ. У нихъ въ словѣ есть оригинальность, сила, блескъ. Презирая обработку, какъ нечто искусственное, они съ трудомъ дѣлаются популярными. Умны, одаренные большою всностью, присваиваютъ себѣ эти отрывки, мысли, и приводятъ ихъ въ порядокъ. Они доходятъ до глубины системы, проникаютъ въ святлище, зажигаютъ тамъ свѣточъ, и все заданіе становится видно.

Подобный способъ положенія принадлежитъ болѣею частью греческому и римскому преданіямъ; самыя странныя примѣры этого проклятого безпорядка, этой свободы мысли, выходящей только сею

прихоти, усмиряють да она или ослабляютъ ее, захватятся въ литературахъ германской и англійской. Ни въ Италиі, ни въ Испаніи, ни во Франціи нельзя найти ничего подобнаго Гаману, Жан-Полу, Новалису, Карамю или старому Томасу Броуу. Окончательная форма этой свободы, свободной, если она не чрезвычайно-обильна въ своихъ дикихъ и буйныхъ дилеммахъ, форма безъ формы, есть юморъ.

Кажется, до-сихъ-поръ подобнымъ способомъ еще не писали исторію. Самъ Карамъ, взявшись за французскую революцію, долженъ былъ ограничиться рамкою событій. У исторіи есть условія, отъ которыхъ она не можетъ освободиться; она движется въ пространствахъ и времени, у которыхъ есть свои границы. А потому, написавъ французскую революцію, Карамъ кинулся на картины, сюжеты, портреты, на изъясненіе отдельныхъ дѣйствій и тайныхъ причинъ. На этотъ разъ онъ попытался дальше и хотѣлъ создать новый родъ исторіи — исторію юмористическую. Имъ явилась его изобретеніе и знаемъ, что книга его, сама-не-себя плохая, странная, но драгоцѣнная, вовсе не исторія.

Впрочемъ, изъ этой неполной работы Кромвелль высказывается еще страннее. Видно, что онъ окончательно произвелъ отторженіе протестантскаго и вооруженнаго сѣвера, отторженіе, начатое принципами мейссинскими и Лютеромъ, продолженіе Елизаветиною. Въ этомъ отношеніи, Кромвелль — одинъ изъ необыкновенныхъ людей новаго времени. Какъ Карлъ-Великій и Григорій VII, онъ становится въ центръ огромнаго политическаго движенія, которое цокалетъ и останавливаетъ. Умнаясь этому делу, Карамъ забываетъ всякую справедливость. Одинъ, Кромвелль, Михайла — продолженіе мыслей, повертывающихъ міръ на его оси, — для него богъ. Какъ музыкантъ, онъ ослабляется, — какъ фанатикъ, дѣлается жестокимъ. У него нѣтъ слезъ для жертвъ, нѣтъ сожалѣній къ тому, что разрушено.

Последовательныя выраженія сѣвернаго и южнаго направленій имѣли различныхъ представителей. Въ средніе вѣка, Карлъ-Великій утверждаетъ феодальное направленіе сѣвера; за нимъ Григорій VII поднимается и распространяетъ южное начало авторитета; потомъ то же самое католическое начало выражается въ Испаніи викариемъ и Изабеллою-католичкой; оно переходитъ во Францію вмѣстѣ съ логей, а съ нѣкоторыми ограниченіями утверждается въ царствованіи Людовика XIV. Потомъ снова проявляется сѣверное начало, выразившееся въ религіозныхъ и чисто-германскихъ формахъ Лютеромъ и снова, въ ужасающемъ видѣ возстающее съ Кромвеллемъ: Кромвелль — Лютеръ, осуществляющійся на дѣлѣ. Наконецъ, вступаетъ на престолъ Вальгельмъ III, преемникъ того же начала, — послѣдній. Что касается до Наполеона, онъ былъ представителемъ принципа власти.

И такъ, на югъ, генеалогія утвержденія принципа власти — следующая: сперва Римляне, Григорій VII, Италиа и Испанія, — луга, Римляне и Людовикъ XIV во Франціи, — наконецъ Наполеонъ. На сѣверъ выраженіе противоположнаго принципа идетъ въ следующемъ порядкѣ: Ариинъ, — феодальная іерархія, — Виллофъ въ Англіи, — Лютеръ въ Германіи, Нассау въ Голландіи, — пуританизмъ и Кромвелль въ Англіи, — Вашингтонъ

и Северная Америка. Изъ этихъ двухъ противоположныхъ группъ представляются образы двухъ служителей религій: Григоріа VII, утверждавшаго на югъ начало власти надъ католицизмомъ, и Кромвелля, водружившаго на сѣверъ знамя надъ протестантизмомъ.

Кромвелль—предводитель и диктаторъ, давшій форму и силу протестантскому возмущенію сѣвера, доставившій ему победу. Северная лига, которую пытался учредить В. Тампль, которую привелъ въ правильный порядокъ Вильгельмъ III, которую украсили Боркъ и Паттъ; нѣла въ этомъ человекъ сильнаго двигателя, и странный образъ протестантскаго Мухаммеда безспорно принадлежитъ къ любопытѣйшимъ явленіямъ новѣйшаго времени.

Достигнувъ дѣйствительной власти, какъ употребить ее Кромвелль? Какое направленіе дать онъ политикѣ Англіи, которая въ рукахъ его? Мы видали въ немъ предводителя партіи, воина и человека; нѣмъ остается изучать въ немъ короля, чѣмъ мы и займемся въ слѣдующей отчасти. Пока для исторіи приобрьтена основная искренность Кромвелля. Мы не разбираемъ здѣсь ни его дѣйствій, ни значенія дѣла, для котораго онъ былъ призванъ. Ничто такъ не способствовало къ обобщенію этого рѣшительнаго фаталиста, какъ ненависть XVIII вѣка къ фанатизму. Изъ фанатика сдѣлали лицемера. Который лучше? Разумѣется, фанатикъ: за него его сила и искренность. Совершенное лицемерство ни къ чѣму не служить. Людей покоряютъ и управляютъ или наскою, какъ бы ловко ея ня носили; для этого нужно сильное убѣжденіе, поддерживаемое энергіею и хитростью. Наполеонъ, такъ часто обманывавшій людей, имѣлъ свою вѣру, свое убѣжденіе. Онъ вѣрилъ къ человѣческой геніи, представленный въ формѣ разсчета; онъ шель въ алгебру, въ развитіе человечества и въ цивилизацію. Людямъ полезно знать, что не одна хитрость бываетъ владычьею, и для того, чтобъ вести или увлечь человечество, лжи недостаточно.

КОНСУЛЬСТВО И ИМПЕРІЯ.

Соч. ТЬЕРА.

Статья десятая и послѣдняя ().*

Третья коалиція: Прѣбываніе папы въ Парижѣ. — Преобразование Итальянской-Республики въ вассальное королевство Французской-Имперіи. — Предложеніе этого королевства Іосифу Бонапарту. — Наполеонъ рѣшается возложить на себя желѣзную корону. — Торжественное заступаніе въ сенатѣ. — Вторичное коронованіе въ Миланѣ. — Англія объявляетъ войну Испаніи. — Соединенныя морскія силы Голландіи, Франціи, Испаніи. — Проектъ экспедиціи въ Индію. — Предпочтеніе экспедиціи прямо въ Англію. — Соединенные флоты въ Мартиникѣ, для устремленія ихъ потомъ въ Ла-Маншъ, въ числѣ шестидесяти кораблей. — Папа располагаетъ наконецъ возвратиться въ Римъ. — Объясненія его съ Наполеономъ. — Отысканіе папы въ Римѣ, а Наполеона въ Миланѣ. — Прѣбываніе Наполеона въ Италіи. — Энтузіазмъ Итальянцевъ къ его особе. — Коронація въ Миланѣ. — Евгений де-Борниъ объявленъ вице-королемъ. — Воинскія прѣдѣлѣнія и посѣщеніе Наполеономъ всѣхъ городовъ. — Присоединеніе Генри къ Франціи. — Превращеніе Лукки въ еноальное владѣніе. — Плутома Гантома въ Брестѣ. — Видоизмѣненіе всего плана. — Видѣнное возвращеніе Наполеона въ Фонтенблô. — Приготовленія коалиціи. — Наполеонъ съ нетерпѣніемъ ждетъ въ Булони появленія британскаго флота. — Движеніе эскадры. — Долгое и неблагоприятное сраженіе Вильнева и Гравина до Мартиники. — Вильневъ начинаетъ упасть духомъ. — Посѣщеніе возвращенія его въ Европу. — Сраженіе при Ферроа. — Сильное негодованіе Наполеона, когда онъ узнаетъ, что Вильневъ идетъ въ Кадиксъ. — Положительныя извѣстія о намѣреніяхъ Австріи. — Планъ кампаніи 1805 года.

Три дня спустя послѣ церемоніи посвященія на царство, Наполеонъ хотѣлъ рѣшить званіи и національной гвардіи орлы, должностовавшие юрасами собою знамени имперіи. Эта церемонія, устроенная съ такимъ

(*) Первая часть статьи помѣщена въ «Отч. Зам.» 1843 года (томы XL, XLI, XLII, и XLIII), десятая и десятая въ 1846 году (томы XLIV и XLV). — Десятую статью, здѣсь помѣщаемую, оканчиваетъ изложеніе essays вышедшихъ доселѣ пяти частей сочиненія Тьера: «Histoire du Consulat et de l'Empire». Когда выйдутъ всѣ части и слѣдующія части, и будутъ ли когда-нибудь, — неизвѣстно.

же достоинствомъ, какъ и ей предшествовавшая, происходила на Марсовомъ-Поле. Представители отъ всѣхъ корпусовъ явились принять назначенныя для нихъ орлы къ подножію великолѣпнаго трона, воздвигнутаго передъ зданіемъ Воспитанной-Школы, и предъ принятіемъ орловъ, произнесли клятву (которую сдержали въ-послѣдствіи), защищать ихъ до послѣдней капли крови. Въ тотъ же день, данъ былъ въ Тюльери пиръ: императоръ и папа сидѣли за столомъ, другъ подѣля друга, — одинъ обложенный въ императорскія, другой въ первосвященническія украшенія.

Толпа, жадная до зрелищъ, была въ восхищеніи отъ этихъ торжествъ. Многіе умы, не подававшіеся господству чувствъ, допускали все это, какъ необходимое средство возстановленія монархіи. Люди мудрые возсылали обеты о томъ, чтобъ новый монархъ не предался упоенію своего всемогущества. Впрочемъ, никакое роковое предзнаменованіе не смущало еще всенародной радости. Вѣрили прочности новаго порядка вещей. Видѣли въ немъ, при большомъ, можетъ-быть, ужъ слишкомъ-большомъ великолѣпнѣ, вѣрное освященіе общественныхъ началъ, провозглашенныхъ французскою революціею, постоянно, не смотря на войну, возраставшее благоденствіе, и продолженіе возмича, которому было чѣмъ очаровать національную гордость.

Папѣ не хотѣлось-было долго пробыть въ Парижѣ; но онъ надѣялся, продливъ тамъ свое пребываніе, найти благопріятный случай выразить Наполеону тайныя желанія римскаго двора, и покорился необходимости прожить тамъ два или три мѣсяца. Наполеонъ, который желалъ имѣть его у себя за тѣмъ, чтобъ показать ему Францію, дать уразумѣть духъ ея, заставить понять, при какихъ условіяхъ возможно возстановленіе религіи, овладѣть, наконецъ, его довѣренностью, Наполеонъ старался со всею своею любезностью удержать его, и успѣлъ совершенно очаровать первосвященника. Пій VII жилъ въ Тюльери, имѣя полную свободу предаваться своимъ скромнымъ и религіознымъ привычкамъ, но когда выѣзжалъ, былъ окруженъ всеми атрибутами верховнаго могущества; за нимъ слѣдовала императорская гвардія; словомъ, онъ былъ осыпанъ величайшими почестями. Его интересная наружность, въ которой отражались его добродѣтели, плавила парижскій народъ, слѣдовавшій за нимъ всюду съ любовитствомъ, снѣжнѣйшимъ съ сочувствіемъ и почтеніемъ. Папа обѣзжалъ поочередно парижскіе приходы, гдѣ совершалъ службу, посреди необычайнаго стеченія народа. Онъ посѣщалъ публичныя зданія, музеи, обогащенные Наполеономъ, и, казалось, самъ принималъ живѣйшее участіе въ дѣлѣ новаго царствованія. При посѣщеніи одного изъ общественныхъ собраній, онъ велъ себя съ тактомъ и умѣнъ, заслужившимъ ему всеобщее одобреніе. Будучи окруженъ коленопреклоненною толпою, жаждавшею его благословенія, онъ примѣтилъ человека, котораго опустошенное лицо носило еще на себѣ слѣды угасшихъ революціонныхъ страстей, и который отворачивался, для избѣжанія пераосажденнаго благословенія. Папа, подошедъ къ нему, сказалъ съ пречестіемъ: «Не бѣгите отъ меня. Благословеніе старца никогда не приносило не-

счастія». Эти благородныя и трогательныя слова съ восторгомъ повторялись по всему Парижу.

Празднества и гостепріимство, расточаемыя Наполеономъ своему досто-вочтенному гостю, не могли отвлечь его самого отъ главныхъ дѣлъ. Флоты, предназначенныя способствовать высадкѣ, продолжали привлекать на себя все его вниманіе. Брестскій флотъ былъ наконецъ готовъ выступить въ море; но тулонскій, который хотѣли увеличить еще тремя кораблями, вмѣсто прежнихъ восьми, потребовалъ для своего вооруженія весь декабрь мѣсяцъ. Когда онъ былъ снаряженъ совершенно, противный вѣтеръ препятствовалъ ему выйти изъ порта въ продолженіе всего января. Адмиралъ Миссіссипи, съ пятью кораблями, вооруженными въ Рошфорѣ, выжидалъ бури, чтобъ при ея покровительствѣ выйти въ море, не будучи замеченнымъ Англичанами. Наполеонъ посвящалъ это время внутренней администраціи своей новой имперіи.

Разъившись вести съ Англіей войну на жизнь или смерть, онъ считалъ, однакоже, своимъ долгомъ начать свое царствованіе поступкомъ въ это время бесполезнымъ, который былъ неудачнымъ повтореніемъ того, что было сдѣлано имъ такъ кстати при вступленіи въ званіе перваго консула. Онъ написалъ письмо англійскому королю съ предложеніемъ мира, и отправилъ это письмо съ бригомъ къ англійскому крейсеру передъ Буловью. Письмо немедленно было сообщено англійскому кабинету, который отозвался, что пришлеть отвѣтъ черезъ нѣсколько времени. Миръ былъ возможенъ въ 1800 г., даже необходимымъ для обѣихъ державъ. И потому тогдашняя попытка перваго консула была очень-умѣстна; отказъ же на его мирныя предложенія, за которыми слѣдовали победы при Маренго и Гогенлиндсѣ, смутилъ Питта, и былъ даже одною изъ главныхъ причинъ паденія этого министра. Но, въ 1805 г., оба народа были наготовѣ вступить въ новую войну; ихъ взаимныя притязанія возросли до такой степени, что могли быть улажены только силою, и мирное предложеніе слишкомъ-очевидно казалось придуманнымъ для обнаруженія притворной умѣренности или для снисканія удобнаго случая говорить съ англійскимъ королемъ какъ съ равнымъ монархомъ.

Въ это время, предстояло разрѣшить чрезвычайно-важный вопросъ—дать окончательное устройство Итальянской-Республикѣ. Эта республика, дочь Французской-Республики, должна была во всемъ слѣдовать судьбѣ своей матери. Въ 1802 г., по опредѣленію لیонской консулты, она получила конституцію по образцу французской, принявъ правленіе по формѣ республиканское, въ сущности монархическое. Теперь естественно было ей сдѣлать послѣдній шагъ по слѣдамъ Франціи и изъ республики превратиться въ монархію.

Вице-президентъ Мельци и члены государственной консулты довольно-благосклонно приняли предложенія Камбасереса и Марескальки, полномочнаго министра Итальянской-Республики въ Парижѣ. Итальянцы соглашались принять короля и признать своимъ королемъ одного изъ братьевъ Наполеона, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ выборъ палъ на

Иосифа или Людовика Бонапарте, а отнюдь не на Люсьяна, котораго они отвергали формально; другія условія состояли въ томъ, чтобъ этотъ король весь принадлежалъ имъ и имѣлъ постоянное местопребываніе въ Миланъ; чтобъ короны французская и итальянская были цѣпlessly разделены. Вся должностныя лица въ королевствѣ будутъ итальянцы; прекратится плата субсидій на содержаніе французской арміи, и, наконецъ, Наполеонъ возьмется заставить Австрію признать эту новую перемѣну.

Архикацлеръ Камбасересъ былъ уполномоченъ вступить въ переговоры съ Иосифомъ Бонапарте касательно возведенія его на итальянскій престолъ. Къ великому изумленію Наполеона, Иосифъ отказался отъ этого престола по двумъ причинамъ, изъ которыхъ одна была очень естественна, другая имѣла основаніемъ странное притязаніе. Иосифъ объявлялъ, что, принявъ итальянскую корону, онъ долженъ будетъ навсегда отказаться отъ французскаго престола, и что потому онъ желаетъ остаться французскимъ принцемъ со всеми правами на наследованіе имперіею. Наполеонъ не имѣлъ дѣтей, и Иосифъ предпочиталъ отдаленную возможность нѣкогда царствовать во Франціи несомнѣнности царствовать теперь же въ Италіи. Такая причина была очень естественна и исполнена патріотизма. Другая причина отказа Иосифа состояла въ томъ, что ему предлагали королевство слишкомъ-сосѣдственное, и потому слишкомъ-зависимое; что онъ долженъ будетъ царствовать подъ вліяніемъ главы французской имперіи, и что ему не приходится такъ царствовать.

Тщетны были всѣ старанія убавить Иосифа, и хотя о его назначеніи королемъ повѣщено было всѣмъ дворянъ, съ которыми Франція находилась въ сношеніяхъ, Австріи, Пруссіи, римскому двору, однако надо было придумать что-нибудь другое. Наполеонъ, видя изъ этого, что ему не слѣдуетъ возводить на престолъ Ломбардіи короля, который могъ бы противорѣчить его намѣреніямъ, рѣшился принять самъ желанную корону и наименоваться Императоромъ Французовъ, Королемъ Итальянскимъ. Но такой поступокъ слишкомъ напоминалъ бы присоединеніе къ Франціи Швейцаріи, глубоко оскорблялъ бы Австрію и привлекая бы ее отъ идей мирныхъ на сторону воинственныхъ идей Питта, который, по возвращеніи своемъ къ кормилу правленія, всѣми средствами старался затѣять третью коалицію. Для отвращенія этого неудобства, Наполеонъ положилъ объявить формально, что итальянская корона останется на главѣ его только до водворенія мира въ Европѣ; что тогда онъ приступитъ къ раздѣленію обеихъ коронъ, и избретъ себѣ въ преемники одного изъ французскихъ принцевъ. Въ настоящее время, онъ усыновилъ Евгенія де-Боарнэ, сына Жозефины, котораго онъ любилъ какъ собственнаго сына, и назначилъ вице-королемъ Италіи.

Талейранъ подалъ Наполеону рапортъ, въ которомъ извѣщалъ, что всѣ провинціи, зависѣвшія нѣкогда отъ бывшей Венеціанской Республ.ки, другія отъ австрійскаго дома, герцога Моденскаго и Пармскаго двора, бывъ соединены побѣдою въ одно государство, зависѣли

теперь, какъ побѣжденные провинціи, отъ воли императора Французовъ; что императоръ былъ обязанъ дать имъ правленіе правосудное, приспособленное къ ихъ интересамъ и основанное на началахъ французской революціи; но что, впрочемъ, онъ могъ дать этому правленію форму, какая наиболее согласовалась бы съ его предначертаніями. За этимъ слѣдовалъ декретъ о конституціи новаго королевства, долженствовавшій быть одобренъ государственнымъ консультою и итальянскими депутатами, находившимися въ Парижѣ, потомъ внесенъ во французскій сенатъ, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ конститутивныхъ актовъ имперіи, и обнародованъ въ засѣданіи императорскомъ. Между-тѣмъ, надо было, чтобы и Италія казалась чѣмъ-нибудь при этихъ перемѣнахъ. Предумали устроить для ней зрѣлище торжественной коронаціи. Рѣшено было извлечь изъ сокровищницы Монды знаменитую желѣзную корону ламбардскихъ королей, за тѣмъ, чтобы Наполеонъ возложилъ ее на главу свою, по благословеніи ея архіепископомъ миланскимъ, сообразно съ древнимъ обыкновеніемъ императоровъ германскихъ, вѣнчавшихся въ Римѣ — короною Западной Имперіи, а въ Миланѣ — итальянскою.

Назначено было, что, по принятіи новаго декрета, итальянскіе депутаты, министръ Марескалли и обер-церемоніймейстеръ Сегюръ, отправятся въ Миланъ прежде Наполеона, устроятъ тамъ итальянскій дворъ и приготовить торжество коронаціи.

Въ эту минуту вошло много слуховъ въ европейской дипломатіи. Говорили, что Наполеонъ отдастъ корону Голландіи своему брату Луидовику, неаполитанскую предназначитъ Іосифу и хочетъ присоединить Геную и Швейцарію къ французской территоріи. Нѣкоторые даже утверждали, что Наполеонъ хотѣлъ сдѣлать кардинала Фомы папою, и говорили, что испанская корона приберегалась для кого-нибудь изъ примцевъ дома Бонапарте. Ненависть враговъ Наполеона углубляла отчасти его планы, отчасти преувеличивала ихъ, приписывая ему и тѣмъ, о которыхъ онъ еще не осмѣливался и думать, и конечно способствовала ихъ выполненію, приготовляя къ нимъ общее мнѣніе Европы. Въ засѣданіи сената, по случаю обнародованія декрета о конституціи Итальянскаго-Королевства, долженствовалъ быть данъ отвѣтъ на всѣ эти предположенія истинныя или ложныя, и въ настоящее время зашедшія слишкомъ-далеко.

Сначала, собрали въ Парижѣ итальянскихъ депутатовъ, дали имъ на разсмотрѣніе декретъ, на который они согласились единогласно; затѣмъ императорское засѣданіе назначено 17 марта 1805 г. (26 вантава XII года). Императоръ отправился въ сенатъ въ два часа, окруженный всѣмъ великолѣніемъ конституціональныхъ государей Англіи и Франціи, отправляющихся на королевское засѣданіе. При вхождѣ въ Дорсамбургскій-Дворецъ, онъ былъ встрѣченъ многочисленнымъ депутатскою, и за тѣмъ возселъ на тронъ, вокругъ котораго стояли принцы, высшіе сальваторы, маршалы. Онъ приказалъ приступить къ докладу актовъ, подлежащихъ составу предмета этого засѣданія. Теллерманъ прочелъ свой рапортъ, а за рапортомъ, императорскій декретъ.

Вследъ за тѣмъ прочитана была вице-президентомъ Мельца конія съ того же декрета на итальянскомъ языкѣ, подписанная ломбардскими депутатами. После того, министръ Марескалли представилъ этихъ депутатовъ Наполеону, которому они, какъ королю итальянскому, принесли присягу въ вѣрности. По окончаніи церемоніи, Наполеонъ, сѣда и накрывшись, произнесъ твердо и ясно слышующую рать:

«СЕНАТОРЫ,

«Мы хотѣли, въ настоящемъ обстоятельствѣ, явиться посреди васъ, чтобы высказать предъ вами вполне мысль нашу объ одномъ изъ важнейшихъ предметовъ государственной политики.

«Мы покорили Голландію, три четверти Германіи, Швейцарію, Ита-
лію. Мы были умарены посреди величайшаго благодѣянія. Изъ
«столькихъ провинцій, мы сохранили за собою только то, что было
«необходимо для поддержанія насъ на той точкѣ уваженія и могуще-
«ства, на которой всегда находилась Франція
«

«Мы возвратили все, что счли бесполезнымъ для возстановленія из-
«рушеннаго всеобщаго равновѣсія.

«Германія была очищена; ея провинціи возвращены потопившимъ
«столькихъ знаменитыхъ домовъ, которые погибли бы на вѣки, если
«бы мы не оказали имъ великодушнаго покровительства.

«Сама Австрія, после двухъ несчастныхъ войнъ, добыла себя импе-
«риальское государство. Во всякое время, она стремилась бы охотно Во-
«енцію на провинціи, которыя утратила.

«Тотчасъ по завоеваніи, Голландія была объявлена независимой.
«Присоединеніе ея къ нашей имперіи было бы дополненіемъ нашей
«коммерческой системы, потому-что самыя большія реки нѣмцыи на-
«шей территоріи называются въ Голландіи въ море. А между-тѣмъ,
«Голландія свободна, и ея таможи, торговля и администрація управ-
«ляются по волѣ ея правительства.

«Швейцарія была занята нашими войсками; мы защитили ее противъ
«сосѣдственныхъ силъ Европы. Присоединеніе ея исполнило бы нашу
«военную границу. Но при всемъ томъ, Швейцарія управляется по-
«средническимъ актомъ, по волѣ своихъ девятнадцати кантоновъ, бу-
«дучи независима и свободна.

«Присоединеніе территоріи Итальянской Республики къ Французской-
«Имперіи было бы полезно для развитія нашего земледѣлія; однакожъ,
«после вторичнаго покоренія, мы утвердили въ Ліонѣ независимость
«этой республики. Сегодня даемъ еще болѣе, провозглашаемъ при-
«нять раздѣленіе коронъ Французской и итальянской, назначая эпохою
«этого раздѣленія ту минуту, когда оно содѣлается возможнымъ и бес-
«спаснымъ для народовъ Италіи.

«Мы приняли и возложимъ на главу свою эту желѣзную корону древ-
«нихъ Ломбардовъ, чтобы снова заковать и скрыпать ее. Но не колеб-
«лемся объявить, что передадимъ эту корону одному изъ дѣтей нашихъ
«законныхъ, по крови, или по усыновленію, въ тотъ самый день, какъ

«перестанемъ тревожиться за охраняемую нами независимость другихъ государствъ Средиземнаго-Моря.

«Духъ злобы вотще будетъ искать предлоговъ воспламенить войну на материке; то, что было присоединено къ нашей имперіи по конституціональнымъ законамъ государства, останется къ ней присоединеннымъ. Никакая новая провинція не будетъ включена въ составъ этихъ земель; но законы Батавской-Республики, посреднический актъ «девятнадцати швейцарскихъ кантоновъ и этотъ первый статутъ «Итальянскаго-Королевства будутъ постоянно подъ покровительствомъ «нашей державы, и мы не потерпимъ, чтобъ кто-нибудь дерзнулъ на- «ложить на нихъ руку.»

Послѣ этой столь-высокопарной, столь-разшительной рѣчи, Наполеонъ мысленно присягу отъ только-что назначенныхъ имъ сенаторовъ и возратился, въ сопровожденіи того же поезда, въ Тюльери. Гг. Мелли, Марескальки и другіе Итальянцы получили приказаніе отправиться въ Миланъ для приготовленія умовъ къ новому готовившемуся торжеству. Кардиналъ Капрара, легатъ папы при Наполеонѣ, былъ ар- «зіепископомъ миланскій. Онъ принялъ этотъ санъ только изъ повиновенія, будучи уже очень-старъ, удрученъ немощами и, послѣ долгой жизни, проведенной при дворахъ, будучи болѣе расположенъ удалиться отъ свѣта, нежели продолжать играть въ немъ роль спюю. Но убѣдительною просьба Наполеона и съ согласія папы, онъ отправился въ Италію, за тѣмъ, чтобъ короновать тамъ новаго короля по древнему обычаю лонбардской церкви. Секретъ позвалъ тотчасъ же, получить приказаніе ускорить приготовленія. Наполеонъ назначилъ свой собственный отъ- «здѣ въ апрѣль, а коронованіе въ мѣзъ мѣсяцъ.

Эта поѣздка въ Италію согласовалась съ его военными планами, и даже чрезвычайно имъ способствовала. Наполеонъ при- «пужденъ былъ ожидать всю зиму, чтобъ его эскадры изготовились выйти изъ Бреста, Рошфора, Тулона. Въ январѣ 1805 года, было уже годъ и восемь мѣсяцевъ со дня разрыва съ Англією, а между-тѣмъ ли- «нейныя корабли не могли еще выступить въ море. При всемъ томъ, распорядительность Наполеона не усыплялась ни на минуту; но создать морскую силу можно не такъ-то скоро. Гантомъ, котораго пригото- «вля были окончены, престоля въ зиму въ ожиданіи, что Миссіессен и Вильнёвъ, вышедъ изъ Рошфора и Тулона, увлекутъ за собою Ан- «гличанъ. Миссіессен, который былъ храбръ, хотя и не отличался стро- «гительными порывами души, вышедъ изъ Рошфора 11 января, въ ужасную бурю, не будучи замеченъ, ни настигнутъ Англичанами. Онъ поплылъ къ Антильскимъ-Островамъ съ 5 кораблями и 4 фрегатами. Его суда потеряли нѣкоторыя аваріи, исправленные имъ въ морѣ. Что до Вильнёва, котораго министръ Декре наэлектризовалъ непродолжа- «тельнымъ энтузіазмомъ, онъ тотчасъ же охладился, увидѣвъ поблизу тулонскую эскадру. Для того, чтобъ изъ однадцати эскадръ сдѣлать восемь, должно было раздѣлить ихъ, и следовательно ослабить. Ихъ пополнили конскрантами, заимствованными изъ сухопутной арміи. Ма- «териалы, употреблявшіеся въ тулонскомъ портѣ, были нехорошаго ка-

чества; железо, снасти, мачты не отличались прочностью. Вильнёвъ много и, можетъ-быть, ужь слишкомъ-много занятъ былъ мыслию объ опасности, при такихъ судахъ и такихъ экипажахъ, вступить въ неприятельскими кораблями, приобрѣвшими навѣкъ и опытность после рейсированія въ-продолженіе года и восьми мѣсяцевъ. Онъ узналъ дурно и прежде, нежели выступилъ въ море. Между-тѣмъ, понуждаемый Наполеономъ, министромъ Декре, генераломъ Лористомъ, онъ былъ готовъ поднять якорь съ исхода декабря до 18 января. 18 числа подулъ попутный вѣтеръ, и Вильнёвъ поднялъ паруса и успѣлъ ускользнуть отъ неприятеля. Ночью поднялась страшная буря, и многія его суда сильно пострадали, въ-слѣдствіе неопытности экипажей и дурныхъ матеріаловъ. Эскадра была разсыяна. На утро, Вильнёвъ узналъ себя разлученнымъ съ четырьмя кораблями и однимъ фрегатомъ. На однихъ судахъ были положены марсы, на другихъ оказалась течь и замечены аваріи, которыя трудно было исправлять въ морѣ. Въ довершеніе этихъ несчастій, два англійскіе фрегата наблюдали за ходомъ французской эскадры, и адмиралъ боялся быть застигнутымъ неприятелемъ въ минуту, когда онъ могъ противопоставить имъ только пять кораблей. Итакъ, онъ рѣшился возвратиться въ Тулонъ, хотя проѣхалъ ужь 70 миль, и не смотря на настоятельныя требованія Лористона продолжать путь. Вильнёвъ возвратился 27 января въ Тулонъ и благополучно велъ туда всю свою эскадру.

Время было потеряно. Занялись исправленіемъ поврежденныхъ, чтобы имѣть возможность снова выйти въ море. Но адмиралъ Вильнёвъ былъ сильно огорченъ; онъ писалъ министру, въ самый день возвращенія въ Тулонъ: «Объявляю вамъ, что нигде не годны корабли такъ старомодные, съ такимъ малымъ числомъ матросовъ, набитые войсками, сложенные изъ старыхъ или негодныхъ матеріаловъ, — корабли, у которыхъ при малѣйшемъ вѣтрѣ ломаются мачты или раздираются паруса, и которые, въ благопріятную погоду, проводятъ время въ исправленіи аварій, причиненныхъ вѣтромъ или неопытностью матросовъ. Я уже предчувствовалъ все это еще до отплытія и теперь жестоко жалею въ этомъ на опытъ (*)».

Наполеонъ сильно негодовалъ, узнавъ объ этомъ безполезномъ выжиданіи. Что дѣлать, говорилъ онъ, съ адмиралами, которые при первой аваріи упадутъ духомъ и помышляютъ о возвращеніи? Надо было отказаться отъ мороплаванія и ничего не предпринимать, даже и въ самое лучшее время года, когда операція могла быть остановлена разлученіемъ нѣсколькихъ судовъ. Должно было бы, говорилъ онъ еще, написать, посредствомъ запечатанныхъ депешъ, Капсарскію-Острова сборнымъ местомъ всемъ капитанамъ эскадры. Аваріи были бы исправлены на пути. Если бъ на каждомъ-нибудь кораблѣ оказалась опасная течь, его оставили бы въ Капсарѣ, пересадивъ съ него экипажъ и десантъ на корабль *Орель*, который стоялъ въ этомъ портѣ готовъ пуститься

(*) Депеша 1 плюмъева ХІІ года (21 января 1806) на корабль *Вудентипер*; на тулонскомъ рейдѣ,

въ море. Насколько полемическихъ марсовъ, кое-какіе безпорядки въ время бури, — вещи самыя обыкновенныя. Два дня благоприятной погоды утѣшили бы эскадру и поправили бы все. Но величайшее несчастіе нашего флота состоитъ въ томъ, что люди, начальствующие имъ, моры во всѣхъ замесахъ начальствованія (*).

Къ-нещастію, удобное время для экспедиціи въ Суринамъ уже прошло, и Наполеонъ долженъ былъ, съ своею обычною изобрѣтательностью, придумать что-нибудь новое. Первое его замѣреніе, состоявшее въ отравленіи Латуша изъ Тулона въ Ла-Маншъ, рушилась съ смертію этого неопытнаго моряка. Второе, состоявшее въ томъ, чтобы отвлечь Англичанъ въ моря Америки, отправивъ эскадру Вильиѣна въ Суринамъ, а Миссисси къ Антильскимъ - Островамъ, и, воспользовавшись этою диверсіею, ввести Гантома въ Ла-Маншъ, — также не удалось отъ замедленій при снаряженіи флота, отъ прогнанныхъ ветровъ, и въ-сладствіе безплоднаго выхода изъ Тулона. Итакъ, необходимо было прибѣгнуть къ другому плану. Новая потеря, потеря адмирала Брюй, несходнаго съ Латушемъ, но по-крайней-мѣрѣ равнаго ему по достоинству, еще болѣе увеличивала затруднительность морскихъ операцій. Несчастный Брюй, столь замѣчательный по характеру, опытности, обширности ума, умеръ жертвою своей ревности и самоотверженія въ дѣлѣ устройства флота. Если бы онъ остался въ живыхъ, Наполеонъ навѣрное поставилъ бы его во главу эскадры, долженствовавшей выполнить задуманный имъ маневръ. Можн было бы сказать, что судьба, въ заговорѣ противъ французскаго флота, нарочно похитила у него въ-продолженіе десяти мѣсяцевъ двухъ его первыхъ адмираловъ, которые оба могли безъ-сомнѣнія поспорить съ англійскими адмиралами. И потому надобно было, пока обстоятельства не обнаружатъ новыхъ людей съ талантами, покориться необходимости и довольствоваться адмиралами Гантомомъ, Вильиѣномъ и Миссисси.

На моряхъ въ это время только-что совершилось важное событіе, имѣвшее положеніе воюющихъ державъ. Англія неожиданно и несправедливо объявила войну Испаніи. Съ нѣкотораго времени, она стала замѣчать, что нейтралитетъ Испаніи, не будучи слишкомъ-благопріятенъ для Франціи, былъ, однакожъ, полезенъ ей во многихъ отношеніяхъ. Англія объявила мадритскому двору, что считаетъ нарушеніемъ нейтралитета происходившее въ портахъ Пиренейскаго-Полуострова, и грозила войною въ случаѣ, если французскіе корабли по-прежнему будутъ стараться тамъ, и если французскіе корсары будутъ по-прежнему находить тамъ убѣжище и сбытъ для своей добычи. Она требовала, сверхъ-того, чтобы Карлъ IV оградилъ Португалію отъ всякой попытки со стороны Франціи. Не смотря на всю безыяность этихъ требованій, Франція дозволяла мадритскому двору выслушивать ихъ, желая продать выгодное для нея положеніе вещей. И дѣйствительно, военное содѣйствіе Испаніи не могло замѣнять для Франціи субсидію въ 48

(*) Письмо къ Лористому, 4 февраля 1805 г.

миллионовъ въ годъ, а эта субсидія не могла быть выплачивася безъ нейтралитета, который одинъ дѣлалъ возможнымъ привозъ металловъ новаго-свѣта. И потому готовы были уже согласиться на то; но Англія, дѣлаясь все болѣе и болѣе неограниченною въ своихъ требованіяхъ по мѣрѣ того, какъ уступала ея притязаніямъ, Англія потребовала, чтобъ немедленно прекращено было всякое вооруженіе въ испанскихъ портахъ, а она подразумевала подъ этимъ, чтобъ французскіе корабли тотчасъ же были выгнаны изъ Ферроля, т. е. отданы ей на жертву. Нарушая наконецъ явно право народовъ, она повелѣла, безъ предварительнаго повѣщенія, остановить испанскіе корабли, которую понадеялись на моряхъ. Такой поступокъ былъ настоящимъ паратствомъ, потому-что Англичане вѣрили въ силу захватить суда, шедшія изъ Америки съ грузомъ серебра и золота. Въ эту минуту, четыре испанскіе фрегата, везшіе 12 миллионѣвъ піастровъ (около 60 миллионѣвъ франковъ), плыли изъ Мексики къ берегамъ Испаніи. Они были остановлены англійскимъ крейсеромъ. Испанскій офицеръ, отказавшійся сдать свои суда, былъ варварски атакованъ несравненно-превосходнѣею силою, и, послѣ мужественнаго сопротивленія, взятъ въ плѣнъ. Одинъ изъ четырехъ фрегатѣвъ взлетѣлъ на воздухъ, остальные три были отведены въ порты Великобританіи.

Этотъ гнусный поступокъ возбудилъ негодованіе Испаніи и порицаніе всей Европы. Не недоумывая болѣе, Карлъ IV объявилъ войну Англіи. Въ то же время онъ повелѣлъ арестовать Англичанъ, схваченныхъ на Ширенскаго-Полуостровѣ, и секвестровать ихъ имущество, въ обезпеченіе имущества и личности купцовъ испанскихъ.

Наполеонъ, не могши болѣе требовать субсидію въ 48 миллионѣвъ, послѣднимъ устроилъ содѣйствіе ему Испаніи въ веденіи войны, и въ особенности старался вынудить ей рѣшимость, достойную ея самой и ея великаго величія.

Испанскій кабинетъ, желая поправиться Наполеону, и по чувству справедливости къ достоинству, избралъ адмирала Гравину посланникомъ во Францію. Это былъ первый офицеръ испанскаго флота; подъ простою наружностью онъ скрывалъ рѣдкій умъ и неустрашимость. Наполеонъ сильно привязался къ адмиралу Гравинѣ, а тотъ къ Наполеону. По тѣмъ же причинамъ, по которымъ назначили его посланникомъ, возрѣла ему теперь главное начальствованіе надъ испанскимъ флотомъ, и, до отбытія его изъ Парижа, уполномочилъ его условиться съ французскимъ правительствомъ на счетъ морскихъ дѣйствій. Съ этою целью, адмиралъ подписалъ, 4 января 1805 г., конвенцію, опредѣлявшую то участіе, которое приметъ въ войнѣ каждая изъ обѣихъ державъ. Франція обязывалась содержать постоянно въ морѣ 47 линейныхъ кораблей, 29 фрегатѣвъ, 14 корветтъ, 25 бриговъ, и спѣшить какъ-можно-скорѣе окончаніемъ строившихся на верфяхъ 16 кораблей и 14 фрегатѣвъ; посадить на каждый корабль 500 человекъ войска, а на каждый фрегатъ 200 человекъ, и, наконецъ, имѣть французскую флотилію всегда готовою для переселенія 90 тысячъ человекъ, по считая 30 тысячъ, которыхъ назначено было посадить на голландскую флотилію. Если пресе-

сдвинуть силу флотилии къ линейному флоту, то можно сказать, что въ тогдашнія морскія силы Франціи равнялись 60 кораблямъ и 40 фрегатамъ.

Испанія съ своей стороны обязалась вооружить немаленно 32 линейныхъ корабля, снабжать ихъ порою на четыре мѣсяца и продовольственнымъ на полгода. Было положено, что адмиралъ Гравина прійметъ главное начальствованіе надъ испанскимъ флотомъ, и будетъ находиться въ прямыхъ сношеніяхъ съ французскимъ министромъ Дескрё. Это значило, что онъ будетъ получать инструкціи отъ самого Наполеона, и испанская гордость могла не краснѣя принять такіа условія. Само-собой разумеется, что субсидія прекратилась со дня начатія непріязненныхъ дѣйствій Англіи противъ Испаніи. Кроме того, оба дружественныя націи обязывались не заключать сепаратнаго мира. Франція обязалась Испаніи содѣйствовать возвращенію ей колоній Тринидадъ и даже Гибралтара, въ случаѣ, если война будетъ увѣнчана какимъ-либо блестящимъ успѣхомъ.

Мадридскій дворъ бралъ на себя обязательство, гораздо превосходившее его средства. Много-много, если, вмѣсто 32 кораблей, онъ могъ снарядить кое-какіе 24 корабля. Такимъ-образомъ, морскія силы Франціи, Испаніи и Голландіи, взятые вмѣстѣ, простирались до 92 линейныхъ кораблей, изъ которыхъ 60 принадлежали Франціи, 24 Испаніи, 8 Голландіи. Между-тѣмъ, флотилию надо считать за 15 кораблей: значить, настоящая сила линейнаго флота всѣхъ трехъ націй простиралась всего до 77 кораблей. Англичане считали у себя 89 кораблей, отлично вооруженныхъ, во всемъ превосходившихъ союзническіе, и готовились неслыханно увеличивать число ихъ до ста. И такъ, перевѣсъ былъ на ихъ сторонѣ. Они могли быть побуждаемы только превосходствомъ соображеній, которое почти, можно сказать, никогда не имѣетъ такого вліянія на море, какъ на сушѣ.

Къ-несчастью, морскія силы Испаніи, имѣвшей некогда славный флотъ, находились теперь, какъ мы и говорили неоднократно, въ самомъ жалостномъ состояніи. Верфи и арсеналы ея были пусты. Число матросовъ въ Испаніи было очень-незначительно съ-тѣхъ-поръ, какъ торговля ея стала почти ограничиваться перевозомъ металловъ; ихъ еще стало менше отъ желтой лихорадки, свирѣпствовавшей по всему прибрежью и принуждавшей матросовъ бѣжать или въ чужіе края, или во внутренность страны. Присоединивъ къ этому ужасную неурожай и эпидемическое расстройство, увеличившееся потерей недавно-побѣжденныхъ галлоновъ, мы составимъ себѣ приблизительное понятіе о всѣхъ бѣдствіяхъ, удручавшихъ эту державу, некогда столь-великую, а теперь находившуюся въ столь-плачевномъ положеніи.

Наполеонъ, такъ-часто и напрасно срабатывавшій ей, во время послѣдняго мира, сохранять по-крайней-мѣрѣ часть своихъ средствъ для возстановленія флота, Наполеонъ хотѣлъ сдѣлать послѣднюю попытку привлечь дворъ, не надаясь даже, чтобъ его послушали. На этотъ разъ, онъ дѣйствовалъ не угрозами, какъ въ 1803 г., а ласками и обфраніями. Онъ отозвалъ изъ Португаліи маршала Ланна, съ тѣмъ, чтобъ

вернуть ему начальство надъ гренадерами, долженствовавшими прежде вслѣдъ выдѣлиться въ Англію. Онъ назначилъ генерала Жюно на место Данца въ Португалію. Онъ любилъ Жюно, который имѣлъ природный умъ, характеръ слишкомъ-горячій, но былъ преданъ ему безпримѣрно. Наполеонъ приказалъ Жюно остановиться въ Мадридѣ и свидѣться тамъ съ Княземъ-Мира, королевскою и королевскою. Новѣйшій уполномоченный долженъ былъ задать тщеславію Князя-Мира, дать ему почувствовать, что въ его рукахъ судьба испанской монархіи, и что въ его волѣ выбрать или роль презрѣннаго временщика, или роль министра, пользующагося благосклонностью своихъ владыкъ для возстановленія могущества своего отечества. Жюно былъ уполномоченъ: обшачать ему всяческое благорасположеніе Наполеона, и даже княжество въ Португалію, если онъ ревностно будетъ служить общему делу и постарается придать достаточную дѣятельность испанской администратіи. Посолъ Наполеона долженъ былъ потомъ увидѣть королеву, объявить ей, что въ Европѣ самымъ шестымъ вліяніе ея на правленіе; т. е. на короля и Князя-Мира, и стараться всеми силами анулировать ей благія чувствованія. Что касается до короля, то онъ по-прежнему занимался только охотою и ремеслами.

Жюно получилъ приказаніе пожить въ Мадридѣ до отправления своего въ Португалію, и играть тамъ роль чрезвычайнаго посланника, стараясь хоть сколько-нибудь оживить этотъ такъ-вечно павшій дворъ.

Теперь дѣло шло о томъ, какъ бы наилучшимъ образомъ употребить морскія силы трехъ націй, Франціи, Голландіи и Испаніи. Наполеонъ безпрерывно занималъ планъ ввести неожиданно большое или среднее значительный флотъ въ Ла-Маншъ; и этотъ проектъ уже два раза подвергался видоизмѣненію. Но внезапно-блестнувшая въ голову Наполеона блестящая мысль отбросила его на время отъ этого плана.

Наполеонъ часто получалъ рапорты отъ генерала Декана, начальника французскихъ конторъ въ Индіи, который извѣщалъ его, что англичанское владычество въ этой странѣ непрочное, что Маратты готовятся возмутиться для свершенія съ собою яга, и что высадка шести тысячъ французовъ съ достаточнымъ количествомъ военныхъ припасовъ можетъ решить судьбу британско-индіанской имперіи. Наполеонъ задумалъ экспедицію, которая стоила бы египетской и могла бы истребить Англию, а также важное завоеваніе, составлявшее, въ настоящій моментъ, величіе и славу. Правда, отдаленность Индіи дѣлала эту экспедицію гораздо-труднѣе египетской. Основываясь на собственномъ опыте, Наполеонъ думалъ, что на необозримыхъ моряхъ можно надѣяться только на встрѣчу съ неприятелемъ. Такъ онъ, въ 1798 г., прошелъ мимо английскихъ флотовъ съ несколькими сотнями судовъ и съ дѣлою франціи, взялъ Мальту и присталъ въ Александрію, не будучи встрѣченъ Нильсономъ. Такими же точно образомъ надвигался и этотъ флотъ въ Ла-Маншъ. Для успеха въ подобныхъ предпріятіяхъ, необходимо было: габіона тайна и большое искусство провести британское адмиралтейство. Но онъ уже задана подготовилъ все, чтобы достигнуть франціи въ сардинійскій гиринъ. Онъ собралъ войска, готовилъ суда и суда.

во всѣхъ пунктахъ, гдѣ только находились эскадры, въ Тулонѣ, Кадиксѣ, Ферролѣ, Рошфорѣ, Брестѣ, Текселѣ, и постоянно имѣлъ возможность отправить въ путь армию такъ, чтобъ Англичане и не знали о томъ и не могли угадать ни назначенія этой арміи, ни числительной ея силы. Намыселъ произвести высадку приносилъ и ту пользу, что вниманіе непріятеля было безпрестанно обращено на этотъ предметъ, и Англичане ежеминутно должны были помышлять объ экспедиціи въ Ирландію или на берега Англіи. Итакъ, настоящее время было благопріятно для одной изъ тѣхъ необычайныхъ экспедицій, которыя Наполеонъ умѣлъ столь быстро соображать и приводить въ исполненіе. Онъ думалъ, на-примѣръ, что для исторженія Индіи изъ рукъ Англичанъ можно было согласиться отложить всякіе другіе планы, даже и высадку, и готовъ былъ употребить на это все свои морскія силы. Вотъ его расчеты при этомъ случаѣ. Въ портахъ, кромѣ эскадръ, готовыхъ выступить въ море, находились въ резервѣ старыя суда, почти всею негодныя для военныхъ дѣйствій. Также и въ экипажахъ, кромѣ хорошихъ матросовъ, находились очень-молодые повобранцы, или конскрипты, только-что переведенные въ морскую службу. На этихъ обстоятельствахъ Наполеонъ основалъ планъ свой. Онъ хотѣлъ присоединить къ известному количеству новыхъ кораблей все тѣ, которые были негодны къ службѣ, но которые могли, однакожъ, совершить переездъ; хотѣлъ помѣщать на нихъ артиллерію, а вмѣсто этого груза помѣстить большую массу войскъ, пополюнить экипажи всякими людьми, взятыми изъ портовъ, отправить такимъ образомъ изъ Тулона, Кадикса, Феррола, Рошфора, Бреста флоты, которые, не владѣя съ собою ни одного транспортнаго судна, могли перевезти въ Индію значительное войско. Онъ предполагалъ отправить изъ Тулона тринадцать кораблей, изъ Бреста двадцать-одинъ, всего-на-все тридцать-четыре, изъ которыхъ на половину было бы старыхъ судовъ, и присоединить къ этимъ тридцати-четыремъ кораблямъ съ двадцать фрегатовъ, и въ числѣ этихъ послѣднихъ десять почти негодныхъ къ службѣ. Оба эти флота, которые вышли бы почти въ одно и то же время и встрѣтились бы другъ съ другомъ у Иль-де-Франса, могли помѣстить на себя всего-на-все сорокъ тысячъ человекъ, и солдатъ и матросовъ. По пріѣздѣ въ Индію, должно было уничтожить все негодныя суда, а остальные пятнадцать кораблей и десять фрегатовъ съ экипажемъ изъ четырнадцати или пятнадцати тысячъ матросовъ, должны были отплыть обратно въ Европу. Такимъ способомъ перевезено было бы въ Индію 25,000 или 26,000 человекъ войска, а въ европейскія моря возвратился бы флотъ изъ пятнадцати кораблей, превосходныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, съ отборнымъ экипажемъ, пріобрѣтшимъ опытность въ долгомъ плаваніи. Итакъ, Французы потеряли бы только нѣсколько никуда-негодныхъ судовъ и оставили бы въ Индіи войско, которое могло бы одолѣть Англичанъ, въ-особенности находясь подъ начальствомъ такого предпримчиваго человека, какъ-бы былъ генералъ Демайтъ.

Наполеонъ предполагалъ отправить, кромѣ того, три тысячи Французовъ на голландскомъ тексельскомъ флотѣ, двѣ тысячи на вѣной-фор-

мировавшейся въ Рошефортъ дивизіи, четыре тысячи Испанцевъ на испанскомъ кадетскомъ флотѣ, что составляло новое подкрѣпленіе въ девять тысячъ человекъ и такимъ-образомъ увеличило бы армию Дакана до 35,000 или 36,000 человекъ. Весьма-вѣроятно, что подобная сила могла бы разрушить владычество Англичанъ въ Индіи, только-что порабощенной ими.

Этотъ планъ былъ временною отсрочкою высадки; но дѣло статочное, что онъ могъ бы благопріятствовать этой высадкѣ совершенно-необыкновеннымъ образомъ: Англичане, получая извѣстія объ отيرانіи французскихъ эскадръ, должны были бы пускаться въ-слѣдъ за ними и чрезъ то оставлять на свободѣ европейскія моря; а тѣмъ временною эскадрою, возвращающаяся изъ Индіи съ пятнадцатью кораблями и десяти фрегатами, могла появиться въ проливъ, гдѣ Наполеонъ, съжалясь горюшій пуститься въ путь при первомъ удобномъ случаѣ, могъ воспользоваться даже хотъ мнунтною благосклонностью судьбы. Правда, что эта послѣдняя часть комбинаціи предполагала, что Французы посчастливилось бы двайнѣ, и при похода въ Индію, и на возвратномъ пути оттуда, а судьба рѣдко успѣждаетъ человека до такой степени, какъ бы великъ онъ ни былъ. Цѣлый мѣсяць колебался Наполеонъ въ раздумьи, не зная, на что лучше рѣшиться, отправить ли эту экспедицію въ Индію, или перѣхать чрезъ проливъ Кала.

Однакожь, Булонская экспедиція была предпочтена Наполеономъ. Онъ полагалъ, что это предпріятіе приведетъ къ желанному успѣху скорее, рѣшительнѣе и вѣрнѣе, лишь только французскій флотъ внезапно появится въ Ла-Маншѣ. И Наполеонъ снова припалъ за соображенія и предумалъ третью комбинацію, которая была еще обширнѣе, глубже, разумнѣе обѣихъ прежнихъ; основною мыслию ея было соединить, бѣгъ вѣдома Англичанъ, всѣ французскія морскія силы между Дувромъ и Булоною.

Наполеонъ рѣшился на этотъ планъ въ первыхъ числахъ марта и немедленно разослалъ приказы. Планъ состоялъ въ томъ, чтобъ притянуть Англичанъ въ Индію и къ Антильскимъ - Островамъ, куда уже привлекала ихъ вниманіе эскадра адмирала Миссиссипи, отправившаяся 11 января, и потомъ возвратиться тотчасъ же въ европейскія моря въ такомъ числѣ силъ, которое превосходило бы всякую антильскую эскадру. Этотъ планъ походилъ отчасти на планъ, составленный въ прошломъ декабрѣ мѣсяца, но онъ былъ увеличенъ; пополненъ теперь присоединеніемъ силъ Испаніи. Островъ Мартиника назначенъ общимъ сборнымъ пунктомъ: къ находящимся уже здѣсь пяти кораблямъ Миссиссипи должны были прикнудить еще двѣнадцать кораблей Вильнёва, который приведетъ за собою еще Кадикса; шесть или семь испанскихъ кораблей Гравины и французскій корабль *Орель*; вслѣдъ за тѣмъ, долженъ былъ прибыть сюда и Гастонъ съ двадцатью - однимъ кораблемъ, а вмѣстѣ съ ними и французско-испанская феррольская эскадра. Такимъ-образомъ, въ Мартиникѣ должно было собраться около пятидесяти или шестидесяти кораблей: страшная сила, какая никогда и нигдѣ не сосредоточивалась воедино! На этотъ

разъ, комбинація была такъ полна, такъ хорошо рассчитана, что Наполеонъ не усомнился въ успѣхѣ. Самъ даже министръ Декрѣ соглашался, что она представляетъ всевозможные шансы удачи. Всего затруднительнѣе былъ выходъ Гантома изъ брестскаго рейда. Но можно же было рассчитывать, что въ мартѣ мѣсяцъ подуетъ, наконецъ, попутный вѣтеръ. Англичанамъ не могло прійти въ голову, чтобъ непріятель задумалъ собрать, въ одномъ пунктѣ, въ Мартиникъ, разомъ пятьдесятъ или шестьдесятъ кораблей. Вѣроятіе всего было, что догадки ихъ устремятся на Индію. Во всякомъ случаѣ, соединись только всѣ вмѣстѣ Гантомъ, Гурдонъ, Вильнёвъ, Гравина и Миссіесси, то никакая англійская эскадра, съ которой бы они повстрѣчались и которая могла состоять по болѣеи мѣрѣ изъ двѣнадцати или пятнадцати кораблей, не осмѣлилась бы напасть на ихъ соединенныя силы, и тогда возвращеніе въ Ла-Маншъ было бы обезпечено. Итакъ, всѣ французскія морскія силы должны были находиться вкупѣ межъ берегомъ Англіи и Франціи въ то самое время, какъ флоты Англіи устремились бы на Востокъ, въ Америку или въ Индію. Событія доказали вскорѣ, что эта комбинація могла осуществиться, даже и при посредственномъ выполненіи.

Этотъ планъ тщательно сохранялся въ глубочайшей тайнѣ. О немъ не было сообщено Испанцамъ, которые обязались послушно слѣдовать во всемъ велѣніямъ Наполеона. Изъ всѣхъ адмираловъ тайна вѣрjena была только лишь Вильнёву и Гантому, и то не при отправленіи, а въ морѣ, когда они уже не могли имѣть сообщенія съ твердою землею. Въ тайну предпріятія не былъ посвященъ ни одинъ капитанъ корабля. Имъ только назначены были пункты для сбора, на случай, еслибъ корабли принуждены были разлучиться другъ съ другомъ. Ни одинъ изъ министровъ не зналъ плана, за исключеніемъ адмирала Декрѣ. Ему было приказано сноситься прямо съ Наполеономъ и писать свои депеши собственноручно. Между-тѣмъ, во всѣхъ портахъ распространили слухъ объ экспедиціи въ Индію. Дѣлали видъ, что сажаютъ на суда много войска; на самомъ же дѣлѣ, тулонская эскадра должна была взять съ собою едва три тысячи человекъ, а брестская шесть или семь тысячъ. Адмираламъ предписано было высадить на Антильскіе-Острова половину этой силы для подкрѣпленія тамошнихъ гарнизоновъ и привезти обратно въ Европу четыре или пять тысячъ лучшихъ солдатъ для участія въ булонской экспедиціи.

Ко всемъ этимъ хитростямъ для обмана Англичанъ присоединялось, въ довершеніе всего, путешествіе Наполеона въ Италію. Онъ предполагалъ, что его флоты, пустясь въ море въ концѣ марта, употребятъ весь апрѣль на плаваніе въ Мартинику, май на соединеніе другъ съ другомъ, іюнь на обратное плаваніе въ Европу, и уже въ первыхъ числахъ іюля будутъ въ Ла-Маншъ. Онъ долженъ былъ оставаться все это время въ Италіи, производить смотры, давать празднества, скрывать свои глубокіе помыслы подъ тщеславною, великопашною царужностью, потомъ, въ назначенное время, ухватъ потихоньку, перенестись въ пять дней изъ Милана въ Булонь, и между-тѣмъ, какъ всѣ

будутъ увѣрены, что онъ еще въ Италіи, разразится надъ Англіею ударомъ, которымъ онъ давно уже угрожалъ ей. Сама Англія начинала уже не вѣрить болѣе этимъ угрозамъ. Европа считала ихъ просто острастною, придуманною для того, чтобъ тревожить британскую націю и заставлять ее истощаться въ безполезныхъ усиліяхъ. Между-тѣмъ, какъ вся предавалась этой мысли, Наполеонъ, напротивъ, безпрерывно пополнялъ свою армію, расположенную на берегу океана. Такимъ-образомъ, булонская армія увеличилась почти 30 тысячами человекъ, а никто и не подозревалъ этого. Мнѣніе о томъ, что экспедиція въ Англію была просто демонстраціею, дѣлалось ежедневно болѣе и болѣе господствующимъ.

Устроить все для приведенія въ исполненіе своего предпріятія и питая глубокую увѣренность въ успѣхъ, Наполеонъ готовился отправиться въ Италію. Папа остался въ Парижѣ на всю зиму. Сначала, онъ думалъ уѣхать во-своиѣ въ половинѣ февраля. Снѣга, въ обиліи выпавшіе на Альпахъ, послужили предлогомъ удержать его еще на некоторое время. Первосвященникъ не могъ не уступить обаятельнымъ просьбамъ Наполеона и согласился отложить свой отъѣздъ до половинѣ марта. Наполеонъ былъ очень-радъ, чтобъ Европа замѣтила продолжительность этого посѣщенія, старался ежедневно все болѣе и болѣе сближаться съ Піемъ VII и удерживать его во Франціи, между-тѣмъ, какъ французскіе агенты дѣлали въ Миланѣ приготовленія ко вторичной коронаціи. Дворы неаполитанскій, римскій и даже вѣнскій не безъ сокрушенія взирали на образованіе обширнаго французскаго королевства въ Италіи, и самъ папа, можетъ-быть, былъ бы не слишкомъ благосклоненъ къ политикѣ Наполеона, еслибъ былъ въ это время въ Ватиканѣ, подъ вліяніемъ всяческихъ наущеній.

Пій VII, совершенно сдружиившись съ Наполеономъ, сознался наконецъ предъ нимъ въ своихъ тайныхъ желаніяхъ. Онъ былъ очарованъ почестями, оказанными его особѣ, почестями, приносившими пользу самой религіи; онъ былъ очарованъ благомъ, произведеннымъ, по-видимому, его присутствіемъ; и тѣмъ, что совершалъ во Франціи новыя императоръ для способствованія возстановленію алтарей. Но при всей своей святости, Пій VII былъ человекъ, былъ государь, и торжественно-духовныхъ интересовъ, исполняя его удовольствіемъ, не могъ заставить его забыть земные интересы римскаго двора, крѣпко-страдавшіе съ потерею легацій. Онъ привезъ съ собою шесть кардиналовъ, изъ которыхъ одинъ, кардиналъ Ворміа, умеръ въ Мюнхѣ. Другіе, именно кардиналы Антонелли и ди-Пьетро, принадлежали къ партіи ультрамонтанской, и были въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ кардиналу Капрарѣ, который и не могъ быть имъ подѣ-стать по своему посвященію и высокому уму. Они-то довели папу до того, что онъ сталъ скрывать свои дѣйствія отъ этого кардинала, долженствовавшіе; но званію легата, знатъ о всѣхъ негоціаціяхъ, въ которыя вступали въ Парижѣ. Безъ сомнѣнія, онъ не научалъ бы ихъ средствамъ успѣха въ планахъ, ибо все, что возможно было сдѣлать для церкви, Наполеонъ дѣлалъ самъ, безъ всякихъ понужденій. Но этотъ человекъ, опытный

и мудрый, отсчитывала бы имъ безполезныя попытки, которыя очень-часто дѣлаются причинами раздора.

Наполеонъ, вспомошествоваемый совѣтомъ Порталиса, кротко, но съ непреклонною твердостью отвергъ все притязанія папы. Что до возврата легаций, Наполеонъ говорилъ, что, согласившись на это, онъ поступилъ бы измѣнительски относительно Итальянской-Республики, избравшей его своимъ главою, объявить, впрочемъ, намѣреніе свое улучшить въ-послѣдствіи положеніе римскаго двора. Наполеонъ возложилъ на кардинала Феша объяснить по этому предмету съ папою. Онъ хотѣлъ, въ настоящее время, помочь ему денежными средствами и намекалъ на то, что, въ непродолжительномъ времени, будетъ имѣть возможность вознаградить его за потерянные земли. Дѣйствительно, Наполеонъ провидѣлъ уже, что скоро возгорится на материкъ война, что онъ на этотъ разъ завоюетъ всю Италію, отниметъ у Австріи Венецію, у Бурбоновъ Неаполь и найдетъ средство удовлетворить папу.

Но эти добрыя намѣренія въ будущемъ не вѣшали въ настоящее время родиться неудовольствію, которое сдѣлалось скорѣ источникомъ непріятнѣйшихъ послѣдствій.

Наполеонъ и папа разстались не столько недовольные другъ другомъ, сколько бы того надо было опасаться послѣ такихъ требованій и отказовъ. Папа, выѣзжая западни, которую пророчили ему безумцы при выѣздѣ изъ Рима, нашелъ въ Парижѣ великолѣпнѣйшій приемъ и занималъ во Франціи мѣсто, достойное славнѣйшихъ вѣковъ церкви. Самымъ трогательнымъ образомъ распростился онъ съ императоромъ и императрицею и отправился обратно въ Римъ, будучи осыпанъ богатыми дарами. Онъ выѣхалъ изъ Парижа 4 апрѣля 1805 года, посреди еще болѣе значительнаго стеченія народа, нежели какое было при вступленіи его въ этотъ городъ. Онъ долженъ былъ остановиться на нѣсколько дней въ Лионѣ для празднованія тамъ праздника Пасхи.

Наполеонъ все устроилъ такъ, чтобъ въ это же время самому отправиться въ путь. Давъ послѣднія повелѣнія флоту и арміи и повторявъ испанскому двору свои просьбы, чтобъ все было готово въ Феррелъ и Кадиксъ, оставивъ архиканцлеру Камбасересу, не для вида только, но на самомъ дѣлѣ, управленіе имперією, онъ отправился 1-го апрѣля въ Фонтенблѣ, гдѣ долженъ былъ остановиться на два или на три дня. Онъ удивлялся въ восторгъ отъ своихъ плановъ, полный увѣренности въ ихъ успѣхъ. Первымъ залогомъ къ тому служилъ счастливый выходъ адмирала Вильнёва. Вильнёвъ, при попутномъ вѣтрѣ, 30 марта, поднялъ наконецъ паруса, и его потеряли изъ вида съ высоты Тулона, не имѣя опасаться, чтобъ онъ повстрѣчался съ Англичанами. Одно неблагоприятное обстоятельство препятствовало полнотѣ счастья. 1-е апрѣля, ~~французскіе~~ ~~французскіе~~ еще не дали почувствовать себя въ Брестѣ, и погода тихая, ясная, немогшая способствовать удаленію Англичанъ, или сдѣлать отъ нихъ выхода эскадры, дѣлала невозможнымъ отплытіе Гангома. Будь только этотъ адмиралъ изъ Бреста, тогда успѣхъ соединеннаго эскадры не казался бы больше сомнительнымъ, и надо было бы предположить: настоящій моментъ, предположить, что разноедѣленіе не

принесетъ съ собою попутнаго вѣтра въ-теченіе всего апрѣля мѣсяца. И такъ, Наполеонъ покинулъ Фонтенблѣ 3 апрѣля, направляясь чрезъ Труа, Шалонъ и Лионъ, и обгоняя папу за тѣмъ, чтобъ оба поезда не помѣшали другъ другу.

Между-тѣмъ, какъ онъ ѣхалъ въ Италію, предавшись своимъ обширнымъ замысламъ и развлекаясь по временамъ почестями, которые оказывались ему народами, Европа, вся въ волненіи, раздражалась третьєю коалицією.

Но тѣмъ временемъ, какъ все въ Европѣ волновалось противъ Наполеона, онъ, будучи окруженъ въ Италіи всѣмъ блескомъ королевской власти, занятъ былъ идеями, совершенно-противоположными идеямъ его противниковъ, даже наиболее-умѣренныхъ. Видъ Италіи, поприща его первыхъ побѣдъ, предмета всѣхъ его предпочтеній, породилъ въ немъ новыя планы касательно величія его имперіи и устройства его собственнаго семейства. Онъ вовсе не хотѣлъ раздѣлять обладаніе этою страной съ кѣмъ бы то ни было и, напротивъ, мечталъ овладѣть ею во всей ея цѣлостности, создавъ нѣкоторые изъ тѣхъ вассальныхъ королевствъ, которыя должны были служить оплотомъ новой Имперіи-Запада. Члены итальянской консулты, присутствовавшіе при обрядѣ учрежденія Итальянскаго-Королевства, поѣхали впередъ, въ сопровожденіи вице-президента Мельци и министра Марескалли, для того, чтобъ приготовить принятіе Наполеона въ Миланъ. Хотя Итальянцы гордились тѣмъ, что будутъ имѣть его королемъ, хотя правительство его болѣе всякаго другаго могло успокоить ихъ, однако потерянная или по-крайней-мѣрѣ отложенная надежда на королевство чисто-итальянское, страхъ войны съ Австріей въ-слѣдствіе этой перемены, даже самая общность этого титула короля итальянскаго, придуманная съ цѣлію не нравиться имъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и встревожить Европу, — все это сильно возмутило Итальянцевъ. Партія либеральная день-отъ-дня все болѣе и болѣе отдалялась отъ новаго правительства, а аристократія же сближалась съ нимъ. Одинъ Наполеонъ могъ измѣнить этотъ порядокъ вещей. Присутствіе его, какъ генерала, всегда глубоко трогало сердца Итальянцевъ; присутствіе его, какъ императора и короля, должно было поразить ихъ еще болѣе. Славныя войска, собранныя на поляхъ битвы Маренго и Кастильоне, готовились выполнить большіе маневры и представить безсмертныя сраженія. Всѣ иностранныя министры были созваны въ Миланъ. Пріявъ любопытныхъ, стекшихся въ Парижъ посмотреть на коронацію, отхлынулъ въ Ломбардію. Давно было движеніе—и пламенное воображеніе Итальянцевъ снова закипало любовью и удивленіемъ къ человеку, который въ-продолженіе до пяти лѣтъ стоялъ сильно волновалъ ихъ. По примѣру городовъ во Франціи, сформирована была для принятія Наполеона гвардія изъ молодыхъ людей лучшихъ семей.

Прибывъ въ Туринъ, онъ встрѣтился здѣсь съ Піемъ VII и даже простился съ нимъ въ послѣдній разъ. Затѣмъ онъ принималъ съ необыкновенною грацією своихъ новыхъ подданныхъ и занимался ихъ интересами, отличными еще отъ интересовъ прочей части Француз-

ской-Имперіи. Онъ исправлялъ ошибки или несправедливости администратіи, удовлетворялъ множество просьбъ, и, желая очаровать народы, выказывалъ всю благодѣтельность и величіе верховной власти; потомъ посвятилъ нѣсколько дней на осмотръ своего созданія, — Александрійской-Крѣпости, служившей базисомъ его утвержденія въ Италіи. Въ настоящую минуту тамъ собраны были тысячи рабочихъ. Наконецъ, 5 мая, посреди равнины Маренго, съ высоты трона, воздвигнутаго на этой равнинѣ, гдѣ, три года назадъ, онъ стяжалъ себѣ самодержавіе, присутствовалъ онъ при славныхъ маневрахъ, представлявшихъ маренгское сраженіе. Ланнъ, Мюратъ, Бессьеръ начальствовали войсками на этихъ маневрахъ. Здѣсь не доставало одного только Деза! Наполеонъ заложилъ первый камень въ основаніе монумента въ память храбрымъ, павшимъ на полѣ битвы. Изъ Александріи отправился онъ въ Павію, гдѣ привѣтствовали его власти новой его столицы, Милана, и вступилъ въ Миланъ 8 мая, при громѣ пушекъ и звонѣ колоколовъ, при кликахъ народа, пришедшаго въ энтузіазмъ отъ его присутствія. Окруженный итальянскими властями и духовенствомъ, онъ коленнопреклонился въ старомъ ломбардскомъ кафедральномъ соборѣ, созданномъ на удивленіе Европы и предназначенномъ судьбою быть достроену окончательно Наполеономъ. Итальянцы, энтузіасты въ высшей степени, всегда поражаются великолѣпными зрѣлищами: что должны были испытать они въ присутствіи человека, котораго величіе возшло предъ ихъ глазами, какъ звѣзда, замѣченная нѣмъ прежде всѣхъ на горизонтѣ европейскомъ?

26 мая, Наполеонъ былъ помазанъ на царство въ миланскомъ кафедральномъ соборѣ съ такимъ же блескомъ, какъ и въ Парижѣ за полгода предъ тѣмъ, въ присутствіи министровъ Европы и депутатовъ отъ всей Италіи. Жеманная корона, почитаемая древнею короною королей ломбардскихъ, была доставлена изъ Монцы, гдѣ ее хранили, какъ сокровище. По благословеніи ея кардиналомъ Капрарою, архіепископомъ миланскимъ, съ соблюденіемъ формъ, употреблявшихся нѣкогда относительно германскихъ императоровъ при коронованіи ихъ королями итальянскими, Наполеонъ самъ возложилъ ее на главу свою, какъ нѣкогда возложилъ на себя корону императора Французовъ, произнося по-итальянски эти клятвенныя слова: *Богъ дасть мнѣ ее: горе тому, кто до нея коснется!* (*Dio te l'ha data, guai a chi la toccherà*). Энергія, съ которою онъ произнесъ эти слова, привела въ трепетъ всѣхъ присутствующихъ. Эта торжественная церемонія, приготовленная руками итальянцевъ, а именно извѣстнымъ живописцемъ Аппіани, превзошла все доселѣ видѣнное въ Италіи.

Послѣ этой церемоніи, Наполеонъ обнародовалъ органическій статутъ, которымъ создавалъ въ Италіи монархію, по образцу монархій французской, и назначалъ вице-королемъ Евгенія Боарне. Затѣмъ онъ представилъ итальянской націи этого принца во время королевскаго заведенія законодательнаго сословія. Весь іюнь мѣсяцъ онъ присутствовалъ въ государственномъ совѣтѣ и далъ администратіи въ Италіи дви-

женіе, какое далъ в французской администраціи, занимаясь ежедневными дѣлами во всей ихъ подробности.

Присутствіе Наполеона съ этими страшными арміями, которыя онъ устраивалъ и пополнялъ на всякій случай, разсѣло опасенія насчетъ войны. Итальянцы начали вѣрить, что они не увидятъ ея болѣе на своей территоріи, и что до нихъ дойдеть молва о ней съ береговъ Дуная и отъ воротъ самой Вѣны. Наполеонъ всякое воскресенье производилъ въ Миланѣ смотръ войскамъ; потомъ онъ возвращался въ свой дворецъ и принималъ на публичной аудіенціи посланниковъ всѣхъ дворовъ Европы, известнѣйшихъ иностранцевъ, и въ особенности представителей знатныхъ итальянскихъ фамилій и духовенства. Въ одинъ изъ этихъ пріемныхъ дней, обмѣнялся знаками почетнаго-легіона на знаки древнѣйшихъ и славнѣйшихъ орденовъ Европы. Пруссійскій министръ представился ему первый для врученія ему чернаго орла и бѣлаго орла. Затѣмъ явился испанскій посланникъ, который вручилъ ему орденъ золотого-руна, потомъ, наконецъ, министры баварскій и португальскій, поднесшіе ему ордена св. Губерта и Христа. Наполеонъ представилъ имъ въ обмѣнъ знаки первой степени почетнаго-легіона, и далъ такое же количество орденовъ, сколько получилъ самъ. Затѣмъ онъ роздалъ иностранныя ордена знатнѣйшимъ лицамъ имперіи. Въ нѣсколько мѣсяцевъ, дворъ его сталъ на такую же ногу, какъ и всѣ прочіе европейскіе дворы; носилъ такіе же ордена, и богатые одежды, походившія на военныя мундиръ. Посреди этого блеска, Наполеонъ, оставшійся самъ простъ по-прежнему, имѣлъ на груди только знакъ почетнаго-легіона, нося мундиръ гвардейскихъ егерей безъ малѣйшаго золотого шитья, черную шляпу, на которой виднѣлась только трехцветная кокарда, Наполеонъ хотѣлъ, чтобъ всѣ знали, что роскошь, которою онъ окруженъ, была не для него. Любопытнымъ взорамъ народовъ хотѣлъ представить онъ только свой благородный и прекрасный образъ, который восхищеніемъ людей окружало столько славными трофеями. А между-тѣмъ, всѣ искали, всѣ желали видѣть его одного посреди этой саваннѣ, блестящей золотомъ и пестрявшейся орденовскими лентами всей Европы.

Различные города Италіи присылали къ нему депутаціи съ просьбою посѣтить ихъ. Они добивались не простой почести, но и выгоды, потому-что проникательный взглядъ императора открывалъ всюду, гдѣ какое благо надо было совершить, а его могущественная рука находила средства это выполнить. Рѣшившись провести весну и половину лѣта въ Италіи, чтобъ лучше отвратить вниманіе Англичанъ отъ Булоня, онъ обѣщалъ посѣтить Мантую, Бергамъ, Верону, Феррару, Болонью, Модену, Пьяценцу. Эта новость обрадовала Итальянцевъ и позволила всѣмъ имъ надѣяться имѣть свою долю въ благодѣяніяхъ новаго царствованія.

Исключительно занятый высадкою, Наполеонъ не хотѣлъ вызывать въ настоящее время континентальной войны. Между-тѣмъ, задуманное имъ присоединеніе Генуэзской-Республики, дало поводъ всѣмъ непріязненнымъ ему державамъ жаловаться на честолюбіе Франціи, и особенно на нарушеніе имъ своихъ обѣщаній, потому-что самъ Наполеонъ,

удреждая Итальянское-Королевство, обещалъ сенату не присоединять болѣе ни одной провинціи къ своей имперіи. Но, надѣясь вскорѣ разсѣять въ Лондонѣ гордіевъ узелъ всѣхъ европейскихъ вопросовъ, онъ не поколебался въ своемъ намѣреніи и рѣшился даровать Геную французскому флоту.

Министромъ его при этой республикѣ былъ его соотечественникъ Саличетти, которому онъ препоручилъ вызнать расположеніе Генуэзцевъ и приготовить умы. Дѣло кончилось тѣмъ, что генуэзскій сенатъ и дожъ, по совѣту Саличетти, отправились въ Миланъ объявить Наполеону желаніе всего народа признать надъ собою верховную власть Франціи. Они были введены предъ Наполеона съ обрадами, напоминавшими собою тѣ времена, когда побѣжденные народы молили о чести быть частію Римской-Имперіи. Наполеонъ принялъ ихъ на своемъ тронѣ, 4 іюня, объявлялъ, что снисходитъ на ихъ просьбу, и обещалъ посѣтить Геную при выѣздѣ изъ Италіи.

За этимъ присоединеніемъ послѣдовало другое, малозначительное само-по-себѣ, но какъ капля воды переполнившее чашу терпѣнія европейскихъ державъ. Луккская-Республика была безъ правительства и находилась въ затруднительномъ положеніи между Этрурією и Пьемонтомъ, подобно кораблю, лишенному кормила. Власти этой республики, подражая властямъ Генуи, явились въ Миланъ съ просьбою дать имъ конституцію и правительство. Наполеонъ согласился выполнить и ихъ желаніе; но считая эту республику слишкомъ-отдаленною отъ Имперіи, онъ отдалъ ея территорію въ удѣлъ старшей сестрѣ своей, принцессы Элизы, женщины умной, мудро управлявшей этою страной, и заслужившей за то придуманное Талейраномъ прозваніе *Луккской Семирамиды*. Наполеонъ уже отдалъ ей герцогство Піомбино; теперь же отдавалъ ей и супругу ея, принцу Баккіоки, Лукку, въ видъ наследственнаго княжества, зависѣвшаго отъ Французской-Имперіи, долженствовавшего быть возвращеннымъ коронѣ въ случаѣ пресѣченія мужескаго колѣна, на всѣхъ условіяхъ, слѣдовательно, старинныхъ феодаловъ Германской-Имперіи. Эта сестра Наполеона должна была впредь именоваться принцессою піомбинскою и луккскою.

Талейрану поручено было написать Пруссіи, Австріи, и объяснить имъ эти поступки, которые Наполеонъ считалъ, впрочемъ, некасающимися вовсе до политики этихъ державъ. Между-тѣмъ, опытный глазъ императора Французовъ былъ пораженъ вооруженіями Австріи. Цѣлые корпуса были въ движеніи къ Тиролю и къ бывшимъ венеціанскимъ провинціямъ. Вѣнскій кабинетъ уверялъ, что это движеніе войскъ было дѣломъ чистой предосторожности, возбужденной сосредоточеніемъ французскихъ войскъ при Маренго и Кастильйоне, въ числѣ слишкомъ-значительномъ для простыхъ воинскихъ празднествъ. Наполеонъ отправилъ немедленно передѣтыхъ офицеровъ въ Тироль, Фріуль, Каринтію для осмотра этихъ приготовленій на самомъ мѣстѣ, и въ то же время потребовалъ отъ Австріи рѣшительныхъ объясненій.

Онъ придумалъ еще другое средство вызнать настоящее расположеніе этого дѣбра. Обмѣнявшись орденомъ почетнаго-дегіона на ордена дру-

...онъ не объявлялся еще съ Австріею, а между-тѣмъ ...себя съ этою державою на такую же погу, какъ ...возмѣтривъ отнестись объ этомъ съ непо- ...въ Австрію, чтобъ такимъ образомъ удосто- ...чувствованіяхъ. Онъ полагалъ, что если она ...въ скоромъ времени начать войну, то не осмѣ- ...Европы и своихъ союзниковъ, оказать такое изъ- ...считавшееся, по обычаямъ дворовъ, самымъ знамена- ...только оказать возможно, въ-особенности державѣ ...Французская-Имперія. Ла-Рожуко замѣнилъ въ ...сдѣлавшагося министромъ внутреннихъ дѣлъ. Ему бы- ...заставить Австрію объявиться на счетъ ея вооруженій ...ей объявить ея орденъ на орденъ почетнаго-легіона.

...продолжая изъ Италіи поддерживать Англичанъ въ заблуж- ...что пресловутая высадка была пустою выдумкою, самъ между- ...старался увѣрять, что эта экспедиція могла быть ...въ исполненіе. Никогда по случаю какой бы то ни ...операции не посылалось такого множества депешъ и курьеровъ. ...агенты и морскіе офицеры, поставленные въ испанскихъ и ...портъ, въ Картагенъ, Кадиксъ, Ферроль, Байоннъ, при- ...Жиронды, въ Ротфоръ, при устьѣ Дуары, въ Лорьянъ, Брестъ, ...нмѣя въ своемъ распоряженіи курьеровъ, передавали нѣзѣ- ...новости, случавшіяся на морѣ, и посылали извѣстія о нихъ въ ...Множество тайныхъ агентовъ, содержавшихся въ портахъ Ан- ...отправляли свои рапорты, которые были передаваемы непосред- ...самому Наполеону. Наконецъ, де-Марбуа, которому хорошо из- ...были британскія дѣла, имѣлъ особенное назначеніе читать всѣ ...журналы, издававшіеся въ Англіи, и переводить изъ нихъ все, отно- ...сившееся до морскихъ операций; и — обстоительно, заслуживающее вни- ...манія, — наиболѣе по этимъ-то журналамъ узнавалъ о всемъ Наполеонъ, ...съ необыкновенною вѣрностью предупреждать намѣренія ан- ...агійскаго адмиралтейства. Хотя англійскіе журналисты часто сообщали ...извѣстія, однако изъ словъ чудная проникаемость На- ...полеона всегда находила средство угадывать истину. Но вотъ что ...еще страннѣе. Приписывая Наполеону самые несбыточные, самые не- ...пальныя планы, нѣкоторые журналисты, сами не подозревая того, от- ...крыли его настоящее намѣреніе, и говорили, что онъ посылалъ флотъ ...за тѣмъ, чтобъ потомъ вдругъ соединить ихъ въ Ла-Маншѣ. Ад- ...миралтейство не остановило своего вниманія на этомъ предположеніи, ко- ...торое, однакожъ, открывало истину. Его предназначенія заставляютъ по- ...крайней-мѣрѣ предполагать, что оно не вѣрило тому.

Исключая одно обстоятельство, которое сильно препятствовало сооб- ...раженіямъ Наполеона и которое заставило его еще, въ послѣдній разъ, ...видовѣннѣнъ свой планъ, Наполеонъ, вообще говоря, не могъ не быть ...доволенъ ходомъ своихъ операций. Адмиралъ Миссіесси, какъ мы уже ...января мѣсяцъ къ Антильскимъ-Островамъ. Еще ...подробностяхъ его экспедиціи, но уже знали, что

Англичане были сильно встревожены за свои колоніи; что одна изъ нихъ, островъ Доминикъ, была взята, и что они посылали въ моря Америки подкрѣпленіе, и это было очень-выгодною диверсією для Французовъ. Адмиралъ Вильнёвъ, вышедъ изъ Тулона 30 марта, послѣ плаванія, котораго подробности были неизвѣстны, показался у Кадикса, соединился съ адмираломъ Гравиню, и такимъ образомъ, присоединивъ къ своей эскадрѣ испанскую дивизію, состоявшую изъ 6 кораблей и нѣсколькихъ фрегатовъ, и еще корабль *Орелъ*, направился къ Мартиникъ. Послѣ того, отъ него не получали извѣстій, но знали, что Нельсонъ, стерегшій Средиземное-Море, не могъ настигнуть его ни при выходе изъ Тулона, ни при выходе изъ пролива.

Но тѣмъ временемъ, какъ адмиралъ Миссиссипи распространялъ ужасъ на англійскихъ Антильскихъ-Островахъ, а адмиралы Вильнёвъ и Гравина плыли вмѣстѣ безъ всякихъ приключеній къ Мартиникъ, Гантомъ, долженствовавшій прикнута къ нимъ,—Гантомъ, по случаю необыкновеннаго осномена во временахъ года, не имѣлъ ни одного благопріятнаго дня для выхода изъ брестскаго порта. Доселѣ никто не запоминать, чтобъ равноденствіе было совершенно безвѣтрено. Между-тѣмъ, прошли мѣсяцы мартъ, апрѣль, май (1805), а англійскій флотъ ни разу не былъ вынужденъ удалиться отъ прибрежій Бреста. Адмиралъ Гантомъ, знавшій, какой важной операціи онъ долженъ былъ содѣйствовать, съ величайшимъ нетерпѣніемъ выжидалъ удобной минуты для выхода изъ порта, и наконецъ, съ горя, сдѣлался боленъ. Погода почти неизмѣнно стояла тихая и ясная. По временамъ, западный вѣтеръ, сопровождаемый громоносными тучами, казалось, готовъ былъ поднять на морѣ бурю, но небо тотчасъ прояснялось. Не было янаго средства, какъ вступить въ невыгодное сраженіе съ эскадрою, которая теперь была почти въ равномъ числѣ съ французскою, но превосходила ее своимъ качествомъ. Англичане, не подозревая въ точности всего, имъ угрожаваго, пораженные присутствіемъ флота въ Брестѣ, другаго въ Ферролѣ, сдавали, кромѣ того, о выходѣ кораблей изъ Тулона и Кадикса, усилили свои блокадные эскадры. Они пѣли съ двадцать кораблей передъ Брестомъ, подъ начальствомъ адмирала Корнуаллиса, и 7 или 8 передъ Ферролемъ, подъ начальствомъ адмирала Келдера. Въ такомъ положеніи дѣлъ, адмиралъ Гантомъ выходилъ изъ рейда и возвращался туда, держа уже въ-продолженіе двухъ мѣсяцевъ на корабляхъ и десантное войско и матросовъ. Въ отчаяніи, онъ спрашивалъ, хотѣть ли, чтобъ онъ далъ сраженіе для выхода въ открытое море, но это было ему воспрещено рѣшительно.

Разсчитывая, что въ половинѣ мая будеть уже опасно заставлять Вильнёва, Гравину и Миссиссипи ожидать долго въ Мартиникъ, что англійскія эскадры, посланные за ними въ погоню, тогда уже настигнуть ихъ, Наполеонъ еще разъ видоизмѣнилъ планъ свой. Онъ положилъ, что если Гантомъ не отправится 20 мая, то не долженъ отправляться вовсе, а ждать въ Брестѣ, покуда прійдутъ освободить его изъ блокады. И потому Вильнёвъ получилъ приказаніе возвратиться въ Европу и выполнить тамъ то, что прежде поручено было Гантому, т. е. освободить нѣтъ

блокады Ферроль, гдѣ онъ долженъ былъ найти 5 французскихъ кораблей, 7 испанскихъ, подойти потомъ, если будетъ возможно, къ Рош-фору, для соединенія тамъ съ Миссиеспи, который, вѣроятно, къ этому времени возвратится съ Антильскихъ-Острововъ, наконецъ явиться передъ Брестомъ, для открытія выхода Гантому, и такимъ-образомъ съ огромнѣйшею эскадрою въ 56 кораблей войти въ Ла-Маншъ.

Этотъ планъ былъ очень выполненъ и заключалъ въ себя шансы успѣха, что вскорѣ и доказано было самими событіями. При всемъ томъ, онъ былъ менѣе надеженъ предъидущаго. И дѣйствительно, если Гантомъ могъ выйти въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, освободить отъ блокады Ферроль (что было возможно безъ сраженія, ибо въ то время 5 или 6 англійскихъ кораблей блокировали этотъ портъ), и отправиться въ Мартиникъ, то соединеніе съ Вильнёвомъ и Гравиною могло бы совершиться безъ всякаго сраженія; они возвратились бы въ Европу въ числѣ 50 кораблей, и имъ не надо было бы нигдѣ останавливаться, а можно было прямо устремиться въ Ла-Маншъ. Предстояли развѣ только встрѣчи на морѣ, но эти шансы такъ радки, что можно даже не разсчитывать на нихъ. Новый планъ, напротивъ, заключалъ въ себя то неудобство, что подвергалъ Вильнёва необходимости дать сраженіе передъ Ферролемъ, другое передъ Брестомъ; и хотя, при обѣихъ этихъ стычкахъ, силы его были бы гораздо въ превосходнѣйшемъ числѣ противъ непріятельскихъ, однако никакъ нельзя было предположить напередъ, что обѣ эскадры, которыя онъ пришелъ освободить отъ блокады, будутъ имѣть время подоспеть къ нему на помощь и принять участіе въ сраженіи. Дѣйствительно, изъ Ферроля и Бреста выходить только чрезъ узкія тѣснины; здесь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, вѣтеръ, благопріятный для входа въ портъ, неблагопріятенъ для выхода, и было статочное, что сраженіе могло произойти при входѣ въ эти порты, и даже кончено прежде, чѣмъ флоты, стояшіе внутри, на рейдѣ, могли бы принять въ немъ участіе. Не только пораженіе, но даже перышительное сраженіе могло совершенно обезкуражить генераловъ, которые какъ бы, впрочемъ, ни были храбры лично, не имѣли слишкомъ-большой довѣренности къ морю. Въ особенности, адмиралъ Вильнёвъ, хотя воинъ неустрашимый, не имѣлъ твердости характера, пропорціональной этимъ шансамъ, и надо было жалеть, чтобъ хорошая погода воспрепятствовала первому намѣренію.

Былъ и еще планъ, на которомъ Наполеонъ остановился на минуту; этотъ планъ доставлялъ менѣе силъ, по велѣ Вильнёва прямо къ цѣли, въ Ла-Маншъ: адмиралъ не долженъ былъ останавливаться ни передъ Ферролемъ, ни передъ Брестомъ, но обогнуть Шотландію и потомъ устремиться въ Сѣверное-Море, передъ Булонь. Правда, что онъ прибылъ бы только съ 20-ю кораблями вмѣсто 50-ти; но этого было достаточно для трехъ дней, и флотилія подъ этимъ прикрытіемъ могла навѣрное переплыть проливъ. Эта мысль вдругъ мелькнула въ голову Наполеона, и онъ написалъ ее; потомъ, желая еще болѣеи несомнѣнности въ успѣхѣ, онъ предпочелъ болѣеи соединеніе силъ болѣеи

неспособности проникнуть въ Ла-Маншъ, и снова обратился къ плану, по которому Вильнёвъ долженъ былъ снять блокаду съ Ферроля и Бре-ста.

Это было последнее измѣненіе, которое онъ сдѣлалъ, по обстоятельствамъ, въ своемъ планѣ. Самъ онъ въ *post-scriptum* къ одному изъ своихъ писемъ рассказываетъ, что посреди празднества передумалъ вся эти комбинаціи и рѣшился окончательно. Онъ немедленно разослалъ необходимыя инструкціи для приведенія въ исполненіе всего имъ задуманнаго.

Разсылая множество приказовъ, Наполеонъ продолжалъ свое путешествіе по Италіи. Онъ посѣтилъ Бергамъ, Верону, Мантую, присутствовалъ на маневрахъ, представлявшихъ сраженіе при Кастильйоне, произведенныхъ двадцати-пяти-тысячнымъ корпусомъ на самомъ мѣстѣ этого сраженія; прожилъ нѣсколько дней въ Болоньѣ, и очаровалъ собою ученыхъ тамошняго знаменитаго университета; потомъ прѣѣхалъ чрезъ Модену, Парму, Пьяченцу и, наконецъ, великолѣпную Геную, приобретенную однимъ почеркомъ пера. Онъ провелъ здѣсь время съ 30 іюня по 7 іюля, посреди празднествъ, достойныхъ императорскаго города, и переносившихъ собою все, что Итальянцы доселѣ придумывали для принятія новаго владетеля. Здѣсь встрѣтилъ Наполеонъ особу знаменитую, утомленную двѣнадцати-лѣтнимъ изгнаніемъ и оппозиціей, которой не оправдывали болѣе релігіозныя обязанности; то былъ кардиналъ Морі. Онъ рѣшился послѣдовать примѣру папы и перейти на сторону возстановителей алтарей. Подобно сообщникамъ Цоннеса, искавшимъ нѣкогда, одинъ вслѣдъ за другимъ, встрѣчи съ Цезаремъ въ одномъ изъ городовъ Римской-Имперіи, чтобъ добровольно предаться его обольщеніямъ, кардиналъ Морі въ Генуѣ преклонился предъ новымъ Цезаремъ. Онъ былъ принять съ предупредительною ласкою человекомъ гениальнымъ, желавшимъ извинить человеку знаменитому умомъ своимъ, и могъ провидѣть, что, возвратясь во Францію, будетъ вознагражденъ первѣйшими степенями іерархіи.

Принявъ отъ Генуэзцевъ присягу въ вѣрности и вѣривъ государственному казначею Лебрёну устройство администраціи этой новой части имперіи, Наполеонъ отправился въ Туринъ, гдѣ дѣлалъ видъ, что занимается смотрами; потомъ, 8 іюля вечеромъ, оставивъ императрицу въ Италіи, уѣхалъ въ двухъ простыхъ почтовыхъ каретахъ, выдавая себя на дорогѣ за министра внутреннихъ дѣлъ, и съ необыкновенною быстротою прибылъ въ Фонтенблѣ. Онъ былъ уже тамъ 11-го числа утромъ. Архиканцлеръ Камбасересъ и министры явились туда, чтобъ получить отъ него послѣдніе приказанія. Онъ отправлялся въ экспедицію, долженствовавшую или сдѣлать его всемірнымъ владетелемъ, или поглотить его, новаго Фараона, въ пучинахъ Океана. Никогда не былъ онъ болѣе спокоенъ, болѣе въ духѣ, болѣе увѣренъ въ себя. Но самыя великіе гении могутъ хотѣть; ихъ воля, какъ бы ни была могущественна, какъ воля человека, есть не болѣе, какъ безсмысленный капризъ, когда Провидѣніе хочетъ иначе. Предъ нами достопамятный тому примѣръ. Между-тѣмъ, какъ Наполеонъ приготовлялъ

все для встречи съ вооруженною Европою между Булонью и Дувромъ, Провидѣніе готовило ему эту встречу совсѣмъ въ другихъ мѣстахъ!

Европейскій горизонтъ застигался страшными, громовыми тучами. Огнскюдо доходили вѣсти о движеніи войскъ въ Фріулъ, Тиролъ и Верхней-Австріи. Австрія ремонтировала кавалерію, усиливала артиллерію на берегахъ Эча, строила всюду запасныя магазины, мосты на Пиавъ и Тальяменто, укрѣпляла венеціанскія лагуны. Все это не оставляло ни малѣйшей тѣни сомнѣнія на счетъ ея неспріязненныхъ намѣреній, не смотря на то, что она уверяла, будто все это не болѣе, какъ предосторожности ради ея венеціанскихъ владѣній, по случаю собранія въ Италіи французскихъ войскъ. Что же касается до обмана орлеонъ, котораго отъ ней требовали, она отказывалась отъ этого подъ различными предлогами.

При такомъ стеченіи обстоятельствъ, Наполеонъ долженъ былъ рѣшиться на что-нибудь окончательно въ нѣсколько дней, которые долженъ былъ провести въ Фонтенблѣ и Сен-Клу, до отъѣзда въ Булонь. Надо было рѣшиться или на высадку, или на войну съ континентальными державами. 11 іюля, въ самый день его прибытія въ Фонтенблѣ, архикапцлеръ Камбасересъ явился туда и сталъ говорить съ нимъ о важныхъ настоящихъ дѣлахъ. Камбасересъ былъ въ ужасѣ при мысли о состояніи материка, при мысли о поразительныхъ признакахъ близкой войны, и основательно считалъ присоединенія, совершенныя въ Италіи, причинами разрыва. Въ такомъ положеніи, онъ не могъ ясно представить себѣ, какъ Наполеонъ оставлялъ Италію и Францію въ жертву коалиціи, а самъ готовился ринуться на Англію. Наполеонъ, исполненный доверчивости, страсти къ своему обширному морскому плану, котораго во всей цѣлости онъ не повѣрилъ даже и самому архикапцлеру, Наполеонъ не былъ приведенъ въ смущеніе ни однимъ изъ возраженій Камбасереса. «Имѣйте доверіе ко мнѣ», говорилъ ему Наполеонъ: «имѣйте доверіе къ моей дѣятельности; я изумлю свѣтъ величіемъ и быстротою своихъ ударовъ!»

Вслѣдъ за тѣмъ, онъ сдѣлалъ нѣкоторые распоряженія относительно расположенія своихъ войскъ въ Италіи и на границахъ Рейна; потомъ далъ послѣднія инструкціи Талейрану относительно дипломатическихъ дѣлъ.

Время не терпѣло отлагательствъ; все уже было готово на берегахъ Оксана, и адмиралъ Вильпѣвъ могъ всякую минуту появиться предъ Ферролемъ, Брестомъ, или въ Ла-Маншѣ. Адмиралъ Миссисси возвратился въ Рошфоръ, обрыскавъ весь Антильскіе-Острова, захвативъ у Англичанъ Доминикъ, завезши войска, оружіе и военные припасы на Гваделупу и Мартиникъ, взявъ много призовъ и прохвавъ подъ французскимъ флагомъ по Оксану, безъ всякихъ несчастныхъ приключеній. Однакожъ, онъ возвратился слишкомъ рано, и такъ-какъ не совсѣмъ охотно готовъ былъ снова пуститься въ море, то Наполеонъ замѣнилъ его капитаномъ Лальманомъ, отличнымъ офицеромъ, который, по его повелѣнію, отплылъ немедленно, не выждавъ даже покада будутъ починены корабли, и отправился на встречу Вильпѣву въ окрестностяхъ

Феррола. Кончивъ все это, Наполеонъ похвѣлъ въ Булонь, оставивъ Камбасереса и Талейрана въ Парижѣ; взявъ съ собою маршала Бертье и давъ приказаніе адмиралу Декрѣ немедленно присоединиться къ нему. 3 августа прибылъ онъ въ Булонь и былъ встрѣченъ радостными кликами арміи, начинавшей уже скучать ежедневнымъ въ-продолженіи двухъ съ половиною лѣтъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же воинскихъ упражненій: она была твердо увѣрена, что Наполеонъ на этотъ разъ прійметъ надъ нею начальство и наконецъ перейдетъ въ Англію.

На другой день по прибытіи, онъ собралъ всю пѣхоту на морское побережье. Она занимала болѣе 3 лѣ и представляла огромную массу во сто тысячъ человекъ, вытянутую въ одну линію. Съ-тѣхъ-поръ, какъ Наполеонъ командовалъ войсками, ему не удавалось видѣть ничего болѣе прекраснаго. Возвратясь вечеромъ въ свою главную квартиру, онъ написалъ адмиралу Декрѣ слѣдующія многозначительныя слова: *Англичане не знаютъ, что у нихъ на носу. Овладей мы проливомъ только на двѣнадцать часовъ, Англія погибла (Les Anglais ne savent pas ce qui leur pend à l'oreille. Si nous sommes maîtres douze heures de la traversée, l'Angleterre a vécu)* (*).

Теперь онъ соединилъ въ четырехъ портахъ: Амблетъзѣ, Вимрѣ, Булони, Этаплѣ, т. е. назва отъ мыса Гринѣ и подъ вѣтромъ изъ Булони вся корпуса, долженствовавшіе съѣсть на флотилію. Это давнишнее желаніе его было наконецъ выполнено, благодаря стараніямъ арміи, благодаря славной битвѣ, выдержанной батавскою флотиліею подъ начальствомъ адмирала Верюэля, для обогнутія мыса Гринѣ въ присутствіи англійской эскадры. Эта битва, 18 іюля (29 мессидора), за нѣсколько дней до прибытія Наполеона, была самою значительною, какую когда-либо выдерживала флотилія. Нѣсколько дивизій голландскихъ канонерскихъ шлюбокъ повстрѣчали у мыса Гринѣ 45 англійскихъ судовъ, какъ кораблей, такъ и фрегатовъ, корветтъ и бриговъ, и сразились съ ними съ рѣдкимъ хладнокровіемъ и съ полнымъ успѣхомъ. Встрѣча у мыса была опасна, потому-что въ этомъ мѣстѣ воды были глубоки, и англійскіе корабли могли, не боясь съѣсть на мель, тѣснить французскія утлыя суда. Не смотря на эту выгоду непріятеля, голландскія канонерскія шлюбки устояли передъ своими могучими противниками. Артиллерія, стоявшая по побережью, прислала поддержать ихъ; булонская флотилія вышла имъ на подкрѣпленіе, и сквозь градъ ядеръ и картечь, адмиралъ Верюэль, имѣя подлѣ себя маршала Даву, прошелъ подъ выстрѣлами англійской эскадры, не потерявъ ни одного судна. Эта битва доставила въ арміи репутацію адмиралу Верюэлю, который пользовался уже большимъ уваженіемъ, и ободрила сто-шестьдесятъ тысячъ человекъ солдатъ и матросовъ, готовыхъ пересѣхать Ла-Маншъ на французской и батавской флотиліяхъ.

Наполеонъ въ настоящее время имѣлъ подъ рукою всю свою армію. Въ два часа, люди и лошади могли быть посажены на суда и въ двад-

(*) Письмо къ Декрѣ, термидора XIII года, 4 августа 1803 года; депо государственнаго секретарства.

цать-четыре часа перевезены въ Дуэръ. Что касается до военныхъ снарядовъ, то они уже давно находились на судахъ.

Армія, собранная въ этомъ пунктѣ, постепенно до того возраставшая, заключала въ себя почти 132 тысячи солдатъ и 15 тысячъ лошадей, независимо отъ 24 тысячнаго корпуса генерала Мармона, расположеннаго на Текселя, и 4 тысячъ брестской дивизіи, долженствовавшей плыть на эскадрѣ Гантома.

Съ такими-то страшными силами ждалъ Наполеонъ эскадры Вильнёва.

Этотъ адмиралъ, какъ мы уже видали, отправился изъ Тулона 30 марта, съ 11 кораблями, въ числѣ которыхъ 2 были восьмидесяти-пушечные, и съ 6 фрегатами. Нельсонъ крейсировалъ у Барцелоны. Стараясь утверждать Французовъ въ мнѣніи, что онъ намеренъ основаться у этихъ побережій, онъ вдругъ перенесся на югъ Сардиніи, въ надеждѣ, что Французы, обманутые распространенными имъ слухами, будутъ стараться избѣгать береговъ Испаніи и сами наткнутся ему на встрѣчу. Французскій флотъ, вышедъ при попутномъ вѣтрѣ и узнавъ истину отъ одного рагузскаго судна, направилъ свое плаваніе между Балеарскими-Островами и Картагеною, присталъ къ этому мѣсту 7 апрѣля и простоялъ здѣсь за безвѣтріемъ цѣлый день. Вильнёвъ предлагалъ испанскому адмиралу Сальседо присоединиться къ французскому флоту, чего тотъ, за неимѣніемъ приказаній, не могъ принять, и, при подувшемъ благопріятномъ вѣтрѣ снова пустившись въ путь, Вильнёвъ, 9 апрѣля, появился при входѣ въ Гибралтарскій - Проливъ. Въ тотъ же день, въ полдень, онъ вступилъ въ проливъ въ боевомъ порядкѣ. Изъ Гибралтара узнали французскій флотъ; принялись звонить въ колокола, стрѣлять изъ пушекъ для подавнія сигналовъ, потому-что здѣсь, въ портѣ, находилась только самая слабая дивизія. Вильнёвъ подвѣчеръ появился въ виду Кадикса. Извѣщенный сигналами, капитанъ корабля *Орель* поспѣшилъ сняться съ рейда, и храбрый Гравина, употребившій вся старанія, чтобъ быть готовымъ, торопился поднять якорь и соединиться съ французскимъ адмираломъ. Но многое еще не было готово въ Кадиксѣ. 2,500 Испанцевъ, которыхъ должно было перевезти на острова, не были еще посажены на суда. Оканчивали нагрузку съѣстныхъ припасовъ. Адмиралу Гравинѣ нужно было еще по-крайней-мѣрѣ двое сутокъ, но Вильнёвъ торопился и говорилъ, что онъ не будетъ больше ждать, если не присоединятся къ нему сейчасъ же. Хотя нѣсколько оправившись отъ смущенія послѣ перваго своего выхода, французскій адмиралъ былъ однако безпрестанно преслѣдуемъ образомъ Нельсона, все мерещившимся ему за плечами.

Гравина, въ высшей степени преданный планамъ Наполеона, нагружалъ суда на скорую руку, рѣшившись устроиться уже въ морѣ, и вышелъ въ ночь изъ Кадикса.

Въ два часа утромъ, Вильнёвъ, при попутномъ вѣтрѣ, поплылъ къ западу. 11 числа онъ былъ въ открытомъ Океанѣ, избѣгнувъ страшной бдительности Англичанъ. 11 и 12, онъ сталъ поджидать посланныхъ кораблей, но изъ нихъ явились только два, и, не желая болѣе терять времени, адмиралъ поднялъ паруса, полагая, что Испанцы приближились къ

нему послѣ, или на пути, или у самой Мартиники, ибо всякій командиръ зналъ, что этотъ островъ назначенъ общимъ сборнымъ мѣстомъ. Но никто, впрочемъ, кромѣ самого Вильнёва, не зналъ великаго назначенія эскадры.

Вильнёвъ долженъ былъ бы ободриться духомъ, потому-что ему удалось побѣдить самыя важныя затрудненія; онъ вышелъ изъ Тулона, проѣхалъ Гибралтарскій - Проливъ и соединился съ Испанцами безъ всякихъ прѣключеній. Но видъ экипажей сильно печалилъ его. Онъ находилъ ихъ гораздо - ниже того, чѣмъ были Англичане, и чѣмъ были некогда Французы, во время американской войны. Это было очень естественно, потому-что они впервые выходили изъ порта. Онъ жаловался не только на экипажи, но и на корабли своей эскадры. Трое изъ его кораблей шли или посредственно или худо. На новомъ кораблѣ *Плутонъ* безпрестанно ломалось желѣзо. Адмиралъ Вильнёвъ былъ въ совершенномъ отчаяніи. Адьютантъ императора, Лористонъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобъ ободрять его, но безуспѣшно. Впрочемъ, адмиралъ имѣлъ отличныхъ капитановъ, которые вознаграждали собою, сколько то было возможно, неопытность экипажей и недостатки вооруженія. Вильнёвъ утѣшался только при видѣ испанскихъ судовъ, которые были гораздо хуже французскихъ. При всемъ томъ, плаваніе, замедляемое тремя кораблями (что не необыкновенно при ходѣ цѣлой эскадры), было, по-видимому, благополучно и продолжалось безъ всякихъ прѣключеній.

Обманутый Нельсонъ искалъ французскую эскадру сперва на югъ и востокъ Средиземнаго-Моря. 16 апрѣля, узнавъ онъ, что она приближается къ проливу, былъ задержанъ западными вѣтрами до 30 числа, очутился въ Океанѣ не прежде 11 мая и поплылъ къ Антильскимъ-Островамъ, гдѣ предполагалъ настичь ее.

Въ это время, Вильнёвъ былъ очень-близокъ къ своей цѣли, ибо 14 мая достигъ Мартиники, послѣ плаванія, продолжавшагося шесть недель. По прибытіи, онъ имѣлъ удовольствіе найти здѣсь четыре испанскіе корабли, которые были разлучены съ эскадрою и прибыли почти въ одно время съ нею. Это было важною выгодною, и онъ долженъ былъ положиться нѣсколько на судьбу свою, которая до сихъ-поръ руководила его благосклонно.

Это плаваніе было очень-полезно для французскихъ экипажей, потому-что въ это время они приобрѣли довольно опытности. Бурь не было. Французы воспользовались этимъ и улучшили оснастку судовъ своихъ. *«Теперь»,* писалъ генералъ Лористонъ императору: *«мы сильные цѣлою третью, нежели при нашемъ выходѣ.»*

Адмиралъ Вильнёвъ, ужасавшій свою отвѣтственности, не видѣлъ выгодъ настоящаго своего положенія и находилъ, что эскадра его въ самомъ плохомъ состояніи. Какъ человекъ упавшій духомъ, онъ преувеличивалъ достоинство непріятеля и не оцѣнялъ по заслугамъ солдатъ своихъ. Онъ говорилъ, что съ двадцатью французскими или испанскими кораблями онъ не хотѣлъ бы вступить въ сраженіе съ четырнадцатью англійскими, и говорилъ это передъ собственными офицерами. Къ-счастью, офицеры и солдаты, бывшіе въ лучшемъ расположеніи ду-

ха, чувствованіе менше своего вождя недостаточность своихъ средствъ, и исполненныя доверенности къ своему собственному мужеству, пламенно желали встрѣчи съ непріятелемъ. Генераль Лористонъ, назначенный императоромъ къ Вильнёву для того, чтобъ ободрять и одушевлять его, съ постоянною ревностью выполнялъ возложенную на него обязанность; но онъ только больше сокрушалъ его и раздражалъ протиположеніемъ. Гравина, человекъ простой, умный, полный энергіи, думалъ подобно Вильнёву на-счетъ качества своихъ кораблей, подобно Лористону на-счетъ необходимости жертвовать собою, и твердо рѣшился на все, лишь бы содѣйствовать намѣреніямъ Наполеона.

Теперь, по приплытіи въ Мартинику, надобно было ждать здѣсь сорекъ дней прибытія Гантома, котораго принужденная неподвижность въ Брестѣ не была еще здѣсь известна. Итакъ, Вильнёвъ, пріѣхавшій 14 мая, долженъ былъ остаться въ этомъ мѣстѣ до 23 іюня, и онъ съ прискорбіемъ говорилъ, что этого времени достаточно для того, чтобъ быть настигнутому Нельсономъ и засажену въ блокаду въ Мартиникѣ или разбиту при малѣйшемъ покушеніи оттуда выйти.

Ему приказано было ждать Гантома, что поставило его въ совершенную бездѣйственность; но, подобно людямъ не въ духѣ, онъ хотѣлъ имѣть движеніе. Онъ жаловался, что не можетъ идти опустошать англійскіе острова, а это онъ легко могъ бы сдѣлать съ двадцатью кораблями. Чтобъ убить время, овладѣли Алмазнымъ-Фортомъ (*du Diamant*), лежащимъ передъ Мартиникою, и невзятымъ адмираломъ Миссиссипи, къ величайшему сожалѣнію Наполеона. Хотѣли довершить завоеваніе Доминики взятіемъ морны Кабри, которую взять Миссиссипи также упустилъ изъ вида; но это мѣсто, сильно укрѣпленное природою и искусствомъ, требовало правильной осады, а ее не осмѣливались предпринять. Вильнёвъ отправилъ свои фрегаты, самые быстрые на ходу, крейсировать у Антильскихъ-Острововъ, затѣмъ, чтобъ захватить призы, и доставить ему свѣдѣнія объ англійскихъ эскадрахъ.

Всего войскъ на французскихъ Антильскихъ-Островахъ было до двѣнадцати тысячъ. Съ такою силою можно было бы выполнить немаловажныя операціи, но адмиралъ не смѣлъ объ этомъ и думать, боясь прогладѣть Гантома. Надо присовокупить, что французскіе острова находились въ лучшемъ состояніи, имѣли въ достаточномъ количествѣ солдатъ и военные снаряды, были обильно снабжены съѣстными припасами, благодаря корсарамъ, и сверхъ-того одушевлены смелостію.

Между-тѣмъ, чтобъ не подвергать экипажей болѣзнямъ, которыя начинали обнаруживаться отъ пребыванія въ этихъ странахъ, и для воспрепятствованія также побѣговъ, къ чему очень-склонны были Испанцы, адмиралъ Вильнёвъ рѣшился предпринять экспедицію на Барбаду, гдѣ у Англичанъ находились всѣ депо ихъ колоніальныхъ войскъ. Генераль Лористонъ привезъ съ собою дивизію въ пять тысячъ человекъ, тщательно-и-образомъ устроенную и экипированную. Она-то предназначалась для этой операціи. Генераль Лористонъ придумалъ идти черезъ Гваделупу, чтобъ взять тамъ въ подкрѣпленіе еще батальонъ, ибо на Барбадѣ полагалось встрѣтить до десяти тысячъ человекъ, на

половину милиціи, на половину строевыхъ войскъ. Рѣшено было отправиться 4 іюня; но въ самый день, назначенный для отправленія, пріѣхалъ контр-адмиралъ Магонъ съ двумя кораблями изъ Рошфора, которые отправилъ Наполеонъ для поданія первой вѣсти о приключившемся измѣненіи въ его планахъ. Магонъ пріѣхалъ сказать, что Гантомъ не могъ выйти изъ Бреста, и что поэтому должно отправиться освободить его изъ блокады, и не только его, но и феррольскую эскадру, и, присоединивъ къ себѣ флоты, находившіеся въ этихъ портахъ, устремиться всею массою силъ въ Ла-Маншъ. При всемъ томъ, онъ привезъ также приказъ ждать до 21 іюня, ибо возможно было, что до 21 мая Гантомъ могъ еще выйти изъ Бреста, и такъ-какъ потребенъ былъ цѣлый мѣсяцъ для перехода изъ Бреста въ Мартинику, то нельзя было знать здѣсь ранѣе 21 іюня о томъ, что этотъ адмиралъ окончательно не могъ выйти изъ порта. Такимъ-образомъ, было еще довольно времени для приведенія въ исполненіе экспедиціи на Барбаду. Магонъ имѣлъ на своихъ корабляхъ войска и военные припасы. Онъ присоединился къ эскадрѣ, заключающей въ себѣ теперь 27 судовъ, въ числѣ которыхъ было 14 французскихъ кораблей, 6 испанскихъ и 7 фрегатовъ. 6 іюня, эскадра пришла къ Гваделупъ, гдѣ и взяла батальонъ войска. 8 числа она обогнула островъ Антигоа, съ котораго не переставали стрѣлять, какъ вдругъ завидѣла выходившій оттуда конвой въ пятнадцать судовъ. То были купеческіе корабли, нагруженные колоніальными товарами и сопровождаемые простою корветтою. Адмиралъ немедленно отдалъ приказаніе эскадрѣ ринуться на эту добычу. Къ выходу для конвой былъ взятъ. Стоимость его простиралась отъ 9 до 10 милліоновъ франковъ. Нѣкоторые пассажиры, Американцы и Итальянцы, сообщили извѣстія о Нельсонѣ. По ихъ словамъ, онъ прибылъ на Барбаду, въ то самое мѣсто, куда плыли Французы. Они разногласили насчетъ числительной силы его эскадры. Вообще говорили, что у него кораблей съ двѣнадцать. Но онъ соединился съ адмираломъ Кохрэнъ, стерегшимъ эти моря. Это извѣстіе произвело необыкновенное впечатленіе на адмирала Вильнёва. Ему чудился Нельсонъ съ 14, 16, даже 18 кораблями, т. е. съ силою почти равною его эскадрѣ, совсѣмъ готовый настичь его и схватиться съ нимъ. Поэтому онъ тотчасъ же задумалъ вернуться въ Европу. Лористонъ, напротивъ, основываясь на показаніи плѣнныхъ (которые говорили, что у Кохрэна не болѣе 2 кораблей, и следовательно, у Пельсона всего-на-все 14), утверждалъ, что съ 20 кораблями можно было вступить въ сраженіе съ Нельсономъ и чрезъ это, избавившись отъ его преслѣдованія, вѣрнѣе выполнить свое назначеніе. Вильнёвъ не разделялъ этого мнѣнія и хотѣлъ рѣшительно ѣхать въ Европу. Онъ такъ торопился, что не согласился даже возвратиться на французскіе Антильскіе-Острова для высадки взятыхъ тамъ войскъ, и рѣшился, выбравъ четыре лучшіе фрегата, посадить на нихъ сколько было возможно войскъ, и отправить ихъ въ Мартинику. Онъ далъ имъ приказаніе примкнуть къ эскадрѣ у Азорскихъ-Острововъ. Но при-всемъ-томъ на флотъ оставалось еще 4 или 5 тысячъ человекъ. Чрезъ это колоніи лишались драгоцѣнныхъ силъ, которыя

чрезвычайно-трудно было выслать имъ изъ Европы; флотъ же былъ поставленъ въ самое затруднительное положеніе, ибо и безъ того на немъ было мало състныхъ припасовъ, а прѣсной воды едва достало на переездъ. Наконецъ, подвергались опасности проглотить Гантома, ибо до 21 іюня нельзя было знать навѣрно, вышелъ ли онъ, или нѣтъ, изъ Бреста, для отправленія въ Мартинику. На дѣлѣ не ошибались, предполагая, что онъ не отправился; но этого не знали, и потому распоряженія адмирала были важною ошибкою. На эти возраженія Вильнѣвъ отвѣчалъ, что если Гантомъ отправился, то надо этому радоваться, что тогда не надо будетъ освобождать Брестъ изъ блокады, а пройти безъ всякихъ остановокъ мимо этого порта, отправляясь въ Ла-Маншъ.

Вильнѣвъ рѣшился немедленно, насажалъ какъ только было можно больше войска на фрегаты и отправилъ ихъ въ Мартинику. Не желая оставлять у себя на рукахъ конвой, ни терять его, онъ поручилъ другому фрегату препроводить его на одинъ изъ французскихъ острововъ. 10 іюня, онъ былъ на путѣ въ Европу. Его рѣшимость, хотя заслуживавшая порицаніе по своему побужденію, не была дурна на дѣлѣ, еслибъ онъ вернулся въ Мартинику для того, чтобъ высадить тамъ весь свой десантъ, напиться водою, запастись състными припасами и узнать новыя извѣстія изъ Европы.

Нельсонъ, котораго онъ такъ боялся, прибылъ на Барбаду въ первыхъ числахъ іюня, послѣ изумительно-быстраго плаванія, идучи безъ страха всего-на-все съ 9 кораблями. Полагая, что Французы отправились отвоевывать Три니다дъ для Испанцевъ, онъ взялъ на Барбадѣ 2 тысячи человекъ, присоединилъ къ себѣ два корабля адмирала Кохрена и не останавливаясь ни на минуту, явился 7 числа въ заливъ Паріа, на островъ Три니다дъ. Здѣсь, узнавъ свою ошибку, онъ снова пустился въ путь, и 10 числа пріѣхалъ къ Гренадѣ. Онъ располагалъ возвратиться на Барбаду, высадить здѣсь некстати-взятые войска и пуститься назадъ въ Европу съ 11 кораблями. Сколько дѣятельности! сколько энергіи! какое удивительное умѣнье пользоваться временемъ! Вотъ еще новое доказательство, что въ войнѣ, и въ морской еще болѣе, нежели въ сухопутной, качество силъ значитъ болѣе количества. Нельсонъ съ 11 кораблями былъ полонъ довѣрчивости на томъ самомъ морѣ, на которомъ трепеталъ Вильнѣвъ съ 20 кораблями, имѣя притомъ на своей эскадрѣ храбрыхъ матросовъ!

Вильнѣвъ шелъ въ Европу, направляя паруса къ сѣверо-востоку; погода была довольно-благопріятна. По прибытіи, 30 іюня, на Азорскіе-Острова, онъ нашелъ тамъ свои фрегаты, которые употребили не болѣе четырехъ дней на высадку десанта и не встрѣтили Англичанъ; это доказывало, что и самъ Вильнѣвъ могъ бы то же самое сдѣлать безъ всякой опасности. Четыре отряженные фрегата встрѣтили пятый фрегатъ, препровождавшій захваченный конвой, но никакъ не могли довести его до мѣста назначенія. Они рѣшились съечь эту добычу съ богатымъ грузомъ, что влекло за собою потерю 10 милліоновъ. Такимъ-образомъ, французскій флотъ былъ собранъ воедино у Азор-

сихъ-Острововъ и пустился въ путь съ 20 кораблями и 7 фрегатами, направляясь къ берегамъ Испаніи. Онъ былъ вознагражденъ за потерю конвой богатымъ призомъ, галіономъ изъ Лимы, нагруженнымъ пшеницы на 7 или 8 миллионновъ; этотъ галіонъ былъ похищенъ однимъ англійскимъ корсаромъ и теперь былъ отнятъ у этого корсара. Это была подмога въ средствахъ, сдѣлавшаяся вскорѣ весьма-полезною. Вдругъ, въ первыхъ числахъ іюля, въ шестидесяти миляхъ отъ мыса Финистерре, подулъ совершенно-противный вѣтеръ, съ сѣверо-востока. Стали лавировать, чтобъ выиграть время и не быть отнесенными назадъ. Но вѣтеръ дулъ упорно и сдѣлался такъ силенъ, что многія суда потерпѣли аваріи; нѣкоторыя даже потеряли свои марсы. Два корабля, пріѣхавшіе съ Магономъ изъ Рошфора, привезли съ собою шарантскія лихорадки. Они были набиты болыными. Войска, увезенныя изъ Европы въ Америку и привезенныя обратно изъ Америки въ Европу, почти не коснувшись земли, сдѣлались жертвою всевозможныхъ страданій. Уныніе царствовало на эскадрѣ. Восемнадцати-дневный противный вѣтеръ усилилъ его до нелзя. Адмиралъ Вильнѣвъ еще болѣе упалъ духомъ. Онъ хотѣлъ идти въ Кадицъ, т. е. въ сторону противоположную тому пункту, на которомъ ждалъ его Наполеонъ, и куда призывали его данныя ему инструкціи. Генералъ Лористонъ протівился этому всеми своими силами, и наконецъ взялъ верхъ надъ Вильнѣвомъ. Къ-тому же, около 20 іюля измѣнился вѣтеръ, и французскій флотъ снова поплылъ къ Ферролю.

Неблагопріятная погода была причиною двухъ несчастій: во-первыхъ, привела въ уныніе эскадру и вожака ея; во-вторыхъ, открывала глаза англійскому адмиралтейству. Бригъ, посланный Нельсономъ въ Англію, съ бюллетенемъ о его походѣ, завидѣлъ французскую эскадру, и на всѣхъ парусахъ пріѣхалъ въ Портсмуть 7 іюля. Не зная еще цѣли эскадры, но воображая себя, что она хочетъ, можетъ-быть, освободить изъ блокады Ферроль, англійское адмиралтейство приказало адмиралу Стерляпгу, отряженному изъ брестскаго блокаднаго флота для плаванія передъ Рошфоромъ, присоединиться съ пятью кораблями къ Кэльдери, крейсировавшему въ окрестностяхъ мыса Финистерре. Соображая всѣ предъидущія обстоятельства, Англичане начали наконецъ мало-по-малу подозревать, по-крайней-мѣрѣ смутно, часть плановъ Наполеона. Они не думали именно о соединеніи эскадръ въ Ла-Маншъ, но хотѣли предупредить снятіе блокады съ Ферроля или Бреста, казавшееся имъ вѣроятнымъ. И потому они увеличили флотъ Корнуаллиса передъ Брестомъ до 24 кораблей, изъ которыхъ 5 были отряжены передъ Рошфоръ, а феррольскій до 10 кораблей. Этотъ послѣдній, по соединеніи съ рошфорскою дивизіею, долженъ былъ состоять изъ 14 или 15 кораблей. Всякая медленность въ дѣлѣ, требующемъ тайны, — истинное несчастіе.

22 іюля, въ полдень, Вильнѣвъ завидѣлъ передъ собою 21 судно, въ числѣ которыхъ было 15 кораблей: то была эскадра Кэльдери, шедшая отрезать ему дорогу къ Ферролю. Отъ мѣста встрѣчи портъ находился въ сорока.

Никакъ нельзя было усомниться въ необходимости морской битвы. Вильнёвъ не думалъ болѣе пзбывать ее, ибо одной отвѣтственности, а отнюдь не опасности, боялся онъ; находясь въ непрерывной душевной тревогѣ, онъ упустилъ благопріятное время построиться въ боевой порядокъ. Генераль Лорвстонъ, безпрестанно понукая его, убѣждалъ его съ одиннадцати часовъ утра сдѣлать расположеніа, которыя онъ сдѣлалъ уже въ часть по полудни. Такимъ-образомъ была потеряна лучшая часть дня. Не смотря на всѣ ошибки адмирала Вильнёва, результатъ этого сраженія могъ бы счесться за побѣду, еслибъ не были потеряны два испанскіе корабли, по оплошности Французовъ уведенные Англичанами. Экипажи, не смотря на свою неопытность, бились хорошо; но, съ одной стороны, туманъ, усилившій еще больше врожденную нерѣшительность Вильнёва, съ другой, излишняя недоувѣрчивость адмирала къ самому себѣ и къ матросамъ, парализировали средства, бывшія у него въ рукахъ, и воспрепятствовали этой стычкѣ обратиться въ блистательную побѣду. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ морскихъ битвахъ, одно крыло Французской арміи не пришло на помощь другому; но на этотъ разъ тутъ не было ошибки крыла, оставшагося въ бездѣйствіи, ибо контр-адмиралъ Магонъ не былъ охотникъ стоять вдали отъ огня битвы. Въ первую минуту послѣ сраженія, Вильнёвъ былъ почти счастливъ, смогши встрѣтиться съ Англичанами, не потерпѣвъ пораженія; но когда онъ сталъ потомъ раздумывать, тогда его обычное уныніе и упадокъ духа превратились въ глубокую скорбь. Онъ слышалъ уже надъ собою порицанія Наполеона и общественнаго мнѣнія за то, что потерялъ два корабля, сражался съ двадцатью противъ пятнадцати. Онъ считалъ себя покрытымъ безславіемъ, и впасть въ уныніе, близкое къ отчаянію. Прямо въ сердце поражалъ его строгій судъ экипажей, громко жаловавшихся на его нерѣшительность и превозносившихъ храбрость, рѣшительность адмирала Гравины. Въ довершеніе немилости судьбы, вѣтеръ, въ-продолженіе двухъ дней благопріятный, подулъ въ противную сторону. Къ большому, которыхъ число увеличилось, надо было прибавить еще раненныхъ. Нѣтъ было прохладать ихъ; воды было всего на пять или на шесть дней. При такомъ положеніи, Вильнёвъ хотѣлъ еще плыть въ Кадиксъ. Генераль Лорвстонъ снова воспротивился этому: стали толковать, и рѣшились остановиться у Виго.

Корабль *Атласъ* былъ превращенъ въ госпиталь, куда положили больныхъ и раненныхъ. При помощи денегъ съ испанскаго галліона, эскадра запаслась всѣмъ необходимымъ, и, послѣ пятидневнаго отдыха, поднялась изъ Виго къ Ферролю, и, 2 августа, вступила въ открытый рейдъ, разделяющій Ферроль отъ Коруньи.

Лишь-только появилась Французская эскадра, консульскіе агенты, поставленные на берегу по повелѣнію Наполеона, сообщали адмиралу Вильнёву данныя ему приказы. По этимъ приказамъ, онъ не долженъ былъ входить въ Ферроль, откуда выходъ очень затруднителенъ, а соединиться только съ поджидавшими его двумя дивизіями и отправиться къ Бресту. Вильнёвъ передалъ это повелѣніе Гравинѣ, но тотъ былъ уже въ проходѣ въ портъ и не могъ вернуться; часть арміи вошла туда

вмѣстѣ съ нимъ. Остальной флотъ, повинаясь Вильнёву, остановился насупротивъ, т. е. въ Корунъ.

Черезъ это обѣ эскадры были разлучены одна отъ другой на разстояніе трехъ или четырехъ льё. Самое неспріятное послѣдствіе такой разлуки состояло въ потерѣ двухъ или трехъ дней, необходимыхъ для обратнаго выхода. Такая потеря была бы очень прискорбна съ адмираломъ, непривыкшимъ терять дни; но съ Вильнёвомъ въ этомъ можно было утѣшиться.

Этотъ адмиралъ нашелъ въ Корунъ настоятельныя приказы Наполеона, его ободрительныя слова, великодушныя общанія и собственно-ручныя письма министра Декре, друга дѣтства Вильнёва. Императоръ и министръ убѣждали его не медлить ни минуты, плыть передъ Брестъ, дать сраженіе Корнуаллису, дать истребить себя, если это нужно, лишь бы Гантомъ могъ выйти здоровъ и невредимъ и присоединить къ себѣ остатки освободившей его эскадры. Всѣ эти извѣстія ободрили на минуту Вильнёва. Еслибъ онъ понялъ хорошенько свое назначеніе, то не имѣлъ бы причины отчаяваться, ибо, не смотря на потерю двухъ кораблей, онъ достигъ своей цѣли. Такъ судили, по-крайней-мѣрѣ, немного дней спустя англійское адмиралтейство и самъ Наполеонъ: адмиралтейство призвало адмирала Кальдера передъ военный судъ; а Наполеонъ публично превозносилъ похвалами Вильнёва за то, что онъ, по словамъ императора, выполнилъ данное ему порученіе, хотя и оставилъ два корабля во власти неспріятеля.

И чего было бояться Вильнёву, когда ободрялъ его всемогущій властелинъ, располагавшій судьбами слугъ своихъ? Но, казалось, какой-то неизбежный рокъ преслѣдовалъ этого несчастнаго мореходца, смущалъ умъ его и велъ его, по тяжкимъ испытаніямъ, къ результату, котораго хотѣлъ онъ избѣгнуть, къ страшному пораженію, которое не повело за собою ни даже единственнаго результата, предмета желаній Наполеона-господства въ Ла-Маншѣ въ-продолженіе всего однихъ сутокъ.

Вильнёвъ думалъ, что, по выходѣ изъ Ферроля, онъ встрѣтитъ снова Кальдера въ соединеніи съ Нельсономъ или Корнуаллисомъ, и долженъ будетъ дать сраженіе, въ которомъ на этотъ разъ уже навѣрное можетъ погибнуть. И дѣйствительно, письма изъ Кадикса увѣдомляли его, что Нельсонъ возвратился въ Европу, что его видѣли въ Гибралтарѣ, но что онъ опять пустился въ Океанъ для соединенія или съ Кальдеромъ передъ Ферролемъ, или съ Корнуаллисомъ передъ Брестомъ. Истина состояла въ томъ, что Нельсонъ, идя съ изумительною быстротою, присталъ къ Гибралтару въ концѣ іюля, въ то самое время, какъ Вильнёвъ сражался съ Кальдеромъ; обратно вышедъ изъ пролива, онъ боролся въ настоящее время съ противными вѣтрами, желая пробраться въ Ла-Маншъ; у него было всего-навсѣодиннадцать кораблей; онъ не соединился еще ни съ Кальдеромъ, ни съ Корнуаллисомъ, и имѣлъ намѣреніе послѣ непрерывнаго двухлѣтняго плаванія отдохнуть немного, чтобъ подкрѣпить свою истощенную эскадру. Эти факты не были извѣстны Вильнёву; но онъ зналъ данныя ему предписанія, которыя, для человека храбраго, были легко выполнимы, потому-что ему

предписывалось не победить, а биться на жизнь или смерть для освобождения Бреста из блокады. Еслибъ, предъ Брестомъ, онъ былъ вспомоществуемъ Гантомомъ, то невероятно было потерять сраженіе съ 50 или 55 кораблями противъ 20 или 23. Еслибъ, напротивъ того, обстоятельства морскія воспрепятствовали Гантому принять участіе въ дѣлѣ, то Вильнѣвъ, бившись на смерть, долженъ былъ поставить Корнуаллиса въ невозможность держаться въ морѣ и продолжать блокаду, и Гантомъ, присоединивъ къ своему петронутому флоту остатки славнопобѣжденнаго флота, могъ еще на нѣсколько дней завладѣть Ла-Маншемъ. Только этого и требовалъ Наполеонъ отъ своихъ адмираловъ.

Къ-несчастью, Вильнѣвъ вышелъ на землю. Стали исправлять аваріи (безъ чего можно бы было плавать еще мѣсяцъ или два), наливались водою, запасаться съѣзными припасами. Наконецъ, 10 августа рѣшились поднять якорь. Вильнѣвъ сталъ въ Корунни, въ Арской-Губѣ, ожидая, чтобъ Гравина и вторая испанская дивизія подошла изъ Ферроля, что было не легко по причинѣ вѣтра. Онъ ждалъ три дня въ самомъ мучительномъ состояніи духа. Онъ писалъ, между-прочимъ, министру Декрѣ: «Я узналъ на опытъ, что французскій и испанскій флоты не могутъ показываться большими эскадрами... Мы можемъ водить «дивизіи не болѣе какъ въ три, четыре или пять кораблей, на большій «конецъ».

«Я отправляюсь, но не знаю за чѣмъ. Выходя съ 29 кораблями, не «смѣю и думать сразиться съ равнымъ числомъ кораблей непріятельскихъ; «скажу вамъ безъ страха, что не хотѣлъ бы повстрѣчаться и съ двад- «цатью изъ нихъ. Наша морская тактика устарѣла; мы умѣемъ толь- «ко стронуться въ ливію, а это-то и нужно непріятелю. Я не имѣю «ни средства, ни времени принять другую тактику съ командирами, «которымъ ввѣрены корабли обѣихъ флотовъ... Я предвидѣлъ все это «до отправления изъ Тулона; моя иллюзія исчезла въ тотъ самый день, «какъ я увидѣлъ примкнувшіе ко мнѣ испанскіе корабли... тогда надо «было отчаяваться во всемъ...»

Передъ выходомъ, на корабляхъ, пришедшихъ изъ Роншфора, *Алджезира* и *Ахиллесъ*, появилась снова лихорадка; испанскіе корабли, выходя изъ Ферроля, столкнулись другъ съ другомъ; были поломаны бугсприты, изорваны паруса. Эти случаи, очень-неважные сами-по-себѣ, присоединясь къ неудачамъ, уже испытаннымъ Вильнѣвомъ, окончательно привели его въ отчаяніе. Онъ предписалъ превосходной дивизіи капитана Лальмана, состоявшей изъ пяти кораблей и нѣсколькихъ фрегатовъ, идти въ Брестъ, но будучи увѣренъ, что самъ будетъ тамъ же, и такимъ-образомъ подвергая гибели эту дивизію, еслибъ она пришла туда одна. Онъ написалъ адмиралу Декрѣ депешу, въ которой, не скрывая горестнаго состоянія своего духа, обнаружилъ свое расположеніе ѣхать скорѣе въ Кадиксъ, нежели въ Брестъ. Лористону, котораго несносное присутствіе напоминало ему императора, онъ сказалъ, что поѣдетъ къ Бресту. Лористонъ, огорченный видя его въ подобномъ состояніи, но обрадованный его рѣшимостью, вѣща-

салъ императору съ курьеромъ, отправленнымъ изъ Ферроля, что флотъ идетъ наконецъ къ Бресту и изъ Бреста въ Ла-Маншъ.

Посреди этихъ душевныхъ тревогъ, Вильнёвъ удался отъ Корунны и потерялъ изъ вида землю въ день 14 августа. Въ довершеніе несчастія, довольно-сильный сѣверо-восточный вѣтеръ не могъ мчать его къ цѣли его великаго назначенія. Плачевное послѣдствіе смущенія, заставляющее насъ часто упускать изъ рукъ самые благіе дары судьбы! Въ это самое время, Кальдеръ и Нельсонъ не были соединены другъ съ другомъ передъ Ферролемъ, какъ опасался того Вильнёвъ. Нельсонъ, провакавъ напрасно Французовъ у Кадикса, поднялся къ сѣверу, долгое время лавировалъ противъ того же сѣверо-восточнаго вѣтра, и наконецъ соединился съ Корнуаллисомъ передъ Брестомъ, въ тотъ самый день (14 августа), какъ французская эскадра выходила изъ Ферроля. Онъ оставилъ Корнуаллису небольшое число судовъ, могшихъ еще держаться въ морѣ, и съ другими отправился въ Портсмутъ, куда и прибылъ 18 числа. Кальдеръ, съ своей стороны, послѣ сраженія при Ферролѣ примкнулъ къ Корнуаллису съ своимъ кричко-пострадавшимъ флотомъ. Часть его кораблей была отправлена въ ночнику въ порты Ла-Манша. Корнуаллисъ немедленно составилъ для него дивизію въ 17 или 18 кораблей и отправилъ его обратно къ Ферролю, оставшись самъ на большой конецъ съ 18 кораблями для блокированія Бреста. Итакъ, Кальдеръ возвращался въ пустой Ферроль. Еслибъ Вильнёвъ, ободрясь немного, соединился съ Лальманомъ у Виго и пустился въ Ла-Маншъ открытымъ моремъ, то могъ бы напасть на Корнуаллиса, который былъ разлученъ съ Нельсономъ и Кальдеромъ, имѣлъ всего-на-все 18 или 20 кораблей. Вильнёвъ напалъ бы на него съ 33 кораблями, не считая 21 корабля эскадры Гантома. Какой шансъ на успѣхъ упускалъ онъ, упавъ духомъ! Впрочемъ, генералъ Лористонъ ни на минуту не переставалъ убѣждать его: минутная перемена въ вѣтрѣ и упавшій духъ Вильнёва, — и великая мысль Наполеона могла бы быть приведена въ исполненіе!

Трудно представить себѣ нетерпѣніе Наполеона, когда онъ на берегу булонскомъ ежеминутно ожидалъ появленія своихъ флотовъ, чтобъ наконецъ привести въ исполненіе высадку въ Англію. Все уже было готово, чтобъ пуститься въ путь. Въ четырехъ портахъ: Амблѣзѣ, Ваврѣ, Булони, Этаплѣ неоднократно дѣланы были опыты посадки на суда ста тридцати тысячъ войска, и такимъ образомъ узнано было сколько нужно времени для этой операціи. Въ Амблѣзѣ, на-примѣръ, корпусъ Даву посаженъ былъ на суда въ часъ съ четвертью, а лошади, принадлежащія къ этому корпусу, въ полтора часа.

Итакъ, все уже было готово, когда Наполеонъ свѣдалъ наконецъ о битвѣ при Ферролѣ, остановкѣ у Виго и о вступленіи въ Корунью. Хотя онъ сильно негодовалъ на моральное расположеніе Вильнёва и со всею строгостію судилъ его поступки, однако былъ доволенъ общимъ результатомъ, и, по его повелѣніямъ, всѣ газеты наполнились повѣствованіями о морской битвѣ, съ разсужденіями самыми лестными для Вильнёва и обоихъ соединенныхъ флотовъ. Потеря двухъ кораблей

казалась ему просто несчастнымъ случаемъ, который надо было приписать густымъ туманамъ; эта потеря, конечно, была неприятна, но казалась ничтожною въ сравненіи съ полученнымъ результатомъ, т. е. съ вступленіемъ въ Вьго и соединеніемъ обонхъ флотовъ.

Теперь онъ не сомнѣвался болѣе, что Вильнѣвъ попытается появиться у Бреста. Гантомъ находился въ внутреннаго рейда, въ виду открытаго моря, будучи защищенъ стами-пятидесятью орудіями, расположенными батареєю на берегу. Было бы неслыханнымъ несчастіемъ, еслибъ Гантомъ не имѣлъ возможности принять участіе въ сраженіи при высвобожденіи изъ блокады, и еслибъ Французы, соединивъ пятьдесятъ кораблей, двадцать-девять подъ начальствомъ Вильнѣва и двадцать-одинъ подъ начальствомъ Гантома, не смогли погнать предъ собою непріятеля и войти въ Ла-Маншъ съ тридцатью или сорока кораблями, потерявъ изъ нихъ десять или двадцать.

«Вы видите», говорилъ Наполеонъ Декрѣ, находившемуся при немъ въ Булонн: «что, не смотря на множество ошибокъ, неблагоприятныхъ случаевъ, планъ самъ-по-себѣ такъ хорошъ въ основаніи, что вся выгоды еще на нашей сторонѣ, и мы можемъ имѣть успѣхъ.»

Декрѣ, бывшій тайнымъ повѣреннымъ страданій Вильнѣва и раздѣлавшій его недовѣрчивость къ судьбѣ, былъ не такъ спокоенъ. «Все это возможно», отвѣчалъ онъ: «потому-что все превосходно рассчитано; но, если это удастся, я увижу въ такомъ событіи перстъ Божій! Впрочемъ, онъ столь часто являлся въ дѣяніяхъ вашего величества, что и при этомъ случаѣ я не буду удивленъ его появленіемъ.»

Съ 15 на 20 августа, Наполеонъ былъ весь ожиданіе. На всѣхъ возвышенныхъ пунктахъ берега приготовлены были сигналы, предназначенные дать знать ему о появленіи французскаго флота на горизонтѣ. Будучи внимателенъ ко всякому извѣстію, привозимому изъ Парижа или изъ портовъ, онъ давалъ ежеминутно новыя приказанія для отысканія обстоятельствъ, которыя могли бы помѣшать его планамъ. Получивъ извѣщеніе отъ Талейрана, что вооруженіе Австріи становится день-отодня знаменательнѣе и грознѣе, и что надо опасаться континентальной войны, но что въ то же время Пруссія, прельщенная предлагаемою ей приманкою, т. е. Ганноверомъ, готова вступить въ союзничество съ Франціею,—Наполеонъ, не мѣшая ни часу, призвалъ Дюрока, вручилъ ему письмо къ королю и уполномочилъ его на подписаніе трактата. «Отправьтесь сейчасъ же» сказалъ онъ ему: «ступайте прямо въ Берлинъ, не заѣзжая въ Парижъ, и убедите Пруссію заключить со мною союзническій трактатъ. Я отдаю ей Ганноверъ, но съ условіемъ, чтобъ она рѣшилась немедленно. Предлагаемый мною даръ стоитъ того. Черезъ двѣ недѣли, я не предложу уже ей того же. Теперь мнѣ нужно быть прикрыту со стороны Австріи, когда готовлюсь совершить переездъ чрезъ проливъ. За такую услугу, я отдаю Пруссіи обширную страну, которая присоединитъ къ ея арміи сорокъ тысячъ человекъ. Но если позже я вынужденъ буду оставить берега Океана, чтобъ обратиться на материкъ, тогда не буду нуждаться ни въ комъ для образумленія Австріи и не заплачу болѣе столь-дорого за услугу, которая

едлается для меня безполезною.» Наполеонъ требовалъ, чтобъ Пруссія немедленно двинула свои войска къ Богеміи, и не хотѣлъ и слышать о включеніи въ трактатъ условій, относившихся къ Голландіи, Швейцаріи, Италіи. Онъ уступалъ Ганноверъ и хотѣлъ союза безъ всякихъ иныхъ условій.

Изъ того, что Наполеонъ рѣшился такъ скоро на столь-важный шагъ, можно судить, какую цѣну придавалъ онъ въ эту минуту свободному выполненію своихъ плановъ. Въ тотъ самый день, какъ онъ давалъ эти инструкціи Дюроку, т. е. 22 августа, прибылъ въ Булонь курьеръ, отправившійся изъ Ферроля въ то время, какъ Вильнёвъ снимался съ якоря. Наполеонъ получилъ прямо въ маленькомъ дворцѣ въ Пон-де-Брикъ депешу Лористона, между-тѣмъ, какъ депеша Вильнёва, написанная на имя Декрѣ, нашла адмирала на берегу моря, въ шалашѣ, въ которомъ жилъ онъ.

Очарованный словами Лористона: «идежъ къ Бресту», Наполеонъ тотчасъ же продиктовалъ два письма къ Вильнёву и Гантому. Нельзя не привести ихъ здѣсь, потому-что они заслуживаютъ быть сохраненными исторіей.

Онъ говорилъ Гантому:

«Я уже далъ вамъ знать по телеграфу о своемъ желаніи, чтобъ вы не допустили Вильнёва потерять ни одного дня, за тѣмъ, чтобъ, воспользовавшись превосходствомъ, которое даютъ мнѣ пятьдесятъ линейныхъ кораблей, вы немедленно пустились въ море, съ цѣлю выполнить ваше назначеніе и войти въ Ла-Маншъ со всеми вашими силами. Я рассчитываю при обстоятельствахъ столь-важномъ на ваши таланты, вашу твердость, вашъ характеръ. Отправляйтесь и приходите къ намъ. Мы отмстимъ за шестивѣковыхъ оскорбленій и стыдъ. Никогда солдаты мои и моряки не проливали крови своей за болѣе великое дѣло!—(Изъ императорскаго булонскаго лагеря, 22 августа 1805 г.)»

Онъ писалъ Вильнёву:

«Господинъ вице-адмиралъ, я надѣюсь, что вы прибыли въ Брестъ. Отправляйтесь, не теряйте ни минуты, и съ моими соединенными эскадрами войдите въ Ла-Маншъ. Англія за нами! Мы совсѣмъ готовы, все уже на судахъ. Явитесь на однѣ сутки, и все кончено.—(Императорскій булонскій лагерь, 22 августа).»

Но тѣмъ временемъ, какъ Наполеонъ, обманутый депешей Лористона, обрѣщался съ этими пламенными словами къ обоимъ адмираламъ, Декрѣ получилъ отъ Вильнёва, съ тѣмъ же курьеромъ, депешу совершенно различнаго содержанія, оставлявшую мало надежды на-счетъ отправленія его эскадры въ Брестъ. Декрѣ поспѣшилъ сообщить императору вѣсть о плачевномъ нравственномъ состояніи, въ какомъ находился Вильнёвъ по отбытіи изъ Ферроля.

Узнавъ эти совсѣмъ другія извѣстія, Наполеонъ предался жесточайшему гнѣву. Первые взрывы этого гнѣва пали на адмирала Декрѣ, который далъ ему такого человѣка для начальствованія флотомъ. Онъ гнѣвался на министра тѣмъ болѣе еще, что приписывалъ ему, кромѣ выбора Вильнёва, мнѣнія, сходныя съ мнѣніями, обезкуражив-

ними совершенно этого несчастного адмирала, — жаловался, что нѣтъ ему помощника въ исполненіи его великихъ плановъ, и что онъ находитъ только людей, которые, щадя свою особу или свое имя, не умяютъ даже потерять сраженіе, когда онъ, въ довершеніе всего, ничего болѣе и не требуетъ отъ нихъ, какъ чтобъ они отвѣчали да и проиграть сраженіе. «Вашъ Вильвѣвъ» сказалъ онъ Декрѣ: «несвоеобчѣе даже командовать и фрегатомъ. Чтѣ сказать о человѣкѣ, который, при видѣ нѣсколькихъ матросовъ, заболѣвшихъ на двухъ корабляхъ его эскадры, при видѣ изломаннаго кончика какого-нибудь бугсприта и нѣсколькихъ взорванныхъ парусовъ, — при дошедшемъ до него слухѣ о соединеніи Нельсона съ Кольдеромъ, совершенно терается и отказывается отъ выполненія своихъ плановъ? Но еслибъ Нельсонъ и Кольдеръ соединились другъ съ другомъ, они находились бы у самаго входа въ Ферроль, чтобъ схватить Французовъ здѣсь, при ихъ выступленіи, а не въ открытомъ морѣ! Это ясно какъ день и поражаетъ всѣхъ, кто не ослѣвленъ страхомъ» (!)» Наполеонъ называлъ Вильвѣва еще разъ трусомъ, даже измѣнникомъ, и повелѣвалъ послать ему немедленно приказъ, чтобъ насильно заставить его идти изъ Кадикса въ Ла-Маншъ, если онъ отпирался въ Кадиксѣ; а въ случаѣ, еслибъ онъ поплылъ въ Брестъ, то предписывалось Гантому принять начальствованіе надъ обѣими соединенными эскадрами. Морской министръ, не осмѣлившійся еще высказать всего своего мнѣнія касательно соединенія флотовъ посреди Ла-Манша и при настоящихъ обстоятельствахъ, но находившій это соединеніе опаснымъ, съ-тъхъ-поръ, какъ Англичане, свѣдѣвъ о томъ, сосредоточились между Ферролемъ, Брестомъ и Портсмутъ, — морской министръ умолялъ императора не давать столь роковаго приказа, говорилъ ему, что удобное время уже миновало, что Англичане теперь спланились ужъ слишкомъ-осторожными, и что если Французы будутъ упорствовать въ своемъ преднамѣреніи, то имъ не миновать передъ Брестомъ страшной катастрофы. Наполеонъ на все это отвѣчалъ одно, что подойдя эскадра Вильвѣва къ Бресту, тамъ соберется до пятидесяти кораблей, а Англичане никакъ не могутъ имѣть столько же; что во всякомъ случаѣ для него ничего не значить потеря одного изъ двухъ флотовъ, если другой, высвободясь изъ блокады, сможетъ войти въ Ла-Маншъ и остаться властелиномъ этого пролива только въ-продолженіе однахъ сутокъ.

Декрѣ, удрученный упреками императора, рѣшился написать ему о томъ, чего не осмѣлился высказать на словахъ, и въ тотъ же вечеръ отправилъ къ нему слѣдующее письмо:

4 фрюктидора XIII в. (22 августа 1805 г.)

«..... Я припадалъ къ стопамъ вашего величества и умолялъ васъ не «пріобщать испанскихъ кораблей къ операціямъ вашихъ эскадръ. Не

(*) Эти сцены, свидѣтели которыхъ уже не существуютъ, были бы интересны для исторіи безъ частныхъ и собственноручныхъ писемъ адмирала Декрѣ и императора. Эти письма живоотрепещутъ воспоминаніямъ этихъ достопамятныхъ дней. Множествомъ приходится на одинъ день, не смотря на то, что императоръ и Декрѣ находились другъ отъ друга въ разстояніи полу-лѣе.

«внявъ просьбамъ моимъ, ваше величество пожелали, чтобъ къ вашему флоту присоединились еще корабли кадикскіе и картагенскіе.

«Вы желаете, чтобъ съ подобнымъ сборищемъ приведено было въ исполненіе предпріятіе, труднѣйшее само-по-себѣ, и дѣлающееся еще «затруднительнѣе при элементахъ, составляющихъ армію, при не-«опытности вождей, ихъ непривычкѣ начальствовать и, наконецъ, при «обстоятельствахъ, извѣстныхъ вашему величеству такъ же хорошо, «какъ и мнѣ, и о которыхъ излишне упоминать здѣсь.

«При такомъ состояніи вещей, когда ваше величество ни во что ставите мое мнѣніе и мою опытность, я не знаю положенія, которое было бы затруднительнѣе моего. Я желалъ бы, чтобъ ваше величество «соблаговолили взять во вниманіе, что я не пмѣю въ мысляхъ иной «выгоды, кромѣ выгодъ вашего флага и чести вашего оружія, и, если «ваша эскадра находится въ Кадиксѣ, то умоляю васъ считать это со-«бытіе приговоромъ судьбы, сохраняющихъ ее для другихъ подвиговъ. «Умоляю ваше величество не приказывать ей ѣхать изъ Кадикса въ Ла-«Маншъ, ибо въ настоящее время такая попытка не обойдется безъ не-«счастія. Въ особенности умоляю не давать ей приказанія отважиться «на этотъ перевязъ съ двухмѣсячнымъ продовольствіемъ, потому что «д'Эстенъ (*d'Estaing*) употребилъ на путь изъ Кадикса въ Брестъ, ду-«маю, 70 или 80 дней (а можетъ-быть и болѣе).

«Если молебны мои не покажутся вашему величеству заслуживающими «вниманія, то вы должны судить, что происходитъ въ моемъ сердцѣ...

«Я долженъ сильно настаивать особенно въ эту минуту, когда я могу «остановить объявленіе приказовъ, гибельныхъ, по моему убѣжденію, «для службы вашего величества. О, еслибъ въ настоящемъ случаѣ, я былъ «счастливымъ прежняго!

«Но къ несчастію моему послужило знаніе мое ремесла мореходца, «потому-что это знаніе не внушаетъ никакой довѣренности и не произ-«водитъ ни малѣйшаго результата при соображеніяхъ вашего величества. «По истинѣ, государь, положеніе мое слишкомъ-тягостно. Я упрекаю «себя въ неумѣніи убѣждать ваше величество. Сомнѣваюсь, чтобъ кто «бы то ни было успѣлъ въ томъ. Соблаговолите для морскихъ опера-«цій учредить совѣтъ, адмиралтейство, все, что сочтется удобнымъ ва-«шимъ величествомъ; относительно же самого-себя чувствую, что, вмѣсто «того, чѣмъ бы укрѣпляться, слабѣю ежедневно. И падо быть справед-«ливымъ: морской министръ, ограниченный вашимъ величествомъ во «всемъ, что касается моря, дурно служить вамъ, и дѣлается ничѣмъ для «славы вашего оружія, если только не дѣлается для нея вреднымъ.

«Съ душевнымъ прискорбіемъ, ни мало неуменьшающимъ моей пре-«данности и вѣрности особѣ вашей, прошу ваше величество принять увѣ-«реніе въ моемъ глубочайшемъ почтеніи.

«Подписано: Декрѣ.»

Императоръ, недовольный, но тронутый, отвѣчалъ ему немедленно: «Прошу васъ прислать мнѣ завтра записку касательно вопроса: что дол-«жно дѣлать въ такомъ случаѣ, если Вильнёвъ остается въ Кадиксѣ?

«Всмотритесь съ должной точки въ обстоятельства и въ положеніе, въ «которомъ находится Франція и Англія; не пишите ко мнѣ болѣе та- «кихъ писемъ, какое написали — это ничего не доказываетъ. Мнѣ «нужно только одно: успѣть въ моемъ предпріятіи.» (22 августа. — *Денъ Луэра*).

На слѣдующій день, 21-го числа, Декрѣ предложилъ императору свой планъ. Этотъ планъ, во-первыхъ, состоялъ въ томъ, чтобъ отложить экспедицію до зимы, ибо теперь было уже поздно вернуть флотъ изъ Кадикса въ Ла-Маншъ. Надо было бы приводить въ исполненіе предпріятіе посреди бурь равноденствія. Къ-тому же, Англичане знали обо всемъ. Всѣ, наконецъ, догадались о планѣ установить соединеніе между Булонью и Брестомъ. По мнѣнію Декрѣ, должно было разделить эти слишкомъ-многочисленные эскадры на семь или восемь крейсерствъ, каждое отъ пяти до шести кораблей. Услуги, оказываемыя въ настоящее время крейсированіемъ капитана Лалмана, доказывали, чего надо было ожидать отъ этихъ отдаленныхъ движеній. Слѣдовало сформировать ихъ изъ лучшихъ офицеровъ, изъ лучшихъ кораблей, и пустить въ Океанъ. Онъ привелъ бы въ отчаяніе Англичанъ, нанося пораженія ихъ торговлѣ, и образовалъ бы отличныхъ матросовъ и командировъ эскадръ. Изъ этого можно было бы извлечь элементы морской силы для выполненія будущихъ великихъ плановъ.

Такая война мнѣ по сердцу, говорилъ адмиралъ Декрѣ.

Если же зимою, присовокупляя онъ, вы захотите имѣть въ Ла-Маншѣ флотъ, то есть средство привести его туда. У васъ будетъ въ Кадиксѣ кораблей сорокъ. Соберите тамъ десантное войско подъ предлогомъ экспедиціи въ Индію или въ Явайку. Потомъ, раздѣлите эскадру на двое: выберите изъ кораблей лучшіе на ходу, изъ офицеровъ такихъ, которые въ продолженіи года покажутъ себя способнѣйшими и наиболѣе отважными; выступите украдкою только съ двадцатью кораблями, постаравшись, чтобъ остальные привлекли на себя вниманіе Англичанъ; затѣмъ, проведите двадцать кораблей вокругъ Ирландіи и Шотландіи, и оттуда въ Ла-Маншъ. Прізовите въ Парижъ Вильнёва и Гравину, ободрите ихъ, и они, навѣрное, выполнятъ такой маневръ.

При чтеніи этого плана, Наполеонъ отказался совершенно отъ мысли тотчасъ же вернуть флотъ изъ Кадикса, если онъ отправился туда действительно, и написалъ собственноручно на оборотѣ депеши: *сформировать семь крейсерствъ, распределить ихъ между Африкою, Суринамомъ, Святою-Еленою, Капомъ, Иль-де-Франсомъ, Вѣтряными-Островами (Iles du Vent), Соединенными-Штатами, берегами Ирландіи и Шотландіи, устьемъ Темзы*. За тѣмъ, онъ принялся читать и пересчитывать депеши Вильнёва, Лористона и консульскаго агента, долго слѣдившаго, въ зрительную трубу, за ходомъ французской эскадры, когда ее потеряли уже изъ вида съ высотъ Ферроля. Здѣсь искалъ Наполеонъ, какъ на страницѣ книги судебъ, отвѣта на вопросъ: къ Кадиксу, или къ Бресту идетъ Вильнёвъ?... Неизвѣстность, въ которой оставляли его эти депеши, раздражала его болѣе, нежели сколько раздражило бы несомнѣнное извѣстіе о ходѣ на Кадиксъ. При такомъ тревожномъ состоя-

ни его духа, и въ-особенности при настоящемъ положеніи Европы, было бы величайшею заслугою сказать ему, что дѣлалось съ флотомъ, ибо вѣсти съ австрійскихъ границъ ежеминутно становились все хуже и хуже. Австрійцы почти уже не скрывались болѣе; они стояли на Эчъ въ значительныхъ силахъ, и угрожали перейти черезъ Иннъ въ Баварію. Но если Наполеону не суждено было разразиться въ Лондонѣ громовымъ ударомъ, который бы заставилъ Европу затрепетать и отпрянуть, то онъ долженъ былъ устремиться форсированнымъ маршемъ къ Рейну, и тамъ предотвратить оскорбленіе, готовившееся ему тогда, когда непріятель вступилъ бы прежде сего-самого на его границу. Чувствуя живѣйшую потребность знать истину, Наполеонъ написалъ нѣсколько писемъ адмиралу Декрѣ изъ Пон-де-Брикъ въ лагерь, чтобы узнать его собственное мнѣніе о томъ: на что, по расчетамъ вѣроятности, долженъ былъ рѣшиться Вильнѣвъ. Декрѣ, опасаясь слишкомъ раздражить императора, и въ то же время почитая противнымъ совѣсти обманывать его, отвѣчалъ ему всякій разъ разное, говоря ему то да, то нѣтъ, и раздѣляя тревожное состояніе духа своего властелина, происходившее отъ неизвѣстности, но очевидно склоняясь къ мнѣнію, что Вильнѣвъ идетъ къ Кадиксу. Въ сущности, онъ почти не сомнѣвался въ этомъ. Тогда-то Наполеонъ, чтобы не быть захваченнымъ невзначай, принялъ разомъ два противоположные плана и провелъ нѣсколько дней въ нерѣшительномъ расположеніи духа, невыносимомъ для такого, какъ его, характера, будучи наготовѣ въ одно и то же время и перешагнуть черезъ проливъ и устремиться на материкъ, произвести высадку въ Англію или идти на Австрію. Отличительная черта его характера состояла въ томъ, что лишь-только наступала минута дѣйствовать, онъ умѣлъ разомъ сдѣлаться собственнымъ властелиномъ. «Я уже рѣшился», писалъ онъ Талейрану. «Мои флоты были потеряны изъ вида съ «высотъ мыса Ортегала, 14-го августа. Если они появятся въ Ла-Маншѣ, есть еще время, я сажусь на суда и произвожу высадку; я разсыплю въ Лондонѣ гордіевъ узелъ всѣхъ коалицій. Если же, напротивъ того, мои адмиралы струсятъ или худо сманеврируютъ, я сниму свой лагерь при Океанѣ, вступлю съ двумястами тысячъ чело­вѣкъ въ Германію, и не останавлиюсь, пока не дойду до Вѣны» (*je ne m'arrête pas que je n'aie touché barre à Vienne*), «пока не отниму Венецію и всего, что сохраняла еще Австрія въ Италіи, и пока не изгоню Бурбоновъ изъ Неаполя. Не позволю непріятелямъ соединиться, и разобью ихъ до ихъ соединенія. Умиривъ материкъ, я возвращусь на берегъ Океана работать снова надъ восстановленіемъ мира на моряхъ.»

Съ быстротою, свойственною великому характеру, сдѣлавъ паянужнѣйшія распоряженія, чтобы не быть предупрежденнымъ коалиціею, онъ нѣсколько поуспокоился, и сталъ ждать, что добраго примчатъ къ нему вѣтры.

Онъ былъ мраченъ, погруженъ въ мысли, суровъ съ адмираломъ Декрѣ, на лицѣ котораго, казалось ему, видѣлъ онъ все мнѣніе, поколебавшія Вильнѣва, и не сходилъ съ морскаго берега, высматривая на горизонтѣ какого-нибудь неожиданнаго появленія. Морскіе офицеры, раз-

старленные съ зрительными трубами на различныхъ пунктахъ берега, должны были наблюдать за всѣмъ, что случалось на морѣ, и сообщать ему свои замѣчанія. Онъ провелъ такимъ-образомъ три дня, въ одномъ изъ тѣхъ нерышительныхъ расположеній духа, которыя невыносимы для душъ пылкихъ и сильныхъ. Наконецъ, адмиралъ Декрѣ, будучи мучимъ непрерывными вопросами, объявилъ ему, что, принимая въ разсужденіе протекшее время, вѣтры, господствовавшіе на берегу, отъ Гасконскаго-Залива до пролива Калэ, и нравственное состояніе Вильнёва, онъ убѣжденъ, въ умѣ своемъ, что флоты направили паруса къ Кадиксу.

Съ глубокою скорбью, соединенной съ сильными взрывами гнѣва, отказался наконецъ Наполеонъ отъ надежды увидѣть свой флотъ въ проливѣ. Онъ былъ такъ раздраженъ, что человѣкъ, съ особенною нѣжностью имъ любимый, ученый Монжъ, видя его въ этомъ состояніи, съ скромностію удалился, считая свое присутствіе излишнимъ. Онъ пошелъ къ Дарю, бывшему тогда главнымъ военнымъ комиссаромъ, и разсказалъ ему о томъ, что видѣлъ. Въ ту же минуту, и самъ Дарю былъ позванъ къ императору. Онъ нашелъ его въ сильномъ волненіи; Наполеонъ говорилъ самъ-съ-собою и, казалось, не замѣчалъ виходевшихъ. Лишь-только пошелъ Дарю, и, стоя, въ молчаніи, ожидалъ приказовъ, Наполеонъ подошелъ къ нему и, обращаясь къ нему какъ къ человѣку, которому было все извѣстно, сказалъ: «Знаете ли вы, гдѣ Вильнёвъ? Онъ въ Кадиксѣ!» Потомъ съ жаромъ распространялся насчетъ слабости и бездарности всего, его окружавшаго, говорилъ, что ему измѣнили, сокрушался объ уничтоженіи прекраснѣйшаго, вѣрнѣйшаго плана, какой только онъ когда-нибудь задумывалъ въ своей жизни, и обнаружилъ скорбь генія, покинутаго судьбою. Вдругъ, отложивъ гнѣвъ свой, онъ успокоился внезапно, и, съ изумительною легкостью перенесясь духомъ съ этихъ замкнутыхъ путей Океана на открытыя пути материка, диктовалъ, въ-продолженіи нѣсколькихъ часовъ сряду, съ необыкновеннымъ присутствіемъ духа, съ необыкновенною опредѣлительностію въ подробностяхъ, планъ, который читатель прочтетъ въ слѣдующей книгѣ. То былъ планъ безсмертной кампаніи 1805 года. Ни въ голосъ, ни на лицѣ Наполеона не видно было болѣе и слѣда раздраженія. Душевные страданія его разсыпались при великихъ соображеніяхъ его духа. Въмѣсто нападенія на Англію прямымъ путемъ, онъ поведетъ противъ нея войну длинною и излучистою дорогою по материкау, и добудетъ себя на этомъ пути неслыханную славу вѣрже, нежели найдетъ на немъ себя гибель.

Вѣрнѣ ли бы достигъ Наполеонъ своей цѣли прямымъ путемъ, т. е. высадкою? Вотъ вопросъ, который будутъ задавать себя и въ настоящемъ и въ будущемъ, и который рѣшить трудно. Между-тѣмъ, еслибъ онъ перешагнулъ въ Дувръ, то можно предположить, не оскорбляя британской націи, что она могла бы быть побѣждена арміею и полководцемъ, въ полтора года покорившими и поработившими Европу. Надо при этомъ сказать, что неприкосновенность англійской территоріи не причиною этой страны къ опасности нашествія, что ни мало не уменьшаетъ славы ея эскадръ и регулярныхъ войскъ. И потому мало вѣроятно, чтобъ

Англія могла противостоять солдатамъ Наполеона, еще не истощеннымъ усталостью. Героическая рѣшимость ея правительства, удалившагося, напримеръ, въ Шотландію и оставившаго Англію въ жертву опустошенія, доколѣ не пришелъ бы Нельсонъ со всеми эскадрами запереть возвратъ Наполеону-побѣдителю и сдѣлать его пленникомъ посреди страны имъ завоеванной, — такая рѣшимость безъ сомнѣнія повлекла бы за собою небывалыя комбинаціи, но она была вня всякаго вѣроятія. Мы твердо убѣждены, что еслибъ Наполеонъ достигъ Лондона, Англія приступила бы къ заключенію трактата.

Итакъ, весь вопросъ зависѣлъ отъ перехода черезъ проливъ. Этотъ переходъ былъ дѣломъ чрезвычайно-отважнымъ, но смотря на то, что флотилія могла переплыть проливъ въ штиль, или зимою во время бури. И потому, Наполеонъ думалъ о пособіи флота для прикрытія экспедиціи. Скажутъ, что вопросъ былъ приводитъ къ главнѣйшему затрудненію — къ превосходству надъ Англичанами на морѣ. Нѣтъ, ибо дѣло шло не о томъ, чтобъ превзойти ихъ, ни даже сравняться съ ними. Требовалось единственно привести, посредствомъ искусной комбинаціи, флотъ въ Ла-Маншъ, пользуясь случайностями, которыя представляются моремъ и его неизмѣримою, дѣлающею встрѣчи весьма-затруднительными. Планъ Наполеона, столь-часто видоизмѣняемый, воспроизведенный съ такимъ изумительнымъ творчествомъ, представлялъ вся шансы на успѣхъ въ рукахъ человека болѣе-твердаго духомъ, нежели Вильнѣвъ. Безъ сомнѣнія, Наполеонъ нашелъ здѣсь, подъ иною формою, неудобства своей относительной слабости въ морскомъ дѣлѣ; Вильнѣвъ, живо чувствуя ее, былъ приведенъ въ смущеніе, но уже слишкомъ, и въ такой сильной степени, что помрачалъ этимъ честь свою передъ судомъ исторіи. Какъ бы то ни было, флотъ его бился храбро при Ферроль, и, если предположить, что онъ далъ бы передъ Брестомъ несчастное сраженіе, которое далъ спустя нѣсколько времени при Трафальгарѣ, Гантомъ могъ бы выйти; и если терять сраженіе, то не лучше ли было бы потерять его съ пользою для перехода черезъ Ла-Маншъ? И можно ли бы было, даже и при такомъ исходѣ сраженія, сказать, что оно было потеряно? Итакъ, Вильнѣвъ былъ виноватъ, хотя его уже порицали слишкомъ, какъ обыкновенно поступаютъ съ несчастными. Человекъ опытный, забывавъ, что ревностью часто дополняютъ то, чего не достаетъ въ матеріальномъ отношеніи, онъ не умѣлъ подняться до высоты своего призванія и совершать то, что Латушъ-Тревилль навѣрное совершилъ бы на его мѣстѣ.

Итакъ, предпріятіе Наполеона не было мечтою: оно было въ высшей степени выполнимо въ такомъ видѣ, какъ онъ приготовилъ его; и, быть-можетъ, въ глазахъ истинныхъ цѣнителей, оно доставитъ ему болѣе чести, нежели столько другихъ предпріятій, увѣнчанныхъ блистательнымъ успѣхомъ. Оно не было также выдумкою, какъ воображали себя люди, любящіе подозревать глубину тамъ, гдѣ ея нѣтъ вовсе: нѣсколько тысячъ писемъ министровъ и самого императора не оставляютъ въ этомъ отношеніи ни малѣйшаго сомнѣнія. Это было предпріятіе серьезное, преслѣдованное въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ съ настоящею

страстью. Разнымъ образомъ, полагали, что Наполеонъ перешелъ бы проливъ, еслибъ не отвергъ Фультона, предлагавшаго ему пароходство. Нынче невозможно предсказать роль, какую пароходство будетъ играть въ грядущихъ событіяхъ; но съ вѣроятностію можно сказать, что оно дастъ Франціи болѣе силъ противъ Англіи. Сдѣлаетъ ли оно проливъ доступное къ переезду, это будетъ зависеть отъ усилій, которыя счумаетъ употребить Франція для достиженія превосходства въ приложеніи этой новой силы; это будетъ зависеть отъ ея патріотизма и ея предвидѣнія. Но, относительно отказа Наполеона можно утверждать, что Фультонъ предлагалъ ему это искусство въ дѣтствѣ, следовательно, такое, которое тогда не могло подать никакой помощи. Итакъ, Наполеонъ сдѣлалъ все, что могъ. При этомъ обстоятельствѣ, нельзя упрекнуть его ни въ чемъ. Безъ сомнѣнія, само Провидѣніе не хотѣло, чтобъ онъ успѣлъ. И почему? Онъ, не всегда справедливый относительно враговъ своихъ, былъ на этотъ разъ правъ съ своей стороны.

III.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССИИ.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА МАРТЪ 1846 ГОДА.

I. Государственныя учрежденія (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

Въ Высочайшемъ указѣ за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, данномъ Правительствующему Сенату 13-го февраля, изображено: Въ видахъ лучшаго устройства общественнаго управленія санктпетербургской столицы, и для отвращенія вкрадшихся въ оное, со времени изданія, въ 1785 году, городского положенія, безпорядковъ и разнвыхъ отъ силы истиннаго разума постановленія сего отступленій, составлено въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ новое о томъ положеніе, примѣненное въ подробностяхъ его къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ и потребностямъ столицы. Утвердивъ положеніе сіе, Государственнымъ Совѣтомъ рассмотрѣнное и исправленное, и препроводивъ оное въ Правительствующій Сенатъ для должнаго исполненія, повелеваемъ: 1) на основаніи сего положенія произвести немедленно, по соглашенію Министра Внутреннихъ Дѣлъ съ санктпетербургскимъ военнымъ генерал-губернаторомъ, городскіе въ санктпетербургской столицѣ общественныя выборы, и открыть присутственныя мѣста по новому ихъ образованію. 2) Для всѣхъ предварительныхъ по сему предмету распоряженій и для введенія устанавливаемого нынѣ порядка, образовать временную комиссію, подъ предсѣлательствомъ санктпетбургскаго гражданскаго-губернатора, и санктпетбургскаго уезднаго предводителя дворянства и городского головы, а также чиновниковъ отъ Министерства

Внутренних Дѣлъ и отъ военнаго генерал — губернатора; 3) Ближайшее наблюдение за сею комиссіею и разрѣшеніе могущихъ возникнуть сомнѣній и вопросовъ, до изданія подробныхъ о общественномъ управленіи Санктпетербурга законоположеній, предоставить Министру Внутреннихъ Дѣлъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ, въ случаѣ надобности, испрашивалъ Высочайшія Наши повелѣнія чрезъ Комитетъ Министровъ. 4) Вся неотмѣненныя или неизмѣненныя настоящимъ положеніемъ узаконенія оставить, впредь до того же времени, въ своей силѣ и дѣйствіи. — Представляемъ краткое извлеченіе изъ сего положенія: Общественное управленіе санктпетербургской столицы раздѣляется: на 1-е, общее для всего общества и 2-е, частное, по сословіямъ, означеннымъ въ статьѣ 3-й. Положеніе это не касается судебного и полицейскаго управленій въ столицѣ, которыя сохраняютъ настоящее свое образованіе, и не относятся до общественныхъ дѣлъ въ слободахъ: Охтенской, Ямской, Чернорѣченской и другихъ, въ чертѣ города состоящихъ. 2) Управленіе общее составляютъ: 1) Городской голова; 2) общая городская дума и 3) распорядительная городская дума, съ состоящими при нихъ установленіями и чинами. Частное управленіе по сословіямъ составляютъ: Управы: 1) купеческая, 2) мѣщанская, 3) ремесленная, 4) иностранныхъ ремесленныхъ цеховъ и 5) наемныхъ саужателей и рабочихъ, также съ состоящими при нихъ установленіями и чинами. Городской голова есть начальникъ всего общественнаго управленія и главный уполномоченный отъ всего городского общества. Общая городская дума составляется, подъ предсѣдательствомъ Городскаго Головы, изъ гласныхъ отъ всѣхъ городскихъ сословій и почетныхъ членовъ изъ лицъ, занимавшихъ прежде нѣкоторыя высшія общественныя должности. Для заведенія дѣлами думы полагается городской секретарь. Гласные въ общую думу назначаются отъ каждого сословія въ числѣ не менѣе 100 и не болѣе 150-ти человекъ. Эта дума дѣлится, на числу сословій, участвующихъ въ выборѣ ея гласныхъ, на слѣдующія пять отдѣленій: 1) потомственныхъ дворянъ, имѣющихъ въ городѣ недвижимую собственность въ опредѣленномъ размѣрѣ; 2) личныхъ дворянъ и почетныхъ гражданъ, имѣющихъ въ городѣ такую же собственность; 3) купечество, 4) мѣщанское и 5) ремесленное. Для управленія дѣйствіями каждого отдѣленія назначается старшина. Общая городская дума не дѣлаетъ отъ себя непосредственно никакихъ распоряженій. Она ограничивается только составленіемъ общественныхъ приговоровъ, по которымъ дальнѣйшее исполненіе, представленіе начальству и прочее, принадлежитъ думѣ распорядительной. При сей думѣ состоитъ *городовое депутатское собраніе* изъ гласныхъ общей думы, избираемыхъ въ числѣ пяти отъ каждого отдѣленія. *Распорядительная городская дума* составляется, подъ предсѣдательствомъ городского головы, изъ члена отъ короны и двѣнадцати членовъ по выбору, именно: трехъ отъ потомственныхъ дворянъ, владеющихъ въ столицѣ недвижимою собственностію; трехъ отъ личныхъ дворянъ и почетныхъ гражданъ, также владеющихъ недвижимою собственностію въ столицѣ; трехъ отъ купеческаго сословія (въ томъ числѣ двухъ изъ купцовъ 1-й гильдіи, а третьяго изъ прочихъ

мѣстныхъ купцовъ) и трехъ отъ сословій мѣщанскаго и ремесленнаго, въ совокупности. Предметы распорядительной думы суть вообще тѣ же самыя, которые въ существующемъ нынѣ порядкѣ представлены думою шестигласной, съ необходимыми лишь измѣненіями при новомъ, на подлежащихъ ниже основаніяхъ, образованіи особыхъ для заведыванія казными сословіемъ управъ. На члена отъ короны возлагается наблюденіе за правильностію канцелярскаго порядка и счетоводства и отчетностію вообще по думѣ. Распорядительная дума, сверхъ подчиненности, въ общемъ порядкѣ управленія, Правительствующему Сенату, а въ мѣстномъ главному начальнику губерніи, находится въ непосредственномъ вѣдѣніи санктпетербургскаго гражданскаго губернатора, который, въ важнѣйшихъ по усмотрѣнію его случаяхъ, можетъ и лично въ ней председательствовать. Надзоръ губернскаго прокурора, непосредственно или чрезъ особаго его товарища, распространяется на распорядительную думу наравнѣ со всеми губернскими мѣстами. При распорядительной думѣ состоятъ: 1) городская торговая полиція; 2) городская хозяйственная полиція и 3) аукціонная камера. *Торговую полицію* составляютъ: 1) торговая депутація изъ депутатовъ отъ купечества; 2) находящіеся подъ непосредственнымъ начальствомъ распорядительной думы торговые смотрители; 3) помощники торговыхъ смотрителей и смотрители базарные и рыночныя и 4) торговые или рядскіе старосты. *Хозяйственная полиція* состоитъ: 1) изъ комиссаровъ городской казны; 2) смотрителей городскихъ имуществъ и 3) депутатовъ для раскладки городского налога. *Аукціонная камера* состоитъ изъ управляющаго и присяжныхъ аукціонистовъ. Сверхъ сего, въ вѣдѣніи и непосредственномъ начальствѣ распорядительной думы состоятъ: 1) городовые публичные нотаріусы и частные маклера; 2) присяжные добросовѣстные свидѣтели при публичной опаси имѣній и 3) присяжные городовые цѣновѣдцы. Управы сословій купческаго, мѣщанскаго и ремесленнаго составляютъ каждая изъ старшинъ подлежащаго отдѣленія общей думы, членомъ отъ сихъ сословій и засѣдателямъ, определяемыхъ по выбору отъ временно-причисленныхъ къ столицѣ иногородныхъ купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ. Порядокъ производства дѣлъ и сношеній, равно какъ степень и порядокъ подчиненности, власти и ответственности, и всѣ вообще подробности устройства и образа дѣйствія вышеисчисленныхъ мѣстъ и установленій, имѣютъ быть определены особыми учрежденіями, уставами и наказами, а подробности ихъ состава и устройство канцелярій штатами.

II. Губернскія учрежденія (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

Высочайше повелѣно: впредъ до устройства городского хозяйства въ Закавказскомъ Краѣ, не распространять на этотъ край правилъ учета и поправки городскихъ доходовъ и расходовъ, постановленныхъ въ статьяхъ 28, 83 и 84 т. XII Св. Пост. о Благоустройствѣ въ Городахъ и Селеніяхъ, изд. 1842 г., но сохранить въ этомъ отношеніи порядокъ, донынѣ существовавшій.

— Дозволено якутскимъ купцамъ производить торговлю во всей области по одному торговому свидѣтельству, выдаванъ имъ таковыя свидѣтельства и прежде общаго установленнаго срока, начинающагося съ 1 ноября.

— Правило, изъясненное въ 152 ст. IV т. Св. Зак. о Земск. Пов., изд. 1842 г., на счетъ бесплатной дачи обывательскихъ подведъ начальникамъ башкирскихъ кантоновъ и посылаемымъ отъ нихъ нарочнымъ, при разъездахъ по даламъ, до земской полиціи относящимся, распространено на Пермскую и Вятскую Губерніи, по нахожденію въ нихъ башкирскихъ кантоновъ.

— Повелѣно: при производствѣ въ уездныхъ судахъ Могилевской Губерніи дѣлъ по ссудамъ для мелкопомѣстныхъ дворянскихъ имѣній, заключающихъ 10 и менѣе ревнскихъ душъ, на счетъ государственнаго казначейства позволять употребить простую, вмѣсто гербовой, бумагу, равно и свидѣтельства выдавать на простой бумага, съ тѣмъ, чтобъ вся частныя иски, долги и споры не считать преплатскимъ къ получению ссудъ на продовольствіе, распространять мѣру эту и на другія неурожайныя губерніи, въ которыхъ разрѣшены ссуды на счетъ государственнаго казначейства на правилахъ 18 іюля 1840 года.

— Продолжено еще на 5 лѣтъ, то-есть съ 1 мая 1846 по 1 мая 1851 года, дозволеніе вывозить обратно за границу иностранныя товары, пошлиною неочищенные, на основаніи постановленныхъ Высочайшимъ указомъ 8 января 1843 года правилъ.

— Существованіе учрежденнаго на три года при Иркутской Гимназіи Строительнаго Комитета продолжено на прежнемъ основаніи еще на полгода.

— Высочайше утверждено положеніе о общественномъ банкѣ въ городѣ Устюгѣ, Вологодской-Губерніи. Представлено извлеченіе. Банкъ этотъ учреждается на пожертвованную разными благотворителями сумму, съ тою цѣлію, чтобъ производствомъ ссудъ доставить мѣстнымъ гражданамъ вспоможеніе въ торговыхъ ихъ оборотахъ, а на получаемые отъ сего проценты содержать учрежденныя уже въ Устюгѣ два общественныя богадельни и при нихъ больницу. Распоряженіе всеми дѣйствіями банка вѣрнется непосредственному вѣдѣнію и начальству Устюжской Городской Думы, подъ особеннымъ, въ-отношеніи сохраненія пользы банка, попечительствомъ начальника губерніи. Правленіе банка составляютъ: городской голова, подъ именемъ директора банка, и два члена, подъ именемъ директорскихъ товарищей, избираемые всѣмъ обществомъ изъ устюжскихъ купцовъ, на три года. Для производства письменныхъ и счетныхъ дѣлъ определяется писмоводитель (онъ же и бухгалтеръ), одинъ или два писца съ жалованьемъ. Банку предоставляется: 1) пріемъ вкладовъ для обращенія изъ процентовъ; 2) учетъ векселей и 3) производство ссудъ подъ залогъ движимаго и недвижимаго имущества. Для учета векселей и выдачи подъ оныя ссудъ назначается капиталъ изъ суммъ, пожертвованныхъ на вѣчныя времена разными благотворителями и предоставляется городскому обществу къ этому присоединять выморочныя имѣнія и всякія другія добровольныя пожертво-

ванія. Для сохраненія всегдѣшняго довѣрія къ банку, внесенные въ оный капиталы ни по какимъ требованіямъ въ постороннія руки выдаваемы, или отпускаемы быть не должны, кромѣ передачи билетовъ банка по бланковымъ надписямъ вкладчиковъ или представленія оныхъ залогомъ въ присутственное мѣсто; но въ семъ послѣднемъ случаѣ банкъ въ разсужденіи выдачи капитала обязанъ наблюдать срокъ, въ условіи при залогѣ билета назначенный. Заложенные въ банкъ движимыя и недвижимыя имущества не могутъ быть описаны по частнымъ или казеннымъ взысканіямъ; но въ случаѣ требованія, по опредѣленію судебнаго мѣста, продажа тѣхъ имуществъ, для удовлетворенія другихъ исковъ, допускается съ тѣмъ, чтобъ банкъ получалъ слѣдующую ему по залогу сумму съ процентами. Вносъ капиталовъ въ банкъ, для обрещенія изъ процентовъ, дозволяется лицамъ всехъ сословій. Равнымъ образомъ разрѣшается пріемъ капиталовъ, находящихся въ городской думѣ, городскомъ магистратѣ и сиротскомъ судѣ и принадлежащихъ городскимъ обществамъ, кромѣ суммъ, которыя должны быть отсылаемы въ приказъ общественнаго призванія. На всѣ вообще вклады банкъ платитъ установленные четыре процента, по простествіи года, а на капиталы, пробывшіе въ банкѣ менѣе одного года, процентовъ не полагается. Въ учетъ принимаются векселя однихъ только купцовъ и мѣщанъ города Устюга, производящихъ торговлю, имѣющихъ недвижимую собственность, или содержащихъ заводы и фабрики, съ тѣмъ, чтобъ одинъ изъ участвующихъ въ векселя имѣлъ постоянное пребываніе въ Устюгѣ. При выдачѣ денегъ по векселю, банкъ вычитаетъ съ выдаваемой суммы по полу проценту за каждый мѣсяцъ. За всякій просроченный вексель взыскиваются въ пользу банка проценты и вознагражденіе за убытки. Банкъ принимаетъ въ залогъ слѣдующую недвижимость: 1) каменные дома, заводы и фабрики, состоящіе въ Устюгѣ, принадлежащіе тамошнимъ купцамъ и мѣщанамъ; 2) собственныя земли тамошнихъ гражданъ, приносящія доходъ отъ хлѣбопашества и сенокоса; но подъ сіи послѣднія ссуды производятся не иначе, какъ въ видахъ пособія подъ засѣвъ полей. Ссуда выдается въ половину противъ оцѣнки, на одинъ, на два и не болѣе, какъ на три года, со взиманіемъ по шести процентовъ въ годъ. Ссуду подъ залогъ движимаго имущества банкъ выдаетъ предпочтительно устюжскимъ гражданамъ. Въ залогъ принимаются золотыя, серебряныя, жемчужныя и другія драгоценныя вещи, неподверженныя порчѣ. Пріемъ медяныхъ и оловянныхъ вещей дозволяется только отъ бѣднѣйшихъ гражданъ въ незначительномъ количествѣ; прочіе же металлы, а равно мягкая рухлядь, къ залогу не допускаются. Золотыя и серебряныя вещи оцѣниваются по содержащемуся въ нихъ вѣсу, жемчугъ по числу, величинѣ, вѣсу и виду одного, а прочія вещи по количеству и настоящей добротѣ ихъ. Всѣ вещи принимаются въ залогъ въ половину оцѣнки ихъ. Ссуды производятся на четыре и на шесть мѣсяцевъ, съ вычетомъ съ выдаваемой суммы въ пользу банка по полупроцента за каждый мѣсяцъ.

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА МАРТЪ 1846 ГОДА.

— *Народное просвѣщеніе.* — Высочайше повелѣніе состоящія въ составъ Харьковскаго Учебнаго Округа Дирекцію Училищъ Кавказской-Области и Земли Войска Черноморскаго, а также вообще находящіяся тамъ учебныя заведенія, съ подчиненіемъ ихъ исполнъ намѣстнику кавказскому, на основаніи правилъ объ отношеніяхъ намѣстника, Высочайше утвержденныхъ 6-го января 1846 года, исключить за тамъ изъ ведомства и состава Харьковскаго Учебнаго Округа.

— Повелѣно четыре низшіе класса Нѣжинской Гимназіи раздѣлять каждый на два параллельныя отдѣленія, съ опредѣленіемъ въ оныя добавочныхъ преподавателей, съ правами младшихъ учителей гимназій, за исключеніемъ учителя рисованія, которому пользоваться преимуществами, учителямъ рисованія въ гимназіяхъ предоставленными.

— Права, присвоенныя 823 ст. т. 3-го Уст. Служ. Прав., изд. 1842 г. лицамъ учебной службы военно-учебныхъ заведеній распространены и на преподавателей, въ морскихъ учебныхъ заведеніяхъ служащихъ.

— Повелѣно для попеченія объ открываемомъ въ городѣ Ростовѣ женскомъ начальномъ училищѣ учредить званіе почетнаго блюстителя, преимущественно изъ купеческаго сословія, съ обязанностями и правами, присвоенными этому званію Высочайше утвержденнымъ 1-го ноября 1839 года положеніемъ о городскихъ начальныхъ училищахъ въ Москвѣ и съ предоставленіемъ начальнику Ярославской-Губерніи утвержденія въ семъ званіи лицъ, избранныхъ училищнымъ начальствомъ съ согласія градскаго общества.

— Разрѣшено учредить при Рыбинскомъ Уѣздномъ Училищѣ особый классъ торговаго счетоводства и бухгалтеріи.

— *Промышленность.* — Въ-теченіе второй половины 1845 года при казенныхъ и частныхъ заводахъ Уральскаго-Хребта получено: золота 170 п. 20 ф. 87 зол. 72 дол. и платины 11 п. 35 ф. 49 зол. 48 дол. По нѣско-щимся свидѣніямъ, въ Алтайскомъ-Округѣ казенныхъ заводовъ и на частныхъ промыслахъ Западной и Восточной Сибири добыто въ 1845 г., золота 981 п. 27 ф. 71 зол. 79 дол., а въ Нерчинскомъ-Округѣ 20 п.

4 ф. Все добытое въ 1845 году золото составляетъ 1,329 пуд. 31 фун. 94 зол. 13 $\frac{1}{4}$ дол., кромѣ золота, получаемого отъ раздѣленія алтайскаго и нерчинскаго серебра въ количествѣ до 42 п.; противъ 1841 г. болѣе на 30 пуд. 9 фун. 1 зол. 71 $\frac{1}{4}$ дол.

— Выданы привилегіи: 1) генерал-майору Альбрехту и иностранцу Лабуру на способъ выдѣлки писчей бумаги изъ растенія дрока, вмѣсто трапья, изобрѣтенный Лабуромъ; 2) коллежскому совѣтнику Лапшину и механику Аникзеву на изобрѣтенный ими прямолинейный двигатель, замѣняющій круговращательныя колеса, съ принадлежащимъ къ нему механизмомъ, для приведенія въ движеніе барокъ и вообще разнаго рода судовъ. По объясненію изобрѣтателей, этотъ двигатель устраняетъ неудобства, съ которыми сопряжено плаваніе грузныхъ барокъ и другихъ судовъ, ускоряетъ ходъ ихъ, облегчаетъ людей и лошадей, тянувшихъ бечевою и завозомъ, такъ-какъ настоящая система движенія перевозныхъ судовъ по внутреннимъ рѣкамъ пашимъ слишкомъ медленна и тягостна; 3) баварскому подданному Мельцелю на изобрѣтенное имъ новое устройство фортепьянъ, объяснявшему, что несмотря на всѣ усовершенствованія, произведенныя въ устройствѣ фортепьянъ, вся переходная часть этого рода инструментовъ, отъ самой ихъ середины до высшихъ дискантныхъ тоновъ, до сего времени не могла быть уравнена въ силѣ и полнотѣ съ средними и басовыми тонами, почему опрѣшлись расположить всю дискантную часть по совершенно новой системѣ. Основаніе сего усовершенствованія заключается въ томъ, чтобы клавиатурныя молоточки, ударяя во время игры въ струны, ни въ какомъ случаѣ и ни мало не сдвигали ихъ съ настоящей звукопроводной ихъ точки; 4) инструментальному мастеру Кельберу на изобрѣтенное имъ устройство роялей, которое состоитъ въ устройствѣ для верхнихъ (высокихъ) октавъ подвижной металлической кобылки; 5) иностранцамъ Биссону и Прадсию на введеніе въ Россію новаго химическаго способа обдѣлки льна и конопли. Способъ этотъ состоитъ въ поперебномъ погруженіи льна и конопли въ слабый растворъ сѣрной, или водохлорной кислоты, употребляемой въ торговлѣ, и промывкѣ ихъ въ чистой водѣ. Существенныя выгоды этого способа и преимущество его, заключаются, по увѣренію изобрѣтателей, въ слѣдующемъ: главная цѣль обдѣлки прядильныхъ растеній состоитъ въ болѣе удобномъ и чистомъ отдѣленіи вологи отъ кострики, а также отъ клейкихъ и смолистыхъ частей. При обыкновенной обдѣлкѣ, эта цѣль достигается моченіемъ въ проточной или стоячей водѣ; но совершающееся при таковой мочкѣ броженіе, завися отъ весьма переменчивыхъ метеорологическихъ причинъ, подвержено случайностямъ, почему и нельзя быть увѣрену въ удачныхъ результатахъ мочки, которая сверхъ сего дѣлаетъ воду негодною для водопоя и производитъ вредныя испаренія, пагубныя не только для рабочихъ, но даже и для окрестныхъ жителей; новый химическій способъ мочки прядильныхъ растеній не только вполне замѣняетъ обыкновенный, доселѣ извѣстный способъ мочки, но при этомъ отвращаетъ еще вредное дѣйствіе ея на здоровье людей. Онъ имѣетъ

при томъ преимущество и предъ механическою оболкою прищипныхъ растений, по простотѣ своей доступенъ каждому, можетъ быть употребленъ во всякое время года и во всякомъ мѣстѣ и даетъ производителю возможность слѣдить за ходомъ операціи и управлять оною по желанію.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННОГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА АПРѢЛЬ 1846 ГОДА.

I. ГОСУДАРСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ (ИЗМѢНЕНІЕ И ДОПОЛНЕНІЕ СОСТАВА И ПРАВЪ ИХЪ).

Въ именномъ Его Императорскаго Величества Высочайшемъ указѣ, даннымъ Правительствующему Сенату, марта въ 27-й день, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, изображено:

«Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, на основаніи указа Нашего 15 августа 1845 года, должно воспріять полную силу и дѣйствіе съ 1-го мая 1846 года. Для примѣненія правилъ оного къ постановленію и исполненію судебныхъ приговоровъ по тѣмъ дѣламъ, кои возникли при дѣйствіи существующихъ досель законовъ уголовныхъ, согласно съ мнзніемъ Государственнаго Совѣта, повелеваемъ:

1) Съ 1-го мая 1846 года постановленія новаго Уложенія прилагать ко всемъ дѣламъ, не получившимъ до того числа окончательнаго рѣшенія, какъ въ судахъ 1-й и 2-й степени, такъ и въ Правительствующемъ Сенатѣ, не распространяя лишь сего на тѣ немногіе случаи, гдѣ опредѣляемыя Уложеніемъ наказанія строже назначаемыхъ дѣйствовавшими досель законами. Въ сихъ случаяхъ приговоры о подсудимыхъ постановлять на основаніи узаконеній, существовавшихъ во время учиненія преступленія или проступка.

2) Въшедшіе до 1-го мая въ законную силу окончательные приговоры, которые, не подлежа ни ревизіи высшихъ инстанцій, ни отзывамъ со стороны подсудимыхъ, и бывъ постановлены съ соблюденіемъ всѣхъ предписанныхъ формъ, утверждены и пропущены къ исполненію лицами, имѣющими по закону надзоръ за правильностію рѣшеній, приводить въ исполненіе по точному ихъ содержанію, съ тѣмъ лишь изъятіемъ, чтобъ наказаніе кнутемъ, буде приговоръ до 1 мая не испол-

ненъ, замѣнять, по новому Уложенію, наказаніемъ плетью, а вместо сего послѣдняго, когда оное назначено чрезъ полицейскихъ служителей, какъ съ оставленіемъ подсудимаго на мѣстѣ жительства, такъ и съ обращеніемъ его въ военную службу или въ Сибирь на поселеніе, определять наказаніе розгами, въ установленной, на основаніи новаго Уложенія, особыми правилами соразмѣрности.

3) Приговоры Правительствующаго Сената, о наказаніи кнутомъ или же плетью чрезъ полицейскихъ служителей, подписанныя сенаторами и пропущенныя въ установленномъ порядкѣ къ исполненію, если указы по онымъ до 1-го мая 1846 года еще не посланы, докладывать вновь Сенату, но единственно для замѣна наказаній по 2-й статьѣ сего указа. Таковыя замѣны могутъ постановлять сенаторы и неучаствовавшіе въ произнесеніи самаго приговора.

4) Замѣны наказаній по приговорамъ уголовныхъ палатъ, постановленнымъ до 1-го мая 1846 года, но еще не обращеннымъ къ исполненію, производить на точномъ основаніи упомянутыхъ выше, въ статьѣ 2-й, правилъ, начальникамъ губерній и областей, при самомъ просмотрѣ и утвержденіи ими тѣхъ приговоровъ.

5) Буде приговоры Правительствующаго Сената и судебныхъ мѣстъ о наказаніи кнутомъ и о наказаніи плетью чрезъ полицейскихъ служителей, обращены уже къ исполненію, но до 1-го мая еще не исполнены, то останавливать всякое по онымъ дѣйствіе, вносить сіи приговоры къ начальникамъ губерній или областей, которые по циркулярамъ уголовныхъ палатъ дѣлаютъ замѣны наказаній сами совершенно 2-й статьѣ сего указа, возвращая приговоры въ тѣмъ видѣ къ исполненію; а по тѣмъ дѣламъ, кои рѣшены Правительствующимъ Сенатомъ или получены Имше утвержденіе, представляють Сенату и ожидаютъ отъ него разрѣшенія.

6) Сенатъ, въ замѣны по сѣмъ дѣламъ наказаній вноситъ также на основаніи 2-й статьи настоящаго указа и опредѣленія свои присланные къ исполненію, хотя бы оныя были подписаны сенаторами и не участвовавшими въ первоначальномъ произнесеніи приговора (статья 6-я). Но такія же дѣла, въ коихъ рѣшенія восходятъ на Имше утвержденіе, Сенатъ предоставляетъ министру юстиціи на приведеніе въ исполненіе опредѣленій своихъ о замѣнѣ наказаній вскрывать Имше соизволеніе.

7) Вся преступная дѣянія, со времени совершенія коихъ истекло до 1-го мая 1846 года опредѣленная существующими законодательными давности и по коимъ до того числа никакого производства не было, покрываются силою сей давности. Сіе же правило примѣнять и къ тѣмъ преступленіямъ и проступкамъ, которые по новому Уложенію покрываются давностію кратчайшею и по коимъ въ теченіе сей вновь-установленной давности и до 1-го мая 1846 года также никакого производства не было. При сѣмъ однакоже предоставленное действующимъ до сѣихъ законами частнымъ лицамъ право преслѣдованія и иска остается въ нынѣшнихъ его предѣлахъ.

8) Если по производящимся въ Правительствующемъ Сенатѣ или въ судахъ 1-й и 2-й степени дѣла о тяжкихъ преступленіяхъ и преступленіяхъ, которые по повелію Уложенію подлежатъ судебному разсмотрѣнію не иначе, какъ въ-слѣдствіе жалобы со стороны оскорбленнаго противозаконнымъ дѣяніемъ лица, состоялась уже до 1-го мая 1846 года окончательное рѣшеніе, то оное приводить въ исполненіе на указанныя выше основанія. Но если такого рѣшенія еще не послѣдовало, то означенныя дѣла, когда они возникли не до вѣску обвиненнаго, а до силъ дѣйствовавшихъ доселѣ законовъ, въ дальнѣйшемъ ихъ ходѣ пріостанавливать и возобновлять производство оныхъ только въ случаѣ принесенія о томъ просьбъ или жалобъ дѣданъ, имѣющими по Уложенію право вѣнчанія подобнаго рода искорѣ. Сроку на подачу сихъ жалобъ назначается: для пребывающихъ въ пределахъ имперіи, годовыи, а для находящихся за границею двухъ-годовыи, считая оный съ 1-го мая 1846 года. Когда же въ-теченіе сего времени жалобы подано не будетъ, или принесенныя оныя оставить въ-продолженіи определенныхъ сроковъ 163-ю Уложенія сроковъ безъ ходженія, то производство дѣла, если только оное не принадлежитъ къ разряду тѣхъ особенныхъ дѣлъ, кои указаны въ статьѣ 164-й новаго Уложенія о наказаніяхъ, прекращенъ и дѣла дѣла навсегда забвѣны.

9) Неоконченныя по 1-ю мая 1846 года уголовными палатами дѣла о тяжкихъ преступленіяхъ, содѣянныхъ подсудимыми послѣ 17-лѣтняго возраста, но прежде достиженія 21-го года отъ роу, оставлять въ производствѣ сихъ палатъ, вмѣнивъ имъ въ обязанность постановлять по означеннымъ дѣламъ приговоры на основаніи установленныхъ для соискственныхъ судовъ правилъ и потомъ дѣла сіи вносить на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената.

— Въ Именномъ Высочайшемъ указѣ, данномъ марта въ 30-й день, изображено:

«Признавая необходимымъ принять особыя мѣры для приведенія въ положительную извѣстность всѣхъ вообще лицъ, составляющихъ теперь княжескія и дворянскія фамиліи по Грузинъ и Имеретинъ, еще неутвержденнаго правительствомъ, Мы, согласно представленію наместника кавказскаго, разсмотрѣнному въ Кавказскомъ Комитетѣ, повелеваемъ:

1) Уредить для сего двѣ временныя комиссіи: одну въ Тифлисѣ, а другую въ Кутаисѣ.

2) Каждую комиссію составить изъ особаго предсѣдателя и членовъ.

3) Предсѣдателемъ въ комиссіи назначить наместнику кавказскому изъ лицъ вѣчныхъ, пользующихся общимъ довѣріемъ и извѣстныхъ своею честностію и безпристрастіемъ. О назначеніи предсѣдателя наместнику должно по свидѣніи Наместо установленнымъ порядкомъ.

4) Членовъ въ комиссіи назначить не выбирать, съ утвержденіемъ Наместника. Въ Тифлискую Комиссію избрать по три князя и по три дворянина отъ каждаго изъ уѣздовъ Грузино-Имеретинской Губерніи: Тифлисскаго, Горискаго, Телавскаго и Сигнахскаго. Въ Кутаисскую Комиссію избрать по два князя и по два дворянина отъ каждаго изъ уѣздовъ Кутаисскаго-Урлскаго, Грузино-Имеретинской же Губерніи. Въ

эту последнюю комиссію намѣстнику назначить членами еще всѣхъ тѣхъ императорскихъ князей, кои остались въ живыхъ изъ числа подписавшихся на присяжномъ листѣ съ царемъ Соломономъ.

5) Сверхъ членовъ по выборамъ, въ каждой комисіи имѣть двухъ членовъ отъ правительства: одного по назначенію намѣстника кавказскаго, а другаго по взаимному избранію Министерствъ: Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ. Члены сіи, участвуя во всѣхъ вообще дѣйствіяхъ комиссій и имѣя голосъ, равный съ прочими членами, назначаются въ особенности для наблюденія за порядкомъ дѣлопроизводства въ комиссіяхъ. Если мнѣнія ихъ будутъ несогласны съ мнѣніями другихъ членовъ, то это не должно останавливать движенія дѣлъ; но мнѣнія сіи, вмѣстѣ съ прочими мнѣніями, представляются намѣстнику, на основаніи п. 11 сего указа, по окончаніи занятій комиссій. Должность членовъ отъ правительства сравнивается, какъ въ классахъ и разрядахъ, такъ и въ окладахъ содержанія, съ должностью губернскаго и областного прокуроровъ въ Закавказскомъ-Край. Содержаніе это производится изъ государственнаго казначейства. Члены, командированные отъ министерствъ, на основаніи правилъ объ отношеніяхъ намѣстника кавказскаго, утвержденныхъ Нами 6-го января сего года, состоятъ въ непосредственномъ вѣдѣніи намѣстника и, въ случаѣ надобности, только къ нему одному входятъ съ своими донесеніями и представленіями.

6) Предоставить комиссіямъ приглашать въ свои засѣданія тѣхъ князей и дворянъ, кои по своимъ познаніямъ обстоятельствъ края, могутъ разрѣшать встрѣчающіяся въ комиссіяхъ сомнѣнія и недоразумѣнія; но кои, занимая разныя должности по частямъ военной или гражданской, не могутъ быть назначены въ постоянный составъ комиссій.

7) Тифлисской Комиссіи руководствоваться въ дѣйствіяхъ ее слѣдующими правилами:

а) Узднымъ предводителямъ дворянства немедленно заняться составленіемъ по каждому узду помѣнныхъ списковъ всѣмъ вообще лицамъ, составляющимъ теперь княжескія и дворянскія фамиліи, помѣщенные въ списки, приложенномъ къ трактату царя Иракліа 1783 года, но доселѣ еще помѣнно не утвержденныя правительствомъ. Намѣстнику кавказскому назначать срокъ, въ который сіи именныя списки должны быть составлены уздными предводителями.

б) Означенные списки представлять въ комиссію, которая должна проверить ихъ со всею тщательностію и строгою осмотрительностію, и удостовѣриться о каждомъ лицѣ, внесенномъ въ списки: дѣйствительно ли происходитъ оно отъ одной изъ фамилій, названныхъ царемъ Иракліемъ, и нѣтъ ли сомнѣнія въ законности этого происхожденія; также не пропущенъ ли кто явнѣ въ спискахъ, не внесенъ ли въ оныя неправильно, и т. п.

в) Въ случаѣ какихъ-либо недоразумѣній, сомнѣній или неяснотъ о лицахъ, въ списки помѣщенныхъ, предоставляется комиссіи обращаться къ мѣстному изслѣдованію въ томъ порядкѣ, каковой указанъ въ утвержденномъ Нами 23 октября 1844 года опредѣленіи Общаго Собранія

первыхъ трехъ Департаментовъ Правительствующаго Сената по дѣлу о грузинскомъ и имеретинскомъ дворянствѣ;

в) Если комиссія признаетъ необходимымъ, то можетъ требовать къ своему разсмотрѣнію и документы, доказывающіе княжество и дворянство подверженнаго сомнѣнію лица.

8) Кутаиской комиссіи дѣйствовать на тѣхъ же главныхъ основаніяхъ, какъ и Тифлисской; но сверхъ того поручить ей:

а) Истребовать присяжные листы 1810 года и внести въ списокъ, который она должна составить, тѣхъ лицъ, княжеское или дворянское достоинство которыхъ, по мнѣнію комиссіи, несомнѣнно.

б) Отъ тѣхъ лицъ, которыхъ будутъ найдены не вполне извѣстными комиссіи, истребовать доказательства документальныя.

в) Таковыми признавать: царскія грамоты на присужденіе 23 и 35 ст. нахтанговыхъ законовъ вознагражденія за кровную обиду; грамоту царя на рѣшеніе тяжбы, если въ этой грамотѣ упомянуты соприсягатели князьями и дворянами, жалованную грамоту на дворянское имѣніе, т. е. на имѣніе съ крестьянами, и на княжеское владѣніе, т. е. на имѣніе съ дворянами и крестьянами; наконецъ, принимать еще за доказательство княжества актъ на выдачу царской дочери въ замужество.

г) Вся такіе акты разсмотрѣть по правиламъ, предписаннымъ въ утвержденномъ нами 23 октября 1844 года опредѣленіи Общаго Собранія первыхъ трехъ Департаментовъ Правительствующаго Сената.

д) Ни въ какомъ случаѣ на сихъ актахъ не должно быть основано окончательное опредѣленіе комиссіи, безъ мѣстнаго дознанія, которое должно быть произведено, принимаясь также къ порядку, предписанному въ томъ же опредѣленіи Сената;

и) Все это распространить и на тѣхъ несовѣстныхъ князей и дворянъ, фамиліи которыхъ могли бы оказаться по чему-либо пропущенными въ присяжныхъ спискахъ 1810 года.

9) Намѣстнику кавказскому дать каждой комиссіи подробныя наставленія, правила и формы для дѣлопроизводства.

10) При разсмотрѣніи и составленіи списковъ, комиссіямъ, какъ тифлисской, такъ и кутаиской, о каждомъ князѣ и дворянинѣ въ протоколахъ или журналахъ своихъ подробно объяснять: на какихъ именно основаніяхъ предполагается утвердить ихъ въ означенныхъ достоинствахъ.

11) Комиссіямъ тифлисской и кутаиской, составивъ такимъ-образомъ именныя списки всѣхъ вообще неутвержденныхъ еще правительствомъ князей и дворянъ и удостовѣривъ присягою вѣрность, добросовѣстное составленіе и полноту сихъ списковъ, представить оныя намѣстнику кавказскому за своимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ, какъ подробныхъ основаній, по которымъ предполагается утвердить каждого князя и дворянина въ сихъ достоинствахъ, и особыхъ мнѣній членовъ, если оныя будутъ поданы, такъ и своего присяжнаго листа.

12) Списки сіи, со всеми вообще означенными въ предыдущей статьѣ приложеніями намѣстнику представить на утвержденіе наше, установленнымъ порядкомъ, вмѣстѣ съ своимъ по онымъ мнѣніемъ.

13) Для действий комиссій назначить сроки: тридесской одинъ годъ, а кутанской два года. Впрочемъ, намѣстнику предоставляется, въ случаѣ надобности, продолжать срокъ для существованія каждой комиссіи еще на одинъ годъ.

14) По утвержденіи Нашемъ списковъ, дворянскому депутатскому собранію внести всѣхъ помѣщенныхъ въ оныя лѣтъ, принадлежнмъ порядкомъ, въ родословную книгу, а потомъ производить дѣла о тѣхъ, кои независимо отъ этого будутъ доказывать свои права на княжеское и дворянское достоинства.

15) Малолѣтнимъ, которые по какимъ-либо обстоятельствамъ будутъ пропущены въ спискахъ, составленныхъ комиссіями и утвержденныхъ Нами, предоставляется, по достиженіи ими совершеннолѣтія, доказывать права свои на княжеское или дворянское достоинства. Имъ, для начатія своихъ по этому предмету искомъ, назначается срокъ: для обитающихъ въ Закавказскомъ Краѣ и въ оного въ Россіи—двухъ-годовой; для обитающихъ же за границею — трехъ-годовой, считая сроки сіи со дня вступленія въ законный возрастъ. Лица сіи, въ случаѣ предъявленія ими права на княжеское и дворянское достоинства въ назначенные сроки, но по закрытіи учреждаемыхъ теперь комиссій, должны быть утверждены въ сихъ достоинствахъ Общимъ Собраніемъ Правительствующаго Сената, по предварительномъ разсмотрѣніи правъ ихъ въ дворянскомъ депутатскомъ собраніи, Совѣтѣ Главнаго Управленія Закавказскаго Края и Герольдіи, на основаніи истиннаго изслѣдованія и документовъ, которые настоящимъ указомъ требуются отъ лицъ, подверженныхъ сомнѣнію или неизвѣстныхъ въ отношеніи сего княжескаго и дворянскаго происхожденія;

и 16) За симъ порядокъ утвержденія жителей Грузіи и Имеретіи въ княжескомъ и дворянскомъ достоинствахъ, изложенный въ ст. 72, томъ IX, Свод. Зак. о Состояніяхъ, изданія 1842 года (Продолж. V) считать отнынѣ.

— По разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ представленія министра государственныхъ имуществъ о частныхъ лѣсопильныхъ заводахъ Олонецкой-Губерніи, подожено: I. Составленный имъ, по указаніямъ опыта и по соглашенію съ начальникомъ Главнаго Морскаго Штаба проектъ положенія объ олонечкихъ частныхъ лѣсопильныхъ заводахъ утвердить. II. Относительно вновь устраиваемыхъ заводовъ постановить слѣдующія правила: 1) учрежденіе новыхъ заводовъ близъ казенныхъ лѣсовъ, на разстояніи менѣе десяти верстъ, допускать не иначе, какъ съ вѣдома Министерства Государственныхъ Имуществъ, дабы оне не могли распорядиться объ усиленіи надзора за ближайшими къ заводамъ лѣсами въ предупрежденіе самовольныхъ порубокъ; 2) владельцамъ новыхъ заводовъ предоставлять получать для распорядка казенный лѣсъ: или на общихъ правилахъ объ отпускахъ оного, или просить льеное управленіе объ отводѣ особыхъ для сего казенныхъ лѣсныхъ дѣлъ или участковъ въ извѣстномъ пространствѣ; 3) если даны или участки для лѣсныхъ управленіемъ признаны будутъ безпредѣльными въ отношеніи, то заключать съ заводчиками контракты, на извѣстное число лѣтъ,

по взаимному согласію; 4) въ контрактахъ этихъ определять: а) число и размеры деревъ, которыя предоставляется вырубать ежегодно для заводовъ, б) порядокъ вырубки, вывозки и свидѣтельствованія дровъ, и в) величину и родъ платежа за отпускаемыя деревья. 5) Постановленною въ контрактъ цѣну за деревья оставлять неизмѣнною во все продолженіе контрактнаго срока. 6) Заводчикамъ, заключившимъ контракты, дозволить распиливаемыя на заводахъ доски отпускать безпрепятственно за границу на основаніи тарифа. 7) Предъ окончаніемъ установленнаго нынѣ срока дѣйствій существующихъ уже частныхъ лѣсопильныхъ заводовъ, предоставить Министерству Государственныхъ Имуществъ войти въ соображеніе о возможности распространенія означенныхъ правилъ и на эти заводы. Это мнѣніе Государственнаго Совета Высочайше утверждено въ 11 день марта.

— Постановлено, что предоставленіе званія степенныхъ гражданъ тѣмъ бургомистрамъ, которые съ похвалою окончили свою службу, когда это удостоверяно будетъ собраніемъ должныхъ о томъ свидѣній, принадлежать главнымъ начальникамъ губерній, а гдѣ ихъ нѣтъ, гражданскимъ губернаторамъ, чрезъ губернскія правленія. О дозволеніи же имѣваться степенными гражданами выдается удостоеннымъ сего особымъ лицамъ надлежающее отъ губернскихъ и областныхъ правленій свидѣтельство съ публикованіемъ о томъ въ губернскихъ ведомостяхъ.

— Обнародованы Высочайше утвержденныя правила отчетности комитета, Высочайше утвержденного въ 18 день августа 1814 года.

— Въ Высочайшемъ указѣ, послѣдовавшемъ въ 30-й день марта 1846 года, на имя черниговскаго, полтавскаго и харьковскаго генерал-губернатора, князя Долгорукова, изображено:

Списхода къ стѣсненному положенію некоторыхъ губерній, въ коихъ, при избыткѣ хлѣба и при недостаткѣ способовъ къ сбыту оного, весьма затрудняется пополненіе накопившихся недоимокъ, по представленію особаго по сему предмету комитета. Мы утвердили въ 12-й день марта 1845 года мѣры льготной уплаты недоимокъ хлѣбомъ, съ обращеніемъ оного на текущее войскъ продовольствіе. Главныя основанія сихъ мѣръ, введенныхъ уже въ видъ опыта въ губерніяхъ Полтавской, Харьковской и Курской, изложены въ указѣ Правительствующаго Сената отъ 3-го апрѣля того же 1845 года.

Въ постоянной заботливости о благосостояніи Нашихъ подданныхъ, Мы признали возможнымъ допустить льготную уплату недоимокъ хлѣбомъ въ размѣрѣ болѣе обширномъ, съ обращеніемъ оного въ запасы и на другія потребности войскъ дѣйствующей арміи.

Въ свидѣствіе чего и поручаемъ вамъ, какъ главному мѣстному начальнику:

1) Нынѣ же въ губерніяхъ Черниговской, Полтавской и Харьковской, — независимо отъ уплаты недоимокъ провіантомъ, производящейся въ двухъ послѣднихъ губерніяхъ, — открыть сборы хлѣба, за недоимку же, на основаніяхъ, въ указѣ Правительствующаго Сената отъ 3-го апрѣля 1845 года изложенныхъ, предоставляя собственному вашему усмотрѣнію сбо-

ры сім первоначально ввести въ тѣхъ уѣздахъ каждой губерніи, гдѣ, по мѣстнымъ соображеніямъ, признаете сіе наиболее удобнымъ.

2) Такъ-какъ накопленіе въ трехъ поименованныхъ губерніяхъ податныхъ недоимокъ ведетъ въ одно и то же время къ истощенію государственныхъ средствъ и къ постоянному отягощенію самаго края; а очищеніе оныхъ лежитъ на ответственности и заботливости вашей, то съ тѣхъ, кои не пожелаютъ воспользоваться даруемою льготой, вы не оставите производить взысканіе недоимокъ на основаніи законовъ.

3) Собранный за недоимку хлѣбъ и поставленный въ тѣ пункты на р. Днѣпръ и Десну, которые вы найдете удобнымъ назначить, по сплаву онаго, вы будете высылать въ Кіевъ и другія мѣста, куда надобность востребуетъ.

4) На первый случай, въ теченіи наступающей навигаціи, поручаемъ вамъ доставить въ Кіевъ 25,000 четвертей муки, съ соответствующею пропорціею ярунъ, отнюдь не позже 1-го октября сего года, изъ недоимочнаго хлѣба или изъ запасныхъ магазиновъ, съ тѣмъ непременнымъ, въ последнемъ случаѣ, условіемъ, чтобы магазины сіи пополнены были изъ недоимочныхъ сборовъ въ вышнемъ еще году, по окончаніи осеннихъ работъ, первымъ зимнимъ путемъ.

5) Такъ-какъ учрежденіе въ обширномъ размѣрѣ и усвоенный ходъ сей благотворительной мѣры потребуетъ въ началѣ особыхъ расходовъ, то Мы разрешаемъ васъ, тотчасъ по полученіи сего указа Нашею, собрать точныя свѣдѣнія, смѣту требующихся издержекъ представить на разсмотрѣніе и утвержденіе Наме.

6) Основанія, на коихъ имѣютъ быть производимы расчеты по сей операціи и другія подробности, до сего предмета относящіяся, предварительно утверждены Нами и имѣютъ быть съ симъ вмѣстѣ сообщены вамъ военнымъ министромъ Нашимъ.

7) О ходѣ всего дѣла, Мы разрешаемъ васъ доносить прямо Намъ и, въ случаѣ надобности, непосредственно испрашивать Нашею разрѣшенія.

И. ГУБЕРНСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

— Обнародовано положеніе о сборѣ съ недвижимыхъ имуществъ въ Санктпетербургѣ, рассмотрѣнное въ Государственномъ Совѣтѣ и Высочайше утвержденное 6 числа марта мѣсяца. Представляемъ извлеченіе изъ сего положенія. Владѣльцы недвижимой собственности въ Санктпетербургѣ подлежатъ въ пользу городской общественной казны денежному ежегодному сбору съ оцѣнки ихъ имуществъ. Отъ платежа этого сбора изъемяются: 1) всѣ зданія и имѣнія, принадлежащія Божіимъ храмамъ православнаго исповѣданія; 2) зданія и имѣнія, принадлежащія храмамъ другихъ христіанскихъ исповѣданій; 3) Императорскіе Дворцы и вообще всѣ мѣста и зданія, принадлежащія членамъ Императорской фамиліи; 4) имѣнія, состоящія въ вѣдомствѣ попечительнаго

совѣта заведеній общественнаго призрѣнія, а равно приказа общественнаго призрѣнія въ Санктпетербургѣ; 5) имѣнія, принадлежащія императорскому Человѣколюбивому Обществу и другимъ благотворительнымъ учрежденіямъ; 6) имѣнія, принадлежащія иностраннымъ посольствамъ; 7) казенныя имѣнія, или части оныхъ, неотдаваемые въ наемъ и не приносящія доходовъ; 8) имѣнія городскія, какъ не приносящія, такъ и приносящія доходъ; 9) общественныя имѣнія, или части оныхъ, неотдаваемые въ наемъ и не приносящія доходовъ; 10) дома церковно-и священно-церковно-служителей православнаго исповѣданія какъ дѣйствительно-служащихъ, такъ и уволенныхъ отъ службы за старостью и болѣзнями, а также дома вдовъ и сиротъ сего званія; 11) тѣ изъ имѣній частныхъ лицъ, которыя пользуются особыми Высочайше дарованными привилегіями; 12) тѣ изъ имѣній частныхъ лицъ, которыхъ оцѣнка не превышаетъ 300 р. с. и 13) имѣнія причисленныхъ къ городу поселеній Большой и Малой Охтѣ. Для распределенія сбора съ недвижимыхъ имуществъ дѣлается имъ оцѣнка, которою приводится въ извѣстность чистый доходъ, каждымъ имѣніемъ доставляемый. Для опредѣленія чистаго дохода приводится въ извѣстность валовой доходъ по имѣнію и расходы по оному. Расходы принимаются только необходимыя и ежегодныя, но отнюдь не такіе, которые зависятъ отъ прихоти владѣльца и напимателей. По приведеніи въ извѣстность валоваго дохода и расходовъ, послѣдніе исключаются изъ перваго и за тѣмъ, сообразно выведенному чистому доходу, опредѣляется оцѣночный капиталъ имѣнію. При опредѣленіи оцѣночнаго капитала наблюдается, чтобъ чистаго дохода приходилось на капиталъ по 10, 8 и 7 процентовъ. Различіе въ процентахъ зависитъ отъ рода оцѣняемыхъ имуществъ, а именно: 10 проц. принимается для оцѣнки домовъ, фабрикъ, заводовъ и бань; 8 проц. для оцѣнки лавокъ съ накатными потолками, а также пустопорожнихъ мѣстъ, огородовъ и т. п., 7 процент. для оцѣнки лавокъ съ сводами. Общая оцѣнка производится съ Высочайшаго разрѣшенія, по представленію о томъ министра внутреннихъ дѣлъ, и производится посредствомъ депутатскихъ оцѣночныхъ комиссій. Производство частныхъ оцѣнокъ и переоцѣнокъ возлагается на обязанность распорядительной думы, которая для этого должна слѣдить за всѣми измѣненіями въ имѣніяхъ, какъ въ отношеніи возведенія новыхъ строеній и уничтоженія прежнихъ, такъ и въ отношеніи перехода имѣній отъ одного владѣльца къ другому. Владѣльцы недвижимыхъ имуществъ, подлежащихъ сбору, вносятъ ежегодно по одному проценту со всей той суммы, въ какую имущества ихъ оцѣнены, исключая, впрочемъ, амщиковъ Московской Ямской Слободы, которые, подлежа общественнымъ повинностямъ по своему сельскому состоянію, платятъ городу только пол-процента съ оцѣночной ихъ имуществъ суммы. Сборъ вносится въ думу за каждые шесть мѣсяцевъ въ два срока, и именно къ 1-му мая и къ 1-му ноября. Предоставляемая думѣ мѣра побужденія владѣльцевъ къ уплатѣ числящихся на нихъ недоимокъ суть слѣдующія: 1) когда по истеченіи трехъ мѣсяцевъ со дня минуванія срока, опредѣленнаго для взноса городского сбора, недоимка, съ причитающеюся по §§ 75 и 76

пеню не будетъ внесена, то дума дѣлаетъ, по сношеніи съ кѣмъ слѣдуетъ, распоряженіе о назначеніи военного поста въ натурѣ въ жилища строенія неисправныхъ плательщиковъ, неотданныя въ наемъ, или хотя и отданныя, но не вполне, а только частію; такія же имущества ихъ, которыя, по свойству своему, не могутъ быть заняты военными постосемъ, какъ то: лавки, складочныя мѣста, огороды, и проч., а равно и жилища строенія, отданныя въ наемъ вполне, — берутся въ присмотръ, и все доходы съ нихъ собираются думою до совершенной уплаты долга въ городской сборъ. 2) Если и за сими недоимка будетъ увеличиваться и вѣсть съ пеню возрастетъ до 3% съ оцѣночной суммы имѣнія, подлежащаго платежу городского сбора, то на такія имѣнія, какъ занятыя военными постосемъ, такъ и взятые въ присмотръ думы, налагается въ писемъ крѣпостей и всякихъ другихъ сдѣлокъ запрещеніе, а самыя имѣнія берутся въ опеку и въ пополненіи съ нихъ недоимокъ поступаетъ по особымъ правиламъ, и 3) Въ случаѣ накопленія, за всѣми сими мѣрами, недоимокъ и пеня до 6% съ оцѣночнаго капитала, имѣнія, на которыхъ подобная недоимка накопится, продаются, на пополненіе ея, съ публичнаго торга.

— Учреждены въ Минской-Губерніи между слободою Якимовичскою и городомъ Рачицею, вмѣсто одной, двѣ станціи: первая при корчмѣ Крапивнѣ, въ 20¹/₂ верстахъ отъ Якимовичъ, а вторая при корчмѣ Мадаргата, въ 18 верстахъ отъ Крапивны и въ 17¹/₂ верстахъ отъ города Рачицы.

— Высочайше утверждено положеніе объ учрежденіи Временнаго Отдѣленія вмѣсто Временной Санктпетербургской Управы Благочинія. Представляетъ краткое изъясненіе изъ этого положенія. Временное Отдѣленіе состоитъ изъ председателя, двухъ совѣтниковъ, одного засѣдателя по выбору отъ городского общества и канцеляріи. Оно учреждается для производства и окончанія нерѣшенныхъ дѣлъ какъ бывшей Управы Благочинія и существовавшаго при ней съ 21 мая 1838 года по 1 января 1842 года временнаго отдѣленія, такъ и нынѣ закрытой Временной Управы Благочинія. Независимо отъ дѣлъ, которыя изъ Временной Управы Благочинія переданы будутъ во Временное Отдѣленіе, въ него поступаютъ для дальнѣйшаго производства и рѣшенія все требованія, которыя могутъ возникнуть по дѣламъ, производившимся въ бывшей Управѣ Благочинія или во временномъ ея отдѣленіи, а также дѣла, разрѣшеніе которыхъ требуетъ соображенія съ прежними дѣлами управы, производившимися до открытія департаментовъ. Временное Отдѣленіе, по дѣлопроизводству, степени власти и подчиненности, состоитъ на правахъ департаментовъ Управы Благочинія и въ исполненіи возложенныхъ на него обязанностей, сверхъ настоящаго положенія, руководствуется положеніемъ 1-го апрѣля 1838 года и дополнительными къ нему правилами 24 декабря 1842 года. Временное Отдѣленіе раздѣляется на двѣ экспедиціи, изъ которыхъ каждая состоитъ подъ управленіемъ особаго совѣтника, изъ экспедитора, столоначальниковъ съ ихъ помощниками и журналиста. Сверхъ того, находится секретарь на правахъ правителя канцеляріи, общій журналистъ съ помощникомъ, кан-

началь, бухгалтеръ и экскурторъ. Первая ассамблея состоитъ изъ трехъ столовъ: исполнительнаго и распорядительнаго, почетнаго и нейтральнаго, а вторая состоитъ изъ двухъ столовъ: славянофильскаго и западно-славянскаго.

— Постановлено, что въ число предисловій, принадлежащихъ, по статьѣ 3974 Учрежденій Губернскихъ, управленію мерскихъ начальниковъ въ торговыхъ и мѣстахъ военныхъ цортахъ, гдѣ эти начальники имѣютъ права военныхъ губернаторовъ, заключается и опредѣленіе и увольненіе въ мѣстахъ городского вѣдомства всѣхъ тѣхъ чиновниковъ, назначеніе и утвержденіе которыхъ въ прочихъ городахъ зависитъ отъ губернскихъ правленій.

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА АПРѢЛЬ 1846 ГОДА.

Народное просвѣщеніе.—Къ штату Шемахинскаго Уезднаго Училища разрѣшено прибавить одного законоучителя православнаго исповѣданія, съ жалованьемъ по 200 руб. сер. въ годъ изъ государственнаго казначейства.

— Министръ народнаго просвѣщенія вносилъ въ Комитетъ Министровъ составленный имъ проектъ положенія о специальныхъ испытаніяхъ для некоторыхъ должностей вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія. Комитетъ, признавъ этотъ проектъ соответствующимъ предназначенной цѣли, полагалъ оный утвердить; при чемъ Комитетъ въ отношеніи къ учителямъ искусства, которые не включены въ означенный проектъ, полагалъ тѣмъ учителямъ искусство вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, надѣляющимъ ихъ особыми правами службы, которые въ настоящее время принадлежатъ по упомянутымъ должностямъ, сохранить сія права, подчинивъ ихъ однако по

приобретению первого класснаго чина общему действию Высочайше утвержденныхъ 28 ноября 1844 года дополнительныхъ правилъ къ Уставу о Службѣ Гражданской; на тѣхъ же, которые будутъ вновь определены, распространить общее правило о исчисленіи учителей искусства въ государственной службѣ. Положеніе Комитета Министровъ и проектъ правилъ Высочайше утверждены въ 1-й день мая. Содержаніе положенія о специальныхъ испытаніяхъ слѣдующаго содержанія:

1) На основаніи § 7 Высочайше утвержденныхъ 28 ноября 1844 года дополнительныхъ правилъ къ Уставу о Службѣ Гражданской, настоящее положеніе имѣетъ цѣлю опредѣлить объемъ специальныхъ испытаній для должностныхъ лицъ ведомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, подлежащихъ пзнятію пзъ общаго правила на счетъ производства въ первый классный чинъ.

2) Лица сіи суть: а) Учителя въ уездныхъ училищахъ; б) учителя иностранныхъ языковъ въ дворянскихъ институтахъ, гимназіяхъ, Санктпетербургскомъ Нѣмецкомъ Училищѣ-св.-Петра, отдѣленіяхъ гимназій и дворянскихъ уездныхъ училищахъ; в) комнатные надзиратели въ дворянскихъ институтахъ, въ пансіонахъ гимназій и вообще казенныхъ воспитательныхъ заведенійхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; г) домашніе учителя; д) учителя приходскихъ и начальныхъ училищъ, также приготовительныхъ классовъ; и е) учителя рисованія, черченія и чистописанія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ сего министерства, отъ дворянскаго института до уезднаго училища включительно.

3) Для опредѣленія въ должности, означенныя въ ст. 2, надлежитъ выдержать установленное для каждой пзъ нихъ специальное испытаніе.

4) Специальное испытаніе предшествуетъ опредѣленію къ должности, и во время служенія въ томъ же званіи не повторяется. На семъ же основаніи лица, вступившія въ истечение выше должности, по удостовереніи въ ихъ познаніяхъ и способности до состоянія сего положенія, не подчиняются дѣйствию онаго на счетъ новыхъ специальныхъ испытаній.

5) Специальныя испытанія бываютъ двухъ родовъ: общія и частныя. Первые назначаются для кандидатовъ на учительскія и надзирательскія мѣста, неимѣющихъ аттестатовъ объ успѣшномъ окончаніи полнаго курса въ одномъ пзъ казенныхъ учебныхъ заведеній, и объемлютъ безъ исключенія всѣ науки, заключающіяся въ программѣ, съ обращеніемъ однако особеннаго вниманія на предметы, которые испытуемый преподавать намѣренъ. Вторыя, для лицъ, получившихъ образованіе въ сихъ заведеніяхъ и снабженныхъ одобрительными отъ нихъ аттестатами, имѣютъ цѣлю удостовѣреніе, что кандидаты, при практической ихъ способности, обогащены пужными свѣдѣніями въ предметахъ, къ преподаванію коихъ они себя предназначаютъ.

6) Предметы сіи, въ томъ и въ другомъ испытаніи, называются *макыж*.

7) Испытаніе въ главныхъ предметахъ всегда сопровождается чтеніемъ пробныхъ уроковъ.

8) Общія и частныя спеціальныя испытанія на званіе учителей *уездныхъ училищъ, учителей новоязычныхъ иностранныхъ языковъ, коммѣстныхъ надзирателей и домашнихъ учителей, производятся въ университетахъ или лицѣяхъ, а по особому разрѣшенію попечителя учебнаго округа, и въ гимназіяхъ, не иначе однако, какъ въ собраніи членовъ педагогическаго совѣта, и, если гимназія находится въ одномъ городѣ съ управленіемъ учебнаго округа, въ присутствіи инспектора казенныхъ училищъ. Въ семъ же совѣтѣ бывають общія и частныя спеціальныя испытанія на званіе учителей приходскихъ, начальныхъ училищъ, приготовительныхъ классовъ и учителей рисованія, черченія и чистописанія.*

9) Къ общему спеціальному испытанію на званіе учителя *уезднаго училища* допускаются кандидаты только въ такомъ случаѣ, если не окажется возможности замѣстить вакантныя мѣста кончившими курсъ ученія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, или по-крайней-мѣрѣ въ гимназіяхъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

10) Предметы общаго спеціального испытанія на званіе *учителя уезднаго училища* суть: 1) Законъ Божій, священная и церковная исторія; 2) руссійская грамматика, словесность и логика; 3) арифметика; 4) геометрія; 5) географія; 6) исторія.

11) Свѣдѣнія въ сихъ предметахъ вообще требуются по объему преподаванія оныхъ въ гимназіяхъ, и самыя испытанія производятся по правиламъ, утвержденнымъ министромъ народнаго просвѣщенія для учениковъ, выпускаемыхъ изъ гимназій по окончаніи полнаго курса.

12) Испытаніе въ главномъ предметѣ отличается отъ сего общаго порядка и совершенно соответствуетъ частному спеціальному испытанію, которое состоитъ въ нижеслѣдующемъ: представшій на испытаніе долженъ: а) рѣшить словесно пять вопросовъ, а письменно два, которые избираются по жребію изъ многихъ, вмѣстѣ съдѣланныхъ, объясняющихъ всю науку; б) написать краткое разсужденіе на заданную испытателями тему, прямо относящуюся къ предмету испытанія, и в) дать пробный урокъ.

13) Испытатели, при семъ последнемъ случаѣ, обязаны обратить особенное вниманіе на ясность изложенія, точность выраженій и легкость, съ какими испытуемый можетъ преподавать свой предметъ, развивая постепенно незрѣлыя еще понятія учениковъ.

14) Неполучившій въ главномъ предметѣ высшей отъѣтки, означаемой цифрою 5 (отлично), не можетъ быть определенъ въ учителя *уезднаго училища*.

Примѣчаніе. Существующая нынѣ программа испытанія на званіе учителя *уезднаго училища* въ Дерптскомъ Учебномъ Округѣ (пространство здѣсь наложенной) остается безъ измѣненія.

15) Предметы общаго спеціального испытанія для *учителей новоязычныхъ иностранныхъ языковъ*, суть: 1) Законъ Божій, священная и церковная исторія; 2) русскій языкъ, включая и высшую часть грамматикъ; 3) французскій и немецкій языкъ. Грамматика во всей подро-

сти; литература и история литературы; 4) арифметика; 5) география; 6) всеобщая история.

16) Своденіи съ наукъ преподаются, притомъ должны, требоваться по общему преподаванію науки въ училищахъ учащихся, а въ сѣмъ же иностраннѣмъ языкѣ, какъ въ главномъ предметѣ, основательнѣе по нѣмъ отношеніямъ науки съ жизнью отнѣтно 5. Испытаніе преподавателя по нѣмъ не производится, нѣмъ постановлены для учителей училища учащихся.

17) Иностранная, а въ особенности приближеніе келье въ-изъ сѣмъ, могутъ, по усмотрѣнію начальства учебнаго округа, быть освобождены отъ испытаній въ русскій языкъ.

18) Лица, окончившія съ успѣхомъ курсъ ученія въ сѣмъ же среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, или въ училищахъ учащихся, и получившія удовлетворительное въ томъ аттестаты, подготавливаются, для сдѣланія учителей одного изъ иностранныхъ языковъ, только частному спеціальному испытанію, съ соблюденіемъ правилъ, постановленныхъ въ ст. 12 и 13.

19) На сѣмъ же основаніи производится общій и частный спеціальныя испытанія кандидатовъ преподавателей, съ тѣмъ же разнѣнны; въ въ сѣмъ же одного иностраннаго языка, въ томъ же впрочемъ общемъ, почитается достаточною отнѣтка 4 (хорошо).

20) Общее спеціальное испытаніе для желающихъ учителей сдѣлать преподаваніе предмета: 1) Законъ Божій, свѣщенныя и церковныя науки; 2) одна изъ предметовъ естественнаго курса, въ преподаваніи котораго преподаватель себя испытываетъ; 3) грамматическое знаніе русскаго, а для иностранцевъ впрочемъ ихъ языка; 4) арифметика; 5) география; 6) всеобщая история.

21) Своденіи въ наукъ преподаются вообще должны преподаваться по общему преподаванію наукъ въ училищахъ учащихся, а главнаго общему преподаванію въ училищахъ.

22) Въ случаѣ избранія преподавателя за главнымъ предметъ своего преподаванія иностраннаго языка, по желанію кандидата и итальянскаго, объемъ познаній въ ономъ требованъ не менѣе ст. 15.

23) Испытаніе производится по нѣмъ же основаніямъ, какъ преподаванію наукъ въ сѣмъ же въ училищахъ учащихся, нѣмъ 4 для сдѣланія преподавателя одного изъ иностранныхъ языковъ.

24) Частное спеціальное испытаніе для желающихъ преподаванію наукъ въ сѣмъ же случаѣ, означенномъ въ ст. 18.

25) Къ общему спеціальному испытанію на званіе учителя въ высшемъ или начальномъ училищахъ, также приобщаются классы, допускаются кандидаты только въ такомъ случаѣ, если не окажется возможности замѣстить вакантныя мѣста кончившими съ успѣхомъ курсъ ученія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ или по крайней мѣрѣ въ училищахъ учащихся.

26) Для сдѣланія спеціальнаго испытанія кандидаты могутъ быть: а) изъ числа учителей городского приходскаго училища или приобщеннаго къ сѣмъ же, и б) изъ числа учителей сельскаго приходскаго училища.

27) Предметы первого суть: 1) Законъ Божій, священная и церковная исторія; 2) русскій языкъ, включая и высшую часть грамматики, при чемъ требуется краткій и легкій опытъ сочиненія; 3) арифметика; 4) географія; 5) исторія государства російскаго и всеобщая, но сокращенная.

28) Свѣдѣнія въ сихъ предметахъ опредѣляются объемомъ преподаванія оныхъ въ уздномъ училищѣ, испытаніе производится на основаніи общихъ, изложенныхъ выше правилъ; отыѣтка ниже 4 въ русскомъ языкѣ и арифметикѣ, какъ предметахъ главныхъ, признается неудовлетворительною.

29) Частное специальное испытаніе на званіе учителя городского приходскаго училища или приготовительнаго класса имѣетъ мѣсто въ случаяхъ, означенномъ въ ст. 18.

30) Предметы второго испытанія заключаются въ слѣдующемъ: 1) краткая священная исторія и краткій катихизисъ; 2) правильное и свободное чтеніе печатныхъ книгъ и рукописей; 3) умѣнье писать чисто и четко, съ соблюденіемъ правилъ правописанія; 4) арифметика, до тройнаго правила включительно.

31) Если городское или сельское приходское училище, а равно и приготовительный классъ, въ которомъ ищеть мѣсто испытуемый, устроены по способу взаимнаго обученія, въ такомъ случаѣ, сверхъ означенныхъ въ ст. 27 и 30 предметовъ, требуется отъ него знаніе методы взаимнаго обученія.

32) Желающій занять мѣсто учителя приходскаго или начальнаго училища, также приготовительнаго класса, сверхъ испытанія, обязанъ, въ доказательство способности къ начальному обученію, дать пробный урокъ въ присутствіи педагогическаго совѣта гимназій и по его назначенію.

33) Испытаніе учителей *рисованія, черченія и чистописанія* въ двухъ первыхъ и главныхъ предметахъ ихъ званія производится по правиламъ, составленнымъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія по соглашенію съ Императорскою Академіею Художествъ. Независимо отъ сего они должны выдержать испытаніе въ предметахъ, означенныхъ въ ст. 30 и написать удовлетворительно нѣсколько изреченій въ видѣ прописи; чтеніе же пробныхъ уроковъ не относится къ ихъ обязанности.

Общее примѣчаніе. Лица иностранныхъ исповѣданій, желающія подвергнуться одному изъ установленныхъ здѣсь испытаній въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ законоучителей сихъ исповѣданій, представляютъ письменныя удостовѣренія отъ своихъ священниковъ и пасторовъ въ томъ, что имѣютъ требуемыя познанія въ законѣ Божіемъ, священной и церковной исторіи, и за тѣмъ освобождаются отъ испытанія въ этихъ предметахъ.

Благодѣлительность. — Въ Санктпетербургскую Дѣтскую Больницу съ 1 января по 1 апреля 1846 года поступило дѣтей обоего пола 213 человекъ, и приходящихъ въ залу явилось 1460 человекъ.

— 6 апреля, по распоряженію председательницы Дамскаго Попечительнаго о Тюремнѣ Комитета, г-жи Потемкиной, въ тюремномъ замкѣ открытъ арестантскій дѣтскій пріютъ.

IV

ДОМОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВООБЩЕ.

ОТЧЕТЪ, ЗА ОДИННАДЦАТЬ ЛѢТЪ, О ХОДѢ И ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ ВОЛХОВСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

(Окончаніе.)

ОЗИМАЯ РОЖЬ. — О невыгодѣ у насъ рѣдкихъ посѣвовъ; о раннемъ и позднемъ сѣвѣ; о серпѣ и косѣ, и вообще о уборкѣ хлѣба, послужившей поводомъ ко многимъ спорамъ.

ОЗИМАЯ РОЖЬ.

Хлѣбъ, наиболѣе воздѣлываемый въ Средней и Сѣверной-Россіи, есть обыкновенная озимая рожь, служащая всѣдневною пищею всѣмъ простолюдиамъ нашего отечества. Къ-сожалѣнію, на это главное произведеніе полей нашихъ рѣдко случается сильное требованіе за границу; обыкновенный же отпускъ этого хлѣба весьма невеликъ, почему въ урожайные годы рожь у насъ не имѣетъ почти никакой цѣны.

Т. XLVI. — Стл. IV.

Замѣтимъ, что въ болховскомъ хозяйствѣ, въ-теченіи одиннадцати лѣтъ, рожь родилась очень-худо, т. е. пришла самъ-1¹/₃, только однажды, въ 1840 году; вообще же, она круглымъ числомъ съ экономической десятины принесла ежегоднаго чистаго дохода по 99 руб. асс. (см. ведомость подъ № 2).

Неотъемлемое достоинство ржи состоитъ въ томъ, что она можетъ родиться подъ самымъ неблагоприятнымъ небомъ и почти на всякой почвѣ—и тучной (*) и весьма-тощей: натурально, что урожаи зерна и соломы будутъ соответствовать качеству этихъ почвъ; но все-таки рожь можетъ на нихъ родиться,—а этого уже много, ибо жители холодныхъ странъ спасены отъ голода.

О посѣвѣ ржи.

Въ той полосѣ Россіи, гдѣ находится наше хозяйство, сѣять на экономическую десятину по 1 четверт. 4 четверик. ржи. Это количество сѣменъ, въ-сравненіи съ высѣваемымъ въ иностранныхъ хозяйствахъ, хотя и велико, но совершенно-соответственно нашему климату и прочимъ условіямъ мѣстности. Г. Сабуровъ прежде насъ превосходно объяснилъ, почему въ средней и сѣверной полосахъ Россіи посѣвъ долженъ производиться *позже*, нежели въ хозяйствахъ Западной-Европы, выставляемыхъ намъ въ образецъ: болховскому хозяину остается присовокупить къ объясненію г. Сабурова (**) еще одно на опытъ основанное доказательство, что у

(*) Весьма-тучныя почвы, если онѣ только не кислы, пригодны для пшеницы; рожь на нихъ, въ дождливое лѣто, совершенно вылегаетъ и даетъ весьма скудный урожай плохаго зерна, тогда-какъ пшеница принесла бы значительный доходъ.

(**) См. «Записки Пензенскаго Земледѣльца» въ «Отеч. Запискахъ» за 1842 годъ, книжка 1-я, стран. 15-я, гдѣ между прочимъ г-нъ Сабуровъ говоритъ: «Конечно, въ климатѣ, гдѣ посѣвы начинаются во время, или около осенняго и осенняго равноденствій, когда, слѣдовательно, идутъ при посѣвѣ, около посѣва, или вскорѣ послѣ него, частые дожди (что неострашно случается въ Западной-Европѣ), когда весенніе посѣвы начинаются гораздо-раньше того времени, въ которое насѣкомыя могутъ быть пагубны молодымъ всходамъ, а осенніе послѣ того, какъ обжорство этихъ насѣкомыхъ прекратилось; гдѣ вѣтъ жестокихъ морозовъ, долго лежащихъ снѣговъ, посѣвъ всѣхъ вообще зеренъ долженъ быть рѣже, нежели у насъ въ средней и сѣверной полосахъ, гдѣ яровые посѣвы приходятся въ апрѣлѣ, когда начинаются не мартовскіе равноденственные дожди, но сухіе восточные вѣтры, или вдругъ жаркіе дни, а озимые съ 1-го августа, за 40 дней прежде осенняго равноденствія, когда еще продолжается самое жаркое время года,—и выше-объясненныя неблагоприятныя вліянія отъ температуры и насѣкомыхъ всегда въ помощь дѣйствуютъ, отъ которыхъ, много или мало, но ежегодно хозяйства страдаютъ. Это двойное пагубное вліяніе заставило не только дѣлать посѣвы чаще, но и разсѣивать»

насъ рѣдко спятъ какой бы то ни было хлѣбъ вовсе не годится, и вотъ почему.

Въ Россіи рано весною наступающіе (безъ постепенности, а непосредственно послѣ заморозовъ и холода) нестерпимые жары и сильныя сухіе вѣтры, совершенно останавливаютъ ростъ растений и препятствуютъ куститься рѣдко-посѣянными хлѣбамъ (*), еще не успѣвшимъ къ благопріятному времени *укрыть* и *отлѣпить* землю, а слѣдовательно и предохранить какъ ее, такъ и корни свои, отъ вреднаго вліянія вѣтровъ и жара (**). При наступленіи болѣе благопріятной погоды, густо-растущіе хлѣба быстро оправляются и идутъ въ ростъ, а рѣдкій и пострадавшій уже хлѣбъ, при тѣхъ же обстоятельствахъ, не имѣя времени куститься (хлѣбъ кустится только въ первый періодъ своего роста), вытягивается въ тонкіе стебли, кой-гдѣ разсыянные по нивѣ. Въ-послѣдствіи, этотъ рѣдкій хлѣбъ ломается и путается при каждомъ сильномъ дождѣ и вѣтрѣ, и къ жатвѣ остается его на корню самое ничтожное количество; такой хлѣбъ должно считать почти пропавшимъ.

Объяснивъ, какое пагубное вліяніе имѣетъ дурная весна и засу-

на двойную температуру, сухую и сырую, и на двойные всходы, отъ зеренъ мелко и глубоко зарытыхъ, — потому-что еслибъ случилась во время посѣва влажная и теплая погода, то мелко-зарытыя зерна скоро взойшли бы, укоренились и одни могли бы дать хорошій урожай, не давъ роста, или уничтожа ть всходы, которые покажутся послѣ отъ глубоко-зарытыхъ зеренъ. Въ противномъ случаѣ, когда температура неблагопріятна и мелко-зарытыя зерна всѣ или большая ихъ часть уничтожаются засухой или наѣдомыми, тогда *выйдутъ* немногочисленные, или весною, тѣ зерна, которыя были зарыты *по-глубже*, и дадутъ надежду, впрочемъ, не на хорошій урожай, но, по-крайней-мѣрѣ, не на совершенное истребленіе посѣва. Эти соображенія заставляютъ насъ 1) увеличивать количество зеренъ для посѣва; 2) разсчитывать на двойную температуру, и 3) на двойные всходы. И въ-этомъ-то случаѣ, для окончательной обработки земли подъ посѣвъ ржи, но не для перваго взмета пара, русская соха самое превосходное орудіе, потому-что она, не оборачивая пласта, только поднимаетъ маленькую борозду земли и, смѣшавъ землю съ зернами, образуетъ изъ нея узенькую гряду, въ которой найдутся и глубоко и мелко-зарытыя зерна; притомъ же, тутъ посѣвъ образуется рядами, что такъ же способствуетъ растительности.

(*) Даже еслибъ эти хлѣба были и кустовые, то-есть получившіе отъ раздѣляванія и хорошей почвы скоро-измѣняющееся свойство—куститься.

(**) А потому такъ желательны и необходимы для озимей, въ надлежащей пропорціи посѣянныхъ, хорошіе дожди въ началѣ весны (въ-теченіе мая), пока хлѣбъ не успѣлъ еще войти въ силу, раскуститься и укрыть собою землю. Отъ изобилія въ эту пору дождей и умереннаго тепла зависитъ густой и мощный ростъ хлѣбовъ, которые, натурально, будутъ тѣмъ лучше, чѣмъ тучѣе подъ ними почва. Въ-послѣдствіи, когда уже нива достаточно укрыта и отлѣжена, растенія на ней благонадежныя выносятъ сильную засуху и вѣтры, столь губительныя для рѣдкихъ хлѣбовъ.

ха на рѣдко-посѣянные хлѣба, приведемъ и другое обстоятельство, совершенно-противное первому, то-есть : весну дождливую и весьма-благопріятную растительности. Но и въ данномъ случаѣ рѣдкіе посѣвы неблагонадежны, особенно на тучной нивѣ; сорные травы, пользуясь благопріятной погодой, развиваются быстро, и, не бывъ заглушены рѣдко-взошедшимъ хлѣбомъ, въ свою очередь переростають и заглушаютъ его; такіа нивы даютъ богатый урожай сорныхъ травъ, а не хлѣба. Умѣренно-частый посѣвъ, въ подобныхъ обстоятельствахъ, имѣетъ только одно неудобство, именно : хлѣбъ на весьма-тучныхъ почвахъ густо вырастающій, при обильныхъ дождяхъ, часто вылегаетъ, но, однакожь, здѣсь онъ не ломается а болѣе или менѣе наклоняется къ землѣ, поддерживая себя взаимно, и, въ такомъ видѣ, можетъ еще принести, кромѣ богатаго сбора соломы, достаточный урожай зерна, хотя легковѣснаго и не очень-добротнаго.

Въ справедливости всего сказаннаго ежегодно можетъ удостовѣриться каждый, кому случится видѣть рѣдко-растущіе озимые хлѣба.

Итакъ, опытъ убѣждаетъ насъ, что *отъ озимаго хлѣба, растущаго съ началъ мѣсяца*,—по какимъ бы то ни было причинамъ, — *очень-рѣдко*, нельзя ожидать даже и *нормальнаго сбора зерна*, и что, кромѣ этого, *подъ рѣдкимъ хлѣбомъ портится земля и теряетъ плодородіе болѣе, нежели отъ обильнаго урожая* (*). Почему, поступая рационально, надлежитъ тотчасъ же перепахать подобный участокъ и засѣять его вновь яровымъ хлѣбомъ.

Приведенныя выше замѣчанія, внушенныя *опытомъ*, могутъ также служить доказательствомъ, что на *отиратыхъ и обширныхъ поляхъ нашихъ сѣять хлѣбъ рядами, съ значительными проме-*

(*) Подъ рѣдко-растущимъ озимымъ хлѣбомъ, ничѣмъ нестѣсняемая земля чрезвычайно грубѣетъ и слегається, а источникъ углекислоты — перегной, въ ней находящійся, обугливается отъ жара до излѣшества и теритъ способность переходить въ пищу растеніямъ. Замѣчено, что на подобныхъ земляхъ яровой хлѣбъ, высѣваемый весною послѣ озимаго (если послѣдняго не перепахали до созрѣнія), даетъ урожай сравнительно худшій. Здѣсь можно сдѣлать возраженіе: почему же земля, ничѣмъ незасѣянная или лежащая въ нару, не претерпѣваетъ объясненной выше потери плодородія?—потому-что она подвергается дѣйствию солнца, сначала покрытая яровымъ живомъ и сорными травами, а потомъ, въ-теченіе съ-небольшимъ двухъ мѣсяцовъ, въ состояніи разрыхленномъ, способствующемъ ей поглощать питательныя вещества изъ атмосферы, — и тоже подъ прикрытіемъ сорныхъ травъ, быстро вырастающихъ между перепашками, на землѣ рыхлой; земля же, находящаяся подъ рѣдкимъ озимымъ хлѣбомъ, слегається отъ осеннихъ дождей и снѣга и въ такомъ состояніи остается цѣлый годъ. Здѣсь сорные травы пробиваются только на почвѣ весьма-тучной.

жутками — невозможно; что и количество сѣменъ, сберегаемое этимъ способомъ, никакъ не вознаградить той потери во времени и въ урожаѣ зерна, которая неминуемо произойдетъ отъ этого способа сѣянiя. Конечно, хлѣбъ, посѣянный рядами въ видѣ опыта, въ садахъ (*) или защищенныхъ отъ вѣтра огородахъ, на весьма-тучной почвѣ, при ручномъ полоньѣ, можетъ принести хорошій урожай; но, что хорошо въ маломъ видѣ и въ огородахъ, то не всегда возможно въ большомъ видѣ и на открытомъ полѣ. Хотя у насъ и было извѣщено печатно о нѣсколькихъ попыткахъ сѣять хлѣбъ въ полѣ рядами, но, кажется, доселѣ неизвѣстно, чтобъ кто-нибудь сѣялъ такимъ образомъ хлѣбъ на большихъ пространствахъ, не для опыта, а послѣдовательно, нѣсколько лѣтъ сряду, — и чтобъ имѣлъ отъ такого посѣва большую выгоду. А безъ достовѣрныхъ доказательствъ (основанныхъ на продолжительныхъ опытахъ), что хлѣбъ, посѣянный рядами, даетъ урожай сравнительно-лучшій противу хлѣбовъ, посѣянныхъ обыкновеннымъ способомъ — въ-разбросъ, мы въ правѣ думать, что посѣвъ рядами не пригоденъ для нашихъ хозяйствъ (**).

(*) Для посѣва рядами требуется много времени и рабочихъ (здесь нужно проводить особымъ инструментомъ правильные борозды и сыпать въ нихъ сѣмена руками, потомъ, въ-теченіе лѣта, пропалывать и даже проталкивать между бороздами), а у насъ во время сѣва, которымъ нельзя мѣшкать, — и въ томъ и въ другомъ ощутительный недостатокъ.

(**) Упомянутая, въ 1-й части нашего «Отчета», объ иностранцахъ-управителяхъ, ны объявила разсказывать читателямъ, какой вредъ можетъ принести хозяйству утѣренность нѣкоторыхъ изъ этихъ господъ въ глубочайшемъ своемъ знанiи науки сельскаго хозяйства. Тѣмъ охотѣе выполняемъ свое обѣщаніе, что послѣ разсужденiя о частыхъ и рѣдкихъ посѣвахъ, приходится, кстати, разсказать слѣдующее происшествiе.

Въ одномъ значительномъ помѣстьѣ завѣдывалъ земледѣліемъ и всѣмъ хозяйствомъ управляющій, иностранецъ. Въ бѣдственный 1840 годъ, когда хлѣбъ былъ чрезвычайно-дорогъ, этотъ управляющій рѣшился обсѣять весь овсяной клнѣ количествомъ сѣменъ въ половину меньшимъ обыкновенно у насъ высѣваемого количества. По его мнѣнію, мѣстные хозяева бросали много сѣменъ даромъ, ибо онъ самъ въ Германіи, гдѣ обучался агрономіи, сѣялъ съ успѣхомъ ту небольшую пропорцію сѣменъ, которую рѣшился употребить на русской почвѣ. Неопытная помѣщица (помѣстье принадлежало дамѣ) должна была уступить доводамъ ученаго своего управляющаго и дозволить ему дѣйствовать какъ онъ знаетъ.

Въ 1840 году, весна и лѣто были необыкновенно-благопріятны яровымъ хлѣбамъ, а потому и рѣдко-посѣянный овесъ выросъ высоко и, наблюдаемый издали, казался довольно хорошимъ; но въ дѣйствительности онъ былъ рѣдокъ и принесть урожай гораздо-скуднѣйшій, нежели какой дали сосѣднія поля (принадлежащія другимъ экономіямъ), засѣяныя овсомъ по мѣстному обычаю. Этотъ полунуспѣхъ ободрилъ управляющаго; въ ту же осень онъ не усомнился посѣять и рожь весьма-рѣдко, по 5 или по 6 четвериковъ на акон-

О ВРЕМЕНИ ПОСѢВА.

Гдѣ климатъ такъ непостояненъ и своенравенъ, а дѣто такъ жарко и кратковременно, какъ у насъ, — тамъ посѣвъ озимыхъ хлѣбовъ, по-необходимости, не можетъ начинаться рано и тянуться долго потому, что едва успѣемъ мы убрать рожь и половину ярового хлѣба, какъ наступаетъ благопріятная пора сѣять озимое. Здѣсь хозяину нужна большая дѣятельность и умѣнье распоряжаться работами, — чтобъ не опоздать съ посѣвомъ, не погнѣять еще неубраннаго съ полей хлѣба и прикрыть отъ непогоды тотъ, который свезенъ уже въ скирды.

Въ средней полосѣ Россіи, лучшая пора для посѣва озимой пшеницы и ржи начинается съ 10-го августа и продолжается до 20-го или никакъ не позже 25-го августа же, то-есть, немногимъ болѣе 10-ти дней (*). Въ этотъ небольшой промежутокъ времени надобно успѣть обсеять и господскія и крестьянскія земли; а потому, можно себѣ представить, какъ затрудняетъ русскаго хозяина посѣвъ озимаго хлѣба, когда въ означенный нами періодъ времени наступаетъ неблагопріятная погода, и какъ должны быть быстры тѣ способы, просты, многочисленны и легки тѣ орудія, которыми онъ долженъ дѣйствовать, дорожа каждую минуту погожаго дня, особенно при вѣсеннихъ посѣвахъ. Какая разни́ца съ хозяйствами, находящимися въ болѣе-умѣренномъ климатѣ, гдѣ посѣвы могутъ продолжаться до ноября мѣсяца! А многіе ли обращаютъ вниманіе на это различіе, предлагая намъ иностранныя сѣебороты и способы воздѣлывать землю?

Намъ извѣстно, что нѣкоторые хозяева начинаютъ сѣять рожь

мическую десятину; — но тутъ счастье не поблагопріятствовало нововведенію. На слѣдующую весну, когда озимыя поля сосѣдей зазеленѣли и рожь на нихъ начала куститься и расти, озимые клны нашего агронома находились въ жалкомъ видѣ: на нихъ и съ осени рожь была рѣдка, а весной кой-гдѣ виднѣлись былинки зелени. Ожиданія, что оправится и раскустится, были тщетны; поневогѣ бывшему управителю надлежало принести повинную своей довѣрительницѣ и объявить ей не очень-пріятную вѣсть, что рожь на поляхъ ея почти пропала! Конечно, сознаніе своей вины дѣло хорошее, но отъ-этого не легче было хозяйнѣ, потерпѣвшей огромный убытокъ (рожь въ этомъ году была дорога, по 11 руб. 50 коп. четверть) отъ упрямства своего агронома, впрочемъ человѣка весьма-дѣятельнаго, который безъ излишней самоуваженности могъ бы быть отличнымъ управляющимъ.

(*) Въ-теченіе 11 лѣтъ, въ нашемъ хозяйствѣ, самый ранній посѣвъ озимаго хлѣба былъ сдѣланъ въ 1835 году — 7-го августа, а самый поздній въ 1838 году — 27-го августа; слѣдовательно, лучшаго времени для посѣва (не принимая въ расчетъ крайностей, которыхъ надлежитъ избѣгать) у насъ остается не болѣе 15 дней.

въ июлѣ или непременно съ 1-го августа, даже на тучной почвѣ, полагая, что чѣмъ раньше сдѣланъ посѣвъ, тѣмъ лучше будетъ урожай. Эти господа очень радуются, когда у нихъ съ осени зелень такъ велика, что въ ней можетъ скрываться большая птица; но мы не разделяемъ подобнаго убѣжденія! Намъ неразъ довелось видѣть, какъ зелени, густыя и высокія съ осени, весною не оправдали тѣхъ блестящихъ надеждъ, которыя онѣ подавали. На добροкачественность озимыхъ посѣвовъ весна имѣетъ сильное вліяніе. Высокія зелени весьма-часто подопрѣваютъ и вымокаютъ, и чѣмъ выше и гуще онѣ, тѣмъ скорѣе могутъ произойти эти вымочки, которыя отвратить въ возможности человѣка. Водоспускныя борозды и канавы полезны только на весьма-низкихъ мѣстахъ, гдѣ всегдашній застой воды; а на нивахъ возвышенныхъ или покатыхъ, по-большой-части страдающихъ отъ недостатка влажности, неблагоприятно для одного озимаго посѣва проводить водосточныя борозды, изъ которыхъ на глинистомъ и покатою грунтъ непременно образуются овраги. Да и вообще, въ данномъ случаѣ, борозды приносятъ мало пользы; высокія и густыя зелени подопрѣваютъ скорѣе прочихъ, потому-что надъ ними долго не таетъ снѣгъ, застаивается вода и земля не скоро просыхаетъ.

Приведемъ и другое обстоятельство, говорящее не въ пользу осеннихъ-раннихъ посѣвовъ: нива, не весьма-тучная, снабдившая съ осени пищею высокіе побѣги хлѣба, преждевременно и бесполезно утрачиваетъ значительную долю своего плодородія: мы сказали «преждевременно», потому-что листья и стебли (а не корни), выросшіе осенью, по-большой-части увядаютъ тогда же, или замерзаютъ и согниваютъ по веснѣ; слѣдовательно, избытокъ этихъ листьевъ въ-послѣдствіи бесполезно для растений, которыя, оживая при наступленіи теплой погоды, пускаютъ отъ корня новые листья и стебли; земля же, потерявъ съ осени часть своего плодородія на погибшіе отпрыски, не имѣетъ уже достаточной силы для принесенія богатаго урожая зерна (*).

(*) Въ подкрѣпленіе справедливости приведеннаго нами замѣчанія, прибѣгаемъ къ свидѣтельству науки: она доказываетъ намъ, что колосовыя растенія питаются углеродомъ въ видѣ углекислоты, азотомъ и другими питательными началами, болѣе отъ земли, нежели изъ атмосферы (клевверъ же и ему подобныя широколиственные растенія напротивъ) и въ-особенности въ первый періодъ своего возраста, когда мало имѣютъ листьевъ, способныхъ всасывать пищу изъ воздуха; слѣдовательно, рано-посѣянная рожь, еще съ осени истребляетъ на безполезные отпрыски много перегноя, въ которомъ будетъ нуждаться по веснѣ. Желаящимъ основательно изучить одинъ изъ главныхъ предметовъ науки сельскаго хозяйства — полеводство, весьма-полезно прочесть разсужденіе о перегноѣ и о пищѣ, необходимой растеніямъ, ученаго агронома графа Гаспарена, въ его «Cours d'Agriculture, par Gasparin», tome 1, page 119 et 527.

Взвѣрно, многіе изъ нашихъ соотечественниковъ пробовали сѣять рожь въ началѣ іюля, и нѣтъ сомнѣнія, что эти посѣвы, съ осени покрывшіеся роскошною зеленью, являлись на слѣдующее лѣто совсѣмъ въ другомъ видѣ, и давали весьма-скудный урожай какъ соломою, такъ и зерномъ. То же было и въ болховскомъ помѣстьѣ, гдѣ нѣсколько разъ, въ видѣ опыта, сѣяли рожь въ началѣ и переходѣ іюля. Само-собою разумѣется, что въ мѣстахъ лежащихъ съ верха Орловской-Губерніи, гдѣ стужа и самая зима наступаютъ ранѣе, чѣмъ здѣсь, должно начинать непремѣнно и озимое сѣять раньше того времени, которое мы приняли для средняго посѣва.

Если бы намъ предстоялъ выборъ изъ двухъ крайностей: рано или поздно сѣять рожь, то мы поздній сѣвъ предпочли бы очень-раннему. Рожь имѣетъ неопціенное для сѣвера свойство не бѣдиться морозовъ, даже въ самомъ первомъ періодѣ своего роста. Ежегодно можно замѣтить нѣсколько крестьянскихъ налосѣй земли, такъ поздно посѣянныхъ, что на нихъ едва-взрослая рожь достигается зимою, и, не смотря на это, на слѣдующую весну (фитурально, при благопріятныхъ обстоятельствахъ), она оживаетъ: намъ даже нѣсколько разъ довелось видѣть и такіе посѣвы, которые съ осени не имѣли возможности взойти отъ наступившаго сильнаго холода, но весною, по ставшіи снѣга, всходили и давали прекрасныя жатвы. Мы приводимъ эти факты не съ намереніемъ оправдывать очень-поздніе посѣвы озимыхъ хлѣбовъ, а только для доказательства, что и весьма-поздній сѣвъ можетъ быть удаченъ.

Здравый разумъ и самый опытъ убѣждаютъ насъ, что во всѣхъ дѣйствіяхъ, касающихся сельскаго хозяйства, должно избѣгать крайностей, удающихся только случайно. Несомненно, что рожь, посѣянная въ пору, успѣетъ лучше удорожиться, благонадежнѣе перенесетъ морозы и сильные холодныя вѣтры, часто случающіеся весною (*) и, наконецъ, скорѣе пойдетъ въ ростъ при наступленіи тепла, и дастъ урожай, круглымъ числомъ за нѣсколько лѣтъ, значительнѣе тѣхъ урожаевъ, которые получаютъ съ полей несвоевременно-засѣянныхъ.

Наконецъ, сдѣлаемъ еще послѣднее замѣчаніе: посѣвы только тогда благонадежны, когда они вѣрятся почвѣ надлежащимъ

(*) Здѣсь хотѣли замѣтить, что озимые посѣвы страдаютъ отъ холода не во время сильныхъ и постоянныхъ зимнихъ морозовъ, а весною, когда послѣ сильнаго мороза наступитъ оттепель, или солнечный пригрѣвъ, а потомъ опять морозъ. Этого-то быстрого перехода отъ холода къ теплу и наоборотъ, убиваетъ посѣвы; а потому весны самыя неблагопріятныя для озимей суть тѣ, въ которыя по утрамъ и вечерамъ бываютъ сильные морозы, а днемъ солнечный пригрѣвъ, или когда преждевременныя частыя оттепели сѣняются сильными морозами.

образомъ воздвланной и не слинкомъ сырой ; а самый разсѣвъ въ разбросъ можетъ быть хорошъ только тогда, когда онъ сдѣланъ въ тихую и благопріятную погоду.

Въ тихую погоду сѣмена падаютъ вѣрно, по данному имъ направленію; а въ вѣтеръ и самый искусный сѣвецъ не можетъ сѣять правильно; почему посѣвы обыкновенно производятся рано утромъ, когда вообще бываетъ меньше вѣтра, или передъ захожденіемъ солнца. Правильно и ровно сѣять не бездѣлица ! Здѣсь, кромѣ навыка, нужно и много соображенія : удѣльный вѣсъ зерна, самая его величина, количество сѣменъ, которое должно высѣять на известное пространство, — все это подлежитъ принять въ расчетъ и выполнять свое дѣло, соразмѣряя съ упомянутыми условіями, — захватъ герстью (то-есть, сколько взять разомъ сѣменъ), шагъ, (дѣлать шаги длинные или короткіе), и величину размаха рукою (на какое разстояніе разбрасывать сѣмена на обѣ стороны). Неудивляйтесь нашимъ крестьянамъ, которые, не изучая трактата о посѣвѣ въ-разбросъ французскаго профессора (*Pratique des semailles à la volée, par C. Pichat*), однакожъ умѣютъ правильно и ровно разсѣять и большое и малое количество однородныхъ сѣменъ на одно и то же пространство, и въ обоихъ случаяхъ недостатокъ или остатокъ сѣменъ отъ посѣва будетъ незначителенъ. Необходимо для сѣянія брать только лучшихъ мастеровъ этого дѣла; отъ ревнаго посѣва много зависитъ качество урожая.

Рожь, всѣянная въ очень-сырую землю, трудно всходитъ и вообще растетъ туго. Когда же, послѣ такого посѣва, пойдетъ сильный забойный дождь, то этотъ посѣвъ, пока сѣмена еще не взошли и погода благопріятна, должно перебороновать или перепахать *обоее*, а иначе земля такъ сляжется и огрубѣетъ, что отъ подобнаго посѣва нельзя ожидать порядочнаго урожая, — въ чемъ мы убѣждены многими опытами. Итакъ, рожь лучше сѣять въ сухую, чѣмъ въ очень-сырую землю; хотя и случается, что во время большой засуха она сохнѣтъ не всходитъ, но при переменахъ погоды сѣмена прорастутъ и будутъ расти успешно.

На почвахъ глинистыхъ и вообще тяжелыхъ, не должно озимые посѣвы заборонивать мелко, потому-что подобныя почвы отъ снѣговой и дождевой воды *расплываются и слегаются столь плотно*, что распространяться въ нихъ корнямъ невозможно. Небольшіе комья земли, оставаемые на такихъ нивахъ, задерживаютъ снѣгъ, обыкновенно сметаемый вѣтрами съ гладкой поверхности; а ровный и довольно-толстый слой снѣга предохраняетъ озимы отъ морозовъ, сильныхъ иссушающихъ вѣтровъ и несвоевременныхъ солнечныхъ пригрѣвовъ, случающихся не только рано весною, но даже и во время зимы.

УБОРКА РЖИ.

Въ болховскомъ хозяйствѣ овинный хлѣбъ убирается съ полей давно-употребляемыми въ здѣшнемъ краю серпомъ и косою; а по снятіи съ корня свозится въ гумно, гдѣ складывается въ скирды, о которыхъ мы уже говорили выше; далѣе слѣдуетъ приготовленіе зерна для домашняго употребленія и продажи; сюда же относится и перемолъ ржи въ муку, который подаетъ поводъ къ вопросу: что выгоднѣе для хозяйства, продавать свой хлѣбъ въ зерно, или мукою? На это можемъ отвѣчать слѣдующее: разрѣшить означенный вопросъ должны мѣстные условія, то-есть, цѣны за помолъ, разстояніе отъ хозяйства мельницъ и большое требованіе на хлѣбъ въ томъ или другомъ его видѣ.

Здѣсь встаетъ сказать, что маленькія водяныя мельницы на заводныхъ, но крутоберегихъ рѣчкахъ, въ которыхъ весенній и лѣтняя вода обыкновенно прибываетъ скоро и стремится бурнымъ потокомъ,—не стоить ни трудовъ, ни матеріаловъ ни негласаемыхъ, потому-что подобныя мельницы вода прорываетъ несколько разъ въ годъ, а часто и совершенно разноситъ. Весенняя и лѣтняя запрудка плотинъ, отнимая много времени, вынуждаетъ создавать песками и прочими работами, и сверхъ того изводитъ пресать лѣса,—принося за все это бѣдное вознагражденіе, потому-что мелководныя рѣчки лѣтомъ едва колышатъ одинъ пестъ (*). По нашему мнѣнію, такія мельницы лучше вовсе уничтожить. Въ настоящее время, такъ хорошо устрояютъ внутреннія мельницы, что хозяйству, которому прибыльно продавать свою рожь мукою, гораздо-лучше сдѣлать подобную мельницу;—здѣсь не нужно поддерживать плотины; а поврежденія, случающіяся въ внутреннихъ мельницахъ, весьма-незначительны и легко исправляются небольшими плотниками.

Какъ въ сельскомъ хозяйствѣ уборка хлѣба съ корня — работа самая важная и трудная, то мы, въ надеждѣ на снисходительное терпѣніе читателей, войдемъ въ нѣкоторыя подробности о уборкѣ хлѣба *серпомъ и косою*.

Съ нѣкотораго времени, у насъ много появилось толковъ, даже и въ печати, о преимуществѣ косы передъ серпомъ и о великомъ облегченіи при уборкѣ хлѣба, доставляемомъ косою (**). Нѣкото-

(*) Въ болховскомъ хозяйствѣ существовала подобная мельница, поглощавшая бездну лѣса и трудовъ; но теперь она уничтожена, и хозяинъ не можетъ этому порадоваться. Чтобъ устроить плотную плотину и хорошій механизмъ въ мельницѣ, нуженъ огромный капиталъ, который можетъ быть употребленъ съ пользою только для значительныхъ мельницъ, стоящихъ при большихъ, а спокойныхъ рѣчкахъ.

(**) По поводу этихъ толковъ, продолжающихся и понынѣ, мы уже высказали (въ «Земледѣльческой Газетѣ» за 1842 годъ № 3-й) смиренно свое мнѣ-

рые изъ этихъ толковъ такъ оригинальны, что мы выписали бы ихъ вполне, если бы не боялись подобными вставками обременить страницъ журнала, помѣщающаго нашъ «Отчетъ». Расскажемъ вкратцѣ содержаніе упомянутыхъ толковъ.

По мнѣнію однихъ: *хлѣба, для просушки, сажается на овины или риты одинаковое количество что жатаго, что кошенаго, и кошенные снопы столь же легко и скоро обмолачиваются, какъ и жатые.*

Другіе увѣряютъ что на перевозку, съ даннаго участка, *хлѣба снятаго косою и складку его въ скирды, нужно столько же времени и совершенно-одинаковое число рабочихъ силъ, какъ и тогда, когда этотъ участокъ былъ бы убранъ серпомъ, и что снятіе съ корня озимыхъ хлѣбовъ дѣлается несравненно-легче и скорѣе косою.* Въ подтвержденіе послѣдняго заключенія, господа агрономы даже представляютъ результаты сравнительныхъ опытовъ, ими сдѣланныхъ; изъ этихъ опытовъ ясно оказывается, что дворовыя ихъ бабы, вознагражденіями пріохоченныя жать скоро, не смотря на это, въ данное время нажали очень-мало, а крестьянки безъ поощренія въ то же время навязали кошенаго хлѣба непомерно-много; почему и выходитъ ужасная разница въ успѣшности сравниваемыхъ уборокъ и въ числѣ рукъ, на нихъ употребленныхъ.

Далѣе, многіе утверждаютъ, впрочемъ, безъ доказательствъ, что *при уборкѣ серпомъ осыпается несравненно больше зерна, нежели при косильѣ, почему и считаютъ эту уборку убыточною, и проч.*

Попытаемся отвѣчать на подобныя обвиненія по порядку: 1) что кошенаго хлѣба въ сушильнѣ не можетъ помѣститься столько же, сколько жатаго,—доказывается тѣмъ, что хлѣбъ косится подъ самый корень, а жнется отъ него вершковъ на восемь и даже выше (*): почему этимъ способомъ снимается съ корня только $\frac{2}{3}$ всей соломы, а $\frac{1}{3}$ самыхъ толстыхъ комлей остается на нивѣ и

нѣ, что серпъ вовсе не заслуживаетъ такого гоненія, и что счастливая его соперница—коса, давно во многихъ губерніяхъ употребляемая для кошенія озимаго хлѣба, совсѣмъ не такъ значительно облегчаетъ трудъ крестьянъ, особенно крестьянокъ, какъ увѣряютъ усердные хвалители косы.

(*) Непереломавшуюся и перепутанную рожь мы позволяемъ жать на $\frac{3}{4}$ аршина отъ земли: этимъ ускоряется уборка хлѣба и весьма облегчается трудъ жнецовъ, которые въ этомъ случаѣ не имѣютъ надобности сгибаться до самой земли: отъ такого жатія, излишней потери зерна не будетъ, и оставшееся на корнѣ живое, если оно нужно хозяйству на подстилку или топливо, можетъ быть убрано и послѣ жнитва,—для этой уборки употребляются бороны и грабли. Усердные на словахъ прикащики, чтобъ доказать свою рачительность о пользахъ господина, не дозволяютъ высоко жать рожь и хвастаютъ тѣмъ, что жнитво у нихъ очень-коротко: подобное увеличиваніе труда, и безъ того тяжелаго,—недолжно быть терпимо.

не садится въ овинъ; а какъ при уборкѣ серпомъ соломы снимается съ корня меньше, то и сноповъ, по объему или числу, становится на жатой десятинѣ меньше $\frac{1}{2}$, противу кошеной (*). Слѣдовательно, и быть не можетъ, чтобы въ известномъ пространствѣ могло помѣщаться одинаковое количество столь неравномерныхъ сноповъ, каковы кошеные и жатые, и чтобы возможно было въ одинаковый періодъ времени и одинакимъ числомъ рабочихъ силъ перевезти въ гумно, сметать въ скирды и перемолотить хлѣбъ, полученный, какъ съ скошеной, такъ и съ жатой десятины, хотя и совершенно-равныхъ по урожаю. Притомъ, кошеные снопы, въ которыхъ колосья перепутаны, молотятся труднѣе и долѣе, нежели жатые,—это известно каждому хозяину—практику.

2) Безспорно, косою хлѣбъ снимается съ корня нѣсколько скорѣе, нежели серпомъ; однакожъ, при обѣихъ уборкахъ имѣтъ столь большой несоразмѣрности въ трудѣ и времени, какъ утверждаетъ тѣ, которые говорятъ, что «для уборки косою десятины хлѣба нужны три косца и столько же вязальщицъ, а чтобы сжать такую же десятину, недостаточно и десяти жнецовъ».

Вездѣ, гдѣ крестьянки привыкли и умѣютъ жать порядочно, и вяжутъ снопы не маленькіе, нажимаютъ онѣ, въ рабочий день, отъ двухъ до двухъ съ половиною копенъ (по 52 снопа каждая) или по сту-тридцати сноповъ (въ степяхъ же, куда ходятъ наши крестьянки работать изъ платы, нажимаютъ онѣ и до трехъ копенъ). Итакъ, по этому расчету десять жнецовъ должны въ сутки убрать десятину, на которой станеть 25 копенъ. Если же на такую десятину поставить трехъ косцовъ и трехъ вязальщицъ, то имъ придется навязать не 25 копенъ, а 35, если не болѣе (мы объясняли выше, почему кошенныхъ сноповъ становится болѣе, нежели жатыхъ). Здѣсь каждая вязальщица должна будетъ навязать уже не 130 сноповъ, но даже и съ помощью косарей, предполагая, что послѣдніе успѣютъ ей помочь, болѣе 500 сноповъ. Спрашиваемъ: возможно ли накатать такое огромное количество сноповъ, навязать для нихъ перевязей, связать снопы, оправить ихъ и, наконецъ, сносить эти снопы въ копны (**)? Это трудъ баснословный, котораго никакія крестьянки не въ состояніи выполнить!

(*) Это же доказывается и тѣмъ, что изъ жатой копны, въ которой снопы связаны изъ короткой и неперепутанной соломы, умотъ зерна бываетъ значительнѣе, нежели изъ копны кошеной; противное можетъ случиться только въ такомъ случаѣ, когда вязъ (объемъ) кошенныхъ сноповъ непомерно-велика, —но этого должно избѣгать: подобные снопы тяжело накладывать на вога и метать въ скирды, и неудобно просушивать и молотить.

(**) При вязкѣ кошенаго хлѣба вязальщицы почти не отгибаются отъ земли, отъ-чего продолжительное вязанье хлѣба утомительнѣе для нихъ жатва, а

Итакъ, чтобъ уровнять въ данномъ случаѣ трудъ жнецовъ и вязальщицъ, необходимо противъ десяти жнецовъ поставить четырехъ вязальщицъ и трехъ косцовъ, которые едва ли успѣютъ помочь вязальщикамъ. Слѣдовательно, здѣсь число рабочихъ, убирающихъ десятину косою, будетъ относиться къ числу жнецовъ, какъ семь къ десяти, а не шесть къ одиннадцати или двѣнадцати, въ чемъ увѣряютъ защитники косы, основывающіе сравнительные выводы обомъ способамъ убирать хлѣбъ на нажинѣ дворовыхъ бабъ, — быть можетъ *лѣнливыхъ* или *неумѣвшихъ жать*, и на необычайно-усердной работѣ косарей и вязальщицъ. Несоразмерной успѣшности сравниваемыхъ уборокъ можетъ быть и другая причина, а именно: что для опыта были взяты двѣ десятины ржи неодинаковаго качества, густоты и спѣлости, изъ которыхъ косарямъ дана худшая, а жнецамъ, наоборотъ, лучшая десятина.

Наконецъ, чтобъ положительно удостовѣриться, до какой степени справедливо послѣднее обвиненіе (произносимое безъ точныхъ доказательствъ), что при уборкѣ серпомъ осыпается больше зерна, — въ болховскомъ хозяйствѣ, въ 1843 году, сдѣланъ былъ въ присутствіи хозяина слѣдующій опытъ, который будетъ повторенъ и при новыхъ уборкахъ хлѣба:

На одной десятинѣ доброй ржи, были отмѣрены два рядомъ лежащіе участка, каждый въ четыре квадратныя сажени; съ этихъ участковъ, въ одно время, хлѣбъ былъ снятъ *хорошимъ косцомъ — косою и доброй жницей — серпомъ*, и ими же на мѣстѣ связаны въ снопы, которые снесены прочь. Далѣе, съ обомъ участкахъ *тщательно были подобраны все упавшіе на землю колосья, и зерна изъ нихъ вынуты и очищены отъ мякины*. Изъ колосьевъ получено зерна:

Съ участка жатаго — 26 золотниковъ.

Съ участка кошеннаго — 32 золотника.

Потомъ, на каждомъ участкѣ съ одной квадратной сажени, снятъ осторожно, желѣзною лопаткою, верхній слой земли, въ вершокъ толщиною, и промытъ въ водѣ надъ чистымъ сѣтомъ, сѣвомъ которое не могли проходить зерна. Отъ этой операціи оказалось, что во время сѣмки хлѣба упало на землю зеренъ:

На жатомъ участкѣ 72 зерна.

На кошенномъ 188 зеренъ.

А какъ рожь, съ пробныхъ участковъ полученная, имѣла въ 150 сухихъ зернахъ вѣса 1 золотникъ, то, приведа въ вѣсъ всю рожь,

также и потому, что хлѣбъ травяной, или недозрѣлый, невозможно вязать въ слѣдъ за косарями, и необходимо высушить его на рядахъ; но тогда солома дѣлается жесткою и немилосердно колѣтъ руки.

добытую отъ промывки и колосовъ, съ каждою четыре-саженнаго участка (разумѣется, отдѣльно) мы получили данныя для расчисленія соразмѣрной потери съ полной десятины; изъ такого расчисленія оказалось, что съ экономической десятины въ 3200 квадр. сажень потеря зерна, при снятіи хлѣба съ корня, будетъ слѣдующая:

Съ десятины убранный серпомъ 9 п. 16 ф. 64 зол.

Съ десятины убранный косою 12 п. 26 ф. 64 зол.

Слѣдовательно, при косыбѣ теряется зерна 3 п. 10 ф.,—или около этого,—болѣе чѣмъ при жнитвѣ.

Нашъ опытъ подтверждаетъ справедливость общаго мнѣнія здѣшнихъ домовитыхъ крестьянъ, что при косыбѣ обыкновенно осыпается зерна болѣе, и оправдываетъ вѣрность простонародной поговорки: «земля при уборкѣ хлѣба беретъ себѣ обратно сѣмена», то-есть, что осыпается зерна столько же, сколько было его посеяно. И дѣйствительно, дознанная нами потеря зерна (въ 12 п. 26 ф.) весьма-близко подходит по вѣсу къ количеству сѣменъ, здѣсь высѣваемыхъ на десятину.

Само собою разумѣется, что сравнительные опыты, дѣлаемые для дознанія количества теряемыхъ зеренъ при различныхъ способахъ убирать хлѣбъ, могутъ быть вѣрны только тогда, когда опыты производились въ одно время и надъ хлѣбомъ одинаково-спѣлымъ: если жать хлѣбъ несовсѣмъ еще созрѣлый, то его осыпается менѣе, а перезрѣлый, — гораздо-болѣе; то же будетъ и при уборкѣ косою, которая, по давнишнему замѣчанію, осыпаетъ перезрѣлаго хлѣба гораздо-болѣе, чѣмъ серпъ, и потому у насъ рожь, перестоявшую на корнѣ, не косятъ.

И такъ, изъ всего сказаннаго, мы, кажется, имѣемъ полное право вывести слѣдующее заключеніе: *употребленіе серпа вовсе не увеличиваетъ труда при уборкѣ озимаго хлѣба, ибо въ сельскомъ хозяйствѣ уборка хлѣба не ограничивается однимъ снятіемъ его съ корня,—но, кажется, подъ словомъ уборка, надлежитъ разумѣть совокупность всѣхъ работъ необходимыхъ для полученія чистаго зерна* (*), какъ-то: возку сноповъ въ гумно; складку ихъ въ скирды; насадку на овины; рубку и подвозку дровъ (тамъ, гдѣ хлѣбъ сушится), и наконецъ молотьбу и вѣяніе. А потому въ хозяйствахъ, гдѣ имѣется много рукъ для жнитва, а мало подводъ, и поля отдалены отъ усадьбы, — отъ-чего подвозка сноповъ дѣлается затруднительною, или гдѣ сушка хлѣба обходится дорого, а для молотъ-

(*) А это совершенно упускается изъ вида господами агрономами, которые толкуютъ объ одномъ только снятіи хлѣба съ корня, не принимая въ соображеніе послѣдующихъ за тѣмъ работъ.

бы зимею оставлен мало рукъ, — въ такихъ хозяйствахъ должно прибегать къ уборкѣ озимаго хлѣба серпомъ.

Въ другомъ случаѣ, когда для жнитва мало рукъ, а хлѣба собирается много и онъ складывается во близости полей и обмолочивается машиною, или когда лѣто очень знойно и сухо, отъ чего опасенія, что хлѣбъ на корнѣ можетъ перестояться и осыпаться, дѣлаются основательными, — тогда лучше снимать его съ корня косами (*). Притомъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хлѣбъ цѣнется, надобно принимать въ расчетъ и то, что отъ косыбы, — какъ мы доказывали выше, — осыпается зерна болѣе, нежели отъ серповой уборки.

Слѣдовательно, рѣшеніе спорнаго вопроса: который изъ двухъ нами рассмотрѣнныхъ способовъ убирать хлѣбъ — *лучше и удобнѣе*? зависитъ отъ мѣстности, средствъ, и прочихъ условій и соображеній, неодинаковыхъ въ каждомъ хозяйствѣ. А потому и нельзя утверждать рѣшительно, что *вообще и всегда* уборка хлѣба косою *лучше и выгоднѣе* серповой уборки.

Сравнивая извѣстные намъ два способа снимать хлѣбъ съ корня, нельзя не упомянуть о довольно-важномъ, къ нимъ относящемся вопросѣ, и именно: *какой хлѣбъ скорѣе превращается въ снопъ, и поспѣваетъ къ перевозкѣ въ хлѣбникъ — жатый или кошенный?*

Хотя и справедливо, что въ жатыхъ снопахъ хлѣбъ связывается плотнѣе, нежели въ кошенныхъ, но за то въ послѣднихъ заключается болѣе сорныхъ травъ и толстыхъ комлей соломы, просыхающихъ медленнѣе тонкой верхней части той же соломы (известно, что хлѣбъ, созрѣвая, подсыхаетъ постепенно отъ колоса къ корню); притомъ, кошенные снопы вяжутся *толще* или *объемистѣе* жатыхъ сноповъ. А потому, мы смѣемъ заверить читателей, незанимавшихся лично сельскимъ хозяйствомъ, что хлѣбъ, снятый съ корня *какъ тѣмъ, такъ и другимъ способомъ*, просыхаетъ въ полѣ *почти въ одинакій періодъ времени*. Что же касается до способности промокать отъ дождя, то кошенные снопы (слѣдовательно, и копны), въ которыхъ солома сложена не столь ровно и правильно, какъ въ жатыхъ, а перепутана, — *промокаютъ скорѣе и глубже* послѣднихъ.

(*) Этому же правилу слѣдуютъ и въ болховскомъ хозяйствѣ. Когда хлѣбъ только-что начинаетъ дозрѣвать и погода жаркая, то самую худшую и малорослую режь начинаютъ косить, а потомъ уже жнутъ лучшую, болѣе-густую и высокую режь. Когда режь очень-высока ростомъ, или повалилась и пережухалась, то ее нельзя косить ни по какому способу; а потому, въ хорошихъ хозяйствахъ, гдѣ земли удобряются, безъ серна обходятся *невозможна*. Пшеницу же можно косить только самую низкорослую и рѣдную.

Если мы видимъ, что по-большой-части изъ перевозокъ въ кабы-ники посылають скорое конны пошечья, такъ это потому, что повсемѣстно существуетъ обыкновеніе — кошеной ржи дать из-снѣлки двѣ полежахъ на рядехъ, а потомъ уже вязать ее въ снопы; вслѣдъ же за косою вяжутъ только ту рожь, которая совершенно уже высохла на корню (*).

Жатую же рожь, обыкновенно вяжутъ въ снопы прямо изъ-подъ серпа, и только въ дождливую погоду ее не связываютъ въ снопы и раскладываютъ въ полѣ на *перевязяхъ* (**). Замѣтимъ, что сажаніе ржи, положенной для просушки на перевязяхъ, — не составляетъ лишней работы и не требуетъ болѣе рукъ въ сравненіи съ обыкновенною серповою уборкою: когда рожь не хотятъ вязать прямо въ снопы, то на десятину высылають жнецовъ $\frac{1}{2}$, *числомъ менше того количества, которое ставится при обыкновенной серповой уборкѣ, на-примѣръ: вмѣсто 10, только 8 жнецовъ. Въ-послѣдствіи, на эту же десятину вязать снопы и носить ихъ въ конны посылають не болѣе 2 работницъ, которыя вмѣстѣ съ жнецами и составляютъ то же количество рабочихъ, какое употребляется при обыкновенной уборкѣ. Итакъ, желающіе высушить свой жатый хлѣбъ столь же скоро, какъ и кошенный, могутъ и въ хорошую — а тѣмъ болѣе въ дурную погоду, употреблять выше-описанный способъ, не требующій излишнихъ трудовъ и рабочихъ.*

(*) А такую и снятую серпомъ рожь можно, безъ опасенія класть прямо въ скирды.

(**) При этой уборкѣ, жнецы поступаютъ такъ: скрутивъ перевязь, вяжутъ ее на живую, и по ней разстилають столько горстей сжатого хлѣба, сколько имъ нужно для составленія снопа, и тѣмъ дѣлаютъ. Въ-послѣдствіи, вязальщицамъ неужь но казать (или собирать) снопы и дѣлать перевязи: имъ остается только завязать готовые снопы, опрѣлать ихъ и носить въ конны.

ДОМОВОДСТВО.

ЛЕСТНОЕ для доктора Пуфа поощрение. — ТЕОРІЯ госпожи Простаковой. — ТАТАРСКОЕ домоводство. — ПРЕДПОЛОЖЕНІЯ ДОКТОРА относительно сего предмета.

Я никакъ не воображалъ, что буду еще разъ самъ, лично, своею особою бесѣдовать съ почтеннѣйшею публикою. Мнѣ казалось, что уже довольно я сдѣлалъ въ этой жизни для себя, и въ-особенности для всего человѣчества, и что имѣю полное право покониться на лаврахъ. Признаюсь, весьма не хотѣлось мнѣ выходить изъ этого сладкаго усыпленія: такъ весело ничего не дѣлать, поспать сегодня, поспать завтра, въ промежуткахъ пересыпать изъ пустаго въ порожнее, а между-тѣмъ время идетъ, да идетъ, — и какъ-будто живешь въ-самомъ-дѣлѣ. Извѣстно, что эта безпокойная дѣятельность занесена къ намъ заморскою пытливостью, — и потому я ее терпѣть не могу. Помилуйте! вѣдь я увѣренъ, твердо увѣренъ, что я великій человѣкъ, и что для меня съ облаковъ должны падать жаренныя куропатки, что мнѣ нѣ у кого учиться, нѣ въ чемъ успѣвать, — что я могу очень-спокойно наслаждаться самоудивленіемъ, хоть смотря на себя въ зеркало, — ну, а если невзначай въ зеркалѣ мнѣ представится какая-нибудь дикая, неотесанная фигура, я могу сказать, что она не моя, а что въ томъ зеркало виновато, — и дѣло въ шляпѣ.

Но со мной случилось нѣчто необыкновенное: пока я находился въ самоудивленіи передъ собственною своею особою, — внезапно явилось мнѣ неожиданное поощреніе со стороны одного писателя нашихъ временъ; вѣроятно, читатели уже догадались, что злѣе дѣло идетъ о философѣ и бѣлетристѣ, скрывающемъ себя подъ псевдонимомъ, А. Студинскаго (*). Онъ съ разу вникнулъ въ мою теорію домоводства, и тотчасъ постигъ — кто бы этому повѣрилъ! — что она основана на положительныхъ началахъ системы

(*) Москвитянинъ, номера 2 и 3, 1846.

Т. XLVI. — Отд. IV.

взаимнаго надуванія; проникательный взоръ его тотчасъ подмѣтилъ, что первое приложеніе этой системы является въ моихъ сношеніяхъ съ редакціею «Отечественныхъ Записокъ», — и все это онъ угадалъ съ первыхъ строкъ, гдѣ я съ такою откровенностью объясняю свои надувательныя намѣренія; кто могъ бы раскрыть эту замысловатую тайну? Въ полномъ оценѣніи при видѣ такой премудрости—умолкаю... однакожь не совсѣмъ, ибо обязанъ, по долгу благодарности, повѣдать читателямъ, какимъ лестнымъ вниманіемъ удостоиваетъ меня знаменитый псевдонимъ; на страницахъ одного извѣстнаго журнала, онъ всякій разъ аккуратно помѣщаетъ извлеченія изъ моихъ статей, и столь велико его лестное уваженіе къ моей особѣ, что онъ не присоединяетъ къ тому извлеченію ни строчки отъ себя, ни слова, ни даже восклицательнаго знака! — Мы безмолствуемъ другъ передъ другомъ...

Признаюсь, что такое неожиданное поощреніе поразило меня, и долго, отъ радости, я не зналъ на что рѣшиться; но теперь, оно дало мнѣ новыя силы!

Благодарность г-ну псевдониму! — И за что такое вниманіе? Что я предъ г-мъ псевдонимомъ? — Я не выхожу изъ круга домашняго очага; я учу, какъ стирать пыль, варить кашу, присматрѣть за кухаркой, за дѣтьми — все дѣла простыя, житейскія, которыя знаетъ каждая Нѣмка, или Англичайка, — но поприще г-на псевдонима другое: онъ открылъ способъ однимъ разомъ уничтожить всѣ препоны къ благоденствію человечества. Чувствую всю слабость силъ своихъ, чувствую, что не могу во всей полнотѣ развить блистательную теорію знаменитаго философа, — но не могу удержаться и не дать читателямъ хотя слабаго понятія о дивномъ открытіи г. А. Студинскаго, которому еще не было подобнаго въ лѣтописяхъ народовъ.

Его теорія проста, но гениальна, и, что всего важнѣе, удобопримѣняема въ высшей степени. Извѣстно, что все зло въ мирѣ происходитъ — отъ словъ: да! отъ словъ! что какая кому нужда до вещи! не было бѣ ей названія—вотъ что главное. «Всякое слово» говоритъ г. псевдонимъ «одного языка или тождественно по своему смыслу съ соответствующимъ словомъ другаго, или если не тождественно, то выражаетъ оттѣнокъ понятія несвойственной другому народу. НЕ СУЩЕСТВУЮЩИЙ ВЪ ЕГО ЖИЗНИ И ЕГО МЫСЛИ, СЛѢДОВАТЕЛЬНО НЕНУЖНЫЙ ЕМУ» (*).

Неоцѣненное открытіе! Чего нѣтъ въ языкъ какого-либо наро-

(*) Москвитинъ. 1846, номеръ 1. стр. 228.

да, то́ тому народу и не нужно! — вотъ пробный камень для всякаго ученаго, торговца, сельскаго хозяина, ремесленника и проч. и проч. Слѣдствія ясны и ощутительны; на что въ языкъ нѣтъ слова, *тому нѣтъ мѣста въ области народной мысли, нѣтъ потребности въ народной жизни.* Наоборотъ, очевидно, что если ввелось въ языкъ чуждое народу слово, то стоить только уничтожить это слово, — исчезнетъ и самая вещь, къ которому это слово прикѣлено. Какъ до-сихъ-поръ никто не догадался о существованіи столь простаго средства уничтожать все, что не нужно какому-либо народу!

Я не знаю, всѣ ли изъ моихъ читателей постигнуть всю глубину, свѣжесть и ясность этого великаго открытія; самая простота этой теоріи можетъ служить камнемъ преткновенія для неопытныхъ; никому въ голову не прійдетъ, что существуетъ у каждаго подъ рукою самое надежное средство для уничтоженія всѣхъ золъ, грозящихъ бѣдному человѣчеству.

Усердный поклонникъ этой блистательной теоріи, я намеренъ, слѣдуя по стопамъ знаменитаго псевдонима, приложить ее къ домоводству и тѣмъ уничтожить все, что можетъ препятствовать развитію этой отрасли нашей промышленности. Съ такою цѣлю я принялся за русскій словарь, рассматриваю въ немъ каждое слово, — и чуть попадется въ немъ какое-нибудь *чуждое*, и, слѣдственно, намъ *ненужное* или непріятное слово, — я его вычеркиваю, и дѣло съ концомъ. Вотъ образчикъ моего труда.

Абордажъ — очень-непріятное слово; суда сцѣплятся, люди дерутся — не хорошо! Вонъ это слово; оно иностранное, слѣдственно, намъ вовсе не нужно; съ этой минуты, для судовъ нѣтъ больше абордажа!

Агрономія, т. е. по «Словарю» г. Соколова — *умозрѣніе о почвѣ земли.* Зачѣмъ умозрѣніе? Спросите-ка у мужика: что такое агрономія? — явно, что она ему вовсе не нужна, потому-что она иностранное слово; слѣдственно, нѣтъ ей мѣста въ потребностяхъ нашей жизни; наши отцы и безъ агрономіи весьма-исправно жили — на что жъ намъ агрономія? Конецъ агрономіи!

Азартный... азартная игра — какое безнравственное слово! скорѣе вонъ его изъ языка, оно нарушаетъ его цѣломудріе. Наши предки играли и въ зернь и въ кости, — но слово «азартная игра» не имѣло мѣста въ ихъ мысли; оно перешло къ намъ изъ-за моря, океанное!

Аварія — вотъ еще негодное слово! отъ него бѣда да и только! Отправишь барку съ хлѣбомъ, а хлѣбъ подмокнетъ; отъ-чего? — отъ-того, что въ языкъ вошло чуждое намъ слово «аварія», которому нѣтъ мѣста въ потребностяхъ русской жизни. Вонъ это не-

годное слово! Теперь, господа, вы можете отправлять на кораблях какой угодно товаръ,—будьте спокойны, аварія больше не существуетъ.

Алкоголь — вовсе ненужное слово, нисколько не входящее въ потребности жизни; наши предки пили просто вино и пили порядочно, но алкоголя знать не знали; это слово не имѣло мѣста въ области ихъ мысли. Вонъ его!

Амбарго — непріятное слово! Вы распорядились, отправили корабль, а его задержали... Вѣдь отъ этого вамъ разореніе,—а явно, что разореніе ни на что *не нужно*. Скорѣй, скорѣй уничтожимъ это непріятное слово! Радуйтесь, господа-негоціанты: нѣтъ больше амбарго на свѣтъ!

Читатели изъ этого небольшого опыта надъ первыми двумя страницами словаря уже могутъ видѣть всю пользу теоріи г. А. Студинскаго. Черкнулъ перомъ — и все ненужное, какъ, напр., непріятное, досадное, разорительное, убыточное, затруднительное,—все исчезаетъ какъ-бы волшебствомъ; въ этомъ случаѣ я не пощажу силъ, пройду весь словарь, не пропущу ни одного слова, которое бы могло вамъ напести какую-нибудь непріятность, любезные читатели, — и такимъ-образомъ вы безъ усилій, безъ труда, разомъ достигнете совершенства во всѣхъ отрасляхъ жизни.

Въ одномъ я поспѣю не согласиться съ г-мъ философомъ: онъ допускаетъ исключенія въ *наукахъ*, и то въ нѣкоторыхъ; зачѣмъ такое снисхожденіе? Есть ли на свѣтъ предметъ, который бы не относился къ какой-нибудь наукѣ? Подъ этимъ предлогомъ мало ли что *ненужнаго* для народа можетъ прокрасться въ его жизнь! Могутъ прокрасться и субъектъ, и объектъ, и деликатство, и инструменты, и рейльсы, и солидарность, а колыми паче, компаніи на акціяхъ, локомотивы, шоссе и проч. Тутъ стоить только немножко не досмотрѣть — и бѣда: заморское слово такъ и войдетъ въ языкъ. Мы вообще неосторожны на этотъ счетъ; давнымъ-давно Шишковъ предостергалъ насъ, что Карамзинъ нарушаетъ чистоту языка введеніемъ словъ: *энтузіазмъ*, *гармонія*, *мелодія*, *вліяніе*, *промышленность*, *геній* (которое, по словамъ Шишкова, всегда должно смѣшиваться съ словомъ «Евгеній») (*); не послушались мы этого предостереженія, и всѣ эти новыя слова до-сихъ-поръ не выгнаны изъ языка, — очень-жаль!

Въ такомъ важномъ дѣлѣ прочь всякое снисхожденіе! Науки! да что въ нихъ? Почти каждая называется заморскимъ словомъ: такъ на что жъ онъ намъ? Не даромъ плакали наши отцы, когда, за сто лѣтъ предъ симъ, ихъ дѣтей заставляли учиться и ариѳмети-

(*) См. • О старомъ и новомъ слоgѣ • Шишкова.

къ, и географіи, и металлургіи, и навигаціи, и исторіи, — вѣдь это все чуждыя намъ слова, слѣдственно, вовсе ненужныя. Не было бы этихъ словъ, насъ бы не мучили въ школахъ надъ синусами и косинусами, а спокойно бы читали мы Бову Королевича и Еруслана Лазаревича.

Впрочемъ, я никогда не дерзнулъ бы противорѣчить г-ну философу и публицисту, еслибъ говорилъ такъ просто, отъ себя, отъ своего субъективнаго умозрѣнія; мнѣ эту смѣлость придаетъ важный авторитетъ, а именно: не новая, но весьма-основательная теорія госпожи Простаковой, заключающаяся въ слѣдующихъ немногихъ словахъ:

«Мнѣ повѣрь, батюшка, что, конечно, то вздоръ, чего не знаетъ Митрофанушка.»

На что Стародумъ съ западнымъ высокоуміемъ ей отвѣчаетъ:

«О, конечно, сударыня. Въ человѣческомъ невѣжествѣ весьма-утѣшительно считать все то за вздоръ, чего не знаешь» (*).

Теорія госпожи Простаковой до-сихъ-поръ была мало оцѣнена, и лишь въ трудахъ новѣйшихъ татарофиловъ можно понять ея истинное значеніе. До-сихъ-поръ, многія, хотя и весьма-почтенныя, особы заблуждаются, полагая, что истинное русское домоводство и хозяйство должно быть основано — на всѣхъ тѣхъ успѣхахъ ума и просвѣщенія, которые со временъ Петра сдѣлались общимъ достояніемъ Европы и Россіи включительно. Это совершенно не такъ. Я съ своей стороны увѣренъ, что пока изъ нѣдръ сухой лѣтописи мы не выжмемъ русской жизни, — до-тѣхъ-поръ, наше настоящее хозяйство и домоводство должно быть чисто пустяки, потому что оно наше старинное; на основаніи этого убѣжденія, съ восторгомъ привѣтствую рыцарей, подвизающихся на томъ же поприщѣ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, если разобрать хорошенько, мы на каждомъ шагу въ нашемъ хозяйствѣ отстаемъ отъ старины; бѣда грозитъ неминуемая!

Вотъ, на-примѣръ, исконокъ-вѣка наши дѣды молотили цѣпами — и гдѣ видѣно, чтобъ молотить чѣмъ-нибудь другимъ, а не цѣпами? Правда, еще во многихъ деревняхъ усердно сохраняются старые обычаи; что помолотятъ цѣпами, то и отправятъ на обозахъ; ѣдутъ, ѣдутъ, а тамъ и попировать надобно; вотъ воротились, опять за молотѣбу, всѣ гуртомъ, старый, малый, чтобъ до весенней работы управиться, стукотня, бѣготня, красное словцо — то-то потѣха! Иногда хлѣбъ-то и съ мякиной, — что жъ дѣлать! не успѣли: да и такъ живетъ. Что можетъ быть лучше? такъ ведется изстари; нѣтъ, надобно было какому-то Ньмпу выдумать *молотильню*; а нашимъ

(*) Фон-Визинъ, томъ I, стр. 234.

— какъ не перенять заморской выдумки! давай также заводить молотильни; видалъ я такіа деревни—жалость посмотреть; ни одного цѣпа не увидишь, тока и въ заводы нѣтъ; за всѣхъ молотильня съ вѣялкою работаетъ, а при ней-то всего мужикъ, да дѣвъ бабы; между-тѣмъ, по дворамъ ходить прикащикъ, зараженный западною хитростью: «и сбую-то почию, и борону-то исправь, и соху-то осмотри»—ну къ-чему эти всѣ выдумки? какъ-будто отъ сохи да бороны хлѣбъ родится; спросите-ка объ этомъ стариковъ — они вамъ дадутъ отвѣтъ: «ужь коли хлѣбу уродиться, такъ уродится, а не уродиться, такъ не уродится, какъ ни паши».

Этого мало: нныя обрадуются молотильнѣ, да и давай новыя порядки заводить; «что, говорятъ, ребятишкамъ-то баклуши бить; давай-ка ихъ въ школу посадимъ». А не подумаютъ, что дѣла малое, неразумное: зачѣмъ его надъ грамотой мучать? Только-что заморскія выдумки — больше ничего. Ужъ будто за моремъ и неурожая не бываетъ!

Все это куда бы ни шло. Да каково упреки-то слушать? Вотъ нныя умники то и дѣло намъ колютъ глаза — хоть бы менови-стами: «вотъ, говорятъ, и на той же землѣ, и тѣ же люди — да хозяйство у нихъ не то: и скотъ славный, и навоза много, и шляпницъ нѣтъ, и пашни—заглядѣнье, неурожая не знаютъ, всѣ зажиточны, въ усь не дуютъ»... Вишь чѣмъ хотять озадачить! отъ-чего это все? разумѣется—счастье! ужъ такъ на роду написано, — а не отъ новыхъ порядковъ.

Это ли одно! И картофель заводить, и какія-то, провалъ ихъ вошьи, *корнеплодные* растенія — о чемъ наши дѣды и слыхомъ не слыживали; лѣса оберегаютъ... Бывало, парень ѣдетъ по дорогѣ, кнутовище сломалъ, — что тутъ долго думать? попалось дерево, свалилъ его поперекъ дороги, вырѣзалъ кнутовище, да и пошелъ какъ ни въ чемъ не бывалъ; а нынче нельзя — взъищутъ; — говорятъ: «лѣсъ береги»—какъ-будто лѣсъ не на то сотворенъ, чтобъ его рубать. Смѣхъ, да и только! Да и придирки какія! Ъхалъ мужикъ по лѣсу, остановился отдохнуть, прилегъ, комары закусахи; малой-то былъ смышленный, — онъ, ни думая, ни гада, запылилъ сосну, всѣ комары разлетѣлись, и мужичокъ всхрипнулъ на славу; только, говорятъ, отъ той сосны лѣсъ на нѣсколько верстъ сгорѣлъ; вотъ объ этомъ пошла спросы, распросы, описанія, восклицанія; а изъ чего? будто мужикъ виноватъ? развѣ онъ хотѣлъ цѣлый лѣсъ сжечь? онъ только одну сосну запылилъ, да подумалъ: *авось* на другое дерево не перейдетъ, — а вѣдь *авось* такое слово, что безъ него и обойтись нельзя. Тутъ ужъ несчастье — нѣчего толковать; а несчастьемъ ничѣмъ не поможешь. Такъ старикъ училъ.

Да вотъ еще ученые собрались, а пуще всѣхъ какой-то Нѣмецъ Мурчисонъ, и, не знаю гдѣ, да и знать не хочу, говорятъ, четырнадцать тысячъ квадратныхъ верстъ какого-то *каменнаго угля* на Руси отыскивали. Экая невзда! да у насъ гдѣ ни копни — этого добра много. Да что въ немъ? ужъ не прикажете ли каменнымъ углемъ печки топить? Чего добраго! я таки полагаю, что у нашихъ умниковъ есть этотъ умыселъ; не даромъ они такъ о каменномъ углѣ кричатъ. Ахъ, они еретики! да подумали ль они, что для того надобно будетъ печки на нѣмецкой ладъ перестроить! Слышали бы это наши дѣды, дали бы трезвона! Печка испоконъ-вѣка на то и сотворена, чтобъ ее дровами топить; вѣтъ дровъ, топи кизиломъ, соломой, навозомъ, а новостей не вводи... Печки перестраивать! да на что тогда изба-то будетъ походить? на заморскую? Покорно благодаримъ!

Все это наши умники у Нѣмцевъ перенимаютъ. Да чего! даже до платья добираются. Кто не знаетъ, какъ рубашку носить; разумѣется, сверхъ панталонъ, — это малый ребенокъ смыслить. Такъ вѣтъ! Здѣсь на фабрикахъ и на машинахъ строгой запретъ: «не носить рубашки сверхъ панталонъ», отъ-того, вишь ты, что рубашка въ колеса попадаетъ и человека въ машину затягиваетъ. Эти еретики нарочно и паровую машину выдумали, чтобъ нашъ дѣдовскій обычай нарушить!

Что тутъ и толковать! Забываемъ мы старину, да и только. Не токмо что ученые, да и простой людъ. Вотъ недавно я читалъ описаніе очень-печальнаго происшествія:

«Одинъ славянофилъ, то-есть, человекъ, видящій національность въ охобняхъ, мурмолахъ, лаптяхъ и рѣдкѣ, и думающій, что одѣваясь въ европейскую одежду, нельзя въ то же время остаться Русскимъ, нарядился въ красную шелковую рубаху съ косымъ воротничкомъ, въ сапоги съ кисточками, въ терлики и мурмолку и пошелъ въ такомъ нарядѣ показывать себя по городу. На поворотѣ изъ одной улицы въ другую обогналъ онъ двухъ бабъ и услышалъ слѣдующій разговоръ: «Вона! вона! гляди-ка, матка!» сказала одна изъ нихъ, осмотрѣвъ чудака съ дикимъ любопытствомъ: «глядь-ко, какъ нарядился, должно быть настранецъ какой!»

Какое досадное происшествіе! ужъ золотая старина, охобни, терлики, мурмолки дѣлаются для народа чѣмъ-то чуждымъ; а вотъ другое что — паровики, машины, удобное платье, картофель, школы, пріюты, къ этому съ каждымъ днемъ все болѣе привыкаютъ; даже книжки покупаютъ; вотъ, говорятъ, какого-то *Сельскаго Читенія* до восемнадцати тысячъ экземпляровъ разошлось; со Шкунина-Двора въ лавки приходили простые мужички съ бородакою, да книжекъ по десятку и болѣе покупали, да къ своимъ въ деревни посылали,

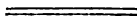
на мѣсто краснаго яичка. Еще затѣваютъ иные не только парней, да и дѣвокъ грамотъ учить: что тогда-то будетъ!

Всего досаднѣе то, что эти наши умники за свои выдумки себя настоящими Русскими называютъ, а тѣхъ, кто стоитъ за старину, за цѣпы, за неряшество, за небреженіе, за *аэось*, за *живеть*, за трехнолье, за безграмотность и проч. — тѣхъ честать не-Русскими!

Дай волю этимъ умникамъ — что выйдетъ? Русскій мужичокъ смекнетъ, что онъ многого не знаетъ, повѣрить, что ему надобно учиться и тому, и другому, и третьему, а можетъ-быть и всему, — что его старинное хозяйство никуда не годится, что ему надобно и лучшую соху, и лучшую борону, и какое-то *раціональное* скотоводство, и разныя новосты, — повѣрить даже тому, что есть люди, которые могутъ и должны его учить, какъ люди взрослые учатъ умнаго и способнаго, но еще ничему не учившагося ребенка...

Надобно положить этому конецъ, — и на-дняхъ я представляю моимъ собратіямъ подробный проектъ о томъ, какія слѣдуетъ предпринять мѣры для охраненія нашихъ старинныхъ хозяйственныхъ и домоводныхъ обычаевъ отъ лукаваго наводженія. Надѣюсь, что собратія поддержатъ, — особливо г. псевдонимъ, обратившій на меня столь лестное вниманіе.

ДОКТОРЪ ПУФЪ.

НОВОЕ ПРИВИЛЕГИРОВАННОЕ УДОБРЕНІЕ, ИЗОБРЕТЕН- НОЕ ПРОФЕССОРОМЪ ЮСТОМЪ ЛИБИХОМЪ.

Всѣ наблюденія сельскихъ хозяевъ надъ плодородіемъ почвы и количествомъ урожая приводятъ къ одному общему результату:

Замѣчено вездѣ, гдѣ только занимаются земледѣліемъ, что всегда урожай, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, уменьшается; правило это безъ исключенія имѣетъ мѣсто для всѣхъ почвъ и для всѣхъ воздѣлываемыхъ растений. Но замѣчено также, что можно почвъ возратить ея первобытное плодородіе посредствомъ удобренія, то-есть соединяя ее съ твердымъ и жидкимъ помѣтомъ людей и животныхъ. Величина урожая бываетъ въ прямомъ соотношеніи съ количествомъ удобренія.

Прежде настоящей эпохи, никто не думалъ искать, никто не старался объяснить точной причины этого чудеснаго свойства помѣтовъ животныхъ и человѣческихъ. Прежде не обращали надлежащаго вниманія на происхожденіе этихъ помѣтовъ, на отношеніе, на связь, существующую между ними и принятою пищею, и по-этому не удивительно, что тогда благотворное вліяніе ихъ приписывали послѣднему остатку жизненной силы, которой будто бы доставало еще для поддержанія жизненнаго процесса растений. Эти близорукіе толкователи, приписывая плодородіе полей какой-то скрытой, необъяснимой причинѣ, забыли, что каждая сила, какого бы рода она ни была, должна непременно сдѣлаться вещественнымъ двигателемъ, облечься въ вещественную форму, и что только въ этомъ видѣ возможно ея дѣйствіе. На-примѣръ, такъ-называемый математическій рычагъ, неимѣющій ни вѣса, ни протя-

женія, не можетъ произвести никакого дѣйствія, не въ состояніи поднять ни малѣйшей тяжести.

Опытъ, который служитъ первымъ основаніемъ для всѣхъ точныхъ наукъ, открываетъ намъ положительно, что каждое матеріальное дѣйствіе необходимо имѣетъ свою матеріальную причину; следовательно, мы должны предположить, что и плодородіе почвы, степень ея питательности, дѣятельность навоза зависятъ отъ причины вещественной, которой присутствіе мы можемъ доказать посредствомъ точнаго измѣренія или взвѣшиванія. Опытъ и точное наблюденіе дали возможность наукѣ объяснить, представить въ настоящемъ свѣтѣ причины плодородія полей и благотворное вліяніе на нихъ навоза.

Химія доказала, что качества почвы, обусловливающія, опредѣляющія ея плодородіе, заключаются въ ея химическомъ составѣ; что только та почва можетъ производить рожь или другіе полевые плоды, которая заключаетъ въ себѣ извѣстныя, опредѣленные составныя части, поглощаемыя, принимаемыя этими растеніями. Въ наше время также химія доказала, что два поля, двѣ почвы разнаго плодородія, которыя даютъ разные урожаи, содержатъ въ себѣ также неравные количества этихъ опредѣленныхъ составныхъ частей, или что почва болѣе плодородная заключаетъ ихъ въ другой формѣ соединенія, въ другомъ состояніи, нежели та, которая приноситъ урожай менѣйшій. Фактъ положительно-наблюдательный, что почва, содержащая въ себѣ эти составныя части въ достаточномъ количествѣ, приноситъ обильные урожаи; но если исчезнетъ или уменьшится одна какая-нибудь составная часть, почва теряетъ уже способность производить известнаго рода растенія.

Мы знаемъ теперь опредѣлительно, какую роль играютъ эти составныя части почвы въ процессѣ развитія растеній. Химическій анализъ открылъ, что сѣмена, листья, корни, стебли и проч. заключаютъ въ себѣ эти составныя части въ различномъ количествѣ и различномъ содержаніи. Всѣ они—вещества минеральныя; огонь не дѣйствуетъ на нихъ, не уничтожаетъ ихъ, и они всегда остаются въ пеплѣ, въ золѣ, при сжиганіи растеній. Нѣкоторыя между этими составными частями растворяются въ чистой водѣ; другія же въ водѣ, смѣшанной съ угольною кислотою, какова, на-примѣръ, вода дождевая; но корни растеній всегда принимаютъ ихъ не въ растворенномъ состояніи. Почва, содержащая въ себѣ не въ достаточномъ количествѣ эти составныя части, менѣе, на-примѣръ, пожелтевъ сколько находится ихъ въ зернахъ или сѣмечкахъ, не производитъ ржи, жита, чечевицы; и вообще, на такой почвѣ не растутъ окончательно растенія, которыя воздѣлываются для пищи; они приносятъ стебель, листья, цвѣтутъ даже; но только цвѣтъ

ихъ никогда не обращается въ плодъ. То же самое относится и къ листьямъ и корнямъ: здѣсь также существуетъ определенное отношеніе между развитіемъ этихъ органовъ растенія и минеральными составными частями, которыя остаются въ золѣ при сжиганіи ихъ. Такъ, на-примѣръ, если почва, на которой воздѣлываютъ картофель или рѣпу, не заключаетъ въ себѣ минеральныхъ составныхъ частей золы ихъ корней, то растенія приносятъ стебли, листья, цвѣты и сѣмена; корни же самые не развиваются вполнѣ. Развитіе каждаго органа находится въ прямой, определенномъ отношеніи съ содержаніемъ минеральныхъ составныхъ частей, которыя почва доставляетъ растенію. Два поля, дѣль почвы, находящіяся при совершенно-одинаковыхъ обстоятельствахъ, но различающіяся содержаніемъ минеральныхъ составныхъ частей сѣмена, производятъ этихъ сѣменъ также, соотвѣтственно, неравные количества. Совершенно подобнымъ образомъ урожай корнеплодныхъ или листовыхъ растеній, воспитываемыхъ для корней или для листьевъ, зависитъ отъ содержанія въ почвѣ минеральныхъ частицъ, которыя получаютъ въ видѣ золы при сжиганіи этихъ органовъ растеній.

Изъ всего, что мы до-сихъ-поръ сказали, слѣдуетъ, что минеральныя вещества, которыя почва даетъ растеніямъ и которыя получаютъ при сжиганіи ихъ въ видѣ золы, составляютъ настоящую пищу растеній. Эти минеральныя частицы суть необходимыя условія жизни растительной.

Поэтому, что, воздѣлывая различныя растенія, мы отнимаемъ отъ почвы, при каждомъ урожаѣ, известное количество минеральныхъ частицъ; и каждый особенный органъ — сѣмя, корень, стебель, листъ — извлекаетъ себѣ минеральную пищу, необходимую для ея развитія. Минеральныя частицы, которыя почва отдаетъ растеніямъ, находятся такимъ-образомъ въ прямой, определенномъ отношеніи съ количествомъ, объемомъ, степенью развитія этихъ различныхъ органовъ. Какъ бы много ни заключала въ себѣ почва минеральныхъ частицъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что нѣсколько послѣдовательныхъ урожаевъ постепенно истощатъ ее, такъ-что, наконецъ, въ известное время почва не представляетъ уже растенію достаточнаго количества этихъ минеральныхъ частицъ, необходимыхъ для полного развитія. Если даже почва постоянно, въ-продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, даетъ урожай ржи, на-примѣръ, самъ-двадцать или самъ-тридцать, то опытъ показываетъ, что этотъ урожай въ-послѣдствіи постепенно уменьшается, такъ-что, въ заключеніи, даже не вознаграждаетъ полевой работы; тогда растеніе возвращается къ дикому состоянію.

Степень истощения почвы бываетъ различна для различныхъ растений: почва, которая не производитъ растений корнеплодныхъ, можетъ еще давать хорошіе урожаи ржи, и на оборотъ, картофель, рѣпа отлично всходятъ на почву, на которой не родится рожь. Все это зависитъ отъ содержанія минеральныхъ частицъ, переходящихъ изъ почвы въ зерна, корни, листья и проч. и еще отъ-того, какой именно изъ этихъ органовъ растенія уносятъ болѣе минеральной пищи при каждомъ урожаѣ.

Вода растворяетъ и увлекаетъ изъ почвы минеральныя частицы, питающія растенія, и въ плодородной почвѣ они находятся въ растворимомъ состояніи, въ силу котораго онѣ всасываются корнями растенія. Многія поля не плодородныя часто содержатъ въ себѣ много питательныхъ и минеральныхъ частицъ; здѣсь, въ этомъ случаѣ, эти частицы образуютъ съ другими тѣлами нерастворимыя химическія соединенія. Такія соединенія разлагаются подъ вліяніемъ воды и атмосфернаго воздуха (особенно его кислорода и углекислоты), нерастворимыя минеральныя частицы дѣлаются такимъ образомъ растворимыми и всасываются корнями растеній.

Продолжительность плодородія почвы зависитъ отъ содержанія въ ней питательныхъ минеральныхъ частицъ; производительная ея сила для даннаго времени определяется количествомъ этой минеральной пищи, принимаемой растеніями. Почти все главныя земледѣльческія работы, особенно механическія, имѣютъ вліяніе на плодородіе почвы, какъ средства, помогающія переходу минеральныхъ частицъ въ растительныя организмы. Такъ, на-примѣръ, борозьба открываетъ въ почвѣ свободный доступъ для воздуха и влаги, отъ чего минеральная пища, находящаяся здѣсь въ связанномъ состояніи (latent state), въ видѣ нерастворимаго соединенія, приобретаетъ всѣ свойства, необходимыя для перехода ея въ растенія. Легко понять теперь, какое полезное вліяніе оказываетъ въ этомъ отношеніи хорошая механическая обработка поля на урожай почвы. Она не увеличиваетъ содержанія минеральныхъ частицъ въ почвѣ, — нѣтъ, механическая обработка нерастворимую минеральную пищу превращаетъ въ растворимое состояніе и этимъ самымъ увеличиваетъ урожай почвы.

Взковой опытъ доказалъ, что первобытное плодородіе почвы восстанавливается съ помощію удобренія, то-есть человѣческихъ и животныхъ помѣтовъ; если соединить ихъ въ достаточномъ количествѣ съ почвою совершенно-истощенною, которая не производитъ уже хлѣбныхъ и другихъ кормовыхъ растений, то урожай увеличится черезъ это до самъ-двадцать и болѣе, смотря по количеству употребленнаго навоза.

Наблюдения надъ образомъ дѣйствія навозовъ свидѣтельствуютъ, что не всѣ помѣты оказываютъ одинаковое вліяніе на растенія. Помѣты овецъ, рогатаго скота, на-примѣръ, особенно способствуютъ урожаю растеній корнеплодныхъ и листовыхъ и гораздо-болѣе, чѣмъ помѣтъ человѣческій и птичій (гуано); эти послѣднія удобрения, напротивъ, дѣйствуютъ благотворно на зерновые хлѣбныя растенія, особенно, если употребить способъ *удобренія сѣмянъ*, описанный нами въ мартовской книжкѣ нашего журнала прошедшаго года, въ этомъ отдѣленіи.

Поле, на-примѣръ, которое не производитъ даже картофеля, рпы, но которое родитъ еще горохъ, бобы, даетъ лучшіе урожан корнеплодныхъ растеній, если удобрить его лошадинымъ или коровьимъ навозомъ, нежели человѣческимъ помѣтомъ или гуано.

Самые точные опыты и изслѣдованія открываютъ, что помѣты человѣческіе и животные содержатъ въ себѣ именно тѣ самыя вещества минеральныя, отъ которыхъ зависитъ плодородіе почвы, и можно заранее математически опредѣлять оплодотворяющую силу каждаго навоза, потому-что дѣйствіе его находится въ прямомъ соотношеніи съ содержаніемъ минеральныхъ частицъ, питающихъ растенія. Каждый легко убѣдится въ истинности этого результата тщательнѣе изслѣдованій, если только объяснитъ себѣ происхожденіе этихъ помѣтовъ.

Всѣ помѣты человѣческіе и животныхъ происходятъ изъ растеній, производимыхъ нашими полями. Въ овесъ и сѣно, обыкновенной пищи лошади, въ кормахъ, служащихъ кормомъ коровамъ, находится известное количество минеральныхъ веществъ. Лошадь ежедневно, вмѣстѣ съ 15 фунтами сѣна и 4½ фунтами овса, поглощаетъ 21 унцію минеральныхъ частицъ, которыя сѣно и овесъ извлекаютъ изъ почвы; въ-теченіе года, такимъ-образомъ, она принимаетъ 480 фунтовъ этихъ составныхъ частей почвы, но удерживаетъ въ своемъ организмѣ очень незначительную часть ихъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, если предположить, что лошадь въ годъ прибавится въ вѣсъ на 100 фунтовъ, то минеральныхъ частицъ, входящихъ въ составъ корма, пойдетъ на эту прибавку не болѣе 7 фунтовъ. Спрашивается, куда дѣваются теперь остальные 473 фунта, которые не усваиваются организмомъ лошади? Изслѣдованія ея жидкихъ и твердыхъ испражнений показываютъ, что эти составныя части почвы, не усвоенныя организмомъ животного, находятся въ этихъ испражненіяхъ, и что они минеральныхъ частицъ содержатъ въ себѣ столько же, сколько заключалось ихъ въ принятомъ кормѣ.

Все сказанное о лошади можетъ быть примѣнено и къ прочимъ животнымъ. *Испражненія каждого животнаго заключаютъ въ себя составныя части почвы и въ такомъ же количествѣ, въ такой же пропорціи, какъ онѣ находились въ его кормѣ.*

Минеральныя же части корма, которыя усваиваются организмомъ животныхъ и на-счетъ которыхъ увеличивается ихъ масса, находятся въ костяхъ и помётъ человѣка, употребляющаго въ пищу ихъ мясо.

Помётъ человѣчій содержитъ въ себя составныя части почвы, хлеба или сѣмёнъ, овощей и мяса.

Эти открытія объясняютъ самымъ простымъ и совершенно-достаточнымъ образомъ благотворное вліяніе навоза на наши поля.

Теперь понятно, почему навозъ увеличиваетъ плодородіе въ истощенной почвѣ, почему навозъ увеличиваетъ урожай почвы, и почему этотъ урожай находится въ прямомъ соотношеніи съ количествомъ употребляемаго навоза.

Истощеніе почвы, наступающее послѣ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ урожаевъ, происходитъ отъ постепеннаго уменьшенія минеральныхъ веществъ, которыя находились въ почвѣ въ растворимомъ состояніи, какъ этого требуетъ развитіе воздѣлываемыхъ нами растений. Навозъ приноситъ съ собою эти минеральныя частицы, и именно въ томъ видѣ, въ томъ состояніи, въ какомъ онѣ могутъ способствовать наилучшимъ образомъ къ возрастанію новаго посѣва.

Если навозъ былъ употреблёнъ въ достаточномъ количествѣ, если замѣняетъ онъ совершенно отдѣлившіяся при урожаѣ составныя части почвы, то почва пріобрѣтаетъ первоначальное плодородіе, которое увеличивается или уменьшается, смотря по большому или меньшему количеству употребленнаго навоза.

Легко понять, почему различные составы навозовъ оказываютъ различное вліяніе на наши поля.

Помётъ человѣчій и гуано, которые преимущественно заключаютъ въ себя минеральныя вещества, входяшія въ составъ сѣмёнъ и мяса, оказываютъ на урожай зерновыхъ растений вліяніе большее, нежели испражненія животныхъ, которыя питались растеніями корнеплодными и кормовыми травами. Эти испражненія содержатъ въ себѣ преимущественно минеральныя и составныя части листьевъ, стеблей и корня, и въ свою очередь способствуютъ развитію кор-

веплодныхъ и лиственныхъ растений болѣе, нежели помётъ человѣчій и птичій, которые заключаютъ въ себѣ въ меньшемъ количествѣ минеральныя вещества, необходимыя для развитія этихъ растений.

Сравнимъ, на-примѣръ, составъ гуано и коровьяго навоза, заключающаго въ себѣ твердыя и жидкія испражненія въ одинаковой степени сухости: мы найдемъ, что этотъ навозъ содержитъ въ себѣ минеральныхъ составныхъ частей, рѣпы и картофеля, въ пять и семь разъ болѣе, нежели гуано. По-этому, если на почвѣ, не заключающей въ себѣ совершенно минеральной пищи растений, мы захотимъ воздѣлывать рѣпу съ помощью гуано, то необходимо должны этого удобрения употребить въ пять разъ болѣе, нежели коровьяго навоза.

То же самое будетъ имѣть мѣсто при удобринаніи почвы подъ зерновыя или хлѣбныя растения животными помѣтами. Въ этомъ случаѣ, одна часть гуано, соединенная съ пятью частями животныхъ помѣтовъ, дѣйствуетъ одинаковымъ образомъ точно такъ же, какъ пятнадцать частей однихъ животныхъ помѣтовъ.

Чтобъ составить себѣ точное понятіе объ этихъ числовыхъ отношеніяхъ, припомнимъ себѣ, что четыреста фунтовъ костей содержатъ въ себѣ фосфорной кислоты столько же, сколько находится ея въ тысячѣ фунтахъ ржи; эти четыреста фунтовъ надѣляютъ восемь акровъ земли количествомъ фосфорной кислоты, достаточнымъ для одного хорошаго урожая ржи.

Положимъ, что въ последнее десятилѣтіе въ Великобританію ввезено миллионъ тоннъ костей; следовательно, англійскія поля получали запасъ фосфорной кислоты, достаточный для произведенія двадцати-пяти миллионновъ тоннъ ржи; но кости заключаютъ въ себѣ очень-малое количество фосфорной кислоты въ томъ видѣ, въ томъ состояніи, въ какомъ именно она служитъ пищею для растений, и способствовать, следовательно, образованію сѣменъ. Растенія тогда только могутъ принять наибольшее количество этой фосфорной кислоты, когда рядомъ съ нею въ костяномъ удобреніи находятся еще щелочныя основанія, которыхъ, впрочемъ, самая кость не заключаетъ въ себѣ. Чтобъ возвысить соотвѣтственно плодородіе полей, необходимо присоединить къ миллиону тоннъ костей еще восемьсотъ тысячъ тоннъ поташа.

То же самое можно сказать и о гуано. Достаточно ста, даже шестидесяти фунтовъ этого навоза, чтобъ надѣлить фосфорною кислотой одинъ акръ поля, засѣянаго рѣпою, но вчетверо и ввосемьро

болѣе нужно гуано, чтобъ доставить этому акру рпы необходимое количество щелочныхъ основаній.

Когда не понимали еще, какъ важны минеральныя вещества для развитія растений, когда не знали, какое соотношеніе существуетъ между дѣятельностью навоза и содержаніемъ этихъ минеральныхъ веществъ, въ то время эту дѣятельность приписывали веществамъ органическимъ, находящимся въ навозѣ, и долго вѣрили, что поле приноситъ азотистыхъ частей растенія, которыми питаются животныя, количества прямо пропорціональныя содержанію азота въ удобреніи; прежде твердо были увѣрены, что цѣнность навоза можетъ быть опредѣлена изъ процентнаго содержанія азота. Позднѣйшія и болѣе убѣдительныя наблюденія заставляли Либиха опровергнуть это мнѣніе.

Въ-самомъ-дѣлѣ, если азотъ и углекислота, образующіеся при истлѣваніи и разложеніи растительныхъ составныхъ частей навоза, суть главныя причины его плодотворной силы, то естественно, что навозы, несодержащіе въ себѣ минеральныхъ веществъ, должны также способствовать плодородію полей. Никто не дѣлалъ выводовъ надъ удобреніемъ почвы веществами, заключающими въ себѣ только углеродъ и азотъ безъ примѣси минеральныхъ частицъ; все извѣстныя навозы заключаютъ въ себѣ минеральныя соли въ болѣе или менѣе большомъ количествѣ.

Точныя изслѣдованія убѣждаютъ, что растенія принимаютъ изъ почвы азотъ въ видѣ аммоніака; но этотъ аммоніакъ, равно какъ и угольная кислота, — какъ ни необходимы эти вещества для развитія растенія, оказываютъ благотворное вліяніе на урожай только въ томъ случаѣ, когда навозъ заключаетъ въ себѣ вѣсть съ ними и минеральныя частицы, и именно въ состояніи, удобномъ для перехода въ растительный организмъ. Если же ихъ не находится въ навозѣ, то аммоніакъ и угольная кислота не оказываютъ ни малѣйшаго вліянія на растительность.

Съ другой стороны, напротивъ, опыты убѣждаютъ, что многія почвы даютъ отличные урожаи углеродистыхъ и азотныхъ частей растеній безъ помощи удобреній, содержащихъ въ себѣ углеродъ и азотъ; во многихъ мѣстахъ почва, удобренная мергелемъ или жженою известью, гипсомъ, костями, — следовательно, веществами, которыя растеніямъ не могли доставить ни углерода, ни азота, — давали богатые урожаи зерновыхъ, хлѣбныхъ и корнеплодныхъ растеній. Этимъ совершенно опровергается старое мнѣніе, что дѣйствіе навоза зависитъ отъ содержанія азотистыхъ и углеродистыхъ веществъ.

Чтобы объяснить эти явления, опровергавшія фальшивый взгляд, прежніе теоретики сельскаго хозяйства утверждали, что мергель, гипсъ, щелочи и кости дѣйствуютъ какъ вещества раздражающія точно такъ же, какъ приности на человѣческій организмъ, которыя въ немъ увеличиваютъ силу пищеваренія и способствуютъ пріиманію большаго количества пищи.

Но это объясненіе легко также опровергнуть, если припомнимъ, что раздражающія вещества не питаютъ организма, не служатъ для образованія его составныхъ частей, но увеличиваютъ его массу только въ такомъ случаѣ, когда вмѣстѣ съ ними доставляется организму большое количество питательныхъ веществъ. Но при удобреніи полей одними минеральными веществами, увеличивается собственно органическая масса растенія, хотя мы не доставляемъ ему здѣсь никакимъ путемъ аммоніака и углекислоты, которые, по прежней теоріи уваживанія, одни составляли главные необходимыя условія развитія растеній.

Химическія изслѣдованія открыли, что эти такъ-называемыя раздражающія вещества представляютъ собою или дѣйствительно удобряющія части навоза, каковы, на-примѣръ, гипсъ, кости, мергель, или дѣйствуютъ только посредствующимъ образомъ, именно минеральныя составныя части почвы превращаютъ въ состояніе, удобное для перехода въ растительный организмъ; къ подобному результату приводитъ насъ употребленіе жженой извести. Слѣдовательно, минеральныя удобрения не просто раздражаютъ растительный организмъ, какъ приности, но способствуютъ развитію листьевъ, семянъ, корней и пр. и входятъ въ составъ этихъ органовъ, какъ неопровержимо доказываютъ точныя химическія изслѣдованія.

Благотворные результаты удобренія полей этими веществами открыли происхожденіе углерода и азота въ растеніяхъ. Мергель, кости, гипсъ, азотнокислый натръ не доставляютъ почвѣ ни малѣйшаго количества углерода, однакоже помощью этихъ удобреній во многихъ случаяхъ почва давала урожанъ большіе и лучшіе, нежели при посредствѣ углеродистыхъ и азотныхъ навозовъ. При каждомъ урожаѣ, въ почвѣ должно уменьшаться содержаніе углерода и азота; ясно, поэтому, что когда мы не возвращаемъ ей азота и углерода въ видѣ навоза, тогда песчанное растеніе необходимо должно извлекать изъ атмосферы эти матеріалы для образованія листьевъ, корней, стебля и проч. Отсюда слѣдуетъ, что плодородіе полей увеличивается, если мы почвѣ надѣляемъ минеральными частицами, которыя доставляютъ они растеніямъ, а не азотистыми или углеродистыми веществами.

Почва служить для растенія не однимъ только мѣстомъ прикрѣпленія: она принимаетъ также участіе и въ его жизни, именно доставлять ему минеральныя составныя части его органовъ. Когда этихъ составныхъ частей находится въ почвѣ достаточное количество, въ надлежащей пропорціи, тогда растеніе получаетъ способность извлекать углекислоту и аммоньякъ изъ атмосфернаго воздуха, который представляетъ неиссякаемый источникъ этихъ тѣлъ, и вырабатываетъ изъ нихъ органическія углеводистыя и азотистыя вещества.

Такимъ-образомъ сельскій хозяинъ долженъ стараться придать почвѣ составъ именно необходимый для развитія растеній, которыя намѣренъ онъ воздѣлывать; для этого онъ долженъ надѣлать почву всѣми нужными элементами, всѣми веществами, потребными для этого развитія, а не ограничиваться какимъ-нибудь однимъ, какъ обыкновенно случается. Растеніе само, безъ помощи человека, усваиваетъ себѣ составныя части атмосфернаго воздуха, то-есть, углекислоту и аммоньякъ. Человеку предстоитъ улучшить физическія свойства почвы, облегчить переходъ ея минеральныхъ составныхъ частей въ растительный организмъ и устранять такимъ образомъ всѣ препятствія; могущія уменьшить или остановить дѣйствіе этихъ минеральныхъ частей.

Выгодное вліяніе костяного удобрения, гипса, азотнокислаго натра на почвы заставило многихъ сельскихъ хозяевъ думать, что эти вещества представляютъ собою единственныя удобрения, которыми можно замѣнить всѣ другіе навозы. Легко понять, какъ ошибочно это мнѣніе. Въ-самомъ-дѣлѣ, мы замѣчаемъ, что эти вещества дѣйствуютъ не одинаковымъ образомъ на всѣ поля; въ одной мѣстности урожай увеличивается съ помощью извести, костей и гипса; въ другой напротивъ, эти вещества не оставляютъ ни малѣйшаго вліянія на растительность. Подобные результаты произвели противорѣчашіе взгляды сельскихъ хозяевъ касательно удобряющаго свойства этихъ веществъ; вотъ почему одинъ хозяинъ считаетъ удобреніе известью необходимымъ условіемъ плодородія полей; другой, напротивъ, отказывается извести во всякомъ вліяніи на урожай.

Причина такого различія мнѣній очевидна. Химическое изслѣдованіе почвы, на которую известь оказывается недействительною, открываетъ намъ, что эта почва прежде удобрения уже щедро надѣлена была означеннымъ минеральнымъ веществомъ; известь дѣйствуетъ только на такія почвы, въ составъ которыхъ она вовсе не входитъ, или входитъ не въ достаточномъ количествѣ, или, наобо-

нецъ, гдѣ находится она въ видѣ неудобномъ для перехода въ растительный организмъ. Известь служитъ преимущественно для размягченія глины и слѣдовательно, увеличиваетъ, плодородіе такихъ почвъ, которыя содержатъ въ себѣ глину. Мы думаемъ, теперь понятно каждому, что гипсъ или известь не могутъ дѣйствовать на растительность въ почвахъ известковыхъ или гипсовыхъ. Все сказанное нами объ извести можетъ быть примѣнено къ костямъ и прочимъ минеральнымъ веществамъ, служащимъ пищею для растений.

Эти вещества только въ томъ случаѣ оказываютъ полезное дѣйствіе, когда замѣщаютъ недостающую составную часть почвы, часть, необходимую для питанія растений, и когда еще соединены съ другими, также необходимыми минеральными веществами. Поле, засѣянное клеверомъ, неудобренное гипсомъ, даетъ 2,200 фун. клевера, въ составъ котораго почва отдала 53 фун. кали; то же поле, только удобренное гипсомъ, въ другой разъ производитъ 8,800 фун. клевера, которые содержатъ въ себѣ 191 фунтъ кали. Еслибъ почва не заключала въ себѣ кали, гипсъ остался бы безъ всякаго дѣйствія; онъ не увеличилъ бы урожая. Удобрение гипсомъ можетъ быть съ успѣхомъ употреблено только на такихъ почвахъ, которыя содержатъ въ себѣ всѣ прочія минеральныя вещества, питающія растенія. Если же почва заключаетъ въ себѣ гипсъ, то удобреніе золою и известью даетъ хорошіе результаты. Поля, не содержащія въ себѣ фосфо-кислой извести, даютъ хорошіе урожаи хлѣба, клевера и кормовыхъ травъ при помощи костянаго удобренія; на глинистыхъ почвахъ дѣйствуетъ особенно известь. Всѣ эти тѣла оказываютъ полезное вліяніе только на такія почвы, гдѣ они не находятся, но гдѣ находятся, однакоже, другія минеральныя составныя части. Одни обуславливаютъ дѣйствіе другихъ, и наоборотъ.

Тѣ хозяева, которые думали, что известь, гипсъ, кости, могутъ замѣнить животныя навозы, вскоре замѣтили, что поля ихъ значительно ухудшились. Они открыли, что почва истощается, если удобрять ее постоянно три-четыре года отдѣльно какимъ-нибудь однимъ минеральнымъ веществомъ; урожай послѣдовательно уменьшается, а, въ заключеніе, даже едва покрываетъ посѣвъ.

Все сказанное нами объясняетъ дѣйствія минеральныхъ удобреній. Если, въ-самомъ-дѣлѣ, въ первые годы урожай почвы увеличивается подѣ вліяніемъ костянаго или другаго какого минеральнаго удобренія, и если это увеличеніе урожая находится въ соотношеніи съ содержаніемъ въ почвѣ другихъ минеральныхъ

составных частей. то послѣдовательные урожаи должны уменьшать это содержаніе, должны истощать почву. Почва необходимо сдѣлается неплодородною, потому-что содержаніе ея питательныхъ составныхъ частей постоянно уменьшается, и отдѣльныя минеральныя удобрения не вознаграждаютъ полного ущерба.

Настоящая ученая цѣль земледѣлія состоитъ въ томъ, чтобы возратить почву все, что извлекается изъ нея при каждомъ урожаѣ и въ точной пропорціи.

Итакъ, если плодородіе почвы зависитъ отъ присутствія известныхъ минеральныхъ веществъ, если въ поляхъ истощенныхъ восстановленіе плодородія помощью помѣговъ человѣческихъ и животныхъ, приводитъ ихъ опять къ содержанію тѣхъ минеральныхъ веществъ, то изъ всего этого ясно, что мы можемъ оставить употребленіе навозовъ только въ такомъ случаѣ, когда истощенной почвѣ передадимъ другими какими-нибудь средствами все питательныя минеральныя частицы, и именно въ томъ же содержаніи, въ какомъ находятся они въ самой плодородной почвѣ.

Современныя познанія касательно вліянія составныхъ частей навоза убѣждаютъ насъ, что для растеній рѣзительно все равно, откуда, изъ какого источника происходятъ эти вещества. Растворенный испанскій апатитъ (фосфоро-кислая известь) и кали полеваяго шпата дѣйствуютъ на жизнь растительную совершенно подобно костямъ и золѣ.

Полная теорія уваживанія и удобрения, здѣсь разсмотрѣнная, служитъ основаніемъ великому изобрѣтенію Либиха, которое обнародовалъ онъ только въ концѣ прошедшаго года и которому суждено, по-видимому, сдѣлать совершенный переворотъ въ сельскомъ хозяйствѣ.

Либихъ успѣлъ составить искусственныя смѣси, соединенія изъ различныхъ веществъ, замѣняющія съ выгодой лучшіе навозы, включая даже гуано; погода, состояніе атмосферы и мѣстныя обстоятельства остаются безъ всякаго худаго вліянія на эти искусственныя удобрения.

Англійское правительство оградило привилегіей полезное изобрѣтеніе Либиха, и пока оно остается еще тайною изобрѣтателя; г. Мюпра (Müspratt), который взялъ на себя осуществить идею Либиха, занимается теперь приготовленіемъ искусственныхъ удобрений, согласно съ его наставленіями, подъ надзоромъ одного изъ его учениковъ. Сообщимъ немногія подробности касательно дѣйствія и

употребленія этихъ искусственныхъ удобреній; мы заимствуемъ ихъ изъ объявленія Мопра и изъ недавно-изданной брошюры Либиха *An address to the agriculturists of Great-Britain, explaining the principles and use of his artificial manures, by professor Justus Liebig. Liverpool. 1845* (Обращеніе къ земледѣльцамъ Великобританіи касательно основанія и употребленія искусственныхъ удобреній, профессора Юста Либиха. 1845).

«Мнѣ удалось» пишетъ Либихъ «побѣдить всѣ трудности, которыя представляются обыкновенно при употребленіи простыхъ смѣсей минеральныхъ составныхъ частей навоза. Въ-самомъ-дѣлѣ, если мы передадимъ почвѣ различныя составныя части навоза и въ томъ количествѣ, въ той пропорціи, какъ это необходимо для хорошаго урожая ржи, гороха, рѣпы, картофеля и проч., не подвергнувъ эти минеральныя вещества предварительно надлежащимъ помышленіямъ, то найдемъ, что подобныя искусственныя удобренія далеко не производятъ ожидаемаго дѣйствія. Подобное явленіе происходитъ отъ-того, что составныя части навоза въ различной степени и въ различныя продолженія времени отдѣляются изъ почвы. Аммоніакъ легко испаряется, растворимыя вещества уносятся дождь, и только землястые, нерастворимыя части остаются единственными дѣятелями.

«Я нашелъ средство, соединяя растворенныя части навоза съ другими веществами, уменьшить ихъ растворимость въ различной степени, отъ-чего, однакожъ, не измѣняется ихъ полезное вліяніе на растительность. Я привожу, на-примѣръ, щелочи въ такое состояніе, что онѣ трудно растворяются подобно гипсу, который, какъ извѣстно, дѣйствуетъ на почву въ-продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ съ ряду.

«Впрочемъ, составъ искусственнаго удобренія долженъ сообразоваться съ среднимъ количествомъ дождя, падающаго въ-тѣченіе нѣлаго года, и лѣтомъ это удобреніе растворяется скорее, нежели зимою.»

Растительная физиологія показываетъ что не всѣ растенія извлекаютъ изъ почвы одинаковыя твердыя и летучія минеральныя вещества; такъ, на-примѣръ, рожь принимаетъ другую минеральную пищу, нежели картофель или рѣпа: ясно отсюда, что мы не получимъ всегда хорошихъ результатовъ, если будемъ удабривать почву одинаковымъ образомъ подъ всѣ различныя растенія. И Либихъ въ своемъ изобрѣтеніи имѣетъ цѣлью составить для каждаго растенія особенное, соотвѣтствующее ему искусственное удобреніе.

Мопра, согласно съ наставленіями Либиха, заготовилъ слѣдующіе удобряющіе составы:

№ 1. Удобреніе для ржи, пшеницы, ячменя и овса.

№ 2. Удобреніе для картофеля, рьпы, свекловицы, пастернака и вообще для всѣхъ корнеплодныхъ растений.

№ 3. Удобреніе для злаковъ.

№ 4. Удобреніе для клевера, люцерны, гороха и бобовъ.

№ 5. Удобреніе для табака.

№ 6. Удобреніе для льна.

Поименованныя искусственныя удобренія раскидываются на поверхности всего поля, или располагаются грядками; дождевая вода растворяетъ ихъ проптыраетъ ими почву и приводитъ ихъ въ соприкосновеніе съ всасывающими оконечностями корней. При всѣхъ обстоятельствахъ необходимо соблюдать, чтобъ искусственныя удобренія лежали небольшими кучками и ближе къ сѣменамъ.

Полезное изобрѣтеніе Либиха не избавляетъ отъ обыкновенныхъ механическихъ полевыхъ работъ, которыя также извѣстными образомъ способствуютъ увеличенію плодородія почвы. Напротивъ, новыя искусственныя удобренія дѣйствуютъ выгоды на поле, гдѣ были произведены эти механическія работы съ особеннымъ тщательностью. Хотя изобрѣтатель, для составленія искусственныхъ удобряющихъ смѣсей, выбираетъ вещества, соответствующія всѣмъ родамъ почвъ; но не безполезно сельскимъ хозяевамъ, желающимъ получать эти искусственныя удобренія, извѣщать фабрикантовъ о качествахъ почвъ, которыя намѣрены они удобрить; фабрикантамъ необходимо знать, какія это почвы—песчаная, мѣловая, глинистая, легкія или тяжелыя.

Удобренія искусственными смѣсями совершенно изгоняютъ изъ сельскаго хозяйства плодоперемѣнность и паръ, и въ этомъ заключеніи ихъ главная выгода; они даютъ возможность одно растеніе воздѣлывать постоянно на одной и той же почвѣ несколько лѣтъряду и всегда одинакова-успѣшно.

Многимъ сельскимъ хозяевамъ, вѣроятно, покажется это дѣло невозможнымъ. Но припомнимъ себѣ, что почва Мериленда, Виргиніи и Сѣверной-Каролины давала отличные урожаи пшеницы нѣсколько столѣтій ряду и безъ помощи всякихъ удобреній; наконецъ, теперь въ сѣверо-американскомъ штатѣ Кентукки досихъ-поръ еще не знаютъ, что такое плодоперемѣнность, и собираютъ также отличные урожаи кукурузы безъ помощи навоза. Подобныя явленія убѣждаютъ насъ, что плодородіе зависитъ не отъ растенія, но отъ качества почвы, или точнѣе отъ качества удобреній, служащихъ для поправленія состава почвы, потому-что

почва, которая разъ уродитъ растеніе, должна непременно сохранить эту производительную способность. Такимъ образомъ причина-деленія плодоперемѣнности заключается въ дурномъ качествѣ удобрения, и, удучшая его, мы непременно достигнемъ до того, что будемъ воздѣлывать постоянно одно растеніе на одной и той же почвѣ нѣсколько лѣтъ кряду.

Что касается до издержекъ съ которыми сопряжено употребленіе искусственныхъ удобрень Либиха, то легко убѣдиться, что они обойдутся дешевле обыкновенныхъ навозовъ, хотя съ перваго взгляда цѣна ихъ кажется довольно-значительною. Тонна искус-ственного удобрения для ржи стѣтъ десять фунтовъ стерлинговъ (250 р. ассигн.) но этого количества достаточно на четыре акра.

Цѣнность вообще всякаго удобрения зависитъ отъ мѣстности; въблизи большихъ населенныхъ городовъ можно имѣть навозъ даромъ или за очень-малую плату; напротивъ, въ другихъ мѣстахъ, онъ обойдется вамъ одинаково-дорого съ искусственнымъ удобреньемъ.

Многіе сельскіе хозяева утверждаютъ, что навозъ имъ ничего не стѣтъ, потому-что они держутъ много рогатаго скота, который доставляетъ имъ удобренье, какъ побочный продуктъ. Это можетъ быть справедливо только въ такомъ случаѣ, если другія полезныя произведенія, доставляемыя скотомъ, уплачиваютъ и съ выгодою вознаграждаютъ издержки на кормъ, на солому и вообще на все его содержаніе. Но часто бываетъ совершенно-противоположное, и сельскій хозяинъ, который утверждаетъ, что навозъ ему ничего не стѣтъ, найдетъ, что онъ обходится ему довольно-дорого, дороже искусственного удобрения Либиха, если только прійметъ въ расчетъ, что поля его принесутъ гораздо-болѣе выгоды, если онъ будетъ засывать ихъ постоянно однимъ хлѣбомъ, нежели въ перемежку съ кормовыми травами, какъ этого требуютъ плодоперемѣнность и значительное скотоводство.

Наконецъ, вотъ расчетъ, который показываетъ превосходство искусственного удобрения Либиха передъ обыкновеннымъ навозомъ и относительно дешевизны: — Каждое удобрень должно возвращать почвѣ составныя ея части, извлекаемыя растеніями при каждомъ урожаѣ; это фактъ несомнѣнный послѣ всего, что мы сказали выше въ теоріи унавоживанія. Химическіе анализы даютъ возможность опредѣлить точными числами количество минеральныхъ частицъ, которыя растеніями уносятся изъ почвы и которыя, слѣдственно, должны мы возвратитъ почвѣ въ видѣ удобрения. Эти анализы могутъ намъ служить мѣрилами при опредѣленіи также относительной цѣнности удобрень.

Почти безошибочно можно допустить, что одинъ акръ произведетъ пшеницы—2000 фунтовъ зеренъ и 6000 фунтовъ соломы, которые вмѣстѣ заключаютъ въ себѣ 340 фунтовъ минеральныхъ частицъ, отнятыхъ растеніемъ у почвы. При удобреніи подъ слѣдующій посѣвъ, мы должны почвѣ возвратитъ это же самое количество составныхъ ея частей. Опытъ показываетъ, что въ этомъ случаѣ необходимо употребить 10 возовъ навоза, которые стоютъ около 23 талеровъ; 340 фунтовъ искусственнаго удобренія Либиха для пшеницы стоютъ 10 талеровъ и даютъ тотъ же самый результатъ.

Этотъ послѣдній расчетъ составилъ извѣстный нѣмецкій агрономъ Пецольдъ, чтобъ убѣдить своихъ соотечественниковъ въ пользу изобрѣтенія Либиха. Передаемъ его нашимъ читателямъ въ ожиданія будущихъ опытовъ, которые сдѣланы вѣроятно, будутъ, на нашихъ почвахъ.

ДОМОВОДСТВО.

Вечеръ четвертый.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ТЕТРАДКИ, КОТОРАЯ ТАКЪ НЕ ПОНРАВИЛАСЬ ТЕТУШКѢ.

Хозяйка дома.

Для доброй хозяйки и вообще для всякой женщины,—будь она женою, дочерью, сестрой, другомъ,—первое и главное дѣло: сдѣлать свой домъ *пріятнымъ* для всѣхъ домашнихъ безъ исключенія.

Здѣсь слово «пріятный домъ» употреблено не въ томъ смыслѣ, какъ его обыкновенно употребляютъ; называютъ въ свѣтъ домъ *пріятнымъ*, когда въ немъ бываютъ балы, большіе обѣды, когда въ немъ кипитъ народъ, словно на ярмаркѣ. Такой домъ — домъ шумный, правда, но пріятный — очень-рѣдко.

Есть другія не столь разорительныя средства сдѣлать свой домъ пріятнымъ.

Для жены первый долгъ, первая мысль, первое чувство заставить мужа полюбить домашній уголъ. Принужденъ мужъ работать дома,—постарайтесь, чтобъ вокругъ него было все тихо и смирно; не приставайте къ нему не во-время съ домашними дразгвами.

Слуги обыкновенно мало понимаютъ, что для головной работы нужны тишина и спокойствіе; имъ даже кажется, что баринъ ро-
вно ничего не дѣлаетъ, когда сидитъ нагнувшись надъ столомъ: добрая жена должна быть сторожемъ при мужнемъ кабинетѣ; она не только словомъ, но и примѣромъ должна внушать всѣмъ домашнимъ уваженіе къ мужней работѣ, не позволять въ это время ни-

кому съ шумомъ ходить, передвигать мѣбели, стучать, громко говорить, и главное—самой-себѣ того не позволять. Минуты мужней работы для жены должны быть нѣчто священное, даже, еслибъ она и не понимала въ чемъ состоитъ эта работа. Чѣмъ бы ни занимался мужъ—отъ этихъ минутъ часто зависитъ спокойствіе цѣлой жизни и его и всего семейства; да еслибъ онъ даже вздоромъ занимался, то все-таки жена не должна мѣшать ему — по любви: не другу нарушать наслажденіе друга!

Если мужъ работаетъ впѣ дома, дѣло хозяйки пользоваться его отсутствіемъ для всѣхъ тѣхъ домашнихъ занятій, которыя не могутъ обойтись безъ шума, каковы, напримѣръ, уборка мѣбелей, чистка и проч. т. п.; мужъ, возвратясь, долженъ найти все въ порядкѣ: и ши на столѣ, и тихій уголокъ для отдыха.

Тишина домашняя — великое дѣло; нѣкоторые празднословные умники жестоко смѣялись надъ Англичанами, зачѣмъ у нихъ всѣ корридоры выложены коврами, а слуги ходятъ въ туфляхъ; это можетъ показаться смѣшнымъ только дикарю: здѣсь видно глубокое знаніе практической жизни. Посмотрите попристальнѣе на тѣ семейства, гдѣ мужъ въ дверь, а жена въ Тверь, и наоборотъ; вникните, откуда пошла разладаца? отъ-чего мужу домъ горше рѣдьки? отъ-чего у него завелась на сторонѣ или интрижка, или карты, или попойка? отъ-того, что въ домѣ у него мукомольная мельница, стучить, шумить, да глаза порошить. Какъ бы чловѣкъ ни былъ пороченъ отъ природы, а все ему домашній кровъ миль, и умная хозяйка всегда найдетъ средства привлечь мужа къ домашнему уголку; средства же эти состоятъ болѣею частію въ тѣхъ маленькихъ обязанностяхъ, которыя мы выше исчислили. Какого чловѣка ни возьмите, онъ усталъ отъ работы, или отъ бездѣлья, или даже отъ веселья; воротился домой — ему въ глаза пыль, соръ, нечистота, жена въ хандрѣ, съ жалобами на дѣтей, на слугъ, на свою несчастную участь, или съ разсказами о своихъ нарядахъ, или съ докучаньемъ о выѣздѣ, или въ домѣ гости-на-доедалы, которые преусердно пересыпаютъ изъ пустаго въ порожнее. Всего досаднѣе, что вныя женщины все это мастерять отъ любви: пристають къ мужу съ домашними дразгами — отъ любви, чтобъ въ домѣ порядокъ учредить; упрекають мужа—отъ любви, чтобъ навести его на истинный путь; гостей набирають отъ любви, чтобъ мужа разсвѣять. Иногда и прямо отъ любви, да и отъ неразумья также.

Какъ такая любовь набьетъ мужу оскомину, мужъ и выбѣжитъ изъ дома, сперва такъ, ликуда, чтобъ только изъ дома выбѣжать; да умнѣе все-таки спокойнѣе и просторнѣе; въ другой разъ выбѣжитъ ужъ куда-либуда, гдѣ его встрѣтятъ пріятныя рѣчи, доразъ-

ныя лица; понравилось; онъ и въ третій, -- а тамъ и привыкъ; чего жъ ему лучше? онъ нашелъ именно то, чего въ домъ искалъ, или по-крайней-мѣрѣ не нашелъ того, что его изъ дома гонитъ. Домашній уголъ переѣхалъ на другую квартиру—кто виноватъ?

Иная неразумная женщина скажетъ: да что жъ это такое? развѣ я раба? развѣ должна я цѣлый вѣкъ угождать? а мужъ-то что?

Не поняла эта женщина, что въ этой мелочной домашней заботѣ ея сила, и сила сильная. Не въ хитрости и не въ лицемеріи эта сила, а въ *любви*, но въ *любви разумной*.

Вспомните у Пушкина прекрасное описаніе разбойника Кирджали: вспомните ту минуту, когда этотъ человѣкъ, гроза цѣлой Турціи, гордый, безстрашный и притомъ фаталистъ, повалился въ ноги предъ полицейскимъ чиновникомъ. О чемъ молилъ, о чемъ плакалъ этотъ человѣкъ, отъ одного имени котораго разбѣгались цѣлыя деревни? Онъ молилъ, онъ плакалъ—о женѣ и о дѣтяхъ! Это не выдумка, это дѣйствительная быль, которую еще многіе помнятъ. Такъ сильно вліяніе семейства на человѣка.

Вспомните и старинную сказку о прелестницѣ Цирцеѣ. Кто попадалъ на ея заколдованный островъ, тотъ на немъ и оставался, забывая жизнь посреди наслажденій. Древніе были не глупые люди: они этой аллегоріей хотѣли выразить не грозное, но сильное владычество женщины; не силой, не гнѣвомъ она беретъ, но властію женской, властію тишины, смиренія, заботы, властію любви.

Цирцеинъ островъ недалеко отъ насъ: онъ въ каждомъ домашнемъ углу, въ который умѣетъ привлекать хозяйка—волшебница. А колдовство не трудное.

Вспомните и другую древнюю аллегорію, которая вездѣ у насъ на стѣнахъ, на мѣбеляхъ: амуръ верхомъ на львѣ, или тигрѣ, Марсъ у ногъ Киприды, и проч. т. п. Всѣ эти аллегоріи показываютъ, какъ давно умъ человѣка призналъ силу слабости женской, когда женщина умѣетъ быть женщиной.

Согласенъ, что такая сила получается не даромъ, что она покупается цѣною страданій, самоотверженія. Но что въ жизни дается даромъ? За то сколько мужскихъ страданій неизвѣстныхъ, недоступныхъ женщины! — Трудъ упорный, мужское самолюбіе, безъ котораго мужчина никуда не годится, щекотливые житейскіе вопросы, гдѣ идетъ дѣло о совѣсти, о чести человѣка, отвѣтственность не только предъ семействомъ, но предъ цѣлымъ городомъ, предъ цѣлою страной, иногда предъ всѣмъ человѣчествомъ! Тяжкая доля мужчины, и тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ онъ внутренно и наружно выше.

Женщина должна понимать или по-крайней-мѣрѣ цѣнить житейскую работу мужчины, должна понимать отъ-чего иногда улыбка ему невозможна; отъ-чего онъ убѣгаетъ въ темный уголъ, отъ-

чего онъ равнодушенъ къ тому, что ее занимаетъ. Она должна умѣть дать ему время помолчать, забыть о томъ, что тревожило его внѣ дома. Еще минута—и очарованіе, магнетическая прелесть домашняго крова возьметъ свое; она тихо, постепенно вселится въ его душу, разсѣетъ мрачныя тучи, — и мужчина, незамѣтно для него самого, снова мужъ, снова отецъ, семьянинъ. Не всегда доброй волею человѣкъ дѣлается порочнымъ. Немногія женщины, къ сожалѣнію, понимаютъ все это и тратятъ свою силу безданнымъ, безошлинно, когда имъ стоить часто—только захотѣть.

Посмотримъ теперь на женщину-мать.

ДОКТОРЪ ПУФЪ.

V.

Р Р И Т И К А.

1. DIE OEKONOMIE DER MENSCHLICHEN GESELLSCHAFTEN UND DAS FINANZWESSEN (ХОЗЯЙСТВО ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ И ФИНАНСОВАЯ ЧАСТЬ. Сочин. графа Канкринна). *Стутгардтъ. 1845.*

2. MAC CULLOCH'S *Treatise on the principles and practical influence of taxation and the funding system. 1845.*

Хотя сочиненіе графа Канкринна вышло на нѣмецкомъ языкѣ, но авторъ принадлежить Россіи, и книга его, не по формѣ, а по сущности и содержанию, должна также принадлежать нашей литературѣ. Мы не хотимъ сказать, чтобъ содержаніе этого сочиненія касалось нашего отечества, о которомъ тамъ встрѣчаются только случайныя и немногія, впрочемъ очень любопытныя указанія, и чтобъ наша литература потому могла объявить свои права на нее. Нѣтъ, но книга написана нашимъ политикомъ и должна составлять нашу собственность. Неполагаясь изволѣ на свои заключенія о нѣмецкомъ слогѣ, мы спрашивали мнѣнія знатоковъ на счетъ нѣкоторыхъ мѣстъ, повторивъ, назавось намъ, носили отпечатокъ руссизма и получили отъ

наихъ утвердительный отвѣтъ. Какъ мы обрадовались этимъ руссизмамъ — въѣзненнымъ знакамъ русской мысли!

Исторія представляетъ намъ много примѣровъ, что знаменитые государственные люди, оставляя политическое поприще, или въ часы отдохновенія, предавались ученымъ трудамъ и оставляли потомству свои умозрѣнія, плодъ долговременной, зрѣлой опытности. Такимъ-образомъ произошли творенія Сюлли, оставившаго «Записки», гдѣ столько поучительнаго объ управленіи государственнымъ хозяйствомъ; твореніе Брума, особенно недавно издавшаго «Политика». Тьеръ, конечно, будетъ болѣе извѣстенъ, какъ великій писатель, чѣмъ какъ эсермерный министръ; литературная слава Гизо переживетъ его неистинность политическую.

Въ древности, Циперонъ удался на дачу Tusculum, гдѣ сочинялъ свои превосходныя бесѣды (disputationes), смягчающія такъ тихо раны сердца и наполняющія кротостію, бодростію душу. Оставимъ философію и нравственность; политика, конечно, одолжена весьма-много трудами людей государственныхъ, которые, не довольствуясь административною знаменитостію, хотѣли славы литературной, болѣе обширной и твердой. Погибаютъ государства, памятники искусства въ водчествахъ, уничтожаются законы,—творенія великихъ писателей живутъ неизмѣнно. Тогда-какъ обломки великолѣпныхъ архитектурныхъ произведеній лежатъ на дикихъ поляхъ Греціи, или въ нашихъ музеяхъ, гдѣ археологъ старается по нимъ составить форму всего зданія, какъ анатомъ по обломкамъ костей допотопныхъ животныхъ старается угадать ихъ скелеты,—проза и поэзія звучать къ намъ изъ классической древности полною живностію, которую не сокрушило время и которую только изрѣдка прерываетъ антикварій своими сомнѣніями и вариантами. Говорятъ, Наполеонъ сказалъ, что онъ желалъ бы быть писателемъ, если бы не былъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ; такъ видимо поощреніе знаменитаго писателя. И какъ вообще довѣрялъ само своей главѣ этотъ необыкновенно-славный человекъ! Когда, выигравъ сраженіе при Маренго и насладившись блистательнымъ приѣмомъ въ Ліонѣ, онъ ѣхалъ въ Парижъ, гдѣ его омыли новыя наслажденія славы и почестей, по его собственнымъ словамъ, самыя уподобленія во всей жизни, то говорилъ меланхолически своему спутнику: а если я теперь умру, обо мнѣ едва будетъ и полстранички въ исторіи (*). Его имя напоминало тогда уже всю Европу и весь свѣтъ.

Графъ Канаринъ, оставивъ потопу свое твореніе и желая нѣтъ об-

ширѣйшій кругъ читателей, надалъ его на языкъ болѣе-извѣстномъ. Онъ самъ отзываясь о немъ въ предисловіи слѣдующимъ образомъ: «Эта книга не содержитъ въ себѣ историческаго, критическаго или полемическаго изложенія науки, которую называли политическою экономіею, народнымъ хозяйствомъ, государственнымъ хозяйствомъ, народною экономіею, общественною экономіею, ученіемъ о богатствѣ народовъ». Давно знакомый съ ея началами, авторъ нѣтъ часто случай исправлять свои понятія и узнавать практическія исключенія изъ правилъ теоріи. Онъ желаетъ передать то, что ему объяснилось касательно новѣйшихъ предметовъ науки, что ему казалось необходимымъ для приведенія ея въ большее единство съ общественною живностію. Потому онъ не ученаго труда, а только возвращеній сочинителя.»

Конечно, такая книга можетъ быть въ высочайшей степени занимательна. Особенно для ученыхъ должно быть любопытно узнать самостоятельныя, опытною пріобрѣтенныя понятія одного изъ самыхъ примѣчательныхъ практиковъ нашего времени. Между тѣмъ, знаменитый авторъ, увлеченный систематическимъ духомъ, на перелѣхъ страницъ излагаетъ самымъ абстрактнымъ понятіемъ. Тѣмъ болѣе доверитъ получаетъ изъ нему ученый, и чѣмъ онъ болѣею надеждою ожидаетъ любопытныхъ, важныхъ наблюденій. Разсматриваемая книга дѣлится на двѣ части, изъ которыхъ въ первой разсуждается о политической экономіи, во второй о финансахъ. Самая важная и занимательная часть, конечно, должна быть послѣдняя. Но мы не имеемъ умелать совершенно о первой; еще болѣе, что главнѣйшія экономическія идеи предварительно изложены върѣзъ въ «Общій развитіе», съ которыми разсуждаютъ познать нѣтъ нашихъ читателей (стр. 1—36).

Экономическая теорія разсуждается о богатствѣ. Великій ученый, что такое богатство; но въ науку почтѣ всѣхъ

(*) Заключеніемъ изъ сочиненія Тьера о Консульствѣ и Имперіи.

да чрезвычайною трудностію опредѣлить его. *Сэ*, который приобрѣлъ себѣ такую славу въ нашей наукѣ, утверждаетъ, что богатство состоитъ изъ вещей, которыя имѣютъ цѣнность. Воздухъ не имѣетъ цѣнности, и никогда народъ или человѣкъ не были богаты потому, что имѣли много очень хорошаго воздуха. На этомъ понятіи богатствъ *Сэ* основалъ всю свою теорію. Произвести, раздѣлить, употребить богатства, по его мнѣнію, значитъ произвести, раздѣлить, употребить цѣнность (или вещь, ее имѣющую). Но вещь есть богатство, а извѣстныя отношенія—цѣнность. Такъ въ геометріи точка есть не вещь, существующая въ природѣ, а представленіе, хотя безъ этой точки нѣтъ ни линіи, ни поверхностей, ни тѣлъ. Безъ цѣнности нѣтъ богатства, нѣтъ средствъ существованія, одежды, необходимостей и удобствъ жизни. Понятія *Сэ* произвели много споровъ: противники его утверждали, что богатство не состоитъ въ цѣнности, ибо тогда народъ былъ бы тѣмъ богаче, чѣмъ вещь имѣла бы болѣшую цѣнность или была дороже. Богатство, по ихъ мнѣнію, есть все то, что имѣетъ пользу (*). Чѣмъ болѣе полезныхъ вещей въ государствѣ, тѣмъ оно богаче. Эти споры породили болѣе шое недовѣріе къ началамъ политической экономіи. Но всякому извѣстно, что многія слова, составляющія существо наукъ, опредѣлить чрезвычайно трудно. Что такое изащное? душа? даже при опредѣленіи вещей самыхъ обыкновенныхъ, встрѣчаются одни недоумѣнія. Повѣрять ли, что медники затрудняются, какъ опредѣлить болѣзнь? Еслибъ этотъ предметъ ближе насъ касался, а представилъ бы доказательства, заимствованныя въ бесѣдѣ съ ученымъ, но откровеннымъ врачомъ.—Разсматриваемое сочиненіе, не

вдаваясь въ споры и ученость, просто излагаетъ понятія о богатствѣ. Богатство, на языкѣ нашей науки, есть сумма всѣхъ вещей, способность къ употребленію. Мы раздѣляемъ его на *всесвѣтное* и *народное*. Оно бываетъ еще или чисто-естественное богатство, или произведенное. Первое раздѣляется на общее и частное. Къ общему принадлежатъ воздухъ, свѣтъ, теплота, вода и различныя естественныя силы, которыя необходимы для существованія человѣка, но собственно богатства не составляютъ. Частное, чисто-естественное богатство заключается въ другихъ предметахъ, которые производитъ природа и которые отъ человѣка только требуютъ труда, чтобы ими воспользоваться—лѣкіе плоды, травы, корни, раковины и др. Произведенное богатство происходитъ отъ человѣческаго труда; оно составляетъ несравненно болѣшую часть богатства.

Утвердивъ понятіе богатства, знаменитый авторъ нашъ переходитъ къ теоріи производства, гдѣ въ двухъ главахъ подвергаетъ разсмотрѣнію 1) источники производства, 2) главныя условія производства.

1) *Источники производства*. Ихъ допускается два—силы природы и силы человѣка. Первые бываютъ прямыя и непрямыя. Къ прямымъ принадлежатъ преимущественно растительная сила природы, потомъ животная сила животныхъ, внутреннее и внѣшнее богатство земли минералами и другими полезными вещами. Къ непрямымъ принадлежатъ силы, которыя подчиняетъ себѣ человѣкъ и которыя, безъ его содѣйствія, остались бы безполезны, какъ огонь, сила воды, паръ, вѣтеръ, магнетизмъ, электричество, гальванизмъ, и проч. Потомъ рѣки, озера, моря, какъ средства къ плаванію и рыболовству. Авторъ полагаетъ, что весьма ошибочно было бы приписывать человѣческому труду преимущественную производительность; важнѣе всего силы природы не только какъ вспомогательныя средства, но и какъ богатый

(*) Подробное изложеніе теоріи цѣнности сдѣлано нами въ докторской диссертациі подъ заглавіемъ *De valoris natura*. 1838.

• источникъ производства... Не все равно пахать въ Египтѣ и на безплодномъ • пескѣ. Изъ этой разности произтекаетъ рациональная необходимость раз- • сматривать силу природы какъ пер- • вый дѣятель производства.

Первая и самая главная сила человѣка есть *умственная*, потомъ *физическая*, наконецъ *нравственная*. Степени чело- • вѣческой силы умственной: простая ловкость, понятливость, дарованіе, ге- • ній; физической: ручная работа, реме- • сленная, утонченная, художественная; нравственной: слабая, средственная, сильная воля человѣка.

Такимъ-образомъ, есть четыре глав- • ные силы производства: сила приро- • ды, физическая, умственная и нрав- • ственная человѣка (стр. 7).

Хотя мы могли бы сказать очень- • многое противъ такого ученія о произ- • водствѣ, но полагаемъ, что для учена- • го и спеціальнаго читателя это беспо- • лезно, а для читателя съ общимъ обра- • зованіемъ любопытнѣе знать мнѣніе • знаменитаго писателя, чѣмъ другое. При всемъ томъ, не можемъ безъ замѣ- • чанія пропустить то мѣсто, гдѣ, вы- • считывая приложеніе силы, находи- • что оно можетъ быть производитель- • ное, непроеводительное, разруши- • тельное, авторъ, въ заключеніе, нахо- • дитъ еще новое (стр. 9) употребленіе • силы, которое заключается въ томъ, • чтобы увлечь у другихъ часть нѣмъ • принадлежащаго чрезъ воровство или • обманъ. Если это происходитъ между • подданными, то подходитъ подъ раз- • рядъ преступленій и ничего не про- • изводитъ для общества. Но и между • народами случается, что чрезъ войну, • колоніи, торговые отношенія, они • увлекаютъ другъ у друга часть нѣмъ • непринадлежащаго, что такимъ обра- • зомъ одинъ народъ получаетъ выгоды • отъ большихъ силъ другаго, или отъ • искусства его обитателей. Назовемъ • это *производствомъ рабежа и обмана*. • Когда Римъ завоевалъ тогда-нѣвѣст- • ный сѣвъ, свезъ его сокровища въ • городъ или въ виллы своихъ вельможъ, • когда ежегодно получалъ огромные

• доходы изъ провинцій, истощалъ ихъ • лихвою, какъ Брутъ, и, наконецъ, • корнилъ гражданъ, нѣвшихъ голоса, • изъ общественной казны, — то не по- • лучалъ ли несравненно-большую мас- • су наслажденій, чѣмъ какую могла • принести ему самая усиленная работа • на землѣ лучшей, нежели безплодная • римская Сатрагна? И когда, еще не- • давно, Европа должна была подчи- • ниться игу Наполеона и готовилась • принять его континентальную систе- • му, не произошло ли бы отсюда тѣхъ • же самыхъ явленій? Конечно, произ- • водство насилию и грабежа безнрав- • ственно, только не въ обыкновенномъ • смыслѣ народной нравственности. • Производство обмана также обально, • и еще обильнѣе, когда идетъ на раду • съ насилиемъ. Не получаетъ ли Англія • отъ богатыхъ естественныхъ сокро- • вищъ Остиндіи и отъ издѣлій ея оби- • тателей болѣе, чѣмъ сколько получа- • ла бы, еслибъ эта страна была неза- • висима и вела обыкновенный торгъ? • Не даетъ ли богатая почва колоній • различнымъ народамъ большую долю • всесвѣтной естественной силы? Не об- • манываютъ ли безмѣрно полудикихъ • въ торговлѣ? Не бывало ли между об- • равованными народами такихъ торго- • выхъ отношеній, возникшихъ чрезъ • насилие или умнѣе, что одинъ вы- • игрывалъ, другой терялъ?

Хитринство и воровство ни коимъ • образомъ не могутъ почитаться произ- • водствомъ. Разбойники и воръ чрезъ • насилие и плутовство присваиваютъ то, • что принадлежитъ другимъ, что уже • существуетъ и произведено. Если воръ • укралъ изъ коннаты платье, то, конечно, • ничего не произвелъ: это платье • произошло отъ труда настоховъ, пас- • шихъ и стригшихъ овецъ, шерстяныхъ • фабрикантовъ, портныхъ, капитали- • стовъ и купцовъ. Намъ могутъ возра- • зить, что нѣкоторые промыслы въ го- • сударственномъ хозяйствѣ почитаются • производственными, хотя они собствен- • но занимаются только присвоеніемъ и • передачею вещей, а не производствомъ • ихъ. Такъ купецъ приобретаетъ отъ

фабриканта сукно и продаетъ его. Черезъ обѣ эти операціи, покупку и продажу, онъ ничего новаго не производитъ. Но торговля есть присвоеніе вещей, передача ихъ, совершенно другаго вида, другаго происхожденія, имѣетъ другіе результаты и происходитъ другимъ способомъ. Торговля имѣетъ своимъ началомъ *экономныя* нужды (не жадность одного лица); слѣдствіемъ ихъ—*общее*, двоякое удовлетвореніе (не выигрышъ одного, соответствующую потерю другаго), способомъ—*жизнь* (не насилие). Западныя губерніи производятъ излишнее количество пшеницы: еслибъ она не вывозилась изъ черноморскихъ портовъ, то была бы безполезна. Торговля узнаетъ нужды государствъ, передаетъ пшеницу въ итальянскіе и французскіе порты, привозитъ, вмѣсто ея, напр., южные плоды, удовлетворяетъ такимъ образомъ чрезъ обмѣнъ произведеній взаимнымъ нуждамъ народовъ. Могутъ ли быть поставлены наравнѣ съ этими обмѣномъ и удовлетвореніемъ взаимныхъ нуждъ воровство, грабежи, или даже хищничество между народами? Завоеванія Рима, если они и имѣли слѣдствіемъ огромные доходы съ покоренныхъ провинцій (въ чемъ сомнѣваемся), были обмѣномъ людей, собственныхъ гражданъ, на вещи, человѣческой крови на товары. Какъ? политико-экономы станутъ утверждать, что выигранное сраженіе, за которымъ слѣдуетъ пріобрѣтеніе земель, есть производительная операція, какъ тканье, распашка? Тогда поле битвы, гдѣ совершается кровавая производительная операція, будетъ фабрика; Черкесы, которые нападаютъ на наши караваны въ горахъ, будутъ производители! Торговля, какъ и всѣ отрасли производства, можетъ доставлять содержаніе государству, хищничество и война никогда. Исторія, дѣйствительность доказываетъ наше положеніе. Голландія, съ своими боготами и лугами, должна бы вымереть отъ недостатка хлѣба; но, вмѣсто того, имѣетъ всегда болѣе запасовъ, чѣмъ прекрасно-возвѣдавшая Англія. Но никогда не бы-

ло разбойническаго государства, которое существовало бы хищничествомъ. Были бродячія толпы, какъ норманскіе вѣязи, жившія грабежомъ; есть разбойническія племена, какъ Курды, Бедуины, Туркменцы на берегахъ Каспійскаго - Моря; но нѣтъ разбойничьихъ государствъ, т. е. державъ со всѣми признаками государственной, образованной жизни, получающихъ содержаніе отъ грабежей. Напрасно говорятъ намъ о насиліяхъ и хищничествѣ Рима. Мы сомнѣваемся, чтобъ римское правительство получало большой *чистый доходъ* отъ завоеванныхъ провинцій. Оно должно было содержать тамъ войско, укрощать бунты, поддерживать порядокъ: все это дорого стоить и исхождаетъ собственное, коренное населеніе края; не говоримъ уже о первой затратѣ кроваваго капитала, которую дѣлалъ Римъ, предпринимая завоеванія и давая сраженія. Говорятъ, туда стекались сокровища: что такое сокровище? Драгоценныя камни, деньги, золото? Отъ этого народы и государства богаче не дѣлаются. Представляютъ еще примѣръ Англіи, которая будто получаетъ много дохода изъ Восточной-Индіи; но доказательства этому мы не находимъ. Напротивъ, извѣстно, что компанія, которая управляла владѣніями въ Восточной-Индіи, вошла въ огромные долги, составляющіе не менѣе 750,000,000 рублей ассигнаціями! Конечно, доходы бывали огромные, около 450,000,000 р. асс., но расходы на гражданское управленіе и армию (болѣе 300,000 солдатъ) ихъ поглощаютъ; чрезвычайныя издержки въ войну съ Афганцами, Китаемъ даже заставили войти въ долги. Говорятъ, что Англія должна непремѣнно получать огромные барыши отъ торговли съ Восточною-Индіею, потому-что ея купцы, одни только закупая товары, могутъ ихъ пріобрѣтать по самой низкой цѣнѣ. Но кто можетъ доказать, что еслибъ всѣ европейскіе купцы наравнѣ съ британскими могли торговать съ Восточною-Индіею, то товары подвигались бы въ цѣнѣ? Не очевидно ли,

что при такомъ порядкѣ дѣлъ, при болѣе запросѣ, товаровъ производилось бы болѣе? А тогда цѣна ихъ не могла бы подняться, ибо товары дорожаютъ, когда ихъ количество не соответствуетъ требованію.

2. *Коренныя условія производства.*

Чтобъ употреблять надлежащимъ образомъ производительныя человеческія силы, необходимы, говоритъ нашъ знаменитый авторъ, извѣстныя отношенія, безъ которыхъ силы остались бы совсѣмъ-недѣйствительны или мало-производительны. Сюда принадлежатъ, во-первыхъ, благоустройство государства, — чтобъ въ немъ было спокойствіе и порядокъ, чтобъ всякій могъ безпрепятственно пользоваться своими силами и тѣмъ, что произведено ими.

Второе условіе производства есть собственность, движимая и недвижимая: она должна быть наслѣдственна. Право наслѣдственной собственности трудно вывести какимъ нибудь образомъ изъ естественнаго права; нельзя назвать его и положительнымъ, ибо тогда можно было бы его измѣнять. Оно, ближе всего, есть неизбежное, по природе необходимое слѣдствіе общества, которому слѣдствію человекъ долженъ подчиниться, владѣть онъ или нѣтъ. Третье коренное условіе производства есть существованіе капитала. Человекъ долженъ жить пока производить; многіе предметы для дальнѣйшей обработки должны быть произведены впередъ: нужны жилище, одежда, оръіе, еда, тѣла. Такимъ-образомъ, приходится необходимость запаса, чтобъ жить и удовлетворять всѣмъ приведеннымъ нуждамъ. Запасъ этотъ есть *капиталъ* потребляемыхъ вещей. Онъ бываетъ (с. 18): 1) *недвижимый*, какъ земля, зданія, орудія, машины; онъ самъ собою ничего не производитъ; 2) *производительный*—запасы къ существованію и обработкѣ, посѣвы, рабочій скотъ и пр.; 3) *денежный*—особеннаго свойства, иногда средство мѣны, иногда товаръ; 4) *жесточный*—предметы роскоши, великолѣпіе и пр.: онъ самъ ни сколько не содѣйствуетъ къ

производству, но не безполезенъ, ибо возбуждаетъ къ производству и внѣшнему образованію; 5) *разрушаемый*, уничтожаемый чрезъ пользованіе, ложное употребленіе,—непроизвольныя потери и пр. Это, впрочемъ, необходимо, чтобъ отвратить избытокъ.

Какое обширное поле открывается для критика въ представленныхъ выше отдѣленіяхъ и классификаціи! Но мы это оставляемъ, имѣя дѣло съ практикомъ и намѣреваясь изучать его воззрѣніе, начала. Въ послѣднемъ отношеніи, насъ поражаетъ своею странностію мысль, что *разрушаемый капиталъ* необходимъ для того, чтобъ отъератить излишекъ богатства, загроможденіе! Политическій экономъ опасается, что богатство слишкомъ распространится, будетъ во вредномъ избыткѣ, думаетъ о способахъ, его отклоняющихъ? Это все равно, если бы медикъ опасался, что его пациентъ будетъ слишкомъ здоровъ. По крайней мѣрѣ, теперь бояться загроможденія богатствъ несвоевременно, теперь—среды воплей бѣдности (*paupérisme*), потрясающихъ и ужасающихъ всю Западную Европу. Съ-тѣхъ-поръ, какъ сказано человеку «въ потѣ лица твоего съѣси хлѣбъ твой», работа сдѣлалась неизбежнымъ, ежедневнымъ его достояніемъ. Онъ въ ней найдетъ отраду и муки. Когда я прохожу по утру мимо мастерской портнаго и слышу, какъ съ каждымъ поднятіемъ иглы звучатъ радостныя, свѣжіе голоса, сердце мое благословляетъ трудъ. Но когда, поздно за полночь, опять я вижу тѣхъ же работниковъ, только безмолвныхъ, нагнувшихся надъ своимъ шитьемъ, съ истомленными лицами и слипающимися глазами, при мерцающихъ нагорѣвшихъ свѣчъ, когда память приводитъ мнѣ, что во многихъ городахъ Европы одинъ вечеръ передъ базомъ стоитъ жизни нѣсколькимъ жителямъ мастерскихъ, поражая ихъ грудъ смертельною болѣзнію,—тогда сердце мое благословляетъ великихъ благодѣтелей, которые открывали способы заимѣвать машинами извѣстныя труды.

ды и увеличивать произведенія на пользу людей. И какъ человѣкъ ни трудится, сколько онъ ни дѣлаетъ изобрѣтений, всегда есть бѣдныя, немнѣющіе насущнаго хлѣба, незнающіе гдѣ приклонить свою голову. А мы боимся избытка произведеній!

Послѣ изложенія основныхъ идей о производствѣ, авторъ переходитъ къ раздѣленію богатствъ: метода очень-простая и довольно-общепотребительная. Въ-самомъ-дѣлѣ, если существо богатства опредѣлено, то что естественно, какъ рассмотреть, какимъ образомъ оно происходитъ? потомъ изучать путь, по которому оно расходуется, распредѣляется между членами общества, между производителями? Въ разсматриваемой книгѣ объясняются вкратцѣ главнѣйшія событія, относящіяся къ раздѣленію богатствъ: доходы владѣльцевъ земли, домовъ, капитала, рабочихъ. Но зачѣмъ говорить о доходѣ, получаемомъ чрезъ трудъ обмана, чрезъ поддѣлку, азартныя игры и пр.? (стр. 27). Кто почитаетъ обманъ трудомъ? Кто почитаетъ хищниковъ производителями? Медвѣдь, который забрался въ пчельникъ, есть похититель-производитель? Имѣя ошибочное понятіе о производствѣ, включивъ воровъ въ число производителей, авторъ, чтобъ остаться вѣрнымъ своимъ понятіямъ, долженъ былъ говорить о доходахъ обманщиковъ. Политическая экономія никогда не была наукою, гдѣ разсматривается ихъ трудъ, производство и доходы. Она есть наука труда, но того труда, который заповѣдалъ Богъ человѣку, который соорудилъ храмы, вспахалъ землю, вырубилъ дремучіе лѣса, осушилъ болота, истребилъ хищныхъ звѣрей, обуздалъ, напоилъ и накормилъ человѣка, доставилъ обществу всѣ плоды благосостоянія и образованности. Авторъ нашъ утверждаетъ, что «что получается чрезъ трудъ обмана, поддѣлку, азартныя игры и пр., ни сколько не увеличиваетъ народнаго богатства, ибо берется отъ другихъ. Даже честный доходъ получается на-счетъ другихъ; но

здѣсь происходитъ уравненіе, ибо эти (другіе) такъ же получаютъ доходъ чрезъ увеличеніе цѣнности. Это относится къ цѣлому, а не къ лицамъ». По нашему мнѣнію, никогда честный доходъ не получается на-счетъ другихъ. Что теряетъ хозяинъ, напр. сапожникъ, если платитъ мастерскому по 50 р. въ мѣсяцъ, которые выручаетъ въ цѣнѣ сапоговъ? Что теряетъ покупатель сапоговъ, если платитъ хозяину настоящую, истинную цѣну? Притомъ, если мастеровые живутъ на-счетъ другихъ, то они во всякомъ случаѣ ничего не производятъ. А обманщики производятъ!

Эти начала имѣютъ совершенно-теоретическій характеръ и наконецъ, въ книгѣ чисто-практической не представляютъ почти никакой важности. Какъ теоретикъ, я однакоже не могъ пропустить ихъ безъ замѣчанія. Потому, прося извиненія у читателя въ томъ, что среди извлеченій изъ превосходнаго труда занялъ его время своими неважными умозрѣніями, приглашаю его обратить вниманіе на слѣдующее прекрасное мѣсто знаменитаго автора, гдѣ сказано много истинъ, исполненныхъ высокой нравственности: «Исторія народа, насилія, притѣсненія, собственная вина, пороки, неравное образованіе, несчастныя обстоятельства народовъ и людей, имѣютъ слѣдствіемъ, что тѣ, которые болѣе всѣхъ работаютъ, выпадаютъ въ крайнюю нищету. Какъ часто съ грустію думалъ я засвоимъ обильнымъ столомъ, что въ это время многіе не имѣютъ насущнаго хлѣба! Но иначе не можетъ быть. Фарисей благодаритъ Бога, что имѣетъ болѣе, и потомъ успокоивается; но нищета остается по-прежнему. Притомъ, развѣ нѣтъ нѣвольниковъ, ирландскихъ крестьянъ, англійскихъ фабричныхъ, болѣе или менѣе вездѣ? Съ другой стороны, нельзя отвергать, что при лучшемъ состояніи общества, самыми низкими и грязными, иногда опасными работами, никто не сталъ бы заниматься. Будемъ сожалѣть о немнущихъ, станемъ попомъ

тать и улучшать, идя только вперед! Я нѣмѣю сознаніе, что сдѣлалъ свое.

Финансамъ посвящена менышая часть книги, и потому только вѣрнѣе разсматриваются главнѣйшіе предметы, именно: 1) доходы, которые происходятъ отъ собственности, налоговъ, случайныхъ источниковъ, добровольныхъ взносовъ; 2) расходы; 3) равновѣсіе между доходами и расходами; 4) государственный долгъ; 5) финансовыя управленія.

Налоги, по классификаціи автора — могутъ быть *прямые, полупрямые, непрямые*. Съ полупрямыми налогами соединяется понятіе о такихъ, которые назначаются въ данной величинѣ; но отъ волеяго лица зависить, хочетъ ли оно подчиниться налогу и воспользо-ваться выгодами, или нѣтъ, напр. при патентномъ налогѣ. Ученіе о прямыхъ налогахъ занимаетъ 6, о полупрямыхъ только 1 стран. Съ большею подробностію объясняются непрямые. Чтобы познакомить читателя съ способомъ изложенія, приведемъ здѣсь нѣкоторыя изъ краткихъ мнѣній и объясненій автора (стр. 222). — *Поземельная подать* можетъ быть взимаема различно. Во-первыхъ, посредствомъ кадастра; во-вторыхъ, на основаніи приблизительной раскладки по общинамъ; въ-третьихъ, въ государствахъ, гдѣ много земли и гдѣ главнѣйшее принимается во вниманіе сила человѣка, и по числу душъ. Приблизительная раскладка по общинамъ большею частію произошла въ древнія времена или вводится вновь тамъ, гдѣ измѣненія въ кадастрѣ пришли въ безпорядокъ, или гдѣ всю общину подвергаютъ ответственности за кадастровую оцѣнку. На маленькомъ пространствѣ раскладка по общинамъ, взятая относительно мѣстъ, можетъ быть довольно-равномѣрна, но никакъ относительно провинцій. Кадастръ — трудное, дорогое дѣло; если не ведется точныхъ реестровъ о постоянныхъ перемѣнахъ, особенно чрезъ раздѣлы, то онъ приходитъ въ безпорядокъ, чему есть примѣры. Хотя окончанный кадастръ превосходное произведеніе;

но такъ-какъ при оцѣнѣ земли по необходимости иногда бываютъ возможны только приблизительные расчеты, то нельзя сказать, чтобы онъ имѣлъ уравнивалъ поземельный налогъ. Конечно, безъ кадастра это еще менѣе возможно. Въ такомъ случаѣ, по настоящему должно существовать только minimum обложенія; иначе, собственности, слишкомъ-высоко оцѣненныя, будутъ разорены. И при хорошей кадастровкѣ не должно переходить за medium, частію по причинѣ различія въ урожаѣ, частію по причинѣ трудности для владѣльца платить, не продавъ еще произведеній, частію по той причинѣ, чтобы не сдѣлать *очень-дорогими предметы первыхъ потребностей*. Вниманіе поземельной подати довольно-легко, надзоръ также не труденъ, хотя иногда сложенъ. Но часто случаются недомыслия, особенно въ неурожайныя годы. Такимъ-образомъ и поземельный доходъ, одинъ изъ лучшихъ, имѣетъ свои недостатки, тѣмъ-болѣе, что онъ *поднимаетъ цѣну первыхъ потребностей жизни*. *Подать съ домовъ*, по вышеприведеннымъ основаніямъ, распределить такъ же трудно, по причинѣ различныхъ выгодъ мѣстности, которыя достаточно опредѣлить невозможно, даже въ столицахъ. Потому ее нельзя слишкомъ увеличивать. *Мобильярная подать* не имѣетъ никакого финансового основанія, потому что касается мертвого капитала, и должна взыматься съ другого, и безъ того уже обложеннаго дохода. Потому она можетъ быть только утѣренною, но допускается, ибо чрезъ нее можно обложить высшимъ прямымъ налогомъ нѣкоторые классы: слѣдовательно, она не рациональна, . фискальна. *Подать съ помола* также не можетъ быть разложена съ равномѣрностію, а только по средней величинѣ; притомъ она падаетъ на предметъ существенной потребности. Если она взымается съ массы помола, то представляетъ много трудностей для надзора, развѣ вводится такъ называемый *abonnement*, т. е. владѣлецъ облагается извѣстною суммою.

по приблизительной сметѣ. Конечно, тогда нѣтъ ровнаго распредѣленія. Обязанностию почитаемъ вѣсь замѣтить, что мнѣніе о паденіи поземельнаго налога на цѣну произведеній, къ сожалѣнію высказанное безъ доказательства, едва-ли можетъ быть поддержано. Макколокъ (на стр. 43) говорить: «Смитъ утверждаетъ, что подать на доходъ съ земли,—принимая это выраженіе въ самомъ употребительномъ и обширномъ смыслѣ,—вполнѣ падаетъ на владѣльца; однако жъ это безъ сомнѣнія ошибка». Итакъ, знаменитые писатели не согласны о полномъ паденіи поземельнаго налога на владѣльца (конечно, часть его должна падать на капиталъ, завязанный въ земледѣльческомъ предпріятіи, т. е. на сѣмщика или фермера); о паденіи на цѣну произведеній совсѣмъ нѣтъ и рѣчи. Дѣйствительно, если владѣльцы земли могутъ уклониться отъ поземельнаго налога, поднимая цѣну хлѣба, то зачѣмъ производить кадастръ, зачѣмъ заботиться о справедливомъ и равномъ распредѣленіи налога, зачѣмъ вообще вводить поземельный налогъ, когда онъ не достигаетъ цѣли? Но, не приписывая никакой важности своему замѣчанію, мы предоставляемъ читателю изучать въ самой книгѣ систему налоговъ: приведенные образчики даютъ только слабое понятіе о сжатомъ и полномъ выслѣ положеніи нашего автора. Теперь почитаемъ за приличное представить слѣдующее капитальное мѣсто (гл. 35), гдѣ, по-видимому, излагается сумма понятій о налогахъ. Такъ-какъ существующія финансовыя системы имѣютъ еще недостатки, могутъ имѣться въ виду исправленія и прибавленія, то мы представимъ *главныя начала*, на которыя, по нашему мнѣнію, надо обращать вниманіе. «1) Никакой налогъ не долженъ быть чрезмѣрно-высокъ. 2) Поземельный налогъ можетъ принести очень-много, но въ дѣйствительности его величина различна. Онъ также не долженъ быть чрезмѣрно-поднимаемъ, ибо падаетъ на всеобщія потребности, слѣ-

довательно, можетъ угнетать бѣднаго. Пятая доля государственнаго дохода есть максимумъ при настоящемъ положеніи дѣлъ, ибо новые косвенные налоги замѣняютъ вопросъ. 3) Косвенные налоги могутъ быть болѣе возвышаемы, только не чрезмѣрно; одна-кожъ, нѣкоторые предметы средней роскоши могутъ нести 40, другіе даже 100 процентовъ, если принадлежать къ высшей роскоши и нелегко ввозятся контрабандою. Вообще, очень-важно, до какой степени можно укрощать въ государствѣ контрабанду. Еслибъ слѣдовало ученію проповѣдниковъ свободной торговли и облагать ввозимые товары только до того, чтобы контрабанда приносила мало выгоды, т. е. отъ 10 до 12 процентовъ, тогда государственные доходы вѣрно уменьшились бы цѣлою третью и болѣе. Конечно, говорятъ, будто тогда увеличится потребление. Это можетъ произойти только постепенно, ибо люди имѣютъ свои привычки; высшія и среднія сословія потребляютъ, что имъ надо и къ чему они привыкли, слѣдовательно, болѣе потреблять начинаютъ съ медленностію. Низшіе классы, напротивъ, имѣютъ свой образъ жизни, который они не могутъ легко оставить. Между-тѣмъ, на какіе снособы будетъ существовать правительство? Другими налогами покрывать финансовый недостатокъ (deficit) невозможно, и не все равно, за что платить народъ. Уменьшить государственные расходы — пусть попробуютъ. Увеличеніе переписки при весьма низкой почтовой таксѣ не можетъ служить доказательствомъ, ибо можно въ день писать по 10 писемъ, но нельзя болѣе разъ противъ обыкновеннаго вѣста или нитъ (*). 4) Предметы первыхъ потребностей должны быть щадимы; налогъ на

(*) Тамъ, гдѣ совсѣмъ почти не потребляютъ на-прим., мяса, жители, при перемѣнѣ обстоятельствъ, будутъ сѣдѣть вдвое и втрое, чтобы только набѣдаться досыта. Для этого, одна-кожъ, не нужно два или три раза въ день обѣдать.

хлѣбъ былъ бы ни съ чѣмъ несообразенъ (*), на мясо, пиво, долженъ быть не высокъ, на горячее вино очень-высокъ. 5) Чтобы предупредить стѣсненіе нѣкоторыхъ платящихъ, должно существовать разнообразіе налоговъ; но отрасли, мало-приносящія, трудныя по управленію, стѣсняющія ходъ общества, пусть уничтожатъ и вмѣсто нихъ увеличатъ понемногу другія отрасли. Впрочемъ, разнообразіе, даже слишкомъ-большое, встрѣчается почти-вездѣ. 6) Существующіе налоги съ капитала надо оставить, но остерегаться вводить новые; однакожь, думаемъ, что умѣренный налогъ съ процентовъ государственнаго долга допустителенъ, потому-что проценты постепенно падаютъ особенно на старые лихвенные долги. Впрочемъ, того же можно достигнуть и чрезъ пониженіе процентовъ (réduction). 7) Очень-трудно вводить новые налоги съ новыхъ предметовъ. Во-первыхъ, *matière impossible* имѣть границы и гдѣ налоги высоки, трудно найти приличный предметъ. Во-вторыхъ, народъ сноситъ легче возвышеніе стараго налога, чѣмъ введеніе новаго. Въ-третьихъ, введеніе новыхъ налоговъ требуетъ много практическаго смысла, предусмотрительности, точнаго знанія подробностей.

Въ высказанныхъ началахъ много превосходнаго. Однакожь, оставляя въ сторонѣ наши личныя убѣжденія, мы осмѣливаемся противопоставить авторитету знаменитаго писателя нашего авторитетъ знаменитаго Роберта Пилля, англійскаго министра, котораго управленіе отличается коренными преобразованіями въ финансахъ и который имѣетъ началомъ—понижать величину извѣстныхъ налоговъ, въ ожиданіи, что сборная сумма скоро уравнивается съ прежнею и даже превзойдетъ ее. Уже въ 1842 г. онъ предложилъ сбавки съ

нѣкоторыхъ предметовъ, платящихъ подати. Но его планъ финансовыхъ преобразованій, предложенный въ февралѣ 1845 года, поразилъ всѣхъ неожиданностію и смѣлостію и долженъ составить уменьшеніе дохода болѣе 75,000,000 руб. ассн.! Главнѣйшая сбавка на сахаръ, потомъ на хлопчатую бумагу, стекло и еще статьи двѣ. Кромѣ того, Робертъ Пиль предложилъ совершенно отиѣнить таможенную подать съ 430 предметовъ тарифа, которыхъ всѣхъ 813. Эта послѣдняя мѣра предложена для упрощенія сбора таможенныхъ податей. Въ Великобританіи почти весь таможенный доходъ составляетъ 10 статей — масло, кофе, хлѣбъ, сахаръ, смородина, изюмъ, хлѣбное и виноградное вина, чай, табакъ. Святіе пошлины съ 430 статей уменьшить доходъ только 7-ю милліонами съ небольшимъ. Но какими средствами будетъ существовать англійское правительство до-тѣхъ-поръ, пока, чрезъ увеличеніе потребленія, сборъ постепенно усилится и покроетъ огромный déficit слишкомъ 75 милліоновъ? Робертъ Пиль воспользовался существованіемъ подати съ дохода (*income tax*), которую предложилъ продолжить еще на 3 года, и которая доставляетъ излишекъ противъ расходовъ, нѣсколько даже превышающій упомянутый déficit. Онъ полагаетъ, что чрезъ три года, доходы, чрезъ увеличеніе потребленія, придутъ въ обыкновенные предѣлы, и въ подати *income tax* не будетъ болѣе нужды. Мы не знаемъ, почему нашъ знаменитый политикъ, который выражаетъ свое удивленіе къ наполеонову министру финансовъ Годену, нигдѣ даже не упоминаетъ о великихъ реформахъ Роберта Пилля или другаго англійскаго министра Питта, славнаго въ цѣломъ свѣтѣ и занимающаго такое мѣсто въ новѣйшей исторіи. Въ его управленіи была произведена сбавка податей съ чая, кофе, вина, т. е., статей, которыя, съ немногими другими, доставляютъ Англіи весь таможенный доходъ. Въ виду вѣроятнаго уменьшенія сбора, Питтъ

(*) Однакожь, авторъ утверждаетъ, что поземельный налогъ падаетъ на цѣну произведенія, т. е. хлѣба, и все-таки находить налогъ этотъ однимъ изъ лучшихъ.

увеличить, для покрытія дефицита, налогъ съ оконъ; но сборъ уменьшился несравненно-менѣе противъ предположеній, и еслибъ питтовъ преобразованія могли удержаться долѣе, то deficit несомнѣнно покрывся бы чрезъ постепенное увеличеніе сбора. Въ ученomъ сочиненіи профессора политической экономіи въ Лондонскомъ Университетѣ, Макколлока (стр. 331, Comparative Productiveness of high and low taxes), обогащенномъ любопытными историческими указаніями, содержатся многіе примѣчательные факты, которые объясняютъ занимающій теперь насъ вопросъ и которые мы рекомендуемъ читателю. Исторія—великій магазинъ событій. Политикъ не имѣетъ лабораторіи и не можетъ производить опытовъ, какъ химикъ. Опыты государствъ и народовъ — часто бѣдствіе цѣлыхъ народонаселеній, потрясенная въ основаніи промышленность, ниспроверженное благосостояніе. Исторія вноситъ ихъ въ свои лѣтописи; политикъ беретъ ихъ оттуда и философствуетъ о судьбѣ державъ. Безъ того его умозрѣнія такъ же мечтательны, какъ алхимія.

Въ новѣйшія времена возникла въ Европѣ система государственныхъ долговъ, которые составили необязательную массу. Нашъ авторъ думаетъ, что (стр. 286) первая европейская война увеличила ихъ до того, что останется только объявить финансовое банкротство, какъ то бывало уже прежде, или сдѣлать банкротство косвенное, чрезъ сбавку процентовъ. Разсмотримъ сначала *способы производить государственныя займы, потомъ условія займовъ.*

1. Государственные займы могутъ быть производимы чрезъ тайныя сношенія съ благонадежными банкирами, чрезъ публичныя предложенія въ запечатанныхъ пакетахъ и чрезъ внесеніе произвольныхъ суммъ, только не ниже извѣстной величины. Тайныя сношенія представляютъ единственное средство при трудныхъ обстоятельствахъ или при большомъ отдаленіи отъ денежныхъ центровъ Европы. Можно относиться къ различнымъ банки-

рамъ, если они живутъ въ приличныхъ для того мѣстахъ: тогда есть соперничество. Производить займы съ публичнаго торга у тѣхъ, которые предлагаютъ самыя выгодныя условія, есть хорошій способъ въ большихъ центрахъ денегъ. Займы по этому и первому способамъ дѣлаются гуртомъ. Добровольное внесеніе суммъ доставляетъ сомнительныя выгоды: банкиры имѣютъ болѣе вліянія на биржѣ и заключаютъ всѣ сдѣлки на выгоднѣйшихъ условіяхъ; большой заемъ даже со-вѣстнъ нельзя произвести.

2. *Условія займа* относятся къ его величинѣ, обезпеченію, количеству процентовъ, величинѣ и способу погашенія, сроку выдачи процентовъ, сроку платежа, выгодѣ банкировъ, относится къ тому, сколько за ренту дается капитала, можетъ ли въ теченіе извѣстнаго срока быть сдѣлана сбавка процентовъ; наконецъ, они заключаютъ въ себѣ особыя условія о ходѣ денегъ и различныхъ предметовъ низшей важности. Къ сожалѣнію, авторъ обо всѣхъ этихъ предметахъ разсуждаетъ на двѣнадцати страницахъ. А мы не столько посвятить не можемъ. Осмѣливаемся, однакожъ, замѣтить, что и въ этихъ немногихъ страницахъ, намъ кажется, есть темнота, происшедшая отъ краткости, иногда излишняя полнота. Вопреки практическихъ напращеній, мы видимъ невольное вліяніе систематическаго духа—и авторъ, говоря объ условіяхъ займа, начинаетъ очень-логически съ ихъ величинъ. Но что можно сказать объ этомъ предметѣ? Можно ли утвердить въ теоріи, какъ великъ всякій разъ долженъ быть заемъ? Вопросъ, всякій намъ отвѣтитъ, страненъ. Потому и авторъ, нисколько насъ не научая, отвѣщается о немъ словами: «величина займа зависитъ отъ потребности». Между-тѣмъ, излишняя краткость въ размышленіяхъ о процентахъ производитъ темноту. Главная вещь при займѣ — не величина ренты, а величина капитала, который за нее дается; однакожъ, ее надо приближать къ употребительнымъ въ государствѣ

процентамъ, хотя наши теперешніе займы, особенно прежніе, противорѣчаютъ законамъ о лихвѣ. Черезъ постепенное пониженіе процентовъ теперь платится, вмѣсто 6 и 5 процентовъ, только 4, 3½, 3 и даже 2½ (по послѣднему голландскому займу, рента, платимая Бельгією). Впрочемъ, обыкновенно условный ростъ составляютъ 3 процентовъ. Такъ, напримѣръ, упомянутый заемъ 66½ на 100, по 5 процентовъ дастъ 105, слѣдовательно, стоитъ неинного-менѣе 3 процентовъ (*). Теперь на биржахъ любятъ низкіе проценты, потому-что это даетъ болѣе возможности возвышать курсъ и производить биржевую игру и обезпечиваетъ противъ скорой сбавки процентовъ. Хотя капиталъ государственнаго долга именнымъ образомъ возвышается, но, по нашему мнѣнію, такое возвышеніе вредитъ мало.

Профессоръ Макколлъ входитъ въ очень-тонкое разсмотрѣніе любопытнаго вопроса, выгоднѣе ли для государства удовлетворять чрезвычайнымъ издержкамъ, для которыхъ обыкновенныя финансовыя средства недостаточны, посредствомъ публичныхъ долговъ или посредствомъ увеличеннаго налога (См. статью *Funding system*). Это можетъ служить дополненіемъ къ сочиненію графа Канкринна. Известно, что въ Англіи было много противниковъ и приверженцевъ заемной (кредитной) системы. Профессоръ Макколлъ безпристрастно и съ рѣдкою ясностію, простотою изложенія, оцѣниваетъ ея выгоды и недостатки. По его мнѣнію, рѣшеніе подлежащаго вопроса зависить отъ политическихъ обстоятельствъ государства. Если система

налоговъ уже обременительна, если возвышеніе сборовъ не можетъ произойти безъ важнаго потрясенія промышленности или общества, то государственныя долги неизбежны и необходимы. Но когда народъ можетъ снести усиленіе налоговъ, то оно заслуживаетъ рѣшительное преимущество предъ займомъ. Съ перваго взгляда кажется все равно (въ томъ случаѣ, когда, напримѣръ, война стоитъ двадцать милліоновъ), заплатить ли двадцать милліоновъ вдругъ, чрезъ усиленіе налога, или занять ихъ и платить ежегодно процентовъ одинъ милліонъ. Ибо, если дается пять процентовъ, то двадцать милліоновъ въ одинъ платежъ и вѣчная ежегодная плата одного милліона, имѣетъ совершенно одну и ту же цѣнность. Но заемная система именно потому и вредна, что эти оба способа удовлетворять издержкамъ никогда не были и не будутъ вчитаемы равно убыточными. Положимъ, что, вмѣсто займа, введенъ сборъ, и что на долю каждаго досталось по тысячѣ фун. стерлинговъ. Желаніе удержатъ прежнее положеніе и не разстроитъ состоянія, будетъ побуждать каждаго выручить эту сумму чрезъ усиленную дѣятельность или уменьшеніе расходовъ. При системѣ же займа платятся только проценты съ тысячъ ф. ст., т. е. пятьдесятъ ф. ст.; слѣдовательно, всякій будетъ стараться сберечь не тысячу фунтовъ, а только пятьдесятъ. Весь народъ будетъ такъ дѣйствовать и сбережетъ только проценты долга, или одинъ милліонъ, а двадцать милліоновъ останутся на его имуществѣ или промыслѣ. Въ этомъ заключается собственное, существенное различіе двухъ системъ. Заемная система производитъ такое усиленіе дѣятельности и бережливости, которое доставляетъ проценты занятаго капитала, а система сбора чрезъ подати даетъ несравненно-большую силу дѣятельности и бережливости и заставляетъ гражданъ производить и сберегать какъ проценты, такъ и капиталъ. Эта послѣдняя даетъ гражданамъ чувствовать все

(*) То-есть кредиторъ, вмѣсто полныхъ ста, даетъ только 66½, за то самъ получаетъ процентовъ только 2½. (Подробности о такихъ займахъ см. въ «Теоріи Финансовъ», мною изданной). Но тогда, при процентахъ 2½, капиталъ, который доставляетъ 5 процентовъ, будетъ 125, а не 105. Капиталъ же 100 будетъ стоить 4 процента, а не нѣсколько-менѣе 5.

бремя расходовъ, предостерегаетъ ихъ отъ разорительныхъ войнъ и склоняетъ скорѣе заключать миръ на приличныхъ условіяхъ. Она научаетъ правительство и народы быть бережливыми и вести публичные дѣла съ наименьшими расходами. Тогда народу, который уплачиваетъ всѣ или большую часть чрезвычайныхъ издержекъ чрезъ соотвѣтственное возвышеніе налоговъ, миръ буквально будетъ приносить благословеніе. Какъ-скоро кризисъ пройдетъ, таможенные подати отидаются, цѣны упадутъ до естественнаго предѣла,—промышленность, освобожденная отъ тягостей войны, устремится впередъ съ новыми силами. Еслибъ Англія приняла такую систему, ея налоги составили бы теперь только *отъ восьми до десяти милліоновъ съ юда* (шестеро менѣе противъ настоящихъ) (*). Конечно, Англія не могла покрывать всѣхъ чрезвычайныхъ расходовъ отъ 1793 до 1816 г. (періодъ, въ который главнѣйше образовался ея огромный долгъ) чрезъ возвышеніе податей; но исключительное пользованіе заемною системою несомнѣнно было очень-вредно. Профессоръ Макколокъ представляетъ таблицу расходовъ отъ 1793 до 1816 г. включительно, изъ которой видно, что въ тотъ періодъ недостатокъ финансовъ составлялъ 377, 951, 514 ф. ст. А долговъ сдѣлано 429,641,507 ф. ст.; слѣдовательно, *потеря составляетъ 51,689,993 ф. ст.* Потеря только отъ однихъ премій за производство займовъ, не говоря уже о другихъ вредныхъ послѣдствіяхъ, пренебреженіи правилъ бережливости (дѣйствіе непосредственное), вѣчныхъ обременительныхъ таксахъ (дѣйствіе косвенное). Такіе результаты заемной системы были ясны для всѣхъ великихъ умовъ. Во Фран-

ціи Кольберъ долго сопротивлялся планамъ Лулуа ввести ее. Въ Англіи она была введена подъ вліяніемъ необходимости. За исключеніемъ пустой суммы 664,000 ф. ст., весь публичный долгъ Англіи былъ сдѣланъ послѣ революціи, когда нетвердое положеніе правительства и трудность опредѣлить новые налоги заставили прибѣгнуть къ займамъ. Людовикъ XIV, находившійся тогда на верху могущества, вступился за Стюартовъ; внутри Яковъ II овладѣлъ всею Ирландіею, сильная партія въ Великобританіи стояла за него. При такомъ положеніи дѣлъ, конечно, невозможно было усиливать налоговъ, ибо тогда якобиты воспламенили бы народную ненависть и ниспровергли бы существующее правительство. Нѣтъ сомнѣнія, что при Вильгельмѣ III, Аннѣ, Георгѣ II, условія, на которыхъ были производимы долги, неблагоприятны; но это незначитъ ничего въ сравненіи съ великими интересами, которые были защищены средствами, найденными въ государственномъ кредитѣ.

Возвратимся къ сочиненію графа Канкринна. Онъ полагаетъ, что *ускоренное погашеніе*, дѣлаемое съ большою потерей въ мирное время, нисколько не способствуетъ производить въ военное время выгодные займы, потому что эти займы сообразуются съ обстоятельствами. Но если не погасять погасительнаго капитала на произведеніе займа, то это можетъ имѣть дурное впечатлѣніе и понизить курсъ фондовъ. И вообще фонды могутъ понижаться по разнымъ обстоятельствамъ. Потому погасительный капиталъ долженъ существовать; только погашеніе должно быть независимо и переставать при высокомъ курсѣ фондовъ. Лучше всего, если капиталъ этотъ передается въ распоряженіе комиссіи погашенія: мы не боимся мертвыхъ капиталовъ; ихъ можно будетъ употребить на сильнѣйшее погашеніе, или на войну, и они могутъ составить часть запаса. Нашъ авторъ принимаетъ необходимость запаса. Государство должно

(*) Государственные доходы соединенныхъ королевствъ составляли:

1843	болѣе 86 милліоновъ ф. ст.
1844	— 57 — „ „

(Георг. Словарь Макколка.)

быть готово на случай войны и иметь деньги хотя на первую кампанію. Это происходит частію изъ обязанности къ потомству, чтобъ облегчить ему бремя долговъ, частію изъ необходимости, ибо займы требуютъ времени для своего производства; условія ихъ въ случаѣ войны бывають менѣе-благопріятны. Притомъ, въ нѣкоторые годы, обыкновенныхъ доходовъ бываетъ недостаточно, или оказываются большія недонки, и запасъ служить къ тому, чтобъ уравнивать хорошіе годы съ дурными. — Въ главѣ о *погашеніи* профессор Макколловъ входитъ опять въ историческія подробности, весьма-любопытныя и поучительныя. Первоначальное образованіе погасительнаго капитала при Вальпогѣ, его дальнѣйшія судьбы при Питтѣ, теоріи, возникшія изъ его пользу, — все это изложено съ образцовою ясностью и увлекательною простотою; на основаніи богатѣйшихъ матеріаловъ финансовой исторіи Англіи. Изъ такихъ наставительныхъ образцовъ, почерпнутыхъ въ исторіи великаго народа, ученый отвлекаетъ общія истины и придаетъ имъ твердую опору опыта; финансовая наука дѣлается столь же практическою и достовѣрною, какъ всѣ науки, основанныя на наблюденіи и опытѣ. Жалѣемъ, что за недостаткомъ мѣста не можемъ привести важныхъ историческихъ указаній и заключеній въ книгѣ профессора; но рекомендуемъ ихъ читателю, какъ дополненіе къ личнымъ наблюденіямъ нашего знаменитаго политика, который имѣетъ достоинство оригинальности, но лишены историческаго основанія. Не можемъ умолчать о любопытныхъ опытахъ, сдѣланныхъ прусскимъ правительствомъ, — однимъ изъ немногихъ, которые держатся начала постояннаго и строгаго погашенія. Оно погасило публичныхъ долговъ чрезъ продажу доменъ, по 1840 годъ, на сумму слишкомъ 53 милліоновъ талеровъ. Г. Бюловъ въ сочиненіи своемъ о Пруссіи (т. 1, стр. 153, изд. 1842 года) доказываетъ, что чрезъ эту операцію очень-много потеряно.

Домены будто проданы были во время низкихъ цѣнъ на землю. Кромѣ-того, въ краткій промежутокъ нѣсколькихъ лѣтъ курсъ государственныхъ бумагъ поднялся въ 66 проц. до пары, а чрезъ это публичный долгъ въ ущербъ правительству увеличился 34 проц. Наше мнѣніе всегда было таково, что домены могутъ быть продаваемы съ большою пользою, если они приносятъ малый доходъ и если правительство платитъ высшіе проценты за долги. Пусть напр. домены извѣстной страны представляютъ цѣнность 10 милліоновъ и приносятъ дохода 150,000 талеровъ или одну четверть проц. Пусть также правительство этой страны платитъ за долги 5 проц.; слѣдовательно, за долговою капиталъ 10 милліоновъ ежегодно вноситъ кредиторамъ 500,000 тал. Въ такихъ обстоятельствахъ выгода отъ продажи доменъ и отъ соответственнаго погашенія долга очевидна и составить ежегодно 350,000 тал. Притомъ, однакоже, надобно замѣтить, что продажная операція должна быть произведена съ извѣстною осторожностью и при возможно-благопріятныхъ обстоятельствахъ. Г. Бюловъ не представилъ положительныхъ и полныхъ доказательствъ, а только высказалъ предположеніе о низкой продажѣ доменъ. Что же касается довозвышенія курса прусскихъ фондовъ, то эта потеря, конечно, могла быть вознаграждена выигрышемъ при произведеніи новыхъ займовъ, составившихъ, по показанію г. Бюлова, около 28,000,000 тал. Высшій курсъ показываетъ цвѣтущій кредитъ; займы тогда дѣлаются за низшіе проценты. Если непримѣнное, постоянное дѣйствіе погасительнаго капитала невыгодно; если погашеніе чрезъ раздѣленіе государственнаго долга между частными лицами невозможно, то погашеніе чрезъ продажу доменъ, приносящихъ малый доходъ, представляетъ весьма-выгодный и удобовосполнимый способъ.

За ученіемъ о государственномъ кредитѣ слѣдуетъ прекрасная статья о финансовомъ управленіи, которая от-

личается многими чисто-практическими и полезными указаніями и объясненіями.

Въ заключеніи сочиненія мы читаемъ слѣдующее важное мѣсто:

«Окончимъ эту книгу краткимъ изложеніемъ великихъ цѣлей, которыя должны составить основанія всякаго финансоваго управленія.... 1) Первая обязанность министра финансовъ сколько-возможно-болѣе способствовать увеличенію народнаго богатства. Оно источникъ финансовъ, и его увеличеніе возвышается постепенно, безъ особыхъ мѣръ, доходы. Франція представляетъ этому примѣръ. Потому министръ финансовъ долженъ защищать народный трудъ (*), чтобы облегчить борьбу за средства жизни. Народы здѣсь какъ семейство: каждый ищетъ честнымъ способомъ улучшить свое существованіе, не заботясь о другихъ. 2) Такъ-какъ увеличеніе государственныхъ расходовъ необходимо въ обыкновенномъ ходѣ обществъ, то министръ финансовъ имѣетъ строгою обязанностью умножать доходы, сначала чрезъ внутреннія улучшенія, отвращеніе злоупотребленій, лучший надзоръ, потомъ — когда это неизбежно — чрезъ усиленіе налоговъ, только въ крайности чрезъ новые налоги, которые должны быть хорошо обдуманы, самымъ специальнымъ образомъ изучены и съ твердостью введены. 3) Вышесказанное относится къ странѣ, которой финансовая система, если не совсѣмъ хороша (ибо таковой нѣтъ), по-крайней-мѣрѣ сносна, т. е. можетъ быть терпима народами и доставляетъ требуемые доходы. Въ противномъ случаѣ можно слѣлать нѣкоторыя частныя исправленія; но если система требуетъ преобразованія въ главныхъ частяхъ, то его должно провозвѣстать вѣдугъ или только въ нѣсколько лѣтъ. Чрезвычайно-трудное дѣло! 4) Противоположная обязан-

ность министра финансовъ не допустить, сколько отъ него зависитъ, ненужнаго увеличенія расходовъ. Ненужны же бываютъ всѣ тѣ расходы (хотя бѣ они сами по себѣ и были приличны), которые превышаютъ естественные доходы. Здѣсь не разумѣется война и займы для производительныхъ цѣлей. Въ отягощенныхъ, упадающихъ государствахъ должны быть уменьшены не только издержки, но и налоги. 5) Министръ финансовъ, сколько дозволяетъ только его мѣсто, долженъ стараться, чтобы науки, практическія познанія и механическія способности народа шли успѣшно и наравнѣ съ улучшеніями у другихъ народовъ. Отъ этого зависитъ приращеніе народнаго богатства. 6) Министръ финансовъ долженъ имѣть строгій надзоръ за своими чиновниками, отставлять вредныхъ, исключать менѣе способныхъ, однако же всегда обращая вниманіе на семейство. Преступленія и нерадивость должны быть наказываемы. Не менѣе онъ имѣетъ обязанностью приготавливать хорошихъ высшихъ чиновниковъ. Въ особенности долженъ министръ финансовъ стараться возвышать нравственность подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ. При этомъ разумѣется, что служащіе получаютъ жалованье, которое, при умѣренности, даетъ имъ способъ къ существованію. Во Франціи чиновники болѣею частью получаютъ скудное содержаніе. Въ Россіи въ-теченіи 20 лѣтъ жалованье постепенно было значительно увеличено. 7) Должно прилагать стараніе о государственномъ кредитѣ — этой общедвовой старой дѣлѣ, впрочемъ безъ излишняго опасенія. Кто можетъ платить и платитъ, тотъ имѣетъ кредитъ; противъ необыкновенныхъ же случаевъ нѣтъ способовъ. Къ новымъ долгамъ надо приступать только въ тѣхъ обстоятельствахъ, которые выше достаточно рассмотрѣны. Никто не ставитъ себѣ въ достоинство производить хорошіе займы; нынѣ они дѣлаются сами-со-

(*) Здѣсь разумѣются тарифныя пошлины.

• бою. Нельзя дѣлать упрековъ и за
• худые займы, если обстоятельства
• были неблагопріятны и если не мо-
• жетъ быть доказано злоупотребленіе,
• нерадивость, неискусство. 8) Дѣло
• должно производить основательно и
• однакоже скоро, во всѣхъ частяхъ
• равно хорошо, при трудныхъ и по-
• выхъ обязанностяхъ съ усердіемъ,
• сообразно съ образомъ мыслей му-
• дрѣйшихъ народовъ. Если хотятъ чу-
• жія учрежденія вводить въ новую
• страну, то надо ихъ прежде перера-
• ботать и сдѣлать народными.

• Мы не говоримъ знатому адѣсъ ни-
• чего новаго. Но эта книга и не нани-

• сана для министровъ финансовъ; осо-
• бенно третья часть составлена для
• тѣхъ, которые желаютъ сдѣлаться
• основательными практиками...

Мы невольно отворачиваемъ глаза отъ
ученыхъ, тонкостей школы и фантома
критики, и видимъ предъ собою только
эти благородныя начала, исполненныя
высокой нравственности, запечатлѣн-
ныя точнѣйшими порядкомъ, настоя-
щею хозяйственностью и самымъ здра-
вымъ толкомъ, ясно постигающимъ
истину и неизмѣнно приводящимъ ее
по твердымъ началамъ въ исполне-
ніе.

Профессоръ Н. Гегелъ.

Иница, 1843, октябрь.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ДРЕВНЕЙ. XXXIII публичныя лекціи Степана Шевырева, ординарнаго профессора Московскаго Университета. Томъ первый. Часть первая. (Лекціи I—V). Москва. 1846.

Въ 184³ академическомъ году, г. Шевыревъ прочелъ передъ московской публикой «Исторію Русской Словесности, преимущественно древней», въ тридцати-трехъ лекціяхъ. Эти-то лекціи и составляютъ его книгу, которая выйдетъ въ трехъ томахъ и въ шести частяхъ, или въ шести выпускахъ. Въ первомъ, вышедшемъ нынѣ, напечатано пять лекцій. Первая, вступительная, объясняетъ выборъ предмета, объемъ исторіи словесности и причины его обширности, ея раздѣленіе на два періода и подраздѣленіе перваго; потомъ обозрѣваетъ содержаніе древняго періода, излагаетъ причины, побудившія преимущественно имъ ограничиться, и показываетъ главныхъ представителей новаго періода и его отношеніе къ древнему. Во второй лекціи, говорится объ устной рѣчи русскаго народа; въ третьей, о русской рѣчи письменной. Четвертая занимается первыми памятниками письменности въ Х^{вѣкѣ} и первой эпохой народныхъ пѣсень. Пятая, окончивъ разсмотрѣніе богатырскихъ пѣсень, говоритъ о пѣсняхъ духовныхъ. Каждая лекція снабжена примѣчаніями и ссылками.

Въ книгѣ г. Шевырева слѣдуетъ различать двѣ части: факты и выводы, на нихъ основанные. По этому и наша критическая статья раздѣлится

Т. XLVI. — Отд. V.

на два отдѣла: въ одномъ мы будемъ говорить о фактахъ, въ другомъ — о выводахъ.

I. Фактическая часть книги г. Шевырева—безспорно, лучшая въ своемъ родѣ, по добросовѣстному и трудолюбивому собранію фактовъ. Если остальные выпуски будутъ такъ же богаты матеріаломъ, какъ первый, то мы смѣло можемъ сказать, что исторія литературы у насъ подвигается впередъ. Мы имѣемъ въ этомъ родѣ одно только сочиненіе: «Исторію древняго періода Русской Словесности», г. Максимовича, любопытное по многимъ изслѣдованіямъ автора, который, къ сожалѣнію, остановился на первомъ томѣ. Но всѣ эти изслѣдованія, равно какъ и труды другихъ, относящіеся къ исторіи русской словесности, прочтены и внесены г. Шевыревымъ въ его книгу. Г. Шевыревъ старательно привелъ всѣ главныя мнѣнія о сродствѣ нашего языка съ другими, обстоятельно рассказалъ исторію Кирилла и Меѳодія, и въ заключеніе предложилъ любопытныя народныя пѣсни; изъ нихъ нѣкоторыя въ первый разъ являются въ печати, каковы пѣсни о Голубиной Книгѣ, о страшномъ судѣ и прекрасное преданіе о витязяхъ.

Для того, чтобъ книга г. Шевырева принесла изучающимъ исторію рус-

ской словесности надлежащую пользу, почитаемъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія. Чѣмъ добросовѣстнѣе трудъ, тѣмъ болѣе рецензентъ обязанъ быть внимательнымъ ко всѣмъ подробностямъ, которыхъ много въ книгѣ автора. Читатель увидитъ, что всѣ наши, по-видимому, строгія замѣчанія, имѣютъ основаніемъ благое желаніе уяснить истину. Сначала мы поговоримъ о языкѣ, потомъ скажемъ нѣсколько словъ касательно перевода священнаго писанія, и наконецъ, заключимъ народными пѣснями.

Г. Шевыревъ тщательно собралъ нѣкоторыя отдѣльныя изслѣдованія и указанія на сродство нашего языка съ другими. Незанимавшіеся лингвистикою найдутъ много для себя новаго въ трудѣ г. профессора; но для того, чтобъ они съ пользою усвоили себѣ ее, мы считаемъ обязанностью выставить въ надлежащемъ свѣтѣ тѣ стороны лингвистики автора, которыя могутъ ввести неопытнаго читателя въ нѣкоторыя весьма-важныя недоразумѣнія.

Первое, что бросается въ глаза—это недостатокъ критики. Хотя авторъ, знакомый съ современными изслѣдованіями Боппа, Эйхгофа и другихъ, и признаетъ неосновательность остроумныхъ, но натянутыхъ и неподкрѣпленныхъ наукою словопроизводствъ, какими упражнялись у насъ современъ Тредьяковского до Шишкова,—однако не только не отличаетъ и въ современныхъ лингвистическихъ трудахъ того же своевольнаго остроумія, каковы обманывали прежде, но даже увлекается и старинными, ни на чемъ неоснованными сближеніями. На стр. 108, г. Шевыревъ приводитъ изъ «Собесѣдника» 1783 года производство словъ латинскихъ отъ русскихъ, на примѣръ, *costa* (ребро) отъ *кость*, *nebula* (туманъ) и *oculus* (глазъ), какъ уменьшительныя отъ *небо* и *око*, и другихъ. Но эти слова слѣдуетъ отнести къ всеобщему сродству языковъ индо-европейскихъ: *costa* относится къ санскритскому *osthi*, *asti*, греческому *ostion*, латинскому *os*;

nebula одного корня съ нѣмецкимъ *nebel*, латинскимъ *nubes*, греческимъ *νεφέλη*, *νεφος*, ирландскимъ *nebe*, санскритскимъ *padha*; что же касается до *oculus*, то это слово такъ же хорошо производится и отъ греческаго *ὀφθαλμος*, какъ отъ нашего *око*. Хотя авторъ и называетъ эти сближенія остроумными замѣчаніями, но тѣмъ не менѣе можетъ ввести въ заблужденіе, во-первыхъ, потому, что относитъ ихъ только къ сродству языка латинскаго съ славянскимъ, и во-вторыхъ, потому, что, на стр. 63, автора этихъ замѣчаній ставить въ образецъ и въ примѣръ отечественнымъ филологамъ, которые не должны влечься по слѣдамъ германской филологіи. Рядомъ же съ этими г. Шевыревъ цитуетъ совершенно-случайное, неосновательное объясненіе одной древнѣйшей латинской надписи словами польскими, сдѣланное Мицкевичемъ (стр. 63). На страницѣ 59, авторъ не усомнился цитовать въ высшей степени смѣлаго, хва и ученаго, но фанатика, Данковского, который будто-бы открываетъ многіе слѣды нашего первоначальнаго общенія съ племенами греческими. Если вы не знаете, какъ объяснить Данковский имена греческихъ боговъ славянскимъ языкомъ, то повторите г. Шевыреву, что его, Данковского, увлеченія имѣютъ и ученое основаніе. А мы, курьёза ради, приведемъ нѣсколько образчиковъ объясненій: *Алла* производитъ Данковский отъ *ладской*, *Авину* отъ *тну*, т. е. тыкаю, бью, молочу; *Аполлонъ*—по Данковскому, просто-на-просто *опалаетъ*, *палитъ*; *Афродита*—*овровъ дитя*, или *дитя овра*, т. е., какъ объясняетъ Данковский, *дитя кипящей воды* или *пиза*; *Нимфеиды*—*мзда*. Объясненіе же прекрасной греческой *Гебы* просимъ читателя самого прочесть въ оригиналѣ... Согласитесь, что такіа производства напоминаютъ Тредьяковского, для котораго *Германія* была *Корманія*, ибо въ ней много *корму*, или *Арманія*, отъ *арма*, или *Холманія*, т. е. *холмистая*. Впрочемъ, и теперь еще нѣкоторыя,

какъ мы слышали, производить *Turpinen* отъ *Tверитана*, *Анличан* отъ *Уличан*, т. е. изъ города Углича, а *Валлис* отъ славянскаго *Велеса* или *Волоса*, скотья бога. Но, говоря серьезно, не можемъ не удивиться, какъ пришло на умъ г. Шевыреву греческій *зефиръ* произвести отъ славянскаго *свѣръ*? Въдъ послѣ этого поневолѣ вмѣстѣ съ Данковскимъ станешь читать греческій текстъ Гомера по славянски!

Еще разъ повторяемъ, что г. Шевыревъ иногда вѣрно смотритъ на лингвистику и предлагаетъ замѣчанія дѣльныя: отъ-чего же впадаетъ онъ въ такія крайности? Этому, кажется, двѣ причины: во-первыхъ—пристрастіе, и во-вторыхъ еще младенческое состояніе у насъ филологіи, не смотря на нѣкоторые начала, вѣрныя и основательныя. Объяснимся.

Наши ученые искони любили все многостранное объяснять изъ своего языка, и горячо сердились, если кто производилъ наши слова отъ иностранныхъ, и преимущественно отъ нѣмецкихъ: припомнимъ, какъ Ломоносовъ ругалъ Шлецера «скотиною, которая колобродитъ гнусныя пакости въ российскихъ древностяхъ», за то, что Шлецерь русскія слова производилъ отъ нѣмецкихъ. Припомнимъ также, какъ, на зго Нѣмцамъ и Французамъ, Щишковъ производилъ *гардеробъ* отъ *гародить* рубы, *schorn-stein* отъ черныя *камень*, а *nacht*, *nuht*, *noh* отъ русскаго *ночь*, т. е. нѣтъ очей. Г. Шевыревъ, хотя и просвѣщенный филологіею западною, смотритъ на нее весьма-подо-брительно и въ филологахъ нѣмецкихъ видитъ какихъ-то намъ недоброжелателей. Къ-чему, на-примѣръ, эта выходка: «Западные писатели, неблаго-склонные къ Россіи, навязываютъ намъ слово *кнутъ*: оно не наше и не татарское, какъ нѣкоторые думаютъ: мы можемъ возвратитъ его языку шведскому, гдѣ оно имѣетъ корень и существуетъ со всѣми производными» (стр. 90). Замѣчательно, что это слово осталось у насъ въ своей чуждой сна-

динавской формѣ, какъ пришлое къ намъ. Народъ не хотѣлъ никогда осмыслить его» (стр. 121). Къ-чему вдаваться въ такія мелочи? Въдъ это, право, напоминаетъ курѣбаную войну Ломоносова съ Миллеромъ! Ну, что тутъ осмысливать?.. Конечно, надобно сказать правду, въ пѣсняхъ народныхъ, когда описывается семейное устройство мужа съ женою, упоминается постоянно *яслика*, которая до-поры-до-времени обыкновенно упрощаетъ стѣну брачной комнаты. На стр. 65, г. Шевыревъ ясно выражаетъ свою филологическую вражду къ Нѣмцамъ: «Съ Германцами предки наши, особливо же предки нашихъ соплеменниковъ, были въ безпрерывныхъ враждебныхъ отношеніяхъ. Мирныя слова земледѣльческаго и сельскаго быта, въ нѣмецкомъ языкѣ болѣею частію словенскія. Шумныя слова брани, оружія, распорядка воинскаго, въ словенскихъ языкахъ почти все нѣмецкія». Остроумными, но неосновательными сближеніями доказать все можно: но за чѣмъ же молгать такое рѣзкое отличіе, когда наука его еще не доказала? Нѣмецкое *holm* можно произвестъ отъ славянскаго *холмъ*, отъ котораго съ одной стороны происходитъ *шлемъ*, *шоломъ*, а съ другой *шеломянь*, гора; готское *brinjo* отъ нашего *броня*, *бороня*, *боронить*: и на-оборотъ, наше *плугъ* отъ нѣмецкаго *pflegon*, или, пожалуй, и отъ славянскаго *плугъ*. Далѣе, г. Шевыревъ прибавляетъ: «Замѣчательно, что нѣмецкое слово *volk*, означаетъ по-словенски—полкъ, войско. Такъ видно въ началѣ являлся воинственный германскій народъ «мирному славянскому племени» (стр. 65 и 66). Позвольте, г. авторъ: по-литовски *molks* значитъ *стадо*: какимъ же образомъ одинъ и тотъ же народъ, Германцы, намъ казались *воинами*, а Литовцамъ—*стадомъ*? Такіе пассажи могутъ случаться только въ романахъ, какъ уже и случилось однажды: съ дон-Кихотомъ... Не шутки ли сторону: какое же слово *молкъ*, нѣмецкое или словенское? Г. Бодянский производитъ

его отъ словенскаго корня: слѣдовательно, *полкъ*—слово наше; отсюда, по системѣ воинственной филологіи, заключаемъ, что наши *полки* были такъ ярлыки и такъ страшны Нѣмцамъ, что показались имъ цѣлымъ народомъ, *volk*, или иначе: словенскіе *полки* составили основаніе нѣмецкаго народа, *volk*; слѣдовательно, воинственность Нѣмцовъ объясняется вліяніемъ словенскихъ *полковъ*. Видите ли, какъ колдовскія подобныя филологическія гипотезы: ихъ можно вертѣть во всѣ стороны, а толку не будетъ!

Мы столько уважаемъ трудолюбіе г. Шевырева, что должны въ самомъ состояніи современной у насъ лингвистики искать объясненія тѣхъ странностей и крайностей, какія встрѣчаемъ въ его книгѣ. Еслибъ лингвистика принесла у насъ надлежащій плодъ, г. Шевыревъ воспользовался бы имъ и не увлекся бы своими личными убѣжденіями. Извѣстно, что изученіе языка санскритскаго, столь блистательно введенное въ современную образованность Вильсономъ, Боппомъ и другими, много расширило въ Англіи и Германіи кругъ филологіи, заключавшійся дотолѣ языками классическими. Правда, что изученіе еврейскаго языка и прежде бралось въ пособіе знанію языковъ европейскихъ; но такъ какъ языкъ еврейскій относится къ отрасли языковъ семитическихъ, чуждыхъ языкамъ индо-европейскимъ, то сравненія съ нимъ не приносили надлежащей пользы, чему свидѣтельствомъ можетъ служить, на-примѣръ, польскій словарь Янде. Между-тѣмъ, Нѣмцы стали обрабатывать свои нарѣчія, а Рейнуаръ углубился въ изслѣдованія языковъ романскихъ. У насъ же продолжалась та остроумная лингвистика, которая произвела *cadaver* отъ *cato data vermicibus*, а *trésor* отъ *très ж or*, то-есть: очень золото. Наконецъ, вмѣстѣ съ другими заграничными рѣдкостями и модами, привезли къ намъ изъ Германіи сравнительные словари и грамматики. Ученые пустились ихъ читать и подмѣчать, ка-

кое санскритское или земское словечко звучитъ сходно съ нашимъ. Правда, шагъ былъ великъ: замѣтили, что прежнія производства были только или мечтаніемъ, или самохвальствомъ. Но, вмѣстѣ съ пользою, не пришло ли къ намъ нѣсколько и вреда? Опять вышло то же самое остроуміе, но только оно вооружилось страшными для профановъ именами: санскритскій языкъ, коптскій, скандинавскій, — и подъ личиною учености вновь стало натягивать сближенія и находить небывалые корни и производства. Разумѣется, это остроуміе и неосновательность, наскриванныя знаніемъ, скорѣе убѣждать и сильнѣе укоренятся, нежели прежде, добродушное и наивное уничтоженіе времени Тредьяковскаго и Сумарокова. Боже насъ сохрани отъ того, чтобы мы вдумали возставать противъ великихъ трудовъ современныхъ лингвистовъ: мы замѣчаемъ только, что все прекрасное можетъ въ свою очередь вестись въ заблужденіе, если не такъ и не въ пору станешь имъ пользоваться. Въ книгѣ г. Шевырева есть много вѣрныхъ филологическихъ взглядовъ, которыми онъ обязанъ современнымъ лингвистамъ; но такъ-какъ русскіе филологи не изучили еще достаточно своего языка въ его историческомъ развитіи и въ племенномъ отношеніи, то многіе результаты отрывочныхъ мыслей, собранные г. Шевыревымъ, должны остаться пока гипотезами. Сравнительное языкованіе принесло много плодовъ; но имъ надобно пользоваться осторожно, какъ огнемъ, которымъ такъ часто по неопытности обжигаются дѣти. Надобно также помнить, что одно только внѣшнее сравненіе звуковъ весьма-недостаточно: *comparaison n'est pas raison*.

Въ лекціи о Кириллѣ и Меѳодіи обратимъ вниманіе читателей только на одно обстоятельство. Г. Шевыревъ рѣшительнымъ тономъ и безъ всякаго колебанія, въ одну минуту, расширяетъ вопросъ весьма-трудный, который можетъ возбуждать еще много и очень-много преній: Авторъ сиречь

ваетъ (стр. 136): что же первое предположено было съ греческаго языка на славенскій Константиномъ и Меодіемъ?— «Искони бѣ Слово, и Слово бѣ отъ Бога, и Богъ бѣ Слово: се бѣ искони у Бога». Почему это знаетъ г. Шевыревъ? на какомъ основаніи говорить? гдѣ критика этому утвержденію? Видите ли, какъ объясняется это: слова евангелиста Іоанна—одно изъ самыхъ сильныхъ мѣстъ въ евангеліи; къ-тому же, говорится въ нихъ о словѣ, и они стоятъ въ началѣ евангелія Остромирова. Чего же больше нужно? критика должна здѣсь уступить мѣсто эффектному сближенію обстоятельствъ. Наши первоучители могли—и очень-вѣроятно, —перевести въ началѣ необходимѣйшія краткія молитвы для литургіи и при совершеніи таинствъ. По мнѣнію Каченовскаго, первоначально переведено было *Иже Херувими*. Фрейзингенская рукопись показываетъ ясно, что нужно первоначально для проповѣдителей при обращеніи въ христіанство: молитвы, формы исповѣди, наставленія и т. п. Но мы нисколько не хотимъ доказывать своего мнѣнія, а только предостерегаемъ автора: если безъ всякой критики будетъ онъ рѣшать спорные вопросы, то на его душѣ будетъ тотъ грѣхъ, что онъ введетъ многихъ въ заблужденіе.

Касательно пѣсень обращаемъ вниманіе на два пункта: во-первыхъ, на недостатокъ критики, во-вторыхъ—на неумѣнье поставить ихъ какъ въ общемъ кругу поэзіи всемірной, такъ и въ частности, относительно славянскихъ племенъ и русской жизни. Извѣстно, что народная пѣсня, сохраняясь въ устахъ народа, съ одной стороны подвержена произволу пѣльцовъ и измѣняется, нарастаетъ или сокращается,—а съ другой стороны всегда удерживаетъ въ себѣ воспоминанія о древнѣйшихъ событіяхъ и часто носитъ на себѣ нѣкоторые слѣды глубокой древности. Задача историка состоитъ въ томъ, чтобъ строгой критикой отдѣлить новѣйшій наростъ отъ старины и разграничить слои преданій, накопив-

шіеся въ-продолженіе многихъ вѣковъ: Г. Шевыревъ воѣ пѣсни, упоминающія имя Владиміра-Великаго и его богатейшей, помѣщаетъ въ своей исторіи прямо послѣ перевода священнаго писанія Кирилла и Меодія. На какомъ основаніи? Предметъ пѣсни не можетъ служить указателемъ времени ея сочиненія. Иначе пришлось бы и Магабгарату отнести ко времени всемірнаго потопа, потому-что въ одномъ изъ ея эпизодовъ воспоминается потопъ. Г. Шевыреву вѣрно болѣе всякаго извѣстно, что эпическая поэзія обыкновенно любитъ воспѣвать предметы отдаленные, старинные, соединяя съ исторіею свой затѣйливый вымыселъ, которому привольнѣе въ туманной отдаленности старины. Между-тѣмъ, авторъ можетъ ввести многихъ въ заблужденіе очень-сильное: всю пѣсню, со всѣми ея измѣненіями, происшедшими въ-продолженіе столькохъ вѣковъ, онъ называетъ древнѣйшею, и прямо изъ устъ какой-нибудь старухи, которую онъ самъ слушалъ (стр. 251), или съ тетрадки студента, записавшаго и обработавшаго пѣсню по-своему (стр. 209), онъ помѣщаетъ въ исторію литературы, въ древнѣйшій періодъ, потому только, что въ пѣснѣ говорится о Владимірѣ, или о страшномъ судѣ. Въ поэзіи вѣдь особенно важно то, *какъ* называется предметъ, *какъ* развитъ мотивъ: а обработка и развитіе пѣсни принадлежатъ; какъ говорить самъ авторъ, пѣлымъ столѣтіямъ. Итакъ, недостатокъ исторической критики очень-много вредитъ любопытнымъ и занимательнымъ лекціямъ о народныхъ пѣсняхъ.

Отношеніе народныхъ пѣсень къ поэзіи всемірной. Авторъ не умѣетъ, какъ говорится, ориентироваться, опознается въ своемъ предметѣ, такъ-что близкое кажется ему далекимъ и далекое близкимъ: поэтому онъ весьма-ненадежный проводникъ въ историческихъ соображеніяхъ о нашихъ пѣсняхъ. Ему хотѣлось сближить наши пѣсни съ Индіею: дѣло! Но не такъ нужно было вѣяться за это дѣло. Авторъ узналъ, что у насъ есть преданія о змѣяхъ,

да упоминается индійскій царь — и только на этомъ одномъ построилъ цѣлую систему о еродетѣ и отношеніи Россіи къ Индіи. Но на самомъ-то дѣлѣ тутъ ничего было и сближать. Нѣмецкая инеологія содержитъ въ себѣ стройное и обширное учение о змѣяхъ, совершенно-объясняющее и наши пошлѣхъ. Положимъ, что и наше и нѣмецкое преданія идутъ изъ Индіи, но не должно давать своему исключительности и монополии. Исторія «Потока» (стр. 226) совершенно-одинакова съ сохранившимся нѣмецкимъ преданіемъ, гдѣ тоже разсказывается, какъ дужь, по предварительному условію, былъ посаженъ въ могилу къ женѣ своей и какъ воскресилъ ее змѣиною силою. Столь же неудовлетворительно предложено отношеніе нашихъ пѣсень къ поэзіи греческой и преимущественно къ Гомеру. Ошибки произошли отъ-того, что авторъ сближалъ между собою общіе всѣмъ народамъ эпические мотивы: а ихъ можно найти какъ въ Гомерѣ и русскихъ пѣсняхъ, такъ и вездѣ. На-примѣръ, повтореніе одного и того же стиха или полустиха, столь свойственное нашимъ пѣснямъ и происходящее отъ-того, что пѣсни слагались подѣ музыку, г. Шевыревъ сближаетъ съ Гомеромъ, — но такое повтореніе, кромя всѣхъ пѣсень славянскаго племени, встрѣчается и въ романсахъ Сиды, какъ напр.:

*Mal ferido lo ha en el hombro,
En el hombro, y en el brazo —*

и даже въ скандинавскихъ пѣсняхъ древней «Эдды», напр.:

*Sverdi rofna svarna eida,
Eida svarna, unnar trygdir.*

Г. Шевыревъ сближаетъ искусственными выраженія: *сила богатырь, сила Блени*, съ греческими: *βίη Έλίου* (стр. 102). Но сравненія и сближенія всегда опасны, если односторонни и случайны: почему же авторъ не сличилъ такихъ же выраженій въ древней «Эддѣ»: *audr fura (vis pinorum), orms me-*

gin (сила змѣя, сила змѣй, или просто змѣй)? Отношенія нашихъ древнихъ преданій къ скандинавскимъ сагамъ обозначены бѣгло, только по указаніямъ Шлёцера. Желательно было бы видѣть, какъ живая и сильная поэзія «Эдды» объясняетъ нѣкоторые, по-видимому, сухіе намеки въ лѣтописи; на-примѣръ, илтва оружіемъ, неоднократно упоминаемая въ лѣтописи, объясняется превосходными поэтическими заклинаніями въ «Эддѣ». Преданіе объ убійствѣ посредствомъ двухъ пригнутыхъ деревьевъ, какъ Игоря убили Древляне, сохранилось въ нѣмецкой сказкѣ. Но это слабая струна г. Шевырева: сближеній съ Пѣнцами онъ не любитъ.

Отношенія нашихъ пѣсень къ славянскимъ племенамъ г. Шевыревъ почти не касается: можетъ-быть, въ послѣдствіи сдѣлаетъ онъ общее замѣчаніе; но желательно было бы, при обработкѣ нашихъ пѣсень, прослѣдить это отношеніе. Авторъ заставляетъ Илью Муромца протянуть свою руку испанскому Сиду: далеко тянуться! Лучшее бы между соплеменными витезами поискать себѣ побратима, напр., хоть у Сербовъ. Вѣсто натянутого сближенія Сиды съ Ильей Муромцемъ, полезнее было бы, говоря, на-пр., о жестокомъ обращеніи нашихъ богатырей съ женщиною, объяснить, чѣмъ мы отличаемся въ этомъ отношеніи отъ соплеменниковъ нашихъ. Марко Краевичъ такъ же жестоко поступаетъ съ своей невестой Росою, какъ Добрыня Никитичъ съ женою; но замѣчательно различіе: когда Марко съ товарищемъ пріѣхалъ сватать ее у брата, то братъ, даже вопреки древнему славянскому праву брата надъ сестрой, говоритъ женихамъ, что сестра его самовольна и, кромѣ Бога, никого не боится. Марко не понимаетъ такого гуманнаго взгляда на вещи и смѣется («Сергій Пѣсни» Вука Стефановича, II, 234 слѣд.). Равно и о змѣяхъ, вѣсто отдаленныхъ догадокъ, не худо бы прослѣдить или, по-крайней-мѣрѣ, указать слѣды подобныхъ пошлѣхъ у Сиды:

такъ, напр., у Чеховъ уже въ «Судѣ Любуши» упоминается преданіе оборѣ съ змѣемъ; у Сербовъ также есть много преданій, бросающихъ свѣтъ на этотъ предметъ.

Касательно русскихъ пѣсень въ-отношенія къ русской жизни, укажемъ на главное — именно на отношеніе народной поэзіи къ церкви. Авторъ говоритъ: «Наша народная пѣсня, разнообразная, объемлющая всѣ стороны жизни, предметъ зависти для другихъ народовъ, жила у насъ свободно, какъ всеобщее народное достояніе безъ юнениа церкви, не только въ мирѣ, но и въ общеніи съ вѣрою» (стр. 37). Факты стоятъ въ рѣшительномъ противорѣчій съ этимъ мнѣніемъ: въ древности у насъ возставали противъ поэзіи, искусства и всякой мірской литературы, какъ противъ дѣла небогоугоднаго, противнаго церкви, азыческаго. Въ XI вѣкѣ, Несторъ говоритъ: «по сими дьяволъ лститъ, и другими нравы, всячьскими лестыми прѣбавляя ны отъ Бога, трубами и скорморохы, гуслями и русальи» (Рус. Лѣтоп. I, 73). Известно, что гусли сопровождали пѣснями. Кирилл Туровскій, въ XII вѣкѣ, проповѣдуетъ: «всяка ересь, и вѣрують въ стрѣчу, въ чехъ, въ полазъ и въ птичьи граи, во рою, и еже басни бають и въ гусли гудуть» (Памят. Словесн. XII вѣка, стр. 95). Митрополитъ Кириллъ, въ концѣ XIII вѣка, въ своемъ «Правилѣ» за-прещаетъ игрища, соединенныя съ пляскою и пѣніемъ (Рус. Достоп. I). Митрополитъ Фотій, въ 1410 году, убѣждаетъ новгородскаго архіепископа Іоанна, въ своемъ къ нему посланіи: «учите, чтобы басней не слушали». Въ одной рукописи 1523 года, открытой Востоковымъ (Описаніе Румянц. Муз. 229), значится: «неподобаетъ крестьянамъ игоръ бѣсовскихъ играти иже естъ плясба, гудба, пѣсни бѣсовскыя». Итакъ, кажется, ясно, что гоненія на народную поэзію были — и притомъ постоянныя и сильныя... Да и не ясно, какъ видно, представляетъ себѣ авторъ отношенія цер-

кви, духовнаго авторитета, ко всему мірскому вообще, къ мірской литературѣ и поэзіи въ-особенности: онъ не замѣчаетъ, что, возвышая одно, унижаетъ другое, что похвала въ одну сторону служить не-похвалой въ другую.

Теперь перейдемъ ко второму отдѣлу нашей статьи — къ выводамъ г. Шевырева, которые онъ извлекаетъ изъ фактовъ.

II. Есть два способа излагать исторію литературы: философскій и хронологическій.

Хронологическая исторія литературы рассматриваетъ словесныя произведенія народа во вѣднней послѣдовательности времени. Она ограничивается простымъ рассказомъ о томъ, что было въ извѣстныхъ лѣтахъ, не обращая вниманія на внутреннюю связь предъидущаго съ послѣдующимъ.

Философское изученіе литературы не ограничивается простымъ исчисленіемъ фактовъ по времени ихъ появленія, но старается объяснить факты. Оно слѣдитъ за внутреннимъ развитіемъ словесности, въ связи ея съ народною жизнію вообще и съ просвѣщеніемъ народа въ-особенности. Въ словесности, какъ выраженіи народнаго духа, оно опредѣляетъ общій характеръ ея явленій и разныя направленія этого характера.

Только философское изученіе словесности можетъ быть почтено именемъ науки; но не всегда мы готовы для созданія науки. Когда множество литературныхъ памятниковъ еще лежитъ подъ спудомъ, а изъ тѣхъ, которые изданы, еще многие не рассмотрѣны ни по своему содержанію, ни по языку, ни по отношенію къ родамъ словесныхъ произведеній; когда и немногіе памятники разобраны только въ одномъ отношеніи, а не прошли чрезъ всестороннюю критику, и когда между этимъ немногимъ не открыто еще внутренней связи, — тогда, разумѣется, исторія литературы не можетъ быть предметомъ философскаго изученія. Гораздо-благоразумнѣе заключиться ей въ предѣлы хронологическаго из-

положенія, оставивъ всѣ преждевременныя общіе выводы, всѣ скороспѣлые результаты.

Въ такомъ именно положеніи находится памятникъ нашей литературы. Если и согласимся, что ихъ издано достаточное количество, то это не мѣшаетъ намъ ясно видѣть, что для критики матеріаловъ—сдѣлано очень-мало. Десятки мѣтъ, быть-можетъ, пройдутъ прежде, чѣмъ «Анты», изданные Археологическою Комиссіей, будутъ рассмотрѣны въ историческомъ, юридическомъ, филологическомъ и теологическомъ отношеніяхъ. Еще мѣтъ двухъ мѣсяцевъ, какъ вполнѣ напечатана «Лаврентьевская Лѣтопись», и мы еще споримъ о томъ, какъ должно называть ее: *Лаврентьевскою* или *Несторовою*? Сколько сидѣли надъ «Словомъ о Полку Игоря», и что же до-сихъ-поръ сказали? Г. Буслаевъ, разбирая въ одномъ журналѣ последнее изданіе «Слова» (нажется, одиннадцатое), справедливо замѣтилъ, что гг. толкователи успѣли доказать только подлинность сочиненія! Это ли называется разработкой, оцѣнкой, критикой матеріаловъ! Надо было запастись обширною смѣлостью, чтобъ, на основаніи едва-начавшихся приготовительныхъ работъ, строить окончательныя системы, выводить послѣдніе результаты. Но въ дѣлѣ общихъ положеній нужна не смѣлость, а достаточно-богатый запасъ частныхъ, долженствующихъ служить посылками.

Пожалуй, можно приводить къ единству и немногія различія. Умъ нашъ любитъ обобщать: въ этомъ его отличительная сущность. Такъ зоологъ классифицируетъ нѣсколько экземпляровъ какого-нибудь животнаго, распредѣляя ихъ по родамъ и видамъ. Но въ такомъ случаѣ онъ самъ долженъ видѣть непрочность своей поспѣшной классификаціи, которая падетъ застраже съ открытіемъ новыхъ экземпляровъ или при болѣе-тщательномъ осмотрѣ экземпляровъ извѣстныхъ. Исторіи литературы предостоятъ еще опаснѣйшія заблужденія: она имѣетъ дѣ-

ло съ многообразными, свободными явленіями человѣческаго духа, иногда своеобразнаго до немнотрости.

Но если ужъ вы, смотря иначе на это дѣло, считаете себя достаточно-сильными для систематическихъ построекъ, хотите озарить свой трудъ *единою* мыслию и вывести *общіе* результаты изъ частныхъ изслѣдованій, то мы имѣемъ въ непрѣлпную вамъ обязанность суровое безпристрастіе историка. Любовь къ истинѣ исключаетъ всякую иную любовь, противную истинѣ; наука не терпитъ лицепріятій... Пускай эта единая мысль будетъ зрѣлымъ плодомъ размышленія надъ внутреннимъ развитіемъ предмета, а не вѣнчикомъ паростомъ вашего личнаго воззрѣнія или желанія, выходящаго изъ предѣловъ науки; пускай образованіе общихъ результатовъ не противорѣчитъ всѣмъ извѣстному процессу логики, законы которой такъ давно уже и такъ вѣрно раскрыты.

Многія препятствія встрѣчаетъ наука, обобщая частное, формируя единую мысль. Иногда эта мысль, какъ мы сейчасъ замѣтили, берется извнѣ, тогда-какъ должно бы было взять ее изъ глубины самого дѣла, гдѣ она хранится во всей чистотѣ: берется она, или какъ любимая нами идея, которая вполнѣ удовлетворяетъ умъ нашъ, или какъ противовѣсіе другой нелюбимой нами идее, дѣйствительно пущенной въ ходъ, а, можетъ-быть, и созданной пугливымъ воображеніемъ автора. Иногда страстное увлеченіе къ предмету, самое даже искреннее, мѣшаетъ смотрѣть на предметъ съ истинной точки зрѣнія, отводя глаза въ другую сторону — не истинную. Иногда, наконецъ, чуждые всякихъ постороннихъ цѣлей и страстныхъ увлеченій, мы, волюю или неволюю, нарушаемъ обыкновенные законы мышленія,—и справедливость мысли убѣгаетъ отъ насъ при неправильномъ логическомъ процессѣ. Соображая всѣ эти препятствія, дѣйствующія то порознь, то въ совокупности, мы рассмотримъ общіе выводы г. Шевырева съ двухъ сторонъ: въ-от-

вошеніи ихъ къ истинѣ вещественной, и въ-отношеніи къ истинѣ формальной, или логической. Въ первомъ случаѣ, мы увидимъ, справедливы ли они сами-по-себѣ; во второмъ—справедливы ли заключенія, посредствомъ которыхъ они составлены.

Самъ авторъ чувствовалъ несловность своего положенія, трудясь надъ матеріаломъ, еще мало разработаннымъ, и въ то же время отдѣляясь отъ него мыслию, производя выводы, ставя положенія. Онъ говоритъ: «Близость предмета сердцу каждого заключаетъ въ себѣ выгоду и невыгоду. Выгода—въ живомъ участіи слушателей; невыгода въ томъ, что каждый вопросъ науки принимается къ сердцу; въ ея спокойную область вторгается непрерывно тревожная стихія жизни, — и ученому становится труднѣе сохранить то безстрастіе мысли, при которомъ только возможно ясное созерцаніе истины. Такія столкновенія, впрочемъ, могутъ встрѣчаться нерѣдко: надобно быть противъ нихъ всегда наготовѣ, и, пользуясь жизнію предмета, не позволяя ей страсти разрушать тишину разумаго созерцанія» (стр. 215). Именно такъ: быть всегда наготовѣ—священная обязанность того, кто взялся раскрыть намъ истину. Если, по словамъ автора, для русскаго народа милость иногда выше правды (стр. 198), то для ученаго, къ какой бы націи ни принадлежалъ онъ, правда или истина должна быть выше милости, выше всего въ изслѣдованіяхъ истины. Знаніе и сочувствіе—двѣ разныя области. Наука доказываетъ силлогизмами, а не чувствами: послѣднія хороши на своемъ мѣстѣ и ровно ничего не значатъ въ чуждой имъ сферѣ. Предоставьте каждому предмету его прямой долгъ и собственную отвѣтственность: пусть мыслятъ уиъ, а сердце чувствуетъ. Грѣхъ противъ истины равно важенъ, какъ и грѣхъ противъ блага. По какому-то непонятному заблужденію, намъ страшно иногда нанести малѣйшую обиду ближнему, но мы ставимъ ни во

что защищать ложную мысль, которою обижается наука. Мы не видимъ, что праведность жизни зависитъ отъ истины мысли! И хотя авторъ говоритъ, что «въ наукѣ чувство любви къ предмету должно уступить первенство разумной мысли» (стр. 9), однакожъ во многихъ мѣстахъ его лекцій найдемъ мы не то: послѣднее, т. е. разумная мысль, приносится въ жертву первому—чувству любви къ выбранному предмету. Мы даже въ первомъ прииѣчаніи къ первой лекціи (стр. 45) находимъ отступленіе автора отъ собственныхъ словъ его. Объясняя нима философіи (любомудрія), онъ хвалитъ сознаніе древнихъ, что разумъ безъ чувства не полонъ, что любовь къ истинѣ есть начало мудрости. «Какъ это сознаніе язычниковъ прибавляетъ онъ про- тивоположно заблужденію нѣкоторыхъ новыхъ мыслителей, которые захотѣли отрѣшиться знаніе отъ всякаго чувства и готовы были соединить его съ какою-то ненавистью или презрѣніемъ противу-человѣческимъ!!» Ясно, что этими словами сифишваются два совершенно-разные предмета: любовь къ истинѣ съ любовью къ предметамъ познанія. Истина, добываемая изъ разсматриванія предмета, и предметъ, подлежащій разсмотрѣнію, не одно и то же. Иначе, зачѣмъ бы чувство любви къ предмету должно уступать первенство разумной мысли? Вопреки замѣчанію автора, слово «философія» какъ-нельзя-лучше оправдываетъ тѣхъ новыхъ мыслителей, которые отрѣшаютъ знаніе — не отъ «всякаго» чувства, какъ думаетъ г. Шевыревъ, а отъ чувствъ, постороннихъ истинѣ, и соединяютъ его съ любовью къ истинѣ, или, что одно и то же, съ ненавистью и презрѣніемъ ко всему, противному истинѣ. Большая часть заблужденій происходитъ именно отъ-того, что мы не умѣемъ или не хотимъ отдѣлать знанію особенную сферу и часто вводимъ въ него предметы другихъ сферъ.

Начнемъ съ того, что говоритъ авторъ о народномъ самопознаніи. «Въ

• необходимости его (самопознания) всё больше или меньше согласны; но нельзя • не замѣтить различія двухъ крайнихъ • мнѣній, къ которымъ примыкаютъ • у насъ люди мыслящіе. Одни думаютъ, что народное самопознание должно внушить намъ гордость и привасти къ народной исключительности; другие, напротивъ того, воображаютъ, что оно должно уничтожить (!) • насъ передъ другими народами • (стр. 10). Эти два мнѣнія дѣйствительно принадлежатъ къ крайнимъ, т. е. оба крайне-несообразны. Кромѣ существеннаго между ними различія, они не похожи другъ на друга и тѣмъ, что первое мнѣніе существовать давно между такъ-называемыми патриотами, и въ новѣйшее время пущено въ ходъ съ отличною смѣлостію, а второе остается пока въ воображеніи: мы никогда его не читывали и не слыхивали. Знаемъ третье мнѣніе, которое русскому народу, какъ младшему на попрощѣ всемірнаго дѣйствования, совѣтуетъ учиться у другихъ народовъ, усвоивать себѣ прекрасные плоды общечеловѣческаго образованія, уравнивающего народы, а не поставлющаго ихъ въ китайскую исключительность, во враждебныя взаимныя отношенія. Стяжать богатое достояніе европейской цивилизаціи не значитъ уничтожиться, прійти къ отчаянію, къ духовному паденію. — Изъ двухъ такихъ мнѣній легко было выбрать среднее, которымъ ограничиваются рѣшенія положенія крайностей: Г. Шевыревъ то и сдѣлалъ. Вотъ слова его: «Народное самопознание, какъ мнѣ кажется, должно произвести въ насъ ясное, разумное сознаніе нашей народной силы, и съ тѣмъ вмѣстѣ открытую неповѣль нашихъ народныхъ недостатковъ». — Зачѣмъ же • кажется? Не кажется, а есть. Самопознание челоѣка и народа состоитъ именпо въ знаніи коренныхъ, существенныхъ свойствъ его, въ знаніи того, что онъ имѣетъ и чего ему не достаетъ. Каждый членъ общества обязанъ содѣйствовать раскрытію этого самопознания, не увлекаясь

чувствомъ и не помрачая тѣмъ разумной мысли. Отъ увлеченія прямой путь къ заблужденіямъ: мы или отрицаемъ у народа его собственность, или называемъ ему мнимое величіе, созданное фантазіей. Тамъ появится ложный скептицизмъ, здѣсь выступить на сцену ложный догматизмъ. Проникнутая послѣднимъ, исторія народной жизни вообще и литературы его въ-особенности станетъ на воображаемую высоту, соберетъ такіа сокровища, которыхъ народъ не вѣдаетъ. Трудно опредѣлить, что обиднѣе для національной гордости: недоказанное сомнѣніе въ достоинствахъ націи, или слѣпая вѣра въ ея превосходство, но нѣтъ сомнѣнія, что нація имѣетъ право презирать и то и другое.

Опредѣливъ народное самопознание, г. Шевыревъ развиваетъ заветную мысль свою, которая служить тѣмъо всему его курсу. Мы должны выписать нѣсколько параграфовъ, чтобы познать комитѣ читателя съ направленіемъ лекцій.

«Что разумѣемъ мы подѣ именемъ народности? По моему мнѣнію (и по моему вѣру) — совокупность всѣхъ духовныхъ и физическихъ силъ, данныхъ отъ Провидѣнія какому-нибудь народу для того, чтобы онъ совершилъ на землѣ свое челоѣческое назначеніе. Поэтому народъ есть только сосудъ для того, чтобы въ немъ расло все прекрасное челоѣческое, точно такъ, какъ челоѣческое, въ свою очередь, есть сосудъ для божественнаго. «Въ народномъ челоѣческомъ и въ челоѣческомъ божественное» — вотъ идеалъ земнаго совершенства, вотъ цѣль нашего достиженія. Народное, какъ сосудъ, необходимо: безъ него не въ чемъ было бы расти челоѣческому и явиться божественному. По ясно, что чѣмъ сосудъ вмѣстительнѣе и шире, тѣмъ онъ лучше — и во всемірномъ состязаніи народовъ тотъ станетъ выше другихъ, кто болѣе способенъ сочувствовать и въ себя принимать всемірное, очищая его въ божественномъ».

«Наше русское народное тѣмъ отличается отъ другихъ, что оно съ самаго начала бытія своего окрестилось, облеклось во Христа. Мы называли себя исконныи людьми крещеными, православными. Нашѣ

даже ставили и ставить въ вину, что мы такъ тѣсно сопрягли христіанское съ народнымъ; но обвинители наши не замѣчаютъ, что въ этомъ заключалась, съ одной стороны, возможность — дать народной сущности прочность непоколебимую, потому что разъ обдѣченное во Христа не умираетъ; съ другой же стороны — предохранить себя отъ односторонней исключительности, потому что въ христіанствѣ начало любви всемірной, и тотъ народъ только можетъ явиться со временемъ сосудомъ всеобщаго примиренія, кто возраститъ въ себѣ до конца сѣмя Христово.

«Духовно-душевная жизнь каждаго народа складывается изъ трехъ человѣческихъ стихій, которыя подчиняются одной высшей — божественной. Эта высшая — сущность, основа и крѣпость бытія народнаго — Вѣра, которая открывалась отъ Бога народу, какъ его соединяетъ съ Божествомъ, такъ и члены народа связуетъ между собою неразрывными узами. Прочія три стихіи, собственно человѣческія: наука — плодъ разума нашего въ стремленіи его постигнуть истину въ предметахъ сущихъ, видимыхъ и невидимыхъ міра; жизнь гражданская и государственная — плодъ нашей воли въ ея стремленіи водворить благо въ жизни внѣшней, — и искусство — плодъ нашей творческой, художественной силы въ стремленіи ея воплотить изящное въ явленіи.

«Совершенство каждаго человѣка и народа зависитъ отъ правильнаго соотношенія трехъ стихій человѣческихъ, какъ между собою, такъ и съ высшею стихіею — началомъ божественнымъ. На землѣ нѣтъ еще народа, который бы совершенно правильно олицетворялъ это отношеніе. Когда онъ будетъ, тогда на землѣ начнется царствіе Божіе. Общая задача всего дѣйствующаго человечества состоитъ въ томъ, чтобы найти и опредѣлить такое отношеніе. До сихъ же поръ каждый народъ болѣе отдѣльно развивалъ дары Провидѣнія — и на землѣ нѣтъ еще человѣческаго бытія цѣльнаго.

«Если мы вѣримъ въ постепенность развитія человечества, а потому думаемъ, что народы, въ послѣдовательномъ своемъ шествіи другъ за другомъ, приносятъ чередные вклады въ общую сокровищницу этого развитія; если позволятельно считать такую мысль о своемъ народѣ, къ которому принадлежишь и въ жизнь ко-

торого погружаешь все существо свое: то не обвинять насъ въ народной самонадѣянности, если мы скажемъ, что во всемірномъ состязаніи и намъ, по всему вѣроятію, назначена какая-нибудь доля. Мы не были призваны къ участию въ отдѣльныхъ развитіяхъ стихій человѣческихъ: но выпадетъ ли намъ на жребій трудная задача — какъ совмѣстить ихъ всѣ и разрѣшить загадку о челоѣкѣ полномъ и цѣльномъ? Уже-ли даромъ, безъ особенной воли Провидѣнія, древняя Русь, въ теченіи первыхъ семи вѣковъ, жила исключительно жизнію вѣры, отказываясь отъ долей человѣческихъ въ европейскомъ развитіи?» (Стр. 11, 12, 13, 16 и 17.)

Если бы частица ли значила что нибудь на вѣсахъ науки, то мы и говорили бы о заключительныхъ словахъ автора, какъ о предметѣ науки. Но такъ-какъ она ровно ничего не значить въ положительныхъ изслѣдованіяхъ — намъ должно остаться при чистой гипотезѣ, ни къ чему не ведущей. Задѣсь смѣшно согласиться, смѣшно и противорѣчить. Позволено сказать да, но съ такимъ же правомъ позволено сказать и нѣтъ. Можетъ-быть, *выпадетъ* намъ трудная задача разрѣшить задачу о челоѣкѣ полномъ и цѣльномъ; можетъ-быть, и *не выпадетъ*. Кто знаетъ, бѣкъ это случится, когда это случится и, главное, случится ли это? Что пользы въ фигурахъ вопрошенія, которыя ничего не доказываютъ и ни въ чемъ не убѣждаютъ? Онѣ голыи только для украшенія рѣчи или для оболыщенія неразумной мысли. Изъ-за этого предположенія выказывается, конечно, славная намъ доля; но мы тотчасъ отвращаемъ отъ него лицо свое, склоняясь мыслію и сердцемъ только къ доказанному, на разумномъ основаніи построенному, нѣющему положительное значеніе въ наукѣ. Все прочее намъ смѣшно или обидно, какъ неумѣстная игра фантазій. Замѣтимъ здѣсь кстати, что ишотеа г. Шевырева, выговоренная имъ теперь робко и скромно, за два года назадъ имѣла божественный объемъ и гордую осанку, при-

личную не предположенію, а прямому положенію. Въ первомъ номерѣ «Москвитинина», за 1844 годъ, г. Шевыревъ развивалъ свою любимую мысль такимъ образомъ:

«Въ Европѣ Западной извѣстныя просвѣщенные страны раздѣлили между собою сокровища духа человеческого — и каждой предоставлено было Провидѣніемъ преимущественное раскрытіе какого-нибудь одного дара. Въ Италіи процвѣтало искусство; во Франціи жизнь общественная и государственная принесли лучшіе дары свои; въ Германіи Наука произвела все свое великое... Разстройство въ сферахъ собственно человеческихъ происходитъ отъ того, что каждая изъ нихъ отторгается насильственно отъ своего средоточія (Религій) и объявляетъ право на независимое и исключительное господство. Въ каждой изъ странъ, нами упомянутыхъ, сказалась уже такая крайность. Въ Италіи искусство впадало въ чувственность; Франція поставила кумиромъ жизнь общественную; въ Германіи наука обоготворила себя... Смирная Россія въ древнѣйшій періодъ своемъ не принимала никакого участія въ блистательномъ развитіи запада. Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій своего бытія, начиная отъ введенія Христіанской религій, она устроивала свое внутреннее религіозное образованіе, водворила его прочно въ самой сущности жизни своего народнаго духа и приготовила тѣмъ неизбѣжную почву для всемірнаго развитія въ себѣ прочихъ стихій духа человеческого... Со времени Петра Великаго Россія вышла изъ своего далагого приготовленія ко всемірному подвигу: усвоить себѣ всѣ сокровища западнаго образованія, все то, что Наука, жизнь и искусство приготовили тамъ истиннаго, благого и прекраснаго... На древней религіозной основѣ Русской жизни принимается только то, что согласно съ ея внутренними свойствами; прочее увядаетъ и отходитъ, какъ не нужное. Въ ней наша сила, наша жизнь, залогъ нашего будущаго великаго развитія и охрана отъ всего вреднаго и опаснаго. Стоя твердо на ней, мы ничего не испугаемся и все въ себя воспримемъ».

Вотъ какъ выражался г. Шевыревъ прежде! Отъ чего же такой рѣзкий тонъ спустился потомъ на

скромный? Или любимая мысль автора — такого рода, что съ теченіемъ времени она переходитъ изъ рѣзкаго положенія въ предположеніе съ оговорками? Обыкновенная участь всего нами любимаго, но лишенаго критическихъ основъ науки! Какъ знать? пройдетъ еще два года и, можетъ-быть, почтенный авторъ откажется вовсе отъ своего предположенія, какъ онъ отказался уже отъ правописанія *этъ*, рационально сознавъ свою ошибку (стр. 116).

Ипотетическая мысль г. Шевырса о назначеніи нашего отечества, весьма-лестная для каждаго изъ насъ, но неимѣющая научной основы, происходитъ изъ его мнѣнія объ идеалѣ всемірнаго совершенства и вытекающемъ отсюда мнѣніи о стихіяхъ народной жизни и объ объемѣ исторіи словесности. Въ это мнѣніе вошли разнородные элементы, и потому наука не можетъ допустить его. Первый элементъ — народное, второй — человеческое, третій — божественное. Первые два различаются только какъ ступени, низшая и высшая, на которыхъ является духъ человѣка въ постепенномъ своемъ совершенствованіи. Для болѣе точности выраженія, слово «человѣческое» лучше бы замѣнить словомъ «всемірное», потому что народное есть такое человѣческое, но не всемірно-человѣческое (человѣчественное), для чего нужно особенное, высшее развитіе духа. Божественное же — въ томъ смыслѣ, въ какомъ принимаетъ его авторъ — отличается отъ двухъ стихій своею сущностью. Человѣческое подлежитъ измѣненіямъ; божественное неизмѣнно. Человѣческому назначено непрерывно совершенствоваться; божественное совершенствоваться не можетъ: оно исполнено совершенно. Человѣческое развивается; божественное должно быть хранимо, какъ всегда-сущее, никогда-непреходящее. Какимъ же образомъ мы соединимъ ихъ при воззрѣніи на литературу? Въдѣ литературы есть выраженіе духа въ словѣ. Народъ создаетъ словесныя произведенія,

увлекаемый сперва инстинктуальнымъ даромъ творчества, естественнымъ побужденіемъ высказать внутренний міръ свой: вотъ литература *народная*, ищущая иѣстный интересъ, иѣстное значеніе. Потомъ творить онъ въ слѣдствіе самопознанія, раскрывая въ своемъ словѣ явленія разумной жизни, — жизни цѣлаго человѣчества: вотъ литература *человѣческая* въ высшемъ смыслѣ, ищущая интересъ всемірный, значеніе историческое. Въ той и другой литературѣ, безъ сомнѣнія, есть и божественное: ибо духъ человѣка созданъ по образу и по подобию Божію; но только это божественное далеко отъ того, о которомъ говорить г. Шевыревъ въ своей книгѣ. Это божественное, нашимъ крайнимъ разумѣніемъ представляемое, дѣйствительно таково, что человѣкъ, совершенствуясь божественнѣе, идетъ къ *обоженію своего естества*. Г. Шевыревъ замѣчаетъ, что эта мысль часто встрѣчается въ нашихъ древнихъ книгахъ, и приводитъ слѣдующія слова изъ одного духовнаго сочиненія: «Бывшій совѣтъ Божій о *обоженіи* *человѣческаго естества* во вѣкъ пребываетъ» (стр. 11). Ничего иѣтъ удивительнаго. Эта же мысль встрѣчается, вѣроятно, у многихъ христіанскихъ писателей, нашихъ и не нашихъ; какъ основанная на изреченіи Іоанна Богослова въ первомъ его Соборномъ Посланіи, гл. III, стр. 2: «Возлюбленные, мы уже дѣти Божіи; но еще не открылось, что мы будемъ». «Знаешь только, что когда откроется, — будемъ подобны Ему.»

И такъ, повторяемъ: мысль г. Шевырева не можетъ быть допущена въ науку; хотя она иѣтъ право занять почетное мѣсто въ другихъ сферахъ. Отъ смѣшенія разнородныхъ элементовъ въ ея составѣ, она рушится въ самомъ основаніи своемъ. Ошибочной ея постройкой объясняются тѣ несовѣстимые съ понятіемъ науки предметы, которые вошли въ книгу г. Шевырева. Первый предметъ касается содержанія науки, второй — доказательствъ, употребленныхъ авторомъ. Содержаніе

книги раздвоилось: одна часть относится къ исторіи русской словесности, другая къ богословію. Чрезъ это нарушилось единство изслѣдованій. Доказательства, употребляемые авторомъ, также двоякаго рода: одни состоятъ въ верховномъ авторитетѣ, необходимомъ для матеріала теологическаго; другіе принадлежатъ къ обыкновеннымъ аргументамъ логическимъ и дѣйствуютъ, какъ видно, тамъ, гдѣ авторъ изъ непогрѣшимаго догмата не выходитъ въ спорное дѣло науки.

Въ гипотезу г. Шевырева вошло иѣ-которую частію и вліяніе германской науки, на которую мы первые же готовы вооружиться отъ имени нравственности. Когда психологія разсортитровала стихіи нашего духа, тогда исторія обозначила соотвѣтствующія имъ явленія человѣческой жизни. На долю Франціи выпала жизнь общественная и политическая, Италія присвоила себѣ искусство, Германія развила преимущественно науку. Что же осталось исторіку русской словесности взять для своего отечества? Одно изъ двухъ: или все, или ничего. Г. Шевыревъ выбралъ первое, и, чтобы положить особенный отпечатокъ на всѣ три стороны народной жизни, подчинилъ ихъ четвертой стихіи, неизвѣстной, видно, въ чужихъ краяхъ. Вотъ какъ зачалась и родилась мысль о блистательной участи, насъ ожидающей! Еще разъ благодаримъ автора! но радость наша тогда только будетъ совершенна и разумна, когда эта мысль докажется путемъ науки, удовлетворительнымъ для ума образомъ. Съ гипотезой должны согласоваться всѣ явленія, для которыхъ она придумана; а такъ-какъ г. Шевыревъ обнимаетъ своею гипотезой всю судьбу нашего отечества, то всѣ событія русской жизни, прошедшія и будущія, должны подходить подъ эту гипотезу. Будущее извѣстно одному Богу, и потому молчимъ о немъ; а прошедшее... прошедшее или во многомъ намъ неизвѣстно, или въ извѣстномъ противорѣчитъ иногда блистательной гипотезѣ. Такъ

дѣлѣнія собора, созваннаго митрополитомъ Кирилломъ въ XIII вѣкѣ, посланія Іоанна Грознаго, нѣкоторыя статьи Стоглава... показываютъ намъ, что четвертая стихія г. Шевырева не всегда находилась у насъ въ надлежащей чистотѣ. По-крайней-мѣрѣ, состояніе исторической науки относительно этого пункта таково, что она не смѣетъ пока допустить рѣшительныхъ выводовъ, слѣдовательно, и принять выводъ г. Шевырева, поставлющій четвертую стихію отличительною принадлежностью нашей жизни и словесности. Потомъ желали бы мы, чтобъ авторъ выникъ хорошенъко въ наши пословицы. Пословицы... вѣдь это мудрость народа, который всѣ явленія своей жизни приводитъ къ общимъ положеніямъ, кратко и сильно выраженнымъ. Пусть, на-примѣръ, авторъ намъ скажетъ, что значить извѣстная всему русскому народу поговорка: «громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится»! Наконецъ безпристрастнаго сужденія автора ожидаютъ народные анекдоты о разныхъ сословіяхъ... необходимый и важный матеріалъ для общихъ соображеній. До-сихъ-поръ еще не видимъ ни одного сборника этихъ анекдотовъ, можетъ-быть потому, что они не принадлежатъ печати по своему сатирическому и соблазнительному кощунству, вѣрному природѣ изображаемыхъ предметовъ, но противному четвертой стихіи...

Мы не все еще кончили съ ипотекой г. Шевырева. Есть въ ней одна сторона, на которую слѣдуетъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Это — противорѣчіе между величіемъ, торжественно объявляемымъ нашему отечеству, и между величіемъ истинно-христіанскимъ. Награда за то, что, по нашему убѣжденію, составляетъ величайшее благо, должна состоять въ этомъ благѣ, не въ другомъ чемъ-нибудь. Такъ глубоко-добродѣтельный вообще удовлетворяется вполне чувствомъ добродѣтельнаго житія своего: это чувство служить ему побужденіемъ и цѣлью, ацѣлой и омегой его дѣйствій. Такъ

равно и каждая добродѣтель въ чистотѣ находитъ обильную пищу внутри себя, отвергая вознагражденія, противоположныя своей сущности: искренно-смиранный, непритворно-безкорыстный оскорбится до глубины души, если перваго поставить выше его братій, второму за безкорыстіе дать корысть. Г. Шевыревъ нѣкоторыми мѣстами своихъ лекцій думаетъ иначе. На стр. 11 читаемъ, что во всемірномъ составленіи народовъ тотъ народъ станетъ выше другихъ, кто болѣе способенъ другимъ сочувствовать и въ себя принимать всемірное, очищая его въ божественномъ.. Та же мысль на стр. 12: тотъ народъ только можетъ явиться со временемъ *сосудомъ всеобщаго примиренія*, кто возраститъ въ себѣ до конца сѣмя Христова.. Страница 41 положительно говоритъ, что исторія и характеръ науки должны быть у насъ иные, нежели на западѣ. Сюда же принадлежитъ патетическая мысль, заключающая первую лекцію: «Конечно, прійдетъ то время, и можетъ быть оно близко, когда эти глаголы жизни (*звуки древней жизни, затасанные въ кремлевскихъ камняхъ*) проснутся и обнимутъ невидимую сѣтью любви начала всѣхъ насъ, не смотря на развлеченіе мнѣній, а потому *выбѣстѣ* съ нами и всѣ народы міра» (стр. 44). Но мы были бы принуждены въспестричь нашу статью выписками, еслибъ захотѣли указать всѣ тѣ строки, въ которыхъ съ одной стороны, говорится о скромной нашей словесности, о смиренной жизни нашей, о любви и примиреніи, а съ другой о превознесеніи насъ надъ всѣми другими народами, о томъ, что у насъ исторія и характеръ науки должны быть иные, нежели въ другихъ образованныхъ странахъ, что мы, сосудъ болѣе вѣстительный и широкій, чѣмъ прочіе сосуды, то-есть народы. Все это, можетъ-быть, и хорошо, но только вовсе не послѣдовательно. Кто не видитъ, что за этими смирненіемъ, какъ начальнымъ и временнымъ дѣломъ, стоитъ дѣло гладкое, конечная цѣль — возвышеніе? Да то

время, какъ новая наука открываетъ единство законовъ во всемъ сотворенномъ, подводя даже уродовъ подъ общій планъ, и тѣмъ выказывая Единого Премудраго Зажидителя, наша исторія словесности добровольно становится въ особенное положеніе, очерчиваетъ себя какимъ-то волшебнымъ заповѣднымъ кругомъ. Зачѣмъ намъ эти исключительныя положенія? Скажите, что они прибавятъ намъ? чего они лишатъ насъ? Исключенія любятъ только люди гордые или перазумные: не будемъ горды, но будемъ разумны. Вся бѣда происходитъ отъ того, что немногіе возвышаются до понятія объ истинной любви, объ истинной добродѣтели, объ истинномъ смиреніи. Къ счастью людей и къ великому несчастію эгоистическихъ добродѣтелей, народъ гораздо-умнѣ всякаго эгоистическаго добродѣтельнаго человѣка: принимая бѣдныхъ подъ надежное обезпеченіе, онъ избавляетъ добродѣтеля этого человѣка отъ труда протягивать руку помощи и тѣмъ выказывать свою филантропическую тенденцію. А человѣчество еще умнѣ народа: оно приглашаетъ всѣ народы не запариться въ исключительныя положенія, не становиться *выше* или *ниже*, а дружно, общими силами идти впередъ въ непрерывномъ развитіи всего человѣческаго.

Когда заключенія вытекаютъ самособою изъ сущности дѣла, вѣрно-показуемаго, тогда нѣтъ возможности, при правильномъ мышленіи, видѣть въ нихъ другую сущность. Но если мы позволяемъ себѣ приставлять факты къ заранее-составленному заключенію... они легко пригодятся намъ и въ пользу другихъ, противоположныхъ выводовъ. Г. Шевыревъ говоритъ, что «Поученіе Владиміра Мономаха», кратко, но сильно, изображаетъ намъ наше древнее христіанское воспитаніе, въ которомъ таилось начало духовной силы, до-сихъ-поръ еще не совсѣмъ въ насъ развитое, и предлагаетъ первую значительную исповѣдь нашихъ коренныхъ недостатковъ (стр. 23). Онъ на-

зываетъ Максима Грека великодушною жертвою смугъ того времени, которую признали церковь и народъ (стр. 28), а въ перепискѣ Грознаго съ Курбскимъ видитъ, необыкновенный въ другихъ литературахъ, словесный поединокъ между царемъ и подданнымъ (стр. 29). Теперь представьте на мѣстѣ автора какого-нибудь западнаго недобросовѣстнаго писателя, который взомелъ бы на каѳедру съ явнымъ намѣреніемъ возвысить свою словесность на счетъ униженія другихъ: что сдѣлалъ бы онъ съ этими же самыми фактами? Въ Поученія Владиміра Мономаха онъ прицѣпился бы къ значительной исповѣди нашихъ коренныхъ недостатковъ и черною кистью нарисовалъ бы несправедливую картину народнаго характера. Въ исторіи Максима Грека онъ заключилъ бы великодушную жертву смутами того времени и, пожалуй, воспользовавшись происхожденіемъ Максима, отнял бы у нашей словесности достоинство считать его своимъ писателемъ. А необыкновенный поединокъ между Грознымъ и Курбскимъ онъ лукаво обратилъ бы въ похвалу тѣмъ странамъ, гдѣ не случалось подобныхъ поединковъ: онъ замѣтилъ бы, что во все необыкновенное хорошо, что другаго, обыкновеннаго поединка и быть не могло, что эта знаменитая переписка есть плодъ губительной мнѣтны съ одной стороны и грозныхъ дѣяній съ другой. Безъ-сомнѣнія, такіе выводы крайне произвольны и явно несправедливы—отъ-чего? Отъ-того, что они взяты извнѣ и приставлены къ готовому уже мнѣнію, какъ его слабыя подпорки.

Ровность въ сужденіяхъ много значить. У логики нѣтъ правой и лѣвой стороны, которыми по надобности пользовались древніе ораторы въ своихъ похвалахъ или порицаніяхъ. Перемѣнами дирекцій трудно произвестъ прочное впечатлѣніе. Г. Шевыревъ справедливо вооружается противъ тѣхъ мыслителей, которые слишкомъ заботливо безпокоятся объ исторіи народовъ, особенно нашего, и желали бы

своею самобытною мыслью дать ему иное шествіе, а не то, которое принялъ онъ самъ, разумеется, согласно съ волею Провидѣнія (стр. 36), — и между тѣмъ, самъ же г. Шевыревъ подражаетъ этимъ мыслителямъ, когда онъ переходитъ въ исторію запада и выражаетъ свое неудовольствіе на многое, что тамъ дѣлалось всеконечно съ воли Провидѣнія, безъ которой не спадаетъ и волосъ съ головы человѣка. Ужь если считать хорошимъ все бывшее и существующее въ жизни человѣчества, то каждое дѣло исторіи найдетъ себѣ достаточное оправданіе; и если глубокой общій смыслъ русскаго народа понималъ, что *видно нельзя было*, заправляя сущность своей жизни, въ одно и то же время заниматься одинаково дѣломъ Божиимъ и дѣломъ человѣческимъ, а слѣдовало для перваго покинуть на время послѣднее (стр. 38), то, разумеется, глубокой общій смыслъ и другихъ народовъ понималъ также хорошо, что *видно нельзя было*.

Заключая объ отношеніи нашего языка къ индо-европейскимъ, г. Шевыревъ говоритъ, что языкъ русскій есть языкъ народа, стоящаго въ ряду двигателей человѣческаго образованія; что онъ до-сихъ-поръ сохранилъ на себѣ живые слѣды первобытнаго общенія съ своими сочленами, какъ бы въ залогъ того, что народъ, имъ говорящій, можетъ воспринять въ себя плоды образованія, приготовленнаго предшественниками; что онъ имѣетъ право указывать на свое полногласіе, на богатство своихъ звуковъ, на свои твердыя гласныя, которыхъ не можетъ произнести никакой иной европейскій словесный органъ, кромя нашего и польскаго, и которыми родственныя звуки только восточныхъ народовъ; что онъ призванъ своими звуками сочувствовать языкамъ всего міра и, *можетъ быть*, связать Европу съ Азіею (стр. 66 и 92). Въ это заключеніе внесено многое, чего не допускаетъ логика послѣ анализа достоинствъ языка нашего — досто-

нствъ несоизвѣнно-высокихъ. Слова *какъ бы и можетъ быть*, совершенно лишнія въ наукѣ, раздвигаютъ предположеніе до непопозволенныхъ предѣловъ: нѣтъ связи между имъ и свойствами нашего языка. Принять плоды образованія, приготовленнаго другими народами, можно и безъ слѣдовъ первобытнаго общенія съ ними по языку; и наоборотъ: можно и не принять этихъ плодовъ, при ясныхъ слѣдахъ звуковаго общенія. Развѣ народы созданы не для образованія? Языкъ есть матеріалъ для словесности, но не словесность: не должно (хотя бы то и было нужно) ихъ смѣшивать, видѣть въ одномъ другое. Словесность бываетъ бѣдною при всемъ богатствѣ основныхъ стихій языка: значеніе послѣдняго можетъ быть очень-значительно, но всемірное значеніе народа имъ говорящаго и словесности на немъ написанной, имѣетъ возможность быть незначительнымъ. Изъ того, что у насъ есть твердыя гласныя, которыхъ не въ состояніи произнести никакой европейскій словесный органъ, и которыми родственныя звуки только восточныхъ народовъ, вытекаетъ непосредственное слѣдствіе, что стихіи языка нашего очень-богаты своимъ разнообразіемъ; но слѣдуетъ ли изъ этого, что языкъ нашъ свяжетъ Европу съ Азіею? Если это и будетъ, то не послужитъ оправданіемъ антилогическому предположенію, сдѣланному за столѣтіе или за нѣсколько столѣтій впередъ. Въ греческой азбукѣ всего-на-все двадцать-четыре буквы: заключать ли отсюда о бѣдности греческой литературы? У восточныхъ народовъ есть такіе звуки, которыхъ не въ состояніи произнести ни одно европейское горло: заключать ли отсюда, что словесность восточныхъ народовъ богаче европейской вообще, англійской, германской и французской въ особенности?... Притомъ же, исторія словесности, какъ исторія, рассказываетъ только прошедшее, дѣйствительно бывшее: не ей дѣло заниматься событіями будущими, сдѣланными возможными; еще больше при-

лично ей строить слѣдствія логически-невозможныя.

Этого мало. Поэтическіе выводы г. Шевырева возносятся еще выше. Вотъ какъ онъ выражается въ своей созерцательной фантазіи: «Нашъ языкъ, вмѣстѣ съ другими, ему родными нарѣчіями, владѣетъ особенно способностію откликаться своими звуками на звуки всѣхъ языковъ міра. Мы любимъ счастію родствомъ языка съ далекимъ народомъ, какъ любимъ счастію роднею въ нашемъ семейномъ обычаѣ. Это происходитъ, можетъ-быть, у нѣкоторыхъ изъ ограниченного желанія все вывести изъ тѣснаго круга своей народности; но за то у другихъ, и конечно у большей части, изъ глубокаго сочувствія со всѣми племенами міра, изъ той плодотворной мысли, что всѣ народы вмѣстѣ съ нами составляютъ одну великую семью, всѣ братья и дѣти одного Отца, всѣ дѣлатели на одной и той же родинѣ—землѣ, призванные когда-нибудь соединиться въ одну Любовь вселенскую. Не для того ли нашему языку удалено отъ Бога такое сокровище разнообразныхъ звуковъ?» (стр. 68). Что сказать на это? Одно изъ двухъ: можетъ-быть для того; можетъ-быть и не для того. Кто провинивъ въ намѣренія Провидѣнія? Если народы соединятся когда-нибудь въ одну любовь вселенскую, то логика и тогда сохранитъ свое значеніе: она не позволитъ заключить, что желанное соединеніе произошло отъ *сокровища разнообразныхъ звуковъ*. Равнымъ образомъ, если не будетъ этого, то никто не осмѣлится, подъ опасеніемъ упрека въ отсутствіи логики, заключить, что соединеніе не имѣло мѣста отъ недостатка какихъ-нибудь звуковъ, нужныхъ для созданія вселенской любви, въ которой требуется поменьше исключительнаго славянства, побольше вселенной. Трудно видѣть слѣдствія, когда идетъ дѣло объ особенныхъ путяхъ міра; но столько же трудно связать слѣдствія г. Шевырева съ тѣми началами, которыя онъ полагаетъ. Всѣ эти разглагольствія

о намѣреніяхъ Божіихъ, никому неизвѣстныхъ, становятся суетловіемъ, когда мы повѣряемъ ихъ на событіяхъ. Богъ далъ намъ извѣстные способы дѣйствованія: пусть историкъ описываетъ и дѣйствія произведенныя, и дѣятелей производящихъ, описываетъ то, что представляетъ ему природа и исторія, не касаясь догадокъ, иногда правдоподобныхъ, иногда невѣроятныхъ. Основа системы—факты и ихъ истинное значеніе. Иначе система выйдетъ *изобрѣтенная*, а не *раціональная*. Конечно, органы, данныя намъ природой, имѣютъ определенное употребленіе: покажите намъ его, откройте такъ называемую въ естественныхъ наукахъ *конечную цѣль*. Но зачѣмъ уноситься праздною фантазіей въ цѣли отдаленныя, неизмѣющія отношенія къ способамъ достиженія цѣли? Видѣть въ словѣ органъ выраженія мыслей—весьма-естественно; видѣть въ немъ залогъ возможности принять плоды образованія, приготовленнаго другими народами, связать Европу съ Азіей—воля ваша, очень-странны и логически-непонятно!

Не больше логическаго достоинства и въ заключеніи о племенномъ отношеніи нашего языка къ славянскимъ нарѣчіямъ. Злѣе онъ сохранилъ свой срединный характеръ, и *можетъ-быть*, признанъ Провидѣніемъ на то, чтобы служить точкою примиренія для своихъ расторгенныхъ братьевъ (стр. 82). Опять мы не знаемъ, что сказать на это. Конечно, надобно же кому-нибудь стоять въ серединѣ, и всеконечно никто не смѣетъ вооружаться противъ *можетъ-быть*, если эти два слова касаются тайныхъ путей и цѣлей Провидѣнія. Пожалуй: *можетъ-быть*; но, если вамъ угодно, *можетъ-быть*, и *не можетъ-быть*. Когда же дѣло идетъ о наукѣ, о логическихъ выводахъ, тогда мы обязаны замѣтить, что отъ *можетъ-быть* Россія и русская словесность выиграла столько же, сколько выиграла книга г. Шевырева. Авторъ часто позволяетъ себѣ догадочныя положенія, рѣшительно безполезныя. Не можетъ служить имъ оправданіемъ и то, если они

основаны на строгомъ изученіи фактовъ (стр. 216): въ догадочномъ нѣтъ строгой науки; да притомъ же легко вывести неправильныя положенія изъ основательно-разсмотрѣннаго.

Таково особенно слѣдствіе, выраженное на стр. 148: «Чудно совпадаютъ въ исторіи эти три событія. Въ то самое время, какъ переводится на словенскій языкъ священное писаніе, и западный расколъ въ основномъ догматѣ церкви совершился, въ тѣ же самые годы, тотъ народъ образуется въ государство, которому назначено хранить святыню истинной церкви въ живомъ, разумно-понятномъ, общемъ словѣ своего племени, а не въ мертвой буквѣ отжившаго язычества. Такія событія совпадаютъ въ исторіи не даромъ: перстъ Божій являетъ на нихъ для желающаго видѣть. Здѣсь обозначается уже будущее назначеніе нашего отечества». Открывается изъ этихъ словъ, что авторъ не только находитъ чуднымъ совпаденіе трехъ событій, но и явно видитъ на немъ перстъ Божій, потому что *желаетъ* видѣть. Но кто же, въ дѣлѣ науки, ставитъ во что-нибудь желанія! Наука есть система истинныхъ познаній; она требуетъ, чтобы заключенія необходимо вытекали изъ посылокъ, чтобы существовала логическая связь между предъидущимъ и послѣдующимъ. Все же гадательное, мистическое, визионерное выбрасываетъ она изъ своихъ нѣдръ, какъ противное дѣйствительному бытію или законамъ мышленія. Разобьемъ силлогизмъ автора на составныя части. Посылками служатъ три событія: переводъ на славянскій языкъ священнаго писанія, западный расколъ, и образованіе народа въ государство. Авторъ заключаетъ отсюда, что этому народу назначено хранить святыню истинной церкви въ живомъ, разумно-понятномъ, общемъ словѣ племени!! Конечно, вы всего меньше ожидали подобнаго вывода. Едва-ли вы его и предвидѣли, при всемъ *желаніи* видѣть. По крайней-мѣрѣ, въ современ-

ной логикѣ нѣтъ такого прибора, которымъ бы можно объяснить процессъ умозаключенія, составленнаго авторомъ. Оправдываетъ ихъ, и автора и умозаключеніе, развѣ логика будущая, которая займется не дѣйствительными отношеніями предметовъ, а причудливыми ихъ сочетаніями, что въ наше время предоставлено заблуждающейся фантазіи. Для того много прихотливо-чудотворной силы, кто знаменія предметовъ ищетъ въ случайныхъ отношеніяхъ пространства и времени, тогда какъ надлежало бы искать его въ существенномъ ихъ значеніи; кто сблизаетъ ихъ не по родовому или видовому ихъ сходству, вложенному на нихъ творческой рукой природы, а по внѣшнимъ обстоятельствамъ, нѣбущимъ малое вліяніе на жизнь вещей и лицъ. При такомъ направленіи мысли, каждый шагъ ея есть заблужденіе, иногда вредное, иногда просто смѣшное, въ родѣ астрологическаго. Мы знаемъ еще одинъ примѣръ подобной ошибки. Г. Иванчинъ-Писаревъ, въ похвальномъ словѣ Карамзину, сказалъ, что Карамзинъ родился въ 1766 году — въ годъ смерти Ломоносова. Г. Шевыревъ призналъ такое совпаденіе событій чуднымъ и увидѣлъ въ немъ особенное знаменіе — именно то, что дѣло, назатое Ломоносовымъ, первымъ преобразователемъ русскаго языка, назначено продолжить Карамзину, второму преобразователю. Раза два замѣчаетъ онъ это небезъ удовольствія въ «Москвитиннѣ». Теперь г. Погодинъ открылъ, что Карамзинъ родился въ 1766 году (Москвитиннѣ, 1846, № 3)... Что жъ намъ дѣлать съ объясненіемъ г. Шевырева? Куда дѣвать чудное совпаденіе смерти одного съ рожденіемъ другого? Какъ жаль, что г. Иванчинъ-Писаревъ ошибся!.. Но намъ кажется, вся вина падаетъ на неправильное заключеніе. Ошибки быть не могло бы, если бъ г. Шевыревъ составилъ такой силлогизмъ: Карамзинъ родился въ годъ смерти Ломоносова; слѣдовательно, Карамзинъ моложе Ломоносова. Впрочемъ позволялось заключить и

такъ: слѣдовательно, Ломоносовъ стар-
ше Карамзина.

Рассказавъ преданіе о томъ, какъ ви-
тази перевелись на Русь, авторъ при-
бавляетъ: «Поэзія народа въ прошед-
шемъ пророчить и грядущее: такъ и
въ этомъ преданіи о минувшемъ Рус-
скій народъ сознаётъ свое будущее
духовное назначеніе, сознаётъ, что
сила духа должна будетъ въ немъ по-
бѣдить всякую силу тѣлесную» (стр.
203). Опять здѣсь пророчество можетъ
быть вѣрное; но силлогизмъ неправи-
ленъ: отсюда видно, что въ преданіи
русскій народъ *сознаётъ* свое будущее
духовное назначеніе? Если и допу-
стимъ (хотя мы тоже останемся при
догадкѣ), что этимъ преданіемъ народъ
объяснилъ себѣ, какъ, въ древней его
жизни, сила тѣлесная, олицетворяемая
въ витязяхъ, побѣдилъ азіатскія орды,
уступила мѣсто силѣ духовной, кото-
рая мало-по-малу простерлась во всѣ
концы земли русской (стр. 203), — то
какъ выйдетъ отсюда, что въ этомъ
преданіи народъ *сознаётъ* свое будущее
духовное назначеніе? Сознаніе это взято
извнѣ; въ преданіи нѣтъ его; оно на-
вязано народу своевольною мыслию ав-
тора. Повторяемъ, силлогизмъ невѣ-
ренъ; но пророчество дѣйствительно
обудется по многимъ причинамъ: во-
первыхъ, потому-что дѣло иначе и
быть не можетъ... объ остальныхъ при-
чинахъ можемъ умолчать. Постепенное
совершенствованіе наше идетъ въ слѣ-
дующемъ порядкѣ: сначала развитіе
физическихъ силъ, потомъ развитіе
силъ духовныхъ. Таковъ законъ при-
роды, одинаковый для человѣка и на-
родовъ. Не мы одни, каждый народъ
назначенъ къ духовному развитію. И
такъ, въ настоящемъ случаѣ пророче-
ство поэзіи было бы безошибочно, ес-
либъ оно было. Ошибка можетъ заклю-
чаться только въ смыслѣ духовнаго на-
значенія: что разумѣетъ подъ нимъ ав-
торъ? Если то же самое, что фантазія
нѣкоторыхъ поэтовъ, то мы имѣемъ
право назвать выводъ автора стихо-
твореніемъ г. Хомякова, переложен-
нымъ въ прозу.

Въ пятой лекціи, поражаютъ автора
сословія витязей. Витязи, соединившіе-
ся около князя Владимира, принадле-
жатъ всѣмъ сословіямъ: Илья Муро-
мецъ — сынъ крестьянина, Иванъ-го-
стовичъ-сынъ — изъ купчества, Алеша
Поповичъ — изъ духовенства, другіе —
боярскаго и княжескаго рода. На осно-
ваніи этого, г. Шевыревъ говоритъ:
«видно, что всѣ сословія имѣютъ въ ви-
тизяхъ своихъ представителей; ни од-
но не исключено; ни одному нѣтъ
преимущественнаго права на бога-
тырство; всѣ равно служатъ князю и
народу» (стр. 216 — 217). Мудреное
объясненіе, объясняемое гораздо-про-
ще! Нѣтъ ни малѣйшаго повода при-
бѣгать къ особенному знаменованію,
котораго здѣсь нѣтъ: ларчикъ откры-
вается безъ механики. Вотъ какъ слѣ-
довало разсуждать: для богатырства
необходима особенная тѣлесная сила,
а съ особенной тѣлесной силой могутъ
урождаться люди всѣхъ сословій; въ
этомъ отношеніи нѣтъ исключитель-
ныхъ привилегій: слѣдовательно... до-
кончите сами заключеніе. Прибѣгать
къ чудесамъ, въ смыслѣ языческихъ,
совершенно-бесполезное дѣло для ис-
торика: въ исторіи есть свое высокое
чудесное, гораздо-чудеснѣе языческа-
го чудодѣйствія.

Не одни сословія витязей знамени-
тельны для автора: онъ удивляется
ихъ родинамъ и единству. Со всѣхъ
концовъ обширной Руси стеклись на-
ши витязи; но всѣ они потеряли уже
свой мѣстный, областной характеръ;
ни въ одномъ мы не видимъ черты его
города; всѣ они стерли признаки ро-
динъ своихъ въ великомъ единствѣ
русской земли, въ братствѣ во имя ея;
всѣ они братья названные, свѣторусскіе
могучіе богатыри (стр. 217). Но, во-
первыхъ, самъ авторъ прибавляетъ, что
отъ этихъ витязей отличаются своимъ
особеннымъ характеромъ *разъ* (!?) од-
ни Новгородцы (Василій Буслаевъ,
Садко); во-вторыхъ, богатырская служ-
ба, какъ и всякая служба, кладетъ пе-
чатъ единства на служащихъ, стираетъ
признаки ихъ родинъ: посмотрите на

Солдаты, на чиновническій классъ, на сословіе ученыхъ; въ-третьихъ, поэзія, охватывая извѣстными предметомъ и представляя его съ извѣстной стороны, умалчиваетъ о прочихъ сторонахъ: опредѣленная повѣстическая цѣль отъсчитываетъ различія и выставляетъ единство, ей нужное. Что изображается въ богатырскихъ пѣсняхъ? Могуцество, тѣлесная сила, которая выказывается подвигами во славу вѣры и отечества. Зачѣмъ же станеть поэзія заботиться о истинномъ характерѣ богатыря, когда ей нужно воспѣть только его богатырство, да любовь къ отчизнѣ и вѣрѣ? Удивительнаго, таинственнаго, чудеснаго нѣтъ здѣсь такъ же, какъ не было его выше, какъ и не должно быть ему въ наукѣ. Для того вездѣ чудо, кто любить чудесное. Заданная тема незамѣтно увлекаетъ умы: вѣдь Мицкевичъ, увлекшись славяноманіей, пронавелъ же Оракию отъ драки...

Здѣсь мы простимся съ лекціями г. Шевырева до слѣдующихъ выпусковъ, о которыхъ, разумеется, будемъ говорить уже въ меньшемъ объемѣ.

Какихъ же заключеніемъ покоячимъ разборъ нашъ перваго выпуска «Исторіи Русской Словесности»? Мы не были въ Москвѣ на публичныхъ лекціяхъ г. Шевырева, и потому не знаемъ ничего о впечатлѣніи, произведенномъ ими на слушателей. Но теперь, когда устное изложеніе предано печати и

стало собственностью науки; когда для него наступило время иной, болѣе-обширной и менѣе-лицемерной публички, не скованной временными обаяніемъ, — теперь мы откровенно говоримъ: эти лекціи не могутъ ожидать глубокаго сочувствія. Производить усилія прочныя, водворять мысль въ обществѣ, дѣлать его способно только живое и здоровое, а жизнь и здоровье науки въ ея истинѣ. Умное общество наше безъ страха пойдетъ за ней, бросая общестительныя предположенія, какъ поддержку на благородномъ пути улучшеній. Оно уважаетъ и должно уважать себя: оно, выражаясь словами Карамзина, скорѣй займется истинной, хотя и печальной, чѣмъ приметь ложь, хотя и пріятную. Народъ не собраніе дѣтей, которыхъ безразсудные воспитатели награждаютъ за любовь къ добродѣтели фунтомъ конфетъ, или за кратковременное прилежаніе долговременною правдою. А пустыя догадки, сказанныя для риторическихъ прикрасъ, темныя проприціи, ни изъ чему не ведущія, своевольные выводы, ни откуда неслѣдующіе — то же, что правдою и конфетками. Надгробныя слова, быть-можетъ, требуютъ во что бы ни стало похвалы, по старому обыченію говорить о мертвыхъ aut bene aut nihil. Но мы, слава Богу, живы и здоровы: объ насъ aut vere aut nihil!

О ПРЕПОДАВАНІИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА. Сочиненіе
Федора Буслаева, старшаго учителя 3-ей Московской, Реальной
Гимназіи. Дѣль части. Москва. 1844.

Мы много виноваты передъ этой книгой, замедливъ написаніе о ней отчетомъ; но я книга виновата передъ публикой — важностью своего содержанія, не позволяющаго говорить о ней слегка, какъ говорится о тѣхъ произведеніяхъ, которыхъ единственная извѣстность заключается въ посѣтительной эпитафіи, приготовленной для нихъ журналомъ. Два тома ея, не смотря на логическую между ними связь, на разумное отношеніе одного къ другому (какъ метода преподаванія относится къ предмету преподаваемому), могутъ разсматриваться каждый особенно, такъ что авторъ, приготовляя второе изданіе своего труда, думаетъ составить изъ него два отдѣльные сочиненія. Содержаніе каждаго тома ясно указано авторомъ въ предисловіи: «Раздѣляю сочиненіе на двѣ части: въ первой метода преподаванія, во второй — самый предметъ. Учитель долженъ не только знать свой предметъ, но и умѣть передать, что знаетъ: о знаніи во второй части, объ умѣніи въ первой. Долженъ смотрѣть на науку и глубже и дальше того, сколько сообщаетъ ученикамъ: путь къ дальнѣйшему наученію во второй части; и тѣра, сколько сообщить ученикамъ — въ первой.»

Въ первой части меньше авторской самодѣтельности, на которую и не претендуетъ добросовѣстный ав-
Т. XLVI. — Отд. V.

торъ, коротко знакомый съ тѣмъ, что слѣдвало по части учебныхъ методовъ въ Германіи, строитъ по преимуществу методическую. Предоставляя подобныя претензіи создателямъ доморощенной философіи и педагогики на развалинахъ германской или точнѣе завадной науки, онъ благородно объясняетъ цѣль свою: «Для чего говорить отъ своего имени то, что сказано уже другими? Въ дѣлѣ общенія и общественномъ, каково есть обученіе юности, оригинальнымъ быть не слѣдуетъ: потому моя цѣль единственно та, чтобы показывать современное воззрѣніе на предметъ.» Показаніе это не есть одна-кожъ простая, обыкновенная компиляція: позади чужихъ мнѣній авторъ ставитъ всегда собственную критику. — Но вторая часть сочиненія, принѣшеніе методы къ русскому языку, принадлежитъ вся автору. Она представляетъ важные матеріалы для русской грамматики и стилистики. Мы обратимъ особенное вниманіе на вторую часть, но прежде должны показать сущность первой, заключающей въ себѣ изложеніе педагогическихъ началъ.

Исходнымъ пунктомъ автора служитъ слѣдующее положеніе: «преподаваніе должно соединяться съ воспитаніемъ», другими словами: наученіе наукъ, пріобрѣтеніе свѣдѣній должно имѣть въ себѣ раскрывать всѣ нравственные силы учащагося; учитель обязанъ за-

ботиться не только об изощреніи ума, обогащеніи его многосторонними познаніями, но и о развитіи прочих душевныхъ способностей. Слова аббата Жирана, приводимыя авторомъ, ясно показываютъ, чего хотятъ тотъ и другой: «По моему глубокому убѣжденію, всякая элементарная для дѣтей книга должна быть средствомъ къ воспитанію. Если же она ограничивается только тѣмъ, чтобъ дать свѣдѣнія и развитіе умственные способности дитяти: я могу похвалить порядокъ и жизнь, вложенныя авторомъ въ его книгу, но не буду доволенъ. Мнѣ даже непріятно видѣть исключительно только учителя языка, естественной исторіи, или географіи, и проч., когда я ожидаю большаго: воспитателя дѣтей, образующаго разумъ для образованія сердца, и вносящаго свѣтъ въ души еще малы, чтобъ освѣтить ихъ благоразуміемъ и добродѣтью. Нѣтъ ни одного предмета въ обученіи юношества, который, въ рукахъ нѣсколько искусныхъ, не могъ бы служить средствомъ къ воспитанію». Переходя отъ общаго къ частному, видимъ, что и въ обученіи отечественному языку должна существовать тѣсная и гармоническая совокупность преподаванія съ воспитаніемъ; постепенное раскрытіе дара слова и законовъ его должно быть раскрытіемъ нравственныхъ силъ учащагося. Но такъ-какъ метода всякаго обученія опредѣляется, съ одной стороны, естественнымъ развитіемъ духа человѣческаго, а съ другой сущностью предмета преподаваемаго, то вопросъ о преподаваніи языка разлагается на два вопроса: что такое языковеданіе? какии-образомъ этотъ предметъ долженъ быть средствомъ къ воспитанію? Первый вопросъ рѣшается опредѣленіемъ и критикой разныхъ родовъ языковеденія, которыхъ два: филологическій и лингвистическій. Въ филологическомъ языкъ изучается не самъ-по-себѣ, а какъ средство, необходимое для знакомства съ тѣмъ, что на немъ выражается; истъ правила языка на-правляются къ произведеніямъ литера-

туры, и грамматическое изученіе служитъ критикѣ словесныхъ произведеній, полагая въ томъ свое призваніе и цѣль. Въ лингвистическомъ языкъ изучается самъ-по-себѣ, открываются въ немъ законы, наблюдается не то, что на немъ выражается, а то, что живетъ и движется въ немъ-самомъ; такое изученіе мало слѣдитъ за ходомъ и судьбою литературы и находитъ себѣ такую же пищу въ языкѣ необработанномъ, даже въ грубомъ діалектѣ, какъ и въ возвышеннѣйшихъ произведеніяхъ классическихъ. Отечественный языкъ, по существу своему, необходимо долженъ подвергаться и филологическому и лингвистическому способу изслѣдованія. Хотя лингвистическому слѣдуетъ преимуществовать, ибо намъ неизвѣстнѣ происхожденіе формъ своего языка, нежели ихъ употребленіе; однако нельзя упускать изъ вида и примѣненія законовъ отечественнаго языка къ литературнымъ памятникамъ. Сверхъ того, безошибочное и точное употребленіе отечественнаго языка на практикѣ не довольствуется однимъ врожденнымъ умѣньемъ, но руководствуется извѣстными правилами. — Но для учебника мало одной науки: нужна еще педагогическая метода, которую не надобно смѣшивать съ приемами преподаванія, зависящими или отъ произвола самого учителя, или отъ личности учениковъ. Здѣсь авторъ развиваетъ значенія методы: она, во-первыхъ, есть способъ или образъ ученія, а во-вторыхъ, имѣетъ цѣлью подчинить человѣческій духъ, какъ существо учащееся, извѣстнымъ законамъ. На этой ступени педагогическаго образованія, все вниманіе учителя съ любовью обращено на лицо учащагося; предметъ же изученія остается только средствомъ къ духовному развитію ученика. Односторонность такой методы выказывается отъ двухъ побудительныхъ причинъ: первая — дурная: совершенное равнодушіе къ наукѣ; вторая — добрая: для иныхъ педагоговъ, предметъ ученія возженъ потому только, что является средствомъ къ образо-

ванію ума. Этому мнѣнію діаметрально противоположаются заступники самостоятельности знанія въ обученіи: для нихъ всякая наука есть предметъ, постоянно пребывающій и неизмѣнный. Противорѣчіе двухъ мнѣній должно было разрѣшиться необходимымъ явленіемъ третьей степени методы: направление субъективное, ограничивающееся одною личностью учащагося, должно было расширяться и уничтожить противорѣчіе между личностью ученика и предметомъ обученія. На этой ступени, метода требуетъ совокупнаго развитія предмета изучаемаго и выслительности учащагося.

Разсматривая методу, какъ способъ преподаванія, какъ образъ ученія, авторъ исчисляетъ разные виды ея, и по вѣтшнему изложенію и по сущности дѣла указываетъ примѣненія ихъ, рекомендуетъ лучшія педагогическія сочиненія, и наконецъ сличаетъ педагогическія партіи, сводитъ, такъ сказать, на одну ставку гуманистовъ и реалистовъ. Въ этой очной ставкѣ высказаны съ обѣихъ сторонъ какъ общія начала образованія, такъ приложеніе ихъ къ изученію языка отечественнаго, и предныя послѣдствія того и другаго направленія. Высказывая, авторъ сохраняетъ нейтральное положеніе, хотя намъ любопытно было бы слышать мнѣніе умнаго человека, голось особеннаго его сочувствія къ одной изъ враждующихъ партій. Конечно, у насъ этихъ партій нѣтъ, и потому споръ ихъ, доходящій до ожесточенія, есть для насъ предметъ малопопулярный, задача туманнаго рода. Откуда это ожесточеніе, когда идетъ дѣло о преподаваніи языка? Вотъ вопросъ. Какъ онъ важенъ подобный предметъ, но онъ не могъ бы изнутри себя породить тѣ воззрѣнія, которыя объемлютъ не одно изученіе языковъ, но все образованіе, — и не одно образованіе, но всѣ пути жизни. Не могъ бы онъ также дать мѣсто криминальнымъ обвиненіямъ, на которыя пустились гуманисты, желая выиграть тяжбу. Есть, стало-быть, причина особен-

наго рода и особенно-важнаго значенія, которая кроется въ основаніяхъ болѣе глубокихъ и рѣшительно противоположныхъ. Кто принялъ одно изъ нихъ, тотъ, слѣдовательно, безъ ограниченія отвергнулъ другое. Самъ авторъ говоритъ, что реализмъ относится къ гуманизму точно такъ же, какъ въ философіи матеріализмъ къ спиритуализму, въ практическомъ быту либертинизмъ къ піетизму (стр. 28): явлено, что это — отношеніе двухъ крайнихъ противоположностей, у которыхъ различныя мнѣнія о преподаваніи языковъ суть только авалцатое дѣло главнѣйшаго дѣла — борьбы на смерть. Иначе, какъ объяснить упреки гуманистовъ реалистамъ, состоящіе въ томъ, что въ реализмѣ нѣтъ безбожія и современной безнравственности, что въ реализмѣ возмутительныя начала для быта общественнаго? (стр. 18). Правда, нѣкоторые реалисты платятъ своимъ противникамъ той же монетою, но это именно и показываетъ, что обвинители такъ же ожесточены, какъ ихъ ученія діаметрально-противоположны. — Мы думаемъ, что авторъ напрасно вычислилъ крайнія слѣдствія борьбы, которыя понимаются только чрезъ ясное изложеніе враждебныхъ основаній, и которыя рѣшительно неопознаны: когда дѣло идетъ только о преподаваніи языковъ. Основанія, ясно изложенныя, показали бы справедливость обвиненій или оправдали бы обвиняемыхъ. Доказательства, состоящіе въ недоказанныхъ обвиненіяхъ, ослабляютъ безразсудныхъ: истина заслоняется для нихъ важностью обвинительнаго пункта. Если авторъ не хотѣлъ или не могъ анализировать основанія, то, вмѣстѣ съ этимъ, онъ не долженъ бы былъ и выставлять послѣдніе ихъ результаты.

Но оставимъ обвиненія, какъ дѣло, уже выходящее изъ сферы наукъ и поступающее въ отдѣлъ судопроизводства, и посмотримъ на предметъ съ научной стороны. Въ наукѣ, непосредственный предметъ которой есть познаніе истины, прочныя, единственно-

надежные успѣхи возможны только тогда, когда умъ хочетъ знать только истину, смотритъ только на истину и стремится только къ истинѣ, не заходя въ другія сферы и не заботясь о слѣдствіяхъ, лежащихъ внѣ слѣдствій истины. Куда бы ни привело его искреннее стремленіе: къ неподвижности ль земли, къ непрерывному ль ея движенію, онъ признастъ то или другое, поступая подобно тому благодушному человѣку, который не боится жить, хотя и знаетъ, что на концѣ жизни ожидаетъ его смерть. Какъ постыдно для насъ, не внимая голосу нравственного закона, руководствоваться въ поступкахъ мнѣніемъ толпы и спрашивать: что объ этомъ скажутъ? такъ не прилично уму говорить: что изъ этого выйдетъ? тогда какъ ему слѣдуетъ только думать, выйдетъ ли изъ этого истина. Задать опредѣленную цѣль умственнымъ изслѣдованіямъ, къ которой они, по желанію нашему, должны привести насъ, когда они могли бы привести насъ къ иному, значить остановить ихъ: ибо сущность ума заключается въ непрерывномъ развитіи. На пути этого развитія стоятъ знаменія его побѣдъ, различныя или, вѣрнѣе, постепенныя представленія познаваемыхъ предметовъ; и безсмысленно тотъ поступаетъ, кто въ различіи міросозерцанія видитъ не признаніе міра. Истина должна стоять всегда на первомъ планѣ, не только въ наукахъ, которыя имѣютъ непосредственнымъ предметомъ ея пониманіе, но и въ практической жизни, и въ области искусствъ. Благородныя дѣйствія гражданина и вѣрное творчество артиста зависятъ отъ истиннаго взгляда на міръ, добываемаго и изощряемаго наукой: послѣднее даетъ тонъ, указываетъ направленіе двумъ первымъ предметамъ. Мнѣніемъ руководствуется жизнь; совершенство мнѣнія ведетъ къ совершенству жизни въ семействѣ и обществѣ. И потому повторимъ: стремленіе къ истинѣ не должно знать ничего другаго, кромѣ истины. Кто боится ея выводовъ, про-

тивоположныхъ, можетъ-быть, какому-то желанію ограниченнаго ума или общему ожиданію тупой толпы, тотъ непремѣнно прійдетъ къ обскурантизму, который есть тьма, а не къ просвѣщенію, которое есть свѣтъ. Для такого человѣка истина всегда будетъ срываться съ побочныхъ вещей: тамъ ему жалко погнуть свои застывшія мысли, уничтожаемыя новою мыслью; здѣсь новая мысль страшитъ его неожиданностью своихъ указаній. Такой человѣкъ рѣдко пойметъ истинную важность предметовъ, и въ своемъ ослѣпленіи отнесетъ ее къ предметамъ недостойнымъ; въ какой-нибудь заблѣ, на какомъ-нибудь увеселительномъ маскарадѣ онъ увидитъ примиреніе народовъ, всемірную общину, но я уверенъ, что въ примиреніи народовъ (если бы оно дѣйствительно состоялось) онъ не увидитъ — даже маскарада.

Что въ общемъ, то и въ частяхъ: законы ума одинаковы какъ для философіи, такъ и для филологіи. Не являясь въ оцѣнку двухъ враждебныхъ партій, замѣтимъ, однакожъ, что гуманизмъ, должно-быть, много понимаетъ сущность естественныхъ наукъ, когда не видитъ ни въ математикѣ, ни въ физикѣ, ни въ химіи спасенія отъ невѣрія и безбожія, если только ученіе реалистовъ виновно въ томъ и другомъ, и еслибъ только могли мы положительно знать, что разумнѣе гуманизмъ подлѣ невѣрія и безбожія. «Что спасетъ отъ безбожія и невѣрія? восклицаетъ Гинтеръ, яростный противникъ реализма. «Математика? Пифагорово ученіе не доказываетъ бытія Божія. Физика и химія? онѣ не даютъ мѣста никакой думѣ: все происходитъ практически, примитивно къ жизни» (стр. 22). Какъ много, въ этихъ немногихъ словахъ, ложного и пустаго! О какомъ невѣріи и безбожіи толкуетъ отъявленный поклонникъ латинизма? Гдѣ они, эти страшныя призраки, явившіеся въ разсвѣтѣ новымъ воображеніемъ нуглаемое ученіе? И какому учителю математики прійдетъ въ голову заниматься с

съ тѣмъ, чтобъ доказывать бытіе Божіе, въ которомъ рѣшительно никто не сомнѣвается? Но если ужъ говорить о доводахъ въ пользу бытія Божія, какъ о непрямыхъ слѣдствіяхъ науки, то, вѣроятно, математика, физика, химія и вообще естествознаніе представлять ихъ въ болѣебольшемъ количествѣ и въ болѣе-очищенномъ видѣ, нежели, на-пр., чтеніе Корнелія Непота. Конечно, Пизагоръ, восхищавшійся музыкою небесныхъ сферъ, чувствовалъ болѣе тѣхъ латинскихъ учителей, которые, тридцать лѣтъ спягая *это* и *сиклоня года*, не научились ничего любить, ничему сочувствовать, и потеряли способность не только постигать прелесть изящнаго, но даже обонять запахъ розы. Кантъ всегда возвышался душою, когда смотрѣлъ на звѣздное небо, законы котораго изслѣдуетъ астрономія. Если такіе важные предметы, какъ физика и химія, проходятся безъ всякой думы, какъ говоритъ Гинтеръ, то вина заключается не въ ихъ содержаніи, а въ способѣ ихъ прохожденія, въ образѣ изложенія. Чтѣ же касается до приложенія наукъ къ жизни, то это величайшее достоинство: иначе науки и не должны проходиться; все для жизни и ничего внѣ жизни,—понимая это слово въ высшемъ, обширномъ и единственно-вѣрномъ его значеніи, и не разумѣя подъ нимъ однихъ стакановъ и ложекъ, пироговъ и хлѣбовъ. Гуманисты напрасно хлопочутъ о вѣжливости, что они понимаютъ подъ этимъ: причудливыя произведенія своей мечтательности, фантастическую ветоть, которою человекъ хочетъ прикрыть свою дѣйствительную бѣдность.

Обращаясь къ прямому своему предмету, изученію языка отечественнаго, г. Вуслаевъ говоритъ прежде о грамматикѣ, а потомъ о риторикѣ и піитикѣ. Въ грамматикѣ, онъ начинаетъ отрицаніемъ крайностей въ ученіи реалистовъ и гуманистовъ, оканчиваетъ положеніемъ истинной, по его мнѣнію, методы преподаванія. Какъ отрицаніе, такъ и положеніе выказываютъ въ авторѣ разумную начитанность, которая

не только принимаетъ къ свѣдѣнію прочитанное, но отвергаетъ его или измѣняетъ сообразно собственной мысли и опытности. Каждое мнѣніе разсмотрѣно въ учебномъ и учебномъ отношеніи. Въ статьѣ, названной: «Умственные упражненія и энциклопедическое ученіе», рѣшаются три вопроса: необходимо ли предпосылать логическую пропедевтику изученію грамматикѣ? полезно ли упражнять дѣтей опредѣленіемъ логическихъ категорій? Совмѣстна ли съ преподаваніемъ отечественнаго языка энциклопедія нагляднаго ученія и умственныхъ упражненій? Всѣ эти вопросы получаютъ отвѣтъ отрицательный. Если языкъ есть выраженіе мысли, то почему же не начинать съ дѣтьми прямо отъ языка, и потомъ уже переходить къ мысли? Ибо, изучая языкъ, они изучаютъ и то, что имъ выражается, т. е. мысль. Для дѣтей, логическія категоріи являются гораздо-понятнѣе въ языкѣ, въ грамматикѣ, чѣмъ въ отвлеченныхъ умствованіяхъ. Учителю долженъ въ самой грамматикѣ, въ чтеніи басни, въ разборѣ предложенія—учить дѣтей мысленію: тогда онъ сохранитъ самостоятельность своего преподаванія. Правда, нельзя девятилѣтнему ребенку растолковать, что такое имя, что такое глаголъ, когда онъ не имѣетъ понятія ни о предметѣ, ни о дѣятельности; но въ томъ-то и дѣло, что дитяти еще рано знать и глаголъ, и имя, а слѣдовательно, и что такое предметъ, что такое дѣятельность. Все дѣло вертится на вопросѣ: что дѣлать съ дѣтьми прежде, нежели начнутъ они грамматику? чѣмъ приготовить ихъ къ грамматикѣ? Дѣти и готовятся къ грамматикѣ, и начинаютъ, и продолжаютъ, и оканчиваютъ ее чтеніемъ и письмомъ. Глава изъ священнаго исторіи, или одна басня Крылова предложать, учителю и ученику, матеріала для умственного упражненія гораздо-болѣе цѣлой книги нагляднаго ученія или тому подобнаго. Слѣдовательно, не логика предшествуетъ обученію грамматикѣ, а наоборотъ: грам-

математика приготавливаетъ дѣтей къ логикѣ. Отсюда легко уже отвѣтить на второй вопросъ. Опредѣлять всякій предметъ логически, давать всему строгую систему — дѣло лишнее для дѣтей: на первый разъ довольно и того, если они сумѣютъ отличить предметъ по внѣшнимъ признакамъ, въ самомъ языкѣ содержащимся. Не въ томъ сила, чтобы дѣти знали, что такое понятіе, что сужденіе, а въ томъ, чтобы умѣли понимать и судить. Лекаръ не объясняетъ больному, что есть пищевареніе и изъ чего состоитъ предписанный рецептъ, а просто даетъ ему лекарство. Философы - учителя отечественнаго языка только опредѣляютъ и толкуютъ, а не даютъ духовной пищи своимъ ученикамъ. Дѣтямъ надобно сначала больше матеріала для ихъ памяти, больше осязательнаго. Разумнѣе не можетъ быть непосредственно цѣлю: оно есть естественное слѣдствіе развитія духовныхъ способностей учащагося. Только тогда начинается разсудокъ соединять однородное и раздѣлять различное, когда память обогатится достаточнымъ запасомъ. Тѣ же самыя отвлеченности, надъ которыми безвременно и безъ толку дитя ломаетъ голову, въ одно мгновеніе пойметъ онъ въ свое время, какъ подрастетъ: зачѣмъ же насиловать природу, а не слѣдовать ея законамъ? И почему развивать въ дѣтяхъ только одинъ умъ, оставивъ въ сторонѣ и чувство, и нравственность, и даръ слова? А умственными упражненіями, кромѣ разсудка, ничего не упражнишь. Не полнѣе ли удовлетворить всѣмъ способностямъ дитяти чтеніе автора, соразмѣрнаго его силѣмъ? Тогда учитель ограничить самостоятельно свою науку и не будетъ бросаться изъ нея во всѣ стороны, выказывая тѣмъ ея безсиліе и несостоятельность. Кромѣ формальнаго образованія, метода умственныхъ упражненій и нагляднаго ученія даетъ и матеріалъ ученію, заключая въ себѣ энциклопедію-многообразныхъ слѣдѣній, начиная отъ богословія и философіи до механики, технологіи и ре-

меслы. Безъ сомнѣнія, во всемъ этомъ очень-много занимательнаго и наставительнаго для дѣтей: но для чего же браться за все это учителю отечественнаго языка? Законоучитель, учитель математики, исторіи, имѣютъ такое же право толковать о нравственности, статистикѣ, землѣ, небѣ, задачахъ. Но преподаватели отечественнаго языка приурочиваютъ себѣ эту энциклопедію на томъ основаніи, что языкъ есть всеобщее выраженіе всякой дѣятельности человѣка. Въ такомъ случаѣ, это основаніе можно повернуть и въ другую сторону такъ-какъ и учителя катихизиса, математики, исторіи учатъ дѣтей и языку, ибо учатъ ихъ на немъ выражать свои мысли,—то или вовсе неуживо учителя отечественнаго языка, или же онъ долженъ занимать дѣтей чѣмъ-либо исключительно-принадлежащимъ его наукѣ. Итакъ, пусть, вѣсто всего этого, учитель отечественнаго языка дастъ въ руки своимъ юнымъ питомцамъ такую книгу, чтеніе которой оставить въ ихъ душѣ слѣды на всю жизнь. Мысли классическаго писателя плодотворнымъ сіменемъ лягутъ въ нѣжной душѣ ихъ, сначала еще неразвитаго. Конечно, дѣти не все поймутъ въ этихъ мысляхъ, ибо и взрослые различно понимаютъ писателя — одни больше, другіе меньше; но довольно уже и того, что они узнаютъ ихъ хотя съ одной внѣшней стороны, запечатлѣвъ ихъ своимъ дѣтскимъ сознаніемъ.

Другое дѣло у гуманистовъ: чувствуя несостоятельность отечественной грамматики, они прибѣгаютъ къ посторонней помощи. Какъ все преподаваніе сосредоточиваютъ они къ древне-классической литературѣ, такъ и ученіе отечественному языку приурочиваютъ къ грамматикѣ латинской или греческой. Ошибка подобныхъ гуманистовъ—въ томъ, что они не отличаютъ совершенно - противоположныхъ методовъ въ изученіи чужаго и своего языка. Правда, если мы возьмемъ въ руководство грамматики гг. Востокова, Греча, и др., то, конечно, лучше учиться русскому языку по латинскому, ибо

эти грамматики (не смотря на их различіе въ ученѣмъ отношеніи, которое важнѣе въ первой) составлены по методѣ грамматикъ для чужихъ языковъ: начинаются опредѣленіемъ частей рѣчи, склоненіями и спряженіями, съ ненужными для дѣтей подробностями, и потомъ уже предагаютъ синтаксисъ. Многіе педагогиче- наши до сихъ поръ все хлопочутъ о спряженіяхъ и склоненіяхъ, не догадываясь, что Русскіе безъ правилъ умѣютъ правильно и склонять и спрягать. Г. Половцевъ частію примѣнилъ преподаваніе *русскаго* языка къ требованію *русскихъ* учениковъ; но онъ не достигъ своей цѣли, предпоставивъ этимологию синтаксису, и не связавъ синтаксическимъ разборомъ всѣхъ частей рѣчи въ одно цѣлое. Въ ошибку другаго рода впалъ Вурстъ. Хотя, слѣдуя Беккеру, имѣетъ онъ надлежащее понятіе объ отношеніи этимологіи къ синтаксису, однако въ своемъ руководствѣ принимаетъ методу латинскихъ и греческихъ грамматикъ для изученія правилъ отечественнаго языка: передъ каждымъ правиломъ примѣры, а за правиломъ задачи для упражненія въ немъ. Всякъ видитъ, что все вниманіе Вурста обращено на правило, какъ средоточіе и примѣровъ и упражненій; а въ этомъ-то и ошибка, ибо правила въ отечественной грамматикѣ стоятъ совершенно въ другомъ отношеніи къ практикѣ, нежели въ грамматикѣ иностраннаго языка. Потому, сосредоточиваясь на правилахъ, Вурстъ упустилъ изъ вида годность примѣровъ и упражненій, ибо его отрывочные примѣры вовсе не идутъ для отечественной грамматики, составляя не болѣе, какъ подмостки, лѣса, на которыхъ онъ строить правила, и которые, какъ ненужный хламъ, ученики выбрасываютъ изъ головы, какъ-скоро понято правило.

Разобравъ мнѣнія гуманистовъ и реалистовъ о преподаваніи отечественнаго языка и отвергнувъ ихъ, какъ вредныя крайности, авторъ полагаетъ самостоятельное и годное для школы

преподаваніе. Прежде всего должно обратить вниманіе на то, съ какими свѣдѣніями поступаетъ ученикъ въ школу, и какому развитію подлежитъ онъ сообразно съ природою познающего духа и съ свойствами познаваемого предмета. Узнаніе роднаго языка совершается при темномъ сознаніи, какъ-бы инстинктивнымъ подражаніемъ, и восходитъ до совершенно-быстраго разговора о приобрѣтенныхъ представленіяхъ, — разумѣется, безъ отличія отдѣльных звуковыхъ частей въ словѣ, и безъ всякаго предчувствія объ органической связи между мыслію и словомъ. Таковъ естественный путь, которымъ всякій человѣкъ узнаетъ свой родной языкъ, и отсюда извлекается первое правило для методы преподаванія: «приводи всѣ явленія языка та- кими образомъ, какъ поступаетъ сама природа, то-есть, помощію науснаго выраженія непосредственныхъ представленій, помощію разговора и чтенія». Этимъ правиломъ отдѣляется методъ преподаванія отечественнаго языка отъ методы преподаванія иностранныхъ, ибо отношеніе дитяти къ тому и другому совершенно различно. Иностраннѣе языкъ долженъ преподаваться наблюденіемъ отдѣльных звуковыхъ видоизмѣненій, путемъ рассуждающаго наблюденія; отечественный — практическими примѣрами, т. е. общеніемъ ученику понятнаго и полезнаго такими словами и формами, съ какими хочешь познакомить ученика. Первое и важнѣйшее дѣло развѣять практическую способность, состоящую въ томъ, чтобъ понимать выраженное формами рѣчи и пользоваться ими правильными образомъ, т. е. такъ, какъ говорятъ люди образованные. Такимъ ученіемъ мы продолжаемъ впередъ шествіе самой природы. Потомъ, упражнивъ умѣнье и разумѣнье ученика, должно дать ему знаніе, объяснить сознанію его то, что болѣе или менѣе представлялось ему; отсюда второе правило: «формы рѣчи, которыми ученикъ умѣетъ уже пользоваться, до- води до его сознанія разборомъ, слѣ-

«доказательно, путемъ анализа». Другими словами: въ преподаваніи отечественнаго языка сначала упражненіе, потомъ возведеніе формъ къ ясному сознанию, — сначала умѣніе, потомъ знаніе, — сначала упражненіе въ языкѣ, потомъ упражненіе надъ языкомъ, — сначала практика, потомъ теорія, и къ тому же аналитическимъ путемъ. Далѣе, возведши къ сознанию отдѣльныя частности, преподаваніе слѣдуетъ тротому правилу: «Съ разборомъ соединивъ синтезисъ, совокупленіе отдѣльнаго въ практическихъ упражненіяхъ», то-есть: вначалѣ упражненіе, потомъ знаніе, теперь опять упражненіе. Дѣйствованіемъ начинается ученіе, нѣтъ же и оканчивается: первое безъ яснаго сознанія, послѣднее совершенно сознательно. Въ серединѣ между тѣмъ и другимъ разсужденіе: оно нужно не для простаго дѣйствованія, но для сознательнаго. Четвертое и послѣднее правило: «соединивъ внѣшнее съ внутреннимъ, форму съ содержаніемъ». Обученіе языку имѣетъ дѣло хотя съ внѣшнимъ, съ формами и плотью языка; однако никогда не должно забывать, что плоть жива только душою, что душа важнѣе плоти, что изученіе формъ самихъ-по-себѣ не имѣетъ никакой цѣны, и что онѣ не могутъ быть исключительнымъ предметомъ наблюденія. Всегда и вездѣ ищи значенія представленій и отношеній, выражаемыхъ словами. Иначе ученіе будетъ нестерпимо-сухо, оталеченно и совершенно-внѣшнее, образуя только экстенсивно, а не интенсивно.

За сими важными отдѣлами первой части, авторъ разсматриваетъ отношеніе отечественнаго языка къ прочимъ предметамъ преподаванія, и все сказанное имъ о грамматикѣ сводитъ къ нѣсколькимъ результатамъ, съ которыми надлежитъ сообразоваться въ преподаваніи отечественнаго языка: «Все грамматическое ученіе» говоритъ авторъ: «должно быть основано на чтеніи писателя. Главная задача состоитъ въ томъ, чтобъ дѣти ясно понимали прочтенное и умѣли правильно

выражаться словесно и письменно. Грамматика должна быть только прибавленіемъ къ чтенію, къ письменнымъ и словеснымъ упражненіямъ: она не можетъ быть самостоятельной, систематическою наукою въ первоначальномъ обученіи. На первой, низшей степени, отечественная грамматика, въ связи съ практическими упражненіями, предполагаетъ двѣ цѣли: образованіе и развитіе дѣтскихъ способностей (общая грамматика) и безошибочное употребленіе русскаго языка словесно и письменно (частная грамматика)» (часть I, стр. 88). Но безошибочное употребленіе русскаго языка, словесное и письменное, возможно только тогда, когда мы знаемъ всѣ явленія языка, всѣ формы рѣчи, что самъ авторъ постановилъ первымъ правиломъ въ методѣ обученія отечественному языку. Слѣдовательно, вопросъ о чтеніи сводится къ такому вопросу: писатель, выбранный для чтенія, представитъ ли всѣ явленія языка, встрѣятся ли въ немъ всѣ формы рѣчи? Г. Грець признавался въ своихъ воспоминаніяхъ (напечатанныхъ въ «Новогодникѣ»), что онъ, желая узнать строеніе рѣчи русской, разбивалъ предложенія и періоды «Исторіи» Карамзина на составныя ихъ части. Что же изъ этого вышло? Мы видимъ, какъ бѣденъ и шатокъ синтаксисъ грамматики г. Греца: бѣденъ потому, что онъ въ *одномъ* писателѣ (хотя и образцовомъ) хотѣлъ видѣть *всю* службу русскаго словосочиненія; шатокъ потому, что многія синтаксическія правила, введенныя г. Гречемъ изъ разныхъ мѣстъ Карамзина, опровергаются другими, въ Карамзинѣ же заключающимися мѣстами, которыхъ нашъ филологъ не замѣтилъ. Иногда, пробѣгая цѣлыя страницы извѣстнаго писателя, мы не встрѣчаемъ такихъ оборотовъ, которые часто употребляются другими. И эти обороты, рѣдкіе въ одномъ, обыкновенные у другихъ, входятъ въ сферу языка; безъ нихъ неполонъ комплектъ формъ рѣчи. Отсюда видно, что первый результатъ: «все

грамматическое учение должно быть основано на чтении писателя, не со всемъ сходится съ первымъ правиломъ методы преподаванія: «приводи дитя къ всѣмъ явленіямъ языка». Или, при одномъ писателѣ, не будетъ всѣхъ явленій языка, или всѣ явленія языка будутъ не въ одномъ писателѣ, а въ нѣсколькихъ, многихъ. Мы совершенно раздѣляемъ мнѣніе автора, что въ первоначальномъ обученіи грамматика не можетъ быть систематическою наукою; но вмѣстѣ съ этимъ убѣждены, что она обнимаетъ всѣ явленія языка, хотя не въ системѣ изложенія, — а всѣ явленія языка, повторяемъ, встрѣчаются во многихъ писателяхъ. Какъ же теперь поступить учителю? Прочесть съ дитяти многихъ писателей? Но это невозможно. Выбрать изъ многихъ писателей мѣста, содержащія въ себѣ всѣ явленія языка? Но это значитъ прійти къ методу Вурста, который именно то и дѣлаетъ, т. е. выбираетъ примѣры для извлеченія изъ нихъ правилъ, и на котораго авторъ, кажется, напрасно нападаетъ. Метода Вурста не дурна. Конечно, чтеніе образцоваго писателя есть дѣло существенное, главное; но при этомъ полезно, даже необходимо, въ видѣ дополненія, выбрать изъ другихъ писателей тѣ формы рѣчи, которыхъ нѣтъ въ писателѣ, принятомъ за руководство.

Переходя къ риторикѣ и пѣтикѣ, авторъ говоритъ, что преподаваніе этихъ наукъ страдаетъ всѣми недостатками поверхностнаго реализма. Онъ дѣлитъ учителей словесности на три сорта: одни проходятъ съ своими учениками схоластическіе учебники, другіе берутся за эстетику и философію словесности, третьи передаютъ ученикамъ факты изъ исторіи всеобщей словесности. Первые бесполезны, ибо невозможно согласить отжившее ученье съ современнымъ состояніемъ знанія. Вторые еще бесполезнѣе: эстетическая и философская школа въ гимназіи невозможна; для эстетики нужны музеи и галереи, а толковать о философіи, которая не преподается и въ уни-

верситетахъ, смѣшно. Третьи ошибаются столько же, потому что говорятъ о томъ, чего не читали въ подлинникѣ: кто хочетъ излагать содержаніе сочиненій различныхъ писателей всѣхъ временъ и народовъ, тотъ долженъ быть филологомъ. Строгий взглядъ автора на схоластиковъ и беллетристовъ (беллетристами называетъ онъ преподавателей эстетической или философской школы и исторіи всеобщей словесности) вытекаетъ изъ очищеннаго, серьезнаго понятія о достоинствахъ науки. Кто убѣжденъ въ важности преподаванія предмета, тотъ даже готовъ преслѣдовать сатиры каждаго его искаженія. Шутить учениемъ не должно: въ образованіи залогъ всей будущей жизни человѣка. И потому достойны особенной похвалы всѣ мысли автора, относящіяся къ изученію словесности: онъ полезно дѣйствуетъ на насъ, указывая тѣ запятія, которыя должны быть предметомъ риторики и пѣтики, и обличая невѣжество или шарлатанство, закрывавшееся въ преподаваніе словесности. Къ указаніямъ привело его короткое знакомство съ современнымъ взглядомъ на эту науку, развитымъ преимущественно нѣмецкими учеными; обличенія, вѣролтно, вызваны примѣромъ плохихъ преподавателей. Тамъ я здѣсь — цѣль одна: устранить ложное и поверхностное, водворить истинное и основательно-прочное. Но у самыхъ прекрасныхъ намѣреній и дѣйствительныхъ къ тому способамъ могутъ быть свои крайности. Намъ кажется, есть крайности и въ мнѣніи автора. Первая крайность заключается въ требованіяхъ, несоразмѣрныхъ нашимъ силамъ. Чтò пригодно Нѣмцу, то не по плечу Русскому. Намъ тѣхъ же щей, только пожиже. Мы и приготовляемся къ гимназическому курсу не такъ, и, безъ сомнѣнія, окачиваемъ его иначе. Уже если преподаваніе словесности мѣрять у насъ на аршинъ заморскій, то надобно раздвинуть границы и другихъ классическихъ предметовъ, а это повлечетъ за собою большія передѣлки, которыя никакъ не пристроить къ су-

шествующему образованію наших родителей и дѣтей. Въ знаніи есть степени, следовательно, и въ передачѣ знаній тоже. Авторъ требуетъ галерей и музеевъ для эстетики курсовъ философіи для объясненія поэтическихъ родовъ, чтенія Гомера и Сочокла, Аріоста и Данте въ подлинникѣ. Скоро ли все это будетъ? Скоро ли заведутся эстетическіе музеи, учредятся всевозможныя кафедрыво всѣхъ университетахъ, и всѣ учителя отечественнаго языка выучатся греческому и итальянскому языкамъ? Изданныя произведенія поэзии могутъ быть у всѣхъ народовъ: слѣдуетъ ли изъ этого, что мы должны знать языки: англійскій — для Байстера Скотта и Байрона, итальянскій — для Данте и Аріоста, испанскій — для Сервантеса, шведскій — для Тегнера? Это столько же невозможно, сколько желательно. Уважаемъ благородство желаній, но видѣть видимъ ихъ невозможность. И развѣ тѣ самыя, которые имѣютъ счастье читать въ подлинникѣ гениальныя произведенія, одинаково ихъ понимаютъ? Сколько разныхъ толковъ печаталось у Пѣлицевъ о Гёте, ихъ родномъ поэтѣ! Нѣтъ спора, что чтеніе въ подлинникѣ полезнѣе и пріятнѣе; но бесспорно также, что чтеніе не въ подлинникѣ имѣетъ свою важную степень пріятности и пользы. Авторъ вполне уважаетъ первое и вполне осуждаетъ второе: въ этомъ крайность его сужденія. Цѣлое поколѣніе отчуждаетъ онъ отъ поэмъ Гомера, отъ трагедій Сочокла, отъ Байрона, Шекспира... за то единственно, что поколѣніе не знаетъ хорошо или вовсе не знаетъ трехъ иностранныхъ языковъ. Это очень-строгое. Повторимъ: въ знакомствѣ съ писателями есть свои степени. Дѣти читаютъ Крылова, едва только выучатся читать; но развѣ они *такъ* понимаютъ его басни, *какъ* понимаемъ мы, взрослые? и взрослые, въ свою очередь, такъ ли понимаютъ Гомера, читая его даже въ подлинникѣ, *какъ* пойметъ его, напримеръ, какой-нибудь Гёте, умѣвшій переселяться въ различные вѣка и въ

различныхъ людей? Гдѣ же мѣра подлежащаго понятія? Она опредѣляется степенями пониманія, зависящими отъ степеней возраста, умственного соображенія, поэтическаго такта. Последний особенно нуженъ, когда идетъ дѣло о знакомствѣ съ поэтическими твореніями. Если нечѣмъ восчувствовать, принять изящное, — напрасны всѣ языки въ мірѣ. Жуковский, не зная греческаго языка, вѣрно, чувствуетъ красоты Гомера сильнѣе, чѣмъ тѣ филологи, которые дадутъ вамъ отчетъ въ каждой буквѣ, а духа не постигнуть. Прежніе переводчики Гомера, при всемъ своемъ знаніи языка подлинника, наградили насъ дурными переводами: вспомните Битобе и Попе. Отъ-чего же это? Отъ-того, что въ нихъ не было поэтическаго такта, отъ-того, что они принадлежали къ ораторамъ, а не къ поэтамъ. Вольтеръ зналъ англійскій языкъ — и не умѣлъ цѣнить Шекспира: мы цѣнимъ его справедливѣе, хотя не читаемъ по-англійски; мы даже не уступимъ, въ этомъ отношеніи, первенства многимъ англійскимъ учителямъ. Право знакомства съ поэтами есть право общее: оный прочтетъ ихъ въ переводахъ отечественныхъ, другой на томъ иностранномъ языкѣ, который ему извѣстенъ, и каждый получитъ болѣе или менѣе такъ-называемаго эстетическаго наслажденія. Лучше, еслибъ тѣ же люди прочли тѣхъ же самыхъ поэтовъ въ подлинникѣ; но хорошо и то, что они прочли ихъ на какомъ-нибудь языкѣ, и легко станетъ, что это *хорошее* многими-выше *посредственнаго*, приобрѣтеннаго чтеніемъ подлинника. То же самое прилагается и къ философской школѣ словесности. Во-первыхъ, замѣтимъ, что университетъ не есть исключительное училище философіи: если нѣтъ ея въ университетѣ, она можетъ быть внѣ университета. Развѣ четырехлѣтнимъ пребываньемъ въ стѣнахъ высшаго учебнаго заведенія оканчивается образованіе? Плохой тотъ учитель, который ограничился профессорскими тетрадками, не прибавивъ

къ нимъ ничего, не умѣя иногда высидѣть надъ ними! Во-вторыхъ, много ли нужно философін, чтобъ понять и объяснить роды поэтическихъ произведеній? Умъ однихъ можетъ изъ непрочитаныхъ примѣровъ вывести общее представленіе, такъ же, какъ судительная способность другихъ изъ многого не привлечетъ ничего. Другая крайность автора заключается въ его негодованіи на учителей. Какъ основанное на частныхъ примѣрахъ, на извѣстныхъ лицахъ, оно, безъ сомнѣнія, справедливо; но, распространенное въ видѣ общаго положенія, оно крайне-строго и потому несправедливо. Дурные примѣры намъ не образецъ. Нападая на нихъ, не нападайте на то, съ чѣмъ они не умѣютъ обходиться, о чемъ они рассуждаютъ безъ яснаго понятія. Какой благомыслящій преподаватель позволитъ себѣ толковать о такихъ предметахъ, которые ему не извѣстны? Авторъ говоритъ: «Восторженные возгласы учителей объ Лаокоонѣ» не только нецѣльны и смѣшны, но даже и вредны для дѣтей: ибо приучаютъ ихъ къ поддѣльному восторгу и фальшивымъ ощущеніямъ. «Зачѣмъ же возгласы», и притомъ «восторженные»? Почему не сказать такъ: чтеніе изящнаго разсказа (на-примѣръ изъ *Виргилія* объ *Лаокоонѣ*), съ толкомъ и чувствомъ объясненнаго учителемъ, приучитъ дѣтей къ истиннымъ ощущеніямъ и естественному, очень-попытному восторгу. Чувство сообщаетъ чувствомъ. О томъ же учителѣ, который не способенъ чувствовать, нечего и говорить. Прощаніе Гектора съ *Андромахой*, когда младенецъ не узнаетъ своего отца, испуганный гривистымъ племеномъ; старецъ *Пріамъ*, лобызавшій руки *Ахилла*, убійцы дѣтей его... развѣ это, прочтенное и въ русскомъ переводѣ, не способно трогать, увлечь? Дѣти и юноши иногда искреннѣе многихъ взрослыхъ: они очень чувствуютъ поэтическое представленіе истинныхъ чувствъ человеческихъ: любви супружеской, отцовской, состраданія. А *Ифигенія* въ *Авливѣ*? Она

тронетъ дослѣзъ, если даже пересказать ее по прозаическому переводу съ прозаическаго французскаго перевода. — Авторъ продолжаетъ: «Многіе учителя, во справедливости недовольные старинными учебниками, берутъ въ руководство университетскія лекціи о теоріи словесности. Ошибка очевидна: что назначено для университета, то не годится для гимназій: и учителя гимназій унижаютъ тѣмъ глубокомысленные труды профессоровъ, вколачивая ихъ въ голову гимназистамъ почти выучкой наизусть». Ошибка здѣсь, дѣйствительно, есть, — и не одна, а три, — но не въ томъ состоятъ онѣ, что учитель беретъ въ руководство университетскія лекціи. Первая ошибка — заучиваніе наизусть; вторая — заучиваніе теорій словесности прежде чтенія образцовъ; третья — заучиваніе теорій въ томъ видѣ, въ какомъ она назначена для университета, — теоріи, не переложенной на другой тонъ. Каждое руководство, болѣе или менѣе, должно переиначиваться, сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ. Грамматика *Востокова* введена въ общее употребленіе; но уже-ли дѣти заучиваютъ ее такъ, какъ она написана, и въ томъ же объемѣ? Далѣе: «Одно ужъ то вредно и смѣшно въ классѣ, когда учитель, рассказывая содержаніе какого-нибудь произведенія, сочиненнаго на неизвѣстномъ ему языкѣ, перековеркаетъ и персвертываетъ собственные имена: что почти неизбежно при незнавѣи языка подлинника». Но собственные иностранныя имена перевираемъ мы всѣ — Русскіе, Нѣмцы, Французы, Англичане — кто больше, кто меньше. Французъ сдвинулъ-ли узналъ бы въ *Дидеротѣ* энциклопедиста *Дидро*, Англичанинъ въ *Баконѣ* философа *Бэкона*... Мы и теперь, вѣроятно, не умѣемъ выговаривать ихъ надлежащимъ образомъ. Однакожъ, это не мѣшало и не мѣшаетъ намъ понимать и *Дидерота* и *Бакона*. — Потомъ: «Еще смѣшнѣе, когда учитель, вчитавшій въ оригиналъ, напр., хоть *Шекспира*, станетъ съ учениками восхищаться глубокимъ

мыслими его драмъ въ переводѣ: потому, что во всей глубинѣ и точности передать отдѣльныя красоты гениальнаго сочиненія невозможно. Но кто же осмѣлится сказать, что онъ понялъ и передалъ Шекспира во всей глубинѣ, во всей точности? Поэтическое произведеніе не математическая теорема. При изученіи математической теоремы можетъ случиться одно изъ двухъ: или мы исполнѣе поймемъ, или вовсе не поймемъ ея. При воспріятіи поэтическаго произведенія, есть различныя степени пониманія и чувствованія: можно удовлетвориться многими изъ этихъ степеней; можно, пожалуй, не удовлетвориться ни одною.

Всѣ замѣчанія наши относятся не къ сущности мысли г. Буслаева, а только къ ея крайностямъ. Взятая въ чистомъ своемъ основаніи, она совершенно справедлива. Она показываетъ въ авторѣ человека начитаннаго, ученаго и, въ счастіе этого, смотрящаго на предметы преподаванія серьезно. При такомъ возвратѣ, смѣшнымъ и презрѣннымъ покажется всякое поверхностное ученіе, всѣ эти вершки въ наукахъ, пригодные только для потворства легкомыслію, лѣни или шарлатанству. Пора же, наконецъ, учиться намъ какъ слѣдуетъ. Это благородное стремленіе выразилъ авторъ съ одной стороны указаніемъ истиннаго труда, представленіемъ науки въ важномъ и строгомъ ея видѣ, а съ другой стороны сатирическими, меткими выходками противъ безсмысленныхъ учителей, изъ которыхъ одни принадлежатъ къ застарѣлымъ схоластическимъ, другіе къ поддѣльнымъ эстетикамъ, третьи къ шарлатанамъ-философамъ. И по-дѣломъ ли: серьезное ученіе начинается съ образованія учителей.

Разсмотрѣвъ различныя педагогическія мнѣнія о преподаваніи словесности въ гимназіяхъ, авторъ извлекаетъ изъ нихъ лучшее и вѣрнѣйшее, — именно то, что *надобно читать писателей*. Чтеніе есть основа теоретическому знанію и практическимъ упражненіямъ. Здѣсь разрѣшаются вопросы, относя-

щіеся къ чтенію: дать ли ученикамъ многое и разнообразное чтеніе, или ограничить его? Какъ читать отечественныхъ писателей? какъ объяснять ихъ? каковы должны быть предметы чтенія? Рѣшеніе этихъ вопросовъ приводитъ автора къ слѣдующимъ выводамъ: Исторію Карамзина надлежитъ разсматривать какъ средоточіе гимназическаго курса словесности. Къ ней должны прикнуться и теорія словесности съ стилистикой и исторією литературы, и собственныя упражненія. Никто изъ нашихъ писателей, кромѣ Ломоносова и Пушкина, не внесъ въ свои произведенія столько филологическаго изученія, сколько Карамзинъ въ свою исторію. Такъ-какъ современный и притомъ прозаическій слогъ въ гимназій пунжиѣ устарѣлаго и поэтическаго, то Карамзинъ для нея необходимѣе Ломоносова и Пушкина. Прекрасная проза послѣдняго есть дальнѣйшее развитіе карамзинской и можетъ быть изучена только послѣ нея. Какъ современный слогъ нашъ воспитался Карамзинымъ и Пушкинымъ: пусть также воспитывается и гимназія. И какъ Карамзинъ отъ перваго до послѣдняго тома своей исторіи болѣе и болѣе совершенствовался, пусть и ученики въ послѣдовательномъ порядкѣ читаютъ изъ перваго, потомъ изъ втораго тома, и т. д. Разумѣется, изъ Исторіи Государства Россійскаго должны быть избраны для подробнаго изученія только мѣста лучшія, и по преимуществу имѣющія отношеніе къ литературѣ.

За чтеніемъ идутъ письменныя упражненія. Исключивъ тѣ, которыя не входятъ въ занятія преподавателей словесности, авторъ подводитъ всѣ прочія къ тремъ отдѣламъ, основнымъ на трехъ элементахъ сочиненія. Огрывочныя сдѣлнія, набранныя учениками въ теченіе цѣлаго курса изъ чтенія писателей и изъ матеріаловъ для письменныхъ упражненій, должны быть приведены въ систему уже въ послѣднемъ классѣ гимназіи. Такъ-какъ историческое направленіе гораз-

до-надежныѣ философскаго и доступныѣ юношескому возрасту, то это общее, систематическое обозрѣніе должно состоять въ исторіи русской словесности и языка. Теорія словесности войдетъ въ исторію какъ часть. Главное дѣло въ исторіи литературы — основательность, т. е. говорить ученикамъ по-большой-части только о такихъ произведеніяхъ, которыя они прочли и изучили.

Для примѣра преподаванія, г. Буслаевъ взялъ двѣ крайности — самую низшую и высшую, и этимъ частью обозначилъ, чему бы слѣдовало быть въ среднихъ классахъ. На самой низшей ступени стоитъ начальная грамматика: чтеніе съ вещественнымъ, логическимъ и грамматическимъ разборомъ; на высшей — чтеніе одъ Ломоносова. Между ними помѣщено чтеніе Карамзина и чтеніе древняго памятника. Нѣсколько мѣстъ изъ «Исторіи Государства Россійскаго» сличены съ памятниками, изъ которыхъ они заимствованы. Это сличеніе любопытно, какъ отчетливый разборъ старинной рѣчи. Но изъ него же вытекаютъ слѣдствія, невыгодныя для исторіи Карамзина: видно, что иногда онъ недостаточно пользовался языкомъ лѣтописей, и что вездѣ почти наивный рассказъ историческихъ писаній сведенъ на риторскій тонъ, переложенъ на языкъ украшенный, который, будучи разсматриваемъ самъ по себѣ, имѣетъ свои большія достоинства; но, цѣпимый со стороны полного воссозданія народной жизни, грѣшитъ противъ истины. Послѣ дѣйствій, въ рѣчи всего болѣе выражается характеръ народа, — а предки наши не принадлежали къ ораторамъ. Ораторскую настроенность историка не совмѣстите съ истиннымъ представленіемъ лицъ и событій. Вотъ почему, прочитавъ «Исторію» Карамзина, мы не понимаемъ русской исторіи, хотя знаемъ, что послѣдняя была не такою, какою изобразила ее первая.

Даме поэтическія сказанія сошли у Карамзина на прозаическое переложеніе, чему ясныя доказательства

служить «Слово о Полку Игоревѣ», сглаженное по требованіямъ риторики. На-примѣръ, Карамзинъ выпустилъ прекрасное выраженіе: «подъ шелоны възлегли»; вмѣсто: «солнце ему тьмою путь заступаше, вощь стоиущи ему грозою птичь убуи, орли клетомъ на кости звѣри воууть», нави-сая: «видитъ глубокую тьму предъ собою, небо ужасаетъ его грозою, орлы клетомъ своимъ предвѣщаютъ ему гибель», и этимъ стеръ поэтическіе образы. Въ одномъ мѣстѣ, поэтическое воззваніе къ Всевозроду замѣнено простымъ рассказомъ; въ другомъ, выраженія, показывающія особенность дѣйствія, обращены въ общія понятія, т. е. характеристическій образъ уступилъ мѣсто обыкновенной фразѣ, и проч. Въ 7 томѣ, простоудушно-горестное повѣствованіе псковскаго лѣтописца о взятіи Пскова сдѣлалось ни простоудушнымъ, ни горестнымъ, въ-слѣдствіе риторическаго тона, а разговорная фигура, означающая повѣствованіе, вышла напервою, со многими дактилическими означеніями, которыя такъ любилъ Карамзинъ. Лѣтописецъ говоритъ: «И кто сего не восплачетъ и не возрыдаетъ? О славнѣйшій граде Пскове, великій во градѣхъ, почто бо сѣтуешь и плачешь? И отвѣща прекрасный граде Псковъ: како ми не сѣтовати, или како ми не плакати, и не скорбѣти своего опустѣнія! И прилетѣлъ бо на насъ многокрыльный орелъ, исшелъ пры-дѣ львовыхъ погтей, и взять отъ меня три кедрѣ ливанова, и красоту мою и богатство и чаша моя восхити, Богу попустившу за грѣхи наши, и землю пусту сотвориша, и градъ нашъ разориша, и люди моя плѣнѣша, и торжища моя роскопаша, а яныи торжища коневымъ каломъ замѣташа; и отецъ и братію нашу разведоша, гдѣ не бывали отцы и дѣды и прады наши, и тамо отцы и братію нашу и други наша заведоша, и матеря и сестры наша въ поруганіе даша». У Карамзина читаемъ: «О градъ, нѣкогда великій! ты сѣтуешь въ опустѣ-

• ним. Прилетѣлъ на тебя орелъ много-
• крыльшій съ когтиами лавиными, вы-
• рвалъ изъ нѣдры твоихъ три недра
• ассианскіе: похитилъ красоту, богат-
• ство и гражданъ; раскопалъ торжи-
• ща, или замѣталъ дразгоны; увелъ
• нашихъ братьевъ и сестеръ въ мѣста
• дальнія, гдѣ не бывали ни отцы ихъ,
• ни лѣды, ни вратѣды.

Но сколько мы находимъ полезнымъ
чтеніе древнихъ памятниковъ и сличе-
ніе ихъ съ «Исторіей». Карамзина,
столько жъ не видимъ ни какой надоб-
ности въ разборѣ одъ Ломоносова по
его риторикѣ. Съ какою цѣлію рѣшит-
ся на это преподаватель отечественна-
го языка? Авторъ поставилъ три цѣ-
ли. Первая: «дать схоластическую ре-
• торикѣ историческій характеръ и пе-
• дагогическую цѣльность». Но прила-
гать цѣлу пустымъ вещамъ, едни-
ственно ради ихъ старины, значить
испровергать истинныя начала вос-
питанія; а историческое значеніе от-
жившей науки, которую нельзя согла-
сить съ современнымъ состояніемъ
знанія, тогда только понятно, когда
современное знаніе передано учени-
камъ догматически. Гдѣ же современ-
ная теорія, долженствующая слу-
жить ученику критическимъ руко-
водствомъ? Вторая цѣль: «Ломоно-
• совъ написалъ лучшую у насъ рето-
• рику, по которой, болѣе или менѣе,
• писаны всѣ прочія, и по преимуще-
• ству Кошанскаго, введенная въ на-
• шихъ гимназіяхъ». Но риторика Ко-
шанскаго многократно подвергалась
справедливому оужденію; гораздо-
лучше оставить плохой учебникъ, не-
жели приравниваться къ нему потому
только, что нѣтъ другихъ, хорошихъ.
Третья: «По своей Риторикѣ, Ломоно-
• совъ объяснялъ свои оды, приводя
• ихъ въ примѣръ правиламъ: слѣдова-
• тельно историческая и субъективная
• критика требуетъ объяснять стихо-
• творенія Ломоносова схоластическою
• риторикою». Дѣйствительно, истин-
ное значеніе литературной дѣятельно-
сти опредѣляется двумя точками зрѣ-
нія: историческою и современною. Кри-

тика историческая показываетъ отно-
шеніе словесныхъ произведеній къ то-
му времени, въ которое они явились;
современная разсматриваетъ ихъ от-
носительно той степени знанія, на ко-
торой оно теперь находится. Многие
осуждаютъ критику современная, все
можетъ оправдать критика историче-
ская. Но значеніе послѣдней доступно
ученику тогда, какъ онъ знаетъ осно-
ванія первой. Мы признаемъ пользу
возвратъ историческаго, относитель-
наго, субъективнаго; но ставимъ
его, и по важности и по времени, по-
слѣ возвратъ объективнаго, относи-
тельнаго къ современнымъ свѣдѣніямъ
объ искусствѣ. Авторъ ввелъ первое:
гдѣ же начала послѣдняго, должен-
ствующаго ему предшествовать? А не-
жду-тѣмъ, разборъ ломоносовыхъ одъ
по началамъ схоластической риторикѣ
несомнѣнно приведетъ учащихся къ
четвертой цѣли: невыгодному, хотя и
справедливому, мнѣнію о стихотво-
рныхъ произведеніяхъ Ломоносова. Что
написано по требованіямъ схоластиче-
ской риторикѣ, то, разумѣется, выхо-
дитъ риторическимъ и схоластиче-
скимъ. Изъ поэтическаго представле-
нія возвышенныхъ чувствъ, ода по-
ступаетъ въ разрядъ ораторскихъ рѣ-
чей, разсужденій и стихотворныхъ ре-
ляцій.

Выстѣ съ чтеніемъ, которое есть
основа преподаванію словесности въ
гимназіяхъ, идетъ сравнительно-исто-
рическая грамматика. Матеріалы для
нея предложилъ авторъ во второй ча-
сти своего сочиненія. Эти матеріалы
весьма-важны, потому-что безъ нихъ
не можетъ быть истинныхъ началъ
грамматики. Авторъ подаль прекрас-
ный примѣръ, какому пути должно
слѣдовать въ отысканіи законовъ отѣ-
чественной рѣчи. Онъ прочелъ многіе
памятники литературы и разсматри-
ваетъ русскій языкъ въ тѣсной связи
съ славянскими нарѣчіями. Въ каж-
домъ его изслѣдованіи видно глубокое
знаніе предмета. Преподаватели сло-
весности должны необходимо заня-
тись книгой г. Бузалева и нѣтъ се

всегда под рукою: они могут не соглашаться съ авторомъ въ нѣкоторыхъ отдѣльных мѣнѣяхъ, но основную мысль непремѣнно уважатъ, а въ матеріалахъ найдутъ богатый источникъ филологическихъ свѣдѣній, которыя стѣдип автору многихъ трудовъ и которыя безъ разсматриваемой нами книги они должны бы были отыскивать въ разныхъ сочиненіяхъ или извлекать сами изъ литературныхъ памятниковъ. Всякій ли имѣть время и силы рѣшиться на такія занятія, необходимыя и плодотворныя, но требующія предвѣрительной заправки въ классическомъ изученіи, особеннаго трудолюбія и филологической проницательности?

Въ настоящее время, существуютъ три способа изученія науки о языкѣ: *сравнительный, историческій и философскій*. Въ сравнительномъ, филологи изслѣдуютъ вдругъ по нѣсколькимъ языкамъ древнихъ и новыхъ, азіатскихъ и европейскихъ, и сравниваютъ ихъ между собою; въ историческомъ, берутъ какой-либо одинъ языкъ, производятъ его по всѣмъ нарѣчіямъ и послѣдовательно ведутъ его исторію отъ самыхъ древнихъ памятниковъ его литературы до позднѣйшихъ временъ; въ философскомъ, подводятъ всѣ частныя видоизмѣненія грамматическихъ формъ къ общимъ философскимъ законамъ. Эти три способа взаимными силами подкрѣпляютъ другъ друга. Такъ историческій обыкновенно идетъ рука-объ-руку съ сравнительнымъ; притомъ историческій есть уже вмѣстѣ и сравнительный, ибо предполагаетъ сравненіе формъ языка въ различныхъ періодахъ времени; а сравнительный—вмѣстѣ и историческій, ибо сравниваетъ языки различныхъ временъ. Оба они служатъ матеріальной основой способу философскому, который съ своей стороны освящаетъ идею и совокупляетъ стройнымъ единствомъ много-различные и разрозненные факты изученія историческаго и сравнительнаго. Односторонность философской грамматики состоитъ въ томъ, что она

видитъ въ языкѣ одну только логику, опуская изъ вида всю полноту и многосторонность народной жизни. Поэтому, несравненно-глубже историческій взглядъ на языкъ. Только историческая грамматика можетъ познать въ внутреннихъ силахъ и богатствомъ языка. Сравнительный способъ падеженъ единственно тогда, когда исторически исчерпаны всѣ сокровища языка.

Состоя въ тѣсной связи съ всѣми славянскими нарѣчіями и преимущественно съ церковнымъ, русскій языкъ долженъ изучаться сравнительно; а обоюдное содѣйствіе языка русскаго и церковно-славянскаго въ теченіе всей исторіи нашей словесности, и, въ слѣдствіе того, измѣненіе формъ того и другаго, влечутъ въ обязанность изученіе нашего языка историческое. Поэтому, авторъ, держась методовъ грамматической, предложилъ матеріалы для исторической русской грамматики; но такъ-какъ онъ разсматриваетъ русскій языкъ въ тѣсной связи съ славянскими нарѣчіями, то вторая часть его сочиненія содержитъ въ себѣ матеріалы для сравнительно-исторической русской грамматики, т. е. полагая историческую основу русскому языковѣдѣнію, онъ вмѣстѣ съ нимъ даетъ ему основу и сравнительную.

Итакъ, вотъ въ какомъ порядкѣ идетъ гимназическое преподаваніе словесности: сначала, въ низшихъ классахъ, чтеніе съ вещественнымъ и логическимъ разборомъ; грамматика должна быть только прибавленіемъ къ чтенію, къ письменнымъ и словеснымъ упражненіямъ, но не можетъ быть самостоятельнымъ, систематическою наукою; потомъ, въ высшихъ классахъ, грамматика, какъ наука, является сравнительно-историческою и изучается въ связи съ чтеніемъ церковно-славянской, древне-русской и новой литературы. Руководствомъ для послѣдняго служатъ матеріалы, собранные авторомъ.

Но въ-силу основной мысли, руководствующей автора, изученіе отече-

ственнаго языка должно быть вмѣстѣ и раскрытіемъ всѣхъ нравственныхъ силъ учащагося. Поэтому матеріалы сравнительно-исторической грамматики не ограничиваются одними законами слова: они включаютъ въ себя другіе интересы, кромѣ чисто-филологическаго. Такъ опытъ сравнительной лингвистики предложенъ въ статьяхъ: о звукахъ, образованіе мѣстоименій, степени сравненія; опытъ исторической лингвистики — въ исторіи русскихъ мѣстоименій, въ сложныхъ словахъ, въ синтаксическихъ замѣткахъ, въ исторіи народнаго языка; опытъ раскрытія нравственнаго чувства учениковъ на изученіи языка — въ опоминикѣ, указывающей генеалогію словъ, переходъ первоначальнаго ихъ значенія къ переходному и средство ихъ по мыслямъ. Съ одной стороны, учащіеся видятъ въ живое значеніе буквы; а съ другой, на изученіи языка знакомятся со всѣмъ внутреннимъ бытомъ своего народа, начиная отъ мнѣній и повѣрій народныхъ до поэзіи, философіи и христіанства.

Кромѣ матеріаловъ для сравнительно-исторической грамматики, г. Буслевъ собралъ въ своей книгѣ матеріалы для стилистики. Въ присоединеніи стилистики къ грамматикѣ, автору служитъ поводомъ то, что и нѣкоторые грамматическія статьи, по своему отношенію къ древностямъ, къ быту народному и литературѣ, расширяютъ уже область грамматики. Отъ словаря и синтаксиса стилистика восходитъ къ построенію цѣлой рѣчи, ораторскаго слова, поэтическаго описанія. Въ словесномъ произведеніи, каждая часть проникнута общею мыслию цѣлаго; провести же эту общую мысль отъ отдѣльнаго слова и предложенія чрезъ цѣлую рѣчь, прозаическую и поэтическую, и связать единою жизнію всѣ разрозненныя ея части, можно только тогда, когда совокупимъ тѣсною связью грамматику съ стилистикою.

Могли бы осудить автора въ недостаткѣ стройной системы и полноты. Но авторъ самъ указываетъ, почему

между нѣкоторыми статьями нѣтъ систематическаго перехода: онъ признается въ скромномъ, но чрезвычайнопольномъ для него стремленіи заполнить завѣщаніе Ломоносова, собственноручная записка котораго, напечатанная въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1825 года, содержитъ въ себѣ слѣдующее:

«Филологическія изслѣдованія и показанія къ дополненію грамматики подлежащія.

1. О сходствѣ и различіяхъ языковъ.
2. О среднихъ языкахъ Россійскому.
3. О словесномъ церковномъ языкѣ.
4. О простонародныхъ словахъ.
5. О преимуществѣхъ Россійскаго языка.
6. О чистотѣ Россійскаго языка.
7. О красотѣ Россійскаго языка.
8. О синонимахъ.
9. О новыхъ Россійскихъ рѣченіяхъ.
10. О чтеніи книгъ старинныхъ.
11. О лексиконѣ.
12. О переводахъ.

• Въ этихъ двѣнадцати пунктахъ • говоритъ авторъ • заключается оправданіе, почему я, не думая о нововведеніяхъ, осмѣлился расширить предѣлы грамматики. •

Хотя матеріалы для русской грамматики, собранные авторомъ, такого рода, что въ нихъ, кромѣ изученія языка, учащіеся находятъ и содержаніе для раскрытія другихъ своихъ способностей; однакожь мы должны признаться откровенно, что больше всего цѣнимъ эти матеріалы, какъ весьма-важную заготовку къ созданію отечественной грамматики. У насъ нѣтъ русской грамматики: это знаетъ каждый, кто хотя сколько-нибудь знакомъ съ современнымъ понятіемъ объ этой наукѣ и кому, слѣдовательно, извѣстны условія, нужныя для подобнаго дѣла. Грамматика Востокова, наилучшее у насъ руководство по сему предмету, далеко не удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ науки. О грамматикѣ г. Греча говоритъ нечего; на ней сбывается серьезно, что прежде говорилось, можетъ-быть, въ шутку, именно: это — грамматика г. Греча, но не

грамматика русского языка. Отъѣтъ справедливый и вполне-современный, прилагаемый, впрочемъ, больше или меньше ко всѣмъ грамматическимъ руководствамъ, если припять въ соображеніе то весьма-важное обстоятельство, что они съ одной стороны не знаютъ еще многихъ законовъ языка, а съ другой—немногіе законы языка представляютъ или въ ложномъ или въ неполномъ видѣ. Исключите изъ нашихъ грамматикъ общую часть, равно принадлежащую всѣмъ грамматикамъ—что останется? Малая частичка русскаго языка, и то разсмотрѣнная не все-стороннимъ образомъ. Скажемъ болѣе: настоящее время очень не пригодно для составленія грамматики. Мы знаемъ, какими матеріалами долженъ заняться авторъ грамматики, и это понятіе о важности и количествѣ требованій вовсе несоразмѣрно съ запасомъ матеріаловъ, состоящихъ на лицѣ. За двадцать лѣтъ легко было писать полныя и сокращенныя грамматики: тогда не имѣли истиннаго понятія о филологическомъ ученіи. Но теперь возможны пока два рода трудовъ въ кругу грамматической дѣятельности: одинъ, легчайшій—сличеніе между собою издаваемыхъ руководствъ къ грамматикѣ и, пожалуй, составленіе по нимъ грамматики, лучшей въ-отношеніи къ прежде-издаваемымъ; другой, труднѣйшій и почти единственно-нужный—разработка отечественнаго языка, собраніе матеріаловъ. А матеріаловъ надобно очень-много. Исчислимъ ихъ не по степени важности: во-первыхъ, философія языка, въ тѣхъ результатахъ, которые дознаны позднѣйшими разсужденіями; потомъ, сравнительное изученіе русскаго языка въ связи съ индоевропейскими, къ которымъ онъ относится, и особенно въ связи съ славянскими нарѣчіями; далѣе, историческое его изученіе, къ которому отнесется и языкъ классическихъ современныхъ писателей, какъ познѣйшая ступень историческаго его шестія; наконецъ, языкъ народный, хранящійся въ народныхъ пѣсняхъ, пословицахъ,

сказкахъ, и живущій въ устахъ современнаго намъ народа, который былъ уваженъ самимъ Пушкинымъ, отсылавшимъ учиться родной рѣчи къ московскимъ просвирнямъ. Вотъ-что предстоитъ автору грамматики! Гдѣ же у насъ все это? Мы видимъ только опыты, начатки, предпріятія. Но тѣмъ болѣе заслуживаютъ нашу благодарность труды, подобные книгѣ г. Буслаева: безъ такихъ трудовъ нельзя и отважиться на дерзкую мысль о составленіи русской грамматики.

Всѣ эти различные роды матеріаловъ, безъ которыхъ не имѣтъ мѣста грамматика отечественнаго языка, находятся въ книгѣ г. Буслаева. Сравнительно-историческое языковѣдѣніе—вотъ главная цѣль автора; языкъ писателей новаго періода (Карамзина, Жуковскаго, Пушкина) входитъ также, какъ предметъ сравненія. О народномъ языкѣ трактуется въ особой статьѣ: авторъ принимаетъ его, какъ противоположность теперешней рѣчи письменной и употребляющейся въ кругу людей болѣе или менѣе образованныхъ; пользуясь «Древними Россійскими Стихотвореніями», онъ обратилъ особенное вниманіе на украшенный синтаксисъ, съ тѣмъ, чтобы опредѣлить нѣкоторые идиотизмы русскаго языка. Кромѣ того, показана тѣсная связь нашей народной поэзіи съ древнѣйшими памятниками какъ древней русскаго языка, такъ и прочихъ славянскихъ племенъ, и съ произведеніями новѣйшихъ писателей нашихъ. Въ статьѣ «Арханизмы» изложена историческая стилистика, т. е. исторія реченій, старинныхъ любимыхъ выраженій, обычныхъ поговорокъ и фигуръ, и потомъ указано, какъ и сколько употребляются арханизмы у новѣйшихъ писателей. Весьма-отчетливъ отдѣлъ «Стихій чужеземныхъ»: здѣсь сначала идутъ грецизмы, потомъ исчислены варваризмы въ лѣтописяхъ и народномъ языкѣ; наконецъ разсказана исторія варваризмовъ отъ Петра Великаго до нашихъ временъ. Борьба Шишкова съ карамзинскою школою

представлена ясно. Только мы не можемъ стать на сторону автора, когда онъ говоритъ, что «едва-ли не правъ Шишковъ, связывая вопросъ о чистотѣ языка съ вопросомъ о нравственности». Если подъ безнравственностью разумѣть наклоненіе отъ естественнаго хода, каждую порчу въ слѣдствіе противозаконнаго измѣненія или вторженія чуждыхъ стихій, то Шишковъ правъ. Но въ томъ-то и дѣло, что онъ разумѣлъ подъ ней иное — то, чгдъ разумѣютъ и теперь самолюбивые пуристы. Несомнѣнное заблужденіе Шишкова состояло въ томъ, что онъ хотѣлъ остановить языкъ (какъ-будто языкъ, какъ и все живущее, можетъ остановиться!) или, вѣрнѣе, вращать его въ прошедшей сферѣ языка славянскаго (какъ-будто прошедшее можетъ сдѣлаться настоящимъ, а настоящее, непрерывно движущееся, прошедшимъ!). Это капитальное заблужденіе выразилось тремя ошибками. Для Шишкова всякое славянское слово было хорошо, потому только, что оно славянское: вотъ первая ошибка. Онъ считалъ безразличнымъ языкъ русскій и языкъ церковнославянскій: вотъ вторая ошибка. Онъ, защищая отечественный языкъ отъ варваризмовъ корнесловіемъ и увлекался ложнымъ патріотизмомъ, любилъ насильственно производить иностранныя слова отъ русскихъ, чтобы тѣмъ возвысить достоинство языка своего: вотъ третья ошибка. Сверхъ того, кстати затѣсь припомнить слова, ваяты авторомъ у Муната: «Образование народа стоитъ въ явной противо-

положности къ совершенствованію языка, и чѣмъ болѣе общечеловѣческаго просвѣщенія входитъ въ языкъ, тѣмъ болѣе терпѣтъ онъ величія и самобытности своей собственной грамматической природы» (ч. 2, стр. 228). Итакъ, одно изъ двухъ: или общечеловѣческое просвѣщеніе, или сохраненіе такъ-называемой самобытности языка. — Статеею «Провинціализмы» оканчивается вторая часть весьма-важнаго, по нашему убѣжденію, труда г. Булаева, и мы заключаемъ свой отчетъ слѣдующими словами автора:

«Въ каждой изъ стихій языка есть своя крайняя, негодная сторона: народность граничить съ нечѣстествомъ; архаизмы надуваютъ слогъ напыщенными фразами; варваризмы, въ ущербъ самостоятельному мышленію, прикрываютъ не переваренныя въ головѣ мысли непонятными и во большой части непонятными словами; провинціализмы умижаютъ слогъ до площадной брани. Я рассматривалъ эти стихіи во всей обширности, стараясь показать необходимое и разумное значеніе ихъ въ языкѣ.

«Авторитетъ новѣйшихъ писателей, отъ Домошосова до Пушкина, неоспоримо великъ: но только имъ однимъ ограничиться ни коимъ образомъ не возможно; ибо языкъ непрестанно движется и живетъ своею мощною жизнью въ лонѣ народномъ. Образцовые писатели даютъ рѣчи учащагося складъ и связь, и указываютъ путь, какъ пользоваться языкомъ народа. Стилистика древнихъ языковъ стоитъ въ предѣлахъ классическихъ писателей: стилистика новыхъ, и преимущественно русскаго, литература коего, только-что разцвѣтаетъ, должна расширить свои границы.»

VI.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

А П Р Е Л Ъ .

153) *Новосилъ, часть третья. Санктпетербургъ. 1846. Изданіе Александра Смирдина. Въ 8-ю д. л. 506 стр.*

У меня есть пріятель, котораго я уважаю отъ души. Не заботясь о томъ, что волнуетъ людей, онъ только думаетъ объ обѣдѣ. Обѣдъ у него всегда удивительный; обѣдаютъ обыкновенно девять человекъ; десятый бы онъ роднаго отца не пустилъ. Какъ-то на-дняхъ я у него обѣдалъ. Тутъ былъ и англо-манъ Ч., и ученый С., и вѣчно-веселый Б., и алхимикъ О., и художникъ Г., и литераторъ С., и ветеранъ петербургскихъ гастрономовъ, мудрецъ по учености, художникъ по влеченію, тотъ, чья душа забыла состарѣться съ годами. Обѣдъ и говорить нечего — хозяинъ былъ доволенъ. Послѣ обѣда развалились по разнымъ кушет-

камъ и кресламъ, и закурили; но скоро собесѣдники мои разошлись; кого увлекъ преферансъ, кого бильярдъ. Я остался одинъ. Оставшись одинъ, самъ не знаю отъ-чего вспомнилъ я объ молодой княжнѣ и началъ объ ней думать. Я не влюбленъ въ нее; она княжна древняго рода, мать ея штатс-дама... вся петербургская знаетъ ея сродни; у ней такъ много брильянтовъ, она такъ недоступно-величава, такъ холодна и такъ богата. Я не влюбленъ въ нее... я боюсь ее... мы съ ней большіе пріатели, говоримъ, по обыкновенію, о пустякахъ. До-сихъ-поръ я до нея самой не добрался. Жизнь ея, мысли, чувства, душа—все это загадка... Мнѣ иногда кажется, что въ этой женщинѣ должны быть два существа: одно ангелъ, другое кукла. Куклой она, можетъ-статься, старается быть. Но кто

знаетъ, найдется, можетъ-быть, чело-
вѣкъ, для котораго она захочетъ быть
ангеломъ... Богъ-знаетъ куда бы уне-
сли меня мои мечтанія, еслибъ не при-
шелъ хозяйинъ и не сталъ звать меня
на балъ: «Можетъ-быть, вы и увидите
тамъ кого-нибудь... понимаете?...» при-
бавилъ онъ, щуря лѣвый глазъ. Я пови-
новался и черезъ нѣсколько времени мы
уже подъѣзжали къ иллюминированному
подъѣзду великолѣпнаго дома. Балъ
какъ балъ. Кареты, кучера, цѣпты, ли-
вреи, ковры, обнаженные плечи, джес-
тры, мушкетеры и фраки. Душно, жарко.
Я сталъ въ уголку танцевальной залы,
гдѣ танцы обращались въ давку; не да-
леко отъ меня стояла княжна, блѣд-
ная, съ развитыми локонами. Она по-
смотрѣла на меня такъ, какъ никогда
не смотрѣла. Я бросился къ ней. Она
танцевала съ адъютантомъ, котораго
свѣтская молва давно уже провозгла-
сила ея женихомъ. Я зналъ его за
эгоиста съ пріятной наружностью и
вялой душой; я боялся его для княж-
ны. Я притаялся за ними и началъ
прислушиваться. Они говорили о люб-
ви, о супружествѣ. Онъ говорилъ, что
женщина должна быть во всемъ сво-
бодна; что одно влеченіе сердца мо-
жетъ быть ей закономъ; что мужъ не
долженъ быть въискателемъ, если
только приличіе соблюдено, и свѣтъ
не возстаётъ и не злословитъ. Княжна
отвѣчала съ какой-то грустной покор-
ностью. Мнѣ стало холодно, я хотѣлъ
бѣжать. Но кадрили кончилась; я
взглянулъ на красавицу, и мнѣ пока-
залось, что она зоветъ меня, манить
къ себѣ ласковымъ, обворожительнымъ
взоромъ. Я подошелъ и низко поклонился.

— Я, кажется, сказала она, едва
внятно:—танцую съ вами слѣдующую.

— Если вы не забыли вашего обѣ-
щанія, отвѣчалъ я, хотя и не думалъ
ее ангажировать. — Потомъ я сталъ
бродить по гостинымъ. Куда я ни по-
ходилъ, вездѣ слышалъ разговоръ о
свадьбѣ княжны съ адъютантомъ. Не
зная, что дѣлать, я подошелъ къ боль-
шой картинѣ, висѣвшей на стѣнѣ.

Картина изображала орлеанскую дѣву,
въ полномъ вооруженіи, передъ обра-
зомъ; свѣча, стоявшая на столѣ, освѣ-
щала ея лицо; темныя кудри висѣли
по плечамъ... она молилась. Желая
узнать нима живописца, я нагнулся
ближе къ рамѣ, уперся рукою въ стѣ-
ну. Вдругъ обои раздвинулись, и я уви-
дѣлъ небольшую потайную дверь.
Какъ не замѣтилъ я ея! Куда ведетъ
этотъ выходъ? Сердце мое стукнуло
отъ предчувствія. Дверь тихо отвори-
лась. Я вошелъ въ маленькую комнату,
обитую голубымъ штофомъ и слабо-
освѣщенную дрожащимъ сіяніемъ але-
бастровой лампы. Въ углубленіи ри-
совалась знакомая мнѣ тѣнь и слыша-
лись рыданія. «Что съ вами?» закри-
чалъ я, и бросился впередъ. — Вы меня
презираете? сказала она.

— Не правда, воскликнулъ я.

— Но извинитесь. Зачѣмъ? Ничего и
быть не могло. Вы видѣли сущест-
вующее, бездушное; вы приняли меня за
то, чѣмъ я должна быть. Вы не ви-
дали. Однако мнѣ жаль оставить васъ въ
заблужденіи. Выслушайте меня. Поймите
меня, простите меня. Я никогда не была
ребенкомъ; я родилась въ гостиницѣ. Ко-
гда я еще была маленькая, меня уже
напрякали и водили послѣ обѣда показы-
вать гостямъ. Потомъ выучили меня тан-
цевать и возили на дѣтскіе балы, гдѣ
я уже знакомилась съ большими свѣтомъ
въ маленькіхъ размѣрахъ. Я плакала
когда другіе дѣти были лучше моего
одѣты, когда я не танцевала съ самыми
важными и богатыми отцами; я ох-
раивалась, вертѣла плечиками; я хотѣ-
ла уже нравиться; я смѣялась надъ дур-
ными экипажами, надъ старомодными
платьями, надъ безобразіемъ, надъ бед-
ностью; я гнушалась всего, что не дѣсти-
ло моему самолюбію; я не умѣла еще лю-
бить, а ужъ умѣла презирать. За мной
слѣдила, какъ тѣнь, французская гуве-
нантка, которая заставляла меня удержи-
ваться прямо, не говорить громко; не выра-
жать мыслей и чувствъ, и Богъ-
знаетъ чему учила меня, потому-что сама
рогне, кажется, ничего не знала. Нейми-
те, что я вамъ говорю... Я никогда не
была ребенкомъ. Я не знала ни перемѣнъ
ласокъ, ни дѣтской свободы, ни душев-
наго простора для созерцанія природы.

Въ городѣ, на дачѣ, я вездѣ привыкала къ шуму, къ сибирскимъ толпамъ, которые я сперва и не понимала, но въ этихъ толпахъ было что-то завораживающее, дающее, такъ-что другимъ ужъ и слушать не хотѣла. Мнѣ развратили воображеніе, мои чувства не дали хода, мнѣ испортили разсудокъ. И повѣрите ли, во мнѣ, право, было много хорошаго... я, кажется, могла бы сдѣлаться хорошей женщиной. Затѣмъ родилась я наследницей богатого мѣштина? Когда я стала значитно подростать, меня вдругъ заперли на несколько лѣтъ и стали выдерживать для вступленія въ свѣтъ. Меня отъ всѣхъ пратали, не позволяли никакихъ удовольствій, ни любимыхъ моихъ баловъ, ни театра, ни даже гуляній по Невскому-Проспекту. Мнѣ вдругъ отказали во всемъ, къ чему я привыкла. Вступленіе въ свѣтъ сдѣлалось для меня минутой освобожденія отъ невольнаго затворничества. Я думаю, уминокъ въ тебѣ не ожидаетъ такъ своего помѣшательства, какъ я ожидала моего перваго выѣзда. Наконецъ пришла пора. Меня нарядили въ бѣлое платье, сказали, что говорить, и что слушать, кому присѣдать, и кому не кланяться, словомъ я готовилась къ жизни, какъ актриса готовится къ какой-нибудь роли. И присяги, и слова, все было заготовлено, все было опредѣлено заранее.»

Я узналъ, что и она меня любить, но самымъ должно разстаться — сказала она: — «меня выдаютъ за человека, котораго я ненавижу... Матушка, родные, свѣтъ, — всё, всё противъ насъ!»

Все возможно! воскликнулъ я пламенно.

«Нѣтъ, говорила она... задыхалась и какъ бы изнемогая отъ внутренней борьбы... Нѣтъ... одинъ протѣмъ ихъ всѣхъ!... ты не можешь одолѣть, ты погибнешь. Я не отдамъ тебя имъ... Нѣтъ... знаешь... лучше ужъ убьемъ... Убьемъ со мной на край свѣта... подальше, подальше, чтобы они не могли бѣжать намъ въ погоню... чтобы и слѣда они не могли найти, а то, я знаю, они насъ воротятъ и тогда они разорвутъ насъ на части. Пойдемъ скорѣй... Умиремъ, если надо... Поумремъ имѣть. У этой коммюны есть тайный выходъ... Мы еще успѣемъ спастись. Скорѣй, скорѣй! Только... Слышишь ли... шаги... Они идутъ... идутъ... идутъ!... И обезумѣвъ отъ страшнаго волненія, судорожно обмѣла она ду-

ки свои около моей шеи, и повлекла меня за собой къ потаенной двери. Вдругъ дверь съ трескомъ растопорилась, и у входа показалась маленькая старушка, княгиня, въ токъ, съ перьями до потолка; за ней шелъ адъютантъ на цыпочкахъ, и толпились всѣ родные княжны, всѣ балльные гости...»

Княжна упала въ обморокъ. Я остолбенѣлъ отъ ужаса; волосы мои стали дыбомъ. Княгиня схватила за ноги и начала смѣяться; за ней послѣдовалъ адъютантъ и всѣ, всѣ прочіе... Смѣхъ ихъ наконецъ сдѣлался такъ рѣзокъ, такъ громокъ, что я не вытерпѣлъ — и проснулся. Кругомъ меня хотѣли собесѣдники нашего холостаго обѣда.

— Ну, братъ... порядочно ты выснался! весело сказать мнѣ проигравшійся хозяинъ... Скоро одиннадцатъ часовъ. Мы всѣ собираемся на балъ... Не хочешь ли и ты съ нами? —

— На какой балъ? — закричалъ я такъ дико, что мои пріятели снова разсѣялись.

— Да проснись же, братъ, отъсталъ хозяинъ... Ничего балъ у старушки княгини Р... по случаю помолвки княжны съ извѣстнымъ всему міру адъютантомъ.

— Говорятъ, подхватилъ кто-то изъ гостей: оба такъ счастливы, что глядѣть на нихъ весело. И вообразите, какой странный случай: ни кто не зналъ, что они нѣсколько лѣтъ влюблены другъ въ друга.»

Таково содержаніе новой повѣсти графа Соллогуба «Балъ» (изъ записокъ Леонида), которую открываетъ «Новоселье». За нею слѣдуетъ повѣсть г. Кукольника... «Старый Хламъ». Необходимо, хотя и выйдетъ плохой налѣбуръ, сказать, что повѣсть вполне соответствуетъ своему названію... Бывало, повѣсти г. Кукольника изъ временъ Петра-Великаго читались жадно, потому-что отличались дѣйствительно многими достоинствами; мы перемы съ любопытствомъ слѣдили за ними и отдавали имъ полную справедливость въ нашемъ журналѣ. Но или матеріалъ истощился (что впрочемъ, едва ли основательно), или г. Кукольникъ разучился писать интересныя повѣсти, или ужъ, какъ говоритъ г. Голладинъ-Старшій, прелесть случай вышелъ та-

кой, — послѣднія повѣсти г. Кукольника изъ времени Петра-Великаго совсѣмъ не то, что первыя; нѣкоторые даже такъ безцѣльны и скучны, что, читая ихъ, безпрестанно думаешь, не раскрылъ ли ошибкой какую-нибудь повѣсть г. Кукольникъ изъ жизни итальянскихъ художниковъ, — а извѣстно, что такое повѣсти г. Кукольника изъ жизни итальянскихъ художниковъ и въ какихъ случаяхъ могутъ быть онѣ прописываемы врачами, какъ надежное медицинское средство... Одинъ почтенный отецъ семейства на смертномъ одрѣ завѣщалъ своему сыну быть благовѣреннымъ и не читать повѣстей изъ жизни итальянскихъ художниковъ, и на послѣднемъ наставлялъ даже гораздо-сильнѣе, чѣмъ на первомъ. Именно къ такому разряду относится новая повѣсть «Старый Хламъ». Хотя имена въ ней всѣ русскія и дѣйствующія лица говорятъ о Петрѣ, и событіе открывается истиннымъ событіемъ времени Петра-Великаго, но читатель читаетъ и дочитываетъ (если только дочитываетъ) повѣсть въ полномъ убѣжденіи, что прочелъ повѣсть изъ жизни итальянскихъ художниковъ. Авторъ какъ-будто самъ предвидѣлъ такое плачевное обстоятельство, и, чтобъ хоть чѣмъ-нибудь рѣзко отгнать свои лица, назвалъ на нихъ какой-то особенный сенивереній колоритъ... Мы назвали колоритъ новой повѣсти семинарскимъ и сейчасъ покажемъ, почему такъ назвали. Вотъ, на-примѣръ, какъ говоритъ Мак-Стефенсъ (нужно замѣтить, что усиліе г. Кукольника придать своимъ лицамъ оригинальность, донесло заѣсъ до того, что онъ даже Мак-Стефенсу, жившему въ Лондонѣ и, сколько намъ извѣстно, никогда не бывшему въ бурѣ, придалъ тотъ же часто-упоминаемый колоритъ), — вотъ какъ онъ говоритъ: «Умереть съ голоду!.. За то, что *я тайликалъ природы* я открылъ ей новую силу... За то, что *копечималая натура* монни устани этой же столицѣ, цѣлму міру — *исзолины постода* одну изъ благодѣтельныхъ тайнъ своихъ...» Аняла,

дочь Мак-Стефенса, кунно съ матерью своею Бетси, носятъ на себѣ тотъ же колоритъ; даже на всемъ содержаніи повѣсти лежитъ тотъ же колоритъ, и только «Иллюстрація» и въ ней въ-особенности «Переписка» могутъ дать болѣе-ясное понятіе о той новой, оригинальной манерѣ писать, какую обнаруживаетъ г. Кукольникъ съ нѣкотораго времени. Манера прекрасная, съ которой нельзя не поздравить г. Кукольника: онъ въ ней неподражаемъ!... Но скажемъ нѣсколько словъ о содержаніи «Старого Хлама». Петръ-Великій, въ бытность свою въ Лондонѣ, заказалъ Мак-Стефенсу паровую машину, оставивъ у него въ науку двухъ русскихъ молодыхъ людей. Много времени прошло, пока машину успѣли привезти къ концу; дочь Мак-Стефенса ушла въ ростъ и расцвѣсть, а одинъ изъ учениковъ, Иванъ Семеновъ, успѣлъ въ нее смертельно влюбиться. Но вотъ машина готова, уложена въ ящики; Аняла, нелюбимая, впрочемъ, Иванъ Семеновъ, по приказанію отца вышла за него замужъ, и вотъ уже счастливый Иванъ Семеновъ съ машиной, съ молодой женой и старымъ далькомъ Опискомъ плыветъ въ Россію; но буря разбила судно о скалы Швеціи. Узнавъ, что онъ Русскій, его задерживаютъ въ одной крѣпости. Команданту понравилась Аняла, и Иванъ Семеновъ очутился въ тюрьмѣ, а Аняла сдѣлалась командантшею. Объ Опискѣ забыли. Долго шли переговоры о мирѣ. Наконецъ трактатъ состоялся; надо было освободить плѣнныхъ; всѣ Русскіе обрадовались и поспѣшили въ отечество; о Иванѣ Опискѣ печаленъ, — баринъ его умеръ, изведенъ злыми людьми; но пусть онъ не печалится — г. Кукольникъ справедливъ, и хоть не вполне восторговствуетъ у него добродѣтель, но пороки будутъ, непремѣнно будутъ наказаны. Вотъ Опискинъ рѣшился отправиться въ отечество и идти въ послѣдній разъ поклониться могилѣ барина:

«Идалече увидѣлъ онъ странное зрѣлище. На гробницѣ его (?) скалы шла веселая

нирушка; офицеры угощали комендантшу, которая съ матерью и дѣтми прѣѣхала съ этой сѣвѣной скалы неглядѣться въ бездну, полюбоваться видомъ красивой шкуны... Старикъ ожилъ, завидѣвъ чужихъ на дорогой скалѣ; быстро взошелъ по ступенямъ собственной работы и какъ припадливъ остановился посреди нирующихъ... Всѣ смутились; Анна отоспѣла на сѣмный край скалы...

— И послѣ смерти не дасть покоя! сказала старикъ страшнымъ голосомъ: Марко Степанычъ! (такъ переводилъ Онисимъ: Макъ-Степенъ) Марко Степанычъ! Гдѣ же твое проклятіе...

— Проклятіе... успѣла вскрикнуть Анна и оступилась. Бѣтси замѣтила опасность, бросилась къ Аннѣ, схватила ее за платье и преступная дочь увлекла преступную мать въ бездну морекую... Офицеры бросились внизъ; со шкуны отирали нирусовъ, но море не отдало своихъ жерновъ. Во время общей суматохи, одинъ только Онисимъ стоялъ покойно на скалѣ; попутный вѣтеръ зантраля его длинными желтыми волосами; со шкуны въ рунорь позвали Онисима; онъ упалъ на колену, поцѣловалъ и перекрестилъ землю, и веселѣй, какъ-будто въ жизни съ нимъ никогда ничего грустнаго не случалось, сѣлъ въ родную лодку. Шкуна раскинула крылья и ушла, когда весь народъ съ комендантомъ своимъ ожидалъ не отдалъ ли море Аннѣ и Бѣтси.

Ни тѣни мелодрамы! Естественно, оригинально, поразительно-ново!.. И послѣ того, есть люди, которые осмѣливаются тоже писать романы, и даже нисколько не стараются въ нихъ подражать г. Кукольнику, а идуть своей дорогой, понимая по-своему естественность, оригинальность, художественность... Чудаки! Не даромъ «Иллюстрація» удивляется ихъ дерзости... Еще бы не удивляться!.. Бѣдныя, они потчуютъ публику все однимъ супомъ, — въ началѣ супъ, въ серединѣ супъ, подъ конецъ супъ... у нихъ нѣтъ и на столько смысла, чтобъ понять, что одно кушанье прѣѣтся; — только г. Кукольникъ повалъ тайну романа и очень-хорошо знаетъ, что если сначала хорошо супъ, такъ за нимъ всего лучше соусъ, а тамъ жаркое, и такъ далѣе, — и что въ промежуткахъ не худо чего-

нибудь шницучаго, трескучаго, — вотъ тогда и выйдетъ романъ хоть куда... Но, впрочемъ, тѣхъ, кто хочетъ знать подробный рецептъ хорошаго, истинно-художественнаго, непогрѣшительнаго романа, отсылаемъ къ «Иллюстраціи».

Доскажемъ содержаніе повѣсти. Ящички съ машиной прибыли въ Россію, когда уже великаго ея Преобразователя не было на свѣтѣ. Ихъ свалили въ сарай, наложили на дверь печать, приставили часового, и ящички простояли такъ до царствованія императора Александра. Когда отперли сарай, нашамъ сгнившіе куски дерева, перержавшія желѣзные колеса, поршни и шестерни. Уцѣлѣвъ только кусокъ пергамента, на которомъ не безъ труда разобрали, что «Старый Хламъ» есть паровая машина, сдѣланная въ Англіи по заказу Петра, Царя Московскаго въ 177... послѣдняго числа нельзя было разобрать.

«Мой Мичинъ» — статья г. Хмельницкаго, изъ водовильныхъ каламбуровъ составлена съ примѣсью добродушнаго философствованія на манеръ извѣстнаго русскаго философа г. Галича, — словомъ, статья едва-ли стоявшая чести и одинъ разъ быть напечатанною, — полагается въ печати въ нынѣшнемъ году уже со второй разъ... Въ первый разъ часть ея была напечатана въ «Новостяхъ Альманахѣ» на 1846 годъ... Для чего дѣлаются такія вещи? Показалась ли издателямъ статья столько занимательною, что ее не худо и повторить?.. Но и въ такомъ случаѣ нѣтъ обычная печатать напечатанное и притомъ въ однородномъ изданіи, и въ томъ же году. Перепечатка въ одномъ только случаѣ имѣетъ смыслъ, когда статья первоначально явилась въ журналѣ, у котораго нѣтъ читателей, да и то надо, чтобы она носила въ себѣ полное оправданіе своего вторичнаго появленія. Или, какъ говорится, на издательскомъ-книгопродавческомъ партіи, «не хватило матеріалу», при сильномъ желаніи сдѣлать книгу потолще? Но нужно было подумать, что вѣдь если публика и

не зайти въ чашъ дѣло, то ей ужасно, и тогда толстота, изъ которой вы такъ хапотажи, — качество дѣйствительно почтенное, если произошло естественнымъ образомъ, безъ насильственныхъ мѣръ, — аиѣсто пользы, обратится во вредъ книгѣ.... Другая глава того же автора «Римскій Карнавалъ 1844» не представляетъ ровно ничего новаго, какъ большая часть дорожничковъ и всякихъ путевыхъ записокъ, издаваемыхъ русскими путешественниками, большими охотниками доводить до всеобщаго свѣдѣнiя, что они тоже путешествовали...

Статья В. Луганскаго (Далъ) «Русскiй Мужикъ» — единственная статья въ этой книгѣ, которую можно прочесть не только одинъ, но нѣсколько разъ съ чрезвычайнымъ удовольствiемъ. Мы приведемъ нѣсколько отрывковъ:

«У помѣщика было заведено, что кромѣ едой и квашеной зелени и кореньевъ, съ обрѣзки и оборки едой солжались, и соленъ эта шла для приправы, въ людскiя щи; это приваръ хорошiй?

Староста почесалъ голову, оглянулся на другихъ ребятъ и сказалъ: да на что ихъ мыть...

— Какъ на что? развѣ ты такъ съ пещишь, и будешь ѣсть, какъ свинья?

— Никакъ нѣтъ; онъ бы конечно можно, власть ваша батюшка; — а на то, такъ ребята говорить хотѣ бы ее и вовсе пожалуй не содѣть... вѣдь казачина есть...

— Какъ такъ? ктѣ жъ это говорить?

— Да и всѣ то же говорить, да оно, власть ваша сударь — я такъ только-то сказалъ милости вашей. — Примолвка эта показывала, что смелливый староста самъ началъ догадываться, что онъ крѣпко заблуждался.

— Ото что ты, Феклистова, совралъ, развѣ у насъ дворяне такъ было заведено? а какiя ши, скажи мнѣ, лучше на одной кашеннѣ, чѣмъ съ прибавкой содены?

— Да, оно извѣстно, конечно, съ соленью ши, какъ-будто послаще будутъ повкуснѣе.

— Такъ что же, стало-быть, вамъ лѣнь собирать обрѣзки въ одно мѣсто, свалить

ихъ въ чашъ, да поодѣть? нѣтъ лучше, не-бось затоптать мѣждъ ногъ? а?

Помѣщикъ беретъ старосту Феклистова за чубъ; староста, высонiй, длиннѣйшiй и догалившiй мужикъ, становится на колѣни, чтобы барину сподручить было управлаться, затѣмъ баринъ раскатываетъ галету Феклистова по всѣмъ сторонамъ слегка, безъ сарказма, спомойно, и члѣпаетъ ему длинное наставленiе, какая желѣза вообще отъ овшей, какъ они поддѣрживаютъ здоровье крестьянъ, которые безъ нихъ иногда едятъ на одномъ хлѣбѣ; помѣщикъ ему, какъ мужикъ считала ни за что не хотѣли разводить картошечку, называя его чортосымъ абакомъ, какъ дворянъ въ застольной кидала его полъ стола и тѣшила тѣмъ, что его и собака не ѣсть, — а какъ потомъ, черезъ годъ, нельзя было уберечь градь, таскади картошечку сырой, не свѣжей, перемали по печатъ гради, какъ свиней, выкидывалъ на грязную, а изгадилъ на рубль; припрималъ ему, какъ въ сѣдѣной деревнѣ, и въ другой, и въ третей, была та же мѣла, и какъ и теперь такъ крестьянъ пошаму ѣдятъ въ поклѣбъ картошечку; указалъ на разницу нѣмцы между порядочными хозяйственными крестьянами, у которыхъ водится всякая величина — и управными и дураками, которымъ, поэтъ правдею, не хотѣть разводить стародѣвъ, потому-что у овшей, а дворянъ ихъ огородами не было, — и лучше согласны сдѣлать на мякнѣ, чѣмъ принудиться за разводку овощей. — Во все это время помѣщикъ помахивалъ головой старосты кругомъ, противъ солнца, и хозяйнѣ головы этой, иногда разъ въ мѣсяцъ и нѣмру такого однообразнаго движенiя, предупреждать его безъ труда, забѣдалъ голову впередъ, такъ-что рука помѣщика почти слѣдовала за головою старосты, а не слѣдила ее. Девять человѣкъ зрителей стояли спокойно и слушали, улыбаясь, довольно пристально, что говорилъ помѣщикъ.

— Ну, понялъ ли ты все, что я тебѣ говорилъ, Феклистова?

— Понялъ, батюшка; какже не понять?

— Расскажи же ты мнѣ теперь все это.

Феклистова началъ рассказывать по-своему, все еще стоя на колѣняхъ; говоривъ съ убѣждениемъ и съ утѣренностью — иногда только немного сбивался, и помѣщикъ, подравъ его какъ бы шути, за

чуба, поправлялись и заставляли переогна-
рывать снова.

— Хорошо. Скажи жь мнѣ: въ первый
разъ ты все это отъ меня слышишь?

— Нѣтъ, батюшка Степанъ Денисычъ,
не въ первый, много слышалъ мы добра
отъ вашей милости.

Разсуди жь ты теперь самъ меня съ
собою, кто правъ, кто виноватъ?

— Я батюшка виноватъ, известное дѣ-
ло.

— А за что же я дуракъ, объ тебя руку
въ плечѣ вымолотъ?

— Виноватъ, батюшка Степанъ Де-
нисычъ, глупость наша все это дѣла-
етъ — и поклонъ въ ноги.

— А еще ты сказалъ мнѣ, что всѣ такъ
думаютъ, какъ ты, правда ли это ребята?

— Нѣтъ, батюшка, никакъ нѣтъ, нѣтъ
— отбѣдали къ голосу всѣ зрители.

— За что же ты — а еще староста! — ого-
ворилъ молва-раслау другихъ? а? Вотъ такъ
вы всегда дѣлаете: одинъ выйдетъ изъ
луча, кричать за всѣхъ, увѣрять, что
всѣ за одно, всѣ-де такъ говорятъ, всѣ
какіе жь душни, какъ и онъ, а тѣ стоятъ
развѣсивъ уши, разинувъ рты, да слу-
шаютъ; подайся я на пустословіе твое,
какъ бы и точно можетъ-быть всѣ за то-
бой; недери я тебя за чубъ, да прицепи
тебѣ, что и какъ было говорено и слы-
шано прямо — всѣ отъ тебя прочь, а ты
остался въ дуракахъ одинъ.

— Тамъ батюшка, Степанъ Денисычъ,
дѣтине справляемо!

Мужики разошлись по другимъ рабо-
тамъ, и весь день только и было толку о
томъ, какъ баринъ въ подвалѣ молотъ
старостей месотъ, и говорилъ объ овецъ,
о солонѣ; нѣтъ обманили старосту и оспа-
шались; что баринъ прелезъ.

Что же мы думаете, много послѣдовали
въ домашнемъ хозяйствѣ этому примѣру,
убѣдившись въ справедливости соображе-
ній? Или одинъ; томовали только о томъ, кабы
Господь уродилъ побольше хлѣбца; а что
будутъ ѣсть они, коли хлѣбца не уро-
дится — объ этомъ рѣчи не было.

Вотъ другая сцена:

«Сидятъ во вторникъ на Святой недѣлѣ
преставленъ, съ бабами, дѣвками, ребятами,
на заваленкахъ; Святая была ранняя,
далеко-что земля отошла; день теплень-
кой; всѣ въ парадной одеждѣ, а праздни-

вали Святую плохо, потому-что едва до-
танули животы до весны; урожай былъ
больно скудный; полдеревни ѣли барскій
хлѣбъ, да барскій картофель.

— Эхъ-ма! братцы, сказала одна,
подергивая плечами, на которыхъ наки-
нуть сверху свиній клеветъ свой — эхъ-ма!
вотъ когда-бъ сѣять — такъ сѣять!

— Да, самая бы пора, подхватилъ дру-
гой, сочная земля стала, отошла вся!

— Что жь дѣлать становишь — власть Го-
сподня!

— Таки вотъ сердце радуется, какъ вый-
демъ за околицу: два дождичка послалъ
Господь — сверху припекло землю — рых-
лая, мягкая — мокрота вся вилась, вмигъ
ушла — такъ бы вотъ, какъ-то, самъ легъ
да глыбой укрался, выросъ бы, ей-Богу
выросъ!

— Какъ-быть, стало, такъ Богу угодно.
Дастъ хлѣба, такъ дастъ, хоть и на той
недѣлѣ посѣютъ; а не дастъ, такъ не
дастъ. Все во власти Господней.

— Оно вѣрно такъ; да вотъ, какъ не
дастъ Богъ дожда-то, опять не станетъ
хлѣба, коли милости Господней не бу-
детъ, да однимишю поидетъ тебѣ пропо-
кать пашню, да сунуть во все недѣлю,
да и на той недѣлѣ те же — такъ вотъ
братъ тогда хлѣба, у кого есть, хоть не
носи въ ошей сунуть, а въ землю па-
жалуй кинь — все одно, высекишь, и
ростка не дастъ тебѣ ни одного.

— Эка дура выросла на селѣ — право
дура! а еще мужики называются! вотъ
тебѣ бы для праздника всѣмъ міромъ на-
мѣтъ затѣлокъ, какъ слѣдуетъ, такъ не
отала бы впередъ молотъ; что на поминъ
ни попаломъ! Ну, что волновать мужики,
горло драсть, равно на область? Что жь ты
теперь что-ли пашать да сѣять поидешь,
на Святой недѣлѣ?

— Пахать... кто говоритъ пахать те-
перь... про это нечего говорить, что па-
хать... я говорю, что вотъ хоть на людей
сошлюсь, объ эту пору самая бы бла-
годать, что земля, вишь, сырая, а не те,
чтобъ теперь пахать да сѣять; кто тебя
зоветъ? Господь съ тобой, я тебя не звалъ
пахать; известное дѣло, кто жь поидетъ
о такую пору — чай не на те далѣ Господь
Святую недѣлю. Вотъ, что Богъ дастъ,
разъ на Оеминой.

Тѣмъ-же образомъ крестьяне наши про-
сидѣли на заваленкахъ всю недѣлю, оза-
дались посѣвомъ, вспоминали круглый
годъ, кака-де на Святой-пора была для

жесткая! охъ, какой земли рыхлая, да сочная была! тужили, что Господь Богъ опять не далъ урѣвая, потесали головы, похлопали руками о бока — и поѣхали къ зимѣ на пѣть, да на полати.»

Приводимъ еще слѣдующую сцену:

«Народъ вообще въ деревнѣ этой былъ воровъ не одинаковъ; какъ нанесетъ по-вѣтрѣмъ: то смиренъ, то съ норовомъ. Напримѣръ баринъ приказалъ старостѣ, чтобъ ни одинъ мужикъ и ни одна баба не смѣли держать свиней, овецъ и толать въ жилой избѣ, а чтобъ къ зимѣ у всѣхъ были тонами закуты, на что и отпустилъ нѣтъ лѣсу. Староста три недѣли кричалъ отъ мужицкини, а потомъ пришелъ доложить барину, что мужики не согласны на это. Баринъ спросилъ старосту: въ своемъ ли онъ умѣ? Этотъ вопросъ озадачилъ Фекластова и онъ всталъ сперва за голову, сперва правой рукой, а тамъ лѣвой, и старался разрѣшить вопросъ этотъ, зарывая пальцы, какъ можно глубже въ косы. Развѣ я спрашивалъ у нихъ согласія? Отвѣчай, Фекластова, и не гляди на меня столбнякомъ — посылай, что ли я тебя собирать согласіе?

— Нѣтъ, сударь, про это моего и говорить; за этия дѣламы не посылали.

— А коли не посылаю, такъ на что же ты привнесъ мнѣ того, чего мнѣ не нужно?

— Эка, подумаетъ, кака притча стала — проговорилъ Фекластовъ про себя, потупивъ глаза въ землю: онъ и самъ не понималъ теперь, какъ-де это случилось, что пришелъ онъ и сталъ говорить нутно, а какъ только сказалъ, вынулъ слово — выводитъ безтолково; посылали меня за однимъ, подумалъ онъ, а я привнесъ другое, а казалось все одно...

— Такъ поди же, другъ ты мой любезный, и не дѣлай впредѣ дѣла по-своему, а по-моему; согласія я не спрашивалъ, и его мнѣ не нужно, а чтобъ закуты были.

Миръ разсудилъ, что баринъ правъ и попену, хотя и некого, и богъ согласія, да сталъ однако жъ попенному выводить скотъ изъ жилыхъ избъ.

Но не всегда и не все обходилось такъ мирно, бывали и другіе примѣры. Настала весна, послѣ зимы, о которой мы говорили, и мужики, протолкавъ цѣлую зиму между собой о томъ, что вотъ-де Крещитовскимъ легче, они всѣ на обро-

къ, у нихъ нѣтъ барщины, выдумали также мати на оброкъ. Всѣ толки шли объ этомъ на такомъ основаніи, будто дѣло это вводитъ отъ нихъ зависить, а не отъ барина. На третій день Свѣтой приходитъ гурьбой на барскій дворъ, смирно, тихо, не нѣжные, потому-что въ деревнѣ кабака не было — и засылаютъ стариковъ вызывать барина. Баринъ выходитъ, думаетъ услышать что-нибудь нутное, и слышитъ, ни съ того, ни съ сего, отпустите насъ на оброкъ. Доказавъ нѣтъ безтолковости этой просьбы въ короткихъ словахъ, онъ хотѣлъ было узнать, откуда эта выдумка всталась — но вмѣсто того слышитъ только одно и тоже настоятельное и безотчетное требованіе; никакое убѣжденіе не дѣйствуетъ; крестьяне объявляютъ наконецъ положительно, что они, такъ же точно, какъ и Крещитовскіе, хотѣтъ платить по 30 руб. съ тягла, а на барщину не хотѣтъ. Воля ваша, мы передъ вами милостью согрѣбуть не смѣемъ, да только ужъ вы насъ отпустите; мы противъ вашей милости, батюшка Степанъ Денисичъ, идти не можемъ, а уми только мы насъ на оброкъ отпустите; мы не желаемъ на барщину ходить, а на оброкъ согласны. — Съ ума, что ли вы сошли? кто же будетъ тутъ землю пахать, кто хозяйничать? Ужъ про-то не знаемъ, кто останется, поработаетъ, на это воля ваша; а насъ батюшка отпустите. Убѣдить ихъ никакъ было ни чѣмъ: потолоканы еще долго, помѣшникъ сказалъ нѣтъ положительно, что не отпуститъ, и ушелъ.

Всѣ крестьяне собрались идти въ городъ, къ исправнику.

Ступайте жъ, коли такъ, сказали окончательно Степанъ Денисичъ, разсудите, что надо иногда русскому человеку помѣшничать и этия его проучить; ступайте къ исправнику, а я всѣхъ провожу. Езубовъ крестьяне отпривались въ городъ, все деревня просится у исправника на оброкъ; а баринъ велѣлъ заложить свою брѣтку и обогналъ ихъ уже на пути. Онъ объяскалъ исправника, предупредилъ его во всемъ, и самъ ожидалъ свою ватагу. Дорогой крестьяне поощрились; нѣтъ казалось, что они правы кругомъ и чуть не святые; они сговорились не поддаваться, не уступать, требовать оброкъ.

Исправникъ собралъ ихъ передъ дворомъ своимъ, выслушалъ и сталъ толковать имъ, что они вышло-де рехнулись; что оброкъ или барщина зависитъ отъ

пошлиника, а не отъ нихъ, и что имъ требовать ни того, ни другого нельзя. Слышаемъ батюшка, былъ отвѣтъ — да, молъ ваша, ужъ мы на барщину не пойдёмъ. — А, коли такъ, сказала исправникъ, такъ я васъ выведу на барщину. Ты, говоритъ, поди-ка сюда первый — а за тѣмъ и другой, и третій, и такимъ образомъ человѣкъ десятокъ на выборъ, тутъ же на мѣстѣ были наказаны. — Ну, еще что ли есть охотники, спросилъ исправникъ, такъ выходите сюда, скорѣй, имъ некогда! Мужички мои всѣ гурьбой пошпились, согласились безпрекословно, что они затѣли вздоръ, увѣрили, что это и въ первый, и въ послѣдній, и другу и недругу заказать, что домой пришедши даже ребятъ всѣхъ пересѣкутъ, пусть-де помнить отцовскую вину и глупость и сами на нее глядя казнятся, общали идти безпрекословно на барщину, и сдержали слово; поблагодаривъ за науку, отправились они чинно домой, вышли на утро въ поле и жили впередъ со Степаномъ Демьянчемъ въ ладахъ и въ дружбѣ.»

Статья «Два Отрывка изъ записокъ о Римѣ» принадлежитъ къ тому же роду статей, какъ и «Римскій Карнавалъ въ 1844 году.» и къ ней можно приложить то же, что сказали мы объ отрывкѣ г. Хмѣльницкаго...

Статья г. Булгарина «Поездка въ Грузино въ 1824 году» замѣчательна, между-прочимъ, какъ новое доказательство, что никто пламени не г. Булгарина не любитъ правды и не обладаетъ такою и всегдашнюю готовностію умереть за правду. Не вѣрите — прочтите новую статью. Сверхъ-того, она доказываетъ, какъ много замѣчательныхъ въ какомъ бы то ни было отношеніи людей, которые были друзьями г. Булгарина, — что, впрочемъ, по скромности, составляющей, какъ извѣстно, одну изъ важнѣйшихъ человѣческихъ добродѣтелей, сочинитель доводитъ до сѣдѣнія публики веранѣе, какъ тогда; когда знаменитый другъ уже тлѣетъ въ могилѣ, безгласенъ и безотвѣтенъ... Умеръ Пущинъ, писавшій между-прочимъ въ одно время полемическія статьи подъ псевдонимомъ Теофилакта

Косичкина, — и публика тотчасъ узнала изъ «Сѣверной Мчелы», что не было у него человѣка столь близкаго и сердцу его столь любезнаго, какъ г. Булгаринъ. Умеръ Грибоѣдовъ — то же. Вотъ еще и недавно повторилась та же исторія съ Полевымъ. Но обратимся къ настоящей статьѣ. Вообще вся она есть новое доказательство добродѣтелей сочинителя; добродѣтели его вѣсьма кажутся рѣзче и опредѣленнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Оно и понятно: чѣмъ болѣе о чемъ-нибудь толкуешь, тѣмъ болѣе приобретаешь навыку и искусства, и почтенный мистеръ Пенсиль, въ романѣ Диккенса «Мартинъ Чодлсвиль», подъ конецъ поетъ еще влажнѣе и слаще, чѣмъ въ началѣ. Когда приходится говорить о г. Булгаринѣ, намъ также не о чемъ болѣе говорить, какъ о достоинствахъ его; и такъ, будемъ говорить о достоинствахъ г. Булгарина; но чтобъ не пропалъ букетъ, постараемся говорить, по возможности, его собственными словами. «Фамиліарности я не люблю съ старшими и глупаюсь фаворонствомъ, которое не чтитъ ни лѣтъ, ни заслугъ, ни званія, но не умѣю также играть ни роли лакея, ни серальскаго вѣрнаго, ни бездушнаго льстеца. Въ жизни моей я имѣлъ случай быть съ близкими знакомыми съ нѣсколькими не только сильными людьми, но истинно великими мужами» (стр. 206). Когда г. Булгаринъ прибылъ въ Грузино, графъ Аракчеевъ, изволяте видѣть, не обратилъ вовсе вниманія на прочихъ своихъ гостей, а подошелъ прямо къ г. Булгарину и сказалъ: «А! очень-радъ любезному гостю!», взявъ его подъ руку и повелъ въ комнаты. «Можно представить себѣ, въ какомъ я былъ положеніи! Я въ первой парѣ передъ всѣми, иду съ нимъ рука объ руку какъ-будто старшій пріятель и товарищъ!» (стр. 206). Но г. Булгаринъ однакожъ нисколько не возгордился, и приписалъ, по собственной ему скромности, ласку графа намѣренію его дать урокъ прочимъ гостямъ: «Не въ темъ я былъ!» заключаетъ онъ, отдавая справедливость

своей деятельности. Мы почитаемъ неслѣдующее замѣчаніе излишнимъ... Впрочемъ, что останавливаться на мелочахъ! Пропустимъ даже всѣ лестные комплименты, которые говорилъ г. Булгарину графъ Аракчеевъ, сравнивавшій его между прочимъ даже съ Цицерономъ (тѣмъ рассказываетъ г. Булгаринъ...) и переходимъ къ слѣдующему факту. Графъ предложилъ выпить за здоровье г. Булгарина, и за тѣмъ «посыпались слова шутки, между которыми я (г. Булгаринъ) открылъ весьма-важное для меня обстоятельство, что я оклеветанъ былъ *передъ графомъ*, и притомъ «самымъ гнуснымъ образомъ, на счетъ моего образа мыслей. Спѣша оправдаться, г. Булгаринъ воскликнулъ: «Съ своимъ образомъ мыслей я никогда не скрываюсь, не скрывался, и до гробовой доски не стану скрываться, не по деличеству благородіи, а по характеру. Еслибъ мнѣ нравился образъ *принца Свенто-Американскаго Шта-гофа*, то не обинуясь я поехалъ бы въ Америку и поселился бы въ ней...» (стр. 209).

Здѣсь можно бы многое сказать, чтобы только напомнить читателямъ, что г. Булгаринъ написалъ о любви къ отечеству цѣлую томъ... За тѣмъ г. Булгаринъ началъ рассказывать о своихъ военныхъ походахъ, «отъ Лапландіи до скалъ Гибралтара», и не удивительно, что всѣхъ заинтересовалъ, — потому-что, какъ сказалъ покойный Полевой въ «Литературной Газетѣ» (№ 1): «чьего любопытства не возбудитъ жизнь человека (г. Булгарина), который родился Полякомъ, воспитанъ въ русскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, послѣ «покоренія Польши былъ въ русской службѣ, сражался въ русскихъ рядахъ, увлеченъ потомъ судьбою полководца Наполеона, бился подъ орлами его въ Ицаніи, и когда смолкли битвы, промѣнилъ саблю на перо, сдѣлался сперва польскимъ, а потомъ русскимъ литераторомъ?» и проч.

Но довольно. Всѣмъ извѣстно, что г. Булгаринъ стоитъ на стражѣ русскаго языка, котораго чистота для не-

го всего дороже. Это видно и изъ вступительной статьи, гдѣ между прочимъ, на стр. 211, найдете такую фразу: «Въ одномъ концѣ залы, не правую сторону, выходилъ изъ столовой, столъ «столъ» и проч. Многимъ могло бы показаться страннымъ, какимъ-образомъ столъ выходилъ изъ столовой, да еще въ то же время и столъ, еслибъ изъ «Парижскихъ Писемъ», печатающихся въ «Сѣверной Пчелѣ» не было видно, что г. Гречъ находителъ теперь въ Парижѣ. Итакъ, ничего не остается болѣе, какъ поблагодарить г. Булгарина за посылное усердіе... Русскіе литераторы на-перерывъ искажаютъ русскій языкъ и не будь г. Булгарина, чистота русскаго языка погибла бы безвозвратно! А еще находятся люди, которые осмѣиваются отрицать заслуги г. Булгарина!..

Дѣйствительно г. Гребенши «Черты изъ Частной Жизни Вечерочка» и «Піита» показались намъ слабѣ прежнихъ повѣстей того же автора, обладающаго несомнѣннымъ дарованіемъ.

Статья Полеваго «Записки Книгопродавца», кротечный отрывокъ, не представляющій ничего особенно-замѣчательнаго. Въ «Новосельѣ» есть еще другая статья Полеваго, подъ заглавіемъ «Тимонъ Аоніянскій» — солидные очерки изъ драматической повести Шеншира, въ стихахъ...

Стихи! Кстати о стихахъ. Въ «Новосельѣ» также есть и стихи. Поэты-вкладчики слѣдующіе: Гг. Бенедиктовъ, Губеръ, Дуровъ, Слѣпушинъ, Струговицковъ, и нѣкто, скрывающійся подъ тремя звѣздочками и напечатанный въ «Новосельѣ» отрывокъ изъ XXXIII пѣсни дантова Ада. Стихъ перевода до того дубоватъ, что, какъ говорятъ актёры, когда имъ приходится произносить дурные стихи, «языкъ ломается». Мы думаемъ, что лучше не переводить Данта, чѣмъ переводить его такими стихотворцами. Кромѣ нѣсколькихъ подражаній Данту Пушкина, мы не знаемъ на русскомъ языкѣ ничего, что бы давало хоть малѣйшее понятіе о дантовой поэзіи... Стихи г.

Губера были бы превосходными стихами, еслибы не страдали недостатком дѣльнаго и оригинальнаго содержанія, а форма—удивительная. Въ одномъ изъ нихъ («На чужой могилѣ») авторъ не шутя сѣтуетъ на людей, что они скоро забываютъ умершихъ, и не любятъ почитать ихъ могилъ, заставляя бѣдныхъ мертвецовъ лежать и гнить въ одиночествѣ... Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, великое преступленіе!..

Спящій въ гробѣ мирно спи,
Жизнью пользуйся живущій!..

Одно стихотвореніе г. Дурова («Когла трагическій актёръ») было бы не дурно, еслибы его не портилъ послѣдній куплетъ, совершенно лишний, да еще и плохой. Впрочемъ, оно уже было напечатано въ «Невскомъ Альманахѣ» и здѣсь Богъ-знаетъ зачѣмъ является во второй разъ. Стихи Сибирякина забавны. Но то, на чемъ преимущественно остановится вниманіе читателя, которому попадетъ въ руки «Новоселье», чѣмъ онъ будетъ пораженъ, разбить на голову, опрокинуть, подавить.—безспорно, стихотвореніе г. Венедиктова «Три Испытанія», которое потому здѣсь выписывается съ строжайшею точностію.

Въ дни юной юности, въ разгулѣ бытія,
Я зналъ три гисбелы,—зналъ три предмета я
Всесокрущительныхъ: то очи огневые,
Да кудри темныя, да перси наливныя.

Тѣ очн... небо въ нихъ являлось; но оно
Въ дѣхъ черныхъ радуги бровей облечено;
Сокрывъ свою лазурь и яркій блескъ ден-
ницы

За облаками вѣждъ, за иглами рѣсницъ,
Подъ сводомъ горлаго, дилейнаго чела —
Мрачилось, гнѣзилось; таинственная мгла,
По прихотн, его мгновенно покрывала,
Струила дождь и градъ, и молвія метала

Тѣ кудри черныя... ихъ страшно вспо-
мянуть!

Тѣ кудри... пѣлый міръ въ нихъ могъ бы
утонуть,

Когда бъ онъ съ главы упали вдругъ раз-
литы

И бурей взымали; — извѣты, порывы,

Какъ змѣи лютыя, онѣ вились, черны,
Какъ новыя зависти, какъ думы сатаны.

Та черная коса, тѣ локоны густые,
Ихъ волны, пряди ихъ и кольца смоля-
ныя,

Когда бъ раскинуть ихъ, казалось бы,
могли

Опутать, окружить, обвить весь шаръ зем-
ли,

И цѣлая земля явилась бы чернищей,
Въ глубокомъ траурѣ, покрыта власнищей

Тѣ перси юныя... о! то былъ дивный край,
Гдѣ жили свѣтъ и мракъ, смыкались адъ
и рай;

То былъ мятежный край смутъ, прихотей,
коварства;

То было бурное, взволнованное царство,
Гдѣ не могли сдержатъ ни сила, ни за-
конъ

Сомнительный вѣнецъ и зыблющійся
тронъ; —

То былъ подмытый берегъ надъ хлябью
океана,

Опасно движимый дыханіемъ вулкана;
Но жаръ тропической, но климатъ золотой,

Но свѣтлые холмы страны заповѣдной,
Любви неопытной суля восторгъ и нѣгу,

Манили юному къ таинственному берегу.

Вотъ такъ стихи! Вотъ такъ поэзія!..
Очи—небо, брови—радуги, вѣжды—
облака, рѣсницы—иглы, все чело—сводъ
неба, навѣтый мглою, въ который
струится дождь и градъ и блещутъ мол-
нии... А въ кудряхъ цѣлый міръ могъ
бы утонуть,—шутня сказать, цѣлый
міръ!.. Навѣты, порывы, какъ змѣи
лютыя, черны какъ косыя зависти,
какъ думы сатаны. Да те ли еще... тѣ
кудри... Но лучше повторимъ: не
грѣхъ и повторить!

Та черная коса, тѣ локоны густые,
Ихъ волны пряди ихъ и кольца смоля-
ныя,

Когдабъ раскинуть ихъ казалось бы
могли

Опутать, окружить, обвить весь шаръ
земли,

И цѣлая земля делалась бы чернищей
Въ глубокомъ траурѣ, покрыта влас-
нищей...

Каково? Что можетъ быть сильнѣй,
образнѣй, грандіознѣй?.. Но позволю

те!.. а что-то странное чувствую! Чувствую я въ себѣ страстное желаніе, можетъ - быть, даже призваніе воспыть... что бы вы думали?... кудри! кудри, воспытый г. Бенедиктовымъ... Конечно, дерзость неслыханная, но уже раздумывать поздно — я ничего не слышу, ничего не вижу... а пою...

Тѣ кудри черныя... когда бѣ отрывать ихъ,
Преступно посягнувъ на нихъ несокрушимость...

Соткать на нихъ чехолъ изъ нитей дорогихъ—

Въ немъ бѣшеныхъ кудрей сковать не-
обозримость,—

И взбить перину ту, въ длину и ширину,

Черезъ степи жаркія, черезъ влажную
волну,

Черезъ горы и лѣса, послать се по міру,—

Все человѣчество могло бѣ на нихъ за-
снуть,

Въ душномъ ихъ пуху блаженно у-
нуть,

И — гордо близостью къ надзвѣздному
зену,—

Увидѣть райскіе, плѣнительные сны
Про кудри черныя какъ думы Сатаны,

Какъ ковы зависти, про очи огненныя
Про радугу бровей и перси павлиныя...

Нѣтъ! не то, далеко не то!.. Воображеніе отказывается выдумать что-нибудь грандіознѣе картины цѣлаго міра, опутаннаго одною женскою косой, и отъ-того превратившагося въ черинку въ глубокомъ траурѣ... Куда *новой, натуральной школы!*.. далеко ей до такихъ картинъ!.. Она умѣетъ только списывать дѣйствительность, даже не принимая на себя труда сколько-нибудь украшать ее... Вотъ то ли дѣло *старая риторическая школа!*.. Вообще, стоитъ прочесть III-й томъ «Новоселья», чтобъ убѣдиться въ превосходствѣ *старой риторической школы* предъ *новой натуральной!*..

Сверхъ этихъ статей, въ «Новосельѣ» напечатана драма С. А. Гелеонова «Смерть Лапунова» и фламандская быль покойнаго П. А. Корсакова «Да здравствуетъ покойникъ!» Драма вы-

шла и отдѣльное изданіе: посвященъ и ны поговоримъ о ней отдѣльно, а о статьѣ «Да здравствуетъ покойникъ!» ничего не скажемъ по извѣстному предсловію о покойникахъ: *de mortuis aut bene aut nihil...*

154) Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскія при Московскомъ Университетѣ. Засѣданіе 25 февраля 1846 года. № 2. Москва. Въ университетской тип.

Первое мѣсто во второй книжкѣ «Чтеній» Общества занимаетъ изслѣдованіе дѣйствительнаго члена Общества Бодянского объ «одномъ прологѣ Библиотеки Московской Духовной Типографіи и тождествѣ славянскихъ божествъ, Хорса и Дажьбога». Авторъ называетъ этотъ прологъ французскимъ находкою особенно потому, что въ немъ встрѣчается извѣстіе о языческихъ божествахъ Славянъ, которое подтверждаетъ собою прежнія скудныя свѣдѣнія объ нихъ, находящіяся въ Исторіи, «Словѣ о Полку Игоревомъ», «Словѣ нѣкоего христолюбца и развѣстеля по правѣи вѣрѣ», и въ «Кіевской и Волынской Лѣтописи по ипатьевскому списку». Изъ этихъ божествъ г. Бодянский обращаетъ вниманіе въ своемъ изслѣдованіи только на Хорса и Дажьбога, которыхъ онъ считаетъ за одно и то же лицо. Первое допущеніе его въ пользу такого нѣтъ основано на филологическомъ значеніи слова хръсъ, херсъ, хръсъ, хрость, которое онъ приписываетъ чуждому языку, именно Zendскому, гдѣ есть *wer, weresh*, означающее солнце. Такъ какъ Славяне, подобно древнимъ Персамъ, Грекамъ и т. д., поклонялись солнцу и поклоненіе это вынесено было ими изъ Авіи, изъ Индіи, или же было отъ нихъ съ азіатскими племенами, то и названіе этого божества было, очевидно, чуждое, т. е. персидское. Замѣтимъ здѣсь, что силлогизмъ г. Бодянского отличается чрезвычайною странностію. Изъ двухъ совершенно противоположныхъ посылокъ, онъ хочетъ вывести одно заключеніе, чего,

по законам здравой логики, никак не может быть. Правильное умозаключение должно быть построено так: если Славяне знали поклонение солнцу у другого народа, то и название поклоняемого божества должны были заимствовать у него же; если жь это изобретение было у них свое, самостоятельное, ни у кого незаимствованное, только общее съ другими народами, то главное название предмета их изобретения также должно быть свое собственное, хотя и общее съ другими, и ни откуда не слѣдуетъ, чтобъ оно было чуждое, т. е. персидское. Не станемъ, впрочемъ, удивляться такого рода странностямъ: онѣ необходимо рождаются въ головахъ человѣка, который самую твердую основу своихъ допущеній опираетъ единственно на созвучіи словъ. Къ числу подобныхъ странностей, имѣющихъ одно и то же исходное начало, можно отнести возвращеніе г. Бодянского къ старой пѣснѣ, которую когда-то пѣли хоромъ, и которая потомъ всѣмъ надѣла. Мы разумѣемъ объясненіе происхожденія всѣхъ земныхъ народовъ, а вмѣстѣ съ ними и Славянъ, отъ одной общей матери — Индіи. Нынѣ эти вещи годятся только для забавы. А г. Бодянский принимаетъ за нихъ, чтобъ положительно доказать, что слово *хорсѣ*, встрѣчающееся въ числѣ древнихъ славянскихъ божествъ, вѣсто съ древняго вендскаго языка и означаетъ солнце, а нашими предками переведено въ послѣдствіи именемъ Дажьдбога, Дажьбога, Дажьба. Переводъ же этотъ на свой родной языкъ совершенъ былъ по тому очень-важному случаю, что варварское слово *хорсѣ*, *хрѣсѣ*, *хросѣ*, казавшееся прежде нашимъ праотцамъ, Богъ-знаетъ почему, весьма яснымъ и понятнымъ, а потомъ, Хорсѣ тоже знаетъ отъ-чего, вдругъ сдѣлалось невразумительно и непонятно. Вотъ они и переплели Хорса въ Дажьдбога, потому-де, что означалъ выходитъ одинъ и тотъ же; Хорсѣ, или солнце, даетъ благо, и Дажьдбогъ тоже даетъ это благо. На это, до-

жетъ-быть, скажутъ: отъ-чего жь они прежде такъ не назвали своего божества? Ну, да просто отъ-того, что не скоро еще догадались, что солнце по-даетъ благо, а можетъ-быть и потому-что иностранное словечко имъ пришлось по вкусу. Известно, что они и послѣ не могли расстаться съ нимъ, такъ привыкли къ нему, что мечи *есенды* ставили его впереди своего, роднаго. Впрочемъ, иногда случалось, что вендское и славянское божество стояли не рядомъ другъ съ другомъ, слѣдовательно, одно другому не всегда служило толкованіемъ, какъ думаетъ г. Бодянский, и слѣдовательно они могли быть совершенно различными — другъ — другу чуждыми божествами. Да и странная была бы привычка, если бъ онѣ значили одно и то же, постоянно держаться варварскаго названія, когда оно сдѣлалось темнымъ, невразумительнымъ, и когда создано было болѣе-ясное славянское слово, выражающее, по мнѣнію автора, ту же самую идею. Что Дажьдбогъ могло выражать понятіе о солнцѣ, это могло быть, — и доказательства автора въ подтвержденіе этой мысли могутъ еще быть допущены. Но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобъ *Хорсѣ* и *Дажьдбогъ* были одно и то же божество. Главное доказательство его въ пользу такого мнѣнія, мы сказали, основано единственно на созвучіи вендскаго слова *хорсѣ* съ *хорсолнѣ*; но мы знаемъ до какихъ крайностей доводитъ часто желаніе объяснить все созвучіемъ словъ, которое можетъ быть часто случайно и нимало не доказательно. Второе и третье доказательство тождества славянскихъ божествъ *Хорса* и *Дажьдбога* авторъ заимствуетъ изъ нѣкоторыхъ мѣстъ «Слова о Полку Игоревѣ». Но эти доказательства уже потому не могутъ имѣть значенія, что они основаны на первомъ, которое г. Бодянский считаетъ дѣломъ рѣшеннымъ. Онъ говоритъ, что подъ выраженіемъ «Жизнь Дажьдбога звука» разумѣется жизнь Русичей, видѣвшихъ въ Дажьдбогѣ Бога, подателя и виновника всего лю-

вущаго, сдѣлаваемо и самихъ себя, своей жизни и, не смѣя возмичать себя прямо членами этого бога, называемся только внуками, и какъ подъ выражениемъ «гыцаша живаша наша», встрѣчающемся въ припискѣ къ одному рукописному пергаменному апостолу, приписчикъ разумѣлъ жизнь Прого-ролашевъ, то стало быть, подлѣ погнѣбаше жизнь Дажьбожа внука, должно разумѣть: погнѣбала жизнь киевскихъ Руссовъ. Отсюда онъ выводитъ сдѣлающее заключеніе: если подлѣ жизнью Дажьбога внука разумѣется жизнь, сила, земля, обитатели Руси южной, то и выраженіе дѣвца «Слова о Полку Игоревѣ» о Всеславѣ «Великому Хрещенъ путь прерыскаше», значитъ, что Всеславъ пробѣгалъ съ быстротою вода земля русскую, потому - что Хорсъ и Дажьбогъ одно и то же. Дѣла, авторъ соглашается впрочемъ и на ту мысль, что это выраженіе означаетъ только, что Всеславъ въ быстротѣ своей соперничалъ даже съ волчью рысью самого великаго Хорса, т. е. солона. Воля ваша, г. Бодянский, а доказательства ваши «темна вода во облацѣхъ», и на нихъ пока рѣшительно ничего нельзя основать, даже нельзя вывести изъ нихъ и того результата, что Хорсъ и Дажьбогъ суть названія одного и того же божества, хотя вы изъясняете силу хлопотете объ этомъ. Въ заключеніе своего изслѣдованія, вы обращаете вниманіе на молитву, которую произнесъ Владиміръ послѣ крещенія русскаго народа, и которая заключается въ найденномъ вами прологѣ, и говорите, что важно также знать, какую молитву и въ какихъ выраженіяхъ принесть Богу нашихъ русскій Соломонъ. Но удѣлены ли вы сами, что эта молитва и въ этихъ самыхъ выраженіяхъ, дѣйствительно должна была усть самого Владиміра, а не есть позднѣйшее сочиненіе? Мы съ своей стороны удѣлены въ послѣднемъ.

Замѣчательно «Разъясненіе г. Удольскаго о мѣстѣ погребенія Пророка Лазаря». Пересмотрѣвъ мѣстна другіхъ ученыхъ, занимавшихся до

него изслѣдованіемъ этого вопроса, и найдя ихъ неудовлетворительными, онъ предлагаетъ свое рѣшеніе, дѣйствительно никуда непереносимую достоверность. Въ архивѣ Свѣто-Троицкой-Сергіевской-Лавры онъ напечаталъ тетрадь спорошиснаго почерка XVII вѣка, содержащую въ себѣ списокъ съ надгробныхъ надписей лавръ, похороненныхъ въ этой обители. Въ одной изъ этихъ надписей сказано: *Пророкъ Лазарь да Моисей Ржевскій убиши 418 года июля въ 23 день*. Но изъ этого нельзя еще вывести заключенія о мѣстѣ погребенія Лазаря, потому - что здѣсь говорится только о его убійствѣ. Впрочемъ, если принять за расчетъ, что слово убиши употреблено въ томъ же значеніи, а это легко можетъ случиться, то и такого мѣста достаточно для того, чтобы сказать почти утвердительно, гдѣ погребенъ Лазарь, т. е. въ Троице-Сергіевской-Обители. Но г. Удольскій разрѣшаетъ вопросъ еще удовлетворительнѣе. Занятый своими предметомъ, при пересмотрѣ архива, онъ отыскалъ Владиміру Ипатью. Въ этой книгѣ записанъ «родъ Лазаря сына». Владиміръ этой фамиліи ни одного; всего одинъ, именно: «131 (4613) году даде складу Володиміру Пророку Лазарю, а отцу своему Пророку, денегъ 100 рублей и за тою складу погребли его въ доку Живоначальна Троицы». Изъ этого авторъ заключаетъ, что Лазарь, упоминаемый въ 1613 году дакузаканни, былъ погребенъ вмѣстѣ съ Ржевскими у церкви Благовѣщенія на Воронцовомъ-Полѣ, какъ сказано въ «Филаретовой Рукописи», а именно въ 1613 году уединенъ сына его, Владиміра Лазаря, тѣло его погребено вмѣстѣ съ тѣломъ Ржевскимъ и погребено въ Сергіевской-Обители. Въ концѣ своего «Разъясненія», г. Удольскій приложилъ списокъ съ надгробныхъ надписей, найденныхъ имъ въ архивѣ Троицкой-Лавры.

Въ отдѣлѣ Матеріалавъ Отечественныхъ, помѣщено продолженіе «Исторіи Рукописей Малой Россіи», сочиненной Георгіемъ Копелевымъ, архимандритомъ 64.

лорусского. Это — лучшее украшение Чтеній Исторического Общества. Увлечательный рассказ автора, оушешеннаго своимъ предметомъ и принимающаго въ немъ живѣйшее участие, исполненъ глубокаго интереса. Особенно его изображение униі носитъ на себѣ печать необыкновеннаго мастерства. — Для Иностранныхъ Матеріаловъ выбрано «Сравненіе законовъ царя Стефана Душана сербскаго съ древнѣйшими чешскими и русскими постановленіями» соч. Фр. Палацкаго, перев. съ чешскаго дѣйствительнаго члена Общества Бодянского. Въ Сѣмѣи представлены слѣдующія статьи: Достопамятности города Смоленска, соч. дѣйствительнаго члена И. Мурзавечича; Нѣкоторыя черты правовъ и обычаевъ жителей Нерехотскаго-Уѣзда, соч. М. Діева; О заглавномъ листѣ въ Синодикѣ Анисимова-Монастыря, соч. Д. Дубенскаго; Краткое описаніе Кудикова-Поля, Д. Тихомирова. Книжка оканчивается протоколомъ засѣданія Общества 26 января 1846 года.

155) Творенія Святыхъ Отцевъ въ русскомъ переводѣ, съ прибавленіями духовнаго содержанія, издаваемыя при Московской Духовной Академіи. Годъ четвертый. Книжка I. Москва. Въ тип. А. Семена. 1846.

Пять книгъ опроверженія Василія Великаго на защитительную рѣчь злочестиваго Евномія; два слова высокопреосвященнѣйшаго Филарета, митрополита московскаго, изъ которыхъ одно произнесено было по случаю освященія въ городѣ Бронницахъ храма Пресвятыя Богородицы, въ честь иконы ея Іерусалимскія, февраля 3-го дня 1846 г., а другое въ день святителя Алексія, на третій день недѣли воспоминанія страшнаго суда, сказано было въ кафедральной церкви Чудова Монастыря; письмо о грѣхопадении прародителей; Петръ Могила, митрополитъ кіевскій; о спасительныхъ таинствахъ, — вотъ содержаніе первой книжки года четвертаго Твореній

Святыхъ Отцевъ. Заимчивѣйшимъ статья въ «Прибавленіяхъ» къ этой книжкѣ есть изложеніе жизни и дѣяній Петра Могилы, славнаго въ исторіи русской іерархіи своею неутомимою дѣятельностью и многими прекрасными подвигами на пользу церкви. Могила, или, по народному именовацію, *Моисей*, принадлежалъ къ числу бояръ молдавскихъ. Одинъ изъ нихъ, *Іеремія*, около 1600 г., при помощи гетмана Замойскаго, былъ поставленъ господаремъ Молдавіи, а братъ его *Симеонъ* — Валахія. Какъ видно изъ грамматъ, Симеонъ, отецъ Петра Могилы, былъ господаремъ Валахія въ 1601 и 1602 г. Около 1609 г., по вліянію Оттоманской-Порты, онъ смѣнилъ брата своего Іеремію на престолѣ молдавскомъ, но правилъ имъ недолго. Послѣ него былъ господаремъ молдавскій сынъ Іереміи, *Константинъ*, но и тотъ скоро низверженъ Портою. Зять Іереміи: Стефанъ Потоцкій, Самуилъ Корецкій и Михаилъ Вишневецкій неоднократно усиливались возвести на престолъ молдавскій одного изъ сыновей Іереміи. Но всѣ предпріятія ихъ остались безъ успѣха. Потоцкій, Корецкій и Вишневецкій, вмѣстѣ съ супругою Іереміи, взяты были Турками въ плѣнъ и отосланы въ Константинополь. Позже, братъ Петра Могилы, *Моисей*, былъ призванъ самою Портою въ господари молдавскіе, но скорѣй оставилъ престолъ. Принадлежа къ такому знаменитому роду, Петръ Могила отказался отъ славы мірской и посвятилъ всего себя служенію Богу и отечеству. Сначала онъ вступилъ въ число братства Кіевопечерскаго Монастыря. Скоро слѣдующъ былъ настоятелемъ этого монастыря, а наконецъ, за великія услуги, оказанныя имъ православію, которое въ это время обуреваемо было униатами, Петръ Могила возведенъ былъ въ степень кіевского митрополита. Онъ заводилъ въ Кіевѣ училища и издавалъ многія сочиненія, чтобъ распространить и усилить въ русскомъ народѣ благочестіе и оградить его отъ не-

присланныхъ издаденіи униатскаго изданія. Издадена эти книги были: *Служебникъ* 1629 г., *Триодъ* четьная въ 1631 г., *Петребникъ* 1646 г. и *Лѣзъ или Канонъ съ Прати* четинкой св. православной церкви русской. При немъ также получила свое начало книга, важная до-сихъ-поръ подъ названіемъ: *Православная исповѣданія каволитической и апостольской церкви восточной*, написанная въ опроверженіе появившагося въ Каровѣ въ 1629 году, на латинскомъ языкѣ, подъ именемъ *Восточную исповѣданія православной церкви*, а потомъ въ 1643 г., и на греческомъ языкѣ, краткаго изложенія вѣры, согласнаго съ ученіемъ калвинскимъ и несогласнаго съ православнымъ ученіемъ восточной каволитической церкви. Этотъ достоитимый архіепископы скончался 31-го декабря 1646 г., и тѣло его, согласно съ завѣщаніемъ, положено было въ большой церкви Кіевонечерской Лавры.

156) Библиотека Навидательнаго Чтенія. *Часть I. Бесѣды полковаго священника съ своими офицерами. Изда-тель В. Васильевъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Вилебера. 1846. Въ 8-ю д. л. 472 стр.*

Нельзя сомнѣваться въ пользѣ, которую принесетъ эта книга. Еслибъ заключающіяся въ ней бесѣды, до впечатанія ихъ, не были благотворныхъ послѣдствій для чьей-нибудь нравственности, то, конечно, никто и не рѣшился бы издавать ихъ въ свѣтъ.

157) *Исторія Русской Словесности, преимущественно древней. XXXIII публичная лекція Степана Шенярова, О. Профессора Московскаго Университета. Томъ первый. (Лекція I—V). Москва. Въ универ. тип. 1846. Въ 8-ю д. л. 261 стр.*

Объ этой «Исторіи» читатели найдутъ подробный отчетъ въ отдѣлѣ Британки.

158) *Англійская Индія въ 1843 году. Сочиненіе графа Эдуарда Варрена, служившаго офицеромъ королевско-англійской арміи въ Индіи. (Мадрасское Президентство). Часть третья. Издавъ Платонъ Голубковъ. Москва. Въ тип. С. Селивановскаго. 1845.*

Мы уже два раза имѣли случай высказывать свои мысли объ этой довольно-замѣчательной въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ книгѣ, именно по случаю выхода въ свѣтъ первой и второй ея части. Теперь передъ нами лежитъ третья и послѣдняя часть добросовѣстнаго труда г. Варрена, и мы должны повторить почти то же самое, что сказали прежде объ «Англійской Индіи въ 1843 году». Думаемъ, что такое повтореніе не будетъ напрасно теперь при появленіи послѣдней части прекраснаго труда. Достоинство означенной книги, мы замѣтили, заключается преимущественно въ умѣ, дѣльномъ и увлекательномъ изложеніи современнаго состоянія Индіи. Фактическая сторона этого любопытнаго, не только въ прошедшемъ, но и въ настоящемъ его положеніи края, разработана авторомъ весьма - удовлетворительно. Руководствуясь сочиненіемъ г. Варрена, читатель можетъ быть вполне увѣренъ, что хорошо познакомится съ религиознымъ, нравственнымъ, обычнымъ и общественнымъ бытомъ Индійцевъ. Здѣсь особенно интересенъ рассказъ автора, потому-что онъ передаетъ вещи, какъ онѣ существуютъ въ натурѣ, и не утомляетъ читателей разсужденіями, которыя нерѣдко бываютъ бесполезны и скучны. Еслибъ авторъ захотѣлъ ограничиться этимъ кругомъ, который самъ-по-себѣ довольно-обширенъ и важенъ, онъ избѣжалъ бы одного весьма-значительнаго недостатка въ своей книгѣ, непріятно поражающаго заинтересованное вниманіе читателя. Но ему показалось тѣснымъ такое пространство, и вотъ онъ, чтобъ дать болѣе обширнѣйшее значеніе своей дѣятельности, рѣшился окинуть политическимъ взоромъ настоящее состояніе Индіи, и потомъ перенести этотъ взглядъ

въ ея будущность. Тутъ-то изъ безпристрастнаго наблюдателя, заставившаго забыть, къ какой націи онъ принадлежить, г. Варренъ становится рѣшительнымъ патріотомъ, настоящимъ, истымъ Французомъ. Въ порывѣ своего патріотизма, онъ бросаетъ перуны негодованія противъ владычества Англичанъ въ Индіи, порицаетъ систему ихъ управленія, не видитъ ни малѣйшей капли добраго вліянія этого всемірнаго народа на цивилизацію Индійцевъ, и все дурное, что только удалось ему открыть въ жизни индійской, приписываетъ заразителному господству Англичанъ. Этого мало. Онъ прозрѣваетъ въ отдаленныя судьбы Индіи, и его взоръ видитъ здѣсь неизбежную для Англіи катастрофу. Вотъ уже бьетъ послѣдній часъ ея владычества надъ угнетеннымъ краемъ, и на развалинахъ ея самовластія основывается другое благодѣтельное царство... Г. Варренъ отдаетъ Индію Россіи, и себѣ или Франціи, или нѣтъ, лучше себѣ, хочетъ только прибрежныхъ областей, Египта и еще кое-чего. Все это очень хорошо, и будущая судьба Индіи, какъ и всякой другой страны, покрыта непроницаемою завѣсою неувѣренности. Но авторъ, кажется, не обратилъ вниманія на то, что Англія теперь еще болѣе-твердою ногою стала въ Индіи. Недавнее возстаніе Сейковъ кончилось блестящимъ образомъ въ пользу Англичанъ, — а авторъ въ этихъ возстаніяхъ видитъ единственное средство потрясти и уничтожить владычество Англичанъ въ Индіи, хотя самъ отнимаетъ у нихъ почти всякое значеніе, потому что въ Индійцахъ нѣтъ согласія, которое бы управляло всѣми движеніями и направляло ихъ къ одной цѣли. По всему видно, что г. Варренъ слишкомъ увлекся своимъ патріотическимъ чувствомъ. Это обстоятельство можетъ почтаться главною причиною, почему онъ все ало, какое только встрѣчаетъ въ Индіи, относитъ непремѣнно къ вліанію Англіи, впрочемъ не предлагая противъ него никакихъ средствъ болѣе сообраз-

ныхъ съ настоящимъ ходомъ событій. Считаемою обязанностию написать одно мѣсто, гдѣ мечтательность автора восходитъ до самой высшей степени, а самъ онъ дѣлается порочнымъ фразѣромъ, чего нельзя было замѣтить въ немъ прежде, когда онъ разсказывалъ одни только факты. Эта замѣчательная тирада заимствована нами изъ послѣдней главы, въ которой авторъ даетъ уроки Англіи, и уже какъ-будто соглашается вступить съ нею въ миръ, между-тѣмъ, какъ за нѣсколько страницъ онъ изъ всѣхъ силъ хлопоталъ единственно объ Россіи, готовилъ для нея самый вѣрный планъ — при помощи Франціи овладѣть Индіей и нагнать оттуда Англичанъ. Хорошо, что г. Варренъ силенъ только въ своемъ мечтательномъ мирѣ, и что одніе фантазіи до сихъ-поръ никогда и никому еще не были опасны! Вотъ его великолѣпное воззваніе къ Англичанамъ, проникнутое всею силою творческаго воображенія:

«Еще разъ повторю: нынѣ вы должны рѣшительно выбрать себѣ въ друзья или насъ, или Россію. Еслибъ мы нѣмъ въ виду наши собственные выгоды, то дружба съ Россіею была бы для насъ несравненно полезнѣе. Представьте себѣ, что намъ достались бы тогда при-рейскія земли по сю сторону рѣки — наши естественныя границы, нѣсколько богатыхъ провинцій, гдѣ говорятъ нашимъ языкомъ, гдѣ мы встрѣтили бы нашихъ братьевъ, и Египетъ, съ которымъ соединены воспоминанія о нашей славѣ у основанія пирамидъ и который въ рукахъ нашихъ сдѣлался бы исполненнымъ складочнымъ мѣстомъ торговли трехъ материковъ — и потомъ судите, что значить въ сравненіи съ такими приобретеніями нѣсколько небольшихъ острововъ на Средиземномъ Морѣ и нѣкоторое удовлетвореніе. Сдѣлка съ нами не слишкомъ для насъ выгодна, но, признаемся — и это можетъ быть слабость съ нашей стороны — мы все-таки предпочли бы насъ, не смотря на всѣ оскорбленія, потому что наши нравы и наши обычаи сходимъ съ вашими. Итакъ, выбирайте насъ, и Франція чистосердечно приметъ вашу сторону. При нашемъ союзѣ съ нами, Египетъ и Красное море сдѣлаются для за-

мнѣннѣ нашего завоеванія военными силами, по которому вы всегда можете предупредить своего противника. Впрочемъ, онъ и не откажется ни на какое рѣшительное предпріятіе съ этой стороны до тѣхъ поръ, пока вы будете въ союзѣ съ нами и не подумаетъ даже объ открытіи похода въ Индію. Видя союзные флоты наши, готовые къ битвѣ у Востора, онъ отложитъ планы своего завоеванія, сложитъ паруса свои на берегахъ Волги, и на долго еще остановится на вершинахъ Бахкана».

Но довольно. Такихъ строкъ, пропущенныхъ лирическихъ восторговъ, въ книгѣ г. Варрена найдется много. А этихъ мѣстомъ мы особенно заинтересовались потому, что оно очень живо напомнило намъ чудныя и притомъ совершенно разнородныя лица изъ «Мертвыхъ Душъ». — Манилова и Собакевича. Это дѣйствительно такъ и должно быть. Начало великолѣпной, пышной тиралы, нами представленной, очень походить на мечтанія Манилова, когда онъ воображаетъ себѣ, какъ бы пріятно было жить подъ одною кровлею съ другомъ и бесѣдовать съ нимъ о разныхъ матеріяхъ, или какъ бы хорошо было выстроить мостъ черезъ прудъ, а на этомъ мосту подѣлать лавки, и въ эти лавки посадить купцовъ, а они сидѣли бы да торговали. Слова г. Варрена: *«Сдѣлка съ вами не слишкомъ для насъ выгодна, но, признаемся, — и это, можетъ быть слабость съ нашей стороны, мы все-таки предпочли васъ, сильно отзываются манерою Собакевича, когда тотъ на упрекъ, зачѣмъ онъ такъ дешево продалъ Чичикову и такой здоровый народъ, отзвѣчалъ: «Что дѣлать? окурѣлъ — а! да ужъ такая натура, захотѣлъ добро сдѣлать, вотъ и продалъ».*

Но повторяемъ опять, что, исключивъ эти недостатки, которые могутъ быть извинительны, хоть и не совсѣмъ, если обратитъ вниманіе на то, изъ каждаго источника они произошли, внимательность книги г. Варрена остается неподверженною никакому сомнѣнію; и сочиненіе его займетъ мѣсто въ ра-

ду отрядныхъ явленій русской переводной литературы.

159) *Исторія Плана Наполеона-ва на Острова св. Елены, сочиненіе графа Тристана Монтолона, бывшаго генерал-адъютанта императора Наполеона, и спутника его на островъ св. Елены. Переводъ Николая Полевого. Санктпетербургъ. Въ тип. Штаба Отдѣленнаго Корпуса Внутренней Стражи. 1846. Въ 8-ю д. л. 70 стр.*

Незадолго до смерти, Наполеону пришла мысль познакомиться русскую публику съ «Записками Монтолона», и онъ самъ началъ переводить эту любопытную книгу. Смерть помѣшала ему кончить этотъ трудъ, и теперь переводъ книги продолжается братомъ его, К. А. Полевымъ, и выходитъ въ свѣтъ выпусками по мѣрѣ выхода книги въ Парижѣ. Каждый выпускъ заключаетъ въ себѣ пять печатныхъ листовъ и стоитъ тридцать копеекъ серебромъ. Полное сочиненіе будетъ состоять изъ 50 печатныхъ листовъ, раздѣленныхъ на два тома, и будетъ стоить три рубля серебромъ. Теперь вышелъ первый выпускъ, переведенный еще покойнымъ Н. А. Полевымъ...

160) *Всемирная Исторія К. Ф. Беккера. Переводъ съ немецкаго, изданная Николаемъ Гречемъ. Изданіе III. Д. Ольхина. Часть VI. Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. Штаба Отдѣленнаго Корпуса Внутренней Стражи. Въ 8-ю д. л. 424 стр.*

Шестая часть «Всемирной Исторіи Беккера» заключаетъ въ себѣ изложеніе историческихъ событій въ періодъ времени отъ Рудольфа Габсбургскаго до открытія Америки, 1273—1492. Въ этой части мы можемъ повторить только то, что было сказано нами о предыдущихъ пяти частяхъ. Напрасно было бы искать въ исторіи Беккера какого-нибудь единства взгляда; но какъ довольно-подробная компиляція, она не можетъ не принести у насъ пользу при малочисленности учебныхъ пособій.

161) Бесѣды Русскаго Купца о Торговлѣ. *Практическій курсъ коммерческихъ знаній, излагаемый въ Санктпетербургѣ публично по порученію Императорскаго Вольноэкономическаго Общества и издаваемый подъ покровительствомъ оного членомъ ево Фридрихъ-Амскімъ первоистатейнымъ купцомъ Иваномъ Вавиловымъ. Часть первая. Санктпетербургъ. 1846. Въ 8-ю д. л. 201 стр. Съ энтрафомъ: «Отцы и братья! еме ся гдѣ буду описахъ или перенисахъ или недописахъ, читте, исправляя Бога для, а не кланите». (Прим. къ Лаер. Св. Нестора.)*

До сихъ-поръ, при выходѣ въ свѣтъ выпускновъ этого сочиненія, мы коротко высказывали о нихъ свое мнѣніе. Теперь, когда всѣ десять бесѣдъ изда ны цѣлой книгой и названы первой частью «Практическаго Курса Коммерческихъ Знаній», считаемъ обязанностью поговорить подробнѣе объ этомъ явленіи и оправдать свои прежніе отзывы. Но напередъ надобно сказать нѣсколько словъ о самомъ авторѣ.

Многіе, очень-многіе готовы думать, что критика не должна быть строга къ «Бесѣдамъ» г. Вавилова уже потому, что она не можетъ не уважить въ немъ *русскаго купца*, рѣшившагося публично говорить о торговлѣ, и тѣмъ самымъ дать почувствовать нашему купечеству, что торговля, какъ и всякая дѣятельность человека, должна быть основана на размышленіи, на законѣхъ, а не на слѣпой привычкѣ, не на наслѣдственныхъ преданіяхъ. Признаемъ, что г. Вавиловъ, при первомъ слухѣ о его лекціяхъ, расположилъ и шелъ въ свою пользу по этой же самой причинѣ. Но по нѣкоторымъ размышленіямъ, мы нашли ее совершенно недостаточной для того, чтобъ состояніе автора могло лишить критику права высказать свое сужденіе о его книгѣ безъ всякаго особеннаго снисхожденія. Купечество наше образовано ни хуже, ни лучше дворянства. Купеческія дѣла, точно такъ же, какъ и дворянскія, требуютъ основательнаго изученія въ школахъ, гимназіяхъ и университетахъ,

да сверхъ того въ нѣсколькихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Правда, на число дворянъ, воспользовавшихся и пользующихся гимназическимъ и университетскимъ образованіемъ, приходится несравненно меньшее число купцовъ, — но этому есть свои особыя причины, въ разборъ которыхъ входить здѣсь не мѣсто.

Но образованные люди есть и въ томъ и въ другомъ сословіи, какъ предвѣстники будущаго. Вотъ почему, человекъ, написавшій книгу о торговлѣ, равно подлежитъ суду критики, къ какому бы изъ двухъ состояній онъ ни принадлежалъ. Слѣшнимъ приступимъ къ разбору «Бесѣдъ» г. Вавилова.

Начнемъ съ заглавія: въ немъ очень-много хорошаго. Заглавіе это (до словъ «практическій курсъ») такъ идетъ въ дѣлу, такъ точно, метко, знаменательно, что всякій, по прочтеніи книги г. Вавилова, отивался бы отъ задачи прискать другое болѣе умістное. Тутъ г. Вавиловъ ни на слово не «описахъ, ни перенисахъ, ни не дописахъ». Все въ этой книгѣ объясняется и оправдывается заглавіемъ «Бесѣды». Но, авторъ прибавилъ къ нему другое «практическій курсъ коммерческихъ знаній», и тѣмъ самымъ, какъ намъ кажется проигралъ все дѣло. Судите сами.

Въ предисловіи или въ «оправданіи вѣсто предисловія», г. Вавиловъ говоритъ между-прочнимъ слѣдующее:

«Что касается до разсужденій, то теперь столько системъ политической экономіи, что нельзя съ увѣренностью заключить, которая изъ нихъ справедлива, почему не рѣшаюсь слѣдовать которой либо изъ оныхъ, и не говорю ни за, и ни противъ, а излагаю такъ, какъ понимаю самъ и какъ ближе подходитъ къ существу дѣла мнѣя основаніемъ практику, а не теорію. Я бесѣдую о торговлѣ какъ купецъ, передаю то, что самъ знаю по опыту и сколько указали мнѣ многіи дѣла опытность и наблюденія, не болѣе».

Изъ этихъ словъ мы заключаемъ, что г. Вавиловъ, делая, по нашему мнѣнію о современномъ значеніи слова те-

орія и современныхъ экономическихъ теорійхъ. Въ наше время, совершенно повяло, что отдѣлять китайскою стѣною теорію отъ практики странно, что сказать, какъ говорили нѣкогда, *теорія есть то, что должно быть, а практика то, что действительно существуетъ*, и противопоставить одно другому, какъ невозможность и возможность, значить допустить невозможность всякаго преобразования. Мало того: извѣстно, что ихъ исходная точка современныхъ экономическихъ теорій заключается въ сознаніи ложности старыхъ системъ политической экономіи, системъ кабинетныхъ, выведенныхъ не изъ опытныхъ фактовъ, не изъ наблюдений общества, — однимъ словомъ, не изъ практики, а изъ діалектическаго, голословнаго толкованія терминовъ. Новѣйшіе политико-экономисты не берутъ за основаніе системъ своихъ отвлеченнаго понятія *богатства*; ихъ метода заключается въ опытномъ изслѣдованіи причинъ дѣйствительнаго богатства и дѣйствительной бѣдности и въ извлеченіи изъ него общихъ условий того и другаго состоянія общества. Ясно, что при такой методѣ теорія и практика совершенно сливаются одна съ другою, такъ-что считать ихъ въ наше время противоположными, враждебными началами, значить быть несправедливымъ или невнимательнымъ къ современнымъ успѣхамъ ума человѣческаго.

Г. Вавиловъ, объявивъ въ предисловіи, что «Бесѣды» его основаны исключительно на опытѣ, на многолѣтнихъ наблюденіяхъ, въ книгѣ своей оказывается самымъ отчаяннымъ теоретикомъ, и притомъ еще такимъ теоретикомъ, что творенія «физиократовъ», предшественниковъ Адама Смита, могутъ показаться для всякаго сколько-нибудь знакомаго съ исторіей экономическихъ идей, въ миллионъ разъ свѣжѣе и мужественнѣе его теорій. Въ доказательство этого приведемъ здѣсь одинъ изъ тысячи вариантовъ главной его мысли (стр. 37—38), соблюдая всю оригиналь-

ность языка г. Вавилова и даже его знаковъ препинанія:

«Географическое положеніе многихъ странъ благоприятствуетъ развитію самой торговли, случай, необходимость, нужда, заставляетъ народы заниматься ею *непроизвольными (?)* образомъ; одна вышняя торговля даетъ средство къ приобретенію богатствъ стекающихъ изъ вѣи, и этотъ-то притокъ осуществляетъ надежды на благосостояніе народа у котораго при этомъ развивается промышленность, возникаетъ общая дѣятельность, и все это влечетъ нѣсть приводитъ къ тому, что всякій производитель старается принять въ ней участіе, надѣясь, или на хорошій сбытъ своихъ произведеній за границу, или на выгоднѣйшее отъ туда приобретеніе нужныхъ для него предметовъ. Отъ этого общаго движенія происходитъ то, что внутренний производитель находитъ вѣрный сбытъ своимъ произведеніямъ, а потребитель приобретаетъ нужные для него предметы по цѣнѣ выгоднѣйшей; оставаясь же при производствѣ одной только внутренней торговли, ни тотъ ни другой богатѣть не можетъ, (.) чтобы повѣрить это, я предложу примѣръ тотъ, что если 100 купцовъ занимаются внутреннею торговлею и каждый изъ нихъ имѣетъ хотя по 10,000 руб., то когда при нихъ дѣйствіи капиталъ этотъ будетъ цумень въ оборотѣ, то натурально при общемъ крупномъ движеніи этихъ капиталовъ, нѣсколько изъ этихъ купцовъ получаютъ пользу, а другіе напротивъ убытокъ, следовательно одна часть и естественно, меншая дѣлается богаче насчетъ своихъ согражданъ, нѣтъ едина только случайность и малая частіа приобритасяла внутри государства однихъ отъ другихъ, ни мало не прибавляла переднаго капитала; напротивъ того естѣмъ эти же 100 купцовъ займутся обширною торговлею и естѣмъ при благоприятныхъ обстоятельствахъ она для нихъ будетъ полезна, то полученный ими барышъ научится не отъ нихъ согражданъ, а отъ иностранныхъ купцовъ, следовательно приращеніе капитала послѣдуетъ изъ сего, и увеличившаяся болѣе и болѣе дѣятельность распространяетъ кругъ торговли дѣятельности (.), это опять показываетъ намъ собою, что изъ числа этихъ купцовъ хотя и небольшая часть отдѣляется капиталистами, но не на счетъ согражданъ, а на счетъ иностранцевъ и проч.

Чтобъ дать читателю еще болѣе ознакомиться съ сущностію теоріи г. Вавилова, и понять его тенденцію, выпишемъ изъ его книги еще нѣсколько словъ:

«Естьли я скажалъ, что ви́шняя торговля у этихъ народовъ (въ Западной Европѣ) ограждается преимуществомъ местныхъ купцовъ предъ иностранцами, то въ процѣтахъ тамъ торговли, какъ слѣдствіемъ этого можетъ насъ убѣждать не давнее событіе во Франціи которое намъ перешло изъ коммерческой газеты. — Тамъ возмущены значительно пошлины на масляныя сѣмена, и пошлина эта по новому тарифу, наприимѣръ: съ льнянаго, какъ Русскаго произведенія взимается съ привезеннаго на кораблѣ подъ французскимъ флагомъ 4 фравка, подъ иностраннымъ 8 франковъ со 100 килограммовъ, слѣдовательно вдвое, и естьли привезетъ туда это сѣмя Русскій купецъ и на Русскомъ кораблѣ, то долженъ платить пошлину вдвое болѣе, измышлетъ этотъ останется въ пользу тамошнихъ купцовъ, при выдерживаніи цѣны въ одинакой степени даетъ имъ пользу, оставляя Русскаго безъ преимуществъ въ оной, не есть ли это доказательство, что ви́шняя торговля при этомъ условіи будетъ всегда самостоятельной?» (!!).

Скажете, пожалуйста, что же это такое, если не возстановленіе старыхъ испанскихъ и итальянскихъ системъ политической экономіи, которыя выражали собою правила венеціанской и ганзейской торговли и которыя уничтожены наукой еще въ половинѣ прошедшаго столѣтія? Какъ угодно, а г. Вавиловъ въ этомъ случаѣ жестоко ошибся.

Считаю излишнимъ приводить еще какія-нибудь выписки для доказательства того, какая разлада существовать между идеями г. Вавилова и политической экономіей въ современномъ ея развитіи. Скажемъ только, что, говоря о контрабандѣ (на стр. 54), авторъ называетъ ее неизбежнымъ зломъ, сопровождающимъ всякую охранительную систему. Поставьте эту мысль лицомъ-къ-лицу съ тою, которую дышатъ приведенныя нами выпи-

ски, и подумайте послѣдовательности тѣхъ господъ, которые говорятъ намъ: «мы люди практическіе, знаемъ только то, что видѣли собственными глазами, да слышали отъ вѣрныхъ людей». Перейдемъ же къ той части *Бесѣды о Торговлѣ*, въ которой г. Вавиловъ, какъ русскій купецъ и какъ человѣкъ, занимавшійся, по собственному призванію, многотѣнными наблюденіями надъ ходомъ торговли, долженъ быть истиннымъ мастеромъ дѣла. Посмотримъ, что думаетъ онъ о русской торговлѣ.

Внутренней торговлей Россіи г. Вавиловъ совершенно доволенъ; по тону, какимъ повѣствуетъ онъ объ этомъ предметѣ, можно даже заключить, что онъ видитъ въ ней что-то идеально-прекрасное. Рассказывая о *ходебичникахъ*, т. е., о торгашахъ, которые расхаживаютъ изъ деревни въ деревню съ запасами мануфактурныхъ товаровъ, болѣею частію промѣниваемыхъ ими на произведенія сельскаго ховяйства, онъ говоритъ, что «между *ходебичниками* есть такіе, у которыхъ весь товаръ помѣщается въ одной подвижной лавкѣ — котомкѣ, и много есть такихъ, которые помѣщаютъ товаръ свой въ нѣсколькихъ повозкахъ, и побѣдъ этотъ представляетъ собою *рода здѣшняго Англійскаго магазинъ, въ которомъ можно найти все нужное начинала отъ хлѣба до батиста, отъ ворвань до шампанскаго, отъ возода до лактерейныхъ товаровъ, и конечно все это не самой высокой доброты, но по крайности по большой части есть произведеніе Русской промышленности и продается честно Русскими, Русское и за Русское*. Зато ужъ досталось же русской ви́шней торговлѣ. Впрочемъ, кто прочелъ *Бесѣды*, г-на Вавилова, тотъ согласится съ нами, что читатель поставленъ имъ въ непріятное недоумѣніе на-счетъ мыслей его о причинахъ жалкаго состоянія ви́шней торговли Россіи: изъ множества однообразныхъ толкованій объ этомъ предметѣ, по-крайней-мѣрѣ двѣ трети имѣютъ такой смыслъ, что рус-

ское кунечество стѣснено иностранцами, захватившими въ свои руки русскую вышнюю торговлю, между тѣмъ, какъ осталась треть заключаетъ въ себѣ совершенно-противоположное и, по нашему мнѣнію, весьма-справедливое объясненіе печальнаго факта недостаткомъ образованности нашего купеческаго сословія, невниманіемъ его къ обстоятельствамъ минуты, слабостью къ получению задатка при самыхъ невыгодныхъ сдѣлкахъ, несклонностью къ составленію компаній и ничтоженствѣ кредита. Можно жаловаться на насиліе, но на соперничество жаловаться не дѣло, и всѣмъ печатнымъ и непечатнымъ укорены такого рода недостатка.

Однимъ словомъ, мысли г. Вавилова о русской торговлѣ такъ же ясны, какъ и общія экономическія его идеи, хотя въ книгѣ его разсѣяно довольно-много любопытныхъ фактовъ, обнаруживающихъ въ немъ человѣка бывалаго и довольно-наблюдательнаго. Выдѣлывать этихъ фактовъ мы не будемъ: это значило бы лишить книгу главнѣйшаго интереса; но прежде, чѣмъ расстаться съ «Бесѣдами», не можемъ не сказать автору еще одного добѣжанія.

Всѣ произведенія литературы, научная и ученая, какъ уже нѣсколько разъ было говорено нами, раздѣляются на такія, которыя вышутся безъ всякой посторонней цѣли, по безотчетному требованію творчества, и на такія, которыя имѣютъ какую-нибудь вышнюю цѣль, на-пр., распространеніе въ публикѣ какихъ-нибудь идей, или даже просто доставленіе ей минутнаго удовольствія. Странно было бы спрашивать у Пушкина, съ какою цѣлью написалъ онъ «Каменнаго Гостя». Не только не спросить г-на Сю, радишь онъ написалъ «Вѣчнаго Жидка». Пушкинъ могъ бы отвѣчать на первый вопросъ: а написалъ «Каменнаго Гостя» потому, что хотѣлъ написать «Каменнаго Гостя», и былъ бы правъ; на второй вопросъ, Сю, съ своей стороны, могъ бы отвѣчать: а написалъ «Вѣчнаго

Жидка», чтобъ возстановить общественное мнѣніе противъ изувѣтовъ, — и также былъ бы правъ. Произведеніе г. Вавилова относится, разумеется, по второму роду, къ такъ-называемымъ бѣлетрическимъ произведеніямъ. Но спрашивается: ясно ли опредѣлилъ онъ себѣ цѣль своего сочиненія, или, лучше-сказать, своихъ лекцій? выполнилъ ли онъ это первое условіе бѣлетрическаго произведенія? Можно ли заключить изъ его книги, что при чтеніи лекцій онъ имѣлъ въ виду ясно-сознанную задачу и требованія публики, къ которой обращался его рѣчь? Нѣтъ, рѣшительно нѣтъ. Не хотѣлъ думать, чтобъ, при слабости знакомствъ съ современными системами политической экономіи, онъ имѣлъ цѣлью высказать свое сужденіе о торговлѣ вообще. Это тѣмъ менѣе вѣроятно, что кромѣ идей, уже извѣстныхъ нашимъ читателямъ изъ приведенныхъ выписокъ, во всей книгѣ не сказано объ этомъ предметѣ ничего, кромѣ того, что торговля поддерживается капиталомъ и кредитомъ, да и то замечено г. Вавиловымъ никакъ не подробно и ужъ наивное гораздо-поверхностнѣе, чѣмъ въ какомъ-нибудь «Катехизисѣ политической экономіи». Со. Вообще мы сомнѣваемся, чтобъ авторъ «Бесѣдъ» когда-нибудь желалъ развивать мысли свои въ строгой, систематической формѣ; помните, какъ онъ отнесялся отъ себя въ предисловіи въ политическо-экономическія системы и какъ имѣлъ съ тѣмъ противорѣчить себѣ въ сужденіяхъ объ одномъ и томъ же предметѣ. Если же вамъ этого мало, то не удивляйтесь услышать еще одну подобную тараду изъ разбросанной книги? Бесѣду о капиталѣ, г. Вавиловъ встрѣтился съ такимъ вопросомъ: лужна ли купцу познанія, такъ-называемый *капитализмъ* или *капитализмъ*? Этотъ вопросъ исполненъ для насъ живого интереса. На Западѣ его давно уже не слышно, но у насъ отъ неохоты умныхъ, но неясной степени даже и образованныхъ людей частенько случается слы-

шать доказательства бесполезности и преда учения. Г. Вавилову это обстоятельство, как мы сейчас увидимъ, совершенно-извѣстно въ отношеніи къ купеческому классу, и, какъ одинъ изъ представителей образованной части нашего купечества, онъ не можетъ не принимать его близко къ сердцу. Можно было бы, кажется, въ «Бесѣдахъ» выжидать такихъ страницъ, отъ которой не поздоровилось бы господамъ, проповѣдующимъ спасеніе въ невѣжествѣ. Въмѣсто того, вотъ-что находимъ мы въ книгѣ Г. Вавилова на стр. 137—138:

«Весьма ошибочно заключаютъ нѣкоторые, что будто бы познанія купцу не нужны, что де безъ знанія грамоты и наукъ можно нажить милліоны. Конечно такіе штрихы хотя и есть, но они рѣдки и случайны, и не менѣе того подобныя доводы имѣютъ основаніе весьма шаткое, приводить же ихъ въ нашемъ вѣкѣ уже стыдно! Даже оставленная намъ нашими предками пословица, что за битвою даютъ двухъ не битыхъ, доказываетъ, что и въ старинныя времена постигали цѣнность познаний, только законность отвергаетъ эту истину».

Такое доказательство конечно очень плохо! Но г. Вавиловъ счелъ нужнымъ прибавить еще къ выписаннымъ двумъ страницамъ:

«Если я сказалъ, что познаніе есть производительный капиталъ, то это весьма естественно. — Предположимъ, что будетъ употребленъ капиталъ на воспитаніе сына (я говорю о купеческомъ сословіи) т. е. на обученіе грамотѣ, приспособленіе къ дѣлу въ отеческихъ лѣтъ и до юношескихъ, положимъ, хотя за 10 лѣтъ не самой умеренной цѣнѣ 150 р. въ годъ, то значитъ поддержано будетъ 1500 р.; — конечно деньги эти собранныя въ одну массу составляютъ значительное число, которое въ этомъ видѣ недоступно для многихъ и очень многихъ, но раздѣленное въ теченіи 10 лѣтъ на участки, кажется для каждаго отпа семейства занимающагося какою нибудь промышленностью не менѣе блага тѣлеснаго. — Употребленный капиталъ образованъ капиталъ приноситъ проценты и дивиденды, то, въ это, это удивляетъ

насъ не должно ни мало! Вѣдь извѣстно, что дорога по которой идетъ купецъ скользя, одинъ ошибочный, или невѣрный шагъ сбиваетъ его съ пути, а съ пути сбившись оканчивается разореніемъ и въ этомъ положеніи не зная грамоты, не приобрѣта нищихъ либо полезныхъ связей, поскольку знушійся долженъ для своего существованія прибѣгнуть за самое скудное поощреніе къ работѣ грубой и тяжелой къ которой онъ можетъ быть даже и не привыкъ. Напротивъ того, какъ человекъ, на котораго при воспитаніи употреблены эти деньги будучи въ томъ же положеніи, зная грамоту и получивъ кой какія познанія, находитъ себѣ занятіе къ которому его признаютъ уже способнымъ, и за его трудъ можетъ получать жалованья въ годъ 1500 р., уменьшивъ эту сумму на 10 часть т. е. на 150 р. то это значитъ то, что употребленный капиталъ при его воспитаніи дастъ ему 10% годового дохода. — Не есть ли это доказательство, что познанія суть капиталъ?» (стр. 38—39).

А мы скажемъ: не есть ли это доказательство, что г. Вавиловъ не видѣлъ ясно, что такое капиталъ, ни того, какъ необходимы купцу познанія (не на случай оставленія торговли, а для самаго зачатія этимъ промысломъ). Если же при этомъ привать въ соображеніе слова его предисловія: «Я бесѣдую о торговлѣ какъ купецъ, передаю то, что самъ знаю по опыту и сколько указали мнѣ многолѣтніа опытность и наблюденія, не болѣе», то можно утвердительно сказать, что при сочиненіи своей книги г. Вавиловъ не могъ имѣть цѣлью распространеніе идей, хотя и назвалъ эту книгу курсомъ коммерческихъ знаній.

Чего же онъ хотѣлъ? Не хотѣлъ ли онъ нарисовать картину современнаго состоянія и историческаго развитія русской торговли? Хотя въ «Бесѣдахъ» и встрѣчаются довольно-любопытныя статистическія и историческія замѣтки о русской торговлѣ и о торговлѣ другихъ народовъ, однакожь достаточно взглянуть на оглавленіе, помѣщеннае въ концѣ книги, чтобъ убѣдиться, что эти факты приведены авторомъ единственно для оживленія предмета.

Онъ и самъ говоритъ въ концѣ предисловія, что имъ только положено начало обнародованію «практическихъ свѣдѣній о русской торговлѣ» и приглашаетъ русскихъ писателей заняться этимъ предметомъ.

Такимъ образомъ цѣль книги г. Вавилова становится все менѣе и менѣе понятною. Остается сдѣлать послѣднее предположеніе: не заключать ли оно въ себѣ практическихъ совѣтовъ русскимъ купцамъ? Если угодно, въ «Бесѣдахъ» русское кунчество можетъ найти нѣсколько дѣльных наставленій или лучше сказать дѣльных замѣчаній. Къ числу такихъ замѣчаній мы относимъ тѣ, о которыхъ уже упоминали, т. е. замѣчанія о необразованности большинства, о несклонности къ составленію компаній, о непривычкѣ слѣдить за современнымъ ходомъ торговли и о наклонности къ наличнымъ деньгамъ; во-вторыхъ, нѣсколько свѣдѣній объ образѣ веденія торговли иностранцами купцами, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ сочиненія. Но зачѣмъ было наполнять книгу такими совѣтами, безъ которыхъ рѣшительно можетъ обойтись не только опытный купецъ, но даже и совершенный новичокъ въ торговлѣ? Къ-чему, на-примѣръ, было говорить (стр. 19), что для вознаія товаровъ должно «обращать «вниманіе а) на происхожденіе, то есть, «суть ли они произведенія природы или искусства; б) на видъ и существо, т. е. что они грубыя, сырыя, или обработанныя; в) на прочность, т. е. могутъ ли сохраняться въ неповрежденномъ видѣ долгое время; г) на свойство, что они суть жидкія или сухія, жирныя окрашенные и неокрашенные», и проч. и проч.? Къ-чему также, на-примѣръ, было толковать о пользѣ торговли на цѣлыхъ 18 страницахъ мелкой печати, переворачивая двѣ или три аксіомы на всевозможные риторическіе тоны и со всевозможнымъ отсутствіемъ синтаксической правильности? Къ-чему, наконецъ, было занять по-прайвей-мѣрѣ четверть книги опредѣленіями такихъ предметовъ, которые

совершенно-извѣстны каждому купцу и не купцу, какъ, на-примѣръ, нѣтъ, мѣра, деньги, продажа, проценты и т. п.?

Изъ всего этого слѣдуетъ, что г. Вавилону недостаетъ яснаго сознанія предмета своихъ бесѣдъ. Вотъ чѣмъ пришлось намъ наконецъ объяснить налейдосконическій характеръ его quasi-курса. Стало-быть, мы имѣли полное право сказать въ началѣ нашего отзыва, что изъ всѣхъ мыслей, встрѣчаемыхъ въ сочиненіи г. Вавилова, самая счастливая заключается въ заглавіи.

Въ заключеніе повторимъ, что всетаки «Бесѣды о Торговлѣ» — книга не совсѣмъ лишняя интереса не разсѣяннымъ въ ней статистическимъ и историческимъ фактамъ. О неправильности и неточности языка можно судить изъ сдѣланныхъ нами выписокъ. Изданіе довольно-опрятно.

162) Кр у нъ, или перепончатая жоба у детей и ея леченіе, описаніе докторомъ медицины Александромъ Никитинымъ. Санктпетербурга. Въ тип. Им. Селезневска. 1846. Въ 8-ю д. л. IV и 47 стр.

Всѣмъ извѣстно, что для ребенка крупъ одна изъ опаснѣйшихъ болѣзней. Болѣзнь эта, имѣя ходъ весьма-скоротечный, состоитъ въ воспаленіи гортани и дыхательнаго горла и въ образованіи въ этихъ органахъ перепонокъ, препятствующихъ свободному прохожденію воздуха. Не смотря на то, что крупъ у насъ въ Россіи и особенно въ городахъ сѣверной половины случается нерѣдко, даже въ эпидемическомъ видѣ, и не смотря на множество существующихъ объ этой болѣзни сочиненій за границею, мы на нашемъ языкѣ, кажется, не имѣемъ доселѣ ни одного отдѣльнаго хорошаго трактата о крупѣ. Посему не безъ особеннаго удовольствія прочли мы изданный сочиненіе, гдѣмъ была, что оно вышло изъ-подъ пера одного изъ смѣлѣйшихъ и лучшихъ дѣланныхъ врач-

тических врачей. Вотъ вкратцѣ содержание этого сочиненія.

Въ предисловіи, г. Никитинъ излагаетъ краткія медико-топографическія свѣдѣнія города Санктпетербурга, гдѣ показано, что свойство почвы, климатъ, внезапныя перемены температуры, сырость и частый вѣтеръ весьма способствуютъ появленію крупа въ нашей столицѣ. Описание самой болѣзни г. Никитинъ начинаетъ историческими объ ней свѣдѣніями, изъ которыхъ видно, что болѣзнь эта не есть новая, и что, можетъ-быть, она была не безвѣстна Грекамъ, Римлянамъ и Арабамъ. Балью былъ первый, указавшій въ 1576 году главнѣйшіе признаки этой болѣзни. Въ 1749 г., Гизи описалъ первую крупную эпидемію, свирѣпствовавшую въ то время въ Крещенѣ. Съ того времени и по настоящее, болѣзнь эта не переставала на себя обращать вниманіе лучшихъ врачей Англіи, Франціи и Германіи, и въ исторіи крупа останутся памятными имена Гома, Михаелиса, Лентина, Гюфанда, Вихмана, Жюрена, Альберса, Бретона, Труссо и другихъ.

Въ статьяхъ объ анатомико-патологическихъ измѣненіяхъ крупа и о расхожаніи его, г. Никитинъ представилъ все, что извѣстно объ этихъ предметахъ въ наукѣ положительно-вѣрнаго; тутъ даже не упущены авторомъ изъ вида микроскопическія и химическія изслѣдованія болѣзненнаго продукта, образующагося при этой болѣзни въ страждущемъ органѣ. Симптомы болѣзни представлены ясно и понятнымъ образомъ, даже и не для врача. Г. Никитинъ, согласно съ новѣйшими писателями о крупѣ, допускаетъ три разновидности этой болѣзни: *крупъ стенический, астенический и катарральный*.

Этіологія, или свѣдѣнія о причинахъ болѣзни, представлены весьма-обстоятельно; видно, что это — плодъ долговременной и проворливой наблюдательности автора. Крупъ въ Петербургѣ появляется преимущественно въ то время года, когда здѣсь дуетъ сѣверный и восточный вѣтеръ; дѣти стра-

даютъ этою болѣзнію преимущественно на второмъ, третьемъ и четвертомъ годахъ своей жизни; чаще дѣвочки, нежели мальчики; взрослые хотя и поражаются крупомъ, но весьма-рѣдко, и въ такомъ случаѣ болѣзнь почти-всегда неизбѣжно оканчивается смертію. Крупъ нерѣдко появляется въ соединеніи съ другими болѣзнями, особенно съ корью, скарлатиною и оспою. Говоря о предсказаніи въ этой болѣзни, г. Никитинъ представляетъ намъ весьма-горестную истину, что изъ 12-ти больныхъ, одержимыхъ крупомъ, удается спасти лишь одного. Дѣтя, одолажавъ выздоровѣвшее отъ крупа, не免ается отъ этой болѣзни и на будущее время. Больше умираютъ отъ крупа въ слѣдствіе задушенія (*asphyxia*), или въ слѣдствіе кровоизліянія въ мозгъ.

Самый интересный и большой отдѣлъ этой книжки — статья о леченіи крупа. Предоставляя, впрочемъ, практикамъ самимъ оцѣнить эту часть сочиненія г. Никитина, скажемъ только, что авторъ не показываетъ себя въ числѣ защитниковъ операціи вскрытія дыхательнаго горла и гортани.

Книга г. Никитина, безъ сомнѣнія, будетъ прочтена съ большимъ интересомъ нашими врачами, ибо авторъ ея, какъ искусный наблюдатель болѣзней природы, извѣстенъ у насъ давно какъ хорошій практическій врачъ и особенно для дѣтскаго возраста. Книжка эта, по важности своего предмета, можетъ также принести пользу и не-врачамъ, ибо она написана языкомъ удобопонятнымъ для всякаго маломальски образованнаго человѣка.

163) Описание Киссингена и его окрестностей. Соч. И. В. Нидергезеса, королевско-баварскаго комиссіонера въ Киссингенъ. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Г. К. Санктпетербургъ. Въ тип. Праца. 1846. Въ 16-ю д. л. 59 стр.

Нельзя не посоветовать всякому отправляющемуся на киссингенскія воды записаться этой книжечкой: во-первыхъ, онъ найдетъ въ ней все, рѣшительно все, что ему нужно знать о Кис-

сингенъ въ экономическомъ, административномъ, врачебномъ и даже эстетическомъ отношеніяхъ; во-вторыхъ, дорогой, отъ скуки, наводимой болтовнею нѣмецкихъ купеческихъ приказчиковъ (самыхъ докучливыхъ и *непосредственныхъ* людей во всей Германіи), онъ можетъ найти въ своемъ путешествіи пищу для глубокой, сладостной и плодотворной думы о законахъ совершенства и несовершенства человеческой дѣятельности. Изучая книжечку г. Нидергевеса, онъ пойметъ, и, главное — прочувствуетъ, что вся задача совершенства какого бы то ни было труда заключается въ томъ, чтобъ не было сдѣлаво ни болѣе, ни менѣе того, сколько нужно сдѣлать для предположенной цѣли; что краткость и полнота — понятія, совершенно совпадающія одно съ другимъ; что человекъ, взявшійся ознакомить публику съ какою-нибудь мѣстностью, или съ какими-нибудь обществомъ, не имѣетъ права рассказывать печатно о своихъ встрѣчахъ, обѣдахъ, покупкахъ и торжествахъ, если это не проливаетъ никакого свѣта на обеззанимательные вопросы и не обрисовываетъ интересныхъ для читателей предметовъ. Плодотворными же окажутся эти размышленія уже тѣмъ, что путешественикъ, изучившій скромное твореніе Нидергевеса задолго до пріѣзда изъ Россіи въ Баварію, облегчитъ свой чуждый отъ другихъ «путешествій» и, въ случаѣ, если вздумаетъ описать свое, воздержится отъ слабости надрываться дублѣмъ интересъ своего желудка и своего кармана.

Переводъ «Описанія Киссингена» довольно-грамотенъ. Изданіе удобно и дрягнато.

164) Наставленіе къ Воздѣлыванію и Овравотыванію Лѣна по юландскому способу. Сочиненіе Раймунда Фейта. Перевелъ съ нѣмец. Александръ Тиренъ. Съ литографированною таблицою. Санктпетербургъ. Въ тип. К. Край. 1846. Въ 8-ю д. л. 31 стр.

Сочиненіе Фейта *Alte Land und Lein-*

bach пользуется въ Германіи большою извѣстностью. Это одно изъ лучшихъ наставленій для воздѣлыванія лѣна по бейтійскому способу. Что же касается до перевода г. Тирена, то мы можемъ замѣтить одно: онъ не вездѣ довольно точенъ и вѣренъ. Сверхъ-того, наставленія германскаго ученаго, естественно, относятся къ Германіи и имѣютъ въ виду хозяйственныя условія этой страны; по-этому, они не вполне могутъ быть примѣнены къ хозяйству русскому, столь отличному отъ хозяйства Западной-Европы. При этомъ случаѣ, мы можемъ указать русскимъ хозяйевамъ на *Наставленіе о воздѣлываніи лѣна*, изданное отъ Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ въ 1844 году, которое составлено съ большимъ знаніемъ дѣла и примѣнено къ русскому климату и хозяйству. Это — лучшее наставленіе, которымъ могутъ руководиться наши хозяйева.

165) Мысли о существѣ и значеніи чиновническаго вытѣ. Соч. Эрнста Рейнталя, *депутата окружнаго начальника управленія государственныя имуществъ въ Лифляндіи, члена Ученаго Эстскаго Общества и Лифляндскаго къ поощренію сельскаго хозяйства и ремеслъ. Перевелъ съ нѣмецкаго О. Манннгъ. Дерптъ. 1846. Въ тип. Гейдмана. Въ 8-ю д. л. 36 стр.*

Нѣмецкій взглядъ и русскій взглядъ на вещи — два начала противоположныя одно другому. Если суждено дѣлать когда-нибудь сойдтись, то сойдутся они развѣ въ слѣдствіе существенныхъ преобразеній съ той и съ другой стороны.

Неудержимая склонность нѣмецкаго ума къ отвлеченію выражается во всемъ бытѣ Нѣмца. Онъ тогда только доволенъ жизнью, когда можетъ оправдать ее силлогизмомъ; а такъ-какъ нѣтъ такого факта, который не могъ бы быть оправданъ какою-нибудь системой, то въ результатъ выходитъ, что Нѣмецъ по природѣ своей оптимистъ, т. е. человекъ, который не чувствуетъ неудобства ни въ какомъ условіи жизни,

если признаетъ въ ней какое-нибудь разумное виченіе, хоть самое одностороннее. Поставьте его въ какия угодно обстоятельства, — ему все ни по чести, если только удастся внести эти обстоятельства въ какую-нибудь диалектическую канву, а канву эту онъ непременно отыщетъ, если не въ собственной головѣ, то въ какомъ-нибудь сочиненіи новаго или стараго писателя, или услышитъ за табльдотомъ отъ сосѣда. Такимъ образомъ, Нѣмецъ непременно олицетворяетъ себѣ какую-нибудь систему, которая оправдываетъ въ его глазахъ окружающую его дѣйствительность. И каждая такая система, встрѣчаясь съ другою совершенно противоположною, нисколько не беспокоитъ ея, точно такъ же, какъ человѣкъ, предпочитающій ростбѣеъ ветчинѣ, не беспокоитъ того, кто больше любитъ ветчину, чѣмъ ростбѣеъ. Конечно, двѣ нѣмецкія системы никогда не унутятъ случая поспорить между собою въ печатныхъ брошюрахъ; но все это нѣмъ удовольствія сдѣлать въ тысячу первый разъ смотръ и парадъ своимъ силлогизмамъ. Въдѣл точно такъ же любить поспорить между собою и партизаны двухъ различныхъ бѣловъ не для того, конечно, чтобъ обратить другъ друга въ тому или другому кушанью, а просто нѣмъ удовольствія излить свою любовь къ предмету. Вотъ почему въ Германіи, какъ замѣтилъ еще Гюго, много философовъ и нѣтъ философіи, или вообще говоря, много ученыхъ системъ, но вовсе нѣтъ науки. Молодой человѣкъ поступаетъ въ университетъ и слушаетъ философію, право, недвичину по какой-нибудь одной системѣ, и любознательность его совершенно удовлетворяется такимъ курсомъ, — эантъ совершенно-невозможный ни въ какой другой странѣ Европы, но самый обыкновенный въ Германіи. Отъ-чего Нѣмцы такъ прославились аккуратностью, въдержностью, бережливостью, осторожностью, терпѣніемъ, обдуманностью въ предпріятіяхъ, любовью къ спокойствію и порядку? Все отъ-того, что первая потребность нѣмецкаго элеме-

та — система, оправдывающая самое-себя. Нѣмецъ аккуратенъ, потому-что трудно представить себѣ человека, который не былъ бы теоретически убѣжденъ въ нелзя́ аккуратности. Французъ, Русскій, Итальянецъ легко увлекается какою-нибудь потребностью, которая вводитъ его въ неаккуратность. Съ Нѣмцемъ этого почти не можетъ быть, потому-что первая потребность его заключается въ томъ, чтобъ дѣйствовать по силѣ принятой имъ системы. По той же самой причинѣ онъ воздерженъ, бережливъ и остороженъ. Терпѣніе Нѣмца состоитъ не то, что другіе народы называютъ терпѣніемъ, соединяя съ этимъ словомъ понятія страданія: Нѣмецъ въ ожиданіи какаго-нибудь результата не перемѣнитъ никакихъ мученій; онъ олицетвѣтъ удовлетворяется мыслью, что дѣло не дѣлается вдругъ, что всякій процессъ требуетъ постепенности, *сознания, развитія и совершенія*. Скорѣе можно допустить, что онъ придетъ въ отчаяніе, если результатъ, котораго онъ ожидаетъ, окажется прежде того срока, который онъ рассчиталъ; его расстроитъ его теорію и поставитъ его въ необходимость создать новую, поставитъ его въ положеніе волавои улитки, послѣ того, какъ мальчишки разобьютъ раковину, въ которой ей такъ долго было сидѣть. — Что предпріятія Нѣмцевъ всегда отличаются обдуманностью — въ этомъ меньше всего загадочнаго; потому-что въ дѣлѣ, въ которомъ есть малѣйшая подробность не предусмотрѣна, онъ видитъ нарушеніе системы, а это для него главный источникъ страданія. Что же касается до любви его къ спокойствію и порядку, то и любовь эта — не что иное, какъ сдѣланіе незавидной способности оправдывать всякую дѣйствительность силлогизмами. Такимъ образомъ, съ помощью всѣхъ этихъ *добродѣтелей*, Нѣмцы, выработывая ежесекундно на всю Европу миллионы мыслей, остаются въ практической жизни народомъ почти неподвижнымъ. Отъ времени до времени эту атмосферу *отвѣсности*

прорѣшить молніей живая мысль гениальнаго человека; иногда, среди монотоннаго филлотерскаго дождя слышится стонъ сердца, жаждущаго движенія и жизни... Но мало плодотворнаго приносить съ собою эти личности для самой Германіи. Смотришь, брошенная нить сѣмена палету подхватывается уже какою-нибудь *самрелли* Французъ; онъ искусно возвращаетъ нить на своей почвѣ, собираетъ плоды и задумывается о новыхъ постройкахъ. А между-тѣмъ, у самихъ Нѣмцевъ, im Deutschen Vaterlande, промелькнувшая метеоромъ живая мысль уже закуталась саваномъ смерти, а гений, бросившій ее міру, утѣлъ отъ дѣятельности въ страну логическихъ фантазовъ...

Русская голова устроилась совершенно иначе: мы поклоняемся факту, и принимая его за роковое начало, за необходимый исходный пунктъ мысли и дѣятельности, исчисляемъ столько же силъ, сколько третать ихъ и Нѣмцы въ своихъ безловечныхъ системахъ. Эту черту давно выставлялъ Гоголь во многихъ мѣстахъ: «Мертвыхъ Душъ», между-прочимъ въ затрудненіи помѣщицы Коробочки, которая никакъ не хотѣла рѣшиться на выгодную для нея сдѣлку, потому только, что «товаръ», за который Чичиковъ предлагалъ ей пять денегъ, «такой страшный, *со своимъ любимымъ*». Известно, что по той же причинѣ, русскіе мужики не хотѣли ѣсть картофеля, который потомъ прижились разводить съ большимъ усердіемъ, когда употребленіе въ пищу этихъ «*любимыхъ*» яблокъ получило силу обыкновеннаго факта. Въ большомъ разнѣрѣ, это замѣтно и въ ходѣ русской цивилизаціи. Петрово преобразование потребовало всеобщимъ ропотомъ и бунтами: учить русскаго человѣка разнымъ наукамъ, посылать его въ ассамблеи, брать ему бороду, — все это казалось въ свое время верхомъ неразумія. Но въ личности и въ санѣ Петра было много такого, что скоро заставляло Русскихъ превознестись предъ его распоряженіями, какъ передъ фактомъ, и скоро цивилизація, по-край-

ней-нѣрѣ вѣтшая, стала имъ не издиковинку. Но тутъ опять проявился русскій элементъ съ своей слабостью. Принявъ, за неподлежащій анализъ фактъ какое-нибудь нововведеніе, русскій человѣкъ крѣпко склеивается за него, и по той же причинѣ, по которой сначала отвергалъ его и потомъ принялъ, — по той же святой приверженности къ настоящему, отказывается идти далѣе и воображаетъ, что всякій новый шагъ только портитъ дѣло. Часто принятое нить нововведеніе производитъ расстройство во всѣхъ остальныхъ частяхъ его обстановки; но вамъ трудно заставить его перестроить эти остальные части. Тутъ у него является дивная способность приладить новую стихію къ старымъ: Богъ-знаетъ, какъ и чѣмъ онъ ихъ свяжетъ, только свяжетъ. Вы скажете, что это лѣнь: помылите, да въ прилагавшіи, о которомъ идетъ говорится, столько издержится силъ, что коренная перестройка принялась бы въ десять разъ легче. Но задумайтесь также объяснять этого недостаточному: сметливость русскаго человѣка известна, и очень-часто случается, что намечать, придуманный нить при улаживаніи, изумить, уничтожить иностранца, точно такъ же, какъ Нѣмцы поразить его своими диалектическими тонкостями. Можетъ-быть, вы скажете, что все сказанное нами относится только къ низшему, необразованному классу. Но и съ этимъ никакъ нельзя согласиться. Что составляетъ отличительный характеръ многихъ нашихъ молодыхъ людей, учившихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, читавшихъ и читающихъ разныя иностранныя книги? Очень многіе изъ нихъ считаютъ свой университетскій курсъ или какую-нибудь книгу, прочитанную ими по выходѣ изъ учебнаго заведенія, или наконецъ, свой собственный выводъ изъ слышаннаго и читаннаго какимъ-то предѣломъ изученія, за который они почитаютъ себя въ правѣ не выступать. Все же выходящее изъ этой роковой черты называ-

ють утопическимъ, вздорнымъ, недостойнымъ серьезнаго вниманія. Гдѣ источникъ этого явленія? Въ поклоненіи факту, въ трудности, съ которою принимается въ сознаніе идея безконечнаго развитія мысли и жизни; въ силу этого развитія каждый фактъ, каждое состояніе индивидуума, общества и человѣчества въ какой-нибудь данный моментъ есть одна изъ безконечнаго множества формъ, которыя successively переходятъ имъ. Какъ принимается у насъ новая мысль образованною частью общества? Не часто ли отрицаніемъ и осужденіемъ? Тотъ, кому выпадетъ тяжкій жребій провозгласить ее, долженъ вынести сильный отпоръ и противорѣчія.

Сколько есть умныхъ русскихъ людей, которые обнаруживаютъ въ идеяхъ своихъ совершенный дуализмъ; которыхъ одинъ и тотъ же предметъ представляется и бѣлымъ и чернымъ, и которые истрачиваютъ свой умъ на то, чтобы доказать, что действительно этотъ предметъ разонъ и бѣлъ и черенъ. Въ теоріи мы, Русскіе, разумѣется, вполне согласны съ обыкновенной человѣческой логикой, по которой два противоположныя свойства, взаимно исключаяція другъ друга, не могутъ приписываться одному и тому же предмету. На дѣлѣ же дуализмъ нѣтъ у насъ ходъ немониторный, между-тѣмъ, какъ радикализмъ (т. е. объясненіе явленій однимъ какимъ-нибудь началомъ, отрицаніе возможности совѣстнаго существованія двухъ противоположныхъ началъ въ одномъ и томъ же предметѣ), пользуется у насъ самой плохой репутаціей: мы всегда смѣшиваемъ его съ односторонностью...

Но надо же когда-нибудь отдать читателямъ отчетъ о сочиненіи г. Рейнтала, подавшемъ намъ поводъ такъ заговориться о той націи, къ которой тѣломъ и духомъ принадлежитъ нашъ авторъ, и о той, для которой считъ онъ полезнымъ изложить мысли свои о сущности и значеніи не чиновническаго быта, какъ гласитъ переводъ его бро-

шюры, а чиновническаго званія, какъ можно заключить изъ самаго содержанія ея (*).

Въ предисловіи къ брошюрѣ, г. Рейнталь изъясняетъ цѣль ея слѣдующими словами (здѣсь приводятся слова перевода):

«Небольшая статья сія, состоящая изъ разсужденій, есть плодъ собственныхъ наблюденій и опытовъ сочинителя, созрѣвшій въ продолженіи двадцатидесяти-лѣтней службы. Цѣль моя та, чтобы указать юношамъ, приготовляющимся ко вступленію въ государственныя должности, на требованія Государя, правительства, будущихъ сослуживцевъ и согражданъ (чѣмъ?) отъ нихъ нравственныхъ и умственныхъ силъ; и наметнуть, сколь велико должно быть ихъ стараніе, чтобы вполне соответствовать, въ духѣ чести и долга, сему требованію.—Для сочинителя послужить великой наградою, если онъ успѣетъ побудить и немногихъ: сдѣлать-ся верными посредниками между правительствомъ и народомъ, совершенно почитать и достигъ своего назначенія».

Брошюра г. Рейнтала состоитъ изъ двѣнадцати параграфовъ, которые мы рѣшили представить читателямъ въ извлеченіи, для того, чтобы поставить ихъ лицомъ-къ-лицу съ разбирательнымъ нами произведеніемъ, и въ томъ убѣжденіи, что чтеніе экстракта никогда не лишаетъ охоты прочесть цѣлое сочиненіе, если оно имѣетъ какой-нибудь интересъ.

Въ первомъ параграфѣ и въ началѣ втораго (стр. 7 — 10) авторъ доказываетъ, что классъ чиновниковъ составляетъ въ государствѣ звѣно соединенія между высшимъ правительствомъ и народомъ, и что потому всякій чиновникъ долженъ «неумолимо укрѣплять согласіе» между этими двумя элементами.

(*) Мы не имѣли случая видѣть подлинное сочиненіе г-на Рейнтала; но нельзя не догадаться, что переводчикъ его, г-нъ Мазингъ, введенъ былъ въ ошибку нѣмецкимъ словомъ *Wesen*, которое значитъ иногда сущность, а иногда и бытъ. Въ заглавіи сочиненія г-на Рейнтала оно не можетъ значить послѣдняго.

Во второмъ (стр. 10—12) развивается прекрасная мысль, что чиновники должны обходиться съ народомъ кротко и человеколюбиво.

Третій параграфъ (стр. 12—13) крайне замѣчателенъ тѣмъ, что всякій называетъ его вѣнзлымъ и совершенно нелишнимъ. Вотъ что говоритъ авторъ о необходимыхъ *тѣлесныхъ свойствахъ* чиновника:

«Въ отношеніи тѣлесныхъ свойствъ вообще, онъ не долженъ быть неспособнымъ къ завыдыванію должностью — по недостатку одного или другаго чувства, или по несовершенству того или другаго члена. Потому не надо опредѣлять замкнутаго профессоромъ, глухаго допрошникомъ, хромаго сторожевымъ — между тѣмъ, какъ каждый изъ нихъ, въ соответственномъ кругу дѣйствія, на прим. замкнутый въ качествѣ редактора важныхъ журналовъ, глухой въ качествѣ сочинителя, слѣпой въ государственномъ совѣтѣ, хромы въ званиіи судьи, — могутъ отличаться службою, если они обладаютъ умомъ и дарованіями.

«Безобразная и незначительная наружность не должна никогда быть единственною причиною отказа въ опредѣленіи къ должности человека, впрочемъ, способнаго. Часто подъ суровою, незначительною наружностью, скрывается благородѣйшая душа».

Вы скажете, что все это $2 \times 2 = 4$. Такъ! Но разверните любой нѣмецкій трактатъ о предметѣ изъ области какой-нибудь практической науки, вы непременно найдете тамъ точно такіа же наивности. И все это происходитъ не отъ чего иного, какъ отъ потребности соблюсти *систему*, голую систему.

Четвертый параграфъ (стр. 13—19) заключаетъ въ себѣ развитіе слѣдующихъ тѣмъ, также весьма-краснорѣчиво выраженныхъ:

«Моральные качества чиновника должны быть слѣдующія:

1) Непокослемимая любовь къ истинѣ и върности, соединенная съ такою доброжелательностію, коей постигнута потребность, чтобъ дать Владикъ Владикъ, Царю Царей строгій отчетъ во всѣхъ поступкахъ.

2) Искренность, безъ притязанія, въѣмчивость и откровенность къ начальникамъ, твердость и снисхожденіе къ подчиненнымъ.

3) Спокойная твердость и неутомимая дѣятельность въ исполненіи своего долга.

4) Неподкупность въ обширѣйшемъ смыслѣ слова».

Пятый параграфъ (стр. 20—22) состоитъ изъ чиновникамъ не вступать ни въ какія тайныя общества. Русскій чиновникъ, конечно, не нуждается въ этомъ наставленіи, потому что неступленіе въ тайныя общества воспринято закономъ. Но авторъ также не могъ обійтись безъ этого параграфа, какъ и безъ третьяго, потому что это нарушило бы его *систему*.

Въ шестомъ параграфѣ (стр. 22—27), доказывается, что чиновники должны быть приготовлены наукой къ отправленію своихъ должностей.

«Если принять въ соображеніе, говоритъ авторъ, что для пріобрѣтенія нужныхъ познаній въ разныхъ отрасляхъ наукъ: въ богословіи, правовѣденіи, врачбномъ искусствѣ, камеральныхъ, естественныхъ, военныхъ и дипломатическихъ наукахъ, по предварительномъ окончаніи начального ученія, необходимы четыре и болѣе года прілежныхъ занятій въ университетѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ понятливость и память сильнѣе всего, — и что въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ недостаточно, если отличные профессора и учителя сообщаютъ своимъ познаніямъ учащемуся юности въ оныхъ лекціяхъ, а напротивъ должны быть непрерывныя умственные сношенія между преподавателями и слушателями посредствомъ пріятельскихъ разговоровъ и обхожденія, чтобы мудрость наставника переходила къ воспитаннику двоякимъ путемъ, и понятая при непосредственномъ вѣяніи учащагося, сдѣлалась богатѣе достояніемъ послѣдняго, — наконецъ для учащагося необходимъ еще доступъ къ богатымъ бібліотекамъ, для уснанія и другихъ мнѣній по изучаемому предмету, и для развитія критическаго дарованія — важнаго въ каждой наукѣ; — если, какъ сказано, принять все это, то легко можно понять, что нужно весьма много, чтобъ сдѣлаться знаткомъ въ какой бы то ни было отрасли управленія».

Въ седьмомъ параграфѣ объясняется отношеніе чиновника къ общественному мнѣнію. Это мѣсто такъ замѣчательно по живописнымъ образамъ, въ которые облакаетъ авторъ понятія свои объ общественномъ мнѣніи и по искусству г. Мазинга сохранять въ переводѣ нѣмецкій букетъ рѣчи г. Рейнтала, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи подѣлиться имъ съ читателями. Послушайте, какъ все это хорошо написано и переведено:

«Олицетворяя общественное мнѣніе, мы видимъ оное въ непосредственномъ сопровожденіи молвы, любящей свое начало повсюду и вездѣ».

Немного-темно, но за то какъ великолѣпно! Послушайте далѣе:

«То въ быстромъ полетѣ, то медленнымъ шагомъ является она въ чертогахъ и въ хижинахъ, въ храмахъ и на базарахъ. Уста ея произносятъ то громогласно, то шипящимъ шипѣніемъ тайны, глубоко хранящіяся, событія и небылицы, истинну и ложь. — Привѣщаясь къ ней, общественное мнѣніе слѣдуетъ ей по пятамъ, какъ отголосокъ звуку, какъ свѣтъ и теплота воспалающей искрѣ, рассыпаясь въ похвалахъ, или осуждая, а въ послѣднемъ случаѣ, какъ челобитникъ, свидѣтель и судья въ одномъ и томъ же лицѣ. Съ афсами правосудія въ одной рукѣ, съ кровавымъ мечемъ въ другой требуетъ оно, чтобы каждый предсталъ къ его суду, ужаснѣйшему послѣ тайныхъ судилищъ ереванскихъ временъ, оказывая то небесное правосудіе, то сатанинское притѣсненіе. У Ахилла было одно мѣсто доступное узвлению, у общественного мнѣнія нѣтъ ни одного.» (стр. 28.).

Изъ всего этого г. Рейнталь выводитъ, что чиновникъ не долженъ ставить себя въ слишкомъ-сильную зависимость отъ общественнаго мнѣнія, что «непоколебима честность, добросовѣстность въ исполненіи долга и благосклонность ко всякому лучшій щитъ противъ явнаго и тайнаго его оружія».

Параграфы восьмой, девятый, десятый, одиннадцатый и двѣнадцатый (стр. 30—36) заключаютъ въ себѣ слѣдующіи мысли: 1) чиновникъ долженъ производить поручаемыя ему слѣд-

ствія съ совершеннымъ безпристрастіемъ; 2) повиновеніе подчиненнаго начальникамъ не должно выходить изъ предѣловъ долга и чести, и превращаться въ безотчетное рабство; 3) подчиненный долженъ быть аккуратенъ въ своихъ служебныхъ занятіяхъ, но начальникъ не долженъ обременять его требованіемъ слишкомъ-строгой формальности; 4) начальники не должны увлекаться при опредѣленіи людей на службу ни связями, ни родствомъ, ни дружбой, ни сосрадавіемъ къ слабымъ старцамъ или малолѣтнимъ дѣтямъ, ни богатствомъ, ни привлекательною наружностью; 5) чиновникъ, вынужденный къ подачѣ въ отставку несправедливостями и кознями, непремѣнно долженъ оправдать себя судоу.

Мы слишкомъ увѣрены, что у каждаго изъ нашихъ читателей уже готовъ отвѣтъ никакъ не хуже того, который мы могли бы здѣсь написать. Скажемъ лучше нѣсколько заключительныхъ словъ въ защиту автора. Мыслей о существѣ и значеніи чиновническаго званія».

Въ защиту? Да, мы увѣрены, что брошюра эта, не смотря на свои національныя достоинства, встрѣтитъ весьма не лестный приѣмъ въ русской публикѣ. Скажутъ, что въ ней нѣтъ ровно ничего новаго, что авторъ наблюдавшій русское чиновничество цѣлые двадцать-девять лѣтъ, не наблюлъ въ немъ и тѣхъ фактовъ, которые извѣстны у насъ каждому; что человекъ, желающій противо-дѣйствовать разнымъ видамъ общественного зла, долженъ предлагать *дѣйствительныя мѣры* къ предотвращенію и искорененію его, не рассчитывая на дѣйствіе своего краснорѣчія и т. п., — однимъ словомъ, г. Рейнталь подвергнется всѣмъ тѣмъ упрекамъ, какимъ обыкновенно подвергается *риторъ*, предполагавшій себѣ истребить беззаконіе великолѣпнымъ панегирикомъ добродѣтели. Но мы съ нашей стороны повторимъ, что всѣ недостатки сочиненія, г. Ре-

таля, оправдываются национальностью автора, въ которой и должно искать источника самаго ея происхожденія. Вспомните, что говорилъ мы въ началѣ отзыва о свойствахъ нѣмецкаго писателя, слѣдите эти слова съ подробнымъ извлеченіемъ изъ брошюры г. Рейнтала, которое мы для васъ сдѣлали, и вы увидите, что написана она не почему ниному, какъ по неудержимой склонности попарализовать своей системой. Видъ извѣщенія же мы себѣ слабость поклоненія факту, на-примѣръ, слабость быть какъ-то особенно-вѣжливымъ передъ миллионщикомъ безъ всякихъ видовъ на его миллионы, отмѣченную Гоголемъ въ «Мертвыхъ Душахъ» (М. Д. стр. 307): отъ чего же не извинить сочинителю желанія написать книжечку, въ которой была бы изложена его система? Можетъ-быть, вы все-таки скажете на это: за чѣмъ же нужно было г. Рейнталу прилагать къ своей брошюрѣ такое предисловіе, что прочитавъ его, читатель вправѣ ожидать отъ автора дѣльных, истинно-полезныхъ практическихъ совѣтовъ относительно отправленія служебныхъ должностей; особенно, отъ автора, который самъ говоритъ о своей двадцати-девятилѣтней опытности, основанной на наблюденіяхъ? Что сказать вамъ противъ этого? Да все то же: предисловіе г. Рейнтала обманываетъ читателя тамъ же, какъ и большая часть нѣмецкихъ предисловій. Но хотите ли знать, какъ возникаютъ они? А вотъ какъ. Написавъ книгу совершенно-безполезную, такъ, просто для самоудовольствленія мысли, сочинитель начинаетъ разсуждать самъ съ собою слѣдующимъ образомъ: «Нравственная философія научаетъ, что всякое произведеніе дѣятельности человѣческой должно имѣть цѣль внутреннюю и вѣшнюю. Внутренняя цѣль заключается въ удовлетвореніи той потребности, которая подвигла къ дѣятельности самый индивидуумъ, виновника произведенія. Вѣшняя цѣль «сего послѣдняго» заключается въ пользѣ, которую оно можетъ принести

другимъ индивидуумамъ. Первая цѣль мною достигнута исполнѣ: я удовлетворенъ своимъ трудомъ. Что же касается до пользы, которую книга моя должна принести другимъ, то узнать ее можно изъ любой «методологіи» избранной мною науки». Развертывается методологія, гдѣ между прочимъ подробно изъяснены польза и способъ обработыванія науки. По этой шѣркѣ выкраивается предисловіе, въ которомъ во что бы то ни стало доказывается, что предлагаемое публикѣ твореніе должно принести такую-то и такую-то пользу, и что авторъ его, по личности своей и по умѣнью излагать свой предметъ, исполнѣ достоинствъ довѣренности читателей.

Такъ поступаютъ почти всѣ нѣмецкіе писатели, такъ поступилъ и г. Рейнталь. Слѣдовательно, винить его одного изъ тысячъ было бы несправедливо. Но отъ-того-то мы и остановились на его брошюрѣ, что она ни лучше, ни хуже всего несметнаго множества нѣмецкихъ сочиненій, невыходящихъ изъ обыкновеннаго уровня. Это типъ нѣмецкаго сочиненія. Для васъ же она тѣмъ болѣе интересна въ своей типичности, что многіе изъ нашихъ ученыхъ совершенно подчинили себя нѣмецкому направленію и нѣмецкой формѣ науки. Но объ этомъ предоставляемъ себѣ поговорить при болѣе-удобномъ случаѣ. А теперь считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ въ оправданіе той мысли, которая выражена нами въ первыхъ строкахъ нашего отзыва.

Мы сказали, что нѣмецкій и русскій взглядъ на вещи суть два начала противоположныя, но изъяснили желаніе, чтобъ когда-нибудь эти взгляды преобразовались порознь, сошлись, т. е. увидѣлись одинъ другому, потому-что въ сущности и тотъ и другой суть не что иное, какъ части одного цѣлаго, разорванныя разумною силою исторіи. Нѣмцы и Русскіе тогда только сойдутся и уподобятся другъ другу, когда нѣмецкая страсть къ умерѣннѣннѣ умирится вниманіемъ къ дѣйстви-

тельности, а русское пристрастие къ факту—самодѣлательностью мысли. Новѣйшая литература Нѣмцевъ и Русскихъ заставляетъ насъ надѣяться, что когда-нибудь наступитъ для обоихъ народовъ этотъ желанный періодъ развитія.

166) *Адресъ-Календарь Жителей Москвы, составленъ К. Нистремомъ. 1846. Москва. Въ тип. С. Селивановскаго. Въ 8-ю д. л. 800 стр.*

Назначеніе «Адресъ-Календаря», составленнаго г. Нистремомъ, очень-популярно. Авторъ хотѣлъ дать необходимую для каждого справочную книгу, которая не заключала бы въ себѣ ничего лишняго и въ то же время удовлетворяла бы по возможности современнымъ потребностямъ. Первое условіе онъ выполнялъ даже слишкомъ-хорошо. Онъ исключилъ изъ своего «Календаря» всѣ ненужныя подробности. Видно, что онъ усердно заботился объ удобствахъ и комфортности изданія. Въ этомъ состоитъ главное и, можно сказать, единственное достоинство его книги. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что это не самое достоинство есть главный и весьма-важный недостатокъ. Не говоримъ уже о томъ, что въ этомъ «Адресъ-Календарѣ» господствуетъ отсутствіе всякаго систематическаго порядка, и что авторъ, при составленіи его, рѣшительно не имѣлъ никакого плана, что можно видѣть на каждой страницѣ, или если и былъ у него какой-нибудь планъ, судя по первымъ страницамъ, то онъ не началъ нужнымъ намъ нашелъ довольно-труднымъ дѣломъ даже держаться его слишкомъ-долго, не только что довести до конца. Можно еще назвать и то обстоятельство, что нѣкоторые лица вовсе не включены въ «Адресъ-Календарь жителей Москвы», а нѣкоторые попали въ оба отѣла, т. е. въ число чиновниковъ, служащихъ и въ число дослужившихъ чиновниковъ. Но особенно странно то, что авторъ исключилъ изъ своего изданія цѣлыя заведенія, такіе, которые, напротивъ, непра-

вѣнно должны были бы занять мѣсто на страницахъ «Календаря». Въ числѣ учебныхъ заведеній у него помѣщены университетъ, гимназіи и другія свѣтскія училища. Почему же онъ не благоразсудилъ ввести въ этотъ рядъ и духовныя учебныя заведенія, какъ, на-прим., семинарію и подѣломъ-ственныя ей училища? Въдѣ онъ также находится въ Москвѣ и къ нимъ также обращаются многіе съ своими требованіями, особенно въ семинаріи, гдѣ есть также и свое правленіе и свои начальствующія и служащія лица. Не-уже-ли причину этихъ недостатковъ надо почестъ заботливости автора объ удобствахъ книжки, которая дѣйствительно издана довольно-нѣжно и снабжена нѣкоторыми выѣтками?..

167) *Весь Петербургъ въ карманѣ. Справочная книга для столичныхъ жителей и пріѣзжихъ. Съ новѣйшимъ планомъ С. Петербурга. Спб. 1846. Въ тип. Э. Праца. Въ 16-ю д. л. 174 стр.*

Главное дѣло — въ заманчивомъ лн званіи, а въ книжкѣ можете печатать что угодно. Составитель «Всего Петербурга въ карманѣ» придумалъ лхое названіе, объявилъ цѣну своему изданію — рубль серебромъ, и спокойно ожидаетъ, что *весь Петербургъ будетъ у него въ карманѣ*. Не знаетъ, дождется ли онъ этого; но увѣрены, что купившій эту книжку не найдетъ въ ней не только *всего* Петербурга, но и тысячной доли его.

168) *Месмеръ и его начальная Эвора. Изданіе князя Алексѣя Долгорукаго. Санктпетербургъ. Печатано въ типографіи Карла Крайла. 1846. Въ 16-ю д. л. 74 стр.*

169) *Часы досуга межъ практикою о Месмеризмѣ. Лекція математикѣ. Князя Алексея Долгорукаго. Изданіе въ пользу общины сестеръ милосердія. Цѣна 50 коп. сер. Санктпетербургъ. Печатано въ типографіи Карла Крайла. 1846. Въ 16-ю д. л. 55 стр.*

Обѣ эти книжки не содержатъ въ се-

ѣ ничего особенно-новаго для людей знакомыхъ съ исторіею животнаго магнетизма, или месмеризма, но могутъ быть весьма-полезны для распространенія свѣдѣній по этому предмету между русскими читателями.

Во многомъ можно поспорить съ авторомъ, какъ, напримѣръ, относительно его увѣренности, что нѣтъ никакого сродства между животнымъ магнетизмомъ и минеральнымъ, а свѣдѣтельно и съ другими физическими явленіями, каковы электричество и гальванизмъ. Мы рекомендуемъ любознательности автора книгу Курде «*Recherches sur l'Electricité Animale*», (Paris, 1837), котораго опыты, по нашему мнѣнію, проливаютъ новый свѣтъ на животное-магнитическія явленія. Не должно, кажется, и падать слишкомъ на людей, которые смотрятъ на животный магнетизмъ, какъ на вопросъ еще спорный. Въ дѣлѣ науки нельзя быть довольно-осторожными, и никому нельзя вѣрить на слово. Доводительствомъ этому можетъ служить примѣръ такъ-называемой *амперической двочки*, которая обманула всю Парижскую Академію. Главное во всякомъ человеческомъ дѣлѣ—разумный опытъ. Если тысячи свѣдѣтельствъ увѣряютъ насъ въ дѣйствительности и неподложности магнитическихъ явленій, то съ другой стороны нельзя оставить безъ вниманія весьма-важныхъ опроверженій, собранныхъ противоположною въ книгѣ: «*Histoire Academique du Magnetisme Animal, par Burdin et Dubois*», (Paris, 1841). Вообще, по этой части сумма наблюденій, критически разобранныхъ, еще весьма-мала, и мы бы весьма желали, чтобы всѣ занимающіеся магнетизированіемъ, не пускаясь въ теоретическія объясненія, донесли еще разочарованія, сообщая публикѣ, простой и искренній своихъ наблюденій. Образцомъ для осторожнаго, ученаго и добросовѣстнаго изслѣдованія въ этомъ трудномъ предметѣ, можетъ служить напечатанное въ «*Отечественныхъ Вѣстникѣхъ*» прошлаго года статья о магнетиче-

скихъ опытахъ и наблюденіяхъ, принадлежущихъ изъ Баденъ напечатавшимъ математикомъ М. С. Вальмъ.

Послѣствуемъ автору на предметъ исправности книги; много у него словъ вовсе не русскихъ; много иностранныхъ именъ неправильно-написанныхъ, то по-французски, то по-русски безъ видной причины; ошибки противъ правописанія, или, если угодно, опечатки—бесчисленны.

170) *Очерки Главнѣйшихъ Военныхъ Сочиненій съ критическими библиографическими вступленіями къ главнымъ границамъ Россіи и съ особенностями Финляндіи*. А. Анисимова. С.-Петербургъ. Въ тип. Жераровъ. 1845. Въ 8-ю д. л. 146 стр.

Наша военная литература бѣдна хорошими сочиненіями, дѣлшія въ ней мало; потому съ особеннымъ удобоудовольствіемъ встрѣчаешь всякую новую книгу, касающуюся съ какой-либо стороны военного дѣла, если, разумеется, въ ней есть что-нибудь хорошее. Къ такимъ книжкамъ принадлежало и наше г. Анисимова. Какъ брошюра, она обнимаетъ свой вопросъ не слишкомъ-много, но то, чего коснулся въ ней авторъ, показывается въ ней членомъ не только-возможнаго, а и совершеннаго съ современными основаніями военной науки и притомъ умѣлаго писателя. Въ первой главѣ авторъ разсматриваетъ вліяніе различныхъ элементовъ на ходъ военныхъ операцій, повсюду переводитъ въ разсмотрѣніе и изслѣдованіе главныхъ границъ Россіи. Во второй главѣ объясняется важность, которую прибрѣли въ послѣднія войны стратегіи сраженій, и показаны тѣ условія, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ боя и его результаты; вслѣдъ за чѣмъ авторъ переходитъ въ изслѣдованіе и изъясненію военныхъ и политическихъ отношеній, существующихъ между Финляндіей и Россіей. Въ третьей главѣ, въ со-

малышится иногда на отдух мороза уязвимой нитью своей, отъ которой, пожелта-была, даже частично и занемогает, сидеть нить шнурить, сидеть дескать, сидеть четверть часа, сидеть и молчать, малышится мучительно чувствуя, что хорошо бы, даже необходимо бы что-нибудь сказать, и между-темъ, хотя-бы ворчать, но сказать что сказать? Вотъ ужъ холодный нота наступилъ у него на шнуръ, во всемъ тѣлѣ малышится болѣзненное томленіе, шнуръ тяжѣлѣетъ, съ лицомъ дѣлается Ротавнаго что: намечется; будто оно намечается пухнуть, вслѣдъ за холодами потонъ наступитъ жаръ; несчастный чувствуетъ, что покрѣпнѣлъ, нестѣдно покрѣпнѣлъ, все тѣло его выдвѣтѣ въ испарину; на губахъ выстѣпаетъ какая-то непривлекательная сладость... Господи! да чѣмъ же это кончится?... И мало ли случаевъ, въ которыхъ можно пострадать, даже погибнуть отъ недостатка анекдота... Какъ же поправить дѣло? Необрѣтаетъ.. Но не у всякаго есть способности необрѣтати, да притомъ ово и опасно: какъ-разъ проявившись шлетникомъ, а немалый, чѣмъ-нибудь еще хуже... Рассказывать старые анекдоты, привнѣтъ къ настоящимъ событіямъ?.. Прекрасно! да притомъ и легко: стоитъ только взять пѣвально уронить у русскіхъ театралныхъ сочинителей, передѣлать вышнѣтъ испанскія трагедіи на рубѣе правы—и дѣло пойдетъ чудесно! Разумнѣется, тутъ не безъ некоторой опаснѣтъ: вѣтъ могутъ уличить; но что жъ за бѣда!.. Отвѣчайте, сограждане какъ-можно-болѣе достоинствъ: «по-примѣнѣ-мнѣрѣ, мнѣ такъ рассказывали»; а дѣло съ концомъ,—мы про-сто сообщаемъ, что мы слыжали. Ничего, право; ничего! Знаете, даже иногда хорошо не обрѣтати своихъ недостатковъ, даже забыть себя, «разумнѣется, уиѣренно и въ приннѣтъ въ рѣшѣніяхъ... Это теперь самая свѣжая мода; и она въ болѣеюмъ ходу. О! Не безъ одѣтъ труднѣе: что мы мы будемъ перѣдѣлывать? Дѣла да не зѣлае старыхъ анекдоты...

Успокойтесь! Вот книга, изъ которой вы можете узнать «анекдоты войнъ, эпизоды и шарлотты», если только найдете въ нихъ нужду. Книга очень-толстая, выходящая изъ себя далеко больше тысячи анекдотовъ и шарлоттъ, въ которыхъ находится, что будетъ еще нѣсколько такихъ книгъ и каждая будетъ заключать въ себя еще тысячу двухъ-сотъ до тысячи четырехъ-сотъ анекдотовъ... Тамъ-какъ «записки почти многотомныя (составлены изъ псалмовъ), такъ и малая опредѣляетъ «передъ чина темнаго, что, однако, «не представлятъ никакого неудобства, сопряженнаго съ изданіемъ другого рода, потому-что каждая часть «составляетъ нѣчто цѣлое, несмѣшиваемое отъ слѣдующихъ или предъидущихъ частей... То-то раздолье!.. Можете-быть, вы ошибаетесь, но намъ кажется, что г. К. Б. В. угадалъ довольно-сильную потребность большинства публики, и за доцальность свою будетъ награжденъ хорошимъ расходомъ сарей книги. Если негдѣ притомъ въ соображеніи, что, при несомнѣнной охотѣ нашей къ анекдотамъ, такихъ сборниковъ у насъ почти нѣтъ, а изданный теперь даже и составленъ весьма-удовлетворительно, то предположеніе наше можно назвать почти несомнѣннымъ... Ну, что жь! пусть читаютъ и анекдоты тѣ, которые не могутъ читать что-нибудь дѣльное!.. Чтеніе въ своемъ родѣ насмѣдательное и любимыя... Впрочемъ, о заглавности намъ приличнѣе всего повторить слова издателя: «Если сборникъ этотъ не понравится (говоритъ «онъ»), то прошу винить не меня, а «родъ человѣческій, который, въ продолжаніе семи тысячъ лѣтъ не слѣдалъ и не скажетъ ничего умнаго и забавнаго... Тамъ!.. Особенно приятно должно быть читать такую книгу, въ недостаткахъ которой можно обвинить все человечество!...

172) О Духовномъ Образованіи Визнографическаго класса въ Россіи. Соч. Дн. Д. Сантисмербури. 1846.

Въ тѣх. III Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи. Въ 3-мъ д. л. 25 стр.

Эта брошюра служитъ, по словамъ самого автора (стр. 21), вступленіемъ въ трудъ болѣе-обширный, состоящій въ начертаніи «идеала образованія нашихъ крестьянъ». Невозможно, однакожь, сказать, въ какомъ объемѣ представляется ему это образованіе, потому-что въ концѣ брошюры встрѣчается слѣдующее двусмысленное объясненіе:

«Я предлагаю уже съ первыми управленіями въ чтеніи, положить начало развитію духовныхъ способностей ребенка, который потомъ долженъ постепенно совершенствоваться съ возрастомъ его. Не въ ученыхъ знаніяхъ, не въ эстетическомъ образованіи заключается цѣль этого развитія: предсудительное заключить крестьянина изъ его быта, и устроить ему такой, которымъ онъ не можетъ пользоваться. Но в простомъ крестьянинѣ живетъ нѣтъ высокую душу, здравый умъ, чувствительное сердце, и наслаждаться тѣмъ благополучіемъ, которое Всевышній назначилъ въ удѣлъ не нѣкоторымъ только избраннымъ, а каждому человеку: но Творецъ не виноватъ, если люди не употребятъ нѣтъ возможности» (стр. 20 и 21).

Сначала, какъ видите, авторъ излагаетъ какое желаніе не приобщать крестьянина къ тѣмъ благамъ, которымъ даютъ человеку науки и искусства. Видѣвъ за тѣмъ онъ защищать его право пользоваться всѣми благами человеческой природы. Согласно съ этимъ мыслями, эти два желанія — одна-ли дѣло легкии.

Пусть бы приведенныя нами слова г. Дн. Д. играли второстепенную роль въ изданіи нѣтъ изданіи: издательство, они подвергаютъ читателя въ совершенное недоумѣніе относительно сущности его преларіата. Онъ объясняетъ, что нѣтъ въ начертаніи идеала образованія русскаго крестьянина, а между-тѣмъ самъ-бы изучилъ нѣтъ своей идеіи о томъ — что разнѣтъ подъ образованіемъ.

Изъ-за-этого-же самое малоразуміи,

мы не видимъ въ брошюрѣ г. Дм. Д. ничего, кромѣ нѣсколькихъ отдѣльных мыслей объ образованіи земледѣльческаго класса вообще и русскихъ крестьянъ въ-особенности. Съ ними нельзя не согласиться, точно такъ же, какъ нельзя отвергнуть другихъ. Такъ-какъ народное образованіе въ послѣднее время возбуждаетъ у насъ всеобщій интересъ, то мы считаемъ долгомъ исчислить тѣ идеи автора, которыя найдутся намъ неоспоримыми.

Всего лучше доказана имъ одноственность системы образованія крестьянъ, придуманной г. Масловымъ, авторомъ статьи о всенародномъ распространеніи грамотности въ Россіи на религиозно-нравственномъ основаніи, о которой въ свое время мы изложили уже свое мнѣніе. Вопреки мнѣнію г. Маслова, г. Д. полагаетъ, что гораздо-основательнѣе начинать обучать ребенка чтенію по книгамъ гражданской печати, и притомъ по книгамъ, которыхъ содержаніе для него занимательно и доступно его разумнѣю, чѣмъ толковать ему исключительно о предметахъ религіи и нравственности, да еще на языкѣ, мало ему знакомомъ. (стр. 23, прим.) Съ этимъ мы совершенно согласны, такъ же какъ и съ общими положеніями автора объ условіяхъ способа обученія дѣтей, которыя, по его мнѣнію, заключаются въ легкости и занимательности. Замѣчаніе автора о томъ, что тѣлесное наказаніе — самый ненадежный способъ возбуждать прилежаніе ребенка къ ученію—аксіома. (стр. 11.) Точно также назовемъ мы идею о неразрывной связи между благосостояніемъ крестьянъ и благосостояніемъ помѣщиковъ (стр. 4, 5, 6). Наконецъ, нельзя не одобрить и того, что говоритъ авторъ о любви учителя къ ученикамъ, какъ о главномъ условіи успѣшнаго преподаванія (стр. 19).

Въ заключеніе скажемъ, что мы все же не имѣемъ предубѣжденія противъ труда, общаемаго г. Д., хотя и совершенно-увѣрены, что практической пользы отъ него будетъ мало: по-

жеть-быть, задуманный имъ трактатъ обогатитъ педагогическую литературу и когда-нибудь, *въ-последствіи*, пригодится и крестьянамъ нашимъ. Во всякомъ случаѣ, жалѣть будетъ всѣхъ болѣе самъ г. Д., который говорить (на стр. 8): «искреннее мое желаніе заключается не въ теоріи, а въ практикѣ, да еще въ самой скорой практикѣ». Мы увѣрены, что здѣсь подъ словомъ *практика* разумѣется не одна возможность *исполненія* плана, но и *существенная польза* такого *исполненія*...

173) Тетрадь Всеобщей Географіи (приготовительный курсъ) съ приложеніемъ кографическаго обзора древняго міра. М. Тимаева. Санкштер-бургъ. 1846. Въ тип. Фишера. Въ 4-ю д. л. 67 стр. Второе изданіе.

«Тетрадь Всеобщей Географіи» вышла на свѣтъ вторымъ изданіемъ совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ была въ первоначальный періодъ своего существованія, т. е., въ видѣ выписки изъ «Географіи» г. Арсеньева; но г. Тимаевъ приложилъ къ ней предисловіе, которому суждено было призвать къ жизни вележалую дѣсть бумаги съ ея устарѣвшимъ содержаніемъ. Вотъ существенныя мѣста этого предисловія:

«Языкъ (разумѣется, природный) есть ближайшее и могучее средство развитія внутренней жизни человѣка. Педагогъ пользуется этимъ, начинаетъ усвоеніемъ языка дитяти въ разныхъ направленіяхъ. Я избралъ для опыта Географію. Она здѣсь представляется не какъ наука, но какъ матеріалъ для растиренія области дѣтскаго языка, емкость съ тѣмъ какъ средство умственнаго развитія спеціально направленнаго къ познанію *Земнаго Шара*.

«Для успѣшнаго употребленія этой Тетради нужно:

«1., Стараться развить понятія о предметахъ въ ней указанныхъ.

2., При преподаваніи имѣть: глобусъ, ландкарты, маленькое собраніе минераловъ, растеній и животныхъ въ натурѣ или изображеній; если возможно даже нѣ-
мешкій физическій кабинетъ.

3. Ученикъ долженъ сперва приучить глаза быстро и вѣрно отыскивать на картѣ, потомъ срисовывать, наконецъ рисовать изъ памяти.

4. Только тогда указанное въ Тетради давать заучивать, когда ученикъ совершенно уразумѣлъ объясненіе. Заучивать однако необходимо и для усиленія памяти и для обогащенія дѣтскаго языка и словами и выраженіями. Вообще развитіе памяти надо вести соразмѣрно развитію ума.

5. Считать и продолжать преподаваніе до нѣтъ разговора, коего цѣлью должно быть изученіе специально направленное къ изученію географической терминологіи.

6. Если дѣти малы, главное, если они слабы въ умственномъ развитіи, лучше начать такъ: показавъ глобусъ, указать на немъ видъ Земли, материкъ и океаны; потомъ перейти къ ландкартамъ и присутствовать къ физическому и политическому обзору Земного Шара; кончить же понятіемъ о Землѣ, какъ планетѣ, и понятіемъ о Вселенной.

7. Во всякомъ случаѣ, пройдя все, привести вниманіе къ порядку Тетради и тамъ приготовить къ началу Географіи, какъ науки.

8. Наконецъ: имѣть постоянно въ виду, что не множество свѣдѣній, а основательность, достигаемая развитіемъ умственныхъ силъ, есть надежное начало образованія.

Зашедши въ книжную лавку для покупки дѣтскихъ книгъ, заботливый отецъ пробѣжитъ заглавіе издаваемой ему книгопродавцемъ «Тетради Всеобщей Географіи», и очень-легко можетъ представить, что это сочиненіе дѣйствительно распространяетъ область дѣтскаго языка, развиваетъ понятія дѣтей, и научаетъ ихъ географіи. Онъ платитъ шестьдесятъ копеекъ серебромъ, приходитъ домой и начинаеть читать самую «Тетрадь». На первой страницѣ читаетъ онъ слѣдующее:

«Простыми глазами мы улавливаемъ множество вещей, сооруженныхъ еще богами; при всемъ томъ остается еще неисчислимая безконечность. Каждая изъ вещей заглавъ есть самостоятельное тело,

подобное нашему солнцу. Оно движется не по близкому пространству, а по неограниченному порядку и есть именно великая сфера, заключающая Вселенную. Одно простое созрѣніе уже раждаетъ въ душѣ глубокое чувство благоговѣнія ко всемоушеству и премудрости Творца этого удивительнаго мірозданія.»

Таинствъ-образомъ, почтенный отецъ семейства простыми глазами улавливаетъ уже въ самомъ началѣ «Тетради» множество словъ, непонятныхъ для его малолѣтняго потомства; но нѣтъ объяснить эти слова дѣтямъ — нѣтъ возможности усмотрѣть и сооруженныя главами. При всемъ томъ остается еще цѣлая непостижимая «Тетрадь».

«Помилуйте» воскликнетъ онъ, обращаясь къ учителю географіи: «да гдѣ-то такъ можно надасть какую угодно непонятную книжку и сказать, что она издава для распространенія области дѣтскаго языка».

Учитель географіи и всякій благомыслящій человѣкъ согласится съ означенными замечаніями.

174) **НОВЫЯ ГРАММАТИЧЕСКІЯ УПРАЖНЕНІЯ изъ постепенныхъ передачъ съ русскаго языка на немецкій. Въ двухъ отдѣлахъ. Изданіе Якова Янго на. Санктпетербургъ. Въ тип. Н. Глазунова и Комп. 1846. Въ 8-ю д. л. 276 стр.**

175) **Д. И. Зейдлицъ-Юнкера Начальныя Правила для обученія французскому языку. Курсъ первый, или 1. Въ пользу русскаго юношества составленные и дополненные Я. Янго. Изданіе второе, пересмотрѣнное и дополненное. Санктпетербургъ. Въ тип. Н. Глазунова и Комп. 1846. Въ 8-ю д. л. 412 стр.**

176) **УЧЕБНАЯ КНИГА НѢМЕЦКАГО ЯЗЫКА. Составленная по методу Гейденштокера. Второй курсъ. Третье изданіе. Санктпетербургъ. Въ тип. К. Край. Въ 8-ю д. л. 448 стр.**

177) Ключъ для Знанія Рода Жизньъ Существительныхъ съ именномъ лѣнъ. Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. Н. Глазунова и Комп. Въ 16-ю д. л. 88 стр.

Книги безспорно полезныя; нѣмъ изъ нихъ выдержали уже не одно изданіе, будто-бы пересмотрѣны и пополнены; но все-таки онѣ не представляютъ ничего новаго.

178) Усачъ. Повесть П. Фурманна. Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. Фишона. Въ 16-ю д. л. 247 стр.

Личность героя этой повѣсти довольно блѣдна и неопредѣлена, и авторъ, вѣроятно, самъ сознавая этотъ недостатокъ, рѣшился снабдить своего героя усачи, чтобъ какой-нибудь чертой напечатлѣть его образъ въ воображеніи читателя. Къ сожалѣнію, и эта мѣра осталась безуспѣшною: по прочтеніи всего разсказа, нельзя не убѣдиться, что усы на лицѣ героя повѣсти нисколько не помогаютъ уразумѣть характеръ того, кому они наклеены. Другая мѣра, употребленная авторомъ для достиженія той же цѣли, отзывается, по нашему мнѣнію, тѣмъ же сознаниемъ: онъ рѣшился придать своему «усачу» какой-то таинственный интересъ, выводя его въ самые критическіе моменты дѣйствія и при необыкновенныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, наприм., во время бури. Та же неопредѣленность и блѣдность встрѣчается и въ прочихъ дѣйствующихъ лицахъ, такъ что интересъ повѣсти — чисто-сказочный.

Усачъ въ юности своей похвасталъ передъ пріятелями, за бутылкой вина, своими успѣхами въ интригѣ съ замужней женщиной. Протрезвѣвъ, онъ признался во лжи; но, не смотря на то, хвастовство его было причиной разстройства семейнаго счастья и самоубійства почтеннаго человека. Чтобъ загладить свою старую вину, усачъ, по прошествіи многихъ лѣтъ вырываетъ одну замужнюю женщину изъ стѣнъ

петербургскаго волокиты, который побился объ закладъ съ пріителемъ, что достигнетъ своей цѣли.

Нѣтъ никакой причины, чтобъ похвѣть, написанная по этой канвѣ, не была прочитана съ удовольствіемъ людьми, ищущими въ повѣстяхъ прежде всего завязки и развязки. Въ «Усачѣ» есть даже нѣсколько довольно-вѣрныхъ замѣтокъ, на которыхъ можетъ остановитъ вниманіе и тотъ, кто, кромѣ умѣнія запутать и развязать интригу, требуетъ отъ разсказчика немного наблюдательности. Такъ, наприм., у г. Фурманна довольно-вѣрно, если не изображено, то по-крайней-мѣрѣ объяснено, какъ героиня его влюбилась въ своего преслѣдователя единственно въ слѣдствіе предостереженій и препятствій.

179) Міау! Похожденія кота. Санктпетербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1846. Въ 12-ю д. л. 56 стр.

Сѣрая, безграмотная книжонка! Богъ знаетъ кто ея сочинитель!.. Нѣкоторыя фразы, наприм., «видъ лица его свихалъ на кошачью морду» (стр. 9), приводятъ читателя къ догадкамъ, изъ которыхъ мудрено остановиться на какой-нибудь, — Нѣмецъ онъ или Русскій?.. И что такое «Міау» — оригинальное сочиненіе или переводъ?.. По-крайней-мѣрѣ, несомнѣнно, что «Міау» сочиненіе вадорное, сѣрое и безграмотное...

180) Новыя(е) Анекдоты Батюшки Великаго Суворова, или нѣкоторыя черты изъ жизни генералиссимуса, собранныя В. О. Потаповымъ. Москва. 1846. Въ 8-ю д. л. 24 стр.

181) Вѣчный Жидъ. Пародія. Сочиненіе Василя Потапова. Москва. 1846. Въ 8-ю д. л. 48 стр.

Въ первой изъ этихъ книгъ, г. Василій Потаповъ разсказываетъ стѣ-

рыя, давно-известныя всѣмъ вещи объ Александрѣ Васильевичѣ Суворовѣ, а не объ отцѣ его, какъ можно было бы думать по словамъ: «*батюшки Великаго Суворова*», стоящимъ въ заглавіи. Новымъ развѣ только можно почестъ то, что г. Потаповъ не знаетъ, какого рода слово: *анекдотъ*, и еще то, что онъ долженъ быть большой мастеръ рисовать портреты, какъ видно изъ уродливаго изображенія лица Суворова, наклееннаго на оберткѣ книжки. Что касается до его «*народнѣ*», то ее должно отнести къ извѣстному классу каррикатуръ, которыя, не смотря на всѣ усилія выравнять собою что-нибудь смѣшное, бываютъ не столько забавны, сколько жалки.

182) Воспоминанія Фаддея Булгарина. *Отрывки изъ видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго въ жизни. Санктпетербургъ. 1846. Двѣ части. Въ 12-ю д. л.*

Эти «Воспоминанія» уже нѣсколько нѣсколько знакомы русской публикѣ, потому что были напечатаны въ «Библиотекѣ для Чтенія», и вотъ причина, по которой мы не смѣшили говорить о нихъ. Да и что можно сказать объ этомъ произведеніи г. Булгарина? и какъ говорить о немъ? «Личностей» мы не любимъ,—а тутъ все основано на личности сочинителя, который успѣшилъ издать свою автобіографію, счастливо, сдѣлавъ самого-себя героемъ своей книги.

До нынѣ у великихъ людей водилось обыкновеніе оставлять записки о самихъ-себѣ, воспоминанія и всякія автобіографическія замѣтки въ рукописи до конца дней своихъ. Великій человѣкъ умеръ,—являются его записки; конечно, деньги, выручаемыя отъ продажи экземпляровъ, уже не поступаютъ въ карманъ его,—но за то заниски появляются своимъ какъ-бы продолжаніемъ на нѣкоторое время существованія ихъ автора: по поводу высказанныхъ въ нихъ фактовъ, бросающихъ новый свѣтъ на жизнь и дѣя-

ствія великаго человека, возникаютъ жаркіе споры, пренія, и плодомъ всего этого бываетъ болѣе или менѣе вѣрная, окончательная оцѣнка жизни и дѣятельности его...

Что же заставило г. Булгарина отступить отъ этого установившагося в естественнаго порядка? Почему издалъ онъ свои записки при жизни?... У него есть на это отвѣтъ въ предисловіи. «Вѣдь это только отрывки» говоритъ онъ и въ-слѣдъ за тѣмъ, чувствуя, что причина слаба и даже вовсе неудовлетворительна, прибавляетъ: «При воспоминаніи прошлаго, кажется мнѣ будто жизнь моя расширяется и увеличивается, и будто я молодъ! Нынѣшнее единообразіе жизни исчезаетъ—и я смѣшиваюсь съ оживленными событіями прошлаго времени, вижу передъ собою людей замѣчательныхъ или для меня драгоцѣнныхъ, наслаждаюсь прежними радостями, и вспоминаю минувшія опасностями, прѣжними горестями и нуждами. Пишу съ удовольствіемъ, потому что это занимаетъ меня и доставляетъ случай излить чувства моей благодарности людямъ сдѣлавшимъ мнѣ добро, отдать справедливость многимъ забытымъ людямъ, достойнымъ вниманія, высказать нѣсколько полезныхъ мыслей, представить характеристику своего времени. Найдется много чего любопытнаго и даже поучительнаго!» Но, скажете вы: никто не запрещалъ господину Булгарину воспоминать и даже записывать свои воспоминанія и при этомъ чувствовать живую свою расширенную и себя наслаждающимся, наслаждаться минувшими опасностями, радостями, неудачами. Благодарность къ людямъ, сдѣлавшимъ добро г. Булгарину, также совершенно не потеряло бы ущерба, перенесеннаго рукописи до смерти сочинителя: противъ, она приобрѣла бы новую благодарности безкорыстной, — и все остальное могло бы также удобно сдѣлаться, только нѣсколькою годами позже—вотъ вся разница...

Стало-быть, и второй отвѣтъ не отъѣлъ. Итакъ, что же?..

Далѣе, въ предисловіи читаемъ: «Явился мой добрый М. Д. Ольхинъ и рѣшилъ печатать, — печатаю!»

Итакъ, появленіемъ «Воспоминаній» Олдеа Булгарина обязаны мы доброму г. Ольхину, которому обязаны также началомъ компактнаго изданія сочиненій г. Булгарина, да разными иллюстрированными очерками съ лицевой стороны и изнанкой и всѣмъ тѣмъ, за что г. Ольхинъ приобрѣлъ въпечатъ «добраго» отъ г. Булгарина.

Какъ бы то ни было, но «Воспоминанія» передъ нами, — и прежде, нежели успѣли мы сказать о нихъ хоть слово, публика уже ознакомилась съ ними, частью черезъ нихъ самихъ, а еще больше черезъ статьи Полеваго въ «Литературной Газетѣ», статьи, которыми онъ такъ блистательно какъ-будто вновь, съ свѣжими силами, начиналъ свое литературное поприще, и которыми, къ общему сожалѣнію, ему суждено было окончить его...

Въ изданныхъ нынѣ двухъ частяхъ «Воспоминаній» заключается рассказъ о дѣтствѣ и первыхъ годахъ юности сочинителя книги. Здѣсь вы можете узнать отъ кого произошелъ онъ, подъ какими вліяніями воспитывался и развивался, когда, наконецъ, сдѣлано имъ первое изъ великодушныхъ дѣлъ, однимъ словомъ, можете узнать многое...

При разборѣ книги, обыкновенно говорятъ преимущественно о главномъ ея предметѣ, на которомъ сосредоточенъ интересъ книги. Г-ну Булгарину угодно было сдѣлать героемъ своей полюбленной книги *самого-себя*. Здѣсь онъ рассказываетъ мельчайшія подробности своей жизни съ самыхъ раннихъ лѣтъ; говоритъ о матери, объ отцѣ, о сестрахъ своихъ, — словомъ, то мать его, то отецъ, то самъ онъ безпрестанно на первомъ планѣ книги; воспоминанія же, относящіяся не къ г. Булгарину и не къ семейству его — всѣ на

второмъ планѣ и составляютъ менѣе важную и менѣе любопытную часть книги. По-этому, читатели не должны удивляться, если мы, желая познакомиться съ новыми сочиненіемъ г-на Булгарина, будемъ говорить большею частью о г. Булгаринѣ и его семействѣ. Впрочемъ, мы постараемся придерживаться въ точности выраженій самого сочинителя и строго будемъ ссылаться на страницы его книги. И такъ, къ дѣлу.

Г. Булгаринъ родился въ бывшемъ Минскомъ-Воеводствѣ бывшего Великаго-Княжества-Литовскаго, «въ которомъ» (прибавляетъ онъ): «предки мои издревле были княжескими воинами, имѣвшими одно значеніе съ дрессими болами русскими». Отъ этихъ строкъ читатель отсылается къ примѣчанію, помѣщенному въ концѣ первой части, въ которомъ г. Булгаринъ говоритъ, что еслибъ онъ писалъ свои *Воспоминанія* не въ Россіи, то не сказалъ бы ни слова о своемъ происхожденіи. Но здѣсь... «Немогу» (говоритъ г. Булгаринъ) «воздержаться отъ смѣха, когда добрые люди играютъ передо мной роль аристократовъ!.. Пусть же они узнаютъ, что и я принадлежу къ древнему боярскому роду, поселившемуся въ Западнѣй Руси отъ незапамятныхъ временъ». И за тѣмъ г. Булгаринъ начинаетъ изъ всѣхъ словъ доказывать, какой онъ старинный аристократъ, какихъ важныхъ людей имѣлъ въ родствѣ, и не безъ гордости замѣчаетъ, что у него вѣтъ однофамильцевъ (въ чемъ, впрочемъ, ошибается, ибо я зналъ одного честнаго ремесленника, — очень-скромнаго и добросовѣстнаго человѣка, который прозывался Булгаринимъ); что Булгариныхъ было прежде *два миллиона*, а теперь осталось только одно, къ которому принадлежитъ нынѣшній сочинитель (Здѣсь г. Булгаринъ опять ошибается, ибо упомянутый честный ремесленникъ оставилъ послѣ себя четырнадцать человѣкъ дѣтей, прижитыхъ имъ въ законномъ супружествѣ съ нѣщанкою Лукерьею Тако-

новой, отличавшеюся столь строгою нравственностью, что, по утверждению дяди, живших это семейство, ни один из рожденных ею детей, не смотря на их многочисленность, не вышел тѣмъ подозрѣніемъ на честь покойнаго отца. Это *второе* изъ *Булгаринныхъ* проживало еще недавно на Выборгской - (Старой). Дядѣ, г-нъ Булгаринъ ссылается даже на какое-то сходство на польскомъ языкѣ, изъ доказательство древности своего рода. Все это было бы очень-хорошо и противъ этого почти нѣчего было бы сказать, еслибъ г. Булгаринъ не проговорился самъ въ приведенныхъ выше строкахъ, что предки его издревле были княжескими воинами. Послѣ этой обмолвки, увѣреніе его, что *эти княжескіе бояре имѣли одно значеніе съ древними боярами русскими (!!!)* какъ-то странно... Въ наше время, но для чего нускаться въ генеалогическія разбирательства, да и толку въ этомъ большаго мы не находимъ, и потому—не заговорилъ самъ г. Булгаринъ—мы ничего не сказали бы о его происхожденіи, имѣя впереди вещи гораздо-болѣе интересныя. Но теперь, не можемъ не заметить, что ужъ если задумается кому искать родства *съ древними русскими боярами*, то надобно бы представить доказательство правъ своихъ болѣе уважительныя. Извѣстно, — что такое были *эти княжескіе бояре*. Для каждаго читателя, родившагося и выросшаго въ Россіи, довольно напомнить русскихъ *барскихъ-баринъ*, чтобъ онъ получилъ достаточное понятіе о томъ, что такое были въ Лѣтѣ *княжескіе бояре*... Послѣ этого заключаетъ г. Булгаринъ свои доказательства: «позволяю всякому аристократиться передо мною!»

Собственно «Воспоминанія» начинаются вѣнтіемъ Костюшки въ плѣнъ и послѣдовавшими за тѣмъ окончательными испытками революціи. Эти событія имѣли вліяніе и на семейство г. Булгарина. Заслышавъ пушечные выстрѣлы, оно захватило съ собой припасы и драгоценныя вещи, ушло въ

лѣсъ и провело тамъ нѣсколько дней, въ страхѣ и мучительной необходимости, пока наконецъ не явился одинъ русскій офицеръ и не проводилъ г-жу Булгарину съ семействомъ домой, увѣривъ въ совершенной безопасности. Впечатлѣніе, вынесенное г. Булгаринымъ изъ этого и другихъ совершившихся тогда вокругъ его событій, было слѣдующее:

«Въ юности нашей вчитались о римской и греческой республикахъ, о дѣлахъ, иногда самыхъ мелочныхъ умовъ и душою, но надѣлавшихъ шуму своею дерзостью и пылкими рѣчами, и за то произведенныхъ въ великіе мужи красноречивыми публичными, мы часто предаемся мечтамъ и желаемъ переворотовъ, потрясеній, бредимъ о вольности и равенствѣ (которые, сказать мимоходомъ, никогда не существовали въ мірѣ и не будутъ никогда существовать для массы народа), и за-видуемъ такъ-называемымъ героямъ народнымъ!.. Школьникство — и только! Эти народные герои вообще или пролетаріи, увлеченные мечтами воображенія, порождаемыми впечатлѣніями юности, для цѣлѣ и честолюбия, т. е. татарамъ или лисицы. Лучше спустить съ цѣпи голоднаго тигра или гіену, чѣмъ спать съ народомъ угду пошлагого вѣнтія и законнаго! Нѣтъ зѣбра самѣтъ разъяренныя черны! Всѣ умали образованнаго есоченіи должны клониться къ просвѣщенію народа на счетъ его обязанности къ Богу, къ законнымъ властямъ и законамъ, къ удовлетворенію въ сердцахъ человѣколюбія, къ искорененію врожденнаго человѣку зѣбскаго эгоизма, а не къ возбужденію страстей, не къ порожденію необщечеловѣческихъ. Кто дѣйствуетъ иначе, тотъ преступникъ передъ законами челоѣчества. Видѣвшій народное возстаніе знаетъ, что это значитъ. Наполеонъ заслуживаетъ личную благодарность всѣхъ благородныхъ сердецъ за то, что никогда не хотѣлъ дѣйствовать мѣтежомъ противу своихъ пріятелей, когда имѣлъ полную власть въ своихъ рукахъ». (стр. 13—15).

Выписавъ приведенное нами изъ этого, одинъ журналъ, помѣстившій о «Воспоминаніяхъ» вообще очень-дѣльную и умную статью, замѣчаетъ слѣдую-

щее: «Такъ ирочно было впечатлѣніе, что г. Булгаринъ отдалъ на выборъ читателей называть Костюшку *тетеревомъ* или *лисицей*, и охотѣе приписалъ небывалыя добродѣтели Наполеону, нежели отдалъ должное войну, котораго чтли и которому удивлялись даже враги. Какъ-будто тринадцатое задемпера было не митежъ! Правда, Наполеонъ дѣйствовалъ въ свою личную пользу, и тѣмъ заслужилъ вѣчную благодарность благодарныхъ сердецъ». Или, какъ-будто бѣгство съ острова Эльбы и сто дней возмущенія противъ союзныхъ державъ были законныя конфедерации Костюшки противъ тѣхъ же державъ! Различіе въ томъ, что Наполеонъ некакъ собственннй власти, для каикихъ бы то ни было цѣлей, а Костюшко, конечно ошибочно, домогался пользы отечества. Не забудемъ высокаго и благороднаго поступка съ нимъ Императора Павла, который лично пріѣхалъ объявить свободу плѣннику, въ знакъ особеннаго уваженія къ нему. Зналъ ли, не зналъ ли г. Булгаринъ это послѣднее обстоятельство, приводимое немянутымъ журналомъ, — дѣло въ томъ, что онъ поспѣшилъ объявить Костюшку *тетеревомъ* или *лисицей* (мы право не знаемъ, которое изъ этихъ названій г. Булгаринъ считаетъ приличнѣйшимъ для Костюшки).

Пріѣхалъ отецъ г. Булгарина, и семейство его на Маковницѣ перебралось въ Несвижъ. Отецъ г. Булгарина, при переездѣ въ бродъ какого-то ручья, сломалъ себѣ ногу и долго былъ боленъ. Во время болѣзни его часто навѣщалъ графъ Ферзенъ, имѣвшій въ немъ нужду. Когда же онъ выздоровѣлъ, домъ Булгариныхъ сдѣлался самый веселый: туда съѣзжались русскіе офицеры и вся семейства, укрывшіяся въ Несвижѣ. Было весело: занимались танцами и музыкой (старшая сестра г. Булгарина, Елизавета, по *странному вкусу*, играла на *кларнетѣ*), играли въ карты. «Страшно вспомнить объ этой игрѣ!» восклицаетъ сочини-

тель: «червонцы ставили на карту не *счетомъ*, а *малою-стаканомъ*!; играли также на жемчугъ, серебряную и золотую посуду, часы, серьги, конскую сбрую и разныя вещи, но это уже въ офицерскихъ квартирахъ», замѣчаетъ г. Булгаринъ. Графъ Ферзенъ, по уѣзденію его, былъ неостовно гостемъ Булгариныхъ, полюбилъ искренно все семейство. Маленькій Булгаринъ былъ его любимцемъ... И онъ самъ (графъ Ферзенъ) и собесѣдники его, и адъютанты и даже прислуга *забавлялись мною*, заключаетъ г. Булгаринъ. Однажды, когда графъ Ферзенъ былъ въ веселомъ расположеніи духа, а маленький Булгаринъ дразнилъ его попугая, грозивъ ему небольшоимъ ятаганомъ, графъ спросилъ: «что ты хочешь, чтобы я подарилъ тебѣ: попугая или эту саблю?» — Дай саблю, отвѣчалъ г. Булгаринъ. «Зачѣмъ тебѣ она?» спросилъ графъ. — Бить всѣхъ, кого Костюшко прикажетъ! отвѣчалъ г. Булгаринъ. Но, передавая теперь на старости лѣтъ отвѣтъ, сдѣланный въ дѣтствѣ, онъ *сплнитъ* точтасъ прибавить: «разумѣется, что я говорилъ точно-такъ, какъ попугай, съ которыми я игралъ, т. е. повторалъ то, чего наслушался дома» и пр. (Часть 1, стр. 89)...

Въ «Воспоминаніяхъ» г. Булгарина находимъ, что отецъ его былъ между-прочимъ чрезвычайно-вспылчивъ и, при наружной популярности, чрезвычайно - гордъ въ душѣ. Для удовлетворенія этой гордости, онъ жертвовалъ всѣмъ и живиію и имѣніемъ. Онъ готовъ былъ обниматься и сидѣть рядомъ съ самымъ убогимъ шляхтичемъ, который подчинился его волѣ, но за одинъ косой взглядъ рваного или почитавшаго себя вышнимъ, за одно слово, которое казалось ему оскорбительнымъ, вызывалъ на дуэль или истылъ явными оскорбленіями. Онъ былъ, какъ нынѣ говорятъ, *человѣкъ эксцентрическій* и поступалъ во всемъ не такъ какъ другіе. Этотъ пагубный характеръ навѣивалъ ему безпрестанно *хлопоты и беспокойства*.

и был причиною его собственного несчастія, и отчасти и всего семейства. Далѣе повѣствуется о необыкновенной щедрости его... Но, чтобы ближе познакомить читателей съ отношеніемъ г. Булгарина и дать поватіе о томъ, какого рода была его гордость, выпишемъ одинъ изъ анекдотовъ, рассказываемыхъ сочинителемъ о своемъ родителѣ:

«Отецъ мой остался малолѣтнимъ сырою поелъ смерти родителей, съ весьма хорошими состояніемъ, и опекунами его были родной дядя и знаменитый князь Радзивилъ — оригиналъ, какихъ мало было на свѣтѣ, но самый добрый и благородный человѣкъ, прозванный по любимой своей поговоркѣ: *наме коханку* (раніе *кошанку*, по-русски почти то же, что *любимый*). Это слово повторялъ онъ безпрестанно, говоря и съ дамами, и съ королями, и съ своими лакеемъ, и съ швабамъ! Отецъ мой пріѣхавъ по дѣламъ своимъ въ Слуцкъ, принадлежавшій князю Радзивилу, встрѣтилъ на улицѣ богатого жидъ, содержавшаго въ городѣ винный откупъ (т. е. всѣ корчмы), торговавшаго при томъ виноградными винами, и пользовавшагося особенною милостію князя. Жидъ этотъ хотя зналъ хорошо отца моего, но неблагодарный фамиллярностью другихъ пошляковъ, прошелъ мимо, не поклонившись. Отецъ мой, услышавъ, закричалъ: «Долой шпанку, жидъ!» и бросился къ нему; но жидъ, отвѣтъ грубо, скрылся въ толпѣ радзивилковскихъ слугъ, и заперся въ домѣ. Отецъ мой велѣлъ немедленно запрячь своихъ лошадей, и поѣхалъ прямо въ Нѣсвижъ, къ князю, который весьма любилъ его. Онъ пробылъ у него нѣсколько дней, и своими остроуміемъ и шутками привелъ князя, большаго охотника до фарсовъ, въ самое веселое расположеніе духа. Между ними было составленіе въ этомъ отношеніи, что весьма нравилось старому князю. На третій день, передъ отъѣздомъ, отецъ мой сказалъ, что князь можетъ оказать ему большую милость, но онъ не смѣетъ просить его. «Скажи, что хочешь, я все для тебя сдѣлаю», отвѣчалъ князь. — «Отдайте мнѣ въ аренду вашъ фольварокъ (маленькую имзу или усадьбу) въ полумилѣ отъ Слуцка», сказалъ отецъ мой. — «Зачѣмъ тебѣ эта мелочь? Я бы и подарилъ тебѣ,

еслибъ этотъ фольварокъ лежалъ на моей границѣ, а не въ срединѣ моихъ владѣній!» — «Я началъ торговать украинскими волнами», отвѣчалъ отецъ мой (а это была выдумка), «и мнѣ нужно мѣсто подъ городомъ, для сгона разныхъ партій». Князь расхохотался, зная, что отецъ мой вовсе неспособенъ къ торговымъ дѣламъ. «Теперь не стану ѣсть другого мяса, какъ твоихъ воловъ», прилепилъ князь шуту: «однако боюсь, что ты заставишь меня долго постыться!» Въ шуткахъ и прибауткахъ князь подписалъ арендный контрактъ, и отецъ мой поскакалъ въ Слуцкъ, взявъ немедленно въ свое управленіе фольварокъ, поставилъ своего управителя, купилъ бочекъ сто водки, и велѣлъ продавать въ полонину дешево, чѣмъ продавали въ Слуцкѣ. Всѣ горожане стали, разумеется, покупать водку на фольваркѣ, и въ корчмахъ продажа остановилась. Жидъ-откупщикъ былъ въ отчаяніи, но дѣлать было нечего, ибо отецъ мой, по польскимъ законамъ, имѣлъ полное право продавать вино въ своемъ имѣніи, по какой угодно цѣнѣ. Черезъ нѣсколько дней отецъ мой нарочно пріѣхалъ въ Слуцкъ, и жидъ-откупщикъ въ сопровожденіи княжескаго управителя и почетнѣйшихъ гражданъ явился къ отцу моему съ повинною, и просилъ прощенія въ неумышленное оскорбленіе. Отецъ мой пріималъ богатого жидъ хладнокровно, безъ воспоминанія о прошломъ, не изъясняя ни малѣйшихъ признаковъ гнѣва. Тогда богатый жидъ завелъ рѣчь о дѣлѣ. «Зачѣмъ вамъ, такому пану, держать фольварокъ? Уступите мнѣ аренду, я вамъ дамъ *едоес*.» — «Теперь не время объ этомъ толковать», отвѣчалъ отецъ мой: «пріѣзжай ко мнѣ завтра, въ полдень, на фольварокъ, такъ кончимъ дѣло. Я дамъ тобѣ слово, что уступлю аренду не моей цѣнѣ: я не хочу барышей, и мнѣ эта штука уже наскучила». Жидъ обрадовался, и на другой день явился въ назначенный часъ. Контрактъ уже былъ готовъ, и оба они тотчасъ подписали его. Но отецъ мой не передалъ княжескаго контракта, а отдалъ имѣніе въ аренду отъ своего имени. Когда дѣло кончилось отецъ мой хлопнулъ въ ладоши — и двинулся шесть дюжинокъ парней. «Бери его!» закричалъ отецъ, и слуги схватили жидъ, растащили и вѣшали дѣсти ударовъ кожаными постромками. Жидъ едва остался живъ. Его положили на-мертво въ бричку, су-

шлн контрактъ за пазуку, и отецъ мой сказалъ ему, что это только первый урокъ вѣжливости, а за другимъ и третимъ урокомъ дѣло не станетъ, если жидъ отъ первого урока не исправится. Лишь только въ Слуцкѣ разнеслася вѣсть объ этомъ поступкѣ моего отца, весь жидовскій кагалъ поскакалъ въ Нѣсвижъ, къ князю, съ жалобою. Князь ужасно разсердился, и клялся примѣрно отплатить моему отцу за самоуправство въ его владѣнiяхъ, и послалъ къ нему нарочнаго съ приглашенiемъ въ Нѣсвижъ. Друзья умоляли отца не ѣздить къ князю, пока гнѣвъ его не утихнетъ, и совѣтовали немедленно отправиться въ Варшаву и искать покровительства у короля; но отецъ мой, не слушая никого, вооружился съ головою до ногъ, поѣхалъ немедленно въ Нѣсвижъ, и явился къ князю въ приемный часъ, при множествѣ посѣтателей. Всѣ смотрѣли съ удивленiемъ на моего отца, предполагая, что эта исторiя должна дурно кончиться. Князь, вышедъ въ приемную залу, окинулъ взоромъ собранiе, и увидѣвъ отца моего, раскраснѣлся отъ гнѣва и прямо пошелъ къ нему. — «Какъ вы, сударь, смѣли быть моего арендатора? воскликнулъ князь: я пойду съ сумою по міру, но не допущу, чтобъ кто-нибудь дерзнулъ оскорблять меня такъ нагло. Или вамъ жить или мнѣ, или вамъ гнить въ тюрьмѣ или мнѣ!... Я вамъ покажу, что я значу!»... Князь отъ гнѣва не могъ болѣе говорить и запыхался, а отецъ мой прехладнокровно отвѣчалъ: «Прошу только меня выслушать, а тамъ дѣлайте, что угодно! Не только я не осмѣлился бы никогда прикоснуться пальцемъ къ вашему арендатору, но еслибъ даже кто другой тронулъ его, то я, какъ вѣрный и усердный вашъ приверженецъ, вступился бы за него, не жалѣя собственной жизни!»... — «И такъ вы не били моего арендатора?» спросилъ князь, нѣсколько успокоившись. — «Нѣтъ, не билъ *вашего* арендатора», возразилъ мой отецъ: «а я билъ *моего* арендатора, потому-что выпустилъ Мовшѣ въ аренду мою *поссессию* (т. е. временную собственность), въ чемъ удостоѣрить васъ вотъ этотъ контрактъ, и билъ при томъ моего арендатора по принадлежащей мнѣ половинѣ его тѣла, а не по *вашей* половинѣ, которой я вовсе не тронулъ.» (Часть I, стр. 80—83).

Наконецъ, чтобъ докончить харак-

теристикъ родителя г. Булгарина, приводемъ еще слѣдующую черту. Родитель г. Булгарина, въ слѣдствiе своего пылцаго характера, имѣлъ сношенiя съ однимъ польскимъ изгнанникомъ, и развѣ, получая отъ него письмо, хвастливо показывалъ и читалъ его всякому. Слѣдствiя были печальны... Но пусть расскажетъ самъ г. Булгаринъ. Онъ такъ хорошо рассказываетъ и всегда умѣетъ такое что-нибудь прибавить въ концѣ, отъ чего рассказъ получаетъ двойной интересъ:

«Русское Правительство знало обо всѣхъ интригахъ въ Константинополѣ, и наблюдало въ Польшѣ большую осторожность, устранивъ всѣ сношенiя эмигрантовъ съ жителями присоединенныхъ областей. Не помнящихъ присоединеннаго края тогда оно не знало никакихъ дѣй законовъ Русскихъ, ни народа Русскаго, ни обязанности властей и подчиненныхъ, а если и знали кое-что, то не торопились исполнять, привыкнувъ къ прежнему своему волюю. Отецъ мой, почтя это нисколько ничтожнымъ, полагалъ, что и всѣ должны такъ думать, и былъ, какъ говорится, безъ вины виноватъ. Впрочемъ, я неслѣдственно его бы не задержали, еслибъ онъ самъ не называлъ себя *бѣдомъ*. При депаршахъ онъ то шутилъ не кстати, то зорчился, и безъ всякой надобности входилъ въ политическiя разсужденiя. Но рѣшавъ сочинъ его *ошаканить* — и упрямилъ.. Дрзновенiе сожалѣю о несчастiи, постигшемъ моего родителя, и горюетъ билъ бы собственною кровью искупить его страданiя; но, по справедливости и для примѣра другимъ, не могу оправдать его тогдашняго поведенiя». (Стр. 112—114).

Но особенно замѣчательно замечанiе, которое читаетъ здѣсь г. Булгаринъ своему родителю. «Надеялся поступить хладнокровно», говоритъ онъ: «объяснить дѣло, доказать свою неприкосновенность къ заграничнымъ интригамъ, и не пренебрегать властью». Но какъ же доказывать неприкосновенность — скажете вы — когда доказательство неприкосновенности *налицо*?.. Зачѣмъ къ проступку прибавлять еще наглоступи, прибавляя къ постанд-

«матушки», сказала матушка. — Адвокатъ покатилъ головою, и возразилъ: «Мини-те, что въ этомъ вы должны приложить». — «Присяга не страшна въ правѣхъ дѣлъ; я и братья мои присягнемъ, что у меня была цѣлая тарница оселмута!» — «Какъ угодно, сказала адвокатъ, сѣвъ на свое мѣсто. Отецъ мой налѣлъ шанку и вы-шелъ на крыльцо, ваявъ меня за руку. Онъ смотрѣлъ впередъ и не сватыбалъ, а она ожидала, что онъ недоволенъ. Онъ не сомнѣвался въ истинѣ показаній матушки, но ему досадно было, что она передъ нимъ сиротила это.»

Отъ-того ли, что старикъ Булгаринъ былъ, какъ говоритъ сынъ его, «мало-были мыслями», или отъ-того, что въ Минскъ въ то время назначенъ былъ новый губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ К***, «человѣкъ», по словамъ г. Булгарина, «добрый и «правосудный», или, наконецъ, отъ другихъ какихъ-нибудь причинъ, о которыхъ сочинитель умалчиваетъ, — дѣла *о замѣнителѣ тарницы оселмута* при-шли дурной, очень-дурной оборотъ. «Тарница оселмута», о которомъ никто «не зналъ въ домѣ» говоритъ г. Булгаринъ: — «ни мужъ, ни дѣти, послу-жили предметомъ къ шуткамъ, на-смѣшкамъ и наконецъ, къ обвиненію матушки въ *кривотарничествѣ*! Ее отдали подъ уголовный судъ, и въ домъ ея привели часовыхъ. При-дѣлили единственный и побывалый съ «польскою диллою».

Слѣдуетъ, однакожь, сказать, что сестра г. Булгарина, съѣздивъ въ Петербургъ, возвратилась въ Минскъ съ указомъ объ освобожденіи матери изъ-подъ ареста и о возвращеніи ей Ма-кошицы, до рассмотрѣнія дѣла формою суда. Мать г. Булгарина поѣхала са-ма въ Петербургъ хлопотать о дѣлѣ и везла съ собою сына...

Здѣсь г. Булгаринъ дѣлаетъ очеркъ тогдашнему Петербургу и характери-зуетъ тогдашнее общество, прени-мательно аристократическое, въ ко-торомъ, по извѣстію его, мать его и сестра и самъ онъ были приняты очень-хорошо. Сестра г. Булгарина

«обращала на себя общее вниманіе ловкостью и пріятнымъ обхождені-емъ, и музыкальнымъ дарованіемъ». Что же касается до самого г. Булгарина, то онъ адѣсь обращалъ на себя вни-маніе тѣмъ же, чѣмъ и въ домѣ графа Ферзена:

«Дядя Александровичъ Нарышкинъ для шутки убѣждалъ мою матушку одѣть меня по-польски, въ култушъ и туфли; а я, не будучи застѣнчивымъ, смѣло раск-живалъ, препоясавшись моею саблею (по-даренною мнѣ графомъ Ферзеномъ) по аристократическимъ гостынямъ, и заба-влялъ всѣхъ моихъ дѣтскими простоду-шіемъ и шутками. Иногда меня заставля-ли играть на гитарѣ и петь польскія пѣ-сни. Я входилъ смѣло къ дамѣ въ вре-мя ихъ туалета, *переносилъ* шить, *тогда* моя научала старшіе, *собирали* шить, и всѣ меня ласкали, дарили игрушками, конфетами...»

«Это» заключаетъ г. Булгаринъ: — «было мое *счастливое* время въ Петер-бургѣ! Наконецъ, наступила рѣши-тельная эпоха въ жизни г. Булгари-на: его отдали въ корпусъ. Здѣсь г. Булгаринъ, по его собственнымъ сло-вамъ, уже не засталъ порядка, заве-деннаго графомъ Ангальтомъ, «кого-рый руководилъ кадетъ къ добру, одобрялъ прилежныхъ, усотщивлялъ лѣнливыхъ и ласковостью и примѣра-ми добра возбуждалъ въ юношахъ чувства чести, благородства, и соб-ственного достоинства». Кадеты ста-ли нападать на г. Булгарина, какъ на новичка и Поляка; онъ сталъ драться, нагрубилъ главной инспекторшѣ и... меня пощипли розгами: заключаетъ онъ. За тѣмъ начинается длинный рядъ горестей, которымъ подвергался г. Булгаринъ въ корпусѣ. «Кале-ты дразнили меня *Костюшкою*, *ра-зумѣлся*, не понимая значенія этого «прозванія», говоритъ онъ. И много еще прозваній давали ему *кадеты*, много мученій изобрѣтали и выполня-ли надъ нимъ, для удовлетворенія сво-ей злобы и ненависти... Но *самъ* страданіе было для него полковникъ Пурпуръ.

«Осматривая кадетъ во утрянѣ до отправления въ классы, Пурпуръ отсылалъ каждаго кадета, у котораго замѣчалъ что-нибудь неисправное въ туалетѣ, въ комнату называемую умывальною. Потомъ вызывалъ кадетовъ по занискамъ учителей и дежурныхъ офицеровъ, и отсылалъ туда же, а наконецъ являлся самъ. Тамъ уже стояла на срединѣ сканья, уголъ былъ заваленъ сетчаными розгами, и ждали чотыре дюжие лакея. Не теряя лишннихъ словъ, безъ всякихъ объясненій и увѣщаній, полковникъ Пурпуръ утомалъ вѣхъ собравшихся тамъ кадетъ насущными розгами». (261—262)

Неизвѣстно почему, но страсть Пурпура къ сѣченью удовлетворялась преимущественно не на какомъ-нибудь другомъ кадетѣ, которыхъ въ корпусѣ было очень много, а на г. Булгаринѣ: «а былъ постоанною жертвою Пурпурина раззолубіа» говорить онъ. Г. Булгаринъ попробовалъ пожаловаться, но слѣдствія были печальны: «не говоря ни слова онъ (Пурпуръ) «взялъ меня за руку и повелъ въ свою «любезную умывальную и, на прощаніи, «такъ выпоролъ розгами, что меня полу-«мертвомъ отнесли въ госпиталь» (стр. 279). Г. Булгаринъ говоритъ, что въ госпиталѣ онъ пролежалъ цѣлый мѣсяцъ. «Мнѣ безпрестанно видѣлся и въ снѣ и на яву Пурпуръ и холодный потъ выступалъ на мнѣ!.. Я кричалъ во все горло: спасите! помогите! вскакивая съ кровати, хотѣлъ бѣжать и падалъ безъ чувствъ... Даже черезъ четыре года по выходѣ изъ корпуса, встрѣтивъ въ обществѣ чужака, похожаго лицомъ на Пурпура, г. Булгаринъ «вдругъ почувствовалъ «круженіе головы и спазматическій «припадокъ».

Участь г. Булгарина въ корпусѣ нѣсколько облегчилась участіемъ, которое принималъ въ судьбѣ его однихъ изъ учителей, Лантингъ, по слѣдующему случаю:

«Однажды въ какую-то горькую минуту, когда черная мысль промелькнула въ го-

ловѣ Лантинга, онъ задалъ мнѣ сочиненіе, взявъ за тему стихи изъ поэмы Давида: «на ружавѣ Вавилонскій, тамъ сидомъ и плакатомъ». Я сознался ему, что не заглядывалъ въ псалтырь, и онъ велѣлъ прійти къ нему, на квартиру, за книгой. Взявъ псалтырь я уединился, и сталъ читать заданный мнѣ текстъ. При этомъ долженъ я замѣтить, что изученіе церковнаго и, такъ-называемаго, славянскаго языка въ наше время считалось необходимою для познанія языка русскаго, во всей его силѣ, и манъ съ софодры, толковаи красоты са-Нисанія и нашихъ древнихъ лѣтописи. Перечитывая псаломъ, который долженствовалъ служить мнѣ къ сочиненію, я почувствовалъ извѣстно, какъ-будто какое-то сотрасеніе въ сердцѣ... Мнѣ стало грустно, я заплакалъ! Не было свидетелей слезъ моихъ. Въ умѣ и въ душѣ моей ожили воспоминанія дѣтства: представились моему воображенію родители, любимые мною слуги, родные поля и лѣса, и наконецъ мое спростство, мои страданія безъ всякаго соучастія въ ближнихъ, существованіе безъ любви, безъ ласки... Какъ-будто въ лихорадкѣ схватилъ я перо и сталъ писать... Слезы и чернила лились на бумагу. Истисавъ нѣсколько листовъ, я свернулъ ихъ, и на перечитывая положилъ подъ матрацъ моей постели. Явившись въ классъ, я представилъ Лантингу взрѣнную мнѣ книгу и мое сочиненіе, и сказалъ: «Простите великодушно, если найдете тутъ ошибки и недописки. Я написалъ съ горяча, и признаюсь, не имѣлъ духа прочесть... Эта тема слишкомъ-тяжела для меня! Лантингъ сталъ читать про себя, и я не отступалъ съ него глазъ. Я замѣтилъ, что сперва легкій румянецъ выступилъ на его блѣдномъ лицѣ, а потомъ глаза наполнились слезами. Положивъ бумагу мою въ корманъ (чего никогда не дѣлалъ прежде), Лантингъ подозвалъ меня къ себѣ, обнялъ, крѣпко прижалъ къ сердцу, поцаловалъ и сказалъ: «Ты не спроти, пока я въ корпусѣ! Я заступлю тебѣ мѣсто отца, матери и друга!» Онъ велѣлъ мнѣ приходить къ себѣ на квартиру, во всякое время, свободное отъ кадетскихъ обязанностей. (Часть II, стр. 20—22).

Воспользовавшись случаемъ, адѣс г. Булгаринъ спѣшилъ извѣдывать поблику, что онъ всегда помнитъ добро, ему сдѣланное, и что онъ въ-точнѣе

всей своей жизни почиталъ и будетъ почитать первую своею обязанностию вступаться за друга и благодѣтеля. Тутъ кстаи присоединяетъ онъ и жалобы на несправедливость къ нему русскихъ литераторовъ, увѣряя, что въ сатирахъ своихъ они даже пазывали его собакою. (Часть II, стр. 25).

Мы не сказали, чтоъ случилось съ ощущеніями пробужденными въ г. Бугаринѣ такою, заданною ему учителью, потому-что самъ онъ ничего о томъ прямо не говоритъ. Но вотъ свѣдѣнія, которыми сообщаетъ онъ о дальнѣйшемъ пребываніи своемъ въ корпусѣ. Перескажемъ ихъ вкратцѣ:

Когда его спрашивали какого онъ племени, онъ отвѣчалъ — *Русскій*; польскій языкъ онъ почти забылъ. Хотя въ корпусѣ была и нѣмецкая церковь и католическая каплица (chapelle), но онъ ходилъ въ русскую православную церковь, потому-что католиковъ было мало, и ему скучно было слушать латинскую обѣдню безъ пѣвчихъ и безъ музыки; онъ даже учился православному катихизису въ классахъ у протоіерея Колосова и былъ однимъ изъ лучшихъ его учениковъ; наконецъ, онъ пѣлъ на клиросѣ.

«Однажды въ корпусной церкви былъ большой праздникъ: происходила мхротонія Архіерея (не помню, какого по имени). Въ церкви было множество гостей и только лучшіе кадеты, потому-что для цѣлаго корпуса не было мѣста. Пѣвчіе были на двухъ клиросахъ. Кадетскій хоръ пѣлъ концертъ, сочиненіе Бортнянскаго, подъ его личнымъ регентствомъ, и мнѣ пришлось пѣть соло. И теперь помню и музыку, и слова этого соло: «*Отъ востокъ, солнце на западъ, хвалю имя Господне!*» Бортнянскій выставилъ меня впередъ хоромъ, и я пѣлъ въ полъ-оборота къ публикѣ. Вдругъ въ толпѣ поднялся глухой шумъ... одной дамѣ сдѣлалось дурно, и ее вывели подъ руки изъ церкви... Я оглянулся... Это была моя мать...

Дрожавшимъ голосомъ окончила я соло, и сказать, что мнѣ дурно (у меня точно закружилась голова)—выбѣжалъ изъ церкви. Для матушки вынесли стулъ изъ ближней квартиры и стаканъ холодной воды...

Т. XLVI. — Отд. VI.

Она сидѣла склонивъ голову на руки сестры моей, Антонины... Я съ воплемъ бросился въ объятія матери! (Часть II, стр. 52—53).

Когда матушка оправилась и г. Бугаринъ пріѣхалъ съ ней на квартиру, она начала его расспрашивать, не переѣхалъ ли онъ въры. «Я», говоритъ г. Бугаринъ: — «отвѣчалъ, что меня никто къ этому не приглашалъ и не принуждалъ» (часть II, стр. 55); да-лѣе, онъ сказалъ ей, что готовъ былъ русскимъ офицеромъ; онъ лумаетъ, что ему «приличнѣе быть русской въры» (тамъ же). Но, не смотря ни на что, мать требовала, чтобы онъ учился католическому катихизису и ходилъ въ католическую церковь, заклиная священною памятью родителя сохранить его въру. Происшествіе съ г-жей Бугариной имѣло слѣдствіемъ учрежденіе особаго класса, для преподаванія римско-католическаго катихизиса, и римскимъ католикамъ приказано было ходить въ свою церковь. Мнѣ это весьма не нравилось: заключаетъ г. Бугаринъ: — «но надлежало повиноваться».

Но вотъ г. Бугаринъ произведенъ въ офицеры. Здѣсь онъ представляетъ читателямъ очеркъ тогдашней военной жизни, очеркъ мѣстами обвур-живающій, можетъ-быть, и противъ желанія автора, сожалѣніе, что теперь уже многое не такъ, а многого и нѣтъ вовсе. Мы передадимъ его замѣчанія вкратцѣ. «Попировать», говоритъ онъ: — «подараться на сабляхъ, побуживать — было у тогдашнихъ офицеровъ любимое дѣло; буянство хотя и подвергалось наказанію, но не почиталось порокомъ и не помрачало чести офицера, если не выходило изъ извѣстныхъ условныхъ границъ; рубились за всякую мелочь, за что нынѣ и не поморщатся. Послѣ такихъ дуэлей наступала обыкновенно мировава, потомъ пиръ и дружба; говорить дерзости, клеветать заочно и распространять клевету было опасно. Тогда

1/4

•бы два десятка молодцов вступились за пріятеля и товарища, и наказали •бы дерзкаго и подлаго клеветника и т. д. Мы, право, не видимъ чѣмъ тутъ можно было бы восхищаться. Въ безпрестанныхъ пированьяхъ, дракахъ и буйстваньяхъ, конечно, немного хорошаго; рубиться за всякую мелочь нынче порядочные люди не стануть, но за то ужъ если порубятся, то не оправятся вмѣстѣ въ трактиръ, чтобъ за графинномъ водки опять подружиться; чтожь касается до *двухъ десятковъ молодцовъ*, вступавшихъ за обиженнаго или оклеветаннаго, то и тутъ не видимъ мы ничего хорошаго... Конечно, нельзя сказать, чтобъ и въ наше время не было вовсе людей, позволяющихъ себѣ клеветы и разныя дерзости; но въ заступникахъ, о которыхъ говорятъ сочинитель, теперь нѣтъ нужды: теперь порядочный человекъ считаетъ долгомъ своимъ самъ за себя вступить, — разумѣется, если противникъ стоитъ, чтобъ съ нимъ имѣть дѣло. Въ противномъ случаѣ, ему отвѣчаютъ презрѣніемъ. Правда, есть негодяи, которые, рассчитывая именно на презрѣніе къ нимъ порядочныхъ людей, иногда доходятъ въ клеветахъ своихъ до невѣроятной дерзости, но даже въ такомъ случаѣ, нѣтъ въ наше время обычая прибѣгать къ *молодцамъ*, о которыхъ говоритъ г. Булгаринъ. Наше время великодушно: оно предоставляет такія дѣла суду общественнаго мнѣнія, и въ немъ-то подобные люди находятъ наказаніе самое дѣйствительное. Общественное мнѣніе дѣйствуетъ всего вѣрнѣе. Негодяй, заклеянный имъ, не можетъ появиться на улицѣ безъ того, чтобъ на него не показывали пальцами; чтобъ не отворачивались отъ него съ негодованіемъ; его постыдно гонять отсюду, куда бы нагло онъ ни стучался...

Итакъ, гдѣ же и въ настоящемъ случаѣ перевѣсъ стараго времени надъ новымъ?.. Не находимъ мы также ничего хорошаго и въ томъ, что дѣлаи тогдашніе офицеры на Крестовскомъ Острову, въ Екатерингофѣ и Красномъ

Кабачкѣ, съ бѣдными Нѣжками и ихъ дочками (ч. II, стр. 144—145). Довольно много страницъ занялъ г. Булгаринъ описаніемъ тогдашнихъ офицерскихъ дебошей, дракъ, волокитствъ. — Что, однакожь, не помѣшало ему помѣстить въ «Воспоминаніяхъ» своихъ слѣдующее замѣчаніе: «Въ наше время, военному человеку нѣкогда было отлучаться на паркетъ подъ звуки очаровательной музыки, въ кругу избранныхъ красавицъ: мы должны были проводить юность нашу на ратномъ полѣ, въ бивачномъ дыму, подъ свистомъ пуль и шипѣніемъ ядеръ, и ждать ежеминутной смерти!».

Но здѣсь и конецъ свѣдѣній, которыя можно извлечь изъ книги о самомъ ея сочинителѣ. — Выводъ представляемъ слѣловать читателю. Мы здѣсь передавали только то, что находимъ въ книгѣ г. Булгарина.

Прослѣдивъ всѣ болѣе или менѣе любопытные факты, относящіеся до самого г. Булгарина, какъ героя разбираемой нами книги, мы должны были бы перейти къ другой, такъ сказать, исторической, части его «Воспоминаній», гдѣ говоритъ онъ о тогдашнихъ событіяхъ, нравахъ, замѣчательныхъ юностяхъ и проч. Но покойный Н. А. Полевой такъ дѣльно, умно и справедливо разобралъ въ «Литературной Газетѣ» историческую часть «Воспоминаній» г. Булгарина, что мы тогда же перепечатали его статью, какъ замѣчательную полемическую рѣдкость («Отеч. Записки», 1846 г., кн. вторая, отд. VI), прибавивъ, что совершенно согласны съ мнѣніемъ Полевого, что и теперь повторяемъ. Да и кто не согласится съ мнѣніемъ статьи, въ которой каждая строка подтверждена доказательствами, ссылками на историческіе факты, которая говоритъ съ знаніемъ дѣла, съ убѣжденіемъ и притомъ такъ спокойно? Вся публика согласилась съ нею, хотя въ ней и обвинялся г. Булгаринъ не въ мелкихъ обмолвкахъ и опискахъ, но въ незнаніи исторіи, въ изобрѣтеніи небывалыхъ фактовъ, въ искаженіи дѣй-

ствительныхъ, въ перестановкѣ историческихъ событій, въ незнаніи языка, — короче, въ незнаніи всего того, о чемъ взялся «воспоминать» г. Булгаринъ. Не согласился съ нею, разумеется, одинъ только г. Булгаринъ; въ 20 номерѣ «Сѣв. Пчелы» появился отвѣтъ на статью Полевого, составленный изъ довольно-тяжелыхъ шутокъ надъ Полевымъ и его сочиненіями, и изъ различныхъ чрезвычайно-неловкихъ и забавныхъ усилий защититься отъ возраженій и уликъ Полеваго. Полевой отвѣчалъ на статью г. Булгарина двумястами, въ которыхъ показавъ совершенную неправдоподобность самозащиты г. Булгарина, въ то же время, представилъ новыя доказательства, что критика его на «Воспоминанія» во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненно-справедлива. Для полноты, мы прослѣдимъ въ главномъ статью Полеваго, ибо она представляетъ много новыхъ очень-интересныхъ фактовъ. Надобно знать, что г. Булгаринъ торжественно объявилъ въ своемъ «отвѣтѣ», что *есть обвиненія Полеваго противъ него несправедливы*, и Полевой *сталъ на мели съ одною опечаткою*. «Посмотримъ» говорить Полевой:

«Смотримъ и видимъ, что, *кроме опечатки*, есть и еще кое-что, на что согласился *О. В.* Онъ не споритъ за мнѣніе свое о Карамзинѣ, за мнѣніе свое о нынѣшнемъ обществѣ, за мнѣніе о способностяхъ дѣловыхъ людей, за свое изложеніе характера и темперамента, за небывалый отзывъ Колычева изъ Парижа! Онъ говоритъ даже, что маршалъ Сюше вовсе не рассказывалъ ему прусскаго похода, а говорилъ только о храбрости Пруссаконъ, и что герцогъ брауншвейгскій точно былъ раненъ, а не убитъ въ битвѣ октября 14-го. Называя все это: прочимъ, *О. В.* сознается, что «на прочее почитаетъ онъ излишними *отвѣчаты*». Довольно странно, однакожъ, не *отвѣчать* на предметы столь важные, когда насъ учили въ незнаніи или искаженіи ихъ! Не въ «Воспоминаніяхъ» ли напечатано (стр. 197), что описаніе аустерлицкаго сраженія *О. В.* «слышалъ въ 1811 г. изъ устъ «знаменитаго маршала Сюше?» Не тамъ ли сказано: «Не мое дѣло описывать подробности несчастнаго для Пруссіи дня $\frac{14}{26}$ октября — всѣ мы читали объ этомъ, а *кроме того я слышалъ рассказы*

самовидцонъ, маршала Сюшета (т. е. Сюше, Suchet), и одного изъ лучшихъ прусскихъ офицеронъ, *маіора Коломба?»* А теперь, что говоритъ *О. В. Булгаринъ?* «Вы поступили несправедливо, г-нъ Полевой, приводя при каждомъ вашемъ ложномъ (какъ это учтиво!) обвиненіи, *минимы ссылки* *О. В.* на Сюшета и Коломба. *О. В.* *ссылался* на нихъ *только въ томъ, что Французы и Пруссаки дрались храбро* при Іенѣ и Ауерштедтѣ, а въ другихъ дѣлахъ *О. В.* *ссылался* на книги, выписывая заглавія и указывая на страницы.» Во-первыхъ, выписанныя нами слова показываютъ, что Сюше говорилъ не объ одной храбрости Пруссаконъ, а во-вторыхъ, во всемъ описаніи прусской войны, занимающемъ въ «Воспоминаніяхъ» стр. отъ 253 до 271-й, *нѣтъ* ни одной ссылки на книги! Вотъ ужъ подлинно *минимы ссылки!*»

На замѣчаніе объ искаженіяхъ, сдѣланныхъ при описаніи прусской войны, г. Булгаринъ, какъ мы сейчасъ видѣли, отвѣчалъ Полевому, что при описаніи своемъ, онъ «ссылался на *книги*, выписывая заглавія и указывая страницы». Полевой замѣчаетъ ему, что «во всемъ описаніи прусской войны, занимающемъ въ Воспоминаніяхъ стр. отъ 253-й до 271-й, *нѣтъ* ни одной ссылки на книги». Любопытные могутъ справиться, и увидятъ, что на означенныхъ страницахъ «Воспоминаній» дѣйствительно нѣтъ ни одной ссылки на книги...

«Еще забавнѣе оправданіе о смерти герцога брауншвейгскаго. «Въ Іенскомъ сраженіи герцогъ брауншвейгскій былъ убитъ!» — «Попалъ (*Съверная Пчела* стр. 83)! Чтобы однимъ словомъ сказать, что Прусская армія лишилась полководца, смертельно раненаго, и вскорѣ потомъ умершаго, мы сказали: *убитъ*. Нѣтъ, не *убитъ*, а *смертельно раненъ и умеръ вскорѣ!* Это тоже, что не *пѣлъ*, а *кушалъ!* Ужасное невѣжество *О. В. Булгарина!* — Не знаемъ: невѣжество ли, и «ужасное» ли, но кажется, нельзя сказать: «все равно *пѣлъ* или *кушалъ*», еслибъ кто сказалъ, что Багратионъ былъ убитъ подъ Бородинымъ, какъ нельзя сказать, что герцогъ брауншвейгскій убитъ подъ Іеною, а умеръ черезъ шесть недѣль потомъ. Сознаемся здѣсь въ маленькой хитрости нашей: мы нарочно написали, что герцогъ былъ раненъ смертельно подъ Іеною, увѣренные, что при плохомъ знаніи, какое оказываетъ *О. В.* въ военной исторіи, онъ не замѣтитъ нашей хитрости. Такъ и сдѣла-

лось. *Θ. В.* подтверждает, что герцога убили, или раненъ (зѣла это все равно — пѣлъ или *кушала*!) *подъ Ісеною*, а онъ былъ равенъ *подъ Аустерлидомъ*! Незнание военнаго дѣла въ «Воспоминаніяхъ» простирается до того, что *Θ. В.* пишетъ, будто іенское и аустерлитское сраженіе происходило $\frac{14}{26}$ октября (стр. 263), а оно было 14-го октября (2-го по нашему стилю), а 26-го Наполеонъ былъ уже у Берлина!»

Затѣмъ слѣдуетъ дальнѣйшее разсмотрѣніе *оправданій* г. Булгарина, разсмотрѣніе, изъ котораго видно, что г. Булгаринъ изъ всѣхъ обвиненій выходитъ совершенно такъ же, какъ и въ двухъ приведенныхъ нами случаяхъ. Но мы уже сказали, что беремся указать только на самое интересное. Вотъ оно. На замѣчаніе объ искаженіи исторіи Хвостова и Давыдова, г. Булгаринъ отвѣчалъ Полевою, что въ его время ее въ такъ рассказывали, и присоединилъ еще слѣдующія замѣчательныя по послѣдствіямъ слова: «*И точно такъ же рассказывалъ намъ это дѣло почтеннѣйшій адмиралъ П. И. Рикордъ при соредакторѣ и сотрудникѣ Свѣ. Пчелы Н. И. Гречѣ, когда уже печатались Воспоминанія. Кому вѣрить? —* заключаетъ г. Булгаринъ: «общему ли мнѣнію, самовидцамъ-современникамъ и Его Высочайшему ходителюству П. И. Рикорду, или г. Полевою? Уже лучше повѣрить общему мнѣнію и столь почтенному лицу, каковъ П. И. Рикордъ. Когда идетъ дѣло о морскихъ офицерахъ, то мы вѣримъ адмираламъ, очевидцамъ и современникамъ...»

Богъ чѣмъ разрѣшилось дѣло. Предоставляемъ досказать Полевою:

«Признаемся (говоритъ онъ въ статьѣ своей), это насъ сильно изумило! Какъ? Нашъ почтенный, знаменитый морякъ, П. И. Рикордъ могъ рассказывать все, что напечатано въ «Воспоминаніяхъ», и на это есть свидѣтели? Мы уже хотѣли обратиться къ П. И. Рикорду, и просить его объясненій, когда въ № 26-мъ Свѣ. Пчелы увидѣли слѣдующее письмо:

«Милостивый Государь.

«Фаддей Венедиктовичъ!

«Въ № 21-мъ Свѣ. Пчелы сего года, я къ Удѣленію моему прочиталъ, что въ литературныхъ спорахъ, возникшихъ

«между вами и г. Полевымъ, касательно изданныхъ вами Воспоминаній, описывая дѣйствія Хвостова и Давыдова при экспедиціи въ Японію, вы, для удостовѣренія въ истинѣ нашего о нихъ разсказа, выставили и меня посредникомъ между вами. Видя имя мое такимъ-образомъ помѣщенное въ газетѣ, это изумляетъ меня еще тѣмъ болѣе, что и самый разсказъ вашъ объ упомянутыхъ лицахъ не вполне стрѣленъ. Покорнѣйше прошу васъ, М. Г. въ вашемъ преніи вверъ для защиты вашей не употребить моего имени.»

«Честь мнѣю быть, и пр.

«Петръ Рикордъ.»

«Надобны ли зѣлѣ какія-нибудь объясненія?» спрашиваетъ Полевой. Значѣтъ же! Дѣло и безъ нихъ ясно какъ день Божій: очевидно, что г. Булгаринъ прибѣгъ въ своихъ оправданіяхъ къ средству слишкомъ-необдуманному!

Въ спорѣ касательно объявленія, напечатаннаго въ 1806 году противъ Наполеона, которое въ томъ видѣ, какъ излагалъ его г. Булгаринъ, Полевой утверждалъ несуществующимъ, — г. Булгаринъ объявлялъ, что Полевой не понимаетъ дѣла, а объявленіе *точно есть и находится теперь у него, Булгарина, въ рукахъ*. Полевой возражалъ такъ:

«Нѣтъ, мы дѣло лучше вашего понимаемъ, и еще разъ утверждаемъ, что именно то самое объявленіе напечатано въ Собраніи Законовъ, о которомъ говоритъ г-нъ Булгаринъ, а другою не было, нѣтъ, и онъ сію теперь въ рукахъ имѣть не можетъ! Да, что далеко откладывать? Напечатайте его въ Пчелѣ! Это будетъ любопытнѣе сказочекъ, которыя вы печатаете, или всего лучше положите его въ магазинъ М. Д. Ольхина, и пусть разсудитъ насъ народъ безпристрастный!»

На утѣреніе г. Булгарина будто «въ писанія Полевою, когда онъ былъ сотрудникомъ Свѣтлой Пчелы, выспрашивали не одного Н. И. Гречъ, а и *Θ. В. Булгарина* и *А. Н. Гречъ* и даже корректоръ» — Полевой отвѣчалъ такъ:

«Всего лучше, если у васъ пѣлы рукописи Полеваго, покажите ихъ, положите ихъ въ книжный магазинъ М. Д. Ольхина, вмѣстѣ съ объявленіемъ, о которомъ говорено выше, и пусть разсудятъ насъ люди посторонніе. Н. Полевой такого суда не боится, и если *Θ. В. Булгаринъ* нашего

требованія не исполнить, мы примѣнимъ къ нему собственныя слова его, съ 89 стр II-го тома *Воспоминаній*, строки 11—13. Не угодно ли тамъ справиться?»

Что г. Булгаринъ является въ спорѣ съ покойнымъ Полевымъ не героемъ, то, конечно, каждый и безъ насъ видитъ. Намъ слѣдуетъ только замѣтить, для полноты и для ясности, что спорнаго *объявленія*, которое Полевой вызывалъ г. Булгарина напечатать въ «Пчелѣ» или положить для показа въ магазинѣ Ольхина, ни *напечатано въ Пчелѣ*, ни *положено въ магазинѣ Ольхина не было*. Рукописныхъ листовъ Полеваго, поправленныхъ рукою г. Булгарина, въ магазинѣ Ольхина также положено не было... Стало-быть, г. Булгаринъ, говоря иносказательно, въ нѣкоторомъ родѣ, расписался... въ прочтеніи тѣхъ строкъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», къ которымъ отсылаетъ его Полевой и которыя въ статьѣ Полеваго означены такъ вѣрно и обстоятельно...

Нужно бы еще сказать что-нибудь о «признаніяхъ» г. Булгарина, которыми наполнено предисловіе къ его книгѣ. Но мы думаемъ, что послѣ всего представленнаго нами на усмотрѣніе читателя, подробныя объясненія будутъ здѣсь излишни. Довольно указать на нѣкоторыя признанія:

«Замѣчательно и весьма, что вся вражда падала на меня одного, и каждое неблагоприятное сужденіе для автора приписывалось мнѣ, а за похвалу мыкто не сказалъ спасибо! Напротивъ похвалы породили болѣе враговъ, нежели порицанія».

Далѣе:

«Еще весьма замѣчательно, что всѣ журналы сколько ихъ ни было въ теченіе двадцати-пяти лѣтъ (исключая *Современника*, *Прогресса* и *Благовѣстника*, который издавался литературнымъ обществомъ, и мытѣшей «Библіотека для Чтенія») начинали свое поприще, продолжали и кончали его жестокою бранью противъ моихъ литературныхъ произведеній. *Всѣ мои сочиненія и изданія были всегда разрушаны*» и пр.

Всѣ сочиненія и изданія г. Булгарина разруганы, всѣ журналы начинали, продолжали и кончали свое поприще бранью на г. Булгарина; каждое неблагоприятное сужденіе приписывалось не

Т. XLVI. — Отд. VI.

кому другому, какъ г. Булгарину; никто даже за похвалу не сказалъ ему спасибо... Странно!.. Конечно, можетъ-быть, зависть, недоброжелательство... ну, и другія нехорошія страсти, на которыя намекается въ предисловіи... Но какъ же *всѣ*, рѣшительно *всѣ*? Не одинъ человекъ, не два, не десять, не сто, даже не тысяча, а *всѣ*... Въдѣ что-нибудь значить же слово *всѣ*!.. Какъ растолковать? какъ объяснить?..

183) *Русскій Крестьянинъ*, или *Гость съ Бородинскаго Поля*, народная опера изъ событій 1812. Соч. Б. Федорова. Санктпетербургъ. Въ тип. Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи. 1846.

Вы узнали русскаго крестьянина изъ статьи В. И. Даля, о которой мы говорили выше въ разборѣ «Новоселья»; слѣдовательно, вамъ теперь особенно-интересно будетъ знать мнѣніе о русскомъ крестьянинѣ г. Бориса Федорова... «Какое русское сердце не помнить 1812 года?» спрашиваетъ г. Борисъ Федоровъ въ предисловіи. «Всѣ событія того времени глубоко впечатлѣлись въ нашей памяти», продолжаетъ онъ, и вслѣдъ за тѣмъ прибавляетъ: «пѣса «Крестьянинъ-Офицеръ», *первый опытъ мой въ драматическомъ родѣ*» (я не знаю почему, но это замѣчаніе меня до глубины души умилевать... будемъ читать далѣе:) «напечатана первымъ изданіемъ въ 1813 году, и въ томъ же году играна въ Петрозаводскѣ... Такъ вотъ какія событія, по мнѣнію г. Бориса Федорова, глубоко впечатлѣлись въ нашей памяти... Далѣе: «Она (пѣса г. Бориса Федорова) «вишена чувствомъ любви къ отечеству и можетъ быть замечательна, какъ отголосокъ юнаго сердца... И такъ, передо мной не книга — передо мной отголосокъ юнаго сердца г. Бориса Федорова... Но Боже мой!.. какая дурная бумага! что за охота печатать такъ неовратно отголоски своего собственнаго сердца, да еще и юнаго?.. Но дѣлать нечего, — развернемъ. А! страница 9... Поетъ староста своей дочкѣ:

Что сѣтъкъ Катя загрустила?

Ну право какъ я погляжу

1/8 4

Ты все тоскуешь, все уныла
Тебя из слезыхъ я нахожу.
Полюбишь молодость, скучал...

Такъ-то поють мужики?.. *Полюбишь молодость, скучал!*.. Развертываю дайте — то же; дайте — то же... Досадно!.. При всемъ умплении, въ которое привело меня предисловіе къ отголоску юнаго сердца г. Бориса Федорова, я долженъ признаться, что книга очень плоха по переходимъ къ другому подобному отголоску подъ названіемъ:

184) Сказка о Мельникѣ Колдунѣ, хлопотливой старухѣ, о жидкахъ и батракахъ. Соч. Е. Алшамова. 1846. Санктпетербургъ. Въ тип. Губернскаго Правленія. Въ 24-ю д. л. 59 стр.

Люди не похожи другъ на друга, еще больше не похожи другъ на друга господа-сочинители. Одному лѣтъ перечестъ-написанное сочиненіе, чтобъ поправить въ немъ описки, а другой радъ платить деньги, чтобъ его слушали, ловить добраго человѣка, который любить всхрипнуть послѣ обѣда подъ однообразное чтеніе, чтобъ только, когда добрый человѣкъ усядется въ кресла и закуритъ сигару, приняться читать ему (т. е. самому-себѣ въ столѣйный разъ) многотомный романъ, уже десять лѣтъ напечатанный, и тотчасъ же по выходѣ съвѣтъ на мель... Г. Борисъ Федоровъ думаетъ, что его твореніе, написанное имъ сличномъ тридцать лѣтъ назадъ представленное въ Петрозаводскѣ, *можетъ быть замѣчательно* (его собственные слова) въ 1846 году, сдѣлать печатать его, съ великолѣпнымъ предисловіемъ, престолюшно-убѣжденнымъ, что есть кому-нибудь дѣло до его перваго драматическаго опыта, и вообще до отголосковъ его юнаго сердца, — а г. Егоръ Алшамовъ, выступая съ своими сказочками смиренно, безъ всякихъ предисловій, оставляя читателей въ совершенномъ недоумѣніи на-счетъ своего сердца...

Въ подмосковной деревушкѣ
Въ сѣнцахъ, новенькой избушкѣ
Жилъ былъ мельникъ чудородъ
А по-имени Федотъ.

Ну, чѣмъ худо!
А вѣдь безъ всякаго предисловія!

185) Красное Яичко на сѣмлоднѣнныя праздники. I. Д. Санкиттербургъ. 1846. Въ 24-ю д. л. 45 стр.

Шахая книжка, въ родѣ предъидущей. Впрочемъ тоже безъ предисловія...

186) Неизвѣстный Особа. Сочиненіе Н. Чернышева. Полулистъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Вилебера.

Вообразите себѣ полулистъ зеленоватой бумаги, сложенный въ четверку, на внутреннихъ сторонкахъ котораго напечатана слѣдующая галиматья, обведенная каймою:

Родившійся « » и имѣющій день Ангела « » не вліянію солнца на знаки Эклиптики имѣетъ нижеозначенныя свойственныя качества, склонности и опредѣленія; какъ событій его жизни, такъ болѣе или менѣе полезныхъ и вредныхъ ему странъ свѣта и промысла, съ означеніемъ времени, ежегодно имѣющихъ вліяніе на жизнь его.

Свойственныя качества.

Голова и лице продолговаты, тонкій долговатый носъ, черноватые волосы и искусно начертанныя брова раздѣляютъ пріятный и веселый взоръ. Шейтъ тѣла нѣсколько смуглѣе и по состоянію крови бываетъ и красноватъ; по виду сухощавъ, будетъ имѣть знакъ на локтѣ, или на которомъ палецѣ пальца.

Сердечныя и нравственныя склонности и качества нѣтъ.

Мужествомъ, благъ и кротокъ, сиречь великъ, лоя и ея любителей не наидать, нѣсколько горячъ, иногда и глѣдывъ; но мгновенно сей пламень глѣтъ исчезаетъ; умелъ, постояненъ и ко всѣмъ снисходителенъ, рѣчь его пріятна, въ разговорахъ весьма оборотенъ и одаренъ можетъ исполнять великія дѣла не требуя чьихъ совѣтовъ, сверхъ сего также пристрастенъ къ женскому полу, нѣсколько скупъ и не очень трудолюбивъ.

и проч. и проч. Дать слѣдующъ «Событія жизни» и «Ежегодное вліяніе теченія солнца на жизнь».

Будь только при галиматѣ г. Чернышева хоть крошечное предисловіе, мы отдали бы въ настоящемъ случаѣ премію г. Чернышеву; но — увы! предисловія нѣтъ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

М а й.

167) Римскія Письма. *Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. III Отд. собственой Е. И. В. Канцеляріи. Двѣ части. Въ 8-ю д. л. 798 стр.*

Всякій городъ можно изучать въ различныхъ отношеніяхъ, и никто не въ правѣ требовать отъ посвятившаго себя на это изученіе, чтобъ онъ посматрѣлъ на него съ такой именно, а не съ другой точки зрѣнія. Авторъ «Путешествія къ св. Мѣстамъ» — даритъ нынѣшнихъ любителей назидательнаго чтенія книгою, въ которой разсматривается Римъ со стороны его христіанскихъ древностей, и какъ центръ и глава католицизма. Это даетъ ему поводъ къ поучительнымъ сравненіямъ характера и обычаевъ церкви римской и греко-русской и къ обнаруженію и утвержденію несомнѣнныхъ преимуществъ послѣдней надъ первой. Не подвергая «Римскія Письма» литературному разбору, ограничимся только нѣкоторыми выписками, для того, чтобъ короче ознакомить читателей со взглядомъ автора.

Пріѣхавъ въ Римъ, какъ водится, путешественникъ прежде всего спѣшитъ посѣтить базилику св. Петра.

«Прежде всего хотѣлось мнѣ посѣтить въ Римѣ гробъ верховныхъ Апостоловъ, и поклониться, если не самымъ ахъ свя-
Г. XLVI. — Отд. VI.

тѣннымъ останкамъ, то по крайней мѣрѣ мѣсту, гдѣ они сокрыты, ибо на Западѣ, не такъ-какъ въ Православной Церкви, святыхъ мощей утаена отъ благочестивыхъ взоровъ, или поставлена на недоступной высотѣ. Рано утромъ пошелъ я въ базилику св. Петра, чтобъ еще въ глубокой тишинѣ напечатать думу свыше святынею сего мѣста, близкою сердцу каждого Христіанина. Мнѣ сопутствовалъ одинъ изъ моихъ соотечественниковъ... Ему хотѣлось видѣть какое впечатлѣніе произведетъ на меня первый взглядъ на великолѣпный храмъ..... Мы вошли въ обширный притворъ, изящно украшенный мраморными колоннами, и наконецъ въ самую внутренность храма, въ которой стройностью цѣлаго сокращается огромность частей. Все что казалось обмывающимъ павлами, расло по мѣрѣ приближенія до неподалека разлѣтовъ, и украшенія по-видимому простыя, восходили до высшей степени изящества, при тщательномъ ихъ осмотрѣ; потому что только мраморъ, бронза и мозаики, одушевленные рисункомъ (?) лучшихъ художниковъ, почтенны были достойными столь великолѣпнаго зданія... Случившись мнѣ, хотѣвшій уловить мой первый восторгъ, при зрѣніи изящнѣйшаго изъ храмовъ вселенной, самъ изумился, увидя какъ холодно было мое изумленіе; онъ сказалъ мнѣ однако, что это случается часто при первомъ посѣщеніи храма, ибо самая его необыкновенность не производитъ вникнуть во всѣ красоты; но

Впрочемъ, не смотря на несколько-односторонній взглядъ автора на вѣчный городъ, многія страницы его книги изобилуютъ прекрасными описаніями; картина знаменитой римской долины (часть II, стр. 81 и слѣд.) очертанута весьма-живо; вообще, кто хочет ознакомиться съ католическимъ Римомъ, тому очень-полезно будетъ заглянуть книжкой г-на Муравьева; но напрасно будете вы искать въ ней воспоминаній собственно древняго Рима, котораго впечатлѣніе пережививаетъ всѣ другія впечатлѣнія этого города, или замѣчательнѣе о древнемъ и новомъ искусствѣ, въ которыхъ до-сихъ-поръ рѣдко себѣ отказывалъ путешественникъ, рѣшившійся рассказывать печатно свои впечатлѣнія: авторъ «Римскихъ Писемъ», не обращалъ вниманія на сокровища искусства, и описывая Ватиканъ, не упоминалъ даже ни о Леоново, ни объ Аполлоновъ Бельведерскихъ, ни о множествѣ другихъ безсмертныхъ произведеній древняго и новаго ваянія, хоть бы съ тѣмъ, чтобъ только сказать, что въ этихъ знаменитыхъ статуяхъ, всѣ видятъ высочайшее торжество рѣзца.

188) Стихотворенія Кольцова. Съ портретомъ автора, его факсимиле и статью о его жизни и сочиненіяхъ, писанною В. Бѣлинскимъ. Изданіе Н. Некрасова и Н. Прокоповича. Санкт-петербургъ. 1846. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. Въ 8-ю д. л. 240 стр.

Изданіе «Стихотвореній Кольцова», вышедшее въ свѣтъ въ половинѣ прошедшаго мѣсяца, вполне удовлетворяетъ самымъ изыскательнымъ требованіямъ и смѣло можетъ быть названо безукоризненнымъ явленіемъ въ мірѣ издательства. Гг. Некрасовъ и Прокоповичъ умѣли соединить въ немъ все, что нужно для ознакомленія публики съ изобрѣтательнымъ и поэтомъ. Кольцовъ равно знаменитъ какъ поэтъ и какъ человекъ. Притомъ, между произведеніями его не только существуетъ тайнъ много, но и то, что въ нихъ есть, — это стихотворенія, не прелесть, а въ

нѣтъ его біографіи, значило бы сдѣлать діло въ половину. Статья г. Бѣлинскаго «О Жизни и Сочиненіяхъ Кольцова» открываетъ передъ читателями личность поэта со всѣми подробностями его историческаго развитія, въ связи съ дѣятельностью его таланта. Прочитавъ эту біографію, жалѣешь только о томъ, что другіе русскіе поэты до-сихъ-поръ остаются для насъ лицами болѣе или менѣе мнѣніескими и, можетъ-быть, долго останутся таковыми. Многія до-сихъ-поръ написанныя біографіи русскихъ писателей такъ непріятно отзываются или неспособностью ихъ составителей, или книгопродавческимъ заказомъ, такъ мало знакомятъ съ особенностями каждаго, — словомъ, такъ похожи на послужные списки, что біографіи Кольцова своимъ чисто-литературнымъ достоинствомъ составляютъ явное исключеніе изъ общаго правила.

Второе достоинство изданія «Стихотвореній Кольцова» заключается въ распредѣленіи ихъ по достоинству и по времени написанія: до-сихъ-поръ, и хронологическій порядокъ составляетъ въ нашихъ изданіяхъ немалую рѣдкость! Приложенный къ книжкѣ портретъ отличается сходствомъ.

Но главное достоинство изданія гг. Некрасова и Прокоповича есть его современность. Достоинство это открывается уже тогда, когда личность и талантъ Кольцова изучается съ лежащею ревностію. Надѣемся высказать свое мнѣніе объ этомъ изданіи въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ «Отеч. Записокъ» въ столѣтій Крѣпости.

А между-тѣмъ, если угодно войтъ убѣдиться отъ противнаго (а contra) въ истинно-поэтическомъ достоинствѣ Кольцова, поэта-простолюдина, — читайте:

189) Стихотворенія Д. Аксеновскаго, придворнаго мастера водочистительныхъ машинъ. Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. К. Жернакова. Въ 16-ю д. л. 96 стр.

Г. Аксеновскій называетъ себя са-моучкою. Но что-бы рѣшить вопросъ,

достался ли на долю его какой-нибудь поэтический талант, или въ немъ только то и замѣчательнаго, что онъ не имѣлъ случая получить образованіе, — выписываемъ нѣкоторыя изъ его стихотвореній. Вотъ, на-примѣръ, какъ выражаетъ онъ свою благодарность «Сѣверной Пчелѣ» за отзывъ о его дарованіяхъ, помѣщенный въ 194 № этой газеты 1844 года:

Что ты, Пчелка, выхваляешь
Фабрикацію мою?
Живописцемъ выставишь,
И что я стихи пою (?)

Пчелка, Пчелка! я не стою
Благосклонности твоей;
Я встрѣчаюсь лишь порою
Съ музою сельскою моею.

Пчелка, Пчелка наградила —
За труды меня вполнѣ;
Приласкала, поощрила;
Кистью брежу я во снѣ.

Благодаренъ за вниманье
Пчелкѣ Сѣверной, родной,
Въ знакъ душевнаго признанья,
Вотъ — и отзывъ мой простой.

Не можемъ сказать положительно, понравился ли «Сѣверной Пчелѣ» этотъ простой отзывъ г. мастера водоочистительныхъ машинъ. Помнится только, что фельетонъ этой газеты, кажется, въ прошломъ году, создавался, что машины г. Аксенова гораздо лучше стиховъ его. Мы думаемъ, что на этотъ разъ, публика должна согласиться съ фельетономъ.

Вотъ еще образецъ поэтическаго дарованія новаго самоучки (стр. 85, 86 и 87) — стихотвореніе «На экзаменъ въ Технологическомъ Институтѣ»:

Отъ души отдаю
Благодарность мою
И усердный поклонъ.
На яву, а не въ сонъ.
Видѣлъ я чудеса!
Разбѣгались глаза.
И экзаменъ у Васъ
Много радовалъ насъ!
Много всѣхъ удивлялъ,

Нотуаль, презумпция!
Смыслу Божій законъ;
Во спасенье намъ онъ!
Поучатся я радъ
Для душевныхъ отрадь!
Долженъ каждый въ свой вѣкъ
То узнать человѣкъ;
И, дивясь я смотрѣлъ
Ходъ физическихъ тѣлъ;
Въ минераліяхъ красе,
Разнымъ свойствамъ чудесам!
А механика дамъ,
Какъ издѣлалъ я самъ,
Много средствъ подаетъ,
И къ успѣхамъ ведетъ.
Да и зодчества классъ
Очень нуженъ для насъ:
Какъ случится потокъ,
Буду строить я домъ. —
Какъ мнѣ нравились томъ,
Нолутомъ, чертомъ,
Рисованья преданья,
И отгѣнки и сѣтъ!
Обработку же льна
Хоть и знаетъ жена,
Но не такъ, какъ у Васъ.
Какъ пріятно для насъ
Все полезное знать!
Мнѣ придется ль опять
Нобывать за Девну?
Обработку льну,
Я готовъ передать,
И у насъ перенять,
Земляковъ научить,
Какъ полотна бѣлить.
И за все Вамъ поклонъ.
Отъ усердія — онъ!

Какъ все это извѣстно и просто, такъ, можетъ-быть, и не спросимъ!

И такъ, поздравляемъ: вотъ у насъ самоучка-механикъ-живописецъ-художникъ и можетъ-быть еще пѣвецъ, какъ можно подозревать изъ короткаго выписаннаго здѣсь стихотворенія, въ которомъ сказано: «И что я стихи пою».

190) Векфильдскій Свѣдѣніи. Романы Оливера Голдсмита. Перевелъ съ англійскаго Иванъ Гусевъ. Изданіе украшенное 187-мъ иллюстраціями. Санктпетербургъ. 1846. Въ 8-ю д. л. 305 стр.

На достояніе. Восточнаго Славянскаго общества. Смотрѣть развѣдывающаго.

ставить его высоко за обиліе назидательныхъ мыслей, выраженныхъ въ этомъ романѣ въ риторической формѣ; другіе хвалятъ его за сказочную занимательность; третьи—за художественную обработку подробностей. По нашему мнѣнію, недостатокъ этого сочиненія заключается въ малой правдоподобности завязки и развязки, — что, впрочемъ, можетъ относиться къ недостаткамъ большей части романовъ XVIII столѣтія. Что жъ насчетъ до идеи, проведенной въ пѣломъ созданіи, то нельзя не согласиться въ ея глубинѣ и назидательности. Она заключается въ сознаніи *неодѣйствительности юлосювеннаго красовченія*. Герой романа — венгальскій священникъ (рассказывающій свои приключенія)—представленъ репортёромъ и челоукомъ вовсе-непрактическимъ, который находитъ удовольствіе и считаетъ своею обязанностью—при всякомъ удобномъ случаѣ развитъ какую-нибудь моральную мысль, предполагая, что слово его непременно должно произвести предположенное имъ дѣйствіе на души его слушателей и изменить ихъ поведеніе. На дѣлѣ же, всѣ его рѣчи оказываются совершенно бессиленными! Такъ, напримеръ, добрый священникъ всю свою жизнь гремѣлъ противъ тщеславія въ своемъ приходѣ и своемъ семействѣ; но никогда не имѣлъ утѣшенія видѣть слова свои воплотившимися въ дѣла слушателей:—семейство его продолжало носить въ этомъ порокѣ дотѣхъ-поръ, пока опыты жизни не привели разныхъ членовъ его къ скромности. Вотъ какъ рассказываетъ онъ оныхъ изъ такихъ опытовъ. Приводимъ этотъ рассказъ въ переводѣ г. Герда:

«Въ концѣ недѣли получили мы отъ городскихъ дамъ записку, въ которой онѣ свидѣтельствуя свое почтеніе, изъявили надежду видѣть насъ въ церкви въ будущее воскресеніе. Въ слѣдствіе этого я примѣтилъ, что во все утро субботы, жена и дочери мои чрезвычайно были заняты какимъ-то тайнымъ соѣшаніемъ. Отъ времени до времени онѣ бросали на

меня взгляды, явно обличавшіе какой-то важный замыселъ. Сказать откровенно, я имѣлъ сильное подозрѣніе, что онѣ затѣваютъ какія-либо нелѣпыя приготовленія для слѣдующаго дня. Вечеромъ онѣ начали дѣйствовать порядкомъ и жена моя взяла на себя вести осаду. Заинтересованный, что послѣ чаю я былъ въ хорошемъ расположеніи духа, она приступила къ атакамъ: «кажется, мой милый, завтра будетъ въ церкви много знати.» — Статься можетъ, отвѣчалъ я:— но объ этомъ нѣчего беспокоиться: будутъ ли или не будутъ, а проповѣдь буду говорить. — Я это знаю, но мнѣ хотѣлось сказать, что намъ слѣдуетъ отправиться въ церковь благопристойнымъ образомъ — кто знаетъ, что можетъ случиться?» — Предосторожностію твою весьма похвалены, моя милая, отвѣчалъ я: — благопристойное и мабожное поведеніе въ церкви всегда мнѣ нравится: тамъ мы должны быть благоговѣйными, кроткими и спокойными. — «Это я все знаю,» прервала она: «но я хотѣла сказать, что намъ слѣдуетъ отправиться туда приличнымъ образомъ, то есть, не такъ какъ ходитъ туда всякая сволочь.» — Да, моя милая, и я самъ хотѣлъ тебѣ объ этомъ напомнить, надобно приходить въ храмъ Божій какъ можно раньше, чтобъ имѣть время настроить свою душу къ благочестивымъ размышленіямъ еще до начатія службы. — «Ахъ, какой ты, Карлуша, все это мы давно знаемъ, но дѣло не въ томъ, я хотѣла тебѣ сказать, что намъ слѣдуетъ отправиться въ церковь какъ порядочнымъ людемъ. До церкви, какъ тебѣ извѣстно, будетъ по-крайней-мѣрѣ три мили, и признаюсь, я совѣтъ не люблю впасть, какъ дочери мои приходятъ на свое мѣсто запыхавшись и раскраснѣвшись отъ ходьбы, будто какія-нибудь деревенскія дѣвчонки. Послушай же, что я хочу тебѣ сказать; наши дѣла рабочія лошади уже пѣлый мѣсяцъ стоятъ безъ дѣла и только лишь толстѣютъ: зачѣмъ держать ихъ по напрасну? Почему не употребить ихъ для верховой ѣзды? а я увѣрена, если Монсей только немножко пообетрижетъ ихъ, они будутъ прекрасны.»

«На это я возразилъ, что во сто разъ лучше имѣти пѣшкомъ, чѣмъ ѣхать на такихъ неуклюжихъ лошадяхъ, которыхъ вовсе не приучены къ верховой ѣздѣ; да притомъ у насъ всего только одно сѣдло. Но какъ все это было опровергнуто, то я

принужденъ былъ уступить. На другой день, поутру, я замѣтилъ, что онъ не мало суетится, и не мало были заняты приготовлениями къ поѣздкѣ; видя однако, что эти сборы кончатся не скоро, я отправился въ церковь, получить общаіе, что онъ тотчасъ придетъ за мною.

«Болѣе часа сидѣлъ я на кафедрѣ, не пачиная службы; но явля, что семейство не приходитъ, принужденъ былъ начать обѣдню, крайне безпокоясь объ его отсутствіи. Служба кончилась, а дамы мои все еще не явились; это еще болѣе увеличало мое безпокойство. Вмѣсто того, чтобы воротиться домой по обыкновенной переходной тропинкѣ, сокращавшей расстояние въ двѣ мили, я пошелъ по большой дорогѣ, по которой надобно было дѣлать кругъ въ пять миль. На половинѣ дороги увидѣлъ я процессію, весьма медленно двигавшуюся впередъ. Жена моя, сынъ и два маленькіе мальчика сидѣли на одной лошади, а дочери на другой. Спросивъ о причинѣ замедленія, я узналъ, что на дорогѣ случилось съ ними безчисленныя несчастія; это и виднор было по печальному выраженію ихъ лицъ. Сперва лошади не хотѣли тронуться съ мѣста, пока г. Бортеръ не погналъ ихъ цѣлкою впередъ, потомъ лошади подруга сѣдла, на которомъ сидѣла жена моя; и надобно было ее поправить, безъ чего нельзя было продолжать пути. Потомъ одна лошадь вздумала остановиться и такъ упрямиться, что ни угрозы, ни палки не могли сдвинуть ее съ мѣста. Я лишь встрѣтился съ ними въ ту минуту, какъ миновался этотъ припадокъ упрямства. Всѣ эти проволочки, признаюсь, не слишкомъ меня огорчили, когда я увидѣлъ, что въ сущности не приключилось никакой бѣды; напротивъ того, тутъ были и свои выгодныя стороны; дочери получили урокъ въ скромности, которыми я могъ воспользоваться и на будущее время.» (Стр. 78—81.)

Въ рассказѣ векфильдскаго священника очень-часто обнаруживается также, что самъ онъ не въ состояніи исполнять на дѣлѣ многія изъ своихъ проповѣдей. Такъ, на-пр., проповѣдуя, какъ мы сказали, преимущественно противъ суетности, онъ самъ такъ чувствителенъ къ похваламъ его сочиненій, что иногда приходится ему же-

стоко похваливаться за изобрѣтеніе въ лествичномъ словѣ похвалительности. Случается и такъ, что, забывъ свои проповѣди, онъ до-того даетъ волю преродѣ, что дѣти напоминаютъ ему о его собственномъ ученіи и достоинствахъ его сана.—Все это доказываетъ, что, даже и на дѣлѣ своей, граціозное проповѣданіе Гольбасмита можетъ доставить удовольствіе и отнесительную пользу на однихъ юношахъ, которые обыкновенно рекомендуютъ его читать, но и несма-зрѣлымъ людямъ.

Что касается до художественной стороны. Векфильдскаго Священника, то нельзя не причислить его къ образцовымъ проповѣдникамъ искусства. Живописность и естественность изображеній юмористъ, естественность описанію его принадлежность. Причѣры всѣхъ этихъ достоинствъ можно брать на выдержку. Вотъ одна картина, составляющая нѣчто цѣлое.

«Бывши однажды въ гостяхъ у сосѣди Фламборо, жена и дочери замѣтили тамъ очень-хорошіе семейные портреты, написанные какими-то страстикусными живописцемъ, который братъ по материнѣ шиллинговъ за портреты. Мамы это семейство и нашу, издавна существовавшую въ некоторомъ родѣ соперничества въ дѣлѣ вкуса, такъ что это обстоятельство само-комъ затронуло наше самолюбіе, и жена и дочери, не смотря на всѣ мои отговорки, рѣшились, что и у насъ должны быть семейные портреты; что же было имъ дѣлать? за живописцемъ дѣло не стало, но слѣдовало рѣшить какія выбрать нѣзы, чтобъ показать превосходство нашего вкуса. Семь членовъ, составляющихъ семейство Фламборо, разсѣданы были въ апельсинномъ въ рукахъ: лево, тутъ не было ни вкуса, ни воображенія, ни разнообразія. Но мы не Фламборо: намъ нуженъ былъ стиль, болѣе блестящій. Послѣ продолжительныхъ преріи рѣшено было — изобразить всѣхъ членовъ нашего семейства въ одной огромной исторической картинѣ, такъ, чтобъ эта картина могла служить семейнымъ декоративкомъ. Сюда и входили расцѣты естественскія, потому, что все семейство находилось въ одной рѣкѣ; а гдѣ-то, куда

быть бы изданный, ибо такой образъ живописца былъ въ модѣ во всѣхъ порядочныхъ семействахъ. Какъ исторія не представляла намъ общей совокупности характеровъ, соответствовавшей нашему положенію, то мы должны были взять изъ нея отдѣльные характеры. Жена моя хотѣла быть представлена Венерою, и живописцу вѣрнѣе было изобразить бриллиантъ въ корсажѣ и въ головномъ уборѣ. Другъ малютка предположено было изобразить амура на подлѣ матеря; между тѣмъ какъ я, въ полномъ пасторскомъ костюмѣ, долженъ былъ почтительно поднести Венерѣ экземпляръ своего сочиненія о истонскомъ спорѣ, гдѣ такъ побѣдоносно доказана и утверждена необходимость единобожія. Олимпія въ богатомъ антиконтномъ платьѣ, сидящая на холмѣ цитаты, въ халатикѣ въ рукахъ, а Сесилъ, нарядной пастушкой, окруженной барашками, которыхъ слѣдовало маршовать бездвѣжно и побольше. Наконецъ Монсей, наряженный въ шляпу съ большими перьями.

«Вкусъ нашъ такъ понравился помѣщику, что онъ и самъ объявилъ желаніе явиться на картинѣ, между членами семейства въ образѣ Александра Македонскаго, вѣщающаго къ юности Олимпіи». (Стр. 122 — 124).

Замѣтьте, что «Векфильдскій Священникъ» писанъ въ первой половинѣ восемнадцатаго столѣтія: надо было имѣть огромный талантъ для того, чтобъ въ то время писать такъ просто, и удивительно-тонкій вкусъ для того, чтобъ разсуждать объ искусствѣ такъ, какъ разсуждаетъ Гольдсмитъ въ лицѣ одного изъ своихъ героев:

«Удивительная вещь, оба эти стихотворца (Омидій въ Римѣ и Грей — въ Англіи) содѣйствовали къ распространенію ложнаго вкуса между своими соотечественниками, обременивъ свои сочиненія наборомъ лишнихъ словъ. Люди безъ вкуса, и съ посредственнымъ талантомъ начали подражать только ихъ недостаткамъ, и теперь англійская поэзія, подобно Римской, наполнена въѣзжими шиперіи, состоитъ изъ сифиденія высокопарныхъ эпитетовъ, безъ смысла и смысла, придающихъ стиху одну только зрительность». (стр. 60).

Мы полагаемъ, что именно со стороны своей художественной простоты «Векфильдскій Священникъ» болѣе, чѣмъ по чему-нибудь иному можетъ быть признанъ книгой, которой чтеніе чрезвычайно-полезно молодымъ людямъ обоего пола, по самому возрасту своему легко увлекающимся противоположными свойствами литературныхъ произведеній и такимъ-образомъ часто заражающимся на всю жизнь ложными идеями о художественности.

Изъ приведенныхъ выписокъ читатели сами видятъ, что переводчикъ, какъ иностранецъ, дѣлаетъ значительныя оцѣнки въ русскомъ языкѣ, но довольно-вѣрно сохраняетъ духъ избраннаго автора. Изданіе можно назвать роскошнымъ, особенно если принять въ соображеніе его дешевизну. Это не послѣднее достоинство въ нашей книжной торговлѣ.

Надѣмся, что г. Герцъ не остановится въ своемъ трудѣ и будетъ продолжать знакомить публику съ классическими произведеніями литературы своего отечества. Рѣшаемся, однакожъ, посоветовать ему впредь предоставлять исправленія ошибокъ противъ русскаго языка челоуѣку совершенно-знакомому съ этимъ дѣломъ: — такихъ людей не трудно отыскать. Есть множество такъ-называемыхъ *лимераторовъ*, которые тѣмъ и снискиваютъ себѣ извѣстность, что всю жизнь отыскиваютъ грамматическія ошибки въ чужихъ книгахъ и журналахъ.

191) Николай Алексѣевичъ Полевой. Соч. В. Бѣлинскаго. Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. Крайя. Въ 8-ю д. л. 55 стр.

Читатели «Отеч. Зап.» такъ коротко знакомы со взглядомъ г. Бѣлинскаго на исторію литературы и съ его способомъ оцѣнки нашихъ писателей по ихъ безусловнымъ достоинствамъ и историческому значенію, что мы считаемъ совершенно-неумѣстнымъ входить опять въ разборъ достоинствъ или недостатковъ изданной для брошюры

• Николай Алексѣевич Полевой. Нѣтъ никакой причины, чтобы она не заслужила полного одобренія той части публики, которая до сихъ поръ одобряла историко-критическія статьи г. Бѣлинскаго, и осужденія со стороны тѣхъ цѣнителей, которые называютъ этого критика «удальцомъ» и тому подобныи болѣе или менѣе остроумными именами. Еще менѣе причины ожидать, чтобы «Сѣверная Пчела» не задумала ухватить противорѣчія въ теперешнемъ отзывѣ г. Бѣлинскаго о Полевомъ, какъ объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ и полезнѣйшихъ дѣателей на поприщѣ русской литературы, съ прежними статьями его объ историческихъ сочиненіяхъ, романахъ, повѣстяхъ и драмахъ того же писателя. Читая брошюру, въ которой авторъ старается нарисовать публикѣ заслуги Полеваго, какъ журналиста, мы были убѣждены заранее, что «Сѣверная Пчела», въ одномъ изъ своихъ субботнихъ фельетоновъ, не пропуститъ случая сказать, что г. Бѣлинскій превозноситъ теперь того же самого писателя, котораго не хвалилъ при жизни его. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ что прочли мы въ фельетонѣ нумера 110 «Сѣверной Пчелы»:

«Чего добраго, исчезни съ лица земли сочинитель *Всакій Всакими* (г. Булгакинъ), можетъ быть, и его почтутъ брошюркою его противники, какъ теперь г. Бѣлинскій почтываетъ покойнаго Н. А. Полеваго! Пересмотрите Отеч. Записки отъ перваго нумера, съ самаго ихъ начала, подъ редакціею г. Краевскаго и при соудничествѣ г. Бѣлинскаго до декабря 1845 года, вы увидите, что въ каждой книжкѣ бранили немилосердно Н. А. Полеваго (вмѣстѣ съ сочинителемъ *Всакій Всакими*), называли бездарнымъ, невѣждою, безграмотнымъ; Н. А. Полевой слогъ въ могилу — и тотъ же г. Бѣлинскій пишетъ въ честь его брошюру, и ставитъ его заслуги выше заслугъ Ломоносова!»

Дѣйствительно, мы не давали большаго цѣны историческимъ сочиненіямъ Полеваго, тѣмъ менѣе его романахъ, повѣстямъ и драмамъ. Но развѣ слѣду-

еть изъ этого, чтобы мы порицали его когда-нибудь какъ журналиста? А цѣль брошюры, какъ видно изъ словъ самаго г. Бѣлинскаго (стр. 58), въ томъ и состоитъ, чтобы рассмотреть заслуги Полеваго со стороны его *борьбы съ литературными и учеными предразсудками его времени, и его усилій* — передать Россіи новыя въ то время идеи Западной-Европы. Въ этомъ отношеніи, авторъ смотритъ на его дѣятельность какъ на продолженіе дѣятельности Ломоносова и Карамзина, изъ которыхъ первый создалъ у насъ всѣ роды литературы, а второй образовалъ публичную, начавшую принимать изъ сардиніи улитки искусства и науки. Полевой уничтожилъ безсмысленное поклоненіе авторитетамъ обихъ эпохи — ломоносовской и карамзинской, увеличилъ кругъ читателей изданіемъ перваго настоящаго журнала и передавалъ въ этомъ журналѣ все, что въ то время было ново и считалось за потугу въ Европѣ. Вотъ главная мысль брошюры г. Бѣлинскаго. Сравненія способностей Ломоносова, Карамзина и Полеваго въ ней вовсе нѣтъ, и за отсутствіемъ его, пожалуй, можно обвинить автора въ неполнотѣ оцѣнки; но нельзя и придумать какого-нибудь основанія для обвиненія его въ томъ, будто-бы Полевой поставленъ имъ выше Ломоносова.

Впрочемъ, мы не считали нужнымъ говорить здѣсь что-нибудь въ оправданіе мнѣнія «Сѣверной Пчелы» о брошюрѣ «Николай Алексѣевичъ Полевой», еслибъ приведенныя нами слова фельетониста этой газеты не служили образчикомъ того безсмысленнаго перетолковыванія, которому подвергнутся всѣ вообще статьи «Отеч. Записокъ» преимущественно предъ статьями другихъ журналовъ, нѣющихъ чести не нравиться «Сѣверной Пчелѣ».

102) Руководство къ Изученію Исторіи Русской Литературы, составленное истинникомъ-наблюдателемъ, преподающимъ русскую словесность въ офицерскихъ и сержантскихъ классахъ Артиллерійскаго Учили-

ца, въ верхнихъ классахъ Главнаго Императорскаго Училища и въ специальныхъ 1-ю Кадетскую Корпуса, Воспитаніемъ Пласкинымъ. Второе изданіе, окончательное (?) и во многихъ частяхъ совсѣмъ переработанное. Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. Жернакова. Въ 8-ю д. л.

Рѣшительный признакъ малаго таланта — неясное сознаніе цѣли предпринимаго труда; но еще рѣже выражается онъ въ совершенной вѣтшности этой цѣли, на-пр. въ подражательности, въ желаніи сдѣлать что-нибудь потому только, что другіе это дѣлаютъ. Конечно, и въ подражательности непремѣнно найдется частичка живой силы, частичка внутренняго побужденія (безъ того самый выборъ предмета для подражанія невообразимъ), — и частичка таланта, — потому что внутреннее побужденіе къ дѣятельности есть не что иное, какъ самая творческая сила, стремящаяся обнаружиться во вѣтшности, въ соответственномъ ей матеріалѣ. Но все-таки талантъ, требующій для своего обнаруженія обращенія дѣятельности другаго таланта, неимѣющій возможности самъ-собою выйти внаружу, есть талантъ, безъ сомнѣнія, небольшой...

Другой признакъ малаго таланта — страсть къ колоссальнымъ трудамъ. Эта страсть очень естественна. Трудно сознать мѣру своихъ силъ, — а искуствѣнъ, самолюбіе никогда не оставляетъ человека. Въ слѣдствіе того и другого, онъ всегда бросается на трудъ, требующій огромныхъ силъ и потому самому привнесающій, при соответственномъ исполненіи, огромную славу.

Въ этихъ словахъ нѣтъ ничего новаго; но мы сочли необходимымъ сказать вкратцѣ свое *proffession de foi* въ вопросѣ о талантѣ, приступая къ разбору «Руководства къ Изученію Исторіи Русской Литературы». Прежде, чѣмъ говорить о степени пользы этой книги, необходимо рѣшить — какая сила дала ей жизнь.

Въ предисловіи къ первому изданію своего руководства, почтенный авторъ говоритъ: «Читателямъ извѣстно, что у насъ по сей части знаній есть только

одна книга: Опытъ Краткой Исторіи Русской Литературы Н. И. Греча. Долгомъ считаю объявить, что матеріальными знаніями Русской Литературы я обладаю сей книжъ столь мною, что не только знаніе, но и самое желаніе знать Литературу родилось во мнѣ уже послѣ прочтенія сей книжъ». Это объявленіе дѣлаетъ честь скромности и откровенности автора; но въ то же время показываетъ, что не только знаніемъ исторіи русской литературы, но и желаніемъ ознакомиться съ нею, г. Пласкинъ одолженъ всѣмъ извѣстной книгѣ г. Греча: отсюда ясно, что собственный трудъ его не что иное, какъ плодъ подражательности... Новое второе изданіе «Руководства къ Изученію Русской Литературы» отличается отъ изданія 1833 года 1) болѣе широкимъ количествомъ фразъ при равномъ количествѣ и совершенномъ тождествѣ мыслей; 2) ссылками на разбираемыхъ писателей, и 3) указаніемъ на писателей послѣдняго періода русской литературы. Слѣдовательно, въ существѣ своей, книга г. Пласкина осталась все тою же, какою была за тринадцать лѣтъ до нашего времени.

Въ первомъ изданіи его руководство называлось «Руководствомъ къ Познанію Литературы», хотя исторія всѣхъ литературъ кромѣ русской изложена въ немъ въ тридцати-пяти страничкахъ. Конечно, есть писатели, которые умѣютъ въ одной страницѣ написать то же, что другой растянется на цѣлый томъ. Но чтобы показать, какого рода краткостью отличается упомянутый здѣсь трудъ, приведемъ для образчика нѣчто изъ синопсиса г. Пласкина. Посмотрите, какъ удовлетворительно говоритъ онъ о лирической и драматической поэзіи въ Греціи историческаго періода:

«...Здѣсь лирика совсѣмъ уже не то, что у Евреевъ, выраженіе чистыхъ восторговъ; это повѣсть, исторгавшаяся изъ души съ чувствованіями. Превосходнѣйшіе лирики: Тиртей, предводитель Спартапцевъ, возбуждавшій пѣснопѣніями духъ отваги (переводъ Мерзлагова); — Сафо, изступленная любовница и воспѣватель-

лица своей горестной страсти; — возмущенный *Пиндар*, пѣвецъ игръ олимпийскихъ, пѣнческихъ и истійскихъ, котораго Гораций сравниваетъ съ стремительнымъ потокомъ, все низвергающимъ. *Анакреонъ*, пѣвецъ пѣжной страсти, пѣги и роскоши. — Эсхилъ вслѣлъ за *Фесписомъ* создалъ греческую трагедію изъ *нелѣпныхъ* безцѣльныхъ пиршествъ жрецовъ Бахуса; но она все еще была груба, напыщена, надута! Она, впрочемъ, далъ ей характеръ высокаго и ужаснаго. Разговоръ у него ведутъ всегда два лица; *Собоклъ* ввелъ третье; далъ трагедіи болѣе правильности, благородства и трогательности; *Эдилъ* и *Алкесъ* суть лучшія его трагедіи. Наконецъ, *Эврипидъ* возводилъ Трагедію на степень изящнаго искусства, и хотя доходитъ иногда до излѣпленой правильности, но основалъ оную на взаимной страсти половъ, даетъ ей разнообразіе и большую занимательность, возбуждающую сильное участіе. Впрочемъ, у всѣхъ она является болѣе поэмою, нежели драмой; ибо вездѣ преобладаетъ главный дѣйствующій греческой исторической жизни — судьба — предъ свободю и страстью. Такъ точно въ комедіи греческой вездѣ проглядываетъ сатира и даже бравадная пасквиль. Въ семь родѣ послѣ довольно удачныхъ попытокъ *Эпхарма* (Сицилійца) и *Эпюлиса* особенно отличаются: *Аристофанъ*, истинно гениальный комикъ; онъ изображаетъ живыя лица на сценѣ; изъ его произведеній переведены на Русскій языкъ комедіи: *Облака*; *Кратинъ* и *Анаксандриды* унижаютъ поведію, браваду и непристойностями; *Менандръ* облагораживаетъ ее.

Замѣтимъ, что литературы греческая и римская изложены въ «Руководствѣ» несравненно-подробнѣе, чѣмъ остальные. Спрашивается, чѣмъ же объяснить себѣ выборъ названія книги «Руководство къ Познанію Исторіи Литературы», если не страстью къ выполнению колоссальныхъ тѣмъ? Еслибы эта страсть была сколько-нибудь умѣренна, то навѣрное г. Плаксинъ остановился бы въ выборѣ заглавія уже и то простое соображеніе, что при младенчествѣ русской литературы слишкомъ странно посвятить ей одной девять десятыхъ всего руководства къ исторіи всемірной литературы.

Во второй главіи, посвященіи г. Плакшина явилось въ свѣтъ подѣльное сиромышнѣе заглавіе; но, при внимательномъ разсмотрѣніи сочиненія, оказывается, что и это заглавіе слишкомъ-обширно, и что «Руководство къ изученію Исторіи Русской Литературы» нельзя назвать даже и очеркомъ исторіи русской литературы. Чтобы оправдать это мнѣніе, постараемся ознакомить читателей съ содержаніемъ разбираемой книги. Оно ясно увидать, что г. Плаксинъ вовсе не написалъ исторіи русской литературы.

Прежде всего, разумѣется, любопытно узнать точку зрѣнія автора «Руководства» на исторію литературы вообще. На страницѣ 22 находимъ слѣдующее разсужденіе.

«...Утвердимъ ли мы свое мнѣніе объ общемъ характерѣ нашей литературы на разсматриваніи историческаго хода жизни и измѣненія нравовъ? Будемъ ли судить о ней даже по отдѣльнымъ произведеніямъ Словесности? — Нѣтъ! Эти произведенія, не смотря на гениальное величіе ихъ творцевъ, суть только частныя явленія, событія, составляющія матеріалъ для частъ системъ, которая должна сформировать направленіе словесности и то значеніе, которое она имѣетъ и должна имѣть въ общемъ кругу Литературы, а значеніе гражданственности и нравовъ народа будетъ служить источникомъ объясненій, какъ послѣдовательной связи между явленіями, такъ и отклоненія отъ естественнаго хода. Первоначальныя же свойства народа, естественное его положеніе, истинныя и временныя отклоненія къ чуждѣйству, составляя, такъ сказать, темпераментъ его для хоть матеріала, изъ котораго Исторія образуетъ народный характеръ, послужить основою къ утвержденію мнѣнія о характерѣ, значеніи и отношеніи известной Литературы къ чуждѣйству. Слѣдовательно, Русская Литература, выражая умѣренную степень жизни и жизни человека, должна показывать, какъ онъ чувствуетъ, мыслитъ и дѣйствуетъ въ мірѣ извѣстномъ, извѣстномъ и нравственномъ, независимо отъ сильныхъ вліяній природы, какъ благоприятствующей, такъ и протавляющей»

развитію духа; она должна под знакомъ будущее чодовѣчество съ выраженіемъ Русскаго духа, свободнаго отъ борьбы съ кипящими бурными страстями, во духа сильнаго, созрѣлаго въ борьбѣ съ чувствованіями глубокими, тихими, но упорными; она должна представлять будущему чодовѣчеству, какъ сей духъ, неогражденный отъ внѣшнихъ впечатлѣній природою, которая какъ бы предала его самому себѣ, смущаемый смѣшеніемъ постороннихъ вліяній, создалъ для себя характеръ; подавляемый безпрестанно чуждымъ игомъ то въ нравственномъ, то въ гражданскомъ, то въ учебноуниверситетномъ быту своемъ, сохранилъ свою народность, соблюлъ со всѣми особенностями, и очистилъ ее отъ всѣхъ порчъ восточныхъ и западныхъ. Она должна проявлять западную зрѣлость безъ дряхлой брюззливости и школьной затѣйливости; восточную простоту безъ ребяческой безсильной мелочности; она должна быть свободна знойной и холодной крайностей.»

Изъ этихъ словъ вы видите, что г. Пласкинъ общается смотрѣть на русскую литературу съ двухъ точекъ: со стороны вліянія на ея образованіе народной гражданственности и народныхъ нравовъ, и со стороны ея общечеловѣческаго значенія въ кругу литературы другихъ народовъ. Мы ничего не имѣли бы сказать противъ этого взгляда, еслибъ общаніе автора провести этотъ взглядъ въ «Руководствѣ» было сколько-нибудь исполнено. О нравахъ и гражданственности русскаго народа и о вліяніи того и другаго на русскую литературу, точно такъ же, какъ и объ отношеніи русской литературы къ остальнымъ литературамъ и въ и помина ни въ старомъ, ни въ новомъ сочиненіи г. Пласкина. Если вы этому не вѣрите, то, не имѣя возможности перепечатать въ рецензії все «Руководство», просимъ васъ вникнуть хоть въ сдѣланное авторомъ раздѣленіе исторіи русской литературы на періоды и посудить, какую роль играютъ въ этой исторіи нравы и гражданственность русскаго народа. Авторъ излагаетъ исторію русской литературы, какъ можно видѣть уже изъ оглашенія,

на пять періодовъ: 1) до введенія христіанской веры (языческая литература); 2) до конца смутнаго времени (преобладаніе христіанской литературы предъ языческою); 3) до Ломоносова (ученобогословское направленіе литературы); 4) до Жуковскаго (ложноклассическая словесность); 5) до нашего времени (романтическая литература или возвращеніе къ народности). Еслибы мысль о вліяніи нравовъ и гражданственности русскаго общества на литературу дѣйствительно руководила г. Пласкинымъ; еслибы она не осталась одною только вступительною фразой, то неужели преобразование, созданное Петромъ-Великимъ, не составило бы у него начала новаго періода русской литературы? Между тѣмъ, г. Пласкинъ исключилъ этотъ громадный переворотъ въ разрядъ фактовъ періода отъ конца смутнаго времени до Ломоносова? Правда, противъ этого замѣчанія скажутъ, что до Ломоносова у насъ не было почти никакой связи между литературой и обществомъ, что самые писатели составляли явленія большою частію случайныя; но, во-первыхъ, зачѣмъ же было тогда длить исторію русской литературы до Ломоносова на три періода: періодъ есть ступень развитія; во-вторыхъ, зачѣмъ было говорить о вліяніи христіанства на измѣненіе языческихъ нравовъ русскаго общества, какъ о характеристической чертѣ втораго періода, — и объ учено-богословскомъ образованіи, какъ объ отличительномъ признакѣ періода до Ломоносова? — развѣ Петромъ преобразование не можетъ быть поставлено наряду хоть со вторымъ изъ этихъ элементовъ русской исторической жизни? въ-третьихъ, развѣ въ-самомъ-дѣлѣ оно не имѣло никакого вліянія на русскую литературу? — г. Пласкинъ самъ сознается, на стр. 87 и 88, что Феофанъ Прокоповичъ неутомимо занимался литературой для споспѣшествованія великимъ идеямъ паря-преобразователя, а на 101 и 102, что сатиры Кантемира суть необходимое произведеніе и отраженіе общества, приведеннаго въ броженіе рефор-

мою Петра-Великаго?—въ-четвертыхъ, развѣ самый Ломоносовъ, непредшественный Петромъ, могъ бы сдѣлать для Россіи и четверть того, что сдѣлалъ при помощи учреждений Петра?—наконецъ, въ-пятыхъ, если и смотрѣть на русскую литературу до Ломоносова единственно какъ на письменность, а не писателей какъ на исключеніе изъ образованія того времени, то не-уже-ли эта письменность совершенно не получила въ продолженіе восьми вѣковъ никакихъ измѣненій отъ различныхъ чужеземныхъ вліяній—греческаго, польско-латинскаго, наконецъ (при Петрѣ)—нѣмецкаго, французскаго и проч., и не-уже-ли самыя исключенія изъ тогдашняго образованія, или писатели, всѣ походили другъ на друга, какъ капли воды, и нисколько не указываютъ на различіе означенныхъ вліяній? Другой примѣръ: все время, отъ Жуковского до *натуральной школы* включительно, сомкнуто г. Пласкинымъ въ одинъ періодъ, названный имъ *романтическимъ*! Не-уже-ли же и въ этотъ промежутокъ времени не произошло въ нашихъ правахъ и въ нашей гражданственности такихъ переворотовъ, которые отразились бы въ литературѣ? Не-уже-ли въ-самомъ-дѣлѣ Россія сдѣлала такимъ непробуднымъ своимъ? Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь — развѣ это не представители эпохъ русской цивилизаціи?.. Это убѣждаетъ насъ, что взглядъ автора «Руководства» на исторію русской литературы существуетъ только въ его воображеніи—не въ книгѣ; а слова его «Вступленія» лучше всего объясняются желаніемъ заставить читателей думать, что взглядъ у него есть, да притомъ еще и весьма-современный...

Но, можетъ-быть, спросятъ читатели, этотъ огромный недостатокъ сколько-нибудь вознаграждается эстетическимъ взглядомъ автора на литературу вообще и на отечественную въ-особенности? Въ-самомъ-дѣлѣ, можетъ-быть, онъ увлекся желаніемъ усвоить себѣ новѣйшій взглядъ на литературу со стороны ея общественнаго значенія, а въ сущности, явился эстетикомъ!..

Нѣтъ; мы внимательно прочли его книгу, и не нашли въ ней эстетическаго взгляда, потому что не можемъ назвать *взглядомъ* ту смѣсь рѣзко-противоположныхъ взглядовъ, какую являетъ «Руководство». Надѣемся доказать это хоть слѣдующими примѣрами:

Стр. 159. «Онъ (Херасковъ) думалъ, подобно большей части своихъ современниковъ, что Поэзія должна излагать положительныя правдоученія. Нѣтъ! Она только возвышаетъ духъ великими идеями; и такимъ образомъ уже посредственно приохотчиваетъ насъ любить все высокое, благородное, слѣдовательно и добродѣтель; даже дидактическая поэзія только прельщаетъ читателя изображеніемъ добра и пользы, а не учитъ его. Всякое положительное ученіе — дѣло прозы...»

Изъ первыхъ словъ этой выписки вы заключите, что авторъ вовсе не признаетъ такъ-называемой *дидактической поэзіи*; но послѣднія слова показываютъ, что онъ даетъ ей право гражданства въ литературѣ подъ нѣкоторыми условіями. По его мнѣнію, дидактика возвышается до поэзіи изображеніемъ добра и пользы. Но спрашивается, какъ изобразить пользу чего-нибудь? Разумѣется, или «картинкой», или рассказомъ, или драмой,—другихъ средствъ къ изображенію нѣтъ. Только это будетъ или лирическая, или эпическая, или драматическая поэзія. Такъ, на-пр., Гоголь изобразилъ весь нравственный и экономическій вредъ скупости своею бессмертною сценою *мѣзита Чичикова* къ Плюшкину, которая состоитъ изъ разсказа и драмы съ небольшою примѣсью лиризма (вырочемъ совершенно — излишняго). Точно то же можно сказать и объ изображеніи добра: какъ и всякое другое изображеніе, оно можетъ имѣть или лирическую или эпическую или драматическую форму; во всякой другой *формѣ* изображеніе перестаетъ быть изображеніемъ... Если г. Пласкинъ знаетъ еще какой-нибудь родъ поэтическаго изображенія, то мы думаемъ, что *малослабому* человечеству весьма-полезно было бы ознакомиться съ его

открытіемъ. А до-тѣхъ-портъ, пока оно не опубликовано, мы считаемъ себя въ правѣ смотрѣть на его идеи о дидактической поэзіи, какъ на взаимно-уничтожающія другъ друга, т. е. несуществующія. Чтобы совершенно убѣдить читателей въ этой двойственности понятій г. Плаксіна, считаемъ не излишнимъ привести еще нѣкоторыя мѣста изъ «его Руководства».

Стр. 120. «Ломоносовъ показалъ прекрасный образецъ дидактической поэзіи въ Посланиі къ Шувалову о пользѣ стекла.»

Стр. 181. «Послание о пользѣ стекла — къ Шувалову — Ломоносова, можетъ служить только доказательствомъ, что сочинитель глубоко изучалъ природу и имѣлъ неисчерпаемое богатство мыслей.»

Стр. 137. «Болѣе всего Херасковъ терзаетъ въ мѣшѣи потомства тою холодною, которая происходила отъ желанія быть назидательнымъ вездѣ и во всемъ; для сего онъ написалъ множество, такъ названныхъ имъ, *правоучительныхъ одъ*. Не смотря однакоже на это правоучительное направленіе, въ лирикѣ *неумѣстное*, его *Анакреонтическія* стихотворенія часто не имѣютъ необходимой благопристойности» и пр.

Стало-быть, это *правоучительное* направленіе, *неумѣстное* въ лирикѣ, будетъ умѣстно въ произведеніи эпическомъ или драматическомъ? Но въ такомъ случаѣ какъ же понимать смыслъ первой выписки?

Не угодно ли познакомиться съ идеями г. Плаксіна о *натуральности*? Вы увидите, что невозможно представить себѣ болѣе-изумительныхъ противорѣчій.

Въ статьѣ о драматическихъ произведеніяхъ Сумарокова сказано: «по назанію цѣли комедіи, которая у него *вышне забавы* не возносилась, онъ изображалъ *характеры* почти всегда *самые обыкновенные, повседневные*». Стало-быть, это не достоинство писателя? Стало-быть, изображать дѣйствительность значитъ извѣдывать искусство на степень забавы? Если таковъ образъ мыслей автора, то почему же онъ хвалитъ, на-пр. Кантеміра и Фон-Визина

именно за то, что они вѣрно изображали окружающую ихъ дѣйствительность? Вотъ, на-пр., что говоритъ онъ о Фон-Визинѣ:

«Комедіи его совершенно Русскія, народныя; сдѣловательно онъ только по времени происхожденія и не изображаемымъ въ нихъ правамъ и характерамъ лицъ принадлежать тому нѣку, а по искусству — къ нашему *Романтическому* (?) нѣку. Эти комедіи имѣли успѣхъ самый блестящій; сдѣловательно характеры дѣйствующихъ были дѣйствительно узнаваемы въ природѣ, — въ обществѣ; сдѣловательно имѣли цѣнителей.» (Стр. 194.)

Еслибъ здѣсь наша эпоха не была названа *романтическою*, то можно было бы заключить изъ этой выписки, что г. Плаксинъ раздѣляетъ современное ученіе о натуральности. Но вообще тотъ очень ошибется, кто вздумаетъ заключать что-нибудь объ его эстетическихъ и другихъ понятіяхъ не прочитавъ всей книги. Чтобы показать вполне двойственность его понятій вообще и о естественности особенно, мы рѣшаемся привести отзывъ его о Гоголѣ, замѣчательный, кромѣ того, какъ *неумышленный* панегирикъ. Въ послѣднемъ отношеніи, этотъ отзывъ исполненъ истиннаго юмора... Предупреждаемъ читателей, что г. Плаксинъ поставилъ Гоголя въ параллель — съ кѣмъ бы вы думали? — съ г. Кукольникъ!!! Вотъ вамъ эта замѣчательная параллель:

Стр. 420 — 422. «Нельзя утвердительно сказать, соперничаетъ ли между собою два сильные современные писателя: Кукольникъ и Гоголь; но крайней мѣрѣ достоверно то, что читатели и читатели ихъ находятъ въ какой-то странной и даже смѣшной враждѣ; но это следствие журнальнаго вліянія и *неумѣстнаго* усердія друзей само собою изладится. Оба замѣчательны въ настоящее время; оба въ потомствѣ займутъ почетныя мѣста въ *Исторіи русской Словесности*; но эти два сильныя дарованія совершенно разнхарактерны и по природѣ своей и по образованію. Всѣ произведенія Гоголя обнаруживаютъ въ немъ *самоуверенность*,

стремление къ самостоятельности, которое уменьшение, повелевающее пренебрежение къ прелестьным знаниям, опытам и образцам; онъ читаетъ только книгу природы, изучаетъ только міръ действительный; потому-то идеалы его сличаются съ естественным и простым до наготы; онъ, по выражению Ивана Ивановича, одного изъ его созданий, является предъ читателями въ міурѣ. Красоты его создания всегда новы, свежи, поразительны; ошибки чуть не отразительны; онъ какъ будто завылъ исторію, подобно древнимъ, начмать новый міръ искусствъ, выводя его изъ небытія въ простую правую художническую сферу; потому-то его искусство какъ будто не знаетъ, не понимаетъ стыдливости; онъ великій художникъ, не знающій исторіи и живаго и образцъ искусства! . . .

«Кукольникъ представляетъ явную противуположность Гоголю: онъ какъ будто не видитъ самобытности силъ своихъ; онъ подчинилъ свою природу наукъ, знамъ, образцамъ; его фантазія витаетъ въ минувшемъ, въ мірѣ исторіи, въ области поэзіи и искусствъ. Переве произведение его вызвано изъ этого міра фантазіи; Торквато Тассо, дитя и наперстникъ (наперстокъ?) поэзіи, ниспосланъ музъ скромныхъ, цѣломудренныхъ, былъ предметомъ его подражанія. Хотя это произведение имѣетъ форму драматическую, но оно — поэма. А между Кукольникъ принялся за романы; онъ написалъ уже нѣсколько повѣстей и романовъ: Альфъ и Альдона, Велика де Вальероль, Дуручка Луиза, Историческая Красавица, и Павли изъ временъ Петра Великаго; есть они отличаются обширною начитанностью (!), глубокимъ изученіемъ образцовъ и соображеніемъ съ прежними и новыми образцами. — Кукольникъ не принадлежитъ ни къ одной изъ известныхъ литературныхъ школъ, но и не думаетъ образоваться своею особенною школою... онъ старается соединить въ себѣ достоинства разныхъ вѣковъ и народовъ. . . .

Эта выписка вначительному числу нашихъ читателей, безъ сомнѣній, покажется совершенно-удовлетворительнымъ образчикомъ эстетическихъ понатій г. Плякшина. Но если кому-ни-

будь этого мало, то мы приводимъ здѣсь еще два образца этихъ понатій. Вотъ, на-пр. его объясненіе недостатковъ лирическихъ произведеній Сумарокова (стр. 128 и 129):

«... Вотъ каковы лучшія лирическія мѣста Сумарокова:

Въ радостной своей судьбѣ
Ликотстауй, Россія, нынѣ;
Щастіе твое цвѣтетъ!
Щедраа Елисаветъ!
Какъ тиха твоя держава,
Такъ громка, безсмертна слава.

Или:

Я зрю въ Россіи Геликонъ:
Разорвалися въ ней державны разрывъ
узы,

И обитаютъ Музы,
Не зря словесному ученію препомъ,
Потоки Никокренны;
Съ твоей, Нейа, мѣлаются волной,
Текутъ полночною страней!
И дрошаютъ днесь твои, Петрополь,
стыны!

Не тѣмъ ужъ мѣстоиъ ты, Петрополь,
нынѣ зряиъ,

Гдѣ прежде жали Фаны;
На сихъ брегахъ поставленъ древній
Рикъ

И древнія Аены.

Тутъ

Словесны науки днесь цвѣтутъ.

О Петръ! О Елисавета!

Пробудутъ ваши въ вѣкъ на свѣтѣ имена,
Въ коротки времена,

Вы то исполнили ко удивленію свѣта...

«Чего недостаетъ въ этихъ стихахъ? Они простекли изъ чувства радости, выражаютъ легкія, свободныя мечты, написаны языкомъ довольно правильнымъ, точнымъ и чистымъ, что впрочемъ у него (Сумарокова) рѣдко случается; касаются предмета близкаго сердцу Русскому. Однако не сколько не трогаютъ сердца, не возмущаютъ духа. Отъ чего жъ такое противорѣчіе? Во-первыхъ, это происходитъ отъ недостатка общаго — отъ этихъ вялыхъ, сентенциальныхъ метафоръ и сравненій, повторныхъ, — отъ несоблюденія единства образа количества (рhythmъ); такъ что одна мысль у него расплывута, другая сжата; въ третьихъ — отъ совершеннаго незнанія типическаго языка, который требуетъ рѣзкой періодической и открытой, и который скорѣе допустить правильный періодъ, не-

желаніи *стихотворности* рѣчи; выражаемую депрессивностью и относительными частностями, часто употребляемую Сумароковымъ. Все это нестерпимо въ лирической поэзіи, чуждой всякихъ разсказовъ, и все это Сумароковъ любитъ, осуждая въ Ломоносовѣ быстроту слога его.

Наъ этого вы видите, какіе элементы, по понятію г. Пляксина, входятъ въ составъ изящнаго произведенія.

А вотъ критика русскихъ народныхъ пѣсенъ языческаго періода (т. е. относительныхъ авторомъ «Руководства» къ языческимъ):

«Отличительный признакъ нашихъ древнихъ (?) пѣсенъ состоитъ въ томъ, что они всегда начинаются уподобленіемъ или иносказаніемъ, и часто отрицательнымъ; наприм.: «Не огонь горитъ, не смола кипитъ; что кипитъ сердце молодецкое». Молодецъ уподобляется орлу сизому, соколу ясному, а дѣвушка — *бѣлой лебедушкѣ* или голубушкѣ; въ похвалу молодцу говорятъ: *удалая голова*; а дѣвушкѣ: *добра-красная дѣвица*. Неприятныя чувствованія и бѣды уподобляются грознымъ явленіямъ природы — *неизлободу*, а чувствованія сладостныя и счастье — *ясному дню*».

Вотъ и все. Вы скажете, что это отзывается плохимъ умѣньемъ проникать во внутреннюю сущность явленій. Хорошо вамъ такъ говорить; и мы согласны съ вами, но — повѣрите ли? — по нашему мнѣнію, это одно изъ лучшихъ мѣстъ «Руководства»: по крайней-мѣрѣ въ этихъ строкахъ все справедливо, хоть и наивно. Мы часто досаждемъ на книги, въ которыхъ доказывается, что $2 \times 2 = 4$; еще болѣе на тѣ, въ которыхъ силится увѣрить публику, что $2 \times 2 = 3$; но всѣхъ досажде тѣ, который въ одно время записываютъ и то, что $2 \times 2 = 3$, и то, что $2 \times 2 = 5$. Наивность намъ все-таки сноснѣ двойственности.

Но оставимъ этотъ лиризмъ и будемъ продолжать о другомъ. Кажется, изъ всего, что де-ситъ-поръ сказано, а главное выписано, можно уже заключить, что ни социальнаго, ни эстетическаго взгляда

на русскую литературу нельзя отыскать въ «Руководствѣ». Еслибъ наша литература представляла собою обиліе ученыхъ произведеній, то еще можно было бы предположить, что взгляды на науку поглотилъ въ представленіи г. Пляксина всѣ другіе взгляды. А такъ-какъ въ русской литературѣ, даже и въ послѣдній періодъ ея развитія, не только не преобладаютъ еще ученые сочиненія надъ изящными или quasi-изящными, но число ихъ далеко не достигаетъ желанной степени, — то остается признать, что въ «Руководствѣ» г. Пляксина въ-сущности нѣтъ ровно никакого взгляда, а есть только претензія на взглядъ, или лучше сказать смѣсь множества непонятыхъ, неусвоенныхъ воззрѣній.

Если же это такъ, то нѣтъ ли у него по-крайней-мѣрѣ хоть ясной послѣдовательности въ изображеніи хода явленій? Тоже нѣтъ, рѣшительно нѣтъ! Факты смѣняются одинъ другимъ, какъ декорации въ мелодрамѣ; кто вздумаетъ знакомиться съ исторіей русской литературы по его сочиненію, тотъ рѣшительно не пойметъ, отъ-чего такое-то явленіе случилось прежде, а не послѣ такого-то; отъ-чего такой-то писатель явился въ ту, а не въ другую эпоху, чѣмъ приготовленъ былъ такой-то переворотъ въ литературѣ и т. п. Впрочемъ, блестящій образецъ этого способа писать исторію мы видѣли уже выше, когда говорили о дѣленіи исторій русской литературы на періоды. Если ужъ Петрово преобразование, по понятіямъ г. Пляксина, не можетъ занять мѣста въ числѣ тѣхъ рѣшительныхъ, роковыхъ вліяній на историческую судьбу русскаго народа, которыя производятъ перевороты въ идеяхъ общества и его двигателей, то разсуждать о его прагматизмѣ — значитъ терять слова по пустому. Вообще, читая «Руководство», мы вспомнили слѣдующій случай. Намъ довелось недавно присутствовать при историческомъ урокѣ одного довольно-бойкаго и сметливаго четырнадцатилѣтняго мальчугана. Учитель рассказывалъ ему о дѣлѣ

яхъ русскихъ государей отъ Иоанна-Калиты до Иоанна-Грознаго, придерживаясь текста одного очень-употребительнаго у насъ руководства. Учитель, не смотря на свои четырнадцать лѣтъ, тяжело задумался и спросилъ учителя: отъ-чего это всѣ государи какъ-будто заставляли русское государство все въ одномъ и томъ же положеніи, между-тѣмъ, какъ про каждаго изъ нихъ исторія говоритъ, что онъ засталъ Россію въ положеніи неустройства и, съ помощью своей мудрости и твердости, привелъ ее въ цвѣтущее состояніе?..

Остается сказать о фактической части «Руководства къ Изученію Исторіи Русской Литературы». Новыхъ фактовъ въ ней нѣтъ; критической оцѣнки — еще менѣе. Г. Пласкинъ не скрываетъ даже своей неохоты заниматься критикой фактовъ: это заставляетъ его принимать на вѣру большую часть нерѣшенныхъ историко-литературныхъ вопросовъ такъ, какъ они принимаются большинствомъ. Вотъ, на-пр., въ какихъ страннѣхъ разсужденіяхъ волею его нежеланіе изслѣдовать самостоятельно вопросъ о первой русской лѣтописи.

«Лѣтопись Нестора, говоритъ онъ, дѣйствительно составляетъ начальный источникъ нашей Исторіи; ибо древнѣе ея мы не знаемъ ни одной. Правда, есть причины думать, что Юанкинъ, первый Епископъ Новгородскій, плѣнникъ столѣтіемъ предупредилъ Нестора, что онъ собиралъ историческія извѣстія и составлялъ первую лѣтопись во время Владиміра Великаго; но извѣстно Татищева, она была похищена современникомъ Несторова. Но какъ эта лѣтопись утрачена, и списокъ ея, бывшій у Татищева, сгорѣлъ; то мы по необходимости должны почитать временныя перышки собраніемъ извѣстій о древней Руси. Слѣдовательно безъ Нестора вся древность Россіи была бы забыта; и можетъ быть не скоро бы родилась мысль о сохраненіи сего священнаго для насъ достоянія — памяти о первобытной Россіи; но за нимъ являлись безпрестанно умные подражатели; и лѣтопись продолжалась до позднѣйшихъ (?) временъ.» (*)

(*) Что разумѣть подъ словами до позднѣйшихъ временъ? Лѣтописи наши прекращаются въ XVI столѣтіи.

Если г. Пласкинъ вѣрять, что юанкина лѣтопись дѣйствительно существовала (*) и сгорѣла у Татищева; то каковъ же смыслъ извѣстій его слова: «мы по необходимости должны почитать временныя перышки собраніемъ извѣстій о древней Руси»? И почему же безъ Нестора «вся древность Россіи была бы непременно забыта»? Продолжатели у Юанкина могли бы найтись точно такъ же, какъ и у Нестора. Вѣдь, можетъ-быть, и самъ Несторъ сталъ писать свою лѣтопись уже по примѣру Юанкина или для продолженія его труда. Воля ваша, силлогизмы г. Пласкина можно объяснить только неохотою заниматься критической разработкою историческихъ фактовъ. Эта неохота такъ сильна, что онъ рѣшается представить публикѣ самое нелогическое оправданіе.

Вообще, все изложеніе древней русской литературы въ «Руководствѣ» отзывается небрежностью въ изученіи фактовъ. Эта небрежность заставляетъ сочинителя часто наполнять свои статьи не на чемъ не основанными или очень-слабо доказанными предположеніями. Такъ, на-пр., при изложеніи языческаго періода, поговоривъ на двухъ страничкахъ о томъ, что *вероятно* была и тогда какая-нибудь новина, и присоединивъ къ этому приведенный выше разборъ нашихъ народныхъ пѣсень, онъ толкуетъ о послесловіяхъ, какъ объ одномъ изъ памятниковъ этого періода. Конечно, разысканіе послесловій и опредѣленіе времени ихъ происхожденія — трудъ весьма-интересный для исторіи вообще и для исторіи литературы въ-особенности. Но этого-то разысканія и нѣтъ въ книгѣ г. Пласкина. Онъ ограничивается приведеніемъ шести пословицъ, которыми, по его мнѣнію, *всѣмъ* слѣды глубокой древности.

(*) Въ статьѣ объ историческихъ трудахъ Татищева авторъ доказываетъ, что нѣтъ причинъ сомнѣваться въ дѣйствительномъ существованіи рукописей, которыми онъ хвалился и которыя большею частью сгорѣли.

сим. Но скажите, пожалуйста, изъятых шести что вы находите древняго, да еще и языческаго въ слѣдующихъ четырехъ поговорилахъ: «умъ нажить, не городъ сгородить»; «съ чужаго коня среди грязи долой»; «правда старше старосты»; «какъ аукнется, такъ и откликнется»? За немѣлкимъ дѣйствительно-интересныхъ свѣдѣній, сочинитель распространяется также о *речахъ Седюслава* и доказываетъ достовѣрность ихъ слѣдующимъ образомъ: «онѣ точно выражаютъ характеръ оратора-полководца и обстоятельствъ; а могъ ли человекъ посторонній, споконно созерцающій положеніе дѣлъ давно минувшихъ, проникнуться духомъ ихъ столь сильно, чтобъ оживить въ воспоминаніяхъ нашихъ героя съ его подвигами». Прекрасно! Да отчего же, на-пр., Пушкинъ такъ хорошо поддавался подъ рѣчь Пимена? Ужъ не подлиная ли и она?...

Наконецъ, отъ времени до времени, между фактами попадаются и такіе, которыми рѣшительно нельзя дать вѣры, если не будутъ они доказаны. Такъ, на-пр., на стр. 25 сказано, что въ XII столѣтіи Русскіе оказали «*блестящіе успѣхи*» въ живописи и зодчествѣ; а на стр. 35, что «современные намъ романисты ревностно доканчиваютъ начатое Крыловымъ и Пушкинымъ преобразование русскаго языка, *разрабатывая области нарѣчія*». Что это за современные намъ романисты? Любопытно было бы знать ихъ по именамъ и посмотреть, что они такое разрабатываютъ. До сихъ поръ, о нихъ не было слуха.

И такъ, въ «Руководствѣ» г. Пласкина нѣтъ ни взгляда на исторію русской литературы, ни живой связи между излагаемыми событіями, ни критич. фактовъ, ни даже новыхъ, впервые найденныхъ фактовъ. Слѣдовательно, это не исторія русской литературы, а собраніе статей, болѣе или менѣе относящихся къ этому предмету, — статей болѣею частію или очень-посредственныхъ, или очень-плохихъ. Мы приписываемъ это двумъ причинамъ:

Т. XLVI. — Отд. VI.

во-первыхъ, тому, что авторъ взялся за трудъ не по силамъ; во-вторыхъ, тому, что онъ хотѣлъ устроить мостъ между старыми и новыми понятіями о литературѣ. Первое вывело его изъ такой сферы, въ которой, можетъ-быть, силы его пришли бы скорѣе къ дѣлу; второе повлекло его въ дуализмъ, въ круговоротъ идей взаимно уничтожающихъ одна другую.

Что же сказать о пользѣ, какую можетъ принести второе изданіе «Руководства» г. Пласкина? Этотъ вопросъ напоминаетъ намъ одно очень-замѣчательное мѣсто изъ предисловія къ разсмотрѣнной нами книгѣ:

«...Болѣе всего сочинитель руководства долженъ помнить, что всякое ученіе имѣетъ двѣ цѣли: *положительное знаніе и развитіе ума*; или лучше сказать: *главная цѣль ученія — развитіе познавательныхъ силъ, или возбужденіе самосознанія*, а главное средство для достиженія этой цѣли — *положительное знаніе и преимущественно связанное, систематическое изложеніе знаній*. Въ этомъ случаѣ и минимы истины могутъ быть полезны, ежели онѣ передаются съ уваженіемъ и въ логической последовательности; онѣ изощряютъ и утверждаютъ умъ и пробуждаютъ самосознаніе. Безусловныхъ истинъ немного; большая же часть нашихъ знаній принадлежитъ времени; когда минуетъ ихъ періодъ, они или замѣняются другими новыми знаніями, или превращаются въ предразсудки.»

Эта тирада обнаруживаетъ намъ собственный взглядъ автора на пользу «Руководства». Но мы не можемъ согласиться съ его мыслью, будто-бы развитіе познавательныхъ силъ важнѣе самыхъ знаній: орудіе не можетъ быть важнѣе цѣли. Если мы стараемся развивать познавательныя силы въ ребенкѣ, то, конечно, для того, чтобъ онъ могъ ими воспользоваться для приобрѣтенія знаній. Слѣдовательно, другая мысль автора, — будто-бы и минимы истины могутъ быть полезны, если изложены съ убѣжденіемъ и въ логической последовательности — также несправедлива. Какой же расчетъ — наложить разныя неправды по система-

тической канъ и передать ихъ ребенку? Хорошо еще, если онъ въ послѣдствіи будетъ имѣть случай, охоту и внутреннюю возможность переучиться. Да и то — зачѣмъ учиться дважды тому, чему можно выучиться разомъ? — А какъ вамъ правятся эти скептическія слова: «безусловныхъ истинъ немного» и проч.? Не правда ли, отъ нихъ вѣетъ особеннаго рода разочарованіемъ? Но, не причисляя себя ни къ систематическимъ скептикамъ, ни къ разочарованнымъ, мы скажемъ, что хотя процессъ совершенствованія человѣческихъ знаній безконеченъ, однакожь каждый вѣкъ въ результатѣ своемъ утверждаетъ въ человечествѣ какую-нибудь новую истину, которая умножаетъ собою число акцій и никогда не превращается въ предразсудокъ.

И такъ, не можемъ согласиться съ сочинителемъ касательно идеи его о пользѣ руководствъ вообще. Это не утѣшаетъ насъ, однакожь, утѣшать себя мыслью, что самъ онъ считаетъ свое руководство весьма-полезнымъ...

193) Руководство къ Всѣобщей Исторіи. Соч. доктора Фридриха Лоренца, ординарнаго профессора Главнаго Педагогическаго Института и директора Главнаго Нѣмецкаго Училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра. Части II-й. Отдѣленіе II. Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. Департамента Вѣшной Торговл. Въ 8-ю д. л. 302 стр.

Этимъ отдѣленіемъ второй части оканчивается исторія среднихъ вѣковъ: слѣдовательно, литература наша уже обогащена прекраснымъ курсомъ всеобщей исторіи, доведеннымъ до эпохи реформаціи. Утѣшительно по двумъ причинамъ: во-первыхъ, до выхода въ свѣтъ сочиненія профессора Лоренца, русское юношество не имѣло руководства къ всеобщей исторіи въ истинномъ смыслѣ; во-вторыхъ, существованіе этого курса должно дать возможность вывести изъ употребленія тѣ историческія сочиненія, которыя, по всей справедливости можно сказать, весьма-

мало способствовали изученію всеобщей исторіи. Многимъ покажутся эти слова преувеличенными, и потому мы постараемся нѣсколько пояснить ихъ здѣсь, откладывая удовольствіе полной оцѣнки труда г. Лоренца до его окончанія.

Много было писано о пользѣ и важности исторіи; но многое еще осталось невысказаннымъ объ этомъ предметѣ. Нѣкогда смотрѣли на нее какъ на практическій курсъ нравственности, называя ее *моралью въ дѣйствіи* (moralé en action). Потомъ этотъ взглядъ отбросили и замѣнили другимъ: исторію роли *наставительницы царей и народовъ*, какъ называли ее сначала, вдругъ перешла къ роли рабы: на нее стали смотрѣть какъ на орудіе всякихъ теорій, какъ на средство оправдывать прихвращенія изъ жизни человечества всякую мысль, какую кому-нибудь вздумается выдать за истину. Но злоупотребленію скоро открылось, и въ концѣ первой четверти девятнадцатаго столѣтія явилась новая историческая школа, которая возстановила самостоятельность великой науки, опредѣливъ ее — изображеніемъ и изслѣдованіемъ постепеннаго развитія человечества. На этой точкѣ стоитъ и процвѣтаетъ она до-сиха-поръ; но съ того времени, какъ ей данъ этотъ видъ, — никто не разсуждалъ болѣе о ея пользѣ, кромѣ тѣхъ, которые остались доживать съ прежнихъ, устарѣлымъ взглядомъ. Это произошло оттого, что въ одно время съ измѣненіемъ упомянутой исторической школы, явилась мысль о неосновательности унитарнаго взгляда на науку вообще. Эта мысль, вынесенная французскими учеными изъ Германіи, распространилась повсюду; но можно сказать, что она справедлива только въ половину. Такъ какъ всѣ потребности человѣческой природы равно важны, потому что удовлетвореніе одной изъ нихъ необходимо влечетъ за собою страданіе, то и удовлетвореніе любознательности должно имѣть такую же важность, какъ, напримеръ, удовлетвореніе потребности питанія. Изъ этого, однакожь, не слѣ-

дуют, чтобы удовлетворение одной потребности не составляло условия удовлетворения другой. Напротив, в природе всякого органического существа, в томъ числѣ и человека, есть такое стремление къ гармоніи, къ всесторонности развитія, что законное удовлетворение какой бы то ни было существенной потребности не остается важнымъ само-по-себѣ, а непременно обнаруживаетъ благотворное дѣйствіе на другой стороны органического существа. Это свойство предмета прямо, непосредственно удовлетворять одной потребности и въ то же время косвенно, посредственно удовлетворять другой—на обыкновенномъ языкѣ называется его пользой. Сознаніе этой двойственной полезности предметовъ такъ свойственно человѣку въ-слѣдствіе стремленія его природы къ гармоніи, къ всесторонности, что мы не можемъ не задавать себя вопроса о полезности предмета дѣлѣхъ-порѣ, позѣ, сверхъ прямой, приносимой имъ пользы, не откроемъ еще пользы посредственной. Вотъ почему намъ не удовлетворяетъ то объясненіе, по которому наука полезна исключительно какъ удовлетвореніе потребности знанія: мы требуемъ или, лучше сказать, природа наша требуетъ, чтобы мы объяснили себѣ и вліяніе науки на удовлетвореніе другихъ нашихъ потребностей. Получить такое объясненіе значитъ—составить себѣ полное понятіе о сущности и значеніи предмета; а при любознательности, мы не можемъ сознавать себя удовлетворенными, пока чувствуемъ, что знаемъ только часть того, что можемъ узнать.

И такъ, задавать себѣ вопросъ о посредственной пользѣ исторіи и всякой другой науки не значитъ—считать малоцѣнною ея непосредственную пользу—удовлетвореніе любознательности. Слѣдственно, нашъ взглядъ на этотъ предметъ, каковъ бы ни былъ онъ въ другихъ отношеніяхъ, отличается отъ взгляда тѣхъ, которые ищутъ въ исторіи одной посредственной пользы, уже и тѣмъ, что мы прежде всего принимаемъ пользу непосредственную, которой

они не умѣютъ цѣнить. Но кромѣ того, и самая посредственная польза этой науки представляется намъ совершенно въ иномъ видѣ. Иначе и не можетъ быть: люди стараго времени, глядящіе въ исторіи преповѣдь съ ссылками на факты, чужды того взгляда на сущность ея, который утвердился въ послѣднее время и по которому исторія есть, какъ сказано выше, *изслѣдованіе и изображеніе постепеннаго развитія человечества*. А кажется, нѣтъ нужды доказывать, что понятіе пользы относится къ понятію сущности, какъ выводъ къ положенію...

По нашему мнѣнію, надо изучать исторію не имѣя въ виду ничего, кромѣ знакомства съ ходомъ развитія человечества,—и посредственная польза этого изученія окажется сама-собою въ понятіяхъ, чувствахъ, стремленіяхъ, дѣятельности, однимъ словомъ, въ цѣлой жизни того, кому дано историческое знаніе, хотя, можетъ-быть, самъ онъ никогда не сознаетъ этого вліянія. И на оборотъ: стоить только изучить исторію по такимъ сочиненіямъ, въ которыхъ идея постепеннаго развитія и совершенствованія (два понятія совершенно-тождественныя) человечества не проведена сквозь тоды и событія, чтобы сдѣлать изъ себя жертву ложныхъ понятій, мелкихъ чувствъ, нелѣпныхъ стремленій и незаконной дѣятельности. Исторія есть единственная наука, прочно утверждающая въ отдѣльномъ человѣкѣ понятіе о неразрывной связи его съ цѣлымъ человечествомъ, поселяющая въ немъ живое чувство этой связи, и почувствовательно (съ помощью такого понятія и такого чувства) направляющая его къ дѣятельности, сообразной съ тѣмъ и другимъ. Чѣмъ живѣе изображены историческія событія въ тѣхъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ приходится намъ знакомиться съ исторіей, т. е. чѣмъ болѣе пробуждаютъ она въ человѣкѣ чувство связи его съ человечествомъ, тѣмъ благотворнѣе или гибельнѣе бываетъ для насъ сознаніе нашихъ отношеній къ человечеству.

то и другое прямо зависит от-того — проведена ли въ низъ идея постояннаго совершенствованія, идея *успѣха*.

Исторія, написанная вчужь отъ этой идеи, чаще всего поселится въ чужбѣ, незнакомитъ съ историческими сочиненіями противоположной школы, или *разочарованіе* или *оптимизмъ* (такой взглядъ, по которому вслѣдй порядокъ вещей — прекрасенъ). Начитавшись такой исторіи и прослѣдивъ судьбу обществъ, исчезнувшихъ съ лица земли, съ ихъ великими основателями, съ ихъ политическими и нравственными двигателями, съ ихъ славой и богатствомъ, съ ихъ науками и искусствами, съ ихъ вѣковой опытностью, — нельзя не предложить себѣ такихъ вопросовъ: зачѣмъ жилъ и прославлялся такой-то народъ; зачѣмъ мыслили, страдали и боролись такіе-то гении; зачѣмъ собирались такіа-то богатства; зачѣмъ все это возникало и развивалось? И отвѣтъ на эти тревожные вопросы, пожалуй, будетъ таковъ: народы живутъ для того, чтобы умирать, великіе люди борются съ препятствіями для того, чтобы школьники твердили наизусть ихъ имена и подвиги; богатства собираются для того, чтобы обратиться въ прахъ и разлетѣться по вѣтру! Не надо думать, чтобы эти отвѣты порождались слабоуміемъ. Стоить только вспомнить Вико, чтобы убѣдиться, что и великій умъ, полъ вліяніемъ историческихъ сочиненій, чуждыхъ идеи совершенствованія человечества, можетъ сдѣлать такіе выводы. Начитавшись древнихъ греческихъ и римскихъ историковъ, онъ утверждалъ, что каждый народъ въ зародкѣхъ уже носитъ свою историческую судьбу, которой развязка — смерть безъ наслѣдія, что цивилизація каждаго общества начинается сама-собою безъ всякаго содѣйствія цивилизаціи чужеземной и проходитъ извѣстные періоды, по истеченіи которыхъ исчезаетъ, уступая мѣсто другому обществу. По его словамъ, исторіи всѣхъ народовъ, всѣ языки и всѣ мѣны — тождественны; въ древнемъ мірѣ встрѣчается нѣ-

сколько Юниторовъ, соросъ Геркулесовъ, потому что все это единствоверія однихъ и тѣхъ же идей. Когда же торговля уничтожила преграды къ сообщенію между народами, воздвигнуты варварствомъ, тогда сходство мѣровъ и учрежденій поразило умы, — принались объяснять его переселеніями, и народы заговорили между собой объ источникахъ цивилизаціи разныхъ странъ.

Отъ такихъ идей самый естественный переходъ къ *разочарованію*. Если все живетъ для того, чтобы исчезнуть безъ возврата, то зачѣмъ же я, малая дробь человечества, ставъ мыслить и дѣйствовать? Вотъ губительный силлогизмъ, который думаетъ столько потребностей, останавливаетъ столько дѣлъ и проводитъ столько людей къ безжизненности и ничтожеству! Конечно, огромный талантъ можетъ пребитъ и сквозь эту преграду, какъ, напримеръ, пребилъ чертъ *не-Кампоу*. Но прочтите его *Думы*: вы увидите, какъ умасно таготеетъ подъ его бойкими и прочными умомъ умасный выводъ изъ исторіи, несправедливой идеею *успѣха*. Не онъ ли амусилъ Кольцову эти стихи:

Старѣясь въ сомнѣннхъ
О великихъ тайнахъ,
Идутъ невозвратно
Вѣки за вѣками;
У каждаго вѣка
Вѣчность вопрошаетъ:
«Чѣмъ кончилось дѣло?»
— Вопросы другаго, —
Каждый отвѣчаетъ...

Или:

Цѣлый вѣкъ я рылся
Въ таинствахъ вселенной,
До сдѣлнхъ узнался
Мудрости сальмовной;

Всѣ вѣка были
Съ новыми повѣрнхъ;
Чудеса земныя
Опытомъ извѣрнхъ.

Мелкія притчи
Тѣшились людьми;

Карлы-аластелины
Двигали мірами.

Райскія долины
Кровью обливались;
Карлы-аластелины
Въ бездну низвергались.

Гдѣ пройдетъ коварство
Съ злобою людскою, —
Тамъ, въ обломкахъ, царство
Заростетъ травой...

Племена другія
На нихъ поселятся:
Города большіе
На нихъ разродятся.

Сторона пустая
Снега задрюкаетъ, —
И жизнь молодая
Шумно зашуруетъ!...

Истинно - гениальная жизненность снѣсла его отъ такого разочарованія; но только ей, этой колоссальной жизненности, и ужь никакъ не логическому развитію идей, обязанъ онъ своимъ выходомъ изъ плѣменія. Онъ рассуждалъ такъ:

Темна, страшна могила;
За далью — прахъ густой;
Нѣ вѣсти, нѣ отзыва
На воцѣ нашъ роковой!

А тутъ дары земные,
Дыханіе пѣйтовъ,
Дни, ночи золотыя,
Разгульный шумъ лѣсовъ,

И сердца жизнь живая;
И чувства огонь святой,
.....

Сведите лицомъ-къ-лицу оба мотива; переведите ихъ на прозаическій языкъ, вы получите такой силлогизмъ: «если всмотрѣться въ жизнь, — игра не стоитъ свѣчь; однакожъ, въ жизни есть наслажденіе; и такъ — будемъ наслаждаться жизнью». Со стороны логики, силлогизмъ плохъ; со стороны живаго результата — спасителенъ. Это, конечно, не значитъ, что логика и

жизнь вообще несогласны между собою; изъ этого слѣдуетъ только, что Кольцовъ вкруто повернулъ дѣло, начатое размышленіемъ, и пошелъ другимъ путемъ — путемъ своего гения, который у него заключался въ могучей любви къ жизни. Но много ли Кольцовыхъ, много ли такихъ *богатырскихъ* душъ, которыми нѣтъ ни въ чемъ преграды, даже въ собственныхъ идеяхъ?..

Другой результатъ изученія исторіи по сочиненіямъ, чуждымъ идеи постоянного совершенствованія — *оптимизма*, нѣмецкое «все-равно», которое несравненно хуже даже нашего «авось». Каждый народъ и каждый вѣкъ имѣетъ свои достоинства и недостатки: одно уравнивается другимъ: мы не можемъ изсѣчь такихъ статуй, какія изваявали Греки: за то мы ѣздимъ по желѣзнымъ дорогамъ, о которыхъ они не могли и мечтать; Греки были удивительно — общественны, за то ихъ общество состояло изъ горсти свободныхъ людей и миллионовъ рабовъ; рыцари среднихъ вѣковъ отличались благородствомъ; за то рѣдкій рыцарь умѣлъ подписывать свое имя и титулъ, и т. п. И какого равновѣсія не находить въ исторіи народовъ! Вотъ нѣсколько оптимистическихъ силлогизмовъ. Патріархальность — состояніе животное: но оно имѣетъ ту *хорошую сторону*, что самая *животность*, поддерживаемая этой первоначальной формой общества, препятствуетъ явленію того *человѣческаго зла*, которое уравниваетъ *человѣческое добро*. Героическій періодъ общества есть періодъ ухорства и драки; за то въ немъ нѣтъ той *сухости*, которая отличаетъ эпоху мыслительную и промышленную. Эта послѣдняя эпоха являетъ торжество разумности челоѣка, но ведетъ съ собою пораженіе чувствъ... И много — много подобныхъ злокачественныхъ *фразъ* неотразимою саранчю осаждаютъ миллионы умовъ и приводятъ миллионы людей къ покладыванію рукъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, повѣрьте этимъ *фразамъ* — что вамъ останется дѣлать? Ровно ничего. Затѣмъ что-ни-

будь дѣлать? Все уравнивается само-собой: зло родитъ добро, добро родитъ зло, тутъ не дохватить,—тамъ перехва-титъ. Вы скажете, что въ основаніи всякой оптимистической фразы, хотъ бы, на примѣръ, любой изъ приведен-ныхъ нами, лежитъ вопиющая нелѣ-пость. Такъ, но многіе ли, безъ помо-щи истиннаго и притомъ еще совре-меннаго просвѣщенія, могутъ дойти до сознанія этихъ нелѣпостей, приня-тыхъ большинствомъ за аксіомы и имѣющихъ силу глубоко-укоренен-ныхъ и далеко-распространенныхъ предрасудковъ? Опять-таки одна ис-ключенія, натуры, равносильныя тѣмъ, которымъ удастся избавляться отъ разочарованія. Сдѣлаютъ, пожалуй, и такое возраженіе: много ли же най-дется и такихъ, которые могутъ вы-водить заключенія изъ того, что узна-ютъ изъ прочитанныхъ сочиненій? Но мы, съ своей стороны, замѣтимъ на это, что еслибъ зло, о которомъ здѣсь говорится, и въ-самомъ-дѣлѣ распро-странялось только на людей логиче-скихъ, на людей, которые не могутъ отказывать себѣ въ необходимости выве-сти всевозможныя заключенія изъ то-го, что однажды принято ими за несо-мнѣнное, за данное, то развѣ можно оставаться равнодушнымъ къ умствен-ной и нравственной гибели этихъ на-бранныхъ натуръ? Сверхъ-того, не на-до упускать изъ вида, что люди все-целогическіе безпрестанно прибѣгаютъ къ оправданію своихъ и чужихъ непохвальныхъ дѣлъ, основывая ихъ на какой-нибудь оптимистической фра-зѣ...

Итакъ, вотъ два гибельныя слѣдствія изученія исторіи повѣствовательной. И разочарованіе и оптимизмъ суть не что иное, какъ различные виды *безжизненности*, — а безжизненность не есть ли зло воле? Не говоримъ о дру-гихъ менѣе-важныхъ слѣдствіяхъ фак-тическаго изученія исторіи; но не мо-жемъ умолчать еще объ одномъ — о пристрастіи къ какой-нибудь школѣ, къ какому-нибудь народу, или, нако-нецъ, къ какой-нибудь исторической

формѣ общества. Припомнимъ класси-цизмъ, пристрастіе къ древнимъ писа-телямъ, которое сначала двинило чело-вѣчество на пути цивилизаціи, а по-томъ превратилось для него въ ужасную задержку; припомнимъ выходки Руссо противъ цивилизаціи новыхъ народовъ и мечтанія его о возвращеніи чело-вѣчества къ первобытному состоянію, имѣвшія такое сильное вліяніе на его современниковъ. Конечно, большою частію историческое пристрастіе болѣе каррикатуритъ чело-вѣка, чѣмъ дѣлаетъ его вреднымъ обществу. Кто не смѣ-нитъ фантазія нѣкоторыхъ очень-ум-ныхъ людей, вздумавшихъ въ наше время прикинуться антагонистами ре-формы Петра-Великаго въ Россіи и провозгласить, съ соблюденіемъ всевоз-можной серьёзности, что единственное спасеніе нашего отечества заключает-ся въ возвращеніи его чуть не къ пре-жемамъ Аттилы, который, по словамъ ихъ, былъ не кто иной, какъ нашъ-братъ Славянинъ? Кто не проливалъ слезъ эстетическаго умиленія, читая подобныя аргументы? Конечно, это чистый юморъ; но всякій юморъ имѣетъ основаніе въ дѣйствительности, и «Москвитининъ» въ своихъ остроум-ныхъ выходкахъ противъ ложнаго па-триотизма вѣроятно имѣетъ въ виду классъ жалкихъ ученыхъ, дѣйстви-тельно-встрѣчающихся въ нѣкоторыхъ частяхъ Россіи.

Но довольно о нелѣпостяхъ. Перей-демъ къ вліянію на умы той исторіи, которая занимается не простымъ по-вѣствованіемъ о событіяхъ, случив-шихся въ человѣческомъ мірѣ, а изоб-раженіемъ и изслѣдованіемъ постепен-наго развитія чело-вѣчества. Такая ис-торія (настоящая исторія) показываетъ весь чело-вѣчскій родъ какъ одно ор-ганическое цѣлое, сохраняющее свое единство и живучесть, не смотря на періодическое отпаденіе частей. Она слѣдитъ за процессомъ развитія по-слѣднихъ, не упуская изъ вида той главной идеи, что въ суммѣ онѣ со-ставляютъ неумирающее чело-вѣчество. Проживъ свой періодъ, общество пре-

преследуетъ въ другихъ обществахъ; его великіе люди, его учрежденія, понятія, мудрость, искусства переходятъ къ другому народу, и сливаясь съ новыми стихіями жизни, являются все въ болѣе и болѣе полномъ и законномъ развитіи. Индія, Египетъ, Греція, Римъ, греческій востокъ, — все это подмошки нашей новой германославянской цивилизаціи, которая, въ свою очередь, прошла уже много ступеней и не видитъ предѣла своему восхожденію. Много разъ мы оступались и какъ-будто падали; но все это для того, чтобы подняться на большую высоту... Индійская цивилизація исчезла на берегахъ Ганга; но во-время переданія жрецамъ Египта, явилась она въ неузнаваемой красотѣ полъ небомъ Греціи, которой суждено было очеловѣчить восточный энтузіазмъ (переходившій въ животное бѣшенство) холодною разумностью генія Европы и въ то же время согрѣть эту разумность жаромъ фантазіи. Когда роскошный цвѣтъ греческой жизни сталъ блекнуть, она, въ лицѣ Александра-Македонскаго, унесла свои идеи на Востокъ, покорно принявшій ихъ въ свои нѣдра, но перемѣшавшій съ своими старческими умозрѣніями, — и такимъ образомъ явился въ первый разъ на землѣ эклектизмъ, неорганическая смѣсь греческой мудрости съ мудростью восточныхъ народовъ, передающая новымъ германославянскимъ племенамъ вмѣстѣ съ политическими идеями Римлянъ, какъ матеріалъ для выработки новой цивилизаціи. При такомъ взглядѣ на прошедшую судьбу человечества, человекъ нашего времени, — будь онъ Германецъ или Славянинъ, или иного какого племени, — пойметъ, что собственно ни одинъ народъ не исчезалъ безвозвратно съ лица земли, что ни одна плодотворная идея не погребена подъ руинами отжившихъ обществъ, что дѣла и мысли великихъ двигателей цивилизаціи того или другаго народа продолжаютъ невидимо жить и дѣйствовать въ человечествѣ. Такимъ образомъ сокрушается разочарованіе со-

вѣщим его безобразными слѣдствіями! Съ другой стороны, исторія въ настоящемъ своемъ видѣ наноситъ смертельный ударъ оптимизму: во-первыхъ, она обнаруживаетъ передъ нами, что всѣ отрасли человѣческой дѣятельности, взятыхъ порознь, совершенствовались въ теченіе тысячелѣтій, совершенствовались даже и тогда, когда казались падающими: это были эпохи болѣзненныхъ кризисовъ, за которыми слѣдовало выздоровленіе; во-вторыхъ, она вразумляетъ оптимиста въ томъ, что человечество современнаго намъ періода стремится къ гармоническому сліянію ихъ воедино, въ жизнь полную, составленную изъ дружнаго союза всѣхъ стихій человѣческой природы... Такимъ образомъ, усвоивъ себѣ эти взгляды и укрѣпивъ ихъ основательнымъ фактическимъ изученіемъ исторіи, нельзя уже будетъ приводить нелѣпый аргументъ равновѣсія въ оправданіе бездѣйствія и безжизненности. Итакъ, исторія, изображающая и вслѣдующая развитіе человѣческаго рода, призываетъ къ жизни и движенію...

Руководство къ Всеобщей Исторіи профессора Лоренца есть первый на русскомъ языкѣ и притомъ прекрасный опытъ такого изслѣдованія. Изъ сказаннаго выше можно уже заключить, что оно должно составить эпоху въ нашей исторической литературѣ. Мы сказали уже, что по выходѣ въ свѣтъ послѣдней его части, посвятимъ нѣсколько критическихъ статей подробному разбору его достоинствъ и недостатковъ. Теперь же имѣемъ въ виду поговорить только объ одномъ доволно-общемъ предубѣжденіи, существующемъ у насъ противъ этого сочиненія. Все до-сихъ-поръ сказанное о пользѣ исторіи вообще прямо относится къ этому вопросу.

Вотъ въ чемъ дѣло. Многіе утверждаютъ, что книга г. Лоренца есть прекрасное ученое сочиненіе, но отнюдь не учебная книга, что ее можно дать въ руки семнадцатилѣтнему юношѣ, но никакъ не десяти- или двѣнадц-

патилѣтнему мальчику. Мы совершенно согласны съ этимъ общимъ замѣчаніемъ. Но слѣдуетъ ли изъ него, что сочиненіе почтеннаго профессора не можетъ замѣнить всѣхъ досихъ поръ данныхъ у насъ руководствъ къ всеобщей исторіи? мы думаемъ, что вовсе не слѣдуетъ, и представимъ здѣсь основанія такого мнѣнія.

Скажите, какъ вы объясните двѣнадцатилѣтнему мальчику, что такое общество, общественная жизнь, общественныя добродѣтели и пороки, общественное развитіе и младенчество, для того, чтобъ онъ могъ понимать все это въ исторіи, въ живыхъ, движущихся формахъ? какъ вы проведете въ его сознаніе разныя антропологическія понятія, служащія основаніемъ уразумѣнію характера и дѣятельности лишь-двигателей историческихъ событій и представителей разныхъ эпохъ и національностей, какого-нибудь Перикла, Ализіады, Октавія, Карла-Великаго, Филиппа II, Людовика XIV-го, Наполеона, или великихъ мыслителей—Платона, Сенеки, Эпикура, Августина, Лютера, Бэкона, Декарта, Галилея, Ньютона, Вольтера? какъ объясните вы ему, что такое наука, искусство, промышленность и какія условія успѣшнаго или неуспѣшнаго ихъ развитія: вѣдь все это необходимо для того, чтобъ онъ сколько-нибудь понималъ важность такихъ фактовъ, каково, на-примѣръ, перенесеніе греческихъ классиковъ изъ Восточной-Имперіи въ Италію и распространеніе ихъ по остальной Европѣ,—фактъ, который былъ слѣдствіемъ взятія Константинополя Турками, но который гораздо-важнѣе его,—или явленіе въ Греціи «Иліады», послужившее главной основой греческой самостоятельности, — или освобожденіе общинъ въ Западной-Европѣ, имѣвшее слѣдствіемъ распространеніе понятія о важности труда, не говоря уже о томъ, сколько умственнаго развитія нужно для оцѣнки и десятой части благотворнаго вліянія христіанской религіи? Правда и то, что факты исторіи

религіи, исторіи наукъ, искусствъ и промышленности обыкновенно считаются какою-то роскошью въ руководствахъ ко *всеобщей исторіи*. Но развѣ въ этомъ есть какой-нибудь смыслъ? Развѣ уразумѣніе такъ-называемой *политической исторіи* доступно мальчику, чѣмъ исторія нравственнаго развитія человечества? Отъ-чего же онъ долженъ понять, на-прим., что такое *феодализмъ*, если онъ не можетъ понять, что такое язычество, философія, платинизмъ, трудъ, капиталъ, кредитъ? Замѣтимъ, что сколько-нибудь-петушій мальчикъ непременно составитъ себѣ какое-нибудь понятіе о предметахъ, о которыхъ ему всякій день толкуетъ учитель, и которыхъ онъ все-таки не понимаетъ какъ слѣдуетъ. Эти самодѣльные, и разумеется, за весьма-рѣдкими исключеніями, превратныя понятія впадаютъ въ сознаніе ребенка со всею ѣзкостью первыхъ впечатлѣній и идей, и при отсутствіи сильной подвижности ума и воображенія, составляютъ ужасную преграду къ усвоенію въ лѣта юности новыхъ, совершенно противоположныхъ идей и образовъ. Чтобъ вполнѣ убѣдиться въ этомъ, рекомендуемъ любознательному читателю, при настоящемъ его совершеннѣйшмъ развитіи, почитать Плутарха, писателя, котораго онъ читалъ въ дѣтствѣ. Какое новое, странное, но пріятное чувство охватитъ его душу, когда онъ вновь пройдетъ по этой *галерей антиковъ* (такъ воображаетъ онъ себѣ книгу плутарховыхъ жизнеописаній)! Вдругъ почувствуетъ онъ, что великіе мужи, разоблаченные великимъ біографомъ древности, вовсе не статуи, а живые, совершенно-живые лица, любящіе и ненавидящіе, важничающіе и пощающіе, наслаждающіеся и страдающіе, лѣтяти и труженики, черви и герои, однимъ-словомъ, то, что называется *онъ и я*. Тогда-то вполнѣ пойметъ онъ, какими призраками наполненъ былъ для него міръ исторіи въ-слѣдствіе изученія ея въ лѣта его дѣтства.

Но противъ всѣхъ этихъ довольно-

забучныхъ, хотя и мало сознаваемыхъ доводовъ, могутъ сказать, что изученіе историческихъ фактовъ въ дѣтскомъ возрастѣ необходимо, во-первыхъ, потому-что въ-послѣдствіи, въ юности, трудно ихъ запоминать, во-вторыхъ, какъ упражненіе памяти. Оба эти возраженія кажутся намъ совершенно-неосновательными.

Каждый изъ насъ знаетъ по опыту, что во всякомъ возрастѣ нѣтъ ничего легче, какъ запоминать факты, освѣщенные идеей, иными словами, факты замѣчательные и занимательные. Конечно, восьмилѣтнему юношѣ очень-трудно запомнить то, въ чемъ онъ не видитъ никакого значенія, что для него безразлично, и въ этомъ отношеніи мальчикъ окажется несравненно-памятливѣе его, потому-что не привыкъ еще отличать предметы замѣчательные, характерные отъ пошлыхъ, безцвѣтныхъ. Но къ-чему же и знать то, что безразлично! міръ каждой науки такъ громаденъ, что при изученіи необходимо наблюдать экономію силъ, разумія подъ этимъ словомъ не скупость на трудъ, а соображеніе его производительности, плодотворности. Спрашиваемъ: отъ-чего наши юноши знаютъ чуть не отъ слова до слова (а многие и совершенно такъ) «Мертвыя Души»? Вѣдь они не учатъ же ихъ наизусть, какъ мальчики учатъ какой-нибудь историческій учебникъ. Дѣло просто: здоровый человѣкъ помнитъ хорошо все то, что его занимаетъ. Изъ этого слѣдуетъ, что не только изученіе историческихъ фактовъ не тягостно въ юности, но даже гораздо-легче, чѣмъ въ дѣтствѣ, по той простой и дознанной опытомъ причинѣ, что юноша ихъ понимаетъ, а мальчикъ не понимаетъ.

Второе возраженіе также имѣетъ мало цѣны, но оно важнѣе перваго, потому-что наводитъ на нѣкоторыя мысли, къ-сожалѣнію, мало-распространенныя педагогической литературой.

Говорятъ, что изученіе историческихъ фактовъ въ дѣтствѣ необходимо для изощренія памяти. Станный ар-

гументъ, напоминающій намъ аргументъ одного педагога, который въ прошедшемъ мѣсяцѣ издалъ для дѣтей тетрадь географіи, написанную непонятнымъ для нихъ языкомъ, и утверждалъ въ предисловіи, что все это придумано имъ какъ средство для распространенія области дѣтскаго языка! Да помилюйте! не-уже-ли кромѣ фактовъ исторіи человѣчества нѣтъ здѣсь никакихъ другихъ фактовъ, которые въ одно время могли бы и поощрять память дѣтей и были бы доступны дѣтскому разумію?

Мы полагаемъ, что факты естественныхъ наукъ могутъ удовлетворить не только этимъ двумъ цѣлямъ, но и многимъ другимъ весьма-важнымъ. Начнемъ съ того, что изученіе природы несравненно-болѣе занимаетъ ребенка, чѣмъ міръ человѣческій: и не можетъ быть иначе съ человѣкомъ до-тѣхъ-поръ, пока въ немъ не начнетъ развиваться **свѣдѣность**, независимость отъ внѣшности вообще. А это даетъ дѣлу большую важность: обративъ ребенка прежде всего къ фактическому изученію естественныхъ наукъ, вы уже много сдѣлали, ибо стали учить его тому, что должно его занимать. Такимъ-образомъ, вы легко можете поселить въ немъ любовь къ занятіямъ наукой, а это всего важнѣе въ воспитаніи. Далѣе, не говоря уже объ изощреніи памяти, нельзя не сказать, что естественныя науки сильно изощряютъ логическую способность, приучая человѣка къ строгому изысканію причинъ каждаго обиходнаго явленія, къ всепроникающему анализу. Въ этомъ отношеніи, особенную важность имѣютъ естественныя науки имѣютъ—физика и химія, заставляющія искать объясненія тому, что при обыкновенномъ, невѣжественномъ взглядѣ на вещи, вовсе не подлежитъ объясненію. Химія имѣетъ еще и то преимущество, что совершенно-наглядно, а потому и очевидно показываетъ самый процессъ анализа. Въ этомъ она имѣетъ такую же важность, какъ и математика, являющая образецъ доказательствъ. Что же касается

до доступности фактовъ естественныхъ наукъ дѣтскому разумію, то это само-собою ясно. Разумѣется, безталантвый учитель можетъ и тутъ испортить все дѣло, начавъ объяснять дѣтямъ законы природы отвлеченно и переходя къ опытамъ уже въ подтвержденіе теорій. Это была бы ужасная ошибка: надо непремѣнно начинать съ опытовъ, во-первыхъ, потому-что самая теорія можетъ быть скорѣе усвоена, если она выводится какъ-бы естественнымъ путемъ изслѣдованія со стороны самого ученика, т. е., изъ фактовъ; во-вторыхъ, нарушить этотъ порядокъ значитъ уничтожить то преимущество, о которомъ мы уже сказали — именно, что естественныя науки приучаютъ человѣка отлавливать себѣ отчета въ причинахъ самыхъ обыкновенныхъ явленій, какъ-будто бы не требующихъ объясненія.

Еслибъ естественныя науки и не имѣли никакой другой важности, кромѣ занимательности, доступности и вліянія на развитіе аналитической способности, — и этого было бы уже довольно для того, чтобы признать важность ихъ изученія въ возрастѣ дѣтства. Но, кромѣ того, это изученіе имѣетъ неисчислимыя достоинства и по прямымъ своимъ слѣдствіямъ и какъ приготовленіе къ наукамъ нравственнымъ и общественнымъ.

Намъ кажется, что изученіе природы въ дѣтствѣ лучше всего берегаетъ жизнь и здоровье души, спасая человѣка отъ сухости и нравственнаго безсилія такъ же, какъ отъ склонности къ романтическимъ и мистическимъ идеямъ. Неразрывное единство природы и человѣка несомнѣнно; но условія жизни часто отвлекаютъ человѣка отъ сознанія и поддержанія этого единства. Занятіе же естественными науками противодействуетъ этому страшному, болѣзненному разрыву, служащему источникомъ всякой сухости и нравственной порчи. Приучивъ свой умъ безпрестанно находить идею въ образахъ осязаемыхъ, пластическихъ, — причину явленій въ силахъ, также под-

лежащихъ оцѣнѣ чувствъ, мы теряемъ склонность къ безжизненнымъ, діалектическимъ отвлеченіямъ, и потому невольно влечемся ко всему дѣйствительному, живому, невымысленному. То же самое поселяетъ въ насъ непреодолимое отвращеніе отъ доказательствъ натянутыхъ и хитросплетенныхъ, утверждаемыхъ на пустякахъ, на положеніяхъ, принятыхъ за аксіомы потому только, что никто не подвергалъ ихъ анализу: мы дѣлаемся просты и чрезвычайно-строги въ своихъ сужденіяхъ и не смущаемся въ изслѣдованіи того, что кажется недоступнымъ изслѣдованію. Въ то же время, и все-таки по той же причинѣ, нашъ умъ привыкаетъ легко находить вѣрную грань между предметами доступными и недоступными человѣческому разумію: онъ хорошо знаетъ пространство и границы своихъ силъ, потому-что измѣряетъ ихъ привыкшею или непривыкшею къ познаваемому предмету строгой методы познанія. Такимъ-образомъ, романтизмъ и мистицизмъ со всеми своими послѣдствіями, дѣлаются для насъ не бичами, а цосѣишаніемъ, такъ же какъ и дѣтское гарцованіе ума въ предѣлахъ, недоступныхъ его владычеству.

Теперь легко представить себѣ, какъ много выиграло бы просвѣщеніе, еслибъ при воспитаніи можно было соблюдать правильныи переходъ отъ изученія наукъ естественныхъ къ изученію наукъ нравственныхъ и общественныхъ. Если изъ послѣднихъ взять въ соображеніе одну исторію и предположить, что она преподается въ тождѣ духѣ, въ какомъ написано «Руководство» профессора Лоренца, то можно вѣрно сказать, что такой порядокъ преподаванія наукъ долженъ бы испровергнуть умственные и нравственныя чудовища — романтизмъ, мистицизмъ, систематическое разочарованіе и оптимизмъ. Тогда можно бы было дышать гораздо-свободнѣе!..

194) Краткій Очеркъ Исторіи Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго Полка, или

материалы ее воспоминанийъ и рассказы для полной исторіи полка, съ портретами и планами Бородинскаго и Лейпцигскаго сраженій. Составленное служившимъ въ баталіонъ и полку съ 1808 по 1820 году А. Маринимъ. Книжка первая. Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. Въ 8-ю д. л. 160 стр.

Книга эта, какъ видно изъ самаго заглавія, имѣетъ интересъ совершенно-спеціальный. Она заключаетъ въ себѣ краткія официальныя свѣдѣнія объ исторіи лейб-гвардіи финляндскаго полка съ 1806 по 1814 годъ, съ приложеніемъ пѣсень, близкихъ сердцу русскаго воина, и нѣсколькихъ рассказовъ. Жаль, что послѣднихъ собрано такъ мало: они не лишены и общаго интереса. Вотъ, для примѣра, одинъ изъ нихъ:

«Въ послѣднюю Турецкую войну 1828-го года, при осадѣ крѣпости Варны, Лейбъ-Гвардіи Финляндскій полкъ вмѣстѣ съ полками Павловскимъ и Лейбъ-Гренадерскимъ, подъ командою Генералъ-Лейтенанта Карла Ивановича Бистрома, прикрывалъ Варну съ южной стороны и удерживалъ 30-ти тысячный Турецкій отрядъ Омержъ-Вріони, шедшій на подкрѣпленіе оной крѣпости. Въ одно изъ нападеній Омержъ-Вріони на наши окопы, именно 16 сентября, непріятельская пуля попала въ грудь рядовому 6 егерской роты Аеоначію Чепыженко, и, пробивъ амунничные ремни и шинель, остановилась въ груди. Рядовой Чепыженко, переносивъ боль и не теряя присутствія духа, вытащилъ опротивленную пулю изъ раны, пустилъ ее въ дуло своего ружья, и съ словами: *лети туда, откуда прилетѣла*, выстрѣлилъ по непріятелю. Вслѣдъ за тѣмъ, на скоро перевязавъ рану, рядовой Чепыженко не оставилъ своего мѣста до окончанія дѣла...

Г. Маринъ не мало оживить свое сочиненіе, если въ слѣдующихъ книжкахъ представитъ публикѣ побольше такихъ замѣчательныхъ чертъ характера русскаго солдата.

196) Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Рос-

сійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Засѣданіе 23-го марта 1846 года. Чумъ 3-й. Москва. Въ университетской тип. 1846 года.

Въ третьей книжкѣ «Чтеній» заключаются слѣдующія статьи: 1) Очеркъ исторіи древней монетной системы на Руси, соч. дѣйствительнаго члена Ивана Бѣльева; 2) Исторія Русовъ или Малой Россіи, соч. Георгія Конискаго, архіепископа Бѣлорусскаго (второе продолженіе); 3) О рускомъ князѣ Ростиславѣ, отцѣ чешской королевы Кунгуты, и родѣ его, критическое изслѣдованіе Франца Палацкаго, переводъ съ чешскаго, дѣйствительнаго члена О. Боляскаго; о древнеславянскихъ, именно кириловскихъ типографіяхъ въ югославянскихъ земляхъ и прилежащихъ имъ краяхъ въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ, соч. П. І. Шафарика, переводъ съ чешскаго, дѣйствительнаго члена О. Боляскаго, и 4) Сильвестръ Медвѣдевъ, отецъ славянорусской библиографіи, соч. дѣйствительнаго члена В. Ундольскаго; Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ, составленное Сильвестромъ Медвѣдовымъ, съ указателемъ, дополненнымъ издателемъ, дѣйствительнымъ членомъ Вуколомъ Ундольскимъ. Добавокъ изъ замѣтокъ монѣ о земляхъ русанскихъ, соч. дѣйствительнаго члена Михайла Макарова. Граммата царя Петра I-го къ папѣ Милосентію XII; протоколъ засѣданія общества 23-го февраля 1846 года. — Къ этой книжкѣ приложенъ гравированный на мѣди снимокъ съ оглавленія книгъ и собственноручныхъ писемъ Медвѣдова на рускомъ и польскомъ языкахъ.

Г. Бѣлевъ въ «Очеркѣ исторіи древней монетной системы на Руси» коснулся довольно - важнаго и любопытнаго предмета въ руссой исторіи. При совершенномъ почти отсутствіи прямыхъ автописныхъ и другихъ свѣдѣтельствъ объ этомъ пунктѣ древней русской общественной жизни, авторъ долженъ былъ болѣею частію руководствоваться одними догадками, которыми, впрочемъ, онъ пользовался

довольно-уверенно. Онъ не могъ дать читателямъ полного, удовлетворительнаго разрѣшенія такого темнаго и неопредѣленнаго вопроса, каковъ вопросъ о нашей древней монетной системѣ. Но и тѣ скудные понятія, которыя онъ сообщаетъ о предметѣ своихъ изслѣдованій, могутъ быть довольно-значительны и полезны при устройствѣ еще состояннмъ нашей археологическимъ. Разсужденіе его можно раздѣлить на двѣ части. Въ первой части, онъ говоритъ о гривнахъ и куняхъ, во второй о рубляхъ. Последняя часть, какъ основанная на болѣе-правильныхъ и вѣрныхъ свидѣтельствахъ лѣтописцевъ, представляетъ болѣе положительныя свѣдѣнія. Монетная система гривнами, по мнѣнію автора, начинается, должно быть, въ древнемъ торговомъ Новгородѣ, откуда Варягами была распространена по всѣмъ городамъ древней Руси. Первоначально же, между мелкими славянскими племенами, она была совершенно-новозѣстна. Въ подтвержденіе своего мнѣнія, авторъ говоритъ, что вездѣ, гдѣ дѣло доходило до платежа даней въ Новгородѣ, лѣтописецъ прямо говоритъ о гривнахъ, а говоря о прочихъ племенахъ, оставляетъ платежъ неопредѣленнымъ. По однимъ свидѣтельствамъ, гривна была монетная единица изъ какого-либо извѣстнаго вещества; а по другимъ, счетъ или вѣсъ металла, или другихъ какихъ монетныхъ единицъ. Авторъ разрѣшаетъ это недоумѣніе тѣмъ, что гривна иногда принималась за единицу вѣса, а иногда какъ высшая счетная единица монеты; но, кажется, представляетъ онъ, нѣтъ возможности доказать, чтобы гривна была наличною ходячею монетою. Относительно вещества низшихъ монетныхъ единицъ, *куны, разанки, копейки, сажинцы, бѣлы и червонцы*, свидѣтельства также противорѣчатъ другъ другу: одни указываютъ, что эти монетныя единицы были шкурки разныхъ звѣрей, или лоскутки кнѣжъ-либо кожи; а другія, напротивъ, заставляютъ думать, что это были металлическіе представители

цѣнности. Г. Вѣловъ сверху утверждаетъ говорить, что *куны, разанки, бѣлы и копейки* были металлическіе; потомъ, черезъ нѣсколько строкъ, онъ уже соглашается на то, что они были двухъ родовъ: одни шкурчатыя, а другія золотыя, серебряныя и мѣдныя. Высшею монетною единицею въ древней системѣ была гривна; за гривною слѣдовали *куны*; послѣ *кунъ* должно оставить *разанки*; за тѣмъ *копейки, бѣлы и вѣтки*. Авторъ оканчиваетъ первую часть своего сочиненія замѣчаніемъ, что «вообще по открытымъ доселѣ источникамъ, древняя система остается еще довольно-неопредѣленною», и переходитъ къ второй, гдѣ онъ излагаетъ болѣе определенную рублевую систему.

Другая замѣчательная статья изъ Чтенійхъ—о Сильвестрѣ Медвѣдовѣ, принадлежитъ г. Ундольскому. Сильвестръ Медвѣдовъ, ученикъ Симоны Полоцкаго, извѣстный своею борьбою съ братьями Инхулами, основателями замоснасскаго училища при Феодорѣ Алексіевичѣ, обвиненный въ лжецѣствіи и казненный за свое еретичество, дѣлается теперь еще извѣстнѣе, какъ отецъ славянорусской библиографии. Этою высокою почестью онъ обязанъ г. Ундольскому, который обратилъ на него свое вниманіе по слѣдующему обстоятельству. Калайдовичъ, въ своемъ «Юаннѣ Экзархѣ Болгарскомъ», между прочимъ, сказалъ, что «нѣкто изъ приваляекавшихъ къ московской духовной типографіи, вѣроятно Политарновъ, въ любезномъ библиографическомъ сочиненіи, изданномъ въ XVII вѣкѣ, называющемъ: *Описание книгъ, кто ихъ сложилъ, также новѣстийъ ия нашего экзарха*». Г. Ундольскій, напротивъ, говоритъ, что это оглавленіе, въ которомъ выписаны начальные слова не только книгъ, но и статей, составлено не Феодоромъ Политарновымъ, а Сильвестромъ Медвѣдовымъ. Доказательства, которыя приводитъ г. Ундольскій въ подтвержденіе своего мнѣнія, заключаются въ томъ, что Политарновъ не былъ знакомъ съ нѣско-

російскимъ языкомъ и въ-особенности съ польскимъ, между-тѣмъ, какъ въ «Оглавленіи Книгъ» довольно-часто встрѣчаются слова польскія и правописаніе малороссійское, и что почеркъ оглавленія совершенно сходенъ съ собственноручными письмами Медвѣдева, находящимися въ библіотекѣ М. П. Погодина. Цѣль составленія «Оглавленія», вѣроятно, была та, чтобъ узвать, «кто которую книгу сложилъ и написалъ». Для переводовъ отцовъ церкви и издавнй ихъ необходимо было прежде узвать, что было сочинено и переведено, что напечатано и что нѣтъ, чтобъ не трудиться напрасну надъ переводомъ и издавнємъ. Медвѣдевъ мастерски взялся за это дѣло, и выполнилъ его наилучша-лучше. Въ библіографическомъ отношеніи, г. Ундольскій ставитъ его выше даже перваго нашего библіографа-критика, г. Востокова. Это «Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ» напечатано въ свѣдѣніяхъ «Чтеній».

196) Родословная Карта царствующаго дома Романовыхъ. Санктпетербургъ. Въ литографіи М. Тюлева. На одномъ листѣ.

Полезное пособіе для изученія фактовъ русской исторіи.

197) Карта Московскою Шоссе и Санктпетербургско-Московскою Желѣзной Дороги. Составлена(а) Павломъ Тешомъ. Санктпетербургъ. 1845.

198) Наглядное Начертаніе Канализаціи Россіи по новому способу изложенія (.) составлено Павломъ фонъ Тешомъ. Съ одобренія Военно-Топографическаго Депо. Санктпетербургъ. 1846.

Г. Тешъ отдалъ двумъ небольшимъ литографированными листками оказавъ значительную услугу русской публикѣ: въ первомъ изъ нихъ, въ очень-ясно виднѣе протяженіе и направленіе двухъ путей сообщенія между Москвою и Петербургомъ—шоссе и будущей желѣзной дороги, которая красною, почти-прямою полосою гордо идетъ отъ столицы къ столицѣ,

оставляя по сторонамъ своимъ шоссе гнуться и ломаться изгагами. На второмъ листѣ однимъ взглядомъ легко обозрѣть всякія сообщенія Россіи, которыя обыкновенно бываетъ такъ трудно удержать въ памяти, особенно учащемуся географу.

199) Частная Фармакологія, или Наука о Лекарствахъ, составленная докторомъ І. Фр. Зобергеймомъ, для академическаго и практическаго употребленія. Съ немецкаго, 5-го изданія, перевелъ, и съ некоторыми дополненіями издалъ ординаторъ Московскаго Военнаго Госпиталя, членъ Общества Русскихъ Врачей въ С. Петербургѣ, Михаилъ Вейсбергъ. Въ двухъ частяхъ. Часть вторая. Шестая тетрадь. Москва. Въ тип. В. Карилова. 1846. Въ 8-ю д. л. 371—614 стр.

Вышедшая нынѣ тетрадь заключаетъ въ себя: классъ XIII — щелочныя средства; классъ XIV — юрскія средства; классъ XV — алкующія средства; классъ XVI — слизнистыя средства; классъ XVII — жирныя средства; и наконецъ, классъ XVIII — сахарныя средства. А какъ этимъ выпускомъ оканчивается все изданіе «Частной Фармакологіи», то къ нему приложены: содержаніе 2-й части и общее, на латинскомъ и русскомъ языкахъ, Оглавленіе лекарствъ обѣихъ частей.

На оберткѣ этой шестой тетради г. Вейсбергъ объявляетъ, что обработанная имъ Токсикологія, или Наука о Ядахъ, выйдетъ отдѣльною книжкою, и что по выходѣ ея изъ печати, будетъ ей назначена особая цѣна; а на оберткѣ вышедшей въ сентябрѣ прошлаго 1845 года, г. Вейсбергъ обѣщавъ подарить намъ свою Общую Фармакологію.

Судя по обработкѣ совершеннаго г. Вейсбергомъ труда, мы смѣло можемъ надѣяться, что его «Общая Фармакологія» и «Токсикологія» заслужатъ, если не болѣе, то по-крайней-мѣрѣ такое же одобреніе врачебной публики, какъ и его «Частная Фармакологія».

Что книга г. Вейсберга заслужила полное одобрение всѣхъ врачей, легко доказывается уже тѣмъ, что все изданіе ея разошлось еще до выхода въ свѣтъ послѣдней тетради. И такой же, вѣроятно, успѣхъ г. Вейсберга будетъ имѣть и отъ слѣдующихъ изданій этой полезной и вѣстѣ для каждаго врача необходимой книги.

Недостатокъ частной фармакологіи на русскомъ языкѣ всегда у насъ былъ слишкомъ-ощутителенъ; но, къ сожалѣнію, до сихъ-поръ нельзя было его замѣтить, ибо до появленія «Частной Фармакологіи» Зоbergerейма, не было хорошаго, полного, всѣмъ потребнаго этой науки соответствующаго руководства, даже на иностранныхъ языкахъ. Вотъ почему изданіе этой книги на нѣмецкомъ языкѣ вышло въ короткое время уже въ пятый разъ. Подобная честь и удовольствіе достаются въ Германіи весьма немногимъ писателямъ. И потому, мы весьма-благодарны г. Вейсбергу за то, что онъ подарилъ Русскимъ такую хорошую книгу. Сличая нѣмецкій подлинникъ съ русскимъ переводомъ, мы съ удовольствіемъ замѣтили, что г. Вейсберга очень-удачно преодолѣлъ представлявшіяся ему почти на каждой страницѣ затрудненія въ переводѣ чуждаго изложенія Зоbergerейма. Удачно-прибравши или вовсе придумавши переводчикомъ терминологическія выраженія достойны полнаго уваженія. Притомъ переводчикъ, не довольствуясь однимъ оригиналомъ, очень-часто и дѣльно прибавлялъ отъ себя весьма-хорошія статьи, заимствуя ихъ, большей-частью, то изъ другихъ книгъ, то изъ нѣкоторыхъ медицинскіхъ журналовъ, преимущественно заграничныхъ. Его историческія свѣдѣнія при описаніи многихъ лекарственныхъ веществъ и этимологическія объясненія названій нѣкоторыхъ лекарствъ должны обратить на себя особенное вниманіе. Особую похвалу заслуживаютъ переводчикъ за прибавленныя имъ дѣйствительно новыя статьи: береза (*betula alba*) и бадага (*sprangia officinalis*), какъ лекарствен., болѣе у насъ въ

Россіи извѣстныя и общенародно употребляемыя. При выходѣ изданія тетради, намъ особенно пріятно было видѣть, съ какими стараніемъ и старательностью издавался этотъ переводъ. Вейсберъ бумаги, формата ея и шрифта вполне соответствуютъ назначенію сочиненія. Какъ книга эта предназначена между прочимъ и для руководства учащихся, то считая форматъ тѣмъ удобнымъ, что она удобоиздается самое изданіе; а притомъ — шила и раписъ — нѣрѣе достоинство всякаго преподаваемаго предмета. Но нашему мнѣнію, еще бы лучше и для многихъ удобнымъ было бы издать русское изданіе этой науки еще считая въ одной книгѣ.

200. Краткое свѣдѣніе о водолечебномъ заведеніи въ Лопухинкѣ. Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. Крайя. Въ 8-ю д. л. 8 стр.

Полагаемъ, что изъ всѣхъ свѣдѣній, заключающихся въ брошюрѣ, вышедшей въ свѣтъ подъ этимъ заглавіемъ, всего нужнѣе сообщить слѣдующее:

«Съ 1841 года со времени основанія водолечебнаго заведенія въ Лопухинкѣ, съ особеннымъ успѣхомъ лечены были слѣдующія болѣзни:

«Лихорадки: воспалительная, гастрическая, катарральная, ревматическая, нервная; воспаления: подреберной плещи, легкихъ, желудка; глаза: воспаленія, рожь, — завалы брюшныхъ внутренностей; ревматизмъ, мигрень, чресленная боль (*Lumbago*), нѣкоторые роды головныхъ болей; истерика и гипохондрія. Гемморой, маточное кровотеченіе, бѣлы, гоноррея, поллюція, *dysenteria*. Безпорядки женскихъ очищеній. Липкан, шугунитовость, чесотка. Дѣтскія немощи (*Chilblains*), золотуха въ разлитыхъ язвахъ (замокъ, широкое желѣзъ, касторъ, дымъ, касторъ), сифилитическая болѣзнь (особенно дѣтская), болѣзнь отъ злоупотребленія лекарствами преимущественно ртутными».

«Желающіе познакомиться съ Медициною Лопухинскаго Водолечебнаго заведенія, могутъ отсылать свои адреса или писемъ къ комиссіонеру этого заведенія Шиху».

лаю Ивановичу Дубкову, жительствующему на Васильевском острове въ 9 линіи близъ малаго проспекта въ домѣ Кривоногова № $\frac{110}{40}$. Медикъ по прибытіи въ С. Петербургъ не замедлитъ по присланнымъ адрессамъ, навѣстить желающихъ его видѣть. Желающіе же имѣть непосредственную переписку съ Медикомъ, благоволятъ адрессовать письма Его Высокоблагородію Егору Егоровичу Венцелю чрезъ станцію Косково въ Лопухинку.»

Жаль, что первое свидѣніе слишкомъ-кратко: болыные и заведеніе гораздо-болѣе выиграли бы отъ болѣе-подробнаго извѣстія о болѣзняхъ, лечиваемыхъ въ Лопухинкѣ, чѣмъ отъ описанія живописнаго мѣстоположенія этого помѣстья, о которомъ и безъ того много слышали всѣ петербургскіе жители и очень-многіе изъ иногородныхъ. Впрочемъ, мы увѣрены, что, по мѣрѣ возрастанія успѣховъ лопухинскаго водолебнаго заведенія, будутъ появляться и болѣе удовлетворительныя извѣстія о ходѣ тамошняго леченія.

201) Библиографическія Извѣстія о новыхъ вышедшихъ книгахъ въ Москвѣ, Санктпетербургѣ и друіихъ городахъ. 1846. Издаваемая книгопродавцемъ Н. Н. Улитиннымъ. Москва. № 1.

На листѣ этихъ «Извѣстій» напечатана сначала выписка изъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» о всѣхъ періодическихъ изданіяхъ, потомъ списокъ новыхъ книгъ и наконецъ объявленіе о книгахъ, продающихся въ книжномъ магазинѣ издателя. Почему первый номеръ вышелъ въ маѣ, а не въ январѣ, и почему библиографическимъ извѣстіямъ не выходитъ каждый мѣсяцъ, какъ дѣлается это г. Ратьковъ, прилагая библиографическія объявленія отъ своего магазина еженѣщично при каждой книжкѣ «Отеч. Записокъ»? Это лучше бы было для порядка и для счета.

202) Прогулки по Невскому-Проспекту. Санктпетербургъ. 1846. Мѣсяцъ Егора Расторгуева. Въ тип. К. Крайя. Въ 8-ю д. л. 151 стр.

Книга эта выпущена изъ типографіи еще въ концѣ прошедшаго года; но, неизвѣстно почему, въ продажу поступила она въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ. Мы сказали объ ней нѣсколько словъ въ декабрьской книжкѣ «Отеч. Зап.» за 1845 годъ. Теперь издатель публикуетъ объ ней вновь и какъ-будто требуетъ вниманія публики и критики.

Въ началѣ книги, сочинитель рассказываетъ, что нарочно съѣздили въ Петербургъ въ Кронштадтъ для того, чтобъ на возвратномъ пути оттуда «насладиться прежде всего очаровательною наружностью, которая представляется взорамъ путешествующихъ, когда приближается пароходъ къ Русской столицѣ». Но описавъ эту заѣзду, онъ объявляетъ, что не будетъ описывать красотъ, «давно уже исписанныхъ разными красками и разными кистями въ разныхъ живописныхъ путешествіяхъ». Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ было и рассказывать о своей выдумкѣ? Впрочемъ, этотъ же вопросъ невольно повторяли мы по прочтеніи каждой главы «Прогулокъ» и наконецъ, одолевъ всю книгу, готовы предложить его сочинителю въ такомъ видѣ: «зачѣмъ было писать вамъ *Прогулки по Невскому-Проспекту* и зачѣмъ издалъ ихъ г. Расторгуевъ? На это и сочинитель и издатель могутъ отвѣчать намъ, что они были каждый *въ своемъ правѣ*, первый — сочинять «Прогулки», второй — издавать. Но кромѣ этого имъ ничего нельзя отвѣтить. Читатели наши, вѣроятно, убѣдятся въ этомъ, если мы представимъ имъ обстоятельный отчетъ о содержаніи книги и приведемъ изъ нея какія-нибудь мѣста.

Отказавшись отъ впечатлѣнія, произведеннаго видомъ Петербурга при возвращеніи изъ Кронштадта, сочинитель возвращается къ описанію пассажировъ парохода и объявляетъ, что это были большею частію иностранцы — Французы, Нѣмцы, Англичане, Голландцы и Итальянцы, бѣжавшіе въ Россію обманывать туземцевъ и собирать дань съ *простоты и тщеславія*. Тѣмъ и оканчивается первая глава, которая

называется «Пароходъ» и которую мы готовы назвать увертюрой ко всему сочиненію. «Русскіе жители Петербурга просты и тщеславны, а иностранцы, прїѣзжающіе въ эту столицу по промышленнымъ дѣламъ—обманщики и шарлатаны»; вотъ основный мотивъ, повторяющійся почти въ каждой изъ 23 главъ «Прогулокъ».

Вторая глава, называющаяся «Дома для Прїѣзжающихъ», показываетъ, какъ содержатели гостинницъ въ Петербургѣ немилосердно-дорого берутъ за постоя съ прїѣзжающихъ. Это обстоятельство раздражило сочинителя «Прогулокъ» и вооружило его противъ Петербурга. На ту бѣду не нашлось человѣка, который объяснилъ бы ему, что та же исторія повторяется во всѣхъ столицахъ, и онъ начинаетъ сердиться на все, что видитъ въ Петербургѣ. Въ третьей главѣ, приступая къ описанію «квартиры прїѣзжаго», онъ мимоходомъ кольнулъ современную литературу слѣдующей фразой: «путешественникъ *мыслимъ* *тогда* всегда долженъ объяснить, что онъ ѣлъ, пилъ и прочее». Тоны вездѣ и во всякое время бываютъ разные, но если подъ словами «путешественникъ *мыслимъ* *тогда*» авторъ разумѣетъ писателя, рассказывающаго свои путевыя впечатлѣнія сообразно съ современными требованіями публики, то нельзя не замѣтить, что онъ сказалъ сущую неправду: теперь никто не читаетъ путешествій, въ которыхъ туристы рассказываютъ о своихъ обѣдахъ и завтракахъ. — Описать свою квартиру такъ, что читатель не видитъ въ ней никакой особенности, онъ рассказываетъ, какъ его осадилъ разнаго рода промышленники. Опять не случилось человѣка, который изъяснилъ бы ему, что и это обстоятельство повторяется всюду съ каждымъ путешественникомъ, прїѣзжающимъ въ какой-нибудь промышленный городъ. Сочинитель въ четвертой главѣ начинаетъ корить петербургскихъ жителей за совершенные пустяки,—за то, что они не знаютъ исторіи Невскаго-Проспекта и примыкающихъ къ нему

улицъ. Чтобы наказать ихъ, онъ самъ рассказываетъ эту исторію очень-сухо и утомительно и заключаетъ ее досадѣй на то, что нынче мало кто живетъ по-барски. Неудовольствовавшись этой томительной главкой, онъ также мало излагаетъ въ пятой главѣ «Географію и Статистику Невскаго-Проспекта». Послѣ этого, наконецъ, сочинитель поразвеселился и явился большимъ забавникомъ въ главѣ, называющейся «Климатологія Невскаго-Проспекта»: надъ петербургскимъ климатомъ подсмѣивается онъ очень-затѣйливо; но его словамъ, онъ гораздо *молызмѣльнѣ* всякихъ заграничныхъ цѣлебныхъ водъ. Правда! «А тѣмъ болѣе», присовокупляетъ сочинитель, «элексиры, привозимыхъ къ намъ изъ Парижа и Богъ-знаетъ откуда!». Что и говорить!

За симъ нѣсколько главъ посвящается, какъ излагаетъ сочинитель, *мравамъ* Невскаго-Проспекта; но какъ угодно, это не называется *мравоописаніемъ*: послѣднее предполагаетъ какія-нибудь оригинальныя черты, а въ описываемомъ въ «Прогулкахъ» нѣтъ ровно ничего оригинальнаго. Напрасно сочинитель безпрестанно повторяетъ, что нигдѣ въ мірѣ нѣтъ того, что происходитъ на Невскомъ-Проспектѣ, ибо самъ-то онъ замѣчаетъ только такія черты, которыя свойственны всѣмъ столицамъ гуляющимъ: въ каждой столицѣ есть большая улица, гдѣ каждый день прогуливаются люди праздные или отдыхающіе отъ занятій, улица, на которой сосредоточиваются самыя блестящія магазины и появляются самыя свѣтскія моды. На-примѣръ, все, что говорится авторомъ «Прогулокъ» о Невскомъ-Проспектѣ въ главахъ девятой, десятой и одиннадцатой, можетъ быть примѣнено и къ парижскимъ *булеварамъ*. Затѣвая и оригинальная мысль сочинителя начинается развѣтриваться съ двѣнадцатой прогулки. Это та мысль, которую выше назвали мы преобладающей тѣмой всего произведенія. Вотъ содержаніе остальной его части.

Прогулка XII. Жители Петербурга разстрѣиваютъ свое здоровье болѣе

всего кондитерскими сладостями и различными лекарствами.

Прочулка XIII. Въ петербургскіа увеселенія стоятъ денегъ, которыя идутъ къ иностранцамъ.

Прочулка XIV. Французскіе модные магазинщики и магазинщицы умѣютъ отлично обдѣлывать свои дѣла, умѣютъ сдѣлать себя необходимыми для публики Невскаго-Проспекта и собирать съ нея огромныя деньги.

Прочулка XV. Кофе-Рестораны, содержимыя иностранцами, заключаютъ въ себѣ всѣ гастрономическія тонкости; за то дорожаютъ ужасно.

Прочулка XVI. Мы не хотимъ курить русскихъ сигаръ, и потому платимъ очень-дорого за сигары заграничныя, изъ которыхъ нѣкоторые сорта дѣлаются изъ русскаго табака, вывозимаго за границу ежегодно на сотни тысячъ рублей.

Прочулка XVII. Не малое разореніе причиняютъ фруктовыя лавки, въ которыхъ можно во всякое время достать всѣ естественныя произведенія земнаго шара.

Прочулка XVIII. Подъ названіемъ иностранныхъ винъ продается у насъ обманомъ въ три-дорога множество вина исключительно *аризотовленія*.

Прочулки XIX и XX. Кофѣры и портные изъ Парижа — просто разорители.

Прочулка XXI. Спрашивается: отъ-чего мы любимъ покупать иностранныя товары въ иностранныхъ магазинахъ и избѣгаемъ своихъ отечественныхъ? Авторъ сначала говоритъ, что мы уже сравнялись въ промышленномъ развитіи съ иностранцами и во многихъ отрасляхъ промышленности далеко превосходимъ ихъ. А взгляды за этимъ положеніемъ встрѣчается въ книгѣ его слѣдующее мѣсто:

«Для чего Петербургскому купечеству не учредить, подобно московскому, русскаго общескладочнаго магазина? — и составить его, разумѣется, изъ издѣлій только русскихъ фабрикъ и заводовъ, гдѣ бы производилась торговля одними русскими, безъ запроса и безъ еяской ит. XLVI. — Отд. VI.

продовы. Опасаться нечего, что при открытіи лавокъ съ «Русскими» товарами и на такомъ основаніи, публика не будетъ покупать. Въ Москвѣ продажа идетъ съ такимъ успѣхомъ въ томъ магазинѣ, что ежедневно продается болѣе чѣмъ на пять тысячъ рублей. — И не мудрено, стоитъ завести *благородный порядокъ продажъ. Публика будетъ уважать его.* Разумѣется, если будутъ съ своей стороны и торговцы поддерживать тотъ порядокъ, *аккуратность и добросовѣстность.*

«Учредить такой магазинъ, надо будетъ торговать, продавать и показывать товары «не по нынѣшнему»; но помнить цѣль этого заведенія и то, что русское купеческое сословіе уважаемо нынѣ всѣми.

«А сознательно сказать, да кто и не знаетъ, кто не понимаетъ отчего терять торговый русскій классъ уваженіе въ глазахъ иностранцевъ и своихъ русскихъ. Кто не знаетъ и не испыталъ нѣкоторыхъ торговыхъ «обычаевъ» русскихъ продавателей, не слишкомъ благовидныхъ, или лучше сказать, достойныхъ всякаго порицанія. Заманивать покупателей въ лавку; имѣть лавку темную, дабы не различить доброты и даже цѣта матеріи; запрашивать гораздо дороже; божиться, показывать даже книги объ истинной цѣнѣ товаровъ, а потомъ, вопреки божбѣ и книгамъ, къ изумленію покупателя, отдавать товаръ будто бы ниже цѣны, самому себѣ стоящей; показывать товаръ хорошей вѣстѣ съ худымъ, даже иногда подмѣнять хорошей худымъ, продавать русское за иностранное, божиться, что товаръ англійскій, французскій, персидскій, продавать дешевле за подлинное, и во всемъ увѣрять божбою и клятвою, а особенно смотря по званію и свойству покупателя. Во многихъ лавкахъ бывалъ еще обычай при дешевой цѣнѣ, данной покупателемъ, дѣлать ему разныя грубости и невѣжливости. Или какойнибудь купчикъ, одѣтый какъ Dandі (у), приглашаетъ дамъ въ лавку, имѣя въ рукѣ стаканъ чая, или сайку, или полу-сѣдѣнный пирогъ, съ котораго каплетъ масло!!! Надо вспомнить, что у насъ видны и двойкіе итри и двойные аршины... Разумѣется, попеченіями правительства все это истреблено, а изъясненные «обычаи» уже оставлены главными продавцами; однако же не у всѣхъ еще торговцевъ. Взгляды на лавки Щукина двора, платенныя, ижовыя и прочія, цар-

ствующая въ нихъ темнота и заѣшан-
ныя силою окна, и домышлѣ не такъ-то
хорошо рекомендуютъ русскихъ торго-
вцевъ среднихъ и низшихъ лавокъ...

«Теперь ничего этого нѣтъ въ гостин-
номъ дворѣ. Но отъ этихъ дѣловскихъ и
отцовскихъ обычаевъ, при всей вышѣ-
ней добросовѣстности русскихъ гостинно-
дворцевъ, при всемъ изящномъ качествѣ
товаровъ во многихъ русскихъ лавкахъ
въ гостинномъ дворѣ, при явной умѣрен-
ности цѣнъ противу иностранныхъ мага-
зиновъ, прежніе обычаи русскихъ торго-
вцевъ и до-сихъ-поръ отвращаютъ публи-
ку отъ русскихъ лавокъ. Цѣликомъ и до-
сихъ-поръ охотѣе довѣрять свои требо-
ванія и кошельки иностраннымъ продав-
цамъ, охотѣе передаетъ имъ за товары
лишніе деньги, и даже охотѣе желаетъ
вѣрить, что хотя иностранцы и дороже
возьмутъ, но по крайней мѣрѣ не прода-
дутъ дурнаго за хорошее.

«Неужели при вышнемъ образова-
ніи, при вышнемъ устройствѣ торговой
части, неужели нельзя измѣнить, истре-
бить этого предубѣжденія, этого мнѣнія
русскихъ, къ стыду нашему, о русскихъ
торговцахъ?—Нѣтъ можно! *Нужно толь-
ко вспомнить, чѣмъ иностранцы умѣли
снискать себѣ довѣріе и самое уваженіе
русскихъ? Своєю аккуратностью, своимъ
поведеніемъ и добросовѣстностью.* Неуже
ли же русскимъ торговцамъ мудрено вве-
сти и у себя такіе же правила? Послѣдуя
имъ, и они приобретутъ отъ всѣхъ довѣ-
ріе и уваженіе своему званію. Стоитъ за-
топѣть и постоянно стремиться къ пред-
положенной цѣли.» (Стр. 119, 120 и 121).

Спрашиваемъ: не разрушаетъ ли со-
чинитель этими тремя дѣльными стра-
ницами всей остальной своей филип-
пики противъ иностранцевъ, торгую-
щихъ въ Петербургѣ?

Въ XXII главѣ, посвященной опи-
санію Каванскаго-Собора, нѣтъ ни од-
ного новаго замѣчанія, и старое вы-
сказано безцвѣтно.

Последняя прогулка очень-эффектна.
Авторъ проходитъ Аничковъ-Мостъ и
быстро доходитъ до кладбища Невска-
го-Монастыря. Подъ вліяніемъ этой
мѣстности, онъ оканчиваетъ свои
«Прогулки» слѣдующимъ размышле-
ніемъ:

«Сколько тысячъ тысячъ народа всякой
день, всякой часъ движется и дѣйствуетъ
по Невскому-Проспекту,—всѣ они рано или
поздно, здѣсь или въ другихъ мѣстахъ,
наслаждаются покоемъ; но изъ такого мно-
жества тысячъ, многихъ ли людей имѣла
будутъ жить въ потомствѣ и благословлять-
ся въ памяти народной?»

Правда; да кто жъ этого не знаетъ?

203) *Русскій Путеводитель за
Границею. Санктпетербургъ. 1846.
Въ тип. И. Фишона. Въ 12-ю д. л., на
580 стр*

Русская публика получила въ по-
слѣднее время сильное и основательное
предубѣжденіе противъ «путешествій»,
пишущихся у насъ съ ученою или ху-
дожественною цѣлью, и рѣшилась на-
конецъ не иначе покупать книги го-
спода туристовъ, какъ по отобраніи
подробныхъ свѣдѣній о содержаніи
этихъ книгъ. Слѣдующіе увѣдомить, что
«*Русскій Путеводитель*» составляетъ
безъ всякихъ претевзій на учебное или
художественное достоинство и напоми-
наетъ собою хорошіе иностранные «га-
ды»: въ немъ есть все, что нужно знать
путешественнику, отправляющемуся
изъ Россіи въ Парижъ и чего не мо-
жетъ онъ знать изъ географическихъ и
статистическихъ курсовъ.

Пріятно видѣть трудъ, добросовѣст-
но исполненный, хотя и не требующій
никакого литературнаго таланта. Ес-
либъ всякій человѣкъ зналъ мѣру сво-
ихъ силъ и трудился сообразуясь съ
ними, тогда былъ бы на землѣ настоя-
щій золотой вѣкъ. Вѣдь вотъ, на-приим.,
«*Русскій Путеводитель*»: чѣмъ не по-
лезный и не похвальный трудъ? А все-
таки самое утѣшительное въ немъ то,
что составитель его, не обманывая се-
бя мечтами о высшемъ призваніи и со-
знавая, что всякій честный трудъ до-
стоинъ уваженія и вознагражденія,
обложился русскими газетами и ино-
странными «Путеводителями» и опре-
дѣлилъ себя на составленіе безукоры-
ненной компіляціи. Хвала его скром-
ности и трудолюбію! Плодъ ихъ будетъ
сладокъ для русскихъ путешественни-
ковъ...

204) О Художествѣ и Ремеслахъ. *Разсужденіе* Корнилія Тромонина. Москва 26 января, 1846 года. Москва. Въ университетской тип. 1846.

Г. Тромонинъ въ своемъ разсужденіи высказываетъ ту мысль, что и ремесленникъ можетъ и долженъ быть такимъ же художникомъ, какимъ бываетъ поэтъ, музыкантъ, живописецъ, архитекторъ и другіе. Въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представляетъ себѣ художество, его мысль имѣетъ въ некоторую основательность. По его понятіямъ, художество есть не больше, какъ умѣнье сдѣлать хорошо, удобно, пріятно какую-нибудь вещь. Въ такомъ смыслѣ, конечно, хорошій сапожникъ можетъ смѣло стоять наравнѣ со всѣми знаменитыми артистами.

205) Художественный Литографическій Альбомъ. *Изданъ трудами и тиснаніемъ любителей изящныхъ искусствъ и изданіемъ* Корнилія Я. Тромонина. Москва.

Шестнадцать картинъ составляютъ этотъ альбомъ. Рисунки и гравированіе ихъ на камнѣ принадлежатъ разнымъ лицамъ. Вотъ содержаніе альбома: Воскресеніе Христово; Коронованіе Божіей Матери; Видъ Церкви; Видъ Спасо-Андроникова Монастыря; головка старика; старикъ сидящій; видъ деревни; мальчики катаются; Стоячіе; на конѣ запряженномъ въ сани выѣзжаетъ кучеръ (?); домики сельскій; сельскій видъ; постоялый дворъ; Тихвинская лодка; заглавный листъ; поздравленіе. Г. Тромонинъ прибавилъ къ оглавленію статей свое замѣчаніе, малопонятное, можетъ-быть, по мистической мысли, а можетъ-быть и по плохому выраженію. «Одна любовь къ искусству» говоритъ онъ: руководила при составленіи этого альбома, и потому здѣсь никто не думалъ ни соперничествовать, ни мѣряться силами дарованій. Никогда такъ не оживлялся искусства, какъ въ то время, когда между художниками существуетъ общія любовь и единодушіе. Начнемъ сближаться съ этого (съ чѣмъ?), если угодно, и

пойдемъ далѣе. Куда пойдемъ и за чѣмъ пойдемъ? Всего удивительнѣе, что вслѣдъ за мистическимъ призываніемъ, господинъ художникъ продолжаетъ: «Наша мысль кажется понятною (!), мы ее осуществляемъ въ сей незабвенный день Свѣтлаго Христова Воскресенія, съ коимъ поздравляемъ всякаго». А! вотъ это ясно! авторъ хочетъ съ нами похристосоваться: за нами дѣло не станетъ — извольте: «воистину воскресе!»

206) Архитектурныя Фантазіи К. Шрейдера. *Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній.*

Къ этому выпуску «Фантазій» приложено слѣдующее «увѣдомленіе»:

«Желая угодить почтеннѣйшей публикѣ доставленіемъ ей Архитектурныхъ Фантазій, за цѣну болѣе для всѣхъ доступную, я взялъ на себя трудъ измѣнить первый планъ этого изданія уменьшеніемъ рисунковъ (какая угодливость!), такъ что всѣ рисунки, слѣдовавшіе издать (?) въ послѣднихъ трехъ выпускахъ, заключаются нынѣ въ одномъ этомъ второмъ выпускѣ, съ прибавленіемъ даже нѣсколькихъ рисунковъ противъ перваго плана», и проч.

Прошу понять, чѣмъ именно угодила г. Шрейдеръ почтеннѣйшей публикѣ: уменьшеніемъ ли предположеннаго числа рисунковъ, какъ сказано въ началѣ періода, или увеличеніемъ его, какъ сказано далѣе? Не хотѣлъ ли онъ позабавить ее своимъ «Увѣдомленіемъ»? Или это такъ — фантазія?

207) Библиотека для Воспитанія. *Изданіе* Августа Семена. Отдѣленіе второе. Часть III. Годъ второй. Москва. Въ тип. А. Семена. 1846. Въ 12-ю д. л. 107 стр.

Въ этой книжкѣ содержатся три статьи: На чемъ должна основываться наука воспитанія? (П. Рѣдкина); О преподаваніи русскаго языка и словесности, статья I (Н. Билевича); О чтеніи, статья I (Ю. Фелькеля).

Первая статья есть краткое извлеченіе изъ книги Браубаха, директора новой Гиссенской Реальной Гимназіи: «Fundamentallehre de Pädagogik». Верховное начало педагогики Браубахъ выражаетъ такъ: «Воспитывай такъ,

чтобъ твой воспитанникъ становился собственнымъ своимъ воспитателемъ». Книга автора, равно какъ и статья г. Рѣкина, имѣетъ предметомъ объяснить, оправдать и развить основное педагогическое начало. Подобныя изложенія очень-полезны, тѣмъ болѣе, что педагогическихъ сочиненій у насъ почти вовсе нѣтъ.

Г. Фелькель изложилъ, по Дистервергу, законы и правила чтенія. Законы чтенія раздѣлены имъ на два разряда: логическіе и фонетическіе; или, обративъ вниманіе на удареніе, различающія три стіиха чтенія: динамическую, мелодическую, ритмическую. Въ первой статьѣ, авторъ говоритъ о первой степени чтенія — механической, гдѣ началъ объяснять *чтеніе по звукамъ*, показывая преимущества звуковой метода предъ методой буквичной, т. е. предъ обученіемъ *чтенію по складамъ*. Статья полезная, потому-что и этотъ предметъ, то-есть различныя методы обученія чтенію, у насъ почти еще новый.

Къ-сожалѣнію, не можемъ мы того же сказать о статьѣ г. Билевича, которая не только-что бесполезна, но даже сильно компрометируетъ издателей «Библіотеки для Воспитанія», выказывая ихъ малую разборчивость въ печатаніи статей. Книжки, назначаемыя для воспитателей, должны состоять изъ замѣчаній дѣльных, показывать въ авторѣ человѣка, знающаго свой предметъ; здѣсь редакція можетъ и должна быть взыскательнѣе, отбросивъ вредную, хотя и деликатную снисходительность. Если бъ г. Билевичъ представилъ просто исповѣдь своихъ учительскихъ знаній, пріобрѣтенныхъ имъ въ теченіе извѣстныхъ лѣтъ дѣятельности, мы не сказали бы ни слова, а развѣ только упрекали бы автора за излишнюю и поспѣшную откровенность, отъ которой ни кому ни тяжело, ни сытно. Охота же ему, подумали бы мы, дѣлиться съ своими собратами по званію тѣмъ, что каждый изъ нихъ узналъ еще въ первоначальные годы своего коприща! Но если эта исповѣдь

принимаетъ характеръ совѣта, наставленія, правила въ ученіи, если авторъ свою учительскую опытность и свои знанія считаетъ уже достаточными для того, чтобъ руководствовать опытность чужую, настраивать знанія другихъ, и между-тѣмъ самъ дѣлаетъ непростительныя ошибки противъ русскаго языка — того предмета, въ которомъ взялъ роль руководителя, тогда ужъ, извините, дѣло выходитъ совсемъ другое: мы обязаны быть взыскательными и строгими, если редакція «Библіотеки» не хотѣла бытъ встать взыскательной и справедливо-строгой.

О статьѣ г. Билевича можно сказать то же, что одинъ остроумный человѣкъ сказалъ о книгѣ какого-то плохого автора: «все хоршее въ ней не ново, т. е. извѣстно всякому добродѣтельному учителю, читавшему хоть «Грамматику» Востокова, все новое нехорошо, т. е. такого свойства, что добродѣтельные учителя не должны знать этого. Пробѣжимъ ея содержаніе.

И въ первомъ и во второмъ курсѣ г. Билевичъ думаетъ занимать своихъ учениковъ только этимологією. Второй курсъ отличается болѣе-подробнымъ изложеніемъ: такъ, напр., онъ хочетъ «объяснить» учащимся о происхожденіи славяно-русской азбуки и *перемѣнахъ черка церковнаго на гражданскій* (стр. 71). Здѣсь дѣло нисколько не касается исторіи азбуки, потому-что она вовсе извѣстна и даже вѣдома ученику изъ сравнительно-исторической грамматикѣ. Вѣроятно, во второмъ же курсѣ, г. Билевичъ намѣренъ показать, какъ глаголъ *объяснять* требуетъ дополненія въ предложномъ падежѣ: *объяснять о происхожденіи и перемѣнахъ!* До сихъ поръ, никто не дерзалъ на подобную постройку фразы. Это, видно, новое открытіе, долженствующее обогатить синтаксисъ особеннымъ правиломъ управленія глаголовъ. Кромѣ того, во второмъ курсѣ, г. Билевичъ приводитъ ученикамъ правила грамматикѣ въ совершенное сознаніе: «Объясняйте имъ значеніе рода» говоритъ онъ «и скрѣ-

«*скажи отъ лица происхождения рода: то-
гда онъ (кто? родъ?) пойметъ раздѣленіе
на роды, пойметъ и родъ общій. Здѣсь
же прибавьте правило объ образованіи
рода женскаго отъ именъ мужскаго
рода*» (стр. 75 и 76). Любопытно бы
знать: кто пойметъ раздѣленіе на ро-
ды? Изъ конструкціи рѣчи видно, что
пойметъ онъ; но кто именно этотъ онъ—
неизвѣстно. Впрочемъ, дѣло въ дѣлѣ:
очевидно, авторъ говоритъ о родѣ, по-
тому что въ одномъ коротенькомъ пе-
риодѣ употребляетъ его шесть разъ,
деликатно замѣчая, что преподаватель
не долженъ скрывать отъ дѣтей проис-
хожденія рода. И къ чему же въ са-
момъ дѣлѣ скрывать? Развѣ тутъ есть
что-нибудь неприличное? — Въ томъ
же курсѣ, г. Билевичъ, какъ заботли-
вый педагогъ, предостерегаетъ, чтобъ
дѣти, изучая уличительныя имена,
не говорили: милый Ванюшка, некродный
Ванюшка (стр. 76), т. е. чтобъ дѣти не
ругались между собою, — и дѣло: это
значитъ соединять воспитаніе съ пре-
подаваніемъ, въ чемъ, какъ извѣстно,
состоитъ высшая задача педагога. Тутъ
же, по жѣнію г. Билевича, «весьма
важно объясненіе степеней значенія»
(стр. 77). Должно быть важно, потому
что степені значенія — предметъ въ
грамматикѣ вовсе-неизвѣстный и даже
небывалый. Но продолжаетъ авторъ:
«особеннаго вниманія заслуживаютъ
въ этомъ отдѣлѣ неправильно назван-
ныя числительныя и числительныя
склоненія» (id.). Разумѣется, особен-
наго вниманія, потому что о числитель-
номъ склоненіи никто еще и никогда не
говорилъ, отъ сотворенія грамматики.
Вообще, второй курсъ г.-на Билевича
чрезвычайно-интересенъ во оригиналь-
ности и новості фактовъ. «Во второмъ
курсѣ я допускаю» говоритъ онъ:
«письменные упражненія; и онѣ со-
стоять могутъ тоже изъ разсказовъ,
но писанно уже читаннымъ имъ (ко-
му? письменнымъ упражненіемъ?) ко-
торый» (стр. 82). Опять любопытнѣй-
шая вещь! Г. Билевичъ учитъ читать
исключительно писанно. Что же касается до
словечка имъ, то оно, вѣроятно, объ-

ясняется тогда, когда авторъ предло-
жить свое ученіе о ошибкахъ. — Ка-
сательно орфографіи, г. Билевичъ пре-
имущественно соотвѣтствуетъ «составлять
особенныя задачи или примѣры, на-
прочно съ ошибками правописанія, для
ученическихъ поправокъ и еще болѣе
для того, чтобы приучить ихъ: (кого?
поправки?) объяснять самыя правила»
(стр. 81). Разумѣется, всякая метода
хороша, если ведетъ къ желаемой цѣ-
ли. Но, какъ говорить, привычка вто-
рая натура; почему и думаемъ, что
постоянно вѣситься съ ошибками опас-
но, не только ученику, но даже учи-
телю: можно къ нимъ нечувствительно
привыкнуть. Вотъ вамъ доказательство
самое очевидное: еслибъ мы не знали,
что г. Билевичъ въ статьѣ своей учитъ,
по его собственнымъ словамъ: «мы-
слить, рассуждать и умѣть выражать
всѣ мысли (понимая, — говоритъ г.
Билевичъ въ скобкахъ — правильно),
то непремѣнно замѣтили бы вліяніе
его исправительной методѣ ошибокъ
въ слѣдующемъ періодѣ: если они
(безличныя глаголы) и встрѣчаются,
то ученику, какъ Русскому, легко оъ
ними справиться, называя ея (т. е.
ученика?) по выданъ и наклоненіямъ и
не примѣчая даже, какія онѣ (оная
ученики) дѣлаютъ отступленія отъ об-
щихъ правилъ» (стр. 69 и 70). Ну,
какъ тутъ поправить? А безъ непра-
ви смысла выходитъ Богъ-знаетъ ка-
кой! Какъ же это можно, чтобъ учи-
тель не примѣчалъ даже, какъ ученикъ
отстаетъ отъ общихъ правилъ, т. е.
дѣлаетъ грамматическія ошибки? —
Впрочемъ, насколько не удивительно,
что г. Билевичъ во второмъ курсѣ вы-
казываетъ такія строгія требованія: во
его методѣ, уже и въ первомъ курсѣ
ученики должны заниматься и древо-
стѣями, и филологіей, и даже нѣмец-
кою мисологіею по источникамъ, да
еще и это, по его методѣ, только са-
база въ чтеніи, отдыхъ всѣмъ труда.
Если вы не вѣрите, то вотъ слова г.
Билевича: «я и оригинальныя (?) сло-
ва Грининовъ, нашего Одолевскаго и
нѣкоторые изъ французскихъ допу-

«стѣль бы только какъ забаву въ чтеніи, какъ отдыхъ послѣ труда». Прекрасная забава и полезный отдыхъ, потому-что нѣкоторые изъ нѣмецкихъ сказокъ, собранныхъ Гриммомъ, цѣлкомъ входятъ въ археологію и міеологію! Въ своей нѣмецкой міеологіи, Яковъ Гриммъ самъ часто на нихъ ссылается.

Вотъ еще нѣсколько выдержекъ, показывающихъ глубокія знанія г. Билевича въ отечественномъ языкѣ: «по стараюсь объяснить методу, мною разѣ употребляемую мною въ маленькихъ (?) классахъ» (стр. 51 и 52). «Не обходимо ему (ученику) указать обыкновенную форму окончаній многократнаго глагола на *вать*» (стр. 66): гдѣ же *вать*? — На страницѣ 68, отъ глагола *подвизать* г. Билевичъ произвелъ будущее *подвишу*. На страницѣ 69, читаемъ: «заставляя его (ученика) по нѣсколько разъ переимѣнять одинъ и тотъ же глаголъ». На страницѣ 82, выдумана небывалая книга: «Пантеонъ Великихъ Мужей», сочиненная будто бы Бавтышъ-Каменскимъ. На страницѣ 82, авторъ находить въ нашей литературѣ всего-на-все только *двадцать* легкихъ стихотворныхъ пьесъ, годныхъ для ученія наизусть дѣтямъ. Какія обширныя повитія въ литературѣ!

Любопытно знать, для какихъ воспитателей редакция «Библиотеки для Воспитанія» помѣстила статью г. Билевича? Развѣ можетъ учить другихъ словесности тотъ, кто самъ пишетъ такъ, какъ г. Билевичъ?

208) Анекдоты Наполеона, съ очеркомъ его жизни, коронаціи, погребенія, духовнаго завѣщанія, поэтическія воззванія его къ войску и письма къ разнымъ извѣстными особамъ Европы. Собралъ А. С. въ двухъ частяхъ. Изданіе второе. Москва. Въ тѣхъ. Николай Степанова. 1846.

Кому вѣчего читать, тотъ можетъ прочитать и эти анекдоты. Они интересны особенно потому, что писалъ ихъ самъ Наполеонъ, какъ говоритъ заглавіе, а г. А. С. только собралъ ихъ

и передалъ въ свѣтъ уже вторымъ изданіемъ.

209) Два Водевила: «Нечего Дѣлать» и «Жена и Карты». Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. Въ 16-ю д. л. 191 стр.

Первый водевилъ переведенъ съ французскаго г. П. Каратыгиннымъ; второй сочиненъ П. И. Г.—Первый довольно-забавенъ; да и второй не совсемъ-скученъ. А вотъ удивительное изданіе:

210) Женить въ Отставкѣ или любовь всему научить. Шутка-водевилъ въ одномъ дѣйствіи. Соч. П. Татаринова. Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи. Въ 16-ю д. л. 43 стр.

Г. Татариновъ немногими словами опѣнилъ трудъ свой въ посвященіи Его Высочайшему Великому Терентію Ивановичу Трону.

«Милостивый Государь!

Терентій Ивановичъ.

«Вполнѣ чувствуя доброту Вашего сердца, лишь себя пріятною надеждою, что вы не откажетесь принять благосклонно литературный бредъ моего воображенія, какъ знакъ благодарности за милости, коими я не перестаю пользоваться, находясь подъ вашимъ покровительствомъ.

«Примите увѣреніе» и проч.

Само собою разувѣется, что «Женить въ Отставкѣ», какъ бредъ воображенія г. Татаринова, не подлежитъ никакой критикѣ. Замѣтимъ, что автору помогали бредить корректоръ и наборщики...

211) Прокказы Влюбленныхъ на Козьмѣ Болотѣ. Шутка-водевилъ въ одномъ дѣйствіи. Соч. П. Татаринова. Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи. Въ 16-ю д. л. 32 стр.

Хотя здѣсь и нѣтъ оговорокъ, что это тоже литературный бредъ, однакожь читатель легко убѣдится въ томъ съ первыхъ страницъ водевила, и безъ сомнѣнія пожалѣетъ, что бѣдственныя припадки такъ часто повторяются съ авторомъ «Жениха въ Отставкѣ».

212) **Павелъ Павловичъ Никитинъ, русскій художникъ.** Историческаго былъ въ одномъ дѣйстви, съ прологомъ изъ времени Петра Великаго. Сочиненіе артиста Императорскихъ Санктпетербургскихъ Театровъ. А. П. Славина. Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. К. Жернакова. Въ 12-ю д. л. 96 стр.

«...Страдать и страдать всю жизнь — вотъ удѣлъ бѣдныхъ художниковъ. — Ха, ха, ха! завидный, утѣшительный возвратъ на родину, — когда думалъ я, что безпрерывными усиліями и неуспѣшными трудами достигъ желаемой цѣли — провести остатокъ жизни въ довольствѣ и спокойствіи; когда надѣялся окружить всѣми удобствами жизни милую подругу моей жизни, — когда утѣшался, представляя себѣ послѣ безсонныхъ ночей прекрасное будущее... о! сердце мое разрывается отъ боли... люди! люди! какъ страшно и безжалостно назвергли вы меня съ высоты моихъ надеждъ, — и за что же? Боже мой! за что? за то, что я какъ доврчивое дитя, хотѣлъ отдать вамъ полсердца моего, — лучшія произведенія моего воображенія... о, слава, слава! талантъ, искусство! и я вѣровалъ въ васъ! — вы, какъ безсмертіе, звучали въ ушахъ моихъ, — для васъ я по камлѣ источалъ жизнь свою... и между тѣмъ, что такое вы? прыгающие марионетки, — Арлекинъ передъ толпою черни, которую веселитъ онъ прибаутками и дразнитъ лзыками. О, Господи! спаси меня! какое будущее ждетъ меня?! пройдетъ недѣля — и я, быть можетъ, безъ крова, безъ куска хлѣба; — батюшка умереть опозоренный, въ острогѣ; Маша засохнетъ съ грусти и отчаянія... и всѣмъ этимъ обязанъ я моей роднѣ... ха, ха, ха! славно, славно; люди! благодарю васъ! и это называютъ жизнью! чудная, завидная жизнь! мечты, мечты мои, гдѣ ваши пророчества? все обманъ, ложь, обольщеніе, — да гдѣ же хоть вы то бывлые мечты мои, — все исчезло, все оставило меня... такъ ко мнѣ жъ вы, друзья мои: горе и отчаяніе, — скорый, сюда! любю, согласно заживемъ мы съ вами, — весело откликнусь я на призывъ вашъ, безболзненно понесусь съ вами по пути мнѣ назначенному и — насмѣшливо пропую папизмъ прошедшему моему счастью... (горько плачетъ) О, надежды человѣческія, да что же вы такое?»

Такъ говорилъ во время Петра Ве-

ликаго возвратившійся изъ Италіи молодой русскій художникъ Павелъ Павловичъ Никитинъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ выучился говорить такъ не въ Европѣ, а въ разныхъ драматическихъ фантазіяхъ, въ которыхъ художники и другіе непрізнанные гении выражаютъ свои пустопорожныя мысли еще замысловатѣе...

213) **Иванъ Семеновичъ Хватайкинъ.** Комедія водевилъ въ одномъ дѣйстви. Сочиненіе Н. М. л. е. а. Санктпетербургъ. 1846. Во французской типографіи. Въ 8-ю д. л. 39 стр.

Сколько въ «были» г. Славина удивляетъ васъ образованный человѣкъ, который постоянно несетъ ужасную путаницу, столько же въ «Иванѣ Семеновичѣ Хватайкинѣ» удивитъ васъ пьяница-лакей, котораго рѣчь отзывается остроуміемъ нѣкоторыхъ фельетоновъ. Вотъ онъ между прочимъ поетъ: —

Купнамъ смѣкать бы барыши,
Такъ пѣтъ, ихъ одолѣло чванство,
И покрупнѣе торгаши
Все лѣзутъ въ мелкое дворянство;
Въ чины выводятъ сыновей,
Притомъ, держаса правилъ модныхъ,
Ужъ выдаютъ и дочерей
Въ замужство все за благородныхъ;
Свое имъ званье — тринь-трава,
Все къ верху тянутся, ей Богу!
И вотъ Градской здѣсь Голова
Живетъ на барскую ужъ ногу,
По мнѣ жъ, коль барится купецъ,
Пустымъ надувшись благородствомъ,
Какъ разъ продается въ концѣ
И кончитъ навѣрняка банкротствомъ.

214) **Искусство Толковать Сны.** Подробное изясненіе всѣхъ сновъ, видѣній, привидѣній, съ приложеніемъ исторіи знаменитыхъ сбывшихся сновъ. Украшенное 120 политипажжами, гравированными въ Парижѣ. Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. К. Жернакова. Въ 16-ю д. л. 125 стр.

Да это мистифицизмъ въ полной формѣ! и чуденъ, и себѣ-на-умѣ, и ничего не разберешь, что онъ глаголетъ. Вотъ кое-что изъ предисловія:

«Сонъ и сновидѣнія, выражаютъ одно и то же состояніе — сильнѣе бодрствованія и усыпленія. Отыскивая настоящее значеніе этихъ словъ, находимъ, что сновидѣнія являются намъ при пробужденіи; сонъ же дѣйствуетъ на насъ исключительно во время усыпленія».

Не говорите, что это бессмыслица: это попытка — находить глубокий смыслъ въ томъ, въ чемъ, по обыкновенной человѣческой логикѣ, нѣтъ никакого смысла. Но послушайте даѣе:

«Священнослужители египетскіе были люди ученые, которые заботились постоянно о сохраненіи и распространеніи познаній. Главнымъ занятіемъ тогдашнихъ жрецовъ (маговъ) было толкованіе сновъ.

«Въ позднѣйшія времена, всѣ народы искали и теперь стараются отыскивать, въ тайномъ значеніи сновъ, какое нибудь предсказаніе будущаго».

Такъ вотъ чѣмъ занимаются всѣ народы въ позднѣйшія времена! Любопытное свидѣніе!

«А мало ли было скептиковъ, которые расказывались въ своемъ несправданіи, преисполненныя спасительными сновидѣніями и предсказаніями, полученными во время сна».

Въ-самомъ-дѣлѣ, какъ не вѣрить на-примѣръ тому, что написано на 14-й страницѣ этого толкователя, гдѣ, подъ словомъ *Асторъ*, сказано: «Видѣть ихъ одного или нѣсколькихъ: неудача, потеря денегъ»? Или какъ доказать, на-примѣръ, что сушеные абрикосы не предвѣщаютъ—огорченія? (тамъ же).

215) Чародѣйская Пониюшка или Сказка о Калифѣ Аистѣ. Въ пяти главахъ. Переводъ съ нѣмецкаго Николая Кривоногова. Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. Х. Гукце. Въ 16-ю д. л. 63 стр.

Опять то же; опять мистицизмъ! Г. Кривоноговъ перевелъ съ нѣмецкаго

языка мистическій разсказъ о томъ, какъ одинъ калифъ, помышляя какого-то мистическаго перомша, обратился въ аиста и кончилъ тѣмъ, что женился на совѣ.

Очевидно, сочинитель и переводчикъ «Сказки», ниѣли въ виду правоученіе; они хотѣли искусно восомогтвовать дѣтямъ не нюхать ничего мистическаго, чтобы остаться въ человѣческомъ характерѣ. А потому мы и считаемъ трудъ г. Кривоногова весьма-благодарнымъ.

216) Чудеса въ Решетѣ или похищенія купеческихъ сыновъ съ купеческими приказчиками къ нижегородской ярмонкѣ. Русскія народныя сцены въ трехъ частяхъ и восьми картинахъ. Соч. В. Ѳ. Потапова. Съ десятию новыми, цѣлескиими и хоровыми пѣснями. Москва. 1846.

217) Тайны Нижегородской Ярмарки. Нравственно-сатирическая панорама въ четырехъ картинахъ, въ стихахъ. Соч. Василія Потапова. Москва. 1846.

218) Хромой Басъ. Волшебная сказка въ двухъ частяхъ, въ стихахъ. Соч. Василія Потапова. Москва. 1846.

219) Кіевская Вѣдьма съ терема великокняжескомъ, или ужасное мщеніе Роинеды, дочери Полоцкаго князя. Русская историческая быль времени Владимира Краснова-Солнышка. Соч. В. П....-ва. Москва. 1846.

Немстоимый г. Василій Потаповъ пошелъ, кажется, по слѣдамъ блаженной памяти Александра Анисимыча Орлова и особенно даетъ волю своей фантазіи передъ наступленіемъ нижегородской ярмарки, на которой сбывается свой товаръ и «тайны» которой ему такъ хорошо извѣстны. Туда ему и дорога!

VII.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ГЕРМАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Альманахъ Пруцка явился въ нынѣшнемъ году въ новой формѣ, которая не имѣла благопріятнаго вліянія на содержаніе статей его. Читатели «Отеч. Записокъ», вѣроятно, помнятъ статьи о «Шекспирѣ» Фишера и о «Гегелѣ» Розенкранца, которыя были помѣщены въ альманахахъ за 1844 (см. «Отеч. Записки» 1844), равно статьи Юрдама о «Венгріи» и Адольфа Бокка о «Баронѣ Книнге», въ альманахѣ за 1845 годъ (см. «Отеч. Записки», № 2, 1845) и потому въ правѣ ожидать статей интересныхъ; но, къ сожалѣнію, въ альманахѣ нынѣшняго года не представляется ничего особенно-замѣчательнаго. Вотъ содержаніе его:

- 1) *Бомарше*, доктора К. І. Майера.
- 2) *Понятіе о древней элліи съ ея историческомъ развитіемъ*, В. Гертцберга. Статья вторая. Элегія Александрійская.
- 3) *Юлианъ Соезсъ*, Гофмана фонъ-Т. XLVI. — Отд. VII.

Фаллерслебена. 4) *Испанскіе романы*, Карла Штара. 5) *Фридрихъ-Карлъ Моцартъ, господинъ и слуга*, А. Бокка. 6) *О Гольдони*, Э. Рута. 7) *Матеріалы для исторіи испанскаго театра*, М. Ранна. 8) *Томасъ Аббт*, самого издателя, и наконецъ, 9) подъ названіемъ *Miscellen und Notizen*, въ которомъ находятся двѣ хорошенькія статьи: Шеффера о *эпиграммахъ Шиллера и Гёте* и Титтсона о *переводахъ и переделкахъ Reinscke Fuchs*.

Нѣкоторыя статьи читаются безъ скуки, но, какъ мы уже сказали выше, не представляютъ ничего замѣчательнаго, и мы ограничимся указаніемъ лучшихъ статей; къ нимъ принадлежатъ «Испанскіе романы» Штара, «Моцартъ» Бокка и статья самого издателя, представляющая очеркъ ученой дѣятельности Томаса Аббта, равно похвальный смертію съ поприща на-

уки; замѣтитъ, что, прежде Пруццъ, говорилъ о немъ знаменитый Герлеръ въ статьѣ своей «Denkmal auf Thomas Abbt», изданной имъ въ 1761 году и потомъ напечатанной въ полномъ собраніи его сочиненій, въ отдѣлѣ философіи и исторіи (часть XV, стр. 6—86, 1829 года).

Кстати о Пруццѣ. Онъ предпринялъ обширное изданіе: *Geschichte des deutschen Journalismus. Hannover, 1845, Erster Band* (Исторія Германскаго Журнализма. Ганноверъ, 1845 года, часть I); оно наполнено любопытными фактами и мы поговоримъ о немъ, когда оно будетъ окончено вполне; теперь появилась въ печати только первая часть, и потому невозможно сдѣлать заключеніе о достоинствѣ всего труда. Въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ «Отеч. Зап.» мы поговоримъ также о замѣчательномъ сочиненіи Раумера: *Die Vereinigten Staaten von Nord-Amerika, von Fr. Raumer. Leipzig. 1845* (Соединенные-Штаты Сѣверной-Америки, соч. Фридриха Раумера. Лейпцигъ. 1845); теперь же займемся обѣщанной нами біографіей Блюхера: по-необходимости мы должны будемъ пропустить подробныя описанія военныхъ дѣйствій его, изложенныя г. Фарнгагеномъ-фон-Энне, и ограничимся изложеніемъ тѣхъ происшествій, которыми изображаются характеръ полководца, замѣчательнаго по собственной его личности.

Гебгардъ-Либерехтъ фон-Блюхеръ родился 16 декабря 1742 года. Отецъ его служилъ ротмистромъ въ арміи ландграфа гессен-кассельскаго, и потомъ поселился съ женою въ небольшомъ имѣніи своемъ въ Мекленбургѣ. Блюхеръ увидѣлъ свѣтъ въ Ростокѣ, гдѣ во-время жилъ его родителемъ. Въ 1756 г., когда началась семилѣтняя война, Гебгарда, имѣвшаго тогда 14 лѣтъ отъ роду, отправили съ

старшимъ братомъ (у отца ихъ было семь сыновей и двѣ дочери) на островъ Рюгенъ къ сестрѣ, бывшей замужемъ за Краквинцемъ. О воспитаніи и ученіи не было и поминка; сельское хозяйство, которымъ занимались родственники Гебгарда, дало ему много опытности въ этомъ дѣлѣ; впрочемъ, верховая ѣзда, плаваніе по морю, опасныя прогулки по скаламъ были занятіями юноши и съ самаго малолѣтства заставляли его пренебрегать всѣми трудами и опасностями; вѣстѣ съ тѣмъ, они придали его характеру нѣкоторую жесткость и суровость.

Между-тѣмъ, военная тревога коснулась и острова Рюгена; на немъ появились шведскія войска; при видѣ ихъ, братья воспламенились страстью къ войнѣ и, не смотря на всѣ совѣты и сопротивленіе сестры и зятя, вступили волонтерами къ ряды шведскихъ гусаровъ. Шведы дѣйствовали нерѣшительно; слава храбрости ихъ давно исчезла, и только одинъ случай доставилъ Блюхеру возможность вступить на поприще, которое открыло ему путь къ славѣ и почестямъ. Соскучась бездѣйствіемъ, въ которомъ оставались Шведы, пылкій юноша вздумалъ однажды подекакать къ непріятелямъ и съ бранью и насмѣшками выдвигать ихъ на бой. Сначала прусскіе гусары набавлялись надъ мальчишкой, потомъ убили подъ нимъ лошадей и пріислали плѣнникомъ къ своему полковнику Веллингъ. Последнему понравился храбрость юноши: онъ пригласилъ его въ прусскую службу, и получилъ согласіе, на другой же день произвелъ въ корнеты. Скоро потомъ Блюхеръ былъ назначенъ его адъютантомъ и 4 лѣтъ слѣдующаго года произведенъ въ поручика.

Тогда началось для него настоящее дѣло: онъ дрался рядомъ съ Веллингемъ и отличился неукротимою, отважною храбростью при Кунерсдорфѣ и Фрейбергѣ; въ послѣднемъ сраженіи, онъ былъ раненъ осколкомъ ядра въ ногу, но скоро излечился отъ своей раны. Въ Лейпцигѣ, гдѣ сталъ на дѣлѣ

тыры полкъ его, онъ имѣлъ нѣсколько дуелей и наконецъ вызвалъ на поединокъ начальника своего, генерала Беллинга, который сдѣлалъ ему строгій выговоръ за опущеніе по службѣ. За это онъ отправленъ былъ въ эскадронъ въ майору Подшарли, человеку строгому и дѣлательному, котораго Блюхеръ называлъ въ послѣдствіи учителемъ своимъ въ военномъ дѣлѣ. Онъ умѣлъ пріобрѣсти его расположеніе, такъ же какъ и большой части своихъ товарищей и въ продолженіе долгаго мира, начавшагося губертебургскимъ миромъ въ 1763 году, занимался только игрою, пирами, охотою и любовными похождениями. Бѣдность не уменьшала живости его характера; онъ былъ постоянно веселъ и, не смотря на стѣсненные обстоятельства, умѣлъ всегда пользоваться удовольствіями всякаго рода.

Въ 1770 году, сильное безпокойство въ Польшѣ принудило Фридриха-Великаго отправить на польскую границу отрядъ войска. Генералу Беллингу повелѣно было вести туда нѣсколько прусскихъ полковъ; Блюхеръ съ радостью услышалъ о началѣ военныхъ дѣйствій; въ мартѣ онъ получилъ чинъ штаб-ротмистра. Черезъ нѣсколько времени, король, недовольный распоряженіями Беллинга, отзывалъ его, а начальство надъ войсками передалъ генералу Дессову. Для Блюхера переимѣна эта была неблагопріятна; новый начальникъ нерасположенъ былъ оказывать ему слишкомъ много снисхожденія, а онъ при всякомъ случаѣ показывалъ, что не нуждается въ его благосклонности. Начальникъ легко могъ надѣлать непріятностей Блюхеру, тѣмъ болѣе, что горячій и упрямый характеръ его скоро подавалъ къ тому поводъ. Полаки не были въ открытой войнѣ съ прусскими войсками, но не пропускали случая нанести имъ вредъ; такъ однажды они вырѣзали цѣлотъ солдатъ и трупы побросали въ бѣдотѣ. Узнавъ объ этомъ, Пруссакъ доложились страшно отмстить за своихъ товарищей, и, что не трудно, уга-

дать, Блюхеръ кричалъ громче всѣхъ, общая уничтожить немѣтлнковъ. Подошрвнне вообще надало на польскихъ косядзозъ. Одного изъ нихъ, котораго почитали виновнѣе прочихъ, Блюхеръ вздумалъ допрашивать всѣми средствами; онъ поставилъ его передъ вырытой могилой, завязалъ ему глаза и велѣлъ выстрѣлить въ него холостыми зарядами; косядзъ упалъ на землю полумертвый отъ страха и такъ сильно занемогъ потомъ, что опасались за его жизнь. Строгое наказаніе, должное имѣвшее поразить Блюхера за такой самовольный поступокъ, не было выполнено, потому-что Пруссакъ скоро новыми доказательствами убѣдились въ вѣроломныхъ дѣйствіяхъ польскихъ косядзозъ, но за это Дессовъ непрямно хотѣлъ обойти чиномъ Блюхера. Въ чинѣ штаб-ротмистра Блюхеръ былъ старшій, и ему слѣдовало получить эскадронъ, но эскадронъ этотъ отдали поручику Егерсфельду, перемещенному изъ другаго полка. Узнавъ такое обидное для него назначеніе, Блюхеръ разсердился, жаловался на несправедливость, но когда генералъ не обратилъ вниманія на его жалобу, то онъ написалъ прямо къ королю слѣдующее: «Егерсфельдъ не имѣетъ предомной никакого преимущества, кромя того, что онъ сынъ маршала шведскаго и его предпочли мнѣ; прошу ваше величество уволить меня отъ службы.» Фридрихъ-Великій велѣлъ посадить его подъ арестъ, гдѣ онъ просидѣлъ около восьми мѣсяцевъ, и, получивъ свободу, снова поданъ просьбу объ увольненіи. Пусть жеротмистръ Блюхеръ убирается изъ чорту», сказалъ король.

Такимъ образомъ, въ январѣ 1773 года, Блюхеръ, надолго исключенный изъ службы, тяжело искупилъ порывъ горячности, который не успѣлъ удерживать. Около этого времени, онъ женился на дочери саксонскаго полковника Мелнага, который прибылъ въ Польшу съ королемъ Августомъ II и посвѣдѣлъ тамъ; въ приданое за нею Блюхеръ получилъ на арсену значительное имѣніе

и занимался хозяйствомъ съ такими успѣхомъ, что чрезъ нѣсколько лѣтъ могъ купить помѣстье Грос - Родъ въ Помераніи, куда и переселился на житье. Здѣсь онъ продолжалъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ такъ же ревностно, какъ и прежде, сдѣлался образцомъ утѣренности и бережливости. Имѣніе, купленное за 14,500 талеровъ, онъ такъ улучшилъ, что продажей его приобрѣлъ 24 тысячи талеровъ. Довѣренность къ нему его соотечественниковъ и сосѣдей была такъ велика, что они избрали его въ званіе Ritterschaftsrath (т. е., совѣтника дворянства); тогда онъ такъ же ревностно началъ заниматься дѣлами общества, какъ прежде занимался своими собственными, и тѣмъ обратилъ на себя вниманіе короля. Въ бытность свою въ Помераніи, Фридрихъ - Великій часто разговаривалъ съ нимъ, милостиво писалъ къ нему и нѣсколько разъ давалъ ему значительныя суммы, частію въ видѣ займа безъ процентовъ, частію въ видѣ подарка, охотно оказывая хозяину и совѣтнику дворянства ту благосклонность, на которую, по-видимому, не имѣлъ права исключенный изъ службы ротмистръ. Не смотря на успѣхи свои по части сельского хозяйства, не смотря на сопротивленіе жены, Блюхеръ ревностно хлопоталъ объ опредѣленіи снова въ военную службу, но Фридрихъ - Великій не любилъ перемѣнять разъ-принятаго рѣшенія, и потому всѣ старанія Блюхера были безплодны. Пятнадцать лѣтъ провелъ онъ въ сельскихъ занятіяхъ, и въ это время семейство его увеличилось шестью сыновьями и одной дочерью; только въ послѣдній годъ этой жизни на него напала тоска, въ-слѣдствіе чего онъ началъ играть и скоро вошелъ въ неполатные долги. Все сильнѣе и сильнѣе возгоралось въ немъ желаніе битъ и опасностей. Наконецъ, въ 1786 году, Фридрихъ - Великій умеръ, и желаніе Блюхера исполнилось: онъ умѣлъ поправиться королю Фридриху - Вильгельму II и опредѣлился въ тотъ же полкъ черныхъ гусаръ, которые долго сохра-

няли это названіе, хотя давно уже черныя мундиръ ихъ зашитою были красными; въ 1787 году, онъ вступилъ въ этотъ полкъ съ чиномъ майора и вѣдущую продаю военному дѣлу; пятнадцати-лѣтняя сельская жизнь не ослабила ни силъ его, ни нужества; все тотъ же дѣятельный, неутомимый, онъ довѣрялъ только саблѣ своей и не зналъ ни страха, ни опасенія; всегда ограниченный въ средствахъ, онъ пренебрегалъ то, что доставляло ему счастье; игра научила его считать деньги за ничто. Вскорѣ же вступленіи его въ военную службу, умеръ его жена; это было истати, потому-что она постоянно противилась желанію мужа своего вступить въ военную службу. Въ сентябрѣ 1787 года, съ войскомъ, шедшимъ подъ предводительствомъ герцога брауншвейскаго на помощь оранскому дому въ Голландію, отправился и Блюхеръ; скорая перемѣна въ дѣлахъ была причиною того, что прусскія войска дѣйствовали мало; съ-стѣмъ-тѣмъ Блюхеръ нашелъ случай отличиться; по окончаніи похода въ 1788 году, онъ получилъ чинъ подполковника; въ слѣдующее году въ зрѣломъ возраста, орденъ *•ronc le mérite*. и 20 августа 1790 года чинъ полковника съ назначеніемъ командиромъ того самаго полка, гдѣ онъ началъ свою службу.

Событія, въ-слѣдствіе которыхъ ии Блюхера достигло высочайшей военной славы, готовы были совершиться; сначала онъ игралъ въ нихъ второстепенную роль, но мало-по-малу возвысился своими личными качествами. Въ 1791 году, онъ повелъ на границу Франціи полкъ свой, находившійся изъ числа прусскихъ, австрійскихъ и саксонскихъ войскъ, выступившихъ противъ республики; не станемъ повторять результатовъ этихъ кампаній: они слишкомъ извѣстны; скажемъ только, что ии нашего героя приобрѣло въ нихъ первую извѣстность, и не только между своими, но даже и въ рядахъ непріятельскихъ: его здравый умъ, твердая воля доказали уже и тогда,

что ему можно доверить командование войскомъ.

Въ книгѣ Фаригагена-фон-Энзепредставлено нѣсколько отрывковъ изъ дневника, который велъ Блюхеръ; вотъ введеніе къ нимъ:

«Въ-продолженіе обоихъ походовъ, 1793 и 1794 г. я читалъ много реляцій, газетныхъ извѣстій и статей; большая часть ихъ наполнена была хвастовствомъ, ложью и часто такою бессмыслицею, что я рѣшился, въ случаѣ счастливаго окончанія войны, передать бумагѣ все, чему былъ самъ свидѣтелемъ; съ этою цѣлью въ-продолженіи похода я собиралъ разныя записки; изъ нихъ и изъ происшествій, сохранившихся въ моей памяти, я намѣренъ составить нѣчто цѣлое; но не издамъ сочиненія съ претензіей на славу писателя: вся цѣль моя состоитъ въ томъ, чтобъ друзьямъ моихъ и преимущественно моему драгоцѣнному полку представить событія эти въ томъ порядкѣ, какъ они слѣдовали одно за другимъ; польза ихъ можетъ заключиться въ томъ, что корпусъ офицеровъ познакомится съ намереніемъ стремленіемъ предшественниковъ своихъ къ исполненію своихъ обязанностей и одушевитъ молодыхъ людей новою ревностю къ битвамъ. Здѣсь я прибавляю справедливое желаніе, чтобъ этотъ отличный полкъ сохранилъ передъ глазами великій примѣръ своего перваго основателя и всегда помнилъ, какое славное имя приобрѣлъ онъ подъ его предводительствомъ и сохранилъ его до настоящей минуты.»

Въ походахъ этихъ (1793 и 1794 г.), храбрость красныхъ и темныхъ гусаровъ, находившихся подъ предводительствомъ Блюхера, слѣдалась извѣстна всѣмъ; король прусскій награждалъ орденомъ краснаго орла начальника ихъ, который приобрѣлъ популярность въ прусскомъ народѣ, страстно предаваясь геройскимъ подвигамъ войска и его предводителей. Ему было тогда пятьдесятъ лѣтъ отъ роду, но онъ сохранилъ еще всю полноту мужественной силы и всю свѣжесть юности; поступки его дышали веселіемъ и беззаботностью, а блистательная личность упрочивала за нимъ успѣхи всякаго рода. Въ Аурахъ онъ познакомился съ

дѣвицею Амалією фон-Коломбъ, дочерью тамошняго камер-президента, и женился на ней.

Король Фридрихъ-Вильгельмъ III, наследовавшій (10 ноября 1797 г.) отцу своему, Фридриху-Вильгельму II, еще крои-принцемъ имѣлъ случай въ походахъ на Рейнѣ лично видѣть заслуги Блюхера, и съ того времени не переставалъ оказывать ему свое вниманіе. 20 мая 1801 года, онъ получилъ чинъ генерал-лейтенанта, что упрочивало за нимъ, въ случаѣ войны, болѣе-значительный постъ. Между государственнымъ людьми и полководцами Пруссіи, господствовало общее желаніе воевать противъ Франціи, и Блюхеръ отъ души раздѣлялъ его; но, не смотря на это желаніе, миръ продолжался, и Пруссія получила вознагражденіе за земли на лѣвомъ берегу Рейна, уступленныя ею Французской-Республикѣ. Блюхеру поручено было, во имя короля прусскаго, занять Эрфуртъ, Мюльгаузенъ и Мюнстеръ, что онъ исполнилъ съ отличными успѣхами; 10 февраля 1803 года, онъ назначенъ былъ губернаторомъ Мюнстера и поселился тамъ.

Между-тѣмъ, европейскія государства готовились къ новымъ битвамъ. Великобританія разорвала амьенскій миръ, заключенный 25 марта 1802 года, и 18 мая 1803 года объявила Французской-Республикѣ войну, въ-слѣдствіе чего французскія войска, подъ начальствомъ генерала Мортъе, заняли курфиршество Ганноверское; близость ихъ къ прусской границѣ внушила опасеніе Пруссіи; болѣе всего тревожила она Блюхера, потому-что, не смотря на стараніе обѣихъ сторонъ, между войсками нерѣдко доходило до ссоръ и непріятностей. Ревность къ благу Германіи, желаніе возвысить Пруссію воспламенило Блюхера прежнею страстью къ войнѣ; ему противны были дипломатическіе переговоры, которые, по его мнѣнію, не вели ни къ чему. Неудовольствіе его противъ принятой системы и особенно противъ людей, которые управляли ею, выказывалось довольно-громко; желавшіе войны,—а

никъ было много не только въ войсѣхъ, но и въ прочихъ сословіяхъ, особенно между писателями, — видѣнъ въ Блюхерѣ своего героя, всѣ дѣйствія котораго сопровождалось счастливыми успѣхами. Впрочемъ, жизнь въ Мюнстерѣ доставляла ему много развлеченій; онъ весело жилъ въ епископскомъ замкѣ, куда собирались многочисленные посѣтители, моллозависіе радужныя приемы кельянина; но особенно онъ любилъ общество своихъ офицеровъ: ихъ удовольствія, проказы и похождения всегда возбуждали его участіе. Главною страстію его по-прежнему была игра; блаженствъ Цирмонта, куда онъ отиравался лѣтомъ, удовлетворяла этой страсти; тамъ постоянно видѣла, какъ за игорнымъ столомъ онъ выигрывалъ и проигрывалъ огромныя суммы, безъ всякаго измѣненія въ лицѣ.

Между-тѣмъ, осенью 1805 года, Австрія и Россія выступили противъ Франціи; изъ нихъ готова была присоединиться Пруссія, которая видѣла опасность борьбы съ возрастающимъ могуществомъ и счастьемъ Наполеона, но должна была уступить общему желанію. Гримула битва аустерлицкая — и Пруссія осталась въ мирѣ съ Наполеономъ. Вскорѣ, однакожъ, насильственные дѣйствія Наполеона возбудили въ Пруссіи новую борьбу партій, изъ которыхъ одна требовала мира, другая войны на жизнь и смерть; во главѣ послѣдней по-прежнему стоялъ Блюхеръ; онъ являлся въ Цирмонтъ въ самомъ враждебномъ расположеніи духа, пускалъ страшныя облака дыма, бранерывно бранилъ министровъ, обвинялъ ихъ во всѣхъ бѣдствіяхъ; въ юлѣ, онъ писалъ къ королю и, по обыкновенію своему, свободно доказывалъ необходимость войны и силу прусской арміи. Довѣренность къ прусскому войску раздѣлялъ съ Блюхеромъ генералъ Рюхель, писавшій къ нему изъ Гамбурга: «Какъ бы то ни было, войско наше храбро, офицеры наши лучшіе во всемъ свѣтѣ и, не хвастаясь, скажемъ, мы оба не соизвѣстъ худы. Мы

деремся со всѣми, кто идетъ противъ насъ, и уступаемъ только одной невозможности». Въ началѣ сентября, писалъ къ нему Блюхеръ изъ Мюнстера: «Французы еще разъ найдутъ свою могилу по-сю-сторону Рейна, а умѣшшіе принесутъ домой то же пріятное извѣстіе, какъ послѣ битвы при Росбахѣ». Въ этихъ словахъ видна та самонадѣянность, которая была характеристическою чертою Блюхера.

Война, отсрочивавшаяся въ-слѣдствіе различныхъ событій, осенью 1806 года явилась неизбежною. Наполеонъ ясно показывалъ, что онъ не опасается Пруссіи и можетъ подчинить ее, когда только пожелаетъ. Борьба была рѣшена, и со всѣхъ сторонъ стали собираться войска. Но тогда опять возникли недоразумѣнія; сомнительно и опасно было положеніе дѣлъ и неудовлетворительны всѣ принятыя мѣры. Наконецъ, прусскія войска вмѣстѣ съ саксонскими сосредоточились въ Тюрингіи. Съ войсками восточными, собравшимися у Падерборна, прибылъ Блюхеръ; всѣми отрядами распоряжался герцогъ брауншвейгскій и подъ его надзоромъ фельдмаршалъ фон-Меллендорфъ, дѣло находившійся въ Эрфуртѣ, правымъ крыломъ командовалъ Рюхель, лѣвымъ принцъ Гогенлоэ. Блюхеръ получалъ въ свою команду адъютантъ главной арміи. Тогда уже можно было замѣтить въ вождяхъ недостатокъ единодушія, пагубный для войска: каждый изъ нихъ строилъ свои планы, и личные интересы раздѣляли ихъ другъ съ другомъ; политическія же дѣйствія, независимо того, чтобы руководить военными распоряженіями, только отбрасывали. Общее же чувство всего войска было желаніе битвы и увѣренность, что дипломатическіе переговоры препятствуютъ войскамъ дѣйствовать. Блюхеръ вполне принадлежалъ этому настроенію; онъ только и думалъ, какъ бы подрагаться, доверялъ одной своей саблѣ; остальнымъ не заботился нисколько. При извѣстіи, что Пруссакъ собрались въ Саксоніи, Наполеонъ съ обыкновеніемъ ему быстротою собралъ войско свое во

Франкози и съ 7 по 8 октября заняли оба берега Саалы; прусскіе отряды были отброшены за эту рѣку. Герцог брауншвейгскій подступилъ съ главными отрядами къ Ауерштеуту, Гогенлоге остался при Іенѣ, а Рюхель подошелъ къ Веймару. Такое разединеніе силъ доказывало незнакоміе настоящей тактики и силы непріятеля; слѣдствіемъ его была битва 14 октября. Пруссаки дрались храбро и были разбиты на всѣхъ пунктахъ, и битвы при Іенѣ и Ауерштеутѣ покрыли новою славой оружіе Наполеона.

Герой нашъ неутомимо подвигался въ санѣхъ начальника кавалеріи, и, конечно, не по его винѣ армія прусская была разбита; онъ былъ всегда впередъ — въ самой срединѣ сѣчи, дрались какъ левъ, но мало имѣлъ вліянія на общее сраженіе. Во всякомъ случаѣ, помыслии его представляютъ свѣтлую сторону этой мрачной картины. Во время страшнаго смятенія, послѣдовавшаго за разбитіемъ прусскихъ войскъ, въ ночь съ 14 на 15 октября, генералъ графъ Калькрейтцъ (которому король поручилъ командованіе войсками, отступившими къ Сѣммерду) и князь Гогенлоге старались снасти остатки арміи. Къ первому примкнулъ Блюхеръ. Колонна эта, тѣсная французскою кавалеріею генерала Лазалля, старалась пробраться къ Зондерсгаузену, но другой французскій отрядъ подлѣ предводительствомъ генерала Клейна заступилъ ей дорогу. Положеніе ея было отчаянное; медлить было некогда; пробиться съвою многочисленныя отряды непріятельскаго войска казалось невозможнымъ, потому-что и люди и лошади были совершенно истощены. Тогда Блюхеръ придумалъ иное средство къ спасенію: съ однимъ трубачомъ и нѣсколькими офицерами онъ подскакалъ къ Французамъ и пресиль свиданія съ ихъ предводителемъ; на это согласился, но требовали, чтобъ онъ завязалъ глаза; объ этомъ онъ не хотѣлъ и слышать. «Пока живъ, я буду смотрѣть», и такъ сильно поддерживалъ свое требованіе, что его дѣйствительно приве-

ли къ генералу Клейну съ независимыми глазами. Блюхеръ увѣрялъ его, что начати переговоры, которые должны прекратить враждебныя дѣйствія, призвалъ въ свидѣтели бывшаго тутъ полковника Массенбаха, видѣвшаго письмо Наполеона къ королю съ предложеніемъ мира и отвѣтъ короля. Рѣчь Блюхера, требовавшая перевода, усилила впечатлѣніе, имъ произведенное, въ чемъ едва-ли бы онъ успѣлъ при ясномъ способѣ выраженія. Однимъ словомъ, французскій генералъ убѣдился, что перемиріе заключено и Пруссаки пришли своею дорогою въ сопровожденіи одного французскаго офицера, въ слѣдствіе чего и Лазалль не тронулъ ихъ. Едва дошли они до Грейсона, какъ путь имъ преградилъ шедшій изъ Эрфурта французскій отрядъ маршала Сульта, который не такъ легко повѣрилъ рассказамъ о перемиріи и атаковалъ ихъ. Блюхеръ твердо выдержалъ бой до глубокой ночи и далъ возможность Калькрейту рано утромъ достигнуть Зондерсгаузена, и послѣ краткаго отдыха прибылъ въ Нордгаузенъ, гдѣ слова армія была окружена со всѣхъ сторонъ непріятелями. Блюхеръ получилъ отъ князя Гогенлоге совѣтъ предпринять отступленіе чрезъ Гарцъ; но такъ-какъ невозможно было вести по горамъ тяжелыя орудія, то рѣшились-было отпаравить ихъ въ обходъ на Остерроде и оттула къ Тангермюнде, гдѣ должна была совершиться переправа чрезъ Эльбу; Блюхеръ вызвался совершить этотъ опасный переходъ, хотя прикрытіе состояло только изъ восьми-сотъ человѣкъ пѣхоты и шести-сотъ всадниковъ. Еще до вечера двинулись орудія, и Блюхеръ долженъ былъ непрерывно отражать нападенія непріятелей. Калькрейтцъ повелъ свой отрядъ чрезъ Гасельфельдъ къ Эльбѣ, и Французы потеряли слѣды Пруссаковъ.

Съ другой стороны, Гогенлоге, съ прочими разбитыми отрядами продолжалъ путь свой на Зондерсгаузенъ, Нордгаузенъ, потомъ, получивъ начальство надъ всѣми войсками по эту

сторону Одера, намеревъ былъ изъ Магдебурга соединиться съ Калькрейтомъ; но вступивши 20 октября въ этотъ городъ, онъ не нашелъ Калькрейта, который, вмѣсто того, чтобы сосредоточить въ себѣ всѣ свои силы, далъ повелѣніе войскамъ переправиться черезъ Эльбу въ другихъ мѣстахъ; самъ же онъ, не желая оставлять полъ начальствомъ младшаго по службѣ, отправился къ королю въ Кистринъ. Такимъ образомъ, Блюхеръ былъ отрѣзанъ отъ принятаго имъ направленія къ Магдебургу. Въ такомъ же положеніи находился герцогъ веймарскій и герцогъ Евгений-Виртембергскій, потерпѣвшіе пораженіе 17 октября. Эрфуртъ, убѣдивше многихъ бѣглецовъ и раненныхъ, въ складочное мѣсто запасовъ всякаго рода, палъ во власть непріятелей. Въ такихъ обстоятельствахъ, новый предводитель счелъ за лучшее со всѣми остальными отрядами переправиться черезъ Одеръ, чтобы тамъ получить подкрѣпленіе и стать подъ защиту сильныхъ крѣпостей. 21 онъ оставилъ Магдебургъ, перешелъ Эльбу и двинулся къ Ратенау. Между тѣмъ, Блюхеръ 18 октября достигъ Остерроде, но 19 долженъ былъ снова принять на себя и сдѣлать длинный обходъ чрезъ Брауншвейгъ, потому что непріятель достигъ уже до Гальберштадта и отрѣзалъ ему дорогу. 19-го Блюхеръ дошелъ до Вольфенбютеля, куда счастливо прибылъ и герцогъ веймарскій; соединенные отряды ихъ двинулись къ Эльбѣ, но не у Тангермюнде, гдѣ непріятель были близко, а у Зандова; 24 октября орудія счастливо переправились и ничтожный отрядъ Блюхера въ цѣлости сдалъ пушки въ армію Гогенлоге; въ семь дней онъ прошелъ тридцать-четыре мили, преодолевъ величайшія трудности; войска были истощены и только неутомимая ревность Блюхера сдѣлала возможнымъ такой переходъ; при самой переправѣ черезъ Эльбу, онъ долженъ былъ выдержать сильный бой съ передовыми отрядами маршала Сульта, но, какъ мы уже ска-

зали, благополучно достигъ правого берега. Уже 24 октября Гогенлоге призвалъ Блюхера въ главную квартиру въ Нейштадтъ, объявляя о намереніи своемъ идти за Одеръ и предложить ему или принять главное начальство надъ кавалеріею, или вести аррьергардъ, состоявшій изъ остатковъ войска, пораженнаго при Галле; когда онъ набралъ послѣднее, то ему данъ въ помощь еще прежній его гусарскій полкъ. Форсированнымъ маршемъ, день и ночь шелъ Блюхеръ къ мѣсту назначенія; солдаты его страдали отъ голода и изнеможенія и сверхъ того должны были отражать гусаровъ князя Понтекорво; не смотря на то, 28-го въ пять часовъ онъ приближался къ Пренцау, мѣсту соединенія всѣхъ войскъ Гогенлоге, какъ вдругъ получилъ неожиданное извѣстіе, что вѣстъ генералъ наканунѣ со всѣмъ своимъ корпусомъ, состоявшимъ изъ шестидесяти тысячъ человекъ, былъ разбитъ изъ соединенными силами великаго герцога бергскаго и маршала Давида! Услышавъ объ этомъ, Блюхеръ немедленно принялъ рѣшеніе. У него оставалось еще около десяти тысячъ войска. Съ соединенными силами герцога бергскаго, который отрѣзалъ его отъ Одера, и князя Понтекорво, который грозилъ его тылу съ войсками, четверо превосходившихъ его собственныя силы, сразиться не было никакой надежды. Онъ тотчасъ же рѣшился двинуться въ Мекленбургъ и, соединивъ тамъ съ остальными прусскими отрядами, перейти за Эльбу, чтобы зайти въ тылъ непріятельскимъ войскамъ, занять Магдебургъ и Гиммельнъ, или, смотря по обстоятельствамъ, не допустить французское войско къ переправѣ черезъ Одеръ. Нелѣ всего онъ надѣялся на отрядъ герцога веймарскаго, перешедшій Эльбу при Зандовѣ и теперь долженствовавшій находиться въ Мекленбургѣ подъ предводительствомъ генерала Виммнга. 29 октября онъ двинулся къ Стрелицу и 30-го къ Данбюку, гдѣ дѣйствительно нашелъ генерала Виммнга

и принял начальство надъ отрядомъ, состоявшимъ теперь изъ двадцати-одной тысячи человекъ. Узнавъ, что маршалъ Сульта слѣдовалъ за Виннингомъ, онъ вознамѣрился перейти снова на лѣвый берегъ Эльбы, чтобъ или занять Магдебургъ, или въ Вестфалии соединиться съ генераломъ Леккомъ, который не достигъ Эльбы при общей переправѣ. Всѣ эти смѣлыя намѣренія были уничтожены движеніями французскаго войска, и храбрый отрядъ выстъ съ своимъ храбрымъ предводителемъ не набѣгнувъ общей участи несчастнаго похода.

Непріятель не терялъ ни минуты; войска маршала Сульта догнали Пруссаковъ еще при Дамбекѣ и съ-тѣхъ-поръ гнались за ними по путамъ. 31 октября Блюхеръ дошелъ до Варрена, 1 ноября до Альт-Шверина; между этими мѣстами произошла жаркая сшибка; 2 ноября преслѣдованіе кончилось, но Французы предупредили Блюхера въ переправѣ черезъ Эльбу, и князь Понтекорво прислалъ ему предложеніе сдаться. Онъ представлялъ ему, что Пруссаки окружены со всѣхъ сторонъ непріятелями, и что выходъ имъ невозможенъ. «Какъ?» воскликнулъ Блюхеръ со смѣхомъ: «я окруженъ? Любопытно бы знать, кто запретить мнѣ идти въ Берлинъ или занять Магдебургъ?» Такимъ отвѣтомъ онъ устранилъ возможность дальнѣйшихъ переговоровъ; но за то Французы удвоили вниманіе со стороны Эльбы; въ дѣйствительности же положеніе Блюхера было гораздо-хуже, чѣмъ онъ хотѣлъ представить себѣ: переправа черезъ Эльбу была уже невозможна, а переходы и форсированные марши уменьшили его отрядъ такъ, что съ шестнадцатью тысячами онъ находился теперь противъ восьмидесяти тысячъ Французовъ; битвы, грозившей со всѣхъ сторонъ, ни люди, ни лошади его не могли выдержать. Стѣсненнымъ Пруссакамъ оставалось одно средство, идти за Траве, запастись провіантомъ въ богатомъ Любекѣ и въ Травемюнде съѣсть на кораблѣ. Крайность не пред-

ставляла другаго выбора; 5 ноября вечеромъ войска подступили къ Любеку. Испуганный совѣтъ вольнаго-города сначала отказался принять ихъ, но Блюхеръ самъ явился въ ратушу и совѣтъ долженъ былъ уступить необходимости. Войска наполнили улицы и помѣстались въ домахъ; орудія были поставлены на стѣны и передъ воротами; занятіе берега Траве и Травемюнде было рѣшено. Генералъ Эвальдъ, стоявшій у Штокельсдорфа съ датскими войсками, увѣрялъ, что онъ встрѣтитъ какъ непріятель иностранное войско, которое ступить на датскую почву, къ какой бы оно сторонѣ ни принадлежало, и Блюхеръ надѣялся поставить Французовъ въ это положеніе. Но Французы не задумались: они такъ быстро подступили къ воротамъ Любека, что пока Блюхеръ собиралъ военный совѣтъ, городъ наполнился ими, и только самъ генералъ съ сыномъ своимъ, ротмистромъ Блюхеромъ, и капитаномъ Мюллингемъ успѣлъ перелазить къ своимъ, а прочіе офицеры захвачены были въ плѣнъ. На площадяхъ онъ успѣлъ собрать солдатъ, очистилъ нѣсколько улицъ, но враги заняли уже мостъ чрезъ Траве; чтобъ не быть отрѣзаннымъ отъ своихъ, Блюхеръ, послѣ кровопролитной сѣчи, долженъ былъ ретироваться изъ города. Мы сказали уже, что Блюхеръ слишкомъ надѣялся на свой мечъ и не бралъ надлежащихъ предосторожностей; такъ случилось и здѣсь: при выходѣ изъ города, онъ увидѣлъ всю обширность своей потери; изъ всей пѣхоты и артиллеріи при немъ осталось три батальона и двѣ пушки.

Горько-удрученный несчастіемъ, въ которомъ отчасти самъ былъ виноватъ, Блюхеръ думалъ только, какъ бы снова занять городъ, но отовсюду отраженъ былъ съ страшною потерей; непріятель захватилъ всѣ запасы такъ, что Блюхеръ оставался безъ провіанта, безъ фуража, даже безъ патронажъ. Тогда онъ получилъ опять письмо отъ князя Понтекорво, который убѣждалъ его сдаться, прибавляя, что онъ все

сдѣлать уже для своего государя и своей славы, и что послѣ битвы при Любекѣ всякое сопротивление будетъ бесполезно; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ обѣщавъ ему почетныя условія. Не смотря на свое отчаянное положеніе, упрямый Блюхеръ и тутъ еще хотѣлъ сопротивляться, говорилъ, что кромѣ почетныхъ условій онъ никакихъ и не приметъ, и требовалъ для отсрочки; онъ еще надѣялся на свою кавалерію, но почва не позволяла ей дѣйствовать. Съ другой стороны, герцогъ бергскій прислалъ къ нему тоже требованіе о сдѣлѣ. Рано утромъ, 7-го ноября, Французы хотѣли сдѣлать нападеніе; но прежде того въ Ратнау, гдѣ былъ Блюхеръ, прибыли генералы Тилли и Ривъ, для окончанія переговоровъ о сдѣлѣ; они нашли его въ сильной лихорадкѣ, и до такой степени охрипшаго, что онъ едва могъ говорить. Со-всѣмъ-тѣмъ, онъ утѣшалъ ихъ, что ни за что бы не уступилъ превосходству непріятелей, еслибъ кавалерія могла дѣйствовать; къ-тому же, онъ не имѣлъ ни пороха, ни хлѣба, ни фуража и требовалъ, чтобъ эти причины поставлены были въ началѣ переговорныхъ пунктовъ. Ему обѣщали-было, что когда онъ подложитъ оружіе, то сохранитъ всѣ допискія почести, а офицерамъ и солдатамъ возвратятъ ихъ дожитки. Здѣсь представило затрудненіе, грозившее уничтожить всѣ переговоры. Герцогъ бергскій не соглашался, чтобъ, вопреки всѣмъ обыкновеніямъ, вписаны были причины сдачи, а Блюхеръ настаивалъ на томъ, чтобъ король, войско и весь свѣтъ узнали, что побудило его къ такому поступку, прибавляя, что скорѣе отдастъ на жертву все свое войско до послѣдняго солдата, чѣмъ откажется отъ своего требованія. Напрасно французскіе генералы представляли ему, что честь его требуетъ такихъ пожертвованій: непреклонный генералъ не отступалъ ни на шагъ, и дѣло готово было уже разстроиться, когда генералъ Ривъ предложилъ, что при подписи своего импе-

ни Блюхеръ можетъ прибавить все, что ему угодно, а что прежде имъ, послѣ ли будетъ написано его оправданіе—все равно; дѣйствительно, подписывая имя свое, Блюхеръ выразилъ изложилъ причины, побудившія его къ сдѣлѣ. Около 6,000 человекъ положили оружіе и это доказываетъ, какъ мало уцѣлѣло ихъ послѣ битвы. Самъ Блюхеръ на честное слово отпущенъ былъ въ Гамбургъ, куда за нимъ должны были послѣдовать оба его сына.

Страшное опустошеніе, которое потерпѣлъ Любекъ въ-слѣдствіе насильственнаго занятія его французскими войсками, повело ко множеству обмненій противъ Блюхера, рѣшившагося вовлечь во всѣ бѣдствія войны беззащитный нейтральный городъ, тѣмъ болѣе, что себѣ онъ не доставлялъ этимъ рѣшительно никакой пользы. Въ глазахъ воина, Блюхеръ не нуждался въ оправданіяхъ; съ этой стороны возбуждено было только удивленіе къ его подвигамъ. Изъ всѣхъ прусскихъ генераловъ, съ которыми онъ раздѣлялъ общее несчастье, онъ одинъ подержалъ славу оружія и получилъ почетныя условія. Послѣднее приобрѣло Блюхеру еще большую популярность; то же самое участіе возбуждали его офицеры и солдаты; въ этомъ случаѣ, непріятель былъ свидѣтелемъ безпристрастнымъ и оказывалъ всевозможное уваженіе и вниманіе ему и его подчиненнымъ; не смотря на все это, Блюхеръ не могъ утѣшиться, что, подобно прочимъ генераламъ, онъ долженъ былъ оставаться въ плѣну.

Время своего плѣна онъ провелъ въ Гамбургѣ; глубоко-огорченный собственнымъ несчастьемъ и несчастьемъ своего отечества, онъ былъ силенъ внутреннимъ мужествомъ, которое никогда его не покидало; даже въ званіи военнопленнаго, личность Блюхера внушала общее уваженіе; народъ смотрѣлъ съ любовію на 64-лѣтняго воина, подъ жестокою и суровою оболочкою скрывавшаго свое непоколебимое мужество, о которомъ ходило столько разсказовъ. Гамбургъ ско-

ро познакомился съ нимъ короче, и онъ находилъ радушный пріемъ, какъ въ общественныхъ мѣстахъ, такъ во многихъ частныхъ домахъ. Особенно часто видали его въ биржевой залѣ, гдѣ онъ читалъ газеты; извѣстія ихъ мало доставляли ему утѣшительнаго, но не ослабляли его мужества: онъ только и думалъ, какъ бы ему снова взяться за оружіе; онъ писалъ къ королю съ просьбою, если возможно будетъ, посѣлшить разнѣномъ: скоро желаніе его исполнилось: послѣ битвы при Эйлау, въ февралѣ 1807 года, Наполеонъ прислалъ къ королю прусскому генерала Бертрава съ предложеніемъ выгоднаго мира, если онъ согласится отказаться отъ союза съ Россіею и Англіею; предложеніе не имѣло успѣха, но при этомъ случаѣ послѣдовалъ разнѣнъ военнопленныхъ, въ слѣдствіе котораго тридцать генераловъ и офицеровъ съ обѣихъ сторонъ возвратились къ своимъ постамъ. Блюхеръ былъ разнѣненъ на французскаго генерала Виктора, незадолго до того взятаго въ плѣнъ. 16-го марта, въ десять часовъ вечера, Блюхеръ получилъ приглашеніе явиться въ главную квартиру Наполеона; онъ посѣлшилъ туда изъ Гамбурга, принятъ былъ отлично-хорошо императоромъ Французовъ, который довольно-долго продержалъ его у себя и потомъ отпустилъ очень-благодарно. Предводители прусскихъ войскъ съ честью занимали посты свои, но число ихъ было мало, съ союзниками соединиться имъ было затруднительно; а между тѣмъ, всѣ они пламенѣли желаніемъ возстановить Пруссію въ прежнихъ границахъ. Положено было попытаться счастья на сѣверѣ Германіи; въ этомъ смыслѣ рѣшено было начать, хотя съ небольшимъ войскомъ, занятіе берега Помераніи; счастливыя сшибки партизана Шилля, тревожившія тылъ непріятеля, и общія короля шведскаго говорили въ пользу такого предпріятія. Блюхеръ назначаетъ былъ предводителемъ и выборъ этотъ былъ дѣйствительно хорошъ, потому что

довѣренность къ нему войска и народа должна была привлечь подъ его знамена старыхъ солдатъ и воинлюбивую молодѣжь; а такое народное войско могло сдѣлаться страшнымъ для непріятеля. Переговоры съ Шведами начались 7-го мая; Блюхеръ изъ Кёнигсберга уведомилъ короля Густава-Адольфа, что онъ принялъ начальство и что, получивъ отъ Великобританіи общипанную помощь, войско его соединится съ Шведами. Правда, въ этомъ случаѣ начальство переходило къ королю шведскому и все предпріятіе ставовилось въ зависимость отъ его произвола; и когда, 25-го мая, Блюхеръ съѣхъ на суда въ Ниллау съ отрядомъ своимъ, который съ прежде-посланными отрядами Шилля, Марвитца и Крюкова составилъ колонну въ 7,000 человекъ и переправился на островъ Рюгенъ, то нашелъ Шведовъ въ перемиріи съ Французами; отъ-этого, онъ долженъ былъ остаться въ бездѣйствіи и терпѣть непріятные споры съ шведскими предводителями. Вслѣдъ за тѣмъ получено было извѣстіе о битвѣ 14-го іюня подъ Фриландомъ и потомъ о мирѣ въ Тильзитѣ, который оставлялъ королю прусскому только половину его прежнихъ владѣній. Блюхеръ получилъ повелѣніе разстаться съ Шведами, которые, соединясь съ Англичанами, рѣшились одни продолжать войну; но и этого онъ не могъ сдѣлать безъ большихъ затрудненій; король шведскій, только въ настоящую минуту задумавшій дѣйствовать противъ Наполеона, не хотѣлъ отпустить Прусаковъ, изъ опасенія, чтобъ они не приняли сторону Французовъ; наконецъ, уже послѣ долгихъ переговоровъ, имъ позволено было отойти; 16-го іюля Прусаки переправлялись на острова Уэддомъ и Волинъ въ область Кольбергъ, гдѣ имъ указаны были квартиры до окончанія переговоровъ Пруссіи и Франціи. Имъ назначено было, по удаленіи Французовъ, занять вновь-пріобрѣтенныя провинціи, но Наполеонъ не торопился исполненіемъ статей ми-

ра, требуя уплаты положенной контрибуціи, и потому Пруссія изготавлялась на новыя непріязненные дѣйствія и старалась организовать свое войско. Блюхеръ сохранилъ начальство въ Помераніи и главною квартирою сдѣлалъ Трептовъ-на-Регъ; въ этихъ обстоятельствахъ онъ выказалъ столько же умѣренности и сметливости, сколько въ другихъ нетерпѣнія и горячности; его твердость, краткость и ясность его выраженій, даже незнаніе французскаго языка, заставлявшее пропадать всѣ извороты краснорѣчія, много способствовали къ удержанію французскихъ генераловъ и предводителей, съ которыми онъ былъ въ непрерывныхъ сношеніяхъ, а уступчивость его, вызванная необходимостью и высшими повелѣніями, носила на себѣ всегда примечный видъ.

Между множествомъ различныхъ происшествій, занимавшихъ Блюхера, встрѣтилось одно, которое сначала навлекло ему непріятности, но кончилось потомъ къ его удовольствію. Печатные листы всѣхъ развѣтровъ принались описывать несчаствіе Пруссіи со всѣми его причинами и слѣдствіями; нѣкоторые писатели брались за перо для повѣствованія истины и поученія отечества на будущее время; другіе старались выставить на свѣтъ одиѣ тяжкія раны его. Порицаніе болѣе всего поразило войско, которое неслъ потеранныхъ битвъ при Ауерштедтѣ, Іенѣ и Галле, упало въ общемъ мнѣніи; невѣжество и забвеніе обязанностей, въ которыхъ можно было обвинять отдѣльныя лица, покрывало стыдомъ всю массу войска, и необходимо было имѣть свѣтлый умъ, чтобъ разсмотрѣть, какъ увлечены были общими потокомъ разрушенія люди, заслуживавшіе лучшую участь. Въ числѣ послѣднихъ былъ также Блюхеръ; доказательствомъ тому служить довѣренность короля, который тотчасъ же поручилъ ему начальствованіе надъ войскомъ. Болѣе всего посыпались на него обвиненія за то, что онъ медленностью своею въ походѣ къ Пренцлау

погубилъ Гогенлоге, что навлекъ опустошеніе на Мекленбургъ и Любекъ, что пропустилъ случай разбить по одиночкѣ преслѣдовавшаго его непріятеля и переправиться по морю въ безопасное мѣсто. Сначала онъ молчалъ, потому что видѣлъ, какъ мало могла пострадать отъ этого воинская его слава; но когда обвиненія принимали еще болѣе опредѣленный характеръ и написаны были человѣкомъ, сказаніе котораго основывалось на личномъ свидѣтельствѣ, то онъ не могъ даѣе хранить молчаніе; нападеніе, сдѣланное на Блюхера, явилось въ журналѣ, издававшемся въ Лейпцигѣ, подъ названіемъ «Lichtstrahlen» и видимому принадлежавшее полковнику Массенбаху. Чтoby утѣряться въ этомъ, Блюхеръ велѣлъ напечатать въ берлинскихъ вѣдомостяхъ 26-го января 1806 года слѣдующее:

«Авторъ статьи: Замѣчанія на сочиненіе «Operationsplan im Jahre 1806», помѣщенной въ Lichtstrahlen, нѣсколько разъ утѣрлялъ меня въ своей любви и уваженіи. Я приглашаю его, если онъ честный человѣкъ, объявить теперь свое мнѣ. Любящему мнѣ, прусской арміи и всей кубланкѣ мнѣ, кто можетъ одного и того же человѣка любить и уважать и мнѣ съ тѣмъ клеветать на него и позорять. Тогда можно узнать будетъ, не сдѣлалъ ли самъ авторъ какой-нибудь ошибки и не подвергся ли онъ порицанію, которымъ такъ щедро надѣляетъ другихъ, конечно не любя къ нимъ. Что же касается до обвиненія, что я не пощадилъ своей собственной раны, Мекленбурга, то, какъ мнѣ кажется, добродетельный авторъ сравниваетъ меня съ тѣмъ комендантомъ, который крѣпость, вѣренную его чести, обязанностямъ и совѣсти, сдалъ непріятелю по добротѣ сердечной, чтобъ пощадить дома своихъ близкихъ и родныхъ. По моему мнѣнію, исполненіе обязанности есть первый долгъ честнаго человѣка. Что касается до Любека, то мнѣ по истинѣ больно было причинить столько тревоги его добрымъ жителямъ; но если бы при Любекѣ нослѣдовало то, что могло и должно было случиться, то я не задумался бы взять городъ, хотя бы несчаствіе его было въ десять разъ сильнѣе. Цѣлю моему было

задержать какъ-можно-дольше непріятеля, чтобъ подошли русскія войска, и тѣмъ спасти Пруссію и Силезію.

Статья эта показываетъ расположе-
ніе духа, въ которомъ она написана;
суровость война, перенесенная на та-
кую почву, гдѣ сильная краткость, по
мѣнѣю его, не достигала цѣли, обра-
щается въ гибкія фразы, достоинство
которыхъ гораздо ниже простаго здра-
ваго смысла; главный же пунктъ, мед-
ленность при Пренцлау, оставленъ безъ
вниманія. Послѣ того, какъ, по требо-
ванію Блюхера, Массенбахъ назвалъ
себя авторомъ статьи и продолжалъ пе-
чатать подтвержденіе своихъ словъ,
Блюхеръ отправилъ къ королю пись-
менное оправданіе и требовалъ приго-
вора генераловъ и офицеровъ, которые
были при окончаніи войны. Лучшее его
собственныхъ словъ защитили его са-
мые факты и свидѣтельство генерала
Шаригорста. Онъ подтверждалъ, что
Блюхеръ не только не воспользовался
самовольно днемъ отдыха, но вопреки
повелѣнію продолжалъ идти форси-
рованнымъ маршемъ къ Пренцлау. Такъ
же относительно битвы при Любекѣ
всѣ единогласно подтвердили, что сдѣ-
лано было все возможное. Блюхеръ
просилъ нарядить судъ, а этотъ судъ,
бывшій въ Кёнигсбергѣ подъ предѣ-
тельствомъ брата короля, оправдалъ
совершенно Блюхера. Ненадежное по-
ложеніе Пруссіи побудило государ-
ственныхъ людей заняться устрой-
ствомъ дѣлъ; послѣ тильзитскаго мира
много содѣйствовали тому министры
Штейнъ и Гарденбергъ; генералъ
Шаригорстъ занимался въ тишинѣ
правильнымъ образованіемъ войска и
приготовленіемъ его къ войнѣ. Но мѣ-
ры, приготовленныя правительствомъ,
не удовлетворяли пробудившейся люб-
ви къ отечеству; патриоты, подъ видомъ
нравственно-ученой, цѣли составили со-
юзъ, утвержденный правительствомъ;
союзъ этотъ, распространившійся по
всей Германіи, имѣлъ сначала самое
чистое стремленіе — ненависть къ чу-
ужему владычеству. Но иракъ тани-

ственности, покрытый въ послѣдствіи
дѣла общества, которое, подъ названі-
емъ «Tugendbund», заключало въ себѣ
множество членовъ, принялъ различ-
ные оттѣнки, устранившіе начальную
цѣль. Когда прусское правительство
наложило запрещеніе на союзъ, рас-
пространившійся въ другихъ государ-
ствахъ, и преимущественно въ но-
вомъ королевствѣ Вестфальскомъ, тайна
сдѣлалась глубже, направленіе обще-
ства самостоятельнѣе. Безъ сомнѣнія,
общество это имѣло большое вліаніе
на Германію: оно служило опорой для
друзей, ужасомъ для враговъ; первые
основатели его были чужды всего пре-
ступнаго, присоединившагося къ нему
въ послѣдствіи. Въ это время, когда
въ основаніи союза лежала горячая не-
нависть къ Французамъ, Блюхеръ
былъ знакомъ съ членами его, и ви-
стѣ съ ними трудился для достиженія
общей цѣли. Онъ не пропускалъ ни
одного случая для возбужденія въ вой-
скѣ воинственнаго духа и заботился о
томъ, чтобъ, въ случаѣ войны, не было
недостатка въ оружій и снарядахъ. Въ
этомъ стремленіи къ дѣятельности мѣ-
шало ему болѣзненное состояніе, въ
которомъ онъ находился около восьми
мѣсяцевъ съ дѣла 1808 года; но сила
духа его нисколько не ослабѣла. Въ ію-
нѣ полковникъ Бюловъ отправленъ
былъ изъ Кёнигсберга въ Померанію
къ Блюхеру, довѣренностью котораго
онъ пользовался, чтобъ помогать ему
въ трудахъ; въ августѣ туда же писалъ
ему Шаригорстъ: «Письмо вашего
превосходительства доставило мнѣ
«неописанную радость; всѣ говорятъ,
«всѣ пишутъ, и я вижу изъ вашего
«собственнаго письма, что вы не упа-
«даете духомъ. Вы нашъ предводитель
«и нашъ герой; съ вами — рѣшимость и
«счастье.» Въ Штаргардѣ, гдѣ осенью
была главная квартира, Блюхеръ за-
немогъ опять, и ипохондрія сильно дѣй-
ствовала на его воображеніе. Во время
припадокъ своихъ, онъ много и подро-
бно рассказывалъ, какъ онъ въ послѣд-
ствіи долженъ снова выступить на по-
прище войны, ишвергнуть францу-

скаго императора, освободить Германію и побѣдоносно ввести короля въ его владѣнія, — все это безъ малѣйшаго сомнѣнія, какъ дѣла совершенно вѣрныя. «Наполеонъ долженъ пасть; я буду содѣйствовать его паденію и не умру прежде, чѣмъ это исполнится.» Надъ нимъ смѣялись тогда, но онъ твердо вѣрилъ своему высшему призванію и близкому исполненію его.

Дѣла Наполеона въ Испаніи внушили прусскимъ патриотамъ мысль сосредоточить свои силы; но политическія обстоятельства Пруссіи не позволяли ни Блюхеру, ни членамъ Тугендбунда привести планы свои въ исполненіе. Союзъ Наполеона съ Австріею, казавшійся, надолго утверждалъ настоящій переодокъ вещей. Во время этихъ безпокойствъ и перемѣнъ, Блюхеръ, 20 мая 1809 года, произведенъ былъ въ генералы отъ кавалеріи и съ тѣмъ мѣстоу получилъ право занимать въ арміи высшее мѣсто.

Воснищенныя приготовленія въ Пруссіи не побѣгли вниманія Наполеона; онъ грозилъ ей войною, которая должна была, при недостаткѣ средствъ, въ конецъ разрушить королевство: въ слѣдствіе того, 24 февраля 1812 года, между Пруссіею и Франціею былъ заключенъ договоръ, по которому первая обязывалась выставить 20 тысячъ войскъ въ случаѣ войны съ Россіею. Блюхеръ, отъявленный врагъ Французовъ, былъ вызванъ изъ Помераніи въ Берлинъ; подозрѣніе французскаго правительства лишило его занимаемаго имъ въ арміи мѣста; король, сознавая его прежнія заслуги, подарилъ ему помѣстье Кунцендорфъ въ Силезіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ, повинуясь необходимости, посоветовалъ ему отправиться туда. Съ прискорбіемъ въ сердцахъ удалился Блюхеръ, но не терялъ мужества и въ Силезіи ожидалъ благопріятной минуты, когда снова откроется для него поприще геройскихъ подвиговъ.

Миновалъ 1812 годъ, и мужъ рока бѣжалъ съ остаткомъ своей арміи; къ великой радости всѣхъ патриотовъ, Пруссія заключила въ Калишѣ, 1 марта

1813 года, союзъ съ Россіею; 15-го императоръ Александръ прибылъ въ Бреславль, а 17-го король издалъ прокламацію къ войску и народу, объявляя имъ о войнѣ съ Наполеономъ, что исполнило радостью и войско и народъ. Командованіе войсками въ Силезіи сначала не было поручено Блюхеру, потому-что многіе опасались его отважныхъ рисковъ способами войны; другіе боялись его старости (ему было тогда 71 годъ отъ роду), долженствовавшей ослабить и силу его и дѣятельность. Предводителемъ назначенъ былъ генералъ графъ фон-Тауэнцицъ. Гидъ Блюхера на такое назначеніе вышелъ изъ всѣхъ границъ; на базѣ, который давалъ городъ Бреславль въ честь императора Александра, Блюхеръ за стаканомъ нунша громко порицалъ Тауэнцица и всѣхъ, кто въ рѣшительное мгновеніе дѣйствуетъ медленію и пренебрежительнымъ представленіемъ импріальныхъ силъ уменьшаетъ свою собственную; пусть бы ему дали въ команду 30 тысячъ челоуѣкъ: съ ними онъ выгнать Наполеона и его Французовъ изъ Германіи; за цѣну этого онъ готовъ былъ прозакладывать свою голову. Къ требованію высказывалъ челоуѣка, увереннаго въ своемъ дѣлѣ, и противъ Наполеона такая уверенность гораздобѣе могла подѣйствовать, чѣмъ самая благоразумная осторожность. Шаргоретъ всѣми силами старался о возвращеніи начальства старому вождю, и когда послѣдній дѣйствительно былъ назначенъ предводителемъ, то прикинулъ къ нему въ званіи генерал-квартирмейстера, и такимъ образомъ изъ двухъ лицъ самая дальновидная осторожность соединена была съ геройствомъ, нерѣдко безразсуднымъ. Шаргоретъ пробылъ начальникомъ штаба его до 28 іюня, и потомъ умеръ, въ слѣдствіе раны, полученной имъ въ сраженіи при Грос-Гершенѣ; мѣсто его въ званіи начальника штаба заступилъ генералъ Гвейсенау, который имѣлъ еще большее вліяніе на дѣла Блюхера. Не будемъ повторять событій этой кампаніи, занимающей воинамъ

Место въ истонившихся міра, какъ не повторили прочіихъ военныхъ дѣйствій, которыя бы отвлекли насъ отъ героя нашего; въ эту кампанію семидесятилѣтній старикъ дрался, какъ юноша, находясь всегда впереди отряда и, вспоможествуемый совѣтами Гнейзенау, превосходно составлялъ планы битвъ; наши русскіе солдаты, нерѣдко бывшіе подъ его предводительствомъ, прозвали его «генералъ Форвертъ», потому-что во время сраженія и похода старикъ всегда скакалъ впереди и поощрялъ подчиненныхъ громкимъ крикомъ «*vorwärts, vorwärts*»; всѣ прочіе союзники единогласно отдавали справедливость его необычайной храбрости. Послѣ битвы при Лейпцигѣ, со всѣхъ сторонъ шли побѣдители — Русскіе, Пруссакіи, Австрійцы, Шведы, и впереди ихъ государи и полководцы съ многочисленною свитою; между ними бѣжалъ Блюхеръ, окруженный своими штабомъ; онъ сошелъ съ коня на торговой площади, гдѣ уже находились союзные монархи и поздравляли другъ друга съ побѣдою; когда приблизился Блюхеръ, императоръ Александръ обнялъ его, называя освободителей Германіи и подвелъ его къ королю прусскому, который въ свою очередь благодарилъ его въ самыхъ благоклонныхъ выраженіяхъ. То была самая блестящая побѣда союзниковъ; и радость ихъ была тѣмъ болѣе понятна, что дѣло шло о свободѣ и независимости европейскихъ государствъ. Послѣ краткаго пребыванія въ Лейпцигѣ, принцъ Вильгельмъ прусскій (братъ короля) собственноручно вручилъ Блюхеру лентный рескриптъ короля, назначавшій его въ званіе фельдмаршала. «Безпрерывными побѣдами вашими», говорилъ король: «вы оказывали государству услуги скорѣе, чѣмъ я въ состояніи былъ воздавать вамъ мою признательность». Императоръ австрійскій украсилъ его орденомъ Маріи-Терези большого креста; Императоръ вѣтеросіейскій придалъ ему драгоцѣнную саблю, осыпанную алмазами. Все войско приня-

ло участіе въ торжествѣ своего вѣдѣ и въ лицѣ его считало себя воина-гражданиномъ. Русскіе и Пруссакіи, бывшіе подъ его предводительствомъ, наперерывъ старались оказать ему свое уваженіе; они любили его, и не мудрено: онъ обладалъ всѣми качествами, дорогими для солдатъ, не считалъ своихъ противниковъ, шелъ всегда впереди своего отряда и, по окончаніи битвы, прежде всего заботился о нуждахъ своихъ подчиненныхъ.

Едва-ли надобно повторить немощныя слѣдствія лейпцигской битвы. Моущество Наполеона было сильно потрясено; созданная имъ королевства пала; союзники приобрѣли огромныя преимущества, и умы государственныхъ людей изыскивали средствъ, какъ бы заключеніемъ мира удержавъ за собою приобретенныя выгоды; такия мѣры возбудили ропотъ въ патріотахъ, которые не хотѣли дѣлать ничего въполовину и требовали дальнѣйшаго похода и окончанія такъ славно начатаго; болѣе всего, подобное мнѣніе господствовало въ главной квартирѣ Блюхера, который, въ то время, какъ множество дѣлъ занимало дипломатовъ во Франкфуртѣ, только и думалъ, какъ бы продолжить войну: онъ предлагалъ быстро перейти за Рейнъ, стать на границу Франціи, взять Парижъ и такъ уже окончательно поразить врага. Такое предложеніе многимъ казалось мѣрою весьма отважною; многіе утверждали, что опасно будетъ вступить на почву Франціи и повести народъ къ общему возстанію; другіе советовали стать на зимнія квартиры и приступить къ мирнымъ переговорамъ. Такия образцы составились дѣйствіемъ партій мира и партій войны; послѣдняя, какъ мы уже замѣтили, во главѣ своей имѣла Блюхера; его бурная рѣчь нанесла раны противникамъ подобно мечу его; передъ геройскою силою стараго фельдмаршала падали въ прахъ многіе блестящіе доводы; во такой способъ дѣйствія возбудили противъ него горькія насмѣшки: начали говорить опять о бояхъ, о гусарахъ, которыхъ

хочет вести войну, какъ неравсчитанный игрокъ, и приписываетъ счастье свое уму; что прежде можно было рисковать многимъ, потому-что терять было ничего, но что въ настоящее игновеніе должно дѣйствовать осторожно, не истощать войска и безъ того истощеннаго форсированными маршами, и проч., и проч. Но, не смотря на всѣ эти выраженія, нѣтъ Блюхера нѣло на своей сторонѣ сочувствіе народовъ; съ его предводительствомъ соединялась непоколебимая довѣренность и его блистательное «*voitûtre*» переходило изъ устъ въ уста и увеличивало его популярности.

Недолго оставались въ нерѣшиности: партія войны восторжествовала. Союзныя войска двинулись вперед и начали дѣйствовать: участіе Блюхера въ этихъ дѣйствіяхъ слишкомъ извѣстно; ни старость, ни болѣзни не препятствовали ему распорядиться командованіемъ, и наконецъ 31 марта 1814 года онъ достигъ желанной цѣли: союзныя войска вступили въ Парижъ; владычеству Наполеона положенъ былъ конецъ, и монархи-союзники въ самой столицѣ Франціи торжествовали освобожденіе Европы.

Но Блюхеръ не могъ исполнѣ наслаждаться первою минутою торжества, столь близкаго къ его сердцу; жестокая лихорадка и глазная боль немучили его; правда, онъ постоянно распоряжался войскамъ, и въ распоряженіяхъ этихъ высказывалъ тотъ же рѣшительный, неутомимый духъ; но тѣлесныя силы не позволяли ему лично выдерживать битвы до конца; часто ему трудно было даже подписывать свое имя. Въ день битвы при Парижѣ, онъ выскокнлъ изъ кареты съ зонтомъ на глазахъ, сдѣлавшииъ нѣтъ зеленой женской шляпки, потомъ вскочилъ на лошадь и показавъсѣ войскамъ, хотя положеніе его требовало невозмущаемаго спокойствія. При вступленіи въ Парижъ 19 марта (нашего стиля) онъ рано поутру всталъ съ постели и явился въ полкомъ мундирѣ съ зонтомъ своимъ подъ генеральской шляпою. Неотступ-

ныя просьбы Гнейзенау и генерал-хирурга доктора Фѣльме заставили его остаться на Монмартрѣ, и вступленіе въ Парижъ совершилось безъ него. Для два сутокъ, онъ тихо въѣхалъ въ городъ и поселился въ отелѣ герцога отрантскаго; болѣзнь скоро оставила его, и даже арміе начало поправляться. Императоръ російскій и король прусскій посѣщали его и оказывали ему возможное вниманіе.

Спокойствіе и правильныя врачевныя пособія, на которыя наконецъ согласился Блюхеръ, при сильномъ тѣлосложеніи, скоро возстановили его силы; онъ началъ выходить, дѣлалъ визиты, осматривалъ достопримѣчательности города, а въ остальное время, по обыкновенію большей части военныхъ во время мира, посѣщалъ гулянья, кофейныя, игорныя дома. Пале-Рояль, представлявшій соединеніе всѣхъ этихъ забавъ, скоро сдѣлался любимымъ мѣстопребываніемъ нашего героя. Во время похода, постоянно занятый дѣломъ войны, онъ не бралъ въ руки картъ и даже строго возыскивалъ съ тѣхъ, которые, вопреки запрещенію, занимались азартными играми. Теперь, когда не было изъ виду никакого настоящаго дѣла, онъ своимъ предался своей страсти. Въ партікулярномъ сюртукѣ ходилъ онъ прогуливаться въ Пале-Рояль; иногда его замѣчали, иногда толпа любопытныхъ собиралась вокругъ него, и чтобъ избѣгнуть общаго вниманія, онъ уходилъ въ игорную залу и садился на обычное мѣсто за зеленымъ столомъ, гдѣ выигрывалъ и проигрывалъ большія суммы; трубка рѣдко оставила его, но въ питьѣ онъ почти всегда соблюдалъ умеренность; не вино и пуншъ, какъ прежде, а за завтракомъ грѣтое пиво составляло его обыкновенное питье. Однакожъ за обѣдомъ у Вері, ему показавъсѣ жарко, и онъ безъ церемоній сбросилъ съ себя сюртукъ. Французы роптали на такую невѣжливость, но присутствовавшіе тутъ Англичане громко изъявили свое одобреніе. Вообще онъ недово-

вался расположеніемъ Англичанъ: характеръ его былъ сходенъ съ ихъ характеромъ, и сочувствіе этого народа, приобретенное имъ заочно, сдѣлалось рѣшительно при личномъ знакомствѣ; одинъ изъ нихъ, познакомившись съ нимъ, тотчасъ уѣхалъ, чтобъ рассказывать объ немъ въ Old-England. На балѣ у сѣра Чарльза Стюарта, который союзные монархи почтили своимъ присутствіемъ, впервые встрѣтились Блюхеръ и Веллингтонъ: когда послѣдній вошелъ, музыка замолчала и танцы остановились; взоры всѣхъ обратились на пришедшаго, но онъ, откланившись государямъ, обратился къ Блюхеру; молча посмотрѣли они другъ на друга, крѣпко сжали другъ другу руки и потомъ около двухъ часовъ провели въ разговорѣ, который, разумеется, не могъ обойтись безъ толмача. Оба полководца, съ востока и запада соперничествовавшіе въ битвахъ противъ Наполеона и долженствовавшіе скоро опять соединиться въ одной общей цѣли, представляли мало сходства; суровая наружность Блюхера рѣзко противорѣчила свѣтскому обращенію Веллингтона; первый олицетворялъ собою простую натуру личнаго героя; второй искуснаго тактика; къ-тому же, въ Веллингтонѣ видѣнъ былъ государственный человѣкъ, а Блюхеръ, когда умолялъ громъ сраженій, ни мало не заботился о политическихъ дѣлахъ и возвышалъ голосъ въ такомъ только случаѣ, когда ему не нравились условія мира. 30 мая заключенъ былъ съ Франціею мирный договоръ, и государи, полководцы и министры располагали уже пуститься въ обратный путь; большая часть войска уже выступила; но прежде императоръ россійскій и король прусскій рѣшились посѣтить Англію, куда убѣдительно приглашалъ ихъ принцъ-регентъ. Блюхеръ еще въ апрѣлѣ получилъ лестное приглашеніе отъ принца-регента и изъявилъ готовность отправиться въ Англію. Еще до отъѣзда своего, онъ получилъ отъ короля своего рескриптъ, который возводилъ его въ званіе князя съ прибав-

Т. XLVI. — Отд. VII.

леніемъ къ имени его фамиліи фон-Вальштегъ; имъ это онъ могъ передать нисходящему потомству съ титуломъ графа, и вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ значительное помѣстье. Сподвижники его, Гнейзенау, Йоркъ, Бюловъ, Клейстъ и Тауэнцинь получили также значительныя награды.

6 іюня въ полдень монархи, министры и полководцы сѣли въ Булони на корабль *Impregnable*, находившійся подличнымъ предводительствомъ герцога Кларенскаго. Блюхеръ съ восторгомъ привѣтствовалъ чудный островъ, который часто представлялся его воображенію. Безчисленное стеченіе народа встрѣтило въ Дуврѣ высокихъ гостей. Когда *Impregnable* приблизился къ берегу, время прилива уже миновало, и потому прибывшіе должны были переправляться въ легкихъ шлюпкахъ. Вниманіе толпы, съ любовию обращенное на всѣхъ гостей, не имѣло определенной цѣли. Здѣсь случилось посреди общаго торжества забавное происшествіе. Блюхеръ, какъ всѣ вельможи и самые государи, былъ одѣтъ въ партикулярное платье; изъ всего собранія только одному вздумалось одѣться въ богатой мундиръ, генеральскую шляпу и прищипить саблю. Толпа воображала, что этогъ одинъ долженъ быть непременно Блюхеръ; множество народа бросилось по-полю въ воду на встрѣчу шлюпокъ, привѣтствовало предполагаемаго героя громкими восклицаніями радости, схватило на руки и съ триумфомъ понесло на берегъ. Никакія представленія разволѣтаго генерала не помогали; онъ былъ заглушенъ крикомъ: «Blucher for ever!» Пока живая масса переправлялась къ берегу на рукахъ восхищеннаго народа, Блюхеръ спокойно ступалъ на землю въ другомъ мѣстѣ; едва узнали настоящаго Блюхера, крики раздались еще сильнѣе, а двойникъ его, не смотря на всѣ просьбы и мольбы, безъ малѣйшихъ перемонъ былъ опущенъ въ воду, и все побѣжало въ другую сторону! Тогда народъ поднялъ на руки Блюхера, каждый хотѣлъ коснуться его,

1/2 2

оторвать клочокъ его платья. Молодые дѣвушки тѣснились къ нему, хотѣли его поцаловать, или, по крайней мѣрѣ, пожать ему руку. Въ улицѣ передъ его квартирою была такая же толпа; Блюхеръ угадалъ послѣ, что онъ боялся погибнуть подъ тяжестью почестей, которыя ему оказывали; цѣлая вереница разряженныхъ дамъ встрѣтила его у порога и требовала у него на память локонъ; тогда онъ указалъ на свою голову, на которой оставалось очень-немного волосъ и велѣлъ переводчику сказать, что онъ самъ видитъ, какъ онъ бѣденъ въ этомъ отношеніи и если дастъ хотя по одному волоску каждой изъ этихъ прекрасныхъ просительницъ, то останется лысъ на всю жизнь. Вся дорога отъ Дувра до Лондона была покрыта безчисленными толпами, стремившимися видѣть побѣдоносныхъ монарховъ; но такъ-какъ ихъ величествамъ удалось рано утромъ 7-го іюля проѣхать въ простыхъ костюмахъ и миновать восторговъ толпы, то всѣ эти восторги обрушились на Блюхера. Болѣзненное состояніе старика подало поводъ къ забавному приключенію (см. Біографію Блюхера въ *Biographische Denkmale*, стр. 388), которое замедлило его шествіе посреди безчисленныхъ зрителей по обѣ стороны дороги; наконецъ, на встрѣчу къ нему выѣхала коляска принца-регента подъ прикрытіемъ отряда конницы; онъ сѣлъ въ нее, и, проѣзжая мимо драгунскаго полка гвардіи, стоявшаго на парадѣ, всталъ въ коляскѣ и съ непокрытою головою приветствовалъ солдатъ; народъ непрерывно изъявлялъ ему радость и одобреніе. Вотъ, что сказано было въ газетахъ того дня: «Почтальйоны имѣли предписаніе везти фельдмаршала Блюхера прямо въ Карлтонъ-гоузъ къ принцу-регенту. Когда экипажъ его выѣхалъ въ боковыя ворота прежде запертаго передняго двора, то всадники и пѣшеходы съ такою силою ворвались за нимъ въ слѣдъ, что привратникъ и оба часовые были смяты въ буквальный смыслъ, и дальнѣйшее

движеніе движущагося народа можно было остановить только силою. Коляска остановилась у одного изъ боковыхъ выходовъ дворца, и полковники Блумфильдъ и Конгрэвъ, въ полномъ мундирѣ и съ открытыми головами, вышли на встрѣчу къ фельдмаршалу, помогли ему выйдти изъ коляски и повели его чрезъ главный входъ во внутреннія комнаты принца-регента. Теперь уже невозможно было удерживать народъ. Онъ стучалъ въ рѣшетки и стѣны, какъ-будто-бы хотѣлъ взять приступомъ дворецъ, такъ что, для предупрежденія безпорядка, необходимо было отворить боковыя ворота. Черезъ нѣсколько времени увидѣли принца-регента съ фельдмаршаломъ въ большой открытой галерей замка, куда стѣснилось столько народа, сколько могло помѣститься; даже лошадиныя головы нѣкоторыхъ нескромныхъ всадниковъ показались въ ней. Въ этой галерей принцъ-регентъ собственною рукою возложилъ на грудь фельдмаршала свой мундирный портретъ, осыпанный знаменами. При такомъ торжественномъ сознаніи заслугъ его, Блюхеръ сталъ на одно колено и вставая, по англійскому обычаю, поцаловалъ руку у принца-регента. Фельдмаршалъ возвратился тогда съ принцемъ-регентомъ во внутреннія комнаты и еще съ полчаса разговаривалъ съ нимъ, потомъ отправился въ приготовленную для него квартиру, рядомъ съ жилищемъ короля прусскаго; народъ такъ сильно тѣснился къ нему, что многіе стали позади его коляски на подожкахъ, а нѣкоторые съ нимъ рядомъ, при громогласныхъ кликахъ: *Blucher for ever!* На слѣдующій день, когда Блюхеръ ѣхалъ въ полномъ мундирѣ представляться королю, народъ выпрягъ лошадей изъ его экипажа и съ криками «ура!» домчалъ его на себѣ до самого шѣста. Кромѣ монарховъ, присутствіе которыхъ день и ночь приводило народъ въ движеніе, ни одинъ изъ чужихъ гостей не возбуждалъ такого энтузіазма, какъ Блюхеръ; многіе

знаменитые люди стояли уже на второй степени, и даже самъ Веллингтонъ долженъ былъ уступить первенство Блюхеру; одинъ только нашъ храбрый Платовъ нѣсколько раздѣлялъ съ Блюхеромъ энтузіазмъ англійскаго народа; эти два имени повторялись всюду, и кому удавалось пожать этихъ героимъ руку, тотъ въ восторгѣ о томъ рассказывалъ; нѣсколько дней постоянно преслѣдовалъ ихъ народъ и осыпалъ знаками своего вниманія и любви. 14-го іюня высокіе гости отправились въ Оксфордъ, чтобъ осмотрѣть тамошній университетъ; на слѣдующій день императору Александру и королю прусскому торжественно поднесли дипломы на званіе докторовъ гражданскаго права, и остальное время торжества оба монарха и принцъ-регентъ, еще прежде получившіі этотъ титулъ, оставались въ докторскихъ мантияхъ. Веллингтонъ былъ наименованъ докторомъ права, а Блюхеръ, князь Меттернихъ и графъ Ливенъ почетными членами факультета; при именахъ Веллингтона и Блюхера студенты подвигали такой крикъ радости, что онъ раздавался по всему городу. Блюхеръ же, услышавъ, что его провозглашаютъ докторомъ, нашелъ это столь забавнымъ, что воскликнулъ съ непритворнымъ смѣхомъ: «Ну, ужь если я буду докторомъ, то Гнейзенау они должны непременно сдѣлать аптекаремъ, потому-что оба мы составляемъ одно». Здѣсь также Блюхеръ былъ идоломъ толпы, и съ ранняго утра до поздней ночи оставался постояннымъ предметомъ ея вниманія. Кембриджскій Университетъ прислалъ ему также докторскій дипломъ. По возвращеніи гостей въ Лондонъ, слѣдовали пиры за пирами, — такіа празднества, такое движеніе жизни возможны были только въ одной Англіи, находившейся на высотѣ своей славы и богатства.

«О пребываніи Блюхера въ Лондонѣ (говоритъ Фарнгагенъ) сохранилось много забавныхъ рассказовъ. Однажды при возвращеніи домой изъ таверны фран-масо-

новъ, онъ нашелъ переднюю свою наполненную дамами, которыя хотѣли видѣть его и тотчасъ же его окружили. Чтобъ избавиться отъ докучнаго посѣщенія, онъ выдумалъ наконецъ хитрость: обнявъ близъ-стоящихъ въ надеждѣ, что прочія разбѣгутся: напротивъ, всѣ стали еще сильнѣе тѣсниться къ нему, и ни одна не хотѣла уступить чести получить поцалуй отъ старика Блюхера. Въ то же время онъ овладѣлъ его султаномъ, и клочки перьевъ едва могли удовлетворить множеству прекрасныхъ ручекъ. На слѣдующее утро, новая толпа прекрасныхъ дамъ явилась въ его переднюю и требовала обнять его. Во всякомъ случаѣ, онъ являлся уступчивымъ и благосклоннымъ. Услышавъ объ отчаяніи мистриссъ Шериданъ, которая была больна и не могла видѣть великаго Блюхера, Блюхеръ самъ посѣтилъ ее. 21-го въ лондонской тавернѣ, въ день отъѣзда своего въ Портсмутъ, Блюхеръ благодарилъ хозяевъ во имя своихъ германскихъ соотеченъ признательную рѣчь, гдѣ между прочимъ сказалъ: «Еслибъ у меня не было жены и дѣтей, то я никогда бы не оставилъ этой блаженной страны. Должно быть отрадно и утѣшительно жить посреди народа, который такъ высоко стоитъ надъ прочими своимъ законоположеніемъ, который отличается всѣми преимуществами, и богатство свое употребляетъ такимъ благороднымъ и великимъ образомъ. Не нахожу словъ, чтобъ выразить благодарность за всѣ знаки любви, которыми вы осыпали меня; но если вы положите руки ваши ко мнѣ на сердце, то вы почувствуете, какъ сильно бьется оно признательностью къ вамъ. Не могу ничего сказать болѣе; желаю только, чтобъ вы въ вѣчномъ мирѣ наслаждались всѣми благами, которыя вы вполнѣ заслужили». 21-го же въ свѣтъ монарховъ отправился Блюхеръ въ Портсмутъ, гдѣ повторилъ приемъ, сдѣланный ему въ Лондонѣ и Оксфордѣ; говорятъ, что болѣе 300 тысячъ окрестныхъ жителей собралось туда. Блюхеръ такъ былъ стѣсненъ народомъ, что портреть, подаренный ему принцомъ-регентомъ, разлетѣлся въ куски. «Ура! Блюхеръ, Блюхеръ!» раздавалось со всѣхъ сторонъ. «Shew me the conqueror of the tyrant», кричали толпы народа передъ его жилищемъ и «come forward Blücher», до-тѣхъ-поръ, пока онъ не подошелъ къ окну и не выпилъ стакана за здоровье присутствовавшихъ,

которые отъѣзжали продолжительнымъ «тура». Послѣ нѣкоторыхъ небольшихъ экскурсій, императоръ россійскій и король прусскій отправились 26-го изъ Дувра въ Калѣ. При отъѣздѣ Блюхера, народъ снова выпрагъ его лошадей и вывезъ его далеко за городъ; по желанію принца-регента, изъ Портсмута, гдѣ онъ съ герцогомъ веймарскимъ останавливался у герцога кларенскаго, отправился онъ 27-го опять въ Лондонъ, и по-прежнему встрѣченъ былъ страшнымъ шумомъ. Когда онъ въ Pall-Mall прогуливался объ-руку съ Веллингтономъ, то они едва могли протѣсниться сквозь толпу; онъ присутствовалъ еще при многихъ праздникахъ, данныхъ въ честь Веллингтону, между прочимъ въ Pitts-Club, гдѣ провѣсь энергическую рѣчь, которую переводилъ герцогъ кембриджскій. Принцъ-регентъ еще прежде велѣлъ своему придворному живописцу Муренсу нарисовать портретъ Блюхера; тысячи оттисковъ его разошлись по всей Англіи. При прощаніи, принцъ-регентъ подарилъ «своему другу» прекрасное охотничье ружье и отпустилъ стараго герцога съ сердечнымъ желаніемъ ему счастья. 11-го іюля въ полдень Блюхеръ оставилъ Лондонъ и вечеромъ того же дня прибылъ въ Дувръ. Прежде, чѣмъ онъ оставилъ гостиницу, чтобъ отправиться на корабль, онъ подошелъ къ окну, приветствовалъ зрителей, встрѣтившихъ его оглушительными кликами радости и выпилъ стаканъ вина за здоровье англійскаго народа; крики одобренія и рукоплесканія отъѣзжали ему. Когда же онъ отправился къ берегу, то долженъ былъ направо и налѣво подавать руку. Наконецъ, онъ сѣлъ въ шлюпку и присталъ къ кораблю «Язонъ», который, снявшись съ якоря, при попутномъ вѣтрѣ увезъ его отъ береговъ Англіи. Съ высотъ берега отъѣздъ его сопровождался громомъ орудій и громкимъ продолжительнымъ «ура!» стоявшего на берегу народа.»

Прибытіе Блюхера въ Германію было новымъ торжествомъ; куда онъ ни появлялся, его приветствовали какъ освободителя, давали въ честь ему праздники, толпились къ нему на встрѣчу. Такъ встрѣтили его въ Берлинѣ, такъ встрѣтили его въ Бреславлѣ, куда онъ отправился проводить лѣто. По возвращеніи въ Берлинъ, онъ услышалъ о дѣйствіяхъ вѣнскаго кон-

гресса, вообще былъ недоволенъ имъ и, по обыкновенію своему, громко выражалъ неодобреніе; новая гроза прекратила всѣ толки и переговоры, вызвала его еще разъ на ширинѣ собственно ему принадлежавшее и утѣчала его новыми лаврами. Между тѣмъ, какъ дипломаты разсуждали на вѣнскомъ конгрессѣ, молніей промчалась вѣсть, что 27-го февраля Наполеонъ оставилъ островъ Эльбу и съ войскомъ вышелъ на берега Франціи; преданіе, казавшееся сначала нелѣпою, совершалось быстро; Наполеонъ былъ опять императоромъ, противъ него опять соединилась Европа. Новѣстие это произвело сильное впечатлѣніе въ Берлинѣ; Блюхеръ одинъ изъ первыхъ услышалъ его; рано утромъ явился онъ къ англійскому послу, безъ церемоній вошелъ къ нему въ спальню и разбудилъ его вопросомъ: «Есть ли у Англичанъ флотъ въ Средиземномъ Морѣ?» Посланникъ, не вдругъ понявъ смыслъ вопроса, съ изумленіемъ услышалъ о переправѣ Наполеона съ Эльбы во Францію, и ничѣмъ не могъ опровергнуть предположенія, что англійскіе корабли оставили островъ безъ защиты. «Намъ снова надо будетъ начинать издалика» сказалъ Блюхеръ: «и въ этомъ виноваты Англичане!» Съ этими словами онъ вышелъ; тотчасъ же сбросилъ свой партикулярный сюртукъ и явился Подъ-Липами въ фельдмаршальскомъ мундирѣ; народъ ободралъ его и радовался этому шѣмому воззванію. Многіе сомнѣвались, чтобъ онъ, послѣ столькихъ славныхъ дѣлъ и столькихъ счастливыхъ битвъ, рѣшился рисковать своею славою; и дѣйствительно, онъ безъ ущерба своей знаменитости могъ бы уступить начальство болѣе-молодымъ генераламъ, но такая политика была чужда ему; съ первой минуты, онъ рѣшился участвовать въ войнѣ, — въ какомъ званіи, то должна была рѣшить воля короля. Скоро неудовѣніе окончилось: онъ назначенъ былъ главнокомандующимъ войскъ, стоявшихъ на Нижнемъ Рейнѣ; Гнейзенау тотчасъ же отправился ту-

да, чтобъ привести все въ порядокъ. Веллингтонъ, бывшій въ Вѣнѣ, поѣхалъ въ Нидерланды и принялъ начальство надъ соединеннымъ войскомъ Пруссакъ и Германцевъ. 17-го апрѣля, Блюхеръ прибылъ въ Кельнъ, 19-го въ Липпихъ, гдѣ учредилъ свою главную квартиру. Оба военачальника условились о взаимномъ дѣйствіи, въ случаѣ нападенія Французовъ; въ распоряженіи ихъ находилось до пятидесяти тысячъ войска.

Война была рѣшена, результаты ея слишкомъ известны— Ватерлоо и Островъ-св.-Елены для Наполеона; окончательное освобожденіе Европы и новые лавры для Блюхера и Веллингтона. По окончаніи кампаніи, герой нашъ довольно-долго пробылъ въ Парижѣ, въ Версали, наслаждался плодами своихъ побѣдъ, знаками уваженія союзныхъ войскъ, изъясненіемъ признательности своего государя; жалѣемъ, что предѣлы статьи и безъ того, можетъ-быть, слишкомъ-длинной, не позволяютъ намъ подробно рассказать эту эпоху блистательной славы старика-Блюхера, но всѣ читали и слышали много объ этомъ времени, между-тѣмъ, какъ не всѣмъ извѣстна жизнь Блюхера послѣ ватерлооской битвы.

По окончаніи похода и прекращеніи всѣхъ дѣлъ по части управленія войскомъ, Блюхера оставили силы, одушевлявшія его огнемъ юности, когда нужно было дѣйствовать; прежніе болѣзненные припадки чаще стали посѣщать его; на возвратномъ пути изъ Парижа знаки уваженія и почести выводили его изъ терпѣнія; въ Ахенѣ онъ сильно занемогъ, долженъ былъ прожить тамъ двѣ недѣли и, уѣзжая оттуда, чувствовалъ сильныя страданія. Черезъ Кельнъ отправился онъ въ Кобленцъ, потомъ, 18-го декабря, во Франкфуртъ на Майнѣ, гдѣ при вѣздѣ его стеченіе народа было огромное; почетная стража народной гвардіи сопровождала его; онъ ѣхалъ въ каретѣ герцога-Бонапарте, взятой въ битвѣ при Бель-Альянсъ и остановился въ гостиницѣ Благо-Лебеда. Вечеромъ, когда

при свѣтѣ фанеловъ и громѣ военной музыки, присутствовали его крики народа, онъ почувствовалъ себя такъ сильнымъ, что въ состояніи былъ выйти на балконъ и произнести рѣчь къ народу; въ благоговѣнномъ молчаніи слушало многочисленное собраніе слова сѣлаго вождя, какъ-то вдохновенно звучавшія среди ночи; онъ говорилъ о германской храбрости, о вновь-приобрѣтенной свободѣ, о любви своей къ этому городу, между жителями котораго у него много старыхъ друзей, и наконецъ, возвращаясь къ своему настоящему состоянію, жаловался на немощную старость и окончилъ неожиданнѣйшимъ желаніемъ лечь въ могилу посреди добрыхъ жителей этого лучшаго въ отечествѣ его города; тогда онъ простился съ народомъ, который, прокричавъ ему «виватъ!», разторганный и наумленный разошелся по домамъ тихо, чтобъ болѣе не тревожить спокойствія больного воина.

Въ Франкфуртѣ онъ пробылъ шесть-надцать дней больной и печальный; мысль о смерти была для него невыносима; на полѣ битвы и вообще передъ лицомъ непріятеля, она никогда не приходила ему въ голову, но не оставила его во время болѣзненныхъ припадковъ, усиливала ихъ и отгоняла утѣшительную надежду выздоровленія. Правда, въ добрую минуту онъ говаривалъ: «Вечеръ жизни моей давно наступилъ, но я не боюсь ночи»; совѣтъ-тѣмъ, привязанность къ жизни видна была въ немъ особенно тогда, когда онъ считалъ болѣзнь свою неизлечимою. Разстѣніе общества иногда развеселяло его; министръ Штейнъ, друзья его Бетманъ и Гонтаръ и другіе составляли ему по вечерамъ партію; нерѣдко развеселясь, старикъ шутилъ и забавлялъ общество, и анекдоты о немъ повторялись по городу; удалась отъ дѣлъ, онъ обо всемъ судилъ, какъ солдатъ, и часто высказывалъ мнѣнія и произносилъ приговоры, которые могли сходить съ рукъ одному только Блюхеру.

4-го января онъ оставилъ Франкфуртъ.

фуртъ, сопровождаемый изъясненіями народнаго расположенія, и чрезъ Кассель, Мюнденъ и Брауншвейгъ отправился въ Гальберштадтъ. На прусской границѣ онъ съ трудомъ могъ уговорить народъ не выпрыгать у него лошадей; деревенскимъ дѣвушкамъ, окружавшимъ его экипажъ, онъ сказалъ, что храбрые молодцы, которые служили подъ его начальствомъ, скоро возвратятся и что каждая изъ нихъ будетъ имѣть славнаго мужа. Впрочемъ, веселость его не всегда могла сохраниться посреди тягостныхъ для его здоровья привѣтствій. При въѣздѣ въ Гальберштадтъ, онъ думалъ только о томъ, какъ бы успокоиться, но передъ окнами его ожидала уже толпа. Тогда Блюхеръ почувствовалъ всю тяжесть своей знаменитости; оглушительные клики раздавались безпрерывно, и наконецъ, больной, истомленный, подошелъ онъ къ окну, прося собиравшійся народъ разойтись по домамъ; но возгласы «ура» и «вивать», смѣшанные съ рукоплесканіями, заглушили его слова; напрасно подавалъ онъ знаки и, наконецъ, выведенный изъ терпѣнія захопнулъ окно и въ себя отъ гнѣва воскликнулъ: «Чтобъ чортъ васъ всѣхъ побралъ!» При отъѣздѣ, когда начался опять шумъ, онъ умолялъ толпу успокоиться и безпрерывно торопилъ почтальоновъ.

21-го января, больной уже, прибылъ онъ въ Берлинъ и тотчасъ отпустилъ почетную стражу, къ нему присланную; онъ не могъ даже принять участія въ празднествахъ, которыя готовились къ его прибытію; не смотря на то, вечеромъ, многіе дома были иллюминированы. Только 25-го онъ въ состояніи былъ зваться къ королю, который въ слѣдъ за тѣмъ самъ посѣтилъ его. Нѣсколько дней спустя, депутаты гильдій и гражданъ поднесли ему почетный дипломъ на званіе берлинскаго гражданина. Мало-по-малу здоровье его возстановилось; не проходило дня, чтобъ не давали въ честь ему праздника или не присылали депутацій съ изъясненіемъ уваженія и признатель-

ности. Къ концу марта онъ отправился въ помѣстье свое въ Силезію; особенно хорошо приняли его въ Бреславлѣ и открыли подписку для сооруженія ему памятника. По совѣту врачей, онъ рѣшился для возстановленія своего здоровья провести лѣто въ Карлсбадѣ.

До 1818 года онъ жилъ то въ Берлинѣ, то въ Силезіи, то въ Мекленбургѣ. Лѣто проводилъ въ Богеміи, оставаясь постоянно предметомъ уваженія и народнаго восторга; по лѣтамъ своимъ онъ былъ силенъ и свѣжъ, и предавался обыкновеннымъ своимъ занятіямъ и развлеченіямъ. Весною 1819 года, болязненные припадки стали часто возвращаться къ нему, и онъ нерѣдко говорилъ своимъ приближеннымъ, что видитъ близость кончины. Лѣтомъ этого года, онъ снова отправился въ Карлсбадъ. Силы его возстановились, и врачъ не считалъ за нужное слѣдовать за нимъ; такимъ образомъ оставилъ онъ Богемію и къ концу августа прибылъ въ Крибловицъ, въ Силезію. Здѣсь онъ занемогъ серьезно. Известною опытностію своею докторъ Вендтъ тотчасъ же вызванъ былъ изъ Бреслава и подаль ему необходимую помощь; но такъ-какъ Блюхеръ отказывался принимать лекарство и вообще не охотно повиновался предписаніямъ врача, то послана была вѣстница въ Берлинъ за прежнимъ лекаремъ его полка, докторомъ Біаске, которому онъ въ продолженіе многихъ лѣтъ привыкъ вѣрить. Послѣдній много имѣлъ вліянія надъ больнымъ, но не могъ добиться отъ него правильнаго приема лекарства. Блюхеръ былъ совершенно убѣжденъ въ близкой смерти и говорилъ бывшему адъютанту своему, графу Ностицу: «Не правда ли, мой любезный Ностицъ, вы многому отъ меня научились; теперь должны у меня же поучиться, какъ умирать спокойно».

Король, бывший тогда въ Силезіи, услышавъ объ усиленіи болязни Блюхера, 5-го сентября отправилъ къ нему генерал-адъютанта Витцлебена, который нашелъ его слабымъ, но въ мо-

немъ разсудкъ. Блюхеръ поручилъ генералу поблагодарить его величество за всѣ оказанныя ему милости, просилъ не оставить его жены и схоронить его въ назначенномъ имъ мѣстѣ, подъ тремя липами на дорогѣ изъ Кривовица въ Кантъ. Генералъ убѣждалъ его не думать о близкой кончинѣ, потому-что медики вовсе не считаютъ положенія его безнадежнымъ.

Блюхеръ отвѣчалъ на это. «Я знаю, что умру скоро, и лучше врачей принимаю свое состояніе. Я умираю охотно, потому-что не могу болѣе приносить пользы. Скажите королю, что я всю жизнь былъ вѣренъ ему и умираю его вѣроподданнымъ». Черезъ день потомъ посѣтилъ его самъ король въ сопровожденіи принца Карла, но Блюхеръ не вдругъ узналъ его. Между прочими выраженіями участія, король сказалъ ему: «Вы можете быть увѣрены, что никто болѣе меня не помышляетъ о вашемъ благѣ. Я знаю, какъ много обязаны вамъ отечество и я самъ. Не теряйте надежды на свое выздоровленіе, слѣдуйте въ точности совѣтамъ врачей и припимайте предписанное вамъ лекарство».

Блюхеръ, глубоко-тронутый, благодарилъ короля, изъявлялъ сомнѣніе насчетъ возможности выздоровленія и еще разъ поручилъ королю жену свою. Послѣ этого посѣщенія, онъ находился постоянно какъ-бы въ усыпленіи, безъ сознанія и страданій; силы оставали его мало-по-малу, и онъ тихо скончался 12-го сентября въ десять часовъ утра на 77-мъ году своей жизни. Король въ честь покойнаго наложилъ на всю армию восьмидневный трауръ. Войска, собранныя въ Бреславлѣ для военныхъ эказерцій, провожали покойнаго фельдмаршала къ избранному имъ послѣднему жилищу, подъ тремя липами. Возвращенные ордена, какъ отечественныя драгоценности, получили особое мѣсто въ королевскомъ собораніи.

Заключимъ статью нашу общео-характеристикою Блюхера, представленною Фарнгагеномъ фонъ-Энзе:

«Блюхеръ былъ строенъ, высокъ ростомъ, крѣпко сложенъ. Старость, а еще болѣе болѣзни нѣсколько сгорбили его. Но голова его была украшена всею красотою, какую когда либо составляла чело-вѣку безпошадная старость. Возвышенный черепъ, покрытый рѣдкими сѣдыми волосами, высокій лобъ, правильный орлиный носъ, пронзительные, подвижные, но вѣстѣ съ тѣмъ кроткіе, свѣтло-голубые глаза, тонкій, покрытый густыми усами ротъ, хорошо-образованный подбородокъ, — все это вѣстѣ составляло превосходный обликъ, въ чертахъ котораго выражался сильный характеръ. Во всемъ образѣ его виденъ былъ военный герой; мужествомъ и смѣлостью проникнуты были всѣ его движенія и вѣстѣ съ тѣмъ видно было глубокое внутреннее спокойствіе, личная беззаботность, неразлучная съ нимъ во всѣхъ обстоятельствахъ. Вы-ражался онъ сурово и по недостатку зубовъ нѣсколько пришепѣтывалъ; въ гнѣвъ онъ былъ жестокъ, въ обыкновенной рѣчи кротокъ и доверчивъ. Свойства его превосходно характеризуетъ авторъ походовъ силезской армии слѣдующими словами: «Съ пронзительнымъ природнымъ умомъ, онъ не соединялъ никакого ученаго образованія; умъ легко найдется въ обществѣ людей и обладая необыкновеннымъ тактомъ понимать собѣдниковъ, онъ всадѣ приобреталъ себѣ друзей своею неистерпаемою веселостію, своею всегдашней добротою. Онъ никогда не смѣялся надъ наукою, но никогда не цѣнилъ ея высоко. Онъ откровенно говорилъ о пренебреженіи своего воспитанія, но также хорошо зналъ, что и безъ образованія въ состояніи быть дѣлать многое. Неустрашимость въ опасностяхъ, терпѣніе въ несчастіи и мужество, возраставшее при трудностяхъ, основывались у него на сознаніи тѣлесной силы, которую онъ нѣрѣдко обнаруживалъ рукопашнымъ боемъ во время прежнихъ своихъ походовъ. Съ лѣтами болѣе-и-болѣе укоренялось въ немъ убѣжденіе, что битва успѣшно можетъ окончиться только такимъ образомъ. Объ офицерѣ, который думалъ иначе, онъ никогда не былъ слишкомъ-высокаго мнѣнія. По убѣжденію его, одна храбрость должна была доставлять воинскую славу, а чтобъ храбрѣйшій могъ потерять ее когда-либо, это казалось ему нелѣпостію; никогда ни малѣйшее безпокойство объ ут-

«ратъ собственной славы не тревожило его при отступленіи или при потерянной битвѣ». Желаніе предводительствовать большими арміями было ему совершенно-чуждо; онъ командовалъ однимъ эскадрономъ такъ же охотно, какъ и цѣлымъ войскомъ. Изъ офицеровъ свиты своей, онъ удостоивалъ довѣренности только самыхъ предприимчивыхъ, а если они разъ получили уже эту довѣренность, то пользовались ею безусловно. Онъ поручалъ имъ составлять планы для маршей, положеній и битвъ, быстро разсматривалъ ихъ, и если они заслуживали его одобренія, то никто уже не могъ подавать ему совѣтовъ. Онъ держался одобренной имъ чужой идеи, какъ своей собственной. Слѣдуя истинѣ, необходимо замѣтить, что въ слѣдствіе своего темперамента, онъ былъ слишкомъ-живъ, слишкомъ-беспокоенъ въ битвахъ. Когда войско получало какое-нибудь повелѣніе, то онъ съ трудомъ могъ дожидаться исполненія и всѣ эволюціи казались ему слишкомъ-медленны. Безполезно было бы представлять ему планъ сраженія, которое должно было бы продолжаться цѣлый день и окончиться вечеромъ: характеръ его требовалъ быстрого исполненія, и отъ-того кавалерія была любимымъ его войскомъ. Правда, онъ не оказывалъ ей расположенія на-счетъ другихъ войскъ, но битва, въ которой дѣло рѣшалось не кавалеріею, казалась ему какъ-бы укоромъ, и онъ неохотно упоминалъ о ней. Этими можно объяснить, почему онъ о сраженіи при Гайнау, которое все не принадлежитъ къ числу рѣшительныхъ военныхъ дѣйствій, говорилъ «охотнѣе, чѣмъ о своихъ великихъ побѣдахъ». Образъ веденной имъ войны показываетъ вездѣ тотъ же характеръ быстроты и смѣлости; войско его было приучено къ стремительной атакѣ. Но его неукротимое мужество и пламенная жажда дѣйствія пользовались каждою ошибкою непріятеля, испровергали всѣ вычисленія; одинъ или въ соединеніи съ другими предводителями, во главѣ своихъ или чужихъ войскъ, самостоятельно или въ зависимости отъ высшихъ повелѣній, онъ всегда быстро нападалъ на непріятеля, не зная никакой политической или личной опасности и въ самыхъ отчаянныхъ дѣйствіяхъ не останавливаясь мыслию объ ответственности.

«О его хладнокровіи въ битвахъ, о его

презрѣніи къ смерти рассказываютъ много чертъ: часто подъ градомъ пуль онъ спокойно курилъ трубку, закинулъ и фетилъ близъ-стоящаго канонера. И замѣтили уже, какъ смѣло бросался онъ во всѣ опасности. Иногда окружавши его стоило большого труда удержать его отъ личнаго участія въ отдѣльных атакахъ; особенно, когда битва казалась сомнительною, онъ всегда хотѣлъ дѣйствовать лично и натискомъ кавалеріи и реинѣить все дѣло; въ такія случаи онъ говаривалъ: «я сейчасъ все поверю иначе», или «я уже сдѣлаю все, лишь мнѣ только подойти къ нимъ». Обычная неустрашимость его и хладнокровіе и были доступны разстройству, которое при битвѣ оставалось въ душѣ самыхъ храбрыхъ. Пробужденный однажды отъ сна извѣстіемъ, что Наполеонъ начинаетъ сѣлое и неожиданное движеніе, Бюхлеръ отдалъ нѣкоторые необходимые приказы спокойно повернулся на другой бокъ и уснулъ. Такими образомъ дѣйствія и такіе понятіями о вещахъ онъ имѣлъ необыкновенное вліяніе на народъ; вездѣ, гдѣ онъ являлся, простодушны были ему преданы даже во Франціи народъ оказывалъ ему своего рода расположеніе. Онъ обладалъ необыкновеннымъ даромъ обращаться къ солдатамъ, ободрять ихъ, воспламенить ихъ къ подвигамъ; слякую нѣсколькихъ словъ, вынужденныхъ ему минутою, онъ потрясалъ самые грубые умы. Однажды, незадолго до назначеннаго штурма крѣпости, онъ хотѣлъ говорить рѣчь къ солдатамъ, какъ вдругъ его поразилъ грязный вѣтъ ихъ, и, связывая слова свои съ этимъ первымъ впечатлѣніемъ, онъ воскликнулъ своимъ мощнымъ голосомъ: «Ребята! съ виду вы похожи на слепыхъ. Но вы разбили Французовъ; этихъ одна-кожъ дѣло не кончено. Сегодня вы должны еще разъ разбить ихъ; вѣче мы пойдемъ къ чорту. Итакъ, смѣло впередъ, дѣти!» Съ офицерами онъ обходился какъ настоящій товарищъ. Рассказываютъ, что въ бытность его въ Помераніи, ему случилось занемочь, и онъ долженъ былъ рано лечь въ постель; но ему не спалось, и онъ внезапно явился посреди своихъ офицеровъ, весело проводившихъ вечеръ, въ одной рубашкѣ, подпираясь тростью; онъ хотѣлъ принять участіе въ разговорѣ, обошелъ кругомъ стола и потомъ концомъ палки толкнулъ одного изъ своихъ любимцевъ; послѣдній вскачалъ

и упрекалъ его превосходительство въ такой не совсѣмъ вѣрливой шуткѣ; но Блюхеръ шутя ударилъ палкою о полъ и возразилъ: «Что это вы воображали? Душаете ли вы, что я боленъ, такъ оставляю васъ въ покоѣ?» и въ своемъ странномъ костюмѣ долго оставался въ веселомъ обществѣ. Такое собраніе ратныхъ товарищей и другихъ собесѣдниковъ, которые не сидѣло жили, не отказывались отъ стакана вина и любили поговорить, было всегда его лучшимъ времяпровожденіемъ. Болѣе всѣхъ винъ онъ любилъ шампанское и не надолго до битвы во Фландрію, произнесъ ему похвальную рѣчь; поднося стаканъ и разсматривая его съ видомъ глубокаго вниманія, онъ воскликнулъ: «Не досадно ли это, что должно вести войну противъ народа, изготавляющаго такой отличный напитокъ? Можно бы было подумать, что это самые отличные люди, но Боже! Боже!... Замѣчательнѣе всѣхъ были его рассказы о событіяхъ военныхъ. Охотнѣе всего онъ говорилъ о дѣйствіяхъ прусскихъ войскъ въ Силезію, о битвахъ при Гайнау и Катцбахѣ; такъ живо и увлекательно описывалъ онъ подробности, что уничтожалъ всѣ сомнѣнія въ истинѣ словъ своихъ, хотя большая часть рассказовъ его состояла изъ вымысловъ. Воображеніе представляло ему любимые образы не въ томъ видѣ, какъ они были, но какъ бы они могли быть по его желанію, и онъ безостановочно предавался мечтамъ! Величайшіе полководцы, и между ними Фридрихъ-Великій, не были нужды этому преувеличенію: могущество, въ которомъ они сами дѣйствовали во время битвы, воспламеняло ихъ при рассказѣ о немъ, и они обманывали сами-себя. Люда принадлежать слѣдующій анекдотъ, который я слышалъ отъ многихъ. Одинъ иностраннѣйшій офицеръ за обѣдомъ у Блюхера неотступно просилъ его рассказать ему о битвѣ при Катцбахѣ. Сначала онъ отговаривался, потомъ, обратясь къ Гнейзенау, который сидѣлъ противъ него на другомъ концѣ стола, сказалъ: «Гнейзенау, вы можете подтвердить, что одинъ я выигралъ это сраженіе. Я осмотрѣлъ мѣстность; она мнѣ казалась удобною, чтобъ пропустить Французовъ за Катцбахъ, и потому отгласилъ ихъ далѣе. Гнейзенау! казалъ я: здѣсь удобнѣе всего начать битву. — Нѣтъ, здѣсь не годится, отвѣчалъ Гнейзенау. — Я думалъ, что онъ долженъ былъ понимать, повернулъ лошадь и по-

ѣхалъ далѣе. Но едва я проѣхалъ десять шаговъ, какъ снова повернулъ лошадь, чтобъ еще разъ осмотрѣть мѣстность; я убѣждалъ Гнейзенау, и онъ не соглашался. Мы отправились далѣе къ Яузру и остались тамъ почевать. Я бросился на солому и хотѣлъ заснуть, но не могъ сомкнуть глазъ: холмы все стояли у меня передъ глазами. Я пошелъ опять къ Гнейзенау и сказалъ ему, что мы должны тутъ драться, что мы навѣрно одержимъ побѣду. — «Если вы уже непременно хотите», отвѣчалъ тотъ, «то конечно дѣло пойдетъ хорошо». — Полки двинулись. И я шравъ былъ на этотъ разъ, потому-что дѣло дѣлалось отлично. Известно, что сраженіе шло не совсѣмъ хорошо. Другой разъ, Блюхеръ рассказывалъ подробно о битвахъ при Бриеннѣ и Шампобергѣ, и весь его рассказъ, выдаваемый за несомнѣнные факты, начинался тѣмъ, чѣмъ слѣдовало окончить; одинъ адъютантъ скромно замѣтилъ ему ошибку; но это была дурачая услуга Блюхеру: «Почему же не такъ!» проворчалъ онъ, сердито косясь на собесѣдника; «я, конечно, это лучше знаю. Ужъ не хотите ли вы меня сконфузить». Здѣсь можно упомянуть также, что имена мѣстъ и лицъ часто искажались въ его памяти, и онъ твердо держался названій собственнаго изобрѣтенія; — такъ Мопмартръ у него назывался всегда «Санкъ-Мартенъ», маршалъ Мармонъ не иначе, какъ «Мармонтъ» и т. п.

«Истинно великимъ является Блюхеръ въ совершенномъ отсутствіи зависти, въ справедливости, которую онъ отдавалъ заслугамъ другихъ, совершались ли онѣ независимо отъ него, или встрѣчались съ его собственными заслугами. Каждое великое явленіе, каждый проблескъ душевной силы онъ уважалъ искренно, — въ государственномъ человѣкѣ и въ писателѣ, въ купцѣ и художникѣ, если только важность ихъ подвига не превышала его понятій. Заслуги воина онъ умѣлъ оценить безошибочно. Сознавая всегда качества своихъ сотоварищей по командованію войскомъ, онъ послушно слѣдовалъ повелѣнію главнаго предводителя, которому долженъ былъ подчинять свое собственное мнѣніе до-тѣхъ-поръ, пока обстоятельства не дали ему самостоятельности, которую онъ умѣлъ сохранить. Въ самыхъ большихъ опасностяхъ характеръ его оставался чистымъ и великимъ, — преимущественно въ тѣхъ единственныхъ въ своемъ ро-

дѣ отношеніяхъ, въ которыхъ онъ находился сначала къ Шарнгорсту, потомъ къ Гнейзенау. Съ истинною признательностью подчинялся онъ высшему уму этихъ людей, которые были гораздо-болѣе друзьями или повѣренными, чѣмъ подчиненными. Шарнгорста скоро разлучила съ нимъ ранняя кончина, но Гнейзенау оставался неразлучнымъ спутникомъ его побѣдоноснаго поприща, и какъ велико было участіе его въ успѣхахъ Блюхера, фельд-маршалъ сознавалъ это на высотѣ славы и почестей. Сюда принадлежитъ великое слово, которымъ однажды прервалъ онъ похвальную рѣчь, наполненную лестью. «Что значить все, что вы восхваляете?» воскликнулъ онъ какъ-бы въ порывѣ вдохновенія: «все это совершила моя дерзкая отвага, присутствие духа моего Гнейзенау и милосердіе великаго Бога!» Въ другой разъ, на большомъ обѣдѣ, когда уже провозглашены были многіе тосты, и умы всѣхъ направлены были къ необыкновенному, Блюхеръ къ общему удивленію сказалъ, что онъ сдѣлаетъ то, чего никто другой сдѣлать не въ состояніи, поцалуетъ собственную голову; загадка недолго оставалась неразрѣшенной: онъ всталъ, подошелъ къ Гнейзенау и обнялъ его. Во многихъ случаяхъ онъ повторялъ признаніе, что самъ онъ въ полѣ былъ только исполнительною рукою, а Гнейзенау мыслящею головою. Ихъ взаимная дружба оставалась неомраченною до конца; никогда даже мгновенная зависть не вызывала раздора между тѣмъ, что соединено было самою жизнію, и такимъ-образомъ союзъ ихъ сохранялъ всю великость своего достоинства.

«Блюхеръ любилъ изустно и письменно дѣлиться своими мыслями. Почеркъ его былъ угловатый, но довольно-разборчивый; правда, онъ рѣдко самъ брался за перо, но часто давалъ занятія другимъ. Онъ не пропускалъ случая сдѣлать воззваніе, прокламацію, или написать важное письмо. Его прокламаціи, дневные приказы и увѣдомленія были писаны другими (съ 1813 года преимущественно составлялъ ихъ Гнейзенау), но всегда по его наставленію, всегда съ рѣзкимъ отпечаткомъ его личности. То же самое можно замѣтить и о письмахъ его: во всѣхъ, которыя имѣютъ какое-нибудь значеніе, виденъ оригинальный его характеръ. Переписка его была очень-обширна, особенно во время пребыванія въ Мюнстерѣ и въ послѣднее время жизни.

Также рѣдко являлось у него желаніе составить собственные мемуары. Въ началѣ 1805 года, онъ собственноручно написалъ разсужденіе «Мысли о составленіи прусской національной арміи», въ которомъ много дѣльнаго сказано объ обязанностяхъ солдата, о сокращеніи срока службы, о прибавленіи жалованья, объ улучшеніи обхожденія съ подчиненными и т. п. О безпристрастіи, въ которомъ сословія гражданское и военное соединились въ одно цѣлое, въ разсужденіи его нѣтъ и слѣда. Напротивъ того, вездѣ видна рѣшительная привязанность къ военнымъ, вездѣ просвѣчиваетъ горечь неудовольствія, что гражданскіе чиновники, сравнительно съ военными, пользуются одинаковыми правами. Также собственною рукою Блюхера написана была статья, которая помянутому принадлежитъ къ періоду 1807 — 1813 г. и носитъ названіе: «Замѣчанія относительно образованія и обученія кавалеріи»; она заключаетъ въ себѣ рядъ правилъ, которыя могутъ быть полезны, но въ которыхъ вѣтъ ничего новаго; эти листки замѣчательны тѣмъ только, что Блюхеръ приписывалъ имъ необыкновенное достоинство, какъ-будто бы они заключали въ себѣ собраніе военныхъ плановъ, плодотъ его опытности; онъ былъ высокаго мнѣнія объ этомъ трудѣ, говорилъ о немъ съ важностью, какъ-бы чувствуя удовольствіе, что онъ мечущій сферы людей ученыхъ. На этотъ разъ свѣтъ оцѣнилъ его лучше и не обратилъ вниманія на теоретическія правила чело-вѣка чисто-практическаго. Въ этомъ отношеніи, замѣчательна черта, вполне характеризующая Блюхера: лампакарты, предметъ необходимый при новѣйшемъ военномъ искусствѣ, были ему совсѣмъ-чужды. У него была одна маленькая шригбергская карта, на которой, по старому обычаю, города рѣзко отмѣчены были красною краскою; эту карту онъ вынималъ при случаѣ и воображалъ, что по ней узнаетъ мѣстность. Однажды адъютантъ разсказывалъ ему о запутанномъ дѣлѣ. Блюхеръ хотѣлъ хорошенько рассмотреть мѣсто и положилъ карту своею на столъ; отыскавъ одно мѣсто, онъ закрылъ его пальцемъ адъютанта, чтобы не потерять его при исканіи другого мѣста; другой палецъ долженъ былъ обозначить другое мѣсто; но понадобилось третье, и первый палецъ замѣренъ уже былъ перескочить туда; но едва замѣтилъ это Блюхеръ, какъ онъ уже былъ на другомъ мѣстѣ.

херъ, какъ сильно удержалъ его на старомъ пунктѣ и проворчалъ: «хочешь ли стоять спокойно?» Такимъ-образомъ онъ спасъ находившуюся въ опасности рекогносцировку мѣстъ. Никто не будетъ спорить, что въ этихъ и подобныхъ этому чертахъ болѣе всего выказывается характеръ Блюхера.

«Незнакомство его съ самыми обыкновенными вещами было причиною самыхъ странныхъ ошибокъ; впрочемъ онъ хорошо понималъ, чего ему не доставало. Олважды во время войны во Франціи, сидѣлъ онъ съ своими близкими за столомъ и между прочими замѣчаніями сказалъ: «Гнейзенау, еслибъ я чему-нибудь учился, то чтѣ бы изъ меня могло выйти! Но я пренебрегалъ всѣмъ, чему бы долженъ былъ научиться.» Гнейзенау отвѣчалъ, смѣясь: «Чего же вы хотите, ваше превосходительство, когда вы такъ могущественны въ настоящую минуту? Вы и безъ ученья достигли высочайшаго поста въ государствѣ.» Но на этотъ разъ Блюхеръ не заблуждался и продолжалъ: «Дѣти, я знаю очень-хорошо свое положеніе. Въ юности я ни о чемъ не заботился и, вмѣсто ученья, игралъ, пилъ, забавлялся съ женщинами и т. п. Отъ-того теперь ничего не знаю. Дѣ, я бы могъ быть совершенно-другимъ человѣкомъ, въ томъ-ы можете мнѣ повѣрить. Изъ меня вышло бы что-нибудь лучшее». И послѣ того онъ погрузился въ глубокую задумчивость.

«Блюхеръ награжденъ былъ болѣе всѣхъ предводителей прусскаго войска. Ордена его, еще умножившіеся въ послѣдніе годы, его княжеское достоинство, упрочили ему уваженіе свѣта. Также обширными помѣстьями и большими суммами денегъ одарила его щедрость короля.

«Отъ первой жены своей Блюхеръ имѣлъ шесть сыновей и дочь; четверо изъ нихъ умерли при жизни, двое пережили его, — именно графъ Францъ фонъ-Блюхеръ, родившійся въ 1776 году, служившій довольно-долго адъютантомъ при отцѣ, и потомъ генерал-майоромъ въ прусскомъ войскѣ. (Сыновья Франца, графы Гебгардъ и Густавъ служатъ и теперь въ прусской арміи.) Другой сынъ фельдмаршала, графъ Гебгардъ, родившійся въ 1787 году, былъ адъютантомъ отца 1818 г. и потомъ майоромъ въ арміи; дочь, графиня Фредерика-Бернардина, была въ замужствѣ за графомъ Шуленбергомъ, потомъ за гра-

фомъ Ансбургомъ. Отъ второй супруги своей Блюхеръ не имѣлъ потомства.

«Еще при жизни нашего героя въ честь ему воздвигнуть былъ колоссальный бронзовый памятникъ въ родимомъ его городѣ Ростокѣ на площади, получившей его имя. Мекленбургскія сословія уже въ декабрѣ 1814 года, согласились посвятить національный памятникъ соотечественнику, прославленному во всей Европѣ. Городъ Ростокъ первый подалъ свое согласіе, и оба герцога, шверинскій и стрелицкій, поддерживали подписку, въ которой принимали участіе всѣ Мекленбургцы. 16-го декабря 1813 г., сословія уведомили Блюхера о своемъ намѣреніи, и послѣдовавшій на то отвѣтъ, какъ замѣтилъ Гёте, показываетъ человѣка, который сознаётъ, что самъ дѣла говорить въ его пользу, но желаетъ скорѣе уклониться отъ предлагаемой ему почести, чѣмъ принять ее; вотъ что между-прочимъ говорилъ онъ въ письмѣ своемъ: «По мнѣнію моему, я могу дозволить себѣ замѣчаніе, что немногое, «совершенное мною, слишкомъ-высоко цѣнить мои соотечественники, и какъ имъ «высоко цѣню я уваженіе, заставляющее «воздвигнуть мнѣ памятникъ въ родимомъ «моемъ городѣ, Ростокѣ, но собственно по- «томству принадлежитъ рѣшеніе совер- «шившихся событій». 26 августа 1819 г., памятникъ былъ открытъ. Онъ изваянъ въ Берлинѣ Готтеридомъ Шадовомъ, который, по желанію подписчиковъ жилъ въ Веймарѣ и объ исполненіи совѣтывался съ Гёте. Гёте же составилъ на него надпись. Съ лицевой стороны написано: «Dem Fürsten Blücher von Wahlstadt die Seinen». Съ другой «In Harren und Krieg, In Sturz und Sieg, Bewusst und Gross, so riss er uns vom Feinde los!»

«Второй колоссальный памятникъ, изваянный изъ мѣди Раухомъ въ Берлинѣ, поставленъ въ Бреславлѣ на большой городской площади. Третій колоссальный памятникъ, также изваянный изъ мѣди Раухомъ, король приказалъ поставить въ самомъ Берлинѣ противъ мраморныхъ изваяній генераловъ Булова и Шарнгорста, на мѣдномъ богато-украшенномъ пьедесталѣ; искусство ваятеля и постановка дѣлаютъ его однимъ изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ столицы. Онъ былъ открытъ 18-го декабря 1826 года. Лицевая сторона носитъ надпись: «Фридрихъ Вильгельмъ III фельдмаршалу князю Блюхеру фонъ-Вальдштату въ 1826 г.» Обратная сторона

въ роскошныхъ лавровыхъ вѣткахъ представляеть годы «1813, 1814 и 1815». Множество кораблей, названныхъ по имени Блюхера, вышли изъ германскихъ и англійскихъ гаваней и провесли имя его по океану; такимъ-образомъ, живые памятники, правда, скоро преходящія, долго послѣ смерти его сохранили имя его, столь громкое въ Европѣ.

«Въ медаляхъ, бюстахъ, картинахъ, гравюрахъ и статуяхъ всякаго рода увѣковѣчена его память. Безчисленные хвалебныя и побѣдныя пѣсни прославляютъ его подвиги. Въ прекрасной пьесѣ: «Des Eripenides Erwachen» Гёте воспроизвелъ любимыя изреченія героя строфами, полными величія и выразительности. Его воспѣвали Уландъ, Рюкертъ и Штоль-

бергъ. Въ одной изъ послѣднихъ находится слѣдующее воззваніе къ германской мужъ:

Und sag' ihm: Vater Blücher, es danket
dir,
Vom Bernsteinufer bis zu den Alpen, vom
Dem Strom der Oder bis zur Mosel,
Danket dir Deutschland durch seine Töchter!

Denn Blitze Gottes sprühte dein Blick!
dein Ruf
War Donner! Siegeszeichen dein Federbusch!
Dein Arm war Sturm! dein Schwert den
Deutschen
Leitender, tilgender Strahl dem Feinde!

АНГЛІЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

THE LIFE AND LETTERS OF THOMAS A BECKET, now first gathered from the *Contemporary Historians*. By dr. J. A. Giles, 2 vols. (Жизнь и Письма Томаса Беккета, собранныя из современных историковъ. Изданіе доктора I. A. Джилса.)

Вдѣли найдется въ англійской исторіи другое лицо, котораго бы характеръ былъ предметомъ такихъ жаркихъ споровъ, какъ характеръ Томаса Беккета. Какъ бы ни были различны мнѣнія о немъ, высказанныя современниками, они заслуживаютъ извѣстности, и между ними уже историкъ предстонтъ найти средину и составить настоящее понятіе о человѣкѣ, дѣйствіи котораго были такъ важны въ его время; въ матеріалахъ нѣтъ недостатка: сохранилось множество писемъ его враговъ и друзей и даже свѣдѣтельств очевидцевъ для важнѣйшихъ событій его жизни. Нѣкоторые изъ его биографовъ (а ихъ было довольно) не только жили въ его время, но знали его лично и нерѣдко бывали дѣйствующими лицами въ то богатое событіями время, когда нослѣдовало возвышеніе Томаса въ званіе пріиаса англійской церкви. Необходимъ толь-

ко безпристрастный взглядъ и исторія Томаса Беккета будетъ полезна исторіи всякаго другаго современнаго дѣйствителя. Правда, нѣкоторые изъ его поступковъ могутъ поставить въ затрудненіе историка; чтобъ устранивъ это затрудненіе, необходимо разсмотрѣть границы свѣтскаго и духовнаго судопроизводства, находившіяся въ непрерывномъ спорѣ въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, предшествовавшихъ его времени. Ясное знаніе этого предмета невозможно пріобрѣсти скоро и легко; матеріалы разсыпаны въ огромныхъ фолиантахъ каноническихъ постановленій, въ многочисленныхъ императорскихъ эдиктахъ и декретахъ судовъ, имѣвшихъ и гражданскій и церковный характеръ; одно колоссальное терпѣніе въ состояніи побѣдить трудности такого нескончаемаго изслѣдованія. Недостаткомъ подобнаго труда можно объяснить противорѣчащія сужденія историковъ о политикѣ, принятой архіепископомъ въ отношеніяхъ его къ главѣ государства. Истинны и въ этомъ случаѣ не труднѣе достигнуть, какъ и во всякомъ другомъ; но изречать приговоры, дѣлать бѣглую оцѣнку характера легче, чѣмъ заниматься изслѣдованіями, а безъ нихъ

то и другое зависит отъ предубѣжденій писателя. Этимъ-то предубѣжденіямъ, можетъ быть, болѣе, чѣмъ нежеланію разобрать и изслѣдовать свойство двухъ враждебныхъ отраслей судопроизводства, должно приписать въ высшей степени различныя мнѣнія объ этомъ великомъ человѣкѣ, потому что онъ былъ великъ, каковы бы ни были его общественныя и политическія отношенія. Если случаю онъ обязанъ былъ сближеніемъ съ королемъ, то, конечно, не случай далъ ему его знаніе каноническаго и гражданскаго права, его общее образованіе, его удивительную проникающую, его властительный умъ. Все это и безъ случайныхъ обстоятельствъ сдѣлало бы его знаменитымъ. Не должно забывать, что личная исторія Беккета едва ли не удивительнѣе какой-нибудь современной поэмы. Отъ-того-то многіе брались описывать ее. Кромѣ общихъ историковъ, жившихъ въ его время или явившихся непосредственно послѣ его кончины, цѣлая толпа писателей посвятила себя одной его біографіи. Многія изъ этихъ біографій или совсѣмъ исчезли, или покоятся гдѣ-нибудь, покрытыя вѣковою пылью; но значительное число ихъ извѣстно, хотя онѣ частію искажены или напечатаны въ отрывкахъ.

Заслуга перваго собранія матеріаловъ о жизни канцлера и прелата, разсѣянныхъ въ біографіяхъ и письмахъ, безспорно принадлежитъ доктору Джильсу; книга, имъ напечатанная, служить доказательствомъ ума и трудолюбія историческими матеріалами и благороднаго стремленія оправдать своего героя отъ несправедливаго порицанія англійскихъ историковъ. Свѣдѣнія, собранныя имъ, частію напечатаны, частію разсѣяны въ рукописяхъ: первыя почти столь же рѣдки, какъ и вторыя. По этимъ-то различнымъ источникамъ представлены главныя факты жизни Беккета и расположены въ хронологическомъ порядкѣ, чего прежде имъ не доставало. Въ наше время отыскано много оригиналь-

ныхъ документовъ, которые безъ всякихъ украшеній бросаютъ яркій свѣтъ на нравственное и умственное состояніе Томаса Беккета. Подобныя собранія составляютъ пріобрѣтенія для исторической литературы, потому что по нимъ воздвигается великое зданіе всеобщей исторіи.

Одинъ изъ рукописныхъ документовъ, представленныхъ докторомъ Джильсомъ, доказываетъ, что отецъ и мать Беккета были оба родомъ изъ Нормандіи. Имя его безспорно иностранное; но такъ-какъ Джильбертъ (отецъ Томаса) единогласно представляется почетнымъ гражданиномъ Лондона (по увѣренію нѣкоторыхъ онъ даже исполнялъ должность шерифа), то достовѣрнѣе будетъ предположить, что, происходя отъ норманскаго племени (по крайней-мѣрѣ, со стороны отца), онъ родился въ Лондонѣ. Кто же была его мать? «Норманка», отвѣчаетъ одинъ изъ писателей; «Саксонка», увѣряетъ другой; между-тѣмъ, третій съ увѣренностью утверждаетъ, что она была дочерью «Амурата, языческаго начальниа въ Святой Землѣ», разумѣя подъ этимъ, какъ кажется, мухамеданскаго эмира. Къ-сожалѣнію, такая заманчивая легенда не выдерживаетъ исторической критики, потому что, столѣтіе спустя послѣ Джильберта, имя Амурата не было еще извѣстно въ Нормандіи и Британіи. Если оно не принадлежало исключительно принципамъ изъ династіи Османовъ, то принадлежало народу, подчиненному этой династіи; а до XIII вѣка ни объ одномъ изъ правителей этого имени не упоминаетъ исторія. Впрочемъ, легенда самымъ изложеніемъ своимъ достаточно выказываетъ свою несообразность, и странно, что докторъ Джильсъ, такъ же какъ и Огюстенъ Тьерри (*), обратили на нее слишкомъ много вниманія. Съ достовѣрностью можно предположить, что мать его была изъ племени Сак-

(*) См. Histoire de la conquête d'Angleterre par les Normands. Книга IX.

совъ; сохранился одинъ только манускриптъ, который утверждаетъ, что она была Норманка; но такъ-какъ онъ искажаетъ имя ея, называя ее Розою вмѣсто Матильды, то и самый авторитетъ его не заслуживаетъ большаго уваженія. Мухаммеданкою она быть не могла и потому уже, что самъ Бенкетъ съ благодарностью упоминаетъ о христіанскомъ воспитаніи, которое онъ получилъ отъ матери во время своего дѣтства, и говоритъ объ этомъ уже на тридцать-первомъ году своей жизни.

О будущемъ святителѣ англійской церкви можно утвердительно сказать, что онъ съ дѣтства обнаруживалъ обширный природный умъ, что онъ былъ серьезенъ и ученъ не по лѣтамъ, не прибѣгая вовсе къ разсказамъ въ родѣ слѣдующаго, который самъ авторъ заблугорадсудилъ оставить безъ объясненія:

«Однажды, отецъ Томаса пришелъ повидаться съ сыномъ, и когда мальчикъ при немъ привелъ къ пріору, старикъ бросился къ ногамъ сына. Увидя это, пріоръ съ гнѣвомъ спросилъ: «Что ты дѣлаешь, безумный старикъ? сынъ твой долженъ преклоняться передъ тобою, а не ты предъ нимъ!» Но отецъ отвелъ пріора въ сторону и сказалъ ему: «Я хорошо знаю, что я сдѣлалъ, отецъ мой; я предчувствую, что мальчикъ этотъ въ свое время будетъ великимъ предъ лицомъ Господа».

Изучивъ богословіе въ Мертонѣ, близъ Париза, Томасъ обнаружилъ такіа блестяща дара, что нѣкоторые изъ друзей рекомендовали его архіепископу Теобальду, который посѣлалъ тогда на кафедрѣ кентербѣрійской въ продолженіе необыкновеннаго періода 22 лѣтъ. Не смотря на это, онъ скоро убѣдился, что ему много еще предстоитъ изучать, и, по свойственному ему благоразумію, промѣнилъ въ занятияхъ свободное время, которое архіепископъ молодой промѣнилъ

забавамъ. Неутомимое прилежаніе и, въ слѣдствіе его, изученіе каноническаго и гражданскаго права въ Болонѣ не только устранили всѣ недостатки его образованія, но поставили его выше всѣхъ клерковъ, жившихъ при дворѣ примаса. Находясь въ званіи простаго под-дѣякона (sub-deacon), онъ получалъ доходы съ двухъ деревенскихъ приходовъ и съ двухъ мѣстъ въ соборахъ въ Лондонѣ и Линкольнѣ; а обязанности, сопряженныя съ этими мѣстами, онъ долженъ былъ передать своимъ уполномоченнымъ, — доказательство, какъ рано уже злоупотребленія вкрались въ англонорманскую церковь. Даже, когда его възвысили въ архіепископы въ Кентербѣри, на судили за нужное, чтобъ онъ перемѣнилъ свой образъ жизни. Но его духовная карьера (если позволено такъ выразиться), должна была прекратиться на нѣкоторое время, потому-что вліяніемъ патрона его, архіепископа и Генриха, епископа уйнчестерскаго (принца королевской фамиліи), онъ получилъ высокое званіе канцлера, имѣя 38 лѣтъ отъ роду (1155). Это было не единственнымъ случаемъ замѣчаетъ докторъ Джильзъ, что высокая государственная должность досталась въ руки духовнаго лица. Мы скажемъ болѣе: съ основанія саксонскихъ королевствъ, каждый канцлеръ былъ назначаемъ изъ духовенства, по-крайней-мѣрѣ исторія не представляетъ ни одного исключенія. Также не сорѣшъ-нѣрно другое положеніе автора, что канцлеръ былъ послѣ короля первымъ лицомъ по власти. Какъ первый министр и еще болѣе какъ королевскій любимецъ, Бенкетъ могъ быть первымъ посломъ Генриха, но достаточно, что, какъ канцлеръ, онъ по званію своему стоялъ выше верховнаго судьи (Great-Justiciary). Впрочемъ, должность его была доходная должности верховнаго судьи; ему поручены были всѣ вакантныя мѣста въ церкви и въ государствѣ; а такъ-какъ они часто замѣщались по его рекомендаціи, то не безъ основанія можно заключить, что онъ не чувствовалъ себя податочнымъ въ

доброе слово или въ некоторой части доходовъ, получаемыхъ съ мѣста. Невозможно придумать другой гипотезы, откуда онъ бралъ огромныя суммы, необходимыя для поддержанія своего высокаго мѣста. Вѣроятно, онъ ничего не бралъ съ низшихъ церковныхъ мѣстъ, и такое безкорыстіе безсмысленно было одною изъ причинъ великой популярности канцлера. Но онъ ни въ какомъ случаѣ не выпускалъ изъ вида собственныхъ выгодъ; секретарь его Фитц-Стефенъ замѣчаетъ:

«Его великій умъ стремился къ предметамъ великимъ, какъ, на-примѣръ, пріорство Беверли и пребенды Гастингса, которые онъ пріобрѣлъ отъ графа Ожи (Auge), лондонскій Тоуэръ съ службою солдатъ, принадлежавшихъ къ нему, кастелянство Эй съ его почестями и 240 солдатями, и замокъ Берчестедъ».

Къ этому можно присовокупить, что, кромѣ упомянутыхъ выше церковныхъ должностей (артидиаконъ въ Кентербѣри, каноникъ двухъ соборовъ, ректоръ двухъ приходовъ и этого мѣста въ Гастингсѣ съ пріорствомъ Беверли), онъ былъ деканомъ Гастингса, съ чѣмъ сопряжены были большіе доходы, и также главою различныхъ другихъ приходовъ. Конечно, «его великій умъ» могъ смотрѣть на эти «великіе предметы», когда ему нужно было занимать такими забавами, дѣлать такія угощенія, о которыхъ рассказываетъ нашъ авторъ:

«Въ забавахъ его не было ничего значительнаго званію; смотря по обстоятельствамъ, онъ занимался соколиною или лисовою охотою или игрою въ шахматы. Домъ и столъ канцлера готовы были для каждаго (какого бы онъ званія ни былъ), кто являлся ко двору королевскому и ожидался въ гостепріимствѣ, былъ ли то дѣйствительно человѣкъ, заслуживавшій уваженія, или только казавшійся такимъ по наружности. Онъ никогда не садился за обѣдъ безъ общества — графовъ и бароновъ, или приглашенныхъ. По его при-

казанію, дворъ его замка былъ съединенъ съ самымъ свѣтлымъ салономъ и съ нимъ въ продолженіе зимы и зелеными лѣтними лѣтами, для того, чтобъ многочисленнымъ рыцарямъ, пріѣзжающимъ къ нему, не приходило отъ нечистоты своихъ дорогихъ одевать. Столъ его былъ изъ серебра и золотомъ поделанъ и покрытъ былъ дорогими лѣтними и зимними; онъ предметы, подаваемые для гостей канцлера, отличались рѣдкостію, и не было такой суммы, которой бы не пожертвовалъ онъ, чтобъ угощеніе было блистательное.»

Часто онъ долженъ былъ еще увеличивать расходы для посѣщеній королевскихъ; а такъ-какъ эти посѣщенія были иногда неожиданныя, то онъ безсмысленно считалъ своею обязанностию выказывать ту же пышность при обыкновенныхъ обѣдахъ.

«Нерѣдко король пріѣзжалъ въ домъ канцлера во время обѣда, иногда только для разговора, въ другое время, желая лично удостовѣриться, справедливо ли слава его стола и угощенія. Иногда король верхомъ подѣзжалъ къ замку съ стрѣлою въ рукѣ, въ то время, когда канцлеръ сидѣлъ за столомъ; иногда онъ выпивалъ кубокъ вина и, помянувшись съ канцлеромъ, уѣзжалъ; иногда садился за столъ и обѣдалъ. Никогда еще со времени введенія христіанства для человѣка не были такъ расположены другъ къ другу, не бесѣдовали такъ откровенно».

Но убыточнѣе всего были его военные экспедиціи; въ нихъ онъ старался выказать въ себѣ мощнаго члена воинствующей церкви. Такимъ-образомъ, однимъ изъ знавшихъ его хорошо по имени, Роджеръ изъ Понтини, рассказываетъ слѣдующее:

«Во время войны между королями французскимъ и нашимъ, собственнымъ советникомъ, королемъ англійскимъ, тогда арміи собраны были въ Маршѣ, на границѣ ихъ владѣній между Жиларитъ, Три и Курселлемъ, канцлеръ, за назначеніемъ 700 рыцарей его собственнаго дома, содержалъ въ продолженіе сорока дней 1200 другихъ насимыхъ рыцарей и 6000 служителей. Каждому рыцарю назначено

было три тысячи в день из казны канцлера на содержание их оруженосцев и лошадей; сами же рыцари обдавали всегда за столом канцлера. — Однажды, не смотря на свое духовное звание, он надеть вооружение, взять коня и поспежал против Эгеларна, храброго французского рыцаря, приближавшагося к нему и, выбив противника из седла, привел в триумф боевого коня его. Действительно, рыцари канцлера были перемы во всей английской армии и отличались славными подвигами; сам он был всегда во главе их, воощряя их собственными примером и указывая им путь к славе: он сам подавал подчиненным своим сигнал к нападенію или отступленію звуками особенных труб, бывших только въ его отряд и известных во всей остальной армии.

Богъ всего выказалась его неслыханная роскошь при знаменитом посольствѣ его во Францію; говорить, что во время этого путешествія, онъ платилъ по сту шиллинговъ за блюдо угрей (сумма значительная въ то время), хотя ежедневно долженъ былъ содержать цѣлыя сотни разныхъ людей; вотъ что говоритъ объ этомъ нашъ авторъ:

«Неслыханное великолѣпіе отличало посольство канцлера; оно обнаруживалось въ самыхъ мелочахъ: извѣстно, что за блюдо угрей для стола Томаса Беккета заплачено была однажды огромная сумма по сто шиллинговъ. Этого одного факта достаточно уже, чтобъ составить понятіе, что столъ канцлера былъ равно роскошенъ и въ другихъ отношеніяхъ; такая расточительность, сдѣлавшись извѣстною въ Англіи, обратилась въ пословицу въ устахъ народа. У современныхъ биографовъ мы находимъ еще другія извѣстія, что столъ Беккета былъ богатъ, даже роскошенъ не только во время его канцлерства, но даже при возвышеніи его въ санъ архіепископа кентерберійскаго; но также всѣ единогласно утверждаютъ, что онъ съ умѣренностію пользовался вкусными яствами, и потому изъ приведеннаго нами примѣра не должно заключать о страсти его къ хорошему столу; ее гораздо скорѣе можно приписать желанію его блеснуть

великолѣпіемъ передъ глазами французскаго народа.»

Велико было изумленіе всей Англіи, когда въ 1162 году обнародовано было королевское повелѣніе, по которому Беккетъ получилъ званіе примаза. Долгое время народъ не хотѣлъ вѣрить возможности такого удивительнаго превращенія. Епископъ герсфордскій воскликнулъ: «Кто нынѣ осмѣлится сказать, что время чудесъ миновало; смотрите, какъ солдатъ превращается въ священника, мірянинъ въ архіепископа». Впрочемъ, не трудно понять, что Генрихъ имѣлъ достаточныя причины для возвышенія любимаго своего въ это званіе.

Какъ канцлеръ, Беккетъ терпѣливо переносилъ требованія его относительно сбора въ королевскую казну доходовъ съ вакантныхъ епископій и прочихъ мѣстъ, и почему бы могла прійти Генриху мысль, что тотъ же самый человекъ, сдѣлавшись архіепископомъ, перемѣнитъ свой образъ дѣйствій? Чтобъ понять великій предметъ споровъ между церковью и корономъ, необходимо бросить взглядъ на отношенія ихъ въ предшествовавшія царствованія, — и это гораздо важнѣе, чѣмъ предполагаетъ докторъ Джильсъ и прочіе историки. Надѣмся, что читатели наши съ слѣдующей очеркъ покажутся не излишними для объясненія характера и положенія Беккета.

Вильгельмъ-Норманскій нерѣдко представлялъ вакантными духовныя мѣста, чтобъ пользоваться доходами съ нихъ въ свою пользу; но онъ рѣдко удерживалъ ихъ за собою болѣе года; насильственные дѣйствія его относительно духовенства кажутся ничтожными въ сравненіи съ дѣйствіями преемника его Вильгельма-Рыжаго. Въ прежіи времена, управленіе вакантнымъ епископствомъ или аббатствомъ зависѣло отъ какого-нибудь другаго епископа или отъ самого примаза; а доходы (въ которыхъ отдавали строгій отчетъ) выдавались преемнику тотчасъ по назначеніи его на мѣсто. Въ слѣдствіе такого

обыкновенія, если, по назначенію короны, вакантное мѣсто поступало въ завѣдываніе какого-нибудь духовнаго лица, то лицо это почиталось не королевскимъ чиновникомъ, но управителемъ имущества будущаго епископа. Скоро, однакожъ, нашли болѣе выгоды оставлять духовныя мѣста на нѣсколько лѣтъ такимъ временнымъ правителямъ. Кажется, Вильгельмъ-Рыжій первый открыто началъ подобныя мѣры, и говорятъ, что онъ научился этому у Фламбара, своего не слишкомъ совѣстливаго въ этомъ отношеніи верховнаго судьи. Не трудно было тѣмъ, которымъ образомъ оправдать такіе дѣйствія. Вообще принято было, что, относительно свѣтскихъ владѣній своихъ, всѣ прелаты были ленниками короны наравнѣ съ свѣтскими баронами. Съ незапамятныхъ временъ, до смерти феодала, ленъ возвращался всегда къ тому, кто далъ его, и никогда не переходилъ къ наследнику умершаго, безъ уплаты со стороны его значительной суммы. Въ странахъ, гдѣ законы имѣли настоящую силу, сумма эта была опредѣлена сообразно съ цѣнностію лена; но въ Англіи глава государства былъ вовсе не расположенъ слѣдовать принятымъ правиламъ. Обыкновеніе пользоваться ленами умершихъ феодаловъ примѣнено было Вильгельмомъ-Рыжимъ къ имуществамъ церкви. Управление каждаго вакантнаго мѣста поручено было королевскому чиновнику; доходы съ него собирались въ королевскую казну, а монахамъ или капитулу предоставляли только часть этихъ доходовъ, едва достаточную на удовлетвореніе необходимыхъ потребностей. Это еще не все: иногда (со времени Рыжаго — всегда) земли прелатства съ правами ихъ, доходами и феодальными привилегіями, были отлаваемы на откупъ и часто съ молотка: а такъ-какъ откупщикъ не зналъ, долго ли останется въ рукахъ у него взятое имъ владѣніе, то вся выгода его состояла въ томъ, чтобъ извлечь какъ можно-болѣе денегъ прежде, чѣмъ на-

значать ему преемника. Такой порядокъ вещей можетъ дать нѣкоторое понятіе о бѣдствіяхъ, которымъ терпѣли фермеры и земледѣльцы. Нередко они разорялись въ концѣ и долгие были жить милостынею свойихъ соседей. Въ слѣдствіе этого, когда мѣста бывали долго вакантными (а они бывали такими отъ 4—10 лѣтъ), то запущенія, — церкви ли то были или монастыри, коллегіи или фермы, — начинали приходить въ разрушеніе. Отсюда мы видимъ, почему бѣдные (фермеры и земледѣльцы) терпѣли за одно съ церковью. Церковь въ буквальной сѣнѣ слѣ была ихъ наследіемъ; когда ее угнетали, то и они чувствовали жалостную руку власти такъ же живо, какъ монахи или каноники. Когда же, наконецъ, назначался преемникъ и обязанъ былъ заплатить за преемство (даже Фламбаръ, извѣстный настоятель этой мѣры, принужденъ былъ заплатить тысячу марокъ за епископство доргемскую), онъ вступалъ во владѣніе помѣстьями уже до того бѣдный, что не могъ облегчить платежей податей или возстановить полуразрушенныя зданія.

Другой предметъ несогласій, равно сильный, происходилъ отъ споровъ между церковью и королевскими судьями о предѣлахъ ихъ судопроизводства.

Въ средніе вѣка, и особенно со времени основанія германскихъ государствъ, смертная казнь, во многихъ случаяхъ, замѣнена была денежною пенсью, что обогащало суды, рѣшавшіе дѣла. При самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ (т. е. когда судьи рѣшали дѣло справедливо и безъ взятокъ), такіе суды были источникомъ большой прибыли для церкви и для королевской казны, и естественно, обѣ стороны стремились расширить предѣлы своего судопроизводства. Съ перваго времени христіанства, членъ его положилъ рѣшать споры свои между собою, не прибѣгая къ суду языческому. При Константинѣ и его преемникахъ, епископамъ даро было право суда распрей въ ихъ епархіяхъ, и

императорскимъ чиновникамъ повелѣно было приводить въ исполненіе ихъ декреты. Нѣкоторое время, подобное право являлось дѣйствительнымъ только въ такомъ случаѣ, когда одинъ изъ тяжущихся принадлежалъ къ духовному званію; если же они оба были міряне, то могли быть судимы духовнымъ судомъ только по ихъ собственному желанію; послѣднее было постановлено Феодосіемъ. Это важное постановленіе было принято Карломъ-Великимъ и имѣло силу между всѣми народами, подчиненными его власти. Въ Англіи, какъ кажется, не было существеннаго различія между обоими судопроизводствами. Мы знаемъ, что во времена господства Англо-Саксовъ, епископъ вмѣстѣ съ графомъ засѣдалъ въ областномъ судѣ и имѣлъ голосъ при произнесеніи приговора, какого бы рода ни было дѣло и къ какому бы сословію ни принадлежали тяжущіеся. Но Норманецъ-Завоеватель раздѣлилъ оба судопроизводства и христіанскіе суды, подъ предсѣдательствомъ епископа или его архидіакона, завѣдывали всѣми дѣлами, въ которыхъ участвовали духовныя лица. Такъ-какъ подъ названіемъ «людей церкви» (Churchmen) разумѣлись тысячи людей, которые вовсе не были духовными лицами въ настоящемъ значеніи слова, а принимали tonsuru для того только, чтобъ владѣть помѣстьями, а обязанности духовныя исполнять посредствомъ викаріевъ, то очевидно, что бѣльшая часть общества подчинена была церковному судопроизводству. Истцы ли они были, или отвѣтчики, они не признавали иной власти, а такъ-какъ споры ихъ вообще происходили съ мірянами, то они влекли послѣднихъ къ себѣ на судъ. Потомъ, если обѣ тяжущіяся стороны принадлежали къ числу мірянъ, то часто ссоры ихъ, по свойству своему, должны были рѣшаться церковью; онѣ касались то десятины, то церковнаго патронатства, то публичнаго соблазна, брака, духовныхъ завѣщаній, вѣроломства и подобныхъ предметовъ,

которые, такъ или иначе, могли быть отнесены къ дѣламъ вѣры. Въ-третьихъ, съ незапамятныхъ временъ общественное мнѣніе предпочитало духовныхъ судей королевскимъ и феодальнымъ, особенно со времени обнародованія декретовъ Граціана. Молодые люди со всѣхъ концовъ Европы спѣшили въ Болонью для основательнаго изученія каноническаго права и, по возвращеніи, они занимали мѣста въ епископскихъ судахъ; они имѣли великое преимущество: формулы, которыми они были подчинены (каноны соборовъ), были точны, опредѣленны, неизмѣнны, составляли результатъ вѣковой мудрости; между-тѣмъ, какъ королевскіе и баронскіе чиновники были часто затрудняемы противорѣчащимъ духомъ англо-саксонскихъ и норманнскихъ законовъ и еще чаще неизмѣнными преданіями ненаписаннаго закона; отъ-того и пени, назначаемыя этими свѣтскими судами, измѣнялись, сообразно прихоти или выгодѣ судей. Во всѣхъ случаяхъ, онѣ были непостоянны; а за неуплатою, вѣнчаною слѣдовала казнь или увѣчье. Прибавьте ко всему этому, что королевскіе и феодальные суды были негнѣздены и продажны; что они оказывали правосудіе только исправному плательщику, что они были недоступны для бѣднаго, что невинность и виновность, право и преступленіе были слова безъ смысла, — и вамъ понятна будетъ популярность епископскихъ судовъ. Но даже и тогда, если судьи не брали взятокъ, безчисленны были случаи, когда невозможно было ожидать правосудія; такъ, на-примѣръ, если министры короля, или любимцы ихъ прямо или не прямо замѣшаны были въ процессъ; то же самое происходило въ низшихъ феодальныхъ судахъ, если въ дѣлѣ участвовалъ баронъ или его семейство, или его служители. Удивительно ли послѣ всего этого, что народъ громко вопіалъ противъ приговора такихъ судовъ? Удивительно ли, что, когда король или бароны хотѣли вмѣшаться въ дѣла, касающіяся обла-

сти церковной юрисдикции, церковь и народ вставали против них?

Первое судопроизводство съ своей стороны имело больше недостатков. Тотъ, чье царство — не отъ мира сего — не мирному призванию своему, остаётся миротворцемъ табуирующа, не удерживаетъ мирными понятиями о возмездіи. Въ противность этому святому правду, духовные не рѣдко назначали наказания, даже несообразныя съ преступленіями. Не имѣли права заступать въ кровавыхъ судилищахъ, они много не могли притворяться къ смерти или убитію, какъ бы ни велико было преступленіе подсудимаго; и хотя тѣлесныя наказания были предоставлены духовнымъ судьямъ, но они большею частію протевариали изъ уваженію къ тюрьму или къ уплатѣ значительной денежной пенѣ. Въ это беззаконное время, многіа духовныя лица участвуя были въ величайшихъ преступленіяхъ — убійствѣхъ, обольщеніи женщинъ, разбоѣхъ и т. д. Какое же мѣсто этихъ наказаній, пеня, потеря мѣста или тюремное заключеніе, могло быть достойною мздою за подобныя преступленія? Въ наше время, едва-ли кто не согласится, что наказанія такого рода были только поводомъ къ новымъ преступленіямъ.

Сдѣланное нами можетъ, кажется, служить въ некоторомъ рода объясненіемъ тайныхъ причинъ, которыми руководствовались въ обомысляхъ расприхъ своихъ Генрихъ и Беннетъ. Оба они были не правы, король — въ присвоеніи имуществъ церкви и бѣдныхъ и въ распространении системы судебного лихоимства; принцъ — въ защитѣ церковныхъ привилегій на счетъ интереса общества: но далеко не равна была степень ихъ несправедливости. Беккетъ, не смотря на замосничность свою въ некоторыхъ случаяхъ, поддерживалъ привилегіи церкви (наковы бы онъ ни были), которыя поддерживать онъ далъ присягу. Онъ былъ основанъ на канонахъ, а каноны онъ обязанъ былъ соблюдать, какъ мы обя-

заны соблюдать законы нашего государства; и онъ не могъ ослушаться ихъ, не измѣнивъ церкви и не сдѣлавшись мятежникомъ противъ духовнаго главы своего. Если въ правлахъ, были недостатки, то не его должно обвинять въ этомъ, а систему, по которой онъ обязанъ былъ управлять.

Разсматривая характеръ Беннета, должно опредѣлить его по двумъ совершенно-различнымъ періодамъ, — до и послѣ его возвышенія въ принца. Въ историческіе источники подтвърждаютъ, что во время своего канцлерства онъ былъ исполненъ гордости и безмѣры преданъ удовольствіямъ; равно несомнѣнно и то, что, по принятіи епископскаго сана, онъ сдѣлалъ совершенно-новымъ человекомъ. Это также явственно видно его біографіи и всѣхъ писателями его вѣка. Было ли такое обращеніе несправно? Думаемъ, что на этотъ вопросъ можно отвѣчать утвердительно, иначе онъ не сталъ бы оскорблять властителя, который требовалъ только повиновенія и былъ въ немъ всегда щедръ и милостивъ. Еслибъ одно стремленіе въ богатствѣхъ и власти дѣйствовало нахъ, то ему не нужно было бы отказываться отъ канцлерства; зная объ должностн (что поручилъ ему король), онъ могъ бы сдѣлаться болѣе-богатымъ и могущеюстѣннѣмъ, чѣмъ многіе современныя ему короли; и прежде его прелаты бывали канцлерами. Отказъ его сократить эту послѣднюю должностъ былъ означенъ олавою только отвѣтственностию, которой онъ несминуемо подвергся. Въ качествѣ служителя Генриха, неравно обязанностию его было повиновеніе; но въ званіи главы англійской церкви, онъ не могъ согласиться на нихъ безъ разоренія церкви и безъ нанесенія на себя ропота и неудовольствія христіанъ. О порочнѣхъ его въ частной жизни можно сказать, что она была сообразна съ понатіями его вѣка. Его отреченіе не только отъ пышности, но даже отъ необходимаго; принатіе поканій, рѣдко употребленныхъ самыми аскетическ-

ни отшельниками; жесткая власница, которою заѣхнулъ онъ шелковыя одежды; его нездоровая лица (онъ отказывался пить воду, если она не приправлена была горькими травами) и жестокое бичеванье, конечно, служать доказательствами искренности его обращенія. Его отдаленіе отъ двора и рыцарей и общество однихъ смиренныхъ монаховъ, которыми онъ окружилъ себя; его постоянное рвеніе къ служенію у алтара, его безграничное милосердіе къ бѣднымъ; его сочувствіе человѣческому бѣдствію, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось; покровительство, которое онъ оказывалъ слабому противъ сильнаго; его отвращеніе отъ несправедливости въ судебныхъ дѣлахъ, — сдѣлали его достойнымъ высокаго сана и приобрѣли ему право на удивленіе потомства. Главнымъ недостаткомъ его была чрезвычайная горячность — естественное сдѣлство раздражительнаго темперамента, которымъ онъ рѣдко умѣлъ управлять. Это повлекло его къ многимъ необдуманнымъ вѣрзамъ, которые ослѣбили описанцію и, конечно, были главной причиною катастрофы, окончившей дни его.

Не трудно представить неудовольствіе короля, когда новый примасъ отпавалъ отъ канцлерства. Отказъ этотъ можно было назвать такъ: «я не буду болѣе сторожить вакантныя прелатства; не допущу въ себя оставаться вакантными, сколько на это отпаваетъ силъ моихъ». Первою заботою архіепископа было возвращеніе церкви заимковъ, леновъ и помѣстій, которые были у нея отняты, — было ли то съ позволенія королевскаго, или нѣтъ; если же откупщики и владѣтели противились его требованіямъ, онъ немедленно отлучалъ ихъ отъ церкви. Также несправедливо было Генриху рѣшеніе Томаса востановить во всемъ объемъ власть епископскихъ судовъ на счетъ судовъ королевскихъ и баронскихъ; отъ того сильные феодалы сдѣлались также его врагами. Другое неудовольствіе, возбужденное имъ, было откры-

тое преслѣдованіе епископовъ и аббатовъ, участвовавшихъ въ симоніи. Тогда рѣшились на гибель чело-вѣка, бывшаго прежде первымъ любимцемъ короля. Не входя въ частныя подробности, должно замѣтить, что всѣ требованія Генриха исполнились къ одной цѣли — сдѣлать первымъ покорнымъ орудіемъ въ своихъ рукахъ: тогда всѣ мундштукъ, бывшія до-сихъ-поръ наслѣдствомъ бѣдныхъ, послужили бы къ обогащенію казны и его любимцевъ. Послѣ «нѣкотораго» размышленія, Кемптъ, не обращая вниманія на убѣжденія своихъ собратіи-епископовъ, воспротивился вѣрзамъ противъ церкви и бѣдныхъ, адвокатомъ которыхъ онъ всепродовольно объявлялъ себя. Тогда рѣшено было погубить его, т. е. принудить его отречься, или, въ случаѣ несогласія, лишить его жизни. Пусть историки говорятъ, что имъ угодно, — но одинъ безпристрастный читатель не усомнится, что при подобномъ вѣченіи дѣлъ, смерть архіепископа была неизбежна, если онъ останется въ Англіи. Этимъ можно объяснить его достопамятный побѣгъ въ полночь, не смотря на бдительность королевскихъ стражей, — побѣгъ, кончившійся, послѣ многихъ романтическихъ приключеній, прибытіемъ его во Францію, гдѣ былъ тогда и папа.

Не смотря на то, что изгнанный примасъ былъ принятъ съ величайшимъ уваженіемъ французскимъ королемъ и папою и получилъ почетное убѣжище въ цистерціанскомъ монастырѣ въ Шовиньнѣ, онъ скоро убѣдился, что въ тотъ нечужественный вѣкъ справедливости, чести и религіи нѣтъ нѣтъ вліянія на сильныхъ земли, чѣмъ золото. Золотой телецъ, которому поклонялись многіе епископы, востановилъ ихъ противъ Томаса, а нѣкоторые надѣлись занять его мѣсто. Легаты, равно какъ и ученые посредники, которыхъ папа назначилъ для примиренія съ нимъ короля, скоро уступили вліянію англійскаго золота. Многіе кардиналы, окружавшіе папскій престолъ, были творениями Генриха; и хотя напѣстники св.

Петра былъ недоступенъ для прямого лихонимства, но несомнѣнно, что нѣсколько разъ приношенія въ пользу папскаго престола спасали и короля и королевство отъ эскоммуникаціи. О продажности папы и его кардиналовъ много доказательствъ заключается въ двухъ томѣхъ, изданныхъ докторомъ Джильсомъ. Вотъ что говоритъ Іоаннъ Салисборскій въ письмѣ своемъ къ архіепископу:

«Я не имѣю никакой довѣренности къ римскому двору, потому-что ясно вижу его нужды и образъ дѣйствія. Не сомнѣваюсь ни мало, что господинъ нашъ папа свѣтлый и справедливый мужъ; и его аббаты, какъ я слышалъ отъ многихъ, стараются подражать ему; но нужды ихъ такъ велики, а печаль и алчность Римлянъ такъ укоренились, что папа пользуется своими правами и отпушеніемъ грѣховъ приобретаетъ то, что можетъ возвеличить государство, но никогда не возвеличить религіи.»

Самъ Беккетъ часто и громко жаловался на эти злоупотребленія. Услышавъ, что англійское золото значительно ослабило строгость, долженствовавшую поразить виновныхъ, онъ вѣщаетъ слѣдующее въ письмѣ къ повѣренному своему въ Римѣ:

«Если это правда, то нѣтъ сомнѣній, что его святѣйшество папа задушилъ и подавилъ (suffocated and strangled) не только нашу особу, но самого себя и каждаго любимаго обоихъ королевствъ, вѣсть съ тѣмъ обоѣ церкви галликавскую и англійскую. Ибо чего не сдѣлаютъ сильные, земли противъ служителей Божіихъ подъ кровомъ такого бѣдственнаго примѣра? И на что можетъ надѣяться церковь римская, когда она такимъ-образомъ оставляетъ и смѣшаетъ людей, которые твердо стоятъ за ея дѣло и ратуютъ за нее до послѣдняго издыханія!»

Въ другомъ мѣстѣ, онъ говоритъ о Римѣ:

«Славный градъ пѣвнень, тотъ градъ, которому нѣкогда поклонялся міръ, нѣтъ

передъ любовію къ человѣческой милости; и то, что не погибло отъ меча, гибнетъ отъ яда западныхъ странъ; со стыдомъ должно оказывать права церкви пожертвованнымъ временнымъ выгодамъ. Путь ея къ гибели лежитъ на извѣстныхъ тропинкахъ богатей: она опозорена (prostituted), она проникнута печестіемъ и принижена служителями своимъ одно угнетеніе.»

Въ другомъ письмѣ къ самому папѣ:

«Во всемъ этомъ мы имѣемъ весьма плохой источникъ утѣшенія, если вы позволите мнѣ такъ выразиться. Римская церковь принимаетъ дурной способъ награждать друзей своихъ и вѣрныхъ дѣтей. Да успокоитъ ее Богъ лучше, чѣмъ она сама того желаетъ: да успокоитъ Она англійскую церковь и насъ всѣхъ бѣдствующихъ!»

Въ письмѣ къ папскому легату, онъ говоритъ:

«Укрощать гордыхъ и шалить надменныхъ было девизомъ древнихъ Римлянъ, и конечно, этотъ девизъ не противорѣчаетъ ученію церкви Христовой: «Смотри! Я поставилъ тебя выше царствъ и народовъ и пр.» Не должно ли это правило имѣть влѣяніе на преемниковъ св. Петра? Не такъ поступитъ Богъ, который и князя и простолюдина судитъ по заслугамъ ихъ. — Какая же слава можетъ быть выше для Бога и человѣка, какъ не возстановленіе бѣдника въ его правахъ и не обузданіе сильныхъ отъ ихъ ненавистныхъ пороковъ? Правосудіе строго наказываетъ сильныхъ и употребляетъ самыя строгія мѣры противъ обличенныхъ властію. Кто дозволялъ себѣ когда-либо, съ согласіемъ римскаго первосвященника, такъ нагло пользоваться имуществомъ церкви, какъ дѣлаютъ это въ Англии? Тамъ удерживаются доходы нашей епископіи за пять дѣтъ и всѣ наши имущества, Бата, Герфорда и Эли, тогда-какъ владѣніи епископіи Ландафа расхищены рыцарями, а Бонгоръ десять дѣтъ не имѣетъ епископа, потому-что не соглашаются на избраніе его.»

Слѣдующее письмо (къ кардиналу Альберту) написано выраженіями еще болѣе рѣзкими:

«Я желаю, любезный другъ, чтобы уши ваши были глухи къ словамъ нашего народа; иначе вы можете услышать, что говорятъ на улицахъ Аскалама о римской церкви. Наши послѣдніе посланные принесли намъ нѣкоторое утѣшеніе въ письмахъ, которыя мы получили отъ папы, но власть ихъ уничтожилась другими письмами, повелѣвающими Сатанѣ свободно возсѣдать на развалинахъ церкви. Въ дикъхъ анастольскихъ повелѣніяхъ освобождаютъ отъ церковнаго отлученія епископовъ лондонскаго и салисборскаго, изъ которыхъ первый извѣстенъ, какъ свѣтатель ереси и соблазнитель епископа салисборскаго и другихъ къ непослушанію. Не знаю, какъ это могло случиться, но при дворѣ вѣщаютъ Варавву отпускають всегда и распинають Христа. Нашему изгнанію и страданіямъ церкви нынѣ исполнилось шесть лѣтъ. Неизлечимые, бѣдные изгнанные осуждены предъ вами не за что иное, — я говорю по совѣсти, — какъ за то, что они бѣдны и безпомощны о Христѣ и не отступаютъ отъ правосудія Божія; тогда-какъ съ другой стороны святотатцы, убійцы и разбойники получаютъ прошеніе, хотя бы (я говорю это по слову самого Спасителя); самъ св. Петръ, если бы онъ возсѣдалъ въ судилищѣ, не могъ бы отпустить нѣтъ.»

«Римскіе грабители, «намитники въры», «сыны гибели» и тому подобныя названія щедро разсыпаны оскорбленнымъ изгнанникомъ...

Множество писемъ, сообщаемыхъ г. Джильсомъ, бросаетъ самый невыгодный свѣтъ на английскихъ епископовъ, вообще дѣйствовавшихъ противъ Беккета. Тотъ же писатель, о которомъ мы упоминали выше (Іоаннъ Салисборійскій) говорить въ письмѣ къ Беккету:

«Утѣшительныя письма, которыя ваши вѣрныя чада, епископы провинцій кентерборійской отправили къ вамъ, послѣ вашего долгаго изгнанія, я рассмотрѣлъ тщательно и почтаю ихъ внушеніемъ самого Агитофеля, если бы онъ ожилъ, и писаніемъ втораго иса іадумейскаго, жаждущаго крови Христа и его избранниковъ. Они до такой степени погрязли въ развратѣ, что каждому легко видѣть, какъ не согласны они съ общественными мнѣ-

ніями, съ голосомъ правды, и какъ ясно обнаруживаютъ они желаніе придать законный видъ беззаконному суду епископовъ.»

Въ другомъ мѣстѣ, онъ замѣчаетъ, что лица ихъ становятся безстыдными, какъ лица блудницы, когда они осмѣливаются утѣрять папу, что Генрихъ «покорный сынъ церкви». Онъ особенно ожесточенъ противъ епископа лондонскаго, отъявленнаго драга Беккета: «Онъ хвалится, что Лондонъ былъ нѣкогда жилищемъ верховнаго жреца, когда Юинтера обожали въ Британіи. Такой мудрый и религіозный человѣкъ, конечно, можетъ желать восстановленія служенія Юинтеру, чтобы, въ случаѣ, если не будетъ архіепископомъ, ему возможно было сдѣлаться по-крайней-мѣрѣ верховнымъ жрецомъ.»

Беккетъ, облеченный властію латата (которая, къ великому оскорбленію его, часто была ничтожна передъ английскимъ золотомъ) былъ не такой человѣкъ, чтобы безнаказанно терпѣть несправедливости враговъ церкви и своихъ собственныхъ. Противъ сильнѣйшихъ изъ нихъ, бароновъ или епископовъ, онъ металъ молніи свои изъ Понтиньи и Клерво. Во время уединеннаго житія его въ Понтиньи, онъ безъ сомнѣнія проникнутъ былъ чувствомъ истиннаго энтузіазма. Въ исторіи святыхъ исповѣльниковъ и мучениковъ, онъ находилъ довольно предметовъ для созерцанія; изученіе каноническаго права одушевило его подвизаться на защиту привилегій церкви. Намѣренія его стали еще тверже, когда прибыли изгнанные изъ Англіи служители и друзья его, которые погибли бы отъ недостатка въ первыхъ потребностяхъ жизни безъ помощи короля французскаго, папы и королезы сицилійской. Генрихъ взялъ съ нихъ клятву, что они поспѣшатъ къ изгнаннику въ Понтиньи и покажутъ ему свое бѣдственное состояніе. Архіепископъ всегда принималъ участіе въ бѣдствіяхъ своихъ собратьевъ; его человѣческое чувство возмущалось настоящими зрѣлищемъ,

и въ это-то время онъ началъ громить враговъ своихъ проклятіями, столь вѣстными въ англійской исторіи. Онъ принужденъ былъ наконецъ оставить Понтинъ въ сѣдствие мѣръ, грозившихъ захватить въ Англію всѣ владѣнія цистерціанскаго ордена; его прежнія законнишества были уничтожены навою; въ Клеро только онъ могъ возобновить ихъ. Но изъ чему онъ могли послужить? Онъ не имѣлъ дѣйствія, по крайней мѣрѣ въ настоящее время; а Генрихъ громилъ смертью каждому, кто пореабавился безъ королевскаго позволенія въ Англію съ письмами отъ папы или архіепископа. Нѣсколько посланниковъ были дѣйствительно преданы смерти и по берегамъ разставлена стража, тщательно охранявшая Англію отъ этихъ опасныхъ писемъ. Еслибъ Генрихъ успѣлъ въ своемъ контролѣ прегрѣшить всаго оиошннне духовенства своего съ писаніемъ престолонъ, онъ бы легко могъ подчинить себѣ англійскую церковь. Но все его бдительность была напрасна:

«Нѣкоторое время архіепископъ отчаивался уже, что не найдетъ человека, который бы взялся доставить его посланіе въ Англію. Наконецъ, молодой ирландецъ, по имени Беренгеръ, самъ вызвался на это, и мы узнаемъ изъ разсказа Фитц-Стевена, какимъ образомъ онъ исполнилъ свое порученіе. Въ праздникъ Вознесенія Господня, одинъ священникъ, благочестивый, но робкій человекъ, по имени Виталисъ, совершалъ богослуженіе въ главномъ алтарѣ Церкви-Св.-Паула, въ Лондонѣ, и въ то самое время, когда начали пѣть Offertoria и священникъ предлагалъ хлѣбъ и вино и держалъ сосудъ, тужестрапецъ, по имени Беренгеръ, приблизился и, предложивъ козѣлю, протянулъ руку; когда священникъ началъ раздавать дары. Священникъ, изумленный смѣлостію незнаконца, остановилъ руку его: тогда Беренгеръ положилъ ему письмо, говоря: «Епископъ зѣбной спархъ въ отсутствіи, равно какъ и деканъ; но я говорю тебѣ, какъ служителю Христа, что я здѣсь во имя Бога и господина нашего папы; вручаю тебѣ это письмо

отъ архіепископа кенте, бѣрійскаго, содержавшее въ себѣ приговоръ, изреченный противъ оиошннне лондонскаго, и другое письмо къ декану, повѣщающее ему и его духовенству привести этотъ приговоръ въ исполненіе. Я а запрещаю тебѣ, именемъ Понтинъ, служить въ этой церкви, пока ты не передашь епископу и декану этихъ писемъ.» Произнесъ эти слова, тужестрапецъ исчезъ въ толѣ народа; глухой шумъ пробѣжалъ между тѣмъ, который стояли ближе къ алтарю, и они начали сиранивать священника, не запрещена ли божественная служба въ соборѣ; при сго отрицательномъ отвѣтѣ, народъ не сказалъ ни слова, и посланникъ удалился безвредно. Между-тѣмъ, священникъ продолжалъ обѣдню; королевскіе же слуги-тели искали Беренгера по всему городу, ставили стражи на всѣхъ перекресткахъ, но нигдѣ не могли найти его. Нѣсколько дней спустя, епископъ и деканъ возвратились въ Лондонъ, и священникъ Виталисъ вручилъ имъ письма.»

Бѣдствія родственниковъ, друзей и всѣхъ подчиненныхъ несравненно болѣе огорчали архіепископа, чѣмъ его собственные. Для нихъ онъ часто заводилъ переговоры, хотя зналъ, что невозможно было ожидать снисхожденія. Собственная зависимость отъ другихъ не могла также ему нравиться; хотя онъ нерѣдко полагался на благосклонность французскаго короля, но нигдѣ много притѣнилъ до вѣрять его искренности; и когда одною случаемъ возникло недоразумѣніе, то онъ и его спутники увидѣли, что надежда на него потеряна. Это случилось послѣ свиданія Людовика, Генриха и Беккета при Монмраэлѣ:

«Въ Сен-Колумбѣ было разсуждено о послѣднихъ событіяхъ и о неудачномъ путешествіи ихъ въ Монмраэлъ. У нихъ былъ также другой предметъ для бесѣды, въ предположеніи несогласія и умореніи молчанія короля французскаго. Архіепископъ улыбаясь, слушая разсѣяныя предложенія, ему сдѣланныя, и отвѣчалъ: «Изъ всѣхъ васъ, меня одного нечетъ оскорбить король Генрихъ, и если я уйду, то никто не утѣснитъ и не обидитъ васъ: не беспокойтесь.» — Имъ без-

покоимся за васъ, отвѣчали они ему: — потому что мы не знаемъ, гдѣ бы вы могли найти пристанище; и хотя вы занимаете такой высокой постъ, однако всѣ друзья васъ оставили. — Не заботьтесь же обо мнѣ, возразилъ онъ: я предаю дѣло свое Богу, который одинъ можетъ защитить меня. Пусть Англія и Франція соединятся противъ меня, я все еще не погибну. Я не хочу прибѣгать съ просьбами къ «римскимъ разбойникамъ», которые умѣютъ только безпощадно грабить ближняго. Я приму другой образъ дѣйствія. Говорятъ, что народъ, живущій въ Бургундіи, великодушнѣе другихъ. Я возьму съ собою только одного спутника, и мы пойдемъ пѣшкомъ къ этому народу, и онъ вѣрно скажется надъ нами.» Въ эту минуту явился къ архіепископу служитель короля французскаго съ приглашеніемъ явиться на свиданіе къ его-владычеству. «Онъ хочетъ изгнать насъ изъ своего королевства,» сказалъ одинъ изъ присутствовавшихъ. — Не предсказывай дурнаго, отвѣчалъ архіепископъ: — ты не пророкъ и не омишь пророка.»

Французскій король возвратилъ благоволеніе свое архіепископу. Непрочное примиреніе со стороны короля, дозволившаго Беккету возвратиться къ своей паствѣ, слишкомъ-извѣстно. Удивительно только, что такой проницательный человѣкъ подчинился менадежному призыванію; удивительно потому болѣе, что Генрихъ, при свиданіи ихъ, упорно отказался дать ему поплау примиренія, отлагая его до прибытія примаса въ Англію. Впрочемъ, справедливость требуетъ прибавить, что онъ не совсѣмъ былъ обманутъ; онъ видѣлъ, что обѣщанныя условія не будутъ исполнены, онъ зналъ, какое бѣдствіе грозило ему по прибытіи въ Англію, и многіе предостерегали его, что въ случаѣ возвращенія къ своему мѣсту, жизнь его будетъ въ опасности. Но онъ пренебрегъ страхомъ будущихъ бѣдъ и торжественно объявилъ, что жизнь или смерть ему готовитъ судьба, а онъ не хочетъ оставаться долѣе въ разлукѣ съ своей паствою. Онъ прибылъ и, какъ извѣстно, погибъ самымъ трагическимъ обра-

зомъ, сохранивъ до послѣдней минуты все достоинство своего сана.

Безполезно повторять происшествія, сопровождавшія эту катастрофу; они, вѣроятно, извѣстны каждому изъ нашихъ читателей. Скажемъ только, что, при рассмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, на счетъ убійства Беккета въ мнѣніяхъ доктора Джильса и въ его взглядѣ вообще мало провинительности и самобитности; онъ сѣбно сѣдуетъ указаніямъ предположеній ему висателей и заключенія свое не всегда выводитъ изъ фактовъ, которые самъ же сообщаетъ. Теоренію его не достаетъ связи; событія у него не вытекаютъ одно изъ другаго. Подобный недостатокъ зависитъ преимущественно отъ принятаго имъ плана; приводя письма различныхъ лицъ, невозможно достигнуть единства, необходимаго для рѣшенія историческихъ вопросовъ. Тщательно-составленный рассказъ, извлеченный изъ писемъ, біографій и исторій того періода, съ приложеніемъ документовъ, яснѣе бы представилъ жизнь Беккета. Такое соединеніе фактовъ допустило бы сличеніе, а выводы необходимо бы привели читателя къ заключенію совершенно справедливому. По смерти Беккета, всѣ думали, что грозныя мѣры будутъ приняты забою для наказанія виновныхъ въ его гибели; но золото уничтожило и запрещеніемъ эскоммуникацію, и возстановило бароновъ и епископовъ въ милости намѣстника св. Петра, — этимъ оправдалось строгое мнѣніе, которое Беккетъ имѣлъ о римскомъ дворѣ.

Въ заключеніе должно замѣтить, что если докторъ Джильсъ и не представилъ удовлетворительнаго вывода изъ своихъ многочисленныхъ источниковъ, — если жизнь Беккета все еще не объяснена вполне, — тѣмъ не менѣе онъ оказалъ большую услугу будущимъ біографамъ несчастнаго примаса. Въ этомъ и заключается истинное достоинство его книги. Въ настоящемъ ея видѣ ее нельзя назвать ни исторіею, ни біографіею; она весьма-мало объясня-

есть важные вопросы о феодальномъ и церковномъ судопроизводствѣ и мало знакомить насъ съ духомъ и характеромъ вѣка. И не смотря на всѣ эти недостатки, по богатству своихъ матеріаловъ, она составляетъ истинное приобрѣтеніе для исторической литературы.

Тя *History of the French, Walloon, Dutch and other foreign Protestant Refugees, settled in England, from the Reign of Henry VIII to the Revocation of the Edict of Nantes, with Notices of their Trade and Commerce, copious Extracts from their Registers etc etc. By J. S. Burg.* (Исторія французскихъ, валонскихъ, голландскихъ и другихъ протестантскихъ выходцевъ, переселившихся въ Англію со времени царствованія Генриха VIII до уничтоженія нантскаго эдикта, съ замѣчаніями о ихъ промышленности и торговлѣ, обширными выписками изъ ихъ реестровъ и проч., и проч. (Соч. І. С. Борна).

Г. Борнъ былъ секретаремъ королевской комиссіи, которой поручено было собрать въ Англіи и Валлисѣ инотѣрческіе реестры, въ которые вписались крещенія, браки и похороны; тогда-то ему попались подъ руку записки изгнанныхъ конгрегацій. Съ такими матеріалами можно было составить книгу весьма-любопытную, иѣчто въ родѣ систематической исторіи переселенцевъ. Г. Борнъ немного прибавляетъ отъ себя; замѣчанія у него изложены въ той формѣ, въ какой онъ самъ нашелъ ихъ; исторія же, въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ ее въ наше время, приобрѣла однимъ только даннымъ, разумѣется, полезная, но дѣло далеко еще не кончено и должно ожидать другаго дѣлателя. Со всѣмъ тѣмъ, данныя такъ любопытны, что мы рѣшаемся представить читателямъ нашимъ легкій очеркъ названной нами книги, которая пополнитъ большіе пробѣлы въ исторіи протестантскихъ семействъ, переселившихся въ Англію, и должно имѣть, кромѣ общаго интереса, еще спеціальный для потомковъ этихъ семействъ.

Протестанты переселились сюда въ XVI и XVII вѣкахъ, убѣгая отъ релігіозныхъ пресѣдованій, которымъ подвергались они на твердой землѣ, особенно во Франціи и Нидерландахъ; оставаясь, ради своихъ убѣжденій, въ домашніе связи и преданія, разселись со всѣхъ, кромѣ вѣры, которую они перенесли съ собою, они въ то же время отнимали существенную силу страны, ихъ отвергшей, лишая ее ремесленниковъ, и умножая бѣдствія (и это очень-понятно всякому, кто имѣетъ хотя поверхностныя свѣдѣнія о политической экономіи) переносили въ чужіе края своей мануфактурной дѣятельности. Первое входило въ планы гонителей, втораго они не успѣли предугадать; первое было ихъ нестію, второе наказаніемъ. Съ самаго начала этихъ переселеній, англійскіе государи замѣтили, кажется, выгоды, съ ними сопряженныя, и старались пользоваться историчностью своихъ соотѣй; иностранцы были приняты и потому поощряемы къ переселенію, — ихъ временныя нужды были удовлетворены, и имъ дозволено было свободное исповѣданіе ихъ вѣры. Очень-любопытно знать, какъ много своего мануфактурнаго величія Англія можетъ приписать раздорамъ своихъ соотѣй, — и списки изгнанниковъ отвѣчаютъ на этотъ вопросъ. Число этихъ иностранныхъ ремесленниковъ, нашедшихъ убѣжище въ Англіи, опредѣляется числомъ и распространеніемъ ихъ церквей, а разнообразіе завсѣданныхъ ими фабрикъ видно изъ этихъ списковъ такъ ясно, что по нимъ можно распредѣлить, какого рода были ихъ занятія и труды.

Въ 1567 году, ужасная тиранія герцога Альбы заставила такое множество нидерландскихъ промышленниковъ бѣжать изъ отечества, что герцогиня пармская уведомляла Филиппа II, что въ нѣсколько дней около 100 тысячъ человекъ оставили государство съ своими имуществами и деньгами, и что каждый день другіе сѣдутъ за ними.

Большая часть этих переселенцев, называвшихся Валлонами, перешла в Англию и поселилась в Кентербери, Норвич, Соутхэмптон, Сандвич, Колчестер, Мадстон и других городах, заводя мануфактуры бумажные, льняные, шелковые, красильные и суконные и научая Англичан делать саржу, байку и тому подобную материю. В примѣръ благосостоянія, которое они принесли съ собою, приводятъ городъ Норвичъ, приобретшій 100 тыс. фунтовъ стерлинговъ отъ продажи однихъ матерій, кромѣ доходовъ съ чуждой мануфактуры, бывшей весьма обширною. Рѣзня варооломеевской ночи въ 1572 году и разрушеніе Антверпена въ 1585 еще болѣе наполнили мануфактуры Англіи; въ послѣднемъ случаѣ, по свидѣтельству Гюэ (Huot), писавшаго о голландской торговлѣ, третья часть купцовъ и ремесленниковъ, работавшихъ на шелковыхъ фабрикахъ въ Голландіи, поселилась въ Англіи, «потому-что Англія не знала еще этихъ мануфактуръ». Англія получила названіе «Christi Asylum», — титулъ, право на который собственныя дѣти ея нѣсколько разъ оспаривали въ послѣдствіи. Пенсіонарій де-Виттъ, упоминая объ усиленіи могущества этой страны въ слѣдствіе жестокихъ и несправедливыхъ дѣйствій другихъ государствъ, говоритъ, что она съ XVI вѣка начала мало-по-малу продавать свои мануфактурныя произведенія въ Европѣ; «они (т. е. Англичане) сдѣлались могущественны на морѣ и сбросили зависимость отъ Нидерландовъ; такъ-что нынѣ Англія, по соединеніи ея съ Шотландіею, все усиливается болѣе и болѣе, какъ своими мануфактурами, такъ и обширною навигаціею, и будетъ со-временемъ грозна для Европы, согласно съ пословицею: «владелецъ на морѣ есть владелецъ и на сушѣ». Знаменитый Нантскій-Эдиктъ 1598 года со всеми его благотѣльными слѣдствіями, не могъ возвратить политическому гѣду Франціи драгоценныхъ членовъ, оторванныхъ неразумными правителями.

«Чужестранцамъ въ этой странѣ», говоритъ г. Борнъ: «было такъ хорошо, что они не могли желать возвратиться на родину. Они перевезли сюда свои капиталы, они подражали докровительствомъ относительно своей вѣры и торговли; дѣти ихъ болѣею частью или родились въ Англіи, или начали вступать въ браки съ Англичанами». Какъ благоразумно поступили они для своего потомства — доказали послѣдствія: спустя столѣтіе, знаменитая revocation поразила протестантовъ во Франціи. Черезъ ея злощущимъ голосомъ основатели общественнаго блага бѣжали во множествѣ. «Шестьсотъ тысячъ», говоритъ Вольтеръ, одинъ изъ ревностныхъ читателей великаго короля: «бѣжали отъ преслѣдованій Лудовика, унося съ собою свои богатства, свою промышленность и свою непримиримую ненависть къ гонителямъ. Гдѣ они ни поселялись, они умножали собою число враговъ Франціи и подвигнули принатія ихъ державы къ войнѣ съ ихъ отечествомъ». Но они поступили еще хуже, если принять въ соображеніе правило того вѣка, въ кодексъ котораго несчастіе одной націи было благосостояніемъ другой.

«Они довели» (въ Англіи), говоритъ г. Борнъ: «до высшей степени совершенства шелковыя ткани, каковы: люстрины, шарча, атласъ, черный и цвѣтной бархатъ. Кромѣ того, она выдѣлывала часы, стальныя издѣлія, замки, хирургическіе инструменты и пр. и пр. Spital Fields сдѣлалось колоніею шелковыхъ фабрикантовъ; между-тѣмъ, какъ для другихъ ремеселъ, по словамъ Вольтера, нѣсколько тысячъ ихъ способствовали къ населенію предмѣстій Сого и Сент-Джилья. Другіе перенесли въ Англію искусство выдѣлывать въ совершенствѣ хрусталь, который около того времени пришелъ въ упадокъ во Франціи.» Около 1748 года, новыя преслѣдованія во Франціи продолжало нашу авторъ: «содействовали новой эмиграціи въ этой страны; и конгрегации разнородныхъ инокѣрческихъ церквей удалялись приобщая новыхъ приверженцевъ».

Протестантскія общины Валлоновъ, Французовъ, Голландцевъ, Итальянцевъ и Немецковъ въ различные періоды переселились въ Англію и основали церкви свои, пользуясь политическою терпимостію, имъ оказанною.

«Послѣднія дѣла націй», говоритъ г. Борнъ: «по-видимому, не оставили слѣда своихъ конгрегацій; и едва извѣстно, что эти конгрегаціи когда-нибудь существовали. Но отъ перомъ сохранились еще нѣсколько имѣть ихъ поклоненія, хотя поклоненіе было и немного; мы приобрѣли еще много выгодъ относительно торговли, которую они принесли съ собою, и честь назвать въ числѣ своихъ соотечественниковъ имена Romilly, Mozères, Saugin, Majendie и др., какъ и многія другія прибавленія къ біографіи величія и благосостоянія этого счастливаго острова.»

Возъ-сомнѣнія, Англія безконечно много обязана иностранцамъ; но странно, что г. Борнъ, принадлежащій къ тому народу, который такъ гордится своимъ могуществомъ и такъ упорно держится своей національности, говоритъ, будто «Англичане не могутъ похвалиться ничѣмъ великимъ и добрымъ, кромѣ того, что завезено съ чужестранной почвы». «Мы сами», присовокупляетъ онъ, «равно какъ и наша слава—принадлежность народовъ чуждыхъ. Французъ, Бриттъ, Датчанинъ и Саксонецъ, составляютъ Англичанки». Не смотря однакоже на чистую выгоду Англіи отъ этихъ переселеній, трудно предположить, чтобы она постоянно благопріятствовала эмигрантамъ, и чтобы народъ былъ всегда такъ же мудръ, какъ и его правители. Искусство и успѣхъ въ дѣлахъ списали иностранцамъ враговъ между англійскими промышленниками. Туземцы нередко пользовались различными случаями, чтобы подавить иностранцевъ; поргубы, сапожники и т. п., требовали уничтоженія иностранныхъ колоній; но эмигрантъ раздавался иные крики противъ нихъ, но правительство благодушно покровительствовало этимъ

промышленнымъ колоніямъ и за то нередко золотомъ лилось въ государственное казначейство. При каждомъ наложѣ правительство вспоминало объ эмигрантахъ.

Въ 1598 году, королева обязала въ государствѣ заёмъ, на который всѣ общества подписывались отдѣльно; иностранцы также внесли въ списокъ свои имена. Суммы въ 200 или 300 ф. стерлинговъ (монета ста не было въ списокѣ)—могли въ то время равняться съ тѣми купеческими подписками, которыя удивляютъ въ наше время. Въ 1621 году, лордъ-казначей, которому поручено было освидѣтельствованіе монеты у гражданъ, не забылъ спеціального налога съ иностранцевъ. «По справедливости», говоритъ онъ, «иностранцы должны чѣмъ-нибудь помогать туземцамъ, ибо взгляните, какіе законы, какой миръ приобрѣли мы пролитіемъ нашей крови! какъ велика благодѣтельность нашего короля и принцевъ! какая чистота религіи основана купечествомъ собственныхъ нашихъ предковъ! Ко всему этому млеку и меду, ко всѣмъ радостямъ временныя и вѣчныя, чужестранецъ принятъ такъ милостиво, даже въ первый часъ свой. Потому, не робщите, давая малое, ибо вы получили столь многое.»

По исчисленію г. Борна, въ одномъ Лондонѣ и его окрестностяхъ находилось до сорока французскихъ и валлонскихъ церквей; большая часть ихъ, существовавшія въ форѣ отдѣльных конгрегацій, исчезла. Между ними, соборными или метрополитскими церквями почиталась для конгрегацій (образовавшихся на востокѣ) старая валлонская церковь въ Трилидъ-стритъ (Threatleadle-Street), перенесенная въ новое зданіе волеѣ Post-Office въ St-Martin-le-Grand; а для западныхъ конгрегацій церковь въ Эдуард-Стритъ, Уардор-Стритъ, Сого, почитаемая представительницею старой Савои, для которой также воздвигнуто новое зданіе въ улицѣ нынѣ называемой Блумсбери-Стритъ (Bloomsbury Street). О французской церкви въ Норвичѣ,

свѣдѣнія г. Борна полнѣе другихъ; мы представимъ нѣсколько выписокъ, которыя послужатъ какъ-бы объясненіемъ всего сказаннаго выше.

«Въ 1870 году, открытъ былъ въ Нор-
фолкѣ заговоръ нѣкоторыхъ аженгель-
новъ и другихъ лицъ, которые предпо-
ложили въ нѣмцовъ-денъ на ярмаркѣ въ
Гарльстонѣ собрать народъ трубнымъ зву-
комъ и барабаннымъ боемъ и объявить
причину ихъ возстанія, — именно изгнаніе
инострanceвъ изъ города и королевства.
Десять человекъ были обвинены въ из-
мѣнѣ государству и трое повѣшены; меж-
ду-тѣмъ, иностранцы снискали покрови-
тельство и продолжали торговлю, посред-
ствомъ которой приобрѣли большія бога-
тства и доставили изобиліе бѣднымъ; но
тѣ граждане, которые все еще оставались
ихъ врагами, требовали у правительства
новыхъ постановленій и стѣснительныхъ
мѣръ противъ эмигрантовъ. Въ-свѣдѣствіе
чего королева писала къ городу, требуя
отъ него продолженія покровительства
бѣднымъ людямъ голландской націи,
которые, терпя въ своей странѣ преслѣ-
дованіе за вѣру, прибыли въ ихъ коро-
левство, прося помощи и помѣщены те-
перь въ городѣ Норвичѣ и до-сихъ-поръ
пользовались покровительствомъ ея вели-
чества королевы, какъ милостиваго и
религіознаго государя, и пользовались
имъ во благо; въ-свѣдѣствіе чего я и про-
шу васъ продолжать имъ ваше покрови-
тельство, пока они будутъ жить мир-
но между вами и вѣрно слѣдовать боже-
ственной вѣрѣ и законамъ ея величества,
ибо каждый христіанинъ обязанъ помо-
гать другому, особенно тому, который
терпитъ гоненія ради св. Евангелія» и
пр., и убѣждая жителей Норвича сохра-
нять ихъ имущество, слѣдуя примѣру
братій своихъ, живущихъ въ Сандвичѣ и
Колчестерѣ, которымъ иностранцы при-
несли пользу, ибо они заселили дома ихъ,
прежде необитаемые, и множество народа
заняты работами, тогда-какъ прежде ему
нечего было дѣлать; вмѣстѣ съ тѣмъ уве-
личилось потребленіе, что доставило не-
малую выгоду городу и странѣ, и отъ-то-
го имъ непремѣнно должно покровитель-
ствовать. Но такъ-какъ преслѣдованія чу-
жестранцевъ не прекращались, то послѣ
нѣкоторыхъ переговоровъ, 25 апрѣля
1871 года, прибыло изъ Уестминстера по-

вѣщеніе, которымъ постановлено было,
чтобъ иностранцевъ не подвергать нало-
гамъ и утѣсненіямъ, чтобъ они имѣли
полное право жить согласно прежнимъ
постановленіямъ и подати платить по
распоряженію правительства.»

Церковь приобрѣла владѣнія различ-
ныхъ помѣстій въ Норвичѣ и его окре-
стностяхъ. Въ концѣ XVII вѣка и на-
чалѣ XVIII, учрежденъ былъ гошпи-
таль для бѣдныхъ французскихъ про-
тестантовъ. Тѣми изъ изгнанныхъ,
которые, владѣя средствами, имѣли
желаніе оказать помощь многимъ сво-
имъ соотечественникамъ, совершенно
объединившимъ:

«Джемсъ де-Гастиньи, бывшій началь-
никомъ охоты при Вильгельмѣ III, тогда
еще принцъ оранскій, въ 1708 году ос-
тавилъ 1000 ф. стерлинговъ для построе-
нія гошпитала или убѣжища; раздавате-
ли королевской милости, которымъ пору-
чено было хозяйство, собрали проценты
за восемь лѣтъ и въ-послѣдствіи добро-
вольными приношеніями могли приобрѣ-
сти землю и построили домъ удобный для
помѣщенія 80 бѣдныхъ. Георгъ I, грамма-
тою своею, данною 24 іюля 1718, утвердилъ
это заведеніе и распорядители его состави-
ли корпорацію подѣ именемъ «Правитель
и директоры французскаго гошпитала
для бѣдныхъ протестантовъ и потомковъ
ихъ, проживающихъ въ Великобританіи».
Часовня этого заведенія была освящена
при многочисленномъ стеченіи француз-
скихъ изгнанныхъ. Божественную служ-
бу совершалъ на первый разъ мистеръ
Менардъ, священникъ французской ко-
ролевской часовни и секретарь общества,
12 ноября 1718 года. Съ этого времени,
вклады и завѣщанія постепенно умножа-
лись, и корпорація скоро пришла въ со-
стояніе приобрѣсти болѣе обширныя зем-
ли, построить еще нѣсколько зданій и
наконецъ открытъ убѣжище для 230 бѣ-
дныхъ. Такъ продолжалось до 1760 года,
когда, въ-свѣдѣствіе прекращенія подпис-
ки и возвышенія цѣнности на всѣ пред-
меты потребленія, число бѣдныхъ умень-
шилось до 60, и вышѣ гошпиталь содер-
жить 36 женщинъ и 40 мужчинъ, кото-
рые получаютъ хорошую одежду и пи-
щу, снабжены медицинскими пособіями

и пользуются всеми удобствами, необходимыми для них преклонныхъ лѣтъ.»

Умѣнье Голландцевъ осушать земли повело къ основанію нѣхъ старинныхъ церквей въ Англіи. Такииъ образомъ, осушеніе болотъ на островѣ Эли, сдѣланное Николаемъ Вермуйденомъ, было, какъ кажется, причиною голландскаго поселенія и устройству конгрегации въ этомъ мѣстѣ. Сосѣдственная деревня при Thorneу Abbey, находившаяся въ четырехъ миляхъ отсюда, сдѣлалась въ послѣдствіи мѣстоприваніемъ нѣхъ духовенства въ то время, когда сэръ Уильямъ Россель предположилъ съ помощію Голландцевъ осушеніе «болотистыхъ и топкихъ земель», переселившихъ въ его владѣніе отъ торнейскаго монастыря. Внесеніе въ реестръ этой церкви послѣдовало въ октябрь 1727 года. Въ графствѣ Йоркскомъ, на востокъ отъ Донкѣстра, находится равнина Гадфильдскаго-Лѣса, въ которой, лѣтъ лѣсти тому назадъ, было до семи тысячъ акровъ земли, покрытой водою; осушеніе этой топи поручено было Николаю Вермуйдену, заключившему съ казною условіе, по которому ему обѣщана была въ награду одна треть осушенной земли. Наконецъ, онъ получилъ отъ казны привилегію распоряжаться этою землею, и на высушенныхъ болотахъ основалъ колонію французскихъ и голландскихъ ремесленниковъ въ числѣ двухъ-сотъ семействъ, для которыхъ построена была церковь въ Сандтофтѣ въ приходѣ Бельтона. Здѣсь, однакожъ, какъ и вездѣ, иностранцы много терпѣли отъ завистливыхъ туземцевъ, съ тою еще невыгодою, что законы менѣе покровительствовали имъ. Притѣсненія островитанъ мало-по-малу становились столь опасными и безпокойными, что часть переселенцевъ снова возвратилась на родину. Въ концѣ XVII вѣка, церковь пришла въ упадокъ и стада выгонялись на пастбище въ томъ мѣстѣ, гдѣ она стояла.

Островъ Канвей, находящійся въ

устѣ Темзы, близъ Соутъ-Бенелитъ (въ Эссексѣ), былъ залитъ водою морскаго прилива; тогда въ 1622 году сэръ Генри Аппльтонъ и другіе заключили условіе съ Голландцемъ Джономъ Крошнборгомъ, который взялся оградить островъ отъ наводненія и за то получилъ также треть осушенной земли. Треть этихъ земель теперь назначена на поправленіе плотины; тогда же, во время крошнборговой борьбы съ приливомъ построена была для голландскихъ колонистовъ, употребленныхъ на осушеніе острова, деревянная часовня, которая, въ случаѣ какого-либо поврежденія, была немедленно починиваема.

Мы сочли нужнымъ сообщить объ этой книгѣ потому именно, что она должна возбудить большой интересъ въ Англіи. Оканчивая отчетъ нашъ о ней, приведемъ слова автора о издѣи, которая показала намъ очень-любопытною:

«На мѣдной доскѣ, привѣщенной къ стѣнѣ церкви Лудольфа въ Корнуаллѣ, есть надпись (пѣлъ императорскій гербомъ, присвоеннымъ Византійской Имперіи), посвященная памяти Теодора Шлеолога (?) изъ Пезаріи (въ Италіи), (вѣрнаго потомка Томы, втораго брата Константина, послѣдняго императора), который вступилъ въ бракъ съ Маріею, дочерью Уильяма Балса изъ Гелліи (въ Суффолкѣ), и умеръ 20 января 1636 года. Теодоръ, сынъ послѣдняго, служилъ въ англійскомъ флотѣ и умеръ на морѣ въ 1693 году, а сестра его была за мужа въ Корнуаллѣ».

ESSAYS ON SUBJECTS CONNECTED WITH THE LITERATURE, POPULAR INSTITUTIONS AND HISTORY OF ENGLAND IN MIDDLE AGES. By Thomas Wright, London. (Опыты о предметахъ, имѣющихъ отношеніе къ литературѣ, народнымъ старинамъ и исторіи Англіи въ средніе вѣка. Изданіе Томаса Райта, London. 2 тома).

Въ предисловіи, г. Райтъ говоритъ, что цѣлю его, при изданіи этой книги,

было распространение между соотечественниками своим вкусом к литературе и истории предков их в средние века. Сообразно съ принятымъ плану, первая часть его сочинения посвящена популярному обзорѣ литературы острова въ XIII и XIV вѣкахъ, а вторая часть заключаетъ въ себѣ очерки народной мифологии и суетной, исторію романа, народные сказки, баллады о Робин-Гудѣ и политическія пѣсни. Первая глава относится къ самому раннему періоду английской истории, потому что въ ней представлено развитие англо-саксонской поэзии и приведено нѣсколько отрывковъ изъ Кедмона (Caedmon) и его прекрасной поэмы «Беовульфъ» (Beowulf). Слѣдующую главу скорѣе можно назвать извѣстіями о французскихъ жонглерахъ, чѣмъ объ англо-норманской поэзии, потому что она представляетъ лишь нѣсколько строкъ изъ Васа (Wace) и нѣсколько куплетовъ изъ Бенуа Сен-Мора (Benoit St. More), которые прежде всего появились въ «Истории Англіи» г. Торнера и съ тѣхъ-поръ перепечатывались въ каждомъ сборникѣ, между-тѣмъ, какъ нѣтъ ни одного извѣстія о Марин-Французской, Денизѣ Ширамусѣ или Уаддингтонѣ, которые всѣ требуютъ объясненій; даже нѣтъ ни одного изъ стихотвореній англо-норманской школы, несравненно болѣе важной для истории образованія и обычаевъ Англіи; за то авторъ рассказываетъ старинный романъ о Карлѣ-Великомъ, вмѣстѣ съ сказками среднихъ вѣковъ, которыя вообще болѣе или менѣе извѣстны, и различные отрывки изъ стиховъ жонглера, по имени Рутебѣфа (Rutebeuf), который жилъ въ Парижѣ и описывалъ французскіе обычаи, и потому едва-ли сочиненія его могутъ бросить какой-нибудь свѣтъ на нравы и обычаи английскіе. Такъ-какъ Васъ (труворъ безспорно удивительный и характеризующій свою эпоху) пропущенъ въ этой главѣ, то по-крайней-мѣрѣ въ слѣдующей, посвященной историческимъ романамъ среднихъ

вѣковъ, ему бы можно было найти приличное мѣсто: въ нѣкоторыхъ частяхъ его «Brut d'Angleterre», видны народныя преданія и средне-вѣковые обычаи Англіи; но г. Райтъ, съ явнымъ пристрастіемъ къ французской литературѣ, начинаетъ сокращеніемъ романа, полъ заглавіемъ «Garin de Lograin». Конечно, въ своемъ мѣстѣ, этотъ рассказъ можетъ быть драгоценнымъ памятникомъ французской народной литературы; но странно пропускать многочисленныя произведенія англо-норманскія, писанныя Англичанами или людьми, жившими въ Англіи и славившимися британскихъ героевъ, для преданій о короляхъ Тьерри и Шиннѣ. Наконецъ, въ слѣдующей главѣ, г. Райтъ вступаетъ на английскую почву въ исторію короля Горна, хотя и здѣсь онъ начинаетъ съ повиднѣннаго французскаго переложения и потомъ уже возвращается къ древне-английскому подлиннику. Вотъ и все! Не упоминая о многочисленныхъ романахъ объ Артурѣ, не упоминая даже о любопытныхъ сказаніяхъ о королѣ «Аливандрѣ», которые оба въ Англіи пользуются большою популярностью, оканчивается статья, носящая названіе «Chansons de Geste» или «историческіе романы». Съ тѣмъ же пристрастіемъ къ иностранному на счетъ отечественнаго, г. Райтъ въ слѣдующей главѣ «О пословицахъ и народныхъ преданіяхъ», отправляется въ Байѣ съ г. Плюке, чтобы привести оттуда важное извѣстіе, что «найти подкову приноситъ счастье», что «собрание тринадцати человекъ за столомъ предвѣщаетъ бѣду», и что пословица «Little and little makes mickle» общая Нормандіи и Англіи. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ странахъ столь близкихъ, какъ Англія и Франція, примѣты и пословицы одинаковы, тогда-какъ и у насъ въ Россіи число тринадцать за столомъ считается предвѣстникомъ бѣдствія. Едва-ли нужно говорить, что вѣрованіе въ эту примѣту перешло съ Востока?

Относительно же пословицъ можно

замѣтить, что хотя многіе изъ нихъ дѣйствительно выражаютъ собою національный характеръ и народные обычаи, но большая часть ихъ не что иное, какъ результатъ общаго наблюденія надъ дѣлами, общими у всѣхъ народовъ. «Каждая птица любитъ свое гнѣздо» (Every bird loves its own nest), «куй желѣзо, пока оно горячо» (Strike the iron while it is hote) и тому подобныя поговорки могутъ прійти въ голову каждому, кто выдѣлъ птицу на гнѣздѣ или кузнеца за наковальнею. — Такія пословицы едва ли стоить переводить съ одного языка на другой.

Опытъ латинской поэзіи XII вѣка, мало интересный для большинства читателей, поставленъ по-крайней-мѣрѣ у мѣста, чего нельзя сказать о Абе лардѣ и схоластической философіи.

Въ главѣ «Германской Миеологіи Гримма» (отъ-чего же г. Райтъ не говорить объ англійской миеологіи?), онъ серьезно занимается доказательствами, что «многое въ народной миеологіи Франціи было заимствовано изъ тевтонской, равно какъ и въ миеологіи шотландской, валлійской и ирландской»; но, кажется, не подвержено еще сомнѣнію, что Британія населялась Кельтами гораздо-прежде, чѣмъ какое-либо изъ тевтонскихъ племенъ ступило на ея почву; слѣдовательно, самыя древнія и болѣе другихъ распространившіяся преданія языческой Англіи необходимо должны быть кельтическія. И таковы они дѣйствительно даже по указаніямъ г. Райта. Обожаніе деревьевъ, охраненіе источниковъ видны у древнѣйшихъ обитателей и не безъ основанія можно предположить, что они перешли съ Востока, въ самое древнее время кельтическихъ переселеній.

Любопытно мѣсто, приводимое г-мъ Райтомъ изъ какой-то саксонской проповѣди, говоренной противъ чародѣйства:

«Намъ стыдно,» говоритъ авторъ этой проповѣди: «разсказывать всѣ соблазнительныя гаданья, которыя каждый со-

вершаетъ по наученію дьявола или собираясь взять жену, или предпринимая путешествія, или начиная что-нибудь»; и далѣе: «Нѣкоторые люди подвержены такому ослабленію, что приносятъ жертвы неподвижнымъ скаламъ, деревьямъ, источникамъ, какъ учатъ ихъ вѣдьмы, и не хотятъ понять, какъ безумно поступаютъ они и не могутъ ли безжизненный камень или безсловесное дерево помочь имъ, или исцѣлить ихъ, тогда-какъ и сами предметы поклоненія не двигаются съ мѣста. Сверхъ того» продолжаетъ онъ: «мнѣнія глухыя женщины ходятъ на перекрестки, таскаютъ дѣтей своихъ по землѣ и такимъ образомъ отдають дьяволу и себя и свое исчадіе». И дѣйствительно, какъ замѣчаетъ тотъ же писатель: «каждый чело-вѣкъ, вѣрящій гаданіямъ или по полету птицъ, или по чиханью, или по домашнимъ, или по собакамъ, не есть христіанинъ, а закоснѣлый отступникъ.»

Слѣдующій отрывокъ, взятый изъ латинскаго Penitentialia въ Британскомъ Музеумѣ, также достоинъ замѣчанія, хотя въ немъ исчисленіе запрещенныхъ дѣлъ доказываетъ скорѣе восточное начало, чѣмъ тевтоническое.

«Тотъ, кто посредствомъ чародѣйства или волшебства беретъ себѣ молоко, медъ или нѣны вещи, принадлежащія другому. — Тотъ, кто, обматурый привидѣніемъ, признается и исповѣдуется, что онъ ходитъ или ѣздитъ въ сообществѣ той, которую безумные поселане называютъ Иродіадою или Діаною, идущою съ безчисленною толпою и повинуется ея повелѣніямъ. — Тотъ, кто передъ другими, посредствомъ трехъ ножей, предсказываетъ счастье дѣтямъ, имѣющимъ произойти на свѣтъ. — Тотъ, кто приноситъ жертву дереву, водѣ или иной вещи. — Тотъ, кто, слѣдуя обычаю язычниковъ, вопрошаетъ будущее волшебными чарами на первое января или начинается дѣла въ тотъ день, какъ-будто бы отъ-того зависѣло счастье на цѣлый годъ. — Тотъ, кто совершаетъ закладанія и дѣлаетъ различныя волшебныя замѣтки, скрывая ихъ въ травѣ, или въ деревѣ, или на дорогѣ, для предохраненія ста-та. — Тотъ, кто кладетъ свое дитя надъ крышу или въ печь для возобновленія его здоровья, или употребляетъ для того волшебные знаки, или буквы, или магиче-

ское заклинаніе, или иное что, кромѣ святой молитвы, или свободнаго искусства врачеванія. — Тотъ, кто употребляетъ какія-нибудь чары при собираніи цѣлебныхъ травъ.»

Имена второго параграфа «Продіада» и «Діана» ниспровергаютъ тевтонскую теорію. Любопытно было бы, однакожъ, узнать начало этого страшнаго суевѣрія, жертвою котораго пало много старыхъ женщинъ XVI и XVII столѣтія, и каковыя-образомъ, въ теченіе вѣковъ, общество дикихъ и веселыхъ духовъ, подъ предводительствомъ самой «леди Діаны» превратилось въ отвратительную вереницу вѣдьмъ, развѣзжающихъ верхомъ на метлахъ.

Англіійскія вѣдьмы, если вѣрить г. Райту, тевтонскаго происхожденія, не смотря на то, что Джиральдусъ Камбрэнзскій, который первый сообщаетъ эти сказки, находитъ въ нихъ происхожденіе бриттское. Вотъ одна изъ исторій о домовыхъ:

«Эти домовые иногда дѣлались видимы, и одинъ изъ нихъ въ Пемброкширѣ, гдѣ ихъ было много, поселился въ домѣ вѣ котораго Элидора Стеклопа, въ образѣ рыжкаго молодца, который назывался Симономъ. «Мистеръ Симонъ началъ безстыдно», какъ говоритъ авторъ: «похищеніемъ ключей у погребщика и занятіемъ его мѣста. Однакожъ, самъ онъ былъ такой искусный погребщикъ, что, пока исполнялъ должность, все, по-видимому, шло превосходно. Онъ никогда не дождался, чтобъ у него спросили что-нибудь, но когда только господинъ его или госпожа думали его позвать за чѣмъ нибудь, онъ приносилъ все, что нужно, говоря: «Вамъ угодно то и то, вотъ оно.» Сверхъ того, онъ зналъ все, что касалось до ихъ денегъ и ихъ скрытыхъ сокровищъ; и часто осуждалъ ихъ за то, потому-что ненавидѣлъ корыстолюбіе и говорилъ, что не должны лежать деньги по напрасну, если можно изъ нихъ сдѣлать доброе и благодѣтельное употребленіе. Любымъ занятіемъ его было надѣлать пищу и питьемъ поселянъ, и обыкновенно онъ говорилъ своему господину, что, по праву онъ долженъ, если они нуждаются, раздавать имъ то, что самъ онъ пріобрѣтаетъ

ихъ трудами. Правду сказать, Симонъ былъ отличный слуга; но онъ никогда не ходилъ въ церковь: никогда не произносилъ ни одного «католическаго слова» (nec verbum aliquid catholicum inquam pronunciabat). Замѣчательно, что онъ никогда не ночевалъ дома, хотя на разсвѣтѣ былъ уже всегда за своимъ дѣломъ. Однажды ночью, квартиру его заперли на замокъ. На слѣдующее утро, Симонъ пришелъ къ своему господину, отдалъ ему ключи и оставилъ его домъ, пробывъ въ звани погребщика около сорока дней.»

Вотъ другой разсказъ изъ рукописной хроники, относящейся къ началу XIII-го вѣка и приписываемой Ральфу изъ Коггесгалла:

«Во время царствованія перваго Ричарда, часто появлялся, и на долгое время, въ домѣ сэра Осберна де-Брадвелла въ Даугартъ въ Суффолкѣ «нѣкоторый фантастическій духъ», который бесѣдовалъ съ семействомъ выше-сказаннаго рыцаря, подражая всегда голосу ребенка. Онъ называлъ себя «Малькинъ» и говорилъ, что мать его и братъ живутъ въ сосѣднемъ домѣ и что они часто бранятъ его, зачѣмъ онъ оставляетъ ихъ и предпочитаетъ бесѣду съ людьми ихъ обществу. Онъ разсказывалъ всегда забавныя вещи и нерѣдко сообщалъ своимъ собесѣдникамъ чужія тайны. Сначала, семейство рыцаря было испугано его присутствіемъ, но мало-по-малу свыклось съ нимъ и вело дружескіе разговоры. Съ семействомъ онъ говорилъ по-англійски и даже на мѣстномъ нарѣчій; но ему легко было объясняться и на другихъ языкахъ, ибо, когда приходилъ капелланъ, то онъ совершенно свободно объяснялся съ нимъ латинскіи и разговаривалъ о св. Писаніи. Онъ давалъ себя слышать и чувствовать, но никогда не показывался. — Казалось, что онъ особенно привязанъ былъ къ одной изъ женщинъ этого семейства — прекрасной дѣвушкѣ, которая долго просила его показаться ей; наконецъ, когда она покланялась, что не тронетъ его, онъ исполнилъ ея желаніе и явился въ образѣ маленькаго ребенка, одѣтаго въ бѣлую одежду. Онъ сказалъ ей тогда, что родился въ Левенгемѣ, что мать оставила его на короткое время, заявившись жавою; что его веззашно увесли оттуда;

что семь лѣтъ уже онъ находился въ настоящемъ своемъ состояніи, и что, по прошествіи другихъ семи лѣтъ, онъ будетъ восстановленъ въ прежнее своею образъ. Онъ сказалъ еще, что онъ и товарищи его имѣютъ шапки, которыя дѣлаютъ ихъ невидимыми. Это германская шапка-невидимка. Онъ часто просилъ пищи и питья, и все это, положенное въ извѣстномъ мѣстѣ, тотчасъ же исчезало. Писатель, сообщавшій этотъ рассказъ, утверждаетъ, что слышалъ его отъ каше-лава, который былъ въ немъ дѣйствующимъ лицомъ.

Слова «это германская шапка-невидимка» — вставка автора, который преслѣдуетъ свою любимую тейтонскую теорію; слѣдуя ему, пожалуй, можно сказать, что и шапка-невидимка нашихъ русскихъ сказокъ — гостыя, зашедшая къ намъ изъ Германіи. Но г. Райтъ забылъ, что искусство дѣлаться невидимымъ посредствомъ шапки, шляпы, плаща или перстня составляетъ принадлежность очень-многихъ сказокъ всѣхъ вѣковъ и народовъ.

Монахъ Рупъ (Rusch), снискавшій нѣкоторую популярность въ концѣ XV и въ-теченіе XVI вѣка, когда первые напечатанные книги распространили Eulenspiegel и Reinecke Fuchs между англійскими читателями, не можетъ, однакожъ, занимать мѣсто между англійскими національными преданіями. Едва-ли можно повѣрить автору, чтобъ онъ былъ тождественъ съ Робинномъ Добрымъ-Товарищемъ (Goodfellow). Въ 12-й главѣ, мы находимъ краткій отчетъ исторіи и переводовъ народныхъ преданій. Одно изъ нихъ очень-любопытно и показываетъ, какъ передаваемая сказка терлетъ часто свою цѣль.

«Одинъ поселянинъ привелъ на рынокъ продавать овцу, и шесть мошенниковъ согласились выманить у него товаръ. Они стали на шести улицахъ города, чрезъ который ему нужно было проходить, и каждый изъ нихъ подходилъ къ нему съ вопросомъ, «что онъ хочетъ взять за свою собаку?» Сначала, поселянинъ рѣшительно утверждалъ, что это овца; но, слыша,

что столько людей одинъ за другимъ называютъ ее собакою, онъ испугался, и образилъ, что животное заколдовано, и радъ былъ отдать его даромъ, чтобъ избавиться отъ дьявольскаго наводненія; послѣдній изъ шести мошенниковъ, какъ само-собою разумѣется, воспользовался этимъ. Эта сказка, въ первообытной формѣ, находится въ индійскомъ собраніи, названномъ Pantchatantra, и тамъ понятнѣе, почему поселянинъ оставилъ животное, увидѣвшись, что овца превратилась въ собаку потому, что, по понятію брахминецъ вѣры, собака животное нечистое. Типъ рассказано слѣдующее: Три мошенники встрѣтили брамина, ведшаго козу, назначенную для примесенія въ жертву: одинъ въ-слѣдъ за другимъ увидѣли его, что онъ ведетъ собаку, и наконецъ онъ повѣрилъ, что глаза его омрачены и, страшась прикосновенія нечистаго животнаго, оставилъ его ворами, которые тогда только и хотѣли. Тотъ же рассказъ находится въ нѣсколькихъ собраніяхъ арабскихъ сказокъ и отъ нихъ уже безъ сомнѣнія перешелъ на Западъ.

Слѣдующее преданіе, взятое изъ «Gesta Romanorum», заслуживаетъ также вниманіе:

«Былъ нѣкогда богатый кузнецъ, который жилъ въ селеніи на дѣлѣ отъ моря; онъ былъ очень-скупъ и золъ, и собралъ много денегъ; имѣлъ имъ деревянный пенъ, онъ поставилъ его возлѣ печи, такъ-что всѣ приходяшіе видѣли его, но никто не поздравлялъ, чтобъ въ немъ были деньги. Случилось однажды, что когда всѣ жители погружены были въ крѣпкій сонъ, море зашло домъ кузнеца и подняло пенъ; когда же оно снова возшло въ берега, то унесло пенъ съ собою; такимъ-образомъ, пенъ долго плавалъ по морю и наконецъ присталъ къ селенію, въ которомъ былъ человекъ, содержавшій постоялый дворъ. Этотъ человекъ всталъ по утру и, увидя пенъ, прибывшій къ берегу волнами, принялъ его за крѣпкую дрова, брошенный или оставленный ступенбуди. Этотъ человекъ былъ очень-скупъ и великодушень въ обдѣлѣ дѣлѣ и иностранцамъ. Случилось однажды, что иностранцы остановились въ его домѣ; время было очень-холодное, и онъ

иля хотѣлъ развести огонь и началъ колоть топоромъ найденное имъ дерево; послѣ двухъ или трехъ ударовъ, онъ услышалъ звукъ, и когда нашелъ тамъ деньги, то обрадовался и положилъ ихъ въ вѣрное мѣсто, чтобъ возвратитъ настоящему хозяину, когда тотъ отыщется. А кузнецъ ходилъ изъ мѣста въ мѣсто, отыскивая свои деньги, зашелъ наконецъ въ упомянутое селеніе и остановился въ домѣ человѣка, нашедшаго пенъ. Когда иностранецъ заговорилъ о своемъ потерянномъ пѣнѣ, хозяинъ повѣлъ, что деньги его, и подумалъ самъ въ себѣ: «теперь я испытаю, угодно ли Богу, чтобъ я возвратилъ ему его деньги». Въ слѣдъ за тѣмъ онъ велѣлъ испечь три пирога: одинъ наполнилъ землею, другой човѣчскими костями, а третій деньгами, найденными въ деревѣ. — Сдѣлавъ это, онъ сказалъ кузнецу: «Мы събѣдимъ три отличные пирога съ доброю начинкою: ты возьмешь тотъ, который самъ выберешь». И кузнецъ взялъ самъ всѣ пироги одинъ за другимъ, и нашелъ, что самый тяжелый тотъ, въ которомъ была зачечена земля, и, выбравъ его, сказавъ хозяину: «еслибъ мнѣ надо было выбрать другой, то я взялъ бы вотъ этотъ» и положилъ руку на тотъ, въ которомъ находились човѣчскія кости: «а третій ты можешь взять себѣ». Хозяинъ постоялаго двора, видя это, сказалъ въ сердцахъ своимъ: Теперь я вижу ясно, что нѣтъ воли Божіей, чтобъ злой човѣкъ получилъ обратно свои деньги. Онъ тотчасъ же позвалъ и неминуемаго, и разслабленнаго, и сдѣланнаго, и хромаго, и въ присутствіи кузнеца разломалъ пироги, сказавъ: «Смотри, злой човѣкъ; вотъ твои деньги; я отдавалъ ихъ тебѣ въ руки, а ты выбралъ лучше пироги съ землею и съ човѣчскими костями; ты хорошо сдѣлалъ, потому что Богу не угодно было, чтобъ ты получилъ обратно свое богатство!» И тотчасъ же, предъ его глазами, хозяинъ раздѣлилъ бѣднымъ деньги скупаго кузнеца; и тогда кузнецъ удался со стыдомъ.

Прочія главы книги г. Райта, частію помѣщенныя прежде въ періодическихъ изданіяхъ, можно пропустить; но странную теорію его относительно знаменитаго героя англійскихъ простолюдиновъ, Робина-Гуда, нельзя оставить безъ вниманія. Лѣтъ двѣнадцать

тому назалъ, Французъ г. Барри написалъ «Thèse de Littérature» о балладахъ Робина-Гуда, довольно блѣдное и пустое сочиненіе. Не приводя никакихъ доказательствъ, онъ признаетъ дѣйствительное существованіе смѣлаго Робина; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предполагаетъ его однимъ изъ угнетенныхъ Саксонцевъ, которые скрывались въ лѣсахъ во время покоренія Англій Норманами, и этимъ объясняетъ онъ его ненависть къ баронамъ и духовенству. Но еслибъ г. Барри зналъ болѣе объ этомъ предметѣ, онъ нашелъ бы, что Робинъ былъ совершенно чуждымъ главному пункту ненависти Саксонцевъ, — ненависти къ завоевателю. Въ немъ былъ горделивый, но твердый духъ соперничества съ высшими классами; его презрѣніе къ высшему духовенству, всегда въ соединеніи съ преданностію къ королю, видно въ каждой балладѣ, не смотря на всѣ новѣйшія передѣлки; это повѣлъ знаменитый романистъ, и потому въ своемъ «Айвенго» первымъ союзникомъ Ричарда-Львиного-Сердца, по возвращеніи изъ плѣна, представилъ Робина-Гуда.

Въ этомъ періодѣ англійской исторіи, червь принимала живое участіе въ общественныхъ дѣлахъ, и въ слѣдствіе того выражала свои мнѣнія смѣле, чѣмъ когда-либо. Духовенство, болѣею частію состоявшее изъ иностранцевъ, извѣстныхъ своею алчностью, было предметомъ общей ненависти, — ненависти, возбуждаемой нищенствующими монахами, между-тѣмъ, какъ «веселый зеленый лѣсъ» (merry green wood), не защищаемый уже болѣе кровавыми постановленіями норманскихъ завоевателей, сдѣлался для англійскихъ простолюдиновъ сценою всякаго рода свободы и веселой вольности. (all manner of freedom and joyous liberty). Чтò же удивительнаго, если въ продолженіе смутъ, господствовавшихъ въ царствованіе короля Іоанна или его сына, смѣлый стрѣлокъ въ Шервудѣ или Чернвудѣ организовалъ шайку веселыхъ людей и управлялъ ими, какъ атаманъ. «Нѣтъ», говорятъ

г. Райт: «легенды простолюдиновъ составляютъ тѣмъ на преданіяхъ отдаленной древности; онѣ допускаютъ насъ поставить нашего Робина-Гуда между лицами древнѣйшей мифологіи тевтонскаго племени!—По-истинѣ мифологическая система не можетъ идти далѣе; можно согласиться съ мнѣніемъ автора относительно сказокъ, о которыхъ онъ говоритъ; но смѣлый Робинъ-Гудъ, герой англійской черни, истинный типъ ея, совершенно такой же въ своемъ родѣ, какъ король Артуръ—типъ и образъ средневѣковыхъ рыцарей Робинъ, который поддерживалъ ту же любовь къ бѣднымъ, тотъ же «*hottentot*»

«*aux dames*», тотъ же сердечный порывъ къ благочестію, въ которомъ рыцари вѣялись у подножія алтара, долженъ былъ сохраняться въ памяти народа.

Мы ничего не можемъ сказать болѣе въ пользу остальныхъ главъ. Главы о старинныхъ англійскихъ политическихъ пѣсняхъ не представляетъ ничего новаго. Книга заключается очеркомъ произведеній шотландскаго поэта Донбара. Такимъ образомъ, въ концѣ находимъ значительное разнообразіе предметовъ, что и самому труду г. Райта придаетъ большое достоинство.

VIII.

С И Т С Ъ.

БЮГРАФИИЗНАМЕНИТЫХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ.

гѣй-люссакъ.

Утромъ 24-го августа 1804 года, въ саду Парижской Консерваторіи Искусствъ и Ремеселъ нѣсколько человѣкъ съѣхалось около огромнаго воздушнаго шара. Къ этому шару, готовому подняться на воздухъ и удерживаемому только веревками, привѣшена была лодка. Лодка эта представляла въ одно и то же время и физическій кабинетъ и зѣфиринецъ; среди компасовъ, барометровъ, термометровъ, электрометровъ, электрофоровъ, вольтовыхъ столбовъ, гигрометровъ и другихъ инструментовъ, видны были кѣтки съ голубями, жаворонками и другими птицами, сосуды и ящики съ лягушками и разными пресмыкающимися, съ пчелами и другими наѣвкомыми. Когда нагрузка лодки была окончена, двое молодыхъ людей, съ видомъ серьезнымъ и спокойнымъ, отдѣлились отъ

толпы, пожали прочимъ присутствующимъ руки, и смѣло вошли въ лодку, сопровождаемые кликами одобренія, участія и страха.

Было около двухъ часовъ утра. Въ послѣдній разъ раскрывавшись съ друзьями, воздухоплаватели отрубилъ веревки; медленно началъ подниматься шаръ; потомъ быстрота его восхожденія постепенно стала усиливаться; скоро достигъ онъ области облаковъ и исчезъ изъ вида зрителей.

Какая была цѣль этого опаснаго путешествія? Кто были эти новые аргонавты и за какими золотымъ руномъ понеслись они за облака?

Съ того времени, какъ физикъ Шарль усовершенствовалъ изобрѣтеніе Монгольфьера и упростилъ употребленіе аэростатовъ, ученые желали употребить ихъ для наблюдений, возможныхъ только на большихъ высотахъ. Когда, въ 1804 году, министерство внутреннихъ дѣлъ вѣрено было знаменитому химикъ Шаталю, Бертолѣ и Лапласъ выушили ему мысль снарядить на казенный счетъ ученую экспедицію

для наблюдений въ заоблачныхъ пространствахъ; министръ изъявилъ готовность осуществить эту мысль. Оставалось прискакать снѣлаго ученаго, который не побоялся бы пуститься въ воздушное путешествіе, а въ то время подобныя предпріятія считались очень опасными, и всѣхъ пугала участь несчастнаго Пилатра-дю-Ровье. Не смотря на то, вмѣсто одного, нашлись двое ученыхъ. Два молодые человека, еще недавно вышедшіе изъ Политехнической Школы и уже съ блескомъ подвизавшіеся на поприщѣ наукъ подъ руководствомъ Лапласа и Бертоlé, выехали на эту поѣздку. Это были гг. Бидъ и Гей-Люссакъ. Первому было тогда двадцать-девять лѣтъ, второму двадцать-пять.

Главную цѣлю ихъ воздушнаго путешествія было изслѣдованіе вопроса: замѣтно ли какое-нибудь уменьшеніе магнитной силы земнаго шара по мѣрѣ удаленія отъ земной поверхности. Соссюръ, производя опыты на Альпахъ, на высотѣ 3,435 метровъ, замѣтилъ весьма-ощутительное уменьшеніе магнитности, простиравшееся, по его выкладкамъ, до пятой доли; нѣкоторые естествоиспытатели утверждали даже, что это магнетическое свойство совершенно исчезаетъ, если подняться вверхъ на аэростатѣ. Такъ-какъ этотъ фактъ весьма-тѣсно связанъ былъ съ причиною явленій магнетическихъ, то для физика очень-важно было разъяснить его. Для рѣшенія вопроса нуженъ былъ снарядъ очень-простой. Достаточно было магнитной стрѣлки, привѣшенной по срединѣ къ тонкой шелковой ниткѣ. Надо немного отклонить стрѣлку отъ ея магнетическаго меридіана, и дать ей качаться: чѣмъ быстрѣе качаніе, тѣмъ значительнѣе магнетическая сила, и наоборотъ. Сверхъ этого снаряда, для той же цѣли ученые запаслись компасами наклоненія и отклоненія. Другіе инструменты и разныя животныя, взятыя воздухоплавателями, назначены были для столь же важныхъ опытовъ надъ составомъ воздуха, электриче-

ствомъ, теплотою, тяжестью верхнихъ слоевъ атмосферы, и ихъ вліяніемъ на различныя явленія жизни.

«Сначала» говоритъ Бидъ въ своемъ отчетѣ «мы не могли думать объ опасности; мы только любовались прасотою арбілища, окружающаго насъ... Скоро вошли мы въ облака; это были легкіе туманы, производившіе въ насъ только слабое ощущеніе сырости. Кинувъ балластъ, чтобъ подняться выше, мы залетѣли за облака... Мы находились тогда на высотѣ 2,000 метровъ. На высотѣ 2,622 метровъ, біеніе пульса было очень-ускорено. Между-тѣмъ, дыханіе ни мало не затруднилось; мы не только не чувствовали никакой непріятности, напротивъ, положеніе наше казалось намъ чрезвычайно-пріятнымъ».

На высотѣ 4,000 метровъ, изъ наблюдений надъ качаніемъ магнитной стрѣлки, ученые вывели слѣдующій результатъ: магнетическая сила не подвергается никакому замѣтному уменьшенію отъ поверхности земли до высоты 4,000 метровъ надъ нею; въ этой предѣлахъ она дѣйствуетъ постоянно по однимъ и тѣмъ же законамъ. — На этой высотѣ г. Бидъ сталъ находить свое положеніе уже не столь пріятнымъ; притомъ, путешественники сбросали почти весь свой балластъ, и дальнѣйшее восхожденіе было затруднительно. Гей-Люссакъ, будучи упрямъ и настойчивъ своего спутника, предложилъ спуститься на землю, оставить тамъ Бидъ со всѣми инструментами, кромѣ барометра и компаса, и снова одинъ подняться на высоту по крайней-мѣрѣ 6,000 метровъ. — Путешественники стали спускаться; пробывъ въ воздушныхъ пространствахъ три часа съ половиною, они спустились на землю, близь деревушки Меривиль, въ восемнадцати миляхъ отъ Парижа. К несчастью, когда они достигли земли, не было никого, кто бы могъ поддержать аэростатъ; чтобъ остановиться, путешественники принуждены были выпустить весь газъ, и Гей-Люссакъ долженъ былъ отложить до другаго вре-

шени вторичную свою победу; онъ возвратился въ Парижъ съ аэростатомъ и, спустя двадцать-три дня, 13 сентября 1804 года, въ такую же пору, какъ и въ первый разъ, отправился одинъ изъ сада Консерваториѣ, для довершенія прежнихъ наблюденій.

Достигнувъ высоты 3902 метровъ, онъ нашелъ, что наклоненіе магнитной стрѣлки таково же, какъ и на поверхности земли; продолжительность качаній также была одинакова. Продолжая подниматься и наблюдать, Гей-Люссакъ не замѣтилъ никакой ощутительной разницы въ ихъ продолжительности; на высотѣ 6,675 метровъ, онъ открылъ два стеклянные шара, изъ которыхъ передъ отъѣздомъ вытянулъ воздухъ, наполнилъ ихъ воздухомъ облачнымъ, закрылъ, и продолжалъ подниматься до высоты 7,017 метровъ, на полторы пяди отъ поверхности земли; барометръ показывалъ тогда 32 сантиметра 88, — а термометръ, въ тѣ же, 9 съ половиною градусовъ ниже нуля. Онъ поднялся такимъ-образомъ на 600 метровъ выше вершины Чимборазо, на которую почти въ то же время, съ опасностію жизни, взобрался Гумбольдтъ, скоро слѣзавшійся испрепеченнымъ другомъ Гей-Люссака.

Между-тѣмъ, неустрашимый воздухоплаватель еще видѣлъ далеко надъ собою облака, и хотя пульсъ его бился до тринадцати-трехъ разъ въ минуту, хотя дыханіе становилось нѣсколько затруднительнымъ, но ему чрезвычайно хотѣлось посмотрѣть, что дѣлается въ этихъ облакахъ, висящихъ въ тысячу метровъ надъ нимъ; сообразивъ, однакожъ, что неблагоприятно бросить остальной балластъ, который былъ необходимъ для того, чтобъ удержать быстроту спусканія внизъ, онъ съ крайнимъ прискорбіемъ рѣшилъ возвратиться на нашу планету, и въ три часа сорокъ-пять минутъ пополуни, обитатели деревушки Сен-Гургонъ, близъ Руана, увидали шаръ, медленно спускавшійся къ нимъ изъ облаковъ; изъ шара вышелъ молодой человекъ въ очкахъ, съ барометромъ и

компасомъ; онъ долженъ былъ показаться имъ по-крайней-мѣрѣ колдуномъ.

По возвращеніи въ Парижъ, первою заботою Гей-Люссака было анализировать воздухъ, который досталъ онъ за облаками; сравнивъ его съ воздухомъ, взятымъ на поверхности земли, онъ убѣдился, что пропорціи кислорода и азота въ томъ и въ другомъ воздухѣ одинаковы.

Вообще, это воздушное путешествіе опредѣлило въ физикѣ слѣдующіе три важные пункта: 1) что магнитная сила земнаго шара не подвергается никакому ощутительному измѣненію ни въ напряженности своей, ни въ наклоненіи, начиная отъ поверхности земли до самыхъ большихъ высотъ, которыхъ достигалъ человекъ; 2) что на этомъ пространствѣ составъ воздуха совершенно-одинаковъ; 3) что теплота уменьшается почти въ арифметической прогрессіи, по мѣрѣ восхожденія, и чрезъ каждые 174 метра она понижается на одинъ градусъ стоградуснаго термометра.

Это достопамятное и опасное предпріятіе обратило на Гей-Люссака, только-что вышедшаго изъ училища, вниманіе и уваженіе ученаго свѣта. Съ-тѣхъ-поръ онъ не переставалъ приобретать новыя права на славу. Сосредоточивая на двухъ главныхъ отрасляхъ науки всѣ усилія своего проникательнаго, настойчиваго и смѣлаго ума, чуждый болѣзни нашего времени — претензіи на универсальность, не увлекааясь другими честолюбивыми помыслами, кромѣ желанія служить отечеству и прославить свой вѣкъ въ сферѣ трудовъ, къ которымъ влекло его призваніе, онъ достигъ того, что ученая Европа единогласно признала его однимъ изъ величайшихъ своихъ химиковъ и физиковъ.

Луи-Жозефъ-Гей-Люссакъ родился въ Верхне-Вьенскомъ Департаментѣ, въ городѣ Сен-Леонарѣ, близъ Лиможа, 6 декабря 1778 года. Фамилія Гей, принадлежавшая къ высшему гражданству сен-леонарскому, была въ этой

общинъ весьма-многочисленна, и раздѣлялась на нѣсколько отраслей, которыя, для различія между собою, кромѣ имени общаго, носили еще разныя другія имена. Фамилія знаменитаго химика была довольно - зажиточная; дѣла его были врачомъ; отецъ, въ началѣ революціи, занималъ должность королевскаго прокурора въ уѣздномъ судѣ; этотъ судъ скоро былъ уничтоженъ, и прокуроръ посвятилъ себя трудамъ земледѣльческимъ. Сен-леонарскій приходскій священникъ былъ первымъ учителемъ молодатаго Гей-Люссака. Когда же терроризмъ пересталъ тяготѣть надъ Франціей, его послали въ Нантерръ, въ пансіонъ: тамъ онъ долженъ былъ довершить свое образованіе и наученіемъ правъ приготовить ся къ поприщу адвокатскому, на которое предназначилъ его отецъ.

Но призваніе молодого человѣка не согласовалось съ желаніемъ отцовскими; великое движеніе наукъ, прославившее конецъ восемнадцатаго вѣка и составляющее главный характеръ настоящаго вѣка, было тогда въ полномъ разгарѣ. Ожесточенная война Франціи съ Европою не мало содѣйствовала этому движенію, потому-что она со всѣхъ сторонъ требовала приложенія наукъ къ оборонѣ страны. Конвентъ, по докладу знаменитаго химика Фориуа, издалъ декретъ объ учрежденіи центральной школы публичныхъ работъ, гдѣ подъ руководствомъ Лапласа, Монжа, Лагранжа, Фурье, Бертоле, Прюли, Форкруа, Воклена, Гюйтона-Морво, Шатала, отборное юношество должно было воздѣлывать всѣ отрасли науки. Молодой Гей-Люссакъ явился на первый экзаменъ, послѣдовавшій за изданіемъ декрета, и былъ принятъ въ школу.

Эта школа, превратившаяся въ-послѣдствіи въ Политехническую Школу, имѣла тогда совершенно не то устройство, какое нынѣ. Воспитанники не жили въ казенномъ зданіи и не платили денегъ за свое содержаніе, а размѣщены были у разныхъ частныхъ лицъ, избранныхъ правительствомъ; они

освобождены были отъ военной дисциплины и получали уѣзренное жалованье, назначенное на содержаніе ихъ въ Парижѣ. Настоящее устройство Политехнической Школы, существующее съ 1805 года, перѣдко возбуждало сильныя возраженія и споры, и судя по послѣдней преміи объ этомъ предметѣ, происходившей въ палатѣ депутатовъ въ 1835 году, кажется, что Гей-Люссакъ отдастъ устройству школы до 1805 года предпочтеніе предъ нынѣшнимъ-ея устройствомъ.

Преміею устройство школы представляло ту выгоду, что позволяло умамъ живымъ и провѣнчаннымъ развиваться съ большою свободою, и Гей-Люссакъ воспользовался этою выгодою, между-тѣмъ, какъ любовь къ труду и скромный характеръ защищали его отъ опасностей свободной жизни. Выходя изъ училища, молодой ученый женился не любя на бѣдной дѣвушкѣ, сдѣлавшейся прелестною женою. Сначала поступилъ онъ на службу въ вѣдомство путей сообщенія; но одинъ изъ его наставниковъ, знаменитый Бертоле, имѣвшій случай узнать его особенную наклонность и способность къ физикѣ и химіи, и принимавшій въ немъ живое участіе, уговорилъ его покинуть эту службу и заняться исключительно науками; онъ назвалъ его къ себѣ въ качествѣ препаратора и, подъ руководствомъ Бертоле, молодой Гей-Люссакъ совершилъ первые шаги на поприщѣ, на которомъ ему суждено было прославиться.

Важный вопросъ занималъ въ то время ученыхъ — способъ расширенія газовъ. На этотъ вопросъ обратилъ свои усилія ученый Бертоле; онъ имѣлъ постоянный, однообразный законъ этого расширенія и доказалъ, что разность результатовъ, какіе получаемы были до-тѣхъ-поръ, происходила отъ присутствія воды въ газахъ, и что газы, совершенно высушенные, постоянно и однообразно расширяются на каждый градусъ степеннаго термометра на $\frac{1}{273}$ (или 0,00375) часть

своего объема при температурѣ 0°. Въ слѣдствіе опытовъ, произведенныхъ для рѣшенія этого вопроса, совершенно было слабое воздушное путешествіе, которое рассказали мы въ началѣ этой біографіи; результатъ его для Гей-Люссака состоялъ въ томъ, что оно отворило ему двери въ Институтъ.

Александръ Гумбольдтъ, воротившійся въ то время изъ ученаго путешествія въ Среднюю-Америку и находившійся въ Парижѣ, вошелъ въ тѣсную дружбу съ молодымъ ученымъ, и они вмѣстѣ предприняли, въ 1806 году, ученую поѣздку по Франціи, Италіи и Германіи, съ цѣлю, посредствомъ наблюдений, подтвердить вычисленія, которыми г. Бю старался опредѣлить положеніе магнитнаго экватора и точку пересѣченія его съ экваторомъ земнымъ. Важные результаты этой поѣздки изложены въ прекрасной запискѣ, составленной Гей-Люссакомъ, и напечатанной въ «*Mémoires de la société d'Arcueil*». За этой запиской скоро послѣдовала другая, не менѣе важная—о газахъ, разсматриваемыхъ въ различныхъ отношеніяхъ ихъ къ теплотѣ. Въ 1807 году, Гей-Люссакъ представилъ академіи мемуаръ, въ которомъ старался опредѣлить дѣйствіе огня на различныя сѣроокислыя соли и сѣрнистыя свѣси, и указать случаи, гдѣ сѣрная кислота образуется или разлагается; результатомъ этихъ изслѣдованій были: анализъ двухъ сѣрныхъ кислотъ и объясненіе нѣкоторыхъ запутанныхъ химическихъ явленій.

31-го марта 1809 года, Гей-Люссакъ, по декрету императора, назначенъ былъ профессоромъ практической химіи въ Политехнической Школѣ, и въ іюль того же года профессоромъ физики въ Сорбоннѣ. Еще до этого назначенія, Гей-Люссакъ началъ вмѣстѣ съ Тенаромъ рядъ весьма-важныхъ опытовъ, которыхъ происхожденіе, цѣль и результатъ надо изложить съ нѣкоторою подробностью.

Шведскіе химики, Гитцингеръ и Берцелиусъ, открыли, что если тѣла,

составленные изъ разныхъ началъ, какъ, на-примѣръ, соли или кислоты, подвергнуть дѣйствію тока вольтова столба, то эти тѣла разлагаются, и одно изъ началъ стремится къ положительному полюсу столба, другое къ отрицательному. Знаменитый англійскій химикъ Дэви, повторяя эти изслѣдованія, нашелъ, что при производствѣ подобнаго опыта надъ самыми малыми кусочками поташа и соды, появляются на отрицательномъ полюсѣ блестящіе шарики металлическаго вида, которые произвольно и быстро воспламеняются въ воздухѣ, даже въ водѣ. Дэви заключилъ изъ этихъ опытовъ, что поташъ и сода, которые химія считала до-тѣхъ-поръ простыми тѣлами, состоятъ изъ кислорода и особаго металла, который онъ назвалъ *потассіемъ* и *содіемъ*.

Какъ-скоро открытіе потассія и содія, доставившее Дэви премію въ пятьдесятъ тысячъ франковъ, опредѣленную Наполеономъ за важнѣйшій результатъ, какой получится посредствомъ вольтова столба, Гей-Люссакъ и Тенаръ посѣпили повторить тотъ же опытъ, слѣдуя способу англійскаго химика; опытъ оказался успешнымъ; но точное наблюденіе свойствъ этихъ новыхъ субстанцій, изслѣдованіе ихъ дѣйствія на другія тѣла, то-есть самыя важныя примѣненія этого блистательнаго открытія, были невозможны, потому-что надлежало производить опыты надъ частицами почти неприхвтными. Нѣкоторое время, Гей-Люссакъ и Тенаръ, вопреки мнѣнію англійскаго химика, считали со-единительнымъ вопросъ: щелочи суть ли тѣла простые или сложные?

Для рѣшенія этого вопроса, они старались найти средства добывать потассій и содіи въ болѣе-значительномъ количествѣ; они нашли способъ однимъ химическимъ путемъ разлагать щелочи, и этимъ способомъ, пользуясь вмѣстѣ съ тѣмъ огромнымъ вольтовымъ столбомъ, который, по приказанію Наполеона, нарочно для этого устроенъ былъ въ Политехнической

Школѣ и порученъ Гей-Люссакъ, — французскіе химики добыли столько потассіа и селіа, что могли тщательно изучить всѣ свойства этихъ новыхъ тѣлъ и опредѣлять дѣйствіе ихъ на всѣ другія извѣстныя тѣла. Соперничествуя въ ревности съ знаменитымъ Дэви, который пользовался ихъ трудами, какъ и они пользовались его опытами, Гей-Люссакъ и Тенаръ далеко впередъ подвинули науку, — ибо сильное дѣйствіе, производимое на кислородъ, главный химическій агентъ, двумя вновь-открытыми тѣлами, которые признаны были наконецъ за тѣла простые, должно было произвести множество измѣненій во всѣхъ сложныхъ тѣлахъ, въ составъ которыхъ входитъ кислородъ. Дѣйствительно, отсюда возникло безконечное множество новыхъ явленій, которые Гей-Люссакъ и Тенаръ изучали болѣе двухъ лѣтъ и которые подробно, ясно и отчетливо изложили они въ двухъ томахъ, изданныхъ въ 1811 году подъ заглавіемъ: *Recherches physico-chimiques sur la pile, sur les alcalis, sur les acides, sur l'analyse végétale et animale etc.* 2-го января 1810 года, институтъ опредѣлилъ имъ порокамъ годовичную премію въ три тысячи франковъ, назначенную за важнѣйшій опытъ, произведенный надъ гальванической жидкостью. Бертоле, отъ лица комиссіи, состоявшей изъ Монже, Гаю, Бертоле и Шатая, составилъ лестный отчетъ о книгѣ, заключавшей въ себѣ всѣ изслѣдованія ихъ по этому предмету. Въ этомъ сочиненіи, въ числѣ другихъ важныхъ для науки результатовъ, находятся: способъ разлагать щелочи безъ помощи вольтова столба, посредствомъ угля и раскаленного желѣза; способъ изолировать боръ отъ буровой кислоты и добывать его въ болѣе чистой, нежели въ какой добывалъ Дэви; превосходный способъ различать тѣла органическія посредствомъ хлористо-кислого поташа или второкислѣди; и наконецъ, рядъ опытовъ, подтверждающихъ странный фактъ, что сахаръ, крахмалъ и дерево содер-

жатъ въ себѣ почти такое же количество водорода и кислорода, какъ и вода.

Въ февралѣ 1812 года, Гей-Люссакъ, по порученію министра торговли и мануфактуръ, издалъ, вмѣстѣ съ Шаталемъ и Тенаромъ, наставленіе, какъ производить ванну (*bain incrustant*) и какъ извлекать изъ листьевъ этого растенія синюю краску.

Въ декабрѣ 1813 года, онъ представилъ академіи подробный отчетъ о свойствахъ іода, простаго тѣла, скрытаго въ то время искуснымъ фабрикантомъ Куртуа. Эта записка учеными считается образцовою. Кромѣ, въ годовичномъ отчетѣ своемъ о трудахъ физическаго отдѣленія академіи, въ 1812 году, сказалъ о ней: «Особенно тщательно трудился надъ іодомъ — нашъ собратъ, Гей-Люссакъ, сочиненіе котораго напечатано въ *Annales de Chimie*; его мемуаръ наполненъ такими изслѣдованіями и остроумными указаніями, которые непротивно ведутъ новое движеніе глубочайшей и важнѣйшей части химіи.»

Въ 1814 году, онъ представлялъ академіи новый удобоиспольный барометръ.

Въ апрѣлѣ 1815 года, Гей-Люссакъ, вмѣстѣ съ Гумболатомъ и Бю, назначенъ былъ иностраннымъ членомъ Лондонскаго Королевскаго Общества. Въ августѣ 1816 года, когда королевскимъ указомъ возстановленъ старѣйшій изъ французскихъ журналовъ, *Journal des Savants*, превратившійся въ 1792 году, онъ былъ въ числѣ членовъ института, которымъ поручена была редакція этого журнала, и вѣдѣчалъ въ этомъ сборникѣ множество любопытныхъ мемуаровъ. Въ томъ же году, съ Араго и Юзаромъ, онъ совершилъ ученое путешествіе въ Англію.

Въ іюнѣ 1818 года, сообщивъ онъ академіи записку о новомъ металлѣ, кадмій (*cadmium*), открытѣмъ гёттингенскимъ профессоромъ Штронейеромъ, и объявивъ, что это открытіе, по свойствамъ новаго металла, и по тѣмъ свойствамъ, какія можетъ онъ сооб-

щать другинѣ металламъ, съ которыми имѣть способность соединяться, будетъ весьма-драгоценно для промышленности.

Въ мартѣ 1821 года, онъ открылъ способъ дѣлать полотно неогараемыя, или, вѣрнѣе сказать, способъ сообщать имъ свойство горѣть безъ пламени, не распространяя огня. Безкорыстный, совершенно-чуждый духа индустриализма Гей-Люссакъ воспринялъ съ этимъ открытіемъ то же, что сдѣлалъ и со всѣми другими: онъ обнаружилъ его (*).

Герцогъ англемскій, будучи почителемъ Политехнической Школы, въ которой Гей-Люссакъ былъ профессоръ, любилъ знаменитаго химика и нерѣдко присутствовалъ на его лекціяхъ, хотя и мало знакомъ былъ съ наукою, какъ можно судить по слѣдующему анекдоту.

Гей-Люссакъ, въ воздушномъ путешествіи своемъ, какъ мы говорили уже, между прочимъ опредѣлилъ, что температура уменьшается въ ариметическій прогрессіи, по мѣрѣ того, какъ поднимается вверхъ. Герцогъ англемскій слышалъ про воздушное путешествіе Гей-Люссака, но не зналъ результатовъ его, и разъ, зашедъ къ нему на лекцію, задумалъ прервать профессора и, заговоривъ съ нимъ объ этомъ путешествіи, сказалъ: «А знаете ли что, г. Гей-Люссакъ: вѣроятно вамъ было ужасно жарко, когда вы такъ близко подошли къ солнцу». Трудно было отказать на такое замѣчаніе. Не зная, какъ выразить принцу, въ присутствіи толпы молодыхъ насмѣшливыхъ людей, что онъ совершенно ошибается, что термометръ показывалъ девять градусовъ ниже точки замерза-

нія, профессоръ отпѣкивался, повторяя *но, однакожь...* «Согласитесь» возразилъ герцогъ: «что жаръ вашъ очень безпокоилъ; впрочемъ, это доказываетъ мужество съ вашей стороны». Сказавъ это, принцъ вышелъ изъ аудиторіи, весьма-довольный самимъ собою.

Можетъ-быть, на той же лекціи произошла слѣдующая забавная оговорка, приписываемая Гей-Люссаку: «такимъ-образомъ, ваше высочество, эти два газа *будутъ имѣть честь* соединиться въ нашемъ присутствіи».

Любя реставрацію, въ-продолженіе которой онъ жилъ спокойно, трудился и видѣлъ вознагражденіе за трудъ, Гей-Люссакъ жалѣлъ, что правительство пошло по роковой дорогѣ и пало въ пропасть, вырытую собственною его непредусмотрительностью. Приверженецъ правленія правильнаго и мирнаго, онъ боялся, какъ бы не возсталъ снова кровавый призракъ революцій; учрежденіе іюльской монархіи скоро избавило его отъ этихъ опасеній и принято было имъ съ сочувствіемъ искреннимъ и спокойнымъ, равно чуждымъ фанатизма и лицемерія.

Новое правительство назначило его, вмѣстѣ съ Араго, Дюлономъ, Пронни и др., членомъ комиссіи, которой поручено было изслѣдовать состояніе Политехнической Школы и предложить средства для улучшенія ея. Нынешній уставъ школы былъ результатомъ трудовъ этой комиссіи.

Въ 1831 году, избирательная лижжская коллегія выбрала его своимъ представителемъ въ палату депутатовъ, и онъ вступилъ въ парламентъ съ твердою рѣшимостью держаться въ сторонѣ отъ жаркихъ преній политическихъ, оставаясь вѣрнымъ своему призванію ученаго, быть другомъ порядка, умѣренной свободы и имѣть въ виду только приращеніе благосостоянія и образованности народа. Такимъ-образомъ, въ первый разъ взошедъ на трибуну по поводу преній о суммахъ на устройство лазаретовъ, онъ,

(*) Къ упомянутымъ сочиненіямъ надлежало бы прибавить много другихъ. Гей-Люссакъ написалъ болѣе сотни мемуаровъ о самыхъ трудныхъ и важныхъ вопросахъ химіи и физики. Сверхъ того, издавъ въ двухъ томахъ, стенографически собранный, курсъ химіи, читанный имъ въ Сорбоннѣ,

пользуясь присутствіемъ холеры въ Парижѣ, выразилъ желаніе, чтобъ медицинскій уставъ въ столицѣ,—уставъ старинный, недостаточный и во многихъ отношеніяхъ нелѣпый, былъ совершенно передѣланъ, основанъ на опытѣ и составленъ сообразно съ усиліями естественныхъ наукъ. Съ этого времени до конца своего депутатскаго поприща, Гэй-Люссакъ постоянно ограничивался вопросами торговли, промышленности, земледѣлія, публичнаго обученія,—такими вопросами, на которые онъ могъ пролить свѣтъ своими познаніями; онъ говорилъ о налогахъ на соль, о таможенныхъ пошлинахъ, о табакѣ, объ устройствѣ Политехнической Школы, о суммахъ на содержаніе *Jardin des Plantes* и другихъ общественныхъ заведеній, говорилъ скромно, безъ претензій на краснорѣчіе, безъ ораторскаго многословія, и палата всегда слушала его со вниманіемъ, какое всегда оказываетъ она людямъ, которые говорятъ только о томъ, что знаютъ въ совершенствѣ.

Три раза былъ избираемъ въ депутаты второю избирательною коллегіею Верхне-Вьенскаго Департамента, онъ при четвертыхъ выборахъ потерпѣлъ неудачу—отъ-того, что въ 1838 году не захотѣлъ участвовать въ коалиціи противъ министерства Моле, — и королевскимъ указомъ 7 марта 1839 года, возведенъ въ достоинство пэра Франціи. На скамьяхъ палаты пэровъ онъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ и въ палатѣ депутатовъ: держался въ сторонѣ отъ всѣхъ котерій и говорилъ только тогда, когда его спеціальныя познанія могли объяснить какой-нибудь вопросъ.

Вообще, Гэй-Люссакъ не хотѣлъ быть человѣкомъ политическимъ; онъ предпочелъ остаться ученымъ. Онъ жилъ для науки при трехъ разныхъ правительствахъ, уважаемый и награждаемый ими, никогда не участвуя въ ихъ ошибкахъ, и теперь ему нѣтъ нужды отвергать ни одной страницы своей жизни. Можно ли порицать его за это?

Есть для ученаго роль независимая и почтенная, основанная не на равнодушій политическомъ, но на вѣрномъ чувствѣ общихъ и постоянныхъ интересовъ страны, роль человѣка, чуждаго бореній политическихъ, который движущею пружиною служитъ индивидуальное честолюбіе, а цѣлью — достиженіе власти,—за то всегда готово всѣми силами содѣйствовать, и съеръ науки, всему, что можетъ служить ко благу рода человеческого и благоденствію отечества. Такую роль избралъ себѣ Гэй-Люссакъ, предпочитая славу прочную переходящей извѣстности.

Нынѣ Гэй-Люссакъ занимаетъ нѣсколько должностей: онъ профессоръ въ *Jardin des Plantes* и въ Политехнической Школѣ; членъ Комитета Искусствъ и Мануфактуръ, и состоитъ также при монетномъ дворѣ. Какъ частный человѣкъ, онъ просто въ обращеніи и въ разговорѣ, никогда не хвастается своими знаніями, и говорить о томъ, что знаетъ, только тогда, когда его заставятъ; любитъ жизнь семейную, порядокъ, бережливость. Нѣсколько времени назадъ, былъ у него въ Шатильонѣ небольшая дача; тамъ проводилъ онъ свободное время въ кругу семейства; нынѣ половину года проводитъ онъ на роднѣ, и, въ сорокъ своей жизни посвятивъ наукѣ и много трудовъ перенесая для нея, отдыхаетъ теперь, мирно изслеждая славою, основанною на заслугахъ, независимыхъ отъ непостоянства общественного мнѣнія.

РИМЪ.

Отрывокъ изъ путевыхъ впечатлѣній туриста.

Статья вторая и послѣдняя.

Римъ католическій. — Соборъ св. Петра. — Соборъ Іоанна-Латеранскаго. — Ватиканъ. — Страшный Судъ. — Станции. — Ватиканская Галерея. — Рафаэль. — Музеи. — Библиотека. — Сады. — Капitolійскій Музей. — Дворцы. — Фонтаны. — Разрушеніе новаго Рима. — Начало музеевъ. — Предразсудки. — Нѣстой городъ.

Памятники республиканскаго Рима не существуютъ въ цѣлости; величіе столицы императоровъ проявляется громадными развалинами; средніе вѣка ознаменовали себя въ вѣчномъ городѣ однимъ разрушеніемъ; самый великолѣпный и изящный Римъ есть Римъ католическій. Римъ новый XVIII и XIX вѣка — опять развалина, какъ и старый.

Начало Рима католическаго можно положить съ того времени, когда папы возвратились изъ Авиньона въ первопрестольный городъ, запустѣлый между-тѣмъ и считавшій въ себѣ не болѣе 17,000 жителей. Папскій престолъ достигъ апогея своего вліянія раньше, во времена крестовыхъ походовъ; но только послѣ утишенія губительнаго раскола, раздиравшаго западную церковь семьдесятъ лѣтъ, свѣтская власть папъ усилилась. Сдѣлавшись мірскими владыками, получая большіе доходы, они стали строить церкви, монастыри, обогащать своихъ родственниковъ, покровительствовать художествамъ, украшать столицу католицизма, позволяя себѣ разрушать для того Римъ императорскій.

Нужно ли называть величайшій памятникъ Рима католическаго — совершеннѣйшее произведеніе архитектуры всѣхъ временъ? Отъ Моста-св.-Ангела не важная улица ведетъ къ собо-

ру косвенно, и только небольшая часть его виднѣется впередъ.

Франгузы, въ бытность ихъ въ Римѣ, имѣли счастливую, но трудноисполнимую мысль, сломать дома между этою улицею и Тибромъ, и сдѣлать тутъ площадь; соборъ открывался бы съ Моста-св.-Ангела за версту, и видъ на него былъ бы ни съ чѣмъ несравнимый. Теперешняя площадь съ обелискомъ посрединѣ, фонтанами, полукруглой колоннадой сама-по-себѣ великолѣпна; но колоннада, суживаясь, сдѣлываетъ площадь предъ самой церковью: отъ-этого эффектъ пропадаетъ. По мѣрѣ приближенія къ собору, куполъ скрывается, и первое впечатлѣніе ослабѣваетъ: предъ глазами остается только маленькая площадь, церковная наперть, и на ней портикъ, который, по единоголосному мнѣнію знатоковъ, не пропорціоналенъ, не соответствуетъ величію церкви; фронтонъ малъ, колонны слишкомъ близко одна отъ другой. Удивительно, какъ, имѣя предъ глазами въ Пантеонѣ Агриппы изящнѣйшій портикъ, соорудили для престольной церкви католицизма нѣчто столь уродливое. Есть ощущенія, которыхъ словами нельзя выразить; къ числу ихъ принадлежатъ впечатлѣніе, производимое внутренностью божественнаго храма. Дѣйствительно сряду бывалъ я въ немъ каждый день, иногда по нѣсколькимъ часамъ, и ощущенія были такъ же сильны, новы, какъ въ первый разъ; восторгъ не ослабѣвалъ. Во внутренности величественнаго собора все пропорціонально, громадно и между-тѣмъ изящно. Сравнивая его съ ротондою Агриппы, говорить обыкновенно въ укоръ христіанскому храму, что древніе архитекторы были гораздо-искуснѣе. Пантеонъ кажется обширнѣе, чѣмъ онъ дѣйствительно есть, тогда-какъ Соборъ-святаго-Петра, особенно при неровныхъ его посѣщеніяхъ, кажется гораздо меньше, чѣмъ въ-самомъ-дѣлѣ; замѣчаніе справедливо: всякій испытывалъ его на себѣ; но изъ этого нельзя заключить, чтобъ тутъ была ошибка, или

поуѣзіе. Пантеонъ можно обнять весь однимъ взглядомъ: у него нѣтъ ни колоннъ, ни притвора, ни подраздѣлений; одна куполъ—вотъ и все, тогда какъ въ католическомъ храмѣ множествѣ колоннъ, столбовъ, безъ которыхъ не было никакой возможности обойтись, стѣсняютъ внутренность, скрадываютъ пространство; куполъ не видно отъ дверей: надо для того подойти къ самой серединѣ; если же стать посрединѣ, то не видно боковыхъ прицѣловъ; однимъ словомъ, божественный соборъ такъ великъ, что его нельзя обнять однимъ взглядомъ, и отъ-того онъ кажется малъ. Есть еще другая причина кажущейся его малости. Внутри все огромно и пропорціонально съ самимъ зданіемъ: блаженъ, котораго витыя колонны не соответствуютъ общему стилю, вышинею со многіе дворцы; статуи вѣстоимъ съ большіе дома; херувимы похожи на исполиновъ; надпись внутри купола: *mi sem Deo*, сдѣлана саженными буквами; фигуры въ мозаикахъ колоссальны; надо долго сравнивать, привыкнуть къ тому, чтобъ постичь громадность собора; и упрекъ, сдѣланный архитекторамъ въ недостатокъ искусства, покажется неосновательнымъ.

Путешественникъ, странствуя по Италіи, о которой такъ много писали, которая такъ расхвалена пламенными поклонниками, находитъ, что многое не соответствуетъ его ожиданію: иное преувеличено, на другое близорукій наблюдатель смотрѣлъ съ своей точки; толпа туристовъ повторяетъ безъ изслѣдованія эти восторженные похвалы, и отъ-того разочарованіе встрѣчается на каждомъ шагу: многіе предметы являются совершенно въ другомъ видѣ; со всякимъ это случалось довольно-часто. Не смотря на похвалы, расточаемыя имъ ежедневно до приторности, мыъ показалось, что въ Италіи не ниже своей славы Соборъ-св.-Петра и божественный Рафаэль. По закону ревности, строгіе критики, или лучше сказать завистники выпадаютъ въ другую крайность, и находятъ, что въ

этомъ храмѣ удивительны только его исполнскіе раздѣры. Но громадность составляетъ главнѣйшую трудность и одно изъ первыхъ достоинствъ архитектурныхъ памятниковъ. Чему сорокъ вѣковъ удивляются въ египетскихъ пирамидахъ? Ихъ необъятной величиной, соединенной съ прочностью. Въ соборѣ св. Петра, кромѣ огромности, есть другія достоинства: соразмѣрность во всѣхъ частяхъ, и, что очень-важно, единство. Въ немъ не видно, какъ въ миланскомъ соборѣ, безобразной смѣси архитектуръ, или, какъ въ Соборѣ-св.-Стефана въ Вѣнѣ, работы разныхъ вѣковъ, самой грубой и самой тонкой.

Храмъ св. Петра не разрисованъ снаружи узорами, пострыми арабесками, какъ флорентинскія церкви, не обремененъ статуями и не расписанъ разноцвѣтными полосатыми паннонами, какъ церкви въ Генуѣ. Въ немъ нѣтъ ни въ какихъ этихъ недостатковъ, и, какъ въ архитектурномъ памятникѣ, все въ немъ превосходно, все на своемъ мѣстѣ. Но, рассматривая его какъ храмъ, какъ молитвенный домъ, я желалъ бы многое видѣть иначе. Давно уже и справедливо замѣтили, что фасадъ его походитъ на дворецъ, а не на церковь. Осмѣлюсь прибавить къ тому, что въ цѣломъ храмѣ божественное подавлено земнымъ: онъ сооруженъ, не нечию, во славу Бога, но не много и во славу папъ; тщеславіе ихъ проливается всюду; на каждомъ шагу видны слѣды ихъ величія, богатства, вліянія на дѣла Европы, могущества, какъ свѣтскихъ влестителей, ихъ жизни и смерти. Внутри храма слышимъ—много свѣта (*). Въ церковъ человекъ приходитъ молиться, углубляться въ самого себя, познавать свою глубинность, пре-

(*) Г. Грець въ своихъ «Письмахъ съ дороги» (111, 112), замѣтилъ во вѣщности храма одно обстоятельство, о которомъ онъ не читалъ ни въ какой книгѣ: огромныя окна храма не имѣютъ ни рамы, ни стеколъ. Въ сѣняхъ точно нѣтъ, ни въ храмѣ вездѣ рамы и стекла.

клоняться предъ Всевышнимъ. Полу-
свѣтъ, господствующій въ готическихъ
церквахъ, несравненно-болѣе распола-
гаетъ душу къ благоговѣнью и молит-
вѣ. Соборъ-св.-Петра слишкомъ освѣ-
щенъ; глаза разбѣгаются, вниманіе
разсѣвается. Свѣтъ впущенъ сюда та-
кой яркой, чтобъ удобнѣе рассмотреть
множество папскихъ гробницъ, бле-
стящую позолоту потолковъ и сво-
довъ, разноцвѣтные мраморы, барелье-
фы, драгоценныя мозаики, изъ ко-
торыхъ нѣкоторыя посвящены сла-
вѣ папъ. Одинъ барельефъ изобра-
жаетъ папу Льва, воспрещающаго Ат-
тилѣ идти къ Риму. Картинъ нѣтъ
здѣсь; онѣ замѣнены мозаичными ко-
піями. Мелкая штучная, почти-мозаич-
ная работа мраморовъ приличіе бы-
ла бы гдѣ-нибудь въ небольшой залѣ,
для украшенія камина или стола, и ни-
сколько не идетъ къ огромнымъ стѣ-
намъ храма. Одинъ папскій гробница
отнимутъ у богомольца много времени,
и не безъ основанія можно сказать,
что Соборъ-св.-Петра есть погребаль-
ная капелла римскихъ первосвященни-
ковъ, гораздо-великолѣпнѣе капеллы
Медичисовъ во Флоренціи, есть пыш-
ный памятникъ, воздвигнутый папами
своей славы, величію и тщеславію, а
не молитвенный домъ для поклоненія
Господу Богу. Кельнскій соборъ, какъ
храмъ, впускаетъ болѣе благоговѣнія и
восторга; тамъ не спрашиваете, не ви-
дите, кто строилъ его; не тщеславіе,
вѣра воздвигла его руками вѣрующаго
народа. Когда онъ будетъ конченъ (а
будетъ ли конченъ?), его поставятъ вы-
ше Собора-св.-Петра. Я насчиталъ въ
придѣлахъ четырнадцать папскихъ
гробницъ, а есть, кромѣ того, нѣсколько
въ подземныхъ склепахъ. Другія осо-
бы, здѣсь погребены—Христина, ко-
ролева шведская, Матильда, герцогиня
тосканская, послѣдніе Стюарты, извѣ-
стные преданностью къ римской цер-
кви и потому нашедшіе здѣсь убѣжи-
ще. Привыкли удивляться Кановѣ и
Торвальдсену, воскресившимъ дре-
внюю греческую простоту, любители
художествъ нашего времени жестоко

порицаютъ всѣ эти статуи и надгроб-
ныя памятники, работы большею ча-
стію Бернини и его учениковъ. Въ-
особенности оуждаютъ утрированную
манерность и театральную драпировку
четырехъ мраморныхъ колоссальныхъ
изваяній святыхъ Андрея, Лонгина, Ве-
роники и Елены, стоящихъ въ нишахъ
у огромныхъ столбовъ, на которыхъ
лежитъ куполъ, и четырехъ бронзо-
выхъ святыхъ отцевъ, поддерживаю-
щихъ на горнѣхъ мѣстѣ бронзовыя
кресла, въ которыхъ заключаются де-
ревянныя кресла св. Петра. Майср-
ность эту можно объяснить и въ нѣко-
торой степени оправдать. Въ соборѣ
все колоссально—сѣмь соборъ, ста-
туи, гробницы; строгости, простоты
античной здѣсь не могло быть; на все
надо смотрѣть издали; и грубость ра-
боты, и афектація въ позѣхъ, и неесте-
ственно драпировки въ извѣстныхъ
разстояніи не производятъ непріятна-
го впечатлѣнія. Еслибъ эти надгроб-
ники стояли въ музеѣ или дворцѣ, конечно,
они показались бы исполненными ло-
жного вкуса. Доказательствомъ могутъ
служить гробницы работы Кановы и
Торвальдсена, которыя исчезаютъ въ
пространствѣ, ихъ окружающемъ, и
должны уступить мѣсто Бернини. Въ-
особенности изыщете монументъ Револ-
вико Кановы; львы считаются классиче-
скими, геній чудесной красоты; но
фигуру религіи находятъ холодною, по-
хожею на часового, потому что она
проста и неизысканна. Мраморное
изваяніе папы Пія VII, сдѣланное
Торвальдсеномъ, знатоки относятъ къ
числу самыхъ слабыхъ его произведе-
ній: папа сидитъ углубленный въ мо-
литву и не производитъ никакого эф-
фекта. О надгробіи Стюартовъ, сдѣлан-
номъ Кановою, всѣ говорятъ только
что не съ презрѣніемъ. Посмотрите;
напротивъ того, на мраморное извая-
ніе пророка Ізіи, недалеко отъ горнаго
мѣста, въ особой нишѣ, съ правой сто-
роны, на значительной высотѣ,—или
Урбана VIII, близъ святаго голубя: эф-
фектъ удивительный! Папа бронзовымъ;
поза его театральная, осанка величе-

стоенная, одежда пышная, чело мрачно, рука протянута; онъ благословляетъ; и всакий думаетъ про себя: онъ пастырь, но вѣсть съ тѣмъ и царь, и горе, когда онъ захочетъ наказывать! Но, ради Бога, не подходите близко: двѣ империныя статуи, стоящія подлѣ него, Истина и Милосердіе—это двѣ толстыя флавійскія коринтіанцы. Въ живописи наблюдается такое же правило: родъ, къ которому произведенія оя должны принадлежать, и тщательность отдѣлки зависятъ отъ отдаленія, съ какого вы будете на нихъ смотрѣть. Тонкая, иѣжная работа свойственна одной микеланджель; за нею слѣдуетъ портретная живопись; отъ большихъ картинъ написанныхъ красками нельзя требовать тщательной отдѣлки этихъ двухъ родовъ; и наконецъ для фресковъ, особенно написанныхъ на потолкахъ, на которые смотреть издали, соображаются опять совсѣмъ другія условія; здѣсь нуженъ эффектъ, колоссальныя фигуры, яркія краски, изысканныя позы, ослѣпительныя страсти, — все, что составляло достоинство Микель-Анджело; поэтому-то онъ занимался исключительно этими родами живописи. Все, что дано природою въ удѣлъ иѣжному полу, — грація, красота, любовь, чувствительность, кротость, не найдутъ здѣсь мѣста, и я не помню ни одной мадонны, писанной фрескою.

Всходить на вершину св. Петра не утопительно; пологіи ходъ внутри особенной башни ведетъ на огромную платформу или крышу; далѣе, въ стѣнахъ купола, сдѣлана лѣстница, по которой можно въ двухъ мѣстахъ выйти внутри самаго купола и по карнизу, огражденному рѣшеткой, обойти его кругомъ. Видъ отсюда внизъ поразительный, особенно когда въ церкви много народа. На самый верхъ въ фонтанчикъ и шаръ подлѣ крестомъ насъ не пустили: тамъ производились починки. Въ газетахъ писали, что фонарикъ треснулъ сверху до низу; по осмотру оказались важныя поврежденія, происшедшія будто-бы отъ внутреннихъ ходовъ, пробитыхъ Берни-

ни въ четырехъ столбахъ, поддерживающихъ куполъ, и угрожающія скорымъ разрушеніемъ всему куполу. Нельзя было добиться, въ чемъ состояли поврежденія; кажется, что хотѣли держать это въ тайнѣ. Извѣстно, впрочемъ, что въ куполѣ производились прежде почти безпрестанныя починки, и что онъ стянутъ желѣзными обручами, изъ которыхъ одинъ лопнулъ въ землетрясеніе 1811 года.

Куполъ св. Петра сравниваютъ часто съ Пантеономъ; и тотъ и другой — куполы; вотъ все, что между ними общаго. Диаметръ Пантеона немножко больше, но возвести христіанскій куполъ было несравненно труднѣе. Первоначальная мысль о немъ принадлежитъ не Микель-Анджело, какъ часто говорятъ, а Браманте, который всегда восхищался флорентинскимъ куполомъ и хотѣлъ возвести такой же. Для поддержанія его, вывелъ онъ четыре огромныя столба, но умеръ, не начавъ купола, и, кажется, кстати для своей славы, ибо другіе архитекторы намъ, что столбы недостаточно прочны, и усилили ихъ. Слава, падающая на Микель-Анджело, какъ на гениальнаго художника, соорудившаго куполъ, не заслужена имъ.

Послѣ величественнаго храма св. Петра, поглощающаго все удивленіе, трудно распространяться о другихъ церквахъ Рима; а ихъ много прекрасныхъ. Соборъ — Іоанна — Латеранскаго, первоначально хранилъ нательнаго міра, былъ бы лучшимъ украшеніемъ всякаго другаго города, а въ Римѣ онъ много теряетъ, уступая огромностью, красотою и богатствомъ св. Петру, занимая, однакожъ, послѣ него первое мѣсто. Положеніе сто въ отдаленной части города, пустой, несадовой, — причиною, что онъ мало посѣщается; туристы удостоиваютъ его обыкновенно однимъ визитомъ, и то удѣляя часть времени на огромный египетскій обелискъ, стоящій на площади предъ соборомъ, — на святую лѣстницу, ступени которой, по преданію, служили лѣстницею дому Понтійскаго

Пилата, по которой всходили нѣсколько разъ Иисусъ, — и на пустой, необитаемый папскій дворецъ.

Соборъ-Маріи-Старшей гораздо-меньше; потолокъ его низокъ, поддерживается тридцатю-шестью колоннами, взятыми изъ какого-то древняго храма, и обремененъ позолотою, такъ-что церковь, особенно передняя половина, походитъ на великолѣпную балъную залу.

Между множествомъ другихъ церквей, замѣчательнѣе прочихъ соборы св. Лаврентія-за-стѣнами, св. Павла, сооруженный въ 1823 году и теперь возстановляемый; церковь, построенная Микель-Анджеломъ въ діомитріановыхъ термахъ; иезуитская, двѣнадцати апостоловъ, съ ираморными изваяніями Капозы, св. Петра-въ-веригахъ, гдѣ находится нѣвѣстный Моисей Микель-Анджело, и ин. д.

Любопытнѣйшее зданіе въ Римѣ, послѣ Собора-св. Петра, безъ сомнѣнія, примыкающій къ нему ватиканскій дворецъ — жилище, достойное царей-первосвященниковъ. Что такое Ватиканъ? Совокупность нѣсколькихъ дворцовъ, выстроенныхъ въ разное время, разными папами по различнымъ планамъ, отчасти на покатохъ, соединенныхъ между собою корридорами, галереями, флигелями, раздѣленныхъ садами и дворами. Не только нѣтъ общаго фасада, но, кажется, дѣлали перочко все возможное, чтобъ его не могло быть; ни съ которой стороны нельзя видѣть всего дворца разомъ, чтобъ понять его общность: надо разсматривать его по частямъ, и тогда онъ поразитъ своей массой. Во дворцахъ новыхъ временъ наблюдается противное: въ Луврѣ, кромѣ четырехъ наружныхъ фасадовъ, есть четыре внутренніе во дворъ; въ Зимній-Дворцѣ семь фасадовъ. Собственное жилище папы довольно-просто; его легко видѣть лѣтомъ, когда его святѣйшество живетъ въ Квиринальскомъ-Дворцѣ. Для путешественника Ватиканъ любопытенъ не какъ главный дворецъ въ Римѣ, а какъ зданіе, заключающее

въ себѣ обширнѣйшіе музеи, галереи картинъ, бюстовъ и статуй, большую, рѣдкую библіотеку.

Одна изъ первыхъ достопримѣчательностей Ватикана, которую туристы обыкновенно видятъ прежде всего, потому-что она ближе къ входу, есть Сикстинская-Капелла — огромная зала безъ всякихъ украшеній; на одной изъ ея стѣнъ Микель-Анджело написалъ нѣвѣстный фрескъ «Страшный Судъ», пользующійся большою, едва-ли заслуженною славой. Въ десяти описаніяхъ начитаете, что «Страшный Судъ», видѣть съ «Преображеніемъ» Рафаэля, двѣ первыя картины въ свѣтѣ. Страшное величіе предмета, громкое имя Микель-Анджело, огромность картинъ (въ ней около 300 фигуръ), — все оправдываетъ нетерпѣніе, съ какимъ всякій хочетъ ее видѣть. Въ первый разъ, она не произвела на меня никакого впечатлѣнія: капеллѣ собралось большое общество, день былъ пасмурный, и пелѣя было рассмотреть ее хорошенько. Недовѣряя себѣ, я выбралъ ясный день, — въ залѣ было не совсѣмъ свѣтло, — и пришелъ одинъ, взявъ съ собою гравированный вѣстампъ, чтобъ лучше понять картину; нѣвѣстно, что картина огромна, почернѣла, многосложна и сбивчива. Пусть артисты судятъ о техническихъ достоинствахъ фрески, о необыкновенной правильности рисунка, глубокомъ знаніи анатоміи, совершенствѣ ракурсовъ, искусствѣ, съ какимъ расположены группы; во всякій, нисколько непонимающій живописи, даже слѣпой, можетъ судить о композиціи картины, о поэтическомъ ея значеніи, всякій можетъ сказать, какъ, по его чувству, художникъ осуществилъ идею, взятую въ Евангеліи, хорошо или нѣтъ. Трудно дать о ней понятіе безъ вѣстампа; вотъ, однако, краткій ея очеркъ:

Почти по срединѣ фрески, немножко-выше, Иисусъ Христосъ, окруженный Богоматерью, апостолами, святыми отцами, мучениками и мученицами; выше его были Богъ-Отецъ и Богъ-Духъ-Святый; но при какой-то архитектурѣ

ной передѣлкѣ они исчезли. Но правую и лѣвую сторону Бога-Отца, ангелы несутъ крестъ, колонну, терновый вѣнецъ и другія орудія страданій Христа. Немного-ниже Иисуса, ангелы трубятъ возстаніе мертвыхъ; внизу картины мертвые встаютъ изъ гробовъ, одни съ браннымъ тѣломъ, другіе въ видѣ скелетовъ, и идутъ — праведные на небо, грѣшные въ адъ. Вотъ общность картины; она удовлетворительна. Если же войти въ подробности исполненія, то что фигура, то ошибка тяжкая противъ вкуса, здраваго смысла и поэтической истины. Первая погрѣшность — фигура самого Христа; онъ изображенъ не кроткимъ, а грознымъ судьей, пришедшимъ карать виновныхъ. Художникъ не захотѣлъ слѣдовать религіознымъ преданіямъ времени, не окружилъ Богочеловѣка сіяніемъ, не далъ ангеламъ крыльевъ, что тогда принято было повсемѣстно; Христосъ и ангелы ни чѣмъ не отличены отъ простыхъ смертныхъ: отъ-этого смыслъ картины затмевается; трудно различить ангеловъ отъ демоновъ, — а грѣшныхъ отъ праведныхъ и вовсе нельзя. Трудно изобразить хаосъ, господствующій въ нижней части фреска, представляющей рядъ несообразностей. Ангелы, написанные на облакахъ, съ большими трудомъ поднимаютъ праведныхъ на небо; грѣшниковъ тащутъ демоны внизъ. Одного грѣшника дьяволъ грызетъ зубами, другому обматываетъ змѣю около ногъ и тащеть его въ адъ. Внизу съ правой стороны олицетворены равные пороки и украшены шутовскими атрибутами. Лодка съ грѣшниками плыветъ въ адъ. Лодочникъ — угрожаетъ или бьетъ пассажировъ своихъ несломъ; грѣшники хотятъ уйти и бросаются съ лодки въ воду; дьяволы ныряютъ вслѣдъ за ними, ловятъ ихъ, тащатъ баграми. Въ самомъ низу съ правой стороны замѣтна огромная толстая фигура съ ослеплыми ушами и змѣею, которая кусаетъ ее, обвившись кругомъ тѣла. Это портретъ врага Микел-Ан-

жело, италийскаго мастера Биаджіо, который еще до окончанія фрески, доносъ напѣвъ о неприличной наготѣ множества фигуръ. Папа приказалъ ихъ передѣлать. «Скажите его святѣйшеству: хладнокровно отгнчалъ гордый художникъ: что онъ желаетъ самой бездѣлицы; пусть исправитъ онъ людей, а картину мою не трудно исправить». Одному изъ его учениковъ поручено было въ послѣдствіи прикрыть наготу и вообще всѣхъ фигуръ, отъ-чего и исчезло нѣсколько неприятныхъ подробности.

Легко объяснить мрачную сторону этой композиціи смутными обстоятельствами времени, силами, изъ которыхъ самъ Микель-Анжело принималъ участіе, чтеніемъ Данте, невозможностью и меланхоліею художника; трудно понять, почему, вопреки серьезному своему характеру, онъ изобразилъ грубыми фарсами великій предметъ, гдѣ для такихъ фарсовъ не должно было быть мѣста. Въ оправданіе ему говорятъ, что онъ написалъ «Страшный Судъ» по понятіямъ народныхъ, а не его изображали въ тогдашнихъ мистерилахъ. Это не оправданіе, а осужденіе. Чтобы угодить ничтожной толпѣ, уколоть одного или другаго недоброжелателя, онъ унижалъ искусство, представивъ грозное событіе въ уродливомъ видѣ и прилепши безъ всякой нужды мифологію. Трудно надъ такою картиною, истинный поэтъ-художникъ, вронянутый величіемъ своего сюжета, долженъ забыть все — мелкій адіцій міръ, друзей, завистниковъ, писать ее, какъ видитъ духовнымъ своимъ окомъ, а не какъ понимаетъ ее современная необразованная толпа. Дивныя композиціи Англичанина Мартеа «Потопъ», «Разрушеніе Іерихона», «Ниневія» и другія, могутъ служить образцами въ этомъ родѣ. «Послѣдній день Помпеи», нашего Брюллова, и «Мѣдный Змій», Бруни — картины почти въ одинакомъ родѣ съ «Страшнымъ Судомъ», но по композиціи выше ея; въ нихъ нѣтъ ничего посторонняго, лишняго, площадныхъ

вызодовъ; все въ нихъ ясно, отчетливо. Картина Микель-Анджело теперь уже темна; надо справляться съ книгами, чтобъ понять ее; смотря на карикатуру италийстера Биаджіо, который замѣтилъ всѣхъ фигуръ, вслѣдствіе спрашиваетъ кто это? зачѣмъ онъ? что значать ослиныя уши, змѣя? что значить барка съ грѣшниками? и т. п. Современникъ Микель-Анджело, — божественный Рафаэль, стоитъ гораздо выше его въ этомъ отношеніи; онъ не лѣстилъ толпѣ, не увлекался мелкими страстями, слѣдовалъ всегда уважавшимъ самого очищеннаго вкуса, стремился къ идеалу, старался облагородить, возвысить человѣческую природу, — и созданія его, полинявшія, попорченные, стоятъ послѣ трехъ-сотъ лѣтъ въ всякой критики и до-сихъ-поръ считаются образцовыми.

Ставкіи или фрески Рафаэля въ Ватиканѣ, по мнѣнію знатоковъ, будутъ вѣчно предметомъ удивленія для любителей и изученія для художниковъ; никогда искусство не являлось столь сильнымъ, разнообразнымъ, совершеннымъ! Залы, гдѣ находятся эти фрески, были отчасти расписаны другими артистами, когда, по рекомендаціи Браманте, дяди Рафаэля, Юліи II вызвалъ его изъ Флоренціи и поручилъ ему расписать одну изъ стѣнъ. Это было въ 1508 году. Рафаэль изобразилъ на ней преніе о святомъ причащеніи, и папа остался такъ доволенъ работою малознаменитаго еще художника, что приказалъ стереть всѣ прочіе фрески, начатыя или оконченныя, съ тѣмъ, чтобъ одинъ Рафаэль написалъ ихъ вновь. Молодой живописецъ трудился надъ ними всю жизнь и оставилъ нѣкоторые неоконченными. Въ первой комнатѣ, во глубинѣ ея противъ оконъ, изображенъ пожаръ, случившійся въ предмѣстѣи Борго, въ Ватиканѣ, во время первосвященничества Льва-Святаго. Кто не читывалъ въ дѣтствѣ описанія этого пожара, изданнаго пламеннымъ, хотя напыщеннымъ, Дюпати, бывшимъ когда-то въ модѣ и сдѣлавшимъ изъ неважнаго фреска цѣлую

драму въ нѣсколькихъ актахъ? Фигуры на первомъ планѣ безподобны, и для нихъ всѣмъ прочимъ пожертвовано. Пожара почти не видно; папа съ причтомъ, благословляющій съ балкона народъ, слишкомъ-малъ въ сравненіи съ фигурами передняго плана, и, по законамъ воздушной перспективы, долженъ бы быть представленъ въ совершенномъ туманѣ.

Вторая зала гораздо-замѣчательнѣе: на одной стѣнѣ изображено «Преніе о святомъ причащеніи», на другой «Аѳинская школа» — два лучшіе фреска изъ всей коллекціи. Первый фрескъ есть поэтизированный піаченскій соборъ, прекратившій духовныя распри о сѣхаристіи, и раздѣленъ на двѣ половины — небо и землю: на небѣ Святѣя Троица, окруженная сонмомъ ангеловъ и праведныхъ; на землѣ соборъ, гдѣ засѣдаютъ учителя, старцы, папы, епископы, монахи и міряне. Этотъ фрескъ положилъ начало славы Рафаэля. На противоположной стѣнѣ — другое большое произведеніе «Аѳинская школа», гдѣ написаны пятьдесятъ-двѣ фигуры въ различныхъ положеніяхъ. Въ этомъ фрескѣ находятъ неясную главную идею. Но это не изображеніе какого-нибудь дѣйствія или событія историческаго, гдѣ должно быть строгое единство, а собраніе мужей разныхъ временъ и народовъ, которыхъ соединяетъ одно чувство — любовь къ наукѣ и искусству. Выше всѣхъ стоятъ на ступеняхъ, какъ-бы председательствуя въ этомъ собраніи, два великіе философа древности — Платонъ и Аристотель; около нихъ группа поэтовъ, гдѣ Гомеръ среди Виргилія и Данте — олицетвореніе высокихъ эпопей Греціи, Рима и христіанской Италіи. Съ одной стороны фреска, группа наукъ, съ другой искусствъ. Архимедъ, разсмѣряющій планъ св. Петра, портретъ знаменитаго архитектора Браманте; въ числѣ учениковъ Зороастра, жившаго на головахъ вѣнецъ изъ звѣздъ, находятся портреты Рафаэля и учителя его Перуджино. Къ несчастію, этотъ фрескъ очень-много потерялъ. Въ той

же залъ небольшой фрескъ изображаетъ Парнасъ: Аполлонъ играетъ на скрипкѣ, окруженный Гомеромъ, Пиндаромъ, Сафо, Горациемъ, Овидіемъ, Боккачіо, Петраркомъ и Лаурою. Насупротивъ Парнаса представлена аллегорія: три добродѣтели, спутницы правосудія, олицетворяютъ правосудіе.

Третья зала носитъ названіе «Залы Эліодора», по главному ея фреску. Полководецъ сирійскаго царя, Эліодоръ, готовясь, по приказанію царя, разрушить іерусалимскій храмъ, былъ оставленъ ангелами у порога. Здѣсь товка лествъ покровителю Рафаэлю, папѣ Юлію II, изгнавшему изъ церквей владѣній Французовъ и Венеціанъ; вмѣсто первосвященника соломонова храма, представленъ Юлій въ полномъ облаченіи. Большая часть этого фреска расписана учениками Рафаэля. Въ знаменитой картинѣ «Освобожденіе святаго Петра изъ темницы», другое примѣненіе къ жизни Юлія, который, будучи еще кардиналомъ, владѣлъ мажоратствомъ святаго Петра-въ-веригахъ. Говорятъ, будто въ лицѣ апостола — сочетаніе чертъ лица стараго папы и молодаго Рафаэля. Насупротивъ — фрескъ, извѣстный подъ именемъ «Чуда въ городѣ Бонзентъ»; вмѣсто священника, опять Юлій въ одеждѣ первосвященителя. Позже другихъ написанъ четвертый фрескъ «Святый Левъ, останавливающий Аттилу предъ вратами Рима». Въ святомъ Левѣ, смѣло вышедшемъ на встрѣчу дикому завоевателю, изображенъ портретъ мирнаго его соименника, папы Льва X; въ честь ему написанъ этотъ фрескъ и, кажется, не совсѣмъ-жстати. Тутъ приличіе было бы помѣстить воинственнаго Юлія, водившаго войска на приступъ въ кольчугѣ, съ мечомъ въ рукѣ, чѣмъ робкаго Льва, знаменитаго покровителя наукъ и художествъ, столь же любившаго покой, сколько пылкій предшественникъ его любилъ войну.

Четвертая зала была едва начата, когда смерть постигла Рафаэля, успѣшаго кончить только двѣ аллегорическія фигуры «Правосудіе» и «Кро-

тость». Рисунокъ фреска «Побѣда Константина Великаго надъ Максентіемъ», сочиненный имъ въ огромномъ размѣрѣ, свидѣтельствуетъ о необыкновенномъ гениіи художника, объясняго такой сложный и огромный предметъ и успѣвшаго набросать еднѣство среди запутанныхъ подробностей битвы.

Ватиканская галерея не велика, расположена въ залахъ, бывшихъ архитектурою и украшеніями доволажно-греческихъ. Въ крайней залѣ, въ числѣ почти или шести картинъ, висятъ три первоклассныя произведенія «Преображеніе» и «Мадонна del Foligno», Рафаэля, и «Причащеніе умирающаго Іеронима» Доминикино. Осмотрѣвъ эти три, въ другія залы можно не заглядывать, хотя почти всѣ картины галереи считаются очень-хорошими. Нужно ли говорить о «Преображеніи»? О немъ давно уже все сказано и пересказано. Италиі описана столько разъ людьми всѣхъ націй, вкусовъ и образованій, что трудно сказать что-нибудь новое не падая въ парадоксъ. Нашлись люди, которые критиковали «Преображеніе». Важнѣйшій упрекъ состоитъ въ неестествѣ еднѣства: два дѣйствія происходятъ въ одно время, — одно на небѣ, другое на землѣ. На это легко отвѣчать, что художникъ назвалъ сюжетъ изъ святаго писанія, не измѣнилъ ничего, изобразивъ съ большою точностію разсказъ евангелиста Маттіа: въ то время, какъ Іисусъ былъ на горѣ, гдѣ преобразился, остававшіеся внизу ученики тщетно старались излечить приведеннаго къ нимъ одержимаго бесомъ мальчика. — Не помню въ какой-то исторіи Французской Имперіи напечатано, что въ 1815 году, при обратномъ отправленіи въ Италію картинъ и статуй, взятыхъ Наполеономъ, для лучшей укладки, «Преображеніе», писанное на деревѣ, распилили по поламъ. Слѣдовъ такого замѣшательства не видно, да и вѣрно это выдумка.

Въ числѣ туристовъ, желающихъ сказать, во что бы ни стало, что-нибудь новое, нашлись такіе, которые отда-

нотъ преимущество надъ «Преоображеніемъ» писаніемъ насупротивъ картинѣ Доминикино, «Причащеніе святаго Іеронима», въ чемъ никакая немая согласится. Конечно, трудно найти картину, гдѣ бы въ такой степени соединялось столько достоинствъ, умная композиція, отчетливое расположеніе, единство дѣйствія и совершенство въ техническихъ исполненіи; но сравнить ихъ немая: сюжетъ «Преоображенія» несравненно труднѣе. Въ произведеніи Доминикино можно кое-что замѣтить; зачѣмъ святой отецъ, призывающій на церковной палетѣ причастіе, большой, старый, умирающій — безъ одежды, тогда-какъ окружающіе его не только въ приличествѣ одѣянія, но даже тепло и богато одѣты. Кое-какъ несправильности въ рисункѣ: старецъ стоитъ на мѣстахъ, не отъ нечистой карикатурной копіи, ничѣмъ не подмёртвѣ, намеченъ, засѣтъ на воздухѣ.

«Madona del Foligno», на немъ глаза герцога — ланте: это одно изъ тѣхъ созданій, гдѣ художникъ вознесся до высочайшей степени совершенства, недостигнутой никѣмъ ни прежде, ни послѣ него; она изъ числа тѣхъ божественныхъ произведеній, предъ которыми можно стоять въ вѣкомъ восторгѣ по цѣлымъ часамъ. Трудно думать, чтобы древняя «Мадонна», не оцѣненная Карамзинскимъ, столь извѣстная у насъ по поэтическому описанію Жуковского, была выше.

Кто не былъ въ Италіи, не видалъ важнѣйшихъ ея галерей, не можетъ составить собѣ полнаго понятія о божественномъ Рафаэлѣ... Таки, божественный — приличный ему эпитетъ, ибо никто никогда не возвышался такъ до идеала, никто не умѣлъ изобразить лица Спасителя столь божественнымъ, доказать до очевиднаго присутствіе души въ мертвомъ холстѣ, никто не представлялъ лица въ такого выраженія, идущаго въ нѣмъ чувствованія, ощущенія, страсти, — а это труднѣйшая часть искусства: въ чертахъ его героическое блещетъ необходимое мужество; во вост.

рахъ снѣгъ читаете указаніе, спокойствіе, отреченіе всѣхъ благъ земныхъ; его мученики одушевлены надеждой будущей жизни, радостью умереть за вѣру; пророки вдохновенны; малыши дышать святостью, кротостью, невинностью. Въ его картинахъ все удивительно-ясно: неужно ни подписи, ни либретто, чтобы тотчасъ понять характеръ и назначеніе каждой фигуры... Превосходствоодного лица предъ другими въ наукахъ, искусствахъ, исторіи, бываетъ перѣдко предметомъ споровъ: не всѣ вѣрятъ великимъ именамъ; но превосходство Рафаэля надъ всѣми другими живописцами, кажется, не подлежитъ сомнѣнію. Оно признано было его учителемъ, Перуджино, и всѣми современными художниками. Самый соавтѣстникъ его по славі, Микель-Анжело, какъ-будто внутренне создавался въ томъ, когда, чувствуя, что отстаетъ отъ него въ колоритѣ, поручалъ одному ученику своему, искусному по этой части, расписывать прасками фигуры, имъ обрисованныя. Признаніе современниками превосходства Рафаэля подтверждено приговоромъ благодарнаго потомства. Сколько людей, въ теченіе трехъ-сотъ лѣтъ проводившихъ много унылыхъ часовъ въ созерцаніи его дивныхъ надомъ! какими чистыми, высокими наслажденіями обаяно ему человечество! Одно грустное чувство приписывается къ этому удивленію: зачѣмъ кисть живописца не вѣчна, какъ лира поэта, и не долговременна, какъ мраморъ ваятеля! Зачѣмъ божественный Рафаэль умеръ такъ рано! Людямъ, ищущимъ въ твореніяхъ художника отпечатка его жизни и характера, пріятно узнать, что жизнь Рафаэля была чиста; не афишировалъ въ политическія интриги, не подавался зависти, корысти, никакимъ мелкимъ страстямъ, онъ былъ любимъ знатыми, наною, обожаемъ учениками; не зналъ вражды; жилъ для искусства, славы, дружбы, любви. Малинная любовь, какъ извѣстно, съела его въ безвременную могилу: онъ умеръ тридцати-семью лѣтъ, жалѣя на

комъ, Аполломъ-Вельведерскимъ, Меркуриемъ и другіе. Здѣсь же неизвѣстно почему Персей и Два Войца Кановы, единственнаго ваятеля нѣкихъ временъ, котораго произведенія удостоились чести стоять наравнѣ съ древними. Эти три статуи считаются посредственными. Персей непростительно-недовонокъ тѣмъ, что осажкой, лицомъ в моментъ дѣйствія напоминаетъ Аполлона-Вельведерскаго. Дѣтѣ залы заключаютъ въ себѣ рѣдкое и богатое собраніе животныхъ, поставленныхъ на каменныхъ столбахъ и консоляхъ, изваянныхъ изъ рѣдкихъ разноцвѣтныхъ мраморовъ; на нѣкоторыхъ цѣпхъ и волнистыхъ струнъ камня довольно-близко подходить къ натуральному цвѣту животныхъ. Залы статуй обширны и богаты; собраніе бюстовъ неполно; круглая зала, освѣщенная сверху и украшенная колоссальными статуями, и комната, устроенная греческимъ крестомъ съ погребальными порфирowymi урнами, принадлежатъ къ числу великолѣпнѣйшихъ. Тутъ же музеи египетскій и этрусскій.

Огромная ватиканская бібліотека помѣщается въ одной большой прекрасной залѣ, въ двухъ или трехъ поперѣкѣ и въ двухъ предлинныхъ галерейхъ. Книги заперты въ небольшихъ шкафахъ, задѣланныхъ наглухо, такъ что ихъ совсѣтъ-невидно. Въ первой залѣ висятъ славянскія свѣтцы, писанные на деревѣ. Собраніе иконъ, крестовъ, четокъ и другихъ предметовъ, относящихся къ первымъ временамъ христіанства и найденныхъ въ патакомбахъ, занимаетъ одну небольшую комнату. Посѣщеніе бібліотеки принадлежитъ къ числу самыхъ безполезныхъ, и время, употребленное на это, — совершенно-потерянное время! Посѣтитель ходитъ по обширнымъ заламъ, видитъ шкафы и, сквозь проводочныя стекла, — книги, поставленные на полкахъ, а возмущается: «какъ много книгъ! Въ Римѣ онъ и книгъ не видѣлъ! перекрѣтитъ одинъ шкафы. Интересно взглянуть на манускрипты V или VI вѣка; на какую-нибудь рукопись

«Освобожденнаго Іерусалима», перемаранную авторомъ, на собственноручное письмо Маріи Стюартъ къ Елизаветѣ, или на какую-нибудь книгу, печатанную Гуттенбергомъ. Такія рѣдкости должно бы собирать въ одной залѣ для удобства путешественниковъ, а отъ посѣщенія остальныхъ ихъ освободить. Смотрѣть на поставленныхъ на полкахъ книги, изъ которыхъ девяносто-девятъ сотыхъ совершенно-безполезны, очень-скучно. Надо посвятить нѣсколько дней, чтобъ пробѣжать одни каталоги. Само-собою разумѣется, что это не относится къ тѣмъ, кто хочетъ заняться чтеніемъ или выписками: для нихъ устроены публичныя бібліотеки, а не для туристовъ. Сады ватиканскіе довольно-обширны, разнообразны, расположены съ уиѣнѣмъ, украшены прекрасными павильонами и, какъ все въ Римѣ, фонтанами. Въ садахъ есть игрушка, которую никакъ не ожидаешь найти близъ чертоговъ самаго степеннаго и скучнаго двора въ цѣлой Европѣ: корабль, извергающій во всѣ стороны воду изъ множества отверстій въ бортахъ, мачтахъ, реяхъ; пушки стрѣляютъ водой; дажѣ, небольшой ходъ и корридоръ, гдѣ сверху и снизу неожиданно обдастъ посѣтителей и посѣтительницъ мелкимъ дождемъ.

Капитолійскіе музеи уступаютъ далеко ватиканскимъ, какъ въ огромности и великолѣпнѣй залѣ, такъ и въ достоинствѣ помѣщенныхъ предметовъ. Картинная галерея не имѣетъ первоклассныхъ произведеній; протомотека, или собраніе бюстовъ знаменитыхъ итальянцевъ, въ Капитоліи вовсе не у мѣста. Статуи, барельефовъ, драгоценныхъ остатковъ старины менѣе; одни бюсты и эрмасы числомъ и порядкомъ, въ которомъ расставлены, соперничаютъ съ находящимися въ Ватиканѣ. При входѣ, вдоль по корридору, гдѣ лѣстница, вѣдущая въ стѣну безъ всякаго порядка куски древняго мала Рима, вырѣзаннаго на мраморѣ въ царствованіе Септима-Севера и найденнаго въ развалинахъ храма Рема,

гдѣ онъ служилъ полкомъ. Еслибъ его вѣшать въ большую стѣну, въ должной послѣдовательности, и доплатить приблизительно по описаніямъ недостающія части, онъ былъ бы любопытенъ и не для однихъ антикваріевъ. Последняя зала заключаетъ въ себѣ лучшія произведенія, признанныя классическими и имѣвшія всѣ чести совершить путешествіе въ Парижъ: посрединѣ лежитъ умирающій гладиаторъ; кругомъ стѣнъ стоятъ величественная Юнона, Флора, прекрасно-драпированная, Антиной, Фавнъ, удивительная Венера-капитолійская и радомъ съ ней рѣдкій бюстъ Марко-Брута, очень-выразительный типъ меланхолика. Видъ его печаленъ; онъ добръ, но твердъ и упрямъ; небольшое чело, нависшія брови, углубленные глаза, свидѣтельствуютъ объ ограниченномъ умѣ.

Насупротивъ зданія капітолійскаго музея, дворецъ консерваторовъ, въ которомъ находится означенная картинная галерея и протомотека. Во внутреннемъ портикѣ разставлено множество обломковъ рукъ, ногъ, головъ; есть колоссальная ступня близъ двухъ аршинъ длинны; все это ни къ чему не годно. Тутъ же рѣдка, и, говорятъ, подлинная статуя Юлія Цезаря, величайшаго изъ Римлянъ, — тѣмъ драгоцѣннѣйшая, что его статуи и бюсты очень-мало въ публичныхъ и частныхъ галереяхъ, едва-ли не меньше всѣхъ императоровъ. Между обоями дворцами небольшая площадь, и на оконечности ея, надъ крыльцомъ, нѣсколько древнихъ памятниковъ: наріевы трофеи, статуи Кастора и Поллукса, предъ которыми лошади ихъ жмутся жеребятами; посреди площади превосходная бронзовая статуя Марка-Аврелія, бывшая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вызолоченною. Въ заимѣнъ небольшого числа неображеній двухъ первыхъ парей, встрѣчается во всѣхъ галереяхъ Італіи необыкновенное множество Траяновъ, Адриановъ и Маркъ-Авреліевъ. Почему такъ? Адрианъ былъ, какъ извѣстно, великій зна-

токъ, любитель и покровитель искусствъ и художествъ, самъ занимался рисованіемъ, составлялъ архитектурные проекты, и нѣсколько не странно, что художники, покровительствуемые имъ, изъ благодарности дѣлали во множествѣ бюсты его и Траяна, котораго Адрианъ долженъ былъ чтить какъ отца. Что касается до Марка-Аврелія, можно только догадываться, почему бюсты его и сопративителя его, Луція-Вера, распространены въ такомъ множествѣ: не участвовало ли тутъ маленькое тщесловіе? Трудно понять иную славу: Марко-Аврелія приводятъ въ примѣръ, выставляютъ какъ идеалъ римскихъ владыкъ. Конечно, воспитанный философами стоической секты, онъ былъ мужъ высокаго образованія, самъ писалъ философскія рассужденія и слылъ образцомъ добродѣтельнаго человека; но его добродѣтели, надо сказать правду, приличествовали болѣе частному человеку, нежели римскому императору: какъ государь, онъ слишкомъ добръ, слабъ и простодушенъ. Значитъ взялъ онъ въ себѣ въ сопративителя недостойнаго родственника, Луція-Вера? Антонинъ усыновилъ его, не замечая своимъ преемникомъ одного Марка-Аврелія. Луцій-Верь слабый, приличный, развратный, не только не помогъ императору нести бремя правленія, напротивъ, нѣмалъ во всемъ и податливецъ сталъ выходить изъ повиновенія. Къ счастью для славы Марка-Аврелія, Луцій-Верь скоро умеръ. Императрица Фаустина, видя, что мужъ ея слабеетъ здоровьемъ, становится старъ, и желая царствовать по смерти его, приняла участіе въ заговорѣ Каиа противъ императора. Добрый Маркъ-Аврелій ничего не видѣлъ, и, не смотря на сопротивленіе сената, уприсилъ его похитить Луція-Вера и Фаустину въ число божествъ. Платонъ его слава, важнѣйшимъ упрямомъ служилъ недостойный сынъ, Коммодъ, которому онъ оставилъ престолъ. Чѣмъ его изманилъ? Въ имперіи не было никакого закона о престолонаслѣдіи; сынъ

почти-никогда не наследовалъ отцу; напротивъ, императоры всегда предпочитали благо республики выгодамъ своей фамилии. Августъ назначилъ преемникомъ своего сына Гниверія, шимо родного внука; Неронъ, насылокъ Клавдія, былъ имъ усыновленъ и наследовалъ, хотя у императора оставался сынъ, Британикъ; Нерва усыновилъ Траяна, Адріанъ избралъ преемникомъ Антонина, Антонинъ Марка-Аврелія, изъ своихъ семействъ, а о родственникахъ не было и слова. Видя столько прихворъ престолонаследія лишь семейства императоровъ, Маркъ-Аврелій не подумалъ, однакожъ, заблаговременно объ устраниеніи Коммода, а предъ смертию, тревожимый мыслію о порокахъ сына, призвалъ его и въ присутствіи главнѣйшихъ офицеровъ, прочелъ прекрасное философское напутіе. Вотъ все, что онъ сдѣлалъ для блага человечества. Три его предшественника были величайшими властителями Рима, и во всѣхъ отношеніяхъ стоятъ гораздо-выше его.

Дворцы частныхъ людей, воздвигнутые большею частью папскими племянниками, принадлежать къ достопримѣчательностямъ католическаго Рима и свидѣтельствуютъ о могуществѣ папъ и заботливости ихъ о родныхъ. Дворцы почти всѣ огромны, прекрасной архитектуры, украшены драгоценными мраморами, расписаны лучшими художниками, и обладаютъ хорошими картинными галереями; столь прославленные генуэзскіе дворцы не могутъ идти съ ними въ сравненіе. Справедливость требуетъ однако замѣтить, что строиться въ то время было гораздо-легче въ Римѣ, чѣмъ въ Генуѣ. Папскому племяннику нуженъ дворецъ и пышный дворецъ; денегъ мало, алая старъ, время коротко, надо спѣшить. И вотъ берутъ съ Колизея его тибуртинъ; кистати, нѣсколько арковъ угрожаютъ наденіемъ: стоятъ брать камни совсѣмъ обтесанные, и отѣлы готовы. Чтѣ жъ нѣмаетъ тутъ же вѣтъ мраморную обкладку ступеней? большіе куски годятся на лѣстни-

цы, полы, наличники для оконъ; обломки пойдутъ на извѣсть; нужны ли колонны въ залу, или для внутренняго портика—снѣло берутъ ихъ съ какой-нибудь древней базилики. Дворецъ готовъ вчерѣ; надо его обдѣлать, украсить, и это не такъ трудно: кое-что берутъ изъ гробницы Цециліи Метеллы, кое-что изъ Пантеона или изъ Адріанова-Мавзолея: потомъ посылаютъ порыться въ развалинахъ дворца Цезарей, въ термахъ или адріановой виллѣ, и все есть: статуи, бюсты, саркофаги, барельефы. Осталось расписать стѣны фресками и собрать картинную галерею; это едва-ли не всего дороже, хотя гораздо-дешевле нынѣшняго; Доминикину дали за «Причащеніе св. Іеронима» пятьдесятъ скуди, Рафаэлю за «Преображеніе» тысячу; Аннибалъ Карраджъ трудился надъ однимъ фрескомъ восемь лѣтъ — и получилъ только три тысячи. Такъ строились въ средніе вѣка и даже позже въ католическомъ Римѣ, грабя и разрушая безъ всякаго стыда древній Римъ; и одинъ изъ величайшихъ грабителей былъ—Микель-Анджело.

Палаты князя Боргезе считаются однимъ изъ огромнѣйшихъ дворцовъ частныхъ людей; въ нижнемъ этажѣ двѣнадцать большихъ залъ заняты картинною галереею, едва-ли не первою въ Римѣ послѣ ватиканской; число картинъ простирается до 1,700. Лучшія изъ нихъ: «Положеніе во гробъ Спасителя», работы двадцати-четырехъ лѣтняго Рафаэля; портретъ Цезаря Борджіа, его же; «Даная», Кореджіо, рѣдкой красоты и нѣжнаго колорита; «Диавола Охота» и «Кумская Сивилла», Доминикина; Тиціана три или четыре картины, отличающіяся какъ всегда, правильнымъ рисункомъ и прекраснымъ колоритомъ; одна изъ нихъ особенно-преlestна; либретто говоритъ, что это земная и небесная любовь; но аллегорія немного-темна.

Палаты Доріа, Корсини, Колонна, Счіара, Гиджи, славятся также прекрасными картинными галереями, ка-кихъ по достоинству найдете не во вся-

ной столицѣ. Другіе дворцы не такъ богаты; каждый имѣетъ свой саро d'orega: палаццо Фарнезини — рафаэлю «Галатею»; Счіара — Молодого Музыканта; его же; Роспильиози — гитдову «Аврору»; Барберини — портреты Форнарины, любовницы Рафаэла, его же работы. Точная копія съ нея во дворцѣ Боргезе, сдѣлана Юліемъ Романомъ; но разница между обѣими большая, чрезвычайная, даже для не-художника. Что ни говори Валери, римская Форнарина не имѣетъ никакого сходства съ флорентинскою, которая, какъ извѣстно, виситъ въ трибунѣ. Флорентинская цолиѣ, старѣе лѣтами, красота ея идеальная. Живописецъ Фабръ увѣрялъ одного туриста, что неизвѣстному портрету дали произвольно названіе Форнарины, ради необыкновенной красоты ея и рѣдкаго совершенства живописи; другіе говорятъ, что слухъ этотъ распущенъ Рафаэлемъ-Менсгомъ, который выгравировалъ съ нея встанцъ и хотѣлъ придать болѣе цѣны и извѣстности своему труду. Форнарина барбериніева сидитъ или стоитъ въ саду, среди цвѣтовъ; голова ея убрана чѣмъ-то въ родѣ чалмы; носъ немного-широкъ; глаза велики, исполнены огня и сладострастія; брови густыя, дугою; волосы не совсѣмъ черные; улыбка лукавая; грудь полуобнажена и слегка прикрыта тонкимъ газомъ, который она придерживаетъ рукою. На лѣвой рукѣ браслетъ съ надписью: *Рафаэль Урбинскій*. Я долго смотрѣлъ на этотъ безподобный портретъ, видѣлъ въ немъ изображеніе не простой наложницы, а одной изъ тѣхъ женщинъ среднихъ вѣковъ, которыя имѣли большое вліяніе на судьбу поэтовъ и художниковъ; она одушевляла Рафаэла, какъ Лаура одушевляла Петрарку, а Беатриче — Данте. Вліяніе Форнарины было началомъ новой эры въ искусствѣ, или по-крайней-мѣрѣ въ части его, можетъ-быть самой трудной, которую можно назвать возвышеніемъ сущности до идеала. Въ картинахъ прежнихъ живописцевъ замѣтны женскія лица улыбка, блѣдныя,

художавыя, — едлиніе утвержденіи плоти и благосостояніа совершенія, въ которыхъ проводилъ дни строгія авторитетныя первоначальнаго христіанства. Въ рафаэлевыхъ наложницахъ всѣхъ другой родъ одушевленія: онъ умѣлъ изобразить самую возвышенную человеческую прелесть и вложить въ нее душу, поточнѣе всенной всѣхъ добродѣтелей. Давно онъ стремился къ тому, но не могъ достигнуть. Когда онъ узналъ Форнарину, вслѣдующую для него добрымъ гонимомъ, музою, одушевлявшею его созданія, съ этой поры всѣ его произведенія носятъ особую печать и отличаются его прелестью манера, приближавшаяся съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе къ совершенству, до котораго можетъ только достигнуть произведеніе рукъ челоѣчеческихъ. Въ этой эпохѣ створаетъ «Молодую на скулѣ» во дворцѣ Цетти во Флоренціи; «Музыканта» во дворцѣ Счіара; «Молодую di Faligno» въ Ватиканѣ; древнюю «Молодую» и «Святое Семейство» въ Эрмитажѣ. Въ рѣдкомъ портретѣ онъ не единствовалъ челоѣчечески отъ Форнарины: нѣкогда, которое въ одной залѣ дворца Фарнезини виситъ на раковинѣ, служащей ей подставкой, среди тритоновъ и морскихъ боговъ, это не Амвротита, супруга Нептуна, — это Галатея, которой Форнарина дала свою прекрасную форму, стройное очертаніе тѣла, свои вѣсны и вѣсты съ тѣмъ воздушнымъ флеромъ. Хотите ли видѣть еще другія совершенствѣнія лица, — посмотрите на «Изображеніе»: на первомъ планѣ стоитъ на колѣняхъ женщина и молчаливо съ наудорожствіемъ на молчалива, сдержаннаго бѣснѣ; это Форнарина. Въ андалійонѣ видны Боргезе одиѣ-оронъ представляетъ опять ея изобретеніе. Въ 1508 году, увидѣвъ Рафаэла въ первый разъ Форнарину, дочь бѣднѣе хлѣбника, узналъ ее и полюбилъ страстно. Современники не могли бѣздѣтельное вліяніе красоты на талантъ. Гиджи, богатый банкиръ, покровитель великаго артиста, замѣтилъ, что, рисуя ея во дворцѣ, Рафаэль случалъ

бояз лая и работа прерывалась, просилъ ее переселиться къ нему въ домъ. Скоро она сдѣлалась неразлучной его спутницей и находилась при немъ всегда, приготовляя ему краски, даже когда онъ писалъ фрески въ Ватиканѣ. Писать, навѣщающему немедленно знаменитаго художника и слѣдующему за холстомъ работъ, не нравилась привязанность его къ простой дѣвушкѣ и послѣднее присутствіе ея въ Ватиканѣ, и онъ задумалъ удалить ее. Что это за женщина? спросилъ онъ однажды съ неудовольствіемъ, котораго не смелъ сдерживать. — Если знаете свѣтъ, я скажу вамъ, что эта дѣвушка — моя жена. Папа не сказалъ ни слова, и Фориарина осталась по-прежнему неизлучнымъ гениемъ, олушечившимъ его талантъ. Зачѣмъ не была она только добрымъ его гениемъ? Любимъ изъ ней дѣлалъ его до могилы...

Во дворцѣ Фарнезини, гдѣ прекращалъ фрески, расписана «Галатея», — видна на стѣнѣ огромная голова, которую начертилъ углемъ Микель-Анджело, приходящій къ Рафаэлю во время его отсутствія. Говорятъ, будто онъ нарицалъ ее, какъ-бы укоряя за то, что фигуры его слишкомъ малы. Если знаменитъ справедливъ, то Микель-Анджело ошибался: огромность — достоинство и трудность въ архитектурѣ, а не въ живописи.

Микель-Анджело славется величайшимъ гениемъ; будучи страстно преданъ искусству, онъ жилъ дѣвичествомъ, — а что онъ сдѣлалъ? такъ мало, что ширіе спрашиваютъ, гдѣ его права на такую славу. Сикстинская капелла въ Римѣ и дѣтъ посредственныхъ картинъ во Флоренціи — вотъ почти все по части живописи; въ скульптурѣ онъ произвелъ знаменитаго Моисея, Богоматерь съ Іисусомъ, и нѣсколько статуй менѣе извѣстныхъ; въ архитектурѣ — модель св. Петра, не приведенную въ исполненіе, и церковь св. Маріи-въ-Ангелани, вотъ почти все; немного для дѣвственнѣйшей жизни и такой славы! За се показываютъ множество некон-

ченныхъ его статуи и монументы множество рѣзковъ, всемірныхъ фразъ. Если его великій, но-мрачный и односторонній талантъ величать гениемъ, то какъ же назвать Рафаэля и Тиціана? Но такъ бываешь часто въ свѣтѣ: современники поражаются смѣрѣ шарлатанствомъ, чѣмъ дѣйствительными достоинствами человека, а потомство, не зная въ дѣло, повторяетъ ихъ сужденія.

Во дворцѣ Спада показываютъ статую Помпея, найденную въ развалинахъ куріи понтиевой и держащую шаръ. Въ дорожникахъ найдете извѣстіе, что это та самая, у подножія которой узналъ великій Юлій Цезарь, произведенный кинжалами убійца, и за которую какой-то Англичанинъ давалъ сто тысячъ. Къ сожалѣнію, это выдумка для привлеченія иностранцевъ: статуя изображала какого-то императора, что замѣтно по атрибутамъ верховной власти, и къ ней приклеили голову Помпея.

Реформація нанесла сильный ударъ Риму: половина Европы отвергла папу. Золото вѣрныхъ католиковъ не течетъ болѣе въ Римъ; сношенія уменьшились; мѣста по духовной іерархіи раздаются королями, не поступая на утвержденіе папъ. Римъ упалъ совершенно, и въ противоположность другимъ столицамъ, гдѣ все кипитъ жизнью, представляется теперь въ видѣ огромной развалины; церкви сохранили первоначальную свѣжесть; все прочее начинается склоняться къ упадку. Однѣ палаты богатыхъ семействъ, Доріа, Боргезе, Корсини содержатся въ приличномъ видѣ, и нѣтъ въ нихъ слѣдовъ отвратительной нечистоты, покрывавшей некогда всѣ портики и лѣстницы, и на которую такъ жаловались прежніе путешественники. За то другіе дворцы — Варберини, Фарнезини, Спада, Счіара, въ большомъ запущеніи; ихъ ожидаетъ участь венеціанскихъ дворцовъ, видимо разрушающихся, между-тѣмъ, какъ драгоценныя украшенія продаются порознь: дворецъ фарнезскій лишился своихъ статуй, пра-

перевъ, музеевъ, кафедральныхъ во всѣхъ частяхъ въ Неаполь; картины Рафаэля въ Англіи; принцъ Боргезе продалъ Наполеону за одиннадцать милліоновъ драгоценную коллекцію съ своей виллы; мраморныя статуи съ виллы Албани всѣ проданы; нижній этажъ палаты Руссоли обращенъ въ кофейню: верхній и палаты Барборини отданы въ наемъ: папскій дворецъ близъ Латеранскаго Собора стоитъ пустымъ; виллы почти всѣ болѣе или менѣе запущены. Это разрушеніе новаго Рима, эта распаляющаяся во всѣхъ частяхъ столица католицизма производитъ на путешественника впечатлѣніе горадо-грусти, чѣмъ видъ окрестныхъ обработанныхъ полей! Разрушеніе начинается простирается на предметы незабвенныя — на великія произведенія художниковъ вѣка Медичисовъ; въ особенности пострадали фрески. Въ развалинахъ домовъ сохранились кое-какъ фрески на потолкахъ; написанныя же на стѣнахъ почти исчезли отъ небреженія; триста лѣтъ галереи стояли безъ стеколъ, подвергаясь вліянію непогоды. Его станицы или фрески внутри Ватикана также много потеряли, въ особенности «Левинская Школа». Сказываютъ, что въ 1800 году, во время занятія Рима кардиналомъ Руффо, три тысячи Неаполитанцевъ, стоявшихъ гарнизономъ въ Ватиканѣ, устроили извѣстныя вѣста въ этихъ домахъ: вредныя испаренія нѣтъ вліяніе на прочность красокъ... «Страшный Судъ» Микель-Анжелло почернѣлъ отъ копоти свѣчъ, зажигаемыхъ во время папскаго служенія, и скоро отъ него останется одно воспоминаніе. Фрески, изображающія исторію Петлем, писанныя учениками Рафаэля, а инокторыя нѣтъ самими, во дворцѣ Фарнезини, такъ потеряны, что ихъ подновляли, и едва-ли не болѣе испортили. Нѣкоторые архитекторы думаютъ, что великолѣпныя архитектурныя памятники, воздвигнутыя католическимъ Римомъ, построены не съ египетскою прочностью, и что, можетъ-быть, рука времени скоро коснется ихъ. Соборъ-св. Петра,

давно далъ трещину въ куполѣ; онъ осѣдалъ; въ нынѣшнемъ году, опасаясь того треснуло, и непрочности, какъ говорятъ, значительныя, немалы предполагали. Церквей, соборовъ въ Римѣ множество, въ двадцать разъ болѣе дѣйствительной потребности; но они и стоятъ пустыми, но просить безпрестанныхъ поддержекъ; вѣрные католики теперь ничего не даютъ, и папская казна, сильно прогнута прежними обидѣвшими, должна содержать священнослужителей и давать пенсіи на церковь.

Главная причина упадка нынѣшняго Рима, само-собою результируется, заключается въ томъ, что вѣчный городъ утратилъ почти все моральное, религіозное и политическое вліяніе: онъ болѣе не столица Италіи, гдѣ рѣшались главнѣйшіе современные вопросы этой страны, не первопрестольный городъ католическаго міра, заглавывавшій безъ апелляціи религіозныя дѣла въ всѣмъ Европѣ. Въ наше время, сюда алетъ одно ученое, артистическое любопытство; множество иностранцевъ, а въ числѣ ихъ менѣе всего католиковъ, приходятъ посмѣтрѣть на развалины древняго Рима, на великія произведенія вѣка Льва X; не многие, чтобы взглянуть, между прочимъ, на любопытства на духовныхъ церемоніи страстной-недѣли, а о папѣ, какъ преемникѣ св. Петра, мало заботятся. Кажется, только недавно правительство занято это; только въ концѣ прошлаго столѣтія, чтобы интересы, влекущіе путешественниковъ не ослабѣвали, начали собирать музеи, галереи, поддерживать древнія памятники, сохранять развалины, дѣлать разысканія; только въ нынѣшнемъ столѣтіи позаботились истребить разбойниковъ, грабителей, убивавшихъ по всѣмъ дорогамъ въ окрестностяхъ Рима. Французы открыли главнѣйшія Римлянина: во время ихъ владычества надъ Римомъ, очищена арена Колизея, склады камня, таинственныя надъ верхними его галереями; открыта трапеція колонна, форумъ его, арка Сентина Севера, смарагдова колонна;

устроен общественное гуляище Пантеонъ; сдѣланы они изъ разномыслящихъ лужахъ. Панское правительство послѣдовало хорошему примѣру: при послѣднихъ папахъ исполнено много работъ для предохраненія Коллизея отъ совершеннаго паденія; выведенъ огромный констр-форсъ, вѣсколько сводовъ сдѣлано вновь; починки производятся тамъ и теперь; арка Тита, почти развалившаяся, исправлена; въ титовыхъ термахъ дѣлается развѣска, довольно, впрочемъ, безпомешная. Забота о сохраненіи древнихъ памятниковъ, правительство нашло нужнымъ принять мѣры противъ хищничества Англичанъ; такъ, на-примѣръ, оно не позволило исполнить своего намѣренія одному Англичанину, купившему храмъ Весты въ Тиволи, съ тѣмъ, чтобъ перевезти его въ свое помѣстье. Не такъ давно стали учреждать публичные музеи: существовавшія прежде галереи картинъ, собранія статуй, служили украшеніемъ палацовъ, дворцовъ, считались собственностью владѣльца, а не общественнымъ достояніемъ. Ватиканскій музей основанъ во второй половинѣ прошлаго столѣтія папами Климентомъ XIII, XIV и Пиемъ VI; Пій VII увеличилъ его отдѣленіемъ, названнымъ по его имени Кіарамонте. Капитолійскій музей началъ Климентомъ XII и конченъ Пиемъ VII. Протомотеза устроена при Капозъ; картинная галерея во дворцѣ консерваторъ — при Бенедиктѣ XIV, а ватиканская въ девяностыхъ годахъ истекшаго столѣтія; этруское отдѣленіе при нынѣшнемъ папѣ. Всѣ эти чина и имена означены почти вездѣ въ надписяхъ на дверяхъ музеевъ; на каждомъ шагѣ видно какое-то мелочное тщесловіе, или, если угодно, слѣды древнихъ обычаевъ. Путешественникъ, разсказывая въ музеѣ, между статуями, барельефами, урнами, видитъ вездѣ надписи, хочетъ узнать, что это, откуда поступило, кѣмъ сдѣлано, и вмѣсто того читаетъ длинную надпись на латинскомъ языкѣ, начинающуюся: ex munificentia и проч. даровано такому-то папою, такого-то года, мѣсяца и чи-

сла. Часто дѣло идетъ о самомъ ничтожномъ предметѣ, который не только владыка церкви, частный человекъ несоотвѣстна бы дарить. На стѣнахъ длинной залы въ ватиканской библиотекѣ написана фресками съ большими подробностями вся исторія путешествій Піа VII съ жандармами въ Фонтенблѣ, его пребываніе тамъ и возвращеніе въ Римъ, какъ-будто бы онъ страдалъ за религію. Наполеонъ былъ очень-самосхотѣтеленъ въ религіозныхъ мнѣніяхъ; тутъ несогласія произошли отъ политическихъ причинъ.

Римъ любитъ еще искусства и художества; въ этомъ отношеніи онъ не отсталъ отъ современной Европы; во всемъ прочемъ господствуютъ прежіе понятія и предрассудки; во всѣхъ дѣйствіяхъ руководствуются преданіями XVI вѣка, начиная съ молчи, съ молчаго обычая, въ одномъ Римѣ сохраняющагося, ставить часы повсюду, до дѣлъ самыхъ важныхъ. Римъ грѣхъ унаслѣдовалъ на протестантское кладбище, и весь Римъ торжественно. Точно какъ въ XVII столѣтіи онъ противился обнародованію американской системы и сажалъ за то Галилея въ тюрьму, такъ теперь ни за что не хочетъ согласиться на учрежденіе желѣзныхъ дорогъ. Неаполитанскій король предлагалъ устроить на-счетъ французской компаніи желѣзную дорогу отъ Неаполя до Рима, начатую уже отъ порога города и доведенную до Капуи; но Римъ и слышать о ней не хочетъ. *Strada ferrata—strada inferna*, сказалъ по этому случаю одинъ изъ главнѣйшихъ сановниковъ ватиканскаго дворца; другой прибавилъ, что на желѣзныхъ дорогахъ много несчастныхъ случаевъ.. Во всѣхъ ноевѣйшихъ красуется одинъ только французскій журналъ *la Presse*, во весьма-дѣльной причинѣ: онъ защищается іезуитами; другихъ газетъ не найдете; ничего въ мірѣ не боятся Римъ такъ сильно, какъ французскихъ журналовъ... Огромный и богатѣйшій іезуитскій коллегіумъ и великолѣпная церковь Игнатіа Лойолы доказываютъ, что, не смотря на

неудовольствіе всей Европы, сильно обидурившіеся и чуть-было не встававшее пасть въ прошломъ столѣтіи уничтожить орденъ, іезуиты приобрѣли опять здѣсь прежнее свое могущество. Ясно, что Ватиканъ не пользуется жестокими уроками, данными ему происшествіями прошлаго столѣтія, хочеть слѣдовать прежнимъ путемъ и объявляеть войну, новому образованію. Пій VI и простѣщенный министр Пія VII, кардиналъ Гонзалванъ, составляли домыслие изъ этого направленія; при нихъ сдѣлано много полезнаго, произведены обширныя работы для осушенія повѣшенныхъ болотъ, предполагалось населить пустыню отъ Рима до Чинате-Веттій, и проч.

Что сказать о простомъ народѣ въ Римѣ? Онъ стѣсненъ, недоуменъ, бѣденъ, поваря и строптивъ; внутреннія таежныя, потерян развращаютъ его. Рядомъ Римлянинъ прибѣгаетъ къ пому; почти-всегда причиной убійства бываетъ ревность, иногда нищеніе; убійцу народъ, изъ неохоты къ полиціи, беретъ надъ своею некровителствомъ, защищаеть его, и даеть средства уходить въ Сабинскія Горы. Къ несчастію для народа, великожъ и вранительства, всѣ они почитать свое происхождение отъ древнихъ Римлянъ. Народъ не хочеть трудиться, любить правды, гулянья, любить выпросить деньги. Великоже нителотъ отъ неактивности, дають ему каррикатуры древнихъ нгръ. Въ одно ноябрьское, прошлаго октября, собрался почти весь Римъ на нподромѣ виллы Боргеза; три молодежи, напряженныя по четворѣ лошадей, убранныя по-древнему, проскакали два раза кругомъ растаиваща, и побѣдитель побѣжалъ шагомъ въ городъ, въ сопровожденіи музыкантовъ. Цари помнать тоже, что Римъ владелъ доисторіею; но древній Римъ возсталъ оружіемъ, нмѣя одну великую цѣль, достигъ ея и заслужилъ уваженіе потомства; нынѣ употребляютъ другія средства: они держали въ своей власти нѣсколько сотъ лѣтъ всю Египту и ни въ чемъ не успѣли. Древній Римъ, разграбивъ весь міръ,

наведя людей катъ въ Итали, обратившейся въ пустыню уже при первыхъ цезаряхъ, катъ я въ Африкѣ, Испаніи, Галліи, Греціи, Малой-Азіи, достигъ былъ проклатія, а не подражанія. Историческій Римъ дѣйствовалъ больше духъ своекорыствомъ... Онъ не рѣшкось некогда было думать: намъ нчтъ-всегда старикъ, ему надо заботиться о выгодахъ преемника са. Петра, въ выгодахъ свѣтскаго жгаванья, намъ л-ставить племянникамъ неважнскондннѣ въ Итали, или по-крайней-мѣрѣ обогатить ихъ... Это объясняетъ нннѣшнй народъ и бѣдность населенія въ Дерковскихъ-Владѣніяхъ. Стремнѣе рнзнь къ границѣмъ, почти всегда противоположнымъ, римскій дворъ часто и достигалъ ихъ одной. Будучи умнѣ, образованы, когда все кругомъ ихъ и среднѣе нѣка погружено было въ нечестество, пользоваъ огромными прн-ственными вліяніемъ, нынѣ не сдѣлали для блага человечества столько, сколько могли сдѣлать.

Н. Герсмановъ.

ПИСЬМА СЪ ДОРОГИ. Чарльза Диккенса.

I.

(Дорога отъ Парижа до Савска. Гостиница Золотого Эку.)

Въ одно прекрасное лѣтнее утро, средняго дня, тысяча-восемь-сотъ-сорокъ-ннатога года... не бойтесь, любезный другъ! я не скажу:—два вутенственика ѣхали по живописной и ровной дорогѣ, по которой обыкновенно прѣѣхаютъ къ первой главѣ среднѣ-кованаго романа... нѣтъ, англійская дорожная карета, помѣстительныхъ рессоръ и новѣйшая, нрнмо нтъ су-

мрачныхъ залъ Пантемикона, близъ Бельгров-Ситера, въ Лондонѣ, была пригнана (однимъ прощатымъ французскимъ солдатомъ; я самъ видѣлъ, что онъ на нее глядѣлъ), когда вышла изъ воротъ отеля Мёрисъ, въ улицѣ Риволи, въ Парижѣ.

Не берусь объяснить, почему англійское семейство, которое путешествовало въ этой каретѣ, частью внутри, частью на возлахъ, отправлялось въ Италию въ это воскресенье, тамъ же какъ не берусь толковать о томъ, отчего во Франціи всѣ маленькіе люди—солдаты, а всѣ большіе—почтальоны, что составляетъ немаловажное правило. Но безъ сомнѣнія, семейство нѣло какую-нибудь причину, и вы ее знаете: оно фактъ немнѣе годовъ въ Генуѣ, въ великолѣпной Генуѣ, отсюда гласа окупающаго предполагалъ дѣлать поѣздку туда и сюда, смотри по прикату своего поупоманутаго права.

Зачѣмъ бы также мнѣ объяснить парижскому населенію, что я былъ главною этого семейства? Дѣ, я, а не то сіяющее мѣлощное веселости, что сидѣло со мною рядомъ въ образѣ французскаго курьера, наилучшаго изъ саугъ и наилучшаго изъ людей. Правду сказать, онъ смотрѣлъ гораздо-патриархальнѣе моего, что, при помощи его почтенной тучности, уменьшало мѣлощность, или вовсе до-вѣляла.

Мы путешествовали въ воскресенье; но въ парижности Парижа не вѣдѣтно было ни тѣни осужденія намъ, когда мы перѣехали мостъ, неподалеку отъ мачтовой Морги. Веннопролавы (по потребности на каждые два дома) занимались своей шумной торговлею; кандинеры растягивали свои палатки, глѣбъ расставляли столы и стулья передъ вѣсѣ, готовясь сбывать мороженныя и вѣдѣныя ликеры по-позже двѣтъ; прищипщики сапоговъ работали на мѣстахъ; лавки были отворены; каретчики толкали потрясали мостовую; всѣ ушли улицы, воронками примыкающія къ рѣкѣ, представляли ту же перекрестную движущейся толпы, вѣдѣнныхъ мѣлощныхъ шапочекъ въ окнахъ,

трубокъ, блузъ, толстыхъ сапоговъ, косматыхъ волосъ. Ничто въ это время не показывало дня отдыха; развѣ тамъ-самъ какое-нибудь разряженное семейство вѣло гулять набившись въ грузную карету, либо какой-нибудь спокойный наблюдатель предвѣдѣнныхъ дней, въ утреннемъ дѣлобильѣ, глядѣлъ съ невозмутимымъ ожиданіемъ на непростошную снѣжку своихъ башмаковъ, выставленныхъ на наружный парашетникъ (если это былъ мужъ), на свои чулки, сохнувшіе на вѣсѣ (если это была дама).

Когда отдѣляешься отъ мостовой большаго тракта, мостовой, которой никогда не забыть и не простить, первые три дня дороги изъ Парижа въ Марсель неважутся периодично монотонны. Отъ Парижа до Савеза, отъ Савеза до Аваллона, отъ Аваллона до Шалона; но очерку одного дня можно знать всѣ три, и вотъ этотъ очеркъ:

У насъ четверня лошадей и одна почтальонъ, который вооруженъ предвѣдѣнными бачкомъ и правитъ своей управленію какъ добрый нурьеръ въ цѣрѣ Астлѣ или Фринкони, съ тою разницею, что сидитъ, а не стоитъ на лошади. Огромные сапога, носямые почтальонами, считаютъ себѣ иногда вѣтъ или два древности и такъ уморительно прихотятся по ногѣ, на которой надѣты, что шпора, прищипываемая къ наблуку, оказывается вообще на полу-голеньицѣ сапога. Часто почтальоны выводятъ изъ конюшни съ бичомъ въ рукѣ и въ башмакахъ: беретъ одинъ сапога за другія и ставитъ ихъ на-вѣсь, подлѣ лошади, съ вѣнарушимою важностью. Когда все готово... и, Господи Боже! какой шумъ воздѣщаетъ видѣть это, — почтальонъ вѣззаетъ въ сапоги съ ногами, башмаками, со всѣмъ, либо всѣмъ вѣззается въ нихъ двумя товарищами, вопреки сѣбру, расмѣренную трудни стѣпѣнныхъ голубей, присаживается на сѣдлѣ, осаживаетъ свою четверню лошадей, хлопаетъ какъ сумасшедшій бичомъ, кричитъ: *Пошла, глѣ!* и мы трогамся съ мѣста. Почтальонъ на-

перелазъ утѣреть, что какъ-разъ поспорится съ своимъ конемъ, чиститъ его воронъ, разбойникомъ, свиномъ и множакомъ другихъ проворницъ, и долбитъ въ голову, словно деревянную лошадь.

Первые два дня въ видѣ страны лѣтъ никакой разницы. Претѣкаетъ съ широкой равнины въ нескончаемую аллею, и изъ нескончаемой аллеи на широкую равнину. Виноградныхъ лозъ много въ поляхъ, — мелкихъ лозъ, не развѣтлившихъ естонцами, а прирѣзанныхъ къ тычинникамъ, что очень не-привлекательно. Повсюду несчетное множество нищихъ, но народонаселеніе малочисленное, и нигдѣ я не встрѣчалъ такъ мало дѣтей (сдѣлаи видѣлъ ихъ съ сотню между Булономъ и Шаломомъ). Претѣкаетъ старинные оригинальные города, съ полукруглыми стенами и обвалившимися стѣнами, съ башенками по угламъ, которыя кажутся шутескими, маскарадными головками крѣпости, глядящимися въ ровъ; другія башенки въ садахъ, на поляхъ и мызовыхъ дворахъ, удивительныя, всегда круглыя, съ заостренной крышею, не годныя ни къ чему, развалившіяся здания всякаго рода; иногда городская ратуша, иногда караульня, иногда жилой домъ, иногда замокъ, съ безвыснутымъ садомъ, обилующимъ одуванчиками, обставленнымъ башенками въ форѣтъ гасильниковъ, и освѣщеннымъ маленькими окнами, похожими на прищуренные глаза... таковы главные предметы, которые безпрестанно попадаются на дорогѣ; иногда пройдетъ много деревенской гостиницы, со стѣнами, готовыми упасть, съ цѣлымъ городомъ сараевъ, и съ вывѣскою: Конюшня на шестьдесятъ лошадей!.. Точно, она была бы конюшней на тысячу лошадей, еслибъ были лошади, которыхъ надо было бы ставить въ нее, еслибъ хоть одинъ путешественникъ тамъ останавливался, или еслибъ что-нибудь показывало, что есть тамъ кто-нибудь живой для пріема пассажировъ, кромѣ куста-уназателя вина, тамъ продаваемаго, вы-

ѣски вѣтвистой вѣтви вѣтви, эмблемы безвѣчной правды, которую любить возобновлять, когда он разсыпается.

Однакожъ, весь день вы встрѣчаете странника и узкаго телеги гуськовъ и шести или по восьми, несущихъ швейцарскій сыръ, подъ надзоромъ одного человека, либо мальчишки, который всего чаще спитъ на вершинѣ телегъ. Лошади лѣниво потираютъ своимъ сбруи и глядятъ на насъ, словно думаютъ (и навѣрное думаютъ), что ихъ широкая и тяжелая упряжь изъ синей шерсти, съ парю бовообразныхъ роговъ, торчащихъ изъ хвоста, слишкомъ жарна для лѣтней вѣсы.

Разъ два-три въ день попадаются также дилижансы; малые пассажеры пассажирова — въ синихъ блузахъ, какъ пассажиры; внутренние пассажиры въ бумажныхъ шапочкахъ; крапины наброшата кавалетъ, какъ дурная голова; сыны юной Франціи пожимаются въ дверцахъ съ своимъ брадью и подбородками, важными синими очками на воинственныхъ глазахъ, съ толстыми тростями въ национальных рукахъ. Маленькость въ свою очередь мелькаетъ и исчезаетъ, уезжая въ галокъ двухъ путешественниковъ, для которыхъ только и есть и немъ мѣсто. Отъ времени до времени, обгоняете добрыхъ старыхъ священниковъ, въ старыхъ каррикюлахъ, тѣхъ подержанныхъ, аркавѣлыхъ и стучащихъ, что Англичанинъ и вообразить себя не можетъ. Далѣе, старыя восточныя бабы; онѣ держатъ на веревкѣ порохъ щипающихъ придорожную траву, другія роются, полютъ траву и еще тамъ работаютъ надъ землею, либо представляютъ настоящихъ настоящихъ овецъ... ремесло, которое можно себя вообразить, взявъ любую путешескую поэму или картину и представляя себя совершенно противное тому, что описываютъ или рисуютъ вамъ поэтъ и живописецъ.

Наконецъ, путешествуя съ утра, мы испытываемъ олуреніе, ожидающее

вась на послѣдней почтѣ; звонки лошадей, по двадцати-одному на каждой, нагнали на вась дремоту, или, находя, что движеніе кареты начало становиться довольно-монотоннымъ, вы замечтались объ обѣдѣ, который вамъ приготавливаютъ на станціи... когда въ концѣ длинной аллеи по дорогѣ замѣчаете первые признаки города въ видѣ нѣсколькихъ разбросанныхъ хижинъ. Ужасно избитая мостовая даетъ вамъ толчки, отъ которыхъ едва держатся кости: вдругъ вашъ экипажъ, — словно большой брандеръ, который зажегся при одномъ видѣ дыма камина, начинаетъ трещать съ адскимъ шумомъ: — Кракъ, кракъ, кракъ, кракъ, кракъ, кракъ, крикъ, кракъ, крикъ, кракъ; ай! ву! жинѣ, воръ, разбойникъ! ги, ги, ги! пош-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш! хлопанье бича, стукъ колесъ, шумъ мостовой, крикъ нищихъ и ребятишекъ: кракъ, кракъ, кракъ, ай, гей! Подайте, Христа ради. Крикъ, кракъ, крикъ, кракъ, крикъ, бумъ, кракъ, бумъ, кракъ, крикъ, кракъ; поворачиваемъ за уголъ узкой и пригористой улицы; съѣзжаемъ съ другой; переѣзжаемъ ручей, бумъ, бумъ; шумъ и трескъ: — мы чуть не нагнулись на выставку лавки на-дѣво; вдругъ поворачиваемъ на-право и ѣзжаемъ подъ какой-то сводъ: новое хлопанье бича, крикъ, кракъ, крикъ, кракъ. Карета вкатывается на дворъ Золотога-Эю, какъ машина истощенная, дымящаяся и движимая послѣднимъ судорожнымъ усиленіемъ, но еще не раскрывшая нѣдръ своихъ.

Является хозяинъ Золотога-Эю, съ слуганомъ Золотога-Эю и съ какими-то москѣ въ лаковой фуражкѣ и съ рыжей бородою, который живетъ въ гостиницѣ въ качествѣ друга. И всѣ глядятъ разиня рты и не сводя глазъ на дверцу кареты. Хозяинъ Золотога-Эю такъ радъ курьеру, что не дожидается пока тотъ слѣзетъ съ колеса, и обнимаетъ его за ноги, пока курьеръ слѣзаетъ. «Курьеръ! другъ мой курьеръ, братъ мой курьеръ!» Хозяинъ его любитъ, служанка благосло-

вляетъ, слуга боготворитъ. Курьеръ спрашиваетъ, получили ль его письмо. «Какъ же, какъ же!» — Приготовлены ли комнаты? — «Какъ же, какъ же! Самые лучшія комнаты для моего благороднаго курьера. Почетныя комнаты для моего безцѣннаго курьера; весь домъ къ услугамъ моего лучшаго друга.» Курьеръ заводитъ руку на дверцу и издаетъ еще нѣсколько вопросовъ, чтобъ сдѣлать ожиданіе вѣтерштинѣ. На поясъ у него виситъ зеленый кожаный кошелекъ. Любопытные глядятъ на него, одинъ даже дотрогивается. Кошелекъ полонъ пяти-франковыхъ монетъ. У дѣтей вырывается шопотъ удивленія. Хозяинъ кидается на шею курьера и прижимаетъ его къ сердцу. «О! да какъ онъ попопѣлъ!» говорить онъ: «какой онъ здоровый и сѣбѣй!»

Дверца кареты открывается. Ожиданіе и любопытство едва переводятъ духъ. Выходитъ дама. «Премилая дама! прекрасная дама!» Выходитъ сестра дамы. «Боже мой! какая прелестная мамзель!» Выходитъ маленькій мальчикъ № 1. «Ахъ! какой хорошенькій мальчикъ!» Выходитъ маленькая дѣвочка № 1. «О! что за милая малютка!» Выходитъ дѣвочка № 2. Хозяинъ, уступая влеченію сердца, схватываетъ ее на руки. Выходитъ мальчикъ № 2. «Ахъ! красавчикъ! о! миленькія крошечки!» Появляется ребенокъ. «О! какой ангельчикъ!» Ребенокъ беретъ верхъ надъ всѣмъ прочимъ. Всѣ порывы восхищенія устремляются на него; наконецъ, изъ кареты выѣзжаютъ двѣ няньки, и энтузіазмъ доходитъ до сумасшествія; все семейство ташать въ домъ, съ триумфомъ, между-тѣмъ, какъ звѣвки толпятся около кареты, разсматриваютъ ее и ощупываютъ. Видъ не шутка дотронуться до кареты, въ которой помѣщалось столько народа! Объ этомъ будутъ твердить нѣсколько поколѣній.

Наши комнаты въ первомъ этажѣ, кромѣ спальни дѣтей и нявекъ, которая состоитъ изъ большаго покоя съ четырьмя или пятью постелями, куда ходятъ черезъ темный корридоръ, под-

вспыхнул на дѣх алукины дѣстницы и спускавшись на четыре, падъ по жареной трубою, и прошелши бадномъ падъ конюшняю. Прочія спальныя комнаты просторны и высоки; въ каждой дѣтъ кровати, драпированныя красными бѣлыми и красными занавѣсками, такъ же какъ и окошечки. Спальная отличная; столъ уже накрытъ на три osoby, и салфетки положены треугольниками на каждой тарелкѣ. Царскіе красными квадратами; нѣтъ ни ковровъ, ни мебели, о которыхъ стоило бы говорить, но всадъ зеркала, вазы съ искусственными цвѣтами, поды стеклянными колпаками, и стѣнные часы. Всѣ движутся, а пуще всѣхъ падъ бравый курьеръ, который безпрестанно ходитъ всадъ и впередъ, осматривая постели, выпивая большіе стаканы вина у своего пріятеля хозяина и прикусывая коринтоны... все коринтоны и коринтоны... Господь знаетъ, куда онъ ихъ причетъ, но въ каждой рукѣ у него коринтонъ, длинный какъ сабля.

Поданъ обѣдъ: супъ, бульонъ; но толькому хлѣбцу на каждую персону; рыба; четыре блюда, жареная живность, потомъ десертъ... Вина обилье. Блюда не очень-велики, но очень-вкусны, подаются безъ пережарки. Когда почти смердось, бравый курьеръ — добѣ послѣдніе два коринтона, разрывая лопатками и обмоченные въ соусъ падъ масла и уксуса — вкочитъ къ намъ и предлагаетъ посмотреть соборъ, котораго массивныя башни издають тѣнь на дворъ гостиницы. Отвращаемся. Зданіе обширное и торжественное отъ сумерекъ. День такъ совершенно угасаетъ; но тогда старый пермозникъ услужливо зажигаетъ огарокъ восковой свѣчи, чтобъ свѣтить намъ между гробницъ и мрачныхъ колоннъ трапезы, гдѣ онъ довольно-похожъ на блуждающій привракъ, который ищетъ самого-себя.

Возвращаемся домой. Подъ балкономъ нѣшіе слуги гостиницы ужидаютъ на открытомъ воздухѣ, аругъ бодраго стола. Ужидъ ихъ со-

стать падъ маслуана падъ намъ вѣщой, паданнаго на желѣзной створкѣ, на которой она готовится. У нихъ кушаютъ бѣднаго вина; они пачи очень-веселы — веселье господина с рыжей бородой, который истрѣтъ и бильярдъ въ садѣ на-гѣзо, гдѣ нѣмать сирень раму дѣнжущіся мѣлы имерадъ тѣни, вооруженныя нѣмъ с сиграми въ зубахъ. Стукъ нѣтъ редается еще долго послѣ того, какъ и легли и спитъ.

Просыпаемся въ шесть часовъ утра. День прекрасный! Солнце присматреть нашу карету грязную, который забрызгалась вчера... если только нрета можетъ стыдаться въ серагѣ, гдѣ каретъ никогда не чистятъ. Всѣмъ охлохнул... Мы почтѣмъ вѣрять, когда падются почтенныя лопаты, грѣя своины записками. На карету удивляются все, что съ ней слани: бравый курьеръ объявляетъ, что все такъ: онъ уже обѣдалъ всѣхъ посетителъ посмотрѣлъ всадъ, шотрѣя, не забылъ чего-нибудь. Каждый садитъ и свое нѣсто. Всѣ лица, привадающіе къ Золотому-Дку, емать въ восторгѣмъ. Курьеръ бѣгомъ отправляется и уездетъ съ маршей живностью, гонимъ окорока, за хлѣбомъ и суварями итрего завтрака (lunch); потомъ, емъ его намъ въ карету, бѣмать етѣмъ еще.

На этотъ разъ, что такое у него рукъ? Опять коринтоны? Нѣтъ; длинный листъ бумаги — отчетъ.

Въ это утро, на курьерѣ два коня, одинъ, къ которому прищипываютъ олень; другой, на которомъ виситъ кожаной оляги, назитой по горло гущинъ бородею винномъ розини. Онъ никогда не платитъ осян, и эта оляга не полна, и бѣмъ онъ торгуется.

Нынче онъ торгуется таракъ. Онъ все еще братъ нашему хозяину, но братъ отъ другаго отпа или отъ другой отпри. Чемъ уже не такая бѣмъ таракъ, какъ были нѣмъ таракъ. Хозяинъ не платитъ за уксусъ. Бравый курьеръ объявляетъ ему нѣмъ таракъ таракъ онъ

и объясняетъ, что если онъ оставятъ тамъ, гдѣ стоять, то гостиница Золотого-Дню обратится въ гостиницу Мѣднаго-Дню. Хозяинъ идетъ въ контору. Бравый курьеръ за нимъ, насильно всучаетъ ему въ руки счетъ съ перомъ и говоритъ бойче прежняго. Хозяинъ дѣлаетъ перешагу; курьеръ проноситъ шутигу. Хозяинъ пѣженъ, но безъ слабости, хвалитъ достоинство мужчины. Онъ пожимаетъ руку своему брату, бравому курьеру, но уже не обнимаетъ его. Однакожъ онъ все любить брата, ибо знаетъ, что на-дняхъ тотъ будетъ возвращаться по той же дорогѣ съ другими семействомъ, и предвидитъ, что его сердце еще смягчится для него. Бравый курьеръ обходитъ карету кругомъ и осматриваетъ, гадаетъ тормоза, колеса, вскакиваетъ на свое мѣсто, салитъ вѣхы и мы трогамся въ путь.

День торговый. Торговъ производится на площадѣ противъ собора. Огромная толпа мужчинъ и женщинъ, въ сюртукѣ, въ фракѣ, въ сарафанѣ, въ бѣломъ. Давно—давно маленькія палатки. Деревенскіе жители стоятъ группами тамъ-сямъ, за своими нарядными корзинками. Тутъ овощи, тамъ продукты яицъ и масла, далѣе торговцы ягодами и торговцы башмаками. Площадь дотельно-пахотна на живописную сцену Большой - Оперы, когда завязѣть подантъ и базетъ сейчасъ начинается. Прекрасная декорация: соборъ, прачный, почти развалина, колесный, но издающій на мостовую нѣсколько лучшей золотисто-краснаго нѣтъ, въ те время когда солнце проливаетъ своимъ утреннимъ лучомъ разсвѣтныя стекла его оконъ.

Черезъ пять минутъ, мы пробѣжали живописный красть, подлѣ котораго сдѣлать маленький палатъ изъ дерна. Показанъ городъ и задыхающъ мыль столбовой дороги.

II.

Ліонъ. — Рона. — Альпійонская гора.

Шалонъ—городъ, гдѣ мы остановились, въ этотъ вечеръ, по причинѣ его хоро-

шей гостиницы, на берегу Савоны и маленькихъ пароходовъ, расписанныхъ зеленой и красной краской, ходящихъ по рѣкѣ — зрѣлище, на которомъ отдыхаетъ и наслаждается взоръ послѣ пыльной дороги. Но если только вы не любите жить посреди пространной равнины, съ неправильными рядами тополей, отъ разстоянія до разстоянія похожихъ на гребни, у которыхъ не достаетъ нѣсколькихъ зубьевъ; если вы не согласны ненавидѣть ни одной горы и не всходить ни на какия возвышенія, кромѣ хѣстницы, то не выберете Шалона для своего мѣстопробытія.

Все-таки, вѣроятно, вы предпочтете Шалонъ Ліону, куда можете пріѣхать въ восемь часовъ на одномъ изъ тѣхъ пароходовъ, о которыхъ я сейчасъ упоминалъ.

Что за городъ Ліонъ! Есть нѣтъ стылъ несчастныя обстоятельства; когда люди говорятъ, что имъ кажется, будто они упали съ облаковъ. Тутъ нѣтъ ли городъ какъ-будто спустился подобно этимъ камнямъ, которые, до паденія, подняты были съ какой-нибудь степи или другой безплодной равнины. Дѣтъ большія улицы, по которымъ текутъ двѣ большія рѣки Ліона, и всѣ мелкія улицы, которыя въ нихъ упираются, жарки какъ душики, вонючи, удушливы, гадки; дома высоки и обширны, грязны до чрезвычайности; гнилы какъ старый сыръ; и столько же населены. Эти дома нѣтъ биты жителями до самыхъ холмовъ, облегающихъ городъ: мы видѣли, какъ всѣ эти человѣческіе призраки повисли въ окошкахъ, просушая свои лохмотья на жердяхъ, вѣшавшихъ въ дворахъ, одни выходя, другіе входя, задыхаясь на мостовой, ползалъ промокшду колонны или туюковъ съ товарищи, и живя или скоро не умирая до отсѣленнаго часа въ истощенной пріемникѣ. Сидѣли въ мавзольныхъ городахъ въ омутѣ, вралъ-ли мы будучи нѣтъ понятіе о Ліонѣ, какъ онъ представлялъ собой нѣтъ-ли думать увидѣть всѣ бѣды

красныхъ ландшафтовъ, мѣнявшихся при каждой излучинѣ благородной рѣки.

Наконецъ, послѣ обѣда, увидѣли мы сломанный мостъ Авиныйова и самый городъ, который допекался на солнцѣ въ позолоченой корѣ своихъ укрѣпленій, — удивительный пирогъ, пекущійся въ сколько вѣковъ.

Всюду виноградныя грозды и лавры въ цвѣту. Улицы старинныя и очень узкія, но довольно-опрятныя и отбѣненныя палатками, растянутыми съ одного дома на другой. Подъ этими навѣсами, купцы разставляютъ свои рѣдкости, старинныя рамы картинъ, древніе столы и стулья; закомпѣлыя изображенія всякаго рода, длинная базарная газерея, которой видъ и движеніе забавляютъ васъ. Отъ времени до времени, можете также кинуть взглядъ сивозъ непритворенныхъ воротъ на молчаливые дворы, гдѣ дремлютъ дома печальные, какъ гробы. Я вспомнилъ одно изъ описаній *Тысячи Одной Ночи*. Я не удивился бы, увидѣвъ трехъ кривыхъ Календеровъ, стучащихся въ эти ворота и вводимыхъ къ тремъ багдадскимъ дамамъ любопытнымъ носильщикомъ, который утромъ, съ одной изъ нихъ, накладывалъ свою корзину такими отборными припасами.

На слѣдующій день, послѣ завтрака, пошли мы посмотреть городскія примѣчательности. Дулъ сѣверный вѣтерокъ такой сладостный, что прогулка была дѣйствительно очень-пріятна, даромъ-что жаръ мостовыхъ и стѣнъ былъ таковъ, что на нихъ нельзя было долго продержатъ руку.

Мы пошли сначала по восходящей улицѣ въ соборъ, гдѣ служили мессу для мошельщиковъ, очень-похожихъ на лівонскихъ. Соборъ—старинная церковь: живопись сводовъ жестоко поблекла отъ времени и сырой непогоды; но солнце ярко блистало сивозъ красныя занавѣсы оконъ, озаряло украшеніе алтара и разливало тихій, прекрасный свѣтъ, приличныи вданію.

Близеко отъ собора стоитъ стат. XLVI. — Ота, VIII,

ринный дворецъ папъ, котораго одна часть превращена нынче въ тюрьму, а другая въ шумную казарму. Мрачныя амфилады парадныхъ залъ, запертыхъ и пустыхъ, пережили свое старинное великолѣпіе. Но мы не ходили смотрѣть ни пышныя залы, ни казарму, ни тюрьму—хотя опустили нѣсколько монетъ въ кружку заключенныхъ, между-тѣмъ, какъ сами заключенные жадно глядѣли на насъ въ высокія рѣшетчатыя окна. Мы предпочли пойдти посмотреть развалины страшныхъ залъ, гдѣ засѣдала инквизиція.

Низенькая старушонка съ лицомъ каштановаго цвѣта, явилась изъ харчевни казармы, вооруженная связкою ключей и предложила служить намъ проводницею. На этой старой фигурѣ свѣтилась пара черныхъ глазъ, которые свидѣтельствовали, что міръ еще не заклалъ дьявола, жившаго въ ней лѣтъ шестьдесятъ или семьдесятъ. Дорогою она рассказала намъ, что была общественнымъ должностнымъ лицомъ, привратницею дворца; что въ теченіе своей службы, таившейся издавна, показывала эти тюрьмы владѣтельнымъ особамъ; что была наилучшимъ изъ тюремныхъ чичерони; что издѣтства жила во дворцѣ, родилась тамъ, и проч. и проч.

Если память меня не обманывалась, я никогда не видывалъ вѣдмы такой злой, такой живой, такой энергической, такой вертлявой. Она вся была огонь и пламя. Жесты ея были чрезвычайно-рѣзки; она не говорила иначе, какъ остановившись, чтобъ приковать ваше вниманіе; притопывала ногой, хватала васъ за руки, пріосамливалась напыщеннымъ ораторомъ, стучала ключами по стѣнамъ, какъ по наковальнѣ, то вдругъ говорила шопотомъ, какъ-будто инквизиція была еще тутъ — то кричала словно сама была въ стѣнѣ на пыткѣ, и таинственно клала палецъ на губы, какъ сущая колдунья, когда подходила къ новой сценѣ ужаса, отворачивалась съ испугомъ, ступала украдкою, — словомъ дѣлала такіа страшныя гримасы, что могла бы

однимъ своимъ лицомъ замѣнить всѣ ужасныя фигуры, осаждающія комнату больного во время бреда горячки.

Проехавъ дворъ, гдѣ сидѣли кружки праздныхъ солдатъ, вѣдьма отворила большую дверь, которую заперла за нами, и мы очутились въ проходѣ, загроможденномъ камнями и другими обломками, завалившими входъ въ подземелье, сообщавшееся нѣкогда, какъ увѣряютъ, съ другимъ замкомъ, стоящимъ на противоположномъ берегу рѣки. Черезъ нѣсколько минутъ, мы были въ плачевной башнѣ секретныхъ темницъ, гдѣ сидѣлъ Ренци, прикованный желѣзной цѣпью къ стѣнѣ еще убывшей, но которой сводомъ служить нынче открытое небо. Оттуда мы прошли въ тюрьмы, гдѣ содержались арестанты инквизиціи въ теченіе двухъ сутокъ, слѣдовавшихъ за ихъ арестомъ, безъ пищи и питья, чтобъ бодрость ихъ поколебалась прежде, чѣмъ они явятся передъ своими мрачными судьями. Свѣтъ туда еще не проникъ: все тѣ же тѣсныя кельи, тѣ же четыре узкія и холодныя стѣны, та же густая тьма, тѣ же тяжелыя двери, которыя какъ-будто съ неохотою отворяются для свободныхъ посѣтелей...

Обернувъ глаза назадъ, вѣдьма вошла притаенной поступью въ одну залу со сводомъ, которая служить магазиномъ, а нѣкогда была капеллою св. судилища. Мѣсто, гдѣ засѣдалъ трибуналъ, было просто. Какъ-будто вчера только сняли его платформу. Повѣрите ли, что на стѣнѣ была изображена притча о добромъ Самарянинѣ? А между-тѣмъ, притча была тутъ: слѣды до-сихъ-поръ еще видны.

Въ толщѣ этой глухой стѣны есть ниши, гдѣ могли слушать и записывать робкіе отвѣты подсудимыхъ. Нѣкоторые должны были приводиться изъ послѣдней кельи, откуда мы сами сейчасъ вышли, и тѣмъ же проходомъ, гдѣ мы оставили свои слѣды на ихъ слѣдахъ. Я глядѣлъ вокругъ себя съ ужасомъ, какой внушаетъ это мѣсто, какъ вдругъ вѣдьма, схвативъ меня за

руку, приложила... не свой костлявый палецъ, а кольцо одного изъ ключей въ губамъ и дернула меня, приглашая идти за нею. Иду; она ведетъ меня въ смежный покой, въ обрушенную комнату, которой потолокъ воронкою пропускаетъ двойной свѣтъ. Спрашиваю, что это такое; она скрещиваетъ руки и мигаетъ съ отвратительнымъ видомъ. Что же это такое? спрашиваю я вторично. Она обводитъ глазами кругомъ, смотря въ ли мы тутъ, садится на кучу камней, взмахиваетъ руками и кричитъ адскимъ голосомъ: Зала допроса!

У меня кровь застыла въ жилахъ, когда я бросилъ взглядъ въ эти подземлы. Но увидѣвъ эти своды разрушенными, увидѣвъ, что солнце свѣтитъ сквозь ихъ расщепленныя плиты, я ощутилъ также чувство побѣды и торжества. Я исполнился гордой радостью, что живу въ нашемъ вѣкѣ, чтобъ быть свидѣтелемъ этой развалины, — словно я былъ героемъ какого-нибудь великаго подвига! Солнце, озарившее наконецъ эти плачевныя подземелья, являлось мнѣ эмблемою небеснаго свѣта. Не столько дневной свѣтъ отраденъ оу слѣпца, которому возвращено зрѣніе, сколько солнце было отрадно мнѣ, когда я любовался на его величавый и спокойный пламень во мракъ этого подземелья.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

I.

ЗАМѢТКИ ДЛЯ ВУДУЩИХЪ ИЗДАТЕЛЕЙ ПУШКИНА.

Письмо III (*).

Продолженіе сличенія текстовъ *Современника* и *Сочиненій Пушкина*. Вольтеръ.

Современникъ. 1836. Т. III. Подъ названіемъ *Вольтеръ*, помѣщена была

(*) Первые два письма помѣщены были въ предыдущемъ томѣ *Отеч. Зап.*, и въ

Пушкинымъ въ этомъ томѣ критическая статья о появившейся въ Парижѣ книгѣ: «Correspondance inédite de Voltaire avec le président de Brosses». Въ ней находимъ переведеннымъ первое письмо Вольтера къ президенту. Статья эта перенесена въ VIII-й томъ «Сочиненій Пушкина» не совсѣмъ въ исправномъ видѣ. Переписка касалась не покупки земли, какъ сказано въ текстѣ новаго изданія (стр. 237), а приобрѣтенія Вольтеромъ (въ 1758 году) въ пожизненное владѣніе всего помѣстья Турне (*) (v. Correspondance inédite de Voltaire avec le président de Brosses, Frédéric II et autres, par Foisset. Paris. 1836, pages 5 et 9. Bibliographie Voltairienne par Quérard. 1842, dédié à M. Serge Poltoratzky. Page XXXV), и слѣдовательно въ «Современникѣ» правильно было сказано: «она касается покупки земли». Въ примѣчаніи своемъ о президентѣ де-Броссѣ, Пушкинъ, между прочими сочиненіями, принадлежащими этому замѣчательному писателю XVIII вѣка, упомянулъ о его «Histoire du VII siècle de la République Romaine»; а въ полномъ собраніи «Сочиненій», оно названо относящимся къ VIII вѣку той республики (стр. 150/151) (**). По справкѣ, какъ съ упомянутыми выше книгами, такъ и съ а) France Littéraire, par Quérard, t. I. 1827. p. 526 и b) Biographie Universelle de Michaud, tome

нѣкоторые экземпляры израсхисы ошибки, которыя слѣдуетъ исправить: на стр. 110, во второмъ столбцѣ, строкѣ 22, вмѣсто «сочиненіе текстовъ», должно читать «сличеніе текстовъ»; на стр. 114, вмѣсто «объясненіе» — обвиненіе.

(*) Въ «Современникѣ» и «Сочиненіяхъ Пушкина» оно названо *Tournoy*; въ вольтеровской библиографіи Керара — *Tourneue*, а въ парижскомъ изданіи переписки Вольтера — *Tourneau*. Последнее есть настоящее названіе помѣстья.

(**) Верхняя нумерація относится къ «Современнику», нижняя къ изданію «Сочиненій Пушкина» 1838 — 1841 г. Этотъ порядокъ будетъ принимать и въ другихъ ссылкахъ.

б. 1812, p. 32, — оказывается, что часто здѣсь упоминаемаго де-Бросса, графа турнескаго, почитать надлежитъ авторомъ «Исторіи Республики Римской въ теченіе VII вѣка» частію переведенной съ латинскаго изъ Саллустія, частію же составленной и сочиненной по отрывкамъ уцѣлѣвшимъ отъ сихъ затерянныхъ книгъ, — изданной въ Дижонѣ, 1777, въ четырехъ частяхъ in quarto.

Явная ошибка въ текстѣ «Современника» (т. III, стр. 165), гдѣ Коласъ названъ Коласомъ, перенесена и въ новый текстъ сочиненій Пушкина (т. VIII, стр. 245) и ждетъ исправленія въ будущихъ изданіяхъ. Французское слово Росоко напечатано такими не латинскими и не русскими буквами, что я насилу появляю о чемъ идетъ рѣчь (¹⁰⁰/₂₄₄). Послѣ этихъ корректурныхъ прицѣпокъ къ изданію «Сочиненій Пушкина» — перейдемъ къ внутреннему содержанію самой статьи о Вольтерѣ.

Если не ошибаюсь, то разборъ *Переписки*, изданной въ Парижѣ, у насъ, появившейся въ переводѣ, и по самому свойству своему неподлежащей критикѣ въ простомъ, принятомъ значеніи этого слова, — былъ только предлогомъ для Пушкина высказать свое мнѣніе о Вольтерѣ. Въ этомъ сочиненіи можно было только цѣловать личный характеръ Вольтера и духъ его вѣка, но никакъ не литературную сторону, неподлежащую спору. Переписка должна была оставаться неизвѣстною для публики. Какъ-только вы признаете такое заключеніе основательнымъ, я буду смотрѣть на это проваженіе нашего знаменитаго писателя не такъ уже, какъ на обычную, по заведенному въ журналахъ порядку книжную критику, но какъ на опытъ о Вольтерѣ. Вотъ почему статья эта и должна остановиться на себѣ вниманіе.

Послѣ всего писаннаго о Вольтерѣ, конечно, трудно было бы сказать что-нибудь новое. Писано и говорено много; но до-сихъ-поръ никто, кажется, не

принять на себя труда, соединить разрозненное въ одно цѣлое, строго, но безпристрастно оцѣнить все, что было сказано и написано, какъ противъ, такъ и въ защиту его, и изъ этого нестройнаго соединенія противорѣчій, предубѣждений и пристрастій извлечь что-нибудь полезное для истины, достойное великаго писателя, достойное нашего времени. Подобный трудъ, казалось, по праву принадлежалъ такому писателю, какъ Пушкинъ. Казалось, онъ соединялъ въ себѣ всѣ потребности для такого дѣла условія: образованный, свѣтлый умъ, поэтическое чувство, обширную начитанность и наконецъ, не только общее всѣмъ поэтамъ родственное какое-то сходство натуры, но даже самое сходство положенія и въ обществѣ, и въ дѣлѣ словесности. И тотъ и другой извѣдали жизнь въ ея прельщеніяхъ и противорѣчій. И тотъ и другой, возбуждая постоянное къ себѣ удивленіе въ современникахъ, поощрены не были ни завистью, ни злорѣчiemъ. Оба нерѣдко бывали не поняты и не оцѣнены, какъ того заслуживали. Какъ же было Пушкинымъ это призваніе, въ первомъ его омыѣ, если мы уже допустили, что это призваніе ему болѣе всѣхъ принадлежало?

Въ этомъ опытѣ, чрезвычайно-краткомъ и сжатомъ, я нашелъ мало новаго, особенно чѣмъ-либо отличающагося отъ сказаннаго прежде другими, а что еще хуже, вижу—силью сказать—довольно-много поверхностнаго и недосказаннаго. Конечно, можетъ-быть, возражать на это, что и нельзя требовать болѣе отъ легкаго очерка журнальной статьи. Согласенъ. Но развѣ, зная напередъ важность и обширность предмета и тѣсноту рамокъ своихъ, сдѣлало такому писателю прикасаться къ этому вопросу, не поставивъ себѣ обязанностью исчерпать его до глубины? Мнѣнія и слова людей, на которыхъ обращено всеобщее вниманіе, не должны развѣ строго быть взвѣшены и обдуманы? Въ обществѣ изъ нихъ тотчасъ составляются приговоры...

Если Пушкинъ неучилъ прежде,—чему я желаю вѣрить,—основные элементы многообразной природы Вольтера, какъ въ его жизни, такъ и въ его твореніяхъ, положеніе того общества, въ которомъ онъ жилъ,—то нельзя не сожалѣть, что въ столь важномъ дѣлѣ, изложенію собранныхъ и неподлежащихъ сомнѣнію данныхъ предшествуетъ у него опредѣленіе, и опредѣленіе строгое, можно сказать неумолимое. Вотъ сущность его собственныхъ словъ: «Вольтеръ во все теченіе долгой его жизни никогда не умѣлъ сохранить своего собственного достоинства; лавры сдвинны его покрывающія, обрызгавы были грязью; и Фридрихомъ II-мъ надѣтъ былъ на него шутовской кафтанъ». (Современникъ, т. III, стр. 168. Сочиненія Пушкина, т. VIII, изд. 1838, стр. 248—249.)

Чтобы показать, до какого противорѣчія восходить можетъ предубѣжденіе, однажды и глубоко поселившееся въ умѣ человѣка, даже необыкновеннаго, представлю еще одно мѣсто изъ приговора, произнесеннаго поэтомъ нашимъ надъ знаменитымъ своимъ прешественникомъ. «Клевета», говоритъ онъ въ своемъ очеркѣ: — «преслѣдующая знаменитость, но всегда уничтожающаяся предъ лицомъ истинны, вопреки общему закону, не исчезала для Вольтера, ибо была всегда правдоподобна». Выводъ, которому должны улынуться исторія рода человѣческаго... Многое, многое упущено здѣсь вами, поэтъ, изъ виду, какъ въ чужой, такъ и въ собственной вашей жизни!..

Но Пушкинъ былъ правъ, сказавъ, что для Вольтера сдѣлано исключеніе изъ общаго закона. Такъ; его напастъ и прахъ его не разъ возмущаемы были то неступленіями народнаго энтузіазма, то холоднымъ прикосновеніемъ предрассудковъ, явленіемъ жалкой, безплодной мести. Справедливость для него не начиналась еще и въ наше время. У него было, правда, два-три дня торжества: но одинъ изъ этихъ дней напоминаетъ послѣднюю встрѣ-

чу послѣ долгой разлуки и печальное разставанье на вѣчность народа съ своимъ поэтомъ, котораго смерть ускорила онъ такъ неосторожно кликами и рукоплесканіями. Другой омыраченъ воспоминаніями еще болѣе грозными. Для безпристрастнаго и вѣрнаго приговора объ отшедшихъ изъ сей жизни великихъ людяхъ, нужны не восторженность умовъ народныхъ, не вопли бури, несущейся надъ головами, но тишина и молчаніе пирамидъ египетскихъ, куда жрецы удалялись для произнесенія своихъ надгробныхъ приговоровъ.

Цѣлая бездна отдѣляетъ насъ отъ перваго изъ тѣхъ дней, о которомъ упоминалъ я выше, говоря о прощаніи Франціи съ измученнымъ славой и безславіемъ старцемъ. Многие изъ того, что успѣлъ онъ высказать въ долгую свою жизнь, сдѣлалось уже достояніемъ общимъ, негнбущимъ; много также вывѣянныхъ опытами и бурями плевелъ сгорѣло въ горнилѣ изслѣдованія новѣйшихъ мыслителей. Казалось бы, время уже сказать наконецъ, сколько добраго и злаго сѣмени обрѣтено въ этомъ одаренномъ такимъ избыткомъ человѣкъ; время бы сказать: вотъ каковъ и что онъ былъ. Но, какъ видимъ, послѣднее объ этомъ слово высказано будетъ еще не скоро.

Доселѣ ни одинъ изъ прочитанныхъ мною приговоровъ, произнесенныхъ о Вольтерѣ, не удовлетворилъ меня совершенно. Въ нихъ проглядываютъ страсти и предубѣжденія нашего времени, необходимая реакція (воздѣйствіе, отдѣйствіе?) безусловнаго поклоненія тому вѣку, котораго однимъ изъ гениальнѣйшихъ представителей былъ Вольтеръ. Подобная реакція весьма понятна въ толпѣ, непривыкшей судить о вещахъ и людяхъ умомъ собственнымъ; но что остается для меня загадочнымъ, такъ это то, что даже замѣчательные и повидимому просвѣщенные умы не вовсе чужды подобному недостатку. Еще страннѣе судьба Вольтера въ томъ отно-

шеніи, что при такомъ порицаніи и его намѣреній, и его правилъ, и его философіи, — большая часть порицателей не создала ни для себя, ни для своихъ современниковъ другой системы дѣйствія, другаго воззрѣнія на жизнь и науку, кромѣ тѣхъ, которыя очень походятъ на собственностъ вольтеровскую, безъ его только таланта, остроумія и блеска. Въ нихъ-самыхъ еще живетъ тотъ духъ холоднаго равнодушія къ предметамъ, требующимъ размышленія благоговѣйнаго, того скептическаго воззрѣнія на жизнь и наше призваніе, той насмѣшки не надъ однимъ смѣшнымъ, но и надъ печальнымъ (*), наконецъ, той заносчивой ѣдкости въ своихъ сужденіяхъ и приговорахъ, — словомъ, той недостаточной, изъ всего завѣщаннаго Вольтеромъ въ его произведеніяхъ, части, на которую они, его порицатели, кинулись и поглотили съ первымъ воздухомъ, съ первымъ молокомъ своего дѣтства.

Но такъ-какъ въ очеркахъ писателей, подобныхъ Пушкину, всегда есть нѣкоторыя удачныя черты, схваченныя вѣрно и живо, — то и въ на-

(*) Людямъ не совѣтъ еще ссылающимся съ легкомысленностію сужденій и какою-то жалкою сухостію чувства многихъ французскихъ сочинителей нашего времени, — не можетъ, конечно, не броситься въ глаза замѣчаніе издателя «Переписки съ де-Бросомъ», сдѣланное въ смыслѣ похвалы: «что писмо Вольтера къ президенту о дракѣ въ кабакѣ, право, напоминаетъ его заступленіе за семейство Коласа». (Соч. Пушкина. Т. VIII, стр. 245.) Можно бы, кажется, желать побольше умеренности и пріяданія въ сравненіяхъ, когда дѣло идетъ о такихъ людяхъ, у которыхъ между недостойными и мало назидательными писаніями встрѣчаемъ трогательныя, краснорѣчивыя, истинно высокія страницы въ защиту Сиреновъ, Монбальи, Эталлондовъ и столькожъ другихъ жертвъ, замученныхъ предразсудками своего вѣка. Сколько извѣстно, подобныя протестація не казались смѣшными современникамъ Вольтера.

столицемъ опытѣ не можетъ не находиться, рядомъ съ недостатками, и большихъ достоинствъ. Впрочемъ, и затрудненія особаго не представлялось художнику. Въ перепискѣ съ де-Броссъ, самимъ Вольтеромъ набросанъ былъ его собственный портретъ съ такою откровенностію мало заботившагося о красотѣ своей человѣка; нѣкоторые изъ самыхъ даже незамѣтныхъ для другихъ мускуловъ этой подлинной, легко раздражавшейся физиономіи, такъ были явственно и вычужко означены, что сами такъ-сказать, просились на полотно. Оригиналъ былъ односторонно, но такъ ярко освѣщенъ, такъ заботливо и удачно обставленъ мелочными подробностями, не лишними въ портретной живописи...

Мысли французскаго издателя и отзывы журналовъ о перепискѣ Вольтера съ де-Броссъ, также были тутъ не безъ вліянія. Но какъ-скоро Пушкину пришло желаніе прикоснуться къ сторонамъ, остававшимся или въ совершенной темнотѣ или полусвѣтѣ, и не довольствоваться однимъ очеркомъ,—художническое его зрѣніе ему измѣнилось. Человѣкъ, казавшійся до-тогда простымъ и обыкновеннымъ существомъ, принявъ внезапно исполинскіе размѣры падшаго ангела, предъ обликомъ котораго какъ-бы смутился списыватель. Рука его замѣтно дрожала; краски ложились густо, стекали, оставляя одни пятна безъ очертаній... Ему должно было оставить свое, поуживаніе, до времени.

Я очень повиную, что впечатлѣніе, остающееся послѣ прочтенія переписки Вольтера, весьма неблагоприятно; въ вѣдѣсь-то и слѣдовало знаменитому писателю остановиться на опасномъ пути и въ неясно-освѣщенныхъ сторонахъ великой исторической фигуры, подъ небрежною драпировкою довольно-неопрятной, всендневной одежды, — не предполагать однихъ недостатковъ, сатиру, даже можно сказать, какую-то чудовищность. Взираться слишкомъ впечатлительному воображенію поэта

едва-ли было тутъ уместно, потому что обыкновенно въ тѣхъ портретахъ, гдѣ преобладаетъ фантазія, сходства искать уже невозможно. Эти портреты обыкновенно представляютъ или красавцевъ, или уродовъ. Много, но все еще составляетъ искусство—на полотнѣ арко-освѣщенномъ лампою усовершенствованнаго микроскопа, уметь срисовывать подробности, малѣйшія пятна и наросты выставленныхъ на исследование предметовъ, уловить причудливыя движенія плавающихъ въ каплѣ воды мельчайшихъ инфузорій. Не должно при этомъ забывать, что мы предпринимаемъ изученіе чудесъ природы для пользы науки, а не для того, чтобъ послѣ подобнаго процесса отворотиться навсегда отъ вещи съ омерзѣніемъ, въ которомъ есть что-то дѣтское. Въ каждой рассмотрѣнной каплѣ воды есть непремѣнно частица той влаги, которая, послѣ химическаго очищенія или переварки ея, годна къ питанію нашему. Слабости и недостатки свойственны человѣку, неразлучны съ нимъ; но подъ ними, подъ этою оболочкою, въ которую предусмотрительная природа одѣваетъ иногда лучшіе плоды свои, скрыты бываютъ наши высокія свойства и побужденія, и искать ихъ и уповать найти ихъ—вотъ призваніе истинно-поэтическое!

Печально встрѣчать въ душахъ, по-видимому избранныхъ, недостатковъ убѣжденій и разочарованіе до того укоренившимися, что онѣ даже въ предопредѣленныхъ на великое дѣло преслѣнія людей — не хотятъ, или не могутъ видѣть перста Божія и утѣряютъ себя, а выстѣя и другихъ, что ими убито все благое въ семь мірѣ. Негибнущаго убить невозможно! Власть человѣка самаго свободнаго въ нравственныхъ своихъ дѣйствіяхъ, самаго расположеннаго къ нарушенію прежде вѣкъ установленнаго порядка — тутъ останавливается въ безсиліи...

Здѣсь; можетъ-быть, необходимо мнѣ сдѣлать оговорку изъ опасенія быть непонятымъ и превратно истолкованнымъ. Говоря о недостаткахъ, на-

слѣдованныхъ или заимствованныхъ у Вольтера его порицателями, я не думалъ всю отвѣтственность отнести къ нимъ, такъ же какъ я чуждъ самонадѣянности вписаться въ число его панегиристовъ. Я очень знаю, что у него много недостатковъ, но что они искупаются высокими качествами. Много темныхъ сторонъ, но онъ озаренъ у него отблескомъ гениальнаго превосходства. Къ-тому же, для оправданія своего, если только нужно оно такому человѣку, котораго можетъ судить одинъ Богъ,—онъ могъ бы сказать многое, чего послѣдователи его, чада нашего вѣка, сказать не имѣютъ полнаго права.

Въ ту пору, какъ онъ родился на свѣтъ, была земля и былъ народъ, гдѣ задолго до него потрясены уже были тѣ основы, на которыхъ утверждается общественное устройство. У того народа немного оставалось чистыхъ религіозныхъ вѣрованій, а много было лицемерія, искусственной восторженности и живой набожности. Служители вѣры помышляли не о духовномъ, а о свѣтскомъ преобладаніи; не заботились поселить въ народѣ чувства христіанской любви другъ къ другу, а только думали блеснуть ухищреніями діалектики ученой, но холодной. Народъ встрѣчался съ ними только въ дни пышныхъ обрядовъ католичества, да торжественныхъ пытокъ и казней. Темницы и хижины позабыты были ими для палатъ и будуаровъ прелестницъ тогдашняго времени. Изъ устъ этихъ людей, назвавшихся служителями Слова, исходило слово не примиренія, но проклятія. Они знали только учить, умирать, потому что учить жить они уже не умѣли. Развращеніе нравовъ и преобладаніе матеріальныхъ стремленій завѣщано было другому вѣку вѣкомъ Людовика XIV, котораго—ребенкомъ еще, Вольтеръ видѣлъ безславное и довольно-скучное, нѣсколько кровавое окончаніе. У высшихъ классовъ не нашелъ онъ, вступая въ жизнь, ни гражданской доблести, ни даже той прямо-

душной, гордой самоувѣренности въ своемъ правѣ, которая во времена самыхъ смутъ и гражданскихъ раздоровъ, сибивавшихъ отжившее рыцарство, проявлялась еще нарѣдка въ нѣкоторыхъ представителяхъ французской аристократіи и была подавлена угнетающею и подозрительною системою Ришльё. Всѣми этими качествами пожертвовано было вѣншему напыщенству и утонченности чувстванной. У классовъ среднихъ нашелъ онъ, правда, способности, восприимчивость и знанія великія; но избытокъ уиственныхъ силъ, замкнутый въ тѣсномъ кругу общественной дѣятельности, безпрестанно оттапливаемый къ своему мелочному центру, безпрестанно раздражаемый то слабодушными уступками, то надменнымъ презрѣніемъ, метался изъ стороны въ сторону, хватался за всѣ важнѣйшіе и опаляющіе неосторожныхъ вопросы, и, не развѣшая положительно ни одного, просился на разумный просторъ, на воздухъ Богомъ для всѣхъ разлитый, замиралъ на время въ духотѣ интересовъ матеріальныхъ, второстепенныхъ... У низшихъ классовъ не было уже прежней простоты нравовъ, прочности семейныхъ связей, прежней стойкости честнаго слова. Они утратили и то младенческое упованіе въ промыслѣ, и ту смиренную къ нему преданность—столь необходимую для людей забытыхъ и презираемыхъ опривилегированными (privilégiés) своими братьями. У этихъ грубыхъ и ожесточенныхъ людей; вмѣстѣ съ упадкомъ духа, таилась та мрачная зависть къ господству и преобладанію наружному, которая послѣ выступила и все потопила въ своемъ вулканическомъ разливѣ. Наконецъ, къ несчастію своему и общему, Вольтеръ не нашелъ во власти, правившей тогда его отечествомъ, ни отеческой заботливости о его участи (*), ни му-

(*) Дозволяю себѣ думать, что близкими причинами и послѣдствіями и сколько умѣлъ и сколько допускали то обьемъ

драго направленія къ полезной и благой для общества цѣли, ни даже того праведно-суроваго, а не истительнаго удержанія порывовъ кичушей молодости, которая нерѣдко истощается и сама убиваетъ себя мечомъ, вышедшимъ изъ истертыхъ ноженъ. У него не было ни случая, ни права обратиться съ кѣщими стансами, полюбившими тѣмъ, которые раздались изъ устъ сѣвернаго поэта:

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни.....

.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

Каждый разъ, какъ случается мнѣ пробѣгать написанное о Вольтерѣ и томъ вѣкѣ, въ которомъ онъ жилъ, я съ вниманіемъ и благоговѣйнымъ размышленіемъ останавливаюсь предъ всѣмъ, что имѣетъ хотя нѣсколько близкое къ намъ, Русскимъ, отношеніе. Такъ нѣтъ ли разъ приходило на мысль, что въ ту пору, когда Вольтеръ выходилъ только еще изъ своего юности, на дальнемъ сѣверѣ возникала изъ болотъ и дебрей съ Божьею помощію и волею Державнаго Великана та страна, которую современники Вольтера звали еще Московіею, но которую онъ звалъ послѣ Россіею; что ея царь приходилъ и въ отечество Вольтера, за тѣмъ,

и свойство настоящихъ замѣчаній, — отъѣзжать, не зная довольно ли удовлетворительно, и на другіе выводы и заключенія, находящіеся въ статьѣ А. С. Пушкина и предложенные, конечно, болѣе въ видѣ вопроса: «Онъ не имѣлъ самоуваженія и не чувствовалъ необходимости въ уваженіи людей. Что влекло его въ Берлинъ? За чѣмъ ему было промѣнать свою независимость на милость Государя, ему чужаго, не имѣшаго никакого права его къ тому принудить?» (*Современникъ*. Т. III, стр. 168. *Сочиненія Пушкина*. Т. VIII, изд. 1838, стр. 248.)

чтобы вынести оттуда что-либо благое, что-нибудь полезное для своего новаго творенія. Этотъ создательный, великій умъ остановился въ нѣкоторомъ наумленіи предъ тѣмъ вавилонскимъ столпомъ; который такъ прилежно спѣшила достроивать гордыня и суетность человѣка, полагая его прочнымъ, неразрушаемымъ. Чтò онъ думалъ, Великій, объ этихъ хлопотливыхъ труженикахъ, о судьбѣ, ожидавшей пышно это зданіе? Мы знаемъ только, что, какъ-бы убѣжденный въ неприлагаемости къ зараждавшейся еще въ то время гражданственности нашей, понятій и учреждений старой Франціи, онъ не вынесъ изъ нея ничего, кромѣ искусства, да можетъ-быть нѣсколько сомнѣвающагося удивленія чудесамъ ея цивилизаціи.

Этому много-обинивавшему, много-сравнивавшему разумѣнію любовнытъ было посмотрѣть, чтò такое были вѣкъ Людовика XIV и его люди. Его ввели въ альковъ, котораго позолота уже запылалась, почернѣла и осыпалась отъ неосторожныхъ шаговъ человѣка, ходившаго вездѣ смѣло. Отдернули полинялыя шелковые занавѣсы и указали на лежащую въ постели ветхую, сморщенную, забытую смертью *M-me de Maintenon*, въ головахъ которой сидѣлъ съ наказанною мною вѣбжності духовникъ. Послѣднюю мысленно изъ этой, погребавшейся скелетомъ дышавшей комнаты, полный жизни и будущаго человѣкъ. Ему говорили столько о величій и непоколебимости вѣковыхъ учреждений Франціи, о нравственныхъ способностяхъ и свойствахъ государственныхъ людей: онъ увидѣлъ на вѣковомъ этомъ гробѣ блѣднаго, слабенькаго ребенка, котораго придерживалъ, нетвердою отъ вчерашней оргіи рукою, человѣкъ умна блестящаго, сердца не злаго, но развращенный другими и развратившій другихъ, — человѣкъ, охлажденный и сомнѣвающійся въ собственномъ своемъ призваніи. Ему стало жаль этого беззащитнаго младенца, котораго утѣляли нетвердыя еще ноги въ расте-

чаемыхъ для него выходахъ и аудіенціяхъ. Сѣверный представитель душевнаго и тѣлеснаго здравія схватилъ этого слабаго ребенка въ свои могучія объятія и вознесъ его на верхъ мрачной лѣстницы, какъ-бы знаменуя предсказательно будущія сближенія и столкновенія Франціи съ его державою, какъ-будто желая пророчествовать о будущемъ вознесеніи на тронъ Франціи другаго беззащитнаго, другаго слабаго, не младенца, а старика, другимъ Властителемъ Сѣвера, тоже юнымъ, тоже мощнымъ, приходившимъ съ вѣтвію ивы, а не съ факеломъ пожара и разрушенія... Гдѣ въ то время былъ онъ, тотъ еще безвѣстный, въ-послѣдствіи наполнившій своими внѣшнѣмъ цѣлымъ вѣкъ и цѣлую исторію, пробуждающій вынѣ во мнѣ и тихія, и грозныя воспоминанія? Неужели эта суетившаяся, разодѣтая и раздвоенная толпа царедворцевъ, сбѣгавшаяся съ дѣтскими любопытствомъ посмотреть на этого «*barbare moscovite*», могла заслонить своими высокими, пудренными париками ту молодую, свѣжую еще головку, которой глаза блистали уже лукавствомъ и остроуміемъ? Неужели не остановились на ней пламенныя и провищающія очи Того, кто умѣлъ различать въ толпѣ и Меншикова и Тредьяковскаго? Поразили ли умъ и воображеніе Вольтера величественная осанка и невыносимый блескъ очей того, которому онъ послѣ посвятилъ досуги своего затворничества, изобразивъ дрожащею нѣсколько рукою дѣла его и ту долгую и упорную борьбу съ другимъ богатыремъ сѣвера, которую ему пришлось вести за поле будущихъ дѣланій, будущаго величія царства,—поле, котораго Вольтеръ, видѣвъ съ другими, видѣлъ заставъ и поспѣвавшую послѣ обильную, нѣмѣтъ непредвидѣнную и невиданную жатву? Какъ знать, что могло быть послѣдствіемъ встрѣчи этихъ двухъ современниковъ, изъ которыхъ одинъ былъ уже въ половинѣ, другой только еще въ началѣ своего дѣланія?

Такъ, еслибъ они встрѣтились, то, конечно, не могли бы не угадать другъ друга. У того былъ вѣрный глазъ, даръ проищанія близкій къ основательнѣю, кто нѣсколько лѣтъ спустя писалъ:

C'est du Nord aujourd'hui que nous vient la lumière...

Я не полагаю, чтобъ этими стихами Вольтеръ хотѣлъ сказать только лишь одно привѣтствіе великой Государыни (*), и думаю, что въ нихъ заключался глубокий предсказательный смыслъ. Для такого ума, какъ Вольтеръ, сикомъ туманы современныхъ событій видимы были, можетъ статься, очертанія того великаго будущаго, въ которомъ Россія призвана для разрѣшенія мировыхъ вопросовъ, для примиренія вѣковыхъ еще не смирившихся крайностей... Вы, конечно, не подозреваете во мнѣ дерзостнаго, почти святотат-

(*) Искренность убѣжденій Вольтера о величіи Россіи и великодушіи ея Монархини подтверждается еще многими, не для печати писанными строками, изъ которыхъ приведу здѣсь нѣсколько: «*Je «soudain» говорить онъ, «trois têtes couronnées du Nord qui seraient honneur à notre academie, l'Impératrice de Russie, le roi de Pologne et le roi de Prusse. «Voilà trois philosophes sur le trône, et «cependant il y a encore peu de philosophie dans leurs climats: elle y pénètre pourtant. L'Impératrice de Russie dit (Lettre de ^{22 Juin} 3 Juillet 1766) que ce n'est qu'une aurore «boréale, et moi je pense que cette nouvelle «lumière sera permanente... (Lettre de «Voltaire à Marmontel du 20 décembre 1766)». «Скромъ дѣлаются нашими учителями во всемъ» писалъ онъ къ Императрицѣ отъ 22 декабря 1766. Также въ письмѣ своемъ къ д'Аламберу отъ 19 іюня 1767, онъ между прочимъ замѣчаетъ, что: «*il est beaucoup plus aisé de faire parvenir une brochure à Moscou qu'à Paris*». — Наконецъ, въ письмѣ къ Мармонтелю, отъ 16 марта 1767, онъ восклицаетъ въ какомъ-то вдохновеніи: «*Великій вѣкъ зарождается на сѣверѣ; блѣдный вѣкъ уничтожаетъ Францію*».*

ственнаго умысла, прихотливо и само-вольно заключать въ рамы историческихъ сближеній—всѣ эти великія воспоминанія, и насиловать истину?.. Пусть глядятъ и размышляютъ другіе. Я не отнимаю воли ни у наблюдательности, ни у чувства.

Если такъ, то зачѣмъ въ тѣ высокія, достойныя этой души минуты, которыя, какъ извѣстно, посѣщали иногда этого озлобленнаго человѣка, зачѣмъ онъ не обращалъ прежде своего взора на сѣверъ, когда простиралась великодушная царственная десница ему, этому мученному страстями и долго умиравшему старику? Оттуда раздался вроткій, благодушный, истинно-женственный голосъ русской Царицы, давшей его въ далекую Сибирю. Она желала его оторвать отъ сидѣвшаго его уединенія въ этомъ строгомъ, ученомъ и довольно-сумрачномъ Фернѣ, куда въ наши дни набалованные и скучающіе туристы отправляются не для поклоненія современному величію, какъ водилось то въ прежніе годы, а для того, чтобъ помечтать о немъ и позѣвать равнодушно въ кабинетъ Вольтера—этомъ загдохшемъ логовъ льва, этой умолкнувшей пещерѣ Вулкана, гдѣ было выковано столько стрѣлъ, столько мечей ободуострыхъ... Послѣ было позвано. Человѣкъ этотъ уже занятъ былъ послѣдними разсчетами съ самимъ собою. Онъ вопрошалъ свою совѣсть и все его окружавшее о томъ, что было сдѣлано, и что будетъ изъ того, что сдѣлано. Ему было не время начинать новое земное странствованіе, когда предъ нимъ разстилался путь въ невѣдомый, загробный край. Провидѣніе вѣдало, что нечего было дѣлать ему,—этому истощившему въ неравной съ нимъ борьбѣ силы, въ молодой, ни въ чемъ невинной Россіи. Ее могло испугать прикосновеніе этой холодной руки, этого настигнутаго, сомнѣвающагося ума.—Объ излеченіи его-самого, объ облегченіи этой страдавшей души, тоже думать было невозможно. Богъ-въ этого человѣка старинная, закоренѣлая какъ ед причына, состояла не въ дѣст-

номъ пораженіи какинъ-либо случайнымъ недугомъ, но въ общемъ раздраженіи, которымъ оканчиваютъ всѣ тѣ натуры, у которыхъ кровь, покидая окончательно, долго приливаетъ то къ головъ, то къ сердцу. Этими уставшими дыхательнымъ органамъ только еще и можно было жить въ густомъ, напитанномъ особенными, свойственными жаркимъ странамъ, испареніями, воздухомъ. Сѣжая и прохладная атмосфера сѣвера, отрезвляющая и живительная для натуръ временно-страдающихъ застоємъ крови, не могла приличествовать Вольтеру своею ускоряющею ея обращеніе живостію... У этого старика ничего не могло быть общаго съ разумною, дѣвственною еще нравственностію народа. Прѣсныя, никѣмъ еще не возмущенные источники стройно разливавшагося общественнаго образованія, не могли удовлетворять вкусъ, испорченный острыми напитками. — Та же извѣстная часть общества, которая могла желать и желала его посѣщенія, хотя для минутнаго удовлетворенія своего суетнаго самолюбія и любопытства, была такъ-скучна и не такъ-изящна, что не могла особенно прельщать и манить къ себѣ этого възискательнаго, избалованнаго, пресыщеннаго живанію человѣка. Онъ остался дома...

Я сказалъ уже, что до сего времени не разобрано критически все написанное о Вольтерѣ. Трудъ этотъ не маловаженъ. Съ живанію Вольтера тѣсно связаны многіе важнѣйшіе вопросы прошлаго вѣка. Можно желать, чтобъ у насъ, гдѣ нынѣ нѣтъ ни особой ненависти, ни безотчетнаго удивленія къ этому человѣку, гдѣ цѣлые десятки (кажется, вами насчитано ихъ около ста?) даровитыхъ и бездарныхъ переводчиковъ заняты были усвоеніемъ языку нашему произведеній Вольтера, появился бы наконецъ подобный трудъ, достойный этого имени. Я желалъ бы, вѣроятно какъ и многіе, найдти въ немъ, крохѣ безпристрастнаго

опредѣленія достоинствъ и заслугъ этого писателя, еще и другое опредѣленіе, и именно того факта, какъ и по какому сплеленію причинъ проявилась у насъ та исключительная, доходившая до излишества къ нему привязанность; какъ значительна была степень вліянія этого пристрастія на нашу тогда развивавшуюся общественность, и какого свойства было это вліяніе?

Ждать также можно, щобъ писатели, которые предпріимуть подобный трудъ, имѣли бы цѣлю представить намъ въ біографіи Вольтера не одинъ рядъ фантазмагорическихъ портретовъ, болѣе или менѣе остроумныхъ и мастерски исполненныхъ, но выводъ поученій дѣйствительныхъ и строгихъ, а не только ласкающихъ умъ и воображеніе. Я не противъ комедій, представляемой изъ жизни такого человека, какъ Вольтеръ, но хотѣлъ бы видѣть въ характерахъ болѣе правды. — Не довольно того для историка, чтобъ сказать о своемъ героѣ: «вотъ что онъ было такое». Ему надобно также сказать, почему онъ былъ то, что былъ. Безъ этого указанія вкореняется въ умѣхъ та неразумная и ложная мысль, что добро и зло на землѣ случайны, упадаютъ на нее подобно какому-то аэролитамъ, а не возникаютъ изъ нея же нѣдръ, изъ собственныхъ заправшихъ въ нее сѣмянъ, не питаются влагами, подымающимися изъ нея же разливами. — Следовательно, необходимо было бы біографамъ обращаться чаще къ воззрѣнію на старинныя дѣла и причины. Съ нѣкотораго времени стали больше и больше убѣждаться въ томъ, что частная, повседневная сторона жизни историческаго человека имѣетъ свое важное значеніе. Такъ и должно быть. Наученіе жирою книги должно бы всегда предпочитасмо быть изученію книгъ мертвыхъ. Но дѣло въ томъ, что должно умѣть собрать разсѣянные листы этой книги, т. е. дѣлъ и словъ человека, и по этимъ листамъ умѣть возстановить истинный смыслъ сочиненія. Но до того времени, по одному отрывку, писанному въ минуту страстна-

го увлеченія или временнаго заблужденія, нельзя, могаю, думать возсоздавать непогрѣшаемо всю жизнь, и опредѣлять личныя свойства человека необыкновеннаго какъ въ добрыхъ, такъ и въ злыхъ своихъ дѣйствіяхъ, и требующаго размѣровъ и вѣсовъ, тоже необыкновенныхъ.

Въ ожиданіи подобнаго исполненія надеждъ нашихъ, кажется, можно было бы совѣтовать всѣмъ пишущимъ и упоминающимъ о Вольтерѣ, быть нѣсколько-поумѣреннѣе въ своихъ приговорахъ о томъ человекѣ, о которомъ Екатерина-Великая, зная людей и умѣвшая цѣнить заслуги ихъ, писала послѣ его смерти: «Personne avant lui n'écrivit comme lui; il servira d'exemple et d'écueil à la race future. Il faut unir le génie et la philosophie aux connaissances et à l'agrément, en un mot être M. de Voltaire pour l'égaliser». (Lettre de l'Impératrice Catherine II à Madame Denis, nièce de Voltaire, du 15 octobre 1778).

Вотъ письмо, вотъ мнѣніе, которое должно было, конечно, утѣшить, скитальческую и тревожную тѣнь Вольтера, если только унести онъ съ собою за предѣлы здѣшней жизни свои страсти и свои желанія. Съ подобнымъ приговоромъ одной изъ великихъ современницъ, начертавшей и Наказъ Коммисіи и безсмертныя слова, что «лучше прощать десять виновныхъ, нежели казнить одного безвиннаго» — можно спокойно ожидать приговора отдаленнаго потомства, которое станетъ искать въ историческомъ человекѣ не однихъ мелкихъ недостатковъ, не его страстей и заблужденій, — но также и тѣхъ мысленій и тѣхъ подвиговъ, которые переживаютъ человека и заставляются имъ въ наслѣдіе всему человечеству.

Остановило меня еще не новостію своею, а неясностію, нѣсколько сбивающеюся на парадоксъ, то выраженіе Пушкина, что «настоящее мѣсто для писателя есть его учебный кабинетъ». (Современникъ Т. III, стр. 169. Сочиненія Пушкина, Т. VIII, стр. 249). Что

онъ хотѣлъ сказать? Не-уже-ли онъ держался того мнѣнія, что такой писатель, какъ Вольтеръ, у котораго въ заданияхъ его вседѣ люди, а не призраки, фанты, а не вымыслы, который самъ изъ отвлеченныхъ математическихъ и философскихъ умозрѣній умѣлъ сообщать какую-то осязаемость и прижительность въ жизни, — такой писатель, говорю я, или такой, какъ Пушкинъ, — могли бы все это почерпнуть и найти въ одномъ умѣ своемъ, размышленіи и заговорничествѣ, а не въ природѣ, не въ жизни, не въ сношеніяхъ съ людьми? Странно допустить подобное въ Пушкинѣ предположеніе, которое опровергаемо было бы всею его жизнью. Странно предполагать, чтобъ столь высокое разуміе могло и хотѣло утверждать насъ въ томъ мнѣніи, вредность котораго мы видѣли и видимъ нѣрѣдко во многихъ произведеніяхъ писателей прежняго и новѣйшаго времени, осужденныхъ на забвеніе. Страннѣе еще то, что было одно время, когда самъ Вольтеръ, въ письмѣ своемъ къ Сидевилю, развивалъ свой мечтательный, почти шалливый планъ совѣстной жизни двухъ или четырехъ писателей, которые, запершись въ одномъ кабинетѣ, посвятивъ бы себя наукѣ и искусству, сообщая другъ другу мысли и ощущенія, и все это мирно, дружелюбно, согласно, безъ самолюбія, вражды и ожесточенія... и все это говорилъ Вольтеръ! Много провелъ онъ годовъ въ затворничествѣ, правда; но сколько принесъ онъ туда съ собою опыта, знанія людей и жизни; сколько страстей, сколько предубѣжденій кнѣло въ этомъ челоувѣкѣ, издававшимъ покоя ни друзьямъ, ни недругамъ! — Даже и подѣ конецъ, тревожная жизнь не сломила этой могущественной натуры, и за нѣсколько часовъ до кончины, онъ произнесъ, обращаясь къ искусавшимъ долготѣнія его убѣжденія: *Laissez moi mourir en paix!*

(Продолженіе обѣщано).

II.

ОТВѢТЪ НА ОТВѢТЪ Г-НА Д., ПОЖАДЕННЫЙ ВЪ 3-МЪ № «МОСКВИТАНИНА» 1846 ГОДА.

Бѣда, колы.

Г. Д., авторъ отвѣта на статью нашу: «Голосъ въ защиту отъ Голоса въ защиту Русскаго Языка» (Отеч. Зап. 1846, № 2), начинается его указаніемъ на одной французской ошибки въ статьѣ нашей, какъ-будто несправедливость или справедливость этого указанія говорить что-нибудь въ пользу его мнѣнія, или въ опроверженіе нашего. Если мы действительно ошиблись — что жъ онъ отъ этого выиграетъ? Онъ ничего бы не выигралъ, еслибъ мы вовсе не знали французской ореографіи, потому что дѣло идетъ о русскомъ языкѣ, а не о правописаніи французскихъ словъ. Нѣтъ г. Д., мы поступили бы иначе: мы не прилагали бы усилій въ ея ошибкахъ противъ русской ореографіи, видѣть незнаніе русской ореографіи, русскаго языка и т. д. Мы сказали бы ему: милостивый государь! вы два раза написали *англискій* вмѣсто *англійскій*, одинъ разъ *истинна* вмѣсто *истина*, сплошь вмѣсто сплошн, Отечественныя Записки вм. Отечественныя Записки; но мы не заключаемъ отсюда, что зап. неизвѣстно различіе между именн существительнымъ истина и прилагательнымъ усѣченного окончанія истина, что вы не умѣете производить прилагательнаго отъ слова *Англія*, что вы не знаете, наконецъ, употребленій буквъ *и* и *ъ* послѣ *ш*, въ разныхъ члѣстахъ рѣчи, и пр. Не смотря на такіе промахи, мы истолковали бы ихъ снисходительнѣе вашего: на наши глаза, англійскій, истина, сплошь... были бы временнымъ забвеніемъ коренныхъ правилъ ореографіи, или сознательнымъ на почтеніи основанномъ возвращеніемъ къ ореографіи древнихъ рукописей нашихъ. Мы сказали бы самимъ-себѣ: что жъ? можно дѣлать ореографическія ошибки — и судить здраво о русскомъ

мысли, точно такъ же, какъ можно судить неправильно о языкѣ, соблюдая правила орѳографіи. Теперь статьи г. Д. даютъ намъ право выразить третье положеніе: можно дѣлать орѳографическія ошибки и въ то же время не имѣть здравыхъ понятій о языкѣ.

Консеквентность въ ошибкахъ орѳографическихъ гораздо-извинительнѣе неконсеквентности въ литературныхъ мнѣніяхъ. Г. Д. выражаетъ свое сочувствіе къ тому времени, «когда было довольно-трудно быть рецензентомъ или критикомъ, когда для этого требовался авторитетъ, основанный на собственныхъ ученыхъ или литературныхъ трудахъ», — и между-тѣмъ самъ, не писавъ прежде ничего и не имѣя никакого литературнаго авторитета (какъ самъ онъ говоритъ о себѣ), напечаталъ четыре критическія статьи, изъ которыхъ двѣ послѣднія хотя и плохи, однако все-таки принадлежать къ критическому роду... съ юридическимъ отнѣнкомъ. Онъ же, г. Д., выражаетъ особенное свое несочувствіе къ нашей Критикѣ и Библиографической Хроникѣ, въ которыхъ статьи нѣмѣтъ не подписываются, — а между-тѣмъ самъ подъ своими статьями ставитъ букву Д, какъ-будто подобная подпись что-нибудь значить!

За неконсеквентностью литературныхъ мнѣній слѣдуетъ у г. Д. настоячивость въ мнѣніяхъ ложныхъ, странныхъ и даже удивительно-смѣшныхъ, если принять въ соображеніе то время, въ которое они высказаны. Какъ! при чтеніи статей смотрѣть на имя автора? толковать о томъ, подписана она или нѣтъ? Да кому жь это нужно, и для чего это нужно? Развѣ достоинство сочиненія становится яснѣе, когда мы видимъ, что автора зовутъ Карломъ или Сидоромъ, Д. или Г.? Хорошъ тотъ читатель, которому, для оцѣнки литературнаго произведенія, необходимо взглянуть на рукоприкладство! Не для такихъ ли читателей печатаются всѣ вообще статьи, которыя подписываются иногда полными, иногда сокращенными именами?.. Смотрите на то,

что въ статьѣ, а не на то, что подъ статьєю; отдѣляйте дѣло отъ предметовъ, непринадлежащихъ къ дѣлу. Вѣдь мы живемъ въ половинѣ XIX столѣтія...

Авторитетъ писателя есть также дѣло, непринадлежащее къ достоинству критической статьи. Статья можетъ быть хороша, хоть ее авторъ не былъ до того времени извѣстенъ въ литературѣ, и наоборотъ: статья можетъ быть посредственная, даже плоха, хотя авторъ ее пользуется уже авторитетомъ, основаннымъ на многихъ ученыхъ или литературныхъ трудахъ. Критика есть особенный родъ литературной дѣятельности: для нея нуженъ свой талантъ, какъ нуженъ онъ оратору, поэту, математику. Аристархъ не былъ поэтомъ, но прославился своимъ разборомъ Гомера; а поэтъ Жуковский не можетъ называться критикомъ, хотя и написалъ разборы басенъ Крылова и сатиръ Кантемира. По странному мнѣнію автора, выходитъ, что вы не можете говорить объ «Исторіи Карамзина, если не написали «Исторіи Государства Россійскаго», должны молчать о «Географіи Арсеньева, потому-что не издали ни одного географическаго руководства, планатыся архитектору, выстроившему упрямой домъ: вѣдь вы никогда не строили домовъ! Какія понятія объ искусствѣ, наукѣ, критикѣ! Не-ужели тотъ, кто любитъ предавать себя тишинѣ, дѣлаетъ больше того, кто занимается своимъ предметомъ въ тиши кабинета, не требуя огласки своимъ занятіямъ? Для сужденій о литературѣ нужно знаніе литературы; а развѣ тотъ, кто печаталъ свои сочиненія, непременно знаетъ больше того, кто не только не печаталъ своихъ сочиненій, но даже и не сочинялъ ничего?.. Значало бы, по литературнымъ мнѣніямъ, отступать къ покаянію *ермені очакоевскихъ и покоренія Крыма...* Не составлять же табели о литературныхъ рангахъ, для опредѣленія, какимъ количествомъ собственныхъ сочиненій (NB. напечатанныхъ) пользуется право говорить о чужихъ трудахъ?.. Къ счастью нашему, теперь невозможно для литературные Мол-

частью, которое так сиротны, что не починают, какъ можно было сего ожидать имѣть, ни литературные надѣи, столько гордые и самозаставные, что жалали бы зашить всѣмъ ротъ, а сами стали бы причать во все горло.

Но верха оригинальнѣйшихъ новатѣй о достоинствѣ литературной дѣятельности обнаружилъ г. Д. своимъ объясненіемъ по тому случаю, что мы назвали его *сотрудникомъ «Москвитянина»*. Любезнѣе выслушать, какъ онъ заботливо оправдывается въ этомъ, изведенномъ на него *рассѣ*:

«Обыкновенно сотрудниками и рецензентами журналовъ называютъ тѣхъ, которые, на какихъ бы то ни было условіяхъ, имѣютъ постоянное участіе въ редакціи. Въ *Москвитянинѣ* въ первой разѣ была помѣщена одна моя статья въ 1842 году, другая — отзывъ на критику и рецензію въ 1844, а третья въ неходѣ 1846 года. Если такіе рѣдкіе вклады могутъ называться имѣть названіе сотрудника, то не должно ли одно принадлежать и знаменитѣйшимъ духовнымъ ораторамъ нашимъ, хотя не часто, но и не одинъ разѣ дозволившимъ печатать въ *Москвитянинѣ* произведенія ихъ краснорѣчія, точно такъ, какъ ихъ предшественники позволяли печатать свои проповѣди въ *Московскихъ и Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ*, *Сынѣ Отечества* и *Вѣстникѣ Европы*, не принадлежалъ одноврѣменно сотрудникамъ этихъ сѣтскихъ газетъ и журналовъ?» (Москва, 1846, № 3, стр. 233.)

Г. Д. не доволенъ тѣмъ, что мы отказались отъ всякаго съ нимъ спора касательно Фон-Визина, Грибоедова и Гоголя, имѣя на то свое, весьма-достаточное основаніе. Онъ требуетъ непремѣнно доказательствъ... Намъ кажется, такой отказъ былъ съ нашей стороны дѣломъ особенной деликатности, заслуживающей благодарности. Каждое доказательство послужило бы еще къ большому для него неудовольствію. Въ эстетикѣ, поэзіи, исторіи литературы, есть многія положенія; о которыхъ никто уже не споритъ, которыя всѣми давно признаны; и если какой-нибудь повичетъ въ литературѣ удивляется давно извѣстному, для ребятъ

несомнѣнному, то, разумеется, спорить съ нимъ бесполезно. Не страшно ли, въ-самомъ-дѣлѣ, читать такое рассужденіе г. Д. въ «*Москвитянинѣ*»:

«Фон-Визинъ могъ сказать, что онъ не образилъ русское общество своего времени, потому что, выставивъ на позоръ уроковъ своей эпохи, Простаковыхъ, Скотининныхъ, онъ далъ зрителю или читателю отдохнуть на характерѣ Стародума, Софьи, Милонова (читай: *Милона*), Иродина и даже Цыфиркина, котораго представлялъ смѣшнымъ, но не гнуснымъ. Грибоедовъ и Гоголь показали намъ еще каррикатуры. Если они хотѣли составить нравственно-патологическую коллекцію уроковъ, то выполнѣ успѣли. Если же это изображеніе нынѣшняго русскаго общества, то любопытно, въ комъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи Грибоедова и въ романѣ Гоголя, — а ихъ довольно много, — рецензентъ захотѣлъ узнать себя, своего отца, мать, брата или сестру?» (Москва, 1845, № 11.)

Всякій и безъ нашихъ доказательствъ знаетъ, что авторъ этихъ словъ не понимаетъ какъ слѣдуетъ принадлежностей поэтическаго произведенія. Хороша поэзія, которую онъ хвалитъ! Хороша и похвала, которую онъ адресуетъ современному обществу Фон-Визина. Въ повѣстѣхъ роды хорошие, кромѣ скучнаго; въ обществѣ, многіе роды людей не хороши, и люди скучные занимаютъ между нами не послѣднее мѣсто. Избавьте насъ отъ общества, гдѣ преобладаютъ холодные, безцѣльные разсѣры и резонеріи! Избавьте насъ также и отъ литературныхъ произведеній, въ которыхъ, вмѣсто лицъ, дѣйствуютъ отвлеченныя понятія, сфрещенныя именами Стародума, Милона, Софьи! Общія, родовыя качества людей не составляютъ еще характера: для этого дѣйствующее лицо должно имѣть, сверхъ общихъ, свои собственныя, ему только принадлежащія черты, быть лицомъ живымъ, обрѣсшимъ опредѣленнымъ, дѣйствовать, а не разонировать. Забавенъ вопросъ, предлагаемый г-мъ Д.: «въ комъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи Грибоедова и въ романѣ Гоголя рецензентъ изобрѣдетъ

узнать себя, своего отца, мать, брата или сестру? Это напоминаетъ сужденіе одного критика, который доказывалъ, что «Евгеній Онегинъ» — дрянъ, потому-де, что никто не захочетъ познакомиться съ такимъ человѣкомъ, какъ Евгеній Онегинъ!! Въ-слѣдствіе этого и Мазепа, въ «Полтавѣ» Пушкина, изображенъ дурно, потому-что вы не захотите протянуть ему руку. Вотъ какія еще понятія ходятъ по нѣкоторымъ журналамъ нашимъ! Г. Д. видимо смѣшиваетъ нравственное значеніе человѣка съ поэтическимъ его представленіемъ.

Переходимъ къ главному предмету статьи—русскому языку. Въ рецензій на книжку г-на Васильева: *Грамматическія Разысканія*, мы выразили мнѣніе свое слѣдующими положеніями: русскій языкъ чрезвычайно-богатъ, гибокъ и живописенъ для выраженія простыхъ, естественныхъ понятій и способенъ къ воспроизведенію эллинской рѣчи; но тотъ же русскій языкъ еще не развился, не установился: грамматика его не обработана, онъ бѣденъ для выраженія предметовъ науки, общественной, всего отвлеченнаго, цивилизованнаго, глубоко и тонко развитаго, даже для выраженія ежедневныхъ житейскихъ отношеній. Тутъ же замѣчено было о превосходствѣ французскаго языка для легкой литературы, для писемъ, для разговора въ обществѣ и для выраженія глубоко-раціональныхъ понятій, выработанныхъ древнею цивилизаціею и перешедшихъ къ новоевропейскимъ языкамъ отъ латинскаго. Потомъ еще прибавили мы, что, при настоящемъ положеніи русскаго языка, грамматическая свобода неизбѣжна.

Мнѣніе наше такъ ясно и справедливо, что не могло ожидать возраженій и сомнѣній со стороны людей, занимающихся русскимъ языкомъ. Случилось не такъ. Г. Д. увидѣвъ въ словахъ нашихъ оскорбленіе отечественной рѣчи и началъ доказывать, что она установилась, развита и богата для выраженія всѣхъ предметовъ науки и жизни.

Что касается до первой половины нашего мнѣнія, т. е. до неустановившагося языка житейскихъ отношеній, мы имѣемъ полное право оставить безъ вниманія запросы г. Д., имѣя за себя авторитетъ Пушкина, который сказалъ:

*Доселѣ гордый языкъ нашъ
Къ почтовой прозѣ не правился.*

Что касается до второй, главной половины нашего мнѣнія, т. е. до неустановленія нашего языка, обязаннаго выражать предметы цивилизаціи вообще, науки и общественнаго быта въ особенности, то она еще менѣе подлежитъ сомнѣнію. Говоря строго, языкъ никогда не устанавливается окончательно: онъ непрестанно живетъ и движется, развиваясь и совершенствуясь. Слѣдовательно, подлѣ установленіемъ языка должно разумѣть способность его выражать понятія науки и жизни, находящіяся въ современномъ оборотѣ. Если этой способности нѣтъ—значить: языкъ еще не установился, не развился; онъ еще не богатъ достаточно. Если эта способность существуетъ—значить: языкъ установился, развился, богатъ уже достаточно. Языкъ имѣетъ вѣстѣ съ жизнію народа. Языкъ тогда равняется въ богатствѣ съ другими языками, когда развитіе жизни народа стоитъ на одинаковой степени съ развитіемъ жизни прочихъ народовъ: то ли мы видимъ теперь? и какъ доказать, что мы то видимъ? Возьмемъ, на-прим., нашъ философскій языкъ. Успѣхи его зависятъ отъ успѣховъ философій; иначе: безъ развитія философій невозможно развитіе философскаго языка. Гдѣ же у насъ философія? Самыя обыкновенныя слова: умъ, разумъ, рассудокъ, мысль... не имѣютъ до-сихъ-поръ опредѣленнаго смысла. Однѣ ставятъ «умъ» выше «разума»; другой, руководствуясь пословицей: «умъ за разумъ зашелъ», возвышаетъ «разумъ» надъ «умомъ»; третій и то и другое употребляетъ безъ различія въ одномъ и томъ же сочиненіи, въ одномъ и томъ же параграфѣ, въ одномъ

и томъ же періодѣ. Вгляните въ наши руководства къ логикѣ—наукѣ, болѣе другихъ еще намъ извѣстной: вы должны будете нѣкоторые термины логики г. Новицкаго переводить на другіе термины логики Бахмана, какъ градусы реомюрова термометра переводить мы на градусы термометра Фаренгейтова или Цельсіева. Попрокуйте передать на русскій языкъ странную нѣмецкую философскую книги: не помогутъ вамъ никакіе словари, если они есть, никакія древнія рукописи, если вы ихъ читали. Что жъ, послѣ этого, могло бы не понравиться въ нашемъ мнѣніи? Оно—мнѣніе общее, а не исключительно наше. Профессоры то же говорятъ съ своихъ кафедръ:

Языкъ тогда установился, когда грамматика представила всѣ его дѣйствительно-существующія формы, а словарь хранить въ себѣ все лексикологическое его достоинствѣ; когда предметы міра внѣшняго и внутренняго, науки и жизни во всѣхъ ея сферахъ находятъ у него готовые выраженія, изъ собственной ли его сущности подчерпнутыя, или взятые отъ другихъ народовъ, пришлые. Въ нашемъ языкѣ нѣтъ еще этого: слѣдовательно, онъ не установился. При такомъ состояніи, грамматическая свобода дѣйствительно необходима; она есть признакъ движенія, развитія, жизни языка, не прикованнаго къ заранее-поставленнымъ искусственнымъ правиламъ. Время, то-есть народъ, живущій во времени, пожнетъ пшеницу и сожжетъ плевелы. Изъ борьбы мнѣній является всякая истина, слѣдовательно, и филологическая. Тому, кто искренно дорожитъ совершенствованіемъ своего языка, странно подумать, что родной языкъ остановится на сочиненіяхъ какого-то писателя, хотя бы этотъ писатель былъ Карамзинъ. Повторяемъ безъ запинки: «намъ и даромъ не нужно карамзинскаго языка, если въ немъ должно видѣть совершенно-установившійся языкъ русскій». Забудьте: если — и не давайте безусловнаго значенія словамъ нашимъ. Жуковскій и Пуш-

кинъ сдѣлали уже большой шагъ впередъ: первый придалъ до него бывшей простѣ поэтическій колоритъ, а такимъ образомъ освободилъ ее отъ оковъ ораторства, искусственности, лежащихъ на рѣчи Карамзина; другой представилъ образцы истинно-естественной, свободной прозы, взявъ изъ нее стихію народной рѣчи. Языкъ русскій вообще дороже русскаго языка одного какого-нибудь писателя; усиліи его въ будущемъ выше прошедшаго или проходящаго его состоянія. Изъ двухъ предметовъ: русскій языкъ, совершенно-установившійся изъ сочиненій Карамзина, — и русскій языкъ, имѣющій возможность совершенствоваться болѣе и болѣе, — выборъ очевиденъ: намъ и даромъ не нужно карамзинскаго языка.

Мнѣнія господина Д. иногда чрезвычайно оригинальны. Мы сказали: «Если Крыловъ и обязанъ Карамзину чистотою своего языка, то все же языкъ Крылова во сто разъ выше языка Карамзина, по той простой причинѣ, что языкъ Крылова до насъ plus ultia языкъ русскій, тогда какъ языкъ Карамзина только въ «Исторіи Государства Россійскаго» обнаружилъ стремленіе быть языкомъ русскимъ». Г. Д. возражаетъ: «нѣтъ цѣль ли опредѣленія сравнительнаго достоинства тамъ, гдѣ предметы (исторія и басня), по совершенной разнородности своей, не допускаютъ возможности сравненія». Но развѣ мы говоримъ о сочиненіяхъ, которыя пишутся на какомъ-нибудь языкѣ? Мы говоримъ о языкѣ, на которомъ пишутся разные сочиненія, говоримъ о его существенныхъ свойствахъ, геніи, духѣ, единковомъ для всѣхъ сочинителей. Понятіе объ установленіи языка равно прилагается и къ исторіи, и къ баснямъ, и къ повѣямъ, и къ краснорѣчію. Какъ позволено сказать, что языкъ Карамзина выше языка Нестора, такъ равно позволено сказать, что языкъ «Исторіи» Карамзина выше языка одъ Ломоносова, а языкъ Крылова выше во сто разъ языка Карамзина. Родъ сочине-

ный — дѣло историческое, главное дѣло сущности языка, установившагося или неуставившагося. «Исторія Пугачевскаго Бунта», Пушкина, превосходить «Изнѣкъ о Нолму Игоревѣ», хотя исторія не писана, а писана не исторія.

Нѣтъ, продолжаетъ г. Д. «не состарѣется этотъ языкъ (языкъ Карамзина), согрѣтый пламенною любовью къ отечеству (.) и тогда, когда мы будемъ читать полную Исторію Россіи, XVII и XVIII столѣтій, болѣе положительную и ясную въ политическомъ отношеніи, но лишенную пестроты тѣхъ временъ, которыя описываетъ Карамзинъ». — Господинъ Д., какъ должно догадываться, хотѣлъ сказать, что не состарѣется пламенная любовь къ отечеству и въ XVII и въ XVIII столѣтіи. Онъ могъ бы, нечаяннъ, прибавить сюда XIX, XX и всѣ слѣдующія столѣтія, въ которыхъ любовь къ отечеству будетъ существовать, какъ врожденная наклонность души человѣческой: но какъ же языку-то не состарѣться? Это что-то непонятно, да и самъ авторъ, вѣроятно, не хорошо понимаетъ, что онъ сказалъ. Ужели языкъ Нестора новѣйшій, потому-что во многихъ мѣстахъ дѣтскими видна любовь дѣтшника къ своему отечеству? Да мы не смѣемъ называть лозимъ и языкъ Ломоносова, хотя его похвалено слово Петру I согрѣто любовью и благодарностію къ великому Преобразователю Россіи. Опять странная смѣсь двухъ разнородныхъ предметовъ чувствъ и языка? Чувства остаются, хотя могутъ принимать иное направленіе; языкъ старѣется. Безъ сомнѣнія, кто не побоялся говорить съ своею возлюбленною фразою прижизненныхъ стихотворцевъ, не смотря на то, что онъ согрѣтъ огнемъ страсти?

Господинъ Д. особенно остановился на французскомъ словѣ *charité*. Мы сказали, что его можно перевести словомъ *милосердіе*, а будетъ не то: схвачено понятіе, но потеряны нѣкоторыя оттѣнки его. «Жалокъ тогда народу, не способнъ возбудить: — гл. XLVI, = Отд. VIII,

мѣчаетъ г-нъ Д., «который живетъ и не имѣетъ въ своемъ языкѣ слова, для выраженія вполне значенія, заключающагося въ словѣ *charité*». И вслѣдъ за этимъ приводитъ тексты изъ апостола Павла, въ которыхъ слово *charité* переведено словомъ *любовь*. Но мы должны еще разъ замѣтить, что наше слово *любовь* имѣетъ обширнѣйшее и, слѣдовательно, менѣе-опредѣленное значеніе. Скажите: «я питаю къ ней любовь», — и каждый растолкуетъ ваши предложенія не совсѣмъ опредѣленнымъ образомъ. Чтобъ вполне опредѣлить его, вамъ необходимо прибавить къ слову *любовь* прилагательное: какую именно любовь? Притомъ не мѣшаетъ знать, что переводомъ Священнаго Писанія на разные языки невозможно доказывать богатства, развитія, установленія этихъ языковъ. Многіе миссіонеры плохо понимаютъ языкъ дикарей-идолопоклонниковъ и успѣшно проповѣдуютъ имъ Евангеліе. У насъ, во время дѣйствій Библейскаго Общества, Новый Заветъ переведенъ на языки дикихъ и кочевыхъ народовъ, населяющихъ Россію: слѣдуетъ ли отсюда заключать о богатствѣ этихъ языковъ? Такъ же не слѣдуетъ, какъ не слѣдуетъ заключать о филологической бѣдности тѣхъ народовъ, у которыхъ есть переводъ Священнаго Писанія имъ нѣтъ его. Христіанство и филологія — двѣ разнородныя сферы. Короче, мы снова обращаемся къ г. Д. съ тѣми словами, которыя онъ уже читалъ въ первомъ отрывкѣ нашемъ. Пусть прочтетъ ихъ въ другой разъ и примметъ къ свѣдѣнію, какъ очень-справедливое замѣчаніе: «Царство вѣры не отъ міра сего. Церковь, для ея дѣйствозанія, не нуждается въ обыкновенныхъ средствахъ. Для ея спичихъ, неприходныхъ и нематериальныхъ истинъ всякій человѣческій языкъ былъ, есть и будетъ достаточно и богатъ. Проповѣдь требуетъ болѣе любви и убѣжденія отъ проповѣдника, нежели богатаго развитія отъ языка, на которомъ говорить проповѣдникъ. Первые апостолы были

нѣ, *придержанность*, *придержанный*, *придержанный*, и проч.)...

Въ первой статьѣ своей, г. Д. не призналъ существованія французскихъ словъ *indifferentisme* и *obscurantisme*, которые находятся даже въ «Словарѣ Татищева; а теперь называетъ новыми словами тѣ, которые находятся даже въ «Словарѣ П. Соколова (1834). Много новыхъ словъ найдетъ онъ, если будетъ считать новыми каждое слово, которое ему попадется въ первый разъ. Не потому ли называлъ онъ *самочиніе*, *дѣтководитель*, *блаубытіе*, и проч. неологизмами, что они не употребляются въ разговорѣ? Не потому ли, что ихъ нѣтъ въ книгахъ, написанныхъ обыкновеннымъ русскимъ языкомъ? Это значитъ, кромѣ случая мы извѣстимъ его, что до бы не знать ни языка, ни слога духовныхъ ораторовъ нашихъ. Духовное краснорѣчіе употребляетъ, на ряду съ словами и оборотами чисто-русскими, слова и обороты церковно-славянскіе или древне-русскіе, придавая помощію ихъ особенную красоту и силу своимъ произведеніямъ. И если мы читаемъ въ проповѣди: *яко, благосердый, самочиніе*, и проч., то не можемъ заключить, что эти слова новыя, потому-что не употребляются въ разговорной рѣчи. Слова эти, не употребляемые въ разговорѣ, встрѣчаются въ Священномъ Писаніи или въ древнихъ книгахъ нашихъ: какъ же ихъ называть новыми въ томъ сочиненіи, которое, по особеннымъ своимъ свойствамъ, допускаетъ языкъ церковно-славянскій и древне-русскій?

Вопросъ о томъ, есть ли новыя слова у нашихъ современныхъ писателей или нѣтъ, — въ настоящемъ случаѣ лишній. Каждый изъ насъ знаетъ, что русскій языкъ чрезвычайно-способенъ къ составленію новыхъ словъ. Вопросъ въ томъ, установился онъ или нѣтъ. Чтобы рѣшить его, надобно изучить хорошенько историческій ходъ языка, посмотрѣть на современное его положеніе, сравнить съ другими европейскими языками, узнать, имѣетъ ли онъ въ оборотѣ достаточное число словъ,

для выраженія предметовъ природы, наукъ, искусства, гражданского быта, всѣхъ плодовъ и успѣховъ цивилизаціи. А если вы берете въ руки перо, не справляясь даже съ учебниками и словарями, и желая фантазіи своей выдать за дажныя пріобрѣтенія науки, тогда — извините — статьи ваши будутъ заключать въ себѣ поверхностныя, неустановившіяся мнѣнія объ установившемся языкѣ.

«Москвитинъ» и «Сѣверная Пчела» по-прежнему дѣятельно занимались «Отечественными Записками», — такъ дѣятельно, что третья книжка «Москвитянина», появившаяся, какъ водится, позже обѣщаннаго срока, почти наполовину наполнена или выписками изъ «Отеч. Записокъ», или безпрерывными обращеніями къ нашему журналу; а «Сѣверная Пчела» о чемъ бы ни заговорила, непремѣнно и ежедневно сводитъ рѣчь на «Отеч. Записки». Упомянувъ же объ «Отеч. Запискахъ», она тотчасъ начинаетъ говорить, что въ нихъ открывается порча для языка, литературы, нравовъ, жизни частной и общественной, и проч. Уже не отъ-того ли это, что «Отечественныя Записки» имѣютъ теперь подписчиковъ болѣе, нежели какой-либо русскій журналъ имѣлъ когда-либо? Бѣдная! «Отеч. Записки» слѣзались ея — *idée fixe*...

Но «Москвитинъ», совершенно раздѣляя образъ мыслей «Сѣверной Пчелы», отличается отъ нея еще страстію наполнять свои книжки выписками изъ «Отечественныхъ Записокъ». Особенно неподражаетъ въ этомъ искусствѣ господинъ Д. Мы уже, отдали должную, справедливость этому таланту господина Д. въ словѣ своемъ на его «Голосъ въ защиту русскаго Языка» (О. З. томъ XLIV, Критика, стр. 56). сказавъ, что, «заполнивъ большую часть своей статьи выписками изъ Словъ и Рѣчей высекъ преосвященнаго митрополита Сѣв-

«рета, онъ пишетъ новое право свавати, что въ его статьѣ есть много «кбствъ, исполненныхъ высшего краспорѣчія, хотя и принадлежащихъ не «его, а чужому перу». Теперь мы представили вамъ разборъ его отвѣта на нашъ «Голосъ въ защиту отъ Голоса». Но мы не считали еще, что изъ 40 страницъ, занятыхъ этимъ Омельяномъ, по-крайней-мѣрѣ тридцать г. Д. наполнилъ выписками изъ «Отеч. Записокъ». И что же? вѣсто того, чтобы на остальныхъ десяти страницахъ поблагодарить «Отеч. Записки» за доставленіе ему матеріала почти на два печатные листа, г-нъ Д. ихъ же хулить, выбирая для того не совсѣмъ-мягкія слова.

«Сѣверная Пчела», соревнуя «Москвитинку», въ-продолженіе нѣлаго мѣсяца не переставала занимать насъ своими нападеніями на «Отеч. Записки». Нападенія эти, какъ и всегда, имѣли одну тему: «Отеч. Записки» — журналъ негодный: онъ распространяютъ поманія, противныя здравому вкусу, хвалить Гоголя, основываютъ и утверждаютъ новую натуральную школу, вѣсто того, чтобы поддерживать школу старую, не-натуральную, или реторическую, — испровергаютъ русскую грамматику (то-есть, грамматику г. Греча), отзываются безъ уваженія о заслуженныхъ литераторахъ, написавшихъ нѣвыя сотни томовъ, давно забытыхъ и никѣмъ не читанныхъ, — словомъ, уничтожаютъ всю русскую литературу, и не только уничтожаютъ, но ужъ даже и уничтожили, такъ-что публика перестала читать русскія книги, книгопродавцы обидѣли, и г. Булгаринъ, отказавшійся ужъ, по его собственнымъ словамъ (С. П., No 93) «отъ пріятныхъ связей съ литераторами и художниками», восклицаетъ (No 87): «Писать не хочется: перо на погребеніе!...» Вы видите на все

это, что публика не только читаетъ, но и на расхватъ покупаетъ такія книги, какъ, на-прим., «Мертвыя Души», собраніе сочиненій Гоголя, сочиненія Лермонтова, Пушкина, и пр., что книгопродавцы не только не разорились, но число ихъ безпрестанно увеличивается, и они живутъ-таки себя не слишкомъ горюя; а что г. Булгаринъ кладетъ перо на погребеніе и отказывается писать, то въ этомъ вы не видите еще большой бѣды для русской литературы... Но, вѣдь, вы помните, что «Сѣверная Пчела» вооружилась на «Отечественныя Записки» еще до появленія ихъ въ свѣтъ, и, съ-тѣхъ-поръ, въ-теченіе семи лѣтъ не уставала преслѣдовать ихъ своимъ лестнымъ и выгоднымъ для нихъ вниманіемъ. Въ послѣднее же время, какъ мы сказали, «Отеч. Записки» сдѣлались для нея idde fixe... Отъ-чего же именно въ послѣднее время? Отвѣтъ очень-простъ. Сколько потрачено было трудовъ и бумагъ, чтобы ежемѣсячно, еженедѣльно, и даже ежедневно убѣждать публику изъ негодности «Отеч. Записокъ! Сколько употреблено было хлопотъ, усилій, противъ этого журнала — и что же? Публика какъ-нарочно тѣмъ охотнѣе читала «Отеч. Записки», тѣмъ больше подписывалась на нихъ, чѣмъ чаще и сильнѣе вооружалась на нихъ «Сѣв. Пчела», такъ-что наконецъ мы должны были неоднократно изъавлять «Сѣв. Пчелѣ» благодарность за услуги. Возраставшій усилъхъ журнала былъ таковъ, что редація его каждый годъ должна была увеличивать число печатанныхъ ею экземпляровъ; каждый годъ еднѣ доставало этого числа для удовлетворенія поступающихъ къ ней требованій, и для рана должно было приступать къ второму изданію; а въ нынѣшнемъ году второгизданіе, о которомъ такъ недавно было еще нами объявлено, уже еса раскрито, такъ-что редація вынужденно приходится объявить теперь о пріобрѣтѣннхъ подписки даже на это второе изданіе... Еслибъ мы предавали такіа ноща-

ствія, то увеличимъ бы число экземпляровъ, печатаемыхъ вторымъ изданіемъ, и тогда могли бы удовлетворить требованія, до сихъ поръ еще поступающія въ редакцію. Но теперь уже поздно: третьяго изданія мы не начнемъ, потому-что пришлось бы перепечатывать пять объемистыхъ книжекъ, доселѣ вышедшихъ. Итакъ, намъ остается объявить заранее, что съ будущаго года мы уже будемъ печатать съ первой книжки тройное число экземпляровъ противъ нынѣшняго года, и увѣрены, что оно все будетъ распродано.. Просимъ только объ одномъ—не искажать фактовъ, не выдумывать въ «Отеч. Записки» того, чего онѣ не говорили, и тѣмъ не заставлять насъ самихъ братья за перо, чтобы возстановлять факты въ ихъ настоящемъ видѣ. Такъ, на-прим., недавно, въ 80-мъ номерѣ, разбирая маленький альманахъ *Первое Апрѣля* и называя всѣхъ молодыхъ литераторовъ *стекольщиками* и *маларами*, «Сѣв. Пчела» заводила на насъ небывлицу, будто-бы статья объ этомъ альманахѣ была у насъ *готова заранее* и появилась въ тотъ же самый день, когда вышла въ свѣтъ книжка, и что будто мы превознесли до небесъ эту книжку. Во-первыхъ, альманахъ *Первое Апрѣля* вышелъ въ свѣтъ 26-го марта, и тогда же не полученъ былъ нами изъ книжной лавки; во-вторыхъ, мы нисколько не превозносили его, а назвали *забавнымъ фарсомъ*—не болѣе; въ доказательство же, что это фарсъ, и притомъ забавный, выписали изъ него нѣсколько статей въ стихахъ и прозѣ... Гдѣ же тутъ неутрѣпныя похвалы и превознесения?... Не такъ, однакожъ, поступилъ г. О. Булгаринъ, который недавно занялъ чуть не весь фельетонъ свой похвалами весьма-плохой книжкѣ: *Всѣ Петербургъ въ карманѣ*, и чуть не назвалъ ея *Иліадою*; по-крайней-мѣрѣ, истощилъ для нея весь запасъ восхваленій, обращенныхъ къ почтеннѣйшей публикѣ... Впрочемъ, это стороннее дѣло; главное въ томъ, что «Сѣв. Пчела» поступила лучше, если

будетъ хвалить въ «Отеч. Запискахъ» все оптомъ, не указывая на факты, т. е. не приписывая имъ того, чего въ нихъ не было. Тогда, по-крайней-мѣрѣ, она избавитъ насъ отъ скучной обязанности опровергать ея выдумки.

Исполняя долгъ вѣжливости, мы хотѣли изрѣдка заглядывать въ «Сѣв. Пчелу», и какъ всякій разъ находимъ въ ней что-нибудь весьма-замѣчательное, то и рѣшаемся подѣлиться съ публикой нашими наблюденіями только за послѣдній мѣсяцъ, котораго листы пока еще у насъ передъ глазами.

Между разными дилеммами въ этихъ листахъ, вниманіе наше остановило на себя слѣдующія статьи въ фельетонѣ, подписанномъ литераторомъ О. Б., въ № 87-мъ: «Мы думаемъ, что не имѣемъ права отнимать у нашихъ читателей мѣсто, и употреблять его для своихъ собственныхъ дѣлъ и отношеній. Мѣсто въ журналѣ принадлежитъ читателямъ, и это мѣсто не должно обращаться въ журнальную кузю, и заставлять гостей нашихъ заглядывать туда». — Прочитавъ эти строки, мы невольно подумали: давно бы пора! Но вдругъ увидѣли въ 79 № *Объясненіе*, подписанное словами «Фаддей Булгаринъ»: Нѣкоторые изъ благопріятелей Сѣв. Пчелы, уважаемые пылкостью своего воображенія и желаніемъ утвердить прочіе миръ и согласіе, господствующіе въ Редакціи Сѣверной Пчелы, благоволятъ *разлашать*, будто бы я, нижеподписавшійся, *пожелалъ*, что я одинъ работаю для Сѣверной Пчелы... За тѣмъ перечисляется тотъ-то дѣлаетъ въ Пчелѣ то-то, а этотъ-то въ то-то; благодарю того за то-то и пр.,—словомъ, разсказываются всѣ домашнія мелочи «Сѣверной Пчелы». Мы читали и глаза свои не вѣрили. Что же это такое? не-уже-ли въ-самомъ-дѣлѣ намечтано? Кто-то, какъ видно, говорилъ (потому-что этого нигдѣ не было намечтано), будто г. Булгаринъ

одних работников для «Сверной Пчелы». Да публик-то какое дело до того, что говорить об этом? и как же можно оправдываться от амальгамы, не написанного?.. Вдаль после этого, можно сваливать в газету все домашние толки и пересуды, которых никто и знать не хочет... Далее. Никто г. Анненский, издавший книгу «Очерки главнейших соображений», как видно, недовольный тем, что книга его похвалена в «Сверной Пчеле», написал к редактору письмо, в котором искусно отбавляется от этой похвалы. Г. Булгаринъ, написавъ письмо г. Анненскому въ одномъ изъ «беллетовъ своихъ» (№ 81), рассказываетъ, какъ онъ узналъ отъ знакомыхъ своихъ, что г. Анненский молодой человекъ, что воспитывался онъ тамъ-то, что по его «понятиямъ о новой литературной школѣ, онъ по-вышъ литературныхъ знакомствъ не заводилъ... Чего, право, подумалъ, не напечатать наконецъ эти господа! Но и тутъ еще не все. Въ «беллетовѣ» 76 № «Сверной Пчелы» читается слѣдующее: «Противники Сверной Пчелы, т. е. все Р(р)усские журналы, употребляя всевозможныя средства и все свои усилія къ тому, чтобы пред-ставить свою газету въ неблагопріятномъ видѣ, даютъ чувствовать своимъ читателямъ, будто бы Сверная Пчела издекается для себя малю отъ ука-заний на хорошіе магазины, на отличныхъ ремесленниковъ и проч. Кто же это говорилъ? гдѣ? когда? Намъ кажется, что «Сверная Пчела» тутъ обманывалась... За этими строками слѣдуютъ похвалы разнымъ трактирамъ, колбасамъ, овощнымъ лавкамъ: «пусть добрые хозяева заглянутъ въ магазинъ Людекема» (гдѣ продаются окороки и колбасы)... Забѣлательно, что даже иностранцы ходятъ туда (въ «Налкины трактиръ» кушать Р(р)усскія щи, ботаницы, кулебяки, блины и поросенка подъ хрюмъ, и говорятъ: «c'est excellent!... Налка не поди-мается лавка (фруктовой) Смурова, астордо можно назвать Востриавъ

музей законства... Смуровъ во фруктовомъ торговлѣ то же, что Беге-ний Сю и Александръ Дюи во Ф(о)ран-цузской Л(а)тературѣ... Что это — литература, или политика?..

«Сверная Пчела» говоря, что ее журналы — ее противники, прибавляетъ въ выносѣ (номеръ 76): «исключая уминой Библиотеки для Чтенія. Сверной Пчелѣ крайне жалко и досадно, что она обязана вооружаться противъ этого уминого и занимательнаго журнала» (NB въ которомъ г. Булгаринъ недавно напечаталъ свои *Воспоминанія*) «за исключеніемъ Р(р)усскаго языка, но дѣлать нечего: дома много, а исполняй свою обязанность! Чистота Р(р)усскаго языка намъ дороже друга и брата». Странныя понятія о дружбѣ и братствѣ! Тотъ же самый «беллетовъ», гдѣ напечатаны эти слова, оканчивается слѣдующею фразой: «Удивительный же знакъ ставимъ адѣ въ угожденіе Иллюстраціи, которая объявила, что весьма *нелюбитъ*... Уже подлинно это стоитъ пяти *восклицательныхъ знаковъ*: ставимъ знакъ, потому что *нелюбитъ Иллюстрацію* — это чисто по-русски! А какъ *нелюбятся*, наприм., слѣдующія фразы: «Расширенные знаки *волноты* *сочинений* представились намъ *малю* гигантскаго тѣла, *но которые* *нелюбятся* жизни *нелюбятъ* *проникновенность, безъ которой*» и пр. (номеръ 87); или: «*нелюбятъ* карту 1846 года, *нелюбятъ* только *выписать цѣны*» (номеръ 81); «Весьма *нелюбятъ* старыхъ *песей* поправятся *дѣло* новому поколѣнію, которое *уже нелюбятъ* (кому?) *волнотистый драматический* *кодуляхъ* и *казанбурини водобитни*» (вмѣсто: которому *научили* *бодавы* драмы, и пр.), — или въ послѣднемъ субботнемъ «беллетовѣ» (номеръ 93): «Были *блж* *посѣи*» (стало-быть, все равно, *вѣки*, т. е. *les siècles*, и *вѣка*, *les siècles*!), и еще: «Много еще *нелюбятъ*» (т. е. *нелюбятъ*) *нелюбятъ*

намъ добрая чиновница, но мы боимся передать ея слова. Ну, что, если ихъ мужья (*мужья словъ!*) разгнѣваются!... Какъ же послѣ этого понимать дружбу и братство, выше которыхъ ставятъ чистоту русскаго языка, такъ цѣнную и соблюдаемую?..

—

Извѣстно, какъ часто нападала «Свѣ. Пчела» на непонятныя для нея, но давно уже усвоенныя наукою слова: субъективность, принципъ, концепція и др.: недавно сама она задумала переглянуть субъективностью въ статьѣ «О Свѣ.» — и очень-невыпадалъ, а фельетонъ ея, такъ высоко ставящій чистоту русскаго языка и такъ грозно отзывавшійся о всемъ для него непонятномъ, съ недѣлю назадъ (въ № 87) начать слѣдующею фразою: «Высокія и благородныя идеи, или мысли философическія и нравственныя, падаютъ съ неба на человечество какъ градъ на желѣзную крышу», и тотъ же фельетонъ (номеръ 84), нисколько не обвиняясь, возглашаетъ: «Еслибъ мы не были убѣждены, что кое-какъ удерживаемъ этотъ разливъ безграмотности и превратнаго вкуса, то отказались бы вовсе отъ литературы... Что касается до его вкуса или понятій объ изящномъ, то довольно прочесть въ томъ же фельетонѣ слѣдующія строки о новой музыкѣ: «Когда отъ игры артиста мурашки не пробѣжали у насъ по кожѣ, мы говоримъ пагетъ и бросаемъ перо»; отъ художниковъ требуется тутъ подражаніе натурѣ (номеръ 93); «Фиделіо», по мнѣнію фельетона, скучнѣйшая опера, и Бетховенъ не стоилъ памятника...»

Но довольно. Мы представили вамъ наши наблюденія только надъ нѣкоторыми нумерами «Сѣверной Пчелы» за прошедшій апрѣль. Можно было бы набрать втрое больше ликовинокъ; но хорошаго понемножку...

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

42) *Le Nouveau Juif-Errant* (Новый Вѣчный Жидъ), комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, съ куплетами, соч. г-на Варнера.

Дѣло не идетъ объ *Амисверусъ* Эдгара Кинѣ, этой превосходной поэмѣ въ прозѣ, не объ Исаакѣ Лакведемѣ, котораго подлинный портретъ, печатанный въ *Эпиналѣ*, на родинѣ первобытнаго искусства, украшаетъ всѣ колпаки каминовъ въ крестьянскихъ избахъ, — еще меньше о Вѣчномъ Жидѣ Шубарта. Жидъ Пале-роальскаго Театра скорѣе похожъ на Жидомосѣя Эжена Сю, не тѣмъ, чтобъ въ пьесѣ встрѣчалось хоть одно изъ дѣйствующихъ лицъ романа, а тѣмъ, что дѣйствіе основано на одномъ заглавіи съ странными пунктами. — Нѣкто, Дюранъ де-Конкарно, нажился въ Мадагаскарѣ. — Вотъ какъ подкапывается заглавіе драматическихъ преданій! Мадагаскарскій дядюшка! куда же дѣнутся американскіе дяди? — Состояніе его простирается до трехъ милліоновъ; — бездѣлица, особенно при нынѣшнемъ оборотѣ чудесныхъ капиталовъ въ литературныхъ произведеніяхъ; — но за то мадагаскарскій набабъ, принимая въ расчетъ его привычки, не обязанъ къ неистощимымъ расходамъ какого-нибудь Монте-Кристо. — У этого Дюрана куча родныхъ и свойственниковъ во всѣхъ возможныхъ колѣнахъ, которыхъ онъ имѣлъ счастье никогда не видать, и къ которымъ не чувствуетъ ни влеченія, ни предпочтенія. Раздѣлитъ наследство на нѣсколько долей значило бы не обогатить никого и надѣлать посредственностей, хуже всякой бѣдности. И такъ, онъ хочетъ передать все въ однѣ руки. Но въ чьи же? въ руки того, кто при чтеніи заглавія, при собраніи всѣхъ претендентовъ на наследство, не будетъ имѣть въ карманѣ ни

гроша. Эта статья, как можете пред-
ставить, немаловажна полагаям Дюран-
тов, людей болѣе или менѣе-приобрѣ-
тательныхъ, которые всѣмъ итрани
старались не поддешать условіямъ,
опредѣленнымъ въ завѣщаніи. Одинъ
только, Оскаръ Дюранъ, добрый моло-
дой человѣкъ, безнечный и расточи-
тельный, котораго карманы,—сущая
бочка Давида, пошатается, самъ того
не зная, на истинный путь къ наслѣд-
ству; въ добавокъ, нотариусъ Бер-
транъ, принимающій въ немъ участіе,
доставляетъ ему всякаго рода хлопоты
и неудовольствія, — вытѣсняетъ его
изъ всѣхъ положеній, разстроиваетъ
ему выгодную женитьбу, спускаетъ на
него стаю кредиторовъ, и принуж-
даетъ вести скитальческую, безпріют-
ную жизнь, точь-въ-точь жизнь про-
клятаго Жюль, кромѣ завѣтныхъ пяти
су. — Бѣдный Оскаръ Дюранъ, отлич-
ный пловецъ, не имѣетъ другаго спо-
соба добывать себѣ немножко отдыха,
какъ тонуться каждыя двѣ недѣли. Да
и то не отрада, когда можешь самъ се-
бя вытаскивать изъ воды! Со всѣхъ
концовъ Франціи стекаются Дюраны
къ нотариусу въ положенный часъ.
Нотариусъ, чтобъ ихъ приманить, тол-
куетъ объ одномъ дѣлѣ, которое дол-
жно дать огромныя выгоды, и всѣмъ
хочетъ быть въ дѣлѣ, кто на сорокъ,
кто на пятьдесятъ, иной на шестьде-
сятъ, иной на сто тысячъ франковъ. —
Этому народу три милліона, навѣрное,
не достанутся. И точно, надо посмо-
трѣть ихъ озадаченную мину при чте-
ніи роковаго пункта. Оскаръ одинъ
удовлетворяется завѣщаніемъ. — У него
должны быть пятьдесятъ наполеодо-
ровъ, которые я далъ ему вчера взаи-
мы! восклицаетъ одинъ изъ обману-
вшихъ свойственниковъ. — Ужъ ихъ
нѣтъ: я ихъ отдалъ вчера одному бѣд-
няку комедіанту. — Правда, гово-
ритъ служитель Талинъ, являясь вдругъ
въ законъ-то кошакъ на манеръ Шип-
леса, въ странномъ черномъ платьѣ съ
привѣсками: — благодаря Оскару, я
завожу новый театръ; въ этомъ бле-
тающемъ костюмѣ я могу явиться всю-

ду и прискакать акціонерамъ. — Имъ
надлежало утвержденіи бездѣлны
Оскара, ему отдать наслѣдство; онъ
женится на панцель де-ла-Дюраньеръ,
которая любила его бѣднякомъ, и бла-
годаритъ добраго Бертрама за неу-
вольствія, которыя тотъ ему нани-
калъ, — благодаритъ во вниманіи къ и-
нтересу и результату.

43) ЖАН-БАТИСТЪ ОУ Уи согеи
б'оя (Жан-Батистъ или Золотой
Скрапки), драма-водевиль въ пяти дѣй-
ствіяхъ, соч. гг. Мишеля Массона, Фр-
динанда де-Вильнёва и Фредерика То-
ма.

Сюжетъ драмы взятъ изъ одного
изъ лучшихъ романовъ Мишеля Мас-
сона: Les Souvenirs d'un enfant de
peuple. Воспоминанія простомыя.
— Жан-Батистъ, одноименный и
современникъ жевскаго философа,
есть ученикъ-философъ (временъ Лу-
довика XV или XIV), котораго товари-
щи, послѣ долголѣтняго испытанія,
признали достойнымъ чести кончи-
нства. Гордый своими новыми из-
нѣнъ, онъ метитъ на самыя высокія
роли и безъ церемоній предлагаетъ
руку и сердце дочкѣ москѣ Дюмонъ
своего хозяина. Катрина, которая ре-
месломъ швея, негодуетъ на такую
дерзость и протестуетъ противъ вы-
ли оногоподобнаго неравному союзу. Уни-
сверхъ-того есть очень-язвая исклю-
ченность въ одному таинственному мо-
лоду человѣку, котораго она не знаетъ,
но который открывается ей накану-
нѣ утра и во всякое время года, въ обра-
зѣ букета. — Москѣ Дюмонъ, или
задѣтый въ своемъ достоинствѣ отъ
философа дерзкою претензіей Жан-
Батиста, прогоняетъ его изъ до-
ма. Катрина, передъ тѣмъ сердити
на дерзкаго, составляетъ отношенія
такому приговору: но приговоръ не-
полняется, поимно апелляция, говоръ
приказнымъ слогомъ. Дѣвушка у-
наѣтъ, что Жан-Батистъ тотъ самый
таинственный молодой человѣкъ, ко-
торый перелѣзалъ стѣны и пускался
каждую ночь вслѣдъ за кошками и

крышамъ, чтобъ привѣсить букетъ къ ея окну. Въживность и признательность поставляютъ ей долгимъ благодарить услужливаго обожателя, и она епѣшитъ на свиданіе, которое онъ ей назначаетъ въ Сен-Жерменскомъ-д'Асеу. — Праздникъ Ложъ привлекъ туда многочисленную и не очень-отборную толпу народа: именно потому двое любовниковъ находятся одни и могутъ на свободѣ поговорить о своихъ планахъ. Катрина требуетъ, чтобъ Жан-Батистъ принялъ мѣсто подмастерья, которое ему предлагаютъ въ Кодебекѣ, и, въ награду его покорности, кланется ему въ неизвѣстной вѣрности. — Во время ихъ бесѣды, штабъ улановъ, стоящихъ гарнизономъ въ Сен-Жерменѣ, ведетъ въ трактиръ загонъ о похищеніи маркизы д'Авриньи, которая должна быть на праздникъ переодѣтая. Манеры и костюмъ Катрины соотноѣствуютъ примѣтамъ. Едва Жан-Батистъ удалился, какъ лакеи схватываютъ ее и относятъ въ карету, везущую ее къ полковнику, графу д'Орвилль. — Мосё Дюмонъ, въ бѣшенствѣ, запрещаетъ дочери возвращаться подъ родительскій кровъ, даже пробуетъ извести невиннаго подмастерья, считая его виновникомъ негоднаго поступка, въ которомъ несчастный меньше всего виноватъ. — Жан-Батистъ, сохранившій всю увѣренность въ Катрину, хочетъ поправить зло, котораго не дѣлалъ. Онъ женился на своей любовницѣ, чтобъ возратить ей честь, которой другой ее лишилъ. Для Дюмонъ такъ озадаченъ всѣми этими случаями, что не выноситъ ни огорченій, ни тяжести кареты, подъ колеса которой попалъ. — Провосивъ трауръ по этой потерѣ, молодые люди снова принимаются за свой неизвѣстный планъ брака, къ великому соблазну жителей сен-жерменскихъ, обвиняющихъ ихъ въ раздвоеніи дяди Дюмона, въ чемъ они, какъ извѣстно, невинны. У Жана-Батиста есть молочный братъ, блестящій дворянинъ, который сохранилъ дружескія отношенія съ смиренными под-

мастерьями. Винонтъ д'Орвилль былъ бы лучшимъ украшеніемъ свадьбы, еслибъ самъ не отиралился жениться на одной маркизѣ, въ которую страстно влюбленъ. Однакожъ, онъ хочетъ сдѣлать подарокъ своей молочной сестрѣ, которая узнавъ въ немъ невиннаго изверга, виновника ея позора. — Вѣтренный винонтъ ошеломленъ больше всякаго преступника. Онъ уступаетъ собственнымъ угрызениямъ и увѣщаніямъ Жана-Батиста. Онъ покупилъ свою вину цѣною счастья, отдавъ предпочтеніе Катринѣ, которой не любитъ, предъ маркизою, которую обожаетъ. — Катрина не очень-охотно подается на такую перемѣну общественнаго положенія, но Жан-Батистъ требуетъ отъ нея покорности и неженъ ея ребенка, и она покоряется. — Маркиза д'Антрагъ не такого уступчиваго нрава. Она поручаетъ ищеніе своему брату, который прокалываетъ винонта и дѣлается такимъ-образомъ Катринѣ выгоды принужденнаго брака и немедленное удовольствіе очень неправаго вдовства.... Трое талантливыхъ авторовъ хорошо соизладили съ предметомъ, и репертуаръ театра Gai-тѣ обогатился очень-интересною драмою, или драмою-волшебствомъ въ родѣ la Grâce de Dieu, которая имѣла такой огромный успѣхъ на парижской и другихъ европейскихъ сценахъ нѣсколько лѣтъ назадъ.

44) Les trois amoureux de Mariette (Трое любовниковъ Мариетты), содѣланы изъ трехъ действій, соч. гг. Любиза и Бриабарра.

Мариетта, какъ Бабетта Боранжѣ, хорошенькая и кокетливая брюнетка, но не соглашается быть подпорою старика, у котораго въ услуженіи, ниче, какъ на томъ условіи, что онъ на ней женится въ присутствіи г-на мэра одного изъ двѣнадцати округовъ города Парижа. Мосё Леонаръ, богатый ростовщикъ, который бонится неравнаго союза, предпочелъ бы бракъ въ тринадцатомъ округѣ; но добродѣтели Мариетты содрогается отъ этой жи-

еры. Въ бѣшенствѣ, что его любовь презирается за незаконность, старикъ прогоняетъ отъ себя бѣдную работницу, которая должна ему одинъ срокъ жалованья, прогоняетъ племянника, который ничего ему не долженъ, и грозитъ прогнать Мариетту, которой онъ долженъ за два года жалованье. Гордая субретка, чтобъ доказать ему свое презрѣніе къ его особѣ и деньгамъ, великодушно отказывается отъ своего требованія и идетъ въ ресторацію Золотато-Дома просить мѣста швейки, котораго не получаетъ, благодаря протекціи своего кузена Жерома, служителя, приставленнаго къ особннымъ кабинетамъ этого драгоценнаго заведенія. — Леонаръ не можетъ утѣшиться по уходѣ Мариетты. Въ своей любовной тоскѣ, онъ идетъ просить совѣта у служителя рестораціи, который прячетъ его въ буфетѣ, гдѣ платится по десяти франковъ съ персоны. Изъ этой не совсѣмъ-удобной обсерваторіи, несчастный слышитъ хохотъ и тосты Мариетты и своего плута-племянника, который сдѣлался лапочникомъ, благо лапочничество въ наше время ведетъ ко всему, даже къ Золотому-Дому... когда туда на ло относить заказъ. Юный продавецъ колониальныхъ товаровъ предлагаетъ свою руку Мариеттѣ, увѣдомляя ее, что сердце его принадлежитъ другой; но эта другая, которую онъ хочетъ забыть чего бы то ни стоило, хотя бы непріятнаго брака, находится тутъ, въ сосѣднемъ кабинетѣ, наединѣ съ однимъ молодымъ человѣкомъ. Ревнивецъ этого довольно, чтобъ возмѣнить саимъ дурныя подозрѣнія; какъ-будто нельзя ужинать очень-невинно наединѣ съ молодымъ человѣкомъ! Что ни говорите, а любовники народъ безтолковый. Мариетта, за невѣдѣніемъ лучшаго, принимаетъ руку лапочника. Что до хитреницы, столь неосновательно подозрѣваемой, она попала туда сама не зная куда ее ведутъ: она думала тамъ встрѣтить свою покровительницу на-жистѣ покровителя; но какъ свѣтъ могъ бы, пожалуй, не повѣрить этой исто-

рин больше правдивой, чѣмъ правдоподобной, то влюбленный лезъ предлагать восстановить честь своей quasi-жертвы бракомъ. Викторинѣ неловко отказываться, хотя у нея все на сердцѣ неблагодарный лапочникъ. Она соглашается, не безъ сожалѣнія, сдѣлаться мильионершею. Высокое самоотверженіе! Но Леонаръ, который желаетъ восстановить доброе согласіе между ею и племянникомъ, даетъ имъ знать, что они никогда не переставали взаимно обожать другъ друга. При этой вѣсти, Викторина отрывается отъ своего льва, а лапочникъ отъ своей субретки: стоить только подскоблить контрактъ. Дядя воображаетъ себя у цѣли своихъ желаній: онъ готовъ благородно пожертвовать своими предразсудками добродѣтельными опасеніями Мариетты; но та уже запаслась другими мужемъ. Она предпринимаетъ составить счастье своего кузена, который покинетъ службу въ Золотомъ-Домѣ и заведетъ такой же домъ на собственный счетъ. Разговоръ ведется во всей пѣсѣ живо и забавно.

Отъ водевиля театра Folies-Dramatiques перейдемъ къ водевилю театра Gymnase, на этотъ разъ также очень-недурною:

45) UN MARI QUI SE DÉMANGE (Мужъ въ тревогѣ), водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. гг. Гранжѣ и Кормона.

Въ двухъ разныхъ этажахъ одного и того же дома, живутъ два семейства весьма-различныхъ нравовъ и положеній. Мосѣ Бертолень, докторъ, обожаетъ свою жену, не разстается съ ней ни на минутѣ, чуть не требуетъ, чтобъ она провожала его на развѣздахъ по городу и на консультаціяхъ. Мосѣ Морисъ-биржевой маклеръ: жизнь его одна изъ самыхъ разсѣянныхъ; онъ безпрестанно изобрѣтаетъ новые предлоги бѣжать супружескаго крова и супружескихъ бесѣдъ. Изъ этихъ двухъ положеній выходитъ то, что мадамъ Бертолень утомилась, измучилась, соскучилась съ мосѣ Бертоленьемъ, а мадамъ Морисъ беспокоится, терзается,

ревнуетъ мосье Мориса. Обѣ женщины открываются другъ другу, и мадамъ Морисъ принимаетъ наконецъ рѣшительное намѣреніе: съ-этихъ-поръ она послѣдуетъ совѣтамъ своей пріятельницы. Равнодушію она противопоставитъ равнодушіе; никогда впередъ не будетъ дѣлать никакого усилія удержатъ дома своего вѣтреннаго непосѣда-мужа. Борьба тотчасъ начинается, и съ перваго же удара мадамъ Морисъ торжествуетъ: мужъ ея, располагавшій провести вечеръ въ дома, видя, что она такъ хорошо настроена и такъ спокойна, рѣшается остаться. Посылаютъ за Бертоленами и за мосье Состеномъ, чѣмъ-то въ родѣ смѣшнаго мотылька, который, порхая отъ красавицы къ красавицѣ, навелъ баттаремъ на этотъ разъ сюда; его простоватыя объясненія переносятся посмѣнно на мадамъ Морисъ и на мадамъ Бертоленъ, и обѣ онѣ смѣются надъ ними. Ставятъ столъ для виста; въ-продолженіе нѣсколькихъ робберовъ, биржевой маклеръ выдерживаетъ твердо, но скоро его одолеваетъ скука и чуть не дремота; наконецъ, подъ какимъ-то вздорнымъ предлогомъ, онъ улизнулъ, посадивъ на свое мѣсто Состена. Злодѣй Морисъ отправился прямо къ мамзель Флорантинѣ! Мамзель Флорантина оперная крыса; — танцовщица нетерпѣливо ожидала своего случайнаго мужа, чтобъ отправиться съ нимъ на балъ Оперы. Ночь прошла въ большомъ волненіи; Морисъ потерялъ изъ глазъ свою красавицу, но свиданіе назначено въ три часа въ ресторанѣ Золотого Дома, и маклеръ пришелъ заказать ужинъ и взять кабинетъ. — Мы въ ресторанѣ, и встречаемся съ знакомыми фигурами; съ другими еще познакомились. Эти густые усы, что ужинаютъ тутъ съ нашимъ пріателемъ Состеномъ, принадлежатъ одному старому генералу, пару Франціи, который очень добръ до мамзель Флорантинѣ; этотъ глупый блондинъ, который говоритъ краемъ губъ, мосье Люснѣ — маклеръ, собратъ Мориса; пьютъ много шампанскаго, напиваются, держатъ пари, что

Состену не удастся во всю ночь сдѣлать ни одного завоеванія. Является какое-то домино и беретъ Состена подъ руку. Державшіе пари должны будутъ заплатить за ужинъ, но Состенъ хочетъ полюбезничать, добивается увидѣть личико, скрытое подъ маскою и капюшономъ; капризная красавица вырывается, и, схвативъ руку Мориса, восклицаетъ: Морисъ, защитите меня! — Положеніе становится очень запутаннымъ. Паръ убѣжденъ, что зеленое домино скрываетъ хорошенькую талію Флорантинѣ; Морисъ не сомнѣвается, что держитъ подъ руку свою любовницу; мосье Люснѣ, съ своей стороны, думаетъ слышать голосъ своей жены. Чтò же выходитъ изъ этого? — два вызова, сдѣланные вдругъ Морису генераломъ и Люснѣ. Тутъ зеленое домино кидается къ обоимъ мужчинамъ и показывается каждому изъ нихъ свое личико, не будучи видима Морисомъ. Мадамъ Морисъ слѣдила за своими мужемъ, благодаря обязательности доктора Бертолена. Генералъ и Люснѣ разсыпаются въ извиненіяхъ передъ Морисомъ, котораго оставляютъ въ большомъ недоумѣніи. Но вотъ комедія возвращается — въ образѣ мадамъ Бертоленъ. Скужающая супруга черезъ чуръ-нѣжнаго доктора пріѣхала искать развлечения на оперномъ балу; она узнала мужа, не смотря на его фальшивый носъ. Итакъ, Бертоленъ обманщикъ, лукавецъ, который подъ нѣжною наружностью скрываетъ черную и лицемерную душу? Не ей одной суждено быть несчастливой взѣту роковую ночь бала, которая должна переменить много мнѣній и переѣлать много характеровъ. Состенъ, любезникъ по превосходству, зашелъ въ кабинетъ, гдѣ Флорантина ожидала Мориса; генералъ является туда же, и бѣдному Состену достанется шпажный ударъ, уготовленный маклеру. Двѣ супружескія четы размаскировываются въ одно время: слѣдуютъ объясненія и истины съ той и другой стороны, и миръ водворяется въ сердцахъ каждого и въ квартирахъ обоихъ семействъ.

46) *UNE FILLE DU REGENT* (Дочь Регента), *comédie en quatre tableaux, en prose*, соч. г. Александра Дюма.

Многіе, вѣроятно, подумаютъ, по названію пьесы, что дѣло идетъ о герцогинѣ Берри, которой жизнь, столь же безпорядочная, какъ жизнь регента, давала поводъ къ разнымъ страннымъ рассказамъ. Подумаютъ, что Александръ Дюма поставилъ себѣ задачей оправдать регента на-счетъ пункта, остающагося очень-темнымъ въ исторіи и современныхъ запискахъ, именно на-счетъ отношеній отца съ дочерью. Клевета ли это была? — не удрено: регентъ, своимъ вѣтренымъ поведеніемъ, больше чѣмъ кто-нибудь, подавалъ пища клеветѣ, и театръ, который любитъ оправданія, могъ принять это оправданіе. Связь герцогини Берри съ Риомъ дала бы, сверхъ того, контрастъ и ловкія сцены г-ну Александру Дюма. Риомъ, племянникъ и ученикъ Ловѣна, бывшаго обольстителя герцогини Монпансье, гасконскаго дворянчика, который очень дурно обращался съ принцессою, чтобъ быть еще лучше любимымъ, — Риомъ, знавшій сердце принцессы изъ настоящихъ дяди, испытываемаго ихъ, представлялъ автору прекрасное лицо, но Александръ Дюма уклонился отъ такихъ скандальныхъ исторій; онъ избралъ исторію гораздо романтичнѣе, гдѣ регентъ изображенъ въ добродѣтельныйшемъ видѣ. Герцогъ Орлеанскій имѣетъ отъ мадмуазель де-Шаверья побочную дочь, которую воспитываетъ въ одномъ монастырскомъ пансіонѣ близъ Криссона; ее зовутъ Еленю; она не знаетъ званія своего отца; Елена, дитя любовной связи, одарена самымъ вѣрнымъ сердцемъ. Она увидѣла въ пріемной одного молодого человека, Гастона; послѣ долгихъ переголываній сквозь рѣшетку, настаютъ ночныя объясненія подѣ окномъ обителя; нужды нѣтъ, что монастырь построенъ на берегу озера; вѣрная лодка подвозитъ Гастона подѣ баллонъ Елены, а когда зимній ледъ оковываетъ зыбкую поверхность, Га-

стонъ, не страшась опасностей, тихо прокрадывается къ предмету своей страсти. Тутъ-то идутъ объясненія! Гастонъ, стоя на лѣду и ухватясь одной рукою за баллонъ, выражается тѣмъ не менѣе пламенно; это прощальный вечеръ; любовники такъ тяжело разлучаются! Не удивительно, что сцена затягивается въ-даль; но странному случаю, оба они отправляются въ Парижъ: Еленю зоветъ неизвѣстный обѣщъ; Гастонъ замѣшая въ заговоръ противъ регента. Трое бретонскихъ дворянъ, сомнѣвавшихся даже въ его вѣрности, присутствуютъ при его разговорѣ съ возлюбленною; они спрятались за стволы обмерзлыхъ деревьевъ; луна ниспадаетъ свой лазурный свѣтъ на эту сцену, составляющую почти цѣлый актъ. Второй актъ происходитъ въ Рамбульѣ, въ гостиницѣ. Любовники не замедлили тамъ встрѣтиться; Елена пріѣхала съ нѣкоторой дузньей, но имени мадамъ Дерошъ, которая извѣщаетъ ее, что какой-то господинъ жаждетъ поговорить съ нею въ-потьмахъ. Елена, кажется, обречена на ночныя сцены; но какъ дѣвушка рѣшительная и очень-способная обороняться въ случаѣ нападенія, она не боится этого свиданія. Она принимаетъ поминуемаго господина, надѣясь получить отъ него какія-нибудь свѣдѣнія о своемъ знатномъ происхожденіи. Въ той же гостиницѣ находится другое лицо, которому стоить произнести свое имя, чтобъ люди преклонились передъ нимъ; но пріѣзжій нехочетъ этого. Онъ вслѣски перелѣзаетъ и подкупаетъ слугъ золотомъ. Этотъ человекъ — кардиналъ Дюбуа, слѣдщій за бретонскими дворянами, участвующими заговора Салламара. — Возвратимся къ свиданію регента съ дочерью, ибо это самъ регентъ. Родительскія чувства проговариваются мимо его воли. Въ присутствіи дочери они проявляются наружу; но онъ имѣетъ твердость скрыть отъ нея самъ свой. Регентъ, въ этой сценѣ, ведетъ себя очень-благородно. Желательно бы, чтобъ онъ всегда такъ

дѣйствовалъ. Въ немъ видны одни хорошія качества, а они въ немъ были. Онъ былъ храбръ, добръ, великодушенъ. Скоро увидимъ все это на дѣлѣ. Заговоръ продолжается; четверо бретонскихъ дворянъ замыслили умертвить регента, въ пользу испанскаго короля, Филиппа V. Это неправдоподобно. Заговоръ Селламара имѣлъ въ виду не смерть регента, а только его сверженіе. Селламаръ, послѣ простаго ареста, былъ вѣжливо выпровоженъ за границу. Съ убійцами такъ не поступаютъ; Бретань имѣла особенныя причины неудовольствія на герцога орлеанскаго, но неудовольствія не такого рода, чтобъ вызвать преступленіе, воспрещаемое божескими и человѣческими законами. Между тѣмъ, Гастонъ связалъ клятву; но полиція кардинала Дюбуа, дѣйствовавшая хорошо, потому что дѣйствовалъ самъ кардиналъ, открыла заговоръ. Кардиналъ даже вынудилъ признаніе Гастона, авившись къ нему капитаномъ испанской службы, и чтобъ убѣдить регента въ умышлѣхъ на его жизнь, онъ хочетъ свести его съ убійцею, подъ вымышленнымъ именемъ герцога Оливареса, испанскаго посланника. Регентъ соглашается сыграть эту роль. Тутъ онъ узнаетъ рѣшеніе, принятое заговорщиками умертвить его. Регентъ оставилъ себѣ за правило уподобляться Генриху IV въ жизни. Онъ съ любопытствомъ разспрашиваетъ своего врага, признаетъ въ немъ прекрасное сердце, очень-честную осанку, правила лучшаго дворянства, и чувствуетъ участіе къ заблудшему молодому человѣку. Онъ старается возвратитъ его къ лучшимъ чувствованіямъ; но тотъ напоминаетъ ему свое обѣщаніе. Это значитъ простирать слишкомъ - далеко клятвы, думаетъ регентъ, который, впрочемъ, не имѣлъ никакой религіи. Однакожъ онъ играетъ роль великаго, великодушнаго, какъ Августъ передъ Цинною. Регентъ хочетъ оставить свободу молодому дворянину, ограничась только словами: «Регентъ будетъ сидѣть на этихъ кре-

слахъ, въ такомъ-то часу; вы можете его убить». Но кардиналъ Дюбуа, лучший политикъ, даетъ приказъ арестовать Гастона. Елена, которой сдѣламы потеряли и которая отвезена въ одно очень-худой славы мѣсто нелогичными повѣренными ея отца, привыкшими къ инымъ приключеніямъ, прибѣгаетъ въ негодованіи, твердя имя Гастона окрестному эху. Положеніе запутывается. Регентъ встрѣчаетъ убійцу въ человѣкѣ, который любитъ его дочь! Онъ кланется Еленѣ простить виновнаго; даже обѣщаетъ ей его изъ супруги. Кардиналъ получаетъ приказъ выпустить его изъ Бастиліи, но арестантъ бѣжалъ. Куда онъ скрылся—вѣнзѣстно. О клятвѣ забыли. Бретонскій дворянинъ является въ назначенный часъ у кресла, на которомъ долженъ заколотъ регента. Онъ приближается, узнаетъ его: книжалъ выпадаетъ у него изъ рукъ. Елена кидается между отцомъ и любовникомъ. Регентъ отдаетъ Гастону руку дочери. Гастонъ не можетъ убить теста! и вотъ онъ, по семейнымъ обстоятельствамъ, свободенъ отъ клятвы.—Пьеса, игранная на сценѣ Comedie Française, ничѣмъ не хуже другихъ пьесъ г. Дюма, но публикою принята довольно-холодно.

47) *GENEVIEVE OU LA JALOUSIE PATRIENNELLE* (Женевьевъ или отцовская ревность), содѣяна въ одномъ дѣйствіи, соч. г. Сяриба.

Клеранбуръ блаженствуетъ, какъ хорошій капиталистъ, у котораго одна забота—получать доходы съ своихъ имѣній; онъ очень-богатъ, дѣла его процвѣтаютъ сверхъ желанія, здоровье также, и у него есть прекорешенькая дочь, на которой сосредоточена вся любовь его. Цѣлыхъ шестнадцать лѣтъ Клеранбуръ составляетъ образецъ земнаго счастья; но вдругъ черная скорбь овладѣваетъ его сердцемъ. Дочь его хотѣтъ выдать замужъ; женихи стекаются толпою, дядюшки и тѣтушки насылаютъ ихъ въ провинціи и въ чужихъ краяхъ. Доч-

ка богатаго банкира—зажигательный фокусъ всѣхъ молодыхъ людей, ненадѣленныхъ богатствомъ. Всѣ заванія имѣютъ представителей: финансовая, гражданская и военная части домогаются чести породниться съ домоу Клеранбура, и Женевьева, посреди всѣхъ этихъ соперниковъ, кажется, не прочь сдѣлать выборъ. Клеранбуръ несчастенъ выше всякаго выраженія; онъ обожаетъ свою дочь, питая къ ней ту эгоистическую, тревожную, мучительную страсть, которая всего боится; онъ воображаетъ, будто сердце такъ создано, что въ немъ нѣтъ мѣста для другой привязанности; не знаетъ, что тамъ есть хижинки для всякаго рода любви, и что одна не мѣшаетъ другой; не знаетъ, что мать семейства, которой сердце бьется подлѣдѣй, любить еще больше того, кто произвелъ ее на свѣтъ, и что глаза ея часто смачиваются слезами при видѣ дѣдушки, играющаго съ маленькими внуками. Словомъ, Клеранбуръ поклялся, что удалить всѣхъ прочь: скупецъ одинъ хочетъ владѣть своимъ сокровищемъ. Но Женевьева знаетъ пламенную и не совѣмъ-разумную страсть отца, и сдумаетъ ее побѣдить; она избрала себѣ супруга. Молодой человекъ, скромный и трудолюбивый, Адрианъ, первый прикащикъ отца, избранъ дѣвушкою; неосторожный узналъ слишкомъ-рано свое счастье, и едва не испортилъ свое дѣло: онъ кидается къ ногамъ Клеранбура, который отвергаетъ его и отказывается ему отъ мѣста. Женевьева своимъ умомъ и сердцемъ все устраиваетъ: убѣждаетъ отца, что ей надо выйти замужъ; но по ней всѣ равны, пусть самъ онъ выбираетъ между женихами; полковникъ очень недуренъ, и бракъ съ нимъ почтенье и выгода; сверхъ того, она предоставляет полную свободу виновнику своихъ дней. Клеранбуръ наконецъ рѣшается, и пишетъ письмо. Женевьева не смѣетъ его разспрашивать. «Жертвую собой!» восклицаетъ Клеранбуръ: «я отдаю твою руку одному изъ обожателей; но извини меня, я все-таки посту-

пилъ немножко эгоистически; мнѣ казалось, что ты влюблена въ полковника, и я выбралъ другаго жениха; я послалъ письмо Адриану. Женевьева видитъ исполненіе всѣхъ своихъ желаній. — Пьеса Скриба не могла быть дурна: эта же изъ лучшихъ его мелкихъ комедій.

48) *Le Roman Comique* (Комическій Романъ), подражаніе *Скаррону*, въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. гг. Денпри, Кормодна и Ромёна.

Пьеса Театра-Водевиля. Не смотря на порядочный успѣхъ, водевилъ не совѣмъ-удачный. Самая интересная сторона его та, что онъ подражаніе *Скаррону*, автору и лицу очень-интересному по тремъ причинамъ. Во-первыхъ, его характеръ—неизмѣнная веселость среди самыхъ тяжелыхъ страданій; во-вторыхъ, онъ первый мужъ женщины, бывшей потомъ въ секретномъ бракѣ съ Людовикомъ XIV и игравшей важную роль въ исторіи; въ-третьихъ, онъ авторъ произведеній, которыя останутся образцами рода, о которомъ стоитъ поговорить побольше. Сынъ совѣтника парижскаго парламента, Скарронъ родился въ 1611 году. По смерти его матери, отецъ женился во второй разъ, и молодого Скаррона постигла обыкновенная участь дѣтей перваго брака. Ненавидимый мачихою, причина хлопотъ для отца, онъ долженъ былъ удалиться. Вдали отъ родительскаго дома, предался онъ шалостямъ всякаго рода съ такой неумѣренностью, что вскорѣ всевозможныя болѣзни разстроили его здоровье. Последняя шалость доканала его. Онъ хотѣлъ отличиться на карнавалѣ, и выдумалъ слѣдующее: вымазался медомъ съ головы до пятокъ и началъ кататься въ большой перинѣ, до-тѣхъ-поръ, пока совершенно *оперился*. Но вскорѣ преслѣдуемый, щиплемый, онъ не имѣлъ иного способа избавиться отъ потѣхи черни, какъ кинуться въ тростники рѣки Сарты. Тутъ онъ простудился, и вышелъ изъ воды онѣмѣлымъ всѣми членами. Ничто не дастъ пол-

нѣщаго понятія объ его лицѣ, какъ портретъ, который онъ самъ себя на-
чертилъ: «Мнѣ тридцать лѣтъ; если
доживу до сорока, много болѣзней при-
бавится къ тѣмъ, которыми я уже
страдаю восемь или девять лѣтъ. У
меня была хорошая талия, хотя неболь-
шая; болѣзнь сократила ее на добрый
футъ; голова моя немножко-велика для
моего роста; лицо у меня довольно-пол-
ное при сухощавомъ тѣлѣ; волосъ до-
вольно, чтобъ не носить парика; мно-
го мнѣ сѣдыхъ, вопреки пословицъ.
Зрѣніе мое довольно-хорошо, хотя гла-
за большіе; они голубые; одинъ поглуб-
же, другого, на той сторонѣ, куда я на-
клоняю голову. Носъ препорядочный;
зубы, бывшіе нѣкогда перловыми и
правильными, нынче цвѣта дерева и
скоро будутъ цвѣта аспидной доски;
молотора зуба не достаесть на лѣвой
сторонѣ, два съ половиною на правой,
а два немножко попорчены. Ноги мои
составляли прежде туцой уголъ, по-
томъ прямой, наконецъ острый; ляжки
и корпусъ образуютъ другой острый
уголъ, и какъ голова моя наклоняется
на желудокъ, то я довольно похожъ на
букву Z. Руки у меня такъ же укороче-
ны, какъ ноги, а пальцы такъ же какъ
руки. Словомъ, я сокращеніе всѣхъ
человѣческихъ немощей. Вотъ каковъ
я. Благо уже разговорился, расскажу
и о своемъ нравѣ: я всегда былъ не-
много въ избытокъ, немножко лако-
ма и немножко лѣнтивъ. Часто я назы-
ваю своего слугу *дуракомъ*, а черезъ ми-
нуту говорю ему *онъ*; никого не ненави-
жу. Дай Богъ, чтобъ другіе таковы же
были ко мнѣ! Я бываю очень-веселъ,
когда имѣю деньги. Еще больше былъ
бы веселъ, еслибъ имѣлъ здоровье; до-
вольно люблю общество; охотно бы-
ваю одинъ, и переносю свои недуги
терпѣливо. Известно, въ какихъ
обстоятельствахъ Скарронъ женился
на мадмуазель д'Обинь, прославив-
шейся потомъ подъ именемъ мадамъ
Ментенонъ. Бракъ его былъ благотвори-
теленъ, ибо мадмуазель д'Обинь бы-
ла вѣкъ небогата. На вопросъ нотарі-
уса, извѣстнаго контрактъ, женихъ от-

вѣчалъ: «Мадмуазель д'Обинь прина-
силь четыре лундора, пару большихъ
глазъ, очамъ-своерасправныхъ, прекра-
сный станъ и множество ума! Каково
приданое! Бессмертіе! имя жены Скар-
рона будетъ жить вѣчно». Добрый
калька былъ ближекъ правдѣ, нежели
самъ, вѣроятно, думалъ въ то время.
Никогда человѣкъ не терпѣлъ такихъ
физическихъ страданій, какъ Скар-
ронъ, и никогда нравъ его не измѣня-
лся ни на минуту; онъ даже непре-
станно шутилъ своими немощами.
Онъ просилъ у Анны-Австрійской по-
зволенія быть ея штатнымъ больнымъ.
Королева дозволила, и онъ не назы-
валъ себя иначе, какъ *Скарронъ, не-
достойный больной ея величества ко-
ролевы*. Въ этомъ званіи, онъ полу-
чалъ пенсію. Но, спустя нѣсколько
времени, онъ увлекся своей прямой и
открытой натурою, написалъ *Мазари-
наду* и лишился пенсіона. Ничья смерть
не была такъ спокойна и хладнокров-
на, какъ его. «Завѣщаю», вскричалъ
онъ: «двумъ поэтамъ Корнеямъ пять-
сотъ ливровъ терпѣнія; а женѣ моей
позволеніе выйти замужъ». Видя пла-
чущихъ, онъ прибавилъ: «Прощайте,
друзья мои; никогда я васъ столько
не заставляю плакать, сколько сѣ-
пичалъ». Однажды въ жизни былъ онъ
серьезенъ и самъ написалъ свою эпи-
тафію:

Celui qui cy maintenant dort,
Fit plus de pitié que d'envie,
Et souffert mille fois la mort
Avant que de perdre la vie.
Passant, ne fais ici de bruit,
Et garde bien qu'il ne s'éveille,
Car voici la première nuit
Que le pauvre Scarron sommeille.

Скарронъ много писалъ въ снѣ-
хахъ и въ прозѣ, и всегда въ одномъ
духѣ. Для нашего времени, конечно,
его творенія грубоваты и вольны, но
для тогдашней эпохи они чрезвычай-
но-замѣчательны. Скарронъ оставилъ
Эпиду, передѣланную въ шуточные
стихи (вывороченную наизусть), и
множество комедій, театральныхъ

шесть, изъ которыхъ интересны «*les Boutades du capitaine Malamore*», въ одномъ дѣйствіи и въ восьмистопныхъ стихахъ на одну риму *enl*. Это была первая попытка въ своемъ родѣ, и далеко превосходила всѣ позднѣйшія. — Далѣе, *Комическій Романъ*, котораго тины доселѣ свѣжи. Наконецъ, съ соотнѣ стихотвореній. Вотъ изъ нихъ, на-примѣръ, картина Парижа, имѣющая свою цѣну:

Un amas confus de maisons,
Des crottes dans toutes les rues;
Ponts, églises, palais, prisons,
Boutiques bien ou mal pourvues;

Force gens noirs, blancs, roux, grisons,
Des prudes, des filles perdues;
Des meurtres et des trahisons,
Des gens de plume aux mains crochues;

Maint poudré qui n'a pas d'argent,
Maint homme qui craint le sergent,
Maint fanfaron qui toujours tremble;

Pages, laquais, voleurs de nuit;
Carrosses, chevaux et grand bruit;
C'est là Paris: Que vous en semble?

Спарроуз умеръ 14 октября 1860 года, сказавъ: «право, я никогда не воображалъ, чтобъ такъ легко было шутить смертію». Авторы водевилъ, замѣстовавъ нѣя сочиненія Спарроуа, имитовали, однако, всей остроты подлинника и его автора.

49) *Les Touristes* (Туристы), комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. г. Эрнеста Серре.

Театръ Одеонъ не забываетъ, что онъ посвященъ преимущественно молодымъ авторамъ, и отъ времени до времени на афѣнѣ его появляются дѣсныя дотолѣ неизвѣстныя. Таково нѣя г-на Серре, человѣка съ талантомъ, котораго комедія, не смотря на нѣкоторые недостатки, извѣваемые неопытностію, очень-лестно принята публикою. И публичка была не только снисходительна, но и справедлива. — Нѣкто герцогъ де-Планетесъ, котораго разочарованія и обиды сдѣлали

мизантропомъ, разлѣзаетъ по сѣтру, какъ странствующій Жидъ, никогда не продолжалъ своего пребыванія въ городахъ, изъ боязни попасть въ нѣкія-нибудь отношенія съ людьми. Онъ прѣзжаетъ въ Баденъ тайно и подлѣ вымышленнымъ именемъ; но таинственность, которою онъ себя окружаетъ, не мѣшаетъ обществу, собранному на водахъ, провѣдать о его прибытіи. Извѣстно за вѣрное, что онъ въ числѣ пользующихся водами; но по какому признаку его узнать, какъ его угадать между прочими? Брюнетъ ли онъ? или блондинъ? высокъ ли ростомъ? Такіе важные вопросы, задаваемые всѣми женщинами, которыхъ врожденное любопытство подстрекнуто еще желаніемъ побѣдить дикость герцога. Герцогъ, допущенный въ нѣя довѣренности и вопрошаемый отъ каждой о таинственномъ туристѣ, указываетъ то на того, то на другаго изъ купальщиковъ, очень забавляясь сценами, которыя изъ того слѣдуютъ и которыя вы безъ труда угадаете. Но въ этой забавѣ нашъ мизантропъ терпѣетъ свою дикость и независимость; онъ влюбляется въ премиленькую дѣвицу, которая, именно одна изъ всѣхъ, не терпитъ герцога за его ночевой нравъ. Въ довершеніе несчастія, одна изъ дамъ находитъ случайно литографированный портретъ знатнаго путешественника, и приноситъ его съ торжествомъ въ гостиную. Герцогъ собирается удалиться въ смущеніи... но можетъ ли онъ ухитъ, не выразить прискорбія дѣвушкѣ, которой прелесть его очаровала? Можетъ ли онъ не сказать ей, что онъ охотно бы отрѣкся отъ своего космополитическаго существованія для того, чтобъ остаться съ нею? Конечно, нѣтъ; такъ же, какъ она сама не можетъ занедасть отдать ему свою руку, — потому-что какая женщина не согласилась бы сдѣлаться герцогиней, и еще герцогиней де-Планетесъ, — такое громкое нѣя! Забѣчательна живость дѣйствія въ нѣей, при такой простотѣ и несложности. *Басня Туристовъ* напоминаетъ юмористиче-

рововомъ находится архимедовъ винтъ, и тогда паровой машинѣ нужно подняться на высоту, въ ту же минуту колеса паровоза приподнимаются съ шинъ, а вся сила пара дѣйствуетъ на архимедовъ винтъ, который, ввертываясь въ деревянные перекладки, положенныя на дорогѣ, быстро поднимаетъ весь поѣздъ на высоту. Удачныя опыты, произведенныя надъ этою моделью, доказали, что устройство такихъ паровозовъ въ гористыхъ мѣстахъ очень-возможно.

— Приключеніе разрѣженнаго воздуха, какъ движущей силы, составляло долгое время задачу для ученыхъ; наконецъ, Англичанину А. Перси удалось сдѣлать модель воздушной машины, которая представляетъ множество выгодъ и удобствъ въ сравненіи съ обыкновенными локомотивами (паровозами). Г. Перси показывалъ въ Лондонѣ изобрѣтенную имъ воздушную машину, которая обходится въ половину цѣны паровоза, а вовсе не требуетъ пара и топлива; слѣдовательно, будетъ гораздо-прочнѣе и долѣе можетъ быть въ употребленіи, чѣмъ лучшій локомотивъ. Для ѣзды по желѣзной дорогѣ, по методу г. Перси, надобно только на обѣихъ крайнихъ точкахъ ея поставить двѣ воздушныя машины для добыванія разрѣженнаго воздуха, который будетъ служить главнымъ двигателемъ всей цѣпи вагоновъ. Простота устройства и дешевизна этихъ машинъ, конечно, вытѣснятъ со-временемъ на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ дорогіе локомотивы, и всѣ прочіе снаряды, дѣйствующіе посредствомъ огня и пара.

— Въ Лейпцигѣ недавно поселился Датчанинъ Шинъ, который придумалъ новый снарядъ для печатанія гравюръ, названный имъ Chemietypie. Изобрѣтатель всякую на мѣди вырѣзанную гравюру превращаетъ въ выпуклую, рельефную, которую можно послѣ того отпечатывать на обыкновенномъ типографскомъ прессѣ, ибо доселѣ печатаются гравюры на особомъ эстампномъ станкѣ. По способу Шинъ не нужно дѣ-

лать слѣпка (Abklatz) съ гравированной доскѣ, но особымъ химическимъ препаратомъ можно всякую вырѣзанную на мѣди гравюру превратить въ рельефную или выпуклую. Нужно при этомъ, однакожъ, чтобы гравировка была чисто и ясно вырѣзана на мѣдной доскѣ.

— Штутгардскій живописецъ Веангъ (Wenng) открылъ новое средство увеличивать и уменьшать рисунки съ картинъ и пр., отъ миниатюра до большого картона, и увеличивать ихъ число безъ помощи прессы, рѣза или литографическихъ камней. По его методу, каждый живописецъ можетъ размножать свои произведенія у себя дома, безъ посторонней помощи. Весь снарядъ его помѣщается въ небольшой шкапултѣ. Живописецъ можетъ снѣтъ посредствомъ зеркала своей собственныя портреты и въ одинъ часъ сдѣлать съ него копій въ числѣ 10 экземпляровъ. Также ландшафты, портретскія картины и пр. можно производить легко и скоро въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

— Одинъ вѣнскій садовникъ сдѣлалъ важное изобрѣтеніе по части отопляванія огромныхъ оранжерей, домовъ, фабрикъ и пр. Онъ можетъ $\frac{1}{4}$ саженью дровъ нагрѣвать 48 милліона кубическихъ футовъ воздуха. Посредствомъ изобрѣтённаго имъ снаряда, соединённаго съ паровою машиною и двѣ лошадиныя силы, онъ можетъ нагрѣвать вдругъ цѣлый рядъ домовъ улицы, печь хлѣба, варить и жарить говядину въ 5 минутъ. Это почти баснословное изобрѣтеніе принесетъ важную пользу для нагрѣванія большихъ манежей, залъ и прочихъ огромныхъ зданій и, конечно, въ-послѣдствіи будутъ отопляться дома цѣлаго города точно такъ же, какъ нынѣ освѣщаются газомъ. Изобрѣтатель этой методы отопленія, Голландецъ, по имени Гойбренкъ (Hooibrenk) изъ Гарлема, извѣстенъ уже въ Европѣ своимъ превосходнымъ способомъ нагрѣванія оранжерей посредствомъ водянаго пара. Одинъ богатый торговый домъ

въ Вѣнѣ предлагалъ изобрѣтателю большую сумму денегъ за открытіе его изобрѣтенія:

— Во многихъ германскихъ газетахъ было извѣщено, что знаменитый химикъ Либихъ будто-бы изобрѣлъ новый способъ брить бороду безъ бритвы, пома и пр., и что на это изобрѣтеніе хотѣлъ взять привилегію у австрійскаго правительства. Изъ Вѣны уѣздомъ извѣщено, что это частный шутъ, журналистскій соловей (*canard*). Впрочемъ, Либихъ уже съ давнихъ лѣтъ употребляетъ составъ изъ известія и азурнаго пигмента (*Azurpigment*) для уничтоженія волосъ на бородѣ, ибо строгій законъ запрещаетъ употребленіе бритвы. Въ Парижѣ продавался изкуственно измѣненный камень желтаго цвѣта подъ названіемъ: *pietre de Juda*, который употребляютъ брить нѣкто бритвы.

— Тотъ же Либихъ утверждаетъ, что вино, пиво и другіе прѣсные напитки необходимы для дѣятельности организма всаго человека, и на опытѣ доказано, что изъ желудка всего человеческого рода означенныя жидкости составляютъ сами-собой весь составъ пищи. На-примѣръ, когда усталую лошадь накормить овсомъ или кѣрпомъ, то она, отдохнувши, получаетъ столько новой силы и готова вѣстъ тѣшеся далѣе. Нѣтъ сомнѣнія, что кормъ у лошади въ желудкѣ перерабатывается въ жидкость, подобную пиву, которая благотворно дѣйствуетъ на ея дыханіе и возобновляетъ силы. Если кто хочетъ быть равнодушнымъ членомъ общества воздержанія и рѣшительно не употребитъ никакихъ прѣсныхъ напитковъ, то долженъ даже отказаться отъ хлѣба и зернѣй растительной пищи, потому что въ ней содержится алкоголь. Въ журналѣ Лондонскаго Географическаго Общества упоминается, что экипажъ корабля «Этнѣя» весь страдалъ скарбутомъ, особенно отъ рыбной пищи и преимущественно отъ употребленія трески. Лучшимъ средствомъ для излеченія этой болѣзни на кораблѣ

оказалось пиво, приготовленное изъ корабельнаго эссенціи солода и хмѣля.

— Въ Парижѣ употребляютъ для чистки и полировки золота, серебра, мѣди, бронзы и стали, такъ называемой *rouge réfulgente*. Этотъ порошокъ, по анализу химика Швалле, состоитъ изъ 93 частей магнезіи (углекислой магнезіи) и семи частей красной желѣзной окиси. Французскіе серебряники и золотыхъ дѣлъ мастера давно употребляютъ означенный порошокъ для полированія своихъ изделий.

— Знаменитый англійскій врачъ Перри пишетъ, что старый сыръ годится только для развода въ винѣ червей, но для человека вовсе не питателенъ, онъ мало не способствуетъ для переваренія пищи въ желудкѣ, и производитъ всегда дурной запахъ во рту.

— Одинъ парижскій архитекторъ изобрѣлъ снарядъ для обсушки сырыхъ каменныхъ стѣнъ въ строящихся домахъ. Онъ беретъ въ теченіе мѣсяца высушить всякую каменную стѣну и уничтожить совершенно сырину, выступающую на кирпичныхъ стѣнахъ. Высушенныя такимъ образомъ стѣны можно немедленно окрасить и расписать красками.

— Итальянскій физикъ Меллоніи утверждаетъ, что луна производитъ также теплоту на нашей планетѣ, но съ чувствительнымъ образомъ. Такъ-какъ свѣтъ луны въ 360,000 разъ слабѣе солнечнаго, то и теплота меньше въ той же степени и едва замѣтна на землѣ. Меллоніи, для подтвержденія этого факта, изобрѣлъ особый снарядъ, для наблюденія электрическаго термометра, которымъ ясно доказано, что луна дѣйствительно распространяетъ теплоту.

— Въ газетѣ «Medical Times» описанъ весьма-простой и дѣйствительный способъ отъ разнаго рода обжоговъ, который употребляетъ съ большою пользою докторъ Скерлонскій въ своей обширной практикѣ. Онъ накладываетъ на большое мѣсто обжога пивную пену, нанесенную на бѣлую тряпку.

ку. Когда пѣна высохнетъ на ранѣ, то надобно повторить это дѣйствіе. Скерлецкій утверждаетъ, что такое средство особенно - скоро помогаетъ при немедленномъ леченіи обжога. Въ подобныхъ случаяхъ также полезно примачиваніе раны углекислою содою, разведенною въ водѣ.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ НОВОСТИ.

Благодаря Французамъ, прослѣженіе распространяется въ Аѳрику. До этого времени былъ устроенъ въ Аджирѣ одинъ французскій театръ, а нынѣ построены другіе, въ Константинѣ; тамъ представляютъ комедіи и оперы; но будетъ скоро и балетъ, для юнѣе танцовщицы и фигурантъ выписаны изъ Марсели.

— Германскій композиторъ Конрадъ Крайцгаръ почти окончилъ новую оперу, подъ названіемъ: „Die Hephäisten“, въ которой чрезвычайно много мелодій. Телетъ написать искусство съ возрастающимъ интересомъ, фотографическимъ извѣстномъ Берндтъ фонъ-Гуленомъ. Дѣйствіе происходитъ на Кавказѣ; самая блестящая партія первой тѣнцы. Въ этой оперѣ, прощъ зритель, только четыре дѣйствующихъ лица; чрезвычайно; такую пьесу весьма легко составить на какой угодно сценѣ.

Видѣнная берлинская актрисса Шарлотта фонъ-Гасеъ, нѣвѣстная своннъ-таеицеъ и петербургской публикѣ, оставила навсегда драматическое мнрнще. Не смотря на свои сорокъ лѣтъ, она вышла замужъ не люби на молодого нѣмецкаго барона фонъ-Овена, имѣющаго 10,000 талеровъ дохода. Бессюжа фонъ-Овенъ будетъ жить съ своимъ мужемъ въ Италіи, гдѣ онъ имѣетъ богатое имѣніе. Если же со-зрѣеиенъ молодому мужу вѣснучить опереъ жена, то она, въ случаѣ разво-да, получитъ отъ него 5,000 талеровъ пенсіона.

— Одинъ нѣмецкій капельмейстеръ, говоритъ, началъ въ Лейпцигѣ такого тенора, который займетъ со-зрѣеиенъ первое мѣсто въ Германіи между опер-ными нѣмцами. Капельмейстеръ, про-ходя по улицѣ, услышалъ изъ окна одного дома чрезвычайно-пріятный голосъ какого-то нѣнца, и по распро-самъ у двораица узнать, что по-мннутый нѣмецъ маларъ, живетъ во второмъ этажѣ и нинетъ по заказамъ разныхъ выѣзди. Капельмейстеръ не-медленно познакомился съ маларомъ; и точно нашелъ въ немъ прележдина-го тенора безъ малѣйшаго, однакожъ, музыкальнаго образованія.

— Итальянское припаденіе Френ-лини и танцовщица Черитто прележ-ли въ Туринѣ farore; и публика раздѣ-лилась на двѣ партіи: френелинисты и чериттистовы. Опера или балетъ — вотъ вопросъ, который занимаетъ голо-вы всѣхъ дилеттантовъ. Черитто при каждомъ появленіи на сцену вѣснча-ютъ нѣмцами; это предпочтеніе не-голосоу возбуждало ревнивое негодованіе въ примадоннѣ Френелини, которая обвиняла дирекцію театра, что не воз-обновила контраста, если въ Туринѣ остаются Черитто.

— Театръ у Китайцевъ хотя вѣко-дѣтся еще въ нѣаеиическомъ состоя-ніи, но, несмотря на то, они имѣютъ со-браніе въ 190 томовъ трагедій, комедій и другихъ драматическихъ пьесъ. Изъ этого числа, отдѣльных пьесъ счи-тается до 100 томовъ. Многія изъ ки-тайскихъ пьесъ переведены на англій-скій языкъ. Въ Китаѣ нѣтъ постоян-ныхъ театровъ, труппы бродящихъ актѣровъ разѣзжаются по всѣмъ горо-дамъ Небесной Имперіи, и гдѣ остано-вятся для представленій, тамъ и устраи-ваютъ въ нѣсколько часовъ изъ бам-бука подвижную сцену и даютъ на ней представленія. Въ одномъ Пекинѣ жи-вуть до 100 труппъ бродящихъ актѣ-ровъ и даютъ представленій въ част-ныхъ домахъ на свадьбахъ; при боль-шихъ свадьбахъ и прочихъ торжествахъ богатыхъ жителей города. Актѣръ, выходя на сцену, обвѣшивается свер-

за публикѣ свое имя, фамилію, какого онъ званія, кто его родственники и проч., потому уже начинается представлять свою роль. Декорацій у Китайцевъ нѣтъ; дома и мѣбели представляются людьми. Антѣры, выставившія на сцену на палкѣ и съ нѣсколькими въ рукахъ, говорятъ, что онѣ сдѣлали длинный во-
лжъ и возвратились на родину. Костюмы у китайскихъ антѣровъ бываютъ весьма дорогие и богатые, потому что такую одежду дарятъ имъ персидскіе нахарины и другіе богачи, у которыхъ бываютъ въ домахъ театральныя представленія.

— Въ Парижѣ составилась коммисія на акціяхъ, чтобъ имѣть въ откупъ всѣ театры большихъ городовъ, какъ напр. Ліона, Бордо, Марсели, Руана и проч. Парижскія театральныя газеты спорятъ теперь о выгодахъ и неудобствахъ этого предпріятія. На счетъ выгодъ можно сказать только, что отличные драматическіе артисты, итальянцы и французы, получающіе массово отъ означенной коммисіи, могутъ играть попеременно въ Ліонѣ, Бордо, Марсели и другихъ городахъ. Богатые и дорогие костюмы, партитуры и вообще міе en scène, для соблюденія экономіи, могутъ попеременно употребляться на разныхъ театрахъ.

МЕЛОЧЬ.

Король Французскій заказалъ нѣмецкому живописцу Гейму написать для версальской галереи картину большаго размѣра, представляющую чтеніе пьесы въ драматическомъ комитетѣ Царскаго Французскаго Театра. Въ этой картинѣ должны помѣститься портреты всѣхъ драматическихъ писателей имперіи, царствованія Людовика XVIII, Карла X и Людовика-Филиппа, до 1834 года включительно. Мѣсто дѣйствія—фойе помпучаго театра. Чикадцій новую комедію долженъ быть—поэтъ Андрѣ; слушатели: Демарсе, Делавиль, Дюваль, Этьеннъ, Шазаръ, Суво,

Гюго, Аюлю, Дюма, Сулье, и проч., также актрисы: Марсь, Дюпон, Плесси, актёры Самсонъ, Фирменъ, Ланье и проч. Король хочетъ въ Версали убѣдѣнчить не только военныя знаменитости, но и литературныя. Многие извѣстные въ настоящее время французскіе писатели находятся въ королевской службѣ, а именно: Мазеръ—президентъ Акад.; его сотрудники директоръ королевскихъ имуществъ; Кове (Cové) директоръ канцеляріи изданныхъ наукъ; Вальи (Wailly) начальникъ отдѣленія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; Дюпати библиотекарь арсенальной библиотекы, Бонжуръ и Лавоу библиотекари свято-жизненскаго монастыря; Ледюи (Léduni) слуга въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, Дешамъ въ департаментѣ государственныхъ имуществъ, Дюмерсакъ инспекторъ кабинета королевскихъ палатъ, Леонъ и Моллеръ въ министерствѣ юстиціи, Лайи (Layi) въ финансовой части, Дусе приватный секретарь короля; Гейрихъ де-Контъ, сынъ извѣстнаго Поль де-Конта, из таножитъ; Ожье, авторъ «la Gigue» — библиотекарь герцога орлеанскаго. Множество драматическихъ писателей Франціи занимаются частною службою въ разныхъ коммисіяхъ, банкирскихъ конторахъ и другихъ заведеніяхъ. Изъ этого перечня можно заключить, что литературство во Франціи не только можетъ обезпечить и обогатить на всю жизнь, какъ Дюма, Сю, Викторъ Гюго, и что поэты и прозаики не гнушаются быть булгайлерами, коммисіонерами и нонторщиками.

— Мехмедъ-Али, паша египетскій, строго запретилъ любовательнымъ Королевичамъ вывозить изъ своихъ владѣній древности, опасаясь, что памятники фараоновъ когда-нибудь все уничтожатся отъ непомѣрной алчности археологовъ. Но, не смотря на это, туркеты почитаютъ за особую для себя обязанность отламывать куски камней отъ сфинксовъ, колоннъ и иероглифовъ египетскихъ Феллахи, живущіе въ пустыняхъ вилской, вѣдутъ означенныя

древности и весьма-прибыльную торговлю съ иностранцами, да и самые губернаторы египетскихъ городовъ уничтожаютъ древности какъ Вандалы, употребляя камни отъ египетскихъ памятниковъ на новыя постройки своихъ домовъ.

— Нынѣшняя выставка художественныхъ произведеній въ Парижѣ считается 69-ю. Первая была въ 1699 году. Вторая незадолго до кончины Людовика XIV, въ 1704 году. При Людовикѣ XV было 22 выставки, при Людовикѣ XVI — 9, во время республики и консульства было 8 выставокъ, и т. д. Парижскіе присяжные судьи художественныхъ произведеній подвергаются разнымъ язвительнымъ насмѣшкамъ отъ художниковъ, которыхъ произведенія не удостоились попасть на выставку. Всякому извѣстно, какъ раздражительна художественная посредственность. Недавно на Королевскомъ Мосту (Pont royal) выставлена была большая картинная рама, чрезъ которую видѣлось теченіе Сены, окаймленной группами зеленѣющихъ деревьевъ, домами и дачами по направленію къ Сен-Клу. Ландшафтъ живой и разнообразный. На рамѣ наклеена была записка: «Paysage refusé par le jury».

— Говорятъ, бейлігійскій король Леопольдъ читаетъ книги такъ быстро, что нѣтъ ему подобнаго чтенія въ Европѣ. Онъ особенно любитъ читать романы и сочиненія, касающіяся до естественныхъ наукъ. Приватная библиотека короля заключаетъ въ себѣ величайшее собраніе нѣмецкихъ романовъ. Леопольдъ регулярно прочитываетъ каждый день отъ одного до двухъ томовъ. Онъ обладаетъ неистощимымъ сокровищемъ знаній по разнымъ отраслямъ наукъ, особенно естественныхъ. Онъ также превосходный ботаникъ.

— Въ Дрезденѣ было годичное собраніе членовъ общества противъ жестокаго обхожденія съ домашними животными (gegen Thierquälerei). Президѣнтъ произнесъ длинную рѣчь въ пользу ротатаго скота и разной дичи, и между прочимъ сказалъ: «Толста

такъ глушы, что позволяютъ мясникамъ дѣлать съ ними что угодно. Но верхъ варварства человѣческаго бесспорно есть охота. Я укажу, что въ древнія времена вовсе не было дичи на свѣтѣ, природа не создавала ея; итакъ, что мы теперь называемъ собственно дичью — были домашнія животныя и птицы, которыя отъ безпрестаннаго преслѣдованія человѣкомъ удалились въ лѣса и одичали».

— Въ Бирмингемѣ одинъ механикъ выдумалъ машину, которая въ нѣсколько часовъ можетъ погасить и уничтожить изверженіе всякой огнедышащей горы. Безспорно, это пуфъ досужей журналистики. Но вотъ въ Неаполѣ дѣйствительно пріѣхалъ какой-то англійскій инженеръ, который подалъ правительству проектъ, чтобъ подвести нѣжныя поды основаніе Везувія, пустить туда черезъ каналъ морскую воду и такимъ образомъ уничтожить вѣчный огонь этого опаснаго сосѣда Неаполя.

— Наибольшей скорости въ плаваніи безспорно достигъ американскій пароходъ *Ореонъ*, который проплылъ по Гудзоновой-Рѣкѣ 160 англійскихъ миль въ семь съ половиною часовъ. Если Американцы достигнутъ такой удивительной быстроты въ Атлантическомъ-Океанѣ (что, конечно, нѣтъ удастся), тогда на пароходѣ можно будетъ пріѣхать изъ Нью-Йорка въ Гамбургъ въ одну недѣлю.

— Государственный долгъ Англіи составляетъ 5,543 милліона талеровъ, Франціи 1,828 милліоновъ; Голландіи 1,257; Испаніи 1,029; Швеции и Норвегіи $4\frac{1}{2}$ милліона; Австріи 708; Пруссіи 173; Баваріи 79; Гамбурга 28, а прочихъ государствъ Германскаго-Союза 790,000 талеровъ. Не имѣютъ вовсе долговъ Ангальт-Дессау, Вернбургъ, Ольденбургъ, Липпе, Гогенцоллерн-Зигмарингенъ. Изъ всѣхъ европейскихъ государствъ, жители Англіи и Голландіи наибольшими обложениями податями. Тамъ берутся подати не только съ съѣстныхъ припасовъ, съ земли, съ домовъ, но даже обложение

винныя окна, двери, мебели и посуда, лошади и экипажи, лакейскія лацеры и множество предметов роскоши.

— Между городами Ліономъ и Веромъ (Vaise) строится атмосферическая желѣзная дорога. Она проходитъ изъ Ліона подземнымъ тоннелемъ, соединеннымъ съ шахтою, какъ въ рудникахъ. Въ эту шахту будутъ спускать пассажировъ въ большихъ ящикахъ, меблированныхъ, какъ самыя роскошныя вагоны, и потому уже провозить ихъ по атмосферической дорогѣ далѣе по направленію къ Безу.

— Въ Англіи на большихъ фабрикахъ и заводахъ дымъ не улетаетъ безъ всякой пользы чрезъ трубу на воздухъ; для прохода дыма устроиваются тамъ длинныя тоннели на протяженіи двухъ или трехъ англійскихъ миль. Промышленники собираютъ по-временамъ освѣщую сажу въ тоннеляхъ и продаютъ москательщикамъ. Одинъ желѣзный заводчикъ выручилъ недавно нѣсколько тысячъ фунт. стерл. за свой дымъ, превращенный въ сажу.

— Гёттингенскіе студенты намѣрены соорудить великолѣпный памятникъ надъ могилою народнаго поэта Германіи, Бюргера. Мѣсто, гдѣ почили прахъ пѣвца Теноры, едва могли отыскать почитатели поэта, ибо никто изъ гёттингенскихъ гражданъ не помнитъ, гдѣ именно находится его могила. Одинъ только 90 лѣтній старикъ вспомнилъ, что издатель сочиненій Бюргера, книгопродавецъ Дитрихъ, посадилъ акацію на томъ мѣстѣ, гдѣ схоронили поэта. Это историческое дерево теперь найдено, и магистратъ гёттингенскій подарилъ студентамъ это мѣсто для водруженія на немъ памятника Бюргеру.

— Вода рѣкъ Нила имѣетъ самый пріятный вкусъ; свѣтла она и чиста, и египетскіе Турки нарочито ѣдятъ соль и другую сильно-просоленную пищу, чтобъ только имѣть случай поболѣе выпить нильской воды. Египтяне, идущіе на доплываніе изъ Мекку и Медину, всегда съ достоинствомъ говорятъ о своемъ возвратѣ изъ отчизны и о наслажденіи,

когда они опять будутъ пить воду Нила. Всѣ европейскіе туристы, бывшіе въ Египтѣ, утверждаютъ, что нигдѣ нѣтъ такой превосходной воды, какъ въ Нилѣ. Она между водами то же, что шампанское между винами. Но наибольшее достоинство нильской воды состоитъ въ томъ, что она служитъ полезнѣйшимъ лекарствомъ во многихъ болѣзняхъ и никогда не отягчаетъ желудка. Многие пьютъ по три ведра въ день нильской воды, и ни мало не чувствуютъ въ себѣ тяжести. Египетскимъ же ключевая вода очень-дурна вкусомъ и нездорова для питья.

— Во многихъ натуральныхъ исторіяхъ пишутъ, что дерево Урас на островѣ Явъ распространяетъ отъ себя на сто шаговъ въ окружности ядовитыя и смертоносныя испаренія, и что къ нему не можеть безнаказанно приблизиться ни человекъ, ни звѣрь, ни птица. Одинъ англійскій натуралистъ въ своей книгѣ: «Trade and Travel in the Far East» доказываетъ, что это чистая басня. «Одинъ изъ моихъ пріятелей», говоритъ онъ: «мнѣ нарочно на дерево Урас, просидѣлъ въ его густыхъ вѣтвяхъ безъ малѣйшаго для себя вреда два часа и предположительно выкуривъ двѣ сигары. Это дерево безспорно заключаетъ въ себѣ ядовитый сокъ, но внутри ствола, а не въ сучьяхъ и листьяхъ. Этихъ домысловъ турки напырываютъ свои стрѣлы и копья».

— Докторъ Вольгеймъ, въ Гамбургѣ, такой же полиглотъ, какъ нѣмцый кардиналъ Менцисоранте, въ Римѣ. Докторъ Вольгеймъ говоритъ и пишетъ на двадцати языкахъ европейскіхъ и азіатскихъ. Онъ сдѣлалъ много переводовъ на нѣмецкій языкъ съ шведскаго, датскаго, испанскаго, португальскаго, индустанскаго, персидскаго и санскритскаго, сочинилъ очень-хорошій лексиконъ — португальско-нѣмецкій и, наоборотъ, также португальскую, датскую, испанскую, итальянскую, шведскую, новогреческую и турецкую грамматики. Въ 1834 году, онъ издалъ первую часть санскритскаго сочиненія, подъ заглавіемъ: «De

populis Padma-Purani Capitibus», а нынѣ окончилъ вполне переводъ важнаго сочиненія о санскритской литературѣ: «Padma - Purana», также другое санскритское «Kṛijajogasaga», послѣднее съ переводомъ на латинскій языкъ. Очень жаль, что полный санскритскій лексиконъ, надъ которымъ Вольгеймъ трудился 15 лѣтъ, сгорѣлъ частію въ рукописи въ 1842 году, но трудолюбивый полиглотъ опять пополнилъ и возстановилъ утратившуюся часть манускрипта.

— Женщины венецкія носятъ и нынѣ древнюю одежду Израилѣтокъ, — ту самую, въ которыхъ обыкновенно Фаавалъ вивалъ своихъ божественныхъ наложницъ. Силка серочка, охваченная поясомъ; сверхъ ея набрасывается на плеча кусокъ красной матеріи; на головѣ бѣлое покрывало. Этотъ историческій костюмъ въ Венеціи безъ малѣйшей перемѣны употребляется уже двѣ тысячи лѣтъ.

— Въ 1815 году, Денонъ, директоръ луврской картинной галереи и музея, домогался у Талейрана заступничества, чтобъ не возвращать союзнымъ державамъ картинъ и другихъ сокровищъ, награбленныхъ полководцами Наполеона во многихъ столицахъ Европы. Довкій дипломатъ отвѣчалъ слѣдующее Денону: *Laissez aller les choses; ces questions de tableaux à rendre ou à garder ne sont point une affaire.*

— Во время царствованія въ Ирландіи короля Бріенъ-Боромба (въ XI столѣтіи) была столь чистая нравственность въ народѣ и такое уваженіе къ женскому полу, что каждая дама могла путешествовать одна-одинѣхонька по всему острову, безъ опасенія быть ограбленною. Тогда дѣвицы съ бѣлыми посохомъ въ рукѣ ходили смѣло днемъ и ночью по большимъ дорогамъ, и съ этимъ талисманомъ онѣ были безопасны отъ всякихъ непріятныхъ встрѣчъ и приключеній.

— Въ Шейранѣ, въ Бретани, между простыми народомъ ведется слѣдующій древній обычай: при бракосочетаніи, молодой мужъ даетъ

женѣ своей помѣстину, приговаривая: «вотъ какъ я буду съ тобою поступать, когда разсержусь», потомъ, поцеловавъ ее три раза, заключаетъ: «а вотъ такъ, когда буду въ веселомъ расположеніи духа».

— Американцы въ Нью-Йоркѣ и въ другихъ городахъ даютъ также балы на манеръ европейскихъ, но заморскіе аристократы не отличаются особенною вѣжливостію въ отношеніи къ своимъ гостямъ. Вотъ тому примѣръ: у одного банкира былъ великолѣпный балъ; другіе, посреди самаго разгара танцевъ, хозяина мѣшцаются въ толпу и громко возглаголютъ: «господа, прошу кончить танцы; мнѣ надобно успокоиться: капитанъ Гаррисъ привсѣхъ поцеловавъ мою жену!». Эта рѣчь произвела всеобщее смѣтеніе между присутствующими: дамы опречетью бросились въ переднюю и начали надѣвать плащи и салоны, чтобъ разлѣхаться по домамъ. Но хозяйинъ опять вошелъ въ залу и началъ утѣшать гостей, чтобъ они продолжали танцы, приподнявъ: «капитанъ Гаррисъ сдѣлалъ мнѣ полное удовольствіе; онъ поступилъ со мною какъ честный человекъ, заплативъ мнѣ за обиду нѣтъ долларовъ». Въ Америкѣ за всякое оскорбленіе чести можно отдалаться деньгами, въ противномъ случаѣ, такіа дѣла кончаются дуэлью. Кентукійцы имѣютъ обыкновеніе носить всегда при себѣ кнжаль, называемыя зубочистками. Если Американецъ, идущій на парадъ, положитъ на постель своей койки кнжалъ-зубочистку, то это значитъ, что никто не смѣетъ занять его мѣсто. Если же другой забѣлка посмѣетъ положить на ту же постель пистолетъ, то хозяйинъ кнжала съ почтительностію уступаетъ свое мѣсто сопернику, лучше его вооруженному.

— Въ тирольскомъ городѣ Рива дѣлаютъ ежегодно до 480,000 жетанныхъ варгановъ (Tauttrommeln), которые раскупаются носелянами во всей Германіи. На этомъ нехитромъ инструментѣ нѣкто Гоммель играетъ какъ

гениальный виртуозъ. Въ нынѣшнемъ году, Гошмелъ надѣется посѣтить всѣ столицы Европы, чтобы доказать публикѣ, что въ маленькомъ кусочкѣ жезла заключается много услужительной гармоніи.

— Одинъ военный математикъ со- считалъ, что въ сраженіи изъ 900 ядеръ только одно попадаетъ въ чело- вѣка, убиваетъ его или оконтуживаетъ. Вотъ тому примѣръ: въ жаркой битвѣ при Витторіи, Англичане выстрѣлили въ Французовъ 3,675,000 пульъ и 6,870 ядеръ, но убили и ранили только 8,000 чело- вѣкъ. Изъ этого видно, что сра- женія не такъ опасны и убійственны, какъ объ нихъ думаютъ люди, не ню- хавшіе пороха. Въ жаркихъ битвахъ вообще происходитъ скорая пѣльба, и по причинѣ густаго дыма отъ пороха нельзя иногда хорошо цѣлить въ не- пріятеля.

— Извѣстный французскій импро- визаторъ Прадель пріѣхалъ на нѣ- сколько дней въ Ліонъ и объявилъ въ газетахъ, что будетъ публично импро- визировать въ залѣ музыкальнаго об- щества разные куплеты, мадригалы, bouts-rimés, échelles, éclos, anagram- mes, huitains, dixains, monorimes, а также на темы изъ трагедій и разныхъ сценъ, предложенныя ему публикою. Въ это же время какой-то природный импровизаторъ, г. Просперъ Драгъ, (Drague), о которомъ никто ничего не слышалъ во Франціи, объявилъ публи- кѣ, что онъ готовъ состязаться въ ис- кусствѣ импровизаціи съ опаснымъ соперникомъ. Прадель принялъ пред- ложеніе, и оба поэта явились въ собра- ніе, гдѣ находилось до тысячи чело- вѣкъ отборной публики. Г. Драгъ, хо- тя много уступаетъ Праделю въ иску- ствѣ и ловкости импровизаціи, и по- слѣдній признавъ былъ побѣдителемъ,

но публика, однакожь, признала, что Драгъ, дѣйствительно, имѣетъ природ- ный талантъ въ поэзіи и будетъ сосре- мененъ отличнымъ импровизаторомъ. Особенно онъ показалъ много ума въ драматическихъ сценахъ, на-примѣръ, въ монологѣ Аннибала, побѣдителя Рима. Прадель отличился въ импрови- заціи сцены посѣщенія Монтинемъ въ тюрьмѣ друга его, Тасса. При- сяжные подали Праделю лавровый вѣ- нокъ. Утѣченный импровизаторъ, по- благодаривъ публику за награду, ска- залъ:

*Si j'ai voulu gagner une couronne
Cela n'était que pour partager.*

Съ этимъ словомъ онъ разорвалъ вѣ- нокъ на двое и половину его поднесъ поэту Драгу.

— Испанія также имѣетъ своего Рот- шильда, банкира Саламанку, который играетъ въ судьбѣ этого государства очень-значительную роль. Этотъ чело- вѣкъ былъ за восемь лѣтъ предъ симъ бѣдникомъ, но, благодаря своему смет- ливому уму, сдѣлался нынче миллио- неромъ. Онъ имѣетъ въ Испаніи соли- ную монополію, и содержитъ на жа- лованье до 15,000 таможенной стражи. Саламанка изъ любви къ сценическому искусству принялъ на себя званіе ди- ректора мадридскаго театра. Каждое посѣщеніе королевы Изабеллы столич- наго театра обходится директору въ 8,000 талеровъ. При такихъ случаяхъ Саламанка говоритъ: «Королева прі- ѣхала ко мнѣ въ гости, такъ надобно принять ея величество по-царски». Въ такой день, театръ освѣщается ве- ликолѣпнѣйшимъ образомъ; натураль- ные цвѣты, зеркала и дорогой бар- хатъ украшаютъ всѣ ложи. Мороженое и разные прохладительные напитки подаются публикѣ даромъ.

М О Д Ы.

Вотъ настала, или, лучше сказать, настаетъ весна; всѣ магазины наполнились соломенными, креповыми, тюлевыми и гроденаплевыми шляпками; но такъ-какъ теперь соломенныхъ никто не носитъ, по-этому мы прежде будемъ говорить о гроденаплевыхъ.

Гроденаплевые шляпки (*glacés*) очень-милы съ тюлевыми буфами и съ цвѣткомъ на боку; также очень-красивы шляпки, сшитыя изъ цвѣтныхъ лентъ; но если вы хотите имѣть шляпку самую модную, то закажите на поля и тулью вышитыя гирлянды шелкомъ, одинакаго цвѣта съ шляпкой. Тогда уже на шляпку не нужно никакой уборки. иначе вышивка потеряетъ свою цѣну. Еще нельзя не замѣтить вотъ этой уборки для шляпокъ: на донышко тульи нашивается черное или бѣлое кружево; кругомъ полей также въ два ряда такое же кружево; между тѣмъ и другіе отступъ на довольно-большое разстояніе.

О соломенныхъ шляпкахъ нельзя сказать еще ничего; ихъ привезли изъ Парижа множество; онѣ разныхъ фасоновъ: есть и *Ramélas*, и *Duchesse*, и совершенно капотъ; следовательно, теперь еще нельзя сказать, какой фасонъ шляпокъ будетъ правиться преимущественно. Фасонъ *Ramélas* для лѣта, кажется, очень-хорошъ, потому-что въ этихъ шляпкахъ не можетъ быть такъ душно, какъ въ другихъ; но этотъ фасонъ уже надоелъ и вѣрно многіе захочется переимѣнить его. Между всѣми этими шляпками, одна поразила насъ своею простотою и оригинальностью. Фасонъ ея былъ капотъ, а уборка состояла... какъ бы вы думали изъ чего?

не изъ перьевъ, не изъ цвѣтовъ, а изъ пучка колосьевъ, безъ всякой примѣсы, совершенно въ такомъ видѣ, какъ колосья растутъ на полѣ.

Есть также множество соломенныхъ шляпокъ, у которыхъ на поля и на тулью нашта самая узенькая соломка какими-нибудь узоромъ; эти шляпки кажутся точно какъ-будто вышиты въ тамбуръ. Круглыхъ, такъ-называемыхъ пастушескихъ шляпъ выставлено въ магазинахъ тоже очень-много, но не только для дѣтей, а и для большихъ дѣвицъ. Выдумка эта очень-хороша для лачи или деревни, потому-что шея и лицо въ этихъ шляпкахъ будутъ защищены отъ солнца какъ-нельзя-лучше.

Нынѣшнее лѣто, кажется, будутъ много носить цвѣтовъ, потому-что ихъ много привезено изъ Парижа и здѣсь приготовлено множество; болѣею частью сдѣланы цвѣты болотные, напр., лилеи бѣлыя, желтыя, ландыши и др.; также много гирляндъ изъ зелени съ нераспустившимися бутонами бѣлыхъ, розовыхъ, или какихъ-нибудь другихъ цвѣтовъ; очень-красивы гирлянды изъ ягодъ, особенно изъ рябины; всѣ же цвѣты вообще сдѣланы съ густой зеленью, иногда даже цѣлая гирлянда состоитъ изъ одной зелени.

Зонтики все такъ же хороши, какъ были въ прошломъ году; большихъ зонтиковъ еще не видно, но маленькіе обшиваются широкой бахромой кружевании; наряднѣе же всего, когда кругомъ зонтика вышита гирлянда шелкомъ.

Ручки украшаютъ разными камешками.

Матеріи для платья большою частію желосатыя; бѣлыя полосы встрѣчаются чаще всѣхъ, даже на темныхъ цвѣтахъ. Очень-красива для платья индійская тафта съ различными рисунками, также барешъ съ большими разводами. Есть удивительно-красивыя тафты изъ тысячи узенькихъ полосокъ розовыхъ, голубыхъ, зеленыхъ и другихъ цвѣ-

товъ; эта матерія преимущественно употребляется для дѣтскаго платья.

Шарфы креновые дѣлаются съ-гѣвъ, напр., середина бѣлая, а потому постепенно цвѣтъ сгущается, и концы уже имѣютъ густой розовый, голубой, или другой какой-нибудь цвѣтъ. Внизу концы обшиты бахромой изъ верблюжачаго шелка.

скую пьеску Гёте, подъ названіемъ *Терасисто Чувства*.

50) *Mout, Civiement* (Умеренный по Гражданскимъ Законамъ), *содержитъ въ одномъ дѣйствіи*, соч. гг. Мальвилля и Карюша.

Мадамъ Лардуа считаетъ себя вдовою, но она далека отъ безутѣшности. Мужъ не оставилъ ей ничего, кромѣ ребенка на рукахъ, — и то еще не доказано, чтобъ ребенокъ былъ подлинно его ребенокъ. Прошло съ десятковъ лѣтъ съ-тѣхъ-поръ, какъ Лардуа, приговоренный къ смерти заочно, какъ англійскій агентъ, покинулъ свою родину Сев-Ремн и уѣхалъ въ Ост-Индію, гдѣ, говорить, погибъ; а какой супружескій трауръ устоять противъ десятилѣтняго періода? Мадамъ Лардуа, какъ всякая порядочная вдова, помышляетъ о второмъ замужствѣ. Уже выборъ ея рѣшенъ: она выйдетъ за одного жандарма изъ провинціи. Бравый жандармъ не любитъ ея: онъ, хоть и глупешекъ, однакожъ имѣетъ вкусъ предпочитать ей ея дочку, мамзель Розу, которая уже на возрастѣ; но вдова ошиблась на-счетъ его вѣдоевъ, или притворилась, будто ошиблась в будто принимаетъ его искапія на собственный счетъ. Плачевный бракъ готовъ состояться, къ великому отчаянію Розы, когда, къ-счастью, является Лардуа, который не умеръ въ Индіи. Жена сначала отказывается его признать; однакожъ нѣдается къ нему на шюу, услышавъ, что онъ пріѣхалъ за полученіемъ наслѣдства послѣ дяди, оставившаго ему десятка два тысячь франковъ. Вотъ Лардуа вступаетъ въ свои супружескія права, и какъ добрый отецъ собирается составить счастье дочери, которой склонность узналъ. Но, о небо! одинъ изъ его друзей, помощникъ мѣстнаго мэра, прибѣгаетъ сказать ему, что его ищутъ. «Ты не помнешь наказанія, ты умеръ граждански, и если не хочешь въскорѣ умереть на дѣлѣ, спасайся! — Но я желалъ бы выдать дочь. Нельзя: ты мертвъ въ глазахъ закона!» — Погоди, дай по-край-

Т. XLVI, — Оуд. VIII.

ней-иѣрѣ сдѣлать завіщаніе! «Опять нелзя, ты умеръ, и не можешь сдѣлать завіщанія! Незаконно Лардуа прогнущено: ужъ онъ собирается утонуть въ Ронѣ, какъ вдругъ является Жанъ-Бонетъ, жандармъ, который послалъ его отъѣзживать. «Стой!» кричитъ онъ ему: «что ты дѣлаешь?» — «Хочу утопиться, видишь. Не могу; пошелъ прочь съ берега, либо всажу пулю въ голову! — Аи! аи! погоди... вотъ я! кричитъ Лардуа при этой канваѣ угрозъ. И онъ отбѣгаетъ въ расворажіе добраго жандарма! И хорошо дѣлается, потому-что его искали только за тѣхъ, чтобъ оправдать. Правосудіе ошиблось, осудивъ его, и теперь признало свою ошибку. Лардуа можетъ воскреснуть безнаказанно.

УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ИСКУССТВЕННОЕ ОЖИВЛЕНІЕ ДЕРЕВА. — Сбереженіе дерева отъ разрушительнаго вліянія стихій и органическихъ существъ составляетъ задачу большой важности въ технологіи. Между истихъ разнородными матеріалами трехъ царствъ природы, употребляемыми на различныя подѣлки, дерево заслуживаетъ особеннаго вниманія по легкости обработки; остается только придать ему прочность, защитить его отъ разрушительнаго вліянія стихій...

Всѣ извѣстные способы сохраненія дерева заключаются въ пропитываніи его рыхлой, порѣзкой массы различными жидкостями, соляными растворами, имѣющими его физическія свойства. Этихъ способовъ множество и различаются они между собою только жидкостями, употребляемыми для пропитыванія дерева; досихъ-поръ, ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ практическаго примѣненія,

7/5

что зависит, по-видимому, преимущественно от дурного, не экономическаго выбора пропитывающих жидкостей.

Недавно Пайенъ изобрѣлъ еще новый способ сокращенія дерева, который можно назвать искусственнымъ ослепленіемъ. Теорія этого способа очень проста и увлекательна; но мы опишемъ, чтобы въ практическомъ отношеніи онъ не испыталъ одной участи съ старыми способами.

Если пролить въ растворъ желѣзнаго купороса водохлорной соли известіа, то мы найдемъ, что обѣ жидкости мгновенно превратятся въ плотную наметистую массу: это явленіе, чудо, *miraculum chemicum* древнихъ алхимиковъ, основывается на двойномъ разложеніи веществъ, которые привели мы въ соединеніи, и которые отдаютъ новые твердые продукты—гипсъ и окисъ желѣза.

Опытъ, сейчасть нами описанный, составляетъ основаніе способа Пайена.

Бросьте небольшой деревянный брусокъ въ чашку съ желѣзнымъ купоросомъ, находящуюся подъ колономъ воздушнаго насоса, и выкачайте воздухъ: тогда воздухъ, наполнившій поры деревяннаго бруска, выйдетъ изъ него и замѣстится растворомъ желѣзнаго купороса, который пропитаетъ такимъ образомъ его порѣзную массу.

Подвергните этотъ кусокъ дерева точно такимъ же образомъ дѣйствию водохлорной соли известіа: его поры тогда наполнятся твердымъ цѣментомъ, продуктомъ двойнаго разложенія растворовъ, который увеличитъ его плотность, вѣсъ, сопротивленіе по всѣмъ направленіямъ и защититъ еще его отъ вѣтровыхъ и стѣхій.

Въ хаміи извѣстно много подобныхъ неразтворимыхъ, минеральныхъ продуктовъ, которыми можно пропитать дерево по этому же остроумному способу.

Пайенъ не ограничился одними этими теоретическими, можно-сказать кабинетными опытами: онъ устроилъ обширный заводъ, гдѣ его изобрѣте-

ніе приводится въ исполненіе въ большомъ видѣ.

Вотъ въ общихъ чертахъ расположеніе этого промышленнаго заведенія.

По серединѣ обширнаго дровянаго двора тянется въ горизонтальной направленіи чугунный цилиндръ трехъ или четырехъ метровъ (отъ четырехъ до пяти аршинъ) въ діаметрѣ и длиною съ большую сосну. Цилиндръ этотъ открытъ съ одной стороны и состоитъ изъ нѣсколькихъ бездонныхъ чановъ, плотно сколоченныхъ наружными краями.

Дверка или крышка, находящаяся при входѣ, виситъ на подвижномъ журавлѣ, который ее двигаетъ. Внутри цилиндра тянутся два рельса; по нимъ ходятъ низенькія тележки, нагруженныя всякимъ деревомъ. Этотъ цѣпъ въталкивается въ цилиндръ, наружная крышка запирается герметически; изъ цилиндра вытягивается воздухъ посредствомъ сильнаго воздушнаго насоса, приводимаго въ движеніе небольшою паровою машиною. По мѣрѣ разрѣженія воздуха, желѣзный купоросъ, находящійся въ особыхъ резервуарахъ подъ землею, подымается вверхъ, наполняетъ цилиндръ и замѣщаетъ воздухъ, вышедшій изъ поръ дерева.

Совершенно-полюбовнымъ же образомъ дерево пропитывается растворомъ водохлорной соли известіа, который только проводится изъ резервуаровъ, расположенныхъ надъ цилиндромъ.

Дерево ослепленное принимаетъ изъ воздуха голубой оттѣнокъ и употребляется для всевозможныхъ подѣлокъ: для резцовъ, для пощенія улицъ, даже на мебель.

Легко понять, что этотъ способъ преимущественно оказываетъ хорошее дѣйствіе на скверное, скважистое дерево и цѣнность его увеличится незначительно, по причинѣ дешезины употребленныхъ матеріаловъ и простоты самаго производства. Надержки на первоначальное устройство завода, по изобрѣнію Пайена, не превышаютъ

тридцати тысячъ франковъ, а доходъ такъ же вѣренъ, какъ отъ булочной.

ПРИГОТОВЛЕНИЕ ОЧЕНЬ-СИЛЬНОГО МАГНИТА ВЕЗЪ ПОМОЩИ ЭЛЕКТРИЧЕСКИХЪ ТОКОВЪ. Вотъ какъ описываетъ г. Бабинѣ нововобрѣтенный имъ способъ намагничивать желѣзо, который представилъ онъ въ прошедшемъ мѣсцѣ Парижской Академіи Наукъ:

«Возьмите полосу мягкаго желѣза длиною отъ 4 до 5 дециметровъ (отъ 8 до 10 вершковъ), отъ 5 до 6 миллиметровъ (около $\frac{1}{16}$ вершка) толщиною и шириною отъ 15 до 20 миллиметровъ (отъ $\frac{3}{16}$ до $\frac{1}{4}$ вершковъ), положите ее горизонтально на столъ, такъ, чтобъ конецъ ея выставлялся по-крайней-мѣрѣ на 2 или на 3 сантиметра (около полувершка); потомъ противоположный конецъ ея приведите въ соприкосновение съ намагниченною полосой, лежащею съ нею въ одномъ направленіи и одинаковой съ нею толщины и ширины, но которой длина была бы не болѣе 15 или 20 сантиметровъ (отъ 3 до 4 вершковъ).

«Отъ вліянія намагниченной полосы, намагнитится полоса мягкаго желѣза, и на свободномъ концѣ ея обнаружится тотъ полюсъ, съ которымъ она находится въ соприкосновеніи.

«Потомъ, по бокамъ полосы мягкаго желѣза положите поперегъ двадцать-четыре, по двѣнадцать съ каждой стороны, точно такіе же магнита, какъ и тотъ, съ которымъ уже находится въ соприкосновеніи ваша полоса.

«Такимъ образомъ эта полоса соединена съ двадцатью-пятью магнитами и подъ ихъ вліяніемъ намагничивается необыкновенно-сильно, какъ можно заключить изъ слѣдующихъ ея дѣйствій:

1) Свободный полюсъ ея притягиваетъ огромныя тяжести, судя по ея объему.

2) Если приложить къ этому полюсу полосу мягкаго желѣза, то притяженіе въ этомъ случаѣ бываетъ такъ

сильно, что обѣ полосы составляютъ одно неразрывное цѣлое;

3) И эта притяжка стоитъ вѣчно, вертикально надъ полюсомъ, а не виситъ, какъ это бываетъ обыкновенно; къ нему можно приложить еще другую такую же полосу длиною въ 25 или 30 сантиметровъ (около шести вершковъ), которая также будетъ стоять въ такомъ же состояніи еще удержана въ вертикальномъ же положеніи огромный ключъ.

4) Стальные полосы намагничиваются очень-сильно, если приложить къ ихъ свободному полюсу намагниченною полюсу.

ИСТОЧНИКЪ ЗЕМНАГО МАГНИТИЗМА. Читатели наши, вѣроятно, помнятъ остроумное открытіе Фареда, которое утвердило соотношеніе между явленіями свѣта и магнетизма, и о которомъ мы говорили въ мартовской книжкѣ «Отеч. Записокъ» нынѣшняго года.

Недавно, Фаредъ представилъ Королевскому Лондонскому Обществу продолженіе своихъ изслѣдованій. Этотъ новый мемуаръ содержитъ въ себѣ новыя подробности, относящіяся собственно къ производству опыта; мы не будемъ входить въ разборъ этихъ тонкостей, но замѣтимъ одно заключеніе мемуара.

Фаредъ говоритъ въ немъ, что свѣтъ есть источникъ земнаго магнетизма и что лучи солнечные возбуждаютъ эту силу въ земномъ шарѣ.

НОВЫЕ ПЛАНЕТЫ НАСОБНУ. Наблюдая полное солнечное затмѣніе 8-го іюля 1842 года, Араго замѣтилъ кругомъ солнца въ возвышенности огненнаго пѣла, красныя, горящія горы. Араго подробно описалъ ихъ въ особой статьѣ о солнечномъ затмѣніи 8-го іюля, помѣщенной въ *Annaire du Bureau des Longitudes*, нынѣшняго года. Онъ предполагаетъ, что эти огненные массы представляютъ облака осо-

баго рода, которые періодно достигают до 25 и 30 миль длины и которые постоянно двигаются въ атмосферѣ, окружающей солнце; облака эти не составляютъ явленія мимолетнаго, но постоянно существуютъ во всякое время и подвергаются часто необыкновенно-быстрымъ перемѣненіямъ въ своей формѣ и величинѣ. Такимъ образомъ, 8 июля 1842 года, одно изъ нихъ въ теченіе двухъ минутъ вытянулось на пять тысячъ миль. Араго въ своей статьѣ предлагаетъ еще различные способы наблюдать во всякое время это страшное явленіе.

Вотъ все, что намъ извѣстно пока объ этихъ огненныхъ горахъ солнечной системы; вѣроятно, способы наблюденія, придуманные Араго, раскроютъ болѣе это загадочное явленіе.

Основываясь на этихъ немногихъ положительныхъ извѣстіяхъ, Баббинъ уже построилъ новую теорію чтобы объяснить это явленіе; онъ читалъ ее недавно въ одно изъ послѣднихъ засѣданій Парижской Академіи. Теорія эта очень-великодушна, увлекательна, но, по-видимому, утверждается на шаткихъ основаніяхъ.

Баббинъ принимаетъ эти красноватые возмущенія за планетныя массы, находящіяся только въ газообразномъ состояніи и обращающіяся около солнца съ необыкновенною быстротою; именно онъ дѣлаетъ полный оборотъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ.

Образованіе этихъ планетныхъ массъ, говоритъ Баббинъ, можно также подвести подъ теорію Лангласа, посредствомъ которой знаменитый астрономъ объяснилъ происхожденіе планетъ и ихъ спутниковъ изъ солнечной атмосферы, черезъ постепенное ея охлажденіе.

✱

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

НОВѢЙШІЯ ОТКРЫТІЯ И ИЗОБРѢТЕНІЯ.

Въ Парижѣ докторъ Анворъ, горюхъ, открылъ методу погружать людей въ сонъ на какое-угодно время, то-есть, докторъ можетъ усыпить человека на два, три, на сколько угодно лѣтъ, и снѣпшій послѣ того проснется живъ и здоровъ. Конечно, это чудъ, но все же для любителей продолжительнаго сна интересное изобрѣтеніе.

— Въ Лондонѣ выдумали для спасенія людей во время пожара особаго рода балконъ, который, посредствомъ весьма-простаго механизма, можно приподнять снаружы изъ любому месту горящаго зданія. Тогда людяны, застигнутыя въ комнатахъ пожаромъ, стобтъ только отворить окно и встать на балконъ, который потомъ немедленно и легко спускается на землю. Это дѣйствіе можно повторять нѣсколько разъ, покуда не спасены будутъ отъ пламени всѣ жильцы охваченнаго пламенемъ этажа.

— Парижскіе фабриканты фортепьянъ, Вельфель и Лорентъ, устроили особый механизмъ для укрѣпленія струнъ въ упомянутыхъ инструментахъ. Отъ этого улучшенія не такъ скоро портятся резонансовые деки изъ фортепьянъ, да и настрой струнъ держится гораздо-дольше, чѣмъ обыкновенно. Вельфель и Лорентъ тайже дѣлаютъ новаго фасона фортепьяно, у которыхъ клавиши разнѣшены не прямо по линіи, но полукругомъ; это улучшеніе очень облегчаетъ игру, особенно при быстрыхъ пассажахъ и переходахъ изъ тона въ тонъ. Пріятный и мягкій звукъ новыхъ фортепьянъ превосходитъ знатокани.

— Въ парижскомъ Политехническомъ-Институтѣ показываютъ нѣдемъ желѣзной дороги съ разными изобрѣтеніями и возвышенностями, новаго устройства, Американца Колмана. Надъ ва-

ПИСЬМА СЪ ДОРОГИ, *Чарльса Диккенса.* (°)

III.

(Отъ Авиньйона до Гинли.)

Показать намъ подземныя темницы, вѣдьма воображала, что произвела послѣдній, самый поразительный эффектъ. Шумно опустила траппу и скрестивъ руки на груди, стояла она, пытая и надуваясь съ важностью.

Когда мы все осмотрѣли, я пошелъ за вѣдьмой до ея дома, черезъ вѣшній портикъ крѣпости, чтобъ купить себѣ брошюру—исторію этого зданія. Хэрчевия старушонки состояла изъ мрачной, низкой комнаты, слабо освѣщенной маленькими окнами; печь въ ней походила на кузнечный горнъ; прилавокъ, возлѣ двери, былъ покрытъ бутылками, кружками и стаканами; кухонная утварь и одежда висѣли по стѣнамъ, и (какъ-бы для страннаго контраста съ вертливой вѣдьмой) у двери сидѣла женщина, элегматически вышивавшая чулокъ. Все это напоминало картину Остада.

Мнѣ казалось, что все видѣнное мною было сонъ, когда я обходилъ дворецъ снаружи, тѣмъ болѣе, что солнечныя лучи, пробивавшіеся и во внутрь подземныхъ сводовъ, производили во мнѣ сладостное чувство пробужденія отъ страшнаго сна. Чудовищная женщина и необыкновенная высота укрѣпленій, составляющихъ во многихъ мѣстахъ продолженіе скалы, тяжесть массивныхъ башенъ, обширность всего зданія, гигантскія пропорціи, грозный видъ, варварская неправильность его, внушаютъ изумленіе и страхъ. Воспоминаніе о противорѣчащихъ назначеніяхъ его приводитъ въ недоумѣніе: то оно служило неприступной крѣпостью, то дворцомъ для празднествъ, то страшной темницей, мѣ-

стоиъ пытокъ, трибуналомъ инквизиціи; война, увеселенія, празднества, религія и кровь придали этой громадѣ каменей странный интересъ непонятной легенды. Но долго-долго воображеніе мое не забывало дѣйствія солнца въ подземельяхъ. Превращеніе въ казарму для буйныхъ, праздныхъ солдатъ, грубые слова и ругательства которыхъ повторились эхомъ сводовъ, бѣлье которыхъ сушилось передъ грязными, запыленными окнами, было уже довольно унизительнымъ для этого грознаго замка; но настоящій ужасомъ его преимущественно проявился въ солнечныхъ лучахъ, пробивавшихся въ темницы и залу пытокъ. Еслибъ я видѣлъ его облитымъ пламенемъ пожара отъ разовъ до конечныхъ зубцовъ стѣнъ,—это пламя мести не столько поразило бы мое воображеніе сколько солнце, спокойно освѣщавшее своды и сокровеннѣйшія темницы его.

Прежде, нежели мы разстались съ дворцомъ намъ, я расскажу анекдотъ, найденный мною въ маленькой брошюрѣ, купленной у вѣдьмы; онъ очень вѣрно характеризуетъ замокъ:

Старинное преданіе гласитъ, что въ 1441 году, племянникъ Петра Луда, папскаго легата, оскорбилъ нѣсколькихъ авиньйонскихъ дамъ, родственницъ которыхъ изъ мщенія овладѣли молодымъ человѣкомъ и ужасно мучили его. Нѣсколько лѣтъ легатъ скрывалъ жажду мщенія; онъ даже самъ предложилъ примиреніе и, укрѣпивъ всѣхъ въ своей искренности, пригласилъ нѣсколько семействъ на роскошный пиръ. Всѣ были чрезвычайно веселы. За десертомъ является вѣтникъ и докладываетъ, что иностраннѣйшій посолъ проситъ особенной аудіенціи. Легатъ извиняется передъ гостями и удаляется съ своей свитой. Нѣсколько минутъ спустя, пятьсотъ человѣкъ были превращены въ пепелъ... весь флагель замка, въ которомъ пировали гости, былъ взорванъ порохомъ съ страшнымъ трескомъ.

Осмотрѣвъ церкви (сегодня я не буду наслушать вамъ описанія цер-

(°) Перья два письма напечатаны были въ предыдущей книгѣ О. 3.

жвей), мы послѣ получив оставили Авиныйонъ. Жаръ былъ нестерпимый; въ укрѣпленіяхъ спало множество народа въ тѣни, и нѣсколько праздныхъ, полусонныхъ группъ ожидали вечерней прохлады, чтобъ поиграть въ кегли между опаленными солнцемъ деревьями, на пыльной дорогѣ. Жатва была уже кончена, и цѣпы или лошади молотили рожь въ гумнахъ. Около вечера мы въѣхали въ дикую, холмистую страну, нѣкогда знаменитую своими разбойниками, и оттуда медленно стали взбираться по крутой дорогѣ. Въ одиннадцать часовъ вечера остановились мы въ Эксѣ (въ двухъ станціяхъ отъ Марселя), чтобъ провести тамъ ночь.

На другой день утромъ мы проснулись въ довольно-комфортабельной и прохладной гостинницѣ, благодаря жалужу и ставнямъ, тщательно-закрываемымъ для предохраненія отъ жара. Городъ показался намъ опрятнымъ; но въ полдень, вышедъ изъ прохладной гостинницы на свѣтъ, мы попали въ настоящее горнило: воздухъ былъ такъ свѣтелъ и прозраченъ, что отдаленнѣйшія скалы казались близкими, и легкій вѣтерокъ обхватывалъ насъ огненнымъ дыханіемъ.

Къ вечеру мы вышли изъ Экса и направились къ Марселю по дорогѣ безплодной и сухой до невѣроятности. Всѣ дома были затворены; виноградики покрыты бѣлою пылью; почти передъ каждымъ домомъ женщины очищали и варъзывали лопатами луковницы къ ужину. Отъ самаго Авиныйона заставляли мы женщинъ за подобными приготовленіями къ ужину.

Мы замѣтили два или три мрачные замка, окруженные деревьями и бассейнами, наполненными водой; вѣдуще это было тѣмъ освѣжительно для насъ, что оно рѣдко представлялось глазамъ нашимъ во всю дорогу. Въ окрестностяхъ Марселя, по дорогѣ встрѣчались намъ люди въ праздничныхъ костюмахъ; у дверей кабаковъ и харчевень образовывались группы людей; тамъ курали, пили, играли въ шашки и въ карты. Въ одномъ мѣстѣ мы

даже видѣли пляшущихъ; но за тѣмъ было вездѣ много.

Мы въѣхали наконецъ въ длинное грязное и чрезвычайно - населенное предмѣстье, миновавъ склоны горы, построенный бѣлыми бастидами или лачками марсельскихъ негоднѣтовъ, обращенными къ намъ то лицевыми, то задними фасадами, то острыми углами. — словомъ, разбросанными безъ всякой симметріи, безъ всякаго порядка.

Съ-тѣхъ-поръ я опять раза два или три видѣлъ Марсель въ хорошую и дурную погоду; слѣдовательно, не боясь ошибиться, могу сказать, что этотъ городъ могъ бы быть поприщомъ и поприщомъ. За то видъ на чудное Средиземное-Море, съ его скалами и островами, очарователенъ. Укрѣпленные возвышенности, съ которыхъ представляется эта панорама, манятъ къ себѣ еще по другимъ, менѣе-поэтическимъ причинамъ, ибо тамъ только можно вздохнуть свободно, не вдыхая въ себя страшной вони, распространяемой столбомъ водою гавани, куда выбрасываютъ всѣ помои съ кораблей и изъ соседнихъ домовъ.

На марсельскихъ улицахъ мы встрѣчали матросовъ всѣхъ цвѣтовъ — въ красныхъ, синихъ, желтыхъ, оранжевыхъ рубашкахъ; въ красныхъ, синихъ, зеленыхъ шапкахъ; съ бородами и безъ бородъ; въ чалмахъ, въ английскихъ и французскихъ шляпахъ и неаполитанскихъ колпакахъ. Жители сидѣли группами на троттуарныхъ скамьяхъ, или на крышахъ, или прогуливались по самому узкому и душному бульвару. Мы часто встрѣчали шайки людей свирѣпой наружности, преграждавшія намъ дорогу.

Въ центрѣ этого оживленнаго квартала стоитъ домъ уменьшенныхъ — низенькое, узкое, жалкое зданіе, выступающее фасадомъ на улицу, безъ всякаго двора; между заржавѣвшими желѣзными рѣшетками выглядывали лица сумасшедшихъ; солнце пекло и раздражало ихъ...

Мы остановились въ довольно-хорошей гостинницѣ «Ранъ», находящейся

въ узкой улицѣ съ вынесенными лавками; противъ гостиницы была лавка парикмахера. За однимъ изъ оконъ его лавки повертывались двѣ веселыя барыни, въ крайнему удовольствію хохливша-артиста, со всею семьею лѣтнею-подезлавшаго въ вынесенныхъ на троттуаръ креслахъ и съ достоинствомъ извѣщаго на восторгъ прохожихъ, которые вѣдали на куколъ. Когда мы, въ полночь, воротились въ гостиницу, семейство парикмахера вѣроятно уже спало, но самъ тучный хозяинъ сидѣлъ еще въ креслѣ, въ туфляхъ и халатѣ, не рѣшаясь, повидимому, закрыть ставни передъ своими красивыми барынями.

На другой день, мы сошли въ гавань, гдѣ матросы всѣхъ націй нагружали и разгружали суда самыми разнообразными товарами: шелками, матеріями, плодами, съѣстными припасами, сѣменами и масломъ. Мы навѣли одинъ изъ множества хорошенькихъ яликовъ, стоявшихъ у пристани, и поплыли между большими судами, пробираясь безпрестанно между натянутыми или спущенными въ воду канатами и встрѣчая другія лодки, подобно нашимъ украшенныя зонтиками, для защиты отъ солнечныхъ лучей. Мы доѣхали до краснаго пароваго пакетбота *Марія-Антуанетта*, готовившагося къ отплытію въ Геную и стоявшаго на якорѣ въ концѣ гавани. Между-тѣмъ, наша карета, тяжелая бездѣлушка лондонскаго Пантехникаона, важно ѣхала за нами на плоскодонной лодкѣ, задѣвая все, что ни попадалось ей на встрѣчу и преслѣдуемая невыразимыми ругательствами и бранью. Около пяти часовъ мы были въ открытомъ морѣ. Пакетботъ былъ блистательно чистъ и обрѣтенъ; намъ подали обѣдать на палубѣ, подъ палаткой; вечеръ былъ тихій, ласковый; небо и море невыразимо-прекрасны.

На другой день рано утромъ, мы проѣхали Ниццу и плыли близъ береговъ, въ вѣдѣвшихъ мысахъ отъ Корниши, доходя до 9 часовъ я вошелъ блуду голо-

рѣтъ. Прежде четвертаго часа по полуночи мы увидѣли Геную. Великолепный амитеатръ ея развивался предъ нами поочередно, терраса за террасой, садъ за садомъ, дворецъ за дворцомъ, возвышенность за возвышенностью. Это зрѣлище чрезвычайно занимало насъ до самаго вѣзда въ гавань. Тамъ, какъ настоящіе Англичане, мы позѣвали на капуцинскихъ монаховъ, вѣдавшихъ на насъ, и отправились въ Альберо, въ двухъ мысахъ оттуда, гдѣ наняли домъ.

Мы проѣхали по главнѣйшымъ улицамъ Генуи, но не по *Страда-Нуоа*, въ по *Страда-Бальби*; знаменитѣйшимъ улицамъ, обставленнымъ дворцами. Никогда въ жизнь свою я не былъ такъ огорченъ! Я былъ какъ-бы ошеломленъ странною новостію встрѣчавшихся мнѣ предметовъ, непривычною новью, необъяснимую неоправданностью этого города, слышащаго чистѣйшимъ городомъ Италіи, безпорядочностью некрасивыхъ домовъ, нагроможденныхъ одинъ на другой, узкими и грязными переулками — отвратительнѣйшими улицами Сен-Джейдскаго-Квартала въ Лондонѣ или древняго Парижа, въ которые входили и изъ которыхъ выходили не оборваные бродяги, но женщины хороши-одѣтыя, съ бѣлыми вуалами и широкими опахалами. Не было ничего общаго съ другими городами, видѣнными мною; словомъ, все въ этомъ скопищѣ грязи, безпорядка и неудобствъ, если не бѣдности, непріятнымъ образомъ поражало и изумляло меня. Я впалъ въ мрачную задумчивость. Какъ-бы въ изморозочномъ бреду видѣлъ я монаховъ, капуциновъ и солдатъ, большіе красные завитысы у входомъ въ церкви, улицы, идущія въ гору къ другимъ улицамъ, опять волующимъ въ гору, — прилавки торговомъ плодами, гдѣ апельсины и лимоны висятъ гирляндами, перенятые виноградными листьями, — гауптвахту, подземный мостъ, продающіе мороженнаго и лимонада, и т. п., пока наконецъ меня не выслали на мрачномъ дворѣ, морозномъ трамвѣ, за которыми слѣдо-

вало нѣчто въ родѣ красной тюрьмы и не скавалъ: здѣсь вы будете жить.

Я никакъ не надѣялся, что крѣпко полюблю мостовую въ Генуѣ и что буду вспоминать объ этомъ городѣ съ признательностью, внушаемою воспоминаніемъ о сладостныхъ часахъ покоя и счастья... Но прежде всего я долженъ былъ откровенно описать первыя впечатлѣнія, произведенныя на меня этимъ городомъ, и потомъ уже разсказать, какими образомъ они были замѣнены другими.

Отдохнемъ сперва послѣ долгаго путешествія.

IV.

(Мое убажище въ Альбаро.)

Первыя впечатлѣнія, производимыя такимъ мѣстомъ, не могутъ быть ни пріятны, ни утѣшительны. Для преодоленія унынія, овладѣвающаго вами при видѣ беспорядка и разрушенія, нужны время и привычка. Новизна, правящаяся вѣтъ вообще, правится мнѣ въ особенности. Я не скоро унываю, лишь-бы мнѣ средства продолжать свои занятія и исполнять прихоти. Мнѣ даже казалось, что у меня есть природное расположеніе привыкаться къ обстоятельству. И что же? До-сихъ-поръ я брожу и рыскаю по всѣмъ окрестностямъ, не будучи въ состояніи выйти изъ постоянного замуженія, и всегда возвращаюсь въ томъ же странномъ расположеніи духа въ свою виллу—виллу Баньерелло: нѣя поэтическое и романтическое; но синий-оръ Баньерелло нѣя болѣе, ни менте какъ масиникъ, живущій по близости. Мое единственное занятіе и развлеченіе состоитъ въ обсуживаніи сдѣланныхъ мною открытій и сравненіи ихъ съ тѣмъ, чего я ожидалъ; потомъ я опять пускаюсь бродить.

Вилла Баньерелло или Красная-Тюрьма, что, безъ всякаго тщеславія, гораздо-выразительнѣе, находится въ прелестнѣйшемъ мѣстоположеніи. Въ двухъ шагахъ благородный заездъ Ге-

нуэснѣй съ синими волнами Средиземнаго-Моря; тамъ-и-сямъ вы видите древніе дворцы и старыя пустыя лѣны; нѣзбо, высокія горы, вершины которыхъ часто исчезаютъ за облаками и по скаламъ которыхъ лежатъ крѣпостцы; передъ нами, отъ стѣнъ виллы до развалившейся церкви, высшейся на живописной прибрежнѣй скалѣ, виноградныя лозы вьются и грубую деревянную трельяжу, и между ними проходятъ безконечныя узенькія аллеи; по этимъ аллеямъ можно прогуливаться не опасаясь солнца, отъ котораго созрѣваютъ виноградныя кисти.

Къ этому удивительному мѣсту дозволно избираться по такимъ узкимъ переулкамъ, что въ тамошнѣй ожидали нѣзбо люди, смѣлавшіе самымъ широкій изъ этихъ переулковъ, чтобы улоостраниться, пробѣдетъ ли тамъ нѣзбо оживленіе. Эта важная церемонія происходила изъ улицъ, между-тѣмъ, какъ мы съ благовожествомъ ожидали результатовъ нѣрки. По счастью, пробѣлъ былъ возможенъ, въ такой, однакожъ, степени, что каждый день я люблюсь полосами, оставшимися отъ колесъ нашего экипажа по стѣнамъ, по обѣимъ сторонамъ переулка, по которому мы пробирались въ виллу Баньерелло. Меня поадраламъ съ тѣмъ, что я не подвергнулся одиной участи съ одной старой дамой, которая, нанявъ квартиру въ этой же части города, остановилась вдругъ съ своимъ экипажемъ посреди переулка, и такъ-какъ не было никакой возможности открыть дверецъ, то она должна была подвергнуться непріятности быть включенной въ кареты въ переднее окно, точно такъ, какъ вытаскиваются артемины изъ суелѣрской лодки.

Наконецъ, выбравшись изъ этихъ узкихъ переулковъ, вы подходите къ пертику, неплотно закрытому старой заржавѣлой рѣшеткой. У старой заржавѣлой рѣшетки виситъ ручка отъ колокольчика, за которую вы можете дергать сколько вамъ думъ угодно, но отвѣта не получите, потому-что колокольчикъ не имѣетъ никакого संब-

щенія съ домою. Къ-счастью, тутъ же есть старый заржавѣлый молотокъ, столь дурно прикрѣпленный, что онъ скользитъ въ вашихъ рукахъ, лишь-только вы къ нему прикоснетесь; но, появивъ наконецъ механизмъ его, вы стучите долго и терпѣливо — и вамъ отворяютъ. Большою частію мнѣ отворяетъ мой добрый курьеръ. Вы проходите чрезъ маленькій садикъ, поросшій сорными травами; потомъ входите въ четырехугольныя стѣны, похожія на погребъ; всходите по мраморной, полуразрушенной лѣстницѣ и вступаете въ обширный покой со сводами, стѣны котораго, выбѣленные известкой, напоминаютъ часовню или моделью методистовъ; этотъ покой называется залой — *la sala*. Въ немъ пять оконъ и пять дверей. Картины, украшающія стѣны, обрадовали бы тѣхъ лондонскихъ картинныхъ реставраторовъ, въѣски которыхъ изображаютъ картину, раздѣленную на двое, и ставятъ васъ въ несправдливое сомнѣніе насчетъ того, вычистилъ ли находчивый артистъ одну половину, или замаралъ другую. Мѣбель въ этой залѣ покрыта красной парчой. Кресла стоятъ неподвижно; они такъ тяжелы, что ихъ трудно сдвинуть съ мѣста. Диванъ въ-сигъ нѣсколько центнеровъ.

Въ томъ же этажѣ, вокругъ этой обширной комнаты, находятся столовая, гостиная и другіе жилые покои, всѣ со множествомъ оконъ и дверей. Наверху еще комнаты въ бѣдственномъ положеніи, и — *кухня*; впрочемъ, внизу есть еще другая кухня съ разнообразными печами, и похожая на лабораторію алхимика. Есть у насъ еще шесть маленькихъ комнатъ, служащихъ въ знойномъ іюльскомъ мѣсяцѣ убѣжищемъ для слугъ отъ невыносимаго жара. Тамъ мой добрый курьеръ проводитъ вечера, играя на разныхъ инструментахъ своей фабрикаціи. Словомъ, моя villa обширное, печальное зданіе, эхо котораго наводитъ страхъ, и гдѣ весьма-легко можно встрѣтить какое-нибудь привидѣніе.

Изъ залы выходъ на террасу, огра-

жденную деревянною рѣшеткой. Подъ террасой часть сада отгорожена для конюшни, служащей въ настоящее время коровнею, обитаемою тремя коровами, дающими намъ молоко въ изобиліи. По близости нѣтъ никакого пастбища; коровы никогда не выходятъ, жуютъ-себѣ спокойно виноградные листья и, какъ настоящія итальяскія коровы, вполне наслаждаются національнымъ *dolce far niente*. Днемъ за ними присматриваютъ, а ночью съ ними вмѣстѣ спятъ старикъ Антоніо и сынъ его — два уроженца Сиенны, съ загорѣлыми лицами, обнаженными руками и ногами, въ рубашкахъ, короткихъ панталонахъ, опоясанные красными кушаками и носящіе на шеѣ талисманы или амулеты. Старому Антоніо очень хочется обратить меня въ католическую вѣру. Онъ часто увѣщаетъ меня. Вечеромъ мы иногда садимся вмѣстѣ на скамью возлѣ двери, какъ Робинзонъ Крузо и Пятница, съ тою только разницею, что здѣсь слуга поучаетъ господина. Онъ охотно рассказываетъ исторіи... Мнѣ кажется, что онъ это дѣлаетъ болѣе для того, чтобъ показывать мнѣ, какъ онъ искусно подражаетъ пѣнію пѣтуха.

Я уже сказалъ, что видъ у меня передъ глазами очаровательный; но днемъ нельзя открывать ставень, иначе можно забѣситься отъ жара; вечеромъ же надобно непременно закрывать ставни, иначе москиты доведутъ васъ до самоубійства. Следовательно, въ это время года невозможно наслаждаться зрѣлищемъ. Что же касается до мухъ, то необходимо привыкнуть къ нимъ, также и къ блохамъ непомѣрной величины, въ такомъ множествѣ населяющимъ сарай, что я оо-дѣна-на-дѣнь ожидаю, что онъ соберется вмѣстѣ и общими силами выведутъ оттуда нашу карету. По счастью, крысы содержатся въ почтительномъ отдаленіи и дисциплинирѣ двумя десятками тощихъ кошекъ, безпрестанно охотящихся за ними. На ящерицъ, играющихъ въ саду на солнцѣ и не

нующихъ, никто не обращаетъ вниманія. Маленькіе скорпионы — только любовитная рѣдкость. Жуки вымуче что-то замедлились; ихъ еще не видать; лягушечекъ достаточно количество; въ одной изъ сосѣднихъ впадин есть бассейны, въ которыхъ болѣе лягушечекъ, нежели воды, и съ наступленіемъ ночи по тротуарамъ слышно неприятное шлепанье этихъ животныхъ, вышедшихъ прогуляться. О кваканьи ихъ ужъ и не говорю...

На узкіе переулки выходятъ большія улицы, наружныя стѣны которыхъ живописны фресками, изображающими притчи и религіозные сюжеты. Но время в порской воздухъ до того перемѣнилъ ихъ, что они похожи на входъ въ залъ лондонскаго воксала въ солнечный день. Дворы этихъ улицъ поросли сорными травами. Отаратительныя катя, подобно лезвямъ на живомъ тѣлѣ, гремятъ по колѣн статуи; рѣшетки заржавѣли, ставни оборваны, обломаны. Въ великолѣпныхъ комнатахъ, въ которыхъ не достаетъ только роскошной мебели, складываютъ дрова. Фонтаны испорчены и не бьютъ; нѣтъ весьма-немногихъ тоненькая струйки воды падаетъ въ массивныя мраморныя чаши и распространяетъ ночью сырость въ воздухъ. Вотъ картина, надъ которою уже два дня дуетъ суровый. Кажется, сидишь возлѣ огромной печи, затопленной передъ праздникомъ!

Въ прошлую пятницу была религіозная церемонія, или *festa*, въ честь матери Богородицы, и молодые люди, вооруженные тирсами, которые обиты виноградными листьями, составили процессію. Сцена была довольно-живописная, хоть я и долженъ признаться въ особеннѣйшей: я не зналъ, что день былъ праздничный и вообразилъ, что тирсы служили имъ для отогнанія мухъ.

Вчера — опять праздникъ; кажется, въ честь святаго Навара. Одинъ изъ молодыхъ людей принесъ мнѣ послѣ завтрака два огромные букета и самъ подошелъ ко мнѣ. Это были вѣнчаныя

предлозь собрать нѣсколько денегъ, чтобы нанять музыкантовъ для массы. Мы съ удовольствіемъ заплатили дань, и молодой денутатъ, весело поблагодаривъ насъ, удалился. Въ шесть часовъ по полудни, мы пошли въ церковь, входящую по близости, украшенную фестонами и драпировками и наполненную женщинами. Женщины не носятъ шляпокъ, а накрываютъ на голову просто длинный бѣлый вуаль, — вуаль — что очень-красиво и граціозно. Женщины сидѣли; мужчины было очень мало; они стояли на колѣнкахъ въ арходахъ, такъ-что легко можно было наткнуться на нихъ и упасть. Нечисленное множество свѣчей составляло богатую иллюминацію, при освѣщеніи серебряными и жестяными украшениями, расточаемыми здѣсь всѣми священниками сидѣли вокругъ главнаго алтара; торжественныя звуки органа сливались съ музыкой оркестра, которыми дирижировалъ каполамейстеръ, усердно колотившій свертокъ нотъ въ пюмиту: трудно было угадать, долженъ ли быть или сердился каполамейстеръ на свой оркестръ, потому что онъ коверкался наизвѣстѣйшійся. Потому зашѣлъ теноръ, лучше-сказать, должно быть теноръ, потому-что у него рѣшительно не было никакого голоса. Въ жазѣ сидѣлъ не слышалъ ничего неблагозвучнаго этой инструментальной и вокальной музыкой; впрочемъ, это, быть-можетъ, отъ-того, что жаръ въ церкви былъ нестерпимый.

Въ церкви, простой народъ не-е-ему проводилъ праздникъ, играя въ кегли или лакомясь сладостями. На играющихъ были красныя рубашки; черезъ плечо были перекинуты тирсы, которыхъ они никогда не касались. Шестеро изъ нихъ, отъѣхавъ партію, отправлялись въ церковь, и макивали пальцы въ крошечныя чашечки, прислуживая, преподносили свѣчки, отъ которыхъ нѣсколько поклоновъ, и опять возвращались къ своей партіи.

По сосѣдству съ нами находилась обширный палатко, въ которой

казали одному изъ членовъ фамиліи Бриньйоле, но теперь нанятый на лѣто іезуитскимъ коллегіумомъ.

Вчера вечеромъ, послѣ солнечнаго заката, я обходилъ этотъ палаццо снаружи, погрузившись въ мечты, обыкновенно рождаемыя въ умѣ видомъ развалинъ. Обширный дворъ окруженъ съ одной стороны самымъ зданіемъ, съ двухъ боковыхъ колоннадой, а съ четвертой террасой, высвѣщающей надъ садомъ и откуда видна цѣпь дальнихъ горъ. Не знаю, есть ли въ мостовой этого двора одна цѣльная плита. Посрединѣ его уныло стоитъ статуя, до того обезображенная, что трудно угадать первобытную ея форму. Конюшни, саран, службы пусты; двери, съ оборванными петлями, готовы уступить первому напору; стекла перебиты и, тамъ-и-сямъ, спотыкаешься о кучи мусора отъ обваливающейся штукатурки. Домашнія птицы и кошки располагались по всему зданію съ такою безцеремонностью, что я невольно вспомнилъ волшебныя сказки и подозрительно смотрѣлъ на нихъ, какъ на жертвы какого-нибудь фантастическаго заговора, ожидающія окончанія срока непріятному превращенію. Особенно старый котъ, съ щетинистою шерстью, свѣтлыми, зелеными глазами, со впалыми боками отъ голода (вѣроятно, какой-нибудь бѣдный родственникъ бывшаго владѣтеля замка), долго вертѣлся около меня, какъ-бы воображая, что я тотъ герой, которому суждено жениться на молодой принцессѣ и разрушить очарованіе; но, замѣтивъ свою ошибку, котъ маукнулъ съ неудовольствіемъ и убѣжалъ, поднявъ хвостъ такъ высоко, что для возвращенія въ дур, служившую ему триумфальными воротами, онъ долженъ былъ обождавъ, цока негодованіе его пройдетъ и хвостъ опустится.

Между колоннадой есть, однакожъ, нѣсколько обитваемыхъ комнатъ, въ которыхъ въ прошломъ году жило нѣсколько Англичанъ, подобно червямъ въ ермашей скорлупѣ; но іезуиты при-

казали имъ очистить палаццо, и они выѣхали изъ него.

Все было тихо, пустынно. Печальное эхо вторило голосу моему. Двери были отворены и мнѣ казалось, что я могъ бы очень-спокойно войти во дворецъ, поселиться, жить и умереть въ немъ, безъ всякой, съ чьей либо стороны, помѣхи. Но вдругъ молодой, свѣжій голосокъ послышался въ одной изъ комнатъ верхняго этажа, — женскій голосокъ, распѣвавшій бурную арію... Слѣдовательно, въ этомъ дворцѣ былъ еще жилецъ сего міра?.. А можетъ-быть я басталъ въ распахъ одну изъ таинственныхъ фей таинственнаго зданія?

Тихими шагами осторожно вступилъ я въ садъ. И тамъ видны были только слѣды прежняго великолѣпія. Направленіе аллей, поросшихъ травой; было еще видно; обезображенные статуи украшали еще террасы; листья апельсиновыхъ деревьевъ сохранили свой блескъ: вода застывалась въ бассейнахъ, обложенныхъ камнями... Плевелами заглушались пѣты, оставленные безъ присмотра; разнородныя наскочныя лѣтніе переползали черезъ дорожки: блестящаго во всей этой картинѣ былъ одинъ только свѣтъ, перескакивавшій съ мѣста на мѣсто неправильными прыжками, какъ угадывающая звѣзда, упавшая на землю или, если хотите, какъ послѣдній лучъ угаснуваго блеска этого великолѣпнаго дворца и сада его.

V.

(Первый очеркъ Генуи. — Улицы. — Лавки. — Дома.)

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, памятныхъ тѣмъ новымъ впечатлѣніямъ, нѣмало-по-малу приняла обязательныя формы. Я уже начинаю думать, что со-временемъ, на-примѣръ по прошестіи года, когда я долженъ буду прекратить свои каникулы и воротаться въ Англію, мнѣ трудно будетъ разстаться съ Генуей.

Это городъ, открывающійся передъ вами постепенно, со-дня-на-день. Кажется, постоянно замѣчаешь въ немъ что-нибудь новое. Сколько удивительныхъ улицъ и странныхъ переулковъ! Вы можете заблудиться въ нихъ двадцать разъ въ день (какое невыразимое удовольствіе для того, кому нѣчего дѣлать!), потомъ, вечеромъ, возвращаясь домой, прихотливо заворачивая направо и налево, можете заблудиться еще нѣсколько разъ въ добавокъ. Генуя изобилуетъ контрастами, являясь во всѣхъ видовизмѣненіяхъ своихъ крайностями то прекраснѣйшаго, то отвратительнѣйшаго, то грубѣйшаго, то самого великолѣпнаго, очаровательнаго, то самого безобразнаго!

Большую частію улицы такъ узки, какъ только улицы могутъ быть узки въ городѣ, населенномъ жителями, нуждающимися въ путяхъ сообщенія; эти улицы — настоящіе коридоры или, лучше сказать, щели. Домы чрезвычайнo-высоки, размалеваны всѣми цвѣтами, и въ такомъ жалкомъ состояніи, что кажутся необитаемыми. Квартіры въ этихъ домахъ занимаютъ цѣлыми этажами, какъ въ Старомъ-Эдмбургѣ. На улицу дверей мало. Стѣны, вообще, считаются общественною собственностью, какъ улицы... Какое состояніе могъ бы составить себѣ предпріимчивый человѣкъ, который свѣдѣлъ бы подраядъ чистки стѣнъ и улицъ! Такъ-какъ нѣтъ никакой возможности ѣхать по этимъ улицамъ въ экипажѣ, то въ нихъ часто встрѣчаются носилки, золоченыя и простыя, которыя можно нанять какъ извозчика. Дворянство и купечество имѣютъ свои особенныя носилки, которыя вы встрѣтите вечеромъ по всѣмъ направленіямъ, предшествуемая лакеями съ большими холстинными фонарями. Носилки и фонари — законные преемники лошаковъ, терпѣливыхъ и оклеветанныхъ животныхъ, побрякивающихъ днемъ своими колокольчиками, а вечеромъ замѣняемыхъ носилками и фонарями съ такою же регулярностью, съ

какою звѣзды заступаютъ мѣсто солнца.

Нѣтъ, никогда не забуду я дворцовыхъ улицъ: Страла-Нуова и Страла-Бальби. Какъ прелестна была Страла-Нуова, когда я увидѣлъ въ первый разъ, при свѣтломъ, прозрачномъ, синемъ небѣ узкую перспективу длинныхъ домовъ ея при золотистомъ свѣтѣ солнца!.. Ошибутся тѣ, которые подумаютъ, что свѣтъ этотъ здѣсь ирѣдкость: въ-продолженіе двухъ мѣсяцевъ, іюля и августа, здѣсь была хорошая погода всего разъ восемь, не болѣе; то-есть, по разу въ недѣлю; исключая, однакожь, утра, когда я любовался волнами и небомъ, подобными лазоревымъ облакамъ... Но нѣсколько часовъ спустя, набѣгали тучи и задерживали небо, — такіа тучи, которыя навели бы слезы на Англичанина, даже въ собственномъ, родномъ его климатѣ.

Сколько чудныхъ подробностей въ этихъ богатыхъ дворцахъ! Во-первыхъ, каменные, огромные балконы, тяжело висящіе одинъ надъ другимъ, по этажамъ; иногда верхній балконъ болѣе другихъ и похожъ на настоящую мраморную платформу. Войдите въ стѣну, и вамъ представится обширный покой безъ дверей, съ низкими окнами, которыя защищены массивными желѣзными рѣшетками; не встрѣчалъ ни привратника, ни швейцара, вы всходите на гигантскую лѣстницу; между тяжелыми мраморными столбами, арками, похожими на крѣпостныя своды, въ полахъ съ стрѣлчатыми сводами, шаги ваши пробуждаютъ таинственное, меланхолическое эхо...

Часто между двумя зданіями высятся садъ террасой въ двадцать, тридцать, сорокъ футовъ надъ улицей. Тамъ, гдѣ плесень или время не покрыли, или не истребили твореній художника, прекрасныя фрески напоминаютъ старинное величіе Генуи. Мѣстами остались еще благородныя или роскошныя слѣды этихъ фресокъ; тутъ увидѣла отъ фигуры только рука, держащая вѣнокъ или гирлянду

даже, высокая фигура, тѣлоудруженная или сладострастно-драпированная, летитъ вверхъ, какъ-бы отыскивая свои крылья, или спускается внизъ, какъ-бы желая укрыться изъ ниши, гдѣ также стыдливо укрывается изуродованная статуя. Иногда живопись кажется еще болѣе жалкою по дѣйствию контраста, гдѣ кисть какого-нибудь реставратора дерзнула подмалевать или подсвѣжить купидончиковъ, какъ-бы распускаящихся простую, служащую цинферлатомъ для сельскихъ часовъ.

Сверхъ того, въ Генуѣ есть еще своя коллекція дворцовъ, сравнительно меньшихъ, но все-таки еще довольно-обширныхъ, которые находятся по сторонамъ восходящихъ дворцовыхъ улицъ, оканчивающихся поперечными террасами, пересекающими другія улицы или выходящими надъ другими также возвышенными террасами. Въ этомъ городѣ на каждомъ шагѣ встрѣчаются контрасты: изъ улицы съ великолѣпными зданіями вы вдругъ входите въ лабиринтъ грязныхъ переулковъ, распространяющихъ ужасную вонь, населенныхъ росей полунагихъ мальчишекъ и отвратительными лицами: зрѣлище до того величественное и иррациональное, исполненное жизни и смерти, шумное и мирное, гордое и покорное, живое и лѣтнее, что закружится голова у иностранца, на удачу бродящего изъ-за-вороты-изъ-за-вороты и встрѣчающего эту фантазмагорію, со всѣми неправдоподобностями несбыточнаго сна, со всѣми непріятностями и радостями дѣйствительности!

Разнородная судьба нѣкоторыхъ изъ генуэзскихъ дворцовъ весьма-замѣчательна. На-примѣръ, мой добрый, гостепріимный другъ, англійскій банкиръ, имѣетъ свою контору въ одномъ палаццо Страда-Нуова. Въ сѣняхъ, (расписанныхъ замѣчательными фресками, но столь же грязныхъ, какъ полицейская комната въ Лондонѣ), мрачный Сарацинъ, съ астробиннымъ носомъ и длинной черной щетиной на

головѣ, продаетъ трости. Съ другой стороны двери — женщина съ красивой повязкой на головѣ (гѣростіо, жена астробинного носа), продаетъ извѣстныя ей вещи, а иногда и дѣтцы. Немного-подалѣе, трое сѣрыхъ испанскихъ вросать милостыню; иногда къ нимъ присоединяется безвѣстный молодой человекъ, раздѣлающій въ точкѣ; лицо у этого бѣдняка такое здоровое, щеки такъ полны и, вообще, онъ пользуется такимъ хорошимъ здоровьемъ, что похожъ на человека, до неслыханнаго высунавагося изъ траншеи или зарытаго въ землю. Еще подалѣе, въ полдень снятъ нѣсколько человекъ, или носильщики ожидаютъ своего господина. На-дѣло въ сѣняхъ есть углокъ, въ которомъ продаются шашки. Въ первомъ этажѣ, кромѣ конторы, занимаетъ квартиру цѣлая семья. Богъ-знаетъ, что въ верхнихъ этажахъ!.. Въ глубинѣ сѣней есть маленькая дверь на заржавѣлыхъ, испещренныхъ петляхъ, ведущая на молчаливый дворъ, гдѣ, какъ и вездѣ въ Генуѣ, между разбитыми плитами местовой растетъ густая трава. Никакой человѣческій звукъ не отлѣтѣлъ на рѣкѣ, пронзительный скрипъ двери. Передъ нами стоитъ каменный великанъ, наклонившійся надъ урной, которая стоитъ на искусственной скалѣ. Изъ этой урины выходитъ омытый жолобъ, изъ котораго нѣкогда текла вода... но, увы! она давно пересыхла. Великанъ-вопирилъ холодный, неподвижный взглядъ свой въ иссохшій источникъ. Кажется, будто онъ употребилъ всевозможное усиліе, чтобъ добыть воды изъ полуиссохнутой урины и, вскричавъ подобно ребенку: *мать воды!.. остолебѣлъ; остолебѣлъ въ отчаяніи.*

Въ тѣхъ улицахъ, гдѣ лавки, генуэзскіе дома менѣе обширны, но чрезвычайно-высоки, да и чрезвычайно-грязны, безъ сточныхъ трубъ: о послѣднемъ угадываетъ даже мое обоняніе, непріятнымъ образомъ перемешанное особаго рода запахомъ, который я могу сравнить развѣ только съ запахомъ чрезвычайно-дурнаго сыра,

пролежавшаго нѣсколько времени въ шерстяныхъ теплыхъ одѣлахъ.

Не смотря на высоту домовъ, кажется, что встарину городъ не довольствовался назичнымъ числомъ жилищъ. Вездѣ, гдѣ только была возможность, позволяли строиться. Если архитекторъ оставлялъ какой-нибудь уголокъ или впадину въ паружной сторонѣ церкви, если въ какой-нибудь стѣнѣ осталась незанятою ниша, то въ нихъ какъ грибъ вырастала лавочка. Правительственный дворецъ, сенатъ, всѣ вообще казенныя зданія облеплены лавочками, какъ киль стараго судна облеплено раковинами и улитками. Впрочемъ, большая часть домовъ въ Генуѣ отличается неправильностью; то они выступаютъ на улицу, то вдаются назадъ, то выступаютъ угломъ, опираясь другъ у друга свѣтъ, воздухъ и мѣсто, до-тѣхъ-поръ, пока, наконецъ, послѣдній домъ не преградить вамъ совершенно дороги... и вы ничего болѣе не видите.

Одна изъ грязнѣйшихъ и безобразнѣйшихъ частей города, по моему мнѣнiю, та, которая ведетъ къ набережной; впрочемъ, можетъ-быть, я сужу по первому впечатлѣнiю, въ день нашего прибытiя. И тамъ также дома чрезвычайно-высоки, чрезвычайно-неправильны и почти у каждаго окна виситъ либо развѣшавшаяся по воздуху стора, либо коверъ, либо бѣлье, либо цѣлый гардеробъ, — но непременно что-нибудь да виситъ. Передъ порогами домовъ есть низкіе, мрачные своды, прикрывающіе родъ древнихъ склеповъ. Камни и штукатурка этихъ склеповъ почернѣли отъ времени и въ нихъ навалены кучи сора и объѣдковъ. Подъ этими сводами, обыкновенно, поселяются продавцы макаронъ и поленты. Можно себѣ представить, возбуждается ли видъ этихъ лавчонокъ аппетитъ. Украшенiю этого квартала способствуютъ еще два рынка, рыбный и зеленый; первый, собственно, не что иное, какъ улица, въ которой рыбныя торговли спятъ либо просто на землѣ, либо на тумбахъ, и продаютъ,

если есть что продавать. Зеленой рынокъ похожъ на рыбный. Такъ-какъ на нихъ съ утра до вечера толпится народъ, то воздухъ и не можетъ быть чистъ. Наконецъ, тамъ же находится вольный портъ, гдѣ заграничныя товары только тогда платятъ пошлину, когда ихъ раскупаютъ и увозятъ, какъ въ англійскихъ складочныхъ магазинахъ. У дверей стоятъ двое таможенныхъ въ полномъ мундирѣ и трехуголкахъ; они имѣютъ право обшаривать выходящихъ и строго отдалаютъ монаховъ и дамъ, ибо опытъ доказалъ, что тѣ и другіа легко повинуются искушенiямъ контрабанды и занимаются ею однимъ и тѣмъ же способомъ, то-есть, пряча запрещенный товаръ подъ широкимъ, длиннымъ платьемъ... Вотъ причина, по которой ни монахи, ни дамы не имѣютъ права входить въ генуэзскій *порто-франко*.

Нѣкоторыя улицы имѣютъ исключительно одно предназначеніе; такъ, на-примѣръ, есть улица явелировъ, улица книгопродавцевъ; но многіе изъ купцовъ выставляютъ свой товаръ или приводятъ его въ известный порядокъ. Вы, болѣею частью, входите въ лавку, ртестесь, ищете, находите, что вамъ нужно, и освѣдомляетесь о цѣнѣ. Многіа вещи продаются тамъ, — гдѣ вамъ и въ умъ не придетъ искать ихъ; на-примѣръ: кофѣ у парижниковъ; если вамъ нужно купить говядины, такъ вы найдете ее въ какомъ-нибудь мрачномъ, уединенномъ уголку, за старымъ занавѣсомъ, какъ-будто бы мясо — ядъ, и смертная казнь угрожаетъ мяснику.

Въ нѣкоторыхъ аптекахъ собираются праздные люди. Вы встрѣтите тамъ важныхъ особъ, которыхъ, опершись на старинныя трости съ костянымъ набалдашиникомъ, передаютъ другъ другу генуэзскую газету. Нѣкоторые изъ этихъ важныхъ особъ — бѣдные врачи, терпѣливо ожидающіе не набѣжить ли въ аптеку посланный отъ какого-нибудь опасно больного. Это можно замѣтить по выраженiю ихъ физиономіи, при входѣ новаго лица и по воздуху,

пускаемому ими, когда они видятъ, что вы пришли только за лекарствомъ, а не за лекаремъ. Въ цирюльни собирается мало праздыхъ, хотя первыхъ несчетное число, ибо вѣдь почти никто уже не бѣтается самъ; но у аптекаря есть свой кружокъ, собирающійся въ углубленный уголъ аптеки, гдѣ его въ пасмурный день и не увидишь. Въ такое время вы подвергаетесь опасности сдѣлать такую же ошибку, какую я сдѣлалъ недавно, принявъ одного изъ членовъ ученаго факультета за огромную бутылъ съ какимъ-нибудь лошадинымъ лекарствомъ...

✱

ДЕСЯТЫЙ БОЙ БЫКОВЪ (LA DECIMA CORRIDA DE TOROS) ВЪ МАДРИТЕ, ВЪ 1843 ГОДУ.

Статья Алеханса де-Валена.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ я воротился изъ Испаніи, не прошло, кажется, ни одного дня, чтобъ меня не спросили: «Какъ вамъ нравится королева? Какъ вамъ нравится бой быковъ?» Изъ этого я заключилъ, что изъ всѣхъ достопримѣчательностей полуострова любопытство Парижанъ болѣе всего возбуждаетъ... бой быковъ, и на опытъ убѣдился, что живые рассказы гг. Меривѣ и Теофила Готье и немнѣе вѣрные новѣйшіе рассказы изъ Пампелуны не только не истощили интереса, но еще болѣе возбуждали его. На этомъ основаніи и по той причинѣ, что этотъ предметъ мнѣ самому нравится, я вамъ расскажу, если позволите, трагедію, которой, вѣроятно мнѣсяцъ назадъ, я былъ свидѣлемъ въ Мадридѣ и которая тронула и поразила меня болѣе всѣхъ драмъ Шекспира.

Позвольте мнѣ сперва сдѣлать краткое вступленіе. До описанія настоящаго состоянія *taurомахіи* въ Испаніи, мнѣ кажется необходимымъ рассказать ея происхожденіе и постепенныя измѣненія, сдѣлавшія изъ опасной забавы настоящее искусство (*el arte de torear*), — искусство, имѣющее, подобно хореографіи или фехтованію, свои законы, правила, постановленія. Можетъ-быть, рассказъ мой получитъ болѣе интереса, если я скажу, что большую часть моего вступленія извлекаю изъ сочиненія, написаннаго знаменитымъ Францискомъ Монтесомъ, о литературномъ талантѣ котораго никто еще не говорилъ (*).

По мнѣнію перваго матадора нашего столѣтія, происхожденіе этихъ боевъ можно отнести ко времени владычества Римлянъ и даже далѣе. Любимѣйшее зрѣлище Римлянъ было, какъ извѣстно, бой людей съ дикими животными, и величественныя толедскія и меридскія развалины амфитеатровъ свидѣтельствуютъ, что нигдѣ въ цѣломъ мірѣ не были великолѣпнѣе празднуемы эти варварскія и жестокія (*cruelles y barbaros*) торжества, какъ въ Испаніи.

Впрочемъ, достовѣрно, что быки никогда не появлялись въ циркахъ: бойцы имѣли дѣло только со львами и тиграми. Впрочемъ, вступленіе въ книгѣ Монтеса чрезвычайно напыщенно и натянуто, а то техническая часть ея проста и удобопонятна.

Оставимъ допотопныя времена и даже эпоху владычества Римлянъ, и обратимся лучше къ самой Испаніи, къ Сиду. Преданіе гласитъ, что знаменитый Рюи или Родриго-Діазъ дель-Виваръ, прозванный Сидомъ, первый дрался съ быками. Многіе знатные дворяне послѣдовали примѣру страннаго героя, и вскорѣ эти побоища, служившія долго препровожденіемъ времени для однихъ дворянъ, сдѣлались непре-

(*) *Taurомаquia completa, ó sea el arte de torear en plaza, escrita por el celebre lidiador F. Montés. Madrid, 1836.*

иѣною принадлежностью всѣхъ народныхъ празднествъ. Барды воспѣвали подвиги бойцовъ, и библиофилы дорого бы заплатили за маленькую поэму, написанную въ 1124 году на знаменитый бой быковъ, бывшій по случаю бракосочетанія Альфонса III съ Беренгуэлой ла-Чика, дочерью графа барселонскаго.

Въ началѣ XIV столѣтія, подобныя арѣднща появились и въ Италіи, но точнѣе же были запрещены, потому что были почти всегда оставались побѣдителями. Въ 1332 году, девятнадцать римскихъ вельможъ погибли въ циркѣ, не говоря уже о простомъ народѣ, о числѣ котораго лѣтописцы не считаютъ нужнымъ упоминать.

Въ Испаніи же, возраставшая страсть поддерживала бои съ быками. Въ царствованіе Іоанна II, ими заинтересовались туркиры, и, видѣвъ того, что набѣгать другъ на друга съ копьями въ рукахъ, испанскіе рыцари старались доказать свое мужество, выходя на арену въ шелковомъ придворномъ костюмѣ и, за одну улыбку возлюбленной, нападали на свирѣпыхъ животныхъ. Этотъ обычай сохранился до XVI вѣка, потому что Фернандъ Кортесъ, будучи юношей (около 1500 года), присутствовалъ на одномъ изъ боевъ и видѣлъ, какъ грозный, разъяренный быкъ поочередно побѣждалъ своихъ противниковъ, но вдругъ одна изъ бывшихъ тутъ дамъ, имѣвшая, вѣроятно, прелесть на сердце будущаго побѣдителя Мексики, бросила свой букетъ къ ногамъ бѣшеннаго животного. Погибель была почти неизбежна; не смотря на то, Кортесъ, по знаку красавицы, перескочилъ черезъ барьеръ, подпалъ букетъ подъ рогами быка, воротился на свое мѣсто и бросилъ цвѣты въ лицо красавицѣ, изъявивъ такимъ образомъ повиновеніе и мужество какъ рыцаря, и негодование какъ любовника. Это, кажется, повтореніе всемірнаго анекдота, только приуроченнаго къ испанскимъ нравамъ.

Изабелла-Католичка первая положила преграду этимъ кровавымъ уве-

селеніямъ. «Она не любила быковъ, какъ говорятъ въ Испаніи. Съ ужасомъ присутствовала она на одномъ изъ побоевъ и пѣвнела намѣреніе запретить ихъ. Эта угроза ввергла въ панику все юное дворянство; вслѣдствіе умоляли королеву отменить строгіе приговоры: она оставалась непреклонною. Наконецъ, ей обѣщали надѣвать на рога быковъ кожаные подушечки. Благодаря этой выдумкѣ, Испанія сохранила свое любимое арѣднще; вѣтъ, королева или забыла объ этомъ условіи, или привыкла къ побойкамъ, и они опять получили прежній интересъ, то-есть, сдѣлались смертельными, кровопролитными.

Карлъ-Пятый возвелъ тауромахію на прежнюю степень величія. Онъ самъ былъ типомъ, идеаломъ настоящаго *aficionado*. Онъ не только вощиралъ своихъ присутствіемъ, совѣтанъ, рукоплесканіями мужественныхъ бойцовъ, но самъ часто выступалъ на арену, и владѣлъ имперіи, въ которой солдаты никогда не заходили, гордился заслуженною славой мужественнаго, искуснаго *torero*. Это не было прихотью молодости, потому что и подъ старость онъ сохранялъ привязанность къ бою съ быками.

Исторія повѣствуетъ, что Карлъ-Пятый, по случаю рожденія своего сына Филиппа II (ему-самому было тогда 27 лѣтъ отъ роду), убилъ, на Вальадолидской-Площади, красиваго, сильнаго быка. По примѣру Карла-Пятаго, многіе изъ знатнѣйшихъ грандовъ стали славой отличныхъ бойцовъ.

Угроמוму Филиппу II болѣе нравились удивленіе и тишина мрачнаго Эскуріала, нежели народныя увеселенія; онъ и не думалъ о мадридскомъ циркѣ, но Филиппъ III приказалъ перестроить его, а Филиппъ IV самъ выступалъ на его арену.

Въ несчастное царствованіе Филиппа IV, были напечатаны первыя арѣднща тауромахіи. Судя по этимъ арѣднщамъ, прежніе бои нисколько не подходили на выѣзжныя. Впрочемъ, уже при Филиппѣ IV кровавые бои жесте-

ки. Всадникъ, опрокинутый быкомъ, долженъ былъ продолжать борьбу одинъ, безъ всякой посторонней помощи; если же онъ выходилъ изъ цирка, не убивъ быка, то навсегда лишался добраго имени. Только въ случаѣ преломленія коня онъ имѣлъ право взяться за мечъ.

Послѣ сарагосской битвы, въ XVII вѣкѣ, бывшей въ присутствіи дона-Хуана-Австрійскаго, дѣла приняли другой оборотъ. Филиппъ V до того возмущалъ эти кровавыя побоища, что церковь, изъ угожденія ему, запретила ихъ, отказавъ въ христіанскомъ погребеніи ихъ жертвамъ, и дворяне, пораженные торжественной анаемой, поневолѣ должны были отказать отъ любимаго увеселенія. Но народъ упорствовалъ, и бой сохранился, не смотря на гнѣвъ церкви и короля.

Дворянство, отказавшись отъ своихъ правъ, предоставило ихъ другому классу людей, которые изъ тавромахіи создали себѣ исключительное занятіе и возвели ее на степенъ настоящаго искусства. Вскорѣ явился Франциско Ромеро-де-Ронда, первый ставшій съ быкомъ лицомъ-къ-лицу и поразившій его однимъ ударомъ, локко нанесеннымъ. Съ-тѣхъ-поръ, страсть къ побойщамъ развилась съ такою силою, что, вопреки всѣмъ запрещеніямъ, слѣдалась національною.

Въ послѣдствіи, Фердинандъ VII подтвердилъ и узаконилъ эту страсть, основавъ въ Севильи школу тавромахіи.

Вотъ краткая исторія побоищъ съ быками.

Чтобъ дать вамъ понятіе о нынѣшнемъ ихъ состояніи, я намѣренъ описать вамъ замѣчательнѣйшую *корриду*, десатую по счету въ 1845 году.

Въ нѣтъ мѣсяцъ прошлаго года, я отправился изъ Парижа въ Мадридъ. Это прогулка. Ровно пять дней спустя по выѣздѣ изъ Парижа, я уже прогуливался по *Пуэрта-дель-Сол*. Мадридъ, по моему мнѣнію, довольно-скучный городъ, прованчески-лежащій посреди нѣ поля, засѣяннаго пше-

ницей, и неотѣмненный въ окрестности ни однимъ деревцомъ; молчаливыя улицы его не имѣютъ въ себѣ ничего характеристическаго; по нимъ разѣзжаются уродливые акнажи, какихъ не встрѣтите и въ провинціальномъ городѣ; прохожіе похожи на прохожихъ всѣхъ европейскихъ столицъ; женщины носятъ не шляпки, а черныя мантильи, такъ-что безпрестанно кажется, будто онѣ идутъ въ маснарадъ. Дома выкрашены пѣжно-розовыми, сентиментально-зелеными или желто-абрикосовыми цвѣтами, и со всѣхъ сторонъ слышится непріятный крикъ перенѣлокъ въ клѣткахъ, сизотенныхъ изъ тростника и висѣщихъ надъ лверыми домами.

Я пріѣхалъ въ Мадридъ въ пятницу, — день злополучный; дождь шелъ проливной, и сѣрыя тучи долго сыпались отъ меня синее южнее небо. Я осѣлонулся, когда бьвають бои. Но намѣдльникамъ, — отгѣчала мнѣ: — въ пять часовъ вечера, если погода позво-летъ, *si el tiempo lo permite*; и я ужасно боялся, чтобъ погода не отомкнула на долго арѣища, которое я ожидалъ съ невыразимымъ нетерпѣніемъ и любопытствомъ.

Но счастью, погода поумиралась. Въ назначенный день, солнце яркостенно на чистомъ, прозрачномъ небѣ, и я съ утра отправился за билетомъ. Никакой бенеесъ лучшаго не парижскихъ аттѣровъ не признавала такую многочисленную толпу къ касѣ, когда осѣдала уже *despacho*. Съ немощнымъ трудомъ добился я билета на *palco* и вѣ-е-е-е-е. Билетъ заяеросъ мѣсто стоилъ мнѣ 14 реаловъ, то-есть около 3 франковъ съ половиною. Мнѣ досталось мѣсто на солнечной сторонѣ, но я объ этомъ не беспокоился; билетъ мнѣ нуженъ былъ только для входа, потому что меня ожидали въ прекрасной ложѣ мадридскіе пріатели, истеричавые желаніе увидѣть, какое дѣйствіе произведетъ на меня первый ударъ рогами свирѣлаго животнаго.

На вѣ-е-е-е-е, не сговаривъ моего слуги, Адвареса, было объявлено всѣмъ на-

чаще всего: на Хуан-Досе, на Гилдере на убоемъ въ это представленіе. Они были въ отсутствіи, и нѣз восамъ обѣданныхъ быковъ, четыре должны были пасть подъ ударами одного Редондо, прозваннаго *el Chiclero*, а другіе четыре подъ ударами второстепенныхъ бойцовъ (*cofreriales*). Слѣдовательно, по мнѣнію любителей, не на что было и смотрѣть. Однако, они ошибались: это была самый блестящій бой, и ни въ Мадридѣ, ни въ Андалузіи я не видѣлъ подобнаго.

Циркъ, *la Plaza de Toros*, находится близъ Прадо, за старой заставой, находящейся почти въ центрѣ города. Наполеонъ съ полудня, множество *corricolis*, въ родѣ немодитанскихъ, и огромныя овицубы, запряженные 12—14 мулами въ повозкушкахъ, подъ шоразавыми покрывалами, покрываютъ площадь *Puerta del Sol*. Пешеходы громко зашумѣли прохаживать, а проѣзжіе отбѣгаютъ еще болѣе громкими ругательствами. Въ четыре часа, а еще въ одинъ изъ легкихъ овицубовъ и съ огромною быстротою, неорода огромнаго стеченія народа, начался въ Алькадесинтъ-Воротамъ.

По понедѣльникамъ, Мадридъ, городъ обширнѣйшій печальнѣйшій и молчаливый, внезапно пробуждается, наряжается въ ярлычечное платье и толпится въ длинной аллеѣ, обсаженной цвѣтущими деревьями и ведущей въ прекраснѣйшіе дворцы его. Маленькіе, остроносые овицубы, мулы, обѣданные колумбическими, красными андалусскими виномъ изъ грешей, естественной изъ неспити, неспити въ красныхъ плащахъ, курткахъ, вышитыхъ золотомъ, перчаткахъ въ - обтажку, со штиблетами, красные обрѣзанные овицубы, тапачасовыя снѣжки въ перчаткахъ темнаго нѣжа, съ сверкающими шорами, красными молотами и - историчны андалусскихъ домовъ, крикъ, шумъ, пыль, и на всему этому золотые овицубы расцвѣтаютъ саба обрѣзуютъ, для вновь-прибылаго и уже шоразавышнѣе краснотышнѣе аду снѣжки-шоразавышнѣе шоразавышнѣе, сами

характеристическую картину снѣжки Испаніи.

Выходятъ за ворота, а за ними нѣкую паружную стѣну ирра; другіе стояли множество овицубовъ, а другіе главныи входомъ поставленъ въ ирра кавалерійскій отрядъ. Зрители поспѣшно входятъ въ циркъ, но безшумно, безъ давки, безъ суматохи. Мужчины уступаютъ дорогу дамамъ всею испанскою вѣжливостію.

Внутренность цирка весьма обширна; онъ имѣетъ круглую форму и открытъ, какъ Колизей. Часть свѣта неба служить ему плафономъ, а свѣце, великолѣпнѣйшая люстра, бросаетъ огненные лучи свои на дажднѣе снѣе зрѣтелей, расположенныхъ въ ступеняхъ. Арена окружена цвѣтнкой деревянной стѣной, въ цвѣтѣ отъ вышнѣе и выкрашенною темн красной краской. За оградой овицубъ дорожно-широкій проѣздъ, ирраженный и съ другой стороны, и мѣняющій кулисы въ атомъ громномъ театрѣ. За атомъ проѣздомъ начинаются ступени, а подъ ними мѣла абонированныя, большае часть, и годъ, конфертебельно-мѣлѣрованны и убранныя.

Когда я вошелъ, циркъ былъ почти полонъ, и тогда взошелъ шумъ въ ожиданіи кроваваго зрѣлища. Между ложами и ступенями раздался бѣглый огонь шутокъ, остроумія, и мѣла аполодическая юморъ. Острые и мѣла насмѣшки сыпались со всѣхъ сторонъ, и мѣлаиолы (гиджеты) давали вслѣдъ.

Арена была пуста; только въ нѣ четыре толщѣ вѣднѣеи разорочены съ водою, для поливанія песка. Ровъ въ пять часовъ раздался громъ овицуба; вѣднѣеи взошелъ и отрядъ мѣлыхъ овицубовъ въ красныхъ овицубахъ, подъ мѣднѣеи овицуба мѣднѣеи командира, вѣднѣеи въ ирра префекта, вѣднѣеи овицубовъ ирра арены. Пошли, вѣднѣеи овицубовъ, расточились дажднѣеи аиднѣеи бойны. Вѣднѣеи въ ирра овицуба. Вѣднѣеи вѣднѣеи дажднѣеи.

ныхъ костюмъ, напоминающій костюмъ модниковъ времени Людовика XIII. На головѣ страя войлочная шляпа съ широкими, прямыми полями; бархатная куртка, обшитая золотомъ, чрезвычайно живописна; подъ желтыми, лайковыми штанами въ натяжку; на правой ногѣ стальной набедренникъ, защищающій ногу отъ ударовъ рогани. Пикки ихъ — не оружіе, а служатъ только для раздраженія животнаго. Пикадоры бывають иногда убиваемы; но они сами никогда не убивають. За ними идутъ нѣшкомъ *матадоры* или *оспады* (шпагаты), то-есть *убиватели*, въ сопровожденіи двухъ десятковъ *чулосовъ* и *бандериллеровъ*, одѣтыхъ одинаково съ ними и составляющихъ такъ-называемый *кадриль*. Названіе это очень-гѣрно придумано, ибо, судя по костюму ихъ, можно скорѣе предположить, что они собрались для танцевъ, нежели для страшнаго боя. Они всѣ красивые молодые люди, въ красивѣйшихъ костюмахъ-Фигаро. Куртка и панталоны атласные, розоваго, голубаго, желтаго или сѣтло-зеленаго цвѣта, обшитыя золотомъ или серебромъ, шелковые чулки, башмачки съ розетками, красная сѣтка, и надъ нею маленькая черная шапочка, надѣтая на-бепрени, составляютъ прелестный костюмъ, стоящій отъ двухъ до пяти тысячъ франковъ. Они совершенно безоружны; черезъ лѣвую руку перекинуть у нихъ лентѣй *экай*, красный или желтый плащъ, также обшитый золотомъ.

Когда три *матадора*, утвердившись на ординарныхъ сѣдлахъ, стали въ двадцати шагахъ другъ отъ друга вдоль барьера, когда чулосы разсѣялись по аренѣ, — всѣ зрители внезапно умолкли... Тогда конный альгезинъ, въ плащѣ съ перьями и въ костюмѣ *матросовъ* Моллера, выхвѣлъ впередъ, поклонился президенту боя и попросилъ у него ключа отъ *торилла*. Ключъ былъ ему брошенъ; онъ передалъ его сторожу и, прищипывая лошади, указывая во весь галопъ, при сержантѣ гисалли и шиварѣ зритель, шелаяхъ конуате коня въ той

надеждѣ, что будетъ успѣть прорваться на альгезина, что доставило бы имъ невыразимое удовольствіе. И тогда, дверь была немедленно отвергнута, и величественный быкъ выскочилъ на арену. Это было огромное, полти вееро-шенно черное животное; въ каждомъ движеніи его проявлялась могучая сила и наумительная легкость. Добѣжавъ до середины барьера, быкъ внезапно остановился, посмотрѣлъ на зрителей, сталъ рыть копытами землю и посреди всеобщаго молчанія страшно заревѣлъ. Пять или шесть чулосовъ начали вертѣться около него, намазывая своими лапами (шелковыми плащами). Быкъ отегунилъ, потанъ съ такою быстротою пустился волѣлъ за единичъ нѣтъ чулосовъ, что я считалъ возможнымъ погибнуть; но добѣжавъ до барьера, онъ съ такою ловкостью остановился на него, что быкъ ударилъ рогами въ доску и пробилъ ее наизовѣлъ.

Второй чулосъ, также пресѣдуемый, снесся танцъ же обратенъ; но въ этотъ разъ быкъ не ударилъ рогами въ доскавую стѣну, а со всего разбѣга перескочилъ черезъ барьеръ. Это обстоятельство можетъ дать понятіе о проворствѣ и силѣ боевѣй быковъ, потому — что, я уже сказалъ, барьеръ былъ около шести футовъ вышины. Никакая лошадь не одѣлаетъ такого скачка. Подобные случаи бывають довольно-часто, но весьма-рѣдко сопряжены съ несчастіями. Перескочивъ черезъ барьеръ, быкъ попалъ въ проходъ, о которомъ я уже упоминалъ; люди же, находившіеся въ проходѣ, немедленно перескочили въ арену и открыли маленькія ворота, въ которыхъ быкъ, пресѣдуемый со всѣхъ сторонъ, воротился на арену. Тогда только онъ зашѣлъ *матадоровъ*.

Привидѣя перваго всадника, неподвижно ожидавшаго его съ копьемъ въ рукахъ, онъ остановился, разбѣжался и рогомъ ударилъ лошади въ самую грудь; потанъ, съ непостижимой силой приподнял несчастное животное и отбросилъ его, вмѣстѣ со всадникомъ, въ сторону... Правая нога; холод-

ная дрожь пробѣжала по всѣмъ членамъ коня. Я очень-хорошо зналъ, что пришелъ смотрѣть настоящій бой, а не театральное представление; но впечатлѣніе, произведенное на меня страшной, дѣйствительной драмой, разыгрывавшейся предъ моими глазами, было выше всего, что только я могъ себѣ вообразить. Пріятель мой курилъ и улыбаясь смотрѣлъ на коня; мнѣ стало досада, и я, пересиливъ себя, спокойно приставилъ лорнетъ къ глазъ.

Всадникъ совершенно исчезъ подъ лошадей; я думалъ, что онъ раздался, но ошибся: пикадоръ вѣче и не долженъ падать. Лошадь служить ему щитомъ, потому что разъяренный быкъ нескандалъ еще разъ на него и рогами распоролъ лошади животъ, такъ-что всѣ внутренности нахъ-бы вывалились на песокъ...

Чуждымъ набѣжали на быка и отартавили вниманіе его, между-тѣмъ, какъ пикадоръ высвобождался изъ-подъ убитого коня. Но оварѣное животное зашѣптало уже втораго всадника, и, не обращая вниманія на красивыхъ, проворныхъ танцоровъ, подобно пчеламъ кружившихся вокругъ него, бросился къ пикадору. Недобѣжая до него четырехъ шаговъ, онъ остановился, какъ-бы выбирая мѣсто: всадникъ этотъ былъ Хуанъ Гальардо, храбрѣйшій изъ всѣхъ испанскихъ пикадоровъ. Не ожидая нападенія быка, онъ самъ бросился къ нему на встрѣчу. Конь отступилъ, чтобъ лучше справиться; всадникъ опустилъ ногу...

Наступила минута безвѣснаго ожиданія.

Чуждымъ, неустрашимымъ движеніемъ, Гальардо кольнулъ своего противника въ самыя ноздри; быкъ бросился на него съ яростію. Гальардо воткнулъ ногу въ лѣвое плечо чудовища, которое однимъ движеніемъ разломало ее пополамъ; потомъ, воткнувъ одинъ рогъ въ бокъ лошади, животное отбросило ее вѣстѣ съ всадникомъ на жестъ шаговъ и, перескочивъ черезъ нихъ, набѣжало къ третьему пикадо-

ру, лошадь котораго, секунду спустя, легла уже мертвая на асфальтъ.

— *Vuemo togo! Vuemo togo!* (Добрый быкъ! добрый быкъ!) разѣла толпа.

Гальардо упалъ передо мною. Не смотря на угрожающую ему опасность, онъ не измѣнился даже въ лицѣ и, въ высвободившись еще изъ-подъ лошади, рукою благодарилъ рукою-скасающую ему публику. У этихъ людей должны быть желѣзная натура. Всеній разъ и грудь ихъ тяжело падаетъ умирающей лошади, и голова ихъ иногда съ силой ударяется о барьеръ. Слабѣйшее изъ этихъ паденій, говорятъ Испанцы, убьетъ всякаго не-Испанца, да и послѣдніе не всегда остаются живы. Пикадоры почти всегда умираютъ отъ какого-нибудь несчастнаго паденія. Вообще, съ каждой корриды умираетъ одного или двухъ пикадоровъ въ ближницу.

Толпа не дрогнулъ вызывая быка добрымъ, потому-что все это были одни шуточки: нахъ предстояли гораздо-болѣе трагическія сцены. Гальардо вскочилъ вѣбѣшеннымъ неудачою; руи его была такъ тверда, что онъ прѣвыкъ останавливать быковъ, воткнувъ въ плечо пика. Къ величайшему моему изумленію, всталъ и догналъ его. Изъ широкой рамы ея выскочилъ внутренности, такъ-что страшно было смотрѣть. Дрожа всѣми членами, онъ, по-видимому, съ трудомъ держался на ногахъ. Пощупавъ ухо коня, Гальардо вскочилъ на него. Иногда лошади обрѣзаываютъ мышечныя жилы, затыкаютъ рану пальцемъ, а потомъ шипяютъ ее. Но лошадь Гальардо, бѣлое животное съ однимъ ухомъ, была забавлена отъ этой операніи. Маленькимъ галопомъ нескандала она къ своему врагу, неподвижно ожидающему ее посреди круга. Во всеніи артисъ случилъ, наступомъ Гальардо былъ въ полномъ рѣдкомъ неустрашимости: но съ такими опасными совершено это было просто безуміе.

Пикадоръ не долженъ отпадать отъ барьера болѣе, какъ на жестъ или жестъ шаговъ; вѣче, будучи опро-

луть, онъ, безъ всякаго средства къ защитѣ, находится во власти быка; ника, такъ я уже сказала, не есть оборонительное оружіе, а набедренникъ препятствуетъ пикадору бѣжать.

Гальярдо попался на силу своей руки, но не рассчиталъ, сколько минутъ коню его оставалось жить. Несчастное животное издыхало; ноги его выпутывались изъ висѣвшихъ кишкахъ и, дойдя до быка, спокойно ожидавшаго его, оно внезапно повалилось. Безоружный пикадоръ упалъ между конемъ и врагомъ своимъ. Быкъ бросился на него... Гальярдо плотно прилегъ къ землѣ, быкъ промахнулся, и рога его вонзились въ сѣдло умерщвленнаго коня. Быкъ вдругъ остановился, перевернулся и опять бросился на Гальярдо, который погибъ бы неминуемо, еслибъ къ нему не подоспѣлъ на помощь *матадоръ*.

То былъ Редондо, прозванный *Чикланеро*.

Между простертымъ пикадоромъ и смирнымъ животнымъ, то-есть между жизнью и смертію послѣдняго, оставалась одна секунда разстоянія, когда Чикланеро схватилъ быка за хвостъ. Чудоимоще съ бѣшенствомъ огулянулось. Невозможно описать скачковъ его; Чикланеро то взлеталъ на воздухъ, то кружился вихрь съ быкомъ, но не выпускалъ хвоста его. Между тѣмъ, Гальярдо, прихрамывая, добрался до барьера.

Увидѣвъ это, Чикланеро опустилъ хвостъ и быкъ отистигъ за себя, распоровъ брюхо двумъ запаснымъ лошадямъ пикадоровъ. Пять труповъ лежало уже на аренѣ; это показалось достаточно зрителямъ, и со всѣхъ сторонъ раздались восклицанія!

— *Бандериллы бандериллы!*

По знаку президента, согласнаго съ на это требованіе, самые проворные изъ чулосовъ вооружились каждый двумя стрѣлами, украшенными бумажными цѣтными лентами. Быку насущно убивать лошадей и опрокидывать всадниковъ, оставшихся, однакожъ, невредимыми, и онъ съ остерве-

ніемъ пустился преслѣдовать бандерильеровъ, уклонявшихся отъ него съ граціозною ловкостью. Нѣкоторые изъ нихъ бѣжали на встрѣчу быку... погибель ихъ казалась немѣлочною, такъ вдругъ однимъ скачкомъ они перешрыгивали черезъ животное.

Чикланеро сдѣлалъ еще болѣе. Будучи преслѣдуемъ съ страшною быстротою и не видя средствъ спастись, онъ вдругъ обернулся и пристально взглянулъ на быка, который остановился какъ-бы прикованный къ мѣсту... Потомъ Чикланеро спокойно сплелъ шапочку и преражно поклонился быку при громѣ неистовыхъ рукоплесканій.

Ставить бандериллы не легко. Надобно поджидать быка, и когда онъ наклонитъ голову, чтобъ боднуть, должно отскочить въ сторону и воткнуть въ затылокъ хорошенькую стрѣлку, остріе которой едва протыкаетъ шкуру, но, покачиваясь при движеніяхъ животнаго, страшнымъ образомъ раздражаетъ его. Когда удастся воткнуть около трехъ паръ бандериллей въ шкуру быка, ярость его доходитъ до крайности, и тогда со всѣхъ сторонъ раздаются крики:

— Убить его! убить!

Президентъ машетъ платкомъ, и раздается *фанара*.

Чикланеро (уроженецъ Чикланъ), спасшій такимъ неожиданнымъ образомъ жизнь Гальярдо, подошелъ къ ложѣ президента. Чикланеро, племянникъ и лучший ученикъ Монтеза, стройный, красивый молодой человекъ, лѣтъ двадцати-пяти. На немъ былъ красивый зеленый атласный костюмъ, весь обшитый серебромъ, розовые шелковые чулки, кружевной воротничокъ и такіе же манжетки. Въ одной рукѣ у него была обмашенная шпага, а въ другой маленькое багровое покрывало (*la muleta*). Подошедъ къ ложѣ президента, *матадоръ*, именемъ свободы, короля, королевы или конституціи, проситъ позволенія убить быка. Получивъ позволеніе, онъ забрасываетъ въ воздухъ свою шапочку (*montera*) и вѣ-

инивается въ толпу бандериллеровъ, продолжающихъ бить животное. Увидѣвъ покрывало багрового, ненавистнаго ему цвѣта, быкъ обыкновенно бросается на матадора. Тогда чулысы удаляются и начинается поединокъ.

Для зрителя-новичка это самая ужасная минута. Въ тотъ день, о которомъ я рассказываю, страшились даже самые закоренѣлые зрители по причинамъ, которые я сейчасъ изъясню.

Тавромахія основана на глупости быка и, преимущественно, на расположеніи его органовъ зрѣнія. Такъ какъ у быка глаза находятся въ бокахъ, по обѣимъ сторонамъ головы, то онъ хорошо видитъ предметы, находящіеся, направо и налѣво, и даже впереди, если только предметъ находится въ такомъ разстояніи, что лучи зрѣнія могутъ сойтись и соединиться на немъ; но быкъ не можетъ ясно разсмотрѣть предметъ, находящійся прямо передъ нимъ на близкомъ разстояніи. Выходя на встрѣчу быку и подставляя ему въ трехъ шагахъ красное покрывало, *эспада* легко можетъ обмануть быка, заставляя его бросаться на покрывало, а самъ отскакивая въ сторону. Въ правой рукѣ у *эспады* шпага, а въ лѣвой *мулета* или покрывало. Должимъ скачкомъ становиться онъ прямо противъ быка, и илеть впередъ, подставляя мулету. Раздувъ повдари, быкъ бросается на него и, ударивъ рогами въ покрывало, пробѣгаетъ мимо человека, подъ рукою его, такъ близко, что часто рогами выхватываетъ у него изъ кармана платокъ. Последняя штука очень нравится публикѣ. Въбѣшенный своей неудачей быкъ возвращается, и матадоръ уклоняется такимъ же образомъ. Въ третій разъ, бывающій обыкновенно послѣднимъ, быкъ, болѣе хладнокровный, слѣдовательно, болѣе опасный, останавливается опустивъ голову и, изъ-подлобья смотря на своего противника, какъ-будто обдумываетъ нападеніе. Тогда и матадоръ смѣло становится передъ быкомъ, выставивъ одну ногу впередъ и опустивъ шпагу. Съ

нѣною яростію смотрятъ противникъ другъ на друга... Эта минута заставляетъ сердце сильно биться и заиваетъ духъ у зрителя.

Вдругъ быкъ бросается, человекъ отскакиваетъ... по лѣвую шпату пробѣгаетъ молнія свѣта, и ово исчезаетъ по самый воевъ въ затылкѣ животного, падающаго на колѣни или подмывающагося на дыбы съ страшнымъ ревомъ.

Такимъ образомъ поступаетъ эспадъ съ быкомъ ярлыми (*сіаго*) и искусственнымъ; но не всѣ быки таковы, и искусство матадора состоитъ въ томъ, чтобъ сейчасъ разгадать своего противника. Съ животнымъ *лукавомъ*, соединяющимъ въ себѣ хитрость съ злою, не бросающимся на невѣртелъно отступающимъ и выжидающимъ удобный случай и, въ особенности, съ животнымъ трусливымъ, бѣгущимъ отъ меча, гораздо болѣе опасности.

Быкъ, находившійся передъ нашими глазами, былъ одинъ изъ страшнѣйшихъ быковъ *ианадерин* (заволо) *дом-Пинто-Допеза*. Лишь-только Чиклиро показалъ ему красное покрывало, какъ быкъ устремился на него-самого. Проворный матадоръ успѣлъ отскочить въ сторону, но безвзвѣный рывокъ пробѣжалъ по толпѣ. Быкъ опять остановился, а Чиклиро наблюдалъ и нимъ съ видомъ человека, познаващаго опасность.

Второй разъ подставлялъ онъ ему мулету; къ довершенію несчастья, въ эту самую минуту поднялся легкій вѣтерокъ, поднявшій покрывало и до крайности увеличившій опасность положения матадора. Быкъ, упершись передними ногами въ землю и почуявъ оскоразленными рогами, ожидая своего противника. Ожидаящія животные, обыкновенно, самые опасныя, потому что матадоръ не можетъ ждать, чтобъ они наткнулись на его шпагу, а самъ долженъ нападать на нихъ. А такимъ образомъ направить ударъ, когда быкъ мотааетъ головой и однимъ движениемъ можетъ распоротъ рогами *руку* *матадора*..

Наступила грозная тишина. Зрители были неподвижны. Чтобы скорее кончить, Чикланéro сталъ подходить со шпагой въ рукѣ къ чудовищу, продолжавшему мотать головой и не трогавшемуся съ мѣста.

— Берегись! берегись! кричали зрители со ступеней.

— Быкъ убьетъ Чикланéro! говорили въ ложахъ.

И вдругъ вся толпа, въ одинъ голосъ, зашѣла молитву по усопшимъ...

Эта минута была невыразимо ужасна.

Матадоръ, блѣдный какъ смерть, неподвижный какъ статуя, около минуты смотрѣлъ на быка, какъ-бы выбирая мѣсто, гдѣ поразить его... и вдругъ бросился впередъ!.. Но ожидаемое случилось: шпага проскользнула по шкурѣ животного, рука матадора была ранена, и онъ самъ, обзороженный, попался между рогами быка, съ яростію поднявшаго голову.

Чикланéro взлетѣлъ на воздухъ, нѣсколько разъ перевернулся въ немъ какъ мячикъ и безъ чувствъ упалъ на спину.

— Умеръ! умеръ! закричали въ одинъ голосъ двѣнадцать тысячъ зрителей, поднявшись съ своихъ мѣстъ.

Чулосы набѣжали и отстранили быка.

Чикланéro былъ еще живъ: онъ всталъ при шумныхъ рукоплесканіяхъ толпы. Первою заботою его было осмотрѣть свою рану; по счастью, онъ былъ только оконтуженъ. Въ одно мгновеніе поднялъ онъ свою шпагу, осмотрѣлъ, цѣло ли остріе ея, и побѣждалъ къ быку. Бой продолжался недолго. Матадоръ былъ блѣденъ отъ гнѣва и возбѣшенъ болѣе животного. Съ невыразимую дерзостію сталъ онъ передъ быкомъ... Миѣ показалось въ эту минуту, что честь всего рода человѣческаго зависѣла отъ торжества Чикланéro, и сердце мое сильно билось отъ восторга при видѣ этого молодого, красиваго, храбраго и граціознаго чело­вѣка!.. Какъ-бы узнавъ своего врага, быкъ страшно заревѣлъ и бросилъ

ся на него съ яростію. Матадоръ, выставивъ ногу впередъ, не троуглся; напоръ животнаго не заставилъ его даже покачнуться. Кровь хлынула изъ поздравей быка; онъ упалъ на переднія колѣни, а въ затылкѣ его торчалъ только небольшой, окровавленный эфесъ шпаги. Самымъ ловкимъ ударомъ считается тотъ, отъ котораго не проливается ни одна капля крови; но при настоящихъ обстоятельствахъ, и ударъ Чикланéro былъ признанъ чудеснымъ.

Ничто не можетъ дать понятія о громѣ рукоплесканій, раздавшихся со всѣхъ сторонъ. Они сопровождались бѣшенными криками, неистовымъ топаньемъ; платки взлетѣли на воздухъ; шляпы, сигары, сигарочницы посыпались на арену, которую Чикланéro обходилъ, граціозно улыбаясь и кланяясь публикѣ. Онъ бросилъ назадъ шляпы зрителей, поднималъ сигары, перескочилъ черезъ барьеръ и, какъ ни въ чемъ не бывавъ, принялся курить съ пріятелями въ проходѣ. А между-тѣмъ, нѣсколько минутъ спустя, онъ опять долженъ былъ выступать на арену, въ второй бой былъ гораздо-страшнѣе перваго.

Между-тѣмъ, быкъ всталъ и, спотыкаясь, ступилъ нѣсколько шаговъ, какъ-будто отыскивая мѣсто, гдѣ бы умереть. По странному инстинкту, пробуждающемуся почти во всѣхъ быкахъ смертельно-раненныхъ, онъ добрался до одной изъ убитыхъ лошадей, обошелъ вокругъ трупа, повалился на него и вздохъ на своей жертвѣ. Въ то же самое время, четыре мула, странно убранные побрякушками, флагами и попонами, въ галопъ выбѣжали на середину арены и въ нѣсколько секундъ утащили быка и пятерыхъ лошадей, трупы которыхъ были привязаны къ нимъ ремнями; за ними шелъ чело­вѣкъ и отрубями засыпалъ лужи крови. Циркъ былъ въ одно мгновеніе вычищенъ, и, минутою спустя, въ немъ появился новый быкъ.

Вамѣчательно, что были одной породы и одного завода нѣбуть почти всѣ одинъ вродъ. Восемь животныхъ, по-

ставленныхъ дономъ Пинто-Лопезомъ для боя, были одинаково-страшны, и опасность была тѣмъ значительнѣе, что Чикланеро долженъ былъ убить только четырехъ; прочіе же четыре были предоставлены второстепеннымъ бойцамъ (*sobresalientes*). Должность подставныхъ актёровъ вездѣ и всегда довольно-непріятна; но если неопытный актёръ, кромѣ свистковъ публики, подвергается еще смертельной опасности, то страхъ сообщается зрителямъ. Этотъ страхъ, по моему мнѣнію, не лишень, однакожъ, прелести; неопытность матадора-новичка удвоиваетъ волненіе, то-есть, интересъ арѣлища. Передъ хладнокровіемъ Монтеза или увѣренностью Чикланеро исчезаетъ всякій страхъ, всякое опасеніе; всѣ напередъ знаютъ, чѣмъ кончится бой; между-тѣмъ, какъ нетвердость, нерѣшительность подставнаго бойца внушаютъ невыразимую боязнь — слѣдствіе неизвѣстности.

Первымъ подвигомъ второго быка было опрокинуть пикадора такъ сильно, что его вынесли съ переломленными ребрами; другой пикадоръ вступилъ его мѣсто. Этотъ подставной боецъ, не очень-храбрый и ловкій, не хотѣлъ удалиться отъ барьера и, не смотря на шиканье, пасмышки и апеллины, которыми кидали въ него зрители, не рѣшался ступить впередъ три положенные шага. По закону, альгвазилъ подошелъ къ нему, наложилъ на него штрафъ и велѣлъ выѣзжать впередъ. Несчастный робко подвинулъ лошадь на встрѣчу быку. Едва онъ тронулся съ мѣста, какъ животное напало на него. Вмѣсто того, чтобъ колѣнуть его въ плечо, пикадоръ вознилъ ему копые въ животъ. Въ то же мгновеніе со всѣхъ сторонъ поднялись зрители и стали кричать:

— A la carcel! a la carcel! (Въ тюрьму! въ тюрьму!)

Шумъ еще болѣе увеличился, когда быкъ, вмѣсто того, чтобъ боднуть лошадь, подхватилъ рогами ногу всадника и сбросилъ его съ сѣдла.

— Bravo, toro! bravo!.. Bravo, быкъ!

браво! Въ тюрьму пикадора! кричитъ толпа.

Быкъ распоролъ бѣднику ляжку, только больница спасла его отъ тюрьмы. Испанская публика безжалостна къ бойцамъ, преступающимъ законъ тауромахин. Она защищаетъ зрабыка и сожалеетъ о немъ, когда его поражаютъ не по правиламъ.

Быкъ опрокинулъ пяти или шестъ лошадей и былъ раздраженъ бандерильями. Всѣ знатоки рѣшили, что онъ такъ же хитеръ, какъ его предшественникъ, когда по знаку, данному эскорою, *sobresaliente* матадора выступилъ впередъ. Хотя быкъ повиновался этому дѣлу, но по неравнымъ движеніямъ подставнаго матадора угадалъ, что онъ не былъ мастеръ своего дѣла; невыразимая боязнь овладѣла мною, когда замѣтилъ, что онъ нѣсколько разъ откралъ рукою крупныя капли пота, выступившаго на лбу его.

Чикланеро стоялъ возлѣ него и обдѣлывалъ его. Совѣты его были тщетны. Страшный, но естественный, полатын истинный увлекатель къ барьеру неопытнаго матадора; барьеръ казался ему убѣжищемъ, между-тѣмъ, какъ онъ только увеличивалъ опасность, преграждая дорогу къ бѣгству. При первомъ нападеніи, быкъ чуть-чуть смшибъ съ ногъ своего немскуснаго противника; при второмъ, онъ опрокинулъ его, вернулся и однимъ рогами проткнулъ ляжку несчастному и какъ-бы пригвоздилъ ногу его къ барьеру...

Это было ужасное арѣлище, и какъ теперь вижу блѣдное лицо несчастнаго, прижатаго рогами быка стѣнъ, выкрашенной красной краской... Не медали ни мнунты, Чикланеро бросился на быка, схватилъ его лѣвый рогъ, заставилъ опустить голову и на себя обратилъ его ярость; въ томъ съ живостью поднялъ мулету шага и, даъ секунды спусти, *sobresaliente* былъ отомщенъ. Несчастнаго унесли. Ни одна капля крови не текла изъ его раны. Рога быка, горячѣе, такъ горячѣе, что прижигаютъ

ану, отъ-чего она и бываетъ такъ пасна.

Кровь застыла въ жилахъ моихъ, когда уносили несчастнаго, и я внутренно спрашивалъ себя, не грѣшно ли, е безчеловѣчно ли поощрять своимъ присутствіемъ и вниманіемъ подобныя рѣлища... Къ величайшему моему удивленію, никто изъ сосѣдей не раздѣлялъ моего ужаса. Сколько опасность Чикланеро взволновала толпу, столько же толпа была равнодушна къ несчастію подставнаго матадора.

— Зачѣмъ онъ беретса не за свое дѣло? говорили около меня: — по дѣлютъ ему! Пусть онъ сдѣлался бы портнымъ или сапожникомъ, если не имѣетъ ни мужества, ни ловкости!...

Въ двухъ шагахъ отъ меня сидѣла молодая женщина, съ черными, огненными глазами, блѣдная, какъ прелестный осенній вечеръ, смотрѣвшая болѣе на зрителей, чѣмъ на арѣлище.

— Que tonto! (какой дурачокъ!) сказала она, закрывъ платкомъ ротикъ, чтобъ скрыть хорошенькій вздохъ.

Чикланеро съ такимъ искусствомъ убилъ четырехъ слѣдующихъ быковъ, что зрители провозгласили его вторымъ тореро Испаніи. Съ-тѣхъ-поръ, слава его постепенно возрастала, и я знаю многихъ любителей, предпочитавшихъ его даже великому Монтесу. Въ нѣкоторомъ отношеніи, это справедливо, потому-что хоть Чикланеро не имѣетъ опытности Монтеса, но онъ гораздо-моложе, сильнѣе и граціознѣе его. Рѣдкій ударъ ему не удается; шпага его вонзается въ шею быка съ шипѣніемъ, подобно раскаленному желѣзу, опускаемому въ воду, между-тѣмъ, какъ рука Монтеса уже слабѣетъ. Сверхъ-того, послѣдній съ нѣкотораго времени пристрастился къ вину, а это — гибель для матадора. Хорошій эспада долженъ пить одну воу и упражняться каждый день, для сохраненія гибкости членовъ. Однакожъ, надобно сказать, что Чикланеро обвиняютъ въ другой слабости. Всѣ говорятъ о его любовныхъ похижденіяхъ, и по этому случаю рассказываютъ, что недавно онъ

выбросилъ изъ окна одного поэта, своего соперника. Впрочемъ, тореросы всегда были въ модѣ въ Испаніи, и въ прошломъ столѣтіи ими не гнушались даже знатнѣйшія придворныя дамы.

Тореросы образуютъ особый классъ, чрезвычайно-гордящійся общимъ уваженіемъ, заслуженнымъ мужествомъ; съ ними пріятельски обходятся молодые люди знатнѣйшихъ фамилій, берущіе у нихъ уроки тавромахи. На Пиренейскомъ-Полуостровѣ это искусство замѣняетъ нѣкоторымъ образомъ гимнастику; но за уроки платятъ сигарами и обѣдами. Красавецъ, герцогъ д'Осуда, преждевременная смерть котораго возбудила общее сожалѣніе, былъ искусный матадоръ.

Тореросы зарабатываютъ и тратятъ много денегъ. Монтесъ, человѣкъ бережливый, накопилъ-себѣ состояніе, доставляющее ему болѣе тридцати тысячъ ливровъ ежегоднаго дохода. Въ Прадо тореросы прогуливаются на красивыхъ лошадяхъ. Въ оперѣ у нихъ абонированныя мѣста, и тамъ ихъ можно узнать по андалузскому костюму, преимущественно же, по маленькой косичкѣ, которую они непременно должны отращивать для прикрѣпленія сѣтки или кошелька въ дни боевъ. Они безъ церемоніи разговариваютъ съ блистательною молодёжью первыхъ рядовъ. Наконецъ, чтобъ дать еще лучшее понятіе объ уваженіи, которыми они пользуются, должно прибавить, что когда, нѣсколько лѣтъ назадъ, Монтесъ былъ раненъ въ аравхуэскомъ циркѣ, король каждый день посылалъ одного изъ своихъ камергеровъ узнавать о его здоровьѣ. Слѣовательно, не должно удивляться тому, что за брильянтовую булавку, подаренную герцогомъ немурскимъ Монтесу, послѣдній послалъ ему въ подарокъ великолѣпный матадорскій костюмъ.

Бой, описанный мною, былъ первый, который мнѣ случилось видѣть. Онъ до крайности взволновалъ меня и, признаться ли? мнѣ хотѣлось видѣть подобное же арѣлище завтра, послѣ завтра, каждый день!.. А между-тѣмъ,

въ характерѣ моемъ нѣтъ ничего кроваваго: мнѣ противно смотрѣть, когда собаки дерутся, мнѣ жаль, когда рѣжутъ пыленка; но здѣсь опасность воспламеняетъ, увлекаетъ воображеніе. Я вполне понялъ страсть Испанцевъ къ подобному зрѣлищу.

Пятигодовалый быкъ стоить отъ 800 до 1,000 франковъ. Я знаю одного испанскаго гравца, получающаго съ своего завода ежегодный доходъ въ 400,000 реаловъ (около 30,000 рублей серебромъ). Если быкъ необыкновенной силы и рѣдкаго мужества окажется чудеса неустрашимости въ циркѣ, то весь народъ требуетъ ему помилованія; президентъ иногда даруетъ милость, и тогда быкъ спокойно возвращается на родныя пастбища, гдѣ, живя въ изобиліи, заботится только объ улучшеніи и размноженіи бычьей породы полуострова, безспорно, лучшей въ цѣлой Европѣ. Въ прошломъ году, такимъ-образомъ вышелъ триумфально изъ Севильи помилованный быкъ. Мнѣ рассказывали еще, что недавно, въ Мадридѣ, публика требовала помилованія быка за то только, что, перескочивъ за барьеръ, онъ ранилъ въ проходѣ городского сержанта.

— Viva el toro! viva el toro! закричалъ народъ.

Президентъ очень обидѣлся и разсердился.

Тогда вся публика заплѣла хоромъ съ одной стороны амфитеатра вопросъ:

— Quien es el presidente? (Кто президентъ)?

А съ другой отвѣчали также хоромъ:

— Un'perro (собака), или un'buho (отель)?

Испанская публика, награждающая храбрыхъ быковъ, требуетъ наказанія трусливымъ. Животное, недеражающее броситься на копье пикадора, признается недостойнымъ жеча матадора. На него выпускаютъ собакъ, которыхъ цѣпаютъ ему за уши, между-тѣмъ, какъ одинъ изъ низшихъ тореросовъ бьетъ его сади. Иногда ему подкашиваютъ ноги въ кольяхъ.

Тогда зрѣлище становится отвратительнымъ. Когда быкъ слишкомъ многокровенъ, тогда къ бандерильямъ прикрѣпляютъ хлопунки, заставляющіе его дѣлать страшные скачки.

Странно, что зрѣлище, въ которомъ, болѣею частью, повторяются одни и тѣ же случаи, никогда не бываетъ однообразнымъ. Напротивъ, каждыи разъ восторгъ усиливается. Драма эта полна интереса, потому-что она всегда дѣйствительна.

Однажды, когда Монтесъ имѣлъ дѣло съ опаснымъ быкомъ, одинъ изъ стнхій въ Гренадѣ комическій актеръ закричалъ ему:

— Монтесъ, ты бабанишь!

— Правда, отвѣчалъ тореро: — только не такъ, какъ ты! Ты показываешь публикѣ обманъ, а я дѣйствительность!

Сказать, что въ корридахъ повторяются одни и тѣ же случаи, я ошибся вотъ случай, рассказанный мнѣ очевидцами.

Нѣсколько лѣтъ тому, жители Севильи съ изумленіемъ прочитали въ афишѣ слѣдующую притиску:

• Послѣ боя третьяго быка съ лиядорами и бандерильерами, на арену выйдетъ молодой пастухъ, ухаживавшій прежде за быкомъ. Онъ подойдетъ къ нему, приласкаетъ его, выпетъ всѣ воткнутыя въ шкуру его бандерильи и потомъ ляжетъ между его рогами. •

Такое объявленіе привлекло на бой несметное число зрителей. Явился третій быкъ: это было славное животное грознаго вида: въ четыре скачка четыре лошади были имъ убиты. Послѣ стычки съ бандерильерами, въ продолжительность обычая, всѣ лиядоры исчезли и быкъ съ ревомъ продолжалъ бѣгать по аренѣ, стараясь освободиться отъ стрѣлъ. Вдругъ послышался продолжительный свистъ. Быкъ остановился. Вторичный свистъ заставилъ его подбѣжать къ барьеру. Въ то же время, молодой человекъ въ крестьянскомъ костюмѣ соскочилъ въ арену и

сталъ звать быка по имени: «Москито! Москито!»

Узнавъ своего хозяина, быкъ немедленно присмирѣлъ и сталъ ласкаться къ нему. Пастухъ далъ ему полизать руму, а другою сталъ чесать ему за ухомъ, что, по видимому, очень нравилось бѣдному животному; послѣ того началъ осторожно вынимать стрѣлы, заставляя быка стать на колѣни и легъ между его рогами. Призывательный быкъ не шевелился и какъ-бы съ удовольствіемъ прислушивался къ пѣсенкѣ, которую напѣвалъ пастухъ. Тогда восторгъ публики, дотолѣ молчаливой, разразился громкими рукоплесканіями; раздались неистовые крики.

Услышавъ этотъ шумъ, сопровождавшій всѣ страданія его, быкъ вдругъ пробудился, носѣвши вскочилъ и страшно заревѣлъ. Пастухъ обратился въ бѣгство, но было уже поздно. Бѣшеное животное, какъ-бы въ отищеніе за измѣну, подхватило его на рога, забросило къверху, опять поймало на рога, протянуло его насквозь и съ невыразимой яростью стало топтать ногами и разорвало бѣднаго пастуха въ клочки, не смотря на всѣ усилія чудосовъ... Этимъ кончилось арѣлище, и публика разошлась молча и печально...

Въ заключеніе, я долженъ сказать, что, по странному контрасту, эти кровавыя арѣлища имѣютъ благотворительную цѣль. Они составляютъ доходъ больницы, которыя уступаютъ ихъ на годъ спекуляторамъ за 60,000 франковъ. Ежегодно бываютъ двадцать-восемь коррида (*) ; сборъ съ каждой простирается до 16,000 франковъ. Но расходы чрезвычайно-велики: надобно каждый разъ купить отъ шести до восьми быковъ, отъ пятнадцати до двадцати лошадей; дорого стоитъ содержаніе цирка; конюхи, скотники, плотники, сѣдельники и пр.; за барьеромъ всегда ждетъ хирургъ, а въ ча-

совѣ священникъ. Сверхъ-того, надобно платить и дѣйствующимъ лицамъ въ страшной драмѣ: Монтезъ получаетъ за каждый бой 1,500 франковъ; Чикланеро 1000; каждый пивадоръ унцію (около 80 франковъ); каждый бандерильеръ пол-унціи, а чулосъ четверть унціи.

Кому надобны наши водянистыя или напыщенныя трагедіи, драмы и актёры на холуяхъ, советуемъ тому ѣхать въ Мадридъ: бои быковъ бываютъ по понедѣльникамъ.

✱

ИЗЪ ГЕОЛОГИЧЕСКАГО ПУТЕШЕСТВІЯ ПО АЛТАЮ (*).

I.

Бѣлоусовскій-Рудникъ. — Нижняя пристань на Иртышѣ. — Деревни Согра и Тархалская. — Перѣздъ черезъ Холзунъ въ Зырянскій-Рудникъ.

Отъ 3 по 14 августа.

Я возвратился въ Барнаулъ во время: горный начальникъ собирался для вторичнаго обозрѣнія змѣиногорскихъ рудниковъ. Мы отправились вмѣстѣ въ Зибевъ, и, пробывъ тамъ не болѣе сутокъ, поѣхали въ Ридберскъ, съ тѣмъ, чтобъ оттуда пробраться черезъ Холзунъ въ Зырянскій-Рудникъ. На пути осмотрѣли Бѣлоусовскій-Рудникъ и

(*) Профессоръ Московскаго Университета, Г. В. Щуровскій намѣревался въ скоромъ времени издать описаніе путешествія своего на Алтай съ обширными атласомъ. Читатели встрѣтятъ тутъ много новаго противъ того, что находится въ извѣстномъ сочиненіи Г. Чихачева, ибо Г. Щуровскій обозрѣвалъ западный Алтай, тогда-какъ Г. Чихачевъ описывалъ преимущественно восточный. Чтось ознакомить публику съ этимъ новымъ, еще неизданнымъ сочиненіемъ Г. Щуровскаго, предлагаемъ изъ него двѣ главы. Пред.

(*) Только весною и осенью. Зимой быки слишкомъ-вялы и лѣнны, а лѣтомъ въ циркѣ такъ жарко, что невозможно просидѣть въ немъ нѣсколькихъ минутъ.

нижнюю пристань на Иртышѣ. Въ эту поѣздки, горнаго начальника сопровождали управляющій зѣтингорскимъ краемъ майоръ Герингроссъ и докторъ Гельберъ.

Выѣхавъ изъ Зѣтева по семеновской дорогѣ (5 августа), мы поворотили къ югу на *Плоское село*, мѣсто отчасти уже знакомое изъ прежней поѣздки и лежащее въ долинѣ, въ которой протекаетъ Алей. Этою долиною весьма-явно раздѣляются двѣ гранитныя гряды; одна изъ нихъ, находящаяся по правую сторону Алея, направляется къ Зѣтингорскому-Руднику и образуетъ *Мохнатые-Горы*; другая, весьма-широкая гряда, Алейскую Долину отдѣляетъ отъ Убинской, и потому называется *Убоалейскою*. Золотарные-Горы, являющіяся небольшими холмами почти отъ Доктевскаго Завода до деревни Шемананха, можно принять за послѣдніе исчезающіе отроги этой самой полосы. Проѣзжая изъ Плоскаго села въ деревню *Кабанову*, мы пересѣкли ее въ томъ мѣстѣ, гдѣ она достигаетъ 1790 фут. высоты. Слѣдующая станція, изъ Кабановой деревни въ *Большеречинскую*, представляетъ уже пологій склонъ въ Убинскую Долину. Мы перѣехали Убу при деревнѣ *Лосиатъ*, ночью, и почью же отправились далѣе, въ село *Секисовское*, лежащее къ югу отъ Лосиатъ. Еще южнѣе находится Бѣлоусовскій-Рудникъ, куда прибыли мы уже на слѣдующее утро.

Бѣлоусовскій-Рудникъ принадлежитъ къ числу мѣдныхъ и заслуживаетъ особенное вниманіе по богатству и правильности своихъ разработокъ. Селеніе его расположено въ долинѣ рѣчки *Глубокой* и окружено горами, состоящими изъ зеленовато-сѣраго глинистаго сланца. Въ одной изъ таковыхъ горъ залегаютъ зѣтинскія руды. Вблизи нигдѣ не замѣтно плутоическихъ породъ, а на разстояніи двухъ верстъ отъ селенія и далѣе вы видите разбросанныя куполообразныя горы, и уже по одному очертанію узнаете въ нихъ порфиръ. — Я успѣлъ осмотрѣть только верхнюю часть бѣлоусовскаго мѣ-

стороженія. Подобно салаирскому, оно представляетъ настоящіе рудныя пласты или *пластовыя жилы* (conchifilons), имѣющія одинаковое паденіе и направленіе съ окружающими ихъ породами; это тотъ же глинистый, ил-тапковато-глинистый сланецъ, прорѣзанный мѣдными рудами и кварцемъ. Наибольшая толщина пластовъ, извѣстно изъ описаній гг. Кулибина и Соколовскаго, простирается до 3 сажень и болѣе; обыкновенная или средняя — въ полторы и двѣ сажени (*). Въ распредѣленіи рудъ, по ихъ замѣчанію, повторяется общій законъ образованія всѣхъ алтайскихъ мѣсторожденій: сверху находятся окисленные, а внизу острѣнные металлы. Изъ вывѣхъ замѣчательны: *красная или кирпичная мѣдная руда, малахитъ, мѣдная лазурь, бѣлая свинцовая руда*, — все это большую частію въ соединеніи съ медноглинистымъ окисленнымъ жерстомъ и чернымъ марганцомъ; — изъ вторыхъ: *сѣрный и мѣдный колчеданы и мѣдный блескъ*. Въ длину рудникъ раздѣленъ на 200, а въ глубину на 40 сажень. Ежегодный нарядъ его составляютъ 30,000 пудовъ руды, которые по выплавкѣ даютъ 1,500 пудовъ чистой мѣди.

Отъ Бѣлоусовскаго-Рудника къ Нижней Пристанѣ мы спускались самымъ пологимъ склономъ въ долину Иртыша. По правую сторону и прямо передъ нами, далеко за Иртышемъ, въ Киргизской Степи, видѣлись разныя горныя хребты и темнаго и свѣтлаго нѣтъ, смотря по ихъ высотѣ и отдаленности. Самые высокіе изъ нихъ и отличающіеся какими-то готическими башнями, называются *Монастырскими Скалами*. — Поворотивъ мѣсто отъ *Препорчицкой Деревни*, вверхъ по теченію Иртыша, мы выѣхали на *Ульбу* (Большую), въ томъ мѣстѣ, гдѣ долина ее сливается уже съ долиною Иртыша, и обѣ исчезаютъ въ обширной степи. Лѣвый берегъ Ульбы очень крутъ и скалистъ; это совершенно-отдѣльныя

(*) Гор. Жур. 1836, кн. 6 и 11.

стѣны, состоящія изъ метаморфическаго сланца, мѣстами чрезвычайно изогнутаго. За этими скалистыми берегами сѣздается небольшой промежутокъ, который Ульба отдѣляется отъ Иртыша и отъ Нижней Пристанн, лежащей 3 верстами выше Устькаменогорска. Тутъ мы остановились на нѣскольکو часовъ, и я имѣлъ время осмотрѣть ближайшія окрестности.

Нижняя Пристань находится при самомъ окончаніи тѣхъ горъ, которыя образуютъ правый берегъ Иртыша, и тянутся непрерывною цѣпью къ Бухтарминской Крѣпости. На всемъ этомъ пути, какъ увидимъ послѣ, Иртышъ съ обѣихъ сторонъ сдвигается огромными утесами, и только здѣсь, вырвавшись изъ горъ, течетъ на свободѣ. Названіе *Устькаменогорска* весьма-удачно выражаетъ положеніе Иртыша въ этомъ мѣстѣ. Выходя изъ устья каменныхъ горъ, онъ почти мгновенно становится нивре, всаженіе, и въ то же время образуетъ многіе острова и отмели. Горы, изъ которыхъ лежитъ пристань, близъ рѣки оканчиваются перпендикулярными обрывами. Въ вышнѣйшій разъ, я успѣлъ осмотрѣть только тѣ изъ нихъ, которыя находятся около пристани, и это одинъ изъ числа самыхъ замѣчательныхъ. Онъ состоитъ изъ твердаго глинистаго сланца, который въ двухъ мѣстахъ разорванъ діоритомъ. Въ одномъ мѣстѣ діоритъ образовалъ жилу около полутора аршина толщиною; въ другомъ — излілся большою массою, занимающею по теченію рѣки не менѣе 5 сажень; масса эта съ одной стороны подымается почти перпендикулярною стѣною отъ основанія до вершины горы, съ другой — болѣе вежело на половинѣ высоты, она даетъ отъ себя широкую, горизонтально-простирающуюся вѣтвь; послѣдняя, залегая на сланцѣ, восполняетъ всѣ его неровности и углубленія. Диоритъ, въ обоихъ случаяхъ, средняго верна и съ темнозеленою роговою обманкою. Въ сланцѣ нѣтъ никакихъ органическихъ слѣдовъ. Въ недалекомъ разстояніи отсюда догадается известнякъ, который,

какъ сказываютъ, лежитъ между сланцами, и также не заключаетъ въ себѣ никакихъ окаменѣlostей. Время не позволило мнѣ самому осмотрѣть эту ломку.

Подымаясь Ульбинскою Долиною, немного-ниже деревни *Согры* и въ 8-ми верстахъ отъ пристани, мы встрѣтили рѣдкій случай по здѣшнему краю. Горы, ограничивающія долину съ правой стороны, въ этомъ мѣстѣ состоятъ изъ слюденаго сланца, и, что особенно-замѣчательно, пересѣчены многими гранитными жилами. До-сихъ-поръ, я вездѣ находилъ одинъ только глинистый сланецъ, или образовавшійся изъ него тальковый, либо хлоритовый; появленіе гранита жилами было для меня также новостію; доселѣ мы встрѣчали его только массаами или горными цѣпями. Какое же имѣетъ значеніе здѣшній слюденый сланецъ? Составляетъ ли самобытную породу, или принадлежитъ къ извѣстнымъ глинистымъ, подобно тальковому, либо хлоритовому? Мнѣ кажется, это извѣстный глинистый сланецъ. Такъ предполагаю я на слѣдующихъ основаніяхъ: во-первыхъ, на томъ, что слюденый сланецъ подвергся тутъ сильному перевороту, будучи чрезвычайно-изогнутъ, и на небольшомъ пространствѣ разсѣченъ многими гранитными жилами; во-вторыхъ, съ обѣихъ сторонъ онъ переходитъ въ обыкновенный глинистый сланецъ, тотъ самый, который вверхъ по теченію Ульбы образуетъ всѣ горы до деревни *Турханской*, и заключаетъ въ себѣ остатки *Spirifer* и *Orthis*; въ-третьихъ, общее направленіе слюденаго сланца, не смотря на пересѣченіе жилами, согласно съ главнымъ направленіемъ здѣшнихъ глинистыхъ сланцовъ, на юговостокъ.

Причины, измѣнившія глинистый сланецъ и превратившія его въ слюденый, вѣроятно, заключались въ тѣхъ гранитныхъ жилахъ, о которыхъ я упоминалъ выше. Онъ различной толщины, отъ нѣсколькихъ дюймовъ до нѣсколькихъ футовъ. Большая часть жилъ направляется къ юго-юго-западу;

остальныя же пересѣкаются ими и образуютъ сбросы. Казалось, онѣ должны принадлежать двумъ различнымъ эпохамъ; но въ составѣ гранита не замѣчается никакого различія; въ обоихъ случаяхъ, это мелкозернистая смѣсь бѣлаго полевого шпата и альбита съ небольшимъ количествомъ мутнаго кварца и черной, либо золотистой слюды. Слюденой сланецъ, разсѣченный гранитными жилами, также состоитъ изъ золотистой, либо черной слюды съ прожилками кварца.

Между деревнями Тарханскою и Черемшанкою я не могъ преслѣдовать горы: мы сѣзжали эту станцію позавчера вечеромъ. Но, по свидѣтельству г. Чихачева, на всемъ этомъ пространствѣ, занимающемъ до 20 верстъ, находится одинъ глинистый сланецъ голубовато-сѣраго цвѣта и чрезвычайно-богатый органическими остатками. Къ-сожалѣнію, изъ этого множества остатковъ, весьма-неясныхъ и представляющихъ въ большинствѣ хаотическое состояніе, можно было опредѣлить только нѣкоторые, а именно *Spirifer Vernouili* и *Orthis striatula*; впрочемъ, эти два вида, по значенію г. Чихачева, составляютъ наибольшую часть здѣшнихъ окаменѣлостей со многими *экринитовыми* стеблями (*).

Spirifer Vernouili, Murch., какъ извѣстно изъ предыдущаго, исключительно принадлежитъ девонскимъ осадкамъ; *Orthis striatula*, Schloth. (почтасмый Верейлемъ и графомъ Кейзерлингомъ разностию *Orthis resupinata*, Mart.), почти равно характеризуютъ собою и девонскіе и каменноугольные осадки; въ болѣе-древнихъ формаціяхъ, ни тотъ, ни другой изъ этихъ видовъ до сихъ поръ не встрѣчались (**).

Изъ Черемшанки началась уже знаемая дорга, описанная мною въ предыдущемъ Дохтевскаго-Завода. Мы приѣхали въ Риддерскъ 7 августа и были такъ несчастливы, что въ тотъ же день

начались дожди и холодная погода. Вечеръ на 8-е августа, Риддерскія-Горы вдругъ покрылись снѣгомъ. Впрочемъ по возвышенности мѣста, подобныя явленія бывають здѣсь и въ июль мѣсяцѣ, послѣ продолжительнаго дождливаго времени (*). Не надѣясь на скорое переимѣну погоды, мы начали колебаться въ своемъ намѣреніи пробраться черезъ Холзуновъ въ Зырянскій-Рудникъ. По словамъ проводниковъ, на эту поездку надобно было употребить не менѣе 6 или 7 дней. Трудно было рѣшиться въ ненастное время на столь продолжительное путешествіе въ мѣстахъ гористыхъ и неизвѣстныхъ. Мы должны были заранѣе обречь себя на величайшія непріятности и при всѣхъ томъ нисколько не могли надѣяться достигнуть своей цѣли. Что можно идти въ горахъ, покрытыхъ густыми туманами и облаками? Однимъ словомъ, погода пугала насъ. Мы старались узнать изъ разсказовъ проводниковъ другую дорогу въ Зырянскій-Рудникъ, также горами и столь же любопытую, какъ перѣѣздъ черезъ Холзуновъ, но болѣе краткую. Таинствъ путь казался намъ Тургусунскій-Хребетъ, который составляетъ западное продолженіе Холзуна, и переходитъ въ снѣжныя Ульбинскія или Риддерскія-Горы. Съ сѣверной стороны Тургусунскаго-Хребта, берутъ на

(*) По барометрическому измѣренію астронома Оедорова, высота Иванова-Бѣлка надъ риддерскою долиною простирается на 4,338 п. фут.; высота же Риддерской Долины надъ Устькаменогорскою Крѣпостью 1,389 фут.; слѣдовательно, высота Иванова-Бѣлка надъ Устькаменогорскою 5,727 фут., а надъ Нртыменъ, при Устькаменогорскѣ, 3,750 фут. (W. Fedorow's Vorläufige Berichte über die von ihm in den Jahren 1832 bis 1837 in West-Sibirien ausgeführten astronomisch-geographischen Arbeiten; St. Petersburg. 1838, с. 41 и 42). По измѣренію Ледебуръ, тотъ же Ивановскій-Бѣлокъ (Крестовая-Гора) подымается надъ уровнемъ моря на 6,631 фут., а Риддерская Долина на 2,346 фут. (C. F. v. Ledebour's Reise, 1829, с.).

(*) Voyage Scientifique, с. 208.

(**) Geologie de la Russie, vol. II, с. 184.

чала *Черная* и *Бѣлая-Уба*, изъ соединенія которыхъ образуется *Большая-Уба*, омывающая соименныя горы и, наконецъ, непосредственно впадающая въ Иртышъ. Съ южной стороны того же хребта, вытекаетъ рѣчка *Тургусунъ*, недалеко отъ Зыряновскаго-Рудника вливающаяся въ Бухтарму. На эту-то рѣчку мы думали спуститься, перевалившись черезъ тургусунскіе бѣлки. Дѣйствительно, этотъ путь и кратчайшій и совершенно — новый, до-сихъ-поръ никѣмъ не изслѣдованный и не описанный. Въ *Новой-Деревнѣ*, лежащей въ 25 верстахъ на сѣверо-востокъ отъ Риддерска, мы надѣлись сѣискать проводниковъ, хорошо знакомыхъ съ этою дорогою.

Итакъ, не смотря на дождливое время, 9 августа мы рѣшились приступить къ выполненію своего плана. Въ этомъ путешествіи приняли участіе еще нѣкоторые изъ гг. горныхъ офицеровъ. Почтенный спутникъ нашъ, докторъ Геблеръ, взявъ на себя барометрическія наблюденія, въ которыхъ онъ приобрѣлъ чрезвычайную опытность, странствуя каждый годъ по Алтаю и опредѣляя высоту горъ. Ему обязаны мы опредѣленіемъ и самой высокой точки Алтая (русскаго) или *Бѣлуги*, поднимающейся на 11,000 футовъ надъ поверхностію моря и покрытой ледниками (*).

Первыя 25 верстъ до *Новой-Деревни* мы сдѣлали въ повозкахъ, отправивъ туда предварительно весь свой грузъ на вьючныхъ лошадяхъ. Изъ Риддерска дорога идетъ съ самаго вѣчала на сѣверо-востокъ, вверхъ по теченію *Филипповки*, потомъ поворачиваетъ въ долину этой самой рѣчки и вѣдѣтъ съ нею тянется прямо на востокъ. *Филипповка* по обѣ стороны окружена горами, которыя принадлежатъ къ отрогамъ *Ульбинскаго-Хребта* и состоятъ изъ сѣраго глинистаго сланца, поросшаго рѣдкимъ лиственничнымъ дѣсомъ. Органическихъ остатковъ въ немъ не

замѣтно. Въ 9 верстахъ отъ Риддерска, посреди такого же сланца, на правомъ берегу *Филипповки*, проходитъ порфиръ, который во всемъ сходенъ съ корбадишскимъ полевошпатовымъ порфиромъ, исключая везеноватаго цвѣта. Въ одномъ мѣстѣ, въ соприсношеніи съ сланцами, онъ образуетъ весьма-красивый конгломератъ.

Долину *Филипповки* мы поднялись до самыхъ верховьевъ ея, или до разлома *Филипповки* отъ *Быстрой* и *Поперечной* (*); первая принадлежитъ къ системѣ *Ульбы*, а двѣ другія — къ системѣ *Убы*. Съ этого разлома, *Ульбинскій-Хребетъ* превосходно видѣтъ со всѣми сѣжными его конусами; нѣкоторые изъ нихъ, въ видѣ тонкаго полупрозрачнаго флѣра, опоясывались туманами и облаками, а самые высокіе, прорѣзавъ облака, красовались надъ ними своими блестящими и острыми вершинами. Не смотря на ненастное время, они были чрезвычайно-живописны и казались въ весьма-близкомъ отъ насъ разстояніи, въ самомъ же дѣлѣ находились очень-далеко. Съ другой, противоположной стороны, почти параллельно съ *Филипповскою долиною*, тянутся *Убинскія-Горы*, которыя, впрочемъ, не поражаютъ своею высотой, особенно по сравненію съ *Ульбинскими*; по-видимому, онѣ нигдѣ не поднимаются за предѣлы сѣжной линіи. Сѣловина, на которой мы находились и обозрѣвали всѣ окрестныя горы, по нашему измѣренію, поднимается на 390^м надъ риддерскою долиною.

Спустившись съ разлома въ долину *Бѣлой-Убы*, и проѣхавъ ея верстъ семь, мы достигли *Новой-Деревни*, которая лежитъ почти при самомъ впаденіи *Поперечной* рѣчки въ *Убу*. Тутъ мы ночевали. Весьма-замѣтельно, что *Новая-Деревня* находится почти на одинакой высотѣ съ *Риддерскою-Долиною*, и только 48^м, 7 выше ея.

(*) Г. Ж.

(*) Въ Сибирѣ разломомъ называется *линія раздѣленія воды* (divisum aquarum).

На другой день, собравъ всѣ возможные свѣдѣнія о предлежащемъ пути, и взявъ проводниковъ, мы двинулись длиннымъ караваномъ, состоявшимъ изъ 35 лошадей, верховыхъ и вьючныхъ. Новая-Деревня была для насъ послѣднимъ селеніемъ до самаго Зырянска. Почти цѣлый день мы ѣхали долиною Бѣлой-Убы, медленно подвигаясь на востокъ. Въ 7 верстахъ отъ деревни, Уба принимаетъ въ себя съ правой стороны рѣчку *Семеновку*, вытекающую изъ *Убинскихъ-Горъ*, а въ 10 верстахъ слѣва впадаютъ въ нее двѣ *Разливовки* и *Палевый-Ключъ*, выходящія изъ ближайшихъ отроговъ. Долина Бѣлой-Убы на протяженіи 16 верстъ, или до восточной грани *Новой-Деревни*, — около четверти версты шириною и окружена невысокими лѣсистыми горами. Но потомъ, принимая юго-восточное направленіе, она суживается; горы по обѣ стороны становятся и выше, и круче, и лѣсистѣе; наконецъ, долина превращается въ узкое и глубокое ущелье, чрезъ которое съ шумомъ протекаетъ Уба. На всемъ пути отъ деревни до юго-восточнаго поворота Убы, гора состоитъ изъ сѣраго глинистаго сланца, мѣстами пересѣкаемаго зеленоватымъ порфиромъ, что особенно можно видѣть близъ устья *Семеновки* и за гранью *Новой-Деревни*. Въ составѣ порфира, глинистый сланецъ переходитъ иногда въ кремнистый, а при верховьяхъ *Палеваго-Ключа* онъ превратился въ яшму, которую и добываютъ для колыванской шиферной фабрики. Лѣсъ, одѣвающий здѣшнія горы, примѣтно измѣняется съ удаленіемъ отъ деревни: сначала онъ состоитъ изъ лиственницы, перемѣшанной съ березою и пихтою; ближе къ верховьямъ Убы, и береза и пихта исчезаютъ, вмѣсто ихъ появляется кедръ. Такая перемѣна видимо указывала на близость высокаго хребта. Вскорѣ мы дѣйствительно очутились при подошвѣ горъ, которыя принадлежатъ уже къ ближайшимъ сѣвернымъ отрогамъ *Тургусунскихъ-Бѣлковъ*, и даютъ не-

посредственное начало истокамъ Бѣлой и Черной-Убы. Въ этомъ мѣстѣ они состоятъ изъ гранита, который своими формами отчасти напоминаетъ саушквинскій гранитъ, но не имѣетъ той слоистости, какая свойственна послѣднему. Протяжая на югъ этими гранитными горами, мы пересѣкли самыя начальныя истоки Бѣлой-Убы. Очевидно, это разломъ Черной-Убы отъ Бѣлой. Барометрическое наблюденіе показало намъ, что онъ находится относительно *Риддерска* на высотѣ 744^м, 3. За гранитными горами слѣдовала лѣсистая долина, составлявшая подошву весьма-высокаго сѣвернаго хребта; она вся поросла кедромъ, а самый хребетъ чѣмъ выше, тѣмъ безлѣснѣе, и наконецъ превращается какъ-бы въ одну сѣверную массу. Это были *Тургусунскіе Бѣлки*, составлявшие цѣль нашего путешествія. Къ общему удивленію, мы не встрѣтили въ нихъ обыкновенныхъ гранитныхъ формъ; напротивъ, они имѣли довольно ровное округлое очертаніе, и только въ одномъ мѣстѣ спускались перпендикулярнымъ обрывомъ отъ вершины до подошвы. Судя по этой отвѣсной стѣнѣ, *Тургусунскій-Хребетъ* въ своей главной оси долженъ состоять изъ глинистаго, либо кремнистаго сланца, который находится и въ самой долинѣ, выстѣ съ зеленоватымъ порфиромъ. Упомянутая мною отвѣсная стѣна въ низу оканчивается глубокою котловиною, которая отъ ежегоднаго таянія нагорныхъ снѣговъ наполняется водою и образовала прелестное озеро, оспенное кедромъ. Оно имѣетъ до 200 саж. въ длину, до 100 въ ширину, и 20 сажень въ глубину; вода въ немъ прозрачна и вкусна; рыбы не замѣтно. Берегъ этого озера представлялъ столько удобствъ для ночлега, что мы расположились тутъ переночевать, и на другой уже день съ новыми силами поднялись на вершину бѣлковъ.

На ночь кругомъ нашей палатки разложили зажженные костры; прислуга расположилась въ разныхъ мѣстахъ также около костровъ, и особенно

подъ кедрами, составляющими на случай дождя почти-непроницаемую палатку. Эти бивачные огни ночью, на берегу озера и при подошвѣ огромнаго сибѣжнаго хребта, представляли чудное зрѣлище!

Ночь была холодная, и къ утру все покрылось инеемъ. Термометръ показывалъ 8° по Ц. Наблюдая барометръ нѣсколько разъ и съ вечера и утромъ, мы опредѣлили высоту нашего ночлега въ 977^м.7.

На другой день къ 7 часамъ все было готово, и мы начали подниматься на бѣлки по ихъ сѣвернымъ отклонамъ. Почти до середины они покрыты рѣдкими кедрами и кое-гдѣ листовницею; обнаженій очень мало, все поросло травой, особенно *Sempervivum tectorum* и *Saxifraga crassifolia* (*). Футовъ на 40 отъ вершины, молодой, наклонивъ выпавшій снѣгъ смѣнился постояннымъ, изъ-подъ котораго вылаивались наклоненные пласты кремнистаго сланца и *Betula nana*. На самой вершинѣ открылась передъ нами обширная сибѣжная равнина. Съ востока и юга она заслоняется какими-то копусами и гребнями, вѣроятно состоящими изъ глинистаго, либо кремнистаго сланца и порфира: съ прочихъ сторонъ она открыта. Какой обширный горизонтъ! Всѣ сосѣдніе и отдаленные хребты видны на огромное пространство. Съ перваго раза совершенно теряешься между этими повсюду волнующимися сибѣжными громадами, и только исподволь начинаешь различать ихъ. Западною своею оконечностью Тургусунскіе-Бѣлки примыкаютъ къ Ульбинскимъ и составляютъ съ ними одинъ хребетъ, раздѣляющій воды Иртыша. Восточнымъ концомъ они со-

единяются съ Холауномъ, и въ то же время отбрасываютъ отъ себя высокую цѣпь, которая, простираясь на сѣверо-западъ, почти упирается въ Тигерезскія-Горы: это *Коксунскіе-Бѣлки*, которые, вѣстѣ съ Холауномъ, раздѣляютъ воды Оби и Иртыша. Въ промежуткѣ между Тургусунскими и Коксунскими-Бѣлками берутъ начало *Убинскія-Горы*, простирающіяся почти прямо на западъ, по теченію сомненной имъ рѣки.

Тургусунская вершина, по нашему измѣренію, подымается на 1206^м.3 надъ Риддерскою-Долиною. Не смотря на теплую одежду и ясное время, холодный вѣтеръ пронизывалъ насъ до костей. Термометръ показывалъ 7° по Ц. Ноги у меня до того озябли, что я не могъ держать ихъ въ стремянахъ; ходить пѣшкомъ было также невозможно: снѣгъ, сверху нѣсколько обледенѣлый, съ перваго взгляда представляетъ надежную опору: но едва ступишь на него, какъ проламываешься и вязнешь по колено.

Гдѣ же тотъ путь, которымъ мы предполагали спуститься на южную сторону Тургусунскаго-Хребта къ Зырянскому-Руанику? Проводники, развѣдавъ всѣ знакомыя имъ мѣста, объявили намъ, что путь этотъ въ нынѣшнемъ году весь заваленъ снѣгомъ, и что по немъ можно пробраться только на лыжахъ. Послѣ этого, намъ оставалось или воротиться назадъ, или избрать другую дорогу: мы предпочли послѣднее и рѣшились выполнить нашу прежнюю мысль—ѣхать черезъ Холаунъ, тѣмъ болѣе, что погода, уклонившая насъ отъ этой мысли, теперь вполне соответствовала нашему намѣренію.

Спускаясь прежнимъ путемъ съ вершины хребта, мы замѣтили при подошвѣ его еще небольшое озеро, въ недалекомъ разстояніи отъ перваго. Оно также находится въ котловинѣ, при подошвѣ высокой стѣны. Отъ мѣста вочлега мы направили путь свой на востокъ между двумя горными цѣпями, изъ которыхъ одна составляла

(*) *Saxifraga crassifolia* въ Сибири называется *чагырскимъ чаемъ*. Дѣйствительно, простой народъ всегда употребляетъ его вмѣсто чая и находить весьма-вкуснымъ и легкимъ для желудка. Для этого собираютъ обыкновенно прошлогодніе листья.

продолженіе Тургусунскаго-Хребта, а другая, гранитная—продолженіе разлома между Бѣлою и Черною Убыю. Долина, по которой мы ѣхали, шириною не болѣе полуверсты, и вся покрыта гранитною осыпью. Вскорѣ она расширилась и вывела насъ на высокую плоскость, чрезвычайно-болотистую и поросшую тальникомъ. Это та самая плоскость, которая питаетъ истоки Черной-Убы. Справа окружаютъ ее гранитныя горы, совершенно-голыя, и кое-гдѣ осыпаны мелкою листовницею; слѣзая сланцевыя и порфировыя, густо-обросшія пихтою, почти до свѣтлыхъ вершинъ. Наибольшая ширина этого нагорнаго болота около двухъ верстъ; слѣдуя направленію его, мы спустились въ долину Черной-Убы, и тотчасъ же повернули вправо, на разломъ ея съ верховьями *Коксуна*. Значить, Коксунскія-Горы мы переѣзжали при самомъ началѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ отдѣляются отъ Тургусунскихъ-Бѣлковъ. Судя по отдѣльнымъ отломкамъ, какіе попадались на дорогѣ, онѣ должны состоять изъ полевошпатоваго порфира. По нашему измѣренію, высота ихъ въ этомъ мѣстѣ простирается до 900 м., 3. На восточной сторонѣ разлома намъ встрѣтились три истока *Малая Коксуна*, раздѣленные между собою небольшими отрогами, также состоящими изъ полевошпатоваго порфира. Рѣчка эта, какъ извѣстно, соединяется съ *Большимъ-Коксуномъ*, и посредствомъ его при деревнѣ *Уймонской* впадаетъ въ *Катунь*. Подаваясь къ юго-востоку, мы пересѣкли всѣ главныя рѣки, изливающіяся въ Коксунъ съ правой стороны. *Адай, Карагай и Аракъмъ*. Пятый день, однако, мы добрались только до Карагай и ночевали на его берегу. На всемъ этомъ пути пролегалъ лѣсистыя сланцевыя горы, раздѣленныя между собою прелестными долинами, какова въ-особенности долина *Абай*, чрезвычайно-быстрога и шумнаго. Во время короткаго отдыха на его берегу, проводники наловили намъ до полупуда превосходной рыбы,

ускучей (*Salmo caregonoides*, Pall.) и *хариусовъ* (*Salmo thymallus*, Lin.), составляющихъ отличительную принадлежность сибирскихъ рѣкъ.

На слѣдующее утро (12 августа, проѣхавъ болѣе трехъ верстъ долиною Карагай и поворотивъ отъ нея въ правую сторону, мы выѣхали на весьма-широкую и болотистую равнину, подобную той, какую мы видѣли при истокахъ Черной-Убы. Лошади явно выбивались изъ силъ. Такая мучительная дорога продолжалась около 4-хъ верстъ, пока не приняла болѣе-высокое положеніе. Проѣхавъ еще версты три, мы встрѣтили казмышскую юрту, единственное жилище человѣка на всемъ пути отъ Новой-Деревни. Въ ней помѣщалось большое семейство, отецъ, мать и семеро дѣтей. Домашняя утварь, изображенія боговъ, все у нихъ чрезвычайно-бѣдно, грязно и отвратительно, кромѣ домашняго скота, коровъ и лошадей. Главный промыселъ ихъ—звѣриная охота: въ здѣшнихъ лѣсахъ очень-много медвѣдей и сайгъ. Отсюда дорога начала вѣзываться въ горы, которыя принятно становились круче; все обличало близость высокаго хребта; пихта смѣнилась листовницею, глинистый сланецъ порфировъ. Переѣхавъ два отрога, мы вступили въ долину Аракыма, который еще издали оглашалъ ее своимъ ревомъ. Аракымъ вытекаетъ непосредственно изъ Холзунскихъ-Бѣлковъ, съ яростію стремится между скалами по глубоко-прорытому руслу, и только въ этомъ мѣстѣ ущелье его превращается въ долину. Держась лѣваго берега, мы пробирались небольшою тропкою, которая, называясь, подымалась все выше, выше, и, вступивъ въ ущелье, вдругъ повѣсила насъ надъ ужасною пропастью. Мы сами не замѣтили, какъ взобрались на эту опасную дорогу; возвратиться быдо невозможно: она идетъ по самому крутому склону, не давая выбутиши осыпями и чрезвычайно узкою тропинкою; вверху почти отвѣсныя скалы, а внизу, на глубинѣ нѣсколькихъ десятковъ сажень, бушу-

ющій Аракымъ. Воищея посмотрѣть въ сторону; все вниманіе обращено на выбіную тропу; одинъ неосторожный шагъ лошади, и... ужасно подумать... Всѣ разговоры, обыкновенно довольно шумные, тутъ въ одно мгновеніе затихли; каждый думалъ о предстоящей опасности. Наконецъ, опасность миновалась; я спустился въ узкую долину Аракыма, слѣзъ съ лошади и, чувствуя себя въ какомъ-то изнеможеніи отъ душевнаго безпокойства, утѣлся на камнѣ и въ безмолвіи смотрѣлъ на длинную веревницу нашихъ выючныхъ лошадей, которыя лѣпились на крутизнѣ и медленно, шагъ за шагомъ, съ большою осторожностью переступали по осыпямъ съ одного камня на другой. Жаль, очень-жалъ, что не было съ нами живописца! какой предметъ для кисти! Съ обѣихъ сторонъ угрюмыя скалы, покрытыя огромными осыпями, внизу шумящій, пѣнящійся Аракымъ, цѣлый караванъ, висящій надъ пропастью, и наконецъ, нашъ бивакъ въ самомъ ущеліи между высокими и развѣсистыми тополями. Такія мѣста Калмыки называютъ *бомъ* (*). Всякая тропинка, въющая по высокому и крутому откосу надъ пропастью, есть *бомъ*. На такихъ тропкахъ или *бомахъ* ни развѣхаться верхомъ, ни разойтись невозможно.

Въ ущеліи Аракыма, мы остановились на нѣсколько часовъ, утомленные длиннымъ и труднымъ переходомъ. На окружающія насъ скалы мы смотрѣли теперь съ восхищеніемъ и съ самымъ пріятнымъ чувствомъ миновавшей опасности. Къ этому чувству примѣшивалось отчасти еще другое, чувство эгоизма, что, быть-можетъ, мы первые наслаждались этимъ зрѣлищемъ. Съ другой стороны, жалъ, что не можемъ подѣлиться своимъ наслажденіемъ со всѣми!

Подкрѣпивъ силы походными обѣдомъ, мы обошли ущеліе съ геологическимъ молоткомъ. Какъ пріятно было булнить эхо, незнакомое для этихъ мѣстъ! Скалы, образующія лѣвый берегъ Аракыма, состоятъ изъ темно-краснаго или фіолетоваго краснаго порфира, который весьма походитъ на алатаскій; по-крайней-мѣрѣ, въ сущности между ними нѣтъ никакого различія. Горы праваго берега, обтѣсанныя ливнецею и пихтою, по-видимому, должны имѣть одинаковое образованіе съ лѣвыми.

Послѣ трехъ-часоваго отдыха, мы снова двинулись вверхъ по теченію Аракыма. Протяжая ущельемъ и избирая для себя удобную тропу, мы непремѣнно должны были то подыматься на крутые откосы, то бродить черезъ рѣку, если берега подходили къ самому руслу и оканчивались отвѣсными обрывомъ. Вездѣ, по обѣ стороны, одинъ и тотъ же темнокрасный порфиръ, мѣстами представляющій весьма-слоистое образованіе. Верстахъ въ восьми или десяти отъ мѣста нашего отдыха, ущелье Аракыма начало расширяться и вывело насъ изъ самой подошвы Холзуна, покрытой величественными кедрами, смѣнявшими собою пихту и ливнецу. Тутъ не замѣтно также и краснаго порфира; напротивъ, вездѣ видишь зеленоватый полевошпатовый порфиръ и сѣрый глинистый сланецъ, — точно такія породы, какія находятся при подошвѣ Тургусунскаго Хребта. Восхожденіе на Холзунъ мы отложили до слѣдующаго утра, и ночевали на берегу Аракыма.

Въ нынѣшнюю ночь, сильно морозило. Впрочемъ, всѣ почти во время пребыванія нашего въ горахъ были чрезвычайно-холодны, а дни при легкой погодѣ довольно-теплы. Барометрическое измѣреніе подошвы Холзуна дало намъ весьма замѣчательный результатъ: она находится почти на одинаковой высотѣ съ разломомъ между Черною и Бѣлою-Убою, и даже еще нѣсколько-ниже его, а именно 7837^м, 8.

(*) На монгольскомъ и манчжурскомъ языкахъ *бомъ* значитъ крутой берегъ, крутое склоненіе горы къ рѣкѣ. А. Нумбольдъ, *Asie centrale*, T. I. с. 373.

На другой день (13 августа), по совету проводниковъ, мы предположили одни ѣхать на самую вершину Холзуна, а вьючныхъ лошадей послать иную дорогою, черезъ сѣдловину, и послѣ соединиться съ ними. Такимъ-образомъ, въ семь часовъ утра начали мы подыматься на тотъ хребетъ, который составляетъ линію раздѣленія двухъ огромныхъ системъ, Оби и Иртыша, или, точнѣе сказать, Камуни и Бухтармы. Всклѣдъ сначала довольно-пологій, но чѣмъ выше, тѣмъ становился круче и затруднительнѣе; лошади нѣсколько разъ задыхались и останавливались. Покатости Холзуна покрыты покровъ снѣгомъ, изъ-подъ котораго очень-часто выказывалась *Saxifraga crassifolia* своими двухъкратными листьями. Вездѣ стѣрый глинистый славецъ и въ величайшемъ беспорядкѣ; чѣмъ выше, тѣмъ беспорядокъ этотъ представляется въ состояніи болѣе-дикомъ и хаотическомъ. Ближе къ вершинѣ, глинистый славецъ, выдаваясь острыми гребнями различной толщины и различнаго паденія, образуетъ чрезвычайно-удивительныя формы — то отаѣсныя и падающія стѣны, то гигантскія пирамиды, то шипцы. Разстройство это находится уже на линіи постоянного снѣга, который до того твердъ, что можно было свободно ходить по нему. Наконецъ, мы на вершинѣ. Кто забирался на высокія горы и наслаждался ихъ величественною красотою, тотъ, безъ сомнѣнія, знаетъ, какъ иногда одинъ минутный взглядъ на горную природу можетъ вознаградить за нѣ труды и утомленія! Коксускіе и Тургусускіе Бѣлки слились передъ нами въ одно необозримое море, убыленное пѣнившимися валами. Куда ни обратишься, повсюду горы, повсюду таянутся и бѣлыми и темносиними полосами. Съ южной стороны Холзуна волнуется такое же море, такіе же горные хребты; нѣкоторые изъ нихъ далеко за Бухтармою и какъ-бы тонуть въ синевѣ неба; другіе складываются съ громадными восточными горами и превращаются съ ними въ одну снѣ-

говую массу, чрезвычайно-блестящую. Я всходилъ на самые высокіе пики, сколько ни напрягалъ зрѣнія, не могъ отличить ясно собственнаго направленія Холзуна между другими восточными горами; но-крайней-мѣрѣ наши онъ совершенно теряется между ними. Впрочемъ, бѣлозна снѣга, почти невыносимая для глазъ, много нѣмѣе разсматриванію отдаленныхъ горъ.

Холзуинъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы находились, подымается на 1281^м, 4, следовательно, 75^м выше Тургусускаго Хребта. Въ самыхъ верхнихъ его шипцахъ, мы замѣтили прелюбопытное образование. Къ основанію, оно состоитъ изъ зеленоватого полевошпатоваго порфира, а изъ вершинѣ изъ темнокраснаго амигдалита, который весь испещренъ зелеными пятнами и кристаллами бѣлаго известкова шпата; послѣдніе болѣею частію выветриваются снаружи и оставляютъ послѣ себя пустоты съ зеленоватыми землянистыми веществами. Холзуинскій амигдалитъ, безъ всякаго сомнѣнія, представляетъ только видоизмѣненіе того краснаго порфира, съ которымъ мы встрѣчались уже нѣсколько разъ. Въ Алатагскихъ - Горахъ онъ проходитъ посреди Юрты (Большаго Албата), а здѣсь полевошпатоваго порфира, и, вѣроятно, составляетъ самыя возвышенныя части Холзуна. Къ сожалѣ, что намъ невозможно было осмотрѣть зубчатые пики, окружающіе тургусуское плато; быть-можетъ, и эти пики также состоятъ изъ краснаго амигдалита, прорывающагося изъ-среды порфира. Гранитъ, участвовавшій въ поднятій Тургусускаго Хребта, вѣроятно, участвовалъ и въ поднятій Холзуна, но нигдѣ не выступилъ наружу, или, по-крайней-мѣрѣ, мы нигдѣ не замѣтили его, ни при подомъ, ни на вершинѣ. Замѣчае формы весьма различнаго свойства, то известково-глинистые, то асидичные съ прослойками хлористаго и тальковаго, то кремнистые; нѣтъ-такъ въ одной пластѣ замѣчаются два-три слоя различнаго свойства и цвѣта.

Продѣлая обширную снѣжную раз-

пиною къ своему каравану, мы вездѣ встрѣчали выдающійся отлѣльными глыбами полевошпатовый порфиръ, гочно такой, какой находится при подошвѣ. Это было около двѣнадцати часовъ пополудни; термометръ показывалъ 10° по Ц. Снѣгъ подъ нами таялся и замедлялъ соединеніе съ караваномъ, давно ожидавшимъ насъ въ большой сѣдловитѣ, на юго-востокъ отъ нашего переѣзда. Своею южною покатостію она обращена почти прямо къ истокамъ *Хаиръ-Кумина*, падающаго въ Бухтарму. По наимену измѣренію, она находится на высотѣ 1042^м, 2. На географическихъ картахъ *Хаиръ-Куминъ* вытекаетъ изъ середины Тургусунскаго - Хребта, между тѣмъ, какъ въ самой природѣ онъ беретъ начало изъ *Холзуна*, слѣдовательно, гораздо-восточнѣе (*). Истоки *Хаиръ-Кумина* съ южной стороны совершенно соотвѣствуютъ истокамъ *Аракыма* съ сѣверной.

Соединившись съ караваномъ, мы, послѣ нѣсколькихъ часовъ отдыха, стали спускаться на южную покатость *Холзуна*. Тутъ нѣтъ никакой замѣтной тропы, пролагаемой обыкновенно оленями, сайгами и сахатаемъ; крутъ чрезвычайная, прямо въ ущеліе *Хаиръ-Кумина*. Вся надежда на вѣрный шагъ лошади. Страшно взглянуть въ глубину ущелія въ то мгновеніе, какъ лошадь колеблется, и ничто, гдѣ бы опаснѣе ступить, чтобъ не оборваться въ пропасть. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей рѣшились лучше идти вѣшкомъ, нежели вѣрять участъ свою инстинкту животнаго. Впрочемъ, спуститься вѣшкомъ по весьма-неровной покатости, остунаясь на каждомъ шагу, трудъ необычайный. Я предпочелъ ѣхать верхомъ, и на этотъ разъ инстинктъ лошади не обманулъ меня. Мы спустились очень-долго, падали съ лошадыми, но, къ-счастью, безъ боль-

шаго вреда. Въ самомъ ущеліи *Хаиръ-Кумина* новое затрудненіе. Рѣка прорыла себѣ глубокое русло между скалами; съ обѣихъ сторонъ онъ чрезвычайно-крутъ, и часто образуютъ отвѣсныя стѣны, и потому, мы почти непрерывно должны были переѣзжать черезъ рѣку, взираясь то на тотъ, то на другой берегъ; всякій разъ такіе переѣзды грозили явною опасностью; лошади съ большими трудомъ могли выдерживать бѣшеное стремленіе рѣки, ниспадающей высокими каскадами. Не прежде, какъ верстъ черезъ пятнадцать, ущеліе *Хаиръ-Кумина* начинаетъ расширяться и превращается, наконецъ, въ долину довольно-широкую и лѣсистую. Въ то же время, рѣка, принимая въ себя съ обѣихъ сторонъ различные протоки, значительно увеличивается. Прѣхавъ еще нѣсколько верстъ, мы чрезвычайно утомились и расположились ночевать почти противъ горы *Столбоуки*, при впаденіи въ *Хаиръ-Куминъ* слѣва *Масляхи*, а справа *Большой* и *Малой-Громотухи*.

Горы по теченію *Хаиръ-Кумина* совершенно безснѣжны, даже при самыхъ истокахъ, что, вѣроятно, зависитъ отъ южнаго ихъ положенія. По обѣ стороны ущелія, въ однихъ мѣстахъ онъ порослъ густою травою, въ другихъ пихтою, но, не смотря на это, представляютъ множество обнаженныхъ скалъ; это или различныя намятвенія глинистаго сланца (точильный, асидный, известковатый, кремнистый), или порфиръ. Послѣдній на правомъ берегу, почти при самомъ окончаніи ущелія, образуетъ высокія уступообразныя скалы и огромныя осыпи. Напротивъ, въ долину, которая вся поросла тополями, березою и различными кустарниками, обнаженій мало; они замѣтны только съ одной лѣвой стороны, гдѣ горы подошвы къ самой рѣкѣ.

По словамъ проводниковъ, мы ночевали въ 18 верстахъ отъ устья *Хаиръ-Кумина* и въ 30 отъ *Зырянскаго-Рудника*. Безъ всякаго сомнѣнія, на дру-

(*) Теченіе *Хаиръ-Кумина* изображено правильно только на картѣ доктора Геблера, приложенной имъ къ описанію *Катунскаго-Хребта*. Г. Ж. 18.

той день (14 августа) мы не были бы въ состояніи доѣхать до Зырянска верхомъ, утомленные продолжительнымъ переходомъ черезъ горы; но мы заранее, еще съ карагайского ночлега, послали сюда двухъ проводниковъ, съ тѣмъ, чтобы они послали къ намъ на встрѣчу повозки. Дѣйствительно, мы нашли ихъ версты за 12 отъ Бухтармы и чрезвычайно были рады обрадованы. Отсюда начинается уже торная, тележная дорога; сосѣдніе крестьяне ѣздить сюда гнать деготь и ловить рыбу. Долина очень-широкая и вся поросла превосходнымъ березовымъ лѣсомъ. Но съ приближеніемъ къ устью, лѣсъ рѣдѣетъ, и наконецъ сѣвается одними кустарниками и такими деревьями, которые растутъ на влажной почвѣ. Хамръ-Куминъ, принявъ въ себя *Зыяну* справа, и *Лазу* слева, разливается тутъ на многіе рукава, которые во время весенней и коренной половодья, соединяются между собою и заливаютъ всю долину. По сбитіи воды, она тотчасъ одѣвается густою, высокою травой, и не успѣваетъ просохнуть. Прѣзжая долиною, мы почти непрерывно встрѣчали небольшіе отдѣльные водоемы и протоки, раздѣленные между собою сухими каменистыми руслами, — остатками половодья. Зѣвшія горы, сами-по-себѣ довольно-высокія, представляются настоящими холмами послѣ тѣхъ грозныхъ скалъ, которые мы встрѣчали болѣе трехъ дней; вѣсто прежней угрюмой фантоминъ, онѣ принимаютъ пріятный округлый видъ, либо располагаются уступами, — очертаніе, по которому всегда можно узнать алтайскія сланцевыя горы.

При устьѣ Хамръ-Кумина, Бухтарма широка и глубока; мы перѣехали ее на паромѣ, въ 12 верстахъ отъ Зырянска. Тутъ ожидали насъ свѣжія лошади. Отъ перевоза до самого рудника дорога пролегаетъ между стѣпными лугами, ограниченными съ обѣихъ сторонъ совершенно-безлѣсными сланцевыми горами. Къ двумъ часамъ пополудни мы пріѣхали въ Зыря-

новскъ и остановились въ домѣ пристава капитана Ціолковскаго.

II.

Зырянскій-Рудникъ. Названіе Иртышу между Бухтарминскою и Устькаменогорскою Крѣпостями Рудники Таловскій и Николаевскій.

Отъ 15 по 20 августа.

Пребываніе свое въ Зырянскѣ употребилъ на обзоръ рудника и окрестностей.

Зырянскъ, по внутреннему дѣленію Геблера, находится на высотѣ 530 футовъ надъ морскою поверхностію. Онъ лежитъ въ болотистой долинѣ рѣки *Масляки*, почти при самомъ соединеніи ея съ *Березовскою* (лѣвою), идущею въ Бухтарму, немного-ниже Хамръ-Кумина. Горы, окружающія зырянскую долину, безлѣсны и пустыны; онѣ всѣ состоятъ изъ сланцевъ глинистаго сланца, переходящаго въ хлоритовый; самая близкая порослая гора (*Оструга*) находится въ 3 верстахъ отъ рудника, а ближайшая гранитовая (*Орелъ*) въ восьми. Рудникъ Гора также состоитъ изъ глинистаго сланца, подходящаго къ хлоритовому и пересѣченнаго многими кварцевыми жилами. Нигдѣ по сосѣдству онъ не заключаетъ въ себѣ ни сподчиненныхъ породъ, ни органическихъ остатковъ. Г. Чихачевъ относитъ его къ формѣ горнаго известняка, основываясь на тѣхъ окаменѣlostяхъ, какія были представлены ему изъ окрестныхъ мѣстъ. Окаменѣlostи эти, какъ видно изъ описанія, собственно находятся не въ сланцахъ, а въ известнякахъ, залегающихъ между сланцами. По-крайней-мѣрѣ таковъ известнякъ, находящійся на правомъ берегу Бухтармы, въ 3 вер-

(*) Dr. F. Gebler. Ueber barometrische Höhenbestimmungen im nordwestlichen Altai. Въ «Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou, Année 1833, № 1».

стахъ отъ деревни Таловки, и въ 6 верстахъ отъ Бухтарминской-Крѣпости. Онъ заключаетъ въ себѣ: *Spirifer Mosquensis*, *S. trigonalis*, *S. Verneuli*, *Productus antiquatus*, *P. punctatus*, *P. Bronni* (?), *P. punctati affinis* (представляющей однако нѣкоторыя особенностя), и стебли *энкринитовъ* въ большомъ количествѣ (*). Если известнякъ, заключающій въ себѣ означенные остатки, дѣйствительно принадлежитъ къ одной системѣ съ зырянскими сланцами, то, безъ всякаго сомнѣнія, они должны относиться къ формаци горнаго известняка; даже по аналогіи съ Европейскою-Россіею, можно отнести ихъ къ верхнему ярусу этой формаци. Но мнѣ неизвѣстно, есть ли на это какія-либо указанія около самого Зырянска, или въ близкомъ сосѣдствѣ; известнякъ, о которомъ упоминаетъ г. Чихачевъ, отстоитъ отсюда болѣе, нежели на 40 верстѣ (**).

Зырянское мѣсторожденіе принадлежитъ къ толстымъ и короткимъ жиламъ; въ длину оно протягивается до 180 сажень, въ глубину на 57, толщины, по мѣрѣ углубленія, отъ 3 до 10 сажень. Съ восточнаго конца, эта жила одинакая, а къ западному расходится на двѣ вѣтви. Въ обоихъ случаяхъ ее образуетъ кварцъ то плотный, то чрезвычайно-скважистый и наполненный охрами, составляющими главное богатство рудника. Въмѣстѣ съ охрами въ скважистомъ кварцѣ находятся и другіе весьма-различныя минералы, такія: *бѣлая свинцовая руда*, *мѣдная лазурь*, *малахитъ*, *тяжелый шпатъ*, *свинцовый блескъ*, *серебряный блескъ*, *гал-*

мей, *красная мѣдная руда*, *самородная мѣдь*, наконецъ *золотистое серебро* и *серебристое золото*. Два послѣдніе минерала обыкновенно разсыпаны въ охрахъ самыми тонкими частицами, рѣже листочками и зернами, еще рѣже кусками въ нѣсколько золотниковъ и лотовъ. По разложенію Розе, зырянское золото заключаетъ въ себѣ 60,00 частей золота, 38,38 серебра и 0,33 жѣлѣза (*). Охры и всѣ численныя мною матеріалы на глубинѣ 48 сажень вытѣсняются самыми бѣдными колчеданнстыми рудами.

Образованіе вѣдшихъ рудъ, по-видимому, не принадлежитъ къ самымъ послѣднимъ переворотамъ зырянской долины: въ одномъ мѣстѣ, при разработкѣ рудника, былъ встрѣченъ *авитовый порфиръ* (*porphyre pétoché*), который, вѣроятно, проходитъ тутъ жилою и образовался пѣтлѣ рудоноснаго кварца.

Зырянскій-Рудникъ открытъ въ 1792 году, и въ настоящее время составляетъ богатѣйшій запасъ алтайскаго серебра. Въ послѣдніе годы, изъ него ежегодно получалось до 778 пуд. золотистаго серебра, между-тѣмъ, какъ всѣ прочіе алтайскіе рудники, вѣдѣтѣ вѣтые, даютъ не болѣе 225 пудовъ. Сверхъ этого, онъ доставляетъ до 30 тысячъ пудовъ свинца. Среднимъ числомъ зырянскія руды содержатъ въ себѣ отъ 4 до 6 золот. золотистаго серебра и около 20 процентовъ свинца.

За немѣнѣемъ лѣсовъ въ вѣдшихъ мѣстахъ, зырянскія руды для плавки отправляются въ Змѣевскій, Локтевскій и другіе заводы. Съ этою цѣлію, на правомъ берегу Иртыша устроены двѣ пристани: *нижняя* и *верхняя*; первую мы видѣли, а вторая находится въ 45 верстахъ на юго-западъ отъ Зырянска, и въ 150 верстахъ отъ Нижней-Пристани. Руды первоначально свозятся сухимъ путемъ на Верхнюю-Пристань, оттуда сплавляются Иртышомъ до Нижней, а тамъ опять сухимъ

(*) *Voyage scientifique*, стр. 294.

(**) Къ-сожалѣнію, известняки, заключающіе въ себѣ органическіе остатки, не изслѣдованы со всею точностію, ни относительно положенія своего между сланцами, ни между собою. На-прим., весьма-любопытно знать, дѣйствительно ли *Spirifer Verneuli* находится тутъ въ одной пластѣ со *Spirifer Mosquensis*, *Productus antiquatus* и др. До-сихъ-поръ его находили въ одной девонской системѣ.

(*) *Reise nach dem Ural etc.* Т. 1. стр. 303.

путемъ отправляются на разные заводы.

Мнѣ крайне хотѣлось осмотрѣть горы, лежащія на востокъ и юго-востокъ отъ Зыряновска, вверхъ по теченію Бухтармы. Тутъ находятся самыя высшія алтайскія альпы, восточное окончаніе *Холзуна* и *Листьяжвыи-Хребты*, примыкающіе къ огромнымъ *Катунскимъ-Горамъ*. Но было поздно; теперь, въ половинѣ августа, эти алтайскіе гиганты, по причинѣ холода и глубокимъ снѣгамъ, недоступны для путешественника; ихъ можно осматривать только въ іюлѣ. Мнѣ не удалось также видѣть *Заводинскій* Рудникъ, лежащій въ 40 верстахъ на западъ отъ Зыряновска, на правомъ берегу Бухтармы. Изъ него добывали некогда два рѣдкіе минерала, *таллюристое серебро* и *таллюристый свинецъ*. Нынѣче онъ истощился и оставленъ.

И такъ, не имѣя возможности видѣть ни восточнаго окончанія Холзуна, ни Листьяжвыихъ, ни Катунскихъ Горъ, мы изъ Зыряновска проѣхали на Верхнюю-Пристань, и оттуда спустились по Иртышу до Нижней. Иртышъ въ этомъ пространствѣ мчится съ удивительною быстротою, посреди самыхъ живописныхъ и совершенно-открытыхъ скалъ. Давно мечталъ я видѣть этотъ великолѣпный разрѣзъ горъ. Безъ сомнѣнія, еслибъ я не воспользовался настоящимъ случаемъ, то мечта моя никогда бы не осуществилась, и составила бы пробыль въ моемъ путешествіи. Дѣйствительно, плаваніе по Иртышу навсегда останется въ моей памяти.

16 августа. Дорога изъ Зыряновска на Верхнюю-Пристань сначала идетъ довольно - широкою долиною между скаливыми горами. Гранитная гора Орель осталась у насъ въ лѣвой сторонѣ. Здѣшнія мѣста своею безводностію и безлѣсіемъ живо напоминаютъ степь; нигдѣ не видно ни одного дерева; долина и горы одѣты одною унылою флорою. Въ 30 верстахъ отъ рудника, въ мѣстѣ, называемомъ *Саланцы*, мы перемѣнили лошадей, и, проѣхавъ еще верстѣ 5, вступили въ обширную до-

лину, по которой течетъ рѣчка *Долнока*, называющаяся въ Бухтарму. Отсюда дорога перестѣкаетъ невысокія скаливыя горы, заключающія въ себѣ остатки мѣднаго *бухтарминскаго* рудника, и потомъ около 10 верстѣ идетъ пологимъ склономъ до самаго Иртыша. Это истинная степь; вся флора почти единственно состоитъ изъ *кмица* (*festuca ovina*), доставляющаго превосходный кормъ киргизскимъ лошадямъ. Впрочемъ, со словомъ *степь* не должно соединять понятія о мѣстахъ совершенно ровныхъ и песчаныхъ; напротивъ, по обѣ стороны Иртыша вы видите и безграничное пространство горы, отличающіяся особенными очертаніями. За Иртышемъ онѣ имѣютъ какую-то неровную, зубчатую и какъ-бы изорванную форму, а по сую сторону Иртыша напоминаютъ собою саушкинскій гранитъ. На пристань мы пріѣхали довольно - рано и расположились здѣсь переночевать, намѣреваясь на слѣдующій день рано утромъ отправиться сухимъ путемъ на устье Бухтармы, куда уже спуститься по Иртышу (*). Я воспользовался нынѣшнимъ вечеромъ и употребилъ его на обзоръ соседнихъ горъ, съ перваго раза уже поразившихъ меня знакомыми формами. Дѣйствительно, онѣ состоятъ изъ гранита, который, подобно саушкинскому, разлѣненъ на плиты или слои, болѣе или менѣе толстыя. Это цѣлый рядъ отдаленныхъ эллипсоидовъ, которые тянутся параллельно съ берегомъ и весьма мѣтны по своему бѣлому цвѣту. Последнее свойство зависитъ отъ гранита, который почти весь состоитъ изъ сѣровато-бѣлаго полевого шпата и совершенно-бѣлаго альбита, съ маломъ только примѣсью мутнаго кварца и черной, либо золотистой слюды.

Около пристани Иртышъ извертъ различными судами, назначенными для сплава зыряновскихъ рудъ, которыми

(*) Сухимъ путемъ отъ Верхней Пристанной до устья Бухтармы или Бухтарминскій Крѣпости считается 23 верстѣ, а рѣкою 40.

завалены весь берегъ (*). Тутъ же находились плоты, приготовленные для нашего плаванія. Каждый изъ нихъ состоялъ изъ трехъ лодокъ, одно-деревокъ, наставленныхъ сверху досками и на случай дождя прикрытыхъ палаткою. Ничего не можетъ быть удобнѣе для путешествій съ ученою цѣлю. Иртышъ въ этомъ мѣстѣ широкъ и довольно-быстръ; но, по сравненію съ тою частію, гдѣ онъ мчитъ между скалами, его называютъ *тихимъ*. Иртышъ вообще богатъ рыбою, и особенно славится по всему Алтаю самыми вкусными стерлядьми.

На слѣдующій день, въ 4 часа утра, мы были уже на дорогѣ къ Бухтарминской Крѣпости. Горы, тутъ пролегающія, невысоки и, по-видимому, всѣ состоятъ изъ слонистаго гранита. Версты за три до крѣпости, мы вышли въ долину Бухтармы и повернули на Иртышъ, гдѣ ожидали насъ плоты, еще ночью сплавленные въ это мѣсто. Почти все пространство отъ крѣпости до Иртыша занято сѣнокосными лугами; во близъ самой крѣпости и къ западу отъ нея тянутся непрерывныя горы; нѣкоторыя изъ нихъ поражаютъ своимъ необыкновеннымъ очертаніемъ; это настоящіе конусы. Самый высокій изъ нихъ и обращающій на себя преимущественное вниманіе, находится къ сѣверу отъ Бухтарминска и называется *Мохнатою сопкою*, или *Беритау*, или *Плмняжною Горой*. Издали я почелъ бы ее за базальтовый или порфиновый конусъ, еслибъ образованіе ея не было мнѣ извѣстно изъ описаній Гумбольдта и Розе (**). Подобно прочимъ прибрежнымъ горамъ, которыя мы видѣли на протяженіи 15 верстъ, она состоитъ изъ слонистаго гранита.

(*) Суда, употребляемая для сплава рудъ, трюкаго рода: *неводники*, *лодки* и *барки*; послѣднія управляются 24 человекѣми, и поднимаютъ 3600 пудовъ; лодки управляются 17 человекѣми съ грузомъ 2500 пудовъ; неводники 3 человекѣми съ грузомъ 350 пудовъ.

(**) *Reise nach dem Ural* etc. t. I, c. 584 и 585. *Asie Centrale*, t. I, c. 301.

Туманъ, до-сихъ-поръ носившійся надъ рѣкою въ видѣ бѣлой извивающейся ленты, исподволь рѣдѣлъ и не мѣшалъ уже разсматриванію береговъ. Безоблачное небо обѣщало хорошую погоду. Нисколько не теряя времени, мы сѣли на плоты, и ровно въ 6 часовъ поплыли. Я удвоилъ вниманіе. Съ лѣвой стороны тотчасъ подошли къ берегу гранитныя слонистыя скалы; справа примыкала долина Бухтармы, развѣдывавшейся на многіе рукава и впадающей ими въ Иртышъ. Миновавъ эти устья, вы замѣчаете, что рѣка, доселѣ довольно-тихая и широкая, видимо становится быстрѣе, и наконецъ съ шумомъ врывается въ узкое русло, сжатое отвѣсными скалами, состоящими изъ сѣровато-чернаго глинистаго сланца. Первые изъ этихъ скалъ съ правой стороны болѣе другихъ выдаются впередъ и разсѣчены во всю высоту какою-то жилою бѣлаго цвѣта. Прибой волнъ и бурное теченіе рѣки не позволили разсмотрѣть ближе эту жилу; но думаю, что она принадлежитъ къ гранитнымъ, какія въ послѣдствіи встрѣчались намъ не разъ посреди глинистыхъ сланцевъ праваго берега (*). По цвѣту легко было принять ихъ за кварцъ, но собственно это гранитъ, преимущественно состоящій изъ кварца и серебристой слюды. Такая ошибка тѣмъ возможнѣе, что тутъ находятся и настоящія кварцевыя жилы. Верстахъ въ 15 отъ устья Бухтармы, мы начали встрѣчать гранитъ большими массами; онъ одинакаго свойства съ слонистымъ гранитомъ, но темнѣе жилнаго, что зависитъ отъ черной слюды. Весьма-замѣчательно, что такою же слюдою наполненъ и глинистый сланецъ, находящійся въ соприкосновеніи съ гранитомъ.

(*) Скалы, болѣе другихъ вдавшіяся въ русло Иртыша, называются быками. Суживая русло рѣки, онѣ составляютъ причину прибои волнъ и быстрого ихъ теченія. Плавающее судно при неосторожности гребцовъ можетъ увлечься этимъ быстрымъ потокомъ, и, ударившись о скалу, раздробиться въ щепы.

Жильный и слоистый гранитъ, судя по свойствамъ ихъ, едва-ли не принадлежать двумъ различнымъ эпохамъ, и вѣроятно, очень близкимъ между собою. Первый, безъ всякаго сомнѣнія, выступалъ жидкою, текучею массою, второй тѣстообразною или полутекучею. Самое убѣдительное доказательство полутекучаго состоянія гранита встрѣтили мы верстахъ въ 16 отъ Бухтармы, почти на одной линіи съ *березовскими редутомъ*. Плыва внизъ рѣки, вы видите на правомъ берегу глинистый сланецъ, который на большое протяженіе покрытъ слоистымъ гранитомъ, — видите, и не вѣрите своимъ собственнымъ глазамъ; но, рассматривая ближе, убѣждаетесь, что гранитъ дѣйствительно залегаетъ на сланцѣ, и, подобно порфиру или діориту, восполняетъ собою его неровности. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вмѣстѣ съ сланцемъ онъ поднимается на 30, на 40 футовъ, въ другихъ опускается до самой рѣки. Глинистый сланецъ, поднятый почти вертикально и находящійся въ такомъ тѣсномъ соприкосновеніи съ гранитомъ, совершенно измѣнился: принявъ въ себя множество слюды и полевого шпата, онъ имѣетъ явственное кристаллическое образованіе, и въ изломѣ очень походить на гнейсъ.

Начиная отъ *Булочнаго Зимовья* (верстахъ въ 50 отъ Бухтарминска), прибрежныя скалы по обѣ стороны Иртыша представляются непрерывными и высокими стѣнами, состоящими изъ аспиднаго сланца. Отъ рѣчки *Смолянки*, справа впадающей въ Иртышъ, онъ становится еще выше; тутъ же аспидный сланецъ праваго берега сдвигается гранитомъ и на линіи соприкосновенія съ нимъ обнаруживаетъ такія же измѣненія, какія замѣчены выше. Последнее появленіе гранита находится верстою ниже Смолянки. Еще ниже, предъидущія породы неожиданно сдвигаются кристаллическимъ известнякомъ, который, впрочемъ, занимаетъ по теченію рѣки не болѣе 15 сажень, и, безъ всякаго сомнѣнія, составляетъ одну формацию съ сланцами. Мы не нашли въ

немъ никакихъ органическихъ остатковъ.

Съ появленіемъ известняка или даже нѣсколько-выше, прибрежныя скалы замѣнились округлыми горами, которыя идутъ въ томъ же направленіи и образуютъ для рѣки весьма-примечательную раму. Но за 8 верстъ до Нижней Пристанн, или отъ впаденія съ лѣвой стороны *Аблайкизы*, прибрежныя горы почти вдругъ расходятся, и рѣка какъ-бы почувствовала себя свободною, мгновенно расширяется и занимаетъ большое пространство. Вспомните путешественника, миновавъ это сѣверное устье, также чувствуетъ себя свободнымъ; на всемъ теченіи Иртыша онъ стѣсненъ каменными стѣнами, а тутъ вмѣстѣ съ рѣкою ширится и трется въ дали. Впечатлѣніе это чрезвычайно замѣтно, когда высплываешь изъ горъ, и однимъ взглядомъ обнимаешь обширную степь лѣваго берега. Съ правой стороны сланцевыя горы сопровождаютъ Иртышъ до Нижней-Пристанн, и въ недалекомъ отъ нея разстояніи разсѣчены діоритомъ: это тотъ самый случай, о которомъ упоминалъ при первомъ посѣщеніи пристани.

Быстро течетъ Иртышъ. Судя по направляющіся въ Верхнюю Пристань, достигаютъ ея не прежде 10 или 12 дней, а внизъ то же пространство проплываютъ въ одинъ день. Къ 7 часамъ вечера мы были также на мѣстѣ.

Итакъ, на всемъ протяженіи отъ Верхней Пристанн до Нижней, сланцевыя горы подняты, разорваны и много покрыты гранитомъ. Но ограничивается ли появленіе этого особеннаго гранита тѣмъ небольшимъ пространствомъ, которое мы видѣли? Иртышскія Горы не соединяются ли съ другими горами, или сами собою не образуютъ ли особой горной цепи? Мы кажется, *Иртышскія Горы* составляютъ западную часть *Нарынскихъ* или *Бурчумскихъ* Горъ. Начавшись въ тайскихъ владѣніяхъ, онѣ верстами идутъ къ рѣкѣ *Нарынѣ*, и, держа теченіе Иртыша, протягиваются до Нижней

Пристанн. И Нарымскія и Курчумскія Горы намъ мало извѣстны, но западная или при-нарымская ихъ часть имѣетъ совершенно-одинакій характеръ съ Иртышскими-Горами. По свидѣтельству Розе, посѣщавшаго китайскую границу вмѣстѣ съ Гумбольдтомъ, Иртышскія-Горы отъ *Воронья-Редута* до Нарыма образуютъ непрерывную цѣпь, которая тянется въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ берега, а за Нарымомъ подходитъ къ самой рѣкѣ. Тутъ обращается она въ цѣльы стѣны и отдѣльныя скалы, вытянутыя въ одинъ рядъ, отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, и состоящія изъ гранита. По изслѣдованіямъ Розе, этотъ гранитъ имѣетъ всѣ свойства знакомаго намъ слоистаго гранита, и въ превосходной степени обнаруживаетъ свое первоначальное полу-жидкое состояніе. Въ одномъ мѣстѣ Розе сравниваетъ его съ большимъ потокомъ лавы, который былъ задержанъ въ своемъ теченіи и оцѣпѣтъ. — Подалаясь къ сѣверо-западу, гранитная цѣпь начинаетъ понижаться и переходитъ въ небольшіе холмы, состоящіе изъ глинистаго сланца. Близъ *Черемшанскаго-Редута*, гдѣ холмы эти подходятъ къ рѣкѣ и достигаютъ нѣкоторой высоты, глинистый сланецъ пересѣченъ тонкими жилами мелкозернистаго гранита и въ содѣствѣ съ ними наполненъ слюдою. — Еще далѣе или къ *Вороньему-Редуту*, посреди сланцевъ встрѣчается мелкозернистый діоритъ. — Отъ Верхней-Пристанн до Бухтарминска идутъ, какъ мы видѣли, почти непрерывныя горы, которыя, по свойству гранита и по своему направленію, необходимо должны составлять продолженіе той же цѣпи. Около Бухтарминска онѣ отличаются своею коническою формою. Розе, осматривая здѣшнюю крѣпость, замѣтилъ весьма-любопытный случай относительно гранита и вліянія его на сланцы. Въ крутомъ берегу Бухтармы образовался перевалъ; со стороны рѣки или снару-жи онъ состоитъ изъ слоистаго гранита, а внутри изъ глинистаго сланца,

но такого, который по всѣмъ направленіямъ, въ видѣ сѣти, пересѣченъ множествомъ гранитныхъ жилъ, отъ 1 до 2 дюймовъ толщиною. Пересѣкаясь, онѣ то расширяются, то сжимаются, то совѣмъ выклиниваются. Сланецъ, ими пересѣкаемый, сѣровато-чернаго цвѣта и чрезвычайно-богатъ слюдою; мѣстами же онъ становится *зернистымъ* и представляетъ тонкую смѣсь полевого шпата съ слюдою, — смѣсь, въ которой замѣтны еще отдѣльные листочки слюды большой величины. Такой же любопытный сланецъ превосходно видѣнъ въ той части крѣпостнаго рва, которая соотвѣтствуетъ провалу. Тутъ онъ мало прорѣзанъ жилами, напротивъ, самъ посреди гранита представляется жилою, косвенно пересѣкающею ровъ. Въ томъ же рву, къ юго-востоку отъ первой жилы, переходитъ другая, которая параллельна ей и съ перваго взгляда очень-похожа на черныи порфиръ, но собственно не иное что есть, какъ тонкая гранитовидная смѣсь слюды съ альбитомъ и полевымъ шпатомъ, заключающая въ себѣ еще отдѣльныя зерна кварца и кристаллы полевого шпата. Та же самая жила, судя по направленію, выказывается и въ береговой стѣнѣ, вмѣстѣ съ другою небольшою жилою. Порода, изъ которой онѣ состоятъ, имѣетъ видъ тонкозернистаго гранита, пересѣкающаго собою гранитъ крупнозернистый; но если сравнить съ глинистымъ сланцемъ, находящимся въ содѣствѣ настоящихъ гранитныхъ жилъ, то нельзя не принять его за такой же сланецъ, но который дѣйствіемъ гранита измѣненъ въ подобную ему тонкозернистую смѣсь (*).

Отъ Бухтарминской Крѣпости гранитныя горы, понижаясь и теряя свою коническую форму, идутъ почти до *Березовскаго-Редута*, а далѣе смѣняются сланцевыми горами, и посредствомъ ихъ примыкаютъ къ ульбинскимъ

(*) *Reise nach dem Ural*. с. 4. Т. I, с. 305—306.

отрогамъ. Если въ опредѣленіи Иртышскихъ Горъ руководствоваться словистымъ и жилистымъ гранитомъ, то едва-ли онѣ ограничиваются непосредственными берегами Иртыша. Хотя всѣ описанныя измѣненія находятся на одномъ только правомъ берегу, а лѣвый нигдѣ не выказываетъ ни жилъ, ни массъ гранитныхъ, исключая одно мѣсто, противъ устья Бухтармы; но нельзя думать, чтобы Иртышъ прорылъ себѣ русло на самой линіи прикосновенія гранита съ глинистымъ сланцемъ. По теченію *Аблайкиты Большой и Малой*, берущихъ начало въ Киргизской-Степи и составляющихъ лѣвый притокъ Иртыша, глинистые сланцы прорѣзаны точно такими же гранитными жилами, какія находятся по теченію Иртыша и около деревни Согры; жилы эти вліяніемъ своимъ превращаютъ ихъ въ гнейсъ и въ слюденый сланецъ (*); словомъ, все-доказываетъ, что и Аблайкитскія-Горы имѣютъ одинакій характеръ съ прибрежными Иртышскими-Горами.

18—20 августа. Съ Нижней-Пристанни мы предположили проѣхать въ *Таловскій* и *Николаевскій Рудники*, и оттуда, на возвратномъ пути въ Змѣевъ, пересѣчь еще разъ Убоагейскія-Горы между деревнями Шемананхою и Екатерининскою.

Таловскій-Рудникъ лежитъ на юго-западъ отъ Бѣлоусовскаго. Дорога сначала идетъ правымъ гористымъ берегомъ Иртыша, черезъ деревню *Глубокую* и *Красноярское-Село*, потомъ принимаетъ сѣверо-западное направленіе, на деревню *Выдриху*, лежащую на самомъ берегу Убы. На всемъ этомъ пути мы встрѣчали одинъ глинистый сланецъ; близъ деревни Глубокой онъ разорванъ сіенитомъ, а близъ Красноярскаго Села гранитомъ; въ послѣднемъ случаѣ, глинистый сланецъ перешелъ въ тальковый. Отъ Выдрихи

Таловскій-Рудникъ отстоитъ на двѣ версты. Первые три версты ѣдешь лѣвымъ берегомъ Убы, плоскимъ и низкимъ, потомъ поворачиваешь вправо въ гранитные убинскіе отроги. Близъ рудника опять начинаются сланцы.

Таловскій-Рудникъ, за нѣсколькіе предъ симъ, превосходно изслѣдованъ штабс-капитаномъ Бояршинымъ. По своей дружбѣ, онъ сообщилъ мнѣ свои замѣчанія, и чрезъ то познакомилъ меня съ этимъ любопытнымъ мѣсторожденіемъ. Гора, непосредственно заключающая въ себѣ зашнурованія, находится при рѣчкѣ Таловскія впадающей въ Убу. Она состоитъ изъ глинистаго сланца, который представляетъ весьма частые перемены: то въ глиняный камень, то въ глинистый сланецъ. Снаружи нигдѣ замѣтно той плутовической природы, которая была причиною поднятій и измѣненія сланцевъ. Но, въ рудникѣ они подняты діоритомъ, который образуетъ всѣ ближайшіе холмы, находящіеся на противоположной сторонѣ Таловки. Предположеніе это оправдывается тѣмъ, что внутри рудника, въ глубинѣ 30 сажень, былъ встрѣченъ діоритъ совершенно-одинаковыхъ свойствъ съ наружнымъ. Очевидно, различіе состоитъ въ томъ, что въ одномъ мѣстѣ діоритъ разорвалъ глинистые сланцы и выступилъ наружу, а въ другомъ остановился на глубинѣ тридцати сажень. Зашнурованія руды неоспоримо принадлежать къ тому же перевороту; онѣ залегаютъ на самой линіи перелома осадочныхъ пластовъ.

Судя по той части мѣсторожденія, которая обнаружена разномъ, онъ имѣетъ видъ жилы, простирающейся на сѣверо-востокъ; но, собственно говоря, это штокъ, представляющій овальную форму; глубина его простирается до 50 сажень; длина и ширина различны, но первая не превышаетъ 24, а вторая 8 сажень. Паденіе, начиная отъ верха Ивановской шахты до глубины 25 сажень, юго-восточное, подъ угломъ 65°, а съ 25 сажень оно поворачивается на югъ, и предстаетъ

(*) Чихачевъ, *Voyage Scientifique*, стр. 104 и 108.

вляется изогнутымъ. Главную массу этого овальнаго штока составляет кварцъ, въ которомъ и помѣщаются всѣ здѣшнія руды. Въ распредѣленіи ихъ существуетъ довольно-замѣчательный порядокъ. Начиная отъ лежачаго бока, кварцъ заключается въ себѣ мѣдный колчеданъ въ такомъ количествѣ, что пудъ руды даетъ отъ 4 до 5 фунтовъ мѣди. Въ срединѣ мѣсторожденія мѣдный колчеданъ почти вытѣсняется собою кварцъ и составляетъ самую богатую руду, содержаніемъ отъ 8 до 10 ф. въ пудѣ. Далѣе къ мѣдному колчедану начинается примѣшиваться цинковая блenda, которая, по мѣрѣ умноженія своего, понижаетъ содержаніе руды отъ 2 до $1\frac{1}{2}$ фунтовъ. Въ то же время, вмѣстѣ съ цинковою блендою показывается новая жильная порода, тяжелый шпатъ, который постоянно находится вблизи висячаго бока, и есть самая бѣдная руда, содержаніемъ отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ ф. мѣди. — Кромѣ означенныхъ минераловъ, тутъ встрѣчаются и другіе, таковы: сѣрный колчеданъ, свинцовый блескъ, красная мѣдная руда и самородная мѣдь.

Все до-сихъ-поръ сказанное о таловскомъ мѣсторожденіи, собственно относится къ нижней или расширенной его части, начиная съ 14-й сажени; верхняя же или узкая часть имѣетъ видъ жилы и наполнена тальковатою глиною, съ желѣзными и свинцовыми охрами. Жила эта обходилась въ общемъ итогѣ до 2 золотн. серебра въ пудѣ руды. Впрочемъ, верхняя часть Таловской-Горы имѣетъ нѣсколько такихъ охристыхъ жилъ, и всѣ онѣ оканчиваются то на 3-й, то на 5-й, то на 7-й сажени. Въ жилѣ, о которой говорено выше, серебряная охра оканчилась также на 7-й сажени, а на 9-й начали показываться мѣдныя руды. — Нахождение охристыхъ рудъ въ верхней части таловскаго мѣсторожденія чрезвычайно любопытно: оно подтверждаетъ во всей строгости законъ распредѣленія окисленныхъ и осѣренныхъ минераловъ.

При обзорѣ здѣшняго рудника

нельзя не замѣтить еще одного обстоятельства. Всѣ извѣстные алтайскіе мѣсторожденія, особенно корбалинскіе и риддерскіе, имѣютъ тѣсную связь съ порфирами; діоритъ встрѣчается въ нихъ весьма-тонкими жилами, которыя явились въ-послѣдствіи, и повидимому не принимали никакого участія въ образованіи рудъ. Напротивъ, въ таловскомъ мѣсторожденіи діоритъ является главнымъ дѣятелемъ, порфиры же, которые увидимъ послѣ, занимаютъ второе мѣсто.

Таловскій-Рудникъ открытъ въ 1749 году, по чудскимъ копиямъ. Въ техническомъ отношеніи, онъ можетъ служить образцомъ правильной разработки. Въ настоящее время, это самый богатый рудникъ изъ числа мѣдныхъ; изъ него добываютъ ежегодно до 12,000 пудовъ мѣди. Общее содержаніе рудъ обходится около 3 ф. въ пудѣ.

Съ Таловскаго-Рудника мы отправились въ Николаевскій, лежащій отъ него въ девяти верстахъ на сѣверо-западъ. Дорогою встрѣчались намъ порфиръ и гранитъ, — породы, которыя принадлежатъ къ Убинскимъ-Горамъ и, вѣроятно, вмѣстѣ съ діоритомъ участвовали въ образованіи здѣшнихъ мѣсторожденій. Участіе это особенно замѣтно на Николаевскомъ-Рудникѣ. Онъ такъ отличителенъ, такъ необыкновененъ, что я не могъ ободрѣть его въ короткое время, и потому остался здѣсь на цѣлый день, а горный начальникъ съ гг. Геблеромъ и Геригросомъ поѣхали въ Змѣевъ.

Николаевскій-Рудникъ находится по правую сторону рѣки Таловки, въ холмахъ, составляющихъ юго-западное окончаніе Убинскаго-Хребта. Безлѣсіе и одвообразіе окружающей природы придаютъ этому мѣсту видъ совершенной пустыни; это тѣмъ болѣе замѣтно, что Николаевскій-Рудникъ уже не разрабатывается. По давности времени, всѣ внутренніе его ходы обвалились и содѣлались недоступными для геологическаго любопытства; въ-счастію, остались для него большіе разво-

сы, по которымъ можно судить о характерѣ и особенностяхъ мѣсторожденія. Такихъ разновидностей шесть: *Полуденный*, *Новополуденный*, *Ильинскій*, *Покровский*, *Безименный* (прещенскія работы?) и *Демидовскій*. Всѣ идутъ по одному направлению, отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, и тѣмъ обнаруживаютъ направление самаго мѣсторожденія. Въ однихъ разновидностяхъ оно менѣе замѣтно, въ другихъ болѣе; но въ самыхъ великобѣдныхъ видѣхъ находятся въ извѣстномъ разности, который имѣетъ до 80 сажень въ длину, до 20 въ ширину и до 15 или болѣе въ глубину. Съ перваго взгляда, ильинскій разности представляется настоящимъ вулканическимъ жерломъ; онъ весь остеклованъ, обожженъ. Разсматривая ближе, удостоверяешься, что въ образованіи задѣшняго мѣсторожденія подземный огонь дѣйствительно имѣлъ чрезвычайное участіе. Оно со всѣхъ сторонъ окружено кварценовыми порфирами, который въ всѣхъ бокахъ смѣняется, хотя въ весьма-неблизкомъ разстояніи отъ разности, глинистымъ сланцемъ, а въ лежачемъ — известнякомъ и сланцемъ. Глинистый сланецъ, по свидѣтельству г. Чихачева, заключаетъ въ себѣ неясныя отпечатки *Terebratula* изъ числа *Terebratulae plicatae*, отпечатка *Retepora* (à larges mailles) и *Orthis*, которые походятъ на *o. imbraculum*, либо *o. crenistria*, встрѣчающіеся, какъ извѣстно, и въ девонскихъ и каменноугольныхъ осадкахъ (*). Я не замѣтилъ этихъ отпечатковъ, что, вѣроятно, произошло отъ кратности времени, либо отдаленности породы отъ разности; но извѣстнакъ, о которомъ вовсе не упоминается у г. Чихачева, заключаетъ въ себѣ органическіе остатки, и то одни *вкраплены* и *Cyathophyllum*. Извѣстнакъ этотъ плотнаго сложенія, и находится сажень въ 10 отъ разности. Глинистый сланецъ лежитъ гораздо даѣе и отдѣленъ отъ известняка порфиромъ.

Рудная масса, не смотря на общность разности, занимаетъ все пространство между порфировыми боками. Въ самой срединѣ проходитъ большая масса зеленовато-сѣрый кварцъ, чрезвычайно-плотный и мало орунѣлый. Тотъ же кварцъ, по направлению къ бокамъ, принимаетъ поздравное строеніе и проникнутъ серебряными охрами. Еще ближе къ бокамъ, съ обѣихъ сторонъ охристый кварцъ превращается въ отдѣльные куски, затѣвшіеся въ песчаномъ веществѣ и перемѣшанные съ кусками тяжелого шпата, халцедона и полуопала; послѣдній порола также проникнута охрами, и, какъ сказываютъ, была некогда весьма-богатою, отъ 5 до 12 серебра въ пудѣ. Въ поздравныхъ кварцевыхъ массахъ и въ песчаномъ веществѣ, замѣчается много сѣры: и горѣ болѣе находилось ея, какъ генералъ, въ всѣхъ бокахъ. — Еще ближе къ бокамъ, въ такомъ же песчаномъ веществѣ заключаются большія глыбы брекчій, состоящей либо изъ кварцевыхъ, либо изъ полуопаловыхъ и халцедоновыхъ обломковъ, соединенныхъ между собою спекшимся песчанымъ веществомъ. — Наконецъ, всѣ описанныя измѣненія рудной массы замѣчаются чрезвычайно-хрусткимъ и ртутнымъ полуопаломъ, состоящимъ непосредственный переходъ въ порфиры. Со стороны, обращенной къ срединѣ разности, эти полуопаловыя слѣды болѣею частью яркаго краснаго цвѣта, а будучи преломлены въ направленіи къ другой противоположной сторонѣ, онѣ представляютъ изъ себѣ измѣненія, постепенно переходя въ желтый, восковой, безцвѣтный; наконецъ, вы доходите до порфира, совершенно-растрескавшася и раздѣлившася на неправильные куски. Изъ коихъ одни остались безъ всякаго измѣненія, а другіе претерпѣли и тусклую яшму, либо въ жалобѣтѣ полуопалъ, либо въ глину. Въ одной изъ всѣхъ боковъ за полуопаломъ слѣдуетъ большая масса блѣдой яшмы, а вслѣдъ за нею порфиръ.

(*) *Voyage Scientifique*, с. 270 и 79.

Весьма-странное, удивительное мѣсторожденіе, особенно по своимъ опасамъ! По моему мнѣнію, здѣшніе полуопалы должны быть двоякаго происхожденія: одни представляютъ измѣненіе рудоноснаго кварца, другіе измѣненіе порфира. Метаморфозы эти, вѣроятно, были слѣдствіемъ вліянія водяныхъ паровъ, сопровождавшихъ образованіе рудъ. Мнѣніе это подтверждается тѣмъ, что нѣкоторые изъ полуопаловъ представляютъ непосредственный переходъ въ кварцъ, либо халцедонъ и кремнистую накипь, другіе — въ полевой шпатъ, яшму, пекштейнъ и фарфоровую глину. Нѣкоторые изъ нихъ выѣтриваются, при чемъ теряютъ блескъ свой, и покрываются песчано-глинистымъ веществомъ. Во многихъ случаяхъ здѣшніе полуопалы можно сравнить съ остеклованною яшмою или такъ-называемою *фарфоровою яшмою*.

Сходства николаевского развоя съ вулканическимъ жерломъ я не принимаю въ полномъ значеніи этого слова. Нельзя, однако, совершенно отвергнуть это сходство; стоить только обратить вниманіе на всеобщее остеклованіе порфира, на поздраватыя и шлаковатыя массы, на брекчій или туфы, на небольшие поздраватыя куски или лапаллы,—и сравненіе съ вулканическимъ жерломъ не покажется страннымъ.

Къ крайнему сожалѣнію, по давности работъ, нельзя было собрать подробныхъ свѣдѣній о рудникѣ. Главная разработка его была, какъ сказываютъ, въ то время, когда змѣиногорскія руды обходились въ общемъ итогѣ не менѣе 2 зол. въ пудѣ; ихъ соединяли тогда съ трудноплавкими и несомѣшными богатыми николаевскими рудами. Но съ объединеніемъ Змѣиногорскаго Рудника добычаніе николаевскихъ рудъ оказалось невыгоднымъ, и потому остановлено. Николаевскій - Рудникъ открытъ почти въ одно время съ Тадовскимъ.

Желаніе мое, на возвратномъ пути въ Змѣевъ осмотрѣть еще разъ Убогаѣйшія Горы по направленію отъ Ше-

мананхи къ Екатерининской деревнѣ
не сбылось: по обстоятельству, по-
водку эту и совершилъ ночью.

Г. ИЦУРОВСКИИ.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ЖУРНАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ.

I.

ЗАМѢТКИ ДЛЯ БУДУЩИХЪ ИЗДАТЕЛЕЙ ПУШКИНА.

Письмо IV (*).

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛАНУЕНІЯ ТЕКСТОВЪ Современнаго изданія Сочиненій А. Пущкина (1838—1841). Анекдоты. Полковедъ. Отрывокъ изъ неизданныхъ записокъ Дамы. (РОСЛАВЛЕВЪ), Джонъ Теннеръ. РАЗБОРЫ КНИГЪ. Притча Службникъ. Востолъ. Капитанская Докл. Объясненіе къ стихотворенію Шолоховедца. Чертежъ этого столетствования на французскій языкъ.

Современник. 1836. Анекдоты, изданы одинокими, неопубликованные издателями в III томъ «Современника» (стр. 487—491), безъ малѣйшаго сообщенія изъ редакціи и безъ призываній, откуда они заимствованы, — не смотря на возникающее, въ случаѣ этого, сомнѣніе о лицѣ разсказчика, не удостоились чести помѣщенія въ полное собраніе «Сочиненій Пушкина». Сомнѣніе мое, какъ вы увидите, не безосновательно. Въ XI томѣ «Сочиненій Пушкина» (стр. 151—183) помѣщены Анекдоты, перепечатанные въ VIII т. «Современника»; ежегодно и весьма

(*) Первые три письма помещены были в XLV и XLVI томах «Отечественных Записок» 1846 года. В третьем письме на стр. 43-й следует, вместо «учебный кабинет», читать: «ученый кабинет».

лестно, по своей тѣмѣ и манерѣ разсказа, съ находящимися въ III томѣ «Современника», оставленными, какъ я сказалъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, безъ вниманія издателями. — Каждый, кто дастъ себѣ трудъ пробѣжать ихъ, убѣдится, какъ я надѣюсь, что этотъ разсказъ, въ одно время столь сжатый и выразительный, безыскусственный и простодушный какъ лѣтопись, какъ слова самовидаца, — по всей вѣроятности принадлежитъ перу знаменитаго автора «Пугачевскаго Бунта» и «Арапа». Здѣсь было бы равновременно указывать на несообразность названія «Анекдоты», приданнаго, не знаю, самимъ авторомъ или его издателями, — историческимъ и литературнымъ замѣткамъ. Она, и безъ моего указанія, вѣроятно, бросалась въ глаза всѣмъ тѣмъ, которые читали ихъ въ XI томѣ «Сочиненій Пушкина». Я стану говорить объ этомъ послѣ, когда перейду къ пересмотру собственнаго изданія «Сочиненій А. Пушкина».

Между-тѣмъ, содержаніе нѣкоторыхъ изъ анекдотовъ, не вошедшихъ, какъ видно, въ изданіе «Сочиненій Пушкина», весьма-любопытно и превосходитъ внимательностью, по мнѣнію моему, помѣщенные въ XI томѣ. Обращая вниманіе выше особенно на тѣ, гдѣ упоминается о князѣ Потемкинѣ и гороскопѣ Эйлера, замечу, что въ 1740 году императрицею Анною Іоанновною по случаю рожденія внука Ея, Іоанна Антоновича. «Когда родился Іоаннъ Антоновичъ, то Императрица Анна Іоанновна послала къ Эйлеру приказаніе составить гороскопъ новорожденному. Эйлеръ сначала отпывался, но принужденъ былъ повиноваться. Онъ занялся гороскопомъ вмѣстѣ съ другимъ академикомъ. Они составили его по всѣмъ правиламъ астрологій, хотѣ и не вѣрили ей. Заключение, выведенное ими, испугало обоихъ математиковъ — и они послали Императрицѣ другой гороскопъ, въ которомъ предсказывали новорожденному всякія благополучія. Эйлеръ сохранилъ однакожь первый и пока-

зывалъ его графу К. Г. Разумовскому, когда судьба несчастнаго Іоанна Антоновича совершилась». *Современникъ*. Т. III, стр. 191.

Подобный разсказъ, произведя такой яркій свѣтъ на повѣтріи и нѣтъ того времени, не долженъ оставаться затеряннымъ для изучающихъ Пушкина, какъ историка, или какъ готовящагося на этотъ важный подвигъ, — общему сожалѣнію, не исполнѣн свершенный. Къ-тому же, разсказъ, который я замѣчаю, наводитъ читателя на воспоминанія о событіяхъ, драматизмъ которыхъ мало мѣшаетъ сей разсказъ въ современной исторіи. — Ни пропускъ его въ полномъ собраніи сочиненій Пушкина я смотрю съ точки зрѣнія, однажды мною избранной, основательности которой, конечно, судить не мнѣ, то-есть: я приписываю его недостатку внимательности со стороны издателей. Но, вѣроятно, найдутся люди, и я знаю, что ихъ довольно, которые объяснятъ себѣ подобное умалчание, подобныя пропуски болѣе-менѣе-пріятными причинами и побужденіями. — Оставаясь до времени при усвоенномъ мною воззрѣніи, тѣмъ не менѣе неизлишнимъ считаю изложить сжато сущность тѣхъ разсужденій, которыя удавалось мнѣ слышать въ обществѣ. Они, можетъ-быть, не могутъ быть полезны для соображеній будущихъ издателей, какъ Пушкина, такъ и другихъ замѣчательныхъ писателей и стиховъ.

Тѣ строгіе судьи и цѣнители гонимыхъ, что въ дѣлѣ историческаго изысканія и повѣствованія должны занимать первое мѣсто неуклонная справедливость и что никакія уваженія и могутъ имѣть здѣсь силы; что каково робость и застенчивость, переносимая въ изысканіяхъ историковъ и издателей трудныхъ, вовсе неумѣстна и совершенно несообразна съ цѣлію подобныхъ сочиненій. — Покрывало таинственности, набрасываемое на историческія событія и лица, для которыхъ наступило потомство, — вовсе излишне. Тамъ

ственность эта скорѣе вредна, нежели полезна, раздражая любопытство, которое, не находя себѣ удовлетворенія, бросается въ различныя, часто неосновательныя догадки и предположенія, обращающіяся въ послѣдствіи времени въ предубѣжденія. Къ чему служили бы труды и усилія тѣхъ людей, которые приносятъ всю жизнь свою въ жертву наукѣ и просвѣщенію, еслибы они должны были свѣтлыя свои поставять подъ спудомъ, отвѣчать вопрошающей ихъ любознательности одними полу-словами, одними полу-намеками, напоминающими темныя и двусмысленныя провѣщанія оракуловъ? Путь челоѣчества часто скорбный, всегда трудный, устланъ обломками памятниковъ, изъ которыхъ одни отжили, другіе разрушились неоконченными. Необходимо, идя по тому же пути, останавливаться предъ этими памятниками и стараться разобрать смыслъ тѣхъ писменъ, которыя на каждомъ изъ нихъ начертаны исчезнувшими поколѣніями, если только хотимъ мы сократить и облегчить себѣ этотъ путь. Конечно, не отнята кола у насъ обходить тѣ памятники робкими шагами, закрывать глаза или отвращиваться легкомысленно: но это не вѣрный способъ находить настоящую дорогу, и не расточать свои силы на отысканіе и разгадываніе того, что прежде насъ было сдѣлано и оказалось бесполезно, обманчиво. Дѣйствуя такимъ нерѣшительнымъ образомъ, мы, утомившись сами, оставимъ внукамъ нашимъ въ наслѣдіе трудъ несквершенный, и этотъ трудъ будетъ для нихъ еще болѣе тяжелъ и упоренъ, ибо предавая историческія, какъ замѣтки на древесной корѣ, съ каждымъ днемъ темнѣютъ и заплываютъ вѣстѣ съ расширеніемъ ствола древеснаго.—Неужели мы развертываемъ книгу исторіи для того, чтобъ страницы темныя и загадочныя закрывать, не объясняя себѣ истиннаго ихъ значенія?...

Вотъ, что удавалось мнѣ слышать въ обществѣ, когда касалась рѣчь наданія вообще историческихъ сочиненій.

Въ переданныхъ мною здѣсь словахъ и мысліяхъ, не смотря на нѣкоторую, можетъ-быть, туманность и напыщенность ихъ, безъ которой, впрочемъ, трудно обойтись, говоря о вещахъ не обтершихся въ повседневномъ обращеніи свѣтской жизни,—есть своя сторона правды. Не принимая на себя обязанности защищать подобныя мыслія или развивать ихъ, я отдаю вамъ ихъ какъ получилъ, и стану продолжать письменно свое собственно о предметѣ насъ занимающемъ.

Въ наши дни, отдаленные цѣлымъ столѣтіемъ отъ тѣхъ событій, о которыхъ напоминаетъ указанный мною выше литературный отрывокъ, — возможно уже и должно, можетъ-статься, помышлять о возстановленіи истиннаго смысла и содержанія сей печальной страницы нашей исторіи, выраженной временной необходимостью и различными уваженіями, которыми сдѣлано можетъ быть дано мѣсто нашимъ современнымъ образованіемъ, нашимъ утвердившимся государственнымъ и общественнымъ устройствомъ. Въ оживленіи совершенія подобнаго труда, историческая соотвѣтливость людей мыслящихъ успокоивается просвѣщеннымъ и великодушнымъ извлеченіемъ уваженія къ прошлому историческому, отъ лица могущественнаго Государя. Сколько воспоминаній, сколько важныхъ и поучительныхъ размышленій пробуждается при видѣ тѣхъ простыхъ — но прочныхъ плитъ гранита (*), на которыхъ ластавио и

(*) Для тѣхъ, которые никогда не посѣщали Петербурга, не лишнимъ будетъ примѣчаніе, что я говорю о воротахъ Санктпетбургской Петропавловской Крѣпости, обращенныхъ къ Петербургской-Сторонѣ, на которыхъ по повелѣнію нынѣ-царствующаго Государя Императора начертана надпись: «Юлиновскія» и означеніе года (1740) провозглашенія русскими императоромъ этого царственного младенца, необычайная судьба котораго внушаетъ мнѣ мыслѣ назидатіа здѣсь воспоминанія.

арно начертано или злополучной жер-твы современныхъ ошибокъ, исторической, государственной необходимости!.. Для тѣхъ, которые въ памятникахъ ищутъ не одну художественную красоту ихъ, не одно монументальное величіе, — не можетъ, конечно, оставаться незамѣченной та случайность, или то предвѣщеніе, въ — слѣдствіе которыхъ памятнику, о коемъ говорю я здѣсь, должно было воздвигнуться на тѣхъ именно основаніяхъ, которые положены рукою Зидателя сѣверной столицы и народнаго нашего величія и могущества. Для тѣхъ людей, имѣющихъ очи чтобъ видѣть, и уши чтобъ слышать, изъ этихъ историческихъ сближеній истекаетъ многозначительный смыслъ. Прочды и живучи основанія, полагаемая рукою великихъ призванныхъ и научаемыхъ свыше строителей: они не потрясаются ни покушеніями легкомысленныхъ страстей, ни усиліями враждебныхъ стихій. Только то право пріобрѣтаетъ значеніе и подтвержденіе въ глазахъ народовъ и исторіи, которое оправдывается ясными и разительными доказательствами о возможности и силѣ къ поднятію бремени, подавляющаго своею тяжестью слабыхъ, непривязанныхъ....

Стихотвореніе *Полководца* перепечатано въ собраніи «Сочиненій Пушкина» (т. IV, стр. на 325, какъ означено въ оглавленіи, а 326—328) безъ существенныхъ замѣненій и пропусковъ, кромѣ замѣны начальныхъ прописныхъ буквъ въ такихъ словахъ, какъ: Цимѣы, Малонны, Фазны—строчными. Но это, видно, было уже принято издателями за правило, объ основательности котораго можно спорить. Въ предпоследнемъ стихѣ, слово: въ покольный измѣнено и написано въ покольнѣ, вѣроятно для того, чтобъ оно ближе отъичало рифмѣ: «въ умиленьи». Считаю излишнимъ распространяться на счетъ всѣхъ этихъ мелочей, которые могутъ относиться къ одной типографской небрежности; но повторяю, что, перепечатывая произведенія, показавшіяся въ

свѣтъ при жизни автора, слѣдовало бы удерживать и правописаніе, или приплатое, не смотря на кажущуюся ея несообразность, кромѣ, разумеется, явныхъ ошибокъ. Это имѣетъ свою относительную пользу, заставляя составителей нашихъ грамматикъ быть внимательнѣе къ некоторымъ авторитетамъ, такимъ на-пр., какъ Пушкинъ, — слѣдовательно не быть односторонними. Авторитеты писателей, признанныхъ общественнымъ смысломъ и сочувствіемъ за образцовыхъ и народныхъ, — должны и будутъ всегда имѣть свое значеніе и силу.

Капитальный недостатокъ изданія «Сочиненій Пушкина» обнаруживается и въ настоящемъ случаѣ размѣщеніемъ не въ систематическомъ порядкѣ произведеній поэта, а въ такомъ иногда разстояніи одно отъ другаго, въ какомъ не должны были бы они находиться по взаимной своей связи и содержанію. Еслибъ болѣе-сообразный порядокъ былъ принятъ въ основаніе при печатаніи «Сочиненій Пушкина», то никакъ не могло бы случиться, чтобъ *Обясненіе* къ стихотворенію «Полководецъ», напечатанное при жизни автора вслѣдъ за появленіемъ его, въ IV томѣ «Современника» (стр. 295—296, наше для себя мѣсто только въ IX томѣ «Собранія Сочиненій» (стр. 475—478). Четыре, или почти пять томовъ отдѣляютъ его отъ первоначальнаго стихотворенія, бывшаго для него поводомъ, и къ которому составляетъ оно существенный и повсѣхъ отношеній замѣчательный комментарий. Отрывокъ этотъ не могъ быть для гг. издателей печальною находкою, ибо, какъ видимъ, существовалъ и былъ извѣстенъ гораздо-дольше до приступа къ самому изданію сочиненій. *Обясненіе* затѣялось въ числѣ *Стихотвореній* (см. оглавленіе IX тома «Соч. Пушкина» 1841), пропущеннаго въ последнемъ томовѣ (!) изданіи, — и кому придетъ въ голову отыскивать его подъ названіемъ, которое имѣло смыслъ быть напечатано отдѣльно въ «Современникѣ». Многие, вѣроятно, подумали, что это

объясненіе въ любви или подобная тому фантазія поэта, а никакъ не то важное, даже, можно сказать, строгое воззваніе поэта къ своимъ соотечественникамъ. Должно полагать, что «Объясненіе» внесено въ число «Стихотвореній» потому-что оно замыкается нѣсколькими строфами замѣчательными, можетъ быть, въ стихотворномъ отношеніи, но которыя, конечно, не заслоняютъ содержанія пушкинской прозы, этой мужественной, естественной, величавой прозы.

Перечитываніе такихъ произведеній, какъ *Полководецъ* и *Объясненіе* къ нему, доставляя наслажденіе пластическимъ совершенствомъ и музыкальностью стиха, заставляетъ въ то же время обращаться къ изученію той эпохи, о которой говоритъ поэтъ и времени не столь отъ насъ далекаго, въ которомъ онъ самъ жилъ и дѣйствовалъ. Въ послѣднемъ отношеніи, «Объясненіе» едва-ли не заключаетъ въ себѣ больше важности, нежели первоначальное стихотвореніе, служившее для него побудительною причиною. Вы изъ него усматриваете, какъ было принято въ нашемъ обществѣ стихотвореніе «Полководецъ», какіе порожило оно толки и сужденія, и какъ самъ поэтъ развивалъ и объяснял мысль свою, многими превратно понатую и истолкованную. Въ этомъ случаѣ, не можетъ не быть замѣчательнымъ то, что ни судившими произведеніе Пушкина, ни имъ-самимъ въ послѣднемъ его словѣ, не было обращено вниманія на такую мысль, всврѣчаемую въ стихотвореніи «Полководецъ», которой несовершенная ясность и вмѣстѣ многозначительность, не могла бы, какъ полагаю, остаться безъ объясненія и истолкованія въ настоящее время. Я имѣю здѣсь сказать свое мнѣніе, котораго попрошу васъ быть судьей. Зная напередъ и предчувствуя, какъ трудно прикасаться къ предубѣжденіямъ, укореняемымъ въ умахъ давностию времени, словами знаменитыхъ писателей и подтвержденнымъ молчаніемъ ихъ современниковъ, если я и рѣшаюсь высказать нѣсколь-

ко словъ, то единственно отъ полноты убѣжденія—не знаю вѣрнаго ли, но искреннаго. Замѣчанія мои, впрочемъ, не будутъ дерзкимъ покушеніемъ бросающаго обвинительный камень въ память любимаго нами поэта: я ищу только отдѣлнть отъ самобытныхъ и чистыхъ понятій и чувствъ, средныхъ его превосходной натурѣ, — ту примѣсь обманчивыхъ впечатлѣній, ту разлагающую осадку полу-убѣжденій, которыя, подымаясь изъ неподвижной чашто, иногда тревожной бездны современныхъ страстей и предубѣжденій, — застилаютъ взоръ самый ясный и дальновидный, ложатся ржавчиною на лезвіе ума самаго твердаго и блестящаго. — Едва-ли кому нынѣе нужно доказывать, что поэты и писатели самые знаменитые, не смотря на то положеніе, которое, казалось бы, возвышать должно ихъ надъ уровнемъ людей обыкновенныхъ, нерѣдко находятся, — не замѣчая сами того, — подъ вліяніемъ идей и мнѣній искусственныхъ и ложныхъ, обращающихся въ обществѣ. Равнымъ образомъ, не можетъ подлежать спору и то, что поэтическія произведенія современныхъ писателей все болѣе-и-болѣе утрачиваютъ свой провъщательный, наставляющій характеръ, мало внятны для современниковъ, понятны и оцѣняемы только въ поколѣніяхъ грядущихъ. Одни видятъ въ этомъ явленіи упадокъ поэзіи; другіе же имѣютъ довольно смѣлости, чтобъ въ этой тѣсной связи писателей съ обществомъ, этомъ родственномъ, любовномъ ихъ сочувствіи его понятіямъ и стремленіямъ, его радостямъ и страданіямъ, — видѣть крайнюю степень умственного пресыщенія вѣка, главное и необходимое условіе вліянія писателей и ихъ нѣвѣстности. Я не отвергаю нѣкоторой относительной справедливости въ этомъ мнѣніи, но думаю, что въ неосторожномъ и страстномъ распространеніи его за предѣлы, каждой вещи и каждому понятію очерченныя, — заключается причина того ложнаго направленія и той непрочности успѣха,

которыя перазлучны съ произведеніями многих писателей нашего времени, получающихъ извѣстность шумную, но скоро-преходящую.

Разсужденія мои не должны казаться излишними, потому-что, какъ я сказалъ уже, мнѣ предстоитъ высказать мнѣніе свое о взглядѣ Пушкина на событіе и лицо историческія, — взглядѣ, который едва-ли можно раздѣлять послѣ прилежнаго и хладнокровнаго изученія какъ того, такъ и другаго. — Такое изученіе, можетъ-статься, должно быть обязанностью людей, необладающихъ даромъ творчества и разсматривающихъ дѣла и вещи со стороны ихъ ближайшаго, простѣйшаго выраженія. Не знаю, останавливалъ ли вниманіе ваше на себѣ, какъ со мною это всегда случалось, находящійся между другими въ стихотвореніи «Полководецъ» стихъ: *«Все въ жертву ты принесъ землю твою чужой?»* Не правда ли, что съ перваго раза онъ звучитъ такъ привлекательно для нашего слуха, рисуетъ такую заманчивую и трогательную картину въ воображеніи и чувствѣ нашемъ? Но взгляните въ него глубже, посмотритесь въ него пристальнѣе — выйдете другое. Принимаю смѣлость думать, что поэтъ едва-ли не принесена здѣсь въ жертву, вѣроятно безъ умысла, въ жару поэтическаго увлеченія, — драматическому положенію героя своей пьесы, — историческая дѣятельность. Авторъ не могъ не знать, что фельдмаршалъ князь Барклай-де-Толли былъ чужеземцемъ, не Русскимъ — только по имени. Лифлядія, уроженцемъ которой былъ онъ, — въ то время (1812), столѣтіе уже миновало, какъ слилась съ Россією. Воспитаніе получено было имъ въ предѣлахъ отечества (обстоятельство важное, имѣющее всегда значительное вліяніе на людей, предназначенныхъ къ чему-либо важному въ судьбѣ своей роины); поприщемъ его блистательнаго и досто-славнаго для Россіи служенія были всегда ряды русскаго войска и высшія мѣста ея администраціи. Слѣдовательно, въ жертву имъ было приноси-

мо все земля не чужой, а тому великому царству, подъ щитомъ котораго умиралась и окрѣпла его родина, утратившая въ этомъ слитіи ни своей гдры, ни своей народности. Судьба того края была тогда уже тѣсно связана съ судьбою Россіи, и этого не могъ не сознавать просвѣщенный умъ знаменитаго вождя, участника въ великомъ дѣлѣ защиты народной независимости. Сознаніе это, одушевлявшее полководца, намъ пріятно вѣрить тому, утверждается и будетъ утверждаться въ умахъ сыновъ Лифляндіи: оно запечатлѣно обоюдными пожертвованіями, кровію, пролитою на поляхъ брани въ печальные дни великихъ войнъ и смутъ гражданскихъ, — когда вся эта страна пребыла вѣрною и преданною великой своей метрополіи. Судьба Барклая-де-Толли, непризнаннаго и непонятаго современниками, и безъ того заключала въ себѣ много драматическаго и вдохновительнаго для поэта, чтобы предстояла необходимость осѣщать ее преувеличенными, какъ-бы колеблющимся свѣтомъ. Выше было бы и достойнѣе для поэта, признать и провозгласить неприкосновенность того начала, которое было всегда основаніемъ дѣйствій великихъ историческихъ лицъ, и въ слѣдствіе котораго не могли и не могутъ быть для нихъ чуждыми та земля и тотъ народъ, судьбу коихъ они рѣшились однажды раздѣлить, сражаясь за истину какой-либо идеи, за правоту какого-либо дѣла. Основательность этого взгляда, не мною и не сегодня изобрѣтеннаго, а заимствованнаго изъ примѣровъ исторіи, къ-сожалѣнію мало кого-либо научившей, — обрѣла могущественное и торжественное подтвержденіе въ цѣлой жизни знаменитаго военачальника, которому Пушкинъ посвятилъ свои умилительныя строфы, гдѣ высказалось, если нѣсколько позднее, но за то полное и искреннее сознаніе великаго народа во вѣчномъ его предубѣжденіи. Драматическое положеніе исторической фигуры Барклая-де-Толли заключалось, какъ полагаю, именно въ томъ,

что Русскіе не признавали его искренности и смотрѣли на него съ недовѣрчивостію, не *взлюбя въ имени его звук чуждый*, тогда-какъ онъ такъ беззаветно приносилъ себя въ жертву той странѣ, съ которою сроднился и личнымъ убѣжденіемъ, и святостію данной присяги. Чувствовалъ ли поэтъ, куда заводятъ ложныя предубѣжденія, самъ изобразивъ намъ такъ ярко и выразительно пагубныя послѣдствія ихъ, отразившіяся въ судьбѣ героя его стихотворенія? Измѣрилъ ли онъ всю важность этого общественнаго предразсужденія, которое было причиною столькихъ печальныхъ явленій въ современной жизни?

Такъ, въ наше время, пора бы разстаться съ нѣкоторыми изъ тѣхъ идей и теорій, которыя обращались еще въ обществѣ того времени, когда жилъ и писалъ Пушкинъ; пора бы направить всѣ усилія не къ разъединенію, а къ слитію, — понятія и стремленія всѣхъ народовъ, озаренныхъ свѣтомъ христіанства, во всемірномъ, святомъ союзѣ братства. Время было бы убѣдиться, что словами и мечтаніями ни націи, ни отдѣльныя лица не возсоздаютъ того историческаго прошедшаго, которое отжило и по своему духу и по своимъ формамъ. Къ чему служило бы намъ изученіе исторіи, изученіе явныхъ и тайныхъ силъ природы, если бы мы не изыскли никогда изъ этой науки истинъ непреложныхъ, примѣняемыхъ къ жизни? Не обязанностью ли, не святымъ ли долгомъ должно бы быть для мыслителей и поэтовъ, вѣсто мечтательныхъ, блестящихъ, распалющихся воображеніе и питающихъ ложную чувствительность идей и воззваній, — обращаться чаще, при каждомъ представляющемся случаѣ, съ благами, строгими и научающими рѣчами? Развѣ не могли бы они, оставаясь вѣрными исторіи, вѣрными своей совѣсти, свазать молодому, жаждущему правды поколѣнію, — чужеземцамъ, вовсе насъ не знающимъ и отъ-того часто глядящимъ на насъ мрачно и неприязненно,

Т. XLVI. — Отд. VIII.

— истинны не новыя, но, къ-сожалѣнію, часто забываемыя.

Послѣ отступленія, котораго, не знаю, простите ли вы мнѣ неполноту, — станемте продолжать обзоръ нашихъ остальныхъ произведеній Пушкина, помѣщенныхъ въ III томѣ «Современника». Цензѣ известно, по какой причинѣ «Отрывокъ изъ неизданныхъ записокъ дамы» (1811 годъ) утратилъ въ новомъ изданіи «Сочиненій Пушкина» это заглавіе, данное ему сочинителемъ или переводчикомъ (Пушкинъ прибавилъ внизу статьи: *съ Французскаго*) и указывающее какъ на лицо, писавшее этотъ отрывокъ, такъ и на эпоху, къ которой относятся эти мемуары. — Въ собраніи «Сочиненій Пушкина» (т. XI стр. 108 — 119) отрывокъ этотъ названъ «Рославлевъ» потому, вѣроятно, что въ немъ упоминается о романѣ г. Загоскина; но не мало удивится иной, читая сочиненіе Пушкина, въ которомъ рассказъ идетъ отъ лица дамы, неизвѣстно какъ и откуда явившейся. Заглавіе необходимо было оставить для ясности, или оговорить въ примѣчаніи. Рассказъ этотъ, носящій на себѣ въ первоначальномъ текстѣ («Современника») отпечатокъ непринужденности и милой говорливости женской, — пострадалъ довольно отъ выпусковъ, измѣненій и прибавокъ, не всегда удачныхъ. Я не допускаю себя думать, чтобы всѣ эти измѣненія заманствованы были изъ рукописи, найденной по смерти автора, — и въ настоящемъ случаѣ жаль, что не объяснено объ этомъ въ примѣчаніи. Ограничусь нѣсколькими замѣчаніями, не касаясь опечатокъ и орфографическихъ промаховъ. — Сочинительница мемуара говоритъ: *думать ея мыслями*, а въ «Соч. Пушкина» она же *думаетъ умомъ*. — Въ «Современникѣ» говорится, что отецъ Полины былъ *заслуженный человекъ*, а въ соч. Пушкина онъ названъ *солиднымъ человекомъ*, какъ-будто-бы значеніе этихъ словъ было одно и то же. — Вѣсто не *старше*, новое изданіе говоритъ не *старь*, вѣроятно по ново-

изобрѣтенному правилу. Эпоха историческая, въ глазахъ печатавшаго—одно и то же, что эпоха интересная, хотя всякій чувствуетъ и знаетъ, что можно жить въ эпоху въ какомъ-либо отношеніи интересную, хоть на-пр. по множеству баловъ, изяществу оперъ и концертовъ, — но которая все-таки не будетъ историческая, потому-что она будетъ забыта. Веселая, рѣзвая, истинно женская фраза: «казалось были гораздо болѣе довольны уху князя, нежели бесѣдою *M-me de Staël*» пропущена во все, равно какъ сближеніе словъ: *острѣ* и *M-me de Staël*, и вся острота этого сближенія погибла. — Хотѣли показать себя учтивыми, вѣроятно, къ дамамъ, и не дозволили себѣ перепечатать въ соч. Пушкина немножко заносчивой, правду сказать, съ виду, фразы неизвѣстной сочинительницы мемуаровъ восемьсотъ-одиннадцатаго года: «Какъ ничтожно должно было показаться наше большое общество этой не-обыкновенной женщины!». Выпустили слово «большое» и такимъ образомъ давъ выраженію «общество» гораздо-обширѣйшій и болѣе-значущій смыслъ. Напрасно также заставлятъ говорить сочинительницу «глупая важность», когда она хочетъ сказать «тупая важность». Это вовсе не слабѣе и не учтивѣ впитета «тупая важность». *Свѣтская мелочь* названа *свѣтскою чернью*. Положимъ, что та и другая фразы не слишкомъ любезны для львовъ и львицъ 1811 года, но все-таки мелочь поучтивѣе и какъ-то болѣе приличествуетъ существованію подобнаго разряда. — Знаменитая фраза *M-me de Staël* о русскомъ народѣ: «Народъ, который, тому сто лѣтъ, отстоялъ свою бороду, отстоятъ въ наше время и свою голову!», составляющая кресчендо всего разсказа, къ которому подготавливала васъ сочинительница, — утратила половину своего смысла и выразительности, отъ пропуска словъ: «тому сто лѣтъ». Готовъ я также сомнѣваться, чтобъ *M-me de Staël*, хотя и разнакомившаяся нѣсколько, можетъ-статья, въ странствованіяхъ

своихъ, съ духомъ французскаго шика, въ запискѣ своей къ Полнишъ писала: «*tachez de l'obtenir de M-vôtre Maman*», а сказала, вѣроятно какъ передалъ намъ г. переводчикъ мемуаровъ въ своемъ «Современникѣ». «*M-me vôtre mère*». Маман слишкомъ отзывается запискою московской барышни того времени, даже не московской, а скорѣе тамбовской, или саратовской, начитавшейся чувствительныхъ стиховъ и романовъ. Не думала ли развѣ госпожа Сталь поддѣлаться подъ тонъ тогдашнихъ чувствительныхъ Россіянокъ? Еще двѣ-три мѣстныя странности, и довольно. Не знаю, почему показалось учтивѣе остроумнѣе напечатать, вмѣсто «строносая», «красноносая графиня». вѣсто: «въ одномъ очень порядочномъ обществѣ», сказать «заобѣдомъ», и вѣсто: «Наполеонъ былъ такая бестія» поставить: «такой хитрецъ». Нѣтъ-ли, можетъ-быть, очень-учтивое и деликатное, но уже вовсе не хитрое. Выраженіе: «такая бестія» въ устахъ московской барыни 1811 года, когда онъ изволитъ вести рѣчь о Бонапартѣ, не кажется несчастливѣйшимъ, рискуя понятія и расположеніе умовъ тогдашняго общества.

Статья «Джонъ Теннеръ». (Сочиненіи Пушкина, т. VIII, стр. 250—307), замѣчательная по безыскусственности разсказа и яркости мѣстнаго колорита, перенесена во всемъ согласно съ текстомъ «Современника». Только Индейцы названы вездѣ Индѣйцами. И вѣроятно было бы знать, отъ какого слова воспроизведена издателемъ подобная манера правописанія? Также, подъ примѣчаніями къ этой статьѣ, означено, что они были сдѣланы самими Пушкиными. Объясненіе это потому нужно, что въ одномъ изъ нихъ, упоминая о словѣ Янке (Yankee), издатель «Современника» признается, что смыслъ этого слова ему не извѣстенъ (Современникъ, т. III, стр. 356)...

Мнѣ остается упомянуть о *Разборѣ новыхъ книгъ*, *Притчи Сапожника* и *Испражненіяхъ Испанскимъ Студіи*,

указавъ на нихъ для соображенія будущихъ издателей Пушкина, по той причинѣ, что имѣю иѣкоторое основаніе предполагать непосредственное участіе въ нихъ (особенно въ разборѣ книги Сильвіо Пеллико: «*Dei Doveri degli uomini*» и «*Притчѣ Сапожника*») пера Пушкина. Остается въ зависимости издателей воспользоваться этими указаніями и принять на себя трудъ дальнѣйшихъ разысканій, или оставить ихъ безъ всякихъ, — что вѣроятно, — послѣдствій. Въ объявленіи отъ редакціи, останавливаетъ вниманіе объясненіе программы, по которой долженъ былъ издаваться «*Современникъ*» въ 1837 году... зловѣщее число... грустное воспоминаніе!.. и еще о «*Востокѣ*», poemѣ Виланда, изд. Пушкинымъ, на счетъ которой, кажется, я вамъ говорилъ въ одномъ изъ первыхъ моихъ писемъ. *Avis aux bibliographes*.

Современникъ. 1836. Т. IV. Съ немалюю болѣзнію пересматривалъ я страницы новаго изданія «*Сочиненій Пушкина*» (т. VII, стр. 59—243), гдѣ перепечатана повѣсть его «*Капитанская Дочка*». Не хотѣлось мнѣ видѣть какія-либо измѣненія, а особенно выпуски въ этомъ повномъ жизни и истины созданіи. Къ-счастью, опасенія мои не подтвердились. Текстъ новаго изданія оказывается вѣрнымъ «*Современнику*», кромѣ незначительныхъ ошибокъ, неизбежныхъ при печатаніи. О тѣхъ, кои вредятъ сколько-нибудь общему духу сочиненія, упомянуть считаю излишнимъ. Онъ такого свойства, что, не имѣвъ предъ собою первоначальнаго текста, не сочтешь ихъ ошибками. Такъ, напримѣръ: «*паспортъ*» вмѣсто «*пашпортъ*» (стр. ¹¹/₄₈), «*приданая*» вмѣсто «*приданова*» (стр. ¹¹/₁₁₃), «*аблонки*» вмѣсто «*аблонки*» (стр. ¹¹/₁₁₄). Образъ правописанія новаго изданія, можетъ-быть, и правильнѣе, но въ такомъ сочиненіи, гдѣ авторъ выводитъ на сцену лица стараго, малограмотнаго вѣка и представляетъ подлинникомъ ихъ разговоры и письма, — надобно сохранять самыя

ихъ неточности. Два же послѣднія замѣчанія касаются текста старинныхъ пѣсень, взятыхъ Пушкинымъ вмѣсто эпиграфовъ, и здѣсь наше современное правописаніе было бы попіющимъ анахронизмомъ. — Въ новомъ изданіи пропущено нѣсколько послѣднихъ строкъ, которыми оканчивается повѣсть «*Капитанская Дочка*». Обязанностию считая ихъ написать съ точностію, которой заслуживаетъ подобное сочиненіе. Рукопись Петра Андрѣевича Гринева доставлена была намъ отъ одного изъ его внуковъ, который узналъ, что мы заняты были трудомъ, относящимся ко временамъ, описаннымъ его дѣдомъ. Мы рѣшились, съ разрѣшенія родственниковъ, издать ее особо, приискавъ къ каждой главѣ «*приличный эпиграфъ* и дозволить себѣ переимѣнить нѣкоторые собственные имена. Издатель. 19 октября 1836 («*Современникъ*», т. IV, стр. 215). Видите ли, что пропускъ этотъ вовсе не маловаженъ?—Во-первыхъ, въ немъ удостовѣряетъ издатель, что повѣсть его основана на истинномъ происшествіи (чему, конечно, всякій воленъ вѣрить или не вѣрить, не вылавъ подлинной рукописи и писемъ Гринева); а во-вторыхъ, для насъ объясняется, какъ и съ какой точки глядѣли на сочиненіе при печатаніи изданія «*Сочиненій Пушкина*». Опущеніемъ послѣднихъ строкъ, написанныхъ сочинителемъ, вѣроятно хотѣли показать, что не даютъ вѣры его объясненію, зная замашку авторовъ сваливать свои грѣхи на другихъ и печатать рукописи, рассказы и исповѣди, неизвѣстно кѣмъ и откуда доставленные. Какъ-бы то хотѣли сказать памяти Пушкина: «*Капитанская Дочка*» выдумана и написана просто вами, авторомъ. Не удастся такъ написать малограмотному дворянину временъ очаковскихъ. Мы не признаемъ этого. — Что же вышло? Вмѣсто комплимента, сказано вовсе другое. Все дѣло въ томъ, что Пушкинъ, въ сознаніи истиннаго достоинства своего сочиненія, гдѣ все вѣрно, все на своемъ мѣстѣ, гдѣ все проник-

нута духомъ и понятіями описываемаго времени, гдѣ люди говорятъ языкомъ, каждому въ-особенности принадлежащимъ, могъ и имѣть полное право требовать, чтобы признавали рассказъ его за рассказъ самовидца. Требованіе это вовсе не неумѣстно и нисколько не удивляетъ прочитавшаго повѣсть. Мы и не видали автора, читая его сочиненіе. Намъ рассказывалъ про былое время Петръ Андреевичъ Гриневъ, а не Пушкинъ. Въѣлъ здѣсь не такъ, какъ въ другихъ повѣстяхъ и романахъ, гдѣ, не смотря на клятвенныя увѣренія авторовъ о древности преданій и подлинности лицъ, давно отжившихъ, мы видимъ свое время, свои понятія и своихъ знакомыхъ. — Въ подобныхъ сочиненіяхъ притязательность на творчество — забавна, чтобы не сказать что-нибудь болѣе. Пушкину же можно вѣрить на слово.

По принятому мною порядку обзорѣнія, въ ихъ послѣдовательности, сочиненій Пушкина, помѣщенныхъ въ «Современникѣ», надлежало бы теперь сказать о его *Объясненіи* къ стихотворенію «Полководецъ», находящемся въ IV-мъ томѣ, написанномъ, какъ замѣчалъ самъ поэтъ, по поводу обвиненій его въ намѣреніи унижить священную славу князя Кутузова. Но, сказавъ выше сего мнѣніе мое о томъ и другомъ произведеніяхъ, я не стану уже распространяться болѣе. Необходимо только будетъ упомянуть здѣсь, что существуетъ переводъ стихотворенія «Полководецъ» на французскомъ языкѣ, принадлежащій перу нашей писательницы, госпожи Павловой. Онъ помѣщенъ былъ въ книгѣ, изданной ею въ Парижѣ, подъ названіемъ «Прелюдій» (Les Préludes, par M-me Caroline Pavlof née Jänisch. Paris. 1839). Переводъ этотъ былъ вполне представленъ въ «Отеч. Запискахъ» (т. IV, отд. VII, стр. 162) при разборѣ означенной книги. Я перечелъ его нынѣ вновь съ большимъ удовольствіемъ. Онъ заслуживаетъ особаго вниманія. Въ немъ не только сохранены, сколько позволяло

то несходство природы языковъ, нигѣ нѣтъ оборотовъ и счастливыхъ выраженій нашего поэта, но художники передали тотъ оттѣнокъ задумчивости и унынія, который особенно сроденъ сѣвернымъ поэтамъ и перенести къ концу стихотворенія въ нѣкоторые упреки.

Здѣсь невольнымъ образомъ встѣпается съ мыслию о необходимости при всякомъ изданіи сочиненій писателей, подобныхъ Пушкину, помѣщеніе указанія, какія именно изъ нихъ, кои и кѣмъ были переведены на иностранные языки. Въ иностранныхъ литературахъ, такого рода указанія вошли уже въ непрѣмную обязанность издателей, и всѣ смотрятъ на это какъ на дѣло обыкновенное. У насъ подобное предпріятіе составило бы труднѣе маловажный: такъ разсѣяны и сбѣжавы наши библиографическія свѣдѣнія, особенно о писателяхъ прежняго времени. О нѣкоторыхъ переводахъ изъ нашихъ классиковъ кой-гдѣ упоминается искоскъ въ журналахъ, и ничего нѣтъ яснаго и утвердительнаго. Вообще, на пр., распространена увѣренность, что одна изъ олъ Державина переведена не только на европейскіе языки, но даже и на китайскій положительный же на-счетъ этого указаній я не нашелъ даже и въ послѣднемъ изданіи его сочиненій. (1831 изд. Д. Штукина). Кстати здѣсь и мѣтитъ, что Н. А. Полевой помѣстилъ въ своемъ журналѣ «Смысь Отечества» (1839. Т. XI) статью «Очеркъ Русской Литературы за 1838 и 1839 годы», подписанную В. О., гдѣ нашла прочитъ на стр. 43-й находится слѣдующее: «Говорили когда-то, что Ода «Богъ» переведена на китайскій языкъ, и мы готовы биться объ закладъ, что переводъ очень дуренъ, потому, что «неизбѣжною причиною того всегда будетъ не поэтическій языкъ китайскій». Для читателей, конечно, полезнѣе было бы, вмѣсто такого предположенія, прежде всего знать, существуетъ ли дѣйствительно самый переводъ

О немъ, кажется, упоминаетъ Головинъ въ одномъ изъ своихъ путешествій. (*)

Точныя свѣдѣнія о переводахъ на иностранныя языки сочиненій Пушкина, — не говоря, сколько въ томъ есть лестнаго для нашей народной славы, — необходимы, какъ мнѣ кажется, для будущихъ его біографовъ и цѣнителей его таланта. Свѣдѣнія эти могли бы вести къ опредѣлительному заключенію о томъ, что именно чужія націи видятъ творческаго, особенно-достойнаго сдѣлаться достояніемъ общимъ, у нашего поэта, котораго нерѣдко упрекали въ недостаткѣ самобытности, народности и подражанія великимъ писателямъ европейскимъ. Мы имѣли бы не только право, но и возможность указать иностранцамъ, сколько улачено нами того долга, котораго заемъ совершенно былъ нами въ сокровищницѣ европейскійхъ идей и знаній съ того времени, какъ мы считаемся съ Европою. — Время опровергнуть на дѣлѣ тотъ оскорбительный для народнаго имени нашего парадоксъ, что нами не вложено до сего времени, будто-бы, ничего въ эту сокровищницу. — Мнѣ извѣстно, что вы, дорожа всѣмъ, что относится къ родному языку и писателямъ нашимъ, усердно собираете и храните многія изъ тѣхъ платажныхъ росписокъ, которыя выдавы Европою, а въ-особенности Франціею (съ нею у насъ давнишніе и весьма-обширные, всякаго рода, счеты)... представителямъ нашей образованности и нашего роднаго слова. Я увѣренъ, что вы не поскупитесь и возьмете на себя трудъ подѣлиться съ своими соотечественниками и, особенно, съ будущими издателями Пушкина, свѣдѣніями этого рода, за которыя мы всѣ останемся вамъ признательными. — Въ ожиданіи этого, простимся до осени.

И. Б.

3 апрѣля 1846.

С. Горьено.

(*) См. Соревнователь Просвѣщенія или Труды Воли. Общес. Любителей Россіе. Словес. 1820. Ч. IX стр. 198 и Путешествіе Вокругъ Свѣта совершенное «лота-капитаномъ Головиннымъ. Сиб. 1816.

II.

Нѣсколько словъ о статьѣ г. КУТОРГИ ЛАФАТЕРЪ И ГАЛЛЬ. (*).

(Письмо къ А. И. Б.)

Благодарю васъ за присылку статьи г. Куторги. Вотъ вамъ нѣсколько замѣчаній на вторую половину ея, относящуюся собственно къ Галлю.

1. Сравненіе физиогномики Лафатера съ панацеями, или всецѣлебными лекарствами, не совсѣмъ-удачно. Авторъ заключаетъ о физиогномикѣ, что, не смотря на исключенія, неопредѣленности и неточности, ея основная истина осталась непреложною и сдѣлалась общими достояніемъ мыслящихъ умовъ, то-есть, что обликъ человека и вся его наружность должны выражать внутреннее значеніе его. Итакъ, по мнѣнію самого автора, общность начала физиогномики остается истинною. По-этому, ее можно сравнить со всею медициною, которой общія начала истинны, тогда-какъ въ приложеніяхъ ея встрѣчается много исключеній. Что касается до панацей, то авторъ имѣлъ бы право сравнить съ ними изысканія Лафатера тогда только, когда бы онъ утверждалъ, напр., что по одному носу можно судить вполне о характерѣ и способностяхъ человека.

2. Авторъ говоритъ, что «на долю Галля досталась задача выразить точнѣе общую идею, принесенную въ міръ Лафатеромъ». Галль не продолжатель Лафатера. Предметъ его изслѣдованій есть физиологія мозга, т. е. опредѣленіе отправленій этого главнаго прибора нервной системы. Тутъ нѣтъ никакой новой идеи: физиологія нервной системы была и до Галля предметомъ извѣстнымъ. Физиологія мозга тѣмъ только отличается отъ физиологіи другихъ частей нервной системы, что собственно-такъ-называемый «большой

(*) «Библиотека для Чтенія. 1845 года, сентябрь.

мозгъ требуетъ, для изслѣдованія его отправления, методы чисто-сравнительной, за исключеніемъ экспериментальной, которая есть главное орудіе для отысканія отправления прочихъ частей тѣла. Физиогномика, напротивъ, не имѣетъ прямой связи съ другими естественными науками. Познаніе человѣка по наружнымъ признакамъ есть единственная цѣль физиогномики, тогда какъ познаніе это есть только одинъ изъ результатовъ физиологіи мозга. Если цѣль изысканій какой-нибудь науки совпадаетъ съ однимъ изъ результатовъ другой, то отсюда еще нельзя заключить, что вторая есть дополненіе или продолженіе первой. Рѣзкое различіе между физиологіею мозга и физиогноміею состоитъ въ томъ, что первая занимается причинами дѣйствій человѣка, а вторая наблюдаетъ только видимыя такъ сказать отраженія этихъ дѣйствій. Физиогномика предугадываетъ человѣка, а физиологія мозга объясняетъ, сверхъ того, почему онъ дѣйствуетъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, такъ, а не иначе.

3. Галль не требуетъ, кромѣ изученія черена, еще и точнаго познанія мимики. Отправления органовъ мозга и вся философія Галля излагаются у него независимо отъ мимики. Только въ концѣ пятого тома «*Sur les fonctions du cerveau*» (1823) Галль говоритъ о ней, какъ о побочномъ предметѣ, изъ котораго можно извлечь драгоценный, по его мнѣнію, способъ направлять изысканія наблюдателя на ту часть головы, въ которой находится искомый органъ, или повѣрять положеніе органа, отысканнаго другими способами. По словамъ Галля (стр. 441), онъ могъ бы, при описаніи каждаго органа въ особенности, разсматривать его и въ отношеніи мимики, но не сдѣлалъ этого, считая лишнимъ подобное умноженіе доказательствъ. Объясненіе мимики положеніемъ органовъ на головѣ, сдѣланное Галлемъ, весьма остроумно; однако, послѣдователи Галля не обратили большаго вниманія на эту часть труда его, которую и самъ Галль счи-

талъ побочною. Она выходитъ изъ области физиологіи и могла бы служить, гласно съ мнѣніемъ Галля, только пособіемъ методу, употребленію въ отысканіи органовъ мозга. При стоящемъ состояніи физиологіи такое пособіе это кажется совершенно лишнимъ.

4. Галль дѣлалъ наблюденія не на основаніи одной мимики, какъ думаютъ авторы: онъ излагаетъ свои дѣйствительные опыты въ III томѣ названнаго изданія сочиненія (стр. 140 — 211), не упоминая ни въ одномъ изъ нихъ о мимикѣ, и только на стр. 211 общаго говоритъ о ней послѣ изложенія отараній органовъ и показываетъ, что и онъ представляетъ также способъ органическихъ изысканій. Но помня каковы образцы авторъ статьи не скажетъ, что единственный способъ наблюденій Галля былъ именно тотъ, который употреблялся мимикѣ, чѣмъ и другіе описанные имъ способы.

5. Описаніе органовъ, приводимое авторомъ, вовсе несогласно съ тѣмъ, которое находится въ сочиненіи Галля. Органъ № 1, названный у г. Кутур органомъ жизни силы, вовсе не означенъ ни у Галля, ни у его послѣдователей. Этотъ нумеръ соответствуетъ у Галля органу любви (F2 у автора статьи), отправленію, принадлежащему вѣсѣ всего мозга, а не одной нижней его части. Мускулы, покрывающіе мозгъ, являются судить о развитіи, а авторъ предполагаетъ, что изъ толщинъ узнается присутствіе (въроотно, степень развитія) мозга. Чтобъ судить объ этомъ развитіи, принимаютъ въ расчетъ толщину мускуловъ, вычитая ее изъ ширины выпуклости затылочной части головы. Подъ № 3 у Галля означено орудіе, а не раздражимость, которая вовсе нѣтъ ни у Галля, ни у его вѣрныхъ послѣдователей. Въ описаніи органа № 4 и даже, авторъ говоритъ о бурюкахъ. Галль очень рѣдко выражался насчетъ этого (томъ III, стр. 224): «*On remarque bientôt que*

les organes les mieux prononcés ne forment ni les bosses des bouffons anti-organologistes, ni des proéminences saillantes comme un oeuf ou comme un poing. Органъ дружбы или дружелюбія значится у Галля подлѣ № 3, а не 5; подлѣ этихъ послѣднихъ у Галля органъ разрушительности (у Галля склонности къ убійству), который у автора статьи означенъ № 26. Объ органѣ № 6—чадолюбія (у Галля № 2) авторъ статьи говоритъ, что онъ непарный. Органы мозга всѣ парные.

Я нахожу совершенно-безполезнымъ продолжать подробный разборъ описанія мозговыхъ органовъ въ статьѣ г. Кутурги. И по числу ихъ и по отправленіямъ, они не согласны съ положеніями Галля, Шпурцгейма, Комба, Бруссе, и проч. Къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстенъ источникъ, изъ котораго авторъ почерпнулъ такіа ложныя свѣдѣнія о френологіи. Можетъ-быть, ему попалось описаніе первыхъ попытокъ Галля; но кажется, что, во всякомъ случаѣ, слѣдовало излагать ученіе основателя френологіи не иначе, какъ по послѣднему его сочиненію.

6. Съ какою цѣлью авторъ статьи рассказываетъ, что Галль будто-бы приводилъ часто своихъ слушателей къ ужасу, показывая имъ черепы недавно-умершихъ знакомыхъ имъ людей? Что бы сказалъ онъ послѣ этого о курсахъ анатоміи, фیزیологіи, и пр.? Что было бы съ этими полезными науками, еслибъ учащіеся предавались дѣтскому страху, смотря разрѣзываніе труповъ людей, которыхъ еще за день предъ тѣмъ они видѣли живыми, въ госпиталѣ?

7. Положительно извѣстно, что бѣлое вещество мозга состоитъ изъ нервныхъ волоконъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что нѣкоторые изъ нихъ непрерывно продолжаютъ чрезъ продолговатый и хребтовый мозгъ всю нервную систему организма. Для убѣжденія автора, достаточно указать на любое сочиненіе объ этомъ предметѣ, напр., *Longet - Anatomie et physiologie du système nerveux. 1842.* Выпи-

сываю: «Parmi ces fibres, les unes se continuent manifestement avec les radiations des corps striés et des couches optiques» (vol. I, p. 614). Потомъ: «La continuation ou le passage immédiat des fibres primitives des nerfs dans celle de la substance blanche du cerveau et de la moëlle, est un fait certain» (vol I, p. 104). Итакъ, сравненіе юловнаго мозга съ нервами не произвольно и не невѣрно. Бѣлое вещество мозга дѣйствительно состоитъ изъ нервныхъ волоконъ.

8. Какое слѣдствіе можно вывести изъ того, что нѣкоторые нервы производятъ свое отправленіе при помощи особыхъ приборовъ, подобныхъ глазу, уху, носу, и пр., а другіе, въ гораздо-большемъ числѣ, безъ этой помощи? Развѣ отсюда слѣдуетъ, что нервы слуха, зрѣнія, и др., не такіе же нервы, какъ и всѣ прочіе, при которыхъ нѣтъ подобныхъ сложныхъ приборовъ? Въ этомъ тождествѣ теперь никто не сомнѣвается.

9. Галль ошибался, полагая, что отправленіе мозга совершается исключительно въ поверхностномъ его слоѣ сѣраго вещества. Оно происходитъ также и въ бѣломъ веществѣ, такъ-что органы мозга не полосы или пластинки, а пирамиды или конусы, у которыхъ основаніе на поверхности мозга, а вершина въ «bulbe rachidien». Но эта поправка ошибки Галля нисколько не вредитъ его ученію объ отправленіяхъ мозга. Она объясняетъ только, почему верхняя часть мозга можетъ подвергнуться частнымъ поврежденіямъ безъ большихъ отъ-того послѣдствій.

10. Послѣ всего сказаннаго авторомъ статьи объ органологіи Галля, не удивительно, что ему показалось и читателямъ его покажется «непонятнымъ, какъ могъ Галль превосходно узнавать (слова автора) способности и назначать имъ органы, и эти органы всегда приходились на одномъ и томъ же мѣстѣ мозга». Авторъ объясняетъ это кажущееся ему противорѣчіе тѣмъ, что наука Галля состоитъ изъ двухъ частей: изъ основаній, взятыхъ изъ невѣрныхъ сравненій, и изъ живыхъ, вообще вѣрныхъ на-

лось ему подглядѣть на просторѣ. Не всѣмъ доводится равно хорошо видѣть ватиніе солнца, прочесть въ оригиналѣ греческихъ классиковъ, лично говорить съ Талейраномъ, слышать споры въ палатѣ депутатовъ, слышать сказанія объ исцѣленіи бѣсноватой или духовидца, являть подробности о томъ, какъ Иванъ Ивановичъ сыгралъ девять въ червахъ съ тузомъ самъ другъ козырей на рукахъ, и другихъ драгоценныхъ для человечества событій... И что бы съ нами было, еслибъ не стало астрономовъ и обсерваторій, дурныхъ переводовъ Гомера, всевозможныхъ мемуаровъ и біографій и даже краніографій, герольдическаго конгресса, не было бы газетъ *Débats* и *Siècle*, сочиненій князя Долгорукаго и Пашкова... вѣнчики Маана, и ухъазъ бы добрый нашъ знакомый S., который больше недѣли помнить всѣ патетическія мѣста нашего ежедневнаго зазорнаго преферанса?..

Но всякое явленіе, какъ разумное, такъ и нелѣпое, удобно изучать постепенно (что требуетъ слишкомъ много времени и терпѣнія), или по-крайней-мѣрѣ въ эпоху кризиса, въ пору азарта и раздраженной чувствительности, въ пору восторговъ и слезъ, въ пору сѣтованія и скрежета зубовъ... въ пору поэзіи и элегій... Тутъ проявляются люди съ большею отчетливостью, тутъ удобно бываетъ схватить тѣ движенія души человѣка, которая въ немъ неуловимы, тогда онъ находится въ нормальномъ состояніи; тутъ полъ-часъ задумавшаяся душа сорвется и разсыплется словно ятка бурицкихъ зеренъ, а добрые люди, а искренніе свидѣтели заботливо подберутъ эти сокровища, сложать ихъ на сердца и не преминутъ подѣлиться ими съ ближними, раскроютъ эти мысли, завѣрятъ всѣхъ въ каждомъ, что, дескать, вотъ вамъ чистые перлы, брошенные безкорыстной рукой на диво жалкихъ западныхъ людямъ, вотъ знаменіе спасенія, вотъ слово создателя, вотъ пиеническій увѣтъ соображавшихся овцамъ!..

Извѣстное дѣло, человѣкъ пожилой, да еще и наметавшійся, бывалый,

умѣетъ долго сердиться и дѣлать тонкіе намеки... а все его не поймешь, все не возьмешь въ толкъ, въ чемъ тутъ штука! Иное сказать также трудно: какъ приступить къ сдѣлкѣ о покупкѣ мертвыхъ мужичковъ, — не всякій сразу смекнетъ, какъ Собакевичъ... Не сразу догадаешься, чего иногда хотятъ першительные модераністы, не сразу вткнешься на задумчивую мысль какого-нибудь словенскаго журнала... Есть пожеланія, есть аппетиты, въ которыхъ люди какъ-то совѣстятся признаться, хотя сами въ себѣ и считаютъ законными требованія своей приромы и необходимость ихъ удовлетворенія. Приступы бываютъ полнѣтчны и тонки... И, еще повторить, только въ минуты кризиса человѣкъ является самъ собою, на-распашку, безъ всякой запыней мысли, quasi-ученой оговорки. Искренность — несовѣсть-то славянская добродѣтель... Этого цвѣтокъ рѣдко распускается, да и на прекрасной московской почвѣ... Только май мѣсяцъ ознаменовался радостнымъ событіемъ. Мы видѣли диво-птицу, мыслышали пѣніе лѣбеда, мы читали элегію г. М. Дмитриева: — неразгаданное стало понятнымъ, очу наши проявились... Какъ не подѣлиться такой радостью со всѣми чающими и нечающими движенія отъ востока къ западу? Какъ не тронуться этой неподдѣльной скорбью, этимъ немолчвымъ сѣтованіемъ элегиста, плачущагося о вавилонскихъ нравахъ родимой столицы?..

III, IV, V и VI Московскія Элегіи (*) такъ поразительны; въ нихъ каждый стихъ, каждое слово такъ многозначительно, и между-тѣмъ заключаютъ въ себѣ такъ много богатыхъ мыслей, что мы рѣшаемся не только познакомить читателей со всѣми красотами этого панегирика временамъ послѣ-татарскимъ, но и посвятить ихъ въ тѣ неслыханныя міру начинанія славянскихъ доброжелателей, указать имъ тотъ заветный лозунгъ, по которому узнаютъ

(*) Москвитяня 1846, № 4, стр. 1 — 3.

другъ друга всѣ ратующіе за неприкосновенность давно-погибшихъ нравовъ.

Въ III-й влѣгѣ, г. М. Дмитріевъ ниспослалъ до описанія европейскаго жилища и исчисленія тѣхъ злокачественныхъ улучшеній и ненавистныхъ его болящему духу украшеній, которыя составляютъ уютъ и усладу западнаго челоуѣка.

Послушаемъ его лиры:

Тысячи блещутъ огней сквозь зеркальныя,
сѣтлыя стекла;
Тѣни головъ и головокъ мелькаютъ сквозь
тонкія шторы;
Темная зелень листовъ померанцовыхъ въ
пѣтья деревьевъ
Жажеть по лѣстницѣ вхолъ; и разостланъ
по гладкимъ ступенямъ
Англіей тканый цвѣтникъ, и курятся изъ
вазъ ароматы!

Изъ этихъ стиховъ оказывается, что поэтъ хотѣлъ изобразить картину великолѣпнаго, изящно-убраннаго дома. Жаль только, что у него не хватило на то искусства, и что въ описаніи его порадаются стихи, напоминающіе Тредьяковскаго, какъ на-примѣръ: *Темная зелень листовъ померанцевыхъ въ цѣпяхъ деревьевъ* (какова конструкція!) *кажется по лѣстницѣ вхолъ*, и т. д. ...

И что же намелъ тутъ неугоднаго душѣ своей г-нъ М. Дмитріевъ? Тысячи блещутъ огней сквозь зеркальныя сѣтлыя ткани... И то плохо, что въ комнатахъ свѣтло и стекла чисты! Конечно, косячатая оконца старо-московскихъ свѣтлицъ болѣе веселятъ духъ его, и нѣтъ сомнѣнія, что было лучше въ удручливыхъ покояхъ XV — XVI столѣтій, съ аршинными отаерстіями въ стѣнѣ, заклеенными бумагой или холстиной, наптанной масломъ...

Не ладно становится поэту и отъ-того, что крыльцо убрано померанцовыми и т. п. западными деревьями. Но не страшно ли видѣть такую нецѣловѣкъ въ природѣ, въ растительному царству, къ классическимъ померанцамъ... въ поэтѣ, да еще въ такомъ поэтѣ, на котораго устремлены полныя тревожнаго оживленія очи Славянъ. — Курятся изъ

вазъ ароматы... Что жъ, и это худо? Да вѣдь это чистый востокъ, г. Дмитріевъ! Или вы отъ него отступились?..

Далѣе:

Домъ изъ стариннаго заново въ древнемъ
вкусъ отдѣланъ!
Прежде стояли тутъ кресла, диваны; те-
перь и названья
Вывучить скоро нельзя, а выучишь снова
забудешь!
Утварь въ гостинныхъ разбросана вся при-
хотливою модой,
Гдѣ ни попало, точно какъ-будто бы послѣ
пожара...

Тутъ, во-первыхъ, сѣтованіе на то, что-де *заново, вновь* отдѣланъ; зачѣмъ-де-скаго было трогать, измѣнять, передѣлывать, улучшать, дѣлать удобнѣе?.. Это первая ересь; во-вторыхъ, г. М. Дмитріевъ тонко остритъ: изъ *стариннаго занова въ древнемъ* вкусѣ отдѣланъ. Такъ чего же онъ хочетъ? и почему думаетъ, что то убранство, которое ему *теперь* нравится, не было когда-то свѣжей новостью, и также внесено безполезными западными людьми?...

«Прежде стояли тутъ кресла, диваны...» Кресла и диваны стоятъ и теперь въ комнатахъ, какъ прообразованія одной и той же для всѣхъ народовъ скамьи, лавки, которою такъ гордъ московскій поэтъ; только въ настоящее время, они встрѣчаются въ улучшенномъ видѣ, въ разнообразнѣйшихъ, не столь дубоватыхъ, на диво-стацаныхъ формахъ, какъ прежде... Притомъ диваны и кресла — такая же ересь, какъ и современные табуреты, эсы, кушетки и прочіе аксессуары удобно и пристойно — меблированной комнаты... Впрочемъ, тутъ надобно сдѣлать оговорку. Мы понимаемъ, отъ-чего г. М. Дмитріеву нравятся классическіе, освещенные временемъ диванъ съ пренеудобною спинкою, помѣщаемый въ глубинѣ гостиной, овальный, ничего невыражающій и ни къ чему не ведущій столъ съ семью солидныхъ креселъ мрачнаго свойства, и весь этотъ уныліе — наводящій приборъ, который съ теченіемъ времени сблизился на Ру-

си потребностью каждаго домашнего очага, каждой бракосочетающейся пары, и нештѣіе котораго лежить тяжелымъ гнетомъ на душѣ немущаго семьянина. Эта немѣняемость формъ, это прообразованіе тѣхъ сундуковъ съ кафтанами и кокошниками, которые, вмѣстѣ съ кубками и столѣтнимъ медомъ, заставлялись изъ рода въ родъ, и доходили цѣлѣхонки правнукамъ,— тронуло душу г. М. Дмитриева, явнаго поклонника фашизма. Если присосланивъ къ дивану и кресламъ ненабѣжное зеркало въ простѣнкѣ между оконъ со столѣтнимъ, на которомъ помѣщаются бронзовыя часы съ двумя жидрандолами по бокамъ для довершенія трогательной симметріи,—то вы получите полную декорацию семейнаго жертвенника, до котораго не должна касаться святоотечественная рука времени. Мрачный характеръ гостинной всѣмъ извѣстенъ. Это комната, въ которой живетъ безвыходно скука. Въ ней хозяйка никогда не сидитъ: это храмъ неприступнаго, мрачнаго божества, которое является иногда семейнымъ людомъ въ особѣ скучнаго гостя; тутъ совершается печальная церемонія визита... Какъ же не досадовать г. М. Дмитриеву на то, что европейскій, веселый и разнообразный салонъ вытѣсненъ изъ домовъ дѣдовскую хранину, гостиную, съ ея жреческими креслами и патриархальнымъ диваномъ! Странно, но понятно... Что касается до трудности названій европейскихъ мѣбелей и жалобъ г. Дмитриева на слабую память и неспособность запомнить эти названія, то намъ остается засмѣяться ему искреннее соболазнованіе касательно этого печальнаго обстоятельства.

Утварь въ гостинныхъ разбросана «вся» (конструкція тоже не дурна!)—гдѣ ни пошло, *какъ-будто бы послѣ пожара*. Можетъ-быть, это сравненіе и прекрасно въ устахъ г. М. Дмитриева; но Богъ-знаетъ почему при мысли о теперешней бестолковой мѣблировке комнаты намъ слышатся слова Гоголя: «надъ этимъ безпорядкомъ трудилась много порядочная

голова» (Мертвые Души, стр. 312). Можетъ-быть, съ наденіемъ старшей, монотонной гостинной открыто просторъ и раздолье личному вкусу хозяевъ; можетъ-быть, теперь чѣмъ-ку возможно отравить сколько-нибудь свою личность и на домашней утваріи можно поставить каждую вещь и мѣсто, гдѣ ему хочется, потому что онъ пересталъ платить дань этикету и предавію, что въ его жилищѣ, ни и въ его образѣ мыслей и поступковъ обнаруживается, наконецъ, нѣкоторая самостоятельность и неуправляемость... Какъ же не стѣновать г. М. Дмитриеву и не вспоминать отпущенныхъ временъ, когда личное человѣка ровно ничего не значило!

Вотъ кабинетъ и хозяйки: пойдутъ-тамъ вкусъ возрожденъ (*). Кресло свое глядитъ какъ нутъ; и другія зѣны: Въ-этѣ садятся пять-шесть членовъ; другъ къ другу саванъ: Въ-этѣ другъ къ другу бочкомъ и другъ на друга изкоса смотритъ; Всѣ зеркала по угламъ; но средѣ стѣнъ и съ цѣпью.

Кажется, г. М. Дмитриеву подобало лкое построеніе фразы, поправлю ставитъ соединительный союзъ имени существительнаго! *Вотъ кабинетъ и хозяйки*... совсѣтъ не совсѣтъ! Далѣе. Если г. Дмитриевъ ходитъ смѣшнымъ положеніемъ членка на змѣобразномъ креслѣ, то и лья не зашѣтитъ ему ницоходитъ, то по нашему суетному сужденію, и мѣ забавны позы членовъ и цѣ слахъ, стульяхъ, а подъ чашъ и... и палатахъ. «Всѣ зеркала по угламъ, г. д. Въ такіа тонкости доносительства, конечно, никогда не удѣлю въходить ни одному поэту... Ии мѣгаешь, во-первыхъ, что зеркала хороша, что ему пріятно сидѣть въ углу и не въ углу, лишь бы зеркала было освѣщеніе, что въ подобіи отъ

(*) Такъ поэтъ переводитъ слово *parade*.

стоятельства мы охотно готовы послужить совѣта своего столара и обойщика, что разбирать всякую юту русскимъ людямъ какъ-то несвойственно, и что г. М. Дмитріевъ поступилъ въ этотъ случай, какъ Нѣмецъ, а не такъ, какъ Славянинъ!

Музыка въ залѣ гремитъ фигурно-учеными звуками!

Вихремъ штраусовъ вальсъ поднялся и мчатся легкія пары!

Вотъ лавируетъ кадрили безконечно на томъ же все мѣстѣ;

Полька качается взадъ и впередъ, какъ на морѣ чайка;

Смотрить густая толпа и задумалась: скоро ли ужинъ?

Музыка гремитъ звуки!!! Это ужъ рѣшительно не по-славянски! И такой плеоназмъ едва-ли окупается славянскимъ пронаменіемъ нѣмецкаго прозвища: *штраусовъ*, вмѣсто *Strauss's*. Не постигаемъ также, какъ можно было назвать нѣжные напѣвы этихъ вальсовъ «фигурно-учеными» и кому они кажутся такими? Какъ растолковать послѣ этого сочувствіе къ нимъ во всѣхъ странахъ и у многихъ славянскихъ народовъ? Неумѣстно было бы войти въ разсужденіе о нѣжныхъ вальсахъ и о ихъ высокомъ музыкальномъ достоинствѣ, но замѣтимъ мимоходомъ, что всѣ штраусовскіе мотивы легко врѣзаются въ память, отличаются художественною простотою и запечатлѣны глубокимъ чувствомъ (правда «общечеловѣческимъ» чувствомъ)...

«Мчатся легкія пары» — картина, кажется, не дурная; но, вѣроятно, воображеніе поэта воссоздало въ эти мгновенія энергическую присядку, съ крикомъ, гамомъ, присвистомъ и постукиваніемъ, послѣ чего еще горше стало его душѣ уязвленной...

«Вотъ лавируетъ кадрили безконечно, etc». Недоумѣваемъ, за что такъ не возлюбилъ г. М. Дмитріевъ и этотъ танецъ, солидный, миролюбивый, безъ претензій, въ который пускаются самые смиренные патріоты, — и эти люди

никакъ не вынесли бы родимаго тропика, отъ котораго потъ посыплетъ градомъ съ разудалаго молодца!

«Полька качается... какъ на морѣ чайка». Отъ чего жъ именно какъ чайка? Мы не очень стоимъ за это сравненіе; впрочемъ, можетъ-быть, его употребили такъ, для красоты слога.

«Смотрить густая толпа и задумалась: скоро-ли ужинъ?» — Ну, я полагаю, предки наши еще болѣе думали объ этомъ чувствительномъ предметѣ! Они, правду сказать, и начинали ѣдой и кончали ѣдой.

Переведемъ духъ на этомъ куплетѣ. Это была только присказка, а сказка впереди. Уже по враждебному приступу замѣтно, что г. М. Дмитріевъ хочетъ разобрать по косточкамъ озападившееся общество и возьмется скоро за болѣе-чувствительныя струны, бросить перчатку не миролюбивымъ простолюдинамъ образованнаго класса, переничивымъ и уживчивымъ читателямъ законныхъ нравовъ, но самимъ учителямъ нашимъ, великимъ общественнымъ дѣателямъ и виновникамъ нравственнаго обновленія Россіи. Пока мѣсть мы можемъ только съ увѣренностью сказать, что въ стихахъ г. М. Дмитріева странно было бы искать и слѣдовъ художественности. Нельзя допустить поэтическій даръ въ человѣкѣ, который до такой степени не ладитъ съ дѣйствительностью, такъ мало сочувствуетъ современному движенію, такъ чуждается радостей и горя своихъ согражданъ, такъ мало любитъ живую, вѣчно-обновляющуюся природу. Нельзя допустить поэтическій даръ въ человѣкѣ, такъ плохо постигающемъ потребности настоящей минуты и вовсе не предугадывающемъ той свѣтлой, великой будущности, которая ожидаетъ человечество, той благородной цѣли, къ которой долженъ стремиться каждый самостоятельно-мыслящій, безпристрастный и полезный членъ общества, непритѣвляемый въковыми предрассудкомъ, непробымающій подъ флеромъ старовѣровъ и изувѣровъ въ дѣла науки, искусства и жизни, но лю-

блжій жизнь и людей таковыми, какъ они есть, и желающій имъ добра и успѣха въ ихъ вѣчной борьбѣ и всеневныхъ усиліяхъ, страждущій о ихъ неудачахъ!

Можетъ ли поэзія одушевлять человека, который косо смотритъ на всякое проявленіе жизненнаго элемента въ обществѣ? Можно ли назвать поэзіей этотъ плачъ по поводу весьма натуральнаго явленія въ нынѣшней жизни каждаго семьянина, которое называютъ базомъ? Простительна ли эта неудачная пародія домашняго быта современниковъ, на томъ только основаніи, что у предковъ было иначе?

Да то ли еще будетъ!

Вотъ, на-примѣръ, какъ посвящаетъ насъ г. М. Дмитріевъ въ прелести стариннаго житья-бытья:

Такъ ли у предковъ бывало? — Рѣзные,
дубовыя стѣны;
Лавки покрыты персидскимъ ковромъ;
тяжелыя двери
Красной золоченой кожей обиты, и
мѣдныя гвозди.
Въ кубкахъ чекашнихъ медь со-лду
гостямъ подавали;
Чашникъ носилъ, а хозяинъ за нимъ,
и кланялся въ поясъ.

«Такъ ли у предковъ бывало»? Нѣтъ, не такъ, отвѣчаемъ мы за г. М. Дмитріева, и, въ подтвержденіе, тутъ же приводимъ нѣсколько словъ одного историка-ритора и патріота:

«Густая борода и толстое брюхо считались на Руси великимъ украшеніемъ человека. Цари, принимая чужестранныхъ министровъ, нарочно окружали себя людьми дородными, чтобы тѣмъ придать важности своимъ аудіенціямъ» (*).

«Изобиліе трапезъ и долгій сонъ полдневный и малое движеніе знатныхъ или богатыхъ людей производили ихъ обыкновенную тучность, вмѣняемую въ достоинство: быть дороднымъ человѣкомъ, значило имѣть право на уваженіе» (**).

(*) Русская Старина, соч. Карамзина, т. IX, стр. 168. Изд. 1820 г.

(**) Ист. Гос. Рос., т. X, стр. 303, изд. Смирдина.

«Простые люди почти не имѣютъ къ нимъ (боярамъ и дворянамъ) доступа, и не могутъ вѣхать верхомъ на боярский дворъ. Знатный человекъ никогда не идетъ пѣшкомъ, боясь тѣмъ унизиться; ему надобно сѣсть на лошадь, чтобъ идти съ сосѣдомъ, живущимъ отъ него въ десяти шагахъ» (*).

«Изъ любви къ мнимой чести не боялись безчестія истиннаго: ибо жалобшиковъ неправыхъ наказывали даже тѣсно, иногда и безъ суда: князя Гвоздева (въ 1589 году) за мѣстничество съ княземъ Одоевскимъ выстѣкали батогами и выдали имъ голову; то-есть вѣшали ему уничиженно молить ихъ о прощеніи» (**).

Дѣйствительно, всего этого теперь случиться, кажется, не можетъ!.. Но ограничимся этими выписками и прислушаемся опять къ лирѣ г. М. Дмитріева.

«Рѣзные дубовыя стѣны»... очень-хорошо; положимъ, что пышная арабеска, всѣ готическіе орнаменты и греческіе акантовые листья не такъ изящны, какъ затѣливыя насѣчки на ставняхъ русскихъ избъ, или узоры на утвари-никахъ и ярославскихъ скатертихъ; но да позволено будетъ намъ возвысить голосъ въ пользу штукатурныхъ стѣнъ единственно ради опрятности комнатъ и безопасности обитателей отъ нѣкоторыхъ насѣкомыхъ...

«Лавки покрыты персидскимъ ковромъ». Персидскіе ковры существуютъ и теперь; имъ даже нашли другое, болѣе-приличное употребленіе. Мы готовы согласиться, что на лавкахъ дѣйствительно можно было сидѣть *tant bien que mal*, довольно-покойно; только этимъ живоописаніемъ нельзя уменьшить кредитъ нынѣшней эластической мебели. Намъ даже кажется, что у г. поэта есть дома покойное, нападное кресло, или по-крайней-мѣрѣ онъ собирается завести его.

«Тяжелыя двери красной золоченой кожей обиты». Особенно странно кажется намъ уменьшеніе поэта по случаю дверей, обитыхъ кожей. Развѣ пото-

(*) Русская Старина, соч. Карамзина, т. IX, стр. 173.

(**) Ист. Госуд. Рос., т. X, стр. 299.

му-что онѣ были *милослы* и на нихъ торчали «мѣдные гвозди»!

«Меды... чашники послазъ, а хозяйки за кимъ, и кланялся въ поясъ». Что тутъ именно нравится г. Дмитріеву? Старинный ли титулъ «чашникъ», или то, что хозяйки кланялся гостямъ въ поясъ? Въ послѣднемъ случаѣ, горю легко помочь, и никто не мѣшаетъ желающимъ кланяться гостямъ при поднесеніи чего слѣдуетъ, хотъ бы и въ поясъ...

Однако, надо сдѣлать маленькій вопросъ г. элегисту. Къ какому окончательному выводу должно привести это описаніе боярской жизни? Простоты нравовъ тутъ мы не видимъ, обѣ изыщестѣ и говорить нечего. Къ тому ли развѣ, что въ тѣ блаженныя времена довольство и варварская роскошь были возможны только очень-немногимъ; остальные же люди московскіе жили въ уничиженіи, бѣдности и закоснѣніи?..

Чудные нравы! — Сядутъ за столъ: пироги и похлебки!

Гуси съ подливкой, куря, вѣрчено, прѣже съ лукомъ,

Пол-осетра подъ раззолотъ, пол-осетра съ огурцами,

Разные сырники, съ медомъ алады, кисель подъ шафраномъ;

Вотъ и хозяйка выходитъ сама и подчуветь водкой.

Опять недоразумѣніе, которое трудно разрѣшить. Воспѣвая «чудные нравы» предковъ, г. М. Дмитріевъ прямо приступилъ къ описанію древней трапезы и представилъ цѣлый ассортиментъ старинныхъ блюдъ, по которому если и можно составить понятіе о гастрономическомъ вкусѣ поэта, то все-таки никакъ нельзя взять въ толкъ, почему современные нравы терпятъ въ глазахъ его въ-силу такой сытной обѣденной программы. Мнѣ кажется, если г. М. Дмитріевъ желалъ потрясти читателей и умилиить ихъ, то ему слѣдовало бы въ pendant «прѣжену съ лукомъ» и «киселю съ шафраномъ» (нѣтъ это должно быть скверно!) представить издѣлія развращенной французской кухни, которыхъ, послѣ описанныхъ имъ

лакомствъ, потеряли бы всякую цѣну. Тогда аргументы его были бы убѣдительнѣе, впечатлѣніе полнѣе... между тѣмъ, какъ теперь намъ остается думать, что въ старину мы не умѣли ничего ввести въ праздную жизнь свою, кромѣ закусываній и перехватываній да солидныхъ трапезъ, отъ которыхъ стало бы страшно современному чело-вѣку!

«Вотъ и хозяйка выходитъ сама и подчуветь водкой!». Наконецъ-то мы добрались до задушевнаго стиха поэта! Вотъ оно что! Теперь стало какъ-то понятнѣе. Дѣйствительно, пріятно, невыразимо-пріятно принять чарку за-дорной водки изъ рукъ хозяйки. Только въ грѣшномъ кругу напьемъ и эти водки какъ-то поотстали, и притомъ нѣсколько-пообтесанному чело-вѣку стало бы въ-глазахъ женщины хватить однимъ духомъ водки и потомъ по-неволѣ сдѣлать ей прескѣпную гримасу... Теперь женщина утрачиваетъ мало-по-малу значеніе кухарки и наслѣдки, и потому, находясь въ ея сообществѣ, жалкіе «цивилизованные» люди добровольно отказались отъ нѣкоторыхъ «возбуждающихъ благодатей», отъ которыхъ въ комнатѣ становится некоротко, и отъ кое-какихъ старинныхъ ргоровъ, вносивъ объясняющихъ предусмотрительность предковъ, державшихъ въ сторонѣ своихъ жень и бражничавшихъ большею частію особю отъ нихъ.

Странно и неумѣстно было бы по этому поводу распространяться о современномъ значеніи женщины и тому подобнымъ предметамъ. «вызывающихъ на размышленіе». О нихъ было не разъ говорено въ свое время и у мѣста (*); и намъ пора обратиться къ самому замѣчательному мѣсту его стихотвореній, къ тому высокому стиху,

(*) Замѣчательно, что въ IV-й элегіи г. М. Дмитріевъ не-на-шутку сермонируетъ дѣвицъ за куреніе папирозъ, за охоту къ верховой ѣздѣ и равнодушіе къ поэтѣ-сти Карамзина «Бѣдная Лиза»!

въ которомъ ярко отозвался духъ, обу-режающій поэта, и отчасти высказа-лось его поватіе о жизни обществен-ной:

Какъ бы потѣшились дѣды, увидѣвъ,
что мы уже вынѣ
Безъ барабана (NB.), охотой на балы
сѣзжаемся сами?

Только пришли намъ билетъ — и дѣла
и дѣтей позабудемъ:

Дочери пляшутъ, матери въ токахъ
драпируютъ залу;

Въ карты играютъ отцы, или ходятъ по
заламъ, какъ тѣни.

Послѣ такого возгласа, насъ невольно проникло чувство какого-то ужаса! Долго не хотѣли мы вѣрнѣ глазамъ своимъ... Какъ человекъ 1846 года, по-вѣтъ, славянолюбецъ, ежедневно пользую-щійся выгодами великой реформы Пе-тра, рѣшился порицать тѣ благимѣры, которыя если и отзывались въ свое время крутостью, за то принесли такіе обильные плоды, такую очевидную пользу? Да не смутится тѣнь великаго Петра отъ правдивыхъ словъ неразум-наго потомка его подданныхъ, — потом-ка, неумѣшаго оцѣнить безконечныя преимущества нынѣшней жизни, за-бывшаго, что самое право сѣтовать и публично хулить современный бытъ доставлено ему путемъ тѣхъ же улуч-шеній...

«Какъ бы потѣшились предки!.. От-кровенно признаемся, удовольствіе предковъ въ дѣлѣ нашей жизни совер-шенно-излишне и никто въ немъ не нуждается... Хорошо, въ-самомъ-дѣлѣ, авторитетъ людей, которыхъ надо было *но барабану* свзывать на неселую, непри-нужденную бесѣду представителей той эпохи, на радужный праздникъ, кото-рый давалъ царь своимъ подданнымъ для того, чтобъ сблизить ихъ съ людь-ми, внесенными въ Россію и науки, и ремесла, и общественность!

«И дѣла и дѣтей позабудемъ». Не знаю, гдѣ доискался г. М. Дмитріевъ сѣдѣній о воспитаніи дѣтей до Петра? Намъ кажется, что о воспитаніи въ то время и поминъ не было; знаемъ толь-

ко, что грамотѣ учили сквозь слезы, замужъ выходили насильно, присмотрѣ за дѣтми предоставлялся мамкамъ и холопамъ...

«Дочери пляшутъ... Дѣйствительно, возмутительное зрѣлище! Послушаемъ Карамзина: то ли дѣло было въ ста-ринну!

«Жены богатыхъ и знатныхъ нукѣ вели обыкновенно жизнь праздную и мало думали о хозяйствѣ; вышивали платки и кошельки золотомъ; сидѣли по-жавъ руки или качались на качеляхъ съ служанками; онѣ рѣдко выходили изъ до-му, даже и въ церковь: ибо русскіе мужья въ старину не стыдились быть рѣш-выми» (*).

Противъ такихъ воспоминаній го-ворить нечего...

«Въ карты играютъ отцы или холанъ по залѣ какъ тѣни...» Объ картахъ, которыми г. М. Дмитріевъ посятилъ далѣе цѣлую элегію, мы поговоримъ въ другой разъ особо; но отъ-чего показ-лось ему, что отцы, если не играютъ, то *ходять какъ тѣни*? Правда, они ра-дуются веселью дѣтей своихъ, — эти добрые люди хоть сколько-нибудь жа-дуть съ молодымъ поколѣніемъ, пол-нымъ силъ и надеждъ, — наконецъ, и то сказать, ихъ не привозятъ домой еле-живыхъ отъ различнаго меда и клас-сической водки!

Изъ этой элегіи достаточно видно, какъ смотритъ г. М. Дмитріевъ на ма-териальныя бытъ людей нашего вре-мени и въ какой мѣрѣ сочувствуетъ онъ тѣмъ благимъ улучшеніямъ, мало-по-малу внесеннымъ въ жизнь человека, которыя кроткою убѣдительно позвали его изъ состоянія закоснѣвшаго ролис-щества мыслящаго, и употребили на то самыя вѣрныя средства, облагородили его физическую природу, сдѣлали ор-ганы его воспріимчивѣе и вѣжнѣе и открывъ ему новый міръ впечатлѣній и невѣдомыхъ до того радостей. Конечно, съ той поры для него невозможны стали экстазы старинной бани, ста-

(*) Соч. Карамзина. Т. IX. Русская Ста-рина, стр. 171.

риной попойки, стариннаго кулачнаго боя и всѣхъ гомерическихъ ужасовъ допетровскаго быта. Бѣдный современный человѣкъ! Обуянный лукавымъ духомъ эстетичности, онъ не потерпитъ въ жилищѣ своемъ духоты и запаха чеснока, не въ состояніи осушать стопы съ малиновымъ и вишневымъ медомъ и завершать ихъ не откупнымъ зеленымъ винцомъ; не станетъ чахоточную женщину лечить тертымъ порохомъ; не погнушается пѣшкомъ перейти улицу въ своему сосѣду; не въ состояніи съ основательностію спать двѣ трети сутокъ, перемежая сомъ трапезами, достойными боговъ и героев... Чѣмъ дѣлать нынѣшнему тщедушному человѣку? ему невозможно жить этой раздольною жизнію; онъ слишкомъ мало друзей и съ настоящимъ, тѣмъ болѣе не рѣшится воскресить для себя то прошедшее, съ которымъ такъ долго, такъ усильно старался развязаться и все еще не развязался. Даже для сильнаго ощущенія не захочетъ онъ очнуться въ фэризи и охабиѣ, хоть бы и переводой большаго-полка...

IV.

МИСТИЦИЗМЪ И БЛАГОНАМЪРЕННОСТЬ.

«Въ фельетонѣ 110 нумера «Сѣверной Пчелы» читается слѣдующее:

«Издавались у насъ и теперь издаются Сонники и Оракулы, между которыми Зерцало Великаго Альберта то же, что Книга между поэтами. Теперь пріѣхалъ въ Петербургъ самъ великій Альбертъ, и притомъ Русскій человѣкъ, Николай Спиридоновичъ Чернышевъ, и открылъ контору на Анговѣ, между Знаменскимъ и Глазовскимъ Мостами, въ домѣ купца Андреева. Въ этой конторѣ продаются печатные листы, объясняющіе судьбу каждой личности, или технически: гороскопы (гороскопы), которыми стрили и великіе мудрецы и герои въ то время, когда люди стрили въ Астрологию. Вамъ стоитъ только сказать имя и день рожденія того лица (мужчины, женщины или ребенка), чей

Т. XLVI. — Отд. VIII.

гороскопъ вы желаете имѣть, и Г. Чернышевъ дастъ вамъ листы, изъ которыхъ вы узнаете все для васъ пріятное, характеръ, счастливые мысли, прибыльные для васъ записки, и т. п. Въмѣсто того, чтобы купить задаточную книгу и задать по ней, вы можете задать съ помощью самаго великаго Альберта, Г-на Чернышева, который спрочемъ не опечалитъ и не ошорчитъ васъ ничѣмъ страшнымъ и прискорбнымъ.»

Въ 112-мъ номерѣ «Вѣдомостей С.-Петербургской Городской Полиціи» любовитные могутъ прочитать статью, находящуюся въ тѣсной связи съ этимъ панегрикомъ чернокнижію. Вотъ что найдутъ они тамъ:

«Отъ Полиціи.

«Въ 110-мъ № Сѣверной Пчелы, въ «Журнальной всякой всячинѣ», извѣщено объ открытіи купцомъ Чернышевымъ въ Петербургѣ на Анговѣ, между Знаменскимъ и Глазовскимъ Мостами, въ домѣ Андреева, конторы для продажи гороскоповъ (предсказателей будущаго). Контора сія не была дозволена Правительствомъ, а потому, на основаніи Св. Зак. XIV т. устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, 43 статьи, нѣмъ закрыта Полиціей; купецъ же Чернышевъ подвергнутъ законному изысканію, о чемъ объявляется во всеобщее свѣдѣніе, съ тою цѣлью, чтобы люди легковѣрные, соблазнившись заманчивымъ объявленіемъ, могли изъ опыта убѣдиться, какъ плохо эти гороскопы предсказываютъ будущее: вслѣдъ за русскій «великій Альбертъ» могъ впередъ знать, чѣмъ съ нимъ случится, то, навѣрно, не открылъ бы своей конторы и ни просилъ бы печатать похвальной статейки о гороскопѣ въ Сѣверной Пчелѣ.»

Замѣчательно, что г. О. Б., авторъ статейки, столь справедливо оцѣненной санктпетербургскою городскою полиціей, въ слѣдъ за приведенными выше словами, объявляетъ, что онъ отправляется «на подможный кормъ», повторяя стихъ Пушкина:

«Мнѣ тошно (*) здѣсь, я въ лѣсъ хочу!»

(*) Въмѣсто «душно», какъ у Пушкина.

Въ-самомъ-дѣлѣ, какъ не бѣжать чело-
вѣческаго общества по впечатаніи
такого «Ельетона», какъ «Ельетонъ 110
нумера «Сѣверной Пчелы»! Въ этомъ
«Ельетонѣ», сверхъ того, въ тысячный
разъ говорится, что «Отечественныя
Записки» нигде не годятся, что «Ро-
маны Вальтера Скотта» въ новомъ пе-
реводѣ съ англійскаго, тоже нигде
не годятся, что на г. О. Б. всѣ напа-
даютъ, а что онъ одинъ за правду го-
рой стоитъ и пр. — и въ тысячный же
разъ повторится, что г. О. Б. отъ-
ѣзжая «на подножный кормъ», окон-
чить въ этомъ пріятномъ положеніи
свое аполучное сочиненіе «Суво-
ровъ», какой-то остановившійся ро-
манъ, и другія надѣлія...

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПА- РИЖѢ.

51) Упоминъ главѣ (Степенный
Человекъ), *воденъ въ одной дѣл-
стѣи*.

Нѣсѣ, отличавшаяся порядочнымъ
успѣхомъ на Водевильномъ Театрѣ.
Москѣ Дюпорталь — генерал-прокуроръ,
сановникъ безукоризненный; строгость
правовъ его простирается до анаемы
на всякій смѣхъ: поегомѣнню; старин-
ная французская веселость несомнѣст-
на съ важностью сана, въ который онъ
облеченъ. Почтенный и степенный
публичный обвинитель даже рѣши-
тельно отказывается въ своемъ согласіи
на бракъ племянника, Артюра, съ хо-
рошенькой вдовушкой, маламъ Каньи.
А почему? — Мадамъ Каньи прекрасна-
го поведенія, хороша собою, богата,
нѣтъ очень-завидную родню, все это
правда; но она вертлява, вѣтрена,
охотница до шутокъ, до проказъ,
до острыхъ словъ; она не добродѣна

войти въ степенное семейство Дю-
порталей. Прекрасная вдовушка уми-
ла обѣтъ дѣлѣ жениха; планъ ее те-
часъ готовъ: она требуетъ тол-
сгласія Артюра. Вотъ она прина-
са за дѣло; осада начата; берегась, а
бродѣтель г-на генералъ — прокуроръ
Нѣскольнѣ взглядовъ, дѣтъ три ермъ
небрежно брошенныхъ, и степенный
человѣкъ попался, влюбленъ до без-
умія; но этой нобѣды глазъ-на-гип
мало блестящей кокеткѣ: ей хочется
чтобъ всѣ были свидѣтелями негу-
ства ее прелестей. Уговоренный съ
степенный Дюпорталь вѣдетъ за бѣ-
ный балъ, наряженный въ шутескѣ
костюмъ. Артюръ застаеъ его въ этомъ
состояніи, и безъ труда получаетъ
подъ условіемъ молчать, согласіе, ко-
торого жала. Впередъ, суромый и
ранистъ будетъ снисходительнѣ.

52) Les Ennemis (Враги), *воденъ
въ одной дѣлѣ, соч. г. Фуртѣ.*

Дѣло идетъ объ одномъ иныштер-
скомъ секретарѣ, у котораго есть и-
ротѣй пріятель. Пріятель секретари
приходитъ къ нему и говоритъ: — Я
старъ; хочу выйти въ отставку; вы-
хлопочи для моего сына мѣсто, кото-
рое упряднится посѣтъ меня, и выдѣ-
за него свою дочь. Это будетъ досто-
но тебя. — Назовъ, отъкачаеъ, такъ: —
Эрнестъ будетъ твоимъ преемникомъ
и женится на Шарлоттѣ. Едва при-
тедъ ушелъ, какъ является нѣкто Грѣ-
шанъ; исполненный отъемъ и прѣмѣ-
нѣй. Онъ жестокий врагъ секретаре. —
Милостивый государь, говоритъ онъ,
я долженъ замъ сказать, что нолучаю
мѣсто редактора одного оппозиціон-
наго журнала въ Бретани. Кажется,
вы надѣетесь быть въ палатѣ пред-
вителемъ одного изъ узловъ этой пре-
винціи. Не скрываю отъ васъ, что я
буду всѣми мѣрами противиться ва-
шему выбору. — Встрѣвоженный такимъ
объявленіемъ войны, секретарь вло-
дитъ въ переговоры съ своимъ страш-
нымъ противникомъ, который скоро
даеъ ему понять, что если тотъ хо-
чеъ доставить ему извѣстное мѣсто и
отдать руку мадамъ Шарлотты, то

онъ будетъ покорѣйшимъ изъ чиновниковъ и нѣжкѣйшимъ изъ зятѣвъ. Государственный человѣкъ сначала колеблется, связанный даннымъ словомъ; но потомъ, разсудивъ, что пріятель его долженъ быть готовъ на пожертвованія, заключаетъ съ Граншаномъ желанную сдѣлку. Къ несчастью, пріятель секретаря не простираетъ самоотверженія до такой степени, какъ этотъ предполагалъ. Онъ приходитъ въ бѣшенство, увидѣвъ, что его интересы пожертвованы недостойному сопернику, и въ гнѣвъ угрожаетъ секретарю погубить его на вѣкъ, обнаруживъ кой-какія подозрительныя письма, если тотъ не сдержитъ даннаго обѣщанія. Положеніе критическое! Государственный человѣкъ, появившись промежду дружбою и политикою, не знаетъ, къ какой дипломатіи прибѣгнуть. Обсудивъ дѣло со всѣхъ сторонъ, онъ кидается въ объятія пріятеля, вѣрно считая его опаснѣе жесточайшаго врага. Похвальное движеніе вскорѣ получаетъ свою награду: Граншанъ, раздраженный, повторяетъ угрозы; но пріятель секретаря, котораго карманы набиты секретными бумагами, достаетъ отсюда одну такую, которая принуждаетъ неголая замолчать. — По поводу этого водевиля, принадлежащаго перу очень даровитаго автора, не угодно ли полюбопытаться правдивостью журнальной критикѣ.

Фельетонистъ журнала «Siècle», Шарль Матарель, говоритъ: «Эта пьеска, въ которой сейчасъ видна опытная кисть г-на Фурнѣ, имѣла полный успѣхъ; она превосходно разыграна (на театрѣ Gymnase Gramatique) гг. Пумъ, Фервильемъ и Клейномъ». — Фельетонистъ журнала «Presse», Теофиль Готье, отзывается такъ: «эта пьеса, въ которой не достаетъ, можетъ быть, забавности, основана впрочемъ на комической идѣе. Надо сказать, что она довольно печально сѣиграна гг. Пумъ, Фервильемъ, Моро-Сантѣ и одной дебютанткой именемъ Келеръ, или что то подобное». — Кою жѣ вѣрить?

53) LE LAIT D'ANESSE (Ослицыно Молоко), водевилъ въ одномъ дѣйствіи, соч. Дюпѣти и Габріеля.

Что за печальная фигура мосѣ Овидъ! блѣдный, болѣзненный, борода небрита, волосы непричесаны, губы поблекли, взоръ потускъ; бѣтъ онъ не больше птицы, а пьетъ у мосѣ Буврѣля, своего хозяина, только ослицыно молоко. Онъ насилу держится на ногахъ; вотъ онъ опирается на руку мадамъ Батистины, хорошенькой жены мосѣ Буврѣля. Препжалкій человѣкъ этотъ Овидъ: еще нѣсколько дней, и онъ отдастъ Богу душу; но что это? вы вдругъ видите его совсѣмъ инымъ! Онъ галопируетъ, вальсируетъ, полькируетъ. Что жъ это значитъ? Нашъ больной прамеховецъ, взоръ его блістаетъ; ноги тверды. Овидъ, влодѣй, хочетъ обольстить мадамъ Батистину и для того прикинулся больнымъ. Впрочемъ, берегитесь, мосѣ Овидъ! старикъ Буврѣль начинаетъ подозрѣвать дѣло; и мало того, онъ скоро узнаетъ всю правду, потому что въ домъ ожидаютъ одного кузена, Адониса, фермерскаго работника, который долженъ пріѣхать изъ Лимузена. Адонисъ является: у него ноги твердыя, артіле бойкое, онъ въ мигъ пожираетъ огромную чашку щей; руки его крѣпки, и люди не дальней силы, которыми вздумалось бы увиваться около мадамъ Батистины, должны держать ухо востро. Мужъ, успокоившись, оставляетъ кузеновъ наединѣ. Кто бы догадался? Адонисъ есть все тотъ же Овидъ, и подъ этой новой формою надѣется овладѣть серапенѣй торговли ослицынымъ молокомъ; но Батистина, вѣрвая жена, грозитъ обольстителю кликнуть мужа, и Овидъ принужденъ ретироваться ни съ чѣмъ. Метаморфозы его пропали даромъ. Въ добавокъ, всѣмъ его похождениямъ настаетъ конецъ: его свадьба опубликована, и теперь ему вѣпору глядѣть за собственной половинной. — Если вѣрить тому же Шарлю Матарелю, этотъ водевилъ также удался на сценѣ Палеруальскаго Театра, особенно благодаря Лавассору, исполнявшему роль Овида.

54) Frisette (Фризетта), *водевилъ въ одномъ дѣйствіи, соч. Лефрана и Лабийша.*

Еще водевилъ палеруальской спе- ны. На этотъ разъ театръ г-на Дормеля вдается въ добродѣтельный и сентиментальный родъ. Фризетта молоденькая, смазливая швея, но трудолюбивая, цѣломудренная, сущій образецъ! О мужчинахъ ей не заикайтесь; она ненавидитъ ихъ всѣхъ безъ разбора съ того времени, какъ одна подруга ея дѣтства была покинута какимъ-то изъ этихъ изверговъ, неизвѣстно за что. Покойница оставила послѣ себя ребенка, печальный плодъ своей довѣрчивости къ мужскому полу, и Фризетта взяла сироту на воспитаніе. Чтобы имѣть средство заплатить кормилицѣ, куда ребенокъ отдавъ, швея встаетъ на варѣ, бѣжить на работу и возвращается домой только поздно вечеромъ. Такой правильный образъ жизни, такая ежедневная пунктуальность, подали странную идею мадамъ Менюшѣ, содержательницѣ квартиръ, гдѣ живетъ Фризетта. Такъ-какъ швея живетъ въ своей комнатѣ только по ночамъ, то мадамъ Менюшѣ вздумала отдать ту же самую комнату въ наймы булочному полмастерю Годріону, который приходитъ туда отдыхать днемъ. Жильцы до-сихъ-поръ встрѣчались только на лестницѣ. Однакожь, въ одно прекрасное утро, Фризетта нечаянно воротилась домой, въ то время, какъ молодой полмастеръ спитъ на ихъ общей постели, задернувъ занавѣсы. Она видитъ свинныя ножки, которыя Годріонъ положилъ жарить на мелкошъ огонь на рѣшетку камина; думая, что это мадамъ Менюшѣ злоупотребляетъ такимъ образомъ ея уголья, она сипмаетъ ножки и замѣняетъ ихъ парюю сосисекъ для своего собственнаго завтрака. Спустя минуту, когда она вышла въ сосѣдную комнату, булочникъ просыпается и идетъ къ камину. Что жъ онъ видитъ? На огонь сосиски, вмѣсто ножекъ! Въ свою очередь, приписывая этотъ обмѣлъ мадамъ Менюшѣ, онъ кидаетъ сосиски за окно, кладетъ опять свои

свинныя ножки, и слова ложится. Фризетта ту жъ минуту возвращается, подходитъ къ печи, и въ досадѣ отираетъ любимое блюдо Годріона къ сосискамъ за окно. Послѣ разныхъ quiproquos этого рода, двое наемщиковъ одной квартиры наконецъ сходятся лицомъ-къ-лицу, и понимаютъ свое взаимное положеніе, благодаря объясненію мадамъ Менюшѣ. Она умоляетъ ихъ побыть еще часъ-другой вмѣстѣ, пока у нея освободится другая комната. Тутъ начинается собственно пьеса. Фризетта отпросилась у хозяевъ на этотъ день, потому-что кормилица должна принести ея приемыша. Булочный полмастеръ, который, повидавшему, не терпитъ женщинъ такъ же, какъ Фризетта мужчинъ, показываетъ, будто думать, что дѣвушка точно мать этого ребенка, и что она старается прикрыть свою вину видомъ великодушія. Фризетта, чтобы оправдать себя въ глазахъ Годріона, рассказываетъ ему плачевную исторію своей подруги, покинутой, какъ извѣстно, низкимъ обольстителемъ.—При этомъ рассказѣ, Годріонъ смущается и блѣднѣетъ, ибо въ вѣроломномъ любовникѣ узнаетъ самого себя! Ребенокъ, принятый Фризеттою, есть его сынъ! Сейчасъ еще крики его беспокоили, но теперь онъ хочетъ его видѣть, обнять. Къ-несчастью, дѣвушка не соглашается.—Однакожь, возражаетъ онъ, если бѣ отецъ потребовалъ его отъ васъ?—Онъ не имѣлъ бы права вѣдать его отъ меня; но закону, а нѣтъ ребенка; онъ принадлежитъ мнѣ одной.—Годріонъ тѣмъ больше въ отчаяніи, что теперь знаетъ, что его покойная любовница, которую онъ половѣривалъ въ измѣнѣ, оставалась ему вѣрною до смерти. Одно средство ему сблизиться съ своимъ сыномъ, жениться на Фризеттѣ. Хорошо! пожалуй; онъ женится. Молоденькая швея сначала, кажется, не прочь отвѣчать на его желаніе. Но когда узнаетъ, что онъ не иной кто, какъ Годріонъ, то кланется, что никогда не будетъ его женою.—Вы догадываетесь, однако, что помощію изъясненій въ любви и доказательствъ пре-

данности, булочникъ добивается наконецъ чести, и что Фризетта, дѣласть вопіющее обвиненіе на себя, отдавая ему руку. — Въ успѣхъ водевиля согласны по-крайней-мѣрѣ всѣ фельетонные критики.

55) GENTIL-JOBARD (Жанти-Жобаръ), *водевилъ въ пяти дѣйствіяхъ*, соч. гг. братьевъ Дартуа и г. Жема (Jaime).

Въ одной изъ предыдущихъ книжекъ журнала мы рассказывали о пьесѣ театра Variétés, Жантѣ-Бернарѣ. Пьесѣ посчастливилось, особливо благодаря таланту актриссы Дежазѣ. Около сотни представленій, въ которыхъ театръ полнехонекъ и дрожитъ отъ рукоплесканій съ партера до райка, не давали покойно спать дирекціи Водевильнаго Театра. И вотъ Жантѣ-Бернарѣ породилъ Жантѣ-Жобара, вѣчто въ родѣ не то чтобъ пародіи, а такъ, подражанія или воспроизведенія, говоря еще вѣжливе. Воспроизводители суть братья Дартуа и Жемъ. Вотъ что они придумали: — Жантѣ Жобаръ ученикъ брильянтика, парижскій балабонъ, который поучался искусству любить на театрѣ мосьѣ Нестора Рокплана. Мечтая о любовныхъ побѣдахъ Жантѣ-Бернара, онъ хочетъ пользоваться средствами, которыми употребляетъ, для успѣха у женщинъ, поэтъ, представляемый мамзелью Дежазѣ. Но эти драматическія средства, въ примѣненіи къ дѣйствительной жизни, всѣ обращаются во вредъ молодому искателю любовныхъ приключеній. Каждая новая попытка навлекаетъ ему новыя невзгоды, каждый его шагъ есть промахъ; мѣщанки, гризетки, знатныя дамы, крестьянки и актриссы поочередно трактуютъ его за мальчишку и глупца. — Наконецъ, онъ радѣхонекъ жениться на бѣдной швейкѣ, которою пренебрегалъ въ своихъ глупыхъ мечтахъ о честолюбивыхъ завоеваніяхъ. Водевиль, воспроизведенный по чужой пьесѣ, составленъ удачно и забавно, а благодаря мамзель Кастелланъ, которая въ мужскомъ костюмѣ исполняла роль Жантѣ Жобара, дѣ-

ло не обошлось безъ значительнаго успѣха.

56) LE PETIT-FILS (Внучекъ), *водевилъ въ одномъ дѣйствіи*, соч. гг. Баяра и Варнера.

Мадамъ д'Армантьеръ обожаетъ своего внука Бенжамена, осыпаетъ его ласками и лакомствами; въ ея глазахъ онъ не можетъ проступиться; все, что онъ сдѣлаетъ, прекрасно. За то, маламъ д'Армантьеръ очень-невыгодно расположила жена къ своему сыну Теодору, дядѣ Бенжамена; цѣлый день она преслѣдуетъ его упреками и выговорами. Отъ того, Теодоръ беретъ въ посредники своего племянника всякій разъ, когда хочетъ выпросить что-нибудь у матери. Пронгравъ наканунѣ полторы тысячи франковъ въ ланкенхѣ, онъ по обычаю проситъ Бенжамена выманить эту сумму у бабушки, какъ-будто онъ самъ ее проигралъ. — Мое вліяніе на нее не простирается такъ далеко, отвѣчаетъ молодой человекъ: она на-чисто откажетъ. — Не откажетъ, если ты употребишь сильныя средства, погрозись, напугай, застрѣляйся... — Ты полагаешь, что этотъ аргументъ убѣдитъ ее? — Я увѣренъ! — Въ-самомъ-дѣлѣ, мадамъ д'Армантьеръ не устояла противъ пяти-столетней логики и выдаетъ полторы тысячи франковъ на спасеніе жизни своего любимаго внука. Плутъ тѣмъ больше радъ успѣху, что онъ самъ надавалъ кой-какихъ заемныхъ писемъ, которыхъ уплатою очень затрудняется. Дядя, утѣшающійся надеждою заплатить свой карточный долгъ, не увидитъ денегъ какъ своихъ ушей. Между-тѣмъ, прѣзжаетъ отецъ Бенжамена, мосьѣ Фужеръ, человекъ сухой въ моральномъ и физическомъ отношеніи, который не балуетъ сына избытками вѣжности. Онъ собрался жениться вторично, потому-что онъ вдовецъ, — и является просить у мадамъ д'Армантьеръ руку ея воспитанницы, мамзель Амріэтты. Зная слабость тещи, онъ даетъ разумѣть ей, что этотъ союзъ, увеличивъ его состояніе, будетъ со-временемъ полевеиъ для само-го Бенжамена, и старуха, чтобъ слу-

жить интересамъ звучка, даетъ свое согласіе на бракъ. Но Теодоръ плѣненъ прелестями и прилаными мамзель Анріэтты, и когда узнаетъ, что москѣ Фужеръ собирается жениться на этой дѣвушкѣ, прибѣгаетъ снова къ помощи Бенжамена. Надо помѣшать этому браку, говоритъ онъ. Правда твоя. Но какъ? Опять поклявшись, что, если онъ состоится, ты застрѣлишься! — Опять? — Неурѣчиво! Средство хорошо, благо оно уже удалось разъ. Я поддерживаю тебя, и мы возьмемъ верхъ. Событіе оправдываетъ Теодора; угроза пистолетнымъ выстрѣломъ оказываетъ надлежащее дѣйствіе. Но и въ этотъ разъ Бенжаменъ одинъ пользуется побѣдою, потому-что любитъ Анріэту и женится на ней подъ носомъ у дяди. Москѣ Фужеръ попробовалъ-было не соглашаться, но мадамъ д'Армантьеръ заставляетъ его составить счастье сына, грозя въ противномъ случаѣ сама выйти вторично за мужъ.

57) *UNE NOIT AU LOUVRE* (Ночь въ Луврѣ), комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ, соч. г. Эмиля Вандербурга.

Если вѣрить Брантому, Катерина Медичи была одною изъ самыхъ знаменитыхъ и самыхъ почтенныхъ королевъ: онъ превозноситъ ее безподобнымъ добродѣтели, и по его словамъ, она развѣ слегка окунула самую хорошенькую ручку, какаа дидана, въ кровь вавилоновской ночи. Удивленія мессира Пьера Бурдейя, сеньора Брантома, не раздѣлила неумолимая исторія, и память Катерины Медичи остается ненавистною, на равнѣ съ памятью ея сына, Карла IX. Не смотря на многократныя имъ апологіи, появившіяся въ разныя времена, есть всеобщее чувство справедливости, есть совѣсть цѣлаго человѣчества, которая клеймить вѣчнымъ позоромъ извѣстные преступленія. Всѣ тонкости папегристовъ внушаютъ только отвращеніе; однакожъ, наивность Брантома заставляетъ улыбаться, — такъ ярко въ немъ видны придворный угольникъ! Онъ съ примѣрной услужливостью описываетъ красоту и умъ Катерины,

и распорядокъ ея праздниковъ при дворѣ, выхваляетъ ея пышность самыми напыщенными словами. «Виргилій», говоритъ онъ: «который *аздумалъ* *взяться описывать* пышность Додоны, когда она ѣхала на охоту, далеко не сравнится въ своемъ описаніи съ великолѣпіемъ нашей королевы посреди ея дамъ». Г. Вандербургъ, выбравъ Катерину Медичи героинею своей драмы, глядѣлъ на нее съ точки совершенно-противной Брантому; онъ даже разсудилъ, что Катерина такъ богата преступленіями, что приписать ей нѣсколько лишнихъ ничего не значить, и въ-силу такого разсужденія, покрылъ ее портретъ самыми черными красками. Катерина Медичи только-что выдала, противъ своего желанія, Маргериту Валуа за Барица, котораго ненавидитъ, и при началѣ драмы застаемъ свадьбу. Катеринѣ хотѣлось бы разорвать этотъ бракъ. Не слишкомъ разборчивая въ средства, съ одной стороны она поручаетъ одному убійцѣ отравить и тотъ свѣтъ молодого графа Лерака, который долженъ привести Генриху извѣстіе отъ его приверженцевъ, и перехватить деспешу, между-тѣмъ, какъ съ другой стороны, пускаетъ на Генриха одну фрейлину, влюбленную въ него, мамзель де-Самблансѣ. Ей хотелось, чтобы Маргерита, увидѣвъ невѣрность мужа, потребовала немедленнаго развода у Карла IX. по желанію котораго состоялся бракъ. Такъ дѣйствуетъ добрая мать. Маргерита ищетъ въ которую сердечную слабость къ графу Лераку, который спасается отъ убійцы и скрывается въ комнатѣ наваррской королевы. Генрихъ, котораго душа слабо противостояла хорошенькимъ глазкамъ, находитъ таковыми глазки мамзель де-Самблансѣ, и интрига пьесы завязалась. Не смотря на собственную наклонность къ фрейлинѣ, Генрихъ не равнодушенъ на-счетъ своей чести: онъ узнаетъ, что въ мамзель Маргериты сиротанъ мужчина, и бѣжитъ требовать у жены объясненія, какъ обиженный супругъ. Грозъ

Деракъ является, и Маргерита оправдывается посредствомъ депеши, которую тотъ привезъ. Генрихъ самъ помогаетъ ему спастись, даетъ ему шелковую лѣстницу, чтобъ спуститься съ балкона и бѣжать отъ убійцы Катерины Медичи; но, посмотрите, къ чему служатъ подарки мужей: графъ Деракъ задумалъ оставить лѣстницу привѣшенной къ балкону и воротиться послѣ тѣхъ же путемъ. Тѣмъ временемъ, Катерина вводитъ на Генриха обвиненіе въ супружеской невѣрности; она увѣряетъ, будто, идя въ спальню новобрачной, онъ забрелъ на половину Фрейлинь, и будто мамзель де-Самблансѣ великодушно оказала ему гостепріимство. Карлъ IX посылаетъ своихъ придворныхъ къ сестрѣ, ночью, чтобъ увѣриться въ справедливости дѣла, но, въ-время увѣдомленный, Генрихъ воротился секретнымъ ходомъ, и торжественно легъ, даже безъ вѣдома самой Маргериты, на супружеское ложе. Потерпѣвъ отъ Беарнца пораженія на всѣхъ пунктахъ, Катерина принимаетъ страшное рѣшеніе отравить его ядомъ. Для успѣха мщенія, она воспользуется опять любовью мамзель де-Самблансѣ. Она жестоко злоупотребляетъ простодушіе Фрейлины. Надо сказать, что супруги помирились, къ великому отчаянію мамзель Самблансѣ. Катерина внушаетъ ей, что если она отдастъ Генриху одну богатую охотничью книгу, подарокъ Карла IX, украшенную застежками изъ золота съ рубинами, то отъ книги повѣетъ опьяняющій запахъ, который возвратитъ ей сердце Беарнца. Та вѣритъ мнимому колдовству и несетъ къ Генриху подарокъ Катерины. Но мамзель Самблансѣ не умѣетъ по-латинѣ; она не знаетъ, что *Virgilii* *издумалъ написать*, какъ говорить Брантомъ, одинъ стихъ объ опасности подарковъ, идущихъ отъ непріятелей: *timet Danaos*. Къ-счастью, одинъ астрологъ, учивше ея, тайный другъ Беарнца, удерживаетъ его руку, когда онъ уже готовъ открыть книгу, объявивъ, что ядъ Медичисовъ,

ядъ, который стоитъ для Борджіи, скрытъ подъ богатымъ переплетомъ. Такимъ-образомъ, Генрихъ сохраненъ для Франціи, потому-что не замедливаетъ бѣжать, помощью все той же шелковой лѣстницы, оберегаемый самымъ графомъ Деракомъ, который, видя, что Генрихъ выигралъ партію, становится его вѣрнымъ и добросовѣстнымъ другомъ. Пьеса г-на Вандербурга, человѣка талантливаго и опытнаго, играна на Большомъ-Французскомъ-Театрѣ и даже не безъ успѣха, но собственно не заслуживала бы первой парижской сцены, и скорѣе писана для второстепенныхъ театровъ, гдѣ ея настоящее мѣсто. Читатели же «Отеч. Зависокъ» изъ этого изложенія могутъ видѣть, какъ неумѣло г. Вандербургъ воспользовался сюжетомъ извѣстнаго нѣм. романа Дюма «Королева Марго».

58) *Philipp II (Филиппъ II)*, мелодрама въ шести дѣйствіяхъ, соч. г-на Кормона.

Авторъ прииспособилъ во вкусу зрителей театра *Gaité* шиллерона «Дона-Карлоса», и изъ пяти актовъ нѣмецкой драмы придѣлалъ прологъ, что дало шесть дѣйствій французской драмѣ. То, что могло показаться не довольно-грознымъ для бульварной публики, какъ любовь Филиппа II къ принцессѣ Эболи, характеръ маркизы Позы и т. п., г. Кормонъ выкинулъ и заправилъ своими красками.

59) *La Femme électrique (Электрическая Женщина)*, *водевиль въ одномъ дѣйствіи*, соч. гг. Жюль Кордье и Кларвиля.

Вопреки мнѣнію Академіи Наукъ, мосье Рондартъ думаетъ, что нѣкоторые человѣческія существа обладаютъ электрическими свойствами, природно-притягательною силою. Онъ даже увѣряетъ, что нашелъ способъ сообщать кому-угодно качества вольтова столба. Не доставало ему субъекта для повѣривъ открытія на опытѣ; но вотъ онъ нашелъ одинъ изъ самыхъ послушныхъ субъектовъ въ лицѣ нѣкоего Кокильио, чего-то въ родѣ дурачка, который надѣется быть его ватемъ. Правда, Ака-

денія требуетъ женскаго субъекта; но авось она ошибется на-счетъ пола. Въ любовной преданности, ни въ виду ускорить свой бракъ съ молоденькой Анріэттой, Кокильё отдался въ распоряженіе ученаго, который надѣется въскорѣ возвести его до состоянія феномена. Для этой цѣли, онъ съ мѣсяцъ пичкаетъ его гомарами, трюфлями и всякаго рода пріятными овощами, такъ, чтобъ тотъ металъ изъ себя искры, и заставляетъ его спать съ кошкою, которая должна развить въ немъ электрическій токъ. Однакожь, при всей доброй волѣ, Кокильё не оказываетъ ни малѣйшей притягательной способности, и Рондартъ ломаетъ себѣ голову надъ пріисканіемъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ. Въ-слѣдствіе такой озабоченности, онъ обидно пренебрегаетъ свою жену, которая, наконецъ, помышляетъ о незаконной любви, и однажды несчастный физикъ застаётъ ее въ объятіяхъ нѣкоего Понтюза, оболытателя по ремеслу. Онъ поднимаетъ-было шумъ и собирается выбросить любовника въ окно; но тотъ, зная слабость Рондара, оправдывается утѣреніемъ, будто онъ человѣкъ электрическій и имѣетъ способность притягивать къ себѣ всѣ тѣла. Гитъ Рондара мгновенно превращается въ радость. Наконецъ-то онъ нашелъ человѣка, какого искалъ! Онъ умоляетъ Понтюза принять его дружбу и переѣхать къ нему въ домъ. Впрочемъ, по внушеніямъ Кокильё, который бонлся, чтобъ новый знакомецъ не отбилъ у него руи Анріэтты, физикъ скоро чувствуетъ подозрѣніе и запирается съ своимъ гостемъ, чтобъ подвергнуть его рѣшительному испытанію. «Видите фарфоровую вазу, что на каминѣ... Притяните ее къ себѣ», говоритъ онъ. Понтюзъ весь дрожитъ. Онъ угадываетъ грозящую ему опасность, и, единственно въ надеждѣ продлить время, притворяется будто пробуетъ свою притягательную силу... Но, о чудо! вдругъ ваза качается и падаетъ разбившись въдребезги среди комнаты! Сомнѣнія Рондара начинаютъ разсѣиваться; вотъ на-

туральное объясненіе тайны: Кокильё успѣлъ узнать, что Понтюзъ не сомнѣнъ ему, что, напротивъ, даже пожелалъ содѣйствовать его браку, и, проступивъ въ неплотно-затворенную дверь любовникъ Анріэтты столкнулъ изъ на полъ. «Посмотримъ, притянетъ ли этотъ столъ», говоритъ физикъ, и лающий вполне убѣдился. Тѣ же притягательныя гримасы со стороны Понтюза, и то же торжество его свѣдѣсти. Кокильё залѣзъ подъ столъ, приталкиваетъ его къ ногамъ Рондара, непомнящаго себя отъ восторга. Анріэтта восклицаетъ ученый: «еще послѣдняя просьба, любезный другъ! Притяните меня въ ваши объятія!» — Сдѣлано, сдѣлано. Крѣпкій толчокъ изъ со стороны Кокильё, и его будущая тѣсть падаетъ на грудь Понтюза. Можно ли въ чемъ отказать такому обыкновенному человѣку? Рондартъ исполняетъ его просьбу и женитъ Кокильё на Анріэттѣ. — Много глупаго и водевилъ Палеруаальскаго-Театра, и еще больше забавнаго.

60) *Le trompette de M. le prince* (Трубачъ Принца), комическая опера въ одномъ дѣйствіи, соч. Мельсиль.

Городъ Этанпъ, который держитъ сторону Фронды, осажденъ Туренномъ. Маркизъ де-Бриссакъ, одинъ изъ старшихъ офицеровъ знаменитаго генерала, свисаетъ кой-съ кѣмъ въ городъ, куда онъ часто пробирается, перемѣняясь на разные манеры, чтобъ имѣть дѣла съ одной президентшей, молодой и недурной вдовою, въ которой влюбленъ и на которой нахренитъ жениться. Его посѣщенія наконецъ возбуждаютъ подозрѣніе осажденныхъ, и маркизъ, преслѣдуемый за шпіона, совершаетъ по городскимъ улицамъ весьма-опасную прогулку, переставляющую черезъ улицы. Къ-счастью, онъ на дѣтъ мансарду, гдѣ сѣдѣлъ его; онъ отворяетъ окно и прыгаетъ туда. Онъ попалъ въ комнату маркизы Фаншетты, прачки и его крестнаго. Фаншетта радѣхонька оказать услугу крестному отцу и простираетъ длинность свою до того, что нестер-

президентшѣ письмо, гдѣ маркизъ назначаетъ своей прекрасной вдовушѣ свиданіе въ квартирѣ прачки. Ман-и-рда Фаншетты была бы надежнымъ бѣжищемъ, еслибъ не Гуларъ, дядя вѣушки, отчаянный фронлёръ, оду-евленный страшной ревностью къ об-еуму дѣлу, который расхаживаетъ съ оршкомъ на головѣ, съ чапракомъ на инѣ, съ грознымъ видомъ, всюду, гдѣ ѣтъ опасности. Сначала онъ удивляет-и, встрѣтивъ у племянницы незнако-го мужчину, потомъ одумывается и принимаетъ его за Фабіана, принцева рубача, который долженъ былъ явить-и именно въ этотъ день, чтобы обвѣ-и-иться съ Фаншеттою. Желая сдѣлать ріятный сюрпризъ елматери, Гуларъ, з смотря на уклончивыя средства, къ торымъ прибѣгаетъ маркизъ де-Брис-акъ, приводитъ маклера и свидѣтелей и написанія контракта. Маркизъ, тобъ спасти свою жизнь, принужденъ оидти за жепица. Но какъ настоящій абіаль не умѣетъ писать, то подпи-ывается крестикомъ, и уходитъ изъ еркви, куда усердный Гуларъ ута-и-илъ-было его для несостоявшейся ормальности. Между-тѣмъ, приходитъ астоящій Фабіанъ, и производитъ аичайшую путаницу и недоразумѣ-іа, одно другаго смѣшивъ. Гуларъ аходитъ его подозрительнымъ съ ада и догадывается, что онъ дол-е-нъ быть маркизъ де - Бриссакъ, отораго примѣты опубликованы въ ородѣ. Хотя маркизъ брюнетъ, а рубачъ блондинъ, однакожъ прозорли-ый Гуларъ того мнѣнія, что Фабіанъ менно маркизъ де-Бриссакъ. Во время ой суматохи является президентша, трубоча, согласившись поидти за аркиза, хочетъ пользоваться выгода-и своего положенія, любезничаетъ съ резидентшей и адресуется къ ней съ азарменными комплиментами, къ ве-и-кой досадѣ Фаншетты и ея крѣстна-го отца. Но надо жѣ быть снисходи-ельну къ человѣку, который риску-етъ быть пошлѣнъ. Все развязывается лагополучно: городъ Этампъ, взятый олодомъ, отворяетъ ворота Тюренну,

и маркиз съ трубачомъ, каждый, беретъ свое собственное имя и свою собственную любовницу.

УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВРЕДНОЕ ВЛІЯНІЕ ПРОИЗВОДСТВА ЗАЖИГАТЕЛЬНЫХЪ СПИЧЕКЪ НА ЗДОРОВЬЕ РАБОЧИХЪ.— Фабрикація зажигательныхъ спичекъ — отрасль промышленности совершенно новая, которая образовалась на глазахъ нашихъ, но которая, не смотря на свою новизну, достигла въ наше время уже значительнаго развитія. Фосфорическія спички своею дешевизною и удобствомъ вытѣснили всѣ возможные огнива. Къ несчастью, всегда, каждое полезное открытіе имѣетъ свою худую и даже вредную сторону. Производство зажигательныхъ спичекъ, ремесло, по-видимому, очень легкое, оказываетъ очень-вредное, разрушительное вліяніе на здоровье рабочихъ, и ведетъ за собою перѣдко смертельныя недуги; грустное вознагражденіе за всѣ удобства, которое доставляетъ намъ это полезное открытіе.

Многіе медики німецькіє і французскіє обратили вниманіє на недуги, которые бывають результатомъ зажима тельныхъ спичекъ; недавно Жандренъ показалъ, что рабочіе, занимающіеся этимъ ремесломъ, страдаютъ обыкновенно расстройствомъ въ дыхалахъ (развѣтвленія дыхательнаго горла). Теофилъ Руссель также обратилъ вниманіє на этотъ важный предметъ и представилъ Парижской Академіи въ одну изъ послѣднихъ засѣданій свои наблюденія, съ которыми мы познакомимъ нашихъ читателей.

Изучая отдельно различные операции, из которых состоит производство зажигательных спичек, Рус-

сель нашелъ, что собственно только немногія изъ нихъ разстраиваютъ здоровье рабочихъ, другія же, и большая часть, совершенно или почти безвредны; именно, только тѣ рабочіе страдаютъ, которые постоянно испытываютъ дѣйствіе паровъ фосфора; но они составляютъ не болѣе пятой доли всего народа, употребляемаго на фабрикѣ. Болѣзни, которымъ подвергаются они, суть, во-первыхъ, разстройство въ органахъ дыханія, именно въ дыхалахъ, иногда очень усиливающееся отъ перадѣнія большого; потомъ, воспаление десенъ и челюстей, оканчивающееся часто костоюдою, отъ которой умираетъ несчастный рабочий. Множество фактовъ доказываютъ, что дѣйствіе паровъ фосфора развиваетъ затвердѣлости у тѣхъ, кто имѣетъ расположеніе къ этому недугу.

Руссель думаетъ, что воспаление и костоюда челюстей есть результатъ гніенія зубовъ: въ-самомъ-дѣлѣ, всѣ рабочіе, испытывшіе этотъ недугъ, имѣли зубы гнидые еще прежде вступленія своего на фабрику. Эта болѣзнь излечивается, если только ее рано, во-время захватить; но всегда въ началѣ ею пренебрегаютъ, она усиливается, ее сопровождаетъ обильное слюнотеченіе; десны покрываются матеріею, потомъ обнаруживается горячка, которая оканчивается смертію.

Наблюденія Русселя показываютъ, что на фабрикахъ, гдѣ каждая операція производится въ особой мастерской, кашель, разстройство органовъ дыханія и всѣ недуги замѣчаются только у тѣхъ работниковъ, которые мокаютъ спички въ горючій составъ и раскладываютъ ихъ въ коробки. Основываясь на этомъ фактѣ, Руссель предлагаетъ, какъ средства, уничтожающія вредное вліяніе этого полезнаго производства, во-первыхъ, раздѣлить мастерскія, и во-вторыхъ, возобновлять воздухъ по возможности чаще въ мастерскихъ, гдѣ отдѣляются вредные пары фосфора.

РАЗВИТІЕ РАСТИТЕЛЬНОГО ВЕЩЕСТВА ВЪ ПШЕНИЦѢ. *Исслѣд-*

ванія Буссею. — Въ статьѣ о питаніи растеній, Матьё Домбаль, известный французскій агрономъ, старался объяснить общее мѣтѣе земледѣльцевъ, которые думаютъ, что растенія истощаютъ почву именно въ то время, когда образуются ихъ сѣмена, то-есть въ эпоху между оплодотвореніемъ цвѣтовъ и созрѣваніемъ плодовъ. Мѣтѣе это основывается на общемъ впечатлѣніи, что трава, скошенная еще въ цвѣту, истощаетъ почву гораздо-менѣе, нежели растенія, которыя убираются уже въ полной зрѣлости. Поэтому, земледѣльцы утверждаютъ, что удобривъ полевой горошекъ не истощатъ, и напротивъ еще улучшаютъ почву. Истинно также, что, изъ всѣхъ частей растенія, сѣмена содержатъ болѣе количество питательнаго вещества: естественно было отсюда заключить, что они для развитія своего требуютъ сравнительно большее количество питающихъ началъ.

Противъ этихъ фактовъ, Матьё Домбаль представилъ факты другіе, также несомнѣнные и которые доказываютъ, что растенія получаютъ изъ почвы одинаковое количество пищи и при началѣ своего развитія и въ зрѣлости. Такими-образомъ, развитія растенія, капуста, табакъ и пр., въ высшей степени истощающія почву, при обыкновенномъ воздѣлываніи, не приносятъ никогда сѣменъ; и потому еще почва утрачиваетъ быстро свое плодородіе въ питомникахъ, гдѣ воздѣлываются молодые ростки савойи, маслянистая капуста (colza) для дѣлѣннѣшаго пересаживанія.

Матьё Домбаль утверждаетъ, что зеленые урожанъ (кормовыя травы) истощаютъ менѣе почву, потому-что они оставляютъ въ полѣ свои корни. Чтобы пополнить это объясненіе, вспомнимъ еще, что зеленые урожанъ большую часть составныхъ своихъ частей получаютъ изъ атмосферы.

Такъ, растенія прежде цвѣтенія мало истощаютъ почву не потому, что мало извлекаютъ изъ нея питательнаго вещества, — фактъ, въ-самомъ-дѣлѣ,

доказываютъ противное: они свидѣтельствуютъ, что растеніе, въ то время, когда цвѣтетъ, уже заключаетъ въ организмъ своемъ, въ видѣ запаса, большое количество вещества, изъ котораго позже образуется сѣмя. Извѣстно, наприимѣръ, что растенія, отдѣленныя отъ почвы послѣ оплодотворенія, приносятъ сѣмена, если только содержатъ ихъ въ сырости.

Когда растеніе оплодотворено, оно непрерывно воспроизводится, и тогда весь запасъ питательнаго вещества устремляется въ ту точку, гдѣ образуется плодъ; везенный цвѣтъ листьевъ блѣднѣетъ; сахаръ, крахмалъ и вещества азотистыя отдѣляются изъ стеблей и корней. Клеверъ, свекла не употребляются въ корни послѣ образованія сѣмянъ, потому-что тогда они состоятъ изъ одной безыкусной древесины.

Матѣ Домбаль, основываясь на этихъ данныхъ, утверждала, что растеніе оплодотворенное заключаетъ въ себѣ уже всѣ элементы, необходимые для созрѣванія плода; чтобы доказать еще болѣе это положеніе, онъ прибѣгнулъ къ слѣдующему опыту.

26 июня, когда хлѣбъ былъ въ полномъ цвѣтѣ, Матѣ Домбаль отиѣтилъ сорокъ колосьевъ по возможности разныхъ между собою; двадцать колосьевъ онъ сорвалъ, оставивъ прочіе при корнѣ, вычистилъ, высушилъ ихъ и нашелъ, что

Корни вѣсили . . . 42гр., 6 (10 золот.)

Стебли, колосья и листья . . . 126гр., 2 (30 золот.)

Полное растеніе . 168гр., 8 (40 золот.)

Когда хлѣбъ созрѣлъ, что было 28 августа, Матѣ Домбаль собралъ съ поля остальные двадцать колосьевъ, точно также вычистилъ, высушилъ ихъ и нашелъ, что

Корни вѣсили . . . 27гр., 2 (6 золот.)

Солома, колосья и листья . . . 85гр., 7 (20 1/2 зол.)

Зерно . . . 66гр., 5 (16 золот.)

Полное растеніе . 179гр., 4 (42 1/2 зол.)

Растенія, у которыхъ созрѣли пло-

ды, увеличиваются, слѣдовательно, въ вѣсъ своимъ только на 11 граммовъ (2 золотника съ половиною), и хлѣбъ, слѣдовательно, во все время между посѣвомъ и цвѣтеніемъ приобретаетъ пятнадцать шестнадцатыхъ всего своего вѣса. Если хлѣбъ убрать съ поля, когда онъ еще въ цвѣтѣ, онъ возвратитъ почвѣ въ корняхъ своихъ четверть всего урожая (по вѣсу); послѣ же, когда плоды его созрѣютъ, онъ оставяетъ въ почвѣ только одну седьмую своего вѣса.

Изъ опытовъ Матѣ Домбалы слѣдуютъ очень-важныя практическія заключенія: если справедливо, что растеніе, во время цвѣтенія, содержитъ въ себѣ уже полное количество органическаго вещества, то-есть, содержитъ всѣ вещества питательныя, которыя входятъ въ составъ егo, два и три вѣсца послѣ, когда созрѣютъ его плоды, то кормовыя травы убирать гораздо выгоднѣе, когда находятся онѣ въ цвѣтѣ. Эти опыты и это заключеніе таковы, образомъ доказываютъ совершенно возможность увеличить число посѣвовъ и покосовъ кормовыхъ травъ, въ одинъ годъ, на одномъ и томъ же полѣ—метода сомнительная въ глазахъ очень-многихъ практиковъ, но которая, если она только вѣроятна, должна принести большія выгоды въ хозяйствѣ.

Въ наше время, опыты Матѣ Домбалы, по важности заключеній, имѣвшихъ вытекающихъ, требовали не много подтвержденія. Буссенго, одинъ изъ немногихъ ученыхъ, которые умѣли помирить практику съ теоріею, ввѣлъ на себя трудъ подтвердить точность опытовъ Матѣ Домбалы. Вотъ результаты его изслѣдованій, представленные имъ Парижской Академіи Наукъ.

Буссенго опыты свои производилъ такъ же точно, какъ и Матѣ Домбаль; только, въ избѣжаніе ошибокъ въ числовыхъ опредѣленіяхъ, которыя могли вкрасться отъ несовершеннаго высушиванія, онъ разлагалъ химически получаемыя растенія.

19 мая 1844 года, Буссенго выбралъ

на полѣ, застѣянномъ пшеницею, мѣсто, гдѣ растительность была болѣе единообразная, вырвалъ отсюда 450 колосьевъ, вычистилъ ихъ, высушилъ на вольномъ воздухѣ и нашелъ, что

Стебли и листья

вѣсили 277гр., 4 (65 $\frac{1}{2}$ % зол.)

Корни 46гр. (11 золотн.)

Цѣлое растеніе . 323гр., 4 (76 $\frac{1}{2}$ % зол.)

9 іюня, когда пшеница цвѣла, Буссенго взялъ съ того же мѣста еще 450 растеній, подвергнувъ ихъ тѣмъ же операциямъ; и они дали ему:

Колосьевъ въ цѣ-

ту вѣсомъ . . . 110гр., 5 (26 золотн.)

Стеблей и листь-

евъ 850гр. (2ф. 12 зол.)

Корней 99гр., 5 (24 золотн.)

Итого . 1060гр. (2ф. 62 зол.)

15 августа, послѣ жатвы, въ остальныхъ 450 растеніяхъ Буссенго нашелъ:

Зеренъ . . . 677гр., 1 (1ф. 66 $\frac{1}{2}$ % зол.)

Колосьевъ . . 154гр., 5 (37 золотн.)

Соломы . . . 927гр., 5 (2ф. 30 $\frac{1}{2}$ % зол.)

Корней . . . 121гр., (29 золотн.)

Итого . 1880гр., (34ф. 63 зол.)

Или, чтобъ облегчить сравненіе, взявъ среднія величины, мы получимъ:

19 мая одно растеніе

вѣсило 0гр., 62 (0,1 зол.)

9 іюня 2гр., 36 ($\frac{1}{2}$ % зол.)

15 августа 4гр., 18 (1 золотн.)

Разность 1-я . . . 1гр., 74 (0,4 зол.)

Разность 2-я . . . 1гр., 82 ($\frac{1}{2}$ % зол.)

Такимъ образомъ, во время, когда прошло между цвѣтеніемъ и жатки масса растенія возрасла въ промѣтъ 100 къ 177, то-есть, въ этотъ промежутокъ, вѣсъ растенія почти удвоился. Этотъ результатъ очень отличен отъ результата, полученнаго Мэндиелемъ.

Мы не будемъ здѣсь слѣдить и ни подробностями химическихъ анализовъ Буссенго; но представимъ читателямъ одни числовые результаты, которые показываютъ послѣдовательное возрастаніе органическаго вещества (въ его элементахъ) въ эти различныя эпохи въ урожаѣ съ одного гектара (2,200 квадрат. сажени).

Время, когда сняты были растенія.	Вѣсъ вы- сушенна- го расте- нія.	Угле- родъ.	Водо- родъ.	Кисло- родъ.	Азотъ.	Вѣс- стыя ве- щества.
	К и	л о	г	р а	и	и м.
19-го мая.	689	257	40	345,1	12,4	25,5
9-го іюня	2631	1007,7	163,1	1370,7	23,7	65,1
15-го августа	4666	1735,8	317,3	2324,3	42,0	100,6
Возрастаніе органи- ческаго вещества отъ 19 мая по 9 іюня. . .	1942	750,7	123,1	1016,6	11,3	40,1
Возрастаніе органи- ческаго вещества отъ 9 іюня по 15 августа.	2035	728,1	154,2	953,6	18,3	100,1

Буссенго собралъ также необходимыя материалы, чтобъ изслѣдовать точно также развитіе растительнаго вещества въ бобовыхъ растеніяхъ; но увеличеніе его вѣса въ бобахъ, во время между цвѣтеніемъ и созрѣваніемъ плодовъ, было такъ значительно, что не нужно было дѣлать химическа-

го анализа; простое наблюденіе прямо подтверждало результатъ, выведенный изъ химическаго изслѣдованія: именно, что растенія и плоды усваиваютъ свои органическіе составныя части изъ выи атмосферы.

МАННА.—Въ журналѣ *Revue Botanique* (Ботаническое Обозрѣніе) мы нашли извѣстіе, что въ Малой-Азіи, въ округѣ Эпиштегирскомъ, въ январѣ мѣсяцѣ съ неба упало огромное количество манны, кусками величиною съ яйца, которые покрыли землю на три ми на четыре дюйма; жители тамошняго питались ею въ продолженіе нѣсколькихъ дней. Они добыли изъ этого вещества муку очень-бѣлую; только хлѣбъ, испеченный изъ этой муки, имѣлъ никакого вкуса. Въ 1841 году, въ этихъ же мѣстахъ происходило подобное явленіе.

Явленіе это очень-необыкновенно; но его можно объяснить и подвести подъ причины естественныя. Въ Азіи очень-часто изъ атмосферы дѣлается питательное вещество, и наблюденія показали, что это вещество—манна—есть нѣкій ягель или ягель, *Lecanora esculenta*, который держитъ въ себѣ много крахмала и который, слѣдственно, можетъ служить пищею для людей и животныхъ.

Девелль, во время своего путешествія по Крыму, находилъ этотъ ягель въ большомъ количествѣ во многихъ мѣстахъ на поверхности земли; онъ имѣетъ обыкновенно сѣроватаго цвѣта, когда не укрѣпляется въ почвѣ и лежитъ отдѣльными кучками или холмиками.

Итакъ, чудесная манна есть не что другое, какъ ягель, *Lecanora esculenta*, горный переносить вѣтры въ огромное количество на болѣе или менѣе значительныя разстоянія.

ДѢЙСТВІЕ ЭЛЕКТРО-МАГНЕТИЗМА НА ОБРАЩЕНІЕ СОКА ВЪ ЛУЧИЦѢ (CHARRA). *Доказательство сущности жизненной силы.*—Нѣсколько лѣтъ назадъ, Дютроше вмѣстѣ съ Беккерелемъ наблюдали дѣйствіе электричества на обращеніе соковъ, что, подъ вліяніемъ электрическаго тока, сокъ нѣкоторое время переставалъ обращаться; но потомъ, если сила тока не мѣнялась, явленіе обращенія сока снова обна-

руживалось и прекращалось опять въ случаѣ перемены силы тока.

Подобныя же явленія производятъ и мѣненія теплоты; точно также сокъ перестаетъ обращаться, если растеніе (лучицу) перенести изъ прѣсной воды въ соленую и наоборотъ, изъ соленой въ прѣсную.

Недавно Дютроше представилъ Парижской Академіи Наукъ свои наблюденія надъ дѣйствіемъ электро-магнетизма на обращеніе сока въ лучицѣ.

Онъ нашелъ, что электро-магнетизмъ не оказываетъ ни малѣйшаго вліянія на это явленіе; онъ взялъ электро-магнитъ, возбужденный 50 парами бунзена, который притягивалъ 2000 килограммовъ (5000 фунтовъ) и расположилъ его на разстояніи 2 сантиметровъ (4 вершковъ) отъ растенія (лучицы), и обращеніе сока, замѣтилъ онъ, нисколько не возмущалось отъ вліянія этой силы, какъ ни мѣнялъ онъ обстоятельства магнитнаго дѣйствія.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ Дютроше заключилъ, что обращеніе сока въ лучицѣ зависитъ отъ самобытной *жизненной силы*, а не отъ электричества или магнетизма, потому что магнетизмъ на это явленіе не оказываетъ ни малѣйшаго дѣйствія, а электричество дѣйствуетъ, какъ и всѣ вообще силы возбуждающія, которыхъ вліяніе происходитъ отъ реакціи или противодѣйствія жизненной силы.

ТЕПЛОТА ЛУННАГО СВѢТА.—Въ то время, какъ Фаредъ въ Англіи своими наблюденіями надъ взаимнымъ дѣйствіемъ магнетизма и свѣта открывалъ физикамъ новое поле для ихъ изслѣдованій, другой ученый, Мелони, нѣкій своимъ отличными и оригинальными наблюденіями надъ лучистымъ теплородомъ, трудился въ Неаполѣ надъ опытомъ, который до-сихъ-поръ еще не удавался ни одному физiku. Мы говоримъ о теплотѣ луны; по теоріи всѣ признавали ея существованіе, но до-сихъ-поръ никто не могъ обнаружить дѣйствіе этой теплоты на наши термометры. Наконецъ,

Мелони, который обладает очень-точными и очень-чувствительными инструментами, успѣлъ доказать, что мы получаемъ теплоту отъ луны, и что эта теплота, какъ можно было предвидѣть, измѣняется вмѣстѣ съ фазами нашего спутника, то-есть, что она увеличивается и уменьшается, смотря потому, въ какой степени видимая поверхность луны освѣщается солнцемъ. Теплота луны также находится въ связи съ разстояніемъ отъ земли и съ высотой надъ горизонтомъ.

Теперь, когда доказано существованіе лучистой теплоты луны, теплоты солнечной, отраженной только луною, остается еще опредѣлить собственную теплоту этого свѣтила, которую отдѣляетъ на нашу землю его часть, неосвѣщенная солнцемъ. Подобныя наблюденія заслуживаютъ полного вниманія физиковъ; обобщая ихъ и распространяя на различныя планеты, звѣзды и главное на кометы періодическія, вѣроятно, можно будетъ опредѣлить раздѣленіе теплоты во вселенной, въ различныхъ полосахъ пространства, черезъ которыя переходитъ наша планетная система.

Пуассонъ допускаетъ гипотетически, что эти полосы нагрѣты не одинаково и этому неравному раздѣленію теплоты приписываетъ большое вліяніе на нашу планету. Этотъ теоретическій взглядъ знаменитаго физика возвышаетъ еще болѣе важность такихъ изслѣдованій.

• **НЕКРОЛОГЪ.** — Наука недавно понесла большую потерю. Бессель умеръ 17 марта. Этотъ знаменитый ученый, котораго всѣ астрономы европейскіе признали своимъ главою, былъ удивительный практическій наблюдатель и, что бываетъ очень-рѣдко, зналъ во всей подробности математическія теоріи. Бессель первоначально не думалъ посвятить себя наукѣ; Олберсъ убѣдилъ его бросить торговлю и заняться астрономіею.

Современемъ мы надѣемся сообщить подробную біографію этого важнаго двигателя науки.

★

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

НОВѢЙШІЯ ИЗОБРЕТЕНІЯ И ОТКРЫТІЯ. — ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

Одинъ шведскій ботаникъ изобрѣлъ новое средство бальзамировать растенія. Онъ, между прочимъ, послалъ въ Стокгольмскую Академію Наукъ кустъ чайнаго дерева, бальзамированный по его способу въ 1844 году. Кустъ совершенно сохранилъ всю сѣжесть листьевъ и форму, какъ-будто бы вырытъ былъ недавно изъ земли. Это изобрѣтеніе весьма-важно для ботаники, и если оно окажется во истѣхъ отношеніяхъ удовлетворительнымъ на практикѣ, то всѣ гербаріи европейскіхъ музеевъ будутъ сохранять въ себѣ живыя, а не засохшія растенія и кусты. Означенный ботаникъ замѣчаетъ, что растенія должны быть непремѣнно бальзамированы въ свѣжемъ своемъ видѣ непоблеклыя и незасохшія.

— Въ городѣ Эли (Ely) въ Англіи, при нивелировкѣ шоссе подъ желѣзную дорогу, работники нашли остовъ допотопнаго животнаго, называемаго плезиозавръ (Plesiosaurus). Остовъ имѣетъ въ длину до 30 футовъ и принадлежитъ къ классу земноводныхъ. У него голова ящерицы съ зубами крокодила, шея змѣи, во туловище и хвостъ какъ у четвероногихъ животныхъ; ноги черепахи.

— Правительства Франціи и Англіи поручили одному извѣстному механику устроить подводный электрическій телеграфъ между Pas de Calais и South-Foreland по новой системѣ, изобрѣтенной означеннымъ механикомъ. Матеріалы уже готовы для телеграфа, и теперь въ Англіи производятся опыты, какимъ образомъ совершенно изолировать электрическій токъ на 37-ми саженой глубинѣ воды. Въ іюлѣ будетъ оконченъ подводный телеграфъ, и тогда извѣстія изъ Парижа въ Лондонъ и обратно будутъ сообщаемы въ нѣсколько минутъ. Если это изобрѣтеніе

ищается полнымъ успѣхомъ, то Парижъ будетъ соединенъ электрическимъ телеграфомъ съ Марселемъ, а Марсель съ Алжиромъ.

— Нововобрѣтенная машина г. Насмита для вколачиванія свай находится въ полномъ дѣйстви въ деппортской гавани, гдѣ устроивается морскъ плотина для удержанія силъ напора волнъ въ гавань. Механикъ Насмитъ вбиваетъ толстую сваю 18 футовъ длиною при 20 ударахъ дѣвлою бабою на 15 футовъ въ землю. Машина производитъ въ минуту ударовъ. Грунтъ деппортскаго берега весьма-твердъ и лежитъ на толстомъ глинистомъ пластѣ. Насмитова свайбитная машина превзошла всѣ изданныя опытныхъ инженеровъ. Она вбиваетъ бревно 66 футовъ длиною крѣпкій грунтъ земли такъ же легко, какъ шведъ вводитъ иглу въ швейную подушку.

— Къ числу чудесъ настоящаго времени безспорно принадлежитъ искусство ковать и вытягивать по произволу стекло. Къ бургомистру города Амстада пришелъ недавно какой-то иностранецъ и объявилъ, что онъ изобрѣлъ способъ ковать и вытягивать стекло. Чтобы доказать слова свои на дѣлѣ, онъ бросилъ на полъ стеклянную бутылку, которая отъ паденія сплюснулась; потомъ, поднявъ бутылку, набилъ ее молоткомъ, и такимъ образомъ далъ ей прежній видъ. Къ великому изобрѣтателю столь полезнаго изобрѣтенія былъ найденъ на другой день въ углу на улицѣ. Но, кажется, изобрѣтеніе не вовсе потеряно для свѣта. Кто, г. Акстонъ, объявилъ въ Лондонѣ, что онъ также открылъ способъ ковать стекло, но не хочетъ его извѣстовать изъ опасенія, что всѣ англійскіе заводчики Европы потерятъ отъ того важные убытки.

Президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ послалъ французскому королю нововобрѣтенную пушку, выкованную изъ чистой стали. Это орудіе выдержало нѣсколько пробныхъ выстрѣловъ въ Виссенскомъ Замкѣ, и

оказалось, что оно бьетъ гораздо-дальше въ цѣль, чѣмъ французскія пушки одинаковаго съ нимъ калибра. При этомъ надобно замѣтить, что стальная пушка прослужитъ на батареяхъ гораздо-дольше, чѣмъ мѣдная или чугунная.

— Баварскій консулъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ получилъ привилегію отъ тамошняго правительства на нововобрѣтенный способъ Англичаниномъ Кингомъ освѣщенія улицъ, большихъ залъ, театровъ и пр. Этотъ родъ освѣщенія состоитъ изъ длинныхъ металлических или угольныхъ проводниковъ (кондукторовъ), которые раскаляются до-бѣла электрическою струею и свѣтятъ лучше всякаго газа. Если нововобрѣтенное освѣщеніе перейдетъ въ Европу, то, конечно, со-временемъ вовсе уничтожится употребленіе свѣчь.

— Вѣнскій садовникъ Георгъ Годикъ выдумалъ, вмѣсто употребляемыхъ бумажныхъ ярлыковъ для означенія растений, втыкать въ цвѣточные горшки жестяные, выкрашенные масляною краскою и укрѣпленные на металлическихъ прутикахъ. Такіе ярлыки не боятся никакихъ перемѣнъ погоды. Въ Англіи для этого предмета употребляются фарфоровые ярлыки, но они очень-дороги въ сравненіи съ жестяными. Для всѣхъ европейскихъ растений ярлыки покрываются бѣлою краскою, для азіатскихъ бѣлою съ желтыми каймами, для африканскихъ черною, для американскихъ красною, а для растений изъ Австраліи зеленою краскою.

— Одинъ англійскій фабрикантъ бумажной пряжи издумалъ употребить въ дѣло 10,000 мышей и крысъ, которыя у него преисправно прядутъ бумажныя нити, и каждая мышь даетъ хозяину фабрики чистой прибыли 3 талера въ годъ. Расходъ на прокормленіе такого множества мышей весьма-незначителенъ.

— Французъ Луи Дюпонъ издалъ въ Парижѣ сочиненіе, въ которомъ математически доказалъ, какою-образомъ можно останавливать про-

ливные дожди, прекращать засуху и вытягивать изъ тучь снова дождь, чтобъ оплодотворить засохшую землю. Не знаемъ навѣрно, много ли правды въ этой книгѣ? Всего вѣроятнѣе, что это пухъ.

— Для сохраненія стальныхъ перьевъ отъ ржавчины, происходящей отъ чернилъ, надобно поступать слѣдующимъ образомъ. Въ стаканъ развести щепоть очищеннаго поташа въ 4-хъ лотахъ чистой воды. Потомъ взять опотельдовую стеклянку, налить въ нее этой смѣси столько, чтобъ въ нее окунулись концы перьевъ. На двѣ стеклянки положить слой асбеста (каменнаго льна), чтобъ концы перьевъ предохранить отъ тупости и порчи. Перья до письма и послѣ письма надобно тщательно обтирать чистою тряпкою. Если со-временемъ высохнутъ жидкость въ опотельдовой стеклянкѣ, то надобно снова подбавить ея изъ стакана. Стаканъ долженъ быть съ крышкою, чтобъ смѣсь не выдыхалась.

— Въ газетѣ «The Lancet» пишутъ, что судороги всякаго рода легко можно излечать слѣдующимъ образомъ. Когда больного начнутъ корчить судороги, ему въ ту же минуту должно взять цѣлую горсть соли. Это симпатическое средство тотчасъ уничтожаетъ болѣзнь.

— Въ Шлезвиг-Гольштейнѣ какой-то физикъ изобрѣлъ новый воздушный шаръ, далеко превосходящій своимъ устройствомъ всѣ извѣстные аэростаты Бланшара, Монгольера и другихъ. Если вѣрить газетнымъ объявленіямъ изобрѣтателя, то его шаръ можетъ летѣть куда угодно противъ вѣтра, въ верхнихъ и нижнихъ слояхъ воздуха. Физикъ обѣщаетъ на своемъ аэростатѣ облетѣть весь шаръ земной въ 7 дней. Онъ намѣренъ на высочайшихъ горахъ устроить станціи, гдѣ шары его будутъ останавливаться для высадки пассажировъ, и общается изобрѣтеніемъ своимъ уничтожить всѣ флоты и всѣ сухопутныя арміи. Короче, человекъ съ помощію его шара

будетъ настоящимъ властелиномъ земной планеты...

— Въ Англіи нѣкто Кирби изобрѣлъ новую машину, дѣлающую булавки безъ помощи человѣческихъ рукъ. До сего времени, какъ завастриваніе булавокъ, такъ и насадка на нихъ головокъ производилась рукою работника. Новозобрѣтенныя булавки называются королевыми (regina pinus). Стержень и головка состоятъ изъ одного куска проволоки.

— Въ Германіи новый продуктъ *лѣсная шерсть* (Waldwolle) входитъ въ значительное употребленіе. Въ Бреславлѣ недавно заведена фабрика для обработки этого полезнаго матеріала. Первый изобрѣтатель, г. Фридендеръ, поѣхалъ въ Парижъ, чтобъ лѣсную шерсть ввести въ употребленіе во Франціи. Лѣсная шерсть, приготовленная изъ словыхъ и сосновыхъ иглъ, которыя доселѣ засаривали безъ всякой пользы лѣса, сдѣлалась вывѣще источникомъ прибыльной промышленности. Фридендеръ выдѣлываетъ изъ словыхъ и сосновыхъ иглъ родъ льна, превосходнаго матеріала для набивки перинъ, матрацовъ и всякой мебели. Въ лѣсной шерсти не можетъ заводиться моль, черви и другія наѣдомы. Изъ нея также дѣлаютъ хорошую писчую бумагу и новый родъ холста. Еловые иглы даютъ отличное и дешевое масло для освѣщенія, изъ котораго со-временемъ можно будетъ приготовить горючій газъ. Даже вовсе-ненужные остатки или соръ отъ этого полезнаго матеріала не пропадаютъ даромъ: изъ этого сора дѣлаются торфяныя плитки, которыя горятъ ярко какъ смола, слѣдовательно, замѣняютъ собою дрова и другое топливо. Мы, конечно, скоро увидимъ, что всѣ европейскія щеголихи будутъ носить шали, а щеголи фраки, сшитые изъ лѣсной шерсти.

— Въ Англіи изобрѣтена новая композиція для архитектурныхъ украшеній, карнизовъ, колоннъ, оконъ, дверей и пр. Эта композиція дѣлается изъ пеньки или пакли, напитанной смолою

или дегтемъ въ видѣ большихъ листовъ. Потому, листы эти владутся для прессы въ металлическихъ рѣзные формы, представляющія цѣпты, арабески, барельефы и пр. Означенная композиція очень-эластична, тверда, не боится ни сырости, ни жара и легко обрабатывается изъ себя круглыя и ломанныя линіи карнизовъ. Въ Англіи такую композиціею покрываютъ крыши домовъ, дѣлаютъ изъ нея картинныя рамы, украшенія для каминовъ, колонны и пр. Въ Германіи составляются изъ этого вещества различныя скульптурныя вещи и продаются очень-дорого, ибо составъ матеріала, изъ котораго сдѣланы такіе предметы, хранится втайнѣ.

— Поблѣднѣвшее письмо на старинныхъ рукописяхъ можно сдѣлать разборчивымъ посредствомъ слѣдующей операціи: надобно такой манускриптъ смочить растворомъ желѣзнаго купороса, т. е., вымывать всю рукопись слегка рисовальною кистью, или смочить растворомъ мажкую бумагу и положить потомъ ее на рукопись.

— Красильщикъ шелковыхъ матерій, въ Ліонѣ, составилъ превосходнаго цвѣта оранжевую краску изъ сока обыкновеннаго лимона. Черезъ это открытіе устраняется для состава подобной краски кошениль, кремортартаръ и проч. дорогія снадобья. Лимонная краска окрашиваетъ всякую матерію за одинъ разъ и сберегаетъ время и расходы противъ краски, приготовленной по прежнему способу.

— Англійскій механикъ Мушеть пишетъ въ *Journal of Arts*: «Почему механики до-сихъ-поръ не воспользуются часовой пружиною какъ двигательною силою для паровозовъ? Локомотивную пружину стоячая паровая машина можетъ заводить разъ въ сутки, и отъ этого паровозъ съ цѣпью вагоновъ будетъ ѣхать 24 часа не останавливаясь».

— Въ Саксоніи для истребленія хлѣбныхъ червей (*Circulio frumentarius*, *granaarius*) употребляютъ очень простое и дѣйствительное средство. Надобно въ

хлѣбныя зерна принимать обыкновенной поваренной соли (на-пр., на одинъ шеефелъ зерна горсточку соли), которая рѣшительно уничтожаетъ хлѣбнаго червя. Очень-полезно также опрыскивать стѣны и полъ амбаровъ, гдѣ хранится зерновой хлѣбъ, соленомъ водою. Отъ этого въ щеляхъ половъ и стѣнъ совершенно выводится червь.

— Чтобы сохранять на лѣто шѣхъ, шерсть и перья отъ моли, надобно взять, на-прим., фунтъ желѣзнаго купороса, высушить его на теплой сковородѣ и потомъ стереть въ мелкій порошокъ. Этимъ порошокомъ можно посыпать шѣхъ, перья и набивку мебели, въ которой моль никогда не заведется. Что же касается до шерстяныхъ цѣпныхъ матерій, то желѣзный купоросъ оставлять на нихъ слѣды ржавчины, а потому это средство въ послѣднемъ случаѣ употреблять не соизвѣстается.

— Лучшую замазку для склеиванія фаянса, фарфора и другой этого рода посуды можно составить такъ: надобно взять 3 части сѣры, 2 бѣлой смолы, $\frac{1}{2}$ камеди, 1 часть гумми (*gummi Elatni*), 1 часть мастики и все это смѣшать съ толченымъ въ порошокъ кирпичомъ. Сперва слѣдуетъ подогрѣть разбитую посуду и потомъ уже склеивать означенною замазкою.

— Французскій инженеръ Лестею изобрѣлъ новый родъ каминой рѣшетки или ростра для углей. Этотъ сварякъ дѣлается въ формѣ рѣшетчатого шара, вертлящагося на двухъ стержняхъ. Въ шарѣ находится дверца, въ которую можно вилать каменный уголь и зажигать его. Ростръ ставится на очагъ камина сверху ящика, въ который должна упасть угольная зола. Машинка такого рода гораздо-лучше и удобнѣе нынѣшнихъ употребляемыхъ каминовыхъ рѣшетокъ, ибо въ первую со всѣхъ сторонъ проходитъ воздухъ, и уголья не потухаютъ, а горятъ всегда жарко; притомъ же нѣтъ опасности отъ искръ, ибо онѣ не могутъ влетать въ комнату изъ шара. Если весь уголь перегоритъ въ ковшъ и не производитъ чада, то можно этотъ ростръ выстав-

$\frac{1}{2}$ 14

лать въ комнату, которая отъ-того скоро нагрѣвается.

— Французскій пекаръ, Віоле, изобрѣлъ новый дешевый и скорый способъ печенія хлѣба посредствомъ пара. У Віоле обыкновенную пекарную печь замѣняютъ два металлических цилиндра, входящіе одинъ въ другой. Между стѣнками обоихъ цилиндровъ, т. е. вальцовъ пустыхъ внутри, проходитъ паръ изъ виѣобразной трубы, нагрѣтой до надлежащей степени жара. Внутренній цилиндръ или валецъ, куда кладется тѣсто, приготовленное для хлѣбовъ, булокъ и т. п., имѣетъ множество крошечныхъ скважинъ, которыя можно рассмотреть только въ увеличительное стекло. Черезъ эти скважины паръ проходитъ во внутренний цилиндръ, печетъ хлѣбы какъ въ печи и послѣ выходитъ вонъ также черезъ скважины. Все печеніе продолжается не болѣе получаса. Это самая простая и несложная машина. Пекаръ кладетъ тѣсто во внутренний цилиндръ, отворяетъ паровой кранъ, и когда хлѣбы готовы, закрываетъ его. На мѣсто готовыхъ булокъ и хлѣбовъ кладется опять тѣсто, и печеніе идетъ своимъ порядкомъ нѣсколько разъ въ день.

МЕЛОЧИ.

— Въ Лейпцигѣ показывается публикѣ новое собраніе картинъ дюссельдорфскихъ художниковъ. Особенно отличается между картинами произведенія Карла Гюбнера, который изобрѣлъ новый родъ политической живописи. Въ Германіи вѣснѣ извѣстна картина въ такомъ родѣ написанная: «Смѣзскій Ткачъ». Нынѣче Гюбнеръ выставилъ картину подъ названіемъ: *das Jagdrecht*, въ которой представляется засѣяннымъ бѣднымъ поселеннымъ, убиавшимъ въ герцогскомъ лѣсу зайца. Эта картина лучше всѣхъ рѣчей, стиховъ и проч., объясняетъ артему законъ объ охотѣ, *das Jagdrecht*. Въ этой коллекціи замѣчательны также дагерротипы, снятыя съ знаменита-

го картона Дессинга «Сожженіе Іоанна Гусса».

— Въ Авиньонѣ сооружается бронзовая статуя Іоанну Альтему, который первый ввелъ во Франціи употребленіе крапа. Это полезное красивое растеніе приноситъ Франціи ежегоднаго дохода до двадцати пяти милліоновъ франковъ.

— Изъ Парижа былъ недавно отправленъ въ Гагу живописецъ, Феликсъ Котро (Cotrau) для снятія копій съ знаменитой картины Рембранта «Лекція Анатоміи». Эта копія теперь готова и поставлена въ залъ медальонской парижской школы. Французское правительство намѣрено устроить въ Парижѣ особую картинную галерею, въ которой должны помѣститься копіи со всѣхъ картинъ знаменитыхъ художниковъ разныхъ временъ и народовъ. Эта галерея назначается для этюдовъ въ живописи молодымъ артистамъ. Мысль очень-благая, но ее не скоро можно исполнить, потому-что копіи съ картинъ должны быть очень-хороши.

— Друзьямъ Байрона извѣстно было, что онъ оставилъ записки о своей жизни, въ которыхъ описана безъ всякаго лицепріятія рѣзкими чертами современная ему англійская аристократія. Эти записки были поручены поэтотъ для напечатанія сыну стихотворца Томасу Муру. Отецъ напечаталъ изъ нихъ немногія извлеченія, съ своими передѣлками; но настоящія мемуары еще остаются тайною для публики. Сынъ Мура, при жизни отца, не хотѣлъ издать означенныхъ записокъ, но теперь не стало на свѣтѣ владѣльца этихъ записокъ: служивъ офицеромъ въ алжирскихъ войскахъ, онъ убитъ въ сраженіи съ Кабилами. Большая часть англійской аристократіи была въ обнародованіи этихъ интересныхъ мемуаровъ при жизни сына Томаса Мура; но теперь она отложила, полагая, что записки уничтожены вмѣстѣ съ кончиною Мура. Но Англія и вся Европа могутъ ли не желать обнародованія записокъ гениальнаго челоуѣка? Какой варааръ осѣлится

стереть съ лица земли послѣднее сочиненіе великаго поэта?

— Голландское правительство рѣшилось устроить у себя тюрьмы по пенсильванской системѣ, т. е. каждому узнику будетъ назначена особая келья неимѣющая сообщенія съ другими. Нынѣче на опытъ дознано, что арестанты, сидящіе въѣсть, развращаются еще болѣе, находясь въ сообществѣ съ самыми хитрыми мошенниками. Смертная казнь будетъ употребляема въ весьма-рѣдкихъ случаяхъ; самое большое наказаніе для преступника будетъ пятнадцатилѣтнее заключеніе въ тюрьмѣ. Тѣлесное наказаніе не уничтожено, но выставки у позорнаго столба отиѣняются.

— Между-тѣмъ, веймарскій совѣтникъ медицины Фроринъ предложилъ прусскому правительству, въсто пенсильванской тюремной системы (по которой заключаются преступники каждый въ особой кельѣ), поступать съ ними слѣдующимъ образомъ: онъ совѣтуетъ по мѣрѣ вины заклеивать арестантамъ ротъ пластыремъ, чтобы они не могли разговаривать другъ съ другомъ; нынѣ заклеивать тѣмъ же пластыремъ глаза и уши, наблюдая притомъ, чтобы у нихъ непремѣнно связаны были руки.

— Недавно отправлено изъ Парижа въ Брестъ подводное желѣзное судно, которое плаваетъ и вырлетъ какъ рыба съ помощью архимедова винта и двухъ боковыхъ лапчатыхъ колесъ. Этого ботъ назначенъ для подводныхъ поисковъ корабля Republicain, который потонулъ съ полнымъ грузомъ въ морѣ, назавъ тому пятьдесятъ лѣтъ. Оно можетъ быть подъ водою ровно четыре часа съ экипажемъ, состоящимъ изъ семи человекъ, которые дышатъ на глубинѣ посредствомъ особо-устроеннаго дыхательнаго снаряда.

— Въ парижскомъ Домѣ Инвалидовъ имѣютъ нынѣче пріютъ 3051 человекъ, изъ которыхъ 145 слѣпыхъ, 12 безъ обѣихъ ногъ, 313 съ одной ногою, 9 безъ обѣихъ рукъ, 226 кривыхъ, 237 параличныхъ; 31 сумасшедшій; 8 съ

серебряными носами и подбородками, 16 съ оторванными ладьями, 113 колченогихъ, 28 съ отмороженными ногами, 132 съ изувѣченными руками, 1027 страдающихъ отъ различныхъ ранъ, 178 сиротъ инвалидныхъ, 516 стариковъ, которымъ за семьдесятъ лѣтъ, 37 девятистолѣтнихъ.

— Въ Германіи нынѣче живетъ многочисленное потомство Мартина Лютера, состоящее изъ 200 человекъ. У Лютера было пятеро дѣтей, отъ которыхъ потомство, раздѣлившись на пять вѣтвей, произвело нѣсколько благородныхъ и даже знатныхъ семействъ въ Германіи. Отъ старшаго сына Лютера, доктора Павла произошло нѣсколько семействъ ремесленниковъ, купцовъ, сельскихъ закономовъ; вторая вѣть произвела нѣсколько юристовъ, пасторовъ, третья—лекарей, аптекарей, учителей, профессоровъ; четвертая—ученыхъ по горной части, и пр.

— Въ журналѣ: «Family Herald» досужій историкъ докторъ Дикъ напечаталъ перечень битвъ въ древніе, средніе и новыя вѣка и исчислилъ, сколько въ нихъ убито было народа. Напримѣръ: въ іудейской войнѣ убито 25,000,000; въ битвахъ Сезостриса 15,000,000; въ войнахъ Семирамиды, Кира и Александра-Великаго 30,000,000; въ войнахъ наслѣдниковъ Александра 20,000,000; въ греческихъ войнахъ 15,000,000; въ битвахъ цезарей 30,000,000; въ римскихъ войнахъ при Юліи Цезарѣ 60,000,000; въ битвахъ Римской Имперіи, также въ турецкихъ и сарацинскихъ войнахъ 180,000,000; въ войнахъ реформации 30,000,000; въ войнахъ среднихъ вѣковъ въ-теченіе девятистолѣтій 80,000,000. въ татарскихъ и африканскихъ войнахъ 180,000,000; въ войнахъ Испанцевъ въ Америкѣ 12,000,000; въ войнахъ Наполеона 6,000,000; — итого 683,000,000. Интересно было бы узнать, изъ какихъ историческихъ источниковъ почерпнулъ докторъ Дикъ такіа ужасныя числа, изъ которыхъ, вѣроятно, завяжется новая война между историками.

— Англіійскій капитанъ Кларкъ Кем-

яеди издавъ въ Лондонѣ новое описаніе Алжира. Онъ приводитъ нѣсколько комическихкихъ сценъ изъ жизни африканскихъ птицъ, и между прочимъ описываетъ оригинальный танецъ нумидійскихъ цыплятъ, называемыхъ Французами «demoiselles». — Весною, цыплята, собираясь стадами на поляхъ, становятся въ два ряда одна противъ другой. Фланговая цыплята дѣлаютъ глубокой поклонъ (reverance) и другія ей отвѣчаютъ тѣмъ же. Потомъ, всѣ онѣ начинаютъ танцевать минуэты. Каждая птица съ опущенными крыльями, съ вытянутою впередъ шею дѣлаетъ весьма-граціозныя движенія, вертится въ тактъ какъ-будто вальсируетъ. Короче сказать, эти птицы такъ же методически выдѣлываютъ и вертятся одна съ другою, какъ дѣвочки въ лучшемъ танцклассѣ подъ распоряженіемъ танцмейстера.

— Въ Прагѣ, дочь одного профессора страдала слишкомъ три года жестокою кашлемъ и особенною болью въ ватылкахъ. Лучшіе врачи города не могли сдѣлать ей никакого облегченія. Въ концѣ прошедшаго года, больная начала погружаться, въ извѣстные часы дня, въ магнетическій сонъ и пѣть во время сна. Врачи воспользовались этимъ случаемъ сонбулизма и предложили спящей нѣсколько вопросовъ о ея болѣзни, и какимъ-образомъ слѣдуетъ лечить ее. Больная описала подробно съ анатомическою точностью состояніе своихъ нервовъ и сама назначила лекарство отъ кашля. Она между прочимъ объявила, что 9 марта будетъ пѣть во снѣ въ послѣдній разъ, и что тогда же совершенно освободится отъ своего недуга. Предсказаніе ея сбылось въ точности: она съ 9 марта совершенно поправилась въ своемъ здорově. Впрочемъ, ясновидѣніе ея дѣйствительно только въ-отношеніи собственной ея особы.

— Въ Шербургѣ семнадцати-лѣтней дѣвушкѣ Маріи д'Альбанель сдѣлана была операція, — отрѣзана правая нога во время магнетическаго сна. Хотя операція продолжалась полчаса, но Марія не чувствовала ни малѣйшей бо-

ли; нульсь ея бился правильно, и было спокойно; она сидѣлась и равно-варивала съ своимъ магнетизѣромъ.

— Лудовикъ-Святой, женись, былъ въ приданое за своею супругою, Маргаритою Прованскою, только 20,000 ливровъ. Нынче каждый сынъ дѣвочки требуетъ отъ своей невесты болѣе приданого. Лудовикъ-Толстый, желая возвысить и увеличить торговлю и промышленность во Франціи, велѣлъ выдать на этотъ предметъ 500 ливровъ изъ своей собственной казны. Французскіе давали однажды въ Орлеанѣ пышный обѣдъ для знатныхъ жителей города, и истратилъ на эту трапезу 35 ливровъ 15 су.

— Первыя манжеты начали носить во Франціи при Карлѣ VI, умершемъ въ 1422 году. Въ то время полотно было чрезвычайно-рѣдко и дорого, и носили обыкновенныя рубашки изъ саржи. Королева Изабелла, урожденная принцесса баварская, имѣла тогда только двѣ полотняныя сорочки. Она чрезвычайно хвасталась этимъ парадомъ и нарочно выставляла на показъ воротники и рукава. Вотъ первое происхожденіе манжетъ. Первыя кружева привезены были изъ Парижа въ Венецію въ 1629 году. Король Лудовикъ XIII запретилъ носить кружева дороже 4 ливровъ аршинъ по иностранное кружево продавалось тогда гораздо-вышею цѣною, а потому правительство и учредило двѣ кружевные фабрики въ Алансонѣ и Аржантонѣ, которыя и по сіе время славятся превосходнымъ производствомъ кружевъ.

— Президентъ Сѣверо-Американскихъ-Штатовъ имѣетъ свои пріемныя торжественныя дни. подобно тому, какъ и европейскіе государи. Американскіе журналы описываютъ подробно такія пріемы съ означеніемъ костюмовъ депутатовъ, ихъ женъ и прочихъ значительныхъ лицъ республики. Иностранныя дипломаты являютъ съ почетомъ и къ президенту въ мундирѣхъ обильные орденами, ихъ жены и дочери въ великолѣпномъ бальномъ нарядѣ; но депутаты американскихъ прі-

нимъ съ своими супругами приходятъ туда перѣдко за просто въ обыкновенномъ платьѣ: яныя въ охотничьемъ костюмѣ съ хлыстомъ и въ ботфортахъ, другіе просто въ деревенскихъ блузахъ, а нѣжныя Американки перѣдко въ сапогахъ, красныхъ, шерстяныхъ юбкахъ съ ситцевыми передниками, въ спенсерахъ и амазонахъ.

— Въ Дели (Индостанѣ) выходятъ семь журналовъ на туземномъ языкѣ, изъ которыхъ по части литературы особенно отличается: «Tewazed al Nahagin». Этотъ журналъ издается подъ редакціею индійскихъ ученыхъ и разсуждаетъ не только о индійской и санскритской литературѣ, но и о физикѣ, математикѣ, политической экономіи, механикѣ, магнетизмѣ и проч. Журналъ подъ названіемъ: «Gali-Rana» занимается исключительно восточною поэзіею и печатаетъ стихи членовъ Делійской Академіи, которые имѣютъ въ ней свои засѣданія два раза въ мѣсяцъ. Члены академіи — мухаммедане, принадлежащіе къ высшему сословію общества. Они большею частию подражаютъ въ своихъ стихотвореніяхъ знаменитымъ персидскимъ поэтамъ. На такіа засѣданія всегда собирается многочисленная публика туземцевъ и Англичанъ, которые имѣютъ право судить открыто о достоинствахъ читанныхъ тамъ стихотвореній.

— У многихъ племенъ дикарей, населяющихъ западный берегъ Африки, женщины принимаютъ участіе во всѣхъ политическихъ дѣлахъ страны и засѣдаютъ въ совѣтахъ вмѣстѣ съ мужчинами. Если дикари хотятъ начать войну съ сосѣднимъ племенемъ, то спрашиваютъ на то согласія у своего женскаго ареопага. Очень-часто случается, что прекрасный полъ рѣшительно отвергаетъ предложеніе о войнѣ, и миръ тогда не нарушается. Если же женщины позволяютъ своимъ мужьямъ вести войну, тогда мужья тѣмъ съ большею отвагою бросаются въ битву.

— Въ Восточной - Индіи особенно въ Радшастанѣ есть обычай дарить

друга нарукавьями, или браслетами. Тамашиня дама въ извѣстный день года даритъ мужчинѣ, къ которому имѣетъ особенную довѣренность, свой браслетъ. Получившій такой подарокъ называется *браслетнымъ братомъ* и обязанъ защищать свою даму при случаѣ въ каждой опасности, то-есть быть ея рыпаремъ. Очень-часто случается, что мужчина, получившій браслетъ, вовсе не знаетъ и не видитъ дамы, которая къ нему благосклонна; но это самою и составляетъ интересъ индійскаго рыцаря, наслаждающагося идеальною любовью. Мужчина обязанъ одарить свою даму корсетомъ, сшитымъ изъ богатой шелковой матеріи, или изъ глянзета, унизаннаго жемчугомъ. Надобно однакожь замѣтить, что только замужнія женщины имѣютъ право дарить постороннимъ мужчинамъ браслеты, но дѣвцы изъ этого обычая исключаются.

— Въ Бретани, объясненіе въ любви между деревенскими жителями происходитъ слѣдующимъ образомъ: молодой парень, приблизясь къ какой-нибудь дѣвушкѣ, беретъ молча конецъ ленты отъ ея передника и начинается ее наматывать на палецъ. Если дѣвушка съ негодованіемъ вырветъ изъ рукъ его ленту, то значить, что парень не нравится дѣвушкѣ, и онъ долженъ искать себѣ другую красавицу. Въ противномъ же случаѣ, онъ имѣетъ надежду на ея благосклонность, т. е. можетъ съ нею въ тотъ день преимущественно танцевать на деревенской вечеринкѣ.

— Въ Японіи новорожденный ребенокъ получаетъ черезъ 13 дней имя, на 7 году возраста ему даютъ другое названіе, на 15-мъ третье и т. д. Японецъ перемѣняетъ свое имя чрезъ каждыя десять лѣтъ, до конца жизни. Тамъ рѣдко можно найти дѣвицу 15 лѣтъ отъ рода: онѣ всѣ непремѣнно выходить за мужъ на 12, 13 или 14 году. Японскіе чиновники при всякомъ повышеніи въ чинахъ получаютъ другую фамилію. Прелюбодѣйство женщинъ наказывается смертію, мужчины же

бесшаманно могутъ развратничать. Если молодому Японцу понравится дѣвушка, онъ тихонько ночью кладетъ надъ дверью ея спальни вѣтку растенія *Celastrus alatus*. Если дѣвушка возьметъ эту вѣтку, то значить, что молодой человекъ ей понравился, и она охотно соединится съ нимъ брачными узами.

— Въ Пруссіи, число дѣвицъ, способныхъ выйти за мужъ, превышаетъ число молодыхъ людей 100,000 слѣдовательно, этимъ дѣвкамъ не много надежды сдѣлаться когда-нибудь женами. Надобно замѣтить, что въ прусской монархіи годъ-отъ-года уменьшается число браковъ. Причиной можно полагать необыкновенную роскошь въ народѣ и дороговизну семейной жизни.

— Известно, что въ Америкѣ дѣвцы наслаждаются полною свободою: онѣ бѣгутъ по желѣзнымъ дорогамъ вагриста, четьреста миль безъ провожатаго и безъ всякаго надзора со стороны своихъ родителей. Въ Нью-Йоркѣ молоденькія дѣвушки ходятъ по улицамъ днемъ и ночью безъ своихъ гувернантокъ и часто встрѣчаются съ ними весьма-испріятныя приключенія, особенно ночью. Но такъ-какъ прекрасныя Американки не изъ трусливаго десятка, то онѣ и выдумали носить при себѣ особаго рода оружіе: страшное для волокитъ, мошенниковъ и другихъ вольныхъ рыцарей улицъ. Каждая дѣвушка носитъ съ собою въ бумажкѣ толченый американскій перецъ. Если какой-нибудь волокита начнетъ преслѣдовать на улицѣ свободную невинность то она, не говоря лишнихъ словъ, засыпаетъ ему глаза крѣпкимъ перцемъ, и дѣло въ шляхъ: ночной рыцарь, протирая глаза, долженъ будетъ по неволѣ выпустить изъ рукъ добычу.

— Скрипка, на которой Оль-Буль приводилъ въ восхищеніе не только Европу, но и Америку, имѣетъ историческую важность. Она сдѣлана въ 1532 году знаменитымъ мастеромъ Гаспаромъ де-Сало, по заказу кардинала Альдобрандини. Грифъ скрипки иску-

сно украшенъ рѣзбою Венценуто Челлини. Кардиналъ Альдобрандини подарилъ эту скрипку музеуму города Инспрука. Когда этотъ городъ захватъ былъ Французами въ 1809 году, то историческая скрипка попала въ руки французскаго солдата, который продалъ ее какому-то богатому любителю рѣзкоостей за 400 гульденовъ. Этотъ археологъ обладалъ первымъ на свѣтѣ собраніемъ самыхъ рѣдкихъ и дорогихъ струнныхъ инструментовъ. Онъ ни за какія сокровища не хотѣлъ разстаться со скрипкою Альдобрандини и уже при кончинѣ своей отказалъ по духовному завѣщанію Оль-Булю. Норвежскій виртуозъ скорѣе пожертвуетъ своею жизнію, чѣмъ разлучится съ этимъ чуднымъ и рѣдкимъ инструментомъ.

— «Le Corsaire» и прочія мелкотрачатыя газетки Парижа жестоко навали на нѣкоторыхъ актрисъ по случаю известнаго пропесса въ Руанѣ объ убійствѣ на дуэли Дюжарье. Многія парижскія актрисы считаются только для вида въ службѣ театральнѣй, но на-самомъ-дѣлѣ онѣ заняты совсѣмъ другою промышленностью, пьютъ шампанское и гуляютъ на-пропалую съ журналистами. Президентъ руанскаго ассизнаго суда сказалъ послѣ допроса этимъ дамамъ: «Baissez votre voile et allez vous asseoir».

— Въ Парижѣ, въ послѣднее десятилѣтіе хотя возникло до двадцати новыхъ газетъ и журналовъ но изъ нихъ теперь существуютъ только два изданія, а прочія всѣ скоччались. Только четьре газеты ведутъ свои дѣла хорошо, т. е. считаютъ своихъ подписчиковъ тысячами, а именно: «le Constitutionnel», «Presse», «Siècle» и «Journal des Débats». Изъ множества французскихъ обзорѣній (revues), только известный журналъ «Revue des deux Mondes» покрываетъ свои издержки по редакціи, а прочія издаются съ убыткомъ, поддерживая свое существованіе кое-какими спекуляціями.

— Въ Англіи надобно непремѣнно имѣть привилегію отъ правительства,

чтобъ устроить театръ; но такое по-
зволеніе получить тамъ очень-трудно,
особенно въ провинціальныхъ горо-
дахъ. Въ Уольфергавотѣ, извѣстный
актёръ Кемблъ затѣялъ безденежныя
представленія; слѣдовательно, полиція,
не имѣла права вѣшпываться въ дѣло
и закрыть театръ. Въ аффинахъ, меж-
ду прочимъ, было сказано: «Входъ въ
театръ безденежный; но режиссёръ
труппы имѣетъ у себя большой за-
пасъ превосходнаго зубнаго порошка,
который публика обязана покупать у
него по два шиллинга за коробочку»
(box — что также означаетъ коробку
и ложу). Итакъ, каждый зритель дол-
женъ былъ купить порошокъ, чтобъ
видѣть такъ-называемое даровое пред-
ставленіе.

— На одномъ аукціонѣ продавали
библіотеку извѣстнаго своею ученостію
профессора К. — Аукціонистъ восклик-
нулъ: «Мм. гг.! теперь идетъ книга съ
собственноручною помѣткою профес-
сора». Какой-то Англичанинъ дорого
заплатилъ за эту рѣдкость и, развер-
нувъ книгу, прочелъ слѣдующія стро-
ки: «Эту книгу вовсе не стоитъ чи-
тать!»

— Въ Парижѣ, во всѣхъ благоустро-
енныхъ домахъ подаютъ къ чаю нова-
го приготовленія хлѣбъ, называемые
savarin. Они пекутся изъ миндальнаго
тѣста, размоченнаго въ лимонномъ ро-
мѣ. Сытно и пьяно. Говорятъ, что эти
хлѣбныя булки введены въ употре-
бленіе Англичанами.

М О Д Ы.

Наконецъ настало самое лучшее вре-
мя для парадовъ. Лѣтній садъ, пока
еще Петербургъ не весь переехалъ на
дачи, всакій день наполняется новыми
костюмами, одинъ одного лучше и ро-
скошнѣе.

Сколько уже появилось барежевыхъ
и кисейныхъ платьевъ! Всѣ эти платья
большою частію убраны въ нѣсколько
рядовъ біе или воланами, вырѣзанными
зубцами въ видѣ пѣтушиныхъ гребеш-
ковъ. Шелковыя же платья по-прежне-
му должны быть или съ пугонцами или
съ аграмантомъ, или съ тѣмъ и дру-
гимъ вмѣстѣ, но отнюдь не съ фалба-
лой. Очень-красныя платья, вышитыя

на-передъ въ видѣ передника или ра-
спашнаго капота. Надобно замѣтить,
что вышивка вошла въ большую моду;
вы не встрѣтите ни одной дамы, на
которой бы не было чего-нибудь вы-
шитаго, — или платка, или бурнуса, или
мантильи, или, наконецъ, шляпки.

Линъ у платья остается по-прежне-
му гладкій, а также и рукава. На кисей-
номъ и барежевомъ платьѣ линъ дол-
женъ быть непремѣнно сборчатый, какъ
напередъ, такъ и назадъ, но только
внизу у кушака, а не на верху; рукава
же у такого легкаго платья дѣлаются
полуширокіе съ другими кисейными
рукавами, которые должны быть очень-

широки съ узенькой обшивкой и съ широкимъ кружевомъ у кисти.

Визиты теперь въ большой модѣ; онѣ дѣлаются съ круглыми полами, которые отъ талии совершенно расходятся, и съ довольно-широкими рукавами, но не длинными; наверху самый маленький воротничокъ. Шелковыя визиты обшиваются агранантомъ, бархатомъ, бахромой, но кисейныя дѣлаются вышитыя на цѣтной подкладкѣ, кругомъ обшиваются широкимъ кружевомъ и убираются лентами одинакаго цвѣта съ подкладкой.

Воротнички по-прежнему очень-маленькіе; но такъ-какъ лифъ у платья большею частію очень вырѣзанъ напередѣ, то манишки дѣлаются удивительно — роскошно, съ кружевами, съ лентами, съ пуговицами, — и все это съ большими вкусовъ.

На-дняхъ мы видѣли очень-красивую канзасу, бѣлую кружевную съ острыми концами напередѣ, кругомъ всю обшиту въ три ряда кружевомъ и съ маленькимъ воротничкомъ, тоже обшитымъ кружевомъ. Напередѣ она была застегнута маленькими бантиками изъ синихъ лентъ; точно такая же лента обхватывала талию и спускалась довольно-длинными концами на передъ платья.

Букли теперь въ большой модѣ; не смотря на то, что начинается лѣто, онѣ съ каждымъ днемъ появляются болѣе и болѣе. Нѣкоторыя дамы носятъ букли, которыя лежатъ на самомъ лбу, какъ носили во время Людовика XIII.

Эта прическа очень-хороша для вѣселя, но подъ шляпку очень-некрасива. Косы, какъ мы уже говорили, теперь больше не заплетаются, но завертываются, или лучше сказать закручиваются и кладутся двумя петлями, которые перехватываются рѣзаямъ au jour черепаховая гребенка.

Пастушескія шляпки въ Парижѣ носить на дачахъ почти всѣ молоденькія дамы. Но у насъ еще не начинали ихъ носить — впрочемъ потому, можетъ-быть, что еще холодно, слѣдовательно на дачи перѣѣхали еще не многіе. Уборка на этихъ шляпкахъ должна быть самая сельская, на-прим., вѣнокъ изъ маргаритокъ, перемѣшанныхъ съ макомъ, или василькомъ и т. д. Подъ полями если есть букли, то ничего не прикалываютъ; но если волосы зачесаны гладко, то съ обѣихъ сторонъ прищипываются большія шу (chou) изъ лентъ или банты изъ бархатныхъ лентъ съ длинными концами.

Шляпки-капотъ очень-милы тюлевыя и реповыя, съ гирляндой зелени, въ которой мелькають самыя мелкіе цвѣточки. На многихъ шляпкахъ; вмѣсто цвѣтовъ, приколоты плоды, на прим., смородина, рябина, калина, виноградъ, — разумеется, перемѣшанные густой зеленью. Мы видѣли недавно шляпку, только-что привезенную изъ Парижа, бѣлую тюлевую съ гирляндой изъ кресс-салата. Не-ужели и у насъ начнутъ носить на шляпкахъ огородныя растенія?..

ОГЛАВЛЕНИЕ

СОРОКЪ-ШЕСТАГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

а) СТИХОТВОРЕНИЯ:

Незнакомая Дорога. С. Гранкин-
на. 61

б) Проза:

Небывалое въ быломъ, или бывое
въ небываломъ. Въ двухъ ча-
стяхъ. Луганскаго (В. И. Да-
ля). 1 и 151

Сынъ Тайны. Романъ Поля Фева-
ля. Части первая и вторая. 70 и 191

Проступокъ господина Антуана.
Романъ Жоржа Занда. Часть
первая. 270

II. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Консульство и Имперія. Соч. Тье-
ра. Статьи девятая и десятая.

(Поманіе на царство: Причины и
выгоды замедленія экспедицій въ
Англію. — Первоначальный планъ
Наполеона касательно введенія фран-
цузскаго флота въ Ла-Маншъ. — Ад-
миралъ Латуш-Тревиля. — Полно-
мочные министры европейскіхъ дво-
ровъ вручаютъ Наполеону свои въ-
рительныя грамоты. — Отъѣздъ На-
полеона въ Булонь. — Генеральный
смотръ флотилии. — Празднество на
берегу океана и раздача арміи зна-
ковъ почетнаго-легіона. — Событія
въ Англіи. — Подозрѣніа Наполеона.
— Отъѣздъ изъ Парижа русскаго
уполномоченнаго. — Смерть адмирала
Латуш-Тревиля и отсрочка высад-
ки до зимы. — Характеръ адмирала
Вильяма. — Посѣщеніе Наполеономъ
береговъ Рейна. — Блистательный
сѣздъ въ Ахенъ. — Возвращеніе въ
Парижъ. — Приготовленія къ пома-
занію на царство. — Трудная negotia-
ція касательно приглашенія въ Па-
рижъ папы Піа VII. — Кардиналъ
Фешъ. — Опасенія Піа VII при мы-
сли ѣхать во Францію. — Соещенія
конгрегаціи кардиналовъ. — Согласіе
первосвященника. — Вопросъ о цер-
емоніалѣ. — Наполеонъ предосталя-

еть самому-себѣ возложить на себя
корону. — Отъѣздъ папы во Фран-
цію. — Его путешествіе. — Прибытіе
Піа VII въ Фонтенблô. — Неождан-
ный приѣмъ. — Бракосочетаніе Жозе-
фины и Наполеона. — Церемонія по-
мазанія на царство. — Третья коали-
ція: Пребываніе папы въ Парижъ.
— Преобразование Итальянской-Рес-
публики въ вассальное королевство
Французской-Имперіи. — Предложе-
ніе этого королевства Юзефу Бона-
парту. — Наполеонъ рѣшается возло-
жить на себя желѣзную корону. —
Торжественное засѣданіе въ сенатѣ.
— Вторичное коронованіе въ Мила-
нѣ. — Англія объявляетъ войну Ис-
паніи. — Соединенныя морскія силы
Голландіи, Франціи, Испаніи. — Про-
ектъ экспедиціи въ Индію. — Соеди-
неніе флотовъ въ Мартиникѣ. — Нана
располагаетъ наконецъ возвратиться
въ Римъ. — Объясненія его съ Напо-
леономъ. — Отбытіе папы въ Римъ,
а Наполеона въ Миланъ. — Пребы-
ваніе Наполеона въ Италиі. — Оту-
зизитъ Итальянцевъ къ его особѣ.
— Коронація въ Миланѣ. — Евгений де-
Боарнѣ объявленъ вице-королемъ.
— Присоединеніе Генуи къ Франціи.
— Превращеніе Лукки въ феодальное
владѣніе. — Неудачи Гантона въ Бре-
стѣ. — Видомѣненіе всего плана.
— Внезапное возвращеніе Наполеона въ
Фонтенблô. — Приготовленія коали-
ціи. — Движеніе эскадръ. — Долгое и
благополучное плаваніе Вильяма и
Гравини до Мартиники. — Вильяма
начинаетъ упадать духомъ. — По-
сильное возвращеніе его въ Евро-
пу. — Сраженіе при Ферролѣ. — Поло-
жительныя извѣстія о кампаниахъ
Австріи. — Планъ кампаніи 1803-го
года). 1 и 93

Космосъ. Соч. А. Гунвольда.
Статья пятая и послѣдняя. . . 36

Выставка Императорской Санкт-
петербургской Академіи Худо-
жествъ въ 1846 году. 53

Оливеръ Кромвель. Статья сто-
рая (Кромвель — воинъ и глава
партіи). 59

Стр.

III. СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССИИ.

	Стр.
Обозрѣніе современнаго движенія русскаго законодательства и распоряженій по государствен- ному управленію за мартъ и апрѣль 1846 года.	1 и 9
Событія въ отечествѣ за тѣ же мѣсяцы того же года.	6 и 19

IV. ДОМОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫСЛЕН- НОСТЬ ВООБЩЕ.

Отчетъ, за одиннадцать лѣтъ, о ходѣ и произведеніяхъ болхов- скаго хозяйства. Часть вторая. <i>Статья первая. Окончаніе.</i> (Ози- мая рожь.—О посѣвѣ ржи.—О времени посѣва.—Уборка ржи). И. О. Лаврова.	1
<i>Домоводство.</i> Лестное для доктора Пуфа поощреніе.—Теорія г-жи Простаковой.—Татарское домо- водство.—Предположеніе докто- ра относительно сего предмета. Доктора Пуфа.	17
Новое привилегированное удобре- ніе, изобрѣтенное Юстомъ Им- бихомъ.	25
<i>Домоводство.</i> <i>Вечеръ четвертый.</i> Продолженіе тетрадки, которая такъ не понравилась тѣтушкѣ: «Хозяйка дома». Доктора Пу- фа.	41

V. КРИТИКА.

Хозяйство человѣческихъ об- ществъ и финансовая часть. Со- чиненіе графа Е. Ф. Канкрина. — Mac Culloch's Treatise on the principles and practical influence of taxation and the funding sy- stem.	1
Исторія русской словесности, пре- имущественно древней. XXXIII публичныя лекціи о. профессо- ра С. Шевырева. Выпускъ пер- вый. Лекція I—V.	17
О преподаваніи отечественнаго я- зыка. О. Буслаева.	37

VI. БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

<i>Русскія книги, вышедшія въ апрѣль и май 1846 года.</i>	Стр.
Новоселье, ч. III, изд. А. Смирди- ныхъ.	1
Чтенія въ Императорскомъ Обще- ствѣ Исторіи и Древностей Рос- сійскихъ, нумера 2 и 3.	12 и 81
Творенія Святыхъ Отцевъ, годъ 4, кн. 1-я.	15
Библіотека назидательнаго чтенія, В. Васильева.	16
Исторія русской словесности, С. Шевырева.	—
Англійская Индія въ 1843 году, Э. Варрена, ч. III.	—
Исторія плѣна Наполеонова, гра- фа Т. Монтолона.	18
Всемирная Исторія, К. Бенкера.	—
Бесѣды русскаго купца о торгов- лѣ, И. Вавилова.	19
Крупъ, А. Никитина.	24
Описаніе Киссингена, И. Нидер- гезеса.	25
Наставленіе къ воздѣлыванію льна, Р. Фейта.	26
Мысли о существѣ чиновническа- го быта, Э. Рейнтала.	—
Адресъ-календаръ жителей Мос- квы, сост. К. Нистремомъ.	33
Весь Петербургъ въ карнахъ.	—
Месмеръ, изд. кн. А. Долгорукаго. Часы досуга межъ практикой о месмеризмѣ, кн. А. Долгорукаго.	—
Очерки главнѣйшихъ военныхъ соображеній, А. Аниенскаго.	34
Анекдоты всѣхъ вѣковъ и наро- довъ, К. Е. В.	35
О духовномъ образованіи земле- дѣльческаго класса въ Россіи, Дм. Д.	36
Тетрадь всеобщей географіи, М. Тимаева.	37
Новыя грамматическія упражне- нія въ переводахъ, Я. Лангена.	38
Д. И. Зейденшюкера начальныя правила для обученія француз- скому языку, Я. Лангена.	—
Учебная книга нѣмецкаго языка.	—

	Стр.	Стр.
Ключъ для знанія рода именъ существительныхъ въ нѣмецкомъ языкѣ	39	Архитектурныя фантазіи К. Шрей-лера 89
Усачъ, П. Фурманна	—	Библиотека для Воспитанія, отд. II, ч. III. —
Міау!	—	Анекдоты Наполеона, А. С., изд. 2. 92
Новые анекдоты батюшки великаго Суворова, собранные В. Потаповымъ	—	Два водевила: «Нечего Дѣлать» и «Жена и Карты». —
Вѣчный Жидъ, соч. В. Потапова	—	Женихъ въ Отставкѣ, ком. П. Татаринова —
Воспоминанія О. Булгарина, ч. I и II	40	Проказы влюбленныхъ на Козьмѣ Болотѣ, П. Татаринова —
Русскій Крестьянинъ, Б. Федорова	53	Павелъ Ивановичъ Никитинъ, А. Славина 93
Сказка о мельникѣ, колдунѣ и пр., Е. Алипанова	54	И. С. Хватайкинъ, ком.-волев. Н. М. д. е. а —
Красное личко	—	Искусство толковать сны. —
Неизвестная особа, Н. Чернаева	—	Чародѣйская Понюшка 94
Римскія Письма, автора «Путешествія ко св. мѣстамъ»	55	Чудеса въ рѣшетѣ, В. Потапова —
Стихотворенія Кольцова	57	Тайны Нижегородской Ярмарки, В. Потапова —
Стихотворенія Д. Аксеновскаго	—	Хромоу Бѣсъ, В. Потапова —
Векшльадскій Священникъ, соч. О. Гольдсмита, перев. Я. Герда	58	Кіевская Вѣдьма, В. П. —
Николай Алексѣевичъ Полей, В. Бѣлинскаго	61	
Руководство къ изученію исторіи русской литературы, В. Плакена; изд. 2-е	62	VII. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.
Руководство къ всеобщей исторіи, Ф. Лоренца, ч. II, отд. II.	72	1) <i>Германская Литература</i> : Альманахъ Прутца.—Біографія Блюхера, сост. Фарнгагеномъ фонъ-Энзе. 1
Краткій очеркъ исторіи Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго Полка, А. Марина	80	2) <i>Англійская Литература</i> : Жизнь и письма Томаса Беккета, изд. I. А. Джильса.—Исторія французскихъ, валонскихъ, голландскихъ и другихъ протестантскихъ выходцевъ, соч. I. С. Борна.—Опыты о предметахъ, нѣющихъ отношеніе къ литературѣ, народнымъ суевѣріямъ и исторіи Англіи, изд. Т. Райта 21
Родословная карта Дома Романовыхъ	83	
Карта московскаго шоссе и желѣзной дороги, П. Теша	—	VIII. СМѢСЬ.
Наглядное начертаніе канализаціи Россіи, П. Теша	—	Біографіи знаменитыхъ современниковъ:
Частная фармакологія, Зобернгейма, ч. II, тетр. 6.	—	Гей-Люссакъ 1
Краткое свѣдѣніе о водолечебн. завед. въ Лопухинкѣ	84	—
Библиографическія извѣстія, Н. Улитина, № 1.	85	Римъ. Изъ путевыхъ впечатлѣній туриста. <i>Статья вторая и послѣдняя.</i> (Римъ католическій. Соборъ-св.-Петра. Соборъ-Іоанна - Латеранскаго. Ватиканъ. Страшный Судъ. Станціи. Вати-
Прогулки по Невскому Проспекту, изд. Е. Расторгуева	—	
Русскій путешественникъ за границею	88	
О художествѣ въ ремеслахъ, К. Тромошина	89	
Художественный Альбомъ, К. Тромошина	—	

Стр.		Стр.
	канская Газета. Развалъ. Музеи. Библиотека. Сады. Капитолийскій Музей. Дворцы. Формарина. Разрушеніе новаго Рима. Начало музеевъ. Предразсудки. Простой народъ). Н. Б. Герсканова.	торги «Лагерь и Галль». М. С. Волкова 131
	Письма съ дороги. Чарльза Диккинса. (Дорога отъ Парижа до Санса. Гостиница Золотого-Экю. Лионъ. Рона. Авиньонская вѣдьма. Отъ Авиньона до Генуи. Мое убѣжище въ Альбаро. Первый очеркъ Генуи. Улицы. Лавки. Дома) 29 и 79	Нѣсколько словъ о чрезвычайномъ событіи въ литературномъ мірѣ. 133
	Десятый бой быковъ (la decima corrida de toros) въ Мадридѣ, въ 1845 году. Алексиса де-Валлона. 89	Мистицизмъ и благонамѣренность. 143
	Изъ геологическаго путешествія по Алтаю. (Бѣлоусовскій-Рудникъ. Нижняя пристань на Иртышѣ. Деревни Согра и Тарханская. Перѣздъ чрезъ Холзунъ въ Зыряновскій-Рудникъ. Зыряновскій-Рудникъ. Плаваніе по Иртышу между Бухтарминскою и Устькаменогорскою Крѣпостями. Рудники Таловскій и Николаевскій). Г. В. Щуровскаго . 101	ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЕТОНИСЬ.
	Литературныя и Журнальныя Замѣтки:	Французскій Театръ въ Парижѣ:
	Замѣтки для будущихъ издателей Пушкина (Продолженіе санчоніа текстовъ «Современника» и «Сочиненій Пушкина» (1838 — 1841). Вольтеръ. Анекдоты. Полководецъ. Отрывокъ изъ неизданныхъ записокъ дамы (Рославлева). Джонъ Теннисъ. Разборы книгъ. Притча Сапожника. Вастола. Капитанская Дочка. Объясненіе къ стихотворенію Полководецъ. Переводъ этого стихотворенія на французскій языкъ). И. Б. 34 и 121	Le Nouveau Juif Errant, ком. — Jean-Baptiste, драма-вод. — Les trois amoureux de Mariette, вод. — Un mari qui se dérange, вод. — Une Fille de Regent, ком. — Geneviève ou la jalousie paternelle, ком. — Le Roman Comique, по-дражаніе. — Les Touristes, ком. — Mort civilement, вод. — Un Homme grave, вод. — Les Ennemis, вод. — Le Lait d'Anesse, вод. — Frisette, вод. — Gentil-Jobard, вод. — Le Petit-Fils, вод. — Une Nuit au Louvre, ком. — Philippe II, мелодр. — La Femme électrique, вод. — La Trompette de M. le Prince, комич. опера. . 55 и 144
	Отвѣтъ на отвѣтъ г. Д., помѣщенный въ 3 номерѣ «Москвитяина» 1846 года. 44	Учкныя Извѣстія.
	Фальстопы «Сѣврной Пчелы» за апрѣль 51	Искусственное ошамѣніе дерева. 63
	Нѣсколько словъ о статьѣ г. Ку-	Приготовленіе очень-сильнаго магнита безъ помощи электрическихъ токовъ 67
		Источники земнаго магнетизма. —
		Новыя планетныя массы. —
		Вредное вліяніе производства зажигательныхъ свичекъ на здоровье рабочихъ 151
		Развитіе растительнаго вещества въ пшеницѣ 152
		Манна 153
		Дѣйствіе электромагнетизма на обращеніе сока въ лучицѣ (счага). Доказательство самобытности жизненной силы. —
		Теплота луннаго свѣта. —
		Некрологъ. 156
		Разныя Извѣстія.
		Новѣйшія открытія и изобрѣтенія. 68 и 156
		Театральныя новости. 71
		Хозяйственныя замѣтки. 156
		Мелочи 72 и 159
		Моды (съ двумя парижскими картинками).

MA. 8 - 1957

